РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Лабзина—Ляшенко.

Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

XX - 10123

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Настоящій томъ изданъ подъ редакціей: *Н. Д. Чечулина* (лл. 1—5) и *М. Г. Курдюмова* (лл. 6—53).

2005346465

Л

Лабзина, *Анна Евдокимовна*, авторъ «Воспоминаній», жена А. Ѳ. Лабзина, дочь надв. сов. Евд. Як. Яковлева (род. 1692 г., ум. 1764 г.), род. 28 ноября 1758 г., ум. 3 октября 1828 г. Дѣтство провела въ деревнѣ, около Екатеринбурга, подъ надзоромъ своей матери (ум. въ 1772 г.), женщины энергичной, строгой и богобоязненной, внушившей ей суровыя правила жизни и давшей ей спартанское воспитаніе. 13 лѣтъ отъ роду она была выдана замужъ (21 мая 1772 г.) за Александра Матвѣевича Карамышева; бракъ этотъ не былъ счастливъ, такъ какъ Карамышевъ былъ человѣкъ разнузданный, рѣзкій и несправедливый; онъ тиранилъ свою молодую жену, оскорблялъ ее, заставлялъ переносить разныя униженія. Съ мужемъ А. Е. Карамышева побывала въ Петербургѣ, Петрозаводскѣ, на Медвѣжьихъ островахъ (гдѣ Карамышевъ работалъ надъ разысканіями «рудныхъ мѣстъ»), затѣмъ пять лѣтъ прожила въ Петербургѣ въ домѣ М. М. Хераскова, въ которомъ нашла себѣ второго отца и который всячески оберегалъ ее отъ несправедливостей мужа, коего являлся начальникомъ, какъ вице-президентъ Берг-Коллегіи: Карамышевъ былъ преподавателемъ химіи въ горномъ училищѣ; въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Лабзина съ особенною теплотою говоритъ о Херасковѣ и его женѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, которые относились къ ней, какъ къ дочери, заботясь объ ея воспитаніи и образованіи. Съ переводомъ Карамышева на должность директора банковой конторы въ Иркутскѣ, его жена переѣхала туда (1779 г.), а затѣмъ въ Нерчинскъ и вездѣ сумѣла снискать себѣ общее расположеніе. Послѣ возвращенія въ Петербургъ (1789 г.) Карамышева скоро овдовѣла (1791 г.), но 15 октября 1794 г. вышла вторично замужъ за Александра Ѳедоровича Лабзина, бывшаго на 8 лѣтъ моложе ея. Жизнь со вторымъ мужемъ, продолжавшаяся около 29 лѣтъ, была, въ противоположность жизни съ Карамышевымъ, отъ котораго она перенесла много страданій, исполнена счастья. Съ дѣтства религіозно настроенная, склонная къ мистицизму, А. Е. Лабзина какъ нельзя больше подошла къ своему мужу, стала вѣрною его сотрудницею и помощницею въ его мистической дѣятельности; она помогала ему въ его литературныхъ работахъ по переводамъ и изданію «Сіонскаго Вѣстника», принимала участіе въ основанной имъ 15 января 1800 г. масонской ложѣ «Умирающаго Сфинкса», въ засѣданія коей допускалась, въ видѣ исключенія, какъ «посѣтительница», и живо раздѣляла всѣ радости и огорченія мужа. Когда, въ 1822 г. Лабзинъ былъ высланъ изъ Петербурга, его жена послѣдовала за нимъ въ ссылку сперва въ г. Сенгилей, а затѣмъ въ Симбирскъ. Похоронивъ мужа (онъ ум. 26 января 1825 г.), Лабзина переселилась въ Москву, въ семью профессора московскаго университета М. Я. Мудрова, и здѣсь скончалась.

«Воспоминанія» А. Е. Лабзиной, найденныя въ бумагахъ И. Е. Великопольскаго въ с. Чукавинѣ, старицкаго у., тверской губ., его дочерью Н. И. Чаплиной, были изданы въ 1903 г. Б. Л. Модзалевскимъ въ «Русской Старинѣ» (№ 1, 2 и 3), а затѣмъ отдѣльно, съ приложеніемъ извлеченій изъ дневника Лабзиной за 1818 г. и ея портрета (Спб. 1903 г., 4 + 136 стр.). Воспоминанія эти, написанныя откровенно и безпритязательно, рисуютъ довольно живую картину деревенскаго быта небогатой дворянской семьи на далекой окраинѣ Россіи, сообщаютъ

нѣкоторыя свѣдѣнія о М. М. Херасковѣ и др. лицахъ и даютъ много бытовыхъ картинъ того времени.

Матеріалъ для біографіи Лабзиной собранъ въ книгѣ «Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго». Спб. 1903 г., стр. 3—14.

Лабзинъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, писатель, извѣстный мистикъ; происходилъ изъ дворянской семьи, род. въ Москвѣ 28 апрѣля 1766 г., ум. 26 января 1825 г. О родителяхъ его намъ ничего неизвѣстно; знаемъ только, что мать его была женщина очень набожная. Любознательность и охота къ ученью проявилась въ Лабзинѣ очень рано. «Я началъ учиться ариѳметикѣ, будучи еще лѣтъ шести», разсказывалъ онъ о себѣ впослѣдствіи, «для того только, что учитель, который приходилъ учить меня только писать, въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что можно узнать, сколько разъ колесо отъ Москвы до Петербурга обернется, и сколько иголокъ по дорогѣ уляжется»; это такъ заинтересовало мальчика, что онъ пожелалъ учиться ариѳметикѣ и быстро постигъ ее; впослѣдствіи онъ всегда оказывалъ особенную любовь къ математикѣ, прибѣгая къ ней иногда и въ своихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Въ 1776 г. Лабзинъ былъ отданъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ въ ряду лучшихъ учениковъ; получая награды за успѣхи, въ 1778 г. переведенъ былъ въ университетъ и въ 1780 году произведенъ въ студенты. Классическіе языки и древняя литература привлекали особенное вниманіе Лабзина и въ университетскіе годы онъ основательно изучилъ произведенія классиковъ, особенно Цицерона, Платона, Плутарха; новѣйшая литература, изящная и научная, также не оставалась въ сторонѣ, и Лабзинъ еще на университетской скамьѣ слѣдилъ за нею, даже самъ пытался писать: онъ принималъ участіе, вмѣстѣ съ другими студентами (преимущественно изъ питомцемъ «Дружескаго Общества»), въ повременномъ изданіи Н. И. Новикова «Вечерняя Заря, заключающая въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самого себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, т. е. небольшихъ исторіяхъ, повѣстяхъ, анекдотахъ и другихъ сочиненіяхъ, стихами и прозою, служащее продолженіемъ «Утренняго Свѣта» (3 ч., 1782 г.); изъ произведеній Лабзина, здѣсь помѣщенныхъ, извѣстна только «Быль: Французская лавка» (стих.), въ которой, подобно «Модной лавкѣ» Крылова, осмѣивается слѣпая приверженность ко всему французскому и тѣ, которые за дорогую цѣну покупаютъ гнилой французскій товаръ (перепечатана въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», ч. XI, 1784 г., стр. 23—25).— Въ университетѣ Лабзинъ подпалъ подъ нравственное вліяніе кружка московскихъ масоновъ Новикова и Шварца, былъ принятъ въ ихъ «семинарію», изъ которой вынесъ то нравственно-религіозное, мистическое направленіе своей духовной дѣятельности и нелюбовь къ идеямъ современной ему философіи, которыя сохранились въ немъ на всю жизнь. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда Шварца, которому обязанъ былъ всѣмъ своимъ внутреннимъ міросозерцаніемъ, считая, что онъ, главнымъ образомъ, спасъ его отъ заблужденій философовъ XVIII в.; съ Новиковымъ же Лабзинъ велъ дѣятельную переписку, прекратившуюся лишь со смертью главы московскихъ масоновъ (въ 1818 г.), а на кончину Шварца (1784 г.) написалъ стихи, прочитанные въ торжественномъ собраніи учениковъ въ честь умершаго учителя. Еще 23 апрѣля 1783 г. Лабзинъ былъ принятъ членомъ въ общество мартинистовъ и 28 апрѣля, въ день своего рожденія, далъ торжественный обѣтъ на служеніе Богу, служеніе, которому онъ рѣшилъ уже тогда посвятить свою жизнь.

Выйдя изъ университета въ 1784 г. съ основательными знаніями въ новыхъ языкахъ, Лабзинъ опредѣлился въ московское губернское правленіе переводчикомъ, въ 1785 г. получилъ чинъ губернскаго и въ 1787 г.—коллежскаго секретаря и тогда же перешелъ, переводчикомъ же, въ конференцію Московскаго университета. Въ это время, вѣроятно нуждаясь въ заработкѣ, онъ перевелъ съ французскаго языка незадолго до этого игранную съ большимъ успѣхомъ на московской сценѣ «Фигарову женитьбу, въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Бомарше» (М. 1787 г.) и «Судью, въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Мерсье» (М. 1788 г.), а въ пріѣздъ императрицы Екатерины II, лѣтомъ 1787 г., въ Москву, поднесъ ей

(28 іюня) «Торжественную пѣснь Екатеринѣ II... на вожделѣннѣйшее Ея Величества прибытіе въ столичный градъ Москву изъ предпріятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословенное ея царствованіе, Тавриду и другія области, во всерадостный день восшествія на Всероссійскій императорскій престолъ, совершающій двадцатипятилѣтіе преславнаго ея царствованія» (М. 1787 г., 4°, 38 строфъ по 10 стиховъ каждая; перепечатана въ «Утреннихъ Часахъ» 1788 г., ч. I, стр. 101—120; въ числѣ издателей этого петербургскаго журнала А. Н. Неустроевъ неосновательно называетъ Лабзина); ода эта, не выдаваясь ничѣмъ изъ рядовъ современной офиціальной торжественной лирики, обратила, тѣмъ не менѣе, вниманіе императрицы на автора, такъ что и впослѣдствіи онъ неоднократно получалъ отъ нея денежныя награды.

Въ 1789 г. (6 декабря), послѣ крушенія Новиковской «Типографической Компаніи», къ которой Лабзинъ былъ близокъ, онъ перевелся на службу въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы съ нимъ произошелъ случай, въ которомъ онъ видѣлъ особое проявленіе Промысла, направляющаго его по пути проповѣди, для поднятія упавшей религіи. Бесѣдуя съ однимъ невѣрующимъ, Лабзинъ съ одного раза обратилъ его на путь истины и при томъ съ такою убѣдительностью, что тотъ возненавидѣлъ все земное, выразилъ желаніе отдать все свое имѣніе наставнику и уйти въ монастырь. «Происшествіе сіе», говоритъ Лабзинъ, «случилось совсѣмъ неожиданно, когда ни обращенный, ни обратитель ни малѣйшаго не имѣли о томъ намѣренія и когда они вмѣстѣ были въ банѣ. Оно такъ поразительно было для самого дѣйствующаго лица, что онъ снова подтвердилъ обѣтъ свой, и при семъ невольно какъ-то вырвались у него слова молитвы: «не ввѣри мя человѣческому предстательству»; и потому онъ тутъ же далъ обѣщаніе предаться такъ волѣ Вышняго, чтобы не только не искать ничего земного, но ниже искать чьего-либо покровительства. Случай сей представился ему такою святынею, что онъ не только не усомнился отречься отъ предложенія своего пріятеля, но не захотѣлъ принять ни малѣйшаго отъ него за то воздаянія, ниже какой другой услуги». Переселившись въ Петербургъ, Лабзинъ поступилъ въ секретную экспедицію с.-петербургскаго почтамта, гдѣ на его обязанности лежало слѣдить за иностранными газетами (а также и частными письмами) и не пропускать въ публику ничего, что могло бы вредно повліять на настроеніе умовъ. Правительство въ это время было особенно тревожно настроено въ виду событій, совершавшихся во Франціи, а потому можно предполагать, что Лабзинъ, какъ и всѣ вообще мартинисты, несочувственно и даже враждебно относившійся къ освободительной философіи XVIII вѣка и къ «буйству разума», служилъ ревностно, «не только за страхъ, но и за совѣсть»; подтвержденіемъ этому можетъ быть и то, что Лабзинъ получалъ денежныя награды и быстро шелъ въ чинахъ: въ 1792 г. (31 декабря) онъ былъ произведенъ прямо въ коллежскіе ассесоры, въ 1795 г., «по Высочайшему указу, за отличіе по особому порученію», въ надворные и, наконецъ, уже при Павлѣ, 14 октября 1797 г.,—въ коллежскіе совѣтники. Въ 1794 г. (15 октября) Лабзинъ женился на вдовѣ Аннѣ Евдокимовнѣ Карамышевой, рожд. Яковлевой, въ которой, несмотря на разницу лѣтъ (она была старше его 8 годами), нашелъ вѣрную спутницу, раздѣлявшую его убѣжденія съ энтузіазмомъ и искренностью и сдѣлавшуюся ревностною сторонницею ученія мистиковъ, во главѣ которыхъ въ Россіи суждено было стать ея мужу. О жизни и дѣятельности Лабзина за этотъ періодъ извѣстно очень мало; Неустроевъ въ своемъ указателѣ содержанія журналовъ XVIII ст. приписываетъ Лабзину большое количество стихотвореній, оригинальныхъ и переведенныхъ изъ Леонарда, Геснера, Виланда и Геллерта, помѣщенныхъ въ «Чтеніи для вкуса» (1793 г.) и «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» (1794—1795 г.); но мы не можемъ съ этимъ согласиться, такъ какъ Лабзинъ врядъ ли склоненъ былъ, по своему характеру и убѣжденіямъ, отдавать свои досуги легкой поэзіи. Служба Лабзина въ почтамтѣ продолжалась около 10 лѣтъ; 17 апрѣля 1799 г. онъ, съ чиномъ статскаго совѣтника, былъ переведенъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, а 6 сентября, кромѣ того, былъ назначенъ и конференцъ-секретаремъ Императорской Академіи Художествъ. Въ то же время ему и Александру Вахрушеву императоръ Павелъ, избранный незадолго передъ тѣмъ гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена, по-

ручилъ составить «Исторію ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго», которая вышла въ 5-ти частяхъ въ 1799—1801 г. (трудъ этотъ былъ, большею частью, переводомъ сочиненія Верто). Императоръ 1 января 1801 г. далъ Лабзину званіе исторіографа ордена и, кромѣ того, за время своего царствованія, наградилъ его 2.000 рублей и двумя брилліантовыми перстнями.

Въ качествѣ конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, а затѣмъ ея вице-президента, Лабзинъ много сдѣлалъ для академіи, какъ человѣкъ энергичный, дѣльный и съ изящною натурою: онъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбахъ русскаго искусства и его дѣятелей, которые сохранили о немъ благодарное воспоминаніе. Помимо административной работы, Лабзинъ съ особенною любовью слѣдилъ за педагогическою стороной академической жизни: онъ часто приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, училъ и заставлялъ ихъ пѣть русскія пѣсни, устраивалъ для нихъ домашніе спектакли, на которыхъ игралъ и самъ, сочиняя для театра небольшія пьесы въ стихахъ,—что показываетъ живость его натуры и здравый взглядъ на воспитаніе. Родители смѣло поручали ему дѣтей своихъ, какъ родному, и онъ принималъ всѣ мѣры для успѣшнаго образованія учениковъ; жена Лабзина, женщина добрая, не имѣвшая къ тому же своихъ дѣтей, раздѣляла съ мужемъ его заботы о воспитанникахъ академіи, для которыхъ иногда устраивались и бесѣды религіозно-нравственнаго характера. Въ рѣчахъ своихъ, произносимыхъ на торжественныхъ собраніяхъ академіи, Лабзинъ касался вопросовъ религіи и нравственности въ воспитаніи (нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны—1803, 1805 и 1806 г. — въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» №№ 73, 74 и 76 соотвѣтствующихъ годовъ; рѣчь 1802 г. издана отдѣльно, 4°; рѣчь 1804 г. — въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 г., ч. III).

26 октября 1804 г. Лабзинъ, незадолго передъ тѣмъ (11 января) произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ переведенъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ директоромъ департамента военныхъ морскихъ силъ, съ оставленіемъ въ должности конференцъ-секретаря Академіи Художествъ. По новому званію своему Лабзину приходилось много работать, составляя годовые отчеты по министерству и исполняя, помимо текущихъ дѣлъ, различныя порученія министра П. В. Чичагова; въ 1805 году (2 апрѣля) онъ получилъ орденъ Анны 2-й ст. съ брилліантами, а черезъ два дня (4 апрѣля) назначенъ членомъ въ Государственный адмиралтейскій департаментъ. Служба одновременно по двумъ вѣдомствамъ, требовавшая затраты силъ и времени, не помѣшала Лабзину въ эту именно пору вступить на поприще литературной дѣятельности въ мистическомъ направленіи; въ дѣятельности этой, которая прежде всего удовлетворяла до извѣстной степени его самого, давая ему возможность разбираться въ сложныхъ вопросахъ внутренней жизни, Лабзинъ видѣлъ особое призваніе свыше. Искренно преданный христіанству, человѣкъ глубоко религіозный и истинно православный, приверженный къ церкви, Лабзинъ всѣми способами стремился къ отысканію вѣчныхъ истинъ и къ созданію той мистической «внутренней» церкви, въ которой онъ видѣлъ залогъ людского счастья на землѣ, прообразъ церкви небесной. Вступивъ въ масонство еще въ 1783 году, Лабзинъ, не удовлетворенный извѣстными ему ложами, основалъ въ 1800 г. свою собственную ложу «Умирающаго Сфинкса», которая, по его мысли, должна была стремиться къ разгадкѣ всѣхъ таинственныхъ явленій міра внѣшняго и внутренняго. Дѣятельность ложи, начавшей свои собранія 15 января 1800 г., продолжалась вплоть до закрытія масонскихъ ложъ въ 1822 г. Лабзинъ сталъ во главѣ ея, въ званіи великаго мастера; онъ съ рѣдкою энергіею и настойчивостью вербовалъ членовъ, руководилъ ихъ работами надъ самими собою, старался помогать имъ въ исканіи истины, собиралъ братьевъ въ засѣданія, происходившія то въ его квартирѣ, то въ нанятомъ помѣщеніи, читалъ въ нихъ рѣчи и наставленія, велъ журналы собраній, указывалъ ученикамъ работу, наставлялъ ихъ, а въ случаѣ провинностей или небрежнаго отношенія къ ложѣ налагалъ на нихъ наказанія или даже совсѣмъ исключалъ изъ числа «братій». Въ числѣ членовъ его ложи, какъ извѣстно, были: И. И. Новиковъ, О. А. Поздѣевъ, М. Я. Мудровъ, Ю. Н. Бартеневъ (женившійся въ 1819 г. на племянницѣ и воспитанницѣ Лабзина, Е. С. Микулиной), П. Бѣляевъ (секретарь ложи, отецъ декабриста), А. Ѳ. Голубевъ, Вс. Н. Жадовскій, Н. С. Кожуховъ, Е. А. Кушелевъ, братья Маркеловы, А. П. Мартыновъ, А. Л. Витбергъ, Ѳ. И. и Ал. И.

Прянишниковы, Е. Г. Рогожинъ, В. В. Романовскій, Д. П. Руничъ, Н. П. Свистуновъ, К. П. Скворцовъ (секретарь Лабзина), А. Вахрушевъ, кн. Г. П. Гагаринъ, К. А. Лохвицкій, Х. А. Чеботаревъ, И. П. Черновъ (завѣщавшій въ 1817 г. ложѣ свое имущество), бр. Б. Г., Е. Г. и К. Г. Чиляевы и многіе другіе, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ; наконецъ, въ собраніяхъ ложи участвовала и А. Е. Лабзина. Въ дѣятельности ложи, кромѣ религіозно-нравственныхъ цѣлей, стоявшихъ на первомъ мѣстѣ, слѣдуетъ отмѣтить и ея филантропическія задачи, для чего между братьями происходили сборы пожертвованій, распредѣлявшихся между нуждающимися лицами самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Протоколы ложи, сохранившіеся въ бумагахъ бывшаго ея секретаря Ѳ. И. Прянишникова (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта), находятся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Масонская дѣятельность Лабзина, снискавшая ему большую извѣстность, годъ отъ году становилась шире и шире, распространяясь по всѣмъ концамъ Россіи; въ немъ многіе признавали опытнаго наставника, въ его краснорѣчивыхъ бесѣдахъ и письмахъ «искатели истины» находили успокоеніе и разрѣшеніе наболѣвшихъ религіозныхъ вопросовъ. Тогдашнее духовенство за рѣдкими исключеніями было малообразовано и потому не могло придти на помощь людямъ, искавшимъ разъясненія внутренняго содержанія религіи. Лабзинъ видѣлъ это, а успѣхъ его проповѣднической дѣятельности на практикѣ давалъ ему силы на дальнѣйшую работу и заставлялъ его видѣть въ этой именно дѣятельности какое-то особое призваніе свое. Одновременно съ дѣятельностью главы масонской ложи онъ начинаетъ заниматься изданіемъ книгъ мистическаго содержанія, въ которыхъ видитъ могучее средство для распространенія въ обществѣ истинныхъ, по его мнѣнію, знаній и понятій о «внутренней» церкви. Мистическіе писатели, преимущественно германскіе—Юнгъ-Штиллингъ и Эккартсгаузенъ,—съ ихъ туманными представленіями и неопредѣленными, однако сильно говорящими неясному простому чувству, символами и фигурами, давали Лабзину богатый матеріалъ, и онъ бросился въ кипучую издательскую дѣятельность, сперва какъ переводчикъ, а затѣмъ — какъ основатель и составитель извѣстнаго «Сіонскаго Вѣстника», оставившаго столь яркій слѣдъ въ исторіи нашей умственной и духовной жизни первой четверти XIX вѣка. Одно за другимъ Лабзинъ выпустилъ въ свѣтъ множество изданій, которыя покровительствовались и находили поддержку въ нашемъ правительствѣ, видѣвшемъ въ нихъ одно изъ средствъ борьбы съ «буйствомъ разума» и разрушительными послѣдствіями освободительной философіи и энциклопедизма, порожденныхъ отрицаніемъ религіи. Изданія эти слѣдующія: «Путешествіе младаго Костиса отъ Востока къ Полудню», соч. Эккартсгаузена, перев. съ нѣм. яз., Спб. 1801, изд. 2-е, Спб. 1803, изд. 3-е, М. 1816; «Важнѣйшіе Іероглифы для человѣческаго сердца, твореніе Карла Эккартсгаузена», пер. съ нѣм. У. М. [Ученика Мудрости], 2 ч., Спб. 1803, изд. 2-е, Спб. 1816; «Наставленіе мудраго испытанному другу», соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм., Спб. 1803, изд. 2-е. Спб. 1817 (было приложено также къ книгѣ «Важнѣйшіе Іероглифы»); «Отрывки изъ сочиненій Эккартсгаузена: 1) наставленіе жреца натуры Клоаса Софронему, 2) о языкѣ и письмѣ, 3) приложеніе высшей математики къ химіи, 4) о способности рода человѣческаго къ совершенству, 5) нѣчто изъ внутреннѣйшаго», пер съ нѣм., Спб. 1803; «Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ», соч. Эккартсгаузена, изданное въ 1802 году, пер. съ нѣм. У. М., Спб. 1804; «Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ», изъ сочиненій Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. У. М., М. 1804, изд. 2-е, Спб. 1816—1817; «Ключъ къ таинствамъ натуры», соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. У. М., 4 ч., Спб. 1804, изд. 2-е, Спб. 1821; «Приключенія по смерти», соч. Юнга Штиллинга, пер. съ нѣм., 3 ч., съ картинками, Спб. 1805; «Просвѣщенный пастухъ, или духовный разговоръ одного благочестиваго священника съ пастухомъ, въ которомъ открываются дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, являемой отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ», соч. Пуарета, переводъ, Спб. 1806 (принадлежитъ Лабзину по мнѣнію А. Д. Галахова); «Мысли о самопознаніи на основаніи натуры», соч. Адама Сигизмунда Флейшера, Спб. 1806; «Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ св. кк. (т. е. свободнымъ ка-

меньщикамъ) древней системы» (Спб. 1806); «Угрозъ Свѣтовостоковъ», соч. Іог. Генр. Юнга, называющагося иначе Генрихомъ Штиллингомъ, пер. съ нѣм. У. М.», 30 книжекъ, или 8 частей, Спб. 1806—1815; первыя три части изданы вторично въ 1815 году; подъ этимъ заглавіемъ Лабзинъ перевелъ выпущенныя Штиллингомъ для народнаго наставленія книжки подъ названіемъ «Der graue Mann, Volksschrift», въ которыхъ, отъ имени этого мистическаго лица, велись бесѣды, наставленія и поученія; онѣ издавались Лабзинымъ по мѣрѣ выхода ихъ на нѣмецкомъ языкѣ и имѣли большой успѣхъ среди нашихъ мистиковъ. «Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства», пер. съ нѣм., изъ сочиненій Штиллинга, Спб. 1805; «Наставленіе ищущимъ премудрости, содержащее пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ философамъ древней системы», перев. съ нѣм., Спб. 1806; кромѣ того, по словамъ П. А. Безсонова, Лабзинъ принималъ главное и дѣятельнѣйшее участіе въ изданіи слѣдующихъ книгъ: «Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства» (съ надписью «Приношеніе друзьямъ моимъ на новый 1806 годъ»), Спб. 1805, изд. 3-е (1-е въ 1783, 2-е—1786); «Мысли, изліявшіяся при чтеніи молитвы Господней: «Отче нашъ», соч. Сен. З. К. (Зах. Як. Карнѣева), издалъ А. Л., Спб. 1814; «Мои понятія о Символѣ Вѣры» (соч. З. Я. Карнѣева), Спб. 1814; «О пользѣ чтенія Священнаго Писанія», кромѣ того—въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ А. П. Хвостовой, наконецъ, въ изданіи «Терпимость и человѣколюбіе, изображенныя въ трогательныхъ повѣстяхъ», соч. Эккартсгаузена, перев. съ нѣм., 2 ч., М. 1805, изд. 2-е, 4 ч., М. 1817 и мн. др.

Успѣхъ поименованныхъ выше изданій среди любителей мистическихъ сочиненій съ одной стороны, а съ другой—сознаніе необходимости бороться съ книгами «соблазнительными и развратными побудили Лабзина предпринять изданіе «христіанскаго журнала». При этомъ онъ заручился обѣщаніемъ старшаго цензора И. О. Тимковскаго содѣйствовать его предпріятію. Зная, какъ много хлопотъ можетъ представиться имъ, они разсчитывали «на благость правительства и свободу, которую даруетъ оно умамъ и сердцамъ», и полагали, что «опасеніе, въ другое время основательное, нынѣ будетъ уже излишнее; что всякому дозволено приносить пользу своимъ соотчичамъ, чѣмъ кто можетъ; что въ христіанской націи христіанину о христіанствѣ разсуждать и говорить можно, и развѣ противъ онаго, а не въ пользу онаго, писать возбранено быть можетъ». Боясь встрѣтить препятствія въ изданіи журнала со стороны духовной власти и духовной цензуры, Лабзинъ добился того, что получилъ разрѣшеніе печатать его съ разрѣшенія цензуры гражданской, и того, что цензуровать это изданіе былъ назначенъ И. О. Тимковскій. 1 января 1806 года вышелъ 1-й № «Сіонскаго Вѣстника», сплошь составленный изъ статей самого издателя, который, несмотря на ограниченность своихъ средствъ и недосугъ, посвящалъ ему все свое время и всю энергію и работалъ почти безъ помощниковъ. Цѣлью журнала было распространеніе въ обществѣ истинныхъ, съ точки зрѣнія издателя, понятій о религіи, толкованіе и популяризація Св. Писанія, разсужденія духовно-нравственныя и религіозныя, разработка вопросовъ вѣры и т. п. Имени издателя на журналѣ не значилось, а нѣкоторыя статьи свои онъ подписывалъ псевдонимомъ «Θеопемптъ Мисаиловъ». Первыя же книжки журнала вызвали къ нему большое сочувствіе со стороны многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ: Θеофилактъ, епископъ калужскій, митрополиты—с.-петербургскій Амвросій и московскій Платонъ, Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), Даніилъ, архіеп. могилевскій и витебскій, ректоры академій, архимандриты монастырей, священники и монахи наперерывъ выражали издателю свое сочувствіе и благодарность за журналъ. Но были, конечно, и враги изданія, видѣвшіе въ немъ отступленія отъ ученія православной церкви, проповѣдь индифферентизма, неправильныя толкованія и объясненія таинствъ, вообще много мѣстъ, противорѣчащихъ «истинѣ», приводящихъ въ недоумѣніе, рождающихъ сомнѣніе и даже неприличныхъ; императоръ Александръ поручилъ, уже въ серединѣ 1806 г., графу П. В. Завадовскому (министру народнаго просвѣщенія) и Н. Н. Новосильцову разсмотрѣть журналъ,—и онъ, по представленію оберъ-прокурора Св. Синода кн. А. Н. Голицына, былъ запрещенъ, прекратившись на сентябрьской книжкѣ, «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ его воли зависящимъ», какъ объявилъ Лабзинъ подписчикамъ.

Потерявъ возможность бесѣдовать съ читателями со страницъ журнала и весьма удрученный его прекращеніемъ, Лабзинъ не переставалъ, однако, трудиться на издательскомъ поприщѣ; такъ, послѣ прекращенія «Сіонскаго Вѣстника», онъ издалъ книги: «Мысли о небѣ», перев. съ нѣм., Спб. 1810 (по указанію Безсонова); «О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости», соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм., У. М., Спб. 1811 (по экземпляру Публ. Библіотеки видно, что переводчикомъ этой книги былъ Сем. Пошманъ; Лабзинъ же, вѣроятно, лишь редактировалъ переводъ Пошмана); «Обстоятельное извѣстіе о чудесномъ спасеніи вдовы, генералъ-маіорши Н. М. [Надежды Ѳедоровны Микулиной, сестры Лабзина] при нашествіи на Москву французовъ, въ 1812 году», Спб. 1812; «Таинство Креста Іисусъ-Христова съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ стихотвореній на разные случаи, писанныхъ также въ крѣпости Зонненштейнѣ», пер. съ франц. У. М., Спб. 1814; «Наука Чиселъ; сочиненіе, служащее продолженіемъ Ключа къ таинствамъ натуры», соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. У. М., 2 ч., Спб. 1815; «Christosophia, или путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Якова Бёма, прозваннаго Тевтоническимъ философомъ», пер. съ нѣм. У. М., Спб. 1815; «Побѣдная повѣсть или торжество вѣры христіанской, твореніе І. Г. Юнга-Штиллинга», пер. съ нѣм., Спб. 1815; «Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры» Спб. 1815, изд. 2-е, и 1818; «О внутреннемъ мирѣ, въ четырехъ книгахъ, содержащихъ: 1) О превосходствѣ сего мира, 2) О препятствіяхъ оному, 3) О средствахъ къ пріобрѣтенію онаго, 4) Практику пути сего», соч. о. Амвросія Ломбеза, пер. съ франц. У. М., Спб. 1816; «Брань духовная, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками» (соч. Франциска Салійскаго), пер. съ франц. (съ перевода Бриньона) У. М., Спб. 1816; два послѣднихъ сочиненія (Ломбеза и Фр. Салійскаго) были изданы въ томъ же году въ 2 ч. подъ заглавіемъ «Путеводитель къ совершенству жизни христіанской: ч. I. Брань духовная, ч. II. О внутреннемъ мирѣ»; «Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть», пер. съ нѣм., 2 ч., Спб. 1816; «Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ св. к.» [т. е. свободныхъ каменщиковъ], перев. съ нѣм. (оригиналъ на франц. яз., соч. J. B. Leuillard), Спб. 1816. — Кромѣ того, Лабзинъ примкнулъ къ Библейскому Обществу, образованному въ 1812 году, по мысли кн. А. Н. Голицына, въ убѣжденіяхъ коего къ этому времени уже произошла большая перемѣна; Лабзинъ сдѣлался однимъ изъ секретарей, а потомъ директоромъ и членомъ комитета Общества, которому покровительствовалъ самъ императоръ Александръ I, начавшій къ этому времени оказывать большое расположеніе къ мистицизму. Дѣятельность Лабзина въ Библейскомъ Обществѣ, а на ряду съ этимъ его неутомимая издательская работа обратили на него особенное вниманіе Александра I и кн. Голицына, которые не могли не видѣть, съ какимъ интересомъ относились читатели къ трудамъ Лабзина и какой успѣхъ имѣли издававшіяся имъ книги мистическаго содержанія. Такимъ образомъ постепенно у Лабзина возобновилась надежда на возможность продолжить изданіе «Сіонскаго Вѣстника»; кн. Голицынъ сочувственно отнесся теперь къ желанію Лабзина и не только убѣдилъ императора Александра I разрѣшить изданіе журнала, но исходатайствовалъ Лабзину награжденіе орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Награжденіе это сопровождалось замѣчательнымъ рескриптомъ (отъ 12-го декабря 1816 года), въ которомъ были засвидѣтельствованы «добровольная ревность и неусыпные труды» Лабзина, употребляемые имъ «для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единымъ твердымъ и истиннымъ», и выражалась надежда, что Лабзинъ продолжитъ «способствовать соотечественникамъ различными стезями познанія умудряться во всеобъемлющую простоту христіанства». Воспрянувъ духомъ, Лабзинъ проектировалъ теперь изданіе «Сіонскаго Вѣстника» на болѣе широкихъ началахъ и, основываясь на сочувствіи и благоволеніи Государя, просилъ освободить журналъ отъ предварительной цензуры и прикомандировать къ нему, въ качествѣ постоянныхъ, съ жалованьемъ, помощниковъ, нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ ему своею ревностью къ дѣлу распространенія мистическихъ сочиненій (Е. Г. Чиляева, А. Иконникова—бывшаго воспитателя въ Царскосельскомъ Лицеѣ,—Ю. Н. Бартенева, В. Спичакова и В. Кожина)... Между тѣмъ, не дожидаясь осуществленія своихъ

широкихъ плановъ, Лабзинъ приступилъ къ изданію журнала (1-я книжка котораго вышла въ апрѣлѣ 1817 г.), получивъ изъ Кабинета, чрезъ посредство кн. Голицына, 15.000 р., выданныхъ Государемъ, какъ вспомоществованіе «Сіонскому Вѣстнику»; во главѣ подписавшихся на журналъ (онъ былъ посвященъ «Господу Іисусу Христу»...) стоялъ самъ Императоръ, за которымъ послѣдовали великіе князья, высшіе сановники, духовныя особы, учрежденія, общества и частныя лица. Слыша со всѣхъ сторонъ похвалы журналу и вообще своей издательской дѣятельности, Лабзинъ, человѣкъ большого самолюбія, считалъ, что его заслуги еще не достаточно оцѣнены обществомъ, и, для еще бо́льшаго поднятія себя во мнѣніи своихъ поклонниковъ, а особенно для приданія себѣ силы въ глазахъ своихъ противниковъ, сталъ ходатайствовать о производствѣ своемъ въ тайные совѣтники и о назначеніи сенаторомъ. Ходатайство это осталось безуспѣшнымъ, но 12 января 1818 г. Лабзинъ былъ назначенъ вице-президентомъ Академіи художествъ. Не долго, однако, Лабзинъ пользовался плодами своихъ успѣховъ и расположеніемъ правительства. Враги его дѣятельности, какъ и прежде, не дремали; митрополитъ Филаретъ, Иннокентій (Смирновъ), кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ, А. С. Стурдза, архим. Фотій и многіе другіе, слѣдя за статьями «Сіонскаго Вѣстника», старались вооружить противъ Лабзина благоволившихъ къ нему кн. Голицына и самого Императора; они обвиняли Лабзина въ томъ, что статьями своего журнала, отрицая необходимость церковной обрядности и формъ, онъ подрываетъ уваженіе къ церкви, стремится къ уничтоженію святости преданій православной церкви, отрицаетъ необходимость принадлежности къ ней для достиженія вѣчнаго спасенія, неправильно толкуетъ и даже отрицаетъ нѣкоторыя таинства и вообще вводитъ ученіе, противное обрядамъ и установленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, не согласается съ истинами Символа Вѣры и заявляетъ себя противникомъ внѣшней церкви. Какъ и въ 1806 году враги Лабзина восторжествовали: князь Голицынъ согласился, наконецъ, съ А. С. Стурдзой о необходимости подчинить «Сіонскій Вѣстникъ» духовной цензурѣ, и рѣшеніе это, съ согласія Императора Александра, въ іюнѣ 1818 года было объявлено Лабзину. Послѣдній, видя въ такомъ распоряженіи желаніе прекратить существованіе его журнала, объявилъ въ газетахъ о томъ, что онъ не можетъ болѣе продолжать изданіе «Сіонскаго Вѣстника», который и остановился на іюльской книжкѣ (всего вышло, съ 1806 г., IX частей или 25 книжекъ). Эта новая неудача такъ повліяла на Лабзина, что онъ сталъ страдать сильными припадками падучей болѣзни, а въ мартѣ 1819 г. вынужденъ былъ взять полугодовой отпускъ и уѣхать для лѣченія въ село Рай-Семеновское (серпуховскаго уѣзда, московской губ.), славившееся своими цѣлебными минеральными источниками и курортомъ, устроеннымъ владѣльцемъ села А. П. Нащокинымъ. Передъ отъѣздомъ своимъ Лабзинъ получилъ отъ Государя 3.000 р. на путевыя издержки. Хотя здоровье Лабзина не поправилось и припадки падучей болѣзни продолжались, однако онъ, вернувшись въ Петербургъ въ сентябрѣ 1819 г., продолжалъ съ неослабною энергіею работу въ своей ложѣ «Умирающаго Сфинкса» и трудился надъ изданіемъ книгъ въ излюбленномъ имъ направленіи. Со времени возобновленія «Сіонскаго Вѣстника» онъ издалъ слѣдующія сочиненія: «Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ для христіанской души, изданныя Карломъ Эккартсгаузеномъ», перев. съ нѣм., Спб. 1817 г., изд. 2-е, 1821 г.; «О присутствіи Божіемъ», соч. де-Туа, перев. съ франц. яз., Спб. 1817 г. (изд. 1798 и 1810 гг.,—въ переводѣ Д. И. Дмитревскаго); «Послѣдніе дни Юнга Штиллинга, или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная внукомъ и зятемъ его», перев. съ нѣм. У. М. Спб. 1818 г.; «Слова воспоминанія о усопшемъ незабвенномъ другѣ Іоаннѣ Генрихѣ Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ, отъ нѣкоторыхъ друзей его», перев. съ нѣм. У. М., Спб. 1818 г.; «Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣть, состояніе души своей познавать и исправленіе свое по тому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное, съ объясненіемъ оныхъ», перев. съ нѣм., Спб. 1819 и 1821 г.; издалъ переводъ Е. Г. Чиляева: «Предварительное понятіе къ познанію натуры», Спб. 1819 г.; «Торжество евангелія, или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи, сочиненіе, въ ко-

торомъ побѣдоноснымъ образомъ поражаются лжемудрствованія невѣрія и въ коемъ доказывается истина христіанской вѣры; переведено съ испанскаго на французскій съ седьмого изданія, а съ французскаго на россійскій», 4 части, Спб. 1821—1822 г. (авторомъ этой книги былъ испанскій государственный дѣятель П. А. І. Олавидесъ, написавшій ее во время французской революціи; въ 1805 г. она вышла въ Ліонѣ, въ переводѣ на франц. языкъ J. F. Buynand des Echelles, подъ заглавіемъ «Triomphe de l'Evangile...»).

1822 годъ закончилъ собою служебную, общественную и литературную дѣятельность Лабзина: въ засѣданіи совѣта Академіи художествъ, происходившемъ 13 сентября 1822 г., А. Н. Оленинъ, ея президентъ, заявилъ о предстоящихъ выборахъ трехъ почетныхъ любителей и предложилъ къ избранію гр. Гурьева, гр. Аракчеева и гр. Кочубея. Лабзинъ воспротивился избранію этихъ лицъ, особенно избранію гр. Кочубея и, на возраженіе Оленина, что гр. Кочубей—лицо близкое къ Государю, заявилъ, что если достаточнымъ поводомъ для избранія въ почетные любители можетъ быть признана близость къ особѣ Государя, то онъ, въ свою очередь, можетъ предложить не менѣе близкое лицо — именно лейбъ-кучера Илью Байкова. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по городу и уже 19 сентября гр. Милорадовичъ просилъ Оленина увѣдомить его письменно о томъ, что произошло. Такимъ образомъ, дѣло приняло офиціальный оборотъ, и умолчать о немъ, какъ намѣренъ былъ поступить Олениnъ, было уже нельзя. Гр. Милорадовичъ препроводилъ докладъ Оленина, вмѣстѣ со своимъ письмомъ, къ Государю, находившемуся тогда въ Веронѣ—и 20 октября послѣдовалъ указъ Сенату, коимъ Лабзинъ былъ отставленъ отъ службы, кн. Голицыну приказано было объявить Оленину строгій выговоръ за недонесеніе о случившемся, а гр. Милорадовичу—выслать Лабзина изъ столицы съ запрещеніемъ въѣзда въ нее безъ особаго разрѣшенія. По указанію гр. Кочубея, мѣстомъ ссылки былъ избранъ г. Сенгилей, симбирской губ., и Лабзинъ, получивъ отъ кн. Голицына, изъ бывшихъ въ его распоряженіи суммъ, 2.000 р., 13 ноября 1822 г. выѣхалъ изъ Петербурга, въ распутицу, въ чужой коляскѣ, съ престарѣлою женою своею Анною Евдокимовною и воспитанницей С. А. Мудровой. Многіе воспитанники Академіи художествъ ходили прощаться съ нимъ, желая выказать ему свое вниманіе... Около Москвы экипажъ, въ которомъ ѣхали изгнанники, опрокинулся, съ Лабзинымъ сдѣлался его обычный припадокъ, а жена его повредила себѣ ногу. Добравшись до города, они остановились у стариннаго своего знакомаго и друга доктора и масона М. Я. Мудрова, принявшаго ихъ съ особенною торжественностью и почетомъ, но уже на другой день имъ велѣно было выѣхать дальше. Только въ началѣ декабря Лабзинъ пріѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ нѣкоторые его поклонники устроили ему встрѣчу и наперерывъ предлагали свою помощь. Доѣхавъ, наконецъ, до Сенгилея, въ глухое зимнее время, Лабзинъ съ женою помѣстились въ холодной, простой избѣ, испытывали всевозможныя лишенія и не имѣли возможности пользоваться медицинскою помощью, за неимѣніемъ въ городѣ доктора. Одинъ изъ старинныхъ друзей Лабзина, П. П. Тургеневъ (масонъ, братъ Ив. Петр. Тургенева), узнавъ о нуждѣ его, снабдилъ его домашними и лѣкарственными припасами. Лабзинъ, однако, видя въ своемъ несчастіи особый крестъ, возложенный на него свыше, не роптalъ, но старался мужественно переносить свое положеніе. Въ половинѣ мая 1823 г. Лабзину, по ходатайству кн. Голицына, разрѣшено было переселиться въ Симбирскъ, при чемъ ему пожалована была пенсія въ 2.000 р. въ годъ. Въ Симбирскѣ Лабзинъ вскорѣ пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе и среди старыхъ масоновъ, во главѣ съ кн. М. П. Баратаевымъ, и среди симбирскаго общества. Относясь сперва съ недовѣріемъ къ новымъ знакомствамъ, Лабзинъ вскорѣ сталъ сближаться съ представителями мѣстнаго обшества: здѣсь познакомился и близко сошелся онъ съ М. А. Дмитріевымъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ, оставившимъ любопытныя воспоминанія объ этомъ знакомствѣ; часто Лабзинъ бывалъ у архимандрита Серафима и у кн. Баратаева подъ Симбирскомъ, и вскорѣ совсѣмъ примирился со своею судьбою. «Я думалъ», говорилъ онъ М. А. Дмитріеву, «что, уѣзжая изъ Петербурга, я оставляю тамъ друзей, какихъ ужъ не нажить; но, вмѣсто того, я нашелъ такихъ искреннихъ и добрыхъ друзей, какихъ у меня и тамъ не было». Однако, пере-

несенныя Лабзинымъ волненія и непріятности сильно потрясли его здоровье, и онъ скончался въ Симбирскѣ 26 января 1825 г., 59 лѣтъ отъ рожденія, и былъ погребенъ въ Покровскомъ монастырѣ.

Послѣ смерти Лабзина жена его поселилась у М. Я. Мудрова въ Москвѣ; своихъ дѣтей у нихъ не было, но супруги всегда брали къ себѣ на воспитаніе сиротъ и бѣдныхъ дѣтей.

Человѣкъ большого ума и довольно широкаго образованія, чрезвычайно краснорѣчивый и съ пріятнымъ голосомъ (часто Державинъ, хорошо знавшій Лабзина, который наблюдалъ и за изданіемъ его сочиненій 1808 г.—и которому Державинъ написалъ за это посланіе,—поручалъ ему читать свои произведенія въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова), Лабзинъ всегда производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ случалось ему вступать въ соприкосновеніе. Его энергія и работоспособность были изумительны, и не мудрено, что онъ часто подавлялъ своею личностью людей, входившихъ съ нимъ въ сношенія. Въ ложѣ своей это былъ полновластный господинъ, проникнутый сознаніемъ своего превосходства и силы; своею убѣжденностью, пылкостью и настойчивостью онъ гипнотически дѣйствовалъ на «братьевъ»,—и они спѣшили отвѣчать ему безпрекословнымъ повиновеніемъ, за которое «великій мастеръ» ложи платилъ имъ горячимъ расположеніемъ и вниманіемъ; но столь же горячо было его негодованіе на тѣхъ, кто нарушалъ его довѣріе,—къ нимъ онъ былъ безпощаденъ; таковы, напримѣръ, были отношенія его къ Д. П. Руничу, отъ котораго онъ впослѣдствіи совершенно отшатнулся. Избалованный подъ-часъ раболѣпнымъ отношеніемъ къ себѣ и зная силу своего вліянія, Лабзинъ казался часто человѣкомъ гордымъ, надменнымъ; архимандритъ Фотій называлъ его даже «апостолъ и пророкъ сатанинъ», и «идолъ-человѣкъ», особенно отмѣчая его «бѣсовскую гордость». Нѣкоторая односторонность такого взгляда опровергается, однако, свидѣтельствомъ многихъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Извѣстный Витбергъ, вспоминая о его превосходномъ дарѣ слова, быстромъ взглядѣ и добромъ сердцѣ, говоритъ, что «пылкій характеръ» Лабзина при большомъ его самолюбіи «часто завлекалъ его въ ошибки, но стремленіе его было всегда чисто»; «его неукротимый характеръ», говоритъ Д. П. Руничъ, «нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремленій». Самая наружность Лабзина, его манера ходить, высоко держа голову, очки, большой носъ и что-то презрительное въ губахъ придавали ему видъ важный и гордый. Лабзинъ ни въ чемъ не зналъ умѣренности: «онъ не могъ любить въ половину», говоритъ М. А. Дмитріевъ: «онъ предавался человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка»; «къ людямъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ или пренебрегаемымъ другими онъ былъ особенно привѣтливъ и добръ, а людей выше себя не любилъ и держался предъ ними съ преувеличенной грубостью». Обыкновенно серьезный и сосредоточенный, Лабзинъ иногда бывалъ и веселъ, «любилъ и забавное, и невинныя шутки, и потому его общество всегда было и поучительно, и привлекательно, и въ обоихъ случаяхъ всегда свободно, легко и пріятно», говоритъ М. А. Дмитріевъ.—Что касается обвиненій Лабзина въ сектантствѣ, то въ этомъ отношеніи на него слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на жертву борьбы двухъ партій. Лабзинъ, какъ и всѣ вообще мистики, стремился, всѣми силами души и вполнѣ искренно, къ раскрытію истиннаго значенія христіанства; разъясненія и удовлетворенія этой потребности вѣрующихъ людей нельзя было ожидать отъ тогдашняго духовенства, державшагося старыхъ традицій и не шедшаго навстрѣчу внутреннимъ запросамъ общества, но, въ то же время, не хотѣвшаго допустить, чтобы истолкованіемъ религіи занимались люди свѣтскіе, въ которыхъ оно всегда готово было видѣть сектантовъ и отступниковъ отъ православія. Отсюда же проистекали и всѣ гоненія на Лабзина, въ увлеченіи своемъ и дошедшаго, быть можетъ, до нѣкоторыхъ крайностей, вызванныхъ, однако, не злонамѣренностью. «Каждый истинный христіанинъ есть мистикъ, и всякій мистикъ есть христіанинъ», говорилъ онъ. И дѣйствительно, его приверженность къ христіанству, православной церкви и ея іерархіи были безграничны: свидѣтельства безпристрастныхъ современниковъ всѣ сходятся въ этомъ отношеніи. «Оставляя въ сторонѣ», говоритъ про Лабзина изслѣдователь исторіи религіознаго мистицизма, И. А. Чистовичъ, «крайности его мисти-

ческаго направленія, нельзя не признать искренности и горячности его въ вѣрѣ и его неустанной и самоотверженной дѣятельности, направленной къ распространенію въ современномъ обществѣ понятій о живомъ и дѣятельномъ христіанствѣ, къ пробужденію въ немъ духа любви Христовой и къ отвлеченію его отъ низменныхъ интересовъ, къ исканію царства Божія». Нѣкоторыя отрицательныя черты характера Лабзина не могутъ, поэтому, затемнить обликъ его, какъ человѣка цѣльнаго и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго.

Кромѣ перечисленныхъ выше сочиненій, Лабзину принадлежатъ еще: «Безсмертіе. Подражаніе г. Делилю», съ посвящ. гр. А. С. Строганову—въ «Вѣстн. Евр.» 1802 г., ч. VI, № 23, стр. 211; «Диѳирамбъ на безсмертіе души», Делиля, пер. съ франц., Спб. 1804; «Послѣдняя ночь 1813 года»—въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № 3, съ подп. У. М.; четверостишіе на Багратіона—въ «Благонамѣренномъ» 1818 г., февраль; «Къ издателямъ «Сына Отечества», письмо отъ 15 октября 1821 г.—въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., ч. 73, № 46 (по поводу перевода книги «Торжество Евангелія»). Бумаги Лабзина, по завѣщанію, перешли послѣ его смерти къ М. Я. Мудрову, а затѣмъ къ зятю послѣдняго, И. Е. Великопольскому; но изъ нихъ сохранилось лишь весьма немногое.

Лабзинъ состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго университета и дѣйствительнымъ членомъ Бесѣды любителей Русскаго слова. Два портрета его, работы Боровиковскаго, находятся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ; въ 1810 г. была исполнена П. Масловскимъ гравюра съ портретовъ Лабзина и его жены, рисованныхъ А. Л. Витбергомъ; кромѣ того, у М. М. Людоговскаго, въ с. Глазовѣ, можайскаго уѣзда, хранится бюстъ Лабзина.

П. А. Безсоновъ, «А. Ѳ. Лабзинъ. Литер.-біогр. очеркъ»—въ «Русск. Арх.» 1866, стр. 817—836; М. А. Дмитріевъ, «Воспоминанія о Лабзинѣ»—ib., стр. 837—860; Н. Ѳ. Дубровинъ, «Наши мистики-сектанты».—«Русск. Стар.» 1894 г., т. 82 (№№ 9, 10, 11 и 12) и т. 83 (№№ 1 и 2); Н. М. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты». М. 1866; Ф. Ф. Вигель, «Записки». М. 1891; «Чтенія Моск. Общ. исторіи и древн. Росс.» 1870, № 2, стр. 209—210 (письмо Лабзина къ кн. М. П. Баратаеву, 1824 г.); А. Л. Витбергъ, «Записки»; («Русск. Стар.» 1872 г., т. V); «Моя жизнь», Ѳ. Г. Солнцевъ—«Русск. Стар.» 1876, т. XV; «Изъ прошлаго», П. М.—«Русск. Вѣстн.» 1868 г., т. 74, № 4; «Русск. Стар.» 1875 г., т. 14 и 1885 г., т. 48 (ссылка Лабзина); «Остафьевскій архивъ», подъ ред. В. И. Саитова, тт. I и II; А. Н. Пыпинъ, въ статьяхъ о Библейскомъ Обществѣ въ «Вѣстн. Евр.» 1868 г., №№ 8, 9, 11 и 12; Г. Цвѣтковъ, брошюра о «Сіонскомъ Вѣстникѣ». Харьковъ. 1862 г. (изъ Дух. Вѣстн.» 1862 г., іюль); «Вѣстн. Европы» 1876 г., № 5 (письмо Лабзина къ Сперанскому. 1818); «Вѣсть» 1866 г., № 1 (въ статьѣ М. Н. Лонгинова); «Воспоминанія Ѳ. Г. Солнцева»;—«Русск. Стар.» 1876, № 1; «Изъ записокъ А. С. Стурды»:—ib., 1876, т. XV, № 2; «Обзоръ мистической литературы», А. Д. Галахова.—«Журн. Мин. Народн. Просв.» 1875, ч. 182, № 11; Н. Н. Буличъ, «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в.», Спб. 1902, т. I, стр. 356—377; Сочиненія Державина, подъ ред. Грота, тт. I—IX (по указат.); С. Т. Аксаковъ, «Встрѣча съ мартинистами»—въ Собр. соч.; Митр. Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей»; Геннади, «Словарь, т. II (и дополн.); «Сборникъ снимковъ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825», изд. М. И. Семевскаго и Ф. К. Опочинина, Спб. 1873; О переводѣ «Фигаровой женитьбы»—«Русск. Вѣстн.» 1858 г., т. XVIII, № 22 (ст. С. Д. Полтарацкаго); Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, «Матеріалы для библіографіи», 1870—1876 гг.; И. В. Губерти, Матеріалы для русской библіографіи»; т. II, М. 1881, № 117; Сошиковъ, «Опытъ русской библіографіи»; В. Н. Рогожинъ, «Указатель къ Опыту Сошикова»; М. 1899; Смирдинъ, «Роспись»; Л. Н. Майковъ, «Очерки по исторіи русской литературы»; Спб. 1899 г.; А. И. Неустроевъ, «Историч. разысканіе о русск. повременныхъ изданіяхъ» и «Указатель» къ нему; Д. А. Ровинскій, «Словарь русск. гравир. портретовъ», т. I, Спб. 1889; П. Н. Петровъ, «Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Художествъ»; В. П. Панаевъ, «Воспоминанія»—«Вѣстн. Европы» 1867 г., т. III, стр. 248; С. П. Шевыревъ, «Исторія Московскаго университета»; М. 1855, стр. 224, 259, 267, 423; А. Д. Галаховъ, «Исторія русск. словесности»; 1880 г., т. II, стр. 160—165 и 392—460; Н. В. Сушковъ, «Московскій унив. благор. пансіонъ»; М. 1850, стр. 24 и 46; И. В. Лопухинъ, «Записки»; I, стр. 31; Д. П. Руничъ, «Записки»—«Русск. Обозр. 1890 г., № 8, стр. 683, № 8, стр. 224—246 и «Русск. Стар.» 1896 г., т. CXXXVIII и 1901 г., т. CVI, апр., стр. 158—160; «Сборникъ матеріаловъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи», подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина, т. XI, Спб. 1902 г.; «Сборникъ старинныхъ бумагъ», П. И. Щукина, ч. VIII, М. 1901, стр. 422—423; «Книговѣдѣніе» 1894 г. № 6, прилож. (письмо 1823 г.), въ статьѣ Н. П. Лихачева; А. Н. Пыпинъ, «Общественное движеніе при Александрѣ I»; Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I», т. IV; Г. Карауловъ, «Очерки исторіи русской литературы», т. I, М. 1888, стр. 507—527; Филаретъ, «Обзоръ русской дух. литературы», кн. II, стр. 236; И. А. Чистовичъ, «Руковод. дѣятели духовн. просвѣщенія въ Россіи»; Спб. 1894; А. И. Бѣлиевъ, «Воспоминанія»—«Русск. Стар.» 1880, т. XXIX, стр. 4; Автобіографія юрьевскаго архимандрита Фотія»—«Русск. Стар.» 1891 г. (т. LXXXII, іюль, стр. 212—230, и сент., стр. 215—228), 1896 г. (т. LXXXIV, авг., стр. 181, окт., стр. 46) и 1896 г. (т. LXXXVII, авг., стр. 124, 125, 127, 433); «Письма Карамзина къ Дмитріеву»; Спб. 1866; протоколы ложи «Умирающаго Сфинкса»—въ Рукоп. Отдѣл. Импер. Публ. Библіотеки; бумаги архива Лабзина—у Б. Л. Модзалевскаго; «Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева»—«Русскій Архивъ» 1886 г., кн. II; А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка—тамъ-же, 1892 г. кн. III; «Россійская Би-

біографія» 1881. № 72. стр. 33; «Русская Старина» 1872 г., т. V, 1874 г., т. XI, 1876 г., т. XVI, 1878 г., т. XXI, 1881 г., т. XXXII, 1882 г., т. XXXIII, 1886 г., т. XLIX, 1892 г., тт. LXXV и LXXVI, 1897 г., т. XCI, 1898 г., тт. XCV и CXVI, 1899 г., т. XCVII, 1901 г., тт. CVI и CVII (въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго «Изъ архива И. Е. Великопольскаго» и 1902 г., т. CXI; «Русскій Архивъ»: 1863, 1867 (письмо Сперанскаго къ Л—ну, 1818 г.), 1869, 1870, 1871 г., II; 1873, 1874, 1880 г., II; 1883 г., II (прилож.); 1884 г., I; 1885 г., I; 1888 г., III (Разсказы митр. Филарета); 1889 г., II; 1891 г., III; 1892 г., III (ссылка Лабзина и письма его къ З. Я. Карнѣеву); 1895 г., III (письмо кн. Голицына Лабзину); 1897 г., III; 1901 г., I; «Девятнадцатый Вѣкъ», кн. I, стр. 78; «Архивъ кн. Воронцова», т. XXIII, стр. 461—462 (письмо М. Н. Лонгинова); «Библ. Зап.», т. I, стр. 70, 131—137, 644—647, 650; т. II, стр. 324, т. III, стр. 109, 112; Записки С. П. Жихарева. М. 1890 г.; Журналы Комитета Министровъ, т. I. Спб. 1888; А. М. Скабичевскій, «Очерки по исторіи русской цензуры». Спб. 1892 г.

Б. Модзалевскій.

Лабинцовъ, *Иванъ Михайловичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1802 г., ум. 7 сентября 1883 г. въ Вильнѣ. Дворянинъ тульской губ., образованіе получилъ въ Дворянскомъ полку, откуда въ 1819 г. выпущенъ въ 39 егерскій полкъ, находившійся на Кавказѣ, и принималъ участіе во многихъ дѣлахъ. Отличился при штурмѣ Карса 23 іюня 1827 г. и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Получая всѣ чины за отличія, Лабинцовъ въ 1838 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Въ слѣдующемъ году состоялъ въ отрядѣ гр. Граббе, отличился во время дѣйствій противъ сильно укрѣпленнаго аула Ахульго и 29 іюня 1839 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1840 г., начальствуя самостоятельнымъ отрядомъ, производилъ экспедиціи по рр. Ассѣ и Ургуну; слѣдующіе два года провелъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ почти ежедневныхъ стычкахъ съ врагомъ. Принималъ участіе въ знаменитой ичкеринской экспедиціи и взятіи Дарго. Большія услуги оказалъ онъ во время даргинской экспедиціи; кн. Дундуковъ-Корсаковъ въ значительной степени ему приписываетъ спасеніе всего отряда и сообщаетъ много любопытнаго о его личной храбрости, превосходномъ умѣньи вліять на солдатъ и объ его отличномъ пониманіи условій войны на Кавказѣ. Въ 1845 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи. Въ 1856 г. назначенъ командующимъ 1 армейскимъ корпусомъ, въ 1859 г.—произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи. Лабинцовъ пользовался на Кавказѣ репутаціей «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ», а гр. Граббе писалъ, что съ нимъ «всѣ предпріятія удаются».

«Русс. Инв.», 1883, № 213; «Старина и Новизна», вып. VI.

Лаваль, *де*, *Антоній*, генералъ-инженеръ, ум. послѣ 1699 г. Первоначальная его жизнь и дѣятельность неизвѣстны. Онъ выступаетъ впервые 11 іюля 1696 г., когда онъ прибылъ къ Азову, присланный къ царю Петру императоромъ Леопольдомъ. Лаваль былъ довольно образованный человѣкъ, зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій, голландскій и шведскій, въ инженерномъ дѣлѣ обладалъ большими познаніями. Молодой государь сначала встрѣтилъ Лаваля и пріѣхавшаго съ нимъ Боргсдорфа съ неудовольствіемъ, досадуя, что они долго не являлись, хотя еще 14 марта Петръ получилъ грамоту отъ Леопольда о томъ, что они отпущены. Однако Лаваль вскорѣ умѣлъ заслужить довѣріе и расположеніе государя своими познаніями, энергіею и даровитостью. На другой день послѣ взятія Азова, который сдался 18 іюля, Петръ поручилъ Лавалю составить планъ его укрѣпленія и черезъ три дня получилъ проектъ, который привелъ его въ восторгъ. Лавалю поручено было и производство работъ, причемъ ему данъ чинъ генералъ-инженера. Прибывъ вмѣстѣ съ царемъ въ Москву, Лаваль провелъ въ столицѣ зиму, а весною 1697 г. отправился снова въ Азовъ.

Онъ успѣлъ выхлопотать себѣ у царя чрезвычайно обширныя полномочія; иноземцы въ Азовѣ обязаны были подчиняться его распоряженіямъ безусловно; относительно русскихъ Петръ не далъ ему этого права, но разрѣшилъ непосредственно писать къ себѣ. Человѣкъ даровитый и съ знаніями Лаваль, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался чрезвычайнымъ высокомѣріемъ, властолюбіемъ и несдержностью, питалъ глубокое, нескрываемое презрѣніе къ русскимъ варварамъ. Трехлѣтнее командованіе его въ Азовѣ служитъ яркою картиною того, что могъ позволять себѣ тогда властный человѣкъ и что приходилось русскимъ переносить отъ нѣкоторыхъ иноземцевъ. Лаваль не скрывалъ своего презрѣнія къ русскимъ и умышленно заставлялъ солдатъ работать непрерывно, несмотря ни на какіе праздники, жестоко взыскивалъ за малѣйшее упущеніе и не желалъ ни мало

считаться съ тѣмъ, что люди заболѣвали на тяжелой работѣ въ непривычной и нездоровой мѣстности. Не желая признавать, что наряженные на работу солдаты не являются по причинѣ болѣзни, онъ распорядился, чтобы имъ прекращенъ былъ отпускъ денежнаго жалованья и провіанта. Это вызвало, конечно, крайнее неудовольствіе, настолько, что можно было опасаться покушеній на жизнь Лаваля и онъ сталъ показываться на работахъ только подъ сильнымъ конвоемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его поступки разжигали въ русскомъ войскѣ ненависть къ «нѣмцамъ», а нѣкоторые склонные къ расколу стрѣльцы готовы были видѣть даже неправославіе государя въ томъ, что онъ поставилъ надъ русскими людьми такого начальника.

Работы по укрѣпленію Азова подвигались, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло и недовольство всѣхъ окружающихъ противъ Лаваля; уже до правительства стали доходить жалобы; онѣ были присланы къ воеводѣ азовскому, кн. Прозоровскому, на разслѣдованіе. Доказать обвиненія въ томъ, что Лаваль презрительно отзывается о царѣ и о русскихъ, что онъ выказываетъ къ нимъ недоброжелательность—не удалось, но положеніе Лаваля настолько поколебалось, что онъ счелъ за нужное отказаться отъ титула генералъ-инженера, за нимъ былъ учрежденъ негласный надзоръ и наконецъ получены были свѣдѣнія, что Лаваль замышляетъ сношенія съ турками, для того, чтобы быть взятымъ ими въ плѣнъ и этимъ путемъ избыть русской службы. Улики были настолько сильны, что въ августѣ 1698 г. Лаваль былъ арестованъ и отосланъ въ Москву. Цесарскій посланникъ осторожно писалъ въ Вѣну, что Лавалю грозитъ ссылка въ Сибирь послѣ жестокаго наказанія. Чѣмъ кончилось это дѣло и дальнѣйшая судьба Лаваля не извѣстны.

О Лавалѣ—нѣсколько словъ у Голикова и у Устрялова; дѣла о жалобахъ на него и объ его арестѣ отыскались въ архивѣ Воронежскаго статист. комитета и по нимъ составлена статья Л. Б. Борисова «Антоній де-Лаваль»—«Русс. Вѣстникъ», 1890, XII, 4—46.

Лаврентій, преподобный, мѣстночтимый. Жилъ въ XII вѣкѣ. Былъ монахомъ-затворникомъ сначала въ Дмитріевской обители, подъ Кіевомъ, потомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Отсюда посвященъ епископомъ въ Туровъ, послѣ кончины въ 1182 г. знаменитаго Кирилла Туровскаго. На своей епископской каѳедрѣ и скончался; мощи его впослѣдствіи перенесены въ Кіевскій Печерскій монастырь.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ»; Макарій, «Истор. русс. церкви», т. III, прим. 44.

Лаврентій, блаженный, Христа ради юродивый, ум. 10 августа 1515 г.; мѣстночтимый святой калужскій. Происхожденіе его неизвѣстно въ точности; но вѣроятно, что онъ былъ въ какомъ то родствѣ съ Хитрово; жилъ при дворѣ кн. Симеона Ивановича калужскаго; въ лѣтописи Лаврентіевскаго монастыря, находящагося подъ Калугою и построеннаго около мѣста погребенія блаженнаго, его чудесной помощи приписывается отраженіе въ 1512 г. внезапнаго нападенія на Калугу татаръ.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ».

Лаврентій, (*Лука Николаевичъ Бакшевскій*), архіепископъ черниговскій, сынъ священника села Ивановскаго-Прозоровскихъ, покровскаго уѣзда, владимірской губерніи, род. 11 октября 1776 года, ум. 17 декабря 1838 г. Поступилъ въ 1788 году въ Переславскую семинарію безъ всякой подготовки и на первыхъ порахъ очень отставалъ отъ товарищей, подвергался нерѣдко наказаніямъ и насмѣшкамъ, по бѣдности нерѣдко терпѣлъ голодъ и холодъ; но, несмотря на такія неблагопріятныя условія, благодаря своимъ дарованіямъ и прилежанію, вскорѣ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, а когда переведенъ былъ въ Троицкую лаврскую семинарію, обратилъ на себя вниманіе митроп. Платона, который внимательно слѣдилъ за успѣхами и образомъ жизни воспитанниковъ. По окончаніи семинарскаго курса Лука Бакшевскій 6 сентября 1799 г. былъ опредѣленъ учителемъ въ Перервинскую семинарію. По совѣту митрополита Платона молодой преподаватель, 24-хъ лѣтъ отъ роду, 2 марта 1800 года постригся въ монашество, 25 марта того же года митрополитъ посвятилъ его въ санъ іеродіакона; 6 декабря 1801 г. посвященъ митрополитомъ въ санъ іеромонаха и 29 апрѣля 1804 г. назначенъ префектомъ семинаріи, затѣмъ соборнымъ іеромонахомъ. Въ 1806 году 6 января митрополитъ Платонъ назначилъ его игуменомъ Николаевскаго Перервинскаго монастыря, 25 января 1808 года сверхъ того онъ сдѣланъ настоятелемъ Угрѣшскаго Николаевскаго монастыря; 14 октября того же года по-

священъ въ санъ архимандрита Московскаго Златоустовскаго монастыря. Когда епископъ Августинъ, управлявшій московскою епархіею по преклонности лѣтъ митрополита Платона, получилъ въ 1812 г. предложеніе графа Растопчина принять мѣры къ заблаговременному вывозу изъ Москвы церковныхъ святынь и драгоцѣнностей, онъ возложилъ это дѣло на архимандрита Лаврентія, который собралъ всѣ драгоцѣнности кремлевскихъ соборовъ, монастырей и патріаршей ризницы, въ томъ числѣ книги и рукописи патріаршей библіотеки, и за два дня до вступленія непріятеля въ Москву, 31 августа, на 600 подводахъ отправилъ съ военнымъ конвоемъ по троицко-сергіевскому тракту, подъ смотрѣніемъ архимандрита Парѳенія (впослѣдствіи архіепископъ владимірскій и суздальскій). Двѣ важнѣйшія святыни Москвы — иконы Владимірской Божіей Матери и Иверской Божіей Матери—были взяты Лаврентіемъ только за нѣсколько часовъ до вступленія непріятеля въ Москву, и вывезены въ каретѣ епископа Августина въ Муромъ. Лаврентій отправился съ обозомъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ два мѣсяца. Въ началѣ декабря 1812 года онъ получилъ указъ сопровождать обозъ обратно до Москвы, 8 декабря выѣхалъ изъ Вологды и въ концѣ того же мѣсяца прибылъ въ Москву, гдѣ долженъ былъ прежде всего взяться за возстановленіе Златоустовскаго и Перервинскаго монастырей. Златоустовскій монастырь не пострадалъ отъ пожаровъ, но весь былъ ограбленъ, въ церквахъ иконостасы были разрублены, на полу валялось сѣно, хворостъ и т. п.; Перервинскій монастырь былъ не только ограбленъ, но и сожженъ. Кое какъ устроивъ свое жительство въ Златоустовскомъ монастырѣ, архимандритъ Лаврентій въ январѣ 1813 года приступилъ къ исполненію синодскаго указа, коимъ предписывалось сдѣлать опись и подать вѣдомости о томъ, что въ каждомъ монастырѣ разрушено, сгорѣло, похищено. Получивъ отъ Синода средства для возобновленія Златоустовскаго и Перервинскаго монастырей, онъ сначала приступилъ къ возобновленію Перервинскаго монастыря и къ концу января 1813 года собралъ сюда уже болѣе ста иноковъ. Возобновленія Златоустовскаго монастыря онъ не успѣлъ довести до конца, потому что переведенъ былъ изъ Златоустова монастыря въ московскій Богоявленскій монастырь—который пострадалъ отъ враговъ болѣе всѣхъ московскихъ монастырей, былъ совершенно ограбленъ и сожженъ до тла — для его возобновленія. Вскорѣ онъ назначенъ былъ членомъ и казначеемъ комитета Высочайше составленнаго для золоченія главъ на кремлевскихъ соборахъ; въ то же время онъ долженъ былъ присутствовать на работахъ въ Богоявленскомъ и Перервинскомъ монастыряхъ; благодаря его трудамъ работы шли живо, такъ что 6 апрѣля 1813 г. онъ освятилъ въ Перервинскомъ монастырѣ церковь надъ святыми вратами, а къ 9 мая того же года въ томъ же монастырѣ окончилъ постройкою холодный соборъ. Въ ноябрѣ того же года онъ окончилъ всѣ постройки по Богоявленскому монастырю, издержавъ на это до 40 тыс. руб. ассигн. Труды Лаврентія по охраненію церковнаго имущества и по возобновленію монастырей снискали ему особенное благорасположеніе управлявшаго московскою митрополіею епископа Августина, который сдѣлался покровителемъ и другомъ его. Въ 1813 году 1 декабря онъ былъ сдѣланъ присутствующимъ въ московской духовной консисторіи; въ 1814 году, при упраздненіи во всѣхъ семинаріяхъ должностей префекта, уволенъ былъ отъ должности префекта въ Перервинской семинаріи и назначенъ членомъ московскаго комитета духовной цензуры; въ 1815 г. 30 сентября уволенъ былъ отъ управленія Перервинскимъ монастыремъ; 26 іюня 1815 года Святѣйшій Синодъ возложилъ на него возобновленіе московскаго Архангельскаго собора, на что назначено было 40.000 руб. асс.; 26 іюня 1816 года Лаврентій былъ переведенъ настоятелемъ въ Высокопетровскій монастырь. Въ томъ же году 30 августа императоръ Александръ I пожаловалъ его кавалеромъ ордена св. Анны 2 ст., не въ примѣръ прочимъ при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ. Въ 1817 году 13 марта назначенъ благочиннымъ надъ мужскими монастырями московской епархіи. 2 декабря 1817 года былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди. 12 марта 1818 года, въ день восшествія на престолъ, Лаврентій говорилъ первую проповѣдь въ Казанскомъ соборѣ; цензуровавшіе ее предварительно Филаретъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ) и митрополитъ

Амвросій нашли ее очень хорошею. Проповѣдь, которую въ томъ же году Лаврентій произнесъ при освященіи церкви въ тюремномъ замкѣ, была напечатана на иждивеніе князя Голицына въ количествѣ 400 экземпляровъ. 10 января 1819 г. состоялось нареченіе Лаврентія во епископа, а 19 января совершена была хиротонія его въ санъ епископа дмитровскаго. Послѣ кончины, 3 марта, архіепископа Августина Лаврентій три мѣсяца управлялъ московскою митрополіею. Съ пріѣздомъ въ Москву новаго митрополита Серафима, 20 мая 1819 года, наступила для епископа Лаврентія тихая келейная жизнь; 26 октября 1820 года онъ назначенъ былъ епископомъ черниговскимъ, а предъ самымъ назначеніемъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1 степени «за успѣшное и ревностное управленіе московскою митрополіею во время небытности въ ней митрополита». Лаврентій прибылъ въ Черниговъ 17 декабря 1820 г. Много тревогъ и трудовъ пришлось перенести ему на первыхъ порахъ своего управленія черниговскою епархіею, въ духовенствѣ которой онъ встрѣтилъ не мало злоупотребленій, укоренившихся вѣками и неизвѣстныхъ въ великороссійскихъ епархіяхъ; къ числу такихъ злоупотребленій относилось, между прочимъ, крещеніе младенцевъ чрезъ обливаніе, т. е. какъ бы по католическому обряду, совершавшееся духовенствомъ почти повсемѣстно въ епархіи; за тѣмъ преосвященный Лаврентій озабоченъ былъ принятіемъ мѣръ къ ослабленію раскола, центръ котораго въ то время находился въ Стародубѣ черниговской губерніи. Столкновенія съ раскольниками чередовались съ обличительными бесѣдами съ евреями, которыхъ было много въ черниговской губерніи. Противъ евреевъ онъ началъ писать сочиненіе, которымъ занимался и на покоѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ до самой смерти: «Бесѣды противъ евреевъ». 17 іюля 1824 года Лаврентій получилъ указъ Синода о временномъ управленіи полтавскою епархіею до назначенія мѣстнаго преосвященнаго. Въ этомъ же 1826 году 22 августа преосвященный Лаврентій возведенъ былъ въ санъ архіепископа. Въ томъ же 1826 году по указу Синода, вмѣстѣ съ Анатоліемъ, архіепископомъ минскимъ, производилъ освидѣтельствованіе мощей святыхъ мучениковъ виленскихъ (Литовскихъ) Антонія, Евстаѳія и Іоанна, которыя затѣмъ были торжественно открыты. Въ 1831 году 14 марта, архіепископъ Лаврентій уволенъ на покой, согласно его желанію, въ переяславскій Даниловъ монастырь съ назначеніемъ ему пенсіи въ 3.000 р. асс. Скончался въ ночь съ 16 на 17 декабря 1837 года и погребенъ при входѣ въ придѣлъ соборной церкви Переславъ-Залѣсскаго Троицкаго Данилова монастыря. По духовному завѣщанію отказано имъ 5.000 р. въ Даниловъ монастырь и 5.000 р. на бѣдныхъ духовнаго званія владимірской епархіи. Интересныя «Записки» архимандрита Лаврентія о 1812 годѣ напечатаны въ «Маякѣ», (1842 г. т. II).

Филаретъ, архіепископъ, «Историко-статист. описаніе черниговской епархіи»; Алексѣй Радугинъ, «Высокопреосв. Лаврентій, архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій» («Странникъ», 1862 г. октябрь, 141—187 стр.); Григорій, архимандритъ, «Списки настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря» («Чтенія Общ. Ист. и древн.», 1874 г., кн. I, стр. 188—190); Смирновъ С., «Исторія московской академіи до ея преобразованія»; Смирновъ С., «Исторія троицко-лаврской семинаріи»; «Угрѣшка»—историческій очеркъ; Д. Б. Строевъ, «Списки ерарховъ и настоятелей монастырей»; Григорій, архимандритъ, «Московскій Златоустовскій монастырь» («Московскія епархіальныя вѣдомости», 1870 г. № 32, 1871, № 8); Смирновъ С., «Историческое описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря»; М., 1877 г.; Геннадій, Григорій, «Словарь»; Филаретъ, «Обзоръ», II, 231.

А. Никольскій.

Лаврентій, (*Лукіанъ Павловичъ Барановичъ*), епископъ вятскій, ум. 13 марта 1796 г., сынъ священника села Покровскаго путивльскаго уѣзда; по окончаніи курса въ Кіевской академіи, гдѣ постригся въ монашество, былъ съ 1 сентября 1758 г. учителемъ, затѣмъ профессоромъ и вице-ректоромъ новгородской семинаріи. 25 января 1762 г. назначенъ ректоромъ семинаріи и архимандритомъ Антонія Римлянина монастыря, откуда въ 1767 году 16 іюля перемѣщенъ настоятелемъ Хутынскаго монастыря, гдѣ и былъ до 1774 г.; 20 іюня 1774 г. назначенъ епископомъ въ Вятку; нареченіе его происходило 4 августа, а хиротонія—6 августа 1774 г. Въ 1780 г. Лаврентій назначенъ былъ присутствовать при открытіи вятскаго намѣстничества, въ 1781 г. командированъ для открытія пермскаго и уфимскаго намѣстничествъ, за каковые труды получилъ большую золотую медаль. Много позаботился о благолѣпіи каѳедральнаго собора въ Вяткѣ; учредилъ ставленическую школу,

привелъ въ лучшій видъ епархіальную семинарію, построилъ въ ней нѣсколько новыхъ зданій, ввелъ въ семинарское преподаваніе новые предметы: философію и богословіе и снабдилъ библіотеку ея книгами. Послѣ него осталась не малая по тому времени библіотека, изъ 617 №№.

Никитниковъ, «Іерархія Вятской епархіи»; Смирновъ, В., «Исторія Новгородской духовной семинаріи» («Новгородскія епархіальныя вѣдомости» №№ 16, 21, 1896 г.); Пинегинъ, «Матер. для истор. Вятской епархіи» («Вятскія епархіальныя вѣдомости» за 1865 г., № 17); Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей»; Дѣла архива Святѣйшаго Синода: Синодальной канцеляріи, 1767 г. іюня 20 № 80; 1774 г. іюня 21 № 143, 1796 г. марта 31 № 142; Геннадій, «Словарь»; Платонъ Любарскій, «Іерархія Вятская и Астраханская», («Чтенія Общ. Ист. и древн.» годъ III, № 27, стр. 62, 51); Аскочевскій, «Кіевъ», II, 269, Филаретъ, «Обзоръ».

А. Никольскій.

Лаврентій (*Горка*), епископъ вятскій, род. въ 1671 г. въ Львовѣ, ум. 10 апрѣля 1737 г. Сынъ казака изъ мѣстечка Стаекъ. Съ юныхъ лѣтъ поселившись въ Кіевѣ, онъ сдѣлался извѣстнымъ кіевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), по убѣжденію его постригся въ монахи и поступилъ въ Кіевскую академію. По окончаніи курса опредѣленъ былъ учителемъ кіевскихъ училищъ. Во время преподавательской своей дѣятельности Лаврентій подружился съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, тоже бывшимъ преподавателемъ въ академіи. Ихъ сближала одинаковая любовь къ классической древности; въ рукописи остаются составленные ими учебники. De arte poëtica и De arte rhetorica Ѳеофана и Idea artis poëseos и Rhetorica Лаврентія. Конечно, болѣе даровитый Ѳеофанъ доминировалъ; Лаврентій остался ему вѣрнымъ и преданнымъ другомъ: современники назвали его «братомъ во вторыхъ Ѳеофана», а Ѳеофанъ не разъ спасалъ Лаврентія во время непріятностей, какія Лаврентій навлекалъ на себя своею горячностью. Вскорѣ по возведеніи въ санъ игумена, въ 1713 г., Горка опредѣленъ настоятелемъ Кіево-выдубицкаго монастыря. Здѣсь онъ въ большомъ количествѣ пріобрѣталъ себѣ книги и усиленно занимался пополненіемъ своего образованія; здѣсь составлялъ онъ латино-словенскій лексиконъ, впослѣдствіи у него похищенный, къ большому его огорченію. Въ 1719 г., по неизвѣстной причинѣ, Лаврентій былъ отставленъ отъ управленія этимъ монастыремъ; онъ прибѣгъ къ покровительству гетмана Скоропадскаго и по его ходатайству Синодъ 29 апрѣля 1722 г. опредѣлилъ Лаврентія архимандритомъ воскресенскаго Новаго Іерусалима монастыря; но еще не вступивъ въ управленіе монастыремъ Лаврентій назначенъ былъ оберъ-іеромонахомъ во флотъ, который подъ личною командою Петра I отправлялся въ Персію (въ «Низовой походъ»). Захворавъ на походѣ, архимандритъ Лаврентій 3 ноября 1722 г. послалъ прошеніе объ увольненіи его въ монастырь и 15 февраля 1723 г. былъ отпущенъ въ Новый Іерусалимъ. Возвратясь изъ похода въ Москву и узнавъ, что оставшійся въ Воскресенскомъ монастырѣ управитель вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Москвы въ походъ взятъ былъ подъ арестъ, а монастырь оставленъ былъ безъ надзора и управителя до его возвращенія, архимандритъ Лаврентій «въ виду могущей произойти отъ сего безпорядочности по монастырскому управленію» просилъ о назначеніи ему «въ подручные» въ тотъ монастырь намѣстникомъ архимадрита бывшаго брянскаго монастыря Питирима, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Въ 1723 году архимандритъ Лаврентій доносилъ Святѣйшему Синоду, что 27 мая того года «каменный шатеръ, что надъ гробомъ Господнимъ, обрушился и палъ на нижніе хоры и оставшіяся стѣны до земли разсѣлись во многихъ мѣстахъ и отъ того разрушенія обители учинилась превеликая печаль». Такъ какъ монастырь не былъ въ состояніи своими средствами исправить поврежденія, то Синодъ передалъ «дѣло исправленія разрушенія» въ распоряженіе Сената. Въ 1723 году 8 сентября архимандритъ Лаврентій хиротонисанъ во епископа астраханскаго, а 9 того же сентября синодальными вице-президентами, архіепископами Ѳеодосіемъ и Ѳеофаномъ, словесно объявленъ былъ именной Высочайшій указъ о томъ, чтобы «новохиротонисуемый въ Астрахань епископомъ Воскресенскаго монастыря архимандритъ Лаврентій въ титулѣ вмѣсто Терка имѣлъ Ставрополь, т. е. новопостроенную при Каспійскомъ морѣ на рѣкѣ Астрахани крѣпость Святого Креста, и именовался епископомъ астраханскимъ и ставропольскимъ». Вскорѣ Лаврентій исходатайствовалъ предъ синодомъ разрѣшеніе построить на доброхотныя пожертвованія каменныя церкви, вмѣсто деревянныхъ, въ Астрахани во имя архистратига Михаила и въ Саратовѣ во имя

Богоматери Одигитріи—въ то время каменныя постройки по всему государству можно было производить не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія; Синодъ предписалъ при этомъ, чтобы «званія тѣмъ церквамъ, гдѣ упоминается во имя Одигитріи или во имя Казанскія Богородицы не употреблять, а именовать тѣ въ Богородичны имяна строящіяся церкви именами Богородичныхъ праздниковъ, которые въ числѣ двунадесяти содержатся». Лаврентій долго не могъ выѣхать къ мѣсту своего служенія: ожидалось коронованіе супруги Петра Великаго, которое должно было быть совершено съ особымъ великолѣпіемъ; торжество состоялось 7 мая 1724 г.; участвовавшій въ немъ Лаврентій получилъ затѣмъ повелѣніе составить стихирь великомученицѣ Екатеринѣ. Только 4 іюня Синодъ разрѣшилъ епископу Лаврентію ѣхать изъ Москвы во ввѣренную ему епархію, въ которой онъ не былъ со дня своего назначенія. Тогда же онъ просилъ Святѣйшій Синодъ приписать къ астраханской епархіи «за малочисленностью церквей и за неимѣніемъ вотчинъ тѣ церкви симбирскаго уѣзда, которыя находились въ астраханской губерніи», а равно и разрѣшенія строить церкви въ новонаселенныхъ слободахъ астраханской епархіи и въ новопостроенныхъ тамъ же крѣпостяхъ. Въ 1724 г. Лаврентій спрашивалъ: «можетъ ли онъ дозволить священникамъ крестить малолѣтнихъ татаръ и калмыковъ по просьбамъ ихъ господъ, безъ предварительнаго наставленія ихъ въ истинахъ православной христіанской вѣры». Только въ сентябрѣ 1725 г. Лаврентій прибылъ въ Астрахань. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ писалъ въ Синодъ: «часто требуютъ въ православную вѣру крещенія калмыки и татары съ женами и дѣтьми возрастные, по 30 и болѣе лѣтъ, которые не только не могутъ изучить молитвы Господней и «Вѣрую во единаго Бога», но и русскаго языка ничего не знаютъ, и ежели ихъ обучать, то они и въ цѣлый годъ изучить не могутъ, а переводчиковъ въ Астрахани не имѣется, кромѣ безграмотныхъ толмачей. И не мало такихъ калмыковъ и татаръ, которые, ради трудности изученія молитвы Господней и Символа вѣры, отходятъ восвояси, несподобившись св. крещенія»,—Лаврентій спрашивалъ, какъ поступать въ такихъ случаяхъ. Заботясь объ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ потребностей своей паствы, епископъ Лаврентій въ 1725 г. жаловался Синоду, что изъ Астрахани много священниковъ взято въ Дербентъ, въ Зензилею, въ Гилянъ и что воинскіе командиры и еще требуютъ къ себѣ священниковъ «несмотря на то, что я не надъ арміею учрежденъ», писалъ онъ и просилъ, чтобы Синодъ повелѣлъ возвратить взятыхъ уже священниковъ и таковыхъ не требовать, такъ какъ «въ астраханской епархіи такая нужда имѣется въ священникахъ, что въ самой Астрахани 4 церкви пребываютъ безъ священниковъ пусты и посылать некого и святиться въ священство никто не хощетъ». Въ томъ же году, по ходатайству Лаврентія, разрѣшено прибывшимъ 8 ноября 1724 года въ Астрахань съ царевичемъ Вахтангомъ Леоновичемъ грузинскимъ архіереямъ и архимандритамъ отправлять безпрепятственно священнослуженіе въ православныхъ церквахъ, а священникамъ при нихъ состоящимъ вѣнчать прибывшихъ съ ними же по ихъ грузинскимъ обрядамъ. Грузинское духовенство пребывало въ Астрахани въ большомъ количествѣ и поведеніемъ своимъ доставляло много заботъ Лаврентію. Лаврентій обращалъ вниманіе на распространеніе раскола въ своей епархіи и принималъ предписанныя тогда закономъ мѣры къ пресѣченію его: сысканные церковные раскольники и еретики Артемій Ивановъ, Денисъ Лукьяновъ, Матѳей Николаевъ, отосланы въ астраханскую юстицкихъ дѣлъ контору. Затѣмъ Лаврентій доносилъ, что увѣщаніе его подѣйствовало на уклоняющихся и «уже 376 человѣкъ въ Астрахани исполнили христіанскій долгъ и противниковъ совсѣмъ не стало». Въ 1725 же году Лаврентій спрашивалъ Синодъ, какъ поступать, когда къ православнымъ священникамъ являются лютеране и просятъ—въ виду отсутствія пастора—крестить у нихъ младенцевъ или вѣнчать браки; затѣмъ жаловался, что магистратъ назначаетъ въ старосты къ богадѣльнямъ весьма неродовитыхъ и необразованныхъ людей, неспособныхъ вести дѣло. Многочисленныя донесенія Лаврентія въ Синодъ живо рисуютъ церковные непорядки на отдаленныхъ окраинахъ въ это смутное для русской церкви время, большое количество вновь возникавшихъ запросовъ, на которые не было готовыхъ отвѣтовъ. Губернаторомъ въ Астрахани

былъ тогда А. П. Волынскій; съ нимъ Лаврентій не очень ладилъ; не мало имѣлъ онъ враговъ и въ духовенствѣ; въ 1726 года Лаврентій былъ вызванъ въ Петербургъ, по доносу нѣсколькихъ лицъ, что онъ долго не производилъ присяги императрицѣ Екатеринѣ; подобное обвиненіе по тогдашнимъ временамъ было очень серьезно; только благодаря Ѳеофану оно окончилось для Лаврентія тѣмъ, что 22 мая 1727 г. онъ былъ назначенъ епископомъ въ Устюгъ. Въ Великомъ Устюгѣ дѣятельность преосвященнаго Лаврентія отмѣчена тѣми же чертами, что и въ Астрахани. Ссылаясь на разрѣшеніе строить церкви безъ особаго каждый разъ указа, данное ему въ бытность его епископомъ астраханскимъ, просилъ онъ у Синода такового же разрѣшенія и для дѣйствій въ епархіи устюжской, каковое ему и было дано; въ 1728, 1729 и 1731 годахъ онъ увѣдомилъ Синодъ о построеніи девяти церквей въ устюжской епархіи. Неотрадную картину рисуетъ онъ въ своихъ доношеніяхъ Синоду: «церковные старосты городовъ Устюжны и Соли-Вычегодской и вообще всей устюжской епархіи въ исполненіи своихъ обязанностей крайне недобросовѣстны: они отобрали у церквей богослужебныя книги, привѣсы отъ иконъ, колокола, церковныя вотчины, сѣнные покосы и другія имѣнія, позакладывали ихъ и пораспродали по ничтожной цѣнѣ; церковныя казенныя деньги и хлѣбъ пороздавали въ долги родственникамъ и свойственникамъ, или же просто брали себѣ, приходы и расходы церковные вѣдали сами безъ священниковъ и причетниковъ; о нѣкоторыхъ же деньгахъ и церковномъ имуществѣ невозможно и доискаться. Расхищенія церковныхъ имуществъ такъ велики, что иныя церкви стоятъ по нѣскольку лѣтъ въ пустѣ».

Въ 1728 г. онъ доносилъ объ обращеніи къ церкви «по любительному увѣщанію, безъ всякаго пристрастія» раскольниковъ черебковской волости, въ которой въ 1723 году произошло самосожженіе, при этомъ онъ жаловался, что свѣтскіе управители не взыскиваютъ съ небывшихъ у исповѣди положенныхъ по закону штрафовъ и «чрезъ то еще большую не приходящимъ на исповѣдь потачку дѣлаютъ». Въ 1731 г. онъ ходатайствовалъ о запрещеніи въ Устюгѣ крестныхъ ходовъ, совершавшихся не по указамъ и грамотамъ, ссылаясь на то, что въ городѣ Устюгѣ ежегодно бываетъ 33 узаконенныхъ крестныхъ хода, поднялъ вопросъ о возрастѣ вступающихъ въ бракъ лицъ, указывая на существующій въ Устюгѣ обычай обручать и вѣнчать несовершеннолѣтнихъ. Въ мартѣ 1731 г. Лаврентій получилъ разрѣшеніе отъ Синода прибыть «въ царствующій градъ для отданія Ея Императорскому Величеству всенижайшаго по должности поклоненія и для епархіальныхъ нуждъ», а затѣмъ 11 мая 1731 г. переведенъ изъ Устюга въ Рязань, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ Ѳеофана: рязанская кафедра считалась одною изъ самыхъ почетныхъ. Но здѣсь Лаврентій пробылъ недолго: 26 сентября 1733 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ преосвященнаго Лаврентія изъ Рязани въ Вятку «за нѣкакія его извѣстныя продерзости». Лаврентій и въ Рязани, какъ вездѣ, принялся прежде всего за дѣла просвѣщенія, собиралъ учениковъ—но не оставилъ и своего вспыльчиваго характера: появился доносъ о побояхъ, нанесенныхъ имъ одному служкѣ; дѣло это удалось бы замять, но на бѣду оно произошло въ день имянинъ государыни, это было подчеркнуто въ доносѣ и оставить Лаврентія безъ наказанія было уже невозможно.—Въ Вяткѣ преосвященный Лаврентій былъ встрѣченъ духовенствомъ крайне недружелюбно, а принятыя имъ энергичныя мѣры къ утвержденію церковнаго благочинія и школьнаго просвѣщенія создали ему враговъ; мѣстному духовенству были непріятны требованія, чтобы опредѣленная часть доходовъ церковныхъ и монастырскихъ была передаваема на школы; оно было уже этимъ недружелюбно настроено къ новому епископу,—а его горячій характеръ, конечно, не способствовалъ уложенію несогласій. Тѣмъ не менѣе Лаврентій впервые учредилъ въ г. Вяткѣ греко-латинскія школы, завелъ при нихъ библіотеку и до конца жизни очень заботился о процвѣтаніи ихъ. Изъ вѣдомости объ учащихся въ вятской школѣ, присланной въ Синодъ при доношеніи отъ 2 марта 1738 года, спустя почти годъ послѣ кончины преосвященнаго Лаврентія, видно, что въ то время училось еще 120 человѣкъ, хотя уже сбѣжало 310 учениковъ и 26 уволилось. Скончался Лаврентій 10 апрѣля 1737 года отъ паралича, постигшаго его 26 марта

1736 года, погребенъ 11 іюня въ соборной троицкой церкви. Преосвященный Лаврентій былъ довольно образованный человѣкъ и владѣлъ даромъ слова. Кромѣ упомянутой уже піитики и словаря онъ сочинилъ въ 1708 г. трагедо-комедію «Іосифъ патріархъ» въ 5-ти дѣйствіяхъ (напечатана Тихонравовымъ въ книгѣ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.», т. II). Ему же принадлежатъ недошедшія до насъ интерлюдіи, въ которыхъ, по словамъ профессора Н. И. Петрова, пробивался южнорусскій народный комизмъ; послѣ смерти его осталась прекрасная библіотека, которая по резолюціи Кабинета Ея Величества отъ 28 сентября 1737 г. передана была въ московскую славяно-греко-латинскую академію. Много вредилъ Лаврентію его несдержанный характеръ.

«Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ святѣйшаго синода»: т. I № 125; т. II № 556; т. III №№ 189, 222, 322, 490, 537, 571, 383; т. IV №№ 124, 162, 170, 289, 499, 550; т. V №№ 156, 157, 177, 232, 350, 357, 394; т. VI №№ 256, 272, 326; т. VII №№ 40, 334; т. VIII № 153; т. X №№ 226, 268, 325, 384, стр. 811—816; т. XI №№ 6, 78, 79, 152, 193, 213, 221, 430; Дѣла архива свят. синода по канцеляріи: 1733 г. отъ 26 сентября № 109, 1733 г. мая 9 № 115; «Эпизоды изъ жизни основателя вятской семинаріи», вып. I, II. 1902 г. Вятка (А. Буевскій); Суворовъ Н., «Объ іерархахъ бывшей Велико-Устюжской епархіи» («Вологодскія епархіальныя вѣдомости» за 1869 г. № 13, 475); Анисимовъ П., «Вятскіе архіереи» («Вятскія губернскія вѣдомости» за 1844 г. № 47, стр. 307); Пинегинъ, «Матеріалы для исторіи Вятской епархіи» («Вятскія епархіальныя вѣдомости» за 1865 г. № 17, стр. 519); Геннади, «Словарь»; Филаретъ, «Обзоръ»; Никитниковъ, «Іерархія Вятской епархіи», стр. 27—33 и 192; Аскоченскій, «Кіевъ» II, 47 стр.; Платонъ Любарскій—ст. въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древности», 1848 г. № 7; Тихонравовъ Н., «Русскія драматическія произведенія» 1672—1725 гг. т. II. «Іосифъ патріархъ», стр. 356—427; Петровъ Н., «Очерки изъ исторіи Украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г., стр. 51, 69; его же. «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году» («Труды кіевской духовной академіи», 1866 г., ноябрь, 359, 372—373); Добролюбовъ П., «Встрѣча епископа Лаврентія вятскимъ духовенствомъ въ 1733 году» («Историческій Вѣстникъ», 1881 г. октябрь, 113 стр.); Строевъ, «Списки іерарховъ».

А. Николскій.

Лаврентій (*Кордетъ*), архимандритъ курскаго Знаменскаго монастыря, род. въ Слободской украйнѣ въ 1720 г., ум. 18 мая 1781 г. Изъ «военнаго сословія»; образованіе получилъ въ Кіевской академіи; по окончаніи въ ней курса опредѣленъ былъ въ Харьковскій коллегіумъ учителемъ риторики и поэтики, затѣмъ сдѣланъ былъ префектомъ и преподавалъ философію. Въ 1756 г. постриженъ былъ въ монашество, въ 1760 г. возведенъ былъ въ санъ игумена и назначенъ сначала настоятелемъ приписной къ коллегіуму озерянской Богородицкой пустыни, а затѣмъ—святогорскаго Успенскаго монастыря, откуда въ 1765 г. переведенъ настоятелемъ въ бѣлгородскій Николаевскій монастырь съ увольненіемъ отъ должности префекта и съ назначеніемъ присутствующимъ въ епархіальной консисторіи; 17 августа 1767 г. былъ уволенъ «по непорядочнымъ поступкамъ» отъ присутствія въ консисторіи и опредѣленъ опять настоятелемъ въ святогорскій Успенскій монастырь. Въ 1768 г. епископъ бѣлградскій Порфирій ходатайствовалъ о возведеніи Лаврентія въ санъ архимандрита, «понеже онъ довольно трудился въ харьковскомъ коллегіумѣ, обучалъ школы піитику, риторику два курса, философіи шесть лѣтъ, кромѣ проповѣдей всякой недѣли и каждаго праздника катихизисъ ученикамъ и народу, тако жъ и Священное Писаніе изъяснялъ»; но ходатайство осталось безъ послѣдствій. Въ 1770 г. бѣлгородскій епископъ Самуилъ ходатайствовалъ о назначеніи Лаврентія архимандритомъ харьковскаго Покровскаго монастыря и ректоромъ Харьковскаго коллегіума, такъ какъ «заступить это мѣсто изъ всѣхъ его епархіи учительныхъ настоятелей никто лучше и справедливѣе не можетъ, Лаврентій же достоинъ того званія и по лѣтамъ, и по честному своему состоянію, а паче по отличнымъ своимъ дарованіямъ и способности къ обученію богословіи и къ сказыванію проповѣдей съ пользою и удовольствіемъ слышащихъ, въ чемъ онъ имъ (преосвященнымъ) чрезъ цѣлой годъ свидѣтельствованъ, чего нынѣ и губернская слободская украинская канцелярія въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ вопнскихъ и по причинѣ главнаго губернскаго тамошняго правительства въ городѣ Харьковѣ состоящаго письменно отъ него (преосвященнаго) наиприлежнѣйшимъ образомъ требуетъ». 16 іюня 1770 г. Лаврентій переведенъ въ харьковскій Покровскій монастырь, а 8 сентября того же года посвященъ въ санъ архимандрита. Будучи ректоромъ коллегіума и выдающимся по своему времени церковнымъ ораторомъ, архимандритъ Лаврентій обращалъ особенное вниманіе на составленіе и произнесеніе студентами

коллегіума проповѣдей. Въ числѣ оставшихся послѣ его смерти бумагъ сохранилось нѣсколько томовъ рукописныхъ проповѣдей его, между ними два тома словъ и поученій, составленныхъ студентами коллегіума въ бытность его ректоромъ; эти томы служатъ доказательствомъ его умѣлаго руководства студентами въ ихъ литературныхъ занятіяхъ. Нѣкоторыя изъ оставшихся бумагъ имѣютъ интересъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ его время; къ числу такихъ бумагъ принадлежатъ: «инструкція ректору, префекту и учителямъ о томъ, какъ и чему именно учить въ оном коллегіумѣ» и письмо къ попечителю коллегіума харьковскому губернатору Щербинину преосвященнаго бѣлградскаго Самуила, который высказываетъ въ немъ свои педагогическіе взгляды. Какъ человѣкъ по своему времени образованный и интересовавшійся свѣтскою литературою, архимандритъ Лаврентій, по порученію своего начальства, принималъ живое участіе въ работахъ по составленію предпринятаго Вольнымъ россійскимъ собраніемъ при Московскомъ университетѣ географическаго словаря; за свои труды былъ избранъ членомъ Вольнаго экономическаго общества. Въ октябрѣ 1775 г. архимандритъ Лаврентій былъ уволенъ отъ должности ректора Харьковскаго коллегіума и опредѣленъ настоятелемъ курскаго Знаменскаго монастыря, гдѣ и скончался.

«Курскія епархіальныя вѣдомости», 1891 г., №№ 19 и 20, 1888 г., №№ 3—5; «Молодикъ», 1844 г.; Строевъ П., «Списки іерарховъ»; «Святогорская общежительная Успенская пустынь». М. 1867 г., стр. 30; «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи», отд. I, М. 1852 г., 128 стр.; Архивъ Св. Синода, дѣла по канцеляріи синодальной за 1768 г. отъ 3 марта № 108, за 1781 г. іюня 16, № 142. *А. Н.*

Лаврентій (*Крщановичъ*), ум. въ 1703 г. Съ 1685 г. игуменъ ильинскаго троицкаго монастыря, съ 22 марта 1697 г. архимандритъ того же монастыря; въ санъ архимандрита возведенъ, какъ «потрудившійся уже 20 лѣтъ въ архіепископіи черниговской»; усердно занимался печатаніемъ книгъ, между прочимъ при немъ напечаны: въ 1685 г. Тріодь цвѣтная «коштомъ монастырскимъ игуменствующу недостойному Лаврентію Крищановичу»; въ 1700 г. въ сентябрѣ «Апологія», въ 1702 г. «Руно Орошенное»... «типомъ шестое подано въ типографіи троицкой черниговской... тщаніемъ всечестнаго господина отца Лаврентія Крщановича перваго архимандрита троицкаго черниговскаго», а въ 1703 г. «Полуустав». Ревнуя о книжномъ дѣлѣ, онъ исходатайствовалъ у Мазепы (1702 г. августа 9) универсалъ, коимъ упрочивалось существованіе типографіи въ Ильинскомъ монастырѣ.

«Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи», кн. 2. Черниговъ. 1873 г., стр. 96—97; Строевъ. «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей». *А. Н.*

Лаврентій (*Дмитрій Ивановичъ Макаровъ*), архимандритъ Иверскаго Богородицкаго монастыря новгородской губ., род. въ 1808 г. въ с. Кузминскомъ, кромскаго у., орловской губ., ум. 2 іюля 1876 г. Сынъ причетника; первоначальное образованіе получилъ въ орловскомъ духовномъ училищѣ и въ орловской семинаріи; въ 1831 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Съ ранняго дѣтства, испытавъ самъ много лишеній крайней бѣдности, онъ чрезвычайно сердечно относился къ товарищамъ и будучи студентомъ академіи, прозванъ былъ товарищами «отцомъ». Окончивъ курсъ академіи, Макаровъ 17 октября 1835 г. былъ утвержденъ въ степени магистра богословія и словесныхъ наукъ и опредѣленъ баккалавромъ академіи по церковной исторіи; 27 мая 1838 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора академіи. 10 ноября 1841 г. за «отличное преподаваніе порученнаго ему предмета» возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора историческихъ наукъ. Макаровъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ въ литературныхъ занятіяхъ ректора академіи архимандрита Иннокентія (Борисова), по порученію котораго составлялъ отчеты о духовно-литературныхъ сочиненіяхъ. Зная строгую, подвижническую жизнь Макарова, и ректоръ академіи Иннокентій и митрополитъ Филаретъ неоднократно предлагали ему принять монашество, но онъ отклонялъ это предложеніе, отговариваясь неготовностью къ иноческому званію; наконецъ Филаретъ убѣдилъ его и самъ постригъ его 10 августа 1843 г.; 14 и 15 августа онъ посвященъ былъ митрополитомъ въ іеродіакона и во іеромонаха. 31 мая 1844 г. іеромонахъ Лаврентій назначенъ былъ намѣстникомъ Кіево-печерской лавры съ возведеніемъ въ санъ архимандрита со степенью 1-го класса и съ увольненіемъ отъ профессорской должности. Лаврентій

старался вносить въ среду братіи аскетическое направленіе, что вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ аскета митрополита Филарета, но кротостью и смиреніемъ намѣстника лавры братія злоупотребляла и въ ея средѣ развился не аскетизмъ, а распущенность; Лаврентій очень огорчался этимъ и въ 1852 г. испросилъ себѣ переводъ настоятелемъ въ Кіево-вырубицкій монастырь, который былъ немноголюденъ, не требовалъ отъ настоятеля большихъ силъ для управленія и благопріятствовалъ аскетической жизни Лаврентія. 26 апрѣля 1854 г. Лаврентій назначенъ былъ настоятелемъ иверскаго Богородицкаго первокласнаго монастыря и пожалованъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Съ грустью оставилъ Лаврентій Кіевъ, но ревностно принялся за благоустройство и украшеніе ввѣренной ему обители; его заботами устроена художественная рака для мощей св. Іакова Боровицкаго. Въ 1861 г. архимандритъ Лаврентій исходатайствовалъ у казны острова на Валдайскомъ озерѣ съ огромнымъ лѣсомъ, которые обезпечиваютъ хозяйственныя потребности монастыря. Лаврентій обновилъ старыя и выстроилъ новыя братскія зданія, увеличилъ почти вдвое число братіи монастыря; установилъ торжественный чинъ богослуженія; щедро благотворилъ бѣднымъ. Въ 1861 г. назначенъ предсѣдателемъ комитета для устройства женской общежительной Куроцкой общины—она устроена была въ 1871 г.; разстроенное здоровье Лаврентія заставило его проситься на покой и 28 декабря 1873 г. онъ уволенъ былъ отъ управленія обителью.

«Душеполезное Чтеніе», 1885 г., II ч., 106—436 стр., III ч. 1—31; «Странникъ», 1864 г., ноябрь; Строевъ П., «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей», Спб. 1877 г.; Силинъ П. М., «Описаніе истор. Иверскаго Свитоозер. Валдайск. Богород. мон.», Спб. 1885 г.

А. Н.

Лаврентій, третій архіепископъ казанскій, ум. 13 іюля 1574 г. До архіерейскаго сана былъ игуменомъ въ Волоколамскомъ Іосифовѣ монастырѣ съ 1564 г. по 1567 г.; 1566 г. присутствовалъ на соборѣ государственныхъ чиновъ о войнѣ съ Польшею; 9 февраля 1568 г. хиротонисанъ въ архіепископа казанскаго, но вскорѣ оставилъ каѳедру и возвратился въ Іосифовъ волоколамскій монастырь,—по крайней мѣрѣ, онъ не участвовалъ въ соборномъ ручательствѣ святителей по князѣ Иванѣ Ѳеодоровичѣ Мстиславскомъ въ 1571 г., и въ апрѣлѣ 1572 г. на соборѣ о 4-мъ бракѣ царя Іоанна IV.

«Краткія біографическія свѣдѣнія объ іерархахъ казанской епархіи»: «Чтенія общ. ист. и древн.» 1847 г. № 7, стр. 10; Діевъ. Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ», рукопись архива Св. Синода: Дѣло архива Св. Синода 1778 г., № 424; Строевъ П., «Списки іерарховъ».

А. Н.

Лаврентій, митрополитъ казанскій, ум. 11 ноября 1672 г. Постриженникъ новгородскаго Вяжищскаго монастыря; изъ патріаршихъ ризничихъ іеродіаконовъ 6 апрѣля 1654 г. посвященъ патріархомъ Никономъ въ епископа въ Тверь; въ томъ же году переносилъ въ Иверскій монастырь мощи св. Іакова Боровицкаго; въ 1655 г. возведенъ въ санъ архіепископа; 2 іюня 1656 г. присутствовалъ на соборѣ объ исправленіи книгъ. Въ 1655 г. во время моровой язвы переложилъ мощи тверского князя Михаила Ярославича и учредилъ крестный ходъ, доселѣ соблюдаемый. Въ 1666 г. присутствовалъ на соборѣ по дѣламъ раскольниковъ; въ декабрѣ 1666 г. участвовалъ на соборѣ, осудившемъ патріарха Никона, а въ началѣ 1667 г.—на соборѣ о церковныхъ учрежденіяхъ; 26 іюля 1667 г. назначенъ митрополитомъ казанскимъ. Лаврентій увеличилъ число братіи въ раифской Богородицкой пустыни и на собственныя средства соорудилъ въ ней три церкви. Скончался постриженный въ схиму съ именемъ Левкія. Онъ первый носилъ бѣлый клобукъ и саккосъ и осѣнялъ дикиріемъ и трикиріемъ; имъ составлены: канонъ на перенесеніе мощей святителя Гурія, канонъ и стихиры святому Герману и житіе послѣдняго.

«Краткія біографическія свѣдѣнія объ іерархахъ казанской епархіи»; Строевъ П., «Списки іерарховъ», Діевъ. «Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ»; Діевъ. «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ россійскихъ древнихъ епархій» рукопись архива Св. Синода; дѣло архива Св. Синода, 1778 г. 10 декабря № 424; «Памятная книжка Тверской губерніи» на 1865 г.

А. Н.

Лаврентій, инокъ суздальскій, жилъ въ концѣ XIV в. Списатель древнѣйшаго и важнѣйшаго списка русской первоначальной лѣтописи; трудъ этотъ исполненъ Лаврентіемъ,—какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ въ особой припискѣ—въ 1377 году для нижегородскаго князя Димитрія Константиновича. Рукопись на пергаментѣ; составляла нѣкогда собственность владимірскаго Рождественскаго монастыря, въ началѣ XIX в. перешла во владѣніе гр. А. И. Мусина-Пушкина, который поднесъ

ее императору Александру I, а Государь подарилъ ее Императорской Публичной Библіотекѣ, одну изъ драгоцѣнностей которой рукопися эта и понынѣ составляетъ. Неполныя изданія этой лѣтописи были сдѣланы проф. Чеботаревымъ и Черепановымъ, затѣмъ Тимковскимъ. Первое полное изданіе—въ I томѣ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» 1846 г.; второе—болѣе точное—во II изданіи этого же тома, подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова, 1872 г.; въ 1872 же году Лаврентьевская лѣтопись издана свѣтописнымъ способомъ.

Бестужевъ-Рюминъ, «Русская исторія», I. 20—21; Иконниковъ. «Опытъ русск. исторіографіи». I. 815, CCVII.

Лаврентій, архимандритъ московскаго Златоустовскаго монастыря, ум. 30 декабря 1758 г. Въ санѣ іеромонаха былъ духовникомъ Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургъ-Шверинской; 21 февраля 1734 г. опредѣленъ настоятелемъ Златоустовскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Архимандритъ Лаврентій много потрудился по возобновленію монастыря, сильно пострадавшаго послѣ бывшаго въ 1737 г. 29 мая пожара, который опустошилъ большую часть г. Москвы. На возобновленіе монастыря Императрица Анна Іоанновна пожаловала въ 1738 г. 1.050 р., а въ 1742 г. посѣтила монастырь императрица Елизавета Петровна и пожаловала 2.000 р. на постройку новой каменной церкви. Церковь освящена была въ томъ же году. Въ 1756 г. Лаврентій испрашивалъ 1.500 р. на окончаніе работъ по возобновленію монастыря; архитекторъ, осматривавшій постройки по порученію синодальной канцеляріи, нашелъ, что сумма потребуется въ 3.000 р.; тогда синодальная канцелярія рѣшила: «хотя изъ Златоустова монастыря не бываетъ платежа денегъ, но по вниманію къ отлично усердной службѣ настоятеля Лаврентія, который уже довольно обновилъ и украсилъ эту обитель и ревностно печется о ней, дать ему на постройку церкви и прочихъ зданій 1.500 р., какую сумму онъ и просилъ сначала, а касательно остальныхъ денегъ предложить ему, яко всеприлежному въ созиданіи той обители святой рачителю, искусными и благопристойными мѣрами искать себѣ вспомоществованія отъ доброхотныхъ и благочестивыхъ дателей». Лаврентій съ 1751 г. былъ надзирателемъ за благочинными священниками «Китайскаго сорока», въ Москвѣ; состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи о раскольникахъ, и др.

Григорій, «Моск. Златоуст. монастырь». («Моск. епарх. вѣд.» 1870 г., №№ 13, 24); Строевъ П., «Списки іерарховъ»; «Чтенія московск. общ. любит. духовн. просвѣщенія» 1870 г., № 10; дѣла архива Св. Синода: синодальной канцеляріи 1737 г. февраля 21. № 123; 1759 г. января 11, № 28.

А. Н.

Лаврова-Васильева, *Екатерина Николаевна*, дочь актера—пѣвца Николая Вас. Лаврова, род. 16 августа 1826 г., ум. 27 апрѣля 1877 г. Десяти лѣтъ отъ роду была помѣщена въ модный московскій пансіонъ г-жи Дебешъ, а вскорѣ, послѣ смерти своего отца, была отправлена матерью въ Петербургъ въ пансіонъ г-жи Эттеръ. Возвратясь въ Москву въ 1843 г. она поступила въ театральную школу и дебютировала 20 мая 1845 г., въ комедіи «Дѣвица-отшельница», затѣмъ съ успѣхомъ играла въ драмѣ «Эстелла», трагедіи «Коварство и любовь» и комедіяхъ «Мачиха и падчерица» и «Урокъ богатымъ кокеткамъ». Прикомандированная къ петербургскому театральному училищу, она съ другими воспитанницами являлась исполнительницей въ казенномъ циркѣ, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Маріинскаго театра. Осенью 1846 г. Лаврова дебютировала на сценѣ Александринскаго театра въ комедіи «Мирондолина или сѣдина въ бороду», въ роли Мирондолины. Въ маѣ 1847 г. она снова была переведена въ Москву, гдѣ сразу заняла видное мѣсто на сценѣ Малаго театра; особенно удались молодой артисткѣ роли Софьи Павловны («Горе отъ ума») и г-жи Леру въ комедіи Альфреда Мюссе «Женскій умъ лучше всякихъ думъ». Въ 1850 г. Е. Н. Лаврова вышла замужъ за извѣстнаго актера-комика С. В. Васильева. Репертуаръ Е. Н. Лавровой былъ чрезвычайно обширенъ и всѣ роли она исполняла замѣчательно естественно и съ необыкновенной простотой. Москва очень любила Е. Н. Лаврову; не менѣе цѣнили ее и въ Петербургѣ, куда она пріѣзжала гастролировать. Въ послѣдній разъ она играла въ Петербургѣ въ маѣ 1876 г. въ бенефисѣ своей двоюродной сестры Е. А. Сабуровой. Зимою того же года она простудилась и у ней открылась скоротечная чахотка. Въ концѣ марта 1877 г. она выѣхала заграницу, а 27 апрѣля скон-

чалась въ Бернѣ. 10 мая тѣло Васильевой было погребено въ Москвѣ.—Старшая ея дочь Над. Серг. Васильева перешла въ 1870 г. на петербургскую императорскую сцену и занимаетъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ.

И. Б-овъ.

Лавровскій, *Петръ Алексѣевичъ*, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, род. 13 марта 1827 г. въ с. Выдропускѣ, тверской губ., ум. въ Петербургѣ 28 февраля 1886 г. Сынъ сельскаго священника. Первоначальное образованіе получилъ въ духовномъ училищѣ; въ 1842 г. принятъ въ петербургскій Педагогическій институтъ; въ 1851 г. окончилъ въ немъ курсъ съ золотою медалью. Еще на студенческой скамьѣ обратилъ на себя вниманіе своими работами, изъ которыхъ одна—«О Реймскомъ евангеліи»—напечатана была въ «Опытахъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго педагогическаго института» (Спб. 1852 г.) и заслужила лестный отзывъ Востокова. 17 августа 1851 г. П. А. Лавровскій назначенъ былъ въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій; 14 декабря 1852 г. защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ на степень магистра разсужденіе «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей»; въ 1854 г. защитилъ въ Харьковѣ на степень доктора «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской»; въ этой работѣ онъ доказалъ, что Іоакимовская лѣтопись не подлогъ, не сочинена Татищевымъ, а въ значительной своей части содержитъ извлеченія изъ какой-то древнѣйшей, недошедшей до насъ рукописи. Въ 1855 г. возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора, въ 1857 г.—ординарнаго. Съ весны 1859 г. по январь 1861 г. провелъ въ заграничной командировкѣ. Черезъ Сербію, Банатъ, Далмацію, Черногорію онъ проѣхалъ въ Вѣну, затѣмъ въ Прагу; въ этомъ путешествіи онъ завелъ знакомство съ выдающимися славянскими учеными и много работалъ какъ надъ изученіемъ живыхъ славянскихъ языковъ, такъ и древнихъ письменныхъ памятниковъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ продолжалъ чтенія въ Харьковскомъ университетѣ; лекціи его и ранѣе были богаты содержаніемъ, знакомили слушателей со всѣмъ новымъ и замѣчательнымъ въ наукѣ; теперь онѣ пріобрѣли еще болѣе содержательности. были посвящаемы все новымъ и новымъ отраслямъ славяновѣдѣнія. П. А. Лавровскій создалъ въ Харьковскомъ университетѣ замѣтную школу филологовъ-славистовъ, и въ числѣ его слушателей были такіе извѣстные ученые, какъ Колосовъ и Потебня. Въ 1863 г. вышелъ обширный трудъ Лавровскаго «Кириллъ и Меѳодій»—сочиненіе, занимающее и до сихъ поръ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ литературѣ предмета, какъ по богатству собранныхъ матеріаловъ, такъ и по строгости и научности методовъ изслѣдованія.

Служба Лавровскаго въ Харьковскомъ университетѣ продолжалась до 1869 г.; это было временемъ наиболѣе плодотворныхъ работъ его на поприщѣ науки. Кромѣ названныхъ уже изслѣдованій онъ написалъ за это время: замѣчательное «Описаніе семи рукописей Имп. Публ. Библіотеки» («Чтенія москов. общ. ист. и древ.», 1858, IV); «О русскомъ полногласіи» («Извѣстія II отд. Акад. Наукъ», т. VII, 1858); «Изслѣдованіе о миѳическихъ вѣрованіяхъ у славянъ въ облако и дождь» (Спб. 1862), «Паденіе Чехіи въ XVII в.», (М. 1868), нѣсколько обстоятельныхъ критическихъ статей и около 40 статей въ журналахъ и газетахъ по разнымъ современнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія.

11 августа 1869 г. П. А. Лавровскій былъ назначенъ ректоромъ Варшавскаго университета, который долженъ былъ открыться и замѣнить существовавшую тогда въ Варшавѣ главную школу. 12 октября состоялось открытіе университета; на актѣ ректоръ сказалъ замѣчательную рѣчь, въ которой проводилъ мысль, что отличительный признакъ университета, главная сущность его—это полная свобода въ научномъ движеніи, но что эта же свобода «требуетъ и со стороны ея воздѣлывателей такой же чистоты въ помыслахъ и побужденіяхъ, какою отличается всякая научная истина; они должны строго и неизмѣнно держаться предѣловъ своей научной области... Малѣйшее уклоненіе отъ этихъ предѣловъ, самое, по видимому, слабое вмѣшательство въ основы житейскаго порядка нарушаетъ прямое назначеніе ученаго». На ректорскомъ посту Лавровскій скоро заслужилъ уваженіе варшавскаго общества и какъ ученый, и какъ въ высшей степени справедливый человѣкъ; университетъ подъ его руководительствомъ и благо-

даря его энергіи началъ становиться вполнѣ русскимъ. 30 декабря 1872 г. Лавровскій оставилъ должность ректора и службу въ Варшавскомъ университетѣ; въ 1874 г. вышелъ подъ его редакціею «Сводъ мнѣній по пересмотру университетскаго устава». 1 января 1875 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ только что образованнаго тогда оренбургскаго учебнаго округа. Здѣсь онъ оставался до 31 марта 1880 г., когда былъ переведенъ на должность попечителя одесскаго округа. Въ Оренбургѣ онъ дѣятельно занимался дѣлами управленія, основалъ много новыхъ училищъ и значительно улучшилъ существовавшія; не оставлялъ онъ и ученыхъ работъ, плодомъ которыхъ былъ «Русско-сербскій словарь», появившійся въ 1880 г., какъ продолженіе изданнаго имъ же въ 1870 г. «Сербско-русскаго словаря». Въ Одессѣ Лавровскій съ увлеченіемъ занялся дѣлами университета и упорядоченіемъ среднихъ учебныхъ заведеній округа, въ которыхъ оказались большіе безпорядки. Онъ имѣлъ удовольствіе и здѣсь видѣть успѣхъ своихъ трудовъ и общее сочувствіе и уваженіе; но климатъ Одессы оказался для него вреденъ; онъ постоянно хворалъ и 18 марта 1885 г. вышелъ въ отставку. Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и назначенный членомъ совѣта министра, началъ на свободѣ продолжать свои работы по изученію Кирилло-Меѳодіевскаго вопроса. Скончался внезапно 28 февраля 1886 г.

Какъ ученый дѣятель Лавровскій оставилъ не только нѣсколько отличныхъ трудовъ, но создалъ цѣлую школу филологовъ славистовъ. Какъ администратора А. Ѳ. Бычковъ характеризуетъ его такими словами: «Его характеръ пріобрѣлъ ему много искреннихъ друзей, но и не мало враговъ, изъ коихъ иные, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, впослѣдствіи становились его поклонниками. Безграничная любовь къ родинѣ, строгое охраненіе государственныхъ интересовъ, стойкость при проведеніи полезныхъ мѣръ, твердость убѣжденій, справедливая оцѣнка лицъ и событій, неустанность въ работѣ, требовательность отъ другихъ точнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, готовность ходатайствовать за достойныхъ и искусство находить и оцѣнять полезныхъ дѣятелей составляли отличительныя черты характера П. А. Лавровскаго». Онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, юго-славянской академіи въ Загребѣ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Некрологъ, написанный А. Ѳ. Бычковымъ, въ «Журн. мин. нар. просв.», 1886 г., апрѣль, 54—71, тутъ и списокъ трудовъ Лавровскаго.

Лавровъ, *Алексѣй Петровичъ*, протоіерей, профессоръ богословія въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, род. въ 1826 г., ум. 21 февраля 1891 г. Сынъ сельскаго священника села Никольскаго, рыбинскаго уѣзда, П. А. Масальскаго; фамилію Лаврова получилъ въ Костромской семинаріи, къ поступленію куда былъ приготовленъ въ школѣ у сельскаго дьякона; по окончаніи курса въ семинаріи поступилъ въ Московскую духовную академію, въ 1850 г. окончилъ курсъ академіи со степенью магистра и назначенъ учителемъ семинаріи въ Смоленскѣ; вскорѣ переведенъ на такую же должность въ Ярославль. Въ 1862 г. назначенъ преподавателемъ богословія въ Лицеѣ, съ 1865 г. преподавалъ законъ Божій въ ярославской гимназіи. Былъ однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго образованія; въ епархіальномъ женскомъ училищѣ былъ дѣятельнымъ инспекторомъ классовъ; принималъ постоянно участіе въ мѣстныхъ съѣздахъ духовенства. Въ «Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» напечатано нѣсколько его проповѣдей и статей по вопросамъ духовнаго вѣдомства. Отдѣльно изданы его «Записки по предмету Закона Божія» и руководства для гимназій по исторіи церкви, выдержавшія по нѣскольку изданій.

Лавровъ, *Иванъ Васильевичъ*, писатель по сельскому хозяйству, род. въ 1803 г., ум. въ іюнѣ 1869 г. Изъ дворянъ болховского уѣзда орловской губерніи. Служилъ въ военной службѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Чтобы пріобрѣсти первоначальныя агрономическія свѣдѣнія, принялся за чтеніе сочиненій по агрономіи, заинтересовался этимъ дѣломъ, отлично изучилъ спеціальную литературу и выработалъ изъ себя выдающагося сельскаго хозяина. Онъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ піонеровъ по распространенію культуры пшеницы и не безъ труда достигъ въ этомъ отношеніи успѣха, вынеся упорную борьбу сторонниковъ стариннаго хозяйства, признававшихъ только рожь и овесъ и трех-

польное хозяйство. Помѣстивъ въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько спеціальныхъ замѣтокъ, и между прочимъ обширную и интересную статью «О начальныхъ занятіяхъ хозяина-землевладѣльца», И. В. Лавровъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1844 г. «Отчетъ за одиннадцать лѣтъ о ходѣ и произведеніяхъ болховского хозяйства». Это—рядъ статей, просто и интересно написанныхъ, въ которыхъ обрисованъ весь тогдашній сельскохозяйственный бытъ; для своего времени «Отчетъ» явился выдающимся произведеніемъ и возбудилъ живое вниманіе публики и критики. Затѣмъ Лавровъ издалъ «Полное руководство къ уходу за рогатымъ скотомъ» — сочиненіе, удостоенное отъ министерства государственныхъ имуществъ золотой медали и долго остававшееся лучшимъ у насъ трудомъ по данному предмету. Затѣмъ въ «Журналѣ министерства госуд. имущ.» за 1852 и 1853 г.г. Лавровъ помѣстилъ статьи о герардовыхъ постройкахъ и о средствахъ къ улучшенію земледѣлія въ средней полосѣ Россіи. Онъ былъ корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и имѣлъ нѣсколько медалей отъ министерства за выставленные продукты сельскаго хозяйства. Въ деревнѣ собирались къ Лаврову всѣ образованные помѣщики изъ его сосѣдей; его гостями бывали Тургеневъ, Боткинъ и др.

«Землед. Газета», 1870 г., № 9.

Лавровъ, *Лаврентій Сергѣевичъ*, священникъ; род. въ 1826 году, въ Тобольской губерніи, ум. въ 1871 г. По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи, опредѣленъ былъ священникомъ въ Томскую епархію, въ 1859 году прибылъ въ Уфу, затѣмъ перемѣщенъ былъ въ Томскъ, наконецъ въ г. Оренбургъ, гдѣ былъ регентомъ архірейскаго хора. Священникъ Лавровъ изучилъ основательно теорію музыки и написалъ нѣсколько церковно-музыкальныхъ произведеній въ строгомъ церковномъ стилѣ.

Игнатьевъ Р., «Священникъ Лаврентій Сергѣевичъ Лавровъ» (Некрологъ. Уфимскія губ. вѣдомости за 1871 г. № 37).

Лавровъ, *Михаилъ Андреевичъ*, адмиралъ, ум. въ 1882 г. Въ 1811 г. Лавровъ поступилъ въ Морской Корпусъ, въ 1816 г. окончилъ въ немъ курсъ, и получилъ чинъ мичмана. Послѣ нѣсколькихъ кампаній въ водахъ Балтійскаго моря въ 1825—1827 гг., плавалъ на шлюпѣ «Кроткій» въ Камчатку и получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта. Въ 1831—1835 г. плавалъ въ Архипелагѣ и Адріатическомъ морѣ, участвовалъ въ сраженіи противъ пиратскихъ судовъ въ заливѣ Линнидо, потопилъ 4 непріятельскихъ судна; 22 апр. 1834—капитанъ 2 ранга. 11 декабря 1846 г. изъ чина капитана 1 ранга былъ разжалованъ въ матросы «за дерзость и ослушаніе противу своего бригаднаго командира» (контръ-адмирала Карпова). Впрочемъ черезъ нѣсколько времени ему былъ возвращенъ чинъ; 2 янв. 1850 г. онъ былъ уволенъ отъ службы; 15 сент. 1855 г. вновь былъ принятъ на службу, съ назначеніемъ состоять по особымъ порученіямъ при управляющемъ морскимъ министерствомъ; 15 октября 1856 г. получилъ чинъ контръ-адмирала и былъ назначенъ градоначальникомъ Таганрога. 21 декабря 1864 г. зачисленъ по резервному флоту, и 15 октября 1872 г. произведенъ въ адмиралы.

Общій Морской Списокъ, т. VII. 373—375.

Лавровъ, *Николай Александровичъ*, академикъ исторической и портретной живописи. Род. въ с. Юршинѣ, рыбинскаго у., ярославской губ. 9 марта 1820 г., ум. 3 августа 1875 г. Въ Рыбинскѣ получилъ начальное образованіе. Первые уроки въ искусствѣ получилъ у мѣстнаго живописца Шляхтенко; въ 1840 г. поступилъ въ Академію Художествъ. Въ 1843 г. онъ окончилъ курса академіи съ малой серебряной медалью и званіемъ неклассnаго художника; послѣдніе академическіе годы работалъ подъ руководствомъ проф. Басина. 30 сентября 1848 г. за исполненные портреты получилъ званіе «назначеннаго въ академики», 29 сентября 1849 г. званіе академика за портретъ конференцъ-секретаря академіи В. И. Григоровича. Н. А. Лавровъ писалъ преимущественно портреты Императора Александра II го. Работалъ онъ и по церковной живописи; его кисти принадлежатъ иконостасы церквей Воспитательнаго дома въ Петербургѣ, Успенскаго кладбища; Лавровъ написалъ иконы для внѣшняго украшенія Владимірскаго собора въ Севастополѣ; кромѣ того имъ было составлено 25 эскизовъ для работъ въ храмѣ

Христа Спасителя въ Москвѣ, но смерть помѣшала ему принять болѣе дѣятельное участіе въ этомъ сооруженіи.

Отчетъ Академіи Художествъ за 1874—1875 г.; «Голосъ», 1875, № 222. «Иллюстрирован. Журналъ» 1875, № 34; «Русскій Міръ», 1875, № 129 (во всѣхъ трехъ почти дословно одинаковые некрологи); Петровъ, П. Н. «Матеріалы по исторіи Академіи Художествъ», т. 2 и 3; Булгаковъ Ѳ. И., «Наши Художники» т. II, стр. 6.

Пв. Л.

Лавровъ, *Николай Владиміровичъ*, актеръ-пѣвецъ, сынъ мѣщанина, род. въ 1802 г. въ Ветлугѣ, ум. въ 1840 г. Первоначально торговалъ лѣсомъ. Въ 1824 году поступилъ на сцену московскаго театра; онъ обладалъ сильнымъ баритономъ, обнаружилъ большія сценическія способности и отличался не только какъ превосходный пѣвецъ, но и какъ выдающійся актеръ; съ большимъ успѣхомъ исполнялъ первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ, играя «Эдипа», «Донъ-Жуана», «Велизарія». Дочь Лаврова—Екатерина Николаевна Лаврова-Васильева, извѣстная актриса.

И. В-овъ.

Лавровъ, *Николай Дмитріевичъ*, протоіерей, сынъ священника, род. въ 1803 году, ум. 7 декабря 1881 г. По окончаніи курса въ московской семинаріи. въ 1826 г. опредѣленъ былъ учителемъ духовнаго училища, въ 1831 г. посвященъ въ діакона, въ 1837 году—въ священника къ Спиридоновской церкви. Онъ былъ долго единственнымъ сотрудникомъ и корреспондентомъ православной Алтайской миссіи, въ такое время, когда ни у кого почти еще и мысли не было объ устройствѣ миссіонерскихъ обществъ и о пособіи миссіямъ; съ основателемъ Алтайской миссіи, архимандритомъ Макаріемъ, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Чрезъ его посредство, между прочимъ, увидѣлъ свѣтъ трудъ архимандрита Макарія — «Переводъ священныхъ книгъ Ветхаго завѣта на русскій языкъ» и проектъ устройства высшаго образовательно-миссіонерскаго учрежденія въ Россіи. Въ 1880 г. Алтайскою миссіею присланъ Лаврову драгоцѣнный крестъ и общимъ собраніемъ Миссіонерскаго общества въ 1881 г. присуждено званіе почетнаго члена.

Иванцовъ-Платоновъ, А., статья въ «Православн. Обозр.» 1881 г., т. III.

Лавровъ, *Николай Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. 29 ноября 1813 г. 5 мая 1797 г. изъ подполковниковъ былъ произведенъ въ бригадъ-майоры и премьеръ-майоры при особѣ Его Императорскаго Величества. 2 ноября 1797 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ мушкетерскаго Павлуцкаго полка. Затѣмъ былъ начальникомъ Гвардейской дивизіи V-го корпуса. Въ Бородинской битвѣ командовалъ V-мъ корпусомъ, заключавшимъ всю лейбъ-гвардію и составлявшимъ резервъ праваго крыла и центра арміи. За распорядительность и храбрость въ этомъ сраженіи получилъ орденъ Георгія 3 ст. Въ сраженіи при Тарутинѣ командовалъ опять V-мъ корпусомъ; затѣмъ былъ назначенъ состоять при особѣ Государя.

Вороновъ и Бутовскій: «Исторія Л.-Гв. Павловскаго полка», 131—132; Приложеніе, стр. 8; Липранди, «Матеріалы для исторіи отечественной войны». Богдановичъ, «Исторія отечественной войны», т. 2, 231, 156 и 472.

Лавровъ, *Николай Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, род. въ Костромѣ 2 декабря 1790 г., ум. 15 октября 1874 г. Сынъ сенатора Ив. Пав. Лаврова; въ 1802 г. опредѣленъ въ Горный кадетскій корпусъ, въ 1809 г. окончилъ курсъ и поступилъ практикантомъ на пермскіе заводы; въ 1812 г. переведенъ на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и въ 1819 г., имѣя чинъ маркшейдера, поступилъ вольнослушателемъ въ Педагогическій институтъ; окончивъ въ немъ курсъ, въ октябрѣ 1824 г. поступилъ снова въ тотъ же департаментъ, въ которомъ и служилъ до выхода въ отставку въ 1847 г.; исполнялъ по назначенію начальства многія важныя порученія по горнотехнической части. Интересуясь съ молодыхъ лѣтъ естественными науками, Лавровъ усердно занимался нѣсколькими ихъ отраслями, преимущественно минералогіей, и примкнулъ къ тому кружку Панснера, Мартынова и др., изъ котораго возникло С.-Петербургское минералогическое общество; въ его трудахъ и въ «Горномъ Журналѣ» онъ помѣстилъ нѣсколько статей: «Ptychopyge und Megalaspis Triboliten...», «Notiz über den Salzsee Elton», «Два новыхъ вида Asaphus», и др., затѣмъ воспоминанія о Панснерѣ, Мартыновѣ, Вертѣ, Брыковѣ, сдѣлалъ нѣсколько переводовъ; послѣ его смерти осталось нѣсколько неизданныхъ

трудовъ. Послѣдніе годы жизни Лавровъ посвящалъ почти всѣ свои интересы Минералогическому обществу, въ которомъ состоялъ почетнымъ членомъ и однимъ изъ учредителей общества дожилъ до его пятидесятилѣтняго юбилея.

«Записки минералог. общ.», 2-я серія, т. 9, 328—332.

Лагарпъ, *Фридрихъ-Цезарь*, директоръ швейцарской республики, воспитатель в. кн. Александра и Константина Павловичей, генералъ-лейтенантъ, род. въ Роллѣ 6 апрѣля 1754 г., ум. въ Лозаннѣ 30 марта 1838 г. Лагарпъ происходилъ изъ дворянъ кантона Во. Предки его носили имя Делагарзъ. Фамилію De la Harpe принялъ отецъ Фридриха-Цезаря; его жена, мать Фридриха-Цезаря, Софія Доротея происходила изъ дворянской фамиліи Коломбье. Самъ Ф.-Ц. Лагарпъ писалъ свою фамилію просто La Harpe, и русскіе называли его Петромъ Ивановичемъ Лагарпомъ. Первоначальное воспитаніе Лагарпъ получилъ въ училищѣ родного города, гдѣ изучалъ, главнымъ образомъ, древніе языки. Дядя-пасторъ предоставилъ ему свою библіотеку и молодой Лагарпъ много читалъ, особенно Плутарха. Въ 1768 г. Лагарпъ поступилъ въ гольденштейнскую семинарію Незермана, извѣстнаго въ свое время педагога. Исторія преподавалась здѣсь съ особой тенденціей: ученикамъ внушались взгляды французскихъ энциклопедистовъ, толкованія фактовъ носили либеральную окраску, въ ученикахъ развивали любовь къ свободѣ и самостоятельности; самая семинарія была устроена какъ бы на подобіе римской республики: изъ воспитанниковъ выбирались собраніемъ консулы, цензоры, преторы и т. д. Въ 1771 г. Лагарпъ окончилъ курсъ семинаріи; онъ вышелъ изъ нея съ республиканскими убѣжденіями, которымъ оставался вѣренъ всю жизнь. Изъ семинаріи Лагарпъ перешелъ въ Женеву, гдѣ учился у де-Соссюра и де-Бертрена, занимаясь философіей, затѣмъ въ Тюбингенѣ изучалъ право, продолжая заниматься въ то же время математикой, къ которой имѣлъ особенную любовь, и древне-классической литературой. Съ особеннымъ увлеченіемъ прочелъ Лагарпъ «Духъ Законовъ» Монтескье. Въ 1774 г. Лагарпъ сдѣлался адвокатомъ при высшей апелляціонной камерѣ въ Бернѣ; и въ это время онъ продолжалъ учиться, занимаясь въ библіотекѣ доктора Фавра въ Роллѣ; всю свою жизнь онъ продолжалъ свое образованіе. Адвокатура не понравилась Лагарпу, такъ какъ приходилось имѣть дѣло съ Берномъ, которому кантонъ Во былъ подчиненъ, а въ Бернѣ владычествовала «олигархія». Лагарпъ собирался бросить адвокатуру и ѣхать въ Сѣверную Америку, чтобы принять участіе въ войнѣ за независимость, какъ вдругъ въ 1781 г. получилъ отъ Мельхіора Гримма предложеніе сопровождать молодого Ланского, брата А. Д. Ланского, котораго отправляли въ путешествіе по Италіи, Сициліи и на Мальту. Лагарпъ скоро пріобрѣлъ полное расположеніе молодого человѣка, которымъ интересовались въ Петербургѣ. Кн. Дашкова, встрѣтившись съ Лагарпомъ въ Италіи, тоже наилучшимъ образомъ отозвалась о немъ. «Умъ и здравый смыслъ Лагарпа—пишетъ Екатерина,—очаровали всѣхъ»... Екатерина пожелала его видѣть. И вотъ, въ 1783 г., въ Римѣ Лагарпъ получилъ приглашеніе въ Петербургъ. Прибывъ въ Петербургъ въ началѣ 1783 г. Лагарпъ сначала не получилъ никакого назначенія и уже собирался ѣхать къ одному ирландскому лорду, который пригласилъ его руководить воспитаніемъ дѣтей, какъ былъ назначенъ состоять при великихъ князьяхъ, сыновьяхъ цесаревича, въ званіи кавалера и преподавателя французскаго языка. Мемуаръ Лагарпа, написанный 10 іюня 1784 г. и представленный Екатеринѣ, повлекъ за собой его назначеніе воспитателемъ великихъ князей, съ увольненіемъ отъ должности кавалера. Лагарпъ преподавалъ великимъ князьямъ: географію, астрономію, хронологію, математику, исторію, нравоученіе, правила закона гражданскаго, философію, древніе языки и минералогію. Въ своей педагогической дѣятельности Лагарпъ былъ послѣдователемъ Незермана. Его преподаваніе было направлено къ тому, чтобы вложить въ сердца своихъ воспитанниковъ начала либерализма и филантропіи; о томъ, чтобы воспитать ихъ сообразно съ требованіями окружающей среды и дать имъ знаніе своего народа, Лагарпъ заботился мало. На великихъ князей, особенно на Александра Павловича, который привязался къ своему воспитателю всей душой и всю жизнь велъ съ нимъ переписку, Лагарпъ имѣлъ большое вліяніе; въ свою очередь и онъ горячо любилъ своего воспитанника и гордился

имъ. Екатерина, руководившая воспитаніемъ внуковъ, была очень довольна новымъ воспитателемъ и относилась съ уваженіемъ къ его уму. Дружба съ А. Д. Ланскимъ тоже обезпечивала Лагарпу хорошее положеніе при дворѣ. Живя въ Россіи, Лагарпъ не прерывалъ сношеній съ своей родиной. Онъ писалъ письма своимъ соотечественникамъ и въ англійскихъ газетахъ помѣщалъ свои статьи, въ которыхъ призывалъ согражданъ къ сверженію ига и возстановленію свободы родной страны. Въ 1789 г., при началѣ французской революціи, Лагарпъ составилъ письмо къ Бернскому правительству, въ которомъ требовалъ реформъ и созванія генеральныхъ штатовъ. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ въ Бернѣ произошли безпорядки; тогда Лагарпъ былъ включенъ въ число изгнанныхъ; перехваченная переписка Лагарпа съ его двоюроднымъ братомъ еще болѣе вооружила противъ него властвовавшую въ Бернѣ партію. Враги Лагарпа склоняли Екатерину удалить отъ должности воспитателя будущаго императора опаснаго республиканца, изгнаннаго изъ своего отечества; но въ 1791 г. Екатерина не обратила вниманія на эти внушенія. Лагарпъ оставилъ Петербургъ въ 1794 г. Причиной этого былъ отказъ Лагарпа склонить в. кн. Александра къ тому, чтобы онъ согласился быть наслѣдникомъ престола помимо отца своего, Павла Петровича, какъ того хотѣла Екатерина. Впрочемъ, отставка Лагарпа не носила характера явной немилости; напротивъ Екатерина дала Лагарпу чинъ полковника и пожизненную пенсію, а также орденъ Владиміра; но Лагарпъ долженъ былъ удалиться изъ Россіи. Въ началѣ 1795 г. Лагарпъ съ женой—онъ женился въ Россіи на дочери банкира Бетлинга — оставилъ Россію, въ августѣ былъ въ Женевѣ. Здѣсь Лагарпъ поселился въ имѣніи Тентодь и жилъ тамъ до октября 1796 г., такъ какъ на родину, откуда онъ былъ изгнанъ, возвратиться не могъ. Въ концѣ 1796 г. Лагарпъ отправился въ Парижъ, чтобы защищать своего двоюроднаго брата, присужденнаго къ изгнанію и, въ случаѣ возвращенія, къ смертной казни. Съ этого времени Лагарпъ началъ открытую борьбу съ Бернскимъ правительствомъ. По его просьбѣ французская Директорія заставила Бернское правительство дать амнистію всѣмъ замѣшаннымъ въ послѣднемъ возстаніи. Въ ноябрѣ 1797 г. Лагарпъ представилъ Директоріи адресъ, подписанный 22 его соотечественниками, гдѣ требовалъ гарантіи Франціи въ исполненіи трактата Франціи съ Лозанной 1565 г.; 27 декабря 1797 г. Директорія взяла гражданъ кантона подъ свое непосредственное покровительство; корпусъ французскихъ войскъ былъ отправленъ для охраны кантона Во, обращеннаго въ Леманскую республику. Съ такою поддержкою въ 1798 г. въ Швейцаріи произошла революція и была учреждена Гельветическая республика. Лагарпъ оставилъ Парижъ и служилъ посредникомъ между республикой и французскимъ правительствомъ. Новая республика пригласила Лагарпа занять мѣсто въ законодательномъ совѣтѣ, но онъ отказался, объявивъ, что не считаетъ себя достаточно безпристрастнымъ, чтобы управлять своей страной. 30 марта 1798 г., въ день перваго народнаго собранія Леманской республики, Лагарпу была поднесена вычеканенная въ честь его золотая медаль. 29 іюня 1798 г. Лагарпъ былъ назначенъ членомъ Директоріи и сдѣлался ея главнымъ руководителемъ. Въ республикѣ въ это время постоянно происходили волненія; порядокъ возстановлялся оружіемъ. Совѣтъ становился все менѣе и менѣе республиканскимъ учрежденіемъ; приходилось бороться и съ Франціей, стремившейся всецѣло подчинить себѣ кантонъ. Чтобы прекратить несогласія между Совѣтомъ и Директоріей Гельветической республики, и волненія въ подчиненныхъ республикахъ, Лагарпъ въ 1799 г. рѣшилъ уничтожить Совѣтъ и соединить всю власть въ своихъ рукахъ, ставъ первымъ консуломъ республики; ночью съ 8 на 9 декабря должно было произойти возстаніе, но заговоръ не удался, благодаря нерѣшительности двухъ товарищей Лагарпа. Тогда совѣтъ уничтожилъ Директорію и хотѣлъ сначала предать Лагарпа суду, но ограничился тѣмъ, что отдалъ его подъ негласный надзоръ. Лагарпъ удалился въ Лозанну и собирался ужъ отправиться въ Парижъ, какъ получилъ письмо, въ которомъ предлагалось ему принять участіе въ заговорѣ противъ французской арміи; письмо было перлюстровано, и 2 іюля 1800 г. Лагарпъ былъ арестованъ и отправленъ въ Бернъ; ему удалось бѣжать въ Парижъ; здѣсь онъ былъ очень холодно принятъ Наполеономъ, который пригласилъ

его не вмѣшиваться больше въ политическія дѣла Швейцаріи. Тогда Лагарпъ удалился въ помѣстье Плесси-Пикетъ близъ Парижа, гдѣ жилъ до 1801 г., занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. За время управленія Лагарпа Швейцаріей смуты не исчезали, но было сдѣлано и много хорошаго: уничтожены пытки; гласное судопроизводство получило твердыя основы, были приняты энергичныя мѣры для распространенія знаній въ народѣ. Въ августѣ 1801 г. Лагарпъ отправился въ Россію, по приглашенію своего бывшаго воспитанника Александра, сдѣлавшагося императоромъ; Лагарпъ думалъ также сблизить императора Александра I съ Наполеономъ, предъ которымъ преклонялся. Лагарпъ пробылъ въ Россіи до мая 1802 г.; Александръ I оказалъ ему большое уваженіе; за время пребыванія въ Россіи Лагарпъ не принималъ непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, но государь постоянно съ нимъ совѣтовался. Памятникомъ дѣятельности Лагарпа отъ этого времени служатъ его мемуары и записки по разнымъ вопросамъ, представленные Александру I. Въ 1799 г. Павелъ лишилъ Лагарпа орденовъ и пенсіи Екатерины; во время вторичнаго пребыванія Лагарпа въ Россіи Александръ возвратилъ Лагарпу его орденъ и пенсію. Сближеніе Александра съ Наполеономъ не удалось. Александръ I написалъ письмо первому консулу, и Лагарпъ долженъ былъ его передать; но по возвращеніи во Францію, онъ нашелъ, что Наполеонъ дѣйствуетъ уже не въ томъ направленіи, какое видѣлъ въ его дѣлахъ Лагарпъ ранѣе, письма не передалъ и черезъ 30 лѣтъ возвратилъ его Николаю I. Возвратившись изъ Россіи, Лагарпъ поселился опять въ Плесси-Пикетѣ и жилъ тамъ до Вѣнскаго конгресса, посѣщая курсы, слушая лекціи знаменитыхъ ученыхъ и т. п. Въ 1802 г. многія избирательныя комиссіи въ Швейцаріи избрали Лагарпа своимъ депутатомъ, но онъ отказался, не сочувствуя разъединенію Швейцаріи. Въ 1814 г. Лагарпъ встрѣтилъ Александра I въ Лангрѣ, а позднѣе самъ Александръ посѣтилъ его въ Плесси-Пикетѣ. Въ 1814 г. онъ произвелъ Лагарпа въ генералъ-лейтенанты, наградилъ орденомъ Андрея Первозваннаго, и назначилъ своимъ секретаремъ. Во время Вѣнскаго конгресса Лагарпъ былъ представителемъ отъ кантоновъ Во и Посинъ и стоялъ за свободу Швейцаріи и за присоединеніе Польши къ Россіи. Въ 1816 г. Лагарпъ возвратился въ Лозанну и поселился на берегу Цюрихскаго озера; онъ жилъ здѣсь, какъ частный человѣкъ, окруженный общимъ уваженіемъ и покровительствуя искусствамъ и наукамъ. Онъ сдѣлался членомъ знаменитаго Гельветическаго общества естественныхъ наукъ. Въ 1819 г. Александръ I поручилъ Лагарпу сопровождать в. кн. Михаила Павловича въ его путешествіи по Италіи. Императрица Марія Ѳеодоровна писала по этому поводу ему нѣсколько писемъ и высказывала не разъ чувства признательности и уваженія. Въ 1825 г. она прислала Лагарпу портретъ покойнаго императора Александра I и еще разъ выразила ему чувство глубокаго уваженія и благодарности. Въ 1828 г. Лагарпъ еще разъ выступилъ на государственное поприще, сдѣлавшись депутатомъ въ главномъ совѣтѣ Швейцаріи, но въ слѣдующемъ же году оставилъ эту должность, затѣмъ предпринялъ путешествіе въ Англію. Въ 1832 г. Императоръ Николай I писалъ Лагарпу, прося его привести въ порядокъ бумаги покойнаго императора. Лагарпъ, снявъ копіи съ писемъ, возвратилъ многія въ подлинникахъ государю. Въ 1834 г. Лагарпъ ясно и энергично высказался противъ попытки бѣглецовъ-поляковъ завладѣть Савойей. Къ императору Николаю онъ питалъ чувства глубокаго уваженія и не былъ на сторонѣ декабристовъ, хотя и остался республиканцемъ до смерти.

Лагарпъ оставилъ мемуары, въ которыхъ много интересныхъ подробностей о Россіи. Они состоятъ изъ 11 томовъ и носятъ характеръ отчасти автобіографическій, отчасти научный (изд. въ Бернѣ въ 1869 г.). Другія сочиненія Лагарпа носятъ преимущественно полемическій характеръ и написаны по поводу политическихъ вопросовъ. Нѣкоторыя имѣютъ характеръ памфлетовъ и написаны съ большимъ жаромъ. Таковы: Aux habitans du pays de Vaud esclaves des olygarques de Fribourg et de Berne (Лозанна. 1797), Essai sur la constitution du pays de Vaud, написанныя Лагарпомъ во время его революціонной дѣятельности въ Парижѣ. Подобнаго же характера и другія произведенія Лагарпа, напр.: La-Harpe à ses concitoyens du pays de Vaud (Paris, 1798 г.); Interêts de la République française considerés rélativement

d'olygarchie helvétique et à l'établissement d'une république indépendante dans la Suisse française (Paris 1797 г.) и т. д. Ко времени директорства Лагарпа относится его статья: Mémoire en réponse au citoyen Kuhn (1800 г.) и др. Изъ болѣе позднихъ статей съ политической окраской укажемъ: Histoire du major Duvel (Lausanne, 1805 г.); Mémoires sur l'éspèce du gouvernement établi à Berne 25 décembre 1813 (Paris); Lettres de Helvetins sur diverses questions qui agitent la Suisse (Lausanne, 1814 г.). Lettres de M. M. de Haller et Vyss à M. Varsch, trad. de l'allemand (1818). Publicité des discussions de la Diète et du public hilvétique (Lausanne, 1819 г.); Souvenirs de l'histoire de la Suisse (Lausanne, 1823 г.) носятъ болѣе спокойный характеръ. Полемическія статьи относятся къ разному времени: Réponse à M. Desoigne, seigneur de Giornis, написано въ 1798 г. (Paris), a Observations d'un suisse sur les réflexions timides en 1820 et 1821 contre l'indépendance de la Suisse (Lausanne 1821 г.) написаны черезъ 23 года. Нападки на Лагарпа со стороны его враговъ въ статьѣ Précis de la Révolution du canton de Vaud (Lausanne 1831 г.) вызвали его пламенную статью: Considérations sur le précis de la révolution etc. (Leipzig 1832 г.).

«Biographie de M. F. C. La Harpe», Lausanne, 1818; «Vie politique de M. La Harpe», par Guinguins-Pillechody. Lausanne 1834; C. Mounard, Notice biographique sur le général Fr. C. La Harpe», 1838; Guérard, «La France litteraire», т. 4. Paris, 1836; «Biographie Universelle» т. 22, Paris, 1841, стр. 550—551; «Nouvelle Biographie générale», т. 28, стр. 885, Paris, 1855; «La grande Encyklopedie» т. 21. стр. 773; Larousse, «Dictionnaire Universsel» т. 10. стр. 70, Paris 1870; «Conversations-Lexicon» т. 9. стр. 467, Leipzig 1878; Meyers, «Conversations Lexicon», т. 10, стр. 958, Leipzig, 1896; М. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русск. литературѣ и просвѣщенію», т. 2, стр. 37—186; «Историческій Вѣстникъ», т. 10, стр. 54—96, 1888; Б. Глинскій, «Республиканецъ при Русскомъ Дворѣ»; Пыпинъ, «Историческіе очерки», «Общественное движеніе при Александрѣ I» т., I, стр. 17—32 и 96—98, Спб. 1871; Богдановичъ, «Исторія царствованія императора Александра I», т. I, стр. 14—21, 24—30 и др., Спб. 1869; Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», т. I, стр. 35—44 и др., Спб. 1897; Бартеневъ, «Девятнадцатый вѣкъ», т. I, стр. 427, М. 1872; «Сборн. Имп. рус. ист. общ.», т. V, стр. 1, 16—19, 32—34, 41, 75, 91, 100—119 и др.; Щегловъ, «Государственный совѣтъ въ Россіи», т. I, стр. 710; Галактіоновъ, «Имп. Алекс. I», т. 1, стр. 7—9, 17, 32—34 и др.; Карновичъ, «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», стр. 8 и др., Спб. 1899; N. Tourguéneff, «La Russie et les russes», т. I. стр. 431—442; Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», т. II; «Русскій Архивъ», стр. 75—82, 1869; Гр. Уваровъ, «Бумаги Лагарпа»—«Историческ. Вѣстникъ» 1880, январь, стр. 170; «Изъ записокъ Меттерниха»—«Русская Старина», 1870; «Отчеты Лагарпа по воспитанію вв. кн.»—«Древняя и новая Россія», т. 17, стр. 761—775, 1880; «Журн. мин. нар. просв.», т. 153, № 1, стр. 47—75, № 2, стр. 155—278, 1871 г.; «Иллюстрир. Газета». № 34. 1866, «Записки Греча и др.

Б. Гласко.

Ладухинъ, *Иванъ Алексѣевичъ,* учитель 1-й Казанской гимназіи, помощникъ библіотекаря Петербургскаго университета, утонулъ въ 1857 г. въ р. Амурѣ. Ладухинъ съ 1833 г. учился въ 1-й Казанской гимназіи и по окончаніи ея, 9 іюня 1841 г., поступилъ слушателемъ въ Казанскій Университетъ. 1 іюня 1845 г. онъ окончилъ курсъ въ Университетѣ и назначенъ учителемъ 1-й Казанской гимназіи. Ладухинъ занимался китайскимъ языкомъ, переводилъ съ китайскаго и работалъ надъ разсужденіемъ о законахъ построенія предложеній въ китайскомъ языкѣ. Въ 1857 г. былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря при Петербургскомъ Университетѣ, привелъ въ порядокъ китайскія рукописи ея и былъ командированъ въ Китай для усовершенствованія познаній въ китайскомъ языкѣ, но на дорогѣ утонулъ въ Амурѣ.

Владимировъ, «Историч. записка о 1-й Казанской гимназіи». I, 75—76, 152, 219, 359, 410, 423, 451. Прибавленіе, стр. 22. Григорьевъ, «Импер. СПБ. Университетъ», Прибавленіе, стр. 45.

Ладыженскій, *Леонтій Давыдовичъ,* думный дьякъ, ум. послѣ 1603 г. Въ 1586 г.—дворянинъ посольства при съѣздѣ московскихъ и польскихъ пословъ на рѣкѣ Плюсѣ. Въ 1592 г. второй воевода въ походѣ противъ черемисъ. Въ 1598 г. подписался подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи въ цари Бориса Ѳеодоровича Годунова и въ томъ же году посланъ въ Крымъ съ извѣстіемъ объ избраніи на престолъ Годунова. Крымскій ханъ принялъ его, выслушалъ посольство и пожелалъ быть въ дружбѣ съ царемъ Борисомъ, а намѣреніе свое идти съ войскомъ къ Москвѣ «по Божіей милости и неволею оставилъ». Въ 1599 г. встрѣчалъ въ Иванъ-Городѣ шведскаго принца Густава, приглашеннаго Борисомъ Годуновымъ пріѣхать въ Московское государство. Въ 1601 г., во время ссылки въ заточеніе Романовыхъ и многихъ другихъ лицъ, обвиненныхъ въ «измѣнѣ» и въ намѣреніи извести царя Бориса волшебствомъ, Ла-

дыженскій былъ приставомъ при Александрѣ Никитичѣ Романовѣ, сосланномъ на побережье Ледовитаго океана, въ мѣстность, называемую «Лудой» и тамъ, по приказанію царя Бориса, удавилъ Романова, который и погребенъ въ «Лудѣ».

Руммель, I, 481.—А. А. Э., II, 6, 9, 44, 45.—«Новый Лѣтописецъ», с. 47, 50.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», с. 47, 50. *В. Корсакова.*

Ладыженскій, *Михаилъ Семеновичъ*, якутскій воевода, ум. въ 1660 г. Въ 1627—1629 гг. патріаршій стольникъ, въ 1634—1635 гг. служилъ у стола государева, съ 1636 г.—стольникъ; въ 1641—1643 гг. былъ рындою при пріемѣ разныхъ пословъ. Въ 1646—1648 гг. воевода въ Березовѣ; по царскому указу онъ долженъ былъ заняться постройкой Березовскаго острога, пришедшаго въ полную ветхость. Въ 1650—1651 гг. сопровождалъ царя Алексѣя Михайловича въ его загородныхъ поѣздкахъ. Послѣ 1 мая 1651 г. Ладыженскій былъ назначенъ на воеводство въ Якутскъ; прибылъ на мѣсто лишь осенью 1652 г.; Ладыженскому былъ данъ пространный наказъ относительно пріема у его предмѣстника денежной, хлѣбной и соболиной казны и приходо-расходныхъ книгъ, относительно управленія Якутской областью и созыва служилыхъ и ясачныхъ людей въ съѣзжую избу, для объявленія имъ «жаловальнаго» государева слова, т. е. желанія царя, чтобы они жили спокойно и чтобы никто не притѣснялъ ихъ. Въ случаѣ же обиды, или насильства съ чьей либо стороны они должны обращаться къ воеводѣ Ладыженскому и къ дьяку Ѳедору Тонково за судомъ и защитою. Главное вниманіе воеводы должно было быть обращено на правильный сборъ ясака, увеличеніе пашенныхъ земель, торговлю и винокуреніе; воеводѣ предписывалось стараться, чтобы доставлять казнѣ возможно большую прибыль, но отнюдь не притѣснять ясачныхъ людей и самому не «корыстоваться». По пріѣздѣ въ Якутскъ Ладыженскій получилъ царскую грамоту, чтобы велѣть служилымъ людямъ собирать на берегу Сѣвернаго океана и присылать въ Москву вмѣстѣ съ соболиной казной «кость рыбья зубу»—судя по тому, что кость, ранѣе присланная царю воеводой Францбековымъ, вѣсила 5 пудовъ и стоила 226 р., надо полагать, что дѣло шло о мамонтовыхъ костяхъ. Въ августѣ 1653 г. Ладыженскій представилъ царю подробное донесеніе о положеніи Якутска и подвѣдомственныхъ ему «зимовій» и изложилъ планъ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія въ нихъ порядка. Онъ посылалъ подвѣдомыхъ ему приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ на рѣки: Амуръ, Охоту, Анадырь, Индигирку и др. для сбора ясака; старался о защищеніи разныхъ острожковъ отъ немирныхъ инородцевъ; заботился объ отвращеніи недостатка въ порохѣ, свинцѣ и хлѣбныхъ запасахъ. Во время его воеводства былъ поставленъ острожекъ на рѣкѣ Охотѣ, велѣно устроить заставу на рѣкѣ Олекмѣ для воспрепятствованія побѣгамъ служилыхъ людей въ Даурскую землю, найдена серебряная руда ниже Камени, т. е. за Уральскимъ хребтомъ, и приказано собирать моржевыя кости по берегамъ Восточнаго океана, по рѣкѣ Ленѣ и другимъ рѣкамъ. Управленіе Ладыженскаго было, однако, отмѣчено общими тому времени недостатками: назначенный на его мѣсто въ 1660 г. въ Якутскъ воевода Иванъ Ѳеодоровичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Большой нашелъ безпорядки: много служилыхъ людей умерло, а на мѣсто ихъ никто не поверстанъ; оказалось, что Ладыженскій «корыстовался» государевой казной, «чинилъ налоги великіе» ясачнымъ, промышленнымъ и торговымъ людямъ, и т. д.; Голенищеву велѣно было допросить обо всемъ вышеупомянутомъ Ладыженскаго и Ѳеодора Тонково и всѣхъ тѣхъ жителей, которые стали бы приносить на нихъ челобитныя. Неизвѣстно, что показали эти допросы, но по дорогѣ изъ Якутска въ Москву, въ Маковскомъ острогѣ умерли бывшіе якутскіе правители воевода Ладыженскій и дьякъ Тонково.

Руммель, I, 484.—Др. Рос. Вивл., III, 191.—Доп. къ акт. ист., III, 147, 297—317, 349, 396—403, 524; IV, 2, 6, 27—30, 35—37, 56, 70, 80, 85, 88, 91, 95, 99, 100—120, 144, 175, 177, 247.—Газенвинкель, «Систематическій перечень воеводъ въ Сибирскихъ городахъ». Тобольскъ. 1892 г., с. 20, 42.

В. Корсакова.

Ладыженскій, *Ѳедоръ Абросимовичъ*, стольникъ, ум. послѣ 1688 г.—Въ 1627—1629 гг. патріаршій стольникъ. Въ 1629—1654 гг. царскій стольникъ. Въ 1632 г. присланъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ извѣстіемъ о взятіи посада въ Полоцкѣ. Въ 1647—1648 гг. осадный воевода въ Ливнахъ. Въ 1654 г. участвовалъ въ польскомъ походѣ царя Алексѣя Михайловича: сначала былъ головой у бѣльскихъ городовыхъ дворянъ, затѣмъ посланъ царемъ

къ боярину Вас. Петр. Шереметеву въ Витебскъ съ извѣстіемъ о взятіи Смоленска, а послѣ взятія Витебска снова отправленъ къ Шереметеву съ длиннымъ наказомъ. Въ 1655—1656 гг. былъ головой у жильцовъ въ государевомъ полку въ польскомъ походѣ. 6 іюля 1658 г. Ладыженскій служилъ у государева стола въ день пріема грузинскаго царя. Въ концѣ 1622 г. Ладыженскій отправленъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ Москвы въ Малороссію, съ объявленіемъ, чтобы непремѣнно была собрана рада, на которую обязаны всѣ явиться. Для прекращенія неудовольствій онъ долженъ былъ уговорить Брюховецкаго, стоявшаго въ Гадячѣ, идти на зиму къ себѣ въ Запорожье, а весною придти опять для рады; однако длинные переговоры Ладыженскаго съ Брюховецкимъ, съ епископомъ Меѳодіемъ, съ Самкомъ и Золотаренкой ни къ чему не привели. 22 января 1671 г. Ладыженскій былъ поѣзжаниномъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной.

Руммель, I, 484.—Оп. док. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., II, №№ 2988, 3285.—Доп. къ акт. ист., III, 510.—Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», IV, 123, 127, 128, 130, 247.—Соловьевъ, «Ист. Россіи», XI, 152—156. *В. Корсакова.*

Лажечниковъ, *Иванъ Ивановичъ,* писатель, род. 14 сент. 1792 г. въ Коломнѣ, Московской губ., ум. 26 іюня 1869 г. По происхожденію онъ принадлежалъ къ купеческому роду; его отецъ былъ коммерціи совѣтникъ и велъ торговлю хлѣбомъ. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ гувернера-француза, Лажечниковъ, по обычаю того времени, былъ зачисленъ на службу мальчикомъ—10-ти лѣтъ онъ уже былъ «студентомъ въ Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи». Привезенный въ Москву, онъ продолжалъ свое образованіе, слушая частныя лекціи у Мерзлякова. Въ 1806 г. онъ былъ произведенъ въ актуаріусы и началъ службу въ архивѣ. Къ этому времени относится появленіе перваго его литературнаго произведенія: въ «Вѣстникѣ Европы» за 1807 г., ч. 36, былъ напечатанъ его переводъ «Мысли въ подражаніе Лабрюйера». Въ 1810 г. Лажечниковъ перешелъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Отечественная война увлекла его въ ряды арміи, несмотря на противодѣйствіе со стороны родителей. О своемъ поступленіи въ военную службу Лажечниковъ подробно говоритъ въ своей автобіографической запискѣ «Новобранецъ 1812 года». Поступивъ офицеромъ сначала въ Московское ополченіе, онъ черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ Московскій гренадерскій полкъ. «Счастье мнѣ улыбнулось, говоритъ онъ въ «Новобранцѣ 1812 года», начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, принцъ Мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты». Служба при принцѣ приблизила Лажечникова къ придворной сферѣ. Сопровождая въ 1813 г. принца въ герцогство Мекленбургъ-Шверинское, Лажечниковъ объѣздилъ многіе германскіе дворы, и вмѣстѣ съ принцемъ принималъ участіе въ многочисленныхъ придворныхъ раутахъ, пріемахъ и пр. Но жизнь штабнаго адъютанта не долго удовлетворяла будущаго писателя. Вскорѣ Лажечниковъ подалъ прошеніе о переводѣ въ дѣйствующую армію. Назначенный адъютантомъ же къ генералу Полуектову, онъ былъ въ дѣлѣ подъ Бріеномъ и при взятіи Парижа. За участіе въ послѣднемъ онъ былъ награжденъ орденомъ. По возвращеніи въ Россію, зиму 1814—1815 гг. Лажечниковъ провелъ въ Дерптѣ, гдѣ познакомился съ Жуковскимъ и Воейковымъ. Въ 1815 г. онъ вновь принималъ участіе въ походѣ во Францію. Въ 1818 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ командиру гренадерскаго корпуса, графу Остерману-Толстому, и съ чиномъ поручика переведенъ въ лейбъ-гвардію Павловскій полкъ. Въ 1819 г. вышелъ въ отставку изъ военной службы и поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, въ 1820 г. былъ назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи; затѣмъ онъ былъ визитаторомъ училищъ Саратовской губерніи, а въ декабрѣ 1823 г. былъ назначенъ директоромъ Императорской Казанской гимназіи и училищъ Казанской губерніи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ постановкѣ памятника Державину въ Казани. Въ 1825—1826 г. онъ нѣсколько мѣсяцевъ исправлялъ должность инспектора студентовъ Казанскаго университета, а затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ Тверской губерніи и пробылъ въ этой должности до 1837 г., когда

оставилъ службу и затѣмъ, проживая въ Твери до 1843 года, вновь получилъ мѣсто тверского вице-губернатора. Переведенный въ 1853 г. на ту же должность въ Витебскъ, онъ пробылъ тамъ около года, а затѣмъ снова вышелъ въ отставку. Въ 1856—1858 гг. онъ служилъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета и, выслуживъ полную пенсію, въ чинѣ статскаго совѣтника вышелъ уже окончательно въ отставку. Послѣдніе годы жизни Лажечниковъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался.

Литературная дѣятельность Лажечникова началась очень рано. Еще мальчикомъ онъ сочинилъ на французскомъ языкѣ описаніе «Мячкова кургана», написалъ на томъ же языкѣ стихотвореніе, а 15-ти лѣтъ уже выступилъ со статьею «Мысли», которая была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» за 1807 г. Въ слѣдующемъ 1808 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатана «Военная пѣснь» Лажечникова и нѣсколько стихотвореній въ «Аглаѣ», въ 1811 г. въ «Вѣстникѣ Европы»—разсужденіе «О безпечности». Съ 1817 г. въ «Вѣстникѣ Европы», «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» и «Сынѣ Отечества» появляются отрывки изъ походныхъ записокъ Лажечникова, касающихся событій 1812 г. Въ этомъ же году онъ собралъ все напечатанное въ разныхъ журналахъ и издалъ въ одной книгѣ подъ заглавіемъ «Первые опыты въ стихахъ и прозѣ», впослѣдствіи, однако, имъ же самимъ уничтоженной. Въ автобіографіи своей Лажечниковъ говоритъ, что началъ писать, увлеченный моднымъ сентиментализмомъ, и что уничтожилъ впослѣдствіи свои «Первые опыты», такъ какъ устыдился ихъ. Отрывки напечатанныхъ писемъ были также собраны и въ 1820 г. изданы подъ заглавіемъ «Походныя записки русскаго офицера», съ посвященіемъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, удостоившей автора подаркомъ золотыхъ часовъ. Записки имѣли успѣхъ и въ 1836 г. вышли 2-мъ изданіемъ. Въ 1826 г. Лажечниковъ началъ писать свой первый историческій романъ «Послѣдній Новикъ», собирая и изучая матеріалы, относящіеся до сюжета романа—завоеванія Лифляндіи русскими. Съ этою цѣлью онъ посѣтилъ Лифляндію, изученіе которой началось впрочемъ гораздо раньше: уже въ «Походныхъ запискахъ» подъ 1815 г. помѣщенъ отрывокъ «Исторія города Дерпта». «Послѣдній Новикъ» выходилъ по частямъ. Первая часть 1-й книги была напечатана въ альманахѣ «Сиротка» 1831 г., а затѣмъ въ томъ же году вышли сполна 1 и 2 часть. Весь романъ закончился въ 1833 г. «Послѣдній Новикъ» имѣлъ громадный успѣхъ: въ теченіе перваго же года онъ вышелъ 2-мъ изданіемъ, а затѣмъ и 3-мъ. Авторъ удостоился получить по бриллiантовому перстню отъ императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны. Слѣдующими крупными произведеніями Лажечникова были романы «Ледяной домъ» (1835 г.), имѣвшій не меньшій успѣхъ, и «Басурманъ» (1838 г.). Послѣ «Басурмана» наступилъ перерывъ въ литературной дѣятельности Лажечникова и въ теченіе 18 лѣтъ имя его встрѣчается рѣже. За этотъ періодъ имъ были написаны драмы «Опричникъ», запрещенная цензурой и напечатанная въ 1859 г., «Горбунъ», «Христіернъ II и Густавъ Ваза», и «Дочь еврея» или «Вся бѣда отъ стыда», комедія «Окопировался» и небольшой отрывокъ изъ романа «Колдунъ на Сухаревой башнѣ». Съ 1856 г. Лажечниковъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, изъ которыхъ «Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе» («Русскій Вѣстникъ» 1856 г.), романъ «Немного лѣтъ спустя» (1862 г.), небольшая статья «Новобранецъ 12-го года»—представляютъ воспоминанія о дѣтствѣ автора и заключаютъ въ себѣ немало автобіографическихъ свѣдѣній. Затѣмъ послѣдовали статьи «Мое знакомство съ Пушкинымъ», «Замѣтки для біографіи Бѣлинскаго» («Московскій Вѣстникъ» 1859 г.), «Воспоминанія о Ермоловѣ» («Русскій Вѣстникъ» 1864 г.) и «Какъ я зналъ Магницкаго» («Русскій Вѣстникъ» 1866 г.). Послѣдними произведеніями Лажечникова были романъ «Внучка панцырнаго боярина», касающійся отношеній Россіи и Польши («Всемірный Трудъ» 1868 г.) и передѣланная изъ «Басурмана» драма «Матери соперницы». Литературная извѣстность Лажечникова основывается главнымъ образомъ на его трехъ историческихъ романахъ, доставившихъ въ свое время автору ихъ имя перваго русскаго романиста. Они отмѣчены печатью недюжиннаго литературнаго таланта; ихъ фабула естественна и интересна, типы обрисованы жизненными чертами и, насколько это было возможно въ то время, исторически вѣрны.

Въ этомъ отношеніи Лажечникову подсказывалъ вѣрную дорогу его искренній и живой патріотизмъ. Онъ самъ прямо говоритъ въ 1-й главѣ «Послѣдняго Новика»: «Чувство, господствующее въ моемъ романѣ, есть любовь къ отчизнѣ». Успѣхъ Лажечникова былъ признанъ и современною критикою. Бѣлинскій, въ отзывѣ о «Новикѣ», называетъ этотъ романъ «произведеніемъ необыкновеннымъ, ознаменованнымъ печатью высокаго таланта»; Пушкинъ въ письмѣ къ Лажечникову, говоря о его романѣ «Ледяной домъ», писалъ: «поэзія всегда останется поэзіей и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ». «Новикъ» переведенъ на нѣмецкій языкъ, «Басурманъ»—на англійскій, а «Ледяной домъ»—на французскій, нѣмецкій, шведскій, датскій, хорватскій и новогреческій. По случаю 50-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности Лажечникова, 4 мая 1869 г., Императоръ Александръ Николаевичъ пожаловалъ ему брилліантовый перстень «во вниманіе къ почетной извѣстности въ литературѣ», а Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ удостоилъ его слѣдующимъ рескриптомъ: «Иванъ Ивановичъ! Узнавъ о совершившемся пятидесятилѣтіи вашей литературной дѣятельности, вмѣняю себѣ въ удовольствіе привѣтствовать васъ въ день, предназначенный къ празднованію этого событія. Мнѣ пріятно заявить вамъ при этомъ случаѣ, что «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ» и «Басурманъ», вмѣстѣ съ романами покойнаго Загоскина, были, въ первые годы молодости, любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу. Не сомнѣваюсь, что и ваши произведенія, по духу, которымъ они проникнуты, всегда согласовались со свойственными каждому русскому человѣку чувствами преданности Государю и Отечеству и ревности о благѣ, о правдѣ и чести народной. Препровождаемый при семъ портретъ мой да послужитъ вамъ во свидѣтельство моего уваженія къ заслугамъ многолѣтней вашей дѣятельности». Въ этихъ словахъ дана краткая, но вполнѣ вѣрная оцѣнка дѣятельности и значенія Лажечникова.

Полное собраніе сочиненій И. И. Лажечникова изд. Т-ва М. О. Вольфа, Спб. 1899 г., въ первомъ томѣ Критико-біограф. очеркъ С. А. Венгерова: статья М. Н. Лонгинова въ «Атенеѣ», 1858, № 32; «Празднованіе юбилея пятидесятилѣт. литер. дѣят. Л—ва», М. 1869; статья Л. Пелюбова въ «Русск. Вѣст.», 1869, № 10; «Соврем. Извѣстія», 1869, №№ 100, 108, 110, 119, 174, 177, 179; Геннади, «Словарь».

А. Ф.л.

Лазаревъ, *Андрей Петровичъ*, вице-адмиралъ, начальникъ 1-й флотской дивизіи, род. въ 1788 г., ум. 11 сентября 1849 г.; братъ адмирала М. П. Лазарева. Окончивъ курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1804 г., въ теченіе 5½ лѣтъ находился въ морскихъ кампаніяхъ; въ 1806 г. участвовалъ въ блокадѣ Рагузы и при взятіи острова Курцола овладѣлъ 14-типушечною шкуною и нѣсколькими купеческими судами; въ 1812 г. на кораблѣ «Борей» крейсировалъ у англійскихъ и голландскихъ береговъ; въ 1815 г. былъ командиромъ катера «Янусъ»; въ 1819 г. былъ отправленъ на бригѣ «Новая Земля» въ Ледовитое море для описанія береговъ Новой Земли; вернувшись въ слѣдующемъ году въ Кронштадтъ, напечаталъ свои записки, веденныя во время плаванія по Ледовитому морю, подъ заглавіемъ: «Плаваніе брига «Новая Земля» подъ начальствомъ лейтенанта А. Лазарева въ 1819 году». Въ 1822—1824 гг. совершилъ плаваніе къ берегамъ Сѣверной Америки на шлюпѣ «Ладога» и описалъ его въ книгѣ: «Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ «Ладога» капитанъ-лейтенанта Лазарева»; въ 1825 г. назначенъ командиромъ 12 флотскаго экипажа; въ 1832 г. управлялъ экспедиціей отряда военныхъ судовъ, перевозившей раненыхъ изъ Данцига въ Кронштадтъ; съ 1832 г. по 1839 г., будучи контръ-адмираломъ, командовалъ 2-ю бригадой 2-й флотской дивизіи, 3 бригадой 1 флотской дивизіи и наконецъ 1-й флотской дивизіей; въ 1842 г. произведенъ въ вице-адмиралы.

«Морской Сборникъ», 1849 г., стр. 682; Кронштадт. Вѣстн.», 1867 г. № 107.

Лазаревъ, *Иванъ Давыдовичъ*, генералъ-адъютантъ, род. въ 1821 г., ум. 13 августа 1879 г. Происходилъ изъ карабахскихъ бековъ, службу началъ въ 1839 г. рядовымъ Ширванскаго полка. При гер-

кулесовскомъ ростѣ и сложеніи отличался выдающеюся храбростью. Въ 1842 г. произведенъ въ прапорщики. Принималъ участіе во многихъ дѣлахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ и всѣ чины и ордена получилъ за боевыя отличія. Выдающіяся услуги оказалъ Лазаревъ въ 1848 г., во время дѣйствія противъ сильно укрѣпленной позиціи у Ахты. Въ 1850 г., въ чинѣ капитана, управлялъ Мехтулинскимъ ханствомъ, въ 1859 г. командовалъ войсками въ Среднемъ Дагестанѣ, управлялъ Даргинскимъ округомъ, участвовалъ въ осадѣ и взятіи Гуниба. Въ 1860 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1866 г. въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи. Занимая административные посты, выказалъ большое умѣнье обращаться съ горцами и выдающіяся административныя способности. Турецкая война 1877—1878 г.г. дала случай Лазареву обнаружить и настоящія дарованія военачальника. Первоначально онъ оставался нѣсколько въ тѣни; ему поручено было управленіе занятыми областями. Но принявъ участіе въ операціяхъ, связанныхъ съ обложеніемъ Карса, онъ быстро выдвинулся на одно изъ первыхъ мѣстъ среди кавказскихъ боевыхъ генераловъ.

Аладжа, отрогъ Кара-дага, наполняетъ своими развѣтвленіями южныя части Карской области; съ занимавшими эти горы турецкими войсками происходили бои 6 августа, 13 августа, 20, 21 и 22 сентября 1877 г., не приведшіе къ рѣшительному результату, несмотря на проявленную войсками храбрость и понесенныя ими большія потери. Тогда рѣшено было произвести обходное движеніе, на протяженіи 80 верстъ, съ цѣлью ударить туркамъ въ тылъ. Назначенный для этого движенія отрядъ, въ составѣ 23 бат., 29 эскадроновъ и сотенъ, съ 76 орудіями, былъ порученъ Лазареву. 27 сентября онъ началъ движеніе отъ Кизилъ-Тапу и Большихъ Ягнъ, къ Камбинскому посту и далѣе. Преодолѣвъ чрезвычайныя трудности, Лазаревъ 30 сентября достигъ намѣченнаго пункта, совершенно скрытно отъ непріятеля. 1 и 2 октября произошли стычки съ турками, которые не сразу уяснили себѣ, что это за отрядъ появился у нихъ въ тылу; понявъ опасность, они произвели на него нѣсколько сильныхъ атакъ, но были отражены и даже Лазаревъ продвинулся къ Базарджику; съ достиженіемъ имъ этого пункта турецкая армія была почти окружена. 3 октября, послѣ продолжительнаго и упорнаго боя подъ Авліаромъ, турки были совершенно разбиты и отступили, оставивъ въ плѣну до 7000 чел. и до 35 орудій. Наши потери были до 1500 чел. Эти бои существенно измѣнили положеніе дѣлъ на Азіатскомъ театрѣ войны; Измаилъ-паша, заставившій уже наши войска снять осаду Карса, отступилъ; престижъ нашихъ войскъ въ глазахъ полудикаго курдскаго населенія чрезвычайно поднялся. Лазаревъ получилъ за эти дѣйствія орденъ св. Георгія 3 ст.

Послѣ побѣды при Авліарѣ снова былъ обложенъ Карсъ и возобновлены противъ него осадныя дѣйствія; главное руководительство ими поручено Лазареву. Съ 10 октября началась тѣсная блокада. Однако, веденіе осадныхъ работъ неминуемо должно было бы затянуться, вслѣдствіе условій грунта, а было желательно покончить операціи подъ Карсомъ до наступленія зимы, крайне суровой въ этой мѣстности вслѣдствіе высокаго положенія позицій. 29 октября окончена была постройка батарей, 30 началось бомбардированіе. Лазаревъ каждую ночь производилъ тревоги, высылая охотничьи команды: онъ имѣлъ въ виду пріучить турокъ къ этимъ несерьезнымъ ночнымъ предпріятіямъ и тѣмъ обезпечить успѣхъ штурма; такъ, дѣйствительно, и вышло: гарнизонъ привыкъ къ этимъ ночнымъ перестрѣлкамъ и почти не обращалъ на нихъ вниманія; не обратилъ вниманія первое время и на ту перестрѣлку, которою начался штурмъ. Штурмъ, какъ извѣстно, кончился блистательнымъ взятіемъ Карса (6 ноября). За участіе въ этомъ дѣлѣ Лазаревъ получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. вслѣдъ затѣмъ прусскій орденъ Pour le mérite, 26 ноября 1878 г. произведенъ въ генералъ-адъютанты и впослѣдствіи назначенъ командиромъ 2 кавказскаго корпуса.

Когда весною 1879 г. рѣшена была экспедиція въ туркменскую степь, начальникомъ ея былъ назначенъ Лазаревъ. Прибывъ въ Чекишляръ, онъ готовилъ дальнѣйшія движенія. Все обѣщало ему успѣхъ; его богатырская внѣшность, умѣнье говорить съ представителями восточныхъ племенъ, произвели глубокое впечатлѣніе на кочевниковъ; они уже называли его «главнокомандующій богатырь» и едва ли было бы оказано серьезное сопротивленіе

его отряду—но Лазаревъ умеръ, почти скоропостижно, отъ карбункула.

«Русс. Инвал.», 1879 г., № 189, 196; «Энцикл. воен. и мор. наукъ», т. I, IV; «Аладжа», «Карсъ», «Лазаревъ»; Гиппіусъ. «Осада и взятіе Карса».

Лазаревъ, *Иванъ Лазаревичъ*. Выходецъ изъ Персіи; пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ 1760-хъ г.г. и привезъ съ собою очень крупный брилліантъ, который былъ пріобрѣтенъ отъ него за весьма значительную сумму графомъ Гр. Гр. Орловымъ для поднесенія императрицѣ Екатеринѣ. Получивъ эту значительную сумму, Лазаревъ пустился въ большія денежныя операціи, скоро доставившія ему крупныя богатства. Достигнувъ назначенія совѣтника въ коммерческомъ банкѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Во всю свою жизнь онъ не переставалъ покровительствовать своимъ единоплеменникамъ армянамъ и привлекъ многія тысячи изъ нихъ въ Россію; учредилъ многія благотворительныя и учебныя заведенія, имѣвшія преимущественно въ виду интересы и пользу этихъ переселенцевъ. Умеръ 26 октября 1801 г.

Зиновьевъ А., «Истор. очеркъ Лазаревск. Института»; Кананосъ, «Рѣчи и отчетъ по случаю пятидесятилѣтія Лазарев. института»; его же, «Семидесятилѣтіе Лазаревскаго института».

Лазаревъ, *Иванъ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, убитъ 18 апрѣля 1803 г. Изъ дворянъ казанской губерніи; образованіе получилъ въ Сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ. Въ 1799 г., состоя шефомъ 17 Егерскаго полка, отправленъ былъ въ Тифлисъ. Престарѣлый и больной царь Грузіи Георгій XII Иракліевичъ видѣлъ, что послѣ его смерти царство сдѣлается ареною всевозможныхъ бѣдствій: онъ оставлялъ нѣсколько взрослыхъ сыновей отъ разныхъ женъ, и не могъ заставить всѣхъ своихъ дѣтей подчиниться которому бы то ни было изъ числа ихъ, котораго бы онъ назначилъ своимъ преемникомъ. Нѣсколько разъ царевичи дѣлали попытки возстать противъ царя, выдѣлиться изъ царства съ самостоятельнымъ владѣніемъ, но Лазаревъ успѣшно боролся съ ними, частью переговорами, частью военными экспедиціями, а иногда и небольшими военными стычками; наиболѣе крупною была побѣда, одержанная имъ 7 ноября 1800 г. у рѣчки Іорны, надъ Оманъ-ханомъ аварскимъ, который вторгся въ Грузію съ силами приблизительно въ 15.000 чел.; въ распоряженіи Лазарева въ Грузіи было къ этому времени, съ прибывшими подкрѣпленіями, до 7 баталіоновъ.

20 декабря 1800 г. умеръ царь Георгій; Лазаревъ успѣлъ удержать всѣхъ царевичей отъ попытокъ захватить престолъ, выставляя необходимость дождаться рѣшенія императора Павла Петровича. 16 и 17 февраля былъ торжественно провозглашенъ въ присутствіи Лазарева, сначала въ грузинскихъ, а потомъ въ армянскихъ церквахъ, манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. По словамъ Лазарева населеніе встрѣтило манифестъ съ живѣйшимъ восторгомъ; сочувствовали этому и нѣкоторыя знатныя фамиліи; но представители царскаго дома были очень недовольны и, скрывая свои чувства, втайнѣ готовили смуту. Подъ благовидными предлогами Лазаревъ ловко успѣлъ удалить изъ Грузіи всѣхъ сыновей покойнаго царя; мало по малу они выѣхали въ Россію. Дольше всѣхъ противилась требованію оставить Грузію вдова царя, царица Марія Георгіевна, женщина властнаго, крутого характера, нескрывавшая неудовольствія на то, что сынъ ея не получаетъ царства. 18 апрѣля Лазаревъ получилъ извѣстіе, что царица рѣшила бѣжать изъ Тифлиса. Онъ явился самъ къ ней и черезъ переводчика имѣлъ продолжительное объясненіе; царица, наконецъ, выразила согласіе ѣхать въ Россію и подозвала къ себѣ Лазарева, чтобы проститься—и въ тотъ же моментъ, выхвативъ кинжалъ, нанесла ему такой ударъ, что Лазаревъ, не добѣжавъ до двери, упалъ мертвымъ. Населеніе пришло въ ужасъ, ожидая страшнаго мщенія со стороны русскаго правительства; кн. Циціановъ не сразу могъ успокоить жителей. 22 апрѣля состоялись торжественныя похороны Лазарева. Царица Марья была выслана въ день убійства Лазарева.

Надо еще прибавить, что онъ обратилъ вниманіе на способности П. С. Котляревскаго, котораго случайно встрѣтилъ, когда будущему герою было всего 10 лѣтъ; онъ взялъ его къ себѣ въ 1793 г. и, лишившись вскорѣ жены и единственной дочери, привязался какъ къ сыну къ даровитому юношѣ, впослѣдствіи такъ прославившемуся на Кавказѣ.

«Акты, собранные Кавказ. археогр. комиссіей», подъ ред. Берже, тт. I, II; Дубровинъ, «Закавказье»;

его же. «Исторія войны и владыч. рус. на Кавказѣ», т. IV; Соллогубъ. «Біографія ген. Котляревскаго».

Лазаревъ, *Лазарь Эммануиловичъ*, экстраординарный профессоръ на каѳедрѣ турецко-татарскаго и персидскаго языковъ въ Лазаревскомъ институтѣ, ум. 18 января 1884 г. Былъ еще мальчикомъ, когда былъ вывезенъ однимъ русскимъ сановникомъ изъ Персіи, гдѣ родился, и помѣщенъ въ Тифлисскую гимназію. Въ 1842 г. окончилъ курсъ гимназіи и сдѣлался преподавателемъ въ двухъ высшихъ классахъ Елизаветпольской гимназіи. Въ 1850 г. былъ приглашенъ на должность преподавателя турецко-татарскаго языка въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института. Въ 1853 г. выдержалъ кандидатскій экзаменъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ и въ 1862 г. защитилъ диссертацію на степень магистра восточной словесности: «Разборъ поэмы Мухаммеда Фазули: Лейлэве-Меджнунъ». Съ 1863 г. былъ преподавателемъ въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института. Въ 1871 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а 1882 г. чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Изъ трудовъ Лазарева, кромѣ помянутой диссертаціи, извѣстны: «Турецко-татарско-русскій словарь нарѣчій османскаго, кавказскаго и крымскаго съ приложеніемъ краткой грамматики» (Москва. 1864 г.); «Сравнительная хрестоматія турецкаго языка» (Москва. 1866 г.); «Бѣглый взглядъ на причины, затрудняющія изученіе восточныхъ языковъ» (1871 г.).

Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ писателей», вып. IV; «Астраханскій справочный листокъ», 1871 г. №№ 88—92; «Московскія Вѣдомости», 1884 г. № 26; «Современная Лѣтопись», 1864 г. № 14. *Б. Г.*

Лазаревъ, *Михаилъ Петровичъ*, адмиралъ, генералъ-адъютантъ, род. 3 ноября 1788 г., ум. 11 апрѣля 1851 г. Сынъ правителя Владимірскаго намѣстничества, П. Гавр. Лазарева (ум. въ 1800 г.), братъ вице-адмирала А. П. Лазарева. Образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; 23 мая 1803 г. произведенъ въ гардемарины и 27 мая того же года отправленъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими воспитанниками корпуса, волонтеромъ въ англійскій флотъ. На судахъ его Лазаревъ плавалъ почти 5 лѣтъ, посѣтилъ Вестъ-Индію и пріобрѣлъ весьма основательныя познанія и въ практикѣ и въ теоріи морского дѣла. Въ Россію возвратился 27 мая 1808 г., произведенный въ мичманы 27 декабря 1807 г. Въ томъ же 1808 г. принялъ участіе въ войнѣ съ Англіей и Швеціей и, вызвавшись идти на помощь русскому кораблю «Всеволодъ», атакованному близъ Балтійскаго порта двумя англійскими кораблями, былъ взятъ въ плѣнъ, когда «Всеволоду» послѣ мужественной обороны пришлось сдаться; впрочемъ, плѣнъ его былъ очень кратковременнымъ. Въ теченіе 1809—1813 г. ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1811 г. произведенъ былъ въ лейтенанты. Въ 1813 г. приглашенъ былъ на службу въ Россійско-американскую компанію и 8 октября 1813 г. вышелъ изъ Кронштадта, командуя судномъ «Суворовъ». Это было первымъ самостоятельнымъ далекимъ плаваніемъ Лазарева. Обогнувъ Южную Америку, онъ 14 ноября 1814 г. достигъ селенія Новоархангельскаго. Но весною же 1815 г. у Лазарева вышли пререканія съ Барановымъ, уполномоченнымъ компаніи; привыкнувъ распоряжаться полновластно, Барановъ предложилъ Лазареву исполнить совершенно не тѣ порученія, какія принималъ на себя Лазаревъ, вступая на службу компаніи: Барановъ требовалъ, чтобы Лазаревъ на своемъ суднѣ перевезъ въ Камчатку нѣкоторые товары, а когда Лазаревъ отказался — Барановъ потребовалъ, чтобы Лазаревъ со своимъ невооруженнымъ судномъ сталъ подъ выстрѣлами береговыхъ укрѣпленій. Тогда Лазаревъ въ одну ночь снарядилъ судно къ плаванію и на другой день утромъ вышелъ изъ гавани Ситхи въ море; Барановъ былъ внѣ себя отъ поступка Лазарева и послалъ ему въ догонку нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которые, однако, не заставили Лазарева возвратиться. Онъ направился въ Европу и 15 іюля 1816 г. прибылъ въ Кронштадтъ, совершивъ благополучно длинный переходъ, къ которому изготовился такъ поспѣшно; въ этомъ случаѣ ярко выступили и энергія Лазарева, и отличное знаніе имъ морского дѣла, и умѣнье обращаться съ подчиненными, заслуживая ихъ безусловное довѣріе. По возвращеніи Лазареву пришлось представить компаніи свой отчетъ и, несмотря на все вліяніе Баранова, было признано, что Лазаревъ вполнѣ правъ, а Барановъ, за превышеніе своихъ полномочій, былъ удаленъ отъ должности. Лазаревъ вновь вступилъ

во флотъ и въ 1817 г. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1819 г. снаряжена была, подъ начальствомъ капитана Беллинсгаузена, экспедиція для изслѣдованія водъ Южнаго Ледовитаго океана; въ составъ ея вошли шлюпы «Востокъ», подъ командою Беллинсгаузена, и «Мирный», подъ командою Лазарева; «Мирный» былъ построенъ собственно какъ транспортное судно и назывался первоначально «Ладога»; теперь, когда рѣшено было употребить его въ дальное плаваніе, Лазареву было поручено сдѣлать на немъ приспособленія, которыя бы дали судну возможность сколько нибудь сравняться въ быстротѣ хода съ «Востокомъ», и вынести дальнее плаваніе; и Лазаревъ вполнѣ успѣшно выполнилъ эту задачу.

Экспедиція вышла изъ Кронштадта 21 іюля 1819 г. и благополучно возвратилась 24 іюля 1821 г., совершивъ всего свыше 86.000 верстъ. Экспедиція Беллинсгаузена посѣтила воды, еще никѣмъ не посѣщенныя, и довольно долго послѣ нея ни одно судно не проникало ближе къ южному полюсу, чѣмъ русскіе шлюпы «Востокъ» и «Мирный»; было открыто нѣсколько острововъ и одинъ изъ нихъ, между прочимъ, названъ именемъ Лазарева; въ теченіе цѣлаго мѣсяца, отъ 4 марта до 3 апрѣля 1820 г., Лазаревъ плавалъ одинъ, потому что суда разъединились во время бури; экспедиція закончилась вполнѣ благополучно. По возвращеніи Лазаревъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и кромѣ того, ему сохранено по смерть добавочное жалованье по чину лейтенанта, въ какомъ былъ онъ въ плаваніи.

Въ слѣдующемъ году Лазаревъ, назначенный командиромъ фрегата «Крейсеръ», отправленъ въ третье кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго благополучно возвратился 24 августа 1825 г. Это было первое дальнее плаваніе военнаго русскаго судна. Лазаревъ сумѣлъ во все путешествіе поддерживать на фрегатѣ замѣчательный порядокъ, и блестящій видъ, въ какомъ судно возвратилось, вызвалъ общее удивленіе. И въ этомъ плаваніи проявилось рѣдкое умѣнье Лазарева вліять на своихъ сотрудниковъ; впослѣдствіи, въ черноморскомъ флотѣ всѣ порядки были заведены по образцу тѣхъ, какіе соблюдалъ Лазаревъ на «Крейсерѣ». Лазаревъ по возвращеніи произведенъ былъ въ чинъ капитана 1 ранга, получилъ орденъ Владиміра 3 ст. и за нимъ сохранено, въ прибавку къ жалованью, жалованье по чину капитана 2-го ранга въ какомъ онъ совершилъ плаваніе.

27 февраля 1826 г. Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ 12 флотскаго экипажа и по его непосредственнымъ указаніямъ законченъ и снаряженъ въ Архангельскѣ корабль «Азовъ». Корабль этотъ долгое время служилъ образцомъ, по которому сооружались другіе русскіе корабли. 5 октября 1827 г. Лазаревъ пришелъ въ Кронштадтъ съ кораблями «Азовъ», «Іезекіиль» и шлюпомъ «Смирный»; съ 21 мая по 8 авг. 1827 г. былъ на «Азовѣ» въ эскадрѣ адм. Сенявина, въ Средиземномъ морѣ, а 8 авг. поступилъ подъ команду вице адмирала Л. Ѳ. Гейдена и сдѣланъ начальникомъ его штаба, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ «Азова». Въ сраженіи при Наваринѣ, 8 октября 1827 г., Лазаревъ принялъ выдающееся участіе; гр. Гейденъ свидѣтельствовалъ въ реляціи, что онъ дѣйствовалъ «съ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ примѣрнымъ». Корабль «Азовъ» занималъ центральное мѣсто въ битвѣ и подвергался особенно сильному огню; «Азовъ» дѣйствовалъ превосходно и, несмотря на необходимость отражать нападеніе непріятеля, значительно превосходившаго количествомъ судовъ и артиллеріи, подалъ существенную помощь одному изъ судовъ союзной эскадры, оказавшемуся въ критическомъ положеніи. За участіе въ этой битвѣ Лазаревъ произведенъ въ контръ-адмиралы и получилъ ордена отъ королей англійскаго, французскаго и греческаго. Въ 1828 и 1829 г. находился въ Средиземноморской эскадрѣ и принималъ участіе въ блокадѣ Дарданеллъ. Въ декабрѣ 1829 г. Лазареву дано было Высочайшее повелѣніе: возвратиться съ эскадрою изъ 4 кораблей, 3 фрегатовъ, 1 корвета и двухъ бриговъ, въ Кронштадтъ непремѣнно къ 1 мая 1830 г., по возможности менѣе заходя въ иностранные порты. Лазаревъ не заходилъ ни въ одинъ иностранный портъ послѣ Мальты и опоздалъ всего на 12 дней, между прочимъ потому, что у входа въ Финскій заливъ былъ нѣсколько дней задержанъ льдомъ. Государь Николай Павловичъ былъ очень доволенъ дѣйствіями Лазарева и 17 февраля 1832 г. назначилъ его начальникомъ штаба Черноморскаго флота и пожаловалъ ему аренду въ 1.000 р. серебромъ на 12 лѣтъ.

14 января 1833 г. Лазаревымъ было получено Высочайшее повелѣніе идти въ Константинополь для оказанія поддержки султану турецкому противъ взбунтовавшагося противъ него египетскаго паши. Необыкновенно быстро, въ теченіе менѣе трехъ недѣль, Лазаревъ снарядилъ суда уже окончившія компанію, 2 февраля вышелъ изъ гавани и 8 февраля уже кинулъ якорь въ виду Буюкъ-Дере; онъ привелъ съ собою 4 линейные корабля, 3 фрегата, 1 корветъ, 1 бригъ. Появленіе этой эскадры произвело большое впечатлѣніе, а когда вслѣдъ затѣмъ прибыли еще два отряда и десантъ, то желанія Россіи были принимаемы въ уваженіе гораздо внимательнѣе, чѣмъ прежде. Лазаревъ отлично воспользовался своею почти полугодовою стоянкою въ виду турецкой столицы и В. А. Корниловъ—впослѣдствіи знаменитый адмиралъ, котораго уже тогда Лазаревъ отличалъ,—собралъ весьма важныя свѣдѣнія о проливахъ и о береговыхъ укрѣпленіяхъ. Во время пребыванія подъ Константинополемъ Лазаревъ, 2 апрѣля 1833 г., былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а 1 іюля назначенъ генералъ-адъютантомъ; султанъ пожаловалъ ему золотую медаль, выбитую въ память пребыванія русскаго флота на Босфорѣ, и свой портретъ, осыпанный брилліантами, для ношенія въ петлицѣ. По возвращеніи съ эскадрою въ русскіе порты, Лазаревъ, 2 августа 1833 г., начначенъ исправляющимъ должность главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, 31 декабря 1834 г. утвержденъ въ этой должности, которую и занималъ до самой кончины.

Семнадцатилѣтнее управленіе Лазарева черноморскимъ нашимъ флотомъ было весьма важно по своимъ результатамъ. Лазаревъ искренно любилъ морское дѣло, превосходно его зналъ и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы поставить нашъ черноморскій флотъ въ уровень съ лучшими европейскими флотами. Въ сотрудничествѣ съ Корниловымъ, занявшимъ постъ начальника главнаго штаба черноморскаго флота, Лазаревъ выработалъ къ 1846 г. подробные штаты устройства и вооруженія военныхъ кораблей, штаты, которые по единогласному признанію современниковъ были замѣчательно хорошо составлены. Лазаревъ успѣлъ создать полный, по штату, комплектъ судовъ, причемъ всѣ суда были построены по наилучшимъ чертежамъ, отлично вооружены и снабжены хорошо обученными командами; устроено въ Николаевѣ большое адмиралтейство, небольшое въ Новороссійскѣ и составленъ проектъ адмиралтейства въ Севастополѣ; оконченное уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Лазарева оно названо Лазаревскимъ. Гидрографическое черноморское депо, до того времени влачившее жалкое существованіе, улучшено, усилено и скоро появились отличные атласы и лоціи Чернаго и Азовскаго морей. Всѣ эти крупныя заслуги дополняются еще одною, важнѣйшею: обладая удивительнымъ даромъ выбирать людей, Лазаревъ выдвинулъ цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей русскаго флота. Корниловъ, пріѣхавшій въ Черноморскій флотъ молодымъ, легкомысленнымъ офицеромъ, былъ сразу оцѣненъ Лазаревымъ и, можно сказать, имъ воспитанъ: Нахимовъ былъ долгое время флагъ-офицеромъ Лазарева, затѣмъ эту должность занималъ Шестаковъ, впослѣдствіи морской министръ; изъ школы Лазарева вышелъ Истоминъ и еще многіе другіе.

Въ 1838, 1839 и 1840 г.г. Лазаревъ ходилъ съ эскадрой къ берегамъ Кавказа, перевозя десантный отрядъ ген. Раевскаго, и отличною своею распорядительностью много способствовалъ успѣшности высадокъ около Туапсе, Псезуапсе, Субаши и Шапсухо; по повелѣнію Императора Николая Павловича одно изъ береговыхъ укрѣпленій наименовано Лазаревскимъ. Государь вообще высоко цѣнилъ и щедро награждалъ Лазарева: въ 1834 г. онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст., въ 1837—орденомъ Александра Невскаго, а въ 1842 г. брилліантовыми его знаками; 10 октября 1843 г. произведенъ въ адмиралы, въ 1845 г. получилъ орденъ Св. Владиміра I ст., а въ 1850—Андрея Первозваннаго; всѣ эти пожалованія сопровождались милостивыми, крайне лестными, рескриптами; денежная аренда, пожалованая Лазареву, были постепенно продолжена и увеличена до 2000 р. сер. въ годъ.

Въ 1843 г. Лазаревъ почувствовалъ первые признаки серьезной болѣзни, но не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Болѣзнь стала быстро усиливаться, а Лазаревъ все не хотѣлъ покидать любезнаго ему дѣла. Наконецъ, къ началу 1851 г. ракъ желудка, которымъ страдалъ Лазаревъ, развился до такой степени, что адмиралъ

почти не могъ принимать никакой пищи. Тогда близкіе его довели объ этомъ до свѣдѣнія самого Императора и Государь написалъ Лазареву рескриптъ, въ которомъ выражалъ «какъ участіе свое, такъ и желаніе, чтобы онъ поспѣшилъ прибѣгнуть къ врачебнымъ пособіямъ для возстановленія силъ. Если только съ желаніемъ Вашимъ согласно, писалъ Государь, временное отдохновеніе отъ занятій и путешествіе на воды или куда либо по совѣту врачей, то Я, озабочиваясь сохраненіемъ цѣнимой Мною дѣятельной и полезной жизни вашей, не только дозволяю вамъ, но даже прошу послѣдовать указаніямъ медиковъ, не стѣсняясь нисколько лежащими на васъ обязанностями». Только послѣ этого Лазаревъ сдалъ управленіе флотомъ и уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и умеръ 11 апрѣля 1851 г., ни разу не обнаруживъ никакимъ знакомъ своихъ ужасныхъ страданій.

Прахъ его привезенъ былъ въ Россію и преданъ землѣ въ Севастополѣ; 8 сентября 1867 г. въ этомъ городѣ, тогда еще лежавшемъ въ развалинахъ, состоялось торжественное открытіе памятника Лазареву; на открытіи этомъ Свиты Его Величества контръ-адмиралъ И. А. Шестаковъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой живо очертилъ заслуги знаменитаго адмирала по созданію русскаго флота и высокихъ качествъ русскихъ моряковъ.—Лазаревъ былъ почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Казанскаго университета и Одесскаго общества исторіи и древностей.

«Справочный Энцикл. лексиконъ», Края, т. VII; «Энциклоп. военныхъ и морскихъ наукъ». Лесра: «Журн. для чтенія воспит. военно-учеб. завед. 1855, т. 107 и «Морской Сборн.», 1851, № 7—въ этихъ журналахъ помѣщена одна и та же біографія: Муравьевъ, «Русскіе на Босфорѣ»; Тихменевъ, «Исторія русско-амер. компаніи»; Богдановичъ. Е., Наваринъ».

Б. Г—въ.

Лазаревъ - Станищевъ, *Тимоѳей Юматовичъ.* Ум. послѣ 1613 г. Разбиралъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ 1589 г. въ Старицѣ, въ 1592 г. въ Муромѣ и отводилъ ихъ въ Новгородъ къ кн. Мстиславскому. Въ 1593—1594 г.г. былъ полковымъ воеводой въ Темниковѣ, въ 1595 г.—въ Шацкѣ; въ этомъ же году написанъ по «московскому списку». Въ 1597—1599 г.г. былъ воеводой въ Тобольскѣ, въ 1601 г.—въ Дѣдиловѣ. Въ 1602 г., во время голода, былъ посланъ царемъ Борисомъ въ Псковъ и въ псковскій уѣздъ съ хлѣбомъ и съ деньгами. Въ 1603 г.—объѣзжій голова въ Москвѣ, въ 1603—1605 г.—воевода въ Архангельскѣ. Въ 1609 г., въ сраженіи подъ Нижнимъ Новгородомъ приверженцевъ Тушинскаго вора съ нижегородцами, былъ раненъ и взятъ нижегородцами въ плѣнъ. Въ 1610 г. былъ полковымъ воеводой въ Арзамасѣ, а въ 1612 г.—въ Юрьевцѣ Польскомъ. Въ 1613 г. посланъ боярами и Земскимъ Соборомъ въ Бѣжецкъ.

Румель. I, 513—514; «Акты ист.», II, 155, 158.

Лазарь, монахъ аѳонской горы, часовникъ. Въ 1404 г. устроилъ въ Москвѣ первые часы, на великокняжескомъ дворѣ, за церковью Благовѣщенія. Всѣ очень удивлялись этому невиданному еще чуду; лѣтописецъ посвятилъ ему такія строки: «сій же часникъ наречется часомѣрье, на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощные и дневные; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створенно человѣческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно». Часы эти обошлись въ огромную по тому времени сумму—свыше 150 р., что на наши деньги составляетъ около 20.000 р.

Лѣтопись Троицкая, подъ 1404 г. (6912)—Полн. собр. русск. лѣтописей, I.

Лазарь *(Барановичъ)*, архіепископъ черниговскій, ум. 3 сентября 1693 г. Годъ рожденія неизвѣстенъ; судя по тѣмъ должностямъ, какія онъ занималъ уже въ 40-хъ годахъ XVII в. и по тому, что уже въ началѣ 60-хъ онъ является человѣкомъ не только старымъ, но почти дряхлымъ, вѣроятно, что онъ умеръ почти столѣтнимъ старцемъ. Родомъ изъ Малороссіи, изъ мѣщанъ или крестьянъ; мірское имя его неизвѣстно; неизвѣстно и мѣсто первоначальнаго обученія; окончательное образованіе получилъ въ польскихъ коллегіяхъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ XVII в. получилъ мѣсто наставника въ Кіевской академіи; въ 1650 г. опредѣленъ ректоромъ коллегіи и игуменомъ кіевскаго Братскаго монастыря. Время ректорства Барановича совпало съ эпохою смутною и тяжелою для Малороссіи, съ годами войнъ Хмѣльницкаго. Матеріальныя средства коллегіи оскудѣли, хотя Барановичъ привлекъ нѣсколькихъ лицъ, которыя оказывали ей довольно щедрую денежную

поддержку; и ученики коллегіи не оставались спокойными зрителями событій—они уходили въ ополченія Хмѣльницкаго. Барановичъ оставилъ коллегію и съ 1651 г. жилъ въ монастыряхъ Кіево-кирилловскомъ, Купятицкомъ и Дятеловецкомъ, нося званіе игумна. Въ 1657 г. Барановичъ съ рекомендательными письмами Хмѣльницкаго и Выговскаго отправился въ Молдавію и въ Яссахъ, 8 марта 1657 г., митрополитомъ Гедеономъ былъ хиротонисанъ въ епископа черниговскаго. Въ это время живъ еще былъ престарѣлый черниговскій епископъ Зосима (Прокоповичъ); Барановичъ поселился въ новгородъ-сѣверскомъ Преображенскомъ монастырѣ и до кончины Зосимы, въ 1659 г., въ черниговской епархіи было два епископа—подобные случаи очень рѣдко допускаются въ церковно-административной практикѣ. 13 апрѣля 1857 г. умеръ митрополитъ кіевскій Сильвестръ Коссовъ; Барановичъ получилъ временное блюстительство митрополичьей каѳедры. Подъ его предсѣдательствомъ должны были произойти выборы новаго митрополита; представители московскаго правительства очень домогались, чтобы при этомъ малороссійское духовенство поставило бы себя подъ «благословеніе», т. е. въ зависимость отъ московскаго патріарха. Но подобное рѣшеніе должно было совершенно разорвать связь лѣвобережной и правобережной Украйны, а такой разрывъ насколько былъ желателенъ Москвѣ, настолько же былъ неудобенъ Малороссіи; Барановичъ довольно искусно обошелъ притязанія московскихъ воеводъ. Митрополитомъ былъ избранъ Діонисій Балабанъ, человѣкъ вовсе не склонный къ Москвѣ, и повидимому не безъ поддержки Барановича: по крайней мѣрѣ Діонисій уступилъ Барановичу три протопопіи изъ числа подвѣдомыхъ митрополичьей каѳедрѣ и призналъ черниговскую епархію независимою отъ себя—она теперь была подчинена только константинопольскому патріарху; такое положеніе ея сохранилось во все время управленія ею Барановичемъ. Въ 1660—1661 г. Барановичъ вновь былъ блюстителемъ митрополичьей каѳедры, такъ какъ Діонисій долженъ былъ удалиться. Явившись не сторонникомъ московскихъ притязаній при избраніи митрополита, Барановичъ впослѣдствіи всегда сохранялъ вѣрность Москвѣ и даже въ 1669 г. во время нападенія поляковъ на Новгородъ-Сѣверскій, когда въ Москвѣ усумнились было въ его вѣрности, онъ, лично присутствуя въ городѣ, много способствовалъ отраженію поляковъ; поведеніе его въ этомъ случаѣ обезпечило ему на будущее время неизмѣнно полное довѣріе и благодарность московскаго правительства. 12 октября 1666 г. Барановичъ прибылъ въ Москву, былъ принятъ государемъ и пользовался постоянно знаками особеннаго расположенія. Онъ участвовалъ въ судѣ надъ Никономъ; къ низложенному патріарху онъ относился довольно хорошо, сожалѣлъ его. Московское правительство предполагало на этомъ же соборѣ провести вопросъ о подчиненіи малороссійскаго духовенства московскому патріарху; Барановичу удалось этотъ непріятный вопросъ отстранить; принята была мѣра, которая на будущее время облегчала разрѣшеніе этого вопроса и въ то же время была не непріятна Барановичу: безъ сношенія съ кіевскимъ митрополитомъ черниговская епископія была возвышена въ архіепископію съ нѣкоторыми такими преимуществами, которыя почитаемы были за принадлежащія только митрополитамъ; въ случаѣ, если бы пришлось уступить Кіевъ Польшѣ, предполагалось учредить въ Черниговѣ митрополію и подчиненіе ея Москвѣ было бы уже совершенно легко. Проведя около года въ Москвѣ, поднеся царю и важнѣйшимъ вельможамъ свою книгу «Мечъ духовный», Барановичъ выѣхалъ обратно въ Черниговъ. Съ этого времени онъ принималъ постоянно участіе въ сношеніяхъ Москвы съ гетманами малороссійскими, старался—хотя рѣдко съ успѣхомъ—удерживать въ вѣрности Москвѣ колеблющихся, представлялъ въ Москву ходатайства казаковъ и иногда успѣвалъ своими представленіями содѣйствовать ихъ исполненію; его ходатайства повліяли, послѣ долгаго сопротивленія въ Москвѣ, и на рѣшеніе вывести изъ малороссійскихъ городовъ московскихъ воеводъ,—рѣшеніе добиваться этого было принято на глуховской радѣ 1669 г., на которой участвовалъ и Барановичъ. Въ 1670 г. онъ былъ снова блюстителемъ митрополичьей каѳедры и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы поставить въ зависимость отъ себя, какъ архіепископа черниговскаго, духовенство тѣхъ частей Малороссіи, которыя отходили подъ власть Москвы. Съ московскимъ правительствомъ Барановичъ постоянно сохра-

нялъ наилучшія отношенія; его считали въ Москвѣ дѣятелемъ весьма вліятельнымъ и полезнымъ и награждали деньгами и разными маетностями, которыхъ Барановичъ довольно часто себѣ просилъ. Когда въ 1672 г. старшины казацкіе арестовали и отправили въ Москву гетмана Многогрѣшнаго, замышлявшаго измѣну, Барановичъ окружнымъ посланіемъ увѣщевалъ свою паству сохранить вѣрность государю, участвовалъ затѣмъ на радѣ въ Казачьей Дубравѣ и привелъ къ присягѣ новоизбраннаго гетмана Самойловича. Самойловичъ, вскорѣ укрѣпивъ свою власть, мало по малу устранилъ всякія вліянія представителей духовенства въ сношеніяхъ своихъ съ Москвою; съ 1675 г. Барановичъ жалуется, что онъ «яко мертвый забвенъ». Въ 1685 г., при избраніи новаго митрополита кіевскаго, Лазарь Барановичъ сильно надѣялся получить этотъ санъ; но, отчасти по нерасположенію къ нему Самойловича, отчасти по намекамъ патр. Іоакима, которому престарѣлый Лазарь не казался удобнымъ на митрополичьей каѳедрѣ, митрополитомъ былъ избранъ Гедеонъ Четвертинскій. Онъ къ Лазарю относился довольно недружелюбно, отнялъ у него отданныя ему Діонисіемъ Балабаномъ протопопіи и желалъ подчинить его своей юрисдикціи; но это Барановичу удалось отклонить. Политическое его значеніе, однако, съ этого времени почти кончилось. Въ трудные первые годы соединенія Малой Руси съ Великою онъ содѣйствовалъ до извѣстной степени устраненію столкновеній съ Москвою; но, не проводя какой нибудь положительной программы, онъ потерялъ значеніе, когда жизнь вошла въ обычную колею. Къ тому же, конечно, и годы брали свое.

Лазарь Барановичъ является видным церковнымъ администраторомъ и писателемъ своего времени. Ко времени вступленія его на черниговскую каѳедру епархія была въ весьма печальномъ положеніи. Одни православные монастыри были заброшены или разрушены, другіе обращены въ кляшторы и костелы; православное духовенство было малочисленно, бѣдно и невѣжественно; православныхъ школъ почти не было; во всей области быстро распространялась полонизація. Барановичъ прежде всего организовалъ церковное управленіе: онъ учредилъ по городамъ протопоповъ и намѣстниковъ, которые должны были слѣдить за духовенствомъ, вникать въ хозяйственныя нужды приходовъ, затѣмъ онъ энергично принялся за возстановленіе разрушенныхъ и устройство новыхъ монастырей и церквей: имъ устроено или возобновлено до девяти обителей и нѣсколько церквей; онъ заботился объ матеріальномъ обезпеченіи духовенства и поставилъ непремѣннымъ условіемъ устройства монастыря или церкви, чтобы прихожане надежно обезпечили ихъ содержаніе—и усиленное церковное строительство при такомъ условіи очевидно свидѣтельствовало о подъемѣ религіозной жизни въ краѣ, почти подавленномъ уніатами и католиками. Барановичъ трудился вполнѣ въ духѣ южно-русскихъ церковныхъ братствъ. Онъ перевелъ изъ Новгорода-Сѣверскаго школу въ Черниговъ и значительно ее улучшилъ; особенно хорошо поставлено было у него церковное пѣніе; скоро пѣвчіе изъ его хора получили широкую извѣстность и отъ него выписывали пѣвчихъ въ Москву. Барановичъ устроилъ типографію сначала въ Новгородѣ Сѣверскомъ, затѣмъ въ Черниговѣ; при его жизни она выпустила до 50 сочиненій; сначала, съ 1674 г., типографія работала только въ Новгородѣ, за 1675—1679 гг. въ обоихъ городахъ, съ 1679 г.—только въ Черниговѣ. Барановичъ заботился о развитіи проповѣдничества; онъ находился въ сношеніяхъ съ наиболѣе видными дѣятелями Малороссіи своего времени на этомъ поприщѣ—Гизелемъ, Голятовскимъ, Ясинскимъ; онъ былъ первый, который обратилъ вниманіе на дарованія Дмитрія Туптало, впослѣдствіе знаменитаго митрополита ростовскаго; въ свою очередь и Дмитрій очень уважалъ Барановича и называлъ его «великимъ столпомъ церкви». Самъ Барановичъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ проповѣдниковъ. Онъ издалъ свои проповѣди въ двухъ большихъ сборникахъ «Трубы словесъ проповѣдныхъ», (М. 1674; 2-е изданіе,—Кіевъ, 1679) и «Мечъ Духовный» (Кіевъ, 1667, 2-е изданіе—Кіевъ, 1686). Проповѣди Барановича не отличаются большими достоинствами; но въ свое время онѣ пользовались извѣстностью и почтеніемъ. Въ 1671 г. въ Кіевѣ напечатанъ трудъ Барановича: «Lutnia Apollinowa kazdey sprawie gotowa»—это сборникъ болѣе тысячи стихотвореній: въ похвалу Богородицѣ (около половины всего числа стихотвореній),

о міроустройствѣ, на разные мѣсяцы, времена года и т. п.; это все—риторическія упражненія, не имѣющія особеннаго литературнаго значенія; жизненнѣе содержаніе и лучше форма стихотвореній, говорящихъ о борьбѣ съ татарами, о нѣкоторыхъ недостаткахъ современнаго общества Въ 1676 г. Барановичъ напечаталъ «Nowa Miara starey wiary»—возраженіе на книгу П. Боймы—«Stara wiara», направленной противъ православія; по формѣ и содержанію трудъ Барановича—богословскій трактатъ въ схоластическомъ духѣ, по достоинству не худшій чѣмъ тотъ, которому онъ противупоставленъ. По случаю кончины царя Алексѣя Михайловича Барановичъ отправилъ царю Ѳеодору Алексѣевичу два стихотворенія—одно утѣшительное, другое поздравительное. Еще нѣсколько мелкихъ сочиненій Барановича вышли въ свѣтъ въ теченіе 80-хъ годовъ.

Чувствуя слабость силъ, Барановичъ просилъ, чтобы посвященъ былъ въ епископы Ѳеодосій Углицкій, который бы и замѣстилъ его по кончинѣ. Ѳеодосій посвященъ былъ въ Москвѣ осенью 1682 г., а 3 сентября 1683 г. скончался Лазарь Барановичъ, мѣсто котораго и занялъ Ѳеодосій.

Лазарь Барановичъ былъ человѣкъ энергичный, человѣкъ иниціативы; онъ сыгралъ довольно замѣтную роль и въ установленіи отношеній Малороссіи къ Москвѣ, и въ организаціи церковнаго просвѣщенія и церковной администраціи; какъ литературный дѣятель онъ являлся соединительнымъ звеномъ между литературными и научными тружениками, вызывалъ ихъ къ литературной дѣятельности, помогалъ многимъ своими знаніями и долголѣтнею опытностью.

Сумцовъ. «Лазарь Барановичъ»; Эйнгорнъ. «Сношенія Малор. духов. съ московск. правительств.»; Соловьевъ. кн. II, III; Карповъ. «Кіевская митрополія»; статья Страдомскаго. въ «Жур. Мин. Нар. Просв.». 1852; статья Строева въ «Черниг. епарх. вѣд.. 1876. №№ 3—19; «Письма Лазаря Барановича»; «Акты Южн. и Западн. Россіи». т. V—XII.

Лазарь, одинъ изъ первыхъ расколоучителей, казненъ 1 апрѣля 1681 г. Былъ священникомъ въ г. Романовѣ на Волгѣ; при патріархѣ Іосифѣ принималъ участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ, Никономъ былъ устраненъ отъ этого дѣла; тогда онъ «началъ свободнымъ языкомъ проповѣдовать древле-церковное благочестіе и изобличать Никоновы новшества» и былъ въ 1653 г. сосланъ въ Тобольскъ, одновременно съ Аввакумомъ. Когда въ Москву собрались восточные патріархи для суда надъ Никономъ, изъ Сибири привезены были и первые расколоучители, чтобъ судить и ихъ; незадолго до того Лазарь составилъ челобитную, которую переслалъ царю, а царь передалъ собору. На соборѣ, какъ извѣстно, обѣ стороны остались при своемъ, соглашенія не послѣдовало; Аввакумъ велъ себя на соборѣ крайне рѣзко, Лазарь—болѣе сдержанно; Аввакумъ бранилъ архіереевъ, Лазарь предлагалъ, чтобы въ доказательство истинности его исповѣданія его ввергли въ огонь, утверждалъ, что Богъ сохранитъ его невредимымъ и этимъ покажетъ, кто правильно толкуетъ спорные вопросы. 17 іюля 1667 г., Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ и Епифаній были приговорены къ ссылкѣ въ Пустозерскъ; тремъ послѣднимъ при этомъ были «урѣзаны языки». Изъ Пустозерска сосланные расколоучители вели довольно дѣятельную пропаганду, разсылая сообща составленныя посланія въ отвѣтъ на запросы, съ какими къ нимъ письменно многіе обращались. Мѣстныя власти преслѣдовали эту переписку и, открывая ее, подвергали заключенныхъ, по словамъ Лазаря, разнымъ мученіямъ, морили ихъ голодомъ и холодомъ; Лазарь сообщалъ и о чудесахъ, которыя надъ нимъ совершались—напримѣръ о томъ, будто ему являлся пророкъ Илья и съ него спадали оковы. Въ посланіяхъ, адресованныхъ царю, въ 1668 г. Лазарь попрежнему настаивалъ на правотѣ своего исповѣданія и утверждалъ, что если ему дадутъ «очную ставку съ новолюбными книжниками», онъ обличитъ ихъ ересь; въ посланіи къ патріарху Іоакиму Лазарь проситъ и утверждаетъ то же. Посланія его написаны значительно спокойнѣе, чѣмъ писалъ Аввакумъ, и обличаютъ въ немъ опытнаго и свѣдущаго начетчика; въ общемъ же Лазарь ближе всѣхъ другихъ изъ первыхъ расколоучителей былъ къ Аввакуму и эту близость сохранилъ, когда начались несогласія и раздоры между заключенными въ Пустозерскѣ. Упомянутыя посланія навлекли на нихъ новую бѣду: въ 1670 г., послѣ болѣе рѣзкихъ посланій Аввакума, въ Пустозерскъ прибылъ стрѣлецкій голова Елагинъ, спросилъ ихъ, не раскаиваются ли они—и послѣ дерзкихъ отвѣтовъ Аввакума, онъ былъ подвергнутъ тяжелому заключе-

нію, Епифанію и Ѳеодору усѣкли руку и языкъ, а Лазарю вторично языкъ—послѣднюю бѣду навлекли на себя расколоучители, распуская вѣсти о чудесномъ исцѣленіи пострадавшихъ послѣ перваго наказанія въ Москвѣ. Новое наказаніе, конечно, не уменьшило рвенія мучениковъ; напротивъ, тонъ посланій, которыя продолжали распространяться, становится все болѣе и болѣе страстнымъ, усиливаются и нападки на царя. Собственно авторомъ ихъ являлся Аввакумъ, но Лазарь во всемъ былъ съ нимъ согласенъ и принималъ участіе въ составленіи посланій. Въ посланіи къ царю Ѳеодору Алексѣевичу было сказано о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: «въ мукахъ онъ сидитъ, слышалъ я отъ Спаса, то ему за правду». Тогда патріархъ Іоакимъ сталъ настоятельно требовать казни непреклонныхъ расколоучителей. Было повелѣно: «за великія на царскій домъ хулы сжечь ихъ». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 1 апрѣля 1681 г., въ Пустозерскѣ, въ особо сооруженной на площади города срубѣ.

Сочиненія Лазаря напечатаны въ IV т. «Матеріаловъ для исторіи раскола»: Бороздинъ, «Протопопъ Аввакумъ»: Юркевичъ, «Попъ Лазарь расколоучитель»—«Кишинев. епарх. вѣд.», 1874, № 21.

Лазарь, іеросхимонахъ псково-печерскаго монастыря, родомъ великороссъ, род. въ 1733 г., ум. 27 мая 1827 г. Сынъ дьяка; еще будучи священникомъ въ уѣздномъ городѣ Опочкѣ псковской губ., благочестивою жизнію обратилъ на себя общее вниманіе и снискалъ общую любовь. Въ 1785 г. постригся въ монашество въ псково-печерскомъ монастырѣ, гдѣ до 1800 г. состоялъ казначеемъ, а въ этомъ году принялъ схиму и велъ самый суровый, подвижническій образъ жизни; каждую ночь онъ проводилъ на молитвѣ въ храмѣ; носилъ постоянно тяжелыя вериги. Въ 1822 г. 29 мая Лазаря посѣтилъ Императоръ Александръ I, проѣздомъ изъ Пскова въ Ригу, и бесѣдовалъ съ нимъ полчаса.

Аполлосъ архимандритъ: «Псково-Печерскаго монастыря іеромонахъ отецъ Лазарь»—«Странникъ», 1862 г. іюль, 377—386.

Лазарь, преподобный Муромскій, неправильно называемый Мурманскимъ, основалъ не позже 2-й половины XIV ст. Успенскій Муромскій монастырь на восточномъ берегу Онежскаго озера, при впаденіи р. Муромки или Гакуксы въ Онего. Сохранилось завѣщаніе или точнѣе житіе преп. Лазаря, написанное въ формѣ автобіографіи (напечатано въ «Исторіи Россійской іерархіи», т. V стр. 115—128). «Завѣщаніе» это—несомнѣнно памятникъ позднѣйшій, вѣроятно XVII в., дошедшій къ тому же въ неисправныхъ спискахъ. Но въ это завѣщаніе вставленъ одинъ древній актъ, а именно данная посадника Славенскаго конца Ивана Ѳомина 6690 (1182 г.—дата, впрочемъ сомнительна). Свѣдѣнія о преп. Лазарѣ, сообщаемыя завѣщаніемъ, весьма любопытны, но основаны только на преданіи. Преп. Лазарь былъ уроженецъ православнаго востока, переселившійся въ Новгородъ при архіепископѣ новгородскомъ Василіи. Уже послѣ кончины архіепископа Василія Лазарь, побуждаемый чуднымъ явленіемъ почившаго святителя, удалился на Онего-озеро на островъ Муче или Муромскій. По сосѣдству съ Муромскимъ островомъ жили язычники Лопяне и Чудь «страшивые сыроядцы». На первыхъ порахъ они враждебно отнеслись къ отшельнику, сожгли его хижину и грозили ему смертью. Только по исцѣленіи Лазаремъ сына лопарскаго старшины улучшилось положеніе отшельника. Старшина крестился со своимъ семействомъ и даже принялъ монашество. Упорные же въ язычествѣ «Лопяне и Самоядь» «отъидоша отъ мѣста сего въ предѣлы Океана—моря». Мало по малу около отшельника собралась братія. Построена была церковь во имя Воскресенія Лазаря, а за ней другая во имя Успенія пресв. Богородицы. Скончался преп. Лазарь по словамъ завѣщанія на 106 году жизни въ 1191 г. 8 марта, — годъ необходимо исправить на 1391 году: время жизни преп. Лазаря едва ли можетъ быть опредѣлено съ точностью, но во всякомъ случаѣ онъ жилъ не позже 2-й половины XIV в., такъ какъ въ 1391 г. Муромскій монастырь не только существовалъ, но и владѣлъ населенными землями, какъ показываетъ одна межевая книга. Въ Муромскомъ монастырѣ сохранилась до настоящаго времени древняя церковь Воскресенія Лазаря, построеніе которой преданіе приписываетъ самому преп. Лазарю.

«Зодчій» 1877 г. статья Дали: Суслов, «Памятники древнерусскаго зодчества», вып. I: Докучаевъ Васковъ, «Подвижники и монастыри крайняго сѣ-

вера, Муромскій монастырь въ «Христіанскомъ чтеніи», за 1886 г.; «Акты, относ. до юрид. быта». II. № 134. *А. Воронов.*

Лакіеръ, *Александръ Борисовичъ*, род. 30 апрѣля 1825 г. въ Таганрогѣ, ум. 27 января 1870 г. Въ 1845 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Въ 1848 г. получилъ степень магистра за изслѣдованіе «О вотчинахъ и помѣстьяхъ», которое для своего времени являлось весьма цѣннымъ трудомъ; напечаталъ кромѣ того «Исторію титула государей Россіи» («Жур. мин. нар просв.», 1847, №№ 10 и 11), «О службѣ въ Россіи до временъ Петра Великаго» (1850), «Обзоръ отношеній между Россіей и Англіей въ XVI и XVII ст.» (1854), наконецъ главное свое сочиненіе "«Русская геральдика» (1855), не утратившее своего значенія еще и донынѣ. Въ 1856 – 1858 гг. путешествовалъ по Европѣ, Палестинѣ и Сѣверной Америкѣ, и по возвращеніи напечаталъ: «Городскія школы въ Бостонѣ» (Спб. 1858) и «Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и Кубѣ» (Спб. 1859, 2 части). По возвращеніи поступилъ снова на службу въ министерство юстиціи и былъ редакторомъ въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ. Послѣдніе годы жизни провелъ на родинѣ, въ Таганрогѣ.

Геннади, «Словарь».

Лакманъ, *Фердинандъ - Вильгельмъ*, коллежскій совѣтникъ, докторъ, ум. послѣ 1798 г. Родомъ изъ Риги, учился «волонтеромъ» въ петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и въ 1774 г. произведенъ въ лекаря, въ 1776 г. уволенъ заграницу, учился въ Базелѣ, получилъ тамъ докторскій дипломъ, въ 1780 г., по экзамену, признанъ докторомъ медицины и въ Россіи. Съ 1783 по 1790 г. служилъ въ Кіевскомъ намѣстничествѣ и въ таврической области при войскахъ. Съ 1790 г. служилъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; въ 1792 г. назначенъ въ Вильну, въ 1793 г. вытребованъ Игельштромомъ въ Варшаву и назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ стоявшаго тамъ русскаго корпуса. Вмѣстѣ съ другими русскими начальствующими лицами взятъ въ плѣнъ при возстаніи 6 апрѣля 1794 г. По возвращеніи изъ плѣна назначенъ въ Кронштадтъ и въ 1797 г. сдѣланъ старшимъ докторомъ кронштадтскаго госпиталя.

Чистовичъ. «Ист. первыхъ медиц. школъ въ Россіи», CXCVI.

Лаксманъ, *Адамъ Эриковичъ*, капитанъ, первый посланникъ русскій въ Японіи, род. въ 1766 г. въ Барваулѣ, ум. послѣ 1796 г. Второй сынъ Эрика Лаксмана. Учился въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, около 1783 г. произведенъ въ офицеры и съ 1786 по 1795 г. былъ исправникомъ въ г. Гижичинскѣ на сѣверномъ берегу Охотскаго моря. Унаслѣдовавъ отъ отца своего любовь къ природѣ и получивъ отъ него же довольно основательныя познанія въ разныхъ частяхъ естествовѣдѣнія, Ад. Лаксманъ въ Гижичинскѣ занимался метеорологическими наблюденіями, собиралъ свѣдѣнія о вулканическихъ явленіяхъ въ Камчаткѣ, о бытѣ чукчей, о китовой ловлѣ; о многихъ его сообщеніяхъ отцу этотъ послѣдній писалъ затѣмъ въ Петербургскую Академію Наукъ. Въ 1789 г. для своихъ наблюденій А. Лаксманъ почти цѣлый мѣсяцъ плавалъ съ коряками вдоль береговъ, въ кожаной байдаркѣ, прогребая, при благопріятной погодѣ, въ день до 50 и даже до 70 верстъ вдоль берега; затѣмъ 15 дней онъ путешествовалъ пѣшкомъ по обширному, вовсе не изслѣдованному полуострову Тайгоносу и т. п.

Когда въ 1791 г. въ Петербургѣ рѣшено было завязать торговыя сношенія съ Японіею, пользуясь случаемъ, что приходилось отсылать на родину нѣсколькихъ японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе у русскихъ береговъ, выработка наставленія экспедиціи поручена была Эр. Лаксману, а послать въ эту командировку было повелѣно одного изъ его сыновей. 20 мая 1792 г., по предписанію генералъ-губернатора, Ад. Лаксманъ выѣхалъ изъ Гижигинска въ Охотскъ, 1 августа того же года туда же прибылъ изъ Петербурга Эрикъ Лаксманъ съ японцами. Не безъ труда снаряженъ былъ здѣсь галліотъ «Св. Екатерина», еще затруднительнѣе было набрать для него экипажъ; наконецъ, 13 сентября 1792 г., Адамъ Лаксманъ вышелъ въ море съ экипажемъ изъ 20 матросовъ и 4 солдатъ, съ переводчикомъ, чертежникомъ, однимъ волонтеромъ—Кохомъ, сыномъ охотскаго коменданта, – упомянутыми уже японцами и нѣсколькими купцами, всего до 40 чел. Главная цѣль экспедиціи была коммерческая—установленіе торговыхъ сношеній Россіи съ Японіею. Лаксманъ везъ съ собою письма отъ иркутскаго генералъ-губернатора, подар-

ки отъ его же имени, письма и нѣсколько подарковъ отъ своего отца къ тремъ японскимъ ученымъ.—9 октября 1792 г. русскій галліотъ пристalъ у дер. Кимуро, на южной оконечности о-ва Мацумая или Езо. Здѣсь рѣшено было перезимовать. Подозрительность японцевъ задержала здѣсь Лаксмана на цѣлые восемь мѣсяцевъ. Недостатка ни въ чемъ русскіе не терпѣли, но всякія сношенія затягивались японцами чрезмѣрно; на первую письменную просьбу Лаксмана о томъ, чтобы губернаторъ ближайшаго города увѣдомилъ правительство о его прибытіи, отвѣтъ былъ полученъ лишь черезъ два мѣсяца. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній разными японскими чиновниками, только 29 апрѣля 1793 г. въ Кимуро прибыло многочисленное посольство, въ составѣ 200 чел., съ отвѣтнымъ письмомъ отъ императора. Разрѣшалось только въ сопровожденіи этого посольства доставить привезенныхъ японцевъ въ г. Мацумай. Лаксманъ, по совѣту одного изъ бывшихъ спутниковъ Бенковскаго, заявилъ, что онъ все равно самъ поѣхалъ бы моремъ въ Хакодате, ближайшій къ Мацумаю портъ. Какъ ни старались японцы побудить его къ отправленію на японскомъ суднѣ, Лаксманъ отправился 4 іюля 1793 г. на своемъ; и во время этого пути, и ранѣе въ Кимуро онъ собиралъ разные предметы, сколько было возможно это дѣлать, не возбуждая чрезмѣрно подозрительности японцевъ. 4 іюля прибылъ Лаксманъ въ гор. Хакодате и былъ принятъ японскими властями очень любезно. 13 іюля посольство двинулось внутрь страны, окруженное по прежнему предупредительною любезностью и всѣми возможными способами изолируемое отъ какихъ либо сношеній съ жителями. Кортежъ состоялъ изъ 450 чел.; Лаксмана и двухъ его спутниковъ несли въ богатыхъ паланкинахъ. 17 іюля прибыли въ Мацумай. Здѣсь нѣсколько дней продолжались переговоры о церемоніалѣ для представленія; предъявлено было требованіе, чтобы Лаксманъ явился босикомъ и говорилъ лежа на животѣ; эти требованія ему удалось отклонить; но въ допущеніи къ императору было рѣшительно отказано. Ведя постоянно препирательства съ японцами, выслушавъ множество упрековъ за то, что онъ явился вопреки законамъ страны въ гавань, куда доступъ иностранцамъ воспрещенъ, Лаксманъ, тѣмъ не менѣе, успѣлъ достичь кое какихъ результатовъ; въ извѣстной степени это было послѣдствіемъ того, что онъ успѣлъ внушить японцамъ личныя къ себѣ симпатіи: черезъ 20 лѣтъ послѣ его пребыванія Головнинъ слышалъ живыя и дружескія воспоминанія о немъ. По самому предмету своей миссіи онъ успѣлъ получить разрѣшеніе одному русскому кораблю ежегодно приставать въ Нагасаки. Затѣмъ, щедро одареный, 24 іюля онъ вышелъ изъ Мацумая, прежнимъ порядкомъ достигъ 30 іюля Хакодате, 5 августа перешелъ на свое судно и только 11 августа, изъ за противныхъ вѣтровъ, успѣлъ выйти въ море. Обратное плаваніе было быстро и счастливо; 8 сентября «Св. Екатерина» бросила якорь у Охотска. Вся экспедиція обошлась въ 23.217 р., а ассигновано было на нее 36 тыс. Ад. Лаксманъ былъ вызванъ съ отцомъ въ Петербургъ, получилъ чинъ капитана. Онъ предназначался къ участію въ экспедиціи въ Японію, которую предполагалось снарядить въ 1795 г., но сначала дѣло нѣсколько замедлилось, а затѣмъ смерть Эр. Лаксмана и Шелихова и самой императрицы Екатерины совершенно остановили его.

О путешествіи Лаксмана въ Японію вышла въ 1805 г. небольшая брошюра «Первое русское посольство въ Японію подъ начальствомъ поручика Адама Лаксмана»; въ 1822 г. былъ изданъ отчетъ объ этомъ путешествіи Берхомъ, но объ книжки представляютъ почти ненаходимыя книжныя рѣдкости. Успѣшное кругосвѣтное путешествіе Крузенштерна совершенно заслонило поѣздку Лаксмана, какъ географическую новинку; а неудачное посольство Резанова въ 1803 г. лишило Россію полученнаго Лаксманомъ права вести непосредственно торговлю съ Японіей; торговыя сношенія прекратились и начало ихъ было позабыто; только въ серединѣ XIX в. уничтожено было запрещеніе и начались болѣе частыя сношенія наши съ Японіей. Но неуспѣхъ посольства Резанова тѣмъ выгоднѣе оттѣняетъ заслугу Лаксмана, который съумѣлъ получить то разрѣшеніе, въ какомъ японцы такъ упорно отказывали. Послѣ смерти отца Ад. Лаксманъ вернулся въ Гижигинскъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Лагусъ. В. «Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка». СПБ. 1890. особ. 215—315.

Лаксманъ, *Эрикъ* (иногда именовался въ русскихъ письмахъ Кирилломъ), академикъ экономіи и химіи, род. 27 іюля 1737 г. въ Нейшлотѣ, ум. 5 января 1796 г. Первоначальное образованіе получилъ въ гимназіи въ Борго и уже тамъ обнаружилъ живой интересъ и способности къ естественнымъ наукамъ; въ университетѣ въ Або онъ не могъ окончить курса по бѣдности и поступилъ помощникомъ пастора въ какой-то маленькій приходъ въ восточной части Финляндіи. Въ 1762 г. переселился въ Петербургъ и поступилъ преподавателемъ естественной исторіи и физики въ школу, учрежденную Бюшингомъ; занимаясь ботаническими экскурсіями, открылъ около Петербурга не мало ненайденныхъ тутъ ранѣе растеній. Въ началѣ 1764 г. онъ отправился на пять лѣтъ въ Барнаулъ, гдѣ получилъ мѣсто пастора; предъ отъѣздомъ онъ былъ выбранъ въ корреспонденты Академіи Наукъ. Онъ ѣхалъ въ эти отдаленныя мѣста, между прочимъ, имѣя въ виду изучить сибирскую флору, въ то время почти никому неизвѣстную. Линней, съ которымъ Лаксманъ и ранѣе былъ въ перепискѣ, высказывалъ въ своихъ письмахъ къ нему живѣйшую радость, что «Провидѣніе и судьба» направили Лаксмана туда, «куда почти никто еще не проникалъ съ открытыми глазами»; Академія Наукъ тоже дала Лаксману порученія ученаго характера. Лаксманъ, дѣйствительно, занялся по преимуществу учеными разысканіями, которымъ онъ посвящалъ всякую свободную минуту. Онъ ревностно собиралъ въ Сибири гербарій, высылалъ въ Европу сѣмена неизвѣстныхъ растеній, производилъ метеорологическія наблюденія, занимался химіей, минералогіей. Предпринимая служебныя поѣздки — до Кяхты и Нерчинска — онъ всегда собиралъ что нибудь интересное въ научномъ отношеніи и пріобрѣлъ, дѣйствительно, весьма обширный запасъ свѣдѣній по самымъ разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Въ 1769 г. Лаксманъ возвратился въ Петербургъ и въ мартѣ былъ принятъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, въ работахъ котораго принялъ участіе, какъ произнесеніемъ рѣчи при вступленіи, такъ и нѣсколькими статьями для «Трудовъ» общества; 26 февраля 1770 г. избранъ онъ академикомъ «по экономіи и химіи» — онъ былъ единственнымъ, занимавшимъ такое кресло. По приглашенію тогдашняго президента Академіи, гр. В. Гр. Орлова, онъ сопровождалъ его въ его путешествіи въ имѣніе на Волгу, посѣтилъ Воронежъ, Царицынъ, Сарепту, и въ это путешествіе также занимался естественно-историческими наблюденіями и по возвращеніи издалъ небольшой трудъ «Novae insectorum species», первое изданіе по энтомологіи Россіи. Почти весь 1772 г. Лаксманъ провелъ на югѣ Россіи, куда отправился по приглашенію Мелиссино, желавшаго воспользоваться знаніями Лаксмана при переливкѣ въ мелкую монету пушекъ, отнятыхъ у турокъ. По возвращеніи въ Петербургъ Лаксманъ преподавалъ химію въ академической гимназіи, затѣмъ и въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, читалъ въ 1776—1778 г. публичныя лекціи. Въ 1779 г. совершилъ продолжительную геогностическую поѣздку по сѣверо-западу Россіи и вывезъ изъ путешествія интересныя коллекціи: результаты своей поѣздки описалъ въ сочиненіи «Bemerkungen über das nordische Gebierge», оставшемся неизданнымъ; отчетъ Лаксмана Академіи объ этой поѣздкѣ напечатанъ въ «Nordische Beiträge» Палласа. За это время Лаксманъ мало опубликовалъ своихъ трудовъ, но находился въ оживленной перепискѣ со многими западно-европейскими учеными и былъ избранъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ.

Въ 1780 г. Лаксманъ оставилъ Академію, получивъ 29 мая мѣсто оберъ-бергмейстера, или помощника начальника нерчинскихъ рудниковъ; онъ имѣлъ предъ этимъ какія-то непріятности съ директоромъ Академіи Домашневымъ; повидимому, онѣ, главнымъ образомъ, и обусловили выходъ Лаксмана изъ Академіи; но кромѣ того, по самому характеру своему и складу ума, Лаксманъ былъ наиболѣе силенъ какъ наблюдатель и собиратель — именно на этомъ поприщѣ онъ создалъ себѣ то имя, которое открыло ему доступъ въ Академію; теоретически же разработывать науку онъ былъ менѣе склоненъ и способенъ и, быть можетъ, обнаружилась какъ нибудь рельефно его недостаточная общая подготовленность къ званію академика. Но очень скоро Лаксманъ навлекъ на себя неудовольствіе и начальника заводовъ генерала Бекельмана. Ближайшія обстоятельства этого эпизода совершенно неизвѣстны; кажется, вина Лаксмана состояла

въ томъ, что онъ слишкомъ увлекался научными наблюденіями и не особенно ревностно исполнялъ свои прямыя служебныя обязанности. Лаксманъ поѣхалъ для оправданія себя въ Петербургъ, но не достигъ успѣха и въ 1782 г. былъ уволенъ отъ службы; тогда Лаксманъ вернулся въ Сибирь и поселился недалеко отъ Нерчинска. Желая оставаться непремѣнно въ Сибири, Лаксманъ принялъ было мѣсто исправника, но вскорѣ его петербургскіе друзья успѣли доставить ему мѣсто, вполнѣ по тому времени обезпеченное и отвѣчавшее вкусамъ Лаксмана: онъ былъ опредѣленъ на службу въ Кабинетъ, съ жалованьемъ по 600 р. за минералогическія путешествія, а затѣмъ назначена еще пенсія въ 200 р. отъ Академіи.

Поселившись около Иркутска, Лаксманъ предался теперь своимъ обычнымъ любимымъ занятіямъ — наблюденіямъ и путешествіямъ съ естественно-историческими цѣлями. Въ 1784 г. въ статьѣ «Von Gängen in Granitgebirgen» онъ высказалъ убѣжденіе, что озеро Байкалъ образовалось не путемъ вулканическаго переворота, а постепенно; мысль эта шла вполнѣ въ разрѣзъ съ заключеніями Палласа и Георги, принятыми въ тогдашней наукѣ, но лѣтъ черезъ 70 получила полное подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Меглицкаго («Der Baikal und seine Umgebungen»); въ томъ же 1784 г. Лаксманъ осуществилъ одно изъ важнѣйшихъ въ практическомъ отношеніи своихъ наблюденій. Еще въ первое пребываніе свое въ Сибири онъ пришелъ къ мысли, что при производствѣ стекла возможно употреблять глауберову соль вмѣсто поташу, на добываніе котораго уничтожалось очень много лѣсу; но эта мысль стояла въ противорѣчіи съ господствовавшею тогда въ химіи теоріею о флогистонѣ и—по словамъ Лаксмана—когда онъ заводилъ съ учеными объ этомъ рѣчь, то его не хотѣли даже дослушать. Убѣдившись теперь окончательно въ основательности своего взгляда, Лаксманъ основалъ въ Талцысхѣ, недалеко отъ Иркутска, стеклянный заводъ, на которомъ съ полнымъ успѣхомъ и съ большою выгодою примѣнилъ свой способъ; способъ этотъ впослѣдствіи, послѣ нѣкоторыхъ улучшеній, получилъ всеобщее распространеніе. Компаніономъ Лаксмана въ этомъ дѣлѣ былъ купецъ Барановъ, впослѣдствіи одинъ изъ піонеровъ русскихъ въ Аляскѣ; есть основанія думать, что Лаксманъ имѣлъ немалое вліяніе на Баранова и былъ, такъ сказать, его единственнымъ учителемъ во всемъ, что касалось естествознанія.

Лаксманъ задумывалъ въ это время большое путешествіе на востокъ Сибири, къ Охотскому морю, намѣревался посѣтить и Американскій берегъ; но прежде чѣмъ онъ на это рѣшился, была снаряжена экспедиціи Биллингса и Сарычева, которая въ теченіе 1786—1794 г.г. изучала эту область и ближайшія воды. Лаксманъ не былъ приглашенъ къ участію въ ней, было даже отклонено предложеніе его занять въ ней мѣсто естествоиспытателя, когда заболѣлъ Патренъ, приглашенный для этой цѣли; причина лежала, кажется, въ установившихся холодныхъ отношеніяхъ Лаксмана съ Палласомъ, главнымъ руководителемъ этой экспедиціи; экспедиція эта оказалась, впрочемъ, сравнительно очень не богатою результатами.

Лаксманъ, между тѣмъ, совершая свои минералогическія экскурсіи, дѣлалъ одно открытіе за другимъ; помимо находки богатыхъ залежей превосходной лапись-лазули, онъ собралъ нѣсколько кристалловъ, которые по изслѣдованіи въ Петербургѣ оказались новыми видами минераловъ и получили наименованіе тремолита, байкалина и др.; наконецъ болѣе общее значеніе имѣли замѣчанія Лаксмана о своеобразности области къ востоку отъ Байкала въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніи. На южномъ берегу Байкала и до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ жилъ Лаксманъ, называется по его имени Лаксманою.

Въ 1787 г. Лаксманъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, повидимому въ связи съ состоявшеюся въ 1786 г. покупкою въ казну его минералогическихъ коллекцій, которыя составили затѣмъ основаніе коллекцій Горнаго Института; возвратившись осенью 1787 г. въ Иркутскъ, Лаксманъ снова началъ свои поѣздки съ научными цѣлями; въ декабрѣ 1788 г. онъ первый изъ европейцевъ посѣтилъ замѣчательную сталактитовую пещеру въ необычайно труднодоступной горной мѣстности между рѣкъ Удою и Бирюсою; описаніе пещеры сдѣланное Лаксманомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось; но, повидимому, въ связи съ этою поѣздкою начались затѣмъ раз-

работки мѣди на Удѣ и золотоноснаго песку въ Бирюсѣ. Въ 1790 г. Лаксманъ совершилъ отдаленную поѣздку по Ленѣ и затѣмъ по Вилюю, причемъ открылъ въ Сибири гіацинты и гранаты. Въ 1791 г. Лаксманъ снова былъ въ Петербургѣ; онъ отправился туда вмѣстѣ съ японцемъ Кодаею; Кодая, потерпѣвъ со своимъ спутникомъ крушеніе у русскихъ береговъ Восточнаго океана, былъ привезенъ въ Иркутскъ, гдѣ съ нимъ познакомился и заинтересовался имъ Лаксманъ, затѣмъ японцы были отправлены въ Петербургъ, тамъ обласканы и—есть всѣ основанія думать, что по представленію Лаксмана—рѣшено было воспользоваться случаемъ отправленія ихъ на родину для того, чтобы завести сношенія съ Японіею; сынъ Лаксмана, Адамъ, долженъ былъ ѣхать туда съ Кодаею; «составить ясное и подробное наставленіе» начальнику этой экспедиціи предписано было «заимствуя совѣты и нужныя объясненія отъ Лаксмана». «который по сей части довольно познанія имѣетъ».

Вернувшись въ Иркутскъ въ началѣ 1792 г., Лаксманъ подготовилъ все нужное для экспедиціи и въ маѣ 1792 г. съ японцами выѣхалъ въ Охотскъ, куда прибылъ 1 августа, послѣ весьма труднаго пути. 13 сентября 1792 г.—какъ разъ въ тотъ день, когда годъ тому назадъ императрица подписала указъ о снаряженіи этой экспедиціи—Адамъ Лаксманъ съ 40 человѣками русскихъ спутниковъ отплылъ изъ Охотска на суднѣ «Св. Екатерина». Въ началѣ ноября 1791 г. вернулся Эр. Лаксманъ въ Иркутскъ, собравъ во время поѣздки кое-какія сѣмена и нѣкоторые минералы; между прочимъ онъ доставилъ изъ нея въ Петербургъ довольно значительную посылку такъ называемой съѣдобной земли; о ней упоминалъ еще Штеллеръ, но только теперь былъ впервые произведенъ химическій анализъ этого вещества—оказалось, что оно неудобоваримо для человѣческаго организма, хотя, дѣйствительно, употреблялось какъ лакомство и почетное угощеніе нѣкоторыми инородческими племенами.

Въ маѣ 1794 г. Ад. Лаксманъ вернулся въ Иркутскъ съ удовлетворительными результатами своихъ сношеній съ японцами; Эр. Лаксманъ послалъ доношеніе гр. Безбородкѣ, доношеніе было представлено императрицѣ и Лаксманы вызваны въ Петербургъ, куда привезены были и естественно-историческія коллекціи, собранныя Ад. Лаксманомъ въ Японіи. Всѣмъ участникамъ экспедиціи объявлена благодарность, Ад. Лаксманъ произведенъ въ капитаны, Эр. Лаксманъ въ коллежскіе совѣтники и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Но разрѣшеніемъ—чтобы ежегодно одно русское судно являлось въ Японію — не спѣшили воспользоваться; кажется, что Шелиховъ желалъ обратить это разрѣшеніе въ исключительное свое пользованіе, а въ виду его огромныхъ заслугъ по развитію торговли на Великомъ Океанѣ находили справедливымъ предоставить ему желаемое; дѣло, во всякомъ случаѣ, не подвигалось. Лаксманъ жилъ въ Петербургѣ, скучая по своимъ «сибирскимъ Альпамъ», и велъ дѣятельную переписку со своими учеными западноевропейскими корреспондентами. Только въ маѣ 1795 г. рѣшено было, наконецъ, снарядить экспедицію въ Японію, ученая часть которой поручена была Лаксману, а торговая—повидимому Шелихову.

Но экспедиція эта не состоялась. Шелиховъ внезапно умеръ въ Иркутскѣ 20 іюля 1795 г.; Лаксманъ лѣтомъ 1795 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, отсюда санным уже путемъ—въ Сибирь. 5 января 1796 г. Лаксманъ скончался совершенно неожиданно: во время пути съ нимъ сдѣлался въ повозкѣ апоплектическій ударъ; когда экипажъ прибылъ на станцію Дресвянскую, въ 119 вер. отъ Тобольска, сѣдокъ не выходилъ изъ него, а когда заглянули въ экипажъ, то Лаксманъ оказался уже въ агоніи. Мѣсто погребенія Лаксмана до сихъ поръ не удалось опредѣлить. Извѣстіе о смерти Лаксмана достигло Петербургской Академіи Наукъ лишь черезъ полтора мѣсяца и вызвало многочисленныя выраженія горести объ этой утратѣ и высокаго уваженія къ дѣятельности Лаксмана. По имени его ранѣе, и особенно около времени его смерти, названы до 15 видовъ растеній, насѣкомыхъ и минераловъ.

Эрикъ Лаксманъ писалъ сравнительно немного и не сочиненіямъ своимъ онъ обязанъ тою извѣстностью, какою пользуется его имя. Онъ замѣчателенъ, какъ неутомимый и удивительно зоркій наблюдатель природы. Расширять точное знаніе природы самостоятельными наблюденіями и точными фактами—вотъ что составляло его главную цѣль и интересъ, вотъ къ

чему онъ стремился; «искать и находить»— вотъ что было его страстью; перечисленіе всѣхъ его открытій въ области минералогіи и ботаники заняло бы нѣсколько страницъ; своими находками онъ щедро дѣлился съ учеными учрежденіями и учеными друзьями и предоставлялъ другимъ разрабатывать добытые имъ самимъ результаты и указанія, самъ же мало посвящалъ этому силы. Тѣмъ не менѣе до половины XIX в. такіе ученые, какъ Рихтеръ и Миддендорфъ, не говоря о менѣе извѣстныхъ, восхваляли его наблюденія и отчасти осуществляли намѣченныя имъ задачи. При первомъ отправленіи Лаксмана въ Сибирь Линней писалъ ему между прочимъ: «Да осѣнитъ васъ Всевышній своею милостію, чтобъ вы могли видѣть чудеса Его и открывать ихъ свѣту!»—и эти слова Лаксманъ осуществлялъ всею своею дѣятельностью; онъ горячо, страстно любилъ природу, отъ любви къ ней перешелъ къ наукѣ и остался въ наукѣ, такъ сказать, поэтомъ. По вѣрному выраженію своего біографа «онъ испыталъ и совершилъ столь многое, вступилъ на такіе новые пути, сорвалъ покрывало со столькихъ предметовъ и истинъ въ природѣ; обогатилъ музеи и колекціи такими цѣнными вкладами, подавалъ съ такою готовностью руку помощи лучшимъ мужамъ своего времени, отъ Линнея до Палласа, и на своемъ собственномъ служебномъ поприщѣ встрѣчалъ столь необыкновенныя превратности, наконецъ, обладалъ такою здоровою, прямою и энергичною, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромною и покорною душою, что отъ него нельзя не поучиться и не взять его въ примѣръ».

Свѣдѣнія о дѣятельности Лаксмана имѣются во всѣхъ изданіяхъ, посвященныхъ дѣятельности ученыхъ до XIX в., но они всѣ крайне бѣдны, неточны, и почти всѣ повторяютъ одно и то же. Исчерпывающую біографію Лаксмана далъ W. Lagus—«Erik Laxmans hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling» 1880; краткое извлеченіе изъ этого труда сообщено акад. Я. К. Гротомъ въ «Сборникѣ» 2 отд. Акад. Наукъ, т. XXIX, а затѣмъ, Академіею же, изданъ переводъ этой книги, сдѣланный г. Палландеромъ (Спб., 1890, 2+488).

Ламберти, *Андрей Иванович*, докторъ философіи, род. въ 1771 г., ум. 4 мая 1831 г.; началъ службу въ концѣ XVIII в. землемѣромъ въ Лифляндіи, затѣмъ былъ арендаторомъ имѣнія Бринкенгофа около Дерпта, устроилъ въ этомъ городѣ небольшую обсерваторію, затѣмъ служилъ въ имѣніяхъ гр. Румянцева, гдѣ ввелъ разныя агрономическія улучшенія; былъ впослѣдствіи правителемъ дѣлъ военно-ученаго комитета, почетнымъ членомъ общества естествоиспытателей въ Москвѣ, лифляндскаго экономическаго, филотехническаго въ Харьковѣ и др. Написалъ много статей на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по разнымъ вопросамъ техники, какъ то: «Der Dampf-Distillir-Apparat»; «Телеметръ или Дальномѣръ, инструментъ единственный въ своемъ родѣ»; «Versuch zur Gründung eines neuen Feldbausystems»; «О неизмѣнномъ опредѣленіи вѣса россійскаго фунта», издалъ нѣсколько астрономическихъ наблюденій и т. д.

Recke u. Napiersky, «Allgem. Schriftsteller u. Gelehr. Lexic.». III, 7—11; Геннади, «Словарь».

Ламбертъ, *Карлъ Осиповичъ*, графъ, генералъ-отъ кавалеріи, род. въ 1771 г. ум. 30 мая 1843 г. Принадлежалъ къ аристократическому французскому роду, службу началъ въ рядахъ королевской гвардіи; въ разгаръ революціи, въ 1793 г., эмигрировалъ въ Россію и принятъ секундъ-маіоромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ, въ 1794 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Хелмѣ, Мацѣевицахъ и въ штурмѣ Праги, за который получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; въ 1796 г. командовалъ казачьимъ полкомъ; въ 1798 г. произведенъ въ полковники, затѣмъ вышелъ въ отставку; съ выступленіемъ русскихъ войскъ противъ французовъ въ 1799 г. поступилъ снова на службу, въ Стародубскій кирасирскій полкъ, въ сраженіи подъ Цюрихомъ раненъ, затѣмъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1800 г. снова оставилъ русскую службу и вернулся даже во Францію. Съ воцареніемъ императора Александра I вновь принятъ на русскую службу, командовалъ полками Елизаветградскимъ и Александрійскимъ; въ 1806 г., за дѣло при Черновѣ, получилъ орденъ св. Георгія 3 ст.; за отличія въ сраженіяхъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени, св. Анны 1-й ст. и Краснаго Орла; въ 1809 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ и начальникомъ 5-й кавалерійской дивизіи. Въ 1812 г. былъ сначала въ арміи Тормасова, отличился при Кобринѣ и Городечнѣ, затѣмъ въ арміи Чичагова и овладѣлъ съ бою Новосвержскомъ, преградилъ путь французамъ въ Минскѣ, наконецъ, взялъ съ бою Борисовъ; при этомъ былъ тяжело

раненъ и два года лечился. Въ 1814 г. снова явился къ русской арміи, взялъ Бельвиль и, командуя 2-й гусарской дивизіей, былъ при взятіи Парижа. Въ генералы отъ кавалеріи произведенъ былъ въ 1823 г. Послѣдніе годы жизни состоялъ сенаторомъ и проводилъ время преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, привлекая общія симпатіи и уваженіе своею добротою и благороднымъ характеромъ.

«Справ. Энцикл. Лексиконъ» Края; «Русс. Стар.», т. XI, 342.

Ламбертъ, *Карлъ Карловичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, род. въ 1815 г., ум. 20 іюля 1865 г., сынъ генерала отъ кавалеріи и сенатора гр. К. О. Ламберта. По окончаніи воспитанія въ Пажескомъ корпусѣ, выпущенъ 2 октября 1833 года корнетомъ въ л.-гв. Кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, 15 апрѣля 1840 г. командированъ на Кавказъ и участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ. 6 декабря 1843 года произведенъ въ штабсъ-ротмистры и пожалованъ во флигель-адъютанты «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ». 16 февраля 1844 г. онъ снова былъ командированъ на Кавказъ и 3 мая былъ уже въ Чеченскомъ отрядѣ, состоявшемъ подъ командой ген.-лейт. Гурко, и снова съ отличіемъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ; пробывъ на Кавказѣ до конца ноября, былъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ, можно безъ преувеличенія сказать, почти ежедневно въ походахъ и огнѣ; за отличіе въ дѣлахъ съ горцами гр. Ламбертъ 22 августа 1844 года былъ произведенъ въ ротмистры, а 6 декабря того же года въ полковники. К. К. Ламбертъ принадлежалъ къ кружку лицъ, самыхъ приближенныхъ» къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. 9 декабря 1848 г. Ламбертъ назначенъ испр. должность начальника штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и принималъ участіе въ Венгерской кампаніи. 7 августа 1849 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ въ свиту. 6 декабря 1853 г. Ламбертъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Коннаго полка; 14 декабря 1854 г. назначенъ командиромъ 1-й гвардейской кирасирской бригады, съ оставленіемъ командиромъ полка, и 25 января слѣдующаго года получилъ въ приказѣ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ «признательность» Наслѣдника Цесаревича «за весьма хорошее состояніе школы военныхъ кантонистовъ л.-гв. Коннаго полка и за успѣхи въ фронтовой и учебной частяхъ оной». 17-го апрѣля 1855 г. гр. Ламбертъ былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а 27 ноября отчисленъ отъ занимаемыхъ должностей. Императоръ Александръ II, давно знавшій гр. Ламберта, возлагалъ на него исполненіе нѣсколькихъ особыхъ порученій. 30 августа 1857 г. гр. Ламбертъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, 6 августа 1861 г. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи и въ тотъ же день назначенъ исправляющимъ должность намѣстника Царства Польскаго и командующимъ 1-й арміей, а 12 августа членомъ Государственнаго Совѣта. Сравнительно молодой, мягкій, изящный въ пріемахъ и благовоспитанный, къ тому же римско-католическаго исповѣданія, Ламбертъ являлся рѣзкой противоположностью Сухозанету, котораго онъ замѣнялъ въ должности намѣстника Царства Польскаго; Императоръ возлагалъ большія надежды на то, что Ламберту удастся успокоить Польшу. Гр. Ламбертъ, вызванный для новой должности изъ Парижа, гдѣ онъ лечился послѣ перелома ноги, по пути заѣхалъ въ Варшаву, гдѣ старался, насколько позволяли обстоятельства, собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Положеніе новаго намѣстника было весьма затруднительное, тѣмъ болѣе, что отъ него ожидали многаго. Назначеніе гр. Ламберта было сопровождено рескриптомъ, въ которомъ ему былъ указанъ путь и средства къ достиженію намѣченной цѣли. «Назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника моего въ Царствѣ Польскомъ, писалъ императоръ въ рескриптѣ, и облекая васъ полнымъ довѣріемъ, Я поручаю вамъ принять всѣ мѣры къ благоуспѣшному дѣйствію государственныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству указомъ Моимъ 14 марта с. г. Остаюсь при этомъ въ твердой увѣренности, что жители Царства просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ поймутъ, что только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій они могутъ обрѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха въ самобытности управленія и общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ волненіяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ трудахъ вашихъ людей способныхъ и благомыслящихъ, дабы дѣйствительныя нужды любезныхъ мнѣ

подданныхъ восходили ко мнѣ чрезъ посредство ваше, какъ законное выраженіе общихъ желаній, зрѣло обдуманныхъ въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согражданъ, а не въ видѣ заявленія обманчивыхъ увлеченій, внушаемыхъ врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ краѣ, а Я, съ своей стороны, съ радостью готовъ предать забвенію минувшее и ва довѣріе ко мнѣ и любовь Польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же». Гр. Ламбертъ ѣхалъ въ Царство Польское съ вѣрой въ себя и въ способность свою умиротворить край. Въ 2 часа ночи 13 августа Сухозанетъ отправилъ Государю депешу: «Имѣю счастіе донести, вчера гр. Ламбертъ прибылъ въ 11 часовъ вечера. Въ городѣ было все совершенно спокойно, повода къ уличнымъ арестованіямъ не было. Арестовано въ квартирахъ 6 руководителей, съ забраніемъ бумагъ; надѣюсь открыть связь ихъ сообщниковъ». На другой день утромъ (13 августа) и новый намѣстникъ телеграфировалъ: «Имѣю счастіе донести: вчера въ городѣ все совершенно спокойно, повода къ уличнымъ арестованіямъ не было. Вступилъ въ управленіе краемъ и арміей.» — «Дай Богъ,» отвѣтилъ Государь, «чтобы вступленіе твое въ управленіе было въ добрый часъ. Открылось ли что важное въ послѣднее арестованіе, о которомъ доноситъ ген-ад. Сухозанетъ въ послѣдней своей телеграммѣ»? Гр. Ламбертъ на этотъ запросъ сообщалъ: «Разысканія продолжаются, но важныхъ открытій по сю пору не предвижу». Такъ произошла замѣна стараго режима новымъ. Первые дни по вступленіи въ управленіе краемъ Ламбертъ сообщалъ Государю въ своихъ депешахъ постоянно, что «въ городѣ спокойно», или «особыхъ происшествій не было», но въ то же время онъ не могъ скрыть фактовъ, которымъ старался не придавать значенія важности. 20 августа Государь телеграфировалъ намѣстнику: «Первыя распоряженія твои одобряю, но послѣдующія твои телеграммы доказываютъ продолжающееся своеволіе ,оно далѣе терпимо быть не должно ни въ Варшавѣ, ни въ провинціяхъ, и потому требую, чтобы тѣ мѣстности, которыя ты сочтешь нужнымъ, были объявлены на военномъ положеніи». 21 августа Ламбертъ въ депешѣ сообщалъ Государю: «Особыхъ происшествій не было; вѣсти изъ западныхъ губерній производятъ замѣтное волненіе умовъ: объявленія о панихидахъ въ церквахъ ходятъ по рукамъ», а 22 августа писалъ: «Вчера особаго волненія въ городѣ не замѣчалось, но въ церквахъ были богослуженія по случаю происшествій въ Вильнѣ, преувеличенныхъ агитаторами; трауръ усплился и лавки оставались во время службы запертыми». На депешу Ламберта Государь отвѣтилъ: «Сегодняшняя телеграмма еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости строгихъ мѣръ, дабы таковыя были приняты одновременно какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ». Но гр. Ламбертъ представилъ, что объявлять военное положеніе теперь нѣтъ повода, потому что положеніе не измѣнилось къ худшему, несмотря на то, что войска сняты; къ тому же наружная полиція еще не устроена, тайной полиціи нѣтъ, и мы сами мало ознакомились съ дѣломъ; не мудрено, признавался онъ, что будетъ волненіе въ день взятія Варшавы, но не видѣлъ въ этомъ опасности; ему казалось, что объявленіемъ военнаго положенія волненій не предотвратить, «а, въ случаѣ необходимости, войска у насъ всегда въ готовности», заключалъ онъ свое донесеніе. Въ то же время гр. Ламбертъ просилъ о возможно скорѣйшемъ назначеніи извѣстнаго севастопольскаго героя, ген. Хрулева, командиромъ корпуса и объ усиленіи полиціи сотней нижнихъ чиновъ гвардіи, что «крайне необходимо». Государь 24 августа предписалъ Ламберту: «Въ день взятія Варшавы никакихъ демонстрацій не допускать, и если, несмотря на принятыя мѣры, таковыя состоятся, то Варшаву объявить непремѣнно въ военномъ положеніи; тѣмъ же руководствоваться и въ прочихъ мѣстностяхъ и приступить къ немедленному обезоруженію жителей». День 26 августа, противъ ожиданія, прошелъ спокойно, но 28 августа были крупные безпорядки въ Ленчицѣ, 30 въ Калишѣ. Ламбертъ самъ уже сталъ сознавать необходимость введенія военнаго положенія, но старался оттянуть этотъ непріятный ему шагъ; безпорядки не прекращались. 23 сентября, рано утромъ, въ каѳедральномъ храмѣ св, Яна происходило «набожество», на коемъ присутствовалъ приглашенный «цѣхъ чиновничій»; 28 сентября совершено было пышное, шумное, демонстративное погребеніе Варшавскаго митрополита Фіалковскаго при многочисленномъ стеченіи народа. Получивъ извѣщенія объ этой демонстраціи

29 сентября, Государь депешей высказалъ, что онъ «крайне недоволенъ допущеніемъ знаменъ съ возмутительными изображеніями» и снова настаивалъ на военномъ положеніи. Между тѣмъ, вслѣдъ за похоронами Фіалковскаго, въ Варшавѣ стали ожидать новыхъ безпорядковъ по случаю празднованія памяти Костюшки. 30 сентября гр. Ламбертъ сообщалъ Государю, что «состояніе умовъ очень нехорошо и вскорѣ военное положеніе сдѣлается неизбѣжнымъ», а 2 октября: «въ предупрежденіе новыхъ возмутительныхъ заявленій по случаю памяти о Костюшкѣ, долженствующей праздноваться завтра, я призналъ необходимымъ безотложно объявить все Царство на военномъ положеніи. Въ городѣ войска занимаютъ свои мѣста нынѣшнею ночью». Государь вполнѣ одобрилъ этотъ поступокъ намѣстника. 3 октября въ костелахъ были произведены демонстраціи и въ нѣсколько костеловъ введены войска и арестованы находившіеся въ костелѣ, но затѣмъ, въ виду крайняго возбужденія фактомъ ареста въ церквахъ, гр. Ламбертъ приказалъ до 1.600 чел. изъ арестованныхъ отпустить «по старости или малолѣтству». Эту разборку арестованныхъ намѣстникъ приказалъ лично, утромъ 4 октября, произвести ген. Левшину, вмѣстѣ съ комендантомъ цитадели Ермоловымъ, не предваривъ о томъ генералъ-губернатора Герштенцвейга. Герштенцвейгъ, который съ самаго начала стоялъ за болѣе энергичныя и послѣдовательныя мѣры и который, по приказанію намѣстника, лично былъ при арестованіи демонстрантовъ въ костелахъ, былъ крайне раздраженъ тѣмъ, что намѣстникъ безъ его вѣдома отмѣнилъ рѣшенія, исполненныя наканунѣ Герштенцвейгомъ по приказанію его, намѣстника; между нимъ и намѣстникомъ, въ кабинетѣ послѣдняго, произошло бурное объясненіе, послѣ котораго ген. Герштенцвейгъ застрѣлился. Ламбертъ извѣстилъ Государя о самоубійствѣ Герштенцвейга и о своемъ нездоровьи, которое заставляло его просить отставки; ему немедленно разрѣшенъ былъ отпускъ и временно въ Варшаву былъ посланъ опять ген.-ад. Сухозанетъ; 11 октября, гр. Ламбертъ телеграфировалъ Государю: «Въ Варшавѣ и провинціяхъ совершенно спокойно; возмутительныя и эмблематическія явленія всякаго рода исчезли. Ген.-ад. Сухозанетъ прибылъ вчера въ 12 ч. ночи и вступилъ сегодня въ исправленіе должности. Выѣзжаю за границу въ 11 час. вечера». Такъ окончилось всего двухмѣсячное намѣстничество гр. Ламберта. Остальную часть жизни гр. Ламбертъ, больной чахоткою, провелъ на о. Мадейрѣ, гдѣ и умеръ. 21 апрѣля 1862 г. гр. Ламбертъ былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ должности намѣстника и командующаго 1-й арміей, но съ оставленіемъ въ званіяхъ генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта.

Форм. списокъ. арх. штаба Кавказ. воен. округа д. 1840 г. № 171, ч. I; по оп. № 4, 1841 г. д. № 116/41, 1841 г.; д. № 33, 1844 г.; Татищевъ, «Имп. Александръ II», I; «М. Ю. Лермонтовъ въ стычкахъ съ горцами», Лебединца. Рус. Стар. 1891 VIII, 363—368; Записки Берга, Рус. Арх., 1872 г., 622—706; «Послѣдняя польская смута. Разсказы очевидца». Рус. Стар. 1874. IX, 119—130; X, 713-719; 1883, II, 325—349; III, 633; Арсеньевъ, «Варшава въ 1861 г.», Ист. Вѣст., 1886. XII. 533—535; 1887. IV, 86; «Мои воспоминанія» ген.-м. Дохтуровскаго. Труды Рязан. уч. арх. комиссіи, 1898 г. в. XIX, 319—321, 337—346; Борщевъ, «Самоуб. ген. Герштенцвейга», Ист. Вѣст., 1887. I, 62—66; Теобальдъ. Рус. Арх., 1885. II 103—110; 1887 VIII; «Изъ записокъ стараго преображенца», кн. Имеретинскаго. Рус. Стар., 1893/IV, 22; «Записки Висарскаго», Рус. Стар., 1894. IV, 57; XII. 42 и 48; Дневникъ В. А. Муханова, Рус. Арх., 1896. XII. 559; 1897. I. 54 и 55. Дневникъ гр. Граббе. Рус. Арх. 1889, III, 499; IX, 665.

А. Голомбіевскій.

Ламберъ, (Joseph Gaspard Lambert de Guerin) инженеръ. Въ 1701 г. поступилъ въ русскую службу, былъ при осадѣ Нотебурга и Ніеншанца, выбиралъ вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ мѣсто для Петербурга и составлялъ планъ Петропавловской крѣпости. Въ 1707 г. сопровождалъ царя въ Польшу, затѣмъ посланъ былъ въ Данцигъ, Копенгагенъ и Берлинъ приглашать офицеровъ въ русскую службу. Петръ Великій сначала былъ къ нему очень расположенъ, пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея. Но Ламберъ перессорился со всѣми русскими сподвижниками царя и объявилъ, что по нерасположенію къ нему русскихъ онъ не поѣдетъ больше въ Россію. Петръ исключилъ его изъ числа кавалеровъ ордена, а 5 апрѣля 1711 г. Ламберъ былъ даже арестованъ въ Пруссіи, русскимъ посланникомъ, какъ дезертиръ изъ русской службы; изъ-подъ ареста онъ бѣжалъ въ Италію и впослѣдствіи около 1716 г. даже просился снова на службу къ Петру; но Петръ ему отказалъ. Дальнѣйшая судьба Ламбера неизвѣстна.

«Справ. энциклоп. словарь», Краев. VII; Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣш. снош. Россіи», IV, 33.

Ламздорфъ, *Матвѣй Ивановичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, род. въ 1745 г. ум. 23 марта 1828 г. Происходилъ изъ фамиліи von der Wegen Genannt Lambsdorff, которая еще въ XV вѣкѣ переселилась въ прибалтійскій край изъ Вестфаліи; одинъ изъ представителей ея, Ѳома Ламздорфъ, въ 1464 г. получилъ отъ гросмейстера ливонскаго ленъ въ Лифляндіи. Въ началѣ XVII вѣка Матвѣй Фридрихъ Ламздорфъ переселился въ Курляндію. Его правнукъ, Іоаннъ Рейнгольдъ Ламздорфъ, находился въ русской службѣ, достигъ чина полковника и оставилъ двухъ сыновей: Якова — впослѣдствіи тайный совѣтникъ,—и Матвѣя. Матвѣй Ламздорфъ получилъ домашнее воспитаніе; въ 1763 г. былъ опредѣленъ въ военную службу и принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Н. Ив. Салтыкова, котораго въ 1770 г. сопровождалъ въ его путешествіи за-границу. Ламздорфъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ возвратился въ отечество ко времени перваго бракосочетанія вел. князя Павла Петровича въ 1773 г. и былъ тогда произведенъ въ премьеръ-маіоры; съ 1782 г. по 1784 годъ онъ командовалъ Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ, затѣмъ былъ назначенъ состоять при вел. кн. Константинѣ Павловичѣ въ качествѣ кавалера. Онъ занималъ эту должность десять лѣтъ; въ 1795 году былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Съ присоединеніемъ Курлянскаго герцогства къ Россійской Имперіи Ламздорфъ былъ назначенъ въ 1797 году правителемъ этой новой области. Онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и расположеніе въ Курляндіи. Императоръ Павелъ I переименовалъ Ламздорфа въ 1797 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 5 апрѣля того же года произвелъ въ тайные совѣтники и наградилъ орденомъ Св. Анны 1-й степени, а затѣмъ въ ноябрѣ 1798 г. уволилъ безъ прошенія отъ службы. Но уже 22 марта 1799 г. императоръ назначилъ Ламздорфа въ чинѣ генералъ-лейтенанта директоромъ шляхетскаго (перваго) кадетскаго корпуса, вскорѣ послѣ оставленія этой должности Мих. Илл. Кутузовымъ. Эту должность Ламздорфъ занималъ недолго и 12 апрѣля 1800 г. былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, а въ ноябрѣ 1800 г. императоръ Павелъ I объявилъ Ламздорфу, что онъ удостоилъ его чести быть призваннымъ къ надзору за воспитаніемъ двухъ младшихъ великихъ князей, Николая и Михаила Павловичей. Ламздорфъ отвѣчалъ, что вполнѣ чувствуетъ милость и довѣріе монарха, но не дерзаетъ принять столь лестное порученіе, опасаясь не исполнить его съ тѣмъ успѣхомъ, котораго отъ него ожидаютъ. На это императоръ возразилъ, что если Ламздорфъ не желаетъ исполнить его порученія ради его лично, то долженъ это сдѣлать для Россіи и добавилъ «только не дѣлайте изъ моихъ сыновей такихъ повѣсъ, какъ нѣмецкіе принцы» (Solche Schlingel wie die deutschen Prinzen). Такимъ образомъ наступила наставническая дѣятельность Ламздорфа при двухъ великихъ князьяхъ, продолжавшаяся семнадцать лѣтъ, отъ которой, по словамъ графа М. А. Корфа, не выиграли ни Россія, ни великіе князья, ни вел. кн. Николай Павловичъ въ особенности. Ламздорфъ не обладалъ ни одною изъ способностей, необходимыхъ для воспитанія особъ царственнаго дома, призванныхъ имѣть вліяніе на судьбы своихъ соотечественниковъ и на исторію своего народа; онъ былъ чуждъ даже и того, что нужно для человѣка, посвящающаго себя воспитанію частныхъ лицъ. Назначеніе Ламздорфа объясняется довѣріемъ и уваженіемъ къ нему императрицы Маріи Ѳеодоровны, взявшей на себя главное попеченіе о воспитаніи двухъ младшихъ сыновей. Съ ея волею всего болѣе соображался Ламздорфъ при отправленіи новой своей обязанности и стремился къ выполненію той программы, которая была избрана императрицею-матерью какъ норма дѣйствій, при чемъ главною цѣлью его было отвлечь обоихъ великихъ князей отъ страсти къ военной службѣ, къ которой оба они съ раннихъ лѣтъ имѣли неодолимую склонность. Но Ламздорфъ не достигъ своей цѣли, хотя приложилъ все свое стараніе вообще къ тому, чтобы ввѣренныхъ его воспитанію князей переломить на свой ладъ; исходя изъ неправильнаго пониманія принциповъ педагогики, онъ старался идти наперекоръ всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученныхъ его воспитанію князей, которые находились постоянно какъ бы въ тискахъ, не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни говорить, ни забавляться. Въ особенности не пользовался расположеніемъ Ламздорфа вел. кн. Николай Павловичъ, по характеру самостоя-

тельный и нѣсколько вспыльчивый и строптивый, но благородный и сердечный; любовью съ такимъ характеромъ можно было сдѣлать много, но Ламздорфъ, вмѣсто того чтобы умѣрять этотъ характеръ мѣрами кротости, обратился къ строгости, позволялъ себѣ бить великаго князя линейкою, ружейнымъ шомполомъ и т. д., схватывалъ его за грудь или воротникъ и ударялъ о стѣну, такъ что онъ почти лишался чувствъ, о чемъ впослѣдствіи разсказывалъ самъ императоръ Николай Павловичъ. Ламздорфъ, впрочемъ, и не скрывалъ подобнаго обращенія съ великими князьями отъ ихъ родительницы и въ ежедневныхъ рапортахъ, подаваемыхъ имъ Ея Величеству, почти на всѣхъ страницахъ встрѣчаются сообщенія о жестокомъ его обращеніи съ великими князьями, и это ничѣмъ не маскируется. Но императрица Марія Ѳеодоровна, очевидно, сочувствовала такимъ пріемамъ; по достиженіи вел. кн. Николаемъ 17-ти лѣтъ въ 1813 г. она пожаловала Ламздорфу перстень, при очень ласковомъ письмѣ, въ которомъ высказывала ему: «продолжайте ваши заботы о Николаѣ, ваши по истинѣ отеческія заботы». Ламздорфъ сопровождалъ великихъ князей въ ихъ поѣздкѣ за границу въ 1814 г., когда оба молодые великіе князя рвались, чтобы принять участіе въ происходившихъ въ то время военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона; но, вѣрный своей системѣ переламывать волю своихъ воспитанниковъ, Ламздорфъ везъ ихъ съ такою медленностью, что они прибыли къ Парижу, когда военныя дѣйствія были закончены. Продолжая исполнять обязанности наставника-воспитателя, Ламздорфъ снова отправился за границу со своими воспитанниками въ 1815 году, а затѣмъ съ однимъ вел. кн. Николаемъ Павловичемъ ѣздилъ въ 1816 г. въ Берлинъ, въ виду начавшихся переговоровъ о бракѣ вел. кн. Николая Павловича съ принцессой прусской, гдѣ получилъ отъ прусскаго короля орденъ Чернаго Орла. Обязанности Ламздорфа какъ воспитателя закончились въ 1817 году, когда вел. кн. Николай Павловичъ вступилъ въ бракъ. Въ 1808 году Ламздорфъ былъ произведенъ въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Онъ былъ пожалованъ орденами: св. Александра Невскаго (въ 1801 г.), св. Владиміра 1-й степени (въ 1809 г.) и св. Андрея Первозваннаго (1813 г.), и былъ возведенъ, 1 іюля 1817 года, въ графское достоинство Россійской имперіи. Кромѣ того Императоръ Александръ I пожаловалъ ему табакерку съ портретомъ своихъ родителей и надписью изъ алмазовъ «Богъ благоволилъ на выборъ», императрица же Марія Ѳеодоровна вручила ему другую табакерку съ драгоцѣнными камнями, расположенными такъ, что составлялось слово «Reconnaissance». Въ 1822 г. Ламздорфъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; однако онъ не остался въ столицѣ и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ государственныхъ; по преклонности лѣтъ и вслѣдствіи постигшей его глухоты онъ доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ, находясь въ безсрочномъ отпуску. Императоръ Николай никогда не упрекалъ своего воспитателя за прошедшее и въ день своего коронованія, 22 августа 1826 г., вспомнивъ о немъ, прислалъ въ деревню съ особымъ фельдъ-егеремъ свой портретъ. Ламздорфъ скончался въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ ненадолго по своимъ дѣламъ; Императоръ почтилъ своимъ присутствіемъ его погребеніе. Ламздорфъ въ домашней своей жизни отличался патріархальною простотою, добротою и строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ—насколько онъ ихъ понималъ.

«Общій гербовн. Росс. имп.», т. X. стр. 5; «Сборн. Импер. Рус. Ист. Общества», т. 98; «Русская Старина» 1893 т. 80, ноябрь, стр. 373 и слѣд.; т. 85, февр., стр. 377 и слѣд.; «Россійская Родословная Книга» кн. Долгорукова, ч. 2, стр. 231; «Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Россійской Имперіи», изд. гр. Бобринскаго, т. I. стр. 553; «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1919; «С.-Петербургскій Журналъ», 1828 г.; Шильдеръ, «Исторія Императора Николая I» т. I, стр. 9—16; «Сборникъ біографій кавалергардовъ», Панчулидзева. т. I; Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопамятныхъ людей русской земли» т. II. изд. 1847.

Ламздорфъ, *Николай Матвѣевичъ*, графъ, род. въ 1803 г., ум. 8 октября 1877 г. въ Швейцаріи. Сынъ предъидущаго; послѣ первоначальнаго обученія дома былъ опредѣленъ въ Пажескій Его Величества корпусъ пажемъ 18 февраля 1818 г., 21 марта 1821 г. произведенъ въ камеръ-пажи. Онъ кончилъ курсъ въ корпусѣ однимъ изъ первыхъ, 7 апрѣля 1823 г. былъ опредѣленъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ прапорщикомъ и въ декабрѣ того же года назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ. Находясь въ строю войскъ гвардейскаго корпуса, собранныхъ по Высочайшему повелѣнію 14 декабря 1825 года, Ламздорфъ въ числѣ прочихъ удостоился получить 15 декабря Высочай-

шую признательность за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи своихъ обязанностей. 26 августа 1827 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. При возникшей войнѣ съ Турціею Ламздорфъ вмѣстѣ съ полкомъ выступилъ въ походъ, находился при блокадѣ и взятіи Варны. По заключеніи мира въ Андріанополѣ онъ былъ отправленъ 17 сентября 1829 г. Государемъ Императоромъ курьеромъ въ Варшаву, а оттуда въ Дрезденъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Франкфуртъ на Майнѣ, Аахенъ, Брюссель и Гаагу съ Высочайшими депешами къ Цесаревичу Константину Павловичу и прочимъ членамъ царствующаго дома съ извѣстіемъ о заключеніи мира. По возвращеніи изъ этой поѣздки въ полкъ Ламздорфъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ возобновленія Преображенскаго всей гвардіи собора, будучи правителемъ дѣлъ особаго назначеннаго для этого комитета

Возстаніе, вспыхнувшее въ царствѣ Польскомъ, вызвало отправленіе войскъ гвардіи для усмиренія этого мятежа; Ламздорфъ находился 9 мая 1831 г. въ сраженіи при деревни Молотки, участвовалъ въ усиленномъ движеніи войскъ впередъ отъ Бѣлостока къ Остроленкѣ и Пултуску, наконецъ въ сраженіи 26 и 27 августа 1831 г., при взятіи передовыхъ укрѣпленій Варшавы и городского вала; за оказанную при этомъ храбрость награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й (нынѣ 2-й) степени. 21 марта 1832 г. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ по управленію главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка. Въ 1835 году, на извѣстномъ смотрѣ и маневрахъ подъ Калишемъ, исправлялъ должность дежурнаго штабъ-офицера; 25 декабря 1835 г. назначенъ управляющимъ I отдѣленіемъ канцеляріи военнаго министерства. Въ этой должности Ламздорфъ принималъ дѣятельное участіе по устройству отчетности военнаго министерства и по составленію положенія объ отчетности войскъ и по составленію свода военныхъ постановленій, производившемуся подъ общимъ руководствомъ Сперанскаго. 30 іюня 1837 г. былъ назначенъ директоромъ Лѣсного и Межевого института, съ оставленіемъ въ званіи флигель адъютанта Его Величества. Ламздорфъ обратилъ особенное вниманіе на учебную часть и военное устройство этого института, которое при немъ было преобразовано въ 1840 г.; 13 февраля 1843 года былъ назначенъ вице-директоромъ лѣсного департамента, 15 апрѣля 1845 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ состояніемъ по арміи и назначенъ директоромъ лѣсного департамента. При Ламздорфѣ было составлено и утверждено новое положеніе о лѣсномъ и межевомъ институтѣ 1847 года, а также положеніе 1850 г. объ Олонецкихъ лѣсопильныхъ заводахъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ. 16 ноября 1852 г. назначенъ членомъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ. въ 1857 г. вышелъ въ отставку по болѣзни. По прошествіи трехъ лѣтъ въ 1861 году назначенъ почетнымъ опекуномъ и управляющимъ Гатчинскимъ Николаевскимъ сиротскимъ институтомъ. Въ 1869 году назначенъ въ генералъ-адъютанты Его Величества.

Дѣло о службѣ Н. М. Ламздорфа въ архивѣ мин. госуд. имуществъ (по лѣсному департаменту); Фрейбергъ. Біографіи бывшихъ пажей за 180 лѣтъ; Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи Пажескаго Его И. В. корпуса; Исторія л-гв. Преображенскаго полка; Хроника вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, Селезнева.

Ламовскій, *Михаилъ Петровичъ*, хирургъ, род. въ 1790 г. ум. 3 мая 1844 г.; изъ дворянъ. Окончивъ въ 1807 г. курсъ въ пензенской семинаріи, поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1811 г. и опредѣленъ врачемъ въ Московскій гренадерскій полкъ; въ 1814 г. произведенъ въ штабъ-лекари; въ 1820 г. назначенъ врачемъ 2-й гренадерской дивизіи; въ 1827—1828 г.г. служилъ врачемъ на Мышевскомъ горномъ заводѣ; съ 1829 г. былъ инспекторомъ курской врачебной управы; въ 1836 г. поступилъ старшимъ лекаремъ Старорусскаго военнаго госпиталя и занимался разработкой вопроса о терапевтическомъ значеніи мѣстныхъ минеральныхъ водъ; въ 1853 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ Симферопольскаго военнаго госпиталя. Ему принадлежатъ: «Полныя свѣдѣнія о пользованіи холодной водой» (1841 г.), нѣсколько статей въ «Военно-Медицинск. Журн.» (1840 г.), и въ «Отечественныхъ Запискахъ (за 1839 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели»; «Другъ Здравія», 1841 г., № 4.

Лампе, *Фридрихъ*, ординарный профессоръ государственнаго и народнаго правъ

въ Дерптскомъ университетѣ, род. въ 1781 г. въ Дрезденѣ, умеръ 11 августа 1823 г. въ Дерптѣ. Первоначальное образованіе Лампе получилъ въ дрезденской школѣ, въ 1801—1803 гг. слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ октябрѣ 1803 г. среди студентовъ этого университета обнаружилось движеніе объединить университетскій совѣтъ со студентами. Посредниками между начальствомъ и студентами были избраны Лампе, Парротъ и Еше. Ими былъ составленъ проектъ, урегулировавшій взаимныя отношенія. Проектъ былъ утвержденъ 5 іюля 1814 г., когда Лампе уже не былъ въ университетѣ. Вскорѣ по окончаніи курса Лампе отправился въ Курляндію, въ качествѣ домашняго учителя. Въ 1805 г. выдержалъ экзаменъ на степень кандидата правъ и былъ назначенъ адвокатомъ пильтенскаго ландгерихта, въ 1808 г. переведенъ адвокатомъ курляндскаго оберъ-гохгерихта въ г. Митавѣ, а 1 мая 1813 г. назначенъ въ Дерптскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ государственнаго и народнаго правъ. При этомъ Лампе обязался пріобрѣсти степень доктора правъ и представить съ этой цѣлью ученый трудъ по исторіи права; работа эта представлена не была, а въ 1819 г. Лампе лишенъ былъ права занимать административную должность, въ виду того, что онъ подвергся слѣдствію, вмѣстѣ съ тремя другими профессорами, по дѣлу о незаконномъ присужденіи степени доктора правъ портному Вальтеру и фабриканту Веберу, за плату въ 15.000 р.; Лампе, однако, оправдался и въ 1821 г. былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ. Въ 1821 г. ректоръ Эверсъ напомнилъ факультету объ обѣщаніи Лампе представить указанную работу. Факультетъ рѣшилъ тогда ходатайствовать о перемѣщеніи Лампе на каѳедру мѣстнаго права. Перемѣщеніе не состоялось, такъ какъ въ 1823 г. Лампе умеръ. Въ разное время Лампе занималъ въ университетѣ должности протосиндика, директора канцеляріи училищной комиссіи, декана, предсѣдателя апелляціоннаго суда. Кромѣ выше означенныхъ курсовъ онъ читалъ еще въ 1813—1814 г.г. «теорію курляндскаго гражданскаго права съ упражненіями», въ 1821 г. «нѣмецкое устройство до отдѣленія русскими остзейской Германіи» и курляндское право, въ 1822 г. лифляндское право. За время своей учебной дѣятельности Лампе, если не считать двухъ рецензій и одного театральнаго отчета, никакихъ трудовъ не оставилъ. Въ послѣднее время своей жизни онъ былъ занятъ переводомъ на нѣмецкій языкъ и переработкой сочиненія: «Le comte de Broy, Essais critiques sur l'histoire de la Livonie».

«Біографическій Словарь профессоровъ Дерптск. Унив.», стр. 537, 622 и 661; Нѣтуховъ, «Юрьевскій университетъ» стр. 178 и 290; Полное собраніе зак., т. 26, стр. 940; Арх. Мин. Нар. Пр. Дѣло 2814—121 и др. *Б. Гласко.*

Лампи, *Іоганнъ-Батистъ* (Johann-Baptist Ritter von Lampi), художникъ, род. 31 декабря (н. ст.) 1751 г. въ Ромено въ Тиролѣ, ум. въ Вѣнѣ 11 февраля (н. ст.) 1830 г. Сынъ деревенскаго маляра. Отецъ началъ учить его своему ремеслу; выдающіяся способности мальчика побудили отца отдать его къ одному малоизвѣстному художнику въ сосѣднемъ городѣ. Послѣ двухлѣтнихъ занятій здѣсь Лампи въ 1771 г. отправился въ Верону и поступилъ подъ руководство Фр. Лоренци, ученика Тіеполо и уже черезъ два года былъ признанъ членомъ мѣстной академіи. Писалъ онъ историческіе сюжеты и образа, но особенно интересовался портретною живописью. Возвратившись на родину, быстро пріобрѣлъ громкую извѣстность. Въ 1783 г. онъ написалъ портретъ императора Іосифа II, въ ростъ; въ 1786 г. сдѣланъ профессоромъ и совѣтникомъ академіи въ Вѣнѣ. Въ 1787 г. Лампи прибылъ въ Варшаву по приглашенію короля Станислава-Августа и написалъ длинный рядъ замѣчательныхъ портретовъ короля и многихъ представителей высшаго варшавскаго общества. По приглашенію Потемкина Лампи поѣхалъ въ Яссы, но прибылъ туда уже послѣ кончины Потемкина. Здѣсь онъ написалъ портреты В. С. Попова, ген. Платова и Орлова, кн. Голицына, кн. Волконскаго и извѣстный портретъ гр. Безбородко. Прибывъ затѣмъ въ 1792 г. въ Петербургъ, Лампи былъ отлично принятъ при дворѣ и въ обществѣ, написалъ портретъ императрицы въ ростъ, портреты в. кн. Маріи Ѳеодоровны, в. кн. Александра, в. кн. Константина, кн. Зубова, гр. Строганова, гр. Потемкиной, гр. Завадовской и др. Особенно щедро награжденъ онъ былъ за портретъ императрицы и великихъ

князей Александра и Константина — за первый онъ получилъ 12000 р. и столько же за оба другіе вмѣстѣ, кромѣ того онъ получалъ 1000 р. въ годъ на квартиру за все время своего пребыванія въ Петербургѣ и щедро оплачена была ему дорога въ Петербургъ и обратно. Лампи вывезъ изъ Россіи наилучшія воспоминанія и своего рода культъ къ русскому императорскому дому сохранялся долго и въ его потомствѣ. По возвращеніи въ Вѣну былъ вскорѣ возведенъ въ дворянское достоинство. Число написанныхъ имъ портретовъ очень велико и они пользуются громкою извѣстностью за свои выдающіяся художественныя достоинства.

Biographisches Lexicon der Kaiserthums Oesterreich, von Dr. C. v. Wurzbach, XIV B. 57—61; Энциклоп. Словарь» Брокгауза и Эфрона, ст. А. Сомова.

Лампи, *Іоганнъ-Батистъ*, художникъ, род. въ Вѣнѣ въ 1775 г., ум. тамъ же въ 1837 г. Сынъ предыдущаго; учился у Маурера и Фюгера, въ 1794 г. окончилъ курсъ въ вѣнской академіи. Въ 1796 г. прибылъ въ Петербургъ и провелъ здѣсь 13 лѣтъ, исполнялъ различные портреты, написалъ нѣсколько пейзажей и жанровыхъ картинъ. Петербургская Академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

Wurzbach, XIV B., 61—62.

Лампи, *Францъ*, художникъ, род. въ 1783 г., ум. въ 1852 г. въ Варшавѣ. Сынъ Іоганна Лампи. Учился у Маурера, Фюгера и Дювивье. Въ 1815 г. поселился въ Варшавѣ, гдѣ и жилъ до кончины, временами, только совершалъ поѣздки въ Германію. Писалъ картины религіознаго содержанія, пейзажи и портреты, не лишенные художественнаго значенія. Большинство его произведеній находится въ Варшавѣ и вообще въ польскихъ губерніяхъ.

Wurzbach, XIV Band. 54—57.

Лангеръ, *Карлъ-Генрихъ*, профессоръ Московскаго университета, ум. послѣ 1774 г. Образованіе закончилъ въ Геттингенскомъ и Іенскомъ университетахъ, получилъ степень доктора обоихъ правъ и 11 августа 1764 г. поступилъ профессоромъ въ Московскій университетъ, по контракту на три года; затѣмъ контрактъ этотъ былъ возобновляемъ дважды, такъ что Лангеръ прослужилъ въ университетѣ до мая 1774 г. Онъ читалъ естественное и народное право по Ноттельбладту, политику по собственнымъ запискамъ, придерживаясь системы Вольфа. Памятниками ученой дѣятельности Лангера являются: рѣчь, произнесенная въ день празднованія рожденія императрицы Екатерины, 23 апрѣля 1766 г., «De origine ac progressu legum positivarum deque cum earum studio philosophia arctissime conjugenda»; рѣчь, произнесенная въ день восшествія Екатерины на престолъ, 28 іюня 1767 г., посвященная вопросу: «De ortu et indole summae jurisdictionis criminalis»; рѣчь, произнесенная 23 апрѣля 1771 г.—«De ambitu et praecipuis doctrinae politicae scriptoribus»—эти три рѣчи были изданы на языкахъ русскомъ и латинскомъ и рѣчь, произнесенная 28 іюня 1773 г. (не изданная) «De praecipuis veri jurisconsulti partibus»; въ 1791—1792 г. изданъ въ Москвѣ въ трехъ частяхъ «Полный географическій лексиконъ, содержащій въ себѣ, по азбучному порядку, подробное описаніе всѣхъ частей свѣта..». собранный Карломъ Лангеромъ. Дальнѣйшая жизнь Лангера неизвѣстна. Въ статьяхъ нѣмецкихъ ученыхъ онъ не упоминается.

«Біограф. словарь профессс. и препод. Моск. унив.», I, 447—450, ст. Лешкова; Геннади, «Словарь».

Лангсдорфъ, *Георгъ Генриховичъ*, докторъ медицины, род. 18 апрѣля 1774 г. въ рейнской провинціи Вельштейнѣ; ум. 3 іюля 1852 г. Окончилъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ, тамъ же защитилъ въ 1797 г. диссертацію на тему: «Commentatio med.-obstet. sistens phantasmatum sive machinarum ad artis obstetriciae exercitia facientium vulgo Fantomae dictarum brevem historiam» и былъ назначенъ лейбъ медикомъ принца Христіана фонъ-Вальдека; въ 1803 г. отправился съ русскимъ капитаномъ Крузенштерномъ съ научною цѣлью въ кругосвѣтное плаваніе; вернувшись въ 1808 г. съ богатыми естественно-научными коллекціями въ Петербургъ, опредѣленъ адъютантомъ по ботаникѣ въ Императорскую Академію Наукъ; въ 1812 г., будучи экстраординарнымъ академикомъ по зоологіи, былъ назначенъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бразилію; посылая отсюда цѣнныя коллекціи, способствовалъ обогащенію петербургскаго зоологическаго музея; въ 1830 г. вернулся въ Европу и поселился въ Фрейбургѣ, гдѣ и умеръ. На русскомъ

языкѣ не написалъ ни одного сочиненія. Извѣстны двѣ его работы: «Kurze Bemerkungen über die Anwendung und Wirkung der Caincawurzel» (Rio deJaneiro, 1827) и «Nachrichten aus Lissabon über das weibliche Geschlecht, die Geburten und Entbindungskunst in Portugal» (Lissabon, 1800).

Hirsch, «Lexicon der Aerzte»; «Записки Императ. Акад. Наукъ» 1865 г., т. VII, статья акад. Ѳ. Брандта; Рупрехтъ, «Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ, по части ботаники» (прилож. къ 7 тому записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 3); «Труды русскаго энтомологическаго общества», часть II, 1863 г.

Лангсдорфъ, *Карлъ Христіанъ*, профессоръ Виленскаго университета, род. въ 1757 г., въ Наугеймѣ, ум. въ 1834 г. Служилъ сначала въ Наугеймѣ, потомъ былъ «профессоромъ конструкціи машинъ» въ Эрлангенѣ, въ 1804—1806 г. профессоромъ технологіи и механики въ Вильнѣ и съ 1806 г. по 1827 г. профессоромъ математики въ Гейдельбергѣ. Лангсдорфъ написалъ много сочиненій по физикѣ и математикѣ. Изъ нихъ университетомъ изданы «Institutiones technologicae» (Вильно 1806 г.), «Principia staticae et mechanicae corporum solidorum et fluidorum» и нѣкот. др.

Orgelbrand, «Encyklopedja powszechna», IX; «Encyklopedja ogólna», VIII.

Лангъ, *Иванъ-Лоренцъ*, умеръ послѣ 1738 г. Родомъ шведъ; обстоятельства его жизни мало извѣстны. Въ 1719 г., съ чиномъ секретаря, отправился при посольствѣ Измайлова въ Китай; по отъѣздѣ Измайлова изъ Пекина, въ мартѣ 1721 г., остался тамъ со званіемъ резидента и прилагалъ всѣ усилія добиться отъ китайскаго правительства согласія на установленіе торга. Послѣ почти полуторагодовыхъ безуспѣшныхъ усилій, выѣхалъ въ августѣ 1722 г. обратно. Впослѣдствіи сопровождалъ Петра Великаго въ его персидскомъ походѣ, затѣмъ въ 1737—1738 гг. ѣздилъ съ предложеніемъ перемирія въ Константинополь. Обо всѣхъ своихъ путешествіяхъ Лангъ оставилъ обстоятельныя записки, которыя для своего времени содержали много цѣнныхъ свѣдѣній. Онѣ напечатаны полностью, подъ названіемъ: «Journal de la residence du sieur Lange... à la cour de la Chine...», Leyde, 1726, и у Вебера, въ его «Das veränderte Russland», и въ сокращеніи—въ сочиненіи Bell d'Antermony, «Voyages depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie» (1776 г.), переведенномъ на нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ на русскій языкъ: «Бѣлевы путешествія черезъ Россію въ разныя азіатскія земли»... въ 3 частяхъ Спб. 1776, и частью въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1822 г.

Лангъ, *Іосифъ Матѳѣевичъ*, профессоръ Харьковскаго университета, ум. послѣ 1819 г. Окончилъ курсъ въ Фрейбургскомъ университетѣ въ 1795 г., въ 1803 г. по экзамену, произведенному въ Академіи Наукъ, опредѣленъ въ Харьковъ адъюнктомъ философическихъ и математическихъ наукъ; первые два года по открытіи университета читалъ лекціи по философіи; съ 1806 г. преподавалъ политическую экономію, въ 1810 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1812 ординарнымъ по каѳедрѣ дипломатики и политическихъ наукъ. Съ 1820 г. имени его въ составѣ профессоровъ университета уже не встрѣчается. Ему принадлежатъ рѣчи «Ueber das Studium juridischen und politischen Wissenschaften» (1810 г.), «Was ist das Geld» (1814 г.); въ 1810 г. Лангъ издалъ «Grundlinien der politischen Arithmetik».

«Журн. Мин. Нар. Просв.»; 1855, № 5, ст. Рославскаго-Петровскаго, и 1872, № 2, ст. Лавровскаго.

Ландцертъ, *Ѳедоръ Павловичъ*, профессоръ Военно-Медицинской академіи, сынъ пастора, род. 28 марта 1833 г. въ мѣстечкѣ Бѣлоостровѣ, петербургской губ., ум. 1889 г. Окончивъ въ 1850 г. курсъ въ Петропавловскомъ училищѣ, поступилъ въ Военно-Медицинскую Академію; будучи студентомъ академіи, преподавалъ анатомію учителямъ гимнастики въ гимнастическомъ заведеніи де-Роона; окончивъ курсъ въ академіи въ 1855 г., началъ свою врачебную дѣятельность въ рижскомъ военномъ госпиталѣ; въ 1860 г. былъ приглашенъ читать лекціи въ академіи по анатоміи вмѣсто умершаго Н. А. Нарановича; въ 1862 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины «О лѣченіи аневризма прижиганіемъ»; въ 1868 г. былъ избранъ профессоромъ, въ 1873 г. ученымъ секретаремъ Академіи; съ 1860 г. читалъ лекціи по описательной анатоміи на открывшихся въ томъ же году женскихъ курсахъ при Маріинской гимназіи; былъ лекторомъ анатоміи, физіологіи и гигіены на Фребелевскихъ курсахъ; съ 1878 г. читалъ анатомію въ училищѣ для фельдшерицъ при Рождественской больницѣ; былъ профессоромъ анатоміи и

ученымъ секретаремъ высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Изъ его ученыхъ работъ извѣстенъ «Курсъ нормальной анатоміи человѣка» въ 4-хъ частяхъ съ рисунками, отлично выполненными самимъ авторомъ.

«Историческій Вѣстникъ» 1889 г., декабрь; «Медицинская бесѣда», 1889 г., № 20.

Ланжеронъ, *Людовикъ-Александръ-Андро* (*Louis Alexandre Andrault* chevalier comte de Langéron, marquis de la Coss, baron de Cougny, de la Ferté Langéron et de Sassy), графъ, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ Парижѣ 13 января 1763 г., ум. 4 іюня 1831 г. Получивъ свѣтское образованіе, обычное въ высшемъ французскомъ дворянствѣ конца XVIII вѣка, поступилъ въ 1779 г. въ ряды французской арміи подпоручикомъ въ пѣхотный полкъ, который, подъ начальствомъ дяди Ланжерона, графа Дама, долженъ былъ принять участіе въ предполагавшейся высадкѣ на берега Англіи. Эта высадка не осуществилась и молодой Ланжеронъ перешелъ въ другой пѣхотный полкъ, который подъ начальствомъ графа Лаваля-Монморанси былъ отправленъ въ 1782 г. на кораблѣ «Aigle» изъ Ларошели въ Сѣверную Америку, чтобы оказать помощь англійскимъ колоніямъ. Эта экспедиція, подъ главнымъ начальствомъ Рошамбо, не имѣла желаемаго успѣха. Французскіе корабли встрѣтились у береговъ Америки съ англійскою эскадрою Эльфинстона и послѣ неудачнаго сраженія съ нею корабль «Aigle» укрылся въ устьяхъ рѣки Делаваръ. Ланжеронъ прибылъ въ Филадельфію; затѣмъ въ Бостонъ, гдѣ присоединился къ эскадрѣ маркиза Водрёля, отправлявшейся въ Южную Америку съ войсками подъ начальствомъ Віомениля. Ланжеронъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Порто-Кабелло, Каракасѣ, Санъ-Доминго, отличился храбростію; по заключеніи въ 1783 г. Версальскаго договора, возвратился во Францію, украшенный орденомъ Цинцинната. Онъ былъ въ 1787 г. зачисленъ капитаномъ въ драгунскій полкъ Кондэ, а въ слѣдующемъ назначенъ сверхштатнымъ полковникомъ въ полкъ Арманьяка. Наступившая во Франціи революція побудила Ланжерона, какъ и многихъ другихъ знатныхъ лицъ, покинуть родину и искать убѣжища въ чужихъ государствахъ. Имѣя склонность къ военному дѣлу, Ланжеронъ въ виду войны Австріи съ Турціею, намѣревался поступить въ австрійскія войска, но императоръ Іосифъ II, неохотно принимавшій въ ряды своей арміи иностранныхъ волонтеровъ, отклонилъ эту просьбу Ланжерона. Тогда Ланжеронъ поѣхалъ въ Петербургъ и, при содѣйствіи принца Нассау-Зингенъ, въ 1790 г. поступилъ на службу императрицы Екатерины II и былъ зачисленъ въ 1-й Сибирскій гренадерскій полкъ, находившійся въ арміи Потемкина на Дунаѣ. Ланжеронъ, впрочемъ, не поѣхалъ на Дунай, а остался въ Петербургѣ и принялъ участіе въ происходившей въ то время войнѣ со Швеціею. Онъ командовалъ 2-й дивизіею нашего гребного флота, отличился въ сраженіяхъ 21 и 22 іюня 1790 г. при Біоркe-Зундѣ, въ которыхъ Нассау-Зингеномъ былъ разбитъ шведскій флотъ, и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ слѣдующемъ за тѣмъ неблагопріятномъ для насъ сраженіи при Роченсальмѣ (28 іюня) Ланжеронъ командовалъ лѣвымъ крыломъ гребной флотиліи; послѣ битвы соединился съ нашими кораблями у Фридрихсгама и простоялъ здѣсь все лѣто. По заключеніи мира со Швеціею Ланжеронъ отправился на Дунай, былъ при блокадѣ Измаила. При знаменитомъ штурмѣ этой крѣпости 11-го декабря Ланжеронъ находился въ колоннѣ генерала Арсеньева, выдержавшей убійственный огонь турокъ, и по словамъ Суворова «оказалъ отличную неустрашимость въ атакѣ непріятеля». За этотъ штурмъ, при которомъ Ланжеронъ былъ сильно контуженъ въ ногу, онъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1791 г. Ланжеронъ находился подъ начальствомъ князя Репнина и принималъ участіе въ славномъ сраженіи при Мачинѣ 28 іюня, за которое былъ удостоенъ всемилостивѣйшаго рескрипта. По заключеніи въ 1792 г. мира въ Яссахъ, Ланжеронъ отправился на Рейнъ, чтобы принять участіе въ борьбѣ первой коалиціи противъ республиканской Франціи. Онъ оставилъ объ этой войнѣ любопытныя записки, изданныя въ 1895 г. французомъ Пенго подъ заглавіемъ «L'invasion austro-prussienne 1792 — 1794».—Ланжеронъ въ началѣ этой войны состоялъ волонтеромъ въ корпусѣ принца Саксенъ-Тешенскаго, участвовалъ въ сраженіи подъ Гризуэлемъ и дѣйствовалъ въ Нидерландахъ, а за тѣмъ въ сентябрѣ

1792 г. находился подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, вмѣстѣ съ корпусомъ французскихъ эмигрантовъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ братьевъ короля Людовика XVI. Ланжеронъ при этомъ совершилъ тяжелый походъ въ Лотарингію, Шампань и принималъ участіе въ сраженіи при Вердёнѣ, Тіонвиллѣ, затѣмъ, по разбродѣ всего корпуса, вернулся въ Петербургъ. Императрица Екатерина II отправила его вмѣстѣ съ его соотечественникомъ, герцогомъ Ришелье, въ Нидерланды въ австрійскую армію, находившуюся подъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго, и поручила Ланжерону доставлять ей свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Онъ участвовалъ снова въ цѣломъ рядѣ сраженій—при Мобежѣ, Ландресси, Линнуа, Тюркуанэ, Турнэ, Флёрюсѣ, Розендалѣ и т. д, а также при осадахъ Валансьена, Дюнкирхена, Дюнельдорфа и отличался всегда пылкою храбростью. Эти два года непрерывныхъ военныхъ дѣйствій доставили Ланжерону большую боевую опытность. Война окончилась неудачно для союзниковъ; австрійскія войска принуждены были отступить за Рейнъ, Ланжеронъ возвратился въ Петербургъ; 30 іюля 1794 г. онъ былъ переведенъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ П. А. Румянцевъ. Маститый полководецъ оцѣнилъ военныя дарованія Ланжерона, назначилъ его полковникомъ своего полка, а затѣмъ, 28 іюля 1796 г., въ чинѣ бригадира, и командиромъ онаго. Императоръ Павелъ I 22 мая 1797 года произвелъ Ланжерона въ генералъ-маіоры и назначилъ шефомъ вновь сформированнаго мушкетерскаго Уфимскаго полка, имѣвшаго свою стоянку въ г. Уфѣ. Императоръ, осмотрѣвъ этотъ полкъ въ Казани, остался очень доволенъ имъ и пожаловалъ Ланжерону орденъ св. Анны 2-го класса и намѣревался назначить его военнымъ оренбургскимъ губернаторомъ, но согласно просьбы Ланжерона оставилъ его попрежнему во фронтѣ и при томъ шефомъ Уфимскаго полка. Произведенный 28 ноября 1798 г. въ генералъ-лейтенанты, Ланжеронъ былъ въ слѣдующемъ 1799 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ особаго 25-тысячнаго корпуса, собраннаго въ Курляндіи и Самогитіи подъ начальствомъ Бенкендорфа; вскорѣ на Ланжерона возложено было командованіе этимъ корпусомъ. Онъ пользовался расположеніемъ императора, который разрѣшилъ ему непосредственно съ нимъ переписываться и вскорѣ наградилъ его орденомъ св. Анны 1-й степени, 13 мая 1799 г. назначилъ шефомъ Ряжскаго мушкетерскаго полка, стоявшаго въ Ярославлѣ, а 12 августа 1800 года — инспекторомъ пѣхотеріи Брестской инспекціи, каковую обязанность Ланжеронъ отправлялъ до 1806 г.; Ланжеронъ въ царствованіе императора Павла I вступилъ въ русское подданство, получилъ командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго и былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи; онъ неизмѣнно пользовался расположеніемъ государя и, въ свою очередь, навсегда сохранилъ къ нему лучшія чувства.

По вступленіи на престолъ Александра I Ланжеронъ одно время продолжалъ завѣдывать Брестскою инспекціею войскъ, а затѣмъ при первой войнѣ съ Наполеономъ возникшей въ 1805 году получилъ командованіе 2-ою колонною нашихъ войскъ въ арміи Буксгевдена; послѣ соединенія въ Ольмюцѣ съ приближавшеюся съ береговъ Дуная арміею Кутузова, получилъ начальство надъ шестью полками, съ которыми и участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ 19 ноября (2 декабря) 1805 г. Сраженіе это было для насъ крайне неблагопріятно, а для отряда Ланжерона въ особенности: онъ весьма неудачно исполнилъ порученный ему обходъ французской арміи, былъ совсѣмъ разбитъ при атакахъ Праценскихъ высотъ и съ большимъ трудомъ отступилъ къ Аугесту, такъ какъ французы зашли ему въ тылъ. «Императоръ—писалъ генералъ Лиженъ Ланжерону — недоволенъ вашими распоряженіями, но, щадя вашу чувствительность, позволяетъ вамъ просить объ увольненіи отъ службы».—Однако, гнѣвъ Императора продолжался не долго и уже 12 апрѣля 1806 г., въ виду продолжавшейся войны съ Наполеономъ въ Пруссіи, Ланжеронъ былъ назначенъ состоящимъ по арміи, но дѣятельнаго участія въ этой войнѣне принималъ. Въ 1807 году онъ былъ отправленъ въ Дунайскую армію, дѣйствовавшую подъ начальствомъ Михельсона противъ турокъ. Михельсонъ находился въ отрядѣ войскъ, составлявшемъ наше лѣвое крыло въ Бессарабіи, который, занявъ Килію, Акерманъ, Паланку, присо-

единился къ корпусу, стоявшему подъ Измаиломъ. Ланжеронъ, командуя отрядомъ, на островѣ Четалѣ имѣлъ жаркое дѣло съ турками, вышедшими изъ Измаила, и былъ за него награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1808 г. онъ командовалъ корпусомъ, охранявшимъ Бессарабію, въ 1809 г.—корпусомъ, наблюдавшимъ за крѣпостью Измаиломъ, затѣмъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ резервныхъ войскъ молдавской арміи, стоявшихъ въ Бессарабіи. Зная, что у Ланжерона не особенно много войскъ, турки въ числѣ 15.000 переправившись у Журжи, возъимѣли намѣреніе двинуться на Бухарестъ и овладѣть имъ. Ланжеронъ, собравъ имѣвшіяся у него подъ рукою войска, двинулся изъ Бухареста на встрѣчу туркамъ и при мѣст. Фрачинѣ разбилъ ихъ, послѣ чего визирь отступилъ къ главной арміи; за это сраженіе Ланжеронъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Затѣмъ онъ получилъ приказаніе двинуться къ Силистріи. Отразивъ сильную вылазку, Ланжеронъ 30 мая 1810 г. овладѣлъ Силистріею и двинулся по направленію къ Шумлѣ, у которой уже стоялъ графъ Каменскій съ войсками. На пути своемъ Ланжеронъ разбилъ турокъ при сел. Дирекіой, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., а затѣмъ блокировалъ Рущукъ, который сдался ему 15 сентября 1810 г.; взятіе Рущука доставило Ланжерону орденъ св. Александра Невскаго. По окончаніи военныхъ дѣйствій Ланжеронъ, за болѣзнію гр. Каменскаго, вступилъ во временное командованіе всею молдавскою арміею и предполагалъ осуществить планъ Каменскаго: быстрыми дѣйствіями навести страхъ на турокъ и принудить ихъ заключить миръ. Недостатокъ войскъ не позволялъ осуществить этотъ планъ; къ тому же и турки, подстрекаемые Франціею, не хотѣли слышать о мирѣ. Султанъ намѣревался вести съ весны 1811 года войну самымъ рѣшительнымъ образомъ и приказалъ всѣ войска свои направить къ Балканамъ. Ланжеронъ, двинувшись къ Никополю, узналъ о положеніи турокъ и объ ихъ работахъ по укрѣпленію горныхъ проходовъ и тѣснинъ. Онъ не рѣшился перенести военныя дѣйствія за Дунай и предпринимать что либо важное до пріѣзда новаго главнокомандующаго, Кутузова, который, прибывъ къ Дунаю въ апрѣлѣ 1811 г., открылъ наступательныя дѣйствія. 22 іюня 1811 года турки потерпѣли сильное пораженіе подъ Рущукомъ; Ланжеронъ, командуя центромъ арміи, принималъ большое участіе въ уничтоженіи турецкой арміи; за это сраженіе онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. Послѣ Рущукскаго пораженія значительныхъ военныхъ дѣйствій уже не было, начались мирные переговоры, закончившіеся Бухарестскимъ миромъ 1812 года, а тѣмъ временемъ Кутузова, призваннаго начальствовать нашими войсками, дѣйствовавшими противъ Наполеона, замѣнилъ въ молдавской арміи адмиралъ П. В. Чичаговъ, о которомъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ отзывается очень неблагопріятно. Молдавская армія должна была по окончаніи войны и заключеніи мира съ Турціею двинуться къ нашимъ западнымъ границамъ и, соединясь съ арміею ген. Тормасова близъ г. Луцка, преградить Наполеону отступленіе изъ Россіи. Въ самый день Бородинской битвы 26 августа эта армія, въ которой былъ и Ланжеронъ, перешла за Серетъ и послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе значительныхъ стычекъ съ французами приближалась 5 ноября къ Минску, гдѣ узнала о пораженіяхъ Наполеона при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Краснымъ. Чичаговъ двинулся къ г. Борисову на Березинѣ, чтобы преградить дальнѣйшее отступленіе французамъ, что какъ извѣстно, не удалось Чичагову. Но Чичаговъ настойчивѣе другихъ русскихъ корпусовъ преслѣдовалъ французовъ до р. Нѣмана и окончательно уничтожилъ великую армію. Ланжеронъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, происходившихъ въ эти дни, а затѣмъ вступилъ въ предѣлы Пруссіи и блокировалъ съ небольшимъ отрядомъ крѣпость Торнъ, которая послѣ упорной обороны сдалась Ланжерону на капитуляцію 6 (18) апрѣля 1813 г. Сдача Торна доставила Ланжерону орденъ св. Георгія 2-й степени, а также прусскіе ордена Чернаго и Краснаго Орла. Проникнувъ послѣ этого въ Саксонію, Ланжеронъ присоединился къ главной нашей арміи, находившейся, за кончиной князя Кутузова, подъ начальствомъ Барклая де Толли, за нѣсколько дней до сраженія при Бауценѣ (8 мая 1813 г.) и принялъ командованіе надъ западною или центральною арміею. Исходъ Бауценскаго сраженія былъ неблагопріятенъ союзникамъ; во время

перемиріе, заключеннаго послѣ битвы, Ланжеронъ стоялъ у Рейхенбаха, занимался комплектованіемъ и переформированіемъ ввѣренныхъ ему войскъ, разстроенныхъ продолжительнымъ и непрерывнымъ походомъ съ береговъ Дуная къ Эльбѣ. Затѣмъ ввѣренные ему четыре корпуса вошли въ составъ Силезской арміи, находившейся подъ главнымъ начальствомъ Блюхера, и по открытіи вновь военныхъ дѣйствій въ теченіе всей компаніи 1813 г. потеряли до 50.000 человѣкъ, принимая участіе въ различныхъ сраженіяхъ числомъ 39, въ томъ числѣ и въ трехдневной битвѣ подъ Лейпцигомъ (4—6 октября). На долю Ланжерона въ этомъ сраженіи выпало: перейдя р. Парту, овладѣть одною изъ главныхъ позицій французской арміи при деревнѣ Шёнфельдѣ, которая нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки и наконецъ была окончательно занята Ланжерономъ. Этимъ позиція Наполеона была прорвана; на другой день Ланжеронъ овладѣлъ большимъ редутомъ противъ Галльскаго предмѣстья. За Лейпцигскую битву Ланжеронъ получилъ отъ короля шведскаго орденъ Меча 1-й степени, а отъ русскаго императора бриллiантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго. Считая себя такою наградою обиженнымъ предъ другими, особенно передъ Платовымъ и Милорадовичемъ, награжденными послѣ Лейпцигскаго сраженія орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, Ланжеронъ выразилъ это въ письмѣ къ Императору Александру I и получилъ на это словесный отвѣтъ чрезъ третье лицо, что всегда былъ награжденъ по заслугамъ. Немедленно по взятіи Лейпцига силезская армія была направлена преслѣдовать Наполеона, но осеннее время пріостановило на девять недѣль дальнѣйшее движеніе армій; Ланжеронъ блокировалъ укрѣпленный городъ Комель, затѣмъ 20 декабря 1813 г. (1 января 1814 г.) перешелъ Рейнъ у Бингена, занялъ этотъ городъ и началъ осаду Майнца, который упорно оборонялся. Въ это время Ланжеронъ получилъ приказаніе Блюхера спѣшить къ нему, оставивъ предъ Майнцомъ наблюдательный отрядъ. 3 (15) февраля Ланжеронъ отошелъ съ главными силами отъ Майнца и чрезъ Кейзерслаутернъ, Цвейбрюкенъ, Нанси, Туль, Сенъ-Дизье прибылъ въ Витри 11 февраля, а затѣмъ чрезъ Вертю и Эпернэ направился къ Суассону, гдѣ соединился съ войсками Блюхера. Ланжеронъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Суассонѣ, 21 февраля, при Лаонѣ 25 февраля, занялъ г. Сенъ-Кентенъ, и послѣ сраженія при Феръ-Шампенуазѣ двинулся къ Парижу. Императоръ Александръ приказалъ Ланжерону овладѣть высотами Монмартра и Ланжеронъ исполнилъ это, не смотря на отчаянное сопротивленіе французовъ. Послѣдствіемъ занятія высоть Монмартра была капитуляція Парижа 19 марта 1814 года и окончаніе войны съ Франціей; теперь Ланжеронъ получилъ отъ Императора Александра орденъ св. Андрея Первозваннаго, а отъ австрійскаго императора крестъ Маріи-Терезіи.

Послѣ семидневнаго пребыванія въ окрестностяхъ Парижа, Ланжеронъ съ войсками двинулся обратно въ Россію и получилъ командованіе 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, стоявшимъ въ Дубнѣ, Волынской губерніи, затѣмъ шестымъ, а въ 1815 году съ означенными двумя корпусами снова направился къ границамъ Франціи, вслѣдствіе появленія Наполеона въ ея предѣлахъ. Но Ланжеронъ дошелъ только до Рейна, когда битва при Ватерлоо сдѣлала излишнимъ дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ во Францію.

10 ноября 1815 г. Ланжеронъ былъ назначенъ на мѣсто герцога Ришельё херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, одесскимъ градоначальникомъ, управляющимъ гражданскою частью въ губерніяхъ херсонской, таврической и екатеринославской, а также главнокомандующимъ Бугскими и Черноморскими казаками. Онъ явился не только преемникомъ, но и дѣйствительнымъ продолжателемъ въ этой должности дѣлъ своего соотечественника и друга, герцога Ришелье, который передалъ ему всѣ свои бумаги и предположенія о дальнѣйшемъ развитіи южнаго края Россіи и снабдилъ свѣдѣніями объ этой обширной мѣстности и ея населеніи. Ланжеронъ постарался осуществить мысль Ришелье объ устройствѣ въ Одессѣ порто-франко, о чемъ и послѣдовалъ указъ 16 апрѣля 1817 г.; порто-франко было введено въ дѣйствіе 16 августа 1818 года. При Ланжеронѣ было основано въ 1817 г. въ Одессѣ высшее учебное заведеніе—Ришельевскій лицей; мысль его устроенія принадлежала герцогу Ришелье, который пожертвовалъ на содержаніе училища всю свою аренду и пенсію, назначенныя ему за долговремен-

ную службу въ Россіи. По мысли Ланжерона открыто было въ 1817 г. народное училище для дѣвочекъ. Онъ же положилъ начало греческому коммерческому училищу, окончательно открытому въ 1819 г. Ланжеронъ заботился о снабженіи Одессы хорошею водою, старался привести въ порядокъ хозяйство и бюджетъ города, для чего составилъ особый комитетъ и образовалъ первую общую городскую думу въ Одессѣ, не пользовавшуюся, впрочемъ, особенною самостоятельностью. Ему же обязана Одесса устройствомъ ботаническаго сада въ 1819 г. и Приморскаго бульвара въ 1820 г., наконецъ сооруженіемъ памятника герцогу Ришелье (работы художника Мартоса), открытаго 22 апрѣля 1826 г. При Ланжеронѣ стала выходить въ Одессѣ первая газета на французскомъ языкѣ подъ названіемъ «Messager de la Russie méridionale». Ланжеронъ не разъ входилъ съ представленіями о необходимости улучшить въ Одессѣ портовыя сооруженія, что было осуществлено при его преемникѣ, гр. М. С. Воронцовѣ. Заботами и стараніями Ланжерона городъ наполнился ремесленниками и рабочими, городскія земли покрылись множествомъ дачъ и населеніе города и его окрестностей значительно увеличилось.

Масса дѣлъ, лежавшихъ на Ланжеронѣ по управленію Одессою и всѣмъ южнымъ краемъ въ особенности, тяготила его и онъ вошелъ съ представленіемъ объ отдѣленіи обязанностей по управленію краемъ отъ обязанностей по завѣдыванію городомъ Одессою и 25 мая 1820 г. послѣдовалъ указъ объ образованіи отдѣльнаго Одесскаго градоначальства, причемъ за Ланжерономъ осталась должность главнаго начальника южныхъ губерній Россіи; но эту должность онъ исполнялъ уже не долго. Въ это время онъ представилъ Императору Александру записку или проектъ объ отмѣнѣ табели о рангахъ, причемъ предлагалъ отмѣнить всѣ чины по гражданскому управленію въ Россіи и тѣмъ ввести новое начало въ управленіе страною. Онъ считалъ эту мѣру единственнымъ средствомъ улучшить и управленіе, и даже нравы служащихъ. Кромѣ того въ другой своей запискѣ онъ указывалъ на многосложность канцелярской переписки, на громадное число подписываемыхъ начальниками бумагъ, прочесть которыя имъ не подъ силу, и на проистекающій отъ этого вредъ для дѣла. Императоръ, кажется, остался недоволенъ проектами Ланжерона; когда затѣмъ найдены были нѣкоторые безпорядки въ его управленіи, ему негласно приказано было проситься въ отставку; въ 1823 году 15 мая Ланжеронъ по болѣзни и преклонности лѣтъ былъ уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія. Ланжеронъ послѣ этого отправился во Францію, гдѣ и пробылъ до кончины Александра I, Со вступленіемъ на престола Императора Николая I Ланжеронъ возвратился въ Россію, былъ назначенъ членомъ верховнаго уголовнаго суда по дѣлу 14 декабря, принималъ участіе въ коронованіи и получилъ брилліантовые знаки къ ордену Св. Андрея Первозваннаго. При возникшей въ 1828 г. войнѣ съ турками, Ланжеронъ находился при особѣ Его Величества во время переправы чрезъ Дунай при Сатуновѣ и участвовалъ въ происходившихъ подъ Шумлою сраженіяхъ 8 и 16 іюля. Въ концѣ мѣсяца ему ввѣрены были войска, находившіяся въ обѣихъ Валахіяхъ, причемъ ему было поручено наблюдать за турецкими крѣпостями Журжею и Турно. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ приступилъ къ осадѣ Силистріи, но ранняя и крайне неблагопріятная осень съ сильными бурями и снѣжными метелями, во время одной изъ которыхъ самъ Ланжеронъ едва не погибъ, принудили его снять осаду и отступить на зимнія квартиры въ Валахію и Молдавію. Въ это время онъ успѣлъ овладѣть крѣпостью Турно. Съ открытіемъ вновь военныхъ дѣйствій, весною 1829 года, главнокомандующимъ надъ войсками, дѣйствовавшими противъ турокъ, былъ назначенъ генералъ Дибичъ, бывшій по службѣ и годами гораздо моложе Ланжерона. Ланжеронъ, повидимому, счелъ себя обиженнымъ и въ мартѣ 1829 г. подалъ прошеніе объ увольненіи изъ арміи, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Ланжеронъ поселился въ Одессѣ, гдѣ и жилъ частнымъ человѣкомъ. Въ началѣ 1831 г., пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ занемогъ холерою и умеръ 4 іюля 1831 г. Ланжеронъ погребенъ въ католической церкви г. Одессы, гдѣ въ память о немъ одна изъ улицъ получила названіе Ланжероновской.

Ланжеронъ любилъ роскошь и блескъ, жилъ открыто и былъ очень щедръ; онъ

дѣлился своими деньгами съ каждымъ нуждающимся или просившимъ, и не оставилъ послѣ себя никакого состоянія. Ланжеронъ былъ женатъ два раза. Въ первый разъ онъ вступилъ въ бракъ съ вдовою маіора Натальею Петровною Кашинцевою, рожденною княжною Трубецкою, а по ея кончинѣ вступилъ въ бракъ съ Елизаветою Адольфовною Бриммеръ, извѣстною въ то время красавицею, дочерью полковника. Оба брака были бездѣтны. Ланжеронъ въ ранней молодости занимался литературою, участвовалъ въ изданіи, выходившемъ въ Парижѣ въ концѣ XVIII столѣтія подъ заглавіемъ «Actes des Apôtres», написалъ комедію въ прозѣ «Le Düel supposé», Paris 1789 г., а позднѣе велъ обыкновенно журналъ военныхъ дѣйствій тѣхъ войнъ, въ которыхъ принималъ участіе. Эти журналы послужили ему главнымъ матеріаломъ для его воспоминаній, отчасти напечатанныхъ уже послѣ его кончины; произведенія Ланжерона написаны прекраснымъ слогомъ, очень интересны и отличаются безпристрастіемъ. Всѣ оставшіяся послѣ него бумаги хранятся въ Парижѣ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

«Nouvelle biographie générale, depuis les temps les plus reculés»: Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Larousse»; «Grande nouvelle encyclopedie»; «L'invasion austro-prussienne 1792—1794», documents publiés par Léonce Pingaud; «Mémoires sur les guerres de la première coalition 1792—1794. par le comte de Langéron»; «Mémoires de Langéron, générale d'infanterie dans l'armée russe. Campagnes de 1812, 1813 et 1814»; «Nouvelle Revue retrospective» 1895 г. mai; Одесса. 1794—1894 г. Изданіе городского общественнаго управленія». Одесса 1895 г.—«Изъ прошлаго Одессы»—составилъ де Рибасъ; «Первое 35-лѣтіе исторіи г. Одессы» А. А. Скальковскаго; Военная Галлерея Зимняго Дворца. т. II, изд. 1846 г.; «Исторія г. Одессы» — Смолянинова; «Военный Журналъ» Рахманова за 1810 гг.; «Военный Журналъ», издававшійся при Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ въ 1817, 1818 и 1819 гг.; «Военный Сборникъ» 1888 г.; «Русская Старина» 1890 г., 68 т., ноябрь, стр. 478; 1895 г. т. 83, мартъ, апрѣль, май, 1903 г.; «Русскій Архивъ» 1869 г. стр. 206; «Историческій Вѣстникъ» 1895 г. декабрь; «Русская Мысль» 1895 г., книги V—X, статьи Брикнера; «Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., ст. Брикнера.

Лансере, *Евгеній Александровичъ*, скульпторъ, род. 12 августа 1848 г. въ Моршанскѣ, тамбовской губ., ум. 23 марта 1886 г., въ своемъ имѣніи близъ Харькова. Внукъ французскаго выходца, принявшаго русское подданство. Первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ гувернеровъ въ домѣ бар. Вернези, своего дѣда со стороны матери, въ Моршанскѣ; затѣмъ окончилъ курсъ во 2-й петербургской гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1869 г. со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Скульптурѣ ни у кого не учился; образовалъ изъ себя художника самъ, совершая ежегодныя поѣздки по всей Россіи и ея юго-восточнымъ окраинамъ по преимуществу, а также по Европѣ, посѣтилъ Алжиръ; всюду лѣпилъ мѣстные типы; еще будучи студентомъ выставлялъ свои произведенія, за которыя получилъ въ 1866 г. званіе класснаго художника 2-й степени, въ 1869—1-й степени, а въ 1876 г. званіе почетнаго вольнаго общника академіи. Не разъ получалъ награды на всемірныхъ выставкахъ. Число его произведеній доходитъ до 400; особенною извѣстностью пользуются его группы: «Джигитовка», «Сокольничій», «Прощаніе»; во множествѣ копій онѣ разошлись по всей Россіи и являются едва ли не самыми популярными у насъ обращиками скульптуры.

«Художественный журналъ», 1886, февраль.

Ланская, *Варвара Ивановна*, род. около 1800 г., ум. въ 1844 г.; дочь кн. Ив. Ив. Одоевскаго; рано лишившись своихъ родителей, жила и воспитывалась въ Москвѣ у своего опекуна Дмитрія Сергѣевича Ланского, женатаго также на кн. Одоевской. Въ 1816 году она переселилась въ Петербургъ, гдѣ вступила въ бракъ съ Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ въ 1825 году. Находясь въ Петербургѣ В. И. Ланская вела съ своею подругою Маріею Аполлоновною Волковою переписку на французскомъ языкѣ, которая позднѣе была переведена и напечатана О. М. Свистуновою въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1874 и 1875 годахъ. Письма эти даютъ яркую картину московскаго общества Грибоѣдовскаго времени. Кромѣ этого В. И. Ланская перевела на французскій языкъ «Бесѣды митрополита Филарета по освященіи храма Пресв. Богородицы «Взыскательницы погибшихъ», устроеннаго при замкѣ пересыльныхъ арестантовъ 23 декабря 1843 г. въ Москвѣ», подъ заглавіемъ: «Discours prononcé après la consacration de l'Eglise de la très St. Mère de Dieu qui est á la recherche de ceux qui périssent (Notre Dame de bon secours), fondée dans la prison des détenus condamnés à l'exil, sur la montagne des Moineaux à Moscou le

23 décembre 1843 par le membre du Synode, Philarète, Metropolitain de Moscou.— Moscou, 1847. В. П. Ланская скончалась въ началѣ апрѣля 1844 года въ Петербургѣ.

Источники: «Вѣстникъ Европы» 1874 г., августъ-сентябрь, октябрь и декабрь и также 1875 г. январь, мартъ и августъ; «Сѣверная Пчела» 1845 г., № 85; Геннади. Справочный словарь.

Ланская, *Елизавета Ивановна*, дочь инспектора классовъ при Peterschule въ Петербургѣ нѣмецкаго поэта Іоанна Готлиба Вилламова, и сестра извѣстнаго статсъ-секретаря Императрицы Маріи Ѳеодоровны (супруги Павла I), Гр. Ив. Вилламова, род. въ Петербургѣ 3 сентября 1764 года, ум. 8 октября 1841 г. Получила образованіе и воспитаніе въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ (Смольномъ), гдѣ ея мать была надзирательницею надъ классами. Вскорѣ по выходѣ изъ Смольнаго молодая Вилламова была взята къ двору вел. кн. Павла Петровича въ качествѣ наставницы великаго князя Александра I, въ 1797 г. вступила въ бракъ съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ; импер. Павелъ пожаловалъ ей 600 душъ крестьянъ и мужа ея сдѣлалъ камергеромъ. Е. И. Ланская отъ отца своего унаслѣдовала любовь въ литературѣ, сама занималась литературою и пользовалась пріязнью лучшихъ русскихъ писателей своего времени, въ томъ числѣ Державина. Она издала три тома своихъ произведеній, различныхъ разсказовъ, нынѣ забытыхъ, на французскомъ языкѣ подъ общимъ заглавіемъ «Mélanges litteraires dédiés à l'indulgence. St. Pétersbourg. 1830 г.». Одно время она собиралась издавать особый журналъ, составила программу для него, но предпріятіе это не осуществилось. Авторъ «Капища моего сердца», князь Долгоруковъ, съ супругою котораго (род. Смирновой) Ланская была въ дружбѣ съ ранняго дѣтства, отзывается о ней какъ о женщинѣ очень доброй, много помогавшей лицамъ терпѣвшимъ нужду. Нѣкто Софія Шердей посвятила Ланской два небольшихъ томика своихъ произведеній на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Contes et anectodes». St. Pétersbourg. 1813 г.

Біографическій словарь русскихъ писательницъ: кн. Голицына: Словарь Геннади: «Русская родословная книга» кн. Лобанова, т. I: Капище моего сердца» кн. Долгорукова: Сочиненія Державина» изд. Грота, т. III: Masson. «Mémoires secrets sur la Russie».

Ланская, *Софья Васильевна*, рожденная *Энгельгардтъ*, род. 4 мая 1845 г. въ Царскомъ Селѣ, умерла 16 декабря 1883 г. въ Казани. Воспитанная дома, среди большой семьи, она не предназначала себя къ педагогической карьерѣ, на которую натолкнули ее послѣдующія обстоятельства ея жизни. Тѣмъ бо́льшая заслуга съ ея стороны въ томъ, что она съумѣла выработать изъ себя замѣчательную начальницу женскаго учебнаго заведенія. Въ 1864 г. Софья Вас. Энгельгардтъ вышла за мужъ за П. П. Ланского, а съ 1879 г. выступила на педагогическое поприще: 24 марта этого года она была назначена начальницей Рыбинской Маріинской женской гимназіи, 10 мая 1880 г. переведена на ту же должность въ Могилевскую женскую гимназію; 17 марта 1882 г. С. В. Ланская получила мѣсто начальницы Казанскаго Радіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ. Въ короткій срокъ, въ какихъ нибудь полтора года, новая начальница значительно улучшила ввѣренное ей заведеніе во всѣхъ отношеніяхъ. С. В. Ланская входила во всѣ мелочи преподаванія, воспитанія, обыденной жизни воспитанницъ и обширнаго институтскаго хозяйства. Общая польза для С. В. Ланской всегда была на первомъ планѣ. Она разумно и широко понимала задачу женскаго воспитанія, желая образовать изъ подрастающаго женскаго русскаго поколѣнія достойныхъ дочерей родной земли. Помимо офиціальной дѣятельности С. В. Ланская оставила по себѣ хорошую память въ казанцахъ своими неофиціальными, частными отношеніями въ качествѣ любезной, образованной собесѣдницы, радушной хозяйки и доброй знакомой. Менѣе двухъ лѣтъ прожила она въ Казани, но сумѣла за это время сдѣлать свою гостиную центромъ, гдѣ собирались образованные представители разныхъ слоевъ казанскаго общества.

Некрологъ проф. Д. А. Корсакова въ „Казанск. губернск. вѣдомост.“, 1884 г. № 23.

Ланской, *Александръ Дмитріевичъ*, генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ орденовъ Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Станислава, Сѣверной Звѣзды и св. Анны, род. 8 марта 1758 г. въ Смоленской губ., ум. 25 іюня 1784 г. въ Царскомъ Селѣ. Родъ Ланскихъ ведетъ свое начало изъ Польши, изъ которой перешелъ въ Московское княжество около 1500 г.—А. Д.

Ланской получилъ домашнее воспитаніе. Въ концѣ 1770 г. былъ записанъ въ Конную Гвардію, въ началѣ октября 1779 г. былъ приближенъ ко двору, сдѣланъ флигель-адъютантомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ. Лордъ Мальмсбюри говоритъ въ депешѣ отъ 11 окт. 1779 г. «Ланской красивъ, молодъ и, кажется, уживчивъ». На святой недѣлѣ 1780 г. Ланской поселился въ Зимнемъ Дворцѣ въ должности флигель-адъютанта императрицы и чинѣ полковника; въ 1783 г. произведенъ въ генералъ-поручики и назначенъ шефомъ Кавалергардскаго полка; 1 февраля 1784 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ. Находясь при дворѣ, Ланской серьезно занялся своимъ образованіемъ, заинтересовался искусствами. Князь Щербатовъ обвиняетъ Ланского, что онъ «жестокосердію поставилъ быть въ чести»; но нѣтъ достаточныхъ основаній вѣрить этому свидѣтельству. Кн. Безбородко, сравнивая Ланского съ Мамоновымъ, говоритъ: «Ланской, конечно, не былъ хорошаго характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ; онъ имѣлъ друзей, не добивался вредить ближнимъ, а многимъ старался помогать». Ланской умѣлъ нѣсколько сглаживать отношенія императрицы къ цесаревичу. Государственными дѣлами онъ не занимался, хотя не разъ имѣлъ случай оказать вліяніе на императрицу; при немъ пріѣзжали въ Россію Іосифъ II, Фридрихъ Вильгельмъ, наслѣдникъ Фридриха II, и, наконецъ, Густавъ II, на свиданіе съ которымъ Ланской сопровождалъ Екатерину въ Фридрихсгаммъ. Каждый изъ нихъ старался привлечь на свою сторону Ланского, но онъ держалъ себя очень сдержанно и своихъ взглядовъ не высказывалъ. Вообще, Ланской обладалъ большимъ тактомъ. Онъ избѣгалъ придворныхъ интригъ; даже родные не имѣли къ нему доступа. Значеніе Ланского при дворѣ было велико. Не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, Ланской часто хворалъ; въ 1783 г. онъ упалъ съ лошади и сильно разбилъ себѣ грудь. Умеръ Ланской неожиданно,—какъ разъ, когда Екатерина готовила ему графскій титулъ,—послѣ пятидневной болѣзни жабой и горячкой, въ ночь съ 24 на 25 іюня. Скорбь императрицы была велика; она съ сестрой Ланского уѣхала въ Петергофъ и въ это лѣто не возвращалась въ Царское Село.

«Сбори. Имп. Русс. Ист. Общ.», т. XIII. XVII. XXVI. XXVII. XXVIII; «Архивъ кн. Воронцова», т. X. XIII; «Дневникъ Храповицкаго», стр. 3. 10. 275 и 525; «Записки» Энгельгардта стр. 10, 38, 49, 54 и 52; Сочиненія Державина, изд. Грота т. VI, VII, IX; «Русскій Архивъ» 1868. 1871 г.т. II, 1880 г. т. II, 1881. 1886; Карновичъ. «Замѣчательн. богатства частныхъ людей въ Россіи»; Herrmann. Gesch d. russ. Reichs», т. VII; «Рус. Старина», тт. III. VIII. XVI. XXII, XXVI. LVI; Истор. Вѣстн. 1887 г. т. 27. «Русская родословная книга», кн. Лобанова-Ростовскаго т. I; «Дворянскіе роды», изд. гр. Бобринскаго т. 1, 730; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамят. людей», т. II; Волкова, «Дворъ русскихъ Императоровъ»; «Russische Günstlinge», von Helbig. Tübingen. 1809.

Ланской, *Василій Сергѣевичъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ, род. 1754 г. ум. въ 1831 г. Получивъ домашнее воспитаніе, 11 января 1767 году былъ зачисленъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; въ 1777 г. произведенъ въ прапорщики; 1 января 1781 г. произведенъ въ подполковники въ л. гв. Гренадерскій полкъ, 3 апрѣля 1783 г. назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ. Участвуя въ польской войнѣ, Ланской отличился при Хольмѣ и Липнѣ и былъ произведенъ въ 1794 г. въ генералъ маіоры. Въ 1795 г. онъ назначенъ губернаторомъ въ Саратовъ и переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; за упраздненіемъ въ концѣ 1796 г. Саратовской губерніи переведенъ въ Тамбовскую, а при возстановленіи, въ 1797 г. Саратовской губ. (при чемъ была упразднена Пензенская), снова возвращенъ въ Саратовъ. Въ 1803 г. Ланской былъ произведенъ въ тайные совѣтники и переведенъ на должность гродненскаго губернатора. Въ 1809 г. сдѣланъ сенаторомъ, въ 1812 году на него было возложено завѣдываніе интендантскимъ управленіемъ. при чемъ онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Съ занятіемъ нашими войсками, по изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи, земель составлявшихъ бывшее Герцогство Варшавское, Ланской былъ назначенъ въ 1813 году президентомъ временнаго правительства въ губерніяхъ, составлявшихъ это герцогство. Когда на Вѣнскомъ конгресѣ въ 1815 году было вновь образовано Царство Польское, которому по желанію Императора Александра I дарована была особая конституція и особое управленіе, Ланской 15 іюня 1815 года былъ переименованъ въ намѣстники Царства Польскаго и на его долю выпали заботы по введенію новаго порядка управленія въ этомъ краѣ. При этомъ онъ представлялъ Императору, что конституція даро-

ванная Польшѣ «не произвела на поляковъ такого вліянія, какого можно было ожидать отъ народа болѣе чувствительнаго», что приверженность поляковъ къ Наполеону остается прежняя, что всѣ усилія Александра I не могутъ сблизить съ нами народа польскаго, и въ особенности его войска, и что «въ формируемомъ въ Польшѣ войскѣ мы питаемъ себѣ змія, готоваго всегда излить ядъ свой на насъ». Въ томъ же 1815 г. Ланской былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Коммисіи по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Эту обязанность онъ исправлялъ до конца царствованія Александра I. Кромѣ того онъ былъ предсѣдателемъ коммисіи по сооруженію Исакіевскаго собора, съ 22 февраля 1824 года. При Императорѣ Николаѣ I Ланской 19 ноября 1825 года былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ послѣ Козодавлева. Ланской, не предпринимая никакихъ существенныхъ преобразованій по ввѣренному ему обширному вѣдомству, посвятилъ свою дѣятельность, впрочемъ не продолжительную, на устройство этого вѣдомства и администраціи: при немъ было издано немало узаконеній о точнѣйшемъ распредѣленіи дѣлъ и занятій во ввѣренномъ ему министерствѣ. При немъ было предписано начальникамъ губерній объѣзжать разъ въ годъ всѣ уѣздные города ввѣренной имъ губерніи, ревизовать въ нихъ всѣ присутственныя мѣста, тюрьмы и все прочее въ управленіе губерніи входящее и по окончаніи обзора доносить непосредственно Государю Императору въ собственныя руки о найденномъ при ревизіи порядкѣ и безпорядкахъ, а также о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ къ отвращенію послѣднихъ, министру же внутреннихъ дѣлъ представлять въ то же время особыя донесенія. Составъ министерства оставался при Ланскомъ почти безъ всякаго измѣненія; только существовавшая при ономъ особая канцелярія министра, за состоявшимся въ 1826 г. учрежденіемъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, была упразднена и всѣ ея дѣла переданы въ это вновь учрежденное отдѣленіе. Въ 1828 г. Ланской былъ освобожденъ по прошенію отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при которомъ онъ, по словамъ Вигеля, «казался быть болѣе призракомъ министра, чѣмъ настоящимъ министромъ»; «всѣми дѣлами заправляли, говоритъ Вигель, его подчиненные, каждый по своей части безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ».

Русская Родословная книга», кн. Лобанова-Ростовскаго: «Дворянскіе роды, внесенные въ общій Гербовникъ Имперіи Россійской», изд. гр. Бобринскаго т. I.: Записки Ив. Мѣшкова (въ рукопис. отд. Имп. Пуб. Библіотеки): «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», Варадинова ч. 2, «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, составленная къ столѣтію его существованія»: Записки Огинскаго— (извлеченіе въ Русскомъ Архивѣ 1874 г. т. 1): «Императоръ Александръ I», Шильдера т. III: Записки Ф. Ф. Вигеля, т. VII, стр. 100. «Русская Старина», 1874, № 12, ст. 682: П. Н. Астровъ. «Для немногихъ».

Ланской, *Павелъ Петровичъ*, генералъ-отъ кавалеріи, род. въ 1791 г., ум. 24 января 1873 г. Воспитывался въ домѣ родителей, хотя былъ зачисленъ въ Пажескій Его Величества корпусъ. Въ 1809 г. поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, былъ произведенъ въ 1810 г. въ эстандартъ-юнкера, въ 1811 г. въ корнеты. Съ наступленіемъ Отечественной войны Ланской вмѣстѣ съ полкомъ участвовалъ въ различныхъ сраженіяхъ—при Витебскѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, подъ Малымъ-Ярославцемъ и подъ Краснымъ. По переходѣ нашихъ войскъ за предѣлы имперіи участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ; въ теченіе одного 1813 года Ланской былъ произведенъ въ поручики, штабсъ-ротмистры и ротмистры, награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. и знакомъ отличія прусскаго Желѣзнаго креста. По переходѣ нашихъ войскъ чрезъ Рейнъ въ 1814 г. Ланской участвовалъ въ битвѣ при Фершампенуазѣ и при взятіи Парижа. Въ 1820 г. произведенъ въ полковники; находясь въ строю войскъ, собранныхъ 14 декабря 1825 года на Дворцовой и Исакіевской площадяхъ, назначенъ былъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ 1828 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять по кавалеріи при начальникѣ 1-й кирасирской дивизіи. При формированіи въ 1831 г. резервныхъ войскъ, Ланской было назначенъ начальникомъ резервныхъ эскадроновъ гвардейской кавалеріи, затѣмъ былъ назначенъ командиромъ Образцоваго кавалерійскаго полка. Въ продолженіе его командованія этотъ полкъ снабжалъ нашу кавалерію отличными военными инструкто-

рами и всегда находился въ блестящемъ состояніи. Ланской не щадилъ на содержаніе полка своихъ денегъ и вошелъ въ немалые долги, въ особенности послѣ пожара, отъ котораго очень пострадало имущество одного изъ эскадроновъ полка. Въ 1837 г. Ланской былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ завѣдывающимъ Образцовымъ кавалерійскимъ полкомъ и начальникомъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, которою командовалъ 11 лѣтъ и довелъ до блестящаго состоянія. 24 октября 1848 г. Ланской былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, но уже въ 1849 г. по болѣзни былъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ. По прошествіи полутора мѣсяца онъ, по волѣ Императора, въ виду начинавшейся венгерской кампаніи, былъ вновь опредѣленъ на службу и, состоя въ распоряженіи главнокомандующаго дѣйствующею арміею, участвовалъ въ сраженіи подъ Вайценомъ и при Дебречинѣ. По окончаніи этой кампаніи Ланской былъ въ 1850 г. назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для составленія проекта ремонтированія кавалеріи, а въ 1854 г. командующимъ всѣми резервами и запасными гвардейскими эскадронами и резервною бригадою 1-й кавалерійской дивизіи, въ 1855 году — вновь командиромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи; кромѣ того онъ былъ назначенъ членомъ комитета по составленію воинскаго устава строевой кавалерійской службы. Въ 1856 г. Ланской командовалъ войсками, оставшимися въ Петербургѣ, и въ томъ же году назначенъ членомъ Военнаго совѣта съ оставленіемъ по гвардейской кавалеріи. Въ 1862 г. онъ назначенъ инспекторомъ войскъ и предсѣдателемъ коммисіи для разсмотрѣнія и обсужденія вопросовъ по ремонтированію кавалеріи. Ланской сопутствовалъ Императору Николаю I въ Пруссію, гдѣ принималъ участіе въ большихъ маневрахъ, ѣздилъ съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ въ Голландію и Англію, инспектировалъ въ 1863 и 1865 гг. разныя части войскъ и т. д. Умеръ 24 января 1873 г. почти внезапно, въ Ниццѣ. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и 22-го февраля 1873 г. предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Русскій Инвалидъ 1873 г. № 162; Русская Родосл. Книга князя Лобанова-Ростовскаго, т. I.

Ланской, *Павелъ Сергѣевичъ*, изъ дворянъ род. въ 1757 г. ум. 11 января 1832 г., записанъ солдатомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ. Въ 1779 г. Ланской былъ командированъ въ Херсонъ, для выбора изъ армейскихъ полковъ солдатъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1781 г. былъ отправленъ курьеромъ въ Голландію и Англію, а затѣмъ въ Вѣну; 2 января 1783 г. произведенъ въ прапорщики; 19 ноября 1796 г. получилъ чинъ полковника. 27 января 1798 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. 5 апрѣля 1801 г. былъ назначенъ членомъ военной коллегіи, съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Въ іюлѣ 1807 года, по окончаніи войны съ Франціею и заключеніи Тильзитскаго мира Ланской по высочайшему повѣленію, былъ командированъ въ Кенигсбергъ, Данцигъ и Берлинъ, для размѣна французскихъ плѣнныхъ и призрѣнія раненыхъ и больныхъ русскихъ нижнихъ чиновъ, коихъ было до 13.000 человѣкъ, а также для препровожденія ихъ въ Россію. При новомъ образованіи военнаго министерства въ 1812 г. Ланской поступилъ членомъ въ комитетъ для окончанія текущихъ дѣлъ военной коллегіи. Въ томъ же 1812 г., во время Отечественной войны, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ командированъ въ Полоцкъ и другія близъ лежащія мѣста, для осмотра раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ и приведенія тамошнихъ госпиталей въ надлежащее устройство, а затѣмъ въ декабрѣ того же года съ тою же цѣлію въ Вильно и далѣе, до главной квартиры арміи, находившейся тогда въ прусскихъ предѣлахъ, въ г. Іоганесбургѣ. За усердное исполненіе этого порученія Ланской 30 августа 1814 г. былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 1 класса. 20 сентября 1821 г. онъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ по межевому департаменту, съ производствомъ въ тайные совѣтники.

Формул. о службѣ списокъ.

Ланской, *Петръ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, род. 13 мая 1799 года, ум. 6 мая 1877 г. Получивъ домашнее воспитаніе, былъ зачисленъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ, 25 іюля 1818 г. произведенъ въ корнеты и прослужилъ въ полку около 25 лѣтъ; 23 апрѣля 1834 г.

пожалованъ флигель-адъютантомъ Его Величества, 6 декабря 1834 г. произведенъ въ полковники; въ 1843 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи, 9 мая 1844 года назначенъ командующимъ л.-гв. Коннымъ полкомъ и занималъ эту должность десять лѣтъ; 7 ноября 1846 г. былъ зачисленъ въ свиту Его Величества, въ 1849 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ, въ 1853 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ отчисленіемъ отъ командованія полкомъ. Въ 1859 г. былъ назначенъ членомъ комитета государственнаго коннозаводства, затѣмъ начальникомъ гвардейской кирасирской дивизіи, и вскорѣ начальникомъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, которою командовалъ до 1861 г.; исполнялъ неоднократно возлагаемыя на него Высочайшія порученія по осмотру различныхъ кавалерійскихъ войскъ. Ланской 18 іюля 1844 г. вступилъ въ бракъ съ вдовою А. С. Пушкина, Натальей Николаевной рожд. Гончаровой.

«Русская Родословная книга», кн. Лобанова-Ростовскаго; «Русскій Инвалидъ» 1877 г. № 103; Анненковъ. «Исторія Лейбъ Гв. Коннаго полка».

Ланской, *Сергѣй Николаевичъ*, род. въ 1779 г. и, получивъ домашнее воспитаніе, поступилъ въ военную службу по кавалеріи и былъ произведенъ въ корнеты въ 1798 году. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1806—1807 гг. и Отечественной войнѣ 1812 года и былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ кампанію 1813 г. онъ находился въ корпусѣ Винценгероде и, командуя авангардомъ, послѣ удачной стычки съ французами, вышедшими изъ г. Калиша, овладѣлъ этимъ городомъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степени, минуя орденъ св. Анны. Позднѣе онъ занялъ Зондергаузенъ и Гальберштадтъ, но скоро былъ оттѣсненъ войсками Наполеона до Вейсенфельда и затѣмъ къ Пегау. Онъ участвовалъ въ послѣдовавшемъ вскорѣ сраженіи при Люценѣ, а также въ дальнѣйшемъ движеніи нашей арміи, послѣ сраженія при Лейпцигѣ, въ предѣлы Франціи и въ различныхъ сраженіяхъ при этомъ происходившихъ. Въ извѣстной битвѣ подъ Краономъ въ Шампани 23 февраля 1814 г. Ланской былъ сильно раненъ и скончался въ тотъ же день. Онъ отличался заботливостью о солдатахъ и удивительною неустрашимостью и обладалъ замѣчательнымъ присутствіемъ духа, которымъ не разъ спасалъ свой отрядъ отъ неизбѣжной гибели. Знаніемъ военнаго дѣла онъ пріобрѣлъ полную довѣренность подчиненныхъ и уваженіе начальниковъ; его причисляли къ числу лучшихъ генераловъ арміи въ свое время.

«Вѣстникъ Европы», 1814 г., т. 78, № 22, стр. 108; «Записки Сер. Григ. Волконскаго» изд. 2-е 1902 г., стр. 220, 231—236, 241 — 246; «Русская родословная книга», князя Лобанова-Ростовскаго ч. I.

Ланской, *Сергѣй Степановичъ*, графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, род. 23 декабря 1787 г., ум. 26 января 1862 г. Сынъ гофмаршала, члена Государственнаго Совѣта Степ. Серг. Ланского, племянникъ министра В. С. Ланского. Получивъ домашнее образованіе, 13-ти лѣтъ началъ свою службу, поступивъ 12 марта 1800 г. въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ; 1 января 1801 г. былъ назначенъ переводчикомъ коллегіи, 31 декабря 1804 г. произведенъ въ коллежскіе ассесоры; 12 ноября 1806 г. онъ пожалованъ званіемъ камеръ юнкера, 23 января 1808 г. отправленъ въ Финляндію, къ главнокомандующему нашими войсками графу Буксгевдену, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по дипломатической части; за отличіе при взятіи войсками Свеаборга удостоился Высочайшаго благоволенія въ военномъ приказѣ и награжденія брилліантовымъ перстнемъ. 12 марта 1809 г. перемѣщенъ за оберъ-прокурорскій столъ по 1 департаменту Сената, 22 декабря 1815 г. былъ переведенъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ, состоявшій въ министерствѣ финансовъ. Въ 1817 г. Ланской былъ назначенъ однимъ изъ директоровъ Коммисіи погашенія долговъ и занималъ эту должность по 1823 г., управляя не разъ коммиссіею въ отсутствіе управляющаго ею; 25 іюня 1819 г. произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Ланской примкнулъ къ массонамъ, былъ вторымъ мастеромъ провинціальной массонской ложи до закрытія ихъ въ 1822 году; онъ находился въ сношеніяхъ съ старыми массонами, друзьями Шварца и Новикова; въ ложѣ Елизаветы и Добродѣтели былъ мастеромъ стула съ 1809 по 1811 г.; онъ очень почиталъ розенкрейцеровъ. При посредствѣ А. Н. Муравьева онъ вошелъ въ составъ Союза благоденствія, но покинулъ его задолго до 14 декабря 1825 г. 19 мая 1824 г. былъ уволенъ по проше-

нію отъ службы въ Коммисіи погашенія долговъ и служилъ по выборамъ дворянства въ богородскомъ уѣздѣ московской губ.; съ 1 января 1826 года онъ былъ избранъ дважды на трехлѣтія судьею въ московскомъ совѣстномъ судѣ и вскорѣ удостоенъ алмазныхъ знаковъ ордена св. Анны. 27 апрѣля 1830 г. назначенъ и 13 января 1831 г. утвержденъ костромскимъ губернаторомъ и занималъ эту должность до 1834 г.; за успѣшное взысканіе недоимокъ не разъ получалъ выраженіе Высочайшаго удовольствія (въ 1832, 1833 и 1834 годахъ), былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени, 21 апрѣля 1834 г. произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника; 31 декабря того же года назначенъ присутствовать во 2 отдѣленіе 5 департамента Правительствующаго Сената, потомъ въ 1 отдѣленіе онаго, затѣмъ въ 4 департаментъ; 3 іюня 1839 г. Ланскому повелѣно быть почетнымъ опекуномъ, присутствовать въ С.-Петербургскомъ опекунскомъ совѣтѣ и управлять Гатчинскимъ воспитательнымъ домомъ, 3 іюня 1840 г. ему повелѣно быть членомъ особой Коммисіи по устройству Александровской мануфактуры, съ 8 марта 1842 г. онъ утвержденъ въ званіи члена Общества попечительства о тюрьмахъ. С. С. Ланской неоднократно назначался по Высочайшимъ повелѣніямъ къ присутствованію въ особомъ присутствіи Сената для разсмотрѣнія проэкта откупныхъ условій на четырехлѣтіе съ 1843—1847 годовъ и производства затѣмъ торговъ на содержаніе питейныхъ откуповъ на означенный срокъ, въ особый временный комитетъ для изысканія источниковъ къ устройству въ г. Петербургѣ мостовой по новому способу (въ 1842 г.) и пр. Въ 1845 г. Ланскому повелѣно быть членомъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и вмѣстѣ заняться пересмотромъ устава этихъ заведеній. За исполненіе этого порученія Ланскому было объявлена 1 іюля 1845 г. Монаршая искренняя признательность и «совершенное удовольствіе за дѣятельное приведеніе въ исполненіе мѣръ къ разсмотрѣнію и утвержденію общихъ началъ воспитанія дѣвицъ, соотвѣтственно предначертаніямъ». Ланской кромѣ того 1 іюля 1845 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. 17 декабря 1846 г. онъ былъ назначенъ членомъ Коммиссіи для изысканія способовъ къ приведенію въ исполненіе предположеній о выдачѣ помѣщикамъ ссудъ подъ залогъ хлѣба и составленія правилъ для обезпеченія сихъ ссудъ, 3 января 1847 г. членомъ Комитета для начертанія проекта о преобразованіи мужскихъ сиротскихъ институтовъ обоихъ воспитательныхъ домовъ въ разсадникъ лицъ, посвящающихъ себя гражданской службѣ. 26 іюля 1848 г. Ланской былъ назначенъ вице-президентомъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета для призрѣнія и разбора нищихъ, исполнялъ неоднократно обязанности президента этого комитета, а также завѣдывалъ неоднократно, за отсутствіемъ подлежащихъ почетныхъ опекуновъ, хозяйственнымъ управленіемъ училища глухонѣмыхъ, родовспомогательнаго заведенія въ Петербургѣ и деревенскихъ отдѣленій С.-Петербургскаго воспитательнаго дома, вдовьяго дома, межевого училища и собора всѣхъ учебныхъ заведеній. 1 іюля 1848 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями. 1 января 1850 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; а чрезъ годъ, по случаю исполнившагося 50-лѣтняго юбилея службы, былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ этомъ званіи онъ исправлялъ одно время обязанности министра внутреннихъ дѣлъ въ 1851 г., по случаю отсутствія графа Л. Перовскаго. 1 января 1853 г. Ланскому пожалованъ орденъ св. Владиміра 1 степени. Въ слѣдующемъ же году по разсмотрѣніи представленнаго отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній отчета, Ланскому выражена Монаршая признательность и благоволеніе за «его неусыпное попеченіе не только о постоянномъ утвержденіи воспитанія дѣвицъ, но и объ открытіи новыхъ еще разсадниковъ женскаго образованія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ домашнее ученіе дѣтей сопряжено съ немаловажными затрудненіями». 20 августа 1855 года Ланской былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ освобожденіемъ отъ присутствованія въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и отъ управленія с.-петербургскою сохранною казною и сберегательною кассою. Ланской явился однимъ изъ главнѣйшихъ пособниковъ Императора въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сосредоточивъ все свое вниманія по преимуществу на этомъ дѣлѣ

Ланской не имѣлъ возможности дѣлать какія либо существенныя преобразованія по ввѣренному ему министерству, которое оставалось при немъ въ томъ же видѣ, какъ было при его предшественникѣ за исключеніемъ состоявшагося въ 1858 г. преобразованія статистическаго комитета въ Центральный статистическій комитетъ и также послѣдовавшей передачи департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій въ военное вѣдомство. 26 марта въ 1859 г. Ланской приступилъ къ составленію предположеній объ улучшеніи и преобразованіи всѣхъ частей вѣдомства министерства, но эти предположенія, по тѣсной ихъ зависимости отъ разрѣшенія возникшаго крестьянскаго вопроса, не могли быть приведены къ окончанію ранѣе разрѣшенія послѣдняго. Послѣ извѣстныхъ словъ Императора Александра II, обращенныхъ 30 марта 1856 года въ Москвѣ къ дворянству, «что лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу» и послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 г. генералъ-губернатору Назимову, состоявшагося по поводу адреса дворянъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній, выражавшихъ желаніе освободить крестьянъ съ усадьбою хотя и безъ земли, Ланской одинъ изъ самыхъ первыхъ сталъ говорить о надѣлѣ крестьянъ при ихъ освобожденіи не только усадебною осѣдлостью (какъ это предлагалъ и его товарищъ по министерству А. И. Левшинъ), но и вообще землею (т.-е. пашнею, покосами, выгонами) и стоялъ также за одновременное осуществленіе предполагаемаго преобразованія по всей Россіи, а не за постепенное по нѣкоторымъ губерніямъ (какъ предлагалъ тотъ же Левшинъ). Онъ внесъ свои предположенія въ образованный въ 1857 г. Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, который одобрилъ предположенія Ланского, предрѣшавшія рядъ вопросовъ о размѣрѣ надѣла, о выкупѣ его, о правѣ перехода крестьянъ на другія земли и въ другія сословія. Ланскому, какъ извѣстно, удалось провести до конца свои предположенія, выразившіяся въ Высочайше утвержденномъ 19 февраля 1861 г. Положеніи. Во время работъ по составленію положенія о крестьянахъ Ланской, награжденный въ день коронованія императора Александра II орденомъ св. Андрея Первозваннаго, удостоился 8 сентября 1859 г. получить алмазные знаки къ этому ордену при рескриптѣ, въ которомъ Императоръ выражался такъ: «усматривая изъ всѣхъ вашихъ распоряженій постоянную и неутомимую заботливость въ усовершенствованіи ввѣреннаго вамъ управленія, Мы обращаемъ въ особенности вниманіе на благоразумныя дѣйствія ваши по направленію губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, чѣмъ самымъ вы оказали важную государству заслугу къ успѣшнѣйшему ходу сего дѣла, столь близкому Нашему сердцу и нынѣ со всевозможною дѣятельностью продолжаемому». Послѣ этого Ланской, назначенный членомъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, образованнаго того же числа, для разрѣшенія различныхъ законодательныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ осуществленіемъ на дѣлѣ великой реформы 1861 года, приступилъ къ работамъ по преобразованію уѣзднаго и губернскаго управленія Имперіи, съ тѣмъ, чтобы хозяйственному управленію въ уѣздѣ предоставить больше единства, больше самостоятельности и больше довѣрія. Но, считая уже почти оконченнымъ дѣло, въ которомъ видѣлъ основную задачу своихъ трудовъ, Ланской по разстроенному здоровью просилъ Государя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уволить его отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Императоръ Александръ II изъявилъ на это согласіе, при чемъ возвелъ Ланского съ нисходящимъ потомствомъ въ графское достоинство, удостоивъ его 23 апрѣля 1861 года, слѣдующаго всемилостивѣйшаго рескрипта: «Графъ Сергѣй Степановичъ. Поручивъ вамъ въ 1855 г. управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Я при первыхъ своихъ работахъ съ вами изъявилъ вамъ Мое намѣреніе приступить къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Я встрѣтилъ въ васъ полную готовность содѣйствовать Мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Составленныя по Моему желанію первоначальныя соображенія и свѣдѣнія по сему вопросу были переданы на обсужденіе учрежденнаго Мною особаго Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Призванные Мною къ участію въ трудахъ сего комитета, вы содѣйствовали всѣми зависящими отъ васъ средствами къ успѣшному направленію дѣлъ, комитету порученныхъ. По званію министра внутреннихъ дѣлъ на васъ

лежала обязанность общаго наблюденія за дѣйствіями губернскихъ комитетовъ, учрежденныхъ по губерніямъ для составленія предположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Эту трудную и важную обязанность вы исполнили съ полною добросовѣстностью, съ пламеннымъ усердіемъ. Независимо отъ трудовъ вашихъ по крестьянскому вопросу, по обширности и важности его занимавшему всю дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, вы постоянно заботились объ усовершенствованіи и другихъ предметовъ, ввѣренныхъ завѣдыванію сего министерства. По указаніямъ вашимъ приступлено къ составленію предположеній объ улучшеніи и преобразованіи всѣхъ частей вѣдѣнія сего министерства, но предположенія сіи, по тѣсной ихъ зависимости отъ крестьянскаго вопроса, не могли быть приведены къ желательному окончанію. Наконецъ, въ послѣднее время, когда всѣ проекты. до сего вопроса касающіеся, были внесены на разсмотрѣніе Главнаго комитета и Государственнаго Совѣта, вы принимали самое искреннее и дѣятельное участіе въ ихъ занятіяхъ по этому предмету. Усиленные труды ваши разстроили ваше здоровье и Я, единственно по уваженію сего обстоятельства, согласно прошенію вашему, съ искреннимъ сожалѣніемъ уволилъ васъ отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Имѣя въ васъ въ продолженіи шести лѣтъ ревностнаго помощника при исполненіи Моихъ намѣреній, касающихся освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ и устройства разныхъ частей вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и желая изъявить вамъ Мою признательность за долговременное и полезное для Отечества служеніе ваше съ важныхъ государственныхъ обязанностяхъ, на васъ возложенныхъ, указомъ сего дня Правительствующему Сенату даннымъ, Я возвелъ васъ въ графское Россійской Имперіи достоинство съ нисходящимъ потомствомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ланской былъ пожалованъ въ званіе оберъ-камергера двора Его Величества, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ другихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Болѣзненное состояніе Ланского побудило его ходатайствовать въ маѣ мѣсяцѣ того же года объ увольненіи его за границу для пользованія минеральными водами и съ Высочайшаго соизволенія 4 мая онъ отправился на 6 мѣсяцевъ за границу. Возвратясь въ Петербургъ въ ноябрѣ 1861 года, Ланской вскорѣ скончался, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ По словамъ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ланского по крестьянскому дѣлу, сенатора Я. И. Соловьева, Ланской «былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ и хотя не имѣлъ обширнаго ума и той энергіи воли, которая дѣлала бы его способнымъ стать во главѣ движенія противъ стараго порядка, но обладалъ свѣтлымъ взглядомъ на дѣло. быстро схватывалъ главное въ дѣлѣ и скоро соглашался съ высказываемымъ, если только это не противорѣчило его направленію и убѣжденіямъ. Онъ обладалъ необычайною ровностью характера, совершеннымъ отсутствіемъ раздражительности. неистощимой веселостью, природнымъ юморомъ; все это дѣлало личныя сношенія съ нимъ очень пріятными. Ланской былъ не изъ числа тѣхъ, которые, допуская споры съ подчиненными и убѣждаясь ихъ доводами, соглашаются съ ними и даже дѣлаютъ сообразныя съ этимъ распоряженія, но никогда не забываютъ и никогда не прощаютъ переспорившаго ихъ». По словамъ П. Мельникова «Ланской нерѣдко бралъ на себя починъ въ дѣлѣ, набрасывалъ на бумагу свои мысли карандашемъ, предоставляя развитіе ихъ своимъ подчиненнымъ. Избравъ разъ какое либо направленіе, онъ уже не колебался никогда и проявлялъ не мало твердости въ своихъ воззрѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, когда еще до манифеста 1861 года, въ виду опасеній различныхъ волненіи и безпорядковъ, якобы неизбѣжно послѣдующихъ при объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, рѣшено было образовать нѣсколько временныхъ генералъ-губернаторствъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и Ланскому поручено было составить особую для нихъ инструкцію, онъ высказался противъ этой мѣры (одобряемой кн. Орловымъ, Ростовцевымъ, Чевкинымъ, М Н. Муравьевымъ, Долгоруковымъ и т. д.), считалъ учрежденіе такихъ генералъ-губернаторствъ мѣрою вредною и находилъ невозможнымъ составить для нихъ инструкцію безъ коренныхъ измѣненій въ административныхъ порядкахъ и самихъ законахъ. Это вызвало большое объясненіе съ нимъ императора, послѣ котораго Ланской готовъ былъ просить объ увольненіи отъ службы, но послѣ вторичнаго его объясненія съ государемъ предпола-

гаемые временные генералъ-губернаторы назначены не были и Ланской остался по прежнему министромъ внутреннихъ дѣлъ».

Дѣло о службѣ графа С. С. Ланского въ архивѣ Госуд. Совѣта: Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, составленная ко дню столѣтняго его существованія»; «Русская родословная книга», кн. Лобанова-Ростовскаго т. I; Дворянскіе роды россійской Имперіи», гр. Бобринскаго, т. I; «Русская Старина»: 1871 г. т. 12, 1879. г. т. 26 и 1882 г. т. 33; «Вѣстникъ Европы» 1872 г. № 1 и 2; «Русскій Архивъ» 1879 г. № 2, а также № 7 и 8; «Портретная галерея», Мюнстера.

Ланцъ, *Карлъ Карловичъ*, генералъ-маіоръ, ум. 31 августа 1884 г. Окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ въ 1857 г., произведенъ въ прапорщики полевой пѣшей артиллеріи, затѣмъ съ отличіемъ окончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи; былъ прикомандированъ къ ген. Тотлебену для занятій по составленію исторіи Севастопольской обороны. Въ 1870 г. назначенъ командиромъ 2-й баттареи конной гвардейской артиллеріи, въ 1875 г.—командующимъ л.-гв. Драгунскимъ полкомъ, въ 1879 г.—военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, гдѣ и скончался.

«Русс. Инвалидъ», 1881. № 199.

Ланчинскій, *Людовикъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дипломатъ, ум. 17 ноября 1752 г. Происходилъ изъ польскихъ дворянъ, пользовался постояннымъ покровительствомъ гр. П. П. Ягужинскаго. Въ русскую службу вступилъ въ мартѣ 1705 г. переводчикомъ къ гр. А. А. Матвѣеву и при немъ состоялъ до 1715 г., сопровождая его въ его поѣздкахъ изъ Гаги въ Лондонъ, въ Дрезденъ, въ Вѣну; въ 1712 г. сдѣлался лично извѣстенъ Петру I во время его пребыванія въ Дрезденѣ. Въ 1715 г. Матвѣевъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Москву и Ланчинскій впервые остался самостоятельнымъ представителемъ Россіи, съ апрѣля по августъ 1715 г. При резидентѣ Абр. Веселовскомъ въ 1717 г., 7 января, получилъ чинъ секретаря посольства; въ началѣ 1718 г. былъ назначенъ резидентомъ въ Гданскъ, затѣмъ секретаремъ посольства въ Берлинѣ; въ январѣ 1719 г. ѣздилъ «инкогнито» къ принцу гессенъ-кассельскому для переговоровъ съ нимъ по случаю смерти Карла XII, которая открывала для родственниковъ герцога возможность занять шведскій престолъ, а по исполненіи этого порученія—за которое получилъ званіе камеръ-юнкера—былъ отпущенъ въ Польшу «приватно», какъ было объявлено, а въ сущности для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и съ порученіемъ удерживать Рѣчь Посполитую въ союзѣ съ Россіей. Въ началѣ 1720 г. отправился посломъ въ Вѣну Ягужинскій, чтобы возстановить дружественныя отношенія съ цесарскимъ дворомъ, нарушенныя арестомъ и осужденіемъ цесаревича Алексѣя. Ягужинскій взялъ съ собою Ланчинскаго. 27 апрѣля они пріѣхали въ Вѣну. 4 мая была аудіенція у цесаря; дружественныя отношенія были востановлены и Ягужинскій 10 марта 1721 г. откланялся императору; Ланчинскій остался министромъ въ Вѣнѣ, гдѣ и прожилъ до самой кончины своей. Ему привелось въ 1721 г. начать переговоры съ вѣнскимъ дворомъ объ императорскомъ титулѣ Русскаго Государя, переговоры, которые не разъ прерывались, возобновлялись и имъ же были доведены до конца въ 1744 г.; 15 мая 1724 г. Ланчинскій пожалованъ въ камергеры. 6 августа 1725 г. заключенъ трактатъ о дружбѣ; существенную часть его составлялъ «артикулъ секретнѣйшій», коимъ цесарь гарантировалъ Россіи пріобрѣтенныя ею отъ Турціи области; успѣхи турокъ въ войнѣ съ Персіей сильно тревожили петербургское правительство, этимъ трактатомъ тамъ были очень довольны и 21 сентября того же года Ланчинскій получилъ званіе дѣйствителенаго каммергера и чрезвычайнаго посланника. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны Ягужинскій потерялъ вліяніе и явились совершенно новые люди, близкіе ко двору; Ланчинскій былъ ими отодвинутъ на второй планъ: въ 1732 г. въ Вѣну пріѣзжалъ со спеціальнымъ порученіемъ Бракель, въ 1737 г., для переговоровъ о союзѣ противъ Турокъ, Левенвольдъ; впрочемъ союзный договоръ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, 9 января 1738 г., подписанъ Ланчинскимъ. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны Ланчинскій въ 1741 г. 31 декабря получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, затѣмъ 13 февраля 1745 г. орденъ св. Александра Невскаго. Теперь онъ велъ всѣ переговоры и сношенія съ императорскимъ правительствомъ, пользуясь вполнѣ довѣріемъ петербургскаго министерства. Когда разыгралось Лопухинское дѣло, Ланчинскому поручено былъ въ 1743 г. потребовать наказанія австрійскому послу, Ботта д' Адорно, который оказался замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Вѣнѣ не хотѣли при-

нимать какихъ либо рѣшеній, не выслушавъ Ботты; Ланчинскій настаивалъ, что требованіе его двора не можетъ быть подвергаемо въ подобномъ случаѣ никакой провѣркѣ, а такъ какъ австрійское министерство медлило рѣшеніемъ, то 31 августа 1744 г., безъ прощальной ауденціи, Ланчинскій выѣхалъ въ Дрезденъ. Тогда Ботта былъ на полъ года сосланъ въ крѣпость Грацъ и Ланчинскій 20 декабря того же года вернулся въ Вѣну. Онъ принималъ живое участіе въ переговорахъ, окончившихся уже послѣ его смерти союзомъ Россіи съ Австріей противъ Пруссіи, вполнѣ раздѣляя мысли канцлера А. П. Бестужева Рюмина и являясь ревностнымъ исполнителемъ его предначертаній.

Бантышъ-Каменскій: «Словарь достоп. людей»; ч. III; онъ же. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г., ч. I—IV; Соловьевъ, книги IV — V; Мартенсъ. «Собраніе трактатовъ и конвенцій», т. I.

Лапинъ, *Василій Иннокентьевичъ*, писатель для дѣтей, окружной инспекторъ петербургскаго округа, род. въ 1823 г. въ Перми, ум. 11 января 1886 г. въ Петербургѣ. Получилъ воспитаніе во 2-й Казанской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета. Окончилъ университетъ съ медалью 5 іюня 1847 г. и былъ оставленъ при университетѣ кандидатомъ; 31 декабря 1847 г. поступилъ на службу въ Казанскую казенную палату, откуда перешелъ на службу при Синодѣ, потомъ служилъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ директоромъ Виленскаго реальнаго училища. Въ 1872 г. сдѣлался окружнымъ инспекторомъ и членомъ учебнаго комитета по разсмотрѣнію книгъ для народнаго чтенія, съ этого-же времени преподавалъ исторію въ Екатерининскомъ Институтѣ.

Въ 1855 г. Лапинъ написалъ историческую трагедію въ 5 актахъ въ стихахъ: «Взятіе Казани». Она была поставлена въ Александринскомъ театрѣ, но большого успѣха не имѣла. Лапинъ составлялъ также чтенія для народа, изъ которыхъ упомянемъ: «Ледовое побоище», «Татарскій погромъ», «Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ для простолюдина» (1858—59 гг.) и др. Болѣе извѣстенъ Лапинъ, какъ писатель для дѣтей. Изъ его произведеній этого рода извѣстны: «Костенька», повѣсть («Отеч. Записки» 1854 г.), «Откуда и какъ пошла русская земля и какъ стала быть», трудъ, содержащій въ себѣ историческіе очерки изъ разныхъ временъ жизни Россіи и начатый Разинымъ (1875—78 гг.). «Изъ временъ покоренія Сибири», истор. повѣсть (1882 г.), «Русская правда или судъ въ стародавнія времена», ист. пов. (1860 и 1875 гг.), «Разсказы изъ св. исторіи» (3 изд. 1859 г.). Кромѣ того Лапинъ былъ сотрудникомъ «Дѣтскаго Чтенія» и въ 1877 г. редакторомъ «Задушевнаго Слова» и издалъ въ 1859 г. «Пѣсенки съ музыкой и поздравительные стишки на разные случаи для дѣтей».

Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ писателей». Вып. VI, стр. 27—28; Михайловскій. Преподаватели Казанск. университета, т. I; Историч. Вѣстникъ; 1886 г. № 3; Голосъ 1869 г. № 7; «Отечественныя записки» 1855 г. т. 98. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 17.

Лаптевъ, *Дмитрій*, путешественникъ; изъ дворянъ псковской губ., великолуцкаго у., ум. послѣ 1762 г. Поступилъ въ службу гардемариномъ въ 1718 г. и 2 марта 1721 г. произведенъ въ мичмана. Черезъ четыре года онъ уже командовалъ шнявою «Фаворитка» и плавалъ на ней въ чинѣ унтеръ-лейтенанта по Финскому заливу. Въ 1727 г. Лаптевъ получилъ въ командованіе фрегатъ «Св. Яковъ», а въ 1728 г. командовалъ пакетботомъ, содержавшимъ срочное сообщеніе между Кронштадтомъ и Любекомъ.

Первое знакомство съ сѣверными водами Лаптевъ получилъ лѣтомъ 1730 г., плавая подъ командою капитана Барша на фрегатѣ «Россія» въ Ледовитомъ океанѣ у береговъ Россіи. 19 марта 1731 г. онъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1733 г., при общемъ переименованіи флотскихъ чиновъ, получилъ званіе «лейтенанта маіорскаго ранга».

Въ 1734 г. онъ былъ назначенъ въ «Большую сѣверную экспедицію», имѣвшую своею цѣлью обслѣдовать впервые и нанести на карту громадное пространство сѣвернаго побережья Россіи, простирающееся на 130° долготы и отъ 64,°5 до 77°,5 с. ш. и кромѣ того Охотское море и Камчатку, при чемъ попутно было положено основаніе изслѣдованію всѣхъ внутреннихъ областей Сибири.

Назначенный въ экспедицію съ самаго начала ея, Д. Лаптевъ сперва не имѣлъ опредѣленнаго дѣла, но въ 1736 г. получилъ прямое назначеніе замѣнить лейте-

нанта Лассиніуса, работавшаго съ отрядомъ по описи береговъ къ востоку отъ устья р. Лены.

Весною 1736 г. Д. Лаптевъ выступилъ изъ Якутска, 25 іюня былъ у Быковскаго мыса въ дельтѣ Лены и отсюда сухимъ путемъ, изъ за льдовъ, проѣхалъ въ Харіулахъ, гдѣ зимовалъ ботъ и 29 на немъ пошелъ въ Ледовитый океанъ. Принявъ у Быковскаго мыса людей и запасы, онъ пошелъ къ сѣверо-востоку; подъ 73°16′ с. ш. были встрѣчены сплошные льды и Лаптевъ, зная по слухамъ, что проходъ вдоль берега кругомъ мыса Святой носъ закрытъ льдомъ, рѣшилъ вернуться въ рѣку и 6 сентября поставилъ ботъ на зимовку.

Лѣтомъ слѣдующаго года Д. Лаптевъ поѣхалъ съ отчетомъ о работахъ въ Петербургъ и здѣсь получилъ приказаніе продолжать опись берега къ востоку отъ Лены до устья р. Колымы, а оттуда. смотря по обстоятельствамъ—или самому съѣздить за судномъ въ Камчатку, или,ославъ за нимъ, дожидаться его въ устьѣ р. Анадырь и стараться обогнуть мысъ Дежневъ на обратномъ пути.

27 іюня 1739 г. онъ дошелъ до начала дельты Лены и 5 іюля черезъ Быковскую протоку вышелъ въ океанъ. Подвигаясь медленно, изъ за льдовъ, къ востоку. онъ 11 августа былъ у устья р. Яны, а 14 обогнулъ мысъ Святой носъ въ 72°50′ с. ш. и, производя все время съемку берега, подошелъ къ р. Индигиркѣ (22), посылалъ къ берегу людей для отысканія фарватера, при чемъ, за пропажей первой шлюпки, вторую сдѣлалъ изъ обручей и парусины. 31 августа установилось сообщеніе съ берегомъ черезъ береговой ледъ, на протяженіи 14 верстъ охватившій берегъ. 22 сентября всѣ были уже на берегу; часть экспедиціи обслѣдовала по льду дельту р. Индигирки и берегъ океана до р. Алазеи, а весною 1740 г. берегъ отъ Алазеи до Колымы, р. Ану, а самъ Д. Лаптевъ обслѣдовалъ р. Хрому.

Въ теченіе зимовки изъ распросовъ Д. Лаптевъ убѣдился, что мѣстныя условія движенія льдовъ у береговъ не позволятъ лѣтомъ заняться описью съ моря береговъ далѣе къ востоку. тѣмъ болѣе, что зимовать на Анадырѣ среди воинственныхъ чукчей было почти невозможно, достать же судно изъ Камчатки нельзя было потому, что самъ Берингъ еще не появлялся туда. Донеся обо всемъ этомъ въ Петербургъ, Лаптевъ получилъ въ іюнѣ 1740 г. отъ Адмиралтействъ-Коллегіи приказаніе продолжать опись береговъ по его усмотрѣнію и обойти Чукотскій носъ. Съ большимъ трудомъ удалось 31 іюля выйти въ море, 4 августа были уже у р. Колымы, промѣрявъ устье которой, Лаптевъ пошелъ къ востоку по узкому каналу между льдами и обрывистымъ берегомъ; дойдя до Баранова камня вынужденъ былъ поворотить обратно, такъ какъ льды совершенно подошли къ берегу, и зимовалъ у Нижне-Колымска. Осенью описали верховье р. Колымы, и осмотрѣли дорогу на р. Анадыръ до Анадырска и подготовили тамъ лѣсъ для постройки судна.

Лѣтомъ 1741 г. Д. Лаптевъ еще разъ пытался обойти моремъ Барановъ камень, и, хотя лѣто было очень теплое, всетаки выполнить этотъ планъ не удалось. Построивъ за зиму двѣ шлюпки, Д. Лаптевъ съ 24 чел. команды на нихъ 29 іюня выступилъ въ путь, 25 іюля дошелъ до мѣста поворота на зимовку въ 1740 г.; не смотря на всѣ усилія до 6 августа не могли добиться никакого успѣха и 10 возвратились на мѣсто зимовки. Отсюда Д. Лаптевъ 27 октября на 45 партахъ, на собакахъ, поѣхалъ въ Анадырскій острогъ, куда и прибылъ 17 ноября. Зимою же часть его партіи занялась съемкою берега моря до р. Пенжины, а весною началъ строить шлюпки и въ лѣто 1742 г. съ 9 іюня до 3 августа произвелъ на нихъ опись р. Анадыри до устья, по окончаніи которой вернулся въ Нижне-Колымскъ къ своему боту и отсюда уже, черезъ Якутскъ отправился въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ въ декабрѣ 1742 г.

Экспедиція эта произвела одну изъ самыхъ громадныхъ, по количеству и важности добытыхъ матеріаловъ, работъ въ исторіи полярныхъ изслѣдованій; въ теченіе 10 лѣтъ, посреди ужасныхъ трудностей, описано было громадное протяженіе береговой полосы вдоль сѣверныхъ окраинъ Россіи начиная отъ Канина носа при входѣ въ Бѣлое море до р. Колымы на востокѣ.

Произведенный еще въ концѣ 1739 г. въ капитаны, по очереди, Лаптевъ по возвращеніи продолжалъ служить во флотѣ, командовалъ разными судами (1750 г.—кораблемъ «Св. Іоаннъ Златоустъ; 1751 г.—кораблемъ «Св. Іоаннъ Златоустъ второй»;

1756 г.—кораблемъ «Св. Николай», все въ Балтійскомъ морѣ); 5 мая 1757 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и командовалъ въ началѣ кронштадтскою эскадрою; въ 1762 г. 30 января уволенъ въ отставку съ чиномъ вице-адмирала и пенсіею.

Общій Морской Списокъ, ч. 1. 206; «Записки Гидрограф. департ.», ч. IX. статья Соколова.

Ю. Шокальскій

Лаптевъ, *Харитонъ*, путешественникъ, ум. 21 декабря 1763 г. Поступилъ на службу гардемариномъ въ 1718 г. и 24 мая 1726 г. произведенъ въ мичмана. Въ 1734 г. участвовалъ въ войнѣ противъ сторонниковъ Ст. Лещинскаго, былъ взятъ въ плѣнъ французами и даже приговоренъ къ смертной казни. По освобожденіи опять плавалъ во флотѣ и въ 1736 г. посылался на р. Донъ для отысканія удобнаго мѣста для постройки судовъ тамъ. Въ 1737 г. командовалъ придворною яхтою «Декроне», и былъ произведенъ въ лейтенанты. Къ этому времени изъ Якутска прибылъ за указаніями для дальнѣйшихъ дѣйствій Дмитрій Лаптевъ, участникъ Большой сѣверной экспедиціи, и при отъѣздѣ обратно взялъ съ собою двоюроднаго брата Харитона и лейтенанта Чихачова, просившихся въ экспедицію, съ которыми въ мартѣ 1738 г. отбылъ въ Якутскъ.

9 іюня 1739 г. Харитонъ Лаптевъ, которому Адмиралтействъ-Коллегія поручила продолженіе описи береговъ Ледовитаго океана къ западу отъ Лены, начатое Прончищевымъ, вышелъ изъ Якутска на дубель-шлюпкѣ «Якутскъ» и 21 того же мѣсяца добрался до океана и тамъ, постоянно борясь со льдами, идя то подъ парусами, то подъ веслами, то толкаясь шестами среди льдовъ, почти черезъ мѣсяцъ времени добрался до устья р. Оленекъ. Откуда, описавъ часть устья, прошелъ далѣе на западъ до Ханіангской губы и здѣсь опять былъ задержанъ льдами; наконецъ 14 августа пошелъ далѣе и 21 подошелъ къ мысу Св. Ѳаддея въ 76°47′ с. ш. Здѣсь встрѣтились сплошные льды, пришлось вернуться зимовать въ Ханіангскую губу, гдѣ 29 и стали въ устьѣ рѣчки Блудной подъ 72°56′ с. ш. Въ мартѣ 1740 г. Х. Лаптевъ посылалъ геодезиста Чекина описать берега отъ Таймуры на западъ до Пясинги. Чекину удалось сдѣлать только часть работы и въ концѣ мая онъ вернулся пѣшкомъ обратно.

Ханіанга вскрылась 15 іюня, но двинуться съ зимовки стало возможно, за льдами, только 12 іюля и къ 13 августу добрались до выхода въ океанъ, гдѣ на широтѣ 75°30′ с. судно затерло льдами, носило по морю, ежеминутно грозя раздавить, почему вынуждены были его оставить и черезъ двое сутокъ ходу по льдамъ, 16 августа добрались до берега и тутъ временно устроились, чтобы перебрать съ судна запасы на берегъ, что заняло время до 30 августа, да и то исполнено было лишь благодаря мужеству и энергіи Лаптева, который своимъ примѣромъ ободрилъ спутниковъ, впавшихъ въ полное уныніе. Отсюда шли по берегу и въ половинѣ октября добрались до стараго зимовья. Такимъ образомъ двухлѣтнія усилія обогнуть моремъ Таймурскій полуостровъ не удались: Лаптевъ рѣшилъ описать его берега сухимъ путемъ, на собакахъ, къ чему и приступилъ весною 1741 г. съ трехъ сторонъ. Челюскина онъ отправилъ для описи берега отъ р. Пясинги до р. Таймуры; геодезиста Чекина отъ зимовья до р. Таймуры, а самъ направился туда прямо, а команду переправилъ на Енисей. Чекинъ дошелъ только до 76°35′ с. ш., а Челюскинъ исполнилъ часть заданнаго и вернулся къ Пясингѣ вмѣстѣ съ Х. Лаптевымъ, а Х. Лаптевъ самъ описалъ берега отъ Таймуры до встрѣчи съ Челюскинымъ и опредѣлилъ широты обоихъ устьевъ, а также выполнилъ часть задачи, данной Чекину. Въ августѣ всѣ перебрались на Енисей и зимовали въ Туруханскѣ. Оставалось еще описать самую сѣверную часть Таймурскаго полуострова, такъ называвшійся Сѣверовосточный мысъ (теперь м. Челюскинъ по предложенію Норденшельда). Для сего въ декабрѣ 1741 г. посланъ былъ Челюскинъ, который 7 мая 1742 г. и добрался до этого мыса, произведя опись отъ мыса Св. Ѳаддея до р. Таймуры, куда Х. Лаптевъ самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и отсюда оба они вернулись въ Туруханскъ, а Х. Лаптевъ, съ отчетами, поѣхалъ въ Петербургъ.

Дальнѣйшая служба Х. Лаптева протекла во флотѣ. Въ 1746 г. онъ командовалъ кораблемъ «Ингерманландъ» въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1754 г. произведенъ въ капитаны 3 ранга, а въ 1757—въ 2-й рангъ и тогда же, командуя кораблемъ «Уріилъ» ходилъ на немъ къ

Данцигу и Карлскронѣ. Въ 1758 году произведенъ въ 1 рангъ и, командуя построеннымъ въ Архангельскѣ 66 пушечнымъ кораблемъ (безъ названія), на переходѣ въ Кронштадтъ, 19 сентября разбился у Скагена. Въ 1762 г. назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ коммисаромъ.

«Общій морской списокъ», ч. I; «Зап. Гидрогр. департ.», ч. IX, статья Соколова.

Ю. Шокальскій.

Лапшинъ, *Василій Ивановичъ*, профессоръ физики Харьковскаго и Новороссійскаго университетовъ, род. въ 1809 г., ум. 23 сентября 1888 г. На службу вступилъ 1 мая 1835 г., 1 августа 1835 г. назначенъ преподавателемъ по каѳедрѣ физики въ Харьковскій университетъ, впослѣдствіи былъ тамъ же профессоромъ. 19 іюля 1863 г. вышелъ въ отставку, 1 мая 1865 г. назначенъ на 5 лѣтъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ; отслуживъ этотъ срокъ, вышелъ въ отставку и до кончины жилъ преимущественно въ Ѳеодосіи. Какъ преподаватель онъ не пользовался большимъ вліяніемъ, но вообще В. И. Лапшинъ былъ человѣкъ горячо и беззавѣтно преданный наукѣ, которою интересовался и занимался до послѣднихъ дней жизни. Въ Харьковскомъ университетѣ онъ устроилъ огромную, почти не примѣнявшихся до того до того времени размѣровъ, гальваническую батарею (изъ 950 элементовъ), устроилъ особый анемометръ; нѣсколько напечатанныхъ имъ статей касаются климата г. Харькова, изслѣдованій воды Чернаго моря, электрическихъ телеграфовъ и т. п.

«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1889, январь, 19—50; Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе Новоросс. универ.», 371—374.

Лапшинъ, *Григорій Ивановичъ*, преподаватель Петербургскаго университета, род. въ 1813 г., ум. 2 апрѣля 1884 г. Обучался въ 3-й Петербургской гимназіи, затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета и въ 1831 г. былъ посланъ въ Дерптъ, въ такъ называемый профессорскій институтъ, куда отправляли лучшихъ студентовъ. Домашнія обстоятельства заставили Г. И. Лапшина отказаться отъ поѣздки и искать себѣ службы немедленно. Въ 1835 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ младшемъ классѣ 1-й Петербургской гимназіи. Онъ быстро выдвинулся среди преподавателей и скоро сталъ лучшимъ преподавателемъ латинскаго языка въ Петербургѣ. Высокимъ уваженіемъ пользовался Г. И. Лапшинъ и какъ человѣкъ, умѣвшій соединять строгое отношеніе къ дѣлу съ замѣчательною сердечностью къ ученикамъ и товарищамъ. Съ 1852 г. и почти до послѣднихъ дней жизни Лапшинъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, много лѣтъ преподавалъ въ Александровскомъ лицеѣ. Г. И. Лапшинъ напечаталъ: «Микенскія и троянскія раскопки Шлимана». («Вѣстникъ Европы», 1880 г.).

«Журн. Мин. Народ. Просв.», 1884, май, 73—79

Ларинъ, *Петръ Даниловичъ*, купецъ первой гильдіи, род. въ 1735 или 1736 г., ум. 22 августа 1778 г. По происхожденію дворцовый крестьянинъ с. Любуши, зарайскаго уѣзда рязанской губерніи. 14-ти лѣтъ поступилъ «подносчикомъ» въ питейный домъ родного села; смышленностью и расторопностью скоро обратилъ на себя вниманіе, былъ взятъ на службу къ откупщику, вскорѣ самъ сдѣлался питейнымъ откупщикомъ по Казани; точныхъ данныхъ за это время жизни Ларина не имѣется; извѣстно, что въ 1771 г. онъ былъ уже купцомъ первой гильдіи и, кромѣ казанскаго откупа, взялъ на себя и архангельскій; дѣла его шли чрезвычайно удачно и онъ быстро разбогатѣлъ. По преданіямъ Ларинъ совершалъ поѣздки за границу по торговымъ дѣламъ, зналъ иностранные языки и былъ человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ. Около 1776 г. онъ построилъ въ своемъ родномъ селѣ Любушахъ отличную церковь, стоившую 65,000 р., а въ концѣ 1777 г. или въ 1778 г. обратился къ императрицѣ Екатеринѣ съ прошеніемъ о принятіи внесенныхъ имъ въ опекунскій совѣтъ 50,000 р., изъ которыхъ 20,000 р. предназначаетъ онъ на постройку въ Любушахъ училища, а 30,000 на учрежденіе въ селѣ этомъ банка, чтобы процентами съ этихъ денегъ содержать училище; себѣ Ларинъ испрашивалъ только освобожденіе отъ обязательствъ нести какія либо службы, заявляя, однако, что проситъ этого единственно для того, чтобы имѣть больше времени для наблюденія за устройствомъ училища и за его дѣятельностью и что отказывается отъ своей просьбы, если покажется, что онъ преслѣдуетъ какія-либо личныя выгоды. По плану Ларина въ училищѣ должны быть

воспитываемы 25 мальчиковъ на счетъ пожертвованнаго капитала и неограниченное число учениковъ за незначительную плату (10 р. въ годъ); обучаться дѣти должны: «1) грамотѣ россійской, читать и писать по правиламъ граматики; 2) чистотѣ языка и слога; 3) вѣрѣ и страху Божію; 4) ариѳметикѣ и нѣкоторымъ частямъ высшихъ геометрическихъ наукъ, для лучшаго знанія сей для промысловъ нужной науки, служащей ко счисленію и повѣренію своихъ дѣлъ и имущества; 5) познанію россійской торговли, разныхъ оной отраслей и откуда, куда и какъ оную производить удобнѣе; 6) познанію того, какъ вести купеческіе по бухгалтеріи книги и счета». Именнымъ указомъ на имя гофмейстера И. П. Елагина Екатерина II утвердила всѣ предложенія Ларина.

Но Ларинъ не успѣлъ выполнить своихъ предположеній. Онъ внезапно скончался въ Москвѣ 22 августа 1778 г., а послѣ его смерти его проектъ долго не осуществлялся. Оставшійся послѣ смерти Ларина капиталъ былъ реализированъ только послѣ продолжительнаго процесса, закончившагося въ 1803 г. Училище въ Любушахъ было учреждено лишь въ 1817 г., а открыто 6 августа 1819 г. — раньше нельзя было этого сдѣлать потому, что село это перешло еще въ 1797 г. въ частное владѣніе и новый собственникъ препятствовалъ исполненію намѣченнаго Ларинымъ; когда крестьяне откупились, училище и было устроено; на него было отпущено до 160.000 р. Между тѣмъ осталось еще очень много Ларинскаго капитала: къ 1817 г. онъ возросъ до 700.000; въ 1828 — 1835 г. до 127.000 р. было употреблено изъ этого капитала на постройку корпуса Императорской Публичной Библіотеки, идущаго по площади Александрійскаго театра,— одинъ залъ въ немъ по Высочайшему повелѣнію наименованъ Ларинскимъ; въ 1834 г. повелѣно изъ того же капитала, снова достигшаго 800.000 р., употребить 110.000 р. на постройку гимназіи, наименовавъ ее Ларинской, и 400.000—на содержаніе ея процентами; наконецъ остальная часть отпущена на постройку зданій Ришельевскаго лицея въ Одессѣ.

Статья В. В. Стасова въ «Древ. и Нов. Россіи», 1876, I, 244 — 261; «Жур. Мин. Народ. Просв.», 1861, февраль; «Грамотѣй», 1876, № 6; «Пятидесятилѣтіе Ларин. гимназіи», 1886; «Отечеств. Зап.», 1870, № 10.

Ласковскій, (*Генрихъ*) *Андрей Павловичъ*, докторъ медицины, помощникъ старшаго доктора Александровской больницы въ Петербургѣ; род. въ 1839 г., ум. 26 октября 1884 г., дворянинъ. Окончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1863 г., въ 1864 г. былъ назначенъ врачемъ въ Александровскую больницу въ Петербургѣ; 25 января 1869 г. защитилъ въ Медико-хирургической академіи на степень доктора медицины диссертацію на тему «О развитіи стѣнокъ желудка», въ 1877 г. работалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ госпиталѣ подъ Плевной; въ слѣдующемъ году возвратился въ Петербургъ и работалъ въ загородной больницѣ, занимаясь также микроскопіей патологическихъ препаратовъ; пользовался репутаціей прекраснаго хирурга. Изъ его сочиненій извѣстенъ трудъ: «Нѣсколько наблюденій надъ спириллами» (Медицинск. Вѣстн., 1876 г., № 18).

Зиѣвъ. Русскіе врачи-писатели; «Русскій медицинскій журн.». 1884 г., № 40; Медицинск. Вѣстн., 1881 г., № 45; «Медицинск. Новости», 1881 г., № 14.

Ласковскій, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, заслуженный профессоръ Николаевской инженерной академіи, род. въ 1802 г., ум. 8 апрѣля 1870 г. Въ 1820 г. выпущенъ изъ кондукторской роты полевымъ инженеръ-прапорщикомъ съ зачисленіемъ въ с.-петербургскую инженерную команду и съ оставленіемъ при училищѣ для спеціальнаго образованія. Въ 1824 г. началъ преподаваніе фортификаціи въ Главномъ инженерномъ училищѣ; преподавалъ фортификацію Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу; кромѣ того читалъ фортификацію въ историческомъ ея развитіи и исторію военно-инженернаго искусства въ Россіи великому князю Константину Николаевичу. Затѣмъ преподавалъ тѣ же предметы великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ и принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Въ 1858 г. онъ оставилъ профессорскую дѣятельность. Ѳ. Ѳ. Ласковскій составилъ цѣнную исторію военно-инженернаго искусства въ Россіи, изданную подъ названіемъ «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи».

«Русскій Инвалидъ», 1870 г., № 85.

Ласси (Лэзи), *Борисъ Петровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1737 г., ум.

18 января 1820 г. Въ 1762 г. поступилъ изъ австрійской службы въ русскую службу и былъ произведенъ въ капитаны Азовскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ 1763—1764 гг. ходилъ въ Литву и Польшу; участвовалъ въ 1-й турецкой войнѣ; съ 1776 г. находился въ Крыму, гдѣ во время возстанія татаръ отстоялъ госпиталь въ Бахчисараѣ и, окопавшись въ редутѣ, отсидѣлся до прихода корпуса князя Прозоровскаго; во время 2-й турецкой войны отличился при штурмѣ Измаила, за что получилъ Георгія 3 ст.; за отличіе въ польскую войну 1794—1795 г.г. произведенъ въ генералъ-поручики; въ 1799 г. былъ главнокомандующимъ арміею между Балтійскимъ моремъ и Брестъ-Литовскомъ; въ 1805 г. Ласси получилъ секретное предписаніе ѣхать въ Неаполь, прибылъ туда какъ частный человѣкъ и вскорѣ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскими, англійскими и неаполитанскими войсками для защиты Неаполя отъ французовъ; однако послѣ Аустерлица коалиція распалась, Ласси съ частью русскихъ войскъ возвратился въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи.

«Энциклопед. военныхъ и морскихъ наукъ».

Ласси, *Петръ Петровичъ*, графъ (P. Lacy, Петерлесій, какъ подписывался онъ по-русски), генералъ-фельдмаршалъ, род. 30 октября 1678 г., ум. 19 апрѣля 1751 г.; въ 1697 г., служа въ французской арміи и участвуя въ савойской войнѣ, получилъ первый офицерскій чинъ, въ 1698 г. поступилъ въ австрійскую службу, былъ въ походѣ противъ турокъ, а въ 1700 г. принятъ въ русскую службу и подъ начальствомъ герцога де-Кроа участвовалъ въ бою подъ Нарвою; въ 1701 г., послѣ похода на Кокенгузенъ и Ригу, фельдмаршалъ Шереметевъ произвелъ Ласси въ капитаны и назначилъ командиромъ гренадерской роты; въ 1702 г. онъ участвовалъ съ ней въ дѣлѣ подъ Гуммельсгофомъ; въ 1703 г. назначенъ командиромъ «дворянской роты», былъ съ ней въ лифляндскихъ походахъ этого года, а въ 1704 г. при осадѣ и штурмѣ Дерпта, въ 1705 г. переведенъ маіоромъ въ полкъ графа Шереметева и участвовалъ въ гродненской операціи; въ 1706 г. именнымъ указомъ Петра I назначенъ подполковникомъ въ новонабранный полкъ Куликова (теперь 1-й пѣхотный Невскій); былъ при взятіи Стараго Быхова, за что въ 1708 г. произведенъ въ полковники; командуя Сибирскимъ полкомъ, былъ опасно раненъ въ голову при переправѣ черезъ Десну, но остался въ строю; послѣ занятія Роменъ Петръ Великій назначилъ Ласси «комендантомъ съ полками и казаками, и оные Ромны (Ласси) укрѣпилъ боями и палисадами и въ прочемъ во всемъ управилъ по инструкціи, данной отъ Его Императорскаго Величества; за которую службу пожалованъ въ гренадерскій полкъ»; командуя послѣднимъ, былъ въ походѣ подъ Рѣшетиловку и въ полтавскомъ бою, гдѣ вторично тяжело раненъ; въ 1711 г., участвуя въ прутскомъ походѣ, произведенъ въ бригадиры; въ 1713 г., подъ непосредственнымъ начальствомъ Петра I, былъ въ бою подъ Фридрихштатомъ и въ 1719 г. принималъ ближайшее участіе въ осадѣ Риги, и по взятіи Риги былъ назначенъ комендантомъ города; принималъ дѣятельное участіе при осадѣ Штетина. Въ іюлѣ 1719 г. принималъ участіе въ экспедиціи къ берегамъ Швеціи. Высадившись съ отрядомъ недалеко отъ Стокгольма, Ласси ужасно опустошилъ окрестности; добыча, вывезенная русскими изъ этой экспедиціи, оцѣнивалась въ милліонъ талеровъ, а опустошенія — въ 12 милл.; нападеніе русскихъ на самую Швецію сломило послѣднее сопротивленіе; съ этого времени мирные переговоры шли уже непрерывно, шведы дѣлали почти всѣ требуемыя отъ нихъ уступки. Ласси былъ въ 1720 г. произведенъ въ генералъ-поручики; съ 1723 г. по 1725 г. онъ состоялъ членомъ Военной Коллегіи. Въ 1727 г. Ласси исполнялъ военное и вмѣстѣ дипломатическое дѣло: онъ былъ отправленъ съ корпусомъ войскъ къ границамъ Курляндіи, чтобы не допустить Морица Саксонскаго утвердиться въ герцогствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы не дать и полякамъ слишкомъ проявлять тамъ свое вліяніе. Ласси дѣйствовалъ энергично и довольно ловко и выполнилъ возложенное на него порученіе. Послѣ этого Ласси оставленъ былъ въ Лифляндіи губернаторомъ; въ 1733 г. посланъ начальникомъ отряда въ 16.000 человѣкъ, отправленнаго въ Польшу для поддержки Августа III противъ Станислава Лещинскаго; въ началѣ августа Ласси перешелъ границу, 19 занялъ Ковну, 27 августа Гродну, 20 сентября Прагу; тогда на польскій престолъ былъ избранъ Ав-

густъ. Назначеніе Ласси надо считать очень удачнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ всѣ рѣдко совмѣстимыя, но необходимыя для этого порученія свойства: онъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ дипломата, былъ хорошимъ военачальникомъ и особенно умѣло подготовлялъ такія предпріятія, которыя были связаны съ трудностями передвиженія и продовольствованія арміи въ дикихъ, мало населенныхъ мѣстахъ. Кампанія 1733—1734 г. была именно таковой. Еще когда Ласси находился въ Ригѣ, Кабинетъ, увѣдомивъ его (23 февраля) о рѣшеніи Совѣта министровъ, Сената и Генералитета объ отправленіи къ польской границѣ арміи, возложилъ на него встрѣтить у границы польскаго посланника Рудамина, дѣлать видъ, будто всячески ускоряетъ его путь къ Петербургу, но на самомъ дѣлѣ чинить ему всевозможныя оттяжки и замедленія. Во все, предшествовавшее войнѣ, время Кабинетъ держалъ Ласси въ курсѣ дѣлъ: онъ подбиралъ для дѣйствующей арміи рослыхъ, здоровыхъ солдатъ и готовилъ провіантъ. 2 іюля изъ генеральнаго кригсъ-коммисаріата ему перевели 50.000 руб.; свои дѣла по управленію губерніей онъ передалъ Фелькерзаму и, оставивъ семью на постоянное жительство въ рижскомъ губернаторскомъ домѣ, отбылъ къ войскамъ: ему было предписано 6 августа вступить въ предѣлы Польши. Іюль мѣсяцъ онъ потратилъ на окончательное устройство продовольственной части, сборъ лошадей, аммуниціи и т. п. Ласси предстояло выйти изъ большого затрудненія: пройти черезъ страну, не вооруживъ мирнаго населенія противъ Россіи, не мародерствуя и не грабя. По условіямъ XVIII вѣка, необычайно жестокаго въ войнѣ, не грабить на войнѣ было почти немыслимо. Къ тому же русское правительство увеличило эту трудность, предписавъ Ласси за все платить русскими деньгами; когда же поляки отказались ихъ принимать, повелѣло все брать силой, уплачивая русской монетой. При приближеніи арміи Ласси паны оставляли свои помѣстья и бѣжали къ Варшавѣ. Крестьянство оставалось, и главнокомандующему удавалось настолько сдерживать порядокъ въ войскѣ, что населеніе не страдало отъ него. Вскорѣ послѣ начала кампаніи къ нему стали прибывать польскіе вельможи, сторонники Россіи, за поддержкой и покровительствомъ. Это было кстати, такъ какъ армія находилась въ трудномъ положеніи. Ея движеніе было медленно и тяжко. Та самая грязь, о которой съ ужасомъ писалъ въ 1812 г. Наполеонъ, связывала и Ласси. Генералъ Загряскій, выступившій къ нему на подмогу, попалъ въ такое же положеніе и такъ замѣшкался, что получилъ отъ Кабинета выговоръ. По его словамъ, грязь, разлившіяся рѣки и лѣса были едва проходимы. Ласси ихъ преодолѣлъ и, ведя сношенія съ благопріятелями Россіи, вѣрно, хотя и медленно, щадя солдатъ, двигался къ Гроднѣ. Пытался онъ держать въ курсѣ своихъ дѣлъ и Кабинетъ, но изъ-за невозможныхъ путей сообщенія это ему не всегда удавалось, и 13 сентября министры справлялись: «гдѣ Лассій обрѣтается и что съ нимъ происходитъ». 11 сентября онъ рапортовалъ въ Петербургъ объ избраніи Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ и о своихъ распоряженіяхъ въ соотвѣтствіи съ этимъ: хватать въ плѣнъ сторонниковъ Станислава и поддерживавшихъ его татарскихъ улановъ. Кабинетъ отвѣтилъ на это рескриптомъ на имя нашего посла въ Польшѣ Карла-Густава Левенвольде, предписавъ Ласси рапортовать ему «по часту» о походѣ и состояніи войска: главнокомандующій ставился въ тяжкую зависимость отъ посла. Впрочемъ, до прибытія въ Варшаву она была неощутительна, такъ какъ сторонники Лещинскаго перехватывали русскихъ курьеровъ и вѣдомомости не доходили. Особенно невыносимо и опасно было положеніе Левенвольде, отрѣзаннаго отъ Россіи среди ненавистниковъ ея. 14 сентября Ласси приблизился къ Варшавѣ, 20-го подступилъ къ самому предмѣстью ея Прагѣ, гдѣ къ нему собрались польскіе вельможи, сторонники Россіи. 22-го въ урочищѣ Гроховѣ былъ собранъ подъ защитой русскихъ штыковъ сеймъ, который выбралъ королемъ Польши Фридриха-Августа, курфюрста Саксонскаго. 93 пушечныхъ выстрѣла изъ русскихъ орудій возвѣстили это избраніе Варшавѣ. 24 сентября Ласси увѣдомилъ Кабинетъ о взятіи Праги и избраніи короля. Не вся Польша, однако, признала его, и прежде всего Варшава была въ рукахъ сторонниковъ Лещинскаго. Переправивъ войска у Сохотина, Ласси заставилъ непріятеля отступить къ Кракову и 5 октября за-

нялъ своими отрядами столицу и ея окрестности. Врагъ былъ сокрушенъ, но у Ласси хлопотъ и заботъ не убавилось. Всѣ его распоряженія и предпріятія задерживались и портились вмѣшательствомъ Левенвольде. Особенно страдали отъ этого нижніе чины. Армія слабѣла и разстраивалась. Вдобавокъ и Кабинетъ прислалъ указъ отъ 30 октября поспѣшить съ окончаніемъ польской кампаніи, чаще обо всемъ доносить и дѣйствовать, согласно рескриптамъ, посланнымъ Левенвольде. Къ концу 1733 г. на сѣверѣ Польши образовались новыя конфедераціи, приглашавшія, между прочимъ, и русскихъ возстать противъ нѣмецкаго засилья: онѣ поддерживали Лещинскаго, который засѣлъ въ Данцигѣ. 5 ноября съ 12 тысячнымъ войскомъ противъ конфедератовъ и Лещинскаго былъ посланъ Ласси. 22 ноября онъ стоялъ у с. Ловичъ, поджидая денегъ и аммуницію. 30 января 1734 г. онъ былъ въ 6 миляхъ отъ Данцига. 21 февраля доносилъ Кабинету о блокадѣ города и расположеніи войскъ. По мнѣнію Ласси, Данцигъ, снабженный хорошей артиллеріей, 30 тысячнымъ войскомъ, защищаемый французскими инженерами и гарнизономъ, нельзя было штурмовать съ такой ничтожной артиллеріей и арміей, какъ та, что была въ его распоряженіи. Медленность и осторожность его не понравились въ Петербургѣ, гдѣ къ тому же хотѣли сплавить Миниха; послѣднему поручили ускорить взятіе Данцига. На военномъ совѣтѣ Ласси былъ противъ немедленнаго приступа, но восторжествовало мнѣніе Миниха за штурмъ. Еще до него, впрочемъ, Ласси удалось одно важное предпріятіе: онъ разбилъ шедшаго на помощь Данцигу Любельскаго воеводу Тарло, сторонника Лещинскаго, и помѣшалъ французскому фрегату войти въ устье Вислы. 19 апрѣля послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Ласси: всемилостивѣйшая благодарность за «показанную вѣрную и знатную службу»—«совершенную викторію» надъ войскомъ Тарло. Во время штурма Данцига обнаружилось громадное вліяніе Ласси на солдатъ. Въ штурмующей колоннѣ всѣ офицеры оказались перебитыми, и она остановилась подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Минихъ приказалъ отступать, но ему никто не повиновался. Только личное появленіе Ласси и его уговоры подѣйствовали, и солдаты отступили въ порядкѣ, конечно, съ огромнымъ урономъ.

Изъ контрибуціи, взятой съ Данцига, на долю Ласси досталось довольно много. Изъ денегъ за «колокольный звонъ» онъ получилъ 5.000 руб., 2.083 червонца, 2 талера и 20 грошей.

Польскія дѣла не были еще доведены до конца, когда на долю Ласси выпало новое порученіе. Въ 1735 году французы напали на императора Карла VI, и онъ, согласно договору, потребовалъ отъ Россіи союзнической помощи; она выразилась въ посылкѣ 20 тысячной арміи подъ начальствомъ Ласси. Опять ему пришлось вести войска черезъ малонаселенныя или бѣдныя области, охраняя солдатъ отъ голода и изнуренія, а населеніе отъ мародерства и насилій. Особенно тяжело было его положеніе при маршѣ чрезъ Силезію: терпѣли недостатокъ во всемъ и множество солдатъ дезертировало. Зато въ Богеміи все пришло въ порядокъ: ни въ чемъ не было нужды, и бѣгство прекратилось; армія была приведена въ такой видъ, что вызывала удивленіе и восторгъ союзниковъ. 8 іюня 1735 г. Ласси вступилъ въ Силезію, но ему не пришлось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ: появленіе русскихъ въ Германіи заставило враговъ Австріи склониться къ миру. Французскій министръ д'Аржансонъ вполнѣ опредѣленно писалъ, что дѣйствія Россіи въ Польшѣ, ихъ мощное движеніе къ Рейну, даютъ понятіе о той внушительной силѣ, какой располагаетъ эта держава. Въ мартѣ 1736 года Ласси былъ въ Вѣнѣ. Цесарь удостоилъ его отличнаго пріема, обласкалъ и одарилъ: украсилъ портретомъ осыпаннымъ брилліантами и вручилъ 5.000 червонцевъ въ красномъ бархатномъ мѣшкѣ. Въ Россіи еще раньше показали Ласси знаки удовольствія и одобренія. 17 февраля 1736 года Кабинетъ увѣдомилъ Сенатъ о Высочайшемъ указѣ, назначавшемъ Ласси генералъ-фельдмаршаломъ. Вскорѣ для него нашлось новое военное предпріятіе—война противъ турокъ. 17 апрѣля 1736 года онъ прибылъ уже изъ Рейнскаго похода въ Царицынку, гдѣ находился его товарищъ по командованію, тоже генералъ-фельдмаршалъ, Минихъ, и совѣщался съ нимъ о будущихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Ласси двинулся къ Азову—Минихъ къ Крыму. Во время этой поѣздки къ арміи Лас-

си на себѣ испыталъ, какъ плохо охраняются русскія границы. Въ степи онъ подвергся нападенію татаръ; вещи его были ограблены и самъ онъ едва спасся. 17 іюня Лассн началъ штурмъ азовскаго палисада, 19 городъ сдался. Такая быстрая удача объяснялась отчасти умѣлымъ и энергичнымъ воинскимъ поискомъ, а отчасти тѣмъ, что Лассн раздобылъ нѣсколько армянъ - шпіоновъ, указавшихъ ему самыя слабыя мѣста крѣпости. По взятіи ея она была приведена въ способный для обороны видъ, а осадная артиллерія отослана въ Изюмъ. Самъ Лассн сталъ готовить армію для движенія въ Крымъ, но встрѣтилъ неожиданное препятствіе въ видѣ неудовольствія со стороны Миниха. Лассн по чинамъ и по выслугѣ лѣтъ былъ старше его, но никогда этимъ не чванился и даже всегда подчинялся распоряженіямъ Миниха. По возвращеніи изъ Азовскаго похода, онъ получилъ изъ Петербурга распоряженіе узнать подъ рукой о состояніи миниховской арміи, которая потерпѣла неудачу. Минихъ объяснялъ ее медленностью въ поддержкѣ со стороны Лассн, его недоброжелатели — изнуреніемъ солдатъ, жестокостью командира, его нераспорядительностью. Не желая или не умѣя понять выраженія «подъ рукой», Лассн обратился прямо къ Миниху. Тотъ обидѣлся и просилъ объ отставкѣ, рекомендуя поручить команду надъ дѣйствующей арміей одному Лассн. Императрица была недовольна на него за несоблюденіе тайны и съ трудомъ уладила дѣло и успокоила обиженнаго Миниха. Всю осень и зиму 1736 года продолжалась подготовка къ походу. 7 октября Лассн получилъ указъ изъ Кабинета о назначеніи добрыхъ и здоровыхъ комендантовъ вмѣсто старыхъ и дряхлыхъ въ пограничныя крѣпости и о лучшей оборонѣ границъ. На него же возлагался сборъ къ походу Донскихъ казаковъ, малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, а также башкирцевъ. Такое порученіе шло вразрѣзъ съ личными намѣреніями Лассн. Прошло уже четыре года, какъ онъ покинулъ свою семью, не видалъ дѣтей, и даже изъ-за постоянныхъ передвиженій почти не получалъ писемъ. По его словамъ, дѣти его были «безъ науки и призрѣнія». Желая повидаться со своими, Лассн просился на всю зиму въ отпускъ въ Ригу. Вмѣсто него онъ получилъ приказаніе обсудить совмѣстно съ Минихомъ планъ будущей кампаніи и, должно быть въ видѣ утѣшенія, награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. 12 января 1737 г. въ Глуховѣ былъ военный совѣтъ въ присутствіи двухъ фельдмаршаловъ. Послѣ него Лассн вернулся въ Азовъ и сталъ готовиться. По Дону къ нему свозили провіантъ, аммуницію, артиллерію и всякіе припасы. Сюда же шли полки башкирцевъ, донцовъ, малороссіянъ. Кабинетъ строгими указами подтверждалъ, что «надъ полками, обрѣтающимися по Дону и близъ онаго, а также и въ Азовѣ, главная команда и всѣ тамошнія дѣла и употребленіе новостроющихся на Дону судовъ, по указу Е. И. В., поручено генералу фельдмаршалу Лессію».

Кн. И. Ѳ. Барятинскому, командующему въ Малороссіи, предписано было озаботиться присылкой казаковъ, подготовкой воловъ, продовольствія и вообще подмогой Лассн. Въ распоряженіе его было назначено 12 тысячъ донцовъ, снабженныхъ отъ Россіи вооруженіемъ и деньгами, и 10 тысячъ башкирцевъ. Главнокомандующему въ поощреніе вѣрной службы 1 апрѣля 1737 г. пожаловано было въ Лифляндіи 37 гаковъ земли. 3 мая Лассн выступилъ изъ Азова къ Крыму со стороны Гнилого моря, откуда его никакъ не ждали и, перейдя его, вторгся на полуостровъ, опустошая все на пути и двигаясь къ Карасубазару. У этого городка онъ разбилъ ханское войско въ двухъ битвахъ 12 и 14 іюня, но не могъ оставаться въ странѣ вслѣдствіе недостатка провизіи, а особенно конскихъ кормовъ. Лассн еще дольше продержался бы въ Крыму и достигъ бы большаго успѣха, если бы къ нему во-время подоспѣла помощь отъ Барятинскаго, котораго онъ 11 іюля просилъ учинить диверзію изъ Малороссіи къ Перекопу. Не видя своевременной поддержки, Лассн отступилъ къ Молочнымъ водамъ. Онъ жаловался въ Кабинетъ на плохой личный составъ казачьихъ полковъ, на недостатокъ продовольствія и аммуниціи, и Кабинетъ, въ свою очередь, дѣлалъ представленія, выговоры и замѣчанія тѣмъ, кто завѣдывалъ этими дѣлами. 13 ноября 1737 г., съѣздивъ въ Петербургъ для совѣщанія и согласованія дѣйствій русской и австрійской армій, Лассн вернулся на югъ и сталъ готовиться къ новому весеннему походу. Его регулярная армія, по примѣру прошлаго года, была усилена ка-

зацкими и калмыцкими полками и опять отъ Ласси посыпались жалобы на недоставленіе денегъ, рекрутовъ, лошадей, аммуниціи, о недостаткѣ телѣгъ, роспусковъ, извозчиковъ, конской сбруи, артиллерійскихъ припасовъ и т. д. 15 мая Кабинетъ выражалъ сожалѣніе объ этихъ недостаткахъ, препятствующихъ маршу, извѣщалъ Ласси о мѣрахъ, принятыхъ къ устраненію ихъ, и предоставлялъ его собственному разсужденію все, что касается его марша и похода калмыковъ. Уладивъ несогласія среди начальниковъ Донского войска и насколько было возможно изготовившись, Ласси двинулся къ Перекопу. 26 іюня 1738 г. онъ перешелъ пересохшій Сивашъ, оставивъ обозъ подъ охраной пристойной команды. 40 тысячная турецко-татарская армія отступила за валъ, при концѣ котораго находилась крѣпость Чивашъ-Кале. Ласси ее осадилъ. Проливной дождь помѣшалъ началу рѣшительныхъ дѣйствій. На предложеніе сдаться турки отвѣтили пушечной пальбой. 28 и 29 «изъ нѣсколькихъ мортиръ и нѣсколька пушекъ, на способномъ къ тому курганѣ постановленныхъ, оная крѣпость посѣщена». Русскіе гости, посѣтившіе крѣпость, заставили коменданта ея Абубекра и сотню янычаръ, прибывшихъ изъ Каффы, капитулировать (29 іюня послѣ полудня). Гарнизонъ ея, около 1.000 человѣкъ, былъ объявленъ военноплѣннымъ, 80 орудій сняты со стѣнъ. Этимъ, впрочемъ, здѣсь окончились успѣхи Ласси. Недостатокъ припасовъ и засуха принудили его отступить къ Донцу; неудача такъ сильно подѣйствовала на Ласси, что онъ послалъ императрицѣ прошеніе объ отставкѣ, но въ Петербургѣ были имъ довольны. Государыня благодарила его за службу и желала ея продолженія; Кабинетъ сообщилъ Сенату распоряженіе о распубликованіи донесенія Ласси о сдачѣ русскимъ Перекопа и тамошней крѣпости. Такая Высочайшая апробація растрогала его несказанно и въ отвѣтномъ благодарственномъ письмѣ онъ обѣщалъ ревностно служить до конца своей жизни. Большимъ утѣшеніемъ для Ласси долженъ былъ быть и указъ Кабинета отъ 24 сентября. Въ немъ говорилось о сношеніяхъ съ Вѣнскимъ дворомъ по поводу отступленія армій Миниха и Ласси. Русское правительство писало: «Понеже подлинно искусство уже показано, что такіе дальніе степные походы не токмо какъ людямъ, такъ и лошадямъ зѣло трудны и убыточны, но и весьма ненадежны, такъ что на счастливыя происхожденія и успѣхи такихъ операцій никоимъ образомъ съ надежностью какою полагаться нельзя, какъ и цесарскій дворъ самъ то признаваетъ». Ласси обѣлялся въ своей неудачѣ — она относилась къ трудности самаго предпріятія: предполагалось, что онъ, изготовившись въ теченіе зимы 1738 — 39 гг., достигнетъ большаго. 30 октября 1738 г., ему, между прочимъ, поручили склонить главнаго владѣльца ногайскихъ татаръ султана Мамбетая перейти со всѣми ногайцами изъ Крыма въ Россію, обѣщая всякія вольности и жалованье, а равно и охрану со стороны русскихъ въ случаѣ нападенія другихъ татаръ. Къ лѣту 1739 г. подъ начальствомъ Ласси, кромѣ регулярныхъ, должно было собраться 6.000 донскихъ, 3.000 слободскихъ конныхъ и 3.000—пѣшихъ на суда казаковъ и 10.000 калмыковъ. Ему же была подчинена днѣпровская флотилія и Запорожскіе казаки. Въ апрѣлѣ предполагалось начало кампаніи. Подготовкой ея Ласси былъ крайне недоволенъ. Онъ доносилъ Кабинету, что по прибытіи своемъ къ арміи 27 апрѣля все нашелъ «въ очень худомъ состояніи и маломъ исполненіи», почему и о произведеніи сей экспедиціи малая надежда остается». Кабинетъ былъ въ негодованіи, посланы были строгіе указы выполнить все подъ угрозою жестокаго отвѣта генераламъ Румянцеву, Игнатьеву и Шипову, а Ласси 2 мая сообщены копіи всѣхъ указовъ, посланныхъ относительно снабженія арміи всѣмъ необходимымъ, съ предоставленіемъ на его благоусмотрѣніе вопроса объ отложеніи на нѣкоторое время похода, но съ усказаніемъ, что «у непріятеля нынѣ великія конфузіи происходятъ». Заключеніе Бѣлогородскаго мира сдѣлало этотъ походъ излишнимъ. Регулярныя войска, бывшія подъ командой Ласси, двинуты были къ Москвѣ въ виду возможности войны съ шведами.

13 февраля 1740 г. петербургская полицемейстерская канцелярія получила приказъ отвести квартиры штабу Ласси. Самъ онъ указомъ 19 февраля былъ назначенъ генералъ - губернаторомъ Лифляндскимъ и Рижскимъ. 4 ноября Кабинетъ сообщилъ о пожалованіи Ласси съ потомствомъ въ въ рейхсъ-графы Римской Имперіи. Во-

обще это время надо считать расцвѣтомъ его вліянія. Въ протоколахъ Кабинета разсѣяны во множествѣ его представленія о разныхъ лицахъ для повышенія ихъ въ чинахъ и для назначенія на должности съ благосклонными помѣтами кабинетъ-министровъ. Состоящій при немъ Николай Волынскій былъ зачисленъ въ фурьерскій штатъ. 8 августа 1741 г. Ласси былъ назначенъ къ присутствованію въ Военной Коллегіи. Ему же совмѣстно съ Кейтомъ пришлось вести Шведскую войну 1741—1743 г.г. Въ срединѣ мая въ его петербургскомъ домѣ состоялся относительно ея военный совѣтъ. Въ распоряженіи Ласси назначалась армія около 30 тыс. человѣкъ. Кейтъ командовалъ корпусомъ войскъ у Выборга. 13 іюля 1741 г. части, сосредоточенныя у Осиновой рощи, двинулись въ Финдляндію, но объявленіе войны съ Швеціей въ приказѣ Ласси было сдѣлано лишь 4 августа. 16 августа онъ прибылъ въ Выборгъ и совѣщался съ Кейтомъ о планѣ дѣйствій въ предстоящей кампаніи. Узнавъ о томъ, что 4.000 отрядъ шведовъ разбитъ на части, раздѣленныя 40 верстнымъ разстояніемъ одна отъ другой, Ласси рѣшилъ нанести ударъ каждой части въ отдѣльности, и 20 августа велѣлъ Кейту двинуться къ Вильманстранду навстрѣчу шведскому двухтысячному отряду подъ командой Врангеля. 23 августа Ласси прибылъ туда же, придя позже Врангеля на 18 часовъ. Шведы заняли крѣпость, укрѣпили свою позицію валомъ и орудіями изъ Вильманстранда. Несмотря на стойкое и мужественнное сопротивленіе Врангеля и отряда Вестерботнійцевъ, шведы были разбиты на голову, Вильмандстрандъ сдался и былъ разграбленъ. Въ плѣнъ было взято 16 знаменъ, 13 орудій, 39 офицеровъ и 1500 солдатъ. Вильманстрандское дѣло произвело въ непріятельскихъ войскахъ панику. Не имѣя осадной артиллеріи, Ласси отказался отъ немедленнаго движенія къ Фридрихсгаму, гдѣ находились главныя силы шведовъ, и вернулся въ Выборгъ, продолжая лишь мелкую войну. Донскіе казаки прорывались вглубь Финляндіи и разоряли населеніе.

Къ зимѣ Ласси вернулся въ Петербургъ, быть можетъ имѣя свѣдѣнія о готовящемся въ пользу Елизаветы переворотѣ. Впрочемъ, въ виду его постояннаго уклоненія отъ дѣлъ внутренней политики врядъ ли онъ намѣревался принимать въ немъ какое бы то ни было активное участіе. Въ ночь переворота онъ въ числѣ первыхъ явился во дворецъ и присягнулъ Елизаветѣ; въ качествѣ вельможнаго и вѣрнаго сторонника она привлекла его въ совѣтъ, управлявшій первые дни ея царствованія всѣми дѣлами. Въ этотъ совѣтъ онъ представилъ планъ будущей кампаніи и проектъ распредѣленія генералитета. Затѣмъ онъ подготовлялъ все нужное для похода, встрѣчая противодѣйствіе среди придворныхъ; особенно враждебенъ ему былъ кн. Н. Ю. Трубецкой, говорившій, что Ласси отъ старости не знаетъ, что дѣлаетъ. Однако кампанія 1742 г. показала неправоту этого мнѣнія. Удачными передвиженіями арміи ему удалось овладѣть Фридрихсгамомъ (26 — 29 іюня), въ іюлѣ онъ съ арміей въ 17.500 чел. окружилъ, пройдя дорогою, нѣкогда проложенной Петромъ Великимъ у Гельсингфорса, гр. Левенгаупта и Буденброка со всею ихъ 17 тысячною арміею и послѣ того, какъ эти командиры были отозваны въ Стокгольмъ, принудилъ 26 августа армію къ капитуляціи. 9 финскихъ полковъ сдали оружіе и были отпущены по деревнямъ; шведская пѣхота, сохранивъ оружіе, отправлена моремъ на родину съ паспортами отъ Ласси. Русскіе взяли въ плѣнъ 30 знаменъ, 90 орудій, 94 офицера и 7.000 нижнихъ чиновъ. Этимъ разгромомъ война, собственно говоря, была покончена. Въ октябрѣ Ласси вернулся въ Петербургъ и принялъ участіе въ совѣщаніяхъ о возможныхъ условіяхъ мира. Они не могли быть благопріятны для шведовъ. Современникъ писалъ, что «поведеніе ихъ было такъ странно и такъ противно тому, что обыкновенно дѣлается, что потомство съ трудомъ повѣритъ извѣстіямъ объ этой войнѣ». Другой (шведъ) находилъ, что «вся эта война со стороны Швеціи представляется цѣпью глупостей, чтобы не назвать ее измѣной». Такъ какъ шведы все же не принимали русскихъ условій, Ласси сталъ готовиться къ кампаніи 1743 г., подготовилъ планъ ея и началъ выполненіе. Но уже самое отправленіе его (8 мая) носило праздничный торжественный характеръ, не похожій на сборы въ опасное воинское предпріятіе: никто не вѣрилъ въ сопротивленіе шведовъ. Когда Ласси, съ флотомъ миновалъ Ганге, шведскіе упол-

номоченные въ Або согласились на мирныя условія, предложенныя русскими (1—27 августа 1743 г.). Шведская война своей успѣшностью во многомъ обязана энергіи, распорядительности и заботливости о войскѣ Ласси. Ведя ее, онъ показалъ себя вѣрнымъ и умнымъ ученикомъ Петра Великаго и въ производствѣ операцій въ Финляндіи пользовался какъ его опытомъ, такъ и своимъ прошлымъ личнымъ. Дисциплиной въ войскахъ и умѣніемъ ладить съ населеніемъ онъ пріобрѣлъ въ Финляндіи многихъ доброжелателей и сторонниковъ Россіи. Вернувшись въ Петербургъ, 5 октября Ласси былъ назначенъ по Высочайшемъ отбытіи въ Москву главнымъ командиромъ надъ всѣми дѣлами, съ повелѣніемъ присутствовать ему въ С.-Петербургской сенатской конторѣ, а при празднованіи мира 25 іюля 1744 г. былъ награжденъ брильянтовою шпагой, табакеркой и увеличеніемъ содержанія на 3.000 р. въ годъ. 27 іюля онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Лифляндіи. Войной со Швеціей закончилась боевая дѣятельность Ласси, но онъ продолжалъ быть виднымъ военнымъ дѣятелемъ, и къ нему обращались за совѣтами при осложненіи внѣшнихъ дѣлъ. Онъ присутствовалъ на совѣщаніяхъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1745 года по поводу мѣръ для сокращенія силъ прусскаго короля и высказался въ смыслѣ надобности его, поддерживая польскаго короля. Былъ онъ и на совѣщаніяхъ въ декабрѣ 1746 г., когда успѣхи французовъ въ Нидерландахъ снова подняли вопросъ о «перепущеніи» русскихъ войскъ на Рейнъ. По мнѣнію Ласси, 30 тысячная русская армія должна была присоединиться къ союзнымъ войскамъ и дѣйствовать согласно съ ними. Двинуться она должна была черезъ Курляндію, Литву, Польшу и Силезію. Кампанія должна была длиться, по его расчету, не менѣе трехъ мѣсяцевъ и для произвожденія ея надо было взять у англичанъ впередъ 150 тысячъ субсидіи. Командиромъ этой арміи назначался Репнинъ, а инструкцію ему писалъ Ласси. Умеръ Ласси въ 1751 г., оставивъ послѣ себя добрую память особенно среди солдатъ. Ласси былъ изъ числа тѣхъ рыцарскихъ натуръ, какія еще встрѣчались въ первой половинѣ XVIII вѣка. Онъ по нуждѣ долженъ былъ продавать свою шпагу, но вѣрно и честно служилъ тому, кто платилъ. Воинъ по природѣ и склонностямъ онъ любилъ и зналъ свое дѣло и выгодно отличался отъ другихъ русскихъ полководцевъ изъ иноземцевъ тѣмъ, что всегда и всюду преслѣдовалъ интересы Россіи, а не свои. Онъ никогда на проявлялъ наклонности прославиться напраснымъ пролитіемъ чужой для него русской крови и никогда не отваживался на такія отчаянныя дѣла, какими прогремѣлъ Минихъ. Солдаты хорошо знали отличіе этихъ двухъ фельдмаршаловъ и называли Ласси «добрый человѣкъ». Еще въ одномъ Ласси выгодно отличался отъ иноземцевъ, наводнившихъ Россію послѣ Петра Великаго: онъ не вмѣшивался во внутреннюю политику и не интриговалъ при дворѣ. Дѣловитость, распорядительность и скромность были его постоянными качествами.

Дѣла, касающіяся Ласси, хранятся главнымъ образомъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Сенатскомъ Архивѣ, Государственномъ Архивѣ и Военно-ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Бантышъ-Каменскій, «Біографіи Россійскихъ генераловъ и генералъ-фельдмаршаловъ».—*Соловьевъ, С.* «Исторія Россіи», тт. IV, V.—Полное Собраніе Законовъ (по указателю).—«Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Томы: 25, 34, 40, 49, 50, 52, 55, 58, 61, 63, 64, 66, 69, 75, 76, 79—81, 84—86, 91, 92, 94, 96, 99—106, 108, 110, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138.—Сенатскій Архивъ, книга V. Спб. 1892 г. (Участіе Ласси въ засѣданіяхъ Совѣта при дворѣ 1741 г.).—*Архивъ кн. Воронцова*, книги I, II, III, IV и passim, по указателю.—«Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній, хранящихся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ». Томы I—III.—*Пекарскій*, «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи».—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1741—1743 гг.—*Шпилевскій, Н.* «Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ 1741, 1742 и 1743 г.г.» Компилятивная работа по шведскимъ источникамъ. «Военный Журналъ» 1859 г. и отдѣльно.—*Бороджинъ, М.*, «Исторія Финляндіи. Время Елисаветы Петровны». Спб. 1910. При книгѣ подробная и хорошая библіографія вопроса. Здѣсь же помѣщено нѣсколько портретовъ Ласси.

Лассиніусъ (*Лассеніусъ*), *Питеръ*, капитанъ, родомъ датчанинъ; въ 1725 г. былъ принятъ на русскую службу. Извѣстенъ тѣмъ, что участвовалъ въ первой камчатской экспедиціи; въ 1735 г. ему поручена была важнѣйшая часть второй камчатской экспедиціи—проѣхать по Ленѣ въ Ледовитый океанъ и обогнуть затѣмъ

сѣверный берегъ Сибири и Камчатку. 30 іюня 1735 г. онъ вышелъ изъ Якутска на дубль-шлюпкѣ «Иркутскъ» съ экипажемъ, всего въ 52 человѣка, и 7 августа вышелъ въ Ледовитый океанъ. Но уже 14 августа встрѣтились почти непроходимые льды. Съ трудомъ достигнувъ устья р. Хараулахъ, онъ 19 августа приступилъ тутъ къ устройству зимовья. Была устроена обширная казарма съ разными перегородками. Въ зимовьи, однако, развилась цынга, и Лассиніусъ умеръ раньше всѣхъ, въ декабрѣ 1735 г. Къ началу весны, къ концу марта, въ живыхъ остались лишь 8 чел. Отъ нихъ написано было донесеніе Берингу, и Берингъ отправилъ команду въ 16 чел. для розыска этой несчастной партіи. Когда отправленная на поиски команда дошла до зимовья—тамъ уже всѣ умерли.

«Справ. энциклоп. лексиконъ», Края, т. VII, стр. 74.

Ласточкинъ, *Александръ Анисимовичъ*, писатель, род. въ 1802 г., ум. 4 августа 1872 г. Сынъ причетника въ селѣ Ивановъ-Боръ, Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи. По окончаніи курса въ Новгородской духовной семинаріи Ласточкинъ, какъ лучшій ученикъ, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1829 году; 18 сентября того же года онъ былъ опредѣленъ въ Олонецкую семинарію учителемъ; въ 1831—1833 г. былъ секретаремъ семинарскаго правленія; въ 1833—1837 г. — библіотекаремъ; съ 21 сентября 1835 г. по 1836 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи; съ 2 іюля 1834 г. по 10 сент. 1837 г. состоялъ членомъ-секретаремъ Петрозаводскаго тюремнаго комитета; въ 1838 г., 30 мая, опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи. Съ 17 декабря 1853 г. Ласточкинъ состоялъ редакторомъ неофиціальной части «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и библіотекаремъ Петрозаводской публичной библіотеки, которую привелъ въ образцовый порядокъ. Ласточкинъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ статей по исторіи и этнографіи Олонецкаго края, изъ которыхъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія: 1) «О корелахъ, обитающихъ въ Олонецкой губерніи»; 2) «Воспоминаніе о пребываніи въ Петрозаводскѣ Державина, Глинки и Бенедиктова»; 3) «Нѣсколько словъ о промышленности въ Олонецкой губерніи»; 4) «О времени основанія училищъ въ Олонецкой губерніи и о перемѣнахъ, которыя они испытали», и нѣкоторыя другія, помѣщенныя въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1853—1855 годы.

«Олонецкія Губернскія Вѣдомости». 1872 г., № 63. *А. Никольскій.*

Ласточкинъ, *Гурій*, протоіерей Петропавловскаго казанскаго собора (1806 г.). Съ 1809 по 1813 гг. преподавалъ по воскреснымъ днямъ пространный катихизисъ студентамъ философіи, ученикамъ реторики и 3-го россійскаго класса старой Казанской духовной академіи. Въ 1808 г. Ласточкинъ былъ назначенъ цензоромъ проповѣдей, въ 1815 г. отряженъ консисторіею для увѣщеванія подсудимыхъ въ существовавшую тогда въ г. Казани комиссію для разслѣдованія причинъ пожара и проч., а въ 1816 г. опредѣленъ присутствующимъ въ консисторіи. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ членомъ открытаго при академіи цензурнаго комитета, а въ 1818 г., при преобразованіи академіи въ семинарію, отказался отъ учительства.

А. Благовѣщенскій, «Исторія старой Казанской духовной академіи 1797—1818», стр. 74.

Латкинъ, *Василій Николаевичъ*, род. 31 дек. 1804 г. въ Усть-Сысольскѣ, ум. 28 сент. 1867 г. въ Петербургѣ. Сынъ усть-сысольскаго 2-й гильдіи купца, бывшаго нѣсколько лѣтъ бургомистромъ и городскимъ головой. Первоначальное обученіе Латкинъ получилъ у «хожалаго учителя», дьячка, которому платили «рубль ассигнаціями»; у него онъ учился по псалтири и часовнику; отличаясь съ дѣтства любознательностью и съ 12-лѣтняго возраста сопровождая своего отца въ его поѣздкахъ по Архангельской и Вологодской губерніямъ, Латкинъ имѣлъ случай многому научиться изъ жизни. Въ 1825 г. отецъ Латкина передалъ ему веденіе всѣхъ дѣлъ; они были далеко не въ блестящемъ состояніи, такъ какъ во время Отечественной войны пострадало нѣсколько лицъ и компаній, съ которыми по преимуществу Латкинъ имѣлъ дѣла. Латкину не удалось возстановить пошатнувшіяся дѣла, и въ 1832 г., оставивъ торговлю, онъ поступилъ на частную службу въ Перми. 14 февраля 1841 г. онъ представилъ министру государственныхъ имуществъ, графу Киселеву, проектъ развитія въ возможно большихъ размѣрахъ разра-

ботки природныхъ богатствъ почти нетронутаго Печорскаго края; здѣсь, между прочимъ, онъ уже ранѣе устроилъ разработку Брусяной горы на рѣкѣ Соплесѣ, которая продолжается и донынѣ; Латкинъ предполагалъ учредить особую компанію для разработки мѣстныхъ богатствъ края. Проектъ этотъ поддержали многіе видные дѣятели: Полевой, Н. И. Надеждинъ, К. Д. Неволинъ, гр. Віельгорскій и многіе другіе, также и купцы; гр. Канкринъ и гр. Киселевъ тоже приняли въ немъ живое участіе. Въ 1843 г. Латкинъ отправился въ Печорскій край, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, не препятствуютъ ли льды доступу въ устье Печоры, и для обозрѣнія пространства за Ураломъ до истока рѣки Соби, впадающей въ Усу. Отчетъ объ этомъ путешествіи былъ напечатанъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», въ которомъ доказано было, что входъ въ устье Печоры открытъ большую часть года и что нѣтъ никакихъ препятствій для устройства тутъ гавани. Академія Наукъ отправила ученую экспедицію для выясненія того же вопроса, и эта экспедиція пришла къ тому же заключенію. Однако компанія по разнымъ случайнымъ причинамъ не состоялась. Въ 1844—1848 годахъ Латкинъ управлялъ золотыми пріисками Бенардаки. Вернувшись въ Петербургъ съ большими свѣдѣніями о Сибири, онъ задумалъ организовать компанію для торговли отъ Каспійскаго моря до Печоры; компанія создалась, но дѣла ея шли плохо. Коммерческія предпріятія не особенно удавались Латкину, но онъ былъ энергичнымъ піонеромъ разработки богатствъ сѣвернаго края; своими литературными трудами онъ оказалъ большія услуги географическому изслѣдованію и описанію нашего отечества. Въ свою двукратную поѣздку въ мало извѣстный Печорскій край онъ велъ подробный дневникъ путешествія, напечатанный въ «Запискахъ Географическаго Общества». Этотъ дневникъ полонъ различныхъ цѣнныхъ географическихъ свѣдѣній о сѣверномъ краѣ. Въ 1843 г. Латкинъ представилъ въ Академію свои сообщенія о сѣверо-западной части Архангельской губерніи. Въ нихъ вошли замѣтки относительно мѣстной рѣчной системы и изслѣдованіе Сѣвернаго Урала, съ особенно подробнымъ описаніемъ его лѣсовъ; въ академическихъ изданіяхъ 1844 и 1853 гг. Латкинъ помѣстилъ статью о Печорскомъ краѣ; имъ же изданы «Карты устья Печоры»; по различнымъ вопросамъ, касающимся развитія промышленности, Латкинъ печаталъ статьи въ «Народномъ Богатствѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ газетахъ. Изъ отдѣльныхъ работъ его, не касающихся прямо Печорскаго края, интересны: «О золотопромышленности въ Сибири», Спб. 1864 г., «О торговомъ балансѣ», Спб. 1861 г. и «О нашихъ промышленныхъ дѣлахъ», Спб. 1866 г.

«Отчетъ Географическаго Общества» за 1867 г., стр. 7—8.—«Народное Богатство», 1864 г., №№ 121 и 122.—«Голосъ», 1867 г., №354.—«Народный Голосъ», 1867 г., № 147.—«Морской Сборникъ», 1858 г., № 1, 1877 г., № 11.—Геннади, «Словарь».—«Bulletin historico-philologique de l'Acad. de S.-Pétersb.», № 17, стр. 259—268.—«Beiträge zur Kenntniss des Russisch. Reiches», т. 9, стр. 330—331.—«Иллюстр. Газета», 1867 г., № 45.—«Народная Газета, 1867 г., № 44.—«Голосъ», 1867 г., № 254.

Латышевъ, *Алексѣй Васильевичъ*, помощникъ попечителя С.-Петербургскаго округа, сынъ чиновника. Род. въ январѣ 1819 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 3 мая 1868 г. Рано потерялъ отца и отданъ былъ на полный пансіонъ въ малолѣтнее отдѣленіе бывшаго Главнаго Педагогическаго Института, откуда перешелъ въ студенты курса высшихъ наукъ по факультету философскихъ и юридическихъ наукъ, и здѣсь окончилъ курсъ по первому разряду въ 1841 году. По окончаніи курса тотчасъ же женился и принялъ мѣсто учителя законовѣдѣнія въ Томской гимназіи. Здѣсь Латышевъ нѣсколько лѣтъ былъ также «воспитателемъ и надзирателемъ при казенныхъ воспитанникахъ», какъ тогда выражались. Жизнь въ Томскѣ была въ то время достаточно обезпечена, такъ какъ учителя гимназіи давали много частныхъ уроковъ въ домахъ золотопромышленниковъ, которые тогда только начинали свою дѣятельность и, быстро разбогатѣвъ, жили на широкую ногу, дѣтей обучали непремѣнно дома и хорошо платили за уроки. Съ другой стороны жизнь была дешева, пользованіе землями и лѣсными угодьями въ окрестностяхъ города было свободное; иногда, по разсказамъ Латышева, рубили кедры для сбора орѣховъ и срубленное дерево бросали. Живя въ Томскѣ, Латышевъ занимался и литературнымъ трудомъ. Имъ были напечатаны «Историческія замѣчанія о городѣ Томскѣ» и нѣкоторыя другія.

Получивъ образованіе въ Петербургѣ и имѣя тамъ всѣхъ родныхъ, Латышевъ стремился возвратиться въ Европейскую Россію, а если возможно, то и въ самый Петербургъ; но необходимо было прослужить въ Сибири 10 л., такъ какъ это давало право на пенсію за 15 л. Въ 1851 г., дослуживъ этотъ срокъ, Латышевъ поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, каковое и получилъ спустя полгода въ Архангельскѣ. И здѣсь, кромѣ преподавательской дѣятельности, онъ занимался литературнымъ трудомъ: въ 1855 г. имъ было составлено сочиненіе «Историческій обзоръ изученія законовъ въ Россіи».

Помощникъ попечителя Петербургскаго округа, князь Щербатовъ, ревизуя Архангельскую гимназію, обратилъ вниманіе на Латышева, и онъ былъ назначенъ въ 1855 г. инспекторомъ гимназіи въ Петрозаводскъ, въ 1856 г. перемѣщенъ на такую же должность въ Новгородъ, въ 1858 г. назначенъ на должность директора училищъ Вологодской губ.,—тогда директоръ гимназіи вмѣстѣ былъ и директоромъ всѣхъ училищъ губерніи. При Латышевѣ гимназія оживилась и сблизилась съ обществомъ. Стали устраиваться разумныя развлеченія для учащихся, устраивались опыты по физикѣ, на которые приглашались и родители. Заботами Латышева было открыто въ Вологдѣ женское училище 1-го разряда, а въ г. Тотьмѣ двухклассное училище для дѣвицъ. Съ разрѣшенія министерства была устроена «Частная касса Вологодской дирекціи училищъ». Въ 1861 г. попечитель И. Д. Деляновъ перевелъ Латышева на службу въ Петербургъ директоромъ Ларинской гимназіи. Въ 1864 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Въ 1865 г., по Высочайшему повелѣнію, Латышевъ былъ посланъ для обозрѣнія учебныхъ заведеній западной и восточной Сибири и въ командировкѣ провелъ почти весь учебный годъ, сдѣлавъ болѣе 13000 верстъ и доѣхавъ до Читы. Эта поѣздка совершенно разстроила здоровье Латышева — условія путешествій тогда были ужасны: напримѣръ, переѣзжая Каму, онъ былъ унесенъ льдомъ по теченію верстъ на 5. По возвращеніи въ Петербургъ Латышевъ захворалъ чахоткою и, которая и свела его въ могилу.

Формулярный списокъ о службѣ А. В. Латышева.—«Иллюстр. Газ.», 1868 г., № 19.—«С.-Петерб. Вѣд.», 1868 г., № 125.—«Голосъ». 1868 г., № 128.—«Рус. Арх.». 1870 г., № 11. стр. 2013—2043.

Лаубъ, *Фердинандъ*, знаменитый скрипачъ, род. 19 января 1832 г. въ Прагѣ. ум. 17 марта 1875 г. Ученикъ пражской консерваторіи; съ 1853 г. концертмейстеръ въ Веймарѣ, затѣмъ—въ Берлинѣ капельмейстеръ придворнаго оркестра и придворный виртуозъ. Съ 1864 по 1866 г. Лаубъ совершилъ съ блестящимъ успѣхомъ концертное турнэ по Европѣ и получилъ приглашеніе занять мѣсто профессора консерваторіи въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ концертмейстеромъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ. Службу въ Москвѣ оставилъ за годъ до смерти. Превосходный виртуозъ, Лаубъ написалъ лишь нѣсколько пьесъ для скрипки съ фортепіано.

Риманъ, «Музыкальный словарь».

Лауницъ, фонъ-деръ, *Василій Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба инспектора резервной кавалеріи, род. въ 1802 г., ум. въ 1864 г. Поступивъ на службу юнкеромъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ въ 1819 г., онъ въ томъ же году былъ произведенъ въ корнеты; въ 1829 г. назначенъ адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба 2-й арміи, графу Толю, и въ этой должности участвовалъ въ турецкой кампаніи 1829 г.; находился при осадѣ Силистріи, въ сраженіи при Кулевчахъ, въ дѣлѣ при Сливнѣ и при взятіи Адріанополя, за что былъ переведенъ въ гвардію и пожалованъ орденомъ Владиміра 4-й степени; въ кампанію противъ польскихъ мятежниковъ 1831 г. Лауницъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Калушинѣ, Минскѣ, Корчинѣ, Варѣ и подъ Гроховымъ; за Остроленку пожалованъ золотой саблей; находился онъ также при взятіи Варшавы и преслѣдованіи мятежниковъ до прусской границы; въ 1834 г. Лауницъ произведенъ былъ въ полковники, въ 1835 г. назначенъ командиромъ Одесскаго уланскаго полка; въ 1843 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а съ 1848 г. занималъ должность начальника штаба инспектора резервной кавалеріи.

«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ».

Лауницъ - фонъ - деръ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ дворянъ Курляндской губерніи, родился 29-го октября 1811 г. и по окончаніи домашняго образованія поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, который въ числѣ другихъ войскъ былъ посланъ осенью 1828 г. въ Турцію. Лауницъ участвовалъ въ отраженіи сильныхъ непріятельскихъ вылазокъ при обложеніи Силистріи и при разбитіи великаго визиря при с. Кулевчахъ, за что былъ произведенъ въ корнеты. Затѣмъ Лауницъ находился въ сраженіи при городѣ Мисемвріи и при покореніи города Сливны, а 8-го августа участвовалъ въ занятіи Адріанополя. Въ 1830 г. по случаю волненій, возникшихъ въ Польшѣ, онъ въ составѣ 2-ой гусарской дивизіи былъ посланъ для усмиренія мятежниковъ. Во время войны 1831 г. онъ исполнялъ должность безсмѣннаго ординарца, сначала при бывшемъ командирѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-отъ-кавалеріи Паленѣ 2-мъ, а потомъ при генералъ-отъ-кавалеріи графѣ Крейцѣ. Разбивъ поляковъ и переправившись черезъ Нѣманъ у Ковны, Лауницъ присоединился къ главнымъ силамъ арміи и участвовалъ при блокадѣ Варшавы, въ генеральномъ сраженіи 25-го августа и взятіи приступомъ Варшавскихъ передовыхъ укрѣпленій, при чемъ за храбрость, оказанную при штурмѣ крѣпости, былъ произведенъ въ поручики. Въ сентябрѣ 1832 г. онъ находился съ войсками того же корпуса при блокадѣ крѣпости Модлинъ и при преслѣдованіи остатковъ польской арміи къ прусской границѣ. Вскорѣ по окончаніи войны Лауницъ прикомандированъ былъ къ л.-гв. Гродненскому гусарскому полку, а въ 1834 г. былъ переведенъ въ этотъ полкъ. Въ 1839 г. онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ 1844 г. былъ произведенъ въ ротмистры, въ 1848 г. назначенъ эскадроннымъ командиромъ и въ томъ же году произведенъ въ полковники, а въ 1856 г.—въ генералъ-маіоры. Въ 1862 г. Лауницъ былъ зачисленъ въ запасныя войска, съ оставленіемъ по армейской кавалеріи, въ 1881 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уволенъ отъ службы.

Общій Архивъ Главнаго Штаба.—Формулярный списокъ генералъ маіора Ѳедора Ѳедоровича фонъ-деръ-Лауницъ.

И. Артамонова.

Лаупманъ, *Генрихъ Давидовичъ*, надв. сов., медико-хирургъ, прозекторъ зоотоміи Виленскаго университета и Виленской медико-хирургической академіи. Лаупманъ воспитывался въ Виленскомъ университетѣ, въ 1815 г. былъ назначенъ прозекторомъ зоотоміи подъ руководствомъ профессора Боянуса; въ 1834—1836 г.г. онъ преподавалъ диссекцію домашнихъ животныхъ; въ 1836 г. вышелъ въ отставку и занимался частной медицинской практикой. Лаупманъ много приготовлялъ препаратовъ для зоологическаго кабинета. Его сочиненія: 1) «O kuciu koni i obchodzeniu się z korytami tak zdrowemi jako i choremi». Wilno. 1827—28. 2) «O wypychaniu i zachowaniu zwierząt klass wszystkich, oraz urządzeniu i u trzymywaniu ich po gabinetach historyi naturalnej». Wilno, 1829 г. Скончался онъ въ 1855 г.

«Encyklopedyja Powszechna», т. 16, стр. 752.

Лауренти, *Генрихъ-Карлъ*, родился въ Альтенбургѣ, въ Калѣ, 18 апрѣля 1780 г., образованіе получилъ въ Іенѣ и Геттингенѣ. Въ 1810 г. въ качествѣ домашняго учителя прибылъ въ Литву и въ 1812 г. сдѣлался учителемъ уѣзднаго училища въ Баускѣ, а въ 1816 г. на ту же должность переведенъ былъ въ Якобштадтъ. Въ 1819 г. Лауренти покинулъ службу, но въ слѣдующемъ 1820 г. назначенъ былъ опять преподавателемъ въ Рижскую гимназію и съ 1824 г. преподавалъ тамъ исторію. Въ 1838 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и вышелъ въ отставку. Умеръ въ Ригѣ 12 мая 1840 г.

Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «Morgenfeier des zwölften Tags im Christmond» (Riga 1821 г.); «Tabula votiva, quam, Imperialis Universitatis litterariae Dorpatensis Solennia, quinque lustris, ex quo constituta est, fauste nunc exactis, die XII, mens. Decembr Anni MDCCCXXVII celebranda, illi congratulantes, in aede Universitatis publica, pietatis monumentum posuerunt Imperialis gymnasii Rigani h. t. Director, Praeceptores, Alumni. Interprete H. C. Laurenty, historiarum in gymnas. Rigan. Praeceptore super. ord». Mitaviae, MDCCCXXVII; «Erinnerung, Urkunde und Dank. Blätter zum Kranz der fünfzigjährigen Jubelfeier Justus Christians von Loder, Med. Doctoris». (Riga, 1828); «Thränenopfer in den ersten Tagen des Christmondes» (Riga, 1825).

Кромѣ того, Лауренти извѣстенъ, какъ

поэтъ, писавшій стихотворенія на различные торжественные случаи; имъ же были изданы и два сборника стихотвореній подъ заглавіемъ «Denkblätter» (2 тетради; Riga, 1829 и 1839).

Recke und Napiersky, «Allgemeines schriftsteller-und gelehrten—Lexikon», т. 3. Митава, 1831 г., стр. 28, 29. «Nachträge und Fortsetzungen», Митава. 1861 г., стр. 5.—«Neuer Necrolog der Deutschen», XVIII. Jahrgang. 1840, Веймаръ, 1842, ч. II, стр. 12, 82.

А. Г—ъ.

Лафермьеръ, *Францъ-Германъ*, библіотекарь и преподаватель в. кн. Павла Петровича, родился въ февралѣ 1737 г. въ Страсбургѣ и воспитывался въ тамошнемъ университетѣ. Черезъ гр. Воронцовыхъ Лафермьеръ приглашенъ былъ въ С.-Петербургъ для преподаванія французской литературы наслѣднику престола. Прекрасно образованный, живой и любезный въ обращеніи, онъ здѣсь скоро расположилъ всѣхъ въ свою пользу и впослѣдствіи сталъ душою общества, собиравшагося при великокняжескомъ дворѣ. Удаляясь придворныхъ интригъ, онъ объединялъ всѣхъ на литературныхъ занятіяхъ и театральныхъ представленіяхъ, при чемъ самъ написалъ нѣсколько пьесъ и много басенъ. Ближайшимъ его другомъ и сотрудникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ его страсбургскій землякъ, секретарь и казначей в. кн., А. Л. Николаи.

Великая кн. Марія Ѳеодоровна нашла въ Лафермьерѣ преданнаго друга и почитателя, искренне сочувствовавшаго ей, когда, вслѣдствіе начинавшагося фавора фрейлины Нелидовой, въ великокняжеской семьѣ возникъ разладъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого же Лафермьеръ въ 1793 г. по волѣ Павла Петровича, долженъ былъ покинуть дворъ. Онъ удалился въ имѣніе гр. А. Р. Воронцова, село Андреевское, Владимірской губерніи, и скончался здѣсь 12 мая 1796 г. На могилѣ его владѣльцемъ имѣнія поставленъ былъ мраморный памятникъ, въ видѣ саркофага, съ латинскою надписью.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича. Спб., 1907 г., т. IV, № 166.—«Рус. Арх.», 1869 г., стр. 1727, 2090.—*Долгорукій кн. И. М.* «Капище моего сердца» (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.» 1873 г., сентябрь).

А. Г.

Лафонъ-де, *Софья Ивановна*, вдова д. с. с., начальница Импер. Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, статсъ-дама, родилась въ 1717 г. въ семьѣ родителей-гугенотовъ, отъ которыхъ и получила домашнее образованіе. Переселившись изъ Франціи, вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, въ Россію, она поселилась въ Петербургѣ, гдѣ послѣ неудачнаго замужества вскорѣ овдовѣла и осталась почти безъ всякихъ средствъ съ двумя малолѣтними дочерьми. Ея выдающіяся педагогическія способности и несомнѣнное благородство души вѣрно оцѣнены были И. И. Бецкимъ, благодаря стараніямъ котораго Лафонъ была опредѣлена сперва правительницей вновь учрежденнаго при Смольномъ монастырѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а потомъ и его начальницей. Въ теченіе 30-ти лѣтъ она состояла въ этой должности и за это время снискала себѣ общее расположеніе и благосклонность двухъ императрицъ: Екатерины Великой и Маріи Ѳеодоровны.

Въ дѣлѣ воспитанія Лафонъ на первомъ планѣ ставила достиженіе религіозно-нравственныхъ цѣлей и достигала въ этомъ отношеніи великолѣпныхъ результатовъ, относясь въ то же время къ воспитанницамъ съ чисто материнской нѣжностью и заботливостью. Съ своей стороны воспитанницы питали къ ней неизмѣнную признательность и безграничное уваженіе. Кн. П. М. Долгорукій, въ своей книгѣ «Капище моего сердца», такъ говоритъ о Лафонъ: «хотя я никогда съ ней не былъ въ сношеніяхъ, но, будучи два раза женатъ на монастырскахъ, привыкъ слышать произнесеніе ея имени съ такимъ благоговѣніемъ, что если бы и хотѣлъ о ней забыть, то все-таки вспоминаю».

Императрица Марія Ѳеодоровна не иначе называла Лафонъ, какъ «notre bonne vieille maman». 22 ноября 1796 г. заслуженная наставница была пожалована въ статсъ-дамы, а въ день коронаціи императора Павла получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась она въ Петербургѣ 11 августа 1797 г. Памятникомъ ея имени въ столицѣ осталась Лафоновская улица близъ Смольнаго монастыря.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, Спб., 1907 г., т. IV, № 209.—«Рус. Арх.», 1871 г. № 1.

А. Г.

Лахманъ, *Іосифъ Яковлевичъ*, докторъ медицины при лазаретѣ военно-сиротскаго дома, членъ Импер. Академіи Наукъ, умеръ въ 1851 г. Ему принадлежитъ

сочиненіе «Полезныя наставленія для образа жизни». Спб. 1808 г.

Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст.», стр. 218.

Лахтинъ, *Николай*, граверъ рѣзцомъ. Въ 1836 г. былъ зачисленъ въ классъ Уткина, а въ 1838 г. удостоился званія академиста 1-й степени и получилъ за рисунокъ съ натуры 2-ю серебряную медаль. Ему приписываютъ слѣдующія работы: 1) Четыре Апостола изъ Тайной Вечери Бруни; 2) Геркулесъ, 3) Св. Севастьянъ съ Караччи, 4) Св. Семейство, 5) Уголино съ эстампа Реймбаха, 6) Видъ Новгородскаго Антоніева монастыря и 7) Амуръ съ доспѣхами Геркулеса.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., стр. 399.

Лачинова, *Екатерина Петровна*, рожд. Шелашникова, писательница, жена генерала Николая Емельяновича, писала подъ псевдонимомъ «Хамаръ-Дабановъ». Въ 1842 г. отрывокъ ея романа «Закубанскій Харамзаде» помѣщенъ былъ въ 54 т. «Библіотеки для Чтенія», при чемъ Бѣлинскій въ своемъ критическомъ очеркѣ отозвался о немъ, какъ о «нелишенномъ нѣкотораго интереса». Въ 1844 г. напечатано было въ Петербургѣ отдѣльной книгой второе сочиненіе Лачиновой «Продѣлки на Кавказѣ», вскорѣ ставшее библіографической рѣдкостью, такъ какъ, вѣроятно, за изображеніе лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, романъ былъ изъятъ цензурою по настоянію военнаго министра Чернышева. Надо полагать, что переводъ этой книги значится въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи Им. Публ. Б-ки: «Hamar-Dabanow. Moscowiter und Tcherkessen» Leipzig, 1846.

Кн. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 147.—*Бѣлинскій*, Соб. соч. «Критика», т. VII, стр. 48.—*Геннади*, «Русскія книжныя рѣдкости», Спб., 1872 г., стр. 114.—«Сборникъ собраній кавалергардовъ 1801 — 1826 г.г.», стр. 322. *А. Г.*

Лачинова, *Прасковья Александровна*, писательница, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ *П. Лѣтневъ*, родилась въ 1829 году въ дворянской семьѣ въ Тамбовской губ. и получила домашнее образованіе. Страсть къ писательству у Лачиновой проявилась съ ранняго дѣтства. Разсказывали, будто она, совсѣмъ ребенкомъ, выучилась читать и писать самоучкой. За ея страсть къ чтенію ее даже бранили, и она потихоньку таскала книги. Разъ ей удалось отрыть гдѣ-то «Персидскія сказки», и хотя это было вовсе не чтеніе для дѣтей, она упивалась имъ, какъ нектаромъ. Подъ ихъ вліяніемъ и едва выучившись писать, она сочинила коротенькую повѣсть, гдѣ фигурировали евнухи, персидскій царь и красавица Елеонора. Лачинова имѣла необыкновенную способность къ языкамъ. Она могла совершенно свободно переводить съ французскаго языка и, по просьбѣ своего дѣдушки, переводила ему всѣ извѣстныя, вновь появлявшіяся въ свѣтъ, французскія книги. Впослѣдствіи Лачинова выучилась сама англійскому, итальянскому и нѣмецкому языкамъ. Писаніе составляло для нея главное въ жизни; она писала исключительно для своего наслажденія. Умъ ея имѣлъ свойство равно понимать какъ самые грубые и пошлые характеры, такъ и болѣе тонкіе и сложные. Никогда ей въ голову не приходило, что романы ея могутъ быть напечатаны, и когда первый романъ, по иниціативѣ ея брата, напечатали въ «Сынѣ Отечествѣ», она была поражена радостнымъ изумленіемъ. Сочиненія ея были вполнѣ оригинальны и самобытны. Легкое, изящное изложеніе и неослабѣвающій интересъ были ихъ отличительными свойствами. Въ концѣ 60-хъ годовъ первые ея переводы «Эдгара По») появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», затѣмъ она перешла въ «Дѣло», и Г. Е. Благосвѣтловъ очень цѣнилъ ея романы. Обладая наблюдательностью съ легкимъ оттѣнкомъ юмора въ талантѣ, живо интересуясь всѣми разнообразными проявленіями современной жизни, она налету схватывала едва намѣчавшіяся черты новаго направленія. Почти всѣ ея романы затрогивали самые современные, животрепещущіе вопросы, но затрогивали ихъ не съ той стороны и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ было желательно и почти обязательно писать въ то либеральное время. Она никогда не воспѣвала доблестей молодежи, не носилась съ «меньшимъ братомъ» и не задавалась тенденціями; ея критическое чутье подсказывало ей, что писать тенденціозные романы - все равно, что давать мертворожденныхъ дѣтей. Но если критика относилась къ ней недружелюбно, не зная,

къ какому лагерю ее причислить, и потому романы ея не считала ни содержательными, ни имѣющими какое-либо другое значеніе, кромѣ романическаго: другое отношеніе къ ней замѣчалось со стороны публики, которая нарасхватъ требовала ея сочиненія въ библіотекахъ. Большую часть жизни Лачинова провела у себя въ имѣніи, гдѣ, рано лишившись родителей, она молодой дѣвушкой 21-го года была поставлена во главѣ многочисленной семьи. Послѣднія же десять-пятнадцать лѣтъ своей жизни она провела въ Петербургѣ, всецѣло отдавшись литературѣ, гдѣ и скончалась 9 сентября 1892 года.

Перу Лачиновой принадлежатъ слѣдующія произведенія: «Въ своихъ сѣтяхъ», повѣсть («Дѣло», 1871 г., кн. 12).—Отдѣльно: Кіевъ, 1895 г.; «Ошибка», повѣсть (тамъ же, 1872 г., кн. 10, 12); «Внѣ общественныхъ интересовъ», романъ («Дѣло», 1873 г., кн. 12; 1874 г., кн. 1, 2, 10, 11).—Отдѣльно: Спб. 1874 г.; «Чужое преступленіе», романъ («Дѣло», 1875 г., кн. 1—3).—Отдѣльно: Спб. 1875 г.; «Бѣшеная лощина», романъ («Дѣло», 1876 г., кн. 9—12).—Отдѣльно: Кіевъ, 1895 г.; «Увлеченія и ошибки», романъ («Дѣло», 1877 г., кн. 5—9); «Бархатные когти», романъ (тамъ же, кн. 11, 12).—Отдѣльно: Кіевъ, 1893 г. (съ біографіею автора); «На волоскѣ», романъ («Дѣло», 1879 г., кн. 8—10).—Отдѣльно: Кіевъ, 1893 г.; «Темная вода», романъ, Спб., 1882 г.; «Современный недугъ», романъ («Наблюдатель», 1882 г., кн. 1—6).—Отдѣльно: Кіевъ, 1895 г.; «Въ наше смутное время», романъ (тамъ же, 1883 г., кн. 1—3).—Отдѣльно: Кіевъ, 1895 г.; «Порченые», разсказъ («Недѣля», 1885 г., № 10); «Безъ воли», романъ («Наблюдатель», 1886 г., кн. 1—3).—Отдѣльно: Кіевъ, 1894 г.; «На смѣну прошлаго», повѣсть (1887 г., кн. 8, 9).—Отдѣльно: Кіевъ, 1894 г.; «Гипнотизеръ», повѣсть («Недѣля», 1889 г., № 3); «По наитію», разсказъ («Наблюдатель», 1889 г., кн. 4); «Пустое зерно», повѣсть (1890 г., кн. 1); «Не подъ силу», повѣсть (1891 г., кн. 2); «Невидимый бичъ», романъ («Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г., кн. 6); «Вмѣсто хлѣба—камень», романъ («Наблюдатель», 1892 г., кн. 4, 5) и «Волчья яма», романъ («Наблюдатель», 1893 г., кн. 4, 5), напечатанный послѣ ея смерти.

Кромѣ оригинальныхъ романовъ и повѣстей, Лачиновой принадлежатъ слѣдующіе переводы: «Колодецъ и маятникъ» и «Красная смерть», разсказы Эдгара По («Отечественныя Записки», 1870 г., кн. 1); «Влюбленныя дѣти», эпизодъ изъ романа Э. Золя («Наблюдатель», 1883 г., кн. 4); «Грязь и золото», романъ Катулла Мендеса («Наблюдатель», 1885 г., кн. 7—8); «Разсказы» Катулла Мендеса (тамъ же, 1885 г., кн. 11, 12); «Мать и дочь», романъ Жоржа Онэ (1886 г., кн. 5); «Разсказы» Гюи-де-Мопассана (1889 г., кн. 6); «За идею», переводъ съ итальянскаго (1891 г., кн. 5); «Въ старые годы», съ итальянскаго (кн. 11) и «Разсказы» Матильды Серао: «Отверженный» (1892 г., кн. 1), «Чары золота» (1893 г., кн. 2), «Возрожденіе», «Лѣтняя ночь» и «Сквозь призму» (1893 г., кн. 6).

«Воспоминанія сестры» («Наблюдатель», 1892 г., кн. 12, стр. 241—256).—Біографическій очеркъ при изданіи ея романа «Бархатные когти» (Кіевъ, 1893 г.).—«Историческій Вѣстникъ», 1892 г., кн. 11, стр. 557—558.—«Новое Время», 1892 г., № 5942.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 113—115.

Лачиновъ, *Николай Емельяновичъ*, флигель-адъютантъ, и. д. генералъ-интенданта Кавказскаго корпуса, родился 16 августа 1795 г. и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, татаринъ князь Лачинъ-бекъ, при Іоаннѣ Грозномъ перешелъ на русскую службу съ фамиліей Лачиновъ. Образованіе Лачиновъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по физико-математическому факультету съ серебряной медалью. По своему времени онъ былъ весьма образованнымъ человѣкомъ и зналъ прекрасно французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки. Въ 1814 г. Лачиновъ поступилъ въ Александрійскій гусарскій полкъ юнкеромъ и состоялъ при генер.-отъ кав. Кологривовѣ. Въ октябрѣ того же года онъ былъ произведенъ въ корнеты, а въ 1816 г. переведенъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Въ 1818 г. Лачиновъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ въ слѣдующемъ году назначенъ полковымъ казначеемъ, а въ 1822 г.—адъютантомъ къ Ф. П. Уварову. Въ 1824 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и тогда же назначенъ исправляющимъ должность старшаго адъютанта при штабѣ гвардейскаго

округа, а въ слѣдующемъ году—старшимъ адъютантомъ главнаго штаба Его Величества. Въ движеніи декабристовъ Лачиновъ не принималъ участія, хотя товарищи по университету старались впутать его въ это движеніе. Въ 1825 г. онъ находился при особѣ государя Николая Павловича, и ему была объявлена Высочайшая признательность за оказанное имъ въ это время усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ приказаній. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ «Высочайше учрежденнаго комитета для улучшенія вещей, отпускаемыхъ въ пѣхотныя войска», и комитета «для опредѣленія съ точностью вещей, отпускаемыхъ на обмундированіе и снаряженіе кавалеріи». Во время Турецкой кампаніи 1828 г. Лачиновъ находился при переправѣ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, а затѣмъ съ 31 мая по 29 сентября въ главной квартирѣ государя при блокированіи Шумлы и осадѣ Варны, когда за отличія былъ произведенъ въ полковники. 21 ноября Дибичъ поручилъ Лачинову сдѣлать личный осмотръ госпиталей и положенія войскъ, находившихся въ Молдавіи и Валахіи. По исполненіи этого порученія ему была выражена благодарность и повелѣно состоять для особыхъ порученій при Дибичѣ, какъ главнокомандующемъ; 28 февраля Лачиновъ былъ отправленъ съ разными порученіями въ Болгарію, а 13 іюля курьеромъ къ государю съ донесеніями о переходѣ черезъ Балканы, за что былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. 17 октября онъ былъ командированъ въ Симбирскую, Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи для наблюденія за дѣйствіями по пріему рекрутъ и выбора изъ нихъ способныхъ въ полки лейбъ-гвардіи, а въ 1830 г.—въ Оренбургскую губ. въ распоряженіе гр. Сухтелена для борьбы съ холерою и въ 1831 г. въ Нарву для наблюденія за мѣрами по устройству обсерваціонной линіи. Вслѣдъ затѣмъ Лачиновъ получаетъ рядъ порученій отъ государя по приведенію въ порядокъ и устройство госпиталей, по обученію боевымъ порядкамъ линейныхъ унт.-офицеровъ двухъ кавалерійскихъ дивизій, по осмотру гражданскихъ и военныхъ тюремъ Царства Польскаго и проч. Въ 1836 г. Лачиновъ назначенъ былъ состоять при Кавказскомъ корпусѣ, а черезъ два года—командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа. Въ 1839 г. онъ былъ назначенъ исправлять должность генералъ-интенданта Кавказскаго корпуса, но въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку и поселился въ Воронежской губерніи, въ Землянскомъ уѣздѣ, гдѣ и похороненъ 3 января въ 1876 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ» 1801—1826 гг., III, стр. 319.—«Московскія Вѣдомости». 1876 г., № 18.

Лачиновъ, *Павелъ Александровичъ*, профессоръ химіи С.-Петербургскаго Лѣсного института, родился 19 декабря въ 1837 г. въ старинной дворянской фамиліи въ г. Шацкѣ, Тамбовской губерніи. Лачиновъ воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ лейбъ-гв. Гренадерскомъ полку, съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи курса въ академіи (въ 1858 г.) онъ состоялъ въ Павловскомъ корпусѣ репетиторомъ по химіи, а затѣмъ преподавателемъ физики и химіи въ Новгородскомъ Аракчеевскомъ корпусѣ. Въ 1863 г. Лачиновъ былъ откомандированъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ для слушанія спеціальнаго курса металлургіи въ виду приготовленія къ особой должности артиллерійскаго помощника. Въ 1865 г. онъ оставилъ военную службу и поступилъ помощникомъ къ Энгельгардту, тогда проф. химіи въ С.-Петербургскомъ земледѣльческомъ институтѣ, и болѣе 26-ти лѣтъ читалъ химію студентамъ этого института, впослѣдствіи преобразованнаго въ Лѣсной институтъ. До конца своихъ дней, несмотря на тяжкій недугъ, онъ постоянно трудился въ лабораторіи и на каѳедрѣ, увлекаемый любовью къ наукѣ. Упорство въ достиженіи намѣченной научной цѣли, точность изслѣдованій и сила и свѣжесть комбинаціи были отличительными его качествами, какъ ученаго. Какъ лекторъ, онъ не только умѣлъ съ необыкновенною ясностью и простотой передавать своимъ слушателямъ точныя научныя данныя, но и обладалъ даромъ заинтересовывать ихъ обширными горизонтами науки и пріохотить къ самостоятельной работѣ. Будучи не только выдающимся химикомъ, но обладая вообще обширной эрудиціей, съ складомъ ума глубоко философскимъ, Лачиновъ не искалъ популярности;

онъ составилъ себѣ имя единственно благодаря превосходнымъ качествамъ своего ума и сердца и научнымъ трудамъ, доставившимъ ему извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Въ 1888 г., совмѣстно съ проф. М. Ерофеевымъ, Лачиновъ опубликовалъ анализъ новоурейскаго метеорита, при чемъ было доказано присутствіе въ метеоритѣ алмаза (исходная точка отправленія для Муассана и Фриделя при полученіи алмаза искусственно). За эту работу Лачинову и Ерофееву Академія Наукъ присудила Ломоносовскую премію. Послѣдніе годы своей жизни Лачиновъ много занимался работами надъ электричествомъ, и ему первому принадлежитъ у насъ въ Россіи мысль увѣковѣчить и, такъ сказать, закрѣпить электрическую искру путемъ фотографированія ея. Съ помощью этихъ фотограммъ онъ доказалъ разнородность положительнаго и отрицательнаго электричества. Во время опытовъ онъ производилъ разряды румкорфовой катушки на свѣточувствительной пластинкѣ черезъ разные проводники и получалъ постоянные рисунки въ видѣ корней растенія для положительнаго. Рядъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ Соляномъ городкѣ и сопровождавшихся демонстраціями, заинтересовалъ не только публику, но и ученыхъ и вызвалъ дальнѣйшее продолженіе опытовъ фотографированія искръ для изученія свойствъ электричества. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ разновременно много научныхъ докладовъ въ засѣданіяхъ Русскаго Техническаго Общества. Скончался онъ 21 іюня 1891 года на дачѣ, близъ г. Боровичей. Кромѣ указанныхъ работъ, Лачинову принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: Zur «Bodenanalyse und insbesondere zur Analyse der russischen Schwarzerden». 1868 г.; «Ueber die Benzoylparaphenolschwefelsäure» (1868 г., совмѣстно съ А. Энгельгардтомъ); Ueber die Einwirkung des Chlorbenzoyls auf isäthionsaure und schwefelsaure Salze. Benzoylisäthionsäure» (1868 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «Ueber die Phenoldisulfosäure und Isäthionsulfosäure (1868 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); Ueber die Benzoylsulfosäure» (1868 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «Ueber die Thiobenzolsäure» (1868 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ и Мальшевскимъ); «Ueber die Dithiobenzolsäure» (1868 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «О нѣкоторыхъ производныхъ тимола («Ж. Р. Х. О., 1869 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «Объ изомерныхъ крезолахъ» (ib., 1869 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «Объ образованіи крезотиновой кислоты изъ ксилола (ib., 1869 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «О дѣйствіи хлорангидрина сѣрной кислоты $HClSO_3$ на фенолъ и сѣрно-феновый калій (ib., 1869 г, совмѣстно съ Энгельгардомъ); «О нитросоединеніяхъ» (ib., 1870 г., совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «Химическія замѣтки» (совмѣстно съ Энгельгардтомъ); «О нѣкоторыхъ производныхъ дифенила» (ib., 1873 г.); «Ueber die Einwirkung des Amonniaks auf Aceton» (1874 г., совм. съ Н. Соколовымъ); «Ueber die Zersetzbarkeit des freien Diacetonamins» (1874 г., совм. съ Н. Соколовымъ); «О продуктахъ окисленія холестерина» (Ж. Р. Х. О), 1877 г.); «Мои воспоминанія о Н. Н. Соколовѣ» (ib., 1878 г.); «О нѣкоторыхъ среднихъ продуктахъ окисленія холестерина» (ib., 1878 г.); «О замѣчательномъ продуктѣ, полученномъ при окисленіи холевой кислоты» (ib., 1879 г.); «О холекамфарной кислотѣ и объ отношеніи ея къ холановой к.» (ib. 1880 г.); «О холевой кислотѣ, заключающей примѣсь твердыхъ жирныхъ к.» (ib. 1880 г.); «Объ изохолановой кислотѣ» (ib., 1882 г.); «О новомъ аналогѣ холевой кислоты» (ib., 1885 г.); «О холановой и биліановой кислотахъ» (ib., 1886 г.); «О холоидановой и псевдохолоидановой кислотахъ» (ib. 1886 г.); «О холеиновой кислотѣ» (ib., 1886 г.); «Объ изохолановой и изобиліановой кислотахъ» (ib., 1886 г.); «О кислотахъ желчи» (ib., 1887 г.); «О кристаллической формѣ холеиновой кислоты» (ib., 1887 г.); «Объ эмпирической формулѣ холевой кислоты» (id., 1887 г.); «Объ отношеніи $Cu\,SO_4 + 5H_2O$ къ H_2O, NH_3 и HCl» (id., 1888 г.) и «О тиліацинѣ» (ib., 1890 г.). Ему также принадлежитъ докладъ, читанный въ комиссіи, образованной при городской думѣ по вопросу объ устройствѣ новыхъ городскихъ скотобоенъ, 20 декабря 1875 г.

Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклоп. Словарь», полут. 33, стр. 408.—«Новое Время», 1891 г., №№ 5504, 5507.—«Историческій Вѣстникъ», 1891 г., кн. 9, стр. 784.—«Наблюдатель», 1892 г., кн. 12, стр. 245—254.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. XI, стр. 80—90.—*М. Кучеровъ*, «Памяти П. А. Лачинова». Спб. 1903 г., съ портретомъ).

Лашкаревъ, *Григорій Сергѣевичъ*, ген.-лейт., сенаторъ, родился 20 ноября 1788 г., на службу поступилъ (1797 г.) юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ переводчикомъ, но въ 1808 г. онъ оставилъ коллегію и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по отдѣленію соляныхъ дѣлъ; въ томъ же году онъ былъ командированъ при т. сов. Корнѣевѣ для ревизіи Могилевской и Витебской губерній, за что былъ Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ. Въ 1810 г. Лашкаревъ былъ назначенъ начальникомъ стола и въ томъ же году начальникомъ отдѣленія вновь открытаго департамента горныхъ дѣлъ. Въ 1813 г. Лашкаревъ покинулъ гражданскую службу и опредѣлился на военную, въ Гродненскій полкъ, съ переименованіемъ въ штабъ-ротмистры, съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ войнѣ. Онъ находился въ рядѣ битвъ: 2 октября 1813 г. подъ Лейпцигомъ, гдѣ былъ раненъ (получилъ орденъ св. Анны 2-й ст.), 15 февраля 1814 г. подъ Баръ-Сюромъ, 19—подъ деревнею Лабрюссель, 20—при городѣ Троа (былъ пожалованъ бантомъ къ ордену св. Владиміра 4-й ст.), 13 марта подъ Фершампенуазомъ и 17 и 18—подъ Парижемъ. Въ 1821 г. Лашкаревъ, вслѣдствіе раны, вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника и опредѣлился чиновникомъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ калужскомъ, витебскомъ, смоленскомъ и могилевскомъ, съ переименованіемъ въ надворные совѣтники. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ могилевскимъ вице-губернаторомъ, въ 1832 году переведенъ на ту же должность въ Гродну, произведенъ въ д. с. с. и въ слѣдующемъ году 10 января назначенъ кіевскимъ губернаторомъ, а 4-го октября того же года подольскимъ губернаторомъ. Въ 1834 году Лашкаревъ былъ назначенъ генералъ-интендантомъ 1-й арміи, по упраздненіи же главнаго штаба этой арміи былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ 1835 г. снова назначенъ подольскимъ губернаторомъ. Въ 1839 г. онъ былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и назначенъ военнымъ губернаторомъ города Житоміра и волынскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1844 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-лейт. и 13 іюня того же года назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, а въ 1846 году первоприсутствующимъ 1-го отдѣленія 3-го департамента Сената. Разнообразная дѣятельность Лашкарева была отличена многими Высочайшими благодарностями и орденами, до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Скончался онъ 1 іюля 1849 года.

Формуляръ о службѣ ген.-лейт. Лашкарева, хранящійся въ Импер. Рус. Историч. Обществѣ.

Лашкаревъ, *Сергѣй Лазаревичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1739 г. въ Москвѣ, ум. 6 октября 1814 г. въ Витебскѣ. Происходилъ изъ стариннаго рода грузинскихъ дворянъ. Отецъ его, Лазарь Григорьевичъ Лашкаревъ-Бабиморовъ, выѣхалъ въ Россію съ царевичемъ Вахтангомъ при Петрѣ Великомъ, женился на русской дворянкѣ и поселился въ Москвѣ. Въ 1762 г. молодой Лашкаревъ былъ отправленъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ для изученія восточныхъ и другихъ языковъ и былъ посланъ въ 1767 г. въ Константинополь переводчикомъ къ резиденту Обрѣзкову. Зная уже ранѣе грузинскій языкъ, онъ научился языкамъ татарскому, греческому древнему и новому и армянскому. Когда при началѣ 1-й турецкой войны резидентъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, Лашкаревъ, по волѣ султана, былъ оставленъ при посольствѣ для наблюденія за свитой посла и для защиты купеческихъ дѣлъ русскихъ подданныхъ; онъ фактически управлялъ всѣми сношеніями съ турецкимъ правительствомъ и, несмотря на строгій надзоръ, который былъ установленъ за всѣми принадлежащими къ составу посольства лицами, велъ переписку не только съ бывшимъ въ заключеніи резидентомъ, но и съ графомъ А. Орловымъ, находившимся въ Архипелагѣ съ русскимъ флотомъ, и съ гр. Румянцевымъ. Лашкаревъ успѣлъ благополучно закончить дѣла всѣхъ рускихъ купцовъ и отправить ихъ изъ турецкихъ предѣловъ на разныхъ иностранныхъ судахъ подъ различными вымышленными именами въ Россію черезъ Голландію; тогда же были имъ доставлены важныя секретныя свѣдѣнія въ Петербургъ и въ Вѣну къ кн. Голицыну. Завѣдуя миссіей, Лашкаревъ оказывалъ поддержку начавшимся тогда волненіямъ въ Эпирѣ и Греціи; не разъ ему грозила серьезная опасность отъ турецкой черни, но всегда онъ спасался, благодаря находчивости, знанію турецкаго языка и умѣнію

обращаться съ турками. Когда турецкое правительство признало ненужнымъ дальнѣйшее пребываніе Лашкарева въ столицѣ, онъ съ семействомъ Обрѣзкова выѣхалъ въ 1771 г. въ Россію и въ 1772 г. прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ «трехъ коллегій переводчикомъ». Лашкаревъ былъ въ числѣ лицъ, отправленныхъ на Фокшанскій конгрессъ, а когда миръ не состоялся, онъ былъ посланъ въ Архипелагъ. въ Негропонтъ, съ важными секретными порученіями отъ гр. Румянцева, которыя и выполнилъ, благополучно избѣгнувъ множества опасностей. По заключеніи Кайнарджійскаго мира Лашкаревъ вмѣстѣ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ, полковникомъ Петерсономъ, былъ посланъ въ Константинополь для размѣна плѣнныхъ. Оттуда онъ отправился въ Дарданеллы для препровожденія на 30-ти купеческихъ судахъ жителей разныхъ острововъ Архипелага, переселявшихся въ Таганрогъ. Кн. Репнинъ поручилъ Лашкареву, съ двумя офицерами, снимать планы съ крѣпостей, лежащихъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. По возвращеніи изъ этой командировки Лашкаревъ женился въ Константинополѣ на дочери французскаго генеральнаго консула Дюнанта. Затѣмъ ему было дано порученіе получить разрѣшеніе на проходъ черезъ Дарданеллы пяти купеческихъ судовъ, стоявшихъ у Тенедоса подъ присмотромъ военнаго фрегата «Сѣверный Орелъ». Благодаря хорошимъ отношеніямъ Лашкарева съ правительствомъ Порты и личному знакомству съ Дарданелльскимъ комендантомъ, были проведены не только купеческія суда, но и военный фрегатъ, хотя въ то время это было нарушеніемъ конвенцій; 14 ноября 1776 г. русскій фрегатъ былъ проведенъ на мѣсто стоянки англійскихъ и французскихъ крейсеровъ,— съ этого времени вплоть до середины XIX вѣка русскія военныя суда фактически пользовались правомъ прохода черезъ Дарданеллы; за этотъ важный успѣхъ Лашкаревъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, землю въ Екатеринбургской губерніи и 100 душъ крестьянъ. Въ 1779 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Синопъ, затѣмъ генеральнымъ консуломъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи и принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ съ Турціей, касавшихся торговли и пріема переселенцевъ. Когда переговоры эти закончены были успѣшно, Лашкаревъ, 12 октября 1782 г., удостоился Высочайшей благодарности и получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а 25 октября былъ назначенъ на трудную должность резидента при послѣднемъ крымскомъ ханѣ Шагинъ-Гиреѣ. Получивъ въ Петербургѣ соотвѣтственныя инструкціи, Лашкаревъ отправился 31 января 1783 г. въ Крымъ; задача, поставленная Лашкареву, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы склонить Шагинъ-Гирея отказаться отъ покровительства Турціи, согласиться оставить Крымъ и переѣхать въ Россію,—чѣмъ достигалось окончательное присоединеніе Крыма. Лашкаревъ сумѣлъ скоро пріобрѣсти неограниченное довѣріе и уваженіе хана. Уже 26 апрѣля 1783 г. ему удалось склонить хана просить покровительства имп. Екатерины II-й и разрѣшенія переѣхать въ имперію. За это 28 іюня того же года Лашкаревъ получилъ чинъ канцеляріи совѣтника и 400 душъ въ Бѣлоруссіи; кромѣ того, императрица уплатила изъ собственной шкатулки его долги въ 12.000 р. и подарила ему бриллiантовый перстень. Ханъ, основавшись въ Тамани, не хотѣлъ было отсюда ѣхать далѣе, но Лашкареву удалось убѣдить его переѣхать въ Воронежъ, Орелъ или Калугу. 5 мая 1784 года ханъ послѣдовалъ его настояніямъ и съ 13 мая 1784 г. Лашкаревъ сдѣлался приставомъ при Шагинъ-Гиреѣ и сопровождалъ его во время его жительства въ Россіи по всѣмъ городамъ, куда онъ переѣзжалъ, начиная съ Воронежа. Ханъ сердился на Лашкарева, когда объявлено было присоединеніе Крыма къ Россіи, упрекалъ его въ вѣроломствѣ, но тѣмъ не менѣе Лашкаревъ отлично умѣлъ съ нимъ ладить и пользовался его расположеніемъ болѣе всѣхъ другихъ изъ русскихъ чиновниковъ. 2 марта 1786 г. Лашкаревъ былъ назначенъ повѣреннымъ по дѣламъ съ Персіей, получилъ отправительную грамоту, но кн. Потемкинъ удержалъ его при себѣ для особыхъ порученій. За труды по присоединенію Крыма Лашкаревъ былъ пожалованъ 22 сентября 1786 г. орденомъ Владиміра 4-й ст. и, не въ примѣръ прочимъ, получилъ разрѣшеніе на пріѣздъ ко Двору и входъ «за кавалергардовъ», чѣмъ выказывалось особенное Монаршее расположеніе. Въ концѣ 1786 г. Лашкаревъ отправился въ Константинополь для переговоровъ съ Портою о высказываемомъ царевичами Грузинскими и Имеретинскими желаніи от-

даться подъ покровительство Россіи; возвратившись изъ Константинополя, Лашкаревъ остался при Потемкинѣ, находившемся въ это время въ Крыму, и былъ въ свитѣ императрицы Екатерины въ путешествіи по Таврической области. Онъ былъ при кн. Потемкинѣ и во время второй турецкой войны, оставался при немъ и до самой его кончины. За переговоры о грузинскихъ дѣлахъ Лашкаревъ получилъ 16 декабря 1787 г. 400 душъ въ Полтавской губерніи, а 22 ноября 1788 г. ему пожалована была земля въ Крыму и садъ въ Судакской долинѣ. Тогда же Лашкаревъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и послѣ взятія Очакова сопровождалъ въ Петербургъ плѣннаго очаковскаго пашу; управлялъ затѣмъ княжествомъ Молдавіей, засѣдая въ диванѣ; нѣсколько разъ былъ посылаемъ къ великому визирю для переговоровъ о мирѣ; 20 апрѣля 1791 г. онъ получилъ отъ кардинала Толедскаго изъ Рима письмо, въ которомъ кардиналъ благодарилъ его отъ имени папы за то, что при этихъ переговорахъ онъ заботился о судьбѣ католиковъ въ Молдавіи и ихъ нуждахъ. Лашкаревъ былъ назначенъ третьимъ полномочнымъ для заключенія мира, участвовалъ во всѣхъ 13 конференціяхъ съ 10 ноября по 29 декабря 1791 г. и подписалъ мирный трактатъ, за что получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и 565 душъ въ Минской губерніи. По заключеніи мира онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и управлялъ дѣлами азіатскими, съ правомъ личнаго доклада императрицѣ. Императоръ Павелъ I-й назначилъ Лашкарева членомъ азіатскаго департамента Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пожаловалъ ему землю въ Литовской губерніи; 24 мая 1798 г. онъ получилъ орденъ Анны 2 ст., 23 февраля 1799 г. чинъ тайнаго совѣтника; 7 января 1800 г. былъ награжденъ орденомъ Анны 1 ст. и 31 декабря 1800 г. командорскимъ знакомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1800 г. Лашкаревъ, въ качествѣ помощника гр. Растопчина, принялъ живѣйшее участіе и въ перепискѣ съ Турціей и Грузіей о присоединеніи послѣдней къ Россіи. Завѣдываніе грузинскими дѣлами осталось за Лашкаревымъ и при Александрѣ I. При ближайшемъ его участіи состоялось и окончательное присоединеніе Грузіи къ Россіи. 4 января 1804 г. онъ вышелъ въ отставку, былъ награжденъ брилліантовой табакеркой съ императорскимъ вензелемъ и удалился въ свое имѣніе.

Въ мартѣ 1807 г. Лашкаревъ былъ вызванъ въ Тильзитъ и оттуда отправленъ въ Яссы и Бухарестъ для управленія Молдавіей и Валахіей, въ званіи предсѣдателя обоихъ диванов (28 іюня 1807 г.). Онъ отправился въ турецкій лагерь для переговоровъ съ великимъ визиремъ о мирѣ и былъ принятъ имъ съ уваженіемъ; мирные переговоры были прерваны новымъ главнокомандующимъ Каменскимъ. Послѣ этого Лашкаревъ вернулся въ свое минское помѣстье и прожилъ тамъ до кончины почти безвыѣздно.

Лашкаревъ по справедливости пользовался славой искуснаго дипломата; въ совершенствѣ владѣя турецкимъ языкомъ и вполнѣ понимая душу людей Востока и Азіи, ихъ нравы, Лашкаревъ въ своей спеціальной области восточной дипломатіи занималъ весьма видное мѣсто. Онъ умѣлъ пріобрѣсти особенное довѣріе и уваженіе высшихъ представителей восточныхъ государствъ и благодаря этому достигалъ разрѣшенія дѣлъ легче, чѣмъ другіе дипломаты. Про его находчивость въ сношеніяхъ съ Востокомъ ходило въ свое время много анекдотовъ, частью, конечно, вымышленныхъ, но безъ сомнѣнія отражавшихъ дѣйствительные факты. Лашкаревъ былъ въ дружбѣ съ кн. Потемкинымъ, съ Безбородко былъ на «ты», съ Суворовымъ былъ въ перепискѣ и пользовался его большимъ уваженіемъ.

«Біографія тайн. совѣтника С. Л. Лашкарева», Спб. 1858 г.—«Акты Кавказск. Археологической комиссіи, изд. подъ ред. Берже», т. I и II.—*Дубровинъ*, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. II и III.—«Сборникъ Имп. Истор. Общества», т. XV.—«Русская Старина», т. XV.—«Русскій Архивъ» 1884 г., кн. II, стр. 5.—«Полное Собр. Зак. Росс. Имп.», т. XXI, стр. 421; т. XIII, стр. 288; т. XXIV, стр. 500; т. XXV, стр. 913 и др.—«Рус. порт.», изд. в. к. Н. М. Спб. 1907, т. V, № 113.

Лашкаревъ, *Сергѣй Сергѣевичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, писатель, род. въ 1817 г., ум. 1-го іюня 1869 г. Окончивъ въ 1838 г. курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, Лашкаревъ занялся хозяйствомъ въ имѣніи своего отца; въ 1843 г. онъ напечаталъ въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» нѣсколько любопытныхъ статей по сельскому хозяйству и крестьянскому быту, былъ выбранъ членомъ-кор-

респондентомъ Ученаго Комитета министерства и въ 1844 г. поступилъ на службу въ это министерство, въ департаментъ сельскаго хозяйства; ему принадлежитъ, между прочимъ, проектъ сельскаго страхованія; въ 1849 г. Лашкаревъ былъ посланъ на ревизію въ Самару и затѣмъ назначенъ главнымъ начальникомъ управленія казенныхъ земель въ Самарѣ; здѣсь онъ составилъ административную карту новой Самарской губерніи. Въ 1855 году онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій 5 класса при министрѣ государственныхъ имуществъ. Послѣдніе годы жизни онъ былъ членомъ уѣздной земской управы въ Петербургѣ. Лашкаревъ заслуживаетъ вниманія, какъ основатель Комитета грамотности. Проектъ Лашкарева о Комитетѣ грамотности былъ принятъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ 7 апрѣля 1861 г. Въ 1863 г. Лашкаревъ былъ избранъ предсѣдателемъ Комитета. Изъ печатныхъ трудовъ Лашкарева, кромѣ упомянутыхъ статей, укажемъ: «Обозрѣніе Самарской губерніи въ хозяйственномъ отношеніи» (Москва, 1854 г.) и «Мысли объ основаніи русскаго торговаго флота» («Русскій» 1868 г., № 12)—въ этой статьѣ Лашкаревъ призываетъ русское общество содѣйствовать развитію торговли въ сѣверныхъ моряхъ.

Геннади, «Справочный словарь о русс. писат. и учен.», т. II.—*Брокгаузъ и Ефронъ*, «Энцикл. Слов.», т. 17.—«Журн. Мин. Гос. Им.» за 1843 г., №№ 1 и 3.—«Записки Вольно-Экономич. Общ.» за 1861 г.—«Иллюстрир. Газета» 1869 г., № 24.

Лашкевичъ, *Александръ Степановичъ*, редакторъ-издатель «Кіевской Старины», родился 19 іюня 1842 г. въ с. Брахловѣ, Новозыбковскаго у., Черниг. губ., и происходилъ изъ дворянской фамиліи, которая находилась въ родствѣ со многими старинными малороссійскими фамиліями. Дѣтство и юношество свое Лашкевичъ провелъ въ Кіевѣ, образованіе получилъ въ 1-й Кіевской гимназіи, а потомъ въ университетѣ св. Владиміра, который окончилъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета въ 1864 г. По окончаніи университетскаго курса Лашкевичъ поступилъ на службу въ канцелярію бывшаго кіевскаго ген.-губернатора Безака, откуда былъ назначенъ на должность мирового посредника въ одинъ изъ уѣздовъ Кіевской губ.; затѣмъ Лашкевичъ служилъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія въ г. Звенигородкѣ, а потомъ—предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ Гайсинскомъ у., Подольской губ. Поселившись въ своемъ имѣніи въ с. Брахловѣ, онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности въ качествѣ гласнаго земства (уѣзднаго и губернскаго) и мирового судьи, при чемъ въ теченіе 3-хъ трехлѣтій былъ предсѣдателемъ Новозыбковскаго съѣзда мировыхъ судей; въ то же время, съ открытіемъ въ Новозыбковѣ реальнаго училища, онъ сдѣлался почетнымъ попечителемъ его. Въ началѣ 1886 г. Лашкевичъ переселился изъ Новозыбковскаго уѣзда въ Кіевъ и здѣсь принялъ участіе въ «Кіевской Старинѣ», помѣстивъ въ ней нѣсколько небольшихъ статей. Когда же Ѳ. Г. Лебединцевъ по болѣзни вынужденъ былъ прекратить изданіе «Кіевской Старины», Лашкевичъ, пріобрѣтя у него журналъ, съ начала 1888 г. принялъ изданіе его на себя и отдался этому дѣлу всецѣло. Далекій въ веденіи журнала отъ всякихъ личныхъ расчетовъ и побуждаемый единственно желаніемъ по силѣ служить тому дѣлу, которое онъ считалъ полезнымъ, Лашкевичъ, не щадя своихъ средствъ и жертвуя журналу личными интересами, всѣ силы употребилъ къ тому, чтобы, привлекая лучшихъ сотрудниковъ, поднять достоинство журнала, посвящая его возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. И это онъ достигъ вполнѣ. По отзывамъ автора одного изъ некрологовъ, «Кіевская Старина» подъ редакторствомъ Лашкевича «расширилась до предѣловъ крупнаго литературнаго предпріятія и приняла видъ изданія, раньше никогда не появлявшагося въ провинціи». Но недолго ему пришлось редактировать «Кіевскую Старину»: въ половинѣ сентября 1889 г. съ нимъ случился апоплексическій ударъ, послѣ котораго онъ уже не всталъ съ постели и скончался 31 октября того же года.

«Кіевская Старина», 1887 г., кн. 12; 1889 г., кн. 12.—«Русскія Вѣдомости», 1889 г., № 303.—«Историческій Вѣстникъ», 1890 г., кн. I.—«Новое Время», 1889 г., № 4920.

Лашкевичъ, *Аркадій Григорьевичъ*, протоіерей, род. въ 1822 г., ум. въ 1867 г. Сынъ сельскаго протоіерея Подольской губерніи. Получивъ хорошую подготов-

ку дома подъ руководствомъ отца своего, человѣка для сельскаго священника очень образованнаго, Лашкевичъ отлично окончилъ курсъ въ Подольской семинаріи, изъ которой въ 1843 г. былъ отправленъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1847 г. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Херсонскую семинарію, 29 марта 1849 г. былъ утвержденъ въ степени магистра богословія. Знаменитый архіепископъ Иннокентій убѣдилъ Лашкевича принять священническій санъ и рукоположилъ его во священника къ Одесскому каѳедральному собору 24 марта 1855 года и въ томъ же году произвелъ его въ санъ протоіерея. Лашкевичъ пользовался извѣстностью, какъ проповѣдникъ; онъ помѣстилъ въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1860—1866 г. нѣсколько статей: «Очеркъ гоненія на христіанъ во II вѣкѣ по Р. Х.»; «Катакомбы и погребеніе христіанъ въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.»; «Гоненіе на христіанъ въ началѣ царствованія императора Марка Аврелія»; «Замѣтка объ іудейскихъ прозелитахъ»; «Замѣтка о переводѣ ветхозавѣтныхъ писаній на греческій языкъ Акилою» и др.

«Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1867 г., № 17, стр. 8—16.

А. Никольскій.

Лашкевичъ, *Валеріанъ Григорьевичъ*, ординарный проф. Харьковскаго университета, сынъ священника, родился въ 1835 г., воспитывался въ Подольской духовной семинаріи и въ Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи курса которой въ 1862 г. докторантомъ и съ золотою медалью былъ оставленъ при академіи и назначенъ ординаторомъ во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, а послѣ полученія въ 1866 году степени доктора медицины отправленъ за границу; тамъ онъ изучалъ клиническую медицину подъ руководствомъ Оппольцера, Шкоды, Духека и Гербы въ Вѣнѣ, Траубе, Эрерикса и Вирхова въ Берлинѣ и ознакомился съ госпиталями Парижа. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія Лашкевичъ былъ избранъ Харьковскимъ университетомъ на каѳедру внутреннихъ болѣзней, какъ доцентъ, а въ 1872 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ терапевтической клиники того же университета. 10 февраля 1888 г., за выслугою лѣтъ, онъ былъ уволенъ и поселился въ г. Обояни, Курской губ., гдѣ и скончался 17 іюня того же года.

Лашкевичу принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Замѣтки о физіологическомъ дѣйствіи калабарскаго боба» («Военно-Медицинскій журналъ», 1865 г., ч. XCII, кн. 2); по поводу статьи д-ра Зайковскаго: «О дѣйствіи мышьяка на организмъ» («Медицинскій Вѣстникъ», 1865 г., № 19); «Къ ученію о всасываніи кожей (тамъ же, 1866 г., № 4); «Сравнительное дѣйствіе на животный организмъ марганца и желѣза» (тамъ же, 1866 г., №№ 14—18); отдѣльное изданіе этого труда послужило автору докторскою диссертаціею (Спб. 1866 г.); «Иванъ Григорьевичъ Березинъ» («Медицинскій Вѣстникъ», 1866 г., № 42); «Причина охлажденія и смерти животныхъ при уничтоженіи кожнаго дыханія» (тамъ же, 1868 года, № 51); «Современное ученіе о лихорадкѣ» (тамъ же, № 51); «Объ успѣшномъ примѣненіи вдыханія кислорода при лѣченіи гидрофобіи» («Медицинскій Вѣстникъ», 1871 года, № 16); «О позднемъ наслѣдственномъ сифилисѣ» (тамъ же, 1873 г., № 45—46); «Руководство къ частной патологіи и терапіи» Цимсена, т. II, переводъ съ нѣмец. Спб. 1874 г.; Разборъ сочиненія Н. Соколова: «Вліяніе на организмъ животныхъ искусственной задержки кожной перспираціи» (Медицин. Вѣстн.», 1874 г., №№ 41 — 42); «Hydrocephalus internus syphiliticus» (тамъ же, 1880 г., №№ 1—2); «Рѣдкость круглой язвы желудка въ Харьковѣ» (тамъ же, 1880 г., № 29); «Отвѣтъ Спримону» (тамъ же, 1881 г., № 1); «Пилокарпинъ противъ дифтерита» (тамъ же, 1881 г., № 3); «Нервная альбуминурія» («Врачъ», 1883 г., № 30); «Водянка мозговыхъ желудковъ и опухоль мозжечка» («Международная Клиника», 1883 г.); «Проходимы ли сосуды пляценты для Коховскихъ бациллъ»? («Русская Медицина», 1884 г., № 21); «Значеніе кислорода въ нервной терапіи» (тамъ же, 1885 г., №№ 8—11); «Кокаинъ при лѣченіи стенокардіи» (тамъ же, 1886 г., № 12) и «Клиническія лекціи», Харьковъ, 1888 г., вып. I. Кромѣ того, Лашкевичу принадлежитъ рядъ сообщеній, напечатанныхъ имъ въ «Протоколахъ Общества Харьков. Врачей», какъ-то: «Къ патологіи крови (1870 г., № 9); «Возраженія противъ употребленія закиси азота съ анестезическою цѣлью»

(1870 г., № 12), «О терапевтическомъ достоинствѣ бромистаго натрія, сравнительно съ бромистымъ каліемъ» (1872 г., прил.); «Къ этіологіи заболѣваній сердца» (1874 г., прил.); «О связи перемежающейся лихорадки съ страданіемъ сердца» (1874 г.); «Терапевтическое дѣйствіе амилъ-нитрата» (1874 г., прил.); «Сообщеніе о расширеніи желудка, зависящаго отъ страданія полового аппарата у женщины» (1875 г., прил.); «Ларингоскопъ, какъ помощь для распознаванія расширенія дуги аорты» (1875 г., прил. II, 55 и III, 95); «Случай лейкеміи» (1875 г., прил. III, 70) и «Хлоралгидратъ снаружи, какъ анестезическое средство» (1876 г., № 2).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. VIII, стр. 60—61.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 4, стр. 187—188.—«Волынскія Епарх. Вѣд.», 1888, № 20.—«Новое Время», 1888 г., № 4420.—«Московск. Листокъ», 1888 г., № 178.

Лашкевичъ, *Матвѣй Гавриловичъ*, к. сов., врачъ, духовнаго званія, родился въ 1805 г., воспитывался въ Екатеринославской дух. семинаріи и Харьковскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ выпущенъ въ 1832 г. съ званіемъ лѣкаря и въ слѣдующемъ году опредѣлился въ 51-й Егерскій полкъ. Въ 1837 г. онъ перешелъ въ Прагскій полкъ и въ томъ же году былъ сдѣланъ штабъ-лѣкаремъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Въ 1840 г. Лашкевичъ числился въ Севастопольскомъ военномъ госпиталѣ; въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ морское вѣдомство, въ штатъ Севастопольскаго морского госпиталя и въ 1844 г. былъ назначенъ врачемъ въ 32-ой флотскій экипажъ, а въ 1850 г. старшимъ врачемъ въ томъ же экипажѣ. Съ этимъ экипажемъ Лашкевичъ выдержалъ всю осаду Севастополя. Затѣмъ въ 1863 г. онъ состоялъ младшимъ врачемъ 1-го своднаго Черноморскаго флотскаго экипажа, въ слѣдующемъ году—врачемъ 2-го своднаго экипажа и въ 1867 г. младшимъ запаснымъ судовымъ врачемъ черноморскаго экипажа, въ каковой должности и скончался 8 іюля 1867 г. Лашкевичу принадлежатъ двѣ печатныя работы: 1) «О воздушныхъ контузіяхъ» («Морской Сборн.», 1857 г., ч. 28, № 4) и 2) «Практическія медицинскія замѣчанія, выведенныя изъ наблюденій въ прошлую войну» (тамъ же, 1859 г., ч. 42, № 7).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 170.

Лашнюковъ, *Иванъ Васильевичъ*, профессоръ исторіи въ лицеѣ кн. Безбородко, доцентъ исторіи въ университетѣ св. Владиміра, род. 20 марта 1823 г. въ Конотопѣ, ум. 25 окт. 1869 г. въ Борзнѣ. Сынъ священника. Первоначальное образованіе получилъ въ Черниговской духовной семинаріи и, въ качествѣ отличнаго ученика, былъ назначенъ въ Кіевскую духовную академію, но пожелалъ заняться медициной; поступить въ медико-хирургическую академію ему, однако, не удалось—онъ не былъ принятъ вслѣдствіе слабости здоровья. Тогда, позднею осенью 1844 г., Лашнюковъ больной, пѣшкомъ, по неимѣнію средствъ, отправился въ Нѣжинъ, чтобы поступить въ тамошній лицей. Онъ былъ принятъ и скоро обратилъ на себя вниманіе своимъ трудолюбіемъ и дарованіями. Въ 1847 г. Лашнюковъ окончилъ курсъ въ лицеѣ, перешелъ въ Кіевскій университетъ на историко-филологическій факультетъ и занялся изученіемъ русской исторіи; жилъ онъ уроками. Въ 1850 г. Лашнюковъ представилъ работу «О причинахъ усобицъ между русскими князьями» и получилъ за нее золотую медаль при самомъ лестномъ отзывѣ, въ которомъ было, между прочимъ, выражено, что «это сочиненіе имѣетъ несомнѣнную цѣну для науки отечественной исторіи, ибо, соединяя въ себѣ результаты прежнихъ изслѣдованій по этой части г.г. Устрялова, Погодина, Кавелина, Соловьева, вноситъ много новаго въ область русской исторіи какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ». Окончилъ Лашнюковъ курсъ въ университетѣ въ 1851 г., и 12 іюля того же года получилъ должность старшаго учителя словесности во 2-й Кіевской гимназіи, гдѣ оставался до 1853 г. Въ этомъ году онъ получилъ мѣсто исправляющаго должность профессора исторіи въ Нѣжинскомъ лицеѣ кн. Безбородко. Въ 1854 г. защитилъ диссертацію на степень магистра и 5 мая 1855 г. былъ утвержденъ въ званіи профессора исторіи и статистики въ лицеѣ. Здѣсь Лашнюковъ пріобрѣлъ общую любовь. Значительную роль игралъ онъ въ мѣстномъ обществѣ передъ освобожденіемъ крестьянъ, убѣжденнымъ сторонникомъ котораго онъ являлся. Когда онъ говорилъ въ лицеѣ о древне-русскихъ земскихъ учрежденіяхъ,

на лекціи его являлись не одни студенты. Въ 1862—1863 г.г. Лашнюковъ былъ заграницей и по возвращеніи напечаталъ отчетъ о своемъ заграничномъ путешествіи (помѣщенъ при «Цирк. Кіевск. уч. окр.» 1863 г.), гдѣ говоритъ о нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и высказываетъ желаніе устроить ихъ по образцу заграничныхъ, «чтобы ученіе не было бы настоящей мукой и для дѣтей, и для учителя, какъ у насъ». Попечитель Кіевскаго округа, Пироговъ, предложилъ Лашнюкову мѣсто директора Ровенской гимназіи и, получивъ его согласіе, подписалъ назначеніе; но Лашнюковъ передумалъ и отказался отъ этого мѣста, жалѣя оставить профессуру. Въ 1863 г. онъ получилъ приглашеніе въ Кіевскій университетъ на каѳедру экстраординарнаго профессора русской исторіи, но отказался, считая эту службу себѣ не по силамъ; только въ 1867 г., послѣ значительныхъ колебаній, перешелъ въ университетъ въ званіи доцента и съ 1868 г. читалъ лекціи въ университетѣ. Его вліяніе на студентовъ было сильно и благотворно, но оно продолжалось недолго. Болѣзнь и затѣмъ смерть прервали его ученую дѣятельность. Какъ историкъ, Лашнюковъ былъ отчасти послѣдователемъ Костомарова, но въ главномъ онъ былъ самостоятеленъ. Обладая тонкимъ критическимъ анализомъ, онъ давалъ въ своихъ чтеніяхъ образцы серьезной и строгой критики и источниковъ и ученыхъ работъ. Въ своихъ лекціяхъ онъ не останавливался на мелкихъ подробностяхъ, и не оставляя фактовъ безъ критической провѣрки, стремился представить общій характеръ эпохи, особенно рельефно обрисовывая исторію литературы и культуры вообще. Лицей кн. Безбородко ко дню своего 50-лѣтняго юбилея хотѣлъ издать лекціи Лашнюкова; часть ихъ издана Кіевскимъ университетомъ («Лекціи по русской исторіи 1462—1613 г.г.»—«Кіевск. Унив. Изв.» 1871 г., №№ 5, 6 и 7). Интересовался Лашнюковъ и славянскимъ вопросомъ. Во время поѣздки за границу онъ сблизился съ Шафарикомъ, Палацкимъ и др. и по возвращеніи написалъ: «О панславизмѣ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ историковъ» и нѣсколько статей въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу этнографической выставки въ Москвѣ. Къ другимъ сочиненіямъ по этому вопросу относятся: «Славянская идея и ея судьба» («Петерб. Вѣдомости», 1867 г., №№ 126 и 129); «Славянство и міръ будущаго Л. Штура» (тамъ же, №№ 212 и 213). Изъ другихъ произведеній Лашнюкова извѣстны: «Очерки русской исторіи и исторіографіи» («Кіевск. Унив. Извѣстія» 1869 г., № 8; 1872 г., №№ 4, 5, 6 и 9), «Пособіе при изученіи русской исторіи критическимъ методомъ» (Кіевъ, 1870 г.), «О международныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, отъ призванія варяго-руссовъ до смерти Ярослава» (диссертація—Кіевъ, 1856 г.), «Владиміръ Мономахъ и его время» («Журналъ Министер. Народн. Пр.», ч. 134 и «Кіевск. Унив. Изв.», 1873 г., № 1), «Рѣшенъ ли вопросъ о первомъ самозванцѣ?» («Кіевлянинъ» 1865 г., №№ 82 и 83). Кромѣ того, Лашнюковъ писалъ стихи, но нигдѣ ихъ не печаталъ.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и учен.», т. II.—«Голосъ» 1869 г., № 325.—«Иллюстрированная Газета», 1869 г., № 48.—«Лицей князя Безбородко», статья *К. Тронцы*.—«Русскій Архивъ», 1871 г., стр. 481—510.—«Кіевскій Телеграфъ», 1875 г., №№ 36 и 37.—«Отчетъ универс. св. Владиміра» за 1850 г.—«Москвитянинъ» 1851 г., № 17.—«Отчетъ лицея кн. Безбородко» за 1856 г.—«Рѣчи, произнесенныя въ собраніи лицея кн. Безбородко», стр. 1—31.—Біограф. слов. проф. у-та св. Владиміра, стр. 357—365.

Б. Гласко.

Лебедевъ, *Александръ Ивановичъ*, живописецъ-литографъ, род. въ 1826 г.; началъ художественное образованіе въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія; въ 1847 г. онъ перешелъ въ Академію Художествъ, черезъ два года былъ признанъ неклассным художникомъ, а въ 1858 г.—академикомъ. Его альбомы съ изображеніями легкаго жанра, по отзыву Е. Е. Рейтернъ, полны юмора, хорошо рисованы и не лишены поэзіи. Онъ принималъ участіе своими рисунками во всѣхъ иллюстраціяхъ и юмористическихъ листахъ, особенно въ «Стрекозѣ». Лебедевъ слылъ за русскаго Гаварни. Ему принадлежатъ слѣдующія литографіи: 1) Сонъ бабушки, 2) Пикникъ, 3) восемь неизданныхъ большихъ литографій съ легендами: Страсть, Горе, Любовь матери, Ревность, Первая любовь, Невинность, Радость и Кокетство, 4) Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша, 5) Погибшія, но милыя созданья, 6—7) Шикарный балъ въ Кунавинѣ и Балъ-маскарадъ у г. Затыкевича, 8) Прекрасный полъ, 9) Кол-

накъ, 10) L'amour que ce que c'est que ça, 11) Десять рисунковъ къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова, 12) Кое что изъ Некрасова, 13) Каррикатурный альбомъ современныхъ русскихъ дѣятелей, 14) Театральный альбомъ и 15) Щедринскіе типы.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.», стр. 400.

Лебедевъ, *Алексѣй Ивановичъ*, протоіерей, настоятель Хотькова дѣвичьяго монастыря, род. въ 1800 г., ум. въ 1878 г.; сынъ причетника села Мышенскаго, Серпуховскаго уѣзда, Московской губ.. Семилѣтнимъ мальчикомъ, умѣвшимъ хорошо читать и пѣть по нотамъ, онъ отданъ былъ въ наученіе къ дядѣ своему, діакону Московскому, Петру Алексѣевичу Лебедеву, который обучалъ его русской грамматикѣ, церковной исторіи, латинскому и отчасти французскому языкамъ, особенно же ариѳметикѣ. Девяти лѣтъ отъ роду Лебедевъ поступилъ съ Славяно-Греко-Латинскую академію въ третій классъ грамматики, а на слѣдующій годъ перешелъ въ классъ синтаксиса. Отъ Рогожской, гдѣ жилъ его дядя, до академіи было около 5-ти верстъ и потому ходить ему въ академію было затруднительно, особенно въ зимнее время. 1812 годъ прошелъ безъ ученія, потому что Москва была выжжена; возобновилось оно лишь съ 1813 г. Въ 1814 году Славяно-Греко-Латиская академія была закрыта и переведена въ Троице-Сергіеву лавру съ высшимъ значеніемъ, а вмѣсто нея открыта семинарія въ Перервинскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Москвы въ семи верстахъ, и ученики первыхъ четырехъ классовъ были размѣщены по уѣзднымъ училищамъ. Какъ уроженецъ Серпуховскаго уѣзда, Лебедевъ поступилъ въ Коломенское училище, куда и былъ отвезенъ своимъ отцомъ въ январѣ 1814 года; черезъ два года онъ перешелъ въ Перервинскую семинарію, по окончаніи курса въ которой въ 1824 году опредѣленъ былъ священникомъ въ село Васильевское подъ Коломною; въ 1835 году Лебедевъ перешелъ къ Вознесенской церкви въ Троице-Сергіевъ посадъ, а въ концѣ 40-хъ годовъ въ Хотьковъ монастырь. Скончался онъ 78-лѣтнимъ старцемъ въ 1878 г. Напечатанныя «Семейныя воспоминанія его» живо рисуютъ школьную жизнь и ученье того времени, бытъ и нравы не только сельскаго духовенства, но и общества и, между прочимъ, сообщаютъ интересные факты о 1812 годѣ.

«Семейныя воспоминанія протоіерея Алексѣя Ивановича Лебедева». Сообщила Е. А. Л. Съ портретомъ («Душеполезное Чтеніе» за 1910 г., январь, 122—136; февраль, 303—311; мартъ, 441—454 и апрѣль, 574—583).

А. Никольскій.

Лебедевъ, *Алексѣй Николаевичъ*, сакелларій Московскаго Архангельскаго собора, сынъ дьячка, по окончаніи курса Московской семинаріи въ 1834 году, 1-го октября того же года, посвященъ былъ въ діаконы въ Архангельскій Московскій соборъ, а 5 декабря 1837 года—во священники того же собора; въ 1842 году ему поручено было исправленіе должности сакелларія, въ каковой и утвержденъ былъ въ 1844 году; въ 1873 году Лебедевъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея: скончался онъ 7 августа 1883 года. Имъ напечатана книга «Московскій Архангельскій соборъ». М. 1880 г. Въ этой книгѣ помѣщены, между прочимъ, краткія свѣдѣнія о немъ.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. III. С.-Петербургъ 1887 г.

А. Никольскій.

Лебедевъ, *Андрей Ивановичъ*, московскій священникъ, біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Ему принадлежатъ «Краткая латинская фразеологія» М. 1816 г. и «Россійско-латинскій словарь, съ присоединеніемъ латинскихъ синонимъ и фразовъ». 4 части. М. 1825—1826 гг.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. 2, стр. 219.—*Филаретъ*, арх. черниг., «Обзоръ русской дух. литературы», стр. 438.

Лебедевъ, *Василій Ивановичъ*, священникъ, сынъ діакона, род. въ 1825 г. въ Рязанской губерніи, ум. 10 ноября 1863 г. По окончаніи курса въ Рязанской семинаріи онъ въ 1846 году поступилъ въ Московскую духовную академію. Въ 1850 г. по окончаніи курса въ академіи со степенью магистра богословія оставленъ былъ при академіи преподавателемъ логики и исторіи философіи. Въ 1863 г. онъ напечаталъ въ «Москитянинѣ» обстоятельную критическую статью на книгу М. Н. Каткова о древнемъ періодѣ греческой философіи; статья эта вызвала обширную антикритику автора. Въ академическомъ журналѣ «Творенія святыхъ

отцовъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями духовнаго содержанія» былъ напечатанъ (части XIV—XVI) обширный, недоведенный, впрочемъ, до конца, трудъ Лебедева «Жизнь св. Іоанна Златоустаго». Это сочиненіе впослѣдствіи издано было отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности святого Іоанна Златоустаго». Въ 1856 г. Лебедевъ рукоположенъ былъ въ священника къ Московской Николо-Заяузской церкви, а въ 1857 г. былъ опредѣленъ законоучителемъ въ Николаевскій сиротскій институтъ при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Съ основаніемъ, въ 1860 году, журнала «Душеполезное Чтеніе», Лебедевъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе и напечаталъ въ немъ не мало статей и замѣтокъ.

«Душеполезное Чтеніе», 1863 г., ноябрь, 82—96. — «Странникъ» 1864 г., январь IV, 13—16. — «Русскій Архивъ», 1865 г., кн. I, стр. 1382. — *Филаретъ*, архіепископъ, «Обзоръ рус. духов. литер.» II, стр. 498—*Геннади*, «Словарь». *А. Никольскій.*

Лебедевъ, *Василій*, писатель и переводчикъ, учился въ Московской духовной академіи, откуда въ 1736 г. былъ опредѣленъ въ Академію Наукъ. Съ 1740 г. онъ состоялъ академическимъ переводчикомъ и перевелъ съ нѣмецкаго одно распоряженіе Шумахера его резолюціи, отзывъ Тредьяковскаго объ университетскомъ регламентѣ и замѣчанія Шумахера на отзывы академиковъ, ариѳметику, штелиновскіе проекты фейерверка и иллюминаціи, Корнелія Непота, физику Лешера и первую книгу сибирской исторіи Миллера. Послѣдніе три перевода были отданы на отзывъ Ломоносова, который о двухъ первыхъ отозвался такъ: «переводъ книги Корнелія Непота исправенъ и весьма достоенъ, чтобы оную книгу напечатать. Что же до лешеровой физики касается, то въ разсужденіи перевода во многихъ мѣстахъ, а особливо въ терминахъ, до химіи и исторіи натуральной надлежащихъ, очень неисправна: также и оригиналъ самъ собою, которой мнѣ прежде читать случилось, никуда негоденъ, и мнѣ весьма удивительно, что изъ толь великаго числа физическихъ книгъ самой худой на русской языкъ переведенной быть случилось». Вслѣдствіе такого отзыва переводъ Корнелія Непота велѣно было отъ академической канцеляріи печатать, а за лешерову физику Лебедевъ получилъ внушеніе. Что же касается перевода Сибирской исторіи Миллера, то Ломоносовъ донесъ канцеляріи Академіи, что книга эта напечатанія достойна: малыя погрѣшности, которыя больше въ чистотѣ штиля состоятъ, могутъ имъ самимъ легко быть исправлены». Далѣе, Лебедеву принадлежатъ переводы: «Происхожденіе народа и имени россійскаго», рѣчь академика Миллера, «Краткое руководство къ россійскимъ правамъ», сочиненіе Штаубе-де-Пирмона, «Изъ описанія Стеллерова путешествія г. капитана-командора Беринга», «Путешествіе около свѣта, которое въ 1740—1744 годахъ совершилъ адмиралъ лордъ Ансонъ»... (Спб. 1751 и 1789 гг.), «Увеселеніе женскаго пола, или собраніе разныхъ приключеній» (Спб. 1764—1765 и 1792 гг.), «Исторія о покореніи Мексики» (Спб. 1765 и 1789 гг.) и «Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго» (Спб. 1766 г.). Кромѣ того, Лебедевъ занимался переводами для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Наконецъ, онъ не мало работалъ и надъ словаремъ россійскимъ Тауберта и составилъ «Краткую грамматику латинскую» (Спб. 1762 г.; 11-ое изд., 1817 г.).

П. Пекарскій, «Исторія Императ. Академіи Наукъ», т. I, стр. 38, 405, 523, 597, 651, 682, 683; т. II, стр. 137, 138, 287, 348, 349, 394—397, 411, 418, 428.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 219—220.

Лебедевъ, *Герасимъ Степановичъ*, надворный совѣтникъ, состоящій при Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, род. въ 1749 г., ум. въ 1818 г., происходилъ изъ дворянъ; отецъ его былъ священникомъ. По его собственному разсказу, онъ получилъ лишь домашнее образованіе—«едва могъ—какъ говорилъ онъ самъ—черезъ 15 лѣтъ научиться національной тогдашняго времени грамотѣ и случайно музыкальному искусству». Повидимому, въ качествѣ пѣвчаго онъ отправился съ русскимъ посольствомъ въ 1775 г. въ Неаполь, а когда посольство задержалось въ Вѣнѣ—отправился далѣе «на собственномъ иждивеніи, надѣясь, что музыкальное искусство доставитъ ему пропитаніе». Лебедевъ обладалъ выдающимися артистическими дарованіями и не ошибся; «при многихъ дворахъ, по его словамъ, онъ удостоился отъ великихъ владѣтельныхъ и прочихъ

высокихъ особъ благоволенія»; въ 1782 г. онъ былъ представленъ вел. кн. Павлу Петровичу и супругѣ его въ Парижѣ, сопровождалъ ихъ въ Этюпъ, пользовался знаками ихъ вниманія и милости. Затѣмъ онъ поступилъ на службу къ какому-то богатому англичанину и съ нимъ, въ августѣ 1785 г., прибылъ въ Мадрасъ; ему предшествовала такая извѣстность, что онъ былъ встрѣченъ въ Мадрасѣ съ почетомъ; «въ прожитіе мое тамъ двухъ лѣтъ, говоритъ Лебедевъ, я былъ за музыкальное мое искусство особенно снабжаемъ». Переселившись черезъ два года изъ Мадраса въ Калькутту, Лебедевъ устроилъ тамъ театръ, который у него отлично пошелъ. Усвоивъ практически мѣстныя нарѣчія, Лебедевъ перевелъ на нихъ нѣсколько пьесъ и давалъ ежедневныя представленія при переполненномъ театрѣ; его исключительный успѣхъ вызвалъ сильнѣйшую зависть другихъ содержателей подобныхъ зрѣлищъ, и имъ, послѣ цѣлаго ряда происковъ и интригъ, удалось, наконецъ, погубить театръ Лебедева. За время своего 12-тилѣтняго пребыванія въ Мадрасѣ и Калькуттѣ Лебедевъ вступилъ въ сношеніе съ многими учеными браминами и ознакомился съ ихъ ученіемъ. Возвратившись въ Европу, онъ въ 1801 г. издалъ въ Лондонѣ «A grammar of the pure and mixed East Indian Dialects with Dialogues... by Herasim Lebedeff». Прибывъ въ Россію, онъ получилъ отъ императора Александра I средства на устройство типографіи; въ ней былъ заведенъ санскритскій шрифтъ, и Лебедевъ имѣлъ порученіе печатать въ ней свои произведенія, въ которыхъ долженъ былъ сообщать вывезенные имъ изъ его пребыванія въ Индіи факты и свѣдѣнія, составлявшія тогда большую новость въ европейской ученой литературѣ. Въ 1805 г. вышла его книга подъ заглавіемъ: «Безпристрастное созерцаніе системъ восточной Индіи брамгеновъ, священныхъ обрядовъ ихъ и народныхъ обычаевъ»; въ томъ же году появилась эта книга на нѣмецкомъ языкѣ; въ свое время она обращала на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ.

Предисловіе къ «Безпристрастному созерцанію».—*Adelung*, «Catherinens der Grossen Verdienste u. die vergleichenden Sprachenkunde», 1815, 205—207. — *Евгеній*. митр., «Словарь свѣтскихъ рус. писат.» т. II; стр. 4.—*Геннади*. «Справочн. словарь о рус. писат.», т. II, стр. 220.

Лебедевъ, *Глѣбъ Ѳеодоровичъ*, д. с. с., врачъ, сынъ пономаря, родился въ 1823 году, воспитывался въ 1-й Московской гимназіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ на гражданскую службу; затѣмъ въ 1843 г. онъ зачислился въ студенты медицинскаго факультета при Московскомъ университетѣ, въ 1848 г. получилъ степень лѣкаря и началъ врачебную дѣятельность при Старо-Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку и Ковенскомъ военномъ госпиталѣ (1850—1852 гг.). Тарутинскомъ егерскомъ полку (1852—1854 гг.) и при Черниговской врачебной управѣ (1854—1858 гг.). Послѣ 3-хъ годичной отставки Лебедевъ опредѣлился Гродненскимъ губернскимъ врачемъ, но въ 1869 г. оставленъ былъ за штатомъ. Черезъ годъ онъ занялъ мѣсто мирового посредника Гродненскаго уѣзда (1870—1871 гг.) и потомъ числился старшимъ врачемъ въ 20-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ (1871—1873 гг.), Галицкомъ пѣхотномъ полку (1873—1874 гг.), Капорскомъ (1874—1875 гг.) и лб.-гренадерскомъ Екатеринославскомъ (1875 — 1877 гг.) полкахъ, старшимъ врачемъ 3-го желѣзнодорожнаго баталіона (1877—1880 гг.) и главнымъ врачемъ военнаго временнаго № 55 госпиталя (съ 1878 г.). Выйдя въ 1880 г. въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался 15 іюля 1886 г.

Лебедевъ напечаталъ слѣдующіе труды: «О мозговыхъ нарывахъ» («Другъ Здравія», 1851 г., №№ 24, 33); «Замѣчательное увеличеніе поджелудочной железы» (тамъ-же, 1851 г., № 37); «Успѣшное дѣйствіе сулемы при золотушномъ воспаленіи глазъ» (тамъ же, 1851 г., № 40); «Инородное тѣло въ ухѣ пять недѣль» (тамъ же, 1851 г., № 45); «Примѣръ неудачно вырваннаго зуба» (тамъ же, 1852 г., № 34) и «Наставленіе волостнымъ фельдшерамъ: «О діэтетическомъ содержаніи беременныхъ роженицъ и новорожденныхъ и поданіи врачебныхъ пособій въ различныхъ, чаще встрѣчающихся у беременныхъ и роженицъ болѣзняхъ» (Состав. Лебедевымъ вмѣстѣ съ К. Константиновичемъ, Спб. 1862 г.).

Л. Ѳ. Зиновьевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. 1, стр. 170—171—. *Д. Д. Языковъ*. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. VI, стр. 28—29.—«Московскія Вѣдомости», 1886 г., № 194.

Лебедевъ, *Дмитрій Ивановичъ*, гра-

веръ, род. 1 сентября 1831 г., ум. 20 февраля 1865 г. Послѣдній ученикъ Уткина. Въ 1855 г. получилъ въ Академіи Художествъ 1-ую серебряную медаль. Въ 1858 г. работалъ надъ гравюрою «Болото», съ Рюисдаля, начатой Галактіоновымъ; эта отличная доска была окончена въ 1859 г. Константиновымъ. Лебедевъ оставилъ до 10 гравюръ, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминанія «Бѣгство въ Египетъ» съ Бергема и «Охота» съ Пильмана, по гравюрѣ Вуллета.

Ровинскій, «Подробный словарь русск. граверовъ», стр. 401.

Лебедевъ, *Дмитрій Петровичъ*, археографъ, хранитель рукописей и старославянскихъ печатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ, былъ сынъ канцелярскаго служителя, родился въ Рязани, учился сперва въ тамошней гимназіи, которую окончилъ съ золотою медалью, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1874 г. кандидатомъ по историко-филологическому факультету. Службу онъ началъ въ Ивано-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ оставался около 3-хъ лѣтъ, а съ 1878 по 1880 годъ слушалъ лекціи въ только что открывшемся Археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Въ бытность свою въ этомъ институтѣ Лебедевъ исполнилъ нѣсколько ученыхъ порученій, возложенныхъ на него Н. В. Калачовымъ, а именно: извлекалъ изъ архива департамента народнаго просвѣщенія документы по исторіи народнаго образованія въ царствованіе императора Александра I и осматривалъ въ Рязани назначенныя къ уничтоженію дѣла архива тамошняго управленія государственными имуществами; за составленіе обзора этихъ дѣлъ, а также за изслѣдованіе о мировыхъ сдѣлкахъ въ древней Россіи Лебедевъ при окончаніи курса въ институтѣ былъ награжденъ серебряною медалью. Вскорѣ по выходѣ изъ Археологическаго института Лебедевъ былъ назначенъ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ и такимъ образомъ имѣлъ случай воспользоваться руководствомъ знатока нашей старинной письменности А. Е. Викторова, занимавшаго должность хранителя. Послѣдній поручилъ Лебедеву описаніе обширной до 3000 номеровъ коллекціи историко-юридическихъ актовъ, поступившей въ музей въ 1875 году послѣ смерти профессора И. Д. Бѣляева, который составилъ ее и систематически подобралъ въ видѣ матеріала для изученія разнообразныхъ формъ нашей старинной администраціи и судопроизводства. Этотъ трудъ Лебедева былъ изданъ въ 1881 году къ 50-ти-лѣтнему юбилею Румянцовскаго музея подъ заглавіемъ: «Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева».

Въ августѣ 1883 года скончался Викторовъ, и Лебедевъ былъ назначенъ на его мѣсто. Въ его завѣдываніе музеями выпущены отчеты за два трехлѣтія (1883—1885 гг., 1886 — 1888 гг.), въ которые вошли описанія новыхъ пріобрѣтеній рукописнаго отдѣленія. Далѣе, Лебедевъ обработалъ археографическія замѣтки Викторова, сдѣланныя имъ во время посѣщенія въ 1876, 1877 и 1881 годахъ монастырскихъ, церковныхъ и семинарскихъ библіотекъ, результатомъ чего было изданіе книги подъ заглавіемъ: «Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи», выпущенной Археографической Коммиссіей въ 1890 году. Одновременно съ обработкой «Описи» Лебедевъ продолжалъ и другіе ученые труды. Онъ собиралъ матеріалы для исторіи Рязанскаго края, которую предполагалъ писать; вѣроятно, къ кругу этихъ занятій относится небольшая статья, помѣщенная имъ въ «Трудахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи» (т. V, № 3), подъ заглавіемъ: «Праздники въ Переяславлѣ Рязанскомъ 20 и 22-го сентября 1774 года». Къ восьмому археологическому съѣзду, происходившему въ Москвѣ въ январѣ 1890 г., Лебедевъ приготовилъ рефератъ по поводу проповѣди, которую ему посчастливилось найти въ одной рукописи; проповѣдь эта, произнесенная по случаю изгнанія Крымскаго хана Саитъ-Гирея изъ-подъ Москвы 31 іюля 1541 г., какъ оказалось, составляетъ автографъ Благовѣщенскаго протопопа Сильвестра и подтвердила предположеніе историка С. М. Соловьева о томъ, что протопопъ Сильвестръ, вопреки утвержденію другихъ историковъ, былъ извѣстенъ Ивану Грозному ранѣе 1547 года. Наконецъ, Лебедевымъ издана «Автобіографія В. А. Даудова» («Рус. Арх.» 1889 г., кн. V). Скончался онъ 8 декабря 1891 года.

Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», в. XI, стр.

90.—Архивъ Московскаго университета.—Отчетъ Московскаго университета за 1874 годъ, стр. 37.—«Журн. М-ва Нар. Просв.», 1892 г., кн. I, стр. 75—78.—«Русская Старина», 1892 г., іюль, стр. 217—224.—«Московскія Вѣдомости», 1891 г., № 345.—«Московскій Листокъ», 1891 г., № 345; 1892 г., № 81.—«Новое Время», 1891 г., №№ 5676, 5677.—«Русскія Вѣдомости», 1891 г., № 348.—«Историческій Вѣстникъ», 1892 г., к. 2, стр. 606.—«Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи», 1892 г., кн. 2, отд. III, стр. 1—8.

Лебедевъ, *Иванъ Андреевичъ*, д. с. с., врачъ, членъ С.-Петербургскаго Общества русскихъ врачей, родился въ 1798 г. въ Москвѣ и происходилъ изъ духовнаго званія; въ 1820 г. онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскую медико-хирургическую академію, по окончаніи которой въ 1820 году лѣкаремъ 1-го отдѣленія оставленъ былъ при академіи и. д. адъюнктъ-проф. акушерства. По защитѣ въ 1827 г. диссертаціи: «De haemorrhagia uteri» онъ удостоенъ былъ степени доктора медицины и занялъ въ 1828 г. мѣсто адъюнктъ-проф. акушерства, судебной медицины и медицинской полиціи. Въ 1832 году Лебедевъ былъ назначенъ врачемъ Московской удѣльной конторы, затѣмъ въ 1839 году—экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ по той-же каѳедрѣ. По закрытіи въ 1845 г. академіи онъ оставленъ былъ за штатомъ, въ 1847 году назначенъ инспекторомъ Московской медицинской конторы, а въ 1860 году—тамъ же штатъ-физикомъ. Въ отставку онъ вышелъ въ 1866 году и умеръ 2 сентября 1868 года.

«Рус. Арх.», 1870 г.—«Медицинскій Вѣстникъ», 1876 г., № 3.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 171.

Лебедевъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, д. с. с., директоръ 1-й Московской гимназіи, изъ духовнаго званія, уроженецъ Московской губерніи, высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса со степенью кандидата (1852 г.) служилъ учителемъ русскаго языка въ 4-й Московской гимназіи (1852—1853 гг.) и исторіи въ 3-й Московской гимназіи (1853—1864 гг.), одновременно преподавая послѣдній предметъ въ Московскихъ Екатерининскомъ, Лазаревскомъ и Николаевскомъ институтахъ; затѣмъ Лебедевъ состоялъ инспекторомъ (1864—1871 гг.) и директоромъ 1-й Московской гимназіи (1871—1887 гг.). Директорство его въ 1-й гимназіи совпало съ трудною переходною эпохою, въ самомъ началѣ возникшей тогда учебной реформы. Лебедевъ отдалъ всѣ силы своего ума и всю свою педагогическую опытность этой гимназіи, и достигъ того, что она являлась первою не только по времени своего основанія въ Москвѣ, но и по своему образцовому устройству и порядку. Ему принадлежитъ статья подъ заглавіемъ: «Юбилей Екатерининскаго института» («Москвитянинъ», 1853 г., т. II, кн. 5). Умеръ Лебедевъ 5 іюня 1887 году.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 44.—«Московскія Вѣдомости», 1887 г., №№ 156, 157, 162.—«Московскій Листокъ», 1887 г., № 94.

Лебедевъ, *Иванъ Семеновичъ*, состоящій по сапернымъ баталіонамъ полковникъ. Въ молодыхъ годахъ онъ поступилъ на службу въ кавказскія войска и, прослуживъ тамъ до чина штабъ-офицера, свыкся съ Кавказомъ и тамошнею боевою жизнью, проявивъ отвагу и смѣлость при Дарго и въ сухарной экспедиціи. Война на Дунаѣ и оборона Севастополя застали Лебедева въ дѣйствующей арміи, хотя и раненаго, но бодраго и готоваго переносить вновь всѣ неразлучныя съ войною испытанія. Въ Севастополь онъ явился съ большою боевою опытностью и блестяще примѣнилъ ее при отбитіи штурма союзными войсками 4-го бастіона, когда послѣдніе были отброшены. По возвращеніи изъ Севастополя, будучи тяжело раненымъ, Лебедевъ состоялъ подъ покровительствомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, потомъ былъ комендантомъ одной крѣпости. Несмотря на страданія отъ ранъ, онъ слѣдилъ съ живымъ интересомъ за современной литературой, участвовалъ въ «Инженерномъ Журналѣ», гдѣ его труды были увѣнчаны преміей, и составлялъ записки объ инвалидныхъ домахъ и богадѣльняхъ, русскихъ и иностранныхъ. Отличительною чертою Лебедева была готовность помогать ближнимъ, особенно престарѣлымъ воинамъ и вдовамъ убитыхъ. Скончался онъ 2-го сентября 1868 года.

«Русскій Инвалидъ». 1868 г., № 250.—«Военный Сборникъ», 1868, кн. 10, стр. 162.

Лебедевъ, *Касторъ Никифоровичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, писатель, род. въ Пензѣ въ 1812 г., ум. 21 мая

1876 г. въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ Пензенской гимназіи, гдѣ его отецъ былъ учителемъ, поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Еще будучи студентомъ, Лебедевъ написалъ сатиру, надѣлавшую много шуму; по окончаніи курса въ университетѣ онъ поступилъ на службу въ военное министерство. Въ 1842 г. былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія департамента юстиціи по уголовнымъ дѣламъ. Съ 1848 г. былъ оберъ-прокуроромъ 1-го отдѣленія 6-го департамента Сената, затѣмъ служилъ по уголовному департаменту Москвы и Петербурга. Въ 1856 г. Лебедевъ былъ сдѣланъ директоромъ канцеляріи министерства юстиціи и вскорѣ назначенъ сенаторомъ по уголовнымъ дѣламъ. Въ 1868 г., согласно новому учрежденію Сената, Лебедевъ былъ сенаторомъ кассаціоннаго департамента. Изъ литературныхъ трудовъ его замѣчательна его сатира на Московскій университетъ и профессоровъ Каченовскаго, Погодина, Павлова, Надеждина (издателя «Телескопа») и Н. Полевого подъ названіемъ: «Когда царствовалъ Государь Царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешелъ въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства». (Москва, 1834 г.). Сначала сатира, носившая названіе просто «О царѣ Горохѣ», была распространена во многихъ спискахъ и пользовалась большой извѣстностью въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ. Сатира эта изображаетъ совѣщаніе профессоровъ, въ которомъ каждый изъ нихъ, обозначенный одною изъ первыхъ пяти буквъ греческаго алфавита, рѣшаетъ вопросъ о времени царствованія царя Гороха сообразно съ взглядами и пріемами рѣчи осмѣиваемаго лица. «Крайности теоретическаго увлеченія однихъ, искусственность и чуждыя духу русскаго языка выраженія другихъ, педантичность и напыщенность реторическаго краснорѣчія третьихъ — все это не ушло отъ насмѣшливой наблюдательности автора». Сатира снабжена эпиграфомъ на обложкѣ: «Ergo, мотай себѣ на усъ». Изъ другихъ трудовъ Лебедева, кромѣ статей въ спеціальныхъ журналахъ, интересны его записки, составленныя въ эпоху осады Севастополя. Онѣ описываютъ московскую жизнь того времени, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, воспоминанія о графѣ Закревскомъ, содержатъ и любопытные личные взгляды автора.

«Русская Старина», 1876 г., 1878 г., іюнь.— «Русск. Арх.», 1888 г., т. I; 1889 г., кн. I.—«Иллюстр. Газ.», 1876 г., № 27.—«Голосъ», 1876 г., № 179. — Формуляръ, хранящійся въ Имп. Рус. Ист. Общ.

Лебедевъ, *Козьма Васильевичъ*, над. сов., адъюнктъ по каѳедрѣ общей патологіи и терапіи при Московскомъ университетѣ, родился въ семьѣ весьма бѣдныхъ родителей духовнаго званія; воспитывался въ Рязанской духовной семинаріи, откуда въ 1820 году поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета; по окончаніи курса лѣкаремъ 1-го отдѣленія (1824 г.) онъ служилъ частнымъ врачемъ въ Москвѣ (съ 11-го марта 1825 года до 10 декабря того же года), выдержалъ экзаменъ (1827—1828 гг.) и защитилъ диссертацію на степень доктора медицины (11-го ноября 1829 г.), послѣ чего былъ командированъ на Воробьевы горы, близъ Москвы, для борьбы съ холерой среди чернорабочихъ; затѣмъ въ 1831 году онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ общей патологіи и терапіи въ Московскомъ университетѣ и въ то же время состоялъ врачемъ при Московской удѣльной конторѣ. Оставленный за штатомъ при перемѣнѣ университетскаго устава, Лебедевъ былъ избранъ въ 1839 году въ адъюнкты Московской медико-хирургической академіи по каѳедрѣ общей терапіи и фармакологіи съ рецептурой, но и отсюда былъ уволенъ вслѣдствіе закрытія академіи. Въ 60-хъ годахъ онъ служилъ еще при Московскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ, послѣднее же время прожилъ внѣ службы въ маленькомъ имѣніи Тихомъ, недалеко отъ станціи Пушкино, по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ, гдѣ и скончался 17 іюля 1884 года. Лебедевъ состоялъ членомъ обществъ С.-Петербургскаго русскихъ врачей и Московскаго физико-медицинскаго.

Ему принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «De febre adinamica vulgo dicta putrida» М. 1829 г. (докторская диссертація); «О средствахъ къ скорѣйшему усовершенствованію медицины въ Россіи» («Вѣстникъ естественныхъ наукъ и медицины», 1829 г., кн. III); «Краткое ученіе о горячкахъ», М. 1831 г.; «О повальныхъ болѣзняхъ», лекція («Учен. Записки Москов. у-та» 1833 г., ч. II, кн. 6); «О пищевареніи» (тамъ же, ч. III, кн. 7 и 9); «О жизни, письмо къ проф. Максимовичу»

(тамъ же, 1834 г., ч. IV, кн. 12); «Содержаніе общей патологіи», лекція (тамъ же, 1835 г., ч. VII, кн. 7); «Общая антропологія». М. 1835 г.; «О способахъ лѣченія и ихъ раздѣленіи, лекція («Ученыя Записки Московск. у-та», 1836 г., ч. X, кн. 4); «Опытъ критическаго обозрѣнія нозологическихъ системъ Линнея, Фогеля, Саважа, Согара, Куллена, Пинеля, Мудрова, Шенлейна, Дядьковскаго, Гуда и Сокольскаго», М. 1840 г.; «Руководство къ общей терапіи», М. 1841 г.; «Общая фармакологія», М., 1842 г.; «Практическая фармакологія», М., 1842 г. (второе изданіе вышло подъ названіемъ «Наука о лѣкарствахъ или фармакологія» М., 1853 г.); «Рецептура», М., 1843 г.; «О повальныхъ болѣзняхъ и въ частности холерѣ» («Московск. Вѣд.», 1849 г., №№ 106—109). Кромѣ того, Лебедевъ напечаталъ рядъ статей въ повременныхъ же медицинскихъ изданіяхъ и издалъ книгу подъ названіемъ: «Практическая медицина: разсужденіе о дѣйствіи лѣкарствъ на человѣческое тѣло», соч. проф. І. Дядьковскаго, съ его біографіей. М., 1847 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета», ч. I, стр. 450—451.—*І. Ѳ. Залѣвъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 171—172.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. IV, стр. 53—54.—«Московскія Вѣдом.», 1884 г., № 319.—«Отчеты Московскаго ун-та съ 1830 по 1836 г.».

Лебедевъ, *Михаилъ Ивановичъ*, художникъ-пейзажистъ, сынъ ремесленника, род. въ 1812 г. въ Дерптѣ, воспитывался въ Дерптской гимназіи; потомъ былъ рисовальщикомъ при Дерптскомъ университетѣ. Въ 1829 г. онъ былъ посланъ въ Петербургъ и опредѣленъ на счетъ Кабинета въ Академію Художествъ, ученикомъ къ Воробьеву. Въ Академіи онъ сразу обратилъ на себя вниманіе и уже 31 іюля того же 1829 г. получилъ за успѣхи награду «второго достоинства». Въ 1832 г. Лебедевъ былъ удостоенъ серебряной медали за «Виды Петровскаго острова»; въ слѣдующемъ году получилъ первую золотую медаль и выпущенъ былъ изъ Академіи класснымъ художникомъ; за «Видъ на Ладожскомъ озерѣ» былъ отправленъ на казенный счетъ для усовершенствованія въ Италію, оттуда прислалъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей; умеръ онъ въ Неаполѣ въ іюлѣ 1837 года отъ холеры и былъ погребенъ въ общей ямѣ. Лебедевъ подавалъ очень большія надежды, и его имя, несмотря на весьма кратковременную дѣятельность, помѣщено на медали въ память столѣтняго юбилея Императорской Академіи Художествъ въ числѣ выдающихся сподвижниковъ ея за время президентства герцога Лейхтенбергскаго. Среди отличныхъ вообще работъ Лебедева особенно замѣчательны: «Видъ на Петровскомъ островѣ» (1832 г., въ Императорской Академіи Художествъ), «Видъ Павловскаго парка», «Видъ Кастель-Гандольфо» (1836 г.), «Видъ мѣстечка Арриго близъ Рима» (1836 г.)—три послѣднія находятся въ Музеѣ Императора Александра III.

«Русскій Энцикл. Слов.» Березина, т. I. отд. III.— «Мѣсяцесловъ» на 1840 г.—Каталогъ Музея Имп. Александра III.—*Петровъ*, «Сборн. Мат. для ист. Имп. Акад. Худож. за сто лѣтъ».—*Ровинскій*. «Словарь гравиров. портр.».—«Сынъ Отечества», 1837 г.—*Иверсенъ*. «Медали въ честь русскихъ дѣятелей».—*А. Н. Андреевъ*. «Живопись и живописцы».

Лебедевъ, *Михаилъ Николаевичъ*, ген.-маіоръ Генеральнаго штаба и начальникъ съемки юго-западнаго пространства Россіи. Онъ считался знатокомъ геодезіи и принадлежалъ къ числу лучшихъ производителей военно-топографическихъ работъ; имъ, между прочимъ, были произведены топографическіе снимки въ Болгаріи и на нашей юго-западной границѣ. Скончался Лебедевъ 5 декабря 1892 г. въ Варшавѣ.

«Новое Время», 1892 г., № 6037.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей», вып. XII, стр. 115.

Лебедевъ, *Никифоръ Дмитріевичъ*, с. с., адъюнктъ по каѳедрѣ исторіи и литературы медицины въ Московскомъ университетѣ, докторъ медицины, родился 13 марта 1799 г. въ семьѣ духовнаго званія въ селѣ Орловомъ Городкѣ, Тверской губ. Выучившись дома начальной грамотѣ, онъ въ 1809 году поступилъ въ Бѣжецкое духовное училище, а оттуда въ 1815 году перешелъ въ Тверскую семинарію. Въ 1818 г. Лебедевъ опредѣлился въ Московскій университетъ по медицинскому факультету, который окончилъ въ 1825 году съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и былъ оставленъ при университетѣ для полученія степени доктора. Въ это время по защитѣ диссертаціи «De natura imponderabilium in genere et de viribus vitalibus in specie» (М. 1825 г.) онъ былъ назначенъ по-

мощникомъ инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, а потомъ преподавателемъ на медицинскомъ факультетѣ исторіи и литературы медицины. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ врачемъ при типографіи Московскаго университета, въ слѣдующемъ году утвержденъ адъюнктомъ университета, а въ 1828 году адъюнктомъ Московской медико-хирургической академіи. Затѣмъ въ 1830 г. Лебедевъ занималъ должность секретаря Врачебнаго отдѣленія, принималъ участіе при прекращеніи холеры въ Москвѣ и въ 1840 г. былъ опредѣленъ главнымъ врачемъ отъ медицинскаго департамента для страховыхъ операцій скота въ Москвѣ. Онъ состоялъ членомъ Импер. московскаго общества сельскаго хозяйства. Лебедеву принадлежатъ слѣдующіе труды: «Краткая исторія медицины» (М. 1827 г.; 2-е изд. Спб. 1830 г.); «Изложеніе ученія о раздражительности». М. 1833 г.; «О jodii» («Ученыя Записки Московскаго Университета», 3, VII, 34); «О золотѣ», лекція (тамъ же, IX, 23); «О креозотѣ» (тамъ же, X, 156); «О современномъ направленіи физіологіи и успѣхъ въ ней Беля» (тамъ же, XII, 455) и «О синькотворѣ и его фармацевтическихъ составахъ» (тамъ же, 8, XII, 376).

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета», ч. I, стр. 451—452.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 172.

Лебедевъ, *Николай Ивановичъ*, преподаватель Московской духовной академіи, сынъ сельскаго священника Московской губерніи, род. въ 1849 г., ум. въ 1884 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Дмитровскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Виѳанской духовной семинаріи, откуда поступилъ въ 1868 г. въ Московскую духовную академію. Окончивъ академію въ числѣ первыхъ магистрантовъ, Лебедевъ былъ избранъ въ 1872 году приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ патрологіи. Въ 1878 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію «Сочиненіе Оригена противъ Цельса» и, получивъ степень магистра богословія, былъ утвержденъ въ должности доцента. Однако вскорѣ, въ 1881 г., ему пришлось по болѣзни покинуть каѳедру и академическую службу. Выйдя въ отставку, онъ сначала устроился на короткое время въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», а затѣмъ получилъ мѣсто учителя въ Московскомъ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ. Умеръ Лебедевъ въ Москвѣ скоропостижно.

Лебедевъ былъ даровитый человѣкъ и, судя по нѣкоторымъ его работамъ, имѣлъ задатки сдѣлаться серьезнымъ ученымъ; но его рано сгубила роковая страсть, жертвами которой сдѣлалось не мало способныхъ русскихъ людей. Кромѣ вышеупомянутой диссертаціи «Сочиненіе Оригена противъ Цельса. Опытъ изслѣдованія по исторіи литературной борьбы христіанства съ язычествомъ» (М. 1873), ему принадлежатъ слѣдующія журнальныя статьи: «Слово въ двадцатый день памяти прот. А. В. Горскаго» («Правосл. Обозрѣніе», 1875); «Цельсъ и Оригенъ. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи» («Чтенія въ Обществѣ любителей духов. просвѣщенія», 1879); «Макарій, митрополитъ всероссійскій» (тамъ же, 1877, 1878, 1880 и 1881 гг.); «Стоглавый соборъ. Опытъ изложенія его внутренней исторіи» (тамъ-же, 1882; отд. оттискъ М. 1882); «Мартинъ Лютеръ и Андрей Рудольфъ Карлштадтъ» (тамъ-же, 1882); «Очеркъ существующихъ въ церковно-исторической литературѣ сужденій о св. Іустинѣ мученикѣ» (тамъ-же, 1881,—библіографическая статья, подписанная иниціалами Н. Л.).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. III. Спб. 1887.—«Московскія Церковныя Вѣдомости», 1883 г., №№ 33 и 39.

А. Н.

Лебедевъ (*Морской*), *Николай Константиновичъ*, писатель, род. 25 сентября 1846 г., ум. 30 марта 1888 г. Сынъ учителя гимназіи, родился въ Симбирскѣ, и тамъ же прошелъ курсъ гимназіи, затѣмъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ. Мечталъ объ ученой карьерѣ и помѣстилъ нѣсколько статей въ журналѣ «Знаніе»; но любовь къ литературѣ отвлекла его въ другую область. За время студенчества и нѣсколько лѣтъ позже Лебедевъ давалъ уроки во многихъ купеческихъ домахъ, познакомился съ бытомъ купечества и написалъ романъ «Аристократія Гостинаго двора» (напечатанъ въ 1879 г. въ «Новомъ Времени» и отдѣльно); романъ этотъ въ свое время вызвалъ большой интересъ,—правда отчасти потому, что въ его дѣйствующихъ лицахъ узнавали портреты многихъ видныхъ петербургскихъ

купцовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ произведеніи чувствуется и настоящій недюжинный литературный талантъ. Черезъ два года Лебедевъ написалъ новый романъ «Содомъ» («Новое Время», 1881 г., и отдѣльно); это произведеніе обратило на себя вниманіе Достоевскаго, который пожелалъ познакомиться съ авторомъ его. Затѣмъ Лебедевъ, писавшій почти исключительно подъ псевдонимомъ «Морской», выпустилъ еще романы «Бароцейская королева», «Сандрильона», сборникъ разсказовъ «О дѣтяхъ не для дѣтей», повѣсти и разсказы: «Сережа», «Маскарадный балъ», «Дешевый хлѣбъ», «Маничка» и др. Особенно удавались ему дѣтскіе типы; слабую сторону его произведеній составляютъ иногда растянутость, иногда излишній реализмъ. Произведенія Лебедева помѣщались въ «Нивѣ», «Новп», «Сѣверѣ» и др. журналахъ; кромѣ того, Лебедевъ писалъ фельетоны въ разныхъ газетахъ.

«Нива». 1888 г., № 16.—«Сѣверъ», 1888 г., № 17.—«Новое Время», 1888 г., №№ 4342, 4344, 4350.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VIII, за 1888 г.

Лебедевъ, *Павелъ Васильевичъ*, протоіерей, законоучитель Николаевскаго Сиротскаго института въ С.-Петербургѣ, скончался съ 27 на 28 іюля 1881 года. Сынъ священника г. Старицы, Тверской губерніи; по окончаніи первоначальнаго образованія въ Тверской духовной семинаріи, а высшаго въ С.-Петербургской духовной академіи, въ 1853 году со степенью магистра оставленъ былъ при академіи бакалавромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія, въ 1856 году рукоположенъ во священники къ Спасосѣнновской церкви, въ 1858 году опредѣленъ законоучителемъ Маріинской женской гимназіи, а въ 1863 году перемѣщенъ законоучителемъ и священникомъ въ Николаевскій Сиротскій институтъ, при которомъ и состоялъ на службѣ по день своей смерти. Въ 1866 году Лебедевъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея. Въ томъ же и слѣдующемъ году онъ принималъ дѣятельное участіе въ Комитетѣ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній; съ 1877 года состоялъ благочиннымъ Царскосельскаго женскаго духовнаго училища и затѣмъ Царскосельскихъ церквей епархіальнаго вѣдомства. Лебедевъ отличался рѣдкимъ даромъ слова и высокимъ ораторскимъ искусствомъ и оставилъ глубокую память о себѣ, какъ выдающійся законоучитель и образцовый пастырь. Протоіерей Н.І. Розановъ, представляя блестящую характеристику Л-ва въ своей статьѣ—«Примѣръ для подражанія нашихъ оо. законоучителей женскихъ учебныхъ заведеній» («Церковный Вѣстникъ», 1881 г., № 45), между прочимъ, говоритъ: «Онъ сошелъ съ того монументальнаго холоднаго пьедестала, на которомъ обыкновенно привыкли видѣть законоучителя институтовъ, и устроилъ себѣ другой пьедесталъ, въ сердцахъ своихъ дѣтей воспитанницъ, и на этомъ пьедесталѣ сдѣлался свѣточемъ и нравственнымъ звеномъ для всего (учебнаго) заведенія». «Вопросъ о сближеніи духовенства съ обществомъ, церкви съ жизнію рѣшилъ онъ очень просто и безъ ущерба для достоинства церкви». Магистерское сочиненіе написано имъ на тему: «Планъ гомилетики и краткое изложеніе особенно важныхъ ея частей, сдѣланное на основаніи замѣчаній Слова Божія и отцовъ церкви касательно церковнаго проповѣдничества». Ему же принадлежатъ литографированныя записки по гомилетикѣ (рукоп. Архива Св. Синода № 1594). Въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 1879 годъ, № 24, напечатана его рѣчь къ воспитанницамъ Николаевскаго Сиротскаго института.

Некрологъ въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», 1881 г., № 94.—*Родосскій А.*, «Біографическій Словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи 1814—1869 гг.».

А. Никольскій.

Лебедевъ, *Павелъ Исаевичъ*, протоіерей, сынъ священника слободы Козловки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи. По окончаніи курса наукъ въ Воронежской семинаріи въ 1824 году онъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, которую и окончилъ со степенью магистра въ 1827 г.; затѣмъ опредѣленъ былъ профессоромъ философскихъ наукъ въ Харьковскую семинарію; въ 1834-мъ году рукоположенъ въ священники къ Александро-Невской церкви Харьковской губернской гимназіи и сдѣланъ законоучителемъ ея. Покойный архіепископъ Харьковскій Иннокентій, которому Высочайше поручено было въ началѣ 40-хъ годовъ составить «Памятникъ Православія», долженствовавшій въ себѣ заключать «свидѣтельства всѣхъ вѣковъ и временъ, доказывающія неуклон-

ное происхожденіе нашей вѣры отъ самого Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ и неизмѣнную вѣрность ея первоначальнымъ уставамъ и преданіямъ Вселенской церкви», избралъ протоіерея Лебедева своимъ ближайшимъ сотрудникомъ по переводу церковныхъ актовъ съ греческаго языка. Неизвѣстный авторъ въ некрологѣ протоіерея Лебедева говоритъ: «Какую судьбу имѣлъ этотъ замѣчательный сборникъ, гдѣ онъ нынѣ обрѣтается и явится ли когда-нибудь на свѣтъ къ назиданію и утвержденію умовъ многихъ,—это остается совершенно неизвѣстнымъ». По этому поводу считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь, что помянутый «Памятникъ православія» находится въ числѣ рукописей Архива Св. Синода.

Въ 1843 году протоіерей Лебедевъ уволенъ былъ отъ должности профессора Коллегіума; въ 1850 году опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ по каѳедрѣ богословія и философіи, а въ 1858 году уволенъ отъ этой должности за выслугою лѣтъ. По выходѣ въ отставку протоіерей Лебедевъ «стѣсненъ былъ въ жизненныхъ средствахъ и принужденъ былъ жить подъ полуразрушеннымъ кровомъ, плохо защищавшимъ его отъ непогоды», скончался онъ 8 декабря 1865 года отъ апоплексическаго удара.

«Прибавленіе къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» за 1865 г., № 125.—«Духовный Дневникъ», 1866 г., № 1, стр. 17—37.

А. Никольскій.

Лебедевъ, *Павелъ*, преподаватель Тверской духовной семинаріи, изъ воспитанниковъ Ярославской духовной семинаріи и Московской духовной академіи, умеръ въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія. Имъ напечатаны «Записки объ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта». Тверь, 1861 года.

Владиміръ Колосовъ, «Исторія Тверской духовной семинаріи», Тверь. 1889 г.

А. Н.

Лебедевъ, *Петръ Алексѣевичъ*, каѳедральный протоіерей Исаакіевскаго собора, сынъ священника Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, села Звѣрева, род. въ 1806 г., ум. 2 сентября 1887 г. По окончаніи курса въ Нижегородской семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1831 г. и въ томъ же году былъ опредѣленъ священникомъ и законоучителемъ въ Маріинскій институтъ въ Петербургѣ; здѣсь онъ состоялъ до 1836 г., когда назначенъ былъ законоучителемъ и священникомъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, откуда въ 1866 г. перемѣщенъ въ Вознесенскую приходскую церковь. Съ 1832 по 1869 г.г. онъ преподавалъ Законъ Божій въ аудиторской школѣ (впослѣдствіи военно-юридическое училище, а нынѣ Военно-юридическая академія), съ 1835 по 1859 гг.—въ повивальномъ институтѣ; въ теченіе 40 лѣтъ Лебедевъ занимался преподавательскою дѣятельностью, пользуясь любовью и уваженіемъ своихъ многочисленныхъ учениковъ. Какъ пастырь, онъ снискалъ любовь и уваженіе и прихожанъ своихъ и столичнаго духовенства, которое избрало его въ 1869 г. духовникомъ священно-церковнослужителей одного изъ благочинническихъ округовъ. 30 сентября 1870 г. Лебедевъ былъ назначенъ настоятелемъ каѳедральнаго Исаакіевскаго собора. 8 апрѣля 1873 года онъ получилъ митру, 21 ноября 1881 года, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія церкви, о. Лебедевъ Высочайше пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 1-й ст.

«Пятидесятилѣтній юбилей настоятеля Исаакіевскаго собора протоіерея П. А. Лебедева». Изданіе соборнаго старосты. 1882 г., «Церковный Вѣстникъ», 1884 г., № 36.— *Родосскій.* «Біограф. Словарь студентовъ Спб. дух. акад.», стр. 234—235.

А. Никольскій.

Лебедевъ, *Петръ Николаевичъ*, преподаватель Московской духовной семинаріи и старшій справщикъ Московской синодальной типографіи, родился въ Ивановскомъ погостѣ, Волоколамскаго уѣзда, и былъ сынъ священника. Первоначальное образованіе Лебедевъ получилъ въ Звенигородскомъ духовномъ училищѣ и Виѳанской духовной семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ съ степенью кандидата богословіи въ 1873 г. Въ томъ же году Лебедевъ былъ назначенъ преподавателемъ литургики, гомилетики и практическаго руководства для пастырей церкви въ Волынскую дух. семинарію. Въ декабрѣ 1875 года онъ, по прошенію, былъ перемѣщенъ въ Калужскую семинарію, а черезъ полгода—въ Московскую. Въ послѣдней онъ нѣкоторое время былъ преподавателемъ латинскаго языка. Состоя на

службѣ при семинаріи, онъ былъ въ то же время преподавателемъ русскаго языка въ Московской земледѣльческой школѣ. Въ концѣ 1882 г. онъ послѣ нѣкотораго колебанія принялъ должность старшаго справщика Московской синодальной типографіи, продолжая состоять до конца учебнаго 1882—1883 г. преподавателемъ семинаріи. Но не долго ему пришлось быть въ этой должности: его постигъ недугъ, который и свелъ его преждевременно въ могилу 6 августа 1885 года.

Литературная дѣятельность Лебедева довольно обширна. Въ ряду русскихъ писателей—литургистовъ онъ занялъ почетное мѣсто благодаря двумъ своимъ трудамъ: «Наука о богослуженіи православной церкви» (въ 2-хъ частяхъ. М. 1881 г.) и «Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви» (М. 1883 г.). Состоя преподавателемъ литургики, Лебедевъ хорошо видѣлъ недостаточность семинарскаго учебника по этому предмету о. Смоладовича и задался цѣлью составить новый учебникъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Приведя ее въ исполненіе, написавъ «Науку о богослуженіи», Лебедевъ въ рукописи представилъ ее на разсмотрѣніе въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ, гдѣ трудъ его нашелъ себѣ должную оцѣнку—удостоенъ былъ половинной преміи митрополита Макарія. Преимущество этого учебника передъ учебникомъ о. Смоладовича представляетъ обиліе историко-археологическаго элемента, при введеніи котораго авторъ пользовался лучшими произведеніями западной и русской литургической литературы. Второй литургическій трудъ Лебедева, составленный уже послѣ перваго, представляетъ собою сокращеніе и упрощеніе перваго. Кромѣ этихъ главныхъ трудовъ, Лебедеву принадлежитъ довольно много статей, помѣщенныхъ въ духовныхъ газетахъ и журналахъ. Въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» имъ помѣщенъ рядъ статей: «Славянская Кормчая книга и ея предписанія о родствѣ по отношенію къ брачнымъ союзамъ» (вышедшая потомъ въ отдѣльныхъ оттискахъ), «Древность обрядовъ и священныхъ дѣйствій, соединенныхъ съ таинствами крещенія и миропомазанія», «О святомъ крестѣ» (археологическій очеркъ), «Право убѣжища» и «О мѣстахъ христіанскихъ собраній и богослуженія въ первые три вѣка». Въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1887 г. (№№ 11, 12) онъ помѣстилъ обширную статью «Современное проповѣдничество». Но болѣе всего Лебедевъ писалъ для изданій Общества Любит. Дух. Просвѣщ., членомъ котораго онъ состоялъ. Въ журналѣ общества «Чтенія» имъ помѣщены статьи: «О важности и значеніи изданія Обществомъ Люб. Дух. Просв. перваго тома правилъ св. апостоловъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями» (1878 г.) и «Объ отношеніи церкви къ народной мудрости» (1880 г.). Перу Лебедева принадлежитъ въ томъ же журналѣ нѣсколько внутреннихъ обозрѣній по различнымъ современнымъ вопросамъ, касающимся духовенства и духовно-учебнаго дѣла, каковы: о съѣздахъ духовенства (1877 г.), о благотворительности въ духовно-учебномъ мірѣ (1877 г.), о проповѣди (1877 г.), о семинарскомъ ученическомъ писательствѣ и неудовлетворительномъ состояніи его (1881 г.) и др.,—и нѣсколько статей библіографическаго содержанія (напр., о книгѣ А. фонъ-Фрикенъ. «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго искусства» (1877 г.). Наконецъ, Лебедевъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Епарх. Вѣдомостей», въ которыхъ нѣкоторое время велъ отдѣлы внутренняго и иностраннаго обозрѣнія, а также писалъ и передовыя статьи. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что перечисленные труды его написаны въ сравнительно немногіе годы при исполненіи въ то же время сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей преподавателя и при слабомъ его здоровьѣ.

«Московскія Церков. Вѣдомости», 1885 г., № 49, стр. 731—733.—«Волынскія Епарх. Вѣдомости», 1886 г., №№ 1, 2, стр. 39—41.

Лебедевъ, *Петръ Семеновичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1816 г., ум. 2 марта 1875 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1836 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лб.-гв. Волынскій полкъ; окончивъ затѣмъ курсъ въ Императорской Военной Академіи (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба), онъ переведенъ былъ въ Главный Штабъ, и въ 1846 г. назначенъ въ Императорскую Военную Академію адъюнктъ-профессоромъ военной географіи; затѣмъ читалъ здѣсь тактику, военную администрацію и военную исторію. Впослѣдствіи онъ состоялъ членомъ военно-цензурнаго комитета и чле-

номъ-редакторомъ коммисіи для улучшеній по военной части; съ 1855 г. по 1861 г. Лебедевъ былъ редакторомъ «Русскаго Инвалида»; въ 1862 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, былъ отчисленъ отъ Академіи и назначенъ членомъ петербургскаго и московскаго тюремныхъ комитетовъ; въ 1864 г. онъ командированъ былъ въ распоряженіе главнокомандующаго войсками Варшавскаго военнаго округа и назначенъ исправляющимъ должность помощника 2-й гренадерской дивизіи; въ 1865 году произведенъ въ генералъ-маіоры и съ 1869 г. командовалъ 7-ю пѣхотною дивизіею. Лебедевъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ журнальной литературѣ въ періодъ ея значительнаго оживленія. Въ бытность редакторомъ «Русскаго Инвалида» онъ напечаталъ интересную, хотя и компилятивную, статью «Фельдмаршалъ Радецкій и его походъ въ 1848—1849 гг.», переводъ «Очерка венгерской войны 1848—1849 гг.» и оригинальныя работы: «Бесѣды о военной администраціи», «Нѣсколько словъ о военномъ краснорѣчіи» и др.; въ 1863 г. онъ издалъ сочиненіе «Графы Никита и Петръ Панины (опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ)». Кромѣ того, Лебедевъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ статьями по современнымъ вопросамъ, но обыкновенно своихъ статей не подписывалъ.

«Русс. Инвалидъ» 1875, № 55.—«Иллюстр. Недѣля» 1875, № 12.

Лебедевъ, *Яковъ Петровичъ*, членъ Горнаго совѣта, родился въ 1833 году и высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ со степенью кандидата правъ (1854 г.) поступилъ на службу въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, потомъ служилъ въ Публичной Библіотекѣ, былъ помощникомъ и дѣлопроизводителемъ Горнаго совѣта, начальникомъ отдѣленія частныхъ золотыхъ промысловъ Горнаго департамента и, наконецъ, членомъ Горнаго совѣта. Скончался Лебедевъ 12 ноября 1885 г. въ Петербургѣ. Ему принадлежитъ одна печатная статья подъ заглавіемъ: «Объ обезпеченіи судебныхъ исковъ» («Юридическій Вѣстникъ», 1860 г., вып. I).

«Новости», 1885 г., № 314.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V, стр. 97—98.

Лебедевъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей», сынъ псаломщика православной русской церкви въ Иромѣ, близъ Будапешта, родился въ 1860 году и съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ хорошія природныя способности; объ этихъ дарованіяхъ узналъ директоръ лицея Цесаревича Николая П. М. Леонтьевъ и принялъ Лебедева во 2-й классъ своего заведенія (1871 г.); тутъ ему пришлось съ успѣхомъ пройти гимназическій курсъ (1871—1878 гг.); затѣмъ, пробывъ годъ въ университетскомъ отдѣленіи лицея (1879 г.), онъ отправился въ Лейпцигскую филологическую семинарію; но развитіе чахотки заставило его прервать занятія и переселиться на родину—въ Венгрію (1880 г.). Черезъ два года онъ вернулся въ Москву и, чувствуя себя здоровымъ, поступилъ въ сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей», дѣятельно занимаясь славянскимъ отдѣломъ. Но смерть жены такъ сильно потрясла его здоровье, что онъ, покинувъ Москву, отправился для излеченія болѣзни въ Италію, потомъ въ Алжиръ, наконецъ въ Венгрію, гдѣ и умеръ 14 марта 1886 г. въ Сентъ-Эндре, близъ Будапешта. Въ послѣдніе годы жизни Лебедевъ печаталъ «Письма изъ Венгріи» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1885—1886 гг.).

«Московскія Вѣдомости», 1886 г., №№ 74, 100. — *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, стр. 83.

Лебединцевъ, *Ѳеофанъ Гавриловичъ*, профессоръ Кіевской духовной академіи, род. въ 1826 въ Кіевской губерніи, ум. 12 марта 1888 г. въ Кіевѣ. Сынъ сельскаго священника Звенигородскаго уѣзда; образованіе получилъ въ Кіевской семинаріи, которую окончилъ блестяще, и въ Кіевской духовной академіи; окончивъ здѣсь курсъ въ 1851 г. со степенью старшаго кандидата богословія, Лебединцевъ вскорѣ получилъ степень магистра и занялъ мѣсто преподавателя въ Воронежской семинаріи, затѣмъ перешелъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ преподавалъ до 1861 г. Въ 1860—1863 гг. онъ редактировалъ журналъ «Руководство для сельскихъ священниковъ», основанный по его иниціативѣ, и помѣстилъ въ немъ рядъ статей, касающихся мѣстной исторіи. Въ 1861 г. Лебединцевъ получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Кіевской духовной академіи по каѳедрѣ

исторіи раскола. 4 декабря 1864 г. онъ оставилъ каѳедру и поступилъ на должность начальника Холмской дирекціи училищъ и явился однимъ изъ видныхъ дѣятелей по обрусенію Холмской Руси, давно ополяченной и увлеченной въ унію. Въ значительной степени благодаря энергіи Лебединцева и его преданности дѣлу состоялось, 5 октября 1865 г., открытіе мужской гимназіи въ Холмѣ, затѣмъ въ октябрѣ 1866 г. открытіе тамъ же женской гимназіи. Много поработалъ онъ и для открытія сельскихъ школъ; при его содѣйствіи два огромныя селенія на Австрійской границѣ вернулись въ православіе; въ 1866 г. Лебединцевъ, въ цѣляхъ ознакомленія съ положеніемъ православныхъ въ Галиціи, совершилъ поѣздку въ Галицію и затѣмъ хлопоталъ о принятіи галицкихъ священниковъ на священническія мѣста въ Кіевскую епархію. Онъ заботился также объ образованіи галицкаго духовенства и ходатайствовалъ передъ митрополитомъ и оберъ-прокуроромъ о пріемѣ его представителей въ русскія семинаріи. По его мысли былъ устроенъ въ концѣ 1866 г. постоянный почтовый трактъ между Холмомъ и Люблиномъ. Онъ мечталъ устроить въ Холмѣ братство и ученое литературное общество, но эти предположенія не были осуществлены, такъ какъ Лебединцевъ былъ переведенъ въ Люблинскую дирекцію, а въ 1872 г. въ Радомскую. Въ 1880 г. Лебединцевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ, гдѣ основалъ историческій журналъ «Кіевская Старина», одно изъ лучшихъ научныхъ провинціальныхъ изданій. Лебединцевъ былъ его редакторомъ до послѣдней своей болѣзни, когда передалъ редактированіе А. С. Лашкевичу. Изъ трудовъ Лебединцева наиболѣе важны: «Матеріалы для исторіи православія въ Западной Украйнѣ въ XVIII ст.», съ обширнымъ предисловіемъ; «Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій», 1864 г., 2 т.; «Братства; историческій обзоръ братствъ отъ первоначальнаго ихъ появленія до настоящаго времени» («Кіевск. Епарх. Вѣд.», 1862 г., №№ 8—10), «О жизни и трудахъ Кирилла и Меѳодія» (тамъ же, № 6), рядъ статей религіозно-духовнаго и проповѣдническаго содержанія; рядъ замѣтокъ: «О ярмаркахъ» («Основа» 1864 г., № 6), «Открытіе въ Холмѣ гимназіи и педагогическихъ курсовъ» («Кіевск. Епарх. Вѣд»., 1866, № XXI) и т. д. Въ «Кіевской Старинѣ» Лебединцевъ помѣстилъ рядъ рецензій и двѣ статьи: «О Шевченкѣ» (1887 г., кн. 11) и «Воспоминанія отшельника» (1887 г., кн. 12). Преданный дѣлу обрусенія юго-западнаго края, Лебединцевъ оказалъ въ этой области большія услуги Россіи: онъ собралъ также любопытныя свѣдѣнія о населеніи Галиціи.

«Историческій Вѣстникъ», 1888 г., май.—«Кіевскія Епарх. Вѣдомости», 1863 г., № 1, 1860 г., № 16.—«Кіевская Старина», 1888 г., № IV, 1889 г. № III, 1898 г. № III. IV. V.—«Кіевское Слово». 1888 г. № 348.—«Смоленскій Вѣстникъ», 1888 г., № 34.—«Новое Время». 1888 г., № 4325.—«Русская Старина». 1889 г., кн. 6.—«Холмско-Варшавскій епарх. вѣстникъ», 1888 г., № 7.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи», Кіевъ, 1864 г.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ, покойныхъ писателей», вып. VIII. М. 1900 г. стр. 62—63.—«Записки Имп. Одес. Общ. истор. и древн.». стр. 874. *Б. Г.*

Лебензонъ *Авраамъ Беръ* (Abraham-Dob-Ben-Ha-Kohen), еврейскій поэтъ и толкователь Библіи, род. въ 1787 г. близъ Вильны, ум. 7 ноября 1878 г. въ Вильнѣ. Получилъ образованіе въ виленскихъ еврейскихъ училищахъ и уже 11-ти лѣтъ прослылъ въ Вильнѣ выдающимся талмудистомъ. Когда въ Вильну прибылъ Когенъ, славившійся своими библейскими познаніями, Лебензонъ поступилъ въ число его учениковъ. Въ 1800 г. Лебензонъ окончилъ курсъ въ еврейскомъ училищѣ въ Михалишкахъ, близъ Вильны, но продолжалъ изучать каббалистику и философію религій. Кромѣ чисто еврейскихъ предметовъ обученія, которые онъ усвоилъ въ совершенствѣ, Лебензонъ изучалъ европейскіе языки и исторію, географію, математику и словесныя науки. Въ 1808 г. онъ получилъ мѣсто еврейскаго духовнаго судьи въ г. Ошмянахъ и началъ учить еврейскихъ дѣтей. Вскорѣ Лебензонъ долженъ былъ покинуть Ошмяны, такъ какъ возбудилъ подозрительность мѣстныхъ евреевъ расширеніемъ курса, преподаваемаго въ его школѣ, и предпринялъ изданіе Библіи съ Мендельсоновскимъ нѣмецкимъ переводомъ и собственными комментаріями; извѣстный еврейскій ученый А. Бенъ-Іаковъ принялъ участіе въ этомъ трудѣ Лебензона. Въ 1848 г. Лебензонъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ еврейскаго и халдейскаго языковъ при бывшемъ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ и оставался въ этой должности до 1864 г., когда окончательно покинулъ школу и по-

святилъ себя исключительно ученой и литературной работѣ. Лебензонъ писалъ стихи на древне-еврейскомъ языкѣ. Первый сборникъ его стихотвореній появился въ 1842 г. Въ немъ преобладалъ лирическій элементъ, критика современнаго ему еврейства и стремленіе къ дидактизму. Стихи, написанные на «священномъ» языкѣ, вызвали негодованіе многихъ ученыхъ раввиновъ. Во многихъ городахъ книга эта была предана «херему» (анаѳемѣ) и торжественно сожжена. Въ 1856 г. въ Вильнѣ вышло второе изданіе стиховъ Лебензона, въ 1858 г.—третье. Его «Новое толкованіе къ нѣкоторымъ книгамъ Библіи» появилось въ 1858 г.; другія его экзегетическія работы были изданы въ Вильнѣ въ 1849—1853 гг. Въ 1867 г. появилась талантливая аллегорическая драма Лебензона «Правда и Вѣра», также на еврейскомъ языкѣ. Помимо этихъ трудовъ, онъ помѣщалъ статьи въ еврейскихъ газетахъ; онъ написалъ молитву по случаю коронованія императора Александра II-го, за что получилъ бриллiантовый перстень, и въ 1861 г. серебряную медаль на Станиславской лентѣ. Экзегетическіе труды Лебензона содѣйствовали распространенію среди евреевъ здраваго пониманія библейскаго текста, его поэтической силы и красотъ древне-еврейскаго языка; его стихотворенія впослѣдствіи получили общее признаніе; они оживили въ средѣ евреевъ умиравшій древне-еврейскій языкъ. Лебензонъ не оставался чуждъ начинаніямъ 40-хъ и 60-хъ гг., имѣвшимъ цѣлью распространеніе въ средѣ его единовѣрцевъ культурныхъ началъ и, между прочимъ, стоялъ во главѣ кружка, который устроилъ въ Вильнѣ первую реформированную синагогу.

«Недѣльная Хроника Восхода», 1883 г., №№ 15—17.—«Русскій Еврей», 1880 г., № 3.—«Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія среди евреевъ» за 1878 г.—«Виленскій Вѣстникъ», 1858 г., № 52.—«Еврейская Библіотека», т. VIII.—Encyklopedyja powszechna», W. 1864 г., т. 16. *Б. Г.*

Леберехтъ, *Карлъ Александровичъ*, медальеръ, род. въ 1755 г. въ Мейнингенѣ, ум. въ 1827 г. Въ 1779 г. онъ поступилъ на службу въ петербургскій монетный дворъ; въ 1783—1785 г. былъ въ командировкѣ за границей для усовершенствованія, въ 1794 г. получилъ званіе академика Академіи Художествъ, въ 1799 г. принялъ русское подданство и съ 1800 г. до конца своей жизни былъ преподавателемъ въ учрежденномъ при Академіи медальерномъ классѣ. Въ томъ же году онъ признанъ былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ академіи и состоялъ учителемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая довольно искусно рѣзала на камнѣ. Леберехтъ былъ однимъ изъ лучшихъ медальеровъ своего времени и имѣлъ званіе почетнаго члена Берлинской и Стокгольмской академій. Имъ гравировано множество камней и медалей; изъ послѣднихъ наиболѣе замѣчательны: на раздѣлъ Польши, на столѣтіе Петербурга, на открытіе полтавскаго монумента, на открытіе новой Спб. биржи, на столѣтіе присоединенія Риги къ Россіи, въ честь Суворова, Потемкина, Грейга, Шереметева и др.

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».—«Энцикл. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 33.—«Русскіе портреты XVIII и XIX ст. (изд. вел. кн. Николая Михайловича), т. IV, стр. 106.

Лебрюнъ, *Александръ* (*Андрей*), родился въ Парижѣ въ ноябрѣ 1793 г., образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ (1812—1816 г.), гдѣ былъ удостоенъ степени доктора философіи. Начавъ службу въ одномъ изъ министерствъ въ С.-Петербургѣ, Лебрюнъ дослужился до чина надворнаго совѣтника и умеръ здѣсь же.

Извѣстно его историческое изслѣдованіе о Черноморской торговлѣ, написанное въ Дерптѣ въ 1816 г., годъ заглавіемъ: «Essai historique sur le commerce de la mer Noire. 1-me partie: depuis les premiers temps jusqu'au moyen âge. Dissertation présentée à la faculté de philosophie de l'universite impériale de Dorpat, pour obtenir le grade de docteur en philosophie».

Recke und *Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon», т. 3., Митава, 1831 г., стр., 31. «Nachträge und Fortsetzungen», Митава, 1861 г., стр. 5. *А. Г—ъ.*

Лебрюнъ, *Александръ-Антоній*, докторъ медицины и хирургіи, профессоръ Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ, род. 12 мая 1803 г., ум. 3 іюня 1868 г. въ Варшавѣ. Учился въ Collegium nobile ксендзовъ-піаровъ и въ Варшавскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1824 г., получивъ за время студенчества двѣ золотыя медали. По окончаніи курса онъ совершилъ путешествіе за границу, посѣтилъ Пруссію, Францію, Англію, Бельгію и Австрію, слушалъ лучшихъ клиницистовъ и работалъ въ больни-

цахъ. Въ этомъ путешествіи Лебрюнъ провелъ около пяти лѣтъ и по возвращеніи на родину былъ сдѣланъ въ 1829 г. ординарнымъ врачемъ при госпиталѣ Младенца Іисуса. 16 ноября 1836 г. онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ «Дома Здоровья» въ Варшавѣ. Тесть Лебрюна завѣщалъ капиталъ на устройство въ госпиталѣ хирургическаго зала. Медленность администраціи въ исполненіи этого порученія побудила Лебрюна просить ревизіи и контроля; были обнаружены большіе безпорядки въ госпиталѣ, страшная смертность среди больныхъ, и администрація больницы была смѣнена; въ 1838 г. Лебрюну былъ порученъ врачебный и гигіеническій надзоръ надъ госпиталемъ, въ 1840 г. онъ сдѣлался въ немъ главнымъ докторомъ. Лебрюнъ постоянно слѣдилъ за научными открытіями въ медицинѣ и нерѣдко первый примѣнялъ ихъ на практикѣ въ Россіи: такъ онъ впервые въ Россіи сталъ употреблять при операціяхъ эфиръ, а съ 1847 г. хлороформъ.

Одновременно съ назначеніемъ Лебрюна врачемъ въ госпиталь, онъ сдѣлался членомъ Варшавскаго докторскаго общества, былъ въ немъ съ 1833 г. временнымъ секретаремъ, съ 1840 г. почетнымъ членомъ, въ 1849 г. вице-президентомъ, въ 1855 г. избранъ былъ президентомъ общества. Съ его времени началось изданіе особыхъ «Pamiętników towarzystwa warszawskiego liekarskiego», въ которыхъ помѣщались всѣ доклады и отчеты о дѣятельности Общества. 5 февр. 1860 г. Лебрюнъ былъ назначенъ профессоромъ Медико-хирургической академіи въ Варшавѣ по каѳедрѣ оперативной хирургіи, а въ 1862 г. онъ сдѣлался первымъ деканомъ въ Главной школѣ, остался въ прежнемъ званіи и по присоединеніи академіи къ Главной школѣ. Лебрюнъ пользовался извѣстностью, какъ талантливый хирургъ, выдавался энергіею, любовью къ дѣлу, готовностью помогать всякому нуждающемуся въ помощи; русскій врачъ, знавшій лично Лебрюна, пишетъ о немъ: «дѣйствительно, весьма мало удавалось намъ встрѣчать подобныхъ ему врачей». Въ 1836 г. Лебрюнъ издалъ въ Варшавѣ «Pamiętnik chirurgiczny spitala D. Jesusa» (Варшава.); въ 1841—1867 г. описывалъ дѣятельность свою въ госпиталѣ въ «Pamiętnikie Tow. Liek.». Лебрюнъ напечаталъ много спеціально медицинскихъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, но нѣсколько статей и въ періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ болѣе общій медицинскій характеръ.

J. F. Nowakowski, «Życie i praca Alexandra Antoniego Le Brüna», Варшава. 1868 г.—«Медицинскій Вѣстникъ», 1868. № 24.—«Pamiętnik Towarzystwa liekarskiego», разные томы за 1834—1867 г.—«Gazeta liekarska» 1867 г., №№ 24, 25 и 26.—Брокгаузъ и Ефр. «Энцикл. Словарь. т. 17, стр. 426.

Лебцельтернъ, Людвигъ, графъ, австрійскій полномочный министръ въ С.-Петербургѣ, сынъ барона Адама Лебцельтерна, родился въ 1774 г., дипломатическую службу началъ въ 1790 г. причисленнымъ къ австрійскому посольству въ Лиссабонѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ. Затѣмъ съ 1797—1800 г. состоялъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ, а въ 1800 г. переведенъ былъ секретаремъ посольства въ Римъ; состоя тамъ же съ 1805 г. повѣреннымъ по дѣламъ, гр. Лебцельтернъ въ іюнѣ 1809 г. былъ высланъ изъ Рима Наполеономъ. Въ ближайшіе затѣмъ годы, до 1813 г., онъ находился при кн. Меттернихѣ въ Парижѣ; въ 1814 г. союзными державами посланъ былъ во главѣ миссіи въ Швейцарію и потомъ сопровождалъ папу Пія VII въ Римъ. Въ 1815 г. послѣдовало назначеніе Лебцельтерна полномочнымъ министромъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь въ 1823 г. онъ женился на старшей дочери Ивана Степановича гр. Лаваль, Зинандѣ, на сестрѣ которой былъ женатъ декабристъ кн. С. П. Трубецкой. Послѣдній, уклонившись отъ активнаго участія въ бунтѣ 14 декабря 1825 г., выжидалъ его результатовъ въ домѣ графини Лебцельтернъ. Это обстоятельство стало извѣстно судебному слѣдствію и, быть можетъ, послужило причиною къ отозванію Лебцельтерна, въ началѣ 1826 г., изъ С.-Петербурга. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ австрійскимъ полномочнымъ министромъ въ Неаполь; въ 1844 году вышелъ въ отставку и въ 1854 г. скончался въ Неаполѣ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, Спб., 1907 г., т. II. № 90. *А. Г.*

Левалидовъ, *Андрей Яковлевичъ*, генер.-пор., исправлявшій должность Воронежскаго и Харьковскаго генералъ-губер-

натора, шефъ корпуса малороссійскихъ пѣшихъ стрѣлковъ. Воспитывался въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1756 г. былъ выпущенъ въ артиллерію штыкъ-юнкеромъ. Наступившая первая турецкая война дала ему возможность проявить усердіе и храбрость на Ларгѣ и при Кагулѣ и Карасу и получить чинъ маіора и Военный орденъ 4 класса. Дослужившись до чина подполковника въ артиллеріи, онъ былъ переведенъ въ армію съ чиномъ полковника и получилъ конный полкъ. Затѣмъ въ 1782 г. Левалидовъ былъ произведенъ въ бригадиры, въ 1784 г.—въ генералъ-маіоры и въ 1791 г.—генералъ-поручики и награжденъ орд. св. Владиміра 2-й степени. Зачислившись въ 1792 г. въ корпусъ генерала Каховскаго, дѣйствовавшій въ польской украйнѣ, Левалидовъ 3 іюня разбилъ непріятеля при Вишнеполѣ, затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Любарѣ, (12 іюня), когда содѣйствовалъ пораженію Іосифа Понятовскаго, при Владимірѣ (26 іюня) и при Дубенкѣ (2 іюля). За эту кампанію онъ награжденъ былъ золотою шпагою, украшенною алмазами. Въ 1793 г. Левалидовъ получилъ отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго Орла и св. Станислава. Въ 1794 г. онъ быстро и успѣшно сформировалъ и обучилъ корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ, составленный изъ малороссійскихъ казаковъ и монастырскихъ крестьянъ, и въ награду былъ пожалованъ шефомъ этого корпуса. Въ 1796 г. ему повелѣно было исполнять должность генералъ-губернатора Воронежскаго и Харьковскаго, съ оставленіемъ при арміи. Въ царствованіе Павла I Левалидовъ вышелъ въ отставку. Скончался онъ въ 1803 году.

Архивъ Имп. Рус. Истор. Общества.

Леванда, *Иванъ Ивановичъ*, кол. сов., членъ Россійской Академіи; по порученію послѣдней, разсмотрѣлъ неизвѣстнаго автора сочиненіе «Сходство между санскритскимъ и россійскимъ языкомъ» и присоединилъ къ нему собственное изслѣдованіе «О родоначаліи склавоновъ, или славянъ, и происхожденіи наименованія оныхъ». Въ этомъ трудѣ онъ разобралъ и объяснилъ 108 словъ санскритскихъ, сродныхъ съ русскими, за что и былъ удостоенъ въ 1811 г. званія члена Академіи.

Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII, стр. 464—465.

Леванда, *Іоаннъ Васильевичъ*, протоіерей Кіево-Софійскаго собора, сынъ бѣднаго кіевскаго сапожника Василія Сикачки, проповѣдникъ, род. въ мартѣ 1734 г., ум. 25 іюня 1814 г. Въ 1748 г. онъ поступилъ въ Кіевскую академію; здѣсь онъ получилъ и свою новую фамилію, по одному преданію—потому, что поступилъ въ академію по настоянію и на средства священника Іоанна Леванды, по другому преданію — фамилію Леванды далъ ему ректоръ академіи Самуилъ Миславскій въ знакъ того, что краснорѣчіе его такъ же пріятно, какъ запахъ цвѣтка, къ тому же полезнаго во врачеваніи. Изъ товарищей его по академіи слѣдуетъ указать на трехъ наиболѣе извѣстныхъ и долговѣчныхъ, а именно: Н. И. Вантышъ - Каменскаго († 1814 г.), Ѳеоктиста Мочульскаго, архіепископа Курскаго († 1818 г.) и Платона Любарскаго, архіепископа Екатеринославскаго († 1811 г.); съ ними онъ состоялъ въ перепискѣ и подъ старость. Леванда окончилъ полный курсъ академіи въ 1760 г. и въ теченіе двухъ лѣтъ былъ въ академіи учителемъ низшаго класса грамматики. Уже въ академіи онъ обратилъ на себя вниманіе проповѣдями, произнесенными имъ въ общихъ собраніяхъ академическихъ, а также и привѣтственными рѣчами при встрѣчѣ высокопоставленныхъ особъ, посѣщавшихъ иногда академію; произносилъ онъ проповѣди и въ Кіевскихъ монастыряхъ по назначенію начальства; 28 сентября 1763 г. онъ былъ рукоположенъ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ во священника Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, при которомъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ. Свою проповѣдническую дѣятельность Леванда особенно усилилъ въ ту эпоху, когда Кіевъ былъ жертвою чумы (съ 3 сентября 1770 года до весны 1772 года). Леванда обнаружилъ при этомъ и выдающуюся неустрашимость: въ то время какъ многіе въ паническомъ ужасѣ бѣжали зараженныхъ, онъ безбоязненно шелъ навстрѣчу смерти, напутствовалъ больныхъ и облегчалъ ихъ словомъ утѣшенія. Въ 1779 году Леванда былъ назначенъ намѣстникомъ «тогобочныхъ заднѣпровскихъ церквей до Кіево-Подольской протопопіи принадлежащихъ». Нельзя не отмѣтить, что въ 1778 и слѣдующихъ годахъ его посѣщалъ знаменитый Державинъ и «всегда возвращался отъ него съ особеннымъ удовольствіемъ». Въ 1783 г., Леванда возведенъ былъ въ санъ протоіерея,

а въ 1786 г. назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Въ 1787 г. императрица Екатерина II во время пребыванія своего въ Кіевѣ собственноручно возложила на выдающагося проповѣдника осыпанный бриллiантами золотой крестъ, какой до этого времени имѣлъ только одинъ духовникъ императрицы; затѣмъ повелѣла Левандѣ употреблять при богослуженіи палицу, которая до того времени составляла принадлежность только архіереевъ. Въ 1796 году Леванда назначенъ былъ для осмотра благочинія въ церквахъ присоединеннаго къ Россіи отъ Польши края и «для наставленія тамошняго священства въ ихъ должности». Въ этомъ же году скончался митрополитъ Кіевскій Самуилъ Миславскій, и Леванда «почтилъ своего владыку и благодѣтеля надгробнымъ словомъ». Въ «Запискахъ» Ф. Ф. Вигеля, бывшаго тогда еще мальчикомъ, сохранилось объ этомъ такое воспоминаніе: «Незадолго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры (т. е. Самуилъ). Происходили похороны въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина: меня, какъ малолѣтняго, имъ любимаго, поставили близъ самаго гроба, который низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица, усопшаго праведника, но что было со мной, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ! Съ прекрасной наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ еще лучше, чѣмъ писалъ. Въ эту минуту онъ былъ очарователенъ, слезы текли ручьями изъ глазъ его и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого поразительнаго часа». Императоръ Павелъ I, посѣтивъ въ 1797 г. Кіевъ, имѣлъ случай узнать Леванду и тоже оцѣнить его, какъ краснорѣчиваго оратора. 7 октября 1798 г. Леванда награжденъ былъ митрою наравнѣ съ членами Св. Синода изъ бѣлаго духовенства. Въ 1801 г. онъ присутствовалъ на коронованіи императора Александра I и говорилъ рѣчь императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Лѣтомъ 1804 г. посѣтилъ Кіевъ для осмотра древностей московскій митрополитъ Платонъ, познакомился съ Левандою и, по возвращеніи въ Москву, написалъ ему любезное письмо и прислалъ подарокъ. Матеріальное положеніе Леванды со времени назначенія его каѳедральнымъ протоіереемъ было далеко необезпеченнымъ: штатнаго жалованья 400 р. с. въ годъ съ незначительными доходами при большемъ семействѣ его (въ 1778 году онъ имѣлъ восьмерыхъ дѣтей) было не особенно много, почему въ февралѣ 1807 года Леванда обратился къ государю съ просьбою о пожалованіи ему пенсіи на службѣ, но вмѣсто послѣдней въ 1809 году получилъ 1000 р. с. единовременнаго пособія. 12 декабря 1810 г. Леванда награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й ст. при лестномъ рескриптѣ. Князь П. М. Долгорукій такъ описываетъ впечатлѣніе, какое онъ вынесъ изъ личнаго знакомства съ Левандою: «Въ храмѣ Софійскомъ есть каѳедра; ее ли не назовемъ первою въ нашей Россійской церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ. Говоря о великихъ въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ».

9 іюля 1811 года «разразилась надъ Левандою и всѣмъ Кіево-Подоломъ наглое и страшное несчастіе»: страшный пожаръ истребилъ Кіево-Подолъ при засухѣ, вѣтрѣ и пламенномъ вихрѣ; церкви, монастыри и дома пали въ огнѣ и пеплѣ, сгорѣлъ и домъ Леванды. Цѣлую недѣлю онъ жилъ подъ открытымъ небомъ «на Оболоньѣ» и шесть недѣль въ саду и огородѣ своего знакомаго подъ Кирилловскомъ. За пожаромъ послѣдовала жестокая и опасная болѣзнь—послѣдствіе испытаній, перенесенныхъ имъ во время пожара, а въ 1812 году новый ударъ поразилъ Леванду: 23 апрѣля скончалась жена его Евфимія. За этимъ ударомъ немедленно послѣдовалъ другой: того же апрѣля 25-го скончался въ С.-Петербургѣ сынъ его, статскій совѣтникъ Александръ, «оставившій сиротъ обоего пола кучу». Леванда прожилъ еще два года, но это было «медленное угасаніе, изрѣдка прерывавшееся вспышками патріотизма» по случаю происходившей Отечественной войны. Эти патріотическія чувства, волновавшія Леванду, выражены имъ въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Скончался

о. Леванда 25 іюня 1814 года, 80-тилѣтъ отъ роду, погребенъ 27-го іюня въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ.

Нравственная личность протоіерея Леванды обрисовывается особенно въ его письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, а также въ одномъ изъ писемъ Измайлова. Одинъ изъ біографовъ Леванды писалъ въ 1872 году: «Около 60-ти лѣтъ прошло съ того времени, какъ сошелъ Леванда съ жизненнаго поприща, но слава его и любовь къ нему еще живы между жителями Кіева. Рѣдкое семейство не имѣетъ портрета Леванды и рѣдко кто съ восторгомъ не вспоминаетъ о славномъ проповѣдникѣ». Портретъ Леванды имѣется въ торжественномъ залѣ Кіевской академіи, другой въ церковно-археологическомъ музеѣ при той же академіи. Въ концѣ 60-хъ годовъ, когда нужно было въ Кіевѣ провести улицу мимо того мѣста, гдѣ когда то, еще до большого пожара 1811 г., стоялъ домъ Леванды, улицу эту назвали «Левандовскою».

Протоіерей Леванда, получившій отъ современниковъ прозваніе «Кіевскаго Златоуста», не желалъ печатать своихъ поученій и при жизни его напечатано было лишь нѣсколько его словъ и рѣчей. Но рукописные списки его поученій, нерѣдко съ автографовъ, дѣлались весьма часто и цѣлые рукописные сборники проповѣдей Леванды были распространены въ большомъ количествѣ еще при жизни автора. Съ одного изъ такихъ списковъ слова и рѣчи протоіерея Леванды напечатаны были въ первый разъ Похорскимъ въ 1821 году въ трехъ частяхъ; но это изданіе сдѣлано не съ полнаго собранія поученій и изобилуетъ многими опечатками и искаженіями. Въ это печатное изданіе не вошли даже нѣкоторыя рѣчи, напечатанныя ранѣе въ «Сынѣ Отечества»; однако болѣе полнаго и исправнаго изданія словъ и рѣчей кіевскаго проповѣдника до сихъ поръ еще нѣтъ. Изрѣдка появлялись то въ одномъ, то въ другомъ духовномъ журналѣ еще неизданныя отдѣльныя проповѣди его—такъ онѣ находятся между прочимъ въ «Христ. Чтеніи» за 1832 г. и въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1863 и 1864 гг. Профессора Кіевской академіи Ф. Терновскій и С. Голубевъ помѣстили въ «Трудахъ Кіевской Академіи» за 1878 годъ біографію Леванды и часть неизданныхъ проповѣдей и писемъ его. Восемь словъ и пятнадцать рѣчей Леванды изданы въ октябрьской книжкѣ «Трудовъ Кіевской духовной академіи» за 1878 годъ; въ этой же книжкѣ сдѣлана критическая оцѣнка проповѣдей о. Леванды. Въ октябрьской, ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Трудовъ Кіевской академіи» за тотъ же годъ изданы письма протоіерея Леванды, въ количествѣ 474.

Послѣ смерти Леванды не осталось никакого состоянія, и дочери его была Высочайше пожалована пенсія въ 600 р. въ годъ; почти единственное имущество, оставшееся послѣ знаменитаго проповѣдника—библіотека въ количествѣ до 600 томовъ—пріобрѣтена была для Кіевской духовной академіи.

«Словарь писат. духовнаго чина», I.—*Филаретъ*, «Обзоръ русской литер. Русское проповѣдничество»,—*Аскоченскій В.*, «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ».—*Остроумовъ Е.*, «Протоіерей Леванда» («Христ. Чтеніе», 1872 г., сентябрь, 50—87).—«Протоіерей Леванда». («Труды Кіевской духовной академіи за 1878 г., августъ. октябрь—декабрь»). — «Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1836 г.; ч. XII.—*Максимовичъ*, «Воспоминаніе о Левандѣ» («Кіевскія Епарх. Вѣдом.» 1869 г., № 10).—*А. Титовъ*, «Кіево-Софійскій протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Леванда (1734—1814). («Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія» 1911 г., сентябрь, 580—591).—Его-же, Біографическій очеркъ о Левандѣ въ «Библіографическихъ Запискахъ» за 1892 годъ.—Критико-Біографическій Словарь *Венгерова*, т. I, стр. 853.—*Измайловъ*, «Путешествіе въ полуденную Россію въ 1799 году», XXXI письмо.

Ант. Никольскій.

Леванда, *Левъ Осиповичъ*, журналистъ—писатель, род. въ Минскѣ въ іюнѣ 1835 г., ум. въ Петербургѣ 6 марта 1888 г. Происходилъ изъ небогатой еврейской семьи. Учился въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ; самостоятельно познакомившись съ произведеніями Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова и Лермонтова, онъ съ 16 лѣтъ самъ началъ писать. Въ 1854 г. Леванда окончилъ училище по педагогическому отдѣленію и былъ назначенъ учителемъ еврейскихъ предметовъ въ Минскомъ казенномъ училищѣ. Въ 1861 г. онъ былъ назначенъ на должность «ученаго еврея» при Виленскомъ генералъ-губернаторѣ; въ этомъ званіи Леванда оставался до кончины. Въ 1865 г. онъ участвовалъ въ коммисіи, учрежденной для изысканія средствъ къ улучшенію быта евреевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, съ

1868 г. былъ въ числѣ представителей на виленской «еврейской делегаціи», созванной генералъ-губернаторомъ Потаповымъ для обсужденія этого вопроса и принималъ въ ней живѣйшее участіе. Въ «Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1850 г. Леванда помѣщалъ фельетоны подъ псевдонимомъ Лиднева; онъ печаталъ повѣсти и разсказы въ «Разсвѣтѣ», «Сіонѣ». Во время польскаго мятежа Леванда былъ корреспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; его «Письма изъ Вильны», богатыя этнографическими свѣдѣніями, читались въ свое время съ большимъ интересомъ и обращали на себя общее вниманіе; въ нихъ Леванда предлагалъ способы и средства для скорѣйшаго водворенія въ Сѣверозападномъ краѣ русской народности. Тогда же Леванда былъ назначенъ редакторомъ «Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и значительно улучшилъ эту газету, но вскорѣ оставилъ редакторство и сталъ писать въ газетахъ «День», «Русскій Еврей», «Восходъ», «Недѣля» и др. Умеръ онъ въ больницѣ для душевно-больныхъ. Лучшія произведенія Леванды—повѣсти и романы: «Депо бакалейныхъ товаровъ», «Исповѣдь дѣльца» и «Горячее сердце». Не лишены значенія нѣкоторыя историческія замѣтки Леванды, каковы: «Судьбы евреевъ въ Рѣчи Посполитой» («Восходъ», кн. IX—XII). Леванда въ своихъ произведеніяхъ придерживался реальнаго направленія, но соединялъ его съ добродушной ироніей; его типы и сцены жизненны, правдивы; лучшія произведенія его лишены всякой политической окраски. Въ 1885 г. въ память его литературнаго юбилея учреждена была близъ Вильны школа его имени.

«Историческій Вѣстникъ» 1888 г., іюль.—«Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» 1888.—«Недѣльная Хроника Восхода» 1885, 1888, 1889 г.г.—«Дѣло» 1872 г., № 12.—«Виленскій Вѣстникъ» 1888 г., № 54.—«Новое Время» 1888 г., № 4321.—*Языковъ*. «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. VIII.

Б. Гл.

Левандовскій, *Василій Порфирьевичъ*, кол. сов., врачъ-писатель, родился въ 1831 году; по окончаніи въ 1855 году Дерптскаго университета съ званіемъ лѣкаря онъ поступилъ врачомъ въ 5-й флотскій экипажъ и затѣмъ до 1865 года состоялъ врачемъ въ 21, 23, 7 и 6 флотскихъ экипажахъ, когда перешелъ врачемъ на Колпинскій заводъ. Въ 1867 году онъ перешелъ на службу въ 1-й флотскій экипажъ, въ 1869 году — въ 3-й и въ 1870 г. — въ 6-й флотскій экипажъ. Въ 1871 г. онъ числился въ гвардейскомъ экипажѣ, а въ 1878 году во 2-мъ Черноморскомъ флотскомъ экипажѣ, въ каковой должности и скончался 4 декабря 1878 года.

Левандовскому принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «О береговой пищѣ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства и о причинахъ цынги во флотѣ» («Морской Сборникъ», 1865 г., ч. 77, № 3, стр. 63—65); «Корабельный медицинскій журналъ корвета «Витязь» (Медицинскія прибавл. къ «Морск. Сборн.» 1869 г., стр. 57); «О нормальномъ составѣ пищи въ примѣненіи къ быту нижнихъ чиновъ морского вѣдомства и объ источникахъ мышечной силы» (тамъ же, стр. 372); «О значеніи Либиховскаго экстракта при питаніи» (Прил. къ «Кронштадтскому Врачебному Журн.» 1869—70 г., 11—14); «Медицинскій журн. на парусныхъ яхтахъ гвардейскаго экипажа» въ 1871 г. (Мед. прил. къ «Морскому Сборн.», 1874 г., 345) и «Опредѣленіе влажности муки» (тамъ же, 1882 г., VIII, 45—51).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» тетр. 4, стр. 193.

Левандовскій, *Яковъ-Генрихъ*, ветеринаръ-писатель, родился въ 1807 г. въ Варшавѣ; начавъ здѣсь въ лицеѣ свое образованіе, онъ закончилъ его въ Вѣнѣ, по возвращеніи откуда сдалъ установленный экзаменъ на ветеринара. Въ 1851 г., вслѣдствіе новаго правительственнаго распоряженія, вторично подвергнутъ былъ испытанію и тогда же защитилъ магистерскую диссертацію. Затѣмъ былъ нѣкоторое время полицейско-судебнымъ врачемъ въ Варшавѣ, помощникомъ директора ветеринарныхъ школъ тамъ же и, наконецъ, назначенъ былъ ветеринарнымъ врачемъ въ дворцовое вѣдомство. Умеръ послѣ 1864 г.

Левандовскій оставилъ нѣсколько сочиненій по своей спеціальности, а именно: «O zarazie bydlęcej czyli powietrzu bydła rogatego, tudzież o zapobieżeniu i zniszczeniu takowej w kraju i na granicach», Варшава, 1840 г.); «O podwojeniu korzyści i znacznem pomnożeniu nawozu zwierzęcego z użycia ziemi na podściłkę w stajniach» (Калишъ, 1847 г.); «Poradnik weterynaryi

gospodarczej, czyli nauka dochodzenia przyczyn poznawania i leczenia chorób koni, bydła rogatego, owiec, trzody chlewnéj, psów i kotów, oraz zapobiegania tymże, równie jak chorobom ptastwa domowego, ryb i owadów gospodarskich» (Варшава, 1850 и 1858 г.г.); «O rasach koni i bydła» (литографированныя таблицы съ текстомъ); «Weterynaryia hemeopatyczna popularna» (1861 г.) и много мелкихъ статей въ современныхъ сельско-хозяйственныхъ и медицинскихъ изданіяхъ: «Tygodniku rolniczym», «Tygodniku lekarskim», «Rocznikach gospodarstwa krajowego» и др.

«Encyklopedyja Powszechna». Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 950.

А. Г.

Левашовъ (Левашъ), *Александръ Викуловичъ*, Тверской бояринъ XV в. Правнукъ «нѣмчина» Христофора Карла Дола, который въ началѣ XIV в. выѣхалъ «изъ нѣмецъ» въ Псковъ, принялъ православіе съ именемъ Василія, поставилъ въ Псковѣ каменную церковь св. Василія у Трехсвятскихъ воротъ, а въ 1324—1327 гг. перешелъ на службу къ Тверскому кн. Александру Михайловичу и получилъ у него санъ боярина. Потомки этого Василія и служили у Тверскихъ князей до самаго паденія ихъ самостоятельности. Отъ Александра Викуловича Леваша пошла фамилія Левашовыхъ, которые по присоединеніи Твери Москвою перешли на службу къ Московскому князю, но уже не занимали положенія столь виднаго, какъ то, какимъ они пользовались въ Твери.

Румель и *Голубцовъ*, «Родослов. сборникъ».—*Гр. Бобринскій*. «Дворянскіе роды».—*Кн. Долгоруковъ*, «Рос. родослов. книга».

Левашовъ, графъ *Василій Васильевичъ*, генералъ адъютантъ, род. 10 октября 1783 г., ум. 23 сентября 1848 г. Службу началъ въ канцеляріи С.-Петербургскаго генералъ-губернатора гр. Палена, въ 1799 г. былъ произведенъ въ губернскіе секретари, 10 октября 1800 года въ коллежскіе ассесоры; 13 марта 1801 г. онъ былъ назначенъ майоромъ въ л.-гв. Кирасирскій полкъ, 13 декабря 1802 г. переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; а 26 декабря 1812 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Вмѣстѣ со своимъ полкомъ Левашовъ участвовалъ въ 1805 г. въ Аустерлицкомъ сраженіи, въ 1806 г.—въ битвѣ при Пултускѣ, въ 1807 г.—при Янковѣ, Лансбергѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ и Пасенгеймѣ; за отличіе въ этихъ дѣлахъ получилъ золотое оружіе, ордена св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4-й ст. Въ 1812 г. Левашовъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ битвъ — подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. Въ теченіе 1813 г. участвовалъ также въ рядѣ дѣлъ и въ сраженіи при Лейпцигѣ былъ тяжело раненъ въ рукопашной схваткѣ; за это сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. и прусскимъ орденомъ Краснаго Орла. Далѣе, онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій на французской территоріи, вплоть до взятія Парижа, при чемъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; 25 апрѣля 1815 г. Левашовъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Гусарскаго полка; 18 февраля 1817 г.—генералъ-адъютантомъ, а 17 іюня того же года—командиромъ второй бригады легкой кавалерійской дивизіи. Въ 1821 г. онъ былъ президомъ въ военномъ судѣ надъ виновниками безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. 14 декабря 1825 г. находился при особѣ Его Величества. 17 декабря 1825 г. назначенъ былъ членомъ Коммиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ, а затѣмъ—членомъ Верховнаго уголовнаго суда по дѣлу о декабристахъ. 8 февраля 1831 г. Левашовъ былъ назначенъ временнымъ военнымъ генералъ-губернаторомъ подольскимъ и волынскимъ, 22 января 1832 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ. Занимая эту должность, Левашовъ, еще въ чинѣ генералъ-лейтенанта, возведенъ былъ 1 іюня 1833 г.. въ графское достоинство Россійской Имперіи «въ ознаменованіе особаго Высочайшаго благоволенія за отлично усердную, ревностную и полезную службу»; 6 декабря 1833 г. графъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; 9 декабря 1835 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ; 29 декабря 1836 г. уволенъ отъ этой должности, 1 января 1838 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту экономіи; 27 января 1839 г. назначенъ предсѣдателемъ этого департамента, а 31 декабря 1847 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Кромѣ

того, съ 12 мая 1841 года графъ Левашовъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ конно-заводства, и съ 27 января 1842 г. былъ членомъ комитета по постройкѣ желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Гр. Левашовъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до бриллiантовыхъ украшеній къ ордену Св. Андрея Первозваннаго включительно.

Формулярный списокъ о службѣ гр. В. В. Левашова въ архивѣ Государственнаго Совѣта.—*Волконскій, С. М.* (декабристъ), «Записки».—«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1801—1826», III, стр. 95—103.—«Русскіе портреты XVIII—XIX ст.» (изд. вел. кн. Николая Михаиловича), вып. V, стр. 18.

Левашовъ, *Василій Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, оберъ-егермейстеръ. На службу поступилъ въ 1758 г. въ лб.-гв. Преображенскій полкъ и изъ подпоручиковъ гвардіи пожалованъ былъ премьеръ-маіоромъ Троицкаго пѣхотнаго полка. Во время турецкой войны онъ участвовалъ въ боѣ при Галацахъ, въ Ларгской битвѣ, при преслѣдованіи отступающаго непріятеля отъ Измаила, при покореніи ретраншамента предъ Журжею и при овладѣніи этою крѣпостью. За мужество и храбрость, проявленныя въ этихъ дѣйствіяхъ, Левашовъ былъ награжденъ Военнымъ орденомъ 3-го класса и чиномъ подполковника. Вслѣдъ затѣмъ онъ произведенъ былъ въ полковники (1774 г.) съ переводомъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ и черезъ три года пожалованъ флигель-адъютантомъ. Произведенный въ 1777 г. по старшинству въ бригадиры, Левашовъ въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ маіоромъ л.-г. Семеновскаго полка, которымъ и продолжалъ постоянно командовать; въ 1779 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1782 г. пожалованъ орденомъ св. Анны, а въ 1783 г., по старшинству, генералъ-поручикомъ. Во время путешествія Екатерины Великой въ Тавриду Левашовъ находился въ свитѣ императрицы и изъ Херсона былъ отправленъ къ Неаполитанскому королю для изъявленія признательности за присылку съ привѣтствіемъ маркиза де-Галла и для засвидѣтельствованія дружественнаго расположенія императрицы. Когда въ 1788 году послѣдовалъ разрывъ съ Швеціею, Левашовъ служилъ въ Финляндской арміи. Ему поручена была оборона Фридрихсгама, который онъ мужественно защитилъ отъ многочисленнаго непріятеля, за что былъ произведенъ въ генералъ-поручики. При заключеніи мира съ Швеціею (1790 г.) Левашовъ награжденъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ слѣдующемъ году Левашовъ лишился своего покровителя, князя Потемкина, но и по кончинѣ его продолжалъ пользоваться благоволеніемъ императрицы. Онъ продолжалъ командовать Семеновскимъ полкомъ и по вступленіи на престолъ императора Павла (1796 г.); въ слѣдующемъ году Левашовъ былъ пожалованъ подполковникомъ гвардіи и генераломъ-отъ-инфантеріи. 31 марта 1798 г. онъ вышелъ въ отставку, но 5 іюля того же года снова вернулся въ Семеновскій полкъ. Въ 1799 г. онъ удостоенъ былъ ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго и большого креста св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1800 г. назначенъ оберъ-егермейстеромъ и отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Неаполь для поднесенія королю Фердинанду IV и наслѣдному принцу русскихъ орденовъ. Скончался Левашовъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 г. и погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопамятныхъ людей рус. земли», ч. II, стр. 264—267.

Левашовъ, *Василій Серпьевичъ*, полковой воевода; въ 1514 г. посланъ былъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ на Великія Луки къ воеводамъ, съ повелѣніемъ идти на Оршу. Въ 1520 г. посланъ въ Смоленскъ къ воеводѣ и намѣстнику, кн. Ив. Вас. Шуйскому, съ распоряженіемъ относительно встрѣчи пословъ польскаго короля Сигизмунда. Въ 1532 г. ѣздилъ къ крымскому хаму Саипъ-Гирею, при началѣ его правленія, съ поздравительной грамотой великаго князя Василія Ивановича.

Румель, II, стр. 521.—«Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. XXXV, стр. 564.—Карамзинъ, «Ист. Гос. Рус.», VII, пр. 110, 301.

В. Корсакова.

Левашовъ, *Василій Яковлевичъ*, генералъ-аншефъ, род. въ 1667 г., ум. 7 апрѣля 1751 г. Поступивъ на военную службу солдатомъ въ 1696 г, онъ принималъ участіе въ усмиреніи стрѣлецкихъ бунтовъ и въ Азовскомъ походѣ. Въ 1700 г.

онъ былъ назначенъ поручикомъ вновь сформированныхъ регулярныхъ войскъ, участвовалъ въ дѣлахъ подъ Нарвою, Шлиссельбургомъ, Ригою, Полтавою, былъ затѣмъ оставленъ адмираломъ Апраксинымъ на берегахъ Швеціи съ особымъ отрядомъ и флотиліею для уничтоженія коммерческихъ судовъ. Неоднократно выполнялъ особыя спеціальныя порученія государя, который ему оказывалъ большое расположеніе и довѣріе. Въ чинѣ бригадира Левашовъ принималъ участіе въ Персидскомъ походѣ, затѣмъ былъ оставленъ начальникомъ въ присоединенной отъ Персіи области. Вскорѣ онъ былъ окруженъ въ Рештѣ съ отрядомъ русскихъ войскъ полчищемъ персіянъ, въ числѣ до 20 т. чел., но успѣшно оборонялся и принудилъ персіянъ снять осаду. Въ 1727 г. Левашовъ получилъ чинъ генералъ-поручика, орденъ св. Александра Невскаго и 750 душъ крестьянъ. Онъ управлялъ присоединенными отъ Персіи областями до 1734 г., успѣлъ водворить тамъ порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выслалъ въ Россію весьма значительныя суммы, собранныя главнымъ образомъ благодаря его бережливости и аккуратности; въ то же время ему приходилось еще неоднократно отражать нападенія персіянъ и турокъ, что онъ всегда успѣшно выполнялъ. Награжденный чиномъ генералъ-аншефа, онъ въ 1734 г., по заключеніи мира, возвратился въ Россію съ войсками, бывшими подъ его начальствомъ.

Принявъ участіе въ турецкой войнѣ, Левашовъ находился подъ Азовомъ; Минихъ, отправляясь въ экспедицію къ Днѣпру, оставилъ Левашова начальникомъ осаднаго корпуса; Левашовъ отразилъ энергическія попытки гарнизона и вспомогательнаго турецкаго корпуса вынудить снятіе осады. Въ 1741 г. Левашовъ былъ отправленъ съ особыми полномочіями на наши персидскія границы и успѣлъ предотвратить внесеніе въ русскіе предѣлы свирѣпствовавшей въ Персіи моровой язвы; 30 ноября 1741 г. Левашовъ пожалованъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ возникшей вскорѣ войнѣ со Швеціею Левашовъ командовалъ сначала галернымъ флотомъ, а затѣмъ дивизіею на сухомъ пути. Въ концѣ 40-хъ годовъ онъ былъ начальникомъ въ Москвѣ, а въ 1749 г. назначенъ первенствующимъ въ Сенатской конторѣ въ Москвѣ.

Бекетовъ, П., «Кратк. описаніе жизни В. Я. Левашова».—*Ласковскій*, «Матер. для исторіи инженерн. искусс. въ Россіи», III, 473—477 и приложенія № 33.—*Леверъ*, «Энцикл. воен. и морск. наукъ», IV.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь», III.

Левашовъ, *Константинъ Васильевичъ*, младшій братъ графа В. В. Левашова, родился въ 1785 г., на службу поступилъ въ 1804 г. юнкеромъ въ департаментъ министерства юстиціи, откуда въ слѣдующемъ году поступилъ въ Бѣлорусскій полкъ, а въ 1806 г. былъ произведенъ въ корнеты. Въ турецкую войну Левашовъ участвовалъ въ дѣлахъ при Урженицѣ (1806 г.), Турбатѣ (1807 г.), за которое былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-ой ст., при осадѣ Журжи и Измаила, въ сраженіи при Обилешти, гдѣ удостоился награды ордена св. Владиміра 4-й ст., и при блокадѣ Сплистріи. Въ 1810 г. Левашовъ перевелся въ кавалергарды, въ 1813 г. произведенъ былъ въ поручики и въ томъ же году—въ шт.-ротмистры. Онъ участвовалъ съ полкомъ въ Отечественной войнѣ и за Бородино былъ награжденъ залотой шпагой; въ битвѣ при Маломъ Ярославцѣ онъ получилъ рану, отъ которой скончался 15 мая 1813 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1801—1826», III, стр. 226.

Левашовъ, *Михаилъ Дмитріевичъ*, капитанъ 1 ранга, род. около 1743 г., ум. въ 1776 г. Обучался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ гардемарины въ 1757 г., въ мичманы въ 1758 г. и участвовалъ въ экспедиціи къ Кольбергу. 1 іюля 1764 г. онъ былъ назначенъ въ «секретную экспедицію», которая была отправлена подъ начальствомъ капитана Креницына для изслѣдованія Алеутскихъ и другихъ только что открытыхъ въ Восточномъ океанѣ острововъ. Левашовъ получилъ въ свою команду гукоръ «Св. Павелъ» и съ нимъ лѣтомъ 1766 г. былъ въ Охотскѣ. 28 октября экспедиція Креницына попала въ жесточайшую бурю; бригантина «Св. Елизавета», на которой находился самъ Креницынъ, погибла; команда ея спаслась съ трудомъ; судно, управляемое Левашовымъ, тоже сильно пострадало и было выброшено на берегъ. Однако Левашовъ успѣлъ снять его и исправить и въ теченіе 1767—1769 г. плавалъ вдоль Алеутской гряды, нанося на карту и описывая берега. Креницынъ вскорѣ послѣ круше-

шенія умеръ, и Левашовъ явился самостоятельнымъ работникомъ. Въ 1770 г. онъ возвратился въ Петербургъ и былъ произведенъ въ капитаны II и I ранга. Въ 1772 г. онъ командовалъ кораблемъ «Борисъ и Глѣбъ»; разстроенное продолжительною экспедиціею въ сѣверныхъ водахъ здоровье побудило его въ 1773 г. выйти въ отставку и въ слѣдующемъ году онъ скончался.

«Общій Морской списокъ», ч. II.

Левашовъ, графъ *Николай Васильевичъ*, ген.-адъютантъ, товарищъ начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, родился въ 1827 г., умеръ 23 января 1884 г.; воспитывался въ Павловскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1846 г. изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ въ Кавалергардскій полкъ, въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, въ 1849 г. произведенъ въ поручики, а въ 1854 г.—въ шт.-ротмистры. Въ этомъ же году Левашовъ былъ командированъ въ Финляндію для осмотра работъ въ крѣпости Свеаборгѣ, въ маѣ посланъ въ Яссы съ особымъ порученіемъ къ Паскевичу, а оттуда къ главнокомандующему южною арміею, въ то время находившемуся подъ Силистріею. Здѣсь, 23 іюня, онъ участвовалъ въ перестрѣлкѣ и канонадѣ подъ Журжевомъ. 20 сентября Левашовъ былъ снова командированъ въ южную армію, въ Севастополь. Отсюда кн. Меншиковъ послалъ его въ Симферополь для устройства тамъ госпиталей, а затѣмъ въ Перекопъ, Николаевъ, Бендеры и Одессу для принятія мѣръ къ скорѣйшему снабженію арміи порохомъ и передвиженію подкрѣпленій. По исполненіи этихъ порученій гр. Левашовъ принималъ участіе въ Инкерманскомъ сраженіи, съ донесеніемъ о которомъ курьеромъ былъ посланъ затѣмъ въ Петербургъ и за отличіе въ которомъ былъ произведенъ въ ротмистры. Въ 1856 г. онъ былъ отправленъ въ Парижъ къ кн. Орлову съ депешами и здѣсь во время Парижской конференціи получилъ орденъ Почетнаго Легіона. По возвращеніи изъ Парижа онъ въ октябрѣ мѣсяцѣ былъ командированъ для наблюденія за переформированіемъ пяти пѣхотныхъ дивизій; въ іюнѣ 1857 г. сопровождалъ министра государственныхъ имуществъ въ объѣздѣ восточной Россіи и ревизовалъ Казанскую палату. Въ январѣ слѣдующаго года Левашовъ былъ избранъ отъ дворянъ Петербургскаго уѣзда въ Комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ январѣ 1859 г. назначенъ командующимъ лб.-гв. Стрѣлковымъ баталіономъ Императорской фамиліи, съ переименованіемъ въ полковники, и въ апрѣлѣ того же года произведенъ въ полковники. Въ мартѣ 1861 г. гр. Левашовъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры, съ зачисленіемъ въ Свиту, и назначенъ и. д. Орловскаго губернатора. Въ этой должности онъ правилъ энергично и крайне самовластно, нерѣдко переходя за предѣлы власти губернатора. Вслѣдствіе этого онъ разошелся съ тамошнимъ дворянствомъ и даже столкнулся съ духовной властью въ лицѣ Орловскаго архіерея, преосв. Поликарпа (Радкевича). Однако городъ Орелъ былъ обязанъ графу многими постройками: былъ выстроенъ театръ, устроенъ водопроводъ, бульвары и проч. Въ іюнѣ 1866 г. гр. Левашовъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ губернаторомъ, въ августѣ произведенъ въ ген.-лейт., а въ сентябрѣ пожалованъ генералъ-адъютантомъ. Съ 1871 по 1874 г.г. онъ исполнялъ должность помощника шефа жандармовъ и управляющаго III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1878 г. гр. Левашовъ былъ произведенъ въ ген.-отъ-инфантеріи. Скончался онъ 23 января 1888 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ». 1826—1908 г., III, стр. 154.—«Русскій Инвалидъ», 1884 г., № 24.—*Фрейманъ*, «Пажи за 183 года (1711—1894)», стр. 414, 415.

Левашовъ, *Николай Ѳедоровичъ*, маіоръ, сынъ сенатора, родился въ 1792 году и былъ двоюроднымъ братомъ по отцу гр. В. В. Левашову. На службу онъ поступилъ въ 1811 г. юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и въ томъ же году былъ произведенъ въ эст.-юнкера, съ переводомъ въ лб.-гвар. Гусарскій полкъ корнетомъ. Во время войны 1812 г. Левашовъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ: подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и подъ Краснымъ, за отличіе въ которомъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ 1813 г. онъ снова былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. За Кульмское сраженіе Левашовъ получилъ орденъ св. Анны

торое время онъ жилъ, исполняя заказы 4-й ст. и былъ произведенъ въ поручики. Въ 1814 г. онъ участвовалъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ, въ слѣдующемъ году былъ переведенъ ротмистромъ въ Новгородскій кирасирскій полкъ, а въ 1818 году уволился отъ службы маіоромъ.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1801—1826 гг.», III, стр. 251.

Левашовъ, *Павелъ Артемьевичъ*, канцеляріи совѣтникъ, писатель, ум. послѣ 1819 г. Свѣдѣній о его жизни очень мало. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ въ Константинополь, съ порученіемъ замѣнить Обрѣзкова въ случаѣ его болѣзни, на что тотъ жаловался; но болѣзнь эта, повидимому, была политическою, такъ какъ съ пріѣздомъ возможнаго замѣстителя Обрѣзковъ пересталъ жаловаться на свое нездоровье; усложнившіяся же обстоятельства заставили сохранить попрежнему главную роль за Обрѣзковымъ. Левашовъ описалъ плѣненіе нашего посольства. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) «Плѣнъ и страданіе Россіянъ у турокъ или обстоятельное описаніе бѣдственныхъ приключеній, претерпѣнныхъ имъ въ Царь-Градѣ по объявленіи войны и при войскѣ, за которымъ влачили ихъ въ своихъ походахъ, съ пріобщеніемъ дневныхъ замѣтокъ о воинскихъ ихъ дѣйствіяхъ въ прошедшую войну и многихъ странныхъ, рѣдкихъ и забавныхъ приключеній» 1790 г. 2) «Поденныя записки нѣкоторыхъ происшествій во время прошедшей съ турками войны отъ дня объявленія оной по 1775 г.» (С.-Петербургъ, 1790 г.); 3) «Картина, или описаніе всѣхъ нашествій на Россію татаръ и турокъ и ихъ военныхъ тутъ дѣлъ, начавшихся въ половинѣ десятаго вѣка и почти безпрерывно чрезъ восемьсотъ лѣтъ продолжавшихся, съ приложеніемъ нужныхъ примѣчаній и разныхъ извѣстій касательно Крыма и береговъ Чернаго моря» (С.-Петербургъ. 1792 г.); 4) «О первенствѣ и предсѣдательствѣ Европейскихъ государей и ихъ пословъ и министровъ» (Петербургъ. 1792 г.) и 5) «Любопытная исторія славнаго города Одессы» (Москва, 1819 года и Одесса, 1844 г.)

Митрополитъ Евгеній, «Словарь писателей свѣтскихъ», т. II.—*Геннади*, «Словарь».

Левашовъ, *Яковъ Григорьевичъ*, стольникъ отецъ генерала В. Я. Левашова, ум. послѣ 1687 г. Въ 1670 г., въ чинѣ жильца, принималъ участіе въ усмиреніи Разинскаго бунта и былъ раненъ: въ 1672 г. пожалованъ въ стряпчіе; въ 1673 г. былъ воеводою въ Царево-Санчурскѣ. Въ 1676 г. пожалованъ въ стольники; участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ и награжденъ за него вотчинами. Затѣмъ переписывалъ земли въ Пензѣ и Саранскѣ; въ крымскомъ походѣ 1687 г. былъ «сторожевымъ ставцемъ и дозорщикомъ»; вскорѣ послѣ этого уволенъ отъ службы и числился «на генеральномъ дворѣ для посылокъ».

Руммель и *Голубцовъ*, «Родословный сборникъ дворянскихъ фамилій».—*гр. Бобринскій*, «Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всерос. Имперіи».—*кн. Долгоруковъ*, «Россійская Родословная Книга».

Левашовъ, *Ѳедоръ Васильевичъ*. воевода въ Балахнѣ въ 1610 г. Въ 1612 г. онъ былъ отправленъ княземъ Д. М. Пожарскимъ изъ Ярославля подъ Москву, во главѣ одного изъ передовыхъ отрядовъ. Въ 1618 г., во время осады Москвы польскимъ королевичемъ Владиславомъ, былъ воеводой за рѣкою Яузою; за это московское осадное сидѣнье ему пожаловано было помѣстье въ вотчину. Въ 1619 г. онъ состоялъ воеводою въ Царицынѣ. Въ 1627 г., во время отсутствія царя Михаила Ѳеодоровича изъ Москвы, «дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ». Въ 1628 г. Левашовъ числился докладчикомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по Старицѣ, а въ 1629 г.—дворяниномъ московскимъ и объѣзжимъ головою въ Москвѣ отъ Неглинной до Покровскихъ воротъ.

Руммель, II, 523.—Новый Лѣтописецъ. стр. 151.—Разр. кн., I и II.—Р. И. Б., 497.

В. Корсакова.

Левекъ, *Петръ-Карлъ* (Pierre Charles *Lévesque*), историкъ, род. 12 марта 1736 г., ум. 12 мая 1812 г. въ Парижѣ. Родители его первоначально мечтали сдѣлать сына живописцемъ и граверомъ и помѣстили его къ одному преподавателю художнику. Но успѣхи молодого Левека на томъ поприщѣ были довольно посредственны. Когда же его отдали въ 1748 г. въ коллегію Мазарини, онъ началъ заниматься съ жаромъ и постоянно шелъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Едва онъ окончилъ курсъ, какъ родители его должны были покинуть Парижъ по экономическимъ причинамъ, и молодому Левеку сразу же пришлось самому зарабатывать себѣ хлѣбъ. Тутъ пригодились ему и старые уроки рисованія и гравированія; нѣко-

на гравюры. Но его болѣе влекли умственныя занятія. Онъ написалъ нѣсколько брошюръ и изъ нихъ «L'homme pensant» и «L'homme moral», — произведенія не самостоятельныя, но проводившія взгляды, общіе всѣмъ энциклопедистамъ XVIII столѣтія и обратившія на него вниманіе Дидро, который и рекомендовалъ его имп. Екатеринѣ II. Въ 1773 г. Левекъ былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто преподавателя въ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь онъ занимался изученіемъ русскаго языка и читалъ историческіе памятники, такъ какъ задумалъ писать исторію Россіи. Въ 1780 г. была готова его «Histoire de Russie»; Левекъ вернулся во Францію и издалъ свою книгу, которая пользовалась большимъ успѣхомъ среди французовъ, до того времени не имѣвшихъ вовсе исторіи нашего отечества. Въ 1783 г. къ этому труду были прибавлены 2 т. «Histoire de différents peuples soumis à la domination des Russes», и во 2-мъ изданіи, въ 1800 г., исторія Россіи была продолжена до императ. Екатерины II. Первое изданіе было переведено въ 1787 г. на русскій языкъ. Трудъ свой Левекъ написалъ, насколько могъ, добросовѣстно; онъ основательно познакомился съ доступными ему памятниками; но когда онъ писалъ его, онъ не былъ еще истиннымъ ученымъ, ему были еще до извѣстной степени чужды критическіе пріемы, его историческіе взгляды и сужденія о событіяхъ русской исторіи, особенно с ихъ причинахъ, иногда наивны; трудъ Левека уже давно имѣетъ лишь историческій интересъ. Но въ то время хотя бы самое поверхностное знаніе русской исторіи было столь необычно, что выдвигало обладавшаго имъ въ разрядъ замѣтныхъ ученыхъ; Левекъ же продолжалъ работать, переводилъ классиковъ, занимался исторіею искусства—между прочимъ, совмѣстно съ Watelet составилъ «Dictionnaire des arts», вошедшій въ «Encyclopédie méthodique»; все это открыло ему въ 1789 г. двери французской Академіи надписей и изящныхъ искусствъ и доставило мѣсто профессора исторіи и морали въ Королевской коллегіи. Во время революціи Левекъ былъ въ сторонѣ отъ политическихъ событій, отдавшись всецѣло наукѣ. Во время имперіи онъ былъ членомъ Національнаго института и продолжалъ свои историческіе труды. Изъ другихъ сочиненій его извѣстны: «La continuation du Dictionnaire des beaux arts», «Les rêves d'Aristobule», «L'Histoire de France sous les cinq premiers Valois» (1788 г.), «Choix de poésies de Pétrarque». Онъ перевелъ на французскій языкъ Исторію Оукидида (1795 г.) и избранныя мысли древнихъ философовъ: Сократа, Цицерона и др. (1782 г. 1794—1795 г.). Левекъ началъ писать исторію французской монархіи, но не успѣлъ окончить этотъ трудъ. Изъ сочиненій его на русскій языкъ, кромѣ исторіи, переведенъ еще «Человѣкъ размышляющій» (2 части. Москва, 1803 г.).

Institut Royal de France. «L'Académie des inscriptions et belles lettres», т. V.—*Quérarde*, «La France Littéraire», Paris. 1833 г., т. V.—«Le dictionnaire Universel», т. X.—*Сопиковъ*, «Опытъ Россійской Библіографіи», ч. III и V.—*Брокгаузъ* и *Ефронъ*, «Энциклоп. Словарь», т. 17.—*Старчевскій*, «Справочный Энциклоп. Слов.», т. 7.—«Biographie universelle», т. XXIV.

Б. Гласко.

Левенвольде, *Гергардъ-Іоганнъ*, оберъ-гофмейстеръ, умеръ въ іюлѣ 1721 г. Происходилъ изъ древняго дворянскаго германскаго рода; одинъ изъ членовъ этого рода переселился изъ Люнебурга въ Ливонію въ XIII в. Гергардъ-Іоганнъ Левенвольде служилъ въ шведской арміи и въ 1697 г. былъ маіоромъ въ рижскомъ гарнизонѣ. Онъ былъ другомъ Паткуля. Въ 1700 г. имѣнія Левенвольде подверглись «редукціи» и были конфискованы, вслѣдствіе чего онъ оставилъ родину и поступилъ на саксонскую службу. По взятіи русскими войсками Риги въ 1710 году Левенвольде первый присягнулъ Петру Великому и перешелъ на русскую службу; онъ усердно старался о возвращеніи лифляндскому дворянству имѣній, отнятыхъ шведскимъ правительствомъ, и о сохраненіи за этимъ дворянствомъ его старинныхъ привилегій. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Петръ Великій, двумя «дипломами» 30 сентября 1710 г., подтвердилъ лифляндскому дворянству его права и привилегіи. Въ 1711 году Левенвольде опредѣленъ былъ членомъ учрежденной въ Ригѣ комиссіи для «разсмотрѣнія и исправленія государственной и частной экономіи», потомъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ оберъ-гофмейстеромъ двора принцессы Софіи-Шарлотты, супруги царевича Алексѣя Петровича.

«Рос. Родосл. книга», стр. 306.—«Словарь

достопамятныхъ людей русской земли», М. 1836 г., ч. III, стр. 161—162.

Д. Корсаковъ.

Левенвольде, баронъ *Казиміръ Карловичъ*, родился въ Раппинѣ 27 іюля 1780 г., на службу поступилъ квартермистромъ Конной гвардіи въ 1790 г., а въ 1795 г. былъ назначенъ вахмистромъ. Выпущенный черезъ два года корнетомъ въ Рижскій кирасирскій полкъ, онъ въ слѣдующемъ 1798 г. былъ переведенъ въ новосформированный Кираспрскій Неплюева полкъ и произведенъ въ поручики; по расформированіи этого полка въ 1800 г. былъ переведенъ въ Стародубскій (Воннова) кираспрскій полкъ, а въ слѣдующемъ году тѣмъ же чиномъ—въ кавалергарды. Въ 1802 г. Левенвольде былъ произведенъ въ шт.-ротмистры, а въ 1805 г.—въ ротмистры. Онъ участвовалъ въ рядахъ 3-го эскадрона въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, гдѣ былъ смертельно раненъ 20 ноября 1805 г., защищая честь и достояніе своего отечества—Россіи, и скончался на другой день.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ» 1801—1826, III, стр. 16.

Левенвольде, *графъ Карлъ-Густавъ*, оберъ-шталмейстеръ, ум. 30 апрѣля 1735 г. Онъ былъ камергеромъ при дворѣ императора Петра II, а послѣ его кончины оказалъ важную услугу вновь избранной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и тѣмъ снискалъ ея милость и расположеніе: узнавъ о намѣреніи Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить самодержавную власть императрицы, Левенвольде отправилъ гонца къ своему брату Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи, съ порученіемъ предупредить объ этомъ Анну Іоанновну. За эту преданность Левенвольде былъ пожалованъ императрицей въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты. 22-го сентября 1730 года, по иниціативѣ оберъ-камергера Бирона, былъ сформированъ новый гвардейскій полкъ—Измайловскій, исключительно изъ украинскихъ ландмилицкихъ командъ; офицерами въ него назначены были, главнымъ образомъ, остзейскіе нѣмцы, а командованіе полкомъ ввѣрено графу Левенвольде. Въ первые годы правленія Анны Іоанновны оба брата Левенвольде, Рейнгольдъ и Карлъ-Густавъ, были главнѣйшими совѣтниками императрицы по всѣмъ важнымъ государственнымъ мѣропріятіямъ, наряду съ Э. І. Бирономъ, Минихомъ и Остерманомъ. Подъ вліяніемъ Левенвольде Анна Іоанновна расширила лифляндскія привилегіи, уничтоживъ оговорку, находившуюся на подтвержденіи этихъ привилегій при заключеніи Петромъ Великимъ Ништадтскаго мира со Швеціей въ 1722 г.: «насколько онѣ (привилегіи) совмѣстны съ системою русскаго государственнаго правленія». Въ данномъ случаѣ Левенвольде нашелъ поддержку въ гр. Ягужинскомъ, которому Анна Іоанновна при своемъ воцареніи была также весьма многимъ обязана въ дѣлѣ возстановленія своей самодержавной власти; Анна Іоанновна уступила настояніямъ Левенвольде и Ягужинскаго, вопреки мнѣнію Остермана, а Ягужинскій, въ благодарность за содѣйствіе Левенвольде, былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ въ возстановленный въ своемъ значеніи, по уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, Правительствующій Сенатъ.

Въ 1731 году Левенвольде былъ отправленъ въ званіи «полномочнаго министра» въ Берлинъ и въ Вѣну, чтобы уладить польскія дѣла; кромѣ того, онъ долженъ былъ пріискать жениха для Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Іоанновны. Вслѣдствіе его представленія оставалось сдѣлать выборъ между бранденбургскимъ маркграфомъ Карломъ и брауншвейгскимъ принцемъ Антономъ, и императрица склонилась въ пользу послѣдняго. Что касается переговоровъ его въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ по дѣламъ польскимъ, то о нихъ почти ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ опасался доносить о нихъ что-либо существенное въ своихъ реляціяхъ, но посольство его было, какъ видно, не особенно успѣшно. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ медлилъ приступить къ австро-русскому союзу, несмотря на обѣщаніе Россіи возвести одного изъ его младшихъ сыновей на курляндскій престолъ по смерти герцога курляндскаго, а нѣмецкій императоръ Карлъ VI не высказывался опредѣленно, на комъ изъ кандидатовъ въ короли польскіе онъ желалъ бы остановиться. Въ концѣ 1732 года Левенвольде, получившій въ это время званіе оберъ-шталмейстера, былъ вторично отправленъ въ Берлинъ и заключилъ на этотъ разъ трактатъ касательно избранія въ Польшѣ новаго короля, а въ Курляндіи герцога, по смерти польскаго короля

Августа II, здоровье котораго за послѣднее время сильно ухудшилось. По этому трактату союзники обязывались употреблять всѣ средства, допускаемыя польской конституціей, чтобы во время избранія былъ предложенъ кандидатъ, способный сохранять покой и доброе согласіе съ сосѣдними державами, поставить на польскихъ границахъ армію опредѣленныхъ размѣровъ во время избранія короля, чтобы охранить Рѣчь Посполитую отъ всякаго чужестраннаго вліянія, т. е. вмѣшательства Франціи въ пользу Станислава Лещинскаго. Сепаратные артикулы касались: 1) предложенія въ польскіе короли португальскаго инфанта Эммануила и 2) желанія русской императрицы, чтобы, по смерти герцога курляндскаго, былъ избранъ на его мѣсто второй сынъ прусскаго короля, Августъ Вильгельмъ. Трактатъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Левенвольдовскаго, вызвалъ недовольство въ Вѣнѣ. Императорское правительство Карла VI примирилось бы съ обѣщаніемъ Курляндіи прусскому принцу, но въ то же время настаивало, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ отказался за это отъ притязаній на Юлихъ и Бергъ, и по требованію имперскаго посла въ Петербургѣ трактатъ не былъ ратификованъ.

Заключивъ трактатъ, Левенвольде вернулся въ Петербургъ, а 14 марта 1733 г., по смерти Августа II, отправленъ былъ въ Варшаву полномочнымъ посломъ. Младшій братъ его, камергеръ Фридрихъ-Казиміръ Левенвольде, уже два года находился тамъ посломъ, хорошо зналъ состояніе Польши и взаимныя отношенія ея вельможъ, но почему-то не пользовался совершеннымъ довѣріемъ русскаго правительства. Ему даже не дали знать изъ Петербурга о содержаніи трактата, заключеннаго его братомъ въ концѣ 1732 г., и о рѣшеніи союзныхъ державъ возвести на польскій престолъ португальскаго инфанта Эммануила; свѣдѣнія эти дошли до него черезъ имперскаго посла въ Варшавѣ. Тѣмъ не менѣе не желали ни вызвать его изъ Польши, ни послать къ нему на помощь другое лицо съ болѣе обширными полномочіями, опасаясь, какъ бы между послами не возникла зависть, вредная для общаго дѣла. Всѣ эти соображенія заставили остановиться на графѣ Карлѣ-Густавѣ Левенвольде, уже знакомомъ съ имперской и прусской политикой. Онъ получилъ самое обширное полномочіе, какое когда-либо предоставлялось русскому посланнику: отъ его благоусмотрѣнія зависѣли миръ или война съ Польшей. Въ инструкціяхъ ему сказано было, что императрица Анна Іоанновна никакъ не можетъ допустить, чтобы на польскій престолъ былъ возведенъ Станиславъ Лещинскій или какой-нибудь другой зависящій отъ Франціи кандидатъ. Относительно избранія новаго короля посолъ долженъ былъ руководствоваться договорами, заключенными между Россіей, Германской имперіей и Пруссіей. При заключеніи «капитуляцій» между новымъ королемъ и поляками наблюсти, чтобы были возобновлены всѣ права, предоставленныя лицамъ греческаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ на основаніи вѣчнаго мира, заключеннаго между Россіей и Польшей еще въ 1686 г.—Задача предстояла гр. Левенвольду нелегкая, тѣмъ болѣе, что Станиславъ Лещинскій имѣлъ въ Польшѣ сильную партію.

Оберъ-шталмейстеръ Левенвольде прибылъ въ Варшаву въ концѣ апрѣля 1733 г. съ многочисленною и пышной свитой. 3-го (14) мая братья Левенвольде (посолъ и оберъ-шталмейстеръ), вмѣстѣ съ представителями вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, отправились къ примасу. Имперскій посолъ гр. Вильчекъ и оберъ-шталмейстеръ Левенвольде заявили, что ихъ государи не желаютъ нарушать или ограничивать правъ Рѣчи Посполитой при избраніи короля и что поляки могутъ быть совершенно спокойны, если изберутъ короля, который бы не былъ «предосудителенъ» сосѣднимъ державамъ. Разговоръ принялъ весьма острый оборотъ, примасъ разгорячился и въ концѣ концовъ сказалъ, что всѣ старанія союзныхъ державъ клонятся къ тому, чтобы воспрепятствовать Станиславу Лещинскому взойти на престолъ, но что это противорѣчитъ дружественнымъ увѣреніямъ ихъ дворовъ. Оберъ-шталмейстеръ Левенвольде возразилъ, что онъ никого не называлъ по имени, но такъ какъ примасъ не скрываетъ желанія поляковъ избрать Лещинскаго, то онъ долженъ ему замѣтить, что такое избраніе будетъ нарушеніемъ сеймоваго постановленія, лишившаго Станислава права на корону. Кромѣ того, это будетъ несоблюденіемъ свободы избранія, о которой хлопочетъ примасъ, потому что Франція объявила,

что допуститъ до польскаго престола только Лещинскаго.

Чтобы избавиться отъ присутствія на сеймѣ нежелательныхъ свидѣтелей, примасъ рѣшилъ воспользоваться забытымъ стариннымъ польскимъ постановленіемъ, по которому всѣ иностранные послы должны были выѣзжать изъ Варшавы во время избранія короля. Когда посламъ дано было знать, что они должны удалиться, то Левенвольде отвѣчалъ, что не знаетъ, будетъ-ли онъ въ Варшавѣ во время выборовъ, но если останется до того времени, то, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить объявленнаго ему закона, такъ какъ не имѣетъ права отлучиться изъ Варшавы безъ именного повелѣнія своей государыни, польскимъ же уставамъ онъ не можетъ повиноваться, особенно если они противны международному праву. Имперскій посолъ гр. Вильчекъ отвѣтилъ еще болѣе рѣзко и рѣшительно.

Прожившъ въ Варшавѣ около мѣсяца, Левенвольде составилъ себѣ ясное понятіе о положеніи польскихъ дѣлъ и убѣдился, что партія Станислава Лещинскаго быстро увеличивалась вслѣдствіе щедротъ французскаго двора. Самымъ умнымъ и дѣятельнымъ сторонникомъ Лещинскаго былъ Понятовскій, имѣвшій сильное вліяніе на примаса. Левенвольде писалъ въ Петербургъ, что Понятовскій дѣйствуетъ не столько въ интересахъ Лещинскаго, сколько въ своихъ собственныхъ, что избраніе Понятовскаго было бы еще опаснѣе избранія Лещинскаго, но что имъ двумъ никого нельзя противопоставить изъ польскихъ вельможъ. Левенвольде считалъ неизбѣжнымъ вооруженное вмѣшательство со стороны Россіи и думалъ, что она будетъ имѣть на это большее право, если нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ, недовольные дѣйствіями примаса, обратятся къ русскому двору съ жалобой на притѣсненія польской вольности и съ просьбой о защитѣ. Не безъ трудовъ, но Левенвольде удалось уладить это дѣло. Въ его канцеляріи былъ составленъ манифестъ и нѣкоторые изъ литовскихъ и даже польскихъ вельможъ изъявили свое согласіе на его отсылку въ Петербургъ, за общей подписью этихъ «доброжелательныхъ».

Узнавъ, что въ домѣ у Левенвольде стали собираться недовольные и что ими написанъ манифестъ, примасъ отправилъ къ Левенвольде депутацію отъ польскаго сената, чтобы спросить: вступятъ-ли русскія войска въ Польшу, или нѣтъ? и изъявить неудовольствіе на то, что стѣсняютъ свободу избранія короля исключеніемъ того или другого кандидата, наконецъ, потребовать, чтобы сообщены были имена тѣхъ поляковъ, которые, жалуясь на притѣсненіе во время сейма, просили помощи императрицы Анны Іоанновны и подписались подъ манифестомъ. Левенвольде отвѣтилъ, что если сенатъ желаетъ, то онъ обратится къ своему двору за разъясненіемъ относительно того, вступятъ-ли русскія войска въ Польшу, и замѣтилъ при этомъ, что сами поляки ищутъ помощи у турокъ и татаръ; что нельзя требовать отъ союзныхъ державъ, чтобы онѣ спокойно смотрѣли на избраніе такого короля, который не будетъ соблюдать мира съ сосѣдями; что же касается именъ тѣхъ, кто бываетъ у него въ домѣ, то ихъ назвать онъ отказался и прибавилъ, что нельзя порицать людей, потерпѣвшихъ насиліе, за то, что они ищутъ защиты, тѣмъ болѣе, что члены Рѣчи Посполитой не въ первый разъ обращаются къ русской императрицѣ съ просьбой о помощи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой конференціи Левенвольде выѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, не сообщивъ объ этомъ примасу и не испросивъ дозволенія у императрицы: онъ торопился лично переговорить съ кабинетъ-министрами о болѣе рѣшительныхъ дѣйствіяхъ для устраненія Лещинскаго.

До сихъ поръ союзныя державы не выставляли своего кандидата противъ Лещинскаго. Только императорское нѣмецкое правительство выдвигало кандидатуру португальскаго инфанта Эммануила и, послѣ смерти польскаго короля, запросило согласіе португальскаго двора. Долгое время не получалось отвѣта, и уже явился другой кандидатъ, новый саксонскій курфюрстъ Августъ, сынъ покойнаго польскаго короля Августа II, когда отъ португальскаго короля полученъ былъ отвѣтъ, что онъ желаетъ возведенія португальскаго принца на польскій престолъ, но не дона—Эммануила, а другого своего брата, дона—Антоніо. Саксонскій дворъ завязалъ непосредственно переговоры съ Россіей и съ Пруссіей. Предпочитая, во всякомъ случаѣ, саксонскаго курфюрста Лещинскому, Россія отправила

Августу, въ концѣ мая 1733 г., свой проектъ трактата, по которому, въ случаѣ избранія Августа въ короли польскіе, онъ гарантировалъ ей всѣ принадлежащія ей земли и области и отказался отъ притязаній на Лифляндію и признавалъ самостоятельность Курляндіи; сознавая ограниченность власти, которую онъ получалъ въ Польшѣ, курфюрстъ опасался принять на себя обязательство, котораго онъ не былъ бы въ состояніи выполнить, и въ такомъ духѣ далъ свой отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія отвѣта курфюрста и послѣ соединеннаго засѣданія въ Петербургѣ кабинета министровъ, сената и генералитета, созванныхъ, по настоянію Левенвольде, оберъ-шталмейстеръ былъ снова отправленъ въ Варшаву съ предписаніемъ, что если онъ въ теченіе трехъ недѣль не получитъ изъ Дрездена ратификаціи курфюрста, то пусть приступитъ къ необходимымъ мѣрамъ для возведенія на польскій престолъ кн. Любомирскаго. Вскорѣ, однако произошло измѣненіе въ намѣреніяхъ Россіи: вслѣдствіе двухъ писемъ курфюрста къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. и Левенвольде было приказано, не дожидаясь присылки изъ Дрездена ратифікованнаго трактата, немедленно приложить всѣ старанія въ пользу избранія Августа. Левенвольде отправился въ Варшаву и на пути раздавалъ манифестъ на польскомъ языкѣ, въ которомъ союзныя державы увѣдомляли поляковъ о вступленіи своихъ войскъ въ ихъ отечество.

Въ Варшаву Левенвольде прибылъ 27 іюля. Онъ привезъ съ собою грамоту императрицы къ примасу, въ которой прямо указывалось на Лещинскаго, какъ на такого кандидата, которому Россія не позволитъ вступить на польскій престолъ. Левенвольде широко раздавалъ и обѣщанія и деньги; онъ истратилъ въ Польшѣ громадныя, по тому времени, суммы, а оправдательные документы сжегъ, когда русскій посольскій домъ въ Варшавѣ подвергся разграбленію,—онъ получилъ въ разные сроки (считая вышеупомянутые восемь бланкетовъ) около 200.000 рублей и, кромѣ того, около 130.000 талеровъ.

25 августа открылся избирательный сеймъ. Саксонскіе послы и братья Левенвольде переѣхали во дворецъ нѣмецко-имперскаго посла, опасаясь нападенія взволнованной черни. Слухи о приближеніи русскихъ войскъ подтверждались все болѣе и болѣе, и примасъ просилъ Левенвольде приказать имъ возвратиться; Левенвольде отвѣтилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, но увѣрялъ, что войска не причинятъ никому ни малѣйшаго вреда, пока поляки сами не подадутъ къ этому повода. 9 сентября прибылъ въ Варшаву тайкомъ самъ Станиславъ Лещинскій, проѣхавшій по Европѣ подъ видомъ купеческаго прикащика. 11 сентября онъ былъ выбранъ большинствомъ въ короли польскіе, а протестовавшее меньшинство ушло въ Венгровъ и издало манифестъ, въ которомъ жаловалось на уничтоженіе liberum veto. Подписавъ pacta conventa, Станиславъ уѣхалъ 22 сентября въ Данцигъ, въ сопровожденіи главныхъ своихъ приверженцевъ и пословъ французскаго и шведскаго,—тамъ думалъ онъ дождаться помощи отъ Франціи и заступничества со стороны Швеціи, Турціи и Пруссіи.

Между тѣмъ братья Левенвольде и саксонскіе послы, продолжавшіе жить во дворцѣ нѣмецко-имперскаго посла, подвергались большой опасности и находились какъ бы въ заключеніи. Дворецъ былъ окруженъ крѣпкимъ карауломъ; курьеръ, ѣхавшій изъ Петербурга, былъ остановленъ и всѣ бумаги у него отняты; только три дня спустя къ Левенвольде принесли распечатанный рескриптъ императрицы. Точно также остановлено было до двадцати курьеровъ, которые отправлялись Левенвольде или генераломъ Ласси. Дворецъ, въ которомъ раньше помѣщались русскіе послы, былъ совершенно разграбленъ, а домъ саксонскаго посла уничтоженъ послѣ кровопролитнаго сраженія. Наконецъ 20 сентября, на правомъ берегу Вислы показалось 20.000 русскаго войска подъ начальствомъ Ласси; на другой день была устроена батарея противъ самой Варшавы и началась перестрѣлка, причинившая русскимъ весьма незначительный уронъ. 22 сентября была составлена въ Прагѣ изъ противниковъ Станислава Лещинскаго конфедерація, и 24 сентября сконфедерованная Рѣчь Посполитая выбрала въ короли саксонскаго курфюрста Августа. Ласси не дождался пріѣзда новаго короля, а въ концѣ 1733 г. получилъ указъ выступить къ Данцигу противъ Станислава Лещинскаго. Ласси, повидимому, былъ доволенъ уйти подальше отъ Варшавы, потому что ему тяжело

было находиться подъ начальствомъ у Левенвольде, который былъ суровъ, самовластенъ, но въ то же время нерѣшителенъ и медлителенъ въ распоряженіяхъ, онъ обременялъ солдатъ непосильными работами въ Варшавѣ, не заботился о пропитаніи войска и лошадей и о приготовленіи зимнихъ квартиръ,—и русское войско часъ отъ часу слабѣло, а генералъ Ласси «не смѣлъ слова выговорить, боясь нареканій отъ Левенвольде, который и съ роднымъ братомъ своимъ въ ссорѣ». Младшій Левенвольде, камергеръ Фридрихъ-Казиміръ, вслѣдствіе этой ссоры, просилъ отозвать его изъ Варшавы. Просьба его была исполнена, а на его мѣсто присланъ былъ президентъ Академіи Наукъ гр. Кейзерлингъ, которому пришлось играть при оберъ-шталмейстерѣ Левенвольде тоже второстепенную роль.

Оберъ-шталмейстеръ Левенвольде былъ близокъ съ Остерманомъ, и оба они недолюбливали Миниха, а можетъ быть и завидовали ему. Недружелюбное отношеніе къ Миниху возникло у Левенвольде еще въ 1732 г., вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій въ распорядкѣ офицерскихъ чиновъ Измайловскаго полка, сдѣланныхъ Минихомъ, по порученію императрицы, въ то время, когда Левенвольде былъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Остерманъ и Левенвольде возстановили противъ Миниха Бирона, возбудивъ въ немъ подозрѣніе, что Минихъ стремится овладѣть полною довѣренностью императрицы и, въ случаѣ удачи, конечно, не пощадитъ всѣхъ своихъ противниковъ, съ Бирономъ во главѣ. Въ началѣ 1734 г. явилась возможность благовидно удалить Миниха изъ Петербурга, назначивъ его главнокомандующимъ надъ войскомъ, которымъ до этого времени начальствовалъ генералъ Ласси, и Минихъ былъ отправленъ подъ стѣны Данцига. Послѣ того какъ Станиславъ Лещинскій бѣжалъ изъ Данцига, Данцигъ сдался русскимъ 28 іюня 1734 г., съ обязательствомъ быть вѣрнымъ королю Августу III.

За свою дѣятельность въ Польшѣ Левенвольде былъ награжденъ, 21 декабря 1733 г., орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а вслѣдъ затѣмъ отправился изъ Варшавы въ Краковъ, для присутствія 17 января 1734 г. на коронаціи Августа III, а оттуда поѣхалъ въ Вѣну. Надо было не только переговорить съ правительствомъ нѣмецкаго императора объ окончаніи польскихъ дѣлъ, но обсудить и турецкій вопросъ, такъ какъ Порта враждебно относилась къ развитію нѣмецко-русскаго вліянія въ Польшѣ, а крымскіе татары нападали на русскія границы. Польскія дѣла временно отодвинули на задній планъ вопросъ о войнѣ съ Турціей, а теперь онъ опять стоялъ на очереди. Но въ Вѣнѣ не только не желали помогать Россіи противъ турокъ, а, ссылаясь на договоры, требовали еще помощи противъ Франціи, Левенвольде отвѣчалъ, что русскія войска разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ часть войска находится еще въ Польшѣ, нужны военныя силы въ Персіи и въ то же время слѣдуетъ быть на сторожѣ противъ Турціи, съ одной стороны, и противъ Швеціи—съ другой. Въ концѣ апрѣля 1734 года Левенвольде выѣхалъ изъ Вѣны и по дорогѣ въ Петербургъ посѣтилъ Лейпцигъ и Берлинъ, гдѣ старался, съ одной стороны, склонить Фридриха къ признанію Августа и къ удаленію отъ всякихъ сношеній съ Лещинскимъ, съ другой — старался убѣдить Августа, чтобы онъ уступилъ Фридриху нѣкоторыя земли, дабы привлечь его на свою сторону.

Послѣ вышеприведенныхъ переговоровъ въ Вѣнѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, Левенвольде возвратился въ Петербургъ больной и получилъ дозволеніе уѣхать на свою мызу Раппинъ близъ Дерпта, гдѣ и умеръ 30 апрѣля 1735 года.

Вліятельная роль графа Карла-Густава Левенвольде въ правительствѣ Анны Іоанновны и личныя качества его ума и характера прекрасно очерчены въ отзывахъ двухъ его современниковъ: графа Эрнеста Миниха и В. А. Нащокина.

Графъ Эрнестъ Минихъ такъ отзывается о Левенвольде: «Кромѣ сего, такъ сказать, всемогущаго любимца (Бирона), состоялъ также Карлъ-Густавъ, старшій графъ Левенвольде, въ той великой силѣ, что хотя и не занималъ онъ никакой должности въ министерствѣ, однако никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и соглашенія; даже самъ Бирон, который ни съ кѣмъ другимъ не хотѣлъ дѣлить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколѣ онъ живъ былъ, при себѣ терпѣлъ, но также, чему дивиться должно, нѣкоторымъ образомъ его боялся. Личныя свойства и качества гр. Левенвольде дѣйствительно заслуживали почи-

танія. Сверхъ остраго и проницательнаго разума имѣлъ онъ совершенно честное сердце, былъ великодушенъ, безкорыстенъ и охотно вспомоществовалъ всѣмъ, кои съ правымъ дѣломъ или просьбою къ нему прибѣгали. Онъ жилъ весьма умѣренно и безъ великолѣпія. Видъ его былъ важенъ, но не непріятенъ и въ домашнемъ обхожденіи находили его веселымъ и шутливымъ. Друзьямъ своимъ дѣлалъ онъ добро, и кто однажды вошелъ къ нему въ любовь, тотъ чрезъ наговорки и клеветы не скоро лишался оныя. Но буде онъ однажды кого возненавидѣлъ, то уже бывалъ вовсе непримиримымъ».

По словамъ В. А. Нащокина, графъ Левенвольде былъ человѣкъ «великаго разума» и правдолюбіе ставилъ выше своей славы. Будучи полковникомъ Измайловскаго полка, онъ привелъ его въ образцовый порядокъ, и подчиненные боялись его, несмотря на то, что никто не былъ штрафованъ его приказомъ. Онъ любилъ ружейную охоту и лошадей и вмѣстѣ съ Бирономъ и А. П. Волынскимъ подалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ проектъ объ увеличеніи и улучшеніи государственныхъ конскихъ заводовъ, вслѣдствіе чего были выписаны изъ за границы хорошія лошади. Нащокинъ счелъ своимъ долгомъ прибавить, что онъ не находился въ особенной милости у графа Левенвольде и не получилъ никакого повышенія по его рекомендаціи, а потому отзывъ его совершенно безпристрастенъ и вызванъ единственно желаніемъ воздать должное почтеніе достойному человѣку.

Совершенно въ противоположномъ свѣтѣ рисуетъ Карла-Густава Левенвольде третій изъ его современниковъ—испанскій посолъ герцогъ де-Лириа, отзывающійся о немъ весьма нелестно. Повидимому, де-Лириа смѣшиваетъ его съ его братомъ Рейнгольдомъ-Густавомъ Левенвольде, а потому этого отзыва мы не приводимъ.

Записки В. А. Нащокина. СПб. 1842 г., 34, 40.—Записки фельдмаршала Миниха—русскій переводъ, изд. въ СПб. 1854 г., с. 43, 307, 312.—Записки Манштейна о Россіи. 1727—1744 гг. СПб. 1875 г.—*Хмыровъ*, «Историческія статьи».—«Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII в. Записки и замѣчанія гр. Эрнста Миниха». Изд. «Русск. Старины». СПб. 1891 г.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», М. 1836 г., III.—*Герье*, «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году», М. 1862 г.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIX, XX.

В. Корсакова.

Левенвольде, *Карлъ Карловичъ*, баронъ, послѣдній представитель рода Левенвольде, изъ лифляндскихъ дворянъ, родился въ Раппинѣ 15 іюня 1779 г., на службу поступилъ въ лб.-гв. Конный полкъ въ 1790 г. и черезъ пять лѣтъ былъ произведенъ въ вахмистры; въ 1797 г. онъ былъ переведенъ корнетомъ въ Рижскій кирасирскій полкъ, а въ слѣдующемъ году—въ кирасирскій Неплюева полкъ, съ производствомъ въ поручики. По расформированіи полка Неплюева Левенвольде былъ переведенъ въ кирасирскій Воинова (Стародубскій) полкъ. Въ 1801 г. онъ состоялъ инспекторскимъ адъютантомъ при графѣ фонъ-деръ-Паленѣ и въ томъ же году переведенъ въ Кавалергардскій полкъ. Въ 1802 г. онъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры, а черезъ два года—въ ротмистры. Баронъ Левенвольде участвовалъ въ знаменитой атакѣ кавалергардовъ подъ Аустерлицемъ и по окончаніи боя командовалъ кавалергардскими пикетами, отступившими послѣдними съ поля сраженія. Въ 1806 г. онъ уволился отъ службы съ чиномъ полковника, но въ слѣдующемъ году вновь поступилъ въ полкъ ротмистромъ, въ томъ же году былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 3-го эскадрона. Въ 1812 г. Левенвольде выступилъ въ походъ съ Кавалергардскимъ полкомъ. Во время Бородинскаго сраженія, когда французамъ удалось, наконецъ, прорвать нашъ центръ, единственнымъ кавалерійскимъ резервомъ остались ковалергарды и Конная гвардія. Въ этой войнѣ Левенвольде нашелъ славную смерть героя, убитый во время атаки французской кавалеріи.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1801—1826», III, стр. 15—16.

Левенвольде, *графъ Рейнгольдъ-Густавъ*, род. въ 1693 г. въ Лифляндіи, умеръ 22 іюля 1758 г. въ Соликамскѣ, братъ Карла-Густава Левенвольде. Еще при жизни Петра Великаго онъ былъ камеръ-юнкеромъ императрицы Екатерины Алексѣевны и пользовался ея расположеніемъ. По восшествіи на престолъ Екатерины I въ 1725 г., Левенвольде произведенъ былъ въ камергеры, а 24 октября 1726 г., вмѣстѣ съ братьями своими, пожалованъ въ графы. 24 ноября 1726 г. онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и вскорѣ затѣмъ, 31 марта 1727 года, портретъ императрицы для ношенія на

шеѣ. Послѣ кончины Екатерины I Левенвольде жилъ въ своихъ помѣстьяхъ въ Лифляндіи. Получивъ въ январѣ 1730 г. отъ своего брата Карла извѣстіе о намѣреніи Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить самодержавную власть Анны Іоанновны, онъ немедленно поѣхалъ въ Митаву и прибылъ туда цѣлыми сутками раньше депутатовъ, отправленныхъ верховниками. Увѣренный въ непрочности вновь придуманнаго для Россіи аристократическаго правленія, Левенвольде посовѣтовалъ Аннѣ Іоанновнѣ не отказываться отъ подписи «кондицій», увѣряя, что ихъ можно будетъ впослѣдствіи уничтожить. Въ награду за оказанную услугу Анна Іоанновна, вообще особенно благоволившая къ Левенвольде, произвела его въ оберъ-гофмаршалы, а въ 1732 г. пожаловала орденъ Андрея Первозваннаго и поручила управленіе соляными доходами. Вскорѣ по вступленіи ея на престолъ Левенвольде и графъ Остерманъ подняли вопросъ о престолонаслѣдіи, опасаясь серьезныхъ осложненій въ случаѣ внезапной кончины бездѣтной императрицы. Они совѣтовали Аннѣ Іоанновнѣ выдать племянницу ея, принцессу мекленбургскую Анну Леопольдовну, замужъ за какого-нибудь иностраннаго принца и потомъ избрать наслѣдника престола изъ дѣтей, которыя произойдутъ отъ этого брака, не обращая вниманія на право первородства. Благодаря содѣйствію Ѳеофана Прокоповича, планъ этотъ былъ въ концѣ концовъ принятъ, и пріисканіе жениха поручено брату оберъ-гофмаршала Левенвольде—генералъ-адъютанту, а впослѣдствіи оберъ-шталмейстеру, гр. Карлу Левенвольде.

Во время царствованія Анны Іоанновны Левенвольде жилъ въ свое удовольствіе, прекрасно устраивалъ придворные праздники и предавался неумѣренной игрѣ въ карты, чѣмъ совершенно разстроилъ свое состояніе. Въ 1740 г., когда по случаю заключенія мира съ Турціей были розданы награды высшимъ сановникамъ, Левенвольде получилъ отъ императрицы бриллiантовый перстень, цѣною отъ 5 до 6 тысячъ рублей. 6 октября того же 1740 г. императрица Анна Іоанновна занемогла, а 17 октября скончалась. Во время ея болѣзни Бирономъ приглашенъ къ себѣ гр. Миниха, кн. Черкасскаго, Бестужева и графа Левенвольде и выражалъ безпокойство за судьбу Россіи, если Анна Леопольдовна, сдѣлавшись правительницей, вызоветъ въ Россію своего сумасброднаго отца или допуститъ до участія въ управленіи государствомъ своего мужа, Антона Ульриха. Приглашенныя Бирономъ лица ясно видѣли его желаніе быть регентомъ, не рѣшили противорѣчить и сказали, что лучшимъ правителемъ будетъ самъ Бирономъ. Онъ дѣйствительно добился регентства, но не надолго; Анна Леопольдовна велѣла арестовать его и провозгласила себя правительницей. Левенвольде успѣлъ заслужить довѣріе правительницы и получилъ 80 тысячъ на уплату долговъ. Анна Леопольдовна часто совѣщалась съ нимъ и спрашивала его мнѣній; на него она возлагала исполненіе весьма непріятныхъ порученій, какъ напр. объявленіе отставки фельдмаршалу гр. Миниху.

Въ день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны Левенвольде былъ заключенъ въ крѣпость, преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни. Вообще обвиненіе ставилось за противузаконное устраненіе отъ престола дочери Петра Великаго; противъ Левенвольде были и спеціальныя обвиненія—будто онъ внушалъ правительницѣ мысль объявить себя императрицей, будто онъ доносилъ о намѣреніяхъ Елизаветы, но трудно сказать, насколько было истины въ этихъ обвиненіяхъ. Императрица смягчила приговоръ, замѣнивъ смертную казнь ссылкою въ Соликамскъ, соединенною съ лишеніемъ чиновъ, орденовъ, дворянства и имѣній. По словамъ Манштейна, Левенвольде перенесъ свое несчастіе съ удивительною твердостію; но кн. Я. П. Шаховской, которому поручено было отправить его въ мѣсто ссылки, такъ описываетъ свиданіе свое съ Левенвольде: «Лишь только я вступилъ въ темную и пространную казарму, вдругъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ обнялъ мои колѣна и весьма въ робкомъ видѣ, въ смущенномъ духѣ говорилъ такъ тихо, что нельзя было вслушаться въ слова его: всклокоченные волосы, сѣдая борода, блѣдное лицо, впалыя щеки, оборванная, неопрятная одежда его внушили мнѣ мысль, что это какой-либо мастеровой, содержащійся подъ арестомъ. «Отцалите сего несчастнаго—сказалъ я сопровождавшему меня офицеру—и проводите туда, гдѣ находится бывшій гр. Левенвольдъ».—«Онъ передъ вами»—отвѣчалъ офицеръ»...

Современники Левенвольде, знавшіе его лично, сохранили тоже весьма разнорѣчивые о немъ отзывы. Это объясняется какъ степенью близости ихъ къ Левенвольде, такъ и степенью наблюдательности. Такъ напр., испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа заявляетъ, что онъ «при чрезмѣрномъ честолюбіи и тщеславіи, былъ лживъ, хитеръ, корыстолюбивъ, съ очень непріятнымъ характеромъ, способный пожертвовать для своей пользы самымъ близкимъ человѣкомъ. Но эти внутреннія несимпатичныя свойства прикрывались обходительностью, снисходительностью и внимательностью, и, будучи уменъ и довольно красивъ собою, гр. Левенвольде возвысился посредствомъ женщинъ. Религіи у него не было никакой и едва-ли даже онъ вѣрилъ бытію Бога».—В. А. Нащокинъ въ своихъ «Запискахъ» отмѣчаетъ, наоборотъ, симпатичныя стороны въ характерѣ Левенвольде. Онъ утверждаетъ, что онъ былъ всѣми любимъ за свою веселость и привѣтливость, но до безразсудности любилъ играть въ карты и промоталъ почти все. Почти то же сообщаетъ Манштейнъ и гр. Эрнестъ Минихъ. «За нимъ не знали никакихъ качествъ, кромѣ хорошихъ»—говоритъ Манштейнъ; «онъ былъ созданъ для занимаемаго имъ мѣста, имѣлъ кроткій нравъ, былъ чрезвычайно вѣжливъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ». Гр. Эрнестъ Минихъ по поводу ссылки его въ Соликамскъ пишетъ: «Достойный Левенвольде, сотворенный для того, чтобы блистать при великомъ дворѣ, къ общему сожалѣнію, умеръ въ Соликамскѣ, куда онъ сосланъ былъ въ заточеніе». Строгановы, владѣющіе богатыми заводами и соляными варницами въ этой мѣстности, старались насколько возможно облегчить его участь, доставляя ему все потребное для пропитанія и содержанія.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», М. 1836 г., III, стр. 166–619.—Записки дюка Лирійскаго.—Записки В. А. Нащокина. СПб. 1842 г., с. 68—221.—Записки кн. Я. П. Шаховскаго, 1705—1777 г.—*Хмыровъ*, «Историческія статьи», СПб. 1873 г., с. 314—316.—Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст. СПб. 1874 г. Письма леди Рондо, с. 130, 204–206.—Записки фельдмаршала гр. Миниха, с. 60, 82, 88, 91, 175, 307, 347.—Записки Манштейна о Россіи 1727–1744 гг. Изд. «Русск. Стар.», СПб. 1875 г., с. 237, 241—242, «Россія и Русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII в.—Записки и замѣчанія гр. Эрнеста Миниха. Изд. «Русск. Стар.». СПб. 1891 г., с. 82—86. 109, 118, 137, 157, 158, 174, 187, 196. 214, 215, 220, 226, 271.

В. Корсакова.

Левенецъ, *Иванъ Прокофьевичъ*, одинъ изъ трехъ правителей Генеральной Войсковой Канцеляріи; ум. послѣ 1727 г. Сынъ полтавскаго полковника. Благодаря расположенію гетмана Самойловича къ отцу Левенца, послѣдній одновременно съ отцомъ своимъ былъ принятъ гетманомъ «подъ бунчукъ» (1685), а затѣмъ, когда отецъ его оказалъ важныя услуги Мазепѣ на Коломакѣ, былъ поставленъ полтавскимъ полковымъ сотникомъ (1687). Въ 1703 г. Левенецъ сдѣлался полтавскимъ полковникомъ. Во время Мазепиной измѣны Левенецъ сначала держалъ сторону Мазепы и хотѣлъ захватить въ селѣ Жукахъ вдовъ Кочубея и Искры, чтобы отправить ихъ къ гетману, но затѣмъ выказалъ вѣрность царю обороной въ январѣ и мартѣ 1709 г. Полтавы и Ахтырки. Положеніе его въ Полтавѣ, какъ полковника, было трудно, такъ какъ здѣсь было много сторонниковъ Мазепы, которые продолжали сѣять въ Полтавѣ смуту, да и самъ Левенецъ, заподозрѣнный въ измѣнѣ, не могъ удержать за собой полковничества; оно было отдано царемъ Ивану Черняку, который исполнилъ въ Крыму какое-то важное порученіе царя по дѣлу Мазепы; оставшись безъ уряда, Левенецъ просилъ гетмана о принятіи его подъ «протекцію и оборону», и 20 ноября 1711 года онъ получилъ универсалъ на чинъ бунчуковаго товарища. Послѣ этого Левенецъ не занималъ никакого служебнаго положенія, жилъ въ Полтавѣ по 1724 г., когда туда пріѣхалъ А. И. Румянцевъ и предназначилъ его въ число управителей Генеральной Войсковой Канцеляріи. Въ февралѣ 1724 года Левенецъ получилъ назначеніе быть однимъ изъ трехъ правителей этого учрежденія и пробылъ здѣсь по октябрь 1727 года, когда гетманство было возстановлено въ лицѣ Даніила Апостола. Послѣ этого Левенецъ возвратился въ Полтаву, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Дѣла Архива Департ. Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ рода Левенцовъ.—«Кіевская Старина», 1886 г. т. XV, стр. 448—451.—*А. Лазаревскій*. «Описаніе старой Малороссіи», т. I. Кіевъ. 1889, стр. 414; т. II, Кіевъ, 1893, стр. 424.—«Лѣтопись Самовидца», стр. 309.—«Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Руси», Кіевъ, 1888, стр. 57.

В. Модзалевскій.

Левенецъ, *Прокофій*, полковникъ пол-

тавскій, ум. въ 1691 г. Въ этой должности онъ является въ 1674 году, но уже осенью слѣдующаго года онъ занялъ мелкій урядъ полтавскаго городового атамана; въ 1677 г., передъ сборами въ походъ на Чигиринъ, онъ былъ, какъ опытный военачальникъ, снова выбранъ полковникомъ и 12 апрѣля этого года получилъ отъ царя «милостивое слово», въ которомъ онъ и все «товарищество» полтавскаго полка получили похвалу за обѣщаніе вѣрно служить противъ «креста святого непріятелей». Во второмъ Чигиринскомъ походѣ (1678) Левенецъ со своимъ полкомъ сдѣлалъ самостоятельно нападеніе на турецкій обозъ, при чемъ Левенецъ былъ раненъ; за первый и за второй Чигиринскіе походы Левенецъ получилъ двѣ похвальныя царскія грамоты. По возвращеніи изъ похода Левенецъ снова былъ «скинутъ» съ полковничества и на его мѣсто выбранъ Ѳедоръ Жученко (1679). Однако Самойловичъ взялъ Левенца въ 1685 году «подъ бунчукъ», т.-е. сдѣлалъ однимъ изъ бунчуковыхъ товарищей, назначеніе коихъ состояло въ томъ, что они всегда находились при гетманѣ, исполняя его личныя порученія, и освобождались отъ подсудности всѣмъ судамъ, кромѣ личнаго гетманскаго. Хотя Самойловичъ очень благоволилъ къ Левенцу, послѣдній оказался въ числѣ его противниковъ и много способствовалъ избранію въ гетманы Мазепы.

Дѣла Архива Департамента Герольдіи Прав. Сената о дворянствѣ Левенцовъ.—«Кіевская Старина» 1886 г., т. XV, стр. 445—48.—«Лѣтопись Величка», т. II, стр. 462, 464; т. III, стр. 14.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. III, стр. 863.—«Кіевская Старина» 1893 г., дек., стр. 501. *В. Модзалевскій.*

Левенсонъ, *Осипъ Яковлевичъ*, музыкальный критикъ, присяжный повѣренный. По окончаніи курса по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ (1864 г.) состоялъ судебнымъ слѣдователемъ при Владимірскомъ окружномъ судѣ, а въ послѣднее время жизни занимался адвокатскою практикою въ Москвѣ, гдѣ и покончилъ жизнь самоубійствомъ 19-го февраля 1892 г. Левенсонъ занимался театральною антрепризою въ Москвѣ и основалъ здѣсь Пушкинскій театръ. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ качествѣ музыкальнаго критика и помѣщалъ музыкальные фельетоны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которыми очень многіе интересовались. Эти фельетоны были изданы въ видѣ двухъ томиковъ подъ заглавіемъ: «Въ концертной залѣ» (М. 1880—1881 гг.), второе же ихъ изданіе было значительно сокращено и озаглавлено «Изъ области музыки» (М. 1885 г.).

«Историч. Вѣстникъ», 1892 г., кн. 4.—«Московскія Вѣдомости», 1892 г., № 51.—«Московскій Листокъ», 1892 г., № 51.—«Русскія Вѣдомости», 1892 г., № 49.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 116.

Левенсонъ, *Павелъ Яковлевичъ*, писатель, присяжный повѣренный, родился въ 1837 г. въ гор. Каменцѣ, Подольской губ. Получивъ всестороннее домашнее образованіе, Левенсонъ по обычаю того времени, занялся изученіемъ древнееврейскаго языка и талмуда. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ источниковъ, возбудили въ мальчикѣ интересъ къ окружающему, и онъ почувствовалъ большую потребность въ общихъ, болѣе широкихъ познаніяхъ. Основательно изучивъ нѣсколько языковъ и преодолѣвъ трудность всѣхъ препятствій, молодой Левенсонъ, уже съ большимъ запасомъ свѣдѣній, въ 1863 г. оставилъ свой городъ и направился въ Петербургъ. Вскорѣ здѣсь онъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, по окончаніи котораго, съ жаромъ отдался новой дѣятельности. Горячій поклонникъ судебныхъ уставовъ Александра II и воодушевленный идеей свободной защиты, онъ не могъ не увлечься такого рода дѣятельностью, а серьезное и честное отношеніе къ дѣлу сразу опредѣлило положеніе его въ сословіи, создавъ ему репутацію безупречнаго дѣятеля. Тѣмъ не менѣе Левенсонъ не былъ созданъ адвокатомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова: ему не хватало той юркости и ловкости, такъ сказать «житейской мудрости», которая дала-бы ему и матеріальное благосостояніе.

По свойству же своего характера онъ былъ скорѣе художникъ, чѣмъ дѣлецъ, почему до конца дней своихъ сильно увлекался какъ музыкой, такъ и литературой, въ которой самъ принималъ непосредственное участіе.

Обладая чуткой душой и зная хорошо жизнь своего народа, Левенсонъ съ особенной любовью остановился на нуждахъ и вопросахъ еврейскаго народа. Возму-

щенный несправедливымъ обвиненіемъ евреевъ въ совершеніи убійствъ христіанскихъ дѣтей съ ритуальной цѣлью, онъ посвятилъ этому вопросу рядъ статей, доказывающихъ вздорность такого предположенія. Такимъ образомъ въ 1880 г. въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» онъ помѣстилъ статью: «Памяти стараго суда, отчетъ о саратовскомъ дѣлѣ 50-хъ годовъ», а въ слѣдующемъ году, въ апрѣльской книжкѣ журнала «Восхода» снова коснулся этого вопроса въ статьѣ: «Еще о саратовскомъ дѣлѣ». Въ этомъ же журналѣ за 1881 г. (кн. 1 и 2-я) онъ помѣстилъ новую свою статью подъ заглавіемъ: «Вблизи и вдали»,—статью, касающуюся погромовъ и отношенія къ нимъ иностранныхъ кабинетовъ, а въ книгѣ 11 и 12-й—«Неразгаданный богатырь» (памяти Биконсфильда Дизраэли). Затѣмъ въ «Восходѣ» же появились слѣдующіе его труды: «Одинъ изъ немногихъ» (воспоминаніе о д-рѣ Л. Франклѣ), кн. 1, 2 и 3; «На Западѣ» (1889—1890 г.) и «Воспоминанія объ Англіи» (1889—1891 г.). Сотрудничалъ Левенсонъ также и въ журналѣ «Разсвѣтъ» и «Русскій Еврей». Въ первомъ изъ нихъ онъ помѣстилъ слѣдующія статьи: «Итоги Кутаисскаго процесса» (1879 г., № 2) и интересную большую статью: «Кто правъ» (Разборъ полемики проф. Голдуина Смизса съ д-ромъ Адлеромъ; такъ сказать, casus belli былъ вопросъ о совмѣстимости патріотизма съ еврействомъ), 1879 г., № 6—8, 11—12, 14—16. Кромѣ этого, съ 70-хъ годовъ Левенсонъ велъ отдѣлы гражданской хроники въ «Судебномъ Вѣстникѣ» и уголовной хроники въ «Журн. Гражданскаго и Уголовнаго Права» и, наконецъ, въ 1893 г. въ изданіи Павленкова «Жизнь замѣчательныхъ людей» появились двѣ, принадлежащія его перу біографіи Бекаріи и Бентама. Останавливаясь на трудахъ Левенсона, можно сказать, что если они не отличаются чѣмъ-либо выдающимся, то во всякомъ случаѣ выгодно выдѣляются ясностью мысли, богатой эрудиціей автора и неподкупностью взгляда. Въ нихъ сквозитъ твердая увѣренность въ безошибочности воззрѣній, въ сознаніи собственной правоты. Участіе свое къ еврейскому народу Левенсонъ выразилъ не только какъ литераторъ, извѣстно его непосредственное участіе, какъ члена, въ «Обществѣ распространенія просвѣщенія», «Ремесленнаго и земледѣльческаго фонда» и, судя по письму къ Л. О. Леванда, онъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи «Общества для вспомоществованія евреямъ-земледѣльцамъ въ Сиріи и Палестинѣ». Умеръ Левенсонъ 3-го января 1894 г.

«Историч. Вѣстникъ», 1894 г., т. 56, стр. 303.—«Недѣльная хрон. Восхода», 1894 г., № 1, стр. 3.—«Еврейская Энциклопедія.—«Еврейская библіотека» 1903, т. X, стр. 23—25.—«Восходъ», 1881, кн. 1 и 2.—*Брокгаузъ и Ефронъ*, «Энциклопедическій словарь», т. 33, стр. 432.

А. Ельницкій.

Левенталь, *Александръ Густавовичъ*, д. с. с., врачъ-писатель, сынъ врача, родился въ 1832 году, первоначальное образованіе получилъ въ 1-й Московской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ (1849 г.) съ медалью первымъ ученикомъ. Уже съ ранняго возраста онъ обнаруживалъ особое расположеніе къ изученію языковъ и изящной словесности, готовя себя къ филологическому поприщу, но судьба рѣшила иначе: вслѣдствіе ограниченія числа студентовъ на факультетахъ, за исключеніемъ медицинскаго, Левенталь сначала невольно долженъ былъ сдѣлаться врачемъ. Поступивъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, онъ сталъ изучать естественныя и медицинскія науки съ свойственнымъ ему усердіемъ и добросовѣстностью и вскорѣ пристрастился къ нимъ, не упуская въ то же время обогащать свое высшее образованіе въ аудиторіяхъ математическаго и филологическаго факультетовъ. Основательное знаніе древнихъ и новѣйшихъ языковъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ему въ пріобрѣтеніи такихъ многостороннихъ познаній: французскими и нѣмецкими языками онъ владѣлъ въ такомъ же совершенствѣ, какъ и русскимъ; зналъ довольно хорошо языки итальянскій и англійскій, свободно читалъ въ то же время Гомера и латинскихъ классиковъ. Окончивъ въ 1854 году университетскій курсъ лѣкаремъ съ отличіемъ, онъ вскорѣ затѣмъ, по защитѣ диссертаціи «Объ египетскомъ воспаленіи глазъ» (Спб. 1856 г.), былъ признанъ Петербургскою медико-хирургическою академіею докторомъ медицины. Первые годы своей государственной службы Левенталь провелъ на поприщѣ военномъ, сначала врачемъ въ войскахъ гвардіи Петербург-

ского округа, затѣмъ въ Московскомъ военномъ госпиталѣ и Александровскомъ военномъ училищѣ. Въ 1865 году онъ получилъ должность главнаго доктора Московской Павловской больницы, въ которой и оставался до послѣднихъ дней своей жизни. Въ томъ же 1865 году Левенталь былъ утвержденъ предсѣдателемъ медицинскаго комитета Человѣколюбиваго общества, а въ слѣдующемъ году, по распоряженію московскаго генералъ-губернатора, назначенъ членомъ постояннаго комитета охраненія народнаго здравія и медицинскимъ инспекторомъ Серпуховской части для борьбы съ холерою. Въ 1868 г. Левенталь былъ избранъ предсѣдателемъ Московской уѣздной земской управы и вскорѣ затѣмъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1877 году онъ былъ назначенъ главно-уполномоченнымъ Московскаго отдѣла Общества Краснаго Креста и за отличное состояніе подвѣдомственныхъ ему санитарныхъ учрежденій удостоенъ Высочайшей благодарности. Независимо отъ своихъ многочисленныхъ служебныхъ обязанностей, онъ находилъ однако же возможнымъ съ увлеченіемъ предаваться ученой и литературной дѣятельности, состоя членомъ многихъ медицинскихъ и другихъ ученыхъ обществъ и секретаремъ физико-медицинскаго общества. Какъ гласный Московской думы и предсѣдатель ея санитарной комиссіи, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно безкорыстно работалъ надъ труднымъ вопросомъ улучшенія санитарныхъ условій Москвы, путешествуя по Европѣ съ цѣлью изученія устройства больницъ, составляя обширные доклады по выдающимся санитарнымъ вопросамъ и принимая живое участіе въ осуществленіи устройства дѣтской городской больницы св. Владиміра, учрежденіи постоянной думской санитарной комиссіи и, наконецъ, въ трудахъ съѣздовъ врачей Московскаго земства. Скончался Левенталь 27 февраля 1885 года.

Кромѣ упомянутой диссертаціи и статей, помѣщенныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», Левенталь напечаталъ слѣдующіе два труда: 1) «Отчетъ водолѣчебнаго отдѣленія Московскаго воевнаго госпиталя за сентябрь и октябрь 1860 г. («Московск. Медиц. Газета» 1860 г., №№ 49, 50) и 2) «Госпитали Краснаго Креста въ Москвѣ», М. 1878 г.

«Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 61.— *Д. Д. Зиновъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V, стр. 98.

Левенталь, *Густавъ Осиповичъ*, докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. въ Ганноверѣ въ 1788 г., скончъ. 20 марта 1865 г. въ Москвѣ. Учился въ Геттингенскомъ университетѣ. Съ вспомогательнымъ прусскимъ корпусомъ Левенталь совершилъ въ 1812 г. походъ въ Россію въ качествѣ военнаго врача, принималъ участіе въ битвахъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Краснымъ, Борисовымъ и др. При переправѣ черезъ Березину онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими казаками и остался въ Россіи. Прикомандированный къ Минскому военному госпиталю, онъ своимъ внимательнымъ уходомъ заслужилъ горячую благодарность одного офицера; тотъ взялъ Левенталя къ себѣ въ Москву, здѣсь онъ получилъ степень лѣкаря и имѣлъ большую практику, частью въ Москвѣ, частью въ деревнѣ въ Смоленской губерніи. Здѣсь Гжатское уѣздное дворянство выдало Левенталю свидѣтельство въ томъ, что онъ безплатно воспользовалъ болѣе 2,500 человѣкъ и привилъ оспу болѣе 5,000 младенцамъ. Поселившись въ 1817 г. окончательно въ Москвѣ, онъ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ Общества Физико-Медицинскаго и Испытателей природы. Въ 1830 г., во время холеры, былъ назначенъ инспекторомъ Пятницкой временной холерной больницы и по прекращеніи болѣзни за труды получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ Павловской больницы и въ этой должности оставался до самой кончины. Въ 1863 г., въ день столѣтія больницы, онъ получилъ орденъ Станислава 1-й ст. Наблюденія Левенталя надъ животнымъ магнетизмомъ были напечатаны подъ заглавіемъ: «Experiences phisico-chimiques faites avec le fluide magnetique animal par le professeur Reüss et le docteur Loewenthal» («Commentationes» физико-мед. общ. 1821 г.). Кромѣ того, замѣчательна его докторская диссертація: «De hysteria adjectis duabus observationibus practicis. M. 1824». Она заслужила общее вниманіе врачей и часто цитируется въ ихъ сочиненіяхъ въ качествѣ лучшаго источника по этому вопросу.

Геннади, т. II, стр. 222.—Протоколы засѣданій физико-медицинскаго Общества, учр. при Импер. Московскомъ Унив. за 1866 и 1867 гг. Москва. 1861 г., стр. 19—21.

Левенштернъ, *Владиміръ Ивановичъ*, баронъ, ген.-м., принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, получившему баронское достоинство въ 1720 г., родился въ 1777 г. въ замкѣ Разикъ, въ Гарріенскомъ уѣздѣ Эстляндіи; по окончаніи школьнаго образованія въ Ревельской дворянской академіи въ 1793 г. онъ былъ принятъ сержантомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и находился безсмѣннымъ адъютантомъ при генералъ-аншефѣ графѣ Салтыковѣ. Переведенный въ декабрѣ 1794 г. въ конную гвардію вахмистромъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ ротмистромъ въ легкій кавалерійскій Украинскій полкъ, переименованный въ Стародубовскій кирасирскій, въ рядахъ котораго находился въ походѣ 1798—1799 гг. къ берегамъ Рейна противъ французовъ. Въ 1800 г. онъ находился среди войскъ, отправленныхъ подъ предводительствомъ графа Палена къ берегамъ Балтійскаго моря для наблюденія за англійскимъ флотомъ адмирала Нельсона, но въ 1802 г., вслѣдствіе болѣзни, уволился отъ службы. Во время Отечественной войны 1812 г., по предложенію военнаго министра, Левенштернъ вновь поступилъ на военную службу и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ главнокомандующаго. При отступленіи главной квартиры изъ Вильны на Дриссу онъ исполнялъ должность дѣлопроизводителя при составленіи секретныхъ донесеній, которыя Барклай-де-Толли посылалъ государю, а затѣмъ въ качествѣ парламентера находился въ командировкѣ во французскій лагерь для развѣдокъ. Въ 1813 г. онъ былъ произведенъ за отличіе въ подполковники (съ этого времени весь 1814 г. состоялъ при генералъ-лейтенантѣ графѣ Воронцовѣ), а въ 1815 г.—въ полковники, съ назначеніемъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Состоя на службѣ въ отдѣльномъ корпусѣ графа Воронцова съ 1815—1818 г., баронъ Левенштернъ по выступленіи корпуса Воронцова въ Россію находился по 15 апрѣля 1819 г. начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ, оставшихся во Франціи. По возвращеніи въ Россію онъ былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ 30-го апрѣля 1823 г. съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 14-го сентября 1826 г. принятъ вновь на военную службу полковникомъ, съ назначеніемъ вторымъ комендантомъ въ г. Ревель. 6-го декабря 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 3 драгунской дивизіи. 19 марта 1828 г. назначенъ бригаднымъ командиромъ 2-й бригады 3-й уланской дивизіи; 28 мая 1824 г. былъ отчисленъ по кавалеріи и наконецъ 8 января 1838 г. уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья. Левенштернъ скончался въ Петербургѣ 21 января 1858 г., на 82 году отъ роду, проведя послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни въ отставкѣ. Левенштернъ оставилъ послѣ себя воспоминанія, которыя въ 1858 г. были изданы въ Лейпцигѣ извѣстнымъ авторомъ польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Смиттомъ подъ заглавіемъ: «Denkwürdigkeiten eines Liv-länders aus den Jahren 1790—1815». Смиттъ лично зналъ Лавенштерна и одно время даже служилъ подъ его начальствомъ. Записки составлены по дневнику, письмамъ и изустнымъ разсказамъ Левенштерна, который самъ въ 1850 г. пересмотрѣлъ ихъ, исправилъ и дополнилъ. Эти воспоминанія, по словамъ Смитта, не слѣдуетъ смѣшивать съ мемуарами Левенштерна, которые онъ собственноручно написалъ на французскомъ языкѣ и передалъ на храненіе въ архивъ военнаго министерства.

«Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края». т.т. III, IV. Воспоминанія В. И. Левенштерна.

И. Артамонова.

Левенштернъ, *Карлъ Ѳедоровичъ*, баронъ, генералъ-отъ-артиллеріи, происходилъ изъ вюртембергскихъ дворянъ, род. въ 1770 г., ум. въ 1840 г. Въ дѣтствѣ былъ привезенъ въ Россію и помѣщенъ сначала въ артиллерійскій корпусъ, а въ 1778 г. переведенъ въ морской корпусъ гардемариномъ. Въ 1789 г. онъ оставилъ морскую службу и поступилъ поручикомъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ; участвовалъ въ сраженіяхъ со шведами; въ 1804 г., будучи въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ командиромъ второго артиллерійскаго полка; въ 1806 г. произведенъ въ ген.-маіоры; въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау командовалъ всею артиллеріею центра русской арміи; затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Гейлигенталѣ, Депленѣ, Гейльсбергѣ и Фрид-

ландѣ; въ 1808 г. во время бомбардировки англійскими кораблями Балтійскаго порта командовалъ батареями, возведенными подъ его личнымъ наблюденіемъ; въ 1812 г. начальствовалъ артиллеріей 2-й западной арміи кн. Багратіона и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Могилевомъ и Смоленскомъ; за отличное дѣйствіе артиллеріи подъ Бородинымъ награжденъ орденомъ Георгія 3 степени; послѣ смерти гр. Кутайсова Кутузовъ поручилъ Левенштерну главное начальство надъ всею артиллеріею. Во время заграничнаго похода Левенштернъ отличился подъ Дрезденомъ, Пирною, Ноллендорфомъ, Кульмомъ и Лейпцигомъ, при Фершампенуазѣ, Баръ-сюръ-Обѣ, при покореніи города Торна и при взятіи Парижа; въ 1818 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-лейтенанты; участвовалъ въ 1828 г. въ турецкой кампаніи при осадѣ Браилова и Силистріи, былъ въ битвѣ подъ Шумлою; въ 1829 г. произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи; послѣ Адріанопольскаго мира назначенъ управляющимъ главной квартирой 2-й арміи въ Тульчинѣ; въ 1832 г. назначенъ членомъ военнаго совѣта; во время отсутствія в. кн. Михаила Павловича исполнялъ должность генералъ-фельдцейхмейстера.

«Русскій Инвалидъ», 1840 г.».—«Сѣверн. Пчела», 1810 г., № 17».—Справ. Энциклопедическ. слов. Края, VII.—*А. И. Михайловскій-Данилевскій*, «Военная Галлерея Зимняго Дворца». СПб. 1846 г., т. III,—«Русскій Архивъ». 1869 г., № 10, стр. 1649—7654.

И. А.

Левестамъ, *Генрихъ-Фридрихъ*, профессоръ Варшавскаго университета, докторъ философіи, род. въ 1817 г. въ Гамбургѣ, ум. 23 дек. 1878 г. въ Варшавѣ. Сынъ варшавскаго врача; образованіе получилъ въ Варшавѣ и затѣмъ съ 1832 г. въ Фленсбургѣ. Въ 1836 г. окончилъ Фленсбургскую латинскую школу и отправился въ Берлинскій университетъ, слушалъ здѣсь Савиньи и другихъ извѣстныхъ профессоровъ того времени. Въ 1839 г. за сочиненіе «De physiocratorum systemate» получилъ степень доктора философіи. Затѣмъ отправился въ Парижъ, слушалъ курсъ въ Сорбоннѣ и въ Collège de France у профессора Мишле. и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ учителемъ греческаго языка въ Ecole commune superieur и давалъ частные уроки нѣмецкаго языка. Здѣсь же Левестамъ написалъ свое «Начало польской исторіи», въ которомъ доказывалъ, что ляхи, или лехи не славянскаго происхожденія, а кельтскаго. Въ концѣ 1841 г. онъ вернулся въ Варшаву и сдѣлался учителемъ гимназіи, въ 1843 г.—инспекторомъ. Въ 1865 г. Левестамъ былъ назначенъ профессоромъ Главной Школы по каѳедрѣ всеобщей литературы, и съ преобразованіемъ Главной Школы въ университетъ сохранилъ эту каѳедру.

Изъ отдѣльныхъ сочиненій Левестама первое мѣсто занимаетъ его «Historyja literatury powszechnej» (1853 г. 4 т.). Изъ другихъ извѣстны: «Polnische Volksagen und Märchen» (1837 г.), «Histoire de langues romaines» (1842—1845 г.), «Pierwotne dzieje Polski» (1841 г. Варшава), «Obrazki z życia dobrej rodziny» (1843 г.), «Deklamator polski» (1844 г.) и «Unia Litwy z Koroną» (Варшава, 1862 г.). Среди трудовъ Левестама мы находимъ и хорошіе переводы съ иностранныхъ языковъ. Такъ онъ перевелъ на польскій языкъ исторію Момзена, «Götz von Berlichingen» Гете, для «Biblioteki zagranicznej»—Шиллера, Андерсена и др., съ польскаго на нѣмецкій онъ перевелъ Красинскаго «Nieboska komedja» (1841 г.). Когда Оргельбрандъ начиналъ изданіе своей «Encyklopedji powszechnej», то пригласилъ въ сотрудники и Левестама, который и сталъ редакторомъ отдѣла исторіи, литературы и географіи, и постояннымъ сотрудникомъ въ этомъ отдѣлѣ.

A. Wislicki, «Podręczna encyklopedja».—Orgelbrand, «Encyklopedyja powszechna», изд. 1901 г., т. IX.—*Oestreicher* «Bibliographia polska», т. II, изд. 1884 г. с. 589—590.—*Bever*. «Slownik naucznу». Praga, 1896 г., т. IV, стр. 1260.—«Вѣстникъ Европы» 1872 г., № 10, стр. 913—918.—«La grande Encyklopedie», т. 22, стр. 150.

Левестамъ, *Юрій Матвѣевичъ*, кол. сов., акушеръ, родился 8 мая 1801 г. въ Копенгагенѣ. Въ 1809 г. онъ прибылъ вмѣстѣ съ своими родителями въ Москву, но въ 1812 г. при занятіи Москвы французами его родители переѣхали въ Петербургъ. Здѣсь они отдали сына своего на обученіе въ школу при церкви св. Петра. Пробывъ въ этой школѣ до 1816 г., Левестамъ, вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ своихъ родителей, переѣхалъ съ ними въ Гамбургъ, гдѣ и окончилъ свое гимназическое ученіе. На 16-мъ году онъ отправился въ Копенгагенъ для изученія медицины. Посѣщая лекціи въ университетѣ, онъ въ то же время занялъ мѣсто учителя въ одномъ училищѣ и имѣлъ

досугъ издать руководство по ариѳметикѣ, которое обезпечило его матеріально и дало возможность помогать родителямъ. Въ 1822 г. Левестамъ перешелъ въ Кильскій университетъ и въ августѣ слѣдующаго года выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и хирургіи, защитивъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De liquore amnii». Въ 1824 г., по совѣту родственниковъ, онъ переѣхалъ въ Варшаву, но чтобы получить право практики поѣхалъ держать экзаменъ въ Вильну. Затѣмъ онъ практиковалъ въ городахъ Тикоцинѣ, Ломжѣ и Ленчицѣ, пока политическій переворотъ въ Польшѣ не побудилъ его возвратиться въ Варшаву; здѣсь онъ получилъ мѣсто ординатора при больницѣ дѣвицъ Марцинканокъ, а въ маѣ 1833 г. назначенъ былъ акушеромъ г. Варшавы. Въ 1839 г. Левестамъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ опредѣлился ординаторомъ при вновь устроенной дѣтской больницѣ, а въ 1844 г. былъ назначенъ старшимъ городовымъ акушеромъ; сверхъ того, Левестамъ въ теченіе эпидеміи 1847 и 1848 г.г. завѣдывалъ, въ качествѣ главнаго доктора, Рогожскою временною холерною больницею, а съ 1848 по 1850 г.г. исполнялъ должность ординатора при Московскомъ военномъ госпиталѣ. Кромѣ помянутой диссертаціи, Левестамъ помѣстилъ много статей въ «Московскомъ Врачебномъ Журналѣ» и издалъ совмѣстно съ А. И. Блюменталемъ и Н. Б. Анке «Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde». Скончался онъ 24 сентября 1854 г.

«Московскій Врачебный Журналъ» 1854 г., кн. IV, стр. 77—81. *Геннади*, «Справочный Словарь о рус. писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 222.

Левизъ—*фонъ*, *Андрей*, родился близъ Ревеля 24 декабря 1777 г. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей. Въ 1794 г. поступилъ вахмистромъ въ конную гвардію, въ 1796 г. былъ переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій полкъ, но въ слѣдующемъ 1797 г. покинулъ военную службу. Въ 1801 г. Левизъ отправился за границу, слушалъ лекціи въ Іенѣ и Гейдельбергѣ и около двухъ лѣтъ провелъ въ Шветцингенскомъ лѣсномъ институтѣ. Въ 1808 г. онъ вернулся въ Лифляндію, а съ 1811 г. былъ назначенъ секретаремъ Лифляндскаго экономическаго сельско-хозяйственнаго общества. Левизъ состоялъ почетнымъ членомъ латинскаго общества въ Іенѣ и дѣйствительнымъ членомъ минералогическаго общества въ Веймарѣ, а также членомъ Курляндскаго литературно - художественнаго Общества. Умеръ Левизъ въ Лифляндіи 16 сентября 1839 г.

Изъ многочисленныхъ его сочиненій упомянемъ» слѣдующія: «Vom Leben der Erde», (Tübingen, 1807), 2) «Ueber die Gegend von Heidelberg» (Dorpat, 1814), 3) «Anleitung zur Forstwissenschaft in Livland». (Riga u. Dorpat, 1814), 4) «Einige Bemerkungen zu der vor einiger Zeit in Dorpat erschienenen Schrift: Über Verbesserung livländicher Bauerwohnungen» (Dorpat, 1814), 5) «Einige Beobachtungen zur nähern Bestimmung des Klima's von Livland». (Dorpat, 1815), 6) «Malerische Reise durch Nordamerica von P Swinin» (aus dem Russ. übersetzt. Riga, 1816), 7) «Ueben die ehemalige Verbreitung der Eichen ir Liv-und Estland». Ein Beitrag zur Geschichte des Anbaues dieser Länder (Dorpat, 1824), 8) «Ansichten über die Ursachen und die wahrscheinliche Dauer der Wohlfeilheit aller Landeserzeugnisse, besonders mit Rücksicht auf Liv-und Estland, nebst Anzeige einiger zur Abhülfe der jetzigen Bedrängnis des Landmanns vorgeschlagenen Mittel» (Darpat, 1825) и др. Затѣмъ Левисомъ были изданы нѣкоторыя сочиненія по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, подъ заглавіемъ: «Neueres öconomisches Repertorium f. Livland» (9 томовъ), и имъ же редактировались ежегодники Лифляндскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Recke u. Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 103—105. «Nachträge und Fortsetzungen», Митава, 1861 г., стр. 22, 23. *А. Г—ъ.*

Левизъ-офъ-Менаръ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* (Friedrich von Löwis of Menar), ген.-лейт., родился 6 сентября 1767 г. въ Гапсалѣ, Эстляндской губерніи, и принадлежалъ къ древней шотландской дворянской фамиліи, перешедшей въ русское подданство при Петрѣ Великомъ. Самое раннее дѣтство Левиза протекло въ домѣ его родной тетки Энгельгардъ, у которой онъ находился до восьмилѣтняго возраста; вернувшись къ родителямъ, онъ подъ руководствомъ двухъ преподавателей принялся за изученіе математики, исторіи, географіи и французскаго языка. По существовавшему въ то время обычаю, Левизъ еще

шести лѣтъ былъ записанъ на службу гефрейтъ-капраломъ въ Московскій Карабинерный полкъ, послѣ того переведенъ вахмистромъ въ Казанскій Кирасирскій полкъ, а въ 1781 г. произведенъ въ аудиторы и вслѣдъ затѣмъ назначенъ адъютантомъ въ штабъ своего отца.

По окончаніи домашняго образованія въ 1782 г. Левизъ былъ опредѣленъ подпоручикомъ въ Ревельскій пѣхотный полкъ, находившійся въ Эстляндіи, и зачисленъ былъ въ батальонъ подполковника, впослѣдствіи генерала-отъ-инфантеріи, Бенкендорфа. Прослуживъ въ этомъ полку три года, онъ въ чинѣ поручика въ 1786 г. перевелся въ Нарвскій пѣхотный полкъ, съ частью котораго въ 1788 г. былъ посланъ въ Финляндію по случаю войны, объявленной въ іюнѣ мѣсяцѣ шведскимъ королемъ Густавомъ III императрицѣ Екатеринѣ II. Простоявъ въ Нейшлотѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ напрасномъ ожиданіи нападенія со стороны шведовъ, Левизъ на зиму перешелъ въ окрестности Выборга, а лѣтомъ 1789 г. участвовалъ въ разныхъ движеніяхъ арміи въ раіонѣ тогдашней нашей границы со Швеціей. За удачныя дѣйствія у Ликола и Кодби, близъ Фридрихсгама, на р. Кюмени и подъ деревней Кумбарандо онъ получилъ чины: капитана, секундъ-маіора и премьеръ-маіора. По заключеніи Верельскаго мира онъ отправился съ Нарскимъ полкомъ въ Полоцкое намѣстничество и тамъ въ 1791 г. былъ назначенъ командиромъ одного изъ четырехротныхъ гренадерскихъ батальоновъ, составленныхъ на случай ожидаемой войны съ поляками. Во время польскаго мятежа въ 1792 и 1794 г.г. онъ участвовалъ въ рядѣ дѣлъ противъ поляковъ, за что былъ произведенъ въ подполковники и получилъ орденъ св. Георгія и золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Въ 1795 г. Левизъ, по собственному желанію, былъ переведенъ въ Рижскій Карабинерный полкъ, въ 1799 г. былъ назначенъ командиромъ этого полка и произведенъ въ полковники и въ томъ же году—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Казанскаго Кирасирскаго полка, получившаго названіе Кирасирскаго Левиза полка. Однако въ этомъ же году онъ вышелъ въ отставку.

Послѣдовавшій затѣмъ въ ноябрѣ разрывъ съ Англіей, вызвавшій необходимость возвращенія на службу всѣхъ отставныхъ, далъ возможность Левизу вернуться въ строй въ качествѣ помощника фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова командиромъ Кирасирскаго его имени полка. Въ этомъ полку Левизъ прослужилъ до 1802 г., когда неудачное паденіе съ лошади вновь принудило его покинуть службу. Во время кампаніи 1805 г. Левизъ былъ опредѣленъ въ корпусъ графа Буксгевдена, отправлявшійся за границу на соединеніе съ Кутузовымъ, отступавшимъ въ то время къ Ольмюцу. Назначенный шефомъ Ярославскаго Мушкатерскаго полка, Левизъ 20 ноября принялъ участіе въ несчастномъ для насъ Аустерлицкомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ орд. Св. Владиміра 3 ст. Съ открытіемъ кампаніи 1806—1807 г. онъ былъ опредѣленъ въ корпусъ г.-л. Эссена, предназначенный для защиты нашихъ границъ отъ Брестъ-Литовска до Гродны. Командуя авангардомъ, онъ неоднократно участвовалъ въ стычкахъ съ непріятелемъ, поражая всѣхъ своею храбростью и неустрашимостью. По заключеніи Тильзитскаго мира императоръ Александръ пожаловалъ Левизу Аннинскую ленту, аренду на 12 л. въ Курляндіи и чинъ генералъ-лейтенанта. Вскорѣ послѣ того Левизъ былъ назначенъ начальникомъ 10-й дивизіи, которая въ маѣ 1809 г. вошла въ составъ арміи генералъ-отъ-инфантеріи Голицына и была послана въ числѣ другихъ войскъ въ Галицію противъ австрійцевъ. Въ февралѣ 1810 г. Левизъ получилъ повелѣніе слѣдовать на усиленіе Молдавской арміи, готовившейся подъ начальствомъ графа Каменскаго идти за Дунай противъ турокъ. Переправившись черезъ Дунай, корпусъ Левиза подошелъ къ Силистріи и принялъ участіе въ осадѣ ея. Послѣ паденія крѣпости Левизъ, командуя правымъ крыломъ арміи, двинулся по направленію къ Шумлѣ, имѣя приказаніе овладѣть горой, господствовавшей надъ Шумлою съ лѣвой ея стороны. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ корпуса Левиза перешелъ отъ Шумлы къ Рущуку, а самъ онъ, вслѣдствіе обострившейся нервной лихорадки, принужденъ былъ вернуться въ Россію и подать въ отставку.—Во время Отечественной войны 1812 г. Левизъ, желая быть полезнымъ государю и отечеству, изъявилъ готовность вновь поступить на службу и былъ зачисленъ въ корпусъ генерала Эссена, командовавшаго войсками, расположенными въ Ригѣ. Въ это время онъ на-

палъ на прусскаго генерала Граверта, расположившагося съ войсками у селенія Кекау, и своимъ неожиданнымъ появленіемъ принудилъ пруссаковъ къ поспѣшному отступленію. Затѣмъ Левизъ участвовалъ въ дѣлѣ у Экау противъ прусскаго генерала Іорка, при чемъ за рвеніе и искусныя распоряженія былъ награжденъ орд. Св. Владиміра 2 ст. Получивъ приказаніе двинуться вслѣдъ отступающимъ французамъ, онъ направился къ Данцигу и обложилъ послѣдній десятитысячнымъ корпусомъ. Въ продолженіе осадныхъ работъ Левизъ командовалъ всѣми войсками въ траншеяхъ и какъ совѣтами, такъ и распоряженіями своими много содѣйствовалъ паденію крѣпости, за что былъ награжденъ алмазовыми знаками орд. Св. Анны 1 ст., золотою шпагою съ алмазами и надписью «за храбрость» и Александровскою лентою. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ покоренномъ Данцигѣ Левизъ былъ назначенъ командующимъ 25-й пѣхотной дивизіей, которую привелъ въ Варшавское герцогство. 2-го октября онъ былъ уволенъ по прошенію за болѣзнью совсѣмъ отъ службы. Разставшись въ четвертый и послѣдній разъ съ военнымъ поприщемъ, Левизъ поселился около Дерпта. Въ 1818 г. дворянство Лифляндской губерніи единодушно выбрало его въ свои предводители. Въ этомъ званіи онъ сопровождалъ въ томъ же году и въ началѣ 1819 г. во время проѣздовъ черезъ Лифляндію прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, а послѣ него императора Александра и императрицъ Марію Ѳеодоровну и Елизавету Алексѣевну. Во время предводительствованія Левиза Лифляндскимъ дворянствомъ было приступлено къ составленію новаго положенія о крестьянахъ; по этому поводу онъ въ 1819 г. ѣздилъ во главѣ депутаціи отъ Лифляндскаго дворянства представляться въ Петербургъ императору Александру и удостоился милостиваго приглашенія къ столу. Скончался Левизъ отъ паралича 16 апрѣля 1824 г. въ помѣстьѣ Зеленъ, Вольмарскаго уѣзда.

Левизъ оставилъ послѣ себя весьма любопытныя записки, между прочимъ, о всѣхъ войнахъ, въ которыхъ участвовалъ, и съ особенной подробностью описалъ блокаду и осаду Данцига. Есть также разныя его сочиненія по части фортификаціи, ботаники, технологіи и земледѣлія, нѣсколько статей юмористическихъ и опыты переводовъ на нѣмецкій языкъ изъ русскихъ французскихъ и англійскихъ классиковъ.

А. В. Михайловскій-Данилевскій и А. В. Висковатовъ, «Военная галлерея Зимняго Дворца». Спб. 1848–1849 г.г., т. V.

И. Артамонова.

Левинскій, *Іосифъ*, врачъ, писатель и переводчикъ. Родился въ 1808 г. въ Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной базиліанской школѣ, откуда въ 1825 г. перешелъ въ Виленскій университетъ для изученія медицины. Съ открытіемъ турецкой кампаніи Левинскій въ 1829 г., въ качествѣ врача, отправленъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій и послѣ этого оставался въ военной службѣ въ теченіе девяти лѣтъ. За это время онъ основательно изучилъ русскій языкъ и, обладая литературными способностями, принялся за переводы съ русскаго языка на польскій. Самой крупной его работой является переводъ Грибоѣдовской комедіи «Горе отъ ума» («Biada temu, kto ma rozum»), напечатанный въ Варшавѣ въ 1857 г.; кромѣ того, въ рукописяхъ остались переводы нѣкоторыхъ басенъ Крылова и другихъ, преимущественно сатирическихъ произведеній. Оригинальныя стихотворенія и отдѣльныя монографіи помѣщались Левинскимъ подъ псевдонимомъ «Bosian z nad Horypia» во многихъ изданіяхъ періодической печати. Въ началѣ 1860-хъ гг. Левинскій состоялъ старшимъ врачемъ Волынской губерніи и Ровненскимъ уѣзднымъ врачемъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава 1864 г., т. 16, стр. 959, 960.

А. Г.

Левинъ, *Андрій*, ратный воевода, въ 1534 г. находился въ Стародубѣ въ то время, когда король польскій Сигизмундъ, разсчитывая на временную слабость Московскаго правительства, за малолѣтствомъ Іоанна IV, отдалъ приказъ Кіевскому воеводѣ Андрею Немирову вступить въ Сѣверскіе земли. Разоривъ окрестности Стародуба, Немировъ осадилъ городъ, но храбрая вылазка воеводы Левина такъ испугала литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, оставивъ побѣдителямъ богатую добычу (40 непріятельскихъ пушекъ со всѣмъ ихъ снарядомъ и знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ), отправленную

Стародубскимъ намѣстникомъ Александромъ Кашинымъ въ Москву.

Н. М. Карамзинъ, «Ист. Госуд. Россійскаго», т. VIII, стр. 22. *А. Г.*

Левисонъ, *Василій Андреевичъ*, профессоръ римско-катол. академіи, ум. въ 1869 г. Происходилъ изъ нѣмецкихъ евреевъ. Принявъ христіанство, онъ 1840 — 1860 гг. былъ профессоромъ еврейскаго языка въ Петербургскихъ православной и римско-католической духовныхъ академіяхъ. Затѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ Іерусалимѣ при русской миссіи. Левисонъ все свое состояніе употреблялъ на пособіе евреямъ, обращающимся въ христіанство. Онъ перевелъ на еврейскій языкъ литургію св. Іоанна Златоуста и, по порученію Лондонскаго библейскаго общества—съ еврейскаго на русскій Ветхій Завѣтъ (1867 г.).

Толль, «Дополн. къ Настольн. Слов.», вып. II, 637.

Левитовъ, *Александръ Ивановичъ*, беллетристъ, род. 20-го іюня 1835 г. въ селѣ Добромъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, ум. 4 янв. 1878 г. въ Москвѣ въ университетской клиникѣ. Сынъ дьячка Николаевской церкви села Добраго. Дѣтство его прошло въ убогой обстановкѣ. 8-ми лѣтъ отъ роду Левитовъ былъ помощникомъ отца въ его сельской школѣ. Лѣтомъ дядя Левитова, семинаристъ, училъ его по исторіи словесности Галахова, разсказывалъ ему, во время прогулокъ, о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ; вскорѣ Левитовъ поступилъ въ уѣздное духовное училище; поступивъ затѣмъ въ семинарію, онъ зачитывался Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Диккенсомъ, Теккереемъ и Шиллеромъ; онъ умѣлъ поддерживать литературные интересы и въ другихъ, такъ что вскорѣ вокругъ него образовался кружокъ, въ которомъ происходили по вечерамъ чтенія. Въ семинаріи Левитовъ началъ писать юмористическія стихотворенія; инспекторъ сталъ его преслѣдовать и за чтеніе иностранныхъ авторовъ и за «сочинительство», запрещалъ то и другое. Заставъ однажды Левитова съ товарищами на квартирѣ за чтеніемъ «Мертвыхъ Душъ», инспекторъ высѣкъ его. Это такъ подѣйствовало на юношу, что онъ заболѣлъ. Въ 1855 г. Левитовъ, вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ, пѣшкомъ отправился въ Москву, чтобы поступить въ университетъ. Въ Москвѣ не оказалось возможнымъ немедленно получить стипендію, жить же безъ поддержки было рѣшительно нечѣмъ, и друзья отправились въ Петербургъ тоже пѣшкомъ, чтобы поступить въ Медико-Хирургическую академію, куда Левитовъ и былъ принятъ въ томъ-же 1855 г., но въ слѣдующемъ за какую-то исторію былъ исключенъ и отправленъ въ г. Шенкурскъ фельдшеромъ, для выслуживанія, въ качествѣ казеннаго стипендіанта, исключеннаго изъ академіи, затраченныхъ на него денегъ; въ 1857 г. онъ былъ переведенъ въ Вельскъ, въ 1859 г. въ Вологду. Въ Шенкурскѣ Левитовъ написалъ свой «Сельскій праздникъ». Въ 1858 г. онъ получилъ свободу и въ августѣ пѣшкомъ явился изъ Вологды въ Лебедянь къ замужней своей сестрѣ. Весною 1860 г. Левитовъ опять пѣшкомъ отправился въ Москву, зарабатывая себѣ на хлѣбъ писаньемъ въ волостныхъ правленіяхъ. Прибывъ въ Москву, онъ долго бѣдствовалъ, почти нищенствовалъ, наконецъ черезъ одного наборщика типографіи «Русскаго Вѣстника» передалъ рукопись своего разсказа «Ярмарочныя сцены» Ап. Григорьеву, а тотъ — Каткову; Катковъ въ 1860 г. далъ Левитову мѣсто помощника секретаря редакціи; Левитовъ ободрился и опять мечталъ объ университетѣ; но онъ не въ силахъ былъ избавиться отъ несчастной страсти къ вину, которая развилась въ немъ во время ссылки, и вскорѣ потерялъ мѣсто въ редакціи. Въ 1861 г. онъ жилъ печатаніемъ своихъ очерковъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Времени» («Ярмарочныя сцены» и «Сладкое житье»), въ «Русской Рѣчи» («Цѣловальничиха») и въ другихъ московскихъ журналахъ и посѣщалъ лекціи профессоровъ. Въ 1862 г. Левитовъ переселился въ Петербургъ, печаталъ свои вещи въ «Искрѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Русскомъ Мірѣ». Въ 1865 г. онъ сдалъ при Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя русскаго языка, получилъ мѣсто учителя въ Ряжскѣ, вблизи отъ родины, но скоро бросилъ его, переѣхалъ въ Москву, гдѣ давалъ уроки, постоянно бросая и мѣняя занятія отъ несчастной своей слабости. Въ 1868 г. онъ поселился въ Сергіевской пустыни и здѣсь написалъ «Ни сѣютъ, ни жнутъ», «Безпріютный» и статьи для «Будильника» и «Искры». Въ 1870 г. Левитовъ взялъ мѣсто помощника начальника станціи на Нико-

лаевской ж. д., но черезъ полгода бросилъ и это мѣсто. Болѣзнь его усилилась, работы шли плохо; единственнымъ средствомъ существованія было изданіе его сочиненій. Періоды трезвости становились все меньше и меньше; такъ онъ тянулъ до самой кончины.

Левитовъ обладалъ настоящимъ литературнымъ талантомъ. Онъ—писатель народнаго горя, которое онъ зналъ хорошо. Произведенія его полны поэзіи и чувства; у него не было большого литературнаго умѣнья, многія вещи его написаны безъ плана, и это ихъ крупный недостатокъ; но, благодаря талантливости автора, иногда это самое отсутствіе плана и цѣльности придаетъ его произведеніямъ какую-то оригинальность. Левитовъ писалъ то, что онъ самъ испыталъ. Въ очеркѣ «Мое дѣтство» онъ представляетъ домъ, въ которомъ родился и провелъ первые годы своей жизни; «Петербургскій случай» знакомитъ съ временемъ его ученія; «Степная дорога» рисуетъ его путешествія пѣшкомъ по Россіи и т. д. Лучшіе изъ очерковъ отличаются искренней грустью. Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ «Горе селъ, деревень и городовъ» (1867 г.), «Московскія норы и трущобы» (1868 и 1874 гг.), «Крымъ», «Грачевка», «Ни сѣютъ, ни жнутъ», «Степныя дороги», «Аховскій посадъ» и др. Въ 1879 г. появилось послѣднее произведеніе Левитова: «Говорящая Обезьяна». Въ 1884 г. сочиненія Левитова были изданы Солдатенковымъ въ 2-хъ томахъ. Въ это изданіе вошелъ и очеркъ «Всеядныя», написанный Левитовымъ незадолго передъ смертью.

Собр. соч. Левитова, 1884 г. со. стат. Нефедова. Изд. Солдатенкова, т. I, стр. 1—139.—Прилож. къ журн. «Сѣверъ» 1905 г.— Изд. «Т-ва Просвѣщ.» 1911 г.—*Скабичевскій*. «Исторія нов. рус. лит.» и «Беллетристы-народники».—*Ник. Энгельгардтъ*, «Исторія рус. лит. XIX ст.».—*А. Н. Пыпинъ*, «Беллетристъ-народникъ 60-хъ годовъ» («Вѣстникъ Европы», 1884 г., т. VIII. стр. 648—684).—*Засодимскій*, «Изъ литературныхъ воспоминаній» («Русское Богатство» 1881 г., кн. 12.—*Златовратскій*, «Изъ литературныхъ воспоминаній» («Починъ», сборникъ 1895 г.—*Венгеровъ*, «Левитовъ А. Н.» (Энцикл. словарь Ефрона, т. 33, стр. 437—439).—*Буренинъ В. П.* Критическіе очерки («Нов. Вр.», 1884 г., № 2924).—«Ист. рус. лит. XIX в.», т. III (Изд. Т-ва Міръ).

Левитскій, *Владиміръ Алексѣевичъ*, протоіерей, воспитывался въ С.-Петербургской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой былъ назначенъ профессоромъ въ Московскую духовную семинарію, а потомъ священникомъ къ Московской Тихвинской церкви, что въ Сущовѣ, при которой служилъ до самой смерти, послѣдовавшей 3-го ноября 1885 г. Ему принадлежитъ магистерская диссертація: «Исторія волненій, произведенныхъ въ церкви сектою оригенистовъ со времени ея появленія въ концѣ VI вѣка до временъ 5-го вселенскаго собора».

Родосскій. «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Спб. духовной академіи», стр. 237.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. V, стр. 98.—«Библіографъ», 1886 г., № 4, стр. 69.—*Чистовичъ*, «Истор. Спб. духовной академіи», стр. 456.

Левитскій, *Григорій Александровичъ*, профессоръ богословія и церковной исторіи, ум. въ 1830 г. Сынъ священника малороссіянина; по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи онъ въ 1808 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію. Въ 1814 г. получилъ степень магистра и опредѣленъ былъ въ духовную академію бакалавромъ богословскихъ наукъ и членомъ цензурнаго при академіи комитета, а въ 1818 г. рукоположенъ въ священники Московской церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Въ 1819 г. была впервые введена особая каѳедра богословія въ русскихъ университетахъ, и первымъ ея профессоромъ въ Московскомъ университетѣ сдѣлался Левитскій. Онъ преподавалъ священную церковную исторію по руководству преосвященнаго Филарета, богословіе догматическое по руководству Иринея Фальковскаго и нравственное—по нѣмецкому учебнику Шуберта. Въ 1824 г. онъ оставилъ каѳедру. Въ торжественномъ собраніи 5 іюля 1823 г. Левитскій на русскомъ языкѣ произнесъ слово «О свойствахъ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго». Изъ другихъ сочиненій Левитскаго извѣстны: «Слово въ недѣлю слѣпого» и «Слово въ недѣлю седьмую—надесять».

Филаретъ, «Обзоръ духовной литературы», т. II.—«Біографическій словарь проф. Моск. универс.».—*Шевыревъ*, «Исторія Московскаго универс.».—«Собраніе поученій, сочиненныхъ студентами Спб. духовной академіи въ Алекс.-Невск. Лаврѣ», 1819 г., т. I.— *Родосскій*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ», стр. 238—239.—«Рус. Стар.» 1887 г., іюнь,—«Рус. Арх.» 1875 г., ноябрь.—*Смирновъ*, «Ист. Моск. дух. ак. до преобразованія» (1814—1870).

А. Ник.

Левитскій, *Григорій Александровичъ*, протоіерей Воскресенскаго собора въ Старочеркасскѣ, скончался 20 ноября 1872 года 63-хъ лѣтъ отъ роду. Любя родную старину и Донскую исторію, онъ своими литературными трудами содѣйствовалъ выясненію нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ, значенія Старочеркасска, Азовскаго похода и др. По его иниціативѣ и ходатайству сооружены три памятника: первый на Монастырскомъ урочищѣ въ 6-ти верстахъ отъ Старочеркасска въ память павшихъ донскихъ героевъ Азовскаго сидѣнья; другой—возлѣ Воскресенскаго собора и третій—на хуторѣ Рыковомъ, на мѣстѣ бывшей Михайловской церкви, перенесенной въ Новочеркасскъ. Лучшія вещи изъ своей археологической коллекціи протоіерей Левитскій пожертвовалъ въ Новочеркасскую гимназію и въ Старочеркасское приходское училище, гдѣ состоялъ законоучителемъ 20 лѣтъ. Имъ напечатаны слѣдующія статьи: «Добавленіе къ описанію монастырскаго памятника» («Донскія Войск. Вѣд.», 1870 г., № 1); «Старочеркасская находка» (тамъ же, 1871 г., № 58) и «Древности Азова» (тамъ же, 1871 г., № 56).

Я. Ребровъ, «Протоіерей Григорій Левитскій».—«Донскія Областныя Вѣдомости», 1872 г., № 48. *А. Н.*

Левитскій, *Дмитрій Григоръевичъ*, воспитанникъ и профессоръ Московской духовной академіи. Написалъ: «Разсужденіе о поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ» (М. 1842 г.), «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка» (М. 1855 и 1858 г.г.), «Попечительность св. Іоанна Златоустаго о распространеніи евангелія» и «Объясненіе евангелія, читаемаго въ Пасху». Умеръ Левитскій въ 1856 году.

Филаретъ, арх., «Обзоръ русской духовной литературы», стр. 479—480.

Левитскій, *Дмитрій Ивановичъ*, проф. повивальнаго искусства при Московской медико-хирургической академіи и городовой акушеръ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Умеръ онъ 7 марта 1825 г. Кромѣ докторской диссертаціи: «De morbis e dislocatione uteri oriundis» (М. 1811 г.), онъ напечаталъ: «Опытъ о предохраненіи отъ моровой язвы и ея лѣченіи» (М. 1816 г.) и «Руководство къ повивальной наукѣ, извлеченное изъ новѣйшихъ сочиненій» (М. 1821 г.) и перевелъ: съ лат. Гофмана «О ботаническихъ врачебныхъ садахъ» (М. 1807 г.) и съ нѣм. Геккера «Врачебная наука на пути своемъ къ совершенству, или исторія врачебныхъ теорій и системъ отъ Гиппократа до нашихъ временъ» (М. 1809 г.), и Гуфеланда «Система практической врачебной науки» (2 ч. М. 1811—1812 г.г.).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 222—223.

Левитскій, *Иванъ Михайловичъ*, писатель и переводчикъ; біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Ему принадлежитъ: «Курсъ россійской словесности для дѣвицъ, содержащій въ себѣ: риторику, основанія стихотворнаго искусства, исторію россійской словесности съ біографіею писателей, въ оной прославившихся, и славянскую миѳологію, сравненную съ греческою». 2 ч. Спб. 1812 г.; стихи Его свѣтлости князю Голенищеву-Смоленскому». Спб. 1813 г.; «Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на половцовъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII ст.» Спб. 1813 г. и переводъ съ франц. Зульцера «Новая ѳеорія удовольствія», Спб. 1813 года.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 222.

Левитскій, *Левъ Семеновичъ*, адъюнктъ-профессоръ умозрительной и практической философіи Казанскаго университета, род. въ 1772 г., ум. 29 янв. 1807 г. въ Казани. Левитскій происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ воспитаніе въ Рязанской духовной семинаріи, по окончаніи которой сдѣлался въ 1790 г. ученикомъ «при Московскомъ университетѣ для разночинцевъ гимназіи». Въ 1791 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ студентомъ. Здѣсь онъ слушалъ науки философскія и математическія и въ 1793 году получилъ серебряную медаль. 19 января 1799 года Левитскій былъ назначенъ въ Казанскую гимназію въ «высшій-россійскій классъ» учителемъ логики и нравоученія, а съ 1802 г. русскаго языка. Директоръ гимназіи (Яковкинъ) такъ аттестовалъ Левитскаго: «Г. Левитскій въ Россійскомъ слогѣ успѣлъ довольно хорошо... въ философскихъ познаніяхъ, кажется, слабъ и болѣе, мнится, по тучному его тѣлосложенію, натурально воспрещающему заниматься умозрительностью; къ должности своей всегда былъ прилеженъ, въ поведеніи и чувствованіяхъ благороденъ. Изъ языковъ хорошо знаетъ латинскій, французскій и нѣмецкій». Въ

среднемъ нѣмецкомъ классѣ Левитскій преподавалъ нѣмецкую грамматику. За время гимназической дѣятельности въ 1800 г. Левитскій произнесъ двѣ рѣчи: «Сколь полезны науки, какъ для цѣлыхъ государствъ, такъ и для каждаго человѣка» и «О дѣтской признательности къ высокимъ Монаршимъ благодѣяніямъ»—темы эти были даны начальствомъ. 23 января 1805 г. Левитскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ только что учрежденнаго Казанскаго университета и читалъ въ немъ логику и практическую философію. Съ 14 февраля 1805 г. до конца жизни Левитскій былъ секретаремъ университетскаго совѣта. С. Аксаковъ, бывшій ученикомъ и слушателемъ Левитскаго, сохранилъ о немъ самыя хорошія воспоминанія, какъ о человѣкѣ, отличавшемся веселымъ нравомъ и добротой. «Мы уѣхали имъ очарованные», пишетъ онъ о своемъ посѣщеніи Левитскаго. Нѣкоторое время Аксаковъ жилъ у Левитскаго въ 1805 г., но недолго, такъ какъ «пагубная страсть къ вину овладѣла Левитскимъ».

Михайловскій, «Преподаватели Казанск. университ.», ч. I, изд. 1901 г., стр. 7, 14 и 41.—*Н. П. Загоскинъ*, «Дѣятели Казанск. университета», Казань, 1900 г., стр. 44.—«Извѣстія и ученыя записки Казанскаго унив.», 1875 г., № 2, стр. 273—274.—*В. Владимировъ*, «Историческая Записка» о 1-й Казанской гимназіи», т. II, Казань. 1807 г., стр. 46, 47, 58 и 59.—*С. Аксаковъ*, «Семейная Хроника», Москва, 1898 г., стр. 217, 218, 344, 346.

Б. Гласко.

Левитскій, *Михаилъ Ивановичъ*, священникъ Спасской, что на Балвановкѣ, церкви въ Москвѣ, родился въ 1838 году въ семьѣ причетника села Покровскаго-Брехова, Московскаго уѣзда, и воспитывался въ Виѳанской духовной семинаріи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью студента онъ опредѣлился въ 1862 году въ Звенигородское духовное училище преподавателемъ Закона Божія, латинскаго языка, церковнаго устава и нотнаго пѣнія, а черезъ два года былъ назначенъ помощникомъ смотрителя и инспекторомъ того же училища; по принятіи же духовнаго сана онъ состоялъ діакономъ при Московскихъ церквахъ: Троицкой на Хохловкѣ (1866 г.) и Спасской, что на Балвановкѣ (1868 г.), и наконецъ священникомъ при послѣдней церкви (1885 г.). Скончался Левитскій 3 октября 1888 года. Ему принадлежитъ трудъ «Спасо-Преображенія, что на Балвановкѣ, церковь въ Москвѣ», напечатанный въ «Чтеніи Общества Любит. Духовн. Просвѣщенія» (1887 г., кн. 5)

«Московскій Листокъ», 1888 г., № 279.—«Московскія Церковныя Вѣдомости», 1888 г., № 51, стр. 708—710.

Левитскій, *Петръ Ивановичъ*, с. с., профес. частной паталогіи и терапіи въ Казанскомъ университетѣ, родился 1 октября 1838 года въ г. Краснослободскѣ, Пензенской губ., первоначально воспитывался въ Краснослободскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, откуда въ 1857 году поступилъ въ Казанскій университетъ на медицинскій факультетъ; окончивъ курсъ въ послѣднемъ въ 1862 г. съ званіемъ лѣкаря и уѣзднаго врача, онъ былъ оставленъ при университетѣ въ должности ассистента (1863 г.) и ординатора (1865 г.) терапевтической факультетской клиники. По защитѣ докторской диссертаціи въ 1866 г. подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ изученію дѣйствія бромистаго потассія на здоровый и больной организмъ» («Ученыя Записки Казанскаго у-та» 1866 г.) Левитскій получилъ степень доктора медицины и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ штатнымъ доцентомъ патологіи и терапіи, съ увольненіемъ отъ должности ординатора клиники. Въ 1868 году онъ былъ командированъ университетомъ за границу на два года съ ученою цѣлью, по возвращеніи откуда въ 1869 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой каѳедрѣ. Въ 1871 году Левитскій подалъ прошеніе объ увольненіи, въ числѣ семи профессоровъ, выразившихъ свой протестъ по дѣлу проф. Лесгафта, но въ 1873 году, по прошенію, былъ принятъ въ Варшавскій университетъ сверхштатнымъ профессоромъ по каѳедрѣ спеціальной патологіи и терапіи и назначенъ секретаремъ медицинскаго факультета. Съ 1875 г. онъ состоялъ директоромъ Варшавской клиники и консультантомъ Александро-Маріинскаго дѣвичьяго института, а въ 1876 г. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Скончался онъ 11 апрѣля 1880 г.

Левитскому, кромѣ помянутой диссертаціи, принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Терапевт. факульт. клин. Казанскаго универ. за 2-ю половину 1862—63 г.г. («Современная Медицина», 1863 г., 38—

42); «Случай эпилепсіи вслѣдствіе сифилиса» (тамъ-же, 1864 г., № 45); «Матеріалы къ изученію дѣйствія бромистаго потассія на нервную систему» («Медиц. Вѣстникъ», 1866 г., 33—40 и Virch. Arch. 1868 г. Bd. 45, 183—197); «О вліяніи сѣрнокислаго хинина на температуру тѣла и кровеобращеніе» (тамъ-же, 1869 г., 19, 24—27); «О нѣкоторыхъ способахъ изученія дѣйствія ядовъ на сосуды» (тамъ-же, 1870, № 6); «Причины холеры и мѣры противъ ея распространенія» (Казань, 1871 г.); «Карболовая кислота въ перемежающейся лихорадкѣ» («Медиц. Вѣстн.», 1872 г., № 20); «О веществахъ, повышающихъ температуру тѣла» (Проток. IV Съѣзда Рус. Е. Врач., 1873 г.); «Случай острой желтой атрофіи печени», совмѣстно съ Вл. Бродовскимъ («Труды V Съѣзда Рус. Е. Врачей, 1876 г.); «По поводу новаго діагностическаго признака перфораціи кишекъ» («Медиц. Вѣстн.», 1876 г., №№ 24—27); «Мышьяково-кислый хининъ въ перемежающейся лихорадкѣ» («Медиц. Обозрѣніе», 1876 г., № VI, стр. 334); «Случай полной лейкеміи» (тамъ-же, 1876 г., № VI, стр. 389) и «Значеніе новаго діагностическаго признака» («Врачебныя Вѣдом.», 1878 г., № 294).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», тетр. 4, стр. 195.—*Загоскинъ*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета», ч. II, стр. 246 – 247.—Формуляръ экстраорд. профес. Варшавскаго у-та Петра Ивановича Левитскаго (хранится въ Импер. Рус. Историч. Обществѣ).—«Медицинскій Вѣстникъ», 1880 г., № 17, стр. 136.

Левицкая, *Софья Александровна*, писательница, вдова генералъ-лейтенанта, подъ псевдонимомъ «Русская солдатка» помѣстила рядъ корреспонденцій и нѣсколько стихотвореній въ галиційской газетѣ «Слово» за 1878—1881 г.г.

Кн. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 148.

Левицкій, *Андрей Ѳаддеевичъ*, надв. сов., докторъ философіи, адъюнктъ Виленскаго университета. Съ 1807 по 1812 гг. былъ учителемъ латинскаго языка въ Виленской гимназіи, въ 1812 г.—помощникомъ библіотекаря Виленскаго университета и въ 1816—1819 г.г.—адъюнктомъ того же университета по каѳедрѣ латинскаго языка и словесности. Ему принадлежитъ сочиненіе: «Mowa w dzien uroczystego obchodu koronacyi Naijasniejszego Jmperatora Alexandra I przy rozpoczenciu rocznych nauk w gimnazium Wilenskim». Wilno, 1807.

Левицкій, *Григорій Кирилловичъ*, священникъ, граверъ, род. въ мѣстечкѣ Маячкѣ нынѣшней Полтавской губерніи въ 1697 г., ум. 18 мая 1769 г. Происходилъ изъ фамиліи Носовъ, а фамилію Левицкихъ принялъ, женившись въ Кіевѣ на дворянкѣ Левицкой. Воспитывался въ Кіевской академіи, окончилъ ее и до 1738 года оставался мірянином; потомъ былъ рукоположенъ въ священники, завѣдывалъ типографіею Кіево-Печерской лавры, работалъ въ Кіевѣ и провелъ тамъ большую часть своей жизни. Еще до принятія священническаго сана Левицкій обнаружилъ склонность къ гравированію и рисованію, предпочитая итальянскіе образцы византійскимъ; особенно изучалъ онъ художниковъ Джіатто, Чимабуэ, Орканья, съ произведеній которыхъ имѣлъ много копій. Въ Кіевѣ среди клира и образованныхъ людей онъ имѣлъ много друзей, благодаря чему его не отпустили на священническое мѣсто въ Маячокъ, а назначили справщикомъ лаврской типографіи. Его сынъ—знаменитый портретистъ.

Наиболѣе выдающіяся работы Левицкаго слѣдующія: Тезисъ, посвященный Негребецкому, гравюра 1738 г.; пять гравюръ въ Евангеліи Кіевской печати, 1737 г.; восемь картинокъ къ книгѣ «Апостолъ» 1737 г.; взятіе на небо Божіей Матери 1737 г.; четыре гравюры къ книгѣ «Философія Аристотелева» 1745 г. и тезисъ, посвященный Рафаилу Заборовскому 1739 г.

Ровинскій, «Словарь русскихъ граверовъ» 1895 г. – *С. П. Дягилевъ*, «Русская живопись въ XVIII в.—т. I. – *Н. Горленко*, «Жизнь Д. Г. Левицкаго».

Левицкій, *Даніилъ*, настоятель церкви при Владиміро-Волынскомъ братствѣ, родился въ 1816 году. Въ теченіе своей долгой жизни писалъ археографическія замѣтки и лишь за нѣсколько дней до смерти сталъ приводить ихъ въ порядокъ, успѣвъ лишь собрать матеріалы, относящіеся къ исторіи Братской Васильевской церкви, построенной, по преданію, св. Владиміромъ. Къ его богатой памяти обращались многіе за справками и пользовались его указаніями. Левицкій напечаталъ въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1872 г. (№№ 6, 7) «Извле-

ченія изъ документовъ, относящихся ко времени епископовъ владиміро-волынскихъ Іоанна Борзобогатаго—Красенскаго и Ѳеодосія Ласовскаго», 1563 — 1565 гг. Скончался онъ 22 декабря 1888 г.

«Кіевлянинъ», 1888 г., № 275.—«Церковныя Вѣдомости», 1889 г., № 6, приб., стр. 152—153.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». вып. VIII, стр. 64.

Левицкій, *Дмитрій Григорьевичъ*, совѣтникъ Академіи Художествъ, знаменитый портретистъ, род. въ 1735 или 1737 г., вѣроятно, въ Кіевѣ, ум. въ 1822 г., неизвѣстно—въ Петербургѣ или въ Кіевѣ; неизвѣстно и мѣсто его погребенія. Сынъ священника-гравера Григ. Кирил. Левицкаго, по прежней фамиліи Носа. Свѣдѣній, гдѣ учился Левицкій, нѣтъ; можно только предполагать, что онъ посѣщалъ по крайней мѣрѣ первые классы въ Кіевской духовной академіи: отецъ его пользовался, какъ граверъ, вниманіемъ высшаго духовнаго начальства въ Кіевѣ, былъ завѣдующимъ лаврской типографіею; за нимъ долго числился приходъ, такъ сказать, родовой въ фамиліи Носовъ. Первоначальныя наставленія въ искусствѣ Д. Левицкій получилъ, конечно, отъ отца, а затѣмъ занимался у Алексѣя Антропова, который въ 1753—1756 г.г. жилъ въ Кіевѣ и расписывалъ Андреевскій соборъ. Въ 1761 г., или нѣсколько ранѣе, Левицкій прибылъ въ Петербургъ; здѣсь, не поступая въ число учениковъ академіи, онъ посѣщалъ классы профессоровъ Лагрене и Валерьяни; наибольшее значеніе для Левицкаго имѣлъ послѣдній, знатокъ перспективы и весьма дѣльный преподаватель. Его вліяніе, вѣроятно, отразилось до извѣстной степени въ присущемъ всѣмъ работамъ Левицкаго умѣньѣ выбрать пунктъ для натуры и въ вѣрномъ расчетѣ мѣста, занимаемаго фигурою въ пространствѣ. Но всего болѣе успѣхами своими Левицкій былъ обязанъ, конечно, своимъ высокимъ художественнымъ дарованіямъ и неутомимому своему трудолюбію. Не зная подробностей о первыхъ годахъ пребыванія Левицкаго въ Петербургѣ, не имѣя и работъ его, исполненныхъ ранѣе 1769 г., можно однако съ увѣренностью утверждать, что Левицкій много и упорно работалъ; только этимъ и можно объяснить ту зрѣлость таланта и то совершенство техники, какія обнаружилъ онъ въ наиболѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ, каковы: портретъ Кокоринова, два портрета Г. Н. Теплова и портретъ А. Г. Теплова, писанные въ 1769 г., и портретъ гр. А. С. Строганова, писанный, быть можетъ, еще нѣсколько ранѣе. Портреты Строганова, Кокоринова, Г. Н. Теплова, Ушакова, купца Сеземова и доктора Виргера были на первой, устроенной Академіею Художествъ, выставкѣ въ 1770 г. На выставкѣ, не отличавшейся многочисленностью картинъ, было собрано все лучшее, что могла дать тогда Академія: тутъ были работы еще слѣдующихъ художниковъ: Бота, Бѣльскаго, Грота, Делабарта, Козлова, Лосенки и Левицкаго, но наибольшее впечатлѣніе производили работы послѣдняго. Онъ уже съ 29 іюля 1769 г. имѣлъ званіе «назначеннаго»; 30 іюля 1770 г. онъ единогласно былъ избранъ въ академики. Съ 1771 г. Левицкій началъ преподаваніе въ Академіи Художествъ; изъ учениковъ его извѣстны: Мельниковъ, Новиковъ, Шибаевъ и Щукинъ. 17 октября 1776 г. Левицкій получилъ званіе совѣтника Академіи Художествъ, а 25 января 1780 г. былъ назначенъ присутствовать въ Совѣтѣ Академіи. Въ 1788 г., ссылаясь на ослабленіе зрѣнія и болѣзнь, Левицкій испросилъ себѣ отставку и былъ уволенъ съ половинною пенсіею въ 200 р. въ годъ. Совершивъ поѣздку на родину, въ Кіевъ, Левицкій возвратился въ Петербургъ и исполнилъ многочисленныя работы для Двора и отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Въ 1807 г. Левицкій, какъ «художникъ, способствовавшій нѣкогда славѣ Академіи», вновь приглашенъ былъ въ члены Совѣта Академіи и занималъ это мѣсто, съ жалованьемъ въ 600 р. въ годъ, до самой своей кончины.

Левицкій писалъ исключительно портреты; неизвѣстно ни одной его работы другого содержанія. Число портретовъ, исполненныхъ имъ, превышаетъ сто; не менѣе пятнадцати изъ работъ его въ настоящее время неизвѣстно, гдѣ находятся, и можетъ быть погибли; относительно пяти-шести портретовъ, почитаемыхъ за работы Левицкаго (императора Павла, Державина, Давыдовой, гр. Сиверса и еще одного или двухъ неизвѣстныхъ лицъ), вполнѣ возможно сомнѣніе, Левицкимъ ли они писаны; съ другой стороны, несомнѣнно ему принадлежатъ, хотя по описямъ значатся какъ портреты Боровиковскаго, двѣнадцать

портретовъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра, что можетъ быть доказано не только особенностями работы, но и документами, относящимися къ уплатѣ за нихъ. Приблизительно 60 портретовъ подписаны Левицкимъ и изъ ихъ числа не менѣе 30 выполнены въ періодъ отъ 1770 до 1785 г.; послѣдняя датированная работа Левицкаго—портретъ Адр. Грибовскаго—помѣченъ 1818 г.

Левицкаго называютъ иногда «пѣвцомъ екатерининскаго вѣка»—и это совершенно справедливо, — не въ томъ смыслѣ, что онъ писалъ портреты важнѣйшихъ дѣятелей, а тѣмъ паче сановниковъ этого царствованія: такое мнѣніе было бы не вѣрно, потому что не мало исполнилъ Левицкій портретовъ и купцовъ и вообще вовсе не знатныхъ лицъ; «пѣвцомъ вѣка» Левицкій можетъ быть названъ потому, что онъ далъ цѣлую галлерею высоко замѣчательныхъ изображеній людей своего времени. Онъ въ высокой степени обладалъ особенно драгоцѣннымъ для портретиста качествомъ — даромъ подмѣчать индивидуальныя черты изображаемыхъ лицъ и переносить эти черты на полотно. Оттого всѣ его портреты, сохраняя общія черты, присущія, очевидно, времени, въ то же время удивительно жизненны и индивидуальны; не остается никакого сомнѣнія, что въ работѣ живописца нѣтъ ничего заученнаго, трафаретнаго; ясно, что онъ схватилъ тончайшія отличительныя черты каждаго изображаемаго лица.

Изъ отдѣльныхъ работъ Левицкаго надо упомянуть прежде всего портреты императрицы Екатерины II; онъ исполнилъ ихъ шесть; въ числѣ ихъ три больше натуральной величины, именно въ Романовской Галлереѣ Зимняго Дворца, въ Музеѣ Императора Александра III и въ Императорской Публичной библіотекѣ; послѣдній, повидимому, предназначался первоначально для Ассигнаціоннаго Банка, какъ можно заключать по имѣющимся въ бумагахъ банка указаніямъ; это одинъ изъ красивѣйшихъ портретовъ вообще и едва ли не лучшее изображеніе императрицы въ 80-хъ годахъ XVIII в. Наслѣдникъ, в. кн. Павелъ Петровичъ, не благоволилъ къ Левицкому и приписываемый ему портретъ государя—сомнительно принадлежитъ ли кисти Левицкаго; зато великихъ князей Александра и Константина Павловичей и великихъ княженъ Левицкій писалъ не разъ. Изъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія изображены Левицкимъ: кн. Г. Г. Орловъ и его супруга, гр. П.А. Румянцевъ, адмиралъ Грейгъ, А. П. Мельгуновъ, кн. Н. В. Репнинъ, кн. А. М. Голицынъ, И. И. Шуваловъ, Г. Н. Тепловъ, А. В. Храповицкій, А. Д. Ланской, И. И. Дмитріевъ, Н. И. Новиковъ, Львовы, Пр. Акинф. Демидовъ, купцы: Билибины и Сеземовъ и др. Въ 1773 г., во время пребыванія въ Петербургѣ Дидро, Левицкій написалъ его портретъ; Дидро, остававшійся всегда недовольнымъ своими портретами, портретъ работы Левицкаго завѣщалъ своей дочери,—изъ чего можно заключить, что этимъ портретомъ онъ былъ доволенъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ. Въ 1773—1776 г.г. Левицкій выполнилъ знаменитую великолѣпную серію портретовъ первыхъ воспитанницъ, выпускаемыхъ изъ Смольнаго монастыря; на этихъ превосходныхъ картинахъ изображены: Е. И. Нелидова, кн. Хованская и Хрущова (вмѣстѣ). Ржевская и кн. Давыдова (вмѣстѣ), Алымова, Левшина, Борщова и Молчанова. Портретъ самого Левицкаго исполненъ Боровиковскимъ въ 1795 г. и Яковлевымъ въ 1812 г.

В. Горленко, «Русская живопись въ XVIII в.». Тутъ же и списокъ произведеній Левицкаго и многочисленные съ нихъ снимки.—«Рус. Арх.» 1892 г., кн. III.—*Андреевъ*, «Живопись и живописцы», стр. 483.—«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.» (изд. вел. кн. Николая Михаиловича), вып. IV, № 105.

Левицкій, *Іоахимъ*, иностранный докторъ медицины, приглашенъ былъ въ 1811 г. адъюнктъ-профессоромъ акушерства въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, въ которой находился до 1818 года, когда покинулъ академію и сдѣлался практикующимъ врачемъ въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губ. Левицкій помѣстилъ во «Всеобщемъ Журналѣ Врачебной Науки» статьи: «Исторія маточнаго кровотеченія, продолжавшагося семь лѣтъ (1811 г., VI, стр. 32), и «Объ узлахъ на пуповинѣ младенцевъ» (ib., 1816 г., III, стр. 355).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 173.

Левицкій, *Казиміръ Васильевичъ*, ген.-лейт., происходилъ изъ дворянъ Витебской губ., родился въ февралѣ 1835 г.; воспитаніе получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ

1853 г. былъ выпущенъ въ л.-гв. Павловскій полкъ. Въ продолженіе 1854 г. онъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье С.-Петербургской и Выборгской губерній во время войны 1853—1856 годовъ. Въ 1856 г. онъ, по собственному желанію, былъ прикомандированъ къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса для предварительной подготовки въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, въ которую поступилъ въ 1857 г. По окончаніи курса академіи онъ за отличіе въ наукахъ былъ награжденъ серебряною медалью. Поступивъ на службу по отдѣльному гвардейскому корпусу, Левицкій въ 1861 г. исправлялъ должность старшаго адъютанта въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, затѣмъ состоялъ помощникомъ старшаго адъютанта строевого отдѣленія штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и въ должности штабъ-офицера для порученій при томъ же штабѣ. Въ 1866 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ и вслѣдъ затѣмъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ преподавателемъ военныхъ наукъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Въ 1870 г. полковникъ Левицкій былъ зачисленъ адъюнктъ-профессоромъ тактики въ академіи генеральнаго штаба и назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Въ 1874 г. онъ былъ пожалованъ въ званіе флигель-адъютанта и утвержденъ въ должности профессора академіи. Но въ слѣдующемъ году, получивъ назначеніе на должность командира лб.-гв. Конно-Гренадерскаго полка, Левицкій временно оставилъ профессорство. Съ назначеніемъ въ 1876 г. помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, онъ вновь вернулся къ профессорству, занявъ въ академіи каѳедру военнаго искусства, но также лишь на короткое время. Въ томъ же году, за отличіе по службѣ, Левицкій былъ произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и помощникомъ начальника штаба дѣйствовавшей за Дунаемъ арміи. За участіе въ военномъ совѣтѣ, происходившемъ 1 сентября на полѣ сраженія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, для рѣшенія вопроса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, Левицкій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. За неутомимые труды по приведенію въ исполненіе распоряженій по войскамъ дѣйствовавшей арміи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. съ мечами. Вскорѣ по переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы, а именно: въ январѣ 1878 г. Левицкій вмѣстѣ съ ген.-адъютантомъ Непокойчицкимъ былъ командированъ для переговоровъ съ турецкими уполномоченными и составленія военной конвенціи о заключеніи перемирія. Во вниманіе къ отличной дѣятельности во время войны, выразившейся въ осуществленіи какъ общаго плана, такъ и плановъ отдѣльныхъ военныхъ предпріятій, Левицкій былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. съ мечами, а также орденами черногорскимъ и сербскимъ. Въ 1878 г., при новомъ главнокомандующемъ генералъ-адъютантѣ графѣ Тотлебенѣ, Левицкій временно исполнялъ должность начальника штаба Задунайской арміи. Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, въ 1879 г., онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій къ Е. И. В. главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а въ 1880 г. назначенъ состоять при Е. И. В. великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ по званію генералъ-инспектора кавалеріи, съ отчисленіемъ отъ должности профессора. Въ 1884 г. Левицкій исполнялъ должность начальника канцеляріи управленія генералъ-инспектора, а въ 1885 г. командовалъ 1-й кавалерійской дивизіей; въ 1886 г., за отличіе по службѣ, онъ произведенъ былъ въ ген.-лейт. и въ 1888 г. назначенъ для особыхъ порученій къ генералъ-инспектору кавалеріи, съ зачисленіемъ по генеральному штабу. Послѣднею наградою его былъ орденъ Бѣлаго Орла, а послѣднимъ служебнымъ дѣломъ—участіе въ качествѣ посредника на волынскихъ маневрахъ, происходившихъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Ему принадлежитъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ», касавшихся преимущественно кавалерійскихъ вопросовъ. Умеръ Левицкій 22 ноября 1890 г.

«Новости», 1890 г., № 1890.—«Новое Время», 1890 г., № 5295.

Левицкій, *Николай Евстафьевичъ*, переводчикъ конца XVIII и начала XIX ст. Ему принадлежатъ переводы исключительно съ франц. яз.: «Сонъ Марка Аврелія» (Спб. 1779 г.), «Генріета и

Люція» (Спб. 1779 г.), «Вальморъ» Лоезеля де-Треогата (М. 1781 г.), «Бертольдъ, князь моравскій, достопамятная и любопытная историческая повѣсть» д'Юсье (Спб. 1786 г.), «Гуронъ, или простодушный, справедливая повѣсть» Вольтера (Спб. 1789 г., 1802 г. и М. 1805 г.), «Историческія записки о достопамятныхъ и важнѣйшихъ происшествіяхъ, касающихся до жизни Вольтера, съ присовокупленіемъ писемъ его къ нѣкоторымъ знаменитымъ россійскимъ вельможамъ (М. 1807—1808 г.) и «Важнѣйшія и достопамятныя происшествія Римской имперіи, со времени основанія оной до уничтоженія республики, содержащія въ себѣ: достаточное историческое и хронологическое показаніе не только всѣхъ знаменитыхъ происшествій Римской республики, но и частныя описанія всѣхъ великихъ мужей, прославившихся въ оной своими дѣяніями и добродѣтелями» (М. 1810 г.).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 223.

Левицкій, *Николай Ѳеодосіевичъ*, учитель Кіевской 4-й гимназіи, изъ духовнаго званія, родился 27 мая 1819 г. въ Черниговской губерніи; по смерти отца, оставившаго необезпеченную семью, двѣнадцатилѣтній Левицкій былъ сострадательными людьми пристроенъ сначала въ Кіево-Подольское духовное училище, а потомъ въ Кіевскую семинарію на казенный счетъ. Такимъ образомъ сиротство, нужда и лишенія окружили дѣтство и юность Левицкаго, но они, несомнѣнно, развили въ немъ съ дѣтства любовь къ труду и наукѣ и настойчивость въ занятіяхъ. Вслѣдствіе крайней бѣдности онъ еще въ школѣ много времени удѣлялъ на переписку, чтобы выработать что-нибудь на свои нужды и для пособія матери. Окончивъ въ 1841 году семинарію и не чувствуя призванія къ обязанностямъ священнослужителя, онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ сначала на медицинскій, а потомъ на юридическій факультетъ. Но скоро крайняя нужда и безвыходное положеніе матери и сестры вынудили его отказаться отъ высшаго образованія и опредѣлиться на службу въ какую-то канцелярію, откуда онъ поступилъ учителемъ въ одно изъ приходскихъ училищъ г. Городни, Черниговской губ. Отдавшись съ увлеченіемъ новымъ занятіямъ, Левицкій весь досугъ отдавалъ на удовлетвореніе томившей его жажды знанія и успѣлъ въ короткое время приготовить три работы для печати: 1) «Жизнь и перенесеніе мощей святителя Филиппа, митрополита Московскаго и всея Россіи; 2) «Мысли о христіанствѣ и доказательство его истинности» (сочин. Дроза, переводъ съ франц.) и 3) «Краткое изъясненіе Христовой заповѣди о блаженствѣ». Труды эти, представленные по начальству для отсылки въ цензурный комитетъ, не получили одобренія со стороны послѣдняго (вслѣдствіе особой строгости въ то время цензурныхъ правилъ), но просмотрѣнные предварительно директоромъ народныхъ училищъ, невольно расположили его въ пользу автора. Первая неудача не убила, однако, въ молодомъ труженикѣ охоты къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ, хотя въ другомъ родѣ. Въ бумагахъ Левицкаго среди огромнаго количества выписокъ изъ читанныхъ книгъ найденъ переводъ повѣсти, сдѣланный имъ въ концѣ 40-хъ или 50-хъ годовъ съ франц. подъ заглавіемъ: «Талисманъ». Рукопись разрѣшена была къ печати бывшимъ кіевскимъ цензоромъ и профес. университета А. А. Ѳедотовымъ-Чеховымъ, но не напечатана за невозможностью найти издателя.

Вскорѣ Левицкій былъ переведенъ на должность смотрителя еврейскаго училища въ мѣстечко Бѣлую-Церковь. Обезпеченный относительно матеріально, онъ все же стремился къ умственному центру въ Кіевъ, гдѣ бы могъ имѣть общеніе съ умными людьми своей профессіи. Желанію его суждено было исполниться: онъ былъ назначенъ учителемъ въ Лыбедское приходское училище г. Кіева. По пріѣздѣ въ Кіевъ у него явилась мысль докончить свое образованіе въ университетѣ; съ этою цѣлью онъ сталъ посѣщать лекціи, какъ только являлось у него свободное время. Пріобрѣтя новыя знанія, знакомясь изъ года въ годъ съ лучшими произведеніями европейскихъ и русскихъ педагоговъ, онъ настолько почувствовалъ себя сильнымъ въ этой области, что рѣшилъ выступить съ чисто научными статьями педагогическаго содержанія, которыя въ свое время обратили на него вниманіе не только начальства, но и вообще тѣхъ лицъ, для которыхъ интересы школы были близки. Моментъ для такого выступленія былъ благопріятенъ, такъ какъ послѣ крестьянской реформы

въ Россіи обнаружился подъемъ народнаго образованія и чувствовалась настоятельная нужда въ появленіи руководствъ по методикѣ преподаванія. Статьи Левицкаго помѣщались въ «Циркулярѣ Кіевскаго учебн. Округа» и по времени слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: «Протоколы и статьи, касавшіеся собственно педагогическихъ совѣщаній» (1867 г., № 3); «Замѣтки и соображенія по вопросу объ общеобразовательномъ характерѣ приходскаго училища» (тамъ же, №№ 8, 9); «Планъ обученія русскому языку въ городскомъ приходскомъ училищѣ, съ объяснительной запиской къ нему» (тамъ же, № 12); «О „Родномъ Словѣ“ Ушинскаго, какъ лучшемъ учебникѣ для приходскаго училища» (тамъ же); «О методическомъ развитіи дѣтей въ дѣлѣ обученія ихъ» (тамъ же); «О преподаваніи географіи въ приходскомъ училищѣ» (тамъ же, 1868 г., № 1); «О наглядномъ обученіи» (тамъ же, №№ 8, 9); «Программа по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариѳметикѣ для сельскихъ школъ» (тамъ же, 1869 г., № 8) и «Очеркъ курса грамотности» (Кіевъ, 1874 г.). Эти труды Левицкаго вызвали большія похвалы по его адресу отъ лицъ компетентныхъ въ этой области, а редакторъ-издатель «Народной Школы» обратился къ нему съ просьбою принять участіе въ издаваемомъ имъ журналѣ. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Левицкій нерѣдко помѣщалъ статьи въ газетѣ «Кіевлянинъ». Съ переводомъ же его въ Кіевскую прогимназію онъ прекратилъ учено-педагогическую дѣятельность, такъ какъ заботы о воспитаніи собственныхъ дѣтей вмѣстѣ съ суровыми заботами о матеріальномъ обезпеченіи семьи отвлекли его отъ любимаго дѣла. Скончался Левицкій 2 февраля 1885 г.

«Кіевская Старина», 1885 г., іюнь, стр. 357—363.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V, стр. 98—99.

Левицкій, *Романъ Ильичъ*, доцентъ Московской духовной академіи, ум. 22 февраля 1886 г. Сынъ священника, родился въ г. Путивлѣ, Курской губ., воспитывался въ Бѣлгородской семинаріи и Московской духовной академіи. По окончаніи курса оставленъ былъ при академіи и началъ курсъ лекцій по основному богословію, привлекавшій большое количество слушателей со всѣхъ курсовъ. Въ 1880 г. онъ женился, но, потерявъ жену черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, лишился отъ нервнаго потрясенія разсудка; скончался въ Путивлѣ, едва достигнувъ 30 лѣтъ. Перу Левицкаго принадлежатъ «апологическіе очерки», подписанные буквами Р. Л. и напечатанные въ «Православномъ Обозрѣніи»: «Тѣло воскресшаго Христа Спасителя» (1880 г., кн. 8), «О нравственномъ ученіи христіанства» (кн. 9); «Необходимость, возможность и методъ научнаго оправданія христіанства» (1881 г., кн. 1, 4, 6—7) и «Доказательства бытія Божія и ихъ дѣйствительное значеніе» (кн. 8).

«Московскія Церковныя Вѣдомости 1886 г., № 12.—«Волынскія Епарх. Вѣдомости», 1886 г., № 8.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русскихъ писателей», вып. VI, стр. 84. *А. Никольскій.*

Левицкій, *Стефанъ*, священникъ Московскаго Успенскаго собора. Ему принадлежатъ: «Слово, въ недѣлю десятую по сошествіи св. Духа проповѣданное» (М. 1742 г.), и слова на 8 августа и 24 октября 1742 г. и на 25 ноября 1743 года.

Филаретъ, арх., «Обзоръ рус. духовн. литературы», стр. 321.—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ», т. II, стр. 223.

Левицкій, *Ѳеодосій Нестеровичъ*, священникъ Свято-Никольской церкви въ г. Балтѣ, Подольской губерніи, сынъ священника села Корытнаго той же губерніи, родился 11-го января 1791 г., ум. 9 марта 1845 г. Образованіе Левицкій получилъ въ Подольской семинаріи, куда поступилъ на 12-мъ году отъ рожденія. Во время прохожденія семинарскаго курса въ 1812 году исправлялъ должность письмоводителя въ особой комиссіи по случаю появленія чумы въ г. Балтѣ. Предсѣдатель этой комиссіи, князь А. Б. Куракинъ, обѣщалъ Левицкому свое покровительство, если онъ пожелаетъ избрать себѣ гражданскую службу, но Левицкій, чувствуя особенное влеченіе къ служенію на духовномъ поприщѣ, отклонилъ это предложеніе и по окончаніи курса семинаріи въ 1815 году былъ рукоположенъ въ священники къ Свято-Николаевской церкви въ г. Балтѣ. Юноша еще на семинарской скамьѣ велъ школьный дневникъ подъ заглавіемъ «Живой опытъ Провидѣнія Божія о человѣкѣ», который обнимаетъ время 1809—1815 гг. и показываетъ

его глубокую вѣру въ Бога. Уже въ этомъ дневникѣ Левицкій высказываетъ свой высокій взглядъ на санъ священника, выражаетъ твердое и непреклонное желаніе свое послужить Богу въ этомъ именно священномъ санѣ и даже начертываетъ программу будущаго своего пастырскаго служенія и проектъ рѣчи при посвященіи его въ священники. «Со времени же посвященія Левицкаго въ священный санъ начинается, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, дѣйствительная жизнь его для Бога и для ближнихъ, и съ этого самаго времени открывается торжество его вѣры и чистыхъ помысловъ». Но и на новомъ мѣстѣ служенія Левицкій продолжалъ вести свой дневникъ и довелъ его до 1819 года; въ немъ онъ говоритъ о первыхъ шагахъ своихъ на поприщѣ священническаго служенія, а также о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ. Настроенный религіозно-мистически, Левицкій былъ убѣжденъ, что промысломъ Божіимъ онъ призванъ возвѣщать людямъ о наступающемъ страшномъ судѣ и имѣющемъ скоро открыться царствѣ Христовомъ, и потому неустанно и съ церковной каѳедры, и въ своихъ сочиненіяхъ, и даже въ перепискѣ съ разными лицами говорилъ о скорой кончинѣ міра и открывающихся знаменіяхъ ея; онъ же составлялъ въ мистическомъ духѣ молитвы, духовныя пѣсни и даже произносилъ особыя имъ сочиненныя прошенія на ектеніяхъ за литургіей. Въ 1816 году умеръ отецъ Левицкаго, а въ 1818 году—мать и супруга его, и съ этого времени онъ далъ себѣ обѣтъ «всѣми силами служить страждущему человѣчеству и неуклонно слѣдовать крестнымъ путемъ вслѣдъ Подвигоположника Іисуса». И дѣйствительно, жизнь о. Ѳеодосія была такова, что «ею назидались не только христіане, но и евреи, которые часто обращались къ нему въ спорныхъ дѣлахъ и просили у него совѣта, въ полной увѣренности, что совѣтъ его будетъ продиктованъ истиною». «Побуждаемый особымъ чувствомъ», Левицкій прислалъ въ 1822 году въ собственныя руки императора Александра Павловича, въ Святѣйшій Синодъ и къ князю А. Н. Голицину, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, одно изъ своихъ сочиненій: «Голосъ Невѣсты Іисуса Христа о приблизившемся пришествіи Его». По волѣ государя сочиненія Левицкаго были разсмотрѣны тремя членами Св. Синода и найдены достойными вниманія, какъ содержащія въ себѣ много высокихъ истинъ и пророческихъ взглядовъ на настоящее и будущее время, и онъ былъ вызванъ секретно по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургъ.

По прибытіи въ С.-Петербургъ Левицкій помѣщенъ былъ на Тверскомъ подворьѣ въ домѣ Тверского архіепископа Іоны и 27 мая 1823 года былъ представленъ императору Александру I-му въ Зимнемъ дворцѣ. По словамъ Левицкаго, государь обошелся съ нимъ весьма милостиво, далъ ему право свободно и безъ всякаго опасенія представлять свои сочиненія государю, высказалъ свое сочувствіе выраженнымъ въ его сочиненіи мыслямъ и обѣщалъ самъ споспѣшествовать его трудамъ. Но члены Св. Синода въ деликатной формѣ отказались отъ содѣйствія дѣлу о. Ѳеодосія. Въ С.-Петербургѣ Левицкій жилъ въ совершенномъ уединеніи, занимаясь литературными трудами и почти ежедневно бесѣдуя съ княземъ Голицынымъ. Вмѣстѣ съ нимъ жилъ и помогалъ ему другъ его, священникъ Подольской епархіи Ѳеодоръ Лисевичъ, вызванный съ Высочайшаго соизволенія въ октябрѣ 1824 года. Всѣ сочиненія, которыя писалъ въ это время Левицкій, восходили къ государю чрезъ посредство князя Голицына, при чтеніи которыхъ государь «изволилъ замѣтить въ многоплодности его идей, что истины высокія христіанства онъ сжималъ въ ограниченный кругъ дѣйствія, ожидая развитія его пророческихъ предчувствій въ г. Балтѣ, мѣстѣ его жительства». Въ 1824 мъ году Левицкимъ представленъ былъ государю чрезъ князя Голицына трактатъ о недостаткахъ образованія въ современныхъ русскихъ школахъ, особенно въ духовныхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, должно быть изгнано все свѣтское, мірское. Въ числѣ сочиненій Левицкаго есть «Слово къ Государю Императору Александру I-му о воззваніи разномыслящихъ родовъ христіанскихъ къ православному Христову единомыслію и невѣрствующаго останка рода человѣческаго къ святой вѣрѣ Христовой и о готовности вообще къ предстоящему откровенію вѣчнаго Божественнаго царствія Христова на землѣ». Близость кончины міра и откровенія царства Божія на землѣ—основная мысль всѣхъ его сочиненій, главный и единственный мотивъ его жиз-

ни. Въ одномъ изъ писемъ къ Прибыльскому (отъ 16 сентября 1823 года) Левицкій пишетъ: «Человѣкъ Ѳеодосій, къ которому Вы писали, болѣе не существуетъ, а вмѣсто сего отвѣтствуетъ Вамъ свидѣтель Іисусъ Христовъ Ѳеодоръ и не изъ С.-Петербурга, а изъ пустыни провидѣнія Божія. Сіе же есть тайна и знаменіе строенія приблизившагося Царствія Христова, котораго и Вы терпѣніемъ и любовію всякою святынек ищите не менѣе, какъ и прилежными молитвами, особливо тѣми, которыя намъ свыше благодать Его даровала и которыя Вы отъ меня прежде получили,—ищите для себя и для всего міра». Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу отъ 16 ноября того же 1823 года о. Ѳеодосій пишетъ, что «онъ отрекся отъ міра сего и въ немъ болѣе не существуетъ, а ищетъ единаго токмо Царствія Божія и правды его по заповѣдямъ Его и всѣхъ братій своихъ отъ всего рода человѣческаго къ сему единому святому, небесному и вседорогому дѣлу Божію призываетъ». Въ письмѣ къ князю Голицину отъ 27 іюня 1822 года онъ же пишетъ: «Божественный Духъ Іисуса Христа истиннаго Господа и Бога Сына нашего, по обнародованіи акта священнаго союза Благочестивѣйшимъ Монархомъ нашимъ съ другими, вкупѣ Даніилово число трехъ—составившими и ознаменовавшими великими государями христіанскими, въ 14 день сентября 1815 года, во имя Господне заключеннаго, благимъ духомъ и благочестивыми устами Вашего Сіятельства въ 1817 году совершилъ святое пророчество свое объ открывающемся Вожественномъ царствіи Его, хотящемъ быти на земли, яко на набеси. Нынѣ начало дѣйствительнаго оправданія и исполненія сего священнаго о Господѣ пророчества вашего, живое Провидѣніе его предъ боголюбивую особу вашу представляетъ и всему міру предпоказываетъ. Уже, можетъ быть, Ваше Сіятельство, извѣстились или нынѣ узнаете о представленной въ Св. Синодъ къ разсмотрѣнію книгѣ «Гласъ Невѣсты Іисуса Христа о приблизившемся пришествіи Его», между прочимъ названной. Испытавъ все содержаніе ея, Ваше Сіятельство увидите, что оная благодатію Божіею содержитъ въ себѣ все то, что въ докладѣ вашемъ Его Величеству государю императору тогда заключили Вы подъ тѣмъ словомъ: «что актъ онаго великихъ государей союза есть столь важное событіе во времена наши, что всѣ послѣдствія онаго не могли быть тогда обняты во всемъ пространствѣ, а еще, конечно, закрыты были въ любвеобильномъ сердцѣ Господа нашего Іисуса Христа и что, словомъ, оный совершенъ отъ Бога быть предуготовительнымъ актомъ къ тому Царствію Господа на землѣ, которое будетъ яко на небеси». И Левицкій вѣрилъ, что Промысломъ Божіимъ онъ призванъ на подвигъ «приведенія всѣхъ христіанъ къ единомыслію, а невѣрныхъ просвѣщенія свѣтомъ истинной вѣры». Онъ просилъ благословенія на этотъ подвигъ у Подольскихъ преосвященныхъ Іоанникія и Антонія, но они въ томъ ему отказали, за что, по его мнѣнію, оба умерли отъ удара. Въ 1824 году 7-го ноября С.-Петербургъ постигло большое бѣдствіе — неслыханное наводненіе. О. Ѳеодосій сказалъ по этому поводу въ церкви Тверского подворья очень рѣзкую проповѣдь, въ которой назвалъ это наводненіе дѣйствіемъ гнѣва Божія, «поелику не видно было со стороны Правительства ни духовнаго, ни свѣтскаго нималаго движенія къ покаянію», за что и былъ обвиненъ въ томъ, будто онъ былъ агентомъ масонской ложи и посягалъ на православіе, и въ ночь съ 10-го на 11-е того же ноября по Высочайшему повелѣнію сосланъ въ Коневскій монастырь. Только 8 ноября 1825 года о. Ѳеодосій рѣшился послать письмо князю Голицину съ просьбою или возвратить его въ Подольскую епархію или разрѣшить ему отправиться въ путешествіе по Святой землѣ. Письмо это доложено было Голицынымъ государю, и въ ноябрѣ 1827 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на возвращеніе Левицкаго къ прежнему мѣсту служенія. Прибывъ съ Коневца въ С.-Петербургъ, о. Ѳеодосій посѣтилъ князя Голицина, и это свиданіе ихъ было послѣднимъ. Князь Голицинъ принялъ о. Ѳеодосія сухо, хотя и исходатайствовалъ ему у государя пособіе на проѣздъ въ г. Балту и обѣщалъ ходатайствовать предъ государемъ о возвращеніи отобранныхъ у него бумагъ. Обстоятельства, при коихъ совершилось возвращеніе о. Ѳеодосія въ г. Балту, подробно изложены въ напечатанной автобіографіи его («Русская Старина», 1880 г., ноябрь, 671—682). О бумагахъ же его, вѣрнѣе, «о черновыхъ отпускахъ, представленныхъ имъ бумагъ и нѣсколькихъ дѣлахъ, каса-

ющихся Балтскаго прихода», на Всеподданнѣйшемъ докладѣ 21 декабря 1841 г. положена слѣдующая Высочайшая резолюція: «препроводить всѣ бумаги графу Протасову съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи возвратилъ Левицкому тѣ, кои найдетъ возможнымъ». Пока графъ разсматривалъ эти бумаги и велъ переписку съ мѣстными властями о Левицкомъ, авторъ ихъ умеръ 9 марта 1845 года. Бумаги священника Левицкаго хранятся въ рукописномъ отдѣлѣ Архива Св. Синода и въ 1911 году напечатаны. Еще по возвращеніи съ Коневца въ г. Балту Левицкій возымѣлъ намѣреніе учредить въ этомъ городѣ мужской монастырь, но когда мечтѣ его не суждено было осуществиться, тогда онъ устроилъ на своемъ усадебномъ мѣстѣ странноприимный домъ и пріютъ для бѣдныхъ, которые оказались особенно благодѣтельными въ памятные неурожаемъ и повальными болѣзнями 1834 и 1835 годы. Лишь въ 1908 г. осуществилась мечта Левицкаго о построеніяхъ въ г. Балтѣ Ѳеодосіевскаго монастыря, куда были перенесены и останки его.

Священникъ Ѳеодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя Императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Сообщилъ Л. К. Бродскій, СПБ. 1911 г.—Автобіографія Левицкаго («Русская Старина», 1880 г., сентябрь и ноябрь).—*Жмакинъ В.*, «Ересь есаула Котельникова» («Христіанское Чтеніе», 1882 г., ноябрь — декабрь, стр. 745—748).—«Странникъ», 1863 г., январь—«Подольскія Епарх. Вѣдомости» 1863 г., №№ 18 и 21; 1865 г., №№ 6 и 17.—Дополнительныя свѣдѣнія о жизни Ѳеодосія Левицкаго, записанныя Іоанномъ Марникой». СПБ. 1876 г.—*Никодимъ, архимандритъ*, «Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ». Изданіе Аѳонскаго Русскаго Пантелеймонова монастыря. Мартъ. Москва. 1907 г., стр. 90—94—«Подолія», 1909 года, №№ 62 и 66.

А. Никольскій.

Левкій, архіепископъ Псковскій, изъ архимандритовъ Московскаго Симонова монастыря, въ которомъ въ 1621 году уже настоятельствовалъ и слилъ даже колоколъ, какъ видно изъ надписи на ономъ («Россійск. Вивліоѳика», т. XVIII, 3 81); 23 марта 1625 года онъ находился при комиссіи о чудесахъ отъ хитона Іисуса Христа, присланнаго тогда въ даръ царю Михаилу Ѳеодоровичу (Дворцовые разряды, II, 788); въ 1632-омъ году засѣдалъ въ приказѣ сборныхъ денегъ на войну съ Польшею (Археограф. акты, III, 310, 312). 6-го іюля 1634 года онъ былъ хиротонисанъ въ архіепископы Псковскіе; въ обоихъ изданіяхъ Исторіи Россійской Іерархіи день хиротоніи ошибочно показанъ 1-е сентября 1635 года. Кіевскій митрополитъ Евгеній въ своей «Исторіи Псковскаго княжества» (I, 186, III, 57, IV, 153 и 2-е изданіе Исторіи Россійской Іерархіи) утверждаетъ, что архіепископъ Левкій во время бывшаго во Псковѣ въ 1650 году бунта былъ заточенъ мятежниками въ темницу, а затѣмъ вызванъ въ Москву и лишенъ епархіи; но это невѣрно: архіепископъ Левкій покинулъ епархію въ 1649 году потому, что 4 ноября этого года хиротонисанъ былъ его преемникъ, архіепископъ Макарій, бунтъ же произошелъ въ іюлѣ 1650 года, что видно изъ надписи въ Псковской часовнѣ, построенной надъ убіенными во время бунта («Исторія Псковскаго Княжества», III, 162; Археограф. акты, IV, 66). Скончался архіепископъ Левкій 4 августа 1654 года (Строевъ, «Списки іерарховъ», 2-е изд. «Исторіи Россійской Іерархіи») въ Москвѣ отъ морового повѣтрія. Изъ грамоты патріарха Никона 7164 года, которою предписано творить поминовеніе въ вселенскія субботы по скончавшимся отъ морового повѣтрія архіереямъ, видно, что архіепископъ Левкій до конца жизи сохранилъ свое архіепископское достоинство.

Діевъ М., протоіерей, «Іерахическихъ каталоговъ Россійскихъ древнихъ епархій повѣрка съ лѣтописями и актами—1853 г. (Рукопись Архива св. Синода № 1768, л. 125).—Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ древнихъ Россійскихъ епархій съ лѣтописями и актами, 1859—1860 гг. (Рукопись Архива св. Синода № 1769, 278 об.—250 об.).—*Строевъ П.*, «Списки іерарховъ».

А. Никольскій.

Левкій, преподобный, ученикъ Пафнутія Боровскаго, современникъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго; подъ его руководствомъ подвизался преподобный Даніилъ Переяславскій въ Боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ съ 1466 года. Въ 1476-омъ году преподобный Левкій, съ согласія Волоколамскаго владѣтеля, князя Бориса Васильевича (сына великаго князя Московскаго Василія Темнаго), основалъ въ 32-хъ верстахъ отъ г. Волоколамскаго Левкіеву пустынь (нынѣ приходская цер-

ковь). Подробности жизни и годъ смерти преподобнаго неизвѣстны.

Архимандритъ Леонидъ, «Волоколамская Левкіева пустынь и ея основатель преподобный Левкій» («Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» кн. XII. М. 1870 г., стр. 48—86).—Словарь историческій о святыхъ прославленныхъ въ Россійской церкви.

А. Н.

Левковичъ, *Михаилъ Петровичъ*, докторъ медицины, родился въ 1818 году; по окончаніи курса въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи онъ въ слѣдующемъ году поступилъ лѣкаремъ въ подвижной запасный паркъ 2-й полевой артиллерійской бригады, съ прикомандированіемъ ко 2-му С.-Петербургскому военному сухопутному госпиталю, и въ томъ же году перешелъ въ лейбъ-гв. Кирасирскій полкъ. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора медицины, съ 1850 г. состоялъ преподавателемъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, а въ 1853 году, покинувъ военное вѣдомство, перешелъ въ вѣдомство С.-Петерб. опекунскаго совѣта. Скончался онъ въ 1862 г. Ему принадлежатъ два печатныхъ труда: 1) «Сапъ и лихой у человѣка» («Военно-Медицинскій журналъ» 1848 г., ч. 52, I) и 2) «Замѣчательный уродъ» («Другъ Здравія», 1861 г., 3).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 173.

Левоцкая, *Екатерина*, по отцу Липинская, писательница, родилась въ Литвѣ въ 1799 г.; извѣстна, какъ авторша разсказовъ (на польскомъ языкѣ) для дѣтей и народа и какъ переводчица повѣсти Виктора Гюго «Bug Jargal» (Варшава, 1830 г.). Изъ оригинальныхъ произведеній ея извѣстны: драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Kasper Owczarek» (Варшава, 1832 г.); «Powiastki dla dzieci z prawdziwych wydarzeń» (тамъ же, 1837 г.); «Bal w resursie i dworek na Topielu» (тамъ же, 1840 г.); «Powieści starego sługi» (тамъ же, 1840 г.) и другія. Отрывки ея воспоминаній печатались въ «Pierwiosnku» и въ «Kólku domowem»; наконецъ, много отдѣльныхъ небольшихъ вещицъ Левоцкой находится и въ другихъ журналахъ: «Piśmiennictwie krajowem» за 1840 г., «Przyjacielu ludu», «Rozrywkach dla młodzieży» и др.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 966.

А. Г.

Левоцкій, *Онуфрій*, визитаторъ школъ Царства Польскаго, родился въ 1787 г. въ Житомірѣ, образованіе получилъ въ Кременецкой школѣ, которую окончилъ съ серебряной медалью. Здѣсь Левоцкій обратилъ на себя особенное вниманіе извѣстнаго дѣятеля юго-западнаго края Ѳаддея Чацкаго, который поручилъ ему воспитаніе своего сына. Съ частной службы Левоцкій въ 1822 г. перешелъ на службу государственную, былъ педагогомъ и въ 1829 г. назначенъ главнымъ визитаторомъ школъ Царства Польскаго. Выйдя въ отставку уже въ преклонномъ возрастѣ, онъ поселился въ своемъ имѣніи Хоцишевѣ, близъ Плоцка, и умеръ здѣсь въ 1854 г.

Ему принадлежатъ два руководства по математикѣ для школьнаго обученія: 1) «Wykład statyki dla użycia szkół wydziałowych i wojewódzkich» (Варшава, 1820 г.) и 2) «Jeometryja dla szkół wydziałowych» (Варшава, 1828), и двѣ научныя работы: 1) «Dowód ogólny wzoru Newtona» («Cwiczenia naukowe», 1818, №№ 3, 4) и 2) «Nowy sposób dzielenia linii prostej na części równe» («Pamiętniki umiejętności sztuk i nauk», 1824).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 966.

А. Г.

Левшина (кн. **Черкасская**), *Александра Петровна*, дочь премьеръ-маіора Петра Ивановича Левшина отъ брака съ кн. Татьяной Ивановной Кольцовой-Масальской, родилась 1 января 1757 г., 4-хъ лѣтъ потеряла мать и на восьмомъ году была опредѣлена въ Смольный институтъ при самомъ его основаніи. Въ 1776 г. Левшина закончила свое образованіе и была выпущена изъ института одной изъ первыхъ съ золотой медалью первой величины, «знакомъ отмѣны» и пожизненной пенсіей въ 250 руб. ежегодно. 2-го іюня того же года она была пожалована въ фрейлины императрицы и взята на житье во дворецъ. Выйдя замужъ (29 апрѣля 1780 г.) за кн. Петра Александровича Черкасскаго, Левшина жила недолго и скончалась въ Москвѣ 25-ти лѣтъ отъ роду, 26 августа 1782 г.

Императрица Екатерина Великая очень любила ее, интересовалась ея судьбой, вела съ ней переписку и въ шутку звала своей «черномазой Левушкой».

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, Спб., 1907 г., т. III, № 32.

А. Г.

Левшинъ, *Александръ Васильевичъ*, капитанъ 2-го ранга; по окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ онъ 1804 г. былъ произведенъ въ гардемарины и съ этого года до 1807 на фрегатѣ «Венусъ» перешелъ изъ Кронштадта въ Корфу, крейсеровалъ въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ; затѣмъ участвовалъ при взятіи крѣпости Тенедоса и въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ и у Аѳонской горы, послѣ чего перешелъ на лисабонскій рейдъ, а отсюда въ Палермо. Произведенный въ 1807 году въ мичманы, Левшинъ по сдачѣ фрегата сицилійскому правительству прибылъ изъ Палермо въ Тріестъ и на кораблѣ «Седъ-Эль-Бахръ» былъ въ кампаніи въ тріестскомъ рейдѣ. Въ 1812 году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1823 г.—въ капитанъ-лейтенанты. Съ 1812 по 1826 гг. Левшинъ совершилъ рядъ плаваній на разныхъ корабляхъ и люгерахъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга.

Общій морской списокъ, ч. VII, стр. 402.

Левшинъ, *Александръ Георгіевичъ*, протоіерей, родной братъ Московскаго митрополита Платона Левшина, родился, какъ полагаютъ, въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ XVIII вѣка. Отецъ его, Георгій Даниловъ, первоначально былъ дьячкомъ въ селѣ Чашниковѣ, что на большой Петербургской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, а потомъ священникомъ сначала въ Коломенской епархіи, а затѣмъ въ самой Москвѣ при церкви св. Николая, извѣстной подъ именемъ «Красные Колокола». Съ 1747 по 1760 гг. Левшинъ обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1760 г. былъ произведенъ въ діаконы къ церкви Спаса въ Спасской, а въ 1763 г. въ священники къ Московской же церкви Николая Чудотворца, что въ Хамовникахъ «Въ прохожденіи какъ діаконской, такъ и священнической должности упражнялся въ преподаваніи катихизиса, въ толкованіи Священнаго Писанія, въ проповѣди Слова Божія и, сверхъ сего, поочередно вмѣсто другого проповѣдника съ прочими учеными священниками въ Московской академіи исправлялъ проповѣдническую должность; также и при митрополитѣ Московскомъ Тимоѳеѣ въ Чудовѣ монастырѣ и по разнымъ приходскимъ церквамъ въ храмовые праздничные дни при отправленіи имъ священнослуженія говорилъ проповѣди», за каковые труды въ 1767 году произведенъ былъ въ протоіереи въ Спасскій соборъ, что на Бору, съ оставленіемъ за нимъ и священническаго мѣста при Никольской церкви. Въ томъ же году Левшинъ былъ назначенъ въ Большой Успенскій соборъ и въ Московскую св. Синода контору членомъ съ первенствомъ по указу св. Синода предъ игуменами. Съ переходомъ въ Успенскій соборъ протоіерей Левшинъ скоро дѣлается лично извѣстенъ государынѣ и быстро выдвигается впередъ. Въ 1771 году онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для предохраненія и врачеванія отъ бывшей въ то время въ Москвѣ моровой язвы и усердно исполнялъ возложенныя на него по новой должности обязанности, а именно: онъ дѣлалъ распоряженія объ отправленіи заболѣвшихъ духовныхъ лицъ въ больницы, составилъ и разослалъ по церквамъ для чтенія во время церковныхъ службъ особое молитвенное слово, наблюдалъ за очищеніемъ церквей, которыя, по случаю оказавшейся въ причтѣ и приходѣ смертности, признаны были зараженными, самъ говорилъ проповѣди въ Большомъ Успенскомъ соборѣ «для увѣренія народа мало внемлющаго тогда предписаніямъ правительства» и о «благополучномъ пресѣченіи болѣзни» (проповѣди эти напечатаны въ поданной по Высочайшему повелѣнію въ 1775 году книгѣ подъ названіемъ: «Описаніе о моровой язвѣ»), наконецъ, подвергалъ жизнь свою опасности «во время поднятія тѣла убіеннаго архіепископа Московскаго Амвросія и увѣщанія мятежной толпы». За такіе труды онъ награжденъ былъ въ 1774 году императрицею Екатериною II золотымъ наперснымъ крестомъ на голубой лентѣ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями и брилліантами, и пенсіею въ 500 р. въ годъ, а въ 1775 году назначенъ членомъ св. Синода. Не меньшимъ вниманіемъ

пользовался протоіерей Левшинъ и у преемника Екатерины II. Павелъ I въ 1797 году, въ день коронаціи, пожаловалъ ему орденъ св. Анны I-й степени, а черезъ нѣсколько времени въ томъ же году и «командорство». Въ слѣдующемъ 1798 году Левшинъ представленъ былъ къ наградѣ митрою, но эта награда уже не застала его въ живыхъ: онъ скончался 22 октября 1798 года.

Левшинъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ археологъ, историкъ и какъ проповѣдникъ. Извѣстное сочиненіе его: «Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма Московскаго Большого Успенскаго собора и о возобновленіи первыхъ трехъ Московскихъ соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго», напечатанное въ 1783 году и поднесенное Екатеринѣ II, не утратило своего значенія и въ настоящее время. Изъ проповѣдей его извѣстны въ печати: Слово на привитіе оспы императрицѣ Екатеринѣ II, произнесенное въ 1758 году, 2) Слово въ день св. ап. Андрея Первозваннаго, сказанное въ придворной церкви въ 1767 году; 3) Слово благодарственное по прекращеніи чумы въ 1772 году; 4) Слово въ день рожденія великаго князя Павла Петровича въ 1774 году; 5) Слово по возобновленіи Успенскаго собора въ 1774 году; 6) Слово при обращеніи раскольниковъ, произнесенное въ томъ же году; 7) Слово благодарственное императрицѣ Екатеринѣ II при освященіи Успенскаго собора и 8) Слово на тему о томъ, что человѣкъ рождается не для себя, произнесенное въ 1779 году въ день рожденія императрицы Екатерины II-й. Левшину принадлежитъ также и рукописный словарь иностранныхъ словъ, введенныхъ въ русскій языкъ, доставленный имъ въ 1783 году въ Россійскую Академію.

Дѣла Архива Св. Синода 1772 года отъ 15 февр., № 62 и 1797 г. отъ 21 декабря за № 628 (формулярный списокъ). *И. Хитровъ*, «Александръ Георгіевичъ Левшинъ, протоіерей Московскаго Успенскаго собора и членъ св. Синода» (1798 г.) («Христіанинъ», т. III, сентябрь—декабрь 1912 г., стр. 785—793).—«Исторія Московскаго епархіальнаго управленія». Ч. II, стр. 67, 88—89.—*Бартеневъ*, «Восемнадцатый вѣкъ», т. I, стр. 132—133, 171—172.—*Сухомлиновъ* «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 293—298; т. VIII, стр. 8.—*Филаретъ*, «Обзоръ дух. лит.».

А. Никольскій.

Левшинъ (Левшиновъ), *Алексѣй Георгіевичъ*, протоіерей, младшій братъ Левшина Александра Георгіевича, по окончаніи курса въ Московской греко-латинской академіи отправился 1765 году довершать образованіе въ Англію, гдѣ пробылъ до 1771 года и въ томъ же году былъ назначенъ ключаремъ въ Успенскій Московскій соборъ, съ обязательствомъ сочинять и произносить проповѣди. Постигшій вскорѣ недугъ вынудилъ его просить объ увольненіи отъ обязанности хранителя ризницы, утвари и другихъ вещей и онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности ключаря Успенскаго собора и произведенъ въ протоіереи въ Спасскій соборъ, что въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Дѣло Архива Св. Синода 1776 г., № 388.—*Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 298—299.

Левшинъ, *Алексѣй Иракліевичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с., род. въ 1798 г., умеръ въ имѣніи Курской губ. 16 сент. 1879 г., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ съ степенью магистра поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (1818 г.), съ зачисленіемъ въ Азіатскій департаментъ. Въ 1820 г. онъ былъ назначенъ состоять при предсѣдателѣ Оренбургской пограничной комиссіи и занялся разборомъ тамошняго архива киргизскихъ дѣлъ. Результатомъ знакомства съ исторіей и бытомъ киргизъ и ихъ сосѣдей-уральцевъ появилось извѣстное его «Историческое и статистическое обозрѣніе уральскихъ казаковъ» («Сѣверный Архивъ» 1823 г., №№ 12—15; отдѣльно—Спб. 1823 г.). Этотъ трудъ представляетъ, съ одной стороны, отчетъ разработки историческихъ матеріаловъ нашего прошлаго, а съ другой, нѣсколько данныхъ о состояніи Уральскаго войска 50 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, и какъ единственный источникъ по этому вопросу надолго сохранилъ свое значеніе, пока не появились новые матеріалы въ болѣе тщательной разработкѣ. Въ 1823 г., по просьбѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, Левшинъ былъ назначенъ къ нему на должность секретаря; въ этой должности онъ находился до 1826 г., когда былъ командированъ во Францію, Италію и Австрію для ознакомленія съ тамошними карантинными учрежденіями. По возвращеніи изъ-за границы Левшинъ

представилъ проектъ преобразованія россійскихъ карантинныхъ заведеній вмѣстѣ съ проектомъ новаго устава. Этотъ уставъ Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, членомъ котораго былъ назначенъ Левшинъ и въ которомъ онъ оставался до назначенія въ 1831 г. одесскимъ градоначальникомъ. За время пребыванія его въ Одессѣ имъ былъ основанъ «Одесскій Вѣстникъ» и публичная библіотека. Въ 1838 г. Левшинъ былъ назначенъ иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но по болѣзни не могъ отправиться къ мѣсту назначенія и былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1844 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ 3-го департамента министерства государственныхъ имуществъ, а въ 1855 г. сенаторомъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ должности каковой онъ былъ уволенъ, по прошенію, въ 1859 году.

Кромѣ указаннаго выше сочиненія, перу Левшина принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Описаніе киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» (Спб. 1832 г.), переведенный на французскій языкъ; «Письма изъ Малороссіи» (Харьковъ, 1816 г.); «Прогулки русскаго въ Помпеи» (Спб. 1843 г.), — трудъ, представляющій первую попытку систематическаго обозрѣнія помпейскихъ древностей на рус. яз., съ рисунками, и мемуары: «Достопамятныя минуты въ моей жизни» («Рус. Архивъ», 1885 г., VIII).

Левшинъ игралъ видную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Ему, между прочимъ, было поручено составить для государя краткій историческій обзоръ крѣпостного права въ Россіи. По мысли Левшина, въ 1857 г. былъ сформированъ особый секретный комитетъ, въ составъ котораго онъ хотя и не вошелъ, но тѣмъ не менѣе разработка основныхъ принциповъ реформы оставалась за нимъ. Въ докладѣ 26 іюля и въ особой запискѣ Левшинъ намѣтилъ общія основанія реформы, проводя ту мысль, что за помѣщиками должно быть сохранено право собственности на землю и что реформа должна проводиться съ большою постепенностью. Когда восторжествовало теченіе, стоявшее за собственность крестьянъ на землю, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ, и за одновременность реформы, Левшинъ составилъ исправленный Ланскимъ и Муравьевымъ проектъ, вылившійся въ формѣ знаменитаго рескрипта Назимову (20 ноября 1857 г.), съ котораго начинается офиціальная исторія освобожденія. Съ этого времени вліяніе Левшина на ходъ реформы стало постепенно падать, пока онъ окончательно не былъ устраненъ отъ дѣлъ подъ предлогомъ командировки для обзора дѣйствій губернскихъ комитетовъ.

Государственная дѣятельность Левшина была отличена многими Высочайшими благодарностями, подарками и орденами, до ордена св. Александра Невскаго включительно, а ученая—званіемъ члена многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, какъ то: Парижскаго географическаго общества (1827 г.), Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи (1828 г.), Парижскаго Азіатскаго общества (1828 г.), Королевскаго датскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ (1836 г.), Одесскаго общества любителей исторіи и древностей (1839 г.), Императорскаго Вольно - экономическаго общества (1840 г.), Московскаго общества сельскаго хозяйства (1845 г.), Русскаго географическаго общества (1847 г.) и др.

Формуляръ о службѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, т. сов. Левшина (хранится въ Импер. Рус. Истор. Обществѣ).— *Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 224.— *Ефронъ*, «Энциклопед. словарь», т. 33, стр. 445. — «Уральскія Войсковыя Вѣдомости», 1875 г., № 2.—«Голосъ», 1868 г., №№ 120, 122.—«Московскія Вѣдомости», 1868 г., № 91.—«Сѣверная Почта», 1868 г., № 92.—С.-Петербургскія Вѣдомости» 1856 г., № 80.

Левшинъ, *Василій Алексѣевичъ*, ст. сов., тульскій помѣщикъ, членъ Вольно-экономическаго общества, родился 6 августа 1746 г., умеръ въ Бѣлевѣ 29 іюля 1826 г. На службу поступилъ въ 1765 г. въ Новотроицкій кирасирскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ первой турецкой кампаніи. Дослужившись до чина поручика, онъ покинулъ военную службу и перешелъ на гражданскую, будучи избранъ судьею въ г. Бѣлевъ. Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ по особымъ порученіямъ къ статсъ-секретарю А. А. Витовтову. Въ 1818 году Левшинъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника.

Левшинъ съ раннихъ лѣтъ имѣлъ склонность къ наукамъ, въ особенности экономическимъ, которая не покидала его и на

старости лѣтъ. Литературная дѣятельность его носитъ главнымъ образомъ переводный характеръ, но кромѣ переводовъ имъ были изданы и оригинальныя произведенія по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Имъ написано также довольно много драматическихъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя въ свое время ставились въ тогдашнихъ театрахъ. Много его статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ — агрономическимъ, экономическимъ, физическимъ и др. помѣщены въ Трудахъ Вольно-экономическаго общества, въ издававшемся въ Москвѣ «Экономическомъ Магазинѣ» и другихъ журналахъ того времени.

По своей литературной дѣятельности Левшинъ познакомился и съ другими литераторами; между прочимъ онъ былъ знакомъ съ А. Т. Болотовымъ, съ которымъ состоялъ въ дружественной перепискѣ, съ Новиковымъ, по порученію котораго переводилъ многія произведенія, съ Карамзинымъ, Ключаревымъ и другими литераторами того времени.

Въ свое время, какъ литераторъ и переводчикъ, онъ пользовался извѣстностью и отличался удивительнымъ трудолюбіемъ. Всѣхъ его сочиненій какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ по экономическимъ, физическимъ, романическимъ и религіозно-нравственнымъ отдѣламъ литературы считается около 90. За свои многочисленные переводные и оригинальные труды онъ былъ избранъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ обществъ, какъ-то: С.-Петербургскаго вольно-экономическаго (1791 г.), С.-Петербургскаго филантропическаго (1804 г.), Общества испытателей природы, основаннаго при Московскомъ университетѣ (1808 г.), С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, науки и художествъ (1818 г.), Московскаго общества сельскаго хозяйства (1821 г.), Королевскаго Саксонскаго экономическаго общества (1795 г.) и Неаполитанской академіи наукъ (1807 г.). Кромѣ того, за тѣ же труды онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 2-й ст. и Владиміра 4-й ст., получилъ отъ государя 5 брильянтовыхъ перстней, а отъ экономическаго общества за рѣшеніе задачъ 17 медалей золотыхъ и 4 серебряныхъ.

Изъ его сочиненій и переводовъ извѣстны слѣдующія: «Визири или очарованный лавиринеъ», повѣсть восточная, 3 ч., перев. съ нѣмец. М. 1779 — 1780 г.; «Утренники влюбленнаго», М. 1779 г.; «Библіотека нѣмецкихъ романовъ», перев. съ нѣмец., 3 ч. М. 1780 г.; «Нравоучительныя повѣсти изъ записокъ дѣвицы Унси» («Город. и дер. библ.» 1785 г., X); «Дворянинъ-слуга и барышня-служанка» (тамъ же, 1786 г., XII); «Мегметъ Али», повѣсть турецкая, перев. съ франц. (тамъ же, 1786 г., XII); «Траянъ и Лида», трагедія въ 5 д. въ стихахъ. Спб. 1780 г.; «Фраскатанка», шутливая музыкальная драма въ 3-хъ д.; съ итальян. Спб. 1780 г.; «Гаррикъ, или англійскій король, сочиненіе, содержащее въ себѣ примѣчанія на драмы и проч., съ историко-критич. замѣчаніями и анекдотами на лондонскіе и парижскіе театры» М. 1781 г.; «Идиллія и пастушескія поэмы Геснера», съ нѣм. М. 1787 г.; «Торжество любви», драма въ 3-хъ д. М. 1787 г.; «Приключенія графовъ Ромфельдовъ» («Гор. и дер. библ., 1786 г., XII); «Вечерніе часы или древнія сказки славянъ древлянскихъ» въ 6 ч. М. 1787 г. Соч. Чулкова (псевдонимъ Л.); «Зеркало для всѣхъ или забавная повѣсть о древнихъ авдеранцахъ, въ которыхъ всякъ знакомыхъ безъ колдовства увидѣть можетъ», 2 ч. Калуга, 1795 г.; «Наида», сказка гр. Гамильтона, перев. съ франц. Спб. Безъ года. «Предопредѣленіе человѣка» — изъ сочиненія Спальдинга, перев. М. 1779 г.; «Димитрія Кантемира, бывшаго князя въ Молдавіи, историческое, географическое и политическое описаніе Молдавіи, съ жизнью сочинителя», перев. съ нѣмец. М., 1789 г.; «Полное наставленіе о строеніи всякаго рода мельницъ водяныхъ, вѣтряныхъ, паровыхъ, также скотскими и человѣческими силами въ дѣйствіе приводимыхъ, по которому каждый можетъ оныя устраивать». Собралъ В. Л. 2 ч. М., 1817 г.; «Полное наставленіе, на гидростатическихъ правилахъ основанное, о строеніи мельницъ каждаго рода: водяныхъ, также вѣтромъ, горячими парами, скотскими и человѣческими силами въ дѣйствіе приводимыхъ, по которымъ каждый хозяинъ можетъ производить»; перев. съ нѣмец., 6 ч. М., 1810—1811 г.; «Естественная исторія для малолѣтнихъ дѣтей». Георга Раффа, перев. съ нѣмец. Изд. I-е и II-ое Спб. 1785 и 1796 г.г. «Пансальвинъ, князь тьмы. Быль? Не быль? Однакожъ и не сказка». Переводъ съ нѣмецкаго, М., 1809 г. Авторомъ этой книги считаютъ Альбрехта, который

написалъ ее въ угоду П. А. Зубову; на нѣмецкомъ языкѣ она появилась въ 1794 году. Въ ней подъ вымышленными именами выведены кн. Потемкинъ, императрица Екатерина II, графиня Брюсъ, графъ Орловъ, гр. Н. И. Панинъ, графъ Румянцевъ и др.; «Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшиныхъ». М., 1812 г. Почти всѣ экземпляры этой книги сгорѣли въ 1812 году во время историческаго московскаго пожара; уцѣлѣли лишь единичные экземпляры; упоминается только въ каталогѣ Чертковской библ. и у Сопикова; «Словарь ручной натуральной исторіи, содержащій исторію, описаніе и главнѣйшія свойства животныхъ, растеній и минераловъ». Переводъ съ франц. 2 ч. М. 1788 г.; «Чудеса натуры, или собраніе необыкновенныхъ и примѣчанія достойныхъ явленій въ цѣломъ мірѣ тѣлъ, азбучнымъ порядкомъ расположенное»; сочиненіе Сигоде-ла-Фона; перев. съ нѣмец. 2 ч. М., изд. I 1788 г. и изд. II—4 ч. 1822—1823 г.; «Врачъ деревенскій, или благонадежное средство лѣчитъ самого себя, также свое семейство, своихъ подчиненныхъ и домашній скотъ лѣкарствами самыми простыми и наскоро составленными. Перев. съ франц. М., 1811 г.; «Новѣйшій и полный конскій врачъ, содержащій въ себѣ: руководство коноваламъ ла-Фоссово, вновь исправленнаго русскаго коновала Эвестова, выписки рецептовъ изъ сочиненій другихъ авторовъ и проч.». Составилъ и издалъ В. Л. 5 ч. Спб. 1819—1820 г.г.; «Псовой охотникъ, или основательное и полное наставленіе о заведеніи всякаго рода охотничьихъ собакъ вообще и особенно: о выдержаніи и обученіи оныхъ, о кормѣ ихъ, о болѣзняхъ, лѣкарствахъ и предохранительныхъ средствахъ отъ оныхъ и проч.». 2 ч. М. 1810 г.; «Карманная книжка для скотоводства, содержащая въ себѣ: опытныя наставленія для содержанія разныхъ домовыхъ животныхъ, воспитыванія оныхъ и лѣченія ихъ обыкновеннѣйшихъ болѣзней простыми домашними средствами». Издалъ В. Л. М. 1817 г.; «Садоводство полное, собранное съ опытовъ изъ лучшихъ писателей о семъ предметѣ». 4 ч. М. 1805—1808 г.; «Опытный садовникъ, или замѣчанія для жителей южныхъ странъ Россіи о садоводствѣ и прочемъ для нихъ полезномъ, съ присовокупленіемъ выписки изъ Шапталева сочиненія объ искусствѣ выдѣлыванія, сбереганія и усовершенствованія виноградныхъ винъ». Издалъ В. Л. Спб., 1817 г.; «Цвѣтоводство подробное, или флора русская, для охотниковъ до цвѣтоводства, или описаніе донынѣ извѣстныхъ цвѣтовъ всякаго рода, съ подробнымъ наставленіемъ для разведенія и содержанія оныхъ, какъ выдерживающихъ нашу зиму на открытомъ воздухѣ долговѣчныхъ и однолѣтнихъ домашнихъ, такъ и иностранныхъ». Собралъ В. Л. М., 1826 г.; «Огородникъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ до сего относящимся, съ приложеніемъ: подробнаго описанія всѣхъ огородныхъ растеній, съ ихъ отродіями, признаками, ихъ врачебными силами, и наставленія, какъ должно оныхъ разводить и содержать». М., 1817 г.; «Календарь повареннаго огорода, содержащій въ себѣ подробное наставленіе для содержанія и произращенія всѣхъ родовъ огородныхъ овощей, кореньевъ и травъ». М. 1810 года; «Всеобщее и полное домоводство, въ которомъ ясно, кратко и подробно показываются способы сохранять и пріумножать всякаго рода имущества, съ показаніемъ силъ обыкновеннѣйшихъ травъ и домашней аптеки, и проч.». Съ франц. 12 ч. М. 1795 г.; «Управитель, или практическое наставленіе во всѣхъ частяхъ сельскаго хозяйства». Перев. съ нѣм. 6 частей. Москва, 1809 — 1810 г.; «Ручная книга сельскаго хозяйства для всѣхъ состояній». Перев. съ нѣмец. 8 частей М., 1802—1804 г.; «Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутренняго домоводства какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей, хозяевъ и хозяекъ». 10 ч. М. 1813—1815 г.г.; «Хозяинъ и хозяйка, или должности господина и госпожи во всѣхъ видахъ и всѣхъ частяхъ, до домоводства относящихся»; соч. Христіана Гермесгаузена; перев. съ нѣмец. 16 ч. М., 1789 г.; «Поваръ королевскій, или новая поварня, приспѣшная и кондитерская для всѣхъ состояній, съ показаніемъ сервированія стола отъ 20 до 60 и больше блюдъ, и наставленіемъ для пріуготовленія разныхъ снѣдей». Перев. съ франц. В. Л., а часть 4-я—его сочиненіе, 4 ч. М., 1816 г.; «Полный винокуръ и дестиллаторъ, или обстоятельное наставленіе къ выгоненію вина и дѣланію разныхъ водокъ, разныхъ ликеровъ, водъ и

и проч.»; соч. Филиппа Врейтенбаха, съ присовокупленіемъ сочиненія Эйтельвейна. Перев. съ нѣмец. 4 ч. М., 1804—1805 г.; «Экономическій и технологическій магазинъ для художниковъ, заводчиковъ, фабрикантовъ, мануфактуристовъ и ремесленниковъ; также для городскихъ и сельскихъ хозяевъ и хозяекъ, любителей садовъ, цвѣтоводства и проч.». 8 ч. М. 1814—1815 г.г.; «Русскій полный фабрикантъ и мануфактуристъ». 3 ч. М., 1812 г.; «Красильщикъ, или обстоятельное наставленіе въ искусствѣ крашенія суконъ, разныхъ шерстяныхъ, шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ и льняныхъ тканей, пряжи и проч.»; 4 ч. М., 1819 года; «Красочный фабрикантъ, или наставленіе для составленія всякаго рода красокъ, служащихъ для разной живописи, разнаго рода украшенія и расписыванія на маслѣ и другихъ веществахъ». М., 1824 г.; «Совершенный егерь, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и прочей полевой охотѣ, съ приложеніемъ полнаго описанія о свойствѣ, видѣ и расположеніи всѣхъ обитающихъ въ Россійской Имперіи звѣрей и птицъ». Перев. съ нѣмец. 3 ч. Спб. 1779 г.; «Книга для охотниковъ до звѣриной, птичьей и рыбной ловли, также до ружейной стрѣльбы». 4 ч. М. 1810—1814 г.г.; «Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія празднаго времени». М., 1773 г.; «Словарь натуральнаго волшебства, въ которомъ много полезнаго и пріятнаго изъ естественной исторіи, естественной науки и магіи азбучнымъ порядкомъ предложено». Перев. съ нѣмец. 2 ч. М., 1795 г.; «Словарь коммерческій, содержащій: познаніе о товарахъ всѣхъ странъ, названіяхъ вещей главныхъ и новѣйшихъ, относящихся до коммерціи, также до домостроительства; познаніе художествъ, рукодѣлій, фабрикъ, рудныхъ дѣлъ, красокъ, пряныхъ зелій, травъ, дорогихъ камней и проч.»; перев. съ франц. В. Л. М., 1787—1792 г.г.; «Поваренный календарь, или самоучитель повареннаго искусства, содержащій наставленіе къ приготовленію снѣдей на каждый день въ году, для стола домашняго и гостинаго». 6 ч. Спб. 1808 г.; «Труды Василія Левшина». 2 ч. М., 1796 г.; «Труды Василія Левшина и Ивана Фр. Керцелія на 1793 г.». Калуга, 1793 г.; «Гарстлей и Флоринчи», драма въ 5 дѣйств. М., 1787 г.; «Жизнь князя Потемкина». 2. ч. Спб. 1811 г.; «Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни графа Суворова». М. 1809 г.; «Жизнь графа Шереметева» Спб. 1808 г.; «Жизнь Нельсона», соч. Вуейта; съ нѣм. 2 ч. Спб. 1807 г.; «Посланіе русскаго къ французолюбцамъ вмѣсто подарка на новый 1807 г.» Спб.; «Слуга двухъ господъ», ком. съ франц. Спб. 1805 г.; «Графъ Вольтронъ», ком. Коцебу. М. 1803 г.; «Ода императору Александру на день коронованія». М. 1801 г.; «Открытыя тайны древнихъ магиковъ и чародѣевъ, или волшебныя силы натуры, въ пользу и увеселеніе употребленныя». Галле; съ нѣмец. 6 ч. М. 1798—1804 г.г.; «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», ком. въ 3-хъ д., М. 1791 г.; «Сильванъ», лирич. ком. въ 1 д., съ франц. М. 1788 г.; «Юлія», лирическ. ком. (Монвиля), съ франц. М. 1789 г.; «Бѣглецъ», драма Седена, съ франц. Калуга. 1793 г.; «Король на охотѣ», комич. опера въ 3 д. Калуга, 1793 г.; «Свадьба г. Волдырева», комич. опера въ 1 д. Калуга, 1793 г.; «Своя ноша не тянетъ», комич. опера въ 2 д. Калуга, 1794 г.; «Мнимые вдовцы», комич. опера въ 3 д. Калуга, 1794 г.; «Обрадованная Калуга и Тула, на случай прибытія его высокопревосходительства Евгенія Петровича Кашкина, 1793 г. въ декабрѣ», прологъ, 1794 г. и «Основанія сельскаго хозяйства», А. Таера, 2 ч. М. 1828 г.

Евгеній, митроп., «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», ч. 2, стр. 5—6.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина».—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», стр. 224 - 227. — «Сѣверная Пчела» 1826 г., № 106.—«Москвитянинъ» 1843 г., № 5.

Левшинъ, *Владиміръ Дмитріевичъ*, д. с. с., Ярославскій губернаторъ, родился въ 1834 г., умеръ въ Ярославлѣ 2 апрѣля 1887 г. Государственную службу Левшинъ началъ въ 1851 г. по вѣдомству государственныхъ имуществъ, затѣмъ въ 1856 г. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но въ 1868 г. вернулся въ прежнее вѣдомство и получилъ мѣсто управляющаго государственными имуществами въ Пермской губерніи. Вскорѣ затѣмъ въ 1870 г. онъ былъ назначенъ на постъ вице-губернатора въ Самарскую губернію и въ 1872 г. переведенъ на тотъ же постъ въ Воронежъ. Въ 1876 г. Левшинъ получилъ назначеніе начальника Уфимской губ., а въ 1880 г. переведенъ былъ на ту же дол-

жность въ Ярославскую губ., въ каковой должности и скончался. Представители мѣстной науки, особенно по предметамъ исторіи и археологіи, находили сочувствіе и поддержку въ Левшинѣ. Благодаря Левшину, въ старомъ Ростовѣ была открыта знаменитая «Бѣлая Палата», привлекавшая многочисленныя сокровища, и основанъ въ Ярославлѣ, по мысли Ев. Ив. Якушкина, историко-археологическій музеумъ. Имъ же, совмѣстно съ Е. К. Огородниковымъ, изданы «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи», составленные и изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ (XLIV, Тульская губернія. СПБ. 1862 г.).

«Новое Время» 1887 г., № 4007. —«Московскій Листокъ», 1887 г., № 94.— «Московскія Вѣдомости», 1887 г., № 117. — *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 44.

Левшинъ, *Дмитрій Сергѣевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, происходилъ изъ дворянъ Слободско-Украинской губерніи, родился въ 1801 г., умеръ въ Эмсѣ 1 іюля 1871 г. Воспитаніе получилъ въ школѣ колонновожатыхъ при Муравьевѣ, откуда въ 1820 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ свиту Его Величества. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 4-й пѣхотной дивизіи, а въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ турецкой войнѣ. Состоя въ рядахъ 2-го пѣхотнаго корпуса, онъ въ кампанію 1828 г. участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Силистріи. Во время рекогносцировки пути въ Шумлу былъ раненъ пулею въ бокъ, и, несмотря на полученную рану, привелъ обратно состоявшую при немъ команду казаковъ. Въ войну 1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ, кромѣ исполненія различныхъ возлагавшихся на него порученій, Левшинъ принималъ участіе въ штурмѣ Варшавы. Послѣ войны онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 6-ой кавалерійской дивизіи, а въ 1841 г., уже въ чинѣ полковника—исправляющимъ должность квартирмейстра, сначала 6-го пѣхотнаго корпуса, а затѣмъ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса. Въ 1844 г. Левшинъ назначенъ былъ въ число штабъ-офицеровъ, состоявшихъ при военномъ министрѣ и генералъ-квартирмейстерѣ главнаго штаба Его Величества. Произведенный въ 1849 г. въ ген.-маіоры, онъ командированъ былъ съ особымъ порученіемъ въ Сербію для разрѣшенія недоразумѣній, возникшихъ у нея съ австрійскимъ правительствомъ. По возвращеніи изъ Сербіи Левшинъ былъ назначенъ инспекторомъ баталіоновъ, полубаталіоновъ и ротъ военныхъ кантонистовъ, а по преобразованіи послѣднихъ въ училища военнаго вѣдомства—директоромъ ихъ. Въ этомъ преобразованіи Левшинъ принималъ весьма дѣятельное участіе, за что удостоился получить Монаршее благоволеніе и орденъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами. Въ 1857 г. онъ произведенъ былъ въ ген.-лейт., въ слѣдующемъ году назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, а въ 1863 г. переведенъ на ту же должность въ Московскій округъ. По увольненіи отъ послѣдней должности онъ былъ назначенъ въ члены комитета о раненыхъ и въ этой должности скончался.

«Русскій Инвалидъ» 1871 г.,№ 219.—«Иллюстрированная Газета» 1871 г., №№ 32, 40.

Левшинъ, *Ираклій Алексѣевичъ*, лейтенантъ, образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1783 году. Въ 1786 г. онъ былъ произведенъ въ гардемарины и въ слѣдующемъ году находился въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1788 г. на кораблѣ «Мечеславъ» онъ принялъ участіе въ Гогландскомъ сраженіи, послѣ чего крейсеровалъ съ флотомъ у Гельсингфорса. Осенью на томъ же кораблѣ перешелъ въ Копенгагенъ и поступилъ въ эскадру вице-адмирала Фондезина. Произведенный въ 1789 г. въ мичманы, Левшинъ на томъ же кораблѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Козлянинова, перешелъ изъ Копенгагена въ Ревель, а въ 1790 г. на кораблѣ «12 апостоловъ» участвовалъ въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Въ 1793 г. онъ получилъ чинъ лейтенанта и тогда же на кораблѣ «Борисъ» плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Въ 1794 г. Левшинъ былъ назначенъ командиромъ бота «Юнгъфрау Марія» на Кронштадтскомъ рейдѣ, а въ 1797 г. — оберъ-провіантмейстеромъ въ Кронштадтѣ.

Общій морской списокъ, ч. IV, стр. 228.

Левшинъ 2-й, *Левъ Иракліевичъ*, генер.-маіоръ, членъ полевого аудиторіата войскъ Варшавскаго военнаго округа, родился въ 1806 г. По окончаніи первоначальнаго образованія въ Тульскомъ Александровскомъ дворянскомъ военномъ

училищѣ онъ былъ выпущенъ въ 1823 г. прапорщикомъ Литовской гренадерской артиллерійской бригады. Во время дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ 1830—1831 гг. Левшинъ нѣсколько разъ оказывалъ особыя отличія. Затѣмъ въ теченіе 18 лѣтъ занималъ разныя должности и въ 1859 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ западнаго артиллерійскаго округа. Въ 1863 г. онъ во время вспыхнувшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ былъ варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а въ слѣдующемъ затѣмъ году членомъ полевого аудиторіата. Скончался Левшинъ въ Варшавѣ 18-го ноября 1871 г.

«Иллюстрированная Газета» 1871 г., № 48.

И. Артамонова.

Левшинъ, *Николай Гавриловичъ*, авторъ записокъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Домашній памятникъ», родился въ Москвѣ 2-го января 1788 г. въ извѣстной въ то время дворянской семьѣ. Военную службу онъ началъ въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку, будучи записанъ, по обычаю того времени, еще съ младенчества. Въ 1805 г. Левшинъ сдѣлалъ походъ въ Австрійскія владѣнія и принималъ участіе въ сраженіи 20-го ноября у мѣстечка Аустерлица, а спустя два года—въ Пруссію, гдѣ при селеніи Ломиттенъ былъ раненъ въ грудь. Въ виду этой раны въ 1810 г. онъ былъ уволенъ со службы, награжденный орденомъ Анны 3-ей ст. и золотою шпагой «за храбрость». Въ 1812 г., когда Наполеонъ двинулся на Россію, Левшинъ счелъ себя обязаннымъ вступить въ ряды дѣйствующей арміи. Онъ поступилъ въ пензенское ополченіе и находился на службѣ по 1814 годъ. Выйдя снова въ отставку, онъ поселился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Введенскомъ, Орловской губ., гдѣ и скончался въ 1845 г.

«Домашній Памятникъ» Левшинъ началъ писать много лѣтъ спустя по выходѣ въ отставку, а именно въ 1840г., какъ это видно изъ помѣтки въ заголовкѣ первой тетрадки. Въ этомъ трудѣ, писанномъ авторомъ по воспоминаніямъ, есть много характерныхъ чертъ изъ жизни дворянъ того времени, и въ этомъ смыслѣ онъ представляетъ большой интересъ, хотя авторъ главное вниманіе удѣлилъ, такъ сказать, генеологіи своего рода. «Тетради моего «Домашняго Памятника» не могутъ быть занимательны для чуждаго мнѣ человѣка», говоритъ Левшинъ въ предисловіи, хотя и сообщаетъ далѣе, что для любителя старины его трудъ не лишенъ интереса, какъ вполнѣ правдивый и обнимающій время почти отъ рожденія автора до начала 50-хъ годовъ. Записки Левшина были доставлены сыномъ его въ редакцію «Русской Старины» въ 1873 г., когда и были напечатаны въ іюльской книжкѣ. Къ сожалѣнію, въ «Домашнемъ Памятникѣ» въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ доставленъ въ редакцію, чувствуются большіе пробѣлы, такъ какъ многія тетради записокъ были впослѣдствіи утеряны и не попали въ печать. Позднѣе, въ 1876 г., была доставлена одна тетрадка изъ «Домашняго Памятника», но она обнимаетъ всего лишь часть 1807 года.

Отмѣтимъ, что этимъ «Памятникомъ», какъ матеріаломъ для исторіи русскаго общества начала XIX ст., пользовались нѣкоторые писатели, какъ напр. Дубровинъ и др.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.—«Рус. Старина» 1873 г., кн. 3, стр. 823; 1876 г., т. 16, стр. 57—72; 1899 г., январь, стр. 29 и февраль, стр. 243, 255.—«Рус. Архивъ», 1874 г., кн. I, стр. 531 и 578; кн. II, стр. 577; 1877 г., кн. III, стр. 87; 1890 г., кн. I. стр. 81.

Ал. Ель-ій.

Левшинъ, *Николай Яковлевичъ*, врачъ-писатель, к. сов., родился въ 1836 году; съ 1861 по 1872 г.г. состоялъ уѣзднымъ врачемъ, а въ 1873 г. былъ назначенъ помощникомъ врачебнаго инспектора. Скончался онъ 1874 году. Ему принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: 1) «Къ судебно-медицинской казуистикѣ» («Арх. Суд. Мед.» 1868 г., 2, II, 36—44); 2) «Случаи изъ суд.-медиц. практики» (тамъ же, 1871 г., 3, II, 58—74); 3) «Суд.-психіатр. казуистика» (тамъ-же, 4, II, 60—67) и 4) «Приготовленіе коровьяго кумыса» («Здоровье», 1874 г. и 1875 г.г., 7).

Л. Ѳ. Зиѣевъ, «Русскіе врачи - писатели», т. 4, стр. 196.

Левшинъ, *Павелъ Ѳедуловичъ*, ген.-лейт., сынъ надвор. сов. Ѳедула Ивановича отъ второго брака его съ Анной Гавриловной Бѣлкиной, родился послѣ смерти своего отца, въ іюнѣ 1757 г. Тринадцати лѣтъ Левшинъ поступилъ на военную службу въ Семеновскій полкъ капраломъ, но только въ 1783 г. произведенъ

былъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году послѣдовало производство его въ подпоручики; еще черезъ годъ Левшинъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ, а въ 1789 г. произведенъ въ капитанъ-поручики. Черезъ два года, 1 января 1791 г., въ чинѣ арміи полковника онъ былъ отставленъ отъ службы, къ которой однако снова вернулся въ 1792 г., занявъ должность оберъ-штеръ-кригскомиссара въ Главномъ Кригсъ-комиссаріатѣ. Въ томъ же году ему пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Въ 1794 г. Левшинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1798 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., а въ 1799 г. одновременно съ чиномъ генералъ-лейтенанта получилъ орденъ св. Анны 1 ст. Въ 1800 г. императоръ Павелъ пожаловалъ его почетнымъ командорствомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и въ томъ же году при выходѣ въ отставку подарилъ ему 5000 десятинъ въ Саратовской губерніи. Послѣдніе годы жизни Левшинъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался 8 августа 1809 г.

Вмѣстѣ съ братомъ Левшинъ въ 1791 г. предоставилъ В. А. Левшину средства для изданія «Книги родословной благородныхъ дворянъ Левшиныхъ».

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, Спб., 1907 г., т. V, №№ 121, 122.

А. Г.

Левъ (*Заленскій*—по уніатскому счисленію Левъ I), уніатскій митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси; род. въ Волыни въ серединѣ XVII столѣтія, сконч. во Владимірѣ 21 іюля 1708 г. Происходилъ изъ польскихъ дворянъ Заленскихъ. Вступилъ въ базиліанскій орденъ въ Супрасльскомъ монастырѣ, затѣмъ отправился учиться за границу, въ Ольмюцъ и Римъ. По окончаніи образованія вернулся въ Литву и поселился въ Жировицахъ. Въ концѣ 1676 г. онъ присутствовалъ на 1-мъ Гродненскомъ сеймѣ, а въ 1677 г. сдѣлался епископомъ Владимірскимъ, послѣ кратковременнаго коадъюторства у своего предшественника. Въ 1679 г. Левъ былъ рукоположенъ въ епископы; въ 1693 г. онъ присутствовалъ на сеймѣ Варшавскомъ, а 15 ноября того же года сдѣлался администраторомъ уніатской митрополіи, при чемъ продолжалъ завѣдывать Владимірской епархіей и, кромѣ того, былъ назначенъ епископомъ Полоцкимъ. 12 октября 1695 г. онъ заступилъ мѣсто умершаго митрополита Жоховскаго и получилъ митрополичій санъ, сохранивъ за собой всѣ прежнія должности. Левъ Заленскій вполнѣ подчинялся вліянію базиліанъ; 26 августа 1698 г. онъ согласился на требованіе ихъ, чтобы назначать епископовъ только изъ членовъ ихъ ордена, хотя въ душѣ и не любилъ ихъ. Во время неурядицъ въ Польшѣ, порожденныхъ сначала выборами короля, а затѣмъ шведскою войною, церковь нуждалась въ энергичномъ представителѣ. Левъ Заленскій не обладалъ энергіею и не умѣлъ соблюдать порядка въ своей митрополіи. Въ іюлѣ 1705 г. Петръ Великій, слыша постоянныя жалобы полоцкаго православнаго населенія на притѣсненія уніатскаго духовенства, занялся разслѣдованіемъ этого дѣла; онъ потребовалъ къ себѣ на судъ и наказалъ двухъ особенно фанатичныхъ католическихъ епископовъ и суперіора Полоцкаго монастыря, равно какъ и другихъ лицъ, уличенныхъ въ звѣрскихъ притѣсненіяхъ православныхъ. Затѣмъ Петръ Великій потребовалъ къ себѣ на судъ и уніатскаго митрополита, допустившаго эти притѣсненія и насильственное обращеніе православныхъ въ унію. Тогда Левъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и умеръ 21 іюля 1708 г.

Harusiewicz, «Annales Ecclesiae Ruthenae», стр. 249.—*Kulczynski*, «Specimen Ecclesiae Ruthenicae», Римъ, 1733 г., 135, 137.—«Волын. Епарх. Вѣд.», 1867 г., №№ 3, 9; 1873 г., № 9.—«Прибавленіе къ описанію Софійскаго собора», стр. 265.—«Ученыя запис. 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ», кн. 3, 1856 г.—«Encyklopedyia Powszechna», т. 28, стр. 232—236.

Б. Г.

Левъ (*Кишка*—по уніатскому счисленію Левъ II), уніатскій митрополитъ Кіевскій, ум. въ 1728 г. во Владимірѣ. По окончаніи образованія поступилъ въ базиліанскій орденъ. Въ 1703 г. онъ сдѣлался протоархимандритомъ «Congregationis Lituanae», а въ 1713 г. уніатскимъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ. Будучи протоархимандритомъ базиліанъ, Левъ снискалъ себѣ любовь и расположеніе ордена, такъ что званіе протоархимандрита было оставлено за нимъ и послѣ возведенія его во Владимірскіе епископы, хотя это противорѣчило законамъ ордена, но затѣмъ, подъ вліяніемъ твореній митрополита Поцѣя, ревностнаго врага базиліанъ, Левъ пришелъ къ мысли, что орденъ

базиліанъ сгубитъ унію, началъ упорную борьбу съ орденомъ и стремился всѣми мѣрами его ослабить. Въ цѣляхъ этой борьбы онъ прежде всего уменьшилъ число неповиновавшихся ему уніатскихъ базиліанскихъ архимандритовъ, назначалъ на всѣ церковныя должности или преданныхъ себѣ людей, или самыхъ дурныхъ представителей ордена, сознательно, съ намѣреніемъ вредить ордену въ глазахъ папы и всей церкви; онъ пересталъ считать обязательными постановленія базиліанской Троицкой конгрегаціи и 6 сентября 1720 г. созвалъ въ противовѣсъ ей другую, постановленія которой объявилъ обязательными для всей церкви. Базиліане боролись противъ этого, искали помощи и въ Римѣ, но Левъ продолжалъ свою политику. Онъ преслѣдовалъ базиліанскія школы, какъ, напримѣръ, Владимірскій коллегіумъ, которому не давалъ помѣщенія въ своемъ городѣ. Ослабляя представителей ордена и унижая ихъ всячески, Левъ въ то же время возвышалъ бѣлое духовенство, заботился о его образованіи, строилъ школы, жертвовалъ на нихъ и т. д. Опасаясь, чтобы послѣ его смерти базиліане не погубили все его дѣло и не уничтожили бы всѣхъ его приверженцевъ, Левъ пожелалъ еще при жизни имѣть при себѣ коадъютора «cum futura successione», намѣреваясь выбрать для этой должности епископа одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ. Противъ этого назначенія возстали базиліане, доказывая, что такое избраніе противозаконно. Однако послѣ смерти Льва митрополитомъ сдѣлался предназначенный имъ для каѳедры его коадъюторъ. Вся вообще дѣятельность Льва была тѣсно связана съ его борьбой противъ ордена. Стараясь поднять образованіе среди бѣлаго духовенства уніатской церкви, слабымъ мѣстомъ котораго было невѣжество, Левъ выстроилъ училище въ Оранщизнѣ и составилъ планъ семинаріи для бѣлаго духовенства; въ 1719 г. онъ подписалъ 90 тысячъ злотыхъ на уніатскій Зимненскій монастырь и семинарію; въ 1720 г. на созванномъ имъ Замойскомъ соборѣ Левъ убѣждалъ нунція, чтобы литовская область обязалась ежегодно вносить извѣстную сумму въ Львовскую семинарію для содержанія воспитанниковъ изъ бѣлаго духовенства. Это предложеніе не прошло на соборѣ, вслѣдствіе противодѣйствія базиліанъ. Для удобства духовенства изъ русскихъ, а также отчасти назло ордену, Левъ вмѣсто разговорнаго латинскаго языка объявилъ господствующимъ русскій и самъ издалъ въ Супрасльскомъ монастырѣ «Лексиконъ, сирѣчь словеси Словенскіи»; затѣмъ издалъ объемистую книгу, заключающую въ себѣ разсмотрѣніе всѣхъ наиболѣе животрепещущихъ богословскихъ вопросовъ того времени, подъ названіемъ «Собраніе припадковъ (или случаевъ)» и т. д. Эта книга была имъ разослана по всей митрополіи. Она составлена въ чисто уніатскомъ духѣ, съ признаніемъ главенства папы, но въ ней нѣтъ базиліанскихъ нововведеній. Бѣлое духовенство и народъ въ значительной степени поддались вліянію Льва и примкнули къ нему противъ базиліанъ; Львовское братство также выразило свое неудовольствіе по поводу дѣйствій базиліанъ. Левъ, исключительно преданный уніи, естественно былъ врагомъ и православной церкви. Съ 1718 по 1722 г. Кіевская митрополія оставалась безъ православнаго епископа, и за это время Левъ успѣлъ открыто установить на Замойскомъ соборѣ обязательность уніи для всѣхъ русскихъ провинцій, оставшихся за Польшей, уничтожить всѣ православныя епископіи и занять уніатскимъ духовенствомъ всѣ польскіе монастыри и приходскія церкви. Оставшіеся православными епископы были отягчены податями или лишены владѣній; православные міряне этихъ областей были насильно обращаемы въ унію; при этомъ не обошлось безъ насилій и мученій. Все это вынудило Петра Великаго 4 іюня 1720 г. обратиться къ королю польскому съ меморандумомъ объ этихъ гоненіяхъ; «также по воеводствамъ и уѣздамъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ѣздитъ митрополитъ уніатскій, зовомый Кишка—говорилось въ меморандумѣ—и, съ согласія тамошней шляхты ксендзовъ уніатовъ, греческаго исповѣданія духовныхъ и мірскихъ насильно принуждаетъ въ унію». На это послѣдовалъ указъ короля Августа II 28 ноября 1720 г. о свободѣ греческаго исповѣданія.— Левъ Кишка былъ ученымъ теологомъ и языковѣдомъ. Первое его произведеніе «O sakramentach» появилось въ 1697 г. Будучи епископомъ, Левъ издалъ проповѣди Поцѣя, подъ названіемъ: «Kazania i Homilije męża Bożego, niesmiertelnej sławy i pamięci Hipatisza Pocieja» (Suprasl. 1714 г.). Это изданіе вышло впослѣд-

ствіи вторично подъ заглавіемъ: «Obrona wiary swiętej katolickiej. Kazania»... etc. (Suprasl. 1768 г.). Левъ написалъ подробный отчетъ о дѣятельности Замойскаго собора; онъ былъ изданъ въ 1724 г. въ Римѣ подъ заглавіемъ: «Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamosciae A. D. 1720 г.». Кромѣ того, Льву принадлежатъ различныя проповѣди и много писемъ по различнымъ богословскимъ вопросамъ въ Римъ и къ епископамъ уніатскимъ.

Крачковскій, «Очерки уніатской церкви».— *Бантышъ-Каменскій*, «Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи», 1866 г.—*Harusiewicz*, «Annales Ecclesiae Ruthenae», 1862 г.—*Kulszynski*, «Specimen Ecclesiae Ruthenicae», 1731 г. — «Православное Обозрѣніе» 1874 г., № 5.—«Волын. Епарх. Вѣд.» 1867 г., №№ 5, 9. — «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. Прибавленіе къ описанію Софійскаго собора» etc., стр. 265.

Б. Г.

Левъ (*Людовикъ Шептицкій*), уніатъ, епископъ Львовскій, Галицкій и Каменецъ-Подольскій, потомъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси, родился въ Перемышлѣ 23 августа 1717 г.; начальное образованіе получилъ въ Львовѣ, въ папской коллегіи, затѣмъ, принявъ духовный санъ, изучалъ богословіе въ Назарейской коллегіи въ Римѣ и въ Academia Ecclesiastica и совершенствовался въ языкахъ и юриспруденціи. Хорошо изучивъ свѣтское и церковное право, Шептицкій еще въ молодыхъ годахъ получилъ въ Римѣ степень доктора философіи, а по возвращеніи на родину вступилъ въ орденъ базиліанъ, принявъ имя Льва. По волѣ своего дяди, митрополита Аѳанасія Шептицкаго, онъ тогда же назначенъ былъ его духовникомъ и оставался въ этой должности до 1743 г., когда опредѣленъ былъ архимандритомъ Мельницкаго уніатскаго монастыря на Волыни во владѣніяхъ Сангушки. Въ этомъ санѣ 9 марта 1748 г. Левъ Шептицкій, по непосредственному выбору короля, назначенъ былъ кандидатомъ на Львовскую епископскую каѳедру и 14 мая 1749 г. епископомъ Владиміро-Волынскимъ Годебскимъ рукоположенъ во епископа Львовскаго, Галицкаго и Каменецъ-Подольскаго. Вступивъ въ управленіе епархіей, Шептицкій сдѣлался энергичнымъ поборникомъ правъ и фундушей уніатской церкви; произвелъ нѣкоторыя церковныя реформы въ духѣ католичества; старался повысить уровень просвѣщенія въ духовной средѣ, назначая, между прочимъ, на должности священнослужителей только лицъ, получившихъ богословское образованіе; хлопоталъ и объ улучшеніи матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства; построилъ въ Львовѣ епископскій домъ; заботился о развитіи Львовскаго коллегіума. Всѣ эти начинанія Шептицкаго, особенно его церковныя реформы, встрѣчены были враждебно ставропигіальной церковью; подстрекаемый къ тому же папскимъ нунціемъ, епископъ Левъ вступилъ съ нею въ продолжительную борьбу, которая закончилась только къ 1757 г., главнымъ образомъ благодаря уступчивости и незлобію самаго Шептицкаго. Около этого же времени передъ нимъ открылась уже дорога къ высокимъ почестямъ. Въ іюлѣ 1762 г. Львовскій епископъ былъ избранъ коадъюторомъ Кіевскаго митрополита Володковича и въ декабрѣ того же года утвержденъ въ этомъ санѣ папою Климентомъ XIII, а осенью слѣдующаго 1763 г. въ Львовской церкви св. Георгія состоялась торжественная церемонія присяги епископа на вѣрность папскому престолу. Дальнѣйшему возвышенію Шептицкаго много способствовала и его знатная родня; родной братъ его, каштелянъ Перемышльскій, засѣдалъ въ сенатѣ и имѣлъ доступъ ко двору короля Станислава-Августа; благодаря ему и Левъ Шептицкій часто бывалъ при дворѣ и, какъ представитель русской церкви въ Рѣчи Посполитой, принималъ участіе на коронаціонныхъ торжествахъ наряду съ латинскимъ духовенствомъ. Въ 1767 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Станислава. Въ слѣдующемъ 1768 г. престарѣлый митрополитъ Володковичъ передалъ ему всѣ дѣла по управленію Кіевской митрополіей, предоставивъ ему такимъ образомъ возможность расширить кругъ его дѣятельности, направленной и теперь главнымъ образомъ на возвышеніе уніи въ королевствѣ, при чемъ наиболѣе сильное сопротивленіе пришлось теперь встрѣтить Шептицкому со стороны ордена базиліанъ, претендовавшаго на исключительное право занимать высшія духовныя должности и на земельныя владѣнія уніатскихъ епископій. Борьба, начавшаяся еще въ 60-хъ годахъ, велась очень энергично съ той и другой стороны; но ни епископъ, ни базиліане не могли представить достаточныхъ основаній для своихъ требованій, а король, очевидно, былъ на сторонѣ Шеп-

тицкаго. Политическія событія, предшествовавшія первому раздѣлу Польши, а затѣмъ и переходъ Галиціи къ Австріи—пріостановили эту борьбу.—Въ 1775 г. король пожаловалъ Шептицкому Орденъ Бѣлаго Орла, а 2 февраля 1778 г., послѣ смерти Володковича, коадъюторъ его самъ вступилъ на Кіевскую митрополію, получивъ при этомъ, согласно обычаю, и санъ архимандрита Печерскаго. Самое назначеніе Шептицкаго на Кіевскую митрополію состоялось въ Варшавѣ. Отправившись отсюда въ январѣ слѣдующаго 1779 г. на Украйну для личнаго осмотра своей митрополіи, Шептицкій остановился на праздникъ св. Троицы въ городѣ Радомыслѣ и здѣсь скоропостижно скончался въ ночь съ 24 на 25 мая 1779 года.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1867 г., т. 24, стр. 623—627.—«Gazeta Warszawska», 1776 г., № 51.—*Бантышъ-Каменскій*, «Истор. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи».—*Крачковскій*, «Очерки уніатской церкви».

А. Г.

Левъ (*Лаврентій Юрловъ*), епископъ Воронежскій, сынъ нижегородскаго дворянина Михаила Матвѣевича Юрлова, родился около 1678 года въ отцовскомъ имѣніи, селѣ Семовѣ Курмышскаго (нынѣ Макарьевскаго) уѣзда, Нижегородской епархіи, скончался 28 января 1755 г. 77-ми лѣтъ отъ роду. Въ юныхъ годахъ онъ лишился своихъ родителей и былъ взятъ на воспитаніе бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ. Воспитаніе и образованіе Лаврентій Михайловичъ получилъ домашнее; вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Троекуровымъ онъ участвовалъ волонтеромъ въ двухъ походахъ подъ Азовъ и въ походѣ подъ Ругодивъ (Нарву) въ 1701-мъ году. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. Лаврентій Юрловъ состоялъ пажемъ при вдовствующей царицѣ Маріѣ Матвѣевнѣ Апраксиной († 15 дек. 1715 г.), второй супругѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, умершаго въ 1682 году. Во время службы при Дворѣ въ жизни его произошли какія-то невыясненныя роковыя обстоятельства, и онъ долженъ былъ покинуть придворный кругъ и удалиться въ монастырь. 23-хъ лѣтнимъ юношей онъ отправился для предварительнаго испытанія въ Троицкій Сергіевъ монастырь, гдѣ и пребывалъ при архимадритахъ Иларіонѣ Властелинскомъ (1701—1704) и Сильвестрѣ Холмскомъ (1704 — 1708) подъ ближайшимъ руководствомъ монастырскаго духовника іеромонаха Георгія Дашкова, нѣкогда бывшаго сподвижникомъ Шейна подъ Азовомъ, по его собственнымъ словамъ, «лѣтъ съ десять или менѣе», откуда, вѣроятно около 1711 года, былъ посланъ строителемъ въ Астраханскій Троицкій монастырь, гдѣ, по его же словамъ, и постриженъ въ монашество съ именемъ Льва духовникомъ того монастыря іеромонахомъ Іоасафомъ, а въ 1715 г. митрополитомъ Астраханскимъ и Терскимъ Сампсономъ посвященъ въ іеродіаконы и затѣмъ и въ іеромонахи. Въ 1716 году іеромонахъ Левъ переведенъ былъ строителемъ въ Астраханскій же Спасо-Преображенскій монастырь, а въ 1718 г. перешелъ въ Донской монастырь; изъ этого монастыря, по приглашенію Георгія Дашкова, онъ переѣхалъ въ Ростовъ. Однако вскорѣ іеромонахъ Левъ былъ опредѣленъ въ число братства Александро-Невскаго монастыря, откуда взятъ былъ во флотъ на корабль «Ангутъ», а по окончаніи кампаніи Высочайшимъ Именнымъ указомъ въ 1720 г. опредѣленъ архимандритомъ въ Переяславль Рязанскій, въ Горицкій монастырь. Въ томъ же 1720-мъ году онъ подписалъ въ числѣ другихъ настоятелей монастырей «Духовный Регламентъ». Въ 1724-мъ году, по доношенію изъ приказа Иностранныхъ Дѣлъ, архимандритъ Левъ попалъ подъ судъ и слѣдствіе за растрату казеннаго имущества Астраханскаго Троицкаго монастыря и до изслѣдованія дѣла отрѣшенъ былъ отъ настоятельства опредѣленіемъ Св. Синода отъ 29 января, съ тѣмъ, чтобы имѣлъ пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ, но 20 мая того же 1724 года по случаю совершившагося 7 того же мая коронованія императрицы Екатерины I, въ торжествѣ котораго архимандритъ Левъ участвовалъ по вызову Св. Синода, вина его была прощена и ему повелѣно было быть попрежнему архимандритомъ въ Горицкомъ монастырѣ. Съ этого же года начинается энергичная борьба архимандрита Льва съ Монастырскимъ приказомъ изъ-за монастырскихъ вотчинъ. По порученію Монастырскаго приказа, канцеляристъ Кожинъ, въ 1724 году, въ отсутствіе и противъ воли архимандрита Льва, вывезъ на подводахъ оставленный на пищу братіи хлѣбъ. Посланные архимандритомъ Львомъ въ погоню люди застигли обозъ съ монастырскимъ хлѣбомъ въ 70-ти верстахъ

отъ монастыря; хлѣбъ былъ возвращенъ: мука была употреблена въ братскій расходъ, а овесъ на посѣвъ. Монастырскій приказъ усмотрѣлъ въ этомъ «неумѣренную продерзость» и «презрѣніе Его Императорскаго Величества указу» и донесъ Св. Синоду. Св. Синодъ послалъ допросные пункты архимандриту Льву, который и далъ на нихъ свои отвѣты. 7 іюля 1725 года Монастырскій приказъ потребовалъ изъ заопредѣленныхъ Горицкаго монастыря вотчинъ 50 четвертей ржи для отсылки на посѣвъ въ заопредѣленныя вотчины Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, но архимандритъ Левъ отвѣтилъ отказомъ и протестомъ въ рѣзкой формѣ, послѣдствіемъ чего была передача Каморъ-Конторою (въ которую былъ преобразованъ Монастырскій приказъ 29 декабря 1724 года) въ сентябрѣ 1725 года заопредѣленныхъ вотчинъ Горицкаго монастыря въ управленіе комиссару Ярославской провинціи Артемію Лаптеву. Въ 1726 году архимандритъ Левъ съ братіею просили Св. Синодъ возвратить означенныя вотчины попрежнему въ непосредственное вѣдѣніе Горицкаго монастыря, но рѣшеніе Синода по этому дѣлу неизвѣстно. Въ 1725 году Левъ участвовалъ въ церемоніи погребенія Петра I, а 4-го іюня того же года состоялось опредѣленіе Синода о вызовѣ его на чреду священнослуженія и для присутствованія въ засѣданіяхъ Синода на 1726 годъ. Постановленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта на докладѣ Св. Синода отъ 17 мая 1727 г., утвержденнымъ резолюціею императора Петра II, архимандритъ Левъ назначенъ былъ епископомъ на Воронежскую каѳедру, 27 того же мая состоялось нареченіе архимандрита Льва во епископа Воронежскаго, а на другой день—хиротонія. Преосвященный Левъ много потрудился по постройкѣ каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, начатаго преосвященнымъ Пахоміемъ въ 1718 году вмѣсто обрушившагося собора, построеннаго св. Митрофаномъ. Въ 1728 году онъ просилъ Св. Синодъ, чтобы на постройку собора были обращены деньги и имущество покойныхъ преосвященныхъ Пахомія и Іосифа, взятыя по повелѣнію Св. Синода въ Московскую духовную дикастерію, но Св. Синодъ 11-го сентября того же года отказалъ въ этой просьбѣ. По его же просьбѣ Верховный Тайный Совѣтъ въ 1730 году постановилъ отпустить изъ казенныхъ Липскихъ заводовъ 3000 пудовъ связнаго и полоснаго желѣза на постройку того же собора и колокольни. Онъ первый изъ архипастырей Воронежскихъ устроилъ «школы для дѣтей священническихъ или и прочихъ въ надежду священства»; въ 1728 году издалъ распоряженіе собирать съ каждой приходской церкви, кромѣ обычныхъ даней, по 40 коп. въ годъ подъ названіемъ «школьныхъ денегъ» на содержаніе «славянскихъ, а потомъ славяно-латинскихъ школъ». Въ 1730 г. 8 іюня состоялось Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи Воронежскаго епископа Льва въ Астрахань, и черезъ два дня постановленіе о вызовѣ его въ Москву: противъ Льва началось одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя особенно ярко рисуютъ положеніе русскихъ высшихъ церковнослужителей въ первой половинѣ XVIII в. Левъ, еще не зная, что ему угрожаетъ, и будучи недоволенъ перемѣщеніемъ въ Астрахань, замедлилъ отъѣздомъ въ Москву; 15 іюля того же года Синодъ опредѣлилъ: съ епископа Воронежскаго Льва за медленность исполненія Высочайшаго указа взыскать 100 рублей, послать за нимъ нарочнаго дворянина и вмѣстѣ съ епископомъ привезти для допроса и приказнаго воронежскаго архіерейскаго дома Попова. По дорогѣ въ Москву, въ Серпуховѣ, Левъ, по Высочайшему указу, былъ взятъ капраломъ Преображенскаго полка и отвезенъ въ Николаевскій Угрѣшскій монастырь, приказный же Поповъ и вся свита вмѣстѣ съ ризницей его и имуществомъ отправлены въ Москву: возникло дѣло по доносу Воронежскаго вице-губернатора Пашкова, что Левъ не отправилъ всенароднаго благодарственнаго молебствія о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, а, напротивъ, возгласилъ на ектеніи имя царицы Евдокіи Ѳеодоровны (вдовы Петра Великаго) и затѣмъ—имена «благовѣрныхъ государынь цесаревны и царевенъ». 27 іюня 1730 г. ему предложены были отъ Синода вопросы: «1) что и кого вѣдая, 2) чего и къ какой себѣ пользы надѣяся, 3) на кого именно, и для чего уповая и 4) и съ кѣмъ именно, словесно или письменно, или каковымъ другимъ образомъ дѣйствуя, скоро и не пропуская нимало времени, какъ былъ долженъ, соборнаго о вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества молебствія не отправлялъ и весьма, какъ

по всему видно, дѣлать того не хотѣлъ», и на эти вопросы епископъ долженъ былъ отвѣчать въ три срока: 28 іюля поутру въ 10-мъ часу, того же числа пополудни въ 7-мъ часу и 29 іюля поутру въ 10 часу, съ угрозою, что наказаніе будетъ увеличиваемо по мѣрѣ прохожденія сроковъ. 28 іюля въ 12 часу пополуночи епископъ Левъ сказалъ, что на вышеуказанные 4 пункта отвѣтствовать онъ ничего не имѣетъ, и ему объявлено, «чтобъ онъ никакого архіерейскаго и іерейскаго служенія отнынѣ за вышеписаннымъ запирательствомъ не чинилъ»; 28-го іюля въ исходѣ 8-го часа пополудни епископъ Левъ объявилъ то же, что и раньше—и ему объявлено, что «отнюдь епархіи ему нигдѣ въ правленіе поручено не будетъ»; 29 іюля въ 12 часу послѣ полунощи сказалъ, «что болѣе онъ ничего говорить не имѣетъ», и 21 августа того же 1730 года епископъ Левъ, «для конечнаго утвержденія и подлиннаго извѣстія допрашиванъ подъ присягою и, крайне напоминая праведный судъ Божій, сказалъ, что не упомнитъ, было ли въ недѣлю православія на ектеніяхъ воспоминаніе имени Ея Величества, а прежде говорилъ отъ затменія своего, панихида-же въ тотъ день была, въ чемъ шлется на соборянъ и пѣвчихъ; по полученіи синодальнаго указа панихиды и молебна не служилъ; о чтеніи манифеста въ церкви не помнитъ и во всемъ шлется на соборянъ и пѣвчихъ». 20 сентября 1730 года сочиненъ былъ экстрактъ изъ всего дѣла объ епископѣ Львѣ и отправленъ генералу Ушакову для доклада государынѣ. Сенатъ требовалъ по дѣлу конференціи съ Синодомъ, но Синодъ 25 сентября отвѣчалъ: «если Правительствующій Сенатъ требуетъ съ Синодомъ конференціи о дѣлѣ бывшаго Воронежскаго епископа Льва для того, чтобъ согласно опредѣлить, что съ нимъ, епископомъ, за его великую и многимъ подозрѣніямъ подлежащую продерзость дѣлать, на то Синодъ благопочтенно симъ отвѣтствуетъ: чего онъ, епископъ, по суду духовному за вину свою и за крайнее упрямство и истины молчаніе достоинъ, то уже Синодомъ приговорено, а именно быть ему лишенну всего священнаго и монашескаго чина и предану на судъ гражданскій, а приговора того экзекуція не учинена до крайней Ея Величества резолюціи; а какого онъ, Левъ епископъ, тѣлеснаго наказанія и истязанія достоинъ, о томъ суду духовному опредѣлять не надлежитъ, но единаго о томъ суда гражданскаго власть и дѣло». 29 сентября Сенатъ вѣдѣніемъ сообщилъ Синоду, что государыня приговоръ Синода объ епископѣ Львѣ конфирмовала, и 2 октября 1730 г. Синодъ опредѣлилъ: «бывшаго Воронежскаго епископа Льва лишить всего священнаго сана и монашескаго чина снятіемъ съ него клобука, камилавки, мантіи и панагіи чрезъ Угрѣшскаго игумена Аввакума сего жъ числа». 2 декабря 1730 года Сенатъ сообщилъ Синоду, что государыня указала «ростригу Лаврентія—какъ теперь именовался Левъ — за извѣстную его вину сослать въ Крестный монастырь, содержать за карауломъ въ кельѣ неисходно, никого къ нему не допускать, чернилъ и бумаги для письма не давать, присылаемыя ему письма отбирать, читать и отсылать губернатору для репортованія Сенату и въ церковь допускать подъ карауломъ». Только со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны оказалось возможнымъ ожидать облегченія участи епископа. 3 февраля 1741 г. Синодъ постановилъ ходатайствовать предъ государынею по силѣ указа ея отъ 23 октября 1740 года о прощеніи винъ сосланныхъ и лишенныхъ сана бывшихъ епископовъ Льва Воронежскаго и Игнатія Коломенскаго. На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода отъ 27 апрѣля 1741 г. положена была 15 октября 1741 г. резолюція императрицы, по которой бывшихъ архіереевъ Льва и Игнатія рѣшено изъ ссылки освободить и опредѣлить ихъ въ монастыри простыми монахами, при чемъ, однако, «пищу давать противъ монаховъ въ пятеро». 19 апрѣля 1742 г. императрица Елисавета Петровна повелѣла бывшему «епископу Воронежскому Льву архіерейскій санъ возвратить», что и было исполнено того же апрѣля 22 дня. Преосвященному Льву снова предложена была епархія, но преосвященный «епархіи принять не согласился и съ пенсіею уволенъ въ Московскій Знаменскій монастырь». Съ того времени онъ состоялъ при Архангельскомъ соборѣ для служенія панихидъ по почивающимъ въ семъ соборѣ царямъ и великимъ князьямъ. Въ 1743 году, 3-го февраля, епископъ Левъ при служеніи панихиды въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ ошибкою въ возгласѣ упомянулъ имя Елисаветы Петровны вмѣсто государыни цесаревны Анны Петровны, вслѣдствіе чего возникло дѣло въ Синодѣ, но

императрица «простила ему вину его». Послѣднія 13 лѣтъ преосвященный Левъ прожилъ въ Москвѣ. Въ январѣ 1755 года онъ серьезно заболѣлъ и 28 того же января скончался и былъ погребенъ въ Знаменскомъ монастырѣ.

Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ».—*Свирѣлинъ*, «Переславскій Горицкій монастырь».—«Описаніе дѣлъ и документовъ архива Св. Синода, т. II, ч. 2, № 822; т. III, № 571; т. IV, № 327; т. V, № 10; т. VI, №№. 29, 36; т. VII, №№ 40, 6, 51; т. VIII, №№ 587. 622, 705; т. X, №№ 304, 241, 66, 117, 181, 334, 443; т. XI, № 18.—«Русскій Архивъ», 1868 г., №№ 7—8. — Дѣла архива Синода: 1741 г., № 627; 1742 года, мая 14, № 662; 1742 г., іюня 25, № 230; 1742 г., сентября 27, № 220; 1743 г., февраля 13, № 64/120; 1746 г., декабря 16, № 357/16 и 1749 г., янв. 11 и 25 № 119; 1749 г., января 11, № 305 и февр. 13, № 342; 1755 г., февраля 5, № 157.—*Н. И. Поликарповъ*, «Левъ Юрловъ, пятый епископъ Воронежскій (1727—1730 гг.)». Біографическій очеркъ. Изданіе Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Воронежъ. 1905 г. (Отдѣльный оттискъ изъ книги «Воронежская Старина», выпускъ пятый). «Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи, собранное изъ исторій, архивныхъ записокъ и сказаній В. С. П. П. Е. Болховитиновымъ». Воронежъ. 1809 г. («Воронежская Старина». Вып. XI. 1912 г. Приложеніе, 135—137 стр.).

А. Никольскій.

Легашовъ, *Антонъ Михайловичъ*, художникъ, изъ пензенскихъ мѣщанъ, ученикъ Варнека. Въ дѣтствѣ пристрастился сначала къ музыкѣ, потомъ къ столярному ремеслу. Добравшись до Петербурга, онъ началъ посѣщать Академію Художествъ въ качествѣ посторонняго ученика и оказалъ большіе успѣхи въ портретной живописи. Въ 1824 г. онъ получилъ 1-ую и 2-ую серебряныя медали за рисунки. Комитетъ Академіи полагалъ произвести его въ званіе художника 14-го класса за исполненныя имъ работы, но государь собственноручно написалъ такую резолюцію на запискѣ управляющаго Комитетомъ: «Я работу видѣлъ и нахожу, что рано давать чинъ; предоставить черезъ годъ представить вновь работу и если усовершенствуется, то тогда можно будетъ дать чинъ». Послѣ этого Легашовъ продолжалъ заниматься художествомъ и въ сентябрѣ 1829 г. представилъ черезъ президента на Высочайшее усмотрѣніе написанный имъ портретъ генералъ-маіора Хатова, но и на этотъ разъ его работа не была признана удовлетворительной, и ему было объявлено, что «Его Величество, будучи недоволенъ рисункомъ его портрета, а особливо изображеніемъ рукъ, не соизволилъ на производство Легашова въ чинъ 14 класса, — притомъ замѣтилъ, что столь несовершенной работы не слѣдовало бы и представлять». Однако въ концѣ 1829 г. Легашовъ получилъ чинъ и отправился въ Китай при миссіи. Здѣсь онъ быстро получилъ извѣстность среди китайцевъ, которые, отбросивъ свои вѣковыя заблужденія и предразсудки, толпами стекались въ русское подворье, требуя портретовъ. Изъ отчета, присланнаго Легашовымъ въ 1839 году, видно, что имъ въ Пекинѣ было исполнено 26 большихъ историческихъ и духовныхъ картинъ и 24 портрета съ важныхъ китайскихъ сановниковъ. Кромѣ того, для русскаго подворья и храма при немъ имъ были написаны: «Образъ Спасителя», «Св. Дѣва», «Успеніе Богородицы», «Св. царица Елена», «Архистратиги Михаилъ и Гавріилъ», «Іисусъ Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду» и многіе другіе. Вернувшись изъ Пекина въ 1841 г., Легашовъ просилъ Академію дозволить ему изготовить китайскія краски и назначить его преподавателемъ; но въ этомъ ему было отказано: Академія нашла, что европейскія краски лучше китайскихъ, а познанія Легашова не такъ велики, чтобы опредѣлить его наставникомъ Академіи. Легашовъ гравировалъ крѣпкой водкой, почти въ однихъ контурахъ, китайскіе типы и сцены. Скончался онъ 1865 г.

А. Н. Андреевъ, «Живопись и живописцы главнѣйшихъ русскихъ школъ», стр. 560».—*П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. СПБ. Академіи художествъ», ч. II, стр. 199, 240, 241, 429.—*Д. А. Ровинскій*, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.», стр. 403.—«Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 36.

Ледебуръ, *Карлъ-Христіанъ-Фридрихъ*, профессоръ естественной исторіи и ботаники въ Дерптскомъ университетѣ, родился въ Штральзундѣ 8 іюня 1785 г., умеръ въ Мюнхенѣ 22 іюня 1851 г. Въ Дерптъ былъ приглашенъ въ концѣ 1810 года и въ началѣ слѣдующаго года былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора естественной исторіи вообще и ботаники въ особенности. Съ юношеской энергіей и глубокой вѣрой въ себя и въ свое дѣло Ледебуръ принялся за устройство ботаническаго сада и за из-

слѣдованіе въ то время почти неизвѣстной растительности обширной Россіи. Однако недостаточность штатной суммы мѣшала ему сразу устроить ботаническій садъ такъ, какъ бы онъ желалъ, и онъ постепенно, по мѣрѣ увеличенія отпускаемыхъ средствъ на это дѣло, приводилъ садъ въ образцовый порядокъ и добился того, что онъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность.

Задавшись цѣлью изслѣдовать флору Россіи, Лебедуръ въ 1814 г. предполагалъ совершить путешествіе въ Крымъ и для этой цѣли просилъ у министра Гр. Разумовскаго пособіе, но послѣдній отклонилъ ходатайство Лидебура, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что казна не имѣетъ денегъ для этой цѣли и что это предпріятіе будетъ больше служить къ расширенію собственныхъ познаній Ледебура, чѣмъ для пользы науки вообще, послѣ путешествія въ Крымъ Палласа и другихъ. Академія Наукъ иначе оцѣнивала дѣятельность Ледебура и въ 1814 г. избрала его членомъ-корреспондентомъ. Въ 1820 г. Ледебуръ сдалъ преподаваніе минералогіи проф. Энгельгардту, а въ 1822 г.—преподаваніе зоологіи проф. Эшшольцу, и сдѣлался такимъ образомъ профессоромъ одной лишь ботаники. Въ 1825 г. Ледебуру удалось отправиться въ путешествіе на Алтай; министерство разрѣшило употребить на это 10.000 р. асс. изъ спеціальныхъ суммъ университета. Путешествіе было очень богато результатами. Ледебуръ вывезъ много предметовъ для университетскихъ коллекцій; особенно значительны были пріобрѣтенія по ботаникѣ: гербарій до 1.600 видовъ, 240 видовъ живыхъ растеній и нѣсколько тысячъ порцій сѣмянъ, которыя были разосланы въ разныя ученыя учрежденія Россіи и Западной Европы. Кромѣ того, была собрана минералогическая коллекція и древности изъ чудскихъ могилъ (43 предмета). Результатомъ этого путешествія былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ Ледебура: «Monographia generis Paridum» (1827), «Icones plantarum novarum vel imperfecte cognitarum floram rossicam, imprimis altaicam, illustrantes», 5 томовъ (1829—1834), «Flora Altaica», 4 тома (1829) и «Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe» (1830). Выслуживъ 25-тилѣтній срокъ, Ледебуръ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Мюнхенъ и тамъ провелъ остальныя 15 лѣтъ жизни, печатая свой капитальный трудъ въ 4-хъ томахъ: «Flora Rossica», Stuttgart 1842—1855. Кромѣ указанныхъ сочиненій, Ледебуру принадлежатъ еще слѣдующія: «Botanica, sistens plantarum Domingensium decadem». Gryphie (1805); «Enumeratio plantarum horti botanici Gryphici» (1807); «Supplementum» (1809); «Supplementum enumerationis plantarum horti botanici Dorpatensis» (1811); «Observationes botanicae in floram Russicam» (1814); «Enumeratio plantarum, quarum semina in horto botanico univers. Caes. Dorpat. servantur» (1814); «Index seminum horti academici Dorpatensis» (1829); «Delectus seminum quae, in horto botanico Univ. C. Dorpatensis collecta, pro mutua commutatione offeruntur» (1832—1834) и «Commentarius in J. G. Gmelini Floram Sibiricam» (1841).

«Біогр. словарь профес. Юрьевск. унив.», т. I, стр. 344—348.—*Recke u. Napiersky*, Lexicon, т. III, 593; IV, 617.

Ледовичъ, *Филиппъ*, псковитянинъ, въ 1341 г. отважно поведшій своихъ согражданъ противъ чудскаго племени Лотыгоръ и соединившихся съ ними нѣмцевъ за убійство псковскихъ пословъ. Не получая помощи ни отъ Великаго Новгорода, ни изъ Литвы, Ледовичъ послѣ отъѣзда изъ Пскова кн. Александра, вмѣстѣ съ другимъ храбрымъ псковитяниномъ Олферіемъ Селковичемъ, послалъ къ островичамъ спросить: хотятъ-ли они «поѣхати воевати Лотыгорѣ». Островичи согласились и условились съѣхаться съ псковичами «на княжи селѣ, на Изгояхъ», но не подоспѣли во-время, и 5 іюня Ледовичу пришлось безъ ихъ помощи сразиться съ нѣмцами, разорявшими между тѣмъ волости псковскія. Небольшой отрядъ въ 60 человѣкъ мужественно бился и заставилъ непріятеля отступить за рѣку Великую, но побѣда досталась не легко, и при Изгояхъ пали оба вождя псковичей: и Ледовичъ и Селковичъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 186—187.

А. Г.

Леефкенъ, *Іоаннъ* (Leefken), сынъ устроителя монетнаго двора при Петрѣ, Іереміи Леефкена. Съ 1739 г. состоялъ на монетномъ дворѣ исправляющимъ должность медальера; въ 1742 г. выполнилъ медаль въ память кончины императрицы

Анны Іоанновны; ранѣе изготовилъ нѣсколько коній съ медалей петровскихъ и другихъ.

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».

Лежневъ, *Прохоръ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1760 году былъ произведенъ въ гардемарины и съ этого года до 1769 находился въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ, участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Въ 1763 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1769 г.—въ лейтенанты. Въ 1770 г. Лежневъ на кораблѣ «Не тронь меня», въ эскадрѣ контръ-адмирала Эльфинстона, перешелъ изъ Ревеля въ Архипелагъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Наполи-ди-Романи и Чесмѣ. Затѣмъ въ теченіе 1771—1773 г.г. на томъ же кораблѣ былъ въ военномъ крейсерствѣ въ Архипелагѣ и тамъ же командовалъ полякой «Патмосъ». Въ 1773 г. Лежневъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1780 г.—въ капитаны 2-го ранга, въ 1783 г. — въ капитаны 1-го ранга, въ 1787 г.—въ капитаны бригадирскаго ранга и въ 1788 г. — въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга. Въ слѣдующемъ году, отправленный съ двумя фрегатами въ Норвегію, онъ встрѣтился съ большимъ шведскимъ фрегатомъ, стремительно атаковалъ его и овладѣлъ имъ, за что получилъ Военный орденъ 4-й ст. Когда въ кампанію 1790 г. адмиралъ Чичаговъ рѣшилъ запереть сосредоточенный въ Выборгскомъ заливѣ шведскій флотъ, Лежневъ былъ отряженъ съ 4-мя кораблями, фрегатомъ и бомбардирскимъ судномъ къ восточному выходу и занялъ положеніе между островомъ Рондо и берегомъ Пейсари; произошло сраженіе, продолжавшееся всю ночь, результатомъ котораго было пораженіе непріятеля и взятіе нѣсколькихъ судовъ. За эти подвиги Лежневъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и награжденъ орденомъ Владиміра 2-й ст. Въ 1797 г. онъ былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ 1797 г. произведенъ въ вице-адмиралы, а въ слѣдующемъ году назначенъ состоять флагманомъ Черноморскаго учебнаго флота. При императорѣ Павлѣ онъ получилъ орденъ Св. Анны 2-й ст. и въ 1800 г. вышелъ въ отставку. Скончался Лежневъ въ 1802 г.

Общій морской списокъ, ч. IV, стр. 220—238.

Лейбницъ, *Іоаннъ-Ѳедоръ-Антонъ*, внукъ философа, родился въ Веймарѣ 10-го марта 1765 г. Съ 1782 г. по 1791 г. изучалъ лѣсоводство въ разныхъ лѣсныхъ хозяйствахъ Веймара и Вюртемберга и въ качествѣ ученаго лѣсовода въ 1792 г. прибылъ въ Лифляндію. Въ 1805 г. Лейбницъ назначенъ былъ письмоводителемъ въ библіотеку при Дерптскомъ университетѣ. Умеръ онъ 8 января 1837 г. въ Дерптѣ, незадолго до смерти покинувъ свою должность при университетѣ. Еще живя за границей, Лейбницъ въ 1793 г. напечаталъ въ Лейпцигѣ книгу вопросовъ и отвѣтовъ по лѣсоводству и охотѣ подъ заглавіемъ: «Fragen und Antworten, das Forstwesen betreffend, für angehende Jäger und Forstliebhaber».

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten-Lexikon», т. 3, Митава, 1831 г., стр. 34, 35.—«Nachträge und Fortsetzungen», Митава, 1861 г., стр. 7.

А. Г—ъ.

Лейдловъ, *Карлъ*, докторъ медицины, родился въ 1781 г. въ Ревелѣ, обучался въ Ревельской гимназіи, затѣмъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, откуда перешелъ въ Дерптскій университетъ. Здѣсь въ 1804 г. Лейдловъ получилъ ученую степень магистра и доктора медицины. Въ 1830-хъ годахъ онъ состоялъ уѣзднымъ врачемъ въ Торопцѣ, Псковской губерніи. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Обѣ диссертаціи Лейдлова напечатаны были въ Дерптѣ въ 1804 г.: 1) «De inflammationibus Sect. I. historiam inflammationum literariam continens» и 2) Periculum theoriae novioris inflammationum sistens. Sect. II., quae aetiologiam, diagnosin et therapiam generalem hujus morbi complectitur».

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten-Lexikon», т. 3, стр. 35. Митава, 1831 г.—«Nachträge und Fortsetzungen», Митава, 1861 г., стр. 7.

А. Г—ъ.

Лейнъ, *Эдвардъ*, капитанъ-командоръ, капитанъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, родомъ англичанинъ, на русскую службу былъ принятъ въ 1702 г. поручикомъ; съ этого времени началась его кипучая и разнообразная дѣятельность: онъ подготовлялъ къ плаванію старыя бомбардирскія суда и наблюдалъ за постройкою гаваней на Котлинѣ, Кронштадтѣ и

Ревелѣ, а также и каналовъ на Котлинѣ и въ Кронштадтѣ. Далѣе онъ находился у промѣра Ладожскаго озера, изслѣдовалъ «водяной ходъ» отъ Березовыхъ острововъ до Гогланда, строилъ Лондонскій маякъ по западную сторону Котлина, установилъ огни на Котлинской косѣ, принималъ участіе по распланировкѣ улицъ Кронштадта, наблюдалъ за содержаніемъ «огней для корабельнаго хода» въ Кронштадтѣ, Гаривалдаѣ и Гогландѣ и проч. Произведенный въ 1706 г. въ капитанъ-поручики, въ 1715 г.—въ капитаны 1-го ранга, въ 1721 г.—въ капитанъ-командоры, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ на должность капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, а въ 1726 г. вошелъ въ составъ комиссіи для разсмотрѣнія новыхъ штатовъ о такелажѣ. Скончался Лейнъ 8 іюня 1729 года.

Общій морской списокъ, ч. I, стр. 213—215.

Лейтеръ, *Иванъ Ѳеодоровичъ*, лекторъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ, саксонскій уроженецъ, родился въ 1770 году, образованіе получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Прибывъ въ 1789 г. въ Россію, онъ сталъ заниматься образованіемъ въ частныхъ домахъ, дѣлая въ то же время попытки опредѣлиться лекторомъ въ Казанскій университетъ. Съ 1811—1819 г. онъ состоялъ учителемъ высшаго французскаго класса въ Казанской гимназіи, а въ 1812 г. утвержденъ былъ въ должности лектора нѣмецкаго языка Казанскаго университета; въ послѣдней должности онъ состоялъ до 18 іюля 1821 г., когда, заподозрѣнный въ благонамѣренности Магницкимъ, былъ уволенъ въ отставку. Лейтеръ оставилъ по себѣ память въ качествѣ содержателя лучшаго въ Казани пансіона для мальчиковъ.

Загоскинъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета», т. I, стр. 247—248.

Лейтманъ, *Іоганъ-Георгъ*, академикъ, род. 30 ноября н. ст. 1667 г. въ Саксоніи, въ Виттенбергѣ, ум. 5 марта 1736 г. въ Петербургѣ. Учился на родинѣ въ мѣстномъ университетѣ; по желанію родителей спеціально занимался богословскими науками, но кромѣ того изучалъ медицину, физику и математику. Въ 1694 г. онъ получилъ мѣсто пастора въ Добрюннѣ, недалеко отъ Виттенберга. Здѣсь, кромѣ занятій по должности, Лейтманъ изучалъ сельское хозяйство и земледѣліе, устроилъ механическую мастерскую, небольшую электрическую лабораторію и пр. Въ 1718 г. появилось его первое печатное произведеніе «Vollständige Nachricht von Uhren», а затѣмъ онъ выпустилъ рядъ другихъ сочиненій, доставившихъ ему извѣстность. О печатныхъ трудахъ Лейтмана зналъ Петръ Великій, который приглашалъ его въ Россію, но на это не согласились саксонскій тайный совѣтъ и коллегія оберъ-консисторіи. Попытки къ приглашенію Лейтмана въ вновь учреждавшуюся академію въ Петербургѣ дѣлалъ и Блюментростъ чрезъ Христіана Вольфа. Однако Лейтманъ медлилъ, пока не выговорилъ себѣ выгодныя условія. Прибылъ онъ въ Петербургъ въ 1726 году и тотчасъ же началъ заниматься устройствомъ и усовершенствованіемъ разныхъ машинъ и инструментовъ, которые онъ, по свидѣтельству Мюллера, всегда дѣлалъ самъ. О своихъ работахъ и изобрѣтеніяхъ Лейтманъ сообщалъ своимъ сочленамъ въ академическихъ засѣданіяхъ; о нихъ говоритъ и его собственноручная записка, поданная въ 1831 г. съ просьбою увеличить окладъ его жалованья; въ ней пишется, что за время его пребыванія въ Петербургѣ имъ изобрѣтены и составлены: «Пробирные вѣсы необыкновенной точности; особенные часы, названные отъ меня петербургскими; въ высшей степени очищенное химическимъ способомъ серебро: чистота его доказана совершенно неизвѣстною до сихъ поръ пробою, и потомъ вѣрно отыскана gravitas specifica серебра; проба, при помощи нивелировки, чтобы найти въ лотахъ и гранахъ точнѣйшее содержаніе серебра: чрезъ это монеты могутъ быть оцѣниваемы, безъ поврежденія чекана, что очень полезно при древнихъ и рѣдкихъ монетахъ; исправленіе зажигательныхъ стеколъ съ большою параболическою линіею, что совершенно пришло въ упадокъ, и при исправленіи требуется большее искусство, чѣмъ при дѣланіи вновь; портретъ Петра II per polyedrum; ясное доказательство, что металлы въ холодѣ сжимаются, а въ теплотѣ расширяются; фантазма, представляющая славу, которая несется надъ статуею помянутаго императора и другія многія изобрѣтенія, которыя считались за невозможныя, но мною исполнены...». Въ томъ-же 1731 г. Лейт-

манъ участвовалъ въ составленіи чертежа и размѣровъ колокола, отлитаго въ Москвѣ при императрицѣ Аннѣ, и въ рѣшеніи вопроса о способѣ поднятія его на Ивановскую колокольню. Но колоколъ не успѣли еще поднять, какъ онъ былъ поврежденъ пожаромъ, бывшимъ въ 1737 г. въ Москвѣ. Колоколъ сильно накалился отъ горѣвшихъ вокругъ его лѣсовъ; одинъ полицейскій служитель, боясь, что колоколъ можетъ расплавиться, приказалъ лить воду въ ту яму, гдѣ онъ лежалъ, еще не совершенно остывъ; отъ этого колоколъ треснулъ и отъ него отвалился значительный кусокъ. Кусокъ этотъ и самый колоколъ донынѣ сохраняются въ Кремлѣ.

Въ 1733 г. Лейтманъ, по именному указу, былъ отправленъ въ Москву: «ему велѣно было быть при сплавкѣ серебра и передѣлѣ въ монетѣ». Здѣсь онъ оказалъ существенныя услуги русскому монетному дѣлу, оставивъ въ то же время по этому предмету слѣдующія статьи: «Предложеніе по требованію о установленіи россійскихъ вѣсовъ»; «О исправленіи россійскихъ вѣсовъ» и «Правильное раздѣленіе пробовальной печи, о вымазкѣ печи и глина для замазки печи».

Кромѣ указанныхъ трудовъ, Лейтману принадлежатъ слѣдующія статьи, напечатанныя въ академическомъ изданіи: «Commentarii Akademiae scientiarum Petropolitane», II, 35—81; «De bilancibus et novis inventis staticis», III, 138—155; «Explicatio inventi hydrostatici de pondere argenti cupro mixti investigando, hactenus theoretice explicati in calculo demonstrati, sed praxin omnem eludentis, nunc ad praxin perducti et re ipsa ante oculos positi», III, 156—163; «De sulcis cochleatis ad datam distantiam tubis sclopetorum recte inducendis», IV, 202—216; «Anamorphoseos polyedricae constructionis methodus vera atque certa, notatis falsarum manuductionum passim propositarum anomaliis opticis», IV, 216—233; «Confirmatio dilatationis atque contractionis metallorum atque vitrorum momentaneae per experimenta et instrumenta noviter inventa», IV, 265—278; «Annotationes et experimenta quaedam rariora et curiosa ad rem sclopetariam pertinentia», V, 273—276; «Ad gravitatis liquorum differentiam cognoscendam»; «Ueber das Wachsthum der Pflanzen» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1735 г., №№ 19, 20) и изслѣдованіе «Nachricht von gezogenen Büchsen und etliche Anmerkungen vom Schiessen» (1733).

Лейтманъ былъ хорошо принятъ въ домѣ Миниха, и этимъ объясняется появленіе его стихотворнаго произведенія подъ заглавіемъ: «An dem höchst-erfreulichen Geburths-Tage Sr. Hoch-gräf. Excell. des... Grafen von Münnich... Als Se. Exell. den 9 May 1730 das 49 Jahr ihres Alters, als das fatale Stuffen—Jahr, glücklich mit dem 50 verwechselte, sollte mit erfreueten und glückwünschenden Hertzen seine Schuldigkeit bezeugen J. G. Leutmann».

П. Пекарскій, «Исторія Императорской Академіи Наукъ», т. I, стр. 225—234. — «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ», т.т. II, III.

Лейхтенбергскій, герцогъ *Максимиліанъ - Евгеній - Іосифъ - Августъ - Наполеонъ*, род. 2 октября 1817 г. въ Мюнхенѣ, ум. въ ночь на 20 октября 1852 г. въ С.-Петербургѣ. Домъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ основанъ въ 1817 г. пасынкомъ Наполеона I-го, Евгеніемъ Богарне (Eugene Rose de Beauharnais), который женился на дочери баварскаго короля Максимиліана-Іосифа, Амаліи-Августѣ; король баварскій уступилъ своему зятю за 5 милліоновъ герцогство (ландграфство) Лейхтенбергъ и княжество Эйхштедтъ. Максимиліанъ былъ вторымъ сыномъ Евгенія и сначала титуломъ герцога пользовался его старшій братъ. Рано лишившись отца, Максимиліанъ воспитывался подъ руководствомъ своей матери, одной изъ просвѣщеннѣйшихъ принцессъ того времени, и подъ руководствомъ графа Мéjean и получилъ прекрасное образованіе. 28 мая 1835 г. скончался его старшій братъ, и Максимиліанъ сдѣлался герцогомъ Лейхтенбергскимъ. По окончаніи образованія онъ поступилъ лейтенантомъ на Баварскую службу и вскорѣ сдѣланъ былъ командиромъ 6-го кавалерійскаго полка, т. е. получилъ именно ту должность, какую ранѣе занимали его отецъ и старшій братъ. Въ 1837 г., по порученію своего дяди баварскаго короля Людовика, Максимиліанъ Лейхтенбергскій пріѣхалъ въ Россію на большіе кавалерійскіе маневры; онъ былъ ласково принятъ императорской фамиліей, сопутствовалъ императору въ Одессу, откуда отправился въ Константинополь, Смирну и Аѳины. Въ октябрѣ 1838 г. онъ сдѣлался женихомъ любимой дочери императора Николая I, вел. кн. Маріи Нико-

лаевны; 2 го іюля 1839 г. произошло бракосочетаніе, послѣ чего онъ получилъ титулъ «Высочество», сдѣланъ былъ генералъ-маіоромъ русской службы и шефомъ Гусарскаго полка; впослѣдствіи командовалъ I-й гвардейской легко-кавалерійской дивизіей. Съ Германіей герцога Лейхтенбергскаго связывалъ еще герцогскій титулъ и соединенныя съ нимъ владѣнія въ Западной Европѣ, но въ 1845 г. онъ уступилъ за 20 милліоновъ правительству папы свои владѣнія въ Церковной Области, купилъ имѣнія въ Тамбовской губерніи и такимъ образомъ окончательно утвердился въ Россіи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, въ 1839 г., герцогъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. 7 авг. 1840 г. онъ представилъ черезъ академика Якоби въ Академію записку «О двухъ новыхъ гальванопластическихъ опытахъ», въ которой доказывалъ, что вся будущность гальванопластики тѣсно связана съ рѣшеніемъ вопроса, какъ осаждать мѣдь изъ ея раствора не только въ металлическихъ составахъ, но и въ состояніи ковки и твердомъ, смотря по надобности въ употребленіи. Затѣмъ герцогъ представилъ совершенно новый опытъ дѣлать фигуры округло-выпуклыя, осаждая мѣдь, покрывая графитомъ или другимъ изолирующимъ веществомъ стѣнки и дно внутри формъ. Опыты герцога въ этой области были изложены Якоби въ докладѣ Академіи, представленномъ 21 янв. 1842 г.; соображенія Максимиліана Лейхтенбергскаго относительно гравированія съ гальваническихъ досокъ привлекли живое вниманіе всѣхъ, интересовавшихся зарождавшеюся тогда электротехникою, такъ какъ клали основаніе совершенно новому искусству, обѣщавшему большіе успѣхи. Для удобства гальванопластическихъ изслѣдованій и опытовъ герцогъ устроилъ для себя отдѣльную небольшую лабораторію въ Зимнемъ Дворцѣ, а затѣмъ, съ расширеніемъ работъ, перенесъ ее въ помѣщеніе Главнаго Штаба Гвардіи. Здѣсь онъ предался изученію гальванопластики и электро-химической металлургіи, слѣдя за всѣми открытіями европейскихъ ученыхъ въ этой области. 23 сент. 1842 г. онъ поручилъ Якоби представить въ Академію предметы, сдѣланные въ этой лабораторіи, присоединивъ къ тому объяснительную записку по этому поводу. Работы герцога Лейхтенбергскаго составили эпоху въ гальванопластикѣ. 17 апрѣля 1846 г. герцогъ представилъ въ Академію записку съ изложеніемъ необыкновенно точныхъ наблюденій надъ измѣненіемъ крѣпкаго раствора мѣди въ продолженіе гальванопластическихъ операцій и способы опредѣлять эту крѣпость въ любое время и др. Такимъ образомъ званіе почетнаго члена Академіи Наукъ не осталось у герцога пустымъ титуломъ. 26 сентября 1842 г. герцогъ Лейхтенбергскій сдѣлался почетнымъ членомъ Академіи Художествъ и съ 1843 г. до своей кончины былъ ея президентомъ. Онъ позаботился о составленіи устава Академіи Художествъ, старался ввести въ Академіи Художествъ большій порядокъ, заботился о русскихъ художникахъ, самъ рѣшалъ главнѣйшія дѣла, пріобрѣталъ картины. Изъ наукъ, кромѣ изученія электричества, въ частности гальванопластики, герцогъ интересовался особенно минералогіей и вообще горнымъ дѣломъ. Теоретическія познанія герцога получили практическое примѣненіе, когда въ 1844 г. императоръ Николай I-й назначилъ его главноуправляющимъ институтомъ корпуса горныхъ инженеровъ. 31 декабря 1848 г. былъ утвержденъ новый уставъ для института, при чемъ состояніе учебнаго дѣла въ институтѣ нисколько не улучшилось, тогда какъ новый начальникъ находилъ это улучшеніе рѣшительно необходимымъ и настоялъ на томъ, что новый уставъ уже въ 1850 г. былъ подвергнутъ пересмотру и переработкѣ. Въ основу новаго устава горнаго института, утвержденнаго уже послѣ кончины герцога, были положены основанія, высказанныя имъ въ его проектѣ. Онъ выстроилъ близъ С.-Петербурга заводъ, производившій великолѣпныя бронзовыя отливки; на этомъ заводѣ были приготовлены первые въ Россіи паровозы, много лѣтъ служившіе для Царскосельской желѣзной дороги. Обладая обширными познаніями въ естественныхъ наукахъ, герцогъ Лейхтенбергскій въ своихъ тамбовскихъ помѣстьяхъ завелъ образцовое хозяйство и отличный порядокъ. Во время управленія институтомъ герцогъ посѣтилъ уральскіе заводы, осмотрѣлъ ихъ и представилъ государю отчетъ, въ которомъ подробно и основательно высказывалъ свое мнѣніе о веденіи дѣла на заводахъ и описывалъ ихъ; во время этой поѣздки герцогъ Лейхтенбергскій простудился и уже не поправился.

Академикъ Якоби высоко ставилъ заслуги герцога, этого «залетѣвшаго орла», какъ называютъ его нѣкоторые его современники, въ научной области.

«Русскій Архивъ» 1880 г., стр. 626.— *А. Лоранскій*, «Историческій очеркъ Горнаго института», СПБ. 1873 г., стр. 114—123. — *Петровъ*, «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ». — «Отчетъ Императорской Академіи Наукъ» за 1852 г.— «Bulletin Scientifique», тт. I, IV, V, VI, VIII и др.—«Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ», т. II, вып. I. — «Русская Старина» 1878 г., май; 1876 г., іюнь; 1890 г., май.—«Allgemeine Encyklopedie», т. 43.—Conversations Lexicon», т. 11. Берлинъ 1902 г.— «Nouvelle Biographie Générale», т. 31.—«Biografie Universelle», т. 24. *Б. Г.*

Лейхтенбергскій, *Николай Максимиліановичъ*, герцогъ, князь Романовскій, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, род. 23 іюня 1843 г. на Сергіевской дачѣ близъ Петергофа, скончался 25 декабря 1890 года въ Парижѣ. Сынъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и великой княгини Маріи Николаевны, дочери имп. Николая I-го. Воспитателемъ герцога Николая Лейхтенбергскаго былъ адъютантъ его отца Ѳ. Д. Алопеусъ. Молодой герцогъ былъ слабъ здоровьемъ и неоднократно ему приходилось уѣзжать за границу къ лучшимъ ортопедистамъ и подвергаться операціямъ; но это не мѣшало усиленнымъ его занятіямъ. Съ дѣтства онъ былъ окруженъ лучшими учителями, педагогами; съ годами его преподавателями и собесѣдниками стали видные ученые— Классовскій, Бауэръ, М. И. Драгомировъ, М. С. Куторга, И. Е. Андреевскій, Тернеръ, Кокшаровъ и др. Усиленныя научныя занятія герцогъ продолжалъ и послѣ того, какъ въ 1859 году поступилъ на дѣйствительную военную службу; особенно интересовался онъ минералогіей. Получивъ въ 1865 году чинъ генералъ-майора и командуя бригадой гусаръ, герцогъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1877—78 гг. Вступивъ 28 іюня 1877 г. въ командованіе кавалеріей передового отряда подъ начальство генерала Гурко, онъ вмѣстѣ съ Гурко перешелъ Балканы. Въ 1877 году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и въ 1890 г. сдѣлался генераломъ-отъ-кавалеріи и генералъ-адъютантомъ. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ президентомъ минералогическаго общества, членомъ горнаго совѣта и ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Въ званіи президента общества онъ оставался до конца своей жизни. Вскорѣ послѣ своего назначенія герцогъ Николай Максимиліановичъ организовалъ подробное геологическое изученіе Россіи для составленія новой геологической карты Россіи. Затѣмъ онъ учредилъ въ обществѣ премію за лучшія сочиненія по минералогіи, геологіи и геогнозіи. Въ 1866 и 1867 г.г. онъ предпринялъ двѣ большія экскурсіи въ центральныя губерніи Россіи и на Уралъ съ геологическою цѣлью и осмотрѣлъ всѣ казенные и частные горные заводы и оренбургскіе золотые промыслы. При содѣйствіи герцога былъ учрежденъ геологическій комитетъ, а затѣмъ, подъ его же предсѣдательствомъ, была образована особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ уничтоженіи откупа нефти на Кавказѣ; выработанныя ею правила вошли въ нынѣ дѣйствующія правила о нефтяномъ производствѣ. Герцогъ Лейхтенбергскій бывалъ во всѣхъ засѣданіяхъ тѣхъ обществъ, гдѣ предсѣдательствовалъ, и близко интересовался ихъ дѣятельностью. Въ 1871 г., по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ покинулъ Россію и удалился за границу, откуда явился принять участіе въ войнѣ, а затѣмъ вернулся за границу, гдѣ и жилъ до конца жизни. Онъ написалъ много статей по спеціальнымъ минералогическимъ вопросамъ. Изъ нихъ извѣстны: «О лейхтенбергитѣ» (какъ и всѣ другія статьи — въ «Зап. Императ. Минер. Общ.», т. I, стр. 33), «Результаты анализовъ лейхтенбергита» (т. I, стр. 347), «Демонстрированіе вростковъ горнаго хрусталя въ горномъ же хрусталѣ» (т. II, стр. 403), «О кочубеитѣ, кеммеритѣ и пеннинѣ» (т. III, стр. 289), «Изслѣдованіе химическаго состава и свойствъ кочубеита» (т. IV, стр. 333), «О результатѣ разложенія магнитнаго колчедана изъ Валлиса» (т. IV, стр. 338), «Кристаллографическое изслѣдованіе брукита изъ Атлянской золотоносной розсыпи на Уралѣ» (т. VII, стр. 368) и др. Очеркъ «О падающихъ звѣздахъ» (СПБ. 1873 г.) вышелъ отдѣльно.

«Русскій Архивъ», 1890 и 1891 гг.—«Сборникъ изд. Имп. Русс. Мин. Общ., 1867 г.— *Poggendorf*, «Biographisch-Litterarisch. Handwörterbuch», т. III. Лейпцигъ. 1898 г., стр. 802. — *Gretschel und Hircel*, «Jahrbuch der Erfindungen», Leipzig.—«Рус. Стар.», 890 г., май.—«Нов. Время», 1890 г., № 5327.—

Е. В. Богдановичъ, «Воспоминанія о путешествіи по Уралу Е. И. В. Н. М. Лейхтенбергскаго».

Лейхтенбергскій, *Сергій Максимиліановичъ*, герцогъ, князь Романовскій, генералъ-маіоръ, родился 8 декабря 1849 г. Предназначенный вначалѣ для гражданскаго поприща, герцогъ былъ опредѣленъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Однако почувствовавъ вскорѣ неодолимое стремленіе къ военной службѣ, онъ былъ переведенъ, по личной его просьбѣ, въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Въ русско-турецкую войну этотъ полкъ не былъ вызванъ на театръ военныхъ дѣйствій, и герцогъ могъ бы быть внѣ опасности, но раздѣляя убѣжденіе царственной семьи и по завѣту родительницы своей, онъ поѣхалъ туда, гдѣ народная доблесть боролась за честь и достоинство горячо любимаго имъ отечества Герцогъ активно участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и за взятіе Тырнова былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Находясь въ рекогносцировкѣ въ отрядѣ наслѣдника цесаревича, онъ подъ Іованъ-Чифтликомъ былъ убитъ пулею въ лобъ 12 октября 1877 г. Отличительною чертою герцога была сильное влеченіе къ искусству и въ частности къ музыкѣ, унаслѣдованное отъ родительницы его, но потомъ укоренившееся въ немъ путемъ воспитанія въ первые годы его дѣтства, проведеннаго въ Италіи.

«Голосъ», 1877 г., №№ 251, 256.

Леклеркъ (*Клеркъ*—такъ писался до полученія дворянскаго званія), *Николай-Габріель*, ученый врачъ, почетный членъ Академіи Наукъ, род. 1726 г. во Франціи, ум. въ 1798 г. Въ своемъ отечествѣ пользовался извѣстностью, какъ ученый врачъ, принимавшій дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ по медицинскому вѣдомству. Въ началѣ своего поприща онъ былъ полковымъ докторомъ, и находился въ дѣйствующей арміи; впослѣдствіи его назначили главнымъ инспекторомъ госпиталей королевства и предсѣдателемъ комиссіи для изысканія средствъ къ пресѣченію неурядицъ и злоупотребленій, достигшихъ ужасающихъ размѣровъ при тогдашнихъ порядкахъ въ управленіи больницами. За свою полезную общественную дѣятельность онъ получилъ орденъ св. Михаила, пенсію въ 6000 ливровъ и дворянское достоинство; но вскорѣ придворныя интриги лишили его мѣста, а революція—пенсіи. Леклеркъ дважды (1759 и 1769 гг.) покидалъ свое отечество и пріѣзжалъ въ Россію. Прибывъ въ Россію въ царствованіе Елизаветы Петровны, онъ поступилъ врачемъ къ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, и сопутствовалъ гетману въ путешествіяхъ его по Россіи и за границею. Впослѣдствіи же, въ царствованіе Екатерины II, онъ занималъ, одно за другимъ и частію одновременно, нѣсколько мѣстъ: былъ лейбъ-медикомъ вел. князя Павла Петровича, директоромъ наукъ въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, профессоромъ и совѣтникомъ въ Академіи Художествъ, инспекторомъ Павловской больницы въ Москвѣ и т. д. Близость отношеній Леклерка къ Разумовскому по всей вѣроятности имѣла вліяніе на выборъ его въ члены Академіи.

Во время своего пребыванія въ Россіи Леклеркъ написалъ и издалъ нѣсколько трудовъ, имѣвшихъ отношеніе къ русской жизни и литературѣ. Однимъ изъ первыхъ плодовъ его музы было стихотворное посланіе подъ названіемъ: «Le voeu des nations ou le plan du bonheur réciproque», посвященное велик. кн. Павлу Петровичу. Ознакомившись съ современной ему русской литературой, Леклеркъ перевелъ на французскій языкъ поэму Хераскова «Чесменскій бой», поэму Ломоносова «Петръ Великій» и комедію Екатерины II «О время». Долговременное пребываніе въ Россіи и сношенія съ знатоками русской исторіи дали возможность Леклерку составить объемистый трудъ (въ 6-ти томахъ) подъ заглавіемъ «Histoire physique, moral, civil et politique de la Russie ancienne et moderne». Этотъ трудъ не оригинальный. Основаніемъ ему послужили матеріалы, доставленные княземъ Щербатовымъ и Собакинымъ, и заимствованія изъ словаря Новикова. Кромѣ указанныхъ трудовъ, Леклерку принадлежатъ еще слѣдующіе: «Mémoire sur la goutte» (1750—1751); «Probleme donné par l'Académie de Besançon: Le seul amour du devoir peut-il produire d'aussi grands effets que le désir de la gloire?» (1756); «Dissertatio de hydrophobia» (1760); «Medicus veri amator, ad Apollinis artis alumnos» (1764); «Essai sur les maladies contagieuses du bétail, avec les moyens de les prévenir et d'y remédier efficacement» (1766);

«Histoire naturelle de l'homme, considéré dans l'état de maladie, ou la médecine rappelée à sa première simplicité» (1767); «Vu le Grand et Confucius, histoire chinoise» (1769); «La boussole de terre, ouvrage périodique, dedié à la noblesse russienne» (1770); «De la contagion, de sa nature, de ses effets, de ses progrès et des moyens les plus sûrs pour la prévenir et pour y remédier» (1771); «Философическія разсужденія о воспитаніи»... (рѣчь, произнесенная кадетамъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса въ 1773 г.); «Ancien médecin des armées du roi de France, et de mgr. le duc d'Orléans, premier prince du sang»... (рѣчь, произнесенная 2 сентября 1773 г. въ Имп. Академіи Художествъ); «L'art de débuter dans le monde avec succès, dédié à messieurs les cadets du cinquième âge» (1774); «Le plans et statuts de différents établissements ordonnés par l'impératrice Cathérine II pour l'éducation de la jeunesse de son royaume» (1775); «Education morale et physique de deux sexes, pour les rendre aussi utiles aux autres qu'à eux-mêmes» (1777); «La boussole morale et politique des hommes et des empires» (1779); «Portrait de Henri IV» (1783); «Atlas du commerce» (1783); «Abregé des études de l'homme fait en faveur de l'homme à former» (1789); «Les maladies de coeur et de l'esprit» (1793); «Le patriotisme du coeur et de l'esprit, ou l'accord de devoirs et des droits de l'homme pour le bonheur commun» (1795) и «Traité des maladies morales qui ont affecté la nation française depuis plusieurs siècles» (1798).

Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. V, стр. 110—128, 177—184, 380—401.—*Пекарскій*, «Исторія Императ. Академіи Наукъ», т. II, стр. 259, 877—879.

Лекселль, *Андріель-Іоаннъ* (*Андрей Ивановичъ*), профессоръ Академіи Наукъ, родился въ Або 24 декабря 1740 г., умеръ 30 ноября 1784 г. въ Петербургѣ. Шведъ по происхожденію, сынъ чиновника, воспитывался въ школѣ и университетѣ города Або. Въ 1760 г. онъ получилъ степень доктора философіи за диссертацію: «Aphorismi mathematico-physici». Въ 1763 г. отправился въ Упсалу, гдѣ былъ назначенъ лекторомъ математики; въ 1766 г. сдѣлался профессоромъ математики въ мѣстномъ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1768 г. пріѣхалъ въ Петербургъ; его привлекала сюда жажда работать съ знаменитымъ Эйлеромъ и приготовленія въ 1768 г. къ наблюденію прохода Венеры черезъ солнечный дискъ, что можно было лучше всего наблюдать въ Россіи. Представленный Лекселлемъ въ Академію мемуаръ: «Methodus integrandi nonnullis aequationum exemplis illustratus» былъ удостоенъ большой похвалы, и авторъ былъ приглашенъ въ Академію въ качествѣ адъюнкта математики. Въ 1771 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ членомъ Академіи; въ 1773 г. сдѣлался, оставаясь въ Петербургѣ, членомъ стокгольмской и упсальской академіи, съ 1776 г. былъ членомъ-корреспондентомъ французской академіи. Въ 1775 г. шведскій король предложилъ Лекселлю мѣсто профессора математики въ университетѣ города Або, съ разрѣшеніемъ остаться еще 3 года въ Россіи; впослѣдствіи отпускъ этотъ былъ продолженъ до 1780 г. Тогда Академія, цѣнившая Лекселля, предложила ему путешествіе съ научной цѣлью по Европѣ на казенный счетъ, но съ тѣмъ, чтобы въ 1781 г. вернуться въ Петербургъ; Лекселль принялъ это предложеніе и остался въ Петербургѣ. Въ 1783 г. Лекселль былъ назначенъ на мѣсто умершаго Эйлера. Въ 1784 г. лондонскій комитетъ широты и долготы принялъ Лекселля въ число своихъ членовъ. Скончался Лекселль скоропостижно отъ гангренознаго нарыва и злокачественной лихорадки. Онъ сдѣлалъ важныя открытія въ области сферической геометріи и движенія планетъ и кометъ. Всѣ свои труды Лекселль публиковалъ въ «Handligar» стокгольмской академіи (1771—1774 г.), въ «Commentarii» и «Acta» петербургской (1770—1776 гг. и 1778—1787 гг.), въ «Philosophical Transaction» (1775—1779) и въ др.—большею частью по-латыни. Главнѣйшія изъ другихъ сочиненій Лекселля: «Recherches et calculs sur la vraie orbite elliptique de la comète de l'an 1769 г.» (Петербургъ, 1770 г.); «Reflexion sur le temps périodique des comètes en général et principalement sur celui de la comète, observée en 1770»; «Disquisitio de inuestiganda vera quanti tate paralaxeos solis ex transitu Veneris ante discum solis anno 1769 (Петер. 1772)» и «Recherches sur la nouvelle planèt decouverte par M. Herschel.... lues le 11 mars 1783 г.».

«Nova Acta Academiae Scientiarum Petropolit.», т. I, II, V. 1784 г.—«La Grande Encyklopedie», стр. 22.—*Евгеній*, митр., «Словарь».

свѣтскихъ писателей», т. II. — *Пекарскій*, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», т. I, стр. 298, 299.

Лексъ, *Михаилъ Ивановичъ*, т. с., сенаторъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, изъ иностранныхъ дворянъ, отецъ его присягнулъ на подданство Россіи въ 1798 г.; родился 13 октября 1793 г., умеръ 7 декабря 1856 г.; образованіе получилъ въ Смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ въ канцелярію смоленскаго военнаго губернатора. Во время Отечественной войны на него возлагались разныя порученія, за выполненіе которыхъ онъ былъ отмѣченъ въ числѣ отличившихся по службѣ чиновниковъ. Въ 1814 г. Лексъ перемѣщенъ былъ въ штатъ Смоленскаго губернскаго правленія и откомандированъ къ дѣламъ тамошняго гражданскаго губернатора, а въ 1818 г. поступилъ въ штатъ намѣстника Бессарабскій области и въ томъ же году назначенъ былъ экспедиторомъ. За успѣшную и исправную постройку почтовыхъ домовъ въ Смоленской губерніи ему дважды была объявлена благодарность. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей при намѣстникѣ Бессарабіи, онъ управлялъ еще канцеляріей въ Кишиневѣ для разбора документовъ Бессарабскихъ дворянъ. Въ 1826 г. Лексъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ канцеляріи намѣстника Бессарабіи и за отличную службу по Высочайшему повелѣнію получилъ 5000 десятинъ земли въ Бессарабской области. Пожалованный въ 1830 г. въ 5-й классъ съ причисленіемъ къ военному министерству и съ оставленіемъ при настоящей должности, онъ въ 1832 г. былъ назначенъ директоромъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и произведенъ въ д. с. с., а въ 1836 г. былъ перемѣщенъ директоромъ хозяйственнаго департамента. До 1851 г., когда Лексъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ присутствовать въ Сенатѣ, онъ несъ успѣшно самыя разнообразныя обязанности: въ качествѣ предсѣдателя комитета по выработкѣ проекта о порядкѣ наблюденія за торговлею и чистотою по рѣкамъ и каналамъ въ С.-Петербургѣ (1843 г.), въ качествѣ члена Попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ (1843 г.), въ качествѣ члена комитета по разсмотрѣнію проектовъ правилъ о ссудахъ подъ залогъ хлѣба (1846 г.), въ качествѣ попечителя больницы для чиновниковъ и лицъ средняго состоянія въ Петербургѣ (1847 г.), въ качествѣ предсѣдателя комитета, учрежденнаго для опредѣленія взаимныхъ отношеній между рабочими людьми и подрядчиками (1847 г.), въ качествѣ предсѣдателя комитета по выработкѣ проекта объ устройствѣ воинской постойной повинности въ городахъ Имперіи (1849 г.), въ качествѣ предсѣдателя комитета по выработкѣ правилъ объ устройствѣ пожарныхъ инструментовъ (1850 г.) и въ качествѣ члена комитета по установленію мѣръ къ приведенію въ надлежащее устройство мостовыхъ въ столицѣ (1851 г.). Такая разнообразная и плодотворная дѣятельность Лекса была отмѣчена многими Высочайшими подарками и благодарностями; высшій орденъ онъ имѣлъ Бѣлаго Орла. Въ 1852 г. Лексу повелѣно было постоянно присутствовать въ общемъ собраніи 4-го, 5-го и межевого департаментовъ Сената и временно—въ общемъ собраніи 1-го и 3-го департаментовъ и департамента герольдіи Сената.

Формуляръ о службѣ сенатора т. с. Мих. Ив. Лекса, хранящійся въ Императ. Рус. Истор. Обществѣ.

Лелевель, *Іоахимъ*, историкъ, профессоръ Варшавскаго и Виленскаго университетовъ, дѣятель революціи 1830—31 гг., род. 22 марта 1786 г. въ Варшавѣ, ум. 29 мая 1861 г. въ Парижѣ. Предки его были родомъ изъ Пруссіи. Прадѣдъ Іоахима Лелевеля пришелъ въ Польшу при Августѣ II-мъ, дѣдъ его былъ магистромъ философіи въ Варшавскомъ университетѣ и докторомъ медицины. Родители Іоахима Лелевеля были бѣдны. На 10 году жизни маленькій Лелевель получилъ въ подарокъ отъ одного знакомаго ариѳметику, грамматику, географію и маленькую энциклопедію, и съ этого началось его ученіе. Въ 1801 г. онъ былъ помѣщенъ въ конвиктъ ксендзовъ-піяровъ, гдѣ особенное вниманіе обращалось на изученіе древнихъ языковъ. Къ классическимъ языкамъ Лелевель однако не имѣлъ влеченія, но успѣхами своими въ географіи и исторіи быстро выдвинулся. По окончаніи коллегіума онъ поступилъ въ 1804 г. въ Виленскій университетъ и окончилъ въ немъ курсъ въ 1809 г. Послѣ непродолжительной педагогической частной дѣятельности онъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ герцогства Варшавскаго, но вскорѣ оставилъ службу, которая не удовлетворяла

его, и, удалившись въ имѣніе отца, продолжалъ занятія по исторіи и написалъ здѣсь нѣсколько мелкихъ сочиненій. Въ 1814 г. І. Лелевель былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Виленскаго университета по каѳедрѣ исторіи и оставался здѣсь до 1818 г., когда былъ приглашенъ въ Варшавскій университетъ, въ качествѣ ординарнаго профессора на каѳедру библіографіи и мѣсто хранителя университетской библіотеки; вскорѣ ему поручено было чтеніе спеціальнаго курса по исторіи. Лелевель началъ чтеніе курса по исторіи XVI и XVII вѣковъ; когда въ 1821 г. въ Виленскомъ университетѣ освободилась каѳедра исторіи и былъ объявленъ конкурсъ на занятіе ея, Лелевель представилъ разсужденіе для занятія каѳедры на тему: «Исторія, ея объемъ, ея отношеніе къ другимъ отраслямъ знанія и способъ наилучшаго преподаванія и объясненія ея въ университетахъ» и былъ назначенъ профессоромъ исторіи, но не могъ занять каѳедры, такъ какъ не имѣлъ докторской степени; тогда Краковскій университетъ прислалъ Лелевелю дипломъ на званіе доктора, и затрудненіе было устранено. Въ январѣ 1822 г. Лелевель началъ съ огромнымъ успѣхомъ свои чтенія. Въ это время въ Польшѣ подготовлялась революція. Въ Вильнѣ въ 1823 г. было много тайныхъ политическихъ кружковъ. Лелевель не принималъ въ нихъ активнаго участія, но въ лекціяхъ своихъ высказывалъ революціонные взгляды; когда произведены были въ 1824 г. въ Вильнѣ многочисленные аресты, Лелевелю тоже, въ числѣ другихъ профессоровъ, было приказано покинуть Вильну. Онъ удалился въ Варшаву. Когда разразилась революція, Лелевель находился въ имѣніи отца (который скончался какъ разъ въ это время), но по возвращеніи въ Варшаву онъ вошелъ въ число членовъ исполнительнаго комитета и сдѣлался членомъ и президентомъ Патріотическаго клуба, затѣмъ былъ членомъ временного правительства и министромъ народнаго просвѣщенія. 20 декабря 1830 г. онъ редактировалъ манифестъ польскаго народа, адресованный другимъ державамъ. Затѣмъ, по приказанію диктатора, 11 января 1831 г. онъ былъ арестованъ, но вскорѣ освобожденъ; когда диктаторъ былъ замѣненъ высшимъ національнымъ народнымъ правительствомъ, Лелевель былъ кандидатомъ нѣкоторыхъ партій на мѣсто его президента, но не прошелъ. Когда 15 августа было убито нѣсколько лицъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ, подозрѣніе въ организаціи этого убійства пало на Лелевеля, но не оправдалось. Вообще Лелевель являлся представителемъ радикальныхъ взглядовъ. Послѣ занятія Варшавы русскими войсками онъ бѣжалъ, но продолжалъ свою революціонную дѣятельность, былъ членомъ тайнаго временнаго комитета, а затѣмъ и президентомъ постояннаго Польскаго національнаго комитета, носившагося съ мыслью о возстановленіи независимости Польши и учрежденія въ Польшѣ республики. Изгнанный въ 1832 г. изъ Франціи, Лелевель прожилъ почти до самой кончины въ Брюсселѣ, въ самой скромной обстановкѣ.

Заслуги Лелевеля весьма важны въ польской исторіографіи. Онъ явился первымъ ученымъ, который примѣнялъ къ польской исторіи пріемы школы историко-критическаго направленія и первый изучалъ вопросы соціальнаго быта. Въ своей Considération онъ высказывалъ свои взгляды на исторію Польши. Основою славянскаго быта Польши, по его мнѣнію, являлось общинное начало. Въ первомъ періодѣ исторіи это начало осуществлялось во всей силѣ; затѣмъ съ принятіемъ христіанства общинное начало слабѣетъ въ пользу усиленія самодержавія; со смертью Болеслава Кривоустаго самодержавіе смѣняется аристократіей, общинное начало и соединенныя съ нимъ равенство и братство уничтожаются; аристократію ослабилъ Владиславъ Локетекъ, и съ нимъ водворилось шляхетское общинное начало; съ ослабленіемъ же послѣдняго ослабѣлъ и весь государственный строй Польши, а затѣмъ пала и ея независимость. Лелевель первый изъ польскихъ историковъ обратилъ должное вниманіе на изученіе историческихъ памятниковъ, географіи и вспомогательныхъ наукъ исторіи; заслуги Лелевеля въ исторической географіи весьма цѣнны; онъ работалъ и въ области нумизматики, открылъ много средневѣковыхъ монетъ и описалъ ихъ; работалъ онъ и по вопросамъ дипломатики. Главные труды Лелевеля: «Historika» (Wilno. 1815 г.), «Karamzina introdukcyi rozbò'r» (1830 г.), «Panowanie Stanysława Augusta» (1818 г.), «Ostatnie lata panowania Zygmunta Augusta» (1821 г.), «Polska wieków srednich» (1846 г., 2 т. 1855—1859 г.). Со-

браніе статей Лелевеля издано Жупонскимъ въ 20 томахъ подъ названіемъ: «Polskie dzieje i rzeczy jej» (Poznań. 1854—1868 г.). Изъ сочиненій Лелевеля, касающихся исторіи географіи, укажемъ: «Pisma pomniejsze geograficzne historiczne» (1814 г.) и «Rozbiór geografii starożytniej». Хорошее изслѣдованіе онъ оставилъ по нумизматикѣ «Numismatique de moyen âge» (съ атласомъ, 1835 г.). Нѣкоторыя изъ сочиненій Лелевеля, какъ-то: «Польша и Испанія», «Краткіе очерки изъ исторіи Польскаго народа», «Памятники языка въ Польшѣ и Мазовіи въ XIII, XIV и XV вв.» и нѣкоторые другіе переведены на русскій языкъ.

L. S. Sawaszkiewicz, «Notice sur la vie I. Lelewel», Bruxelles, 1862.—*L. Chodzko*, «Notice biographique sur Ioachime Lelewel», Paris. 1834 г.—*I. Lelewel*, «Przygody w poszukiwaniach i badaniu rzeczy narodowych polskich». Poznań, 1858 г. (автобіографія).—*Korzon*, «Pogląd na działalnosci naukowe I. Lelewela»; Kwart. Historzcz. 1897.—*Kaliczkowski*, «Zarys dziejów literatury polskiej».—«Korespondencyja I. Lelewela z Karolem Sienkiewiczem», Poznań. 1872.—*Semieński*, «Portrety literarskie». 1865 г., т. I. Poznań.—*Пыпинъ* и *Спасовичъ*, «Исторія славянскихъ литературъ. — *Бергъ*, «Записки». «Encyklop. Powszechna», т. 16, стр. 836—843.

Лелевскій, *Антонъ*, технологъ, родился въ Галиціи въ 1783 г., образованіе получилъ въ Львовѣ, откуда переселился въ Ломжу и здѣсь поступилъ на русскую государственную службу. Будучи способнымъ чиновникомъ, Лелевскій оставался въ то же время и вѣрнымъ другомъ науки, при чемъ главное вниманіе его было направлено на поднятіе торгово-промышленной жизни Царства Польскаго. Съ этой цѣлью въ 1820 г., вмѣстѣ съ Г. Корвинымъ, имъ основанъ былъ спеціальный періодическій органъ «Jzys polska», редакторомъ котораго онъ оставался и послѣ смерти своего компаніона, вплоть до 1825 г., когда былъ назначенъ фабричнымъ комиссаромъ въ Варшавѣ. Въ этой должности Лелевскій оставался больше 20-ти лѣтъ, при чемъ его полезной дѣятельности обязаны были своимъ устройствомъ всѣ мѣстныя промышленныя выставки.

Выйдя въ отставку съ пенсіей въ 1847 г., онъ, однако, не удалился на покой и послѣднія восемь лѣтъ своей жизни усердно работалъ надъ составленіемъ проектовъ въ области политической экономіи и изобрѣтеніемъ различныхъ техническихъ усовершенствованій. Съ цѣлью ближе познакомиться съ нѣкоторыми интересовавшими его техническими вопросами Лелевскій много путешествовалъ, посѣтилъ промышленные центры Европы: Вѣну, Берлинъ, Брюссель, вездѣ находя радушный пріемъ. Проекты его получили одобреніе и въ Петербургѣ, но осуществить ихъ ему помѣшала смерть. Лелевскій умеръ въ Варшавѣ въ 1855 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 847, 848.

А. Г.

Лелли, *Ѳедоръ Пантелѣевичъ*, контръ-адмиралъ, образованіе получилъ въ греческомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1782 г. произведенъ былъ въ подпоручики и тогда же переведенъ, по желанію, во флотъ въ Кронштадтъ для изученія морскихъ наукъ. Въ 1784 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1787 г. въ лейтенанты. Въ слѣдующемъ году Лелли принялъ участіе въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ на Очаковскомъ лиманѣ и за отличіе былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса и золотою шпагою. Въ 1790 г. онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ флотиліи противъ турецкихъ береговыхъ укрѣпленій и при штурмѣ Измаила, а въ 1791 и 1792 гг. командовалъ шхуною дунайской флотиліи; за дунайскую экспедицію былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Затѣмъ Лелли послѣдовательно командовалъ фрегатами «Царь Константинъ», кораблями «Св. Павелъ», «Св. Петръ» и «Св. Михаилъ». Въ 1798 г. онъ произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга, въ 1801 г. въ капитаны 1-го ранга, въ 1802 г. въ капитаны-командоры и въ 1804 г. въ контръ-адмиралы. Въ 1814 г. онъ вышелъ въ отставку «съ причисленіемъ къ герольдіи».

Общій морской списокъ, ч. IV, стр. 231—232.

Лелякинъ, *Григорій Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ; род. въ 1803 г., ум. 14 ноября 1876 г.; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1823 г. поступилъ прапорщикомъ въ Кексгольмскій гренадерскій императора австрійскаго полкъ. Въ 1827 и 1828 гг. Лелякинъ, въ составѣ своднаго гвардейскаго полка, участвовалъ въ персидской кампаніи и отличился при взятіи Эривани. Посланный для занятія бреши

съ застрѣльщиками, онъ быстро исполнилъ порученіе и затѣмъ, узнавъ отъ жителей, что въ большомъ пороховомъ погребѣ положенъ зажженный фитиль, тотчасъ же бросился туда, вынулъ фитиль и предотвратилъ ужасный взрывъ этой части крѣпости. За отличіе въ сраженіяхъ въ теченіе персидской кампаніи Лелякинъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ польской кампаніи; впослѣдствіи командовалъ баталіономъ лейбъ - гвардіи Измайловскаго полка, въ 1848 г. назначенъ былъ командиромъ бригады, во время Восточной войны участвовалъ въ оборонѣ Свеаборга и береговъ Финляндіи, а въ 1856 г., произведенный въ генералъ - лейтенанты, оставилъ службу.

«Русскій Инвалидъ», 1876 г., № 260.—«Иллюстр. Газета» 1876 г., № 48.—«Голосъ» 1876 г., № 326.

Леманъ (Lehman), *Александръ Адольфовичъ*, путешественникъ, кандидатъ философіи, род. 18 мая 1814 г. въ Дерптѣ, ум. 30 авг. 1842 г. въ Симбирскѣ. Отецъ Лемана былъ довольно извѣстнымъ въ свое время врачемъ; подъ его руководствомъ получилъ первоначальное воспитаніе его сынъ, который уже въ дѣтствѣ отличался любознательностью и склонностью къ естественнымъ наукамъ. Въ 1833 г онъ поступилъ на естественный факультетъ Дерптскаго университета и въ теченіе университетскаго курса ежегодно лѣтомъ совершалъ экскурсіи въ окрестностяхъ Дерпта. По окончаніи образованія въ 1837 г. Леманъ получилъ и съ радостью принялъ предложеніе проф. Бера, бывшаго его учителемъ, присоединиться къ готовящейся на Новую Землю экспедиціи и весной 1837 г. выступилъ съ экспедиціей. По восточному берегу Бѣлаго моря, черезъ Снѣжную Гору экспедиція прибыла 21 іюня къ ботнымъ берегамъ Лапландіи, затѣмъ, 17 іюля, на западный берегъ Новой Земли у пролива Маточкинъ шаръ. Вернувшись въ Петербургъ осенью того же года, Леманъ въ 1838 г. былъ приглашенъ В. А. Перовскимъ изслѣдовать Оренбургскій край. Зимой 1839 г. онъ совершилъ походъ въ Хиву вмѣстѣ съ Перовскимъ черезъ почти непроходимыя массы снѣга, весной 1840 г. отправился на восточный берегъ Каспійскаго моря въ Ново-Александровскъ, въ окрестностяхъ котораго онъ безпрестанно производилъ различныя экскурсіи и собралъ богатые матеріалы; затѣмъ предпринялъ изслѣдованіе южныхъ склоновъ Урала и степей вплоть до Златоуста. Зиму 1840—1841 гг. Леманъ провелъ въ Оренбургѣ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ предметовъ. Когда весной 1841 г. была отправлена въ Бухару миссія горныхъ чиновниковъ, къ ней примкнулъ и Леманъ, какъ естествоиспытатель, и провелъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бухары болѣе года. Возвращаясь въ Дерптъ, онъ умеръ въ Симбирскѣ отъ «нервной лихорадки», всего на 28 году жизни. Изслѣдованія Лемана, очень цѣнныя, имъ самимъ не были изданы. Часть своихъ матеріаловъ Леманъ завѣщалъ Академіи Наукъ, свои ботаническія коллекціи онъ оставилъ профессору ботаники въ Дерптѣ Бунге, остальные матеріалы и описанія путешествій изданы послѣ его смерти его товарищами-академиками. Его путешествіе въ Бухару познакомило ученый міръ съ почти неизвѣстнымъ ранѣе бытомъ бухарцевъ. Собранныя Леманомъ зоологическія и геогностическія коллекціи были описаны Беромъ и Брандтомъ. Послѣ смерти Лемана изданы его слѣдующія работы: «Reise nach Buchara und Samarkand» 1841 и 1842 г. СПБ. и «A. Lehmanii reliquiane botanicae sive enumeratio planarum in itinere per deserta Asiae mediae ab. A. Lehmann annis 1839—1842 collectarum». Рудольфштадтъ 1848 г. Описаніе Азіатскихъ растеній, найденныхъ Леманомъ, изданы Бунге въ «Beitrag zur Kenntniss der Flora Russland's und der Steppen Centralasiens. S.-Pet. 1852 г.».

«Ученыя записки Академіи Наукъ», т. II, 1854 г.—«Das Inland», 1842 г., № 41.—Mémoires de l'Academie. VI série, т. 8.—*Helmersen*, «Alexander Lehmans Reise nach Buchara und Samarkand», 1852 г.—«Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches», т. 17.—S.-Petersburg. Zeitung», 1842 г., № 103.—«Сѣверная Пчела», 1842 г., № 235.—*Геннади*, «Словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 229.

Леманъ, *Иванъ Александровичъ*, генер.-лейт., родился 25-го февраля 1822 г. въ дворянской семьѣ Тверской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго 22-го іюля 1840 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 14-ю Гренадерскую артиллерійскую бригаду. 25-го апрѣля 1845 г. Высочайшимъ приказомъ онъ былъ переведенъ въ 12-ю артиллерійскую бригаду, гдѣ въ 1849 г. былъ

произведенъ въ поручики. Во время Венгерской кампаніи 1849 года Леманъ находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ границамъ имперіи. Въ 1855 г. онъ сначала находился въ составѣ Петербургскаго промежуточнаго отряда въ д. Олино, а затѣмъ былъ назначенъ командующимъ передовымъ артиллерійскимъ депо западной арміи. По расформированіи депо Леманъ былъ назначенъ командующимъ гвардейской резервной легкой № 1 батареею 1-й сводной резервной бригады гвардейской пѣшей артиллеріи. Съ 1867—1870 г. Леманъ состоялъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Продолжая служить въ артиллеріи, онъ въ 1870 г. въ чинѣ г.-м. былъ зачисленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества и вслѣдъ затѣмъ назначенъ помощникомъ начальника артиллеріи Петербургскаго военнаго округа, а черезъ три года начальникомъ артиллеріи Кіевскаго военнаго округа и 28-го марта 1879 г. въ чинѣ генералъ лейтенанта начальникомъ артиллеріи Московскаго военнаго округа. Скончался Леманъ 9-го ноября 1882 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Формулярный списокъ генералъ-лейтенанта Ивана Александровича Лемана.

И. Артамонова.

Леманъ, *Іоганнъ-Готлибъ*, академикъ, профессоръ химіи, прусскій горный совѣтникъ, докторъ медицины, членъ Берлинской академіи, членъ Вольно-Экономическаго Общества, род. въ 1700 г. въ Германіи, ум. 22 янв. 1767 г. въ Петербургѣ. Работалъ въ Дрезденѣ, потомъ въ Берлинѣ и получилъ извѣстность, какъ металлургъ, минералогъ и химикъ. По вызову императрицы Елизаветы прибылъ въ Петербургъ и съ 1761 г. сдѣлался профессоромъ химіи и смотрителемъ «натуралистическаго» кабинета Академіи Наукъ. Въ 1765 г. онъ совершилъ историко-натуралистическое путешествіе по Россіи, а въ 1766 г. былъ назначенъ въ коммиссію для приведенія департаментовъ Академіи Наукъ въ лучшее состояніе. Съ 15 іюля 1765 г. по декабрь 1766 г. Леманъ былъ секретаремъ Вольно-Экономическаго Общества. Онъ произвелъ много изслѣдованій для Общества вмѣстѣ съ Ловицомъ; между прочимъ, въ 1766 г. онъ нашелъ квасцы близъ Охты, дѣлалъ надъ ними опыты и прочелъ о нихъ докладъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Въ 1765 г. Леманъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ статью о торфѣ и добываніи изъ него угля, которая была напечатана и на русскомъ языкѣ въ «Трудахъ Вольно-Экономическ. Общ.» Статьи Лемана помѣщались: въ «Neue Hamburg. Magazin», «Novi Commentarii Academiae Petropolitanae» и др. Изъ тщательно изданныхъ сочиненій извѣстны: «Abhandlung von Phosphoris», 1750 г.; «Einleitung in einige Theile der Bergwerkwissenschaften», Берлинъ, 1751 г.; «De aëre sub terra latente, causa movente Vulcanorum», 1753 г.; «Abhandlung von den Metallmüttern». Берлинъ. 1753 г.: «Versuch einer Geschichte von Flotzebürgen». Берлинъ. 1756 г.; «Cadmiologia oder vom Kobald», т. I, Кенигсбергъ, 1761 г., т. II, 1766 г. «Entwürf einer Mineralogie», 1 изд. 1758 г., 2 изд. 1760 г. Берлинъ. «Probirkunst», Берлинъ; «Gedanken von den Ursachen der Erdbeben». Берлинъ, 1757 г.; «Specimen Oryctographiae generalis...». Берлинъ, 1761 г.: «Physisch-Chemische Schriften». Берлинъ, 1761 г.: «Untersuchungen der sogenannten versteinerten Kornähren in Frankenberg in Hessen». Берлинъ, 1761 г.; «Fortsetzung des Beweises das proffessor Pott seine böse Sache noch schlechter gemacht. Берлинъ, 1765 г. и «De nova mineral Plumbi specie crystallina rubra». Спб., 1766 г.

Mémoires de l'Ac. Impér'ale de Sc. de S.-Pet., dm. 1809 г.—*Baldinger*, «Russische physisch—medic. Litteratur» Marburg. 1792 г., стр. 28—31.—Poggendorf, «Biograph. Litt. Handwörterbuch, т. I.—*Редневъ*, «Исторія Вольно-Эк. Общества» (Труды Вольно-Эк. Общ.», т. IV).—Полн. Собр. Зак., т. XVII, стр. 1037.—*Геннади*, «Справоч. словарь о рус. пис. и уч.», т. II, стр. 229.

Леманъ, *Іосифъ Ивановичъ*, владѣлецъ извѣстнаго словолитнаго заведенія въ Петербургѣ. Окончивъ воспитаніе въ училищѣ св. Петра, онъ въ 1847 г. поступилъ ученикомъ въ словолитное заведеніе Лампе, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими способностями и усидчивымъ трудомъ. По изученіи словолитнаго дѣла подъ руководствомъ знаменитаго въ свое время въ Петербургѣ знатока типографскаго искусства К. К. Края, Леманъ въ 1854 г. открылъ свое собственное словолитное заведеніе, гдѣ началъ вводить разныя усовершенствованія по части отливки типографскаго шрифта и необходимыхъ къ нему принадлежностей. Знаніе механики помогло ему усовершенствовать машинную

отдѣлку шрифта и придать особую чистоту, правильность и вѣрность шрифту по типометру. Выставленной на всероссійской мануфактурной выставкѣ въ 1870 г. рамой съ наборомъ, состоявшимъ изъ 1000 разныхъ квадратовъ всѣхъ кеглевъ, изъ марзановъ и бабашекъ машинной отдѣлки, онъ доказалъ вѣрность отливки квадратовъ по числу типографскихъ пунктовъ, составляющихъ наборъ, тѣмъ, что наборъ этотъ могъ вынести значительное давленіе и тяжесть, не измѣняя своей формы, не разсыпаясь. Отлично зная рисованіе и граверное искусство, Леманъ далъ особую изящную форму русскимъ буквамъ, преимущественно: л, ж, ц и щ, уничтоживъ тѣ угловатости, которыя поражали глазъ въ прежнихъ шрифтахъ. Произведенія словолитни Лемана не разъ обращали на себя вниманіе знатоковъ на выставкахъ и были удостоиваемы комитетами выставокъ наградами. Онъ получилъ 2 золотыя медали за московскія выставки 1865 и 1872 г.г., серебряную медаль за парижскую выставку 1867 г., похвальный отзывъ за лондонскую выставку 1878 г., а за петербургскую мануфактурную 1870 г.—право употребленія государственнаго герба на своихъ произведеніяхъ. Важное значеніе дѣятельности Лемана на пользу печатнаго дѣла въ Россіи лучше всего можетъ быть доказано тѣмъ, что имъ приготовлялось болѣе 4000 пудовъ разнаго шрифта ежегодно и $^2/_3$ этого количества выписывалось казенными и частными губернскими и уѣздными типографіями. Леманъ скончался 2 марта 1873 г. на 40 году жизни.

«Голосъ», 1873 г., № 92.—«Иллюстрированная Газета», 1873 г., № 11.

Леманъ, *Николай Михайловичъ*, генералъ-лейт., родился въ 1800 году, умеръ въ 1865 г. Леманъ долго служилъ въ гвардіи. Въ турецкую войну 1829 г., командуя Тобольскимъ полкомъ, взялъ штурмомъ крѣпость Раховъ, находясь впереди полка, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія.

«Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 2.

Леммъ, *Эдуардъ Самойловичъ*, воспитатель Александровскаго лицея, род. 7 іюля 1809 г. въ Лифляндской губ., умеръ въ С.-Петербургѣ 2-го января 1883 г. Леммъ получилъ образованіе сначала въ Рижской гимназіи, а затѣмъ въ Дерптскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ, по окончаніи котораго поступилъ на военную службу и участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа 1830 г. По выходѣ въ отставку изъ военной службы онъ поступилъ воспитателемъ во 2-ю С.-Петербургскую гимназію, откуда осенью 1856 г. перешелъ на эту же должность въ Александровскій лицей, которому посвятилъ свою дѣятельность до конца своей жизни.

«Памятная книжка Императ. Александровскаго лицея на 1886 г., стр. 108.

Лемъ, *Иванъ*, кол. асс., архитекторъ медико-хирургической академіи. Въ 1787 г. значился въ комиссіи о строеніи Москвы и С.-Петербурга. Онъ сочинилъ и издалъ: «Опытъ городовымъ и сельскимъ строеніямъ, или руководство къ основательному знанію производить всякаго рода строенія» (Спб. 1785 г., второе дополненное изданіе вышло въ 1802 г. и третье въ 1821 г.); «Правила о перспективѣ» (Спб. 1891 г.); «Теоретическія и практическія предложенія о гражданской архитектурѣ, съ объясненіемъ правилъ Витрувія, Палладія, Серлія, Виньелы, Блонделя и др. (3 ч. Спб. 1792—1794 гг. Второе изданіе вышло въ 1806 г. въ Москвѣ); «Начертаніе древнихъ и нынѣшняго времени разнородныхъ зданій, какъ-то: храмовъ, домовъ, садовъ, статуй, трофеевъ, обелисковъ, пирамидъ и другихъ украшеній»... (7 ч. Спб. 1803 г.; второе изданіе 1818 г.) и «Начертаніе съ практическимъ наставленіемъ, какъ строить разныя зданія, съ принадлежащими правилами украшенія и расположенія, какъ-то: церквей, увеселительныхъ домовъ, сельскихъ жилищъ, служащихъ для всегдашняго или временнаго пребыванія службъ, мельницъ, шлюзовъ, плотинъ, деревянныхъ и каменныхъ разныхъ заведеній» (Спб. 1803 г.).

Евгеній митр., «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I, стр. 6—7.—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 230.

Ленскій *(Воробьевъ)*, *Дмитрій Тимоѳеевичъ*, извѣстный водевилистъ, переводчикъ Беранже и артистъ, родился въ 1805 г. въ семьѣ зажиточнаго московскаго купца Тимоѳея Степановича Воробьева. Предназначая своего сына для занятій по коммерческой части, онъ отдалъ его въ 1813 г. въ Московскую практическую академію коммерческихъ наукъ и затѣмъ въ 1819 г., по окончаніи послѣдней, опредѣлилъ на службу въ контору одного

англійскаго банкира въ Москвѣ. Дѣятельно принявшись за исполненіе своихъ обязанностей, молодой Воробьевъ, по слабости своего здоровья и по совѣту врачей, вынужденъ былъ перемѣнить родъ занятій.

Въ это время дѣла отца пошатнулись, такъ что Д. Т. долженъ былъ искать себѣ заработка на сторонѣ. Чувствуя еще съ дѣтства страсть къ театральнымъ подмосткамъ, онъ рѣшилъ испробовать свои силы на этомъ поприщѣ и 11-го апрѣля 1824 г. поступилъ на московскую сцену. Патріархальные взгляды отца и рѣзко отрицательное его отношеніе къ артистической дѣятельности и «ахтерамъ», заставили Д. Т. скрыться подъ псевдонимомъ Ленскаго. До самаго начала 30-хъ годовъ, однако, онъ оставался неизвѣстнымъ для московской публики, и только когда началъ выступать въ роляхъ героевъ французскихъ водевилей, передѣланныхъ имъ же на русскіе нравы, она посмотрѣла на молодого артиста другими глазами. Съ перваго же спектакля онъ сразу выдвинулся и съ тѣхъ поръ репутація умнаго и талантливаго актера держалась за нимъ вплоть до самой смерти.

Хорошо зная французскій языкъ и свободно владѣя русской рѣчью, Ленскій въ продолженіе слишкомъ тридцати-лѣтней литературной дѣятельности перевелъ и передѣлалъ болѣе семидесяти пьесъ, оперъ, водевилей и комедій. Въ 1835 г. онъ выпустилъ четыре тома своихъ произведеній подъ заглавіемъ: «Оперы и водевили. Переводъ съ французскаго Дмитрія Ленскаго» М. 1835—1836. Сюда вошло двадцать пьесъ, которые пользовались большимъ успѣхомъ у московской публики. Съ 1839 г. произведенія Ленскаго начали появляться и на страницахъ журналовъ. Такъ въ «Пантеонѣ» появился первый его трудъ: «Добрый геній», траг.-вод. въ 3-хъ суткахъ (1840, № 12), затѣмъ: «Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ», водев. въ 1 д., пер. съ франц. яз. (въ приложеніи на 1841 г., № 7); «Радъ не радъ, а дѣлать нечего», вод. въ 1 д. (прилож. на 1850 г., № 7, т. IV) и «Волчій ротъ, лисій хвостъ», ком.-вод. въ 2-хъ д. (прилож. на 1859 г., № 8, т. V). Въ журналѣ «Репертуаръ» Ленскій помѣстилъ слѣдующіе свои труды: «Два купца и два отца», ком.-вод. въ 1 д. (1839, № 7); «Влюбленный братъ», драма-вод. въ 1 д. (1839, № 8); «Левъ Гуричъ Саничкинъ, или провинціальная дебютантка», вод. въ 5 д. (1840, № 1); «Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы», вод. въ 2-хъ д. (1840, № 5); «Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ сатана», вод. въ 3-хъ д. (1841, № 7); «Пажи Басанпьера», вод. въ 1 д. (1841, № 8); «Двѣ кормилицы», фарсъ-вод. въ 1 д. (1841, № 8); «Барская спѣсь и Анютины глазки», вод. въ 1 д. (1842, № 7); «Фортункинъ, или мужъ съ мѣста, другой на мѣсто», вод. въ 1 д. (1842, № 10) и «Вотъ такъ пилюли,—что въ ротъ, то спасибо», ком. въ 3-хъ д. (1842, № 10).

Кромѣ этого, за періодъ времени съ 1828—1857 гг. Ленскій выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ слѣдующее: «Еще суматоха, или на свѣтѣ все превратно», ком.-вод. въ 1 д., съ франц. М. 1828; «Сватъ не вопадъ», ком.-вод. въ 1 д. М. 1828; «Честный воръ», ком.-вод. въ 1 д. М. 1829; «Невинный въ винѣ, или судейскій приговоръ», вод. въ 1 д. М. 1829; «Воспитанникъ любви, или какъ онъ перемѣнился», комедія въ 4-хъ д. М. 1830; «Дѣдушка-женихъ», вод. въ 1 д. М. 1830; «Господинъ слуга, или при случаѣ», вод. въ 1 д. М. 1830; «Прекрасный принцъ, или небылица въ лицахъ», вод. въ 1 д. М. 1830; «Крестная маменька», вод. въ 1 д. М. 1831; «Стряпчій подъ столомъ», вод. въ 2 д. М. 1834, изд. 2-ое и 3-е 1838 и 1839; «Дамскій докторъ», вод. въ 1 д. Спб. 1836; «Мальчишка, или урокъ богатымъ невѣстамъ», ком. въ 2-хъ д., въ стихахъ М. 1837; «Скряги въ тискахъ», оп.-водев. въ 1 д. М. 1837; «Женихъ нарасхватъ», шутка-вод. въ 1 д. М. 1837; «Хоть тресни, а женись», ком. въ 1 д. изъ Мольера (La mariage forcé), М. 1837; «Маскарадъ въ лѣтнемъ клубѣ», вод. въ 1 д. М. 1838; «Мечты», ком. въ 3-хъ д. М. 1838; «Дамскій тайный совѣтникъ», ком. въ 1 д. М. 1838; «Три невидимки», ком.-вод. въ 2-хъ д. М. 1850; «Минеральныя воды», водев. въ 1 д. М. 1850; «Простушка и воспитанная», вод. въ 1 д. М. 1855, и «Громобой», большая фантастическая опера въ 4 д., слова Ленскаго, муз. А. Верстовскаго, М. 1857; 2-е изд. 1865; 3-е—Кіевъ. 1873.

Однако это далеко не всѣ произведенія Ленскаго; по разсказамъ современниковъ, всѣхъ его комедій, водевилей, оперъ и шутокъ насчитывалось не менѣе ста,

но, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ затерялись либо среди журналовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, либо-же совсѣмъ нигдѣ въ печати не появлялись. Вообще самъ авторъ слишкомъ безразлично относился къ своимъ трудамъ, подчасъ очень остроумнымъ и занимательнымъ, и несмотря на то, что всѣ они, за исключеніемъ оперы «Громобой», представляютъ собою переводъ или передѣлку съ французскаго, по отзыву критиковъ, они изъ-подъ пера Ленскаго выходили лучше оригинала и удерживали иногда только одно содержаніе. Такимъ образомъ передача русскихъ нравовъ и вообще тѣхъ, повидимому, мелочей, которыя такъ характеризуютъ русскаго человѣка, цѣликомъ можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу. За очень небольшимъ исключеніемъ, труды Ленскаго имѣли полный успѣхъ, а нѣкоторые изъ нихъ обошли всѣ столичные и провинціальные подмостки, производя всюду фуроръ, и не снимаются съ репертуара до настоящаго времени. Къ лучшимъ его трудамъ надо отнести оригинальную оперу «Громобой», затѣмъ «Барская спесь и Анютины глазки», «Левъ Гурычъ Синичкинъ», «Хороша и дурна» и т. д. и многіе другіе водевили, отдѣльные куплеты изъ которыхъ сдѣлались достояніемъ народныхъ пѣсенниковъ. Строгая критика, правда, обвиняла Ленскаго въ томъ, что при передѣлкѣ французскихъ водевилей на русскіе нравы, авторъ иногда жертвовалъ правдою, вводя въ нашъ бытъ типы, на Руси не существующіе и хотя такое обвиненіе было небезосновательно, Ленскій заслуживаетъ полнаго снисхожденія, т. к. многіе его труды не были закончены въ полномъ смыслѣ этого слова, а были приготовлены «къ сроку», къ бенефису того или другого товарища.

Не меньшимъ успѣхомъ пользовались и стихотворенія Ленскаго, главнымъ образомъ переводы изъ Беранже. На нихъ обратили свое вниманіе даже А. С. Пушкинъ, поощрявшій молодого человѣка продолжать свои опыты и пророча ему громкую извѣстность. Всѣхъ стихотвореній Ленскаго насчитываютъ до 20-ти и какъ лучшія по звучности стиха и близости къ оригиналу надо отмѣтить: «Мой старый фракъ», «Ты и Вы», «Гадальщица», «Нищая» и др. Извѣстны еще оригинальныя поэтическія произведенія Д. Т. въ видѣ шутокъ, эпиграммъ, посланій и др. стихотвореній, посвященныхъ тому или другому лицу или событію. Многія изъ этихъ стихотвореній были собраны И. Ф. Горбуновымъ и П. П. Каратыгинымъ и помѣщены въ «Рус. Старинѣ» за 1880 г. въ томѣ XXIX. Здѣсь-же приложена и переписка Ленскаго съ Каратыгинымъ, Леонидовымъ и др. товарищами.

Изъ всевозможныхъ воспоминаній и замѣтокъ о Дмитріи Тимоѳеевичѣ можно заключить, что онъ считался лучшимъ товарищемъ, остроумнымъ собесѣдникомъ и вообще добрымъ человѣкомъ. Къ искусству онъ относился очень серьезно и вдумчиво, много трудился надъ созданіемъ роли и вообще въ этомъ смыслѣ можетъ быть поставленъ въ ряды лучшихъ нашихъ актеровъ. Особенно хорошъ онъ былъ въ роли Фигаро, въ которой его сравнивали съ неподражаемымъ Сабуровымъ или Сосницкимъ. Въ 1853 году Ленскій гастролировалъ въ Спб. и выступалъ здѣсь въ роли Хлестакова, Разгулина (Отецъ какихъ мало) и Камельскаго (Жена какихъ много).

Какъ многіе талантливые люди, Ленскій отличался и странностями, напр., гордясь профессіей артиста, онъ совершенно не признавалъ дѣятельности писателя. Необычайно остроумный и веселый, по временамъ онъ впадалъ въ меланхолію, былъ грубъ и рѣзокъ. Умеръ онъ 9 декабря 1860 г. въ Москвѣ, гдѣ и похороненъ. Спустя 14 лѣтъ вышли въ свѣтъ его произведенія подъ заглавіемъ: «Театръ Д. Т. Ленскаго» (Спб. 1874), куда вошли однако не всѣ его труды.

«Древн. и Нов. Рос.» 1879, № 5.—*Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. XII, стр. 465.—«Рус. Старина», 1880, стр. 296—337, 348, 446—452, 795; 1888 г., т. 58, стр. 221, 222, 245, 246 258.—«Историч. Вѣстникъ» 1884, т. 18, стр. 392—395; 1890, т. 40, стр. 148; 1891, т. 46, стр. 87—88; 1892, т. 48, стр. 684—686; 1893, т. 54, стр. 705; 1894. т. 57, стр. 452; 1896, т. 64, стр. 111, 472, 475, 482. — «Рус. Архивъ» 1873, № 10, стр. 2055—2056, 2065—2066; 1899, кн. I, стр. 145, кн. III, стр. 174, 175. - *Гербель*, «Русскіе водевилисты».—*Геннади*, «Справочный словарь рус. писателей», т. II, стр. 230—232.—*Мазаевъ*, «Старый водевилистъ». — *Араповъ*, Драматическій альбомъ.

А. Ельницкій.

Лентовскій, *Александръ Егоровичъ*, профессоръ повивальнаго искусства въ Казанскомъ университетѣ, родился въ 1798 г. Среднее образованіе получилъ въ Казан-

ской гимназіи (съ 1806 г.), а высшее въ Казанскомъ университетѣ (съ 1811 г.), гдѣ окончилъ курсъ въ 1815 г. съ степенью кандидата медицины. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ для усовершенствованія въ Московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, пробылъ здѣсь два года и былъ выпущенъ лѣкаремъ, послѣ чего служилъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Лаишевѣ, Казанской губерніи. Въ 1821 г. Лентовскій былъ назначенъ адъюнктомъ повивальнаго искусства въ Казанскомъ университетѣ, при чемъ выполнялъ обязанности ординатора университетской больницы, помощника доктора при клиникѣ и библіотекаря; отъ послѣдней обязанности онъ, впрочемъ, скоро отказался «въ виду обременяющей его практики». Далѣе, въ различное время, ему неоднократно поручалось преподаваніе физіологіи (1821—1828), общей патологіи (1822—1828), клиники (1825—1828, 1833), наконецъ—судебной медицины (1823). Въ 1823 г. Лентовскій былъ избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ повивальнаго искусства, а въ 1828 г.—ординарнымъ. Въ 1830 г. онъ вмѣстѣ съ проф. Фогелемъ изслѣдовалъ воду Сергіевскихъ минеральныхъ источниковъ. Въ 1833 г. ему поручено было временно завѣдывать клиникой. При преобразованіи университета по уставу 1835 г. Лентовскій былъ оставленъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ повивальнаго искусства. Въ слѣдующемъ году факультетъ сдѣлалъ представленіе о возведеніи Лентовскаго въ степень доктора медицины honoris causa, но министерство отвѣтило отказомъ на это представленіе. Въ 1848 г. Лентовскій былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, а въ 1853 г. назначенъ директоромъ Николаевскаго дѣтскаго пріюта и въ томъ же году уволенъ, по прошенію, отъ должности профессора университета. Оставивъ затѣмъ Казань, онъ переселился въ с. Старую Майну, Самарской губ., гдѣ и скончался въ 1867 г. Въ дѣятельности Лентовскаго, какъ преподавателя акушерства въ Казанскомъ университетѣ, наиболѣе крупнымъ фактомъ является открытіе акушерской клиники и введеніе клиническаго преподаванія акушерской науки. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «Медико-топографическое описаніе г. Казани» («Казанскій Вѣстникъ», 1831 г., ч. 31) и «Взглядъ на гигіену новорожденныхъ дѣтей» (тамъ-же, 1832 г., ч. 35).

Загоскинъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета (1804—1904)», ч. II, стр. 252—254.—*Змѣевъ* «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 174.

Ленцъ, *Вильгельмъ*, музыкальный критикъ, родился въ 1809 г. въ Ригѣ, образованіе получилъ въ Дерптскомъ и Московскомъ университетахъ; былъ близокъ съ выдающимися его времени композиторами Листомъ, Шопеномъ, Львовымъ и др. Ленцъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Beethoven et ses trois styles» (изд. на франц. и нѣмец. яз.), обратившимъ на себя вниманіе всѣхъ, интересующихся музыкою въ Европѣ. Кромѣ того, Ленцъ издалъ въ Берлинѣ сочиненіе о піанистахъ Листѣ, Шопенѣ, Гензельтѣ и Таузихѣ. Скончался онъ въ 1883 г.

А. Н. Рубецъ, «Біографическій лексиконъ рус. композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», стр. 52—53.

Ленцъ, *Готлибъ-Эдуардъ*, профессоръ практическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ, сынъ пастора Фридриха Давида Ленца, род. 14 іюля 1788 г., умеръ 14 декабря 1829 г. Ленцъ изучалъ богословіе въ Дерптскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ (1806 г.) сдѣлался помощникомъ своего отца (1809 г.), а по смерти послѣдняго былъ назначенъ его преемникомъ (1810 г.).

Въ 1823 г. была выдвинута кандидатура Ленца на освободившуюся каѳедру практическаго богословія при университетѣ, при чемъ въ представленіи богословскаго факультета говорилось, что «не глубокая и обширная богословская его ученость, но пріобрѣтенная имъ 14 лѣтнею дѣятельностью на духовномъ поприщѣ по разнымъ отраслямъ духовной жизни христіанская набожность и знакомство со всѣми условіями мѣстной церковной жизни побудили факультетъ избрать его кандидатомъ на вакантную каѳедру». Ленцъ былъ избранъ профессоромъ практическаго богословія, но со свойственной ему скромностью предложенную каѳедру согласился принять съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Между тѣмъ, по представленію попечителя графа Ливена, Ленцъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Тогда Ленцъ обратился въ совѣтъ съ просьбою до конца года не связывать его принятіемъ каѳедры, и тѣмъ дать ему возможность испытать

свои способности къ профессурѣ. Въ концѣ полугодія Ленцъ заявилъ совѣту, что онъ не можетъ принять предложенной ему должности, такъ какъ въ продолженіе временнаго исполненія своихъ обязанностей онъ не могъ удовлетворить самого себя. Вслѣдствіе этого онъ былъ уволенъ въ отставку съ предоставленіемъ ему однако права, впредь до новаго замѣщенія каѳедры, продолжать свою дѣятельность при университетѣ. Но исправляя временно должность профессора по вакантной каѳедрѣ практическаго богословія, слишкомъ скромный и благочестивый Ленцъ почувствовалъ нѣкоторую увѣренность въ собственныхъ силахъ для преподаванія и былъ вторично утвержденъ въ своей должности. Съ этого времени Ленцъ отказался отъ своей пасторской дѣятельности и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ по каѳедрѣ практическаго богословія. Въ 1829 г. Ленцъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ работахъ по составленію проекта духовнаго устава лютеранской церкви въ Россійской имперіи. Кильскій университетъ въ томъ же году избралъ его своимъ почетнымъ докторомъ богословія. Въ печати извѣстно нѣсколько его проповѣдей, а также «Commentatio de Duchoborzis. Dorpat, 1829».

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго университета», т. I, стр. 54—55.—*Пятуховъ*, «Императорскій Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)», стр. 402, 453.

Ленцъ (*Кюне*) *фонъ*, *Іоаннъ-Рейнгольдъ*, актеръ-писатель, родился въ Пернавѣ 14 ноября 1778 г., первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей и бабушки, проживавшей на островѣ Эзелѣ. Затѣмъ пробылъ два года въ закрытомъ учебномъ заведеніи близъ Риги, откуда перешелъ въ младшіе классы тамошняго лицея, а для окончанія образованія посланъ былъ родными въ Кенигсбергъ, въ коллегію. Вернувшись въ Россію, Ленцъ поступилъ въ конную гвардію, куда былъ зачисленъ съ дѣтства, но послѣ смерти императрицы Екатерины въ 1796 г., вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ гвардіи, покинулъ военную службу и послѣдовалъ своему давнишнему влеченію къ театру. Онъ дебютировалъ на нѣмецкой сценѣ въ С.-Петербургѣ съ большимъ успѣхомъ подъ именемъ Кюне (Kühne), затѣмъ отправился за границу и удачно подвизался на различныхъ сценахъ въ Кенигсбергѣ, Бреславлѣ и др. городахъ, снискавъ себѣ извѣстность талантливаго артиста. Въ 1823 г. Ленцъ получилъ постоянный ангажементъ при Гамбургскомъ городскомъ театрѣ, гдѣ драматическія способности его получили окончательное развитіе. Съ 1827 г. онъ состоялъ однимъ изъ режиссеровъ Гамбургскаго театра. Подъ конецъ жизни, удрученный разрывомъ со своей женой, Ленцъ вернулся на родину, гдѣ и провелъ послѣдніе годы. Умеръ онъ въ Ригѣ 7 февраля 1854 г.

У современниковъ Ленцъ былъ извѣстенъ не только какъ актеръ, но и какъ авторъ драматическихъ произведеній. Ему принадлежатъ два сборника пьесъ, составленныхъ по романамъ Вальтеръ Скотта, и два сборника комедій (Майнцъ, 1835 г.). Кромѣ того, отдѣльно напечатаны были: трагедія въ 5-ти дѣйстіяхъ «Die Flucht nach Kenieworth» (Майнцъ, 1825 г.); пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Das Gecricht der Templer (ibid. 1825 г.); комедія въ 1-мъ дѣйствіи (передѣлка съ франц.) «Vier Treppen hoch» (Рига, 1825 г.) и новелла (передѣлка съ англійскаго) «Das Haus am Seetrande» (Гамбургъ, 1834 г.).

«Inland» 1850 г., № 2.—*Recke u. Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten.-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 50. «Nachträge und Fortsetzungen». Митава, 1861 г., стр. 11.

А. Г—ъ.

Ленцъ, *Робертъ Христіановичъ*, оріенталистъ, род. въ Дерптѣ 23 янв. 1808 г., скончъ. въ Петербургѣ 25 авг. 1836 г. Воспитывался въ Дерптской гимназіи и въ 1825 г. поступилъ въ Дерптскій университетъ на богословскій факультетъ. Окончивъ въ 1828 г. курсъ въ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Ленцъ въ 1829 г. получилъ степень кандидата и сдѣлался учителемъ въ Ревельской Domschule, а впослѣдствіи инспекторомъ пансіона при ней, но весною 1830 г. получилъ командировку за границу для изученія философіи. Совершивъ путешествіе по Германіи и Швейцаріи, Ленцъ въ 1832 г. началъ изучать восточные языки, преимущественно санскритъ, у оріенталиста Боппа въ Берлинѣ, и въ 1833 г. былъ посланъ на казенный счетъ въ Англію для усовершенствованія въ санскритскомъ языкѣ; онъ посѣтилъ Лондонъ, Оксфордъ, затѣмъ Парижъ. Въ іюнѣ

1835 г. Ленцъ возвратился въ Петербургъ и вскорѣ сдѣлался адъюнктомъ Академіи, затѣмъ былъ назначенъ на каѳедру санскритскаго языка въ университетѣ и былъ первымъ профессоромъ - санскритологомъ въ Россіи. Ранняя смерть отъ нервной горячки положила конецъ дѣятельности этого талантливаго ученаго. Изъ трудовъ Ленца особенно замѣчателенъ разборъ Лалиты-Вистора (его посмертный трудъ), заключающій въ себѣ жизнеописаніе Будды. Извлеченія изъ этого почти законченнаго труда были помѣщены въ «Bulletin Scientifique». Это одинъ изъ миѳовъ буддистовъ центральной Азіи — интересный не только для санскритолога. Также замѣчателенъ его трудъ: «Urwasia, fabula Colidasi, textum sanscritum edidit».. (Berl. 1833). Къ этому онъ присоединилъ: «Apparatus criticus ad Urwasiam» (Berlin, 1834), это послѣдній трудъ Ленца, за который онъ уже на смертномъ одрѣ получилъ бриллiантовый перстень въ знакъ Высочайшаго благоволенія. Ленцъ помѣстилъ, кромѣ того, въ Лондонскомъ «Азіатскомъ Журналѣ» разборъ извѣстнаго санскритскаго энциклопедическаго словаря Sabda-kalpadruma, изданнаго въ Калькуттѣ Радаканта-Девомъ. Онъ напечаталъ также донесеніе о найденномъ имъ собраніи рукописей, перешедшемъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ его ненапечатанными бумагами въ Азіатскій Музей Академіи Наукъ. Наконецъ въ 1833 г. въ «СПБ. Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ», на нѣмецкомъ языкѣ былъ напечатанъ: «Bericht über eine im Asiatischen Museum deponirte Sammlung Sanscrit-Manuscripte»—диссертація Ленца на степень доктора въ 1833 г. Это сочиненіе въ томъ же 1833 году вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ и Петербургѣ. Въ томъ же 1833 г. появилось его сочиненіе «De affinitate linguae Slavicae et Sanscritae» (Харьковъ), впервые въ строго-научной формѣ уясняющее генетическое отношеніе между языками славянскимъ и санскритскимъ.

«Библіот. для Чт.» 1836 г., т. 18.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1834 г., ч. I, 1837 г., ч. XIII.—*Григорьевъ*, «Имп. СПБ. Университетъ», 280—282.—«Album Academicum der Käis. Univers. Dorp.». 1889 г.—«СПБ. Вѣдомости», 1836 г., № 176; 1837 г., № 4.—*Геннади*, «Справочн. словарь о русск. пис. и уч.», т. II.

Ленцъ, *Фридрихъ-Давидъ*, лекторъ эстскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, род. 9 сентября 1745 г., ум. 4 декабря 1809 г. Учился дома и въ дерптскихъ школахъ; затѣмъ пріятель его отца, ген. Бергъ, далъ ему средства учиться въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ университетѣ (1764 г.). Въ 1767 г. онъ сдѣлался пасторомъ въ Тарвастѣ, въ 1779 г. занялъ мѣсто своего отца въ Дерптѣ, въ 1788 г. былъ назначенъ инспекторомъ городской школы, а съ 1803 г. состоялъ лекторомъ эстскаго и финскаго языка при Дерптскомъ университетѣ.

Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія на дерптскомъ нарѣчіи эстонскаго языка: «Aija-kalender, kummast kik Kärnerit woiwa öppida, mis tö egga ku ajal sünnip tehha. Letti keelest maa keele ümbre kirjotetu». Tarto-Linan. 1796; «Lühhice oppus kumb sest surest sädusse ramatust woetu om, mes meije armolik Suur Keisre Herra om lasknu trükkida» x. Tarto-Linan. 1804; «Liwlandi maa-Soldatile kui nemmad peaksid waenlaste wasto söddima minnema». Tarto-Linan. 1807 и «Oppetus kuidas marahwas henda kötto-többe eest peab hoidma». Tarto-Linan. 1807.

Recke und *Napiersky*, Lexicon, III, 43—46.—«Біографич. словарь профессоровъ и преподав. Юрьевскаго университета», т. II, стр. 629—630.

Ленцъ, *Христіанъ-Давидъ*, пасторъ, Рижскій генералъ-суперинтендентъ, родился въ Померанiи 26 декабря 1720 г. Пятнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ университетъ въ Галле, при чемъ въ виду несостоятельности родителей долженъ былъ самъ добывать средства къ жизни частными уроками, нѣкоторое время былъ тамъ же учителемъ въ сиротской школѣ. Снабженный хорошими рекомендаціями, Ленцъ въ 1740 г. прибылъ въ Лифляндію и поступилъ домашнимъ наставникомъ въ семейство фонъ-Эттингенъ. Съ 1742 г. Ленцъ началъ свою службу въ качествѣ пастора, въ 1757 г. онъ былъ уже настоятелемъ церковнаго Венденскаго округа, а въ 1759 г. назначенъ былъ пасторомъ нѣмецкаго прихода въ Дерптѣ; здѣсь былъ онъ членомъ мѣстной консисторіи и надзирателемъ городской школы. Въ 1779 г. состоялось назначеніе его генералъ-суперинтендентомъ и предсѣдателемъ главной консисторіи; послѣднее назначеніе заставило его переселиться въ Ригу. Въ должности генералъ-суперинтендента, такъ же, какъ и раньше въ качествѣ пастора, Ленцъ снискалъ себѣ общую любовь и уваженіе своимъ благочестивымъ

образомъ жизни и широкой благотворительностью. Послѣдніе годы своей жизни онъ почти половину своихъ доходовъ раздавалъ бѣднымъ. Ленцъ скончался 14 августа 1798 г.

Послѣ него остался въ печати цѣлый рядъ нравственно-богословскихъ сочиненій и нѣсколько произнесенныхъ имъ, по разнымъ торжественнымъ случаямъ, рѣчей, а именно: «Eine Abbildung eines wahren Christen, nach dem Muster des alten Simeons. Am Feste der Reinigung Mariä oder Lichtmessen, über das ordentliche Evangelium Luc. 2, 22—32 der christlichen Gemeine zu Serben 1743 den 2 Februar vorgestellet und etwas vermehrt herausgegeben» (Кенигсбергъ, 1748 г.); «Gedanken über die Worte Pauli 1. Kor. 1, 18. von der ungleichen Aufnahme des Wortes vom Kreuz, zwey Theile nebst einer starken und für unsre Zeiten sehr nöthig geachteten Vorrede, worinnen die Kreutztheologie der sogenannten Herrenhuter, uornehmlich aus ihrem XII Lieder-Anhange gnd dessen drey Zugaben unpartheyisch und genau geprüfet wird» (Кенигсбергъ и Лейпцигъ, 1750 г.); «Das schreckliche Gericht Gottes über das unglückselige Wenden an dem Bilde des ehemals zerstörten Ierusalems» (Рига, 1751 г.); «Evangelische Buss und Gnadenstimme in dreyzehn erwecklichen Busspredigten» (Кенигсбергъ и Лейпцигъ, 1756 г.); «Amor meus crucifixus! Kurze Betrachtungen und Gebete über das Leiden und Sterben Jesu Christi. auch dessen Auferstehung und Himmelfahrt, auf alle sieben Tage in der Woche eingerichtet» (Кенигсбергъ, 1756 г.); «Der Grund zur wahren dauerhaften und unvergänglichen Wolfahrt eines Menschen, wenn Christus sein Leben ist und Sterben sein Gewinn wird, in einer Leichenpredigt in der St. Johannis-Kirche bey dem 1761 den 28 Oct. gehaltenen feyerlichen Leichenbegängniss der Frau Anna Elisabeth Freyherrin von Münnich, geb. von Witzendorf, Gemahlin des Hrn. Oberhofmeisters und Geh. Raths Freyherrn v. Münnich» (Рига); «Grosse Dinge, so am Todestage Jesu zu hören und zu sehen seyn. Predigt am Charfreytage 1763 d. 21 März» (Кенигсбергъ); «Kurzer Inbegriff der christlichen Glaubenslehre für Kinder und junge Leute, sonderlich für die Erstlinge welche zur ersten Communion zubereitet werden; nebst einer Vorrede von den Fehlern der meisten gedruckten katechetischen Heilsordnungen» (Кенигсбергъ, 1769 года); «Die überschwengliche Erkenntniss der Herrlichkeit Jesu Christi unsers Herrn» (ibid ..); «Sendschreiben an die sämtlihen evangelischen Lehrer und Hirten des Herzogthums Livland, so seiner Oberaufsicht anvertrauet sind, bey Gelegenheit der zu feyrenden vier Busstage des jetzt laufenden 1780-sten Jahres» (Рига); «Die Stärke des Schriftbeweises für die in unsern Tagen angefochtne Lehre von der Genugthuung Jesu Christi überhaupt kürzlich gezeiget» (Рига, 1780 г.); «Festbüchlein für Kinder und junge Leute, Jünglinge und Jungfrauen auf besondere Veranlassung herausgegeben» (Рига, 1781 г.); «Antwortschreiben an einen der Theologie Beflissenen seine Gesinnungen bey den itzigen neuen für Aufklärung gehaltenen, in der Theologie und Religionslehre eingerissenen Meynungen betreffend; nebst einer apologetischen Vorrede und dem Briefe, der zu diesem Antwortschreiben Gelegenheit gegeben hat» (Рига, 1793 г.); «Rede, in der Umständlichen Nachricht von der Allerhöchsten Reise der Kaiserin Catharina II» (Рига, 1764 г.); «Das Wesentliche des wahren Christenthums» (Рига, 1784 г.); «Die Weisheit und Vorsichtigkeit eines Schullehrers, in seinem Amte zwischen zwey verschiedenen Abwegen die richtige Mittelstrasse zu halten, eine Rede bey der Einführung des Rectors Moritz in das Rig. Lyceum». Кромѣ того, Ленцъ писалъ и на латышскомъ языкѣ.

Gadebusch, «Livl. Bibl.», ч. 2, стр. 171—177.—Allg. Lit. Anz. 1799 г., № 57—79.—*Recke u Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon», т. 3., Митава, 1831 г., стр. 39—42. «Nachträge und Fortsetzungen». Митава, 1861 г., стр. 8.

А Г--ъ.

Ленцъ, *Эмилій Христіановичъ* (Heinrich-Friedrich-Emil Lenz), профессоръ физики, докторъ филологіи, тайный совѣтникъ, род. въ Дерптѣ 12 февр. 1804 г., ум. въ Римѣ 29 янв. 1864 г. Образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, занимаясь теологіей, филологіей и естественными науками. Не успѣвъ окончить здѣсь полнаго курса, Ленцъ въ 1823 г. былъ приглашенъ физикомъ въ кругосвѣтную экспедицію Коцебу (1823—1826 гг.). Во время путешествія онъ сдѣлалъ важныя наблюденія въ области физической географіи. Въ 1827 г., по возвращеніи изъ экспедиціи, Ленцъ получилъ степень доктора въ Гейдельбергскомъ универси-

тетѣ; въ томъ же году онъ началъ преподавать физику въ училищѣ Св. Петра, а съ 1830 г. въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1828 г. Ленцъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ Академію Наукъ, гдѣ прочелъ свой мемуаръ: «О солености морской воды и ея температурѣ въ океанахъ на поверхности и въ глубинѣ». Въ 1829 г. онъ принялъ участіе въ новой ученой экспедиціи на Кавказъ для магнитныхъ, термометрическихъ, барометрическихъ и геогностическихъ наблюденій и изслѣдованій въ окрестностяхъ Эльборуса; затѣмъ съ астрономомъ Кнорре онъ производилъ наблюденія надъ качаніемъ маятника на берегу Каспійскаго моря. Интересный отчетъ его объ этой поѣздкѣ напечатанъ въ «Recueil des actes» за 1830 г.; въ это же время Ленцъ напечаталъ изслѣдованія объ измѣненіяхъ уровня водъ въ Каспіи и другія наблюденія, произведенныя имъ во время поѣздки, равно какъ и ученые результаты кругосвѣтнаго путешествія. Въ томъ же 1830 г. Ленцъ былъ назначенъ экстраординарнымъ академикомъ и директоромъ физическаго кабинета при Академіи Наукъ. Въ 1834 г. онъ состоялъ членомъ комитета подъ предсѣдательствомъ адмирала Грейга для построенія обсерваторіи и инспекторомъ воспитательныхъ заведеній и частныхъ пансіонатовъ столицы. Въ 1836 г. Ленцъ былъ приглашенъ на каѳедру физики въ Петербургскій университетъ, гдѣ стараніями его физическій кабинетъ былъ приведенъ въ отличный порядокъ. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ экскурсію съ Гецемъ и Гебелемъ въ южныя степи, результатомъ чего было его сочиненіе: «Reisen in die Steppen des südlichen Russlands». Въ 1839 г. онъ произнесъ рѣчь на университетскомъ актѣ: «Ueber die practischen Anwendungen des alwanismus» и совершилъ подъ начальствомъ Купфера поѣздку на Эльборусъ. Въ 1840 г. Ленцъ былъ удостоенъ степени доктора Гельсингфорскаго университета. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ Педагогическаго института, но лекціи по физикѣ не прекращалъ читать въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и великимъ князьямъ Константину, Николаю и Михаилу Николаевичамъ и великимъ княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Въ 1863 г. Ленцъ, бывшій до этого времени болѣе 20-ти лѣтъ деканомъ физико-математическаго факультета, былъ избранъ ректоромъ и оставался въ этой должности до самой смерти. Въ 1862 г. онъ участвовалъ въ коммиссіи для опредѣленія длины секуднаго маятника въ различныхъ мѣстностяхъ.

Ленцъ извѣстенъ многими открытіями въ области физики. Главнѣйшіе результаты его изслѣдованій излагаются и во всѣхъ учебникахъ физики. Именно: 1) законъ индукціи («законъ Ленца»), по которому направленіе индукціоннаго тока всегда таково, что оно препятствуетъ тому дѣйствію, которымъ оно вызывается (1833 г.); 2) «Законъ Джоуля и Ленца» количество теплоты, выдѣляемое токомъ въ проводникѣ, пропорціонально квадрату силы тока и сопротивленію проводника (1884 г.); 3) опыты, подтверждающіе «явленіе Пельтье»: если пропускать гальваническій токъ черезъ висмутовый и сюрьмяной стержни, спаянные концами и охлажденные до 0°, то можно заморозить воду, налитую въ ямку около спая (1838 г.); 4) опыты надъ поляризаціей электродовъ (1847 г.) и т. д. Онъ же установилъ способъ опредѣлять мѣру силы тока. Первое примѣненіе этого способа измѣренія и первый численный примѣръ его Ленцъ представилъ въ 1832 г. въ запискѣ: «О законахъ дѣйствія магнита на спираль въ томъ случаѣ, когда магнитъ быстро приближается къ ней или отъ нея удаляется, и о наивыгоднѣйшемъ устройствѣ спирали для произведенія магнитно-электрическихъ токовъ». Въ 1836 г. Ленцъ представилъ записку, въ которой, вопреки общепринятому мнѣнію Делярива, что токи, возбужденные различными химическими процессами, различны по своимъ свойствамъ, доказалъ, что результаты, полученные Деляривомъ, произошли вслѣдствіе самого способа измѣренія силы тока и вслѣдствіе незнанія теоріи Ома. Ленцъ при этомъ подтвердилъ тотъ законъ, что проводимость системы параллельныхъ проводниковъ равна суммѣ проводимостей проводниковъ и сила тока распредѣляется между проводниками пропорціонально ихъ проводимостямъ, независимо отъ того, твердые они, жидкіе, или тѣ и другіе вмѣстѣ (Bulletin Scient., т. IV). Въ 1838 г. Ленцъ представилъ записку «О законахъ электромагнитовъ» (Bull Scient, т. VI), заключающую въ себѣ изслѣдованія, произведенныя имъ при помощи тѣхъ же мгновенныхъ токовъ

вмѣстѣ съ академикомъ Якоби. Здѣсь найдено рѣшеніе вопроса наибольшаго электромагнита и распредѣленія на немъ магнетизма. Въ 1841 г. Ленцъ показалъ, какимъ главнѣйшимъ условіямъ должны удовлетворять приборы для того, чтобы дѣйствіе ихъ на данный проводникъ было наибольшее (Bull. Scient. т. X, стр. 78). Въ 1846 г. Ленцъ началъ рядъ опытовъ съ магнито-электрическою машиною съ цѣлію болѣе подробно изслѣдовать вліяніе, какое имѣетъ скорость вращенія машины на силу индуктированнаго тока—это составляетъ предметъ двухъ его записокъ 1848 и 1853 г. г. (Bull. physico-math., т. VII, №№ 17 и 18 и т. XII, №№ 3 и 4). Ленцъ изобрѣлъ магнитный теодолитъ который при наблюденіяхъ по точности превосходитъ деклинаторъ Джонса. Онъ улучшилъ бито-термометры Гельса и употреблялъ ихъ во время кругосвѣтной экспедиціи Коцебу (Lehrbuch der Meteorologie 1860 г., стр. 81. Mémoires de l'Acad., т. VI, стр. 236). Вообще Ленцъ былъ въ свое время однимъ изъ выдающихся физиковъ Россіи и всей Европы; онъ былъ истиннымъ труженикомъ, всю жизнь посвятившимъ множеству мелкихъ, отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя въ совокупности, вмѣстѣ взятыя, представляютъ весьма важное въ теоретическомъ смыслѣ, Объ опытахъ Ленца академикъ Савельевъ говоритъ, какъ объ исключительно точныхъ, ясныхъ, полныхъ и убѣдительныхъ. «Пріемы, какіе Ленцъ употреблялъ при своихъ опытахъ, говоритъ Мозеръ, должны служить нормою для всѣхъ другихъ подобныхъ изслѣдованій». Изъ многочисленныхъ трудовъ Ленца, кромѣ весьма распространенныхъ его учебниковъ,—«Физическая географія», СПБ 1851 г., 1854 г. и 1858 г., «Руководство къ физикѣ», СПБ. 1839 г., 1842 г., 1851 г. Кіевъ, 1851 г. СПБ. 1855 г. и 1864 г. и «Руководство къ физикѣ для военно-учебныхъ заведеній» 1855 г.,—большая часть написана на нѣмецкомъ языкѣ. Таковы: «Betrachtungen über Ventilatia in unsern Klimaten» (Mém., т. VI, 1863 г.); «Ueber ein neues Anemometer» (Bull. т. VI, 1863 г.); Physikalische Beobachtungen angestellt auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823—26» (Mém., т. VI, I, 1831 г.); «Expérience de forte compression» (Ibid. Vol. II); «Barometrische Höhenmässungen im Kaukasus» (Bull. т. I, 1836 г.); «Ueber die Gesetze, nach welchen ein bewegter Magnet auf ein Spiral einwirkt etc. (Mém. т. VI, № 2, 1833 г.); «Ueber die Bestimmung der Richtung der durch elektrodinamische Vertheilung erregten Galwanischensröme (Pogg. Annal. XXXI, 1834 г.) и мн. др. На русскій языкъ переведено: «Наблюденія надъ наклоненіемъ и степенью силы магнитной стрѣлки, произведенныя въ путешествіи вокругъ свѣта въ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826—29 гг. капитаномъ Ѳ. Литке, обработанныя и вычисленныя Э. Ленцемъ».

А. Савельевъ, «О трудахъ академика Ленца въ магнито-электричествѣ» («Журн. М. Н. Пр.», 1854 г., №№ 8, 9.—*Платовъ* и *Кирпичевъ*, «Историческій очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго Училища», СПБ. 1851 г., стр. 153, 225, 283. — «Морской Сборникъ». 1851 г., № 12; 1861 г., № 5; 1867 г., № 5. — «Записки Академіи Наукъ», 1862 г., т. II.—«Вѣстникъ Имп. Геогр. Общ.» 1860 г., № 3.—*Григорьевъ*, «СПБ. Университетъ».—*Никитенко*, «Дневникъ», «Электричество», 1845 г., №№ 11—12.—*Poggendorf*, «Biograph. Litter. Handwörterbuch», т. I.—«Repertorim. der Physik».—Von Dove, Bd. I.—«Bull. Scient», т. т. II, III. —«Mémoires de l'Acad.», 1834 г.—«Poggendorf Annalen», т. XXXIV. — *Геннади*, «Справоч. словарь о рус. пис. и учен.», т. II.

Ленцъ, *Яковъ-Михаилъ-Рейнгольдъ*, сынъ пастора, родился въ Лифляндіи 12 января 1750 г. Еще смолоду обнаружилъ большое влеченіе къ поэзіи. Съ 1768 г. онъ слушалъ лекціи въ Кенигсбергѣ, затѣмъ отправился въ Страсбургъ, гдѣ нашелъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми литературными знаменитостями, какъ то: Гёте, Шлоссеромъ, Юнгъ-Шиллингомъ и др. Въ 1777 г. подъ вліяніемъ неудачной любви къ Фридериксѣ-Бріонъ всегдашнее возбужденное состояніе молодого поэта обратилось въ сильное нервное разстройство и даже въ душевную болѣзнь, сопровождавшуюся припадками буйства, такъ что нѣкоторое время его содержали въ цѣпяхъ. Это обстоятельство заставило Ленца покинуть Веймарскій дворъ, гдѣ онъ любезно былъ принятъ, и въ 1779 г. при помощи брата онъ возвратился къ себѣ на родину. Здѣсь Ленцъ жилъ безъ опредѣленныхъ занятій въ разныхъ городахъ и наконецъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ крайней нищетѣ 24 мая 1792 г.

Ленцъ писалъ во всѣхъ областяхъ поэзіи. Еще при жизни имъ были напечатаны: поэма «Die sieben Landplagen».

Кенигсбергъ (1769 г.); пьеса «Der Hofmeister oder Vortheile der Privaterziehung». Лейпцигъ (1774 г.); комедія «Der neue Menoza, oder Geschichte des Cumbanischen Prinzen Tandi» (Ebid. 1774 г.); передѣлка изъ комедіи Плавта (Лейпцигъ, 1774 г.): замѣтки о театрѣ съ приложеніемъ переводовъ изъ Шекспира (Лейпцигъ, 1774 г.); эклога, подражаніе Верлигію; «Menalk und Mopsus» (Лейпцигъ, 1775 г.); трагедія «Das leidende Weib» (Лейпцигъ, 1775 г.); комедія «Die Freunde machen den Philosophen» (Цюрихъ, 1776 г.); пьесы: «Die Soldaten» (Лейпцигъ, 1776) и «Die Höllenrichter» (Цюрихъ, 1776 г.); драмматическая фантазія «Der Engländer» (1777 г.); переводъ Оссіянова «Фингала» (1775—1776 г.); поэтическія размышленія о искупительной жертвѣ Іисуса Христа («Rig. Anzeig». 1776 г.); разсказъ «Zerbin, oder die neuere Philosophie» («Teuts. Museum», 1776 г.) и много стихотвореній, помѣщенныхъ въ разныхъ альманахахъ и сборникахъ. Кромѣ того, въ 1790 г. Ленцъ перевелъ съ русскаго и напечаталъ въ Москвѣ сочиненіе С. Плещеева о Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II подъ заглавіемъ: «Uebersicht des Russischen Reichs nach seiner gegenwärtigen neu eingerichteten Verfassung». Сочиненія Ленца были изданы Тиккомъ (Берлинъ, 3 тома. 1828 г.), но въ это изданіе, однако, не вошли нѣкоторыя его письма и рукописи, найденныя позже.

Gadebusch Livl. Bibl. ч. 2, стр. 177.—*Recke u. Napiersky*, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon, т. 3, стр. 48, 49. Митава, 1831 г. «Nachträge und Fortsetzungen». Митава, 1861 г., стр. 10, 11.—«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864, т. 16, стр. 870.—*Ефронъ*, «Энциклопедическій словарь», т. 34, стр. 539—540. *А. Г.*

Ленчевскій, *Бронславъ Петровичъ*, с. с., врачъ, родился въ 1845 г. въ Гродненской губ., умеръ въ 1883 г. Образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи курса въ которой (1868 г.) опредѣлился лѣкаремъ въ Читинскій военный полугоспиталь, а въ 1872 г. перевелся въ 2-ю конную бригаду Забайкальскаго казачьяго войска. Въ томъ же году онъ былъ прикомандированъ къ медицинской академіи, гдѣ въ 1874 г., по защитѣ диссертаціи «О сжимающемъ мышечномъ снарядѣ наружныхъ женскихъ половыхъ частей», получилъ степень доктора медицины и былъ назначенъ въ 27-ю артиллерійскую бригаду; затѣмъ въ 1876 г. онъ состоялъ старшимъ ординаторомъ военно-временнаго № 70 госпиталя, а въ 1879 г. обратно перешелъ въ 27-ю бригаду и въ томъ же году перевелся въ 26-ю артиллерійскую бригаду, гдѣ скоропостижно и скончался.

Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», тетр. IV, стр. 197.

Лео, *Александръ Христоформовичъ*, генералъ-маіоръ, родился 10-го марта 1827 г. и происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи. По окончаніи первоначальнаго образованія въ дворянскомъ полку, нынѣшнемъ Константиновскомъ училищѣ, онъ поступилъ въ 1846 г. на службу прапорщикомъ въ Псковскій гарнизонный баталіонъ. Спустя три года, началась его боевая жизнь. Онъ участвовалъ въ рядѣ кампаній: въ Венгерской (1849 г.), Турецкой (1854 г.) и Крымской (1855 г.). На его долю выпало также подавлять мятежъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г., за что онъ былъ произведенъ въ подполковники, а въ слѣдующемъ году работать надъ приведеніемъ въ дѣйствіе постановленій 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1869 г. онъ назначенъ былъ командиромъ Ревельскаго губернскаго батальона, въ 1871 г. командиромъ бывшаго Петербургскаго губернскаго батальона, въ 1874 г. петербургскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ и въ 1877 г. командиромъ 32-го пѣхотнаго Кременчугскаго полка. Произведенный въ 1884 г. въ генералъ-маіоры, онъ вышелъ въ отставку и въ слѣдующемъ 1885 г. скончался.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Формулярный списокъ полковника Александра Христофоровича Лео.

И. Артамонова.

Леонидовъ, *Леонидъ Львовичъ*, артистъ русской драматической труппы, родился 18 апрѣля 1821 г. въ Петербургѣ въ небогатой семьѣ чиновника, скончался въ ночь на 5 августа 1889 г. Воспитаніе получилъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ, откуда поступилъ въ труппу Александринскаго театра, дебютируя въ небольшихъ водевиляхъ на амплуа любовниковъ. Вскорѣ однако онъ былъ

переведенъ въ Москву. Здѣсь онъ выступилъ въ 1854 г. въ драмѣ «Бенвенуто Челлини» и занялъ репертуаръ своего учителя Каратыгина. При господствѣ на сценѣ классической драмы Леонидовъ пользовался успѣхомъ; съ водвореніемъ же на сценѣ бытовой комедіи онъ отодвинулся на второй планъ. Леонидовъ нѣкоторое время былъ преподавателемъ въ театральномъ училищѣ. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько театральныхъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» (1886 г., кн. 6. 1888 г., кн. 4 и 1892 г., кн. 2).

«Хроника Петербургскихъ театровъ» А. Вольфа. Спб. 1877—1884 г.г.—«Историческій Вѣстникъ» 1889 г., стр. 240.—«Новое Время» 1889 г., №№ 4826, 4830.—«Московскія Вѣдомости» 1889 г., № 219.—«Русская Старина» 1889 г., кн. IX, стр. 715—717.—«Русскія Вѣдомости» 1889 г., № 218.—*Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IX, стр. 39.

Леонидъ (*Александръ Зарѣцкій*), епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, родился въ 1802 году въ селѣ Игумновѣ, Калужской губерніи, умеръ въ 1885 г. По окончаніи курса въ Калужской семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 году и въ томъ же году былъ постриженъ въ монашество, рукоположенъ во іеромонаха и опредѣленъ учителемъ церковной исторіи и греческаго языка въ Новгородскую духовную семинарію съ исполненіемъ въ то же время и должности инспектора. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ инспекторомъ Смоленской семинаріи и учителемъ философскихъ наукъ; въ томъ же году обозрѣвалъ Вяземскія уѣздное и приходское училища и приходское училище въ селѣ Ахтыркѣ, за что получилъ одобреніе начальства; съ 21 декабря 1830 г. по 2 февраля 1832 года онъ исправлялъ должность ректора, а 6 апрѣля 1832 г. былъ назначенъ ректоромъ Смоленской семинаріи, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Смоленскаго Авраміева монастыря. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ цензоромъ проповѣдей, членомъ консисторіи и благочиннымъ Смоленскаго Троицкаго, Вознесенскаго Болдинскаго и Юхновскаго монастырей. Въ 1836 году Леонидъ былъ переведенъ изъ Смоленской семинаріи въ Могилевскую на ту же должность, съ назначеніемъ въ тоже время настоятелемъ Могилево-Братскаго монастыря, членомъ Могилевской консисторіи, цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ монастырей Оршанскихъ мужского и женскаго, Іоанно-Предтечева Полоцкаго, Буйницкаго Могилевскаго и Вознесенскаго Барколабовскаго. Въ 1840 г. онъ былъ командированъ для увѣщанія раскольниковъ, населяющихъ Лаврентьевскій и Никольскій монастыри въ Могилевской губерніи. Назначенный въ 1842 г. викаріемъ Новгородскаго митрополита, онъ въ 1850 г. былъ перемѣщенъ на Костромскую каѳедру, въ 1853 г. на Екатеринославскую и въ 1860 г. на Таврическую. 14 ноября 1864 года онъ былъ уволенъ на покой въ Рязанскій Ольговъ монастырь, гдѣ и скончался.

Строевъ П., «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей». Спб. 1877 г.—*Островскій П., протоіерей*, «Историко-статистическое описаніе Костромского первокласснаго каѳедральнаго Ипатьевскаго монастыря. Кострома. 1870 г., стр. 135—136.—*Савва, епископъ Харьковскій*, «Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ». Харьковъ. 1877 г., стр. 149.—*А. Родосскій*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи. 1814—1869 г.». Спб. 1907 г.—*Сперанскій И.*, «Очерки исторіи Смоленской духовной семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ со времени основанія семинаріи до ея преобразованія по уставу 1887 года (1728—1868 г.)». Смоленскъ. 1892 года.—*К. Здравомысловъ*, «Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Краткіе біографическіе очерки». Новгородъ. 1897 г.

А. Ник.

Леонидъ (въ мірѣ *Левъ Александровичъ Кавелинъ*), архимандритъ и намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры, род. 22 февраля 1822 г., ум. 22 октября 1891 г., происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи; въ 1835 г. поступилъ въ I-й Московскій кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ съ отличіемъ въ 1840 году опредѣленъ былъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, гдѣ прослужилъ 12-ть лѣтъ до 1852 года, когда съ чиномъ капитана вышелъ въ отставку. «Еще въ корпусѣ въ немъ начали ясно обозначаться черты того духовнаго настроенія, которое опредѣлило все послѣдующее содержаніе его жизни: религіозность и склонность къ учено-литературнымъ занятіямъ. Теплыя и задушевныя воспоминанія свои о жизни

корпусной онъ выразилъ въ своей статьѣ: «Празднованіе столѣтія перваго Московскаго кадетскаго корпуса». Спб. 1879 г. (Сравни также сообщеніе его: «В. Ф. Святловскій и А. П. Хрущовъ». Москва. 1878 г.). Въ 1839 году Левъ Кавелинъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками корпуса присутствовалъ на Бородинскомъ полѣ очевидцемъ устроенныхъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ бородинскихъ маневровъ и кадетамъ ихъ начальствомъ предложено было описать эти маневры; описаніе Льва Кавелина было признано лучшимъ и напечатано въ томъ же году въ 9-й книгѣ «Журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», т. XXI, № 81, стр. 92—103 подъ заглавіемъ «Письмо изъ Бородина» (Сравни его же стихотвореніе «Бородинское поле», подписанное также 1839 г., но напечатанное въ «Маякѣ» за 1844—1845 г., т. XIX, стр. 48). Почти тотчасъ же по выходѣ изъ корпуса Левъ Александровичъ сблизился съ двумя литераторами, отличавшимися, какъ и онъ, православно-религіознымъ направленіемъ: С. О. Бурачкомъ, издателемъ журнала «Маякъ», и А. П. Башуцкимъ, редакторомъ «Иллюстраціи», и въ ихъ изданіяхъ помѣщалъ свои дальнѣйшіе ученые и литературные опыты. Въ этотъ періодъ жизни имъ были напечатаны слѣдующіе литературные труды: «Краткое изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія онаго въ 1552 году» («Маякъ», 1843 г., т. VIII, стр. 49—58); «Сношенія Авгаря, царя Едесскаго съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ» (тамъ же, 1844 г., т. XIII, стр. 27—32); «Св. Авраамій, Болгарскій мученикъ» (тамъ же, стр. 103—106); «Посѣщеніе Болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериною II» (тамъ же, т. XIV, стр. 52—58); «Взглядъ на древнюю Польшу съ замѣчаніями о Литвѣ и Россіи», переводъ изъ сочиненія Мацѣевскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями (тамъ же, т. XV, стр. 33—41); «Изслѣдованіе народныхъ преданій Малороссіи о Купалѣ» (тамъ же, стр. 31—35); «Враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ противъ человѣка» съ «Письмомъ къ издателю» (тамъ же, т. XVI, стр. 1—31); «Гаданья малороссійскаго народа», съ польскаго (тамъ же, стр. 11—15); «Душа въ чахоткѣ», повѣсть, перев. съ польскаго (тамъ же, т. XVII, стр. 10—37 и 101—152); «Избавленіе Костромы отъ татарскаго нашествія—чудо иконы Ѳеодоровской Богоматери» и «Сказаніе о побѣдѣ благовѣрнаго князя Костромского и Галицкаго Василія Георгіевича Квашни надъ прегордымъ царемъ Батыемъ» (1845 г., т. XIX, стр. 93—112); «Отрывокъ изъ дневника закавказскаго офицера: Дербентъ» (тамъ же, стр. 23—39); «Нѣчто о сверхъестественной магіи» (т. XX, стр. 118—147); «Скорбной матери на смерть ея сына», стихотвореніе (т. XXI, стр. 7—8); «Мирологъ. Жалоба матери», стихотвореніе, съ новогреческаго (т. XXII, стр. 4—5; «Езопъ и Рафаэль», воспоминанія юности, передѣлано съ польскаго, и «Предчувствіе, разсказъ доктора» (тамъ же, стр. 1—32); «Жизнь и подвиги схимонаха Ѳеодора», рецензія съ «Письмомъ къ издателю» (т. XXIII, стр. 1—32); «Нѣчто о Миенскѣ» (тамъ же, стр. 23—30); «Памятники Бѣлорусской письменности», съ польскаго (тамъ же, стр. 30—32 и 124—131; «Морлахъ въ Венеціи», сербская пѣсня (т. XXIV, стр. 33—34); «Очерки Ораніенбаума» («Иллюстрація», т. I, № 15, стр. 233—235); «Болгара» (тамъ же, 1846 г., т. II, № 4, стр. 51—54 и № 5, стр. 68—71); «Александръ Ефимовичъ Измайловъ», его біографія и очеркъ литературной дѣятельности (тамъ же, № 17, стр. 265—270 и № 18, стр. 275—278); «Вилія», стихотвореніе, переводъ изъ «Конрада Валенрода» Мицкевича (тамъ же, № 17, стр. 273); перепечатано въ «Русской Старинѣ» за 1889 г., кн. 5, стр. 500—501 и кн. 7, стр. 203—204).

Перечисленныя выше статьи представляютъ историко-литературные, археологическіе и этнографическіе очерки, произведенія беллетристическія и стихотворенія и любопытны только, какъ матеріалъ для исторіи литературной дѣятельности отца Леонида. Здѣсь лишь «намѣчены тѣ черты, которыя впослѣдствіи развились въ литературныхъ произведеніяхъ его», — разумѣемъ, преимущественно, тяготѣніе его къ историко-археологическимъ изслѣдованіямъ памятниковъ русской старины и церковныхъ преданій.

Одновременно среди такихъ литературныхъ занятій молодой офицеръ подъ вліяніемъ благочестиваго настроенія предается изученію Св. Писанія и твореній отцовъ церкви, размышляетъ о сущности и тлѣнности всего земного, часто посѣщаетъ знаменитую Оптину пустынь, въ

нѣсколькихъ верстахъ отъ которой находилось имѣніе отца его. Частыя и долгія бесѣды съ начальникомъ скита Оптиной пустыни іеросхимонахомъ Макаріемъ, схимникомъ Леонидомъ и часто проживавшимъ въ Оптиной пустынѣ извѣстнымъ славянофиломъ И. В. Кирѣевскимъ постепенно привели его къ рѣшенію оставить военную службу: въ 1852 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поступилъ въ Оптину пустынь въ число послушниковъ. Въ это время онъ особенно занялся глубокимъ изученіемъ исторіи монашества и духа его. Плодомъ такого изученія было появленіе печатныхъ книгъ: «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящаго при ней скита Св. Іоанна Предтечи» (Спб. 1847 г., второе изданіе: Спб. 1862 г., третье изданіе: М. 1876 г.) и «Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго» (М. 1847 г., второе изданіе: М. 1848 г.).

Далѣе слѣдующія шесть трудовъ изданы Леонидомъ при близкомъ участіи поступившаго почти одновременно съ нимъ въ Оптину пустынь о. Ювеналія (въ мірѣ Ивана Андреевича Половцева), впослѣдствіи бывшаго намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры: «Преподобныхъ отцевъ Варсануфія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтахъ на вопрошеніе учениковъ, на славянскомъ нарѣчіи, гражданской печати», М. 1852 г.; «Огласительныя поученія преподобнаго и богоноснаго отца нашего Ѳеодора Исповѣдника, игумена обители Студійскаго, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ», М. 1853 г.; «Преподобнаго отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшаго Ниневійскаго, слова духовно-подвижническія, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ Величковскимъ». М. 1854 г.; «Преподобнаго отца нашего аввы Ѳалассія главы о любви, воздержаніи и духовной жизни, переведены съ греческаго на славянскій старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, съ переложеніемъ на русскій языкъ», М. 1855 г.; «Преподобнаго отца нашего аввы Дороѳея душеполезныя поученія и посланія, въ русскомъ переводѣ», М. 1856 г. и «Преподобнаго отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижническія слова, въ русскомъ переводѣ», М. 1858 г. Имъ же составленъ былъ «Каталогъ старопечатныхъ и рѣдкихъ книгъ, состоящихъ въ церквахъ и библіотекѣ Козельской Введенской Оптиной пустыни», который напечатанъ при «Запискѣ» архимандрита Моисея, озаглавленной: «Обозрѣніе древностей Козельской Введенской Оптиной пустыни», въ «Калужскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» за 1857 г., №№ 31—33, часть неофиціальная.

Пройдя иноческій искусъ подъ руководствомъ строгихъ подвижниковъ благочестія и старцевъ, Левъ Александровичъ 7-го сентября 1857 г. постригся въ монашество съ нареченіемъ имени Леонида въ честь схимника Оптинскаго скита Леонида, 20-го октября того же года былъ посвященъ въ іеродіакона, 29 того же октября—въ іеромонаха, а въ ноябрѣ того же года назначенъ былъ членомъ только что организованной Россійской духовной миссіи въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ о. Іувеналіемъ (Половцевымъ), начальникомъ которой былъ опредѣленъ епископъ Мелитопольскій Кириллъ (Наумовъ). Пробывъ около двухъ лѣтъ въ Іерусалимѣ, о. Леонидъ, по разстроенному здоровью, въ 1859 году уволенъ былъ въ Оптинскій скитъ, куда и прибылъ въ концѣ этого года, посѣтивъ по пути Аѳонъ, чудная природа и монастырское устройство котораго такъ очаровали его, что любимою мечтою его стало удалиться навсегда на покой въ одинъ изъ Аѳонскихъ монастырей. Вернувшись въ Оптину пустынь, о. Леонидъ по-прежнему предался литературнымъ занятіямъ, по преимуществу историко-археологическимъ. Въ это время имъ написаны и напечатаны слѣдующіе труды: «Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта русскихъ православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ», Спб. 1860 г. (анонимно); «Мѣсто моленія о Чашѣ близъ Іерусалима» («Духовная Бесѣда» 1860 г., № 38, подъ псевдонимомъ: «Хаджирумъ-Московъ»); «Взглядъ на историческія судьбы Св. Града» («Домашняя Бесѣда», 1860 г., вып. 30); «Голосъ въ защиту списателей Печерскаго Патерика—Св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, и преподобнаго Поликарпа, архимандрита Кіево-Печерской лавры» («Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1860 г., кн. IV); «Мнѣніе по вопросу о преобразованіи морскихъ учебныхъ заведеній» (Сборникъ: «Замѣчанія разныхъ лицъ на проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній», изданный адмираломъ гр. Е. В.

Путятинымъ). Въ 1860 году на рукахъ отца Леонида умерли: его руководитель въ монашеской жизни Оптинскій старецъ о. іеросхимонахъ Макарій и его мать, и о. Леонидъ не только кратко описалъ «Послѣдніе дни Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія» («Домашняя Бесѣда», вып. 47 и 48), но и составилъ подробное «Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти старца Оптинской пустыни іеросхимонаха Макарія», М. 1861 г.

Въ 1861-мъ году: «Письмо Бориса Петровича Шереметева къ боярину Тихону Никитину Стрешневу» («Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», кн. I); «Село Николо-Гостунское съ его древностями» Бѣлявскаго уѣзда, Тульской губерніи (тамъ же, кн. IV); «Старица Евфросинія» («Домашняя Бесѣда», вып. 28); «Титъ молчальникъ», умершій около 1824 года и похороненный въ городѣ Козельскѣ, Калужской губерніи» (тамъ же, вып. 36); «Журнальныя замѣтки», письмо къ редактору (тамъ же, вып. 41 и 49); «Индиферентизмъ», изъ письма И. В. Кирѣевскаго къ N (тамъ же, вып. 46); «Наѳанаилъ, іеросхимонахъ Задонскаго монастыря» (тамъ же, вып. 47); «Алексѣй Петровичъ Прокудинъ» (вып. 50).

Въ 1862 году: «Историческое описаніе Калужскаго Лаврентьева монастыря, нынѣшняго Калужскаго архіерейскаго дома, и принадлежащей къ оному Крестовой церкви» («Калужскія Епарх. Вѣдом.», №№ 1—4, 6—8. Отдѣльно: Калуга, 1862 г. и 1888 г.); «Древніе акты монастырскихъ архивовъ и церквей Калужской епархіи» (тамъ же, № 9); «Историческое описаніе Перемышльскаго Троицкаго Лютикова монастыря» (тамъ же, №№ 13—15, 17, 19, 22—23); «Записки инока, уроженца города Калуги, о его странствіи въ святый городъ Іерусалимъ изъ Москвы чрезъ Молдавію, Турцію и Египетъ, въ самомъ началѣ прошедшаго столѣтія» (тамъ же, № 20). Это — «Записки» священника Іоанна Лукьянова.—Отдѣльное изданіе: Калуга, 1862 г.; «Послѣдніе русскіе православные пустынножители», матеріалы для исторіи русскаго монашества («Домашн. Бесѣда», вып. 20 — 26); «Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей, входившей съ начала XV и до конца XVIII столѣтія въ составъ Крутицкой и частію Суздальской епархіи» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. 2).—Отдѣльно: М. 1862 г.; «Отвѣтъ г. Сп—кову на его вопросъ: были ли у насъ въ древней Руси епископы не монахи»? («День», № 35).—Отдѣльно: М. 1862 г., за подписью: «Ставросъ»; «Разсказъ очевидца о дѣйствіяхъ преосвященнаго Іакова по обращенію раскольниковъ въ Саратовской губерніи съ 1832 по 1839 годъ». Спб.; «Историческое описаніе Тихоновой Калужской пустыни» съ видомъ оной съ западной стороны. Спб.; «Собраніе писемъ блаженныя памяти Оптинскаго старца іеросхимонаха Макарія», М. 1862 г., т. I и 1863 г., т. II.

Въ 1863 году: «Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I). Отдѣльно: М. 1863 г.; «Великій постъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ», изъ писемъ къ С. О. Б-у, т. е. къ Семену Онисимовичу Бурачку («Душеполезное Чтеніе», кн. 2, 3, 4). Отдѣльно: М. 1864 г.; «День годовой памяти покойнаго архимандрита Оптинской пустыни Моисея» («Калужскія Епарх. Вѣдомости», № 12); «Историческое описаніе Бѣлевскаго дѣвичьяго Крестовоздвиженскаго третьеклассnаго монастыря», съ видомъ онаго съ восточной стороны. Спб.; «Историческое описаніе Малоярославецкаго Черноостровскаго Николаевскаго общежительнаго монастыря». Спб.

Въ этомъ же 1863-мъ году о. Леонидъ за свои труды по участію въ дѣлахъ Іерусалимской миссіи и за другія заслуги награжденъ былъ наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями изъ Кабинета Его Величества и былъ назначенъ на мѣсто преосвященнаго Кирилла начальникомъ Іерусалимской миссіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Но въ этой должности онъ былъ недолго: вслѣдствіе происшедшихъ въ миссіи раздоровъ и столкновенія его съ Іерусалимскимъ патріархомъ Кирилломъ и съ представителями русскаго правительства въ Іерусалимѣ возникло въ началѣ 1865 г. дѣло «о переустройствѣ» нашей миссіи въ Іерусалимѣ, которое очень озаботчивало всероссійскій Св. Синодъ и особенно митрополита Московскаго Филарета, взявшаго подъ свою защиту о. Леонида. Послѣдній вышелъ съ честію изъ борьбы съ своими противниками: указомъ Св. Синода отъ 16 іюля 1865 г. онъ былъ

назначенъ настоятелемъ церкви при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Вторичное пребываніе въ Іерусалимѣ и служба въ Константинополѣ дали поводъ и возможность отцу Леониду ближе и многостороннѣе ознакомиться съ православнымъ Востокомъ. Изъ Константинополя онъ неоднократно совершалъ путешествія на Аѳонъ и въ славянскія земли Балканскаго полуострова, во время которыхъ розыскалъ и изслѣдовалъ много древнихъ рукописей, особенно славянскихъ и другихъ предметовъ древности. Въ этотъ періодъ жизни о. Леонида и позднѣе появились ученые труды его, въ которыхъ археологія славянская, особенно юго-славянская занимала не послѣднее мѣсто въ соединеніи отчасти съ греко-восточною, отчасти русскою. Къ русской археологіи принадлежатъ слѣдующія напечатанныя въ 1865 г. сочиненія: «Церковный уставъ XVI столѣтія» («Извѣстія Импер. Русскаго Археол. Общества», т. V); «Историко-статистическое описаніе Бѣлевской Жабынской Введенской мужской общежительной пустыни». Тула; «Историческое описаніе Коренной Рождество-Богородицкой пустыни». Спб.; «Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи» («Чтенія въ Общ. Исторіи, кн. IV) и между прочимъ: «Пустыня Св. Троицы» («Херсонскія Епарх. Вѣдомости») и «Митрополитъ Агаѳангелъ», некрологъ (тамъ же, № 15, «Странникъ», кн. 9).

Изученію южнаго славянства и отчасти православнаго Востока посвящены слѣдующія сочиненія его, напечатанныя въ 1866 году: «Историческій очеркъ древней Болгарской церковной іерархіи, отъ принятія Болгарами христіанской вѣры (въ 861 г.) до упраздненія Болгарскаго Терновскаго патріархата» («Херсонскія Епарх. Вѣдомости», № 9 и отдѣльный оттискъ: Одесса. 1866 г.); «Обращеніе Хиландарской Лавры въ общежитіе» (тамъ же, № 17); «Архіепископія первой Юстиніаны Охридская и ея просвѣтительное вліяніе на южныхъ славянъ — болгаръ и сербовъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. IV и отдѣльный оттискъ: М. 1867 г.); «Историческое обозрѣніе Аѳонскихъ славянскихъ обителей» («Херсонскія Епарх. Вѣдомости», №№ 21, 22, 24, 1867 г., №№ 1—2 и отдѣльный оттискъ: Одесса. 1867 г.).

Въ 1867 году: «Русскій монастырь св. Пантелеймона — Русикъ» («Херсонскія Епарх. Вѣдомости», №№ 6, 7, 17—22 и отдѣльно: Одесса. 1867 г.); «Рѣчи при встрѣчѣ великихъ князей Алексія Александровича и Сергія Александровича съ великою княжною Маріей Александровной» (тамъ же, № 19); «Извѣстіе о кончинѣ настоятеля Зографской Аѳонской обители игумена Анѳима» (тамъ же); «О славянскихъ переводахъ церковнаго богослужебнаго устава» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. II); «Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію» (тамъ же); «Сербская иноческая обитель въ Палестинѣ» (тамъ же, кн. 3); «Историческое описаніе Сербской царской Лавры Хиландаря и ея отношенія къ царствамъ Сербскому и Русскому» (тамъ же, кн. 4 и отдѣльно: М. 1868 г.); «Двухдневное пребываніе на св. горѣ Аѳонской в. к. Алексія Александровича» («Херсонскія Епарх. Вѣдом.», № 20 и отдѣльно: Спб. 1868 г.); «Лавра св. Саввы Освященнаго» (тамъ же, №№ 23, 24, 1868 г., №№ 5—10 и отдѣльно: Одесса. 1868 г.).

Въ 1868 году: «Изображенія славянскихъ первоучителей и просвѣтителей святыхъ Кирилла и Меѳодія на иконѣ Николая Скоропомощника въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «Ханъ Нагай и его вліяніе на Россію и южныхъ славянъ» (тамъ же, кн. III); «Монастырь Липеси, мѣсто погребенія греческой царицы, русской княжны Анны Васильевны» («Утро», сборникъ Погодина, М. 1868); «Хиландарски типик или устав св. Саве» («Гласникъ», кн. 7 и отдѣльно: Бѣлградъ, 1868 г.); «Стара Српска писма из Руского монастира св. Пантелеимона у светој гори» (тамъ же и отдѣльно: Бѣлградъ, 1868 г.); «Студійскій монастырь въ Константинополѣ» («Херсонскія Епарх. Вѣдомости», № 22) и между прочимъ: «Опись города Болхова Троицкаго Оптина монастыря по 1779 годъ» (кн. 4).

Въ 1869 году: «Іеромонахъ Константинъ Неаполитанскій (Новгородскій), капелланъ Русскаго Императорскаго резидента въ Константинополѣ, убіенный турками 26 декабря 1742 года причтенный Греческою Константинопольскою церковью къ лику святыхъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «О соединеніи подъ общимъ управленіемъ Болгарскаго

Рыльскаго и Русскаго Аѳонскаго монастырей» (тамъ же, кн. 3).

Нѣсколько позже появились въ свѣтъ слѣдующія его изслѣдованія и сообщенія: «Сочиненія бл. Ѳеофилакта Болгарскаго, архіепископа первой Юстиніаны» («Чтенія въ Общ. Ист.», 1870 г., IV кн.); «Послѣдній патріархъ Болгарскаго царства—блаженный Евѳимій и его сочиненія» (тамъ же); «Обозрѣніе цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ (тамъ же): «Греческія книгохранилища востока и ихъ рукописи, осмотрѣнныя однимъ англійскимъ путешественникомъ въ 1858 г. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго (тамъ же); «Хрисовулья царя Стефана, дата у Скапльу 1347 године» («Гласникъ», 1870 г., кн. 10); «Пустыня Мавромоло», изъ археологическихъ поисковъ въ окрестностяхъ Константинополя («Моск. Епарх. Вѣдомости». № 26); «Память о св. великомъ князѣ Владимірѣ у южныхъ славянъ» (тамъ же, № 45); «Іерусалимъ, Палестина и Аѳонъ по русскимъ паломникамъ XIV—XVI вѣковъ. Сводные тексты оныхъ, съ объяснительными примѣчаніями, основанными на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», 1871, I кн.); «Объясненіе къ областной картѣ трехъ автокефальныхъ славянскихъ церквей на Балканскомъ полуостровѣ» («Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи». Спб. 1871 г., т. IV); «Замѣтка о Бессахъ славянахъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», 1871 г., кн. IV); «Къ исторіи юго-славянскаго монашества XIV столѣтія» («Душеполезное Чтеніе», 1871 г., кн. I); «Изъ записокъ инока-паломника» (тамъ же, 1870—1873 г.г.); «Настоятель Ильинскаго скита, что на Аѳонской горѣ, архимандритъ Паисій» (тамъ же, 1872 г., кн. 4); «Старый Іерусалимъ и его окрестности», Москва. 1871 г. и 1873 г.; «Историческое обозрѣніе славянскихъ обителей: Зографа, Русика и Хиландаря»; «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ монастыряхъ Хиландарѣ и св. Павлѣ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», 1875 г., кн. I) и «Сказаніе о св. Аѳонской горѣ игумена Русскаго Пантелеймонова монастыря Іоакима и иныхъ святогорскихъ старцевъ» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древ. Письм., за 1882 г.); «Исторія и описаніе св. Земли и св. Града Іерусалима», сочиненіе патріарха Хрисанѳа (тамъ же, 1887 г.); «Разсказъ о святогорскихъ монастыряхъ архим. Ѳеофана (Сербина)», 1663 — 1666 г.г. (тамъ же. 1883 г.); «Дворъ цесаря Турецкаго, сочиненіе ксенза Симона Старовольскаго» (тамъ же).

Въ 1869 г. Леонидъ былъ назначенъ настоятелемъ ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря въ Московской епархіи. Здѣсь онъ много потрудился надъ внѣшнимъ и внутреннимъ благоустройствомъ обители: при помощи извѣстнаго благотворителя П. Г. Цурикова онъ возобновилъ оконченный постройкою графомъ Растрелли храмъ Гроба Господня и весь монастырь и, какъ опытный археологъ, до мельчайшихъ подробностей сохранилъ тотъ видъ его, въ какомъ монастырь находился при основателѣ своемъ патріархѣ Никонѣ, упорядочивъ въ то же время внѣшній и внутренній бытъ монастырской братіи. Одновременно о. Леонидъ неутомимо продолжалъ трудиться надъ изслѣдованіями въ области исторіи и древности, и прежде всего надъ изученіемъ археологическихъ памятниковъ и архива своего монастыря и основателя его патріарха Никона. Уже въ 1869 г. онъ помѣстилъ въ № 44 «Московскихъ Епарх. Вѣдомостей» замѣтку: «Посѣщеніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря Михаиломъ, митрополитомъ Сербскимъ». Въ 1870 году онъ составилъ «Мѣсяцесловъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря для посѣтителей и богомольцевъ сей св. обители». М. 1870 г. Второе изданіе. М. 1875 г.; «Описаніе соборнаго храма Воскресенія Христова, построеннаго по Іерусалимскому образцу святѣйшимъ патріархомъ Никономъ въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ, монастырѣ». М. 1870 г.; «14-е сентября въ Новомъ Іерусалимѣ» («Моск. Епарх. Вѣдомости», № 39) и «Богомолецъ изъ Галичины въ Новомъ Іерусалимѣ» (тамъ же). — Въ слѣдующемъ 1871-мъ году онъ напечаталъ: «Описаніе славяно-русскихъ рукописей библіотеки Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря и замѣтки о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ той же библіотеки» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I) и «Историческое извѣстіе о причинахъ устроенія въ Новомъ Іерусалимѣ придѣла во имя мученицы Татіаны» («Душеполезное Чтеніе», кн. 9). Съ этого года архимандритъ Леонидъ неоднократно издавалъ извѣстное «Житіе патріарха Ни-

кона», составленное Шушеринымъ.—Въ 1872-мъ году изданы: «Краткое извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и житіи свят. Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи» и «Краткое историческое сказаніе о началѣ и устроеніи Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря». — Къ 1873 году относится трудъ его: «Переписка святѣйшаго патріарха Никона съ митрополитомъ Аѳанасіемъ и граматоносцемъ Саввою 1665—1666 г.г.» («Русскій Архивъ», кн. 9). О Никонѣ же помѣщена имъ небольшая замѣтка въ кн. 8 «Русскаго Архива» за 1878 г. подъ заглавіемъ: «Черта къ жизнеописанію патріарха Никона». Сюда же нужно отнести статью его: «Діаконъ Луговской, по Татищеву писатель XVII в., и его сочиненіе о судѣ надъ патріархомъ Никономъ» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм., за 1885 г.).—Въ слѣдующемъ 1874 году въ «Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи» (III и IV книги и I—III книги 1875 г.) появилось «Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, составленное по монастырскимъ актамъ» съ приложеніемъ портрета патріарха Никона. Отдѣльно: М. 1876 г.

Наряду и одновременно съ поименованными трудами по исторіи Воскресенскаго монастыря архимандритомъ Леонидомъ напечатаны были и другія историческія статьи и сообщенія, а именно: въ 1870-мъ году: «Историческое описаніе Мещевскаго Георгіевскаго мужского общежительнаго монастыря». М.; «Обращеніе Сеньки (Сильвестра) Медвѣдева» («Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей», кн. 2); «Чинъ, како входитъ святитель на воспоминаніе страшнаго суда, бываемое въ недѣлю мясопустную» («Моск. Епарх. Вѣдомости», № 7); «Некрологъ священника Андрея Семеновича Введенскаго» (тамъ же, № 42); «Волоколамская Левкіева пустынь и ея основатель преподобный Левкій» («Чтенія въ Обществѣ любителей дух. просвѣщенія», кн. 12. Отдѣльно: М. 1870 г.).

Въ 1871 году: «Воспоминанія о трехъ русскихъ православныхъ священникахъ», изъ пережитаго, но не забытаго прошлаго («Душеполезное Чтеніе», кн. 1); «Московскій домъ Синодальныхъ пѣвчихъ» («Моск. Епарх. Вѣдом.», № 15); «Церковь Воскресенія Христова, что въ Панѣхъ» (тамъ же, № 26); «Упраздненный Пятницкій Берендѣевъ монастырь, нынѣ село Пятница Берендѣева, и акты, относящіеся къ нему» («Чтенія въ Общ. Ист. и Древностей», кн. IV).

Въ 1872 году: «Надгробное слово Григорія Цамблака россійскому архіепископу Кипріану» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «Рапортъ протоіерея Петра Алексѣева объ исповѣди и причастіи Пугачева съ товарищи» (тамъ же); «Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ и «Изслѣдованіе о родѣ Стрѣшневыхъ» (тамъ же, кн. II); «Нѣсколько разсказовъ о Петрѣ Великомъ», изъ записной книжки XVIII столѣтія» (тамъ же); «Историческое описаніе Борисовской Тихвинской пустыни, составленное по монастырскимъ письменнымъ памятникамъ и записямъ», съ четырьмя изображеніями (тамъ же); «Село Полево или Полевщина и его владѣльцы Полевы и Балкъ-Полевы («Душеполезное Чтеніе», кн. IV).

Въ 1873 году: «Звенигородъ и его соборный храмъ съ фресками» («Сборникъ, изд. Общ. древне-русскаго искусства); «Родъ князей Звенигородскихъ» («Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства», кн. I); «Паломники писатели Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени или путники во св. градъ Іерусалимъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. III); «Замѣчаніе объ извѣстномъ пѣшеходѣ-паломникѣ Василіи Григорьевичѣ Плакѣ-Альбовѣ, его возвращеніи на родину и мѣстѣ погребенія» (тамъ же, кн. IV); «Память о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ въ Мещевскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ ея родины» («Русскій Архивъ, кн. IV); «Юшковы и Самарины» («Русск. Старина», кн. 7).

Въ 1874 году: «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); это изслѣдованіе было начато Д. П. Голохвастовымъ въ 1849 г., но докончено архим. Леонидомъ въ 1873 году; «Царская жалованная грамота думному дьяку Емельяну Украинцеву по заключеніи мира съ Польшею», 31 января 1687 года (тамъ же); «Къ біографіи кн. А. Д. Меншикова», изъ столбцовъ Воскресенскаго монастыря, 1699 г. («Русская Старина», кн. I); «Презентальныя деньги» 1716 г. (тамъ же); «Петровскія и другія бумаги», 1708—1720 г.г. («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. II); «Архимандритъ Варлаамъ, духовникъ императрицы Анны Іоанновны», біографическій очеркъ («Русскій Архивъ», кн. 3); «Изъясненіе раскола, именуемаго

«христовщина или хлыстовщина», составленное Іоанномъ Сергѣевымъ, бывшимъ самовидцемъ всѣхъ таинствъ онаго раскола («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. III).— Въ 1875 г.: «Къ столѣтію I-го Московскаго корпуса», переписка съ М. Д. Хмыровымъ и А. Н. Корсаковымъ («Русскій Архивъ», кн. 5); «Одинъ изъ указовъ Петра Великаго противъ пьянства» (тамъ же, кн. 7); «Описаніе Лихвинскаго Петровскаго мужского монастыря» («Чтенія въ Обществѣ Ист.», кн. IV).

Въ 1876 году: «Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида, въ схимѣ Льва». М. 1876; «Къ біографіи Симеона Полоцкаго» («Древн. и Новая Россія», т. I); «Духовники великихъ князей и царей Московскихъ и всея Россіи» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «Выписка изъ Большого синодика Гребневскія Божія Матери объ убіенныхъ подъ Конотопомъ» (тамъ же); «Стефанъ, архіепископъ Суздальскій» (тамъ же); «Клинская Изосимпнская пустынь» (тамъ же, кн. II); «Царскіе духовники XVIII столѣтія» (тамъ же, кн. III); «Правая грамата Клинской Изосиминской пустыни», 1539 г. (тамъ же, кн. IV); «Пельгримація, или путешественникъ честного іеромонаха Ипполита Вишѣнскаго, постриженцы св. страстотерпецъ Бориса и Глѣба, катедры Чернѣговской во св. градъ Іерусалимъ», 1707—1709 гг. (тамъ же); «Переписка царя Петра съ патріархомъ Адріаномъ» (тамъ же); «Два стихотворенія А. С. Цурикова»: «Завѣтъ моимъ дѣтямъ» и «Дѣдушка Суворовъ» (тамъ же); «Хекимъ-Баши, похожденія Джузеппо Антонелли, доктора въ Турецкой службѣ», сочиненіе Сандвича, переводъ съ сербскаго (Газ. «Гатцука» 1876 и 1877 гг.).

Въ 1877 году: «Историческія замѣтки о московскихъ монастыряхъ Спаса Стараго, нынѣ Заиконоспасскаго, и Николы Чудотворца Стараго (нынѣ Никольскаго Греческаго), въ связи съ лѣтописью московскихъ пожаровъ съ XIV по XVIII вѣкъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «Письма митрополита Филарета къ Д. П. Голохвастову», по случаю изданія «Домостроя» Сильвестра (тамъ же); «Лѣтопись Калужская», по 1840 годъ (тамъ же, кн. II); «Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други» («Русскій Архивъ», кн. 10); «Историческій очеркъ города Дмитрова», въ связи съ исторіей его соборнаго храма и монастырей его области до XVIII «столѣтія» («Чтенія въ Общ. Любителей Дух. Просвѣщенія», 1877 г., кн. I; 1878 г., кн. 3).

Въ томъ же 1877 году архимандритъ Леонидъ указомъ Св. Синода отъ 3 іюня назначенъ былъ на важный и почетный постъ намѣстника Троице-Сергіевой лавры, на мѣсто скончавшагося 12 мая архимандрита Антонія, занимавшаго этотъ постъ въ теченіе сорока шести лѣтъ, «пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ благочестивыхъ сферахъ московскаго общества и заслужившаго уваженіе и пріязнь московскаго митрополита Филарета». Будучи самъ строгимъ монахомъ, о. Леонидъ требовалъ и отъ другихъ строгаго отношенія къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ ввелъ строгій порядокъ въ жизнь обители. Въ тоже время онъ много заботился и о внѣшнемъ благоустройствѣ ея; какъ хорошій археологъ, онъ, по порученію Московскаго Археологическаго Общества, возстановилъ главнѣйшія зданія обители. Несмотря на сложные труды и обязанности по должности намѣстника, архимандритъ Леонидъ все же не оставлялъ своихъ и литературныхъ занятій и, работая большею частію по ночамъ, написалъ много ученыхъ трудовъ и въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить труды его, касающіеся обители преподобнаго Сергія, а именно: «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры», составленное по рукописнымъ и печатнымъ источникамъ А. В. Горскимъ. Приложенія къ этому сочиненію принадлежатъ о. Леониду («Чтенія въ Общ. Исторіи», 1878 г., кн. IV и 1879 г., кн. II); «Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры», составленное библіотекарями лавры іеромонахами Иларіемъ и Арсеніемъ, изданные исключительно при содѣйствіи о. Леонида (тамъ же, 1878 и 1879 гг.); «Славянскія рукописи, хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры» (тамъ же, 1880 г., кн. IV); «Участіе препод. Сергія въ событіяхъ 1380 года», М. 1880 г. (брошюра); «Жалованная грамота Троице-Сергіеву монастырю отъ удѣльнаго Дмитровскаго князя Юрія Ивановича въ 1504 году» (тамъ же, 1881 г., кн. I); «Надписи Троицкой-Сергіевой лавры» (Записки славянорус. отдѣленія Императ. Русс. Археол. Общ., т. III и отдѣльно: Спб. 1881 г.); «Хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго дьякона

Троице-Сергіева монастыря Іоны, по прозвищу Маленькаго, 1648—1652 гг.» (Памятники, изд. Общ. Любит. Древ. Письмен. 1882 г.); «Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилищъ Св. Троицкой Сергіевой лавры въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 году» («Чтенія въ Общ. Исторіи, 1883 г., кн. I, II и IV, 1884 г., кн. III—IV, 1885 г., кн. I). Отдѣльно: М. 1887 г., два выпуска, съ указателемъ, помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ» (1886 г., кн. III); «Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя въ XV в. его ученикомъ Епифаніемъ Премудрымъ» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древ. Письм. 1885 г.). Въ 1885 году архимандритъ Леонидъ предпринялъ «Систематическое описаніе славянороссійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова». Трудъ этотъ капитальный оконченъ имъ въ 1888 г. и напечатанъ въ 1893—1894 г.г.

Имъ же напечатаны слѣдующія разнообразныя статьи, замѣтки и изданія: въ 1878 году: «Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря», 1582—1706 гг. («Русс. Истор. Библіотека», изд. Археографическою Комиссіею, Спб., т. V); «Московскій Звенигородъ и его уѣздъ въ церковно-археологическомъ отношеніи» («Древности—Труды Импер. Московск. Археол. Общ.», т. VII). — Отдѣльно: М. 1878 г.; «Лѣтопись Боголюбова монастыря съ 1158 по 1770 г., составленная по монастырскимъ актамъ и записямъ игуменомъ Аристархомъ въ 1760—1769 годахъ» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. I); «Казанье двое: одно на Преображеніе (6 августа), другое на Успенье (15 августа), Леонтія Карповича, архимандрита Виленскаго Братскаго монастыря», 1615 г. (тамъ же); «Махрищскій монастырь» (тамъ же, кн. III); «Переписка Петра I-го съ патріархомъ Адріаномъ», 1697 г., изъ рукописнаго лѣтописца («Русск. Архивъ», кн. I); «Родословная Отрепьевыхъ», по рукописи XVII в. Ново-Іерусалимскаго монастыря (тамъ же, кн. IV); «Первая война русскихъ съ турками»: лѣтописное сказаніе объ осадѣ Чигирина въ 1678 г. (тамъ же, кн. VI); «Таинственный колокольный звонъ», чрезвычайное происшествіе въ Цареконстантиновѣ монастырѣ, 1753 г. (тамъ же).

Въ 1879 году: «Греческія сказки объ армянской вѣрѣ, перешедшія въ нашу древнюю русскую письменность» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. II), «Виѳанскія келліи митрополита Московскаго Платона» (тамъ же, кн. IV).

Въ 1880 г.: «Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ—«О вѣрѣ», 1625 г. (тамъ же, кн. I); «Новыя свѣдѣнія о Троицкомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, погибшей въ Московскомъ пожарѣ 1812 года» (тамъ же, кн. II); «Монастырскіе столовые обиходники Волоколамскаго Іосифова и Новоспасскаго монастырей» (тамъ же, кн. III).

Въ 1881 году: «Копіи съ писемъ Петра Великаго», 1700—1725 гг. («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. IV); «Историческія сказанія и повѣсти о святыхъ чудотворныхъ иконахъ» («Русскій Архивъ», кн. III); «Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго чудотворца и похвала ему», изслѣдованіе двухъ памятниковъ древней русской письменности XI в., Спб., 1881 г. (Изд. Общ. Люб. Древ. Письм.).

Въ 1882 году: «Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм.); «Библіографическая замѣтка о служебникахъ Виленской печати XVI вѣка» (тамъ же); «Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Ярославича Невскаго» (тамъ же); «Благовѣрная царевна Марѳа Алексѣевна, опальная сестра Петра Великаго, въ монашествѣ Маргарита» («Русскій Архивъ», кн. IX).

Въ 1883 году: «Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1568 гг.» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм.); «Проскинитарій св. мѣстъ св. града Іерусалима», съ греческаго на славянскій переводъ чудовскаго монаха Евѳимія въ 1686 году» (тамъ же); «Аѳонская гора и Соловецкій монастырь»: труды чудовскаго іеродіакона Дамаскина, 1701—1706 г.г. (тамъ же); «Вкладная книга Московскаго Новоспасскаго монастыря» (тамъ же); «Родословіе Высочайшей фамиліи Е. И. В. Государыни Императрицы Елисаветы Петровны», сочин., приписываемое П. Крекшину, 1745 г. (тамъ же); «По поводу одного спорнаго выраженія въ подписи на спискѣ книгъ пророческихъ съ толкованіями», 1047 г. («Записки Академіи Наукъ», т. XLVII); «Два акта XV вѣка» («Извѣстія Импер. Русскаго Археологическаго Общ.», т. X).— Въ 1884 году: «Объ инроговой кости и ея цѣлебныхъ свойствахъ», три оффиціальные

акта 1639 года («Русскій Архивъ», вып. V); «Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ, Владимірской губерніи», Спб. 1884 г.; «О посѣщеніи Болгарскихъ развалинъ «Петромъ I и Екатериною II» («Труды IV Археологическаго съѣзда», Казань, 1884 г., т. I), «Путешествіе св. Саввы, архіепископа Сербскаго», 1225—1237 гг. («Православн. Палестинскій Сборникъ», вып. V); «Хоженіе гостя Василія» 1465—1466 гг. (тамъ же); «О книгѣ И. Каратаева»: «Описаніе славянорусскихъ книгъ» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», кн. 5); «Путешествіе на Кавказъ и пребываніе въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ». М. 1884 г.

Въ 1885 году: «Поученіе на Богоявленіе Господне, современное Паннонскимъ житіямъ свв. Кирилла и Меѳодія и приписываемое ученику ихъ Клименту» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм.); «Разрядныя записи о лицахъ, бывшихъ на вторыхъ свадьбахъ царей Михаила Ѳеодоровича въ 1622 году и Алексѣя Михайловича въ 1671 году» (тамъ же); «За Богомъ молитва не пропадаетъ» («Русскій Архивъ», т. I); «Мнѣніе митрополита Филарета объ отправленіи церковныхъ древностей на Парижскую выставку», 1867 г. (тамъ же, т. II); «Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь» М. 1885 г. Второе изданіе: М. 1888 г.

Въ 1886 году: «Стихиры, положенныя на Крюковыя ноты», твореніе царя Іоанна, деспота Россійскаго (Памятники, изд. Общ Люб. Древн. Письм.); «Посланіе къ неизвѣстному противъ люторовъ», твореніе Парѳенія Уродиваго, писателя XVI в. (тамъ же); «Повѣсть о Царьградѣ» (его основаніе и взятіе Турками въ 1453 году) Нестора Искандера, XV в. (тамъ же); «Письма А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Гильфердинга» («Записки Импер. Русск. Археолог. Общества», новая серія, т. I); «Польское показаніе о Димитріи Самозванцѣ» («Русскій Архивъ», т. III).

Въ 1887 году: «Житіе преподобнаго Власія мниха» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм.); «Смутное время и Московско-Польская война отъ появленія перваго самозванца изъ Польши въ 1604 году до Деулинскаго перемирія» 1618 года (тамъ же); «Абхазія и ея христіанскія древности», Спб. 1887 г.; «Сказанія Епифанія мниха о пути къ Іерусалиму», 1415—1417 гг. «Православн. Палестинскій Сборникъ», (вып. XV).

Въ 1888 году: «Ефрема, епископа Переяславскаго, посмертныя чудеса святителя Николая, архіепископа Мирликійскаго чудотворца» (Памятники, изд. Общ. Люб. Древн. Письм.); «Три статьи къ Русскому Палестиновѣдѣнію» («Православн Палестинскій Сборникъ», вып. XVI); «Двѣ грамоты царя Ивана Васильевича Грознаго въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь», 1580 и 1582 г. г. («Русскій Архивъ», кн. V) «Откуда родомъ была св. великая княгиня Русская Ольга», («Русская Старина», кн. 7).

Въ 1889 году: «Сказаніе о св. Софіи Цареградской», памятникъ древней русской письменности к. XII в. (Памятники, изд. Общ. Люб. Древней Письм.); «Благодатная сила таинствъ Православной церкви» (Троицкіе листки, № 2); «Древняя рукопись» («Русскій Вѣстникъ», кн. IV); «Казанскій митрополитъ Маркелъ» 1698 («Русскій Архивъ», кн. VI); «Письмо Н. В. Гоголя къ одному изъ Оптинскихъ старцевъ» (тамъ же, кн. XII).

Въ 1890 году: «Два памятника древнерусской Кіевской письменности XI—XII вѣковъ: 1) слово о перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго, сочиненіе монаха Нестора, и 2) похвала преподобному Ѳеодосію Печерскому, неизвѣстнаго архимандрита Сераѳіона» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. II); «Новгородская исторія», сочиненіе П. И. Сумарокова, 1812—1815 гг. (тамъ же, кн. II), «Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вѣковъ: памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вѣковъ» (тамъ же, кн. III); «Свѣдѣнія о славянскихъ и русскихъ переводахъ Патериковъ различныхъ наименованій и обзоръ редакцій оныхъ», (тамъ же, кн. IV); «Графъ Петръ Андреевичъ Толстой», замѣтка («Русскій Архивъ», кн. IV); «Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго» («Кіевская Старина», т. XXXI); «Филологическая замѣтка» («Русскій Филолог. Вѣстникъ», кн. III).

Въ 1891 году: «Святая Русь» или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси обще и мѣстно чтимыхъ до XVIII вѣка. Справочная книга по русской агіографіи. (Памятники, изд. Общ. Любит. Древн. Письм.

т. 97); «Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Ново-Іерусалимскаго, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева - Боровскаго», составленное въ 1820-хъ годахъ П. М. Строевымъ (тамъ же, т. 98); «Рукописи сербскаго письма XIII—XVIII вѣковъ, находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи» («Чтенія въ Общ. Исторіи», кн. II); «О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ» (Сборникъ отд. русск. яз. Академіи Наукъ, т. 53). — Отдѣльно: Спб. 1891 г.; «Замѣтка о словѣ» «искоуриловицѣ» («Русск. Филолог. Вѣстникъ», 1891 г., кн. I); «Эпиграмма на Сенковскаго», сороковыхъ годовъ («Русск. Архивъ», кн. VII); «Житіе св. Ѳеодора, архіепископа Ростовскаго», по синодальному списку 1723 года («Душеполезное Чтеніе», кн. V—VII).—Отдѣльный оттискъ: М. 1891 г.

Послѣ же смерти архимандрита Леонида были напечатаны слѣдующіе его труды: «Слово о житіи преп. Аѳанасія Высоцкаго», Каріона Истомина («Душеполезное Чтеніе», 1892 г., книги 1, 6, 8, 9); «Памятныя записи пятнадцатаго вѣка» («Русскій Архивъ», 1894 г., кн. 6); во 2-й кн. «Христіанскаго Чтенія» за 1900 г. напечатано «Письмо архим. Леонида къ Московскому митрополиту Филарету», отъ 20 августа 1866 года.

И. Корсунскій, «Намѣстникъ Сергіевой лавры, архимандритъ Леонидъ» («Душеполезное Чтеніе», 1892 г., №№ 1 и 7).—*Д. Корсаковъ*, «Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ)» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1891 г., декабрь, 126—146 стр.).—*М. И. Семевскій*, «Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка по Россіи въ 1888 году», гл. III. «Троицкая лавра» («Русская Старина», 1889 г., кн. 5, стр. 498—502).—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. XI, стр. 91—116.—«Историческій Вѣстникъ», 1891 г., кн. 12, стр. 861—862.—«Новое Время», 1891 г., № 5624.—«Московскія Вѣдомости» 1891 г., №№ 293, 295, 296, 301, 306.—«Русскій Вѣстникъ» 1891 г., кн. 12, стр. 358.—«Церковныя Вѣдомости» 1891 г., № 44.—«Всемірная Иллюстрація» 1891 г., № 46.—«Душеполезное Чтеніе» 1891 г., № 12.—«Московскій Листокъ» 1892 г., № 81.—«Чтенія въ Им. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1892 г., кн. II.—«Московская Иллюстрирован. Газета», 1891 г., №№ 296—298.—«Библіографическія Записки» 1892 г., №№ 1, 2, 9, 10.

А. Никольскій.

Леонидъ (въ мірѣ *Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ*), архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, сынъ дворянина, товарища герольдмейстера, родился 16 февраля 1817 года въ С.-Петербургѣ и первоначальное образованіе получилъ въ англійскомъ, потомъ въ французскомъ пансіонѣ, гдѣ практически изучилъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Въ 1829 году онъ помѣщенъ былъ родителями въ горный кадетскій корпусъ, гдѣ сблизился почти съ сверстникомъ своимъ по лѣтамъ Николаемъ Слѣпцовымъ, сыномъ саратовскаго помѣщика. Въ 1832 году Краснопѣвковъ оставилъ горный корпусъ и послѣ домашняго приготовленія въ февралѣ 1834 года опредѣлился юнкеромъ въ Балтійскій флотъ и былъ зачисленъ въ 14-й флотскій экипажъ, а по выдержаніи экзамена въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1836 г. произведенъ въ мичманы. Служа во флотѣ, Краснопѣвковъ познакомился съ архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, настоятелемъ Сергіевской пустыни, близъ г. С.-Петербурга, который познакомилъ его съ монашескою жизнію; въ тоже время въ г. С.-Петербургѣ находился знаменитый алтайскій миссіонеръ архим. Макарій; молодой морякъ, почувствовавъ неодолимое влеченіе къ монашеской жизни, обратился къ нему съ просьбою взять его въ число миссіонеровъ; но о. Макарій посовѣтовалъ ему пройти курсъ въ духовной академіи, и съ благословенія митрополита Филарета Краснопѣвковъ въ 1838 году поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ частнымъ образомъ бралъ уроки по древнимъ языкамъ у профессора академіи В. Н. Карпова, а въ 1840 году, по смерти отца и по предложенію митрополита Филарета, переѣхалъ въ Троице-Сергіеву лавру и для продолженія академическаго курса поступилъ въ высшее богословское отдѣленіе академіи. Почти на первыхъ порахъ своего пребыванія въ академіи онъ обратился къ бывшему проѣздомъ въ Москвѣ епископу Алеутскому Иннокентію съ просьбой взять его съ собою въ число миссіонеровъ, но проницательный архипастырь отклонилъ эту просьбу Краснопѣвкова. По окончаніи академическаго курса съ званіемъ магистра въ 1842 году Левъ Краснопѣвковъ въ слѣдующемъ году опредѣлился преподавателемъ гражданской исторіи, катихизическаго ученія и греческаго языка въ Виѳанскую семинарію. Замѣтимъ, что его академическая диссертація на тему: «Жизнь св. Филиппа, митрополита Московскаго и всея Россіи», съ нѣкоторыми измѣненіями

и исправленіями, напечатана въ 1861 году. Въ 1845 году Левъ Краснопѣвковъ привелъ въ исполненіе свою завѣтную мысль— 23 сентября онъ постриженъ былъ въ монашество въ Троице-Сергіевой лаврѣ съ именемъ Леонида, а 1-го октября того же года рукоположенъ митрополитомъ Филаретомъ во іеромонаха въ Покровскомъ Московскомъ (Василія блаженнаго) соборѣ. Профессоръ С.-Петербургскаго университета Совѣтовъ по случаю столѣтняго юбилея Горнаго института даетъ такую характеристику Леонида: «Для меня дорога Виѳанская пустыня, гдѣ я впервые встрѣтилъ человѣка, который былъ непохожъ на другихъ, который своею лаской, вниманіемъ и любовію къ природѣ невольно вызывалъ къ себѣ привязанность и глубокое уваженіе. Съ преосвященнымъ Леонидомъ всегда было о чемъ говорить, всегда хотѣлось его слушать, отъ него поучаться. Его живое назидательное слово сильно врѣзывалось въ молодое сердце и потомъ уже не забывалось никогда. Его опытный свѣтлый взглядъ на отношенія людей другъ къ другу, его безпредѣльная преданность волѣ Божіей и просвѣщенный трезвый взглядъ на духъ христіанства, его уваженіе къ установившимся обычаямъ, даже къ мелочамъ житейскимъ, были такимъ неисчерпаемымъ источникомъ для назиданія, что я и послѣ, когда уже сдѣлался самостоятельною личностью, въ случаѣ недоумѣній, нерѣдко обращался къ преосвященному Леониду. Мало того, скажу болѣе: преосвященный Леонидъ рѣшилъ судьбу моей жизни, помогъ мнѣ сдѣлаться тѣмъ, что я теперь, научилъ меня еще въ юности моей любить природу и науку». Въ 1848 году іеромонахъ Леонидъ назначенъ былъ бакалавромъ патристики въ Московскую духовную академію; а 9 мая того же года помощникомъ библіотекаря академіи, коимъ въ то время былъ знаменитый профессоръ Л. В. Горскій. Въ 1849 г. Леонидъ былъ опредѣленъ ректоромъ Виѳанской семинаріи и настоятелемъ Московскаго Златоустова монастыря, въ 1850 году сдѣланъ членомъ Московской духовной консисторіи и въ томъ же году утвержденъ членомъ конференціи внутренняго правленія Московской академіи и назначенъ настоятелемъ Московскаго Знаменскаго монастыря. Въ слѣдующемъ году онъ опредѣленъ былъ членомъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ. Нелегко было новому ректору, болѣзненному и впечатлительному по природѣ, исполнять свою крайне-отвѣтственную должность: онъ на первыхъ же порахъ, какъ профессоръ догматическаго богословія, чувствовалъ трудность своего положенія при преподаваніи того предмета, который недостаточно изучилъ; неблаговоспитанность учениковъ, столкновенія во взглядахъ по педагогическимъ вопросамъ съ членами корпораціи семинаріи и другія обстоятельства немало причинили ему безпокойства и трудовъ, чтобы привести педагогическую часть въ семинаріи въ лучшее положеніе. Въ 1853 году о. Леонидъ перемѣщенъ былъ на должность ректора въ Московскую семинарію, гдѣ онъ имѣлъ возможность завязать сношенія съ широкимъ кругомъ московскихъ ученыхъ и пріобрѣсти почитателей изъ многихъ аристократическихъ фамилій: и тѣхъ и другихъ равно привлекала къ себѣ свѣтлая высокообразованная личность о. Леонида, обладавшаго къ тому же даромъ слова и изящными непринужденными манерами. Изъ ученыхъ людей своего круга архимандритъ Леонидъ былъ особенно друженъ въ это время съ архимандритомъ Саввою, который одно время занималъ должность синодальнаго ризничаго, а затѣмъ назначенъ былъ ректоромъ сначала Московской семинаріи, а затѣмъ академіи. Дружба между ними была неразрывна до конца жизни о. Леонида; объ этомъ мы знаемъ изъ «Воспоминаній о Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ», которыя напечаталъ епископъ Харьковскій Савва въ 1877 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти архіепископа Леонида. Въ 1854 году архимандритъ Леонидъ назначенъ былъ настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря, въ 1859 году хиротонисанъ въ епископа Дмитровскаго, съ предоставленіемъ ему въ управленіе Саввино-Сторожевскаго монастыря, и тогда же Высочайше утвержденъ директоромъ Московскаго тюремнаго комитета. Въ 1863 году преосвященный Леонидъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго губернскаго присутствія по предмету улучшенія быта духовенства. Кромѣ обычныхъ дѣлъ по управленію епархіальному, преосвященный Леонидъ исполнялъ особенныя порученія своего владыки, митрополита Филарета. Однимъ изъ такихъ порученій было составленіе имъ мнѣнія о

допущеніи театральныхъ представленій въ Свѣтлую седмицу, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ воспрещеніе театральныхъ зрѣлищъ въ эту седмицу. Въ 1864 году епископъ Леонидъ принималъ дѣятельное участіе въ происходившихъ въ Москвѣ переговорахъ съ делегатомъ нью-йоркской конвокаціи, пасторомъ Іонгомъ о соединеніи церквей. Въ 1865 году Леонидъ произнесъ рѣчь въ Чудовомъ монастырѣ по случаю избранія московскихъ дворянъ въ общественныя должности, которую они напечатали на свой счетъ на большомъ листѣ вмѣстѣ съ портретомъ автора. Съ 20 ноября 1867 года по 25 мая 1868 года онъ управлялъ Московскою епархіею за смертію Филарета; съ 1865 г. по 25 мая 1874 года состоялъ предсѣдателемъ Московскаго губернскаго училищнаго совѣта. Преосвященный Леонидъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ: почетнымъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія (1869), помощникомъ предсѣдателя совѣта православнаго миссіонерскаго Общества (1870), почетнымъ членомъ Общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ (1874), почетнымъ членомъ Московскаго университета (1874) и почетнымъ членомъ Общества древнерусскаго искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ (1875). Многосторонняя энергичная дѣятельность преосвященнаго Леонида снискала ему высокое уваженіе въ Московскомъ обществѣ и вниманіе и расположеніе Высочайшихъ особъ и митрополита Филарета, что особенно сказалось въ день его 15 лѣтняго юбилея въ званіи Московскаго викарія. Пользовавшійся особымъ расположеніемъ великаго князя Сергія Александровича, преосвященный Леонидъ былъ назначенъ по волѣ государя наблюдать за церковностью иконописи въ храмѣ Христа Спасителя.

Нельзя не отмѣтить, что преосвященный Леонидъ живо интересовался славянскимъ вопросомъ и, заботясь о нравственномъ возрожденіи славянскаго общества, устроилъ въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ женское училище для воспитанія и образованія болгарскихъ и сербскихъ дѣвицъ. Въ 1875 году преосвященный Леонидъ перемѣщенъ былъ на Ярославскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, гдѣ пробылъ годъ съ небольшимъ. Скончался онъ въ 1876 году. Архіепископъ Леонидъ не разъ высказывался о томъ, что онъ мечтаетъ о составленіи своихъ мемуаровъ. Но мечты его не осуществились: остались только отрывочныя памятныя записки, которыми и воспользовался архіепископъ Харьковскій Савва въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о немъ.

Савва, арх. Харьковскій, «Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ». Харьковъ. 1877 годъ.—Библіографическія замѣтки объ этой книгѣ («Тверскія Епарх. Вѣдомости», №№ 14 и 21).—*Покровскій Н.,* «Критическое обозрѣніе» «Воспоминанія о преосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ Саввы, епископа Харьковскаго». Харьковъ. 1877 г. («Православное Обозрѣніе» 1879 года, т. III, 783—797).—*Григорій архимандритъ,* «Московскій Златоустовый монастырь («Московскія Епархіальныя Вѣдомости», 1870 г., № 49; 1871 г., № 16).—*А. С.* «Историческое описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря, что на старомъ государевомъ дворѣ». М. 1866 г.—Празднованіе пятнадцатилѣтія епископскаго служенія преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго, старшаго викарія Московскаго митрополита («Странникъ», 1874 г., т. II. ч. 2, стр. 178—190. «Душеполезное Чтеніе», 1876 г., № 7, стр. 350—353). — Прощальный обѣдъ, данный Московскимъ Обществомъ въ честь архіеп. Леонида («Ярославскія Епарх. Вѣдомости» 1876 г.).—«Письма Леонида, архіеп. Ярославскаго, къ роднымъ изъ Ярославля съ 14 іюля по 13 декабря 1876 года». М. 1879 г.—«Воспоминаніе семейное о немъ» («Православное Обозрѣніе» 1877 г. I, № 1, стр. 231).—*Григорій архимандритъ,* «Два письма митрополита Филарета къ викарію епископу Леониду» («Чтеніе Общ. Ист. и Древн.» 1876 г., III, 107—108).—*Коптевъ В.,* «25 и 26 апрѣля въ Саввинскомъ подворьѣ» («Московскія Вѣдомости» 1874 г., № 109).—«Прощаніе Москвы съ преосвященнымъ Леонидомъ, архіепископомъ Ярославскимъ» («Московскія Епарх. Вѣдомости» 1876 г., № 28, стр. 223—227).—«Высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій» («Московскія Епарх. Вѣдомости» 1876 г., № 52, стр. 460—462). — Некрологъ («Ярославскія Епарх. Вѣдомости» 1876 г., № 50, стр. 393—396, № 51, стр. 401—408).—*Лѣствичынъ,* «Свѣдѣніе о кончинѣ Леонида, архіеп. Ярославскаго и Ростовскаго» («Ярославскія Губернскія Вѣдомости» 1876 г., № 102). — Некрологъ («Духовная Бесѣда» 1876 г., № 50, стр. 560—567).—«Памяти архіепископа Леонида» («Московскія Вѣдомости» 1876 г., № 333).—По поводу кончины архіепископа Леонида» («Московскія Вѣдомости», 1876 г., № 328).—Слова его («Странникъ» 1867, сент. IV, 108; 1869 г., февраль IV, 65—68; 1874 г., т. III, ч. 2, стр. 34).—*Владиміръ іером.,* «Ярославскій Спасо-Преображ. м-рь, стр. 173.

А. Никольскій.

Леонидъ (іеросхимонахъ *Левъ*), іеромонахъ Бѣлобережской пустыни, изъ гражданъ г. Карачева, по фамиліи *Наголкинъ*. Въ 1797 году поступилъ въ Козельскую Введенскую Оптину пустынь, откуда, спустя два года, перешелъ въ Бѣлобережскую пустынь, гдѣ и постригся въ монашество въ 1801 году. Вскорѣ по постриженіи въ монашество нѣкоторое время онъ жилъ въ Чолнскомъ монастырѣ, гдѣ сблизился съ только что вышедшимъ изъ Молдавіи ученикомъ старца Паисія Величковскаго, схимонахомъ Ѳеодоромъ, подъ руководствомъ котораго «въ полной мѣрѣ возраста процвѣла вѣрою и благочестіемъ душа Леонида». Въ 1804 году, по волѣ Орловскаго епископа Досиѳея, іеромонахъ Леонидъ былъ опредѣленъ строителемъ Бѣлобережской пустыни. Во время своего управленія обителью онъ ввелъ въ ней «чинъ и порядокъ Молдовлахійскаго Нямецкаго монастыря, уставъ и порядокъ обряда очень прекрасный», который принесенъ былъ переселившимся въ то время въ Бѣлобережскую пустынь изъ Чолнскаго монастыря схимонахомъ Ѳеодоромъ; съ послѣднимъ іеромонахъ Леонидъ соединенъ былъ неразрывными узами чистѣйшей любви. Въ 1808 г. Леонидъ, уволенный отъ должности строителя по усиленному прошенію, удалился съ другомъ своимъ, схимонахомъ Ѳеодоромъ, въ уединенную келлію за двѣ версты отъ пустыни, въ которой и занимался совокупно «умнымъ дѣланіемъ» и наставленіемъ приходившихъ къ дверямъ ихъ келліи простыхъ людей. Въ 1811 году Леонидъ, избѣгая людской славы, вслѣдъ за о. Ѳеодоромъ, удалился на Валаамъ, откуда оба они въ 1814 году перешли въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ схимонахъ Ѳеодоръ и скончался на рукахъ Леонида въ 1822 году. Отсюда Леонидъ въ 1829 году возвратился въ устроенный при Оптиной пустыни безмолвный скитъ, гдѣ и скончался 11-го октября 1841 г. 72-хъ лѣтъ отъ роду.

«Старцы Брянской Бѣлобережской пустыни по записямъ строителя Одрина монастыря іеромонаха Израиля» («Орловскія Епар. Вѣдом.», 1911 г., №№ 44 и 45).—*Л. Кавелинъ*, «Историческое описаніе Козельской Оптиной пустыни», стр. 42—51.

А. Никольскій.

Леонидъ *(Протасьевъ)*, Рязанскій епископъ, хиротонисанъ (около 1573) изъ игуменовъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря. Извѣстно, что онъ присутствовалъ на соборахъ: въ 1578 г., установившемъ празднованіе преподобному Іосифу Волоколамскому, и въ 1580 и 1584 г.г., запретившихъ духовенству пріобрѣтать вотчины. Леонидомъ составлено въ 1588 г. житіе блаженнаго Василія и похвальное ему слово. Кромѣ того, извѣстна его челобитная (1584 г.) царю съ жалобою на архіеп. Ростовскаго Евѳимія (Акты Ист., т. I, № 216).

Діевъ М., протоіерей, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ россійскихъ древнихъ епархій съ лѣтописями и актами». 1853 г., стр. 297—299 (Рукоп. архива Св. Синода).—*Строевъ П.*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей», Спб. 1877 г.—*Филаретъ*, «Обзоръ рус. духовной литературы», стр. 165.

А. Никольскій.

Леонидъ, архіепископъ Новгородскій. Былъ сначала архимандритомъ Юрьева монастыря въ Новгородѣ, откуда въ 1568 г. перемѣщенъ архимандритомъ въ Чудовъ монастырь; 4 декабря 1571 г. онъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа Новгородскаго. Въ Новгородъ Леонидъ прибылъ 23 декабря 1571 г., и «ради были Новгородцы своему владыцѣ», говоритъ лѣтописецъ. На другой день прибылъ въ Новгородъ и самъ царь Іоаннъ Васильевичъ съ сыновьями своими, Іоанномъ и Ѳеодоромъ. Грозный царь шелъ теперь въ Великій Новгородъ не съ гнѣвомъ и опалою, какъ годъ передъ тѣмъ, а съ милостью. 1 февраля 1572 г. архіепископъ Леонидъ командировалъ изъ Новгородскаго Розважскаго монастыря въ Боровичскій монастырь іеромонаха Трифона и другихъ для освидѣтельствованія мощей новоявленнаго угодника Іакова Боровицкаго, о чудесахъ котораго шла молва, и по ихъ докладу вскорѣ установилъ всенародное празднованіе обрѣтенія мощей новаго чудотворца Іакова. 14 марта 1572 г. Леонидъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Москву на соборъ для избранія новаго митрополита. На этомъ соборѣ, избравшемъ митрополитомъ Полоцкаго архіепископа Антонія, первенствовалъ архіепископъ Леонидъ. Въ концѣ мая 1572 г. архіепископъ Леонидъ возвратился въ Новгородъ, а вслѣдъ за нимъ отправился въ Новгородъ и самъ царь съ царицею Анною (Колтовскою) и съ сыновьями. 14 іюля того же года архіепископомъ Леонидомъ совершено было церковное торжество по случаю обрѣтенія мощей святой Гликеріи. Въ день Успенія Божіей Матери царь слушалъ литургію въ Софійскомъ соборѣ

и «пировалъ у архіепископа со всѣми монастырскими властями». По ходатайству архіепископа, царь возвратилъ въ Софійскій соборъ ризницу, книги и тѣ иконы, которыя увезены были въ Москву во время разгрома. Въ томъ же 1572 г. архіепископъ Леонидъ имѣлъ столкновеніе съ новгородскимъ духовенствомъ изъ-за нѣкоторыхъ пошлинъ, наложенныхъ на духовенство, и какихъ то царскихъ милостынныхъ денегъ. Вслѣдъ за отъѣздомъ царя въ Москву, туда же отправился и архіепископъ Леонидъ, гдѣ вскорѣ и скончался въ «государской опалѣ». По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, Леонидъ, обшитый медвѣжьею кожею, былъ затравленъ псами. Въ Новгородскомъ Савво-Вишерскомъ монастырѣ сохранилось евангеліе въ поллистъ, собственноручно написанное архіепископомъ Леонидомъ.

Тихомировъ Павелъ, «Каѳедра Новгородскихъ Святителей», т. II. Новгородъ. 1895 г.— *Строевъ П.*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей». — *Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. II, стр. 267—269.

А. Никольскій.

Леонидъ, архіепископъ Сарскій и Подонскій, родомъ изъ Мещовска, Калужской губерніи, сынъ церковника. Въ 1711 г. опредѣленъ былъ архимандритомъ Высокопетровскаго Московскаго монастыря, а въ 1721 г. назначенъ совѣтникомъ Св. Синода. Въ концѣ того же года онъ былъ представленъ вторымъ кандидатомъ на архіерейскую каѳедру въ Кіевъ и въ слѣдующемъ году назначенъ архіепископомъ Сарскимъ и Подонскимъ. Озабоченный благоустройствомъ монастырей и монашескаго быта, архіепископъ Леонидъ поднялъ очень важный вопросъ объ упорядоченіи монастырскаго быта и указывалъ на необходимость присоединенія монастырей съ малымъ числомъ братіи къ другимъ монастырямъ. Синодальнаго рѣшенія по этому дѣлу не существуетъ, но этотъ вопросъ сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ исходныхъ пунктовъ при обсужденіи штатовъ монастырскихъ. Далѣе онъ обратилъ вниманіе на положеніе раскола въ епархіи и по этому поводу просилъ Синодъ: «дабы повелѣно было для слѣдованія раскольниковъ и раскольницъ въ его епархіи опредѣлить свѣтскую персону», и Синодъ удовлетворилъ его ходатайство. Въ 1723 году Леонидъ принималъ участіе при перенесеніи мощей св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря въ Александро-Невскій монастырь, а въ 1740 г. представилъ въ Св. Синодъ свое мнѣніе, какъ отправлять церковную службу при каждогодномъ и повсемѣстномъ празднованіи св. Александру Невскому. 7 мая 1724 года онъ присутствовалъ при коронаціи императрицы Екатерины I. Въ томъ же году возникло дѣло въ Св. Синодѣ по жалобѣ прокурора Монастырскаго приказа Раевскаго на архіепископа Леонида за то, что послѣдній устранилъ его отъ вмѣшательства въ дѣла Московской Духовной Дикастеріи, но, по разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла, оказалось, что архіепископъ Леонидъ, отклонивъ сдѣланное въ 1723 году прокуроромъ Раевскимъ предложеніе Московской Дикастеріи о пересмотрѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, поступилъ законно, потому что раньше доноса Раевскаго Дикастерія не получала указа изъ Св. Синода относительно права прокурора Раевскаго дѣлать предложенія Дикастеріи. Въ 1725 году архіепископъ Леонидъ долженъ былъ отвѣчать на «извѣтъ» на него іеромонаха Іосифа Рѣшилова по дѣлу о раскольникахъ, а 22 іюня того же года «отвѣтствовалъ по требованію Тайной Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи по нѣкоторому государственному важному секретному дѣлу». Въ 1726 году Св. Синодъ опредѣлилъ, чтобы Грузинскіе митрополиты Христофоръ и Павелъ и епископъ Николай безъ вѣдома духовной дикастеріи ставленниковъ не ставили и въ недоумѣнныхъ случаяхъ сносились съ синодальнымъ совѣтникомъ архіепископомъ Леонидомъ. Того же года Св. Синодъ подтвердилъ, чтобы архіепископъ Леонидъ съ присутствующими въ Москвѣ архіереями неотмѣнно посвящалъ въ Москвѣ ставленниковъ и для ближайшихъ къ ней епархій и разрѣшилъ отсылать при промеморіяхъ въ ближайшія епархіи для посвященія только тѣхъ ставленниковъ, которые будутъ объ этомъ просить. По упраздненіи въ 1727 году Московской Синодальной Канцеляріи всѣ дѣла ея, неоконченныя и переданныя въ Духовную Дикастерію, предписано было, вершать преосвященному Леониду. Въ 1728 году архіепископъ Леонидъ участвовалъ въ коронованіи императора Петра II-го, а въ 1730 г. присутствовалъ въ засѣданіи Св. Синода

по случаю кончины Петра II-го. Въ томъ же году послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи его членомъ Св. Синода. 2 октября того же года онъ присутствовалъ въ засѣданіи Св. Синода при приведеніи въ исполненіе Высочайше конфирмованнаго приговора Св. Синода о лишеніи священнаго сана и монашескаго чина бывшаго Воронежскаго епископа Льва (Юрлова); въ 1731 и 1732 годахъ онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Св. Синода при обсужденіи вопроса о состояніи и дѣйствіяхъ Камчатской миссіи и о проступкахъ Камчатскаго миссіонера, іеромонаха Игнатія Козыревскаго, лишеннаго іеромонашества, и по дѣлу о ложно вымышленномъ чудѣ отъ Богородичнаго образа, бывшаго въ домѣ шляхтича Я. Азанчеева въ деревнѣ Шелбицахъ, Смоленскаго уѣзда. 1 сентября 1742 года архіепископъ Леонидъ оставилъ Крутицкую каѳедру и былъ уволенъ на обѣщаніе въ Новоспасскій монастырь, гдѣ и скончался 18 февраля 1743 года.

Дѣло канцеляріи Св. Синода отъ 14 іюня 1742 г. за № 229.—Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Синода, томы: I, стр. 556 и 768; II, №№ 215, 287, 315, 420, 673, 682, 903, 1152, 1168, 1266; III, №№ 148, 331, 352, 536, 571; IV, №№ 400, 479, 546; V, №№ 121, 182, 228, 272, 293, 310; VI, № 103; VII, №№ 114, 197, 199, 348; X, №№ 27, 54, 81, 117, 200, 415, 462, 470; XI, №№ 6, 369, 448; XII, 137, 298 и 452.—*Розановъ Н.*, «Исторія Московскаго епархіальнаго управленія». Ч. I, стр. 35 и прим. 38 на стр. 157, прим. 100 на стр. 170.—*Рунжевичъ С.*, «Исторія Русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода». Т. I, стр. 134 и 212.—«Списки настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря съ 1379 года». («Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Рос.». 1874 г., т. I, стр. 177—178.—*Строевъ П.*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей». Спб. 1877.—«Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи Всероссійской». Изданіе Архива Св. Синода. 1896 г.—«Краткое описаніе ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря». М. 1821, стр. 56—57.—*Кавелинъ Левъ*, «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни». Ч. I. Спб. 1847 г., стр. 202—205.

А. Никольскій.

Леонидъ, преподобный, основатель Устьнедумскаго монастыря или Устьнедумской Богородицкой пустыни, род. въ 1551 г. въ Шекинской веси, Пошехонскаго уѣзда, Новгородской области. Родители его были крестьяне и занимались земледѣліемъ; тѣмъ же занимался и Леонидъ. Проживъ полвѣка, онъ однажды увидѣлъ во снѣ Божію Матерь, которая повелѣвала ему идти въ бывшую на Двинѣ Моржевскую Николаевскую пустынь, что нынѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., взять оттуда ея икону Одигитріи и перенести ее въ Устюжскіе предѣлы, а именно въ Усольскій (нынѣ Сольвычегодскій) уѣздъ на рѣку Лузу къ Туриной горѣ и, построивъ тамъ въ честь ея храмъ, оставаться при немъ до смерти. Не рѣшаясь на исполненіе возвѣщеннаго въ сновидѣніи, Леонидъ сначала отправился въ Кожеозерскій монастырь, что въ Каргопольскомъ уѣздѣ, гдѣ постригся (1603 г.) и прожилъ цѣлый годъ. Когда же и въ этой обители ему повторилось прежнее видѣніе, онъ покинулъ ее и пришелъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ три года. Но и здѣсь Божія Матерь въ третій разъ является ему какъ-бы на яву и повелѣваетъ немедленно идти въ Моржевскую пустынь и перенести оттуда икону ея на р. Лузу. Объ этомъ видѣніи старецъ повѣдалъ игумену Соловецкаго монастыря и, съ благословенія его, отправился въ указанную пустынь, гдѣ пробылъ въ монастырскихъ трудахъ цѣлый годъ. Здѣсь видѣніе Божіей Матери повторилось ему въ четвертый разъ. Старецъ Леонидъ разсказалъ о явленіи Пресвятой Богородицы строителю и братіи пустыни и указалъ находящуюся въ Николаевской церкви икону Одигитріи, которую ему повелѣно взять. Строитель и братія монастыря отслужили молебенъ предъ означенною иконою, передали ее старцу Леониду и проводили его изъ монастыря со звономъ. Придя на рѣку Лузу, Леонидъ сначала поселился при устьѣ рѣки Якушицы, впадающей въ Лузу, близъ Туриной горы въ хижинѣ, сплетенной изъ хвороста, но мѣстные жители изгнали его отсюда. Отойдя версты двѣ отъ сего мѣста по рѣкѣ Лузѣ, онъ вырубилъ хижину, а благочестивыя лица выстроили часовню для помѣщенія иконы; вскорѣ затѣмъ старецъ Леонидъ отправился въ Ростовъ для испрошенія у митрополита Варлаама антиминса и благословенія на устройство церкви. 17 февраля 1608 года освященъ былъ деревянный храмъ во имя Введенія Пресвятыя Богородицы, въ которомъ и была поставлена икона Одигитріи. Для осушенія болотъ, окружающихъ обитель, Леонидъ прокопалъ отъ рѣки Лузы каналъ въ Черное озеро и прозвалъ его Недумою рѣкою потому, что во время

работы былъ ужаленъ змѣею и испугался послѣдствій яда, но, возложа упованіе на Бога, рѣшился объ опасности не думать и остался здоровъ. Но одного канала оказалось мало, и преподобный прокопалъ еще два канала: отъ Чернаго озера до Святого и отъ Святого озера до Черной рѣчки. Но и это не помогло: полая вода рѣки Лузы затопляла монастырь, и онъ былъ перенесенъ на одинъ мысъ надъ Чернымъ озеромъ при рѣчкѣ Недумѣ. Здѣсь преподобный Леонидъ, съ благословенія Ростовскаго митрополита, построилъ церковь Введенія съ придѣломъ Великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, которая и была освящена 25 мая 1652 г. архимандритомъ Устюжскаго Архангельскаго монастыря Арсеніемъ. Преподобный Леонидъ скончался 17 іюля 1654 года на 103 году отъ рожденія. Въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ, а монастырская церковь обращена въ приходскую Устьнедумскую Богородицкую церковь, которая и донынѣ существуетъ. Преподобный Леонидъ не канонизованъ, но въ святость его народъ твердо вѣритъ: издревле и доселѣ въ девятую пятницу по Пасхѣ и въ мясопустную субботу, когда чтится память преподобнаго Леонида, бываетъ особенно громадное стеченіе народа, а суббота мясопустная среди окрестныхъ жителей слыветъ Леонидовой. Мощи его доселѣ почиваютъ подъ спудомъ въ приходской церкви, въ которой и доселѣ сохраняется власяница его. Въ сохранившемся при сей церкви «Лѣтописцѣ» записано до 20-ти чудесъ, совершившихся отъ иконы Одигитріи Божіей Матери.

«Словарь историческій о святыхъ», Спб., 1836 г.—*В. Лебедевъ*, «Вологодская святыня. Преподобный Леонидъ Устьнедумскій и его икона» («Церковное Слово», 1907 г., № 19).

А. Никольскій.

Леоновъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, поэтъ, сынъ сотника войска Донского, родился 29 ноября 1815 г., скончался въ Новочеркасскѣ 9 мая 1882 г., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента (1840 г.) опредѣлился учителемъ въ Новочеркасскую гимназію. Затѣмъ онъ перешелъ на военную службу, въ 1864 г. получилъ чинъ полковника, а въ 1869 г. вышелъ въ отставку. Леоновъ состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Донского Справочнаго Листка», на страницахъ котораго помѣщалъ статьи или обще-патріотическаго содержанія или же такія, въ которыхъ разсматривались насущные мѣстные вопросы. Заслуживаютъ вниманія его статьи: «Голосъ казака», «Трехсотлѣтіе завоеванія Сибири» и др. На всѣ явленія донской казачьей жизни онъ отзывался горячо и всей душой. Чуждый фальшиваго моднаго вѣрованія въ чужеземныя бытовыя формы, несвойственныя условіямъ казачьяго быта, Леоновъ горячо ратовалъ за сохраненіе тѣхъ привилегій, которыя выработаны были историческимъ путемъ и Высочайше утверждены и дарованы Дону. Какъ знатокъ донского казачьяго быта, онъ привлеченъ былъ въ качествѣ члена въ Высочайше учрежденный комитетъ для составленія проекта о земскихъ учрежденіяхъ въ войскѣ Донскомъ.

Стихотворенія Леонова впервые изданы въ 1839 г. («Стихотворенія Алексѣя Леонова. 1834—1838.» Харьковъ), затѣмъ въ 1855 г. изданы его «Современныя пѣсни» (Новочеркасскъ) и 1882 г. вышло полное собраніе его стихотвореній (М. Изд. Я. А. Карнѣева). Появленіе поэтическихъ произведеній Леонова было встрѣчено тогдашней строгой критикой довольно благосклонно. Вотъ что писалъ Бѣлинскій о нихъ: «Стихотворенія Леонова пріятно изумили насъ—вмѣсто обыкновенной въ наше время стихотворной галиматьи, мы увидѣли если не художественность, то мѣстами теплое неподдѣльное чувство, мѣстами прекрасные стихи, обнаруживающіе въ авторѣ рѣшительный талантъ къ поэзіи. Если Леоновъ еще очень молодой человѣкъ, то изъ него нѣкогда можетъ развиться примѣчательное дарованіе, особенно если онъ пока будетъ меньше писать, а болѣе развиваться наукою. Главный недостатокъ стихотвореній Леонова — невыдержанность: иногда въ пьесѣ и стихи хороши, и чувство есть, а въ цѣломъ оно ни то, ни се, а Богъ знаетъ что; иногда прекрасное стихотвореніе портится дурнымъ стихомъ, изысканной фразой». Удачными произведеніями Леонова Бѣлинскій считаетъ «Калмыцкую свадьбу», «Камышникъ» и «Двѣ души», послѣднее, впрочемъ, признаетъ съ оговоркою «если бы была вся пьеса выдержана и не отличалась мистическимъ окончаніемъ». Дѣлаетъ также Бѣлинскій упрекъ Леонову и за его отчаянно-элегическій тонъ разо-

чарованія въ нѣкоторыхъ пьесахъ. Другой критикъ Сенковскій также сходится съ Бѣлинскимъ въ отзывѣ своемъ о Леоновѣ. «Стихи Леонова въ самомъ дѣлѣ хороши, говоритъ Сенковскій, мѣстами даже проглядываетъ чувство, и вообще видно, что онъ имѣетъ талантъ, который заслуживаетъ одобренія. Доказательствомъ можетъ служить стихотвореніе «Къ смерти». Лучшія стихотворенія его тѣ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ казацкую удаль, Донъ и проч.: тутъ попадаются премило написанныя пьесы, напр. «Однодумы».

«Донской Справочный Листокъ» 1882 г., №№ 82, 84.—Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду» за 1839 г., № 12, стр. 230—231.—«Библіотека для Чтенія» 1840 г., февраль, стр. 30—31.

Леоновъ, *Викторъ Алексѣевичъ*, капитанъ 1-го ранга. Произведенный въ 1837 г. въ гардемарины Черноморскаго флота, онъ крейсеровалъ въ Черномъ морѣ на фрегатѣ «Эносъ» и «Браиловъ», при чемъ участвовалъ при занятіи мѣстечекъ Туапсе и Шапсухо. Въ 1841 г. онъ поступилъ въ юнкера Балтійскаго флота и въ томъ же году произведенъ былъ въ мичманы. Плавая затѣмъ въ теченіе 11-ти лѣтъ на разныхъ корабляхъ, онъ въ 1853 г. на кораблѣ «Трехъ Святителей» участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и годовымъ жалованьемъ. Въ слѣдующемъ году онъ находился на Севастопольскомъ рейдѣ при оборонѣ Севастополя, а въ 1854 и 1855 гг.—въ гарнизонѣ Севастополя. За мужество, проявленное въ этомъ дѣлѣ, Леоновъ былъ награжденъ золотою саблею за «храбрость» и орденомъ св. Анны 3-й ст. съ мечами. Продолжая плавать на разныхъ корабляхъ, онъ въ 1859 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1866 г.—въ капитаны 2-го ранга и въ 1869 г.—въ капитаны 1-го ранга. Вышелъ въ отставку онъ въ 1875 г.

Общій морской списокъ, ч. X, стр. 551—552.

Леоновъ, *Дмитрій Алексѣевичъ*, капитанъ 1-го ранга. Будучи гардемариномъ, въ 1829 г. на кораблѣ «Императоръ Францъ» крейсеровалъ у Румелійскихъ береговъ и, находясь въ десантныхъ войскахъ, участвовалъ при взятіи Инады и Мидіи. Въ 1831 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы и назначенъ въ Балтійскій флотъ. Плавая затѣмъ на разныхъ корабляхъ, онъ въ 1837 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1849 г.—въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1854 и 1855 гг. Леоновъ находился при защитѣ Севастополя на Александровской батареѣ и за оказанныя отличія награжденъ былъ орденами св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ слѣдующемъ 1856 г. онъ перевелся въ Каспійскую флотилію, въ томъ же году былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, а въ 1859 г. зачисленъ по резервному флоту. Произведенный въ слѣдующемъ году въ капитаны 1-го ранга, онъ вышелъ въ отставку.

Общій морской списокъ, ч. X, стр. 552—553.

Леоновъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, профессоръ Виленской медико-хирургической академіи, членъ Виленскаго медицинскаго и другихъ ученыхъ обществъ, родился въ 1809 г., умеръ въ 1854 г. Въ 1820 г. онъ зачисленъ былъ на службу въ черниговскую артиллерійскую юнгу, въ 1822 г. уволенъ отъ службы и поступилъ въ 1824 г. въ Слободско-украинскую гимназію, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ Харьковскій университетъ. Послѣдній окончилъ въ 1830 г. со степенью лѣкаря 1-го отдѣла и въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ Кременчугъ для борьбы съ свирѣпствовавшей тамъ холерой. За успѣшное лѣченіе отъ послѣдней онъ былъ награжденъ перстнемъ съ брильянтами и оставленъ при Харьковскомъ университетѣ для преподаванія анатоміи; въ 1834 г. утвержденъ адъюнктомъ, въ 1836 г. удостоенъ званія медико-хирурга и избранъ секретаремъ медицинскаго факультета, въ 1837 г. удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи, назначенъ прозекторомъ и утвержденъ въ званіи инспектора врачебной управы; въ 1839 г. уволенъ изъ Харьковскаго университета и назначенъ адъюнктъ профессоромъ Виленской медико-хирургической академіи, гдѣ въ слѣдующемъ году утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора академіи по каѳедрѣ паталогической анатоміи. По закрытіи академіи онъ опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ въ университетъ св. Владиміра и въ 1853 г. по болѣзни уволенъ отъ службы. Скончался Леоновъ въ Кіевѣ 13 января 1854 г.

Его сочиненія: 1) «Specimen inaug. medico-chirurgica de cordis arteriarumque anevrysmatibus in genere etc. Charcoviae», 1838 г.; 2) «О развитіи судебной медицины отечественной и отношеніи ея къ русскому законодательству» (рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета св. Владиміра. 28 янв. 1845 г.); 3) «О самоубійствѣ» («Военно-медиц. журналъ» 1850, ч. LV, №№ 1 и 4) «Простонародныя малорусскія лѣкарства» (тамъ же, 1852 г., LX, № 2).

Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», стр. 365.—*Зиновьевъ*. «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 174.

Леоновъ, *Николай Степановичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1824 г., ум. 21 ноября 1877 г. Донской казакъ по рожденію, окончилъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ 1842 г. и поступилъ корнетомъ въ Гродненскій гусарскій полкъ. Въ 1845 г. онъ командированъ былъ на Кавказъ, гдѣ отличился въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ. Во время польскаго мятежа Леоновъ участвовалъ въ пораженіи шаекъ мятежниковъ подъ Игнацовымъ и получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. Въ 1864 г. онъ былъ назначенъ командиромъ драгунскаго Переяславскаго, а въ 1870—л.-гв. Драгунскаго полка и произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ турецкой войнѣ 1877 г. онъ принялъ участіе какъ командиръ 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи въ составѣ рущукскаго отряда; 18 августа, когда турки открыли наступательныя дѣйствія по всей линіи Рущукскаго отряда, Леоновъ съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ 12 часовъ держался у дер. Карахасатія противъ втрое превосходныхъ силъ непріятеля; деревня шесть разъ переходила изъ рукъ въ руки. 26 октября онъ взялъ г. Врацу. Не раненый ни въ одномъ дѣлѣ, несмотря на свою выдающуюся храбрость, онъ скончался скоропостижно.

«Русскій Инвалидъ», 1877 г., № 264.

Н. Ч.

Леонтій *(Левонтій)* **Макарьиничъ** *(Макаріевичъ)*, посадникъ Псковскій. Въ 1448 г. былъ отправленъ псковитянами въ числѣ прочихъ пословъ на рѣку Нарову для заключенія мира съ Ливонскимъ магистромъ и епископомъ Дерптскимъ. Миръ, заключенный на 25 лѣтъ, былъ выгоденъ для Пскова, вернувшаго себѣ все награбленное въ предшествующую войну нѣмцами. Въ 1456 г. посадникъ Леонтій уже въ качествѣ ратнаго воеводы былъ посланъ изъ Пскова подъ Новгородъ на помощь новгородцамъ въ ихъ борьбѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ; но до столкновенія съ княземъ Московскимъ у псковичей дѣло не дошло, такъ какъ вскорѣ князь примирился съ новгородцами, уплатившими ему большую денежную контрибуцію, и псковская рать вернулась на родину. Послѣ этого упоминаніе о степенномъ посадникѣ Леонтіи Макарьиничѣ встрѣчается въ лѣтописи еще одинъ разъ, именно подъ 1465 г., когда онъ вмѣстѣ съ княземъ Псковскимъ Иваномъ Александровичемъ и другимъ посадникомъ Тимоѳеемъ Васильевичемъ закладывалъ деревянную стѣну въ Псковѣ.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. IV, стр. 214, 216, 229; т. V, стр. 31, 32.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», т. V, пр. 319, 361.

А. Г.

Леонтій Тимоѳеевичъ, посадникъ Псковскій, сторонникъ Москвы. Въ 1474 г. посланъ былъ Псковитянами въ Москву къ великому князю Іоанну Васильевичу съ жалобою на притѣсненія Псковскаго князя Ярослава Васильевича; но посольство его успѣха не имѣло, и великій князь, разсмотрѣвъ грамоты, привезенныя псковичами, велѣлъ имъ отвѣтить: «что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ проситъ».—Въ роковой для Великаго Новгорода 1478 г., когда Псковъ сохранилъ тѣнь своей самостоятельности только вслѣдствіе покорности волѣ Іоанна, посадникъ Псковскій Леонтій Тимоѳеевичъ находился въ лагерѣ великаго князя и отъ него отправленъ былъ къ Псковичамъ съ милостивымъ словомъ и позолоченнымъ кубкомъ въ награду за вѣрную службу. Въ 1482 г. въ числѣ другихъ Псковскихъ пословъ онъ заключалъ въ Новгородѣ десятилѣтній миръ съ нѣмцами, вслѣдъ затѣмъ проѣхавшими черезъ Псковъ въ Москву къ великому князю. Вскорѣ за ними отправился въ Москву и самъ посадникъ Леонтій. Въ великокняжеской грамотѣ отъ 1485 г. онъ упоминается въ числѣ Псковскихъ посадниковъ, находящихся въ Москвѣ и укрывшихся, очевидно, сюда отъ гоненій на родинѣ. Къ этому времени мирнымъ отношеніямъ Москвы къ Пскову уже грозила несомнѣн-

ная опасность: псковичи домогались, чтобы князь великій «держалъ ихъ въ старинѣ», Іоаннъ требовалъ покорности, и между прочимъ соглашался примириться съ Псковичами только при условіи снятія смертнаго приговора съ посадника Леонтія Тимоѳеевича. Псковичи уступили. Пробывъ въ Москвѣ болѣе года, посадникъ Леонтій вернулся во Псковъ, при чемъ Іоаннъ требовалъ, чтобы надъ нимъ не было учинено «никоея же шкоты»; отсюда въ 1495 г. онъ ходилъ противъ шведовъ съ княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, и въ 1498 г. отправленъ былъ, по повелѣнію великаго князя, «со всею ратною приправою» на посольскій съѣздъ въ Ивангородъ. Въ 1510 г. Леонтій Тимоѳеевичъ еще сидѣлъ посадникомъ въ Псковѣ.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.» т. IV, стр. 250, 260, 266, 267, 269, 270, 284; т. VI, стр. 23.

А. Г.

Леонтій *(Боболинскій)*, постриженникъ Кіево-Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, нѣкоторое время былъ наставникомъ церковной и гражданской исторіи въ Кіевской академіи, а затѣмъ іеромонахомъ Черниговскаго Ильинскаго монастыря, скончался въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ. Ему принадлежитъ сочиненіе: «Лѣтописецъ, си есть кроника зъ разныхъ авторовъ и историковъ многихъ написана діалектомъ іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ, законникомъ монастыря Выдубицкаго Кіевскаго року 1699 апрѣля 23 дня». Хроника эта заключаетъ въ себѣ всемірную исторію до 1444 года, трактатъ о началѣ Оттоманской имперіи и отдѣльные историческіе очерки Польши, Литвы и южной Россіи. Извлеченія изъ нея напечатаны въ прибавленіи къ «Лѣтописи» Гребенки. К. 1854 г.

Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы». Изд. 3-ье. СПБ. 1884 г. — *В. Аскоченскій*, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею». Кіевъ. 1856 г., I, стр. 249.

А. Н.

Леонтій *(Карповичъ)*, епископъ Владимірскій и Брестскій, сынъ священника, родился около 1580 года и по происхожденію принадлежалъ къ шляхтѣ Пинскаго повѣта. Съ раннихъ лѣтъ дѣтства онъ жилъ въ Вильнѣ и, вѣроятно, учился въ школѣ Виленскаго православнаго братства. (По другому мнѣнію, онъ получилъ образованіе въ славныхъ въ то время русскихъ школахъ Острожскихъ на Волыни вмѣстѣ съ знаменитымъ гетманомъ Запорожскаго войска Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ). Въ 1606-мъ году Леонтій, по словамъ Филарета, архіепископа Черниговскаго, въ 1608 году въ санѣ іеродіакона Печерскаго (по мнѣнію другихъ—онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ до 1610 года) написалъ сочиненіе «Обличеніе на унію», гдѣ описываетъ унію, какъ очевидецъ Брестскаго сейма 1595 года. Въ 1609 году Леонтій Карповичъ былъ на сеймѣ Варшавскомъ, какъ депутатъ православнаго Виленскаго братства. Въ 1610 году онъ былъ уже писаремъ, старшимъ типографомъ и корректоромъ Виленскаго братства и за напечатаніе «Ѳриноса», сочиненія Мелетія Смотрицкаго, написаннаго въ антикатолическомъ духѣ, по распоряженію короля Сигизмунда III, былъ схваченъ слугами виленскаго бискупа и въ Великую субботу посаженъ въ тюрьму, въ которой провелъ два года. Это «исповѣдничество» Карповича въ связи съ его предшествующими трудами на пользу братства было причиною того, что онъ почти тотчасъ же по освобожденіи изъ тюрьмы сдѣлался «попомъ церкве новое и старшимъ братства тое жъ церкве». Въ 1613 и 1614 годахъ Леонтій Карповичъ является строителемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря, воздвигнутаго недалеко отъ Троицкаго монастыря, отнятаго у православнаго братства уніатами, дѣлается первымъ архимандритомъ его, начальникомъ Виленскаго братства, а въ 1617 году ректоромъ братской школы при Свято-Духовомъ монастырѣ; доказательствомъ послѣдняго служатъ пять рѣчей учениковъ, произнесенныхъ ими въ 1618 и ближайшіе къ этому годы и находящихся въ одномъ изъ сборниковъ Кіево-Софійской библіотеки, и отчасти написанное имъ на чистомъ церковно-славянскомъ языкѣ отъ имени Виленскаго братства къ братству Львовскому посланіе («Акты, относ. къ истор. Зап. Рос.», т. IV, № 217), въ которомъ, между прочимъ, сообщается о построеніи каменнаго училищнаго дома и заключается просьба о присылкѣ учителей и полезныхъ книгъ. Рѣчи напечатаны К. В. Харламповичемъ въ сочиненіи: «Къ исторіи Западно-русскаго просвѣщенія. Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія» («Литовскія Епарх. Вѣдомости» за 1897 г.—Отдѣльно: Вильна.

1897 г., стр. 57—67). Въ своихъ запискахъ Петръ Могила говоритъ, что Леонтій Карповичъ былъ «первымъ начальникомъ общему житію въ г. Вильнѣ» (Записки Петра Могилы въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, I. VII, 57 — 59), и нѣтъ сомнѣнія, что имъ сочиненъ «Киновіонъ, или изображеніе иноческаго общаго житія» Виленскаго церковнаго братства, напечатанный въ Евьѣ въ 1618 году. Леонтій Карповичъ, по свидѣтельству Захарія Копыстенскаго, «былъ мужъ боговдохновенный, въ языку греческомъ и латинскомъ знамените бѣглый и оборонца благочестія (П. П. Л. I. 913)», былъ мужъ высокаго благочестія и ревностный пастырь, онъ неустанно проповѣдывалъ Слово Божіе за божественною литургіею, которую совершалъ почти ежедневно. Что онъ былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ, — доказательствомъ этого служатъ дошедшіе до насъ два слова его на Преображеніе Господне и на Успеніе Богоматери, писанныя на западно-русскомъ нарѣчіи и напечатанныя въ 1615 году въ Евьѣ. Первое изъ этихъ словъ было перепечатано въ «Маякѣ» за 1843 годъ. Покойный архимандритъ Леонидъ, извѣстный намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры, переложилъ эти два слова на русское нарѣчіе, желая тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ незаслуженнаго забвенія. По словамъ митрополита Макарія, они обнаруживаютъ въ Карповичѣ «не простого начетчика, какіе прежде его являлись у насъ нерѣдко, но человѣка съ серьезнымъ образованіемъ, и не только знатока священнаго писанія и святыхъ отцовъ церкви, но довольно развитого мыслителя и довольно искуснаго оратора, знакомаго съ ораторскими пріемами». Въ 1616-мъ году въ Евьѣ напечатанъ былъ переводъ недѣльныхъ поученій п. Каллиста съ славянскаго на общеупотребительный русскій (бѣлорусскій) языкъ, составленный иноками Виленскаго Свято-Духова братскаго монастыря во главѣ съ архимандритомъ Леонтіемъ и повторенный съ немногими измѣненіями въ изданіи Петра Могилы (Кіевъ, 1637 г.). Въ 1619-мъ году издано было въ Вильнѣ на польскомъ и русскомъ языкахъ надгробное его слово при погребеніи князя Василія Васильевича Голицына, который вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ томился нѣсколько лѣтъ въ плѣну у поляковъ и, отпущенный на волю, скончался по пути въ г. Гроднѣ. Въ 1620-мъ году напечатаны переведенные имъ съ греческаго: «Выкладъ молитвы: Отче нашъ», сочиненіе Іоанна Златоустаго, и «Вертоградъ душевный» Ѳекары, съ предисловіемъ Леонтія Карповича. Въ этомъ же году Леонтій Карповичъ былъ избранъ епископомъ Владимірскимъ и Брестскимъ, но еще до хиротоніи въ срединѣ сентября означеннаго года скончался. Кончина его оплакана въ извѣстномъ словѣ Мелетія Смотрицкаго: «Казанье на честный погребъ отца Леонтія Карповича, епископа Владимірскаго и Берестенскаго», Вильна, 1620 г., и въ одномъ стихотворномъ произведеніи: «Ляментъ у свѣта убогихъ на жалосное преставленіе святобливаго и въ обои добродѣтели богатаго мужа въ Бозѣ велебнаго господина отца Леонтія Карповича архимандрита общія обители при церкви Сошествія Святаго Духа братства церковнаго Виленскаго православно-греческаго. Въ Вильнѣ въ друкарни братской 1620 года». Взглядъ современниковъ на Леонтія Карповича и то высокое уваженіе, которымъ онъ пользовался во всей юго-западной Россіи, вполнѣ выражены въ «Мнемозинѣ», панегирикѣ, который поднесенъ былъ митрополиту Петру Могилѣ, по возвращеніи его съ коронаціонныхъ торжествъ въ 1633 году, студентами его коллегіи. Тамъ читаемъ слѣдующее: «Теперь пожелай только отправиться до Вильны и другихъ городовъ русскаго и литовскаго міра и ты увидишь, ... какъ встрѣтятъ тебя въ Вильнѣ и проводятъ до своего руководителя въ терпѣніи, предводителя въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося архимандрита Леонтія Карповича. Увидѣвъ нетлѣнныя мощи его . . . . ты почувствуешь, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты несчастному народу нашему». Кромѣ указанныхъ трудовъ, Леонтію Карповичу принадлежитъ еще его «Письмо на Аѳонъ къ священноинокамъ Кириллу, Паѳнутію и Елисею», писанное въ 1619 г. и изданное въ «Литовскихъ Епарх. Вѣдом.» за 1894 г., № 26.

Аскоченскій, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіей». Кіевъ. Ч. I, стр. 64—65.—*Филаретъ, архіепископъ Черниговскій*, «Обзоръ», 3-е изд., стр. 173—174.—*Харламповичъ К.*, «Къ исторіи западно-русскаго просвѣщенія. Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія» («Литов-

скія Епарх. Вѣдомости» за 1897 г.—Отдѣльно: Вильна. 1897 г.—*Харламповичъ К.*, «Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ». Казань. 1898 г.—*Леонидъ, архимандритъ*, «Леонтій Карповичъ, церковный витія православной юго-западной Руси въ XVII столѣтіи и два его слова». Москва. 1878 г.—*Молчановъ Н.*, «Критико-библіографическая замѣтка на предыдущее сочиненіе архим. Леонида» («Православное Обозрѣніе», 1880 г., ноябрь, стр. 495—517).—*Д. Сушпура*, «Виленское Свято-Духовское братство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ». Кіевъ 1899 г., стр. 57, 63 и др.—*Голубевъ*, «Исторія Кіевской академіи».—*П. Н. Жуковичъ*, «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковною уніей» (Вып. I, II и III).—*Строевъ П.*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей». СПБ. 1877 г.—*Макарій, митрополитъ*, «Исторія русской церкви», т. IV, стр. 114.—*Кіевъ, протоіерей*, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ россійскихъ древнихъ епархій съ лѣтописями и актами 1858 г.» (Рукопись Архива Св. Синода).—*Теодоровичъ Н.* «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи». Почаевъ. 1888 г., т. I.—*Смирновъ*, «Изслѣдованіе о времени построенія въ Вильнѣ церкви Св. Духа и основаніе при ней монастыря 1607 г.» («Литовскія Епарх. Вѣдомости» 1865 г., № 6).—«Вѣстникъ Западной Россіи» 1865—1866 г., кн. III, т. I, стр. 159—164.—*Смирновъ, Флегонтъ*, «Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе». Вильна. 1888 года, стр. 23—24, 26—32, 40—48.—Виленское Свято-Троицкое, впослѣдствіи Свято-Духовское братство. СПБ. 1876 г.—*Н. Т—скій*, «Леонтій Карповичъ—южно-русскій проповѣдникъ конца XVI и нач. XVII в.» («Руководство для сельскихъ пастырей», 1872 г., № 32).

А. Никольскій.

Леонтій (въ мірѣ *Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій*), митрополитъ Московскій, род. 22 января 1822 г., умеръ 1-го августа 1893 г. Сынъ священника села Новой Калитвы, Острогожскаго уѣзда, Воронежской епархіи, начальное образованіе получилъ въ Павловскомъ духовномъ училищѣ, а среднее въ Воронежской духовной семинаріи, въ которой кончилъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ въ 1843 году. Въ этомъ году на публичномъ экзаменѣ въ семинаріи присутствовалъ Воронежскій архіепископъ Антоній; онъ такъ былъ растроганъ воодушевленною рѣчью даровитаго воспитанника семинаріи Ивана Лебединскаго, что съ особеннымъ чувствомъ благословилъ его и, возложивъ руки на голову оратора, замѣтно для всѣхъ, присутствовавшихъ на экзаменѣ, прочиталъ какую-то молитву. Этотъ знаменательный фактъ былъ предуказаніемъ будущаго высокаго назначенія молодого воспитанника семинаріи. Въ этомъ же году Лебединскій поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію въ число студентовъ XVII курса. Въ 1847 году молодой студентъ предъ самымъ окончаніемъ академическаго курса постригся въ монашество съ именемъ Леонтія, 8-го іюня былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 18-го іюля—въ санъ іеромонаха. Сейчасъ же по окончаніи курса въ академіи молодой инокъ назначенъ былъ профессоромъ и помощникомъ ректора С.-Петербургской духовной семинаріи, а затѣмъ въ томъ же 1847 году инспекторомъ и профессоромъ богословія Кіевской духовной семинаріи, гдѣ и прослужилъ по 1852 г., когда былъ переведенъ инспекторомъ въ Кіевскую духовную академію съ званіемъ экстраординарнаго профессора и 15 февраля 1853 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1856 г. архимандритъ Леонтій былъ назначенъ ректоромъ Владимірской семинаріи, въ 1857 г. перемѣщенъ на ту же должность въ Новгородскую семинарію, а съ 17 мая 1859 г. до 5 марта 1860 г. былъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи, будучи въ то же время членомъ конференціи духовной академіи и внѣшняго академическаго правленія. И въ академіи, и въ семинаріяхъ онъ оставилъ по себѣ наилучшія воспоминанія какъ о талантливомъ наставникѣ, такъ и добромъ и авторитетномъ начальникѣ. Е. В. Барсовъ въ 1893 г. писалъ: ученики преосвященнаго Леонтія «никогда не забудутъ нравственный образъ своего учителя, особенно не забудутъ тѣ, въ коихъ зажжена имъ искра огня божественнаго». Высокія достоинства ректора С.-Петербургской семинаріи по достоинству оцѣнилъ и митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Григорій, человѣкъ глубокаго ума и твердаго характера, и, по его ходатайству, архимандритъ Леонтій Высочайше утвержденнымъ 5 марта 1860 г. опредѣленіемъ Св. Синода былъ назначенъ Ревельскимъ епископомъ, викаріемъ С.-Петербургской митрополіи; 10 того же марта состоялось нареченіе, а 13-го хиротонія его въ епископа въ освященномъ незадолго предъ тѣмъ Исаакіевскомъ соборѣ. 17-го іюня того же 1860 года скончался митрополитъ Григорій, и преосвященному Леонтію поручено было управленіе С.-Петербургскою митрополіею до прибытія новаго архипа-

стыря. Новоназначенный митрополитъ Исидоръ также оцѣнилъ дарованія своего викарія, полюбилъ его и до конца жизни своей (1892 г.) сохранилъ къ преосвященному Леонтію чувство искренняго расположенія. Въ августѣ слѣдующаго 1861 года преосвященный Леонтій посланъ былъ Св. Синодомъ на освященіе новосозданнаго трудами извѣстнаго протоіерея Іосифа Васильева въ Парижѣ храма во имя Александра Невскаго, которое совершено было имъ 30-го августа съ большою торжественностью. Произнесенное при семъ случаѣ преосвященнымъ Леонтіемъ слово было переведено на французскій языкъ и напечатано. Преосвященный Леонтій былъ первый русскій архіерей, который побывалъ въ Европѣ; онъ очаровалъ какъ французовъ, такъ и русскую колонію въ Парижѣ своимъ умомъ и обаятельнымъ обращеніемъ, которое, по замѣчанію очевидцевъ, ускорило переходъ въ православіе извѣстнаго ученаго аббата и доктора богословія Владиміра Геттэ, умершаго православнымъ священникомъ. Въ 1861 и 1862 годахъ преосвященный Леонтій состоялъ членомъ губернскаго присутствія по обезпеченію духовенства С.-Петербургской епархіи и предсѣдателемъ епархіальнаго комитета по обсужденію вопросовъ программы Высочайше утвержденнаго Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, предсѣдателемъ историко-статистическаго Комитета для описанія С.-Петербургской епархіи и Комитета для разсмотрѣнія положенія о преобразованіи духовныхъ училищъ.

20 декабря 1863 года преосвященный Леонтій назначенъ былъ Подольскимъ епископомъ. Въ этой епархіи онъ много сдѣлалъ полезнаго. Имъ постепенно увеличено было содержаніе наставниковъ духовной семинаріи, улучшены школьный бытъ и обстановка воспитанниковъ семинаріи, для развитія вкуса которыхъ къ церковной живописи открытъ былъ классъ иконописи. Въ 1864 году преосвященный Леонтій открылъ въ г. Каменцѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія и преобразовалъ Тульчинское женское училище, незадолго предъ тѣмъ открытое по иниціативѣ извѣстнаго петербургскаго протоіерея В. Гречулевича, впослѣдствіи Могилевскаго епископа Виталія. Съ улучшеніемъ матеріальнаго быта духовенства онъ возвысилъ умственный и нравственный уровень его, приложивъ много попеченія къ искорененію слѣдовъ уніатскихъ особенностей изъ религіозной, общественной и частной жизни духовенства. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ преосвященному Леонтію удалось значительно перевоспитать духовенство Подольской епархіи, хотя въ письмѣ отъ 10-го ноября 1872 г. къ своему земляку, архіепископу Тульскому Никандру онъ писалъ, что «духъ шляхетства и жидовскую меркантильность въ духовенствѣ Подольской епархіи не скоро еще выкурить можно». Для улучшенія быта и просвѣщенія народа онъ много потрудился въ дѣлѣ устройства церковныхъ братствъ, приходскихъ попечительствъ, церковно-приходскихъ школъ и пріютовъ. Въ видахъ ослабленія католической пропаганды, онъ настоялъ на закрытіи епископской католической каѳедры въ Каменцѣ и католической духовной семинаріи; по его же настоянію закрыты и переданы были въ православное вѣдомство и нѣкоторые костелы. При немъ же и по его иниціативѣ учреждены были эмеритура и окружныя попечительства для заштатнаго духовенства, для вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Архипастырская дѣятельность Леонтія оцѣнена была правительствомъ по достоинству: 8-го апрѣля 1873 г. онъ возведенъ былъ въ званіе архіепископа. Отъ постоянной борьбы съ полонизмомъ, іезуитизмомъ и жидовствомъ, отъ разнообразныхъ и непосильныхъ трудовъ преосвященный Леонтій, по его собственнымъ словамъ, «измучился и здоровье испортилъ».

2 октября 1874 г. преосвященный Леонтій перемѣщенъ былъ на Херсонскую каѳедру. Посланіе его къ пастырямъ и паствѣ Херсонской епархіи отъ 25 декабря 1874 г. представляетъ литературный памятникъ заботъ преосвященнаго о новой своей паствѣ.

Не успѣлъ еще преосвященный Леонтій вполнѣ ознакомиться съ Херсонскою епархіею, начертать очень важныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ ослабленію распространившейся по епархіи штунды, какъ 16 ноября 1875 г. состоялось перемѣщеніе его въ Холмско-Варшавскую епархію, въ самое главное средоточіе полонизма, какъ испытаннаго стража и борца за православіе. И съ этого времени начинается блестящій періодъ 16-ти лѣтней архипастырской дѣятельности преосвященнаго Леонтія, подроб-

ное и обстоятельное изображеніе которой находится въ изданныхъ покойнымъ П. Н. Батюшковымъ обширныхъ историческихъ описаніяхъ Подоліи и Холмской Руси. Ему предстояла трудная и сложная задача утвердить въ православной вѣрѣ возсоединившихся въ 1875 г. уніатовъ съ православною церковію. Для этой цѣли и вообще для возрожденія русскаго духа въ Холмско-Варшавской епархіи и утвержденія православія въ Привислянскомъ краѣ имъ увеличенъ былъ составъ причтовъ почти при всѣхъ городскихъ церквахъ, возстановлено много пришедшихъ въ разрушеніе во времена уніи православныхъ храмовъ, а равно устроено много новыхъ; возобновлены въ Холмѣ и Замостьѣ православныя братства, открыто при Варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ Свято-Троицкое братство, Яблочинскій мужской монастырь, древній памятникъ православія въ краѣ, былъ преобразованъ и возведенъ на степень первоклассnаго; въ посадѣ Лѣснѣ, во времена уніи бывшемъ центромъ латинской пропаганды, устроена православная женская община. Въ цѣляхъ возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня духовенства и авторитета его въ глазахъ иновѣрцевъ, преосвященный Леонтій преобразовалъ Холмскую бывшую уніатскую семинарію по образцу всероссійскихъ православныхъ семинарій, для которой, по его настоянію, выстроено было прекрасное зданіе въ Холмѣ. Здѣсь же вскорѣ открыто было духовное училище, преобразованное изъ бывшей причетнической школы. Пр. Леонтій усилилъ благочинническій надзоръ за приходскимъ духовенствомъ, исходатайствовалъ отъ правительства увеличеніе окладовъ жалованья духовенству. Въ заботахъ объ умственномъ и нравственномъ преуспѣяніи народа преосвященный Леонтій возстановилъ церковныя братства и усилилъ ихъ дѣятельность, увеличилъ число церковно-приходскихъ школъ и церковно-приходскихъ попечительствъ, устроилъ пріюты при Яблочинскомъ монастырѣ и Лѣснинской общинѣ, усилилъ церковную проповѣдь. Возстановленное преосвященнымъ Леонтіемъ въ 1879 г. Холмское Православное Свято-Богородицкое братство для укрѣпленія и преуспѣянія православія въ Холмской Руси въ 1885 г. впервые выпустило въ свѣтъ «Холмскій народный календарь» съ цѣлію вытѣснить изъ употребленія въ народѣ составленные въ латинскомъ и польскомъ духѣ польскіе календари.

Въ воздаяніе выдающихся заслугъ по управленію Холмско-Варшавскою епархіею преосвященный Леонтій назначенъ былъ при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 17 ноября 1891 г. Московскимъ митрополитомъ. Кратковременно было служеніе преосвященнаго Леонтія на каѳедрѣ Московской митрополіи, полтора лишь года, но оно ознаменовано двумя важными событіями въ церковно-общественной жизни русскаго народа, а именно: устройствомъ церковно-народнаго чествованія 500-лѣтія со дня преставленія преподобнаго Сергія Радонежскаго и фототипическимъ изданіемъ всецѣло на средства преосвященнаго Леонтія Новаго Завѣта, писаннаго рукою Святителя Алексія, митрополита Московскаго и духовнаго друга святого Сергія Радонежскаго.

Литературные труды митрополита Леонтія слѣдующіе: «Мысли о цѣли жизни человѣческой», статья, напечатанная въ «Духѣ Христіанина» за 1864 г.; «Слова, поученія и рѣчи въ дни воскресные и праздничные», впервые изданные въ 1867 г., перепзданные въ двухъ томахъ въ 1876 и 1888 г.г.; нѣсколько словъ, не вошедшихъ въ полное собраніе, напечатано отдѣльно; «Письма» его, напечатанныя въ «Чтеніяхъ Общества и Древностей Россійскихъ» за 1908 г. и въ «Русской Старинѣ» за 1901 г. № 8, и «Изъ лекцій по нравственному богословію». Сергіевъ Посадъ. 1892 г.

И. Корсунскій, «Высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій». («Богословскій Вѣстникъ», 1893 г., сентябрь, стр. 390—419).—*Священникъ С. Петровскій*, «Семь Херсонскихъ архіепископовъ», Одесса 1894 г., стр. 111—118.—*Протоіерей Н. Страшкевичъ*, «Двадцатипятилѣтіе служенія преосвященнаго Леонтія», Варшава 1887 г.—*Священникъ П. В.*, «Высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій». Каменецъ-Подольскъ. 1893 г.—*Е. В. Барсовъ*, Передовая статья въ «Московскомъ Листкѣ», за 1893 г., № 218.—*А. Родосскій*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи 1814—1869 гг.» Спб. 1907 г.—«Собраніе мнѣній митрополита Филарета», кн. V, стр. 491.—«Письма къ Высочайшимъ Особамъ», его же, т. II, стр. 185, 207, 210 и 277.—*Протоіерей Вакхъ Гурьевъ*, «Архіепископъ Леонтій на родинѣ» («Странникъ», 1880, №№ 9—10).—«Къ двадцатипятилѣтію служенія преосвященнаго Леонтія въ святительскомъ санѣ» («Холмско-Варшавскій епарх. Вѣстникъ», 1885 г., № 6).—Статьи о

немъ въ «Холмско-Варшавскомъ епарх. Вѣстникѣ» за 1890 г., № 8 и 1903 г., № 35, «Душеполезномъ Чтеніи» за 1893 г., «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1891 г., № 50 и «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1893 г., III, 335.

А. Никольскій.

Леонтій (въ мірѣ *Лука Павловъ*), игуменъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря, происходилъ изъ посадскихъ людей города Юрьевца-Поволгскаго; монашество принялъ въ пустынькѣ Рождественской, что на Нодогѣ, Кинешемскаго уѣзда; затѣмъ онъ жилъ въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ, откуда въ 1711 г. былъ назначенъ настоятелемъ Кривоезерской пустыни; въ октябрѣ 1714 г. Леонтій былъ переведенъ на ту же должность въ Макаріевъ Унженскій монастырь, которымъ управлялъ дважды: съ 1714 по 1727 гг. и съ 1728 по 1741 гг. Въ 1741 г. онъ снова перешелъ на жительство въ Кривоезерскую пустынь и въ слѣдующемъ году вторично былъ опредѣленъ настоятелемъ этой пустыни, гдѣ и скончался въ 1788 г. Во время своего пребыванія въ Кривоезерской пустынѣ игуменъ Леонтій составилъ и собственноручно написалъ сказаніе о написаніи чудотворной иконы Божіей Матери Іерусалимской (хранится въ архивѣ Кривоезерской пустыни) съ службою Ей и келейный уставъ для монаховъ подъ названіемъ: «Правило Троезерской пустыни».

«Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря Костромской епархіи», вып. II, стр. 51. Кострома. 1892 г.—«Историческія записки о Троицкой Кривоезерской пустыни». М. 1862 г., стр. 25.

Леонтій, (*Пельчицкій*), епископъ Пинскій, въ мірѣ Зеньковичъ или Захарьевичъ Ильяшовичъ, еще при жизни отца своего, Холмскаго епископа Захарія или Зиновія Ильяшовича, и по его желанію, сдѣлался Холмскимъ и Белзскимъ епископомъ, несмотря на то, что каѳедра эта грамотою короля Сигизмунда Августа отъ 8 марта 1566 года обезпечена была за зятемъ епископа Захаріи, Ѳеодоромъ Омнисомъ Лаговскимъ. 3-го іюня 1577 года Холмскій епископъ Захарія предъявилъ гродскому судьѣ для записи въ актовыя книги грамоту, въ которой онъ отказывается отъ епископіи въ пользу своего сына Левки и передаетъ ее ему въ управленіе со всѣми правами. Благодаря вліянію и ходатайству предъ королемъ важнѣйшихъ лицъ въ Холмѣ и особенно холмскаго старосты Александра Лища, грамота епископа Захаріи была утверждена королемъ Стефаномъ данною въ лагерѣ подъ Гданскомъ 20-го того же іюня грамотою. Въ послѣдней говорится, что король Стефанъ «не только соглашается на уступку со стороны отца въ пользу своего сына, но и дѣйствительно передаетъ послѣднему Холмскую и Белзскую епископію, или управленіе церковью въ этихъ епархіяхъ со всѣми правами, имѣніями и доходами на всю его жизнь или до перевода его на большую епархію». Левко Зеньковичъ былъ хиротонисанъ въ 1580 году съ именемъ Леонтія и впослѣдствіи возведенъ въ шляхтичи съ фамиліею *Пельчицкій*. Леонтій Пельчицкій былъ Холмскимъ епископомъ съ 1577 по 1585 годъ. Королевская грамота о переводѣ Леонтія Пельчицкаго на Пинскую каѳедру была подписана 8 іюля 1585 года, на дѣлѣ же переводъ его состоялся не раньше октября мѣсяца; въ актѣ 10 декабря говорится уже о нареченномъ Холмскомъ и Белзскомъ епископѣ Дмитріи Іоаннѣ Збируйскомъ. Епископъ Леонтій участвовалъ на соборахъ въ Бельзѣ и Брестѣ Литовскомъ въ 1590 году, подписался къ соборной грамотѣ отъ 2 декабря 1594 года объ отторженіи отъ союза съ Восточною церковью и признаніи папской власти и къ соборной же грамотѣ, писанной 12-го іюня 1595 г. папѣ Клименту VIII о вступленіи въ союзъ съ Римскою церковію, но не дожилъ до Брестскаго собора (8 октября 1595 года), на которомъ обнародованъ былъ декретъ объ уніи русской церкви съ римскою. Профессоръ М. Коялович такъ характеризуетъ Леонтія (Пельчицкаго): «онъ былъ представителемъ тѣхъ недостойныхъ людей въ Западно-Русской іерархіи, которые вовсе не уважали и не исполняли церковныхъ правилъ касательно чистоты жизни духовныхъ. Возведенные въ санъ епископскій изъ женатыхъ мірянъ, они не думали оставлять семейной жизни и жили съ своими женами (Акты Зап. Руси, т. IV, № 33), увлекшись, вѣроятно, ученіемъ протестантовъ, которые производили этотъ соблазнъ въ латинолитовской церкви». Вѣрный себѣ, онъ защищалъ недостойныхъ по жизни священниковъ, двоеженцевъ и троеженцевъ, за что и былъ обличаемъ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміей II-мъ.

В. М. Площанскій, «Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ», XV—

XVIII в. и другимъ источникамъ. Духовенство».—А.. «Холмская епархія православной и б. уніатской церкви». I. 1428—1630. Вильна. 1899 г., стр. 202—227, 251.—*М. Коялович*ъ, «Литовская церковная унія». т. I. СПБ. 1859 г., стр. 61. 83—84, 90, 91, 93, 95.—*М. Дієвъ*, протоіерей, «Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ древнихъ россійскихъ епархій съ лѣтописями и актами. 1858—1859 г.г.». Книга первая.—Рукопись Архива Св. Синода № 1772, 295—297 лл.—*И. Чистовичъ*, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви.» Часть 2-я. СПБ. 1884 г., стр. 398.—Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ. 1701—1839 г.г., томъ второй. СПБ. 1907 г., № 1683, томъ первый, 1470—1700 г. СПБ. 1897 г., №№ 141, 177, 179.

А. Никольскій.

Леонтій, основатель Кариховскаго монастыря въ Новгородскомъ уѣздѣ, скончался 18 іюля 1492 г. Мощи его почиваютъ въ бывшей монастырской нынѣ приходской церкви.

«Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія мѣстно чтимыхъ СПБ. 1836 г., стр. 168. — *Игнатій, архим.*, «Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ», СПБ. 1875 г., стр. 126.—*Е. Голубинскій*, «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви». М. 1903 г., стр. 333.

А. Н.

Леонтій, митроп. Кіевскій. См. **Леонъ**.

Леонтій, святой епископъ Ростовскій. Святой Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, въ извѣстномъ посланіи своемъ къ Кіево-Печерскому архимандриту Акиндину, приложенномъ къ Печерскому патерику, перечисляя постриженниковъ Кіево-Печерскаго монастыря и именуя въ числѣ ихъ св. Леонтія, называетъ его третьимъ «гражданиномъ русскаго міра». Житіе же этого святителя, сохранившееся въ многочисленныхъ спискахъ, утверждаетъ, что онъ былъ грекъ, уроженецъ Константинополя. Митрополитъ Макарій, примиряя эти противорѣчія, допускаетъ, что Леонтій могъ быть грекомъ, пришедшимъ впослѣдствіи въ Россію. Профессоръ В. О. Ключевскій стоитъ за русское происхожденіе Леонтія. Служба сему святителю, сохранившаяся въ спискахъ XIII-XVI в.в. и составленная Ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, занимавшимъ Ростовскую каѳедру съ 1190-1214 г., современникомъ и близкимъ знакомымъ епископа Симона Владимірскаго, утверждая, согласно съ житіемъ, греческое происхожденіе святого Леонтія: «отъ царскаго града, якоже солнце, граду Ростову возсіялъ еси», въ тоже время говоритъ: «ты измлада Христа возлюбилъ еси, кумиръ возгнушився и мерзкихъ идослуженій, храмъ себѣ освятилъ еси» (стихира на хвалитѣхъ) и тѣмъ самымъ указываетъ на русское происхожденіе его. Въ спискахъ житія 4-й редакціи и въ прологѣ о святителѣ Леонтіи сказано: «Россійскій и греческій языкъ добрѣ разумѣяше, книгамъ же россійскимъ и греческимъ вельми хитрословесенъ и сказатель отъ юности бысть». Итакъ святой Леонтій былъ по происхожденію русскій, уроженецъ Кіева или ближайшаго къ нему города, крещенъ еще во младенчествѣ («освященъ отъ пеленъ, отъ младыхъ ногтей»), затѣмъ, согласно распоряженію князя Владиміра или Ярослава, взятъ «въ наученіе книжное» («книгамъ россійскимъ сказатель отъ юности бысть»), съ цѣлію возведенія со временемъ въ духовный санъ («тя бо Богъ прежде избра отъ юности, отче, пастыря овецъ словесныхъ, тѣмъ преподобныхъ ликъ тя воспріятъ»). Благодаря школьному воспитанію и книжному наученію, св. Леонтій съ молодыхъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни и для дальнѣйшаго изученія посланъ былъ или добровольно отправился въ Константинополь, гдѣ, нужно думать, и былъ постриженъ въ монашество. По возвращеніи изъ Константинополя онъ пришелъ въ Печерскую обитель къ преподобному Антонію, что было не ранѣе 1032 г., откуда лицами, стоявшими во главѣ тогдашняго правленія, былъ призванъ на каѳедру Ростовскую, какъ русскій образованный монахъ, и рукоположенъ во епископа, «какъ первый престольникъ» изъ иноковъ печерскихъ, прежде 1051 г., когда возведенъ былъ въ санъ митрополита Кіевскаго второй престольникъ и постриженникъ Кіево-Печерскаго монастыря—Иларіонъ. Въ Ростовѣ святитель Леонтій оказался одинокимъ борцомъ за христіанскую вѣру, такъ какъ Ростовъ, по смерти святого Бориса Владиміровича, долго не имѣлъ собственныхъ удѣльныхъ князей, и хотя въ 1054 году, по смерти Ярослава I-го, чрезъ три года по прибытіи св. Леонтія въ Ростовъ послѣдній достался въ удѣлъ сыну Ярослава Всеволоду, но Всеволодъ жилъ во все время княженія въ Переяславлѣ Кіевскомъ или въ самомъ Кіевѣ, сынъ же его Владиміръ Мономахъ молодые годы провелъ въ дѣлахъ ратныхъ или около своего отца. Правда, первымъ епископомъ Ростовскимъ Ѳеодоромъ была построена

дубовая, «дивная и великая» по словамъ лѣтописи, въ Ростовѣ соборная церковь во имя Успенія Богоматери еще во дни св. Владиміра, въ 991 году, и при ней учрежденъ клиръ церковный, но христіанъ было весьма мало, да и самъ святитель Ѳеодоръ, а равно его преемникъ Иларіонъ съ безчестіемъ изгнаны были изъ города. Встрѣченный непріязненно старѣйшинами города Ростова, св. Леонтій поселился при соборномъ храмѣ и прежде всего занялся просвѣщеніемъ клира церковнаго. Памятникомъ этой просвѣтительной дѣятельнсти святителя Леонтія служитъ дошедшее до насъ и приписываемое ему въ двухъ рукописяхъ «поученіе и наказаніе къ попомъ о всемъ, какъ подобаетъ дѣти свои духовныя учити и эпитимья имъ давати, по заповѣдемъ и по правиломъ святыхъ отецъ» (изд. въ «Московскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1878 г., №№ 24, 25 и «Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ, № 12). Впрочемъ, проф. Н. Никольскій говоритъ, что въ большинствѣ списковъ это поученіе приписывается митрополиту Кириллу (до 1280 г.). Святой Леонтій такъ любилъ организованный и духовно и нравственно просвѣщенный имъ церковный клиръ, что унесъ съ собою въ могилу свитокъ съ именами поставленныхъ имъ клириковъ: по открытіи мощей «видѣша великаго Леонтья . . . свитокъ держаща въ руцѣ свои, въ немже бяху написаны и прозвитеры и діаконы, ихже бѣ поставилъ рукою своею». Одновременно съ «наказаніемъ» клириковъ, св. Леонтій подвизался въ проповѣди христіанскихъ истинъ ростовскимъ насельникамъ—язычникамъ изъ многолюднаго племени дикой Чуди, но открытая проповѣдь его встрѣтила сначала глухое сопротивленіе, а затѣмъ и открытое возстаніе ихъ: нѣсколько разъ съ безчестіемъ прогоняли они его отъ себя и, наконецъ, совсѣмъ изгнали его изъ города. Тогда онъ поселился за городомъ близъ небольшого ручья Брутовщицы, гдѣ и построилъ небольшую деревянную церковь во имя св. архистратига Михаила. Подвизаясь здѣсь въ постѣ и молитвахъ, онъ сѣялъ сѣмена Христовой вѣры въ сердцахъ отроковъ ростовскихъ, которыхъ для этой цѣли зазывалъ къ себѣ и кормилъ пшеницею, сваренною съ медомъ. Съ теченіемъ времени святитель Леонтій снова поселился въ городѣ и съ ревностью проповѣдывалъ слово Божіе и крестилъ многихъ отроковъ и взрослыхъ людей. Успѣхъ миссіонерской дѣятельности святителя Леонтія ожесточилъ сердца ростовскихъ жителей языческой вѣры и они рѣшили убить его. Однажды съ оружіемъ въ рукахъ они подступили къ соборной церкви и требовали, чтобы святитель вышелъ къ нимъ. «Испугались священники и діаконы соборные и стали умолять архипастыря своего, чтобы онъ не выходилъ и тайно скрылся отъ идолослужителей, готовыхъ умертвить его». Но онъ, надѣвъ архіерейское облаченіе, вмѣстѣ съ священниками и діаконами, облачившимися, по его приказанію, въ священныя одежды, вышелъ изъ храма къ народу. Пораженные мужествомъ святителя и свѣтомъ небеснымъ, исходившимъ отъ его лица, язычники попадали на землю, иные ослѣпли, иные пришли въ тѣлесное разслабленіе и, какъ мертвые, лежали на землѣ у ногъ святителя. Помолившись ко Господу, онъ возставилъ ихъ и исцѣлилъ: по увѣщанію его, они приняли св. вѣру и крестились, и съ того времени церковь въ Ростовѣ стала расти. Тогда началъ отходить отъ насъ мракъ идольскій, и возсіялъ свѣтъ благовѣрія», говорится въ древнемъ похвальномъ словѣ святителю Леонтію. О кончинѣ святителя Леонтія свѣдѣнія разнорѣчивы: по однимъ—онъ скончался въ мирѣ, по другимъ—былъ убитъ толпою язычниковъ; одни относятъ кончину его къ 1070 г., другіе полагаютъ, что онъ убитъ въ 1073 г. Е. Голубинскій же говоритъ, что онъ скончался около 1077 года. Во всякомъ случаѣ, всѣ списки житія, указываемые митрополитомъ Макаріемъ, согласно съ первою и второю редакціями посланія св. Симона, повѣствуютъ о мирной кончинѣ святителя Леонтія. И Ростовскій епископъ Іоаннъ въ своемъ канонѣ святителю прославляетъ св. Леонтія, какъ преблаженнаго и преподобнаго, но не какъ мученика. Да и въ службѣ сему святителю, составленной одновременно съ канономъ и, всего вѣроятнѣе, тѣмъ же епископомъ Іоанномъ, весьма ясно говорится о мирной кончинѣ его: «не далъ еси сна очима твоима, ни вѣждома твоима дреманія, дондеже уснулъ еси сномъ общимъ» (стихира на «Господи воззвахъ» на великой вечернѣ). Святое тѣло равноапостальнаго святителя Леонтія погребено было въ соборномъ Успенскомъ храмѣ г. Ростова, а обрѣтено нетлѣннымъ въ 1162 году при

копаніи рвовъ подъ стѣны новозаложеннаго великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ каменнаго соборнаго храма на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1160 году дубовой соборной Успенской церкви и тогда же положено въ присланномъ тѣмъ же княземъ каменномъ гробѣ въ устроенномъ въ честь его небольшомъ придѣлѣ съ южной стороны алтаря соборнаго храма. Ростовскій епископъ Іоаннъ установилъ празднованіе святителю въ день обрѣтенія мощей его—23 мая. Но своды соборной церкви, воздвигнутые малоискусными зодчими, вскорѣ обрушились и мощи святителя Леонтія перенесены были въ церковь Іоанна Богослова (которая съ того времени замѣнила Ростову соборную церковь) и пребывали въ ней до 1231 года; въ этомъ же году 25 февраля они снова были перенесены во вновь отстроенный храмъ во имя Успенія Богоматери и поставлены въ придѣлѣ, посвященномъ имени святителя. Въ 1609 году литовцы, опустошившіе Ростовъ, похитили золотую раку святителя и драгоцѣнную икону его, и съ тѣхъ поръ мощи св. Леонтія почиваютъ подъ спудомъ, а на мѣстѣ ихъ покоя находится рака съ его надгробною иконою. Въ 1800 году усердіемъ ростовскихъ гражданъ рака святителю была устроена серебряная, украшенная въ недавнее время бронзовымъ изящнымъ золоченымъ балдахиномъ. Во время послѣдней реставраціи Ростовскаго Успенскаго собора въ 1884 году «Господь благоволилъ отчасти открыть мѣсто подземнаго покоя ростовскаго чудотворца: подъ поломъ (въ подземельи) нынѣшняго придѣла во имя св. Леонтія открытъ былъ древній придѣлъ въ честь сего святителя, въ которомъ на южной сторонѣ находится ниша, украшенная древними фресками съ изображеніями святителя Леонтія, преставленія и обрѣтенія мощей его; рядомъ съ стѣннымъ изображеніемъ св. Леонтія, почти вровень съ кирпичнымъ поломъ придѣла, прямо подъ существующею нынѣ серебряною ракою св. Леонтія, открыта была замурованная изъ бѣлаго камня гробница, въ коей, полагаютъ, и покоятся честныя мощи св. Леонтія».

В. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». М. 1871 г., стр. 3—22.—*Макарій*, «Исторія Русской церкви», т. II, изд. 3-е. СПБ. 1889 г., стр. 23—24, 315—317.—*Е. Голубинскій*, «Исторія Русской церкви», 1-я половина I-го тома, стр. 201, 202 и 757, 2-я половина I тома, стр. 433.—*Его же*, «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви». М. 1903 г., стр. 60—61.—*А. Ковалевскій*. «Святитель Леонтій, епископъ Ростовскій чудотворецъ» («Душеполезное Чтеніе» за 1885 г., май, стр. 44—66).—*І. Заозерскій, священникъ*, «Святый Леонтій, епископъ Ростовскій» («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1889 г., № 29).—*Н. К.* «Житія Ростовскихъ угодниковъ Божіихъ». («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1875 г., №№ 11, 12, 17, 18).—Неизвѣстнаго автора статья: «Св. Леонтій, епископъ Ростовскій» («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1888 г., № 41, ст. 641—656, № 42, ст. 657—660, № 43, ст. 673—686, № 45, ст. 705—715).—*В. Т—й*, «Нѣчто о времени епископства святителя Леонтія Ростовскаго» («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости», 1892 г., № 33).—*Н. Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».—*Н. Никольскій*, «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.)». Корректурное изданіе, стр. 210—211.—*М. Толстой, графъ*, «Святыни и древности Ростова Великаго». М. 1856 г., стр. 34—35.—«Словарь историческій о святыхъ прославленныхъ въ Россійской церкви». Спб. 1836 г., стр. 167—168.—*И. Срезневскій*, «Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ)», 2-е изд. 1882 г., ст. 120, 142.

А. Никольскій.

Леонтій, преподобный (неканонизованный) Стромынскій, ученикъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, который поставилъ его первымъ игуменомъ Стромынскаго или Дубенскаго во имя Успенія Божіей Матери монастыря, находившагося въ 50-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Москвы при селеніи Стромыни, на рѣчкѣ Дубенкѣ. Этотъ монастырь «основанъ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ руками преподобнаго Сергія» за годъ до нашествія Мамая, чтобы собрать въ него нарочитыхъ молитвенниковъ о побѣдѣ надъ врагомъ. По В. Звѣринскому, нынѣ это—часовня и старое кладбище близъ села Стромыни, по архимандриту же Леониду («Святая Русь»)—пустынь Шавыкина, но послѣднее невѣрно: Дубенскій Шавыкинскій или Дубенскій, что на острову, также во имя Успенія Божіей Матери, основанъ былъ тѣмъ же Димитріемъ Донскимъ руками преподобнаго же Сергія въ благодареніе Богу за дарованную великую Куликовскую или Донскую побѣду надъ Мамаемъ въ 40 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Троицкаго монастыря, что на рѣкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Дубну; игуменомъ послѣдняго монастыря поставленъ былъ преподобнымъ Сергіемъ ученикъ его Савва.

Е. Голубинскій, «Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра».

Москва. 1909 г., стр. 61, 65, 66.—*Его же*, «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви». Москва. 1903 г., стр. 360.—*Димитрій* (*Самбикинъ*), преосвященный, «Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ». Выпускъ XI (іюль). (Прибавленіе къ «Тверскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Тверь. 1901 г., стр. 239—242.

А. Никольскій.

Леонтій, первый епископъ Тамбовскій и Козловскій, хиротонисанъ 25 марта 1682 г. въ Москвѣ. Въ первый годъ своего епископства, находясь въ Москвѣ, участвовалъ въ погребеніи царя Ѳеодора Алексѣевича и въ короновапіи и вѣнчаніи на царство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Преосвященный Леонтій вывезъ съ собой изъ Москвы въ Тамбовъ и посвятилъ въ діаконы къ Преображенской въ Тамбовѣ церкви знаменитаго ученостію Палладія Роговскаго, впослѣдствіи доктора богословія и игумена Московскаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря, чтобы имѣть въ немъ даровитаго помощника въ управленіи новоучрежденною епархіею. Въ 1684 г. Леонтій былъ отрѣшенъ отъ епархіи и, по одному мнѣнію, сначала переведенъ на викаріатство Новгородской митрополіи, а въ 1690 г.—Суздальской епархіи, по другому же мнѣнію,—сосланъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь Суздальской епархіи. Въ 1687 г., по волѣ патріарха Іоакима, Леонтій свидѣтельствовалъ чудеса отъ мощей Никандра, Псковскаго чудотворца, а въ 1690 г. находился при свидѣтельствованіи мощей преподобной Ефросиніи Суздальской; 1 іюня 1698 г. онъ вмѣстѣ съ Суздальскимъ митрополитомъ Иларіономъ перекладывалъ мощи благовѣрнаго Александра Невскаго. По Строеву, онъ проживалъ еще въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ въ 1707 г.

Хитровъ, «Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи». Тамбовъ. 1861 г., стр. 67.—*М. Діевъ*, протоіерей, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ Россійскихъ древнихъ епархій съ лѣтописями и актами 1878 г.», рукопись Архива Св. Синода № 1770.—*Ананія Ѳедоровъ*, «Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суздалѣ» («Временникъ Московскаго Общества Ист. и Древн. Росс.», кн. 22).—«Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1839 г., № 9.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскихъ церквей». Спб. 1877 г.

А. Никольскій.

Леонтовичъ, *Алексѣй Осиповичъ*, врачъ, к. ас., изъ духовныхъ, родился въ 1813 г., умеръ въ 1846 г., образованіе получилъ въ Московской медико-хирургической академіи, куда поступилъ въ 1831 г. По окончаніи курса въ ней съ серебряною медалью онъ опредѣлился врачемъ въ конно-артиллерійскія легкія батареи №№ 7, 8 и 9. Получивъ въ 1841 г. званіе штабъ-лѣкаря, онъ въ слѣдующемъ году переѣхалъ на Кавказъ и опредѣлился въ Озургетскій военный госпиталь, а въ 1844 г. перешелъ въ Бомборскій военный госпиталь. Назначенный затѣмъ въ 1846 г. старшимъ ординаторомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскій военный госпиталь, онъ въ томъ же году перевелся старшимъ врачемъ въ Черноморскій линейный № 11 батальонъ, заболѣлъ и, находясь на излѣченіи въ Керчь-Еникальскомъ военномъ госпиталѣ, въ умопомѣшательствѣ лишилъ себя жизни. Ему принадлежитъ переводъ съ франц. сочиненія Лальмана: «Непроизвольное истеченіе сѣмени (М. 1846).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 175.

Леонтовичъ, *Иванъ*, переводчикъ, воспитывался въ Екатеринославской духовной семинаріи и въ 1790 г. числился ученикомъ Московскаго госпиталя. Перевелъ: 1) «Новѣйшую фармакопею, въ которой точнѣйшимъ образомъ опредѣлены пріемы: самый малый, средній и самый большой нужнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ лѣкарствъ». Съ нѣм. соч. Римера (М. 1799), 2) «Россійскую фармакопею, или аптеку съ подробнымъ и яснымъ наставленіемъ, научающимъ, въ какомъ видѣ и качествѣ лучше и полезнѣе какъ внутрь, такъ и снаружи употреблять лѣкарства, какъ-то: различные порошки, капли спиртныя и пр.». Съ лат. яз. (М. 1802), 3) «О продолженіи жизни ученыхъ по правиламъ діетики». Соч. Ф. Гофмана. Перев. совмѣстно съ П. Озеровымъ (Владиміръ 1798) г. и 4) «Способъ читать, замѣчать и сочинять, въ пользу молодыхъ людей предложенный Мейнерсомъ». Съ нѣм. (М. 1798).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 232-233.—*Змѣевъ*. «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 175.

Леонтовичъ, *Константинъ Степановичъ*, контръ-адмиралъ, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ,

куда поступилъ въ 1779 г. Произведенный въ 1782 г. въ гардемарины, онъ отправился въ плаваніе. Въ 1788 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и на кораблѣ «Владиславъ» участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Освобожденный въ 1790 г. изъ плѣна, онъ въ 1793 г. былъ командированъ въ Англію для поступленія волонтеромъ въ англійскій флотъ, на которомъ плавалъ до 1798 г., когда былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и переведенъ въ Черноморскій флотъ. Командуя кораблемъ «Симеонъ и Анна», онъ участвовалъ въ Архипелажской экспедиціи въ отрядѣ контръ-адмирала Пустошкина, въ 1799 г. на томъ же кораблѣ участвовалъ при взятіи Корфинской крѣпости, былъ въ крейсерствѣ между Корфу, Анконою, Мессиною и Ливорно и участвовалъ въ бомбардировкѣ порта Маврикія и въ блокадѣ Генуи. За потопленіе французскихъ конвойныхъ судовъ Леонтовичъ былъ награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Произведенный въ 1801 г. въ капитаны 1-го ранга, онъ плавалъ на разныхъ корабляхъ до 1805 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность эскадръ-маіора и состоялъ при главномъ командирѣ Черноморскаго флота по инспекторской части, въ 1806 г. состоялъ членомъ въ конторѣ Черноморскаго флота по день упраздненія ея (1806 г.), въ 1807 г. произведенъ въ капитанъ-командоры и въ слѣдующемъ году назначенъ на должность оберъ-интенданта при черноморской исполнительной и строительной экспедиціяхъ. Въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и въ томъ же году былъ назначенъ состоять по хозяйственной экспедиціи. Скончался Леонтовичъ въ 1811 г.

Общій морской списокъ. ч. IV, стр. 235-236.

Леонтовичъ, *Савва Алексѣевичъ*, докторъ медицины, ум. послѣ 1778 г. Изъ мѣщанъ с. Максимовки Миргородскаго полка. Обучался въ Кіевской академіи, откуда въ 1758 г. поступилъ ученикомъ въ Петербургскій адмиралтейскій госпиталь и въ 1761 г. произведенъ былъ, по экзамену, въ лѣкари. Затѣмъ по прошенію отпущенъ былъ доучиваться за границу и черезъ пять лѣтъ, въ 1766 г., защитивъ въ Страсбургѣ диссертацію на степень доктора «De partu praeternaturali, ex vitio trunci foetus orto», вернулся въ Россію, признанъ былъ здѣсь, по экзамену, въ этомъ званіи и опредѣленъ преподавателемъ въ госпиталь, гдѣ прежде самъ учился. Вскорѣ онъ испросилъ себѣ мѣсто доктора при поселившихся около Саратова нѣмецкихъ колонистахъ. Въ 1775 г. медицинская коллегія снова пригласила его на преподавательскую должность; но Леонтовичу не хотѣлось переѣзжать въ Петербургъ; онъ жаловался на разстройство здоровья послѣ того, какъ онъ былъ ограбленъ одною изъ шаекъ Пугачева, ссылался и на утрату всѣхъ книгъ, уничтоженныхъ тою же шайкою. Во вниманіе къ этимъ несчастіямъ комиссія оставила Леонтовича на прежнемъ мѣстѣ, хотя съ сожалѣніемъ, такъ какъ познанія, обнаруженныя имъ на экзаменѣ, обратили на него вниманіе. Въ 1778 г. онъ назначенъ былъ по прошенію докторомъ въ Нижегородскую дивизію.

Чистовичъ, «Перв. медиц. школы въ Россіи», СХІХ—*Рихтеръ*, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 508.—*Евгеній митроп.*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 7.—*Змѣевъ*, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 175. Н. Ч.

Леонтьева, *Марья Павловна*, рожденная *Шипова*, начальница Императорскаго воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, статсъ-дама, родилась близъ г. Солигалича 24 марта 1792 г. въ семьѣ помѣщика и 8-ми лѣтъ была опредѣлена въ число воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ. Окончивъ здѣсь курсъ съ шифромъ, она вскорѣ послѣ того была назначена фрейлиной къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и оставалась въ этой должности до своего вступленія въ бракъ съ ген.-маіоромъ Леонтьевымъ. Овдовѣвъ, она въ 1838 г. была назначена гофмейстериною двора Е. И. В. вел. кн. Маріи Николаевны и помощницей начальницъ Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища, а въ слѣдующемъ году начальницею этихъ училищъ. Въ этой должности она приложила много энергіи и просвѣщеннаго вниманія къ дѣлу воспитанія ввѣренныхъ ей ученицъ. Скончалась Леонтьева 18 мая 1874 г. въ С.-Петербургѣ.

«Домашняя бесѣда» 1874 г., № 21.—«Иллюстрированная Недѣля» 1874 г., № 21.—«Странникъ» 1874 г., № 6.—«Голосъ» 1874 г., № 118.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1874 г., № 137.—«Русская Старина» 1870 г., № 4.

Леонтьевскій, *Захаръ Ѳедоровичъ*, синологъ, сынъ нотаріуса, родился въ Ярославлѣ 25 января 1799 г., умеръ тамъ же 21 іюля 1874 г., образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи, откуда поступилъ въ главный педагогическій институтъ, преобразованный въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи на математическомъ факультетѣ. По окончаніи университета онъ поступилъ въ пекинскую духовную миссію и отправился въ Пекинъ подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго (1819 г.). Пробывъ въ Пекинѣ 10 лѣтъ, онъ возвратился въ Россію. Знаніе китайскаго и маньчжурскаго языковъ дало ему возможность перевести на китайскій языкъ первые 3 тома исторіи Карамзина. Кромѣ того, онъ составилъ китайско-маньчжурско-русскій лексиконъ. Въ 1832 г. азіатскій департаментъ зачислилъ его переводчикомъ, гдѣ онъ оставался на службѣ до 1866 г. Леонтьевскій участвовалъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, въ энциклопедическомъ военномъ лексиконѣ, въ которомъ помѣстилъ статью по заглавіемъ: «Исторія Китая и Великая стѣна китайская», и въ изданіяхъ Императорскаго русскаго археологическаго общества. Ему также принадлежитъ не напечатанный благочестивый трудъ подъ заглавіемъ: «Благоговѣйное обращеніе мыслей къ Богу Отцу, къ Богу Сыну, къ Богу Духу Святому, къ пресвятой Богородицѣ, къ животворящему кресту, къ святымъ ангеламъ, къ Іоанну Крестителю, къ апостоламъ Петру и Павлу и къ святымъ пророкамъ, въ назиданіе, увѣщеваніе и утѣшеніе».

«Ярославскія Губернскія Вѣдомости» 1872 г., № 4.; 1874 г., № 59.

Леонтьевъ, *Александръ Николаевичъ*, ген.-маіоръ, род. 29 августа 1827 г., умеръ 24 марта 1878 г., происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губ. По окончаніи въ 1845 г. курса въ Пажескомъ корпусѣ онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ прапорщики, а черезъ годъ—въ поручики. Прикомандированный въ 1847 г. къ военной академіи, онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, въ 1849 г. отчисленъ отъ академіи и въ томъ же году снова причисленъ къ генеральному штабу. При выпускѣ изъ академіи Леонтьевъ за отличные успѣхи въ наукахъ былъ произведенъ въ капитаны, награжденъ серебряною медалью, получилъ денежное пособіе и былъ прикомандированъ къ образцовымъ войскамъ. Въ 1852 г. онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, съ назначеніемъ на службу въ штабъ Е. И. В. главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а въ слѣдующемъ году назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ гвардейской кирасирской дивизіи. Въ 1854 г. Леонтьевъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье Петербургской губерніи, а въ 1856 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса. За смотры, маневры и ученья въ присутствіи государя онъ удостоился получить 34 Монаршихъ благоволенія. Въ 1860 г. Леонтьевъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣленія гвардейскаго корпуса и членомъ Высочайше утвержденной коммиссіи для улучшеній по военной части. Въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Въ слѣдующемъ году съ нимъ случилось одно обстоятельство, которое принудило его оставить строевую службу: онъ случайно сломалъ себѣ ногу, и ему предложили мѣсто начальника Николаевской академіи. За время пятнадцатилѣтняго пребыванія его во главѣ академіи дѣятельность послѣдней была направлена какъ къ образованію для нашей арміи офицеровъ генеральнаго штаба, такъ и къ тому, чтобы черезъ посредство академіи, хотя бы и косвеннымъ образомъ, содѣйствовать распространенію военнаго образованія въ войскахъ. Въ этихъ двухъ направленіяхъ дѣятельность Леонтьева проявилась въ широкихъ размѣрахъ и была весьма плодотворна, при чемъ большую поддержку въ этомъ дѣлѣ онъ встрѣчалъ со стороны академической конференціи, получившей при немъ значеніе самостоятельнаго совѣщательнаго органа не только въ вопросахъ учебной и ученой части, но и въ нѣкоторыхъ административныхъ. Результатомъ такой дружной работы Леонтьева съ конференціей было то, что занятіямъ обучающихся офицеровъ былъ данъ болѣе практическій характеръ, программы курсовъ были выработаны сообразно требованіямъ современной науки, основанъ дополнительный курсъ и установлены полевыя поѣздки, распространившіяся затѣмъ по всей арміи. За труды по со-

ставленію проектовъ и инструкцій для полевыхъ поѣздокъ офицеровъ Леонтьевъ неоднократно получалъ изъявленія Монаршаго благоволенія. Плодотворная дѣятельность Леонтьева была отмѣчена многими орденами до ордена Бѣлаго Орла включительно.

Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ (1711-1896)», стр. 391-397.—«Русскій Инвалидъ» 1878 г., № 85.

Леонтьевъ, *Алексѣй Леонтьевичъ*, канцеляріи совѣтникъ, переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, род. въ 1716 г., ум. 12 мая 1786 г. Первоначальное образованіе получилъ въ школахъ Заиконоспасскаго монастыря; съ 1738 г. учился китайскому языку въ Москвѣ у крещенаго китайца Ѳеодора Джога. Въ 1742 г. отправленъ былъ въ Пекинъ, съ майоромъ Шокуровымъ, гдѣ пробылъ 10 л. и основательно изучилъ китайскій и маньчжурскій языки. По возвращеніи въ Россію онъ былъ назначенъ переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1747 г. Леонтьевъ вторично ѣздилъ въ Пекинъ, въ качествѣ секретаря при полковникѣ Кропотовѣ. Въ теченіе 1775—1786 г. онъ издалъ много переводовъ съ китайскаго, каковы: «Китайскія мысли», выдержавшія три изданія; «Китайскія поученія, изданныя отъ хана Юнджена — два изданія; «Кратчайшее описаніе городамъ, доходамъ и прочему Китайскаго государства... выбран. изъ китайской государственной географіи; «Депей, китаецъ», СПБ. 1771 г.; «Увѣдомленіе о чаѣ и шелкѣ», СПБ. 1775 г.; «Описаніе китайской шахматной игры» СПБ. 1775 г.; «Увѣдомленіе о бывшей съ 1677 до 1689 года войнѣ у китайцевъ съ зенгорцами» СПБ. 1777 г.; «Китайское уложеніе» СПБ. 1778—79.; «Сы шу гѣй, т. е. четыре книги, съ толкованіями философа Конфуціуса» СПБ. 1780 г.; «Геянь, т. е. ученыхъ китайцевъ умныя рѣчи». СПБ. 1779 г. «Букварь китайскій», СПБ. 1779 г.; «Тайцинъ гурунь и Ухери коли», т. е. всѣ законы и установленія китайскаго правительства. 3 ч. СПБ. 1781—1783 г.; «Пангона-тяпь-шинь-ко», т. е. ангельская бесѣда» СПБ. 1781 г.; «Лакчала-чжегень-де...», т. е. путешествіе маньчжурскаго посланника Тулишена къ калмыцкому хану Аюкѣ. СПБ. 1782 г.; «Проповѣдь о Христѣ Спасителѣ въ Китайскомъ царствѣ, изображенная китайскимъ письмомъ въ 1781 г. по Р. Х. на камнѣ». СПБ. 1784 г. и «Джунъ-Юнъ», т. е. законъ непреложный изъ преданій философа Кунъ-Дзы. СПБ. 1784 г. Одну изъ его записокъ издалъ въ 1815 г. Клапротъ въ своемъ переводѣ: «Lettres sur la litterature mandchoue traduites du russe». Paris.

Справ. словарь Края, VII. — *Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 233—*Евгеній митроп.*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 7.—«Жур. М-ва Нар. Просв.» 1837 г., т. 16.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей рус. земли, ч. III, стр. 169-172. *Н. Ч.*

Леонтьевъ, *Василій Юрьевичъ*, сынъ Юрія Кузьмича, стольникъ; въ 1677—1678 г. былъ вторымъ воеводою въ Смоленскѣ; въ 1685 г. въ числѣ другихъ лицъ долженъ былъ сопровождать царя Петра Алексѣевича въ его загородныхъ поѣздкахъ. Въ 1687—92 г. былъ комнатнымъ стольникомъ, въ 1692 г. окольничимъ и въ 1696 г. присутствовалъ въ Мастерской Палатѣ.

«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ» Казань, 1881 г., с. 9.—П. П. С., т. III, с. 117.—Оп. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., I, № 932; II, с. 117.—*Г. В. Есиповъ*, «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ». М. 1872 г., т. I.

В. Корсакова.

Леонтьевъ, *Владиміръ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1830 г., ум. въ октябрѣ 1877 г. На службу поступилъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ изъ камеръ-пажей. Затѣмъ служилъ въ Новороссійскомъ драгунскомъ полку и командовалъ Бугскимъ уланскимъ полкомъ. Леонтьевъ умеръ въ полномъ смыслѣ слова сознательною жертвою долга: приказъ о мобилизаціи полка засталъ его наканунѣ того дня, когда ему должна была быть сдѣлана серьезная операція; онъ, несмотря на уговоръ друзей, отложилъ ее, отправился на театръ войны и большую часть іюля и августа провелъ подъ Плевной, почти совершенно больной, но ни мало не заботясь о своемъ здоровьи и по суткамъ оставаясь въ полѣ. Еще 2 сентября участвовалъ въ стычкѣ съ турецкимъ отрядомъ, но въ этотъ же день слегъ и болѣе уже не вставалъ. Умеръ онъ въ Яссахъ.

«Русс. инвалидъ», 1877, № 218.—*Фрейманъ*. «Пажи за 185 лѣтъ (1711-1896)», стр. 426. *Н. Ч.*

Леонтьевъ, *Владиміръ Николаевичъ*, писатель, братъ Конст. Ник. Леонтьева

(см. ниже). Съ 1862 г. состоялъ редакторомъ «Современнаго Слова», въ которомъ помѣстилъ рядъ статей о крестьянской реформѣ. Позже былъ помощникомъ редактора «Голоса». Въ 1870 г. онъ принялъ на себя изданіе «Искры», но въ слѣдующемъ году денежныя неудачи заставили его бѣжать за границу, гдѣ онъ и умеръ въ 1870-хъ годахъ. Леонтьевъ издалъ отдѣльно: «Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда» (1867 г.).

Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», т. 34, стр. 561.

Леонтьевъ, *Данила Юрьевичъ*, сынъ Юрія Петровича. Въ 1613 г. былъ воеводою въ Михайловѣ, а въ 1615—1616 г.г. на Валуйкѣ. Въ 1617 г. онъ посланъ былъ вмѣстѣ съ Ѳеод. Леонт. Бутурлинымъ укрѣплять г. Вязьму для осады; затѣмъ состоялъ вторымъ воеводою въ Можайскѣ. Попытка польскаго королевича Владислава овладѣть внезапно Можайскомъ не удалась: тамошніе воеводы Бутурлинъ и Леонтьевъ узнали о движеніи непріятеля и готовы были встрѣтить его. Въ 1618 г. Леонтьевъ былъ воеводою сторожевого полка на Крапивнѣ; въ томъ же году, во время осады Москвы польскимъ королевичемъ Владиславомъ, начальствовалъ у Арбатскихъ воротъ. Въ 1619 г. онъ былъ назначенъ воеводой передового полка на Дѣдиловъ, но не былъ тамъ. Въ 1620—1625 г.г. былъ назначенъ дворецкимъ патріарха Филарета Никитича. Въ 1625 г. былъ въ числѣ дворянъ государевыхъ и присутствовалъ при отпускѣ кизильбашскихъ пословъ. Въ 1626 г. служилъ за царскимъ столомъ. Въ 1642 г. участвовалъ на Земскомъ Соборѣ о принятіи Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Азова, взятаго донскими казаками.

Дв. разр., т. I, с. 299, 687.—Разр. кн., I.—С.Г.Г. и Д., III, с. 174, 384.—А. А. Э., III, с. 242.—«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ» Казань. 1881 г., с. 4.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. IX, с. 137, 144.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», с. 36.

В. Корсакова.

Леонтьевъ, *Замятня* (*Василій*) *Ѳеодоровичъ*, въ 1616 г. былъ стряпчимъ, въ 1620—22 г.г. бывалъ «ухабничимъ» при загородныхъ поѣздкахъ царя и стоялъ рындой при пріемахъ крымскаго и датскаго пословъ. Въ 1625 г., при пріемѣ кизильбашскихъ пословъ, былъ однимъ изъ стольниковъ, которые подавали напитки за большой столъ. Въ 1629 г. сопровождалъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Троице-Сергіевъ монастырь и на возвратномъ пути оттуда, въ с. Тонинскомъ «смотрѣлъ въ кривой столъ». Въ 1631 г. онъ присутствовалъ при пріемѣ шведскаго посла. Въ 1634 г. состоялъ воеводой во Ржевѣ Володиміровой; отстоялъ городъ отъ нападенія польскаго королевича Владислава, за что пожалованъ былъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ ковшомъ и вотчиной въ Мещовскомъ уѣздѣ. Въ 1635 г. Леонтьевъ присутствовалъ при пріемѣ литовскихъ пословъ, а при пріемѣ кизильбашскаго посла «смотрѣлъ въ кривой столъ». Въ 1636 г. онъ дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1638 г. былъ на Тулѣ въ полку кн. Ив. Бор. Черкасскаго и назначенъ ѣздить за нимъ. Въ 1639 г. Леонтьевъ дневалъ и ночевалъ у гроба царевича Ивана Мих., а затѣмъ царевича Василія Мих. Въ 1640—42 г.г. онъ состоялъ воеводой въ Бѣлгородѣ, въ 1643 г. полковымъ воеводой на Алатырѣ, а въ 1645—48 г.г. воеводой въ Сѣвскѣ. Ему, между прочимъ, пожалованъ былъ титулъ намѣстника Кашинскаго для веденія переговоровъ съ польскими межевыми судьями относительно пограничнаго размежеванія, каковое порученіе онъ выполнилъ съ успѣхомъ. По царскому указу онъ «версталъ» въ 1645 г. крестьянъ Камарицкой волости въ драгунскую ратную службу и построилъ нѣсколько городковъ и острожковъ на случай прихода крымскихъ татаръ. Въ 1647 г. долженъ былъ итти съ полкомъ въ Бѣлгородъ, въ сходъ къ боярамъ и воеводамъ: кн. Никитѣ Ив. Одоевскому и кн. Борису Александр. Репнину. Въ 1648 г. онъ доносилъ въ Разрядъ о получаемыхъ турецкихъ, крымскихъ, калмыцкихъ и черкасскихъ вѣстяхъ и о взятіи поляками и запорожцами города Кодака. Въ 1654 г. Леонтьевъ былъ головой жилецкой сотни въ походѣ царя Алексѣя Михайловича противъ польскаго короля Яна Казиміра. Въ 1655 г. ходилъ изъподъ Смоленска къ разнымъ литовскимъ городамъ и взялъ городъ Дубровку и нѣсколько острожковъ; затѣмъ онъ былъ воеводой сначала въ Дубровкѣ, потомъ въ Копыси и доносилъ въ Разрядъ о возвращеніи въ г. Оршу бѣглыхъ тамошнихъ мѣщанъ и о приводѣ въ русское подданство жителей Орши и Копыси. Ему же поручено было назначить въ села и деревни Смоленскаго уѣзда приставовъ

для защиты крестьянъ отъ грабежа ратныхъ людей. Въ 1661 г. Леонтьевъ былъ отправленъ къ польскому королю Яну Казиміру для переговоровъ. Въ 1662—63 г.г. былъ посланъ въ Царицынъ противъ крымскихъ татаръ, сначала съ кн. Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ, а затѣмъ съ кн. Григоріемъ Сунчалѣевичемъ Черкасскимъ. Въ 1663 г. ходилъ изъ Царицына со многими ратными людьми—казанцами, атемарцами, симбирцами и съ дворянами и дѣтьми боярскими иныхъ понизовыхъ городовъ противъ уфимскихъ башкиръ. Съ 12 февраля 1667 г. до 10 октября 1669 г., уже въ чинѣ думнаго дворянина, Леонтьевъ былъ воеводой на Олонцѣ (теперешнемъ Олонецкѣ). Въ 1667 г. онъ получилъ царскую грамоту, съ приложеніемъ статей новаго торговаго устава; при чемъ ему велѣно было собирать таможенныя пошлины съ русскихъ людей, отправлявшихъ товары въ Швецію, по прежнимъ таможеннымъ грамотамъ, а съ иноземцевъ—по новымъ грамотамъ.

Дв. разр., т. т. I и II.—Акты Моск. госуд., I, с. 142, II, с. 191. 200. 205, 216. 403. 406, 412, 413, 414.—Р. И. Б., VIII, с. 907—909; X, с. 19, 137, 168, 310, 411.—«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ». Казань. 1881 г., с. 5—6, 16—21, 38—41. — *Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», с. 27, 77, 223.

В. Корсакова.

Леонтьевъ, *Иванъ Юрьевичъ*, сынъ Юрія Кузмича. Въ 1658 г. былъ стряпчимъ, а въ 1668—86 г.г. стольникомъ. Въ 1675—76 г.г. онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ съ кн. Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ. Въ 1677—78 г.г. былъ воеводою въ Смоленскѣ, въ 1679 г. вторымъ воеводою въ Новомъ Осколѣ, въ 1680 г. товарищемъ воеводы въ Казанскомъ разрядѣ, при бояринѣ и воеводѣ кн. Влад. Дм. Долгорукомъ. Въ 1682 г. онъ подписалъ соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. Въ 1682—84 г.г. состоялъ воеводою въ Саранскѣ и на Саранской чертѣ, въ 1685—86 г.г. полковымъ воеводою на новой Бѣлгородской чертѣ, въ Царевѣ Борисовѣ и иныхъ мѣстахъ. Въ 1687 г. онъ былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ и участвовалъ въ радѣ при избраніи въ гетманы войска Запорожскаго генеральнаго эсаула Ивана Мазепы вмѣсто Самойловича. Въ 1688 г. Леонтьевъ былъ окольничимъ, въ 1689—90 г.г. воеводою въ Сѣвскѣ, а въ 1692—96 г.г. начальствовалъ въ Оружейной Палатѣ.

С. Г. Г. и Д., IV, 409, 546, 569.—П. П. С. З., II, 669, 869. III. 225.—«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ». Казань. 1881 г., с. 8.—Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г., I.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», 36.

В. Корсакова.

Леонтьевъ, *Константинъ Михайловичъ*, капитанъ 2-го ранга. Произведенный въ 1820 г. въ гардемарины онъ крейсеровалъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Въ 1828 г. на кораблѣ «Пантелеймонъ» участвовалъ при взятіи крѣпостей Анапы и Варны, за это былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. «за храбрость» и св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и на томъ же кораблѣ «Пантелеймонъ» находился при взятіи городовъ Месемвріи, Ахіолло, Инады и Мидіи. Затѣмъ онъ плавалъ на разныхъ корабляхъ до 1847 г., когда съ чиномъ капитана 2-го ранга вышелъ въ отставку.

Общій морской списокъ, ч. VII, стр. 411—412.

Леонтьевъ, *Константинъ Николаевичъ*, родился 13 января 1831 года въ сельцѣ Кудиновѣ, Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи. Отецъ его, Ник. Бор. едва ли происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Леонтьевыхъ, въ молодости служилъ въ гвардіи, но за участіе въ какомъ-то буйствѣ былъ оттуда удаленъ. Николай Борисовичъ былъ заурядною личностью, на сына Константина онъ не оказывалъ никакого вліянія да и воспитаніемъ его совсѣмъ не занимался. Со стороны матери К. Н. является отпрыскомъ стариннаго дворянскаго рода Карабановыхъ, ведущаго свое начало еще отъ 15 столѣтія.

Насколько ничтожно было вліяніе отца на К. Н., настолько первоначальнымъ своимъ воспитаніемъ онъ всецѣло обязанъ матери, Ѳеодосіи Петровнѣ, и отчасти горбатой тетушкѣ, Екатеринѣ Борисовнѣ Леонтьевой, подъ женскимъ вліяніемъ которыхъ прошли его дѣтскіе и юношескіе годы. Ѳеодосія Петровна больше всѣхъ дѣтей любила младшаго своего сына, и онъ платилъ ей до конца жизни нѣжной любовью и безпредѣльнымъ уваженіемъ. Поэтому немудрено, что на его духовномъ

обликѣ отразились черты и вліяніе его матери. К. Н. придавалъ большое значеніе тому обстоятельству, что въ его дѣтскихъ впечатлѣніяхъ «религіозное соединялось съ изящнымъ». «Въ нашемъ миломъ Кудиновѣ, въ нашемъ просторномъ и веселомъ домѣ,—разсказываетъ К. Н.,—была комната окнами на западъ, въ тихій, густой и обширный садъ. Вездѣ у насъ было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мнѣ лучше всѣхъ, въ ней было нѣчто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для постороннихъ, и даже для своей семьи. Это былъ кабинетъ моей матери... Здѣсь были почти всюду цвѣты въ вазахъ: сирень, розы, ландыши, дикій жасминъ; зимой—всегда слегка пахло хорошими духами». Воспоминаніе объ этомъ очаровательномъ материнскомъ «эрмитажѣ» неразрывно связано въ сердцѣ Леонтьева «и съ самыми первыми религіозными впечатлѣніями дѣтства, и съ раннимъ сознаніемъ красотъ окружающей природы, и съ драгоцѣннымъ образомъ красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой,—говоритъ Леонтьевъ,—я такъ неоплатно былъ обязанъ всѣмъ (уроками патріотизма и монархическаго чувства, примѣрами строгаго порядка, постояннаго труда и утонченнаго вкуса въ ежедневной жизни)».

Первоначальнымъ образованіемъ К. Н. и подготовкой его къ среднему учебному заведенію занималась Ееодосія Петровна. Въ 1841 году онъ былъ опредѣленъ въ Смоленскую гимназію и находился тамъ подъ присмотромъ своего дяди Владиміра Петровича Карабанова, но вскорѣ послѣдній скончался (въ 1842 г.), и К. Н. былъ взятъ изъ Смоленской гимназіи. Осень и зиму 1842 г. онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ 5 сентября 1843 г. былъ опредѣленъ кадетомъ на воспитаніе въ Дворянскій полкъ. Изъ полка онъ былъ уволенъ по болѣзни приказомъ отъ 6 октября 1844 года. Въ томъ же 1844 году Леонтьевъ былъ принятъ приходящимъ ученикомъ въ третій классъ Калужской гимназіи, полный курсъ семи классовъ которой окончилъ въ 1849 г., съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. Жилъ онъ за это время въ Калугѣ на собственной квартирѣ съ своей горбатой тетушкой. На зиму пріѣзжала изъ деревни въ Калугу и мать.

По окончаніи гимназіи К. Леонтьевъ поступилъ студентомъ сначала въ Ярославскій Демидовскій лицей, откуда въ ноябрѣ того же 1849 года перевелся по болѣзни въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Послѣдній былъ избранъ имъ не по влеченію къ медицинѣ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ матери, желавшей видѣть своего сына врачемъ.

Занятія медициной нисколько не удовлетворяли Леонтьева, вначалѣ они даже тяготили его. На лекціи онъ, правда, ходилъ довольно аккуратно, но, напр., къ препарированію въ анатомическомъ театрѣ смрадныхъ труповъ замерзшихъ на улицѣ пьяницъ, стариковъ, убитыхъ блудницъ, приступалъ съ отвращеніемъ и послѣ тяжкой борьбы. Съ товарищами своими студентами онъ не сходился. На лекціяхъ онъ почти всѣхъ чуждался и ни съ кѣмъ не говорилъ. Его не занимала грубая веселость медиковъ, когда они, терзая трупы, смѣялись и всячески кощунствовали. Начало университетской жизни Леонтьева вообще было крайне тяжелымъ и печальнымъ временемъ. Онъ былъ тогда безпрестанно нездоровъ, у него стала болѣть грудь, отчего его нестерпимо мучила мысль, что у него чахотка, что онъ умретъ. Къ тому же, онъ тогда утратилъ дѣтскую вѣру и ни на чемъ другомъ не могъ успокоиться. Благодаря роднымъ, онъ пріобрѣлъ въ Москвѣ знакомства въ богатомъ кругу, но для поддержанія этихъ связей требовались значительныя денежныя средства, которыми онъ не располагалъ, что очень кололо его самолюбіе. Все это вмѣстѣ, и нужда, и безвѣріе, и болѣзни, а также университетскія занятія, которыя ему не нравились, вліяло удручающимъ образомъ на Леонтьева, требовавшаго и ждавшаго отъ жизни очень многаго. Не могла поднять его упавшаго духа и пробудившаяся въ Москвѣ любовь къ одной дѣвушкѣ, Зинаидѣ Яковлевнѣ Кононовой, отвѣчавшей ему взаимностью. Любовь эта длилась около 5-ти лѣтъ и принимала разныя формы «отъ дружбы до самой пламенной и взаимной страсти». Вначалѣ же отношенія между ними были какія то нерѣшительныя, неясныя, что вносило еще большій разладъ въ душу Леонтьева.

Подъ такими впечатлѣніями въ 1851 году имъ было написано первое произведеніе, комедія «Женитьба по любви». По словамъ автора, она вся основана на тонкомъ анализѣ болѣзненныхъ чувствъ. «Въ ней, я помню,—говоритъ Леонтьевъ,—много

лиризма, потому что она вырвалась у меня изъ жестоко настрадавшейся души». Рукопись своей комедіи Леонтьевъ никому, за исключеніемъ двухъ товарищей, не сталъ читать и рѣшилъ ее отдать на судъ какого-нибудь извѣстнаго писателя. Выборъ его остановился на И. С. Тургеневѣ. Оказалось, что послѣдній жилъ тогда на Остоженкѣ, почти напротивъ квартиры Леонтьева. Въ одно утро, весной того же 1851 года, К. Н. съ стѣсненнымъ сердцемъ понесъ два дѣйствія своей комедіи къ Ивану Сергѣевичу, тотъ оставилъ эту рукопись у себя на просмотръ. Черезъ день К. Н. вновь пришелъ къ Тургеневу и получилъ отъ него самый лестный отзывъ о «Женитьбѣ по любви». «Ваша комедія, говорилъ ему Тургеневъ, произведеніе болѣзненное, но очень хорошее... Видно, что вы не подражаете ничему, а пишете прямо отъ себя».

Одновременно съ «Женитьбой по любви» Леонтьевъ началъ писать романъ подъ заглавіемъ «Булавинскій заводъ», оставшійся неоконченнымъ. Героя этого романа, доктора Руднева, онъ позднѣе изобразилъ подъ той же фамиліей въ романѣ: «Въ своемъ краю». Руднева и Кирѣева (героя «Женитьбы по любви»),—говоритъ К. Н.,— я создавалъ въ одно и то же время. Все свое малодушное, все свое слабое я придалъ Кирѣеву, все солидное, почтенное, серьезное, что во мнѣ было, я вручилъ Рудневу. Я отдалъ Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку въ занятіяхъ (даже въ медицинскихъ, которыхъ я не любилъ), мою жажду знанія, мой grübeln и осыпалъ его за это внѣшними невзгодами, какъ осыпанъ былъ ими я самъ. Сверхъ того, въ Кирѣевѣ была моя дворянская, «свѣтская», такъ сказать, сторона; въ Рудневѣ — моя «труженическая». Познакомившись съ началомъ романа «Булавинскій заводъ», Тургеневъ нашелъ, что это произведеніе еще лучше «Женитьбы по любви». Тургеневъ почувствовалъ въ новомъ своемъ знакомомъ большую литературную силу, искренне сочувствовалъ его молодому таланту и принялъ въ немъ горячее участіе, называя себя «литературной бабушкой», которой суждено принимать его рождающихся дѣтей.

Успѣхъ литературныхъ начинаній оживилъ К. Н. настолько, что отъ прежнихъ его терзаній и отчаянія не осталось и слѣда. Самымъ свѣтлымъ лучемъ въ его жизни этого періода было, конечно, знакомство съ Тургеневымъ. Личность его литературнаго покровителя ему очень нравилась. Онъ былъ очень радъ, что Тургеневъ оказался «гораздо героичнѣе своихъ героевъ». И наружность Ивана Сергѣевича и даже его костюмъ всецѣло удовлетворяли эстетическую требовательность Леонтьева. Тургеневъ, ознакомившись съ продолженіемъ «Женитьбы по любви», не измѣнилъ своего мнѣнія о комедіи К. Н. Онъ находилъ ее «вещью замѣчательной и оригинальной». Однако первое произведеніе Леонтьева имѣло печальную судьбу: строгая въ то николаевское время цензура не пропустила невинную вещь начинающаго автора. О продолженіи же «Булавинскаго завода» послѣ этого нечего было и думать: провести его черезъ цензуру не было никакой надежды. Знакомство съ Тургеневымъ хотя вначалѣ не давало Леонтьеву никакихъ практическихъ результатовъ, однако оказалось очень полезнымъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, какъ отчасти мы указали раньше. Осенью 1851 г. Леонтьевъ нѣсколько разъ видѣлся въ Москвѣ съ Тургеневымъ. «Старый солдатъ», какъ называлъ себя Тургеневъ, познакомилъ «молодого рекрута», т. е. Леонтьева, съ В. П. Боткинымъ, съ графиней Сальясъ, въ домѣ которой Леонтьевъ потомъ встрѣчалъ Кудрявцева, Грановскаго, Каткова, гр. Ростопчину, Щербину, Сухово-Кобылина и др. «Старый солдатъ» не ограничивался этими внѣшними заботами о «молодомъ рекрутѣ»: въ долгихъ разговорахъ съ нимъ онъ развивалъ свои мысли о литературѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, напутствовалъ его совѣтами, ободрялъ и утѣшалъ.

Занятія литературой нисколько не отвлекали Леонтьева отъ занятій медициной: онъ продолжалъ исправно посѣщать лекціи и работать въ университетѣ. Хотя Леонтьевъ поступилъ на медицинскій факультетъ вопреки личнымъ желаніямъ и вкусамъ, медицинскія занятія однако не противорѣчили, но во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовали внутреннимъ его склонностямъ. По пріемамъ мышленія, по реалистическому складу ума, даже въ пору позднѣйшихъ мистическихъ настроеній,— это былъ прирожденный натуралистъ. До университета онъ страстно мечталъ о занятіяхъ зоологіей, на медицинскомъ же

факультетѣ, несмотря на сильныя религіозныя впечатлѣнія дѣтства, К. Н. сдѣлался послѣдователемъ матеріалистическихъ ученій. Эстетическимъ требованіямъ его натуры не только не противорѣчили точныя объективныя знанія, но скорѣе одно дополнялось другимъ. Такое совмѣщеніе эстетическихъ и натуралистическихъ склонностей навело К. Н. на мысль заняться френологіей. При помощи физіогномики онъ мечталъ произвести великое обновленіе человѣчества, устроить общество на прочныхъ физіологическихъ основаніяхъ, «справедливыхъ и пріятныхъ». Такова соціологія этого оригинальнаго *эстета—натуралиста*.

Полнаго курса медицинскаго факультета Леонтьеву пройти не пришлось. Крымская кампанія потребовала на театръ военныхъ дѣйствій медицинскихъ силъ, и Леонтьевъ, не прослушавъ пятаго курса, 18 мая 1854 года получилъ степень лѣкаря, какъ изъявившій желаніе поступить на военно-медицинскую службу, а 20 іюня того же года Высочайшимъ приказомъ о гражданскихъ чинахъ по военному вѣдомству уже былъ опредѣленъ въ Бѣлевскій егерскій полкъ батальоннымъ лѣкаремъ. Поступленіе его на военную службу объясняется вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Прежде всего, конечно, имъ руководило патріотическое воодушевленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь играло большую роль то физическое и душевное состояніе, въ которомъ онъ находился предъ тѣмъ за послѣдній годъ жизни въ Москвѣ. Здоровье его разстроилось до такой степени, что онъ сталъ кашлять кровью, физически очень обезсилѣлъ; не проходило мѣсяца, чтобы онъ не простуживался. При его мнительности такое болѣзненное состояніе вызывало въ немъ тоскливое и полное отчаянія настроеніе духа. Послѣднее удручалось, къ тому же, тогдашней неудачей его сердечныхъ дѣлъ въ отношеніи З. Я. Кононовой. Она вышла замужъ за нижегородскаго помѣщика Остафьева. Для Леонтьева необходима была какая-нибудь коренная перемѣна жизни.

1 августа того же 1854 года онъ былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ Керчъ-Еникальскій военный госпиталь. Жизнь въ Керчи, куда Леонтьевъ пріѣхалъ 23 сентября, и затѣмъ въ Еникале, куда онъ вскорости перебрался и гдѣ прожилъ почти безвыѣздно около шести мѣсяцевъ, была однообразна и безцвѣтна. Время уходило преимущественно на службу, такъ какъ много солдатъ простуживалось, въ особенности въ осеннее время. Объ удовольствіяхъ въ жалкой крѣпости на уныломъ и безлѣсномъ берегу «Киммерійскаго Босфора», конечно, и думать было нечего, да если бы они и были, то едва ли Леонтьевъ могъ ими пользоваться при 20 рубляхъ своего жалованья въ мѣсяцъ. Общество же въ Еникале составляли лишь сослуживцы Леонтьева, сѣрые, неинтересные и чуждые ему люди. Вотъ какъ встрѣтила жизнь сошедшаго со школьной скамьи, романтически настроеннаго, мечтавшаго о литературной дѣятельности 23-лѣтняго идеалиста! Но это первое испытаніе не сломило его силъ: «я былъ бодръ и дѣятеленъ, писалъ Леонтьевъ позднѣе, въ этой «сѣрой» средѣ, вблизи отъ этой великой исторической драмы, которой отзывы постоянно доходили и до насъ. Я трудился, я нуждался, я уставалъ тѣломъ, но блаженно отдыхалъ «въ этой глуши и сердцемъ и умомъ». Когда мнѣ становилось на минуту тяжело и скучно, я съ ужасомъ (именно съ ужасомъ) вспоминалъ, какъ я пять лѣтъ подрядъ въ Москвѣ все грустилъ, все раздирался, все анализировалъ и себя и другихъ...» Однако спокойная жизнь въ Еникале стала скоро его тяготить. Онъ сталъ просить перевода, и 12 мая 1855 года, по распоряженію командовавшаго войсками въ восточной части Крыма, былъ командированъ къ Донскому казачьему № 45 полку. Начались скитанія Леонтьева сперва съ полкомъ по степи, затѣмъ прикомандированія то къ Ѳеодосійскому военно-временному госпиталю, то къ Карасу-Базарскому. Такая бродячая жизнь, наконецъ, стала въ большую тягость Леонтьеву; сталъ онъ сознавать, что и вообще дѣятельность военнаго врача совершенно не по его характеру и не по его склонностямъ. Въ головѣ его носились разные литературные планы, а между тѣмъ жизнь проходила безслѣдно и безславно, ничего не было имъ создано, все въ немъ какъ-то остановилось и замерло. 31 марта 1856 года его прикомандировали къ военному госпиталю въ Симферополѣ. Тутъ послѣ заключенія мира оказалось у него нѣсколько досуга, позволившаго ему работать надъ одной комедіей (по всей вѣроятности, «Трудные

дни») и какой-то повѣстью. Наконецъ, въ исходѣ сентября или въ самомъ началѣ октября 1856 года ему дали отпускъ на 6 мѣсяцевъ, большую часть котораго онъ прожилъ въ имѣніи радушнаго Крымскаго помѣщика І. О. Шатилова, Тамакѣ. Жизнь тамъ текла очень спокойно, въ уютной и удобной обстановкѣ. К. Н. началъ здѣсь большой романъ, можетъ быть впослѣдствіи напечатанный въ «Отеч. Зап.»—«Подлипки». Прослуживъ нѣкоторое время младшимъ ординаторомъ въ военномъ госпиталѣ въ Ѳеодосіи, 10 августа 1857 года Леонтьевъ получилъ, наконецъ, долгожданное увольненіе отъ службы. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ время своей военной службы. Она освободила его отъ тяжелыхъ московскихъ впечатлѣній, и тутъ онъ впервые полной грудью дохнулъ жизни простой, свѣжей, безыскусственной. Это былъ первый опытъ провѣрки себя, своей пригодности къ медицинской дѣятельности и своего неодолимаго влеченія къ литературнымъ занятіямъ.

По пріѣздѣ въ Москву Леонтьевъ началъ хлопотать о мѣстѣ, такъ какъ въ вопросѣ о матеріальномъ достаткѣ онъ могъ разсчитывать только на самого себя. Литература дала ему пока очень небольшой заработокъ. Къ тому времени, съ начала его литературной дѣятельности, появились въ печати лишь повѣсти «Благодарность», «Лѣто на хуторѣ», «Ночь на пчельникѣ» и еще готовились къ печати комедія «Тяжелые дни» и повѣсть «Сутки въ аулѣ Біюкъ-Дортэ». Несмотря на это, Леонтьевъ отвергъ крайне лестное предложеніе проф. Иноземцева остаться при немъ и весной 1858 г. принялъ мѣсто домашняго врача, съ правами государственной службы, въ Нижегородской губ. при имѣніяхъ полковницы баронессы Розенъ и Штевена. Спокойно, разнообразно, весело протекли два года его жизни подъ кровомъ радушной и образованной баронессы. Однако весной 1860 г., томимый спокойствіемъ этой жизни, движимый жаждою перемѣнъ и самолюбіемъ, не допускавшимъ безславнаго прозябанія сельскимъ врачемъ въ деревнѣ, онъ бросилъ и эту службу и переѣхалъ къ себѣ въ Кудиново. Къ медицинской дѣятельности онъ теперь совершенно охладѣлъ и рѣшилъ изъ Кудинова отправиться въ Петербургъ и жить тамъ исключительно литературнымъ заработкомъ. Леонтьева влекло въ столицу, въ центръ умственной дѣятельности. Его убѣжденія къ этому времени уже рѣзко отличались отъ господствовавшихъ умственныхъ теченій той эпохи. «Все хорошо, что прекрасно и сильно», думалъ онъ, собираясь въ Петербургъ: «будь это святость, будь это развратъ, будь это охраненіе, будь это революція,—все равно! Люди не поняли этого. Я поѣду въ столицу и открою всѣмъ глаза—рѣчами, статьями, романами, лекціями—чѣмъ придется, но открою». Въ Петербургѣ, однако, ожидали Леонтьева большія разочарованія. Съ одной стороны, матеріальная необезпеченность заставила его скоро прибѣгнуть къ урокамъ, къ переводамъ съ иностраннаго, вообще къ тому черному труду, который былъ для него отяготителенъ. Къ идеямъ же Леонтьева о прекрасномъ, о цѣнности разнообразія въ жизни, о развитіи сильной личности никто не проявлялъ ни малѣйшаго серьезнаго интереса. Въ 1861 г. въ «Отеч. Зап.» появился первый большой его романъ «Подлипки». Приблизительно къ тому же времени относится рѣшительный переломъ въ политическихъ взглядахъ Леонтьева, и тогда же прочно сложились его убѣжденія, ярко отразившіяся въ напечатанномъ позднѣе романѣ «Въ своемъ краю». Это были идеи полнаго обезцѣниванія нравственнаго, и вылились онѣ въ проповѣдь *эстетическаго аморализма*. Герой упомянутаго романа, изящный блестящій Милькѣевъ своими взглядами оказываетъ на другихъ «соблазняющее вліяніе», высказывая такія мысли: «Нравственность есть только уголокъ прекраснаго, одна изъ полосъ его... Иначе куда же дѣть Алкивіада, алмазъ, тигра и т. п.». «Мораль есть рессурсъ людей бездарныхъ». «Исполняютъ же люди долгъ честности, а я исполняю долгъ жизненной полноты. А какъ же оправдать насиліе?»—спрашиваютъ Милькѣева. «Оправдайте прекраснымъ, отвѣчаетъ онъ, одно оно вѣрная мѣрка на все...» «Что бояться борьбы и зла? Дайте и злу, и добру свободно расширить крылья, дайте имъ просторъ... Не то нужно, чтобы никто не былъ раненъ, но чтобы были раненому койки, докторъ и сестра милосердія... Не въ томъ дѣло, чтобы никто не былъ обманутъ, но въ томъ, чтобы былъ защитникъ

и судья для обманутаго; пусть и обманщикъ существуетъ, но чтобы онъ былъ молодецъ, да и по-молодецки былъ бы наказанъ... Если для того, чтобы на одномъ концѣ существовала Корделія, необходима леди Макбетъ, давайте ее сюда, но избавьте насъ отъ безсилія, сна, равнодушія, пошлости и лавочной осторожности. А кровь, сказала Катерина Николаевна.—Кровь, спросилъ съ жаромъ Милькѣевъ, и опять глаза его заблестѣли не злобой, а силой и вдохновеніемъ,—кровь, повторилъ онъ: кровь не мѣшаетъ небесному добродушію... Жанна д' Аркъ проливала кровь, а развѣ она не была добра, какъ ангелъ? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости, и что такое одно физіологическое существованіе наше? Оно не стоитъ ни гроша! Одно столѣтнее, величественное дерево дороже двухъ десятковъ безличныхъ людей и я не срублю его, чтобы купить мужикамъ лѣкарство отъ холеры!» 1862 годъ долженъ быть отмѣченъ въ біографіи Леонтьева, какъ годъ крутого душевнаго перелома и рѣзкаго разрыва съ либеральнымъ прошлымъ. Самъ онъ писалъ позднѣе объ этомъ переломѣ такъ: «по сравненію съ многими другими людьми, пребывавшими, быть можетъ, на всю жизнь въ стремленіи къ мирному и деревянному преуспѣянію, я исправился скоро. Время счастливаго для меня перелома этого была смутная эпоха польскаго возстанія; время господства ненавистнаго Добролюбова; пора европейскихъ ногъ и блестящихъ отвѣтовъ на нихъ князя Горчакова. Были тутъ и личныя, случайныя, сердечныя вліянія, помимо гражданскихъ и умственныхъ. Да, я исправился скоро, хотя борьба идей въ умѣ моемъ была до того сильна въ 62 году, что я исхудалъ и почти цѣлыя петербургскія зимнія ночи проводилъ нерѣдко безъ сна, положивши голову и руки на столъ въ изнеможеніи страдальческаго раздумья. Я идеями не шутилъ и не легко мнѣ было «сжигать то», чему меня учили поклоняться и наши, и западные писатели». О томъ, какъ дѣйствовало на Леонтьева крайне отрицательное направленіе «Современника» и вспыхнувшее польское возстаніе, мы имѣемъ положительныя данныя въ слѣдующихъ его личныхъ словахъ: «Нигилизмъ «Современника»,—говоритъ Леонтьевъ,—пробудилъ въ однихъ задремавшія воспоминанія о церкви, столь родной семейнымъ радостямъ дѣтства и молодости; въ другихъ—чувство государственное, въ третьихъ—ужасъ за семью. «Современникъ» и нигилизмъ, стремясь къ крайней всегражданственности, насильно возвращали насъ къ «почвѣ». Наконецъ, поднялась буря въ Польшѣ; полагая, что Россія потрясена крымскимъ пораженіемъ и крестьянскимъ переворотомъ, надѣялись на нигилистовъ и раскольниковъ. Поляки хотѣли посягнуть на цѣлость нашего государства! Не довольствуясь мечтой о свободѣ собственно польской земли, они надѣялись вырвать у насъ Бѣлоруссію и Украйну... Вы знаете, что было! Вы знаете, какой гнѣвъ, какой крикъ негодованія пронесся по всей Россіи при чтеніи нотъ нашихъ непрошенныхъ наставниковъ... Какой восторгъ привѣтствовалъ отвѣты князя Горчакова и адресы царю со всѣхъ сторонъ Державы. Съ тѣхъ поръ всѣ стали нѣсколько болѣе славянофилы... Ученіе это «въ раздробленномъ видѣ» пріобрѣло себѣ больше прежняго поклонниковъ. И если въ наше время трудно найти славянофиловъ, совершенно строгихъ и полныхъ, то и грубыхъ европеистовъ стало все-таки меньше, я думаю»... Въ Петербургѣ Леонтьевъ въ широкихъ литературныхъ кругахъ имѣлъ много знакомствъ; сблизился тогда, между прочимъ, съ Н. Н. Страховымъ, съ которымъ позднѣе нѣсколько лѣтъ былъ въ оживленной перепискѣ. Съ Хомяковымъ и Погодинымъ онъ встрѣчался еще въ началѣ 50-хъ годовъ, но тогда они оба ему не нравились лично, и произведеніямъ ихъ онъ не находилъ въ то время ни малѣйшаго отклика въ своей душѣ. Теперь же онъ ознакомился ближе, если не съ самими славянофилами, то съ ихъ ученіемъ: въ романѣ «Въ своемъ краю» въ рѣчахъ Лихачева замѣтно сочувственное отраженіе славянофильскихъ идей. Отъ славянофильства Леонтьевъ воспринялъ идею культурной самобытности Россіи, вполнѣ отвѣчавшую его эстетическимъ требованіямъ разнообразія, но надо замѣтить, что эта идея затѣмъ получила у него значительную переработку, такъ какъ въ самое Россію онъ впослѣдствіи въ значительной степени утратилъ вѣру.

1861 г. имѣлъ большое значеніе въ личной жизни Леонтьева. Лѣтомъ этого

года онъ неожиданно отправился въ Крымъ, въ Ѳеодосію, и тамъ, не предупредивъ никого изъ родныхъ, повѣнчался 19 іюля съ Елизаветой Павловной Политовой, полуграмотной, простодушной и красивой мѣщанкой, съ которой онъ познакомился въ бытность военнымъ врачемъ въ Крыму и которую еще тогда полюбилъ. Время напряженной работы мысли въ зиму 62 года совпало у Леонтьева съ тяжелыми матеріальными испытаніями вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ. Эта нужда стала еще ощутительнѣе, когда пріѣхала къ нему въ Петербургъ жена. Отъ того состоянія бодрости, самоувѣренности и надеждъ на всевозможные успѣхи, въ которомъ онъ два года тому назадъ явился изъ провинціи въ Петербургъ, теперь не осталось и слѣда. Теперь ему ничего больше не оставалось, какъ весной 62 года уѣхать съ женой къ матери въ Кудиново. Въ имѣніи онъ оставался почти до конца года, но и здѣсь тотъ же недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ сказался не въ меньшей степени, чѣмъ въ Петербургѣ. Такое положеніе вызывало у Леонтьева минуты тяжелой тоски, доходившей до крайняго отчаянія. Тутъ онъ окончательно рѣшилъ поступить вновь на службу, именно въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Попасть туда помогъ К. Н. его братъ Владиміръ Николаевичъ, знакомый съ вице-директоромъ Азіатскаго департамента П. Н. Стремоуховымъ. 11 февраля 1863 г. Леонтьевъ былъ опредѣленъ въ Азіатскій департаментъ канцелярскимъ чиновникомъ, а вскорѣ затѣмъ, 22-го того же февраля, помощникомъ главнаго журналиста въ томъ же департаментѣ и наконецъ 1-го іюня 1863 года тамъ же помощникомъ столоначальника.

Служба Леонтьева въ центральномъ вѣдомствѣ продолжалась всего около девяти мѣсяцевъ. 25 октября 1863 года онъ получилъ назначеніе секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Кандію на о. Критъ. Въ Петербургъ пріѣхала его жена и они вмѣстѣ отправились на Критъ, куда прибыли къ Новому году. Критъ произвелъ на К. Н. чарующее впечатлѣніе, и впослѣдствіи онъ посвятилъ ему свои прекрасные разсказы, какъ то: «Очерки Крита» (1866), «Хризо»—повѣсть изъ критской жизни (1869 г.), «Хамидъ и Маноли» — разсказъ критской гречанки о событіяхъ 1858 г. (1869 г.). Эти разсказы передаютъ красоту патріархальнаго греческаго быта и критской природы. На Критѣ онъ пробылъ не болѣе полугода: лѣтомъ 1864 г. произошелъ тамъ съ нимъ случай, заставившій его уѣхать оттуда. Онъ поссорился съ французскимъ консуломъ Дерше, который свысока и оскорбительно отнесся къ нему, какъ представителю Россіи. Возмущенный Леонтьевъ въ канцеляріи французскаго консульства хлыстомъ нанесъ ударъ Дерше. Послѣдній былъ неправъ въ этой исторіи, и его начальство не заступилось за него, но нашъ посолъ, хотя ему и понравился поступокъ Леонтьева, вынужденъ былъ отозвать послѣдняго съ Крита въ Константинополь. Въ Константинополѣ К. Н. пробылъ около 4-хъ мѣсяцевъ и 27 августа получилъ новое назначеніе секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Адріанополь. Адріанопольскій консулъ Золотаревъ получилъ продолжительный отпускъ, почему за время его отсутствія Леонтьеву пришлось самостоятельно управлять консульствомъ. Вскорѣ, 3 декабря 1865 года, К. Н. назначили было секретаремъ и драгоманомъ генеральнаго консульства въ Бѣлградъ, но менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ его вновь опредѣлили на прежнюю должность въ Адріанопольское консульство. Въ концѣ 1866 года онъ получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Константинополь. Такимъ образомъ, въ Адріанополѣ К. Н. пробылъ въ общемъ два слишкомъ года. Жизнью въ этомъ «смрадномъ», какъ говорилъ онъ, городѣ онъ очень тяготился, хотя находилъ Адріанополь, съ его турецкими кварталами, мечетями, мусульманскими кладбищами, банями—поэтичнымъ. Жить тамъ приходилось К. Н. на полторы тысячи рублей жалованья въ годъ при готовой квартирѣ. Такихъ денегъ при его барскихъ широкихъ замашкахъ, вообще при его образѣ жизни,—конечно, ему было недостаточно. Да въ его годы (Леонтьеву тогда было около 36 лѣтъ) и не пристало оставаться на маленькой должности секретаря консульства. Онъ рѣшилъ воспользоваться отпускомъ въ Константинополь, чтобы тамъ выхлопотать себѣ мѣсто куда-нибудь вице-консуломъ.

Послѣ 4-хъ мѣсячной жизни въ Константинополѣ, о которой онъ вспоминалъ впослѣдствіи съ наслажденіемъ, 15 апрѣля

1867 года его назначили на самостоятельный постъ вице-консула въ Тульчу, небольшой городъ на берегу Дуная, въ нижней его части. Благодаря этому переводу, обстоятельства его значительно измѣнились къ лучшему. Жалованье его повысилось до 3.500 руб. въ годъ, жизнь въ этомъ по внѣшности сѣренькомъ, но бойкомъ городѣ давала обильную пищу для поучительныхъ наблюденій. Консульскія занятія не были тогда обременительны: ежедневно лишь часа полтора-два уходило на засвидѣтельствованіе бумагъ и пріемъ посѣтителей, остальное время оставалось свободнымъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало жизнь Леонтьева въ Тульчѣ не только спокойной, но и очень пріятной. К. Н. старательно занимался службой и заслужилъ себѣ лестное одобреніе со стороны нашего посла въ Константинополѣ Игнатьева. При массѣ свободнаго времени онъ вновь съ напряженіемъ обратился къ литературной дѣятельности.

До этого времени появились въ печати лишь упомянутые выше «Очерки Крита». Въ Тульчѣ вскорѣ по пріѣздѣ туда Леонтьевъ написалъ нѣсколько пространныхъ корреспонденцій въ «Одес. Вѣстникъ» подъ псевдонимомъ Ивана Руссопетова, приготовилъ къ печати свою повѣсть «Хризо», которую хотѣлъ издать съ благотворительною цѣлью въ пользу критянъ, возставшихъ тогда противъ турокъ. Въ 1868 году была имъ написана статья «Грамотность и народность», съ которой ознакомился въ рукописи и одобрилъ посолъ Н. П. Игнатьевъ, извѣстный славянофилъ. Эту статью Леонтьевъ отправилъ въ «Славянскую Зарю», издававшуюся на русскомъ языкѣ въ Вѣнѣ, но она тамъ не была напечатана по случаю прекращенія этого изданія и, впослѣдствіи, лишь въ 1870 году появилась въ «Зарѣ». Статья эта написана подъ вліяніемъ славянофильскихъ идей, но въ то же время Леонтьевъ развиваетъ въ ней, хотя и осторожно, свои собственныя мысли о томъ, что съ просвѣщеніемъ и грамотностью народа надо подождать, пока наши высшіе классы не освободились окончательно отъ космополитизма, чтобы эти классы своимъ западничествомъ не испортили роскошную народную почву. Больше всего работалъ К. Н. за это время надъ серіей романовъ подъ общимъ заглавіемъ «Рѣка временъ», состоявшей изъ шести крупныхъ произведеній. Эти романы являлись связнымъ повѣствованіемъ изъ русской жизни съ 1811 года по 1862 годъ. Они были задуманы К. Н. лѣтъ за десять до этого. Затѣмъ, за два за три года передъ Тульчей, онъ окончательно выяснилъ себѣ планъ и подробности своей большой работы.

Дѣятельная жизнь Леонтьева въ Тульчѣ омрачилась однимъ очень печальнымъ событіемъ. Сюда онъ выписалъ жившую послѣднее время въ Петербургѣ свою жену. Пріѣхала она въ Тульчу уже не совсѣмъ здоровою, а тутъ лѣтомъ 1868 года у нея открылись первые признаки умственнаго помѣшательства, — какъ передаютъ, на почвѣ ревности, вслѣдствіе измѣнъ мужа, который, надо замѣтить, всегда съ полной откровенностью признавался ей въ своихъ любовныхъ связяхъ. Эта болѣзнь жены впослѣдствіи то усиливалась, то ослабѣвала и навсегда сдѣлалась для К. Н. источникомъ тяжелыхъ жизненныхъ испытаній. Однако въ своемъ бракѣ Леонтьевъ никогда не раскаивался, приписывая это тому обстоятельству, что женился безъ особаго очарованія.

7 января 1869 года Леонтьева назначили консуломъ въ Янину, совершенно турецкій городъ внутри Албаніи.

Подъ впечатлѣніемъ окружающихъ картинъ Албаніи К. Н. отложилъ пока обработку «Рѣки временъ» и занялся вновь своими восточными повѣстями, «Пембе» изъ эпироалбанской жизни (дѣйствіе происходитъ въ Янинѣ), «Хамидъ и Маноли», затѣмъ «Поликаръ Костаки» и началомъ дивной повѣсти «Аспазія Ламприди». Первоначальные литературные опыты Леонтьева, въ томъ числѣ и романы «Подлипки», «Въ своемъ краю» всецѣло проникнуты настроеніемъ трепетнаго неспокойствія, неудовлетворенныхъ исканій. Въ этихъ же восточныхъ повѣстяхъ мы вдругъ встрѣчаемъ какъ бы новое лицо ихъ автора. Леонтьевъ нашелъ на востокѣ то, что казалось давно уже и навсегда задавленнымъ подъ тяжкой и неумолимой стопой пошлаго европейскаго прогресса. Можетъ быть, отчасти и случайно, но именно на востокѣ, съ его яркими красками въ быту, въ природѣ, вообще въ жизни, нашелъ Леонтьевъ на короткое время нѣкоторое успокоеніе отъ мучившихъ его душу не только въ

университетѣ, но и въ Петербургѣ тяжелыхъ переживаній. Крымская военная жизнь и нижегородская деревня были безсильны всецѣло побороть это настроеніе. Востокъ же вполнѣ превозмогъ его. Герой Леонтьева Милькѣевъ въ одномъ мѣстѣ романа говоритъ: «Въ сторону все серьезное; давайте намъ женщинъ, вина, лошадей и музыку». Самъ Леонтьевъ проводилъ эту идею не только на бумагѣ, но и въ жизни. Зная прямолинейность и смѣлую рѣшительность въ характерѣ К. Н., надо было ожидать, что его эстетическая теорія съ проповѣдью «долга жизненной полноты», съ его вѣрой, что все дозволено, при страстной и порывистой его натурѣ,—будетъ проведена имъ въ своей жизни. Онъ любилъ жизнь, всѣ сильныя и красивыя стороны ея, и, какъ язычникъ, этой жизни не боялся и хотѣлъ ею пользоваться безъ границъ. Это не было по-мѣщански срываніемъ цвѣтовъ удовольствій, не былъ простой пошлый развратъ, которому предаются многіе и средніе и мелкіе люди, здѣсь, если былъ развратъ, то возведенный въ поэзію; это были, по своему идеалу, тѣ вершины красоты, вѣчной, сіяющей, которыя не только недоступны многимъ людямъ, но они ихъ и не замѣчаютъ. Леонтьевъ любилъ Алкивіада, завидовалъ Калигулѣ во всѣхъ его красивыхъ порокахъ и распутствахъ и самъ лишь жалѣлъ, что ограниченный кругъ его жизни не дозволялъ ему испить чашу красивыхъ наслажденій до дна. Въ то же время это не было только данью молодости, потому что и раньше и послѣ эстетическій инстинктъ оставался всегда дѣйствующимъ и живымъ началомъ въ сложной до мозаичности и многогранной до противорѣчій душѣ Леонтьева.

Спокойная жизнь въ Янинѣ однако скоро была нарушена. Слабый организмъ Леонтьева не выдержалъ мѣстныхъ климатическихъ условій. Лихорадка заставила его къ новому 1870 году переѣхать въ городъ Арту, расположенную южнѣе. Лѣтомъ 1870 года стряслась новая бѣда. Вновь заболѣла его жена, и Леонтьевъ вынужденъ былъ отправить ее въ Одессу. Самъ онъ перебрался на нѣсколько мѣсяцевъ на о. Корфу. Конецъ 1870 года и начало 1871 года К. Н. провелъ опять въ Янинѣ. Но судьба готовила ударъ за ударомъ: въ концѣ февраля 1871 года въ Петербургѣ скончалась его любимая, его обожаемая мать. Лихорадка изнуряла его до крайности, свалившіяся на голову несчастья мѣшали ему заниматься не только литературой, но вообще чѣмъ-либо. Насколько въ общемъ радостно и легко складывалась у него жизнь въ Тульчѣ и въ Янинѣ, вначалѣ по пріѣздѣ сюда, настолько дальнѣйшее пребываніе здѣсь становилось несноснѣе и несноснѣе. Посолъ Н. П. Игнатьевъ, узнавъ о болѣзни К. Н., въ началѣ 1871 года предложилъ ему занять временно мѣсто консула въ болѣе здоровомъ городѣ—Салоникахъ. Временно потому, что ему хотѣли дать значительное повышеніе, т. е. мѣсто генеральнаго консула. Замѣтимъ кстати, карьера Леонтьева была вообще исключительная, рѣдко у кого проходила служба съ такимъ успѣхомъ, какъ у него.

9 апрѣля 1871 года состоялось назначеніе Леонтьева консуломъ въ Салоники. Новое мѣсто службы пришлось не по душѣ К. Н., и съ самаго пріѣзда въ Салоники онъ даже возненавидѣлъ этотъ городъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ внезапно заболѣлъ сильнымъ желудочнымъ разстройствомъ, которое счелъ за холеру. Пользовавшій его докторъ мало ему помогъ. К. Н. рѣшилъ, что теперь онъ не выздоровѣетъ, что теперь ему конецъ. Онъ съ ужасомъ помышлялъ о смерти въ прозаической обстановкѣ этой болѣзни. Ночей онъ настолько страшился, что заперся въ темной комнатѣ, чтобы не знать, когда день и когда ночь. И вотъ въ одинъ изъ ужасныхъ моментовъ онъ вдругъ поднимается на диванѣ, гдѣ лежалъ, и смотря на образъ Божіей Матери, съ сжатыми въ кулаки руками обращается съ краткой молитвой къ Богородицѣ о спасеніи. Онъ далъ при этомъ клятву, въ случаѣ выздоровленія, принять монашество. Черезъ два часа К. Н. почувствовалъ облегченіе и всталъ съ одра болѣзни новымъ человѣкомъ. К. Н. позднѣе часто вспоминалъ объ этомъ событіи, но всегда въ его словахъ о немъ сквозитъ какая то недосказанность. Одно изъ наиболѣе полныхъ объясненій этого душевнаго переворота мы находимъ въ письмѣ къ В. В. Розанову отъ 14 августа 1891 года: «причинъ было много разомъ, и сердечныхъ, и умственныхъ, и, наконецъ, тѣхъ внѣшнихъ и повидимому (только) случайныхъ, въ которыхъ не рѣдко гораздо больше откры-

вается Высшая Телеологія, чѣмъ въ ясныхъ самому человѣку внутреннихъ перерожденіяхъ. Думаю, впрочемъ, что въ основѣ всего лежитъ, съ одной стороны, уже и тогда въ 1870—71 году: давняя (съ 1861—62 г.) философская ненависть къ формамъ и духу новѣйшей европейской жизни (Петербургъ, литературная пошлость, желѣзныя дороги, пиджаки, цилиндры, раціонализмъ и т. п.), а съ другой—эстетическая и дѣтская какая-то приверженность къ внѣшнимъ формамъ Православія; прибавьте къ этому сильный и неожиданный толчекъ сильнѣйшихъ глубочайшихъ потрясеній (слыхали вы французскую поговорку: «Cherchez la femme!», т. е. во всякомъ серьезномъ дѣлѣ жизни «ищите женщину»); и наконецъ, внѣшнюю случайность опаснѣйшей и неожиданной болѣзни (въ 1871 г.) и ужасъ умереть въ ту минуту, когда только что были задуманы и не написаны еще: и гипотеза триединаго процесса, и Одиссей Полихроніадесъ (лучшее, по мнѣнію многихъ, произведеніе мое), и, наконецъ, не были еще высказаны о «юго-славянахъ» всѣ тѣ обличенія въ европеизмѣ и безвѣріи, которыя я самъ признаю рѣшительно исторической заслугой моей. Однимъ словомъ все главное сдѣлано послѣ 1872—73 г., т. е. послѣ поѣздки на Аѳонъ и послѣ страстнаго обращенія къ личному православію... Личная вѣра почему-то вдругъ докончила въ 40 лѣтъ и политическое, и художественное воспитаніе мое. Это и до сихъ поръ удивляетъ меня и остается для меня таинственнымъ и непонятнымъ. Но въ лѣто 1871 года, когда консуломъ въ Салоникахъ, лежа на диванѣ въ страхѣ неожиданной смерти (отъ сильнѣйшаго приступа холеры) я смотрѣлъ на образъ Божіей Матери (только что привезенный мнѣ монахомъ съ Аѳона), я ничего еще этого предвидѣть не могъ, и всѣ литературные планы мои еще были даже очень смутны. Я думалъ въ ту минуту не о спасеніи души (ибо вѣра въ Личнаго Бога давно далась мнѣ гораздо легче, чѣмъ вѣра въ мое собственное безсмертіе), я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришелъ просто въ ужасъ отъ мысли о тѣлесной смерти и, будучи уже заранѣе подготовленъ (какъ я уже сказалъ) цѣлымъ рядомъ другихъ психологическихъ превращеній, симпатій и отвращеній, я вдругъ въ одну минуту, повѣрилъ въ существованіе и могущество этой Божіей Матери; повѣрилъ такъ ощутительно и твердо, какъ если бы видѣлъ передъ собою живую, знакомую, дѣйствительную женщину, очень добрую и очень могущественную и воскликнулъ: «Матерь Божія! Рано! Рано умирать мнѣ! Я еще ничего не сдѣлалъ достойнаго моихъ способностей и велъ въ высшей степени развратную, утонченно грѣшную жизнь! Подними меня съ этого одра смерти! Я пойду на Аѳонъ, поклонюсь старцамъ, чтобы они обратили меня въ простого и настоящаго православнаго, вѣрующаго въ среду и пятницу и въ чудеса, и даже постригусь въ монахи»... Немедленно же, оправившись отъ болѣзни, Леонтьевъ черезъ горы, верхомъ, отправился на Аѳонъ, куда прибылъ 24 іюля. Въ этотъ разъ онъ пробылъ тамъ немного: въ первой половинѣ августа неожиданно явился онъ въ Салоники, объясняя свое возвращеніе тѣмъ, будто бы ему необходимо найти какой-то важный документъ, касающійся Аѳона. Искалъ онъ его очень долго, перерывъ все, гдѣ только могъ, но документъ не находился. Вдругъ К. Н. случайно заглядываетъ въ чемоданчикъ, наполненный рукописями его романа «Рѣка временъ». Документъ оказался тамъ. Тогда Леонтьевъ беретъ всѣ рукописи, плодъ многолѣтней, такъ увлекавшей его работы, и неожиданно бросаетъ ихъ въ пылающій каминъ, гдѣ онѣ безвозвратно погибаютъ! Въ Салоникахъ Леонтьевъ производилъ на другихъ странное впечалѣніе, и въ городѣ рѣшили, что русскій консулъ помѣшался. Въ началѣ сентября К. Н. извѣстилъ посла, что не можетъ управлять консульствомъ по нездоровью, вновь уѣхалъ на Аѳонъ, бросивъ консульство на произволъ судьбы. На этотъ разъ пребываніе его на Аѳонѣ было продолжительнымъ, онъ оставался тамъ до августа 1872 года, т. е. безъ малаго годъ. На Аѳонѣ К. Н. усердно молился, читалъ много книгъ духовнаго содержанія, постился, ревностно посѣщалъ продолжительныя и частыя церковныя службы. Особенное впечатлѣніе на него произвела пасха, описанная имъ въ одномъ воспоминаніи. Во исполненіе клятвеннаго обѣщанія, Леонтьевъ просилъ своихъ наставниковъ тайно постричь его въ монахи. Но они отклонили его просьбу, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще на государственной службѣ, скорѣе же всего по той причинѣ, что, видя въ Леон-

тьевѣ страстный порывистый характеръ, сознавали тѣ невѣроятныя трудности, которыя ему пришлось бы преодолѣвать въ монастырѣ. Кромѣ того, и здоровье К. Н., вслѣдствіе двухлѣтней изнурительной лихорадки и строгаго монашескаго режима, было очень разстроено. Отъ одной ложки сливокъ въ кофе, отъ самой незамѣтной простуды, отъ небольшой прогулки по сырому или низменному мѣсту у него возвращались пароксизмы, доводившіе его до отчаянія. Перенося такія физическія страданія, онъ все же не рѣшался оставить Аѳонъ безъ пострига. Однако старцы убѣдили и благословили его переѣхать въ Константинополь. По пріѣздѣ въ Константинополь Леонтьевъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую ему дали 1 января 1873 года съ пенсіей 600 руб. въ годъ. Выйти въ отставку Леонтьевъ рѣшилъ еще на Аѳонѣ. Въ виду послѣднихъ, описанныхъ нами обстоятельствъ его жизни, и болѣзней, и душевныхъ потрясеній, онъ не находилъ въ себѣ силъ продолжать службу. Въ третій разъ поселился теперь К. Н. въ Константинополѣ на продолжительный срокъ. Съ каждымъ разомъ онъ все больше и больше привыкалъ къ турецкой столицѣ, больше и больше жизнь въ ней ему нравилась. Денегъ ему хватало. Пенсія, правда, была ничтожная, но Катковъ сталъ регулярно высылать ему по 100 руб. въ мѣсяцъ за сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Леонтьевъ вращался въ посольскомъ кругу, гдѣ нѣкоторые считали его мечтателемъ и человѣкомъ неосновательнымъ, но тамъ онъ имѣлъ и много друзей, съ которыми умѣлъ и любилъ поговорить о волнующихъ политическихъ вопросахъ. Посольскимъ дамамъ онъ читалъ наставленія и увѣрялъ ихъ, что онѣ для него больше уже не женщины. Литературныя занятія, молитвы, собранія и обѣды въ посольствѣ смѣнялись одно другимъ и дѣлали его жизнь въ Константинополѣ полной, живой и разнообразной. Вообще, это было время, о которомъ К. Н. вспоминалъ впослѣдствіи всегда съ удовольствіемъ. Такъ, года два спустя, онъ писалъ Губастову изъ своего Кудинова: «Я люблю самый городъ, острова, грековъ и турокъ... все люблю тамъ, и будьте увѣрены, что я ежедневно терзаюсь мыслію о томъ, что не могу придумать средства переселиться туда навсегда. Ни Москва, ни Петербургъ, ни Кудиново, ни самая выгодная должность, гдѣ попало, ни даже монастырь самый хорошій не могутъ удовлетворить меня такъ, какъ Константинополь... только разнообразная жизнь Константинополя (гдѣ есть и отшельники на о. Халки, въ лѣсу, и гостиная Игнатьевыхъ и политическая жизнь, и поздняя обѣдня, и безконечный матеріалъ для литературы...) только эта сложная жизнь могла удовлетворять моимъ нестерпимо сложнымъ потребностямъ»... Внѣшностью къ тому времени К. Н. очень измѣнился. Это уже не былъ безпечный блестящій жуиръ, которымъ его знали до Аѳона. Та душевная буря, которая пронеслась надъ нимъ, оставила глубокій слѣдъ въ этомъ когда-то жизнерадостномъ человѣкѣ. Во всей его фигурѣ было что-то осунувшееся, понурое, сосредоточенное. Онъ снялъ съ себя ненавистный ему сюртукъ и сталъ носить что-то среднее между поддевкой и подрясникомъ, кафтанъ, съ которымъ не разставался уже до конца жизни, конечно, за исключеніемъ какихъ-нибудь рѣдкихъ, крайнихъ случаевъ. Для сокращенія расходовъ онъ поселился на лежащемъ близъ Константинополя островѣ Халки. Тихая и независимая жизнь на этомъ островѣ вблизи помѣщающейся тамъ греческой духовной академіи, близость Константинополя, гдѣ онъ отдыхалъ среди друзей, въ кругу интересовавшихъ его политическихъ вопросовъ, — все это было ему очень по душѣ, и такъ онъ провелъ около года, до весны 1874 года, когда навсегда покинулъ и Константинополь и такъ ему близкій и полюбившійся востокъ. Періодъ жизни въ Константинополѣ и на о. Халки былъ очень плодотворенъ у Леонтьева въ литературномъ отношеніи. Къ этому періоду жизни его относится замѣчательная статья «Византизмъ и славянство». Развитая Данилевскимъ теорія смѣны культурно-историческихъ типовъ исправила ошибку славянофиловъ: Данилевскій въ своемъ сочиненіи доказалъ, что славяне не предназначены обновить весь міръ, найти для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они представляютъ собою только культурно-историческій типъ, рядомъ съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и развитіе другихъ типовъ. Послѣ Данилевскаго для Леонтьева являлось дальнѣйшей задачей найти: каковы же законы этихъ культурно-историческихъ

типовъ, чѣмъ является славянство, въ частности Россія, въ ряду другихъ національныхъ и племенныхъ единицъ, на какой стадіи развитія находится теперь Россія и каковы ея начала и ея судьба. Всѣ эти вопросы Леонтьевъ совершенно самостоятельно разрѣшилъ въ своей обширной и блестящей по языку и мыслямъ статьѣ «Византизмъ и Славянство», гдѣ эстетическіе взгляды Леонтьева облечены были въ строгую, научную форму. Надо замѣтить, что переворотъ 1871 г. не подавилъ въ немъ его эстетизма; послѣдній по сосѣдству съ аѳонскими впечатлѣніями вступилъ здѣсь лишь въ новую фазу—*эстетическаго догматизма*. Наконецъ, на островѣ же Халки Леонтьевъ началъ свою обширную прекрасную повѣсть «Одиссей Полихроніадесъ», которая впослѣдствіи печаталась въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Весною 1874 года К. Н. отправился въ Россію, прямо въ Москву. Оттуда въ началѣ іюня онъ пріѣхалъ въ Кудиново и нашелъ его, послѣ 12-ти лѣтняго отсутствія, въ большомъ запустѣніи. Когда-то это имѣніе славилось образцовымъ хозяйствомъ, но вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ Ѳеодосія Петровна сдала землю въ аренду. Старый большой домъ, съ очаровательнымъ «Эрмитажемъ», пришелъ въ такое ветхое состояніе, что его сломали и продали на свозъ. Видъ опустошеннаго родного гнѣзда и многихъ близкихъ могилъ подѣйствовалъ удручающе на К. Н. Около мѣсяца провелъ онъ въ Кудиновѣ, а въ августѣ съѣздилъ въ Оптину пустынь, которая находилась верстахъ въ 60-ти отъ этого имѣнія. Здѣсь онъ впервые познакомился со старцемъ о. Амвросіемъ, къ которому имѣлъ письмо отъ аѳонскихъ монаховъ, и съ о. Климентомъ Зедергольмомъ, съ которымъ затѣмъ очень сблизился и котораго описалъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ этотъ разъ пребываніе его въ Оптиной пустыни было непродолжительно. Въ началѣ ноября 1874 года Леонтьевъ отправился въ Николо-Угрѣшскій монастырь, надѣясь тамъ, вблизи Москвы, пожить нѣкоторое время въ гостиницѣ. Но вскорѣ по пріѣздѣ въ монастырь онъ, по совѣту архимандрита Пимена, перешелъ въ келью и надѣлъ подрясникъ. Въ качествѣ послушника, К. Н. исполнялъ, по назначенію игумена, тяжелыя монастырскія работы, носилъ воду, дежурилъ зимою у воротъ; на поѣздки въ Москву онъ долженъ былъ испрашивать разрѣшенія игумена. Назывался онъ уже не К. Н., а братомъ Константиномъ. Леонтьевъ задумалъ серьезно готовиться къ монашеской жизни и въ письмѣ къ другу своему Губастову, находившемуся въ Константинополѣ, прощался съ нимъ и другими цареградскими друзьями. Однако этотъ первый опытъ продолжался у Леонтьева недолго, около полугода, до мая 1875 года. Почему К. Н. оставилъ Николо-Угрѣшскую обитель, представляется не вполнѣ яснымъ. Можетъ быть, у него были какія-либо случайные къ тому поводы. Но, безъ сомнѣнія, главныя причины кроются въ общемъ душевномъ состояніи его, все еще тяготѣвшаго всей душой къ Востоку съ его яркими красками и скучавшаго въ тишинѣ и мирномъ покоѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно себѣ представить, что долженъ былъ испытывать Леонтьевъ, связанный обѣтомъ принять монашество и въ то же время безсильный и въ монастырѣ «заглушить» свою тоску «по жизни и блестящей борьбѣ». Этими противорѣчіями душа его была раздираема, и не могъ онъ отъ нихъ освободиться до конца своей жизни. Не находя успокоенія отъ боли и скуки, онъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто. Такъ длится долго, до переѣзда въ концѣ 1879 года въ Варшаву.

Внѣшнія обстоятельства его жизни за этотъ періодъ были далеко не блестящи, скорѣе даже очень плачевны. Тѣ гордыя мечты сдѣлаться большимъ писателемъ, съ которыми онъ ѣхалъ изъ Константинополя, пришлось скоро оставить. Правда, повѣсти его изъ восточной жизни Катковъ охотно печаталъ въ своемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» и, мало того, выпустилъ ихъ въ 1876 году отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ, но это изданіе удостоилось всего пяти-шести критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ четыре появились въ одномъ «Русскомъ Мірѣ» и принадлежали лишь двумъ лицамъ, Вс. Соловьеву и Авсѣенкѣ. Точно также и замѣчательная статья «Византизмъ и Славянство», попавъ въ мало читаемыя и мало кому извѣстныя «Чтенія» Бодянскаго, прошла совсѣмъ незамѣченной, если не считать небольшой статьи о ней Н. Страхова въ газетѣ «Русс. Міръ» за 1876 годъ. Леонтьевъ объяснялъ, и вполнѣ справедливо, такой неуспѣхъ тѣмъ, что онъ не принадлежалъ

ни къ одной изъ партій и не былъ близокъ ни съ одной редакціей. Не въ лучшемъ положеніи находились и денежныя его дѣла. По возвращеніи съ Востока онъ оказался въ долгу у Каткова на 4000 руб., которые долженъ былъ погашать своимъ «Одиссеемъ Полихроніадесомъ». Доставшееся ему имѣніе не только не приносило какихъ-либо доходовъ, но даже поглощало часть его литературнаго заработка. Жена это время жила отъ него отдѣльно, и онъ долженъ былъ выдавать ей денегъ на содержаніе. Въ Кудиновѣ на его иждивеніи находились нѣкоторые старики изъ крѣпостныхъ, которыхъ онъ не рѣшался бросить и старался поддержать по мѣрѣ возможности. Помимо того, Леонтьевъ всегда держалъ при себѣ нѣсколько человѣкъ слугъ. Живя въ Кудиновѣ, онъ лѣчилъ крестьянъ и на свой счетъ покупалъ имъ лѣкарства. Такая жизнь на широкую ногу требовала большихъ расходовъ, особенно если прибавить сюда многія барскія его привычки, какъ, напр., всенощная на дому, хорошая сигара послѣ обѣда и мн. др. Чтобы выйти изъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія, К. Н. то отправляется корреспондентомъ въ Константинополь—и неудачно, то просится на какое-либо консульское мѣсто на Востокъ и опять неудачно. Также и другіе его хлопоты по отысканію себѣ занятія или мѣста потерпѣли тогда полное фіаско. Несмотря на тяжелыя матеріальныя условія, несмотря на литературныя неудачи, Леонтьевъ не падалъ окончательно духомъ и не отчаивался. «Благодарю искренно Бога за многое, почти за все, писалъ онъ Губастову 20 августа 1877 года,—особенно за то великое мужество, которое онъ во мнѣ, при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, поддерживалъ». Сколько бы внѣшнія обстоятельства ни давили Леонтьева, его впечатлительная душа легко отзывалась на явленія далеко не мрачнаго характера. Сосѣдями К. Н. по имѣнію были Р-іе. Въ этой семьѣ была молодая дѣвушка Л., къ которой онъ почувствовалъ, при своихъ 47-48 годахъ, болѣе чѣмъ простую симпатію. Однако если Леонтьевъ не отказывался отъ нѣкоторыхъ радостей жизни, то это не значитъ, чтобы въ немъ остыли тѣ порывы, которыми онъ былъ охваченъ на Аѳонѣ. Душевный переломъ, который произошелъ въ немъ въ 71 году, оставилъ глубокій слѣдъ на всю его жизнь, и этотъ слѣдъ съ годами внѣдрялся у него въ душу все болѣе и болѣе. Въ этомъ отношеніи большую роль сыграла Оптина пустынь и ея монахи, сперва, главнымъ образомъ, о. Климентъ Зедергольмъ и затѣмъ старецъ о. Амвросій. Хотя онъ познакомился съ о. Амвросіемъ въ первый свой пріѣздъ въ Оптину послѣ Аѳона, но сблизился съ старцемъ и всецѣло подчинился его руководству позднѣе. Пока ему, еще обвѣянному «мірскими» впечатлѣніями, было трудно отказаться отъ своего строя мыслей, своихъ разсужденій, своей воли, дать ее старцу «на отсѣченіе». Сблизилъ его съ о. Амвросіемъ, по собственному признанію Леонтьева, о. Климентъ Зедергольмъ. Въ лицѣ о. Климента К. Н. встрѣтилъ человѣка, который, будучи облеченъ въ монашескую рясу, въ то же время былъ глубоко и тонко образованъ по-свѣтски. Онъ являлся не только интереснымъ собесѣдникомъ для К. Н., но былъ для него и наставникомъ: «бесѣдами,—говоритъ Леонтьевъ, онъ заставлялъ меня нерѣдко разсматривать предметы вѣры и жизни съ новыхъ сторонъ и привлекалъ мое вниманіе на то, на что оно еще ни разу не обращалось... Этимъ онъ сдѣлалъ мнѣ много добра». О. Климентъ и Оптина съ новой силой послѣ Аѳона утвердили въ Леонтьевѣ вѣру въ положительную истину христіанства въ смыслѣ личнаго спасенія. Оптина и гнетущія обстоятельства жизни понемногу ломали и усмиряли неукротимый боевой духъ Леонтьева. «Кажется, что для меня все живое кончено,—пишетъ онъ Губастову. Все вокругъ меня таетъ... Впрочемъ не думайте, что я тоскую или рвусь; я какъ-то тихо и благодушно скучаю—больше ничего. Ждать больше нечего; оплакивать нечего, ибо все уже оплакано давно; восхищаться нечѣмъ, а терять что???».

Прошло много времени съ той поры, когда Леонтьевъ юношей явился передъ Тургеневымъ впервые со своей рукописью, много перемѣнилъ онъ жизненныхъ положеній, но ни на чемъ не останавливался и все шелъ впередъ и впередъ. Если бы онъ согласился остаться у Иноземцева, то могъ бы создать себѣ положеніе обезпеченнаго и знаменитаго врача. Если бы продолжалъ службу въ мин. иностр. дѣлъ, можетъ быть, въ его рукахъ, въ концѣ концовъ, было бы высшее руководительство нашей иностранной политикой. Примкни онъ къ

какой-нибудь партіи или сблизься съ какой-либо редакціей, его повѣсти и статьи были бы оцѣнены по достоинству. Но ни одно изъ этихъ благопріятныхъ положеній Леонтьевъ не использовалъ: не шелъ онъ по наѣзженнымъ колеямъ, а искалъ свой жизненный путь. Но этотъ путь его былъ не легокъ. Въ 1878 году онъ писалъ о себѣ Губастову, что у него «рѣдко бываетъ середина» и что его «голова постоянно увѣнчена либо терніями, либо розами».

Конецъ 1879 года принесъ Леонтьеву новую перемѣну въ его жизни. Въ декабрѣ этого года онъ получилъ одновременно два предложенія: одно отъ Т. И. Филиппова, мѣсто цензора въ Москвѣ съ 3.000 руб. содержанія; другое—отъ только что вступившаго въ редактированіе «Варш. Дневн.» князя Н. Н. Голицына. Такъ какъ мѣсто цензора открывалось еще не сразу, Леонтьевъ согласился на послѣднее предложеніе—быть помощникомъ редактора газеты—и на Рождество 1879 года явился въ Варшаву. Сейчасъ же по пріѣздѣ онъ погрузился въ газетную работу. Въ Варшавѣ онъ пробылъ недолго, всего около 4-хъ мѣсяцевъ. За это время имъ было очень много написано. Въ своихъ статьяхъ онъ разрабатывалъ преимущественно политическія и общественныя темы, при чемъ обнаружилъ пламенный темпераментъ политическаго борца. Газета съ новымъ редакторомъ и его помощникомъ имѣла относительный успѣхъ: прежде число подписчиковъ едва доходило до ста человѣкъ, теперь же оно поднялось до тысячи. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, К. Н. отпросился у кн. Голицына въ отпускъ, чтобы немного отдохнуть. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ покинулъ Варшаву. Лѣто 1880 года неожиданно принесло К. Н. опять тяжелыя испытанія. Вернулся онъ въ Кудиново больной и простуженный въ такой степени, что до половины іюля почти не выходилъ изъ своего флигеля. Затѣмъ денежныя дѣла «Варш. Дневн.» оказались настолько плохи, что пришлось тамъ оставить работу. Послѣ этой неудачи съ газетой Леонтьевъ находился въ такомъ подавленномъ состояніи духа, что на него нисколько не подѣйствовали ободряюще утѣшительныя извѣстія о назначеніи его на службу въ Моск. цензурный комитетъ.

19 ноября 1880 года, послѣ усиленныхъ хлопотъ Т. Филиппова и др., состоялось опредѣленіе Леонтьева исправляющимъ должность цензора Московскаго цензурнаго комитета. Назначеніе это не было особенно радостнымъ событіемъ. Покойная служба съ 3.000 рублей содержанія являлась для него лишь неизбѣжной необходимостью: хотя, разумѣется, жизнь цензора, писалъ онъ Губастову, я считаю тоже чѣмъ-то вродѣ жизни той свиньи, которая обезпечена и чешется объ уголъ сруба; но тѣмъ то она и хороша... Покойнѣе, чѣмъ положеніе литературнаго Икара!» Служба цензоромъ была для Леонтьева легка и неотяготительна, онъ быстро справлялся съ работой и тяготился лишь ея характеромъ. О своихъ цензорскихъ занятіяхъ онъ съ презрѣніемъ отзывался, какъ о «стиркѣ и ассенизаціи чужого, больше частью грязнаго бѣлья». Въ должности цензора Леонтьевъ прослужилъ шесть съ небольшимъ лѣтъ. Въ общемъ это было спокойное время его жизни. По крайней мѣрѣ, онъ былъ обезпеченъ достаточнымъ жалованьемъ съ небольшой прибавкой отъ его литературныхъ работъ. Но пріѣздъ его въ Москву былъ сопряженъ съ большими расходами на первоначальное обзаведеніе въ столицѣ, почему весной 1881 года ему пришлось вновь испытать денежное затрудненіе, а затѣмъ и лишиться своего Кудинова, къ которому онъ былъ сильно привязанъ и которое вынужденъ былъ продать. Спокойная по внѣшности московская жизнь его почти все время была омрачена и постоянными тяжелыми недугами. Онъ страдалъ одновременно нѣсколькими мучительными болѣзнями, большею частію имѣвшими хроническій характеръ. Эти болѣзни давали себя знать и раньше, но въ Москвѣ онѣ усилились.

За время своего цензорства К. Н. писалъ мало и, большею частію, неохотно. Такъ, началъ онъ романъ «Египетскій голубь» (въ «Русск. Вѣстн.») и оставилъ его незаконченнымъ. Затѣмъ печаталъ незначительные по размѣрамъ разсказы въ «Нивѣ» (1885 г.), рядъ воспоминаній и др. отрывковъ. Наряду съ этимъ онъ написалъ небольшую, но прекрасную по языку и очень важную и отвѣтственную по содержанію статью «О страхѣ Божіемъ и любви къ человѣчеству» (по поводу одного разсказа Л. Толстого), которая вмѣстѣ съ напечатанной предъ тѣмъ статьей «О всемірной любви» (по поводу рѣчи Достоевскаго

на Пушкинскомъ праздникѣ) выражаетъ основной взглядъ Леонтьева на сущность христіанства. Въ 1885—6 г.г. появились на свѣтъ два тома сборника его статей подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и Славянство». Несмотря на оригинальность мыслей, развиваемыхъ въ этихъ статьяхъ, блестящій языкъ, ѣдкость и силу полемическихъ выпадовъ, эти книги все-таки не снискали автору ни значительнаго вліянія въ литературной средѣ, ни славы, не говоря уже о сочувствіи или общемъ признаніи. За исключеніемъ Т. И. Филиппова и Влад. Соловьева, В. С. Крестовскаго, Ѳ. Н. Берга, Н. Я. Соловьева, К. А. Губастова и немногихъ др. друзей, едва ли были люди, которые признавали за нимъ талантъ крупный и цѣнили его идеи. Знаменательно то обстоятельство, что представители консервативнаго направленія относились въ общемъ равнодушно, а нѣкоторые даже отрицательно къ нему. Леонтьевъ разошелся съ возможными своими единомышленниками, съ одними вслѣдствіе крайности его религіозныхъ убѣжденій, съ другими вслѣдствіе рѣзкости своихъ политическихъ взглядовъ, со многими, наконецъ, вслѣдствіе своеобразныхъ эстетическихъ наклонностей. Все, что онъ совмѣщалъ въ себѣ, не входило въ узкія рамки, для всѣхъ пріемлемыя, не мѣрилось на какой-либо всѣми признанный аршинъ. «Либералы», которыхъ онъ громилъ и ненавидѣлъ, отвѣчали ему презрѣніемъ и старались его не замѣчать, «свои» же не понимали. Вообще, идеи Леонтьева были не ко времени, чѣмъ и объясняется то ихъ замалчиваніе, которое самъ онъ приписывалъ десницѣ Божіей, карающей его за грѣхи. Поскольку Леонтьевъ встрѣтилъ мало лицъ, сочувствующихъ ему и его идеямъ въ старшемъ поколѣніи того времени, постольку нашелъ онъ себѣ восторженныхъ почитателей среди молодежи. Помимо добраго сердца, въ характерѣ его было много и другихъ привлекательныхъ чертъ. І. Колышко такъ описываетъ впечатлѣніе, которое К. Н. производилъ на окружающихъ: «Мнѣ было едва 20 лѣтъ, и я былъ свѣжеиспеченнымъ корнетомъ, когда я впервые встрѣтилъ этого блестящаго оригинала. Сухой, жилистый, нервный, съ искрящимися, какъ у юноши, глазами, онъ обращалъ на себя вниманіе и этой внѣшностью своею и молодымъ, звонкимъ голосомъ и рѣзкими, не всегда граціозными, движеніями. Ему никакъ нельзя было дать 50 лѣтъ. Онъ говорилъ, или вѣрнѣе импровизировалъ, о чемъ— не помню. Вслушиваясь въ музыку его красиваго, ораторскаго слога и увлекаясь его увлеченіемъ, я едва успѣвалъ слѣдить за скачками его безпокойной, какъ молнія, сверкавшей и извивавшейся мысли. Она какъ бы не вмѣщалась въ немъ, не слушалась его, загораясь пожаромъ то тамъ, то сямъ и освѣщая далекіе темные горизонты въ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего ее можно было ожидать. Это была цѣлая буря, ураганъ, порабощавшій слушателей. Мнѣ даже казалось, что онъ рисуется, играетъ своимъ обаяніемъ, но не слушать его я не могъ, какъ не могъ не поражаться его огромной силой логики, огненностью воображенія и чѣмъ то еще особеннымъ, что не завнсѣло ни отъ ума, ни отъ краснорѣчія, но что было, пожалуй, труднѣе того и другого. Много позже, когда я сталъ серьезнѣе и познакомился съ нимъ ближе, я понялъ, что это что-то составляло именно ту черту покойнаго, которая дѣлала его въ глазахъ однихъ—оригиналомъ, другихъ—чудакомъ, третьихъ—обаятельнымъ и даже импонирующимъ. Къ числу послѣднихъ принадлежу и я. Это что-то я иначе не могу назвать, какъ благородной воинственностью его духа и блестящей храбростью ума».

Болѣзни, умственное одиночество, непріятная служба, литературные неуспѣхи не могли не отразиться на настроеніи Леонтьева. Время его цензорства характеризуется усталостью и упадкомъ его духа и силъ. Губастову К. Н. въ письмѣ отъ 2 февраля 1887 года говоритъ о семи годахъ службы въ Москвѣ, что они доконали его. «Вотъ гдѣ былъ скитъ», пишетъ онъ,—вотъ гдѣ произошло «внутреннее постриженіе» души въ незримое монашество. Примиреніе со всѣмъ, кромѣ своихъ грѣховъ и своего страстнаго прошедшаго; равнодушіе; ровная и лишь о покоѣ и прощеніи грѣховъ страстная молитва».

Этотъ покой въ относительной степени онъ скоро обрѣлъ въ Оптиной пустыни. Невзгоды московской жизни давно уже заставили его не только мечтать, но и хлопотать объ отставкѣ. 10 февраля 1887 года К. Н. былъ уволенъ въ отставку и, благодаря поддержкѣ вліятельныхъ лицъ, ему дали усиленную пенсію, именно 2.500 руб. въ годъ, изъ коихъ 1.500 руб.

было прибавлено за литературные труды. «Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ увольненіе отъ службы, я впалъ въ какой-то блаженный квіетизмъ и сталъ точно турокъ, который только молится, куритъ и созерцаетъ что-то», пишетъ Леонтьевъ къ Филиппову въ мартѣ 1887 года. Когда же наступила весна и въ маѣ мѣсяцѣ К. Н. переѣхалъ въ Оптину пустынь, онъ окончательно пріободрился духомъ. Конечно, не одно только исканіе «покоя» влекло его въ эту обитель. Тотъ обѣтъ, который имъ былъ данъ во время болѣзни въ 1871 году, навсегда связалъ его духовно съ монастыремъ. Что больше всего притягивало К. Н. къ Оптиной пустыни, такъ это общеніе со старцемъ Амвросіемъ. Лишь послѣ смерти о. Климента Зедергольма онъ окончательно отдался вліянію этого знаменитаго подвижника. «Когда Климентъ умеръ,—пишетъ Леонтьевъ, и я сидѣлъ въ зальцѣ о. Амвросія, ожидая, чтобы меня позвали, я помолился на образъ Спаса и сказалъ про себя: «Господи, наставь же старца такъ, чтобы онъ былъ опорой и утѣшеніемъ. Ты знаешь мою борьбу (она была тогда ужасна, ибо тогда я еще могъ влюбляться, а въ меня еще больше»). И вотъ о. Амвросій на этотъ разъ продержалъ меня долго, успокоилъ, наставилъ и съ той минуты все пошло совсѣмъ иначѣ. Я сталъ съ любовью его слушаться, и онъ, видимо, очень меня любилъ и всячески меня утѣшалъ». Въ Оптиной К. Н. рѣшилъ прочно обосноваться и осенью 1887 года снялъ у ограды монастыря двухъ-этажный домъ, сохранившійся до сего времени и извѣстный подъ названіемъ «консульскаго дома». Въ Оптиной Леонтьевъ принималъ пріѣзжавшихъ къ нему друзей, нѣкоторымъ изъ нихъ даже высылалъ впередъ на дорогу денегъ. Въ началѣ 1890 года былъ въ Оптиной Л. Н. Толстой, посѣтилъ К. Н. и все время часа два они спорили о вѣрѣ. Большіе досуги, матеріальная обезпеченность, благодаря хорошей пенсіи, спокойная жизнь около Оптиной и любимаго старца—все это вносило успокоеніе въ измученную душу Леонтьева и пробуждало въ немъ множество чувствъ и идей, заснувшихъ за 7 лѣтъ его мирной и тихой, но во многихъ отношеніяхъ давящей жизни въ Москвѣ. Въ «Гражданинѣ» одна за другой стали появляться его статьи подъ общимъ заглавіемъ «Записки отшельника», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ помѣстилъ замѣчательный свой критическій этюдъ о Л. Толстомъ «Анализъ, стиль и вѣяніе». Кромѣ того, имъ много было написано за это время статей на разныя темы по разнымъ поводамъ; вообще этотъ періодъ его писательской дѣятельности былъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ и блестящихъ.

Въ окружающемъ Леонтьевъ желалъ видѣть жизнь пышную, богатую и разнообразную, для себя же лично, послѣ того какъ переселился въ Оптину пустынь, онъ ничего теперь не хотѣлъ. Мы видѣли, что незадолго передъ тѣмъ Леонтьевъ совершилъ надъ собою «внутреннее постриженіе» въ монашество. Отсюда былъ одинъ лишь шагъ къ внѣшнему постриженію, и шагъ этотъ онъ совершилъ 23 августа 1891 года. Въ этотъ день въ Предтечевомъ скиту Оптиной пустыни, въ кельи старца Варсонофія онъ принялъ тайный постригъ съ именемъ Климента. Такъ исполнилъ онъ обѣтъ, данный имъ за 20 лѣтъ предъ тѣмъ. Послѣ постриженія, по совѣту и благословенію старца Амвросія, К. Н. навсегда покинулъ Оптину пустынь и поселился въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Въ ней онъ нашелъ не только временный пріютъ, но и мѣсто вѣчнаго успокоенія. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ простудился и слегъ въ постель. У него оказалось воспаленіе легкихъ. Болѣзнь эта 12 ноября 1891 года свела его въ могилу. Погребенъ онъ былъ въ Гефсиманскомъ скиту лавры близъ храма Черниговской Божіей Матери.

Біографія Леонтьева была бы не полной, если бы мы не изложили хотя бы вкратцѣ основныя черты его ученія. Послѣднее настолько тѣсно срослось съ личностью его и обстоятельствами его жизни, что и то и другое оставалось бы мало понятнымъ безъ изложенія этого ученія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о пріемахъ самаго мышленія Леонтьева. Мы уже видѣли, что въ юношескіе годы онъ обнаружилъ натуралистическія склонности, получившія богатую пищу на медицинскомъ факультетѣ и встрѣтившія здѣсь прекрасную школу для своего упражненія и обработки. Какія бы перемѣны умственнаго порядка съ Леонтьевымъ въ дальнѣйшемъ ни происходили, онъ никогда не оставлялъ тѣхъ навыковъ, которые пріобрѣтены имъ были при занятіяхъ медициной и которымъ оставался онъ вѣренъ до конца дней своихъ. Даже въ моментъ такого высокаго

духовнаго напряженія, какъ описанный выше переломъ 1871 года, Леонтьевъ былъ трезвымъ (въ отношеніи пріемовъ мышленія) реалистомъ: Божія Матерь, къ которой онъ тогда обратился съ молитвой, рисовалась ему, какъ «живая, знакомая, дѣйствительная женщина». Года за три до своей смерти, живя въ Оптиной пустыни, въ одномъ изъ писемъ къ І. Фуделю онъ развиваетъ свои мысли о взаимоотношеніи и значеніи мистики, этики и политики, біологіи и физики и эстетики. И что же мы видимъ? Оказывается, Леонтьевъ духовный сынъ о. Амвросія, во главѣ всего этого ставитъ не мистику, какъ слѣдовало бы ожидать, а *физику* и *эстетику*, которыя онъ считаетъ пригодными въ качествѣ критерія для всего въ мірѣ. Вторую ступень послѣ этого занимаетъ біологія, какъ критерій для органическаго міра, далѣе слѣдуетъ этика и политика (только для человѣка). Въ самомъ концѣ стоитъ въ этомъ ряду мистика, которую онъ считаетъ лишь критеріемъ для единовѣрцевъ.

Ученіе Леонтьева не отличается строгой логической послѣдовательностью въ проведеніи какой-либо основной идеи, оно лишено внѣшней цѣльности и единства. Къ тому же онъ никогда не излагалъ свои мысли въ систематическомъ порядкѣ, а часто разбрасывалъ важные элементы своего ученія по отдѣльнымъ письмамъ къ разнымъ лицамъ. Онъ не нанизывалъ искусственно одну идею за другой, а почерпалъ ихъ изъ своего жизненнаго опыта. И въ этомъ, скорѣе всего, не слабость, а сила его ученія, пестрота котораго, въ концѣ концовъ, также, пожалуй, правдива, какъ и пестрота самой жизни. Самъ Леонтьевъ о себѣ пишетъ, что онъ не довѣряетъ «вообще слишкомъ большой послѣдовательности мысли (ибо думаю,— говоритъ онъ, что послѣдовательность жизни до того извилиста и сложна, что послѣдовательности ума никогда за ея скрытою нитью вездѣ не поспѣть)». Каково же отношеніе его къ этой жизни или, лучше сказать, каковы его требованія къ ней? Можно сказать, что до конца жизни Леонтьевъ грезилъ о пышной и богатой разнообразіемъ жизни, гдѣ силы божественныя (религіозныя) борются съ силами страстно эстетическими (демоническими). «Когда страстную эстетику побѣждаетъ духовное (мистическое) чувство, говоритъ онъ,—я благоговѣю, я склоняюсь, чту и люблю; когда эту таинственную, необходимую для полноты жизненнаго развитія, поэзію побѣждаетъ утилитарная этика—я негодую и отъ того общества, гдѣ послѣднее случается слишкомъ часто, уже не жду ничего!» Давно намъ знакомыя полныя соблазновъ идеи въ рѣчахъ Милькѣева не были оставлены и забыты Леонтьевымъ даже въ манастырѣ подъ монашеской рясой; клобукъ инока не прикрылъ своевольно выбивавшихся изъ-подъ него кудрей Аполлона. Конечно, и думать нельзя о какомъ-либо внутреннемъ примиреніи въ душѣ Леонтьева этихъ столь несродныхъ другъ другу началъ, борьба которыхъ, главнымъ образомъ, и характеризуетъ его страдальческій образъ. Но едва ли умѣстно было бы при этомъ говорить о неудачливости жизни его, якобы разбитой и погубленной. Онъ самъ ни внѣ себя, ни тѣмъ болѣе внутри себя не хотѣлъ тихаго мѣщанскаго прозябанія; та борьба божественныхъ и демоническихъ силъ, о которой онъ говоритъ, была желанной и необходимой для внутренней его жизни, а иначе и отъ самого себя онъ «не ждалъ бы ничего», негодовалъ бы на себя и презиралъ. Леонтьевъ героически взялъ на себя бремя той жизни, которую онъ хотѣлъ видѣть во-внѣ, и если бремя иногда его пригнетало, то во всякомъ случаѣ онъ съ поля брани не бѣжалъ. Это была даже не жизнь, а подвигъ, тѣмъ болѣе удивительный, что совершенъ онъ былъ не единичнымъ порывомъ, а растянутъ на двадцать лѣтъ, за какое время К. Н. постоянно носилъ въ себѣ два противорѣчивыхъ начала, требовавшихъ отъ него себѣ равнаго признанія. Послѣ всего этого вполнѣ понятно, почему Леонтьевъ пришелъ къ идеѣ страха Божьяго, какъ основанія христіанской жизни и дѣятельности, но не къ идеѣ любви. Съ первой идеей должно соединяться сознаніе и чувство той могучей силы внутри самого себя, того моего «я», языческаго, которое страстно противоборствуетъ Богу. Напротивъ, идея любви никоимъ образомъ не сочетается съ представленіемъ о борьбѣ силъ божественныхъ и демоническихъ, такъ какъ любовь—однолика, страхъ же начало двуликое, болѣе сложное и, можетъ быть, болѣе глубокое, въ то же время, конечно, тяжелое и даже мучительное.

Душевная драма Леонтьева не исчерпывается борьбой его внутреннихъ силъ:

этимъ онъ ограничиваться не могъ въ виду «нестерпимо сложныхъ потребностей» его ума и духа. Съ давнихъ поръ онъ чувствовалъ ненависть къ уравнительному буржуазному прогрессу, торжествующему въ новой исторіи Европы и захватившему въ свой кругъ и Россію. Это чувство послѣ переворота 1871 года выкристаллизовалось у Леонтьева въ сложную и обоснованную историческую теорію. Онъ усматриваетъ три періода въ исторіи человѣчества и отдѣльныхъ народовъ: 1) первоначальной простоты, подобно организму въ зачаточномъ состояніи, 2) далѣе расчлененія на элементы и цвѣтущей сложности, подобно развитому возрасту организма, и 3) наконецъ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія и уравненія (дряхлость, умираніе и разложеніе организма). Весь кругооборотъ такой жизни Леонтьевъ опредѣляетъ для народа приблизительно въ 1000 и много 1200 лѣтъ и, примѣняя эту мѣрку къ русской исторіи, приходитъ къ неутѣшительному выводу: «мы прожили много, сотворили духомъ мало и стоимъ у какого-то страшнаго предѣла». Съ еще большимъ пессимизмомъ смотритъ онъ на славянство вообще, особенно западное и изъ южныхъ на болгаръ, которымъ, между прочимъ, не сочувствовалъ за ихъ церковную распрю съ греками. Славянство онъ считалъ чѣмъ-то лишеннымъ всякаго опредѣленнаго содержанія, легко поддающимся вліянію европеизма, а потому и едва ли пригоднымъ къ объединенію на самостоятельной культурной почвѣ. Идея панславизма встрѣтила себѣ въ лицѣ Леонтьева страстнаго врага. Въ частности Россія создалась не на почвѣ славянскихъ началъ, а на почвѣ воспринятаго ею византизма. Въ связи съ своими эстетическими и историческими взглядами Леонтьевъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ свой культурно-политическій идеалъ: «*государство* должно быть пестро, сложно, крѣпко, сословно и съ осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирѣпости; *церковь* должна быть независимѣе нынѣшней, іерархія должна быть смѣлѣе, властнѣе, сосредоточеннѣе; *бытъ* долженъ быть поэтиченъ, разнообразенъ въ національномъ, обособленномъ отъ Запада единствѣ; *законы*, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрѣе—одно уравновѣситъ другое; *наука* должна развиваться въ духѣ глубокаго презрѣнія къ своей пользѣ». Когда всѣ эти «должно», «долженъ» и пр. Леонтьевъ переносилъ къ тому, что «есть», глубокое разочарованіе и отчаяніе охватывало его душу. Крѣпкая, сосредоточенная, монархическая государственность, самобытныя и національныя формы жизни рушатся, реально-мистическое, строго-церковное и монашеское христіанство подмѣнивается «розовымъ мечтательнымъ христіанствомъ» и другими суррогатами, вообще—все, достойное закрѣпленія и утвержденія, все дорогое для Леонтьева исчезаетъ и теряется. Достаточно сказать, что даже въ Россіи было только два мѣста, гдѣ ему, подъ конецъ его жизни, не противно было жить,—это Оптина и Троице-Сергіева лавра.

Такимъ образомъ Леонтьеву пришлось испытывать непреодолимыя противорѣчія не только внутри себя, но и внѣ, между собой и окружающимъ. Только героическій духъ его способенъ былъ выдерживать на себѣ давленіе этихъ противорѣчій и ни на одинъ шагъ при этомъ не отступать. Въ этой борьбѣ и въ этой личности, такъ долго остававшейся въ тѣни и не находившей себѣ должнаго признанія у русскаго общества, было что-то титаническое, напоминающее трагическую судьбу героевъ античной драмы. Не даромъ самъ Леонтьевъ такъ часто говорилъ о томъ, что его преслѣдуетъ въ жизни какой-то «fatum», рокъ. Этотъ рокъ не во-внѣ Леонтьева, а внутри его. Дѣйствительно, никто, какъ Леонтьевъ, не ставилъ себѣ съ такой смѣлостью и откровенностью труднѣйшую и соблазнительнѣйшую задачу: это—совмѣстить въ себѣ и претворить во-едино Алкивіада и Голгофу. Онъ первый поставилъ этотъ вопросъ со всей силой, рѣзкостью и прямотой какъ въ своей жизни, такъ и въ ученіи. Пусть онъ и не разрѣшилъ этого вопроса, такъ какъ время къ тому не приспѣло. Но онъ оставилъ великій завѣтъ не въ рѣшеніи вопроса, а въ самой его постановкѣ. Онъ явилъ великій опытъ синтеза этихъ началъ, раздѣленіе которыхъ будетъ еще долго источникомъ мученій и духовныхъ исканій.

Историческая записка, рѣчи, стихи и отчетъ Импер. Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 г., по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855 г., стр. 22.—*Салтыковъ-Щедринъ*, «Рецензія на романъ «Въ своемъ

краю» («Современникъ», 1864 г., кн. 10).—S. N. «Les revues russes». «Journal de S.-Petersbourg», 1871, № 340 (по поводу повѣсти К. Л—ва «Аспазія Ламприди»). — *А. О. (Авсѣенко)*, «Очерки текущей литературы» («Русскій Міръ», 1875 г., №№ 96, 125, 153).—L. V. «Les revues russes» «Journal de St.-Petersbourg», 1876 г., № 56).—«Литературная хроника» («Донъ», 1876 г., № 27).—*Вс. С—въ (Всев. Соловьевъ)*, «Современная литература, («Русскій Міръ», 1876 г., № 98).—*В. Неклюдовъ*, «Литературная замѣтка. Изъ жизни христіанъ въ Турціи». Повѣсти и разсказы К. Н. Леонтьева. Москва. 1876» («Москов. Вѣд.», 1876 г., № 100).—*Вс. С—ъ (Вс. Соловьевъ)*, «Современная литература» («Русскій Міръ», 1876 г., № 112).—*Н. С. (Н. Н. Страховъ)*, «О византизмѣ и славянствѣ» («Русскій Міръ», 1876 г., № 137).—*Вс. С—въ (Всев. Соловьевъ)*, «Современная литература» («Русскій Міръ», 1876 г., №№ 203, 217).—«Литературная лѣтопись» («Голосъ», 1877 г., № 230).—*L. V.*, «Русскіе журналы» («Соврем. Извѣстія», 1877 г., № 337.—*W. (Авсѣенко)*, «Литературное обозрѣніе» («Русскій Міръ», 1878 г., № 13).—*Евг. Марковъ*, «Литературная лѣтопись» («Голосъ», 1878 г., № 28 (о повѣсти «Камень Сизифа»).—*В. В. Крестовскій*, «Изъ воспоминаній о минувшей войнѣ» («Русскій Вѣстн.», 1879 г., кн. 5, стр. 203—205).—*Вс. Соловьевъ*, «Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ» («Нива», 1879 г., № 20).—«Среди газетъ и журналовъ», замѣтка. («Новое Время», 1879 г., № 1181).—«Въ защиту современныхъ либераловъ» («Новое Время», 1879 г., № 1222).—Замѣтка по поводу статей Леонтьева въ «Востокѣ» («Русск. Правда», 1879 г., № 85).—Замѣтка о сотрудничествѣ Л—ва въ «Варш. Дневникѣ» («Варш. Дн.», 1880 г.. № 5).—«По поводу статьи «Русскаго Вѣстника» «Отецъ Климентъ» («Руководство для сельскихъ пастырей», 1880 г., № 12, стр. 341—362).—Ссылка на «Византизмъ и Славянство» въ отдѣлѣ «Среди газетъ» («Востокъ», 1880 г., № 45, стр. 150—151).—*Оса*, «Ежедневная бесѣда» («Петербургская Газета», 1880 г., № 137).—Замѣтка въ отдѣлѣ «Среди газетъ и журналовъ» («Новое Время», 1880 г., № 1581). — *Н. Н. Голицынъ, кн.*, «Сквозь нашу призму» («Варш. Дн.», 1880 г., № 160).—«Московскій фельетонъ» («Русскій Курьеръ», 1881 г., № 133; по поводу брошюры Л—ва: «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?»).—N. Замѣтка по поводу брошюры К. Н. Леонтьева: «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?» («Русскій Курьеръ», 1881 г., № 134).—«Н. Я. Соловьевъ», («Нива», 1882 г., № 14).—Рецензія на брошюру Леонтьева «Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ?» («Соврем. Извѣстія», 1882 г., № 100).—*О. К. (О. А. Новикова)*, «Ральфъ В. Эмерсонъ» («Русь», 1882 г., № 19).—*О. К. (О. А. Новикова)*, «Une voix de Russie» («Nouvelle Revue», 1883, t. 17, pag. 943—944).—*И. Кр. (Ив. Кристи)*, «Замѣтка объ «О. Климентѣ Зедергольмѣ» («Моск. Вѣд.», 1882 г., № 314). — *А. С.*, «Что такое старчество?» («Церковн. Вѣстн.», 1883 г., № 1).—«Новыя сочиненія К. Н. Леонтьева» («Афиши и объявленія», 1883 г., № 12).—*У—въ*. Рецензія на брошюру «Наши новые христіане» («Чтенія въ Общ. любителей дух. просвѣщенія», 1883 г., мартъ—апрѣль, стр. 163—177).—*Н. Лѣсковъ*, «Графъ Л. Н. Толстой и Ѳ. М. Достоевскій, какъ ересіархи» («Новости», 1883 г., №№ 1, 3).—*Ор. Миллеръ*, «О церкви въ исторической жизни русскаго народа» («Русь», 1883 г., № 8, стр. 23).—*Влад. Соловьевъ*, «Замѣтка по поводу новыхъ христіанъ» («Русь», 1883 г., № 9, стр. 39—43).—*Н. Лѣсковъ*, «Золотой вѣкъ. Утопія общественнаго переустройства. Картины жизни по программѣ Леонтьева» («Новости», 1883 г., №№ 80 и 87). — *Ѳ. М. Достоевскій*, Полное собраніе сочиненій. СПБ., 1883 г., т. I, стр. 369 («Изъ записной книжки»).—*С. Пономаревъ*, «Любовь, какъ начало единенія» («Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія», 1884 г., № 1, стр. 94—108).—Передовая по поводу статей Л—ва въ «Варш. Дн.» («Афиши и Объявленія», 1883 г., № 337).—Передовая статья («Афиши и Объявленія», 1884 г., № 24).—*Орестъ Миллеръ*, «Церковь и Византійство» («Кіевская Старина», 1884 г., ноябрь, стр. 421). — *Оч.* Передовая статья («Вѣстникъ литературный, политич., научный и художественный», 1885 г., № 594).—Рецензія въ библіограф. отдѣлѣ «Востокъ, Росс. и Слав.» («Русская Мысль», 1885 г., кн. 7).—*Н. П. Гиляровъ-Платоновъ*, Передовая статья о «Вост. Росс. и Слав.» («Современ. Извѣстія», 1885 г., № 245).—*П. Сергіевскій (Ив. Кристи)*, «Что посѣешь, то и пожнешь»—по поводу I т. «Вост., Росс. и Слав.» («Гражд.», 1885 г., № 82).—*Твердко-Балканскій*, «Славянство и К. Леонтьевъ» («Соврем. Извѣстія», 1885 г., № 282).—Рецензія на I т. «Вост., Рос. и Слав.» («Вѣстн. Евр.», 1885 г., кн. 12).—*П. Е. Астафьевъ*, «Смыслъ исторіи и идеалы прогресса», двѣ публичныя лекціи («Чтенія Общ. любителей дух. просвѣщенія», 1885 г. Въ томъ же году эти лекціи вышли отдѣльнымъ первымъ, а въ 1886 г.—вторымъ изданіемъ).—*Русская женщина (М. В. Л—ва)*, «Женщина—женщинѣ о новой книгѣ» («Свѣтъ», 1886 г., № 96).—Фельетонъ-рецензія на «Вост., Рос. и Слав.» («Правит. Вѣстн.», 1886 г., №№ 250 и 260).—Письма Тургенева къ К. Н. Леонтьеву («Русская Мысль», 1886 г., № 12).—*Л. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели». СПБ., 1886 г., вып. I, стр. 175; СПБ., 1887 г., вып. III, стр. 34—35. — *Р. К. (Вл. А. Грингмутъ)*, «К. Н. Леонтьевъ какъ беллетристъ» («Гражд.», 1887 г., № 11).—*П. Васильчиковъ*, Письмо въ редакцію («Новое Время», 1887 г., № 3960).—*Т. И. Филипповъ*, Замѣтка о литературной дѣятельности К. Леонтьева въ отдѣлѣ «Дневникъ» («Граждан.», 1887 г., № 36).—Политическая статья, направленная противъ «Гражданина» и его сотрудниковъ, въ томъ числѣ К. Н. Леонтьева («Москов. Вѣд.», 1887 г., № 332).—«Дневникъ», отвѣтъ на предыдущую статью («Гражд.», 1887 г., № 65).—*П. Волженскій (Денисовъ и Умановъ)*, «Еще русскій мыслитель» («Русское Дѣло», 1887 года, №№ 19, 20 и 21-22).—N, «Письмо къ редактору» («Москов. Вѣд.», 1887 г.. № 338).—*П. Аристовъ*, «Леонтьевъ и его гаданія» («Русское Дѣло», 1888 г., № 2).—*Славянофилъ*, «Австрія и Сербія» («Гражда-

нинъ», 1888 г., № 283).—*И. И. Панаевъ*, «Воспоминанія». Изд. 3-е. СПБ., 1888 г., стр. 398)—Передовая статья («Свѣтъ», 1889 г., № 84).—*А. А. Кирѣевъ*, «Народная политика, какъ основа порядка» («Славянскія Извѣст.», 1889 г., №№ 28 и 29).—Рецензія на брошюру К. Леонтьева «Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи» («Русск. Вѣстн.», 1889 г., кн. 6). — *П.*, «Россія и греко-болгарская распря» («Новое Время», 1889 г., № 4801).—*A. Tchernoff* (*Портье д'Аркъ*), «Un portrait littéraire russe: M. Constantin Léontieff» («La nouvelle Revue», 1889, t. 58, pag. 754—764). — *П. Астафьевъ*, «Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи» («Русск. Обозр.», 1890 г., кн. 3, стр. 277—278).—«Мнѣнія печати: взглядъ свѣтскаго человѣка на современное монашество.—Что могло бы внести дворянство въ монашество» («Церк. Вѣстн.», 1890 г., № 15).—*М. Южный*, «Литературно-критическій фельетонъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого, К. Н. Леонтьевъ» («Гражд.», 1890 г., №№ 157 и 162).—*П. Астафьевъ*, «Объясненіе съ г. Леонтьевымъ» («Москов. Вѣд.», 1890 г., № 177).—L. V. «Chronique littéraire» («Journal de St. Petersbourg». 1890, № 193).—*І. Фудель*, «Преемство отъ «отцовъ» («Благовѣстъ», 1890 г., вып. 5, стр. 157—158).—*І. И. Фудель*, «Къ вопросу о «національномъ». «Самообманъ и ошибки» («Москов. Вѣд.», 1890 г., № 293).—*Ю. Николаевъ*, «Чему же учитъ Вл. С. Соловьевъ?» («Моск. Вѣд.», 1891 г., № 33).—*Н****, «Отголоски»—по поводу «Записокъ отшельника» («Свѣтъ», 1891 года, № 60).—*А—тъ*, «Заблужденіе отшельника» («Новое Время», 1891 г., № 5408).—«Дневникъ» («Гражд.», 1891 года, № 83). — *А. Шевелевъ*, «М. Н. Катковъ» («Москов. Вѣд.», 1891 г., № 198). — *В. Розановъ*, «Европейская культура и наше къ ней отношеніе» («Москов. Вѣд.», 1891 г., авг.).—*Ю. Н.* «Нѣсколько словъ по поводу кончины К. Н. Леонтьева» («Москов. Вѣд.», 1891 г., № 314).—*Дим. Языковъ*, «Краткій некрологъ и перечень сочиненій К. Н. Леонтьева» («Москов. Вѣд.», 1891 г., № 314).—Некрологъ («Новое Время», 1891 г., 5644).—*Н. Субботинъ*, «К. Н. Леонтьевъ.—Изъ Сергіева посада» («Москов. Вѣд.», 1891 г., №№ 316, 319).—Замѣтка въ «Москов. Иллюстр. газетѣ», 1891 г., № 304.—Замѣтка въ «Москов. Листкѣ», 1891 г., №№ 317 и 320. — *Vox*. «Маленькія замѣтки» («Москов. Вѣд.», 1891 г., №№ 319. 326).—*А. А.*, «К. Н. Леонтьевъ» («Москов. Иллюстрир. Газета», 1891 г., № 311).—*Н****, «Отголоски» («Свѣтъ», 1891 г., № 266).—«Памяти К. Н. Леонтьева» («Гражданинъ», 1891 г., № 317).—*Южный*, «К. Н. Леонтьевъ» («Гражданинъ», 1891 г., № 320).—*Θ. Ч.*, «Послѣдніе дни К. Н. Леонтьева въ Троице-Сергіевомъ посадѣ» («Гражданинъ», 1891 г., № 322).—Замѣтки въ «Москов. Церков. Вѣд.», 1891 г., №№ 47 и 48).—Замѣтка въ «Русск. Вѣстникѣ», 1891 г., № 12, стр. 281—7).—Замѣтка въ «Церковн. Вѣдом.», 1891 г., № 49, приб., стр. 1768—1769). — *Райскій*, «Поэтъ-воинъ» («Гражд.», 1891 г., № 332). — *Влад. Соловьевъ*, «Памяти К. Н. Леонтьева» («Русск. Обозр.», 1892 г., кн. 1).—Замѣтка въ «Историч. Вѣстн.», 1892 г., кн. 1, стр. 291—2).—*В. Розановъ*, «Эстетическое пониманіе исторіи» («Русск. Вѣстн.», 1892 г., кн. 1). «Теорія историческаго прогресса и упадка» (тамъ-же, кн. 2, 3).—Замѣтка въ «Недѣлѣ», 1892 г., книжка № 5, стр. 142—145).—*Архим. Антоній*, «Какъ относится служеніе общественному благу къ спасенію собственной души» («Вопросы философіи и психологіи», 1892 г., мартъ).—«Общественное благо съ точки зрѣнія христіанской и съ современной—позитивной» («Богослов. Вѣстн.», 1892 г.. іюнь; эти статьи вошли въ полное собраніе сочиненій архіепископа Антонія, второе изданіе 1911 г., т. II, стр. 495—538).—*Ан. Александровъ*, «К. Н. Леонтьевъ» («Русск. Вѣстн.», 1892 г.. кн. 4).—*Кн. С. Трубецкой*, «Разочарованный славянофилъ» («Вѣстн. Евр.», 1892 г., кн. 10).—«Памяти К. Н. Леонтьева» («Русск. Обозр.», 1892 г., кн. 11, стр. 406—409).—*П. Милюковъ*, «Саморазложеніе славянофильства» («Вопросы философіи и психологіи», 1893 г., май. Эта статья вошла въ сборникъ статей П. Милюкова: «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Спб., 1902 г.). — *А. Кирѣевъ*, «Наши противники и наши союзники» («Протоколы общихъ собраній гг. членовъ Спб. Слав. благотв. Общества 12-го и 19-го декабря 1893 года».—*Л. Т.* (*Л. Тихомировъ*), «Новое заявленіе славянофиловъ» («Русск. Обозр.», 1894 г., № 4).—Письма *И. С. Тургенева* къ Анненкову («Русск. Обозр.». 1894 г.).—*Кн. С. Трубецкой*. «Противорѣчія нашей культуры» («Вѣстн. Евр.», 1894 г., кн. 8).—*Л. Тихомировъ*, «Русскіе идеалы и К. Н. Леонтьевъ» («Русск. Обозр.», 1894 г., кн. 10).—*Д. Языковъ*, «Списокъ сочиненій К. Н. Леонтьева» («Русск. Обозр.», 1894 г., кн. 11). — *Свящ. І. Фудель*, «Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева» («Русск. Обозр.», 1895 г., кн. 1).—*А. Кирѣевъ*, «Споръ съ западниками настоящей минуты» («Русск. Обозр.», 1895 г., май). — *М—скій*, «Философъ-христіанинъ. Основа міросозерцанія К. Н. Леонтьева» («Русск. Вѣстн.», 1896 г., кн. 1, 4).—*В. В. Леонтьевъ*, «Неизданное стихотвореніе М. А. Хитрово» («Русск. Обозр.», 1896 г., кн. 8).— *Николай Миляевъ*, «Изъ воспоминаній о Константинѣ Николаевичѣ Леонтьевѣ» («Русск. Обозр.», 1898 г., кн. 1).—*В. В. Розановъ*, «Позднія фазы славянофильства: К. Н. Леонтьевъ», см. его «Литературные очерки». Спб., 1899 г., стр. 115—125).—*О. Іосифъ*, «Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Θ. М. Достоевскій и К. Н. Леонтьевъ предъ старцами Оптиной пустыни».—*Вл. Соловьевъ*, «Леонтьевъ К. Н.» въ энциклопед. словарѣ «Брокгауза и Ефрона», т. 34.—*І. Колышко*, «К. Н. Леонтьевъ о войнѣ и военныхъ». См. его «Маленькія мысли. 98—99 гг.». Спб., 1900 г.—*Е. Поселянинъ*, «Воспоминанія» («Моск. Вѣд.», 1900 г., №№ 316 и 318).—*Е. В.*, «Историческое описаніе Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита». Изд. Оптиной пустыни. 1902 г.—Отзывъ *И. С. Аксакова* о К. Леонтьевѣ («Берлин. Листокъ», 1903 г., № 1).—*В. Розановъ*, «Изъ житейскихъ и литературныхъ мелочей» («Новое Время», 1903 г., №№ 9656, 9657).—*Н. Апокрифъ*, «Вѣра и современная мысль. Глава первая: К. Леонтьевъ и гр. Л. Толстой» («Русь», литер.-полит. сборникъ, вып. I, М. 1903 г., стр. 96—

141).—*В. Розановъ*, Предисловіе и послѣсловіе къ письмамъ К. Леонтьева и примѣчанія къ нимъ («Рус. Вѣстн.», 1903 г., кн. 4, 5, 6).—*Ю. Карцовъ*, «Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886. Воспоминанія политическія и личныя». Спб., 1906 г., стр. 5. 13 и 78.—*Лобовъ*, «Странничка изъ прошлаго. Къ характеристикѣ К. Н. Леонтьева» («Слав. Изв.», 1906 г., № 8, стр. 585 и сл.). — *Н. Бердяевъ*, «К. Леонтьевъ — философъ реакціонной романтики» («Вопросы Жизни», 1904 г., іюль. Эта статья затѣмъ напечатана въ его книгѣ: «Sub specie aeternitatis. Спб., 1907 г.).—*Влад. Соловьевъ*, «Національный вопросъ въ Россіи» (стр. 25, 55) и «Замѣчанія на лекцію П. Н. Милюкова» (стр. 460—461) въ V т. собранія его сочиненій. Спб. — *Д. Стахѣевъ*, «Воспоминанія» («Истор. Вѣстн.», 1907 г., № 1).—*Е. Поселянинъ*, «Москов. Вѣд.», 1907 г., № 144.—*К. Икскуль*, «Старчество по ученію св. отцовъ и аскетовъ». М. 1907. Стр. 14—15.—*Н. Бердяевъ*, «Наши богоискатели» («Москов. Еженедѣльникъ», 1907 г., № 29).—*П. Милюковъ*, «Славянскіе и русскіе «космополиты» («Рѣчь», 1908 г., № 94).—*В. Варваринъ*, «Заблудились въ трехъ соснахъ» («Рус. Слово», отъ 24 января 1909 г.). — Отчетъ о докладѣ г. Янчевскаго (надо читать «Янковскаго») въ «Русскомъ Собраніи» на тему «о К. Н. Лентьевѣ и его политическихъ идеалахъ» («Рѣчь», 1909 года, № 24).—*Свящ. Конст. Аггеевъ*, «Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни». Опытъ критическаго изученія и богословской оцѣнки раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства. Кіевъ. 1909 г. Ц. 2 руб.—*С. Франкъ*, «Міросозерцаніе Константина Леонтьева» («Критическое Обозрѣніе», 1909 г., ноябрь, стр. 79—85). — *П.*, «Въ обществѣ мистическомъ» («Новое Время», 1909 г., № 12108).—Замѣтка о собраніи кружка почитателей памяти К. Н. Леонтьева («Новое Время», 1909 г., № 12126). — *Д. Мережковскій*, «Страшное дитя» («Рѣчь», 1910 г., № 30).—Замѣтка о публичной защитѣ свящ. К. Аггеевымъ диссертаціи на степень магистра богословія («Рѣчь», 1910 г., № 77).—*Ив. Шегловъ* (*Леонтьевъ*), «Сестра—молитвенница» («Бирж. Вѣдом.», 1910 г., № 12002, вечерній выпускъ).—«Первое хожденіе Л. Н. Толстого по монастырямъ» («Рус. Слово», 1910 г., № 254). — *А. Черняева*, Паломники Оптиной пустыни Л. Н. Толстой («Новое Время», отъ 7 ноября 1910 г.).—*Прот. І. Фудель*, «Судьба К. Н. Леонтьева («Москов. Вѣд.», 1910 г., № 261).—Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, 1910 г., № 13. — Замѣтка («Харьков. Вѣд.», 1910 г., № 553). — *Е. В.*, «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь» («Душеполезное чтеніе», 1911 г., январь).—*Ан. Александровъ*, «К. Н. Леонтьевъ» («Москов. Вѣд.», 1911 года. № 9).—*Искатель жемчуга*, «Литературныя ракушки» («Новое Время», отъ 2 февр. 1911 г.).—*Ан. Александровъ*. Предисловіе къ книгѣ К. Леонтьева: «О романахъ гр. Л. Н. Толстого» 1911 г.—*І. Ф.*, Рецензія объ этюдѣ К. Н. Леонтьева «О романахъ гр. Л. Н. Толстого» («Москов. Вѣд.», отъ 28 апрѣля 1911 г., № 95).—*А. Басаргинъ* (*Проф. Алексѣй Ив. Введенскій*), «К. Н. Леонтьевъ о Л. Н. Толстомъ» («Москов. Вѣд.», 1911 года, № 103).—*М. Меньшиковъ*, «Письма къ ближнимъ»—фельетонъ («Новое Время», 1911 г., № 12667). — *В. Розановъ*, «Неоцѣнимый умъ» («Новое Время», 1911 года, № 12669).—*Н. Лернеръ*, Рецензія на кн. Леонтьева «О романахъ гр. Л. Толстого» («Рѣчь», 1911 г., № 173).—Замѣтка по поводу той же книги въ ст. «Литературное Обозрѣніе» («Вѣстн. Евр.», 1911 г., кн. 8, стр. 403).—*Стратіевская-Гросманъ*, «Изъ исторіи славянофильства». Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. I, стр. 115—145. Одесса. 1911 г.—Литературный сборникъ «Памяти К. Н. Леонтьева». СПб. 1911 г. — *Юрій Сергѣевъ*, «К. Н. Леонтьевъ» («Россія», 1911 г., № 1837).—Замѣтка «Памяти К. Н. Леонтьева» («Россія, 1911 г., № 1840).— *В. Розановъ*, «Къ 20-лѣтію кончины К. Н. Леонтьева» («Новое Время», 1911 г., № 12813).—*А.*, Замѣтка въ отдѣлѣ «Книжныя Новости» («Москов. Вѣд.», 1911 г., № 260).—*В. К—въ*, Библіогр. замѣтка въ «Правит. Вѣст.», 1911 года, № 244).—*Е. В. Р.*, «Въ русскомъ библіологическомъ обществѣ» («СПБ. Вѣдом.», 1911 г., № 283). — Статья неподписана «Одинъ изъ послѣднихъ реакціонныхъ романтиковъ» («Бюлл. литер. и жизни», 1911 г., № 7). — *А. Измайловъ*, «Воскресшая память К. Н. Леонтьева. Убійственная біографія. Мечта сослать Толстого въ Сибирь» («Русское Слово», 1911 г., № 267).—*В. Р.*, «Литературная новинка» («Новое Время», 1912 г., № 12910).—*Б. Грифцовъ*, Библіогр. отзывъ на литературн. сборникъ «Памяти К. Н. Леонтьева» и изданія сочиненій Леонтьева («Русск. Мысль», 1912 г., кн .5).—*Вед. Куклярскій*, «Осужденный міръ. Философія человѣческой природы». 1912 г.—*В. Розановъ*, «Къ изданію полнаго собранія сочиненій К. Леонтьева» («Новое Вр.», 1912 г., № 13024).—*А. Закржевскій*, О Леонтьевѣ въ журналѣ «Огни». 1912 г.—*В. Розановъ*, «Закржевскій о К. Леонтьевѣ» («Новое Вр.», 1912 г., № 13080). — *Ѳ. Куклярскій*, «К. Леонтьевъ о среднемъ европейцѣ» («Новое Вр.», 1912 г., № 13136).—*Н. Л.*, Отзывъ о литер. сборн. «Памяти К. Н. Леонтьева» («Истор. Вѣстн.», 1912 г., № 10).—*А. Бурнакинъ*, «Царьградъ и всеславянство» («Новое Вр.», 1912 г., № 13163).—Замѣтка «Лекція о К. Леонтьевѣ» («Моск. Вѣд.» отъ 6 ноября 1912 г.).—Замѣтка «Въ религіозно-философскомъ обществѣ» («Русск. Вѣдом.», отъ 6 ноября 1912 г.).—*А. Парцевскій*, «Къ біографіи К. Н. Леонтьева» («Извѣстія Одесскаго библіографическаго Общества» 1912 г., вып. 7.—*А. Басаргинъ* (*Проф. Алексѣй Ив. Введенскій*), «К. Н. Леонтьевъ» («Москов. Вѣдом.», 1912 г., № 284).—*В. Розановъ*, «Пріостановка изданія сочиненій К. Леонтьева» («Новое Вр.», отъ 14 янв. 1913 г.).—*Прот. І. Фудель*, «О сочиненіяхъ К. Леонтьева» («Новое Вр.», 1913 г., № 13239).—*Б. Грифцовъ*, «Судьба К. Леонтьева» («Русск. Мысль», 1913 г., №№ 1, 2, 4).—*В. Розановъ*, «Опавшіе листья». СПБ. 1913 г., стр. 478—492 и др.

Ал. Коноплянцевъ.

Леонтьевъ, *Михаилъ Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, Кіевскій генералъ-губернаторъ, родился въ 1682 г. и приходился двоюроднымъ племянникомъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Службу Леонтьевъ началъ стольникомъ. Въ 1700 г. онъ обучался военной «экзерциціи» подъ селомъ Семеновскимъ и, будучи скоро произведенъ въ унтеръ-офицеры, самъ сталъ обучать «экзерциціи» другихъ придворныхъ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ 1-й драгунскій (позднѣе Кіевскій) полкъ и въ томъ же году въ поручики, въ слѣдующемъ году въ капитаны, въ 1705 г. въ маіоры, въ 1706 г. въ подполковники и въ 1708 г. въ полковники, оставаясь въ томъ же Кіевскомъ полку. Съ самаго начала Шведской войны Леонтьевъ принималъ въ ней дѣятельное участіе подъ начальствомъ Шереметева и Боура, сражался подъ Нарвой и 2 раза былъ раненъ: подъ Гомантовымъ въ 1702 г. и подъ Муромъ въ 1705 г. Но особенно отличился онъ подъ Полтавой, взявъ 7 шведскихъ знаменъ, серебряныя литавры и носилки Карла XII; здѣсь же онъ получилъ третью рану. Въ 1709 г. Леонтьевъ былъ переведенъ въ Невскій драгунскій полкъ и съ этимъ полкомъ продолжалъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: находился при осадѣ Риги, Пернова и Ревеля, былъ въ походѣ въ Померанію (1711-12 гг.) и въ Голштинію (1713 г.) и въ осадѣ Штетина. Въ 1715 г. Леонтьевъ совершилъ походы изъ-за границы въ Малороссію, изъ Малороссіи въ Мекленбургъ и снова въ Малороссію. Въ 1720 г. онъ былъ произведенъ въ бригадиры съ оставленіемъ полковникомъ надъ Невскимъ полкомъ. Съ 1721 по 1724 гг. онъ состоялъ при работѣ Ладожскаго канала, въ 1724 г. назначенъ былъ членомъ Военной коллегіи, а по переводѣ коллегіи изъ Москвы въ Петербургъ—главноприсутствующимъ въ Военной конторѣ. Въ 1724 г. Петръ Великій учредилъ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, роту драбантовъ или кавалергардовъ, и Леонтьевъ назначенъ былъ подпоручикомъ этой роты. Въ 1726 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ къ ревизіи Московской и Смоленской губерній: въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ Московскимъ вице-губернаторомъ и въ томъ же году вмѣстѣ съ генераломъ Роппомъ отправленъ на помощь германскому императору, но дошелъ только до Смоленска и уже въ сентябрѣ того же года находился въ Украйнѣ. При короноваціи Петра II (1728 г.) онъ, въ числѣ 6-ти генералъ-майоровъ, несъ балдахинъ надъ императоромъ отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора. Послѣ коронаціи Леонтьевъ вернулся въ Украйну, гдѣ командовалъ драгунской дивизіей. Въ 1730 г., по смерти Петра II, Леонтьевъ ѣздилъ въ числѣ депутатовъ, посланныхъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ въ Митаву къ герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ объ избраніи ея на престолъ и съ кондиціями. Вернувшись изъ Митавы съ подписанными Анной Іоанновной кондиціями и привезя съ собою благодарственное письмо ея къ Тайному Совѣту и закованнаго въ кандалы П. С. Сумарокова, гонца П. И. Ягужинскаго, Леонтьевъ снова былъ посланъ въ Митаву съ благодарственнымъ письмомъ отъ членовъ Верховнаго Совѣта къ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1731 г. Леонтьевъ былъ назначенъ членомъ комиссіи о новыхъ штатахъ и въ томъ же году былъ посланъ въ Низовый корпусъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опредѣленъ къ должности воинскаго инспектора и назначенъ состоять при главнокомандующемъ Низового корпуса, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1735 г. былъ генералъ-инспекторомъ и членомъ Военной коллегіи. Въ этомъ же году онъ принялъ участіе въ качествѣ начальника отряда въ походѣ Миниха въ Крымъ, но походъ этого года не увѣнчался успѣхомъ вслѣдствіе наступившихъ морозовъ и отсутствія провіанта, и отрядъ Леонтьева, потерявъ 9000 солдатъ, вынужденъ былъ вернуться къ мѣсту отправленія, м. Царицынкѣ. Въ слѣдующемъ году Леонтьевъ, командуя 4-й колонной арміи, участвовалъ во взятіи Перекопа и Кинбурна. Въ 1737 г., во время военныхъ дѣйствій подъ Очаковымъ, Леонтьеву порученъ былъ обозъ, подвижной магазинъ и часть тяжелой артиллеріи. Въ 1738 г. онъ имѣлъ главную команду надъ дивизіями Кейта и кн. Трубецкого и надъ ландмилицкими полками и отражалъ набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Въ этомъ году прекратилась военная дѣятельность Леонтьева: онъ былъ отправленъ изъ арміи въ Кіевъ для управленія «губернскими дѣлами». Назначеніе

это состоялось помимо желанія Леонтьева, и онъ объяснилъ это недоброжелательствомъ Миниха. Въ 1740 г. Леонтьевъ былъ назначенъ сенаторомъ. Меньше года онъ присутствовалъ въ Сенатѣ, но въ это время ему пришлось принять участіе въ судѣ надъ Бирономъ. Въ 1741 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и назначенъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ командиромъ Малороссіи. По случаю предстоящей войны съ Швеціей, Леонтьевъ въ 1742 г. былъ назначенъ начальникомъ войскъ, находившихся въ Украйнѣ, но въ слѣдующемъ году, къ великому его прискорбію, былъ оставленъ при одной генералъ-губернаторской должности. По этому поводу Леонтьевъ просилъ ходатайства у гр. Разумовскаго и Румянцева предъ императрицей, но успѣха не имѣлъ и оставался въ должности Кіевскаго генералъ-губернатора до самой смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1752 г. Въ первые годы пребыванія Леонтьева въ Кіевѣ много хлопотъ доставляли ему запорожцы, поэтому онъ хлопоталъ объ уничтоженіи запорожскаго самоуправленія и предлагалъ свой проектъ, но Сенатъ призналъ этотъ проектъ несвоевременнымъ.

Современники отзываются о Леонтьевѣ, какъ объ угрюмомъ и сварливомъ солдатѣ, который къ подчиненнымъ былъ взыскателенъ и строгъ до жестокости, но признаютъ его храбрымъ и предпріимчивымъ. Минихъ, котораго Леонтьевъ считалъ своимъ врагомъ, такъ характеризуетъ его въ запискѣ, поданной Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 г.: «Генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ старый воинъ, понимаетъ службу и особенно кавалерійскую и могъ бы хорошо служить полковникомъ; онъ здоровъ и крѣпкаго сложенія, но не имѣетъ честолюбія, ни охоты къ службѣ. Онъ годится быть въ Военной коллегіи, въ Конюшенномъ департаментѣ, какъ охотникъ и знатокъ въ лошадяхъ такой, какому во всей арміи нѣтъ подобнаго».

«Военный энциклопедическій лексиконъ», ч. VIII, стр. 196-197.—«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1724 года,» стр. 27-30.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. III, стр. 172—174.

Леонтьевъ, *Михаилъ Николаевичъ*, генералъ-поручикъ, родной внукъ генералъ-аншефа Михаила Ивановича Леонтьева, родился въ 1740 г., воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ произведенъ въ поручики. Леонтьевъ извѣстенъ участіемъ въ Семилѣтней и первой турецкой войнѣ. Въ послѣднюю войну за дѣло подъ Браиловымъ онъ былъ пожалованъ Военнымъ орденомъ 4-го класса, а за дѣла подъ Понеешти и Силистріею,—тѣмъ же орденомъ 3-го класса. Въ 1773 г. онъ былъ произведенъ въ бригадиры, въ 1776 г. въ генералъ-маіоры, а въ 1784 г. въ генералъ-поручики. По заключеніи мира съ Портою Леонтьевъ находился при войскахъ, расположенныхъ въ Крыму, и умѣлыми распоряженіями своими содѣйствовалъ скорому подчиненію жителей этого полуострова Россіи. Скончался онъ въ 1784 г.

Архивъ Импер. Рус. Истор. Общества.

Леонтьевъ, *Никифоръ Ѳеодоровичъ*, сынъ Ѳеодора Исаковича. Въ 1636 г. былъ стольникомъ, дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1639 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Мих., а затѣмъ Василія Мих. Въ томъ же году былъ рындой при отпускѣ кизильбашскихъ купцовъ и при пріемѣ литовскаго гонца. Въ 1643—44 гг. состоялъ воеводою въ Вольномъ. Въ іюнѣ 1644 г. онъ неоднократно былъ посылаемъ въ степь и въ литовскіе города разузнавать о крымскихъ и ногайскихъ татарахъ и доносилъ о получаемыхъ вѣстяхъ въ Разрядъ, при чемъ, узнавъ, что татары угрожаютъ городамъ Вольному, Хотмыжску, Курску и Рыльску, сдѣлалъ распоряженія о защитѣ г. Вольнаго. Въ 1646—49 гг. Леонтьевъ числился воеводою въ Вяткѣ, въ 1650-52 гг. на Бѣлевскихъ засѣкахъ и въ 1663 г. въ Самарѣ.

Доп. къ Акт. Ист.. III, с. 217—219.—Акты Моск. госуд., II, с. 101, 130, 135, 136.—Р. И. Б., т. X.—«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ», Казань. 1881 г., с. 6—7.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», с. 50, 57.

В. Корсакова.

Леонтьевъ, *Николай Васильевичъ*, писатель, президентъ Государственной медицинской коллегіи, дѣйств. тайн. совѣтникъ, родился въ январѣ 1739 г., ум. 10 апрѣля 1824 г. Воспитывался въ Сухопутномъ корпусѣ и службу началъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку; затѣмъ перешелъ въ

статскую службу. Въ 1783 г., состоя въ конторѣ строенія Исаакіевскаго собора, онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, а въ 1796 г. назначенъ сенаторомъ. На литературное поприще Леонтьевъ выступилъ еще въ юности. Онъ напечаталъ оды: на восшествіе Екатерины II на престолъ (1762 г.), на прибытіе императрицы изъ Москвы (1763 г.), на рожденіе государя Александра Павловича и на выздоровленіе государыни Маріи Ѳеодоровны (1778). Кромѣ одъ, онъ въ 1766 г. выпустилъ въ двухъ частяхъ «Басни», не выдававшіяся въ смыслѣ поэтическомъ, но не лишенныя и извѣстныхъ достоинствъ, особенно для своего времени, и «Чувствованія отца, скорбящаго о кончинѣ незабвенной своей дочери, гр. А. Н. Салтыковой» (Спб. 1823). Въ качествѣ члена Академіи Леонтьевъ собиралъ для словаря слова на У и Х, былъ членомъ грамматикальнаго отдѣленія и вмѣстѣ съ Фонвизинымъ, Румовскимъ и Лепехинымъ работалъ надъ составленіемъ общаго плана академическаго словаря.

Сухомлиновъ, «Истор. Рос. Академіи», вып. VII, ст. 120-123.—*Венгеровъ*, «Русская поэзія», вып. 6.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. пис. и учен.», т. II, стр. 233.

Н. Ч.

Леонтьевъ, *Павелъ Михайловичъ*, извѣстный филологъ, проф. Московскаго университета, основатель и директоръ лицея цесаревича Николая, родился въ г. Тулѣ 18 августа 1822 г., умеръ 24 марта 1874 г. въ Москвѣ. Первую молодость провелъ въ деревнѣ Епифанскаго уѣзда, Тульской губ., въ домѣ родителей, небогатыхъ дворянъ, употребившихъ всѣ средства для воспитанія дѣтей. Любознательность и уваженіе къ книгамъ Леонтьевъ получилъ съ первыми впечатлѣніями младенчества, имѣя подъ руками большую библіотеку родителей, а еще большую у прадѣда своего, А. Т. Болотова. Первоначальное обученіе Леонтьевъ получилъ отъ матери и трехъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанница Московскаго Екатерининскаго института, а двѣ иностранки. Затѣмъ въ началѣ 1833 г. его отдали въ пансіонъ Бегагеля въ Тулѣ; однако ученіе его здѣсь шло не совсѣмъ удовлетворительно, хотя въ латинскомъ яз. и математикѣ лучше, нежели въ другихъ предметахъ. Лѣтомъ 1834 г. Леонтьевъ вышелъ изъ пансіона и продолжалъ заниматься дома въ деревнѣ подъ надзоромъ уже одного отца, такъ какъ мать его скончалась въ 1833 г. Въ 1835 г. онъ поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ, гдѣ латинскій яз. преподавалъ проф. Д. Л. Крюковъ, пробудившій въ Леонтьевѣ живой интересъ къ классическимъ древностямъ и по совѣту котораго онъ сталъ брать у Клина уроки греческаго языка, не преподававшагося въ институтѣ. По окончаніи курса въ институтѣ съ серебряною медалью онъ въ 1837 г., по совѣту попечителя Московскаго округа графа С. Г. Строганова и того же проф. Крюкова, опредѣлился въ университетъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета, хотя влеченіе имѣлъ къ математическому отдѣленію. Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1841 г., Леонтьевъ былъ опредѣленъ графомъ Строгановымъ на должность помощника библіотекаря, которую занималъ до конца 1843 г. Въ этомъ же году онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и отправился на казенный счетъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ университетовъ: Кенигсбергскаго (Лобека и Розенкранца), Лейпцигскаго (Гофрида Германа, Гаупта и Штильбаума), Берлинскаго (Бека, Лахмана, Шеллинга и Гергарда) и др., а затѣмъ посѣтилъ замѣчательнѣйшіе города Италіи. Возвратившись въ 1847 г. въ Москву, Леонтьевъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта и экстраординарнаго профессора (1851 г.) по каѳедрѣ римской словесности и древностей. Предметомъ первой вступительной лекціи его была важность всесторонняго изученія классической древности—тезисъ, проведенію котораго въ жизнь посвятилъ онъ всю дальнѣйшую свою дѣятельность, какъ профессоръ, публицистъ, сподвижникъ учебной реформы 1871 г. и основатель и директоръ лицея цесаревича Николая. Его лекціи о государственномъ бытѣ древняго Рима не только вводили слушателей въ самую глубь классической жизни, но были въ то же время и школой высшаго политическаго смысла и разумѣнія, такъ что въ аудиторію его вскорѣ стали стекаться многочисленные слушатели даже юридическаго факультета. Не меньшее вліяніе оказывали его лекціи по исторіи и археологіи древняго искусства, служившія основою эстетическаго развитія будущихъ

изслѣдователей отечественныхъ древностей, и лекціи о древне-языческихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Педагогическая дѣятельность Леонтьева не ограничивалась стѣнами университета: лучшихъ изъ числа своихъ слушателей онъ собиралъ вокругъ себя въ частныхъ бесѣдахъ и здѣсь щедро дѣлился съ ними сокровищами своего знанія. Ученая его извѣстность была упрочена диссертаціей «О поклоненіи Зевсу», а затѣмъ изданными имъ пятью томами сборника «Пропилеи». Этотъ сборникъ пользовался большимъ успѣхомъ среди читателей, въ немъ наряду съ блестящими статьями Леонтьева печатались, напр., «Римскія женщины по Тациту» проф. Кудрявцева, «Очерки греческой философіи» Каткова и др.

Въ названной диссертаціи Леонтьева богатый миѳологическій матеріалъ освѣщенъ одною общею мыслью—исторически показать развитіе воззрѣній греческаго народа на главное свое божество, насколько они выразились въ различныхъ обрядахъ поклоненія. Этимъ сочиненіемъ Леонтьевъ предупредилъ подобныя изслѣдованія даже ученыхъ Западной Европы. Сюда же относятся двѣ рецензіи его, напечатанныя во 2-мъ томѣ «Пропилеевъ» подъ заглавіемъ «Миѳическая Греція и Италія» на вышедшія около того времени въ Англіи и Германіи сочиненія—Исторію Греціи Грота и Древнѣйшую исторію римлянъ Герлаха и Баховена.

По археологіи искусства заслуживаетъ вниманія его курсъ исторіи греческаго ваянія, нѣкоторыя части котораго составили въ распространенномъ видѣ предметъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Пропилеяхъ», каковы напр.: «О новой теоріи греческой архитектуры», «О различіи стилей въ греческомъ ваяніи» и «Эгинскіе мраморы Мюнхенской глиптотеки». Къ археологическимъ же изслѣдованіямъ, но стоявшимъ въ сторонѣ отъ этого курса, можно отнести также напечатанную статью: «Бакхическій памятникъ графа Уварова». Практически примѣнить свои обширныя и глубокія познанія по древностямъ, археологіи и древней политической исторіи Леонтьеву удалось во время правительственной командировки на устья Дона (въ селеніе Надвиговку) въ 1853 г. Ему посчастливилось найти тамъ нѣсколько замѣчательныхъ надписей и другихъ памятниковъ древности. Важнѣйшими данными, которыя онъ добылъ при помощи произведенныхъ тамъ по его указаніямъ и подъ его личнымъ наблюденіемъ раскопокъ, были свѣдѣнія о двухъ главныхъ эпохахъ въ исторіи древняго Танаиса и соотвѣтствующемъ ему двоякомъ мѣстѣ этого города. Подробности этихъ археологическихъ изысканій Леонтьевъ изложилъ въ обширной статьѣ, напечатанной въ «Пропилеяхъ» (т. 4) подъ заглавіемъ: «Разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и его окрестностей». Какъ подготовленіе къ этимъ археологическимъ работамъ можетъ быть разсматриваема его статья «Обзоръ изслѣдованій о классическихъ древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря» («Пропилеи», т. I). Кромѣ того, въ тѣхъ же «Пропилеяхъ» Леонтьевымъ помѣщено нѣсколько статей, которыми онъ отзывался на современныя явленія науки и жизни, таковы: «Рецензія на сочиненія: «Ликургъ Аѳинскій» (т. 2), «Августъ Бекъ» (т. 3) и «Древняя Синопа» (т. 4).

Въ 1856 г. Леонтьевъ принялъ дѣятельное участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ», который подъ редакціей М. Н. Каткова сразу занялъ первое мѣсто въ русской журналистикѣ, какъ органъ всесторонней критики отживающихъ началъ, особенно рѣзко выказавшихъ свою несостоятельность послѣ Крымской кампаніи, и въ то же время какъ провозвѣстникъ иного наступающаго времени. Съ переходомъ въ 1863 г. въ руки Каткова и Леонтьева «Московскихъ Вѣдомостей» во время польскаго мятежа, всѣ вопросы, глубоко затрогивавшіе русскіе интересы, подверглись на столбцахъ этой газеты всестороннему обсужденію и выводы ея нерѣдко находили себѣ практическое осуществленіе въ высшихъ сферахъ государственной жизни. На столбцахъ этой же газеты было помѣщено имъ огромное количество передовыхъ статей, посвященныхъ вопросу о реформѣ учебной системы. Приглашенный въ 1869 г. въ Петербургъ для участія въ ученомъ комитетѣ совѣта министра по выработкѣ устава гимназій, онъ, положительно не зная покоя, всецѣло отдался этому дѣлу и выработалъ черты новаго проекта устава и объяснительной къ нему записки, послужившихъ основаніемъ для всего дальнѣйшаго хода этого дѣла. Всѣ дальнѣйшіе и важнѣйшіе шаги на пути учебной реформы были сдѣланы

при дѣятельномъ его участіи, какъ-то: первыя предначертанія по осуществленію учебной реформы, установленіе учебныхъ плановъ и въ особенности по древнимъ языкамъ и окончательное установленіе правилъ объ испытаніяхъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Леонтьева министерству народнаго просвѣщенія неоцѣнимы, и обновленная школа того времени ему обязана весьма многимъ.

Въ послѣдніе годы дѣятельности Леонтьеву суждено было проявить въ полномъ блескѣ и другую сторону своей многосторонней и богатой натуры, а именно организаторскую способность. Онъ лучше чѣмъ кто-либо оцѣнилъ великое значеніе совершившейся на его глазахъ учебной реформы и служилъ ей своею опытностью и богатствомъ своихъ свѣдѣній. Изучивъ глубоко и всесторонне педагогическое дѣло, онъ не только заботился распространить здравыя о немъ понятія въ обществѣ, не только руководилъ своими наставленіями и совѣтами педагоговъ, но рѣшился вмѣстѣ съ Катковымъ основать лицей цесаревича Николая. Въ первое время послѣ основанія лицея Леонтьевъ, обремененный занятіями по изданію «Московскихъ Вѣдомостей» и по университету, принималъ мало участія въ дѣлахъ лицея, но вскорѣ отдалъ ему себя всецѣло, жилъ можно сказать для него, приносилъ ему въ жертву всѣ свои силы.

Кромѣ указанной выше диссертаціи и статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Пропилеи», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и Московскихъ Вѣдомостяхъ», Леонтьевъ издалъ еще: «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ» (1861 г.), «О Рутгардовой методѣ преподаванія древнихъ языковъ» (М. 1841 г.) и «Библіотека греческихъ и латинскихъ писателей съ примѣчаніями и словаремъ для среднихъ учебныхъ заведеній, т. I. Рѣчи за поэта А. Архія и за Кв. Лигарія» (М. 1867 г.).

«Памяти Павла Мих. Леонтьева» (М. 1875 г.).—«Отчетъ и рѣчь въ Московскомъ университетѣ 12 января 1876 г.».—«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго унив.», ч. 1, стр. 453—455.—«Журн. М-ва Нар. Просв.», т. 178 (1875 г., № 4), 179, V.—«Московскія Вѣдомости» 1875 г., №№ 79—81, 97, 98, 111.—«Русскій Міръ» 1874 г., № 258.—«Русскій Вѣстникъ» 1874 г., № 4; 1875 г., № 4, «Нива» 1875 г., № 22.—«Отечественныя Записки», 1872, т. 204, № 10; 1876 г., т. 226, № 5.—«Современный Листокъ», 1866 г., № 61.—«Всемірная Иллюстрація» 1869 г., № 15.—Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 16.—«Петербургская Газета» 1874 г., № 145.—«Гражданинъ» 1875 г., № 13.—*Ефронъ*, Энциклопедическій словарь, т. 34, стр. 564.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 233—234.

Леонтьевъ, *Эмеліанъ (Емельянъ) Семеновичъ*, протоіерей Вятскаго Воскресенскаго собора, родился въ селѣ Коршикѣ, Вятской губ., образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, по окончаніи курса въ которой опредѣлился въ ней же учителемъ греческаго языка, математики и архитектуры, а позднѣе былъ префектомъ и ректоромъ ея. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Вятскаго Воскресенскаго собора, въ каковой должности и скончался 20 ноября 1826 г. Ему принадлежитъ «Слово на высокоторж. день рожденія Благочестивѣйшія Великія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Спб. 1813 г.

«Вятскія Епарх. Вѣдомости» 1867 г., № 2, стр. 62.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 233.

Леонтьевъ, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, сынъ Ивана Ѳеодоровича. Въ 1633 г. состоялъ стряпчимъ, въ 1636 г. стольникомъ, въ 1639 г. рындою при отпускѣ кизильбашскихъ купцовъ и при пріемѣ литовскаго гонца и въ 1647—48 гг. осаднымъ воеводою въ Яблоновѣ; здѣсь ему поручено было наблюденіе за устройствомъ земляного вала отъ Яблонова до Корочи, а затѣмъ онъ назначенъ былъ въ сходъ къ стольнику и воеводѣ кн. Алексѣю Ив. Буйносову-Ростовскому, посланному на Украйну на случай прихода крымскихъ татаръ. Въ 1648—50 гг. Леонтьевъ былъ полковымъ воеводою въ Алатырѣ, въ 1651—52 гг.—въ Атемарѣ и въ 1652—53 гг.—въ Саранскѣ. Въ 1658—59 гг. онъ былъ воеводою въ Тамбовѣ, откуда доносилъ царю, что татары идутъ большими полчищами къ Тамбову и Козлову, а въ 1662-64 гг. и въ 1672—74 гг.—воеводою въ Саратовѣ. Въ 1670 г., во время бунта Стеньки-Разина, Леонтьевъ и кн. Щербатовъ были посланы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Нижній-Новгородъ на помощь къ боярину кн. Юрію Алексѣевичу Долгорукову, которому ввѣрено было главное начальство надъ ратными людьми, отправленными противъ воровскихъ шаекъ. Съ конца сентября до половины декабря 1670

года Леонтьевъ, бывшій уже думнымъ дворяниномъ, дѣйствовалъ такъ мужественно и успѣшно, что много способствовалъ водворенію тишины и порядка въ Арзамасскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ. Въ 1677 г. онъ назначенъ былъ воеводою на Терекъ, а въ 1682 гг. пожалованъ въ окольничіе.

С. Г. Г. и Д., т. IV, 370.—Акты Ист., т. IV, 424.—Доп. къ Акт. Ист., т. VII, 231, IX, 125.—Оп. док. Моск. арх. мин. юст., II, №№ 3084, 3090.—Акты Моск. госуд., II, 205—206, 646.—Р. И. Б., т. т. IX и X.—«Матеріалы для родословія дворянъ Леонтьевыхъ и Петрово-Соловыхъ». Казань. 1881 г., с. 7.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», с. 13, 202, 203, 226, 280.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XI, с. 437, 438, 445, 446.

В. Корсакова.

Леонъ (*Левъ, Леонтъ*), митрополитъ русскій. По вопросу о томъ, когда онъ занималъ каѳедру русскаго митрополита, въ наукѣ существуетъ два мнѣнія: одни ученые считаютъ его первымъ митрополитомъ Кіевскимъ,—другіе вторымъ. И тѣ и другіе ученые утверждаются на лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ, которые противорѣчатъ и исключаютъ себя взаимно. Исконное преданіе русской церкви признавало первымъ митрополитомъ Кіевскимъ Михаила, мощи котораго почиваютъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. Митрополитъ Кіевскій Евгеній (Болховитиновъ) первый сдѣлалъ попытку научно обосновать это церковное преданіе, за нимъ и подъ его вліяніемъ это мнѣніе получило научное утвержденіе въ изданномъ Кіевскою духовною академіею въ 1839 году изслѣдованіи студента академіи VII курса, іеромонаха Евсевія Ильинскаго (1831—1835), впослѣдствіи экзарха Грузіи, подъ заглавіемъ: «Кто былъ первый митрополитъ Кіевскій?» и было принято такими учеными, какъ церковные историки преосвященные Филаретъ Черниговскій и Макарій Московскій и историкъ С. М. Соловьевъ. Митрополитъ Московскій Макарій полагаетъ, что первый митрополитъ Кіевскій Михаилъ занималъ каѳедру съ 988 по 992 годъ, а Леонъ былъ вторымъ митрополитомъ съ 992 до 1008 года. Съ другой стороны, церковное преданіе о томъ, что первымъ митрополитомъ Кіевскимъ былъ Михаилъ, отрицалось главнѣйшими представителями русской исторической науки времени митрополита Евгенія, начиная съ исторіографа Карамзина. Бестужевъ-Рюминъ, Костомаровъ, Иловайскій и Малышевскій отрицаютъ бытіе митрополита Михаила въ Кіевѣ въ X-мъ вѣкѣ. Е. Голубинскій утверждаетъ, что присланный патріархомъ Фотіемъ въ царствованіе греческаго императора Василія Македонскаго епископъ Михаилъ крестилъ Руссовъ Черноморскихъ; мощи его съ теченіемъ времени, когда Тмутаракань была утрачена русскими и подпала власти Половцевъ, были перенесены тмутараканскими монахами въ Кіево-Печерскій монастырь. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ думаетъ, что Кіевскій митрополитъ Михаилъ занималъ каѳедру митрополичью въ XII вѣкѣ, прибылъ изъ Константинополя въ 1131-мъ году при великомъ князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ, а скончался въ 1147-мъ году въ княженіе Изяслава Мстиславича, первымъ же митрополитомъ Кіевскимъ признаетъ, согласно съ Е. Голубинскимъ и другими, Леона. Того же мнѣнія держатся А. Поповъ, А. С. Павловъ, М. Чельцовъ, графъ Д. А. Толстой и Ф. Терновскій. Полагаютъ, что митрополитъ Леонъ занималъ каѳедру митрополита съ 989 до 1004—1008 года. Съ его именемъ извѣстно полемическое сочиненіе на греческомъ языкѣ объ опрѣснокахъ противъ латынянъ, а именно: «Λέοντος μητροπολίτου Ῥωσίας πρὸς ρωμαίους ἤτοι λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων, или въ другихъ спискахъ: Λεόντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσία Πρεσθλάβας περὶ τοῦ ὅτι οὐ δεῖ τελεῖν τὰ ἄζυμα». И большинство ученыхъ авторомъ этого сочиненія признаютъ митрополита русскаго Леона. Но еще Н. М. Карамзинъ вскользь замѣтилъ, что это сочиненіе едва ли древнѣе XIV в. (Исторія Государства Россійскаго, т. I, прим. 474, изд. Эйнерлинга). Архимандритъ Андроникъ Димитрокопулъ приписываетъ это сочиненіе болгарскому митрополиту изъ грековъ неизвѣстнаго вѣка. (Андроникъ Димитрокопулъ, Graecia orthodoxa, Lipsiae, 1872, p. 93). М. Чельцовъ допускаетъ возможность признавать, что названное сочиненіе составлено въ концѣ XI в., не ранѣе 1054 года, какимъ-нибудь болгарскимъ митрополитомъ города Преславы, о которомъ упоминаетъ Анна Комненъ, и который «при неопредѣленности географической терминологіи въ XI вѣкѣ могъ включиться въ понятіе

«Россія». Послѣднее слово по этому предмету сказано проф. Н. К. Никольскимъ, который полагаетъ, что «безспорное рѣшеніе даннаго вопроса затрудняется: а) вопросомъ о времени возникновенія литературной полемики съ латинянами объ опрѣснокахъ и о мѣстѣ, занимаемомъ посланіемъ въ ряду другихъ однородныхъ полемическихъ трактатовъ, происхожденіе которыхъ составляетъ также загадку (сравн. сочиненія Фотія, Никиты Пафлагона и т. п.), а также б) вопросомъ объ источникахъ трактата».

Макарій, «Исторія Русской церкви», т. I, изд. 3-е. Спб. 1889 г., стр. 27—35, 38—41.—*Е. Голубинскій*, «Исторія Русской Церкви», тома перваго первая половина, стр. 276—282, 328, 336, 853—854.—*Филаретъ, епископъ Черниговскій*, «Русскій переводъ посланія митрополита Леона («Временникъ Общества Ист. и Древн. Россійскихъ»). Москва. 1850 г., кн. V, стр. 1—18.—*Евгеній, митрополитъ*, «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ. 1825 г., стр. 64.—*Н. Никольскій*, «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в. в.)». Корректурное изданіе. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1906 г., стр. 43—47.—*А. Поповъ*. «Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV в. в.» М. 1875 г., стр. 27—43.—*А. С. Павловъ*, «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ». Спб. 1878 г., стр. 27—39.—*М. Чельцовъ*, «Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI—XII в. в.». Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1879 г., стр. 9 и слѣд.—*И. Игн. Малышевскій*, «Кто былъ первый митрополитъ Кіевскій?» («Труды Кіевской Духовной Академіи», 1883 г., октябрь, стр. 123—171.—*П. Г. Лебединцевъ, протоіерей*, «Михаилъ митрополитъ Кіевскій XII в. (1131—1147)» («Кіевская Старина» 1892 г., № 12, стр. 323—336, окончаніе въ «Чтеніяхъ въ Историч. Общ. Нест. Лѣт»., кн. 10. Кіевъ, 1896 г., II, 3—14, подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о Кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ»).—*А. С. Павловъ*, «Догадка о происхожденіи древне-русскаго преданія, которое называетъ перваго русскаго митрополита Михаиломъ Сирянимъ» («Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп.», кн. 11, II, стр. 22—26).—*П. Г. Лебединцевъ*, «Примѣчанія къ Догадкѣ» А. С. Павлова («Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣт»., кн. 11, II, стр. 27—33).—*Д. А. Толстой, графъ*, «Римскій католицизмъ въ Россіи», Спб., 1876 г., т. I, стр. 9.—*Ф. Терновскій*, «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное примѣненіе въ древней Руси», вып. II, стр. 32.—*Срезневскій*, «Древніе памятники русскаго письма и языка XI—XIV вѣковъ». Второе изданіе. Спб. 1882 г., стр. 11.

А. Никольскій.

Леонъ, епископъ Ростовскій. Свѣдѣнія о немъ разнорѣчивы. По ростовскому лѣтописцу, онъ вступилъ на Ростовскую каѳедру въ лѣто 6663 марта 25 (1155 г.), по другимъ же источникамъ онъ сдѣлался Ростовскимъ епископомъ въ 1158 г. Въ первый годъ его епископскаго служенія въ Ростовѣ былъ сильный голодъ, а вскорѣ и большой пожаръ, отъ котораго сгорѣла соборная церковь. Епископъ Леонъ былъ сребролюбивъ и грабилъ поповъ, за что (по нѣкоторымъ лѣтописямъ, за еретическое ученіе о постѣ — училъ не ѣсть мяса въ Рождество Христово и Богоявленіе, если случится въ среду и пятокъ) въ скоромъ времени изгнанъ былъ изъ Ростова, но спустя нѣкоторое время, «ради великихъ даровъ грекамъ», былъ епископомъ въ Суздалѣ; когда же изгнанъ былъ и оттуда, пошелъ искать суда въ Грецію, но въ Царьградѣ за ересь былъ заключенъ въ темницу и въ 1171 году мая въ 1 день «злѣ изверже душу свою».

А. А. Титовъ, «Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ съ примѣчаніями». Изд. Общ. Люб. Др. Письм. Спб., стр. 2, 6.—*М. Дієвъ, протоіерей*, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ». Рукоп. Ахива Св. Синода, № 1771, 318 об.—323 лл.—*Нилъ, архіепископъ*, «Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ, съ присовокупленіемъ житія святыхъ благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина, Ярославскихъ чудотворцевъ». Ярославль, 1869 г.—«Іерархи Ростовско-Ярославской паствы». Ярославль, 1864 г. *Строевъ*, «Списки іерарховъ».

А. Н.

Лепарскій, *Станиславъ Романовичъ*, генералъ-лейт., командиръ нерчинскихъ рудниковъ, родился въ 1754 г., родомъ полякъ, происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи. Образованіе получилъ въ Полоцкой іезуитской школѣ и былъ для своего времени человѣкомъ вполнѣ образованнымъ: зналъ латынь и свободно выражался и писалъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. По окончаніи курса наукъ въ іезуитской школѣ въ 1778 г. онъ поступилъ на военную службу рядовымъ по вольному найму въ Каргопольскій карабинерный полкъ, а 22-го сентября 1779 г. былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ подпоручики. Большую часть военной службы онъ проходилъ въ Сѣверскомъ конно-егерскомъ полку и участвовалъ вмѣстѣ съ полкомъ во всѣхъ военныхъ походахъ. Во время второй турецкой войны

Екатерининскаго царствованія Лепарскій исполнялъ должность ординарца Румянцева и въ чинѣ маіора принималъ участіе въ конфедератской войнѣ. Кромѣ обязанностей фронтового офицера, онъ исполнялъ и особаго рода порученія: въ молодыхъ еще годахъ ему было поручено вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ; онъ такъ хорошо исполнилъ это порученіе, что имя его съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ по всей арміи. Въ 1800 г. въ чинѣ подполковника Лепарскій былъ назначенъ командиромъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, шефомъ котораго состоялъ великій князь Николай Павловичъ. Интересуясь не только фронтовой и служебной сторонами своего полка, но и его внутреннимъ бытомъ, великій князь, близко сталкиваясь съ Лепарскимъ, имѣлъ возможность оцѣнить высокія качества чести, правоты и долга, которыми руководствовался въ своей жизни С. Р. Пользуясь репутаціей отличнаго боевого и фронтового офицера, Лепарскій былъ еще извѣстенъ, какъ кроткій, снисходительный начальникъ, любимый сослуживцами и подчиненными. Въ продолженіе шестнадцатилѣтняго командованія полкомъ ни одинъ рядовой его полка не былъ оштрафованъ или наказанъ по суду, ни одинъ офицеръ не подвергся взысканію или непріятностямъ по службѣ. Полкъ Лепарскаго всегда ставился великимъ княземъ въ примѣръ гвардейскимъ полкамъ. Въ 1802 г. Лепарскій былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 кл. при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ говорилось, что орденъ ему жалуется за мужество, оказанное при взятіи приступомъ города Измаила. Въ 1808 г. въ чинѣ подполковника Лепарскій исполнялъ должность Ясскаго коменданта, гдѣ находилась въ то время главная квартира дѣйствующей арміи. Въ 1826 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году ему было предложено мѣсто коменданта Нерчинскихъ рудниковъ. Должность эта была сопряжена съ большой отвѣтственностью, такъ какъ назначеніе Лепарскаго совпало или, вѣрнѣе сказать, было вызвано ссылкой въ Нерчинскій рудникъ лицъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ 14-го декабря 1825 г. Выборъ государя остановился на немъ. Соединяя непоколебимую преданность государю съ честнымъ пониманіемъ его цѣлей и намѣреній, крайне требовательный въ дѣлахъ исполненія служебнаго долга, на видъ хмурый и угрюмый, Лепарскій могъ служить образцомъ кротости, доброты и человѣколюбія. Этими качествами и сердечной заботливостью къ ссыльнымъ С. Р. сумѣлъ возбудить къ себѣ ту симпатію, которая, прочно установившись между ними, не прекращалась до самой его смерти. Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими полномочіями: ему была дарована неограниченная власть надъ заключенными. Первое время ссылки декабристы содержались въ Читинскомъ острогѣ и только въ 1830 г., съ устройствомъ особой казармы, были переведены въ Петровскій заводъ. Не имѣя своей семьи, Лепарскій сосредоточилъ всю данную ему отъ природы нѣжность сердца на несчастныхъ, ввѣренныхъ его попеченію узникахъ. Въ постоянныхъ заботахъ объ улучшеніи ихъ положенія онъ завелъ артельную систему внутренняго хозяйства. Артель была устроена на выборномъ началѣ и управлялась выборнымъ экономомъ, казначеемъ и библіотекаремъ. Она имѣла въ своемъ распоряженіи общую столовую, огородъ, садъ и аптеку. Больные пользовались безвозмездно услугами своего товарища бывшаго штабъ-лѣкаря первой арміи Х. Б. Вольфа. Для выходящаго изъ тюрьмы на поселеніе въ кассѣ артели всегда находилась сумма, необходимая для первоначальнаго обзаведенія и устройства. Устраивая жизнь декабристовъ первоначально въ Читинскомъ острогѣ, а потомъ въ Петровскомъ заводѣ, Лепарскій всѣми возможными способами старался облегчить участь изгнанниковъ. Испрашивая для нихъ льготы и всевозможныя смягченія у государя, ему удалось добиться того, что декабристы были раскованы и фактически избавлены отъ каторжныхъ работъ. Строгій и придирчивый къ малѣйшимъ мелочамъ внѣшняго порядка въ исполненіи установленныхъ формальностей и обрядовъ, Лепарскій не стѣснялъ свободы внутренней жизни и въ своихъ формахъ былъ вѣжливъ, деликатенъ и мягокъ. Благодаря сердечному отношенію къ декабристамъ, Лепарскій достигъ того, что сотня людей разнообразныхъ характеровъ и наклонностей сплотилась въ одно тѣсное, согласное, дружественное товарищество, не потерявшее вѣры въ будущность Россіи, а по отбытіи наказанія принявшее участіе въ проведеніи

великихъ реформъ царя-Освободителя. Въ продолженіе своей долголѣтней жизни Лепарскій не отличался особенными заслугами на боевомъ поприщѣ или на поприщѣ государственной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ людяхъ, знавшихъ его, онъ оставилъ по себѣ глубокую память, какъ о великодушномъ и честномъ человѣкѣ. Отличаясь чрезвычайной щедростью, онъ всѣ средства расходовалъ на дѣла благотворительности и на помощь ближнему; ни одинъ солдатъ его полка не выходилъ въ отставку не обезпеченнымъ для дальнѣйшаго своего существованія. Несмотря на то, что Лепарскій былъ лично извѣстенъ государю и притомъ съ самой лучшей стороны и пользовался дружескимъ расположеніемъ лицъ, приближенныхъ ко Двору, онъ тѣмъ не менѣе не сумѣлъ выдвинуться и умеръ въ самомъ далекомъ и темномъ углу Сибири. Скончался онъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта 30-го мая 1837 г. отъ удара на 84 г. жизни и похороненъ по православному обряду въ оградѣ церкви Петра и Павла въ Петровскомъ заводѣ.

«Русская Старина» 1880 г., августъ, стр. 709—724.—*С. Максимовъ*, «Сибирь и каторга», ч. 3-я, гл. 2-я.—«Русскій Архивъ» 1870, № 10, стр. 1927—1936.—«Записки Николая Васильевича Басаргина» (19-ый вѣкъ, кн. I, стр. 65—200).—«Записки барона Андрея Евгеніевича Розена», ч. I. — «Отрыв. изъ воспоминаній сибирскаго казака Черепанова» («Древняя и Новая Россія» 1876 г., т. 2).—«Изъ записокъ декабриста И. Д. Якушкина» («Рус. Арх.» 1870, № 8—9, стр. 1566—1633).—

И. Артамонова.

Лепехинъ, *Иванъ Ивановичъ*, ординарный академикъ, непремѣнный секретарь Россійской Академіи, род. 10 сент. 1740 г., ум. 6 апрѣля 1802 г. Сынъ солдата Семеновскаго полка. 29 марта 1751 г., по прошенію отца, Лепехинъ былъ указомъ Сената опредѣленъ въ «десіансъ-академію въ ученики». Здѣсь онъ учился до 1760 года, когда по экзамену 22 января былъ удостоенъ званія студента. Выдвинувшись среди студентовъ своимъ рвеніемъ къ наукамъ и отличнымъ поведеніемъ, Лепехинъ въ началѣ 1762 г. подалъ въ канцелярію Академіи прошеніе, въ которомъ писалъ, что «хотя и чувствовалъ въ себѣ издавна особливую склонность къ натуральной исторіи, но за неимѣніемъ въ здѣшней Академіи Наукъ такого профессора, который бы могъ обучать сей наукѣ, не могъ въ оную вступить», а занимался пока химіею, «вѣдая, что она къ будущему моему лучшему въ оной успѣху не токмо много способствуетъ, но и совершенно нужна»; теперь же просилъ «послать его, нижайшаго, въ иностранное училище, въ какое канцелярія Академіи Наукъ благоволитъ». Всѣ академики высказали свое полное одобреніе Лепехину и согласіе на его просьбу и предлагали послать его въ Упсалу, къ Линнею; но канцелярія рѣшила послать его въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ по выбору академиковъ,—тогда они остановились на Страсбургскомъ университетѣ. 13 сентября 1762 г. Лепехинъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ переводчикомъ Полѣновымъ, тоже посланнымъ Академіею для окончанія образованія, и адъюнктомъ Академіи Протасовымъ и 19 ноября прибылъ въ Страсбургъ.

Страсбургскій университетъ тогда пользовался громкою извѣстностью, и привлекалъ слушателей изъ всѣхъ странъ Европы. Особенно славились изъ числа профессоровъ его Шепфлинъ, превосходный знатокъ исторіи и древностей края, ученый, котораго приглашали въ Петербургъ еще при открытіи Академіи и котораго городъ Страсбургъ удержалъ, предоставивъ ему совершить на общественныя средства продолжительное ученое путешествіе; обладая широкимъ общимъ образованіемъ, Шепфлинъ дѣйствовалъ благотворно на всѣхъ, кто къ нему обращался, а обращались къ нему очень многіе, потому что онъ отличался большою доступностью; слушалъ его и Лепехинъ. Химію и медицину читалъ тоже извѣстный ученый Шпильманъ, естественную исторію Германъ, важное значеніе трудовъ котораго отмѣчаетъ Кювье въ своей «Histoire des sciences naturelles». Германъ, между прочимъ, отлично устроилъ въ Страсбургѣ ботаническій садъ и кабинетъ натуральной исторіи. Помимо того, что хорошо было поставлено преподаваніе, и самое страсбургское общество представляло много занимательнаго и поучительнаго: тутъ шла культурная борьба элементовъ нѣмецкаго и французскаго, и французы, недавно еще владѣвшіе Страсбургомъ, дѣлали все, чтобы развить и укрѣпить свое умственное вліяніе въ краѣ. Почти одновременно съ Лепехинымъ слу-

шалъ лекціи въ Страсбургѣ же Гете, который въ своей автобіографіи признаетъ, какъ много было для него привлекательнаго въ той французской культурѣ, которая распространена была въ страсбургскихъ ученыхъ кругахъ.

О занятіяхъ своихъ въ Страсбургѣ Лепехинъ довольно аккуратно, приблизительно черезъ полгода, представлялъ доношенія въ Академію. Онъ слушалъ курсы «натуральной исторіи и особо—химію, ботанику, физику, затѣмъ медицинскія науки—материю медическую (materia medica), физіологію, анатомію, патологію, упражнялся въ разрѣзываніи кадаверовъ»; самостоятельно онъ учился французскому языку и рисованію, собиралъ и описывалъ гербарій, коллекцію насѣкомыхъ, посѣщалъ госпитали, занимался, какъ лаборантъ, въ аптекѣ и, съ разрѣшенія профессора Лобштейна, даже сопровождалъ его въ его визитахъ къ частнымъ больнымъ. Въ августѣ 1766 г. Лепехинъ, представивъ отличные о себѣ отзывы Шпильмана, Лобштейна, Шурера и Пфеффингера, просилъ о разрѣшеніи посѣтить какой-нибудь другой университетъ. 5 мая 1767 г. Лепехинъ получилъ въ Страсбургѣ степень доктора медицины за диссертацію «De acetificatione» и лѣтомъ выѣхалъ черезъ Голландію въ Россію; въ Лейденѣ осматривалъ университетъ и познакомился съ извѣстными его профессорами—анатомомъ Альбиномъ, натуралистомъ Алламаномъ и др.; въ октябрѣ прибылъ въ Петербургъ. Въ журналѣ комиссіи Академіи 15 октября положено, чтобы «профессорамъ Гмелину и Палласу его, Лепехина, приличнымъ и вѣжливымъ образомъ освидѣтельствовать, сколь далеки успѣхи его въ ботаникѣ и исторіи натуральной, и о семъ комиссію письменно увѣдомить»; но академики представили, что «пристойны ему препоручить сдѣлать описанія нѣкоторыхъ натуральныхъ вещей, взятыхъ изъ кунсткамеръ, а именно—пять банокъ съ разными животными, три птицы и нѣсколько травъ». Описанія, сдѣланныя Лепехинымъ, были вполнѣ одобрены, и 23 мая 1768 г. онъ былъ единогласно избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ.

Въ это время Академія приступала къ осуществленію одного изъ тѣхъ предпріятій, которыми она принесла существеннѣйшую пользу и Россіи и наукѣ—она организовала экспедиціи, которыя должны были изъѣздить всю тогдашнюю европейскую Россію и собрать по возможности всякаго рода свѣдѣнія—прежде всего естественно-историческія и географическія, затѣмъ свѣдѣнія по этнографіи, состоянію промышленности и торговли, о земледѣліи, скотоводствѣ, рыбномъ и звѣриномъ промыслахъ и т. д. Хотя Академія и составила программу для отправляемыхъ въ путешествіе, между прочимъ, и по сношенію съ медицинской коллегіей и коммерцъ-коллегіей, но все же многое, даже большая часть, оставалась, конечно, на усмотрѣніе самихъ ѣдущихъ. Выборъ Лепехина свидѣтельствуетъ, что его общія познанія и ученые интересы оцѣнивались высоко, а исполненіе имъ этого порученія доказываетъ, что Академія не ошиблась въ своемъ выборѣ.

Организованы были три экспедиціи; во главѣ двухъ поставлены такіе крупные ученые своей эпохи, какъ Гмелинъ и Палласъ, во главѣ третьей—Лепехинъ; спутниками его были гимназисты Николай Озерецковскій, Тимоѳей Мальгинъ и Андрей Лебедевъ, изъ которыхъ двое первыхъ впослѣдствіи были сами академиками. Лепехинъ двинулся раньше другихъ—8 іюня 1768 г. Черезъ Москву, Владиміръ, Муромъ, Арзамасъ онъ выѣхалъ около Симбирска къ Волгѣ и затѣмъ двинулся по ея берегу внизъ, былъ въ Астрахани, затѣмъ направился въ Оренбургскія степи, оттуда поднялся къ сѣверу по области Уральскаго хребта, заѣзжая отчасти и въ Сибирь; потомъ по бассейну Вычегды выѣхалъ къ Сѣв. Двинѣ, проѣхалъ въ Архангельскъ, объѣхалъ побережье океана, отсюда черезъ Олонецкій край—въ Петербургъ, куда прибылъ 24 декабря 1772 г.; въ мартѣ 1773 г. выѣхалъ въ Псковскую и Могилевскую губерніи, откуда возвратился въ концѣ того же года, такъ что всего провелъ въ путешествіи пять съ половиною лѣтъ. Описаніе этого путешествія издано было въ четырехъ большихъ томахъ in—4°, въ 1771—1805 г., подъ названіемъ: «Дневныя записки путешествія Пв. Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства»; четвертый томъ отпечатанъ былъ уже послѣ смерти Лепехина Озерецковскимъ; первые три тома изданы вторично въ 1795—1814 г., затѣмъ еще разъ въ «Полномъ собраніи ученыхъ путешествій», въ 1818—1825 г., и на нѣмецкомъ

языкѣ въ переводѣ Giese, 1774—1783 г. Путешествіе совершалось не непрерывно въ опредѣленномъ направленіи; въ извѣстныхъ пунктахъ путешественники останавливались, разъѣзжали въ разныя стороны, иногда довольно далеко отъ пункта остановки, затѣмъ уже двигались далѣе. Всему видѣнному велись тщательныя записки, которыя и легли въ основу описанія.

Лепехинъ описалъ въ своихъ «Запискахъ» множество травъ и другихъ растеній, минераловъ, четвероногихъ, рыбъ, птицъ, насѣкомыхъ, при чемъ неоднократно описывалъ и такіе виды, которые до него не были извѣстны. Описывая минеральныя богатства Россіи, авторъ описывалъ и заводы, ихъ разрабатывающіе, не упуская изъ виду ни интересовъ науки, ни промышленности; отмѣчалъ иногда такія положенія тогдашней минералогіи, которыя разбивались наблюдаемыми имъ фактами. Чрезвычайно цѣнный этнографическій матеріалъ собралъ Лепехинъ; онъ описалъ обстановку и предметы домашняго обихода русскихъ крестьянъ и сохранилъ для потомства не мало яркихъ, но потомъ исчезнувшихъ чертъ внутренней жизни народа, записалъ нѣсколько легендъ и преданій, примѣтъ, повѣрій; описывая русскіе способы ремеслъ. Лепехинъ всегда отмѣчалъ ихъ особенности, сравнительно съ западно-европейскими; встрѣчаются въ «Запискахъ» Лепехина и свѣдѣнія по народному образованію; онъ внесъ въ свой дневникъ копіи съ нѣсколькихъ древнихъ грамотъ—между прочимъ въ Архангельскѣ онъ нашелъ списокъ «Русской Правды» и ее помѣстилъ въ III т. своихъ «Дневныхъ Записокъ»—это было одно изъ первыхъ изданій знаменитаго памятника. Большое вниманіе посвящалъ Лепехинъ инородцамъ: мордвѣ, чувашамъ, зырянамъ, вогуличамъ, татарамъ, калмыкамъ, киргизамъ, башкирамъ; онъ подробно говоритъ объ ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, любимыхъ занятіяхъ, касается и религіозныхъ ихъ вѣрованій, сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній и объ ихъ языкѣ. Встрѣчая предметы, имѣющіе археологическій интересъ,—старинныя зданія, оружіе, монеты, онъ описываетъ и ихъ. Лепехинъ на мѣстѣ вступалъ въ сношенія съ людьми, которые интересовались подобными вопросами, живя въ провинціи,—съ П. И. Рычковымъ, съ свящ. Дубовскимъ въ Ставрополѣ—впрочемъ такихъ лицъ было мало. Богатство собраннаго Лепехинымъ матеріала свидѣтельствуетъ о широтѣ умственныхъ интересовъ бывшаго страсбургскаго студента. По научнымъ своимъ достоинствамъ «Записки» Лепехина не уступаютъ запискамъ Гмелина и Палласа; по отзывамъ ученыхъ изданій «въ своихъ запискахъ Лепехинъ является ученымъ наблюдателемъ и просвѣщеннымъ мыслителемъ; онъ обогатилъ науку многими открытіями въ области зоологіи и энтомологіи. Въ 1776 г. онъ былъ избранъ въ члены берлинскаго общества испытателей природы, въ 1778 г.—членомъ гессенъ-гамбургскаго патріотическаго общества; членомъ вольно-экономическаго общества онъ былъ избранъ еще во время экспедиціи 3 марта 1770 г., равно какъ и академикомъ—8 апрѣля 1771 г.; въ честь его были названы два новыхъ вида насѣкомыхъ и одно рѣдкое растеніе. Не уступая другимъ подобнымъ трудамъ въ научномъ отношеніи, «Записки» Лепехина превосходятъ ихъ въ литературномъ отношеніи. Писанныя прямо по-русски, онѣ отмѣчены положительнымъ литературнымъ талантомъ; современникамъ казалось иногда даже, что изложеніе ихъ слишкомъ ужъ живо для ученаго труда.

Возвратившись въ Петербургъ, Лепехинъ посвятилъ себя главнымъ образомъ обработкѣ собранныхъ матеріаловъ; но и помимо этого онъ написалъ довольно большое количество ученыхъ работъ. Въ изданіяхъ Академіи на иностранныхъ языкахъ напечатаны Лепехинымъ двѣнадцать мемуаровъ по ботаникѣ и девять по зоологіи; въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» помѣщены Лепехинымъ: «Описаніе сельдяного ходу» (части VIII и IX, 1787), «Описаніе акулы» (ч. XLII, 1790), «Размышленія о нуждѣ испытывать лекарственную силу собственныхъ произрастеній» (ч. CVII, 1795)—въ этой статьѣ Лепехинъ доказываетъ пользу опытовъ въ этомъ направленіи, указывая, что такимъ путемъ открыто множество цѣлебныхъ средствъ; въ собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ, помѣщена статья Лепехина «О домашнихъ средствахъ, простымъ народомъ въ болѣзняхъ употребляемыхъ»; нѣсколько статей его напечатано въ «Технологическомъ журналѣ» 1804 и 1806 г.г. и въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества» (1777); отдѣльно изданы:

«Краткое руководство къ разведенію шелка въ Россіи» (Спб. 1798) и «Способы къ отвращенію въ рогатомъ скотѣ падежа» (Спб. 1800).

Лепехинъ исполнялъ пятнадцать лѣтъ обязанности инспектора академической гимназіи, и исполнялъ ихъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ; онъ вникалъ въ нужды и интересы воспитанниковъ, самъ занимался съ ними, просматривалъ и исправлялъ ихъ работы. Воспитанники платили ему со своей стороны глубокимъ уваженіемъ и благодарностью; одинъ изъ нихъ, академикъ Севастьяновъ, говорилъ между прочимъ, что «безъ искренняго благоговѣнія» не можетъ вспомнить о томъ отеческомъ попеченіи, какое проявлялъ Лепехинъ и въ которомъ онъ «показалъ во всей полнотѣ благородное сердце и душу, человѣколюбіемъ исполненную». Онъ не скрывалъ недостатковъ ввѣреннаго ему учрежденія, а, напротивъ, требуя исправленій, указывалъ на нихъ начальству и, когда навлекъ этимъ однажды неудовольствіе директора Академіи Домашнева — сумѣлъ отвѣчать ему съ такимъ достоинствомъ, съ такою независимостью, съ какими обращались къ начальству почти только люди съ заслугами и характеромъ Ломоносова и во всякомъ случаѣ—очень рѣдко, и немедленно сложилъ съ себя обязанности инспектора.

Со времени возвращенія изъ своего путешествія и вплоть до открытія Россійской Академіи Лепехинъ участвовалъ въ комиссіи для изданія переводовъ, учрежденной Екатериною, и просмотрѣлъ множество предположенныхъ для изданія книгъ; при чемъ въ своихъ отзывахъ и замѣчаніяхъ былъ всегда чрезвычайно добросовѣстенъ и обстоятеленъ; онъ редактировалъ также «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» и вмѣстѣ съ Румовскимъ и Озерецковскимъ велъ академическое изданіе сочиненій Ломоносова. Когда въ 1787 г. по волѣ императрицы Екатерины Академія приступила къ переводу на русскій языкъ сочиненія Бюффона «Histoire naturelle, générale et particulière», заявили желаніе принять участіе въ трудахъ по переводу академики Румовскій, Котельниковъ, Протасовъ, Иноходцевъ, Озерецковскій, Соколовъ, Зуевъ и Лепехинъ; Лепехинъ сдѣлалъ всѣхъ болѣе: онъ перевелъ первый томъ вмѣстѣ съ Румовскимъ и одинъ—послѣдніе шесть томовъ, отъ пятаго до десятаго. Изданіе это было начато въ 1789 г., и закончено въ 1801 г.

Въ самый день открытія Россійской Академіи въ 1783 г. Лепехинъ былъ признанъ ея членомъ и назначенъ непремѣннымъ секретаремъ. Онъ съ величайшимъ рвеніемъ служилъ этому учрежденію, не пропустилъ ни одного засѣданія по самый день смерти и послѣдній разъ присутствовалъ въ Академіи 29 марта 1802 г.; онъ одинъ исполнялъ обязанности секретаря, для которыхъ по уставу могли быть приглашены два лица, и этимъ въ значительной степени содѣйствовалъ благосостоянію Академіи, давая возможность употреблять второй окладъ на другія нужды Академіи. Лепехинъ принималъ самое дѣятельное участіе и въ трудахъ Россійской Академіи по составленію плана ея работъ, по собиранію словъ для словаря, объясненію ихъ, приведенію въ порядокъ и систематическое распредѣленіе и, наконецъ, по изданію словаря. Для этимологическаго словаря онъ собралъ слова на буквы р, у, ѣ и ѳ и для азбучнаго словаря обработалъ слова на буквы ц и ч; онъ установилъ многіе ботаническіе термины, которые и понынѣ употребляются въ сочиненіяхъ по ботаникѣ на русскомъ языкѣ. Лепехинъ входилъ въ составъ обѣихъ комиссій по изданію академическихъ словарей; онъ принималъ участіе въ разсмотрѣніи всѣхъ безъ исключенія трудовъ, поступавшихъ въ Россійскую Академію, составлялъ всѣ отчеты о дѣятельности Академіи. За свои труды Лепехинъ первый получилъ золотую медаль, которую Академія ежегодно присуждала наиболѣе потрудившемуся изъ своихъ членовъ; митрополитъ Гавріилъ предложилъ присудить медаль президенту Академіи, княгинѣ Дашковой, но Дашкова предложила дать ее Лепехину, и академики единогласно приняли это предложеніе. 27 октября 1800 г. Академія рѣшила помѣстить портретъ Лепехина въ залѣ своихъ засѣданій, и это былъ тоже одинъ изъ первыхъ портретовъ, украшавшихъ залу. Кончина Лепехина вызвала выраженіе живѣйшей печали членовъ Академіи; его семейству немедленно исходатайствована была пенсія, а Мих. Никитичъ Муравьевъ особою премією вызвалъ учениковъ Академіи Художествъ на составленіе проекта памятника Лепехину.

И. И. Лепехинъ принадлежалъ къ числу выдающихся ученыхъ русскихъ людей

XVIII в. По своимъ познаніямъ, научнымъ пріемамъ онъ стоитъ вполнѣ въ уровень съ просвѣщеніемъ своего времени; а по широтѣ интересовъ, по жизненному значенію своихъ работъ и по просвѣтительному своему вліянію на общество занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Счастливое сочетаніе въ немъ обширныхъ познаній и разносторонней дѣятельности съ прекраснымъ сердцемъ и достойнымъ искренняго уваженія, безупречнымъ характеромъ немало способствовало развитію въ русскомъ обществѣ уваженія къ людямъ науки, къ представителямъ знанія и къ самому знанію.

Сухомлиновъ, «Исторія Россійск. Академіи», т. I, стр. 15, 16, 36, 355, 356; т. II, стр. 64, 75, 157—299, 451—525; т. IV, стр. 11, 214—217, 334, 335; т. V, стр. 10, 11, 299; т. VII, стр. 6, 7, 45, 46, 105, 106, 119, 124, 125, 131, 132, 135—138, 143, 160—163, 483, 488, 489, 498, 501, 503, 507, 509, 513, 514; т. VIII, стр. 4, 63, 65, 181, 182, 325.—Словари: Новикова, митр. Евгенія, Геннади.—*Долгановъ, В. А.* «Краткое жизнеопис. И. И. Лепехина («Труды Росс. Акад.», 1840 г., ч. 2, стр. 207—215).—*Севастьяновъ*. Замѣтка въ предисловіи къ X тому «Всеобщей и частной естественной исторіи» Бюффона.—*Пекарскій*. «Исторія Имп. Академіи Наукъ», т. II, стр. 267, 276, 285, 741, 850, 851.—*Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 175, 176.—*Рупрехтъ*, «Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ».—«Уральскія Войсковыя Вѣдомости» 1874, 1875 г.г.—«Журн. М-ва Нар. Просв.» 1822 г., № 11.—«Сынъ Отечества» 1823 г., № 25.

Н. Ч.

Лепешинскій, *Василій Іоанновичъ*, протоіерей, ректоръ Пермской духовной семинаріи, сынъ дьячка, родился въ мѣстечкѣ Хотемскѣ, Могилевской губ. въ 1828 г., умеръ въ Перми 16 января 1891 г. Послѣ домашняго образованія подъ руководствомъ своего старшаго брата Лепешинскій поступилъ въ Мстиславское уѣздное духовное училище, окончивъ которое первымъ ученикомъ, онъ въ 1843 г. поступилъ въ Могилевскую духовную семинарію, которую также окончилъ первымъ ученикомъ. Время обученія въ семинаріи было временемъ гегеліанства, и Лепешинскій увлекся имъ и заплатилъ дань своему времени. Заинтересовавшись чудными романами Ф. Купера, онъ принялся за изученіе французскаго языка и осилилъ его настолько, что свободно читалъ книги на этомъ языкѣ. Изъ предметовъ семинарскаго курса ему по душѣ пришлась медицина, и онъ даже одно время мечталъ поступить въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. По окончаніи семинаріи въ 1849 г. съ званіемъ студента онъ, какъ первый ученикъ, предназначался къ посылкѣ въ духовную академію, но по слабости здоровья отказался и поступилъ учителемъ въ Мстиславское духовное училище, а въ 1850 г. былъ переведенъ на ту же должность въ Гомельское училище, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность инспектора. Въ 1853 г. Лепешинскій поступилъ въ Кіевскую духовную академію; здѣсь онъ всецѣло отдался наукамъ и сталъ готовиться къ написанію магистерской диссертаціи. Въ 1857 г. онъ окончилъ первымъ академію и въ слѣдующемъ году получилъ степень магистра и былъ назначенъ сперва инспекторомъ и учителемъ Могилевскаго духовнаго училища, а потомъ учителемъ Могилевской дух. семинаріи. Въ 1860 г. Лепешинскій былъ рукоположенъ во священники къ Могилевскому каѳедральному собору, въ 1870 г. былъ опредѣленъ ключаремъ того же собора, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ протоіерея и назначенъ цензоромъ проповѣдей духовенства Могилевскихъ церквей. На долю его выпадало выполнять и другія обязанности и порученія; такъ, въ 1864 г. онъ состоялъ членомъ дирекціи народныхъ училищъ Могилевской губ., а въ 1873 г. ревизовалъ духовныя училища той же губерніи. Въ 1884 г. Лепешинскій былъ переведенъ ректоромъ въ Пермскую дух. семинарію. Время его пребыванія въ этой семинаріи ознаменовалось учрежденіемъ Общества вспомоществованія недостаточнымъ воспитанникамъ семинаріи, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ до самой своей смерти, и устройствомъ каменныхъ службъ. Лепешинскій слылъ за выдающагося проповѣдника. Его проповѣди были сильны и убѣдительны и, благодаря своей простотѣ и умѣнью затрогивать самыя чувствительныя струны человѣческаго сердца, производили сильное впечатлѣніе даже и на иновѣрцевъ. Желая дать юношамъ, только начинающимъ дѣло письменной проповѣди, образчики, наиболѣе доступные и полезные, онъ въ 1882 г. напечаталъ часть своихъ проповѣдей (Могилевъ, 1882 г.).

«Пермскія Епарх. Вѣдомости», 1891 г., № 4.—«Церковныя Вѣдомости», 1891 г.,

№ 13.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей и писательницъ», вып. XI, стр. 122—123.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской дух. академіи». Кіевъ. 1869 г., стр. 434.

Лепренсъ, Жанъ (Jean Baptiste Le Prince), художникъ, родился 17 мая н. ст. 1734 г. въ Мецѣ, ум. 30 сентября 1781 г. близъ Парижа. Сынъ скульптурнаго мастера; благодаря покровительству маршала Бельиля губернатора Меца, поступилъ въ число учениковъ Буше. Въ 1756 г. путешествовалъ по Италіи, съ 1758 по 1762 г. провелъ въ Россіи. Онъ явился сюда еще почти только начинающимъ художникомъ, но, неутомимо работая, развилъ здѣсь свое дарованіе. Рекомендаціи Бельиля къ Лопиталю и Лопиталя къ Воронцову доставили Лепренсу случай участвовать въ разрисовкѣ плафоновъ строившагося тогда Зимняго Дворца. Въ то же время Лепренсъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи и, по словамъ его біографовъ, посѣтилъ даже Сибирь. Но это представляется сомнительнымъ. Работы Лепренса не содержатъ носомнѣнныхъ слѣдовъ пребыванія его въ этой странѣ; вѣрнѣе, что путешествіемъ въ Сибирь названа какая-нибудь поѣздка въ Поволжье (достаточно извѣстно, что императрица Екатерина пребываніе свое въ Казани называла посѣщеніемъ Азіи). Изъ поѣздокъ своихъ по Россіи Лепренсъ вывезъ большой запасъ рисунковъ и этюдовъ и, по возвращеніи въ Парижъ, написалъ рядъ картинъ изъ русской жизни, между которыми особенное вниманіе и похвалы публики и критики заслужили картины: «Крещеніе по православному обряду» и «Люлька», повторенная художникомъ съ небольшими варіантами. Лепренсъ работалъ въ стилѣ Буше. Его картины изъ русской жизни проникнуты симпатіею къ изображаемому быту, что было явленіемъ для того времени далеко не обычнымъ. Въ такомъ же духѣ и многочисленныя гравюры Лепренса, посвященныя преимущественно сценамъ изъ русской жизни. Лепренсъ работалъ офортомъ и иглою, а особенно — лависомъ; онъ является и изобрѣтателемъ этого способа гравированія и однимъ изъ лучшихъ его представителей. Лепренсъ иллюстрировалъ извѣстное сочиненіе аббата Chapp d'Auteroche, «Voyage en Sibérie». Paris. 1768.

Charles Blanc, «Histoire des peintres». Ecole française II.—*Hédou Jean* Le Prince et son oeuvre», Paris. 1879.—Статья *Д. Ѳ. Кобеки* въ «Вѣст. Изящн. Искусствъ». 1883. I, 463—470.

Н. Ч.

Лепуновъ, *Николай Степановичъ*, подполковникъ, изъ дворянъ Пензенской губ., на службу поступилъ въ 1797 г. кавалергардомъ въ кавалергардскіе эскадроны, по расформированіи которыхъ былъ переведенъ въ 41-й Егерскій полкъ; затѣмъ съ 1802 и по 1815 г.г. онъ постепенно повышался въ чинахъ до маіорскаго чина, когда былъ переведенъ въ 30-й Егерскій полкъ, а оттуда—въ Пензенскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ съ 1822 г. командовалъ инвалидными командами, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника. Лепуновъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ запечатлѣлъ свою любовь родинѣ кровью, пролитою подъ Смоленскомъ и Мало-Ярославцемъ, будучи дважды раненъ пулею въ лѣвую руку. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Урзернѣ, при взятіи Галаца, при Турбатѣ, подъ Журжею и Браиловымъ, при занятіи крѣпости Кюстенджи, Прагово, Брегово, при Султановкѣ и въ Бородинскомъ боѣ, гдѣ былъ контуженъ картечью въ лѣвую ногу. Въ 1813 г. Лепуновъ находился въ резервной арміи, но въ 1814 г. снова принялъ участіе въ дѣлѣ подъ г. Суассономъ и былъ при взятіи Парижа, а въ 1815 г. въ походѣ во Францію.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1762—1801)», стр. 290.

Лербергъ, *Ааронъ-Христіанъ* (до 1781 г., а съ этого времени, по неизвѣстной причинѣ, называетъ себя *Августъ-Христіанъ*), русскій историкъ, экстраординарный академикъ, род. 7 авг. 1770 г. въ Дерптѣ, ум. 24 іюня 1813 г. въ Петербургѣ. Потерявъ еще до своего рожденія отца, дерптскаго почтеннаго бюргера и золотыхъ дѣлъ мастера, Лербергъ остался на рукахъ матери. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ, въ главной Дерптской школѣ. Директоръ ея, профессоръ теологіи Лоренцъ Эверсъ, обратилъ вниманіе на любознательнаго, но лишеннаго средствъ Лерберга, взялъ его подъ свое покровительство и немало содѣйствовалъ развитію его способностей. Вскорѣ Лербергъ на

цѣлый годъ обогналъ своихъ товарищей; занятія его шли отлично, несмотря на то, что часть времени онъ долженъ былъ удѣлять на побочныя занятія для заработка. По окончаніи въ 1790 г. школы онъ, по порученію ректора, сказалъ рѣчь на тему: «Das Vertrauen auf die Alles leitende Vorsuchung» и въ томъ же году для довершенія образованія на средства, собранныя по подпискѣ, отправился въ Іенскій, а затѣмъ въ Геттингенскій университеты. Здѣсь онъ изучалъ преимущественно теологію и исторію. Затруднительное матеріальное положеніе вынудило его поступить воспитателемъ къ дѣтямъ совѣтника Бокка, благодаря чему онъ могъ продолжать образованіе и пробыть по одному году въ Парижѣ и въ Германіи и полгода въ Англіи, вездѣ слушая лучшихъ профессоровъ. Въ это время Лербергъ изучалъ преимущественно философію. Въ качествѣ воспитателя, онъ выказалъ большой педагогическій талантъ и оставилъ о себѣ лучшія воспоминанія въ своихъ воспитанникахъ. Изъ Англіи въ 1794 г. Лербергъ вернулся въ Дерптъ, а затѣмъ съ семьей своихъ воспитанниковъ переѣхалъ въ Петербургъ, продолжая ихъ воспитаніе. Въ это время онъ изучалъ теологію, философію, педагогику и исторію, особенно русскую. Еще въ 1793 г. совѣтникъ Боккъ поручилъ Лербергу написать планъ и программу Іенскаго и Геттингенскаго университетовъ, чтобы имѣть образецъ для основанія университета въ Дерптѣ, но Лербергъ прибавилъ къ этому также и описаніе устройства англійскихъ университетовъ. Въ 1796 г. былъ вновь возбужденъ этотъ вопросъ, и Лербергъ принималъ въ немъ горячее участіе. Затѣмъ онъ собирался отправиться во Францію, но въ виду разразившейся тамъ революціи не поѣхалъ, и вмѣсто этого пробылъ лишній годъ въ Англіи, гдѣ познакомился близко, между прочимъ, съ Делюкомъ. Въ 1799 г. Лербергъ окончательно возвратился въ Дерптъ и большую часть своей жизни посвятилъ педагогической дѣятельности. Въ Дерптѣ въ 1803 г. онъ сдѣлался членомъ Филантропическаго Общества для пріисканія средствъ неимущимъ и посвятилъ ему нѣсколько своихъ произведеній. Въ 1807 г. онъ отправилъ въ С.-Петербургскую Академію Наукъ свое сочиненіе «Ueber die geographische Lage der alten Chasarischen Festung Surkel». Сочиненіе это, опредѣляющее точно и достовѣрно мѣстожительство древнихъ хазаръ, было одобрено Академіей Наукъ, и послѣдняя въ мартѣ 1807 г. назначила его адъюнктомъ Академіи, а въ 1810 г. экстраординарнымъ академикомъ. Въ Академіи Лербергъ, кромѣ дальнѣйшаго ознакомленія съ источниками русской исторіи, занимался также изученіемъ древне-русской генеалогіи. Въ это время онъ сблизился съ гр. Румянцевымъ, который послѣ его смерти купилъ его бюстъ изъ мрамора, сдѣланный Мартосомъ, и его поясной портретъ Зейда, а также и его большую, обширную и интересную по содержанію, библіотеку. Лербергъ представилъ въ Академію много ученыхъ трактатовъ, изъ которыхъ замѣчательны: «Beschreibung der Wasserfälle des Dniepers; zur Erläuterung der ältesten Nachrichten von demselben»; «Ueber die geographische Lage und die Geschichte des im Russisch-Kaiserlichen Titel genannten Jugorischen Landes» (Mémoir de l'Acad: de St.-P., т. III); «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands» (изд. отдѣльно въ 1816 г., русскій переводъ Д. Языкова въ 1819 г.), заключающій въ себѣ подробныя изслѣдованія по русской исторіи; «Die Fürsten Wolodimir Andreijevitsch und Wolodimir Mstislawiewitsch; ein kritischer Beitrag zur Verbesserung unserer Jahrbücher». (1808 г.); «Ueber die Wohnsitze der Jemen; ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finland»; «Ueber die Nowgorodisch-Gottländischen Urkunden, und der in derselben genannten Bochramus« и др. Многіе труды Лерберга помѣщены въ «Запискахъ СПБ. Академіи», «Conservation Imperial» 1813 г., «Annales Encyklopediques» 1817 г. (т. V) и др. Послѣднимъ произведеніемъ его было «Crive», изслѣдованіе о литовскихъ жрецахъ и высшемъ религіозномъ начальникѣ «криве-кривейто», изданное уже послѣ его смерти.

Parrot, «Biographische Notizen über A. C. Lehrberg». Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St. Ptb., т. II, Петербургъ, 1810 г., стр. 40; т. III, Спб., 1811 г., стр. 13, 44, 47.—*Morgenstern*, «Dorpatische Beiträge», т. I, стр. 419—421.—«Allgemeine Litteratur-Zeitung» 1816 г., №№ 275, 276.—*Recke und Napiersky*, «Lexicon», Mitau, 1831 г., т. 3, стр. 33—34.—«Вѣстникъ Европы», 1820 г., № 3, стр. 209—216.—*Гречъ*, «Опытъ краткой исторіи русской литературы», Спб., 1822 г., стр. 272.—*Геннади*, «Справочный словарь о русск.

писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 235—*Брокгаузъ и Ефронъ*, «Энциклоп. слов,», т. 17, стр. 577.—*Старчевскій*, «Справочн. энциклоп. словарь», т. 7, стр. 160. — Allgemeine Deutsche Biographie», т. 18, стр. 152.—«Biographies Universelles», Парижъ, 1819 г. — «Allgemeine Encyklopedie», Лейпцигъ, 1888 г.

Б. Гласко.

Лери, *Яковъ-Прекло-де* (Jacques Prèclos-de Lery), лекторъ франц. языка въ Московскомъ университетѣ; до поступленія въ университетъ лекторомъ состоялъ полковникомъ на службѣ у короля польскаго, издавалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ французскую газету и собирался въ Москвѣ издавать французскій журналъ, но смерть помѣшала ему осуществить эту мысль. Извѣстно, что онъ въ 1764 г. говорилъ похвальное слово на актѣ въ университетѣ. Скончался Лери въ Москвѣ въ декабрѣ 1764 г. или январѣ 1765 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго университета», ч. I, стр. 455.

Лермантовъ, *Михаилъ Николаевичъ*, адмиралъ; произведенный въ 1807 г. въ гардемарины, онъ въ слѣдующемъ году на катерѣ «Снапопъ» участвовалъ въ сраженіи съ шведскою гребною флотиліею при островѣ Пальво, за что былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, въ 1811 г. переведенъ въ гвардейскій экипажъ, а въ 1812 г. командированъ съ гвардейскимъ экипажемъ въ сухопутный походъ отъ Петербурга до Вильны, гдѣ поступилъ въ составъ дѣйствующей арміи и участвовалъ при понтонныхъ и піонерныхъ работахъ и въ сраженіяхъ съ французами подъ Смоленскомъ и Бородино. Будучи произведенъ въ слѣдующемъ году за отличіе въ сраженіи при Бауценѣ въ лейтенанты, Лермантовъ участвовалъ въ троекратномъ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ былъ контуженъ и награжденъ орденами св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и прусскимъ желѣзнаго креста; затѣмъ онъ находился при истребленіи брандерами непріятельскихъ мостовъ подъ Кенигштейномъ. Въ 1814 г. Лермантовъ участвовалъ въ военныхъ походахъ во Францію и былъ при взятіи Парижа, послѣ чего на фрегатѣ «Архипелагъ» перешелъ изъ Гавръ-де-Грасса въ Кронштадтъ. Плавая съ 1815 г. на разныхъ корабляхъ и произведенный въ 1824 г. въ капитанъ-лейтенанты, онъ въ 1828 г. съ гвардейскимъ экипажемъ выступилъ въ сухопутный походъ изъ Петербурга въ Тульчинъ, а оттуда въ дѣйствующую армію подъ крѣпость Варну и участвовалъ при взятіи послѣдней (за что былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга); въ слѣдующемъ году онъ находился при взятіи городовъ Мессемвріи, Инады и Мидіи и въ томъ же году назначенъ былъ командиромъ флотскаго образцоваго экипажа въ Петербургѣ. Въ 1831 г. Лермантовъ на кораблѣ «Кацбахъ» перешелъ съ десантными войсками изъ Кронштадта въ Либаву, гдѣ содержалъ караулы для охраны города отъ польскихъ мятежниковъ и исправлялъ должность временнаго коменданта; въ томъ же году былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ слѣдующемъ году назначенъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента главнаго морского штаба, въ 1837 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1848 г.—въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта и военнымъ губернаторомъ, а въ 1860 г. — въ адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Лермантовъ состоялъ членомъ «Второстепеннаго эмиритальнаго комитета» (1841 г.), особаго комитета по пересмотру устава гражданской службы (1847 г.) и морского генералъ-аудиторіата (1854 г.). Высшею наградою за многолѣтнюю и полезную государственную службу онъ имѣлъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. Скончался Лермантовъ 29 іюля 1866 г.

Общій морской списокъ, ч. VII, стр. 415—418.

Лермонтовъ, *Михаилъ Юрьевичъ*. Русская вѣтвь рода Лермонтовыхъ *) ведетъ свое начало отъ Георга Лермонта, выходца изъ Шотландіи («Шкотскія земли»), взятаго въ плѣнъ русскими войсками при осадѣ польской крѣпости Бѣлой (нынѣ уѣздный городъ Смоленской

*) Въ оффиціальныхъ документахъ, начиная съ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и кончая приказомъ объ исключеніи М. Ю. Лермонтова изъ списковъ Тенгинскаго полка за смертью, фамилія его пишется черезъ „а“, а не черезъ „о“. Самъ поэтъ подписывался и такъ, и иначе: сначала—Лермантовъ, Lerma, Lermantoff, а потомъ—Лермонтовъ, Lermontoff. Болѣе правильное написаніе этой фамиліи—черезъ „о“: отъ шотландской или англійской формы Learmont. (Ср. Encyclopaedia Britannica. Изд. II-е. T. XXVI, стр. 865; Dictionary of National Biography. London. 1908. VI, 803).

губ.) осенью 1613 года. Подобно другимъ «бѣльскимъ сидѣльцамъ», Юшко Лермонтъ—какъ онъ называетъ себя въ своихъ челобитныхъ—счелъ за лучшее навсегда остаться въ Россіи и былъ принятъ на «государеву службу» съ сохраненіемъ дворянскаго званія («въ шляхтичахъ»). Въ 1618 г. Георгъ Лермонтъ, будучи прапорщикомъ, участвовалъ въ схваткѣ съ войсками королевича Владислава и гетмана Ходкевича подъ Можайскомъ и въ самой Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ. Весною 1621 г. поручикъ Юрій Лермонтъ пожалованъ былъ помѣстьями въ Галицкомъ уѣздѣ Костромской губ., а въ 1632—назначенъ обучать «хитростямъ ратнаго строенія» (въ конскомъ рейтарскомъ строю) дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также новокрещенныхъ нѣмцевъ и татаръ. Во время второй польской войны, въ концѣ 1633 г. или въ началѣ 1634-го, ротмистръ Лермонтъ былъ убитъ «на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ». Послѣ Юрія Лермонта осталась «горькая вдова», три сына и дочь. Одинъ изъ сыновей его, Петръ Юрьевичъ, впослѣдствіи воевода Саранскій, принялъ въ 1653 г. «крещеніе въ православную христіанскую вѣру» и, такимъ образомъ, окончательно акклиматизировался «средь чуждыхъ снѣговъ». Въ концѣ XVII в. внуки Георга Лермонта, стольники Евтихій и Петръ Петровы Лермонтовы подаютъ въ Разрядный Приказъ «поколѣнную роспись», въ которой называютъ своимъ родственникомъ-предкомъ того шотландскаго вельможу Лермонта, который, принадлежа къ «породнымъ людямъ Англинскіе земли», принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Малькольма, сына короля Дункана, съ Макбетомъ, за что и былъ пожалованъ въ 1061 г. «господинствомъ Рарси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его». Фамилію Lermont или Learmont носилъ и легендарный шотландскій бардъ XIII в. Thomas of Erceldoune, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ въ балладѣ «Thomas the Rymer». По народнымъ преданіямъ, Томасъ въ юномъ возрастѣ похищенъ былъ въ царство фей, гдѣ и получилъ свой вѣщій даръ. Черезъ семь лѣтъ ему разрѣшено было вернуться, но съ условіемъ, чтобы онъ, когда за нимъ придутъ, немедленно оставилъ землю. Преданіе о родоначальникѣ-шотландцѣ дошло и до М. Ю. Лермонтова, который называетъ Шотландію «своей», а себя—«послѣднимъ потомкомъ отважныхъ бойцовъ». Но въ то же время поэтъ лелѣетъ мечту и о родствѣ съ испанскимъ герцогомъ Лермою: подписывается въ письмахъ «M. Lerma», питаетъ слабость къ сюжетамъ изъ испанской жизни и исторіи (первоначальные очерки «Демона» и драма «Испанцы»), даже рисуетъ портретъ своего воображаемаго предка.

Отецъ поэта, Юрій Петровичъ Лермонтовъ родился въ 1787 году; по окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ на службу въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ, а оттуда перешелъ въ свой родной корпусъ; въ 1811 г., будучи въ чинѣ капитана, вышелъ въ отставку, по болѣзни, и поселился съ сестрами въ своемъ родовомъ имѣніи Кропотовкѣ, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ.

По отзывамъ близко знавшихъ Юрія Петровича, человѣкъ онъ былъ отъ природы добрый и отзывчивый, но крайне легкомысленный и несдержанный, въ минуты раздраженія способный на самыя дикія выходки; къ тому же, подъ вліяніемъ провинціальной жизни, Ю. П., повидимому, преждевременно опустился.

По сосѣдству съ Кропотовкой было имѣніе Арсеньевыхъ—Васильевское, куда часто наѣзжала жена Михаила Васильевича Арсеньева, Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, со своею единственной дочерью Марьей Михайловной. Здѣсь-то Ю. П. Лермонтовъ и познакомился со своею будущей женою, которую онъ очень скоро плѣнилъ счастливой наружностью и столичнымъ лоскомъ. Мать Марьи Михайловны была противъ брака дочери, считая его неравнымъ, но вынуждена была уступить настойчивымъ просьбамъ своей любимицы; а чтобы не разлучаться съ дочерью, поручила зятю управлять ея имѣніями—Тарханы и Михайловское, въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губ.

Бракъ Юрія Петровича съ Марьей Михайловной, болѣзненной, романтически настроенной женщиной, былъ по любви, но семейное счастье продолжалось, повидимому, очень недолго.

Осенью 1814 г. больная Марья Михайловна съ мужемъ и матерью отправилась въ Москву и поселилась въ домѣ генерала Ѳ. Н. Толя на Садовой ул., противъ Красныхъ воротъ. Со 2 на 3 октября

здѣсь и родился у Лермонтовыхъ сынъ, названный въ память дѣда со стороны матери—Михаиломъ.

Рожденіе сына нисколько не улучшило отношеній между родителями, а весною 1817 г. Марья Михайловна Лермонтова «въ слезахъ угасла», оставивъ трехлѣтняго ребенка на попеченіе бабушки.

Въ чуткую душу ребенка глубоко запали трогательные звуки колыбельной пѣсни, которую пѣвала ему покойная мать: «ее не могу теперь вспомнить,—пишетъ М. Ю. въ 1830 г.,—но увѣренъ, что если-бъ услыхалъ ее, она произвела бы прежнее дѣйствіе».

Е. А. Арсеньева очень скоро привязалась къ внуку и перенесла на него всю свою любовь къ умершей дочери; но съ зятемъ отношенія у нея до того обострились, что Юрій Петровичъ на 9-й день по смерти жены уѣхалъ въ свое помѣстье и лишь изрѣдка навѣдывался въ Тарханы, запугивая Елизавету Алексѣевну намѣреньемъ взять сына къ себѣ въ Кропотовку.

Въ Тарханахъ, въ богатой помѣщичьей усадьбѣ, окруженный общей заботой и баловствомъ, М. Ю. Лермонтовъ и провелъ свои дѣтскіе и отроческіе годы.

Въ раннемъ дѣтствѣ Лермонтовъ перенесъ какую-то тяжелую болѣзнь, которая надолго приковала его къ постели и оставила слѣды на всю жизнь; этой болѣзни Лермонтовъ былъ обязанъ сильной кривизною ногъ; кромѣ того, онъ всегда былъ предрасположенъ къ различнымъ болѣзнямъ на золотушной почвѣ.

Частое одиночество, неизбѣжное для больного ребенка, лишеннаго семьи въ собственномъ смыслѣ этого слова, пріучило мальчика слишкомъ рано задумываться надъ всѣмъ и безъ мѣры погружаться въ міръ фантазіи, мечты и грусти.

Какъ Саша Арбенинъ въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, Лермонтовъ «шести лѣтъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой... Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію»... (Полн. собр. сочин. въ «Академич. Библіот. Русскихъ Писателей», т. IV, стр. 299—300).

Болѣзненное состояніе внука требовало частыхъ поѣздокъ Е. А. Арсеньевой на Кавказъ, который съ тѣхъ поръ дѣлается поэтической родиной Лермонтова, неизмѣннымъ вдохновителемъ и пѣстуномъ его музы.

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ» (I, 105).

Здѣсь же на Кавказѣ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, Лермонтовъ впервые узнаетъ «тоску любви знойной»: «это была страсть сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь... О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ!.. Горы Кавказскія для меня священны»... (IV, 349—350).

Когда мальчикъ началъ подростать, Е. А. Арсеньева взяла къ себѣ въ домъ сына одного изъ сосѣдей по имѣнію, Н. Г. Давыдова, и двухъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ Миши: сначала М. А. Пожогина-Отрошкевича, сына родной сестры Ю. П. Лермонтова, а потомъ—Акима Павловича Шанъ-Гирея, сына своей родной племянницы. Часто и по-долгу гостили также въ Тарханахъ братья Юрьевы, дальніе родственники бабушки, и князья Максутовы.

По воспоминаніямъ А. П. Шанъ-Гирея, въ Тарханахъ домъ всегда былъ биткомъ набитъ народомъ, и жилось тамъ очень весело.

Правда, сама бабушка всегда была задумчива и грустна, не снимала траурнаго чернаго платья, но ко всѣмъ относилась ласково и любила, чтобы молодежь играла и веселилась. Когда собирались сосѣдки, устраивались танцы, и раза два былъ домашній спектакль; Мишель—смуглый, съ черными блестящими глазками, въ зеленой курточкѣ и съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надо лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ, черныхъ какъ смоль,—проявлялъ большія способности къ искусствамъ: довольно порядочно рисовалъ акварелью и лѣпилъ изъ крашенаго воска

цѣлыя картины; но поэтическихъ талантовъ не обнаруживалъ и сочиненія на задаваемыя темы писалъ ничуть не лучше своихъ товарищей («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 725—27).

Въ воспоминаніяхъ другого сверстника маленькій Миша Лермонтовъ рисуется не иначе, какъ съ нагайкой въ рукѣ, властнымъ руководителемъ дѣтскихъ забавъ, болѣзненно-самолюбивымъ, экзальтированнымъ ребенкомъ («Русск. Стар.» 1896 г., кн. VI, стр. 648. Ср. «Рус. Архивъ» 1881 г., кн. III, стр. 457—58).

Первыми учителями были гувернеры-французы Жако и Капэ, домашній докторъ Ансельмъ Левисъ и какой-то бѣглый Кефалонійскій грекъ, занимавшійся, впрочемъ, больше скорнячествомъ, чѣмъ уроками.

Осенью 1827 г. Е. А. Арсеньева переѣхала въ Москву, желая опредѣлить своего внука въ Университетскій Благородный пансіонъ. Для подготовки мальчика къ экзаменамъ приглашенъ былъ одинъ изъ воспитателей Пансіона, учитель латинскаго и русскаго языковъ, Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Домашнимъ воспитателемъ оставался переѣхавшій изъ Тарханъ французъ Капэ, плѣнный офицеръ Наполеоновской гвардіи, сумѣвшій внушить своему питомцу неизмѣнный интересъ и уваженіе къ «герою дивному» и «мужу рока». По смерти Капэ взяли въ домъ французскаго эмигранта Жандро (Gendroz), выведеннаго Лермонтовымъ въ «Сашкѣ», подъ именемъ маркиза de Tess, «педанта полузабавнаго», «покорнаго раба губернскихъ дамъ и музъ», «парижскаго Адониса» (II, 167—171). Жандро пробылъ въ домѣ Арсеньевой недолго, и его смѣнилъ англичанинъ Виндсонъ, подъ руководствомъ котораго Лермонтовъ началъ учиться по-англійски и, какъ выражается Шанъ-Гирей, «передразнивать» Байрона.

Въ 1828 г. Лермонтовъ поступилъ въ 4-й классъ Университетскаго Благороднаго пансіона, гдѣ какъ извѣстно, издавна преобладало литературное направленіе. Насколько поощрялись среди учащихся занятія литературой, можно видѣть изъ того, что самъ инспекторъ пансіона, М. Г. Павловъ, готовъ былъ помѣщать сочиненія воспитанниковъ въ проектировавшемся журналѣ «Калліопа». Не преслѣдовались, конечно, и ученическіе рукописные журналы; въ одномъ изъ нихъ—«Утренней Зарѣ» Лермонтовъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и помѣстилъ первую свою поэму «Индіанка» («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 727).

Къ выпускнымъ экзаменамъ, носившимъ публичный характеръ, пріурочивались литературно-музыкальныя собранія, на которыхъ воспитанники пансіона декламировали, пѣли и играли. На одномъ изъ такихъ актовъ Лермонтовъ съ большимъ успѣхомъ читалъ элегію Жуковскаго «Море» («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 727), а на другомъ—исполнилъ на скрипкѣ «аллегро изъ Маурерова концерта» («Дамскій Журналъ» 1830 г., № 1, стр. 30—31).

Учился Лермонтовъ очень хорошо, такъ что на переходномъ экзаменѣ въ 5-й классъ получилъ шесть высшихъ балловъ (4) и только двѣ тройки (по Закону Божію и латинскому языку). Изъ его пансіонскихъ наставниковъ, кромѣ Зиновьева, извѣстны: Дмитрій Никитичъ Дубенской, преподававшій латинскій и русскій языки, Александръ Степановичъ Солоницкій, учитель рисованія, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, инспекторъ пансіона, и небезызвѣстный писатель Семенъ Егоровичъ Раичъ.

Въ старшихъ классахъ русскую словесность преподавалъ А. Ѳ. Мерзляковъ, о которомъ Лермонтовъ былъ, повидимому, невысокаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что Лермонтовъ возмущался его критикой стихотворенія Пушкина «Буря мглою небо кроетъ», гдѣ всѣ сравненія Мерзлякову казались «невозможными и неестественными». Поэтическіе опыты самого Лермонтова Мерзляковъ поощрялъ, снисходительно замѣчая: «молодо, зелено» («Русск. Стар.» 1884 г., кн. XII, стр. 589).

Изъ своихъ школьныхъ друзей Лермонтовъ нѣсколько разъ вспоминаетъ Сабурова и Дурнова. «Женскій характеръ» Сабурова, презрѣвшаго «священной дружбы узы», не понимавшаго «пылкаго сердца» своего друга, доставилъ юному поэту не мало разныхъ огорченій и не разъ наводилъ его на грустныя размышленія, что

въ свѣтѣ нѣтъ друзей,
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой! (I, 47).

Искреннѣе и сердечнѣе были отношенія съ «невиннымъ нѣжною душою» Дурновымъ, котораго поэтъ называетъ своимъ «первымъ и послѣднимъ» другомъ. Боль-

шинство товарищей не долюбливали Лермонтова за его насмѣшливый характеръ и приставанья («пристанетъ—такъ не отстанетъ»); между прочимъ, называли его почему-то лягушкой (Воспоминанія А. М. Миклашевскаго въ «Русск. Стар.» 1884 г., кн. XII, стр. 590).

Въ Москвѣ жило много родственниковъ Е. А. Арсеньевой (Лопухины, Верещагины, Бахметевы, Столыпины), и Лермонтовъ, какъ Печоринъ въ «Княгинѣ Лиговской», могъ называть себя «племянникомъ двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ».

Особенно близкія и дружественныя отношенія установились съ семействомъ Лопухиныхъ, состоявшимъ изъ старика-отца, сына Алексѣя и трехъ дочерей: Марьи, Варвары и Елизаветы.

Въ письмахъ къ старшей кузинѣ, Марьѣ Александровнѣ, Лермонтовъ называетъ ее «наперсницей своихъ юношескихъ мечтаній» и съ грустью вспоминаетъ, какъ она облегчала самыя сильныя его горести: «Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться..., потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, довѣрчивымъ, полнымъ любви и преданности, одареннымъ, наконецъ, всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять, и которыя самъ Богъ у меня отнялъ!»... (IV, 399).

Нѣсколько позже, будучи уже студентомъ, Лермонтовъ страстно влюбился въ младшую кузину, Варвару Александровну, и «вѣрныя мечты» навѣки сохранили этотъ нѣжный образъ въ мятежной груди поэта, «какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ».

По воспоминаніямъ Шанъ-Гирея, молоденькая, милая, умная, всѣхъ очаровывающая В. А. Лопухина—была натура пылкая, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но глубоко и сильно. Временно заглушенное новою обстановкой, шумною жизнью, успѣхами въ обществѣ и литературѣ, оно внезапно и рѣзко пробудилось вновь при неожиданномъ извѣстіи о замужествѣ любимой дѣвушки. Любовь къ Варенькѣ сохранилась на всю жизнь, несмотря на частыя увлеченія поэта.

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной,
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ
И больше никому на свѣтѣ (III, 91).
И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ! (II, 209).

На лѣто бабушка Лермонтова уѣзжала въ подмосковное имѣніе своего брата—Середниково, куда наѣзжали и другіе родственники Столыпиныхъ. Лѣтомъ 1830 г. по сосѣдству съ Середниковымъ жила Александра Михайловна Верещагина и ея подруга Екатерина Александровна Сушкова, съ которой Лермонтовъ познакомился еще въ Москвѣ, бывая у Верещагиныхъ. Молодежь собиралась вмѣстѣ, устраивали прогулки, кавалькады, пикники. Большой охотникъ до женскаго общества, Лермонтовъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, ухаживая за барышнями—сверстницами и влюбляясь то въ одну, то въ другую.

По разсказамъ Сушковой, барышни обращались съ Мишелемъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. «Такое обращеніе—вспоминаетъ Е. А. Сушкова—бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія, а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ» (Записки», стр. 80—81).

Особенно часто подсмѣивались надъ Лермонтовымъ изъ-за его прожорливости и неразборчивости въ пищѣ («Русск. Стар.» 1896 г., кн. VI, стр. 648—49). Поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ подавала, вѣроятно, и наружность мальчика, «неуклюжаго, косолапаго, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣш-

ливой улыбкой», какъ описываетъ его Е. А. Сушкова («Записки», стр. 78) *).

Подшучиванья кузины, Саши Верещагиной, носили, видимо, добродушный и дружескій характеръ; тогда какъ Сушкова своимъ грубоватымъ кокетствомъ доставила мальчику много муки и слезъ, и потомъ, когда они встрѣтились при совершенно иной обстановкѣ, Лермонтовъ отмстилъ ей очень зло и жестоко.

Весною 1830 г., когда началось преобразованіе Благороднаго пансіона, Лермонтовъ подалъ прошеніе объ увольненіи и началъ готовиться къ поступленію въ Московскій университетъ. Осенью того же года онъ держалъ экзамены въ Комиссіи изъ университетскихъ профессоровъ, былъ найденъ способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и зачисленъ въ студенты Нравственно-Политическаго Отдѣленія.

Какъ извѣстно, наука и преподаваніе въ тогдашнемъ Московскомъ университетѣ стояли очень невысоко, такъ что Пушкинъ не безъ основаній писалъ Погодину (въ концѣ іюня 1831 г.): «Ученость, дѣятельность и умъ (несносны) чужды Московскому университету». Профессора читали лекціи по чужимъ руководствамъ: «словесность—по Бургію», «право—по Гейнекцію», «всеобщую исторію—по Пелицу» и т. д., откровенно сознаваясь, что «умнѣе не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное».

«Солнце истины свѣтило тогда тускло и холодно»,—жалуется К. С. Аксаковъ, поступившій въ Московскій университетъ черезъ два года послѣ Лермонтова.

Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія: юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеніемъ.

«Въ опальный Московскій университетъ—замѣчаетъ Герценъ,—какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея»...

Что касается Лермонтова, то онъ, кажется, очень мало интересовался студенческою жизнью, держался въ сторонѣ отъ товарищей и на всѣхъ производилъ загадочное и непріятное впечатлѣніе.

«Студентъ Лермонтовъ,—вспоминаетъ одинъ изъ его однокурсниковъ (П. Ѳ. Вистенгофъ),—въ которомъ тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія. Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь, по обыкновенію, на одинъ локоть и углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Это бросалось всѣмъ въ глаза. Шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ преподаванія, не производилъ никакого на него дѣйствія. Роста онъ былъ небольшого, сложенъ некрасиво, лицомъ смуглъ; темные его волосы были приглажены на головѣ, темнокаріе большіе глаза пронзительно впивались въ человѣка. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное къ себѣ нерасположеніе. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя бесѣды о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умалялъ свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ»... («Историч. Вѣстн.» 1884 г., кн. V, стр. 332—337).

По разсказамъ того же Вистенгофа, Лермонтовъ точно также чуждался своихъ товарищей и внѣ стѣнъ университета.

«Лермонтовъ любилъ посѣщать каждый вторникъ тогдашнее великолѣпное Московское Благородное Собраніе, блестящіе

*) Насколько извѣстно, Лермонтовъ не отличался счастливою наружностью, и это служило для него, какъ для большого эстета и художника, источникомъ многихъ огорченій. Подобно Печорину въ „Княгинѣ Лиговской“ и Лугину въ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, поэтъ, увлекаясь самъ наружною красотою, преувеличивалъ свои физическіе недостатки, думалъ, что «степень его безобразія исключаетъ возможность любви», «сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью». (IV, 145 и 292).

балы котораго были очаровательны. Онъ всегда былъ изыскано одѣтъ, а при встрѣчѣ съ нами дѣлалъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ. Непохоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, на одномъ факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Онъ постоянно окруженъ былъ хорошенькими молодыми дамами высшаго общества и довольно фамильярно разговаривалъ и прохаживался по заламъ съ почтенными и вліятельными лицами. Танцующимъ мы его никогда не видали».

Повидимому, къ самому Лермонтову можно отнести многое изъ того, что онъ разсказываетъ о студенческихъ годахъ Печорина въ «Княгинѣ Лиговской» (IV, 123—124).

Въ бытность Лермонтова въ Московскомъ университетѣ, тамъ разыгралась (16 марта 1831 г.) извѣстная «Маловская исторія», разсказанная Герценомъ въ «Быломъ и Думахъ». Въ числѣ пострадавшихъ имя Лермонтова оффиціально не значится (см. «Русск. Архивъ» 1901 г., № 2, стр. 316—324), но онъ—какъ передаетъ его товарищъ и другъ Н. И. Поливановъ—былъ замѣшанъ въ эту исторію и ожидалъ большихъ непріятностей для себя: подъ впечатлѣніемъ суда надъ участниками написано стихотвореніе (въ альбомъ Н. И. Поливанову) «Послушай! вспомни обо мнѣ»... («Русск. Стар.» 1875 г., т. XII, стр. 812—814).

Болѣе серьезныя послѣдствія для Лермонтова имѣли его столкновенія съ профессорами на репетиціяхъ и экзаменахъ.

«Передъ рождественскими праздниками—разсказываетъ Вистенгофъ — профессора дѣлали репетиціи, т. е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ на публичномъ экзаменѣ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ. Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:—Я вамъ этого не читалъ. Я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?—Это правда, господинъ профессоръ — отвѣчалъ Лермонтовъ—того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.—Мы всѣ переглянулись. Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику. Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ».

Въ результатѣ Лермонтову, какъ и многимъ другимъ студентамъ, предложено было остаться второй годъ на томъ же курсѣ, но онъ, задѣтый за-живое, предпочелъ совсѣмъ оставить Московскій университетъ и перейти въ Петербургскій. Е. А. Арсеньева одобрила намѣренія внука, и въ концѣ лѣта они переѣхали изъ Москвы въ Петербургъ.

Разставшись съ Москвою, Лермонтовъ пишетъ своей кузинѣ, Маріѣ Александровнѣ Лопухиной: «Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ *я родился*, тамъ много *страдалъ* и тамъ же былъ *слишкомъ счастливъ*. Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать?»... (IV, 313 и 393).

...Покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву...
Москва, Москва!... Люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!...
(II, 144—145).

Но воспоминанія объ университетѣ (см. поэму «Сашка»: II, 181—182) звучатъ явной ироніей.

П. Ѳ. Вистенгофъ также добавляетъ, что Лермонтовъ съ негодованіемъ покинулъ Московскій университетъ, отзываясь о профессорахъ, какъ о людяхъ отсталыхъ, глупыхъ, бездарныхъ, устарѣлыхъ, какъ равно и о тогдашней университетской нелѣпой администраціи («Историч. Вѣстн.» 1884 г., кн. V, стр. 337).

Среди студентовъ ходило по рукамъ стихотвореніе Лермонтова къ университету, начинавшееся такъ:

Хвала тебѣ, пріютъ лѣнтяевъ,
Хвала, ученья дивный храмъ,
Гдѣ цвѣлъ нашъ бурный Полежаевъ,
На зло завистливымъ властямъ.
Хвала и вамъ, студенты-братья...
(«День» 1863 г., № 42).

Еще до переѣзда Лермонтова въ Петербургъ умеръ его отецъ, Юрій Петровичъ. Впослѣдствіи М. Ю. оплакалъ его

въ стихотвореніи «Ужасная судьба отца и сына» (I, 284—285).

Отношенія Ю. П. Лермонтова къ тещѣ, Е. А. Арсеньевой, до конца жизни не наладились; онъ нѣсколько разъ собирался увезти сына къ себѣ, но по недостатку средствъ на воспитаніе не могъ выполнить своихъ угрозъ.

Эти распри между отцомъ и бабушкой всей тяжестью падали на сына и доставили ему много «мукъ и безсонницъ», какъ выражается Юрій въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften», имѣющей несомнѣнное автобіографическое значеніе. «Я здѣсь, какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Мой долгъ, долгъ природы и благодарность,—въ какой вы ужасной борьбѣ между собой»... (III, 120 и 114).

Умирая, Юрій Петровичъ оставилъ очень трогательное завѣщаніе сыну: «Благодарю тебя, безцѣнный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ и нѣжное твое ко мнѣ вниманіе, которое я могъ замѣчать, хотя и лишенъ былъ утѣшенія жить вмѣстѣ съ тобою. Тебѣ извѣстны причины моей съ тобою разлуки, и я увѣренъ, что ты за сіе укорять меня не станешь. Я хотѣлъ сохранить тебѣ состояніе, хотя съ самою чувствительнѣйшею для себя потерею, и Богъ вознаградилъ меня, ибо вижу, что я въ сердцѣ и уваженіи твоемъ ко мнѣ ничего не потерялъ. Прошу тебя увѣрить свою бабушку, что я вполнѣ отдавалъ ей справедливость во всѣхъ благоразумныхъ поступкахъ ея въ отношеніи твоего воспитанія и образованія и, къ горести моей, долженъ былъ молчать, когда видѣлъ противное, дабы избѣжать неминуемаго неудовольствія. Скажи ей, что несправедливости ея ко мнѣ я всегда чувствовалъ очень сильно и сожалѣлъ о ея заблужденіи, ибо, явно, она полагала видѣть во мнѣ своего врага, тогда какъ я былъ готовъ любить ее всѣмъ сердцемъ, какъ мать обожаемой мною женщины! Но Богъ да проститъ ей сіе заблужденіе, какъ я ей его прощаю» («Историч. Вѣстн.» 1898 г., № 10).

Къ книгамъ Лермонтовъ пристрастился очень рано и, будучи еще въ пансіонѣ, перечиталъ все, что было лучшаго, не только въ русской, но и иностранной литературѣ, а затѣмъ и самъ началъ, какъ онъ выражается, «марать» стихи. За періодъ времени съ 1828 по 1832 г. до насъ дошло около 300 лирическихъ стихотвореній, 15 поэмъ («Черкесы», «Кавказскій Плѣнникъ», «Корсаръ», «Два брата», «Джюліо, «Литвинка», «Двѣ невольницы», «Исповѣдь», «Послѣдній сынъ вольности», «Азраилъ», «Ангелъ смерти», «Каллы», «Аулъ Бастунджи», «Измаилъ Бей» и «Демонъ»), три драмы («Испанцы», «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человѣкъ») и одна повѣсть («Вадимъ»). Уже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова сказались всѣ характерныя черты его музы: грусти ранняя печать, жизни тяготѣнье, жажда забвенья, безплодное раскаянье, мятежная тоска, буря тягостныхъ сомнѣній, неясныя мечты, пылкая любовь свободы, съ небомъ гордая вражда, отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ, тайная грусть обманутой любви, невѣріе въ счастье, месть судьбѣ и людямъ, славы жадныя муки, мрачныя предчувствія рокового конца. Пятнадцатилѣтній юноша все проклинаетъ, «какъ лживый сонъ, какъ призракъ дымныя мечты», оплакиваетъ «обломки сей жизни остылой», презираетъ судьбу и міръ, живетъ «не вѣря ничему и ничего не признавая», скорбитъ о «годахъ развратныхъ», жалуется на «старость безъ сѣдинъ», на усталость отъ земныхъ заботъ, на скуку, на пережитыя надежды. Среди людей онъ чувствуетъ себя, какъ «дубъ въ странѣ пустынной», какъ «камень межъ камней», какъ «листъ, грозой оборванный», какъ «безпечный странникъ, для міра и небесъ чужой», какъ «шести досокъ жилецъ уединенный.., оставленный, забвенный». Люди, въ глазахъ поэта,—«ничтожная толпа» (I. 176), «собраніе глупцовъ и злодѣевъ» (III, 161. Ср. III, 170; I, 92. 176). Главный источникъ страданій и мукъ—нераздѣленное чувство, «погибшая любовь». Поэтъ хотѣлъ «сыскать отраду бытія» въ женскомъ сердцѣ: «любилъ всѣмъ напряженіемъ силъ», «любилъ и тѣломъ и душой»,—но

Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя.
(I, 287. Ср. I, 129. 167. 256).

А безъ любви нѣтъ смысла и въ жизни: «надо любить, чтобы быть счастливу». Поэтъ чувствуетъ въ душѣ своей «силы необъятныя», жаждетъ великихъ подвиговъ и славы:

Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей.
(I, 302. Ср. I, 144. 255).

Но въ то же время поэта не оставляетъ предчувствіе, что свѣтъ не пойметъ великаго (I, 261), и онъ погибнетъ «въ цвѣтѣ лучшихъ дней» (I, 188), «безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ» (I, 255). Жизнерадостныя нотки звучатъ чрезвычайно рѣдко (I, 180 и 278—279: «Мой домъ вездѣ» и «Когда-бъ въ покорности незнанья»).

Лишь близкое общеніе съ природой нѣсколько успокаивало поэта и унимало тревоги больного сердца.

Природа наводитъ поэта на думы о Богѣ, о вѣчности, о міровой гармоніи.

Очень характерную картину внутренней жизни поэта, со всѣми ея загадочными исканіями и мучительнымъ надрывомъ, даетъ стихотвореніе «1831 года, іюня 11 дня», которое по справедливости называютъ одной изъ первыхъ страницъ поэтической автобіографіи Лермонтова.

Тѣ же мотивы и въ юношескихъ поэмахъ. Такъ, Кавказскій плѣнникъ терзается прошлою мечтою о свободѣ и счастьи, вспоминаетъ мѣста родной страны (I, 17).

Корсаръ, блѣдный, худой, вскормленный чужой семьей, потерялъ единственнаго брата, «предметъ всѣхъ радостей любимыхъ». Долго онъ, храбрый, кровожадный, носился въ буряхъ боевыхъ, чего-то страшнаго ждалъ, грустилъ, томился и желалъ, а потомъ омертвѣлъ,

Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ (I, 37 и 40).

На блѣдномъ челѣ Джюліо, который обманулъ мечты невинной Лоры,—слѣды раскаянья и мукъ на всю жизнь.

Арсеній въ поэмѣ «Литвинка» избѣгаетъ довѣрчивыхъ бесѣдъ, презрѣніемъ дышетъ его привѣтъ, онъ даже лаской гостя унижаетъ. Обманутый любимой женщиной, онъ «изъ безумца сталъ злодѣй».

Герой «Исповѣди», молодой отшельникъ, обвиненный въ преступленіи, не ищетъ оправданья:

Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ... (I, 219).

Вадимъ въ «Послѣднемъ сынѣ вольности», когда предъ властію чужой склонилась гордая страна,—покидаетъ край родной,

И въ мірѣ можетъ только месть
Опять назадъ его привесть!.. (I, 236).

Измаилъ-Бей — «лишній межъ людьми».

Посланный отцомъ къ русскимъ, гдѣ онъ вкусилъ «разврата, яда просвѣщенья». Измаилъ вернулся на родину съ мертвымъ сердцемъ и опустошенной душою. Старикъ для чувствъ и наслажденья, безъ сѣдины между волосъ, повсюду ищетъ самозабвенья и покоя, но дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ, и онъ кончаетъ жизнь, какъ началъ,—одинокъ...

Безпредметная тоска, разочарованіе, пресыщеніе, туманъ неопредѣленныхъ желаній, сильные, но неясные порывы—все это характеризуетъ и Демона, любимое дѣтище нашего поэта.

Поэма «Демонъ», начатая Лермонтовымъ въ 1829 году, нѣсколько разъ передѣлывалась и была закончена не позже 1839 года, когда поэтъ давалъ ее читать Жуковскому (Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями П. А. Бычкова. С.-Пб. 1903 г., стр. 508) и хотѣлъ даже напечатать отрывки (И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, стр. 256). Въ первоначальныхъ очеркахъ поэмы (II, 384—412) дѣйствіе происходитъ въ Испаніи: героиня—молодая отшельница, любимая «посланникомъ рая, ангеломъ нѣжнымъ»: въ первомъ очеркѣ душа обольщенной демономъ «смертной (монахини)» улетаетъ въ адъ, во второмъ и четвертомъ «ангелъ милый» и вся природа съ нимъ молятся Творцу за душу «грѣшницы младой», въ окончательной редакціи—благо Божіе рѣшенье, и рай открылся для любви (II, 380—381).

Лермонтову, несомнѣнно, извѣстны были многія художественно-поэтическія обработки легендъ о дьяволѣ: «Потерянный рай» Мильтона, «Мессіада» Клопштока, «Каинъ», «Небо и Земля», «Манфредъ» Байрона, «The Loves of the angels» Томаса Мура, «Eloa, ou la soeur des anges» Альфреда де-Виньи, «Фаустъ» Гете, «Marmion» Вальтеръ-Скотта и др. Но что касается основной идеи всей поэмы, а также обрисовки ея главнаго героя, то здѣсь Лермонтовъ вполнѣ самостоятеленъ и независимъ отъ своихъ западно-европейскихъ великихъ предшественниковъ. Въ «Демонѣ» нужно искать того, что передумалъ, пережилъ и перестрадалъ самъ поэтъ, назвавшій свою поэму «простымъ выраженіемъ тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ» (II, 414).

Въ драмахъ и повѣсти Лермонтовъ пытается облечь въ болѣе реальныя, быто-

выя очертанія печаль души своей и тотъ «могучій образъ», какой, бывало, возмущалъ юный умъ поэта.

Фернандо (въ драмѣ «Испанцы») не имѣетъ ни друга, ни родни, ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ бъ могъ найти пріютъ; вся жизнь его въ страданьяхъ — онъ въ нихъ живетъ, онъ къ нимъ привыкъ (III, 17. 50). Но страсти въ немъ кипятъ сильнѣе, чѣмъ всѣ земныя бури.

Юрій Волинъ («Menschen und Leidenschaften») — человѣкъ безъ настоящаго и будущаго, съ однимъ прошедшимъ. Когда-то онъ нетерпѣливо старался узнавать сердце человѣческое, пламенно любилъ природу, мечталъ о свободѣ человѣчества,—но сонъ этотъ миновался, потому что онъ слишкомъ хорошо узналъ людей... Ихъ несправедливости и злоба оттолкнули и ожесточили его навсегда. Обманутый любовью и дружбой, проклятый отцомъ, Юрій рѣшается насильно покончить жизненные счеты и принимаетъ ядъ. «Мое терпѣнье кончилось... кончилось... я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ!... Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть!»... (III, 143).

Глубоко несчастенъ въ своемъ одиночествѣ и Владиміръ Арбенинъ (драма «Странный человѣкъ»). «Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно... (III. 150—151). «Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ... Я лишній!...» (III, 202). Проклятый отцомъ, Арбенинъ рѣшается испытать послѣднее на землѣ—женскую любовь, но скоро и эта послѣдняя нить, привязывающая его къ жизни, обрывается. «Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!... Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ также ненавидѣть! Ты виновенъ, пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову! Я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать»... (III, 201). «Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло!...» (III, 192).

Въ самой тѣсной связи съ героями поэмъ и драмъ стоитъ и герой повѣсти «Вадимъ». «Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда, они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе, демона, но не человѣка»... (IV, 2). «Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга» (IV, 19). Ненасытимое чувство мести, ненависть и презрѣніе къ людямъ наполняютъ все существо Вадима. «Онъ думалъ: «еслибъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ: стоятъ-ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло — человѣкъ: чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти» (IV, 2).

Юношескія произведенія Лермонтова, какъ и вся его поэзія,—продуктъ чисто-индивидуальнаго настроенія, которое сложилось частью подъ вліяніемъ прирожденныхъ задатковъ и склонностей къ меланхоліи и рефлексіи, частью—какъ результатъ несчастныхъ жизненныхъ случайностей (ранняя смерть матери, одинокое дѣтство, болѣзнь, распри между отцомъ и бабушкою). Но не мало здѣсь и чужого, наноснаго, вычитаннаго изъ книгъ.

А. Шанъ-Гирей вспоминаетъ, что когда онъ, въ концѣ 1828 г., переѣхалъ въ Москву, то нашелъ у Мишеля много русскихъ книгъ: Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова, Пушкина.

Изъ русскихъ писателей наиболѣе замѣтное вліяніе оказалъ на Лермонтова Пушкинъ, предъ которымъ поэтъ всю жизнь преклонялся. Отзвуки Пушкинской поэзіи слышатся не только въ юношескихъ опытахъ Лермонтова, но и въ зрѣлыхъ произведеніяхъ: общіе сюжеты, мотивы, образы; нерѣдко также Лермонтовъ заим-

ствуетъ у Пушкина отдѣльные стихи и выраженія и переноситъ ихъ въ свои пьесы цѣликомъ или же съ небольшими варіаціями. Поэма «Кавказскій плѣнникъ»—пересказъ Пушкинскаго сюжета съ видоизмѣненіемъ конца; отрывокъ «Цыгане» — механическая передѣлка поэмы Пушкина «Цыгане» въ драму или либретто для оперы. Начало поэмы «Послѣдній сынъ вольности» (I, 226) близко напоминаетъ «Осень» Пушкина; разговоръ Ноэми съ Саррою во II мъ дѣйствіи «Испанцевъ»—ночной разговоръ Татьяны съ няней въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; конецъ первоначальныхъ очерковъ «Демона»—Пушкинскаго «Ангела».

Стихотвореніе «Мой демонъ» навѣяно «Демономъ» Пушкина, «Два ворона»—«Шотландскою пѣснью», «Олегъ»—«Олеговымъ щитомъ», «Примите дивное посланье»—«Отвѣтомъ Е. Н. Ушаковой», «Вѣтка Палестины»—«Цвѣткомъ», «Журналистъ, читатель и писатель»—«Разговоромъ книгопродавца съ поэтомъ», «Опять, народные витіи»—«Клеветникамъ Россіи», «Три пальмы»—«Подражаніемъ Корану», «Отчизна»—«отрывкомъ изъ путешествія Онѣгина», и др.

Въ «Menschen und Leidenschaften» (III, 95) вставлено стихотвореніе Пушкина «Е. Н. Вульфъ», а въ «Княжну Мери» (IV, 243)—два стиха изъ посвященія къ «Евгенію Онѣгину». Эпиграфъ «Княгини Лиговской» (IV, 97) взятъ изъ XVI-й строфы 1-й гл. «Евгенія Онѣгина», а заключительныя строки поэмы «Послѣдній сынъ вольности» (I, 253)—переводъ на англійскій языкъ изъ «Руслана и Людмилы». Стихъ «Подъ сѣнь черемухъ и акацій» (I, 48: «Пиръ») заимствованъ изъ VII строфы 6-й гл. «Евгенія Онѣгина»; «И на челѣ его высокомъ не отразилось ничего» (II, 352: «Демонъ»)—изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, оттуда же двустишія:

«И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой» (II, 351) и
«Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной
Чеченцы ходятъ за рѣкой» (I, 4: Черкесы);

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ» (IV, 129)—изъ поэмы «Братья разбойники», «Остылой жизни чаша»—изъ стихотворенія Н. И. Кривцову «Не пугай насъ, милый другъ», «Не гнется гордый нашъ языкъ» (III, 266)—изъ «Евгенія Онѣгина (XXVI строфа 3-й главы), и др.

Наконецъ, имѣются и прямыя ссылки на Пушкина: въ «Княгинѣ Лиговской» (IV, 129), въ «Монго» (II, 202), въ «Казначейшѣ» (II, 229), въ «Героѣ нашего времени» (IV, 237), въ «Додо» (I, 94).

Знакомство Лермонтова съ «Горемъ отъ ума» Грибоѣдова видно въ «Странномъ человѣкѣ» (III, 158 и 193), въ «Княгинѣ Лиговской» (IV, 151), въ «Героѣ нашего времени» (IV, 242); та же драма оказала очень замѣтное вліяніе и на «Маскарадъ» Лермонтова.

Кромѣ Пушкина и Грибоѣдова, Лермонтовъ читалъ Рылѣева (подъ впечатлѣніемъ его «Думъ» написаны стихотворенія «Жалоба турка», «Сыны снѣговъ, сыны славянъ», «Олегъ»), Лажечникова (IV, 125), Кукольника (II, 210), Марлинскаго (его вліяніемъ можно объяснить обиліе романтической выспренности въ юношескихъ драмахъ и повѣсти), Полевого (II, 174), Жуковскаго (IV, 199, 201, 203 и 339, чтеніемъ Жуковскаго навѣяны такія стихотворенія, какъ «Свѣча горитъ. Дрожащею рукою...», «Въ избушкѣ позднею порою...», «Гость», «Любовь мертвеца» и др.), Полежаева (II, 143), Козлова (II, 235), Мятлева (II, 294), гр. Ростопчину (IV, 339), а также разныхъ «сочинителей мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ» (IV, 237).

Послѣ этого какъ-то страннымъ кажется замѣчаніе Лермонтова, что онъ ничѣмъ не обязанъ родной литературѣ.

«Наша литература,—читаемъ въ одной изъ его замѣтокъ, сдѣланной въ 1830 г.,—такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ 15-ть же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ» (IV, 350).

Мотивы народной поэзіи слышатся въ стихотвореніяхъ: «Что въ полѣ за пыль пылитъ», «Русская пѣсня», «Атаманъ», «Воля», «Бородино», особенно же въ «Пѣснѣ про купца Калашникова». О русскихъ народныхъ пѣсняхъ поэтъ былъ очень высокаго мнѣнія и сожалѣлъ только, что мамушкой у него была нѣмка, а не русская: «я не слыхалъ сказокъ народныхъ»... (IV, 350—351).

Изъ другихъ славянскихъ поэтовъ Лермонтову извѣстенъ былъ Мицкевичъ, котораго онъ читалъ въ оригиналѣ, какъ показываетъ стихотвореніе «Видъ горъ изъ степей Козлова»,—переводъ изъ «Крым-

скихъ сонетовъ», сдѣланный независимо отъ И. И. Козлова; слѣды вліянія «Конрада Валленрода» того же Мицкевича замѣтны въ «Измаилѣ-Бее» и въ «Послѣднемъ сынѣ вольности».

Очень рано Лермонтовъ начинаетъ знакомиться и съ западною литературою. Еще въ 1829-мъ году онъ переводитъ и варіируетъ цѣлый рядъ пьесъ Шиллера, поэзія, котораго особенно увлекала его въ то время своимъ сентиментально-героическимъ характеромъ («Три вѣдьмы», «Къ Нинѣ», «Встрѣча», «Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ», «Перчатка», «Дитя въ люлькѣ», «Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь»); вліяніе Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь»), а также Лессинга съ его «Натаномъ Мудрымъ» замѣтно и въ юношеской драмѣ «Испанцы». Слѣды Шиллера видны и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній Лермонтова: «Je l'attends dans la plaine sombre» представляетъ почти переводъ изъ «Die Erwartung» Шиллера. Къ болѣе позднему времени (1840—41 гг.) относятся переводы изъ Шедлица («Воздушный корабль»), Гете («Горныя вершины»), Гейне («Сосна», «Они любили другъ друга»). Чтеніемъ Гофмана навѣянъ отрывокъ изъ начатой повѣсти.

Что касается французской литературы, то Лермонтовъ цѣнилъ ее не особенно высоко и находилъ, что въ нашихъ народныхъ сказкахъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности (IV, 350—351). Во всякомъ случаѣ, ему извѣстны были: Le Sage (II, 147), Вольтеръ (II, 273 и III, 246), Руссо (IV, 194 и 351: отзывъ о «Новой Элоизѣ»), La Harpe (эпиграфъ къ поэмѣ «Корсаръ»; «Казотъ»), Saint-Ange (выписки находимъ въ одной изъ юношескихъ тетрадей), Бомарше (IV, 186), А. Шенье, Шатобріанъ (IV, 356: упоминается романъ «Аттала»), Барбье (II, 255: эпиграфъ къ «Не вѣрь себѣ»), Ротру (II, 202: эпиграфъ къ «Смерть поэта»), Бальзакъ (IV, 189), Жоржъ Зандъ (ср. въ предисловіи къ Журналу Печорина: «Мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ» и «Tout comprendre c'est tout pardonner» у Ж. Занда). Вліяніе В. Гюго («Orientales, «Hernani», «Notre Dame de Paris») замѣтно въ кавказскихъ поэмахъ «Аулъ Бастунджи», «Хаджи-Абрекъ», «Измаилъ-Бей», въ драмѣ «Испанцы» и въ повѣсти «Вадимъ». Въ «Демонѣ» видно знакомство съ «Eloa» Альфреда де Виньи, а въ «Героѣ нашего времени»—съ «La Confession d'un enfant du siècle» А. де-Мюссе. Изъ англійскихъ писателей Лермонтовъ прежде всего началъ увлекаться Шекспиромъ. Еще въ 1831 г., въ одномъ изъ писемъ къ теткѣ М. А. Шанъ-Гирей, онъ очень горячо «вступается за честь Шекспира», какъ творца «Гамлета», называя его «геніемъ необъемлемымъ, проникающимъ въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальнымъ, т. е. неподражаемымъ Шекспиромъ» (IV, 306—307). Въ другомъ письмѣ (IV, 339) проситъ Е. А. Арсеньеву прислать «полнаго Шекспира по-англійски»; въ «Сашкѣ» (II, 164) приводитъ цитату изъ «Гамлета»; подъ вліяніемъ «Отелло» задумываетъ драму «Маскарадъ». Потомъ Лермонтовъ перечитываетъ Вальтеръ-Скотта (III, 99: Любенька въ «Menschen und Leidenschaften»; зачитывается «Вудстокомъ» или «Всадникомъ», IV, 255; Печоринъ увлекается «волшебнымъ вымысломъ» романа «Шотландскіе Пуритане»; «Казачья колыбельная пѣсня навѣяна стихотвореніемъ «Lullaby of an infant chief». Ср. также IV, 38), Ф. Купера (въ его романахъ Лермонтовъ видѣлъ больше глубины и художественной цѣлости, чѣмъ у В. Скотта; ср.: *Пыпинъ*. Бѣлинскій, т. II, стр. 38), Томаса Мура (I, 143: ссылается на «Letters and journals of Byron»; «Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою» и «The evening Gun»; подъ вліяніемъ «The Loves of the angels» задумана поэма «Демонъ»), Оссіана (I, 138), Стерна (въ черновыхъ тетрадяхъ сохранился французскій переводъ отрывковъ изъ «Sentimental Journey»), Ричардсона (I, 140).

Завершилось знакомство съ англійской литературой «огромнымъ» Байрономъ, котораго поэтъ всю жизнь свою «достигнуть бы хотѣлъ»:

> У насъ одна душа, однѣ и тѣ-же муки;
> О, если-бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
> (I, 143).

Первые слѣды знакомства съ поэзіей Байрона видимъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»: послѣдній стихъ этой поэмы («Гдѣ дочь моя?» И отзывъ скажетъ: «Гдѣ?»)—переводъ изъ «Абидосской Невѣсты» (II, XXVII: «Where is my child?»—an Echo answers—«Where?»). Въ «манерной и своенравно-печальной» поэзіи Байрона Лермонтовъ нашелъ подтвержденіе того, что онъ самъ чувствовалъ, думалъ и переживалъ.

Многочисленныя параллели и аналогіи, общіе мотивы, образы и драматическія положенія говорятъ не о заимствованіи одного поэта у другого, а скорѣе о родствѣ этихъ двухъ мятежныхъ душъ, такъ что Лермонтова съ полнымъ правомъ можно называть не подражателемъ Байрона, а его «младшимъ братомъ». Переводовъ изъ Байрона у Лермонтова сравнительно немного: «Прости», «Баллада» («Берегись! берегись!»), «Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ!», «Еврейская мелодія» («Душа моя мрачна»), «Въ альбомъ» («Какъ одинокая гробница»), «Мракъ», «The Giaour», Napoleon's Farewell», «Верро».

Дань классицизму Лермонтовъ заплатилъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Заблужденіе Купидона», «Панъ», «Цѣвница», «Къ генію», «Пиръ», «Арфа». Встрѣчаются также упоминанія и ссылки на Сократа (II, 188; III, 107; IV, 3), Плутарха (IV, 357), Демосѳена (II, 160), Ю. Цезаря (IV, 259), Цицерона (IV, 211), а въ «Джюліо» (I, 195) приводится цѣлое осьмистишіе «римскаго поэта—мудреца», подъ которымъ разумѣется, повидимому, Виргилій.

Чтобы покончить съ мотивами юношескаго творчества Лермонтова, слѣдуетъ отмѣтить еще тѣ произведенія, которыя навѣяны разными событіями современной общественной и политической жизни: волненіями по поводу холеры 1830 г. («Чума въ Саратовѣ», «Чума», «Могила бойца»), аракчеевщиной и бунтами военныхъ поселеній («Сыны снѣговъ, сыны славянъ»), ужасами крѣпостнаго права («Странный человѣкъ»: III, 171—174), іюльской революціей во Франціи («10-е іюля 1830 г.», «Парижъ 30 іюля 1830 г.», «О, полно извинять развратъ») и др.

Въ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Лермонтова отразилось то свободолюбивое настроеніе, какимъ была охвачена прогрессивная часть тогдашней молодежи, помнившая еще завѣты Пестеля и Рылѣева.

Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный (I, 45).

Называя свою отчизну Турціей, дикимъ краемъ, страной рабства и цѣпей (I, 65—66), поэтъ горячо привѣтствуетъ проявленіе борьбы съ тираніей (I, 161) и «мечтаетъ» о наступленіи «чернаго года» для Россіи,

Когда царей корона упадетъ
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь.
(I, 144).

Сочувственный откликъ находитъ въ немъ и французская революція—возстаніе «за независимость страны» и паденіе «самодержавія сыновъ» (I, 150—151). Негодуетъ Лермонтовъ и на крѣпостное рабство, съ ужасами котораго онъ могъ близко познакомиться, когда живалъ у родныхъ въ деревнѣ. «Люди! люди!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. Все куплено кровавыми слезами... Несчастные мужики, что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!.. (III, 173).

Петербургъ произвелъ на Лермонтова неблагопріятное впечатлѣніе (II, 144).

«Многіе жители Петербурга—читаемъ въ «Княгинѣ Лиговской»,—проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце не способно къ энтузіазму, умъ къ размышленію» (IV, 118).

Въ письмахъ къ друзьямъ (С. А. Бахметевой, А. М. Верещагиной и М. А. Лопухиной) поэтъ все жалуется на усталость, тоску, скуку, на непригодность для общества и людей, на то, что поэзія души его погасла. «Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей: быть своимъ шутомъ!.. Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ къ душѣ своей?.. Одна вещь меня безпокоитъ... Тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ. Дорогой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я—цыганъ»... (IV, 307—308). «Назвать вамъ,—спрашиваетъ Лермонтовъ М. А. Лопухину,—всѣхъ, у кого я бываю? Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться, но въ концѣ концовъ я нашелъ, что лучшій мой родственникъ—

это я самъ. Видѣлъ я образчики здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей очень вѣжливыхъ; всѣ они производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и простого, но въ которомъ въ первый разъ можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различіе между деревьями»... (IV, 311 и 392). «Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу,—заканчиваетъ онъ одно изъ писемъ къ С. А. Бахметевой,—надоѣло!—Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смѣха попадались» (IV, 311).

Лучшій показатель душевнаго настроенія поэта, по его собственнымъ словамъ,—стихотворенія «Для чего я не родился» и «Что толку жить!» (IV, 312—313 и II, 14—16).

Къ тому же времени относится стихотвореніе «Парусъ»—образъ мятущейся души поэта, для котораго жизнь немыслима безъ бурь и грозъ.

Намѣреніе Лермонтова перейти въ Петербургскій университетъ встрѣтило совершенно неожиданныя препятствія: ему не зачли двухлѣтняго пребыванія въ Московскомъ университетѣ и предложили держать вступительный экзаменъ на 1-й курсъ. Тогда Лермонтовъ, по совѣту своего друга Алексѣя Аркадьевича Столыпина, рѣшилъ опредѣлиться въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и началъ готовиться къ экзаменамъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (теперешнее Николаевское Кавалерійское училище), куда и былъ зачисленъ, приказомъ отъ 10 ноября, сначала унтеръ-офицеромъ, а потомъ юнкеромъ.

Поступая въ Школу, Лермонтовъ ничѣмъ не обольщалъ себя и думалъ лишь объ одномъ—о близкой свободѣ.

«Не могу представить себѣ,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—какое впечатлѣніе произведетъ на васъ моя важная новость. До сихъ поръ я жилъ для литературной карьеры, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному кумиру, и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, это особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь кратчайшій, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленной агоніи старости. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что всегда буду впереди»... (IV, 316 и 395).

«Куртка тѣсная», маршировка, парадировка, «въ манежѣ Алехинъ гласъ» (II, 87: «Юнкерская молитва»), конечно, ничего не давали ни уму, ни душѣ. Не могли наполнить жизни и тѣ «скучныя наслажденія», о которыхъ поэтъ разсказываетъ въ «Гошпиталѣ», «Петергофскомъ праздникѣ», «Уланшѣ». Правда, въ письмахъ Лермонтова къ кузинѣ Лопухиной встрѣчаются оговорки, что онъ теперь «счастливѣе, чѣмъ когда-либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ», что ему «нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы можно было носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи душу»... Но рядомъ съ этими «гусарскими бравадами» слышатся жалобы на пошлость и пустоту жизни, опасеніе, что изъ него никогда ничего не выйдетъ, желаніе найти самого себя и стать такимъ, какимъ нѣкогда былъ, а проведенное въ Школѣ время прямо называется «двумя страшными годами»... (IV, 318—322 и 396—399).

По разсказамъ Шанъ-Гирея, Школа переродила Лермонтова не только физически, но и нравственно. Слѣды домашняго воспитанія и женскаго общества исчезли отъ царившаго въ Школѣ разгула и кутежей. Домой Мишель приходилъ только по праздникамъ и воскресеньямъ и ровно ничего не писалъ. Способности свои къ рисованью и поэтическій талантъ онъ обратилъ на каррикатуры, эпиграммы и разныя неудобныя къ печати произведенія, помѣщавшіяся въ издаваемомъ въ Школѣ рукописномъ иллюстрированномъ журналѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ ходили по рукамъ и отдѣльными выпусками. По счастію,—заканчиваетъ Шанъ-Гирей,—Мишель поступилъ въ Школу не ранѣе девятнадцати лѣтъ и пробылъ тамъ не болѣе двухъ; по выпускѣ въ офицеры, все это пропало, какъ съ гуся вода. «Faut que jeunesse jette sa gourme», говорятъ французы («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 727—729).

Почти въ одно время съ Лермонтовымъ поступилъ въ Школу и его будущій убійца, Н. С. Мартыновъ. Въ автобіографическихъ запискахъ Мартынова сохранилось много

интересныхъ подробностей о поэтѣ-юнкерѣ. «Наружность его,—пишетъ Мартыновъ,—была весьма невзрачна; маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непомѣрно-широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ, въ покоѣ нѣсколько томное, но какъ скоро онъ воодушевлялся какими-нибудь проказами или школьничествомъ, глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налѣво, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другого производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ людей не видалъ... Волосы у него были темные, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные—бѣлые и ровные, какъ жемчугъ... Онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но, какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади: поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не слылъ, и на ординарцы его не посылали... По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ: тѣ же причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносила критику... Умственное развитіе его было настолько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ Школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ, тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и воззрѣніемъ на людей далеко оставлялъ ихъ за собой... Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался русской словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовію онъ относился только къ этимъ двумъ предметамъ»... («Русск. Арх.» 1893 г., кн. II (8), стр. 586—588).

По воспоминаніямъ другого товарища по Школѣ, Лермонтовъ ничѣмъ особенно не выдѣлялся среди товарищей-юнкеровъ, не прочь былъ пошкольничать и никогда не отставалъ отъ другихъ по части всевозможнаго озорства и молодечества. Страстью его было изводить кого-нибудь своими остротами и насмѣшками, иногда очень злыми, и этимъ онъ нажилъ себѣ не мало враговъ и недоброжелателей. Особенно часто доставалось кн. Іос. Шаховскому, прозванному за свой длинный носъ «князь Носъ» (II, 106), кн. А. Барятинскому, «любителю наслажденій» (II, 432), Д. С. Бибикову, герою «Петергофскаго праздника» (II, 433—33), и барону Тизенгаузену (II, 433). Изъ школьныхъ друзей Лермонтова называютъ Алексѣя Аркадьевича Столыпина—«Монго» (II, 444), Николая Ивановича Поливанова—«Лафа, буянъ лихой» (II, 433), товарищей по Московскому университету, Василія Александровича Вонлярлярскаго, впослѣдствіи извѣстнаго беллетриста, автора «Большой барыни» и др.

Среди товарищей Лермонтовъ носилъ прозвище «Маешка»—передѣлка на русскій ладъ имени фантастическаго урода «Monsieur Mayeux», похожденія котораго изображались въ разныхъ каррикатурныхъ листкахъ. Разумѣется,—замѣчаетъ Меринскій,—къ Лермонтову не шло это прозвище, и онъ всегда отъ души смѣялся надъ нимъ. Лермонтовъ былъ небольшого роста, плотный, широкоплечій и немного сутуловатый. Зимою, въ большіе морозы юнкера, уходя изъ Школы, надѣвали шинели въ рукава, сверхъ мундировъ и ментиковъ; въ этой формѣ онъ дѣйствительно казался неуклюжимъ, что и самъ сознавалъ, и однажды нарисовалъ себя въ этой одеждѣ въ каррикатурѣ («Русск. Міръ» 1872 г., № 205).

Въ первый годъ пребыванія Лермонтова въ Школѣ съ нимъ случилось большое несчастье, едва не заставившее его совсѣмъ бросить военную службу. Во время верховой ѣзды въ манежѣ Лермонтовъ сильно повредилъ себѣ кость лѣвой ноги. Для поправленія здоровья ему разрѣшено было переѣхать въ домъ бабушки, и здѣсь онъ подготовился къ экзамену прямо въ первый классъ («Русск. Стар.» 1875 г., кн. IV, стр. 814. Ср. Сочинен. IV, 318).

Что касается литературной дѣятельности, то свое пребываніе въ юнкерской Школѣ Лермонтовъ ознаменовалъ нѣсколькими совершенно нецензурными произведеніями («Гошпиталь», «Петергофскій праздникъ», «Уланша», «Къ

Гизенгаузену» и др.), предназначенными для рукописнаго журнала «Школьная Заря», гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ (подъ псевдонимами «Гр. Діарбекиръ», «Жрецъ н.....а», «Инвалидъ Николай Ивановичъ»). «Зимой, въ началѣ 1834 года,—вспоминаетъ Меринскій,—кто-то изъ насъ предложилъ издавать журналъ, конечно, рукописный. Всѣ согласились, и вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ; въ продолженіе семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ каморахъ. Желавшій могъ оставаться неизвѣстнымъ. По средамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ журнала набралось нѣсколько. Не знаю, что съ ними сталось, но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Лермонтова, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати... Никто изъ насъ тогда, конечно, не подозрѣвалъ и не разгадывалъ великаго таланта въ Лермонтовѣ. Да были ли тогда досугъ и охота намъ что-нибудь разгадывать, намъ—юношамъ въ семнадцать лѣтъ, смѣло и горячо начинавшимъ жизнь, что называется, безъ оглядки и разгадки»... («Атеней» 1858 г., № 48).

Въ свои серьезные литературные замыслы Лермонтовъ неохотно посвящалъ даже близкихъ и друзей, тая «надежды лучшія и голосъ благородный». «По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ нашъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами. Иногда онъ занимался рисованіемъ; онъ недурно рисовалъ и любилъ изображать кавказскіе виды и черкесовъ, скакавшихъ по горамъ»... («Русск. Міръ» 1872 г., № 205).

Высочайшимъ приказомъ отъ 22-го ноября 1834 г. Лермонтовъ произведенъ былъ по экзамену изъ юнкеровъ въ корнеты лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка и поселился съ А. А. Столыпинымъ въ Царскомъ Селѣ, на углу Большой и Манежной улицъ. Бабушка Е. А. Арсеньева богато экипировала своего любимца, подарила ему тройку лошадей, выписала изъ Тарханъ двухъ кучеровъ, повара и лакея и дала обѣщаніе каждые три мѣсяца высылать внуку по двѣ съ половиною тысячи рублей. Еще за годъ до окончанія курса Школы, въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Лопухиной, Лермонтовъ строитъ заманчивые планы свободной офицерской жизни: «Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ вести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя грезы мои разлетаются, я сказалъ себѣ, что не стоитъ создавать новыя; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Попробовалъ—и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безполезны, и вскорѣ прошлое представилось мнѣ просто программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій... Предупреждаю васъ, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: я чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ черезъ годъ. Моя жизнь до сихъ поръ была рядомъ разочарованій,—теперь они смѣшны мнѣ, я смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я только вкусилъ удовольствій жизни и, не насладившись ими, пресытился»... (IV, 319—320 и 397—398). Въ разсказахъ Меринскаго («Атеней» 1858 г., № 48), Бурнашева («Русск. Архивъ» 1872 г., № IX), А. П. Васильчикова («Русск. Архивъ» 1872 г., № 1) и др. Лермонтовъ рисуется веселымъ, жизнерадостнымъ повѣсой, любителемъ холостыхъ пирушекъ, кутежей и всевозможныхъ «гусарскихъ» шалостей и дурачествъ. Самъ поэтъ характеризуетъ себя въ поэмѣ «Монго» (II, 196—197). «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, — отзывается о Лермонтовѣ гр. Е. П. Ростопчина. Проказы, шалости, шутки всякаго рода сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ,

въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы... Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстраивать партіи, находящіяся въ зачаткѣ, и для того онъ разыгрывалъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіе нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ его любить, несмотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признаніе нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удерживаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ»... («Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXV, кн. IX, стр. 615—616). То же слышимъ и отъ самого Лермонтова. «Я теперь,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—бываю въ свѣтѣ для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!... я ухаживаю и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня немного, и хотя это не совсѣмъ ново, однако же, бываетъ не часто!... Вы думаете, что меня за то гонятъ прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. У меня смѣлость въ отношеніяхъ съ ними. Ничто меня не смущаетъ—ни гнѣвъ, ни нѣжность; я всегда настойчивъ и горячъ, но сердце мое холодно и способно забиться только въ исключительныхъ случаяхъ. Неправда-ли, я далеко пошелъ!... И не думайте, что это хвастовство: я теперь человѣкъ скромный и при томъ знаю, что этимъ ничего не выиграю въ вашихъ глазахъ»... (IV, 321 и 399). Къ этому времени относится развязка давнишняго романа Лермонтова съ Е. А. Сушковой, о чемъ онъ съ удивительной откровенностью разсказываетъ въ письмѣ къ А. М. Верещагиной, какъ о самомъ «интересномъ и курьезномъ» въ его тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ (IV, 323—324 и 400—401).

Болѣе подробный разсказъ объ отношеніяхъ Лермонтова къ Е. А. Сушковой, подкупающій своею искренностью и непосредственностью, находимъ въ «Запискахъ» самой героини, или точнѣе—жертвы этого романа (Изд. 2, стр. 130—180). «Я не могу дать,—заканчиваетъ Сушкова свои записки,—и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ: въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ неожиданно, такъ незаслуженно!.. Какъ я переродилась; куда дѣвалась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость! Я готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы онъ ласково взглянулъ на меня!.. Отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее—мое, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся отнять у меня *воспоминаніе*; оно—моя собственность, я дорого заплатила за него...»

Во всей этой романической исторіи много неяснаго и недоговореннаго, но относительно поведенія Лермонтова, конечно, двухъ мнѣній быть не можетъ. Впрочемъ, Лермонтовъ, повидимому, и самъ чувствовалъ всю непорядочность своихъ поступковъ, такъ какъ въ томъ же письмѣ къ Верещагиной читаемъ. «О, дорогая кузина, надо вамъ признаться: причиной того, что не писалъ къ вамъ и M-elle Marie, былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ замѣтите, что я почти не достоинъ болѣе вашей дружбы, ибо отъ васъ обѣихъ я не могу скрывать истину; отъ васъ, наперсницъ юношескихъ моихъ мечтаній, такихъ чудныхъ, особенно въ воспоминаніи. И всетаки, если посмотрѣть на меня, покажется, что я помолодѣлъ года на три,—такой у меня счастливый и беззаботный видъ человѣка, довольнаго собою и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ?..» (IV, 324 и 401).

Въ концѣ 1835 года до Лермонтова дошли слухи, что Варвара Александровна Лопухина выходитъ замужъ за Н. Ѳ. Бахметева. «Не знаю,—пишетъ онъ А. М. Верещагиной,—долженъ ли я вѣрить г-жѣ Углицкой, но, во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить въ супружескомъ согласіи до празднованія ея *серебряной свадьбы* и даже долѣе, если до тѣхъ поръ она не пресытится» (IV, 325 и 402).

Какое впечатлѣніе произвело на Лермонтова это извѣстіе, можно видѣть изъ разсказа Шанъ-Гирея. «Мы играли въ шахматы, человѣкъ подалъ письмо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился

въ лицѣ и поблѣднѣлъ; я испугался и хотѣлъ спросить, что такое, но онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: «вотъ новость—прочти», и вышелъ изъ комнаты. Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной... Я имѣлъ случай убѣдиться, что первая страсть Мишеля не исчезла»... («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, 738—739).

Литературное наслѣдіе Лермонтова за эти годы Петербургской «свѣтской» жизни (1834—36) довольно значительно: поэмы «Хаджи - Абрекъ», «Бояринъ Орша», «Сашка» и «Казначейша»; романъ «Княгиня Лиговская»; драмы «Два брата» и «Маскарадъ»; нѣсколько лирическихъ стихотвореній.

«Хаджи-Абрекъ»—первое произведеніе Лермонтова, появившееся въ печати, хотя и безъ вѣдома самого поэта. По словамъ Меринскаго, осенью 1834 года, юнкеръ Н. Д. Юрьевъ, родственникъ и товарищъ Михаила Юрьевича по Школѣ, потихоньку отнесъ эту повѣсть къ Смирдину, въ «Библіотеку для чтенія», гдѣ она и была напечатана въ слѣдующемъ году («Атеней» 1858 г., № 48). Лермонтовъ,—добавляетъ Шанъ-Гирей,—былъ взбѣшенъ; по счастью, поэму никто не разбранилъ, напротивъ, она имѣла нѣкоторый успѣхъ... («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 737—738).

Поэма эта—побѣдный гимнъ кровавой мести. Герой, Хаджи безстрашный, потерявъ единственнаго брата, погибшаго отъ пули Бей-Булата, «все похоронилъ, чему вѣрилъ, что любилъ»; адъ и рай души его—«единый мщенья часъ», за который онъ не взялъ бы и вселенной.

Любопытно, что эта кровавая поэма очень понравилась бабушкѣ поэта, Е. А. Арсеньевой. «Стихи твои, мой другъ,—пишетъ она внуку 18 октября 1835 г.,—читала: безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ модной неистовой любви. И невѣстка сказывала, что Аѳанасію (братъ Елизаветы Алексѣевны) очень понравились стихи твои... Стихи твои я больше десяти разъ читала»...(Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ. Приложен., 6).

Поэма «Бояринъ Орша» навѣяна Байрономъ, въ частности «Абидосскою Невѣстою», «Паризиною», «Гяуромъ». Арсеній, «найденышъ безъ креста», «презрѣнный рабъ и сирота», жилъ меньше, чѣмъ страдалъ, но сохранилъ свой гордый видъ и гордый духъ, непреклонный предъ судьбой. Задумчивый, одинокій, томимый тоской невольности, онъ живетъ мечтами о свободѣ, любви и счастьи. Потерявъ любимую дѣвушку, онъ навсегда оставляетъ край родной. Историческаго и народно-бытового элемента въ поэмѣ очень мало; боярин Орша скорѣе напоминаетъ феодальнаго барона, а сцена монастырскаго суда—инквизиціонный трибуналъ въ Испаніи. Но по художественнымъ достоинствамъ Бѣлинскій причисляетъ «Боярина Оршу» къ «драгоцѣннѣйшимъ перламъ созданій» Лермонтова.

Въ основѣ поэмы «Казначейша» лежитъ «печальная быль иль сказка», слышанная Лермонтовымъ въ Тамбовѣ, гдѣ онъ останавливался, проѣздомъ изъ Петербурга въ Тарханы, зимою 1836 года. Въ легкой юмористической формѣ Лермонтовъ рисуетъ передъ нами цѣлую драму изъ будничной жизни провинціальнаго захолустья. Въ біографическомъ отношеніи очень интересно то мѣсто въ поэмѣ, гдѣ Лермонтовъ, жалуясь на усталость, сковавшую душу, и сожалѣя о «возрастѣ миломъ», сравниваетъ себя съ молодымъ орломъ въ клѣткѣ и при этомъ высказываетъ гордую надежду, что

> Не все-жъ томиться безполезно
> Орлу за клѣткою желѣзной.
> (II, 246—247).

Поэма «Сашка» («нравственная» поэма, какъ назвалъ ее самъ поэтъ) могла быть навѣяна «Сашкою» А. И. Полежаева и «Донъ-Жуаномъ» Байрона. Повидимому, Лермонтовъ замышлялъ какой-то большой романъ въ стихахъ—«глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье» (II, 144), но до насъ дошло лишь нѣсколько набросковъ, и притомъ въ не очень исправныхъ копіяхъ. Несмотря на незаконченность, отсутствіе опредѣленной фабулы и полный лирическій безпорядокъ, «Сашка» даетъ очень много цѣннаго художественно-біографическаго матеріала, отражая «мечты, дѣла и приключенья» самого поэта.

«Княгиня Лиговская»—первый набросокъ «Героя нашего времени». Повѣсть носитъ, несомнѣнно, автобіографическій характеръ. На лицѣ героя, блестящаго гвардейскаго офицера, «глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности», «въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то». «Хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ

духѣ вѣка..., но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости... Въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію» (IV, 99). Въ обществѣ Печорина не всегда замѣчали, но онъ и «не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить о себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія» (IV, 104).

Обманутый женщиной, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, Печоринъ рѣшилъ выместить свою «тайную досаду» на другой. «Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій» (IV, 114).

Исторія Печорина съ княгиней Вѣрой и Лизаветой Николаевной Негуровой близко напоминаетъ личныя отношенія самого Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной и m-elle Сушковой. Что же касается другихъ, выведенныхъ въ повѣсти лицъ, то въ князѣ Степанѣ Степановичѣ («старый, непріятный и обыкновенный человѣкъ») можно видѣть мужа Вареньки, Н. Ѳ. Бахметева, а въ чиновникѣ Красинскомъ— С. А. Раевскаго, который былъ посвященъ въ литературные замыслы поэта (ср. IV, 332—333).

Драму «Маскарадъ» Лермонтовъ нѣсколько разъ передѣлывалъ, настойчиво добиваясь постановки своей пьесы на сценѣ «Императорскаго Санктпетербургскаго театра». Первая редакція, въ трехъ дѣйствіяхъ, была представлена въ драматическую цензуру при III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1835 году. Изложивъ содержаніе пьесы, оканчивавшейся тѣмъ, что Арбенинъ отравляетъ свою жену, цензоръ Евстафій Ольдекопъ пишетъ въ своемъ докладѣ генералу Дубельту: «Не знаю, можетъ ли пройти пьеса даже съ измѣненіями; въ особенности сцена, когда Арбенинъ кидаетъ карты въ лицо князю, должна быть совершенно измѣнена. Возможно, что вся пьеса основывается на событіи, происшедшемъ въ нашей столицѣ, но я не могу понять, какъ могъ авторъ бросить такой вызовъ костюмированнымъ въ домѣ Энгельгардовъ»...

На этомъ докладѣ цензора сдѣлана помѣтка: «Возвращена для нужныхъ перемѣнъ. 8 ноября 1835 года». Получивъ драму обратно, Лермонтовъ прибавилъ еще одно дѣйствіе и въ концѣ того же года или въ началѣ слѣдующаго снова представилъ «Маскарадъ» въ театральную цензуру. Цензоръ Ольдекопъ, повторивъ въ рапортѣ свой первый отзывъ, продолжаетъ: «Таковъ былъ первый рапортъ мой объ этой пьесѣ. Ваше Превосходительство сообщило мнѣ желаніе графа Бенкендорфа объ измѣненіи пьесы авторомъ такимъ образомъ, чтобы она кончалась примиреніемъ между господиномъ и госпожей Арбенинными. Авторъ не подумалъ во время воспользоваться этимъ примѣчаніемъ. Въ новомъ изданіи мы находимъ тѣ же неприличныя нападки на костюмированные балы въ домѣ Энгельгардовъ, тѣ же дерзости противъ дамъ высшаго общества. Авторъ очень хотѣлъ прибавить другой конецъ, но не тотъ, какой былъ ему назначенъ. Арбенинъ отравляетъ свою жену. Какой-то незнакомецъ присутствуетъ при этой сценѣ. Мадамъ Арбенина умираетъ. Ея смертью кончалась пьеса въ первомъ изданіи. Теперь авторъ прибавилъ еще одинъ актъ. Незвѣстный и князь находятся у Арбенина. Незвѣстный говоритъ Арбенину, что 7 лѣтъ тому назадъ онъ обыгралъ его въ карты и что съ тѣхъ поръ онъ поклялся отомстить. Князь обвиняетъ Арбенина въ отравленіи жены и объявляетъ, что она была невинна. Князь вызываетъ Арбенина на дуэль, но послѣдній, пораженный новостью, что жена его невинна, сходитъ съ ума. Драматическіе ужасы прекратились во Франціи, нужно-ли ихъ вводить у насъ, нужно-ли вводить ихъ отраву въ семьяхъ. Дамскія моды, употребляемыя въ Парижѣ, переняты у насъ: это невинно, но перенимать драма-

тическія уродства, отъ которыхъ отвернулся даже Парижъ, это болѣе чѣмъ ужасно, это не имѣетъ имени»... («Ежегодникъ Императорскихъ театровъ». 1911 г. Вып. V, стр. 55—58). Пьеса была опять возвращена автору, но эта новая неудача не подѣйствовала на Лермонтова, и осенью того же 1836-го года онъ въ третій разъ представилъ «Маскарадъ» въ цензуру, подъ заглавіемъ «Арбенинъ» и уже въ пяти дѣйствіяхъ. «Эта пьеса,—писалъ цензоръ,—подъ названіемъ Маскарадъ, дважды была представлена на разсмотрѣніе цензуры и возвращена, какъ неумѣстная и слишкомъ похожая на новѣйшія уродливыя сочиненія французской школы. Нынѣ пьеса представлена совершенно передѣланная, только первое дѣйствіе осталось въ прежнемъ видѣ. Нѣтъ болѣе никакого отравленія, всѣ гнусности удалены»...

Однако, несмотря на сравнительно благосклонный и мягкій отзывъ Ольдекопа, пьеса все-таки не была одобрена къ представленію и на этотъ разъ. Въ художественно-литературномъ отношеніи вторая редакція значительно уступаетъ первой, но что касается главнаго героя драмы—Арбенина, то онъ въ обѣихъ редакціяхъ обрисованъ одинаковыми чертами. Въ типѣ Арбенина Лермонтовъ желалъ воплотить свои собственныя думы, тревоги и муки, но ему не удалось избѣжать большихъ преувеличеній, и вмѣсто живого человѣка получился какой-то полуфантастическій герой-злодѣй. Сгущены краски и въ обрисовкѣ другихъ типовъ.

Отголоскомъ настроенія поэта можетъ служить и драма «Два брата», тоже не лишенная автобіографическаго значенія. «Да, мнѣ 30 лѣтъ,—задумывается Александръ Радинъ,—что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?... Говорятъ, что я эгоистъ,—итакъ, я жилъ для себя?... Нѣтъ, я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?—Также нѣтъ: я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ; одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ. Богъ знаетъ, за чье преступленіе»... (III, 344). «Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго,—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни,—а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе: я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ»... (III, 334). Но и здѣсь его ждало полное разочарованіе. Противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, онъ вскорѣ остался опять одинъ: «съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы». «Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ?—Я потерялъ все, послѣднее родство погибло, послѣднее чувство умерло... На что мнѣ жизнь?»... (III, 354).

Лирическія стихотворенія попрежнему носятъ мрачный, безотрадный характеръ. Успѣвъ «вычерпать до дна сосудъ надеждъ», поэтъ съ завистью смотритъ на тѣхъ, кто еще «вѣритъ счастью и любви», «вѣритъ небу и пророкамъ» (II, 190—191).

Душа мрачна, тягостны веселья звуки, грудь полна, какъ кубокъ смерти, яда полный (II, 140). Поэтъ уподобляетъ себя спящему витязю, добычѣ ревнивой волны: онъ къ страстнымъ лобзаньямъ хладенъ и нѣмъ, не дышитъ, не шепчетъ во снѣ... (II, 139—140). Усталая душа поэта объята «тьмой и холодомъ» (II, 210).

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной... (II, 220).

Новая жизнь и среда, «чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ», не оправдали тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на нихъ когда-то поэтъ.

Въ письмахъ къ близкимъ друзьямъ Лермонтовъ откровенно сознается, что «моя будущность, блистательная на видъ, въ сущности, пошла и пуста. Долженъ вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и ложными шагами на жизненномъ пути; мнѣ или

не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Мнѣ говорятъ, что случай когда-нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня весьма некстати, что моя воля не истощится отъ выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что въ жизни служитъ двигающимъ стимуломъ?..» (IV, 320—321 и 398). Въ томъ же письмѣ къ М. А. Лопухиной Лермонтовъ проситъ «ласковыми словами разогнать холодную иронію, которая неудержимо прокрадывается въ душу, какъ вода просачивается въ разбитое судно»...

Много разныхъ огорченій и непріятностей доставляло Лермонтову его настойчивое желаніе проникнуть въ «большой свѣтъ», гдѣ вращались многіе изъ его товарищей по службѣ, а также и почти всѣ видные литераторы того времени—Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Соллогубъ, Одоевскій и др. Но по происхожденію Лермонтовъ не принадлежалъ къ высшему аристократическому кругу, и тамъ его долго не хотѣли признать своимъ. Поэтъ раздражался, таилъ злобную месть и какъ бы совсѣмъ забывалъ то, что писалъ въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ:

...Передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои:
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
(I, 107. Ср. I, 105).

Ближайшимъ поводомъ бросить вызовъ «надменному глупому свѣту» послужила для Лермонтова неожиданная смерть Пушкина, павшаго жертвою «клеветниковъ безбожныхъ», «свободы, генія и славы палачей».

«Я былъ еще боленъ,—разсказываетъ самъ Лермонтовъ,—когда разнеслась по городу вѣсть о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями. Одни—приверженцы нашего лучшаго поэта—разсказывали съ живѣйшей печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и наконецъ принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою,—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ и прочее... Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера,—никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія. Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго имъ никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго,—и врожденное чувство въ душѣ неопытной—защищать всякаго невинно-осужденнаго—зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнью раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго,—мнѣ отвѣчали, вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія. Я удивился,—надо мною смѣялись. Наконецъ, послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ—и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое, утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность *его* поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества, увеличила въ моемъ воображеніи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; но, тѣмъ не менѣе, я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежащіе къ высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ,—нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣевать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновеніе мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе ошибочно

могутъ принять на свой счетъ выраженія, вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вреднымъ (какъ я прежде мыслилъ и нынѣ мыслю) для другихъ еще болѣе, чѣмъ для себя. Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ, ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка»... (Дѣло о непозволительныхъ стихахъ—въ Лермонт. Музеѣ: отд. IV, №11, лл. 15—16. Ср. «Вѣстн. Европы» 1887 г., кн. I, стр. 340—41).

Стихотвореніе было написано въ два пріема (сначала 1—56 стихи, а потомъ конецъ, начиная съ «А вы, надменные потомки») и ходило по рукамъ въ разныхъ редакціяхъ. О происхожденіи послѣднихъ 16-ти стиховъ С. А. Раевскій передаетъ слѣдующее: «Къ Лермонтову (кажется, въ воскресенье) пріѣхалъ братъ его, камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ. Лермонтовъ, будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью, невольно сдѣлался его партизаномъ, и по врожденной пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половина гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, несмотря на его дерзости, щадили два Государя и даже осыпали милостями, и что затѣмъ о его строптивости мы не должны уже судить. Разговоръ шелъ жарче; молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры, и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому. Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: «Если надъ ними нѣтъ закона и суда земного, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ». Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія; потомъ, по неосторожности, объявлено о его существованіи и дано для переписыванія; чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры» (Дѣло о непозволительныхъ стихахъ—въ Лермонт. Муз.: отд. IV, № 11, лл. 2—7. Ср. «Вѣстн. Евр.» 1887 г., кн. I, стр. 338—339. Разсказъ Н. Д. Юрьева о томъ же—въ ст. В. Бурнашева: М. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ — «Русск. Арх.» 1872 г., № 9, стлб. 1829—1830).

Стихотвореніе на смерть Пушкина («Смерть поэта») имѣло большой успѣхъ, и съ тѣхъ поръ,—замѣчаетъ Шанъ-Гирей,—всѣмъ, кому дорого русское слово, стало извѣстно имя Лермонтова («Русск. Обозрѣн.» 1890 г., кн. VIII, стр. 739). С. А. Раевскій, пострадавшій за распространеніе этого стихотворенія, въ своемъ показаніи пишетъ: «Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевскаго, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія, и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ его императорскому высочеству Государю Наслѣднику, и что Онъ изъявилъ высокое Свое одобреніе» (Дѣло о непозволительныхъ стихахъ — въ Лермонт. Муз.: отд. IV, № 11, лл. 2—7 и 9—14. Ср. «Вѣстн. Евр.» 1887 г., кн. I, стр. 338). Изъ «Записокъ» А. О. Смирновой (ч. II, стр. 42) узнаемъ, что и Государь съ большой похвалою отзывался о стихотвореніи: «Стихи прекрасны и правдивы; за нихъ однихъ можно простить ему всѣ его безумства». В. В. Стасовъ, учившійся въ то время въ Училищѣ Правовѣдѣнія, вспоминаетъ, что когда стихотвореніе Лермонтова проникло къ нимъ въ училище («тайкомъ, въ рукописи»), оно «глубоко взволновало насъ, и мы читали и декламировали его съ безпредѣльнымъ жаромъ, въ антрактахъ между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не отъ кого было, про кого это рѣчь шла въ строфѣ: «А вы, толпою жадною стоящіе у трона» и т. д., но всетаки мы волновались, приходили на кого-то въ глубокое негодованіе, пылали отъ всей души, наполненной

геройскимъ воодушевленіемъ, готовые, пожалуй, на что угодно,—такъ наоъ подымала сила Лермонтовскихъ стиховъ, такъ заразителенъ былъ жаръ, пламенѣвшій въ этихъ стихахъ. Наврядъ-ли когда-нибудь еще въ Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе»... («Русск. Старина» 1881 г., кн. II, стр. 410—11).

Но тѣ, кто узнавалъ себя въ «клеветникахъ безбожныхъ», «наперстникахъ разврата», «свободы, генія и славы палачахъ»,—тѣ приняли стихотвореніе Лермонтова за «воззваніе къ революціи» и добились того, что въ концѣ февраля, по запискѣ генералъ-адъютанта, графа Бенкендорфа, началось дѣло о «непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовымъ и распространеніи оныхъ губернскимъ секретаремъ Раевскимъ».

На судѣ Лермонтовъ показалъ, что стихи принадлежатъ, дѣйствительно, ему, но вина въ распространеніи ихъ всецѣло падаетъ на С. А. Раевскаго. «Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина (что, къ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія и, по необдуманности, не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ, какъ новость, другому,—и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія, произведеннаго ими, не могъ во время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, но отрекаться отъ нихъ, хотя постигъ свою необдуманность, я не могъ: *правда* всегда была моей святыней—и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ *ней*, къ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя и лицомъ Божіимъ». Что касается Раевскаго, то онъ не отрицалъ, что, изъ любви къ Лермонтову и желанія славы таланту, охотно давалъ переписывать экземпляры стихотворенія, но «политическихъ мыслей и, тѣмъ болѣе, противныхъ порядку, установленному вѣковыми законами», у него не было и быть не могло. «Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и видя, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры... Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви, ничего не остается желать—развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже моихъ родителей. Сверхъ того, оба мы—русскіе душою и, еще болѣе, вѣрноподданные... Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковывать по желанію; но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполнѣ, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считала это нужнымъ, и что Государь Императоръ осыпалъ семейство Пушкина милостями, слѣдовательно дорожилъ имъ,—положили, что, стало быть, можно было бранить враговъ Пушкина, оставили было идти дѣло такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями, потому что бабку его Арсеньеву, и не знавшую ничего о прибавленіи, начали безпокоить общіе вопросы о ея внукѣ, и что она этого пожелала»....

Дѣло кончилось тѣмъ, что, несмотря на всѣ хлопоты и заступничество бабушки Е. А. Арсеньевой, ея брата Аѳ. Ал. Столыпина, А. Н. Муравьева, А. Н. Мордвинова, тогдашняго начальника III Отдѣленія, и др., Лермонтовъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 25-го февраля, переведенъ былъ тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Раевскій, по выдержаніи на гауптвахтѣ втеченіе одного мѣсяца, высланъ въ Олонецкую губ., на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора. Товарищи Лермонтова по лейбъ-гвардіи Гусарскому полку хотѣли было устроить ему прощальный обѣдъ по подпискѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобные проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ перевода поэта въ другой полкъ («Историч. Вѣстн». 1892 г., кн. XI, стр. 385). По воспоминаніямъ А. Н. Муравьева, ссылка Лермонтова на Кавказъ, надѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву, и это не мало способствовало его извѣстности. По дорогѣ на Кавказъ, въ Кахетію, гдѣ въ это время стоялъ Нижегородскій драгунскій

полкъ, Лермонтовъ простудился, схватилъ ревматизмъ и вынужденъ былъ остановиться на довольно продолжительное время въ Пятигорскѣ. «У меня здѣсь,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ скучать все время, покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно брожу по горамъ и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ мой образъ жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когда я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ» (IV, 328 и 403).

Оправившись отъ болѣзни, Лермонтовъ заводитъ многочисленныя знакомства среди «водяного» общества и принимаетъ самое живое участіе во всевозможныхъ курортныхъ развлеченіяхъ—обѣдахъ, пикникахъ, праздникахъ, не торопясь съ отъѣздомъ въ отрядъ. Въ Пятигорскѣ въ это время лѣчился Николай Михайловичъ Сатинъ, товарищъ Лермонтова по Благородному Пансіону, другъ Огарева и Герцена, съ которыми онъ и пострадалъ изъ-за студенческой пирушки 24 іюня 1834 г. Довольно часто навѣщая больного Сатина, Лермонтовъ встрѣтился и познакомился здѣсь съ Бѣлинскимъ. «Познакомились,—вспоминаетъ Сатинъ,—и дѣло шло ладно, пока разговоръ вертѣлся на разныхъ пустячкахъ; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембаръ (Пензенской губ.). Но Бѣлинскій не могъ долго удовлетворяться пустословіемъ. На столѣ у меня лежалъ томъ записокъ Дидерота; взявъ его и перелистовавъ, онъ съ удивленіемъ началъ говорить о французскихъ энциклопедистахъ и остановился на Вольтерѣ, котораго именно онъ въ то время читалъ. Такой переходъ отъ пустого разговора къ серіозному разбудилъ юморъ Лермонтова. На серіозныя мнѣнія Бѣлинскаго онъ началъ отвѣчать разными шуточками; это явно сердило Бѣлинскаго, который начиналъ горячиться; горячность же Бѣлинскаго болѣе и болѣе возбуждала юморъ Лермонтова, который хохоталъ отъ души и сыпалъ шутками. «Да я вотъ что скажу вамъ о вашемъ Вольтерѣ,—сказалъ онъ въ заключеніе: если бы онъ явился теперь къ намъ въ Чембары, то его ни въ одномъ порядочномъ домѣ не взяли бы въ гувернеры». Такая неожиданная выходка, впрочемъ, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Бѣлинскаго. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ посмотрѣлъ, молча, на Лермонтова, потомъ, взявъ фуражку и, едва кивнувъ головой, вышелъ изъ комнаты. Лермонтовъ разразился хохотомъ. Тщетно я увѣрялъ его, что Бѣлинскій замѣчательно умный человѣкъ; онъ передразнивалъ Бѣлинскаго и утверждалъ, что это не доучившійся фанфаронъ, который, прочитавъ нѣсколько страницъ Вольтера, воображаетъ, что проглотилъ всю премудрость. Бѣлинскій съ своей стороны иначе не называлъ Лермонтова, какъ *пошлякомъ*, и когда я ему напоминалъ стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина»,—онъ отвѣчалъ: «Вотъ важность написать нѣсколько удачныхъ стиховъ! Отъ этого еще не сдѣлаешься поэтомъ и не перестанешь быть пошлякомъ!» На впечатлительную натуру Бѣлинскаго встрѣча съ Лермонтовымъ произвела такое сильное вліяніе, что въ первомъ же письмѣ изъ Москвы онъ писалъ ко мнѣ: «Повѣрь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай къ себѣ такихъ пошляковъ, какъ Лермонтовъ». Такъ встрѣтились и разошлись въ первый разъ эти двѣ замѣчательныхъ личности,—заканчиваетъ Сатинъ. Черезъ два или три года они глубоко уважали и цѣнили другъ друга» («Починъ». Сборникъ Общества любител. россійск. словесн. на 1895 г., стр. 239—241).

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ познакомился и съ докторомъ Майеромъ, послужившимъ прототипомъ Вернера изъ «Княжны Мери».

Въ свой полкъ, находившійся въ Караагачѣ, Лермонтовъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда лѣтнія военныя экспедиціи уже закончились, такъ что, по его собственнымъ словамъ, слышалъ только два, три выстрѣла (IV, 330). Зато, воспользовавшись случаемъ, Лермонтовъ изъѣздилъ весь Кавказъ и набрался са-

мыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. «Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь-ли,— пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Раевскому,—я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже... Два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался: разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирной, разумѣется),— и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая), на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь. Началъ учиться по-татарски—языкъ, который здѣсь и вообще въ Азіи необходимъ, какъ французскій въ Европѣ,— да жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ. Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой; а, право, я расположенъ къ этому роду жизни»... (IV, 330).

10 октября, въ Тифлисѣ, состоялся Высочайшій смотръ четыремъ эскадронамъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Государь нашелъ полкъ въ отличномъ видѣ, и это косвеннымъ образомъ повліяло на дальнѣйшую судьбу Лермонтова. Сопровождавшій Государя графъ Бенкендорфъ, давнишній знакомый Е. А. Арсеньевой, воспользовался удобнымъ случаемъ и началъ просить о помилованіи Михаила Юрьевича, при чемъ ссылался на Жуковскаго, который знаетъ и очень высоко цѣнитъ литературный талантъ молодого поэта. Государь уважилъ ходатайство Бенкендорфа, и на другой же день послѣ смотра, 11 октября, послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ корнетомъ.

Неохотно разставаясь съ Кавказомъ и подумывая даже объ отставкѣ (IV, 330), Лермонтовъ почти всю зиму провелъ въ Ставрополѣ, куда въ то время переселились изъ Пятигорска Сатинъ и докторъ Майеръ. Очень часто посѣщая Сатина и Майера, Лермонтовъ перезнакомился съ декабристами: кн. Валеріаномъ Михайловичемъ Голицынымъ, Сергѣемъ Ивановичемъ Кривцовымъ, Владиміромъ Николаевичемъ Лихаревымъ, Николаемъ Ивановичемъ Лорерома, Михаиломъ Александровичемъ Назимовымъ, Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ, кн. Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, барономъ Андреемъ Евгеньевичемъ Розеномъ. Но о какомъ-нибудь вліяніи кружка Сатина и Майера на Лермонтова едва-ли можно говорить. «Лермонтовъ,—передавалъ Назимовъ Висковатому въ 1879 или 1880 году,—сначала часто захаживалъ къ намъ и охотно и много говорилъ съ нами о разныхъ вопросахъ личнаго, соціальнаго и политическаго міровоззрѣнія. Сознаюсь, мы плохо другъ друга понимали. Передать теперь черезъ сорокъ лѣтъ разговоры, которые вели мы, невозможно. Но насъ поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрѣній. Онъ являлся подъ часъ какимъ-то реалистомъ, прилѣпленнымъ къ землѣ, безъ полета, тогда какъ въ поэзіи онъ рѣялъ высоко на могучихъ своихъ крылахъ. Надъ нѣкоторыми распоряженіями правительства, коимъ мы отъ души сочувствовали и о коихъ мы мечтали въ нашей несчастной молодости, онъ глумился. Статьи журналовъ, особенно критическія, которыя являлись будто наслѣдіемъ лучшихъ умовъ Европы и заживо задѣвали насъ и вызывали восторги, что въ Россіи можно такъ писать, не возбуждали въ немъ удивленія. Онъ или молчалъ на прямой запросъ, или отдѣлывался шуткой и сарказмомъ. Чѣмъ чаще мы видѣлись, тѣмъ менѣе клеилась серіозная бесѣда.

А въ немъ теплился огонекъ оригинальной мысли,—да впрочемъ и молодъ же онъ былъ еще!» (Висковатовъ. М. Ю. Л—въ, 303—304). Болѣе рѣзко отзывается о Лермонтовѣ самъ Сатинъ. «Позднѣе,—читаемъ въ отрывкахъ изъ его воспоминаній,—зимой, къ нашему обществу присоединился Лермонтовъ, но—признаюсь—только помѣшалъ ему. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ, что наконецъ надоѣло всѣмъ... Бѣлинскій, какъ разсказываетъ Панаевъ, имѣлъ хотя разъ случай слышать въ ордонансгаузѣ серьезный разговоръ Лермонтова о Вальтеръ-Скоттѣ и Куперѣ. Мнѣ—признаюсь,—несмотря на мое продолжительное знакомство съ нимъ, не случалось этого. Этотъ человѣкъ постоянно шутилъ и подтрунивалъ. Ложно понятый Байронъ сбилъ его съ обычной дороги. Пренебреженіе къ пошлости есть дѣло достойное всякаго мыслящаго человѣка; но Лермонтовъ доводилъ это до absurdum, не признавая въ окружающемъ его обществѣ ничего достойнаго его вниманія» («Починъ». Кн. I, стр. 250).

Въ VI т. «Современника» за 1837 г. появилось стихотвореніе Лермонтова «Бородино», обратившее на себя вниманіе простотою и безыскусственностью содержанія, ровнымъ и умѣреннымъ тономъ. Какъ можно видѣть изъ чернового наброска показанія Раевскаго по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина (Лерм. Муз.: отд. IV. № 11, лл. 9—14), пьеса «Бородино» написана была Лермонтовымъ еще до ссылки и тогда же передана для напечатанія А. А. Краевскому. На Кавказѣ Лермонтовъ закончилъ поэму «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и переслалъ ее А. А. Краевскому, для помѣщенія въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», но цензура не нашла возможнымъ допустить къ печати произведеніе опальнаго поэта. Издатель обратился къ содѣйствію Жуковскаго, и, благодаря заступничеству послѣдняго, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, разрѣшилъ печатаніе «Пѣсни», но безъ имени поэта, за подписью: «—въ». Поэма эта, — писалъ Бѣлинскій, — «несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики, и была замѣчена только немногими... Толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размѣтъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не зналъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи...» («Отечеств. Записки» 1841 г., т. XIV. Отд. V, стр. 54 и 61).

Мысль написать эту поэму явилась у Лермонтова, какъ передаютъ, подъ впечатлѣніемъ дѣйствительнаго случая, имѣвшаго мѣсто въ Москвѣ, въ дни студенчества поэта. У молодого Замоскворѣцкаго купца была жена красавица, никуда не выходившая изъ дому, кромѣ церкви и родныхъ, да и то не иначе, какъ въ сопровожденіи старухи няньки. Какой-то лихой гусаръ, тщетно добивавшійся знакомства съ красавицей-купчихой, похитилъ ее на улицѣ, когда она возвращалась отъ вечерни. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, будучи арестованъ, наложилъ на себя руки («Историч. Вѣстн.» 1884 г., кн. IX, стр. 593—595). По формѣ и стилю поэма представляетъ собою очень удачное подражаніе народной пѣснѣ, въ которой Лермонтовъ подозрѣвалъ «больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности» (IV, 350—51). Обращаетъ еще на себя вниманіе полное отсутствіе въ поэмѣ какихъ бы то ни было протестующихъ и негодующихъ нотъ, которыя такъ рѣзко звучатъ въ другихъ произведеніяхъ Лермонтова.

Ко времени первой ссылки на Кавказъ относятся также стихотворенія: «Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою» и «Когда волнуется желтѣющая нива», написанныя въ минуты высокаго религіознаго подъема. «Въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной,—замѣчаетъ Бѣлинскій,—все это больше, чѣмъ умилительно».

Съ Кавказомъ Лермонтовъ разстался въ очень тревожномъ настроеніи:

Боюсь сказать... Душа дрожитъ...
Что если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ?...
О! если такъ... своей метелью,
Кавбекъ, засыпь меня скорѣй
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй! (II, 213—14).

Въ первыхъ числахъ января поэтъ пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь до половины февраля. «Первые дни послѣ пріѣзда,—разсказываетъ онъ въ письмѣ къ М. А. Лопухиной,—прошли въ постоянной бѣготнѣ; представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, эта правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ и было бы можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь ужъ тамъ не служатъ. Наконецъ, я порядкомъ упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда-бы то ни было, въ полкъ-ли, или хоть къ чорту: тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ жаловаться, а это утѣшеніе не хуже всякаго другого... Пріѣхавъ сюда, я нашелъ дома цѣлый хаосъ сплетенъ. Я навелъ порядокъ, поскольку это возможно, когда имѣешь дѣло съ тремя или четырьмя женщинами, которымъ ничего не втолкуешь... Когда я возвращаюсь домой, я только и слышу, что исторіи безъ конца, жалобы, упреки, подозрѣнія и заключенія; это просто несносно, особенно для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ общество дамъ—рѣдкость, или же онѣ мало разговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не говорятъ по-русски, а я по-грузински)... Я все поджидалъ, не случится-ли со мною чего хорошаго, чтобы сообщить вамъ о томъ, но ничего не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ смертельно скучно»... (IV, 330—332 и 404—405). Въ томъ же письмѣ Лермонтовъ сообщаетъ, что былъ у Жуковскаго и передалъ ему, по его просьбѣ, «Тамбовскую Казначейшу». Жуковскій прочиталъ поэму вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ, отозвался очень одобрительно и уговорилъ поскорѣе напечатать въ «Современникѣ».

25 февраля Лермонтовъ прибылъ въ Новгородъ, а оттуда—въ Селищенскія казармы, мѣсто стоянки Гродненскаго гусарскаго полка. Въ новомъ полку Лермонтовъ прослужилъ меньше двухъ мѣсяцевъ. За этотъ короткій срокъ онъ восемь разъ былъ дежурнымъ по 2-ой половинѣ полка, два раза былъ въ церковномъ парадѣ, при чемъ одинъ разъ командовалъ взводомъ и дважды пользовался восьмидневнымъ отпускомъ въ Петербургъ.

«За свое пребываніе въ полку,—пишетъ историкъ Гродненскаго гусарскаго полка,—Лермонтовъ не оставилъ по себѣ того непріятнаго впечатлѣнія, какимъ полны отзывы многихъ сталкивавшихся съ нимъ лицъ. Правда, отзывы Гродненскихъ офицеровъ о Лермонтовѣ устанавливали одно общее мнѣніе о язвительности его характера, но это свойство не мѣшало Лермонтову быть коноводомъ всѣхъ гусарскихъ затѣй и пирушекъ и оправдывалось товарищами, какъ одно изъ проявленій его исключительной натуры. Въ обществѣ нашихъ полковыхъ дамъ Лермонтовъ былъ скученъ и угрюмъ и, посѣщая чаще другихъ баронессу Сталь фонъ-Гольштейнъ, обыкновенно садился въ уголъ и молча прислушивался къ пѣнію и шуткамъ собравшагося общества. Въ служебномъ отношеніи поэтъ былъ всегда исправенъ»... (Ю. Елецъ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Т. I, стр. 207—208).

Благодаря усиленнымъ хлопотамъ Е. А. Арсеньевой и другихъ родственниковъ Лермонтова, графъ Бенкендорфъ, который и раньше принималъ участіе въ судьбѣ поэта, обратился 24 марта къ военному министру, графу А. И. Чернышеву, съ такого рода письмомъ: «Родная бабка корнета Лермонтова, огорченная невозможностью безпрерывно видѣть его, ибо по старости своей она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея въ л.-гв. Гусарскій полкъ, дабы она могла въ глубокой старости (ей уже 80 лѣтъ) спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чести и преданности къ Монарху за оказанное уже ему благодѣяніе. Принимая живѣйшее участіе въ просьбѣ этой доброй и почтенной старушки и душевно

желая содѣйствовать къ доставленію ей въ престарѣлыхъ лѣтахъ сего великаго утѣшенія и счастія, впдѣть при себѣ единственнаго внука своего, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, въ особенное, личное мнѣ одолженіе, испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи всемилостивое совершенное прощеніе корнету Лермонтову и переводъ его въ л.-гв. Гусарскій полкъ».

Ходатайство военнаго министра Государь велѣлъ передать на заключеніе великаго князя Михаила Павловича, лично знавшаго поэта и расположеннаго къ нему, и 9 апрѣля Лермонтовъ переведенъ былъ въ свой прежній лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Лермонтовъ, по его собственному выраженію, «пустился въ большой свѣтъ», возобновилъ свои прежнія знакомства и завязалъ много новыхъ. «Въ теченіе мѣсяца,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—на меня была мода, меня наперерывъ отбивали другъ у друга. Это, по крайней мѣрѣ, откровенно. Весь этотъ народъ, которому доставалось отъ меня въ моихъ стихахъ, старается осыпать меня лестью. Самыя хорошенькія женщины выпрашиваютъ у меня стиховъ и хвастаются ими, какъ тріумфомъ... Было время, когда я, въ качествѣ новичка, искалъ доступа въ это общество; это мнѣ не удалось: двери аристократическихъ салоновъ закрылись предо мной; а теперь въ это же самое общество я вхожу, уже не какъ искатель, а какъ человѣкъ, добившійся своихъ правъ. Я возбуждаю любопытство, предо мною заискиваютъ, меня всюду приглашаютъ, а я и вида не подаю, что хочу этого. Дамы, желающія, чтобы въ ихъ салонахъ собирались замѣчательные люди, хотятъ, чтобы я бывалъ у нихъ, потому что я вѣдь тоже левъ, да! Я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы и не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; къ счастью, моя природная лѣнь беретъ верхъ, и мало-по-малу я начинаю находить все это несноснымъ»... (IV, 333 — 334 и 405—406).

Лермонтовъ началъ бывать у графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой, домъ которой, по словамъ гр. В. А. Соллогуба, былъ самымъ блестящимъ, модньшъ и привлекательнымъ въ Петербургѣ (II, 463—464), у графини Эмиліи Карловны Мусиной-Пушкиной, у княгини Марьи Алексѣевны Щербатовой, воспѣтой въ стихотвореніи «На свѣтскія цѣпи», у «финляндской звѣзды» Авроры Карловны Шернваль-Демидовой (II, 454 — 455), у графа Эссена, тогдашняго Петербургскаго генералъ-губернатора, у адмирала А. С. Шишкова, въ «эклектической» гостиной Елизаветы Михайловны Хитрово, у графини Александры Григорьевны Лаваль и др. Но особенно близко сошелся съ семьею Карамзиныхъ, состоявшею изъ матери Екатерины Андреевны, вдовы исторіографа, дочери Софьи Николаевны и сына Андрея Николаевича. Еще раньше, до первой ссылки на Кавказъ, Лермонтовъ познакомился съ Александрой Осиповной Смирновой, рожденной Россетъ, другомъ Плетнева, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя; салонъ Смирновой долго служилъ притягивающимъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей, художниковъ и мыслителей (Ср. II, 463).

Въ литературныхъ кругахъ Лермонтовъ поддерживаетъ отношенія съ Жуковскимъ, кн. Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, кн. Владиміромъ Ѳеодоровичемъ Одоевскимъ, Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, А. Н. Муравьевымъ, графомъ Соллогубомъ и въ особенности съ А. А. Краевскимъ, который началъ (съ 1839 года) издавать «Отечественныя Записки», гдѣ М. Ю. скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ.

Интересуетъ Лермонтова и общественно-политическая жизнь, такъ что осенью 1839 г. онъ, вмѣстѣ съ Монго-Столыпинымъ, посѣщаетъ собранія одного нелегальнаго общества, которое называли, по числу его членовъ, «кружкомъ шестнадцати». «Это общество,—пишетъ одинъ изъ его участниковъ,—составилось частью изъ университетской молодежи, частью изъ кавказскихъ офицеровъ. Каждую ночь, возвращаясь изъ театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Тамъ, послѣ скромнаго ужина, куря свои сигары, они разсказывали другъ другу о событіяхъ дня, болтали обо всемъ и все обсуждали съ полнѣйшей непринужденностью и свободой, какъ будто-бы III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и не существовало: до того они были увѣрены въ скромности всѣхъ членовъ общества». Кромѣ Лермонтова и А. А. Столыпина, къ «кружку

шестнадцати» принадлежали: графъ Браницкій, гусарскій поручикъ и флигель-адъютантъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, перешедшій потомъ въ католичество и вступившій въ орденъ іезуитовъ, графъ Петръ Александровичъ Валуевъ, впослѣдствіи предсѣдатель Комитета Министровъ, князь Сергѣй Долгорукій, графъ Андрей Шуваловъ и др. (*X. Karczak-Branicki.* «Les nationalités Slaves». Par. 1879, p. 1—3; *Н. Викторовъ.* «Кружокъ шестнадцати» въ «Историч. Вѣст.» 1895 г., кн. X. стр. 175—182).

Весною 1838 года Лермонтову пришлось встрѣтиться съ Варварой Александровной Лопухиной, когда она съ мужемъ, проѣздомъ за границу, остановилась въ Петербургѣ.

«Лермонтовъ, — разсказываетъ Шанъ-Гирей, — былъ въ Царскомъ; я послалъ къ нему нарочнаго, а самъ поскакалъ къ ней. Боже мой, какъ болѣзненно сжалось мое сердце при ея видѣ! Блѣдная, худая, и тѣни не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блескъ и были такіе же ласковые, какъ и прежде. «Ну, какъ вы здѣсь живете?»—Почему же это вы?—«Потому, что я спрашиваю про двоихъ».—«Живемъ, какъ Богъ послалъ, а думаемъ и чувствуемъ, какъ въ старину. Впрочемъ, другой отвѣтъ будетъ изъ Царскаго черезъ два часа». Это была наша послѣдняя встрѣча, — добавляетъ Шанъ-Гирей, — ни ему, ни мнѣ не суждено было ее больше видѣть. Она пережила его, томилась долго, и скончалась, говорятъ, покойно, лѣтъ десять тому назадъ» («Русск. Обозр.» 1890 г., кн. VIII, стр. 745).

На память объ этой встрѣчѣ Лермонтовъ послалъ Варенькѣ только что законченнаго «Демона» съ посвященіемъ, въ которомъ нѣсколько разъ энергично перечеркнулъ букву Б.—Бахметовой и поставилъ Л.—Лопухиной.

Жизнь въ «большомъ свѣтѣ», когда-то казавшаяся Лермонтову такою привлекательною и заманчивою, очень скоро начинаетъ тяготить его. «Я скучаю,—жалуется онъ въ письмѣ къ М. А. Лопухиной. Можетъ быть, эти жалобы покажутся вамъ, милый другъ, неискренними; вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я гонюсь за удовольствіями, чтобы скучать, слоняюсь по гостинымъ, когда тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Ну, такъ я открою вамъ мои побужденія... Эта новая опытность полезна въ томъ отношеніи, что дала мнѣ оружіе противъ общества: если оно будетъ преслѣдовать меня клеветой (а это непремѣнно случится), у меня будетъ средство отомстить; нигдѣ вѣдь нѣтъ столько пошлаго и смѣшного, какъ тамъ... А потомъ, такъ пріятно исподтишка посмѣяться надъ тѣмъ, чего такъ добиваются и чему такъ завидуютъ дураки»... (IV, 333—334 и 405—406).

Ни военная служба, ни тѣ свѣтскіе и литературные кружки, въ которыхъ приходится вращаться поэту, не удовлетворяютъ его, и онъ то просится въ отпускъ, то мечтаетъ о возвращеніи на Кавказъ. «Просилъ отпускъ на полгода—отказали, на 28 дней—отказали, на 14 дней—великій князь и тутъ отказалъ... Просился на Кавказъ—не пускаютъ, не хотятъ даже, чтобы меня убили»... (IV, 333 — 334 и 405—406).

«Какой онъ взбалмошный, вспыльчивый человѣкъ,—дѣлится своими наблюденіями А. О. Смирнова,—навѣрно кончитъ катастрофой!.. Въ полку офицеры ему все спускаютъ, гордясь его талантомъ, но онъ отличается невозможною дерзостью. Онъ погибаетъ отъ скуки, возмущается собственнымъ легкомысліемъ, но въ то же время не обладаетъ достаточно характеромъ, чтобы вырваться изъ этой среды. Это—странная натура»... («Записки», ч. II, стр. 36).

«Парады и разводы для военныхъ, придворные балы въ выходы для кавалеровъ и дамъ, награды и торжественные сроки праздниковъ 6-го декабря, въ новый годъ и въ пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ во фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры—вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество..., — замѣчаетъ князь А. Васильчиковъ, близко наблюдавшій окружавшую Лермонтова среду.— Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту и не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу—разгулу, погубившему многихъ изъ нихъ; лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и къ придворному обществу, составляли группу

самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ» («Голосъ» 1875 г., № 15: «Нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій г. Маркевича». Ср. также письмо М. П. Назимова—тамъ же, № 56).

«Большинство его знакомыхъ,—добавляетъ И. И. Панаевъ,—состояло или изъ людей свѣтскихъ, смотрящихъ на все съ легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрѣнія, или изъ тѣхъ мелкоплавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, которые схватываютъ только одни внѣшія явленія и по этимъ внѣшнимъ явленіямъ и поступкамъ произносятъ о человѣкѣ рѣшительные и окончательные приговоры. Лермонтовъ былъ неизмѣримо выше среды, окружавшей его, и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе—тупые мудрецы, важничающіе своею дѣльностью и разсудочностью и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе (это очень понятно) казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Онъ не отыскивалъ людей, равныхъ себѣ по уму и по мысли, внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого, онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ» («Литерат. воспоминанія», стр. 178—180).

Осенью 1839 года до Лермонтова дошла вѣсть о смерти князя Александра Ивановича Одоевскаго, декабриста-поэта, съ которымъ М. Ю. близко сошелся во время своихъ скитаній по Кавказу. Памяти безвременно погибшаго друга, «милаго Саши», Лермонтовъ посвятилъ очень задушевную элегію «Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ».

Къ концу этого года относится встрѣча И. С. Тургенева съ Лермонтовымъ въ домѣ княгини Шаховской: «У княгини Ш...ой,—разсказываетъ Тургеневъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ—бѣлокурая графиня М(усина) П(ушкина)—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе! На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ—и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш...у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное, но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ. Слова: «Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся» и т. д.—дѣйствительно, примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ всетаки казалось, что и графа Ш...а онъ любилъ, какъ товарища, и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода Байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ!—Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба».

Подъ новый годъ Лермонтовъ былъ на маскарадномъ балу въ Благородномъ Собраніи. Присутствовавшій здѣсь Тургеневъ наблюдалъ, что поэту «не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки; одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества»... Передаютъ, что

на этомъ балу присутствовали двѣ высокихъ особы, пожелавшія сохранить инкогнито. Когда онѣ, одна въ розовомъ, а другая въ голубомъ домино, проходили мимо поэта и чѣмъ-то задѣли его, Лермонтовъ, притворившись, что не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, отвѣтилъ очень смѣло и прошелся съ ними по залѣ, такъ что смущенныя дамы поторопились совсѣмъ оставить маскарадъ. Выходка Лермонтова была истолкована, какъ непростительная дерзость «зазнавшагося стихотворца» (Висковатовъ. М. Ю. Л—въ, 315). Новогоднимъ маскарадомъ навѣяно стихотвореніе «Первое января», въ которомъ поэтъ, «при шумѣ музыки и пляски», «при дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей», старается забыться воспоминаньями о недавней старинѣ, о миломъ дѣтствѣ.

16-го февраля, на балу у графини Лаваль произошло столкновеніе Лермонтова съ сыномъ французскаго посланника Эрнестомъ Барантомъ. До Баранта дошли слухи, что Лермонтовъ распространяетъ на его счетъ «невыгодныя вещи», стараясь скомпрометировать его въ глазахъ «извѣстной ему особы», и онъ потребовалъ у Лермонтова объясненій. Лермонтовъ отвѣчалъ, что все, переданное ему, несправедливо, такъ какъ онъ никому не говорилъ ничего предосудительнаго о Барантѣ. Однако, Барантъ отнесся съ недовѣріемъ къ словамъ Лермонтова и, послѣ взаимныхъ колкостей, замѣтилъ, что если бы онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. На это Лермонтовъ возразилъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. За этимъ послѣдовалъ вызовъ со стороны Баранта, принятый Лермонтовымъ. Никто изъ присутствующихъ на балу, повидимому, не зналъ ни объ этой ссорѣ, ни о предстоящей дуэли.

«18-го числа,— читаемъ въ письмѣ Лермонтова къ генералу Н. Ѳ. Плаутину, командиру полка,— въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были также и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку, и мы разошлись»... (IV, 336).

Когда слухи о дуэли получили слишкомъ широкое распространеніе и дошли до высшаго начальства, Лермонтовъ былъ арестованъ и заключенъ сначала въ ордонансъ-гаузъ, а потомъ въ арсенальную гауптвахту, но при этомъ пользовался довольно большой свободой, такъ что къ нему допускали не только близкихъ родственниковъ, но и совершенно постороннихъ лицъ. Между прочимъ, въ ордонансъ-гаузѣ навѣстилъ Лермонтова Бѣлинскій. «Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи,—пишетъ Бѣлинскій Боткину,—и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго также. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ «Онѣгина». Женщинъ ругаетъ: однѣхъ за то..., другихъ за то... Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ— чисто-онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему— онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово— онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ—меня давятъ такія цѣлостныя,

полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества»... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 38).

Сидя подъ арестомъ, поэтъ написалъ нѣсколько стихотвореній: «Плѣнный рыцарь», «Сосѣдка», «Журналистъ, читатель и писатель».

Военное слѣдствіе по поводу дуэли шло своимъ чередомъ и, повидимому, кончилось бы ничѣмъ, если бы не новая выходка со стороны Лермонтова, значительно осложнившая его вину. «Знаете ли вы,—спрашиваетъ А. О. Смирнова Жуковскаго въ письмѣ отъ 12 апрѣля,—что Лермонтовъ сидитъ подъ арестомъ за свою дурацкую болтовню и неосторожность? Надо надѣяться, что въ день Пасхи или имянинъ (императрицы Александры Ѳеодоровны, т. е. 23 апрѣля) судьба его рѣшится благопріятно, а до сихъ поръ еще дѣла его плохи. Онъ дрался на дуэли съ Barante; это бы ничего, si par des imprudences impardonnables il n'avait pas aggravé son premier délit. Мнѣніе сперва было въ его пользу, но теперь очень ему не благопріятствуетъ. Только сожалѣніе, la compassion seule amoindait le blâme»... («Русск. Архивъ» 1902 г., кн. V, стр. 100—101).

До Лермонтова стали доходить слухи, что Барантъ очень недоволенъ его показаніями на судѣ, будто онъ, великодушно щадя своего противника, намѣренно стрѣлялъ на воздухъ, не цѣля. Тогда Лермонтовъ, черезъ графа Браницкаго, пригласилъ Баранта къ себѣ на гауптвахту, чтобы лично объясниться съ нимъ.

«Я,—читаемъ въ показаніи Лермонтова, данномъ 25 марта,—спросилъ его: правда ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: «Точно, и не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли, не цѣля, на воздухъ». Тогда я отвѣчалъ, что говорилъ это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему непріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я готовъ буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ этого пожелаетъ. Послѣ сего г. Барантъ, отвѣчавъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ».

Какъ передаетъ Шанъ-Гирей, мать Баранта пожаловалась командиру гвардейскаго корпуса, что Лермонтовъ, будучи подъ арестомъ, приглашалъ ея сына къ себѣ и снова вызывалъ на дуэль. Прибавилось новое дѣло—о побѣгѣ изъ-подъ ареста и вторичномъ вызовѣ на дуэль, закончившееся тѣмъ, что Лермонтовъ, по Высочайшей резолюціи отъ 13 апрѣля, переведенъ былъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.

Графъ Бенкендорфъ, очень замѣтно перемѣнившійся въ своихъ отношеніяхъ къ поэту, началъ настаивать, чтобы онъ письменно извинился передъ Барантомъ въ томъ, что «несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ». Но Лермонтовъ рѣшительно отказался отъ этого новаго униженія и обратился къ великому князю Михаилу Павловичу съ просьбой защитить и оправдать его во мнѣніи Государя, ибо въ противномъ случаѣ онъ теряетъ «невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка».

«Ваше Императорское Высочество,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—позволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю, что мое показаніе оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердитъ онъ самъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ» (IV, 337).

Въ день отъѣзда изъ Петербурга Лермонтовъ былъ у Карамзиныхъ и здѣсь, стоя у окна и любуясь тучами, которыя ползли надъ Лѣтнимъ садомъ и Невою, набросалъ стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную...
(II, 289).

Когда онъ кончилъ декламировать,—добавляетъ очевидецъ,—глаза были влажные отъ слезъ.

Живя въ Петербургѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, Лермонтовъ закончилъ поэму «Демонъ», написалъ «Мцири» и «Сказку для дѣтей», напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» два отрывка изъ «Героя нашего времени»—«Бэла» и «Фаталистъ»—и нѣсколько стихотвореній: «Дума», «Поэтъ», «Не вѣрь, не вѣрь себѣ», «Въ минуту жизни трудную», «Три пальмы», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевскаго» и др.

Послѣднюю обработку поэмы «Демонъ», сдѣланную подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Кавказской жизни и природы, Лермонтовъ посвятилъ В. А. Лопухиной, какъ своей вдохновительницѣ.

Устами Демона поэтъ оплакиваетъ муки своего одиночества, жизнь «безъ цѣли и слѣда», безумныя мечты, безплодныя надежды. Въ любви Демона къ Тамарѣ кроется трагедія самого Лермонтова, который, «съ любовію въ сердцѣ, боялся любить» (I, 168). Подобно Демону, поэтъ думалъ, что любовь можетъ наполнить «нѣмой души его пустыню», но вскорѣ убѣдился, что на землѣ «нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты». Страстная жажда любви и тоска по ней у Лермонтова неразрывны съ какимъ-то холоднымъ отчаяніемъ и невѣріемъ въ возможность и счастье любить тамъ, «гдѣ страсти мелкой только жить».

Закончивъ «Демона», Лермонтовъ читалъ его у Смирновой, въ присутствіи Мятлева и Вяземскаго, давалъ читать Жуковскому и хотѣлъ даже напечатать отрывки въ «Отечественныхъ Запискахъ», но,—жалуется Краевскій Панаеву,—«бабы чортъ знаетъ куда дѣли его, а у него ужъ, разумѣется, нѣтъ чернового».

Поэма имѣла очень большой успѣхъ, особенно среди молодежи, и задолго еще до появленія въ печати разошлась въ огромномъ количествѣ списковъ. «Дѣтское, незрѣлое и колоссальное созданіе,—отзывается Бѣлинскій, собственноручно списавшій «Демона» для своей невѣсты, Марьи Васильевны Орловой.—Трудно найти въ немъ и четыре стиха сряду, которыхъ нельзя было бы окритиковать за неточность въ словахъ и выраженіяхъ, за натянутость въ образахъ; съ этой стороны «Демонъ» долженъ уступить даже «Эдѣ» Баратынскаго; но—Боже мой!—что же передъ нимъ всѣ антологическія стихотворенія Майкова или и самого Анакреона, да еще въ подлинникѣ?... «Демонъ» сдѣлался фактомъ моей жизни, я твержу его другимъ, твержу себѣ, въ немъ для меня міры истинъ, чувствъ, красотъ»... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 139—140).

Поэма «Мцири» задумана Лермонтовымъ много раньше, какъ это можно видѣть изъ черновой замѣтки въ одной юношеской тетради (1831 г.): «Написать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы» (IV, 356).

«Мцири»—апоѳеозъ личности, всѣми силами своей души и страсти рвущейся «отъ келій душныхъ»

Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы (II, 311).

Нельзя не видѣть въ поэмѣ и автобіографическихъ чертъ: «пламень съ юныхъ лѣтъ», «желанья и тоска», «блаженство вольности», «надеждъ обманутыхъ укоръ»—все это подлинныя переживанья самого поэта. Изумляетъ своимъ исполненіемъ художественная сторона поэмы—неисчерпаемой роскошью поэтическихъ картинъ и «алмазной крѣпостью и блескомъ» стиха. «Такой стихъ,—писалъ Бѣлинскій,—булатный мечъ; и кто, едва взявшись за него, вертитъ имъ, какъ тросточкою,—тотъ богатырь»... («Отеч. Зап.» 1840 г., т. XIII, № 11).

Въ «Сказкѣ для дѣтей», которую Бѣлинскій и Гоголь находятъ самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ произведеній Лермонтова, поэтъ хотѣлъ бы окончательно разстаться съ тѣмъ «могучимъ образомъ», который, бывало, возмущалъ его «юный умъ», но поэма обрывается въ самомъ началѣ и остается загадкою, кто этотъ «хитрый демонъ» «Сказки»—

самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ..
(II, 269).

Особенный интересъ представляетъ героиня поэмы, маленькая Нина, зародышъ женской демонической натуры, родственной и близкой самому поэту.

Стихотвореніе «Дума», по словамъ Бѣлинскаго, всѣхъ изумило не только «громовою силою одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти», но также и «поразительной вѣрностью идей». «Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!.. И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней, и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ?»... («Отеч. Зап.» 1840 г., т. X. Отд. V, стр. 26, и 1841 г., т. XIV. Отд. V, стр. 65—66). Этотъ сочувственный отзывъ Бѣлинскаго — лучшее доказательство, что Лермонтовъ былъ очень далекъ отъ намѣренія своею «Думою» безпощадно унизить поколѣніе «сороковыхъ годовъ». Брошенный поэтомъ укоръ,—справедливо замѣчаетъ С. А. Андреевскій,—можно впредь до окончанія міра повторять всякому поколѣнію; какъ и двустишіе «Демона»:

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
(«Литерат. чтенія». Изд. 2, стр. 235).

Съ тревогой и грустью задумывается Лермонтовъ надъ призваніемъ поэта и его ролью въ современномъ обществѣ. Въ нашъ «вѣкъ изнѣженный» участь поэта напоминаетъ заброшенный кинжалъ, безславный и безвредный, игрушкой золотой блещущій на стѣнѣ (II, 254).

Въ стихотвореніи «Не вѣрь себѣ» поэтъ съ горькой иронією предостерегаетъ «мечтателя молодого» отъ порывовъ вдохновенья:

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ-ли страсть съ грозой и вьюгой,—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя...
На диво черни простодушной... (II, 256).

Свои грустныя размышленія о трудной миссіи поэта Лермонтовъ продолжаетъ и въ стихотвореніи «Журналистъ, читатель и писатель»:

Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойной
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О, нѣтъ!—преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю!.. (II, 284).

Къ началу слѣдующаго года Лермонтовъ закончилъ и «Героя нашего времени». 19 февраля 1840 г. романъ разрѣшенъ былъ цензурою къ печати, а въ первыхъ числахъ мая появился уже въ продажѣ. Подъ общимъ заглавіемъ «Герой нашего времени» (первоначальное заглавіе было иное: «Одинъ изъ героевъ начала вѣка») объединено нѣсколько отдѣльныхъ разсказовъ: «Бэла», «Максимъ Максимычъ», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталистъ».

«Не думайте,—читаемъ въ предисловіи къ роману,—чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!» (IV, 154).

По сравненію съ героями другихъ произведеній, Печоринъ ближе всего стоитъ къ Александру Радину (изъ драмы «Два брата»), но есть въ немъ и такія черты, которыя роднятъ его съ Юріемъ Волинымъ изъ «Menschen und Leidenschaften» и Владиміромъ Арбенинымъ въ «Странномъ человѣкѣ». Болѣе отдаленные предки «героя нашего времени»—это Демонъ, Измаилъ, Арсеній. Навѣянъ романъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» Пушкина и «La Confession d' un enfant du siécle» А. Мюссэ.

«Изъ жизненной бури,—говоритъ о себѣ Печоринъ,—я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ

смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его»... (IV, 256—257). «У меня врожденная страсть противорѣчить: цѣлая жизнь моя была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ, и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя».

Изъ этой душевной неуравновѣшенности и происходитъ роковая двойственность загадочной натуры Печорина, непослѣдовательность въ его рѣчахъ и поступкахъ. Холодный, черствый эгоистъ, доходящій до жестокости и цинизма, неспособный ни къ любви, ни къ дружбѣ, ни къ другимъ благороднымъ порывамъ, изъ боязни «показаться смѣшнымъ самому себѣ»,—Печоринъ въ то же время хочетъ быть любимымъ, ищетъ одной постоянной привязанности, плачетъ, какъ ребенокъ, послѣ прощанья съ Вѣрой, въ порывѣ жалостной любви готовъ отдать жизнь за Бэлу и такъ воспріимчивъ къ красотамъ природы, что «нѣтъ женскаго взора, котораго бы онъ не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ». Избытокъ рефлексіи, неспособность жить полною жизнью, «рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность», все это отлично сознается Печоринымъ и наводитъ его на чрезвычайно грустныя размышленія.

«Душа Печорина,—замѣчаетъ Бѣлинскій,—не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля».

«Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни... Можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь—изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно» (IV, 254).

Но выхода изъ своего мучительнаго состоянія Печоринъ не знаетъ и не ищетъ, равнодушно переходя отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, безъ всякой цѣли и надежды. «Я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею!» (IV, 268).

«Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать перемѣнно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ оставалось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ» (IV, 273).

Печорина Лермонтовъ надѣлилъ многими характерными чертами своей собственной натуры, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста романа, несомнѣнно, исповѣдь самого поэта. «У меня несчастный характеръ,—жалуется Печоринъ Максиму Максимычу,—воспитаніе-ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ,—не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе, только дѣло въ томъ, что это такъ... Во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь,—только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію,—авось, гдѣ-нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро

истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ» (IV, 178—179).

Изъ Петербурга Лермонтовъ отправился въ Москву и прожилъ тамъ около мѣсяца. Познакомился съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ, Аксаковыми, княземъ А. В. Мещерскимъ и др. «Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда,—пишетъ Самаринъ кн. И. С. Гагарину,—чрезъ Москву потянулась вся плеяда 16-ти, направляющаяся на югъ. Я часто видѣлъ Лермонтова за все время его пребыванія въ Москвѣ. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внѣшнему вліянію, благодаря своей наблюдательности и значительной дозѣ индиферентизма. Вы еще не успѣли съ нимъ заговорить, а онъ васъ уже насквозь раскусилъ; онъ все замѣчаетъ; его взоръ тяжелъ и чувствовать на себѣ этотъ взоръ утомительно. Первыя минуты, присутствіе этого человѣка было мнѣ непріятно; я чувствовалъ, что онъ очень проницателенъ и читаетъ въ моемъ умѣ, но въ то же время я понималъ, что сила эта имѣла причиною одно лишь простое любопытство, безъ всякаго иного интереса, и потому поддаваться этой силѣ казалось мнѣ унизительнымъ. Этотъ человѣкъ никогда не слушаетъ то, что вы ему говорите—онъ васъ самихъ слушаетъ и наблюдаетъ, и послѣ того, какъ онъ вполнѣ понялъ васъ, вы продолжаете оставаться для него чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, не имѣющимъ никакого права что-либо измѣнить въ его жизни. Въ моемъ положеніи, мнѣ очень жаль, что знакомство наше не продолжалось дольше. Я думаю, что между имъ и мною могли бы установиться отношенія, которыя помогли бы мнѣ постичь многое» («Новое Слово» 1894 г., кн. II, стр. 44—45).

9 мая Лермонтовъ, вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, М. А. Дмитріевымъ, М. Н. Загоскинымъ и др., былъ на именинномъ обѣдѣ у Гоголя, устроенномъ въ саду при домѣ Погодина, и читалъ наизусть отрывки изъ поэмы «Мцири» (Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. V, стр. 360).

10 іюня Лермонтовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командующаго войсками Кавказской линіи, и былъ прикомандированъ къ отряду генералъ-лейтенанта Галафѣева. Состоя отряднымъ адъютантомъ, онъ принимаетъ участіе въ двухъ большихъ походахъ: съ 6 по 14 іюля въ Малую Чечню и съ 27 сентября по 18 октября—въ Большую Чечню; ему же поручено было и вести «Журналъ военныхъ дѣйствій» своего отряда.

Выйдя 6 іюля изъ крѣпости Грозной, отрядъ Галафѣева очень быстро и почти безпрепятственно достигъ Гехинскаго лѣса, гдѣ непріятель собралъ всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему движенію. 11 іюля произошло памятное сраженіе при Валерикѣ—«рѣчкѣ смерти». «Впереди,—читаемъ въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій»,— виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями подходящій съ обѣихъ сторонъ къ дорогѣ. Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголъ къ сторонѣ Ачхой. Правый берегъ былъ болѣе открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастіоннаго фронта съ глубокимъ водянымъ рвомъ... Добѣжавъ до лѣсу, войска неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки и срубами изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріятелемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь... Помогая другъ другу, солдаты перебирались черезъ оврагъ по обрывамъ, по грудь въ водѣ, и вскочили въ лѣсъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсу они сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время; губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался не долго. Кинжалъ и шашка уступили штыку! Фанатическое изступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата! Численная сила разбросанной толпы должна была уступать нравственной силѣ стройныхъ войскъ, и чеченцы выбѣжали на поляну на лѣвомъ берегу рѣки Валерика, откуда картечь изъ двухъ конныхъ орудій... снова вогнала ихъ въ лѣсъ... Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы; но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей! Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ

встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны... Мало-по-малу бой началъ утихать; въ лѣсу остались одни только мертвые, и войска начали вытягиваться съ другой стороны поляны, чтобы обезпечить переправу, которую разработывали саперы, съ трудомъ отозванные изъ лѣсу, гдѣ они нашли пищу для своей необыкновенной храбрости»... (Г. С. Лебединцевъ. М. Ю. Лермонтовъ въ битвахъ съ черкесами въ 1840 году—«Русск. Стар.» 1891 г., кн. VIII, стр. 355—368).

Что касается Лермонтова, то онъ, во время штурма непріятельскихъ завало̀въ на р. Валерикъ, имѣлъ отвѣтственное порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. «Но офицеръ этотъ,—доноситъ начальникъ отряда,—не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

За дѣло при Валерикѣ Лермонтовъ, не имѣвшій никакого ордена, представленъ былъ прямо къ Владиміру 4-й степени, но въ Петербургѣ въ наградѣ ему отказали.

Подъ впечатлѣніемъ кроваваго сраженія при Валерикѣ Лермонтовъ пишетъ небольшую поэму «Валерикъ», въ видѣ письма къ Варенькѣ Лопухиной. Это стихотвореніе даетъ намъ не только жанровую картину боевой жизни, но и удивительнѣйшую страницу исповѣди поэта, поражающую «сосредоточенною и жестокою печалью».

Перечитывая страницы прошлаго, поэтъ «теперь остынувшимъ умомъ» отмѣчаетъ послѣдовательные моменты своей жизненной драмы: сначала любовь, потомъ страданье и тревога, какъ расплата за дни блаженства, затѣмъ тяжелые годы безплоднаго раскаянья и, наконецъ, холодное размышленіе, убившее послѣдній жизни цвѣтъ...

Кочевая военная жизнь, труды, заботы, ночью и днемъ, отвлекаютъ поэта отъ его прежнихъ тяжелыхъ думъ, но въ то же время просыпается новая грусть:

. . . Жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно.
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
(II, 304).

«Я надѣялся,—сознается Лермонтовъ словами Печорина,—что скука не живетъ подъ чеченскими пулями,—напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ,—и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду»... (IV, 179).

По окончаніи экспедиціи въ Малую Чечню Лермонтовъ уѣхалъ въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть и полѣчиться. Наѣзжая изъ Пятигорска въ Кисловодскъ, онъ познакомился съ женою французскаго консула въ Одессѣ, Аделью Гоммеръ де-Гелль, поэтессою, очень красивою и образованною женщиною, пользовавшеюся громаднымъ успѣхомъ среди многочисленныхъ поклонниковъ.

Начавъ ухаживать за Лермонтовымъ, чтобы позлить влюбленную въ него Нину Александровну Реброву и какую-то «Петербургскую франтиху», обворожительная француженка, повидимому, сама увлеклась поэтомъ, «этимъ, какъ она выражалась, Прометеемъ, прикованнымъ къ скаламъ Кавказа», «золотымъ руномъ Колхиды», которымъ такъ заманчиво было бы овладѣть... «Мы очень весело провели время,—пишетъ она одной изъ своихъ подругъ. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась афишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она вскорѣ заснула. Было около 2 часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ, тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня проситъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала.—Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ

говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо монхъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ»... «Я правды такъ и не добилась. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута»... («Русск. Арх.» 1887 г., № 9, стр. 131).

Въ концѣ августа пріѣхалъ въ Кисловодскъ мужъ г-жи Гоммеръ де-Гелль, и она уѣхала съ нимъ въ Крымъ, взявъ съ Лермонтова слово, что онъ, при первой возможности, пріѣдетъ къ нимъ въ Ялту.

Возвратившись въ дѣйствующій отрядъ, Лермонтовъ, съ конца сентября до половины октября, участвуетъ въ 20-дневной экспедиціи генерала Галаффѣева въ Большую Чечню, командуя небольшимъ отрядомъ охотниковъ, прозваннымъ «Лермонтовскимъ отрядомъ». «Не знаю, что будетъ дальше,—пишетъ поэтъ А. А. Лопухину,—а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изо ста козаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ, вѣроятно, мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить»... (IV, 340).

«Эта команда головорѣзовъ,—добавляетъ историкъ Тенгинскаго полка,—рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля; какъ снѣгъ на голову, сваливалась на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады»... (Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ, стр. 247—250. Ср. «Русск. Стар.» 1884 г. кн. I, стр. 85).

Принимая участіе въ нѣсколькихъ «дѣлахъ», Лермонтовъ обратилъ на себя вниманіе начальника отряда «расторопностью, вѣрностью взгляда, пылкимъ мужествомъ» и, по окончаніи экспедиціи, представленъ былъ къ наградѣ золотою саблею съ надписью: «За храбрость».

18 октября, по приказанію военнаго министра, въ командованіе Чеченскимъ отрядомъ Галаффѣева вступилъ генералъ-адъютантъ Граббе, предпринявшій новый походъ въ Большую и Малую Чечню, но Лермонтовъ, по всей вѣроятности, въ этихъ экспедиціяхъ уже не принималъ участія, такъ какъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября мы видимъ его въ Крыму съ Гоммеръ де-Гелль, а 18 ноября отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры.

29 октября Гоммеръ де-Гелль пишетъ своей подругѣ: «Лермонтовъ сидитъ у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи... Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумай чего дурного, у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображенія. Между нами все чисто. Мы оба поэты... Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Пятигорска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти всѣмъ въ Петербургѣ надоѣла и пріѣхала попробовать счастія на Кавказскихъ водахъ. Они меня измучили, и я выѣхала изъ Кисловодска совсѣмъ больная. Теперь я счастлива, но не надолго»... Изъ дальнѣйшихъ ея писемъ видно, что Лермонтовъ пробылъ въ Крыму до 5 ноября, торопился въ Петербургъ и ужасно боялся, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту, такъ какъ изъ-за этого можетъ пострадать его карьера. Разставаясь съ Гоммеръ де-Гелль, Лермонтовъ написалъ ей на память по-французски стихотвореніе «Près d'un bouleau qui balance», въ которомъ разсказалъ объ одномъ курьезномъ приключеніи во время ихъ совмѣстной прогулки въ Симеизъ.

«Не правда-ли,—спрашиваетъ Гоммеръ де-Гелль свою подругу,—стихи очень звучны? Они такъ и льются въ душу. Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Альфредъ Мюссе... По смерти Пушкина Лермонтовъ—величайшій поэтъ Россіи... Мнѣ жаль его: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ»...

Встрѣча съ Гоммеръ де-Гелль и на Лермонтова произвела сильное впечатлѣніе.

Вспоминая о ней черезъ годъ, онъ признавался барону Е. И. фонъ-Майделю: «О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я въ телѣжкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ верстъ, чтобы нѣсколько часовъ пробыть наединѣ съ нею»... («Историч. Вѣстн.» 1893 г., кн. XII, стр. 854).

Конецъ года Лермонтовъ проводитъ въ Ставрополѣ, гдѣ въ ту зиму собралась вся «la fine fleur» военной молодежи, пріѣхавшей на Кавказъ «за лаврами»: баронъ Ив. Ал. Вревскій, Д. А. Столыпинъ (братъ Монго), графъ Карлъ Ламбертъ, князь Сергѣй Трубецкой, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Д. С. Бибиковъ, Р. И. Дороховъ, бар. Л. В. Россильонъ и др. Время отъ времени наѣзжалъ изъ Прочнаго Окопа (крѣпость на Кубани) Мих. Алекс. Назимовъ, декабристъ.

«Несмотря на скромность свою,—вспоминаетъ А. Есаковъ,—М. А. (Назимовъ) какъ-то само-собой выдвигался на почетное мѣсто, и все, что имъ говорилось, бывало выслушиваемо безъ перерывовъ и шалостей, въ которыя чаще другихъ вдавался М. Ю. (Лермонтовъ). Никогда я не замѣчалъ, чтобы въ разговорѣ съ М. А. Назимовымъ, а также съ И. А. Вревскимъ Лермонтовъ позволялъ себѣ обычный свой тонъ persiflage'а. Не то бывало со мной. Какъ младшій, юнѣйшій въ этой избранной средѣ, онъ школьничалъ со мной до предѣловъ возможнаго, а когда замѣчалъ, что теряю терпѣніе (что впрочемъ, не долго заставляло себя ждать), онъ бывало ласковымъ словомъ, добрымъ взглядомъ или поцѣлуемъ тотчасъ уйметъ мой пылъ» («Русск. Стар.» 1885 г., кн. II, стр. 474).

Во время походовъ въ Чечню Лермонтовъ познакомился и близко сошелся съ К. Х. Мамацевымъ, въ то время молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ.

«Я хорошо помню Лермонтова,—разсказываетъ Мамацевъ,—и какъ сейчасъ вижу его передъ собою то въ красной канаусовой рубашкѣ, то въ офицерскомъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ откинутымъ назадъ воротникомъ и переброшенною черезъ плечо черкесской шашкой, какъ обыкновенно рисуютъ его на портретахъ. Онъ былъ средняго роста, съ смуглымъ или загорѣлымъ лицомъ и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. Въ кругу своихъ товарищей, гвардейскихъ офицеровъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ экспедиціи, онъ былъ всегда веселъ, любилъ острить, но его остроты часто переходили въ мѣткіе и злые сарказмы, не доставлявшіе особаго удовольствія тѣмъ, на кого были направлены. Когда онъ оставался одинъ или съ людьми, которыхъ любилъ, онъ становился задумчивъ, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выраженіе; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, какъ онъ тотчасъ же возвращался къ своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть впередъ одну пустоту свѣтской петербургской жизни, которую онъ презиралъ глубоко. Въ эти минуты трудно было узнать, что происходило въ тайникахъ его великой души. Онъ имѣлъ склонность и къ музыкѣ, и къ живописи, но рисовалъ однѣ карикатуры, и если чѣмъ интересовался, такъ это шахматною игрою, которой предавался съ увлеченіемъ»... («Кавказъ» 1897 г., № 235).

У Мамацева осталось впечатлѣніе, что Лермонтовъ никогда бы не сдѣлалъ на военномъ поприщѣ блестящей карьеры,—для этого у него недоставало терпѣнія и выдержки. Онъ былъ отчаянно храбръ, удивлялъ своею удалью даже старыхъ Кавказскихъ джигитовъ, но это не было его призваніемъ, и военный мундиръ онъ носилъ только потому, что тогда вся молодежь лучшихъ фамилій служила въ гвардіи. Даже въ походахъ онъ никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, какъ блуждающая комета, бродила всюду, появляясь тамъ, гдѣ ей вздумается, въ поискахъ самыхъ опасныхъ мѣстъ.

Въ половинѣ января 1841 года Лермонтовъ получилъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ онъ отправился на балъ къ графинѣ Воронцовой-Дашковой. Появленіе опальнаго офицера на балу, гдѣ были Высочайшія Особы, сочли «неприличнымъ и дерзкимъ», а разные недоброжелатели воспользовались этимъ случаемъ, какъ доказательствомъ, что поэтъ совершенно неисправимъ въ своихъ выходкахъ.

Зато общество встрѣтило его чрезвычайно радушно.

«Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ,—пишетъ въ своихъ замѣткахъ графиня Е. П. Ростопчина,—были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично

принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости» («Русск. Стар.» 1882 г., кн. IX, стр. 619).

Когда срокъ отпуска приходилъ къ концу, друзья поэта начали хлопотать объ отсрочкѣ, и Лермонтову разрѣшено было еще остаться въ Петербургѣ на нѣкоторое время. Въ надеждѣ получить полную отставку Лермонтовъ пропустилъ и этотъ новый срокъ и рѣшилъ уѣхать лишь послѣ очень энергичнаго приказанія дежурнаго генерала Клейнмихеля оставить столицу въ 48 часовъ. Говорили, что на этомъ очень настаивалъ Бенкендорфъ, тяготившійся присутствіемъ въ Петербургѣ такого «безпокойнаго» человѣка, какъ Лермонтовъ.

Оставляя Петербургъ, Лермонтовъ былъ въ очень угнетенномъ состояніи и не переставалъ увѣрять своихъ друзей, что онъ уже не вернется живымъ.

Князь В. Ѳ. Одоевскій, прощаясь съ Лермонтовымъ, подарилъ ему на память свою старую и любимую записную книгу, съ тѣмъ чтобы поэтъ возвратилъ ее самъ и всю исписанную. По смерти Лермонтова эта записная книжка была возвращена Одоевскому Ек. Ек. Хостатовымъ, 30 декабря 1843 года, и въ ней оказались такіе перлы Лермонтовской поэзіи, какъ: «Споръ», «Сонъ», «Утесъ», «Они любили другъ друга», «Тамара», «Свиданье», «Дубовый листокъ оторвался», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Морская царевна» и «Пророкъ».

Въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Лермонтова слышатся прежніе мотивы. Поэтъ сравниваетъ себя съ «бѣднымъ листочкомъ дубовымъ», созрѣвшимъ до срока, выросшимъ «въ отчизнѣ суровой».

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя (II, 345).

Какъ и раньше, поэтъ ропщетъ на «судьбы рѣшенье», жалуется на скуку и грусть, на горечь слезъ, на месть враговъ и клевету друзей; скорбитъ, что жаръ души растраченъ въ пустынѣ (II, 288-289). Ни поворота въ настроеніи, ни просвѣтленнаго примиренія съ міромъ, ни желанія слиться съ людьми и жизнью.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
(II, 348).
За все, за все тебя благодарю я...
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ,—

съ горькою ироніею обращается поэтъ къ Творцу.

Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ. (II, 288).

Мысль о «жалкомъ» человѣкѣ способна отравить и тѣ недолгія минуты покоя и забвенья, какія доставляетъ поэту общеніе съ природою (II, 304). Недаромъ природа, въ стихотвореніи «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой», такъ недружелюбно встрѣтила человѣка, когда онъ пришелъ къ ней въ поискахъ пріюта (II, 345).

Въ Москвѣ Лермонтову пришлось познакомиться съ выдающимся нѣмецкимъ поэтомъ и критикомъ, Фридрихомъ Боденштедтомъ.

«Лермонтовъ, — воспоминаетъ Боденштедтъ,—вполнѣ умѣлъ быть милымъ. Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва-ли это съ нимъ часто случалось... Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе. Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся такъ же, какъ его насмѣшливый, тонко очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ»... («Современникъ» 1861 г., т. LXXXV. Отд. II, стр 326—328).

Послѣдній, кто пожалъ руку Лермонтова въ Москвѣ, былъ Юрій Самаринъ. «Во время его послѣдняго проѣзда черезъ Москву,—пишетъ Самаринъ Гагарину,— мы очень часто встрѣчались. Я никогда не забуду нашего послѣдняго свиданія,

за полчаса до его отъѣзда... Все это возстаетъ у меня въ памяти съ поразительною ясностью. Онъ сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я вамъ теперь пишу. Онъ говорилъ мнѣ о своей будущности, о своихъ литературныхъ проектахъ, и среди всего этого онъ проронилъ о своей скорой кончинѣ нѣсколько словъ, которыя я принялъ за обычную шутку съ его стороны» («Новое Слово» 1894 г., кн. II, стр. 47).

Изъ Москвы Лермонтовъ отправился вмѣстѣ съ А. А. Столыпинымъ, который вновь поступилъ на службу и былъ прикомандированъ къ Нижегородскому драгунскому полку. По дорогѣ они останавливались въ Тулѣ у А. Меринскаго («Атеней» 1848 г., № 48), и заѣзжали въ усадьбу «Мишково», Мценскаго у. Орловской губ., къ М. П. Глѣбову, будущему секунданту Лермонтова на его послѣдней дуэли (В. Смысловскій. «Воспоминаніе о пребываніи М. Ю. Лермонтова въ Орловской губ.» Ор. 1909).

Изъ Ставрополя Лермонтовъ писалъ бабушкѣ о своемъ намѣреніи сначала отправиться въ крѣпость Шуру, гдѣ въ то время находился его полкъ, а оттуда—на минеральныя воды (IV, 342); но, доѣхавъ до Георгіевской крѣпости, онъ измѣнилъ свой прежній планъ. Характерныя для Лермонтова подробности по этому поводу находимъ въ воспоминаніяхъ ремонтера Борисоглѣбскаго уланскаго полка, П. И. Магденко, познакомившагося съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ на станціи Георгіевской. «На другое утро,—разсказываетъ Магденко,—Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ назвалъ еще нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ,—тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ, и являться къ нему нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ»... Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшеткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?» Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ и упалъ къ нашимъ ногамъ рѣшеткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина, узнавъ, въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я,—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ».

Когда пришло время ѣхать дальше, Магденко пригласилъ Лермонтова и Столыпина въ свою коляску. «Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ, Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немыслимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали. Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ, онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесъ гонялись за нимъ, онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ. Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ я услыхалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жестокое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ. Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостиницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки. Минутъ черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ, съ узорами, халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину: «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь. Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ». Именемъ этимъ, — заканчиваетъ Магденко, — Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго, а потомъ скоро противника, которому рокъ судилъ убить надежду русскую на поединкѣ»... («Русск. Стар.» 1879 г., кн. III, стр. 525—530).

Вскорѣ по отъѣздѣ Лермонтова изъ Петербурга посланъ былъ приказъ командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, «дабы поручикъ

Лермонтовъ непремѣнно состоялъ на лицо во фронтѣ и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтовой службы въ своемъ полку» («Русск. Арх.» 1911 г., № 9, стр. 159).

По пріѣздѣ въ Пятигорскъ (23 мая) Лермонтовъ подалъ рапортъ о болѣзни и началъ хлопотать, сначала передъ Пятигорскимъ комендантомъ, а потомъ передъ командиромъ Тенгинскаго полка, о разрѣшеніи ему пользоваться минеральными водами въ Пятигорскѣ. Съ этою цѣлью было представлено имъ медицинское свидѣтельство, въ которомъ значилось, что Лермонтовъ одержимъ золотухою и цынготнымъ худосочіемъ, сопровождаемымъ припухлостью и болью десенъ, а также изъязвленіемъ языка и ломотою ногъ,— почему ему необходимо продолжать пользованіе минеральными водами въ теченіе цѣлаго лѣта 1841 г. (Д. В. Раковичъ. Тенгинскій полкъ на Кавказѣ. Приложен., стр. 33—34).

Получивъ разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ съ Столыпинымъ сняли квартиру въ домѣ В. И. Челяева, на краю города, недалеко отъ подошвы Машука. По сосѣдству, на томъ же дворѣ и черезъ садъ, поселились давнишніе знакомые Лермонтова и Столыпина: кн. А. И. Васильчиковъ, М. Н. Глѣбовъ, Н. С. Мартыновъ и кн. С. В. Трубецкой.

«Мы,—вспоминаетъ князь А. И. Васильчиковъ,—жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ». Время проходило въ шумныхъ пикникахъ, кавалькадахъ, вечеринкахъ съ музыкою и танцами. Чаще и охотнѣе всего собирались въ домѣ хлѣбосольной Маріи Ивановны Верзилиной, жены генерала П. С. Верзилина, имѣвшей трехъ дочерей: Аграфену Петровну, Надежду Петровну и Эмилію Александровну. Особеннымъ успѣхомъ среди Пятигорской молодежи пользовалась Эмилія Александровна, дочь М. И. Верзилиной отъ перваго брака съ полковникомъ Клингенбергомъ, прозванная «розой Кавказа».

По воспоминаніямъ Эмиліи Александровны, вышедшей впослѣдствіи замужъ за родственника и друга дѣтства Лермонтова, Ак. П. Шанъ-Гирея, Лермонтовъ былъ представленъ ей, въ числѣ прочей молодежи, въ маѣ мѣсяцѣ 1841 года, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, и нисколько не ухаживалъ за нею, а находилъ особенное удовольствіе, — какъ она выражается, — «me taquiner». Я отдѣлывалась, какъ могла, то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Но, повидимому, игра эта его забавляла, просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели-бъ я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что наконецъ вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ,— продолжаетъ Э. А.,—ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонку Карасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion, что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари» («Русск. Арх.» 1889 г., кн. VI, стр. 315—316).

На одной изъ вечеринокъ въ домѣ Верзилиныхъ и произошла роковая ссора Лермонтова съ Мартыновымъ, закончившаяся «вѣчно печальною» дуэлью.

Николай Соломоновичъ Мартыновъ, отставной маіоръ Гребенскаго казачьяго полка, служившій раньше въ кавалергардахъ, былъ товарищемъ Лермонтова по Юнкерской Школѣ и издавна находился въ довольно короткихъ отношеніяхъ съ поэтомъ. Лермонтовъ бывалъ въ домѣ его родителей и, повидимому, очень неравнодушно относился къ сестрѣ Мартынова, Натальѣ Соломоновнѣ, которой посвящено стихотвореніе «Когда поспорить вамъ придется» (I, 93).

Не долюбливала Лермонтова мать Мартынова, какъ-то писавшая своему сыну: «У него слишкомъ злой языкъ и, хотя онъ выказываетъ полную дружбу къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что при

первомъ случаѣ онъ не пощадитъ и ихъ».

Изъ семейной переписки Мартыновыхъ видно, что Лермонтова подозрѣвали въ намѣренной непередачѣ Н. С. Мартынову писемъ отъ его сестеръ и отца. Лермонтовъ сказалъ Мартынову, что пакетъ съ письмами у него украли на дорогѣ, но въ то же время хотѣлъ вернуть ему находившіяся въ этомъ пакетѣ деньги, о которыхъ Лермонтову ничего не должно было быть извѣстно. «Я думаю,—говорилъ потомъ старикъ Мартыновъ сыну,—что если Лермонтовъ узналъ, что въ письмѣ было вложено триста рублей, то онъ либо ясновидецъ, либо письмо это вскрылъ». («Русск. Арх.» 1893 г., кн. II (8), 608—609 и 619; «Русск. Обозр.» 1898 г., кн. I, стр. 313—326; «Нов. Время» 1892 г., № 5783).

Недалекій, но въ сущности очень добродушный и безобидный человѣкъ, Мартыновъ любилъ пооригинальничать, порисоваться, обратить на себя вниманіе. Желая казаться лихимъ чеченомъ-джигитомъ, онъ брилъ голову, наряжался въ какія-то необыкновенныя черкески и бешметы, засучивалъ рукава, привѣшивалъ сбоку огромнѣйшій кинжалъ и принималъ смѣлыя, вызывающія позы; по временамъ же Мартыновъ «напускалъ на себя байронизма» и ходилъ мрачный, молчаливый, въ нахлобученной папахѣ. На «водяныхъ» дамъ Мартыновъ производилъ неотразимое впечатлѣніе, и этимъ нажилъ себѣ не мало завистниковъ и недоброжелателей.

Лермонтовъ скоро подмѣтилъ слабость «Мартышки»,—какъ онъ называлъ своего пріятеля,—и сдѣлалъ его излюбленною мишенью для своихъ шутокъ и насмѣшекъ, подчасъ очень злыхъ; особенно нравилось Лермонтову ставить Мартынова въ смѣшное положеніе передъ дамами, къ обществу которыхъ они въ одинаковой мѣрѣ были неравнодушны.

Какъ передавалъ кн. Васильчиковъ Висковатову, по рукамъ ходило много карикатуръ Лермонтова на Мартынова, напр., «Monsieur la poignard faisant son entrée à Piatigorsk»: Мартыновъ, верхомъ на лошади, въѣзжаетъ въ Пятигорскъ, гдѣ его съ восторгомъ встрѣчаютъ влюбленныя дамы; или: Мартыновъ, огромнаго роста, съ внушительнымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняется въ любви передъ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, у которой на поясѣ также кинжальчикъ, но только очень маленькій. Надѣливъ Мартынова такими прозвищами, какъ «montagnard au grand poignard», «le sauvage au grand poignard», «monsieur le poignard»,—Лермонтовъ иногда просто чертилъ характерную кривую линію и на ней длинный кинжалъ (Висковатовъ. М. Ю. Лермонтовъ, стр. 403—404).

«По воскресеньямъ,— разсказываетъ Эм. Ал. Шанъ-Гирей,—бывали собранья въ рестораціи, и вотъ именно 13-го іюля собралось къ намъ нѣсколько дѣвицъ и мужчинъ и порѣшили не ѣхать въ собранье, а провести вечеръ дома, находя это и пріятнѣе и веселѣе. Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement pour la dernière fois de ma vie».—Ну, ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ пойдемте.—М. Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много; но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояли, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его «montagnard au grand poignard».

Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: «языкъ мой—врагъ мой» М. Ю. отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора». («Русск. Арх.» 1889 г., кн. VI, стр. 316—317).

Когда гости начали расходиться, Мартыновъ возобновилъ объясненіе съ Лер-

монтовымъ. «Я,—пишетъ онъ въ своемъ показаніи Слѣдственной Комиссіи — удержалъ его за руку, чтобы онъ шелъ рядомъ со мной; остальные всѣ уже были впереди. Тутъ я сказалъ ему, что прежде я просилъ его прекратить эти несносныя для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если бы онъ еще вздумалъ выбрать меня предметомъ для своей остроты, то я заставлю его перестать. Онъ не далъ мнѣ кончить и повторялъ нѣсколько разъ сряду, что ему тонъ моей проповѣди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что онъ хочетъ, и въ довершеніе прибавилъ: «Вмѣсто пустыхъ угрозъ, ты гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь отъ дуэлей; слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время мы подошли къ его дому. Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлю къ нему своего секунданта, и возвратился къ себѣ. Раздѣваясь, я велѣлъ человѣку попросить ко мнѣ Глѣбова, когда онъ придетъ домой. Черезъ четверть часа вошелъ ко мнѣ въ комнату Глѣбовъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, просилъ его быть моимъ секундантомъ и, по полученіи отъ него согласія, сказалъ ему, чтобы онъ на другой же день, съ разсвѣтомъ, отправился къ Лермонтову. Глѣбовъ попробовалъ было меня уговаривать, но я рѣшительно объявилъ ему, что онъ изъ словъ самого же Лермонтова увидитъ, что, въ сущности, не я его вызываю, но меня вызываютъ, и что потому мнѣ невозможно сдѣлать первому шагъ къ примиренію».

«На другой день описаннаго мною происшествія,—продолжаетъ Мартыновъ,—Глѣбовъ и Васильчиковъ пришли ко мнѣ и всѣми силами старались меня уговорить, чтобы я взялъ назадъ свой вызовъ. Увѣрившись, что они все это говорятъ отъ себя, но что со стороны Лермонтова нѣтъ даже и тѣни сожалѣнія о случившемся, я сказалъ имъ, что не могу этого сдѣлать, что мнѣ на другой же день пришлось бы съ нимъ пойти на то же. Они настаивали, напоминали мнѣ прежнія мои отношенія, говорили о веселой жизни, которая съ нимъ ожидаетъ насъ въ Кисловодскѣ, и что все это будетъ разстроено глупой исторіей. Чтобы выйти изъ непріятнаго положенія человѣка, который мѣшаетъ веселиться другимъ, я сказалъ имъ, чтобы они сдѣлали воззваніе къ самимъ себѣ: поступили бы они иначе на моемъ мѣстѣ? Послѣ этого меня уже никто больше не уговаривалъ». («Русск. Арх.» 1893 г., II (8), стр. 597—599).

Назначили время и мѣсто дуэли, выработали условія, но друзья поэта, какъ сознается кн. Васильчиковъ, до послѣдней минуты были увѣрены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись для соблюденія чести двумя пулями, противники подадутъ другъ другу руки и поѣдутъ... ужинать («Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, стр. 210. Ср. «Нива» 1885 г., №№ 7, стр. 170 и 8, стр. 186).

Въ ожиданіи конца переговоровъ, Лермонтовъ уѣхалъ въ Желѣзноводскъ и очень упрашивалъ пріѣхать туда m-lle Быховецъ («la belle noire» и «charmante cousine Лермонтова», какъ называли ее въ обществѣ), съ которой былъ въ очень дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ, такъ какъ она во многомъ напоминала поэту Вареньку Лопухину.

«Я ему обѣщала,—пишетъ m-lle Быховецъ своей сестрѣ,—и 15-го (іюля) мы отправились въ шесть часовъ утра, я съ обыденной въ коляскѣ, а Дмитревскій, Бенкендорфъ и Пушкинъ—братъ сочинителя—верхами. На половинѣ дороги въ колонкѣ мы пили кофе и завтракали. Какъ пріѣхали на Желѣзныя, Лермонтовъ сейчасъ прибѣжалъ; мы пошли въ рощу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами, коса моя распустилась и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадаться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же; уговаривала его, утѣшала, какъ могла, и съ полными глазами слезъ (онъ меня) благодарилъ, что я пріѣхала, умаливалъ, чтобъ я пошла къ нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поѣхали назадъ, онъ поѣхалъ тоже съ нами. Въ колонкѣ обѣдали. Уѣзжавши, онъ цѣлуетъ нѣсколько разъ мою руку и говоритъ: «Cousine, душенька, щастливѣе этого часа не будетъ больше въ моей жизни». Я еще надъ нимъ смѣялась; такъ мы и отправились. Это было въ пять часовъ, а (въ) 8 пришли сказать,

что онъ убитъ»... («Русск. Стар.» 1892 г., кн. III, стр. 765—768).

Дуэль состоялась 15 іюля, въ 7 часовъ вечера, верстахъ въ четырехъ отъ Пятигорска, у подошвы Машука, на самой дорогѣ въ Нѣмецкую колонію. Секундантами были князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ и корнетъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ; здѣсь же находились А. А. Столыпинъ и князь С. В. Трубецкой («Русск. Арх.» 1893 г., кн. II (8), 599).

«Мы,—передаетъ кн. Васильчиковъ,—отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10 шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: сходись. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслонясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдій разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, раненые или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія. Хотя признаки жизни уже, видимо, исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ на-отрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненаго.

Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ; около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню странный эпизодъ этого рокового вечера. Наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости гг. докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращалася... Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и, чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять; отъ этого движенія, какъ и обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры» («Русск. Арх.» 1872 г., кн. I, стр. 211—212).

Насколько были противорѣчивы свѣдѣнія и разсказы о дуэли Лермонтова, можно видѣть, напр., изъ «Записокъ» М. Ф. Федорова, который въ это время самъ находился на Кавказѣ. «Несмотря на то,—пишетъ онъ,—что дуэль была при свидѣтеляхъ, подробности о ней чрезвычайно разнообразны: одни говорятъ, что Лермонтовъ получилъ рану въ правый бокъ навылетъ, упалъ, не успѣвъ выстрѣлить; другіе говорятъ напротивъ: Лермонтовъ выстрѣлилъ первый и выстрѣлилъ вверхъ; Мартыновъ, будто-бы, сказалъ на это: «я не пришелъ съ тобой шутить»,—и сдѣлалъ выстрѣлъ, но пистолетъ осѣкся по случаю дождя; онъ вновь насыпалъ на полку пороху и вторымъ выстрѣломъ, попавъ въ грудь, положилъ Лермонтова на мѣстѣ. Дуэль была во время сильной грозы, безъ медика, на случай раны; убитый, а, можетъ быть, еще живой Лермонтовъ, говорятъ, оставался безъ пособія часа три на мѣстѣ; что барьеръ былъ отмѣренъ на покатости горы и Лермонтовъ стоялъ выше Мартынова,—однимъ словомъ, всѣ обвиняютъ секундантовъ, которые, если не могли от-

клонить дуэли, могли бы отложить, когда пройдетъ гроза»... («Кавказск. Сборникъ», т. III, стр. 194).

На слѣдующій день начались хлопоты съ похоронами убитаго поэта. Протоіерей Павелъ Александровскій, къ которому обратились кн. Васильчиковъ, Столыпинъ и кн. Трубецкой, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послалъ причетниковъ читать Псалтирь надъ покойникомъ, а самъ запросилъ коменданта, не имѣется ли какихъ-нибудь препятствій къ погребенію. По предложенію коменданта, члены слѣдственной комиссіи по дѣлу о дуэли отвѣтили о. Александровскому, что «приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причтена къ самоубійству, лишающему христіанскаго погребенія. Не имѣя въ виду законоположенія, противящагося погребенію поручика Лермонтова, мы полагали бы возможнымъ передать тѣло его землѣ такъ точно, какъ въ подобномъ случаѣ камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ Пушкинъ отпѣтъ былъ въ церкви конюшенъ Императорскаго двора въ присутствіи всего города». Такой отвѣтъ успокоилъ о. Александровскаго, и погребеніе было назначено на 17 іюля. Но другой священникъ той же Скорбященской церкви, о. Василій Эрастовъ, не только отказался принять участіе въ погребеніи, но даже унесъ съ собою ключъ отъ церкви, такъ что нельзя было взять ризницы, и всѣ собравшіеся на похороны вынуждены были ожидать около двухъ часовъ.

Поведеніе священника Эрастова, видимо, повліяло и на о. Александровскаго, такъ что онъ въ самыя послѣднія минуты рѣшилъ, вмѣсто «погребенія по чиноположенію церковному», ограничиться «препровожденіемъ тѣла до склепа съ пропѣтіемъ пѣсни «Святый Боже».

Весною 1842 года тѣло Лермонтова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было перевезено въ Тарханы и погребено (23 апрѣля) на фамильномъ кладбищѣ.

Военно-судное дѣло о дуэли Лермонтова закончилось тѣмъ, что Мартыновъ, Глѣбовъ и кн. Васильчиковъ были признаны виновными (первый—въ произведеніи дуэли и въ убійствѣ на ней, а послѣдніе—въ томъ, что не донесли начальству о намѣреніи дуэлянтовъ и были секундантами) и приговорены всѣ трое къ лишенію чиновъ и правъ состоянія. Но командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, принимая во вниманіе молодость и прежнія выдающіяся заслуги подсудимыхъ, полагалъ, съ своей стороны: Мартынова, лишивъ чиновъ и орденовъ, записать въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяцъ, а Глѣбова—перевесть изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ.

Дѣло было представлено на Высочайшее усмотрѣніе, и 3 января 1842 г. послѣдовала такая конфирмація: «Маіора Мартынова посадить въ крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію, а титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а второго по уваженію полученной имъ въ сраженіи тяжелой раны».

Послѣ того какъ Мартыновъ выдержалъ военный арестъ на Кіевской крѣпостной гауптвахтѣ, Кіевская духовная консисторія назначила ему 15 лѣтъ церковнаго покаянія. Оставшись недоволенъ судомъ консисторіи, Мартыновъ подавалъ прошеніе на Высочайшее имя, черезъ св. Синодъ, о смягченіи приговора и дозволеніи, во время церковнаго покаянія, имѣть жительство тамъ, гдѣ домашнія обстоятельства потребуютъ. «Не имѣя средства,—пишетъ онъ,—доказать положительно, что убійство было неумышленное, я могу однако же представить нѣкоторыя обстоятельства изъ самого дѣла, сообразуясь съ которыми и послѣдовало столь милостивое рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества. По слѣдствію оказалось, что я былъ вынужденъ стрѣляться вызовомъ моего противника, что уже на мѣстѣ происшествія выжидалъ нѣсколько времени его выстрѣла, стоя на барьерѣ, и наконецъ, что въ самую минуту его смерти былъ возлѣ него, стараясь подать ему помощь, но, видя безполезность моихъ усилій, простился съ нимъ, какъ должно христіанину. Взявъ во вниманіе всѣ вышеизложенныя мною обстоятельства, я всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было истребовать означенное дѣло изъ Кіевской Духовной Консисторіи и, разсмотрѣвъ его, сколько возможно облегчить мою участь» («Русск. Арх.» 1893 г., кн. II (8), стр. 605—606.

Въ концѣ 1841 года, по доносу священника Пятигорской Скорбященской церкви о. В. Эрастова, началось дѣло «о погребеніи той же церкви протоіереемъ Павломъ Александровскимъ тѣла наповалъ убитаго на дуэли поручика Лермонтова».

Главнымъ мотивомъ для возбужденія дѣла послужило, повидимому, то, что прот. Александровскій не внесъ «въ доходную кружку причта для обыкновеннаго раздѣла» полученные имъ за погребеніе двѣсти рублей ассигнаціями. Дѣло тянулось почти два года и кончилось тѣмъ, что протоіерея Александровскаго оштрафовали въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія на 25 рублей ассигнаціями и обязали подпискою «впредь подобныхъ самоубійцъ церковной части не сподоблять» («Русск. Обозр.» 1895 г., кн. II, стр. 841—876).

Смерть Лермонтова встрѣчена была сожалѣніемъ о немъ, какъ о поэтѣ, но не какъ о человѣкѣ. «Извѣстіе о смерти Лермонтова подтвердилось,—замѣчаетъ К. А. Полевой въ своемъ дневникѣ.—Жаль: онъ былъ человѣкъ съ дарованіемъ, хоть, кажется, безъ сердца» («Историч. Вѣстн.» 1887 г., кн. XI, стр. 347). «У Карамзиныхъ»,—читаемъ въ «Запискахъ» А. О. Смирновой,—много спорили о дуэли. Віельгорскій правъ. Пушкинъ мстилъ за свою честь, а главное, за честь жены. Лермонтовъ оскорбилъ товарища; вина, увы, на его сторонѣ, и съ его взглядами *противъ дуэли* онъ еще болѣе виновенъ, такъ какъ почти принудилъ къ ней Мартынова, и даже въ этомъ какой-то фатализмъ, иронія судьбы. Государь дважды отсылалъ его, чтобы избѣжать дуэли, и все-таки онъ убитъ, и изъ-за такой ничтожной причины. Говорятъ, что здѣсь замѣшана женщина, что Лермонтовъ компрометировалъ родственницу Мартынова; другіе говорятъ, что онъ нарисовалъ на него и какую-то даму каррикатуру и что, вообще, онъ во всемъ виноватъ. Богъ знаетъ, гдѣ правда, но теперь видна разница между нимъ и Пушкинымъ, она чувствуется. Нашего дорогого Пушкина жалѣли, какъ поэта и какъ человѣка. У него были друзья, а враги его были посредственности, педанты, легкомысленные модники. Лерма не имѣлъ друзей, оплакиваютъ только поэта. Пушкинъ былъ жертвою клеветы, несправедливости, его смерть являлась трагичною, благодаря всему предшествовавшему; смерть же Лермонтова—потеря для литературы, самъ по себѣ человѣкъ не внушалъ истинной симпатіи»... (Ч. II, стр. 41).

«Я представляю себѣ,—вспоминаетъ одинъ изъ товарищей поэта, А. И. Арнольди,—непремѣнно два Лермонтова: одного—великаго поэта, котораго я узналъ по его произведеніямъ, а другого—ничтожнаго, пустого человѣка, какимъ онъ мнѣ казался, дерзкаго, безпокойнаго офицера, непріятнаго товарища, со стороны котораго всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы всѣ, его товарищи—офицеры, нисколько не были удивлены тѣмъ, что его убилъ на дуэли Мартыновъ, которому столько непріятностей дѣлалъ и говорилъ Лермонтовъ; мы были увѣрены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убилъ бы на дуэли: не Мартыновъ, такъ другой кто-нибудь»... (См. «Нов. Время» 1903 г., № 9760).

«Всѣ пріятели Лермонтова ожидали сего печальнаго конца, ибо знали его страсть насмѣхаться и его готовность отвѣчать за свои насмѣшки» (Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова въ «Русск. Арх.» 1882 г., № 2, стр. 240—241).

Насмѣшливый, придирчивый, скрытный, всегда занятый только самимъ собою, готовый видѣть въ каждомъ мужчинѣ лжеца, въ каждой женщинѣ Іуду,—Лермонтовъ на всѣхъ производилъ тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

«Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система»,—жалуется Гоммеръ де-Гелль своей подругѣ («Русск. Арх.» 1887 г., № 9, стр. 131).

«Лермонтовъ мнѣ не понравился,—вспоминаетъ Н. П. Лореръ о своемъ первомъ знакомствѣ съ поэтомъ.—Онъ мнѣ показался холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода вообще... До сихъ поръ не могу себѣ отчета дать, почему мнѣ съ нимъ было какъ-то неловко, и мы разстались вѣжливо, но холодно»... («Русск. Арх.» 1874 г., кн. II, стр. 600—601).

Лишь очень немногіе знали, насколько Лермонтовъ былъ лучше, чѣмъ казался, сколько въ немъ таилось высокихъ порывовъ, красивой искренности и самой задушевной нѣжности.

Какъ поэтъ, Лермонтовъ очень скоро и единодушно былъ признанъ прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина. «Чортъ знаетъ, страшно сказать,—пишетъ Бѣлинскій Боткину еще въ началѣ 1840 года,—а мнѣ кажется, что въ этомъ юношѣ готовится *третій* русскій поэтъ, и что Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника»... (Пыпинъ. Бѣлинскій, т. II, стр. 18).

«Лермонтовъ, — читаемъ въ другомъ его письмѣ, — далеко уступилъ Пушкину въ художественности и виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упругогибкомъ...; но содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ—*съ небомъ гордая вражда*—все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который, по содержанію шагнулъ бы дальше Пушкина» (Тамъ же, 139).

Художественное значеніе поэзіи Лермонтова Бѣлинскій раскрылъ съ такой глубиной, тонкостью и талантомъ, что дальнѣйшая критика не прибавила къ этой геніальнѣйшей оцѣнкѣ почти ничего новаго. Но отъ Бѣлинскаго не укрылся и общественно-философскій смыслъ Лермонтовской поэзіи—«безвѣріе въ жизни и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства».

Судъ потомства надъ поэзіею Лермонтова поражаетъ своимъ разнообразіемъ, неустойчивостью и противорѣчіями. Для однихъ Лермонтовъ—поэтъ «сверхчеловѣчества», родоначальникъ «ницшеанства», «человѣкъ не отъ міра сего», забросившій къ намъ откуда-то, съ недостягаемой высоты, свои чарующія пѣсни; для другихъ онъ—«истинный сынъ вѣка», «герой безвременья». Одни слышатъ въ поэзіи Лермонтова проповѣдь «богоборчества», «непріятія міра», «лѣшее начало», призывъ къ бунту — «возстань, униженный человѣкъ», а другіе считаютъ ее лишь выраженіемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, отзывомъ на то броженіе нравственныхъ понятій и чувствъ, какимъ была его эпоха, отголоскомъ «практической русско-христіанской грусти». Однимъ кажется, что Лермонтовъ всю жизнь гордо враждовалъ съ небомъ и землею, не переставая презирать людей и злословить судьбу; другіе находятъ, что подъ конецъ своей короткой жизни поэтъ «просвѣтленно примирился съ міромъ», и его поэзія становится «художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: *да будетъ воля Твоя*».

Такія разнорѣчивыя сужденія о характерѣ и сущности поэзіи Лермонтова—лучшій показатель того, сколько загадочнаго, неяснаго и спорнаго въ многогранной душѣ поэта. «Душу можно ль разсказать?» съ изумленіемъ спрашиваетъ самъ Лермонтовъ и приходитъ въ ужасъ при одной мысли, что «дерзкая толпа» можетъ проникнуть въ его гордое сердце:

Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно! (I, 256).

Счастливцы... не поймутъ
Того, что самъ не разберу я... (I, 113).

Изданія сочиненій Лермонтова. При жизни поэта изданъ былъ романъ «Герой нашего времени» (два раза—въ 1840 и 1841 гг.) и сборникъ стихотвореній, въ который вошли слѣдующія произведенія: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Бородино», «Узникъ», «Молитва», «Дума», «Русалка», «Вѣтка Палестины», «Не вѣрь себѣ», «Еврейская мелодія», «Въ альбомъ», «Три пальмы», «Молитва», «Дары Терека», «Памяти А. И. О-го», «1-е Января», «Казачья колыбельная пѣсня», «Журналистъ, Читатель и Писатель», «Воздушный корабль», «И скучно, и грустно», «Ребенку», «Отъ чего», «Благодарность», «Изъ Гёте», «Мцыри», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Сосѣдъ», «Разстались мы, но твой портретъ» и «Тучи». Первое посмертное изданіе сочиненій Лермонтова вышло въ 1842—44 гг., въ четырехъ частяхъ. Въ 1858 г. право на изданіе сочиненій Лермонтова было пріобрѣтено книгопродавцемъ А. И. Глазуновымъ, который пользовался этимъ правомъ до 1891 г.; сочиненія издавались подъ редакціею сначала С. С. Дудышкина, а потомъ П. А. Ефремова.

Когда истекъ срокъ литературной собственности на произведенія Лермонтова (въ 1891 г.), появились изданія: В. Ѳ. Рихтера подъ редакціею *П. А. Висковатова*; А. Ф. Маркса подъ редакціею *А. П. Введенскаго*; Е. Гербекъ подъ редакціею *И. М. Болдакова*; т-ва И. Н. Кушнерева и К° и П. К. Прянишникова подъ редакціею *Н. Н. Буковскаго*; Ф. Павленкова подъ редакціею *А. М. Скабичевскаго*; С. Добродѣева подъ редакціею *П. В. Быкова*; т-ва Вольфъ подъ редакціею *В. В. Чуйко*; т-ва И. Д. Сытина; т-ва «Просвѣщеніе» подъ редакціею *А. П. Введенскаго*: М. И. Акинфіева—подъ редакціею *А. К. Бороздина* и др.

Для установленія текста произведеній Лермонтова могутъ имѣть значеніе лишь такія изданія, какъ подъ редакціею *Висковатова, Введенскаго* (особенно послѣднее — т-ва «Просвѣщеніе»), *Болдакова*, редакторы которыхъ, дѣйствительно, пользовались подлинными рукописями поэта. Правда, и въ другихъ изданіяхъ читаемъ, что «весь текстъ провѣренъ по рукописямъ поэта», но ближайшее ознакомленіе съ этими изданіями заставляетъ относиться къ такимъ заявленіямъ очень скептически.

Въ 1910—1913 гг. вышло собраніе сочиненій Лермонтова въ «Академической Библіотекѣ Русскихъ Писателей», издаваемой Разрядомъ изящной словесности Имп. Академіи

Наукъ, — наиболѣе полное, научное и доступное. Въ V т. этого изданія помѣщенъ рядъ вводныхъ и объяснительныхъ статей: М. Ю. Лермонтовъ (Матеріалы для біографіи и литературной оцѣнки); Хронологическая канва для біографіи М. Ю. Лермонтова; Рукописи Лермонтова; Списокъ произведеній Лермонтова по времени перваго появленія ихъ въ печати; Обзоръ изданій сочиненій М. Ю. Лермонтова; Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; Обзоръ литературы о Лермонтовѣ; О языкѣ Лермонтова; Лермонтовъ живописецъ; Лермонтовъ и русская музыка.

Переводы произведеній Лермонтова имѣются на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ и на многихъ восточныхъ: *П. Д. Драгановъ*, «А. С. Пушкинъ и М. Ю. Лермонтовъ во всемірной литературѣ» («Историч. Вѣстн.» 1891 г., кн. IX, 670—75); *В. К. Шульцъ*, «Лермонтовъ въ переводахъ французскихъ писателей» («Русск. Стар.» 1882—83 гг.); «Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ» (V т. академич. изд. сочиненій Лермонтова, стр. 77—126).

Матеріалы для біографіи Лермонтова. В. В. Никольскій, «Предки М. Ю. Лермонтова» («Русск. Стар.», 1873 г., кн. IV, стр. 547—66; кн. XI, стр. 810—11).—*В. Н. Строевъ*, «Родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ». М. 1894 г. — *А. П. Шанъ-Гирей*, «М. Ю. Лермонтовъ». Разсказъ («Русск. Обозр.», 1890 г., августъ, стр. 724 — 54). — *М. Е. Меликовъ*, «Замѣтки и воспоминанія художника-живописца» («Рус. Стар.», 1896 г., кн. VI, стр. 648—49). — *А. М. Миклашевскій*, «М. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища» («Русск. Стар.», 1884 г., кн. XII, стр. 589—92). — *П. О. Вистенгофъ*, «Изъ моихъ воспоминаній» («Историч. Вѣстн.», 1884 гг., кн. V, стр. 328—37). — «Записки *Е. А. Хвостовой*, рожденной Сушковой». Изд. 2. Спб. 1871 г.—*Е. А. Лодыженская*, «Замѣчанія на «Воспоминанія Е. А. Хвостовой» («Русск. Вѣстн.», 1872 г., кн. II, стр. 637—62). —*А. Меринскій*, «М. Ю. Лермонтовъ въ юнкерской школѣ» («Атеней», 1858 г., № 48 и «Русск. Міръ», 1872 г., № 205).— «Изъ бумагъ *Н. С. Мартынова*» («Русск. Арх.», 1893 г., кн. II (№ 8), стр. 585—614). — *В. П. Бурнашевъ*, «М. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ» («Русск. Арх.», 1872 г., кн. IX (№ 6), стр. 1770 — 1850). — «Воспоминанія *Я. И. Костенецкаго* («Русск. Стар.», 1875 г., кн. IX, стр. 60—66). — *В. Н. Поливанов*, «М. Ю. Лермонтовъ» («Русск. Стар.», 1875 г., кн. IV, стр. 812—814).— *А. О. Смирнова*, «Записки». Ч. II. Спб. 1897 г. — «Воспоминанія *Н. М. Сатина*» («Починъ». Сборникъ Общества любител. россійск. слов. на 1895 г.). — *А. Н. Муравьевъ*, «Знакомство съ русскими поэтами». Кіевъ. 1871 г.—*П. И. Панаевъ*, «Литературныя воспоминанія». Спб. 1876 г.—*М. Н. Лонгиновъ*, «М. Ю. Лермонтовъ. Замѣтки и воспоминанія» («Русск. Стар.», 1873 г., кн. III и IV).— «Воспоминанія гр. В. *А. Соллогуба*» («Историч. Вѣстн.», 1886 г., кн. IV—VI).—«М. Ю. Лермонтовъ въ разсказѣ гр. *Е. П. Ростопчиной*» («Русск. Стар.», 1882 г., кн. IX, стр. 610—20) — *И. С. Тургеневъ*, «Воспоминанія». — *А. В. Мещерскій*, «Изъ моей старины. Воспоминанія» («Русск. Арх.», 1900 г., № 9, стр. 80—81). — *Н. М. Смирновъ*, «Изъ памятныхъ замѣтокъ» («Русск. Арх.», 1882 г., № 2, стр. 240—41).—*Э. А. Шанъ-Гирей*, «Воспоминаніе о Лермонтовѣ» («Русск. Арх.», 1889 г., № 6, стр. 315—320 и «Русск. Обозр.», 1891 г., кн. IV, стр. 707—712). — Кн. *А. П. Васильчиковъ*, «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ («Русск. Арх.», 1872 г., № 1, стр. 205—213.) — *Его же*, «Нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій г. Маркевича» («Голосъ», 1875 г., № 15). — *В. Желиховская*, «Разсказъ Н. П. Раевскаго о дуэли Лермонтова» («Нива», 1885 г., №№ 7 и 8). — *С. Филиппов*. «Лермонтовъ на Кавказскихъ водахъ» («Русск. Мысль», 1890 г., кн. XII, стр. 68—86).—*П. Мартыновъ*, «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ» («Всемірн. Трудъ», 1870 г., № 10, стр. 581—604). — *Его же*, «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова» («Историч. Вѣстн.» 1892 г., кн. II—IV).— «Бумаги о поединкѣ Мартынова съ Лермонтовымъ» («Русск. Арх.», 1893 г., кн. II (№ 8), стр. 595—606). — «Дѣло о погребеніи М. Ю. Лермонтова» («Русск. Обозр.», 1895 г., кн. II, стр. 841—876). — *Баронъ А. Н. Дельвигъ*. Мои воспоминанія, т. I, м. 1912 г.—Записки *Н. Ф. Туровскаго* («Русск. Стар.», 1913 г., № 9).

Біографическіе очерки: П. А. Висковатовъ, «М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество». М. 1891 г. — *Его же*, статьи въ «Русской Мысли». 1881—84 гг.— *А. М. Скабичевскій*, «М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность». Изд. 2-ое. Спб. 1905 г. («Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова»). — *И. И. Ивановъ*, «М. Ю. Лермонтовъ, статья при I т. Художественнаго изданія сочиненій Лермонтова т-ва Кушнеревъ и К° и книжн. магазина Прянишникова (М. 1891 г.).—*Его же*, статья въ XVII т. Энциклопедич. Словаря, изд. Брокгаузъ-Ефронъ. — *Его же*, статья при 3 иллюстр. изд. т-ва Сытина (М. 1908 г.).— *А. И. Введенскій*. «М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и произведенія» (статья при I т. Полн. собр. сочин. Лермонтова, изд. т-ва «Просвѣщеніе» (Спб. 1903 г.).— *Д. И. Абрамовичъ*, «М. Ю. Лермонтовъ. Матеріалы для біографіи и литературной характеристики» (статья при V т. Полн. собр. сочин. Лермонтова въ «Академической Библіотекѣ Русскихъ Писателей» (Спб. 1913 г.).

Критическая литература о произведеніяхъ Лермонтова: В. Г. Бѣлинскій, «О Героѣ нашего времени» («Отечеств. Зап.», 1840 г., т. X, № 6, стр. 27—54, и XI, № 7, стр. 1—38; 1841 г., т. XVIII, № 9; 1844 г., т. XXXII, № 2) (ср. Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго подъ ред. и съ примѣч. С. *А. Венгерова*, т. V, стр. 260—61 и 290—372; т. VI, 312—17; Историко-литературн. библіотека. Подъ редакціей, со статьями и примѣчаніями *Иванова-Разумника*. № 76. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Лермонтовѣ. Спб. 1911 г.).—

Его же, о «Стихотвореніяхъ» («Отеч. Зап.» 1841 г., т. XIV. Отд. V, стр. 35—80 (ср. Полн. собр. сочин., т. VI, 1—62).—*С. П. Шевыревъ*, «О Героѣ нашего времени» («Москвитянинъ», 1841 г., ч. I, № 2, стр. 515—38). — *Его же*, о «Стихотвореніяхъ» (тамъ же, ч. II, № 4, стр. 525—40).—*А. В. Никитенко* («Сынъ Отечества», 1841 г., № 1, стр. 3—13). — Баронъ *О. Ѳ. Розенъ* («Сынъ Отечества», 1843 г., № 3. Отд. VI, стр. 1—18). — *В. Т. Плаксинъ* («Сѣверн. Обозр.» 1849 г., т. III, № 3, стр. 1—20).—*Fr. Bodenstedt*, «Mich. Lermontoff's Poetischer Nachlass». Berl. 1852 г., II в., 311—52 (ср. «Современникъ» 1861 г., т. LXXXV. Отд. II, стр. 317—36). — *Н. В. Гоголь*, «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность». — *А. Милюковъ*, «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Спб. 1847 г.—*С. Д. Шестаковъ*, «Юношескія произведенія Лермонтова» («Русск. Вѣстн.», 1857 г., т. IX, №№ 10 и 11, стр. 232—63 и 317—44). — *А. Д. Галаховъ*, «Лермонтовъ» («Русск. Вѣстн.», 1858 г., т. XVI, №№ 13, 14 и 16, стр. 60—92, 277—311, 583—612). — *Ап. Григорьевъ* («Русск. Слово», 1859 г., № 2 и «Время» 1862 г., №№ 10—12. — *В. А. Зайцевъ* («Русск. Слово», 1863 г., № VI, стр. 13—28). — *С. С. Дудышкинъ*, «Ученическія тетради Лермонтова» («Отеч. Зап.», 1859 г., тт. CXXV, CXXVI, №№ 7, стр. 1—62. и II, стр. 245—70).—*Его же*, «Матеріалы для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова» (при II-мъ томѣ редактированнаго имъ собранія сочиненій поэта). — *Н. А. Добролюбовъ*, «Что такое Обломовщина? («Современникъ», 1859 г., т. LXXV, № 5, стр. 59—98).—*Н. В. Шелгуновъ*, «Русскіе идеалы, герои и типы» («Дѣло», 1868 г., №№ VI, стр. 101—112, и VII, стр. 153—54).—*Н. Г. Чернышевскій*, «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». — *Его же*, письма къ Некрасову («Современ. Міръ», 1911 г., кн. IX, стр. 172). — *Ѳ. М. Достоевскій*, «Дневникъ писателя» за 1877 г.—*В. Д. Спасовичъ*, «Байронизмъ Лермонтова» («Вѣстникъ Европы», 1888 г., кн. IV, стр. 500—48).

Большое оживленіе внесло въ Лермонтовскую литературу исполнившееся 15 іюля 1891 г. пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта. Появились работы: *П. В. Висковатовъ*, «М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество». М. 1891 г. — *Н. А. Котляревскій*, «М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія». 4 изд. 1912 г. (о книгѣ Котляревскаго см. ст. В. Спасовича въ «Вѣсти. Европы» 1891 г., кн. XII, стр. 604—34). — *В. О. Ключевскій*, «Грусть» («Русск. Мысль», 1891 г., кн. VII, стр. 1—18. Ср. Очерки и рѣчи. М. 1913 г., стр. 117—139).—*С. А. Андреевскій*, «Лермонтовъ. Характеристика». («Литературныя чтенія». Спб. 1891 г. Изд. 2, стр. 217—250. Ср. *П. Перцовъ*, «Философскія теченія русск. поэзіи». Спб. 1896 г., стр. 131—149).—*Н. К. Михайловскій*, «Герой безвременья» («Русск. Вѣдомости», 1891 г., №№ 192 и 216. Ср. Сочиненія, т. V, 303 — 47).—*Н. П. Дашкевичъ*, «Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова» («Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца», кн. VI, отд. 2, стр. 231—52).—*Его же*, «Демонъ въ міровой поэзіи» (тамъ же, кн. VII, стр. 182—253). — *О. П. Герасимовъ*, «Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ («Вопросы философіи и психологіи», кн. III, стр. 1—44).—*П. В. Владиміровъ*, «Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова». Кіевъ. 1892 г. (Оттискъ изъ VI-й книги «Чтеній въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп.»). — *В. Острогорскій*, «Мотивы Лермонтовской поэзіи» («Русская Мысль», 1891 г., кн. I и II. Ср. «Этюды о русскихъ писателяхъ». Изд. 2-е. 1910 г.).—*Н. И. Стороженко*, «Женскіе типы, созданные Лермонтовымъ» («Русск. Вѣдом»., 1891 г., № 104).—*Его же*, «Памяти Лермонтова» (тамъ же, № 192. Ср. «Изъ области литературы». М. 1902 г., стр. 351—72).—*С. Южаковъ*, «Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи» («Сѣверн. Вѣстн.», 1887 г., № 2, стр. 125—179). — *П. Ивановъ*, «Мотивы разочарованія въ Лермонтовской поэзіи» («Русск. Вѣдом.», 1891 г., № 113). — *Его же*, «Послѣдніе дни Лермонтова» (тамъ же, № 192). — *Его же*, «Лермонтовъ, какъ драматургъ» («Артистъ», 1891 г., № 15, стр. 42—47). — *П. Скриба*, «Къ 50-й годовщинѣ смерти М. Ю. Лермонтова» («Новости», 1891 г., №№ 178, 184 и 189).—*К. Тр—н—кій*, «М. Ю. Лермонтовъ» («Сѣверн. Вѣстн.», 1891 г., августъ и декабрь) и др.

Довольно много статей и замѣтокъ появилось къ 60-лѣтію кончины Лермонтова, въ 1901 г.: *В. В. Розановъ* («Нов. Время», №№ 9109, 9116); *А. Сакмирова* («Новое Время», № 192); *Сигмы* («Нов. Время», № 9090: «Лермонтовъ, какъ націоналистъ»); *Н. И. Чернявъ* («Южный Край», №№ 6891—6933. Ср. №№ 3618, 3620-43 за 1891 г.); *Чешихина-Ветринскаго* («Журн. для всѣхъ», № VIII) и др. — Семидесятилѣтіемъ со дня кончины поэта, въ 1911 г., вызваны статьи: *Н. О. Лернеръ* («Рѣчь», № 191: «Тяжелый человѣкъ»; «Солнце Россіи», № 38: «Другъ людей и вѣчности»), *П. Перцова* («Нов. Время», № 12693), *Б. Садовскаго* («Русск. Мысль» 1912 г., кн. VII, «Трагедія Лермонтова»), *Д. Я. Верховца* и *Е. П. Осипова* («Кавказскій Край», №№ 143, 156. Памяти Лермонтова посвящены также № 159 «Кавказск. Края» и № 7 «Кавказск. Курортовъ» за 1912 г.).

Особеннаго вниманія изъ позднѣйшей критической литературы о Лермонтовѣ заслуживаютъ: *Вл. Соловьевъ*, «Лермонтовъ» («Вѣсти. Европы», 1901 года, кн. II, стр. 441—459). — *Д. С. Мережковскій*, «Лермонтовъ. Поэтъ сверхчеловѣчества». Спб. 1909.—*E. Duchesne*. «M. J. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres». Par. 1910. — *В. В. Розановъ*, «Вѣчно печальная дуэль» («Нов. Время», 1898 г., № 7928 (ср. «Литерат. очерки», стр. 155—169).—*Его же*, «М. Ю. Лермонтовъ. Къ 60-лѣтію кончины» («Нов. Время» 1901 г., № 9109). — *К. Д. Бальмонтъ*, «Горныя вершины», кн. I. М. 1910. «О Русск. поэтахъ». — *Его же*, Памяти Лермонтова («Русск. Слово» 1913 г., № 170).—*Ивановъ-Разумникъ*, «Исторія русск. обществен. мысли», т. I. Спб. 1907 г. Характеристику творчества Лермонтова даютъ также труды общаго содержанія: *А. Н. Пыпинъ*, «Исторія

русск. литерат.», т. IV. — «Исторія русск. литературы XIX в.» Подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*. Т. II, стр. 15—42: ст. *К. П. Арабажина*.—*П. Н. Полевой*, «Исторія русск. словесн.». Изд. А. Ф. Маркса, т. III, стр. 310—347. *Ю.—Айхенвальдъ*, «Силуэты русскихъ писателей». Вып. I. М. 2 изд. 1912 г. — *А. К. Бороздинъ*, «Литературныя характеристики». т. I, Спб. 1903 г. — *А. И. Введенскій*, «Общественное самосознаніе въ русск. литературѣ». Спб. 1900 г.—*И. Ивановъ*, «Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX-го вѣка» Спб. 1901 г. — *Н. П. Коробка*, «Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ». Спб. 1903 г. — *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*, «Исторія русск. интеллигенціи». Ч. I. и др.

О языкѣ произведеній Лермонтова: *В. Истоминъ*, «Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Лермонтова въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ». Варш. 1894 г. (Оттискъ изъ «Русс. Филологич. Вѣстника»).—*И. Н. Стефановскій*, «Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова» (въ «Филологич. Записк.» 1899 г., вып. III—IV).—*Д. И. Абрамовичъ*, статья при V т. Полн. собр. сочин. Лермонтова въ «Академич. Библіот. Русск. Писателей».

Сборники историко-литературныхъ и критическихъ статей о Лермонтовѣ: *В. Зелинскій*, «Русск. критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова». Ч. I—II. М. 2 изд. 1904 г. — *В. Покровскій*, «М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и сочиненія». Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 3 изд. 1912 г.—*Н. Д. Носковъ*, «Словарь литературныхъ типовъ». В. III. Лермонтовъ. Спб. 1901 г.

Подробный перечень литературы о Лермонтовѣ, съ 1825 по 1897 гг., даетъ рукописный трудъ *Н. Н. Буковскаго*, хранящійся въ Имп. Публичн. Библіот. (см. «Отчетъ» за 1899 г., стр. 148—149); часть этого труда издана въ III т. сочиненій М. Ю. Лермонтова подъ редакц. Висковатова. Изъ другихъ обзоровъ литературы о Лермонтовѣ слѣдуетъ указать: *А. В. Мезіеръ*, «Русск. словесность съ XI по XIX ст. включительно». Ч. II, стр. 182—189. — *А. Бильдерлингъ*, «Лермонтовскій Музей Николаевск. Кавалер. Училища». Спб. 1883 г.—Каталогъ Одесской городск. публичн. библіот. XXIII. Отдѣлъ имени М. Ю. Лермонтова. Од. 1904.—*И. И. Ивановъ* — статья о Лермонтовѣ въ т. XVII «Энциклопедич. Словаря» Брокгаузъ-Ефронъ, стр. 584—86.

Дм. Абрамовичъ.

Лернетъ, *Янъ-Непомукъ*, докторъ медицины и философіи, почетный членъ Виленскаго университета и членъ Варшавскаго ученаго общества «Przyjaciół nauk». Началъ службу при дворѣ польскаго короля Станислава-Августа, потомъ въ 1805 г. приглашенъ былъ для завѣдыванія вновь открытой въ Кременцѣ гимназіи, а съ 1806 г. состоялъ директоромъ училищъ Волынской губерніи, въ каковой должности и скончался 22 мая 1820 г.

Изъ печатныхъ трудовъ Лернета наибольшаго вниманія заслуживаетъ историческое изслѣдованіе о чумныхъ эпидеміяхъ въ Польшѣ («Ad propositiones de peste a regia societate scientiarum Varsawiensi prolatas respondens dissertatio». Кременецъ. 1814. Польскій переводъ Сочинскаго въ ежегодникахъ Варшавскаго «Towarzystwa przyjaciół nauk», т. IX, стр. 1—258), за которое авторъ удостоенъ былъ отъ Варшавскаго ученаго общества золотой медали.

Все свое довольно крупное состояніе Лернетъ по духовному завѣщанію оставилъ Кременецкой гимназіи, распредѣливъ его на четыре стипендіи наиболѣе успѣвающимъ ученикамъ. Той-же цѣли долженъ былъ послужить и капиталъ его малолѣтняго сына, въ случаѣ его ранней смерти. Подробности этого распоряженія, утвержденнаго императоромъ Александромъ I, изложены были самимъ завѣщателемъ въ особой статьѣ: «Fundusz na czterech uczniów przy gimnazyium wołyńskiém w Krzemieńcu.....» (Кременецъ, 1811 г.). Той-же гимназіи Лернетъ завѣщалъ и свою библіотеку.

«Encyklopedyja Powszechna». Варшава 1864 г., т. 16, стр. 904.

А. Г.

Ле-Руа, *Петръ-Людовикъ*, академикъ, род. 15 октября нов. ст. 1699 г. въ Везелѣ, въ герцогствѣ Клеве, ум. 6 іюля нов. ст. 1774 г. Учился въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и Галле. Въ 1731 г. онъ вызванъ былъ въ Россію, чтобъ занять мѣсто наставника при старшемъ сынѣ Бирона. 5 мая 1735 г. начальникъ Академіи, баронъ І. А. Корфъ, заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Ле-Руа назначался экстраординарнымъ академикомъ новой исторіи съ спеціальнымъ порученіемъ имѣть надзоръ за храненіемъ картъ, съ жалованьемъ по 660 р. въ годъ. 19 мая Корфъ лично ввелъ Ле-Руа въ засѣданіе академиковъ и представилъ имъ новаго сочлена. Въ засѣданіяхъ 21 февраля и 4 марта 1737 г. Ле-Руа весьма неудачно дебютировалъ чтеніемъ своего сочиненія «De epitaphio Adami in insula Ceylo invieniendo», въ которомъ доказывалъ невѣроятность предположенія, чтобы на о-вѣ Цейлонѣ могла находиться могила Адама. Въ 1743 и 1744 гг. онъ читалъ въ академическомъ

засѣданіи: «Analecta de frigore maximo quo hyemes quaedam notabiles fuere», «De hyemis asperitate» и «Iridis insolitae Petropoli observatae brevis descriptio». Съ 1739 г. Ле-Руа преподавалъ французскій языкъ въ академической гимназіи; въ 1744 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ тамъ-же, 29 февраля 1748 г. уволенъ отъ этой должности и назначенъ архиваріусомъ академической конференціи и помощникомъ конференціи секретаря. Ле-Руа перевелъ на французскій языкъ: «La Déscription d'un cadran solaire universel, composé par Jsaak Brukner», «Les remarques de M. le professeur Heinsius sur la comète apparue au commencement de l'année 1742», «La Déscription de le maison de glâce, composée par Krafft», «La Déscription du plan de la ville de Moscou», первые выпуски «Sammlung Russischer Geschichte», нѣсколько дипломатическихъ бумагъ и указовъ, реляціи о побѣдахъ Миниха надъ турками и т. д. 10 августа 1748 г. онъ былъ уволенъ изъ Академіи и поступилъ воспитателемъ къ дѣтямъ гр. П. И. Шувалова, съ которымъ совершилъ заграничное путешествіе. Послѣдніе годы жизни провелъ за границей, получая пенсію отъ Шуваловыхъ.

Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», т. I, стр. 569—572.

Лерхе, *Василій Васильевичъ* (*Теодоръ-Генрихъ-Вильгельмъ*), докторъ медицины, д. с. с., род. 14 февраля 1791 г. въ Брауншвейгѣ, ум. въ Петербургѣ 9 октября 1847 г. Учился въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1812 г., получивъ степень доктора, поступилъ немедленно на службу и сопровождалъ русскія войска въ заграничномъ походѣ; по окончаніи военныхъ дѣйствій онъ занимался въ Парижѣ и въ Вѣнѣ; въ 1815 г., переселившись въ Петербургъ, онъ вскорѣ сдѣлался лейбъ-окулистомъ и былъ въ числѣ основателей Петербургскаго общества практическихъ врачей и глазной лѣчебницы при немъ. Лерхе принималъ участіе (съ 1821 г.) въ редактированіи трудовъ этого общества, издававшихся подъ общимъ заглавіемъ: «Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde von einer Gesellschaft praktischer Aerzte zu St.-Petersburg», и помѣщалъ въ нихъ свои отчеты о дѣятельности общества и лѣчебницы, а также собственныя медицинскія статьи, преимущественно изъ области офтальмологіи.

Recke u. Napiersky, Lexicon и Nachträge, т. II, 14, т. III, 51.—«Сѣв. Пчела» 1847, №230.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. учен. и писат.», т. II, стр. 238.

Н. Ч.

Лерхе, *Иванъ Яковлевичъ* (Iacob-Johann Lerche), «штадтъ-физикъ», род. 17 декабря 1708 г. въ Потсдамѣ, ум. въ мартѣ 1780 г. Учился въ Галле, получилъ тамъ въ 1730 г. докторскій дипломъ и въ 1731 г. пріѣхалъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ принятъ на военную службу, по контракту на 5 лѣтъ, и назначенъ въ астраханскій корпусъ, дѣйствовавшій противъ персовъ. Съ началомъ турецкой войны онъ былъ переведенъ въ армію Ласси и по окончаніи войны командированъ на Донецъ и въ Харьковъ, для борьбы съ появившейся тамъ чумой. Въ 1742 г. Лерхе состоялъ при Ласси во время шведскаго похода. Въ 1745 г. сопровождалъ въ Персію русское посольство. Въ 1750 г. назначенъ былъ штадтъ-физикомъ Москвѣ «съ обязанностью смотрѣніе имѣть надъ московскою главною аптекою и надъ медицинскимъ огородомъ», съ жалованьемъ въ 800 р.; въ 1751 г. онъ былъ переведенъ на такую же должность въ Петербургъ, съ назначеніемъ «медицинскимъ совѣтникомъ директора медицинской канцеляріи». Со смертью Кондоиди, въ 1760 г. повелѣно было: «за неимѣніемъ лейбъ-медикуса, дабы въ текущихъ дѣлахъ медицинской канцеляріи остановки не было, присутствіе въ оной имѣть доктору Лерхе, который и при жизни тайнаго совѣтника и лейбъ-медикуса Кондоиди въ правленіи по медицинской канцеляріи дѣлъ ему вспоможеніе чинилъ». Въ 1764 г., «за добрые поступки въ прекращеніи оказавшейся въ Кюменегорской провинціи опасной болѣзни», Лерхе былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Во время московской чумы 1771 г. онъ составилъ правила, какъ предохранять себя отъ заразы и какъ очищать воздухъ и вещи въ помѣщеніяхъ, гдѣ она проявлялась. Время его управленія медицинскою частью отмѣчено хорошимъ веденіемъ дѣла и вниманіемъ къ повышенію требованій отъ экзаменующихся. Свои поѣздки въ Астрахань и въ Персію Лерхе описалъ въ «Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche Lerche von 1733 bis 1735 aus Moscau nach Astrachan gethan hat» и въ «Nachricht von der zweiten Reise nach Persien von 1745 bis 1747»; они напечатаны въ Büsching's Magazin

(III, 1—44; X, 367—476) и въ переводѣ—въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» за 1790 и 1791 гг. Ему принадлежатъ также сочиненія: «Eine kurze Beschreibung von der Lebensart der Wolgaschen Kalmüken» (Müller, Sammlung russ. Gesch., IV) и «Anmerkungen über Schlözer's Memorabilia Russico-Asiatica» (Samml. VII). Кромѣ того, Лерхе оставилъ автобіографію—«Lerche I. J., Lebens-und Reisegeschichte, von ihm selbst geschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen von Büsching», Halle, 1791.

Сынъ И. Я. Лерхе—*Христофоръ Яковлевичъ* (Christhoph Casimir), род. 13 октября 1749 г. въ Петербургѣ, ум. 13 апрѣля 1825 г.; учился въ Берлинѣ, Страсбургѣ и Геттингенѣ, гдѣ получилъ степень доктора въ 1777 г. По возвращеніи въ Россію служилъ въ войскахъ; въ 1797 г. причисленъ былъ къ штату цесаревича Александра Павловича и впослѣдствіи получилъ званіе лейбъ-медика.

Чистовичъ, «Перв. медиц. школы въ Россіи», CC—CCII.—*R. Richter*, «Geschichte d. Medicin», III, 292.—*Никитинъ*, «Краткій обзоръ состоянія медиц.».—*Hirsch*, «Allgem. Lexic. der Aerzte», III.

Н. Ч.

Лерхе, *Морицъ Густавовичъ*, ген.-лейт., родился въ 1834 г., воспитывался въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Въ 1861 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ назначенъ былъ адъютантомъ къ командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генералу Дюгамелю, съ переименованіемъ въ чинъ маіора. Съ этимъ назначеніемъ и началась боевая карьера покойнаго. Онъ камандовалъ съ отличіемъ многими отрядами въ дѣлахъ противъ пограничныхъ племенъ западнаго Китая, за что и былъ произведенъ въ подполковники, а въ 1864 г. былъ назначенъ въ распоряженіе полковника Черняева, начальника Зачуйскаго отряда, завершившаго свои дѣйствія покореніемъ Ташкента. Черняевъ высоко цѣнилъ боевыя качества Лерхе, соединявшаго въ себѣ рѣдко совмѣстимыя качества—осторожность съ беззавѣтной отвагой; въ виду этого на него возлагались самыя трудныя и самыя опасныя предпріятія, изъ которыхъ онъ выходилъ всегда съ честью, оправдывая довѣріе начальства. Лерхе былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ взятія штурмомъ сильной коканской крѣпости Чикмента. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ послѣдовавшей затѣмъ неудавшейся попыткѣ овладѣть Ташкентомъ Лерхе тяжело былъ раненъ въ руку и правый бокъ, каковое обстоятельство заставило его покинуть отрядъ и тѣмъ самымъ лишило его возможности участвовать во взятіиТашкента. Въ 1867 г. Лерхе былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку, въ которомъ прослужилъ два года до полученія имъ въ командованіе 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка. Въ 1872 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году зачисленъ въ свиту Его Величества съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 2-й кавалерійской дивизіи. Въ 1876 г. онъ отчисленъ былъ отъ этой должности, а въ 1881 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты съ зачисленіемъ въ запасъ. Скончался Лерхе 22 января 1891 г.

«Новое Время», 1891 г., № 5358.

Лерхе, *Эдуардъ Васильевичъ*, сенаторъ, родился 27 сентября 1827 г., умеръ 2 іюня 1889 г., образованіе получилъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, по окончаніи котораго служилъ въ Сенатѣ и губернскимъ прокуроромъ въ Кіевѣ, откуда былъ перемѣщенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, а затѣмъ на ту же должность въ Калугу. Съ 1864 по 1882 гг. онъ стоялъ во главѣ Новгородской губ., а 3 ноября 1882 г. былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ. Характерно то, что, будучи лютераниномъ, онъ являлся иниціаторомъ и пособникомъ построенія 12-ти православныхъ церквей въ Новгородской губ. Широкая отзывчивость дѣлу благотворенія была отличительною чертою его характера; онъ близко бралъ къ сердцу школьное дѣло и не мало приложилъ труда къ улучшенію быта арестантовъ.

«Новое Время» 1889 г., № 4763.—«Рус. Стар.» 1898 г., августъ, стр. 337—368.

Лерхъ, *Петръ Ивановичъ*, ученый оріенталистъ, род. въ 1827 г., ум. 4 сентября 1884 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Петропавловской школѣ, въ С.-Петербургѣ, затѣмъ въ 1850 г. окончилъ курсъ по восточному разряду философскаго факультета. Уже изъ средняго учебнаго заведенія Лерхъ вынесъ живой интересъ къ научнымъ занятіямъ; будучи студентомъ печаталъ уже библіографическія замѣтки. По окончаніи курса онъ долгое

время довольствовался весьма скромнымъ мѣстомъ—протоколиста въ Академіи Наукъ, затѣмъ въ 1873 г. получилъ мѣсто секретаря въ Археологической комиссіи, наконецъ въ 1877 г.—мѣсто библіотекаря Петербургскаго университета. Лерхъ ничего не искалъ, кромѣ самаго умѣреннаго обезпеченія себѣ; все свое время, всѣ свои интересы онъ посвящалъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Первымъ трудомъ его въ области востоковѣдѣнія былъ очеркъ, помѣщенный въ февральской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1851 г.: «Семизвѣздіе на небѣ персидской поэзіи, содержащій обзоръ развитія поэзіи у персовъ». Увлекшись затѣмъ нѣкоторыми вопросами, поставленными въ одной изъ работъ Куника, Лерхъ обратился къ изученію курдскаго племени, со стороны его языка, исторіи и быта и напечаталъ въ 1856 г. «Изслѣдованіе объ иранскихъ курдахъ и ихъ предкахъ, сѣверныхъ халдеяхъ»; въ 1857 г. послѣдовали за первою частью этого изслѣдованія еще вторая и третья, при чемъ Лерхъ воспользовался тѣми практическими свѣдѣніями въ курдскомъ языкѣ, какія онъ успѣлъ пріобрѣсти во время почти трехмѣсячнаго пребыванія въ г. Рославлѣ, куда онъ нарочно ѣздилъ, узнавъ, что тамъ есть нѣсколько плѣнныхъ курдовъ. Затѣмъ онъ составилъ грамматику курдскаго языка и напечаталъ три замѣтки въ «Бюллетеняхъ Академіи Наукъ» (т. т. XIV и XVI) по поводу изданій курдскихъ текстовъ. Лерхъ пріобрѣлъ въ этой области замѣчательно обширныя и основательныя свѣдѣнія, какими не обладалъ въ то время никто ни въ Россіи, ни за границей; онъ имѣлъ дарованіе настоящаго ученаго, и каждое его произведеніе, даже каждая его замѣтка всегда являлись настоящею научною работою. Но, отличаясь неутомимостью въ своей работѣ, Лерхъ не обладалъ постоянствомъ: онъ быстро увлекался новыми вопросами, создавалъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, но затѣмъ такъ же быстро остывалъ къ прежнимъ своимъ увлеченіямъ и принимался за другое. Въ 1858 г. Лерхъ сопровождалъ въ Хиву и Бухару посольство полковника Н. П. Игнатьева и вывезъ изъ этого путешествія нѣсколько интересныхъ восточныхъ рукописей и монетъ, поступившихъ частью въ Академію Наукъ, частью въ Эрмитажъ и Археологическое Общество. Въ это послѣднее онъ былъ избранъ членомъ въ 1860 г., принялъ живѣйшее участіе въ его трудахъ и увлекся вопросами доисторической археологіи. Онъ представилъ въ Общество нѣсколько цѣнныхъ критическихъ статей, составилъ описаніе нѣсколькихъ интересныхъ археологическихъ находокъ,—большинство изъ нихъ напечатаны въ V и VI томахъ «Извѣстій Археологическаго Общества». Лѣтомъ 1865 г. онъ совершилъ богатую результатами поѣздку по Олонецкой, Вологодской и Вятской губерніямъ; обзоръ собранныхъ имъ матеріаловъ помѣщенъ въ «Отчетѣ Археологической комиссіи» за 1865 г. и изложенъ Лерхомъ въ рефератѣ, который онъ прочелъ въ 1869 г. на антропологическомъ и историческомъ международномъ съѣздѣ въ Копенгагенѣ. Кромѣ того, статьи и замѣтки Лерха появлялись также въ органѣ Московскаго Археологическаго Общества—«Археологическомъ Вѣстникѣ», за 1867 г., въ «St. Petersburger Zeitung» (1860, №№ 132, 133), въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1868, ч. 140 и 1869, ч. 148), въ «Бюллетеняхъ Академіи Наукъ» (1869, V), въ VII и IX томахъ «Извѣстій Археологическаго Общества», въ «Трудахъ II археологическаго съѣзда», и въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества» (тт. I, V, X). Между археологическими изслѣдованіями Лерхъ занимался и филологическими. Въ I и II томахъ журнала «Orient und Occident» (1862), издаваемаго Бенфеемъ, онъ помѣстилъ двѣ статьи: «Ein Beitrag zu den Localsagen über Drachenkämpfe» и «Ueber eine armenische Bearbeitung der sieben weisen Meister», а также печаталъ статьи по филологіи и въ «Бюллетеняхъ» и «Запискахъ» Академіи Наукъ. Лерхъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ въ журналѣ «Russische Revue» и въ энциклопедическомъ словарѣ Березина. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Лерхъ занялся языками поглевійскимъ, зендскимъ, согдійскимъ и дешифрировалъ остававшіяся дотолѣ загадочными надписи на монетахъ, чеканенныхъ въ Бухарѣ въ VII и VIII вв. Сообщеніе объ этомъ замѣчательномъ открытіи было сдѣлано Лерхомъ на третьемъ международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Петербургѣ, въ 1876 г. и напечатано въ «Трудахъ» этого съѣзда. Лерхъ готовилъ обширное изслѣдованіе: «Монеты бухаръ-худатовъ», въ которое, кромѣ описанія монетъ, входила и исторія Моверанагра въ періодъ за-

воеванія его арабами. Приблизительно половина изслѣдованія была уже напечатана, много дальше было обработано вчернѣ, когда Лерха поразилъ нервный параличъ. Ближайшею причиною болѣзни его были усиленные труды по устройству третьяго съѣзда оріенталистовъ, которому Лерхъ отдался со всею присущею ему энергіею; но въ это время, кромѣ того, его постигли семейныя тревоги—тяжелая болѣзнь отца и смерть дяди. Параличъ лишилъ его отчасти и движенія членами, а также, что было особенно тяжело и для него и для окружающихъ, совершенно отнялъ у него память; онъ совершенно позабылъ всѣ русскія и нѣмецкія слова и долго не могъ отвѣчать ни на какіе вопросы, хотя уже и понималъ ихъ. Поправившись немного, Лерхъ, по совѣту врачей, уѣхалъ за границу. Тамъ дѣйствительно здоровье его окрѣпло, хотя и незначительно; онъ скучалъ по Россіи, мечталъ вернуться, все думалъ приняться снова за работы, но въ сентябрѣ 1884 г. скончался въ Гамбургѣ.

Лерхъ былъ однимъ изъ лучшихъ у насъ востоковѣдовъ и, по отзыву спеціалистовъ, могъ съ честью занимать каѳедру, но онъ «никакъ не могъ собраться съ досугомъ написать диссертацію на степень магистра, которая бы устроила его собственныя дѣла—все чужими занимался», какъ сказалъ о немъ В. В. Григорьевъ.

«Жур. Мин. Нар. Просв.», 1884 г., ноябрь, стр. 57—66 (некрологъ, составл. *Н. И. Веселовскимъ* и *В. Г. Тизенгаузеномъ*).—*Григорьевъ*, «Біографическій словарь проф. и препод. С.-Петербургскаго университета», т. I, стр. 391—399 (тутъ подробный перечень его сочиненій).—«Памяти И. И. Лерха (1827—1884)» («Записки Имп. Р. Археол. Общ.» т. I, стр. 104—114.

Н. Ч.

Леръ, *Александръ Ивановичъ*, д. ст. сов., родился 10-го августа 1814 г.; съ 1830 г. служилъ по морскому министерству и въ послѣдній годъ своей жизни былъ назначенъ командиромъ Петербургскаго яхтъ-клуба. Онъ обладалъ большими историческими познаніями и до 1849 года принималъ дѣятельное участіе въ словарѣ изданія Плюшара, составляя главнымъ образомъ статьи по русской исторіи. Извѣстна также его статья, помѣщенная въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» за 1873 г., № 128, подъ заглавіемъ: «Одинъ изъ участниковъ Чесменскаго боя», которая внесла нѣкоторыя замѣтки и поправки въ «Собственноручный журналъ С. К. Грейга» («Морск. Сборн.» за 1849 г.), касающіяся Чесменскаго боя вообще и гибели корабля «Св. Евстафій» въ частности. Кромѣ того, авторъ этой же статьи приводитъ «Аттестатный списокъ» своего прадѣда М. Ѳ. Миллера, одного изъ участниковъ Чесменскаго боя, счастливо спасшагося при взрывѣ вышеозначеннаго корабля. Умеръ Леръ 26 авг. 1884 года.

«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1873 г., № 128.—«Историч. Вѣстн.» 1890 г., т. № 41, стр. 528, 530.

Е.

Лесгафтъ, *Францъ Францевичъ*, химикъ, писатель, род. 10 августа 1833 г., умеръ въ 1884 г. въ С.-Петербургѣ. Сынъ купца, получилъ образованіе сначала въ Петербургскомъ Петровскомъ училищѣ, а по окончаніи его, какъ стипендіатъ купеческаго сословія, перешелъ въ Петербургское коммерческое училище, каковое и окончилъ въ 1852 г. съ золотой медалью. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Спб. университета и спустя четыре года окончилъ его со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Съ этого времени Лесгафтъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Около трехъ лѣтъ онъ преподавалъ химію въ Новгородскомъ имени гр. Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, но съ 1860 г. переселился окончательно въ Петербургъ. Тутъ онъ былъ приглашенъ преподавать техническую химію и товаровѣдѣніе въ Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, а съ 1867 г. началъ преподавать химію и въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Въ 1868 г. Лесгафтъ былъ назначенъ членомъ вновь учрежденнаго въ военномъ министерствѣ техническаго комитета главнаго интендантскаго управленія, каковымъ и оставался до года своей смерти. И наконецъ въ послѣдніе годы онъ преподавалъ химію въ гимназіи д-ра Видемана.

Первый свой трудъ Лесгафтъ выпустилъ въ 1866 г. подъ заглавіемъ: «Товаровѣдѣніе сырыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій» Спб. (2-ое изд. въ 1875 г.). Затѣмъ онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Курсъ химической технологіи, составленный примѣнительно къ программѣ, утвержденной минист. народн. пр. для реальныхъ училищъ (популярное изложеніе явленій переработки сырыхъ матеріаловъ)»,

Спб. 1877 г.; Переводъ курса химіи проф. А. Наке, съ дополненіями переводчика, Спб., 1866 г., 2-ое изд.—1873 г.; «О питательныхъ средствахъ вообще и о значеніи мясного экстракта, какъ составной части пищи человѣка» (переводъ труда проф. Макса фонъ-Петтенкофера), Спб., 1873 г. Въ этомъ-же году, будучи командированъ военнымъ министерствомъ на Вѣнскую всемірную и Лондонскую международную выставки, онъ составилъ отчетъ о нѣкоторыхъ отдѣлахъ. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1874 г. онъ перевелъ Вейериха: «Воззрѣнія современной химіи», въ 1880 г. перевелъ извѣстное сочиненіе Бирнбаума: «О хлѣбопеченіи» («Das Brodbacken») и, наконецъ, подъ его же редакціей вышелъ переводъ многотомной «Химической технологіи» по Боллею.

Кромѣ этихъ большихъ трудовъ, Лесгафтъ помѣщалъ и въ различныхъ журналахъ статьи по своей спеціальности. Такъ, въ «Запискахъ Императ. Русскаго Техническаго Об-ва» въ 1875 г. (выпускъ 6, въ приложеніи) онъ помѣстилъ «О новостяхъ по кожевенному производству» и въ 1880 г. (вып. 5-ый)—«О консервахъ для войскъ и о Майнскомъ консервномъ заводѣ».

Сотрудничалъ Лесгафтъ и въ «Военномъ Сборникѣ», гдѣ извѣстны его слѣдующія статьи: «Производство мясныхъ консервовъ на заводѣ въ Майнцѣ во время франко-прусской войны 1870—71 г.» (1872 г., № 5) и «Продовольствіе арміи въ военное время» (Историч. очеркъ. 1873 г., № 8).

Лесгафтъ состоялъ непремѣннымъ членомъ «Имп. Русскаго Техническаго Общества» по 1-му химическому отдѣлу и членомъ «Химическаго Вольно-Экономическаго Об-ва.

«Записки Имп. Рус. Технич. об-ва», 1884 г., вып. 3, стр. 206—208.—«Военный Сборникъ», 1873, № 8, стр. 325.—*Ефронъ*, Энциклопедическій словарь, т. 34, стр. 591. *А. Е—ій.*

Лесли, *Александръ Ульяновичъ*, полковникъ. Въ 1631 г. былъ отправленъ въ Швецію для найма охочихъ солдатъ на русскую службу; вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было «приговорить» нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному новому дѣлу. Въ 1632 г. Лесли принялъ участіе въ походѣ на Дорогобужъ, который сдался ему и головѣ Сухотину, и въ битвахъ подъ Смоленскомъ. На военномъ совѣтѣ, созванномъ Шеинымъ для рѣшенія вопроса, можно ли напасть на королевскій обозъ, Лесли совѣтовалъ ударить на непріятеля, англійскій же полковникъ Сандерсонъ говорилъ противное. Мнѣніе Лесли было принято, но русскіе потерпѣли неудачу. Непріязненныя чувства, питаемыя Лесли къ Сандерсону, разрѣшились убійствомъ послѣдняго послѣ рѣзкаго обмѣна словами по поводу истребленія въ лѣсу поляками 500 русскихъ солдатъ, выданныхъ будто бы Сандерсономъ.

Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 1197, 1198, 1200, 1202, 1319.

Лесли, *Петръ Ивановичъ*, капитанъ-лейтенантъ, род. 29 іюня 1832 г. † 12 ноября 1877 г. обучался въ морскомъ корпусѣ, откуда въ 1847 г. произведенъ былъ въ гардемарины, а въ 1849 г.—въ мичманы и назначенъ въ черноморскій флотъ. Плавая на разныхъ корабляхъ въ Черномъ морѣ, онъ въ 1853 г. принялъ участіе въ Синопскомъ сраженіи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. и произведенъ въ лейтенанты. Въ 1854 и 1855 г.г. онъ находился въ составѣ севастопольскаго гарнизона при защитѣ Севастополя и за отличія, оказанныя при оборонѣ Севастополя, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, золотою саблею съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Анны 2-й ст. съ мечами. Въ 1856 г. Лесли перевелся изъ черноморскаго въ балтійскій флотъ, въ слѣдующемъ году находился въ Бордо при наблюденіи за постройкой фрегата «Свѣтлана», а въ 1861 г. уволился отъ службы съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Перу Лесли принадлежатъ двѣ статьи, помѣщенныя въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1857 годъ: «Частный канатный заводъ въ Бордо» и «Рабочій народъ во Франціи».

Общій морской списокъ, ч. X, стр. 565, 566.

Лесли, полковникъ Олонецкаго драгунскаго полка, впослѣдствіи генералъ, извѣстенъ участіемъ въ осадѣ Данцига и въ Крымскомъ походѣ 1736 года. Командуя отрядомъ въ 100 человѣкъ, онъ въ 1737 году подвергся внезапному нападенію со стороны турокъ у Переволочны на Днѣпрѣ и былъ убитъ, а отрядъ истребленъ.

Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. IV, стр. 1294, 1346, 1358 г.,

Лесовскій, *Степанъ Степановичъ*, адмиралъ русскаго флота, родился въ 1817 г. во Франціи, въ гор. Рететѣ, Арденскаго департамента, умеръ 26 февраля 1884 г. въ Петербургѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ, каковой и окончилъ въ 1835 г. съ производствомъ въ мичманы. Въ 1839 г., окончивъ крусъ офицерскихъ классовъ при корпусѣ, онъ поступилъ въ практическую школу адмирала М. П. Лазарева и совершилъ въ томъ же году нѣсколько плаваній на черноморскихъ судахъ. Немного спустя, онъ участвовалъ въ крейсерствѣ у береговъ Кавказа и подъ командой Истомина плавалъ въ Средиземномъ морѣ. Съ 1851 по 1853 г.г. Лесовскій плавалъ уже въ званіи командира сперва брига «Язонъ», а затѣмъ фрегата «Кулевчи», съ которымъ участвовалъ въ выслѣживаніи турецкаго флота. Въ 1853 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и ушелъ на фрегатѣ «Діана», для подкрѣпленія эскадры вице-адмирала Путятина, въ Тихій океанъ. Этотъ переходъ онъ совершилъ весьма удачно, несмотря на то, что ему приходилось проѣзжать рядъ враждебныхъ тогда намъ французскихъ и англійскихъ портовъ. Въ слѣдующемъ году, когда «Діана» вслѣдствіе землетрясенія на Симодскомъ рейдѣ погибла, Лесовскій былъ отправленъ на купеческой шхунѣ въ Камчатку для подкрѣпленія своей командой Петропавловскаго гарнизона, но такъ какъ портъ былъ уже оставленъ войсками, онъ вынужденъ былъ направиться въ Николаевскъ на Амурѣ. Здѣсь онъ своей распорядительностью много содѣйствовалъ эскадрѣ Завойко и вскорѣ былъ назначенъ начальникомъ строившихся здѣсь батарей и командиромъ своднаго экипажа. Въ 1856 г. Лесовскій былъ вызванъ въ Петербургъ и въ чинѣ капитана уволенъ, а затѣмъ переведенъ на службу въ коммерческій флотъ, для организаціи только что образовавшагося тогда русскаго общества пароходства и торговли. Въ 1858 г. Лесовскій былъ назначенъ капитаномъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, а четыре года спустя предпринялъ путешествіе въ Америку съ особо важнымъ порученіемъ по кораблестроенію. Вернувшись оттуда, онъ сталъ горячимъ защитникомъ броненоснаго флота и написалъ по этому поводу небольшую статью: «Замѣчанія на статью United Service Gazette: о результатахъ испытанія броненосцевъ» («Морск. Сб.» 1863, № 8, стр. 444—452). Въ 1863 году Лесовскій былъ назначенъ капитаномъ надъ Петербургскимъ портомъ, гдѣ уже начали строиться броненосныя суда и мониторы, и въ томъ же году его назначили младшимъ флагманомъ балтійскаго флота съ производствомъ въ контръ-адмиралы и послали въ Сѣв. Америку командиромъ эскадры, состоявшей изъ трехъ фрегатовъ: «Ослябя», «Александръ Невскій» и «Пересвѣтъ», двухъ корветовъ: «Варягъ» и «Витязь» и 1-го клипера «Алмазъ». Неожиданное появленіе русской эскадры у береговъ Америки произвело сильное впечатлѣніе въ Западной Европѣ и послужило упроченіемъ нашей дружбы съ Сѣв. Америкой. Лесовскому былъ оказанъ дружескій пріемъ, и въ честь его пріѣзда на банкетѣ произносились соотвѣтствующія рѣчи, а въ память пребыванія русской эскадры въ водахъ Сѣв. Америки была даже издана брошюра: «Complimentari Banquet given bi the City Council of Boston to Rear—admiral Lesoffski and the officiers of the Russian Fleet at the Revere—House», 7 june 1864. Boston. Въ этомъ же году, по возвращеніи въ Россію, Лесовскій былъ назначенъ начальникомъ судовъ въ Средиземномъ морѣ и и зачисленъ въ свиту государя. Затѣмъ онъ состоялъ при чрезвычайномъ сѣв.-американскомъ послѣ Фоксѣ, съ назначеніемъ сначала помощникомъ, а потомъ и главнымъ командиромъ въ Кронштадтѣ. Кромѣ всевозможныхъ улучшеній въ морской части, онъ много содѣйствовалъ улучшенію и города. Такъ, при немъ въ городѣ появился водопроводъ, газовое освѣщеніе и пр. Въ 1869 г. Лесовскій былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты, а два года спустя получилъ назначеніе помощника управляющаго морскимъ министерствомъ. По смерти управляющаго министерствомъ, адмирала Краббе, онъ занялъ его мѣсто, но по случаю возникшихъ въ 1880 г. недоразумѣній съ Китаемъ оставилъ эту должность и былъ назначенъ начальникомъ Тихоокеанской эскадры, стоявшей тогда у Китайскихъ береговъ, съ зачисленіемъ въ члены Государственнаго Военнаго Совѣта. Въ 1881 г., по пути изъ Владивостока, онъ

выдержалъ на крейсерѣ «Европа» сильный штормъ, во время котораго былъ сшибленъ волной и сильно повредилъ себѣ ногу. Въ этомъ же году онъ былъ произведенъ въ адмиралы и, вернувшись въ Россію, взялся за возложенное на него трудное дѣло по пересмотру и обработкѣ морского устава. Однако разстроенное его здоровье не позволило ему долго заниматься, и 13 февраля 1884 г., согласно прошенію, его освободили отъ возложенныхъ на него обязанностей.

«Всемірн. Иллюстр.», 1884, № 79, стр. 197.—«Нива», 1880, № 47.—«Петерб. Газета», 1880, № 118.—*Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. XXI, стр. 200.—«Рус. Архивъ», 1887 г., кн. II, стр. 129; 1892, кн. II, стр. 126, 145, 259, 266, 269, 275, 295, 296.—«Рус. Старина», 1887, янв., стр. 48—74, 1909, янв., стр. 76, 80—84; февр., стр. 432, 435; мартъ, стр. 625, 626, 630; май, стр. 238, 269.—«Ист. Вѣстникъ», 1883, т. II, стр. 601.—«Морск. Сборн.», 1863, № 8, стр. 176, 177; № 11, стр. 1—8; 1864, № 3, стр. 54—56, № 11, стр. 1—4; 1865, № 6, стр. 1—25.

А. Е—ій.

Лессель, *Іосифъ*, архитекторъ, родился въ 1800 г., умеръ въ 1844 г. Строительному искусству обучался сперва въ Варшавѣ, затѣмъ прослушалъ курсъ архитектуры въ Парижѣ и въ теченіе пяти лѣтъ путешествовалъ съ образовательной цѣлью по Италіи. По возвращеніи на родину Лессель въ 1830 г. назначенъ былъ архитекторомъ города Варшавы и занималъ эту должность въ продолженіе 14-ти лѣтъ. Изъ 140 проектовъ и плановъ Лесселя, по которымъ возводились новыя и реставрировались старыя постройки въ Варшавѣ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ: домъ Минтера на Варецкой площади, сиротскій домъ на Новомъ Свѣтѣ, синагога на Прагѣ и пожарное депо.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 915.

А. Г.

Лессель, *Францискъ*, піанистъ-композиторъ. Родился въ Пулавѣ въ 1780 г., музыкальное образованіе началъ подъ руководствомъ отца, подвизавшагося въ качествѣ композитора при дворѣ князя Чарторыйскаго, а для усовершенствованія въ музыкѣ въ 1800 г. посланъ былъ отцомъ въ Вѣну. Здѣсь Лессель со временемъ сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Іосифа Гайдна и, вернувшись въ 1810 г. въ Польшу, съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ нѣсколькихъ концертахъ. Въ это-же время стали появляться и первыя его самостоятельныя композиціи. Тщательное изученіе старой музыки дало возможность Лесселю переложить на современныя ноты нѣкоторые старинные гимны (гимнъ Богородицѣ св. Войцѣха, помѣщенный въ «Spiewach historycznych» Нѣмцевича, 1818 г.) и съ успѣхомъ подражать имъ (10 пѣсенъ тамъ же). Въ этомъ же родѣ была создана и его большая ораторія, изданная Варшавскимъ музыкальнымъ обществомъ въ 1820 г. Отправившись вслѣдъ затѣмъ за границу, Лессель путешествовалъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а по возвращеніи на родину занялъ должность управителя въ имѣніяхъ княгини Маріи Вюртембергской (рожденной Чарторыйской), въ Пилицахъ. Какъ человѣкъ многосторонне образованный и къ тому же хорошій строитель, Лессель развивалъ здѣсь въ высшей степени полезную дѣятельность по части устройства садовъ и заводовъ. Когда въ 1832 г. имѣнія кн. Маріи Вюртембергской перешли къ ея сыну, кн. Адаму Вюртембергскому, Лессель перешелъ на службу въ имѣніе Поплавскихъ, Пентицы, подъ Варшавой. Въ 1836 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ сельско-хозяйственнаго института въ Маримонтѣ, а въ слѣдующемъ 1837 г. переведенъ на должность инспектора же въ Петроковскую гимназію. Въ этой должности Лессель скончался въ Петроковѣ въ 1839 г. Служебныя занятія въ послѣднія 15 лѣтъ жизни часто мѣшали Лесселю въ его музыкальныхъ занятіяхъ.

Лучшія вещи его въ этой области (trio для фортепіано, кларнета и вальторна; квартетъ; adagio и rondo à la Polonaise для фортепіано и оркестра; увертюра C-major для оркестра; концертъ C-major для фортепіано и оркестра и др.) были изданы въ болѣе ранніе годы (1807—1813) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ. Отъ позднѣйшаго же времени сохранилось много композицій въ рукописяхъ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 914—915.

А. Г.

Лессеръ, *Александръ*, художникъ исторической живописи, родился въ Варшавѣ въ 1814 г., умеръ тамъ же въ 1884 г. По окончаніи Варшавскаго лицея Лессеръ поступилъ въ Варшавскій университетъ на отдѣленіе изящныхъ искусствъ, а за-

тѣмъ продолжалъ свое художественное образованіе въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ, гдѣ занимался подъ руководствомъ тогдашнихъ свѣтилъ живописи Корнеліуса и Шнорра. Продолжительное путешествіе по Германіи, Франціи, Бельгіи и Англіи закончило его образованіе, при чемъ, кромѣ живописи, онъ усердно занимался и исторіей и археологіей и, между прочимъ, собралъ большую коллекцію польскихъ художественныхъ древностей.

Изъ историческихъ картинъ его извѣстны: «Оборона Трембовли», «Юноша Болеславъ Кривоустый», «Открытіе мощей св. Ванды», «св. Ядвига на полѣ битвы» и др. Ему же принадлежатъ и сорокъ поясныхъ портретовъ королей польскихъ въ историко-біографическомъ изданіи Дзвонковскаго «Wizerunki królów polskich» (Варшава, 1860 г.) и три гравюры къ поэзіи Мицкевича (изд. Мерцбаха).

Наконецъ, Лессеръ писалъ и на религіозные сюжеты. Къ картинамъ такого рода относятся большія полотна въ алтаряхъ нѣкоторыхъ католическихъ храмовъ: «Вознесеніе Христово», «св. Марія Магдалина» (въ Двинскѣ) и «св. Викентій» (въ Нехмеровѣ).

Картины Лессера были отмѣчены наградой на Дрезденской выставкѣ въ 1833 г. и двумя большими серебряными медалями на выставкахъ въ Варшавѣ, въ 1838 и 1841 г.г.

Лессеръ извѣстенъ и какъ художественный критикъ журнала «Kłosy» и какъ авторъ статей «Pamiątki Piastowskie na Szląsku» («Gaz. Codz.» 1839 г., № 196) и «Dzieła Wita Stwosza, oznaczone monogramami» («Tygod. Illustrow.» 1863 г., № 196).

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. XVI, стр. 916, 917 и Варшава, 1901 г., т. IX, стр. 258.—«La grande Encyclopédie», т. 22, стр. 98.—«Słownik naučny». Прага, 1900 г., т. XV, стр. 922.

А. Г.

Лестокъ, *Іоганнъ-Германъ*, *Арманъ*, *Иванъ Ивановичъ*, графъ Римской имперіи, докторъ-хирургъ, первый придворный лейбъ-медикъ, дѣйств. т. сов., главный директоръ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета, род. 29 апрѣля 1692 г., умеръ 12 іюня 1767 г.

Лестокъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Шампани, перешедшаго въ XVI вѣкѣ въ протестантизмъ и вслѣдствіе этого принужденнаго покинуть послѣ отмѣны Нантскаго эдикта Францію. Отецъ его еще во Франціи обучался врачебному искусству, а покинувъ родину, сталъ примѣнять свои знанія, сдѣлавшись по условіямъ времени не то врачемъ, не то цирюльникомъ. Однако вскорѣ ему посчастливилось, и онъ устроился при дворѣ Люнебургскаго герцога въ качествѣ хирурга. Онъ поселился въ городкѣ Целле (близъ Ганновера) съ семьей, состоявшей, кромѣ него и жены, изъ трехъ сыновей: Іоганна-Павла, Іоганна-Германа и Людвига. Старшаго отецъ предназначалъ къ военной службѣ, и такъ какъ она требовала много денегъ, то всѣ скудные излишки доходовъ лейбъ-хирурга маленькаго владѣтельнаго герцога уходили на содержаніе первенца. Іоганна-Германа нечего было и думать пускать по военной карьерѣ: онъ съ дѣтства обнаруживалъ нравъ несдержанный, любовь къ блеску и приключеніямъ и по всей видимости ввелъ бы отца во множество тратъ и непріятностей. Его же смѣтливость, наблюдательность, живость, ясность ума и интересъ къ занятіямъ отца давали основаніе предполагать, что изъ мальчика выйдетъ хорошій врачъ, который сможетъ унаслѣдовать отцовскую практику и мѣсто. Однако молодой Лестокъ, обучившись хирургіи у отца, сталъ искать большихъ знаній и болѣе широкаго примѣненія ихъ, чѣмъ это могло быть въ Целле, съ каковыми цѣлями направился въ Парижъ, гдѣ уже успѣлъ устроиться и обзавестись вліятельными покровителями его старшій братъ. Здѣсь его, впрочемъ, сразу же постигла неудача: по какому-то подозрѣнію онъ былъ схваченъ властями, посаженъ въ тюрьму Шателе и просидѣлъ въ ней почти годъ. Его освободили лишь по ходатайству герцогини Орлеанской, которую умолилъ сдѣлать это старшій Лестокъ, Іоганнъ-Павелъ. Отбывъ тюремное наказаніе, Германъ, или, какъ онъ сталъ себя называть во Франціи, Арманъ Лестокъ, устроился лѣкаремъ во французской арміи, но здѣсь, находя удовольствіе въ той веселой и безпорядочной жизни, которую онъ велъ въ средѣ богатаго и безпечнаго офицерства, онъ страдалъ отъ хроническаго недостатка денегъ, а отчасти и отъ уколовъ самолюбія: разница въ положеніи лѣкаря и офицера, по тогдашнимъ понятіямъ, была очень велика, и онъ живо чувствовалъ ее на себѣ. Богатство и знатность

всю жизнь манили Лестока, и при его нравѣ искателя приключеній онъ не могъ успокоиться въ званіи обыкновеннаго полкового врача. Къ тому же тогда вся Европа была полна слуховъ о новой, обѣтованной для иностранцевъ Лестокова склада странѣ—Россіи, гдѣ, казалось ему, онъ могъ найти все, чего искалъ: и деньги, и почетъ, и дѣло по душѣ. Въ 1713 году Лестокъ написалъ секретарю аптекарской канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ просьбу о принятіи его на русскую службу, заключилъ съ нимъ предварительныя условія и прибылъ въ Петербургъ.

Новоприбывшій врачъ былъ представленъ царю и сразу ему понравился: онъ обладалъ видной наружностью, даже былъ красивъ, ловокъ и пріятенъ въ обращеніи, умѣлъ говорить на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и изъяснялся на нихъ краснорѣчиво; царь не только принялъ Лестока на свою службу, но даже, минуя шесть лѣкарей, привезенныхъ изъ-за границы постельничимъ Салтыковымъ, назначилъ его къ Высочайшему двору. Его обязанности хирурга, по тогдашнимъ взглядамъ на пріемы лѣченія, дѣлали его болѣе частымъ посѣтителемъ дворца, чѣмъ теперешній лейбъ-хирургъ. Тогда были въ обычаѣ кровопусканія, къ которымъ прибѣгали сравнительно часто, и не только при тяжелыхъ заболѣваніяхъ, но даже и при легкихъ недомоганіяхъ. Надобность кровопусканія опредѣлялась самимъ хирургомъ, который поэтому почти ежедневно и навѣщалъ своихъ паціентовъ, справляясь объ ихъ здоровьи и самочувствіи. Новый хирургъ былъ человѣкъ очень подходящій ко двору Петра Великаго. Царь любилъ людей бодраго и веселаго нрава, умѣющихъ соединять дѣло и потѣху, а въ Лестокѣ великолѣпно совмѣщались эти черты; случаевъ же для примѣненія ихъ было вполнѣ достаточно. Послѣ полтавской «викторіи» русская мощь росла: предпріятія Петра Великаго одно за другимъ увѣнчивались успѣхомъ и ознаменовывались торжествами, на которыхъ одинаково много жертвъ приносилось на алтарь богини Венусъ и Ивашкѣ Хмельницкому; участіе въ нихъ принимали не только русскіе, но и многочисленные уже въ то время въ Петербургѣ иноземцы. Лестокъ къ тому же довольно скоро послѣ прибытія въ Россію сталъ вхожъ не только въ дома иностранцевъ, но и въ русскіе, пользуясь общимъ расположеніемъ за свой бодрый, жизнерадостный и легкій нравъ. Къ нему благоволили и царь съ царицей; при чемъ Петръ въ минуты раздраженія поколачивалъ и его, наравнѣ съ придворными русскаго происхожденія.

Вслѣдствіе милостиваго вниманія царя къ новому хирургу онъ попалъ въ число лицъ, сопровождавшихъ Петра въ его путешествіи за границу (1716—1717 гг.). Лестокъ былъ назначенъ хирургомъ при Ея Величествѣ. Свита царя и Екатерины была не велика: это вело къ частымъ встрѣчамъ лицъ сопровожающихъ, и между ними легко завязывались отношенія близости, а подчасъ и вражды. Лестокъ сблизился съ однимъ изъ любимцевъ Петра Великаго—П. И. Ягужинскимъ, такимъ же, какъ и онъ, любителемъ жизненныхъ благъ и веселья, человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, который могъ благотворно вліять на легкомысленнаго и юнаго ганноверца... Постоянныя встрѣчи съ Екатериной дали Лестоку случай показать себя съ выгодной стороны и внушить къ себѣ расположеніе и даже милостивое вниманіе государыни. Впрочемъ во время этого путешествія обнаружились и не совсѣмъ симпатичныя стороны характера Лестока—сначала въ мелочахъ. Онъ подружился съ гофмаршаломъ Петра Великаго Д. А. Шепелевымъ, большимъ любителемъ собакъ. Въ Данцигѣ они общими усиліями украли у одного вельможи свору борзыхъ и мальчика, ее ведшаго; а въ Шверинѣ—лучшую собаку изъ охоты фельдмаршала Шереметева. Лестокъ и Шепелевъ поступали такимъ образомъ, надѣясь на покровительство тѣхъ, кому служили, и дѣйствительно на жалобу Шереметева Екатерина отвѣчала, что похищеніе собакъ не есть воровство. Конечно, такой отвѣтъ былъ продиктованъ не столько справедливостью, сколько благоволеніемъ къ французу-хирургу, умѣвшему за время путешествія и частыхъ недомоганій императрицы снискать и упрочить ея къ нему милость. Когда 10 октября 1717 г., почти послѣ двухлѣтняго отсутствія, царская семья возвратилась въ Петербургъ, Лестокъ былъ въ ней до нѣкоторой степени своей человѣкъ. Онъ могъ ждать теперь успѣховъ въ жизни и по службѣ, достичь того, для чего покинулъ родину и уѣхалъ въ далекій полудикій край. Но для прочности счастья необходимо право на него, для

успѣха нужно крѣпко связать себя съ дѣломъ и людьми, среди которыхъ живешь; у Лестока этихъ основаній не было. За всю его долгую жизнь въ Россіи онъ не сумѣлъ понять и полюбить страну, въ которой жилъ. Онъ свои интересы, свои цѣли ставилъ выше государственныхъ и національныхъ и при всякомъ столкновеніи ихъ стремился выгородить себя и свои выгоды. Едва освоившись съ краемъ, который принялъ его какъ родного, онъ уже отворачивался отъ него и сближался съ его врагами или же съ тѣми, кто пріѣзжалъ въ Россію для того, чтобы стать ея врагомъ. Такъ, позднѣе (послѣ 1719 г.) онъ сблизился съ прусскимъ дипломатомъ Фокеродтомъ, написавшимъ извѣстныя записки о Россіи, ставшія благодарнымъ источникомъ для всѣхъ, кто хотѣлъ чернить Петра Великаго и нашу родину во время преобразованія. Есть основанія думать, что и въ 1717—1719 году Лестокъ сошелся съ какими-то предосудительными лицами и своимъ поведеніемъ навлекъ на себя подозрѣнія въ какомъ-то преступномъ замыслѣ, такъ какъ иначе трудно объяснить гнѣвъ противъ него Петра и суровую ссылку въ Казань. Врядъ ли правы тѣ историки, которые объясняютъ ее неудачными любовными похожденіями Лестока и жалобой на него обиженнаго Лакосты. Петръ Великій не особенно строго преслѣдовалъ за провинности по дѣламъ пьянымъ и амурнымъ и обыкновенно предоставлялъ и обидчику и обиженному устраивать соглашеніе между собою, или же обращалъ все дѣло въ шутку. Конечно, столкновеніе почему-то впавшаго въ немилость Лестока съ любимцемъ Лакостой могло быть изъятіемъ изъ общаго правила, а, можетъ быть, даже случаемъ «кстати»—удобнымъ предлогомъ убрать подальше и въ надежное мѣсто подозрительнаго человѣка. Дѣло же, о которомъ идетъ рѣчь, состояло въ слѣдующемъ. Лестокъ еще юношей обнаруживалъ большую охоту къ любовнымъ утѣхамъ и неутомимо искалъ ихъ, особенно «уловляя невинность». 17 апрѣля 1719 года пришло къ грустному окончанію одно изъ такихъ его предпріятій. У Петра былъ шутъ— выкрестъ изъ испанскихъ евреевъ—Лакоста, или, какъ его иногда звали, Дакоста, пожалованный царемъ въ графы и владѣвшій безлюднымъ островомъ Саммерсомъ, близъ финскихъ береговъ. Шутъ былъ въ милости у Петра. Злые языки говорили, что Лестокъ пользовался расположеніемъ не только жены Лакосты, но и его дочерей и что именно на этой почвѣ произошла между ними ссора. Лейбъ-хирургъ искалъ мира,—придворный шутъ прогналъ его изъ дома и приказалъ слугамъ бить француза палками, если онъ покажется близъ его жилища, а жену и дочерей посадилъ подъ домашній караулъ. Лестокъ попробовалъ искать посредниковъ для переговоровъ, а чтобы смягчить гнѣвъ оскорбленнаго мужа и отца сталъ разглашать, что намѣренъ жениться на Лакостиной дочери. Онъ даже совѣтовался по этому дѣлу съ Ягужинскимъ, который сказалъ ему, чтобы онъ написалъ Лакостѣ письмо и передалъ его съ нимъ, Ягужинскимъ. По увѣреніямъ Лестока онъ собирался посылать это письмо, но о содержаніи его хотѣлъ посовѣтоваться со своей будущей невѣстой. Прійдя къ дому кухмистера Матиса, гдѣ она сидѣла за карауломъ, Лестокъ подвергся нападенію сторожей, которые стали его бить и грабить; онъ вынулъ шпагу, но не успѣлъ обороняться: его схватили и арестовали. Петръ приказалъ его допросить и судить. Лестокъ повинился въ любовной связи съ Лакостиной дочерью, увѣрялъ, что хочетъ вступить съ ней въ бракъ, свое же поведеніе при арестѣ объяснялъ, какъ самооборону. По словамъ Лестока, когда онъ приблизился къ жилищу Матиса, «пришелъ тутъ не знай какой дѣтина въ матросскомъ платьѣ и съ нимъ иныхъ человѣка три или четыре и, ухватя его, ударили объ землю и почали грабить и схватили парикъ и, вынявъ изъ кармана футляръ съ инструментами лѣкарскими, и при томъ бывшій Лакостинъ хлопецъ сталъ ему Лестоку на горло и говорилъ другимъ, чтобъ вынули у него изъ кармана часы и деньги». Затѣмъ закричали караулъ. Все это видала Ягана Матисъ. На крики прибѣжали стоявшіе у Императорскаго Дворца, близъ котораго происходило дѣло, караульные Преображенскаго полка гренадерской роты, взявшіе драчуновъ подъ стражу.

Допрашивавшій Лестока Андрей Ушаковъ иной вины, кромѣ драки со слугами Лакосты, найти за нимъ не могъ, и въ іюлѣ того же 1719 года, докладывая о такомъ своемъ убѣжденіи Петру, предоставилъ рѣшеніе участи провинившагося хирурга волѣ государя. При докладѣ Ушаковъ

прибавилъ, что четырехмѣсячное заключеніе и слѣдствіе очень тяжело отразилось на нравственномъ состояніи Лестока: «онъ въ великой десперації находится, опасно, дабы не учинилъ какой надъ собой причины». Петръ нашелъ Лестока виновнымъ, и по указу его провинившагося хирурга сослали въ Казань. Тамошнему губернатору велѣно было содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, такъ какъ существовало подозрѣніе, что Лестокъ хочетъ бѣжать. Всякая корреспонденція была ему запрещена, но въ остальномъ ссылка была обставлена условіями для него благопріятными. На содержаніе его отпускалось 240 руб. въ годъ—сумма, по тому времени, крупная; ему была разрѣшена врачебная практика и посѣщеніе знакомыхъ, т. е. «крѣпкій карауль» начинался для Лестока внѣ предѣловъ Казани, которую онъ не имѣлъ права покидать. Эта ссылка тянулась до вступленія на престолъ Екатерины I. Императрица вспомнила о своемъ бывшемъ заграничномъ любимцѣ, вернула его ко двору, наименовала лейбъ-хирургомъ и назначила состоять при цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Верховный Тайный Совѣтъ относился къ нему тоже милостиво и 20 октября 1727 г. постановилъ выдать изъ медицинской канцеляріи недоданное ему за прошлое время жалованье. Изъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, послѣ факта возвращенія изъ ссылки, самой значительной по послѣдствіямъ слѣдуетъ признать назначеніе Лестока ко двору цесаревны Елисаветы. Отнынѣ онъ вмѣстѣ съ нею то подымался, въ смыслѣ значенія и вліянія на правящіе круги Россіи, то падалъ. Онъ чувствовалъ себя вельможей при началѣ царствованія Петра II, а подъ конецъ его дрожалъ, какъ бы не попасть снова въ мѣста, быть можетъ, отдаленнѣйшія, чѣмъ Казань. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны дворъ цесаревны отдѣлился отъ большого и зажилъ своею особой замкнутой жизнью, тяготѣя ко всему простому русскому въ противуположность нѣмецкой чопорности и роскоши двора императрицы. Конечно, и въ такомъ тѣсномъ кругу, какъ жили приближенные Елисаветы, находили мѣсто козни и происки. Лестока, напримѣръ, обвиняли въ наговорахъ Бирону на А. Шубина, пользовавшагося сердечнымъ расположеніемъ Елисаветы, благодаря которымъ фаворита схватили и сослали на Камчатку. Въ этомъ извѣстіи, въ общемъ мало подтвержденномъ, всего интереснѣе указаніе на какую-то постоянную связь между Лестокомъ и Бирономъ: повидимому и въ это безвременье для Елисаветы ея хирургъ какъ-то сумѣлъ выдвинуться и стать хотя до нѣкоторой степени особой. Онъ устроился очень ловко: его любила полуопальная цесаревна и ея приближенные, а въ то же время и вельможи большого двора и петербургская знать. Слѣдуетъ оговориться, что Лестокъ вовсе не былъ искателенъ, а скорѣе прямъ и рѣзокъ, особенно если его задѣвали за живое. Онъ иногда осмѣливался возражать высшимъ чинамъ аннинскаго правительства: на предложеніе Миниха слѣдить за Елисаветой и доносить о ея поведеніи онъ отвѣтилъ рѣзкимъ и негодующимъ отказомъ. Своимъ успѣхамъ и извѣстностью онъ опять-таки былъ обязанъ той живости характера и общительности, о которыхъ уже говорилось. Благодаря имъ же и его матеріальное положеніе стало цвѣтущимъ и упрочилось. Сохранились свѣдѣнія о векселяхъ, выдаваемыхъ ему разными вельможами на суммы, по тому времени огромныя: на двѣ, три тысячи; у него былъ большой хорошо обставленный домъ; онъ широко жилъ и велъ крупную карточную игру, не всегда впрочемъ удачную, какъ видно изъ дѣла о взысканіи напранныхъ въ карты денегъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ съ лѣкаря Лестока (1737 г.). Какъ бы то ни было, но онъ совсѣмъ вошелъ въ высшій кругъ Петербурга и съ его мнѣніями, какъ человѣка умнаго, образованнаго и умѣющаго вліять, считались и въ царствованіе Петра II и во все царствованіе Анны Іоанновны. При Петрѣ II къ нему обращались Бестужевы и его сторонники. Интригуя противъ Бирона, они забѣгали къ Лестоку, жившему временно тогда близъ Москвы въ Слободѣ; они просили его распространять ихъ мнѣнія про «каналью курляндца», хорошо зная, что болтливый и острый на языкъ французъ съ удовольствіемъ, для краснаго словца, разскажетъ все, что найдетъ занимательнаго о Биронѣ и Аннѣ Іоанновнѣ, конечно, въ предѣлахъ мудраго благоразумія. Цесаревна Анна Петровна просила Елисавету: «пожалуй, Лестоку поклонъ мой рабской отдай и поблагодари за обнадеженіе милости его, такожде изволь у него спросить, такъ-ли онъ много говоритъ про Гришку да Марѳушку». Лестокъ уже былъ

персоной, которая могла оказывать милости даже царевнѣ, мнѣніе, котораго могло очернять или обѣлять даже фаворитовъ царевенъ. Къ его сужденіямъ въ концѣ царствованія Анны Іоанновны прислушивался и Волынскій: написавъ свое «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», онъ, въ числѣ немногихъ вліятельныхъ лицъ, показывалъ его и Лестоку; также онъ поступилъ и со своей извѣстной запиской императрицѣ о недостоинствѣ окружающихъ ее людей, особенно Остермана, и о печальномъ положеніи людей достойныхъ, подразумѣвая себя и тѣхъ, кому онъ читалъ записку.

Всѣ эти обстоятельства вводили Лестока въ кругъ русскихъ дѣлъ, придворныхъ партій, ихъ цѣлей, намѣреній и образа дѣйствій. По натурѣ подвижный и дѣятельный, въ силу условій жизни, онъ вовлекался въ опасную игру куртизана. Онъ благополучно ускользнулъ изъ дѣла Волынскаго, которое его непосредственно задѣвало, но онъ не могъ уклониться отъ предпріятій, касавшихся Елисаветы и ея правъ на престолъ. Въ нихъ онъ не былъ зачинщикомъ, главаремъ-руководителемъ, онъ даже устранялся, сколько могъ, отъ затѣй, за которыя могъ поплатиться головой, но ходъ событій складывался такъ, что шагъ за шагомъ увлекалъ его къ участію въ заговорѣ, который окончился возведеніемъ на россійскій престолъ цесаревны Елисаветы, а Лестокъ оказался чуть ли не виднѣйшимъ лицомъ въ совершившемся событіи. Не Лестокъ выдвинулъ Елисавету, какъ возможную императрицу Россіи, и не онъ, конечно, организовалъ тотъ заговоръ среди гвардейцевъ, который явился главной движущей силой событія, и не лейбъ-хирургъ изъ ганноверцовъ могъ раздувать русское національное чувство, возмущавшееся засильемъ иноземцевъ въ правленіе Анны Леопольдовны. Но зато ему было на руку возрастаніе значенія Елисаветы, а вмѣстѣ съ нею и ея придворныхъ, по мѣрѣ роста надеждъ цесаревны на престолъ. Выгодно ему было увеличеніе числа сторонниковъ Елисаветы, — будутъ ли они среди гвардіи, Двора, дипломатическаго корпуса или русской знати. Самъ же Лестокъ тоже могъ пригодиться каждой изъ группъ, желавшей видѣть Елисавету на престолѣ, такъ какъ по роду своихъ занятій онъ посѣщалъ массу домовъ, могъ легко и безъ подозрѣнія со стороны властей передавать извѣстія отъ одного заговорщика другому и, что важнѣе всего, имѣлъ постоянный доступъ къ цесаревнѣ. Вслѣдствіе знанія иностранныхъ языковъ особенно удобенъ онъ былъ для интригановъ изъ иноземцевъ. Двое такихъ сыграли извѣстную роль и въ исторіи Россіи и въ жизни Лестока. Это были Шетарди, министръ Франціи и Нолькенъ—Швеціи. Проводя въ Россіи давно затѣянный замыселъ ослабленія ея при помощи внутреннихъ смутъ и переворотовъ, конечной цѣлью которыхъ являлось возвращеніе ея къ допетровскому ничтожеству, представители Франціи и Швеціи видѣли въ елисаветинской партіи національную реакцію всему иноземному, а потому, какъ неправильно заключали они, и петровской реформѣ. Въ ихъ цѣли входила поддержка притязаній Елисаветы на отеческій престолъ, но войти съ ней въ сношенія неофиціальныя и постоянныя для аккредитованнаго при Русскомъ дворѣ министра было почти невозможно. Приходилось искать посредника, и въ качествѣ такового, очень подходящаго для Нолькена и для Шетарди, оказался Лестокъ. Значеніе его въ сношеніяхъ, начавшихся между министрами и Елисаветой, было чисто пассивное: онъ передавалъ слова и порученія одной стороны другой; подготавливалъ рѣдкія свиданія сторонъ другъ съ другомъ и лично почти ничего не значилъ и не могъ значить. Лестокъ въ подготовкѣ переворота имѣлъ самое ничтожное значеніе. Шетарди, въ общемъ расположенный къ Лестоку и ни въ коемъ случаѣ не склонный умалять его качества и вѣсъ при дворѣ цесаревны Елисаветы, не разъ описываетъ трусливое и слишкомъ мнительное поведеніе «конфидента», какъ обычно именуетъ онъ его въ своихъ депешахъ. Въ маѣ 1741 г., когда явилось опасеніе, что за сношеніями Елисаветы съ иностранными министрами и ея сторонниками вообще, а въ частности за Лестокомъ установлено наблюденіе, онъ сталъ уклоняться отъ свиданій съ Шетарди и Нолькеномъ. «Напрасно ему ставили на видъ какъ важно намъ», писалъ маркизъ о себѣ и о Нолькенѣ, «переговорить съ нимъ въ послѣдній разъ»... Когда же онъ явился къ французскому министру, то писалъ тотъ,—«хирургъ сталъ

лишь выказывать безпокойство, которое его тревожитъ; всякое новое обстоятельство удваивало его мнительность: при малѣйшемъ шумѣ, который онъ слышалъ на улицѣ, онъ быстро подходилъ къ окну и считалъ уже себя погибшимъ». Шетарди думалъ, что ужасы, рисуемые воображеніемъ Лестока—плодъ его фантазіи, пытался побороть ихъ увѣщаніями, денежными посулами, подачками и проигрышемъ въ карты, но вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что «напрасно стараться излѣчить этихъ людей отъ страха», обвиняя между прочимъ Лестока въ томъ, что онъ своимъ поведеніемъ и совѣтами убивалъ и рѣшимость Елисаветы выступить со своими притязаніями на престолъ. Въ іюнѣ Нолькенъ, чтобы имѣть случай видѣться и говорить съ Лестокомъ, упорно этого избѣгавшимъ, рѣшился на крайнюю мѣру. Встрѣтившись у правительницы съ однимъ изъ камеръ-юнкеровъ Елисаветы, онъ жаловался, что не можетъ пустить себѣ крови, такъ какъ Лестокъ къ нему не является. Послѣ этого хирургъ прибылъ къ Нолькену и снова сталъ твердить о томъ, какъ осмотрительно долженъ онъ вести себя, какая опасность угрожаетъ и ему и цесаревнѣ, если откроются ихъ сношенія. Онъ увѣрялъ Нолькена, что у Елисаветы нѣтъ болѣе близкаго человѣка, чѣмъ онъ, хирургъ, а онъ чувствуетъ, что если его арестуютъ и станутъ наказывать кнутомъ, то онъ во всемъ сознается, раскроетъ весь замыселъ, выдастъ себя на вѣрную казнь, а Елисавету обречетъ на неминуемое вѣчное заключеніе въ монастырь.

Если Лестокъ не говорилъ это нарочно въ цѣляхъ оттянуть переворотъ, то очень любопытно сопоставить это увѣреніе съ тѣмъ, что писали его панегиристы послѣ переворота 1741 г., будто бы онъ клялся цесаревнѣ, что никакія пытки не вынудятъ у него сознанія объ участіи Елисаветы въ замыслахъ возведенія ея на престолъ.

Въ общемъ во время этихъ переговоровъ поведеніе Лестока вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ Елисаветы. Шетарди и Нолькенъ добивались отъ нея письменнаго ходатайства предъ Шведскимъ правительствомъ помочь ей совершить переворотъ въ Россіи въ ея пользу, съ обѣщаніемъ, письменнымъ же, уступить Швеціи часть областей, завоеванныхъ Петромъ, и платить имъ денежныя субсидіи. При свиданіи Елисаветы съ Нолькеномъ въ іюнѣ 1741 г. она однако всю вину въ томъ, что такого рода ходатайство и обѣщаніе еще не даны, сложила на Лестока; сдѣлала видъ, будто бы онъ скрылъ отъ нея истинныя требованія шведовъ, и даже выразила удовольствіе по поводу порицаній, высказанныхъ по адресу Лестока Нолькеномъ. Всѣ эти слова не помѣшали Елисаветѣ ловко уклониться дать немедленно же желаемыя письма, пообѣщать прислать ихъ съ Лестокомъ и отправить его на слѣдующій же день къ шведскому посланнику съ пустыми руками. Нолькенъ, желая заманить его, посулилъ ему крупный денежный подарокъ, если онъ принесетъ нужныя ему бумаги. Лестокъ увѣрялъ его, что онъ всегда добросовѣстно передавалъ отъ него все, что слышалъ, Елисаветѣ, много разъ настаивалъ на письменномъ ходатайствѣ, но когда начиналъ говорить слишкомъ рѣшительно, навлекалъ на себя гнѣвъ цесаревны. Обѣщаніе крупнаго подарка заставило его дать слово, что онъ употребитъ послѣднія усилія и черезъ два-три дня явится съ письмомъ. Однако ему не удалось вполнѣ выполнить то, что требовалось. Елисавета согласилась лишь передать Нолькену письмо молодому герцогу Голштинскому съ мало значущими словами благодарности за услуги королю Швеціи и съ совѣтомъ довѣрять тому, что будетъ высказывать Нолькенъ. Большаго шведскій посланникъ не дождался и долженъ былъ пуститься въ путь на родину, не добившись хоть сколько-нибудь прочнаго успѣха. Послѣ его отъѣзда Лестокъ еще осторожнѣе и вполнѣ опредѣленно избѣгалъ свиданій съ Шетарди. Въ іюлѣ, когда Елисавета возобновила чрезъ своихъ приближенныхъ сношенія съ французскимъ министромъ Лестокъ продолжалъ свое боязливое и уклончивое поведеніе и, лишь послѣ того какъ Шетарди удалось переслать Елисаветѣ письменный текстъ ея обязательствъ по отношенію къ Швеціи и Франціи, онъ снова явился къ маркизу (послѣ 19/30 августа). Посѣщенія его затѣмъ участились, и цесаревна нашла даже возможнымъ увѣрять маркиза, что она приказала Лестоку ежедневно приходить къ лицамъ его свиты и изыскала способъ, чтобы секретарь его Вальдонкуръ и ея лейбъ-хирургъ могли передавать другъ другу записки безпрепят-

ственно, при малѣйшей въ томъ нуждѣ. При свиданіи съ маркизомъ Лестокъ не щадилъ словъ, разсыпаясь въ признательности королю отъ имени Елисаветы, какъ за его участіе въ дѣлѣ замысловъ возведенія ея на престолъ, такъ и за любезность при выполненіи церемоніала французскаго министра. При одномъ особенно продолжительномъ разговорѣ Лестокъ сообщилъ Шетарди о причинахъ колебанія Елисаветы въ вопросѣ о земельныхъ уступкахъ и письменномъ обѣщаніи наградъ шведамъ, а также о злоумышленіяхъ русскаго правительства лично противъ него—маркиза. Онъ увѣрялъ, будто бы французскаго министра намѣрены объявить мятежникомъ противъ Россіи и въ качествѣ такового лишеннымъ защиты международнаго права. При этомъ же разговорѣ Лестокъ упомянулъ о крупныхъ тратахъ Елисаветы на раздачу денегъ солдатамъ и спросилъ, не можетъ ли Шетарди изъ денегъ короля ссудить цесаревнѣ 15,000 дукатовъ для подобнаго рода раздачъ. Маркизъ сразу сообразилъ, что такая раздача можетъ быть и очень выгодна, если предпріятіе удастся, и очень невыгодна, если провалится, а такъ какъ въ тотъ моментъ онъ не былъ увѣренъ въ прочности надеждъ на успѣхъ партіи цесаревны, то предпочелъ рисковать только казенными деньгами, да и то съ разрѣшенія своего начальства, о чемъ и отписалъ въ Версаль, наобѣщавъ Лестоку съ три короба. Возобновившіеся переговоры пошли очень хорошо, и дѣло какъ-будто совсѣмъ налаживалось, но неожиданно произошла новая заминка; на этотъ разъ она шла отъ Франціи. Принцу Конти вздумалось сдѣлать предложеніе Елисаветѣ выйти за него замужъ. Питая недовѣріе къ официальному представительству Франціи вообще, а къ Шетарди въ частности, онъ прибѣгнулъ къ посылкѣ своего собственнаго агента—Давеня (de Davesnes), прибытіе котораго въ Петербургъ (въ концѣ сентября 1741 г.) взволновало всю партію Елисаветы: его истолковали, какъ начало переговоровъ о заключеніи мира между Россіей и Швеціей при посредствѣ Франціи. Такое толкованіе миссіи Давеня побудило Лестока написать Шетарди длинное письмо, въ которомъ онъ, именуя Елисавету тѣмъ именемъ, какимъ называлъ ее въ письмахъ обычно (героемъ — héros), выражаетъ опасеніе, что Швеція при поддержкѣ Франціи заключитъ миръ, выгодный для нея, но гибельный для «героя» и ея племянника—будущаго императора Петра III. Однако самъ Давень разсѣялъ эти опасенія, заведя сношенія съ Лестокомъ и стремясь склонить его дѣйствовать въ пользу затѣваемаго брака. Въ началѣ это ему удалось, но потомъ хирургъ, должно быть подъ вліяніемъ разговоровъ съ Шетарди, а также и оттого, что зналъ о нежеланіи и невозможности для Елисаветы вступить въ этотъ бракъ, «справедливо почувствовалъ, что это значило бы рисковать понапрасну обнаружить важную тайну и нанести косвеннымъ образомъ ущербъ даже службѣ короля». Отказавшись дѣйствовать въ пользу принца Конти, Лестокъ продолжалъ сношенія съ Шетарди, являлся къ нему для разговоровъ, получилъ отъ него текстъ шведскаго манифеста, гдѣ говорилось о шведо-русской войнѣ, якобы начатой въ защиту правъ отторгнутыхъ отъ престола наслѣдниковъ Петра Великаго, перевелъ этотъ документъ на русскій языкъ для прочтенія Елисаветѣ и т. п. Надо впрочемъ думать, что и въ это время Елисавета обрекла Лестока на роль соглядатая при маркизѣ, потому что, судя по донесеніямъ послѣдняго, Лестокъ или совершенно не зналъ истиннаго положенія дѣлъ партіи цесаревны, или умышленно искажалъ ихъ дѣйствительное состояніе, такъ какъ за ближайшіе къ перевороту дни французскій министръ совершенно потерялъ вѣру не только въ возможность его успѣха, но и даже въ вѣроятность попытки къ его осуществленію.

Такой же неопредѣленный и двусмысленный характеръ носятъ и дальнѣйшія дѣйствія Лестока въ подготовкѣ переворота вплоть до ночи 25 ноября 1741 г., въ которую Елисавета вступила на престолъ, а Лестокъ неотлучно былъ при ней и дѣйствительно могъ, если не способствовать удачѣ переворота, то поддерживать рѣшимость и бодрость духа цесаревны.

Объ этомъ участіи Лестока въ ноябрьскомъ переворотѣ уже у современниковъ сложилось множество легендарныхъ разсказовъ, попавшихъ въ историческую литературу и отчасти получившихъ въ ней санкцію на правдивость и право дальнѣйшаго существованія. Однако внимательная провѣрка не подтверждаетъ цѣликомъ

ни одного изъ нихъ; самые распространенные и эффектные относятся къ моменту, когда Елисавета колебалась приступать къ перевороту. Лестокъ, котораго собирались уже арестовать, взялъ, якобы, съ карточнаго стола двѣ карты, на одной нарисовалъ Елисавету во всемъ величіи царскаго убранства, а на другомъ въ одеждѣ монахини, такъ какъ царевнѣ грозили заточеніемъ въ монастырь. По другой версіи онъ явился къ Елисаветѣ съ уже нарисованной картиной ея славы или гибели. Всѣ подобныя росказни должны были доказать, что лицомъ, окончательно побудившимъ Елисавету къ дѣйствіямъ, былъ именно Лестокъ. Это—вѣроятно, въ виду того, что его жизнь зависѣла отъ рѣшимости цесаревны. Наканунѣ переворота 24 ноября правительница сообщила игравшей съ ней Елисаветѣ, что хочетъ съ ней поговорить, увела ее въ сосѣднюю комнату и тамъ сообщила объ извѣстіи, присланномъ Остерману изъ Бреславля. Въ немъ правительница предостерегалась о замыслахъ Елисаветы и ей давался совѣтъ арестовать и допросить Лестока. Правительница надѣялась, что цесаревна не будетъ имѣть ничего противъ заключенія ея хирурга подъ караулъ, если на немъ есть вина. Елисавета сказала, что первая просила бы объ этомъ, когда бы считала Лестока способнымъ на такой проступокъ, выразила правительницѣ чувства своей преданности и вернулась со спокойнымъ видомъ къ карточной игрѣ. Она знала, что если Лестока станутъ пытать, онъ ее выдастъ, и она погибла. Это соображеніе могло побудить ее къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительно, чѣмъ пресловутыя картины лейбъ-хирурга.

По нѣкоторымъ источникамъ даже выходитъ такъ, что помимо Бреславльскаго доноса и самъ Лестокъ былъ причиной намѣренія его арестовать: посѣщая «австеріи и вольные дома», онъ болталъ о перемѣнахъ, которыя вскорѣ наступятъ въ Россіи, и о счастьи, его ожидающемъ. Въ доносчикахъ и шпіонахъ, распложенныхъ со временъ Петра Великаго въ большомъ изобиліи, недостатка не было, и рѣчи Лестока дошли до правительства. Остерманъ, принцъ Антонъ Ульрихъ и многіе изъ вельможъ совѣтовали правительницѣ арестовать Лестока безъ всякихъ разговоровъ, но изъ-за партійныхъ соображеній она предпочла поступить такъ, какъ было выше написано, и Лестокъ остался на свободѣ.

Обстановка, въ которой вступила на престолъ Елисавета, слишкомъ поразила воображеніе современникомъ: она походила на сказку, и однимъ изъ главныхъ героевъ ея явился Лестокъ. Источники, заслуживающіе довѣрія, изображаютъ его поведеніе вплоть до ночи, въ которую на россійскій престолъ вступила дочь Петра, далеко не въ геройскомъ видѣ: несомнѣнны его участіе въ знаменитомъ событіи, его близость во все время теченія переворота къ особѣ цесаревны, но отсюда далеко до того, чтобы имѣть право считать его главной пружиной переворота или даже лицомъ, совѣты и воздѣйствія котораго заставили цесаревну дѣйствовать; у нея къ тому были болѣе вѣскія побужденія, вокругъ нея были болѣе умные и рѣшительные люди, да и сама она умомъ и энергіей превосходила Лестока: онъ могъ быть ея агентомъ, исполнителемъ, въ лучшемъ случаѣ однимъ изъ помощниковъ и совѣтчиковъ. Несомнѣнно его участіе въ совѣщаніи наканунѣ переворота о подробностяхъ дѣла, а также его присутствіе при сборахъ Елисаветы къ выступленію. Говорятъ, что при этомъ онъ побуждалъ цесаревну облечься въ легкія латы, но она отвергла его совѣтъ. Такое предложеніе возможно оттого, что и Шетарди совѣтовалъ то-же и даже увѣрялъ, что это было выполнено.

Лестокъ находился при Елисаветѣ въ числѣ тѣхъ трехъ лицъ (кромѣ него—Шварцъ и Воронцовъ), при которыхъ она молилась и собиралась въ путь, возведшій ее на престолъ. Вмѣстѣ съ Шварцемъ онъ ходилъ въ казармы Преображенскаго полка и увѣдомилъ участниковъ переворота о времени его наступленія, вмѣстѣ съ ними же онъ вернулся во дворецъ цесаревны, оторвалъ ее отъ молитвы, усадилъ съ Воронцовымъ въ сани, самъ же со Шварцомъ сталъ на запятки и сопровождалъ ее въ казармы гренадеровъ, и во дворецъ, и только когда не было сомнѣній въ успѣшности предпріятія, Елисавета послала его къ маркизу Шетарди съ увѣдомленіемъ о своемъ вступленіи на престолъ. Говорятъ, что Лестокъ во время переворота проткнулъ барабанъ у дежурнаго барабанщика гренадерскаго полка, и также поступилъ въ Зимнемъ дворцѣ, чѣмъ помѣшалъ своевременно уда-

рить тревогу. Во время разбора Лопухинскаго дѣла Иванъ Лопухинъ говорилъ, что, ударь во-время барабанщикъ тревогу,—Салтыковъ не далъ бы совершиться затѣѣ; не быть-бы Елисаветѣ на престолѣ. Лестоку же приписывается распредѣленіе и назначеніе отрядовъ, арестовавшихъ Миниха, Левенвольде, Остермана и пр., равно какъ и самое правительницу съ низверженнымъ императоромъ. Конечно, всѣ эти распоряженія исходили не отъ него: онъ ихъ только передавалъ, какъ исполнитель чужихъ проектовъ и плановъ.

Въ этихъ поступкахъ и выразилось участіе Лестока въ переворотѣ.

Со дня вступленія Елисаветы на престолъ начинается время наибольшаго благополучія и вліянія Лестока: онъ дѣлается важной персоной русскаго двора, вельможей, покровительства котораго ищутъ другіе вельможи; онъ становиться «Богомъ нѣмцевъ», какъ назвалъ его фельдмаршалъ кн. Долгорукій. Впрочемъ, согласно той роли, которую онъ игралъ въ переворотѣ, и его значеніе при императрицѣ опредѣлялось прежде всего личными отношеніями, а не постомъ, который занималъ Лестокъ. Императрица впервые наградила Лестока явнымъ для всѣхъ образомъ далеко не сейчасъ послѣ переворота и совсѣмъ не такъ, какъ награждаютъ тѣхъ, кому обязаны необычайной услугой.

18-го декабря 1741 г. былъ данъ Высочайшій указъ о пожалованіи доктора Германа Лестока въ первые придворные лейбъ-медики въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ назначеніемъ его главнымъ директоромъ медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета, съ жалованіемъ по 7.000 р. въ годъ. Это назначеніе Лестокъ могъ бы почитать за великое счастье, такъ какъ оно давало ему и хорошее общественное положеніе, и почетъ, и деньги, и возможность работать на поприщѣ, ему хорошо извѣстномъ и могущемъ дать богатые плоды въ смыслѣ пользы для его новаго отечества. Но Лестокъ уже былъ уязвленъ въ такомъ чувствѣ, которое погубило очень многихъ,—въ своемъ непомѣрномъ честолюбіи: онъ возмнилъ себя чуть-ли не первымъ вельможей въ Россіи, во всякомъ случаѣ первымъ совѣтникомъ императрицы и велъ себя такъ, какъ-будто безъ его участія и одобренія ничто не рѣшается. Онъ только и говорилъ о своемъ *Я*:—«я предложилъ, я приказалъ то-то и то-то». Въ такомъ тонѣ онъ говорилъ съ саксонскимъ посланникомъ Пецольдомъ о назначеніи новыхъ министровъ: «я де—Лестокъ предложилъ назначить вице-канцлеромъ Бестужева»; въ такомъ же духѣ онъ сообщилъ англійскому посланнику о назначеніи русскаго представителя въ Англію и т. п. Нѣкоторое время все это могло безнаказанно сходить ему съ рукъ среди той неразберихи, которая была въ дѣлахъ: всѣ лица, причастныя къ управленію государствомъ, были заняты организаціонными работами для учрежденія правительства согласно видамъ Елисаветы, при чемъ каждый шелъ къ своей цѣли, интригуя на свой страхъ; но, когда главныя правительственныя учрежденія были приблизительно сформированы, члены ихъ опредѣлены, то началась новая борьба—борьба за вліяніе и власть между вельможами, разбившимися на партіи. Въ этой борьбѣ, длившейся, можно сказать, все царствованіе Елисаветы, долженъ былъ принять участіе всякій, такъ или иначе ищущій власти, въ томъ числѣ и Лестокъ. Онъ въ эту борьбу ввязался и въ ней не только потерпѣлъ пораженія, но едва и не погибъ.

Помимо стремленія Лестока вмѣшиваться въ назначеніе главнѣйшихъ министровъ новаго правительства, онъ претендовалъ и на руководство иностранной политикой Россіи. Имѣть неофиціальныхъ дипломатовъ вмѣстѣ съ официальными было въ модѣ. Продолжая свои сношенія и дружбу съ Шетарди, онъ поддерживалъ тотъ знаменитый въ исторіи Россіи обманъ, который даже въ спеціальной литературѣ еще не окончательно выведенъ на чистую воду,—обманъ объ огромномъ участіи Франціи, въ лицѣ министра ея Шетарди, въ дѣлѣ возведенія Елисаветы на престолъ. Во Франціи еще въ 1741 г. знали, что переворотъ въ Россіи произошелъ помимо ея старанія, и принцъ Конти опредѣленно писалъ: «революція въ Россіи теперь произошла безъ насъ»... Въ Петербургѣ дѣлали видъ, что не будь маркиза Шетарди, не было бы императрицы Елисаветы. Англійскій посланникъ совершенно не понималъ, какъ можно такъ дурачить людей: «въ короткое время Россія стала жертвой самаго низкаго обмана, какому только кто-нибудь когда-либо подвергался... плохо обдуманная благодарность царицы за воображаемыя услуги Шетарди

не можетъ не проявлять себя нѣкоторое время, и до сихъ поръ французскаго посланника замѣтно ласкаютъ. Онъ дѣйствительно является единовременно министромъ и русскаго и версальскаго двора», писалъ онъ тогда же. Говоря далѣе о могуществѣ Шетарди, онъ находилъ, что маркизъ можетъ считаться «первымъ министромъ»... «однако, кажется, главнымъ образомъ онъ—Шетарди опирается на Лестока и видитъ въ немъ свою правую руку, такъ какъ не имѣетъ да и не можетъ имѣть никакого понятія о способностяхъ новыхъ министровъ и сенаторовъ»... —Лестокъ тоже о нихъ могъ судить не лучше Шетарди, но лично думалъ объ этомъ иначе: всюду критиковалъ дѣйствія новыхъ властей, выказывая этимъ свое мнимое надъ ними преимущество, и старался направить ходъ дѣлъ соотвѣтственно тому, какъ ему внушалъ или, вѣрнѣе сказать, приказывалъ Шетарди. Въ это время Лестокъ уже занималъ по отношенію къ нему такое положеніе, когда всякій совѣтъ равняется повелѣнію—онъ былъ купленъ Франціей, получилъ отъ нея единовременный крупный денежный подарокъ и согласился тайно отъ императрицы и ея министровъ получать ежегодный пенсіонъ.

Теперь его совѣты императрицѣ и вся интриганская дѣятельность какъ относительно внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ пріобрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный пристрастный партійный характеръ, а именно въ пользу франко-прусскихъ интересовъ, которые съ первыхъ же дней царствованія стали въ противорѣчіе съ русскими. Шведская война, начатая по совѣтамъ и подстрекательству Франціи, и шведами и французами выдавалась за предпріятіе, начатое съ цѣлью способствовать возведенію на престолъ Елисаветы. Передъ правительствомъ ея стояла трудная и, во всякомъ случаѣ, хлопотливая задача покончить съ этой войной, неудачной для шведовъ, требовавшихъ несмотря на то даже земельныхъ уступокъ изъ областей, отошедшихъ къ Россіи по Ништадтскому миру. При вступленіи на престолъ Елисаветы, чрезъ посредничество Шетарди, съ шведскимъ главнокомандующимъ было заключено перемиріе, не приведшее къ миру, вслѣдствіе неумѣренныхъ требованій шведовъ. Война возобновилась, но и переговоры объ условіяхъ мира продолжались. Шведы терпѣли пораженіе за пораженіемъ, однако ихъ требовательность не уменьшалась. Положеніе подстрекательницы Франціи, особенно послѣ неудачнаго перемирія, заключеннаго Шетарди, было крайне двусмысленно и трудно разрѣшимо. Нужно было склонить русскій дворъ къ уступкамъ, невынужденнымъ ни состояніемъ дѣлъ, ни побѣдами шведскаго оружія, да къ тому же еще по характеру унизительнымъ для всего русскаго народа. Шетарди однако разсчитывалъ достичь ихъ однѣми придворными интригами. Услуги Лестока при этомъ были ему крайне нужны. Только съ его помощью смогъ онъ стать «первымъ министромъ» русскаго и версальскаго двора единовременно. Благодаря Лестоку, онъ имѣлъ свободный входъ ко двору всегда, когда это ему было нужно, даже тогда, когда императрица хворала и не принимала никого, хотя бы рѣчь шла о дѣлахъ государственныхъ и первой важности. Къ больной императрицѣ нельзя было не допустить врача, и тутъ его дѣло было устроить такъ, чтобы провести съ собой, или за собой, французскаго министра. Лестокъ нѣсколько разъ прибѣгалъ къ такому способу для веденія непосредственныхъ переговоровъ о дѣлахъ между маркизомъ и Елисаветой. Но кромѣ этого посредничества, онъ оказывалъ Шетарди услуги и иного рода. Лестокъ по порученію императрицы разбиралъ часть документовъ, принадлежавшихъ Остерману, какъ личныхъ, такъ и по коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Ему, между прочимъ, попалась переписка кн. А. Д. Кантемира, нашего посла во Франціи, съ бывшимъ вице-канцлеромъ, и мудрый новоявленный дипломатъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сообщить копіи съ этихъ депешъ, неблагожелательныхъ Франціи, маркизу Шетарди. Не удивительно, что отношеніе Версальскаго кабинета, и безъ того не особенно милое въ отношеніи Кантемира, стало еще суше и враждебнѣе (январь 1742). Франція сразу стала пожинать плоды мудрой дѣятельности своего министра и не имѣла основаній говорить, что Лестокъ даромъ получилъ подарокъ и получаетъ свой пенсіонъ. Теперь и другія державы, видя довольно неожиданную перемѣну положенія французскаго посланника въ Россіи, искали для этого объясненія и вскорѣ открыли истинный источникъ ея въ лицѣ лейбъ-медика. По Европѣ рас-

пространилось много слуховъ о блестящемъ положеніи Лестока при дворѣ и вліяніи его на императрицу, и отчасти слухи эти, какъ было выше показано, основывались на истинномъ положеніи дѣлъ. Первый обратилъ на нихъ должное вниманіе «скоропостижный» Прусскій король Фридрихъ и предписалъ своему министру въ Петербургѣ, барону Мардефельду, въ письмѣ 12/23 декабря 1741 года обратить вниманіе на нѣкоего хирурга Лестока, котораго ему изображали, какъ большого интригана и ревностнаго приверженца Ганноверскаго дома. По свѣдѣніямъ Фридриха, этотъ хирургъ пользовался исключительнымъ расположеніемъ императрицы, а по наблюденіямъ мудраго Прусскаго короля, очень часто при посредствѣ людей ничтожныхъ по положенію совершались большія дѣла. На ловца и звѣрь бѣжитъ: Лестокъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ отъ Мардефельда 15.000 рублей единовременно и согласился, за ежегодный пенсіонъ въ 4.000 р., радѣть посильно объ интересахъ Пруссіи, очевидно съ такимъ же стараніемъ, какъ обѣщалъ это Франціи. Въ іюнѣ 1742 года на вліятельное положеніе Лестока обратило вниманіе и англійское правительство. Глава министерства лордъ Картеретъ писалъ посланнику въ Петербургѣ, что «королю не безызвѣстно вліяніе Лестока, какъ совѣтника царицы, а такъ какъ этотъ господинъ по рожденію подданный его величества, какъ курфюрста (Ганноверскаго), то королю угодно, чтобы вы попытались вывѣдать отъ него, насколько онъ помнитъ свое происхожденіе и считаетъ себя связаннымъ памятью о немъ, и не захочетъ ли онъ оказать услугу королю, который въ случаѣ утвердительнаго отвѣта съ его стороны, уполномочиваетъ васъ обѣщать ему пенсію отъ нашего правительства». Ревностный приверженецъ Ганноверскаго дома, получавшій уже пенсію отъ Франціи и Пруссіи, не отказался получить таковую и отъ Англіи, очевидно надѣясь какимъ-то непонятнымъ образомъ совмѣстить служеніе интересамъ государствъ, не умѣющимъ ихъ даже примирить, хотя до принятія денегъ онъ былъ настолько далекъ отъ благожелательства Англіи и казался открытымъ другомъ Франціи, что англійскій посланникъ счелъ нужнымъ написать объ этомъ къ своему двору. Милостей Лестока искали не только иноземные дипломаты: письма вельможъ, жившихъ въ Россіи и внѣ ея, поступали къ нему въ такомъ изобиліи, что пришлось завести особаго секретаря, который ихъ прочитывалъ, докладывалъ своему принципалу и отвѣчалъ по его указанію. Князь Кантемиръ въ числѣ такихъ просителей искалъ покровительства Лестока, прочилъ ему высокій постъ на государственной службѣ, молилъ о заступничествѣ въ тяжбѣ и ходатайствѣ въ денежныхъ дѣлахъ. Торжество Лестока было однако не долговременно. Еще въ февралѣ 1742 г. его милости искали и Шетарди и Мардефельдъ, посланникъ Прусскаго короля, въ апрѣлѣ уже фаворъ и Шетарди и его, Лестока, начинаетъ замѣтно падать. Неудачное отстаиваніе шведскихъ интересовъ дало возможность врагамъ Лестока указать императрицѣ на своекорыстіе и политическую тупость этихъ самозванныхъ совѣтчиковъ, и она стала стремиться освободиться «отъ хозяйничанья, которому было совсѣмъ довѣрилась». Въ концѣ апрѣля англійскій посланникъ могъ уже съ удовольствіемъ сообщить своему двору, что Россія свободна отъ французскаго вліянія и согласна помогать Австріи всѣми своими силами. Въ то же время (въ серединѣ мая) онъ передалъ вице-канцлеру Бестужеву отъ имени Сенъ-Джонскаго кабинета какое-то важное извѣстіе. Это могло быть письмо изъ Петербурга въ Лондонъ о политическихъ происхахъ Брюммера, воспитателя великаго князя Петра Ѳеодоровича, и о его отношеніяхъ къ французскому министру Шетарди, а слѣдовательно и къ Лестоку. Ихъ вмѣшательство принимало размѣры, угрожающіе для руководителей русскихъ иностранныхъ дѣлъ. По наущеніямъ маркиза, Лестокъ еще въ началѣ царствованія Елисаветы убѣдилъ императрицу написать французскому королю письмо (5/16 декабря 1741 г.) съ просьбою стать посредникомъ въ дѣлѣ замиренія Россіи со Швеціей. Лестокъ отнесъ это письмо прямо отъ Елисаветы къ Бреверну (вѣдавшему при коллегіи переписку съ иностранными дворами) и передалъ ему, безъ вѣдома канцлера и вице-канцлера, приказаніе императрицы написать письмо по этому предмету отъ Высочайшаго имени. Бреверн оказался достаточно догадливымъ и вмѣсто «посредничество» (медіація) упомянулъ, что императрица проситъ

только «добрыхъ услугъ». Однако французскій дворъ, довѣряя настойчивымъ увѣреніямъ Шетарди, далъ этому письму самое широкое толкованіе, въ томъ смыслѣ, какъ будто-бы рѣчь шла именно о посредничествѣ. Когда же, въ связи съ переговорами о мирѣ со шведами, дѣло дошло до этого пункта, то наши министры отъ имени Елисаветы рѣшительно отвергли какое-бы то ни было посредничество. Лестокъ оказался въ глупомъ положеніи. На него обрушился Шетарди, а онъ набросился на Бестужевыхъ, упрекая ихъ въ предательствѣ интересовъ Россіи, въ неблагодарности по отношенію къ нему—Лестоку, который-де вывелъ Алексѣя Бестужева въ люди: посовѣтовалъ императрицѣ назначить его министромъ и выхлопоталъ въ пользу его Именной указъ Сенату, чтобы Бестужеву для его извѣстнаго неповиннаго претерпѣнія имѣть старшинство въ чинѣ съ 25 марта 1740 г.; онъ приписывалъ себѣ даже награжденіе Бестужева кавалеріей—св. Андрея Первозваннаго... Лестокъ довольно цинично высказывалъ Пецольду, что дѣлалъ все въ надеждѣ, что онъ—А. Бестужевъ будетъ «послушенъ», и что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, совершенно его образумитъ; но Лестокъ жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ и, видя «непослушаніе» Бестужева, пришелъ къ убѣжденію, что оба брата люди ограниченные, трусливые и лѣнивые и потому или ничего не дѣлаютъ, или если и дѣлаютъ, то руководятся предразсудками, своекорыстіемъ и злобою, чѣмъ особенно отличается вице-канцлеръ. Наконецъ, Лестокъ утверждалъ, будто императрица увѣрена въ томъ, что А. Бестужевъ подкупленъ королевой Венгерской чрезъ посланника маркиза Ботту; это слѣдуетъ понимать такъ, что онъ самъ или вмѣстѣ съ Шетарди убѣдили Елисавету въ полученіи вице-канцлеромъ такой взятки; и дѣйствительно, приблизительно въ это время императрица приводила въ отчаяніе своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, отказываясь выслушивать ихъ доклады и твердя, что она ничего слышать не хочетъ и ничего не знаетъ, кромѣ того, что въ рукахъ у Ботта 300 тысячъ рублей — для подкупа ея министровъ. Лестокъ къ тому же распространялъ слухи, что нашелъ среди бумагъ Остермана много такихъ, которыя сильно компрометируютъ венгерскаго посланника въ смыслѣ подкупа имъ русскихъ министровъ. Вражда разгоралась, и уже не было надежды на возможность примиренія между Лестокомъ и Бестужевымъ. Къ нежелательнымъ совѣтамъ хирурга по дѣламъ иностраннымъ, къ его интригамъ въ пользу интересовъ Франціи, Пруссіи и Англіи присоединилось новое исканіе—«свалить Бестужева». Впрочемъ, помимо личныхъ мотивовъ, къ этому стремленію его привело-бы и общее направленіе внѣшней политики, руководимое твердой рукой мудраго вице-канцлера въ интересахъ одной Россіи. Вскорѣ въ желаніи удалить Бестужева съ его поста и даже погубить совершенно сошлись и французскій министръ, и шведскій, и прусскій посланники и стали дѣйствовать заодно съ Лестокомъ.

Поведеніе послѣдняго можетъ быть объяснено лишь высокомѣрнымъ честолюбіемъ, притязательностью и корыстностью. Его прямое званіе лейбъ-медика и начальника всей медицинской части давало ему рангъ персоны второго класса съ очень хорошимъ жалованіемъ. Еще выгоднѣе была лично ему присвоенная привилегія пускать кровь императрицѣ. За каждую такую операцію онъ получалъ по три—четыре тысячи рублей, и случаи эти, по методамъ лѣченія XVIII в., бывали очень часты. Къ тому же Лестокъ, какъ это видно по записямъ кабинета, сдѣланнымъ рукою И. А. Черкасова въ выраженіяхъ ворчливыхъ и неодобрительныхъ, получалъ еще порой и лично отъ императрицы очень крупныя денежныя суммы послѣ особенно удачныхъ кровопусканій. Такъ, однажды Елисавета вручила ему сразу 5.000 рублей. Если присоединить къ этому еще и значительную практику, которую имѣлъ среди русской и нерусской знати вліятельный и искусный лейбъ-медикъ, то надо думать, что матеріальное положеніе его было очень хорошо. Уже въ виду одного этого можно полагать, что разсказъ о намѣреніи Лестока покинуть Россію вскорѣ послѣ вступленія Елисаветы на престолъ и желаніе его вновь поселиться въ Целле—просто басня. Къ тому же и въ 1742, и въ 1743, и послѣ—до 1748 г. милости не переставали, то въ той, то въ иной формѣ, сыпаться на лейбъ-медика, и ему слѣдовало лишь принимать ихъ, не вмѣшиваться въ предпріятія, до которыхъ ему не было дѣла, и онъ спокойно сохра-

нилъ бы благоволеніе императрицы и знатное свое положеніе, какъ это было съ Разумовскими и другими друзьями юности Елисаветы. Но Лестокъ не довольствовался очень многимъ, желая все большаго и большаго, и, видя на этомъ пути противодѣйствіе и соперниковъ, стремился ихъ уничтожить. Поводовъ же къ столкновенію было болѣе чѣмъ достаточно. Еще не было покончено дѣло съ письмомъ императрицы къ королю Франціи, какъ завелось новое, еще болѣе деликатное: вызовъ въ Россію герцога Голштинскаго, будущаго Петра III. Лестокъ въ него вмѣшался; когда начались поиски невѣсты для наслѣдника Россійскаго престола, и сюда втерся всюду поспѣвавшій лейбъ-медикъ. Человѣка болѣе осторожнаго могла-бы остановить неудача, постигшая ту партію, къ которой онъ принадлежалъ—неудача вмѣшательства въ переговоры со Швеціей, вызвавшая первый отъѣздъ Шетарди изъ Россіи (1742 г.), но у Лестока не хватило проницательности, чтобы понять опасность, у которой онъ безпечно игралъ въ дипломата: онъ замѣтилъ только пышную и лестную для самолюбія Шетарди аудіенцію, милостивое вниманіе императрицы, истинно-царскіе по богатству подарки отъѣзжающему, но не замѣтилъ всего позора отступленія маркиза отъ навсегда потерянныхъ имъ позицій, не замѣтилъ ненависти и злорадства большинства русской знати, ироніи и ликованія въ напутственныхъ словахъ маркизу отъ Бестужева и того, что канцлеръ игралъ и съ нимъ, и съ Лестокомъ, и съ Брюммеромъ, какъ кошка съ пойманной мышью, предоставляя ей бѣгать, но лишь для того, чтобы позабавиться и раздразнить аппетитъ. 21 августа 1742 г. маркизъ послѣ прощальной аудіенціи уѣхалъ изъ Москвы на родину; но въ Россіи за нимъ и за его партизанами слѣдили агенты Бестужева; ихъ переписку вскрывали и перечитывали; ихъ интриги, до поры до времени извѣстныя лишь вице-канцлеру, ни на минуту не терялись имъ изъ виду. Кантемиръ въ каждой депешѣ писалъ вице-канцлеру о двоедушіи Франціи и внушалъ недовѣріе къ ея представителю въ Россіи, а вмѣстѣ и ко всѣмъ, кто его поддерживалъ, а вице-канцлеръ докладывалъ его депеши императрицѣ. Но не легко было увѣрить Елисавету въ происках Шетарди и Лестока противъ нея. 3-го октября она явилась въ домъ къ Лестоку въ Нѣмецкой слободѣ, обѣдала у него и провела весь день, забавлялась и играла въ карты.

Лестокъ ликовалъ, а Бестужевъ жаловался Пецольду на тяжесть своего положенія и ждалъ новыхъ непріятностей: онъ уже зналъ, какъ много стараній приложилъ Лестокъ къ тому, чтобы уполномоченными на Абовскій конгрессъ для мирныхъ переговоровъ со шведами были назначены А. Румянцевъ — кандидатъ франко-прусской партіи, на мѣсто Бестужева, въ случаѣ его низверженія, и генерамъ Любрасъ, ревностный приверженецъ Лестока и его присныхъ. Зналъ и о томъ, что Лестокъ и Брюммеръ настойчиво убѣждаютъ Елисавету измѣнить способъ веденія иностранныхъ дѣлъ: упразднить должности канцлера и вице-канцлера, преобразовать самую коллегію, учредить особый совѣтъ, для обсужденія и руководства внѣшними дѣлами; подразумѣвалось, что Бестужеву въ этомъ совѣтѣ мѣста не найдется. По мнѣнію Пецольда (ноябрь и декабрь 1742 г.), это былъ апогей вліянія Лестока. Бестужеву при его докладахъ Елисаветѣ приходилось выслушивать много горькаго и обиднаго: то ему предписывалось вновь домогаться чрезъ того самаго Кантемира, который писалъ ему о французскихъ происках, о возвращеніи Шетарди, то императрица, подъ вліяніемъ Лестока, отказывалась говорить о включеніи Венгріи въ союзный трактатъ и т. п. Скрѣпя сердце принималъ всѣ эти выходки вице-канцлеръ, а подъ рукой собиралъ переписку враговъ пачка за пачкой,—и не только въ Россіи. 8/19 февраля 1743 г. онъ просилъ у Фридриха II разрѣшеніе перехватывать письма Шетарди, Лестока и Брюммера въ Берлинскомъ почтамтѣ. Конечно, король, плативший пенсіонъ Лестоку и проводившій свои интриги при русскомъ дворѣ при помощи Брюммера и Шетарди, на это не согласился. Но для Бестужева было довольно и того, что получалось изъ Петербургскаго почтамта.

Въ первую голову онъ ставилъ шведскія дѣла. Переговоры въ Або, вслѣдствіе неудачнаго назначенія Румянцева и Любраса, шли слабо и въ ущербъ русскимъ интересамъ, а въ Петербургѣ дѣятельность вице-канцлера и коллегіи парализовалась придворными интриганами съ Лестокомъ въ числѣ первыхъ. Путемъ вскрытія переписки

Бестужеву удалось узнать, что Лестокъ передавалъ иностраннымъ министрамъ не только ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, но и тайныя постановленія придворныхъ консиліумовъ; что въ самыхъ засѣданіяхъ ихъ члены партіи Лестока и самъ онъ, когда его призывали въ совѣтъ, отстаивали чужестранные интересы, прикрываясь при этомъ заботой о благѣ Россіи. Подчеркнувъ въ перехваченныхъ письмахъ краснымъ карандашемъ тѣ мѣста, гдѣ сторонники и пріятели Лестока изображали всѣ только что указанныя услуги купившимъ его государствамъ, Бестужевъ отложилъ ихъ до поры до времени въ сторону, приготовляя императрицѣ подробный докладъ о дѣятельности ея конфидентовъ. Для поддержанія же своего общенія съ императрицей завелъ постоянную переписку съ Черкасовымъ и періодическую—съ М. И. Воронцовымъ. 30-го апрѣля 1743 г. онъ чрезъ Черкасова послалъ императрицѣ письмо съ изображеніемъ недоброжелательства Франціи, проявившагося въ происках ея въ Швеціи и Англіи. 13 мая при докладѣ реляціи Кантемира о затрудненіяхъ насчетъ новаго назначенія Шетарди Елисавета «изволила указать о маркизѣ Шетарди къ нему, Кантемиру, отписать, чтобы онъ о пріѣздѣ его сюда, когда о томъ затрудненіе оказывают, умолчавъ, ничего болѣе не упоминалъ». Тогда же приказано было, «разсуждая о бездѣльномъ поведеніи Дальона», корреспонденцію его распечатывать и прочитывать. Съ 14-го мая въ руки Бестужева стали поступать еще болѣе обильныя свѣдѣнія о дѣятельности Лестока и его приспѣшниковъ: вице-канцлеръ распечаталъ письма Лестока и сообщилъ Елисаветѣ о вмѣшательствѣ его и Брюммера въ шведскія дѣла. Это не помѣшало тому, что, когда 26-го мая Бестужевъ докладывалъ императрицѣ о плохомъ ходѣ дѣла на Абовскомъ конгрессѣ, о натравливаніяхъ Франціи и Швеціи Турокъ противъ Россіи и о необходимости обсудить всѣ эти дѣла въ консиліумѣ, Елисавета приказала въ число членовъ его назначить и Лестока. Совѣтъ этотъ, обсуждавшій главнымъ образомъ условія мира со шведами, произошелъ 27-го мая — слѣдовательно хирурга держали въ курсѣ шведскихъ дѣлъ, но другія дѣла иностраннаго вѣдомства уже ускользнули изъ его вѣдѣнія. Дальонъ писалъ, что Лестокъ ничего не зналъ о положеніи прусско-русскихъ переговоровъ, что Бестужевъ самовольно вершитъ всѣ вопросы въ коллегіи и скрываетъ ото всѣхъ ходъ главнѣйшихъ дѣлъ. Дальонъ видѣлъ въ этомъ безусловное доказательство паденія довѣрія къ лейбъ-медику и ростъ значенія министровъ—Бестужева и Бреверна. Впрочемъ подтвержденіе этого уменьшенія кредита Лестока видно и изъ оговорки относительно новаго засѣданія консиліума о шведскихъ дѣлахъ, назначеннаго на 7-е іюня. Онъ собирался въ томъ же составѣ, что и 27-го мая, «опричь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Лештока, которому-де изъ Петергофа отлучаться нельзя и которой де въ послѣдній совѣтъ токмо для того приглашенъ былъ, понеже тогдашнее собраніе, за отсутствіемъ многихъ въ С.-Петербургѣ, малочисленное было». Единовременно съ этимъ представители державъ при русскомъ дворѣ указываютъ на ростъ значенія Бестужева. Въ это время въ Западной Европѣ появились слухи, будто бы Бестужевъ, подкупленный Англіей, рѣшилъ, такъ или иначе, покончить съ Лестокомъ и Брюммеромъ, не останавливаясь даже предъ необходимостью ихъ умертвить, и будто бы нашелъ въ этомъ смыслѣ поддержку въ лицѣ англійскихъ министровъ Картрета и Гью-Диккенса. Лонмари изъ Швеціи сообщилъ этотъ слухъ Дальону, а тотъ передалъ его Амело, прибавивъ, что и Лестокъ и Брюммеръ, въ свою очередь, готовы на все, чтобы предупредить замыслы Бестужевыхъ. Пока борьба ихъ ограничивалась соперничествомъ за мѣста въ совѣтѣ императрицы. Вице-канцлеръ стремился не допустить въ него членовъ враждебной партіи, указывая государынѣ на такіе, напримѣръ, факты, какъ появленіе въ Кенигсбергскихъ газетахъ точныхъ извѣстій условій мира со шведами, даже до обсужденія ихъ въ консиліумѣ, очевидно со словъ лицъ, которымъ ихъ довѣрила императрица. По увѣренію Дальона, удаленіе изъ совѣта Брюммера—дѣло рукъ вице-канцлера, и оно ему не пройдетъ даромъ; однако въ началѣ іюля въ Петербургѣ стали поговаривать о посылкѣ въ Або на конгрессъ, якобы для помощи, а на самомъ дѣлѣ для контроля Румянцева, князя Репнина или Бреверна, людей, преданныхъ Бестужеву и назначенныхъ по его выбору. Они, правда, посланы не были, но основаніемъ для такихъ слуховъ послужили мирныя

условія со шведами, такъ мало соотвѣтствовавшія дѣйствительному торжеству русскаго оружія, что правительство даже затруднялось, въ какой формѣ обнародовать трактатъ о ихъ заключеніи. Б. Черкасовъ совѣтовалъ даже скрыть до нѣкотораго времени часть ихъ, особенно непріятную для русскаго самолюбія. Бестужевъ ворчливо, желчно и злобно писалъ къ нему о необходимости гласности, объ обманѣ со стороны шведовъ, о слабости и бездарности нашихъ министровъ въ Або... Французскій министръ зато былъ въ восторгѣ: миръ—«это всецѣло заслуга Лестока и Брюммера. Если бы не они, то Бестужевъ, всецѣло господствовавшій въ совѣтѣ царицы, провалилъ бы это дѣло». Весь іюнь и іюль 1743 г. Дальонъ стремился поддержать взглядъ, будто миръ на сѣверѣ возстановленъ, благодаря вмѣшательству французской партіи, и во Франціи, гдѣ этому не вѣрилъ Амело, и въ Россіи, гдѣ этимъ возмущался Бестужевъ. Наконецъ 28-го іюля вице-канцлеръ написалъ Черкасову письмо съ указаніемъ на вмѣшательство Брюммера въ шведское дѣло и на необходимость дать отповѣдь Дальону. Въ началѣ августа (6-го) ему удалось получить отъ императрицы приказаніе добиваться отъ французскаго министерства отзыва Дальона и императорскаго титула въ грамотѣ, составляемой для Шетарди, т. е. дано еще одно средство для затрудненій маркизу явиться къ русскому двору и интриговать при немъ. Бестужевъ ограждалъ себя отъ будущихъ непріятностей съ Шетарди и готовилъ ему сюрпризы въ Парижѣ; его же собственные враги не дремали и подстроили ему въ Петербургѣ ловушку, которой думали прихлопнуть обоихъ братьевъ-дипломатовъ и уже навсегда. 26-го мая въ Петербургѣ пышно праздновалась свадьба М. П. Бестужева съ вдовой П. И. Якужинскаго, сестрой недавно сосланнаго М. Головкина и близкой пріятельницей Н. Ѳ. Лопухиной, словомъ, съ особой, связанной и родственными и дружескими узами съ членами павшаго правительства. Дальонъ былъ на свадьбѣ и тогда же писалъ къ своему двору, что глядя на собравшихся въ домѣ Ягужинской, онъ измыслилъ возможность какой-то интриги противъ Бестужевыхъ: она естественно могла возникнуть при видѣ зрѣлища многихъ присутствующихъ, теперь впавшихъ въ ничтожество, а еще недавно могущественныхъ лицъ. Многіе въ Петербургѣ знали, что и Лопухины и Ягужинская жалѣли объ участи бывшей правительницы по сочувствію къ ея жалкому положенію, а также и потому, что сами много потеряли отъ происшедшей перемѣны. Знали и о близости между Лопухиными и Анной Ягужинской. Даже вице-канцлеръ слыхалъ кое-что неодобрительное въ этомъ слыслѣ и при слухахъ о женитьбѣ брата, уговаривалъ его не вступать въ этотъ бракъ. Лопухины и ихъ пріятели вели себя по отношенію къ новому правительству не ровно: то они дѣлали видъ, что не ищутъ милостей двора, то начинали забѣгать къ сильнымъ людямъ и просить о покровительствѣ. Въ маѣ 1743 г. къ Лестоку явился съ письмомъ отъ Степана Лопухина его сынъ Иванъ и деверь—Балкъ и просили о протекціи. Ласковый и привѣтливый пріемъ хирурга ихъ очень радовалъ; они о немъ и писали и говорили. Лестокъ обѣщалъ постараться для просителей и вскорѣ вспомнилъ, но не на радость имъ. Въ срединѣ іюня къ нему явился съ доносомъ на Лопухиныхъ его креатура лейбъ-Кирасирскаго полка поручикъ Бергеръ: изъ пьяной болтовни И. Лопухина, ругавшаго Елизавету и ея министровъ, изъ сплетенъ придворныхъ дамъ Натальи Лопухиной и Анны Бестужевой Лестокъ состряпалъ кровавое и жестокое секретное дѣло о слѣдствіи, пыткѣ, судѣ, наказаніи и ссылкѣ въ Сибирь обвиненныхъ въ оскорбленіи Величества Степана, Ивана и Натальи Лопухиныхъ, графини Анны Бестужевой, Ивана Мошкова, князя Ивана Путятина и Софіи Лиліенфельдъ — извѣстное дѣло Боттыи-Лопухиныхъ. Это дѣло ложится темнымъ пятномъ на царствованіе Елисаветы, и характеръ его обусловленъ во многомъ вмѣшательствомъ и непосредственнымъ участіемъ въ качествѣ слѣдователя и судьи—Лестока. Именно онъ былъ его вдохновителемъ: онъ убѣдилъ Бергера подпоить болтавшаго противъ императрицы Лопухина, вывѣдать отъ него его «замыслы» и донести; онъ, Лестокъ, побуждалъ императрицу арестовать, какъ можно скорѣе, всѣхъ «подозрительныхъ» лицъ и ихъ бумаги; Лестокъ же разговоры въ пользу бывшей правительницы, обыкновенное сочувствіе, по человѣчеству и христіанству, какъ говорилъ С. Лопухинъ,

обратилъ въ намѣреніе произвести государственный переворотъ въ Россіи, съ привлеченіемъ къ нему иностраннаго министра—въ лицѣ маркиза Ботты, нелюбовь къ которому Лестокъ неоднократно проявлялъ и раньше. Наконецъ, Лестоку же было поручено увѣдомить Прусскаго короля отъ имени императрицы о заговорѣ цесарскаго полномочнаго министра и его русскихъ единомышленниковъ, что и было имъ выполнено въ началѣ августа. Мало того, и въ З. Европѣ и въ Россіи думали о дѣлѣ Ботты, какъ о дѣйствительномъ злоумышленіи: оно слишкомъ явно отдавало политической фикціей, сквозь которую, очевидно, пробивалась истинная его цѣль—возстановить Елисавету и противъ Австріи и противъ сторонниковъ ея, Бестужевыхъ. Послѣдняго добивались особенно рьяно, такъ какъ не было сомнѣнія, что съ устраненіемъ упорствующихъ братьевъ франко-прусская партія добьется полнаго торжества. Всѣ враги Бестужевыхъ понимали дѣло Ботты-Лопухиныхъ, какъ такой ударъ, отъ котораго уже не оправиться ни вице-канцлеру, ни брату его. По крайней мѣрѣ съ такою цѣлью его заготовилъ и раздувалъ лейбъ-медикъ. Иностранные министры въ Россіи какъ изъ лагеря дружественнаго Бестужевымъ, такъ и изъ враждебнаго совершенно опредѣленно писали объ этомъ къ своимъ дворамъ. Жалкая участь Бестужевыхъ и полное торжество Лестока казались неминуемыми, дѣломъ рѣшеннымъ. Фридрихъ II поощрялъ въ этомъ направленіи дѣйствія Лестока, и Мардефельдъ долженъ былъ лично или чрезъ посредство лейбъ-хирурга и Воронцова внушать императрицѣ, что всѣ сторонники Австріи, Англіи и Саксоніи только и думаютъ о томъ какъ бы ее низложить, а на престолъ возвести царя изъ брауншвейгской династіи. Дальонъ при возникновеніи дѣла писалъ съ удовлетвореніемъ: «я испытываю въ общихъ чертахъ удовольствіе отъ увѣренности или совсѣмъ погубить Бестужевыхъ, или по крайней мѣрѣ, свалить ихъ»; онъ самодовольно приписывалъ себѣ и Лестоку, въ видѣ большой заслуги, возникновеніе дѣла Лопухиныхъ и характеръ, которое оно приняло.

Слѣдствіе о дѣлѣ Ботты было передано въ руки враговъ Бестужевыхъ: генералу аншефу Ушакову, генералъ-прокурору Н. Трубецкому и Лестоку. Послѣдній прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы замѣшать въ это мнимое злоумышленіе Бестужевыхъ. Онъ придирался ко всякому слову, ко всякому намеку, могущему набросить на нихъ тѣнь виновности. Пользуясь общеизвѣстными хорошими отношеніями, существовавшими между Анной Бестужевой и Лопухиными, онъ искалъ преступныхъ сношеній между ними. Но нашлось лишь два письма М. П. Бестужева къ женѣ, въ которыхъ говорилось о ходатайствѣ по какому-то дѣлу предъ А. П. Бестужевымъ. По словамъ Анны Бестужевой, дѣло шло о деревняхъ ея брата. Преступнаго въ нихъ ничего не сыскалось, какъ и вообще Лестоку не удалось найти ничего, что опорочивало-бы братьевъ Бестужевыхъ. Тщетно онъ лично присутствовалъ при всѣхъ допросахъ и пыткахъ, даже, какъ говорятъ его враги, собственноручно избивалъ подсудимыхъ: личное убѣжденіе Лестока въ виновности Бестужевыхъ доходило до того, что онъ уже разсказывалъ своимъ друзьямъ объ эшафотѣ для вице-канцлера, но найти ему подтвержденія онъ не могъ. Единственно, что было результатомъ жестокаго и безчеловѣчнаго дѣла о Лопухиныхъ—нѣкоторая порча репутаціи, болѣе подозрительное отношеніе къ обоимъ Бестужевымъ, а затѣмъ большее стараніе со стороны вице-канцлера къ удаленію всѣхъ сторонниковъ франко-прусской партіи отъ двора, а если можно, то и изъ Россіи. Лестокъ доказалъ Бестужеву на примѣрѣ Лопухиныхъ, что при нѣкоторой ловкости и настойчивости жестокій человѣкъ можетъ и невинныхъ обречь на пытку, казнь и ссылку. Какъ бы то ни было, Лопухинское дѣло и умаленіе кредита Бестужева дали возможность Лестоку довольно рѣшительно вмѣшаться въ иностранныя дѣла и продѣлать штуку, которая сразу прошла ему даромъ, но за которую въ будущемъ онъ жестоко поплатился. Въ двадцатыхъ числахъ августа 1743 г. сѣверныя дѣла очень осложнились. Положеніе арміи подъ начальствомъ Кейта должно было сильно повліять на ходъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, главная часть которыхъ была обсуждена на консиліумахъ 23 августа и 3-го сентября, на послѣднемъ въ присутствіи Лестока.

Вице-канцлеръ докладывалъ императрицѣ соотвѣтственныя инструкціи Кейту и держалъ его въ курсѣ намѣреній рус-

скаго двора. Но и Лестокъ считалъ нужнымъ вести сношенія какъ съ голштинскими и французскими министрами въ Швеціи и Россіи, такъ и съ Кейтомъ, продолжая въ то же время, по наущенію Прусскаго короля, поддерживать въ императрицѣ убѣжденіе, что даже ея личная безопасность требуетъ немедленной высылки брауншвейгской семьи въ самыя отдаленныя мѣста Россіи и устраненія отъ дѣлъ Бестужевыхъ (августъ—ноябрь 1743 г.). Лестоку удалось въ это время еще одно важное дѣло: поссорить Бестужева съ его старымъ другомъ и единомышленникомъ, много помогавшимъ ему во всѣхъ дѣлахъ—съ барономъ Черкасовымъ (августъ—1743), и врагамъ вице-канцлера казалось, что недостаетъ лишь маленькаго толчка, чтобы ненавистный канцлеръ полетѣлъ прочь. Этотъ толчекъ долженъ былъ дать спѣшившій въ Россію маркизъ Шетарди. Въ концѣ октября Мардефельдъ даже писалъ королю, что по возвращеніи министровъ съ Абовскаго конгресса въ Москвѣ на мѣсто великаго канцлера будетъ назначенъ Румянцевъ, помощникомъ ему Лестокъ и т. п.—Борьба доходила до высшаго пункта. Далѣе онъ писалъ, что Бестужевъ пресмыкается, какъ червякъ, не переставая язвить Францію; на смѣну ему, для довершенія пораженія врага мчался Шетарди. Прусскій король предписывалъ своему министру ковать желѣзо, пока горячо, и раздувать огонь, на которомъ долженъ былъ погибнуть Бестужевъ, а чтобы придать ретивости Лестоку, онъ переслалъ Мардефельду депешу, въ которой передано о словахъ лорда Картрета, увѣрявшаго, что въ Россіи скоро полетятъ двѣ головы—Лестока и Брюммера. Въ то же время изъ Австріи, для предупрежденія Шетарди, скакалъ Туссенъ, а въ Россіи между примирившимися (ноябрь 1743) Бестужевымъ и Черкасовымъ съ присоединившимся къ нимъ М. И. Воронцовымъ началась (5 ноября) переписка, приведшая къ первому серьезному крушенію всей франко-прусской партіи—къ высылкѣ Шетарди. Прибытіе послѣдняго (25 ноября 1743), вначалѣ придало новую энергію и силу Лестоку и его сторонникамъ. Но вскорѣ и онъ, и другіе стали замѣчать, что пятнадцатимѣсячное отсутствіе маркиза и та общая къ нему вражда, которую онъ возбудилъ среди русскихъ своимъ неумѣстнымъ высокомѣріемъ во время фавора 1741—1742 г., лишаютъ его возможности занять прежнее вліятельное положеніе. Въ то же время, назначеніе новаго англійскаго министра дало поводъ опасаться исполненія словъ Фридриха II о двухъ головахъ въ Россіи, которыя слетятъ съ плечъ. Къ концу декабря 1743 г. положеніе Бестужева настолько упрочилось, что онъ не только провелъ, минуя Лестока и его друзей, австро-русскій договоръ, (20 декабря 1743 г.), но и рѣшился на мѣру, которая могла кончиться и не въ его пользу. При докладѣ 23 декабря 1743 г. Бестужевъ и Бревернъ подали императрицѣ прошенія о защитѣ ихъ отъ нападокъ и клеветъ франко-прусскихъ партизановъ. Прошеніе было выслушано и принято, но пока послѣдствій не дало. Временно даже положеніе Бестужева и его партіи ухудшилось. 9 февраля 1744 г. въ Москву прибыла принцесса Цербстская, невѣста в. к. Петра Ѳедоровича, съ матерью, примкнувшей къ Лестоку и его друзьямъ. Лейбъ-медикъ былъ однимъ изъ немногихъ, проводившихъ, по указанію Прусскаго короля, и проведшихъ въ невѣсты русскому наслѣднику эту принцессу; ея мать естественно видѣла въ немъ друга и помощника, особенно послѣ рекомендацій и наставленій Фридриха II. Вниманіе и благорасположеніе, съ которыми встрѣтила Елисавета всю Цербстскую семью, были наруку Лестоку, поддерживая его исканія. Къ врагамъ вице-канцлера прибавились новые, и по новизнѣ очень страшные. Лестокъ опять выдвигается на первыя мѣста: онъ приноситъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ подарки отъ императрицы накануне объявленія ея невѣстой и россійской великой княгиней... За его участіе въ этомъ дѣлѣ сватовства Фридрихъ II выхлопоталъ Лестоку потомственный титулъ графа Римской имперіи. (Высочайшій указъ о разрѣшеніи принять его 24 іюля 1744 г.), а Елисавета пожаловала ему въ подарокъ 15.000 рублей. Тщеславію и корыстолюбію Лестока одинаково были лестны эти знаки вниманія и одобренія. 3 іюня 1744 г., сверхъ того, ему былъ подаренъ «бывшій царицы Прасковьи Ѳедоровны дворъ съ огородомъ въ Петербургѣ на рѣкѣ Фонтанкѣ» (близъ нынѣшняго Лештукова переулка), но это новое его торжество, какъ и предыдущія, было непродолжительно: Бестужевъ уже твердо сталъ на ту дорогу, которая давала ему возможность устранять

своихъ враговъ навсегда одного за другимъ. 1/12 марта 1744 г. онъ перехватилъ письмо отъ Шетарди къ Валори, написанное въ самыхъ наглыхъ выраженіяхъ, безъ цифири, въ которомъ безъ обиняковъ говорилось о намѣреніяхъ франко-прусской партіи, на зло Бестужеву, вмѣшиваться въ назначенія должностныхъ лицъ, въ распоряженія правительства... Шетарди даже имѣлъ нахальство написать, что указъ, отправленный по поводу шведскихъ дѣлъ къ Кейту, имъ проектированъ и составленъ, а отправленъ при помощи Лестока. Бестужевъ справедливо полагалъ, что «о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ того воспослѣдовать могутъ, умъ и разумъ превосходитъ рефлексію чинить». Однако онъ приказалъ это письмо тщательно переписать, снабдить ремарками и въ свое время доложилъ императрицѣ. Имѣя же въ виду сношенія Лестока съ Кейтомъ, онъ къ поступкамъ этого генерала сталъ относиться съ разборомъ, относя многіе изъ нихъ на счетъ постороннихъ внушеній (письмо Бестужева къ Черкасову 19 апрѣля 1744 г.). Новый фактъ побудилъ Бестужева стать еще внимательнѣе къ этимъ сношеніямъ: на собраніяхъ консиліумовъ былъ постановленъ рядъ мѣропріятій относительно русско-шведскихъ дѣлъ, и согласно этимъ рѣшеніямъ Бестужевъ писалъ инструкціи Кейту. Между тѣмъ Лестокъ, минуя офиціальныхъ представителей, отправилъ къ Кейту письмо, родъ наставленія (28 марта, 8 апрѣля), въ которомъ онъ внушалъ генералу, какъ нужно ему поступать, чтобы выполнить истинныя намѣренія императрицы въ отношеніи Швеціи. Суть этихъ внушеній шла совершенно вразрѣзъ съ инструкціями Бестужева. Вице-канцлеръ былъ крайне возмущенъ этимъ фактомъ, но недоумѣвалъ, поступалъ ли Лестокъ по личной наглости, или же выполнялъ Высочайшее повелѣніе. Въ такомъ духѣ по крайней мѣрѣ былъ составленъ ремаркъ къ этому письму.

Бестужеву удалось еще перехватить одно большое письмо Шетарди, въ которомъ съ полной ясностью и большими подробностями вскрывалась интриганская и предательская дѣятельность Лестока. Въ этой депешѣ Шетарди сообщалъ французскому королю, что онъ дѣйствуетъ во главѣ партіи, совмѣстно съ прусскимъ министромъ Мардефельдомъ противъ Англіи, Австріи и Саксоніи, а слѣдовательно и противъ Бестужева. Маркизу удалось замѣтить, что саксонскій министръ Герсдорфъ радовался, устроивъ, при аудіенціи у императрицы, какое-то дѣло, находящееся въ связи съ переговорами вѣнскаго двора. Шетарди, повидимому, по обыкновенію, немедленно устроилъ совѣщаніе участниковъ своей партіи, собравъ для этого Лестока, Мардефельда, Брюммера, Румянцева и Трубецкого. На этомъ совѣщаніи было рѣшено поручить Лестоку явиться къ государынѣ въ Кремль, разузнать, о чемъ говорила она съ Герсдорфомъ, и отклонить ее отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Саксоніей, Англіей и Австріей. Императрица на слѣдующій день сама подала поводъ Лестоку заговорить съ ней, сказавъ ему: «Не знаю, чего хотѣлъ этотъ сумасшедшій Герсдорфъ, такъ усиленно благодаря меня вчера? Я ему просто сказала, что всегда была другомъ его государя». Тогда Лестокъ объяснилъ императрицѣ, что Герсдорфъ хотѣлъ истолковать это завѣреніе въ смыслѣ возможности союза Англіи, Австріи и Саксоніи съ Россіей. Елисавета возразила Лестоку, что никакъ не ожидала возможности такого пониманія ея словъ и была далека отъ мысли давать поддержку въ томъ, чего домогался Герсдорфъ. Въ тотъ же день, послѣ полудня, Лестокъ явился къ Шетарди, у котораго въ то время былъ и Мардефельдъ. Лейбъ-медикъ сообщилъ имъ о своемъ разговорѣ съ Елисаветой и получилъ только одобреніе отъ обоихъ министровъ. Шетарди увѣрялъ, что это къ счастью, что императрица сама завела нужный имъ разговоръ, и подбивалъ Лестока возобновить его, такъ какъ Елисавета слишкомъ легко все забываетъ, оставляетъ безъ движенія, и безъ настойчивости съ его стороны ихъ партія не только ничего не добьется, но и проиграетъ дѣло. Вскорѣ Лестокъ убѣдился, что, дѣйствительно, ихъ противники не дремлютъ. Нѣсколько дней спустя послѣ разговора съ Шетарди, находясь утромъ у императрицы, онъ увидалъ, что ей принесли пакетъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Надпись на немъ, по обычаю, обозначала, что въ немъ заключено; это былъ договоръ съ Саксоніей. Лестоку показалось удобнымъ, пользуясь случаемъ, заговорить о Герсдорфѣ и замыслахъ Бестужева. Онъ началъ съ увѣреній, что не ищетъ у государыни какихъ-либо отличій, служитъ онъ ей без-

корыстно и лишь ради чести: слава и благоденствіе государыни—его единственная забота, и лишь потому онъ принялъ такъ близко къ сердцу дѣло Ботты и обидное равнодушіе къ нему венгерской королевы. Такого отношенія къ больному для чести императрицы вопросу Лестокъ не можетъ терпѣть; между тѣмъ императрица-королева, видя неудачу прямыхъ попытокъ сблизиться по-старому, ищетъ окольныхъ путей и при посредствѣ Саксоніи думаетъ добиться союза съ Россіей. Елисавета Петровна властна поступать, какъ ей угодно, но для Лестока нѣтъ ничего дороже чести, которая затронута вѣнскимъ дворомъ. Около мѣсяца тому назадъ, какъ извѣстно императрицѣ, въ голландскихъ газетахъ было напечатано, что въ дѣлѣ маркиза Ботты Австрія не при чемъ,—оно просто-на-просто французская махинація, въ которой Лестокъ былъ купленнымъ оруженъ. Конечно, такое толкованіе дѣла исходитъ отъ вѣнскаго двора, и если Елисавета теперь заключитъ съ ними союзъ, какого бы то ни было рода, то вся Европа убѣдится въ справедливости слуховъ, распространяемыхъ голландскими газетами. Тогда Лестоку придется выйти въ отставку или, закончилъ онъ свою тираду, «пусть я пропаду тысячу разъ, но я разможжу голову Вашему канцлеру выстрѣломъ изъ пистолета». Говоря такъ, Лестокъ исходилъ изъ того соображенія, что единственнымъ человѣкомъ, увлекающимъ императрицу къ союзу съ Австріей, былъ Бестужевъ, а потому и теперь счелъ необходимымъ высказать вполнѣ свое мнѣніе о ненавистномъ человѣкѣ. Онъ, по словамъ Лестока, просто мошенникъ, и императрицѣ уже давно пора убѣдиться въ этомъ. Бестужевъ и русскій-то только по имени, потому что всей душой преданъ Австріи и Англіи, и слуга-то онъ вовсе не Елисаветѣ, а купившимъ его державамъ; императрицѣ слѣдовало бы подражать Петру Великому, который на все имѣлъ свои взгляды, и хотя зналъ больше, чѣмъ всѣ его подданные, взятые вмѣстѣ, однако и онъ для завѣдыванія иностранными дѣлами имѣлъ нѣсколькихъ министровъ сразу, а въ числѣ ихъ такихъ, какъ Головкинъ, Остерманъ, Шафировъ, Толстой, Долгорукій... Кромѣ того, Петръ Великій лично перечитывалъ всѣ бумаги, имѣющія отношеніе къ иностраннымъ дѣламъ; Елисавета же, не поступая такъ, всецѣло довѣрилась одному лицу, Бестужеву—извѣстному плуту. Интересы Россіи уже отъ этого сильно пострадали, и Лестокъ указываетъ, какъ на примѣръ такого ущерба, на договоръ съ Англіей 11 декабря 1742 г. и другіе ему подобные, поднесенные императрицѣ Бестужевымъ, стоившіе Россіи не копѣечку, а пользы они не принесутъ ни на грошъ какъ самой государынѣ, такъ и ея наслѣдникамъ. Поэтому Лестокъ совѣтовалъ Елисаветѣ удалить Бестужева и поручить дѣла, ранѣе ввѣренныя ему, такимъ лицамъ, которыя вполнѣ преданы интересамъ Россіи. Этотъ пассажъ поднялъ желчь у Бестужева и онъ ядовито приписалъ противъ него на поляхъ депеши: «За сей трактатъ Лестоку отъ Англіи пенсія опредѣлена была и по самый отъѣздъ Вейча продолжалась; но оный, видя, что Лестокъ Франціи преданъ, ему отказалъ, о чемъ канцлеру не токмо Вейчъ и Тироули, но и Гиндфодтъ сказывали». Такое замѣчаніе особенно зло при сопоставленіи съ дальнѣйшими словами Лестока: онъ совѣтовалъ императрицѣ привлечь къ дѣламъ тѣхъ лицъ, благополучіе которыхъ зависитъ отъ нея и которыя будутъ служить ей, какъ *честные* люди, (подразумѣвая себя и своихъ), не такъ, какъ канцлеръ, которому никто не довѣряетъ, способный изъ-за личныхъ отношеній отказаться вести переговоры съ ненавистными ему иностранными министрами и этимъ нанести ущербъ интересамъ государства. Такой ходъ дѣла тѣмъ печальнѣе, что имъ подрывается престижъ императрицы, который еще можно возстановить внутри страны, но въ сношеніяхъ международныхъ это почти немыслимо, и подданные государыни, зная это, врядъ ли радуются, видя, какой скотъ поставленъ главой министерства. По увѣреніямъ Лестока, его слова очень сильно подѣйствовали на Елисавету. Молча выслушала она эту горячую рѣчь, по окончаніи ея тоже не промолвила ни слова, но казалась сильно смущенной и какъ бы согласной въ душѣ съ тѣмъ, что ей было только что высказано.

Бестужевъ отлично понималъ, что на основаніи этого письма ему легко будетъ показать Елисаветѣ, что Лестокъ выставлялъ ее въ смѣшномъ видѣ: сбитой съ толка, смущенной и перепуганной, якобы неопровержимыми доказательствами лейбъ-медика,—то есть задѣть самолюбіе импе-

ратрицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ навлечь ея гнѣвъ на зазнавшагося лѣкаря.

Въ мартѣ Бестужевъ собралъ довольно объемистую тетрадь преступныхъ писемъ шайки этихъ интригановъ, снабдилъ ихъ подобающими примѣчаніями, расположилъ въ извѣстномъ порядкѣ и вступилъ въ переписку и сношенія съ Воронцовымъ относительно того, какъ и гдѣ будетъ удобно сообщить императрицѣ о продѣлкахъ людей, которымъ она такъ неосмотрительно довѣряла. 3-го апрѣля 1745 г. по окончаніи обычнаго доклада вице-канцлеръ поднесъ императрицѣ собранныя имъ письма и просилъ защитить его отъ враговъ. Елисавета было поражена и возмущена наглостью того, что ей открылось въ документахъ, представленныхъ Бестужевымъ. Ударъ былъ ловко подготовленъ, умно разсчитанъ и направленъ рукою мастера; слѣдствіемъ его были высылка Шетарди, огромное ослабленіе и частичный разгромъ всей франко-прусской партіи. Лестокъ получилъ отъ императрицы строгій выговоръ и именной указъ, запрещавшій ему вмѣшиваться въ иностранныя дѣла и даже вообще имѣть обхожденіе съ иностранными министрами за исключеніемъ официальныхъ праздниковъ при дворѣ и имъ подобныхъ случаевъ. Съ этихъ поръ Елисавета стала съ большимъ недовѣріемъ относиться къ Лестоку и прусскому министру Мардефельду. Послѣднему даже, благодаря ловкости вице-канцлера, пришлось покинуть Россію, равно какъ и другому члену партіи Лестока, принцессѣ-матери Цербстской, при чемъ именно она должна была передать королю Фридриху II просьбу убрать его министра и назначить на его мѣсто кого-либо другого, но только не Фокеродта, потому-что онъ слишкомъ друженъ съ Лестокомъ, подобно Мардефельду, котораго именно за это и просятъ отозвать (30 ноября 1745 г.). Если Лестокъ плохо воспчувствовалъ и не сообразилъ истинную цѣну отзыва Шетарди въ 1742 г., то теперь слишкомъ явно было, что произошло съ главарями ихъ партіи и въ какую игру игралъ самъ лейбъ-медикъ. Послѣ этого разгрома, по крайней мѣрѣ, ему бы слѣдовало образумиться и отстать отъ интригъ, но, повидимому, жажда власти и привычка вмѣшиваться въ дѣла ему чуждыя слишкомъ сильно говорили въ Лестокѣ, чтобы онъ могъ «отстать отъ своего ремесла», какъ выражался объ этомъ Бестужевъ. Для Лестока же это было бы тѣмъ умѣстнѣе, что его значеніе при дворѣ свелось почти къ нулю. Не получались уже пачки писемъ отъ лицъ, ищущихъ его милости, и его секретарю Шапизо не приходилось снисходительно отвѣчать на нихъ отъ имени его господина Въ пріемной Лестока не толпились люди, ждущіе его поддержки и протекціи. Одинъ только прусскій король не желалъ, чтобы пропадали даромъ его деньги, потраченныя на Лестока, и съ чисто нѣмецкимъ упорствомъ продолжалъ добиваться своего съ помощью лейбъ-медика, присоединивъ къ нему еще Воронцова. Не было теперь у Лестока и того милаго веселаго общества, въ которомъ онъ такъ пріятно проводилъ время въ богатомъ и гостепріимномъ домѣ щедраго маркиза. Приходилось довольствоваться сравнительно скромнымъ обществомъ прусскаго, шведскаго и датскаго министровъ да еще компаніей зажиточныхъ купцовъ изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, и въ видѣ рѣдкаго развлеченія кататься съ ними въ лодкахъ по Невѣ или ѣздить на острова. Лестокъ даже сталъ избѣгать посѣщать Дворъ, конечно, временно, пока разойдутся тучи гнѣва императрицы и уляжется слишкомъ явное и оскорбительное торжество побѣдителя вице-канцлера.

Легко представить злобу и негодованіе Лестока въ первое время послѣ высылки Шетарди и объявленія указа о неимѣніи общенія съ иностранными министрами. Нѣкоторое понятіе о немъ можетъ дать записка, поданная Бестужеву голландскимъ резидентомъ Шарцомъ 29 октября 1745 г. Онъ разсказываетъ, какъ къ нему въ домъ явился «десператной человѣкъ» Лестокъ со своимъ секретаремъ Шапизо, «яко фурія или бѣшеной», и заставъ разговоръ объ арестованіи въ Берлинѣ «сумасброднаго шута, лаятеля и сатирика» барона Пельница, сказалъ, что онъ сердечно желалъ бы сего человѣка въ Россіи имѣть, дабы онъ здѣшнее министерство описать могъ, причемъ онъ объ томъ такія ругательныя и поносительныя слова... употреблялъ, что онъ, резидентъ, съ респекту того министрамъ пересказывать не смѣетъ». Злоба Лестока въ 1745 г. смѣнилась отчаяніемъ, такимъ сильнымъ, что онъ серьезно сталъ помышлять о самоубійствѣ, и только вниманіе и заботы Маріи Менгденъ, впослѣд-

ствіи его жены, вернули его къ дѣятельности, интересамъ и желанію жить. Лестокъ сталъ искать тихой пристани утѣшенія въ домѣ, въ семейной жизни. Его первая жена, рожденная Моллеръ, умерла въ 1743 году, теперь онъ сблизился съ Маріей Менгденъ и 11 ноября 1747 г. вступилъ съ нею въ бракъ. Теперь, если бы не соблазнъ, исходившій изъ прусскаго посольства, можно думать, что и впрямь лейбъ-медикъ устранился бы отъ опаснаго «ремесла» и зажилъ бы припѣваючи въ своемъ просторномъ роскошномъ домѣ, пользуясь почетомъ окружающихъ, а порой и лаской Двора, гдѣ его все-таки окончательно не забыли. Но искушеніе было сильно, привычка къ власти и вліянію стала неотметаемой потребностью, безъ интриги жизнь казалась Лестоку однообразной и неинтересной. Къ тому же и тѣ, кто уже привыкъ получать выгоду отъ услугъ Лестока, не хотѣли отстать отъ него и упорно домогались своихъ цѣлей при его содѣйствіи. Въ числѣ первыхъ такихъ искателей былъ прусскій посланникъ въ Россіи, а цѣль его была все та-же—«свалить» Бестужева. Эта интрига 1747—1748 г. была послѣдней, роковой для Лестока. Проживъ сравнительно долго уединенно и безъ исканій у Двора ближайшіе послѣ высылки Шетарди годы, онъ начинаетъ [проявлять попытки вновь вмѣшаться въ дѣла, съ начала 1747 года, втягиваясь въ интригу, затѣянную Фридрихомъ II и Воронцовымъ. Вновь безпокойный прусскій король старается устроить смѣну министровъ въ Россіи. Помогать ему должны: его вновь назначенный официальный представитель въ Петербургѣ, графъ Финкъ-фонъ-Финкенштейнъ (съ 24 апрѣля 1747) и два старыхъ пріятеля: «важной» —amy important—М. И. Воронцовъ и «смѣлой» — amy intrepide — Лестокъ. Теперь кандидатомъ на должность руководителя русской политики выдвигался М. И. Воронцовъ, но при его робости и нерѣшительности ему было непосильно вести сложную и напряженную охоту на стараго и многоопытнаго дѣльца—великаго канцлера, ему нуженъ былъ помощникъ, и въ качествѣ такового очень былъ хорошъ заматерѣлый въ придворныхъ козняхъ Лестокъ. Финкенштейнъ, прибывъ въ Петербургъ, немедленно побывалъ у обоихъ пріятелей прусскаго дѣла и нашелъ ихъ въ самомъ желательномъ для него состояніи. Лестокъ пылалъ ненавистью и злобой къ Бестужеву, увѣрялъ, что его, Лестока, партія сильна и они безъ сомнѣнія сломятъ шею канцлеру, оттирающему отъ двора Воронцова (вѣрнаго слугу Елисаветы) и безбожно обманывающаго императрицу. Поговоривъ съ Воронцовымъ и присмотрѣвшись къ дѣламъ въ Россіи, Финкенштейнъ донесъ своему государю, что ихъ партизаны при Дворѣ, гдѣ онъ аккредитованъ «въ спячкѣ» и выйдутъ изъ нея лишь послѣ «какой-либо революціи, смерти канцлеровой или какою другой неожиданною перемѣной». Въ качествѣ лица, способнаго руководить партіей при пробужденіи ея отъ спячки, Финкенштейнъ называлъ Н. Трубецкого. Такіе донесенія, конечно, перехваченныя Бестужевымъ, были для него кладомъ. Поднося выдержки изъ нихъ императрицѣ, онъ съ доказательствами въ рукахъ могъ говорить ей объ измѣнническихъ замыслахъ Воронцова, Лестока, Трубецкого и прочихъ враговъ своихъ и своего дѣла.

Бестужевъ зналъ, чѣмъ запугивать Елисавету, и внушалъ ей, что замыслы Лестока тѣ же, что были у предыдущаго правительства, нужно опасаться, «чтобы онъ—Лестокъ—изъ своей партіи другого Миниха не сдѣлалъ, ибо теперь явствуетъ, что князь Трубецкой достойнымъ къ тому уже признанъ, къ чему правда по власти его въ Сенатѣ и поводъ есть». Зло надо пресѣчь быстро: пламя мятежа появилось: «Лестоковы сборища Ея И. Величеству совершенно извѣстны, такъ что болѣе и распространяться нечего. Лестокъ уже давно лучшее мѣсто въ Камчаткѣ заслуживаетъ, а другіе, конечно, способнѣе были бы въ Сибири или индѣ гдѣ въ губернаторахъ, нежели здѣсь». При слѣдующемъ по очереди докладѣ Бестужевъ еще настойчивѣе требовалъ ареста Лестока или, по крайней мѣрѣ, его домашняго секретаря, капитана Ингерманландскаго полка А. Шапизо. Такъ какъ Елисавета и послѣ этого упорствовала, Бестужевъ составилъ нѣчто вродѣ доклада. Желая показать ей всю величину угрожающей опасности и истинную цѣну ея легкаго къ ней отношенія, онъ прибѣгнулъ къ крайне рискованному пріему: сравнилъ тревожные слухи изъ Берлина съ тѣми, которые доведены были до свѣдѣнія правительницы Анны гр. Остерманомъ незадолго до памятной и Елисаветѣ ночи 24 ноября. Чтобы устранить опас-

ность, необходимо, захвативъ «смѣлаго прусскаго партизана (Лестока) купно со своими письмами, посадить его въ крѣпость. А хотя и то легко статься можетъ, что оной прусской смѣлой партизанъ по извѣстной своей злости и упрямству, несмотря на всѣ доказательства, страхи и угрозы для предъявленія своей невинности и для спасенія своихъ сообщниковъ запираться станетъ, не взирая на то, когда-бъ съ ними до самыхъ крайностей дошло, то однакожъ и того довольно, что онъ за всѣ Е. И. В. ему показанныя щедроты и неописуемыя награжденія себя столько, какъ извѣстно, неблагодарнымъ показалъ, чтобъ предъ очи Е. И. В. болѣе не являться». Бестужеву пришлось еще много разъ докладывать и писать въ такомъ родѣ о Лестокѣ, пока наконецъ Елисавета рѣшилась принять противъ него крутыя мѣры. Только послѣ посылки имъ 18-го октября 1748 г. совершенно изобличающихъ лейбъ-медика бумагъ она «изволила разсуждать, что явное подозрѣніе есть, что Лестокъ и вице-канцлеръ Воронцовъ съ Финкенштейномъ, яко иностраннымъ министромъ, неподлежаще великую откровенность имѣютъ, такъ что сей Финкенштейнъ всѣ тайности въ здѣшнихъ дѣлахъ знаетъ, да и повидимому они какіе-либо вредительныя и опасныя замышленія въ дѣйство произвести хотятъ, потому-что Финкенштейнъ о имѣющей быть вскорѣ здѣсь революціи короля своего обнадеживалъ». Императрица приказала посадить Лестока въ крѣпость и допросить о съѣздахъ у него и злоумышленіяхъ партизановъ и т. п. Однако выполненіе этого приказа откладывалось до переѣзда Двора изъ Петергофа въ Петербургъ. Пока же въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ на основаніи перехваченныхъ депешъ, новыхъ—Финкенштейна и старыхъ Мардефельда и Шетарди, составлялись допросные пункты для А. Шапизо и Лестока. За обвиняемыми былъ установленъ негласный надзоръ, по приказу, отданному Елисаветой лично гр. А. И. Шувалову. Бестужевъ убѣдился, что его давнишній врагъ, наконецъ, попался: нужно было теперь такъ опутать его допросомъ, чтобы ему не было ни хода, ни выхода, а былъ корачунъ. Вице-канцлеръ обвинялъ Лестока въ богомерзкомъ замыслѣ перемѣнить благополучное царствованіе Елисаветы въ пользу великаго князя Петра Ѳедоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Съ этой цѣлью Лестокъ собралъ «потаенную шайку», и главные сообщники его злодѣйскихъ намѣреній были Воронцовъ и Трубецкой. Бестужевъ считалъ нужнымъ допрашивать Лестока, не искалъ ли онъ лѣкарствомъ, или ядовитымъ ланцетомъ, или чѣмъ другимъ Ея И. Величества священную особу живота лишить; изъ какихъ побужденій рѣшался онъ на преступленіе; ради чего выдавалъ Финкенштейну государственныя тайны; сколько, отъ кого, за что и съ какой цѣлью получалъ денегъ въ видѣ подкупа? Цѣлая группа вопросовъ касалась съѣздовъ партизановъ Лестока, и среди нихъ былъ роковой для лейбъ-медика: какъ смѣлъ онъ привлекать къ нимъ иностранныхъ министровъ, зная о запрещеніи императрицы общаться съ ними. Перечтя этотъ проектъ допроса Лестоку, Елисавета нашла его снисходительнымъ: она приказала напомнить ему, какъ онъ собирался бить принцессу-мать Цербстскую и при этомъ непочтительно отзывался о великомъ князѣ и его женѣ, а также о его дерзкихъ разговорахъ объ императрицѣ съ Шетарди. При этомъ она вообще относительно пунктовъ приказала «распорядить ихъ сколько возможно крѣпче и стараться его (Лестока) въ допросахъ разбивать, чтобы все отъ него лутче открыть можно было». 31-го октября она торопилась съ этимъ дѣломъ, но повелѣла и новый проектъ поднести на ея просмотръ и утвержденіе; Лестока же приказывала послѣ ареста «посадить въ Петербургскую, а не Адмиралтейскую крѣпость для лутчаго устрашенія и ему, такожде и другимъ». Веденіе слѣдствія и дѣла о Лестокѣ было поручено лицамъ изъ враждебной ему партіи: С. Ѳ. Апраксину и А. И. Шувалову. Приказавъ не назначать сверхъ этихъ лицъ особой комиссіи, какъ это обычно дѣлалось по дѣламъ государственнымъ, императрица добавила: «такожъ и особливой указъ для того не надобенъ, но Е. И. В. словесно имъ (судьямъ) о томъ приказать изволитъ». Всѣ предшествующія суду мѣры были приняты уже 31 октября, а обвиняемый еще гулялъ на волѣ, даже не подозрѣвая о грозѣ, которая готовилась для него. Только слуги Лестока замѣтили, что въ сравнительно малонаселенной части Петербурга, гдѣ жилъ Лестокъ, появились въ концѣ октября какіе-то подозрительные люди,

одѣтыя то въ солдатскомъ, то въ ливрейномъ платьѣ, и распрашивали ихъ объ образѣ жизни и знакомствахъ ихъ барина. Такъ осуществлялся негласный надзоръ надъ Лестокомъ: это дѣло по порученію А. И. Шувалова велъ капралъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка С. Каменевъ и подчиненные ему солдаты.

Слуги Лестока, замѣтивъ «сумнительныхъ» людей, донесли о нихъ Шапизо, который сообщилъ это самому лейбъ-медику и получилъ приказаніе схватить ихъ. Шапизо опасался гоняться за солдатомъ днемъ по улицамъ и выжидалъ удобнаго къ тому случая. 9 ноября Лестокъ и Шапизо поѣхали на обѣдъ къ купцу Говерту. Выѣхавъ на саняхъ со двора, они замѣтили человѣка, который перебѣгая отъ дома къ дому, слѣдовалъ за ними и высматривалъ, куда они ѣдутъ. Шапизо приказалъ его схватить во дворѣ у Говерта и послалъ подъ караулъ въ домъ Лестока. Лейбъ-медикъ догадался, что его дѣло плохо и наскоро, надо думать для виду, пообѣдавъ, отправился къ Трубецкому посовѣтоваться, что дѣлать. Но трудно было сказать, что грозило Лестоку, не зная, почему за нимъ слѣдили, и лейбъ-медикъ поспѣшилъ домой допросить пойманнаго. Угрозами и посулами денегъ онъ добился того, что солдатъ сознался, почему и съ какой цѣлью они слѣдятъ за Лестокомъ: теперь оставалась одна надежда на милость и покровительство императрицы. Составивъ въ этихъ видахъ записку на ея имя, Лестокъ поскакалъ во дворецъ. Елисавета выслушала его жалобу, но весь ея пріемъ и слова показали, что ему неоткуда ждать помощи: онъ былъ человѣкъ конченный. 10-го ноября арестовали А. Шапизо и немедленно же допросили. Его показанія дали возможность пополнить допросные пункты Лестоку, который, пользуясь послѣдними часами свободы, заметалъ слѣды своей дѣятельности. Всю ночь онъ просидѣлъ надъ своими бумагами. Часть компрометирующихъ его документовъ онъ сжегъ, часть вручилъ отъѣзжающему шведскому посланнику Вульфенштирну, часть, касающуюся Елисаветы, онъ отвезъ къ ней и еще разъ просилъ о милосердіи. 13-го ноября, по Высочайшему указу, графъ и графиня Лестокъ были арестованы, а ихъ домъ и пожитки опечатаны. 14-го начались допросы, но Лестокъ во всемъ запирался. Елисавета, лично слѣдившая за дѣломъ и прочитывавшая, все, что до него касалось, въ нѣсколькихъ мѣстахъ письменно обличала Лестока; обличали его и показанія Шапизо и зятя Лестока Бергера, быть можетъ того самаго, который сыгралъ такую некрасивую роль въ дѣлѣ Лопухиныхъ. 16 ноября, послѣ второго допроса Лестока, была допрошена его жена, и такъ какъ они упорно отстаивали свою невинность, то имъ объявлено было о заключеніи ихъ въ крѣпость. Передъ отправленіемъ судьи прочли Лестоку собственноручно написанный указъ Елисаветы, въ которомъ она убѣждаетъ его сознаться въ винѣ, не упорствовать и обличаетъ въ служеніи Пруссіи. Но Лестокъ продолжалъ стоять на своемъ и ни многократные допросы судей, ни увѣщанія нѣжно любимой имъ жены не колебали его рѣшимости. Онъ находился въ апатичномъ и угрюмомъ состояніи, молчалъ, съ 17 по 23 ноября отказывался отъ пищи и даже внушалъ судьямъ опасеніе въ намѣреніи заморить себя голодомъ. 23 ноября, послѣ неудачныхъ увѣщаній жены, Лестока провели въ застѣнокъ, прочли ему указъ о пыткѣ и, поднявъ на дыбу, вновь допрашивали съ тѣмъ же неуспѣхомъ. 24 ноября имущество Лестока было конфисковано, описано, и началась раздача его лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ дѣлу. 29-го ноября былъ составленъ экстрактъ по его дѣлу и приговоръ. Судьи находили доказанными слѣдующія его вины: преступникъ сносился съ иностранными министрами; «безбожно съ презрѣніемъ» отговаривался, что не слышалъ именного указа, запрещавшаго эти сношенія; говорилъ о великомъ князѣ весьма непристойныя и важныя слова; сносился съ Шетарди послѣ высылки его изъ Москвы; получалъ пенсіи отъ иноземныхъ правительствъ; грубо и самохвально, съ униженіемъ Высочайшаго достоинства, говорилъ съ Шетарди объ Елисаветѣ; намѣревался совершить государственный переворотъ, пользуясь ссорой между молодымъ дворомъ и императрицей; былъ конфидентомъ шведскаго министра Вульфенштирна и прусскихъ министровъ Мардефельда и Финкенштейна; имѣлъ партизановъ Трубецкого и т. д.; замышлялъ лишить себя жизни. Эти обвиненія были изложены въ двѣнадцати пунктахъ и по нимъ, на основаніи статей

Уложенія, Воннаго артикула и Военнаго регламента, Лестокъ признавался достойнымъ смертной казни. Судьи, однако, обращаясь къ милосердію Елисаветы, ходатайствовали о замѣнѣ ея и «соизволеніи указать учинить ему, Лестоку, нещадное наказаніе кнутомъ и послать его въ ссылку въ Сибирь въ отдаленные города, а именно въ Охотскъ, и велѣть его тамъ содержать до кончины живота его подъ крѣпкимъ карауломъ. Движимое и недвижимое помянутаго Лестока имѣніе безъ остатку отписать на Е. И. В.». Такъ приводилось въ исполненіе желаніе Бестужева сослать Лестока «на Камчатку».

Приговоръ этотъ, отчасти приведенный въ исполненіе до его составленія (отобраніе имуществъ), отчасти приводился въ исполненіе въ 1748—1753 г., но утвержденія такъ и не получилъ. 17-го декабря 1748 г. лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ князь Несвицкій получилъ инструкцію о содержащихся въ Санктпетербургской крѣпости, въ особливыхъ отъ Тайной Канцеляріи покояхъ, порознь Ивана Лестока и жены его. Она составлена въ довольно снисходительномъ для заключенныхъ духѣ. При Лестокѣ оставался его служитель, при женѣ его служанка. Они получали довольствіе изъ дома и, судя по требовательнымъ вѣдомостямъ, ни въ чемъ не терпѣли нужды и даже недостатка. Ограниченія касались свободы заключенныхъ: «ихъ другъ къ другу, такожъ и къ нимъ постороннихъ людей ни для чего отнюдь не допускать; такожъ и писемъ никакихъ къ нему писать или давать, чего ради чернилъ, пера, бумаги отнюдь бы при нихъ не было». Объ ихъ положеніи и поведеніи Несвицкій долженъ былъ представлять по начальству ежедневные рапорты. Изъ дѣла не видно, чтобы кто-либо стремился сдѣлать для Лестока заключеніе въ тюрмѣ болѣе тяжелымъ, чѣмъ оно было само по себѣ: и онъ, и его жена не только не терпѣли отъ недостатка, но даже жили съ комфортомъ и нѣкоторой роскошью. Имъ были доставлены въ крѣпость ихъ кровати, платье, графиня Лестокъ даже много наряжалась; сохранились счета за заказанныя ею въ крѣпости платья изъ шелка, ленты и т. п.

Пищу они получали обильную и разнообразную, приготовленную поварами Лестока, очевидно, согласно его вкусамъ. Въ 1750 году Лестока съ женой перевезли въ Угличъ, а въ апрѣлѣ 1753 г. переправили въ Устюгъ Великій, Вологодской губерніи. Проживая здѣсь, онъ вступилъ въ переписку съ А. И. Шуваловымъ и сумѣлъ привлечъ къ себѣ вниманіе вельможи. О немъ, повидимому, не забывали и посылали ему то теплыя вещи, то ящики съ сельтерской водой и медикаментами... Ему даже устроили свиданіе со священникомъ лютеранскаго исповѣданія, но о возвращеніи его никто и не заикался, а имущество продолжали раздавать: 20-го февраля 1753 г. его московскій каменный домъ въ Нѣмецкой слободѣ на Большой улицѣ отданъ былъ для помѣщенія Сената.

Ссылка Лестока окончилась лишь со смертью Елисаветы. Его вернулъ ея преемникъ Петръ III и указомъ 9 марта 1762 г. возвратилъ ему свободу и прежній чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Лестокъ прибылъ въ Петербургъ тогда, когда уже воцарилась Екатерина. Княгиня Воронцова-Дашкова, встрѣтившая его при Дворѣ, нашла, что годы изгнанія мало измѣнили этого крѣпкаго и энергичнаго человѣка: его рѣчь была такъ же жива и увлекательна, какъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, и онъ попрежнему являлся интереснѣйшимъ собесѣдникомъ. По возвращеніи изъ ссылки Лестокъ прожилъ недолго, онъ умеръ 12 іюня 1767 года.

Документы, относящіеся къ дѣламъ о Лестокѣ, хранятся въ Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ и Архивѣ Министерства Императорскаго Двора, также въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Московскомъ отдѣленіи Архива Министерства Двора.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Лестока много разъ излагались въ сочиненіяхъ о царствованіи Елисаветы. Наиболѣе полно: *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. IV и V.—*Хмыровъ*, «Историческія статьи. Графъ Лестокъ». Здѣсь библіографія до 1866 г.—*Фурсенко*, «Дѣло о Лестокѣ 1748 г.» съ библіографіей до 1912 г. («Журн. Мин. Нар. Пр.». 1912., май).

В. Фурсенко.

Летуновскій, *Николай Николаевичъ* (по другимъ источникамъ *Николай Терентіевичъ*), горный инженеръ, въ 80-хъ годахъ служилъ на Луганскомъ заводѣ въ качествѣ директора завода. Дѣятельность его для развитія промышленности на югѣ Россіи не ограничилась

директорствомъ на заводѣ, его можно считать однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ по устройству въ 1874 г. въ Таганрогѣ съѣзда горнопромышленниковъ юга, который явился первымъ въ Россіи офиціальнымъ съѣздомъ. Будучи сторонникомъ реальнаго образованіи въ Россіи, онъ въ 1865 году, когда Таганрогское самоуправленіе разрѣшало вопросъ объ открытіи средне-учебнаго заведенія, выступилъ на страницахъ мѣстнаго печатнаго органа съ предложеніемъ открыть реальное училище, при чемъ указывалъ преимущества такого рода учебнаго заведенія передъ гимназіей и ссылался на учебныя заведенія Запада. Свое предложеніе авторъ статьи мотивировалъ и самой природой юга, богатой каменноугольными залежами. «Природа и свойства при таганрогской почвы,—говорилъ онъ,—вопіютъ о системѣ реальнаго образованія, удаленіе котораго было бы неумѣстно и въ высшей степени несообразно съ выгодами и условіями страны».

«Полицейскій Листокъ Таганрогскаго градоначальства», 1865 г., № 40.—«Рус. Стар.» 1909 г., іюнь, стр. 461.

Е.

Летуновъ, *Николай Ивановичъ,* с. с., род. въ 1822 г., воспитывался въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго былъ назначенъ въ 1843 г. лѣкаремъ I отдѣленія и оставленъ помощникомъ ординатора хирургической клиники при Московскомъ университетѣ, въ слѣдующемъ году онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря въ тамъ же университетѣ; въ 1845 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ прозектора по каѳедрѣ ветеринарной медицины, а въ 1846 г. прозекторомъ по каѳедрѣ патологической анатоміи. Выдержавъ докторскій экзаменъ, онъ однако не успѣлъ защитить уже одобренной диссертаціи подъ заглавіемъ: «О процессѣ заживленія переломленныхъ костей». М. 1864 г. Скончался онъ 7 іюня 1864 г.

«Медицинскій Вѣстникъ» 1865 г., IV. Отчетъ Московскаго Университета за 1864 г., стр. 20.—*Змѣевъ,* «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 176—177.—*Геннади,* «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 238.

Лефортъ, *Францъ Яковлевичъ,* род. 2 января 1656 г. въ Женевѣ, † 2 марта 1699 г. въ Москвѣ. Его прадѣдъ Жанъ-Антуанъ Лиффорти переселился въ половинѣ XVI в. изъ Кони (въ Пьемонтѣ) въ Женеву, былъ принятъ въ 1565 г. въ число женевскихъ гражданъ и занялся торговлей. Сыновья этого Лиффорти передѣлали свою фамилію на французскій ладъ и стали именоваться Лефортъ. Одинъ изъ сыновей Жана-Антауна, Исаакъ Лефортъ, а затѣмъ и младшій сынъ Исаака, Яковъ, вели обширную москательную торговлю съ Марселемъ, Ліономъ, Франкфуртомъ на Майнѣ и Амстердамомъ и въ то же время занимали почетныя должности въ Женевѣ. Фамилія Лефортъ пользовалась тамъ большимъ уваженіемъ и, путемъ брачныхъ союзовъ, вступила въ родство съ самыми богатыми и заслуженными родами республики.

Францъ былъ младшій изъ семи сыновей Якова Лефорта, женатаго на дочери бургомистра Лекта, и до 14-лѣтняго возраста учился въ женевскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Марсель къ одному изъ знакомыхъ купцовъ для обученія торговлѣ. Предпочитая военную службу, Францъ ушелъ отъ своего хозяина и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прослужилъ въ крѣпостномъ гарнизонѣ города Марселя кадетомъ. Отецъ остался очень недоволенъ такимъ своевольствомъ сына, вызвалъ его обратно въ Женеву и, вопреки желанію Франца, заставилъ его заниматься торговыми дѣлами. Въ декабрѣ 1673 г., или въ январѣ 1674 г., въ Женеву пріѣхалъ младшій сынъ курляндскаго герцога, Карлъ-Яковъ, много путешествовавшій и стремившійся поступить на военную службу. Одинаковость вкусовъ и характеровъ способствовали быстрому сближенію его съ Францомъ Лефортомъ. Отъ природы здоровый, высокаго роста, сильный и ловкій, Лефортъ отличался красивой наружностью, быстротой соображенія, веселымъ и живымъ характеромъ, смѣлостью и предпріимчивостью. Любознательность и жажда извѣстной доли свободы влекли его къ общенію съ иноземцами и съ тѣми многочисленными молодыми родственниками, которые вели совершенно иной образъ жизни, чѣмъ его родители, но воспитаніе въ строгихъ и нравственныхъ правилахъ кальвинизма навсегда вселили въ него то внутреннее чувство, которое самъ Лефортъ называлъ «страхомъ Божіимъ». Дополненіе этой характеристики мы приведемъ ниже въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, на основаніи «Записокъ» его племянника Людовика

Лефорта. Принцъ Карлъ предложилъ Лефорту ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Польшу для поступленія въ тамошнюю армію или отправиться въ Голландію, подъ начальство его старшаго брата, наслѣднаго герцога курляндскаго, сражавшагося съ французами. Не только родители Франца, но и вся женевская община сильно воспротивилась поступленію его на военную службу въ иноземное государство, такъ какъ это было строго воспрещено женевскими законами. Нелегко было Францу получить отъ родителей разрѣшеніе ѣхать въ Голландію и вступить тамъ на военную службу, подъ начальство наслѣднаго герцога курляндскаго. Отецъ далъ ему на путевыя издержки только 60 гульденовъ и отказалъ въ рекомендательныхъ письмахъ къ своимъ знакомымъ купцамъ въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Амстердамѣ. Какъ ни рвался Лефортъ изъ Женевы, какъ ни желалъ онъ посвятить себя военной службѣ, но разлука съ родителями, да еще при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, произвела на него удручающе-грустное впечатлѣніе. Онъ выѣхалъ изъ Женевы въ началѣ іюня 1674 г., а 16 августа благополучно прибылъ въ Амстердамъ, откуда отправился въ Гаагу, чтобы состоять въ свитѣ курляндскаго герцога Фридриха-Казиміра. Война между Франціей и Нидерландами была въ полномъ разгарѣ, Лефортъ принялъ въ ней участіе, и жизнь его неоднократно подвергалась опасности во время осады сильной крѣпости Граве, на Маасѣ. Послѣ взятія этой крѣпости Лефортъ получилъ разрѣшеніе герцога курляндскаго съѣздить въ Амстердамъ и разузнать тамъ отъ своихъ соотечественниковъ про здоровье отца. Въ Амстердамѣ Лефорта ждало письмо его старшаго брата Ами Лефорта съ извѣстіемъ о кончинѣ отца; Лефортъ былъ сильно потрясенъ этимъ извѣстіемъ и сталъ усердно молиться Богу, сознавая свою виновность передъ отцомъ, котораго часто огорчалъ непослушаніемъ. Лефортъ былъ очень привязанъ къ родной семьѣ, а потому его угнетало сознаніе, что своимъ отъѣздомъ онъ огорчилъ родителей и брата Ами. Впослѣдствіи, когда Лефортъ оставался долго безъ писемъ изъ родного дома, онъ объяснялъ себѣ молчаніе матери и брата таившимся неудовольствіемъ противъ него и не зналъ, какъ и чѣмъ загладить свой проступокъ, т. е. отъѣздъ изъ отечества. Не получивъ никакого наслѣдства послѣ отца и видя, что нельзя надѣяться занять мѣсто секретаря при курляндскомъ герцогѣ, Лефортъ впалъ въ такое уныніе, что готовъ былъ вернуться въ Женеву. Ненадолго однако овладѣло Лефортомъ отчаяніе: стремленіе къ военной службѣ побудило его отправиться искать счастья въ Нимвегенѣ, голландской крѣпости, куда съѣхались уполномоченные воевавшихъ державъ для переговоровъ о мирѣ. Въ Нимвегенѣ находился въ это время голландецъ подполковникъ фанъ-Фростенъ, набиравшій охотниковъ для военной службы въ далекой Московіи. Онъ предложилъ Лефорту чинъ капитана, и Лефортъ согласился ѣхать въ Архангельскъ. Деньги на дорогу далъ ему амстердамскій купецъ Туртонъ, пріятель его покойнаго отца.

Лишь 4 сентября 1675 г., т. е. почти черезъ шесть недѣль послѣ отплытія изъ Амстердама, прибылъ въ Архангельскъ полковникъ фанъ-Фростенъ съ тринадцатью товарищами. При допросѣ мѣстнымъ воеводой пять капитановъ, въ томъ числѣ Лефортъ, показали себя выходцами изъ города Данцига. Всѣ пріѣхавшіе были увѣрены, что фанъ-Фростенъ пригласилъ ихъ по порученію царя Алексѣя Михайловича и что они немедленно будутъ приняты на службу; многіе привезли съ собой женъ и дѣтей. Въ Архангельскѣ оказалось, что фанъ-Фростенъ взялъ ихъ въ Московію, такъ сказать, на свой страхъ и что имъ придется жить въ Архангельскѣ до полученія царскаго дозволенія ѣхать въ столицу. Въ ожиданіи отвѣта царя на челобитную фанъ-Фростена, посланную изъ Архангельска, тамошній воевода Ѳеодоръ Полуектовичъ Нарышкинъ, дядя царицы Натальи Кирилловны распорядился выдавать всѣмъ четырнадцати иноземцамъ полтину въ сутки кормовыхъ. Изъ этой суммы на долю капитана Лефорта приходилось въ сутки три копѣйки. Лефортъ познакомился съ итальянцемъ Гуаскони, ежегодно пріѣзжавшимъ въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, и тотъ далъ ему взаймы десять талеровъ и отнесся очень доброжелательно. Такъ какъ пришло разрѣшеніе царя Алексѣя Михайловича отправить изъ Архангельска иноземныхъ офицеровъ съ условіемъ, чтобы они ѣхали на собственныя средства, то Лефортъ вынужденъ былъ занять у Гуаскони на дорогу еще шестьдесятъ талеровъ.

Путь отъ Архангельска до Москвы Лефортъ совершилъ въ зимнее время: выѣхавъ 19 января 1676 г., онъ прибылъ съ товарищами въ Москву 26 февраля уже при новомъ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; въ тотъ же день онъ явился въ Посольскій приказъ и былъ внесенъ въ книгу заѣзжихъ иностранцевъ. 30-го марта Ѳеодоръ Алексѣевичъ принялъ иноземныхъ офицеровъ, а 4-го апрѣля велѣлъ объявить имъ, что они непригодны для царской службы и должны возвратиться моремъ въ отечество. Несмотря на такое распоряженіе, всѣ офицеры остались въ Россіи, но каждый изъ нихъ пошелъ своимъ путемъ, не надѣясь уже на поддержку фанъ-Фростена.

Лефортъ поселился, согласно положенію объ иноземцахъ, въ Нѣмецкой слободѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ своего знакомаго по Архангельску, итальянца Гуаскони, который и въ Москвѣ отнесся къ нему радушно и сочувственно. По вѣроисповѣданію Гуаскони принадлежалъ къ римско-католической церкви и находился въ большой дружбѣ съ двумя заслуженными иноземцами, состоявшими въ царской службѣ: полковникомъ Полемъ Менезесомъ и Патрикомъ Гордономъ, тоже католиками. Гуаскони познакомилъ съ ними Лефорта, полагая, что они въ состояніи помочь ему добрымъ совѣтомъ и оказать покровительство. Не имѣя въ виду чего-либо опредѣленнаго, Лефортъ поступилъ секретаремъ къ датскому резиденту Магнусу Гіоё и, вѣроятно, заслужилъ его расположеніе, потому что Гіоё намѣревался взять его съ собою въ Данію и обѣщалъ доставить всѣ средства къ повышенію. Но Лефортъ, повидимому, не располагалъ покинуть Россію, такъ какъ сообщая своему старшему брату, что полковникъ русской службы Крафойрдъ желаетъ выдать за него свою дочь, прибавилъ: «Я отвѣтилъ, что не прочь, если получу согласіе своихъ родныхъ..... И такъ, если родные посовѣтуютъ мнѣ жениться, то я женюсь; въ противномъ случаѣ, исполню ваши приказанія». Какъ видно изъ отвѣтнаго письма, мать, старшій братъ и зять были противъ его женитьбы и настаивали, чтобы онъ уѣхалъ изъ Россіи. Хотя Лефортъ не состоялъ на дѣйствительной службѣ, но трудно было надѣяться на дозволеніе покинуть Россію въ то время, когда началась уже война съ Турціей и можно было ожидать непріязненныхъ дѣйствій со стороны Польши и Швеціи. Завязавъ при посредствѣ полковника Менезеса и Гуаскони знакомство съ англійскимъ посланникомъ сэромъ Гебдономъ, Лефортъ предполагалъ въ половинѣ августа 1678 г. уѣхать съ нимъ въ Лондонъ, а оттуда въ Парижъ. «Если Богу будетъ угодно—писалъ онъ своему брату—вы получите письмо оттуда. Тамъ я найду лучшую службу, нежели здѣсь. Исполняю ваши приказанія». Послѣ того какъ англійскій посланникъ получилъ отъ царя прощальную аудіенцію и жилъ въ Нѣмецкой слободѣ частнымъ человѣкомъ, между нимъ и Лефортомъ установились самыя дружескія отношенія. Лефортъ почти ежедневно у него обѣдалъ, два—три раза въ недѣлю ѣздилъ съ нимъ на охоту и разсчитывалъ поступить, при его помощи, на шведскую службу. Намѣреніе Лефорта уѣхать изъ Россіи не осуществилось, потому что русское правительство отказало въ заграничномъ отпускѣ иноземнымъ офицерамъ, опасаясь новой войны съ Турціей и Крымомъ. Необходимость оставаться въ Россіи побудила Лефорта жениться, не дожидаясь отвѣта матери и старшаго брата, отъ которыхъ онъ не имѣлъ извѣстій въ теченіе полутора года. Ему легко было отказаться отъ брака съ дочерью полковника Крафойрда, потому что, по собственному его признанію, онъ не питалъ къ ней особенно нѣжныхъ чувствъ, но когда онъ познакомился съ вдовой подполковника Сугэ (Souhay) и полюбилъ ея единственную дочь Елизавету, онъ не сдержалъ своего обѣщанія и женился на ней безъ дозволенія родныхъ. Мать Елизаветы, происходившая изъ фамиліи фонъ-Бокговенъ, съ 1648 г. жила въ Россіи, куда отецъ ея переселился изъ Англіи вслѣдствіе гоненій на католиковъ. Елизавета Сугэ была воспитана въ строго-католическомъ духѣ, но при вступленіи ея въ бракъ съ Лефортомъ, было постановлено крестить и воспитывать дѣтей по кальвинистскому вѣроисповѣданію. Черезъ жену Лефортъ вступилъ въ родство съ Патрикомъ Гордономъ и съ Менезесомъ. Согласіе матери и всей родни невѣсты на бракъ съ нимъ ясно доказываетъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ среди именитыхъ иноземцевъ Нѣмецкой слободы, хотя не занималъ никакого служебнаго положенія. Извѣщая мать о своей женитьбѣ, Лефортъ, между прочимъ, писалъ ей: «Я желалъ бы только, чтобы вы могли видѣть, какъ жи-

вутъ и какимъ добрымъ именемъ пользуются ваши дѣти».

Желая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи противъ Турціи, Лефортъ подалъ въ іюлѣ 1678 г. челобитную въ Иноземный приказъ о принятіи его на царскую службу, по примѣру полковника фанъ-Фростена и другихъ иностранныхъ офицеровъ, съ которыми онъ прибылъ въ Россію за два съ половиной года передъ тѣмъ. Послѣ справки въ Посольскомъ приказѣ о времени прибытія Лефорта въ Россію, о чинѣ, съ какимъ онъ пріѣхалъ и т. д., послѣдовало царское повелѣніе «принять въ службу иноземца Франца Лефорта, съ чиномъ капитана». Въ концѣ 1678 г. Лефортъ былъ назначенъ командиромъ роты, входившей въ составъ гарнизона Кіева и принадлежавшей къ корпусу кн. Вас. Вас. Великаго Голицына, которому онъ былъ лично извѣстенъ; кіевскимъ комендантомъ опредѣленъ былъ Патрикъ Гордонъ. Все это давало Лефорту надежду не остаться незамѣченнымъ, и онъ отправился въ началѣ 1679 года въ Кіевъ. Два съ половиной года пробылъ онъ отчасти въ Кіевѣ, отчасти въ походахъ противъ турокъ и крымцевъ, при чемъ подвергался большимъ опасностямъ и едва не попался въ плѣнъ. Особенно трудно приходилось ему зимой при защитѣ нѣкоторыхъ деревень отъ нападеній крымцевъ, потому что онъ страдалъ упорной лихорадкой. Три раза Лефортъ ѣздилъ съ порученіями въ Москву и перевезъ свою жену и тещу въ Кіевъ, но рѣдко жилъ въ семейномъ кругу, вслѣдствіе продолжительныхъ командировокъ. По заключеніи мира, Лефортъ возвратился со своею ротою въ Москву и поспѣшилъ извѣстить о себѣ старшаго брата, которому не писалъ во все время похода. Возвратившись въ Нѣмецкую слободу, Лефортъ задумалъ просить полугодовой отпускъ для поѣздки въ Женеву. Отпускъ былъ ему данъ съ сохраненіемъ жалованья, и 9-го ноября 1681 года онъ отправился въ далекое путешествіе; въ Женеву онъ прибылъ 16 апрѣля 1682 г. Въ «Запискахъ» Людовика Лефорта (старшаго сына Ами Лефорта), которому въ то время было 16 лѣтъ, сохранилось интересное извѣстіе о томъ впечатлѣніи, какое Францъ Лефортъ произвелъ на своихъ родныхъ и соотечественниковъ. Въ «Запискахъ» сказано: «Францъ Лефортъ былъ принятъ своими родными и соотечественниками, любившими и истинно уважавшими его, самымъ радушнымъ образомъ. Въ бесѣдахъ своихъ онъ представлялъ картину Россіи, вовсе несогласную съ описаніями путешественниковъ. Онъ старался распространить выгодное понятіе объ этой странѣ, утверждая, что тамъ можно составить себѣ очень хорошую карьеру и возвыситься военною службою. По этой причинѣ онъ пытался уговорить своихъ родственниковъ и другихъ отправиться съ нимъ въ Россію. Лефорту было тогда двадцать шесть лѣтъ. Всѣ соотечественники замѣтили въ немъ большую и выгодную перемѣну. Онъ былъ высокаго роста и очень строенъ. Въ разговорѣ являлъ себя строгимъ и серьезнымъ, но съ друзьями былъ шутливъ и веселъ. Можно сказать утвердительно, что онъ надѣленъ отъ рожденія счастливѣйшими дарами и талантами какъ тѣла, такъ ума и души. Онъ былъ отличный ѣздокъ и въ совершенствѣ владѣлъ оружіемъ. Изъ лука стрѣлялъ съ такою необыкновенною силою и съ такою непостижимою ловкостью, что превосходилъ искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ татаръ. О военномъ ремеслѣ говорилъ очень разумно, и можно сказать по справедливости, что судилъ о немъ, какъ человѣкъ испытанный, хотя былъ младшій сынъ въ семействѣ, которое, конечно, пользовалось почетомъ, но не имѣло такихъ денежныхъ средствъ, чтобы дать соотвѣтствующее его дарованіямъ воспитаніе. Что касается его чувствъ и образа мыслей, то никогда и никто не откажется отъ признанія — что и обнаружится впослѣдствіи — что онъ имѣлъ возвышенную и благородную душу. Онъ былъ врагъ лести и тщеславія. Своему государю былъ непоколебимо преданъ во всемъ, что касалось славы его царствованія и счастья подданныхъ, и употреблялъ всѣ усилія содѣйствовать столь справедливымъ и благотворнымъ предначертаніямъ. Во время пребыванія на родинѣ, Лефорту дѣлаемы были различныя предложенія многими именитыми чужеземцами, проживавшими въ Женевѣ. Его завѣряли, что онъ найдетъ достойный кругъ дѣятельности или во Франціи при швейцарскихъ войскахъ, или въ Германіи, или у императора, или въ Голландіи и въ Англіи. Вліятельные иностранцы старались

отговорить его отъ службы въ Россіи, доказывая, что она не только трудна, но и неблагодарна. И члены его фамиліи, родные и знакомые, совѣтовали ему ѣхать или въ Германію, или во Францію, или въ Англію, или въ Нидерланды, гдѣ, поступивъ на военную службу, онъ могъ бы пріобрѣсти значительныя выгоды для себя и для своего семейства. На всѣ эти знаки благорасположенія Лефортъ отвѣчалъ, что сердце его лежитъ къ Россіи и благодарность обязываетъ его посвятить жизнь монарху, отъ котораго получилъ многія благодѣянія. Онъ питалъ твердую надежду — и это были его собственныя слова — что если Богъ сохранитъ ему здоровье и даруетъ жизнь, то свѣтъ заговоритъ о немъ и онъ достигнетъ почетнаго и выгоднаго положенія». Передъ выѣздомъ изъ Женевы, Лефортъ подалъ прошеніе въ женевскій сенатъ о выдачѣ ему офиціальнаго разрѣшенія жить въ другомъ государствѣ. Въ увольнительномъ свидѣтельствѣ женевской республики удостовѣрялось мѣсто его родины и его происхожденіе, и о немъ самомъ сдѣланъ чрезвычайно лестный отзывъ. Лефортъ накупилъ въ Женевѣ лучшаго оружія, часовъ и разныхъ ювелирныхъ вещей для подарковъ въ Москвѣ, и 23 мая выѣхалъ въ обратный путь. Въ Гамбургѣ онъ узналъ о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича и, встрѣтившись тамъ съ знакомымъ по Москвѣ Гиллебрандтъ фонъ-Горнъ, условился ѣхать дальше вмѣстѣ съ нимъ. По пути Горну и Лефорту разсказывали о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, что Лефортъ ожидалъ лично для себя, какъ кальвиниста, большихъ непріятностей. Въ Смоленскѣ Лефортъ разстался съ Горномъ и взялъ на себя порученіе извѣстить Посольскій приказъ о прибытіи его со свитою, въ качествѣ чрезвычайнаго датскаго посланника. 19 сентября Лефортъ пріѣхалъ въ Нѣмецкую слободу и былъ успокоенъ друзьями, которые увѣряли его, что несмотря на разныя перемѣны въ государственномъ управленіи, онъ можетъ надѣяться на успѣшное продолженіе службы. Начальникъ Посольскаго приказа, кн. Вас. Вас. Голицынъ, благоволившій къ Лефорту, какъ мы видѣли выше, находился въ Троицкой лаврѣ, и Лефортъ поспѣшилъ туда, чтобы извѣстить кн. Голицына о прибытіи въ Смоленскъ чрезвычайнаго датскаго посланника. Кн. Голицынъ милостиво принялъ Лефорта и велѣлъ ему немедленно ѣхать навстрѣчу Горну и состоять при немъ, въ качествѣ пристава, до тѣхъ поръ, пока Горнъ не получитъ аудіенціи у царей Іоанна и Петра. 18 октября Горнъ прибылъ, въ сопровожденіи Лефорта, въ домъ, отведенный ему близъ Троицкаго монастыря, и на другой день представлялся царямъ; Лефортъ присутствовалъ при аудіенціи и былъ допущенъ къ цѣлованію рукъ обоихъ царей. Вѣроятно вслѣдствіе покровительства князей Голицыныхъ—главнокомандующаго всѣми русскими военными силами кн. Василія Васильевича и его двоюроднаго брата кн. Бориса Алексѣевича, назначеннаго дядькой къ юному царю Петру, — Лефортъ получилъ быстрое повышеніе по службѣ. 29 іюня 1683 г., въ день именинъ царя Петра, онъ произведенъ былъ въ маіоры, а 29 августа, въ день именинъ царя Іоанна, получилъ чинъ подполковника. О его производствѣ было торжественно объявлено передъ дворцомъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ.

Лефортъ вращался въ кругу иностранныхъ дипломатовъ и былъ особенно близокъ съ представителемъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ, барономъ фанъ-Келлеромъ, который старался о водвореніи общаго мира въ Европѣ и о заключеніи тройственнаго союза между Россіей, Австріей и Польшей противъ мусульманскихъ державъ. Въ описываемое время въ Нѣмецкой слободѣ жилось особенно весело и шумно, потому что иностранные дипломаты и богатый купецъ Гартманъ устраивали блестящіе праздники и задавали пышные пиры. Почетными гостями бывали кн. В. В. Голицынъ и другіе знатные бояре, а Лефортъ, какъ уже упомянуто выше, занималъ видное мѣсто въ обществѣ вліятельныхъ иностранцевъ, вслѣдствіе чего былъ постояннымъ посѣтителемъ этихъ торжествъ. Въ концѣ 1684 г. Лефортъ устроилъ у себя въ собственномъ уже домѣ патріотическое празднество, въ память одного выдающагося событія въ исторической жизни Женевы. На это празднество съѣхались многіе бояре, офицеры и именитые иностранцы.

Въ 1685 году кн. Бор. Алекс. Голицынъ, назначенный начальникомъ Казанскаго приказа, намѣревался дать Ле-

форту кавалерійскій полкъ въ тысячу человѣкъ и послать его въ Казань, такъ какъ онъ скучалъ отъ бездѣйствія въ Нѣмецкой слободѣ. Вмѣсто того Лефорту пришлось, въ качествѣ батальоннаго командира, отправиться въ Украйну, куда рѣшено было двинуть войска для подкрѣпленія крѣпостныхъ гарнизоновъ, въ особенности Кіева. Лефортъ доѣхалъ до Кизилевскихъ степей и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ крымцами, но затѣмъ получилъ поздней осенью предписаніе отступить. Зимой онъ вернулся въ Москву. Въ 1686 г. стали дѣлаться приготовленія къ походу противъ крымскаго хана, подъ главнымъ начальствомъ кн. Вас. Вас. Голицына. Лефортъ выступилъ въ Крымъ съ батальономъ въ 1900 человѣкъ въ первой дивизіи, которой начальствовалъ генералъ Венед. Андр. Змѣевъ, непремѣнно желавшій имѣть его въ одномъ изъ своихъ полковъ. Крымскій походъ, какъ извѣстно, былъ весьма неудаченъ, потому что люди хворали и умирали отъ жары и отъ плохой воды, а лошади, кромѣ того, отъ безкормицы. Въ теченіе всего похода Лефортъ находился неотлучно при главнокомандующемъ и заслужилъ его благоволеніе внимательнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Кн. Голицынъ остался имъ очень доволенъ и обѣщалъ выхлопотать повышеніе въ полковники, если самъ онъ удостоится милостиваго пріема отъ царей. Въ половинѣ августа 1687 года пришелъ царскій указъ, чтобы распустить войско. По возвращеніи въ Москву кн. Голицынъ представилъ обоимъ царямъ и царевнѣ Софьѣ сопровождавшаго его съ поля сраженія Лефорта, вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники и получилъ денежную награду. Весной 1689 г. состоялся новый походъ противъ Крыма, и Лефортъ опять участвовалъ въ походѣ, подъ начальствомъ генерала Змѣева. Второй крымскій походъ окончился еще печальнѣе перваго, такъ какъ царевна Софья и кн. Вас. Вас. Голицынъ лишились власти. Съ этого времени юный Петръ почувствовалъ подъ ногами твердую почву и сталъ во главѣ государства: старшій братъ его Іоаннъ попрежнему только считался соправителемъ.

Не останавливаясь подробно на причинахъ, привлекавшихъ Петра въ Нѣмецкую слободу, такъ какъ это относится больше къ жизнеописанію Петра, нежели Лефорта, выдѣлимъ то, что касается непосредственно сближенія русскаго царя съ образованнымъ женевцемъ. По случаю рожденія у Петра перваго сына, царевича Алексѣя, 18 февраля 1690 г. Лефортъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры. 30 апрѣля 1690 г. Петръ впервые посѣтилъ Нѣмецкую слободу и провелъ тогда вечеръ у генерала Гордона. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того Петръ почтилъ своимъ присутствіемъ Лефорта, у котораго отобѣдалъ 3 сентября. Вслѣдъ затѣмъ осенью того же года Петръ сталъ часто бывать у Гордона и у Лефорта, проводилъ у нихъ цѣлые дни и, оживленно бесѣдуя о разныхъ предметахъ, главнымъ образомъ о военныхъ дѣлахъ, иногда оставался даже ночевать у нихъ. Съ теченіемъ времени кругъ знакомыхъ Петра въ Нѣмецкой слободѣ расширился, и онъ имѣлъ возможность выбрать среди нихъ человѣка, который былъ бы способенъ отвѣчать на занимавшіе его разнообразные вопросы и содѣйствовать проведенію въ жизнь задуманныхъ имъ преобразованій. Такимъ человѣкомъ оказался Лефортъ. Сближеніе съ нимъ царя не должно было удивить и непріятно поразить высшихъ сановниковъ, потому что еще въ 1686 году Лефортъ писалъ своему старшему брату: «Вы высказали мнѣ нѣкоторые упреки по поводу моего хозяйственнаго быта. Я долженъ, сознаться, что, въ извѣстномъ отношеніи, вы правы, но повѣрите мнѣ, что я не господинъ и того немногаго, что у меня есть, ибо наши князья (бояре), старые и молодые, оказываютъ мнѣ честь своими болѣе нежели частыми посѣщеніями. Даже когда меня не бываетъ дома, они не преминутъ *покурить* и попить у меня, какъ будто я и не отлучался. Домъ мой очень имъ нравится, и я не могу сказать по справедливости, что другого, лучше устроеннаго, здѣсь нѣтъ».

Въ 1691-92 г.г. царь бывалъ у Лефорта въ этомъ небольшомъ домѣ на берегу Яузы, отдѣланномъ на французскій ладъ съ изяществомъ и даже роскошью, къ которой Лефортъ имѣлъ врожденную склонность. Въ концѣ 1692 г. явилась необходимость расширить домъ Лефорта, и вотъ по какому поводу. Такъ какъ Петръ любилъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, то у него составилась многочисленная (250—300 человѣкъ) «компанія», весьма разнообразная по ха-

рактеру, уму, образованію, общественному положенію и національности своихъ членовъ. Неудобство собирать эту компанію въ стѣнахъ Кремля побудило Петра пріискать помѣщеніе въ Нѣмецкой Слободѣ. Самымъ подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ домомъ былъ домъ Лефорта, и Петръ далъ средства для пристройки къ нему большой залы; постройка новаго каменнаго дома взяла бы много времени. Описаніе этой залы находится въ письмѣ женевца Сенебье, дальняго родственника Лефорта, пріѣхавшаго въ 1691 году въ Россію и поступившаго на военную службу. Вотъ что онъ писалъ на свою родину 22 сентября 1693 г.: «Его превосходительство выстроилъ весьма красивую и обширную залу для пріема 1500 человѣкъ. Она обита великолѣпными обоями, украшена дорогою скульптурною работою, вездѣ вызолочена и, дѣйствительно, можетъ быть названа прекраснѣйшею императорскою залою. Нашъ государь пожаловалъ ему (Лефорту) пятнадцать большихъ кусковъ шелковыхъ тканей, съ богатою золотою вышивкою. Помѣщеніе такъ велико и во всѣхъ частяхъ исполнено такъ превосходно, что представляетъ нѣчто удивительное. Издержки простираются, говорятъ, до 14.000 талеровъ. Меблировка роскошная; много серебряной посуды, оружія, картинъ, зеркалъ, ковровъ, разныхъ украшеній—все вещи въ высшей степени интересныя и многоцѣнныя... У генерала большое число прислуги; на конюшнѣ двадцать кровныхъ лошадей; у воротъ дома постоянно караулъ изъ двѣнадцати человѣкъ». Добавленіемъ къ этому можетъ служить письмо самого Лефорта, отъ 9 марта 1694 года старшему брату: «Въ саду есть пруды, какихъ нелегко найти здѣсь, изобилующіе рыбою. За садомъ, на другой сторонѣ рѣки, имѣю я паркъ, гдѣ содержатся различные дикіе звѣри. Рабы и рабыни, которыхъ у меня довольно, *всѣ освобождены мною*. Словомъ мой домъ красивѣйшій и пріятнѣйшій въ цѣломъ околодкѣ. Русскіе пріѣзжаютъ осматривать его какъ диковинку».

По всеобщему желанію, открытіе залы отпраздновали шумно и весело, пріурочивъ торжество ко времени бракосочетанія въ Женевѣ любимой племянницы Лефорта, и къ отъѣзду Петра изъ Москвы въ Архангельскъ, назначенному на 4-е іюля 1693 года. Празднество продолжалось четыре дня, съ 30 іюня по 3 іюля включительно. Царь, придворные, почетные иностранцы, дамы (всего 200 человѣкъ) пировали у Лефорта: обѣдали, танцовали подъ звуки прекрасной музыки, ужинали, любовались на затѣйливые фейерверки и слушали пальбу изъ 20 пушекъ. Было бы однако ошибочно думать, что домъ Лефорта предназначался царемъ исключительно для пировъ, баловъ и веселья. Когда Петръ бывалъ тамъ запросто, то послѣ ранняго обѣда гости стрѣляли въ цѣль, играли въ кегли, а вечеромъ первый бомбардиръ (Петръ) пускалъ изготовленные имъ самимъ фейерверки. Домъ Лефорта сдѣлался какъ бы средоточіемъ для дѣловыхъ сношеній высшихъ сановниковъ, иностранцевъ и всѣхъ, кому нужно было видѣть царя. Тамъ проводилъ Петръ послѣдніе часы передъ отъѣздомъ изъ Москвы, туда же спѣшилъ онъ немедленно по возвращеніи изъ путешествія. Однимъ словомъ, это былъ небольшой дворецъ царя въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ Петръ чувствовалъ себя дома, свободнымъ отъ условностей стараго московскаго уклада.

Вслѣдствіе дружбы съ Лефортомъ, у Петра завязались отношенія съ Женевской республикой: 20 декабря 1692 г. женевскіе сенаторы отправили въ Москву на имя обоихъ царей благодарственный адресъ за тѣ милости и то благоволеніе, какими пользовался Лефортъ, который, по словамъ этого адреса, «соотечественникамъ дорогъ столько же по его прекраснымъ, отъ природы полученнымъ качествамъ, сколько по благородству и древности его фамиліи. Онъ братъ благороднаго Ами Лефорта, съ отличіемъ занимающаго нынѣ должность синдика или консула въ нашемъ государствѣ». Адресъ женевцевъ доставилъ Петру большое удовольствіе. Въ царскомъ отвѣтѣ Женевской республикѣ помѣщенъ похвальный отзывъ о Лефортѣ, котораго вскорѣ ожидало еще повышеніе: 29 іюня 1693 г. онъ произведенъ былъ въ полные генералы (генералъ-лейтенантомъ онъ былъ съ 1691 г.). Милостивое принятіе адреса дало Женевскому сенату смѣлость обратиться въ Москву съ просьбой о помощи по случаю неурожая, постигшаго всю Швейцарію въ 1693 году. Петръ распорядился отправить хлѣбъ до Голландіи; о дальнѣйшей перевозкѣ женевцы должны были позаботиться сами. По порученію Петра, Лефортъ сносился со своимъ братомъ Ами о присылкѣ въ Москву офицеровъ, инже-

неровъ, искусныхъ мастеровъ, а впослѣдствіи даже медиковъ и хирурговъ. Желающихъ поступить на русскую службу не находилось, и это огорчало Лефорта, который старался привлечь въ свое второе отечество свѣдущихъ, опытныхъ и честныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ. «Вѣроятно кто-нибудь представилъ Московію въ страшномъ видѣ, — писалъ онъ своему зятю Троншену по поводу отказа его сына пріѣхать въ Москву,— между тѣмъ, благодареніе Богу, никогда не бывало здѣсь такъ тихо, такъ хорошо, какъ теперь; даже иностранцы охотно проживаютъ здѣсь». Троншенъ, женатый на старшей сестрѣ Лефорта, былъ профессоромъ и пасторомъ, а потому небезынтересно привести отрывокъ изъ его отвѣтнаго письма Лефорту, доказывающій то высокое уваженіе, какимъ пользовался Лефортъ со стороны своего родственника, убѣжденнаго послѣдователя строгихъ правилъ Кальвина. «Я чрезвычайно радуюсь всякій разъ,—писалъ Троншенъ,—когда узнаю, что вы продолжаете возвышаться при ихъ царскихъ величествахъ, и одно изъ моихъ пламеннѣйшихъ желаній есть, чтобы Богъ сохранилъ вамъ здоровье и милость государей въ теченіе всей вашей жизни, и чтобы, достигнувъ маститой старости, удѣла крѣпкихъ здоровьемъ людей, вы кончили жизнь, надѣленные почестями и богатствами, въ упованіи на милосердіе Бога, и унаслѣдовали блага небесныя, предъ которыми земныя выгоды ничто».

Какъ извѣстно, Петръ усердно заботился о коренномъ измѣненіи военнаго дѣла въ Россіи. Съ цѣлью провѣрки успѣховъ своихъ «потѣшныхъ», изъ которыхъ образовались Семеновскій и Преображенскій полки, онъ задумалъ устроить осенью 1691 г. примѣрныя сраженія въ Москвѣ. Кромѣ «потѣшныхъ» въ «большомъ походѣ» участвовали «отборные» полки изъ стрѣльцовъ и существовавшихъ уже регулярныхъ войскъ солдатскаго, рейтарскаго и гусарскаго строя. Лефортъ начальствовалъ въ этомъ сраженіи надъ первымъ отборнымъ полкомъ, вѣроятно вслѣдствіе болѣзни командира полка, генерала Шепелева, и находился на лѣвомъ флангѣ первой арміи, главнокомандующимъ которой былъ назначенъ кн. Ю. О. Ромодановскій. Рейтары полка Лефорта, какъ сказано въ реляціи, долго и храбро сражались съ непріятелемъ. Послѣ смерти генерала Шепелева, уже 20-го марта 1692 г. Лефортъ получилъ начальство надъ первымъ отборнымъ полкомъ, и это назначеніе послужило поводомъ къ неудовольствію противъ него генерала Гордона, считавшаго за собой больше правъ на почетную должность.

Желая ввести въ своемъ полку дисциплину и основательно заняться его обученіемъ, Лефортъ выпросилъ у Петра большой плацъ для ученія и маневровъ и средства къ учрежденію слободы, въ которой жили бы всѣ солдаты, до того времени разбросанные по Москвѣ. Плацъ былъ отведенъ на лѣвомъ берегу Яузы, противъ дома и сада Лефорта; къ постройкѣ слободы для солдатъ (500 домовъ) приступили въ сентябрѣ того же года. Слобода получила названіе Лафортовской; позднѣе изъ нея образовалась Лефортовская городская часть, но въ просторѣчіи эта мѣстность Москвы до сихъ поръ называется «Лафертово». Въ 1693 г. Лефортъ сопровождалъ Петра въ первомъ путешествіи въ Архангельскъ, по возвращеніи откуда возобновилъ усиленныя занятія съ полкомъ, потому что на осень 1694 г. Петръ назначилъ «потѣшный походъ», задуманный въ обширныхъ размѣрахъ. Кончина царицы Натальи Кирилловны, послѣдовавшая 25 января 1694 г., сильно опечалила Петра, но въ то же время онъ почувствовалъ себя болѣе независимымъ и свободнымъ: не стало той, изъ сыновней любви къ которой онъ сдерживалъ свое стремленіе путешествовать. Весной того же 1694 года Петръ вторично отправился въ Архангельскъ.

Узнавъ, что Лефортъ поѣдетъ въ Архангельскъ вслѣдъ за Петромъ на другой день, царь Іоаннъ Алексѣевичъ послалъ звать его къ себѣ. Въ началѣ и въ концѣ пріема Лефортъ цѣловалъ руку у царя и у царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Іоаннъ Алексѣевичъ велѣлъ передать поклонъ Петру и вѣроятно поручилъ Лефорту извѣщать себя о его здоровьѣ, потому что во время пребыванія въ Архангельскѣ Лефортъ велъ оживленную переписку съ приближенными къ Іоанну лицами. Царица Прасковья Ѳеодоровна просила Лефорта сказать его женѣ, чтобы она пріѣхала, когда за ней пришлютъ изъ дворца. Судя по письму Лефорта въ Женеву, видно, что онъ придавалъ большое значеніе милостивому отношенію къ себѣ Іоанна Але-

ксѣевича. Пріемъ, оказанный ему въ Кремлѣ, служилъ яснымъ доказательствомъ благоволенія къ нему и къ его семьѣ. Послѣ отъѣзда Лефорта въ Архангельскъ царицы—Прасковья Ѳеодоровна и Евдокія Ѳеодоровна неоднократно присылали парадную карету за его женой и за его сыномъ Андреемъ и дѣлали имъ щедрые подарки. По возвращеніи изъ Архангельска, Лефортъ снова былъ принятъ царемъ Іоанномъ и получилъ отъ него на домъ кушанья и напитки въ серебряныхъ сосудахъ.

Въ концѣ сентября 1694 г. начался Кожуховскій походъ, названный такъ по деревнѣ Кожуховой, находившейся въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ къ селу Коломенскому. Во главѣ двухъ отрядовъ, въ каждомъ изъ которыхъ заключалось по 20.000 человѣкъ, стояли: боярин Бутурлинъ, приверженецъ старыхъ порядковъ, и кн. Ромодановскій. Бутурлинъ долженъ былъ засѣсть въ крѣпости, построенной по плану Гордона близъ деревни Кожуховой, и обороняться въ ней. Задача кн. Ромодановскаго, который предводительствовалъ отрядомъ, обученнымъ на европейскій ладъ, состояла въ томъ, чтобы взять крѣпость по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. 4 октября, въ день именинъ Лефорта, было рѣшено штурмовать крѣпость. Первые приступы оказались неудачны, и Лефорту приказано отступить. Въ отчаяніи Лефортъ собралъ большую часть своего полка и стремительно бросился къ равелину. Въ то время, какъ онъ шелъ впереди войска, осажденные бросили въ него горшокъ съ четырьмя фунтами пороха, который, попавъ ему въ правое плечо и въ ухо, произвелъ сильный обжогъ. Не обращая вниманія на то, что кожа на лицѣ висѣла клочьями, Лефортъ водрузилъ знамя на одномъ изъ равелиновъ; вслѣдъ затѣмъ были взяты остальные равелины, а въ концѣ концовъ и самая крѣпость. Вечеромъ въ этотъ день царь, бояре и высшіе военные чины ужинали у Лефорта. Петръ сердечно сожалѣлъ о несчастіи, случившемся съ Лефортомъ: вслѣдствіе обжога онъ нѣсколько дней былъ слѣпъ, а лицо и голова его были облѣплены пластыремъ. Такъ какъ взятіе крѣпости произошло слишкомъ быстро, что противорѣчило планамъ Петра, то онъ приказалъ Бутурлину снова занять крѣпость и защищать ее. Лефортъ не удалился съ мѣста сраженія, но лишь подъ конецъ маневровъ могъ снова принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. 17-го октября Бутурлинъ оказался вынужденнымъ сдаться.

Судьба благопріятствовала Лефорту во всемъ, что касалось его служебной дѣятельности, но въ семейной жизни онъ перенесъ тяжелыя испытанія: изъ девяти, или одиннадцати дѣтей (въ точности неизвѣстно), родившихся у него съ 1680 по 1691 г. въ Кіевѣ и въ Москвѣ, остался въ живыхъ только одинъ сынъ Андрей (Henri). Въ 1693 г., когда мальчику минуло 8 лѣтъ, къ нему былъ приставленъ учителемъ и гувернеромъ саксонецъ Штракъ, который долженъ былъ сопровождать его въ Женеву, куда Лефортъ рѣшился отправить его для воспитанія. Со стороны могло показаться страннымъ подобное рѣшеніе Лефорта, такъ какъ сынъ его былъ единственнымъ товарищемъ, котораго допускали къ царевичу Алексѣю, слѣдовательно съ дѣтства онъ становился близокъ ко двору и впереди открывалась для мальчика блестящая будущность. Но Лефортъ судилъ иначе. Онъ хотѣлъ воспитать своего единственнаго сына въ правилахъ кальвинизма, а для этого необходимо было удалить его отъ матери, ревностной католички, въ послѣднее время особенно сблизившейся со своими родственниками Гордонами, тоже католиками. Эта рознь вѣроисповѣданій должна была болѣзненно отзываться на всей психической жизни Лефорта, человѣка весьма религіознаго и глубоко чувствовавшаго. Религіозность Лефорта ярко выражается въ письмѣ къ брату изъ Архангельска отъ 4-го іюля 1694 г., въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Хотя вся страна и всѣ различныя національности уважаютъ меня, однако я не позволяю усыплять себя такою славою; напротивъ, стремлюсь постоянно къ тому, чтобы доказать мое усердіе, привлечь вѣрныхъ подданныхъ. Однимъ словомъ, прошу васъ вѣрить, что благодать Бога со мною, и хотя я неоднократно оскорблялъ Его, но она неисчерпаема, и я употреблю всевозможныя усилія никогда не забывать Его благодѣяній. Въ особенности прошу васъ вѣрить моей безпредѣльной преданности, зная положительно, что вы принимаете участіе во всемъ, что

меня касается, и что преднамѣренно я не сдѣлаю ничего предосудительнаго въ такое время, когда Богъ ниспослалъ на меня свои милости, и когда честь требуетъ твердо пребывать въ благодати Божіей. Никто и никогда не достигалъ подобныхъ милостей и ни одинъ иноземецъ не мечталъ о нихъ. Сознаюсь, всѣ эти милости необычайны; я не заслужилъ ихъ; я не воображалъ въ столь короткое время составить мое счастіе, но такъ было угодно Богу»....

Петръ сочувственно отнесся къ посылкѣ сына Лефорта въ Женеву и постарался доставить ему во время пути всевозможныя удобства. Собственно на дорогу онъ назначилъ шестьсотъ червонцевъ и велѣлъ объявить воеводамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ надлежало проѣзжать, чтобы не было недостатка въ лошадяхъ на почтовыхъ станціяхъ. Петръ далъ маленькому Лефорту: 1) письмо къ амстердамскому бургомистру Витсену съ приложеніемъ цѣннаго подарка—своего портрета, осыпаннаго бриллiантами, стоимостью въ тысячу шестьсотъ талеровъ. Портретъ этотъ предназначался Лефорту, но послѣ отправки его Витсену, для Лефорта былъ заказанъ другой, и 2) грамоту сенаторамъ Женевской республики. Въ грамотѣ, между прочимъ, сказано: «Мы отпустили изъ нашихъ владѣній Андрея Лефорта, сына генерала, дабы онъ отправился въ вашу республику и въ вашу академію, повидаться со своими родными, образовать сердце и умъ и получить такое воспитаніе, которое дало бы ему возможность отличиться въ политикѣ, въ военномъ искусствѣ и во всѣхъ свободныхъ художествахъ». Желая расположить своихъ родственниковъ въ пользу Андрея, Лефортъ послалъ съ нимъ богатые подарки: напр., матери онъ послалъ горностаевую шубу, а сестрамъ, невѣсткамъ и племянницѣ куньи мѣха. Будучи посвященъ въ планъ Петра относительно войны съ Турціей, Лефортъ поторопился отправить сына въ Женеву. Андрей выѣхалъ изъ Москвы 8 февраля 1695 г. и былъ принятъ въ сенатѣ Женевы 19 іюня того же года, на другой день послѣ своего пріѣзда. Встрѣча и пріемъ мальчика въ женевскомъ сенатѣ были весьма торжественные: сенаторы выразили этимъ свое почтеніе къ русскому царю и уваженіе къ Францу Лефорту. Лично Андрею была тоже оказана честь: ему назначили два мѣста въ церкви св. Петра: обыкновенно этимъ отличіемъ пользовались только царственныя особы при посѣщеніи академіи.

Въ 1694 г., слѣдовательно до отъѣзда Андрея, исполнилось давнишнее желаніе Лефорта видѣть въ Москвѣ кого-нибудь изъ близкихъ родственниковъ. Пріѣхалъ его племянникъ Петръ, второй сынъ Ами Лефорта, въ сопутствіи базельскаго купца Хервагена, знакомаго по торговымъ дѣламъ съ Ригой и даже съ Москвой. Молодой человѣкъ намѣревался, повидимому, заняться торговыми дѣлами; дядя разсчитывалъ, что изъ него выйдетъ хорошій офицеръ. По пріѣздѣ въ Москву Петръ Лефортъ былъ принятъ обоими царями съ почестями, подобающими черезвычайнымъ посламъ, такъ какъ онъ привезъ рекомендательное письмо отъ Женевской республики. Въ самый разгаръ приготовленіи къ Азовскому походу пріѣхалъ въ Москву двоюродный братъ Лефорта, Михаилъ Лектъ, и вступилъ на военную службу. Незадолго до Лекта пріѣхалъ швейцарецъ Морло и въ качествѣ инженера былъ опредѣленъ съ чиномъ маіора въ первый отборный полкъ.

Передъ выступленіемъ весной 1695 года въ Азовскій походъ Лефортъ цѣлые дни находился при Петрѣ, исполняя различныя порученія его, имѣвшія отношенія до предпринятаго похода. Лефортъ выѣхалъ изъ Москвы уже послѣ выступленія войска, такъ какъ Петръ желалъ, чтобы все необходимое было отправлено въ Азовъ подъ присмотромъ Лефорта. Русскія войска прибыли подъ Азовъ въ началѣ іюля и расположились, согласно предписанію Петра. Лефортъ стоялъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, ниже города, по направленію къ Дону, по которому турки могли свободно доставлять въ Азовъ снаряды и продовольствіе и посылать туда вспомогательные отряды. Въ тылу войска Лефорта была расположена турецкая конница, которая и сухимъ путемъ и Дономъ находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ осаждаемыми. Лефорту предстояло воздвигнуть такія укрѣпленія, чтобы лишить непріятеля доступа къ рѣкѣ, и ему удалось весьма скоро построить двѣ батареи и вооружить ихъ двѣнадцатью большими тридцатишестифунтовыми пушками и двадцатью пятью мортирами. Одновременно былъ вырытъ и ровъ къ рѣкѣ, послѣ чего стали бросать съ батарей бомбы въ городъ. Всѣ эти работы производились

подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ, а такъ какъ лагерь Лефорта былъ расположенъ въ сторонѣ, особнякомъ, то въ теченіе четырнадцати недѣль, которыя Лефортъ простоялъ подъ Азовомъ, рѣдкій день обходился безъ стрѣльбы турками изъ пушекъ и безъ вылазокъ, направленныхъ именно на лѣвый флангъ. Во время второго штурма Азова русскими войсками Лефортъ находился въ жаркомъ огнѣ и овладѣлъ однимъ изъ красныхъ знаменъ непріятеля. Вслѣдствіе осеннихъ холодовъ царь рѣшилъ прекратить осаду Азова и возвратиться въ Москву. Переходъ черезъ степь былъ очень затруднителенъ; тѣмъ не менѣе всѣ пушки и знамена, находившіяся въ вѣдѣніи Лефорта, остались цѣлы; изъ 10.400 солдатъ онъ привелъ въ Москву около 8.000.

Вслѣдствіе желанія Петра, 3 декабря 1695 г., въ домѣ Лефорта весело отпраздновали возвращеніе арміи изъ-подъ Азова. Нѣкоторые современники, какъ, напр., кн. Б. И. Куракинъ (своякъ царя Петра) въ своей «Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ»,—большинство историковъ и многіе любители русской исторіи приписываютъ Лефорту пагубное вліяніе на Петра въ смыслѣ кутежей и выпивокъ. Иные готовы отрицать какія-бы то ни было заслуги Лефорта въ дѣлѣ государственныхъ преобразованій и смотрятъ на него только, какъ на веселаго и остроумнаго собесѣдника. Чтобы показать неосновательность подобныхъ мнѣній, приводимъ отрывокъ изъ письма Лефорта послѣ вышеупомянутаго пира, доказывающій, что Лефортъ бывалъ часто лишь исполнителемъ воли Петра, который смотрѣлъ на домъ Лефорта, какъ на свой собственный, и не всегда сообразовался съ настроеніемъ и желаніемъ хозяина. «Въ прошлый вторникъ (3 декабря) — писалъ Лефортъ—его царское величество Петръ Алексѣевичъ удостоилъ обѣдать у меня со всѣми боярами. Много палили изъ пушекъ; играла всякаго рода музыка, а послѣ обѣда долго танцовали. И все это, несмотря на мое нездоровье, причиненное мнѣ паденіемъ на возвратномъ походѣ черезъ степь».

По возвращеніи изъ Азовскаго похода Петръ назначилъ Лефорта адмираломъ русскаго флота. Назначеніе это послѣдовало не потому, что Лефортъ имѣлъ какія-нибудь выдающіяся способности или глубокія познанія въ морскомъ дѣлѣ. Для Петра были важны не познанія того или другого лица въ какой-нибудь отрасли государственнаго управленія, а неутомимость въ работѣ, сообразительность, стойкость, исполнительность. Обладая всѣми этими качествами, а также неподкупной честностью и безпредѣльной преданностью Петру, Лефортъ не былъ инціаторомъ всѣхъ его преобразованій, какъ долгое время были убѣждены на основаніи иностранныхъ свидѣтельствъ, но онъ шелъ рука объ руку со своимъ царственнымъ другомъ, былъ ему надежнымъ помощникомъ и умѣлъ провести въ жизнь многія его предначертанія.

По случаю назначенія Лефорта адмираломъ припомнимъ, что онъ, какъ постоянный спутникъ Петра, находился въ Переяславлѣ во время занятій царя на тамошней верфи; доказательствомъ тому служитъ, что на южной сторонѣ Плещеева озера, въ двухъ верстахъ отъ Переяславля, близъ с. Веськова, были выстроены одновременно деревянный дворецъ для Петра и домъ для Лефорта. Командованіе въ 1692 г. надъ самымъ большимъ кораблемъ, спущеннымъ на Плещеево озеро и носившимъ названіе «Марса», было предоставлено Лефорту. Какъ уже упомянуто выше, Лефортъ сопровождалъ Петра въ обѣихъ поѣздкахъ въ Архангельскъ; изъ письма Сенебье въ Женеву извѣстно, что Лефортъ составилъ описаніе второго путешествія въ Архангельскъ и пріема тамъ царя; къ сожалѣнію, это описаніе не сохранилось.

Недомоганіе Лефорта, о которомъ онъ упомянулъ въ своемъ письмѣ брату отъ 3 декабря, затянулось: вслѣдствіе ушиба появился большой нарывъ, который прорвался только въ концѣ февраля. Болѣзнь, холода и плохая дорога задержали Лефорта въ Москвѣ, и онъ выѣхалъ оттуда въ Воронежъ лишь 31 марта, много времени спустя послѣ отъѣзда Петра. Присутствіе ихъ обоихъ въ Воронежѣ было необходимо, такъ какъ тамъ были сосредоточены всѣ принадлежности для второго Азовскаго похода. Лефортъ прибылъ подъ Азовъ 21 мая, а флотъ въ полномъ составѣ собрался тамъ къ концу іюня. Какъ только русскій флотъ снялся съ якоря и приготовился къ нападенію, турецкія суда распустили всѣ паруса и ушли въ море. Не распространяясь о подробностяхъ похода, скажемъ только, что Азовъ сдался во второй половинѣ іюля на капитуляцію. При-

писывая побѣду главнымъ образомъ флоту, съ Лефортомъ во главѣ, Петръ писалъ изъ-подъ Азова кн. Ромодановскому, что желаетъ чествовать моряковъ. Вслѣдствіе нездоровья Лефортъ не былъ въ состояніи ѣхать въ коляскѣ, а потому рѣшилъ совершить путь отъ Азова до Воронежа Дономъ и употребилъ на это 5½ недѣль. 10 сентября онъ прибылъ изъ Воронежа въ Москву въ саняхъ, такъ какъ не могъ перенести тряски экипажа на колесахъ. 30 сентября войска торжественно вступили въ Москву. При началѣ каменнаго моста черезъ Москву-рѣку были сооружены тріумфальныя ворота, украшенныя эмблемами и аллегоріями. Лефортъ ѣхалъ въ вызолоченныхъ государевыхъ саняхъ, запряженныхъ шестью богатоубранными лошадьми съ царской конюшни. За нимъ шла морская рота подъ предводительствомъ Петра, въ скромномъ мундирѣ морского капитана. Шествіе черезъ всю Москву до Нѣмецкой слободы продолжалось цѣлый день; царь съ флотскими офицерами ужиналъ въ этотъ вечеръ у Лефорта, но настоящій пиръ состоялся у него только двѣ недѣли спустя, когда улучшилось его здоровье. За Азовскій походъ Лефортъ получилъ титулъ намѣстника новгородскаго и вотчины въ Епифанскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ, въ которыхъ числилось 175 крестьянскихъ дворовъ; кромѣ того, золотую медаль, соболью шубу, кусокъ златотканной парчи и большой вызолоченный бокалъ съ именемъ царя.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Азовскаго похода царь издалъ указъ о постройкѣ кораблей на средства обывателей, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и «кумпанствъ». Предполагали, что весной 1698 года къ тридцати галерамъ, оставленнымъ въ Азовѣ, прибавится еще шестьдесятъ судовъ, галеръ и военныхъ кораблей; командованіе надъ прежними и новыми судами ввѣрено было Лефорту. Одновременно съ заботами объ устройствѣ флота Петръ обдумывалъ заграничное путешествіе. Онъ преслѣдовалъ при этомъ двѣ цѣли: желалъ повидать иноземныя государства въ качествѣ частнаго человѣка, чтобы удовлетворить своей любознательности, и намѣревался основательно изучить кораблестроеніе и мореплаваніе. Въ началѣ марта 1696 года великое посольство, состоявшее почти изъ 250 человѣкъ, съ Лефортомъ во главѣ, приготовилось къ путешествію; вторымъ посломъ былъ назначенъ Ѳ. А. Головинъ, третьимъ думный дворянинъ Прокофій Богд. Возницынъ. Петръ ѣхалъ подъ именемъ *Петра Михайлова* и былъ записанъ въ путевой журналъ «десятникомъ». По пріѣздѣ въ Ригу племянникъ Лефорта, Петръ Лефортъ былъ назначенъ секретаремъ посольства. Въ Митавѣ Лефортъ получилъ официальную аудіенцію у владѣтельнаго герцога курляндскаго Фридриха-Казиміра, подъ начальствомъ котораго сражался нѣкогда противъ французовъ въ ихъ войнѣ съ голландцами. Изъ Митавы посольство прослѣдовало въ Кенигсбергъ. Петръ заключилъ тамъ съ бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ III договоръ, по которому Россія и Пруссія вступили въ союзъ противъ Турціи; оба они сходились также въ намѣреніи не допускать французскаго принца до Польскаго престола. Конечно, самъ Петръ давалъ желаемое направленіе переговорамъ, но приведеніе въ исполненіе принадлежало Лефорту, какъ полномочному посланнику. Изъ Кенигсберга посольство проѣхало въ Пиллау, гдѣ пробыло три недѣли, а затѣмъ направилось прямо въ Голландію. Въ Амстердамѣ Лефортъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ многихъ прежнихъ знакомыхъ. Въ половинѣ сентября посольство въѣхало въ Гаагу, и 22 сентября состоялась торжественная аудіенція въ городскомъ залѣ, гдѣ собрались представители нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ. Русскіе посланники были въ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, съ цѣнными брилліантовыми застежками. Лефортъ произнесъ рѣчь на голландскомъ языкѣ, передалъ грамоту отъ царя и присланные въ подарокъ собольи мѣха; Ѳ. А. Головинъ объяснилъ цѣль посольства, но говорилъ на русскомъ языкѣ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Петра обучилъ голландскому языку Лефортъ; самъ же Лефортъ свободно говорилъ на французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ и русскомъ языкахъ. Въ это время въ Рейсвикѣ былъ съѣздъ представителей европейскихъ державъ для заключенія общаго мира, и Россія выступила съ опредѣленными заявленіями относительно союза противъ Турціи и польскаго престолонаслѣдія. На долю Лефорта выпала трудная задача вести эти дипломатическіе переговоры. «Удивляюсь»,—писалъ изъ Гааги въ Женеву одинъ старинный

знакомый тамошнихъ Лефортовъ,—«какъ генералъ выдерживаетъ (образъ жизни въ Гаагѣ), при маломъ отдохновеніи и при тѣхъ непрестанныхъ затрудненіяхъ, съ которыми онъ долженъ бороться. Онъ служитъ предметомъ удивленія всей страны и о немъ отзываются съ подобающимъ его сану уваженіемъ». Вслѣдъ за окончаніемъ конгресса въ Рейсвикѣ и подписаніемъ 30-го октября статей мира русское посольство возвратилось изъ Гааги въ Амстердамъ. Петръ и нѣкоторые его спутники занялись на верфи постройкой корабля, Лефортъ велъ оживленную переписку со многими европейскими дипломатами, давалъ, согласно желанію царя, пышныя празднества, бесѣдовалъ съ иноземцами, желавшими поступить на русскую службу, а свободное время проводилъ въ обществѣ своихъ друзей и прибывшихъ въ Амстердамъ родныхъ. Лефортъ тратилъ крупныя суммы на пиры и празднества, считая себя лишь исполнителемъ воли Петра, желавшаго во всемъ блескѣ показать Западной Европѣ великое русское посольство. Лично для себя и для сына Лефортъ не только не дѣлалъ никакихъ сбереженій, но даже не всегда аккуратно высылалъ своему брату деньги на его содержаніе. Племяннику Петру, постоянно при немъ находившемуся, Лефортъ говорилъ: «Я искалъ своего счастія: пусть и сынъ поищетъ своего... Я постараюсь научить его всему, что пригодится въ жизни, а тамъ пусть самъ позаботится о себѣ». Въ это время у Лефорта возникъ вопросъ, оставить ли сына Анри въ Женевѣ, вызвать-ли его въ Москву для царевича Алексѣя Петровича, или помѣстить ко двору курфюрста бранденбургскаго, или короля саксонско-польскаго. Послѣ долгихъ колебаній и совѣщанія съ царемъ Лефортъ рѣшилъ оставить сына въ Женевѣ. Получивъ въ декабрѣ извѣстіе о побѣдѣ русскихъ войскъ подъ турецкою крѣпостью Казыкирменомъ, Петръ приказалъ отпраздновать это событіе роскошнымъ пиромъ и почтилъ его своимъ присутствіемъ.

6 января 1698 г., наканунѣ отъѣзда въ Англію, Петръ обѣдалъ у Лефорта и нѣсколько разъ обнялъ его въ продолженіе обѣда. 7 января, когда коляска стояла уже у подъѣзда, Петръ прощался съ Лефортомъ въ присутствіи бургомистра Витсена: «Въ жизнь мою»—писалъ Витсенъ—«не видалъ я ничего болѣе трогательнаго, какъ прощаніе его величества съ господиномъ генераломъ: они обнялись такъ крѣпко, что оба заплакали». Прощаясь, Петръ сказалъ, что если ему понравится въ Англіи и онъ пробудетъ тамъ долго, то вызоветъ туда Лефорта.

Вслѣдствіе усиленныхъ приглашеній Лефорта, желавшаго повидаться со всѣми членами своей семьи, 22 января 1696 г. пріѣхалъ въ Амстердамъ братъ его Яковъ съ двумя племянниками. Они были сильно удивлены роскошной обстановкой Франца Яковлевича. Описывая ужинъ, Яковъ Лефортъ сообщаетъ, между прочимъ, старшему брату слѣдующее: «На двухъ буфетахъ стояла серебряная посуда, цѣнностію, по крайней мѣрѣ, въ 60.000 ливровъ. Во время ужина играла музыка, а когда были питы тосты, играли трубачи въ ливреѣ». Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ по поводу обыкновеннаго обѣда: «Все подается на серебрѣ. Постоянно готовы пятнадцать кувертовъ, а обѣдаютъ у генерала ежедневно отъ девяти до двѣнадцати человѣкъ. У него три французскіе повара». На другой день пріѣзда въ Амстердамъ женевскіе Лефорты представлялись Головину и Возницыну и были приняты съ большимъ почетомъ. Они желали представиться Петру и, опасаясь, что онъ долго не возвратится изъ Англіи, отправились туда въ сопровожденіи секретаря посольства, Петра Лефорта. 22 марта они прибыли въ Лондонъ съ рекомендательнымъ письмомъ Франца Яковлевича къ царю. Петръ принялъ ихъ милостиво. Завидѣвъ издали Якова Лефорта, онъ вышелъ къ нему навстрѣчу, обнялъ его и нѣсколько разъ поцѣловалъ. На другой день молодые Лефорты представлялись царю, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ съ нѣсколькими приглашенными англичанами. Онъ всталъ изъ-за стола, привѣтствовалъ ихъ, допустилъ къ рукѣ и приказалъ подать для нихъ приборы. Послѣ обѣда онъ прокатился съ ними на своей яхтѣ по Темзѣ и велѣлъ палить изъ пушекъ.

Согласно распоряженію Петра, Лефортъ отправилъ въ первыхъ числахъ апрѣля въ Вѣну большую часть свиты, парадные экипажи и лошадей и извѣстилъ вѣнскій дворъ о предстоявшемъ прибытіи русскаго посольства. 13 мая уѣхали изъ Амстердама въ Архангельскъ на четырехъ корабляхъ принятые на русскую службу голландцы; Лефортъ согласился брать преимущественно такихъ, которые могли быть полезны въ морскомъ дѣлѣ. Русское по-

сольство пріѣхало въ Вѣну 16-го іюня, а 19-го произошло свиданіе нѣмецкаго императора Леопольда съ русскимъ царемъ, при чемъ Лефортъ служилъ переводчикомъ. Вслѣдъ затѣмъ веденіе политическихъ переговоровъ по поводу *восточнаго вопроса* было поручено канцлеру Богеміи гр. Кинскому и генералу Лефорту. По прибытіи въ Вѣну Лефортъ писалъ матери и старшему брату, что сильно опечаленъ невозможностью пріѣхать въ Женеву, и просилъ прислать своего сына Анри въ Вѣну для свиданія съ нимъ. 29-го іюня, въ день именинъ Петра, Лефортъ пригласилъ на празднество въ его честь болѣе тысячи человѣкъ; Леопольдъ, въ свою очередь, устроилъ потомъ большой маскарадъ. 18 іюля состоялась аудіенція посольства; а 19-го вмѣсто предположенной поѣздки въ Венецію Петръ уѣхалъ въ Москву, такъ какъ получилъ отъ кн. Ромодановскаго извѣстіе о возмущеніи стрѣльцовъ. Его сопровождали: Лефортъ, Головинъ, секретарь посольства и Меншиковъ. Возницынъ былъ оставленъ въ Вѣнѣ, чтобы присутствовать на мирномъ конгрессѣ. Анри Лефортъ, отправленный изъ Женевы вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Луи, не успѣлъ пріѣхать въ Вѣну для свиданія съ отцемъ. Они получили въ Регенсбургѣ извѣстіе объ отъѣздѣ царя и Франца Яковлевича и немедленно возвратились въ Женеву. Въ Москву царь и его спутники прибыли 25 августа. На долю Лефорта выпало одновременно много разнообразныхъ дѣлъ: на его обязанности лежало участвовать въ судѣ надъ стрѣльцами, вести дипломатическую переписку, руководить переговорами о мирѣ, заботиться объ отправкѣ на воронежскія верфи флотскихъ принадлежностей и объ организаціи морского экипажа. Въ концѣ октября, когда Петръ уѣхалъ въ Воронежъ слѣдить за постройкой судовъ, Лефортъ остался въ Москвѣ. Какъ представитель царя, онъ долженъ былъ давать обѣды и устраивать празднества, потому что въ Москвѣ находилось въ это время нѣсколько посланниковъ, а посолъ нѣмецкаго императора старался затмить всѣхъ остальныхъ блескомъ и пышностью своихъ пировъ.

Петръ вернулся изъ Воронежа въ Москву 20 декабря. Судъ и казнь надъ стрѣльцами были закончены. Благополучное возвращеніе царя изъ-за границы и подавленіе стрѣлецкаго бунта было рѣшено отпраздновать въ великолѣпномъ дворцѣ Лефорта, построенномъ во время его отсутствія и подаренномъ ему царемъ. Постройка этого дворца обошлась до 80.000 талеровъ; другого подобнаго зданія не существовало въ Россіи. Главная часть дворца съ залами и жилыми комнатами была обращена въ садъ. Съ улицы въѣздъ велъ черезъ широкія ворота на обширный дворъ, окруженный флигелями. Внутреннее убранство комнатъ отличалось роскошью; напр., одна зала была оклеена кожею, тисненою золотомъ, другая обита желтой камкой, въ третьей помѣщены рѣдкія китайскія издѣлія, четвертая увѣшана картинами съ морскими изображеніями и убрана моделями галеръ и кораблей.

Съ новаго 1699-го года здоровье Лефорта, утомленнаго непрерывными трудами, ухудшилось: вновь открылись раны, мучившія его послѣ паденія и ушиба въ степи, при возвращеніи изъ Азовскаго похода. 12-го февраля отпраздновали новоселье въ дворцѣ Лефорта; присутствовали царь, бояре, иностранные посланники и служилые иноземцы, всего около трехсотъ человѣкъ. Два послѣдніе дня масляницы, 17 и 18 февраля, Петръ вмѣстѣ съ сестрою своею Натальей Алексѣевной и сыномъ Алексѣемъ Петровичемъ провелъ у Лефорта; 19-го онъ уѣхалъ въ Воронежъ, 23 Лефортъ заболѣлъ горячкою.

При больномъ безотлучно находились его племянникъ Петръ Лефортъ и пасторъ; онъ все время былъ въ сильномъ бреду, но за часъ до смерти пришелъ въ себя и потребовалъ, чтобы читали молитву, 2-го марта, въ два часа утра, онъ скончался. Тотчасъ былъ посланъ гонецъ къ Петру. Получивъ горестное извѣстіе о кончинѣ своего друга, онъ такъ поспѣшилъ, что 8 марта пріѣхалъ уже въ Москву. Войдя въ комнату покойнаго и взглянувъ на него, Петръ воскликнулъ: «На кого могу я теперь положиться? Онъ одинъ былъ вѣренъ мнѣ»!... 11-го марта, передъ выносомъ тѣла въ реформатскую церковь, царь велѣлъ открыть гробъ и долго цѣловалъ покойнаго, громко рыдая. Въ погребальной процессіи онъ шелъ, одѣтый въ глубокій трауръ, во главѣ первой роты Преображенскаго полка, за которымъ слѣдовали Семеновскій и Лефортовъ полки, съ печальной музыкой. За полками ѣхалъ рыцарь съ обнаженнымъ мечемъ, остріемъ внизъ, потомъ вели двухъ коней, богато

убранныхъ и одного коня подъ черною попоною. Гробъ несли 28 полковниковъ; передъ гробомъ шли офицеры, державшіе на бархатныхъ подушкахъ золотыя шпоры, пистолеты, шпагу, трость и шлемъ. Непосредственно за гробомъ шелъ племянникъ покойнаго, Петръ Лефортъ, окруженный иностранными посланниками, боярами и сановниками; всѣ они, а также рыцарь и офицеры были въ полномъ траурѣ. Позади шла вдова Елизавета Францовна, въ сопровожденіи двадцати четырехъ знатныхъ дамъ.

Когда гробъ внесли въ реформатскую церковь, пасторъ Стумпфіусъ сказалъ надгробное слово. Кромѣ него, присутствовали въ церкви два реформатскихъ и два лютеранскихъ пастора. По произнесеніи надгробнаго слова, гробъ былъ отнесенъ на нѣмецкое кладбище и поставленъ въ склепъ, при пальбѣ изъ сорока полевыхъ орудій, батальномъ огнѣ всѣхъ присутствовавшихъ войскъ и подъ звуки печальной музыки. Пасторъ Стумпфіусъ еще произнесъ краткую рѣчь, по окончаніи которой послѣдовали два залпа. Затѣмъ знатнѣйшіе участники погребальной процессіи отправились въ домъ покойнаго, гдѣ, по русскому обычаю, былъ приготовленъ поминальный обѣдъ. Петръ не присутствовалъ на поминкахъ.

По приказанію царя была составлена опись всего имущества, найденнаго въ домѣ Лефорта. Нѣкоторыя вещи были даны царевичу Алексѣю Петровичу, Меншикову и вдовѣ Лефорта; Петръ Лефортъ получилъ столовые часы; всѣ остальныя вещи были спрятаны и запечатаны царскою печатью. Издержки на похороны и уплату долговъ, всего около 6000 рублей, Петръ принялъ на свой счетъ. Вдовѣ Лефорта онъ назначилъ ежегодную пенсію въ тысячу слишкомъ рублей; деревни, пожалованныя Лефорту послѣ взятія Азова, постановлено было предоставить ей до совершеннолѣтія сына, или до того времени, когда онъ самъ будетъ въ состояніи управлять ими. Петръ Лефортъ былъ вызванъ царемъ въ Воронежъ, куда онъ отправился для снаряженія флота. Въ память дяди его, Франца Яковлевича Лефорта, кн. Б. А. Голицынъ и бояринъ Ѳ. А. Головинъ приняли живое участіе въ судьбѣ Петра Лефорта. Въ 1700 г. онъ попалъ въ шведскій плѣнъ въ сраженіи подъ Нарвой, гдѣ командовалъ полкомъ Лефорта.

Вскорѣ послѣ нарвскаго погрома Петръ написалъ женевскому сенату объ отправкѣ сына Франца Яковлевича, Андрея Лефорта въ Россію. Юноша пріѣхалъ въ Москву въ концѣ 1701 г. и былъ милостиво принятъ царемъ; бояре отнеслись къ нему очень дружелюбно, звали его къ себѣ или пріѣзжали къ нему. Царь поселилъ Андрея въ новомъ дворцѣ Франца Яковлевича, ввелъ его во владѣніе деревнями, а лѣтомъ 1702 г. назначилъ поручикомъ бомбардирской роты. Желая имѣть его при себѣ на службѣ, Петръ приказалъ, чтобы Андрей Лефортъ сопровождалъ его во всѣхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ. Вслѣдствіе этого Андрей ѣздилъ съ нимъ въ Архангельскъ, затѣмъ присутствовалъ при взятіи крѣпости Нотебурга; по возвращеніи въ Москву былъ вызванъ въ Воронежъ, откуда вмѣстѣ съ царемъ отправился въ Ингерманландію на Балтійское взморье, для участія въ осадѣ шведской крѣпости Ніеншанца. Въ Нотебургѣ Андрей Лефортъ заболѣлъ горячкой и умеръ тамъ 28 апрѣля 1703 г. незадолго до основанія на устьѣ Невы, вблизи Ніеншанца новой русской столицы «С-тъ Питербурха». По свидѣтельству современниковъ, Андрей Лефортъ подавалъ большія надежды и былъ здоровымъ и цвѣтущимъ юношей, когда пріѣхалъ въ Россію. Воспитанный въ умѣренномъ климатѣ, онъ не вынесъ новой, непривычной для него обстановки, хотя Петръ заботился о немъ во время переѣздовъ. Смерть его огорчила царя; сердечно жалѣли его всѣ родные и знакомые. Вдова Франца Яковлевича жила въ своемъ прежнемъ небольшомъ домѣ совершенной отшельницей, выходя только въ католическую церковь. Несмотря на свою скупость, она дѣлала большіе вклады въ церковь; набожность ея перешла въ ханжество. Она умерла въ 1726 г. въ глубокой старости.

Остается сказать о томъ впечатлѣніи, какое произвела смерть Лефорта въ Амстердамѣ: бургомистръ Витсенъ и негоціантъ Туртонъ писали въ Женеву его роднымъ не только съ участіемъ, но и съ глубокой скорбью; многочисленные знакомые съ грустью приняли извѣстіе о его преждевременной кончинѣ. Витсенъ сообщилъ Дюбрелю, издателю мѣстной газеты, извѣщеніе о смерти Лефорта, которое и было напечатано 23 апрѣля; кромѣ того, о смерти и погребеніи Лефорта было напечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ. Род-

ные Лефорта были поражены неожиданной смертью его; женевскій сенатъ послалъ Петру письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія и съ ходатайствомъ о принятіи подъ особенное покровительство Анри Лефорта.

Петръ намѣревался соорудить памятникъ Лефорту. По словамъ Нартова, въ Римъ были посланы рисунки, по которымъ лучшіе итальянскіе ваятели должны были изготовить надгробные памятники: генералу и адмиралу Лефорту и генералъ-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву; кромѣ того, боярину и воеводѣ Шеину и генералу Патрику Гордону. «Люди эти»—сказалъ Петръ—«своею правдивостію и заслугами—вѣчные памятники для Россіи. Я хочу соединить моихъ героевъ послѣ ихъ смерти въ одномъ мѣстѣ подъ сѣнію святого великаго князя Александра Невскаго». Не только не былъ поставленъ памятникъ Лефорту, какъ намѣревался Петръ, но въ данное время нельзя безошибочно сказать, гдѣ онъ былъ погребенъ и куда дѣлась надгробная плита.

D-r Moritz Posselt, «Der General und Admiral Franz Le Fort. Sein Leben und seine Zeit». Bd. 1 u. 2. St.-Petersburg. 1865 u. 1866.—«Генералъ и адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Его жизнь и его время» («Военный Сборникъ» 1870 г., №№ 7—12; 1871 г., №№ 1—3. Сокращеніе изъ книги Поссельта). — *Поссельтъ*, «Адмиралъ русскаго флота Ф. Я. Лефортъ и начало русскаго флота» («Морской Сборникъ» 1893 г., № 3 и отдѣльно).—*Извѣстія о смерти и погребеніи Лефорта въ газетахъ 1699 г.*: «Nouvelles de divers endroits», № 37; «Gazette de France», № 19; «Gazette de Hollande», 23 апрѣля; «Les états de Hollande et de West-Frile», 30 апрѣля.—*Bouvet*, «The present condition of the Moscovite Empire», 1699.—*Gordon, Alexander*, «The history of Peter the Great, emperor of Russia. Aberdeen» 1755. 2 vol. Нѣмецкій переводъ изд. въ Лейпцигѣ 1765 г. — *M. de Basseville*, «Précis historique sur la vie et exploits de François Le Fort, citoyen de Genève, Général et Grand Amiral de Russie, Vice-Roi de Nowgorod et principal Ministre de Pierre le Grand, Empereur de Moskowie». Genève. 1784.—*Неизвѣстнаго*, «Житіе Фр. Як. Лефорта». 1799 г.—*Голиковъ*, «Историческое изображеніе жизни Лефорта и Гордона». М. 1800.—*Helbig*, «Russische Günstlinge». 1 изд. 1809 г., 2 изд. 1883 г. (рус. перев. въ «Рус. Стар.» 1886 г., № 4).—*Бантышъ-Каменскій*, «Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ». 1 изд. Москва, 1812 г., 2 изд. Москва, 1821 г. — *Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго». 1 изд. М. 1788—1797 г.; 2 изд. М. 1837—1843 г.г., т.т. I, III, VIII—X, XIII—XV.—*Полевой*, «Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго». Спб. 1846 г. — *Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли». Спб. 1847 г., ч. 2.— *Herrmann*, «Geschichte des russischen Staates. Hamburg». 1849, 4 Band.—*Устряловъ*, «Исторія царствованія Петра Великаго». Спб. 1858 г., II, IV, ч. 1.—*Соловьевъ*, «Птенцы Петра В.» («Рус. Вѣстн.» 1861 г., VII). — *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIV.—*C. L. Blum*, «Franz Lefort, Peter's des Grossen berühmter Günstling». Heidelberg. 1867.—*Vuillemin*, «Pierre le Grand et l'amiral Lefort». Lausanne. 1867. — *Ad. de Circourt*, «Un ami de Pierre le Grand le général Le Fort» («Revue de Paris». 1868. 15 janvier).—*Его же*, «Le général Le Fort, son temps et sa vie». St. Germain. 1868 (сокращ. пересказъ книги Поссельта). — По поводу открытія гробницы Лефорта («Калужскія Губ. Вѣдомости». 1870 г., № 38)—*Карповичъ, Е. П.*, «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи». Спб. 1874 г.—*Александровъ*, «Лефортовскій дворецъ» («Рус. Арх.» 1875 г., Ш).—*Корсаковъ, А. Н.*, «Лефортовскій дворецъ» («Рус. Арх.» 1882 г., I).—*Брикнеръ*, «Исторія Петра Великаго». Спб. 1882 г., ч. I и II.—«Письма и бумаги императора Петра Великаго». Спб. 1887 г., т. I. (1688—1701 г.г.).—*Brückner*, «Die Europäisirung Russlands». Gotha. 1888.—«Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина». Спб. 1890 г., кн. I. — Разсказы *Нартова* о Петрѣ Великомъ. Изд. Л. Н. Майкова. Спб. 1891 г.

В. Корсакова.

Лехнеръ, *Андрей Андреевичъ*, инженеръ, генер.-лейт., родился въ 1785 г. Выпущенный въ офицеры еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ первой французской имперіи, въ войнѣ со шведами и участвовалъ въ крымской кампаніи. Особенную храбрость онъ проявилъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ и въ битвѣ подъ Лейпцигомъ; здѣсь А. А., узнавъ, что его корпусъ не будетъ принимать участія въ сраженіи, выпросилъ себѣ позволеніе сражаться волонтеромъ и съ небольшимъ отрядомъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, взялъ главныя ворота города. За такое самоотверженное проявленіе храбрости Лехнеръ былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Георгія. Въ кампанію 1828 г. онъ устроилъ переправу войскъ черезъ р. Дунай и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ 2-й дѣйствующей арміи. Въ этой кампаніи онъ принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ Силистріи и былъ командиромъ крѣпостей на Дунаѣ и Черномъ морѣ, а въ крымскую кампанію былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Измаила. Затѣмъ Лехнеръ долгое время былъ совѣтникомъ посольства въ Стокгольмѣ. Незадолго до своей смерти онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своей служ-

бы и въ этотъ день получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ и орденъ Андрея Первозваннаго. Умеръ онъ въ 1869 г. въ Лозаннѣ (Швейцарія), гдѣ проводилъ послѣдніе годы своей жизни.

Словарь Березина.—«Иллюстр. Газ.» 1869, № 20.—«Рус. Инвалидъ» 1869, № 57.—*Вигель*, «Записки» М. 1892, ч. 7, стр. 186.—«Рус. Архивъ» 1877, кн. II, стр. 19, 20; 1897, кн. II, стр. 13.—«Рус. Стар.» 1881 г., т. 30, стр. 107, 112, 118; 1890, т. 65, стр. 557, 564.

А. Е—ій.

Лецано, *Борисъ Борисовичъ*, генер.-отъ-инфантеріи, членъ государственной военной коллегіи; на службу въ гвардію записанъ въ 1755 г., въ 1785 г. онъ былъ произведенъ въ полковники карабинернаго полка, а въ 1791 г. въ бригадиры. По открытіи второй турецкой войны Лецано принялъ въ ней дѣятельное участіе и находился при разбитіи непріятеля при Ганчурѣ, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, и лично руководилъ взятіемъ Браиловской крѣпости, за что также былъ пожалованъ Военнымъ орденомъ 3-го класса. При Павлѣ I Лецано былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и награжденъ орденами Св. Анны и командорскимъ крестомъ Св. Іоанна. Въ послѣдніе годы своей жизни Лецано управлялъ нѣсколько лѣтъ Сибирскими губерніями. Скончался 3 іюля 1827 г.

Архивъ Импер. Рус. Историч. Общества.

Лечицкій, *Юліанъ Ивановичъ*, военный врачъ, н. сов., род. 1 февраля 1814 г., воспитывался въ Виленской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія поступилъ въ 1839 г. въ Динабургскій военный госпиталь, гдѣ съ перерывами былъ въ 1846 и 1848 гг.; въ промежуткахъ же онъ послѣдовательно состоялъ врачемъ: въ конно-артиллерійскихъ № 17 и 18 батареяхъ Оренбургскаго казачьяго войска (1841 г.) и въ Оренбургскомъ и Могилевскомъ военныхъ госпиталяхъ (1845 г.). Получивъ званіе штабъ-лѣкаря при Казанскомъ университетѣ, онъ былъ назначенъ въ Нижегородскій запасный пѣхотный полкъ (1848 г.) и въ томъ же году перевелся въ Виленскій военный госпиталь. Наконецъ 1857 г. онъ состоялъ младшимъ ординаторомъ на Кавказѣ, въ Грозненскомъ военномъ госпиталѣ, а въ 1862 г. въ Акмолинскомъ госпиталѣ. Уволился Лечицкій въ 1863 г., умеръ же 30 января 1869 г. Ему принадлежитъ докторская диссертація «Излѣченіе сложнаго перелома верхнихъ конечностей безъ операціи» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1861 г., ч. 81.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 176.

Лешенколь, *Христіанъ*, оберъ-бергмейстеръ, писатель, членъ Бергъ-коллегіи 7-го класса. Въ 1771 г. онъ помѣстилъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Об-ва» статью подъ заглавіемъ: «Описаніе махинъ, помощію которыхъ можно скорѣе ленъ и пеньку прясть и чесать». Изобрѣтателемъ этой машины былъ Р. Глинковъ, Лешенколю же «Экономическое Об-во» поручило, «соображая части той махины, пропорцію и чертежъ сдѣлать, дабы практику производить возможно было». Въ 1774 году въ это же Общество Лешенколь представилъ новое свое сочиненіе: «О битіи свай толстымъ концомъ въ землю у рѣчныхъ береговъ». Этотъ предложенный новый способъ обладаетъ несомнѣннымъ практическимъ преимуществомъ даже и въ настоящее время. Съ этого же года онъ состоялъ очереднымъ членомъ «Вольнаго Экономическаго Об-ва» и занималъ должность оберъ-гишенферваьтера. Умеръ Лешенколь около 1783 года.

«Труды Вольно-Экономич. Об-ва» 1771 г., ч. XVIII, стр. 235; 1774 г., ч. XXVII, стр. 1; 1775, ч. 30, стр. 2. *Е.*

Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, *Иванъ Карловичъ*, ген.-маіоръ, родился въ 1795 г.; поступивъ въ 1813 г. юнкеромъ въ запасную артиллерійскую бригаду, онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ порт.-юнкеры, а за отличіе въ сраженіи противъ французовъ—въ прапорщики, съ переводомъ въ 4-ую конную роту. Въ чинѣ подпоручика онъ въ 1816 г. перевелся въ Кавалергардскій полкъ и тогда-же былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ и произведенъ въ поручики. Въ 1817 г. цесаревичъ предписалъ Лешерна, «какъ болѣе способнаго къ фронтовой службѣ, переименовать во фронтовые офицеры». Произведенный въ 1818 г. въ штабъ-ротмистры, въ 1820 г.—въ ротмистры, съ переводомъ въ Каргопольскій драгунскій полкъ подполковникомъ, онъ принялъ участіе съ этимъ полкомъ въ Турецкую кампанію 1828 г. и находился въ дѣлахъ подъ кр. Турно» и селомъ Боелештахъ и при заня-

тіи Калифата. За отличіе въ сраженіи противъ турокъ Лешернъ былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Въ кампанію 1831 г. онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Порецкѣ, Боремлѣ, Боршесорѣ, Люлинской корчмѣ, Будзико и при Ожаровѣ и Опатовѣ. Въ 1834 г. онъ былъ переведенъ въ Харьковскій уланскій полкъ, а въ 1836 г. уволился по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы съ чиномъ генералъ-маіора, оставаясь до конца своей жизни предсѣдателемъ Орловской казенной палаты.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1801-1826 г.г.», стр. 292.

Лешковъ, *Василій Николаевичъ*, заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ законовъ государственнаго благоустройства и благочинія, соревнователь (membre associé) Королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, предсѣдатель Московскаго юридическаго общества и членъ Кіевскаго, дѣйствительный членъ Московскаго общества русской исторіи и древностей, деканъ юридическаго факультета, род. 2 авг. 1810 г. въ селѣ Медвѣдовѣ, Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, ум. 21 янв. 1881 г. въ Москвѣ. Въ Медвѣдовѣ, въ домѣ отца, Лешковъ учился грамотѣ, письму, священной исторіи и первымъ правиламъ ариѳметики, а въ 1820 г. поступилъ въ Черниговское духовное уѣздное училище. За хорошій голосъ онъ былъ принятъ въ архіерейскій пѣвческій хоръ и сопровождалъ архіерея въ его поѣздкѣ въ Петербургъ. Въ 1825 г. Лешковъ былъ переведенъ въ семинарію, въ 1829 г. окончилъ курсъ философіи и тогда же перешелъ въ Главный Педагогическій Институтъ, гдѣ учился подъ руководствомъ лучшихъ педагоговъ, гг. Талызина, Тимаева, Буссе, Ободовскаго и друг. Окончивъ гимназическій курсъ, онъ сталъ изучать философско-юридическія науки, между прочимъ: богословіе у проф. Бажанова, философію и исторію системъ у проф. Фишера, римское право и его исторію у проф. Штекгардта, русское право съ его исторіей у бар. Врангеля, русскую исторію у проф. Устрялова, римскую словесность у проф. Гримма. Кромѣ того, Лешковъ посѣщалъ лекціи Лоренца по всеобщей исторіи. Въ концѣ 1835 г. Лешковъ выдержалъ экзаменъ и получилъ серебряную медаль съ девизомъ «достойнѣйшимъ изъ будущихъ образователей юношества». Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Берлинъ, гдѣ 2 года слушалъ лекціи Савиньи объ институціяхъ, древностяхъ римскаго города и объ пандектахъ; у Кленце о правѣ естественномъ и объ исторіи римскаго права; у Геффтера объ уголовномъ правѣ, у Ганса объ общенародномъ правѣ; у Раумера—лекціи всеобщей исторіи и мн. др., между прочимъ, по исторіи лекціи Ранке. Затѣмъ Лешковъ предпринялъ путешествіе въ университеты Лейпцигскій, Пражскій и Вѣнскій, а въ 1838 г. вернулся въ Петербургъ. Прочитавъ въ Академіи лекцію «О семейномъ правѣ римлянъ, германцевъ и славянъ», онъ 26 янв. 1839 г. былъ опредѣленъ адъюнктомъ юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ и сталъ читать лекціи народнаго права. 22 мая 1841 г. Лешковъ защитилъ диссертацію на тему: «О морскомъ торговомъ неутралитетѣ», которая потомъ появилась отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: «Историческое изслѣдованіе началъ неутралитета относительно морской торговли» (Москва 1841 г.) и получилъ степень доктора правъ. Послѣ этого Лешковъ читалъ студентамъ юристамъ, а затѣмъ математикамъ и филологамъ законы о состояніяхъ, губернскія и государственныя учрежденія, а также экзаменовалъ поступающихъ на юридическій факультетъ по латинскому языку и исторіи всеобщей и русской. 10 мая 1839 г. онъ былъ назначенъ на должность секретаря факультета, и 24 декабря 1840 г. сдѣлался секретаремъ Московскаго цензурнаго комитета, оставаясь имъ до 16 янв. 1842 г., когда, согласно его прошенію, былъ уволенъ отъ этой должности. 10 января 1842 г. Лешковъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и съ 7 апрѣля 1843 г. сталъ читать государственное благосостояніе, не оставляя временно, до замѣщенія каѳедры, и чтеній по народному праву. Въ 1843 г. онъ читалъ также временно юридическую энциклопедію. 31 марта 1847 г. Лешковъ былъ назначенъ цензоромъ Московскаго цензурнаго комитета, изъ котораго вышелъ 17 ноября 1850 г. Читая свой оригинальный курсъ о законахъ благосостоянія и благочинія, подходящій отчасти къ теперешнему курсу государственнаго, а еще болѣе полицейскаго права и называемый самимъ Лешковымъ курсомъ общественнаго права, Лешковъ не ограничился одними университетски-

ми занятіями. Въ 1865 г. онъ сдѣлался предсѣдателемъ Московскаго юридическаго общества и получилъ возможность развивать свои юридическіе взгляды передъ образованной публикой и распространять юридическое образованіе въ Россіи помимо университета. Онъ поставилъ съ этою цѣлью юридическое общество въ тѣсную связь съ университетомъ; оставаясь, съ небольшими перерывами, предсѣдателемъ общества до 1880 г., Лешковъ руководилъ засѣданіями его въ разрѣшеніи всѣхъ крупныхъ и мелкихъ вопросовъ; «онъ обладалъ даромъ руководить преніями, сводя въ немногія юридическія формулы разнообразныя воззрѣнія, и резюмировать заключенія». Въ засѣданіяхъ Лешковъ читалъ свои статьи по различнымъ юридическимъ вопросамъ; такъ, 17 января 1874 г. онъ прочелъ соч. «Наша средняя исторія общественнаго права», 26 февраля 1876 г.— «Русская промышленность по указамъ Петра Великаго»(«Юридическій Вѣстникъ». 1876 г., № 1—2, стр. 5—35) и мн. др. По мысли его былъ созванъ первый съѣздъ русскихъ юристовъ. При открытіи съѣзда 5 іюня 1875 г. онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказывалъ общій взглядъ на значеніе и компетенцію съѣзда и желательность созванія подобныхъ съѣздовъ и на будущее время. Кромѣ того, Лешковъ былъ дѣятельнымъ гласнымъ Московскаго губернскаго земства, редакторомъ «Юридической Газеты» (1866 — 67 г.г.) и «Юридическаго Вѣстника» (1871 — 1880 г.г.). Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1847 г. на тему: «О древней русской дипломатіи», онъ является уже представителемъ гуманной науки. Самое большое сочиненіе Лешковъ—«Русскій народъ и государство» (1858 г.)— отражаетъ его взгляды сильнѣе. Въ этомъ сочиненіи наиболѣе разработанъ періодъ господства «Русской Правды» и нѣсколько идеализированъ до-Петровскій періодъ. Община, самоуправленіе и самодѣятельность, по мнѣнію Лешкова, суть народныя русскія черты, проходящія всю его исторію; въ противоположность Петровскому періоду, когда правительство, регламентація и государственность заглушили свободное развитіе общественнаго и экономическаго быта русскаго народа, это развитіе въ до-Петровскій періодъ шло свободно. Сочиненіе, написанное очень убѣдительно, по мнѣнію критика Лешкова, должно было сдѣлаться «настольной книгой русскихъ ученыхъ». Та же мысль проводится въ статьѣ его «Имущественныя и личныя права по указамъ Петра Великаго» («Русскій Вѣстникъ» 1859 г.), въ которой Лешковъ является послѣдователемъ общиннаго землевладѣнія. Еще характернѣе его трудъ «Черты управленія по указамъ XVIII вѣка. 1725—1762 г.» («Русскій Вѣстникъ» 1863 г.),«Община и земство, говоритъ Лешковъ, потеряли всякое государственное значеніе, вся дѣятельность переходила къ правительству, которое, на всемъ просторѣ, создавало и разрушало все по своему усмотрѣнію». Въ статьѣ «Что такое общество и что такое земство»? Лешковъ, перебравъ всѣ различныя общественныя ученія, приходитъ, между прочимъ, къ тому заключенію, «что въ основѣ Русскаго государства на слѣдующія тысячелѣтія должна лежать не сословность съ ея исключительностью, а земщина съ ея общностью». Изъ спеціальныхъ сочиненій Лешкова замѣчательно: «Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и крѣпостное право въ ихъ происхожденіи и значеніи» и въ числѣ прочихъ рецензій, критика на сочиненіе профессора Сергѣевича «Вѣче и князь». Соглашаясь со взглядами автора, Лешковъ пророчитъ талантливому ученому будущность доктора правъ и дѣльнаго профессора по каѳедрѣ русскаго государственнаго права. Въ то время, когда только готовились реформы Александра II, Лешковъ былъ проповѣдникомъ правъ народа. Какъ гуманный профессоръ, Лешковъ, исполненный лучшихъ надеждъ на будущее, которыя поддерживали въ немъ вѣра и наука, старался вдохнуть лучшія вѣрованія и въ своихъ слушателей. «Идеями управляется человѣчество, говорилъ Лешковъ студентамъ, которое хранитъ ихъ въ глубинѣ своей природы и образуетъ изъ нихъ основу для вѣчнаго сочувствія каждаго настоящаго поколѣнія ко всѣмъ поколѣніямъ, отжившимъ и будущимъ» и т. д. Кромѣ выше помянутыхъ трудовъ, извѣстны слѣдующія статьи Лешкова: «Нѣсколько словъ о нѣмецкомъ таможенномъ или пошлинномъ союзѣ («Москвит.» 1841 г., кн. 4); «Разборъ разсужденія В. Соловьева: о значеніи законовъ» (кн. 5); «О книгѣ С. Баршева: Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (кн. 12); «О литературной собственности, разсматриваемой съ точки зрѣнія народнаго права» («Юридич. Записки»,

изд. П. Рѣдкинымъ, М. 1841 г., т. I); «Взглядъ на состояніе права иностранцевъ по началамъ европейскаго народнаго права вообще и въ особенности по законамъ отечественнымъ» (тамъ же, М. 1842 г., т. II); «Общій взглядъ на происшествія 1842 года» («Москвит.» 1843 г., кн. 1); «О правѣ осмотра» (кн. 3); «Разборъ рѣчи проф. Платонова: О камеральномъ образованіи» («Москвит.» 1845 г., кн. 11); «Общинный бытъ древней Россіи» («Жур. М. Н. Пр.» 1849 г., т. XCI); «Разборъ диссертаціи Пахмана: О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву» (кн. 13); «О книгѣ П. Бибикова: Очеркъ международнаго права въ Греціи (кн. 10); «Объ изслѣдованіи М. Капустина: Дипломатическія сношенія съ Западной Европой» (кн. 11); «Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о ремесленной и заводской промышленности» (кн. 12); «О книгѣ: Протокулъ Стародубскаго магистрата до записыванія справъ на рокъ 1690» («Москв., 1853 г., кн. I); «Что и какъ дѣлалось въ древней Россіи на пользу народнаго здравія» (кн. 6); «О книгѣ г. Заблоцкаго: О цѣнностяхъ въ древней Руси» (кн. 13); «О Русской Правдѣ въ отношеніи къ благоустройству» (кн. 20); «Объ изданіи: Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными» («Москв. 1854 г., кн. 24); «Біографіи К. Т. Лангера и М. Я. Малова» («Словарь проф. Московскаго у-та» М. 1855 г., т. т. I, II); «Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи» М. 1855 г.; «О русскомъ воззрѣніи» («Москв.» 1856 г., кн. 1, 2); «По поводу статьи г. Вернадскаго: Еще о внѣшней торговлѣ» (кн. 4); «О диспутѣ г. Вицына» (кн. 4); «Рецензія на изданіе: Памятная книга законовъ для чиновъ городской полиціи» («Русск. Вѣстн.» 1856 г., кн. 12); «Объ изданіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи» («Молва» 1857 г., №№ 15—17); «О временникѣ Импер. Общ. Истор. и Древн.» («Русская Бесѣда» 1858 г., кн. 9); «О раздѣленіи Россіи на губерніи по указамъ Петра Великаго и Екатерины Второй» («Рус. Вѣстн.» 1859 г., кн. 22); «Замѣтка на статью: О смертной казни самозванца Александра Семикова» («Москов. Вѣд.» 1860 г., № 59); «Два слова въ видѣ извѣщенія о проектѣ устава о военно-морскомъ судѣ» («Наше Время» 1861 г., № 13); «О мѣрахъ противъ воровства, грабежа и другихъ нарушеній личной и имущественной безопасности» («Зритель» 1862 г., №№ 1—4); «Земскія учрежденія» (№ 44); «Отчего наше общественное или народное благоустройство до сихъ поръ не было устроено» («Зритель» 1862 г., № 50—51; 1863 г., № 1—2); «Опытъ теоріи земства и его земскихъ учрежденій» («День» 1865 г., №№ 42—44); «Замѣтка по вопросу о полицейскомъ правѣ» («Москов. Унив. Извѣст.» 1868 г., кн. 2); «Два-три замѣчанія на книгу: Курсъ гражданскаго права К. Побѣдоносцева» (Юрид. Вѣстн.» 1868 г., кн. 3); «Замѣчанія на первую книгу Гражданскихъ Законовъ о семейномъ правѣ» («Юридич. Вѣстн.» 1869 г., кн. 12); «Объ основномъ источникѣ и общемъ строѣ права» (тамъ же, 1873 г., кн. 1); «Вопросъ о субъектѣ и объектѣ юридическаго права» (кн. 2); «Критика на полицейское право г. Андріевскаго» (кн. 5); «О народномъ просвѣщеніи по указамъ Петра Великаго» («Юрид. Вѣстн.» 1877 г., кн. 3); «Библіографическое извѣщеніе о разсужденіи доцента Ковалевскаго» (кн. 7); «Отзывъ о сочиненіи г. Гольцева касательно финансоваго права XVII в.» («Юрид. Вѣстн.» 1879 г., кн. 3); «Рецензія на сочиненіе: Русское земство и прибалтійское самоуправленіе» («Критич. Обозр.» 1879 г., № 15); «Разборъ книги г. Кесслера: Исторія и критика русскаго общиннаго самоуправленія» (№ 22); «Критическая статья о книгѣ: Внутренній бытъ русскаго государства отъ 1740 по 1741 годъ» («Юридич. Вѣстн.» 1881 г., кн. 3); «О томъ, что такое полиція» («Москвит.» 1843 г.); «О древней Московской полиціи» (тамъ же, 1851 г.); «Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ, или почтахъ» (тамъ же, 1852 г., январь); «Историч. очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о промышленности» (тамъ же, 1852 г.); «Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства» («Сборн. Моск. Ист. Общ.», кн. 18); «О древней русской медицинѣ» («Москвит.» 1853 г.); «О народномъ продовольствіи въ древней Россіи» (тамъ же, 1854 г.); «Русскіе экономическіе вопросы: синонимы или антитезы»? («День», 1862 г.); «Русскія основы права» (тамъ же, 1863 г., № 13); «О національности въ землѣ» (тамъ же, 1863 г., № 20), «Общество и воспитаніе, личность и на-

родное просвѣщеніе» (тамъ же, 1864 г., № 21).

«Біограф. словарь профес. Моск. унив.», ч. I, стр. 455—458.—«Юридическій Вѣстн.» 1881 г., февраль, стр. I—V; мартъ, стр. I—VIII.—«Журналъ Гражд. и Угол. права», 1881 г., т. I, стр. 130—132.—«Голосъ» 1881 г., № 23.—«Историч. Вѣстн.» 1881 г., т. 3, стр. 702.—«Русская Старина» 1882 г., кн. 9, стр. 665—668; 1886 г., кн. 8, стр. 388—389.—«Русскій Вѣстникъ» 1863 г., т. XLVI, стр. 168—190; 1859 г., № 22; 1861 г., № 12, стр. 393—415.—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1875 г., ч. 181, отд. IV, стр. 7—12.—«Древняя и Новая Россія» 1881 г., кн. 2, стр. 375.—«Гатцука» 1881 г., № 4.—«Странникъ» 1881 г., кн. 2.—«Современныя Извѣстія» 1881 г., № 32.—«Московск. Унив. Изв.» 1869 г., № 3, стр. 205—239.—«Русская Бесѣда» 1858 г., № IV, отд. III, стр. 35.—«Зритель» 1863 г., №№ 15—18.—«Московскія Вѣдомости», 1862 г., № 110.—«Юридич. Газета» 1866 г., №№ 3, 4.—«Наше Время» 1861 г., № 13.—«Юридич. Вѣстникъ» 1874 г., № 3, стр. 74—93.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей», вып. I, стр. 40—42.—Формуляръ о службѣ В. Н. Лешкова (хранится въ Архивѣ Имп. Рус. Истор. Общ.).

Б. Гласко.

Лешъ, *Александръ Александровичъ*, ординарный профессоръ военно-медицинской академіи, д. с. с., уроженецъ Петербурга, сынъ зажиточнаго петербургскаго аптекаря, воспитывался въ Анненскомъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ отдался изученію своего любимаго аптечнаго дѣла, которымъ занимался съ дѣтства подъ руководствомъ своего отца. Опредѣлившись ученикомъ въ вольную аптеку, онъ въ 1857 г. сдалъ экзаменъ при академіи на званіе аптекарскаго помощника, а затѣмъ на названіе провизора. Полученіемъ званія провизора онъ не ограничился и поѣхалъ въ Дерптъ для расширенія своихъ познаній въ области фармаціи и фармакологіи. Въ 1862 г. Лешъ получилъ степень магистра фармаціи и возвратился въ Петербургъ занять предложенное ему мѣсто управляющаго Пантелеймоновскою аптекою. Въ 1866 г. тогдашній профессоръ фармаціи въ медико-хирургической академіи Ю. П. Траппъ пригласилъ Леша къ себѣ ассистентомъ; по оставленіи проф. Траппомъ каѳедры Лешъ былъ выбранъ академической конференціею его преемникомъ. Несмотря на строгость, которую онъ предъявлялъ студентамъ на экзаменахъ, послѣдніе любили его. Лешъ около 20-ти лѣтъ состоялъ членомъ филантропическаго комитета Императ. человѣколюб. Общества. Скончался онъ 9 мая 1889 г.

«Новое Время» 1889 г., № 4741.

Лжедимитрій I-й. Личность и судьба человѣка, царствовавшаго на Руси съ 1605 по 1606 годъ и называвшагося царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, сыномъ Грознаго, останавливала на себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей. Главнымъ образомъ интересовали ученыхъ вопросы о происхожденіи Лжедимитрія, и въ случаѣ признанія его самозванцемъ—о степени сознательности этого самозванства. И, дѣйствительно, отъ того или иного рѣшенія указанныхъ вопросовъ во многомъ зависитъ наше отношеніе къ этому во всякомъ случаѣ незаурядному человѣку и выясняются нѣкоторыя черты, важныя для характеристики его личности. Поэтому и біографію его неминуемо приходится начинать съ посильныхъ отвѣтовъ на эти именно вопросы.

Прежде всего при такомъ взглядѣ на нашу задачу предстоитъ рѣшеніе вопроса, имѣетъ ли исторія въ данномъ случаѣ дѣло съ самозванцемъ, или съ настоящимъ царевичемъ, чудеснымъ образомъ спасеннымъ отъ угрожавшихъ ему козней и опасностей со стороны враговъ, воцарившимся на прародительскомъ престолѣ и столь ужасно кончившимъ свои дни. Не можемъ не остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ лица авторитетныя въ русской исторической наукѣ: профессоръ В. С. Иконниковъ и графъ С. Д. Шереметевъ вѣрятъ въ то, что въ 1605 году въ Москвѣ воцарился истинный сынъ царя Ивана Грознаго, и раздѣляютъ такимъ образомъ мнѣніе Маржерета и нѣкоторыхъ иныхъ современниковъ Смуты. Но, принимая подобный взглядъ, мы сразу наталкиваемся на рядъ непреодолимыхъ, по нашему мнѣнію, затрудненій. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни смотрѣть на Углицкое печальное событіе 15 мая 1591 года, т. е. видѣть ли въ смерти св. царевича Димитрія убійство или думать, что онъ сталъ жертвой своего болѣзненнаго припадка, во время котораго нечаянно «набрушился на ножъ» и погибъ, все-таки всѣ свѣдѣнія наши объ этомъ фактѣ не позволяютъ намъ признать въ «царѣ Димитріи Ивановичѣ» подлиннаго сына Ивана Грознаго.

Вѣдь въ Угличѣ несомнѣнно было много людей, знавшихъ царевича Димитрія

въ лицо. И между тѣмъ ни одинъ изъ многочисленныхъ свидѣтелей при допросѣ не заявилъ, что убитый мальчикъ—не царевичъ. При этомъ замѣтимъ, что въ «слѣдственномъ дѣлѣ», дошедшемъ до насъ, наряду съ утвержденіями о смерти царевича Димитрія отъ несчастнаго случая во время игры въ свайку встрѣчаются и указанія на толки объ убіеніи ребенка. Слѣдовательно, предположить, что царевичъ Димитрій былъ подмѣненъ незадолго до 15 мая 1591 года у насъ нѣтъ основаній. Если же допустить предположеніе, что Нагіе заблаговременно замѣнили царственнаго малютку другимъ мальчикомъ, котораго и воспитывали, какъ царевича, то вся фантастичность такого домысла станетъ ясна при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла. Во-первыхъ, это было крайне трудно сдѣлать при строгомъ надзорѣ московскаго правительства за Угличемъ. Во-вторыхъ, это могло бы грозить крупными осложненіями для самихъ Нагихъ, если бы замѣнившій царевича Димитрія мальчикъ благополучно бы выросъ. При томъ и поведеніе царицы Маріи Нагой и ея братьевъ въ маѣ 1591 года, столь понятное въ случаѣ смерти дѣйствительнаго царевича, становится совершенно необъяснимымъ при другихъ обстоятельствахъ.

Допустимъ, однако, что Углицкое дѣло не уничтожило вполнѣ нашей увѣренности въ возможности чудеснаго спасенія послѣдняго изъ сыновей Грознаго царя. Но гдѣ же доказательства того, что «царь Димитрій Ивановичъ» является именно этимъ, чудесно спасеннымъ царскимъ сыномъ? А между тѣмъ отъ силы этихъ доказательствъ зависитъ весьма многое. Этотъ фактъ прекрасно понималъ и самъ «царь Димитрій Ивановичъ». Когда онъ «открылъ» свое высокое званіе полякамъ, онъ не приминулъ разсказать и исторію своего «спасенія». Сущность этого разсказа, въ изложеніи котораго мы опускаемъ второстепенныя частности, такова. Борисъ Годуновъ, не боящійся «ни желѣза, ни крови», задумалъ завладѣть престоломъ, лишь только воцарился слабый Ѳодоръ Ивановичъ. Видя ничтожество этого государя и считая единственной серіозной помѣхой для достиженія своей честолюбивой цѣли существованіе царевича Димитрія, Годуновъ рѣшился на гнусное злодѣйство. Онъ при этомъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Прежде всего посредствомъ медленно дѣйствующаго яда были погублены всѣ вѣрные слуги царевича Димитрія. Ихъ замѣнили гнусные предатели, которые и должны были отравить своего господина. Но къ счастью для царевича его воспитатель, умный, наблюдательный и распорядительный человѣкъ, получилъ свѣдѣнія о готовящемся преступленіи и принялъ мѣры, чтобы помѣшать ему. Однако Борисъ не отказался отъ своего злого умысла. Онъ подослалъ наемныхъ убійцъ, которые должны были ночью проникнуть во дворецъ, напасть на соннаго царевича и прикончить съ нимъ въ его постели. Воспитатель Димитрія и здѣсь оказывается предусмотрительнымъ и находчивымъ человѣкомъ. Провѣдавъ о новомъ планѣ Годунова, онъ рѣшается спасти царевича посредствомъ слѣдующей хитрости. Пользуясь тѣмъ, что одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Димитрія былъ ровестникомъ ему воспитатель младшаго изъ сыновей Грознаго поступилъ такъ. Царевичъ былъ положенъ не въ обычномъ мѣстѣ, на кровать же Димитрія положили упомянутаго сверстника его. Такая предусмотрительность увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Низкіе убійцы умертвили злополучнаго малютку, думая, что убиваютъ царевича Димитрія. Когда же вѣсть о черномъ дѣлѣ разгласилась, то всѣ были обмануты. Сама мать царевича не замѣтила подлога и въ горести оплакивала смерть своего единственнаго сына. Сбѣжавшіеся жители города также ничего не замѣтили. Ярость ослѣпила ихъ. Они избиваютъ въ припадкѣ изступленія до 30-ти дѣтей такого возраста. Такія обстоятельства заставили всѣхъ повѣрить въ смерть царевича. Борисъ считалъ свою цѣль достигнутой. Онъ позаботился теперь распустить слухи о томъ, что царевичъ Димитрій страдалъ падучей болѣзнью и погибъ жертвой несчастнаго случая во время одного изъ многочисленныхъ припадковъ своего тяжелаго недуга. Царевичъ же жилъ въ безопасности подъ бдительной и любящей защитой своего спасителя и воспитателя. Однако тотъ состарѣлся и почувствовалъ приближеніе смерти. Передъ своей кончиной вѣрный воспитатель подыскалъ для царевича другого защитника, какого-то сына боярскаго, котораго и посвятилъ въ свою тайну. Судьба тѣмъ не менѣе лишила юнаго Димитрія и этого покровителя. Послѣдній тоже умеръ, давъ царевичу добрый совѣтъ искать себѣ при-

станища и защиты подъ рясой монаха. Всѣми оставленный, влачитъ сынъ Грознаго полунищенское существованіе, странствуя по обителямъ святой Руси. Въ довершеніе невзгодъ царственный видъ, походка и все обхожденіе юноши невольно выдавали его. Царевичъ былъ узнанъ однимъ изъ иноковъ. Считая себя находящимся въ большой опасности, Димитрій бѣжитъ въ Польшу, живетъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагимѣ, тщательно соблюдая свое инкогнито, пока не обнаруживаетъ князю Адаму Вишневецкому тайны своего царственнаго происхожденія и чудеснаго спасенія отъ гибели.

Ознакомившись съ разсказомъ «царя Димитрія Ивановича», поймешь ироническую помѣтку: «Вотъ и еще новый король Португальскій воскресъ», сдѣланную папой Климентомъ VIII на поляхъ донесенія нунція Рангони, поспѣшившаго освѣдомить Ватиканъ о появленіи претендента на русскій престолъ. Да и въ Польшѣ разсказъ «царевича» многими былъ встрѣченъ съ недовѣріемъ. И это недовѣріе вполнѣ понятно. Во-первыхъ, въ разсказѣ нѣтъ ни одного важнаго въ данномъ случаѣ имени. Мы не знаемъ ни того, какъ звали таинственнаго воспитателя, спасшаго «царевича», ни того, кто былъ вторымъ покровителемъ юнаго «Димитрія». А между тѣмъ у разсказчика была и полная возможность дать наиболѣе обстоятельное повѣствованіе объ обстоятельствахъ своего спасенія, и крайняя необходимость это сдѣлать, чтобъ заслужить нужное для него довѣріе слушателей. Во-вторыхъ, приведенный разсказъ содержитъ въ себѣ и рядъ несообразностей. Отмѣтимъ нѣкоторые. Какъ могъ, наримѣръ, воспитатель совершить подмѣнъ ребенка, когда вѣрные слуги царевича были отравлены и замѣнены предателями? Затѣмъ, какъ могла царица Марія Нагая не замѣтить, что убитый мальчикъ—не ея сынъ? Зачѣмъ, наконецъ, жителямъ Углича понадобилось убивать до тридцати другихъ дѣтей? Кромѣ такихъ несообразностей, есть и другіе подозрительные пункты въ разсказѣ «царя Димитрія Ивановича». Не говоря уже о неприличномъ тонѣ, въ которомъ разсказъ повѣствуетъ о царѣ Иванѣ Грозномъ, предполагаемомъ отцѣ разсказчика, читателя невольно поражаетъ большая освѣдомленность «царевича» въ въ однихъ случаяхъ и полное незнаніе другихъ, болѣе близкихъ ко времени фактовъ. Онъ знаетъ подробности исторіи Ивана Грознаго и не знаетъ, что послѣ смерти царевича Димитрія царь Ѳеодоръ посылалъ въ Угличъ слѣдственную комиссію. Разсказчикъ называетъ, правда, двухъ членовъ этой комиссіи, но замѣчаетъ, что они пріѣхали на погребеніе царевича. Главнаго же слѣдователя, князя Василія Ивановича Шуйскаго «царь Димитрій Ивановичъ» совершенно не упоминаетъ (случайно ли?) въ своемъ повѣствованіи. Всѣ такія и имъ подобныя несообразности и странности разсказа убѣждаютъ насъ, что въ Москвѣ въ 1605—1606 году царствовалъ Самозванецъ.

Однако былъ ли «царь Димитрій Ивановичъ» сознательнымъ Самозванцемъ? Говоря иначе, обманщикъ онъ или жертва обмана? Многіе, и въ томъ числѣ извѣстнѣйшіе изслѣдователи, полагаютъ, что Лжедимитрій вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Таково, напримѣръ, мнѣніе С. М. Соловьева и профессора С. Ѳ. Платонова. Понятны основанія этого мнѣнія. Необыкновенная самоувѣренность Самозванца, его поведеніе на царскомъ престолѣ, дѣйствительно, способны внушить предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, убѣжденнымъ въ своихъ правахъ. Но есть серьезныя основанія, говорящія противъ подобнаго предположенія. Въ этомъ отношеніи особенно знаменателенъ одинъ изъ разговоровъ Лжедимитрія съ папскимъ нунціемъ Рангони, имѣвшій мѣсто во время приготовленій «царевича» къ походу на Русь. Обыкновенно сдержанный и замкнутый, несмотря на кажущуюся экспансивность, претендентъ на Московскій престолъ былъ на этотъ разъ болѣе откровененъ. Онъ не скрылъ отъ Рангони, что въ Москвѣ у него есть партія и довольно сильная. Однако добавлялъ при этомъ о необходимости спѣшить походомъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что «царевича» очень тревожили ходившіе тогда слухи о смерти царя Бориса. Онъ думалъ, что въ случаѣ кончины Годунова до того момента, какъ Лжедимитрій вступитъ въ предѣлы Руси, на Москвѣ можетъ воцариться кто-нибудь другой, и тогда дѣло претендента будетъ проиграно. О. Пирлингъ справедливо отмѣчаетъ всю странность подобныхъ опасеній въ томъ случаѣ, если бы Лжедимитрій считалъ себя подлиннымъ царевичемъ. И дѣйстви-

тельно, увѣренный въ силѣ своихъ правъ, человѣкъ не могъ бы разсуждать подобнымъ образомъ: никто другой не былъ бы въ глазахъ народа достойнымъ занять престолъ при существованіи законнаго наслѣдника. При этомъ по всему видно, что первый Лжедимитрій былъ человѣкомъ умнымъ, очень ловкимъ и большимъ мастеромъ политической интриги. Поэтому онъ не могъ, конечно, серьезно относиться къ тому разсказу, который пустилъ въ ходъ при заявленіи своихъ правъ на Московскій престолъ. Другихъ же свѣдѣній въ распоряженіи у Самозванца не было, потому что онъ ни разу и никому не сообщилъ болѣе достовѣрныхъ фактовъ, чѣмъ сдѣлалъ это, «открываясь» князю Вишневецкому. А между тѣмъ Лжедимитрій имѣлъ и полную возможность и необходимость сдѣлать это послѣ смерти Бориса въ моментъ своего торжества, когда всякія возможныя опасенія мести со стороны Годуновыхъ лицамъ, покровительствовавшимъ «царевичу» были устранены. Однако Самозванецъ не сдѣлалъ подобныхъ признаній. Онъ несомнѣнно разсуждалъ такъ: повѣрили первому разсказу и этого вполнѣ довольно.

Итакъ, приходится признать въ Лжедимитріи сознательнаго самозванца. Кто же былъ этотъ смѣлый авантюристъ, дерзнувшій взять на себя роль царевича Димитрія и достигшій предѣла своихъ мечтаній съ тѣмъ, чтобы такъ ужасно и безславно погибнуть. Дѣйствовалъ ли онъ по собственному почину или выполнялъ замыслы и указанія другихъ? Кто были въ послѣднемъ случаѣ его вдохновители? Какъ сильно было ихъ вліяніе на Самозванца? Вотъ рядъ вопросовъ, неизбѣжно возникающихъ у біографа перваго Лжедимитрія и требующихъ того или иного разрѣшенія. Къ сожалѣнію, приходится при этомъ довольствоваться въ большинствѣ случаевъ лишь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Одно только можно утверждать въ настоящее время, какъ несомнѣнный фактъ. Кто бы ни былъ Самозванецъ, онъ былъ во всякомъ случаѣ великороссъ. Это установлено анализомъ собственноручнаго польскаго письма Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII. Изданное Пирлингомъ, оно подверглось тщательному изслѣдованію профессора Бодуэнъде-Куртенэ и С. Л. Пташицкаго. Мастерской анализъ названныхъ ученыхъ установилъ съ неопровержимой ясностью, что письмо составлено полякомъ и переписано великороссомъ: это видно изъ характера описокъ и ошибокъ, сдѣланныхъ переписчикомъ, т. е. Самозванцемъ.

Будучи русскимъ человѣкомъ, явясь въ Польшу изъ Московіи, Лжедимитрій, едва ли могъ бы дѣйствовать исключительно на свой страхъ и по собственному почину. Въ тоже время его, конечно, нельзя счесть ставленникомъ поляковъ или Римской куріи. Правда, и тѣ, и другая постарались использовать Самозванца въ своихъ видахъ. Но показанія самого Лжедимитрія, его освѣдомленность въ нѣкоторыхъ сторонахъ Московской придворной исторіи, его замѣчанія о Московскихъ вліятельныхъ сторонникахъ и опасенія, что онъ окажется ненужнымъ для москвичей, если Борисъ Годуновъ умретъ до начала военной экспедиціи «царевича», заставляютъ изслѣдователей признавать Самозванца ставленникомъ русскихъ бояръ, недовольныхъ царемъ новой династіи. Такихъ же было не мало, какъ среди бояръ княжатъ, такъ и въ кругу придворной знати временъ Грознаго и царя Ѳеодора. Надо оговориться при этомъ, что «царь Димитрій Ивановичъ» довольно скоро освободился отъ вліянія своихъ первоначальныхъ вдохновителей и руководителей и сумѣлъ стать совершенно самостоятельнымъ. Однако кто именно изъ Московскихъ людей рѣшился взять на себя роль царевича Димитрія? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить съ математической точностью. Но скорѣе всего можно счесть, что такимъ лицомъ былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ, какъ это съ большей или меньшей увѣренностью признаютъ авторитетнѣйшіе знатоки Смутной эпохи, въ томъ числѣ Соловьевъ, Платоновъ, Пирлингъ, Ключевскій. На Гришку Отрепьева, какъ самозванца, указываетъ, во-первыхъ, подавляющее большинство изъ дошедшихъ до нашего времени современныхъ Смутѣ свидѣтельствъ. Во-вторыхъ, самъ «царевичъ» признается, что былъ вынужденъ носить монашескую рясу и скитаться по обителямъ. Это обстоятельство роднитъ Отрепьева съ Самозванцемъ, который къ тому же поспѣшилъ почему-то по своемъ воцареніи отправить въ ссылку архимандрита Чудова монастыря. Въ-третьихъ, уличающимъ Самозванца фактомъ является и то, что онъ не пожелалъ видѣть дядю Григорія Отрепье-

ва, Смирного-Отрепьева, который домогался этого у польскихъ пановъ. Наконецъ надо принять во вниманіе и слѣдующее обстоятельство. О томъ, что на Москвѣ увѣрены или, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ въ тожествѣ Отрепьева и «царевича», въ Польшѣ знали уже въ 1604 году. Зналъ объ этомъ, конечно, и Лжедимитрій. Повидимому, такіе толки ходили и среди русскихъ приверженцевъ Самозванца. И вотъ въ началѣ марта 1605 г., по свидѣтельству полковыхъ священниковъ при польскомъ войскѣ «царевича», іезуитовъ Чижовскаго и Лавицкаго, въ лагерь Лжедимитрія: «привели также Гришку Отрепьева, извѣстнаго по всей Московіи колдуна и негодяя (котораго Годуновъ выдавалъ у своихъ за царевича, пришедшаго съ ляхами изъ Польши и стремящагося завладѣть Московскимъ царствомъ) и стало очевидно всѣмъ москвитянамъ, что Гришка Отрепьевъ одно лицо, а Димитрій Ивановичъ другое». О. Пирлингъ, разбирая это свидѣтельство, приходитъ къ справедливому заключенію, что «въ такомъ стеченіи обстоятельствъ проглядываетъ искусственность». Поэтому скорѣе всего можно видѣть въ «извѣстномъ колдунѣ и негодяѣ» подставное лицо, услужливо взявшееся на себя роль Гришки Отрепьева. Если же понадобилось подобное подставное лицо, выданное Лжедимитріемъ заОтрепьева, а потомъ быстро убранное имъ со сцены, то становится чрезвычайно вѣроятнымъ, что Самозванецъ имѣлъ полное основаніе опасаться отожествленія своей личности съ личностью бѣглаго инока Чудовской обители.

Признавая такимъ образомъ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе, что Лжедимитріемъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, возможно приступить и къ біографіи перваго Самозванца.

Григорій (въ міру Юрій) Отрепьевъ былъ сыномъ небогатаго галицкаго сына боярскаго Богдана Отрепьева и былъ, приблизительно, сверстникомъ усопшему св. царевичу Димитрію.

Въ молодости онъ былъ холопомъ бояръ Романовыхъ, былъ извѣстенъ ихъ родичамъ, князьямъ Черкасскимъ, но, «заворовавшись» и избѣгая тяжкаго наказанія, «пошелъ въ чернецы», при чемъ странствовалъ изъ одной обители въ другую. Своей грамотностью и красивымъ почеркомъ онъ обратилъ на себя вниманіе самого патріарха Іова и былъ посвященъ въ санъ іеродіакона въ Чудовомъ монастырѣ. Намеки юнаго инока о своемъ царственномъ происхожденіи навлекли на него подозрѣніе ростовскаго митрополита Іоны, доложившаго Годунову о непригожихъ рѣчахъ Отрепьева. Царь приказалъ своему дьяку Смирному Васильеву схватить Отрепьева и, отправивъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, тщательно надзирать за нимъ, но дьякъ почему то «запамятовалъ» о царскомъ указѣ, и Гришка остался на свободѣ. Какъ справедливо замѣтилъ покойный С. М. Соловьевъ,—«мы, разумѣется, можемъ объяснить себѣ это дѣло не иначе, какъ тѣмъ, что промыслъ людей сильно бодрствовалъ надъ Григорьемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Но какіе «сильные люди» подготовляли Самозванца и «бодрствовали надъ Григорьемъ»? Въ послѣднее время стало укореняться мнѣніе, что выдвинули Лжедимитрія бояре, принадлежавшіе къ Романовскому кругу знати. Доказательства, приводимыя въ защиту даннаго предположенія таковы. Между Годуновымъ и Романовыми существовала вражда изъ-за соперничества при борьбѣ за престолъ. Отрепьевъ былъ прежде холопомъ Романовыхъ. О походѣ Самозванца на Русь имѣлъ, почти несомнѣнно, свѣдѣнія невольный постриженникъ Антоніево-Сійскаго монастыря, Филаретъ Никитичъ Романовъ, который при этомъ, повидимому, радовался успѣхамъ Лжедимитрія.

Самозванецъ, добившись успѣха, жаловалъ весь Романовскій кругъ. Поэтому и извѣстное дѣло, кончившееся полнымъ разгромомъ семьи бояръ Романовыхъ, ставится въ связь съ подготовкой ими Самозванца. Однако подобная аргументація далеко не безспорна и можетъ встрѣтиться съ рядомъ возраженій. Изъ того, что Отрепьевъ былъ нѣкогда холопомъ Романовыхъ, а впослѣдствіи былъ вхожъ къ Черкасскимъ, никакого дальнѣйшаго слѣдствія нельзя вывести. Вѣдь тогда пришлось бы заподозрить и патріарха Іова, безусловнаго приверженца Годунова: извѣстно, что этотъ іерархъ былъ одно время покровителемъ Гришки. Что свѣдѣнія о походѣ Самозванца проникли и въ келью невольнаго постриженника, въ такомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего особеннаго: походъ этотъ представлялъ слишкомъ большой интересъ въ то время для всѣхъ; что при этомъ Филаретъ Никитичъ радовался и мечталъ о своемъ освобожденіи и возвы-

шеніи, тоже не должно никого удивлять: какъ умный человѣкъ, опальный инокъ понималъ, что «царь Димитрій», дѣйствительный или мнимый, долженъ будетъ оказать особую милость своимъ «свойственникамъ», пострадавшимъ отъ «господоубійцы Годунова». Что же касается до «дѣла бояръ Романовыхъ» и ихъ ссылки, то его нельзя, по всей вѣроятности, ставить въ связь съ подготовкой ими Самозванца. По крайней мѣрѣ подобнаго обвиненія не было выставлено Романовымъ ни въ моментъ опалы на нихъ (1601 г.), ни при появленіи Самозванца. Борисъ, какъ сообщаютъ современныя извѣстія, заподозрилъ бояръ въ дѣлѣ возникновенія самозванщины, но не назвалъ при этомъ никого опредѣленнымъ образомъ. И въ посланіи патріарха Іова, уличающемъ Лжедимитрія, не находится подобнаго обвиненія. Ясно, что его и не ставили. А ставили опальнымъ Романовымъ въ вину желаніе добиться царскаго престола «вѣдовствомъ и кореньемъ». Сверхъ того, и среди княжатъ легко можно найти лицъ, которымъ было не по сердцу воцареніе Годунова и которые могли организовать движеніе Самозванца или по крайней мѣрѣ положить ему начало. И невольно прежде всего приходится подумать о князѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ. Вражда Шуйскихъ къ Годуновымъ обнаружилась впервые при царѣ Ѳеодорѣ. Тогда Шуйскихъ постигла тяжелая опала. Послѣ этого къ моменту избранія Бориса Шуйскіе играли «второстепенную роль знатной Годуновской родни». Однако есть извѣстія, что Шуйскіе и тогда уже агитировали противъ Годунова. Во всякомъ случаѣ ставили они себя очень высоко, выше, чѣмъ прежнихъ Московскихъ государей изъ Дома Калиты, что и обнаружилъ Василій Ивановичъ Шуйскій, сдѣлавшись царемъ всея Руси. Этотъ Шуйскій былъ необыкновенно хитрымъ, двуличнымъ человѣкомъ, мѣнявшимъ свои взгляды и убѣжденія сообразно обстоятельствамъ даннаго момента. Опричникъ Грознаго, онъ въ глубинѣ души былъ пропитанъ традиціями старозавѣтнаго «княжья». Главный слѣдователь по дѣлу о смерти св. царевича Димитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій въ 1591 году свидѣтельствовалъ, что малютка погибъ жертвой невольнаго самоубійства, въ 1605 году подъ рукой разглашалъ о чудесномъ спасеніи младшаго изъ сыновей Грознаго, а съ 1606 года торжественно провозгласилъ его мученикомъ, «заколотымъ отъ раба своего Бориса Годунова». Конечно, нѣтъ никакихъ прямыхъ уликъ противъ князя Василія: онъ во всякомъ случаѣ былъ чрезвычайно ловокъ и умѣлъ прятать концы въ воду. Но кое-что очень подозрительно. Прежде всего есть извѣстіе, правда, идущее изъ очень мутнаго источника, что Гришка Отрепьевъ былъ вхожъ къ князю Василію Шуйскому и хорошо принятъ у этого вельможи. Затѣмъ поражаетъ полное умолчаніе Лжедимитрія въ его разсказѣ объ Углицкихъ событіяхъ 1591 года о роли князя Василія; между тѣмъ второстепенныя лица: митрополитъ Геласій и Андрей Клешнинъ названы. Наконецъ, чрезвычайно удивляетъ и та быстрота, съ которой Шуйскіе, лишь только Годуновы были устранены, поспѣшили начать агитацію противъ Лжедимитрія. Не они ли были тѣми сильными сторонниками Самозванца, которые нуждались въ немъ, какъ въ орудіи для сверженія Годуновской династіи?

Гришкѣ Отрепьеву удалось ускользнуть отъ гнѣва царя Бориса. Онъ бѣжалъ въ 1601 году въ сообществѣ двухъ другихъ иноковъ такого же, какъ и онъ, склада, за рубежъ въ Литву. Здѣсь и начинаются его дальнѣйшія похожденія. О первыхъ годахъ пребыванія Самозванца въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой извѣстно очень немного. Можно указать все-таки, что Лжедимитрій прежде всего, побывавъ въ Кіевѣ, явился въ Острогъ. Есть данныя думать, что онъ искалъ тамъ покровительства у гетмана князя Константина Острожскаго. Правда, послѣдній отрицалъ какое бы то ни было знакомство съ бѣглымъ московскимъ инокомъ. Онъ заявилъ даже въ письмѣ къ королю Сигизмунду въ февралѣ 1604 года, что ровно ничего не знаетъ о «царевичѣ», никогда его не видѣлъ; неизвѣстно ему и то, жилъ ли когда-нибудь «Димитрій» въ его владѣніяхъ. Да и самъ Лжедимитрій утверждалъ, что онъ не вступалъ ни въ какія сношенія съ старикомъ гетманомъ. Но всѣмъ этимъ сообщеніямъ противорѣчитъ показаніе князя Яна Острожскаго, сына князя Константина: «Я знаю Димитрія уже нѣсколько лѣтъ; вѣдь онъ жилъ довольно долго въ монастырѣ моего отца, въ Дермани. Поэтому, пожалуй, можно повѣрить правдивости слуховъ, отмѣчаемыхъ папскимъ нунціемъ при польскомъ королѣ

Рангони о томъ, что «царевичъ» прежде всего пытался «открыться» старику гетману, но встрѣтилъ самый неласковый пріемъ. Понявъ ли, что въ Острогѣ ему ничего не добиться, или по другимъ побужденіямъ, Лжедимитрій перебрался въ Гощу, средоточіе польскаго аріанства. Неизвѣстно въ точности, что здѣсь дѣлалъ будущій претендентъ на Московскій престолъ, но, во всякомъ случаѣ, въ Гощѣ онъ завязалъ болѣе или менѣе дружескія связи съ польскими протестантами, и какъ увидимъ далѣе, сумѣлъ ихъ до извѣстной степени использовать впослѣдствіи. Въ первое же время польскіе протестанты мало пользы могли принести Самозванцу въ задуманномъ имъ или его вдохновителями предпріятіи. Поэтому онъ оставилъ Гощу и направился въ Брагимъ, гдѣ и поступилъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому. Здѣсь въ судьбѣ Лжедимитрія происходитъ рѣшительный переломъ. Самъ князь Вишневецкій, какъ опредѣляетъ его о. Пирлингъ, былъ «высокороднымъ кондотьеромъ», который «только и мечталъ, что о войнѣ». При этомъ князь Адамъ имѣлъ давніе счеты съ Московскимъ государствомъ, граница котораго соприкасалась съ обширными владѣніями гордаго магната, русскаго по крови и религіи, но поляка по воспитанію и взглядамъ. Взаимная вражда постоянно подогрѣвалась неизбѣжными тогда при близкомъ сосѣдствѣ порубежными спорами и столкновеніями. Такимъ образомъ Лжедимитрій не могъ сдѣлать на этотъ разъ лучшаго выбора, какъ обратиться за содѣйствіемъ къ пану Адаму. При какихъ обстоятельствахъ онъ это сдѣлалъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. По рускимъ сказаніямъ, Самозванецъ притворился умирающимъ и на одрѣ болѣзни открылъ тайну своего рожденія своему духовнику, а послѣдній разсказалъ обо всемъ князю Адаму. По другимъ извѣстіямъ, Лжедимитрій разсердилъ чѣмъ-то (быть можетъ, и умышленно) Вишневецкаго, и вспыльчивый магнатъ ударилъ «царевича» по лицу. Этой пощечиной онъ привелъ «Димитрія» въ ярость, и тотъ въ порывѣ «царственнаго» гнѣва открылъ свою тайну князю Адаму. Есть и другія версіи этого событія. Но для изслѣдователя важенъ, конечно, въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ самый фактъ обращенія Лжедимитрія къ Вишневецкому и вытекшія изъ него послѣдствія.

Дѣло въ томъ, что князь Адамъ вполнѣ повѣрилъ словамъ Самозванца (или по крайней мѣрѣ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ имъ) и сталъ горячимъ покровителемъ «царевича». Гордаго польскаго пана тѣшила мысль быть ближайшимъ защитникомъ правъ своего бывшаго слуги, оказавшагося такимъ знатнымъ человѣкомъ. Въ то же время онъ горѣлъ желаніемъ помѣриться силами съ Московскимъ государствомъ. Поэтому Вишневецкій съ радостью призналъ въ Лжедимитріи истиннаго царевича и сталъ дѣятельнѣйшимъ образомъ его поддерживать. Начались приготовленія къ походу на Русь. Нашлись русскіе люди, по большей части перебѣжчики въ Литву, признавшіе Самозванца царевичемъ и примкнувшіе къ нему. Завязались сношенія съ Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ жило вольное и войнолюбивое казачество. Есть извѣстія, что самъ «царь Димитрій Ивановичъ» ѣздилъ къ казакамъ и договаривался съ ними. Повѣрили или нѣтъ «царевичу» искатели добычи и приключеній, но тѣмъ не менѣе они съ живѣйшей радостью взялись помогать претенденту на тронъ московскихъ государей. Казакамъ не было новостью участвовать въ подобнаго рода авантюрахъ: ихъ не разъ призывали въ Придунайскія княжества разные искатели господарства въ этихъ земляхъ. Движеніе, которое было поднято въ польско-литовской Украйнѣ изъ-за приготовленій Самозванца, такъ разрослось, что встревожило короля Сигизмунда III: въ то время названный государь опасался открытой войны съ Русью. Сигизмундъ издалъ поэтому 2-го октября 1603 года рядъ строгихъ указовъ и въ нихъ запрещалъ мирнымъ гражданамъ продавать казачьимъ отрядамъ оружіе и боевые припасы; самимъ казакамъ воспрещалось составлять вооруженные отряды. Если эти указы и были изданы не для вида, они все же остались мертвой буквой, такъ какъ никто ихъ не слушалъ. Въ то же время польско-литовскій король пожелалъ видѣть самого претендента, о чемъ извѣстилъ и князя Адама. Это было въ ноябрѣ 1603 года. Но гордый панъ медлилъ исполнить желаніе своего государя. Тогда Лжедимитрій, начинавшій уже чувствовать почву у себя подъ ногами, самъ рѣшилъ отправиться къ королю. По дорогѣ онъ вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, двоюроднымъ братомъ князя Адама, заѣхалъ въ Самборъ. Эта поѣздка

была роковой въ жизни Самозванца. Онъ съ своимъ гибкимъ и цѣпкимъ умомъ, повидимому, почуялъ, что въ Рѣчи Посполитой ему ничего не добиться безъ поляковъ-католиковъ и рѣшилъ среди нихъ искать себѣ поддержки. Въ это именно время Самборскій королевскій замокъ служилъ резиденціей многочисленной семьи пана Юрія Мнишка, воеводы Сандомирскаго, старосты Самборскаго и Львовскаго, одного изъ вліятельныхъ польскихъ сенаторовъ. Это былъ ловкій и хитрый старикъ съ весьма сомнительной репутаціей, запутавшійся въ долгахъ. И тѣмъ не менѣе онъ жилъ широко и открыто. Къ старости Юрій Мнишекъ сталъ очень набожнымъ католикомъ, щедро благотворилъ монастырямъ и монахамъ Бернардинскаго ордена, но старая любовь къ приключеніямъ и авантюрамъ всякаго рода была въ немъ очень жива. Несмотря на то, что старый сенаторъ былъ замѣшанъ въ одномъ очень непріятномъ для него денежномъ дѣлѣ, онъ пользовался большимъ вѣсомъ среди польской аристократіи, благодаря родственнымъ связямъ съ многими ея представителями. Между прочимъ, Мнишки были въ близкомъ свойствѣ и съ князьями Вишневецкими, такъ какъ вышеупомянутый князь Константинъ, двоюродный братъ князя Адама, былъ женатъ на дочери пана Юрія. Этотъ именно зять старосты Самборскаго и ввелъ «царевича» въ домъ своего тестя. Здѣсь «царя Димитрія» встрѣтили съ большимъ почетомъ и сразу признали въ немъ настоящаго царевича. Врядъ ли Мнишекъ былъ при этомъ особенно щепетиленъ въ разслѣдованіи правъ Лжедимитрія. По крайней мѣрѣ и впослѣдствіи, когда въ 1611 году на сеймѣ его стали горячо обвинять въ организаціи помощи первому Самозванцу и потребовали отчета, чѣмъ руководствовался Сандомирскій воевода, признавъ подлинность «царевича», старый магнатъ отвѣтилъ, что вѣдь и всѣ остальные поляки были такого же мнѣнія, какъ и онъ самъ. Во всякомъ же случаѣ запутавшійся въ долгахъ староста Самборскій сразу оцѣнилъ, какъ выгодно будетъ ему поддержать «царя Димитрія». Поэтому-то и встрѣтилъ Юрій Мнишекъ Лжедимитрія съ распростертыми объятіями. И на ухаживаніе Самозванца за панной Мариной, дочерью Мнишка, старый польскій вельможа посмотрѣлъ очень благосклонно.

Такъ завязался романъ Лжедимитрія и честолюбивой панны Мнишковны, перешедшій затѣмъ въ жгучую и непритворную страсть по крайней мѣрѣ у Самозванца. И повидимому молодая польская панна способна была вскружить не одну голову. Красивая, гибкая, обладающая чисто польской граціей и кокетливостью юная Марина очаровала недавняго монастырскаго затворника. Онъ подпалъ подъ ея вліяніе, не могъ отъ него избавиться и этимъ, какъ увидимъ, навлекъ на себя скорую гибель. Панна Мнишковна была ревностной католичкой и не могла поступиться требованіями своей религіи въ угоду политическимъ соображеніямъ. Самъ же Самозванецъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо уступчивѣе и дальновиднѣе. Онъ былъ умнѣе своей суженой, хотя не могъ сравниться красотой съ ней. Росту скорѣе низкаго, чѣмъ высокаго, широкоплечій и мускулистый, онъ былъ некрасивъ: спутанные волосы, бородавка на лицѣ, одна рука короче другой. Красивы были только темноголубые глаза. Они то горѣли мрачнымъ огнемъ, то метали молніи, то искрились отвагой. Въ нихъ отражалась смѣлая до дерзости душа и недюжинный умъ Лжедимитрія. Увѣренный въ своихъ силахъ, полный честолюбія и грандіозныхъ замысловъ, Самозванецъ, конечно, не былъ ординарнымъ проходимцемъ и искателемъ приключеній. Онъ, несомнѣнно, не былъ исключительно даровитъ, и по крайней мѣрѣ во время своего недолгаго царствованія Лжедимитрій ничѣмъ особенно выдающимся себя не проявилъ. Но его мысли, многіе поступки, бесѣды съ окружающими обнаруживаютъ въ Самозванцѣ человѣка очень способнаго, умѣющаго владѣть собой, обладающаго большой выдержкой и въ извѣстной мѣрѣ чувствомъ собственнаго достоинства. Въ то же время Лжедимитрій обнаружилъ большое умѣнье приспособлять окружающихъ къ своимъ цѣлямъ и не только приноравливался къ обстоятельствамъ, но иногда и создавать ихъ въ свою пользу. Однако въ отношеніяхъ къ Маринѣ Лжедимитрій больше слушался своего сердца, а не разума. Тѣмъ не менѣе тотъ рѣшительный шагъ, который Самозванецъ сдѣлалъ вскорѣ послѣ знакомства съ панной Мнишекъ, а именно тайный переходъ въ католицизмъ, можно разсматривать скорѣе всего, какъ политическій маневръ, имѣвшій цѣлью привлечь къ себѣ поляковъ и Римскую курію. Конечно, и Мнишки приложили всѣ усилія, чтобы обратить въ

свою вѣру «царевича», сдѣлавшаго уже предложеніе паннѣ Маринѣ. Однако и самъ Самозванецъ обнаружилъ большое, неизвѣстно только, искреннее ли, стремленіе, сдѣлаться сыномъ римско-католической церкви. Трудно сказать съ точностью, представители какого изъ монашескихъ орденовъ: бернардины или іезуиты первые принялись за дѣло присоединенія «царевича» къ католицизму. Во всякомъ случаѣ іезуиты играли потомъ довольно замѣтную роль въ дѣлѣ Самозванца. «Обращеніе» Лжедимитрія «въ истинную вѣру» началось уже во время пребыванія «царевича» въ Самборѣ до аудіенціи его у короля Сигизмунда. Эта аудіенція состоялась въ началѣ марта 1604 года въ Краковѣ, въ Вавельскомъ замкѣ. Предварительно Мнишекъ на великолѣпномъ банкетѣ познакомилъ съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ» большинство польскихъ магнатовъ. Надо отмѣтить, что мнѣнія радныхъ пановъ относительно Лжедимитрія раздѣлились. Наиболѣе благоразумные и устойчивые относились къ «царевичу» съ большимъ скептицизмомъ. Такъ гетманъ Замойскій, умнѣйшій и знаменитѣйшій изъ государственныхъ людей Рѣчи Посполитой того времени, никогда не могъ повѣрить правдивости исторіи, разсказанной Вишневецкому Самозванцемъ. На одномъ изъ сеймовъ 1605 года польскій магнатъ и патріотъ съ жестокой откровенностью заявилъ: «Что касается до самого Димитрія, то никакъ не могу себя убѣдить, чтобъ его разсказъ былъ справедливъ. Это похоже на Плавтову или Теренціеву комедію: приказать кого-нибудь убить, и особенно такого важнаго человѣка, и потомъ не посмотрѣть, того ли убили, кого было надобно. Величайшая была бы глупость, если бы велѣно было убить козла или барана, подставили другого, а тотъ, кто билъ, не видалъ». Въ подобнаго рода рѣчахъ не было недостатка среди польскихъ государственныхъ людей. Такъ епископъ плоцкій Барановскій въ концѣ февраля 1604 года писалъ королю Сигизмунду слѣдующее: «и этотъ князекъ московскій положительно внушаетъ мнѣ подозрѣнія. Имѣются кое-какія данныя въ его біографіи, которыя не заслуживаютъ, очевидно, вѣры. Какъ это мать не узнала тѣла собственнаго сына? Какъ и почему, по внушенію царя, могли убить тридцать другихъ дѣтей? Наконецъ, какимъ это образомъ могъ монахъ, никогда не видавшій Димитрія, признать въ немъ царевича по одной его внѣшности?» И многіе разсуждали подобнымъ образомъ. Между прочимъ, такъ поступали тѣ именно паны, которые не хотѣли разрыва съ Московскимъ государствомъ. Однако не было недостатка и въ людяхъ противоположныхъ взглядовъ на дѣло. Были вельможи, готовые поддержать предпріятіе «царя Димитрія Ивановича», сулившее, по ихъ мнѣнію, въ случаѣ успѣха большія выгоды Рѣчи Посполитой. Нужно было все же тщательно разслѣдовать права претендента и оказать ему содѣйствіе лишь тогда, когда разслѣдованіе дастъ доказательства правдивости показаній «царевича». Нѣкоторые паны шли далѣе. Они горячо покровительствовали Самозванцу. Къ числу ихъ помимо Мнишковъ и Вишневецкихъ надо отнести и пана Николая Зебжидовскаго, воеводу Краковскаго. Послѣдній всецѣло былъ на сторонѣ претендента. Онъ готовъ былъ вѣрить въ то, что Лжедимитрій—настоящій сынъ Іоанна Грознаго. Но склоннаго къ военнымъ авантюрамъ пана не смущала и мысль о возможности самозванства. Зебжидовскій находилъ, что представляется случай повредить Москвѣ. Этотъ случай столь благопріятенъ, что «слишкомъ жаль упускать» его. Притомъ не надо нарушать перемирія и ввязываться въ дѣло открыто. Король пусть предоставитъ другимъ возможность дѣйствовать, а самъ останется въ сторонѣ. Николай Зебжидовскій не преминулъ при этомъ предложить и свои услуги въ содѣйствіи предпріятію.

Очевидно, королю Сигизмунду III выпадала рѣшающая роль въ томъ, будетъ ли Самозванецъ обезпеченъ польской поддержкой. Правда, государственное устройство Рѣчи Посполитой сильно стѣсняло свободу дѣйствій монарха. Ему трудно было бы окончательно помѣшать походу Лжедимитрія. Но онъ могъ все же или рѣшительно стать на сторону Замойскаго и его единомышленниковъ, или сохранить полнѣйшій нейтралитетъ. Сигизмундъ III не сдѣлалъ ни того, ни другого. Ему очень хотѣлось, во-первыхъ, свести старые счеты съ Русью, вѣковѣчной соперницей Рѣчи Посполитой; во-вторыхъ, польскій король, какъ усердный католикъ, имѣлъ серьезныя основанія надѣяться, что «царевичъ», о близкомъ «обращеніи» котораго въ католицизмъ ему, конечно, было

хорошо извѣстно, будетъ проводникомъ католической идеи въ своихъ владѣніяхъ; въ-третьихъ, помощь «царю Димитрію Ивановичу» можно было продать за очень хорошую цѣну: тотъ склоненъ былъ, выражаясь древнерусскимъ языкомъ, давать «посулы великіе» и обѣщалъ за содѣйствіе уступку многихъ русскихъ областей. Итакъ, Сигизмундъ склонился на сторону Лжедимитрія, но сдѣлалъ это очень прикровенно и осторожно. Первымъ шагомъ его въ этомъ отношеніи и была аудіенція 5-го марта 1604 года. Лжедимитрій, представленный королю, сказалъ ему витіеватую рѣчь. Въ ней онъ щегольнулъ кое-какими познаніями въ области древней исторіи, сравнивъ себя съ сыномъ Креза, которому, по словамъ Геродота, несчастіе вернуло даръ слова. Такъ и бѣдствія русскаго народа заставляютъ истиннаго царевича, судьбой обреченнаго на долгое молчаніе, возвысить свой голосъ съ тѣмъ, чтобы просить помощи у польскаго короля. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей рѣчи «царевичъ» сдѣлалъ рядъ намековъ на пользу для всего христіанства, если онъ взойдетъ на тронъ своихъ предковъ. Сигизмундъ понялъ намеки и, не становясь открыто въ ряды покровителей Лжедимитрія, принялъ подъ рукой его сторону, осыпалъ подарками, назначилъ ему 40,000 злотыхъ ежегодной пенсіи и разрѣшилъ собирать въ его пользу вооруженные отряды.

«Обращеніе» Самозванца въ католицизмъ шло своимъ чередомъ. За это взялся самъ папскій нунцій въ Польшѣ, Рангони. Онъ давно и съ интересомъ слѣдилъ за приключеніями «царевича» и отправлялъ о немъ донесенія въ Ватиканъ. На одномъ изъ подобныхъ донесеній и была сдѣлана папой Климентомъ VIII ироническая помѣтка о возставшемъ изъ гроба португальскомъ королѣ. Лжедимитрій самъ искалъ сближенія съ Римской куріей, понимая всѣ выгоды этого шага. Поэтому онъ скоро сознался свои прежнія «заблужденія» и заявилъ себя искренне желающимъ принять католицизмъ. Это произошло въ началѣ апрѣля 1604 года, а 14 числа того же мѣсяца состоялось въ покояхъ Рангони торжественное, хотя и тайное для православныхъ, а въ особенности русскихъ сторонниковъ «царевича», присоединеніе Лжедимитрія къ католицизму. Самозванецъ показывалъ величайшую радость и ревность: въ избыткѣ усердія палъ ницъ передъ нунціемъ, видя въ немъ представителя папскаго престола, далъ обѣтъ возстановить въ случаѣ успѣха своего дѣла согласіе христіанскихъ церквей и крестить магометанъ и язычниковъ. Онъ вручилъ Рангони собственноручное письмо къ папѣ Клименту VIII, выразилъ искреннее желаніе имѣть при себѣ ксендза, просилъ также разрѣшить ему употребленіе во время поста скоромной пищи, а равно и чтеніе, если представится необходимость, книгъ, запрещенныхъ Index'омъ librorum prohibitorum. Современные «царевичу» католики вѣрили искренности Лжедимитрія въ данномъ случаѣ; склонны повѣрить ему и въ настоящее время нѣкоторые историки, въ особенности талантливый и почтенный изслѣдователь, членъ общества св. Іисуса, о. Пирлингъ, хотя и съ извѣстными оговорками. Все же эта искренность весьма подозрительна. Самозванецъ очень боялся, что и видно по его поведенію, какъ бы переходъ его въ католицизмъ не обнаружился. Въ то же время онъ зналъ нетерпимость и подозрительность представителей своей новой религіи. Эту подозрительность онъ старался усыпить, ссылаясь на политическую необходимость и постоянно испрашивая себѣ «разрѣшеній» отъ того или иного предписанія католической церкви. Такъ Лжедимитрію удалось отстоять патріаршество на Руси съ тѣмъ, что бы сдѣлать патріарха орудіемъ въ своихъ рукахъ. Сумѣлъ онъ добиться и разрѣшенія или хотя бы молчаливаго попущенія на то, чтобы принять причастіе изъ рукъ патріарха и по обрядамъ восточной церкви.

Вскорѣ послѣ перехода въ католицизмъ Самозванецъ покинулъ Краковъ и снова направился въ Самборъ, куда влекла его и любовь и политика. Онъ нуждался въ опытномъ организаторѣ для своего рискованнаго предпріятія. Такимъ могъ быть искушенный долгимъ жизненнымъ опытомъ панъ Мнишекъ. Не менѣе нуждался «царевичъ» и въ ласкахъ панны Марины. Онъ посватался къ ней, какъ извѣстно, уже во время перваго своего пребыванія въ Самборѣ и получилъ тогда благосклонный, но нѣсколько уклончивый отвѣтъ. Теперь послѣ признанія королемъ Сигизмундомъ и обращенія «царя Димитрія Ивановича» въ католичество, всѣ препятствія были устранены, и Лжедимитрій былъ помолвленъ съ предметомъ

своей страсти. Многоопытный староста Самборскій сумѣлъ, однако, обусловить свое согласіе на бракъ дочери съ Самозванцемъ цѣлымъ рядомъ условій. Онъ взялъ съ будущаго зятя двѣ записи. Въ первой, датированной 25-мъ числомъ мая 1604 года, Лжедимитрій обязывался жениться на Маринѣ Мнишекъ и выполнить слѣдующія обязательства: 1) тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишку 1.000.000 польскихъ злотыхъ для подъема въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро изъ казны царской; 2) отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами, доходами въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; города эти остаются за Мариною, хотя бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и вольна она въ нихъ судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическіе церкви и монастыри, въ которыхъ основывать школы латинскія; при дворѣ своемъ Марина также вольна держать латинскихъ духовныхъ, безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, потому что онъ, Димитрій, соединился уже съ Римскою церковью и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому соединенію. Въ случаѣ если дѣло пойдетъ несчастно, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіе года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе или, если захочетъ, то ждетъ еще годъ». Самозванецъ подписалъ эти необычайныя условія, такъ какъ выбора не было, да и Марина все болѣе и болѣе овладѣвала его сердцемъ. Однако Мнишекъ не удовольствовался первой записью. 12-го іюня 1604 года онъ взялъ съ Лжедимитрія дополнительную запись, по которой тотъ обязывался уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе, и такъ какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ изъ Сѣверскаго отойдутъ къ королю, въ чемъ также обязался «Димитрій», то Мнишекъ получалъ еще изъ близлежащихъ столько городовъ и земель, чтобы доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю».

Условія, на которыя согласился Лжедимитрій, были, несомнѣнно, тяжкими, но зато Мнишекъ, окрыленный ими, сталъ дѣйствовать съ удвоенной энергіей въ пользу своего нареченнаго зятя и въ сравнительно короткое время собралъ для него отрядъ польскаго «рыцарства». Этотъ отрядъ конныхъ шляхтичей насчитывалъ въ своихъ рядахъ до 1,500 человѣкъ, имѣвшихъ правильное военное устройство. Онъ дѣлился на роты, имѣлъ своего гетмана и полковниковъ. Нѣсколько тысячъ казаковъ, съ своей стороны, готовы были примкнуть къ Самозванцу и ожидали только сигнала къ выступленію. Въ Московскомъ государствѣ къ тому времени стало извѣстно про появленіе въ Литвѣ «царевича Димитрія», и встревоженный царь Борисъ немедленно поспѣшилъ принять свои мѣры. Онъ вспомнилъ при этомъ про Гришку Отрепьева и его похвальныя рѣчи и освѣдомился, гдѣ находится въ настоящее время бывшій діаконъ Чудова монастыря. Навели справки, и бѣгство Гришки обнаружилось. Тогда въ Рѣчь Посполитую былъ отправленъ гонцомъ родной дядя Григорія Отрепьева, Смирной-Отрепьевъ. Ему было дано 2 наказа. Въ явномъ Смирному предписывалось заявить о разныхъ мелкихъ неудовольствіяхъ. По тайному наказу царскій гонецъ долженъ былъ бесѣдовать съ панами радными о «царевичѣ» и обличить его самозванство. Но тщетно пытался Смирной - Отрепьевъ повидать претендента на русскій престолъ. Напрасны были всѣ увѣренія, что онъ первый признаетъ его подлиннымъ царевичемъ, если убѣдится въ несходствѣ «Димитрія Ивановича» съ Гришкой Отрепьевымъ. И радные паны и самъ «царевичъ» подъ пустыми предлогами отказали гонцу Годунова въ исполненіи его настойчивыхъ просьбъ. Пріѣздъ Смирного совпалъ какъ разъ съ послѣдними приготовленіями Самозванца къ походу на Русь. Польское рыцарство его, собравшееся въ Львовѣ, наводило своими насиліями ужасъ на мирныхъ жителей этого города. Выведенные изъ терпѣнія, граждане отправили, наконецъ, слезныя жалобы королю. Русскія пограничныя власти, съ своей стороны, тоже заявляли о недопустимости скопленія воинскихъ отрядовъ на рубежѣ. Сигизмундъ долго медлилъ, ограничиваясь полумѣрами, и лишь въ самомъ концѣ августа послалъ во Львовъ строгій приказъ, въ которомъ «рыцарямъ» Лжедимитрія повелѣвалъ немедленно отправиться по до-

мамъ подъ угрозой въ случаѣ ослушанія признать ихъ мятежными врагами Рѣчи Посполитой. Но и этотъ строгій приказъ былъ посланъ для того, чтобы отвести глаза; королевскому посланцу была дана инструкція, какъ можно болѣе медлить, и онъ, дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Львовъ уже не засталъ тамъ войскъ Самозванца, которыя выступили тѣмъ временемъ въ походъ.

Разсказу о самомъ предпріятіи Лжедимитрія необходимо предпослать нѣкоторыя замѣчанія, которыя объяснятъ намъ причину сказочнаго успѣха на первый взглядъ безумно смѣлой попытки «царевича», такъ какъ «не военныя силы и не личная доблесть Самозванца доставили ему побѣду». По справедливому указанію С. Ѳ. Платонова, Лжедимитрій «составлялъ свое войско съ такою же неразборчивостью, съ какою искалъ и выбиралъ личныхъ покровителей и помощниковъ. Коренной московскій человѣкъ и рядомъ съ нимъ шляхтичъ, презиравшій всякую «москву»; казакъ, ушедшій отъ московскихъ порядковъ, но съ нимъ рядомъ служилый москвичъ, представлявшій опору этихъ самыхъ порядковъ, щепетильный «рыцарь», исполненный воинской чести со всѣми условностями его времени и среды, и съ нимъ рядомъ не признающій никакихъ условностей казакъ, ищущій одной добычи — вотъ кто сталъ за Самозванца подъ одно знамя и одну команду. Такой составъ войска не сулилъ ему прочныхъ успѣховъ, если бы даже войско и обладало значительной численностью. Но вся эта рать, по крайней мѣрѣ, та ея часть, съ которою перешелъ Днѣпръ самъ Самозванецъ, врядъ-ли превышалъ 3.500 или 4.000 человѣкъ. Не безъ основанія поэтому говорили въ 1608 году польскіе послы въ Москвѣ, что вторженіе Самозванца въ Московское государство не было похоже на серьезное вражеское нашествіе: велъ Самозванецъ только малую горсть («жменю») людей и началъ свой походъ всего на одномъ только пунктѣ границы «съ одного только кута украйны въ рубежъ сѣверскій вшолъ». Какъ же могла подобная ничтожная «жменя» овладѣть менѣе чѣмъ въ годъ такимъ обширнымъ и сильнымъ государствомъ? Послѣдующее изложеніе постарается дать посильный отвѣтъ на такой естественный вопросъ. Въ настоящее время усиліями ряда изслѣдователей и въ особенности профессора Платонова выяснены причины и важнѣйшіе симптомы того ужаснаго кризиса Московской Руси, приведшаго ее въ концѣ XVI вѣка къ внутреннимъ потрясеніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ Смуты начала XVII столѣтія. Теперь становится общепризнаннымъ тотъ фактъ, что въ условіяхъ быстраго возвышенія и расширенія Московскаго государства лежалъ зародышъ двухъ роковыхъ противорѣчій, грозившихъ нашей родинѣ рано или поздно большими внутренними потрясеніями. Первое противорѣчіе, политическое, выражалось въ томъ, что однимъ и тѣмъ же историческимъ процессомъ собиранія удѣльныхъ княжествъ около Москвы въ государствѣ образовалась сильная единоличная власть, стремившаяся къ демократическому полновластію, и аристократически настроенная высшая администрація, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ потомковъ прежнихъ владѣтельныхъ князей. Второе противорѣчіе русской жизни XVI вѣка было соціальнымъ и состояло въ борьбѣ двухъ классовъ общества, служилаго и тяглаго, между собой. Верховная власть замѣтила эти противорѣчія и реагировала на нихъ въ первомъ случаѣ даже черезчуръ энергично и нервно. Подъ вліяніемъ мысли, что классъ титулованной знати можетъ оказаться слишкомъ притязательнымъ, Грозный задумалъ и осуществилъ знаменитую опричнину. Благодаря ей онъ, отобравъ «княженецкія» вотчины на государевъ обиходъ и испомѣстивъ «княжатъ» на окраинахъ государства и роздавъ ихъ прежнія земли гораздо болѣе многочисленнымъ и безпритязательнымъ опричникамъ, достигъ значительныхъ результатовъ: подорвалъ въ корнѣ значеніе старой знати и демократизировалъ землевладѣніе. Однако старая знать не была окончательно задавлена, и уцѣлѣвшіе представители ея въ свое время показали, какъ живучи традиціи «княжатъ». При томъ проводя въ жизнь хорошо намѣченную реформу, Іоаннъ затемнилъ и исказилъ ея смыслъ своими жестокостями и насиліями, да и опричники его были въ высшей степени своевольны и притѣсняли населеніе безъ всякаго удержу. А необходимая для государства демократизація землевладѣнія влекла за собой ломку богатыхъ и хорошо налаженныхъ хозяйствъ, что, въ свою

очередь, отражалось на экономическихъ устояхъ страны и обостряло еще болѣе и безъ того острую соціальную вражду крестьянъ и помѣщиковъ. Послѣдніе, все болѣе и болѣе нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, всячески старались закрѣпостить крестьянскую массу, которая, въ свою очередь, пыталась такъ или иначе сбросить съ себя тяжелое ярмо: «брела розно», уходила на окраины государства и толпами бѣжала за рубежъ, въ дикое поле, гдѣ и пополняла ряды вольнаго казачества. Въ этой борьбѣ Московское правительство, особенно нуждавшееся въ служиломъ классѣ, или было пассивнымъ зрителемъ, или приходило на помощь помѣщикамъ. Такая политика озлобляла крестьянскую массу и подготовляла участіе ея въ смутѣ. Да и служилый классъ, главнымъ образомъ, низшіе его слои, вовсе не былъ доволенъ своимъ положеніемъ: служебныя и экономическія условія его были далеко не блестящи. Неудачи Ливонской войны еще болѣе расшатали хозяйственный укладъ государства и приблизили смуту. Недоставало повода къ ея открытому проявленію, и прекращеніе династіи Калиты дало необходимый толчекъ въ этомъ направленіи. Дѣло въ томъ, что старый царствующій Домъ пользовался колоссальнымъ авторитетомъ въ странѣ. Новая династія, несмотря на выдающіяся способности царя Бориса, не могла сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. При томъ прекращеніе Дома Калиты давало удобный поводъ къ возникновенію самозванчества. Успѣхъ же послѣдняго объясняется слѣдующими обстоятельствами: представленіе о государѣ стояло необыкновенно высоко въ древне-русскомъ сознаніи. Государь, какъ помазанникъ Божій, «властію достоинства приличенъ есть Богу». Этотъ взглядъ, выраженный въ подобной формѣ московскими книжниками—святымъ Іосифомъ Волоцкимъ и другими—отразился и въ народной поговоркѣ: «вѣдаетъ Богъ да великій государь». Считаясь съ представленіемъ о томъ, что Богъ, желая наградить людей, посылаетъ имъ добраго царя, а для кары—злого, подобное отношеніе къ личности и власти царя дѣлало возстаніе противъ него почти невозможнымъ. Но если нельзя возстать противъ законнаго государя, то можно воспротивиться узурпатору. И такимъ образомъ самозванчество является знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго мыслимо народное движеніе въ случаѣ глубокаго недовольства народа своимъ положеніемъ и незыблемости монархической идеи. И, конечно, прекращеніе династіи и переходъ власти въ новыя руки являются въ этомъ отношеніи наиболѣе опасными моментами для государства. Въ данномъ же случаѣ преждевременная смерть царевича Димитрія всегда могла создать рано или поздно благопріятную для развитія самозванчества обстановку.

Итакъ, внутреннее положеніе въ Россіи складывалось чрезвычайно благопріятно для Лжедимитрія. Не слѣдуетъ опускать изъ виду и того, что въ самомъ началѣ XVII столѣтія Русь постигло страшное стихійное бѣдствіе: полный неурожай и зловѣщій спутникъ его, ужасный голодъ. Несчастіе, постигшее Московское государство, усилило и безъ того довольно распространенное на древней Руси разбойничество. Шайки атамана Хлопа хозяйничали чуть ли не подъ стѣнами самой столицы и потребовали отправки противъ себя сильнаго отряда правительственныхъ войскъ. Такимъ образомъ элементы внутренняго броженія въ государствѣ обнаружились на Руси еще до появленія въ ней Самозванца. Особенно ненадежна въ этомъ смыслѣ была «прежде погибшая» Сѣверская и южная Украйна. По разнымъ причинамъ населеніе окраины было очень недовольно своимъ положеніемъ. При этомъ сюда ссылались правительствомъ сомнительные, а то и прямо преступные элементы страны. Поэтому, по свидѣтельству Авраамія Палицина, еще до Смуты въ Сѣверской окраинѣ набралось на менѣе, чѣмъ 20,000 «воровъ». Вотъ эту «прежде погибшую» область и выбралъ Самозванецъ центромъ своихъ первыхъ операцій противъ царя Бориса. Походъ «царя Димитрія» началъ былъ имъ въ серединѣ августа 1604 года. Съ тонкимъ расчетомъ Самозванецъ (или его вдохновители?) избралъ для вступленія въ предѣлы Московскаго государства очень удаленную отъ столицы область страны. Онъ не пожелалъ двинуться прямой дорогой изъ Литвы на Москву черезъ Оршу, Смоленскъ и Вязьму. Самозванецъ, какъ вѣрно отмѣтилъ авторъ лучшаго описанія военныхъ дѣйствій 1604—1605 гг., профессоръ Платоновъ, трудъ котораго будетъ положенъ въ основу и предлагаемаго

очерка похода Лжедимитрія, «понималъ, очевидно, что прямой путь на Москву хорошо обставленъ крѣпостями и потому мало доступенъ, а далекая отъ Москвы Сѣверская украйна не только доступна, но и сулитъ сама поддержку его предпріятію». Поэтому то небольшая рать «царевича» двинулась сначала черезъ Фастовъ и Васильковъ къ Кіеву. Войска шли съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей, боевыми колоннами: ихъ, повидимому, тревожило поведеніе кіевскаго воеводы князя Константина (иначе Василія) Острожскаго. Не сочувствовавшій авантюрѣ, старый гетманъ организовалъ цѣлое наблюденіе за войсками «царевича» и этимъ, быть можетъ, спасъ ввѣренную ему область отъ участи Львова. Войску Самозванца было не по себѣ отъ мѣръ, принятыхъ Острожскимъ, и сторонники «царя Димитрія» проводили безсонныя ночи. Между прочимъ, во время этихъ первыхъ переходовъ «рыцарство» выбрало своимъ гетманомъ Юрія Мнишка.

Въ Васильковѣ рать Самозванца провела три дня. Въ это время, какъ думаютъ, былъ выработанъ окончательный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Главныя силы Лжедимитрія должны были перейти Днѣпръ подъ Кіевомъ и двинуться черезъ Сѣверскую область, а «отряды донскихъ казаковъ, не поспѣвшіе соединиться съ Самозванцемъ на правомъ берегу Днѣпра, должны были войти въ Московское государство восточнѣе, степными дорогами». Въ одномъ изъ современныхъ Смутѣ русскихъ сказаній находится слѣдующее указаніе на подобный планъ: «поиде злонравный въ Россійскіе предѣлы двѣма дороги: отъ Кіева черезъ Днѣпръ рѣку, а иныя идоша по Крымской дорогѣ». Такимъ образомъ «самъ претендентъ съ поляками бралъ себѣ Сѣверу, а казаки—Поле», т. е. двѣ и безъ того наиболѣе возбужденныя области Московскаго государства. Выработавъ планъ дѣйствій, Самозванецъ двинулся къ Кіеву, откуда 13 октября началъ переправу на лѣвый берегъ Днѣпра. Переправлялись войска съ такимъ расчетомъ, «чтобы оказаться послѣ перехода черезъ Днѣпръ на правомъ берегу Десны и этимъ избѣжать необходимости впослѣдствіи переправляться черезъ эту послѣднюю. Именно на правомъ берегу Десны находились московскія крѣпости Моравскъ, Черниговъ, и Новгородъ-Сѣверскій, и отъ нихъ шелъ торный путь къ Москвѣ черезъ верховья Оки. Овладѣть этими городами и большою дорогою на Карачевъ и Болховъ или же «посольскою» дорогою на Кромы, Орелъ и Мценскъ и затѣмъ выйти на Тулу или Калугу—вотъ въ чемъ, безъ всякаго сомнѣнія, состоялъ планъ Самозванца». Начало похода Лжедимитрія увѣнчалось полнѣйшей и быстрой удачей. Прежде всего ему сдался безъ боя городокъ Моравскъ. Воеводы думали, было, о сопротивленіи, но были связаны, а крѣпость, въ которой было до 700 человѣкъ гарнизона, безъ выстрѣла передалась «царю Димитрію Ивановичу». Въ Черниговѣ воеводамъ удалось сперва укрыться въ острогѣ съ 300 стрѣльцовъ и начать перестрѣлку съ войсками Самозванца. Но такъ какъ остальные черниговскіе служилые люди взяли сторону претендента, горсти осажденныхъ въ острогѣ скоро пришлось сдаться. Анализируя составъ населенія этихъ городовъ, приходится отмѣтить, что «приборный служилый людъ да отчасти мелкопомѣстныя дѣти боярскіе украинной полосы составляли ту среду, въ которой Самозванецъ получилъ первое признаніе на московской почвѣ». «Прелестныя грамоты», въ изобиліи разсылаемыя претендентомъ на московскій престолъ, и общія тяжелыя условія на Украйнѣ дали себя знать въ этомъ случаѣ. «Передаваясь Самозванцу и становясь противъ Бориса, эти люди удовлетворяли чувству недовольства своимъ положеніемъ и увлекались надеждою, что новый царь начнетъ, какъ обѣщалъ, «ихъ жаловати, въ чести держати и учинитъ ихъ въ тишинѣ и въ покоѣ, и во благоденственномъ житіи». Незамѣтно, чтобы у нихъ были болѣе опредѣленные мотивы и планы». Справедливость послѣдняго замѣчанія видна, несомнѣнно, изъ примѣра Новгорода-Сѣверскаго. Этому городу суждено было задержать на сравнительно долгій срокъ дальнѣйшее движеніе Самозванца. Въ него были собраны служилые люди нѣсколькихъ близлежащихъ городовъ и приведено около 400 московскихъ стрѣльцовъ. Это были отряды, высланные царемъ Борисомъ къ Чернигову навстрѣчу Лжедимитрію, состоявшіе подъ начальствомъ князя Н. Р. Трубецкого и окольничаго П. Ѳ. Басманова и не успѣвшіе во-время занять намѣченный ими пунктъ.

Когда московскіе воеводы узнали о сдачѣ Чернигова Самозванцу, они бросились въ Новгородъ-Сѣверскій и приготовили его къ оборонѣ, укрѣпили острогъ, сожгли кругомъ всѣ жилыя постройки, согнали въ острогъ мѣстныхъ стрѣльцовъ и казаковъ и сѣли въ осаду, ожидая Самозванца. Тщетно «царевичъ» пытался путемъ переговоровъ принудить осажденныхъ къ добровольной сдачѣ. По тогдашнему обычаю, ему отвѣчали площадной бранью и заявляли полную готовность стоять за царя Бориса. Тогда Лжедимитрій рѣшилъ «взять городъ силою. Однако всѣ старанія его слабаго войска оказались напрасными. Весь гарнизонъ стойко выдержалъ и бомбардировку и штурмы; даже ненадежные его элементы, то-есть украинные приборные люди, были признаны отъ царя Бориса достойными награды за осадное сидѣнье. Только на третьей недѣлѣ отъ началы осады до 80 «москвитянъ» передалось въ лагерь осаждающихъ». Итакъ благодаря распорядительности воеводъ, главнымъ образомъ, Басманова, бывшаго по общему признанію, душой обороны, Новгородъ-Сѣверскій остался вѣренъ Годунову. Нетерпѣливаго Лжедимитрія неожиданная задержка выводила изъ себя. Онъ сталъ укорять поляковъ, не умѣвшихъ взять города. «Я думалъ больше о полякахъ», — сказалъ при этомъ Самозванецъ, — «а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе». Разсерженное «рыцарство» заявило на это: «Мы не имѣемъ обязанности брать городовъ приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ». Ссора эта чуть не заставила поляковъ уйти отъ «царевича». Послѣдній при этомъ не могъ изъ-за стойкости защитниковъ Новгорода-Сѣверскаго «наступать далѣе на линію Брянскъ, Карачевъ, Кромы». И это, несмотря на успѣхи, достигнутые войсками Самозванца въ другихъ пунктахъ «Сѣверы и Поля». Пока главныя силы его стояли, занятыя осадой, маленькія партіи и разъѣзды изъ его стана двигались во всѣ стороны, достигая даже Путивля. Въ то же время дѣйствовали въ пользу «царя Димитрія» и тѣ казаки, которые наступали въ Московское государство по Крымской дорогѣ: «а которое войско его по Крымской дорогѣ идоша,—градъ Царевъ, Бѣлградъ, и иные многіе грады также ему предашася и съ селы»,—говоритъ одно близкое къ описываемымъ сообщеніямъ сказаніе. Чтобы оцѣнить обстановку, въ которой дѣйствовали казаки Самозванца, надо ознакомиться съ направленіями «польскихъ» (т. е. идущихъ черезъ Поле) дорогъ. «Отъ главной дороги, Муравскаго шляха, на которомъ былъ расположенъ Бѣлгородъ, къ Сѣверѣ и на верхнюю Оку шло нѣсколько путей: Бакаевъ шляхъ между рѣками Сеймомъ и Псломъ подходилъ къ Путивлю; Свиная дорога вела къ Рыльску и Болхову мимо Курска Пахнутцова дорога, тоже мимо Курска, шла на Кромы и тотъ же Болховъ. Всѣми этими путями должны были воспользоваться казачьи отряды, какъ запорожскіе, такъ и донскіе. Первые должны были идти къ Самозванцу подъ Новгородъ-Сѣверскій необходимо черезъ Путивль и Рыльскъ; вторые отъ Бѣлгорода шли на Рыльскъ, Курскъ и Кромы», по близости отъ которыхъ на рѣчкѣ Молодовой «сошлись съ Семи (т. е. Сейма) и изъ Рыльска всѣ дороги». Тѣ города, которые стояли на указанныхъ путяхъ, очутились въ мѣстности, гдѣ стали подвизаться казаки Лжедимитрія, и очень быстро поддались самозванщинѣ. «Все это были, за немногими исключеніями, только что возникшія поселенія; стали они на мѣстахъ, гдѣ еще свободно «гуляли» казачьи станицы; гарнизоны этихъ городовъ только что сформированы были частью изъ тѣхъ же казаковъ. Когда въ казачествѣ «на Полѣ» началась группировка большихъ скопищъ въ пользу «царя Димитрія» и появились отряды запорожцевъ, шедшихъ къ тому же царю, городскіе гарнизоны были отрѣзаны казачьей массою отъ центра государства и предоставлены самимъ себѣ, а находившіеся въ ихъ составѣ казачьи элементы потянулись на соединеніе съ своею братьей, «польскими казаками». Поэтому то Лжедимитрій, стоя подъ стѣнами Новгорода-Сѣверскаго, имѣлъ утѣшеніе въ извѣстіяхъ о сдачѣ ему цѣлаго ряда «городовъ, находившихся на названныхъ выше дорогахъ, и принималъ приводимыхъ ему городскихъ воеводъ». Въ самый непродолжительный промежутокъ времени ему сдались: «Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ съ его уѣздомъ, носившимъ названіе Комарицкой волости, Курскъ и Кромы». Сдались также Самозванцу и болѣе далекіе города: Бѣлгородъ, Царевъ-Борисовъ и многіе другіе. Ему повино-

валось теперь огромное пространство по Деснѣ, Сейму, Сѣверскому Донцу и даже верхней Окѣ».

Можетъ показаться не вполнѣ понятнымъ, почему казаки и прочіе русскіе приверженцы Лжедимитрія не очень смущались тѣмъ, что «царевичъ» окруженъ иновѣрцами поляками. Но въ этомъ отношеніи претендентъ на Московскій престолъ обнаружилъ величайшую предусмотрительность. Онъ не упускалъ случая показать свою ревность къ православной вѣрѣ и проявлялъ величайшую набожность къ русскимъ святынямъ. Между прочимъ, Самозванецъ повелѣлъ привезти къ себѣ, когда былъ въ Путивлѣ, изъ Курска чудотворную икону Богоматери, встрѣтилъ ее съ величайшимъ благоговѣніемъ, усердно молился передъ нею. Онъ приказалъ поставить этотъ чудотворный образъ въ своихъ палаткахъ и не пропускалъ случая возносить передъ нимъ каждодневныя молитвы. Икона Курской Богоматери сопровождала Самозванца и въ Москву, гдѣ онъ помѣстилъ ее въ въ свой дворецъ. Отводя глаза православнымъ, Лжедимитрій не забывалъ и католиковъ. Въ его лагерѣ, какъ это извѣстно изъ предыдущаго изложенія, находились іезуиты, Лавицкій и Чижевскій, полковые капелланы. Вотъ ихъ то и старался, при этомъ съ полнымъ успѣхомъ, «царевичъ» убѣдить въ своей искренней приверженности къ новой вѣрѣ. Такъ, во время начала похода, когда о. іезуиты служили напутственное молебствіе для «рыцаства», Лжедмитрій, опасавшійся открыто молиться съ католиками, все же нѣсколько разъ прошелся около палатки капеллана. Не довольствуясь этимъ, «царь Димитрій Ивановичъ» тайно просилъ у іезуита молитвъ и благословенія. И такого рода сцены обращенія къ іезуитамъ, исповѣди у нихъ были частыми явленіями во время похода 1604—1605 годовъ. Такъ, за нѣсколько дней до побѣды надъ Мстиславскимъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди, Лжедимитрій ветрѣтился съ однимъ изъ капелановъ и сказалъ ему: «Я далъ обѣтъ, если Господь благословитъ мои усилія, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь святой Дѣвы. Вамъ я и думаю ее передать». Тогда іезуитъ заявилъ «царевичу», что имѣетъ предназначенную для него драгоцѣннѣйшую реликвію: частицу святого Животворящаго Креста. Лжедимитрій выразилъ самое горячее нетерпѣніе, потребовалъ, чтобы святыня была доставлена ему какъ можно скорѣе и затѣмъ приписалъ ей побѣду надъ Московкимъ войскомъ. Своимъ постояннымъ обращеніемъ къ іезуитамъ Самозванецъ вполнѣ очаровалъ ихъ и сдѣлалъ своими горячими приверженцами. Трудно сказать, гдѣ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ кончалась набожность «царя Димитрія» и гдѣ начиналось притворство, въ которомъ «царевичъ» былъ большимъ мастеромъ.

Сдѣланное отступленіе было необходимо, чтобы обрисовать двуличіе Самозванца, не покидавшее его и во время его побѣдоноснаго шествія къ Москвѣ. Возвращаясь теперь къ разсказу объ этомъ походѣ Лжедимитрія, прежде всего приходится отмѣтить, что первыми своими успѣхами «царь Дмитрій Ивановичъ» былъ обязанъ военнымъ промахамъ «Московскаго правительства. Оно не оцѣнило значенія въ дѣлѣ Самозванца казачьяго элемента и, напротивъ, обнаружило излишній страхъ передъ Рѣчью Посполитою. Отправивъ воеводъ въ пограничныя крѣпости для перваго отпора войскамъ Самозванца и, кстати сказать, опоздавъ съ этимъ дѣломъ, оно затѣмъ назначило сборнымъ пунктомъ для главной арміи Брянскъ. Очевидны соображенія, какими въ данномъ случаѣ руководствовались». Дѣло заключалось въ одинаковой близости Брянска и къ Смоленску и къ Сѣверской окраинѣ. Московское правительство очень опасалось, что за «царевича» станутъ «всею Польшею и Литвою» и что въ такомъ случаѣ онъ получитъ поддержку королевскихъ войскъ, базирующихся на Оршу. Поэтому то «главную квартиру московскихъ войскъ выбрали западнѣе. чѣмъ слѣдуетъ, и оставили безъ войскъ ту сѣть дорогъ, на которыхъ такъ скоро начали хозяйничать казачьи отряды Самозванца». Впрочемъ, были отправлены войска и на Поле, но ихъ поставили близъ города Ливенъ и ничего не сказали ихъ командующимъ о необходимости бороться съ «царевичемъ». При томъ же Ливны были удалены отъ театра военныхъ дѣйствій 1604—1605 года и не могли быть поэтому полезны войскамъ царя Бориса. «Дальнѣйшія событія показали, что важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ слѣдовало считать Кромы, какъ узелъ дорогъ, сходившихся здѣсь изъ

всего охваченнаго возстаніемъ района, но въ началѣ войны этого никто не предвидѣлъ». Правда, въ Москвѣ впослѣдствіи поняли свою оплошность и сформировали подъ предводительствомъ Ѳ. И. Шереметева запасную рать, которая должна была, собравшись въ Орлѣ, двинуться къ Кромамъ и занять ихъ. Но время было уже упущено, и Кромы были заняты войсками Лжедимитрія. Поэтому «Шереметевъ напрасно стоялъ подъ ними до прибытія къ нему на помощь всей рати князя Мстиславскаго». Помимо промаховъ Московскаго правительства, можно отмѣтить и позорное бездѣйствіе начальника главной Московской рати, князя Д. И. Шуйскаго. «Изнѣженный» воевода медлилъ у Брянска, не помогалъ храбрымъ защитникамъ Новгорода-Сѣверскаго и требовалъ подкрѣпленій. Царь Борисъ приказалъ набирать новые отряды, но долженъ былъ отмѣтить, что «войска очень оскудѣли: одни, прельщенные воромъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчизны, службы не служатъ, ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопи, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви». Поэтому царь вынужденъ былъ приказать, «чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные».

Начальство надъ новой арміей, набранной съ такими усиліями, ввѣрено было князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, которому царь обѣщалъ въ случѣ удачи руку своей дочери, царевны Ксеніи, и большія области въ удѣлъ. Мстиславскій ручался царю въ побѣдѣ, но, подступивъ къ Новгороду-Сѣверскому, медлилъ, выжидая новыхъ подкрѣпленій. Между тѣмъ къ Самозванцу являлись со всѣхъ сторонъ новые сторонники. «Въ его станъ приходили не одни стрѣльцы и казаки, но пріѣзжали дворяне и дьяки, предлагая ему не только свои услуги, но и деньги, порученныя имъ Борисомъ. Въ окопы Самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ привозили отъ Путивля и другихъ городовъ крѣпостную артиллерію для дѣйствій противъ осажденныхъ. Словомъ, лагерь претендента стягивалъ къ себѣ значительныя силы уже изъ Московскаго государства, и Самозванецъ сталъ опираться на Московскій элементъ гораздо тверже, чѣмъ въ самомъ началѣ похода, когда онъ всецѣло зависѣлъ отъ польскихъ ротъ. Однако и теперь, спустя мѣсяцъ послѣ начала Новгородъ-Сѣверской осады, поляки были лучшею частью самозванцева войска». Они то и помогли Лжедимитрію одержать побѣду въ битвѣ 21 декабря 1604 года. Самозванецъ напалъ въ этотъ день на русскую рать, потѣснилъ ее. Отнято было русское знамя и раненъ главный военачальникъ, князь Ѳ. И. Мстиславскій. Замѣстившій его князь Д. И. Шуйскій не позаботился послать царю Борису донесеніе о происшедшемъ сраженіи. Однако Годуновъ все же узналъ о немъ и прислалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ милостивыми словами какъ главному воеводѣ, такъ и всему войску. Присланъ былъ и лѣкарь для излеченія ранъ Мстиславскаго. Даже воеводы, виновные въ недонесеніи о битвѣ, были пожалованы царскимъ вопросомъ объ ихъ здоровьѣ. Впрочемъ, имъ былъ сдѣланъ и выговоръ въ очень легкой формѣ: «Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, съ клятвопреступниками литовскими людьми и съ ростригою было дѣло, а вы къ намъ не писали, какимъ обычаемъ дѣло дѣлалось, и вы то дѣлаете негораздо, вамъ бы о томъ къ намъ отписать вскорѣ». Такимъ образомъ Борисъ Годуновъ дѣлалъ видъ, что смотритъ на битву подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, какъ на побѣду. Между тѣмъ Московскія войска потерпѣли въ этомъ бою чувствительный уронъ. Онъ могъ бы быть и больше, если бы не поведеніе поляковъ. У нихъ на первомъ планѣ было жалованье. Денегъ же у Самозванца было недостаточно. Отсюда происходили постоянныя ссоры. Такъ было и на этотъ разъ. Ссора обострилась тѣмъ, что «царь Димитрій Ивановичъ» имѣлъ неосторожность вступить въ тайные переговоры съ одной изъ ротъ (Фредровой) и думалъ только ей уплатить жалованье. Однако все дѣло открылось, и обозленное «рыцарство» рѣшило покинуть Самозванца. Оставлялъ его и нареченный тесть, Юрій Мнишекъ. Тщетны были всѣ мольбы и даже униженія Лжедимитрія. «Рыцар-

ство» было непреклонно. Лишь благодаря содѣйствію іезуитовъ, удалось Самозванцу удержать у себя часть поляковъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и другіе выходцы изъ Рѣчи Посполитой. Все же Мнишекъ уѣхалъ назадъ въ Самборъ, и его отсутствіе было чувствительно для Лжедимитрія.

Самозванецъ рѣшился отступить отъ Новгорода-Сѣверскаго и, подкрѣпленный нѣсколькими тысячами запорожцевъ, поспѣшилъ къ Кромамъ. Осада съ Новгорода Сѣверскаго была снята. Басмановъ вернулся въ Москву, имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу, получилъ санъ боярина, большія помѣстья и вотчины и богатые подарки. Тѣмъ временемъ Самозванецъ спѣшилъ обойти Московскую рать и выйти къ Кромамъ. Поэтому онъ отошелъ къ Сѣвску. Но оправившійся отъ ранъ Мстиславскій слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Убѣдившись, что столкновеніе неизбѣжно, Самозванецъ 20 января 1605 года принялъ бой на рѣкѣ Сѣвѣ близъ Добрыничъ. Этотъ бой обратился для него въ рѣшительное пораженіе. Прежде всего бѣжали, охваченные паникой, запорожцы, которыхъ обвиняли даже въ томъ, что они были закуплены Московскимъ золотомъ. За казаками послѣдовали и поляки, начавшіе сраженіе съ большимъ жаромъ и блескомъ. По мнѣнію Борши, его соотечественники бросились за убѣгавшими запорожцами съ цѣлью вернуть ихъ. Сообщеніе Борши вызвало нѣсколько ироническихъ замѣчаній о. Пирлинга, который отдаетъ въ данномъ случаѣ предпочтеніе показаніямъ Маржерета и справедливо объясняетъ пораженіе той паникой, какая иногда внезапно охватываетъ войска. Этой паникой были охвачены и оба іезуита, находившіеся въ лагерѣ «царя Димитрія Ивановича». Они «захватили только принадлежности своей капеллы. Вскочивъ на лошадей, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе «Димитріемъ», несмотря на свою неопытность, они поскакали во весь опоръ съ опасностью поломать себѣ ноги и разбиться на смерть».

Побѣда русскихъ войскъ была рѣшительна. Лжедимитрій былъ отброшенъ къ Путивлю, куда и прискакалъ 24 января 1605 года. Если бы Мстиславскій послѣдовалъ за нимъ по пятамъ, то всему движенію претендента насталъ бы конецъ. Но русское войско медлило. Видѣть ли въ этомъ фактѣ измѣну или по крайней мѣрѣ подозрительную небрежность, или приписать все стеченію обстоятельствъ, во всякомъ случаѣ, придется признать, что московскіе воеводы не использовали вполнѣ своей побѣды и упустили случай покончить разъ навсегда съ Самозванцемъ. Нельзя съ увѣренностью рѣшить, какое изъ 2-хъ мнѣній болѣе справедливо. Первое готовъ поддержать о. Пирлингъ. Второе развиваетъ С. Ѳ. Платоновъ. Его аргументацію слѣдуетъ признать, во всякомъ случаѣ, интересной и во многихъ отношеніяхъ убѣдительной. Прежде всего профессоръ Платоновъ объясняетъ, почему въ дѣйствіяхъ московскихъ воеводъ «можно видѣть отсутствіе воинскаго таланта и усилія, но въ нихъ нельзя доказать тайной измѣны. Въ самомъ дѣлѣ, стоило только «не догнать Самозванца на Чемлигѣ и допустить его къ Кромамъ и Орлу, чтобы безъ пролитія лишней крови и благовидно доставить торжество «царю Димитрію Ивановичу». Однако московскіе военачальники «первый періодъ кампаніи» окончили «разгромомъ своего врага». Такъ «почему же они не воспользовались плодами своей побѣды и не осадили Путивля»?

Отвѣчая на подобный вопросъ, С. Ѳ. Платоновъ указываетъ на двѣ причины этого факта. Во-первыхъ, «войска Мстиславскаго должны были знать, что возстаніе охватываетъ все Поле и что они могутъ быть отрѣзаны отъ Москвы, если мятежники черезъ Кромы, которыя были въ ихъ власти, пойдутъ на Украинные и Заоцкіе города». Во-вторыхъ, «войска Мстиславскаго, какъ и всякія вообще московскія войска того времени, не были пригодны для продолжительныхъ кампаній. Извѣстно, что тогда довольствіе войска не имѣло никакой организаціи: съѣвъ свои личные запасы, каждый обращался къ грабежу и мародерству». Вотъ почему Мстиславскій не отважился преслѣдовать Лжедимитрія, а поспѣшилъ укрѣпиться въ Радогощѣ, гдѣ думалъ распустить значительную часть своей рати. Но это не было разрѣшено царемъ Борисомъ, который запретилъ увольнять кого бы то ни было съ похода и приказалъ двинуться подъ Кромы. Такое распоряженіе разсердило многихъ ратныхъ людей; появилось даже желаніе «царя Бориса избыти», началось массовое бѣгство изъ дѣйствующей арміи, но все же рать отправилась на

осаду Кромъ, «подъ обгорѣлыми стѣнами которыхъ рѣшилась участь династіи Годуновыхъ».

Между тѣмъ Самозванецъ, спасшійся въ Путивль, успѣлъ придти въ себя послѣ понесеннаго имъ пораженія. Переходъ на его сторону новыхъ городовъ, медлительность московской рати, извѣстія о томъ, что она таетъ съ каждымъ днемъ, мало-по-малу вернули Лжедимитрію прежнюю его вѣру въ свою счастливую звѣзду. Въ Путивлѣ у него было довольно много досуга, и Самозванецъ посвятилъ его бесѣдамъ съ отцами Лавицкимъ и Чижевскимъ. Въ этихъ бесѣдахъ Лжедимитрій высказалъ нѣсколько любопытныхъ мыслей. Прежде всего онъ говорилъ о необходимости реформировать духовенство и особенно горячо возставалъ противъ русскаго монашества. Разъ послѣ жестокихъ нападеній на монастырскій укладъ жизни «царевичъ» даже смутилъ іезуитовъ прямо поставленнымъ вопросомъ: «Что дѣлать? Какъ бы разомъ искоренить все это зло?» Второй темой разговоровъ и плановъ Самозванца былъ вопросъ о насажденіи образованія на Руси. Для этого Лжедимитрій думалъ предпринять слѣдующее: открыть школы и академіи, организовать поѣздки русской молодежи за границу, вызвать въ Московское государство множество учителей. Эти мысли о насажденіи науки, которымъ нельзя отказать въ извѣстной широтѣ и основательности, очень занимали тонкій и воспріимчивый умъ «царевича». Онъ самъ было задумалъ пополнить свое далеко не полное образованіе, но дальше трехъ, четырехъ уроковъ дѣло не пошло. Неудача этой попытки объясняется и тѣмъ, что Лжедимитрій въ совершенствѣ владѣлъ лишь русскимъ языкомъ, на польскомъ языкѣ онъ говорилъ недостаточно свободно, по-латыни же зналъ всего лишь нѣсколько словъ.

Самозванецъ короталъ время въ Путивлѣ въ бесѣдахъ съ іезуитами и въ собираніи подкрѣпленій. А подъ Кромами въ это время происходили жаркія стычки между осаждающими и осажденными войсками. Дѣло въ томъ, что «непредвидѣнное никѣмъ возстаніе городовъ на Полѣ противъ московскаго правительства сообщило Кромамъ огромное стратегическое значеніе, а Борисовы воеводы не сумѣли во время удержать за собой этотъ крѣпкій городокъ». Онъ перешелъ къ Самозванцу и сослужилъ ему великую службу во время похода 1604—1605 годовъ. Къ веснѣ 1605 года обнаружилась вся важность Кромъ для воюющихъ сторонъ. Московскіе воеводы не могли дѣйствовать противъ Путивля, имѣя за собой Кромы, изъ которыхъ можно было перенять пути сообщенія ихъ съ Москвой. Рать Самозванца, потерявъ Кромы, лишилась бы возможности идти къ Москвѣ черезъ Калугу, а вынуждена была бы предпринять наступленіе сквозь рядъ сильнѣйшихъ крѣпостей. Вотъ почему и возгорѣлась упорнѣйшая борьба за Кромы. Московскіе военачальники сосредоточили сюда всѣ свои войска, а Лжедимитрій посылалъ къ осажденнымъ подкрѣпленія и писалъ во всѣ вѣрные ему города, требуя поддержки Кромъ. Городокъ, построенный всего лишь въ 1595 году, пріобрѣлъ рѣшающее стратегическое значеніе. Онъ отличался выгоднымъ мѣстоположеніемъ: стояли Кромы на высокомъ берегу рѣки Кромы и почти со всѣхъ сторонъ были окружены болотами и камышами. Взять такой городъ было очень трудно, тѣмъ болѣе что московскія войска, умѣвшія доблестно защищаться за стѣнами городовъ, не были столь же пригодны для наступательныхъ дѣйствій. Но у Мстиславскаго было огромное превосходство въ силахъ и отличная осадная артиллерія. Въ московскомъ станѣ насчитывалось не менѣе 70 большихъ орудій. Поэтому Мстиславскому удалось загнать осажденныхъ во внутренній острогъ. Москвитяне заняли было даже осыпь, окружавшую Кромы, но не удержались на ней. Какъ разъ въ этотъ моментъ въ городъ успѣло проникнуть подкрѣпленіе, предводимое донскимъ атаманомъ—Корѣлой. Невзрачный съ виду, этотъ казацкій вождь оказался выдающимся предводителемъ, не даромъ среди казаковъ онъ пользовался репутаціей колдуна. Проникнувъ въ Кромы, онъ воодушевилъ осажденныхъ и сумѣлъ организовать самую упорную оборону. Корѣла былъ природнымъ инженеромъ-сапером. Въ короткое время подъ землей возникъ новый городъ, очень удобный и безопасный, хотя темный и лишенный свѣжаго воздуха. Казаки устраивали вылазки оттуда и отбили до 10-ти приступовъ московскаго войска. Въ послѣднемъ развились эпидеміи, и оно разбредалось неудержимо.

Царь Борисъ посылалъ подкрѣпленія, но это была «посоха», неспособная къ ратному дѣлу.

Храбрость и умъ Корѣлы спасали дѣло Самозванца. Онъ, впрочемъ, не терялъ времени даромъ. Помимо посылки помощи осажденнымъ въ Кромахъ и бесѣдъ съ іезуитами, Лжедимитрій въ это именно время затѣвалъ грандіозный планъ поднять противъ царя Бориса все вольное казачество. Эмиссары его были отправлены даже на Яикъ. Неизвѣстно, какъ сталъ бы приводить Самозванецъ свои замыслы въ исполненіе, но неожиданно произошло событіе, необыкновенно благопріятное для Лжедимитрія. Его страшный врагъ, царь Борисъ, скончался внезапно, 13-го апрѣля 1605 года. Непредвидѣнная смерть царя была приписана многими изъ его современниковъ отравѣ. Однако извѣстно, что Годуновъ началъ прихварывать уже съ 1602 года. Волненія и мучительныя тревоги послѣднихъ двухъ лѣтъ могли окончательно подкосить этого крѣпкаго отъ природы человѣка. Какъ бы то ни было, дни царя Бориса были сочтены. 13-го апрѣля онъ внезапно почувствовалъ себя нехорошо. Въ тотъ же день наступила роковая развязка. Его все же успѣли постричь въ монашество, и подъ именемъ Боголѣпа царь Борисъ Ѳеодоровичъ переселился въ иной міръ. Послѣ него остались жена и двое дѣтей. Царица, дочь Малюты Скуратова, отличалась, по показаніямъ нѣкоторыхъ современныхъ Смутѣ писателей, злымъ нравомъ и не пользовалась народнымъ расположеніемъ. Зато дѣти царя Бориса, юные Ѳеодоръ и Ксенія, достойны были своего высокаго положенія. Царь Ѳеодоръ Борисовичъ былъ хорошъ собой, очень силенъ и уменъ не по лѣтамъ. Отецъ позаботился дать ему образованіе и старался, насколько дозволялъ возрастъ царевича, познакомить его съ дѣлами правленія. Заботился царь Борисъ и о воспитаніи своей дочери, царевны Ксеніи, отличавшейся рѣдкой красотой, а впослѣдствіи своими несчастіями. Если бы царь Ѳеодоръ Борисовичъ вступилъ на престолъ въ менѣе бурное время, онъ, вѣроятно, сумѣлъ бы царствовать съ достоинствомъ и блескомъ. Но онъ былъ молодъ, неопытенъ и одинокъ. Это послѣднее обстоятельство было непоправимымъ бѣдствіемъ для всей Годуновской семьи. У царя Бориса не было такъ называемый «ближней думы». Бояре, ему родственные, не пользовались большимъ авторитетомъ въ народѣ, да и не были достаточно одарены для того, чтобы править страной въ столь тревожное время. Изъ даровитыхъ сотрудниковъ Годунова можно было, пожалуй, счесть опорой трона П. Ѳ. Басманова. Но онъ, несмотря на принадлежность къ хорошему роду, все же не былъ достаточно знатенъ, чтобы стать надежнымъ оплотомъ колеблющагося трона. Да и по нравственнымъ качествамъ этотъ, несомнѣнно, энергичный, распорядительный и мужественный бояринъ не оказался на высотѣ призванія. Обласканный и возвышенный царемъ Борисомъ, Басмановъ при первомъ удобномъ поводѣ счелъ себя обиженнымъ сыномъ своего бывшаго покровителя и склонился къ мысли объ измѣнѣ. Правда, если бъ онъ и не перешелъ на сторону Лжедимитрія, все равно царю Ѳеодору Борисовичу не удалось бы удержать за собой престолъ: слишкомъ сильнымъ сдѣлалось движеніе въ пользу Самозванца. Народныя массы давно были подготовлены къ возстанію въ пользу чудесно спасшагося «царевича», слухи объ успѣхахъ котораго проникали въ народъ и невольно его волновали. Твердая рука царя Бориса до поры до времени сдерживала склонную къ мятежу чернь, но смерть опытнаго правителя разнуздывала толпу. Однако коноводами, рѣшившими гибель новой династіи, оказались высоко стоявшіе «княжата».

Царь Борисъ подвергъ опалѣ и разгромилъ семью Никитичей и родственные имъ круги боярства. Такимъ образомъ онъ думалъ отдѣлаться отъ опасныхъ соперниковъ. Но онъ оставилъ въ сторонѣ бояръ-княжатъ. Тѣ не выступили по разнымъ причинамъ соперниками его кандидатуры на престолъ и этому были обязаны сохраненіемъ своего положенія въ государствѣ. Хотя Годуновъ и къ нимъ относился съ недовѣріемъ, да и имѣлъ причины для этого,—все же царю изъ «княжатъ» приходилось брать себѣ большинство главныхъ сотрудниковъ и военачальниковъ. И князья-бояре, худо-ли, хорошо ли, служили царю Борису и водили его рати въ бой противъ Лжедимитрія. Такимъ образомъ ко дню смерти Годунова, именно «княжата» оказались господами положенія въ Москвѣ. Отъ нихъ зависѣло, продолжать ли борьбу съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ» или доставить ему торжество и тѣмъ избавиться отъ ненавистной

семьи «рабоцаря». И князья-бояре выбрали второе; быть можетъ, они предвидѣли, что торжество Самозванца будетъ недолгимъ и послужитъ ступенью къ ихъ собственному возвышенію. Во всякомъ случаѣ у Годуновыхъ выбора не было, и имъ пришлось опереться опять-таки на «княжье». Недовольные, вѣроятно, ходомъ дѣлъ подъ Кромами, они отозвали въ Москву князей Мстиславскаго и Шуйскихъ, а вмѣсто нихъ отправили честнаго, но недостаточно распорядительнаго князя М. П. Катырева-Ростовскаго и П. Ѳ. Басманова. возлагая всѣ надежды на этого храбраго полководца. Но назначеніемъ затѣмъ въ число воеводъ князя Телятевскаго, который сталъ выше менѣе родовитаго Басманова, Годуновы оскорбили честолюбиваго воеводу и дали ему поводъ къ измѣнѣ. При томъ въ войскѣ подъ Кромами остались князья В. В. и И. В. Голицыны, одни изъ вліятельнѣйшихъ бояръ, очень враждебные новой династіи. Въ Москвѣ же очутился князь В. И. Шуйскій, величайшій мастеръ въ интригахъ всякаго рода. Такимъ образомъ «княья-бояре сдѣлались», по справедливому замѣчанію профессора Платонова, «хозяевами положенія и въ арміи и въ столицѣ и немедленно объявили себя противъ Годуновыхъ и за «царя Димитрія Ивановича».

Неизвѣстно въ точности, какимъ образомъ совершилась измѣна въ арміи, стоявшей подъ Кромами и бывшей послѣднимъ серьезнымъ оплотомъ новой династіи. Однако можно въ общихъ чертахъ представить себѣ, какъ было дѣло. Состояніе духа у осаждающихъ было подавленное: бѣгство многихъ служилыхъ людей, эпидемія «мыта», извѣстія объ успѣхахъ «царевича», о томъ, что онъ истинный «царь Димитрій Ивановичъ», отнимали охоту сражаться за Годуновыхъ. Пріѣхавшій къ войскамъ Басмановъ старался вывѣдать настроеніе волжскихъ массъ и, узнавъ ихъ готовность измѣнить, самъ склонился на сторону Самозванца. Въ этомъ онъ нашелъ дѣятельную поддержку со стороны братьевъ Голицыныхъ и М. Г. Салтыкова. Воеводы привлекли къ своему «совѣту» рязанскихъ дѣтей боярскихъ, и тѣ подъ руководствомъ столь извѣстной впослѣдствіи семьи Ляпуновыхъ горячо принялись за дѣло. Согласились примкнуть къ измѣнѣ Годуновымъ и дѣти боярскіе другихъ «украинныхъ» городовъ: Тулы, Каширы, Алексина. И вотъ 7-го мая значительныя рати измѣнили царю Ѳеодору Борисовичу и перешли на сторону Самозванца. Оставшимся вѣрнымъ Годуновымъ воеводамъ удалось бѣжать къ Москвѣ. Ив. Ив. Годуновъ былъ схваченъ и приведенъ къ Лжедимитрію. Измѣна произвела панику въ войскѣ, стоявшемъ подъ Кромами. Многіе бѣжали, не понимая хорошенько, что происходитъ. Другіе обрадовались случаю покончить утомительный и трудный походъ и разъѣхались по домамъ. Оставшіеся примкнули къ заводчикамъ измѣны и признали «царя Димитрія Ивановича».

Послѣ перехода главной арміи на сторону Самозванца торжество Лжедимитрія стало несомнѣннымъ. Только гарнизонъ города Калуги да стрѣльцы у Серпухова имѣли мужество оказать нѣкоторое сопротивленіе передовымъ отрядамъ «царя Димитрія Ивановича». Самъ же Лжедимитрій торжественно подвигался изъ Путивля къ столицѣ, всюду встрѣчаемый, какъ прирожденный государь. Въ Путивль къ нему прибыли князь И. В. Голицынъ съ большой свитой и билъ челомъ «именемъ всего войска». Въ городѣ къ Лжедимитрію явились Басмановъ, Салтыковъ, В. В. Голицынъ и Шереметевъ. Въ Тулу и Серпуховъ выѣхали встрѣтить Самозванца князья В. И., Д. И. и И. И. Шуйскіе, Ѳ. И. Мстиславскій и И. М. Воротынскій. «Они явились»,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—«съ придворнымъ штатомъ и запасами, и Тула на нѣсколько дней обратилась во временную резиденцію уже царствующаго царя Димитрія». Самозванецъ, къ которому явилось такимъ образомъ чуть не все боярство, уже на походѣ сталъ распоряжаться столицей. Онъ отправилъ въ Москву съ отрядомъ войска П. Ѳ. Басманова, для завѣдыванія же дѣлами послалъ князя В. В. Голицына и двухъ давнихъ своихъ приверженцевъ кн. Мосальскаго, Рубца и дьяка Богдана Сутупова, сдавшихъ ему Путивль и оставшихся управлять этимъ городомъ при Самозванцѣ. Такъ составилась комиссія, которой «царь Димитрій» поручилъ «выдать Москву» и приготовить ее ко времени своего царскаго прибытія.

Сама Москва стала волноваться тоже давно, со дня смерти царя Бориса. Слухи о Самозванцѣ, о томъ, что онъ подлинный царевичъ, мутили чернь и разнуздывали ее. Раздались рѣчи о необходимости допросить инокиню Марѳу, мать царевича

Димитрія, вызвать изъ ссылки Нагихъ. Годуновы терялись, не знали, что предпринять. Наконецъ рѣшили выслать на Лобное мѣсто князя В. И. Шуйскаго, которому довѣряли болѣе, чѣмъ другимъ. И дѣйствительно, В. И. Шуйскій торжественно заявилъ народу, что настоящій царевичъ схороненъ въ Угличѣ. Однако этому мало вѣрили: есть довольно достовѣрныя извѣстія, будто самъ князь Василій подъ рукой распространялъ противоположное своимъ публичнымъ словамъ. Въ это именно время пришло извѣстіе о переходѣ войска на сторону «царевича». Явились и бѣглецы изъ подъ Кромъ. «Деморализація военной толпы»,—замѣчаетъ профессоръ Платоновъ,—«передалась толпѣ уличной, страхъ бѣжавшихъ заразилъ москвичей. Въ то время, когда одни сообразили, что нѣтъ болѣе правительства и что они остаются, до поры до времени, на своей волѣ, другіе почувствовали, что нѣтъ болѣе порядка и надобно самимъ думать о своей безопасности и цѣлости. Малѣйшая тревога разнуздывала однихъ и повергала въ панику другихъ». Московское правительство старалось принимать мѣры для защиты столицы отъ возможнаго нападенія на нее передовыхъ отрядовъ Самозванца, но военныя приготовленія дѣлались очень вяло. Народъ смѣялся надъ ними. Богатые люди тѣмъ временемъ торопились попрятать свое имущество, опасаясь городской черни еще болѣе, чѣмъ войскъ Лжедимитрія. Въ городѣ царило напряженное выжидательное настроеніе: ожидали вѣстей отъ Самозванца, но гонцовъ «царя Димитрія» перехватывали на дорогѣ правительственные отряды. Наконецъ 1-го іюня 1605 года разразилась катастрофа. Гонцы Лжедимитрія: Пушкинъ и Плещеевъ добрались благополучно до подмосковнаго села Краснаго, подняли населеніе этого богатаго и многолюднаго мѣстечка и съ толпой красносельцевъ ворвались въ столицу. Здѣсь на Красной площади была прочтена милостивая грамота Самозванца, и народъ перешелъ на сторону «царя Димитрія Ивановича». Бояре сдѣлали видъ, что увлечены народнымъ движеніемъ, и участь Годуновыхъ была рѣшена безповоротно. Въ Москвѣ водворилась временная анархія. Въ то время, какъ вельможи занялись арестомъ семьи царя Бориса и переводомъ ея въ старое Годуновское жилище, толпа грабила «сильныхъ» и богатыхъ людей. Пострадали даже совсѣмъ постороннія лица,какъ, напримѣръ, торговые нѣмцы. Извѣстный любимецъ Грознаго, Богданъ Бѣльскій, сосланный при царѣ Борисѣ и возвращенный въ Москву послѣ его смерти, явился подстрекателемъ буйной и разнузданной черни. Тѣмъ временемъ въ Москву прибыла комиссія, посланная Лжедимитріемъ. Она водворила порядокъ въ городѣ и занялась Годуновыми и ихъ приверженцами. Патріархъ Іовъ былъ выведенъ изъ собора во время службы и сосланъ, какъ простой инокъ въ Старицкій монастырь «на свое обѣщаніе». Родныхъ Годуновской семьи разослали по разнымъ городамъ въ заточеніе. Семена В. Годунова, какъ самаго ревностнаго слугу царя Бориса, удушили въ Переяславлѣ. Расправились и съ семьей покойнаго царя Бориса. Царевну Ксенію пощадили. Но царицу Марію и царя Ѳеодора рѣшили умертвить. За это принялись князья В. В. Голицынъ и Масальскій-Рубецъ, отставленный царемъ Борисомъ дьякъ Пересрединовъ, Мих. Молчановъ. Взявъ для подмоги трехъ стрѣльцовъ, названныя лица отправились въ жилище Годуновыхъ. Быстро покончили они со старой царицей, но молодой и сильный Ѳеодоръ Борисовичъ оказалъ отчаянное сопротивленіе и былъ убитъ самымъ жестокимъ и гнуснымъ образомъ. Народу объявили, что смерть Годуновыхъ была самоубійствомъ: они будто бы отравились со страху.

Не пощадили и праха царя Бориса. Гробъ съ останками покойнаго вырыли изъ Архангельскаго собора и похоронили вмѣстѣ съ тѣлами царицы Маріи и царя Ѳеодора Борисовича въ бѣдной Варсонофьевской обители, на Срѣтенкѣ. Послѣ этого стали ожидать торжественнаго въѣзда «царя Димитрія Ивановича» въ столицу.

Итакъ, Самозванцу удалось добиться поставленной имъ и, казалось, недосягаемой цѣли. Какъ же держалъ себя безвѣстный до сего искатель приключеній, волею историческихъ условій вознесенный на головокружительную высоту. Надо признать, что «царь Димитрій Ивановичъ» быстро освоился съ принятой на себя ролью и иногда какъ будто готовъ былъ самъ повѣрить въ правдивость своихъ росказней. По крайней мѣрѣ, онъ держалъ себя чрезвычайно самоувѣренно и не безъ чувства достоинства. Такъ, Самозванецъ встрѣтилъ

весьма сухо нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ, явившихся къ нему на поклонъ, показалъ гораздо большее вниманіе вѣрнымъ своимъ соратникамъ, донскимъ казакамъ, а князя Телятевскаго «лаялъ, какъ прямой царскій сынъ», за вѣрность этого вельможи Годуновымъ и отдалъ приказаніе посадить злосчастнаго боярина въ тюрьму. Такое поведеніе «царя Димитрія» естественно не нравилось «княжатамъ», которые обманулись въ своихъ расчетахъ играть при Самозванцѣ первенствующую роль. Особенно возмущены были князья Шуйскіе. Они рѣшили начать агитацію противъ только что признаннаго имъ государя немедленно послѣ торжественнаго вступленія Лжедимитрія въ столицу.

Этотъ пышный въѣздъ состоялся 20-го іюня 1605 года. Стоялъ чудный лѣтній день. Множество народа толпилось навстрѣчу новому царю съ радостными кликами, желая ему многолѣтія и величая «краснымъ солнышкомъ». Лжедимитрій милостиво раскланивался съ толпой и ласково говорилъ колѣнопреклоненному народу: «Дай Богъ и вамъ здоровья! Молитесь за меня Богу». При въѣздѣ Самозванца на площадь поднялся страшный вихрь. Народъ въ смятеніи началъ креститься, молясь: «Помилуй насъ Богъ! Помилуй насъ Богъ». Подъѣхавъ къ Лобному мѣсту, Лжедимитрій остановилъ своего коня, снялъ шапку и, глядя на соборъ Василія Блаженнаго, сталъ съ горячими слезами молиться Богу, способившему его видѣть родную Москву. Видя слезы царя, народъ сталъ громко рыдать отъ умиленія. Въ Кремлѣ Самозванецъ обошелъ по московскому обычаю соборы, слушалъ молебны, прикладывался къ святынямъ. Народу нравилось благочестіе царя. Однако были и сцены, непріятныя для глазъ москвичей. Такъ, во время молебствій «Литва и Польша» сидѣли на коняхъ, въ бубны били и въ трубы трубили. Но это обстоятельство сравнительно мало испортило день въѣзда «царя Димитрія Ивановича» въ Москву, и новый государь могъ быть доволенъ, видя общее признаніе его истиннымъ сыномъ Грознаго.

Между тѣмъ надъ головой Самозванца показалась первая, на этотъ разъ почти незамѣтная тучка. Дѣло въ томъ, что Шуйскіе, какъ уже отмѣчено, не замедлили выступить противъ Лжедимитрія. Нельзя не признать подобнаго шага со стороны Шуйскихъ, чѣмъ бы онъ ни вызывался, черезчуръ поспѣшнымъ. И это пришлось почувствовать князю Василію Ив. съ братьями. Самая агитація, по свидѣтельству современниковъ, была организована такъ. Шуйскій привелъ къ себѣ торговаго человѣка Ѳедора Конева (по другимъ сообщеніямъ, Коня, быть можетъ Конона, Ѳедорова) и нѣкоего лѣкаря Костю и поручилъ имъ сообщить народу, что «царь Димитрій Ивановичъ»—самозванецъ. Быть можетъ, были и другіе агенты у князя Василія, но попались при распространеніи слуховъ о самозванствѣ новаго государя только вышеназванныя лица. Басмановъ провѣдалъ о начавшейся агитаціи, вызналъ, кто ея виновникъ, и донесъ обо всемъ Лжедимитрію. Тотъ приказалъ арестовать князей Шуйскихъ. Ихъ схватили, судили и приговорили В. И. Шуйскаго къ смертной казни. Однако, когда осужденный вельможа былъ уже на плахѣ, Самозванецъ приказалъ помиловать его. Всѣ три брата были лишены вотчинъ и сановъ и отправлены въ ссылку въ Галицкій край. Вскорѣ, впрочемъ, они были возвращены въ Москву и заняли въ ней прежнее очень видное положеніе. Неизвѣстно, по чьему ходатайству и по какимъ соображеніямъ Лжедимитрій обнаружилъ такое великодушіе въ этомъ дѣлѣ. Указываютъ на князей Голицыныхъ, любимаго секретаря Лжедимитрія Николая Бучинскаго; нѣкоторые называютъ дьяка Власьева, какъ защитника Шуйскихъ. Уступилъ ли Самозванецъ просьбамъ этихъ лицъ, опасался ли онъ казнью первыхъ по знатности вельможъ въ государствѣ возбудить неудовольствіе народа, желалъ ли показать, что презираетъ «клеветы», имѣлъ ли онъ причины быть признательнымъ князьямъ Василію съ братіей, остались до сихъ поръ сокрытымъ отъ изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, великодушіе Самозванца ему дорого обошлось впослѣдствіи и стоило жизни и престола.

Во время задержанія Шуйскаго Самозванецъ былъ занятъ очень важнымъ въ глазахъ его дѣломъ. Лжедимитрій правильно оцѣнивалъ значеніе патріаршества на Руси. Ему очень хотѣлось имѣть угоднаго и податливаго патріарха. На преданность Іова «царь Димитрій Ивановичъ» не могъ разсчитывать; онъ даже,

весьма вѣроятно, имѣлъ большія основанія избѣгать встрѣчи съ этимъ первосвятителемъ. Поэтому Іовъ, увезенный, какъ уже извѣстно, въ Старицу, былъ сведенъ съ престола подъ благовиднымъ предлогомъ дряхлости и слабаго зрѣнія. На соборѣ русскихъ іерарховъ 24-го іюня 1605 года Самозванецъ предложилъ поэтому избрать другого патріарха. Соборъ сначала переизбралъ Іова, въ знакъ ли протеста противъ насильственнаго удаленія этого патріарха, или желая выразить своимъ выборомъ уваженіе къ достойному первосвятителю. Во всякомъ случаѣ дальнѣйшихъ протестовъ высшее духовенство не заявило и въ тотъ же день избрало намѣченнаго Лжедимитріемъ Игнатія Гречина, архіепископа Рязанскаго. Этотъ архіерей первымъ изъ епископовъ признался Самозванца царемъ и очень понравился «Димитрію Ивановичу». Умный Самозванецъ правильно оцѣнилъ податливость новаго патріарха и полнѣйшую его ничтожность. Однако на первыхъ порахъ Игнатій показалъ большую ревность къ православію, громилъ «латынянъ» въ своихъ посланіяхъ и проповѣдяхъ. Онъ даже имѣлъ столкновеніе съ православнымъ духовенствомъ и слугами князя Адама Вишневецкаго за ихъ «католическое» одѣяніе. Все это не помѣшало Игнатію, низвергнутому при Шуйскомъ и удалившемуся въ Рѣчь Посполитую, признать унію и заслужить большое расположеніе уніатскихъ монаховъ. Во всякомъ случаѣ по отношенію къ «царю» патріархъ былъ чрезвычайно угодливъ, такъ что Самозванецъ не имѣлъ поводовъ сожалѣть о своемъ выборѣ.

Покончивъ съ вопросомъ о назначеніи патріарха, Лжедимитрій не забылъ о дальнѣйшемъ упроченіи своемъ на престолѣ. Это могло сдѣлать лишь свиданіе его съ «матерью», инокиней Маѳоой, отъ признанія которой зависѣла дальнѣйшая участь Самозванца. Поэтому великій мечникъ—таково было новое званіе, введенное Лжедимитріемъ—знаменитый впослѣдствіи князь М. В. Скопинъ-Шуйскій былъ отправленъ за инокиней Маѳоой и привезъ ее 18-го іюля въ Москву. Какъ говорятъ нѣкоторыя современныя извѣстія, Самозванецъ склонилъ свою «мать» къ признанію его своимъ «сыномъ» «великими посулами» и не менѣе «великими прещеніями». Нужно ли только было это? Самозванцу, вѣроятно, было уже извѣстно, какъ вела себя инокиня Маѳа въ началѣ его предпріятія, когда она осмѣлилась въ лицо Годунову сказать загадочныя слова о царевичѣ Димитріи и о томъ, что ей неизвѣстно, живъ онъ или нѣтъ. Въ то же время Лжедимитрій учитывалъ положеніе инокини Маѳы и силу искушенія стать «матерью» «царя» и промѣнять келью захолустнаго монастыря на богатые покои въ Вознесенской обители. Итакъ «мать» и «сынъ» встрѣтились подъ Москвой, такъ какъ Лжедимитрій поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу инокинѣ Маѳѣ. Свиданіе «матери» съ «сыномъ» было трогательнымъ. Оба хорошо разыграли комедію радостной встрѣчи послѣ долгой невольной разлуки: потоки слезъ лились изъ глазъ «царя Димитрія Ивановича» и его «матери»; объятія и горячіе поцѣлуи чередовались другъ съ другомъ. Нѣсколько часовъ провелъ Лжедимитрій наединѣ съ инокиней Маѳоой: они не могли наговориться другъ съ другомъ и наглядѣться другъ на друга. На слѣдующій день, 28-го іюня, послѣдовалъ торжественный въѣздъ инокини Маѳы въ столицу. Самозванецъ верхомъ на конѣ старался держаться какъ можно ближе къ каретѣ своей «матери», которой усиленно оказывалъ всевозможные знаки сыновней любви и почтенія. Все это произвело сильное впечатлѣніе на народныя толпы. Волненіе народа достигло крайнихъ предѣловъ, когда увидѣли, какъ усердно молятся «царь Димитрій Ивановичъ» и его удрученная прежними невзгодами «мать» передъ святынями въ Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ «царь» проводилъ инокиню Маѳу до отведенныхъ ей покоевъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда впослѣдствіи Лжедимитрій являлся почти ежедневно для свиданія съ любимой «матерью».

Спустя день послѣ всенародной встрѣчи «царской матери», Лжедимитрій торжественно вѣнчался на царство. Онъ принялъ при этомъ причастіе изъ рукъ патріарха; этого іезуиты, попрежнему очарованные Самозванцемъ, не могли «разглядѣть» за дальностью разстоянія. Но этотъ фактъ подтверждается достовѣрными свидѣтельствами. За вѣнчаніемъ на царство послѣдовалъ рядъ царскихъ милостей. Всѣ тѣ знатные люди, которыхъ постигла опала въ правленіе и царствованіе Бориса Годунова, были щедро награжде-

ны. Такъ, «дядя» царя, М. Ѳ. Нагой, былъ пожалованъ въ бояре и конюшіе; И. Н. Романовъ получилъ санъ боярина; старшій его братъ, Филаретъ Никитичъ, возвращенъ изъ Антоніево-Сійскаго монастыря въ Москву, обласканъ Лжедимитріемъ и впослѣдствіи возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Злосчастный «великій князь» Симеонъ Бекбулатовичъ былъ вызванъ изъ ссылки и получилъ большой почетъ при дворѣ Самозванца. Наконецъ, двое думныхъ дьяковъ: Вас. Щелкаловъ и Аѳанасій Власьевъ возведены были въ степень окольничихъ. Были даны щедрыя награды и многимъ другимъ лицамъ.

Пируя и веселясь по случаю названныхъ торжествъ, Лжедимитрій довольно усердно занимался и государственными дѣлами. Онъ каждый день присутствовалъ въ Думѣ, гдѣ удивлялъ бояръ своимъ гибкимъ умомъ и быстротой соображенія при рѣшеніи запутанныхъ дѣлъ. Самозванецъ любилъ щегольнуть своимъ умомъ, много и охотно говорилъ, поучалъ другихъ. Онъ часто корилъ бояръ за ихъ отсталость, но старался дѣлать это мягко и ласково. «Царь Димитрій Ивановичъ» говорилъ при этомъ о необходимости поѣздокъ въ чужіе края, о возможности тамъ многому научиться, обѣщалъ, что охотно будетъ разрѣшать такія поѣздки. Однако крупныхъ реформъ не производилъ, да и не приступалъ къ нимъ. Не успѣлъ ли онъ еще осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, или увлекся внѣшними дѣлами, которыми, какъ сейчасъ будетъ видно, очень интересовался, нельзя сказать навѣрное. Впрочемъ, несомнѣнно, что у Самозванца, еще очень молодого человѣка, было больше стремленій и порывовъ, чѣмъ выдержки, необходимой для преобразователя. Все же Лжедимитрій показывалъ большую заботливость о народѣ: приказалъ въ приказахъ рѣшать дѣла безъ посуловъ и началъ 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, лично принимать челобитчиковъ. Онъ удвоилъ денежное жалованье служилымъ людямъ, увеличилъ кое-гдѣ нормы помѣстныхъ окладовъ, велѣлъ заплатить деньги, которыя были взяты въ займы еще Иваномъ IV и не возвращены. Изъ другихъ распоряженій въ царствованіе Лжедимитрія надобно отмѣтить два боярскихъ приговора относительно крестьянъ и холоповъ: 1) если дѣти боярскіе, приказные люди, гости и торговые всякіе люди станутъ брать на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, что занялъ у него, да у сына его деньги, и кабалу или на себя дастъ, то этихъ кабалъ отцу съ сыномъ писать и въ книги записывать не велѣть, а велѣть писать порознь,—отцу особая кабала и сыну особая, сыну же съ отцомъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ кабалъ писать и въ книги записывать не велѣть. Если же отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ станутъ по служилымъ кабаламъ на комъ-нибудь холопства искать, то этимъ истцамъ отказывать, а тѣхъ людей, на кого они кабалу положатъ, освободить на волю»; 2) «Если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имѣніемъ, которымъ прокормиться имъ было можно, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, изъ Подмосковныхъ городовъ на Украйны, или обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, — про такихъ велѣно было спросить окольныхъ людей стараго помѣстья, и если они скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ съ имѣніемъ, достаточнымъ для прокормленія, то бѣглеца отдать прежнему помѣщику. Если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные года, отъ бѣдности, было нечѣмъ ему прокормиться,—такому крестьянину жить за тѣмъ, кто купилъ его въ голодные года, а истцу отказать: не умѣлъ онъ крестьянина кормить въ тѣ голодные года, и теперь не ищи. Если крестьяне въ голодные года пришли въ холопи къ своимъ, или чужимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и дали на себя служилые кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне,—въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: если шелъ отъ бѣдности, имѣнья у него не было ничего, то истцамъ отказывать; въ голодныя лѣта помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ,

самъ онъ прокормиться не могъ, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертью умереть, билъ челомъ въ холопы, и тотъ, кто его принялъ, въ голодные года кормилъ и себя отощалъ, проча его себѣ,— и теперь такого крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать; и быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, потому что не отъ самой большой нужды онъ въ холопи не попалъ бы. Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ,—въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книги въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки; если же кабалы въ книги не записаны, то имъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голода или годъ спустя послѣ него, то ихъ сыскивать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ; въ случаѣ же спора, давать судъ; равно если крестьяне попали въ холопи до голода, то обращаются снова въ крестьянъ... А на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать». Смыслъ перваго приговора заключается въ томъ, чтобы такъ или иначе ограничить распространеніе холопства и сократить случаи возможныхъ злоупотребленій при этомъ. Второй приговоръ ликвидировалъ, и въ общемъ довольно справедливо, отношенія, вызванныя страшными голодовками начала XVII столѣтія. Здѣсь можно кстати отмѣтить, что Лжедимитрій внялъ голосу даже отдаленныхъ сибирскихъ инородцевъ, жаловавшихся на притѣсненія, чинимыя сборщиками ясака. Самозванецъ освободилъ ихъ отъ сборщиковъ и повелѣлъ, чтобы они сами отвозили ясакъ въ Верхотурье.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Лжедимитрій рисуется въ довольно благопріятномъ свѣтѣ. Онъ былъ, особенно первое время, очень популяренъ въ народѣ, такъ какъ привлекалъ къ себѣ щедростью и привѣтливымъ обращеніемъ. Онъ «воинство велми любляше» и успѣлъ этимъ снискать расположеніе къ себѣ со стороны служилыхъ людей. При этомъ Лжедимитрій умѣлъ показаться народу достаточно православнымъ человѣкомъ. Онъ подтвердилъ прежнія льготы духовенству и въ частности монастырямъ, о реформѣ которыхъ теперь и рѣчи не поднималось. Въ царскіе духовники Самозванецъ избралъ архимандрита одного изъ Московскихъ монастырей. Львовскому братству, оплоту православія въ Рѣчи Посполитой, «царь Димитрій Ивановичъ» отправилъ щедрую милостыню и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался объ его дѣятельности. Вообще передъ народомъ Лжедимитрій старался проявить себя вполнѣ православнымъ человѣкомъ. Правда, болѣе приближеннымъ къ нему русскимъ Самозванецъ говорилъ и о допустимости осьмого и девятаго вселенскихъ соборовъ и о соединеніи церквей, и о предполагаемомъ разрѣшеніи построить костёлъ въ Москвѣ, что, конечно, очень не нравилось набожнымъ москвичамъ, но народъ врядъ ли зналъ объ этихъ словахъ Лжедимитрія до его сверженія съ престола. Не могли народныя массы видѣть и отступленій царя отъ исконныхъ московскихъ обычаевъ, такъ какъ интимная сторона жизни государя была скрыта отъ глазъ толпы. И развратъ, въ которомъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ (повидимому, очень преувеличеннымъ), погрязалъ Лжедимитрій, ускользалъ отъ взоровъ народа. Несомнѣнно, пятномъ на памяти Самозванца лежатъ отношенія его къ злосчастной царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ. Но и это, вѣроятно, не обращало на себя большого вниманія простонародья. То же молодечество, которое любилъ проявлять Лжедимитрій въ народѣ, «конечно, не могло оскорблять большинство», какъ совершенно вѣрно отмѣтилъ покойный С. М. Соловьевъ. Больше всего могла задѣвать народныя массы приближенность новаго царя къ полякамъ и прочимъ иноземцамъ. Но и здѣсь Лжедимитрій постарался вскорѣ отдѣлаться отъ большинства своихъ «боевыхъ товарищей». Поляки вздумали держать себя въ Москвѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ, позволяли себѣ всякія буйства и безчинства и, не довольствуясь щедрымъ вознагражденіемъ, полученнымъ ими отъ «царя Димитрія Ивановича», стали требовать новаго жалованья. Самозванецъ отказалъ имъ, и большинство поляковъ уѣхало въ Польшу, громко негодуя на скаредность Лжедимитрія. При новомъ царѣ остались очень немногіе вѣрные ему поляки, полезные ему въ томъ или другомъ отно-

шеніи. Осталась при немъ и нѣмецкая наемная стража, заведенная еще Годуновымъ. Къ ней Самозванецъ очень благоволилъ, видя ея мужество и вѣрность взятымъ на себя обязательствомъ. Во всякомъ случаѣ лишь съ наплывомъ новыхъ «польскихъ людей», пріѣхавшихъ съ Мнишками, народное неудовольствіе, да и то не на самого Самозванца, а на окружающихъ его иноземцевъ обострилось.

Надо отдать Лжедимитрію справедливость въ томъ, что онъ былъ безстрашенъ и не любилъ принимать мѣръ предосторожности противъ возможности народнаго движенія. Въ этомъ отношеніи онъ скорѣе грѣшилъ чрезмѣрной безпечностью. Замыслы его въ то время были направлены на воинскіе подвиги и дипломатическіе переговоры. Самозванецъ не даромъ былъ «на враги своя ополчитель смѣлъ, храбрость и силу имѣя». Онъ мечталъ о великихъ предпріятіяхъ, о созданіи лиги для изгнанія турокъ изъ Европы. При этомъ Самозванецъ, повидимому, желалъ видѣть себя во главѣ этой лиги. Онъ принялъ даже титулъ «непобѣдимаго Цесаря», что должно было вредить ему въ сношеніяхъ съ очень щепетильными на этотъ счетъ сосѣдними государствами. Мечты о лигѣ противъ турокъ, тайное принятіе католицизма, помощь, оказанная Самозванцу въ дѣлѣ возведенія его на престолъ, желаніе жениться на Маринѣ Мнишекъ, все это заставляло Лжедимитрія поддерживать дѣятельныя сношенія съ іезуитами, Римской куріей и Польшей. Отмѣтивъ мимоходомъ, что отношенія къ послѣдней у «царя Димитрія Ивановича» были очень сложными и двусмысленными, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію вышеуказанныхъ сношеній Самозванца съ іезуитами. Дневники и донесенія послѣднихъ рисуютъ намъ ихъ съ достаточной ясностью. Лжедимитрій, какъ оказывается, не ставилъ имъ никакихъ препонъ въ ихъ священнической дѣятельности среди католиковъ, но видѣлся съ ними чрезвычайно рѣдко: разъ въ три, четыре мѣсяца. Правда, въ промежуткахъ между этими аудіенціями царь не разъ посылалъ къ іезуитамъ и черезъ своихъ довѣренныхъ подтверждалъ имъ, что всѣ его намѣренія остаются безъ измѣненій. Однако нужно время. Во-первыхъ, Борисъ Годуновъ слишкомъ сильно оклеветалъ «царя Димитрія Ивановича». Во-вторыхъ, среди населенія масса предразсудковъ. Іезуиты довольствовались этими объясненіями, которыя сопровождались цѣнными подарками. Во время же личныхъ свиданій съ Чижевскимъ и Лавицкимъ Самозванецъ обнаруживалъ живѣйшую радость. Онъ сравнивалъ моменты этихъ свиданій съ днями своего коронованія и встрѣчи съ «матерью». Лжедимитрій падалъ ницъ передъ іезуитами и приходилъ въ неудержимый восторгъ передъ частицами святыхъ мощей, которыя получилъ отъ нихъ въ даръ. Трудно сказать, на сколько искренни были всѣ эти поступки Самозванца. Скорѣе всего можно думать, что Лжедимитрій пользовался религіей для своихъ цѣлей. Іезуиты же въ частности ему были нужны и для сношеній съ Римской куріей. Изъ предыдущаго изложенія можно было замѣтить, что въ числѣ покровителей Самозванца былъ папскій нунцій Рангони. Онъ присоединилъ «царевича» къ католицизму, далъ ему просимыя разрѣшенія отступить кое въ чемъ отъ требованій новой религіи и оказалъ нѣкоторую поддержку въ предпріятіи противъ Бориса. Но самъ папа былъ въ сторонѣ. Климентъ VIII на собственноручное письмо Лжедимитрія отъ 24 апрѣля 1604 года отвѣтилъ намѣренно уклончивымъ посланіемъ, въ которомъ расточались благословенія, но избѣгались какіе бы то ни было намеки на политику. Во всякомъ случаѣ Самозванцу это все же милостивое письмо давало возможность вступить въ болѣе дѣятельныя сношенія съ Святѣйшимъ престоломъ. Онъ 30-го іюня 1604 года отправилъ папѣ новое письмо, въ которомъ горячо заявлялъ о своей готовности сложить къ ступенямъ папскаго трона свою молодость, здоровье и даже жизнь. Въ то же время Лжедимитрій благодарилъ Климента VIII за помощь, которую тотъ, якобы «предложилъ» «царевичу». На это письмо Климентъ не отвѣтилъ ничего «царю Димитрію Ивановичу». Быть можетъ, папа хотѣлъ выждать, какой оборотъ примутъ дѣла «царевича». Или, пожалуй, онъ былъ удрученъ предсмертной болѣзнью, отъ которой и скончался въ мартѣ 1605 года. Вскорѣ послѣ этого папскій престолъ занялъ энергичный и сравнительно молодой Павелъ V. Онъ вступилъ на престолъ въ началѣ мая 1605 года и въ концѣ этого мѣсяца приказалъ уже

навести въ Польшѣ справки о дѣлѣ «царевича», а 12-го іюня того же года, не дождавшись даже восторженнаго донесенія Рангони о Лжедимитріи, отправилъ послѣднему свою грамоту. Такъ начались непосредственныя сношенія Самозванца съ римскимъ первосвященникомъ. Въ то же время продолжались и сношенія Лжедимитрія съ его давнимъ покровителемъ Рангони. Изъ этихъ отношеній видно, что Самозванецъ хотѣлъ использовать вліяніе и власть нунція для двухъ дѣлъ: о титулѣ Цесаря и о разрѣшеніи для Марины, когда она станетъ царицей, принять причастіе изъ рукъ патріарха и затѣмъ посѣщать православныя церкви, а также держать постъ по средамъ. Рангони очень хотѣлъ исполнить желаніе «царя Димитрія Ивановича», но былъ вынужденъ сознаться, что рѣшеніе поставленныхъ Лжедимитріемъ вопросовъ не можетъ зависѣть отъ нунція. Между тѣмъ Самозванецъ отправилъ одного изъ іезуитовъ, Андрея Лавицкаго съ секретнымъ порученіемъ къ Павлу V. Названный іезуитъ везъ съ собой любопытныя инструкціи, подписанныя «Demetrius Imperator» и изданныя въ настоящее время о. Пирлингомъ. Инструкціи заключались въ слѣдующемъ: «Наставленіе, данное для памяти отцу Андрею Лавицкому, члену братства Іисуса, для святѣйшаго владыки, государя Павла V, первосвященника, 18 декабря 1605 года. 1) Прежде всего онъ объявитъ Его Святѣйшеству о нашемъ намѣреніи предпринять войну противъ турокъ и ради этого заключить союзъ съ нѣкоторыми христіанскими государями. Онъ будетъ просить, чтобы властью Его Святѣйшества было оказано давленіе на свѣтлѣйшаго императора Римскаго, дабы онъ не слогалъ легко оружія и не забывалъ о турецкой войнѣ, а, напротивъ, заключилъ съ нами противъ турокъ союзъ или лигу. 2) Да способствуетъ его святѣйшество заключенію подобнаго же союза и священнаго единенія со свѣтлѣйшимъ королемъ и королевствомъ Польскимъ. 3) Онъ будетъ просить Его Святѣйшество, чтобы принялъ во вниманіе намѣренія наши и свѣтлѣйшаго императора Римскаго относительно сей, угодной Богу, войны. Его Святѣйшество сообщило о нихъ сейму королевства Польскаго, гдѣ будутъ и наши офиціальные послы, и это до роспуска сейма. 4) Онъ укажетъ Его Святѣйшеству, что для этой цѣли мы рѣшили отправить въ возможно скоромъ времени нашего посла къ свѣтлѣйшему императору Римскому. Онъ долженъ просить, чтобы у Его Святѣйшества было также какое-нибудь лицо при императорѣ, для веденія переговоровъ отъ лица Его Святѣйшества по тому же дѣлу. Если же лицо это прибудетъ раньше нашего посла, пусть оно его дожидается. 5) Онъ замѣтитъ Его Святѣйшеству, что между нами и свѣтлѣйшимъ королемъ Польскимъ существуетъ нѣкоторая распря по поводу императорскаго титула, отъ котораго мы легко не откажемся, ибо владѣемъ по полному праву. Онъ попроситъ Его Святѣйшество принять это во вниманіе и быть намъ судьею. 6) Хотя Его Святѣйшеству лучше насъ извѣстно, каковы заслуги передъ святою и священною римскою и католическою церковью почтеннаго и достоуважаемаго отца во Христѣ, сенатора Клавдія Рангони, епископа и князя Реджіо, апостольскаго нунція при свѣтлѣйшемъ королѣ Польскомъ, однако же, такъ какъ намъ лично извѣстны усердіе и бдительность Его Преосвященства въ защитѣ Святого Престола, онъ долженъ просить у Его Святѣйшества отъ имени нашего о дарованіи кардинальскаго сана достоуважаемому Клавдію Рангони, упомянутому выше. Ибо ничто не можетъ быть для насъ болѣе угоднымъ, благодаря расположенію нашему къ Его Преосвященству, какъ если усиліями нашими будетъ ему даровано заслуженное имъ достоинство». Снабженный такими инструкціями, Лавицкій выѣхалъ въ началѣ января 1605 года изъ Москвы и въ мартѣ былъ въ Римѣ, гдѣ встрѣтилъ ласковый пріемъ у папы Павла V.

Однако въ Ватиканѣ замѣтили, что царь больше заботился о походѣ противъ турокъ и о своихъ титулахъ, чѣмъ о возсоединеніи церквей. Между тѣмъ куріи было важнѣе всего именно это возсоединеніе. Въ такомъ тонѣ и отвѣчалъ папа Лжедимитрію, конечно, съ соблюденіемъ всевозможныхъ учтивостей и прибѣгая къ различнымъ изворотамъ. Такимъ образомъ Лжедимитрій ничего не достигъ въ своихъ сношеніяхъ съ куріей, такъ какъ и Маринѣ желаемаго разрѣшенія причаститься изъ рукъ патріарха дано не было. Лжедимитрій, впрочемъ, и самъ какъ бы отказался отъ этого. Быть можетъ, онъ

надѣялся убѣдить свою невѣсту обойтись и безъ разрѣшенія. Въ такомъ случаѣ онъ горько обманулся въ своихъ расчетахъ. Курія съ своей стороны могла быть не всѣмъ довольна въ поведеніи «царя Димитрія Ивановича». Онъ, конечно, подавалъ большія надежды, но медлилъ ихъ выполненіемъ. Правда, Самозванца хвалили и Лавицкій, и Рангони, и «камергеръ» «царя», одинъ изъ поляковъ-католиковъ. Но были у него въ приближеніи и «еретики». Такъ братья Бучинскіе, довѣреннѣйшіе слуги Лжедимитрія, исповѣдывали кальвинизмъ. Поэтому то и слѣдовало Самозванца окружить «хорошими католиками». Это не писалось прямо Лжедимитрію, котораго осыпали комплиментами. Но о необходимости подобныхъ шаговъ шла рѣчь въ перепискѣ куріи съ Мнишками. Марина, какъ набожная католичка, писала папѣ почтительнѣйшія письма и удостаивалась ласковыхъ отвѣтовъ. Самозванецъ съ своей стороны, быть можетъ, и не подозрѣвалъ, какіе замыслы и опасенія питаетъ курія, и въ бесѣдахъ съ племянникомъ папскаго нунція, графомъ Александромъ Рангони, присланнымъ въ Москву, развивалъ идею о необходимости присылки въ русское государство католиковъ, знавшихъ какія-нибудь искусства, науки и ремесла. Онъ обѣщалъ давать этимъ лицамъ почетныя и вліятельныя должности, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы для отвлеченія возможныхъ подозрѣній со стороны народа эти иностранцы были мірянами. Не хитрилъ ли здѣсь Лжедимитрій? Онъ говорилъ также и объ отправкѣ къ папѣ полномочнаго посла. Все это осталось въ области предположеній, однако, въ общемъ отношенія Самозванца къ Куріи нельзя не признать, если вѣрить ихъ искренности, очень хорошими.

Не то приходится сказать, разсматривая отношенія Лжедимитрія къ Рѣчи Посполитой. Казалось, у Самозванца были серьезныя основанія дружить съ Польшей и ея государемъ, такъ какъ, во-первыхъ, ему были оказаны важныя услуги при возведеніи на престолъ Московскихъ государей, а во-вторыхъ, сосѣднее государство могло быть очень полезнымъ «царю Димитрію Ивановичу» въ намѣченной имъ войнѣ противъ турокъ. Но дѣло въ томъ, что помощь польскихъ отрядовъ была совсѣмъ не безкорыстной, а напротивъ, очень хорошо оплачивалась. Да и вели они себя такъ, что должны были не разъ оскорблять самолюбиваго Самозванца, вытерпѣвшаго отъ нихъ на походѣ много униженій. Что же касается короля Сигизмунда, то онъ свою поддержку Лжедимитрію, правда, существенную, хотя и уключивую, продалъ очень дорогой цѣной. Самозванецъ обѣщалъ ему уступку нѣкоторыхъ русскихъ городовъ. Но обѣщать—одно, а выполнить обѣщаніе—другое. Если бы даже «царевичъ» и чистосердечно давалъ свои обѣщанія, что находится подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, то «царь Димитрій» долженъ былъ серьезно призадуматься надъ ихъ выполненіемъ. Онъ зналъ настроеніе русскихъ людей относительно территоріальныхъ уступокъ, да и самъ, по всей вѣроятности, сталъ раздѣлять его. Вотъ поэтому онъ выдвинулъ вопросъ о своихъ титулахъ, принялъ даже новый и постарался замять дѣло о своихъ обѣщаніяхъ. Въ то же время онъ не могъ окончательно поссориться съ королемъ, такъ какъ во власти Сигизмунда была столь любезная сердцу Самозванца панна Марина Мнишекъ. И польскій король имѣлъ вѣскія причины до поры до времени медлить съ своими требованіями. Въ Рѣчи Посполитой разыгрывался опасный для него «рокошъ» Зебжидовскаго, а со Швеціей, отказавшейся признавать католика своимъ государемъ (вѣдь Сигизмундъ былъ также королемъ Шведскимъ) и пригласившей занять престолъ дядю Сигизмунда, герцога Карла Зюдерманландскаго, должна была начаться упорная война. Поэтому король Рѣчи Посполитой рѣшилъ возобновить прерванныя было дипломатическія сношенія съ Московскимъ государемъ и отправилъ въ Москву старосту Велижскаго, пана Александра Корвинъ-Гонсѣвскаго, съ офиціальнымъ порученіемъ принести поздравленія съ торжественнымъ вѣнчаніемъ Лжедимитрія на царство. Вѣрительныя грамоты послу были выданы 13 августа, что и дало возможность С. М. Соловьеву отнести прибытіе Гонсѣвскаго на августъ. Но посланникъ Сигизмунда почему-то замедлилъ своимъ пріѣздомъ и представился Самозванцу лишь въ октябрѣ 1605 года. Выполнивъ свои офиціальныя порученія, поздравивъ Лжедимитрія и пригласивъ его на предстоявшее тогда бракосочетаніе Сигизмун-

да III съ эрцгерцогиней Констанціей, Гонсѣвскій приступилъ къ настоящей цѣли своего посольства. Прежде всего подъ предлогомъ личной дружбы короля къ Московскому «великому князю» (титулъ «царь», а тѣмъ болѣе «цесарь» гордые польскіе короли упорно не давали никому изъ московскихъ государей), староста Велижскій сталъ пугать Самозванца слухами о томъ, что Борисъ Годуновъ живъ, спасся въ Англію и по предсказаніямъ чернокнижниковъ опять воцарится въ Москвѣ. Но король-де принялъ свои мѣры предосторожности и постарается не допустить Годунова въ предѣлы Руси. Затѣмъ Гонсѣвскій просилъ содѣйствія противъ шведскаго «узурпатора», который не прочь былъ вступить въ дружескія сношенія съ московскимъ государемъ. Самозванецъ обнаружилъ большое хладнокровіе при извѣстіи о Борисѣ. Онъ очень вѣжливо благодарилъ Гонсѣвскаго за сообщенія, а Сигизмунда—за принятыя имъ мѣры предосторожности, но замѣтилъ, что послѣднія совершенно излишни, такъ какъ «царь» навѣрно знаетъ о смерти Годунова и о невозможности возмущенія, связаннаго съ этимъ именемъ. Содѣйствіе же свое противъ Швеціи Лжедимитрій обѣщалъ, хотя и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но потребовалъ за это признанія своихъ новыхъ титуловъ. Гонсѣвскій не имѣлъ на это полномочій, и миссія его окончилась довольно неопредѣленными результатами. Впрочемъ, Самозванецъ былъ съ нимъ чрезвычайно предупредителенъ и ласковъ, показывая большое расположеніе къ полякамъ и Сигизмунду.

Въ искренности послѣдняго можно съ полнымъ правомъ усумниться, если принять во вниманіе двусмысленное положеніе, занятое Лжедимитріемъ въ дѣлѣ «рокошанъ». Чтобы разобраться въ этомъ отношеніи, надо нѣсколько припомнить старое. Вѣдь до «обращенія» своего къ католицизму, Самозванецъ, какъ извѣстно, провелъ довольно много времени въ Гощѣ, центрѣ польскаго «аріанства», передъ этимъ завязавъ сношенія съ извѣстнымъ проповѣдникомъ Твардохлѣбомъ. Это пребываніе наложило на него свой отпечатокъ, какъ это свидѣтельствовали въ свое время тѣ католическіе патеры, которымъ выпало на долю «обратить» «царевича» къ истинной вѣрѣ. Правда, Лжедимитрій очень скоро понялъ всѣ свои «заблужденія» и отказался отъ нихъ, но вполнѣ ли можно вѣрить искренности этого отказа. Извѣстнымъ польскимъ историкомъ г. Вацлавомъ Собѣскимъ собранъ во едино очень интересный матеріалъ, указывающій на то, что сношенія Самозванца съ польскими «еретиками» разныхъ толковъ не прерывались и впослѣдствіи («между прочимъ, «аріане» снарядили въ Москву даже цѣлое посольство во главѣ съ вышеупомянутымъ Твардохлѣбомъ. Повидимому, это посольство было обласкано Лжедимитріемъ). При этомъ указанныя сношенія имѣли очень опредѣленную цѣль. И дѣйствительно, надо обратить вниманіе на тотъ извѣстный фактъ, что наибольшимъ расположеніемъ и довѣріемъ Лжедимитрія изъ поляковъ пользовались братья Бучинскіе, протестанты-кальвинисты. Одинъ изъ этихъ Бучинскихъ отправленъ былъ въ Рѣчь Посполитую Лжедимитріемъ. Онъ имѣлъ офиціальное порученіе отвезть Мнишку обѣщанныя ему «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ» деньги, выѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1605 г. изъ Москвы, но явился у нареченнаго царскаго тестя только въ январѣ 1606 г., чѣмъ возбудилъ большія подозрѣнія нетерпѣливаго на этотъ разъ воеводы Сандомирскаго. Если вспомнить, что въ это время шелъ «рокошъ», во главѣ котораго стоялъ Николай Зебжидовскій, воевода Краковскій, ревностный сторонникъ Лжедимитрія и сносившійся, несмотря на свой искренній католицизмъ, съ «аріанами», то медлительность Бучинскаго найдетъ себѣ объясненіе въ томъ, что онъ помимо офиціальной миссіи имѣлъ еще и тайную. Она состояла, во-первыхъ, въ вывѣдываніи настроенія въ Польшѣ относительно «Димитрія», затѣмъ въ агитаціи въ его пользу, въ-третьихъ, въ переговорахъ съ Рангони относительно титула «цесарь». Конечно, агитація велась очень осторожно и прикровенно. Тѣмъ не менѣе силы ея сохранились и въ донесеніяхъ Бучинскаго къ Лжедимитрію и въ указаніяхъ нѣкоторыхъ современниковъ описываемыхъ событій. Такъ секретарь Лжедимитрія сообщаетъ своему государю, что къ королю кто-то прислалъ изъ Москвы письмо съ какими-то непріятными обвиненіями Самозванца. Самъ Сигизмундъ говорилъ, по словамъ одного анонимнаго писателя-современника, что по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ ему изъ Московскаго государства,

Лжедимитрій собиралъ противъ него полки и готовился послать 100,000 флориновъ мятежникамъ, желая поддержать «рокошанъ». Сообщеніе о военныхъ приготовленіяхъ Самозванца противъ Сигизмунда сдѣлалъ и князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій во время своего плѣна въ Польшѣ. Въ то же время духовникъ короля о. Барчъ выражалъ въ перепискѣ съ Рангони сожалѣніе о томъ, что Лжедимитрій попалъ въ сѣти «льстецовъ», сулившихъ ему польскую корону. Принявъ во вниманіе всѣ эти и тому подобныя сообщенія, узнавъ, что «рокошане» провозгласили детронизацію Сигизмунда, и что самый «рокошъ» былъ дѣломъ главнымъ образомъ, «аріанъ», учитывая надлежащимъ образомъ всѣ связи Самозванца (а такихъ связей было очень много, какъ выяснено теперь) съ польскими протестантами, придется придти къ заключенію о тройной игрѣ изворотливаго и хитроумнаго «царя Димитрія Ивановича». Съ помощью католиковъ онъ воцарился въ православной Москвѣ, а съ помощью протестантовъ, и опираясь на православную Русь, мечталъ о достиженіи господства въ католической Рѣчи Посполитой. Игра не удалась, но игроку нельзя отказать въ умѣньи и выдержкѣ.

Однако, до поры до времени, Самозванецъ не хотѣлъ и не смѣлъ открыто ссориться съ польскимъ королемъ: прелестная панна Марина находилась еще на польской территоріи. Между тѣмъ страсть къ дочери Мнишка была у Лжедимитрія горячей и непритворной, и весь разгулъ, которому онъ, повидимому, предавался, не могъ вычеркнуть изъ его сердца очаровательнаго образа польской красавицы. Онъ снарядилъ за ней торжественное посольство, во главѣ котораго поставилъ своего «окольничаго» Аѳанасія Власьева. Въ началѣ ноября русскій посолъ появился въ Рѣчи Посполитой и получилъ аудіенцію у короля. Послѣ извѣщенія о коронаціи Лжедимитрія патріархомъ Игнатіемъ и другихъ дипломатическихъ дѣлъ, Власьевъ приступилъ къ главной цѣли своего посольства и просилъ у короля именемъ своего государя разрѣшенія Маринѣ вступить къ бракъ съ «царемъ». 19-го совершился торжественный обрядъ обрученія (заочнаго). Московскій посолъ, представлявшій собой особу своего царя, по-своему поддерживалъ достоинство Руси и ея монарха. Но его неловкость и своеобразное представленіе объ этикетѣ смѣшили поляковъ и вызывали съ ихъ стороны рядъ ироническихъ замѣчаній на счетъ Власьева. За то подарки, присланные Лжедимитріемъ, ослѣпляли пановъ и возбуждали ихъ зависть къ Мнишкамъ. Марина держала себя какъ польская патріотка и католичка. Обрядъ былъ совершенъ, но Мнишки не ѣхали въ Москву. Хотѣли ли они удостовѣриться въ томъ, насколько проченъ Самозванецъ на престолѣ, или просто поджидали денегъ, но только Сандомірскій воевода не спѣшилъ отъѣздомъ. Въ январѣ 1606 г. Бучинскій привезъ Юрію Мнишку большую сумму денегъ, а Маринѣ щедрые дары. Привезъ также и наставленія: носить русскую прическу, русское платье, посѣщать русскія церкви при сохраненіи ею (втайнѣ) католической религіи. Послѣ пріѣзда второго посланника отъ «царя» Мнишки стали усиленно собираться въ Москву. Ихъ приготовленія отняли у нихъ въ общемъ долгихъ три мѣсяца и только въ концѣ февраля двинулся многочисленный кортежъ царской невѣсты изъ Самбора. Ѣхали чрезвычайно медленно, чѣмъ выводили изъ себя царскаго посла Аѳанасія Власьева. Наконецъ 8-го апрѣля вступила Марина на роковую для нея русскую землю. Начались торжественныя встрѣчи царской невѣсты, отчего путешествіе ея еще болѣе замедлялось. Только 2-го мая состоялся блестящій въѣздъ Марины въ Москву. Утромъ этого дня панна Мнишковна пригласила къ себѣ іезуита о. Савицкаго, исповѣдалась у него и просила молитвы и благословенія, а также совѣтовъ и одобренія. Савицкій, въ свою очередь, воспользовался случаемъ и просилъ будущую «царицу» выхлопотать ему разрѣшеніе всегда находиться при ея особѣ. Марина, конечно, съ восторгомъ выслушала эту просьбу. Вскорѣ состоялась пышная церемонія въѣзда будущей «царицы» въ Москву. Послѣ этого панна Мнишковна должна была поселиться въ Вознесенскомъ монастырѣ и тамъ прожить до дня своего вѣнчанія съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ». Между тѣмъ женитьба Лжедимитрія на иновѣркѣ безъ принятіи ею крещенія, что требовалось тогдашними обычаями при присоединеніи къ православію, возбудила нѣкоторый протестъ среди высшаго духовенства. Нашлись два

мужественныхъ іерарха: Гермогенъ Казанскій и Іосифъ Коломенскій, указавшихъ «царю» на недопустимость его брака съ «некрещенной дѣвицей». Разгнѣванный Лжедимитрій распорядился удаленіемъ казанскаго митрополита въ его епархію и такимъ образомъ на время справился съ противодѣйствіемъ духовенства. Однако онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы склонить свою невѣсту къ выполненію обрядовъ православія, но долженъ былъ отступить, встрѣтившись съ ревностнымъ религіознымъ чувствомъ Марины. Все же Самозванецъ рѣшительно воспретилъ католическому духовенству доступъ въ Вознесенскій монастырь и не снялъ запрещенія даже въ Троицынъ день. Вмѣстѣ съ царской невѣстой въ Москву пріѣхали и королевскіе послы, паны Олесницкій и Гонсѣвскій. Они привезли съ собой проектъ союза Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ и условія этого союза. При этомъ Сигизмундъ требовалъ въ пользу своего королевства уступки ему Русью слѣдующихъ земель и городовъ: Смоленска, Сѣверы, Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ, Бѣлаго, Торопца, Вязьмы и Дорогобужа съ прилегающими къ нимъ областями. Конечно, это былъ запросъ, но даже и уменьшивъ эти требованія на $^2/_3$, нельзя не признать ихъ чрезмѣрными и непріемлемыми. Сверхъ того, Сигизмундъ домогался свободнаго пропуска своихъ войскъ по областямъ Руси до Финляндіи, причемъ Лжедимитрій долженъ былъ снабдить воинскихъ людей своего союзника деньгами на обмундированіе и провіантъ. При всемъ этомъ русскому государю отказывали не только въ новомъ его титулѣ, но и въ старомъ («царь»), котораго Польша попрежнему упорно не признавала. Понятно, къ какой сценѣ на пріемѣ пословъ Самозванцемъ неминуемо привела ихъ эта поразительная инструкція. И дѣйствительно, аудіенція, данная Олесницкому и Гонсѣвскому въ Грановитой палатѣ 3 го мая 1606 года, ознаменовалась горячимъ до непристойности споромъ «царя Димитрія Ивановича», Аѳанасія Власьева и «великихъ пословъ». Надо отмѣтить, кстати, что до Олесницкаго и Гонсѣвскаго Самозванцу представлялась свита панны Марины. «Гофмейстеръ» ея Мартинъ Стадницкій держалъ при представленіи рѣчь, въ которой усердно титуловалъ Лжедимитрія императоромъ, чѣмъ, конечно, угодилъ «царю Димитрію». Но вотъ Стадницкаго смѣнили «великіе послы» Сигизмунда. Олесницкій въ своей рѣчи «царю» упорно называлъ его великимъ княземъ. Это разсердило Лжедимитрія, однако онъ далъ послу докончить свое привѣтствіе. Все же онъ отказался взять королевскую грамоту, и здѣсь началась перебранка. Обѣ стороны наговорили другъ другу массу оскорбительныхъ вещей, грозили войной, кричали. Вдругъ Самозванецъ успокоился и предложилъ компромиссъ, такъ какъ, очевидно, не захотѣлъ омрачать своего брачнаго торжества разрывомъ съ Рѣчью Посполитой. Поэтому онъ предложилъ Олесницкому оставить споръ и подойти къ царской рукѣ въ качествѣ частнаго лица, польскаго дворянина. Олесницкій упрямо стоялъ на своемъ, и Лжедимитрій на этотъ разъ уступилъ и приказалъ Власьеву взять королевскую грамоту. Такое начало переговоровъ не предвѣщало, конечно, ихъ добраго конца.

Между тѣмъ приготовленія къ царской свадьбѣ продолжались. Самозванецъ очень ловко рѣшилъ обойти вопросъ о миропомазаніи Марины, какъ знакъ присоединенія ея къ православію, тѣмъ, что повелѣлъ вѣнчать ее на царство и соединилъ эту важную церемонію со своимъ бракосочетаніемъ. Въ то же время брачный церемоніалъ предусмотрѣлъ и причащеніе царицы изъ рукъ патріарха. Временемъ вѣнчанія былъ назначенъ четвергъ 8-го мая, канунъ Николина дня. У поляковъ начался уже постъ, но Марина запаслась разрѣшеніемъ на этотъ счетъ. Но разрѣшенія причаститься изъ рукъ іерарха «схизматика» Римская курія не дала, и панна Мнишковна твердо вознамѣрилась подчиниться повелѣнію его святѣйшества папы. Въ ночь на 8-е Марина перешла въ Кремлевскій дворецъ, а на другой день вѣнчалась съ Лжедимитріемъ въ Успенскомъ соборѣ. Во время бракосочетанія произошло замѣшательство, такъ какъ Марина не пожелала причаститься св. таинъ. Лжедимитрій долженъ былъ послѣдовать ея примѣру. «Это смутило многихъ присутствующихъ, и не только патріарха и епископовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ это. Таково было первое и великое огорченіе; таково было начало смуты и источникъ многихъ бѣдствій московскаго народа и всей Руси».

Такъ свидѣтельствуетъ архіепископъ Еласонскій Арсеній, одинъ изъ совершителей брачнаго торжества. И дѣйствительно, такой образъ дѣйствій Марины былъ на руку врагамъ Самозванца, которые зорко слѣдили за каждымъ шагомъ «царя Димитрія Ивановича» и ждали момента, когда можно будетъ погубить его. Новая царица и въ дальнѣйшемъ повела себя безтактно. Она вскорѣ послѣ свадьбы сняла съ себя русское платье и стала щеголять въ польской одеждѣ даже при торжественномъ пріемѣ поздравленій. Лжедимитрій держалъ себя неровно. Съ польскими послами онъ обходился часто сурово, что вызывалось дерзкимъ поведеніемъ зазнавшихся пановъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго. Съ другими поляками, даже съ рядовымъ «рыцарствомъ» Самозванецъ держалъ себя просто и нерѣдко черезчуръ фамиліарно: пускался съ ними въ откровенности, отпускалъ шутки, прибаутки, безъ мѣры хвастался и превозносилъ себя, высмѣивая всѣхъ другихъ вѣнценосцевъ. А положеніе его въ это именно время стало угрожающимъ. И виноваты были въ этомъ въ значительной мѣрѣ поляки, прибывшіе съ Мариной Мнишекъ и ведшіе себя возмутительно. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ поведеніе о. Пирлингъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть во враждебности къ своимъ единовѣрцамъ. «Польскіе гости явились въ большомъ числѣ. Они были прекрасно вооружены; кони у нихъ были одинъ лучше другого... Повидимому, эти пришельцы сразу почувствовали себя какъ бы въ покоренной странѣ. Они сами признавались впослѣдствіи, что злоупотребляли своимъ положеніемъ и слишкомъ предавались своимъ страстямъ. Самыя возмутительныя дѣянія начали твориться на глазахъ у всѣхъ. Поляки не вѣдали ни стыда, ни совѣсти. Знать шляхетская распѣвала, плясала, пировала въ Кремлѣ подъ звуки шумной музыки, непривычной для слуха благочестивыхъ россіянъ... Эти надменные гости держались особнякомъ, не желая смѣшиваться съ русскими; понятно, эта исключительность оскорбляла многихъ и вызывала раздраженіе. Еще хуже знатныхъ господъ вела себя челядь. Здѣсь были настоящіе головорѣзы. Они положительно ни въ чемъ не знали удержу. То безчинствовали они въ православныхъ церквахъ, то затѣвали скандалы на улицѣ, то оскорбляли честныхъ дѣвицъ... При всемъ своемъ пристрастіи къ соотечественникамъ, Мартинъ Стадницкій не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ ихъ поведенію въ Москвѣ... По его словамъ, поляки вызывали ярость москвичей своей распущенностью. Они обходились съ русскими людьми, какъ съ «быдломъ»; они оскорбляли ихъ всячески, затѣвали ссоры, а въ пьяномъ видѣ способны были нанести самыя тяжкія обиды замужнимъ женщинамъ».

Изъ приведенной характеристики поведенія польскихъ гостей въ Москвѣ и особенно въ Кремлѣ ясно, какъ должно было присутствіе такихъ «гостей» отражаться на настроеніи московскихъ массъ. Все это учелъ самый опасный изъ противниковъ Самозванца князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Изъ предыдущаго изложенія извѣстно, какъ хитрый и ловкій бояринъ организовывалъ агитацію противъ царя «Димитрія Ивановича» и къ какимъ плачевнымъ для Шуйскаго результатамъ она привела. Возвращенный изъ ссылки, знатный князь сталъ осторожнѣе. Онъ готовъ былъ, повидимому, вѣрою-правдою служить новому «царю», который пользовался въ тѣ времена большимъ народнымъ расположеніемъ. Находились, правда, смѣлые обличители Самозванца, но ихъ было немного и они не встрѣтили никакого сочувствія въ массахъ. Поэтому князь Василій рѣшилъ измѣнить свою тактику. Въ то же время онъ сталъ зондировать почву, и оказалось, что отношеніе многихъ лицъ изъ высшихъ слоевъ населенія: бояръ, приказныхъ, дьяковъ, дворянъ московскихъ къ «царю Димитрію Ивановичу» сильно измѣнилось. Любовь Самозванца къ иноземцамъ-иновѣрцамъ, стремленіе управлять страной при ихъ помощи, пристрастіе «царя» къ иноземнымъ обычаямъ и пренебреженіе московскими понятіями и представленіями, мало замѣтное массамъ, оскорбляло и задѣвало людей болѣе приближенныхъ къ Лжедимитрію. Многіе стали сомнѣваться въ томъ, что на Москвѣ царствуетъ прирожденный государь, и князь Василій Ивановичъ мало-по-малу началъ представляться этимъ людямъ въ ореолѣ «провидца и добраго страдальца за вѣру православную». Пріѣздъ Марины и женитьба «царя» на явной католичкѣ еще болѣе поколебали положеніе Самозванца и дали Шуйскому

удобный поводъ дѣйствовать. Хитроумный князь Василій давно сосредоточилъ подъ Москвой сильные отряды преданныхъ ему воинскихъ людей и выжидалъ только удобнаго момента. Однако онъ не рѣшился поднять возстаніе противъ Лжедимитрія, а составилъ противъ него заговоръ, въ которомъ приняли участіе весьма многіе бояре, какъ «княженецкихъ родовъ» и традицій, такъ и принадлежавшіе къ Романовскому кругу знати. Заговорщики распространили въ народѣ слухъ, что надо идти на выручку «царя» отъ овладѣвшихъ имъ и опасныхъ ему и всему русскому народу поляковъ. Между тѣмъ настроеніе москвичей послѣ свадьбы Лжедимитрія сразу стало настолько возбужденнымъ, что руководителямъ движенія противъ Самозванца и окружавшихъ его «еретиковъ ляховъ» и «безбожной Литвы» стоило не мало труда до поры до времени сдержать ту массу, которую имъ раньше надо было подстрекать. Иноземцы замѣтили угрожавшую имъ и «царю Димитрію Ивановичу» опасность, приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности и предупредили Самозванца о готовившемся возстаніи. Но послѣдній, быть можетъ, опьяненный ласками Марины, или убаюканный вѣрой въ свою популярность, не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности и даже смѣялся надъ предупрежденіями своихъ сторонниковъ. За это онъ жестоко поплатился. Раннимъ утромъ 17-го мая 1606 года до 200 бояръ и дворянъ, руководившихъ заговоромъ, ворвались въ Кремль и ринулись ко дворцу. Распространяя слухи о томъ, что паны рѣжутъ «думныхъ бояръ», они увлекли за собой часть народной массы. Толпа простонародья бросилась тѣмъ временемъ на дома, въ которыхъ обитали иноземцы. Въ это именно время звуки набатовъ, въ которые приказали бить заговорщики, разбудили Лжедимитрія. Онъ выслалъ Басманова узнать, въ чемъ дѣло. Встрѣченные Басмановымъ бояре заявили, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь случился пожаръ. Не успѣлъ успокоенный этимъ отвѣтомъ любимецъ Лжедимитрія вернуться къ своему повелителю, какъ крики удвоились. Толпа заговорщиковъ ворвалась во дворецъ. Басмановъ былъ убитъ, а Самозванецъ, который сначала храбрился и, размахивая мечомъ, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ», бросился въ покои жены. Взволнованно крикнувъ ей: «измѣна, сердце мое, измѣна!», Лжедимитрій побѣжалъ назадъ, желая пробиться въ каменный дворецъ. Онъ сталъ перескакивать съ одного помоста на другой (эти помосты были устроены на время брачныхъ торжествъ), но, оступившись, упалъ съ большой высоты на Житный дворъ, вывихнулъ руку и разбилъ грудь. Заговорщики тѣмъ временемъ искали всюду Самозванца, ворвались въ покои его жены и всячески оскорбляли окружавшихъ ее женщинъ, самоотверженно спрятавшихъ «царицу». Прибытіе главарей заговора успокоило страсти. Въ то время серьезная опасность угрожала мятежникамъ: стрѣльцы, занимавшіе караулъ въ Кремлѣ, услыхали стоны раненаго, подошли къ нему и готовы были взять его сторону. Тогда бояре-заговорщики пригрозили разореніемъ Стрѣлецкой слободы. Стрѣльцы заколебались и послали спросить у инокини Марѳы Нагой, признаетъ ли она царя прямымъ своимъ сыномъ. Въ то время явился князь И. В. Голицынъ съ извѣстіемъ о томъ, что старая царица отрекается отъ Самозванца. Послѣдній былъ застрѣленъ сыномъ боярскимъ Григоріемъ Валуевымъ, который передъ своимъ выстрѣломъ воскликнулъ: «Вотъ я благословлю польскаго свистуна». Дорубленный другими заговорщиками, Лжедимитрій былъ отданъ на поруганіе толпѣ. Прахъ его впослѣдствіи былъ сожженъ. Затѣмъ собрали пепелъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили. Такимъ образомъ развѣяли по вѣтру самый пепелъ Самозванца. Таковъ былъ жалкій конецъ этого умнаго и даровитаго авантюриста. Онъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ и своимъ способностямъ, а также путемъ интриги и происковъ, завоевалъ себѣ царственное положеніе, но, упоенный успѣхами и ослѣпленный страстью, повелъ себя на тронѣ такъ, что явился причиной собственной гибели.

Акты Историческіе.—Акты Московскаго Государства.—Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи.—Акты Археографической Экспедиціи. — Изборникъ русскихъ хронографовъ.—Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. XIV, первая половина.—«Русская историческая библіотека», т. I и XIII, изд. 2-е.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. — Записки и сказанія иностранцевъ: Борши, Буссова, Жолкѣвскаго, Массы, Маржерета, Петрея. — *Бодуэнъ-де-Куртенэ,* «Strona jenzykowa originalu polskiego listu «Dymitra Samoswanca» do Pa-

pieza Klemença VIII».—*Васенко*, «Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича».—*Его же*, «Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія» («Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», т. II).—*Гиршбергъ*, «Dymitr Samoswaniec».—*Иконниковъ*, «Кто былъ первый самозванецъ?» («Кіевскія Университетскія Извѣстія», 1864 г.).—*Иловайскій*, «Смутное время Московскаго государства» (съ библіографіей).—*Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго», т. XI.—*Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», часть 3-я.—*Костомаровъ*, «Кто былъ первый Лжедимитрій».—*Его же*, «Смутное время Московскаго государства».—*Пирлингъ*, «Димитрій Самозванецъ» (съ обширной библіографіей).—*Его же*, «Изъ смутнаго времени»,—*Его же*, «Историческія статьи и замѣтки».—*Платоновъ*, «Очерки по исторіи смуты», изд. 3-е (съ большими библіографическими указаніями).—*Его же*, «Лекціи по русской исторіи» (съ библіографіей).—*Его же*, «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутѣ...».—*Полѣевктовъ*, «Лжедимитрій I» («Люди смутнаго времени»).—*Пташицкій*, «Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII».—*Собѣскій*, «Skice Historyczne».—*Его же*, «Krol a Car».—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга 2-я (8-й томъ).—*Щепкинъ*, «Wer war Pseudo-Demetrius I?».

Пл. Васенко.

Лжедимитрій II (Воръ Тушинскій, затѣмъ Калужскій). Появленіе и успѣхъ второго самозванца могутъ быть поняты лишь послѣ ознакомленія съ обстоятельствами, предшествовавшими этимъ событіямъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что противъ перваго Лжедимитрія въ маѣ 1606 года былъ организованъ заговоръ, а не поднятъ открытый мятежъ. Дѣло въ томъ, что глава движенія, хитроумный и ловкій князь Василій Ивановичъ Шуйскій, не рѣшился поднимать народъ на «царя Димитрія Ивановича», такъ какъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ явной агитаціи противъ Самозванца. Послѣдній оскорблялъ чувства многихъ своихъ приближенныхъ приверженностью къ полякамъ и ихъ «звычаямъ» и презрительнымъ отношеніемъ къ русскому укладу жизни. Однако простой народъ оставался въ массѣ преданнымъ своему государю и считалъ его истиннымъ царемъ. И такъ было даже въ Москвѣ, не говоря уже объ «уѣздахъ» «Московскаго царствія». Потому-то заговорщики подняли народныя толпы на поляковъ, а не на Лжедимитрія. Конечно, вожаки движенія знали, противъ кого оно, главнымъ образомъ, направлено и сумѣли въ нужную минуту раздѣлаться съ «еретикомъ» и «польскимъ свистуномъ». Онъ былъ убитъ трупъ его выставили для поруганія на площади, а затѣмъ сожгли. Самый пепелъ Самозванца былъ сложенъ въ пушку и затѣмъ выстрѣломъ изъ нея развѣянъ по вѣтру. Москвичей постарались убѣдить въ «еретичествѣ» царя, его самозванствѣ и склонности къ зазорнымъ дѣламъ. Съ этой послѣдней цѣлью на лицо Лжедимитрія надѣли маску, а въ руки вложили волынку. Благочестивые люди явственно слышали при этомъ «въ полунощное время, даже до куроглашенія надъ окояннымъ трупомъ его великій плищъ и бубны, и свирѣли, и прочая бѣсовскія игралища: радуетъ бо ся сатана о пришествіи своего угодника». Тѣмъ не менѣе нашлись и скептики, которые разсуждали, что маска, вѣроятно, положена не спроста: убили не «царя Димитрія Ивановича», а кого-то другого. Настоящій же «царь» еще разъ спасся и снова явится въ Москву. Нашлись люди, которые, дѣйствительно, утверждали, будто убитый и преданный всенародному поруганію, не вполнѣ схожъ съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ». Слухи росли, и призракъ Лжедимитрія, казалось, долженъ былъ появиться въ русской землѣ.

На Москвѣ знали про эти слухи, тревожились ими и спѣшили принять свои мѣры. Во главѣ правительства къ тому времени сталъ руководитель заговора 17 мая 1606 года, князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Своими единомышленниками онъ былъ «выкрикнутъ» въ цари и съ радостью согласился занять царскій престолъ, бывшій, какъ можно думать, завѣтнымъ предметомъ его вожделѣній и мечтаній и стимуломъ его интригъ и агитаціи. Подъ невзрачной наружностью «лукаваго царедворца», хитраго, пронырливаго, изворотливаго таилось непомѣрное честолюбіе гордаго своимъ высокимъ происхожденіемъ потомка Рюрика. Шуйскіе никли при Грозномъ, становясь опричниками, сумѣли послѣ неудачной борьбы поникнуть и передъ Годуновымъ, спустясь до «второстепеннаго положенія знатной Годуновской родни», но они твердо помнили, что по родословцу ихъ фамилія выше даже потомковъ Калиты. И вотъ князь Василій Ивановичъ сталъ царемъ. Но онъ сразу почувствовалъ непрочность своего новаго положенія. Какъ умный и ловкій человѣкъ, царь Василій всячески ста-

рался укрѣпиться на тронѣ, прибѣгая при этомъ ко всевозможнымъ средствамъ. Онъ собираетъ свѣдѣнія объ еретичествѣ и самозванствѣ Лжедимитрія и обнародываетъ ихъ путемъ грамотъ. Въ грамотахъ же приводятся и показанія царицы инокини Маѳы Нагой, которая торжественно каялась въ своемъ великомъ грѣхѣ: признаніи Самозванца своимъ сыномъ. Прибавлялъ царь Василій къ покаяннымъ словамъ Маѳы и свои торжественныя завѣренія о смерти царевича Димитрія въ Угличѣ. Однако теперь Шуйскій существенно перемѣняетъ свое свидѣтельство о причинахъ кончины святого отрока. Въ 1591 году онъ, стоя во главѣ слѣдственной комиссіи, пришелъ къ твердому убѣжденію, что царевичъ, играя въ свайку, подвергся припадку падучей, которой жестоко страдалъ, и «набрушился на ножъ», бывшій у него въ рукахъ. Такова была смерть св. Димитрія, по мнѣнію князя Василія. Царь Василій заявилъ иное: малютка «заколотъ по повелѣнію раба своего Бориса Годунова. Покойный царь былъ ославленъ, какъ «господоубійца». Мощи же царевича Димитрія были торжественно перенесены въ Успенскій соборъ, такъ какъ церковь причислила отрока къ лику святыхъ. Такимъ образомъ царь Василій дерзнулъ истолковать Промыслъ Божій, проявившійся въ нетлѣніи св. мощей царевича Димитрія, для своихъ политическихъ выгодъ.

Ничто однако не помогало царю Василію, которому вредилъ въ глазахъ народа самый способъ его воцаренія. Шуйскій не дождался земскаго «всенароднаго» (по тогдашнимъ понятіямъ, конечно) собора, а принялъ престолъ черезчуръ поспѣшно, опираясь на желаніе и готовность своихъ единомышленниковъ и приверженцевъ. Поэтому тщетны были указанія царя Василія, что онъ былъ избранъ «всѣмъ Московскимъ государствомъ». При этомъ населеніе Московскаго царствія—такъ называлась тогда Россія—отлично знало, что «Московское государство» являлось лишь такой-же частью всей страны, какъ, напр., государство Новгородское и т. п. Довѣрія къ свидѣтельствамъ царицы инокини и царя Василія быть не могло, такъ какъ они запятнали себя явной ложью и притворствомъ. Даже канонизація св. царевича Димитрія въ тѣ времена не могла успокоить возбужденія умовъ. Тѣ, кто вѣрилъ въ подлинность царственнаго происхожденія Димитрія, не могли такимъ способомъ быть убѣждены въ противномъ. Тѣмъ болѣе, что успѣхъ перваго самозванца еще при жизни «царя Димитрія Ивановича» повлекъ за собой появленіе на юго-востокѣ Руси «царевича Петра Ѳеодоровича». Эту личность сына царя Ѳеодора Ивановича взялъ на себя нѣкій Илейка Горчаковъ или Горчаковскій, совсѣмъ молодой казакъ. Выдвинули его другіе казаки, и онъ сталъ находить себѣ приверженцевъ. Слухи объ этомъ новоявленномъ «царевичѣ» дошли и до Самозванца. Послѣ этого «дядя» сталъ звать «племянника» къ себѣ. Послѣдній не торопился принять приглашеніе: онъ, вѣроятно, не разсчитывалъ на родственное расположеніе своего «дяди». Однако, Лжепетръ все же шелъ къ Москвѣ, по пути увеличивая свой отрядъ. Если принять во вниманіе тогдашнее положеніе Руси и твердое монархическое настроеніе ея населенія, то и появленіе, и успѣхъ самозванщины станутъ ясными. На царя смотрѣли такими глазами, что всякій мятежъ противъ законнаго носителя верховной власти становился невозможнымъ; однако если бунтъ противъ законнаго царя являлся въ глазахъ народа мятежемъ противъ самого Бога, то борьба съ похитителями царской власти за интересы дѣйствительнаго наслѣдника ея была не только правомъ, но даже обязанностью каждаго русскаго человѣка. Поэтому, относя всѣ бѣдствія, такъ же, какъ и все благо, происходившее въ государствѣ, на счетъ носителей верховной власти, русскіе люди успокаивались въ первомъ случаѣ на той мысли, что Богъ за грѣхи людей даетъ имъ злого царя, а за ихъ хорошую жизнь—добраго Но если могло возникнуть хоть какое-нибудь сомнѣніе въ законности правъ монарха, то всѣ невзгоды, постигавшія страну, приписывались именно незаконности царствованія государя, и народъ готовъ былъ возстать противъ него во имя законнаго носителя власти. Между тѣмъ прекращеніе старой династіи Рюрика совпало на Руси съ очень тяжелымъ внутреннимъ нестроеніемъ, какъ политическимъ, такъ и соціально-экономическимъ. Вотъ почему въ такихъ условіяхъ легко было появиться и достигнуть успѣха первому Самозванцу. А этотъ успѣхъ при продолжающемся внутреннемъ

кризисѣ неминуемо велъ за собой и появленіе слѣдующихъ самозванцевъ: находились ловкіе и беззастѣнчивые люди, становившіеся «царевичами» или выдвигавшіе ихъ, чтобы достигнуть и собственнаго возвышенія, и легковѣрные, которыхъ не трудно было смутить и обмануть. Тѣмъ легче было этого достигнуть при появленіи второго Лжедимитрія, такъ какъ и смерть перваго могла далеко не всѣмъ показаться несомнѣнной, и «царь Димитрій Ивановичъ» пользовался извѣстной популярностью. Къ тому же самая наружность перваго Лжедимитрія большинству русскихъ людей была не извѣстна; при такихъ же условіяхъ обманъ становился очень легкимъ. Особенно были склонны къ самозванщинѣ области, наиболѣе задѣтыя внутреннимъ нестроеніемъ и наиболѣе богатые неблагонадежнымъ элементомъ населенія.

Такимъ образомъ, все складывалось въ пользу того, чтобы обезпечить успѣхъ второму Лжедимитрію, но «царь Димитрій Ивановичъ» медлилъ своимъ появленіемъ и «открылся» только къ началу августа 1606 года. До этого же времени царю Василію пришлось имѣть дѣло лишь съ Лжепетромъ и съ возстаніемъ Болотникова. Правда, возставшіе склонны были объявить себя за «царя Димитрія Ивановича», но самого его въ ихъ рядахъ не являлось. Съ этимъ движеніемъ царю Василію Шуйскому пришлось тѣмъ не менѣе очень считаться и вести упорную борьбу. Дѣло въ томъ, что къ бѣглому холопу Ивашкѣ Болотникову примкнули, во-первыхъ, низы Московскаго общества: холопы и крестьяне, которымъ въ своихъ «прелестныхъ грамотахъ» заводчикъ «всей крови» обѣщалъ дьячество, дворянство и даже боярство. Во-вторыхъ, присоединились къ движенію противъ царя Василія мелкопомѣстные украинные дѣти боярскіе съ стрѣлецкимъ сотникомъ Истомой Пашковымъ во главѣ. Въ-третьихъ, пристали къ Болотникову и Лжепетру хорошо поставленные въ служебномъ и экономическомъ отношеніи рязанскіе служилые люди по отечеству, руководителемъ которыхъ былъ Прокопій Ляпуновъ. Это былъ сынъ боярскій крупнаго значенія, впослѣдствіи думный дворянинъ. Онъ былъ недоволенъ Шуйскимъ и искалъ личнаго возвышенія. Такимъ образомъ подъ знаменами Болотникова, Лжепетра и знатнаго единомышленника ихъ, князя Григ. Петр. Шаховскаго собралось многочисленное ополченіе. Въ то же время это войско не могло быть тѣсно сплочено. Его объединяла нелюбовь къ Шуйскому и личный интересъ, а разъединяла классовая рознь: подъ знамена Болотникова собрались, какъ мѣтко отмѣтилъ проф. Платоновъ, «соціальные враги»; такими, дѣйствительно, были дѣти боярскіе и холопы. Кончилось тѣмъ, что сначала Ляпуновъ съ рязанцами, а затѣмъ и Истома Пашковъ съ украинными дѣтьми боярскими отказались отъ единенія съ прочими мятежниками и передались царю Василію, за что получили полное прощеніе и даже щедрыя награды. Болотниковъ, угрожавшій самой Москвѣ, былъ отброшенъ къ югу, заперся въ городѣ Тулѣ, былъ осажденъ войсками царя Василія и принужденъ къ сдачѣ.

Во время этой осады на Московской украйнѣ появился, наконецъ, долго ожидавшійся «царь Димитрій Ивановичъ». Кто взялъ на себя въ данномъ случаѣ роль снова воскресшаго царевича Димитрія, совершенно неизвѣстно. Слуховъ было нѣсколько, и они противорѣчили другъ-другу. Такъ, по словамъ однихъ, это былъ поповъ сынъ Матвѣй (Матюшка) Веревкинъ, родомъ съ Сѣверской украйны; другіе утверждали, что второй Лжедимитрій былъ сынъ Знаменскаго, на Арбатѣ, священника, по имени Димитрій; иные увѣряли, что одинъ изъ царскихъ дьяковъ вздумалъ разыграть изъ себя Самозванца; извѣстны также и слѣдующія мнѣнія: «царь Димитрій Ивановичъ» былъ сынъ князя Курбскаго, школьный учитель Иванъ изъ города Сокола, сынъ служилаго стародубца, полякъ (ляхъ), еврей (жидъ). Есть и болѣе подробное, но, быть можетъ, столь же мало доказуемое извѣстіе, выписанное покойнымъ Соловьевымъ изъ одной бѣлорусской лѣтописи: «Того же року 1607, мѣсяца мая, послѣ самое субботы и шелъ со Шклова, изъ Могилева на Попову гору якійсь Димитръ Ивановичъ, менилъ себе быть царемъ Московскимъ. Тотъ Дмитръ Нагій былъ на первей у попа Шкловскаго именемъ дети грамотѣ училъ, школу держалъ, также у священника Ѳедора Сазоновича Никольскаго у села дети училъ, а самъ оный Дмитръ Нагій имѣлъ господу у Могилевѣ у Терешки, который проскуры заведалъ

при церкви св. Николы, и прихаживалъ до того Терешки часъ не малый, каждому забѣгаючи, послугуючи, и имѣлъ на себе плохой кожухъ бараній, влете въ томъ ходилъ». Отсутствіе точныхъ извѣстій о происхожденіи второго Лжедимитрія и несомнѣнная начитанность его въ Св. Писаніи невольно наводили современниковъ Смуты на мысль, что этотъ Самозванецъ происходилъ изъ духовнаго званія: предполагали, что онъ былъ поповичъ, или дьячекъ, такъ какъ зналъ «весь кругъ церковный». Во всякомъ случаѣ второй Лжедимитрій не походилъ на перваго ни наружностью, ни умственными и душевными качествами. Въ первомъ Самозванцѣ, несмотря на несомнѣнный его авантюризмъ, можно указать многія положительныя черты. Онъ во всякомъ случаѣ, худо ли, хорошо, думалъ о государственномъ интересѣ и держалъ себя въ общемъ, какъ государь. Что же касается второго Самозванца, то онъ недаромъ заслужилъ сначала у враговъ-современниковъ, а затѣмъ и въ исторіи прозвище «Вора», т. е. государственнаго преступника. И не только въ русскихъ извѣстіяхъ, которыя можно было бы заподозрить въ преувеличеніяхъ, находятся отрицательные отзывы о Ворѣ. Всѣ иностранцы свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о негодяѣ безбожномъ, коварномъ и развратномъ. Второй Самозванецъ не имѣлъ такимъ образомъ способностей и добрыхъ качествъ своего предшественника. Конечно, и того и другого создали обстоятельства эпохи. Все же первый Самозванецъ умѣлъ иногда и самъ создать себѣ удобную для дѣйствій обстановку. Онъ умѣлъ подчинять своимъ интересамъ окружающихъ людей. Второй Лжедимитрій не заслуживаетъ такой характеристики. Въ немъ скорѣе всего можно видѣть выскочку, который является игрушкой въ рукахъ своихъ знатныхъ и вліятельныхъ приверженцевъ. Правда, онъ умѣлъ все же до извѣстной степени освоиться съ своимъ положеніемъ, но конечно, далеко ему было до перваго «царя Димитрія Ивановича».

Если нельзя, какъ это и выяснено выше, указать опредѣленно, кто взялъ на себя при царѣ Василіи Шуйскомъ роль «царя Димитрія Ивановича», то можно указать, что онъ становится болѣе или менѣе извѣстнымъ прежде всего въ Бѣлоруссіи. Здѣсь въ городкѣ Пропойскѣ онъ былъ схваченъ, какъ военный шпіонъ, и «вкинутъ въ тюрьму». Тогда онъ заявилъ, что его зовутъ Андреемъ Адреевичемъ Нагимъ, что онъ родственникъ убитаго «царя Димитрія Ивановича» и укрывается отъ преслѣдованій Василія Шуйскаго. Мнимый Нагій просилъ отпустить его въ Стародубъ. Польское начальство отпустило своего плѣнника, и тотъ, дѣйствительно, добрался около 12-го іюня 1607 года до намѣченнаго имъ города. Отсюда онъ отправилъ нѣкоего Александра Рукина, который назывался московскимъ подъячимъ,—а по нѣкоторымъ извѣстіямъ былъ «литовскимъ дѣтиной»—въ города Сѣверской украйны съ вѣстью, что «царь Димитрій Ивановичъ» спасся бѣгствомъ послѣ майскаго погрома 1606 года и находится въ настоящее время въ Стародубѣ. Рукинъ отправился выполнять порученіе, волновалъ Сѣверу, а въ Путивлѣ былъ задержанъ. Путивльцы отправили его назадъ въ Стародубъ и требовали, чтобы Рукинъ показалъ имъ «царя Димитрія», при чемъ грозили пыткой. Въ Стародубѣ сообщникъ второго Лжедимитрія указалъ на Андрея, какъ на страстно ожидаемаго «царя». Однако «Нагой» сталъ отрицать справедливость показаній Рукина. Стародубцы пригрозили и ему пыткой. Тогда «Нагой» схватилъ палку и съ бранью закричалъ: «Ахъ вы... еще вы меня не знаете: я государь!» Стародубцы бросились «царю Димитрію Ивановичу» въ ноги, винились въ своей дерзости, «начаша вопити и начаша звонити въ колокола». Это произошло въ іюлѣ 1607 года. Очень быстро къ движенію примкнули Путивль, Черниговъ, Новгородскъ Сѣверскій. Къ Вору стали собираться со всѣхъ сторонъ отряды, стародубцы и жители другихъ городовъ снабдили «царя Димитрія Ивановича» деньгами и припасами. Мало того, подъ Тулу, которую осаждалъ тогда царь Василій, отправили стародубскаго сына боярскаго съ грамотой. Въ этой грамотѣ было сказано, что Шуйскій «подыскался» на царство «подъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ». Стародубецъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ правдивости словъ Вора о томъ, что онъ-то и есть прирожденный государь. Поэтому онъ смѣло пробрался въ лагерь Шуйскаго, отыскалъ царя и говорилъ ему «встрѣшно, что премой ты...., подъ государемъ на-

шимъ подъ прироженнымъ царемъ подыскался царства». Шуйскій приказалъ схватить несчастнаго посланца и пытать его. Стародубца «созгоша на пыткѣ», «до смерти», но онъ до послѣдней минуты твердилъ свои прежнія рѣчи. «Тако ево окоянную душу ожесточилъ діаволъ»,— замѣчаетъ по этому случаю Новый Лѣтописецъ,—«что за такова Вора умре». Конечно, нельзя видѣть въ этомъ поступкѣ Стародубскаго служилаго человѣка такого ожесточенія души, о которомъ говоритъ лѣтопись XVII вѣка. Онъ, по всей видимости, принадлежалъ къ тѣмъ обманутымъ людямъ, которыхъ тогда было очень много на Руси, особенно среди мелкаго служилаго люда. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ доказывалъ, что и за Вора готовы были стать, не щадя себя, русскіе люди Украйны. И дѣйствительно, движеніе разросталось. На сторону Вора перешли, кромѣ перечисленныхъ, и другіе украинные города. Тѣмъ временемъ царь Василій Шуйскій взялъ послѣ долгой и упорной осады городъ Тулу и покончилъ благодаря этому съ движеніемъ Болотникова. Послѣ этого ему слѣдовалобы обратиться противъ Вора и уничтожить его. Есть любопытное извѣстіе, по которому проницательный патріархъ Гермогенъ совѣтовалъ царю Василію сдѣлать это, указывая, что «городы вся Украинныя въ неумиримой брани идуще на нь». Однако «совѣтницы лукавыя царя уласкаху во царствующій градъ Москву во упокоеніе возвратитися». Василій Шуйскій послушалъ своихъ совѣтниковъ и «возвратися въ Москву, а врагомъ его сіе бысть радость и веселіе, занеже рать вся царская разыдеся, а врагомъ тогда рука и возвысися». И въ самомъ дѣлѣ, Московское правительство сдѣлало несомнѣнную ошибку. Она объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что осенью и зимой московскія дворянскія ополченія не любили воевать, а Воръ казался неопаснымъ, такъ какъ число сторонниковъ его было сравнительно не велико, а боевыя качества ихъ не внушали опасенія.

Послѣдствія показали, что царь Василій не оцѣнилъ надвигавшейся опасности. Онъ не учелъ, между прочимъ, что Воръ поспѣшитъ опереться на помощь «Литвы» и поляковъ, у которыхъ были разнообразныя причины льнуть къ самозванщинѣ. Воръ же сразу обнаружилъ большое тяготѣніе къ иноземцамъ, понимая, по всей вѣроятности, что трудно будетъ иначе справиться съ Москвой. Поэтому еще изъ Стародуба онъ разсылалъ по городамъ Литвы грамоты, призывая Литовцевъ на помощь; въ грамотахъ писалось: «Въ первый разъ я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же». Въ то же время одинъ изъ сторонниковъ Вора, князь Димитрій Масальскій, въ свою очередь, обратился къ Литовцамъ за помощью, уговаривая ихъ, чтобы они «прислужились государямъ нашимъ прирожденнымъ Димитрію и Петру, прислали бы служилыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, а тамъ будетъ добра много». «Если государь царь и государь царевичъ (рѣчь шла о Лжепетрѣ) будутъ на прародительскомъ престолѣ на Москвѣ»,—прибавлялъ Масальскій,—«то васъ всѣхъ служилыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ». На зовъ второго Лжедимитрія стали собираться мало-по-малу искатели приключеній и изъ-за рубежа. Во главѣ этой вольницы Воръ поставилъ Мѣховецкаго; въ концѣ августа 1607 года къ нему явился Литовскій панъ Будило, хорунжій Мозырскій. Съ этимъ войскомъ второй Лжедимитрій не отважился идти на освобожденіе осажденныхъ въ Тулѣ, которые и сдались, какъ уже извѣстно, царю Василію. И вообще положеніе Вора на первыхъ порахъ его дѣятельности было очень шатко и опасно. Самозванецъ сознавалъ это, боялся покушеній на свою жизнь и при первомъ волненіи среди явившейся къ нему «Литвы» скрылся съ небольшимъ отрядомъ преданнаго ему войска въ городѣ Орлѣ. Впрочемъ, быть можетъ, Воръ дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ сдачи Тулы. Это думаетъ, по крайней мѣрѣ, проф. Платоновъ, ссылающійся при этомъ на показаніе Новаго Лѣтописца. Во всякомъ случаѣ Воръ скоро ободрился и по приглашенію Мѣховецкаго снова прибылъ къ своему воинству. Волненіе все же продолжалось. Тогда Воръ направился, опять-таки тайкомъ отъ своего «рыцарства» въ Путивль. Между тѣмъ изъ Рѣчи Посполитой шли къ нему новыя дружины польскихъ и литовскихъ удальцовъ. Дѣло въ томъ, что, по справедливому мнѣнію автора классическихъ «Очерковъ по исторіи

Смуты», «политическій кризисъ, переживаемый въ тѣ годы Рѣчью Посполитой, какъ нельзя больше способствовалъ такой военной эмиграціи». Король Сигизмундъ и его политика не пользовались сочувствіемъ въ польскомъ обществѣ, и недовольство шляхты, привыкшей къ «златой вольности», вылилось въ очень извѣстномъ «рокошѣ» Зебжидовскаго. Рокошане долго и не безуспѣшно боролись съ своимъ государемъ, но лѣтомъ 1607 года «понесли отъ Жолкѣвскаго полное пораженіе подъ Гузовымъ (въ Малой Польшѣ) и въ значительномъ числѣ «блуждали, разсѣявшись около границъ Россіи», т. е. Московскаго государства. Опасенія «королевской репрессіи и тяжелыя послѣдствія боевой неудачи должны были побуждать ихъ къ переходу на Московскую территорію, на которой они могли достать себѣ воинскую славу и матеріальное обезпеченіе». Но, и кромѣ «рокошанъ», къ самозванцу являлись поляки, влекомые жаждой добычи и славы, а, по ихъ словамъ, и «желаніемъ отомстить вѣроломной Москвѣ за плѣнъ и за гибель въ ней польскихъ гостей». Итакъ, благодаря указаннымъ причинамъ, Воръ не могъ имѣть недостатка въ польско-литовскихъ дружинахъ. И дѣйствительно, уже на пути въ Путивль второй «царь Димитрій Ивановичъ» встрѣтилъ пана Валавскаго, явившагося къ нему въ качествѣ начальника авангарда тѣхъ дружинъ, которыя велъ съ собой князь Романъ Рожинскій. Съ Валавскимъ было около 1000 поляковъ. Столько же явилось и съ паномъ Тышкевичемъ. Затѣмъ прибыли къ Вору князь Адамъ Вишневецкій, Александръ Лисовскій и другіе паны. Лисовскій, снискавшій себѣ такую громкую, хотя и черную, славу своими похожденіями на Руси, явился къ самозванцу потому, что былъ «выволанецъ» и чести своей «отсуженъ». Это былъ смѣлый и искусный наѣздникъ, сумѣвшій организовать и удерживать въ повиновеніи цѣлыя банды безстрашныхъ всадниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «лисовчиковъ». Отважный и предпріимчивый, Лисовскій посовѣтовалъ Вору осадить выгодный для него въ стратегическомъ отношеніи городъ Брянскъ. Надо отмѣтить, что царь Василій правильно оцѣнилъ значеніе этого города и занялъ его довольно сильнымъ отрядомъ. Когда же «царь Димитрій Ивановичъ» явился подъ стѣны Брянска и осадилъ его, то на помощь осажденнымъ отправились московскіе воеводы. Они снабдили осажденную крѣпость провіантомъ. Тогда Воръ, видя, что не въ состояніи взять Брянска, отступилъ на зимовку въ городъ Орелъ; въ это именно время въ Кромы явился знаменитый впослѣдствіи князь Романъ Рожинскій (или Ружинскій) и привелъ съ собой около 4,000 войска. «Гетманъ» Мѣховецкій, предчувствуя, что ему придется разстаться съ прежней властію, сталъ интриговать противъ своего предполагаемаго опаснаго соперника и сумѣлъ внушить Вору самое неблагопріятное мнѣніе о новоприбывшемъ. Хитрый полякъ наговорилъ «царю Димитрію Ивановичу» объ измѣнѣ Рожинскаго. Тотъ же, ничего не подозрѣвая, отправилъ къ Вору посланцевъ съ извѣщеніемъ о прибытіи, съ вопросомъ объ условіяхъ службы и требованіемъ денегъ для уплаты жалованья «рыцарству». Делегатовъ Рожинскаго ожидалъ неласковый пріемъ. Самозванецъ заявилъ имъ: «Я радъ былъ, когда услышалъ, что Рожинскій идетъ ко мнѣ, но дали мнѣ знать, что онъ хочетъ измѣнить мнѣ, такъ пусть лучше воротится. Посадилъ меня прежде Богъ на столицѣ моей безъ Рожинскаго, и теперь посадитъ; вы уже требуете денегъ, но у меня здѣсь много поляковъ не хуже васъ, а я еще ничего имъ не далъ. Сбѣжалъ я изъ Москвы отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего на захвативши. Когда у васъ было коло подъ Новгородомъ, то вы допытывались, настоящій ли я царь Димитрій или нѣтъ». Разсерженные поляки отвѣтили въ такомъ же тонѣ: «Видимъ теперь, что ты не настоящій царь Димитрій, потому что тотъ умѣлъ людей рыцарскихъ уважать и принимать, а ты не умѣешь. Разскажемъ братьѣ нашей, которые насъ послали, о твоей неблагодарности, будутъ знать, что дѣлать». Послѣ такихъ взаимныхъ любезностей послы Рожинскаго хотѣли сейчасъ же удалиться. Однако Воръ спохватился, пригласилъ ихъ къ обѣду и старался быть съ ними ласковымъ. Между тѣмъ Рожинскій, узнавъ о настроеніи «царя Димитрія Ивановича», думалъ было отправиться назадъ въ Польско-Литовское государство. Отъ такого намѣренія его отговорили поляки, служившіе уже Вору. Они послали къ Ро-

жинскому приглашеніе лично пріѣхать въ Кромы и уладить дѣло. Польскій вождь такъ и поступилъ. По пріѣздѣ въ Орелъ Рожинскій получилъ «аудіенціи» у «царя»; къ нему явились съ приглашеніемъ «ѣхать до руки царской». На обѣдѣ, бывшемъ послѣ пріема, «царь Димитрій Ивановичъ» сидѣлъ за однимъ столомъ съ княземъ Романомъ и очень интересовался подробностями только что кончившагося «рокоша». Самозванецъ замѣтилъ въ разговорѣ, что не желалъ бы быть на мѣстѣ польскаго короля: «Не на то родился монархъ Московскій, чтобы имъ заправлялъ какой-нибудь арцыбискупъ». Такимъ образомъ, казалось, дѣло шло на ладъ. Но когда на другой день Рожинскій пожелалъ поговорить съ «царемъ» наединѣ, ему отказали въ этомъ подъ благовиднымъ предлогомъ и начали устраивать всякія проволочки. Гордый панъ обидѣлся и думалъ бросить все и уѣхать. Тѣмъ временемъ его сторонники дознались, что виной всему интриги Мѣховецкаго, и, перетянувъ на свою сторону остальныхъ приверженцевъ Вора, рѣшились на энергичныя мѣры. Они созвали коло, свергли на немъ Мѣховецкаго и изгнали его вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами изъ войска «царя Димитрія». Прежній гетманъ и его сторонники были объявлены при этомъ внѣ закона. Затѣмъ былъ избранъ въ «гетманы» панъ Рожинскій. Коло отправило къ Вору депутацію съ требованіемъ назвать тѣхъ, кто оговорилъ князя Романа въ измѣнѣ. Самозванецъ самъ, въ пышномъ «золотномъ» платьѣ, пріѣхалъ къ «рыцарству». Онъ заявилъ при этомъ: «Вы посылали ко мнѣ, чтобы я выдалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня предостерегаютъ отъ бѣды; никогда этого не повелось, чтобы государи Московскіе вѣрныхъ слугъ своихъ выдавали, и я этого не сдѣлаю не только для васъ, но даже если бы самъ Богъ сошелъ съ неба и велѣлъ мнѣ это сдѣлать». Послѣ такихъ словъ между «царемъ» и рыцарствомъ началась крупная перебранка. Самозванецъ наконецъ уѣхалъ къ себѣ. Поляки приставили къ его дому стражу, опасаясь, что онъ уйдетъ отъ нихъ. Тогда Воръ пришелъ въ полное отчаяніе и напился пьянымъ до безчувствія, тогда какъ раньше никогда не пилъ много. Кое-какъ все-таки удалось Рожинскому и Вору столковаться и примириться: обѣ стороны чувствовали необходимость этого. Полякамъ нуженъ былъ «царь Димитрій Ивановичъ», какъ знамя, подъ защитой котораго они могли добывать себѣ «славы» и денегъ. Самозванецъ очень дорожилъ «рыцарствомъ», составлявшимъ лучшую часть его войска. Число польско-литовскихъ дружинъ второго Лжедимитрія впослѣдствіи возросло до 15—18 тысячъ человѣкъ. Собрались мало-по-малу къ Вору и русскіе «воровскіе» люди: остатки шаекъ Болотникова и Лжепетра, жители украинныхъ и сѣверскихъ городовъ («сеѵрюки»), донскіе и запорожскіе казаки. Изъ русскихъ сторонниковъ «царя Димитрія Ивановича» очень рано становится замѣтенъ Иванъ Мартыновичъ (по другимъ свѣдѣніямъ, Ивановичъ) Заруцкій. Родомъ изъ Тарнополя, онъ былъ въ дѣтствѣ захваченъ въ плѣнъ татарами, бѣжалъ отъ нихъ на Донъ, сталъ однимъ изъ атамановъ, служилъ Болотникову и Лжепетру, спасся изъ Тулы во время осады войсками Шуйскаго и поступилъ на службу къ «царю Димитрію Ивановичу». Это былъ красивый, статный, видный, храбрый, но жестокій и лукавый человѣкъ. «И сей бысть не нехрабръ, но сердцемъ лютъ»,—такъ характеризуетъ Заруцкаго одинъ изъ русскихъ писателей, современникъ Смуты. Въ то же время въ донскихъ и приволжскихъ степяхъ объявились одинъ за другимъ «царевичи». Нѣкоторыхъ привели къ «царю Димитрію Ивановичу», который велѣлъ казнить этихъ «обманщиковъ». Къ веснѣ 1608 года у Вора составилось порядочное войско. «Гетманомъ» его не только по титулу, но и на дѣлѣ былъ князь Романъ Рожинскій. Это было большой выгодой для «царя Димитрія Ивановича». Главнокомандующій его арміи былъ, несомнѣнно, опытнымъ и талантливымъ полководцемъ. Онъ составлялъ очень удачные планы дѣйствій и умѣлъ, насколько хватало средствъ, ихъ выполнять. Такъ и въ настоящее время было рѣшено двинуться на Москву черезъ Заоцкіе города главнымъ силамъ Вора. Лисовскій въ то же время долженъ былъ отправиться въ Поле и тамъ снова поднять возстаніе противъ царя Василія. Шуйскій готовился къ отраженію враговъ. Въ теченіе зимы онъ стягивалъ войска къ Болхову, и начальствованіе этой арміей поручилъ своему

родному брату, князю Дм. Ив. Шуйскому. Это было крайне неудачное назначеніе. Правда, царь Василій вполнѣ могъ положиться на своего брата, но тотъ былъ совершенно бездарнымъ полководцемъ. Поэтому онъ проигралъ двухдневный бой подъ Болховымъ и 1-го мая 1608 года постыдно бѣжалъ въ столицу. Воръ могъ выбрать какое угодно направленіе для похода на Москву. Полководцы «царя Димитрія Ивановича» выбрали нѣсколько кружный путь на Можайскъ. Этимъ они отрѣзывали Москву отъ Смоленска и получали возможность сноситься съ Польско-Литовскимъ государствомъ, изъ котораго къ нимъ шли новыя подкрѣпленія. Самозванецъ овладѣлъ Можайскомъ, захватилъ Звенигородъ и подошелъ къ самой столицѣ. Царь Василій пытался преградить ему дорогу, но въ новой арміи, поставленной подъ начальство даровитаго М. В. Скопина-Шуйскаго, обнаружилась «шатость», почему она была отозвана въ Москву. Такимъ образомъ Воръ безпрепятственно занялъ подмосковное Троицкое село Тушино, гдѣ и укрѣпился. Лисовскій, въ свою очередь, очень удобно выполнилъ свою задачу. Онъ занялъ городъ Михайловъ и сталъ отовсюду собирать «воровскихъ людей». Изъ Михайлова Лисовскій перебрался въ Зарайскъ, который укрѣпилъ. Здѣсь ему удалось почти уничтожить отрядъ, высланный противъ него и бывшій подъ начальствомъ князя Хованскаго и Захара Ляпунова. Послѣ этой блестящей побѣды удалой наѣздникъ взялъ приступомъ и крѣпкій городъ Коломну. Въ то время онъ насчитывалъ въ своей арміи «тридцать тысячъ русскихъ украинскихъ людей». Лисовскій двинулся изъ Коломны на Москву. На этомъ походѣ ему преградилъ путь къ столицѣ энергичный и распорядительный воевода, кн. Ив. Сем. Куракинъ. Въ происшедшемъ бою Лисовскій потерялъ свою артиллерію и вынужденъ былъ очистить Коломну. Потеря этого города была очень непріятна сторонникамъ Вора, но все же Лисовскому удалось снова собрать большинство своихъ отрядовъ и съ торжествомъ явиться въ Тушино. Оно было въ то время очень сильно укрѣплено и представляло собой цѣлый воинскій городокъ. Обосновавшись въ Тушинѣ, Воръ, съ этого времени извѣстный подъ прозвищемъ Тушинскаго, рѣшилъ сдѣлать послѣдній натискъ и овладѣть самой Москвой. Шуйскій тѣмъ временемъ, въ свою очередь, приготовился къ отчаянной борьбѣ. Онъ стянулъ въ столицу войска изъ разныхъ частей Московскаго государства и при помощи ихъ сталъ угрожать тушинцамъ. Тогда Рожинскій рѣшился дать открытый бой войскамъ царя Василія. 25 мая рано утромъ онъ напалъ врасплохъ на московскую рать, потѣснилъ ее и пошелъ, было, подъ стѣны Кремля. Здѣсь москвичи успокоились, получили подкрѣпленія и, въ свою очередь, перешли въ наступленіе. Поляки дрогнули и были отброшены за Ходынку. Тогда они остановились и отбили нападенія московской рати. Эта битва дорого стоила обоимъ сторонамъ, показала и открыла имъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Рожинскій еще болѣе укрѣпилъ Тушино и сталъ обдумывать дальнѣйшій планъ дѣйствій. И царь Василій понялъ, что борьба будетъ упорной и что придется, вѣроятно, «сѣсть въ осаду». Между тѣмъ къ Вору продолжали приходить подкрѣпленія изъ Рѣчи Посполитой, передавались ему и многіе русскіе города..

Можно отмѣтить при этомъ, что поляки и литовцы не обращали никакого вниманія на перемиріе, заключенное въ это время (въ іюнѣ 1608 года) между Рѣчью Посполитой и Московскимъ государствомъ. Условія этого договора устанавливали на 3 года 11 мѣсяцевъ прекращеніе всѣхъ военныхъ и враждебныхъ дѣйствій между обѣими сторонами. Польско-Литовское государство обязалось не признавать никакихъ Самозванцевъ и не служить имъ. Юрій Мнишекъ долженъ былъ не признавать второго Самозванца своимъ зятемъ, не выдавать свой дочери за него замужъ. Марина отказалась отъ титула Московской царицы. Обѣ стороны должны были отпустить всѣхъ своихъ плѣнныхъ. Юрій Мнишекъ, его дочь, сынъ и всѣ близкіе къ нимъ люди получали свободу и право безпрепятственнаго возвращенія на родину. Перемиріе состоялось, но выполнялось плохо со стороны Польско-Литовскаго государства и его подданныхъ. Такъ, на приказаніе, отправленное королевскими послами въ Тушино и повелѣвавшее покинуть ложнаго «Царя Димитрія Ивановича», послѣдніе отвѣчали насмѣшливымъ отказомъ. Самозванецъ же въ это именно время получилъ подмогу.

Къ нему явились тогда отряды Бобровскаго, Андрея . . . , Александра Зборовскаго и Выламовскаго. Наконецъ въ августѣ въ Тушино пожаловалъ и панъ Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, талантливый полководецъ, но жестокій и разнузданный человѣкъ. Его приходъ лучше всего показываетъ, какъ неправы были польскія власти, увѣрявшія, что войско Вора пополняется исключительно разбитыми «рокошанами» и что король всячески противодѣйствуетъ какимъ бы то ни было попыткамъ оказать содѣйствіе Самозванцу. «Все это дѣлается противъ воли и заказу его королевской милости», — писалъ Андрей Сапѣга, воевода Мстиславскій, смоленскому воеводѣ Шеину. А въ это время другой Сапѣга «за позволеніемъ Сигизмунда III» совершенно открыто собиралъ войска для похода въ Тушино. Пану Яну удалось собрать 7500 человѣкъ подъ свои знамена. Онъ двинулся съ ними къ Москвѣ. Король не только разрѣшилъ старостѣ Усвятскому его предпріятіе, но внимательно слѣдилъ за движеніемъ его отряда, получая отъ Сапѣги донесенія о походѣ на Русь. Само собою разумѣется, что прибытіе такого большого польскаго отряда было встрѣчено съ большимъ восторгомъ въ лагерѣ тушинцевъ. Самозванецъ отправилъ милостивое письмо пану Яну и просилъ его щадить по дорогѣ жителей, принесшихъ уже присягу «царю Димитрію Ивановичу». Въ этомъ же письмѣ второй Лжедимитрій сулитъ щедрыя награды Сапѣгѣ и сообщаетъ: «А какъ придешь къ нашему царскому величеству и наши царскія пресвѣтлыя очи увидишь, то мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ».

Самозванецъ совершенно искренне радовался появленію новыхъ отрядовъ, приходившихъ къ нему на службу. Все же важнѣе, чѣмъ всѣ эти польскія и литовскія дружины, Вору были Марина Мнишекъ и ея отецъ. Поэтому «царь Димитрій Ивановичъ» рѣшилъ такъ или иначе овладѣть Мариной. Мнишки тогда жили въ Ярославлѣ. Туда попали они въ августѣ или октябрѣ 1606 года, когда въ Московскомъ государствѣ начали обнаруживаться первые признаки новыхъ внутреннихъ неурядицъ. Кромѣ самихъ Мнишковъ, т. е. Сандомирскаго воеводы и его дѣтей, съ ними было до 300 человѣкъ поляковъ. Сандомирскій воевода утѣшался лишь почетомъ, который ему оказывали пристава, и тѣмъ, что онъ обращался съ своей дочерью, какъ съ царицей. Плѣнныхъ поляковъ содержали на счетъ Московскаго правительства и старались въ общемъ о томъ, чтобы они не терпѣли недостатка въ необходимомъ. Все же подневольное пребываніе въ Ярославлѣ было тяжело Мнишкамъ и ихъ свитѣ. Доходили до нихъ кое-какіе слухи и вѣсти. Дошло до нихъ наконецъ и извѣстіе о томъ, что «царь Димитрій Ивановичъ» спасся во время майскаго погрома и постарается выручить жену и тестя изъ Ярославской ссылки. Слухи стали мало-по-малу принимать болѣе реальную форму. Отъ второго Лжедимитрія начали въ Ярославль приходить письма. Мнишки охотно отвѣчали на нихъ. Между тѣмъ друзья Сандомирскаго воеводы хлопотали объ освобожденіи плѣнныхъ соотечественниковъ. Шуйскій, которому надо было во что бы то ни стало добиться нейтралитета Рѣчи Посполитой, чтобы успѣшнѣе справиться съ внутренними неурядицами, согласился на освобожденіе Мнишка, его дочери, сына и ихъ свиты. Въ маѣ 1608 года ихъ вызвали въ Москву, гдѣ и продержали болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Въ это время у Московскаго правительства шли переговоры о перемиріи, которое и было заключено въ іюнѣ 1608 года на вышеуказанныхъ условіяхъ. По заключеніи перемирія 2-го августа 1608 года Мнишки выѣхали изъ Москвы въ Польшу въ сопровожденіи бывшихъ великихъ пословъ къ первому Лжедимитрію, пановъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго. Охранялъ поляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ за ними князь Влад. Тим. Долгорукій съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ виду близости Тушина и занятія дороги на Смоленскъ врагами царя Василія, русскіе направились вмѣстѣ съ Мнишками окольнымъ путемъ черезъ Тверь. Когда путники приближались къ Волгѣ, было получено извѣстіе, что погоня, высланная Тушинскимъ Воромъ, недалеко. Русскіе совѣтовали или перемѣнить маршрутъ, или пропустить тушинскій отрядъ. Гонсѣвскій склонялся къ ихъ мнѣнію, но большинство поляковъ было противъ него. Кончилось тѣмъ, что погоня, отправленная за Мнишками изъ Тушина, настигла ихъ, и желаніе Вора исполнилось.

Есть извѣстіе, по которому «царь Димитрій Ивановичъ» отправилъ сначала въ погоню за Мариной отрядъ Валавскаго. Однако поляки, отлично видѣвшіе, что служатъ обманщику, не хотѣли подвергать Сандомирскаго воеводу и его дочь необходимости признать Вора законнымъ супругомъ Марины. Поэтому Валавскій сдѣлалъ видъ, что не успѣлъ догнать отпущенныхъ въ отчизну поляковъ и вернулся въ Тушино. Тогда Воръ послалъ съ тѣмъ же порученіемъ отрядъ Заборовскаго. Послѣдній, стремившійся выслужиться передъ Самозванцемъ, настигъ Мнишковъ и принудилъ ихъ къ сдачѣ. По всей вѣроятности, все плѣненіе Сандомирскаго воеводы и его дочери было комедіей, разыгранною съ обоюднаго согласія сторонъ. Послѣ «плѣна» Марина съ отцомъ были отправлены въ Царево-Займище, гдѣ находился тогда Янъ Сапѣга. Этотъ панъ сталъ относиться къ Маринѣ съ величайшей предупредительностью, величалъ ее царицей и вызвался проводить ее до Тушина. Самозванецъ, въ свою очередь, постоянно обмѣнивался съ «женой» письмами и давалъ ей добрые совѣты. Такъ, онъ указывалъ Маринѣ на желательность посѣщенія монастыря Звенигорода, гдѣ «царицѣ» нужно было присутствовать при одномъ церковномъ торжествѣ, такъ какъ «отъ этого можетъ возбудиться» къ «царю» и его «женѣ» «большое уваженіе». «Ибо вамъ извѣстно»,—продолжалъ Воръ, «что прежде противное поведеніе возбудило къ намъ ненависть народа и было причиной того, что мы лишились престола».

Повидимому, Марина сперва была убѣждена, что ѣдетъ къ своему настоящему супругу. Есть извѣстіе, что она была сначала очень весела. Приближаясь къ Тушину, она пѣла и шутила. Но вотъ подъѣхалъ къ ея экипажу молодой шляхтичъ и сказалъ: «Марина Юрьевна! Вы веселы и пѣсенки распѣваете; оно бы и слѣдовало вамъ радоваться, если бы вы нашли въ Тушинѣ настоящаго своего мужа, но вы найдете совсѣмъ другого». Веселость Марины отъ этихъ словъ исчезла и пѣсни смѣнились слезами. Нельзя сказать, правдивъ ли этотъ разсказъ, но извѣстно, что Марина не сразу пріѣхала въ Тушино. Туда два раза до этого съѣздилъ Сандомирскій воевода. Наконецъ состоялось свиданіе «мужа» и «жены». Сапѣга свидѣтельствуетъ, что Марина неохотно встрѣтила своего супруга и «не выказала благодарности». Другой очевидецъ разсказываетъ, что Марина съ ужасомъ отвернулась отъ Димитрія, ножъ засверкалъ въ ея рукахъ и она воскликнула: «лучше умереть»! Тѣмъ не менѣе гордая полька скоро примирилась съ униженіемъ признать обманщика своимъ мужемъ. Какъ кажется, честолюбіе было главной движущей пружиной всѣхъ поступковъ Марины Мнишекъ. Все же она не хотѣла стать любовницей второго самозванца и вступила съ нимъ въ тайный бракъ, несмотря на чувство глубокаго разочарованія въ свойствахъ своего новаго супруга. О. Пирлингъ такъ объясняетъ поведеніе Марины: «Почитая себя Московской царицей, она, обладая правомъ на престолъ, своимъ бракомъ съ Самозванцемъ возводила его на степень царицына мужа и законнаго царя». С. М. Соловьевъ, повидимому, склоненъ видѣть въ этомъ бракѣ вліяніе католическаго духовенства и приводитъ кстати любопытный документъ, составленный въ Польшѣ «для воскресшаго Димитрія, наказъ какъ ему дѣйствовать для собственной безопасности и для введенія уніи въ Московское государство». Наказъ былъ написанъ крайне подробно, но не достигъ цѣли, такъ какъ въ концѣ-концовъ Тушинскому Вору не удалась его авантюра. Но прибытіе въ Тушино Марины Мнишекъ подняло его шансы. Насколько Воръ дорожилъ этимъ дѣломъ, видно изъ тѣхъ щедрыхъ милостей, которыми онъ обѣщалъ осыпать Мнишекъ, если утвердится на Московскомъ престолѣ. Сандомирскій воевода долженъ былъ получить 300,000 рублей денегъ и всю Сѣверскую область. Тесть прожилъ у новаго зятя до декабря 1608 года и отправился затѣмъ въ Польшу. Впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что стойко обличалъ второго Самозванца, но есть доказательства лживости такихъ увѣреній. Марина же осталась въ Тушинѣ и окончательно пошла по пути авантюръ и обмановъ, обнаруживъ при этомъ личное мужество и большое самообладаніе.

«Царь Димитрій Ивановичъ» свидѣлся съ своей «царицей» въ сентябрѣ 1608 года. Къ тому времени стало ясно, что Москву нельзя взять открытой силой. Поэтому Рожинскій выработалъ новый планъ военныхъ дѣйствій. Было рѣшено блокировать Москву. Самъ Воръ долженъ былъ

зимовать въ Тушино, которое окончательно было обращено въ крѣпость. Въ то же время оно стало и очень бойкимъ городомъ, своеобразнымъ центромъ политической жизни той части страны, которая признала Вора. Изъ Тушина исходили разныя правительственныя распоряженія, изъ него же отправились во всѣ стороны отряды, которые должны были въ конечномъ итогѣ изолировать столицу и запереть подвозъ въ нее провіанта. Для этой цѣли надо было захватить слѣдующія дороги: Ярославскую на Троицкій монастырь и Александрову Слободу, дорогу на Дмитровъ, такъ называемую Стромынку, которая въ конечномъ итогѣ вела на Владиміръ, и сухопутную и рѣчную дороги, ведшія на Рязань и Коломну. Выполненіе этого остроумнаго плана было поручено отрядамъ Сапѣги, Лисовскаго и Хмѣлевскаго. Первому удалось завладѣть Дмитровымъ и осадить первоклассную крѣпость того времени, Троице-Сергіевъ монастырь. Лисовскій направился на Суздаль и Шую. Ему также удалось подчинить Вору «всѣ Суздальскія и Владимірскія мѣста». Оставалось занять Коломну. Но Хмѣлевскій былъ разбитъ и вынужденъ отступить. Тогда противъ Коломны были высланы «воровскіе» отряды изъ Владиміра. Однако и эти отряды были разбиты княземъ Димитріемъ Мих. Пожарскимъ, присланнымъ изъ Москвы на помощь жителямъ Коломны. Тушинцы очень досадовали на такую неудачу, и весной 1609 года Млоцкій былъ посланъ для осады Коломны. Но эта осада была безуспѣшна, хотя на время тушинцы заняли дорогу на Рязань, отчего на Москвѣ настала на нѣсколько недѣль «хлѣбная дороговь великая». Во всякомъ случаѣ блокада, хотя и хорошо задуманная, не могла быть осуществлена въ полной мѣрѣ за недостаткомъ средствъ и людей у Вора. Вору въ это время все же удалось подчинить себѣ огромное пространство. Псковъ съ областью, Ярославль, Вологда, даже Тотьма подчинились Тушинскому «царю Димитрію Ивановичу». Одно время его воеводы мечтали даже, что все государство признаетъ законность Тушинскаго Вора. Во всякомъ случаѣ въ Тушинѣ, какъ уже и указано выше, создалось свое «правительство», считавшее себя законнымъ и имѣвшее всѣ признаки таковаго. Въ конечномъ итогѣ произошло какъ бы раздвоеніе Московскаго царства съ двумя царями и двумя правительствами во главѣ. И тотъ и другой «царь» разсылали грамоты по всей русской землѣ, упрекали своихъ противниковъ въ «воровствѣ» и приводили города къ присягѣ на имя «законнаго» государя. Такое явленіе деморализировало населеніе, поселяло въ умахъ смятеніе и сбивало людей съ толку. Особенно пагубно на нравственность высшихъ служилыхъ людей дѣйствовала близость Тушина отъ Москвы. Легкость покинуть одного государя и перейти на службу къ другому вызвала къ жизни такъ называемыхъ «перелетовъ», которые въ результатѣ служили двумъ господамъ, или, вѣрнѣе, извлекали выгоду изъ ихъ соперничества. Вотъ какъ описываетъ это прискорбное явленіе знаменитый Авраамій Палицынъ: «Царемъ же играху яко дѣтищемъ, и всякъ вышше мѣры своея жалованья хотяше; имъ же не довляяше ни пять кратъ, ни десять даяній, но цѣловавше... Животворящій крестъ Господень, ко врагамъ же прилагахуся, и въ Тушинѣ бывъ, тамо крестъ же Господень цѣловавъ и жалованье у враги Божія взявъ, и вспять во Царьствующій градъ возвращахуся и паки у царя Василія болши прежняго почесть и дары и имѣнія воспріимаху и паки къ Вору отъѣзждаху. Мнози же тако мятуще всѣмъ государьствомъ Російскимъ, не дважды кто, но и пять кратъ и десять и въ Тушино и къ Москвѣ преяждяху». Справедливость требуетъ прибавить, что и самъ Авраамій Палицынъ былъ, кажется, не безъ грѣха въ этомъ отношеніи. Тотъ же писатель свидѣтельствуетъ, что москвичи не брезгали ради «воспріятія прикупъ многа сребра» продавать въ Тушино лекарственное зелье и порохъ, «конца же вещи не разсуждающе окаянные». Наживая громадные проценты на проданный товаръ, такіе люди не понимали, что «продаша на сребро отцовъ своихъ и братію, но и главы, паче же и души своя».

Итакъ, Москва снабжала Тушинцевъ боевыми припасами, она же снабжала ихъ и правительственными чиновниками. Поэтому въ Тушинѣ образовалось форменное правительство, составъ котораго превосходно изученъ проф. Платоновымъ въ его «Очеркахъ по исторіи Смуты». Какъ оказывается, можно по грамотамъ опредѣлить многихъ изъ высшихъ совѣтниковъ и воеводъ Вора, которые были

русскими по происхожденію людьми. Первое мѣсто изъ нихъ занималъ князь Гр. П. Шаховской, уже извѣстный изъ предыдущаго изложенія. Этотъ «всей крови заводчикъ», пощаженный до извѣстной степени царемъ Василіемъ по взятіи Тулы, никакъ не могъ успокоиться. Въ ноябрѣ 1608 года онъ явился въ Тушино и былъ очень дружественно и съ большимъ почетомъ принятъ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ». Воръ приказалъ ему «скакать боярство» и пожаловалъ ему высокое званіе «слуги». За княземъ Гр. П. къ Вору потянулись и другіе Шаховскіе. Пріѣхали къ «царю Димитрію Ивановичу» и такой великородный князь, какъ Дм. Тим. Трубецкой; и онъ сталъ бояриномъ Вора. Затѣмъ изъ бояръ второго Самозванца можно назвать Мих. Гл. Салтыкова, князей С. П. Засѣкина и Ѳ. П. Борятинскаго, нѣсколькихъ Плещеевыхъ, дворецкаго князя С. Звенигородскаго. Наряду съ этими болѣе или менѣе родовитыми людьми въ боярахъ у Вора были «вовсе не родословные люди: Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, изъ казаковъ, и Иванъ Ѳедоровичъ Наумовъ, о родѣ котораго говаривали, что «они изстари живали на пашнѣ и велися они на Рязани». Изъ окольничихъ «царя Димитрія Ивановича» извѣстны князь Дан. Ив. Долгорукій, свіяжскій сынъ боярскій Ѳед. Андр. Кирѣевъ, пресловутый авантюристъ Михалко Молчановъ (изъ дѣтей боярскихъ), принимавшій участіе въ убійствѣ царя Ѳедора Борисовича Годунова, и бывшій дьякъ Богданъ Сутуповъ. Въ думныхъ дьякахъ Вора состояли: печатникъ Ден. Игн. Сафоновъ, Петръ Третьяковъ (бывшій на Москвѣ первымъ подъячимъ Посольскаго приказа), Иванъ Чичеринъ и Нехорошей Лопухинъ. «Въ числѣ прочихъ сторонниковъ Вора, бывавшихъ на воеводствахъ и украшавшихъ его дворъ, видимъ людей столь же разнообразнаго происхожденія. Рядомъ съ князьями Д. М. Черкасскимъ, Сицкими, Шаховскими, Троекуровыми-Ярославскими, Масальскими встрѣчаются люди безъ титула, но «съ отечествомъ»: Плещеевы, Волынскіе, Вельяминовы, Годуновы и люди «худые» въ родѣ стряпчаго Путилы Рязанова и Тимошки Бьюгова». Просматривая списки тушинцевъ, «можемъ прежде всего заключить», — правильно отмѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ,—«что у Вора были представители очень высокихъ слоевъ Московской знати». Притомъ это была главнымъ образомъ знать, которая первенствовала въ Московскомъ дворцѣ въ эпоху опричнины и могла назваться новой дворцовой» въ «противоположность прежней родовой». «Если царь Василій», —продолжаетъ извѣстный знатокъ Смуты,—«въ Москвѣ пробовалъ собрать и поставить у власти княжать, терпѣвшихъ отъ опричнины, то Тушино давало пріютъ и опору тѣмъ, кто терпѣлъ отъ олигарховъ княжеской «породы» и терялъ отъ ихъ торжества въ Москвѣ. Правда, не всѣ рѣшались соединять свою судьбу съ судьбой безвѣстнаго Вора, и поэтому перешла въ Тушино далеко не вся дворцовая знать предшествовавшихъ Шуйскому царствованій». Но все-же многіе представители этой среды стали играть первенствующую роль у «царя Димитрія Ивановича». А «рядомъ съ дворцовой знатью въ Тушинѣ былъ очень замѣтенъ и вліятеленъ кружокъ совсѣмъ неродовитыхъ людей, увлеченныхъ на службу Вору личнымъ честолюбіемъ или случайными невзгодами и опасностью гоненій и опалы въ Москвѣ». Изъ такихъ людей выдѣлились Михалка Молчановъ, типичнѣйшій плутъ и проходимецъ, дьякъ Ив. Грамотинъ, «поповичъ» Васька Юрьевъ и другіе подобные, а рядомъ съ ними знаменитый Ѳедька Андроновъ, торговый мужикъ, кожевникъ, который уже въ началѣ 1609 года былъ въ числѣ думныхъ дворянъ «царя Димитрія Ивановича». «Вся эта компанія»,—замѣчаетъ проф. Платоновъ,—«самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ» при нормальномъ ходѣ дѣлъ въ государствѣ осталась бы въ полной безвѣстности, не имѣя возможности даже мечтать о вліяніи на дѣла и правительство». Однако вышло такъ, что въ Тушинѣ они были въ исключительныхъ условіяхъ. «Родовитые слуги Вора бывали обыкновенно на воеводствахъ въ городахъ и войскахъ; по актамъ видно, что очень немногіе изъ нихъ жили при самомъ Ворѣ во главѣ его центральной администраціи. Именно поэтому эта администрація оставалась по преимуществу въ рукахъ незнатныхъ дьяковъ, и они пріобрѣтали важное значеніе въ Тушинѣ, такъ какъ составляли въ немъ «правящій дѣлами кружокъ».

Такимъ образомъ у Вора образовалось правительство, въ которомъ было много

привычныхъ къ военной и административной дѣятельности людей. Позаботился Воръ и о духовной іерархіи. Съ этой цѣлью онъ воспользовался плѣномъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Филарета Никитича. Есть извѣстія, изъ которыхъ можно придти къ правдоподобному выводу, что при своемъ воцареніи Василій Шуйскій намѣревался возвести на патріаршій престолъ этого умнаго и энергичнаго и въ то же время знатнаго и вліятельнаго человѣка и даже «нарекъ» его патріархомъ. Но затѣмъ, опасаясь усиленія въ такомъ случаѣ Романовскаго круга бояръ, которому царь Василій, принадлежавшій по происхожденію и традиціямъ къ числу бояръ-княжатъ, не довѣрялъ и котораго не «жаловалъ», Шуйскій перемѣнилъ свое рѣшеніе. Престолъ патріаршескій достался стойкому и проницательному, самоотверженному патріоту, Казанскому митрополиту Гермогену. Это возвышеніе Гермогена нельзя не признать очень удачнымъ, такъ какъ «въ то убо время злое, аще не бы Господь положилъ на свѣтильницѣ церковнѣмъ таковое свѣтило, то мнози бы во тьмѣ еретичества Лютарьскаго и Латыньскаго заблудили». Но Филаретъ Никитичъ, удалившійся въ свою епархію, справедливо счелъ себя обиженнымъ царемъ Василіемъ, съ которымъ, повидимому, и никогда не былъ въ близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, когда «въ октябрѣ 1608 года воровскія шайки, соединившись съ переяславцами, примкнувшими къ Тушинскому Вору, ворвались въ древній Ростовъ, митрополитъ Филаретъ не обнаружилъ склонности радушно ихъ встрѣтить, а выказалъ большую твердость духа. Онъ увѣщевалъ ростовцевъ, посадскихъ и воинскихъ людей не покидать города и сохранить вѣрность царю Василію. Затѣмъ съ сравнительно немногими мужественными людьми остался въ Ростовѣ, причастился св. Тайнъ и приготовилъ свою паству встрѣтить смерть. «Воры» ворвались въ городъ, разграбили его, бросились къ церкви, въ которой заперся митрополитъ, и выломили церковныя двери. Филаретъ обратился къ мятежникамъ со словами увѣщанія. Но разсвирѣпѣвшіе разбойники не вняли рѣчамъ архипастыря. Они не постыдились ни святости мѣста, ни святости сана. «Митрополита же взяша съ мѣста»,—говоритъ Новый Лѣтописецъ, — «и святительскія ризы на немъ ободраша и одѣша его въ худыя ризы и даша его за приставы». Затѣмъ Филарета Никитича «отослали къ Вору въ Тушино». Онъ не оказался тамъ на высотѣ положенія. По показанію Палицына, съ митрополитомъ Ростовскимъ захватившіе его въ плѣнъ обращались очень дурно: «ведуще путемъ боса токмо въ единой свитѣ и ругающе облекоша въ ризы язычески и покрыша главу татарскою шапкой и нози обувше въ своя сандаліи». Въ такомъ жалкомъ одѣяніи Филаретъ Никитичъ приведенъ былъ къ Вору и его приближеннымъ. Здѣсь отношеніе къ плѣннику сразу измѣнилось. Второй Лжедимитрій и его совѣтники поняли, какъ важно для нихъ имѣть на своей сторонѣ (хотя бы наружнымъ образомъ) такого знатнаго и популярнаго человѣка. «Хотяще къ своей прелести того притягнути», «да тѣмъ инихъ прельстятъ»,— справедливо догадывается умный келарь Троице-Сергіевой обители, — «нарицаютъ его патріарха и облачаютъ его всѣми священными ризами, и златымъ посохомъ почествуютъ, и служити тому рабовъ, яко же и прочимъ святителемъ даруютъ». Однако «Филатетъ разуменъ сый и не преклонися ни на десно, ни на шуее, но пребысть въ правой вѣрѣ». Палицынъ представляетъ пребываніе Филарета въ Тушинѣ плѣномъ и говоритъ, что нареченный патріархъ жилъ тамъ подъ строжайшимъ присмотромъ сторонниковъ второго Лжедимитрія. Плѣнникомъ тушинцевъ рисовалъ себѣ его и патріархъ Гермогенъ. «А которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе»,—писалъ въ 1609 году патріархъ «не своею волею, но нужею и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на таковыхъ мы не порицаемъ, но и молимъ о нихъ Бога». Позднѣйшія отношенія Гермогена къ Филарету не позволяютъ предполагать, что словами великаго архипастыря руководилъ только расчетъ: не поселять соблазна и смущенія въ умахъ русскихъ людей. Весьма правдоподобно, что Филаретъ воздерживался отъ выступленій въ пользу Вора, а быть можетъ, нашелъ и способъ войти въ тайныя сношенія съ Гермогеномъ. Но въ то же время нельзя не признать, что, какъ выяснилъ С. Ѳ. Платоновъ, поведеніе Филарета въ Тушинѣ «скорѣе всего заслуживаетъ названіе

опортунизма и политики результатовъ». Передъ плѣннымъ ростовскимъ митрополитомъ были три выхода: открыто обличить самозванца, искренне предаться на его сторону, или попробовать лавировать между этими двумя путями; и Филаретъ, недоброжелатель Шуйскаго, и въ то же время отрицательно относившійся къ Тушину, избралъ послѣдній, наиболѣе благоразумный, но очень непривлекательный способъ. Онъ примирился по виду съ своимъ положеніемъ, поднесъ Вору принятый московскими обычаями подарокъ, не уклонялся отъ визитовъ тушинской знати и не протестовалъ противъ разсылки его именемъ грамотъ изъ «воровского» стана.

Но въ душѣ, конечно, умный и любившій свою родину ростовскій митрополитъ не могъ быть солидарнымъ съ Воромъ. Онъ при первой возможности отшатнулся отъ «царя Димитрія Ивановича» и, не приставъ къ Шуйскому, повелъ свою политику. И въ положеніи Филарета были многіе изъ знатныхъ приверженцевъ Вора. Нѣкоторые даже возвратились къ царю Василію, другіе, скрѣпя сердце, переносили свое пребываніе при дворѣ наглаго и порочнаго проходимца. Такимъ образомъ въ самомъ Тушинѣ далеко не всѣ искренне «служили и прямили» Вору. Да и въ тѣхъ областяхъ, которыя примкнули къ «царю Димитрію Ивановичу», за исключеніемъ городовъ «прежде погибшей» украйны, такъ какъ въ нихъ былъ очень силенъ казацкій элементъ и духъ своеволія и разбоя, стала обнаруживаться «шатость» по отношенію къ Тушинскому Вору. Причина такого охлажденія многихъ русскихъ городовъ къ дѣлу второго самозванца, котораго сначала охотно признавали, станутъ вполнѣ понятны, если принять во вниманіе поступки и замашки тушинскихъ дѣльцовъ. Среди нихъ были очень способные и толковые люди, но всѣ они стремились къ легкой наживѣ и для достиженія этой цѣли не останавливались ни передъ какими насиліями, вымогательствами и злоупотребленіями. Еще болѣе насильничали воинскіе люди Вора. Это видно изъ челобитій, которыя подавались «царю Димитрію Ивановичу» признавшими его власть людьми. Такъ въ одной челобитной «царю государю и великому князю Димитрію Ивановичу бьютъ челомъ и кланяются сироты государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки». «Погибли мы, разорены отъ твоихъ (пишутъ они Вору) ратныхъ воинскихъ людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣба ржанаго,—и тотъ сгорѣлъ. А достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, да на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ». Въ другой челобитной тѣ же жалобы: «пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди литовскіе, и татары, и русскіе люди, бьютъ насъ, и мучатъ, и животы грабятъ. Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, вели намъ дать приставовъ». А вотъ каковы были «воровскіе пристава»: «стоитъ у меня въ деревнѣ приставъ твой государевъ, панъ Мушницкій; насильствомъ взялъ онъ у меня сынишка моего къ себѣ въ таборы, а самъ каждую ночь пріѣзжаетъ ко мнѣ, меня изъ дворишка выбиваетъ, хлѣба не даетъ, а невѣстку у себя на постели насильствомъ держитъ». Такія челобитныя позволяютъ вѣрить мрачнымъ картинамъ, нарисованнымъ краснорѣчивымъ Аврааміемъ Палицынымъ въ 6-ой главѣ его знаменитаго сказанія. Надо кстати отмѣтить указанія этого писателя, что «русскіе воры» своимъ неистовствомъ превосходили и удивляли самихъ поляковъ и литовцевъ. С. М. Соловьевъ объясняетъ это явленіе разницей положенія русскихъ и иноземныхъ сторонниковъ «царя Димитрія Ивановича». «Иноземцы», — говоритъ великій историкъ,—«пришли въ Московское государство только за добычей, они были равнодушны къ явленіямъ, въ ней происходившимъ, а равнодушіе, холодность не увлекаютъ къ добру, не увлекаютъ также и къ крайностямъ во злѣ... Но не таково было положеніе русскихъ тушинцевъ, русскихъ казаковъ, бездомовниковъ. Русскій человѣкъ, предавшійся Лжедимитрію, пріобрѣтшій черезъ это извѣстное значеніе, извѣстныя выгоды, терялъ все это, терялъ все будущее въ случаѣ, если бы восторжествовалъ Шуйскій, и понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на людей, которые могли дать Шуйскому побѣду, на приверженцевъ Шуйскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на

соотечественниковъ, но какъ на заклятыхъ враговъ, могущихъ лишить его будущности... Что же касается до казаковъ, старыхъ и новыхъ, то, долго сдерживаясь государствомъ, они теперь спѣшили отомстить ему, пожить на его счетъ..... злого врага себѣ они видѣли въ каждомъ мирномъ гражданинѣ, живущемъ плодами честнаго труда, и надъ нимъ-то истощали всю свою свирѣпость».

Неистовство тушинцевъ вызвало въ результатѣ отпаденіе многихъ городовъ отъ Вора и даже возстанія ихъ въ пользу царя Василія. Послѣдній, въ свою очередь, понималъ, что ему надо бороться съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ» не на жизнь, а на смерть. Поэтому онъ отрядилъ боярина Ѳ. Ив. Шереметева на юго-востокъ государства, а своего родственника, талантливѣйшаго полководца боярина-князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго на сѣверъ. Первый имѣлъ порученіе «очистить Низъ» Московскаго государства (т. е. города, расположенные по низовью Волги), собрать по возможности сильное войско и идти съ нимъ на освобожденіе Москвы. Второй долженъ былъ, направившись въ Новгородскую область, заключить союзъ съ Швеціей, король которой Карлъ IX давно уже предлагалъ свои дружескія услуги царю Василію, а затѣмъ и стянуть къ себѣ отряды сѣверныхъ городовъ. Въ нихъ стало замѣчаться движеніе противъ Тушинскаго Вора. Упорядочить это движеніе, придать ему прочную организацію и предстояло князю Михаилу Скопину-Шуйскому. И Шереметевъ, и Скопинъ выполнили хорошо свою задачу. Особенно удачно дѣйствовалъ даровитый полководецъ, юный князь Михаилъ Васильевичъ. Въ февралѣ 1609 года ему удалось заключить союзный договоръ съ Швеціей и нанять тамъ отряды воинскихъ людей, а въ маѣ этого же года Скопинъ-Шуйскій началъ послѣ сложныхъ приготовленій свой побѣдоносный походъ къ Москвѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что ему сильно способствовало движеніе Заволжскихъ городовъ противъ Вора. Заволжскіе «мужики» отбили отъ «воровскихъ» отрядовъ такіе важные города, какъ Кострома, Ярославль. «Мужикамъ» же помогло возстаніе противъ «Вора» владимірцевъ, которые были выведены изъ себя чрезмѣрными поборами и насиліемъ казацкихъ шаекъ. Для усмиренія «отпавшихъ своровавшихъ» «царь Димитрій Ивановичъ» былъ вынужденъ вызвать изъ Заволжья храбраго и искуснаго Александра Лисовскаго. Во всякомъ случаѣ князь М. В. Скопинъ-Шуйскій проявилъ въ 1609—1610 годахъ много искусства и выдержки. Въ іюнѣ 1609 года послѣ мелкихъ стычекъ («частыхъ боевъ») московскій бояринъ и воевода вышелъ къ Волгѣ и взялъ Тверь. Затѣмъ, опасаясь идти прямо къ Москвѣ, чтобы въ столкновеніи съ главными силами Вора не потерять плодовъ только что достигнутыхъ успѣховъ, Скопинъ-Шуйскій пошелъ по направленію къ Ярославлю. Въ Калязинскомъ монастырѣ онъ укрѣпился и сталъ требовать помощи людьми и деньгами отъ сѣверныхъ городовъ. Успѣхи талантливаго полководца встревожили Сапѣгу, который продолжалъ безплодную для тушинцевъ и славную въ лѣтописяхъ нашей исторіи осаду Троице-Сергіева монастыря. Ни приступы, ни блокады, ни голодъ, ни болѣзни, ни долговременность осады—ничто не могло сломить духа осажденныхъ. Опасаясь, что Скопинъ изъ Калязина пойдетъ на выручку Троицкой обители, Сапѣга и другой польскій полководецъ Заборовскій, оставивъ подъ стѣнами осажденнаго монастыря лишь небольшіе отряды, бросились съ главными силами къ Калязину. Московскій полководецъ встрѣтилъ враговъ на рѣчкѣ Жабнѣ и послѣ упорнаго и долгаго боя отразилъ всѣ ихъ атаки. Тогда Тушинскіе вожди поспѣшили уйти и стали продолжать осаду Троице-Сергіева монастыря. Скопинъ-Шуйскій тѣмъ временемъ снова началъ свое медленное, но вѣрное наступленіе къ Москвѣ. Онъ соединился въ Калязинѣ «съ костромскими и съ ярославскими и иныхъ городовъ съ людьми», «сождався» съ которыми, перешелъ на дорогу изъ Ярославля въ столицу. Въ октябрѣ князь Михаилъ Васильевичъ занялъ Переяславль-Залѣсскій и Александровскую слободу, лежащія на указанной дорогѣ, откуда съ помощью «острожковъ» сталъ продвигаться къ самой Москвѣ. Во время этого похода Скопинъ не терялъ времени и постарался даже обучить вспомогательные отряды «заволжскихъ мужиковъ» пріемамъ и способамъ регулярнаго боя.

Какъ ни странно на первый взглядъ, но походъ князя Михаила Васильевича

въ конечномъ результатѣ былъ пагубенъ для царя Василія. Дѣло въ томъ, что заключеніе союза съ Швеціей и наемъ у нихъ воинскихъ людей развязывали руки королю Сигизмунду, который ждалъ только повода для вмѣшательства во внутреннія дѣла Московскаго государства. Союзный договоръ Москвы съ его заклятымъ врагомъ Карломъ IX далъ польскому королю желанный предлогъ вступить въ предѣлы Руси. Это произошло въ сентябрѣ 1609 года, а 19 числа того же мѣсяца Сигизмундъ стоялъ уже подъ стѣнами сильнѣйшей московской крѣпости Смоленска. Вѣсть о походѣ польскаго короля внесла сильное смятеніе въ Тушино. Поляки взволновались при этомъ извѣстіи. Они кричали, что король отнимаетъ у нихъ плоды ихъ трудовъ и усилій. Больше всѣхъ волновался князь Рожинскій. «Гетманъ», который былъ первымъ лицомъ въ Тушинѣ, чувствовалъ, что не будетъ имѣть такой же власти въ королевскомъ войскѣ. У него поэтому возникла мысль составить «конфедерацію» и «просить» короля уйти изъ Московскаго государства. Большинство тушинскихъ поляковъ охотно подписало «конфедераціонный» актъ. Но Сапѣга, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди своихъ соотечественниковъ, отказался отъ такой мѣры, которая могла повести къ открытой враждѣ съ королемъ. Рожинскій ѣздилъ къ нему въ станъ подъ Троице-Сергіевымъ монастыремъ, но все было тщетно.

Эти переговоры ослабили тушинцевъ и поссорили ихъ. Такъ Сапѣга, испуганный усиліемъ Скопина, сдѣлалъ неудачную попытку выбить его изъ Александровской слободы. Когда же онъ сталъ звать къ себѣ на помощь Рожинскаго, «гетманъ» отказалъ наотрѣзъ: онъ былъ сердитъ на старосту Усвятскаго за нежеланіе примкнуть къ «конфедераціи». Между тѣмъ Сигизмундъ изъ-подъ Смоленска отправилъ своихъ комиссаровъ: Станислава Стадницкаго и другихъ въ Тушино. Они должны были поставить тушинскимъ полякамъ на видъ, что тѣмъ приличнѣе служить своему королю, чѣмъ иностранцу и авантюристу. При этомъ тушинцамъ было обѣщано щедрое жалованье съ того времени, какъ они перейдутъ на службу къ Сигизмунду. Тушинскимъ вождямъ король обѣщалъ, сверхъ того, большія награды. Когда обо всемъ этомъ узнали въ Тушинѣ, тамъ поднялось сильное движеніе въ пользу перехода на службу къ королю. Рожинскій и многіе другіе польскіе военачальники не хотѣли этого. Но Сапѣга, а также большинство рядовыхъ воиновъ изъ поляковъ и литовцевъ склонялись на сторону Сигизмунда, прельщенные слухами о томъ, что король располагаетъ большими деньгами. Воръ встревожился и оскорбился всѣмъ происходившимъ. И ранѣе онъ чувствовалъ себя игрушкой въ рукахъ Рожинскаго и другихъ польскихъ вождей. Но все же ему оказывали наружные знаки почтенія. Теперь же никто не обращалъ на него вниманія, или же даже ругалъ его подъ сердитую руку мошенникомъ и обманщикомъ. Воръ рѣшилъ покинуть Тушино. Съ нимъ хотѣли уйти русскіе его приверженцы, которыхъ оскорбляло такое обращеніе «безбожной литвы» съ ихъ «прирожденнымъ» государемъ. Однако поляки приняли свои мѣры и заперли всѣхъ «царскихъ» лошадей. Однако «царь Димитрій Ивановичъ» сумѣлъ было выбраться изъ своего стана съ 400 донцовъ. «Гетманъ» догналъ его, вернулъ въ Тушино. Съ тѣхъ поръ надъ Воромъ учредили строгій надзоръ. Наконецъ 27 декабря 1609 года Самозванецъ рѣшился спросить у Рожинскаго, о чемъ поляки ведутъ переговоры съ комиссарами Сигизмунда. На это полупьяный «гетманъ» сказалъ грубо: «А тебѣ что за дѣло, зачѣмъ комиссары пріѣхали ко мнѣ? Чертъ знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ!» Послѣ этого Рожинскій погрозилъ прибить Вора. Тотъ увидѣлъ, что дѣло совсѣмъ плохо. Въ ту же ночь въ навозныхъ саняхъ въ сопровожденіи вѣрнаго своего шута Кошелева, переодѣвшись крестьяниномъ, уѣхалъ онъ въ Калугу.

Тушинскій станъ, оставшись безъ «царя Димитрія Ивановича», окончательно распался. Во-первыхъ, скопленіе большихъ воинскихъ массъ при отсутствіи соблюденія какакихъ бы то ни было требованій гигіены, давало себя знать еще лѣтомъ 1609 года. Теперь же вновь приближалась весна. Затѣмъ тушинцы раздѣлились: поляки хотѣли идти къ Сигизмунду, русскіе «воры» мечтали о соединеніи съ «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ», а наиболѣе умные и порядочные, принадлежавшіе къ кругу дворцовой знати, затѣяли заключить съ польскимъ коро-

лемъ особый договоръ и призвать на русскій престолъ королевича Владислава на опредѣленныхъ условіяхъ. Осада съ Троицкаго монастыря была снята, и Тушино доживало послѣдніе дни. Марина Мнишекъ проявила въ это время большую энергію и рѣшимость. Положеніе ея въ Тушинѣ было очень тяжелымъ, особенно первое время. Даже такіе паны, какъ Сапѣга, позволяли себѣ являться къ ней въ пьяномъ видѣ. Поведеніе Вора было непристойнымъ. И тѣмъ не менѣе честолюбивая полька не теряла мужества. «Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска потому только, что черныя облака его застилаютъ». Такъ писала Марина одному ихъ своихъ родственниковъ. И въ письмѣ къ королю Сигизмунду жена перваго и второго Лжедимитрія настаиваетъ на своемъ правѣ на Московскій престолъ. Жизнь въ Тушинѣ давалась ей не легко. Въ то же время Римская курія оставила безъ отвѣта ея письмо къ папѣ Павлу V. И все же Марина не пала духомъ. Даже послѣ бѣгства Вора изъ Тушина она не потерялась. Прежде всего Марина склонила многихъ русскихъ тушинцевъ идти за «царемъ Димитріемъ Ивановичемъ» въ Калугу, а затѣмъ и сама рѣшила отправиться туда. Ей пришлось обмануть бдительнаго «гетмана» Рожинскаго и въ мужскомъ платьѣ въ сопровожденіи отряда донскихъ казаковъ бѣжать черезъ Дмитровъ къ своему мужу. И во время опаснаго пути Марина обнаружила большую смѣлость и полное самообладаніе.

Между тѣмъ Воръ не терялъ времени. Онъ въ началѣ января явился въ Калугу, которая была въ тѣ времена сильной крѣпостью и притомъ находилась въ прямомъ сообщеніи съ казачьимъ югомъ. «Вмѣстѣ съ безопасностью» — замѣчаетъ проф. Платоновъ—«она сулила матеріальное изобиліе и стратегическія выгоды. Туда тушинцы еще ранѣе отправляли для береженья женъ и дѣтей своихъ; туда скрылся и самъ Воръ».

Разрывъ съ поляками и отдѣленіе ихъ отъ «царя Димитрія Ивановича» «имѣло для него»,—справедливо полагаетъ С. М. Соловьевъ,—«сначала свою выгодную сторону, ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что онъ съ ляхами опустошаетъ Русскую землю; теперь ссора съ поляками освобождала его отъ этого нареканія». И дѣйствительно, Воръ готовъ былъ разыграть изъ себя защитника православія. Но вскорѣ обнаружилось, что держаться онъ можетъ только благодаря казачьей массѣ. Другихъ сторонниковъ у него не осталось.

Событія тѣмъ временемъ развертывались съ ужасающей быстротой. Въ мартѣ 1610 года окончательно распалось «Тушино», и Скопинъ торжественно вступилъ въ Москву. Въ концѣ апрѣля подававшій самыя свѣтлыя надежды юный вождь уже лежалъ въ гробу, сраженный какимъ-то тяжелымъ недугомъ. Молва приписывала неожиданную смерть своего любимаго полководца отравѣ. Заподозрили Шуйскихъ: царя и его брата, князя Димитрія. Тѣмъ не менѣе царь Василій вручилъ начальство надъ войскомъ, отправленнымъ противъ короля, этому самому боярину, который «женствующими былъ обложенъ вещами». Къ тому же онъ былъ корыстолюбивъ и трусливъ. Изъ-за скупости князь Д. И. Шуйскій задержалъ выдачу жалованья наемнымъ войскамъ подъ предлогомъ неимѣнія денегъ при себѣ, «а у него въ тѣ поры денегъ было, что имъ дать». Послѣдствія такого поступка дали себя знать въ злосчастной для Шуйскихъ битвѣ при селѣ Клушинѣ 24-го іюня 1610 года. Талантливый польскій вождь, гетманъ Жолкевскій на голову разбилъ русскихъ и обратилъ въ позорное бѣгство ихъ начальника. А шведы въ рѣшительную минуту измѣнили дѣлу Шуйскаго, злобясь за неуплату жалованья.

Узнавъ о пораженіи русскаго войска, Воръ съ своими казаками бросился къ Москвѣ, по пути захватилъ нѣсколько городовъ и подошелъ къ селу Коломенскому. Есть извѣстіе, по которому нѣкоторые его приверженцы уговорили москвичей свести съ царства царя Василія, обѣщая, въ свою очередь, отказаться отъ своего «государя». И дѣйствительно, «царю Василію былъ обрядъ» отъ москвичей. Но приверженцы Вора заявили тогда, что они не откажутся отъ «своего истиннаго царя Димитрія Ивановича». Нельзя ни провѣрить, ни отрицать этого извѣстія. Однако въ Москвѣ не пожелали признать Вора, и онъ, услышавъ о приближеніи къ столицѣ Жолкевскаго, отступилъ опять къ Калугѣ, держа столицу подъ угрозой новыхъ на нее покушеній. Опасаясь его, московскіе люди даже из-

брали на русскій престолъ королевича Владислава, поставивъ ему условіемъ принятіе православія. Воръ приготовлялся къ новому походу на Москву, а между тѣмъ дни его были сочтены. Въ Калугу явился къ нему старый Касимовскій царь. Онъ былъ раньше на службѣ у «царя Димитрія Ивановича», но затѣмъ бѣжалъ отъ него къ Жолкевскому. Теперь старый царь пріѣхалъ въ Калугу, желая уговорить своего сына, оставшагося вѣрнымъ второму Лжедимитрію, перейти на сторону поляковъ. Жестокій и мстительный Воръ приказалъ утопить старика. Это разсердило татаръ, бывшихъ на службѣ у «царя Димитрія Ивановича». Они, подстрекаемые своимъ начальникомъ, Петромъ Урусовымъ, поклялись отомстить за смерть своего соплеменника и хана.

Вскорѣ представился удобный случай. 11-го декабря 1610 года «Воръ поѣде на поле гулять не съ великими людьми. Тотъ же князь Петръ Урусовъ, увидавъ, что онъ поѣхалъ, пойде за нимъ и съѣха ево отъ Колуги съ версту и туто ему отсѣче голову. Князь Петръ же побѣжа и отъѣхавъ въ Крымъ». Вѣсть о гибели «царя Димитрія Ивановича» привезъ въ Калугу его вѣрный шутъ Кошелевъ. Со смертью Вора, несмотря на всѣ усилія энергичной Марины сохранить свою власть, самозванщина мало-по-малу замираетъ, и «воровское» движеніе окончательно вырождается, переходя въ ничѣмъ не прикрытый разбой.

Акты Историческіе. — Акты Археографической Экспедиціи. — Изборникъ русскихъ хронографовъ.—«Русская Историческая Библіотека», т. I и XIII (второе изданіе). Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. — Сказанія и записки иностранцевъ: гетмана Жолкевскаго, Массы и др.— *Васенко*, «Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича».—*Забѣлинъ*, «Мининъ и Пожарскій».—*Иловайскій*, «Смутное время Московскаго государства». — *Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго», т. XII.— *Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи», ч. 3.—*Костомаровъ*, «Смутное время Московскаго государства».—*Пирлингъ*, «Димитрій Самозванецъ» (съ библіографіей).—*Его же*, «Историческія статьи и замѣтки».—*Платоновъ*. «Очерки по исторіи Смуты», изд. 3-е (съ большими библіографическими указаніями).—*Его же*, «Лекціи по русской исторіи».—*Его же*, «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутѣ».—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. 2, т. 8.

Пл. Васенко.

Лжедимитрій III. Неизвѣстно точно настоящее имя этого Самозванца. По однимъ извѣстіямъ, это былъ «Матюшка роздьяконъ», по другимъ «Воръ Сидорка». Онъ появился уже послѣ смерти Тушинскаго Вора и избралъ мѣстомъ своихъ похожденій городъ Псковъ, отчего его впослѣдствіи звали «Псковскимъ Воромъ». Прежде всего Воръ, по извѣстію Новаго Лѣтописца, «съ Москвы изъ-за Яузы» «пріиде въ Новгородъ» 23-го марта 1611 года и смутилъ его жителей. Къ Самозванцу стали стекаться враждебные порядку элементы. Съ ихъ помощью онъ 15-го апрѣля захватилъ Псковъ. Воръ освободилъ томившихся въ темницахъ псковичей (это были семьи лучшихъ гражданъ, ведшихъ тогда ожесточенную распрю съ «меньшими») и засадилъ въ заточеніе ихъ противниковъ. Вообще онъ правилъ въ высшей степени самовластно и жестоко и, по примѣру своихъ предшественниковъ, обнаруживалъ большую приверженность къ иноземцамъ. Утвердившись во Псковѣ, Самозванецъ отправилъ грамоту въ Подмосковное ополченіе, которое было тогда во власти казацкихъ таборовъ. Дворяне и дѣти боярскіе, бывшіе въ ополченіи, за небольшими исключеніями, не были склонны признать Псковскаго Вора, но казаки пришли въ волненіе. Были посланы во Псковъ люди, которые должны были «опознать» лично истинность заявленій новаго Самозванца. Одинъ изъ этихъ «опознавателей», нѣкто Казаринъ Бегичевъ «не пожалѣ своей души и старости, и увидѣвъ вора, воскричалъ великимъ гласомъ, что «истинный государь нашъ, Колужской». Въ Подмосковномъ ополченіи «воеводы и казаки» присягнули новому Лжедимитрію, который тѣмъ временемъ бѣжалъ изъ Пскова, опасаясь шведскихъ отрядовъ, приходившихъ подъ стѣны этого города. Однако псковичи, среди которыхъ были сторонники Вора, послали къ нему депутацію съ просьбой вернуться. Самозванецъ вернулся, но сталъ править еще самовольнѣе и чинилъ жителямъ Пскова большія «утѣсненія» и «налогу». Между тѣмъ обстоятельства подъ Москвой измѣнились не въ пользу Вора. Ополченіе Пожарскаго и Минина, собравшееся къ тому времени для своего великаго подвига очищенія русской земли отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ ея, скоро окрѣпло и стало грозной силой.

Вождямъ подмосковнаго ополченія, состоявшаго къ тому времени почти исключительно изъ казаковъ, приходилось серьезно считаться съ этимъ «земскимъ» ополченіемъ. Поэтому они рѣшили отдѣлаться отъ связи съ Самозванцемъ, ложность словъ котораго подтвердилъ и Иванъ Плещеевъ Глазунъ, ѣздившій съ Бегичевымъ «опознавать» «царя Димитрія Ивановича». Теперь этого Глазуна Плещеева подмосковное ополченіе, «отставшее» отъ Вора, послало въ Псковъ для поимки Самозванца. Плещеевъ явился въ Псковъ 11-го апрѣля 1612 года и вступилъ въ переговоры съ псковскимъ воеводой княземъ Хованскимъ о выдачѣ Вора. Послѣдній понялъ бѣду и постарался скрыться изъ Пскова. Однако 18—20-го мая онъ былъ схваченъ и отданъ Плещееву, который 1-го іюня того же 1612 года повезъ его въ Москву. О дальнѣйшей участи Самозванца нѣтъ извѣстій. Надо думать, что его казнили въ Москвѣ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. V и XIV (первая половина).—«Русская Историческая Библіотека», т. XIII (2-е изданіе). — Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. — *Забѣлинъ*, «Минин и Пожарскій».—*Иловайскій*, «Смутное время Московскаго Государства». — *Кедровъ*, «Авраамій Палицынъ». — *Костомаровъ*, «Смутное время Московскаго Государства».—*Любомировъ*, «Очерки исторіи Нижегородскаго ополченія 1611—1613 гг.» (Ж. М. Н. Пр., 1913 годъ, октябрь).—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. 2-я (т. 8 и 9). *Пл. Васенко.*

Либау, *Андрей Андреевичъ*, лейбъ-медикъ, начальникъ гражданской медицинской части на Кавказѣ, т. сов., умеръ 12 сентября 1874 г. въ Гатчинѣ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ въ началѣ 40-хъ годовъ пробылъ долго за границей и, вернувшись въ Петербургъ, одинъ изъ первыхъ врачей ввелъ при діагностированіи грудныхъ болѣзней систему выстукиванія и выслушиванія, получившую съ тѣхъ поръ широкое распространеніе. Либау состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ консультантомъ по грудным болѣзнямъ при учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства Императрицы Маріи. Назначенный медикомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, онъ сопровождалъ его въ Тифлисъ, гдѣ оказалъ важныя услуги устройству медицинской части на Кавказѣ; его содѣйствію, между прочимъ, Тифлисъ обязанъ устройствомъ новой больницы, построенной согласно новѣйшимъ требованіямъ медицинской науки. Вернувшись лѣтомъ 1871 года въ Петербургъ, Либау занемогъ и въ теченіе 3-хъ лѣтъ постепенно угасалъ, переносяя тяжкія страданія.

«Иллюстрированная Недѣля» 1874 г., № 38.
М. Поповъ.

Либерихъ, *Николай Ивановичъ*, даровитый скульпторъ, род. въ 1828 году, первоначальное воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Петербургѣ, по окончаніи которой опредѣлился въ лб.-гвардіи драгунскій полкъ, а потомъ перешелъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Въ это время въ немъ начали выказываться способности и любовь къ ваянію, и въ свободное отъ службы время онъ сталъ лѣпить изъ глины и воска фигуры людей и животныхъ, находившія одобреніе у лицъ, свѣдущихъ въ искусствѣ. Совѣты этихъ лицъ, а еще больше собственное сознаніе своихъ силъ, побудили Либериха серьезно заняться изученіемъ скульптуры. Съ этою цѣлью, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, онъ записался въ ученики Академіи Художествъ. Здѣсь ближайшимъ наставникомъ его былъ баронъ П. К. Клодтъ. Подъ руководствомъ такого знаменитаго профессора Либерихъ выказалъ замѣчательные успѣхи, и имя его скоро пріобрѣло большую извѣстность въ публикѣ. Въ 1857 г. онъ получилъ отъ Академіи за восковую фигуру «Мазепа» 2-ю серебряную медаль, а въ 1859 г. за другую группу «Смерть польскаго гусара въ XV в.» былъ удостоенъ званія почетнаго вольнаго общника Академіи. Затѣмъ въ 1861 г. за «Сцены охоты» Либерихъ былъ возведенъ въ званіе академика. Одною изъ лучшихъ работъ его считается также «Раненая амазонка», въ которой, по признанію современныхъ ему критиковъ, было много жизни и движенія. Вообще произведенія Либериха многочисленны; нѣкоторыя изъ нихъ, будучи воспроизведены въ бронзѣ и чугунѣ, распространены въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Они изображаютъ преимущественно охотничьи и военныя сцены, лошадей, собакъ, дикихъ звѣрей, а также и народные типы. Прекрасно изучивъ формы животныхъ и типическія черты каждой породы животныхъ, Либерихъ умѣлъ правдиво передавать ихъ позы и движенія и сообщать ихъ наружности,

особенно кожѣ и шерсти, большую натуральность. Менѣе удачно выходили у него человѣческія фигуры, хотя и здѣсь, особенно когда дѣло шло объ изображеніи солдатъ и охотниковъ, онъ являлся далеко недюжиннымъ мастеромъ. Въ дѣятельности Либериха не послѣднее мѣсто занимало и изготовленіе моделей для серебряныхъ и бронзовыхъ издѣлій, которыя подносились разнымъ лицамъ на память и по случаю юбилеевъ. Послѣднею работою его въ этомъ родѣ была модель группы, поднесенной княземъ болгарскимъ императору Александру III въ коронацію его. Скончался Либерихъ 29 мая 1883 г.

«Художественныя Новости» 1883 г., т. I, стр. 399.—«Всемірная Иллюстрація» 1883 г., № 188, стр. 87, 90.—*П. Н Петровъ*, «Исторія Имп. Акад. Худож.», т. III, стр. 283, 327, 383.

Либертусъ, *Іоаннъ-Христофоръ*, академикъ по каѳедрѣ астрономіи, ум. послѣ 1737 г. Въ 1735 г., подыскивая ученаго, который бы могъ совершить путешествіе по Сибири вмѣстѣ съ Миллеромъ и Гмелинымъ, Корфъ выписалъ изъ Берлина Либертуса, о которомъ далъ отличный отзывъ Вейдлеръ. Въ февралѣ 1736 г. Либертусъ прибылъ въ Петербургъ и былъ опредѣленъ при Академіи профессоромъ по каѳедрѣ астрономіи. Но такъ какъ онъ рѣшительно уклонялся отъ поѣздки въ Сибирь, то 1 сентября 1737 г. былъ уволенъ отъ службы, уѣхалъ обратно въ Германію, и о судьбѣ его никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.

Пекарскій, «Исторія Акад. Наукъ», т. 1, стр. 574—575.—«Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ», т. т. II, III. *Н. Чечулинъ.*

Либошичъ (Liboschitz), *Осипъ Яковлевичъ*, докторъ медицины, писатель, род. въ Вильнѣ, сконч. 5 янв. н. ст. 1824 г. въ Карлсруэ. Либошичъ былъ сынъ штабъ-лѣкаря литовской арміи, изучалъ медицину въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины въ 1806 г. Сначала онъ занимался практикой въ Вильнѣ и былъ здѣсь однимъ изъ основателей Общества виленскихъ врачей. Затѣмъ онъ служилъ въ Петербургѣ, былъ придворнымъ врачемъ и основалъ здѣсь лѣчебницу для бѣдныхъ дѣтей. Кромѣ того, Либошичъ сдѣлался членомъ Спб. минералогическаго Общества и корреспондентомъ ученаго комитета филантропическаго общества. Перу его принадлежатъ слѣдующіе труды: «De morbis primi paris nervorum», Diss. D. M. Dorp. 1806.; «Описанія ядовитыхъ растеній въ Литвѣ» («Dziennik Wileński» 1805 г., V, 100; VII, 286, 806 и XII, 295); «Déscription des mousses qui croissent aux environs de St-Petersb. et de Moscou». St.-P. 1811 г.; «Beschreibung eines neuentdeckten Pilzes». Wien, 1814 г.; «Tableau botanique des genres observés en Russie et disposés sélon la méthode naturelle». St.-P. 1815 г.; «Enumeratio funyorum, quos in nonnullis provinciis imperii Ruthenici observavit» (Mémoires de la Soc. Imp. de Naturalistes de Moscou», V, 57—63); «Merkwürdiges Verhalten eines Episodes zum Ziele» (Gils. Ann. LXIV, 1828 г.); «Grossular vom Wilui—Flus in Kamtschatka» (Ibidem, LXXII, 1822 г.); «Ueber die Nikolaewschen Goldwäschwerke» (Ibidem, LXXIV, 1823 г.). На русскій языкъ переведенъ только одинъ трудъ его, именно: «Flore des environs de St.-Petersbourg et de Moscou» (Е. Орловъ. «Флора Санктпетербурга и Москвы». 4 ч. П. 1818 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I. стр. 177.—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ ученыхъ и писателяхъ», т. II, стр. 239.—*Recke und Napiersky*, «Schriftsteller- und Gelehrten—Lexicon», т. III, стр. 55. Nachträge, т. II, стр. 12.—*St. Kosminski*, «Słownik lekarzów polskich». Warszawa, 1883 г., стр. 218.—*Poggendorf*, т. I, стр. 1449, 1582.—«Allgemeine Literatur-Zeitung» 1827 г., juni, стр. 407. *А. Ажимовъ.*

Либъ (Lieb), *Іоаннъ-Вильгельмъ-Фридрихъ*, докторъ медицины, родился въ Лихтенбергѣ, въ Германіи, 13 іюля 1730 г., умеръ въ Митавѣ 15 января 1807 г. Образованіе получилъ въ Галле, гдѣ сперва изучалъ богословіе, но затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ Ростокскаго университета и въ 1758 г. получилъ здѣсь степень доктора. Въ томъ же году Либъ переселился въ Курляндію и сперва въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ домашнимъ врачемъ у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, а потомъ занялся частной практикой въ Митавѣ, доставившей ему значительныя средства и извѣстность, такъ что въ 1787 г. онъ назначенъ былъ лейбъ-медикомъ курляндской герцогини Доротеи и ея семейства.

Одновременно съ медициной Либъ занимался и ботаникой и удачно примѣнилъ свои знанія въ составленіи коллекціи лѣчебныхъ травъ для сельской аптеки, употребленіе и пользу которыхъ самъ разъяснилъ въ небольшой брошюрѣ «Anord-

nung des Gebrauchs einiger seit vielen Jahren bewährt befundener Arzeneymittel für die curländische und Curland angrenzende Bauern, welche in der Hochfürstlichen Hofapotheke, jetzt verändert und wohlfeiler als die alten waren, zu haben sind; mit verschiedenen Anmerkungen». Не примыкая всецѣло ни къ какому медицинскому методу, отличаясь оригинальностью какъ въ личной жизни, такъ и въ пользованіи больныхъ, Либъ однако до глубокой старости зорко слѣдилъ за всѣми новыми открытіями въ области медицины. Изъ собственныхъ его печатныхъ трудовъ, кромѣ вышеприведеннаго, извѣстны еще двѣ его диссертаціи: 1) «De justa somni salutaris quantitate et mensura». 1755 г. и 2) «Von der Heiligen Rübe». 1758 г. и двѣ статьи въ журналахъ: «Die Eispflanze, als ein fast specifisches Arzeneymittel empfohlen» (Митавскій сжемѣсячникъ Кютнера, 1785 г.) и «Erfahrungen vom Gebrauche der Kupfermittel» («Neu. Magaz.», Бальдингера, т. 7. 1785 г.).

Неустанная дѣятельность и широкая благотворительность Либа снискали ему общую любовь жителей Митавы, которымъ онъ приходилъ на помощь, какъ врачъ и человѣкъ. Въ 1800 г. курляндское дворянство постановило воздвигнуть мраморный бюстъ его въ библіотечномъ залѣ Митавской гимназіи.

Recke und Napiersky, Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 60—62.—*Meusel,* «Gelehrt. Teutsch.,» т. 4, стр. 449; т. II, стр. 488; т. 18, стр. 528.

А. Гельвихъ.

Ливановъ, *Иннокентій Ивановичъ,* протоіерей, миссіонеръ, род. въ 1828 г., умеръ 30 января 1881 г.; образованіе получилъ въ Иркутской духовной семинаріи и въ 1848 г. былъ рукоположенъ во священники къ Шивирской церкви. Своею ревностью къ пастырскому служенію и въ особенности къ церковному проповѣдничеству онъ скоро обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства, которое въ 1850 г. перевело его къ Балаганской Спасской церкви (гдѣ онъ состоялъ катехизаторомъ и законоучителемъ въ приходскомъ училищѣ) и назначило благочиннымъ Приангарскихъ церквей. Въ то же время на него была возложена обязанность миссіонера для проповѣди евангелія бурятамъ всего Балаганскаго округа. Рано лишившись жены, онъ посвятилъ себя всецѣло миссіонерской дѣятельности и въ ней находилъ единственную для себя отраду и утѣшеніе въ тяжеломъ одиночествѣ. Выстроивъ на собственныя средства скромное жилище при Нукутскомъ улусѣ и поселившись въ немъ, онъ первою задачею поставилъ себѣ закончить постройкою храмъ, начатый тайшею Андреевымъ. Въ 1859 г., когда храмъ былъ выстроенъ и освященъ, Ливановъ сложилъ съ себя обязанности приходскаго священника и занялся исключительно миссіонерскою дѣятельностью. Въ 1864 г. онъ тщательно выполнилъ тяжелый и немаловажный трудъ по провѣркѣ крещеныхъ иновѣрцевъ въ Балаганскомъ, Идинскомъ и Аларскомъ вѣдомствахъ. Съ расширеніемъ же дѣятельности миссіи, онъ въ 1876 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника Иркутской миссіи, съ обязанностью ближайшаго наблюденія за дѣятельностью миссіонеровъ указанныхъ вѣдомствъ. Ливановъ много потрудился надъ переводами съ русскаго на бурятскій языкъ. Ему Иркутская миссія обязана переводомъ на балаганское нарѣчіе нѣсколькихъ статей и молитвъ для новокрещеныхъ инородцевъ. Хорошо владѣя бурятскимъ языкомъ и живя много лѣтъ среди бурятъ, онъ такъ сблизился съ ними и полюбилъ ихъ, что не хотѣлъ выѣзжать изъ Нукута и послѣ того, какъ по разстроенному здоровью вынужденъ былъ оставить свое миссіонерское служеніе (1880 г.)

«Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости» 1881 г., № 7, стр. 78—82.—*Д. Д. Языковъ* «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей и писательницъ», вып. I, стр. 42.

М. Поповъ.

Ливановъ, *Михаилъ,* надв. сов., профессоръ сельскаго хозяйства предполагавшагося къ открытію въ Екатеринославлѣ университета; изучалъ науку земледѣлія въ Англіи вмѣстѣ съ профессоромъ Комовымъ. Ему принадлежатъ два сочиненія: 1) «Наставленіе къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлію (Спб. 1786 г., въ 2-хъ частяхъ) и 2) «О земледѣліи, скотоводствѣ и птицеводствѣ» (Николаевъ, 1799 г.). Послѣднее сочиненіе было написано имъ по порученію князя Потемкина для руководства хозяевамъ, водворявшимся въ Новороссійскомъ краѣ. Ливановъ былъ въ числѣ тѣхъ ученыхъ и иностранцевъ, которые были приглашены въ этотъ край для распространенія просвѣщенія.

По смерти князя Потемкина всѣ они разошлись, остался вѣрнымъ своему призванію одинъ лишь Ливановъ. Онъ поселился въ Николаевѣ, гдѣ и скончался въ 1800 г. подъ гостепріимнымъ кровомъ Мордвинова.

Митроп. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. II—«Записки Одесскаго общества исторіи и древностей», т. II, отдѣл. I, стр. 218.

Ливенъ, свѣтлѣйшій князь *Александръ Карловичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ, род. 14 января 1801 г. и принадлежалъ къ древнѣйшему въ Европѣ дворянскому роду, получившему въ XVII в. баронское достоинство. По окончаніи домашняго образованія Ливенъ въ 1818 г. поступилъ на службу въ л.-гв. Гренадерскій полкъ и въ 1820 г. былъ произведенъ въ подпоручики. Прослуживъ въ полку четыре года, Ливенъ въ чинѣ поручика перевелся (1824 г.) въ Московскій полкъ и былъ назначенъ (1826 г.) флигель-адъютантомъ къ императору Николаю I. Въ Турецкую кампанію (1828 г.) Ливенъ участвовалъ въ осадѣ Варны; послѣ сдачи крѣпости онъ находился съ войсками въ Подольской губерніи на кантониръ-квартирахъ, а въ 1831 г. былъ въ составѣ войскъ, посланныхъ на усмиреніе мятежа, вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ, и участвовалъ при взятіи Варшавы, при обложеніи крѣпости Модлина и при преслѣдованіи остатковъ разбитой польской арміи къ прусскимъ границамъ. Вскорѣ послѣ окончанія войны (1832 г.) Ливенъ былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ состоять при командирѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенантѣ Андерсѣ, для особыхъ порученій, въ 1842 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ вторымъ комендантомъ Севастополя, а въ 1845 г.—Таганрогскимъ градоначальникомъ. Въ 1853 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ 1857 г. Ливенъ предсѣдательствовалъ въ Москвѣ въ особомъ ревизіонномъ комитетѣ, составленномъ для наблюденія за храненіемъ размѣннаго фонда, а въ 1861 г. былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества и президентомъ подвѣдомственнаго ему Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета. Въ 1875 г. за отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Скончался Ливенъ 17 февраля 1880 г.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, книга формулярныхъ списковъ за 1863 г., № 896, стр. 58.—*Старчевскій*, Справочный энциклопедическій словарь, т. VII, стр. 172.—Формулярный списокъ о службѣ ген.-лейт. кн. Ливена (хранится въ Архивѣ Имп. Рус. Истор. Общ.).

И. Артамонова.

Ливенъ, *Вильгельмъ Карловичъ*, баронъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1800 г., ум. 2 февраля 1880 г. На службу поступилъ колонновожатымъ въ 1821 г. Окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Произведенный въ 1823 г. въ прапорщики, онъ въ этомъ же году принялъ участіе съ полковникомъ Бергомъ въ экспедиціи къ Аральскому морю; въ 1825 г. онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Открывшаяся турецкая кампанія дала ему возможность участвовать въ сраженіяхъ при Варнѣ, Силистріи, Шумлѣ и при взятіи крѣпости города Эноса, за что получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1830 г. онъ отправленъ былъ въ дѣйствующую армію для усмиренія мятежа въ Царствѣ Польскомъ; здѣсь онъ сражался въ Подлясскомъ воеводствѣ и находился при взятіи Варшавы, за что произведенъ былъ въ капитаны и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1833 г. Ливенъ былъ отправленъ въ Константинополь съ особымъ порученіемъ Его Величества по поводу конфликта между Турціей и Египтомъ, а затѣмъ командированъ въ Малую Азію «для наблюденія за отступательнымъ движеніемъ египетскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши, и для удостовѣренія въ томъ, дѣйствительно ли они оставили турецкія владѣнія и перешли горы Тавризъ; вмѣстѣ съ тѣмъ барону Ливену поручено было собрать свѣдѣнія о составѣ и качествахъ египетскихъ войскъ». За отличное исполненіе этого порученія онъ былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-ой степени. Произведенный въ 1834 г. въ полковники, Ливенъ былъ назначенъ квартирмейстеромъ пѣхоты отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а въ 1836 г. флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и неоднократно сопро-

вождалъ государя императора и наслѣдника цесаревича во время путешествій по Россіи и за границей. Въ 1842 г. Ливенъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, черезъ 3 года назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ 1855 г. опредѣленъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества. Во время Восточной войны онъ былъ членомъ комиссіи для обороны Балтійскихъ береговъ, участвовалъ въ составленіи инструкціи и положенія о комендантахъ, а также въ обсужденіи направленія проектируемыхъ тогда желѣзныхъ дорогъ; въ 1861 г., будучи генераломъ-отъ-инфантеріи, Ливенъ былъ назначенъ рижскимъ, лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, въ 1863 г. членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1871 г. оберъ-егермейстеромъ Двора Его Величества; въ 1873 г., за пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ, Ливенъ былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

«Русскій Инвалидъ», 1880 г., № 33.—«Новое Время», 1880 г., 5 февраля.—Формуляръ о службѣ ген.-отъ-инф. барона В. К. Ливена (хранится въ И. Рус. Ист. Общ.).

А. Акимовъ.

Ливенъ-фонъ, *Генрихъ-Іоаннъ*, родился въ Курляндіи 24 іюня 1732 г., умеръ въ имѣніи Кирбисъ, Лифляндской губерніи, 3 февраля 1815 г. 17-ти лѣтъ Ливенъ поступилъ на австрійскую военную службу, но черезъ три года, въ 1752 г., перешелъ въ чинѣ поручика на службу въ Россію, находился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ во время Семилѣтней войны, принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ въ царствованіе императрицы Екатерины Великой; въ 1770 г. назначенъ былъ командиромъ Сибирскаго пѣхотнаго полка и комендантомъ крѣпости Килія, въ Бессарабіи, въ 1775 г. переведенъ комендантомъ въ финляндскую крѣпость Давидовъ, а въ 1789 г., согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ въ отставку съ чиномъ бригадира и пенсіей. Послѣднія 25 лѣтъ жизни Ливенъ посвятилъ исключительно своимъ излюбленнымъ занятіямъ по генеалогіи и геральдикѣ прибалтійскаго дворянства; онъ хотѣлъ написать его подробную исторію и съ этой цѣлью собиралъ матеріалы, которые систематически печатались въ сборникахъ «Nord. Miscellen» (кн. IX, X, XV—XXIII). Сюда вошли статистическо-топографическія свѣдѣнія о герцогствахъ Курляндіи и Семигаліи, историческія данныя о временахъ шведскаго владычества въ Лифляндіи и Эстляндіи и богатый запасъ матеріаловъ для исторіи лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго дворянства. Имъ же составлены были комментаріи къ курляндскому и лифляндскому гербовнику («Nord. Misc.», кн. XIII и XIV, стр. 5—562) и исторія родовъ графовъ Стенбокъ: «Versuch einer historisch—chronologisch—und biographischen Abstammung des heutigen gräflich Stenbockschen Geschlechts, von dessen ältesten bekannt gewordenen Ursprung an bis auf gegenwärtige Zeit fortgesetzt» («Nord. Misc.», кн. I и II, стр. 135—336). Наконецъ, Ливену-же приписываются, не безъ основанія, добавленія къ «Лифляндской Библіотекѣ» F. G. Gadebusch'a («Nord. Misc.», XVIII).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten—Lexikon». Митава, 1831 г., т. 3, стр. 67, 68.—*Napiersky*, Fortges. Abhand. v. livl. Geschichtsch., стр. 137.

А. Гельвихъ.

Ливенъ, княгиня *Дарья (Доротея) Христофоровна*, рожденная Бенкендорфъ, родилась 17 декабря 1785 г. Воспитаніе получила въ Смольномъ институтѣ, при чемъ еще за годъ до окончанія была назначена фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, а въ 1800 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ изъ института, выдана замужъ императрицей за графа Х. А. Ливена. Первые годы своей замужней жизни гр. Ливенъ провела въ Россіи, а въ 1810 г. отправилась за границу, такъ какъ ея мужъ былъ назначенъ посланникомъ сначала въ Берлинъ, а затѣмъ, въ 1812 г., въ Лондонъ. Здѣсь, благодаря соприкосновеніямъ съ крупными государственными людьми, у гр. Ливенъ зародилась страсть къ политикѣ, особенно усилившаяся подъ вліяніемъ дружбы съ Меттернихомъ (котораго впослѣдствіи, однако, возненавидѣла), и съ этихъ поръ ея салонъ началъ обращать на себя вниманіе Европы. Въ этомъ салонѣ она, благодаря своему большому уму и какой-то невыразимой привлекательности, несмотря на малую образованность и начитанность, создала себѣ репутацію, можетъ быть, недостаточно обоснованную, вліятельной особы въ дѣлахъ политическихъ. Въ 1834 г. она должна была вернуться въ Россію вслѣдствіе назначенія ея мужа воспитателемъ наслѣдника престола, но жизнь при дворѣ ее

не удовлетворяла, она скучала по Лондону и черезъ годъ, подъ предлогомъ перемѣны климата для возстановленія разстроеннаго здоровья, вторично отправилась за границу, сначала въ Баденъ, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ и поселилась навсегда, и, несмотря на просьбы своего мужа и на недовольство императора Николая Павловича пребываніемъ ея во Франціи, въ Россію не возвращалась. Съ 1837 г. началась ея дружба съ Гизо (длившаяся въ теченіе двадцати лѣтъ, до самой ея смерти), съ которымъ она еще ближе сошлась послѣ смерти своего мужа въ 1838 г. Отличаясь, вообще, видимымъ постоянствомъ своихъ привязанностей, она имѣла мало сердечности, но проявляла много чувствительности, свойственной ея вѣку. По словамъ ея біографа, она болѣзненно боялась скуки; жизнь на виду у всѣхъ и постоянное общеніе съ интересными государственными людьми были для нея существенной потребностью. Княгиня Ливенъ скончалась 15 января 1857 г. въ Парижѣ. Похоронена въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьѣ Мезотенъ, близъ Митавы.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 24.

А. Гельвихъ.

Ливенъ, свѣтл. князь *Карлъ Андреевичъ*, родился 1 февраля 1767 г. въ знатнѣйшей фамиліи Остзейскаго края. По желанію матери, любимицы Екатерины II-й и воспитательницы ея внуковъ, кн. Ливенъ рано поступилъ на военную службу и въ 1788 г. участвовалъ уже въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи. Въ слѣдующемъ году онъ находился въ Бессарабіи въ качествѣ адъютанта при штабѣ кн. Потемкина, а затѣмъ былъ посланъ въ Польшу. Въ 1797 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры, въ 1799 г. назначенъ шефомъ Преображенскаго полка и генер.-лейтенантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и архангельскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1800 г. шефомъ гвардейскаго полка его имени. Въ слѣдующемъ году князь Ливенъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ курляндскомъ имѣніи Сентенъ, гдѣ проводилъ большую часть времени до 1817 г., занимаясь благотворительностью и сельскимъ хозяйствомъ, но не прерывая связей съ высшими кругами столичнаго общества. Въ 1817 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ Дерптскаго округа и оставался въ этой должности до 25 апрѣля 1828 г. Хотя предшествующая жизненная подготовка его имѣла весьма мало общаго съ тѣми задачами, которыя предстояли ему по его новому служебному положенію, тѣмъ не менѣе счастливыя черты его характера, уваженіе къ просвѣщенію, умѣніе распознавать людей и находить себѣ въ нихъ помощниковъ, обходительность и мягкость, вмѣстѣ съ твердостью въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей, ясное сознаніе служебнаго долга—все это обезпечило ему возможность съ успѣхомъ выполнять въ теченіе болѣе 11-ти лѣтъ сложныя и нерѣдко весьма тяжелыя обязанности попечителя. За время попечительства кн. Ливена Дерптскій университетъ получилъ новый уставъ и штаты и обогатился покупкой цѣнныхъ естественно-историческихъ коллекцій; при немъ начали свое существованіе медицинскій институтъ, педагогическо-филологическая семинарія, богословская семинарія и профессорскій институтъ; при его содѣйствіи приглашено было въ университетъ на разныя каѳедры не мало выдающихся представителей науки, совершено нѣсколько важныхъ научныхъ экспедицій; при Ливенѣ значительно увеличилось число студентовъ въ университетѣ, упорядочилась ихъ внутренняя и внѣшняя дисциплина и возросли значеніе университета и его извѣстность. Въ 1827 г. кн. Ливенъ былъ пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1828 г. назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія; въ этой должности онъ оставался до 20 марта 1833 г. За время его управленія министерствомъ въ системѣ высшаго управленія народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи не произошло ничего новаго. Послѣдніе годы своей жизни Ливенъ провелъ въ имѣніи своемъ въ Курляндіи, гдѣ и скончался 31 декабря 1844 г.

Пятуховъ, «Импер. Юрьевскій, бывш. Дерптскій у-тъ за 100 лѣтъ его существованія», стр. 195, 286, 313, 319—320, 327—336, 360, 362, 368—369, 372, 437, 487, 557, 602, 604.—Актъ С.-Петербургскаго университета 1845 г., стр. 8, 9.—Der Fürst Karl Lieven und die K. Universität Dorpat unter seiner Oberleitung», Dorpat, 1846.—«Die Universität Dorpat 25 Jahre nach ihrer Gründung». Dorpat, 1828.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 239, 240.

М. Поповъ.

Ливенъ, свѣтлѣйшій князь *Христофоръ Андреевичъ*, попечитель Е. И. В.

государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, ген.-адъютантъ, ген.-отъ-кавалеріи, родился въ Кіевѣ 6 мая 1774 г. и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, получившаго въ XVII в. баронское достоинство. Отецъ его, баронъ Андрей Романовичъ фонъ-Ливенъ, былъ на военной службѣ и скончался въ чинѣ генералъ-маіора; мать, Шарлотта Карловна, урожденная фонъ-Поссе, была воспитательницей великихъ княженъ, дочерей Павла Петровича, и въ годы младенчества—великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Записанный въ артиллерію съ пятилѣтняго возраста, Х. А. Ливенъ сдѣлалъ впослѣдствіи быструю и блестящую карьеру: въ 1791 г. изъ прапорщиковъ Семеновскаго полка произведенъ былъ въ подпоручики, въ 1794 г.—въ поручики, а въ 1796 г., по возвращеніи изъ шведскаго похода,—въ подполковники, съ назначеніемъ во Владимірскій драгунскій, а затѣмъ въ Тульскій мушкатерскій полкъ. Отправленный на Кавказъ, Ливенъ участвовалъ въ походѣ графа Зубова противъ Персіи, былъ при взятіи Дербента и въ экспедиціи въ Грузію. Въ 1797 г. императоръ Павелъ пожаловалъ его въ флигель-адъютанты, а въ слѣдующемъ 1798 г. Ливенъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ пожалованіемъ генералъ-адъютантомъ, и назначенъ начальникомъ военно-походной канцеляріи Его Величества. 22 февраля 1799 г. Ливенъ сдѣлался графомъ, вслѣдствіе пожалованія его матери графскаго достоинства. Облагодѣтельствованный императоромъ Павломъ, воспитанный матерью въ любви и преданности къ царской семьѣ, Ливенъ искренно раздѣлялъ съ императоромъ Александромъ I скорбь, сопровождавшую первые годы его царствованія. Оставаясь на военной службѣ, онъ въ 1805 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Вишау и подъ Аустерлицемъ; былъ свидѣтелемъ Тильзитскаго мира и въ 1807 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ слѣдующемъ 1808 г., оставаясь генералъ-адъютантомъ, Ливенъ зачисленъ былъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и 31 декабря 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ, гдѣ въ короткое время сумѣлъ пріобрѣсти любовь и довѣріе короля Фридриха-Вильгельма. Ливенъ былъ первый, обратившій вниманіе императора Александра на патріотическое настроеніе Пруссіи, готовой при первой возможности ниспровергнуть тяжелое для нея иго французовъ. Во время открывшейся кампаніи 1812 г. Ливенъ былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ и съ честью занималъ этотъ постъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Будучи свидѣтелемъ и участникомъ величайшихъ событій начала XIX столѣтія (1813, 1814 г. г.), Ливенъ сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе выдающихся политическихъ дѣятелей современной ему Англіи; умѣренность и благородство, свойственныя его характеру, были оцѣнены всѣми политическими партіями Англіи, независимо отъ ихъ убѣжденій. Его политическая честность, осторожность и въ то же время настойчивость въ поступкахъ внушали къ нему общее уваженіе: всѣ знали, что онъ никогда не измѣнитъ своему слову. Лордъ Грей въ засѣданіи парламента воздалъ представителю Россійской имперіи благодарную и блестящую признательность,—единственный примѣръ въ исторіи великобританскаго парламента. Въ 1834 г. Ливенъ вернулся въ Россію, гдѣ императору Николаю Павловичу угодно было почтить его особымъ довѣріемъ: назначивъ попечителемъ при особѣ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. На родинѣ Ливе: на ожидали тяжелыя утраты: двое его сыновей въ короткій срокъ умерли отъ заразной болѣзни. Только полугодовое пребываніе въ Италіи нѣсколько оживило силы огорченнаго отца. Призванный въ 1838 г. сопровождать наслѣдника въ заграничномъ путешествіи, Ливенъ посѣтилъ съ нимъ: Стокгольмъ, Копенгагенъ, Берлинъ, Римъ и другіе города Европы. Въ Римѣ онъ занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался 29 декабря 1838 г.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 23.—«Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», т. 22, № 82, стр. 222—230.—*Старчевскій*, Энциклопедическій словарь, т. VII, стр. 171, 172.

И. Артамонова.

Ливенъ, свѣтлѣйшая княгиня *Шарлотта Карловна*, рожденная фонъ-Поссе, жена генералъ-маіора фонъ-Ливена; овдовѣвъ въ 1781 г. и не имѣя средствъ, она поселилась въ своемъ имѣніи въ Прибалтійскомъ краѣ, занявшись здѣсь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ 1783 г. по рекомендаціи тогдашняго рижскаго генералъ-губернатора Брауна ей предложена была императри-

цей Екатериной II должность воспитательницы великихъ княженъ—внучекъ императрицы. Несмотря на трудность возложенныхъ на нее обязанностей, благодаря большому уму, твердости характера, неутомимости и почти мужской энергіи, Ливенъ сразу заслужила довѣріе императрицы, а также расположеніе великой княгини Маріи Ѳеодоровны, создала себѣ прочное положеніе при дворѣ и оказывала большое вліяніе не только на воспитаніе дочерей Павла I, но и на воспитаніе великихъ князей. За блестящіе успѣхи въ дѣлѣ воспитанія великихъ княженъ, прославившихся впослѣдствіи своей образованностью, и за сорокапятилѣтнюю плодотворную службу при дворѣ княгиня Ливенъ была удостоена многихъ наградъ: такъ, въ 1794 г. она была пожалована въ статсъ-дамы и награждена орденомъ св. Екатерины I ст.; 22 февраля 1799 г. императоромъ Павломъ I была возведена съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство; въ день коронаціи императора Александра I была награждена драгоцѣнными браслетами съ портретами императорской четы, а въ 1824 г.—портретомъ императора съ цѣпью для ношенія на шеѣ. Въ коронацію императора Николая I-го графиня Ливенъ была возведена съ ея потомствомъ въ княжеское достоинство, а затѣмъ въ декабрѣ того же года получила титулъ свѣтлости. Скончалась Ливенъ 24 февраля 1828 г. и похоронена въ Курляндіи въ родовомъ имѣніи Мезотенъ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. вел. князя Николая Михаиловича, т. III, № 104. — *Кн. Долгорукій*, «Капище моего сердца», стр. 15, 16.

А. Гельвихъ.

Ливотовъ, *Серій Никифоровичъ*, придворный протоіерей, членъ вольно-экономическаго общества, род. въ 1750 г., умеръ 20 сент. 1808 г. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «Рѣчь на вожделѣннѣйшее прибытіе.... Императора Александра Павловича изъ Москвы въ Петербургъ, произнесенная 20 октября 1801 г.» Спб.; 2) «Наставленіе о разведеніи табаку и приготовленіи наилучшихъ родовъ курительнаго и нюхательнаго, съ присовокупленіемъ секрета, какъ дѣлать Дюнкирхскій и Аглинскій сентомеръ (перев. съ нѣмец. Спб., 1810); 3) «Оглавленіе по азбучному порядку полезныхъ опытностей, напечатанныхъ въ «Кругѣ хозяйственныхъ свѣдѣній», въ 3-хъ частяхъ, Спб. 1812; 4) «Оглавленіе полной системы практическаго сельскаго домоводства», въ 5-ти томахъ (Спб. 1812); 5) «Оглавленіе по азбучному порядку сочиненій, напечатанныхъ въ «Еженедѣльныхъ Извѣстіяхъ Вольно-экономическаго общества» (Спб. 1812) и 6) «Оглавленіе сочиненій, заключающихся въ 63-хъ книгахъ подъ названіемъ «Труды Вольно-экономическаго Общества» (Спб., 1812).

Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 240.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», № № 5021, 5034, 5129, 5132, 5149.

де-Ливронъ, *Викторъ Францовичъ*, т. сов., воспитаніе получилъ въ Александровскомъ брестскомъ кадетскомъ корпусѣ и по окончаніи его поступилъ въ 3-ій саперный баталіонъ въ самомъ началѣ крымской кампаніи (въ августѣ 1853 г.). Онъ участвовалъ въ форсированной переправѣ черезъ Дунай, у Браилова, въ осадѣ Силистріи, пережилъ ужасы и славу севастопольской обороны, сражался въ легендарныхъ битвахъ 4 августа 1855 г. при Черной рѣчкѣ и на Федюхиныхъ высотахъ и вынесъ страшныя послѣдствія бомбардировки Севастополя и рѣшительный штурмъ 27 августа. Затѣмъ до конца войны (до 16 марта 1856 г.) онъ оставался въ оборонѣ сѣверной стороны Севастополя. Въ этой кампаніи онъ былъ контуженъ и получилъ нѣсколько наградъ за храбрость. Послѣ войны строевая служба де-Ливрона окончилась; началась техническая, научная и административная. Завершивъ образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, онъ поступилъ въ департаментъ генеральнаго штаба; въ 1863 г. былъ командированъ въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ для надзора за постройкой православныхъ церквей въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, гдѣ подъ его наблюденіемъ было построено до 100 церквей. Затѣмъ де-Ливронъ недолго былъ начальникомъ штаба 29-й пѣхотной дивизіи и много лѣтъ правителемъ канцеляріи военно-топографическаго отдѣла Главнаго штаба. Въ этомъ званіи, сверхъ многихъ научныхъ трудовъ, онъ участвовалъ во всѣхъ законодательныхъ работахъ, касавшихся корпуса военныхъ топографовъ и военно-топографическаго училища; въ это же время онъ

съ честью исполнилъ нѣсколько военныхъ командировокъ въ Тифлисъ, Омскъ и Иркутскъ. Въ 1882 году де-Ливронъ былъ назначенъ отвѣтственнымъ редакторомъ законодательныхъ работъ по раздѣленію главнаго штаба на двѣ части: главное управленіе генеральнаго штаба и инспекторское управленіе. Получивъ въ томъ же году чинъ тайнаго совѣтника, онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ и скончался въ февралѣ 1889 г. Кромѣ многочисленныхъ журнальныхъ статей, де-Ливронъ оставилъ такой почтенный трудъ, какъ «Статистическое обозрѣніе Россійской имперіи» (1874 г.), написалъ «Историческій обзоръ дѣятельности корпуса топографовъ» и внесъ крупный вкладъ въ многотомный «Военно-статистическій сборникъ Главнаго штаба». Онъ состоялъ много лѣтъ дѣятельнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

«Новое Время» 1889 г., № 4690.

М. Поповъ.

де-Ливронъ, *Францъ Ивановичъ*, баронъ Сильверстъ, швейцарецъ, родился въ Кадиксѣ 16 іюля 1765 г. По достиженіи совершеннолѣтія онъ, какъ протестантъ, былъ, по распоряженію патеровъ инквизиціи, высланъ изъ Испаніи и поступилъ въ австрійскій флотъ, гдѣ въ званіи мичмана сдѣлалъ кампанію въ Остъ-Индію, а въ 1788 г., по приглашенію адмирала графа Чернышева, былъ принятъ на русскую службу во флотъ съ чиномъ лейтенанта. Во время войны Россіи со Швеціею въ 1789 и 1790 годахъ де-Ливронъ участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ со шведами между Готландомъ и Эландомъ, потомъ при отраженіи нападенія шведскаго флота на ревельскомъ рейдѣ и наконецъ въ выборгской губѣ и финляндскихъ шхерахъ. Въ 1805 г. онъ въ чинѣ капитанъ-лейтенанта поступилъ командиромъ 1-й кадетской роты въ морской корпусъ, а впослѣдствіи (съ 1818—1826 г.г.) исправлялъ должность инспектора классовъ по иностранной словесности. Въ 1827 г. де-Ливронъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады ластовыхъ экипажей балтійскаго флота и произведенъ въ генералъ-майоры. Скончался онъ 15 марта 1841 года.

«Русская Старина», 1872 г., ноябрь, стр. 569.—Общій морской списокъ, т. III, стр. 470—471.

Лидерсъ, графъ *Александръ Николаевичъ*, генералъ-адъютантъ, род. въ 1790 г., ум. въ 1874 г. Записанный въ 1805 г. на службу въ Брянскій пѣхотный полкъ, съ которымъ находился въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, онъ въ 1807 г. былъ произведенъ въ офицеры; въ 1810 г. будучи въ Охотскомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ турецкой кампаніи, награжденъ былъ золотой шпагой и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ; въ рядахъ этого полка онъ принималъ участіе въ войнахъ Отечественной и 1813 года до Кульмскаго сраженія, гдѣ раненъ былъ въ правую ногу съ раздробленіемъ костей; окончаніе наполеоновскихъ войнъ застало Лидерса маіоромъ 4-го Егерскаго полка; въ 1823 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 37-го Егерскаго полка, съ которымъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи 1828—29 г.г.; въ дѣлѣ при Кюстенджи онъ былъ контуженъ въ правый бокъ картечью, но остался въ строю; война эта доставила Лидерсу чинъ генералъ-маіора, орденъ св. Владиміра 3 ст. и Георгія 4 ст. Въ 1830 г. Лидерсъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи; съ нею онъ участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ кампаніи 1831 г.; за штурмъ Воли онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а за всю кампанію получилъ пенсію въ 2000 руб. По окончаніи войны Лидерсъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣх. корпуса, а въ 1837 г. командующимъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ; случай выказать свою боевую подготовку скоро представился войскамъ этого корпуса; въ 1840 г. его 1-я дивизія отправлена была десантомъ на восточный берегъ Чернаго моря, а въ концѣ 1843 г. двинуты были на Кавказъ и остальныя части, кромѣ кавалеріи; Лидерсъ, несмотря на болѣзнь, принялъ начальство надъ войсками; за боевую службу на Кавказѣ ему пожалованы были ордена св. Александра Невскаго и св. Владиміра 1-й степени. Въ 1848 г. онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Дунайскихъ княжествахъ, занятыхъ по случаю возникшихъ тамъ революціонныхъ безпорядковъ, и, несмотря на щекотливость своего положенія, сумѣлъ въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтъ поддерживать наилучшія отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ; въ 1849 г., когда русское правительство рѣшило оказать помощь Австріи, 5-й корпусъ Лидерса, согласно составленному имъ плану, былъ

двинутъ въ Трансильванію; за этотъ славный походъ войска 5-го корпуса были осыпаны наградами; самъ Лидерсъ получилъ званіе генералъ-адъютанта, особый монаршій рескриптъ и орденъ Георгія 2-й степени; въ 1853—56 г.г. онъ участвовалъ въ восточной войнѣ: былъ при Галацѣ, а по смерти императора Николая I въ 1855 г. былъ назначенъ командующимъ южной арміей и главнокомандующимъ крымской арміей; по заключеніи же мира снова вступилъ въ командованіе 5-мъ корпусомъ; въ 1856 г. онъ былъ уволенъ по болѣзни въ отпускъ и до 1861 г. жилъ частнымъ человѣкомъ въ Одессѣ и въ имѣніи своемъ Подольской губерніи. Назначенный въ 1857 г. шефомъ Прагскаго пѣхотнаго полка, онъ въ 1861 г., вслѣдствіе волненій въ Польшѣ, по Высочайшей волѣ, неожиданно былъ вызванъ къ новой дѣятельности—исправлять обязанности намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующаго 1-ой арміей. Въ 1862 г. Лидерсъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и шефомъ Азовскаго пѣхотнаго полка. Вскорѣ передъ назначеніемъ намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича Лидерсъ тяжело былъ раненъ злоумышленникомъ; по увольненіи отъ должности онъ былъ произведенъ въ графское достоинство и пожалованъ значительнымъ маіоратомъ.

А. Непокойчицкій, «Графъ Алекс. Ник. Лидерсъ», біографическій очеркъ.—«Русскій Инвалидъ», 1874 г., № 50.—«Гражданинъ» 1875 г., №№ 8—9.—«Голосъ», 1874 г., № 37.—«Encyklopedija Powszechna». Варш. 1864 г., т. 17, стр. 386—387.

А. Акимовъ.

Лидль, *Адальбертъ Францовичъ*, лекторъ нѣмецкаго языка, родился въ Львовѣ въ 1805 г. По окончаніи въ 1825 г. курса въ Волынскомъ университетѣ опредѣлился учителемъ нѣмецкаго языка въ минскую гимназію, въ 1827 г. былъ перемѣщенъ въ виленскую гимназію, въ 1830 г. въ Волынскій лицей, въ 1834 г. въ университетъ св. Владиміра и въ 1839 г. въ Казанскій университетъ. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай учиться у Лидля, онъ былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ заставить слушателей заниматься своимъ предметомъ. Жизнь покончилъ онъ самоубійствомъ 13 іюля 1842 г.

Лидлю принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «Gramatyka języka niemieckiego (Вильна, 1828 г. и 2-е изданіе 1830 г.); сборникъ «Systematisch geordnete Sammlung auserlesener Stücke aus den Werken der vorzüglichsten Schriftsteller Deutschlandsetc.» (Вильна, 1831); переводъ на нѣмецкій языкъ римско-католическаго катехизиса (1829) и нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній въ «Dzienniku Wileńskim» и «Pamiętniku Lwowskim». Его грамматика и хрестоматія были приняты Виленскимъ университетомъ за учебныя руководства для гимназій. Въ рукописи остался нѣмецко-польскій словарь.

«Біографическій словарь профес. и преподав. Импер. унив. св. Владиміра, стр. 368, 369.—«Біографич. словарь профес. и препод. Импер. Казанскаго у-та», т. I, стр. 248.—*Шульгинъ*, «Исторія унив. св. Владиміра», стр. 132.—*Estreicher*, «Bibliografia Polska», 1874, стр. 597. «Encyklopedyja Powszechna», Варш. 1864 г., т. 17, стр. 28.

М. Поповъ.

Лизогубъ, *Александръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ февралѣ 1790 г., воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и 19 декабря 1809 г. поступилъ на службу поручикомъ въ Литовскій уланскій полкъ. Въ 1812 г. онъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ подъ Вязьмой и Вильной и удостоился награды орденами св. Анны 4-й степени и св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ участвовалъ въ заграничныхъ походахъ 1813—1815 гг.; за дѣло при Жанвилье награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени и въ 1814 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Въ 1815 г. онъ былъ переведенъ въ Оренбургскій уланскій полкъ, но въ слѣдующемъ 1816 г. вернулся въ Литовскій и въ августѣ того же года произведенъ былъ въ ротмистры. Въ 1818 г. А. И. Лизогубъ числился въ спискахъ Сибирскаго уланскаго полка, а въ 1819 г. перемѣщенъ былъ въ л.-гв. уланскій полкъ. Здѣсь онъ въ 1826 г. произведенъ былъ въ полковники и въ слѣдующемъ году награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами. 26 ноября 1830 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Серпуховскаго уланскаго полка; принялъ участіе въ кампаніи 1831 г.; въ 1833 г. награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а въ слѣдующемъ 1834 г. (13 марта) произведенъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ командиромъ 1-й бри-

гады 1-й уланской дивизіи, Исключенъ изъ списковъ умершимъ 24 января 1839 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., стр. 116.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1839 г., № 24.—*Фрейманъ*, «Пажи за 185 лѣтъ», стр. 149.

А. Гельвихъ.

Лизогубъ, *Василій Ивановичъ*, полковникъ л.-гв. Уланскаго полка, родился въ январѣ 1801 г. въ с. Борковкѣ, Сосницкаго уѣзда, умеръ въ 1870 г. Въ службѣ числился съ 17 февраля 1819 г. юнкеромъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады въ легкой № 6 ротѣ. 2 апрѣля 1820 г. переведенъ былъ въ л.-гв. уланскій полкъ, въ маѣ того же года произведенъ въ портупей-юнкеры, а черезъ годъ — въ корнеты. Въ 1823 г. Лизогубъ въ чинѣ поручика вышелъ въ отставку, но въ 1824 г. вернулся въ полкъ снова корнетомъ, въ 1827 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, 1 января 1830 г.—въ штабсъ-ротмистры, 1 сентября 1833 г.—въ ротмистры и въ 1837 г.—въ полковники и тогда же вторично вышелъ въ отставку. Участвуя въ польской кампаніи 1831 г., Лизогубъ былъ въ сраженіи при деревнѣ Рудкахъ и подъ Остроленкою былъ раненъ пулею въ лѣвое предплечіе навылетъ. Имѣлъ ордена: св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, св. Станислава 3-й степени и прусскій орденъ Краснаго Орла.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ, 1912 г., стр. 117.

А. Гельвихъ.

Лизогубъ, *Виталій Ивановичъ*, полковникъ л.-гв. Уланскаго полка, родился въ м. Седневѣ 25 октября 1791 г., на на службу поступилъ 3 апрѣля 1810 г. въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ и 19 іюня произведенъ былъ въ корнеты. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ походѣ за Дунай, былъ при Силистріи и Шумлѣ, а въ 1811 г. въ составѣ Гродненскаго гусарскаго полка—подъ Рущукомъ. Въ 1812 г., участвуя въ Отечественной войнѣ, Лизогубъ отличился въ сраженіяхъ при м. Друѣ, при Полоцкѣ, Сивошинѣ и подъ Борисовымъ, за что былъ награжденъ чинами поручика и штабсъ-ротмистра и орденами: св. Анны 4-й степени и св. Владиміра 4-й степени. Отправившись затѣмъ въ заграничный походъ, онъ былъ въ дѣлѣ подъ Магдебургомъ, участвовалъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, подъ Дрезденомъ раненъ былъ ядромъ въ лѣвую ногу, получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость» и затѣмъ въ 1814—1815 г. находился при оккупаціи Парижа. Въ 1818 г. онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а 17 августа 1820 г. изъ адъютантовъ кн. Репнина переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ. Въ 1821 г. Лизогубъ въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьи Пирятинскаго уѣзда. Умеръ въ 1869 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., стр. 116, 117.—Исторія л.-гв. Уланскаго Ея Величества полка, Спб., 1903 г., стр. 60.

А. Гельвихъ.

Лизогубъ, *Ефимъ Яковлевичъ*, генеральный хорунжій и черниговскій полковникъ; сынъ черниговскаго полковника ум. въ 1705 г. Въ 1687 г. былъ поставленъ Мазепой генеральнымъ бунчучнымъ, а въ 1688 г. генеральнымъ хорунжимъ, коимъ оставался по 1698 г. Въ 1695 г. онъ находился подъ Кизикерменомъ, съ извѣстіемъ о взятіи котораго былъ посланъ гетманомъ въ Москву къ царю Іоанну Алексѣевичу; въ 1697 году онъ посланъ былъ гетманомъ Мазепой въ Сѣчь. По смерти отца своего Лизогубъ въ 1698 г. поставленъ былъ на его мѣсто черниговскимъ полковникомъ и въ 1700 г. со своимъ полкомъ былъ въ Печорахъ, подъ Псковомъ, гдѣ выдержалъ осаду шведовъ. Въ 1702—1703 г.г. онъ находился въ походѣ противъ шведовъ подъ Орѣшкомъ, по возвращеніи изъ коего въ Черниговъ умеръ здѣсь и погребенъ въ Черниговскомъ Успенскомъ Елецкомъ монастырѣ.

«Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Руси». Кіевъ. 1888, стр. 33, 38, 42, 43, 44.—«Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 104, 108—109.—Лѣтопись Величка, т. III, стр. 453.—*П. Добровольскій*, «Черниговскій Успенскій Елецкій монастырь», Черниговъ. 1900, стр. 114.—*А. Лазаревскій*, «Описаніе Старой Малороссіи», т. II, Кіевъ. 1893, стр. 203, 228, 443, 452; т. III, Кіевъ. 1902, стр. 254.—Дневникъ Марковича, т. I, стр. 4. *В. Л. Модзалевскій*, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ. 1912 г., стр. 98, 99, 631.

В. Модзалевскій.

Лизогубъ *(Кобызенко, Кондратьевъ)*, *Иванъ Кондратьевичъ*, полковникъ каневскій; братъ черниговскаго полковника; убитъ въ 1662 г. Своими способностями Лизогубъ выдвинулся изъ среды простыхъ казаковъ и въ 1659 г. былъ назначенъ каневскимъ полковникомъ. Въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ

миргородскимъ полковникомъ Гр. Лѣсницкимъ былъ посланъ отъ войска въ Бѣлую Церковь къ Выговскому съ требованіемъ отказа отъ гетманства. Вмѣстѣ съ коннымъ обознымъ А. Потоцкимъ Лизогубу удалось уговорить Выговскаго, и онъ передалъ Лизогубу и Лѣсницкому гетманскіе клейноты. На произошедшей затѣмъ радѣ подъ Переяславомъ (въ октябрѣ 1659 года) гетманомъ избранъ былъ Юрій Хмельницкій; за Лизогуба, по его неграмотности, подписался его полковой писарь. Въ 1661 г. Лизогубъ былъ уманскимъ полковникомъ и получилъ отъ короля Яна Казиміра 20 іюня этого года грамоту, коей былъ «нобилитованъ» съ фамиліей Кобызевича; въ концѣ этого же года онъ былъ снова каневскимъ полковникомъ. Въ 1662 году Лизогубъ участвовалъ вмѣстѣ съ войсками князя Ромодановскаго и Семка въ избіеніи поляковъ, ходившихъ противъ послѣдняго въ Переяславъ съ Юріемъ Хмельницкимъ. Здѣсь Лизогубъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказу Хмельницкаго, разстрѣлянъ.

Архивъ Ю. и З. Россіи, ч. V, т. I, стр. 73; т. VII, стр. 333.—Лѣтопись Величка, т. I, стр. 404.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. III, стр. 51, 52, 55.—«Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Руси», Кіевъ. 1888, стр. 21.—«Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 101. *В. Л. Модзалевскій*, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ. 1912 г., стр. 96.

В. Модзалевскій.

Лизогубъ, *Илья Ивановичъ*, полковникъ, изъ черниговскихъ дворянъ, родился 12 окт. въ 1787 г. въ селѣ Куликовкѣ, Городницкаго уѣзда, на службу поступилъ юнкеромъ въ 1807 г. въ лб.-гв. Егерскій полкъ, гдѣ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ портупей-юнкера, а въ 1809 г. былъ переведенъ корнетомъ въ Кирасирскій Военнаго ордена полкъ. Съ этимъ полкомъ Лизогубъ участвовалъ въ австрійскомъ походѣ того же года и въ Бородинскомъ боѣ, гдѣ награжденъ былъ золотою шпагою. За Бауценское сраженіе онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и за Лейпцигское—орденъ св. Анны 4-й ст. Послѣ Лейпцига Лизогубъ былъ ординарцемъ при кн. Д. В. Голицынѣ, а въ 1814 г. ординарцемъ у кронъ-принца Виртембергскаго. Произведенный въ томъ же году въ поручики, Лизогубъ въ 1816 г. былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ кавалергарды; въ 1817 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Ламберту, въ 1818 г. произведенъ въ шт.-ротмистры, а въ слѣдующемъ году назначенъ адъютантомъ при кн. Н. Г. Репнинѣ и произведенъ—въ ротмистры. Въ 1821 г. онъ вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился въ своемъ имѣніи Седневѣ, Черниговской губ. Скончался Лизогубъ въ Черниговѣ въ 1867 г. Извѣстно, что онъ принадлежалъ къ масонамъ и находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ поэтомъ Тарасомъ Шевченкомъ.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ, 1801—1826», стр. 291—292.—*В. Л. Модзалевскій*, «Малорос. родослов.». Кіевъ. 1912 г., стр. 115—116. *М. Поповъ.*

Лизогубъ, *Семенъ Ефимовичъ*, сынъ полковника черниговскаго, около 1699 г. учился въ Кіевской академіи, въ 1709 г. состоялъ значнымъ и знатнымъ войсковымъ товарищемъ, а съ 1715 г.—бунчуковымъ товарищемъ. Въ качествѣ такового въ августѣ 1727 г. ѣздилъ въ числѣ другихъ въ Петербургъ съ благодарственными челобитными отъ полковъ. Въ 1734 г. принялъ участіе въ польскомъ походѣ, во время котораго скончался въ Гродно и былъ погребенъ «въ кляшторѣ Базиліановъ при пушечной и дробной стрѣльбѣ съ церемоніей».

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., стр. 102, 103.

А. Гельвихъ.

Лизогубъ, *Яковъ Ефимовичъ*, генеральный обозный; сынъ полковника черниговскаго отъ брака его съ Любовью Петровной Дорошенко, дочерью гетмана, род. въ 1675 г.; учился въ Кіевской академіи. Едва окончивъ свое ученіе, Лизогубъ въ 1694 г. ѣздилъ посланцемъ отъ Мазепы въ Москву съ порученіемъ къ царю. Въ 1707 г., будучи бунчуковымъ товарищемъ, онъ вмѣстѣ съ генеральнымъ есауломъ Скоропадскимъ и княземъ Волконскимъ былъ на Вислѣ и въ Ченстоховѣ, откуда и сопровождалъ великаго польскаго посла, воеводу Мазовецкаго, въ Кіевъ. Въ измѣну Мазепы Лизогубъ ѣздилъ отъ царя въ Польшу къ коронному гетману Сенявскому; въ 1709 г., послѣ Полтавской битвы, Лизогубъ былъ гетманомъ оставленъ въ Полтавѣ съ казаками «для обереженія отъ непріятеля»; въ 1711 г. былъ посланъ Скоропадскимъ въ Кіевъ навстрѣчу Б. П. Шереметеву, возвращавшемуся съ Прута, а потомъ стоялъ съ казаками въ мѣстечкѣ Санджарахъ, оберегая ихъ отъ татаръ; въ 1712 г. Лизогубъ былъ при размежеваніи

границъ съ Турціею между Орелью и Самарою. Несмотря на свое постоянное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ не получалъ никакого уряда, но въ 1717 г. сразу былъ поставленъ на высокій постъ генеральнаго бунчучнаго. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ съ гетманомъ въ Москву, а въ 1719 г. былъ посланъ Скоропадскимъ въ Стародубъ для разбора жалобъ, поданныхъ казаками на бывшаго тамошняго полковника Жоравку. Разобравъ ихъ, Лизогубъ составилъ любопытные «трактаты», коими указывалъ границы полковничьей власти по отношенію къ крестьянамъ. Въ 1721 г. Лизогубъ правилъ Стародубскимъ полкомъ, а съ учрежденіемъ въ 1722 г. Малороссійской коллегіи былъ назначенъ въ число правителей генеральной канцеляріи, почти не принимая участія въ борьбѣ наказнаго гетмана Полуботка съ президентомъ коллегіи Вельяминовымъ. Но когда Полуботокъ съ судьею Чарнышомъ и писаремъ Савичемъ были вызваны въ Петербургъ, то во главѣ правленія Малороссіи стали Лизогубъ и генеральный есаулъ Жураковскій, при чемъ Лизогубъ явно старался быть угоднымъ представителю русскаго правительства. Однако съ пріѣздомъ въ 1723 году въ Малороссію Румянцева съ цѣлью узнать на мѣстѣ дѣйствительное участіе народа въ составленіи такъ называемыхъ Коломацкихъ челобитныхъ и провѣрить основательность жалобъ на Вельяминова,—Лизогубъ сталъ дѣйствовать заодно съ Жураковскимъ, старавшимся скрыть дѣйствительность отъ глазъ Румянцева, и послѣдній нашелъ нужнымъ отправить Лизогуба и Жураковскаго въ Петербургъ, обвинивъ въ единомысліи съ Полуботкомъ и конфисковавъ ихъ имѣнія. Судъ надъ генеральной старшиной тянулся до 1725 года, когда указомъ 8 февраля Лизогубу съ прочими было возвращено имѣніе, но приказано жить безвыѣздно въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прожилъ по 1728 годъ, когда былъ отпущенъ въ Малороссію, получивъ урядъ генеральнаго обознаго. Занимая этотъ урядъ, Лизогубъ въ 1733 г. ходилъ въ Польшу съ десятью тысячами казаковъ, посланныхъ туда для поддержки короля Августа III; въ 1734 г. Лизогубъ былъ назначенъ присутствовать въ канцеляріи Малороссійскихъ дѣлъ и въ Генеральномъ судѣ. Затѣмъ въ 1737 г. онъ былъ подъ Очаковымъ, а въ 1740 г.—опредѣленъ былъ состоять при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ, коему было поручено разграниченіе земель съ Турціею. Въ 1745 г., когда возникла въ Малороссіи мысль о возстановленіи гетманства, Лизогубъ ѣздилъ, въ числѣ другихъ, депутатомъ отъ края съ ходатайствомъ объ этомъ дѣлѣ. Ходатайство депутаціи было исполнено въ 1747 г. Лизогубъ, не выѣхавъ изъ Петербурга, захворалъ и умеръ 24-го января 1749 г.; тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

«Кіевская Старина» 1882 г., т. I, стр. 115—119.—Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 6, 246. 304; ч. II, стр. 225. — *Васильчиковъ*, «Семейство Разумовскихъ», т. I, стр. 67 — 99. — *А. Лазаревскій*, «Описаніе Старой Малороссіи», т. I, Кіевъ. 1889, стр. 39, 285, 408, 466.— Лѣтопись Самовидца, стр. 309, 310, 313, 317, 319.—«Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Руси», Кіевъ. 1888, стр. 46, 49—54, 56, 57, 59—62, 65, 67.—Дневникъ Ханенка, Кіевъ.—*В. Л. Модзалевскій*, «Малорос. родослов.». Кіевъ, 1912 г., стр. 101, 102, 640. *В. Модзалевскій.*

Лизогубъ, *Яковъ Ивановичъ*, переводчикъ при Импер. Московскомъ театрѣ, родился около 1786 г., съ 7 января 1789 г. записанъ былъ капраломъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ, а въ августѣ 1801 г. поступилъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. По окончаніи образованія въ 1806 г. опредѣленъ былъ на службу юнкеромъ въ главное почтовое управленіе, а черезъ годъ зачисленъ помощникомъ въ штатъ военно-походной Его Им. Вел. канцеляріи. Въ 1809 г. онъ состоялъ столоначальникомъ въ штатѣ гражданской канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, а съ октября 1811 г.. — переводчикомъ при Импер. Московскомъ театрѣ. Ему принадлежатъ переводы—съ нѣмец. «Сравненіе Петра Великаго съ Карломъ Великимъ» соч. Wackerbarth (Спб. 1809) и съ французскаго яз.: «Артуръ и Софронія, или любовь и тайна», соч. Жанлиса (Спб. 1807); «Пажи герцога Вандомскаго», водевиль, соч. Дюпати и Діела—Фуа (Спб. 1813); «Ложный Станиславъ», ком., соч. Дюваля (Спб. 1818) и «Альбертъ или Стратноверская пустыня», соч. Гельма (Орелъ, 1822).

«Роспись россійск. книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», №№ 2670, 7153, 7767, 8490, 8533.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр 240.—*В. Л. Модзалевскій.* «Малоросс. родосл.», Кіевъ, 1912 г., стр. 115.

Лизогубъ, *Яковъ Кондратьевичъ*, полковникъ черниговскій, ум. 9 августа 1698 г.; отецъ его былъ казакомъ мѣстечка Гелмязова Переяславскаго. Лизогубъ принималъ живое участіе въ междоусобицахъ, начавшихся со смертью Хмельницкаго, и въ 1662 г. Семко поставилъ его каневскимъ полковникомъ. Въ 1665 г. Лизогубъ, будучи генеральнымъ есауломъ, разбилъ гетмана Яблуновскаго подъ Бѣлой Церковью и ходилъ противъ казаковъ. Въ 1667 г. онъ ѣздилъ посланцемъ отъ гетмана въ Москву, гдѣ пожалованъ былъ отъ царя дворянствомъ «за многія службы». По смерти Брюховецкаго Лизогубъ сталъ горячимъ сторонникомъ Дорошенка и былъ посланъ имъ на лѣвый берегъ Днѣпра уговаривать народъ переходить на сторону правобережнаго гетмана. Занимая продолжительное время полковничій урядъ, Лизогубъ сталъ очень популяренъ; это внушило опасенія Дорошенкѣ, который и смѣстилъ Лизогуба съ полковничества, назначивъ его генеральнымъ есауломъ. Недовольный этимъ, Лизогубъ сталъ склоняться на сторону Самойловича и въ 1674 г., сдавъ ему и кн. Гр. Ромодановскому Каневъ, перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Но Самойловичъ не могъ доставить Лизогубу каневскаго полковничества, чего ему очень хотѣлось, и онъ, оставшись безъ должности, сталъ устраивать свое хозяйство, занявъ для него пустыя земли подъ Конотопомъ. Сосѣдомъ его здѣсь былъ будущій гетманъ Мазепа. Въ 1687 г. Лизогубъ былъ въ Крымскомъ походѣ, въ которомъ у Коломака былъ низложенъ Самойловичъ и на его мѣсто избранъ Мазепа, при чемъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ обвиненія противъ Самойловича, былъ и Лизогубъ. Новый гетманъ тутъ-же поставилъ Лизогуба черниговскимъ полковникомъ на мѣсто сына Самойловича—Григорія. За участіе во второмъ Крымскомъ походѣ (1689) Лизогубъ щедро былъ награжденъ Мазепою, получивъ отъ него два большихъ села. Въ 1694 г. онъ ходилъ за гетмана съ двадцатью тысячами казаковъ на Буджакъ и въ 1695 г. зимовалъ на Днѣпрѣ «для береженія отъ татаръ». Особенно отличился Лизогубъ при взятіи въ 1696 г. Азова, когда онъ былъ наказнымъ гетманомъ. Это участіе Лизогуба сдѣлало его извѣстнымъ Петру, который, сообщая о взятіи Азова патріарху, хвалилъ Лизогуба, «мужа въ добродѣтели и искуснаго въ военныхъ трудахъ». «Черниговская же лѣтопись» взятіе этого города приписываетъ одному Лизогубу. Полковникомъ черниговскимъ Лизогубъ пробылъ до своей смерти; погребенъ онъ въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ.

«Кіевская Старина, т. I, стр. 101—125; т. XI, стр. 539—542. — Лѣтопись Величка, т. III.— Лѣтопись Грабянки. — Лѣтопись Самовидца.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. III.—*Лазаревскій*, «Описаніе старой Малороссіи», т. II, стр. 185, 186, 203, 219, 233, 316, 452.—«Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси», стр. 23, 32, 37, 38, 40, 41, 42.—*В. Эйнгорнъ*, «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в.», т. I, стр. 333, 410, 411, 912, 913.—Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 21.—*П. М. Добровольскій*, «Черниговскій Елецкій Успенскій первоклассный монастырь», Черниговъ, 1900, стр. 114.—Памятники, изданные Кіевской археографической комиссіей, т. II, отд. I, стр. 227; т. III, отд. 3, стр. 378.—«Симбирскій Сборникъ», стр. 95, 114, 135—«Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ черниговскаго полка».—«Акты Ю. и З. Россіи», т. V, стр. 125, 159; т. VI, стр. 162; т. IX, стр. 161, 181; т. XI, стр. 162. — *В. Л. Модзалевскій*, «Малорос. родословникъ», 1912 г., стр. 96—98, 264, 593, 594, 750.

В. Модзалевскій.

Лиліенфельдъ-фонъ, *Яковъ-Генрихъ*, родился въ 1716 г., умеръ въ Ригѣ 1 іюля 1785 г., воспитывался въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, а по окончаніи образованія посланъ былъ въ качествѣ секретаря посольства съ кн. Кантемиромъ въ Парижъ; вскорѣ, однако, его вернули въ Россію, при чемъ ему предложено было на выборъ: или поступить въ армію маіоромъ или, выйдя въ отставку съ чиномъ маіора, взять на нѣсколько лѣтъ въ аренду казенное имѣніе на о. Даго. Лиліенфельдъ предпочелъ послѣднее и со временемъ сталъ собственникомъ обширныхъ имѣній въ Эстляндіи и Лифляндіи. Онъ былъ членомъ Голштинскаго государственнаго совѣта, а подъ конецъ жизни дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Голштинскаго посольства.

Свои досуги Лиліенфельдъ посвящалъ литературнымъ и научнымъ занятіямъ; имъ было напечатано нѣсколько стихотвореній, двѣ комедіи («Der Neujahrswunsch» и «Uranie oder die Verwandschaft der Liebe und Freundschaft») и трактатъ о новомъ государственномъ строительствѣ («Neues Staatsgebäude», три части, Лейпцигъ, 1767 г.) Кромѣ того, Лиліенфельдъ много работалъ надъ во-

просомъ о положеніи прибалтійскихъ крестьянъ, и въ рукописяхъ сохранилось много его сочиненій по этому вопросу; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два: одно, написанное на премію по предложенію Импер. вольно-экономическаго общества въ Петербургѣ,—«Ueber das Eigenthum und die Freiheit der Bauern» (о собственности и свободѣ крестьянъ), и другое, представленное авторомъ въ 1780 г. на обсужденіе лифляндскаго дворянства,—«Ein Plan Livlands Glück zu befördern» (проектъ благополучія Лифляндіи).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und-Gelehrten—Lexion», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 69, 70.—*F. G. Gadebusch*, «Livländische Bibliothek», т. 2, стр. 181.

А. Гельвихъ.

Лиловъ, *Александръ Ильичъ*, директоръ Тифлисской классической гимназіи, образованіе получилъ въ Нижегородской духовной семинаріи, а затѣмъ довершилъ его въ Казанской духовной академіи, по окончаніи которой былъ удостоенъ степени магистра и оставленъ при академіи бакалавромъ. Въ 1859 г. Лиловъ перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и посвятилъ себя педагогической дѣятельности на Кавказѣ. При открытіи въ 1878 г. 2-й Тифлисской гимназіи онъ былъ назначенъ директоромъ ея и оставался въ этой должности до самой смерти, послѣдовавшей 22 апрѣля 1890 г. Отдавшись непосредственно педагогическому дѣлу, онъ все же внимательно слѣдилъ за общественными вопросами и принималъ участіе въ ихъ разрѣшеніи. Не мало онъ отдавалъ времени и кавказской журналистикѣ. Въ газетѣ «Кавказъ», при изданіи ея Вороновымъ, онъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ и, кромѣ того, работалъ въ «Филологическихъ Запискахъ» и «Русскомъ Богатствѣ». Ему же Кавказъ обязанъ многими этнографическими очерками и статьями, которые онъ помѣщалъ въ «Кавказѣ» и въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа».

«Новое Время» 1890 г., № 5088.

Лилье, *Карлъ Матвѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ; получивъ домашнее воспитаніе, онъ поступилъ на военную службу и, будучи подпрапорщикомъ, принялъ участіе въ войнѣ 1812 года и въ походѣ во Францію; переведенный по окончаніи войны прапорщикомъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ, онъ участвовалъ въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ, былъ раненъ и получилъ Георгія 4-й степени; впослѣдствіи онъ командовалъ Самогитскимъ гренадерскимъ полкомъ. Произведенный затѣмъ въ генералъ-маіоры, онъ участвовалъ въ Восточной войнѣ, командуя въ Симферополѣ и Карасубазарѣ резервной дивизіей 5-го корпуса; въ 1857 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и зачисленъ въ запасныя войска. Скончался 30 іюля 1879 г.

«Русскій Инвалидъ», 1879 г., № 153.

А. Акимовъ.

Лима, *Юрій Степановичъ*, вице-адмиралъ, уб. 18 іюля 1702 г. Родомъ генуэзецъ; служилъ въ Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ Кіевѣ, подполковникомъ у генерала Гордона. Въ 1696 г., во время второй осады Азова, Лима, имѣя уже чинъ полковника, именовался вице-адмираломъ, что обозначало, что онъ былъ первымъ во флотѣ лицомъ послѣ адмирала. Лима распоряжался галерами въ устьѣ Дона, отразилъ всѣ попытки турокъ прорваться съ моря на помощь крѣпости и тѣмъ способствовалъ ея взятію. При торжественномъ вступленіи въ Москву Лима шелъ непосредственно за Лефортомъ. По смерти Лефорта Лима получилъ въ командованіе его полкъ и въ битвѣ подъ Нарвою, въ числѣ немногихъ, успѣлъ сохранить свой полкъ въ полномъ порядкѣ. Въ слѣдующемъ году онъ отличился въ побѣдѣ надъ шведами при Гуммельсгофѣ и былъ убитъ во главѣ своего полка.

«Справоч. энцикл. словарь», Края, VII.—«Сѣв. Пчела», 1833 г., № 257.

Н. Чечулинъ.

Лиммеръ, *Карлъ-Августъ*, пасторъ, родился въ 1767 г. въ нѣмецкомъ городѣ Плауенѣ (Voigtland), гдѣ отецъ его былъ врачемъ; вопреки желанію родителей, готовившихъ сына для медицинской карьеры, онъ посвятилъ себя изученію богословія въ Лейпцигскомъ университетѣ (1783—1786 г.) и, вернувшись въ Плауенъ, съ успѣхомъ выступилъ здѣсь въ качествѣ проповѣдника. Черезъ два года, однако, въ 1788 г. Лиммеръ вторично отправился въ Лейпцигъ, гдѣ въ мѣстныхъ архивахъ, по порученію суперинтендента Ганда, собиралъ матеріалъ для исторіи своей родины, но вскорѣ, поссорившись съ Ган-

домъ и лишенный матеріальной поддержки вслѣдствіе смерти своихъ родителей, онъ вынужденъ былъ оставить начатую работу и переселился въ Курляндію. Здѣсь, въ Литвѣ и въ Лифляндіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимался педагогическою дѣятельностью въ частныхъ домахъ и школахъ, а въ 1810 г. получилъ мѣсто пастора въ Полтавѣ, гдѣ открылъ тогда же собственное учебно-воспитательное заведеніе. Въ 1818 г. ему было предложено перейти въ Саратовъ, гдѣ, кромѣ городского лютеранскаго прихода, онъ долженъ былъ вѣдать и приходъ нѣмецкихъ колонистовъ, но здѣсь Лиммеръ оставался недолго: вслѣдствіе столкновенія съ докторомъ богословія Игнатіемъ Фесслеромъ, послѣдовавшихъ затѣмъ споровъ и судебнаго процесса, въ 1820 г. онъ былъ уволенъ отъ пасторской должности и черезъ Петербургъ вернулся къ себѣ на родину. Въ 1822 г. онъ поселился въ Герѣ, гдѣ и скончался 4 сентября 1853 г.

Лиммеръ оставилъ по себѣ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ по исторіи, богословію, философіи, филологіи и даже математикѣ. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ очерковъ мелкихъ германскихъ княжествъ, издававшихся имъ за границей въ періодъ съ 1826—1838 г., извѣстны еще слѣдующія его сочиненія: Urbegriff des Christenthums», Митава, 1794; «Lehrbuch der Rechenkunde», тамъ-же, 1797 г.; «Metaphysik der Grössenkunde», тамъ-же, 1803 г.; «Urbegriff des griechisch-römischen Heidenthums», Лейпцигъ, 1806 г.; «Aristarchos, oder Bemerkungen zur Berichtigung der sprachkunde, insbesondere der französischen Sprache», Кенигсбергъ, 1808 г.; «Geometrie in raisonnirender Methode», Лейпцигъ, 1809 г.; Сборникъ священныхъ пѣснопѣній, Митава, 1816 г.; «Russland, wie es ist», Лейпцигъ, 1823 г.; «Die göttliche Offenbarung in der Vernunft, nach den eigenen und deutlichsten Aussprüchen der Bibel selbst als solche aufgestellt», Ронненбургъ, 1824; «Philologisch-historische Deduction des Ursprungs des Hochfürstl. Namen Reuss», Гера, 1824 и «Der wahre Geist des Christenthums, aus der Geschichte seiner Entstehung; oder das Leben Jesu», Гримма, 1837 г. Наконецъ, извѣстна и его обширная печатная полемика съ Игн. Фесслеромъ и Павломъ Пезаровіусомъ, іезуитскія выступленія которыхъ Лиммеръ обличалъ въ своемъ сочиненіи «Meine Verfolgungen in Russland», (Лейпцигъ, 1823 г.), вызвавшемъ въ печати отвѣтъ обвиняемыхъ, которые, въ свою очередь, обвиняли Лиммера въ заблужденіяхъ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller — und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 71—74 и добавленія, Митава, 1861 г., стр. 14, 15.—*И. Фесслеръ*, «Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow K. Limmer», Рига и Лейпцигъ, 1823 г.—*Его-же*, «Автобіографія», 1839 г.

А. Гельвихъ.

Линаръ (*Lynar*), графъ *Морицъ-Карлъ*, Саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, фаворитъ правительницы Анны Леопольдовны, род. 1702 † 1768.

Линаръ былъ уроженецъ Саксоніи и принадлежалъ къ знатной семьѣ. Еще молодымъ человѣкомъ онъ женился на графинѣ Флеммингъ, но уже въ 1730 г. овдовѣлъ. Его дипломатическое поприще не было особенно блестящимъ. Въ Россіи онъ былъ дважды, но оба раза, начавъ дѣла довольно успѣшно, въ концѣ концовъ не только проигрывалъ, но бывалъ принужденъ совсѣмъ покидать дворъ, къ которому его аккредитовали. Первое его пребываніе въ Петербургѣ относится ко времени съ апрѣля 1733 г. по декабрь 1736 г. По мнѣнію современниковъ, его назначеніе объяснялось очень ходкими въ XVIII в. соображеніями: Русскій дворъ, управляемый женщинами, находился въ зависимости отъ вліянія фаворита, имъ могъ легко стать и иноземецъ. Линаръ же, по отзывамъ принцессы Іоганны Цербстской «passer pour le plus bel homme, qui fut alors». Къ тому же ему было 35 лѣтъ, онъ очень любилъ одѣваться въ костюмы свѣтлыхъ цвѣтовъ, бывшіе ему къ лицу и даже считался законодателемъ моды. Люди положительные называли его фатомъ, а дамы находили очаровательнымъ.

Аннѣ Леопольдовнѣ уже минуло 17 лѣтъ; вся обстановка, въ которой она жила и воспитывалась, была пропитана любовью, разговорами и мыслями о ней. Въ женихи ей прочили во всѣхъ отношеніяхъ неинтереснаго принца Антона Ульриха, и сравненіе его съ красавцемъ Линаромъ явно было не въ его пользу, были и охотники разстроить предполагаемый бракъ, благопріятный Австріи. Главная воспитательница Анны Леопольдовны, Адеркасъ, сторонница Пруссіи, вмѣшалась въ эту

интригу и стала посредницей между Линаромъ и принцессой, равно какъ и камеръ-юнкеръ императрицы Иванъ Брылкинъ. Линаръ прикинулся влюбленнымъ, дѣло принимало характеръ серьезнаго романа, но было прекращено (въ 1736 году) вмѣшательствомъ Бирона и даже самой императрицы. Адеркасъ была отставлена отъ должности и выслана вмѣстѣ съ дочерью на родину въ Германію. Брылкина удалили отъ двора и назначили капитаномъ гарнизона въ Казани, гдѣ онъ пробылъ до опалы Бирона. Къ Аннѣ Леопольдовнѣ назначили новый штатъ служащихъ, а относительно Линара просили въ Дрезденѣ возвратить его къ Саксонскому двору и дать ему иное назначеніе. Линару повезло въ любви и на службѣ онъ пострадалъ не особенно. Даже русскій дворъ проводилъ его благосклонно и, кромѣ подарка, обычно вручаемаго иностранному министру при его отъѣздѣ, ему подарили (декабрь 1736 г.) драгоцѣнный перстень. Слухи о болѣзни и возможной смерти императрицы Анны, распространившіеся въ Европѣ осенью 1740 г., вновь выдвинули кандидатуру Линара на смѣну Сума въ Петербургѣ. Тамъ предполагались очень важные переговоры съ цѣлью выяснить отношеніе Россіи къ прагматической санкціи, долю и мѣру ея участія въ помощи Австріи и Саксоніи и противодѣйствія Пруссіи. Разсчитывали на личное вліяніе Линара у будущей правительницы и на его обворожительное обхожденіе.

Поэтому ему предписывалось обставить свое пребываніе въ Петербургѣ какъ можно пышнѣе, роскошнѣе и изящнѣе, а сдѣлать это было не легко въ виду соперничества другихъ дипломатовъ, стремившихся именно этимъ же поразить полуазіатскій, по ихъ отзывамъ, дворъ Россіи, гдѣ господствовала роскошь и повелѣвали женщины. Линару было трудно тягаться даже съ австрійскими посланниками, не говоря уже о несравненномъ маркизѣ Шетарди, французскимъ министромъ въ Петербургѣ. Саксонія не была въ состояніи дать своему представителю такихъ суммъ, какъ Версальскій дворъ, а самъ онъ не былъ особенно богатъ. Для плѣненія дамъ, Линаръ подновилъ свои наряды и обстановку, а для вліятельныхъ вельможъ новаго царствованія онъ везъ отъ польскаго короля орденскіе знаки Бѣлаго Орла.

Въ концѣ сентября 1740 г. Пецольдъ получилъ офиціальное приказаніе своего двора увѣдомить русское правительство о новомъ назначеніи Линара, который уже готовился въ путь. Извѣстіе о смерти императрицы Анны Іоанновны и перемѣны, послѣдовавшія за этимъ, нѣсколько задержали его отъѣздъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 10 января 1741 г. и поселился въ домѣ у завѣдующаго горными промыслами Шенберга. Уже 11-го января онъ явился въ частной аудіенціи у принцессы—правительницы, а затѣмъ и у принца Антона Ульриха. При визитахъ вельможамъ онъ вручилъ Миниху-сыну и Менгдену знаки ордена Бѣлаго Орла.

Всюду онъ разглашалъ о преданности Россіи своего государя, который де безъ ея согласія ни шагу не сдѣлаетъ. Англійскому посланнику Финчу онъ заявилъ, что его государь вполнѣ расположенъ поддерживать прагматическую санкцію, если нераздѣльность австрійскаго наслѣдства вообще будетъ свято соблюдена; если же, напротивъ, какая-либо часть его будетъ отторгнута ради удовлетворенія другихъ монарховъ, государь его признаетъ и за собою право на долю наслѣдства. Поэтому Линаръ хотѣлъ поскорѣе выяснить отношеніе Россіи къ притязаніямъ Пруссіи на Силезію. Въ серединѣ февраля Линаръ изложилъ русскому правительству декларацію саксонскаго курфюрста по поводу прусскихъ мѣропріятій въ Силезіи и черезъ нѣсколько дней получилъ отъ Остермана благопріятный, хотя и нерѣшительный отвѣтъ; поэтому Дрезденскій дворъ въ серединѣ марта предписалъ своему министру потребовать категорическаго разъясненія, намѣренъ ли Русскій дворъ предпринять какія-либо дѣйствія противъ короля прусскаго, каковы они будутъ, гдѣ и какъ осуществятся, а также выяснить отношеніе правительства Россіи къ деклараціи о саксонскихъ дѣлахъ, составленной Брановомъ и Сумомъ и подписанной императрицей Анной безъ вѣдома ея министровъ. Графъ Остерманъ неукоснительно давалъ уклончивые отвѣты какъ самому Линару, такъ и дѣйствовавшимъ съ нимъ за одно Финчу и Боттѣ. Какъ правильно замѣтилъ одинъ изъ современныхъ ему дипломатовъ, руководитель русской политики при самомъ началѣ осложненій въ связи съ прагматической санкціей заподозрѣлъ намѣреніе саксонскаго правительства воспользоваться Россіей для своихъ част-

ныхъ цѣлей. «Графъ Линаръ вполнѣ втянулся въ ошибочную систему своего двора и своевременно подготовилъ къ ней великую княгиню». Въ первыхъ числахъ августа, на категорическое требованіе Линара русское министерство иностранныхъ дѣлъ прислало ему письменный отвѣтъ, данный въ такой неопредѣленной формѣ, что саксонскій министръ нашелъ излишнимъ даже переслать его съ нарочнымъ курьеромъ къ своему двору и предложилъ Остерману передать его въ Дрезденъ съ обычной почтой. Нѣсколько дней спустя, онъ получилъ отъ своего двора предписаніе не настаивать на отвѣтѣ Россіи, такъ какъ король польскій, видя невозможность положиться на содѣйствіе Русскаго двора, вынужденъ искать помощи другихъ державъ и иначе позаботиться о своей безопасности.

Немногимъ удачнѣе было вмѣшательство Линара, также совмѣстно съ представителями Австріи и Англіи, въ вопросъ о церемоніалѣ, поднятый Шетарди, въ которомъ онъ противодѣйствовалъ французскому министру, и въ вопросъ о титулованіи принца вольфенбютельскаго герцогомъ курляндскимъ до утвержденія выборовъ сейма польскимъ королемъ.

Зато въ другой области дѣла Линара сложились въ самомъ благопріятномъ для него видѣ.

Извѣстный успѣхъ былъ подготовленъ Линару его предыдущимъ пребываніемъ въ Россіи въ 1736 г. Его назначеніе и пріѣздъ были приняты правительницей съ нескрываемымъ восторгомъ. Онъ нанялъ (или, какъ говорятъ нѣкоторые историки, для него былъ снятъ правительницей) домъ, граничившій съ садомъ у Лѣтняго Дворца, въ которомъ жила Анна Леопольдовна. Въ оградѣ сада, нарочно, была устроена особая дверь, близъ которой стоялъ часовой, получившій строгое приказаніе не впускать никого, кромѣ Линара. Ея порога не могъ переступить даже супругъ правительницы, Антонъ Ульрихъ. Однажды (въ іюнѣ 1741 г.) въ эту запретную дверь вздумала пройти, не зная о ея недоступности, в. к. Елизавета Петровна, но караульный заградилъ ей путь ружьемъ.

Фаворъ Линара обратилъ на себя вниманіе и русскихъ вельможъ и иностранныхъ министровъ при нашемъ дворѣ. Но если послѣдніе видѣли въ немъ только лишній случай для насмѣшекъ, мало боялись неопытнаго и пустого фата, врядъ-ли могущаго быть серьезнымъ соперникомъ въ дѣлахъ, русскіе съ неудовольствіемъ смотрѣли на растущее значеніе временщика, начинавшаго вмѣшиваться и во внутреннія распорядки имперіи, и опасались появленія новаго Бирона. Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ его пребыванія въ Петербургѣ, на него изливались новыя милости, то въ видѣ Высочайшихъ подарковъ деньгами и вещами, то въ болѣе угрожающихъ знакахъ вниманія. Анна Леопольдовна постоянно приглашала его къ себѣ въ аппартаменты, гдѣ онъ оставался по многу часовъ въ обществѣ правительницы и фаворитки ея Юліи Менгденъ. Пользуясь этимъ, онъ часто заговаривалъ о дѣлахъ Россіи, бывшихъ тогда въ хаотическомъ состояніи, и проводилъ свои взгляды, увеличивая безтолковщину и всеобщую вражду къ существующей власти. Анна Леопольдовна рѣшила сдѣлать его оберъ-камергеромъ своего двора и наградила орденомъ св. Андрея Первозваннаго (въ августѣ 1741 г.). Линаръ входилъ въ счеты и партійные раздоры вельможъ: онъ уже осваивался съ системой «заботиться о томъ, чтобы противники связывали другъ друга взаимной подозрительностью», и на ней строилъ свое благополучіе. Русскіе справедливо негодовали на возвышеніе Линара, но борьба съ нимъ была мудреное дѣло, въ особенности при наличіи супруга Анны Леопольдовны принца Антона Ульриха. Онъ, по увѣренію англійскаго посланника, не только зналъ истинный характеръ отношеній Линара къ правительницѣ, но даже возмущался имъ, не имѣя, впрочемъ, силы противодѣйствовать. Линаръ же довольно открыто держалъ сторону правительницы и особенно въ то время, когда среди русскихъ вельможъ возникъ проектъ «соргентства» ея съ мужемъ. Когда 12 мая на торжественномъ обѣдѣ фельдмаршалъ Минихъ предложилъ тостъ за двухъ соргентовъ, Линаръ громогласно заявилъ, что не знаетъ никакихъ соргентовъ и выпилъ здоровье Ея Высочества великой княгини. Присутствующіе иностранные министры повернули дѣло такъ, будто Минихъ предложилъ здравицу Маріи Терезіи и Стефану Лотарингскому, и Минихъ ихъ поддержалъ. но сталъ съ тѣхъ поръ враждебенъ Линару. Растущее въ русскомъ обществѣ

недовольство положеніемъ Линара въ качествѣ явнаго фаворита привело къ тому, что въ іюнѣ мѣсяцѣ съ цѣлью ослабить его онъ началъ открыто и настойчиво ухаживать за Юліей Менгденъ. Въ іюлѣ 1741 г. распространился слухъ объ ихъ обрученіи, которое 13 августа торжественно отпраздновали въ домѣ Миниха - сына. На обѣдѣ присутствовала вся императорская фамилія. Кольца, которыми обмѣнялись женихъ и невѣста, отличались необыкновенной цѣнностью. Конечно, всѣ эти празднества были только ширмой истинныхъ отношеній Линара и Анны Леопольдовны, равно какъ и послѣдующая переписка между невѣстой и женихомъ, настоящее значеніе которыхъ объяснено Соловьевымъ въ V томѣ его Исторіи Россіи. Предполагалось, что послѣ обрученія Линаръ съѣздитъ на родину, получитъ отъ своего государя разрѣшеніе поступить на службу Россіи и вернется къ нашему двору, чтобы остаться здѣсь навсегда.

Время обрученія Линара съ Юліей Менгденъ—моментъ его наибольшаго вліянія, когда онъ смѣло соперничалъ съ Остерманомъ и когда въ немъ заискивали всѣ, кто домогался чего-либо при дворѣ. 28-го августа Линаръ получилъ отъ своего двора разрѣшеніе вернуться и, торопясь подготовить все и снова ѣхать въ Россію, онъ отправился въ путь 1-го сентября. Конечно, при разлукѣ его осыпали подарками и знаками вниманія. Онъ увозилъ съ собою, какъ говорили, свыше чѣмъ на милліонъ рублей золота, драгоцѣнностей и денегъ. Часть ихъ была дана ему въ видѣ подарка отъ невѣсты, деньги онъ долженъ былъ положить отъ ея имени въ фондъ дрезденскаго казначейства, драгоцѣнности принадлежали Россійскому двору. Они были отданы Линару правительницей по описи подъ расписку министра въ ихъ полученіи, для поправки и передѣлки.

Передъ отъѣздомъ Линаръ имѣлъ очень важное объясненіе съ Анной Леопольдовной, касавшееся ея положенія въ Россіи. Провѣдавъ о замыслахъ Шетарди и Лестока въ пользу в. к. Елизаветы Петровны, о которыхъ онъ могъ узнать отъ англійскаго министра, Линаръ настойчиво совѣтовалъ правительницѣ разгромить заговорщиковъ, а Елизавету Петровну заточить въ монастырь. О томъ же онъ писалъ ей и съ пути, раскрывая нити заговора. Анна Леопольдовна отвѣчала нѣжными письмами, а для сохраненія престола не принимала никакихъ мѣръ.

Дрезденскій дворъ отнесся очень благосклонно къ желанію Линара перейти на службу въ Россію, отлично зная, какъ ретиво отстаиваютъ подобные слуги интересы своего коренного отечества.

Новый оберъ-камергеръ быстро покончилъ со своими дѣлами и мчался въ Петербургъ, гдѣ ему мерещились почести, слава и богатство. Въ Кенигсбергѣ его ожидало разочарованіе: онъ узналъ о переворотѣ, положившемъ предѣлъ хозяйничанью въ Россіи слугъ Анны Леопольдовны, въ томъ числѣ и его, Линара. Онъ пріостановилъ свое путешествіе и, забывъ о намѣреніи перейти на русскую службу, запросилъ дрезденское министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ ему слѣдуетъ поступать дальше. Его вернули назадъ, справились въ Петербургѣ, какъ тамъ отнесутся къ появленію Линара и, получивъ отрицательный отвѣтъ, удержали его сначала въ Дрезденѣ, а потомъ въ Польшѣ.

Съ тѣхъ поръ Линаръ былъ въ числѣ недоброжелателей Россіи. Говорили, будто бы онъ добивался освобожденія изъ заключенія Юліи Менгденъ, желая вступить съ нею въ бракъ, но переписка его по этому поводу не извѣстна.

Въ январѣ 1746 г. М. П. Бестужевъ докладывалъ коллегіи иностраныхъ дѣлъ о вредныхъ происках Линара въ Польшѣ. Бестужеву было предписано домогаться его отзыва къ какому-либо иностранному двору, но послѣ нѣкотораго размышленія и разсмотрѣнія дѣлъ въ коллегіи нашли, что Линаръ безвреденъ, и Бестужевъ получилъ новое предписаніе: ничего не говорить о бывшемъ фаворитѣ при дворѣ, а при встрѣчѣ съ нимъ частнымъ образомъ «навѣдаться, не похощетъ ли онъ невѣсту свою, фрейлину Менгденову за себя взять, разсуждая будто собою же, что понеже принцесса, при которой она до сего времени удержана была, скончалась, то, чаятельно, и ея фрейлины здѣсь долѣе удерживать не похотѣли-бъ, и что скажетъ, о томъ бы Бестужевъ отписалъ». Линаръ отвѣтилъ отрицательно, хотя у него осталось много денегъ и вещей бывшей невѣсты и въ числѣ ихъ 35.000 ея приданаго, отданныхъ ему подъ расписку. Часть драгоцѣнностей и денегъ, увезен-

ныхъ Линаромъ въ сентябрѣ 1741 г., была у него вытребована чрезъ нашего посланника въ Дрезденѣ Кайзерлинга. Возвратилъ онъ ихъ послѣ настойчивыхъ требованій и не безъ утаиваній того, что можно было скрыть. Линаръ оставилъ о себѣ въ Россіи очень непріятную память, и когда въ 1749 г. отъ Датскаго двора послѣдовало предложеніе назначить въ Россію представителя, носящаго имя графа Линара, Бестужевъ отвѣтилъ, что хотя этотъ Линаръ вообще очень подходящій человѣкъ, «но имя его для бывшаго здѣсь саксонскаго графа Линара ненавистно и особа, при всѣхъ добрыхъ его качествахъ, будетъ нетерпима».

Линара вспомнили въ Россіи еще разъ, въ связи съ семьей Менгденовъ. Братъ Юліи Менгденъ по возвращеніи изъ изгнанія просилъ у бывшаго жениха сестры вернуть ея имущество. Линаръ отвѣтилъ, что сдѣлаетъ это въ томъ случаѣ, если ему вернуть его расписку. Дѣло казалось совершенно безнадежнымъ, но нужныя бумаги случайно открылись. Императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ и пересматривая вещи Анны Леопольдовны, нашла ихъ въ одномъ изъ ящичковъ, въ которыхъ бывшая правительница хранила свои драгоцѣнности. Тогда Менгденъ съ документами отправился въ Дрезденъ и получилъ отъ Линара все, что было въ нихъ названо, но проценты съ денегъ за истекшія двадцать лѣтъ Линаръ уплатить отказался.

Причудливая исторія Россіи XVIII в. связала имя Линара съ судьбами нашего отечества. Въ немъ было не мало иностранцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказали намъ громадныя благодѣянія, другіе не мало вреда. Линаръ могъ бы быть въ числѣ послѣднихъ, но не попалъ въ нихъ не по своей винѣ, онъ былъ только красивый фатъ, попавшій въ случай. У него не было никакого душевнаго отношенія къ странѣ, въ которой онъ готовился играть первенствующую роль, и если бы не счастливая перемѣна, возведшая на престолъ Елизавету, русскимъ вельможамъ пришлось бы въ его лицѣ получить новаго, но совершенно уже ничтожнаго Бирона.

Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 по 25 ноября 1741. 2 части М. 1880—1886 гг.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. V.—«Сборники Импер. Рус. Историч. Общества», т. т. 76, 80, 85, 86, 91, 96.—*П. Пекарскій*, «Маркизъ де-Ла-Шетарди въ Россіи». Спб. 1862 г.—*А. Брикнеръ*, «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники» (Библіографія до 1874 г.) М. 1875 г.—*A. Brückner*, «Die Familie Braunschweig in Russland S.-P.». 1874.—Архивъ Воронцова. По указателямъ книги I, II, VII, XXV, XXXIII.—*В. Бильбасовъ*, «Исторія Екатерины II». Берлинъ. 1900.

В. Фурсенко.

Линдегренъ, *Иванъ Густавовичъ*, докторъ, ординарн. профессоръ патологіи и терапіи, статскій совѣтникъ, род. въ Ласдонѣ, въ Венденскомъ округѣ, 1 іюня 1802 г., скончъ. въ Дрезденѣ 18 сентября 1870 г. Линдегренъ былъ сынъ мѣстнаго землемѣра Венденскаго округа и учился сначала въ Рижской гимназіи, а затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета (1819—1824 г.), по окончаніи котораго въ 1824 г. служилъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Ардатовѣ, Нижегородской губ., и. д. уѣзднаго врача въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ (съ 14 апрѣля 1825 г.), врачемъ тамъ же (съ 5 ноября 1827 г.) и старшимъ врачемъ (съ 1 сентября 1829 г.) больницы Нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія. Получивъ въ 1830 г. въ Дерптскомъ университетѣ званіе акушера, онъ принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ холерою въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чемъ представилъ трактатъ «О свойствахъ холеры» (1831 г.), одобренный медицинскимъ совѣтомъ. Оставивъ въ 1833 г. службу, онъ рѣшилъ посвятить себя профессурѣ и въ 1837 г. былъ назначенъ въ Казанскій университетъ на каѳедру частной патологіи и терапіи, читая въ то же время исторію медицины и токсикологію. Въ 1844—45 гг. Линдегренъ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, а въ 1851 г. отправленъ въ Петербургъ для дачи объясненій по вопросу объ учрежденіи госпитальной клиники при Казанскомъ университетѣ. Линдегренъ явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этой области и написалъ изслѣдованіе о развитіи госпитальной клиники при нѣкоторыхъ россійскихъ университетахъ. Въ 1862 г. онъ былъ уволенъ отъ каѳедры за выслугой лѣтъ. Изъ трудовъ Линдегрена замѣчательны: «De viis ex iubestinis ad systema uropoeticum», Dorp. 1824 г.; «Der epidemische Brechdurchfall, beobachtet in Nischny-Nowgorod. Dorpat. 1831 г.»; «Versuch einer Nosologie der Cholera orientalis, Kasan. 1848 г.» и «Ueber die Entwickelung der Hospital-Klinik in

einigen Univerisitäten Russlands, Kasan. 1850». Послѣдній переведенъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о госпитальной клиникѣ вообще и объ удобномъ устройствѣ ея при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ градской больницѣ Казанскаго приказа общественнаго призрѣнія въ особенности».

Загоскинъ, «Біограф. словарь проф. и преподав. Казанскаго у-та», ч. II, стр. 258—259.—«Записки Казанск. унив.» 1847 г., IV, VII, стр. 235, 238 и т. III, стр. 3—76.—*Загоскинъ*, «Дѣят. Каз. унив.» Казань 1900 г., стр. 142.—Album Academicum. Dorp., стр. 97.—*Recke und Napiersky*, «Allgem. Schrift.—und Gel. Lex.», т. III, стр. 77; Nachträge, т. II, стр. 16.—Collisen. Medicin.—Schriftsteller — Lexicon., т. XXX. Coppenhagen, стр. 71. *М. Поповъ.*

Линде, *Самуилъ—Богумилъ (Θеофилъ) Ивановичъ*, докторъ философіи, польскій лексикографъ, родился въ 1771 г. въ г. Торнѣ, куда его отецъ, по ремеслу слесарь, переселился изъ Швеціи. Получивъ первоначальное образованіе въ мѣстной гимназіи, Линде въ 1789 г. поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, поставивъ себѣ задачей изученіе богословія и филологіи. На третій годъ своего пребыванія въ университетѣ, по представленію профессора Эрнеста, онъ былъ назначенъ здѣсь лекторомъ польскаго языка и одновременно присяжнымъ переводчикомъ Лейпцигскаго коммерческаго суда. Занимаемыя имъ должности побудили его съ особымъ интересомъ приняться за болѣе глубокое изученіе польскаго языка и литературы, при чемъ въ этой работѣ оказали ему немалое содѣйствіе проживавшіе въ то время въ Лейпцигѣ извѣстные польскіе дѣятели и ученые, какъ-то: Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Коллонтай, І. Нѣмцевичъ, Вейсенгофъ и др. Около этого времени, полагаютъ, зародилась у Линде и мысль о созданіи подробнаго польскаго толковаго словаря, въ которомъ слова польскія были бы сопоставлены съ другими славянскими и иностранными словами и пояснены примѣрами изъ древнихъ и новыхъ авторовъ. Въ 1792 г. имъ была напечатана и защищена при Лейпцигскомъ университетѣ докторская диссертація подъ заглавіемъ: «De solatiis adversus mortis horrores in Platone et novo Testamento obviis», въ которой авторъ доказывалъ всѣ преимущества христіанскаго ученія передъ философскими теоріями древнихъ. Получивъ стенень доктора философіи, Линде еще въ теченіе двухъ лѣтъ оставался въ Лейпцигѣ, а въ 1794 г. съ Игнатіемъ Потоцкимъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ усердно занялся собираніемъ матеріаловъ для своего будущаго толковаго словаря. Въ концѣ того-же года онъ, однако, уѣхалъ въ Вѣну, получивъ тамъ въ завѣдываніе обширную библіотеку графа І. Осссолинскаго. Въ этомъ богатомъ книгохранилищѣ Линде нашелъ полную возможность продолжить работы, начатыя еще въ Варшавѣ, постоянно поощряемый къ тому и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Въ Вѣнѣ Линде провелъ безъ малаго десять лѣтъ. Въ это время совершилось и его избраніе въ члены вновь основаннаго Варшавскаго ученаго общества (Towarzystwo przyjaciół nauk).

Наконецъ, въ 1801 г. былъ опубликованъ имъ, на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, планъ толковаго словаря, обратившій вниманіе прусскаго правительства на молодого ученаго. Два года спустя (въ 1803 г.), министръ Фоссъ предложилъ Линде занять должность директора въ новомъ Варшавскомъ лицеѣ, самое устройство котораго поручалъ ему-же. Получивъ отъ прусскаго правительства только общія указанія, Линде затѣмъ вполнѣ самостоятельно выработалъ проектъ лицейскаго совѣта (эфората), поставивъ во главѣ его Станислава Потоцкаго. Этотъ совѣтъ оказался впослѣдствіи тѣмъ зерномъ, изъ котораго стало развиваться мѣстное вѣдомство народнаго просвѣщенія. Теперь, пользуясь покровительствомъ трехъ державъ, раздѣлившихъ между собою бывшія земли Рѣчи Посполитой, будучи матеріально вполнѣ обезпеченъ, Линде не только могъ приступить къ печатанію своего словаря, но даже основалъ для этого собственную типографію, выписавъ все необходимое изъ Лейпцига и Берлина. Въ 1807 г. вышелъ изъ печати первый томъ «Słownika języka polskiego», а затѣмъ въ теченіе семи лѣтъ, до 1814 г., несмотря на военныя бури, тормозившія дѣло, появились и остальные пять томовъ. Одновременно съ этой большой работой Линде продолжалъ принимать живѣйшее участіе и во всѣхъ педагогическихъ начинаніяхъ края, не переставшаго переустраиваться. Такъ, въ 1807 г., вмѣстѣ съ другими реформами Наполеона, послѣдовало и преобразованіе лицейскаго эфората, который получилъ теперь названіе Izby Edukacyjnej;

въ составъ этой новой магистратуры вошелъ и Линде, а въ слѣдующемъ 1808 г. онъ же былъ выбранъ предсѣдателемъ товарищества, основаннаго тогда же для изданія школьныхъ учебниковъ. Съ этого времени его вліяніе на жизнь мѣстной школы еще болѣе усилилось. Его трудами въ 1812 г. значительно была расширена дѣятельность Izby Edukacyjnej, и сама она была переименована въ Dyrekcyję generalną edukacyjną. Въ такомъ видѣ это учрежденіе продолжало существовать до 1815 г., когда по новой конституціи, дарованной Царству Польскому императоромъ Александромъ I, замѣнено было особой правительственной комиссіей исповѣданій и народнаго просвѣщенія во главѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ. Линде, какъ ученому богослову и лютеранину, порученъ былъ отдѣлъ евангелическо-аугсбургскаго исповѣданія. Въ ближайшіе затѣмъ годы Линде два раза былъ избираемъ депутатомъ въ сеймъ. Наконецъ, когда, послѣ основанія Варшавскаго университета, бывшая лицейская библіотека преобразована была въ публичную, Линде былъ назначенъ ея директоромъ, и въ качествѣ такового ему въ 1819 г. поручено было осмотрѣть книгохранилища и архивы упраздненныхъ монастырей въ шести воеводствахъ. Въ результатѣ этой поѣздки Варшавская публичная библіотека получила до 50.000 томовъ рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій. Дубликаты же были предоставлены библіотекамъ духовныхъ семинарій и среднихъ школъ. Тѣмъ временемъ ученыя заслуги Линде побудили академіи Пражскую, Берлинскую, Виленскую и Кролевецкую, а также Французскій институтъ въ Парижѣ избрать его въ число своихъ почетныхъ членовъ. Одновременно онъ былъ избранъ и членомъ Россійской академіи. Въ 1842 г. въ Варшавѣ съ большой торжественностью отпразднованъ былъ 50-тилѣтній юбилей его ученой дѣятельности: Лейпцигскій университетъ прислалъ ему по этому случаю новый почетный дипломъ, и въ честь юбиляра изготовлена была особая золотая медаль съ его портретомъ и перечисленіемъ его заслугъ.

Изъ ученыхъ трудовъ Линде, кромѣ вышеупомянутаго «Słownika języka polskiego», въ 6-ти томахъ, награжденнаго двумя золотыми медалями (отъ короля Саксонскаго и намѣстника Царства Польскаго), и многочисленныхъ мелкихъ переводныхъ и критическихъ статей, въ печати появились слѣдующіе: «Prawidła etymologii, przystosowane do języka polskiego» (Варшава, 1806 г.); «O statucie litewskim» (на русскомъ языкѣ (Варшава, 1816 г.); «O języku dawnich Prusakow»; «O ustanowieniu i upadku ustawy rządowej polskiej roku 1791»; «Mikołaja Grecza: Rys historyczny literatury rossyjskiej» (переводъ съ русскаго съ добавленіями изъ Батюшкова, Бестужева, Булгарина, кн. Вяземскаго, Карамзина и др. писателей, Варшава, 1823 г.); нѣмецкій переводъ жизнеописанія Кадлубка изъ II-го тома «Wiadomości historyczno—krytycznych» гр. Оссолинскаго (съ добавленіями изъ трудовъ Чацкаго, Лелевеля и др.); Rozbiór dzieła ks. Rhezy: Historyi biblij litewskich» (въ трудахъ Towarzystwa przyjaciół nauk); «Piesni ludu litewskiego Krystyna Donalaites» (критическій очеркъ тамъ-же) и др. Въ рукописяхъ же остались: большой (въ 22 томахъ) трудъ, озаглавленный: «Biblijografija polska» и «Słownik porównaczy dyalektów słowiańskich».

Линде скончался въ Варшавѣ 8 августа 1847 г. и похороненъ на мѣстномъ лютеранскомъ кладбищѣ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1864 г., т. 17, статья *К. В. Войцицкаго.*—*Его-же* статья въ 3 т. «Cmentarza Powązkowskiego», Варшава, 1858 г.—«Słownik języka polskiego» (въ предисловіи ко 2-му изданію, Львовъ, 1854 г., статья *А. Бѣловскаго*).—*E. Saint—Maurice Cabany*, «Notice necrologique sur S. T. de Linde, célèbre lexicographe polonais», Парижъ, 1856 г.—*Сухомлиновъ*, «Истор. Рос. Академіи», т. VII, стр. 307; т. VIII, стр. 193.—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ», т. 2, стр., 240.—Энцик. словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1886 г., т. XVII, стр. 701.

А. Гельвихъ.

Линдеманъ, *Андрей*, статскій совѣтникъ, членъ медицинской коллегіи, ум. послѣ 1781 г. Уроженецъ Ревеля; учился и получилъ въ 1755 г. степень доктора медицины въ Геттингенскомъ университетѣ; въ 1756 г. получилъ, по экзамену, право практики въ Россіи; 7 апрѣля 1757 г. онъ былъ опредѣленъ «къ бабичьему дѣлу», т. е. преподавателемъ акушерства въ Петербургѣ. Линдеманъ обязанъ былъ читать «лекціоны» шести подлѣкарямъ изъ госпиталей; съ 1759 г. Линдеманъ обязанъ былъ читать лекціи по-русски, но онъ русскаго языка не зналъ вовсе, и лекціи его переводилъ слушателямъ штабъ-лѣкарь

Мелленъ, тоже очень плохо знавшій русскій языкъ; преподаваніе Линдемана большого успѣха не имѣло, тѣмъ болѣе что, получивъ въ 1763 г. мѣсто члена медицинской коллегіи, онъ сталъ почти совершенно манкировать своими преподавательскими обязанностями. Въ 1781 г. онъ былъ уволенъ отъ прежнихъ должностей и назначенъ докторомъ къ «оспенному дому».

Чистовичъ, «Истор. перв. медиц. школъ въ Россіи», стр. CCVI—CCVII.—*Рихтеръ*, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 508.
Н. Чечулинъ.

Линденау, *Яковъ*, род. въ 1706 г., переводчикъ, копіистъ при Камчатской экспедиціи, отправленной въ первый разъ въ 1733 г. въ Камчатку для описанія ея. Въ 1786 г. онъ прислалъ въ Академію Наукъ свое «Описаніе рѣки Амура» на русскомъ языкѣ, которое хранится въ академической библіотекѣ.

Евгеній, *митроп.*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 11.—*Пекарскій*, «Исторія Имп. Академіи Наукъ», т. I, стр. 618.—Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ», т.т. IV, V, VI, VII.

Линденъ, *Константинъ Александровичъ*, ген.-маіоръ, директоръ Сибирской военной гимназіи, род. въ 1820 г., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и по производствѣ въ офицеры лб.-гв. Павловскаго полка продолжалъ свое образованіе въ офицерскихъ классахъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1841 г. съ переводомъ въ гвардейскую пѣшую артиллерію. Въ 1842 г. началась его служба по военно-учебнымъ заведеніямъ, сначала въ должности репетитора военныхъ предметовъ, потомъ преподавателя артиллеріи, а съ 1853 г. инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса. Прекрасное преподаваніе военныхъ предметовъ, умѣніе, помимо глубокой спеціальности, передавать знаніе и добросовѣстность труда,—все это привлекало къ Линдену многочисленныхъ учениковъ, получавшихъ домашнее образованіе и подготовлявшихся къ офицерскому экзамену. Такимъ образомъ въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ трудился въ дѣлѣ распространенія военнаго образованія. Въ 1863 г. Линденъ былъ назначенъ директоромъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, и здѣсь, съ рѣдкимъ терпѣніемъ преодолѣвая встрѣчавшіяся затрудненія, настойчиво проводилъ въ жизнь современныя начала педагогіи, выработанныя новыми условіями времени. Скончался Линденъ 27 декабря 1874 г.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости» 1874 г., № 24.—«Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 7.
М. Поповъ.

Линднеръ, *Владиміръ Богдановичъ*, генералъ-маіоръ, наказный атаманъ Астраханскаго казачьяго войска, родился въ 1826 г., происходя изъ дворянъ Херсонской губерніи, умеръ 17 января 1876 г. Воспитаніе получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи, по окончаніи котораго (1842 г.) поступилъ на службу въ Новомиргородскій уланскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Произведенный (1845 г.) въ корнеты, Линднеръ былъ назначенъ (1849 г.) полковымъ адъютантомъ и въ томъ же году принялъ участіе въ Венгерскомъ походѣ. По окончаніи войны онъ былъ произведенъ въ поручики, а черезъ два года за отличіе по службѣ—въ штабъ-ротмистры. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба резервной уланской дивизіи, въ рядахъ которой участвовалъ въ Крымскую кампанію 1854—1855 гг.; по прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ возвратился въ Херсонскую губернію и за упраздненіемъ резервной уланской дивизіи былъ переведенъ въ Рижскій драгунскій Ея Имп. Выс. княжны Екатерины Михаиловны полкъ, съ переименованіемъ въ капитаны. Черезъ два года Линднеръ былъ назначенъ въ управленіе иррегулярныхъ войскъ исправляющимъ должность начальника инспекторскаго отдѣленія и въ 1865 г. произведенъ въ полковники; по преобразованіи управленія иррегулярныхъ войскъ (1867 г.) онъ былъ переведенъ въ главное управленіе тѣхъ же войскъ и назначенъ начальникомъ отдѣленія, въ 1873 г. произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры, а въ 1878 г. назначенъ наказнымъ атаманомъ Астраханскаго казачьяго войска.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, книги послужныхъ списковъ за 1869 г., № 5845.
И. Артамонова.

Линднеръ, *Константинъ-Христофоръ-Вильгельмъ*, врачъ, родился въ Митавѣ въ ноябрѣ 1778 г., изучалъ медицину сперва въ Галле, гдѣ въ 1802 г. получилъ степень доктора философіи (Diss. inaug. de temperamentis hominum, Halae, 1803), а затѣмъ въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь въ 1804 г. онъ защитилъ

магистерскую диссертацію «De cornea ejusque obscurationibus» (второе изданіе подъ заглавіемъ: «Commentatio anatomika de Cornea» Дерптъ, (1806 г.) и въ качествѣ вольнопрактикующаго врача переселился въ Петербургъ. Послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ Павловскѣ, гдѣ и скончался въ 1808 г.

Изъ печатныхъ трудовъ его, кромѣ упомянутыхъ диссертацій, извѣстенъ еще краткій историческій очеркъ Курляндіи до 1796 г., помѣщенный въ ежемѣсячныхъ сборникахъ Ф. Э. Шредера (СПб., 1806 г.).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller — und Gelehrten — Lexikon», Митава 1831 г., т. 3, стр. 86.

А. Гельвихъ.

Линдфорсъ, *Николай Ѳедоровичъ* (псевд. *Аксель*), третій сынъ г.-м. Л. (см. ниже), родился въ 1812 году; воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ по окончаніи имъ полнаго курса въ 1831 г. имя его было занесено на мраморную доску. Въ томъ же году Линдфорсъ изъ камеръ-пажей былъ опредѣленъ прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; въ 1832 году произведенъ въ подпоручики, въ 1834 году — въ поручики, въ 1835 году переведенъ въ гвардейскій генаральный штабъ, въ которомъ служилъ въ чинахъ штабсъ-капитана и капитана, и 20 февраля 1842 г. уволенъ къ статскимъ дѣламъ надворнымъ совѣтникомъ, съ опредѣленіемъ въ департаментъ военныхъ поселеній; въ 1845 году онъ состоялъ въ томъ же департаментѣ чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ.

Въ литературѣ Линдфорсъ выступилъ впервые въ 1831 году переводомъ съ итальянскаго кантаты «На день рожденія Его Превосходительства Н. И. Шалашникова», соч. Джіованна Челли (Спб.), за которой въ 1834 году послѣдовало изданіе сборника «Стихотвореній» (Спб). Въ отзывѣ «Сѣверной Пчелы» начинающій поэтъ былъ встрѣченъ холодно; и дѣйствительно, въ его произведеніяхъ не замѣчалось таланта: небольшое количество мелкихъ стихотвореній его состояли главнымъ образомъ изъ посвященій и посланій къ друзьямъ, слабыхъ мѣстами по стихосложенію и не отличавшихся богатствомъ мысли. Кромѣ піесъ, въ сборникъ вошли также переводныя и оригинальныя басни; послѣднія слѣдуетъ признать болѣе удачными, чѣмъ стихи, они не лишены остроты и юмора; нѣкоторыя изъ нихъ (какъ, напр., «Бабочка и Пчела») встрѣчаются даже въ современныхъ намъ хрестоматіяхъ. Отзывъ критики «Сѣверной Пчелы», видимо, охладилъ Линдфорса, и онъ не выступалъ болѣе со своими стихотвореніями ни въ отдѣльныхъ изданіяхъ, ни (насколько намъ извѣстно) въ періодической печати.

Сблизившись съ П. А. Каратыгинымъ и Д. Т. Ленскимъ, Линдфорсъ, по ихъ примѣру, написалъ около десяти небольшихъ пьесъ и водевилей, скрывшись подъ псевдонимомъ «Аксель». Въ своихъ воспоминаніяхъ В. Р. Зотовъ писалъ объ Акселѣ: «...онъ задумалъ облагородить Александринскій водевиль и очистить его отъ грубыхъ пошлостей, какими наполнялъ пьесы этого рода Петръ Григорьевъ, а впослѣдствіи Павелъ Ѳедоровъ; пьесы Акселя возбуждали смѣхъ комическими характерами и положеніями дѣйствующихъ лицъ, а не топорными каламбурами и площадными фарсами въ родѣ «Героевъ префераиса». Наиболѣе удачныя пьесы Акселя — «Еще Русланъ и Людмила» (1843 г.), «Дядюшка-Болтушка» (1845 г.), «Приключеніе въ Полюстровѣ» (1847 г.), «День домашняго квартета» и «Дамы и гусары». Для послѣдней Акселемъ былъ взятъ сюжетъ изъ пьесы того же названія польскаго писателя, гр. Фредро; отмѣчая талантливость польскаго писателя, Ѳ. А. Кони подчеркивалъ тактъ Акселя и особенно его умѣлую передѣлку пьесы, находя, что переводъ этого произведенія на русскій языкъ лишилъ бы ея остроты. Между прочими заслугами Акселя передъ русскимъ театромъ Ѳ. А. Кони находилъ у него «образованный вкусъ, знаніе русскаго языка и наблюдательность дѣйствительно саркастическую». Въ своихъ пьесахъ Аксель умѣлъ подмѣтить смѣшную сторону общества, изучивъ чиновничій бытъ, изъ котораго обыкновенно выбиралъ своихъ героевъ.

Изъ переводныхъ трудовъ Линдфорса отмѣтимъ книгу — «Политическая и военная жизнь Наполеона, соч. генералъ-адъютанта барона Жомини, съ присоединеніемъ плановъ всѣхъ замѣчательныхъ сраженій, данныхъ Наполеономъ; легендъ для объясненія этихъ плановъ; картъ, представляющихъ различные театры военныхъ дѣйствій, и портретовъ Наполеона» (6 частей, Спб., 1837—1842 гг.; изд. 2-е,

Спб. 1844 г.), переведенную имъ вмѣстѣ съ Ушинскимъ съ французскаго языка; кромѣ того, Линфорсъ сотрудничалъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара (т.т. VII и IX) и состоялъ сотрудникомъ военно-энциклопедическаго лексикона. Скончался Линдфорсъ въ С.-Петербургѣ, во время холеры, 27 іюня 1848 года, 36 лѣтъ. Погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

О. фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 л., Фридрихсгамъ. 1897 г.—*П. Дирингъ*, «Исторія л.-гв. Семеновскаго полка». Спб. 1883 г.—«Пантеонъ», 1848 г., т. I, кн. I, отд. VII, стр. 42; отд XII, стр. 36; т. III, № 6, стр. 53.—*Вольфъ*, «Хроника Петербургскихъ театровъ съ конца 1826 до 1855 гг.», тт. I и II.—«Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 311.—«Сѣверная Пчела», 1843 г., № 135.—Архивъ Б. Л. Модзалевскаго—карточный указатель именъ.

Яковъ Ждановичъ.

Линдфорсъ, *Софья*, писательница, супруга бывшаго предсѣдателя съѣзда мировыхъ посредниковъ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, была содержательницей частнаго учебнаго заведенія въ Кіевѣ. Ей принадлежатъ дѣтскія книги: «Жители сада», зоологическіе разсказы для дѣтей 5—8 лѣтъ, съ картинами, Кіевъ 1874 г., и «Моимъ дѣтямъ», разсказъ для дѣтей 5—8 лѣтъ, изд. И. И. Динтера, Кіевъ, 1887 г.

Кн. Н. Н. Голицынъ, Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, стр. 149.

А. Г.

Линдфорсъ, *Ѳедоръ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ Лифляндской губерніи, родился въ 1764 году. Службу началъ въ 1777 году, поступивъ въ лейб.-гв. Семеновскій полкъ рядовымъ. Во время походовъ 1777—1778 г.г. въ Турцію получилъ чины: капрала, фурьера, подпрапорщика и выпущенъ былъ въ армію 21 января 1781 г. въ Нашебургскій мушкетерскій полкъ; въ 1783 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1787 г. въ чинѣ капитана принималъ участіе въ штурмѣ Очакова и въ декабрѣ того же года произведенъ былъ за отличіе въ секундъ-маіоры. Во время похода въ Польшу (1792 г.) С.-Петербургскаго гренадерскаго Фридриха Вильгельма III полка, когда послѣдній долженъ былъ войти въ составъ корпуса подъ начальствомъ генералъ-поручика Меллина и занять г. Гродно съ уѣздомъ, среди оставшихся боевыхъ офицеровъ находился и Линдфорсъ, переведенный въ этотъ полкъ въ концѣ 1780-хъ годовъ. Онъ участвовалъ въ различныхъ сраженіяхъ съ поляками, былъ произведенъ 28 ноября 1798 г. въ подполковники, а 31 января 1800 г.—въ чинъ полковника, находясь все время въ составѣ своего полка, для котораго съ 1792 года начался едва-ли не самый тяжелый періодъ боевой жизни; по роковой случайности полкъ разбился на отдѣльныя части, которыя присоединены были къ другимъ полкамъ подъ начальствомъ незнакомыхъ офицеровъ; само названіе полка какъ-бы затерялось, онъ «растаялъ по частямъ». Только въ 1800 году полковникъ баронъ Розенъ доносилъ въ Военную Коллегію о томъ, что полковникъ Линдфорсъ собралъ остатки баталіоновъ Петербургскихъ гренадеръ, вернувшихся частью изъ Голландіи, частью изъ другихъ мѣстъ и оставшихся въ г. Ревелѣ; подъ начальствомъ полковника Линдфорса эти остатки были приведены въ г. Ревель и встрѣчены здѣсь (2 августа) товарищами. 19 декабря 1802 г. Линдфорсъ былъ назначенъ командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, но не надолго; черезъ мѣсяцъ онъ былъ назначенъ шефомъ Тобольскаго мушкетерскаго полка. Въ 1805 г. (6 сентября) онъ былъ переведенъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, въ Тенгинскій мушкетерскій, а черезъ годъ (11 сентября 1806 г.) - въ Якутскій пѣхотный полкъ. Съ этими полками онъ участвовалъ въ различныхъ походахъ, въ томъ числѣ въ походѣ 1807 года въ Пруссію, и награжденъ былъ за отличіе орденомъ св. Анны 3-го класса. Отличительными чертами Линдфорса были любовь къ подчиненнымъ и мягкость характера, что, впрочемъ, послужило въ 1810 г., во время пожара въ г. Брестъ-Литовскѣ, къ отстраненію его отъ службы по сентенціи военнаго суда «за слабость»; впрочемъ, въ концѣ того же года, 12 декабря, онъ былъ принятъ попрежнему на службу и на слѣдующій годъ, 17 января, назначенъ шефомъ Галицкаго полка. Въ 1812 году Линдфорсъ участвовалъ въ походѣ изъ Крыма на корабляхъ къ Одессѣ, а оттуда черезъ Молдавію (для присоединенія къ 3-й западной арміи и въ преслѣдованіи непріятеля), находясь въ сраженіяхъ при м. Волковыскѣ и при проходѣ черезъ лѣсъ отъ м. Свислочи къ с. Руднѣ. Въ 1813 г. Линдфорсъ участвовалъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ

былъ тяжело раненъ и скончался отъ ранъ 6 октября того же года.

«Галлерея 12-го года Зимняго Дворца», изд. подъ редакціей великаго князя Николая Михаиловича.—*Ф. Орловъ*, «Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго полка», Спб. 1881 г.—ДѢла Архива Департамента Герольдіи.

Я. Ждановичъ.

Линдфорсъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, старшій сынъ генерала Ѳ. А. Л. (см. выше), род. въ 1807 году. Съ 1817 года воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ 14 іюня 1826 года прапорщикомъ въ Егерскій полкъ и черезъ два года, 18-го іюля 1828 г., произведенъ въ чинъ подпоручика. Въ этомъ же году онъ принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей, переправясь черезъ Дунай за границу въ Болгарію, и находился при отраженіи сильныхъ непріятельскихъ вылазокъ во время блокады 25 сентября крѣпости Силистріи; отсюда онъ возвратился въ Валахію. Въ слѣдующемъ году, 10 мая, онъ снова, переправившись съ дѣйствующей арміей черезъ р. Дунай, близъ той же крѣпости, находился при ея осадѣ, потомъ слѣдовалъ къ крѣпости Шумлѣ и принялъ участіе, 30 мая, въ сраженіи при с. Кулевчѣ противъ турецкой арміи подъ командою верховнаго визиря; послѣ рѣшительной атаки, окончившейся пораженіемъ турецкой арміи, онъ находился въ преслѣдованіи непріятеля до самой ночи. При обложеніи крѣпости Шумлы, 5 іюля, Линдфорсъ былъ назначенъ адъютантомъ при начальникѣ 5-й пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Сулимѣ; по окончаніи осады, переправясь черезъ Балканскія горы и черезъ р. Камчикъ въ Румелію до г. Сильви, онъ слѣдовалъ черезъ г. Амболь къ Адріанополю и участвовалъ при занятіи послѣдняго. Въ концѣ августа того же года Линдфорсъ слѣдовалъ изъ городовъ Каракилисъ и Визумль снова къ Адріанополю и по заключеніи, 2 сентября, мира съ Оттоманскою портой, черезъ Балканскія горы, возвратился съ своей дивизіей къ границамъ Россіи. За отличія во время кампаніи 1828—1829 г.г. Линдфорсъ былъ награжденъ орденами: св. Станислава 2 ст., украшеннымъ Императорскою короною, св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость», медалью за кампанію, а въ 1830 г. получилъ не взачетъ третное жалованье. Во время вспыхнувшаго въ 1831 году мятежа въ Польшѣ онъ участвовалъ въ сраженіи при м. Маріамполѣ, воеводства Августовскаго, и при истребленіи отряда бунтовщиковъ, сдѣлавшаго нападеніе на Шлиссельбургскій пѣхотн. полкъ; оттуда, переправясь 17 апрѣля черезъ р. Нѣманъ, онъ слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ къ м. Кайданамъ, участвуя при вытѣсненіи и изгнаніи изъ этого города отряда Призора, а затѣмъ былъ въ дѣлѣ при м. Шадовѣ противъ мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ гр. Замойскаго и Потоцкаго, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ томъ же году Линдфорсъ участвовалъ при вытѣсненіи и преслѣдованіи партіи поляковъ изъ Шавлей (23 апрѣля) и Россіенъ (29 апрѣля). Далѣе, 12 іюня онъ участвовалъ при оборонѣ г. Вильны отъ мятежниковъ, ворвавшихся изъ Царства Польскаго въ Россійскіе предѣлы подъ командою генерала Гелгуда, послѣ чего преслѣдовалъ ихъ до границъ Пруссіи и возвратился къ главнымъ силамъ арміи. Осень того же года была послѣднимъ фазисомъ подавленія мятежа въ Царствѣ Польскомъ; 25 и 26 августа Линдфорсъ участвовалъ при штурмѣ различныхъ укрѣпленій и взятіи Варшавы, при блокадѣ Модлина (съ 14 по 18 сентября) и въ изгнаніи мятежниковъ изъ Царства польскаго. За штурмъ Варшавы онъ получилъ медаль, а за участіе въ кампаніи—Польскій знакъ отличія за военныя достоинства 4-й ст. Въ 1833 году (25-го декабря) Линдфорсъ былъ переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, черезъ мѣсяцъ, за отличія по службѣ, былъ награжденъ чиномъ поручика съ утвержденіемъ въ должности адъютанта, а черезъ годъ за выдающіяся отличія по службѣ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Высочайшимъ приказомъ 12 мая 1836 года онъ былъ назначенъ состоять для особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса ген.-лейт. кн. Горчаковѣ 2-мъ; въ 1838 году за усердную службу Всемилостивѣйше награжденъ брильянтовымъ перстнемъ и черезъ годъ — орденомъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1840 году Линдфорсъ былъ назначенъ адъютантомъ при ген.-лейт. кн. Горчаковѣ, но къ этой должности явился только при вторичномъ назначеніи Высочайшимъ приказомъ 28 февраля 1842 года; за этотъ промежутокъ онъ, съ разрѣшенія военнаго министра, былъ прикомандированъ къ Образцовому

пѣхотному полку для усвоенія фронтовой и гарнизонной службы и 6 декабря 1840 года былъ произведенъ въ чинъ гв. капитана. Въ 1843 году (23 февраля) Линдфорсъ получилъ орденъ св. Станислава 2-й ст. съ Императорскою короной; 29 декабря 1844 г. онъ былъ переименованъ въ арміи подполковники съ назначеніемъ предсѣдателемъ пограничнаго управленія Сибирскихъ киргизовъ; 19 августа 1845 года былъ произведенъ въ полковники, черезъ годъ снова былъ прикомандированъ къ Образцовому пѣхотному полку, а 9 іюня 1846 года былъ назначенъ помощникомъ окружного генерала 7 округа корпуса внутренней стражи. Отъ этой должности Линдфорсъ былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ ген.-маіоры, поселился въ пріобрѣтенномъ имъ въ Городнянскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, имѣніи «Алешня», и занималъ въ этомъ уѣздѣ должность почетнаго мирового судьи до самой смерти, послѣдовавшей 8 января 1871 года.

П. Диринъ, «Исторія л.-гв. Семеновскаго п.» Спб. 1883 г.—*Ф. Смитъ*, «Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ», Спб. 1863. г.—О. *фонъ-Фрейманъ*, «Пажи за 185 лѣтъ».—Дѣла Архива Департамента Герольдіи.

Я. Ждановичъ.

Линицкій, *Николай Петровичъ*, маіоръ, родился въ 1777 г., происходилъ изъ дворянъ Слободско-Украинской губ., на службу поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, въ 1797 г. перешелъ кавалергардомъ въ кавалергардскіе эскадроны, а по упраздненіи послѣднихъ въ слѣдующемъ году перешелъ унтеръ-офицеромъ въ лб.-гусарскій полкъ; въ 1801 г. Линицкій былъ переведенъ корнетомъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ 1803 г. былъ произведенъ въ поручики, въ 1807 г. въ шт.-ротмистры и въ 1813 г. въ ротмистры. Линицкій участвовалъ въ походахъ 1805 г.: при Энсѣ, Амштетенѣ, С.-Пелтенѣ, Шенграбенѣ, Шлапаницѣ, Раузницѣ, Вишау и подъ Аустерлицемъ; 1806 г.: при Голиминѣ, Маковѣ, Новой Вѣси; 1807 г.: при Прейсишъ-Эйлау, Ортельсбургѣ, Гуштатѣ и Гейльсбергѣ; въ Отечественной войнѣ въ дѣлахъ: при г. Кобринѣ, с. Сегневичахъ, при Вижевѣ, Ковлѣ, Слонимѣ, Стаховѣ, Брилѣ и при преслѣдованіи непріятеля до Вильны; въ 1813 году въ дѣлѣ при Лейпцигѣ, Таухѣ, Истербокѣ, Фликовѣ, Гельгаузенѣ, гдѣ былъ раненъ пулею въ ногу, и подъ Ганау, гдѣ также былъ раненъ въ бокъ. Полученныя раны не позволили ему продолжать службу и онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора (1816 г.).

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. II, стр. 290—291. *Степановъ.*

Линкъ, *Иванъ Васильевичъ*, статистикъ, родился въ Тулѣ 20 декабря 1813 г., умеръ въ Петербургѣ 19 апрѣля 1864 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1834 г. опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ и состоялъ сначала производителемъ статистическихъ работъ. Первыя двѣ книжки «Матеріаловъ для статистики Россіи», вышедшія въ 1837—40 гг., изданы были подъ его редакціею; во второй изъ нихъ онъ помѣстилъ статью «Историко-статистическій взглядъ на города Тульской губ.» Затѣмъ Линкъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ хозяйственнаго департамента Н. А. Милютинѣ и на его обязанности лежало преимущественно приготовленіе матеріаловъ для новаго положенія о городскомъ управленіи. Въ 1852 г. Линкъ былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя С.-Петербургскаго коммерческаго суда, а въ 1862 г. назначенъ управляющимъ питейно-акцизнымъ сборомъ въ С.-Петербургской губерніи.

«Голосъ» 1864 г., № 111.—«Иллюстрированная Газета» 1864 г., № 17. *Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II., стр. 240—241.—*Ефронъ*, Энциклопедическій словарь, т. 34, стр. 709.

Степановъ.

Линниченко, *Андрей Ивановичъ*, доцентъ Кіевскаго университета по каѳедрѣ исторіи и всеобщей литературы, д. с. с., родился въ Кіевѣ 21 ноября 1822 г., сынъ мѣщанина; выучившись грамотѣ по церковно-славянской грамматикѣ, часослову и псалтири, онъ опредѣлился въ приходское училище, а оттуда въ Кіевскую гимназію, которую окончилъ въ 1839 г., награжденный при выпускѣ серебряною медалью и чиномъ 14-го класса за успѣхи въ греческомъ языкѣ. Въ томъ же году Линниченко поступилъ въ университетъ св. Владиміра на 1-ое отдѣленіе философскаго факультета, которое окончилъ въ 1843 г. и былъ удостоенъ степени кандидата философскаго факультета и награжденъ медалью за конкурсное

сочиненіе, написавное на латинскомъ яз. на тему: «De minis Romanorum.» Черезъ полгода по окончаніи университета онъ назначенъ былъ младшимъ учителемъ въ Житомірскую гимназію, но вслѣдствіе открывшейся въ то время вакансіи помощника библіотекаря въ университетѣ св. Владиміра, избранный на эту должность совѣтомъ университета, предпочелъ остаться въ Кіевѣ, такъ какъ это представляло болѣе средствъ, необходимыхъ для спеціальныхъ научныхъ занятій. Первоначально Линниченко намѣревался посвятить себя спеціальному изученію древне-классическихъ языковъ, но стеченіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ не дозволило осуществиться этому намѣренію, и онъ, по совѣту нѣкоторыхъ университетскихъ наставниковъ своихъ, избралъ предметомъ своей спеціальности отечественный языкъ и литературу. Въ 1845 г. онъ выдержалъ установленное для полученія степени магистра русской словесности испытаніе и по защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ» былъ утвержденъ въ искомой степени въ 1846 г. Въ августѣ того же года Линниченко былъ назначенъ въ Кіевскую 1-ую гимназію старшимъ учителемъ исторіи и въ этой должности оставался до 1853 г. Одновременно (съ 1851 г.) онъ преподавалъ русскую словесность въ Кіевскомъ же институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ образцовомъ женскомъ пансіонѣ. Въ 1853 г. Линниченко былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Нѣжинскій лицей князя Безбородко, гдѣ оставался до 1855 г., когда былъ перемѣщенъ въ университетъ св. Владиміра адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности. Здѣсь онъ въ теченіе 8-ми лѣтъ попеременно излагалъ теорію поэзіи, прозы и русскій языкъ въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, а когда въ 1863 г., согласно новому университетскому уставу, на историко-филологическомъ факультетѣ была учреждена новая каѳедра исторіи всеобщей литературы, то преподаваніе этого предмета было поручено Линниченку съ переименованіемъ его въ доценты. Въ то же время онъ исполнялъ обязанности адъюнкта университета и секретаря историко-филологическаго факультета и преподавалъ русскую словесность въ училищѣ бѣдныхъ дѣвицъ графини Левашевой, а также и въ Кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1859 г. Линниченко былъ избранъ начальникомъ открытаго на средства И. И. Фундуклея училища для приходящихъ дѣвицъ, переименованнаго впослѣдствіи въ Кіевскую Фундуклеевскую женскую гимназію, и утвержденъ въ этой должности государыней императрицей. Командированный въ 1864 г. за границу для ознакомленія съ произведеніями изящныхъ искусствъ, онъ съ этою ученою цѣлью посѣтилъ замѣчательнѣйшіе музеи изящныхъ искусствъ Германіи, Италіи и Франціи. Въ 1866 г. онъ награжденъ былъ за отлично-усердную службу при Фундуклеевской женской гимназіи чиномъ дѣйст. ст. сов. По окончаніи 25-лѣтія службы по министерству нар. просвѣщ. Линниченко дважды былъ избираемъ на должность доцента по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы и лишь въ 1877 г. совершенно оставилъ преподавательскую службу при университетѣ св. Владиміра.

Кромѣ поименованныхъ печатныхъ трудовъ, Линниченку принадлежатъ еще слѣдующіе: «Курсъ исторіи поэзіи для среднихъ учебныхъ заведеній» (Кіевъ, 1861); «Обзоръ поэтической дѣятельности англійскаго романиста Чарльза Диккенса» (Рѣчь, произнесенная на торжествен. актѣ университета св. Владиміра 4 сентября 1866 г.); «Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка» (Рѣчь на торжествен. актѣ по поводу празднованія 100-лѣтія со дня рожденія Карамзина, Кіевъ, 1867 г.); «Журнальная дѣятельность И. А. Крылова» (Рѣчь академическая, произнесенная въ день столѣтія со дня рожденія русскаго баснописца, Кіевъ, 1868 г.). Кромѣ того, имъ напечатано было нѣсколько некрологовъ профессоровъ университета св. Владиміра, а именно: Кондратія Ѳедоровича Страшкевича (Кіевъ, 1868), Ивана Яковлевича Нейкирха (Кіевъ, 1870), Александра Ив. Селина (Кіевъ, 1877) и Виталія Яковлевича Шульгина (Кіевъ, 1879). Имъ же былъ отлитографированъ «Курсъ исторіи рус. литературы для среднихъ учебныхъ заведеній» (выдержавшій нѣсколько изданій). Скончался онъ въ 1888 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и

преподавателей университета св. Владиміра, стр. 368—374. — Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34. стр. 712. *М. Поповъ.*

Линовскій, *Владиміръ Альбертовичъ*, ст. сов., проф. Ришельевскаго лицея, магистръ университета св. Владиміра, род. въ 1818 г., умеръ въ 1863 г. Въ 1839 г. опредѣленъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ практическаго судопроизводства въ Ришельевскій лицей; кромѣ того, онъ преподавалъ законы государственнаго благоустройства, благочинія и казеннаго управленія (по 1842 г.), законы уголовные, гражданскіе и межевые, введеніе въ науку права и исторіи законодательства и обозрѣніе русскихъ законовъ (по 1844 г.). Въ 1844 г. онъ былъ утвержденъ профессоромъ по каѳедрѣ практическаго судопроизводства, а въ 1853 г. по разстроенному здоровью покинулъ службу. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «О мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ» (Одесса, 1842), 2) «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича» (Одесса, 1847), 3) «Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи» (Одесса, 1849. Удостоено почетнаго отзыва Импер. Академіи Наукъ) и 4) рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей» и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ».

Михневичъ, «Историч. обзоръ 40-лѣтія Ришельевскаго лицея (1817—1857), стр. 84—85.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 713. *М. П.*

Линовскій, *Ярославъ Альбертовичъ*, профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства, родился въ 1818 г. и происходилъ изъ дворянъ Кіевской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ Уманской гимназіи, по окончаніи которой опредѣлился въ Московскій университетъ (во 2-е отдѣленіе философскаго факультета). Здѣсь своимъ прилежаніемъ и любовью къ наукамъ онъ обратилъ на себя вниманіе университетскаго начальства, которое за его сочиненія отличило золотою и серебряною медалями. Окончивъ курсъ въ университетѣ, Линовскій поступилъ учителемъ математики и физики во 2-ю Кіевскую гимназію. Въ университетѣ св. Владиміра онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра ботаники и зоологіи и вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку. Въ 1839 г. мы встрѣчаемъ Линовскаго на службѣ въ Московской палатѣ государственныхъ имуществъ. Дѣятельное министерство, въ вѣдомство котораго поступилъ Линовскій, командировало его для оцѣнки государственныхъ имуществъ въ южную полосу Россіи, а по возвращеніи его въ Москву, въ 1840 г., поручило ему осмотрѣть, вмѣстѣ съ ученымъ лѣсничимъ Боде, всѣ уѣзды Московской губ. съ цѣлью составить описаніе казенныхъ торфяныхъ болотъ и указать удобнѣйшія мѣры къ разработкѣ его. Линовскій со свойственной ему энергіей исполнилъ это возложенное на него порученіе, осмотрѣлъ около ста болотъ и составилъ подробную карту ихъ, помѣстивъ ее въ № 1 «Журнала М-ва Государственныхъ Имуществъ» за 1841 годъ. Въ этомъ же году Линовскій причислился къ министерству народнаго просвѣщенія и на средства Московскаго университета отправился за границу для усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь онъ слушалъ теоретическій курсъ сельскаго хозяйства въ Гогенгеймскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ знаменитаго директора этого института, фонъ-Веккерлина, изучалъ во всей подробности технику образцоваго хозяйства тамошней фермы. Осмотрѣвъ и другія сельско-хозяйственныя заведенія и замѣчательныя хозяйства Германіи, Линовскій посѣтилъ затѣмъ Италію, Швейцарію, Бельгію, Францію и Англію, при чемъ практическій сельскохозяйственный тактъ англичанъ всего болѣе пришелся по душѣ Линовскому. Вернувшись въ 1844 г. въ Москву, онъ 20 сентября читалъ съ большимъ успѣхомъ вступительную рѣчь въ университетѣ, которая привлекла въ аудиторію многочисленную публику. Но и впослѣдствіи интересъ къ его лекціямъ не ослабѣвалъ у слушателей: причиной этого былъ его даръ слова и умѣнье излагать съ увлеченіемъ и удобопонятнымъ языкомъ трудные вопросы науки. Сознавая ощущительный у насъ въ то время недостатокъ хозяйственной литературы и желая дать своимъ слушателямъ какое-нибудь руководство для ихъ занятій, Линовскій предпринялъ изданіе курса сельскаго хозяйства, въ формѣ простыхъ, но живыхъ бесѣдъ. Онъ проводилъ въ немъ тотъ взглядъ, что необходима тѣсная связь меж-

ду практической дѣятельностью сельскаго хозяйства и наукой. Линовскій былъ врагомъ сильнаго подражанія западнымъ системамъ и требовалъ сообразованія ихъ съ потребностями данной мѣстности. Кромѣ того, ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, съ примѣненіемъ общаго вывода къ земледѣлію (магистерская диссертація), «Объ окончательномъ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи» и нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ русскихъ изданіяхъ. Умеръ Линовскій (былъ убитъ его слугою) 1 октября 1846 г.

«Біографич. словарь профес. и препод. Имп. Московск. у-та», ч. I, стр. 458—462.— *Геннади*, «Справоч. словарь о рус. писат. и учен.», т. II, стр. 241.

Степ.

Линская, *Юлія Николаевна*, извѣстная комическая артистка Александринскаго театра. Обучалась въ театральномъ училищѣ, откуда, какъ неспособная, была исключена. П. И. Григорьевъ, взялъ ее подъ свое покровительство и занялся съ нею. Сценическая карьера Линской началась не совсѣмъ удачно, чему причиной было то, что она не могла точно опредѣлить, на что она способна. Она рѣшалась играть даже такія роли, какъ «Водевиль съ переодѣваніемъ», т. е. роль дѣвочки, для которой не подходила ни по лѣтамъ, ни по наружности, и при томъ не имѣла вовсе голоса, тогда какъ вся роль держится на пѣніи. Вліяніе артистки Е. Я. Сосницкой, которой Линская подражала во многомъ, было несомнѣнно благотворно, но впослѣдствіи Линская отрѣшилась отъ этого вліянія и выработала свой талантъ и пріобрѣла репутацію даровитой актрисы. Въ особенности она поражала правдою и глубокимъ комизмомъ въ пьесахъ Островскаго. Въ бытовыхъ роляхъ она была неподражаема: комическія роли передавала съ художественною правдою, безъ всякаго шаржа; купчихи, свахи въ ея исполненіи выходили законченными типами, прямо выхваченными изъ жизни. Единственный недостатокъ, которымъ страдала Линская, это—густота красокъ, которыя она слишкомъ щедро клала на нѣкоторыя роли. Какъ артисткѣ чисто русской, способной создавать типы и знающей русскую жизнь до мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, ей не удавался Мольеровскій репертуаръ, къ которому она иногда прибѣгала: здѣсь она стушевывалась, не будучи въ состояніи создать живого лица. Это ея была вторая непростительная ошибка на сценическомъ поприщѣ. Но зато остатокъ своего сценическаго служенія она шла прямою своею дорогою, постоянно улучшаясь и совершенствуясь, и вполнѣ заслуженно пріобрѣла славу знаменитой комической актрисы.

Въ частной же жизни она вполнѣ заслужила названіе «несчастнѣйшей женщины»: вслѣдствіе своей доброты и довѣрчивости она, несмотря на имѣвшіяся значительныя средства, умерла въ полной нищетѣ 25 апрѣля 1871 г., на 49 году.

Г. М. Максимовъ, «Свѣтъ и тѣни С.-Петербургской драматической труппы за прошедшія 30 лѣтъ (1846—1876) Спб. 1878 г.— «Воспоминанія актера Алексѣева» М. 1894 г.— «Петербургская Газета» 1871 г., № 9. — «Голосъ», 1871 г., № 114, 115. — «Петербургскій Листокъ» 1871 г., № 81. — «Иллюстрир. Газета» 1871 г., № 17.

М. П.

Липинскій, Тимоѳей, исторіографъ старой Польши, родился въ 1797 г. въ деревнѣ Деречинѣ, Гродненской губ., умеръ въ Варшавѣ въ 1856 г.; на 15-мъ году жизни прибылъ въ Варшаву и былъ помѣщенъ дядею въ мѣстный лицей. По окончаніи послѣдняго, а также и Варшавскаго университета Липинскій поступилъ на службу въ политехническій институтъ; послѣ же закрытія его въ 1833 г. назначенъ былъ преподавателемъ исторіи, географіи и польскаго языка въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавы. Выслуживъ пенсію въ 1851 г., онъ вышелъ въ отставку.

Занятый всю жизнь собираніемъ и изученіемъ памятниковъ польской старины, Липинскій внесъ существенный вкладъ въ большую историческую работу «Opis starożytnej Polski» и помѣщалъ собранные матеріалы въ видѣ отдѣльныхъ монографій въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сотрудникомъ которыхъ состоялъ («Gazeta Polska», «Bibljoteka Warszawska» и др.). Отдѣльными изданіями вышли его труды: 1) «Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym» (въ сотрудничествѣ съ Балинскимъ, 3 т., Варшава 1843—1846 г.), 2) «Wiadomości historyczne, numizmatyczne, o koronacyach obrazów Matki Boskiej w dawnej Polsce» (Варшава, 1850 г.) и 3) «Opis

powiatu Radomskiego» (исправленная и дополненная рукопись ксендза Сярчинскаго, Варшава, 1847 г.). Среди многочисленныхъ работъ, оставшихся въ рукописяхъ послѣ Липинскаго, къ печати были заготовлены имъ двѣ: жизнеописанія выдающихся польскихъ дѣятелей XVIII столѣтія и словарь пословицъ, поговорокъ и ходячихъ выраженій въ польскомъ языкѣ.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 99, 100.

А. Г.

Липинъ, *Николай Ивановичъ*, профессоръ института инженеровъ путей сообщенія, род. 22 ноября 1812 г., воспитывался въ военно-строительномъ училищѣ, откуда въ 1829 г. поступилъ кадетомъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и въ 1831 г. произведенъ былъ въ прапорщики. Въ 1833 г. онъ въ чинѣ поручика былъ назначенъ репетиторомъ при институтѣ, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ 3-й Московскій округъ, гдѣ былъ командированъ въ распоряженіе маіора Четверикова для занятій по составленію проекта шоссе отъ Москвы до Бреста. Въ округѣ онъ пробылъ до 1836 г., когда вновь былъ причисленъ къ институту репетиторомъ. Кромѣ института, Липинъ преподавалъ курсъ начальной математики въ Технологическомъ институтѣ (съ 1841) и въ училищѣ гражданскихъ инженеровъ (съ 1843). Въ 1842 г. онъ былъ командированъ къ инженерамъ Крафту и Мелѣшкову по постройкѣ Николаевской жел. дороги. Въ 1847 г. назначенъ помощникомъ начальника сѣверной дирекціи, а въ 1850 г. профессоромъ института по курсу водяныхъ сообщеній и по постройкѣ машинъ. Въ изданномъ имъ въ 1853 г. собраніи таблицъ и формулъ онъ предложилъ, вмѣсто приводимаго въ смѣтахъ и исчисленіяхъ дѣленія сажени на футы, замѣнить дѣленіемъ ея на десятыя и сотыя части, чѣмъ облегчается вычисленіе. Въ институтѣ Липинъ оставался до 1856 г., когда былъ назначенъ вице-директоромъ департамента жел. дорогъ. Въ 1860 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры. При дѣятельномъ его участіи выработанъ былъ законъ о размѣрахъ подвижного состава на жел. дорогахъ и о предѣлахъ приближенія строеній къ путямъ жел. дорогъ. Въ 1861 г. Липинъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ совѣтъ управленія главнаго общества россійскихъ жел. дорогъ, въ 1864 г. членомъ конференціи института путей сообщенія (оставался въ этихъ должностяхъ до конца своей жизни), въ 1865 г. директоромъ департамента жел. дорогъ и въ 1870 г. членомъ совѣта министерства. Въ 1875 г. онъ былъ произведенъ въ тайн. совѣтники. Скончался Липинъ 3 февраля 1877 г.

Изъ печатныхъ трудовъ Липина извѣстны: «Таблицы, формулы и численныя данныя для сокращенія вычисленій и руководства при соображеніяхъ, относящихся до строительнаго искусства» (Спб. 1853), «О печахъ, изобрѣтенныхъ отставнымъ инженеръ-капитаномъ Быковымъ» (Спб., 1857) и рядъ статей по его спеціальности какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», какъ-то: «Изслѣдованіе одной изъ кривыхъ, употребляемыхъ при сопряженіи дорогъ» (1838), «О рѣкахъ, протекающихъ по слабому грунту, и о предохраненіи береговъ ихъ отъ подмыванія» (Легрома и Шапперона, переводъ 1839), «Желѣзныя дороги» (1840), «Теорія постояннаго движенія текущихъ водъ и приложеніе оныхъ къ рѣшенію многихъ вопросовъ гидравлики» (Вотье и Коріолиса, переводъ Липина, 1841), «Объ архимедовомъ винтѣ» (1853), «Уроки и стоимость укладки водопроводныхъ трубъ и другихъ работъ для снабженія городовъ и зданій водою» (1857), «Винтовое пароходство» (1858), «Пояснительная статья къ постановленіямъ о предѣлахъ размѣровъ подвижного состава и приближенія строеній къ путямъ желѣзныхъ дорогъ» (1860) и «Вентиляція Смольнаго монастыря».

Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. I, стр. 47—49.

М. Поповъ.

Липкинъ, *Либманъ Израилевичъ*, докторъ философіи Іенскаго университета и магистрантъ С.-Петербургскаго, родился въ м. Салантѣ, Ковенской губ., сынъ раввина. Первоначальное образованіе и воспитаніе его заключалось въ изученіи библіи, талмуда и др. подобныхъ религіозныхъ книгъ. Съ раннихъ лѣтъ молодости въ немъ обнаружилась наклонность къ научнымъ занятіямъ, особенно къ математикѣ. Не зная ни одного изъ европейскихъ языковъ, молодой Липкинъ долженъ былъ удовлетворять свою любознатель-

ность изъ сочиненій, писанныхъ на древнееврейскомъ языкѣ. При всемъ несовершенствѣ подобныхъ учебниковъ и при отсутствіи всякихъ указаній, онъ сумѣлъ, однако, посредствомъ этихъ книгъ основательно познакомиться не только съ элементарными науками, но и со многими отраслями высшей математики; въ то же время онъ самоучкою сталъ заниматься и новыми языками, особенно нѣмецкимъ и французскимъ, которые должны были открыть ему доступъ къ болѣе новымъ и систематическимъ руководствамъ по математикѣ. Достаточно подготовленный, онъ поѣхалъ въ Германію и былъ допущенъ къ слушанію лекцій по математикѣ въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Спустя нѣкоторое время, Липкинъ поступилъ въ Берлинскую академію ремеслъ, по окончаніи курса въ которой защитилъ въ 1870 г. въ Іенскомъ университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ: «Ueber die raumlichen Straphoiden», за которую былъ удостоенъ степени доктора философіи. Въ томъ же году Липкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ допущенъ къ экзамену въ университетѣ на степень магистра математики. Выдержавъ съ успѣхомъ въ 1873 г. магистерскій экзаменъ, онъ сталъ заниматься приготовленіемъ диссертаціи «О преобразованіяхъ дифференціальныхъ уравненій и приложеніи ихъ къ одному картографическому вопросу», но закончить ее ему не удалось за смертью, послѣдовавшею 9 февраля 1875 г., на 34 году жизни. Липкину принадлежитъ честь открытія простого механизма, основаннаго на одной геометрической теоремѣ, для точнаго преобразованія прямолинейнаго движенія въ круговое, напечатанное въ «Melanges mathematiques de l'Academie Impérial à St.-Pétersbourg. 1870. Ueber eine Gelenkgeradeführung von L. Lipkin». Модель механизма этого пріобрѣтена музеемъ института инженеровъ путей сообщенія.

«Еврейская Библіотека», т. 5, стр. 191—196.
М. Поповъ.

Липкинъ, *Николай Никитичъ*, капитанъ 2-го ранга, обучался въ морскомъ корпусѣ (1820), по окончаніи котораго (1824) былъ произведенъ въ гардемарины и на фрегатѣ «Патрикій» крейсеровалъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Произведенный въ 1827 г. въ мичманы, онъ былъ назначенъ въ черноморскій флотъ и на кораблѣ «Парижъ» участвовалъ при взятіи крѣпости Анапы и Вѣрны (1828), за что былъ награжденъ орденами св. Анны 3-й и 4-й ст. Совершая морскія кампаніи и повышаясь въ чинахъ, Липкинъ въ 1854 и 1855 г.г. состоялъ въ гарнизонѣ, обороняющемъ Севастополь, когда былъ раненъ осколками бомбы въ обѣ руки, съ переломомъ лучевыхъ костей; получивъ облегченіе, хотя и не владѣя правою рукою, онъ снова явился на 4-й бастіонъ, гдѣ, командуя правымъ флангомъ, былъ контуженъ въ голову, но продолжалъ оставаться на бастіонѣ. За это дѣло онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. 25 апрѣля 1855 г. Липкинъ былъ убитъ пулею въ грудь навылетъ.

Общій морской списокъ, т. X, стр. 575, 576.

Липовцовъ, *Степанъ Васильевичъ*, оріенталистъ, корреспондентъ С.-Петербургской Академіи Наукъ по отдѣлу восточныхъ литературъ и древностей. Умеръ въ 1841 г. Составилъ: «Каталогъ китайскимъ и японскимъ книгамъ, въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранящимся» (Спб. 1818; съ П. Каменскимъ) и «Маньчжурскій словарь» (Спб., 1838) и перевелъ съ маньчжурскаго «Уложеніе китайской палаты внѣшнихъ сношеній» (Спб., 1828).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 241.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 724.

Липранди, *Иванъ Петровичъ*, военный историкъ, родился 17 іюля 1790 г., Родъ Липранди принадлежалъ къ старинному испанскому роду, но уже отецъ И. П. занималъ отвѣтственный постъ въ одномъ изъ министерствъ въ Россіи. И. П. началъ свою карьеру въ военной службѣ и въ качествѣ полковника генеральнаго штаба принималъ участіе въ Отечественной войнѣ. По вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ Липранди получилъ назначеніе начальника военной полиціи во Франціи, но съ окончаніемъ этой кампаніи вышелъ въ отставку и занялся изученіемъ восточнаго вопроса. Въ 1828 г., незадолго до начала турецкой войны, онъ былъ посланъ на мѣсто предстоящихъ военныхъ дѣйствій для подготовленія необходимыхъ матеріаловъ въ военномъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Затѣмъ Липранди служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, занимая должность чиновника особыхъ порученій и состоялъ предсѣдателемъ комиссіи по дѣламъ раскольниковъ, скопцовъ и др.

сектъ. Изслѣдуя сектантскій вопросъ въ Россіи, Липранди, между прочимъ, первый предложилъ правительству прекратить преслѣдованіе безвредныхъ раскольничьихъ сектъ и въ докладныхъ запискахъ Л. А. Перовскому (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ) утверждалъ, что преслѣдованіе влечетъ за собою не уничтоженіе ереси, а исключительно развитіе взяточничества и обогащеніе слѣдователей за счетъ кармана раскольниковъ. Однако такой взглядъ на послѣднихъ установился у Липранди лишь впослѣдствіи; въ началѣ же своего разслѣдованія онъ, въ донесеніяхъ министру, предлагалъ строжайше преслѣдовать сектантство и находилъ не только въ нравственномъ отношеніи вредъ отъ этого теченія, но и старался доказать антиправительственные замыслы раскольниковъ. По этому поводу изслѣдователь русскаго раскола, Ѳ. Ливановъ въ трудѣ «Раскольники и Острожники» удѣляетъ цѣлую главу Липранди, какъ дѣятелю по раскольничьимъ, дѣламъ, и недвусмысленно замѣчаетъ о «странной» перемѣнѣ во взглядахъ «дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. Липранди». Однако, какъ узнаемъ ниже, врядъ ли возможно отнестись съ довѣріемъ къ такого рода обвиненію. Что же касается правительства, то оно попрежнему относилось къ Липранди съ большимъ довѣріемъ и въ мартѣ 1848 г. поручило ему наблюденіе надъ извѣстнымъ кружкомъ М. Буташевича-Петрашевскаго. Послѣ года наблюденія Липранди представилъ докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ, которая полностью рисуетъ дѣятельность этого, нашумѣвшаго въ свое время, общества. Кромѣ четырехъ именныхъ списковъ лицъ, принимавшихъ то или другое участіе въ собраніяхъ этого общества, и подробнаго изложенія дѣятельности и задачъ кружка, Липранди присовокупилъ и свое личное мнѣніе по этому дѣлу. Зорко наблюдая за петрашевцами и чутко прислушиваясь къ донесеніямъ своихъ агентовъ, Липранди несомнѣнно находился въ курсѣ этого дѣла и въ своемъ «мнѣніи» говорилъ, что это общество «не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія». Конечно, для приведенія въ исполненіе такого плана нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и «я», — говоритъ далѣе Липранди—«имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины устраиваются, а можетъ быть отчасти и устроены». Обращая вниманіе на составъ общества, Липранди говорилъ, что «безъ сомнѣнія ни для чего иного, какъ съ цѣлью произвести повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и неслужащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры, по мнѣнію Липранди, бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ. Тутъ-же, напротивъ, «съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся неокончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ». Далѣе Липранди считалъ важнымъ обстоятельствомъ то явленіе, что «главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества». «Заговорщики, руководствуемые мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, менѣе опасны,— продолжаетъ онъ, ибо они не такъ могутъ сообщить другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собой». Въ обществѣ же петрашевцевъ, онъ замѣтилъ «какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію утопіями, господствовавшими въ Западной Европѣ». Вообще всѣ наблюденія Липранди привели его къ убѣжденію, что въ дѣлѣ петрашевцевъ «скрывается зло великой важности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку». Это мнѣніе, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованію Высочайше учрежденной комиссіи надъ злоумышленниками» («Рус. Старина», 1872 г.), естественно не могло не отразиться на судьбѣ участниковъ кружка, тѣмъ болѣе, что самъ Липранди, какъ впослѣдствіи заявилъ, своимъ «мнѣніемъ» способствовалъ большему наказанію петрашевцевъ. Какъ извѣстно, всѣ лица, помѣченныя Липранди въ четырехъ именныхъ спискахъ, по заключенію генералъ-аудиторіата были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, и лишь въ виду Высочайшей конфирмаціи смертная казнь была замѣнена ссылкой въ каторжныя работы на разные сроки. Быть можетъ, и для такого рѣшенія были приняты во вниманіе слова Липранди изъ его «мнѣнія», что «въ этихъ случаяхъ казнь за политическія престу-

пленія оставляетъ неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ». Таковъ былъ взглядъ Липранди на дѣятельность кружка петрашевцевъ. Свое наблюденіе за ними онъ закончилъ съ представленіемъ списка участниковъ Л. В. Дубельту, 20-го апрѣля 1849 г., такъ что произведенный черезъ три дня послѣ этого арестъ и дальнѣйшія событія произошли безъ прямого участія Липранди.

Этимъ собственно и ограничивается общественная дѣятельность Липранди. Какъ о человѣкѣ, о немъ трудно сказать что-либо вполнѣ опредѣленное. Оставшіяся воспоминанія современниковъ зачастую даютъ самую противоположную оцѣнку его личности, хотя, пожалуй, и склоняются въ худшую сторону. Однако обвиненіе Липранди во взяточничествѣ врядъ-ли можетъ быть признано дѣйствительнымъ: извѣстно, что умеръ онъ почти нищимъ, да и при жизни вынужденъ былъ продать свою библіотеку Имп. Публичной Библіотекѣ, тогда какъ могъ бы обогатиться, ведя дѣла раскольниковъ. Несомнѣнно же то, что Липранди внесъ свой посильный трудъ въ русскую литературу, и если въ настоящее время многіе труды его потеряли свою цѣнность, то библіографическія работы и до сихъ поръ сохранили свое значеніе.

Скончался Липранди 9 мая 1880 г., часто страдая отъ тяжелой контузіи въ колѣно, полученной при Смоленскѣ еще въ 1812 году.

Всѣ труды Липранди можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: труды военно-историческіе; по вопросу о расколѣ въ Россіи; труды публицистическіе и библіографическіе (біографіи, письма, примѣчанія и пр.). Къ первому отдѣлу относятся: «Замѣчанія на воспоминаніе Ф. Ф. Вигеля о Инденсальмскомъ сраженіи» («Чтеніе въ Обществѣ Ист. и Др. Рос.» 1873, № 2, стр. 59—251, съ литографированнымъ планомъ сраженія); «Война 1812 г. Замѣчанія на 2-й и 3-й томы «Исторіи отечественной войны 1812 г.» М. Богдановича («Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.» 1868, № 1, стр. 1—54; 1869, № 1, стр. 1—198 и № 2, стр. 1—79); «Отповѣдь статьѣ, подписанной: Офицеръ генеральнаго штаба» («Сѣв. Пчела» 1858, № 80, стр. 373—375 и отд.); «Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ въ 1812 г.» («Рус. Архивъ» 1865, № 7); «Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы, или кому и въ какой степени принадлежитъ честь этого дня? Извлечено исключительно изъ иноземныхъ писателей. Съ примѣчаніями И. Липранди, исправлявшаго тогда дожность оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса» (М. 1867 и въ «Чт. И. Общ. Ист. и Др. Рос., 1866, кн. 1—4); «Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 г. объ Отечественной войнѣ 1812 г.» (М. 1876 г. въ «Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1874, № 3, стр. 1—49); «Матеріалы для Отечественной войны 1812 г., собраніе статей, помѣщенныхъ въ разл. періодическихъ изданіяхъ» (Спб. 1867); «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 гг.» («Сѣв. Пчела», 1858, № 36, 38, 39, 41 и отд.); «Замѣтка. По поводу отзыва» «Библіогр. Листка» при журн. «Рус. Стар.» на замѣчаніе Липранди на исторію «Отечественной войны 1812 г.» соч. Богдановича («Заря», 1870, № 9, стр. 187—191); «Какъ былъ взятъ гор. Соасонъ 2(14) февр. 1814 г. и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 г.» («Рус. Архивъ», 1868, № 6, стр. 903—925); «О дѣйствіяхъ цѣпи противъ конницы» («Воен. Сборн.» 1879, № 11); «Боевая стрѣльба частями и ученіе съ боевыми патронами» (тамъ же, 1884, № 7); «Матеріалы для войны 1808 и 1809 гг. при завоеваніи Финляндіи» («Сѣв. Пчела», 1863, № 276); «Можетъ ли быть сдѣлано и въ какой степени покушеніе врага на гор. Петербургъ» («Сѣв. Пчела», 1863, №№ 171, 172); «Воспоминаніе о событіи за полъ вѣка тому назадъ» (тамъ же, 1863, № 214); «Битва и занятіе позицій при Шумлѣ, 8-го іюля 1828 г., въ присутствіи государя Николая I» (Спб. 1861); «Бородинское сраженіе» (П. 1861); «Взглядъ на театръ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ» (П. 1878); «Краткое обозрѣніе Отеч. войны отъ 17-го августа до 2 сент.» (Спб. 1858 г.).

Изъ трудовъ Липранди по поводу раскола отмѣтимъ слѣдующіе: «О сектѣ Татариновой» («Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос.» 1868, № 4, стр. 20—51 и отд. М. 1868); «Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ» (тамъ же, 1870 г. и отд.); «Геронтій Левановъ, Бѣлокриницкій раскольничій архимандритъ» (тамъ же, 1871, № 4, стр. 104—220 и отд. М. 1872); «Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, и т. д., по поводу замѣчанія на ст. Липранди о Маршанскомъ дѣлѣ» («Пет.

Газ.», 1869, № 60); «О скопческомъ дѣлѣ» (тамъ же, 1872 г., № 121, см. №№ 108 и 118); «Замѣтка о скопцахъ» («Рус. Міръ», 1874, №№ 86, 90 и 92); «Дѣло о скопцѣ камергерѣ Еленскомъ, 1804 г.» («Чт. въ О. И. и Др. Рос., 1867, № 4, стр. 63—82); «Н. Солодовниковъ, оскопленный роднымъ братомъ — фанатикомъ М. Солодовниковымъ» («Пет. Газ., 1869, №№ 79, 80); «Нѣсколько словъ о скопцахъ по поводу Моршанскаго дѣла («Голосъ» 1869, № 61); «Разъясненіе донесеній правительству о переходѣ въ 1845 г. латышей и чухонъ ливонскихъ въ православіе» («Чт. въ О. И. и Др. Рос. 1868, № 3, стр. 142—166 и отд. М. 1869).

Затѣмъ изъ трудовъ публицистическаго характера наибольшій интересъ имѣютъ статьи: «Восточный вопросъ и Болгарія» («Чт. въ О. И. и Др. Рос.», 1868, № 1, стр. 1—139 и отд. М. 1868) и «Болгарія» (М. 1868). Этотъ трудъ Липранди, какъ отмѣтила критика, заслуживаетъ безусловнаго вниманія, хотя неточность цифръ, а иногда и «курьезныя приправы» могутъ считаться большими недостатками. Надо отмѣтить, что наибольшій интересъ въ этомъ трудѣ падаетъ на Албанію, вообще наименѣе обслѣдованную изъ всѣхъ Балканскихъ государствъ. Очеркъ же самой Болгаріи довеценъ Липранди лишь до періода Святослава Кіевскаго включительно. Къ этому-же отдѣлу надо отнести: «Мысли по поводу событія 25 мая 1867 г. («Чтеніе въ О. И. и Др. Р. 1869 г., № 4, стр. 89—140); «Политическая почва зап. края въ настоящее время» («Чтеніе» 1868, № 4, стр. 151—167); «О взяткахъ, взяточникахъ и доносчикахъ» («Чтеніе» 1870, № 3, стр. 63—91); «Замѣтка о Брюссельской конференціи» («Нов. Вр.», 1875, № 63) и «О природныхъ границахъ и стремленіи нѣмцевъ на востокъ» («Чт. въ И. и Др. Р.», 1870, № 1, стр. 197—234). Наконецъ, къ библіографическимъ трудамъ относятся: «Замѣтка на статью «А. С. Пушкинъ въ южной Россіи» («Рус. Архивъ» 1866, №№ 8, 9 и 10, стр. 1213—1284, 1393 — 1491); «Историческія замѣчанія о гр. Аракчеевѣ» (тамъ же, 1866, № 7, стр. 1031 — 1046); «Доносъ Вигеля на Введенскаго» («Р. Стар.», 1871, т. 4, стр. 697); «Поправка къ статьѣ «Изъ недавняго прошлаго (объ А. И. Резенкампфѣ) («Р. Арх.» 1875, № 7, стр. 366); «И. Н. Скобелевъ и В. А. Жуковскій въ 1812 г., отрывокъ изъ воспоминаній» («Др. и Нов. Рос.» 1877, т. 3, № 10, стр. 169 — 173); «Дополненія и Поправки» (объ Н. А. Тучковѣ, убитомъ въ 1812 г.) («Рус. Архив.» 1874, № 5, стр. 1131—1148). Остальные труды Липранди помѣчены у Д. Языкова въ 4-омъ выпускѣ его обзора жизни и трудовъ рус. пис.».

«Политическіе процессы николаевской эпохи. Петрашевцы» М. изд. Саблина.—«Зап. Вигеля» М. 1893. т. V, стр. 120. 121; т. VI. стр. 102, 107, 115, 117, 176; т. VII, стр. 75. 82, 83.—*Ф. Ливановъ*, «Раскольники и Острожники», т. II, Спб. 1872, стр. 532—541.—«Рус. Инвалидъ» 1849, № 276.—«Рус. Старина» 1872, 6, стр. 70—86; т. 5, стр. 257—258, 268—269; 1877, стр. 566; 1879, стр.. 521, 584; 1887, т. 56. стр. 416—423; 1895, февр., 164—166, мартъ. стр. 83, 87; 1900 г., янв., 85, 86, 89, 90; 1912. стр. 109.—«Историч. Вѣстникъ» 1881, т. 4, стр. 485; 1887, апр., стр. 71 — 73.—«Рус. Архивъ» 1874, кн. II, 207 — 211; 1877, II, 470; 1869, 1553—1559; 1891, кн. II, стр. 190—192; 1893, кн. I, стр. 249—253.—*Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. X, стр. 271—274; т. XIII, стр. 146, 147.—«Былое» 1906 г., апр., стр. 307, кн. 10, стр. 307—308.—«Колосья» 1885, кн. 5, стр. 199—201.—*Межовъ*, «Рус. Ист. библ.» т. 7.—«Годы Минувшаго», 1913, кн. 1 и 2, біогр. Петрашевскаго.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 4, стр. 16 — 17. „Петерб. Некрпоооль".

Ал. Ельницкій.

Липранди, *Павелъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба гренадерскаго корпуса, род. 15 января 1796 г., умеръ 27 августа 1864 г.; поступивъ на службу прапорщикомъ въ Псковскій пѣхотный полкъ въ 1813 г., онъ принималъ участіе въ походѣ противъ французовъ, былъ въ сраженіяхъ при Кацбахѣ и Дрезденѣ; въ 1814 г. находился въ сраженіяхъ при Бріеннѣ, Ларотьерѣ, Лаферте-су-Жоаръ, за которое произведенъ былъ въ подпоручики, при Монмиралѣ, Шатотьерри, Мери, Краонѣ, Лаонѣ, Соасонѣ и при взятіи Парижа; въ 1818 г. Липранди былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ; передъ началомъ войны 1828 г. съ Турціей Липранди, по приказанію главнокомандующаго дѣйствующей арміей, отправился въ крѣпость Исакчи доставить пашѣ извѣстіе объ объявленіи войны; кромѣ того, онъ имѣлъ секретное порученіе осмотрѣть укрѣпленія этого пункта и узнать, не имѣютъ ли турки свѣдѣній о движеніи нашей арміи. Блестяще исполнивъ это порученіе, онъ былъ отправленъ въ Галацъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о томъ, имѣются ли удобныя суда для пере-

возки войскъ по случаю предположенной экспедиціи въ Исакчи; это порученіе было имъ исполнено также успѣшно. Въ маѣ 1828 г. Липранди участвовалъ при осадѣ и занятіи крѣпости Браилова, а послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай посланъ къ генералу Рудзевичу съ приказаніемъ обложить Исакчи и занять дороги къ Браилову, Бабадагу и Тульчи; 8 іюля онъ участвовалъ въ сраженіи при Шумлѣ и за отличіе пожалованъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1829 г., будучи въ чинѣ подполковника, Липранди имѣлъ секретное порученіе наблюдать за всѣмъ, происходившимъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, и собрать по всей границѣ Молдавіи самыя точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ австрійцевъ. Въ 1830 г. онъ управлялъ Сатуновскимъ карантиномъ, а по случаю появленія холеры въ Новороссійскомъ краѣ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ крѣпостей Кинбурна и Очакова. Въ 1831 г. Липранди состоялъ командиромъ Елецкаго пѣхотнаго полка, съ которымъ принималъ участіе въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ, находясь сначала въ отрядѣ генерала Ридигера для дойствія противъ войскъ Дверницкаго, потѣмъ при блокадѣ крѣпости Замосця, гдѣ за отличіе произведенъ былъ въ полковники; затѣмъ онъ участвовалъ при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій, гдѣ командовалъ 1-ю бригадою 2-й пѣх. дивизіи; когда былъ раненъ генералъ баронъ Гейсмаръ, Липранди принялъ командованіе всею штурмовою колонною и первый взошелъ на укрѣпленіе, за что былъ награжденъ орденомъ Георгія 3-й степени; послѣ покоренія Варшавы онъ вступилъ въ авангардъ генералъ-лейтенанта Сиверса, преслѣдовалъ мятежниковъ, отступившихъ въ Люблинъ, и участвовалъ въ блокадѣ этой крѣпости. Въ 1833 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1839 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ командиромъ гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка; въ 1842 г. Липранди получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ; въ 1844 г. за особенную заботливость объ улучшеніи солдатскаго быта и за составленіе правилъ, относящихся до продовольствія нижнихъ чиновъ гвардіи, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава I-й степени, а въ 1848 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса.

«Русскій Инвалидъ», 1864 г., № 241.—*Богдановичъ*, «Исторія императора Александра I».—*Леверъ*,—«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ».

А. Акимовъ.

Липскій, *Матвѣй*, епископъ Минскій, родился въ 1769 г., умеръ въ 1841 г. Будучи еще членомъ Базиліанскаго ордена, Липскій въ молодыхъ годахъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго архіепископа Могилевскаго Сестренцевича, который приблизилъ его къ себѣ и обратилъ въ католичество. Съ этого времени начинается его постепенное возвышеніе. Сумѣвъ войти въ довѣріе къ митрополиту въ качествѣ его личнаго секретаря, Липскій такъ же ловко сумѣлъ заручиться и расположеніемъ іезуитовъ и за одну услугу, оказанную послѣднимъ, получилъ отъ генерала ордена Бржозовскаго ученую степень доктора богословія. Сестренцевичъ съ своей стороны продолжалъ ему покровительствовать: изъ каноника Могилевскаго онъ переименовалъ его сперва въ прелата, а затѣмъ въ архидіакона Бѣлорусскаго и наконецъ выставилъ его кандидатомъ въ епископы. Тѣмъ временемъ, пока шла по этому поводу переписка съ Ватиканомъ, въ 1820—21 г., Липскій, оставаясь попрежнему первымъ (изъ двухъ) секретаремъ митрополита, назначенъ былъ асессоромъ Могилевской римско-католической коллегіи, а послѣ посвященія въ санъ епископа, въ 1826 г., посланъ былъ съ делегаціей въ Москву для присутствованія на коронаціи императора Николая Павловича. Въ слѣдующемъ 1827 г., уже послѣ смерти Сестренцевича, Липскому поручена была администрація Минской епархіи, еще при жизни епископа Дедерки, каѳедру котораго онъ унаслѣдовалъ въ 1829 г. Съ этого времени Липскій жилъ попеременно то въ Минскѣ, то въ Петербургѣ и во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ столицу освятилъ католическую церковь въ Царскомъ Селѣ.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. XVII, стр. 122, 123.

А. Гельвихъ.

Лисаневичъ, *Василій Михайловичъ*, сотникъ Мглинскій, родился около 1697 г.; въ 1727 г. поступилъ на службу, а въ 1739 г., въ званіи войскового товарища, откомандированъ былъ А. П. Румянце-

вымъ къ гр. Миниху для «переводу латинскаго и польскаго діалектовъ»; въ октябрѣ того же года онъ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ и ѣздилъ по порученію гр. Миниха съ письмомъ къ старостѣ Каневскому гр. Потоцкому, а въ слѣдующемъ 1740 г., 5 марта, универсаломъ генеральной войсковой канцеляріи, «за службу при гр. Минихѣ въ Хотинскомъ походѣ и при переводѣ и сводѣ книгъ Малороссійскихъ правъ», назначенъ былъ сотникомъ Мглинскимъ. 20 октября 1761 г. Лисаневичъ, за старостью, уволенъ былъ отъ сотницкаго уряда и всѣхъ службъ. Умеръ послѣ 1772 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 123, 124.—*А. Лазаревскій*. «Описаніе Старой Малороссіи», Кіевъ. 1888 г., т. I, стр. 148, 326.

А. Г.

Лисаневичъ, *Григорій Ивановичъ*, ген.-лейт., родился 6 января 1756 года. Предки его были родомъ изъ Полоцка. По окончаніи домашняго образованія Лисаневичъ поступилъ (1771 г.) капраломъ въ Елисаветградскій пикинерный полкъ и съ этимъ полкомъ принялъ участіе въ атакѣ Силистріи и разбитіи имъ турокъ на голову у селенія Кучукъ-Кайнарджи. Вскорѣ послѣ окончанія войны онъ былъ произведенъ (1775 г.) въ адъютанты подполковничьяго ранга. Въ 1777—1778 и 1782 г.г. принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи бунтовавшихъ татаръ Крымскаго полуострова. Въ 1787 г. Лисаневичъ перевелся въ Елисаветградскій конно-егерскій полкъ, который вскорѣ послѣ разрыва съ Турціей, зимой 1787 г., вошелъ въ составъ Екатеринославской арміи князя Потемкина; подъ его предводительствомъ Лисаневичъ былъ подъ Очаковымъ, осенью 1789 г. участвовалъ въ пораженіи турокъ при Каушанахъ и находился при паденіи Аккермана. Вскорѣ послѣ окончанія турецкой войны въ 1792 г. возникло броженіе въ Польшѣ. Въ числѣ войскъ, посланныхъ на усмиреніе бунтовщиковъ, находился и Елисаветградскій конно-егерскій полкъ; въ рядахъ его Лисаневичъ дѣятельно участвовалъ въ пораженіи польскихъ конфедератовъ у деревни Дервицъ, при Городищѣ, близъ Владиміра Волынскаго и подъ мѣстечкомъ Дубенкой, гдѣ былъ раненъ пулею въ плечо. Въ 1793 г., находясь въ корпусѣ генералъ-поручика Ферзена, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ этого корпуса съ конфедератами, а также и въ знаменитомъ Маціовицкомъ сраженіи, гдѣ былъ плѣненъ главный вождь поляковъ Костюшко. Назначенный послѣ этого штабъ-офицеромъ къ Ферзену, Лисаневичъ все время состоялъ при немъ до покоренія Варшавы Суворовымъ. Въ 1798 г. Лисаневичъ былъ произведенъ въ подполковники, а въ 1799 г.—въ полковники. Въ теченіе этого времени онъ продолжалъ службу въ Елизаветградскомъ конно-егерскомъ полку, переименованномъ при воцареніи императора Александра I въ 1801 г. въ Елисаветградскій гусарскій полкъ, и въ 1802 г. былъ назначенъ командиромъ одного изъ батальоновъ этого полка. Въ 1805 г. въ первую войну Александра съ Наполеономъ Лисаневичъ участвовалъ въ кровопролитномъ Аустерлицкомъ сраженіи. Находясь въ войскахъ генерала Уварова, разбитаго французами и вынужденнаго отступить, онъ начальствовалъ его арьергардомъ и въ теченіе дня сдерживалъ натискъ французовъ, послѣ того вошелъ въ составъ арьергарда войскъ Багратіона и прикрывалъ его отступленіе до прекращенія военныхъ дѣйствій (22 ноября). Въ октябрѣ 1806 г. русскія войска снова были двинуты за границу на помощь Пруссіи, и Лисаневичу удалось участвовать въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, при р. Пассаргѣ, при Гейльсбергѣ и при Фридландѣ. За участіе въ этихъ сраженіяхъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Чугуевскаго полка, вскорѣ преобразованнаго въ уланскій. За труды по переформированію этого полка Лисаневичъ получилъ личную благодарность отъ цесаревича Константина Павловича, бывшаго тогда генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи. Лисаневичъ принялъ начальство надъ Чугуевскимъ полкомъ во время перемирія, заключеннаго съ турками въ августѣ 1807 г. По окончаніи его въ мартѣ 1809 г. Лисаневичъ, состоя въ передовомъ корпусѣ Платова, вытѣснилъ турокъ изъ окрестностей Браилова и прогналъ ихъ въ крѣпость. Въ августѣ онъ находился при занятіи Бабадага, при обложеніи и взятіи крѣпостей Гирсова и Кистенджи. Въ сентябрѣ участвовалъ въ пораженіи княземъ Багратіономъ сераскира Хозрева Лигметъ-паши у Рассевата близъ Силистріи; въ этомъ сраженіи онъ мужественно атаковалъ турокъ съ фронта, опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ слишкомъ на 20 верстъ. Во

время осады Силистріи Лисаневичъ находился въ арьергардѣ арміи у деревни Калипетріи и отражалъ многочисленныя атаки непріятеля, послѣ чего вмѣстѣ съ войсками князя Багратіона перешелъ на лѣвый берегъ Дуная. Въ 1810 г. подъ начальствомъ генерала Каменскаго I участвовалъ во взятіи крѣпости Базарджикъ, былъ при обложеніи крѣпости Шумлы, подъ Журжею и при обложеніи и паденіи крѣпости Рущука. Въ 1811 г. Лисаневичъ былъ назначенъ командиромъ 2-й кавалерійской бригады 7-й кавалерійской дивизіи. Поступивъ подъ начальство Кутузова, замѣнившаго собой тяжко занемогшаго Каменскаго 2-го, Лисаневичъ двинулся къ Рущуку, гдѣ были сосредоточены наши главныя силы и гдѣ Кутузову предстояла первая встрѣча съ верховнымъ визиремъ, слѣдовавшимъ изъ Разграда. Разбивъ турокъ на-голову, Кутузовъ въ послѣднихъ числахъ іюня отошелъ на лѣвый берегъ Дуная къ Журжѣ, куда вслѣдъ за русскими стали переправляться и турецкія войска. Лисаневичъ участвовалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ съ непріятелемъ, крѣпко засѣвшимъ въ окопахъ и не желавшимъ уступать оспариваемый у него берегъ; послѣ того съ Чугуевскимъ полкомъ онъ былъ посланъ на усиленіе генералъ-лейтенанта Засса, начальствовавшаго войсками въ Малой Валахіи у Виддина, и находился тамъ до зимы, когда турки вступили въ переговоры о мирѣ. Немедленно по заключеніи мира Дунайская армія была послана на Волынь, гдѣ дѣйствовалъ въ то время австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Лисаневичъ вошелъ въ составъ войскъ, ввѣренныхъ Сакену, и участвовалъ съ нимъ въ сраженіи подъ Волковискомъ, въ которомъ командовалъ конницей праваго нашего крыла. При отступленіи Сакена къ Любомлю и Ковелю Лисаневичъ постоянно находился въ арьергардѣ и въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ посланъ съ Чугуевскимъ полкомъ въ Бѣлостокскую область для производства поиска надъ непріятелемъ. Въ 1813 г. Лисаневичъ возвратился къ своему корпусу и вошелъ въ составъ лѣваго крыла главной арміи Милорадовича, предназначенной для посылки въ Силезію. Перейдя границу, Лисаневичъ съ 1-го по 21-е марта находился при обложеніи крѣпости Глогау, по сдачѣ Милорадовичемъ блокады ея прусскимъ войскамъ, двинулся подъ Люценъ, гдѣ во время сраженія, происходившаго 20 апрѣля, находился въ резервѣ у Цейца, не вступая въ дѣло. На другой день, командуя главнымъ арьергардомъ арміи, долженствовавшемъ прикрывать отступленіе нашихъ и прусскихъ войскъ на Дрезденъ и Мейссенъ, участвовалъ въ отступленіи черезъ Фробургъ, а затѣмъ былъ посланъ на подкрѣпленіе графа С.-Пріеста, находившагося у Вальдгейма. Исполнивъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе, Лисаневичъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и лишь съ большимъ трудомъ могъ пробиться къ Дрездену; отсюда въ концѣ апрѣля онъ направился къ Бауцену, находясь почти подъ безпрерывнымъ огнемъ въ первой линіи. 9 мая, командуя отрядомъ, участвовалъ въ главномъ сраженіи подъ Бауценомъ и блистательно отражалъ атаки Удино на крайній лѣвый флангъ Милорадовича, а послѣ сраженія, поступивъ въ арьергардъ, имѣлъ почти ежедневно дѣла съ непріятелемъ до самаго вступленія нашихъ войскъ въ лагерь подъ Швейдницемъ. По окончаніи Пойшвицкаго перемирія Лисаневичъ вошелъ въ составъ главнаго резерва, ввѣреннаго цесаревичу Константину, и былъ посланъ при 2-й гренадерской дивизіи въ городъ Мельникъ для обезпеченія столицы Богеміи Праги отъ покушеній непріятеля и для наблюденія его движеній по дорогамъ, ведущимъ отъ Циттау черезъ Габель и Бемишъ-Лейна во внутрь Богеміи. Возвратясь оттуда послѣ Кульмскаго сраженія, онъ находился въ числѣ войскъ графа Витгенштейна, препятствовавшихъ непріятелю прорваться къ Пирнѣ. Послѣ того Лисаневичъ участвовалъ въ пораженіи непріятеля подъ городомъ Фробургомъ; въ сраженіи при м. Либеръ-Вольковицъ и деревнѣ Вахау блистательно отразилъ атаку французской конницы Мюрата и принудилъ его къ отступленію. 4 октября, въ первый день битвы подъ Лейпцигомъ, сперва находился въ конномъ отрядѣ графа Палена, поддерживавшемъ сообщеніе между корпусами князя Горчакова и принца Евгенія Виртембергскаго, а потомъ былъ отряженъ на помощь австрійскому генералу Кленау, сильно тѣснимому французами. Во время генеральнаго сраженія подъ стѣнами Лейпцига Лисаневичъ съ храбрыми чугуевцами дѣйствовалъ опять на лѣвомъ нашемъ крылѣ, врубился въ непріятельскую конницу и отбилъ у нее

двѣ пушки. Преслѣдуя разбитую наполеоновскую армію до Рейна, Лисаневичъ, въ составѣ авангарда графа Палена, переправился у Форъ-Луи и вступилъ въ предѣлы Франціи, гдѣ принялъ участіе въ сраженіяхъ при Фальцбургѣ и Бріеннѣ; въ январѣ—февралѣ находился въ дѣлахъ при городахъ Мери, Ромильи, Ножанѣ, Морманѣ, Барь-сюрь-Обѣ, Лабрюсселѣ, Труа, при Аренсѣ, подъ Фершампенуазомъ и Парижемъ. Послѣ занятія Парижа Лисаневичъ, командуя Чугуевскимъ, Волынскимъ и Серпуховскимъ полками, вошелъ съ ними во второй отдѣльный корпусъ, порученный графу Орурку, и расположился съ нимъ въ Эньскомъ департаментѣ. При общемъ упраздненіи званія шефовъ нашихъ армейскихъ полковъ Лисаневичъ пересталъ числиться шефомъ Чугуевскаго полка и былъ утвержденъ начальникомъ 3-й уланской дивизіи. Чугуевскій полкъ, дѣятельно и безпрерывно подвизавшійся подъ начальствомъ Лисаневича въ походахъ 1809—1814 гг., за отличіе въ войнѣ противъ Наполеона, былъ награжденъ серебряными трубами съ крестами и лентами ордена св. Георгія. Весной 1815 г. Лисаневичъ былъ въ походѣ за Рейнъ и находился съ полками своей дивизіи на блистательныхъ смотрахъ нашей арміи подъ Вертю. Отличное устройство дивизіи и сохраненіе ея чинами примѣрнаго порядка доставили Лисаневичу благодарность великаго князя Константина Павловича, главнокомандующаго Барклая де-Толли и Высочайшее благоволеніе императора Александра I. По возвращеніи изъ похода Лисаневичъ былъ спѣшно вызванъ къ государю для совѣщанія съ нимъ и графомъ Аракчеевымъ о предполагавшемся тогда опытѣ военныхъ поселеній. Работа по устройству этихъ поселеній сблизила Лисаневича съ Аракчеевымъ и пріобрѣла ему благорасположеніе и довѣріе графа. Нерѣдко собственноручные письменные отвѣты Лисаневича удостаивались представляться въ подлинникѣ къ Всеподданнѣйшему докладу, а впослѣдствіи ему даже разрѣшено было по дѣламъ службы писать прямо къ государю. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, по разстроенному здоровью, Лисаневичъ подалъ въ отставку, былъ уволенъ 24 января 1820 г. и поселился на родинѣ въ м. Братолюбовкѣ. При коронаціи Николая Павловича Лисаневичъ былъ въ Москвѣ и вмѣстѣ съ многими славными сослуживцами по войнѣ 1812—1814 гг. несъ балдахинъ надъ государемъ и государыней. Скончался онъ 13 февраля 1832 г.

А. В. Михайловскій-Данилевскій и *А. В. Висковатовъ*, «Военная галлерея Зимняго Дворца», т. V. Спб. 1848—1859 гг.

И. Артамонова.

Лисаневичъ, *Дмитрій Тихоновичъ*, ген.-лейт., родился въ 1780 г. въ бѣдной дворянской семьѣ Воронежской губ.; кромѣ русской грамоты, его ничему не обучали; на службу онъ поступилъ въ 1793 г. въ Кубанскій корпусъ, и съ тѣхъ поръ безотлучно, въ теченіе 20-ти лѣтъ, находился на Кавказѣ и въ Грузіи, гдѣ получилъ всѣ чины за отличіе въ многочисленныхъ сраженіяхъ (при Ганжу, Алалахѣ, при покореніи Имиретіи и др.). Его имя наводило страхъ на туземныхъ жителей, которые прозвали его «Дели-маіоромъ», т. е. бѣшенымъ маіоромъ. Въ 1807 г. Лисаневичъ былъ произведенъ въ полковники, а черезъ три года въ ген.-маіоры. Въ наступившую Отечественную войну его тянуло изъ дикаго края въ Россію, чтобы принять участіе въ войнѣ, но, несмотря на неоднократныя просьбы о переводѣ его въ армію, ходатайства его оставались безъ удовлетворенія, и лишь при заключеніи Туркманчайскаго мира ему удалось прибыть въ Петербургъ, откуда въ 1815 г. онъ отправился на Рейнъ въ качествѣ начальника 12-й пѣхотной дивизіи и оставался съ нею во Франціи до 1818 г. Пользуясь свободнымъ отъ службы временемъ, Лисаневичъ объѣхалъ, подъ чужимъ именемъ, въ сопровожденіи переводчика, большую часть Франціи и ознакомился съ законами и внутреннимъ управленіемъ ея. По возвращеніи изъ Мобежа въ Россію онъ назначенъ былъ начальникомъ 7-й пѣхотной дивизіи, а въ 1824 г. переведенъ на Кавказъ и произведенъ въ ген.-лейтенанты. Но не долго ему пришлось здѣсь быть: въ слѣдующемъ году, 22 іюля, при усмиреніи бунта, возникшаго между горцами, онъ палъ отъ измѣнической руки чеченца.

«Русскій Инвалидъ» 1833 г., № 56.—Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ Леера.—Военный энциклопедическій лексиконъ.—*Шабановъ*, «Исторія лб.-гв. гренадерскаго Эриванскаго полка», ч. I, стр. 68—88.—*Н. Дубровинъ*, «Закавказье отъ 1803—1806 г.», стр. 419—431.—«Русскій Архивъ», 1888 г., II, стр. 391.—Формуляръ о

службѣ ген.-лейт. Д. Т. Лисаневича (хранится въ Имп. Рус. Историч. Обществѣ).

Степановъ.

Лисенко, *Александръ Александровичъ*, родился въ 1784 г., 4 марта 1801 г. поступилъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ 1803 г. состоялъ юнкеромъ Кавалергардскаго полка, а съ іюня того-же года—корнетомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка. Произведенный 1-го іюня 1805 г. въ поручики, Лисенко въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ походѣ въ Молдавію, Валахію и Бессарабію, былъ при взятіи Бухареста и въ 1807 г.—подъ Журжею и при осадѣ Измаила; въ 1809 г. при взятіи Журжи Лисенко былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу и контуженъ ядромъ въ правый бокъ; это обстоятельство заставило его въ чинѣ штабъ-ротмистра выйти въ отставку, но въ 1812 г. онъ вновь взялся за оружіе и въ качествѣ повѣтоваго начальника ополченія Новозыбковскаго повѣта находился въ Могилевской губерніи. Въ 1813 г. Лисенко состоялъ старшимъ баталіоннымъ командиромъ въ 1-мъ Черниговскомъ пѣшемъ полку, а 20 ноября 1814 г., послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, былъ уволенъ отъ военной службы и вслѣдъ затѣмъ въ теченіе года (1815—1816 г.г.) состоялъ земскимъ комиссаромъ Сосницкаго повѣта. Въ промежутокъ лѣтъ съ 1832-1836 г.г. и съ 1839-1841 г.г. Лисенко занималъ должность полиціймейстера, сперва въ Черниговѣ, потомъ Кременчугѣ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 139, 140. *Гельвихъ.*

Лисенко, *Василій Ивановичъ*, родился въ 1787 г. въ с. Солоновкѣ, умеръ послѣ 1846 г., образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 г. произведенъ былъ въ подпоручики 4-ой артиллерійской бригады, а въ слѣдующемъ 1806 г. переведенъ тѣмъ же чиномъ въ 12-ю артиллерійскую бригаду, въ составѣ которой въ 1807—1809 г. принималъ участіе въ турецкой кампаніи: былъ подъ Галацемъ, при Мачинѣ, Браиловѣ, Базарджикѣ, Варнѣ, Шумлѣ, Рущукѣ и Никополѣ и въ 1808 г. произведенъ былъ въ поручики. Въ 1812 г. за дѣло при деревнѣ Салтановкѣ Лисенко былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а за отличіе въ Бородинскомъ сраженіи — орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1813 и въ 1814 г.г. онъ числился послѣдовательно сперва въ 17-й, а затѣмъ въ 18-й артиллерійскихъ бригадахъ, а въ 1816 г. въ чинѣ штабсъ-капитана вышелъ въ отставку.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 140.

Лисенко, *Иванъ Яковлевичъ*, генеральный есаулъ, ум. около 1699 г. Происхожденіе его неизвѣстно; впервые онъ является въ 1669 г., когда былъ поставленъ черниговскимъ полковникомъ на мѣсто избраннаго въ гетманы Многогрѣшнаго. Этотъ урядъ отъ Лисенка въ томъ же году перешелъ къ брату гетмана, но въ 1671 г. Лисенко снова былъ черниговскимъ полковникомъ, опять меньше года. Въ маѣ 1672 г., послѣ ареста Многогрѣшнаго, Лисенко ѣздилъ въ Москву съ просьбой о назначеніи рады и участвовалъ на радѣ, избравшей гетманомъ Самойловича, отъ котораго тогда же былъ поставленъ генеральнымъ есауломъ. Въ 1674 г. Лисенко былъ наказнымъ гетманомъ и, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, разбилъ Григорія Дорошенка подъ Лысенкой. Будучи генеральнымъ есауломъ и въ 1675 г., Лисенко снова ходилъ за Днѣпръ противъ Дорошенка, войска котораго, при приближеніи московскаго войска и казацкаго отряда, сдали ему нѣсколько городовъ. Въ 1677 году онъ былъ уже переяславскимъ полковникомъ и участвовалъ въ обоихъ Чигиринскихъ походахъ (1677 и 1678 г.г.). Затѣмъ онъ не несъ никакой службы, но, титулуясь «знатнымъ войсковымъ товарищемъ», принималъ участіе въ Крымскихъ походахъ (1687 и 1689 гг.). Въ 1690-же году Лисенко снова былъ поставленъ переяславскимъ полковникомъ на мѣсто смѣщеннаго Мазепой Леонтія Полуботка, но продержался на урядѣ не долго, такъ какъ въ 1691 году полковникомъ здѣсь былъ уже Иванъ Мировичъ, а Лисенко занималъ этотъ урядъ еще разъ въ 1696 году, будучи подъ Азовымъ.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Прав. Сената о дворянствѣ рода Лисенко.—Лѣтопись Величка, т. II, стр. 311.—Лѣтопись Грабянки, стр. 213. — Лѣтопись Самовидца, стр. 277.—*С. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. III, стр. 425, 435, 464, 484, 1109. — *Эйнгорнъ*, «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в.», т. I, М. 1899, стр. 807, 810, 828.—Су-

лимовскій архивъ, Кіевъ. 1884, стр. 22.—«Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ черниговскаго полка», Черниговъ. 1892.- «Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологич. Общества», т. 8, стр. 252, 253, 264.—«Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.», т. I, Спб. 1830, стр. 841, 897.

В. Модзалевскій.

Лисенко, *Іосифъ Львовичъ*, ген.-лейт., родился въ селѣ Козляничахъ 17 мая 1801 г., умеръ тамъ-же въ 1867 г.; на службу опредѣленъ былъ въ 1819 г. изъ Дворянскаго полка прапорщикомъ въ 81-ю понтонную роту; въ 1824 г. произведенъ въ подпоручики, а въ слѣдующемъ 1825 г. поступилъ въ артиллерійское училище; въ 1829 г.—былъ поручикомъ, въ 1832—штабсъ-капитаномъ и въ 1834 г.—капитаномъ 14-й артиллерійской бригады. Годъ спустя, Лисенко назначенъ былъ уже командиромъ резервной № 3 батареи 15-й артиллерійской бригады, а съ 1842 г. командовалъ батарейной № 4 батареей 12 й бригады и въ томъ же году произведенъ былъ въ подполковники, а въ 1847 г.—въ полковники. Въ этомъ чинѣ онъ принялъ участіе въ Венгерскомъ походѣ 1849 г. и за отличіе въ сраженіи при селеніи Золча награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и австрійскимъ орденомъ желѣзной короны 2-й ст. Въ 1851 г. Лисенко, сверхъ того, за ревностную службу получилъ орденъ св. Георгія 4-го кл.; въ 1852 г. онъ назначенъ былъ командиромъ лабораторной № 2 роты, въ 1853 г.—командиромъ резервной бригады 4-й артиллерійской дивизіи, въ 1855 г. одновременно командовалъ и батарейной № 1 батареей той-же дивизіи и въ томъ же году произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Въ слѣдующемъ 1856 г. Лисенко сперва командовалъ 2-й бригадой 15-й пѣхотной резервной дивизіи, а затѣмъ зачисленъ былъ по пѣшей артиллеріи. Въ 1861 г. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и въ этомъ чинѣ вышелъ въ отставку.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 137, 138. *А. Гельвихъ.*

Лисенко, *Михаилъ Іосифовичъ*, родился 20 января 1830 г. въ Петербургѣ, на службу поступилъ 13 сентября 1844 г. фейерверкеромъ 4-го кл. въ артиллерійское училище, 10 сентября 1848 г. переведенъ былъ въ легкую № 2 батарею 10-й артиллерійской бригады, а черезъ годъ—въ батарейную № 4 батарею 6-й бригады и тогда же принялъ участіе въ усмиреніи Венгерскаго мятежа. 12 августа слѣдующаго 1850 г. Лисенко былъ прикомандированъ къ батарейной № 1 батареѣ учебной артиллерійской бригады для выдержанія экзамена въ артиллерійскомъ отдѣлѣ военно-учебнаго комитета и 9 декабря того-же года произведенъ въ прапорщики 12-й артиллерійской бригады; въ 1853 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1854 былъ въ походѣ подъ Силистрію и въ 1855 г. получилъ чинъ поручика. Въ 1859 г. Лисенко находился въ Дагестанѣ, въ 1860 г. прикомандированъ былъ къ Прочно-Окопской крѣпостной артиллеріи и въ 1862 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны, въ каковомъ чинѣ и скончался 12-го ноября 1863 г. въ г. Богодуховѣ, Харьковской губ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ 1912 г., т. III, стр. 142, 143. *А. Г.*

Лисенко, *Ѳедоръ Ивановичъ*, малороссійскій генеральный судья, началъ службу въ походѣ подъ Казикерменомъ (1695—1697 г.г.), въ 1709 г. былъ значнымъ войсковымъ товарищемъ, затѣмъ послѣдовательно занималъ должности: Черниговскаго войскового есаула (до 1723 г.), сотника Березинскаго (до 1728 г.), генеральнаго есаула и наконецъ съ 1741 г. и до смерти былъ генеральнымъ судьею. Лисенко принималъ участіе во многихъ походахъ противъ крымцевъ, поляковъ и турокъ, а въ 1746 г. ѣздилъ въ Петербургъ поздравлять императрицу Елизавету Петровну по случаю брака ея племянника. Скончался онъ 5 января 1751 года.

Панъ и державца Дяговскій, Лисенко владѣлъ обширными маетностями въ Малороссіи и, между прочимъ, получилъ въ Лубенскомъ полку «измѣничьи» земли Григорія Новицкаго.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 128, 129, 201, 393, 671.—*А. Лизаревскій,* «Описаніе Старой Малороссіи», Кіевъ, 1888 г., т. I, стр. 362, 363, 422; т. III, стр. 91, 163, 166, 319, 368. *А. Г.*

Лисенко, *Ѳедоръ Ивановичъ*, подполковникъ, лѣсной ревизоръ Черниговской губерніи, родился 15 февраля 1802 г. въ с. Солоновкѣ, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1821 г. выпущенъ былъ прапорщикомъ въ 5-ю

конно-артиллерійскую роту. Въ 1828 г. Лисенко былъ произведенъ въ подпоручики и въ томъ-же году принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей: при Шумлѣ онъ отличился и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость»; въ 1829 г. находился при Силистріи и въ дѣлѣ при Кулевичѣ, гдѣ былъ контуженъ ядромъ въ правую ногу, а въ 1830 г. ходилъ въ Молдавію и Валахію. Спустя девять лѣтъ, Лисенко вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика, но въ 1843 г. вернулся на службу и сперва былъ назначенъ и. д. подлѣсничаго въ Черниговской губерніи; въ 1845 г. онъ былъ произведенъ въ поручики корпуса лѣсничихъ, а въ слѣдующемъ 1846 г. переименованъ въ лѣсничіе и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Съ 1849 г. Лисенко исполнялъ должность лѣсного ревизора, въ 1852 г. утвержденъ былъ въ этой должности и произведенъ въ капитаны, а черезъ два года, въ чинѣ подполковника, вышелъ въ отставку.

Л. В. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 141, 142.
А. Г.

Лисецкій, *Антонъ Григорьевичъ*, ген.-лейт., сенаторъ, родился 17 января 1790 г. въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ, по происхожденію польскій шляхтичъ, на службу опредѣлился (1803) подпрапорщикомъ въ Азовскій пѣхотный полкъ и послѣдовательно былъ производимъ въ высшіе чины, а въ 1826 г., въ чинѣ подполковника, былъ переведенъ полковымъ командиромъ въ Камчатскій пѣхотный полкъ; въ 1829 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, въ 1837 г. въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, а въ 1841 г. командиромъ 2-й бригады той же дивизіи. Назначенный въ 1846 г. командующимъ 9-й пѣхотной дивизіею, онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ ген.-лейтенанты. Въ 1849 г. Лисецкій былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ въ 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента, а въ 1853 г. перемѣщенъ въ 1-е отдѣленіе того же департамента. Скончался онъ 4 января 1864 г.

Лисецкій участвовалъ въ многочисленныхъ дѣлахъ и походахъ: въ 1805 г. онъ находился при Этингенѣ, Ламбахѣ, Эмсѣ, Кремсѣ, Шенрабинѣ и Аустерлицѣ; въ 1807 г. при Прейсиш-Эйлау и Шпандинѣ, гдѣ дважды былъ раненъ пулею въ ногу и бедро. Въ 1808 г. онъ принялъ участіе въ шведской кампаніи и находился при занятіи Пиксемягъ, въ сраженіяхъ при мостѣ Сисазальмѣ и рѣкѣ Менсдорфѣ; въ 1809 г. находился въ сѣверной Вистерботніи при занятіи кирки Шелефта и въ сраженіи у города Умео и при деревнѣ Сефарѣ. Въ 1813 г. Лисецкій участвовалъ въ блокадѣ Данцига, въ 1815 г. находился въ Царствѣ Польскомъ и въ Пруссіи. Въ 1828 г., въ турецкую кампанію, мы видимъ Лисецкаго при блокадѣ крѣпостей Силистріи, Шумлы и Сизополя и взятіи городовъ Адріанополя, Люмбургаса и Демотики. Наконецъ Лисецкому пришлось принять участіе въ подавленіи польскаго (1831) и венгерскаго (1849) мятежей. Боевыя заслуги Лисецкаго были отличены цѣлымъ рядомъ орденовъ до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно.

Формуляръ о службѣ ген.-лейт. А. Г. Лисецкаго (хранится въ Имп. Рус. Историч. Общ.).—«Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ», т. V, стр. 134.
М. Поповъ.

Лисица, *Елисей Григорьевичъ*, посадскій, одинъ изъ виновниковъ новгородскаго мятежа 1650 г., въ которомъ былъ ограбленъ датскій посланникъ Грабъ. Лисица былъ членомъ временнаго правительства, за что былъ наказанъ батогами и сосланъ.

Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 1528, 1536, 1538, 1539.—Дополненіе къ настольному словарю Толля, стр. 653.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 738.

Лисица, *Иванъ Павловичъ*, полковникъ брацлавскій; въ 1674 г. былъ на радѣ въ Переяславлѣ, гдѣ правобережный гетманъ Ханенко отказался отъ булавы въ пользу Самойловича; Лисица получилъ отъ Самойловича село Пекари въ Прилуцкомъ полку и охочепѣхотное полковничество. Въ 1685 г., будучи «знатнымъ войсковымъ товарищемъ», Лисица ѣздилъ отъ гетмана вмѣстѣ съ подьячимъ Никитой Алексѣевымъ въ Турцію съ жалобой султану на перезывъ людей съ восточной стороны Днѣпра на западную и для переговоровъ съ Константинопольскимъ патріархомъ о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Исполнивъ успѣшно это порученіе, Лисица вернулся въ Малороссію и принималъ участіе въ обоихъ Крымскихъ (1687 и 1689) походахъ, за что и получилъ царскую грамоту

на села Пекари и Рогинцы. Во время перваго Крымскаго похода Лисица вновь посланъ былъ Самойловичемъ въ Турцію. Послѣ паденія Самойловича Лисица служилъ «дворяниномъ» у Мазепы.

Дѣло о дворянствѣ рода Дорошенокъ въ Департ. Герольдіи Правит. Сената.—Архивъ Ю. и З. Р., ч. I. т. 5, стр. 235—236.—*А. Лазаревскій*, «Описаніе старой Малороссіи», т. III, Кіевъ, 1902, стр. 297, 298.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. III. стр. 464, 465, 1000, 1001.

В. Модзалевскій.

Лисицина, *Марія*, писательница и переводчица первой половины XIX в., писала въ стихахъ и въ прозѣ и была одной изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудницъ «Дамскаго журнала», гдѣ въ 1827—1828 г.г. помѣстила рядъ сентиментальныхъ стихотвореній, какъ-то: «Моя отрада» («Дамскій журналъ», 1827 г., ч. 20); «Романсъ» (ibid.), «къ N. N.» (ibid.), «Къ невѣрной» (ibid) и др. Ея-же «Элегія» помѣщена въ «Русскомъ Зрителѣ» за 1829 г., ч. 4. Самостоятельно Лисицына издала сборникъ «Стихи и проза 1826—1829 г.» (Москва, 1829) и сентиментальную повѣсть «Эмилій Лихтенбергъ», выдержавшую два изданія (Москва, 1828 г. и 1835 г.).

Кн. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 149, 150.—Настольный словарь Толля.—«Библіотека для Чтенія», ч. 12, № 22.—*В. Бѣлинскій*, собраніе сочиній, т. I, стр. 419—421.—«Московскій Городской Листокъ», 1847 г., статья *Билевича*: «Русскія писательницы XIX в.».

А. Г.

Лисицынъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, инспекторъ Тобольскаго духовнаго училища, образованіе получилъ въ Тобольской духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1846 г. поступилъ учителемъ въ Тобольское духовное училище, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ. Все свободное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ на дальнѣйшее образованіе самого себя, занимаясь тѣми науками, которыя или не входили въ программу семинарскаго курса, или же преподавались тамъ въ сокращенномъ видѣ. Такъ, онъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ. Ботаника, химія, анатомія, физіологія и астрономія были любимыми предметами его занятій. Особенно основательныя познанія онъ пріобрѣлъ въ ботаникѣ и въ совершенствѣ изучилъ мѣстную флору. Наблюденія свои о здѣшнихъ дико растущихъ растеніяхъ онъ помѣщалъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ «Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» и сообщалъ въ наши научныя общества, изъ которыхъ Русское Географич. Общество прислало ему дипломъ на званіе своего члена-корреспондента. Въ 1867 г. Лисицынъ приготовилъ къ изданію 1-й выпускъ Тобольской флоры («О засушенныхъ растеніяхъ»), но за недостаткомъ денежныхъ средствъ этотъ трудъ не былъ напечатанъ. Скончался Лисицинъ въ Тобольскѣ 4 февраля 1869 г., 42-хъ лѣтъ отъ роду.

«Тобольскія Губернскія Вѣдомости» 1869 г., № 6.

М. Поповъ.

Лисовская, *Александра Ивановна*, дѣятельная сотрудница «Библіографа», съ 1884 г. она составляла различные отдѣлы библіографической лѣтописи и усердно слѣдила за библіографическими новостями по различнымъ газетамъ и журналамъ. Кромѣ того, она еще раньше принимала участіе въ составленіи біографическаго и библіографическаго словаря русскихъ музыкальныхъ дѣятелей, а также и въ описаніи русскихъ періодическихъ изданій XIX в. Послѣднія двѣ работы частью окончены ею, частью же представляютъ довольно большое собраніе матеріаловъ. Умерла 14 іюня 1887 г.

«Библіографъ» 1887 г., № 4—5, стр. 49.

Лисовскій, *Николай Ѳедоровичъ*, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка, членъ тайнаго общества соединенныхъ славянъ, былъ замѣшанъ въ военномъ мятежѣ 14 декабря 1825 г. и, отнесенный по опредѣленію верховнаго уголовнаго суда къ VII-му разряду государственныхъ преступниковъ, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а потомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ отбывалъ наказаніе въ Читѣ и вслѣдствіе смягченія первоначальнаго приговора уже въ 1828 г. поселился въ Туруханскѣ, близъ Енисейска, гдѣ въ январѣ 1856 г. ограбленъ и убитъ былъ разбойниками въ собственномъ домѣ.

«Записки декабриста Розена», Спб., 1907 г., стр. 105, 110, 146, 173, 279.

А. Г.

Лисовскій, *Станиславъ*, писатель, сынъ польскаго солдата, родился въ Варшавѣ въ 1820 г., умеръ тамъ-же въ 1852 г. Сдавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ 1839 г., Лисовскій поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію, но, не чувствуя въ себѣ призванія врача, черезъ два года вернулся въ Варшаву. Здѣсь

въ 1845 г. онъ поступилъ на службу въ главный архивъ и заодно съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей занялся изученіемъ историческихъ документовъ, давшихъ ему матеріалъ для цѣлаго ряда историко-литературныхъ статей, которыя съ 1850 г. Лисовскій помѣщалъ въ журналахъ: «Album literacki» и «Biblijoteka Warszawska». Изъ нихъ важнѣйшія: «Wiadomosć o dwóch uczonych fałszerzach historycznych polskich w XVII i XVIII wieku» и «Wiadomosć historyczna o księgarniach i drukarniach warszawskich od najdawniejszych czasów aż do roku 1793 czerpana z akt dawnych». Владѣя основательно нѣмецкимъ языкомъ, Лисовскій занимался и переводами съ нѣмецкаго на польскій языкъ.

Encyklopedyja Powszechna. Варшава. 1864 г., т. XVII, стр. 137.—*K. Wł. Wojcicki*, «Cmentarz powązkowski», т. II.—«Dziennik Warszawski», 1852 г., статья Ю. Бартошевича.

А. Гельвихъ.

Лисовскій, *Ѳедоръ*, протопопъ, а затѣмъ сотникъ, авантюристъ, родомъ изъ Стародуба. Біографическія свѣдѣнія о Лисовскомъ до періода назначенія его гадяцкимъ протопопомъ довольно скудны, но и то, что имѣется, рисуетъ его только съ отрицательной стороны. Въ послѣдующій періодъ архивы сохранили о немъ столько интересныхъ для характеристики того времени подробностей, что, пользуясь ими, можно ярко освѣтить тѣ исключительныя историческія условія, въ которыхъ находилась Малороссія въ первое время присоединенія къ Россіи. Ѳедоръ Лисовскій не можетъ быть названъ историческимъ лицомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ скорѣе, по мѣткому замѣчанію С. Моравскаго, представлялъ собою одного изъ тѣхъ обыкновенныхъ маленькихъ людей, которые «не дѣлаютъ исторіи, не стоятъ во главѣ крупныхъ историческихъ движеній, а наоборотъ сами цѣликомъ являются продуктомъ жизненныхъ условій, непосредственно отражая ихъ на себѣ».

Такъ сказать, свою «карьеру» Лисовскій началъ на службѣ въ качествѣ челядника въ Черниговѣ у полкового есаула Красовскаго. Въ 1703 г. онъ укралъ у своего господина шкатулку съ деньгами, былъ пойманъ и присужденъ къ висѣлицѣ. Но нѣкоторое время спустя, онъ появляется въ Стародубѣ, гдѣ онъ думаетъ поправить свои дѣла выгодной женитьбой. Получивъ отказъ со стороны богатаго стародубца Степана Улѣзко, онъ увезъ младшую его дочь Пелагею и тайно съ нею обвѣнчался. Но вскорѣ бросилъ свою жену, такъ какъ отецъ послѣдней отобралъ тайно взятое дочерью приданое. Переѣхавъ въ Москву, онъ «будучи межи пѣвчими въ нѣякогось дворянина, окладныхъ иконъ многое число укравши и окладъ сребраній и золоченій на иконахъ ободравши, святыя иконы въ гной зарылъ». Затѣмъ онъ появляется снова въ Малороссіи въ Переяславскомъ полку, гдѣ «крадетъ воловъ и коней у бзовскаго старосты Макаренки», уѣзжаетъ опять на родину, гдѣ снова заводитъ романическую исторію съ дочерью вдовы Василихи, но въ самый рѣшительный моментъ «изъ церкви втюкъ и въ склепъ убѣгъ и въ куфу (бочку) заховался; за якую хитрость сужонъ былъ и долгое время въ темници сидѣлъ». Далѣе Лисовскій появляся то въ Батуринѣ, то въ Бѣлогородѣ, и то здѣсь, то тамъ воровалъ лошадей, деньги и прочее добро. Далѣе, судя по документамъ, въ 1708 г. онъ находился въ Гадячѣ протопопомъ. Какъ онъ получилъ это назначеніе—неизвѣстно. Самъ онъ разсказывалъ, что, очутившись въ южной Малороссіи, онъ законнымъ бракомъ (вторично) сочетался съ Ксеніей Лисеневичевною, а затѣмъ «былъ поставленъ архіереемъ Ясинскимъ въ священство и за вѣрность мою къ царскому величеству, пожалованъ въ Гадячъ протопопомъ». Въ чемъ заключалась «вѣрность» Лисовскаго — неизвѣстно, но въ одной челобитной онъ говоритъ, «за вѣрность въ измѣну Мазепину» и т. д. Однако, ставъ протопопомъ, онъ не измѣнилъ своихъ привычекъ, и, какъ говорили его современники въ своихъ донесеніяхъ: «Бога не боялся, человѣкъ не срамляяся», и «во вся тые времена пьянствомъ, забойствомъ и воровствомъ бавился». И дѣйствительно, спустя полгода послѣ назначенія Лисовскаго протопопомъ, всѣ девять священниковъ Гадяцкой протопопіи писали Кіевскому митрополиту, что «пречестный отецъ Ѳедоръ, скоро наѣхавши въ Гадячъ, какъ волкъ, сталъ разгонять собранное стадо лютостью и злостью, тиранствомъ и грабительствомъ». Въ виду наряженнаго слѣдствія Лисовскій бѣжалъ въ Москву и тамъ «змышленные плутовства своего пункты» подалъ въ Правительствующій Сенатъ и такъ повелъ дѣло, что въ концѣ концовъ пріѣхалъ

снова въ Гадячъ, а слѣдствіе закончилось запрещеніемъ подавать на него, Лисовскаго, жалобы. Тѣмъ не менѣе образъ дѣйствій протопопа Лисовскаго все болѣе и болѣе возстановлялъ противъ себя прихожанъ, которые не переставали слать одну жалобу за другой. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока полковникъ Чернышъ, главный обличитель его, не подалъ челобитной самому Петру Великому, результатомъ которой и былъ переводъ Лисовскаго изъ Гадяча въ Новгородъ-Сѣверскъ на должность сотника. Назначенный непосредственно русскимъ правительствомъ, помимо гетмана и безъ выбора сотнянъ, Лисовскій еще болѣе почувствовалъ себя независимымъ человѣкомъ. Гетманъ-же, удивленный непосредственнымъ назначеніемъ сотника, немедленно вручилъ ему знамя, отстранивъ отъ должности стараго сотника. Въ мартѣ 1715 г. Лисовскій прибылъ на мѣсто своего назначенія, а уже два года спустя горожане подали гетману «пункты немилосердныхъ дѣйствъ Ѳедора Лисовскаго, сотника Новгородскаго, безчеловѣчныхъ мученій и грабительствъ, въ Малой Россіи неслыханныхъ». Отрывки изъ этой жалобы какъ нельзя лучше характеризуютъ и самого Лисовскаго и его время. Насиліе, наглое воровство, граничащее съ разбоемъ,—вотъ собственно главный элементъ всѣхъ жалобъ, подаваемыхъ на «добраго до чужихъ коней и воловъ» Лисовскаго. Однако Новгородъ-Сѣверскій сотникъ не только не прекратилъ грабежа и «нечеловѣческихъ мученій», но гдѣ только возможно старался наложить свою руку на чужое добро. Получивъ, напр., «въ спокойное и зупелное владѣніе» дворъ, принадлежащій церкви, онъ безцеремонно началъ пользоваться и другими церковными доходами, что повело къ новой борьбѣ съ протопопомъ Заруцкимъ. Въ этой борьбѣ Лисовскій, между прочимъ, лишній разъ показалъ, что, назначенный по волѣ государя, онъ не обязанъ и не желаетъ считаться съ указаніями гетмана. Въ концѣ концовъ, недоброжелатели Лисовскаго добились того, что надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Въ приказѣ на имя Пикулицкаго, назначеннаго наказнымъ сотникомъ на время розыска, предписывалось принимать всѣ жалобы, челобитныя и пункты на Лисовскаго отъ новгородскихъ казаковъ и обывателей. Вскорѣ, когда распространился слухъ, будто онъ уже не будетъ сотникомъ, посыпались жалобы, какъ изъ рога изобилія. Содержаніе этихъ челобитныхъ представляетъ собой длинный списокъ проступковъ и преступленій, которые Лисовскій успѣлъ совершить въ теченіе трехъ лѣтъ своего сотничества. Попы и державцы, помѣщики и богатые торговцы, урядники, казаки, ремесленники и мѣщане, женщины и даже дѣти,—всѣ одинаково жаловались на своего сотника, безцеремонность котораго въ притѣсненіи казалась невѣроятной даже въ ту эпоху. Конечно, розыскъ обнаружилъ всѣ злоупотребленія Лисовскаго: здѣсь было и воровство и насиліе, жестокое избіеніе и издѣвательство и пр. и, несмотря на то, что самъ Лисовскій на каждую жалобу писалъ оправданія, онъ хорошо понималъ, что такимъ образомъ ему не обѣлить себя: ужъ слишкомъ сильно было обвиненіе. Тогда онъ усвоилъ себѣ другой планъ защиты: онъ старался дискредитировать главныхъ зачинщиковъ обвиненія и подчеркнуть то обстоятельство, что онъ, дескать, не составляетъ исключенія по своимъ проступкамъ, къ тому же онъ назначенъ по царскому указу за «вѣрность въ Мазепину измѣну». Такимъ образомъ Лисовскій, если и не смогъ совершенно оправдаться отъ возводимыхъ на него обвиненій, все-таки не былъ и признанъ виновнымъ и продолжалъ быть сотникомъ. Однако положеніе его съ этого времени пошатнулось. Уже въ іюнѣ 1719 г. по новымъ жалобамъ гетманъ самъ рѣшилъ начать розыскъ, несмотря на то, что Лисовскій не переставалъ повторять, будто онъ не подсуденъ гетману безъ царскаго указа, и требовалъ себѣ подорожную въ Петербургъ. Тогда гетманъ рѣшился на крайнія мѣры: Лисовскій насильно былъ приведенъ и жестоко избитъ съ обѣщаніемъ дать подорожную на «той свѣтъ». Тѣмъ не менѣе въ началѣ 1721 года онъ очутился въ Петербургѣ и 24 іюля подалъ государю челобитную, въ которой говорилось, что «за вѣрность въ Мазепину измѣну» онъ, Лисовскій, «нестерпимыя обиды и разоренія и крайнее гоненіе безвинно претерпѣваетъ». Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта исторія, если бы случайное обстоятельство не повернуло дѣло совершенно по другому руслу. Въ то время, когда Лисовскій добивался въ Петербургѣ наказанія «своихъ враговъ», первая жена его, Пелагея Степановна,

пробралась въ Москву, гдѣ послѣ жалобы поднялось дѣло о двоеженствѣ Лисовскаго. Синодъ рѣшилъ разлучить его со второй женой, на что, однако, Лисовскій не согласился. Такимъ образомъ онъ былъ обвиненъ въ двоеженствѣ и посаженъ «подъ крѣпкій караулъ» при св. Синодѣ. Отсюда его направили «въ нѣкоторыхъ важныхъ причинахъ» къ слѣдователю въ Преображенскій приказъ, гдѣ вскорѣ Лисовскій и «животъ свой положилъ». Это было въ 1722 г.

Такъ окончилась шумная и безпокойная дѣятельность Лисовскаго. Среди документовъ, относящихся къ его дѣламъ, имѣются два стихотворенія пли «пашквѣля», какъ называлъ ихъ самъ Лисовскій. Одно изъ нихъ большое, въ 40 строкъ, другое въ въ три строки:

«Отче Лѣсовскій, плаче кнутъ московскій
По твоей шкурѣ, наветъ ва бандурѣ,
Возьмешь, набораче, ни попе, ни козаче»,

могущее служить лучшей эпитафіей на могилѣ этого искателя приключеній.

Въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранился обширный матеріалъ, могущій служить лучшимъ источникомъ для характеристики Лисовскаго и того времени.

А. М. Лазаревскій, «Описаніе старой Малороссіи», т. I. стр. 197—206.—«Рус. Архивъ» 1873 г., стр. 355—362.—«Кіевск. Стар.» 1891 г., №№ 9, 10.—*Иконниковъ*, «Рус. Ист. библіогр.», т. I—II, стр. 41, 1661.

Ал. Ельницкій.

Листеніусъ, *Готлибъ*, гофъ-медикъ, учился въ Галле и тамъ напечаталъ докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: «De aneurismate» (Halae, 1725). Онъ состоялъ лейбъ-медикомъ на службѣ при герцогскомъ Эйзенахскомъ дворѣ, откуда въ 1736 г. былъ вызванъ императрицею Анною Іоанновною на русскую службу гофъ-медикомъ, на срокъ четыре года, и уволился отъ службы въ 1839 г.

Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 295.—*Чистовичъ*, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. CCVII—CCVIII.

Листовскій, *Андрей*, родился въ 1802 г., умеръ въ Варшавѣ въ 1860 г. Въ молодости служилъ въ рядахъ русской арміи, а въ 1840 г., выйдя въ отставку съ чиномъ подполковника, поселился въ Варшавѣ и поступилъ здѣсь на службу въ театральную дирекцію. Листовскій извѣстенъ своими легкими музыкальными композиціями для театра и переводами съ французскаго языка на польскій театральныхъ пьесъ. Изъ такихъ переводовъ извѣстны: «Papugi naszej babuni» (Вильна, 1830 г. и Варшава, 1841 г.) и «Szpital wariatów» (Вильна, 1832 г.); имъ-же сочинена была музыка къ комической оперѣ «Filozofomanija» (Варшава, 1845 г.) и переведены и переложены на музыку нѣкоторыя изъ пѣсенъ Беранже; написана музыка къ стихотворенію Сырокомли: «Hetman polny» и въ музыкальномъ журналѣ «Motyl» помѣщено много мелкихъ стихотвореній съ нотами и вполнѣ самостоятельныхъ музыкальныхъ вещицъ. Изъ послѣднихъ «Молитва дѣвы» («Modlitwa młodej dziewczyny») выдержала три изданія.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. XVII, стр. 146.

А. Гельвихъ.

Листовъ, *Григорій*, врачъ, родился въ 1784 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой опредѣлился въ 1809 г. лѣкаремъ въ 28-й егерскій полкъ, въ 1813 г. онъ назначенъ былъ штабъ-лѣкаремъ, 1817 г. старшимъ лѣкаремъ 45-го егерскаго полка, а въ 1820 г. переведенъ ординаторомъ въ Кутаисскій военный госпиталь, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ 1821 году. Ему принадлежатъ два печатныхъ труда: 1) «Нѣчто о лѣченіи водобоязни» («Всеобщій журналъ врачебной науки», 1816 г., III, 346) и 2) «Водобоязнь» («Военно-медицинскій журналъ, 1823 г., т. 1, III).

Змѣевъ, «Рускіе врачи-писатели», вып. I, стр. 177. *А. Г.*

Лисянскій, *Григорій*, к. сов., врачъ, родился въ 1776 г. въ духовной семьѣ, въ 1794 г. поступилъ ученикомъ въ Елисаветградскій военный госпиталь, откуда подлѣкаремъ опредѣлился въ фузилерный полкъ (1796), затѣмъ послѣдовательно служилъ лѣкаремъ въ артиллеріи Галахова полка (1800), 9-й артил. батареѣ (1801), 7-мъ арт. полку (1803), Саратовскомъ мушкетерскомъ полку (1804) и Сигнахскомъ военномъ госпиталѣ (1806); въ томъ же году былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ и перешелъ въ гражданское вѣдомство въ г. Александровъ Кавказской губ. (1808), откуда въ 1810 г. перевелся въ Новгородъ; въ 1816 г. онъ состоялъ

операторомъ Калужской врачебной управы, въ 1821 г. получилъ званіе инспектора врачебной управы Московской медико-хирургической академіи, въ 1831 г. состоялъ инспекторомъ Херсонской врачебной управы, въ 1838 г. старшимъ врачемъ Херсонской больницы приказа Общественнаго Призрѣнія; вышелъ въ отставку Лисянскій въ 1842 г., умеръ 1 іюля 1845 г.

Ему принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: 1) «Наблюденіе о врачеваніи ранъ, огнестрѣльными орудіями произведенныхъ» (1808), 2) «Наблюденіе въ пользованіи больныхъ ипохондріею» (1810), 3) «Наблюденіе надъ привитіемъ оспы нѣсколькимъ младенцамъ» (1810) и 4) «Головная боль отъ паука въ носу» («Военно-медицинскій журналъ», 1830, ч. 16, I).

Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 177.

Лисянскій, *Юрій Ѳедоровичъ*, флота капитанъ I ранга, родился 2 августа 1773 г. въ Нѣжинѣ, умеръ 22 февраля 1837 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и на 13-мъ году отъ роду (20 марта 1786 г.) произведенъ былъ въ гардемарины; въ 1788 г., во время войны съ Швеціей, былъ въ крейсерствѣ у Гельсингфорса и на фрегатѣ «Подражиславъ» участвовалъ въ Гохландскомъ сраженіи. Произведенный въ 1789 г. въ мичманы, онъ находился затѣмъ почти во всѣхъ главныхъ битвахъ со шведами на морѣ до окончанія кампаніи въ 1790 г. Въ 1793 г. Лисянскій былъ произведенъ въ лейтенанты и въ томъ же году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, посланъ въ числѣ 16-ти флотскихъ офицеровъ въ Англію служить волонтеромъ въ британскомъ флотѣ. Пробывъ тамъ 5 лѣтъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько морскихъ кампаній, въ томъ числѣ къ берегамъ Сѣв. Америки, къ мысу Доброй Надежды, въ Ость-Индію, жилъ нѣкоторое время въ Филадельфіи, неоднократно участвовалъ въ сраженіяхъ съ французами и въ 1796 г., при взятіи фрегата «Елизавета», контуженъ былъ въ голову. 27 марта 1798 г., по возвращеніи въ Россію, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ фрегата «Автроилъ», а въ 1803 г., за 18 морскихъ кампаній, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ томъ же году вышелъ его переводъ книги Клерка: «Движеніе фловъ», и тогда же, по порученію Россійско-Американской компаніи, Лисянскій съѣздилъ въ Лондонъ для покупки двухъ шлюповъ, которые и были приведены имъ въ Кронштадтъ; оба шлюпа назначены были въ экспедицію вогругъ свѣта подъ начальствомъ Крузенштерна. Снявшись съ кронштадтскаго рейда, оба шлюпа: «Надежда» подъ командой Крузенштерна и «Нева» подъ командой Лисянскаго—26 ноября 1803 г. перешли экваторъ и 8-го іюля 1804 г., обогнувъ мысъ Горнъ, достигли Сандвичева острова Овайги. Здѣсь Лисянскій отдѣлился отъ Крузенштерна, взявъ самостоятельный курсъ къ сѣверо-западному берегу Америки на островъ Кадьякъ, затѣмъ онъ отправился къ Ситхѣ, гдѣ оказалъ помощь главному начальнику русскихъ Сѣв.-Американскихъ колоній Баранову въ возвращеніи взятаго и разореннаго калошами города Новоархангельска. На обратномъ пути имъ были открыты острова «Лисянскаго» и «Крузенштерна». 21 ноября, прибывъ въ Макао, Лисянскій соединился съ Крузенштерномъ, откуда они вмѣстѣ направились къ мысу Доброй Надежды, и здѣсь снова разстались. Лисянскій перешелъ въ Портсмутъ и оттуда 26 іюня 1806 г. вернулся въ Кронштадтъ. За это путешествіе онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, получилъ пожизненную пенсію въ 3.000 рублей и единовременно отъ Россійско-Американской компаніи 10000 р. Въ 1807 г. Лисянскій, начальствуя надъ отрядомъ въ 9 судовъ, ходилъ въ крейсерство къ Готланду и Борнгольму для наблюденія за англійскими военными судами; въ 1808 г. онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Эмгейтенъ», а 8 января 1809 г., въ чинѣ капитана I ранга, вышелъ въ отставку. Въ 1812 г. Лисянскій опубликовалъ свое «Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806-хъ гг.» (съ подробнымъ атласомъ), а въ 1814 г. напечаталъ его въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ. Его значительная коллекція различныхъ предметовъ тропическихъ и другихъ посѣщенныхъ имъ странъ, одеждъ, оружія и другихъ рѣдкостей послѣ его смерти, по завѣщанію, поступила въ Румянцевскій музей.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. в. кн. Николая Михайловича, т. V, № 250.—*Лееръ*, «Энциклопедія военныхъ и другихъ наукъ».—Военный энциклопедическій лексиконъ. *А. Акимовъ.*

Литке (Litke), Іоганнъ-Филиппъ, магистръ богословія, ум. въ 1771 или 1772 г. Въ 1735 г. былъ приглашенъ въ Петербургъ, по контракту на 6 лѣтъ, конректоромъ академической гимназіи, но уже въ слѣдующемъ году мы его видимъ ректоромъ Peter-Schule въ Петербургѣ; въ 1737 г. Литке перешелъ помощникомъ пастора въ церковь св. Анны; вслѣдствіе раздоровъ между прихожанами онъ былъ устраненъ отъ этой должности юстицъ-коллегіею лифляндскихъ дѣлъ, уѣхалъ въ 1738 г. въ Швецію, затѣмъ черезъ Польшу явился въ Москву и въ 1744 г. единогласно былъ избранъ пасторомъ въ новой нѣмецкой общинѣ. Извѣстно, что онъ держалъ школу, въ которой, между прочимъ, учился нѣмецкому языку Г. А. Потемкинъ. Умеръ Литке отъ чумы, въ Калугѣ, куда выѣхалъ съ семействомъ.

«Матер. для Исторіи Акад. Наукъ», т.т. II, III.—*В. П. Безобразовъ*, «Графъ Ѳ. П. Литке», стр. 6—11. *Н. Чечулинъ.*

Литке, *Петръ Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, членъ коммерцъ-коллегіи, род. въ 1750 г., ум. 8 марта 1808 г. Сынъ предыдущаго, отецъ гр. Ѳ. П. Литке. Въ 1768 г. поступилъ на службу вахмистромъ въ Нарвскій полкъ, участвовалъ въ битвахъ при Ларгѣ, Кагулѣ и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ первой турецкой войнѣ. Въ 1775—1776 г. состоялъ въ свитѣ кн. Н. В. Репнина, когда онъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь. Репнинъ полюбилъ его и взялъ генеральсъ-адъютантомъ; въ 1778 г. Литке сопровождалъ Репнина въ Тешенъ. Въ 1781—1782 г. онъ управлялъ Ветлужскими имѣніями князя; въ 1783 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора и взялъ въ аренду воронежское имѣніе кн. Репнина; здѣсь онъ познакомился и сдружился съ священникомъ Болховитиновымъ, знаменитымъ впослѣдствіи митрополитомъ. Въ 1794 г. Литке былъ опредѣленъ на службу въ Гродно членомъ Верховнаго Литовскаго правленія и переведенъ въ Петербургъ совѣтникомъ таможенныхъ дѣлъ въ казенную палату, принималъ участіе въ выработкѣ новаго таможеннаго тарифа, а въ 1797 г. назначенъ былъ членомъ коммерцъ-коллегіи и инспекторомъ петербургской и кронштадтской таможенъ.

В. П. Безобразовъ, «Гр. Ѳ. П. Литке», стр. 14—37. *Н. Чечулинъ.*

Литке, графъ *Ѳедоръ Петровичъ*, адмиралъ, президентъ Академіи Наукъ, род. 17 сентября 1797 г., ум. 8 августа 1882 г. Сынъ предыдущаго, Ѳ. П. Литке лишился матери въ день своего рожденія; отецъ скоро вступилъ во второй бракъ съ дѣвушкой, которая оказалась для сиротъ настоящею мачехою. Ѳедоръ Литке росъ, можно сказать, безъ всякаго призора и не получилъ сколько-нибудь правильнаго образованія. На шестомъ году онъ отданъ былъ въ пансіонъ Мейера, о которомъ, при всей своей добротѣ и строгости прежде всего къ себѣ, не могъ сказать ничего хорошаго. Когда Ѳедору Литке шелъ одиннадцатый годъ, умеръ и его отецъ; платить въ пансіонъ за него было нечѣмъ, и мальчика взялъ къ себѣ дядя, Ѳ. И. Энгель; въ его домѣ Литке и прожилъ до весны 1813 г. Ѳ. И. Энгель былъ статсъ-секретаремъ и умеръ въ званіи члена Государственнаго Совѣта; Ѳ. П. Литке вспоминаетъ о немъ, какъ о «человѣкѣ ума необыкновеннаго», но ему онъ былъ мало чѣмъ обязанъ. Дядя не чувствовалъ склонности къ семейной жизни, дѣтей не любилъ, и племянникъ росъ у него въ полномъ забросѣ. Мальчикъ отличался большою любознательностью и недюжинными способностями. Онъ съ жадностью читалъ все, что ему попадалось, стремился пріобрѣсти и необходимыя школьныя свѣдѣнія; въ этомъ онъ дѣйствительно и успѣлъ въ значительной степени, какъ это доказывается дальнѣйшими событіями его жизни. Но при крайней своей добросовѣстности, онъ на всю жизнь сохранилъ какую-то особенную недовѣрчивость къ себѣ, къ своимъ знаніямъ даже и тогда, когда былъ осыпанъ знаками вниманія и уваженія ученыхъ круговъ и когда, по справедливости, являлся однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Европы.

Съ лѣта 1811 г. молодой Литке часто посѣщалъ Кронштадтъ, гдѣ жила его сестра, бывшая замужемъ за морскимъ офицеромъ; эти посѣщенія дали ему случай познакомиться нѣсколько съ моремъ и флотскою жизнью и поддерживали его давнишнюю мечту сдѣлаться морякомъ, что́ было еще мыслью его отца, память котораго Литке свято чтилъ. Мужъ сестры Литке поддерживалъ въ немъ это желаніе. Зиму 1812—1813 г. Литке провелъ въ Свеаборгѣ у зятя, нѣсколько подготовился и весною 1813 г. по экзамену, который

самъ Литке называетъ лишь формальностью, былъ 27 апрѣля 1813 г. зачисленъ волонтеромъ во флотъ, съ тѣмъ что послѣ одной кампаніи онъ получитъ чинъ мичмана; 29 мая онъ былъ произведенъ въ гардемарины. Выйдя въ томъ же году на галетѣ «Аглая» въ отрядѣ гребной флотиліи, которая предназначена была содѣйствовать корпусу, осаждавшему Данцигъ, Литке принималъ участіе въ нѣсколькихъ бомбардировкахъ, за что былъ произведенъ въ мичманы и получилъ знакъ отличія Военнаго ордена; въ сентябрѣ 1813 г. флотилія пришла на зимовку въ Кенигсбергъ. Литке вспоминаетъ это время и ближайшіе три года, какъ время веселой, беззаботной жизни, и это вполнѣ понятно послѣ того, чѣмъ было его дѣтство; вскользь вспоминаетъ онъ, что читалъ и учился, но, очевидно, что онъ учился много; его быстро замѣтили ближайшіе начальники и не только оказывали ему лично большое вниманіе, но и аттестовали его, какъ отличнаго офицера. Когда снаряжалась кругосвѣтная экспедиція В. М. Головина въ 1817 г., Литке былъ ему отлично рекомендованъ. В. М. Головинъ, отличавшійся крайне суровымъ характеромъ и большою строгостью и требовательностью по службѣ, взялъ къ себѣ этого молодого офицера, неимѣвшаго никакого спеціальнаго образованія и всего пятый годъ служившаго. Головинъ оцѣнилъ дарованія и энергію молодого офицера; не сблизившись съ нимъ лично, онъ тѣмъ не менѣе интересовался имъ, двигалъ его, сколько могъ, по службѣ и давалъ ему цѣнные совѣты. Самъ Литке говоритъ, что отправился въ плаваніе, не имѣя ни малѣйшаго понятія о службѣ, а воротился «настоящимъ моряком, морякомъ школы Головина». Шлюпъ «Камчатка», на которомъ плавалъ Литке, вернулся въ 1819 г. По просьбѣ Литке онъ въ 1820 г. былъ переведенъ въ Архангельскъ и совершилъ оттуда морской переходъ въ Кронштадтъ. Вскорѣ, по рекомендаціи Головина, молодому Литке поручено было начальство надъ экспедиціею, отправлявшеюся въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Литке совершилъ четыре экспедиціи, въ 1821, 1822, 1823 и 1824 г.г. Результаты ихъ описаны имъ самимъ въ сочиненіи «Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, совершенное по повелѣнію Императора Александра I на военномъ бригѣ «Новая Земля» въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ флота капитанъ-лейтенантомъ Ѳедоромъ Литке. Издано по Высочайшему повелѣнію. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1828». Если уже назначеніе свидѣтельствовало о томъ отличномъ мнѣніи, какое имѣли о Литке знавшіе его, то выполненіе экспедиціи, можно сказать, превзошло всѣ ожиданія. Помимо того, что Литке имѣлъ не разъ случай проявить въ экспедиціи качества отличнаго командира и моряка, онъ явился въ полномъ смыслѣ слова выдающимся ученымъ. Четырехлѣтнее путешествіе Литке было первымъ научнымъ изслѣдованіемъ всего пройденнаго имъ пространства, вся карта Бѣлаго моря впервые точно опредѣлилась лишь его наблюденіями; путешествіе Литке внесло новый свѣтъ въ географическія представленія о всемъ крайнемъ сѣверѣ Европы и до сихъ поръ остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій сѣверныхъ морей. Научные результаты путешествія разработаны у Литке превосходно и изложены удивительно талантливо и изящно. Въ европейской наукѣ сочиненіе это немедленно привлекло къ себѣ вниманіе; оно было переведено на нѣмецкій языкъ (во II томѣ Kabinets-Bibliothek der neuesten Reisen... Berlin, 1835) и послужило поводомъ для многихъ ученыхъ вступить въ переписку съ молодымъ, до того времени совершенно неизвѣстнымъ офицеромъ. Строже всѣхъ относился къ своему путешествію и описанію его самъ Литке, и В. М. Головинъ, въ числѣ другихъ, старался его успокоить и ободрить.

14 августа 1826 г. Литке отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе начальникомъ экспедиціи, въ составъ которой входили два шлюпа — «Моллеръ», подъ командою капитанъ-лейтенанта Станюковича, и «Сенявинъ», подъ командою самого Литке. Экспедиція продолжалась ровно три года. По возвращеніи—4 сентября 1829 г. Литке былъ, въ видѣ особаго отличія, произведенъ черезъ чинъ въ капитаны 1-го ранга. Описаніе этого путешествія издано было въ 1834—1836 г. на русскомъ и французскомъ языкахъ: «Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Императора Николая I на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826, 1827, 1828 и 1829 г.г. флота капитаномъ Ѳедоромъ Литке». Это есть главнѣйшій трудъ Литке, трудъ весьма замѣчательный. Чрезвычайно богаты были географическіе ре-

зультаты путешествія; по отзывамъ спеціалистовъ, экспедиція Литке принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ успѣшныхъ въ исторіи путешествій. Въ Беринговомъ морѣ опредѣлены были астрономически важнѣйшіе пункты берега Камчатки къ сѣверу отъ Авачинской губы; измѣрены высоты многихъ сопокъ; подробно описаны вовсе неизвѣстные ранѣе острова Карачинскіе, островъ св. Матвѣя, островъ Прибылова и др.; въ Каролинскомъ архипелагѣ открыто вновь 12 острововъ и подробно описаны 26, такъ что съ тѣхъ поръ архипелагъ этотъ, ранѣе почти необслѣдованный и почитавшійся весьма опаснымъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе спокойныхъ для мореплавателей морей; отысканы и описаны острова Бонинъ-Сима, положеніе которыхъ прежде было извѣстно весьма неточно. Всѣ опредѣленія были сдѣланы Литке съ точностью и вѣрностью изумительными, особенно если принять во вниманіе употребленное на то время и несовершенство многихъ инструментовъ; еще въ концѣ 70-хъ годовъ XIX в. при спорахъ, возникшихъ у Германіи съ Испаніей по поводу Каролинскихъ острововъ, основаніемъ для рѣшеній служили именно описанія Литке. Обширныя познанія Литке въ области естественныхъ наукъ вообще выразились въ томъ, что онъ превосходно произвелъ множество наблюденій, которыя не имѣли непремѣнной связи съ его путешествіемъ, но были весьма важны для разрѣшенія нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ. Особенно замѣчательны наблюденія его надъ постояннымъ магнитомъ,—такими опытами опредѣляется сжатіе земного шара, элементъ, точное знаніе котораго весьма важно для разныхъ геодезическихъ работъ и для точнѣйшаго изслѣдованія нѣкоторыхъ сложныхъ движеній въ солнечной системѣ; опыты и наблюденія Литке принадлежатъ къ числу лучшихъ въ своей области. Сочиненіе Литке было увѣнчано отъ Академіи Наукъ полною Демидовскою преміей, и авторъ избранъ въ члены корреспонденты Академіи; онъ сблизился со многими академиками—Беромъ, Купферомъ, Остроградскимъ; въ 1829—1830 г. Литке познакомился съ Гумбольдтомъ во время пребыванія его въ Петербургѣ и пользовался вниманіемъ великаго ученаго; теперь все болѣе и болѣе мечталъ Литке о спеціальной ученой дѣятельности, къ которой всегда особенно лежало его сердце. Но талантливаго моряка имѣло постоянно въ виду высшее морское начальство и разными порученіями отвлекало его отъ научныхъ работъ. Весною и лѣтомъ 1830 г. Литке, въ качествѣ начальника, совершилъ плаваніе съ старшимъ классомъ гардемариновъ, къ берегамъ Исландіи, оттуда въ Брестъ и обратно въ Кронштадтъ; самъ Литке былъ очень недоволенъ тѣми порядками, какіе были на всѣхъ трехъ судахъ его отряда и которыхъ онъ не могъ исправить въ короткое сравнительно время; но, повидимому, государь и морское начальство цѣнили снисходительнѣе; въ 1831 г. Литке былъ откомандированъ въ Данцигъ, въ распоряженіе Паскевича и во время этой командировки завязалъ дружескія отношенія съ тогдашнимъ нашимъ консуломъ въ Данцигѣ, Тенгоборскимъ, извѣстнымъ экономистомъ; 1 февраля 1832 г. Литке былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а 3 ноября того же года назначенъ состоять при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

Этотъ пунктъ времени—поворотный въ жизни и дѣятельности Литке; теперь онъ не могъ уже отдаваться исключительно ученой дѣятельности, ученымъ интересамъ; силою вещей онъ привлекался на поприще государственной дѣятельности. Литке не чувствовалъ къ ней призванія и никогда ея не искалъ, но, поставленный на эту дорогу волею государя, онъ отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ съ присущею ему крайнею добросовѣстностью. Сперва въ должности воспитателя, затѣмъ съ 26 іюня 1847 г. въ должности попечителя, Литке былъ почти неразлученъ съ своимъ воспитанникомъ и успѣлъ заслужить его глубокое уваженіе и особенное довѣріе.

Въ смыслѣ служебномъ Литке за это время шелъ весьма быстро: въ 1835 г. онъ произведенъ былъ въ конръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, въ 1842 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, въ 1843 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1846 г. назначенъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета; съ 1838 г. по 1847 г. онъ получилъ сверхъ того ордена св. Станислава I ст., св. Анны 1 ст., Бѣлаго Орла и св. Владиміра 2 ст. Въ 1850 г., сохраняя званіе попечителя великаго князя, Литке назначенъ былъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта и ревельскимъ военнымъ губерна-

торомъ; 4 ноября 1853 г. былъ назначенъ кронштадтскимъ военнымъ губернаторомъ и главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта. Это было весьма важное и трудное для Литке порученіе; настояла необходимость принять быстро военныя мѣры по укрѣпленію Кронштадта и защитѣ побережья. Дѣятельность такого рода была совершенно чужда Литке, но, благодаря своимъ высокимъ дарованіямъ и необыкновенному трудолюбію, онъ оказался вполнѣ на высотѣ своего положенія посреди чрезвычайно трудныхъ обстоятельствъ того времени; помимо исправленія своихъ непосредственныхъ обязанностей, онъ былъ призываемъ постоянно къ совѣщаніямъ объ охранѣ балтійскаго побережья и о балтійскомъ флотѣ и принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе. Вообще в. кн. Константинъ Николаевичъ, высоко цѣнившій своего воспитателя, обращался къ Литке по всѣмъ важнымъ вопросамъ, касавшимся морского дѣла, и въ бумагахъ Литке сохранилось множество записокъ его, представленныхъ великому князю. 25 октября 1855 г. Литке былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь, стремясь, согласно основнымъ свойствамъ своего характера, быть по возможности въ тѣни, Литке, тѣмъ не менѣе, съ величайшею добросовѣстностью изучалъ всѣ проходившія черезъ его руки дѣла, подготовлялся къ ихъ обсужденію, спрашивалъ совѣта у спеціалистовъ, чтобы совершенно сознательно подать свой голосъ. Между прочимъ, онъ въ возрастѣ 60 лѣтъ съ лишкомъ принялся за изученіе юридическихъ наукъ, пользуясь совѣтами Н. Х. Бунге, впослѣдствіи министра финансовъ и предсѣдателя комитета министровъ.

Со времени приближенія своего ко двору Литке не забылъ тѣхъ истинно научныхъ интересовъ, которые составляли для него прежде главное содержаніе и интересъ жизни, но теперь ему привелось участвовать въ научной работѣ не непосредственно изслѣдованіями. Уже по назначеніи воспитателемъ, въ 1833 г. Литке издалъ свои «Опыты надъ постояннымъ маятникомъ, произведенные въ путешествіи вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ Сенявинъ»; дальнѣйшую обработку собранныхъ матеріаловъ онъ долженъ былъ передать уже другимъ лицамъ—акад. Э. Ленцу и проф. Гельштрему; первый напечаталъ «О наклонности и напряженіи магнитной стрѣлки по наблюденіямъ Литке», второй—«О барометрическихъ и симпіезометрическихъ наблюденіяхъ Литке и о теплотѣ въ тропическихъ климатахъ»; самъ Литке напечаталъ еще: «О приливахъ и отливахъ въ Сѣверномъ Арктическомъ океанѣ» («Записки Акад. Наукъ». 1843), «Докладъ в. кн. Константину Николаевичу объ экспедиціи въ Азовское море» (въ «Запискахъ Импер. Русс. Геогр. общ.», 1862) и разборы сочиненій: Тихменева, «Историческое обозрѣніе россійско-американской кампаніи» (въ «Тридцатомъ присужденіи Демидовскихъ премій») и Сидорова «Туруханскій край» («Труды Вольнаго эконом. общ.» 1863). Впрочемъ, и теперь Литке принималъ не менѣе, если не болѣе, живое участіе въ ученой жизни, но только какъ организаторъ и руководитель ученыхъ учрежденій.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ дѣлъ Литке занимаетъ основаніе Русскаго Географическаго Общества, совершившееся въ 1845 г. главнѣйшимъ образомъ при содѣйстіи именно Литке. Онъ давно уже былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнѣйшими дѣятелями географической науки въ Россіи—акад. Беромъ, Миддендорфомъ, Струве, Гельмерсеномъ, Кеппеномъ, съ бар. Ф. Врангелемъ, своимъ бывшимъ товарищемъ по плаванію къ «Камчаткѣ»; привлечены были къ участію, кромѣ этихъ лицъ, Даль, Надеждинъ, К. И. Арсеньевъ, М. Н. Муравьевъ, братья Д. А. и К. А. Милютины—и въ 1845 г. основано Русское Географическое Общество, уставъ и организація котораго были выработаны главнымъ образомъ Литке; онъ исходатайствовалъ обществу субсидію въ 10.000 р. ежегодно; званіе президента приняли на себя в. кн. Константинъ Николаевичъ, а вице-президентомъ, въ сущности душою и руководителемъ общества—сталъ Ѳ. П. Литке; эту обязанность Литке исполнялъ съ 1845 г. по 1873 г. за исключеніемъ лишь 1850—1856 гг., когда по службѣ находился внѣ Петербурга. 23 февраля 1864 г. Ѳ. П. Литке былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ и на этомъ высокомъ ученомъ посту трудился неустанно, живо интересуясь успѣхами всѣхъ отраслей наукъ и всѣми силами стремясь къ развитію ихъ и интереса къ нимъ въ обществѣ. Особенно много сдѣлалъ Литке для устройства Пулковской обсерваторіи. 28 октября 1866 г. Литке Высочайшимъ

указомъ возведенъ былъ съ нисходящимъ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство «въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія и въ изъявленіе признательности за долговременное, усердное и полезное служеніе, стяжавшее ему и въ ученомъ мірѣ европейскую извѣстность, а равно и за неизмѣнную преданность, доказанную имъ при исполненіи особыхъ важныхъ обязанностей, Высочайшимъ довѣріемъ ему поручаемыхъ».

Должность президента Академіи Наукъ Литке оставилъ лишь 25 апрѣля 1882 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины; здоровье его было совершенно уже разстроено, и онъ совершенно ослѣпъ.

Литке оставилъ послѣ себя весьма обширный архивъ. Значительную часть его составляютъ записки, веденныя имъ во время его двухъ знаменитыхъ экспедицій; рядомъ съ обработанными самимъ Литке описаніями этихъ путешествій, рукописные матеріалы для нихъ не имѣютъ большого значенія; не мало любопытнаго содержитъ офиціальная и дѣловая его переписка. Драгоцѣннымъ матеріаломъ явятся со временемъ его записки, которыя онъ велъ изо дня въ день со времени поступленія ко Двору, до 1868 г.; они обнимаютъ 11 томовъ и сыновьями гр. Ѳ. П. Литке повергнуты послѣ его кончины въ распоряженіе Государя Императора. Въ 1868 г. гр. Ѳ. П. Литке закончилъ свою автобіографію, доведенную имъ до назначенія ко Двору. Это въ вышей степени любопытное произведеніе издано въ книгѣ Безобразова, посвященной жизнеописанію Литке. Эта автобіографія—произведеніе весьма любопытное, отлично рисующее нравственный обликъ Литке. Она заканчивается такими словами: «Я не имѣлъ намѣренія писать полной моей біографіи. Цѣль этой записки—передать моимъ дѣтямъ свѣдѣнія, какія есть, о прошедшемъ нашего семейства, и представить очеркъ первой половины моей жизни, изъ котораго они могутъ увидѣть, какъ круглый сирота, въ первые годы своей юности почти заброшенный, безъ всякой протекціи, можетъ, съ помощью Божіей, собственными трудами пробить себѣ дорогу въ жизни и оставить своимъ потомкамъ доброе, незапятнанное имя».

Жизнь Литке, дѣйствительно, помимо того интереса, какой представляетъ она для исторіи географической науки, можетъ служить образцомъ, чего можно достигнуть неустаннымъ трудомъ, одушевляемымъ истинною любовью къ знанію и наукѣ.

В. П. Безобразовъ, «Графъ Ѳ. П. Литке» (II приложеніе къ LVII тому записокъ Академіи Наукъ; тутъ общій очеркъ дѣятельности Литке I—LXIV, автобіографія его—стр. 5—134, рѣчи о дѣятельности его, произнесенныя въ память его О. В. Струве и Ѳ. Ѳ. Веселаго, 139—157 и нѣкоторыя извлеченія изъ бумагъ Литке).—«Исторія Императ. Русс. Географ. Общества», Спб.—«Военно-энцикл. лексиконъ».—«Справоч. энциклоп. словарь Края, VII.—Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, 34 полут. — Некрологи — во всѣхъ главнѣйшихъ газетахъ, августъ 1882 г.—*Мюнстеръ*, «Портрет. галлерея»—*Д. Д. Языковъ*. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей». вып. II, стр. 30.

Н. Чечулинъ.

Литовченко, *Александръ Дмитріевичъ*, родился въ Кременчугѣ, въ 1835 г., въ бѣдной мѣщанской семьѣ. «По собственнымъ разсказамъ А. Д., неохотно, впрочемъ, обращавшагося къ своему раннему дѣтству, онъ почувствовалъ влеченіе къ живописи очень рано и, несмотря на неблагопріятныя условія жизни въ глухомъ провинціальномъ городкѣ, скоро пріобрѣлъ навыкъ въ рисованьи и постоянно возился съ красками. Прибывъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ Академію Художествъ, едва выдержавъ экзаменъ изъ наукъ». Въ Академіи его занятія пошли весьма успѣшно: въ 1855, 1857 и 1858 гг. онъ получилъ 2 малыя и 2 большія серебряныя медали за рисунокъ и этюдъ, а въ 1861 г. за картину «Харонъ перевозитъ души умершихъ» малую золотую медаль. Жизнь же не улыбалась художнику — для снисканія средствъ къ жизни онъ долженъ былъ даже служить ретушеромъ въ одной фотографіи. Знаменитое 9 ноября 1863 г. застало Литовченко еще въ Академіи; онъ присоединился къ 12 конкурентамъ, отказавшимся отъ данной академическимъ совѣтомъ программы на первую золотую медаль, и, вмѣстѣ съ остальными, покинулъ Академію, получивъ отъ нея дипломъ класснаго художника второй степени, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему свидѣтельствомъ, что художникъ имѣетъ превосходныя способности и «можетъ писать образа». По выходѣ изъ Академіи Литовченко примкнулъ къ «Петербургской художественной артели», а по распаденіи ея вошелъ въ «Товарищество передвижныхъ выставокъ», имѣвшихъ

столь серьезное вліяніе на ходъ русскаго искусства, на которыхъ онъ и выставлялъ съ 1878 г. свои произведенія. Въ 1868 г. за картину «Сокольничій» онъ получилъ званіе академика; послѣ этого Литовченко рѣшилъ добиваться профессорства; Академія предоставила ему мастерскую, и художникъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ работалъ надъ картиной «Царь Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища Англійскому послу Горсею»; однако представленная въ 1874 г. въ совѣтъ для полученія званія профессора картина была найдена неудовлетворительной въ историческомъ и, въ особенности, археологическомъ отношеніяхъ. Художникъ былъ не согласенъ съ опредѣленіемъ совѣта и просилъ болѣе опредѣленныхъ указаній и объясненій, но получилъ отвѣтъ, что совѣтъ не находитъ нужнымъ входить съ нимъ по поводу этого въ переписку. Съ этого времени художникъ совершенно отошелъ отъ Академіи и до самой смерти относился къ ней очень желчно и рѣзко. Скончался Литовченко 16 іюня 1890 г.

«Литовченко не внесъ въ русскую школу живописи ничего новаго ни въ смыслѣ направленія, ни въ смыслѣ художественныхъ пріемовъ. Рисунокъ его былъ правиленъ и даже нѣсколько академиченъ, колоритъ пріятенъ, манера, что называется, сочная, композиція суха и неразнообразна. Но, не оставивъ въ русской живописи крупнаго слѣда послѣ себя, Литовченко, тѣмъ не менѣе, не будетъ забытъ, благодаря именно той роли, которую онъ игралъ при основаніи товарищества передвижныхъ выставокъ. За послѣдніе тридцать лѣтъ это основаніе товарищества является самымъ выдающимся событіемъ исторіи живописи въ Россіи. Товарищество несомнѣнно оживило русскую школу, открыло новые пути и, не придавая товариществу того исключительнаго значенія, которое ему придастъ г. Стасовъ, можно однако же сказать, что товарищество было полезнымъ учрежденіемъ не только для своихъ членовъ, но и вообще для русской живописи. Литовченко служилъ этому дѣлу искренно и горячо; хотя изъ его протеста, въ смыслѣ личной художественной дѣятельности, не вышло ничего, — онъ былъ, какъ основатель (sic) товарищества, однимъ изъ главныхъ піонеровъ русскаго искусства» («Всемірн. Иллюст.» 1890 г.).

Какъ человѣкъ, Литовченко гораздо интереснѣе; П. Полевой въ своихъ воспоминаніяхъ о художникѣ такъ характеризуетъ его: «Онъ представлялся мнѣ простымъ, наивнымъ русскимъ человѣкомъ, нѣсколько способнымъ къ похвальбѣ и преувеличенью (какъ и всѣ истинно-русскіе люди), но чрезвычайно добродушнымъ и симпатичнымъ. Особенно пріятно поражала меня въ Литовченкѣ его любознательность, его желаніе узнать, какъ можно больше объ излюбленной русской старинѣ, его жадность въ собираніи и накопленіи о ней свѣдѣній и всякаго рода матеріаловъ. Чуть бывало увидитъ новыя фотографіи, новыя книги по археологіи, сейчасъ ухватится за нихъ, попроситъ дать ему на время — и все выспрашиваетъ меня, и извлекаетъ изъ-подъ спуда неизвѣстное ему и страстно-любимое».

Извѣстны слѣдующія его произведенія: «Олимпійскія игры» (Академическая выст. 1860 г.), «Царь Петръ и царевичъ Іоаннъ, показываемые ихъ матерью стрѣльцамъ» (Акад. выст. 1862 г.), «Тамара», за эту картину была объявлена художнику благодарность академическаго совѣта (Акад. выст. 1863 г.). Въ 1862—3 гг. Литовченко также написалъ «Лобзаніе Іуды» и «Богъ укрощаетъ возмущеніе израильтянъ противъ Моисея», доставившіе ему третью и вторую денежныя преміи, «Сокольничій» (съ этой картины имѣется офортъ художника; Акад. выст. 1868 г.), портреты г. Зеленова и г-жи N (Акад. выст. 1869 г.), портр. М. В. Дурново (Акад. выст. 1874 г.), «Царь Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища Англійскому послу Горсею» (акварельный эскизъ къ этой картинѣ въ собр. С. С. Боткина; Акад. выст. 1875 г.; нынѣ въ музеѣ Императора Александра III); портреты С. С. Андреевскаго и В. В. Вельяминова-Зернова (на Акад. выст. 1878 г.), «Офелія» и портр. Н. Н. Соковнина (VI Передв. выст. 1878 г.), портретъ г. Малакенъ, «Ставка проиграна» и портретъ NN (VIII Передв. выст. 1880 г.), портр. Марульки Трахтенбергъ (IX Передвижн. выст. 1881 г.), «Боярыня Морозова» (XIII Передвижн. выст. 1885 г.), «Царь Алексѣй Михайловичъ и Никонъ, архіепископ. Новгородск. у гроба чудотворца Филиппа, митр. Москов.» (XIV Передв. выст. 1886; нынѣ въ Третьяк. гал.), «Боярыня» (XVIII Передв. выст.

1890 г.), «Сокольничьи царя Алексѣя Михаиловича», 136 этюдовъ, эскизовъ и набросковъ (посмертная выставка художника, устроенная при XX Передв. выст. 1892 г.), рисунки каранд. «Дамскій портретъ» и «Голова рыцаря» (вмѣстѣ съ «Сокольничьимъ» на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1867 г.), два портрета (вмѣстѣ съ «Грознымъ» на Всем. выст. въ Парижѣ 1878 г.), «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду» (вмѣстѣ съ «Сокольничьимъ» и «Грознымъ» на Всеросс. выст. въ Москвѣ 1882 г.), образа въ храмѣ Св. Николая на военномъ кладбищѣ въ Севастополѣ, 7 религіозныхъ картинъ въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, рисунки — «Рождество Христово», «Два этюда на одномъ листѣ» и «Поѣздка патріарха зимой» и масло - портретъ В. Г. Швартцъ (всѣ въ Третьяковской гал.) и громадная коллекція его произведеній въ превосходномъ собраніи Е. Г. Шварцта.

Ѳ. И. Булгаковъ, «Наши художники на академическихъ выставкахъ». СПб. 1890.—*Гнѣдичъ*, «Исторія искусствъ», ч. III.—*Н. Собко*, «Иллюстрир. каталогъ художеств. отдѣла Всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 г.».—*Его-же*, «Иллюстрир. каталоги Передв. выставокъ.—*Бар. Н. Н. Врангель*, «Музей Импер. Александра III», ч. I.—«Истор. Вѣстникъ» 1890 г., XII, стр. 755–762.—«Артистъ», 1891 г., февр., № 13, стр. 202.—«Новое Время», 1890, №№ 5018, 5026, 5136; 1885 г., №№ 3223, 3225; 1886 г., № 3569.—«Новости», 1890, № 165.—«Петерб. Газ.», 1885 г., №№ 40, 45; 1886 г., №№ 61, 64; 1890 г., №№ 44, 164.—«Петер. Лист.», 1878 г., № 51; 1889 г., № 57; 1890 г., № 165.—«Всемір. Иллюстр.», 1880 г., № 588; 1890 г., ч. II, стр. 58.—«Русскій Міръ», 1878 г., № 83.—«Новости», 1878 г., № 81; 1886 г., №№ 61, 63.—«Русск. Вѣдом.», 1878 г., № 128; 1885 г., № 513; 1886 г., № 167; 1889 г., № 109.—«С.-Пет. Вѣдом.», 1880 г., № 75; 1885 г., № 46.—«Моск. Вѣдом.», 1880 г., № 119.—«Худож. Журналъ», 1885 г., II—IV, стр. 126—127, 186—195, 248—262.—«Худож. Нов.» 1885 г., №№ 5 и 6; 1886 г., № 7; 1889 г., № 6, стр. 145—152.—«Русск. Мысль» 1885 г., V, стр. 104—126; 1886 г., № 4, стр. 163—180; 1889 г., V, 188—195.—«Сѣвер. Вѣстн.», 1886 г., III, стр. 218.—«Русск. Курьеръ», 1886 г., № 107; 1889 г., № 107.—«Сынъ Отечест.» 1889 г., №№ 54 и 61. *Эрнстъ.*

Литта, *графиня Екатерина Васильевна*, рожденная Энгельгардтъ, родилась въ 1761 г., 15-ти лѣтъ привезена была въ Петербургъ къ дядѣ, кн. Г. А. Потемкину, и въ томъ же 1776 г. назначена фрейлиной императрицы Екатерины II. Безъ образованія, не выдѣляясь и умственными способностями, она всѣхъ плѣняла красотой, несмотря на свой крайне флегматическій характеръ. Поэтъ Державинъ называлъ ее «магнитомъ очей», «зарей безъ тучъ» и воспѣвалъ подъ именемъ «Пирры»; родной дядя, кн. Потемкинъ до конца дней своихъ питалъ къ ней неизмѣнное расположеніе. Отличала Екатерину Васильевну и императрица, взявшая ее въ 1780 г. съ собою въ путешествіе по Бѣлоруссіи. Вернувшись изъ этой поѣздки, въ 1781 г. Екатерина Васильевна, съ согласія дяди, вышла замужъ за графа Скавронскаго, но когда послѣдній въ 1784 г. назначенъ былъ министромъ въ Неаполь, Потемкинъ не пожелалъ разстаться съ своимъ «ангеломъ во плоти», какъ называлъ онъ племянницу, и молодая графиня осталась въ Петербургѣ. 17 августа 1786 г., находясь въ гостяхъ у дяди, она шутя приколола себѣ портретъ Екатерины, сказавъ: «Катя, пойди благодарить императрицу—ты статсъ-дама»! Потемкинъ настоялъ на томъ, чтобы она дѣйствительно отправилась во дворецъ, и написалъ объ всемъ императрицѣ, прося утвердить племянницу въ званіи статсъ-дамы. Екатерина исполнила просьбу своего фаворита. Вскорѣ затѣмъ кн. Потемкинъ уѣхалъ на югъ Россіи, а Екатерина Васильевна отправилась къ мужу въ Италію и здѣсь въ 1793 г. овдовѣла. Спустя пять лѣтъ, она вторично вышла замужъ за графа Ю. П. Литту. Императоръ Павелъ, еще въ годъ своего вступленія на престолъ, назначилъ ее кавалерственной дамой, въ 1798 г. пожаловалъ ей орденъ Іоанна Іерусалимскаго, а въ царствованіе императора Александра I гр. Литта удостоена была ордена св. Екатерины I-й степени (въ 1809 г.) и возведена въ званіе гофмейстерины Высочайшаго Двора (1 января 1824 г.). Скончалась графиня Литта 7 февраля 1829 г.

«Русскіе портреты XVIII—XIX в.», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. I, № 30.—«Рус. Старина», 1870 г., XI, стр. 477.—«Рус. Архивъ» 1890, III стр. 182.—*Долгорукій*, «Капище моего сердца», стр. 271, 272.

Ал. Гельвихъ.

Литта, *графъ Юлій Помпеевичъ*, видный дѣятель католицизма въ Россіи, родился 12 апрѣля (нов. стиля) 1763 г. въ Миланѣ и былъ младшимъ сыномъ Помпея Литты, генеральнаго комиссара австрійскихъ войскъ. Родители Литты по-

мѣстили сына, 9-ти лѣтняго мальчика, въ римскую коллегію св. Климента, которую онъ блестяще окончилъ, выказавъ особенныя способности въ гуманитарныхъ наукахъ, въ риторикѣ и философіи. Записанный въ 1780 г. въ рыцари Мальтійскаго ордена, Литта въ 1782 г. отправился на Мальту и участвовалъ, по статуту ордена, въ трехъ кампаніяхъ: на берегахъ Леванто, Сардиніи и Сициліи. Какъ капитанъ галеры «La Magistrale», Литта въ продолженіе 2-хъ лѣтъ плавалъ по Средиземному морю, а въ 1783 г., вернувшись на родину, въ качествѣ делегата отъ великаго пріора, герцога Патерно, производилъ ревизію имѣній и строеній, принадлежавшихъ великому пріорству Ломбардскому.

Въ 1788 г. императрица Екатерина II обратилась черезъ своего уполномоченнаго Псаро къ великому магистру Мальтійскаго ордена, герцогу Рогану съ просьбой прислать ей лицо, свѣдующее въ морскомъ дѣлѣ для содѣйствія ей въ переформированіи флота на Балтійскомъ морѣ.

Герцогъ Роганъ, уже на дѣлѣ успѣвшій оцѣнить достоинства Литты, какъ моряка и человѣка, не колеблясь, назначилъ его на эту отвѣтственную должность. Честолюбивый, польщенный въ глубинѣ души довѣріемъ императрицы Литта рѣшилъ сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы оправдать ея ожиданія. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ началѣ января 1789 г. Въ Россіи въ тѣ времена встрѣчали вообще всѣхъ иностранцевъ съ распростертыми объятіями, величественная же наружность Литты, его богатырскій ростъ, мужественная осанка и привлекательная, многообѣщающая физіономія сразу склонили всѣхъ въ его пользу. Благодаря содѣйствію австрійскаго посланника Кобенцеля, Литта скоро познакомился съ петербургскимъ обществомъ и съ самой столицей, приведшей его въ восторгъ. Въ томъ же году Литта былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ капитана 1-го ранга, съ пожалованіемъ капитаномъ генералъ-маіорскаго ранга и назначеніемъ командиромъ легкой флотиліи. Однако онъ не увлекался своимъ новымъ блестящимъ положеніемъ, такъ какъ очень хорошо чувствовалъ, что, какъ иностранецъ, а особенно какъ реформаторъ, возбуждалъ зависть и недовольство многихъ. Литта цѣлыми днями работалъ на верфяхъ, наблюдая за вооруженіемъ судовъ и приготовленіемъ ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, обучалъ молодыхъ офицеровъ новой тактикѣ, а для пополненія нужнаго числа лоцмановъ и матросовъ прибѣгнулъ къ простымъ солдатамъ. Незнаніе русскаго языка крайне осложняло задачу молодого итальянца: безъ переводчика онъ не могъ обходиться, и это при официальной перепискѣ ставило его въ зависимость отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Несмотря на всю добрую волю Литты и его усиленную дѣятельность, дѣло подвигалось медленно. Въ 1789 г. возгорѣлась война съ Швеціей. Русскій флотъ, раздѣленный на двѣ эскадры и легкую флотилію, находился подъ командою герцога Нассау-Зигена. Литтѣ былъ порученъ авангардъ гребного флота, состоявшій изъ 33-хъ судовъ. Кромѣ того, его назначили вторымъ командиромъ всей легкой флотиліи, что, въ случаѣ отлучки герцога, дѣлало его первымъ командиромъ. За участіе въ первомъ Роченсальмскомъ сраженіи, гдѣ онъ доказалъ свою храбрость, распорядительность и рѣшительность, Литта былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, получилъ Георгіевскій крестъ 3-го класса и золотое оружіе съ надписью «за храбрость». Въ кампаніи 1790 г., кончившейся для Россіи полнымъ пораженіемъ гребного флота, Литта снова командовалъ авангардомъ легкой флотиліи и заслужилъ своею храбростью новую милость Екатерины II: ему было пожаловано золотое оружіе, украшенное брилліантами. Исполнивъ всѣ возложенныя на него порученія, онъ началъ помышлять объ отдыхѣ и просилъ императрицу дать ему отпускъ, чтобы побывать на родинѣ. Просьбу его уважили, но не въ той формѣ, какъ онъ ожидалъ: его уволили въ 1792 г. совсѣмъ отъ службы, но милостиво прибавили: «впредь до востребованія». Причиной тому было, вѣроятно, недовольство по случаю проиграннаго сраженія. Едва Литта успѣлъ доѣхать до Милана, какъ получилъ извѣстіе, что Екатерина II требуетъ его обратно въ Петербургъ въ виду предполагавшагося разрыва дружескихъ отношеній Россіи съ Англіей. Когда эти опасенія исчезли, Литта вернулся въ Италію и этимъ закончилъ свою боевую карьеру въ Россіи.

Въ 1792 г. герцогъ Роганъ ходатайствовалъ передъ Екатериною II о возвращеніи Мальтійскому ордену доходовъ съ Острожскаго пріорства на Волыни, отошедшей по второму раздѣлу Польши къ Россіи, при чемъ исполненіе этого порученія возложилъ на Литту. Послѣдній прибылъ въ томъ же году въ Петербургъ и былъ принятъ здѣсь, какъ старый другъ. Однако Литта не могъ надѣяться на скорый и благопріятный исходъ своей миссіи, такъ какъ вниманіе всѣхъ было отвлечено новыми осложненіями въ Польшѣ и дурными отношеніями съ Швеціей, грозившей опять войной. Дѣло тянулось бы еще долго, если бы не смерть Екатерины II. Павелъ I съ юныхъ лѣтъ питалъ симпатію къ ордену и поэтому далъ свое согласіе на признаніе владѣнія ордена въ Россіи; онъ не только вернулъ ему доходы съ Острожскаго пріорства, но еще и удвоилъ ихъ, учредивъ особую конвенцію (1797) «Россійское великое пріорство», вмѣсто прежняго «Польскаго». Оно составлено было изъ 10-ти командорствъ, которыя исключительно могли быть даруемы русскимъ подданнымъ. Одно изъ этихъ командорствъ и было пожаловано Литтѣ, какъ принявшему русское подданство. Мало того, Павелъ I, въ знакъ своего особеннаго благоволенія къ Литтѣ, произвелъ его съ потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство. По ратификаціи конвенціи совѣтъ ордена просилъ Павла I принять титулъ «Покровителя ордена», а Литту назначилъ чрезвычайнымъ посломъ ордена при русскомъ дворѣ. Сдача острова Мальты французамъ (1798 г.) глубоко потрясла Литту, который боялся, что орденъ никогда уже болѣе не пріобрѣтетъ своего прежняго военнаго и религіознаго значенія. Видя въ Павлѣ I единственное лицо, могущее водворить снова на папскомъ престолѣ Пія VI, изгнаннаго французами изъ Рима, и вернуть ордену островъ Мальту, которымъ онъ владѣлъ въ теченіе вѣковъ, Литта болѣе другихъ представителей католической партіи при русскомъ дворѣ хлопоталъ объ избраніи Павла I великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена. Подъ его вліяніемъ императоръ вошелъ по этому поводу въ переговоры черезъ своего посланника въ Римѣ съ папою, и актъ избранія Павла I великимъ магистромъ ордена состоялся въ Петербургѣ 27 октября 1798 г. При этой церемоніи Литта произнесъ рѣчь, прочелъ прокламацію и поднесъ регаліи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. На Литту, въ качествѣ замѣстителя великаго магистра, были возложены всѣ дѣла ордена. Это приблизило его еще больше къ государю. Проводя съ нимъ цѣлые часы въ бесѣдахъ о дѣлахъ ордена, Литта касался и другихъ вопросовъ и вліялъ даже на ходъ государственныхъ дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ на Литту посыпались все новыя и новыя милости императора. Государь пожаловалъ ему ордена: св. Александра Невскаго и св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ дать ему и семейное счастье, для чего обратился къ папѣ Пію VI, прося его снять съ его любимца обѣтъ безбрачія, требуемый орденомъ, и папа безъ всякихъ затрудненій исполнилъ просьбу государя. Литта принялъ съ благодарностью предложеніе Павла I жениться на статсъ-дамѣ, граф. Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ (1761). Несмотря на свой бракъ, Литта оставался попрежнему преданъ ордену, для могущества котораго онъ столько сдѣлалъ. Павелъ I мечталъ въ Мальтійскомъ орденѣ соединить все дворянство Европы и образовать такой военный институтъ, который, будучи средоточіемъ всего благороднаго, имѣлъ бы главною цѣлью защиту престоловъ государей и уничтоженіе зловредныхъ началъ французской революціи. Литта самъ не избѣгъ новыхъ вѣяній и, чтобы расширить вліяніе ордена и дать ему еще больше возможности къ защитѣ монархическихъ принциповъ, предлагалъ императору принимать рыцарями не однихъ дворянъ по происхожденію, но также и пріобрѣтшихъ дворянство личными подвигами и питавшихъ особенную ненависть къ новымъ революціоннымъ идеямъ. Литта побудилъ Павла I учредить при своей особѣ, какъ великомъ магистрѣ, въ подражаніе своимъ предшественникамъ, особую гвардію, составленную исключительно изъ дворянъ. Онъ представилъ государю уставъ, который былъ утвержденъ въ 1799 г., и приказомъ отъ 11 января того же года Литта былъ назначенъ шефомъ только что формировавшагося кавалергардскаго корпуса. Подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности Литты по отношенію къ этому ордену не сохранилось. Извѣстно только, что ему

разрѣшено было выбирать въ кавалергарды изъ дворянъ унт.-офицеровъ всей гвардіи; назначеніе же офицеровъ и унт.-офицеровъ Павелъ предоставилъ лично себѣ.

Преобладаніе Литты и его брата, нунція Лаврентія (извѣстнаго своею приверженностью къ іезуитскому ордену и поставленнаго братомъ на постъ папскаго нунція при русскомъ дворѣ), при дворѣ возбудило противъ нихъ многихъ, образовалась русская партія, во главѣ которой сталъ гр. Растопчинъ, задумавшій низвергнуть Литту, какъ опаснаго противника. Событія, совершавшіяся въ Европѣ, помогли Растопчину ослабить силу и вліяніе партіи Литты на государя. Политика Австріи раздражала Павла I; измѣнились его чувства и къ Бурбонской династіи. По мѣрѣ того, какъ рѣдѣли въ Петербургѣ ряды французскихъ эмигрантовъ, тѣснѣе становился и кругъ Мальтійскихъ рыцарей. Безпрестанные происки Растопчина вскорѣ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: 18 марта 1799 г. Литта былъ уволенъ безъ прошенія въ отставку и долженъ былъ оставить столицу и поселиться въ имѣніи своей жены, граф. Скавронской. Однако немилость къ Литтѣ продолжалась недолго; въ томъ же году вызванный обратно въ Петербургъ, онъ появился при дворѣ болѣе, чѣмъ прежде, сильнымъ, любимымъ и уважаемымъ. Вернувшись изъ ссылки, Литта уже съ меньшимъ рвеніемъ принималъ участіе въ послѣдующихъ дѣлахъ возстановленія ордена. Причиной этого, вѣроятно, была спокойная семейная жизнь, испытанное изгнаніе и разочарованіе. Но интересоваться дѣлами ордена онъ не переставалъ, о чемъ свидѣтельствуетъ похвала ему отъ имени верховнаго совѣта и признаніе, что орденъ настоящимъ положеніемъ всецѣло обязанъ Литтѣ.

Александръ I продолжалъ оказывать Литтѣ любовь и уваженіе. Въ 1810 г. онъ пожаловалъ его въ оберъ-шенки, въ томъ же году назначилъ его оберъ-гофмейстеромъ и главноначальствующимъ надъ гофъ-интендантской конторой, а въ 1811 г.—членомъ Государственнаго Совѣта. Литта находился въ Петербургѣ при вступленіи на престолъ Николая I и участвовалъ въ «Чрезвычайномъ Собраніи» Государственнаго Совѣта 27 октября, гдѣ Николай Павловичъ настоялъ на принесеніи присяги Константину Павловичу. Когда, по прочтеніи всѣхъ бумагъ, великій князь повторилъ предъ членами отказъ отъ престола и снова потребовалъ присяги своему брату, тогда предсѣдательствовавшій въ департаментѣ экономіи гр. Литта сказалъ ему: «Слѣдуя волѣ покойнаго императора, мы, не присягнувшіе Константину Павловичу, признаемъ нашимъ государемъ Васъ, поэтому Вы одни можете нами повелѣвать, и если рѣшимость Ваша непреложна, мы должны ей повиноваться: ведите же насъ сами къ присягѣ». При Николаѣ I Литта получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и назначенъ былъ оберъ-камергеромъ (1826).

Въ 1829 г. умерла жена Литты. Не имѣя дѣтей, онъ всю свою отцовскую нѣжность перенесъ на молодую графиню Самойлову, съ которой находился въ оживленной перепискѣ, продолжавшейся до самой его смерти. Эта переписка дышетъ искренностью и нѣжностью и даетъ много интересныхъ подробностей, касающихся послѣдующихъ лѣтъ его жизни. Граф. Самойлова неоднократно предлагала Литтѣ окончательно переѣхать къ ней въ Миланъ, но онъ отказывался, говоря, что среди своихъ многочисленныхъ обязанностей въ большомъ свѣтѣ онъ «полонъ иллюзіи, что въ состояніи еще что-нибудь сдѣлать, быть полезнымъ странѣ, которой служитъ, государю, которому обязанъ своимъ положеніемъ». Однако Литта сознавалъ, что старость, несмотря на всю его бодрость, брала свое. Послѣ краткой болѣзни онъ скончался 26 января 1839 г. и похороненъ, согласно его волѣ, безъ всякихъ пышностей въ католической церкви въ Царскомъ Селѣ. Огромное состояніе свое онъ завѣщалъ граф. Самойловой, двумъ племянникамъ, жившимъ въ Миланѣ, благотворительнымъ учрежденіямъ, а также католическимъ церквамъ въ Россіи и своей приходской церкви.

Иностранецъ по крови и иновѣрецъ, гр. Литта правдою служилъ усыновившей его Россіи. Дѣятельность его по Государственному Совѣту надо не признать не только выдающеюся, но и безупречной. По всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго права онъ всегда подавалъ голосъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ, Мордвиновымъ и Кочубеемъ. Въ 1814 г. онъ подалъ свое мнѣніе относительно поднесе-

нія императору Александру I высокаго именованія «Благословеннымъ» и настоялъ на немъ, вмѣсто предложеннаго титула «Великій».

Морошкинъ, «Іезуиты въ Россіи» (Спб. 1870).—*Кропотовъ*, «Жизнь графа М. Н. Муравьева» (Спб., 1874).—*Greppi*, «Un Gentiluomo Milanese Guerriero Diplomatico» 1763—1839.—Общій Архивъ министерства Двора, оп. 315, д. 43.—Архивъ департамента Герольдіи, кн. 69, л. 423.—«Рус. Архивъ» 1865, 397; 1883, IV, 610; 1890, III, 182.—Государственн. Архивъ, VII, 3372; XXVIII, 58.—«Русская Старина» 1870, XI, 477.—Древняя и Новая Россія», 1878, II, 159, 165.—«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. II, стр. 376—386.—«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», т. I, № 29. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. *Лучинскій.*

Литтровъ, *Іосифъ Антоновичъ*, первый профессоръ астрономіи Казанскаго университета, родился 1 марта 1781 г. въ богемскомъ городкѣ Bischof-Teinitz'ѣ. Здѣсь онъ получилъ первоначальное образованіе, а когда ему исполнилось 13 лѣтъ, былъ посланъ отцемъ въ Прагу, гдѣ учился сначала въ гимназіи, а затѣмъ (1799—1803) въ университетѣ. Годы его пребыванія въ университетѣ и слѣдующіе за ними, до 1807 года, отмѣчены долгимъ колебаніемъ между разными спеціальностями: мы видимъ его съ успѣхомъ изучающимъ древніе языки, математику, философію природы, право, богословіе; видимъ его съ 1803 г. домашнимъ учителемъ въ богатыхъ семействахъ въ Силезіи и въ Вѣнѣ. Одно время онъ даже хотѣлъ поступить въ монастырь. Счастливый случай свелъ его съ директоромъ вѣнскаго реальнаго училища Галлемъ; по совѣту его, Литтровъ сталъ заниматься астрономіей, и здѣсь нашелъ свое призваніе. Это было въ 1807 г. Онъ сталъ посѣщать вѣнскую обсерваторію и скоро, благодаря хорошей математической подготовкѣ, началъ работать самостоятельно.

Уже въ ноябрѣ этого года Краковскій университетъ пригласилъ его профессоромъ астрономіи и высшей математики; но онъ могъ работать здѣсь лишь до 1809 г., когда Краковъ былъ занятъ русскими войсками; стѣсненное положеніе города и вскорѣ послѣдовавшее присоединеніе его къ Варшавскому герцогству заставили подумать о другомъ мѣстѣ, болѣе удобномъ для научныхъ работъ. Въ августѣ 1809 г. Литтровъ, въ письмѣ къ главнокомандующему кн. Голицыну, выразилъ желаніе перебраться въ Россію. Какъ разъ въ это время Румовскій желалъ имѣть профессора астрономіи для вновь открытаго въ Казани университета и уже въ сентябрѣ послалъ Литтрову приглашеніе занять здѣсь каѳедру. Литтровъ согласился и послѣ долгой предварительной переписки, 7 января 1810 г., покинулъ Краковъ. Прибылъ онъ въ Казань 13 марта, офиціальное же назначеніе получилъ 31 марта.

Все время пребыванія Литтрова въ Казани, гдѣ онъ, конечно, не нашелъ не только обсерваторіи, но даже удовлетворительныхъ инструментовъ и нужныхъ книгъ,—отмѣчено стараніями поставить дѣло преподаванія астрономіи настолько высоко, чтобы университетъ могъ выпускать астрономовъ вполнѣ подготовленныхъ для работъ на большихъ обсерваторіяхъ. Поэтому онъ тотчасъ же возбудилъ ходатайство о пріобрѣтеніи необходимыхъ инструментовъ и книгъ, началъ отыскивать помѣщеніе для устройства обсерваторіи и, найдя подходящею для этой цѣли каменную бесѣдку въ ботаническомъ саду университета, сталъ хлопотать о перестройкѣ ея въ обсерваторію. Хлопоты Литтрова не сразу привели къ желаемымъ результатамъ: Отечественная война прервала сношенія съ Западомъ и истощила казну. До 1814 г. Литтровъ долженъ былъ ограничиться имѣвшимися при его пріѣздѣ инструментами да квадрантомъ Румовскаго, присланнымъ изъ Академіи Наукъ въ 1811 г.; съ ними обучалъ онъ своихъ слушателей производству астрономическихъ наблюденій. Преподавательская дѣятельность Литтрова выражалась въ чтеніи лекцій по теоретической астрономіи, а научная—цѣлымъ рядомъ статей, помѣщенныхъ въ мемуарахъ Академіи Наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой онъ состоялъ съ 22 декабря 1813 г., и въ другихъ спеціальныхъ журналахъ и сборникахъ.

Въ 1814 году явилась, наконецъ, возможность устроить обсерваторію въ упомянутой каменной бесѣдкѣ ботаническаго сада. Въ іюлѣ правленіе получило предписаніе объ устройствѣ обсерваторіи; постройка была поручена сначала Литтрову, проф. Арнгольду и Симонову, затѣмъ правленіе само взялось за дѣло, но не надолго: все дѣло было поручено вскорѣ

одному Литтрову. Въ половинѣ ноября постройка была закончена, а въ декабрѣ Литтровъ получилъ особую благодарность попечителя за успѣшное окончаніе постройки обсерваторіи. Еще въ 1814 г. Литтровъ могъ, вмѣстѣ съ своимъ адъюнктомъ Симоновымъ, начать точныя наблюденія, а въ мемуарахъ Академіи Наукъ за 1815 г. мы находимъ уже точное указаніе широты казанской обсерваторіи.

Дѣятельность Литтрова въ Казани неограничилась научными и педагогическими трудами: онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ совѣта, въ 1813 г. состоялъ членомъ университетскаго комитета по организаціи выборовъ и въ 1814—15 гг. былъ членомъ училищнаго комитета. Среди профессоровъ Литтровъ пользовался большою популярностью: при первыхъ выборахъ ректора онъ получилъ одинаковое число голосовъ съ Брауномъ. На первыхъ порахъ частыя столкновенія съ профессоромъ-директоромъ Яковкинымъ дѣлали его пребываніе въ Казани тяжелымъ, но по вступленіи въ должность попечителя Салтыкова миновали всѣ непріятности, и жизнь Литтрова потекла такъ благополучно, что впослѣдствіи онъ вспоминалъ о годахъ, проведенныхъ въ Казани, какъ о лучшихъ годахъ своей жизни. Матеріальное положеніе Литтрова было вполнѣ обезпечено, чему много способствовалъ частный пансіонъ, открытый имъ въ 1814 г. Лишь суровый казанскій климатъ да прорывавшаяся временами тоска по роднымъ побудили его оставить Казань. Еще 1815 г. Литтровъ получилъ предложеніе отъ директора новой обсерваторіи въ Офенѣ, Пасквича, служить вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ второго директора. Въ февралѣ 1816 г. Литтровъ подалъ прошеніе объ отпускѣ къ баденскимъ минеральнымъ водамъ; между тѣмъ переговоры съ Пасквичемъ были окончены, и въ апрѣлѣ Литтровъ ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ русской службы. Получивъ 25 мая того же года отставку, онъ 31 числа уже уѣхалъ изъ Казани. Въ ближайшемъ послѣ его отъѣзда засѣданіи совѣта университетъ провозгласилъ его своимъ почетнымъ членомъ.

Мечты Литтрова сбылись: онъ снова былъ на родинѣ, но скоро ему пришлось пожалѣть о службѣ въ Казани. Обсерваторія въ Офенѣ была построена на высокой горѣ, внѣ города, домъ для жилья еще не былъ готовъ, и Литтровъ долженъ былъ жить въ самомъ городѣ. Полная невозможность наблюдать и постоянныя непріятности съ Пасквичемъ побудили Литтрова обратиться съ просьбой о мѣстѣ ко многимъ извѣстнымъ астрономамъ и къ русскому правительству. Въ 1819 г. онъ былъ приглашенъ на осободившуюся вакансію директора вѣнской обсерваторіи. Здѣсь его дѣятельность достигла полнаго расцвѣта: онъ постоянно помѣщалъ въ спеціальныхъ журналахъ статьи теоретическаго содержанія и свои наблюденія, началъ изданіе анналовъ вѣнской обсерваторіи, издалъ рядъ руководствъ, по которымъ училось нѣсколько поколѣній. Кромѣ того, здѣсь онъ началъ заниматься литературой, популяризируя любимую науку. На послѣднемъ поприщѣ онъ долженъ быть признанъ піонеромъ: его «Die Wunder des Himmels» не устарѣли до сихъ поръ, и его популярныя статьи, помѣщавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, производили сильное впечатлѣніе. Скончался онъ 18 ноября 1840 г. въ званіяхъ почетнаго члена многихъ университетовъ и ученыхъ обществъ.

Литтрову принадлежитъ рядъ научныхъ трудовъ: 1) «Darstellung der Sonnenfinsterniss des 7 Sept. 1820». Pesth. 1820; 2) «Ueber die Höhenmess. durch Barometer». Wien. 1820; 3) Theoretische und practische Astronomie. 3 т. Wien, 1821—первые два тома; 1827—третій томъ подъ заглавіемъ: «Physische Astronomie, oder Gesetze der himmelischen Bewegungen». Первый томъ переизданъ подъ заглавіемъ: «Theoretische Astronomie oder allgemeine Erscheinungen des Himmels». Stuttg. 1834; второй томъ подъ заглавіемъ: «Beschreibende Astronomie», Stuttg. 1834; 4) «Analytische Geometrie». Wien, 1823; 5) «Populäre Astronomie», 2 т. Wien, 1825—другое изданіе «Theor. u. pract. Astr.» Переведено на голландскій яз.; 6) «Elemente der Algebra und Geometrie», Wien, 1827; 7) «Calendariographie, oder Anleitung alle Arten Kalender zu verfertigen», Wien, 1828; 8) «Anleitung zur Berechn. der Lebensrenten u. Wittwenpension». Wien, 1829; 9) «Dioptrik». Wien, 1830; 10) «Vorlesungen über Astronomie». Wien, 1830. Переведено на рус. яз.; 11) «Abriss einer Geschichte der Astronomie», Wien, 1830; 12) «Gnomonik, oder

Anleitung zur Verfertigung aller Arten v. Sonnenuhren». Wien, 1831; второе изданіе 1838; 13) «Ueber den gefürcht. Kometen des Jahr. 1832 und über Kometen überhaupt». Wien, 1823; 14) «Die Wahrscheinlichkeitsrechn. in ihrer Anwendung auf wissenschaftliches und pract. Leben». Wien, 1833; 15) «Die Wunder des Himmels, oder gemeinfassliche Darstellung des Weltsistems» 3 т. Stuttg. 1834—36. На нѣмец. яз. выдержало 8 изданій, послѣднее въ 1886 г.; переведено на швед. и рус. языки; 16) «Ueber Kometen, Mit einem Anhange über den im Jahre 1835 ersch. Halley'schen Kometen». Wien, 1835; 17) «Geschichte der Entdeck. der allgemeinen Gravitation durch Newton». Wien, 1835; 18) «Sterngruppen und Nebelmassen des Himmels». Wien, 1835; 19) «Die Doppelsterne». Wien, 1835; 20) «Anleitung zur höheren Mathematik». Wien, 1836; 21) «Kurze Anleitung zur gesammt. Mathematik». Wien, 1838; 22) «Anfangsgründe der gesammt. Mathematik». Wien, 1838—39; 23) «Atlas des gestieruten Himmels» Stuttg. 1839. Второе изд. 1854; 24) «Kalender für alle Stände». Wien, 1840; 25) «Whewell: «Geschichte der inductiven Wissenschaften». Переводъ съ англійск., Stuttg., 1840; 26) «Vermischte Schriften». 3 т. Wien, 1845—46. Посмертное изданіе; 27) «Annalen der K. K. Sternwarte in Wien». Theil I—XX, 1821—1840. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Литтрову принадлежитъ большое количество статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Astronomisches Jahrbuch», «Mémoires de l'Académie des sciences de S. Pét., avec l'histoire de l'Académie», «Memoirs of the Astronomical Society of London», «Zeitschrift für Astronomie und verwandte Wissenschaften», «Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erde-und Himmelskunde», «Correspondance astronomique, géographique, hydrographique et statistique», «Astronomische Nachrichten», «Zeitschrift für Physik und Mathematik», «Zeitschrift für Physik und verwandte Wissenschaften», «Jahrbuch der Literatur», «Leipziger Zeitung», «Stuttgarter Morgenblatt», «Казанскихъ Извѣстіяхъ» и др. періодическихъ изданіяхъ. Статьи эти перечислены въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподав. Казанскаго университета».

Загоскинъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго у-та», ч. I, стр. 396—405.—Verm Schriften, III. *Степановъ.*

Литуновскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, над. сов., врачъ, род. въ 1804 г., высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1828 г. лѣкаремъ III отдѣленія служилъ въ военныхъ госпиталяхъ: Ораніенбаумскомъ, Кременчугскомъ (1828) и Херсонскомъ (1829), откуда перевелся въ Несвижскій артиллерійскій лазаретъ (1831); въ 1834 г. онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря и переведенъ былъ въ Минскій военный госпиталь (1835), потомъ въ Воронежскій воен. госпиталь (1836), Воронежскій батальонъ военныхъ кантонистовъ (1837), Симферопольскій воен. госпиталь (1845) и Кинбургскій воен. полугоспиталь (1847). Литуновскій покончилъ жизнь самоубійствомъ (зарѣзался) въ 1849 г. Ему принадлежитъ печатный трудъ «Средство отъ зубной боли» («Другъ Здравія». 1840, I).

Зиновьевъ, «Русскіе врачи-писатели».вып. I, стр. 178.

Лифановъ, *Евграфъ*, переводчикъ XVIII—XIX в., перевелъ съ французскаго языка: «Общественный человѣкъ», или полезнѣйшія наставленія объ отечествѣ, правосудіи и качествахъ» (М. 1787); «Слуга двухъ господъ» (комедія въ 1 д., Спб., 1805), «Князь невидимка или Личарда волшебникъ» (опера въ 4 д., Спб., 1805) и «Сто двадцать дней или четыре новости» (Соч. Пиго—Лебрюна. Спб. 1806. По Сопикову перепеч. въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «Теодоръ или Перуанцы)».

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и учен»., т. II, стр. 242.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», №№ 7354, 7679, 9434.—*Рогожинъ*, Указатель къ «Опыту Россійской библіографіи» В. С. Сопикова, №№ 7434, 11556, 12564.

Лихарева, *Елизавета Александровна*, р. 4 декабря 1778 г. † 26 марта 1845 г., принадлежала къ небольшому числу литераторшъ—переводчицъ начала XIX в. Изъ ея переводовъ съ французскаго наибольшей извѣстностью пользовался поучительный и довольно занимательный романъ «Исправленный вертопрахъ или великодушная любовница» (Московская университетская типографія, 1801 г.), посвященный переводчицей Прасковьѣ Александровнѣ Ушаковой.

Кн. Голицынъ,« Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 150.—*Макаровъ*. «Дамскій Журналъ», 1830 г., ч. 31, № 27.—Справочный словарь *Геннади*, т. 2, 242.—«Московскій Городской Листокъ» 1847 г., статья *Билевича*: «Русскія писательницы XIX в.». «Московскій Некрополь».

Гельвихъ.

Лихаревъ, *Владиміръ Николаевичъ*, подпоручикъ квартирмейстерской части, декабристъ, родился въ 1800 г. въ богатой семьѣ и до 15-ти лѣтъ получалъ образованіе дома подъ руководствомъ француза Делиля и пастора Галлера, а затѣмъ опредѣленъ былъ въ Муравьевскую школу колонновожатыхъ. Поступивъ на службу, Лихаревъ скоро подпалъ вліянію тайныхъ политическихъ кружковъ, незадолго передъ тѣмъ возникшихъ въ Россіи, и принятъ былъ въ число членовъ такъ называемаго «Южнаго общества». Привлеченный слѣдствіемъ къ дѣлу о военномъ возмущеніи 14 декабря 1825 г., Лихаревъ былъ признанъ виновнымъ въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и о приготовленіи къ мятежу, указомъ Правительствующаго Сената отнесенъ къ VII-му разряду государственныхъ преступниковъ и приговоренъ верховнымъ уголовнымъ судомъ къ временной ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, а потомъ на вѣчное поселеніе, но по указу 22 августа 1826 г. приговоръ былъ смягченъ, и Лихаревъ былъ оставленъ въ каторжныхъ работахъ всего на одинъ годъ съ обращеніемъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. По отбытіи годичнаго срока въ Читинскомъ острогѣ, Лихаревъ въ іюнѣ 1828 г. доставленъ былъ изъ Иркутска въ Тобольскъ и отсюда водворенъ на поселеніе въ село Кондинское, но черезъ два года, по просьбѣ матери его, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на переводъ его изъ Кондиска «въ другое мѣсто, болѣе на югъ, гдѣ бы климатъ болѣе умѣренный не столько вредилъ его здоровью». Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію ген.-губернатора западной Сибири И. А. Вельяминова, Лихаревъ былъ переведенъ на жительство въ Курганъ. Но и здѣсь недомоганія его продолжались, и въ началѣ 1832 г., сознавая необходимость лѣчиться подъ наблюденіемъ лучшихъ врачей, онъ просилъ генералъ-губернатора разрѣшить ему поѣздку съ этой цѣлью въ Тобольскъ. Послѣ того, какъ осмотромъ мѣстнаго городского врача установлена была необходимость оперативнаго лѣченія, Лихаревъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Тобольскъ «для вынутія изъ тѣла его пули, съ тѣмъ однако, чтобы онъ оставался тамъ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для его выздоровленія». Благодаря принятому въ немъ участію со стороны управлявшаго въ то время Тобольской губерніей А. Н. Муравьева, Лихаревъ пробылъ въ Тобольскѣ болѣе восьми мѣсяцевъ (съ 15 іюля 1832 г. по 21 марта 1833 г.); здоровье его оправилось, но по возвращеніи въ Курганъ его ждала тяжелая вѣсть: здѣсь онъ узналъ, что его жена, рожденная Бороздина, вышла замужъ за другого. Чувство въ характерѣ Лихарева всегда преобладало надъ волей, и печальное извѣстіе окончательно надломило его духовныя силы.

«При блестящихъ способностяхъ, при большомъ запасѣ серіозныхъ познаній,—по словамъ б. Розена,—онъ не могъ или не хотѣлъ употребить ихъ съ пользой»; на поселеніи жилъ безъ опредѣленнаго дѣла и даже, подобно другимъ декабристамъ, не занимался хозяйствомъ, предоставляя отведенный ему участокъ земли б. Розену. Между тѣмъ матеріальныя средства его сильно истощились. Выросшій въ семействѣ, которое по собственному его признанію «пользовалось болѣе нежели безнуждным состояніемъ», Лихаревъ не умѣлъ себѣ ни въ чемъ отказывать, и поэтому еще въ Кондинскѣ, получая ежегодно отъ родныхъ по 1000 руб. ассигнаціями, часто нуждался въ деньгахъ и должалъ. Общая сумма его долга послѣ болѣзни достигла 7000 руб. Надѣясь нѣсколько поправить свои обстоятельства, Лихаревъ обратился къ своему давнишнему товарищу гр. А. А. Бобринскому съ просьбою прислать ему необходимую для уплаты долговъ сумму, а въ отвѣтъ на затребованное объясненіе, на что ему понадобились деньги, ссылался на большія издержки во время лѣченія и разстроенное состояніе своей семьи. Между тѣмъ, пока шла переписка по этому дѣлу, пришло извѣстіе, что гр. Бобринскій «отказывается исполнить желаніе Лихарева, такъ какъ родственники его не берутъ на себя обязательства къ уплатѣ просимой суммы». Тогда управляющій Тобольской губерніей Копыловъ, видя невозможность удовлетворить многочисленныхъ кредиторовъ Лихарева, вошелъ съ

представленіемъ къ ген.-губернатору западной Сибири Сулимѣ «о необходимости принятія общихъ мѣръ къ огражденію кредита государственныхъ преступниковъ, такъ какъ подобные займы, какіе дѣлалъ Лихаревъ, нарушаютъ Высочайшую волю, ограничивающую матеріальныя средства государственныхъ преступниковъ». Сулима вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Копылова и предложилъ распубликовать соотвѣтствующее распоряженіе; долги же Лихарева рѣшено было уплачивать по частямъ изъ ежегодно получаемыхъ имъ денегъ отъ родственниковъ; и, кромѣ того, ему было выдано 200 рублей казеннаго пособія.

Впрочемъ, распоряженіе объ ограниченіи кредита государственнымъ преступникамъ не имѣло вообще практическихъ послѣдствій, и въ частности въ Курганѣ находились люди, охотно ссужавшіе и Лихарева и другихъ декабристовъ и деньгами и необходимыми продуктами. Жители Кургана относились къ Лихареву настолько сочувственно, что въ концѣ 1836 г. послѣдовалъ даже на нихъ доносъ со стороны одного Тобольскаго чиновника Яшина, сообщившаго губернатору, что «живущіе въ Курганѣ государственные преступники Фохтъ и Лихаревъ показываются безпрестанно въ тамошнихъ обществахъ и взаимно открытымъ образомъ посѣщаются курганскими чиновниками и гражданами». Копыловъ не далъ доносу формальнаго хода и ограничился только наставленіемъ Курганскому городничему, чтобы впредь «доброходство и состраданіе» мѣстныхъ чиновниковъ и гражданъ «отнюдь не переступали границъ должнаго благоприличія и установленнаго закономъ порядка».

Въ слѣдующемъ 1837 г., по Высочайшему повелѣнію, объявленному ген.-губернатору западной Сибири кн. Горчакову, Лихаревъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами по ссылкѣ, опредѣленъ былъ рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ и черезъ Казань и Ростовъ-на-Дону отправленъ на почтовыхъ въ Тифлисъ. «Весь Курганъ—говоритъ б. Резенъ—провожалъ ихъ самыми усердными благопожеланіями», но для Лихарева имъ не суждено было сбыться: три года спустя, въ 1840 г., онъ палъ въ сраженіи при Валерикѣ, находясь въ цѣпи застрѣльщиковъ.

Головачевъ, «Декабристы, 86 портретовъ»... (Изд. М. М. Зензинова), М., 1906 г., стр. 124—126.—*Баронъ Розенъ*, «Записки декабриста». Спб., 1907 г., стр. 102, 105, 110, 146, 187, 193, 199, 200, 203, 212, 278.—*Дмитріевъ-Мамоновъ*, «Декабристы въ западной Сибири», М., 1895 г., стр. 16, 35, 71, 91, 92, 97—103, 146, 158.—«Декабристы и тайныя общества въ Россіи» (изд. В. М. Саблина) М., 1906 г., стр. 91.

А. Гельвихъ.

Лихаревъ, *Давидъ*, московскій посолъ, въ мартѣ 1502 г. отправленъ былъ великимъ княземъ Іоанномъ III «о любвѣ» въ Большую орду къ хану Шигъ-Ахмету вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Хазомъ, пріѣзжавшимъ предлагать московскому князю союзъ съ условіемъ воевать Литву, если онъ не будетъ вступаться за враждебнаго Шигъ-Ахмету крымскаго царя Менгли-Гирея. Іоаннъ милостиво принялъ Хаза и, отпуская съ нимъ Лихарева, поручилъ послѣднему передать хану, вмѣстѣ съ ласковыми привѣтствіями, что враги Менгли-Гирея никогда не будутъ друзьями московскаго князя. Лихареву, впрочемъ, не пришлось исполнить возложенное на него порученіе, такъ какъ остатки Батыева царства той-же весной разрушены были Менгли-Гиреемъ. Лѣтомъ того же 1502 г. послѣдній московскій посолъ вернулся изъ орды.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 47, 48, 243; т. VIII, стр. 241, 242.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI, стр 310, прим. 525.

А. Гельвихъ.

Лихачевъ, *Александръ Логиновичъ*, казанскій помѣщикъ, библіофилъ, родился около 1753 г.; въ 1761 г. умеръ его отецъ Логинъ Ивановичъ, и опекуномъ малолѣтнихъ сиротъ сдѣлался ихъ дальній родственникъ, Иванъ Васильевичъ Лихачевъ. Записанный въ л.-гв. Семеновскій полкъ еще въ годъ смерти отца, Александръ Логиновичъ въ 1771 г. сдѣланъ былъ каптенармусомъ, а 1 января 1773 г. уволился въ отставку съ чиномъ подпоручика. Въ это время Лихачевъ былъ уже женатъ на Елизаветѣ Семеновнѣ Кисловской, и молодые супруги поселились въ селѣ Полянкахъ, въ 70-ти верстахъ отъ Симбирска, какъ разъ въ началѣ надвигавшейся смуты. Въ 1774 г. шайка Пугачевцевъ напала на Полянки, помѣщичій домъ былъ разрушенъ, но преданію самъ Лихачевъ въ это время отлучился въ Казань, супруга же его съ го-

довалой дочерью, переодѣтыя въ крестьянское платье, спасены были отъ вѣрной гибели крестьянами и дворовыми людьми. Вернувшись въ свою разоренную усадьбу, Лихачевъ построилъ здѣсь новый домъ и надолго поселился въ деревнѣ, занимаясь среди сельскихъ досуговъ собираніемъ и чтеніемъ книгъ. Любовь къ книгамъ въ роду Лихачевыхъ было наслѣдственной, къ тому же она не была и явленіемъ исключительнымъ для тогдашняго Поволожья, знавшаго не мало книголюбцевъ, но А. Л. во всякомъ случаѣ не былъ просто любителемъ: въ немъ жила страсть коллекціонерства, и, кромѣ книгъ, онъ собиралъ, напримѣръ, монеты. Отъ обширной Полянковской библіотеки его уцѣлѣла впослѣдствіи только часть, но уже и она свидѣтельствуетъ о разнообразіи интересовъ собирателя. Здѣсь были и книги церковно-славянской печати, и болѣе новыя книги по богословію, законамъ и «юриспруденціи», описанія путешествій, географіи, исторіи, книги по вопросамъ сельскаго хозяйства и по медицинѣ, очень много романовъ, повѣстей, трагедій, комедій, оперъ, рѣчей и «словъ» и, между прочимъ, цѣлый наборъ Новиковскихъ мистическихъ книгъ. Послѣднія интересовали Лихачева, какъ масона и, какъ полагаютъ не безъ основанія, даже устроителя казанской ложи «Восходящаго солнца». По разсказамъ старожиловъ, въ Полянкахъ долгое время сохранялись разныя масонскія одѣянія, знаки и даже какія-то декораціи, нарисованныя крѣпостными малярами. Въ остаткахъ библіотеки Лихачева сохранилось также не мало и масонскихъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Онѣ были тогда новостью. Лихачевъ вообще всегда слѣдилъ за литературою, насколько это было возможно при условіяхъ тогдашней деревенской жизни, пріобрѣталъ новыя книги, выписывалъ журналы. По словамъ Н. Н. Булича, онъ былъ, напримѣръ, единственнымъ подписчикомъ на «Московскій журналъ» Н. М. Карамзина. Имѣя большую и разнообразную библіотеку, Лихачевъ пытался каталогизировать ее и при томъ по отдѣламъ. Книги имъ тщательно надписывались и номеровались, и дѣлалъ это всегда онъ самъ, не поручая, по обычаю того времени, своимъ служащимъ. Не довольствуясь рукописными записями, Лихачевъ завелъ себѣ наборъ типографскихъ буквъ: «*Изъ книгъ Александръ Лихачева*» и пользовался имъ въ качествѣ ex-libris. Обычный его super ex-libris состоялъ изъ штемпеля: «*Александръ Лихачевъ*», но былъ и другой, оттискивавшійся на кожаныхъ переплетахъ и представлявшій монограмму изъ французскихъ буквъ рукописнаго характера *A* и *L* въ вѣнкѣ изъ листвы. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою любовью Лихачевъ занимался своей Полянковской библіотекой.

Живой и всѣмъ интересовавшійся, онъ не могъ однако совсѣмъ устраниться отъ общественной жизни: ему нужно было образованное общество, нужно было живое дѣло, и вотъ почему послѣ 9-ти лѣтъ пребыванія въ отставкѣ онъ опять соблазнился службой, хотя на этотъ разъ и штатской и по выбору отъ дворянства. Съ 1782 г. по 1785 г. онъ «находился по выбору отъ дворянъ въ бывшемъ Казанскомъ верхнемъ земскомъ судѣ засѣдателемъ», съ 1787 г. по 1803 г. состоялъ депутатомъ въ Казанскомъ дворянскомъ собраніи, участвуя и въ составленіи родословныхъ книгъ, а съ 1798 г. по 1804 г., кромѣ того,—директоромъ главнаго народнаго училища въ Казани (Казанской гимназіи). За безкорыстную службу (безъ жалованья) Лихачевъ, наконецъ, 9 марта 1800 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Такой чинъ, конечно, не могъ особенно удовлетворять честолюбіе этого гордаго человѣка, но зато самая служба несомнѣнно наполняла его жизнь и сталкивала со множествомъ людей. Эти знакомства ярко отражаются и на остаткахъ его библіотеки, въ которой сохранился цѣлый рядъ книгъ, подаренныхъ и пріобрѣтенныхъ отъ разныхъ лицъ. Среди этихъ лицъ было не мало такихъ, имена которыхъ пользовались большой извѣстностью, какъ-то: В. И. и И. И. Панаевы, И. П. Осокинъ, Ю. И. фонъ-Каницъ, баснописецъ И. А. Крыловъ и др. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ видно изъ надписей, сдѣланныхъ на книгахъ, Лихачевъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ 1807 г. Лихачевъ былъ избранъ Мамадышскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, что и побудило его переселиться въ село Кошкаръ (Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ.), гдѣ у него была своя усадьба. Вѣрный своему всегдашнему влеченію, онъ и здѣсь началъ со-

бирать библіотеку и занимался не только чтеніемъ, но и переводами. «На склонѣ жизни его особенно интересовали вопросы о жизни и смерти. На эти темы онъ переводилъ и дѣлалъ выписки. Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится небольшая рукопись (Q I, № 1167), содержащая: а) «Предувѣдомленіе всякому полезное, взятое изъ Священнаго писанія, о смерти, о непостоянствѣ настоящаго вѣка и о суетѣ земныхъ вещей, о погребеніи, о воскресеніи мертвыхъ, о послѣднемъ судѣ, о адѣ и объ осужденіи грѣшниковъ, о вѣчной жизни» и б) «Наука благополучно жить и благополучно умереть». На первомъ листѣ этой рукописи сдѣлана помѣта: «Перевелъ Александръ Лихачевъ».

Освободившись въ 1811 г. отъ обязанностей предводителя дворянства, Лихачевъ, однако, не переѣхалъ въ Полянки, а бывалъ тамъ только временами, продолжая жить въ Кошкарѣ, гдѣ и скончался 7 марта 1814 г.

Полянковская его библіотека перешла къ сыну Семену Александровичу, Кошкарская же вмѣстѣ съ прочимъ домашнимъ имуществомъ, согласно завѣщанію, досталась дочери его Маріи, по мужу Горчаковой.

Н. П. Лихачевъ «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки», Спб., 1913 г., стр. 31–53.

А. Гельвихъ.

Лихачевъ, *Алексѣй Тимоѳеевичъ.* Первое извѣстіе о немъ относится къ 1636 г., когда за нимъ было справлено помѣстье его отца Тимоѳея Ивановича Лихачева въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Въ 1648 г. онъ былъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской чарочникомъ; въ 1658—1664 г.г. путнымъ ключникомъ; занимая эту должность, онъ стоялъ у государева поставца при пріемѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 6 іюля 1658 г. Грузинскаго царя Теймураза Давидовича, 8 мая 1660 г.—Грузинскаго царевича Николая Давидовича и 19 февраля 1664 г.—великаго англійскаго посла кн. Чарльса Говарда. Въ 1676 г. Лихачевъ былъ стряпчимъ съ ключемъ; 16 іюня этого года, при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича, принесъ царское одѣяніе и, сдавъ его государевымъ дьякамъ, принялъ прежнюю одежду. По окончаніи вѣнчанія держалъ мису съ золотыми, которыми Касимовскій царевичъ осыпалъ царя Ѳеодора Алексѣевича, когда тотъ шелъ изъ Успенскаго въ Архангельскій Соборъ, затѣмъ изъ Архангельскаго въ Благовѣщенскій Соборъ и наконецъ въ дверяхъ Благовѣщенскаго Собора, при выходѣ оттуда. Въ 1677 г. онъ былъ комнатнымъ стольникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича.

Есть извѣстіе, что кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богд. Матв. Хитрово выдвинули Ал. Тимоѳ. Лихачева, брата его Михаила Тим. и Ив. Макс. Языкова, чтобы ослабить вліяніе Милославскихъ на молодого царя. Извѣстный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, человѣкъ близкій къ царю Алексѣю Михайловичу и къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, называетъ Ал. Тим. Лихачева, бывшаго учителемъ у царевича Алексѣя Алексѣевича, «человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія». Для новыхъ приближенныхъ, оттѣснившихъ родственниковъ царя Милославскихъ, было важно удержать свое положеніе при дворѣ и послѣ женитьбы царя, а потому весьма вѣроятно, что бракъ его съ Грушевской, послѣдовавшій въ іюлѣ 1680 г., произошелъ при ихъ участіи. Вскорѣ послѣ женитьбы царя, 16 августа 1680 г. Языковъ пожалованъ былъ въ окольничіе и назначенъ вѣдать Оружейную и Золотую и Серебряную палаты; а постельничимъ на его мѣсто сдѣланъ Лихачевъ. Въ завѣдываньи Лихачева, какъ постельничаго, находился въ 1681—1682 г.г. пріѣхавшій изъ Гамбурга въ Москву иноземецъ Захаръ Павловъ, приглашенный для выдѣлки бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей, которыя въ большомъ количествѣ требовались для царскихъ одеждъ и для украшенія дворцовыхъ покоевъ. Въ январѣ 1682 г. Лихачевъ подписалъ соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества.

15 мая 1682 г., въ день стрѣлецкаго бунта, когда раздавались голоса о выдачѣ многихъ лицъ, близко стоявшихъ къ покойному царю Ѳеодору Алексѣевичу и затѣмъ принявшихъ сторону царевича Петра, требовали, между прочимъ, выдачи Ал. Тим. Лихачева, а нѣсколько дней спустя требовали ссылки его. Въ это время имущество его подверглось расхищенію и утратились многіе древніе родовые документы.

Въ 1682 г. Лихачевъ сосланъ былъ

«подъ началъ» въ Калязинскій монастырь, откуда велѣно было отправить его въ Сибирь на поселеніе, но, повидимому, онъ въ Сибири не былъ. 19 августа 1683 т. цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожаловали Лихачева въ окольничіе въ Донскомъ монастырѣ, послѣ обѣдни. Сохранились извѣстія, что въ 1697—1699 г.г. на Свѣтлой недѣлѣ онъ участвовалъ въ крестныхъ ходахъ, сопровождая иконы то въ Архангельскій соборъ, то въ дворцовую церковь. 24 августа 1700 г. Петръ Великій поручилъ ему вѣдать новоучрежденный приказъ Рудокопныхъ Дѣлъ. Когда именно Лихачевъ былъ освобожденъ отъ службы—неизвѣстно, но, живя затѣмъ вдали отъ двора въ своей Переяславской вотчинѣ, онъ часто посѣщалъ по сосѣдству Успенскій женскій монастырь, находившійся въ Александровской слободѣ. Монастырь этотъ былъ ему извѣстенъ давно, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича, когда по ходатайству Ѳеод. Мих. Ртищева и его сестры Анны Мих. Вельяминовой, царица Марья Ильинишна посылала туда съ Лихачевымъ свое жалованье, напр., скатерти и овчинныя шубы. Слѣдуетъ кстати упомянуть, что Лихачевъ былъ однимъ изъ ревностныхъ членовъ кружка Ртищева, подобно ему любилъ книги и не ограничивался случайнымъ пріобрѣтеніемъ ихъ, а имѣлъ цѣлое книжное собраніе. Въ 1724 г., по просьбѣ строителя монаха Іоны Маслова, Лихачевъ пожертвовалъ въ вышеупомянутый Успенскій женскій монастырь часть своихъ книгъ, а послѣ его кончины наслѣдники пожертвовали туда многія рукописи, напр.: превосходный списокъ Стоглава, тетрадь дворовую, списокъ бояръ и хронографъ.

Лихачевъ былъ не только книголюбомъ, но и писателемъ: по свидѣтельству Татищева, онъ написалъ «Житіе царя Ѳеодора Алексѣевича». Татищевъ, бывая у Лихачева, видѣлъ у него эту рукопись, читалъ ее и воспользовался впослѣдствіи многими изъ его разсказовъ. Послѣ кончины Лихачева Татищевъ тщетно разыскивалъ рукопись: «нигдѣ достать ея—пишетъ онъ—и о ней навѣдаться не могъ». Ник. Петр. Лихачевъ полагаетъ, что рукопись была уничтожена самимъ авторомъ «въ эпоху страшнаго слѣдствія по дѣлу царевича Алексѣя, когда такое сочиненіе (т. е. сердечный панегирикъ царю Ѳеодору Алексѣевичу) могло показаться весьма *сумнительнымъ*».

Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится «Степенная книга», принадлежавшая Ал. Тим. Лихачеву. Въ началѣ этой «Степенной книги» находится предисловіе, подробныя свѣдѣнія о которомъ сообщены мною въ біографіи царя Ѳеодора Алексѣевича. Это предисловіе составлено, повидимому, не самимъ Лихачевымъ, но онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ задуманной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ «исторической книги», о которой говорится въ предисловіи.

Кромѣ упомянутой выше Переяславской вотчины, у А. Т. Лихачева были вотчины въ Московскомъ уѣздѣ. Одною изъ московскихъ вотчинъ, селомъ Вакоринымъ (Салманово тожъ) онъ «поклонился» въ 1713 г. царицѣ Маріѣ Матвѣевнѣ (Апраксиной), вдовѣ царя Ѳеодора Алексѣевича. Этотъ поступокъ доказываетъ, какъ онъ чтилъ память дружески расположеннаго къ нему царя. Лихачевъ былъ женатъ на Маріи Андреевнѣ, фамилія которой неизвѣстна, и скончался бездѣтнымъ въ глубокой старости въ 1729 г.

Др. Рос. Вивл., XIII и XX.—С. Г. Г. и Д., IV.—*Строевъ*. Выходы царей.—П. С. З., IV. № 1812.—Дв. разр., III и IV.—Указатель къ Боярскимъ книгамъ.—Доп. къ Акт. Ист., т. т. V и X.—Оп. Моск. Арх. Юст., I, №№ 1378, 1466.—*В. И. Холмогоровъ*, «Историч. матер. для составленія церковн. лѣтописей Моск. епархіи». Вып. III. М. 1886 г.—Описи древнимъ грамотамъ и другимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ первоклас. Троицк. Калязина м-ря. Тверь. 1891 г.—«Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергіевича Матвѣева». Изд. 2-е. М. 1785 г.—Записки русскихъ людей, изд. *И. П. Сахаровымъ*. Спб. 1841 г., см. Записки Андрея Артамоновича гр. Матвѣева.—Р. Р. С., 2-е изд. т. I, с. 331.—*Татищевъ*, «Исторія Россійская». 1768 г., кн. I, с. XIII.—*Его же*, Примѣчанія къ Судебнику. Изд. 2-е.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIII.—*Замысловскій*, «Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича», ч. I. Введеніе. Обзоръ источниковъ. Спб. 1871 г.—*Арх. Леонидъ-Кавелинъ*, «Описаніе Успенскаго женскаго м-ря въ г. Александровѣ» въ журналѣ «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Археологич. Институтомъ». 1885 г., вып. I.—*Н. П. Лихачевъ*, «Разрядные дьяки XVI в.» Спб. 1888 г.—*Его же*, «Генеалогическая исторія одной библіотеки». Спб. 1913 г. (отд. от. изъ журнала «Русскій Библіофилъ» № 5, сентябрь, 1913 г.).

В. Корсакова.

Лихачевъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, нумизматъ и археологъ, д. членъ Имп. Р.

Археолог. Общества, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Лихачевыхъ, еще въ XVII в. поселившихся въ Казанской губерніи, родился въ 1832 г., въ родовомъ имѣніи, селѣ Полянкахъ-Никольскомъ Спасскаго уѣзда, трехъ лѣтъ лишился отца и воспитывался матерью, Глафирой Ивановной, рожденной Панаевой, женщиной умной и энергичной; 16-ти лѣтъ поступилъ въ Казанскій университетъ на физико-математическій факультетъ, по разряду естественныхъ наукъ, и въ 1853 г. окончилъ здѣсь курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Вскорѣ по выходѣ изъ университета А. Ѳ. Лихачевъ поступилъ на службу въ канцелярію казанскаго губернатора, но пробылъ здѣсь всего около пяти лѣтъ и въ 1858 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку. Съ этого времени онъ всецѣло отдался своей любимой наукѣ—нумизматикѣ.

Любовь къ собиранію монетъ, ихъ разбору и классификаціи проявилась у Лихачева еще въ юношескомъ возрастѣ, но съ годами она перешла въ страсть коллекціонера, до нѣкоторой степени наслѣдственную въ его родѣ. Дальнѣйшее-же развитіе этой страсти и направленіе ея главнымъ образомъ на восточную нумизматику объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что родное село Лихачевыхъ Полянки находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ историческими развалинами древняго Булгара. «Постоянныя находки тамъ древнихъ монетъ и вещей, особенно богатыя въ 50-хъ годахъ,—говоритъ В. К. Трутовскій,—легкость ихъ пріобрѣтенія, возможность, наконецъ, самому пытать счастье и рыться въ остаткахъ нѣкогда славной столицы Волжской Булгаріи,—все это не могло, конечно, не заинтересовать юношу, таившаго въ себѣ смутное стремленіе къ археологіи, не увлечь его. И вотъ, постоянно открывающіеся клады татарскихъ и другихъ восточныхъ монетъ привлекаютъ къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе молодого студента, зародышъ научныхъ стремленій находитъ себѣ искомую пищу, развивается и захватываетъ собою молодого студента». Недостатокъ знанія восточныхъ языковъ вначалѣ мѣшалъ нумизматическимъ изысканіямъ Лихачева, но и этотъ пробѣлъ скоро былъ имъ восполненъ. Со свойственнымъ ему рвеніемъ онъ принялся за изученіе Френа и другихъ сочиненій по восточной нумизматикѣ, по таблицамъ здѣсь знакомился съ начертаніями на монетахъ, учился ихъ дешифрировать и при нѣкоторой помощи маститаго І. Ѳ. Готвальда достигъ блестящихъ успѣховъ, такъ что впослѣдствіи разбиралъ надписи на восточныхъ монетахъ, какъ рѣдко кто изъ спеціалистовъ-оріенталистовъ.

Выйдя въ отставку и занявшись окончательно нумизматикой и археологіей, Андрей Ѳедоровичъ продолжалъ еще съ большимъ усердіемъ пополнять свои коллекціи, особенно нумизматическую. Булгары, клады Казанской и другихъ смежныхъ губерній, случайныя находки, покупки у частныхъ лицъ въ Россіи и за границей увеличили эту коллекцію его до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ монетъ. Сюда входили, впрочемъ, не только восточныя монеты, а также греческія, римскія, русскія и европейскія, но львиная доля принадлежала первымъ. Постоянныя приращенія монетъ, особый интересъ къ нѣкоторымъ отдѣламъ коллекціи,—монетамъ джучидскимъ, напримѣръ, наконецъ, слабость здоровья не дали, къ сожалѣнію, возможности Лихачеву привести въ полный порядокъ собранные имъ богатѣйшіе и интереснѣйшіе матеріалы. Литературно-нумизматическихъ трудовъ его, появившихся въ печати, не много; изъ нихъ извѣстны слѣдующіе: 1) краткое описаніе пяти случаевъ находокъ восточныхъ монетъ въ Спасскомъ уѣздѣ подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о нѣкоторыхъ кладахъ восточныхъ монетъ въ Казанской губерніи» («Извѣстія Им. Археолог. Общества», 1868 г., т. VI, отд. 2, стр. 243—246); 2) «Новый кладъ Джучидскихъ монетъ» (Ibid., 1872 г., т. VIII, стр. 38—43) съ подробнымъ описаніемъ этихъ монетъ, найденныхъ въ селѣ Болгарахъ (Успенскомъ); 3) «Золотой кладъ изъ динаровъ патанскихъ султановъ Индіи» («Записки Вост. Отд. Им. Р. А. О.», 1886 г., новая серія, т. I, в. 2., стр. 55—73)—статья, содержащая въ себѣ, кромѣ подробнаго описанія самаго клада, еще интересныя и цѣнныя разсужденія автора о причинахъ появленія и обращенія въ Волжской Булгаріи подобныхъ динаровъ и исторію прежнихъ такихъ-же находокъ; 4) въ высшей степени интересная, снабженная многими историческими примѣчаніями, статья «Чистопольскій кладъ изъ куфическихъ монетъ второй половины X в., открытый

въ 1885 г.» (Ibid., т. II, в. 1—2, стр. 33—63); 5) описаніе мало еще изслѣдованныхъ монетъ Болгарскихъ хановъ—«Новый Болгарскій кладъ» («Записки Вост. Отд. Им. Р. А. О.», новая серія, т. III, в. 3, стр. 168—183) и 6) небольшая замѣтка «О находкѣ патанскаго динара въ 1888 г.» (Ibid., т. IV, в. 1—2, стр. 97—103), служащая дополненіемъ къ вышеуказанному описанію кладовъ подобныхъ динаровъ. Кромѣ перечисленныхъ нумизматическихъ работъ, нѣсколько осталось еще въ рукописяхъ. Изъ нихъ несомнѣнный научный интересъ представляютъ: «Античныя монеты, находимыя на почвѣ Волжской Булгаріи», «Введеніе для описанія кладовъ джучидскихъ монетъ», «Соображенія относительно вѣса джучидскихъ монетъ» и «Неизданныя и мало извѣстныя джучидскія монеты». Въ области археологіи Лихачевъ интересовался главнымъ образомъ доисторическимъ періодомъ. Его изслѣдованія о древностяхъ (бронзовый вѣкъ) нынѣшней Казанской губерніи: «Бытовые памятники Великой Булгаріи» (Спб., 1876 г.) и «Скиѳскій слѣдъ на Билярской почвѣ» (Казань, 1885 г.) по справедливости занимаютъ выдающееся мѣсто среди подобныхъ работъ другихъ ученыхъ. Наконецъ, Лихачевъ занимался и этнографіей роднаго ему края.

Сообразно его разностороннимъ занятіямъ въ различныхъ областяхъ археологической науки въ составъ его прекрасныхъ коллекцій, кромѣ монетъ, входили различныя древности археологическаго характера, а также фамильные портреты, старинныя и новыя картины, гравюры, фарфоръ, кресты, иконы, оружіе и т. п. Въ его библіотекѣ хранились цѣнныя книги и старые документы. Кое-что изъ всего этого еще раньше было собрано его прадѣдомъ и отцомъ и, съ разрѣшенія матери, перевезено имъ въ Казань изъ родныхъ Полянокъ, куда часто заѣзжалъ Андрей Ѳедоровичъ и гдѣ онъ скончался 11 августа 1890 г. Всѣ коллекціи А. Ѳ. Лихачева, а также его книги и оставшіяся ненапечатанными рукописи ученыхъ трудовъ впослѣдствіи принесены были въ даръ городу Казани его братомъ, извѣстнымъ любителемъ археологіи, вице-адмираломъ И. Ѳ. Лихачевымъ, и образовали такъ называемый Лихачевскій Музей въ Казани.

В. К. Трутовскій, Біографическій очеркъ въ «Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества», 1898 г., т. I, стр. 225—230.—*Н. П. Лихачевъ*, «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки», Спб., 1913, стр. 66, 67.—Подвиж. каталогъ Им. Академіи Наукъ.

А. Гельвихъ.

Лихачевъ, *Василій Богдановичъ*. Въ 1629 г. былъ патріаршимъ стольникомъ, въ 1636—68 гг.—дворяниномъ московскимъ, въ 1641 г.—воеводою въ Цивильскѣ. Въ 1649—52 гг., въ числѣ другихъ дворянъ, сопровождалъ иногда царя Алексѣя Михайловича и царицу Марью Ильинишну въ загородныхъ и богомольныхъ походахъ. Въ іюлѣ 1656 г., во время польскаго похода царя Алексѣя Михайловича, былъ въ Полоцкѣ приставомъ у пословъ нѣмецкаго императора, а 10-го августа подъ Кукейносомъ приставомъ у датскаго посланника. Въ 1659 г. Лихачеву былъ данъ титулъ намѣстника Боровскаго по случаю посольства его во Флоренцію къ Тосканскому великому герцогу Фердинанду II изъ дома Медичи. Цѣлью посольства было: 1) благодарить в. герцога за пріемъ, оказанный въ 1656 г. посланникамъ Чемоданову и Посникову, проѣзжавшимъ черезъ его владѣнія по пути въ Венецію; 2) сообщить о дозволеніи торговымъ людямъ, подданнымъ в. герцога Фердинанда, еще въ теченіе пяти лѣтъ держать на откупѣ икряной промыселъ въ Архангельскѣ; 3) просить в. герцога о продажѣ въ его владѣніяхъ московскимъ торговымъ людямъ безъ пошлины «узорочныхъ товаровъ» для царскаго обихода и вообще о дозволеніи имъ «поволной (т. е. безпошлинной) торговли». Такія же льготы царь Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ предоставить флорентинцамъ у себя въ Московскомъ государствѣ.

Сохранилось двѣ редакціи «Статейнаго списка» Вас. Богд. Лихачева: болѣе полная напечатана въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» и представляетъ подробный офиціальный докладъ по обще-принятому образцу; краткая редакція принадлежитъ перу самого Лихачева. Очевидно, онъ очень дорожилъ своей рукописью, по которой могъ впослѣдствіи разсказать близкимъ людямъ разныя подробности о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ

изъ заморскаго путешествія. На обратномъ пути, при переходѣ черезъ Санъ-Готардъ: «Государеву казну и рухлядь съ того стана (изъ с. Ролы) повезли на волахъ, а Флоренскаго князя листъ, статейный списокъ несли подьячіе, для того что лошадей со вьюками, какъ вѣтръ великъ, бросаетъ въ глубокія пропасти».

Посланникомъ во Флоренцію съ Вас. Богд. Лихачевымъ былъ отправленъ дьякъ Иванъ Ѳоминъ; въ дворянахъ съ ними назначены были два человѣка «изъ житья»; кромѣ того, изъ Посольскаго приказа переводчикъ итальянскаго языка Топоровскій, толмачъ нѣмецкаго языка Плетниковъ, «для письма государевыхъ дѣлъ» Помѣстнаго приказа подьячій Полковъ. Въ Архангельскѣ велѣно было взять еще одного подьячаго и цѣловальника для храненія «государевой соболиной казны», которую посланники везли въ подарокъ отъ царя в. герцогу и его приближеннымъ.

23-го іюня 1659 г. послѣдовалъ указъ о посольствѣ; въ этотъ же день были на отпускѣ у руки государя посланники, дворяне, переводчикъ, толмачъ и подьячіе. 8-го іюля они выѣхали изъ Москвы, а въ Архангельскъ прибыли лишь 17-го августа; архангельскій воевода Ив. Богд. Милославскій далъ имъ, согласно царскому предписанію, подьячаго и цѣловальника. Въ Архангельскѣ пришлось прожить болѣе мѣсяца въ ожиданіи прибытія кораблей. 21-го сентября, отслушавъ молебенъ въ Преображенскомъ соборѣ, Лихачевъ и его товарищи поѣхали, въ сопровожденіи ста стрѣльцовъ, на «Мосѣевъ островъ», откуда слѣдовало снарядиться въ дальнее плаваніе. Лихачева озабачивала мысль о возможности нападенія на нихъ въ Средиземномъ морѣ «турскихъ воровскихъ людей», но корабельщики успокаивали его, увѣряя, что если даже и встрѣтятся имъ турецкія суда, то все обойдется благополучно, такъ какъ оба корабля, на которыхъ отправляется посольство, англійскіе, а между англичанами и турками нѣтъ вражды. Въ числѣ 27 лицъ, поѣхавшихъ съ Лихачевымъ, находился крестовый попъ, которому 26-го сентября пришлось совершить отпѣваніе и погребеніе въ морѣ: умеръ переводчикъ Топоровскій. 9-го ноября вступили въ Средиземное море, и Лихачевъ, съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ Статейномъ спискѣ: «На томъ морѣ дни стали свѣтлы и красны, какъ у насъ о Троицынѣ днѣ, а тутъ о Филипповѣ заговѣньѣ таковы: а дни и ночи одинаковы». Плаваніе по Средиземному морю было непріятно и опасно: вслѣдствіе продолжительныхъ и частыхъ бурь пришлось для облегченія корабля побросать въ море много съѣстныхъ припасовъ и бочекъ съ прѣсной водой. Къ концу декабря ощущался такой большой недостатокъ въ водѣ, что рады были собрать дождевую воду, подставивъ подъ парусы и подъ снасти ведра и котлы. Передъ приходомъ 5-го января 1660 г. въ Ливорно разразилась страшная буря, повредившая корабли; если бы это случилось версты за три отъ города, то произошло бы кораблекрушеніе.

6-го января, по приказанію ливорнскаго градоначальника, были наведены справки, все ли благополучно на корабляхъ. Оказалось, что люди здоровы и нечего опасаться возможности занести въ городъ моровое повѣтріе, а потому 7-го января градоначальникъ Ливорно, Томасъ Селесторій, прислалъ приглашать посланника со свитой въ городъ. «Урядясь въ посольское платье» и сѣвъ въ крытыя гребныя суда, обитыя бархатомъ, они поѣхали въ Ливорно, при чемъ послѣдовала пальба изъ орудій со всѣхъ кораблей, стоявшихъ въ гавани. На пристани ихъ встрѣтилъ Селесторій съ разными начальственными людьми и простыми гражданами. Отъ пристани до города Лихачевъ, дьякъ, дворянинъ, подьячіе и толмачъ ѣхали въ двухъ княжескихъ каретахъ шестерикомъ; посланничьи люди слѣдовали за каретами пѣшкомъ; по обѣ стороны каретъ шли восемь человѣкъ съ восковыми свѣчами. Посланники прожили въ Ливорно три дня въ домѣ торговаго человѣка, который принималъ «государеву черную армянскую икру». Лихачевъ обратилъ вниманіе на прекрасныя зданія и на обиліе торговыхъ людей всякихъ народностей, но больше всего его поразилъ фонтанъ. Описаніе этого фонтана такъ своеобразно, что приводимъ его дословно: «А въ городѣ Ливорнѣ ключевая вода приведена: приходили подъ городъ Ливорну отъ Турскаго паши начальный человѣкъ съ двумя пашами жъ начальными, или со ближними своими, и на приступѣ городскомъ плѣнили и взяли ихъ въ Ливорну. И какъ

уже они пропали (умерли), и Ливорскіе жители вылили въ ихъ лика великіе сидячіе идолы сажени по три: и сидятъ и нынѣ всѣ трое перекованы; а у всѣхъ у троихъ безпрестанно день и ночь изъ ушей и изо рта течетъ ключевая вода: оттуда граждане и воду черпаютъ».

По приглашенію Тосканскаго в. герцога, переданному Селесторіемъ, посольство отправилось въ Пизу, гдѣ герцогъ съ женой и сыномъ четыре недѣли ожидали его прибытія. Посланники вручили герцогу царскую грамоту и «любительныя поминки». Интересно описаніе пріема посланниковъ герцогомъ и его рѣчи, въ которой онъ будто бы называлъ себя «холопомъ» царя Алексѣя Михайловича; «имя его—говорилъ герцогъ—преславно и страшно во всѣхъ государствахъ, отъ ветхаго Рима и до новаго и до Іерусалима: и что мнѣ бѣдному воздать за его Великаго Государя велію и премногую милость?» По окончаніи этой рѣчи герцогъ пошелъ съ посланниками въ палаты.

Весьма естественно, что Лихачевъ, впервые увидавшій иные порядки, чѣмъ тѣ, къ которымъ онъ привыкъ въ Москвѣ, не находилъ иногда словъ для выраженія своихъ впечатлѣній и новыхъ понятій, а потому заносилъ ихъ на бумагу примѣнительно къ московскому придворному обиходу. Лично для него не было никого выше и славнѣе царя Алексѣя Михайловича, и онъ вкладываетъ въ уста Тосканскаго в. герцога такія рѣчи, какія слышались въ кремлѣ. «Князь (герцогъ) Фердинандъ—пишетъ Лихачевъ далѣе—билъ челомъ царскаго величества посланникамъ, во Флоренскъ ѣхать прежде себя для того, что де для васъ будетъ стрѣльба многая, а сторонніе подумаютъ, что для меня де стрѣльба, а не для васъ будетъ».

Во Флоренціи посланниковъ встрѣтили 13-го января братья герцога, его сынъ и множество высокопоставленныхъ лицъ, торговыхъ «и всякихъ чиновъ людей», такъ что было больше ста каретъ. Читая въ «Дворцовыхъ разрядахъ» описаніе пріемовъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ иностранныхъ пословъ, выносишь впечатлѣніе, что послы должны цѣнить оказываемое имъ вниманіе. Въ «Статейномъ спискѣ» Лихачева встрѣчается совершенно обратное явленіе: не посланники польщены пріемомъ, а герцогъ долженъ быть счастливъ, принимая у себя представителей Московскаго царя. У Лихачева сказано кратко: «Царскаго величества посланникамъ билъ челомъ князь, чтобы они пожаловали, посѣтили въ палатахъ братію его и княгиню и сына его Косму; и посланники въ палатахъ у нихъ были и съ ними виталися». Въ офиціальномъ «Статейномъ спискѣ» находятся интересныя подробности по поводу настоятельныхъ требованій герцога, чтобы посланники посѣтили членовъ его семьи. Требованія эти вызвали цѣлый рядъ пререканій съ обѣихъ сторонъ. Герцогъ грозилъ выслать посланниковъ изъ занимаемаго ими дворцоваго помѣщенія и отправить ихъ обратно безъ аудіенціи. По приказанію герцога приставъ упомянулъ, что посланники всѣхъ иностранныхъ государей, наслѣдные принцы шведскій и польскій, а также и московскіе посланники Чемодановъ и Посниковъ безпрекословно посѣщали членовъ герцогской семьи. Отказываясь исполнить издавна существующій обычай, московскіе посланники наносятъ герцогу оскорбленіе и безчестіе. Лихачевъ и дьякъ Ѳоминъ стояли на своемъ: царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ ихъ къ герцогу по «своимъ государскимъ великимъ дѣламъ», а не къ его братьямъ, сыну и женѣ. «А какъ мы были въ городѣ Пизѣ—сказано въ «Статейномъ спискѣ»,—а нынѣ во Флоренски, и княжіе братья, для имяни В. Г-ря нашего, Е. Цар. Вел-ва, посетить насъ не бывали и чести намъ не воздали, и намъ къ нимъ итти отнюдь не пристойно; а что иныхъ государствъ послы и посланники, и королевскіе братья и дѣти бываютъ у князя вашего и бывъ ходятъ ко княгинѣ, и къ сыну, и къ братьямъ ево, и намъ не токмо иныхъ государствъ послы и посланники, и королевскіе братья и дѣти не образецъ; а что Цар. Вел-ва посланники Иванъ Чемодановъ да дьякъ Алексѣй Посниковъ посыланы были въ Виницѣю, и имъ случилось ѣхать княжею землею проѣздомъ, и хотя будетъ они были у княгини, и у сына, и у братьевъ его, и то намъ не образецъ же, потому что они ѣхали мимоѣздомъ, а не къ нему Грандукѣ были посланы». Въ концѣ концовъ посланники были 17-го января «въ отвѣтѣ» у герцога и въ тотъ же день посѣтили его сына и братьевъ, получивъ отъ нихъ приглашеніе; нѣсколько дней спустя, они были и у герцогини.

18-го января, въ сопровожденіи переводчика латинскаго языка Сакса, посланники объѣхали городъ и осматривали достопримѣчательности въ «казенныхъ палатахъ», а по теперешнему въ государственныхъ и городскихъ публичныхъ зданіяхъ и музеяхъ. Лихачева и его спутниковъ поразилъ, между прочимъ, въ одной изъ палатъ планетарій: «небесное движеніе и кругъ, а въ немъ описаніе всего свѣта и солнечный бѣгъ». Затѣмъ они посѣтили оружейный дворъ, обведенный рвомъ, полюбовались въ конюшенномъ дворѣ на иноходцевъ и аргамаковъ, которыхъ насчитывалось тамъ до четырехсотъ, и заключили звѣринцемъ. «Они же (т. е. конюхи) казали 2 льва да 2 медвѣдя живыхъ, 2 птицы строфокамилы: одна птица снесла яйцо, тому часа нѣтъ, а тянетъ полпята фунта. Князь послалъ къ посланникамъ, а величиною съ шапку: яишницу ѣли 27 человѣкъ изъ одного яйца». 20-го января герцогъ Фердинандъ пригласилъ посланниковъ къ себѣ на обѣдъ; за столомъ Лихачевъ сидѣлъ между герцогомъ и его братомъ Матіасомъ. Когда пили за здоровье царя Алексѣя Михайловича, царицы Марьи Ильинишны, царевичей и царевенъ, герцогъ, его братья и сынъ стояли. По окончаніи обѣда посланники ушли въ свои палаты, но вскорѣ были вновь позваны къ герцогу, у котораго собрались высшіе сановники съ женами; танцы продолжались всю ночь.

Лихачевъ три раза посѣтилъ театральныя представленія, и они произвели на него большое впечатлѣніе, былъ на «карусельномъ мнимомъ поединкѣ», какъ сказано въ итальянскомъ документѣ, видѣлъ фокусника. Впечатлѣніе получилось только внѣшнее, и описаніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ увеселеній онъ озаглавилъ: «О комедіяхъ». «Князь приказалъ играть — пишетъ Лихачевъ — объявилися палаты, и бывъ палата, и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди: и почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ, за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ: а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ».

«А въ иной перемѣнѣ, въ палатѣ, объявилося поле, полно костей человѣческихъ, и враны прилетѣли и почали клевать кости; да море же объявилося въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе и люди въ нихъ плаваютъ».

«А въ иной перемѣнѣ, объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ, и почали саблями и шпагами рубитися, и изъ пищалей стрѣляти, и человѣка съ три какъ будто и убили: и многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многія диковинки дѣлали: да вышедъ малый и почалъ прошать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опресночныхъ давали, а накормить его не могли».

Въ теченіе восьми дней посланники осматривали «потѣшные» дворы и палаты герцога и его семейства. Лихачевъ обратилъ вниманіе на убранство этихъ палатъ, на разныя вещи «предивныя однозолотыя, янтарныя и хрустальныя», на аспидные, т. е. мраморные столы «навожены драгими травами съ золотомъ». Заняли его большія, полутора-аршинныя зеркала, въ которыхъ люди видны во весь ростъ, заняли также «запоны», т. е. занавѣсы, на которыхъ писаны «бытія» и иныя вещи. «А въ иныхъ палатахъ—замѣчаетъ Лихачевъ—проведена вода прехитрымъ дѣломъ: отвернутъ щурупъ, и всѣхъ людей въ палатѣ омочитъ; а идетъ вода на разныя капли изъ камени, изъ рѣшетокъ желѣзныхъ, и капли идутъ на конское побѣжище; а щурупъ завернутъ, и воды станетъ только».

Въ садахъ Лихачевъ восхищался кедрами и кипарисами; отмѣтилъ, какіе плоды видѣлъ; по поводу винограда двухъ цвѣтовъ упомянулъ о сортахъ винъ и прибавилъ: «а водокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковитка: пуще тройнаго вина, а пить дадутъ всего щурупъ, или два стклянничныхъ». Описывая разные музыкальные инструменты, Лихачевъ съ удивленіемъ остановился на органахъ; «а инаго описать не умѣть: потому-что чего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ»— такъ закончилъ онъ свое повѣствованіе о Флоренціи.

Это замѣчаніе Лихачева можно приложить и къ Тосканской герцогской четѣ: получивъ отъ царя Алексѣя Михайловича собольи и другіе мѣха, герцогъ сталъ разспрашивать Лихачева про «Сибирское государство» и разсматривалъ его по «чертежу», т. е. на географической картѣ. Герцогъ былъ пораженъ размѣрами Сибири и очень удивлялся, что нельзя «выловить» живущихъ тамъ соболей, куницъ, лисицъ, бѣлокъ и прочихъ звѣрей; онъ даже взялъ у Лихачева роспись, «по скольку который звѣрь годомъ плодится». Разспросы и удивленіе герцога Лихачевъ совершенно правильно объяснилъ себѣ тѣмъ, что «у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста зѣло гористы, а не лѣсны, а лѣсъ все саженый». Герцогиня пожелала, чтобы были сдѣланы двѣ шубки «по русскому обычаю», которыя она могла бы подарить своей новобрачной невѣсткѣ. Лихачевъ распорядился сдѣлать двѣ шубки: одна была горностаевая, крытая камкой, другая бѣличья, крытая тафтой; герцогиня «вздѣла на себя—пишетъ Лихачевъ—и дивилася, что урядно выдѣлали».

Около половины февраля посланники завели рѣчь объ отпускѣ ихъ изъ Флоренціи черезъ горы на Амстердамъ, а не Средиземнымъ моремъ, опасаясь нападенія «турскихъ воровскихъ людей», и просили герцога дать имъ къ царю Алексѣю Михайловичу «листъ отъ себя за золотою печатью». Герцогъ согласился на ихъ просьбы и обѣщалъ выдать листъ за золотою печатью, тогда какъ въ другія государства онъ посылаетъ обыкновенно листы за свинцовою печатью.

Герцогиня пригласила посланниковъ въ свои палаты, сказала имъ на прощанье много лестнаго и, вѣроятно, просила, какъ говорится у насъ въ просторѣчіи, «не поминать лихомъ». Но Лихачевъ занесъ въ свой «Статейный списокъ» длинную рѣчь, довольно высокопарную по слогу, подтверждающую высказанное нами выше мнѣніе, что Лихачевъ преклонялся передъ величіемъ царя Алексѣя Михайловича и считалъ, что всѣ, въ томъ числѣ и иностранные государи, смотрятъ на него, какъ на своего повелителя. Передъ отъѣздомъ герцогъ подарилъ Лихачеву и дьяку Ѳомину по золотой цѣпи, одному въ 10, другому въ 8 фунтовъ, и по «портищу»: алтабасу объяри золотной, бархату флорентійскаго, атласу, тафты и камки. Дворянинъ получилъ два золотыхъ перстня и пару пистолей; московскій подьячій получилъ «каламанъ», т. е. серебряную чернильницу, фунтовъ въ семь, и два золотыхъ перстня. Не были забыты и крестовый попъ Иванъ, архангельскій подьячій и толмачъ: каждому изъ нихъ дано по золотой цѣпочкѣ, вѣсомъ по 1 фун. 20 золотн.

15-го февраля братъ герцога Матіасъ проводилъ посланниковъ за городъ; Лихачевъ и дьякъ ѣхали на ослахъ, а всѣ остальные верхомъ на лошадяхъ. Въ Болоньи они остановились на одинъ день, и Лихачевъ нашелъ, что Болонья «больше и краснѣе» (красивѣе) Флоренціи. Въ Моденѣ имъ былъ оказанъ торжественный пріемъ братомъ герцога, такъ какъ самъ герцогъ былъ въ это время боленъ. Изъ Модены они направились въ Миланъ, гдѣ наняли верховыхъ и вьючныхъ лошадей до Базеля. Лихачевъ записалъ для памяти, что въ Миланѣ «опочиваетъ въ костелѣ Амвросій, епископъ Медіоланскій», авторъ православнаго пѣснопѣнія «Тебе Бога хвалимъ». На пути изъ Милана слѣдуетъ отмѣтить переходъ посланниковъ черезъ Санъ-Готардъ, называемый Лихачевымъ «Сангутаръ», у подножія котораго они прожили три дня, ожидая проложенія дороги черезъ эту знаменитую гору; «а по нашъ пріѣздъ—замѣчаетъ Лихачевъ—чрезъ ту гору Сангутаръ никто не бывалъ».

Вѣроятно, это замѣчаніе относится только къ русскимъ людямъ, такъ какъ, по словамъ того же Лихачева, на горѣ Санъ-Готардѣ имѣлась гостиница, гдѣ московское посольство и обѣдало. Отъ Санъ-Готарда Лихачевъ со свитой поѣхали черезъ Люцернъ въ Базель, куда они и прибыли 11-го марта. Базель очень понравился Лихачеву, но онъ не сдѣлалъ его описанія и отмѣтилъ только, что этотъ городъ больше Флоренціи и Болоньи, что тамъ «начальный—бурмистръ Клейштенъ» и что посланники вымѣняли въ Базелѣ у иноземца икону пр. Александра Свирскаго; въ промѣнъ за нее дали пару соболей въ 3 рубля. Путешествіе по Рейну (Лихачевъ называетъ его *Реною рѣкою*) продолжалось двѣ недѣли и два дня. Вотъ впечатлѣніе, полученное отъ Рейна: «А рѣка зѣло красна и весела и пряма и быстра, такъ что воды пить не можно, вся съ пескомъ... не доплывъ до Амстердама, (она)

на правую сторону впала въ море». Лихачевъ обратилъ вниманіе на башню, построенную на берегу Рейна, «а сказываютъ, что въ той башнѣ короля мыши съѣли»; дальше занялъ его «столпъ высокъ зѣло, а на немъ устроено лунное и солнечное теченіе, и часы бьютъ на тридцать разныхъ статей по кимвальному; да сколько дней въ году, столько на немъ и оконъ, 365». Въ Кельнѣ «въ костелѣ почиваютъ волсви Персидскія», т. е. Мельхіоръ, Валтасаръ и Каспаръ, которыхъ римскіе католики считаютъ волхвами, принесшими дары новорожденному Іисусу Христу въ Виѳлеемѣ. Изъ Кельна до Амстердама плыли по каналу, на которомъ въ трехъ мѣстахъ сдѣланы шлюзы, названные Лихачевымъ «желѣзными воротами».

27-го марта посольство подъѣхало къ Амстердаму, а 30-го марта оно было торжественно встрѣчено въ самомъ городѣ бургомистромъ, городской гвардіей и торговыми людьми; дворъ для посланниковъ отвели по близости отъ «Думной палаты», т. е. ратуши. Посольство прожило въ Амстердамѣ три недѣли, и Лихачеву было достаточно времени ознакомиться какъ съ внѣшнимъ устройствомъ города, такъ и съ особенностями его внутренняго распорядка. Его, очевидно, поразила способность голландцевъ превращать море въ сушу и ихъ умѣнье не только построить палаты на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше была гавань, но и настойчиво охранять искусственно созданныя земельныя угодья. Большое количество богатыхъ людей, обиліе свѣжей рыбы, торговля которою сосредоточена въ рукахъ женщинъ, отсутствіе хлѣба, прѣсной воды и дровъ—все это не ускользнуло отъ вниманія Лихачева. Приводимъ цѣликомъ его описаніе благотворительныхъ учрежденій Амстердама: «А къ нищимъ и безотечнымъ и ко всякимъ недужнымъ попеченія и строю ни въ которыхъ градѣхъ такого нѣтъ: дворъ каменный, и въ немъ палаты, а въ нихъ въ училищѣ человѣкъ съ 400; полата—дѣвицъ съ 300; три полаты съ женщинами, а всѣмъ пища, и одежда, и мѣста отъ бурмистровъ и отъ торговыхъ людей; да и рукодѣліе всѣмъ указано, кто что умѣетъ; а дѣлаютъ на бурмистровъ. Богадѣльня великая каменная; полата красная».

Какъ видно, Лихачевъ внимательно осмотрѣлъ школу, богадѣльню, сиротскій пріютъ и домъ трудолюбія. Если мы припомнимъ, что въ Москвѣ въ это время дѣлались лишь первыя попытки оказанія помощи больнымъ, безпріютнымъ и престарѣлымъ, что помощь эта исходила отъ извѣстнаго благотворителя Ѳеод. Мих. *Большого* Ртищева и что не существовало еще государственныхъ благотворительныхъ учрежденій, то мы поймемъ, какое глубокое впечатлѣніе должны были произвести на Лихачева вышеупомянутыя общественныя благотворительныя учрежденія.

Между Московскимъ государствомъ и Голландіей со временъ Іоанна Грознаго существовали оживленныя торговыя сношенія, и этимъ объясняется тотъ радушный пріемъ, который встрѣтилъ Лихачевъ въ Амстердамѣ. Впослѣдствіи оба эти государства еще болѣе сблизились, благодаря поѣздкамъ въ Голландію Петра Великаго. Какъ велико было въ Амстердамѣ въ 1660 г. дружелюбное расположеніе къ русскимъ, можно заключить изъ предложенія голландскихъ купцовъ, производившихъ торговлю въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, довезти московское посольство на своихъ корабляхъ безплатно до Архангельска. Выѣхавъ изъ Амстердама 20-го апрѣля, посланники вышли въ море, вслѣдствіе непогоды, только 28-го апрѣля. 7-го іюня они достигли Двинскаго Березовскаго устья и увѣдомили о своемъ пріѣздѣ архангельскаго воеводу, стольника Ив. Богд. Милославскаго и дьяка Ермолаева. Для пріема посланниковъ съ кораблей Милославскій прислалъ стрѣлецкаго сотника и съ нимъ пятьдесятъ стрѣльцовъ. Въ честь отъѣзда посольства корабельщики стрѣляли изъ пушекъ. Описаніе путешествія Лихачева и его свиты заканчивается извѣстіемъ, что 15-го іюля они поѣхали съ Вологды.

Посольство Вас. Богдановича Лихачева и дьяка Ѳомина произвело, повидимому, во Флоренціи сильное впечатлѣніе. Въ Италіи существуетъ картина, на которой изображено, какъ Лихачевъ и Ѳоминъ правятъ въ 1659 г. посольство передъ Фердинандомъ II-мъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ. Снимки съ этой картины помѣщены въ двухъ книгахъ. Первая изъ этихъ книгъ: «Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II-му, великому герцогу Тосканскому» (М. 1840 г.); вторая: «Генеалогическая исторія одной

помѣщичьей библіотеки» (СПБ. 1913 г., приложенія), составленная Н. П. Лихачевымъ.

4-го іюля 1661 г., безъ малаго годъ спустя по возвращеніи Лихачева изъ посольства, онъ былъ назначенъ «примать» въ Архангельскѣ «Аглинскихъ Нѣмецъ», которые ѣдутъ служить въ Московскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ Лихачевымъ назначены были стольники: Ѳеод. Мих. Лодыженскій и Вас. Гр. Нечаевъ. 10-го іюля Лихачевъ билъ челомъ на Лодыженскаго, что ему быть съ нимъ невмѣстно; на слѣдующій день Лодыженскій билъ челомъ о безчестьѣ и оборонѣ. Закончилось это мѣстничество для Лихачева весьма печально: 29-го іюля думный дьякъ Заборовскій объявилъ Лихачеву съ Краснаго крыльца, что онъ билъ челомъ «не дѣломъ», а потому будетъ посланъ въ тюрьму съ подьячимъ. Послѣднее извѣстіе о Лихачевѣ относится къ 1668 г., когда онъ былъ воеводою въ Сосницахъ; противъ его имени сдѣлана отмѣтка: «Отданъ измѣнниками Черкасами въ Крымъ».

Лихачевъ былъ женатъ на Ксеніи Аѳанасьевнѣ Зубовой и потомства не оставилъ.

Дв. разр., II, III и Доп. къ III т.—Р. И. Б., X.—Р. Р. С., I, изд. 2-е.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.».—Др. Рос. Вивл., IV, с. 339—359.—«Памятн. дипломатич. сношеній», X, стр. 509—670.—*Н. П. Лихачевъ*, «Генеалогическая исторія одной библіотеки». Спб. 1913 г. (отд. от. изъ журнала «Русскій Библіофилъ», № 5, сентябрь, 1913 г.).—«Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова». Казань. 1912—1913 гг. (Статья въ этой книгѣ *Л. К. Ильинскаго* «Русскій на западѣ въ 1659 году», стр. 211—228).

В. Корсакова.

Лихачевъ, *Константинъ Ивановичъ*, библіофилъ первой половины XVII в., сынъ Ивана Ивановича Лихачева, по прозвищу Пѣшка, какъ исключеніе для служилыхъ Лихачевыхъ XVI—XVII в., не касался письменныхъ дѣлъ и всю жизнь прослужилъ въ дворцовомъ хозяйствѣ. Отецъ пристроилъ его въ Сытный Дворецъ, и здѣсь онъ много лѣтъ подрядъ состоялъ «путнымъ ключникомъ»; въ качествѣ такового упоминается онъ и въ разрядѣ первой свадьбы царя Алексѣя Михайловича (въ 1648 г.) «у питья и у ѣствы».

Человѣкъ зажиточный и чуждый мелкаго честолюбія, Константинъ Ивановичъ, повидимому, весь отдался своей страсти библіофила. Въ настоящее время невозможно судить о количествѣ книгъ, собранныхъ имъ, неизвѣстно даже, къ кому перешла эта любопытная библіотека послѣ смерти ея владѣльца, умершаго бездѣтнымъ; сохранилось отъ нея всего нѣсколько книгъ, по которымъ и приходится судить, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, о томъ, какъ велико было это, необычное для тогдашняго времени, книжное увлеченіе «путнаго ключника».

Изъ книгъ, принадлежавшихъ Лихачеву и розданныхъ имъ подъ старость въ разные монастыри, извѣстны три: 1) «*Минея Служебная*» (Московское изданіе 1625 г.)—мѣсяцъ апрѣль, пожертвованная Лихачевымъ въ 1649 г. въ Троицкую Колесникову пустынь; 2) «*Прологъ*» Московскаго изданія 1643 г., часть котораго, содержащая мѣсяцы—іюнь, іюль и августъ, хранитъ на своихъ листахъ подробную вкладную запись, и 3) находящаяся въ собраніи Овчинникова рукописная *Минея Четья* за декабрь, принесенная въ даръ Троице-Сергіеву монастырю. Однако для характеристики стариннаго московскаго библіофила еще интереснѣе этихъ книгъ является четвертая его книга—рукопись, хранящаяся въ собраніи П. И. Щукина: это «*Псалтырь слѣдованная*», писанная полууставомъ въ 1586 г. трудами Гавріила Сергѣева сына Басова въ Москвѣ по заказу Діомида Дементьева сына; по листамъ ея черезъ всю рукопись идетъ запись скорописью: «книга глаголемая псалтырь (съ) следован(ь)емъ и с седмишною службою, и святцы съ новыми чюдотворцы, и с трепари, и с кондаки, и с молитвами *толки сижачоша и ешо лыпа некма* куплена села Глобовскаго у никольского попа Никиты Иванова сына, а дана *кмикданъ някъ аскыпъ* 121-го сентября въ 28 день.»

«Тайнопись—говоритъ Н. П. Лихачевъ—раскрываемая по обычному ключу «литореи немудрой», даетъ имя покупателя и цѣну рукописи: «кости Лихачева и его сына Петра» и «тридцать пять алтынъ».

Въ этой рукописи интересно не только ея подробное описаніе, но и время, когда она была пріобрѣтена Лихачевымъ. Это былъ сентябрь того 1612 г., когда вся Россія занята была борьбою съ поляками

и домогалась освобожденія Москвы. «Нѣсколько Лихачевыхъ въ эту пору кончили свой жизненный путь, защищая родину—такъ Авксентій (извѣстно достовѣрно) убитъ отъ поляковъ въ Московское осадное сидѣнье подъ Москвою, Юрій, только что начавшій свою карьеру, просто исчезаетъ. Нѣсколько человѣкъ (напр. Иванъ, Ѳаддей и др.)—участвуютъ въ освобожденіи Руси въ качествѣ «дѣтей боярскихъ», одинъ Константинъ Ивановичъ, найдя интересную рукопись у сельскаго попа, смакуетъ ея содержаніе и заботится о тщательной записи новаго пріобрѣтенія въ число книгъ, ему принадлежащихъ». Такъ велико было его увлеченіе книгами!

Константинъ Ивановичъ Лихачевъ скончался въ глубокой старости, пережившъ своего единственнаго сына, Петра.

Н. П. Лихачевъ, «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки». Спб., 1913 г., стр. 18—21.

А. Гельвихъ.

Лихачевъ, *Максимъ*, въ 1644—1645 гг. былъ подьячимъ въ Верхотурьѣ съ воеводой Макс. Ѳеод. Стрѣшневымъ. Въ 1650 г. окт. 8-го встрѣчалъ съ кн. Ив. Богд. Пріимковымъ въ дворцовыхъ сѣняхъ Литовскаго посланника. Въ 1651—52 г.г. былъ дьякомъ Земскаго приказа; въ 1654 г. во время польскаго похода царя Алексѣя Михайловича участвовалъ въ переговорахъ со Смоленскими воеводами объ отдачѣ города царю Алексѣю Михайловичу. Когда Смоленскъ перешелъ къ русскимъ и царь отправился въ Вязьму, въ Смоленскѣ были оставлены воеводы: бояринъ и оружейничій Гр. Гавр. Пушкинъ, окольничій Ст. Гавр. Пушкинъ и Петръ Дан. Протасьевъ; дьякомъ при нихъ былъ Лихачевъ. Во время морового повѣтрія въ Москвѣ въ 1654 г. умерла жена Лихачева; изъ дворни его осталось въ живыхъ три человѣка. Въ 1656 г. онъ числился дьякомъ Иноземскаго приказа; 17-го іюля этого года былъ у государева стола въ Смоленскѣ и получилъ отъ царя камку, серебряный стаканъ и 20 рублей; 10-го августа подъ Кукейносомъ встрѣчалъ датскаго посланника передъ царскимъ шатромъ.

А. Ист., III и IV.—Доп. къ Акт. Ист., III и IV.—С. Г. Г. и Д., III.—Дв. разр., III и Доп. къ III-му т.—Акты Моск. госуд., II.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.».

В. Корсакова.

Лихачевъ, *Николай Александровичъ*, врачъ, к. с., родился въ 1836 году, по окончаніи Московскаго университета съ званіемъ лѣкаря (1860 г.) опредѣлился на службу уѣзднымъ врачемъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и оставался въ этомъ званіи до самой смерти, послѣдовавшей въ 1882 г. Ему принадлежитъ печатный трудъ: «Какъ остерегать себя живущимъ въ деревнѣ крестьянамъ отъ горячки-перевалки, и какъ и чѣмъ пользовать захворавшихъ этой горячкой до прибытія врача». М. 1866 г.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 4, стр. 200.

Лихачевъ, *Петръ Гавріиловичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1758 г. въ деревнѣ Тягущѣ, Псковской губерніи. 14-ти лѣтнимъ юношей онъ поступилъ въ артиллерію фурьеромъ 2-го фузелернаго полка, но въ 1779 г., съ производствомъ въ штыкъ-юнкеры, перевелся въ 1-й фузелерный полкъ и въ 1783 г. участвовалъ въ подавленіи безпорядковъ, возникшихъ между крымскими татарами. Въ 1787 г. Лихачевъ поступилъ ротнымъ офицеромъ въ артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ (нынѣ 2-й кадетскій корпусъ), но такъ какъ эти занятія не соотвѣтствовали его склонностямъ, то онъ въ слѣдующемъ году перешелъ въ гребной флотъ, предводительствуемый вице-адмираломъ принцемъ Нассау-Зигеномъ; находясь на одной изъ плавучихъ батарей, Лихачевъ участвовалъ въ побѣдѣ, одержанной въ 1789 г. русскими при Роченсальмѣ; за это дѣло онъ былъ награжденъ императрицей Екатериной чиномъ капитана. Черезъ недѣлю послѣ Роченсальмскаго сраженія Лихачевъ находился въ отрядѣ генералъ-маіора Балле при взятіи непріятельскихъ батарей на берегахъ Кломени у Кутла и, по свидѣтельству принца Нассау-Зигена, оказалъ здѣсь «особливое усердіе и храбрость». Въ походѣ 1790 г. Лихачевъ снова сражался со шведами на гребномъ флотѣ въ Выборгскомъ заливѣ и 25-го іюля участвовалъ въ занятіи острововъ Киргисари. По заключеніи мира со Швеціей Лихачевъ вернулся въ Россію и въ 1791 г., для поправленія разстроеннаго здоровья, вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. Спустя годъ, получивъ облегченіе отъ болѣзни, онъ вернулся на службу и поступилъ въ С.-Петербургскій гренадерскій

полкъ. Прослуживъ въ полку нѣсколько мѣсяцевъ, Лихачевъ въ 1793 г. перевелся въ Кубанскій егерскій корпусъ, а по расформированіи его въ 1797 г.—въ 17-й Егерскій полкъ. Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ — въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ этого полка. Имѣя штабъ полка своего въ Константиногорскомъ укрѣпленіи на Кавказской линіи, Лихачевъ въ 1800 г. усмирялъ неспокойныхъ Абазинскихъ владѣльцевъ. Въ 1804 г., подъ предводительствомъ начальника Кавказской линіи генералъ-лейтенанта Глазенапа, онъ былъ въ походѣ въ Кабарду, гдѣ усмирялъ возставшихъ противъ русскаго правительства инородцевъ. Лѣтомъ того же года ходилъ за Кубань для покоренія бѣжавшихъ туда изъ россійскаго подданства ногайцевъ и другихъ горцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе. Получивъ въ началѣ октября извѣстіе, что партія кубанцевъ перешла на русскій берегъ рѣки и намѣрена грабить, Лихачевъ своевременно принятыми мѣрами предупредилъ хищниковъ, разбилъ ихъ и тѣмъ удержалъ отъ новыхъ вторженій въ наши границы. Въ концѣ 1804 г. и въ началѣ 1805 г. Лихачевъ одержалъ новую побѣду надъ закубанцами у р. Зеленчуга. Неустанно слѣдя за хищниками, преслѣдуя ихъ въ горныхъ ущельяхъ, Лихачевъ заставилъ ихъ смириться и привелъ въ полное повиновеніе. Въ февралѣ 1805 г., находясь въ отрядѣ генерала Глазенапа, Лихачевъ вызвался первый идти въ Дербентъ. Взявъ съ собой 600 казаковъ, онъ явился передъ крѣпостью и приказалъ старшинамъ города выйти навстрѣчу русскимъ. Обрадованные жители съ восторгомъ привѣтствовали Лихачева и поднесли ему городскіе ключи. Такимъ образомъ совершилось присоединеніе Дербента, съ тѣхъ поръ уже не выходившаго изъ-подъ власти Россіи. Затѣмъ онъ участвовалъ во взятіи Баку и Кубы. За эти дѣла онъ былъ награжденъ монаршимъ благоволеніемъ и бриллiантовымъ перстнемъ и вензелемъ императора Александра. Въ декабрѣ Лихачевъ возвратился на Кавказскую линію, но отдыхъ его былъ непродолжителенъ: бунтъ, вспыхнувшій среди Засуженскихъ чеченцевъ. снова принудилъ его взяться за оружіе. Въ февралѣ 1807 г., подъ главнымъ предводительствомъ Булгакова, была снаряжена экспедиція, двинувшаяся по направленію крѣпости Ханъ-Кале, твердыни, считавшейся до сихъ поръ совершенно неприступной, но и она была взята. Главнымъ виновникомъ блистательнаго успѣха при Ханъ-Кале былъ Лихачевъ, «образецъ мужества и неустрашимости», по выраженію генерала Булгакова. Послѣднимъ подвигомъ Лихачева на Кавказѣ было усмиреніе Карабулахцевъ. Послѣ этого Лихачевъ по совершенно разстроенному здоровью вторично вышелъ въ отставку и удалился въ свою Порховскую деревеньку, разсчитывая провести на покоѣ остатокъ жизни. Но судьба сулила ему иное. Какъ только здоровье его немного возстановилось, онъ снова пожелалъ вернуться на службу и въ апрѣлѣ 1809 г. былъ назначенъ шефомъ Томскаго мушкетерскаго, полка, съ которымъ осенью того же года совершилъ кратковременный походъ въ Галицію. Въ 1811 г. Лихачеву было ввѣрено начальство надъ 24-й пѣхотней дивизіей съ сохраненіемъ званія шефа Томскаго полка, переименованнаго тогда изъ мушкетерскаго въ пѣхотный. Съ этой дивизіей Лихачевъ мужественно оборонялъ Смоленскъ и принялъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ защитники редута почти всѣ были перебиты. Не желая пережить пораженія, Лихачевъ бросился навстрѣчу штыкамъ непріятеля, но судьба пощадила его; знакъ генеральскаго чина остановилъ непріятельскіе удары. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и представленъ Наполеону. Сказавъ Лихачеву нѣсколько утѣшительныхъ привѣтственныхъ словъ, Наполеонъ подалъ ему шпагу, но Лихачевъ отвѣтилъ ему: «Плѣнъ лишилъ меня шпаги, дарованной мнѣ Государемъ моимъ и отданной мной недобровольно, отъ него лишь могу принять обратно». Отправленный плѣнникомъ во Францію, Лихачевъ умеръ на пути въ Кенигсбергѣ.

А. И. Михайловскій-Данилевскій, «Военная галлерея Зимняго дворца», т. I, Спб. 1845 г.— *И. И. Лихачевъ*, «Генеал. ист. одной помѣщичьей библ.», Спб., 1913 г., стр. 27.

И. Артамонова.

Лихачевъ, *Терентій (Терехъ) Григорьевичъ*, Московскій дьякъ XVI в. Въ 1575 г. участвовалъ въ заключеніи перемирія съ шведами на рѣкѣ Сестрѣ, при чемъ ему вмѣстѣ съ двумя другими государевыми уполномоченными (княземъ Василіемъ Сицкимъ и Михаиломъ Колыче-

вымъ) приказано было приложить къ договорной грамотѣ свою печать съ кустодіею «на черномъ воску». Въ слѣдующемъ 1576 г. Лихачевъ сидѣлъ въ Галицкой чети, а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упоминается дьякомъ Пушечнаго приказа, состоя въ походахъ «у наряду». Повидимому, онъ считался спеціалистомъ по артиллеріи и во время осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ, въ 1582 г., не только былъ при «нарядѣ», но и участвовалъ въ совѣщаніяхъ ратныхъ воеводъ, гдѣ «богомудренно о градоукрѣпленіи смышляху».

Умный, дѣятельный и книжный дьякъ сумѣлъ выдвинуть сына своего Богдана въ Московское дворянство, а три внука его: Василій, Петръ и Даніилъ были уже стольниками, несли придворную службу, бывали воеводами.

Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка, Спб. 1888 г., стр. 147.—*Его же*, «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки», Спб., 1913 г., стр. 12, 13, 17.—«Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древ. Росс.», 1847 г., № 7. *А. Гельвихъ.*

Лихачевъ, *Филимонъ*, (по прозванію *Михаилъ*) *Тимоѳеевичъ* † 1706 г. Въ 1660 г. былъ чарочникомъ при пріемѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Грузинскаго царевича Николая Давыдовича и стоялъ у государева поставца; въ 1664 г. находился при пріемѣ великаго англійскаго посла. Въ 1675 г., будучи *степеннымъ ключникомъ*, находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Іоакиму, у котораго собралось высшее духовенство, или, какъ было принято называть, «власти». Патріархъ потчевалъ винами и медами, а царь «жаловалъ» отъ себя этихъ властей «чашами», т. е. угощеніе происходило отъ имени царя. За поставцомъ сидѣли: думный дворянинъ, думный дьякъ и Лихачевъ. Въ 1676 г. Лихачевъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ стряпчіе съ ключемъ; Въ 1678 г. велѣно было писать Лихачева съ *вичемъ* подъ думными дворянами выше печатника, тогда какъ до этого времени стряпчіе съ ключемъ писались ниже думныхъ дьяковъ. Начиная съ 1676 г., Лихачевъ часто сопровождалъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ его богомольныхъ походахъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ Александровскую слободу, въ Переяславль-Залѣсскій и въ монастыри этого города, а также въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ Звенигородѣ. Въ 1679 г. Мастерскую палату царя Ѳеодора Алексѣевича вѣдалъ «постельничій думный» Ив. Макс. Языковъ; товарищемъ у него былъ Лихачевъ. По отзыву Артамона Сергѣевича Матвѣева, Мих. Тим. Лихачевъ, подобно своему брату Алексѣю Тим., былъ «великаго разума и исполненъ самаго благочестиваго состоянія» и пользовался большимъ расположеніемъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ 1679 году, при посѣщеніи Оружейной Палаты, царь пожаловалъ Лихачеву пищаль, вызолоченную въ разныхъ мѣстахъ, работы олончанина Романова. Въ январѣ 1682 г., какъ видно изъ подписи подъ Соборнымъ опредѣленіемъ объ уничтоженіи мѣстничества, Лихачевъ занималъ должность казначея. Въ половинѣ мая 1682 г. во время стрѣлецкаго бунта, послѣдовавшаго вскорѣ за смертью царя Ѳеодора Алексѣевича, Мих. Тим. вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ал. Тимоѳ. едва уцѣлѣлъ и былъ высланъ куда-то изъ Москвы. Въ 1685 г., когда былъ поставленъ въ архіепископы на Устюгъ Великій архимандритъ Іосифа Волоколамскаго монастыря Александръ, послѣ обѣдни Лихачевъ сопровождалъ его на подворье. Въ 1686 г. онъ былъ окольничимъ. Въ 1688 г. Лихачевъ былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ. Въ 1689—90 гг. онъ участвовалъ въ крестныхъ ходахъ, а въ 1697—98 гг., кромѣ того, шествовалъ въ Великую субботу, по царскому указу, за плащаницею. Въ 1697 г. за плащаницею, кромѣ него, были: бояре кн. Мих. Алегук. Черкасскій и Алексѣй Петр. Салтыковъ и думный дьякъ Емельянъ Украинцовъ; въ 1698 г. Лихачевъ былъ съ Крутицкимъ митрополитомъ, съ бояриномъ Никитой Петр. Прозоровскимъ и думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцовымъ. Въ 1690 г., въ послѣдній годъ завѣдыванья Оружейной Палатой боярина Петра Вас. Шереметева, Лихачевъ опредѣленъ былъ для присутствія въ Оружейной Палатѣ; въ 1691 г. остался тамъ главнымъ судьей; въ товарищи къ нему былъ приставленъ думный дьякъ Кирилловъ съ четырьмя дьяками. Въ 1694 г. Лихачевъ былъ назначенъ товарищемъ судьи въ Казенный приказъ и въ приказъ Большой Казны. Въ 1706 г., т. е. въ годъ кончины своей, управлялъ Оружейной Палатой.

Мих. Тим. Лихачевъ былъ женатъ

дважды: 1) на Маріѣ Ѳеодоровнѣ *Строгоновой* и 2) на Татьянѣ Никитишнѣ, фамилія которой неизвѣстна. У него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, но всѣ они умерли въ младенчествѣ и погребены въ Москвѣ въ Никитскомъ монастырѣ, какъ видно изъ надгробной плиты, найденной тамъ въ 1889 г. Сынъ его Прохоръ, по прозванію Ѳеодоръ, былъ комнатнымъ стольникомъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; ему было пять лѣтъ и одинъ мѣсяцъ, когда его взяли «въ комнаты», а умеръ онъ 13-ти лѣтъ и 5-ти мѣсяцевъ.

10 октября 1706 г. Мих. Тим. Лихачевъ составилъ завѣщаніе, по которому оставлялъ свои Бѣлозерскія вотчины—«Дороѳею да Любиму Аѳанасьевымъ дѣтямъ, Ивану да Никитѣ Ивановымъ дѣтямъ, Ивану Иванову сыну, Ивану Евсигнѣеву сыну, Логину Васильеву сыну и Степану Самсонову сыну Лихачевымъ». По поводу такого завѣщанія Ник. Петр. Лихачевъ говоритъ: «Въ этомъ перечисленіи не было никого изъ родственниковъ ближе шести-юродныхъ (если можно такъ выразиться) племянниковъ и внуковъ. Мих. Тим. дѣйствовалъ, какъ идеалистъ генеалогъ, умирая бездѣтнымъ при бездѣтномъ богатомъ братѣ; своимъ завѣщаніемъ онъ подчеркивалъ и проповѣдывалъ единство рода, торжество родовыхъ началъ». Кромѣ того, у Мих. Тим. были помѣстья и вотчины въ Рузскомъ, Медынскомъ и Переяславль-Залѣсскомъ уѣздахъ; въ Московскомъ уѣздѣ у него были земельныя угодія, общія съ братомъ, и отдѣльныя владѣнья. Какъ онъ распорядился ими, мы не знаемъ.

С. Г. Г. и Д., IV.—Дв. разр., III и IV.—Доп. къ Акт. Ист., т.т. IX и X.—Указатель къ Боярскимъ книгамъ.—Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., т.т. I и II.—Р. Р. С., I, изд. 2-е.—«Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергіевича Матвѣева». Изд. 2-е. М. 1785 г.—*Берхъ*, «Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлецкаго бунта». Спб. 1834 г., ч. I.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIII.—*Н. П. Лихачевъ*, «Разрядные дьяки XVI в.». Спб. 1888 г.—*Его-же*, «Генеалогическая исторія одной библіотеки». Спб. 1913 г. (отд. от. изъ журнала «Русскій Библіофилъ», № 5, сентябрь 1913 г.). *В. Корсакова.*

Лихачевъ, *Ѳедоръ Семеновичъ*, казанскій помѣщикъ, родился въ 1795 г.; отецъ его Семенъ Александровичъ, человѣкъ гордый и тщеславный, для единственнаго сына своего выбралъ блестящій Кавалергардскій полкъ, куда Ѳедоръ Семеновичъ и былъ отправленъ въ концѣ іюля 1815 г. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ давнишнимъ другомъ своей семьи, В. И. Панаевымъ, сестра котораго Глафира Ивановна уже тогда была его невѣстой. Служебная карьера Ѳедора Семеновича обѣщала быть блестящей: въ 1822 г. онъ былъ уже ротмистромъ и имѣлъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. Умный и кроткій, онъ былъ любимъ и начальствомъ и товарищами. Начальство отговаривало его отъ отставки, на которой настаивала невѣста, но Ѳедоръ Семеновичъ послѣдовалъ совѣту своей «обожаемой Эльвиры» (какъ называлъ онъ Глафиру Ивановну), искоренившей въ немъ «пагубное честолюбіе», и послѣ женитьбы въ 1822 г. поселился въ родныхъ Полянкахъ (Казанской губ.). Здѣсь обнаружилось, что отъ богатства, накопленнаго его дѣдомъ и прадѣдомъ, вслѣдствіе расточительности отца, остались только обломки. Приходилось жить умѣренно и осмотрительно. Дворянство Спасскаго уѣзда, несмотря на молодость Ѳедора Семеновича, избрало его своимъ предводителемъ, и, живя въ деревнѣ, онъ дѣлилъ свои досуги между этой службой и книжными занятіями. Какъ предводитель дворянства, онъ собиралъ матеріалы для описанія уѣзда (съ планами имѣній), какъ любитель просвѣщенія, выписывалъ книги и журналы и дѣлалъ огромныя выписки изъ книгъ, главнымъ образомъ интересуясь эпохой Петра Великаго. Въ сельскомъ уединеніи вспыхнула и развилась въ немъ собирательная страсть дѣда, библіофила Александра Логиновича Лихачева, но отразилась эта страсть не столько на книгахъ, сколько на коллекціи древняго оружія и собираніи чубуковъ и трубокъ всевозможныхъ видовъ.

Среди родныхъ и друзей Ѳ. С. Лихачева было не мало лицъ, близко соприкасавшихся съ литературой; кромѣ братьевъ жены Панаевыхъ, къ этому кружку относились: теща Ѳедора Семеновича, Надежда Васильевна Панаева, урожденная Страхова, свояк Ѳ. М. Рындовскій, кн. Андрей Гундоровъ и др.; всѣ они находились въ постоянномъ общеніи съ Ѳедоромъ Семеновичемъ, искренно любили и уважали его. Дѣдовскія времена, казалось, готовы были воскреснуть въ

Полянкахъ, но смерть, рано похитившая ихъ новаго владѣльца, помѣшала этому.

Ѳ. С. Лихачевъ скончался отъ воспаленія легкихъ 14 октября 1835 г., всего на 40-мъ году жизни, оставивъ многочисленную семью малолѣтнихъ сиротъ. Село Полянки и ихъ библіотека достались впослѣдствіи его младшему сыну Петру.

Н. П. Лихачевъ, «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки», Спб., 1913 г., стр. 51, 55, 57—67, 85

А. Гельвихъ.

Лихачевъ, *Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ*, началъ службу въ самомъ концѣ XVI в.; въ 1604 г. онъ былъ подьячимъ и достигъ впослѣдствіи высокаго положенія печатника и думнаго дворянина. Въ 1606 г. онъ былъ посланъ въ Калугу вмѣстѣ съ воеводами: боярами кн. Ив. Ив. Шуйскимъ и кн. Ив. Петр. Татевымъ и окольничимъ Мих. Игнат. Татищевымъ. Въ 1609 г. Лихачевъ числился дьякомъ Стрѣлецкаго приказа. Въ 1611 — 12 гг. былъ, повидимому, въ Казенномъ приказѣ и, въ числѣ другихъ дьяковъ, выдавалъ изъ царской казны полякамъ вмѣсто жалованья разныя цѣнныя вещи. Въ уплату имъ шли: золото, серебро, посохи, чарки, ковши, блюда, суда, даже пуговицы съ шубы, бывшей на гробу царя Ѳеодора Іоанновича, церковные сосуды изъ соборовъ, оклады съ чудотворныхъ иконъ. Въ 1613 г. Лихачевъ подписалъ грамоту утвержденную объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Съ 22 дек. 1613 г. до 19 марта 1615 г. онъ былъ дьякомъ въ Казани при воеводахъ: боярин кн. Ив. Мих. Воротынскомъ и кн. Юр. Петр. Ушатомъ. Въ 1617 г. онъ значился дьякомъ Разбойнаго приказа. Въ 1618—20 г.г. находился вторично въ Казани дьякомъ, сначала при воеводахъ кн. Ив. Мих. Воротынскомъ и кн. Бор. Андр. Хилковѣ, а подъ конецъ только съ кн. Хилковымъ, вмѣстѣ съ которымъ и отозванъ былъ въ Москву. Въ 1622 г. мы застаемъ его уже думнымъ дьякомъ въ Разрядѣ. Съ этого времени онъ бывалъ у государева стола какъ въ двенадесятые праздники, такъ и въ дни семейныхъ празднествъ царя, по случаю новоселья, при пріемахъ пословъ и т. д. Когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправлялся въ богомольные походы, Лихачевъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которымъ поручалось «вѣдать» Москву. Въ качествѣ разряднаго дьяка, онъ принималъ, между прочимъ, участіе въ разсмотрѣніи мѣстническихъ дѣлъ и скрѣплялъ эти счетныя дѣла; невмѣстныя или правыя грамоты выдавались за его приписью.

Въ 1624 г. на первой свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ княжной Маріей Владиміровной Долгорукой и въ 1626 г. на второй его свадьбѣ съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой Лихачевъ несъ «осыпало» на золотой мисѣ: «на три угла былъ положенъ хмѣль, да тридевять соболей, да тридевять платковъ золотыхъ участковыхъ, да тридевять бѣлокъ, да восемнадцать пенязей золоченыхъ чеканены, да девять золотыхъ угорскихъ». Мису съ «осыпаломъ» онъ держалъ, когда причесывали голову невѣстѣ.

Въ концѣ 1626 г. въ Посольскій приказъ на мѣсто дьяка Грамотина, подвергшагося царской опалѣ, былъ назначенъ Ефимъ Телепневъ. Ему велѣно было быть меньше разряднаго дьяка Лихачева, «потому что при царѣ Василіѣ былъ въ Разрядѣ большой думный дьякъ Василей Яновъ, а въ Посольскомъ приказѣ былъ думный діакъ, братъ ево Ефимовъ, Василей Телепневъ, и Василей Телепневъ былъ менши Василья Янова»... Телепневъ тщетно желалъ добиться первенства: «Ефимъ—какъ сказано въ «Дворцовыхъ разрядахъ»—многожды билъ челомъ, и государь Ефиму велѣлъ отказать; и бивъ челомъ, былъ».

Въ 1627 г. Лихачевъ присутствовалъ при преніяхъ по поводу «Катихизиса» Лаврентія Зизанія. Въ этомъ году прибылъ въ Москву извѣстный южно-русскій филологъ и богословъ, православный протоіерей Лаврентій Зизаній и привезъ свой «Катихизисъ» для исправленія, съ просьбой о чемъ и обратился къ патріарху Филарету. Патріархъ очень осторожно отнесся къ исполненію желанія Зизанія и велѣлъ поговорить съ нимъ Богоявленскому игумену Ильѣ и справщику типографіи Григорію «любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава». Пренія происходили на Казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, передъ государевымъ бояриномъ княземъ Ив. Борис. Черкасскимъ и передъ думнымъ дьякомъ Лихачевымъ, т. сказ. подъ ихъ наблюденіемъ.

Продолжая оставаться въ Разрядѣ, Лихачевъ, какъ видно изъ актовъ, вѣдалъ въ 1627 г. дѣла Земскаго приказа: напр., вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, дьякомъ Михаиломъ Даниловымъ, онъ возстановлялъ въ этомъ году книгу Большого Чер-

тежа; въ 1629 г. въ его вѣдѣніи былъ Разбойный приказъ; въ 1630 г. онъ сдѣланъ былъ дьякомъ Посольскаго приказа. Съ 1626 г. Лихачевъ сталъ участвовать въ пріемахъ гонцовъ и пословъ иностранныхъ государей: иногда «уряжалъ» встрѣчи, присутствовалъ при торжественныхъ пріемахъ пословъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, «объявлялъ» ихъ ему въ началѣ пріема, а подъ конецъ сказывалъ, что государь и патріархъ жалуетъ ихъ отъ своего стола ѣствою и питьемъ. Вмѣстѣ съ боярами бывалъ «въ отвѣтѣ» съ послами. Въ 1635—39 г.г. видимъ его дьякомъ Новогородской Чети. Въ 1639 г. въ январѣ и мартѣ скончались сыновья царя Михаила Ѳеодоровича, царевичи Иванъ и Василій Михайловичи; въ дни погребенія царевичей Лихачевъ дневалъ и ночевалъ у ихъ гробовъ, слѣдовательно находился въ первой очереди.

Въ октябрѣ 1641 г. государь пожаловалъ «въ печатники думнаго посольскаго дьяка Ѳедора Лихачева; а сказывалъ помѣстной дьякъ Михайло Даниловъ». Послѣ этого пожалованія, какъ видно изъ «Дворцовыхъ разрядовъ», Лихачевъ сталъ писаться съ *вичемъ*. 3-го января 1642 г. былъ созванъ соборъ, чтобы рѣшить, должно-ли удержать Азовъ, взятый донскими казаками, или отдать туркамъ обратно; докладчикомъ по этому дѣлу былъ Лихачевъ. 1-го сент. 1644 г. онъ пожалованъ былъ въ думные дворяне. Въ 1648 г. на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича былъ «у воды у выимки, которой водѣ въ мыльнѣ быть». Въ 1649 г. подписалъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Подъ конецъ жизни Лихачевъ, съ разрѣшенія царя, принялъ монашество; онъ скончался въ схимѣ около 1653 г. и погребенъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ; какъ видно изъ записи въ кормовой книгѣ этого монастыря, монашеское имя его было Филаретъ.

У Лихачева было двое дѣтей: сынъ Ѳеодоръ, занимавшій въ 1621 г. должность стольника, † въ 1634 г.; дочь Прасковья была замужемъ за бояриномъ кн. Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ. Прямой потомокъ по женской линіи кн. Прасковьи Ѳеод. Прозоровской, кн. Мих. Мих. Голицынъ въ своей книгѣ «Петровское» сообщилъ, между прочимъ, свѣдѣнія о разумной хозяйственной дѣятельности Ѳ. Ѳ. Лихачева, владѣвшаго земельными угодьями въ шести уѣздахъ Московскаго государства.

С. Г. Г. и Д., I и II.—Акты Истор., III.—А. А. Э., III.—Дв. разр., I, II и III.—Р. Р. С., I, изд. 2-е.—Р. И. Б., II, VIII, IX и X.—*П. И. Ивановъ*, «Опытъ историч. изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи». М. 1846 г.—*Бѣлокуровъ*. «Разр. записи за Смутн. время». М. 1907 г.—Акты Моск. госуд., I и II.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ XVII ст.» Спб. 1902 г.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т. IX.—*Н. П. Лихачевъ*, «Разрядные дьяки XVI ст.» Спб. 1888 г.—*Его-же*. «Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки». Спб. 1913. (Отд. от. изъ журнала «Русскій Библіофилъ» № 5, сентябрь 1913 г.).

В. Корсакова.

Лихонинъ, *Михаилъ Николаевичъ*, р. 25 января 1802 г., переводчикъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ передовыхъ людей 30-хъ годовъ, которые были ревностными проповѣдниками нѣмецкой философіи. Владѣя превосходно языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, испанскимъ и итальянскимъ, онъ издалъ на русскомъ языкѣ переводы стихами Шиллера («Донъ-Карлосъ» М. 1839 г.), Шекспира («Макбетъ» М. 1850 г.), Кальдерона и Сары Толстой. («Сочиненія въ стихахъ и прозѣ». М., 1839). Альманахи и журналы того времени охотно печатали его стихотворенія, если не всегда удачныя по формѣ, то полныя непритворнаго чувства. Скончался Лихонинъ 15 мая 1864 г. и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ. Послѣ него осталась въ рукописи его автобіографія, заключающая въ себѣ много интересныхъ матеріаловъ для исторіи нашей литературы и характеристики общества 30-хъ годовъ.

«Московскія Вѣдомости» 1864 г., № 110.—*Геннади*, «Справочный словарь русскихъ писателей и ученыхъ», т. II, стр. 242.—«Моск. Некрополь».

Лихонинъ, *Петръ Степановичъ*, писатель и переводчикъ XVIII в., членъ Императ. вольно-экономическаго общества; съ его именемъ связаны два сочиненія, помѣщенныя въ «Трудахъ вольно-экономическаго общества»: 1) «Описаніе конскаго падежа, бывшаго въ прошломъ 1789 г. въ Вологодскомъ намѣстничествѣ въ Грязовицкой округѣ, и средствъ, отъ коихъ падежъ оный пресѣкся» (часть 44, стр. 272—292) и «Испытанное средство отъ угрызенія бѣшеныхъ разнаго рода животныхъ» (ч. 45, стр. 131—137). Какъ переводчикъ, Лихонинъ участвовалъ въ журналѣ, издававшемся Ник. Ив. Новиковымъ, подъ

заглавіемъ: «Утренній Свѣтъ» въ стихахъ и прозѣ, содержащіе въ себѣ какъ оригинальныя сочиненія, такъ и переводы съ разныхъ языковъ» (9 частей. Спб., 1778—1780. Второе изданіе М. 1779—1780).

«Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества», т. 60, стр. 493.—*В. С. Сопиковъ.* «Опытъ Россійской библіографіи», ч. III, №№ 3871, 3872.

Лихонинъ, *Семенъ Семеновичъ*, тайн. сов., общественный дѣятель, управляющій государственною комиссіею погашенія долговъ, род. въ 1810 г., воспитаніе получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ и по окончаніи курса награжденъ былъ серебряною медалью. Съ 1832 г. онъ состоялъ на службѣ въ Комитетѣ министровъ, затѣмъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ Кабинетѣ Его Имп. Вел. и наконецъ съ 1859 г. въ министерствѣ финансовъ, а съ 1865 г. управлялъ комиссіею погашенія государственныхъ долговъ. Одновременно онъ состоялъ гласнымъ отъ столицы въ С.-Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи и, какъ владѣлецъ небольшого наслѣдственнаго имѣнія въ Новоладожскомъ уѣздѣ, неоднократно былъ избираемъ въ должности отъ дворянства. Лихонинъ былъ однимъ изъ виновниковъ возникновенія городского кредитнаго общества, въ составленіи устава котораго онъ принималъ дѣятельное участіе, и когда уставъ этотъ былъ утвержденъ, Лихонинъ былъ назначенъ директоромъ правленія общества. Кромѣ того, онъ былъ привлеченъ къ работѣ въ Высочайше утвержденной комиссіи, образованной для начертанія «положенія объ устройствѣ земскихъ банковъ», и въ обработкѣ устава С.-Петербургскаго общества взаимнаго отъ огня страхованія, въ которомъ онъ состоялъ въ качествѣ предсѣдателя наблюдательнаго комитета. Скончался Лихонинъ 6 апрѣля 1867 г.

«Голосъ» 1867 г., № 113.—*Д. Кобеко,* «Царскосельскій лицей», стр. 286, 307, 477, 512.
М. Поповъ.

Лихорь (*Лихоревъ*), *Иванъ*, нижегородскій ратный воевода, въ октябрѣ 1395 г. (по другимъ свѣдѣніямъ 1398 г.) вмѣстѣ съ двумя другими воеводами защищалъ Нижній-Новгородъ отъ татарской рати, приведенной подъ стѣны города Суздальскимъ княземъ Симеономъ Димитріевичемъ. Воеводы держались стойко и отбили три непріятельскихъ приступа. Заключивъ затѣмъ миръ съ суздальскимъ княземъ и съ татарами, они открыли ворота города, но здѣсь татары, измѣнивъ своей «правдѣ», напали на нижегородцевъ и затѣмъ разорили окрестности города.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 101; т. V, стр. 247; т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 72.
А. Гельвихъ.

Лихошерстовъ, *Эрастъ Ивановичъ*, мировой посредникъ, родился въ дворянской семьѣ Черниговской губ. и воспитаніе получилъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса наукъ (въ 40-хъ годахъ) въ 1-мъ эскадронѣ корпуса Лихошерстовъ посвятилъ себя военной службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, но, не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, оставилъ эту службу и вышелъ въ отставку. Нѣсколько окрѣпнувъ физически, онъ избралъ себѣ другой родъ дѣятельности, болѣе соотвѣтствовавшій его личному настроенію. Когда въ 1861 г. послѣдовалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, онъ въ качествѣ мирового посредника 1-го участка Оренбургскаго уѣзда осуществилъ на дѣлѣ великія предначертанія правительства, положенныя въ основу крестьянской эмансипаціи, и выдержалъ тяжелую борьбу съ темнымъ крѣпостничествомъ. На этой службѣ онъ работалъ отъ души, не жалѣя силъ, и стяжалъ себѣ право на незабвенную память. Должность мирового посредника Лихошерстовъ оставилъ вслѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья, но будучи и въ отставкѣ, онъ до того сроднился душой съ крестьянскимъ дѣломъ, что до самой смерти живо интересовался всѣмъ тѣмъ, что близко касалось крестьянскаго вопроса. Скончался онъ 14 октября 1876 г.

«Оренбургскій Листокъ» 1876 г., №№ 43, 44.
М. Поповъ.

Лихтенштейнъ, *Іоаннъ-Николай-Генрихъ*, докторъ медицины, сынъ профессора Антона-Августа Лихтенштейна, родился въ Гамбургѣ 4 марта 1787 г., учился сперва въ своемъ родномъ городѣ, затѣмъ въ Kollegium Karolinum въ Брауншвейгѣ и въ Гельмштедтскомъ университетѣ; въ 1809 г. получилъ степень доктора медицины и въ томъ же году прибылъ въ Курляндію, гдѣ сталъ врачемъ Нейбургскаго прихода. Въ 1814 г. онъ возвратился въ Германію, путешествовалъ здѣсь, совершилъ поѣздку въ

Швейцарію и южную Францію, а весною 1815 г. изъ Монпелье, въ качествѣ добровольца, принялъ участіе въ походѣ герцога Ангулемскаго; затѣмъ отправился въ Берлинъ и осенью того же года вернулся въ Курляндію, гдѣ вновь занялся врачебной практикой, на этотъ разъ въ г. Митавѣ. Здѣсь въ 1825 г. онъ былъ назначенъ акушеромъ Курляндской врачебной управы. Лихтенштейнъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Курляндскаго общества литературы и искусства и Московскаго общества естествоиспытателей, а также хранителемъ Курляндскаго музея, гдѣ много потрудился надъ устройствомъ естественно-историческаго отдѣла. Скончался Лихтенштейнъ въ г. Митавѣ 10 августа 1848 г.

Какъ ученый медикъ и натуралистъ, Лихтенштейнъ сотрудничалъ во многихъ современныхъ ему спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ напечатанныхъ имъ статей извѣстны слѣдующія: «Versuche mit einigen empirischen Mitteln in der Behandlung der Epilepsie, besonders den Nutzen des Zinks und der nux vomica bestätigend« (Hufelands «Journal der prakt. Heilk.», 1819, B. 49); «Etwas über die Grasraupe» (Jahresverh. der Kurl. Gesellsch. f. Lit. und Kunst, B. 2); «Uebersicht der Vögel Kurlands» («Die Quatember», B. I, Heft 3, 4); «Vermuthungen über die Urbildung der Erdoberfläche, gegründet auf Beobachtung und Vergleichung fossiler Reste organischer Körper (nach Brogniart)» («Die Quatember», B. II. Heft 3); «Neuere Untersuchungen über das in der Argonauta befindliche Thier» (ebend., Heft 4); «Animalia Curoniae observata» («Bull. de la Soc. Imp. des Naturalistes de Moscou», 1829, I, 289—297); «Ueber das Verhältniss des Arztes zur Krankheit» («Sendungen der. Kur. Ges. für Lit. und Kunst», 1845, B. II) и еще нѣсколько мелкихъ статей тамъ же. Послѣ смерти Лихтенштейна Курляндское общество литературы и искусствъ напечатало въ своихъ изданіяхъ подробный перечень его докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ общества. («Arbeiten der Kur. Ges., 1849, Heft 6, S. 33—35) и статью, ненапечатанную при жизни автора: «Ideen über das Wesen der Hypochondrie und Hysterie» (ebend., S. 22—33).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelherten-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3. стр. 56, 57.—Nachträge und Fortsetzungen, Митава, 1861 г., стр. 12, 13.—*Dr. Carl Bursy*, «Dr. J.-N.-H. Lichtenstein. Ein Lebensbild, als Gedächtnissrede» («Arbeiten de Kur. Ges.», 1849, S. 1—21).—«Neuer Necrolog der Deutschen», XXVI, 1082.

А.л. Гельвихъ.

Лихуды, *Іоанникій и Софроній*, видные дѣятели въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. Іоанникій род. въ 1633 г., ум. 7 августа 1717 г., Софроній род. въ 1652 г., ум. въ іюнѣ 1730 г. Дѣятельность обоихъ Лихудовъ была такъ тѣсно связана, что невозможно излагать отдѣльно біографію того или другого, а необходимо изложить жизнь ихъ въ одномъ очеркѣ.

Братья Лихуды считали себя потомками древняго княжескаго рода Лихудовъ, представители котораго въ XI вѣкѣ, въ царствованіе Константина Мономаха, Михаила Стратіотика и Исаака Комнена, занимали высшіе посты въ свѣтской и духовной іерархіи. Въ 1453 г., когда Константинополь палъ, Лихуды бѣжали на Цикладскіе острова и въ 1456 г. поселились на островѣ Кеѳалоніи. Здѣсь родились Іоанникій, въ мірѣ Іоаннъ, и Софроній, въ мірѣ Спиридонъ, Лихуды. Впослѣдствіи дѣти Іоанникія — Николай и Анастасъ представили свою родословную въ Посольскій приказъ, и «Великіе Государи... велѣли принять ихъ въ свою службу и писать ихъ въ указахъ и въ спискахъ и во всякихъ дѣлахъ княжимъ именемъ, а по прозвищу Лихудіевыми».

Образованіе свое они начали въ Венеціи, затѣмъ поступили въ Падуанскій университетъ, въ которомъ послѣ 9-ти лѣтняго обученія получили докторскіе дипломы.

Возвратившись на родину въ 1670 г., старшій изъ братьевъ Іоаннъ женился и былъ поставленъ во священники, но скоро овдовѣлъ и съ именемъ Іоанникія постригся въ монашество. Младшій братъ его Спиридонъ еще раньше его принялъ постриженіе съ именемъ Софронія. Оба они вступили въ число братства монастыря Панагія Іерія, близъ Венеціи. На родинѣ и въ другихъ городахъ востока они занимались учительствомъ и проповѣдничествомъ. Въ мартѣ 1683 г. они прибыли въ Константинополь и четыре мѣсяца жили на подворьѣ у патріарха Досиѳея.

Случилось, что въ то самое время, когда Лихуды были въ Константинополѣ, патріархъ Досиѳей получилъ письмо изъ

Москвы отъ патріарха Іоакима, въ которомъ тотъ просилъ Досиѳея пріискать для Московской школы надежнаго учителя изъ грековъ, Досиѳей, близко къ сердцу принимавшій успѣхи греческаго ученія на Руси, предложилъ Лихудамъ отправиться въ Москву; но напередъ, чтобы испытать ихъ православіе, затребовалъ отъ нихъ исповѣданіе вѣры; удостовѣрившись въ вѣроисповѣдной благонадежности Лихудовъ, онъ снабдилъ ихъ рекомендательными грамотами и на дорогу деньгами, подобную же грамоту дали Лихудамъ и прочіе патріархи.

3-го іюля 1683 г. Лихуды оставили Константинополь. Въ Россію они прибыли почти два года спустя, «по многихъ бѣдахъ и мученіихъ, на земли и по морю многодневно, многочастнѣ и многообразнѣ случившихся»—ихъ задержала въ пути война австрійцевъ съ турками и, главнымъ образомъ, происки іезуитовъ въ Польшѣ, которые употребили всѣ возможныя средства, чтобы какъ можно долѣе задержать Лихудовъ. Во время продолжительнаго пребыванія въ Польшѣ Лихуды неоднократно вели богословскіе диспуты съ іезуитами. Наконецъ, видя, что ихъ не хотятъ никакъ отпустить въ Москву, Лихуды, въ январѣ 1685 г., тайно ушли изъ предѣловъ Польши и 6 марта того же года прибыли въ Москву.

На третій день по пріѣздѣ Лихуды представлялись государямъ, поднесли имъ два креста рѣзныхъ кипарисныхъ и говорили «орацыи», одинъ на латинскомъ, другой на греческомъ языкѣ. Государи приняли ихъ милостиво и указали имъ «до своего государскаго указу» жить на греческомъ Николаевскомъ подворьѣ; жалованья имъ было назначено «по двѣ гривны на день помѣсячно». Кромѣ того, имъ велѣно было выдать «на пріѣздъ денегъ по шести рублевъ да по сороку соболей, по 50 рублей за сорокъ». Изъ Николаевскаго монастыря они вскорѣ были переведены въ Чудовъ монастырь, а отсюда въ Богоявленскій; здѣсь на государственный счетъ было приказано построить для нихъ «двѣ кельи» по три сажени келья; 15 марта 1685 г. состоялся торжественный диспутъ между Лихудомъ и Яномъ Бѣлободскимъ,—однимъ изъ претендентовъ на академическую каѳедру. Диспутъ съ Бѣлободскимъ кончился не въ пользу послѣдняго. Побѣда надъ Бѣлободскимъ высоко поставила ученый авторитетъ Лихудовъ въ глазахъ московскихъ людей, присутствовавшихъ на преніи. Но недовѣрчивость по отношенію къ грекамъ была такова, что отъ Лихудовъ потребовали, чтобы они представили въ Посольскій приказъ «свои поученія». Только послѣ такихъ предварительныхъ испытаній ученые греки могли переступить порогъ предположенной къ открытію Московской школы.

На первыхъ порахъ эта школа была очень не велика; въ нее поступило сначала только шесть человѣкъ изъ старшихъ учениковъ типографскаго училища; первоначально занятія шли въ кельяхъ самихъ Лихудовъ; а съ декабря 1685 г.—въ особомъ зданіи для школы въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Преподавательская дѣятельность Лихудовъ въ Академіи началась лишь съ осени 1687 г., съ устройствомъ особаго каменнаго трехъ-этажнаго академическаго корпуса въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Къ Рождеству 1687 г. въ Академіи числилось 76 человѣкъ учащихся: въ томъ числѣ два іеромонаха, два іеродіакона и одинъ монахъ. Когда въ январѣ 1688 г. Іоанникій Лихудъ отправился въ Венецію и преподавателемъ въ Академіи остался одинъ Софроній, число учащихся въ ней начало сокращаться, и къ Пасхѣ 1688 г. въ ней числилось учениковъ всего 64 человѣка.

Составъ учащихся въ Академіи былъ самый разнообразный: тутъ были и князья Одоевскіе, сынъ князя Бориса Голицына, дѣти Тимоѳея Савелова—близкіе родственники патріарха—и т. п., на ряду съ ними встрѣчаемъ въ школѣ Лихудовъ челядинцевъ и сына конюха; ученики были и свѣтскіе и монашествующіе.

Преподаваніе въ Академіи шло по учебникамъ, составленнымъ или передѣланнымъ самими Лихудами. Преподаваніе ихъ носило схоластическій характеръ; но нельзя не признать за Лихудами и нѣкоторой доли оригинальности и самостоятельности въ постановкѣ учебныхъ предметовъ. Не подчиняясь строгой схоластикѣ, они стремились поставить и дѣйствительно поставили преподаваніе наукъ въ Академіи въ нѣкоторое соотвѣтствіе къ потребностямъ жизни и времени, и въ этомъ отношеніи Заиконоспасская Академія значительно отличалась отъ Кіево-могилянской коллегіи, гдѣ схоластицизмъ царилъ

въ полной силѣ. По тому времени Лихуды были обставлены въ матеріальномъ отношеніи очень хорошо. Впослѣдствіи сынъ Іоанникія—Николай, пожалованный стольникомъ, владѣлъ значительною земельною собственностью.

Имущественному положенію Лихудовъ соотвѣтствовало и видное, вліятельное общественное положеніе ихъ въ Москвѣ. Оно обусловливалось уже самою ихъ должностью учителей Академіи, авторитетовъ въ вопросахъ богословской мысли и церковной жизни. Усердная дѣятельность Лихудовъ, ихъ трудолюбіе и ученость и, въ особенности, возникшіе въ Москвѣ споры о пресуществленіи, поставившіе ученыхъ грековъ во главѣ цѣлой партіи и выдвинувшіе ихъ въ роли защитниковъ вѣры и Церкви, естественно должны были еще болѣе упрочить ихъ высокое значеніе въ средѣ тогдашняго московскаго духовенства и общества. У Медвѣдева и его единомышленниковъ встрѣчаемъ опредѣленныя и вѣскія доказательства вліятельнаго положенія «самобратій Лихудіевыхъ». Лихуды были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ инокомъ Евѳиміемъ, человѣкомъ весьма вліятельнымъ, приближеннымъ къ патріарху, съ архіепископомъ Аѳанасіемъ холмогорскимъ и, наконецъ, съ самимъ патріархомъ Іоакимомъ; тѣсныя связи соединяли ихъ съ разными приближенными къ патріарху лицами, каковы были, кромѣ Евѳимія, Каріонъ Истоминъ, ризничій Іакинфъ и смѣнившій его впослѣдствіи іеромонахъ Филаретъ; въ Москвѣ же Лихуды вошли въ близкія отношенія и съ будущимъ своимъ покровителемъ Іовомъ, архимандритомъ Московскаго Высокопетровскаго монастыря, впослѣдствіи митрополитомъ Новгородскимъ.

Занявши видное положеніе въ церковномъ мірѣ, Лихуды сумѣли пріобрѣсти значеніе и въ гражданскихъ сферахъ и имѣли доступъ ко двору государей; въ возникновеніи этихъ придворныхъ связей главное значеніе имѣла проповѣдническая дѣятельность Лихудовъ. Въ этомъ случаѣ они явились какъ бы преемниками Симеона Полоцкаго. Въ ряду свѣтскихъ покровителей Лихудовъ первое мѣсто занималъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ; есть указаніе, что уже въ устройствѣ Академіи онъ оказалъ значительную поддержку Лихудамъ своими деньгами. Помимо этого, сохранилось не мало писемъ и челобитныхъ Лихудовъ къ князю В. В. Голицыну и отвѣтовъ его, изъ которыхъ видно расположеніе къ Лихудамъ Голицына; между прочимъ, благодаря покровительству Голицына, Іоанникій Лихудъ, по семейнымъ дѣламъ отправившись за границу, получилъ званіе русскаго посланника при Венеціанскомъ правительствѣ.

Эта дипломатическая миссія І. Лихуда относится къ 1689 г. Ему поставлялось въ обязанность привлечь Венецію къ союзу съ Москвою въ борьбѣ противъ турокъ. Іоанникій 22 апрѣля 1689 г. пріѣхалъ въ Венецію. Венеціанское правительство, однако, на основаніи выданныхъ Іоанникію полномочій, соглашалось признать его только за гонца, и не хотѣло признать его посланникомъ. Іоанникій писалъ государямъ о томъ, что народы, подчиненные Турціи, всѣ жаждутъ освобожденія отъ турецкаго ига и ждутъ не дождутся, когда наконецъ Константинополь будетъ въ рукахъ русскихъ самодержцевъ. При неудачахъ Крымскаго похода предложеніе о завоеваніи Константинополя было явно несбыточно, и грамотою 31-го іюля 1689 г. государи, извѣщая Венеціанскій сенатъ объ успѣхахъ войны съ крымцами, просили посланному своему немедленнаго отпуска.

Въ ряду другихъ свѣтскихъ покровителей Лихудовъ можно назвать Авраама Ѳедоровича Лопухина, близкаго родственника Петра I-го по его первой супругѣ, Ѳедора Матвѣича Апраксина и Ѳ. А. Головина. Но пользуясь покровительствомъ вліятельныхъ лицъ церковнаго и свѣтскаго міра, Лихуды имѣли въ Москвѣ также и многихъ враговъ, которые съ завистью и недоброжелательствомъ слѣдили за ихъ успѣхами и стремились подорвать ихъ значеніе. Ихъ вражда къ Лихудамъ была тѣмъ ожесточеннѣе, что у многихъ основывалась не только на личныхъ отношеніяхъ и счетахъ, но и на радикальной разности образовательныхъ началъ, раздѣлявшихъ Лихудовъ и ихъ противниковъ. Враги Лихудовъ не ставили высоко ихъ ученое достоинство, преподаваніе ихъ считали неуспѣшнымъ и старались поселить недовѣріе къ ихъ православію. Со всей силой своего ожесточенія враги Лихудовъ обрушились на нравственный, дѣйствительно далеко не безукоризненный, характеръ «самобратій Ли-

худіевыхъ». Они обвиняли ихъ прежде всего въ корыстолюбіи, затѣмъ въ гордости, въ недостаткѣ благодарности къ русскому народу, въ странѣ котораго они взысканы милостями великихъ государей и обогащены. Обвиненіе въ корыстолюбіи постоянно повторяли недоброжелатели Лихудовъ. Къ числу ихъ недоброжелателей присоединился и бывшій ихъ покровитель—патріархъ Іерусалимскій Досиѳей, который находилъ, что они не проявили къ нему достаточно благодарности; онъ выступилъ противъ Лихудовъ съ цѣлымъ рядомъ обвиненій и началъ хлопотать объ увольненіи ихъ отъ школы. Но Лихуды были нужны въ Москвѣ, и ими не считали возможнымъ пожертвовать патріарху. Однако не вполнѣ достойное поведеніе въ Москвѣ Николая Лихуда, сына Іоанникіева, поставило обоихъ преподавателей въ такое фальшивое положеніе, что они 5-го августа 1694 г. бѣжали изъ Москвы. Съ ними вмѣстѣ бѣжали и дѣти перваго, Николай и Анастасъ. Ихъ схватили по дорогѣ къ Смоленску и вернули въ Москву, но Академію они должны были оставить и были выселены въ типографію. Положеніе ихъ здѣсь, сравнительно съ прежнимъ, было очень незавидно. Но ихъ знанія и недостатокъ въ людяхъ, способныхъ служить запросамъ времени, «когда, по выраженію С. М. Соловьева, реформа уже сильно стучалась въ двери», заставило правительство измѣнить свое отношеніе къ ученымъ братьямъ. Лихудамъ предоставлено было право жить на свободѣ, и они не замедлили воспользоваться этой свободой на благо русскаго просвѣщенія. Они начали учить желающихъ итальянскому языку. До 1697 г. они вели обученіе частнымъ образомъ; 15 мая того же года состоялся именной высочайшій указъ, чтобы бояре и другихъ чиновъ люди отдавали дѣтей своихъ учиться итальянскому языку у учителей грековъ—Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ. Это первое распоряженіе правительства о распространеніи въ Россіи знанія европейскихъ языковъ. По этому указу было назначено къ Лихудамъ 55 человѣкъ учениковъ, но изъ свѣдѣній, доставленныхъ самими Лихудами, видно, что дѣйствительно учились у нихъ только 10 человѣкъ, именно два князя Прозоровскіе и восемь человѣкъ дѣтей дьяковъ и купцовъ.

Еще въ званіи учителей Академіи Лихуды заявили себя проповѣдническою дѣятельностью; увольненіе отъ должности наставниковъ Академіи послужило для нихъ новымъ толчкомъ къ составленію словъ по преимуществу въ похвальномъ и панегирическомъ родѣ. Проповѣдей Лихудовъ извѣстно до 12: Слово поучательное, еже не брити брадъ по законамъ; Похвала Алексѣя, Человѣка Божія, обрученную свою оставившаго (время произнесенія обоихъ этихъ словъ неизвѣстно); Похвальное слово блаженной памяти царю Іоанну Алексѣевичу, 1696 г.; Тріумфъ царя Петра Алексѣевича подъ Азовомъ 1697 г.; Похвальное слово царю Петру Алексѣевичу по возвращеніи его изъ Голландіи въ 1698 г.; Поученіе въ пятую недѣлю великаго поста о предопредѣленіи, произнесенное въ 1701 г. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ за три пріема; Слово о Софіи, Премудрости Божіей, написанное Лихудами въ Новгородѣ въ 1708 г.; Похвальное слово Варлааму Хутынскому, написанное также въ Новгородѣ; Похвальное слово Софронія на день рожденія царя Петра Алексѣевича; Сказаніе радостнаго и торжественнаго тріумфа, еже сотворися вхожденіемъ его пресвѣтлѣйшаго величества... преславна суща побѣдителя Шведовъ и внутреннихъ своихъ враговъ (произнесено въ 1709 г. по случаю Полтавской побѣды); Тріумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ... съ свейскою короною (слово, произнесенное Софроніемъ Лихудомъ въ декабрѣ 1721 г.) и Слово похвальное на преславное вѣнчаніе благочестивѣйшія императрицы... Екатерины Алексѣевны, написанное имъ же въ маѣ 1724 г.

Въ числѣ этихъ словъ преобладаютъ панегирики лицамъ царской фамиліи, по поводу побѣдъ или другихъ выдающихся событій. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, въ томъ числѣ похвальное слово Петру по взятіи Азова, сохранились въ собственныхъ бумагахъ императора. Очевидно, проповѣдники, или сами лично или чрезъ посредство своихъ благожелателей, подносили свои похвальныя рѣчи на благосклонное воззрѣніе государя. Проповѣдничество служило, такимъ образомъ, для Лихудовъ средствомъ напомнить о себѣ русскому правительству; вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что удаленіе отъ должности наставниковъ Академіи не уронило окончательно ихъ репутаціи въ высшихъ правящихъ сфе-

рахъ. Со стороны содержанія и формы проповѣди Лихудовъ отличаются полною отрѣшенностью отъ жизни и крайнимъ схоластицизмомъ построенія.

Въ началѣ 1698 г. надъ Лихудами неожиданно разразилась новая гроза. То были компрометирующія Лихудовъ подробности въ дѣлѣ совратившагося въ латинство ученика ихъ, дьякона Петра Артемьева. Петръ Артемьевъ въ 1688—91 г.г. вмѣстѣ съ Іоанникіемъ ѣздилъ въ Венецію, слушалъ уроки въ тамошнихъ школахъ и, увлекшись идеею соединенія Церквей, принялъ унію. Возвратившись въ Москву, онъ продолжалъ здѣсь нѣкоторое время учиться въ славяно-греко-латинской Академіи, но не измѣнилъ своего образа мыслей и выступилъ горячимъ, до фанатизма, проповѣдникомъ своихъ заблужденій. Въ маѣ 1698 г., по доносу своего приходскаго священника, Петръ Артемьевъ былъ позванъ на судъ къ патріарху и отданъ на исправленіе и покаяніе въ Новоспасскій монастырь, подъ надзоръ архимандрита Исаіи. Уже само по себѣ совращеніе въ латинство одного изъ учениковъ должно было повредить Лихудамъ въ глазахъ высшей церковной власти. Отзывы Артемьева о своихъ учителяхъ и тѣ подробности, какія сообщилъ онъ въ своихъ тетрадяхъ, писанныхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, о жизни Іоанникія за границей еще болѣе скомпрометировали Лихудовъ въ глазахъ патріарха. Въ своихъ тетрадяхъ Петръ Артемьевъ выставлялъ Лихудовъ людьми, которые не имѣютъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій и «на обѣ колѣну хромятъ». Іоанникія рѣшено было допросить. Неизвѣстно, какія объясненія давалъ Іоанникій на этомъ допросѣ. Во всякомъ случаѣ обвиненія Артемьева не прошли для Лихудовъ даромъ, и хотя въ соборномъ приговорѣ Артемьеву было поставлено въ вину, что онъ «написалъ на многихъ тетратехъ, тѣмъ не менѣе учителей своихъ безчестія и укоризны, называя ихъ неуками и уніатами»; тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности патріархъ посмотрѣлъ на его сообщенія не какъ на клевету, но какъ на серьезныя обвиненія, и въ іюнѣ 1698 г. удалилъ Лихудовъ изъ типографіи въ Новоспасскій монастырь.

Въ Новоспасскомъ монастырѣ Лихуды пробыли до января 1704 г.; за это время они составили два полемическихъ сочиненія противъ протестантовъ. Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Лютерскія ереси» (издано проф. Цвѣтаевымъ въ памятн. къ исторіи протестантства, т. 1), представляетъ краткій перечень особенностей, которыми протестантство отличается отъ православія какъ въ догматическомъ, такъ и въ обрядовомъ и въ бытовомъ отношеніяхъ; всѣхъ такихъ особенностей Лихуды насчитываютъ 17. Въ позднѣйшей распространенной редакціи «Лютерскихъ ересей» число ихъ доведено до 19-ти, при чемъ, послѣ указанія особенностей лютеранства, авторъ задается вопросомъ, какъ смотрѣть на тѣхъ изъ православныхъ, которые допускаютъ лютеранъ и иныхъ еретиковъ въ православную церковь, называютъ ихъ православными или, наконецъ, имѣютъ съ ними общеніе. Отвѣтъ дается въ томъ смыслѣ, что таковые жестоко погрѣшаютъ.

Второе сочиненіе Лихудовъ противъ протестантовъ, написанное въ 1701 г., извѣстно подъ именемъ «Слова о предопредѣленіи». Сочиненіе написано въ формѣ проповѣди и было произнесено Лихудами великимъ постомъ 1701-го года сначала съ академической каѳедры, а затѣмъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ по частямъ, въ три или четыре пріема. Слово это имѣетъ достоинства глубоко обдуманнаго трактата.

Проживая въ Новоспасскомъ монастырѣ, Лихуды принимали участіе въ составленіи ученикомъ ихъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ капитальнаго по тому времени изданія, «Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище». Вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ и Рафаиломъ Краснопольскимъ, Лихуды разсмотрѣли этотъ лексиконъ и дополнили его, и уже въ этомъ исправленномъ видѣ лексиконъ вышелъ въ свѣтъ 1-го декабря 1704 года. Въ 1704 г. на Лихудовъ послѣдовалъ новый доносъ со стороны Саввы Рагузинскаго. Доносъ Рагузинскаго былъ политическаго, а не религіознаго характера; повидимому, онъ подтвердилъ обвиненіе, предъявленное противъ Лихудовъ патріархомъ Досиѳеемъ, что они пишутъ въ Константинополь о современномъ положеніи дѣлъ Московскаго государства. Это тяжкое по тогдашнимъ понятіямъ обвиненіе возымѣло свое дѣйствіе. Не сочли возможнымъ оставлять Лихудовъ въ Москвѣ, куда ожидали турецкаго посла Мустафу-агу, и 27 января 1704 г. состоялся указъ:

«старцевъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевъ съ дѣтьми и съ людми ихъ, для пріѣзду Турецкаго посла Мустафы-аги, сослать съ Москвы въ дальней монастырь до его великаго государя указу, покамѣсть Турской посолъ на Москвѣ побудетъ, и держать ихъ въ присмотрѣніи». 4-го февраля состоялся новый указъ: отправить Лихудовъ на жительство «въ Ипацкой монастырь, что на Костромѣ». Въ Ипатіевскомъ монастырѣ Лихуды прожили до января 1706 г. Это было самое тяжелое время ихъ жизни, но все-таки Лихудамъ позволено было заниматься учеными работами и вести переписку съ своими знакомыми и друзьями. Въ 1705 г., въ Ипатіевскомъ монастырѣ, они окончили пространную греческую грамматику.

Въ это же время они писали обличеніе ереси Лютера и Кальвина, обширное полемическое сочиненіе противъ лютеранъ и кальвинистовъ, въ опроверженіе трехъ лютеро-кальвинскихъ сочиненій: «Катехизиса» Іоакима Камерарія, «Напоминаній» Каспара Пейкера и «Метафизики» Іоанна Макковія. Написанное при тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, безъ достаточныхъ пособій, это обширное сочиненіе (состоящее изъ 486 листовъ) не представляетъ собою тѣхъ достоинствъ, которыми отличаются прочіе богословско-литературные труды Лихудовъ. Это не болѣе, какъ сборникъ разныхъ трактацій, излагающихъ самыя общія христіанскія истины, имѣющія притомъ иногда лишь отдаленное отношеніе къ предмету.

31 января 1706 г. состоялся указъ, которымъ предписывалось «изъ Ипатскаго монастыря перевесть Лихудовъ въ Новгородскіе монастыри, что въ епархіи Новгородскаго и Великолуцкаго Іова митрополита, а къ Москвѣ ихъ безъ его великаго государя указу отпускать не велѣть». Лихуды были обязаны этимъ своему давнишнему благожелателю, митрополиту новгородскому Іову, который, испросивъ переводъ ихъ въ Новгородъ, имѣлъ въ виду поручить имъ преподаваніе въ училищѣ, которое онъ проектировалъ открыть въ Новгородѣ. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали для помощи имъ «старые ихъ нѣкоторые ученики»; съ тою же цѣлью былъ вызванъ въ Новгородъ монахъ Переяславскаго Никольскаго монастыря Савватій. Школа была помѣщена въ обширномъ зданіи, нарочно для того построенномъ на счетъ Софійской казны. Ученики собраны были «изъ разныхъ чиновъ и всякаго возраста». Въ августѣ 1714 г. въ Новгородской школѣ числилось до 100 человѣкъ учащихся, а всего за время учительства Лихудовъ въ Новгородской школѣ обучалось 153 человѣка. Всѣ они содержались на счетъ домовой казны митрополита. Впослѣдствіи на содержаніе школы былъ установленъ опредѣленный сборъ съ церквей и монастырей епархіи.

Въ училищѣ съ самаго начала открылись два класса, или школы: «одна на еллинскомъ діалектѣ, другая точію на славянскомъ общемъ діалектѣ». Въ славянской школѣ обучалъ переводчикъ Ѳедоръ Герасимовъ, въ греческой—Лихуды.

На первыхъ порахъ по открытіи училища митрополитъ Іовъ предполагалъ, кромѣ греческаго, ввести въ своей школѣ изученіе и латинскаго языка, но потомъ отложилъ это намѣреніе и ограничился только «греческимъ и славено-россійскимъ діалектомъ». Со стороны ученыхъ и учебныхъ пособій школа была обезпечена Іовомъ же, который предоставилъ въ ея распоряженіе часть своей довольно обширной библіотеки; несомнѣнно, что и Лихуды привезли съ собою по крайней мѣрѣ часть своей значительной библіотеки.

Кромѣ обученія въ школѣ, Лихуды, проживая въ Новгородѣ, занялись также и учеными богословско-литературными трудами, главнымъ образомъ переводными. Усердіемъ ученыхъ грековъ воспользовался вскорѣ самъ государь. Въ 1707 г. онъ прислалъ имъ для перевода двѣ книги на латинскомъ языкѣ. То были сочиненія іезуита Аѳанасія Кирхера, книга «Сфинксъ» (Sphynx mystagoga, sive diatriva hieroglyphica) и «Риза римскихъ добродѣтелей Энея, иже въ Виргилѣ, и того дѣлъ храбро сдѣланныхъ». Переводъ первой изъ указанныхъ книгъ Лихуды снабдили краткимъ толкованіемъ, что «суть сфинскъ и мумія». Въ кабинетныхъ бумагахъ императора хранится переводъ «Сигизмонда Альберта объ алтиллеріи и о способахъ побѣдить Турокъ», исполненный Лихудами съ итальянскаго языка на славянскій. Около того же времени Лихуды исправили службу св. Софіи, Премудрости Божіей, и вновь написали прологъ, стихиры и канонъ въ ея честь. Митроп. Іовъ отправилъ эту работу Лихудовъ справщику Московской типографіи Ѳедору Поликар-

пову «посмотрѣть и исправить». Между тѣмъ новая служба не всѣмъ понравилась, и Іоанникій Лихудъ написалъ отвѣтъ «о порицаніи новосочиненныя службы Софіи, Премудрости Божіей». Около того же времени Софроній Лихудъ перевелъ съ итальянскаго языка на греческій «изъясненіе арменскія литургіи»—съ венеціанскаго изданія 1690 года, а Ѳ. Поликарповъ переложилъ этотъ переводъ на русскій языкъ. Можно думать, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ Софроніемъ также по желанію царя. Дѣло въ томъ, что въ 1701 г. армяне, чрезъ посредство нѣкоего Эзраэля Орія, обратились къ императору съ просьбою объ освобожденіи ихъ отъ мусульманскаго ига. Императоръ весьма сочувственно отнесся къ этой мысли. «Они (армяне) насъ по единовѣрію просили взять подъ свое покровительство, писалъ онъ, и намъ, ради христіанства, армянамъ отказать въ этомъ нельзя». Сѣверная война, поглотившая все вниманіе царя, помѣшала осуществленію этой мысли; тѣмъ не менѣе Петръ не оставилъ ея окончательно и дѣятельно собиралъ объ армянахъ свѣдѣнія, пополнялъ ихъ, поддерживалъ сношенія съ армянами, и какъ только заключенъ былъ Ништадтскій міръ, немедленно предпринялъ походъ въ Персію.

Митр. Іовъ испросилъ у государя разрѣшеніе взять изъ Москвы съ печатнаго двора греко-славяно-латинскій лексиконъ Епифанія Славинецкаго, а также принадлежности такъ называемой верхней типографіи Симеона Полоцкаго. Императоръ разрѣшилъ это, позволилъ взять изъ Москвы мастеровъ и справщика для помощи въ переводахъ. Но Іову не пришлось завести у себя типографію; напротивъ, Новгородскія школы лишь потеряли одного изъ своихъ учителей: отправленный въ концѣ 1707 г. въ Москву, чтобы принять типографію, Софроній Лихудъ былъ удержанъ тамъ для преподаванія греческаго языка. Въ январѣ 1708 г. было рѣшено взять въ Москву и Іоанникія, но Іовъ началъ усиленно хлопотать, чтобы не брали изъ Новгорода Іоанникія и, если можно, возвратили къ нему Софронія; Іоанникій былъ оставленъ при Новгородской архіерейской школѣ, Софроній же обратно возвращенъ не былъ.

Іоанникій оставался учителемъ въ Новгородскомъ училищѣ до 1716 г. Несмотря на преклонный возрастъ и труды въ школѣ, онъ не оставлялъ и литературныхъ занятій. Въ перепискѣ митр. Іова встрѣчаемъ указаніе на два перевода, сдѣланные Іоанникіемъ за это время,—именно книги «О православіи» и «Толкованія молитвы Господней, еже есть Отче нашъ»; переводъ послѣдней книги въ сентябрѣ 1713 г. митр. Іовъ послалъ въ царь царевичу Алексѣю Петровичу. Тогда же Іоанникій исправилъ житіе преподобнаго Варлаама Хутынскаго и написалъ ему похвальное слово; въ сентябрѣ 1708 г. Іоанникій составилъ «Слово торжественное о Софіи, Премудрости Божіей». Оно написано по просьбѣ казначея архіерейскаго дома, іеромонаха Ѳеодосія, и представляетъ отчасти историко-археологическій, отчасти догматическій трактатъ. Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой Іоанникій излагаетъ исторію устроенія и украшенія храма св. Софіи въ Константинополѣ, во второй онъ переходитъ къ рѣшенію вопроса объ иконѣ Премудрости Бога Слова, и, объясняя ея своеобразный типъ, излагаетъ догматическое ученіе о воплощеніи Сына Божія, о взаимномъ отношеніи Лицъ Божества и кратко передаетъ ученіе о семи таинствахъ Церкви.

Въ 1716 г. Іоанникій выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе перебраться въ Москву. Здѣсь онъ поселился на Казанскомъ подворьи вмѣстѣ съ братомъ своимъ Софроніемъ и раздѣлилъ его трудъ по исправленію славянскаго перевода библіи. Вмѣстѣ съ братомъ онъ участвовалъ также въ протестѣ Московскихъ богослововъ противъ Ѳеофана Прокоповича, который въ 1716 г. былъ вызванъ въ Петербургъ для возведенія въ санъ епископа. Московскіе ученые, Ѳеофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій, выбравъ изъ сочиненій Ѳеофана слишкомъ смѣлыя или ошибочныя мнѣнія, составили противъ него обвинительные пункты, съ цѣлью воспрепятствовать ему получить епископское достоинство. Чтобы придать своему голосу больше силы и устранить подозрѣніе въ личной враждѣ къ нему, протестующіе обратились къ Лихудамъ и просили ихъ высказать свое мнѣніе. Тѣ дали отзывъ не въ пользу Ѳеофана. Заручившись отзывомъ Лихудовъ, Ѳеофилактъ и Гедеонъ обратились къ Стефану Яворскому съ просьбой отправить ихъ обвинительные

пункты въ С.-Петербургъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Яворскій согласился и послалъ доносъ на Ѳеофана, въ которомъ просилъ государя отложить посвященіе его въ епископа, доколѣ онъ не отречется отъ своего ученія, несогласнаго съ ученіемъ восточной Церкви. Смѣлый протестъ Московскихъ богослововъ не имѣлъ успѣха. Митрополитъ Стефанъ долженъ былъ сознаться, что онъ не читалъ сочиненій Ѳеофана. Ѳеофилактъ и Гедеонъ вынуждены были письменно извиниться въ несправедливости возведеннаго на него обвиненія; Лихудовъ на этотъ разъ почему-то оставили въ покоѣ. Участіе въ протестѣ противъ Ѳеофана было послѣднимъ извѣстнымъ намъ шагомъ общественной дѣятельности Іоанникія. 7-го августа 1717 г. онъ скончался на 84 году жизни; тѣло его было погребено при Академіи въ нижней трапезной церкви Заиконоспасскаго монастыря.

Софроній, какъ сказано выше, прибывъ въ Москву въ концѣ 1707 г., былъ удержанъ Стеф. Яворскимъ и сдѣланъ учителемъ школы «еллинскаго языка», необходимость въ которой для русской церкви хорошо сознавалъ мѣстоблюститель патр. престола. Эта школа помѣщалась на Казанскомъ подворьи и представляла какъ бы отдѣленіе Академіи. Одновременно съ учительствомъ въ греческой школѣ, Софроній принималъ дѣятельное участіе въ коммиссіи по пересмотру и исправленію славянскаго перевода библіи. Въ 1717 г. Софроній, доселѣ неполучавшій опредѣленнаго вознагражденія за учительство, въ отношеніи жалованья приравненъ былъ къ преподавателямъ Славяно-латинской Академіи: ему положено было 150 руб. въ годъ изъ суммъ Монастырскаго приказа и сохранено вознагражденіе, которое онъ получалъ изъ канцеляріи Московской типографіи—«за библейный трудъ»—въ количествѣ 50 руб. въ годъ. Тогда же Софроній былъ зачисленъ въ число штатныхъ наставниковъ Славяно-лат. Академій, въ спискѣ которыхъ занимаетъ первое мѣсто послѣ ректора.

Изъ сочиненій, написанныхъ Софроніемъ за этотъ періодъ его жизни, извѣстенъ «Коллурій о лютой страсти очеболѣнія Капитонскаго», поводомъ для написанія котораго послужило событіе, имѣвшее мѣсто въ Новгородѣ, гдѣ въ то время содержался въ архіерейскомъ разрядѣ въ заключеніи извѣстный расколоучитель Семенъ Денисовъ Вторушинъ. Митрополитъ Іовъ неоднократно призывалъ его къ себѣ и увѣщевалъ возвратиться къ Церкви и оставить расколъ, но безуспѣшно. Не довольствуясь устной защитой своихъ мнѣній, Денисовъ представилъ митрополиту Іову рядъ писемъ, или посланій. Въ одномъ изъ нихъ онъ изложилъ «вины, объявляющія наше (т. е. раскольническое) разлученіе отъ . . . Церкве: каковыми доводами подтверждающеся, таковая творимъ». Митрополитъ Іовъ поручилъ перевести посланіе Денисова на греческій языкъ, а Іоанникію Лихуду написать его разборъ и опроверженіе. Іоанникій, по старости и слабости силъ, не успѣлъ или не сумѣлъ исполнить порученіе митрополита и вскорѣ затѣмъ переѣхалъ въ Москву. Какъ болѣе молодой и энергичный, Софроній принялъ на себя трудъ, порученный Іоанникію, но какъ иностранецъ, мало знакомый съ русскою археологіею и исторіей и самымъ міровоззрѣніемъ русскихъ старообрядцевъ, онъ и въ способахъ сужденія и въ способахъ изложенія оказался неспособнымъ примѣниться къ понятіямъ русскихъ читателей. Вотъ почему его «Коллурій» оказался непригоднымъ для своей цѣли и не получилъ распространенія ни среди православныхъ, ни тѣмъ болѣе среди раскольниковъ. Послѣднимъ, вѣроятно, онъ остался даже совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Софроній учительствовалъ въ греческой школѣ до начала 1722 года. Въ октябрѣ 1721 г. возникало предположеніе посвятить его въ санъ епископа иркутскаго, но назначеніе это не состоялось; 17 февраля 1723 года указомъ Синода онъ былъ назначенъ архимандритомъ Солотчина монастыря.

Солотчинскіе монахи были недовольны назначеніемъ къ нимъ Софронія и встрѣтили его съ затаенною враждою и нерасположеніемъ. Вскорѣ на имя рязанскаго епископа Гавріила (Бужинскаго) поступилъ отъ монастырской братіи цѣлый рядъ доношеній и челобитныхъ съ обвиненіями Софронія; братія жаловалась, что, вслѣдствіе своей старости и болѣзненности, Софроній невнимательно относится къ монастырскимъ нуждамъ и интересамъ, указывала и на разнаго рода злоупотребленія, которыя позволяли себѣ приближенныя къ архимандриту лица—въ особенности внукъ Софронія,—Иванъ Лихудьевъ. Несомнѣнно,

что въ этихъ обвиненіяхъ и жалобахъ была значительная доля правды. Гавріилъ, получивъ эти обвиненія, переслалъ ихъ въ Синодъ. Съ своей стороны онъ высказалъ мнѣніе, что лучше всего опредѣлить Софронія къ какому-либо другому мѣсту, потому что онъ дѣйствительно «за своею древностію и скорбію церковнаго служенія отправлять и монастырскихъ и вотчинныхъ дѣлъ не токмо правитъ, но и говоритъ, не точію по-русски, но и по-гречески не можетъ». Но Синодъ 12 іюня 1727 г. приказалъ: «оному архимандриту Софронію Лихудіеву быть въ томъ монастырѣ настоятелемъ неотмѣнно, и опредѣленное ему жалованье выдавать и пищею и прочимъ довольствовать неотложно, для того, что онъ и во время опредѣленія въ оный монастырь архимандритомъ уже былъ древенъ, токмо то опредѣленіе учинено ему за многіе его въ школьномъ ученіи труды, ради утѣшенія старости его, а не для управленія монастырскихъ и вотчинныхъ дѣлъ, которыя и въ другихъ многихъ мѣстахъ отправляютъ намѣстники и келари и казначей съ братіею; а ко управленію монастырскихъ и вотчинныхъ дѣлъ опредѣлить къ нему намѣстника, человѣка искуснаго и доброжелательнаго, никакого порока и подозрѣнія не имѣющаго. Но и послѣ этого распри и раздоры въ Солотчинскомъ монастырѣ не прекращались; дошло, наконецъ, до того, что въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1729 года Софроній самъ рѣшился покинуть свой монастырь и бѣжалъ въ Москву. Тогда Синодъ, указомъ отъ 6 мая 1729 г., предписалъ Софронія, «за всесовершенною старостью и изнеможеніемъ по случаю параличныя болѣзни, отъ той архимандріи отрѣшить и опредѣлить, для успокоенія старости его, въ Новоспасскій монастырь, что при Москвѣ, годѣ онъ скончался въ іюнѣ 1730 г. 78-ми лѣтъ отъ рожденія.

Значеніе Лихудовъ въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія было довольно широко и благотворно. Достаточно указать, что въ Москвѣ и Новгородѣ они подготовили такихъ образованныхъ воспитанниковъ, каковы Ѳедоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ, Алексѣй Барсовъ, монахи Косьма, Ѳеологъ, Іовъ, Палладій Роговъ, докторъ Постниковъ, а изъ позднѣйшихъ Ѳеодоръ Максимовъ—всѣ эти ученики Лихудовъ заявили себя плодотворною дѣятельностью на разныхъ поприщахъ науки и жизни, и ихъ дѣятельность служитъ неоспоримымъ доказательствомъ благотворнаго вліянія Лихудовъ на русскую церковную и общественную жизнь. Синодъ въ указѣ отъ 17 февраля 1723 г. назвалъ труды ученыхъ братьевъ по обученію Россійскаго юношества «достохвальными, достополезными и всѣмъ извѣстными». Такой отзывъ со стороны высшаго правительства русской церкви служитъ лучшей оцѣнкой учебной дѣятельности Лихудовъ и лучшимъ для нихъ памятникомъ. Изъ работъ чисто научнаго характера Лихудовъ назовемъ исправленіе ими греческаго текста Православнаго Исповѣданія въ первоначальномъ изданіи Панагіота. Этотъ исправленный Лихудами текстъ Прав. Исповѣданія былъ напечатанъ Лавр. Норманномъ, сперва Упсальскимъ профессоромъ, а затѣмъ Готенбургскимъ епископомъ, въ Лейпцигѣ въ 1695 году. Поправки, сдѣланныя Лихудами (большая часть которыхъ чисто грамматическаго характера), Норманнъ помѣстилъ на полѣ въ видѣ варіантовъ или разночтеній. Изданіе Норманна было повторено въ Бреславлѣ Гофманомъ въ 1751 г.

Преимущественно же научно-литературная дѣятельность Лихудовъ, по обстоятельствамъ времени, получила полемико-апологетическій характеръ и направлялась то противъ латинянъ, то противъ лютеранъ и кальвинистовъ. Особенное значеніе и извѣстность получила ихъ полемика противъ латинянъ по вопросу о времени пресуществленія святыхъ даровъ. Независимо отъ литературныхъ трудовъ, въ спорѣ по этому вопросу огромное значеніе имѣла та нравственная поддержка, которую оказали Лихуды защитникамъ православія. Значеніе Лихудовъ въ исторіи споровъ о времени пресуществленія настолько значительно, что нѣкоторые изслѣдователи считаютъ возможнымъ ихъ именно признать виновниками этихъ споровъ. Но такое мнѣніе неосновательно. Внимательное изученіе доказываетъ, что вопросъ этотъ уже назрѣлъ и что возникшая по этому вопросу полемика имѣла какія-то внутреннія, питавшія ее причины. Одинъ изъ участниковъ споровъ о пресуществленіи, преосвященный Аѳанасій Холмогорскій, вѣрно указалъ истинную причину этого спора, сказавъ, что онъ *возникъ изъ-за книжныхъ исправленій на печатномъ дворѣ*. Дѣйствительно, въ учительныхъ и богослужебныхъ книгахъ того времени были даны неодинако-

выя рѣшенія вопроса о времени пресуществленія, что на практикѣ, при склонности русскихъ людей того времени разсматривать всякій вопросъ не столько съ теоретической, сколько съ практической обрядовой стороны, вызвало споры о томъ, когда именно слѣдуетъ совершать «боголѣпное поклоненіе» тѣлу и крови Христовой: во время-ли великаго выхода, во время-ли произнесенія словъ Христовыхъ: «примите, ядите и пійте» или позднѣе, при произнесеніи молитвы: «и сотворите убо хлѣбъ сей» и т. д. Въ рѣшеніи этого вопроса преобладаетъ латинское мнѣніе, но высказано и иное воззрѣніе (раскольническое), а въ «Скрижали» ясно выраженъ православный взглядъ. Церковная практика по спорному пункту также не представляла должнаго единообразія. Въ богословской литературѣ и церковной практикѣ того времени, именно въ неопредѣленности и противорѣчивости ея воззрѣній относительно времени пресуществленія, уже были даны условія, способныя вызвать послѣдующіе горячіе споры и ту полемику, которые дѣйствительно и начались.

Свидѣтельство Сильвестра Медвѣдева, т. е. такого лица, которое никакъ нельзя заподозрить въ сочувствіи къ Лихудамъ, доказываетъ, что еще до пріѣзда Лихудовъ вопросъ о времени пресуществленія успѣлъ обратить на себя вниманіе Московскихъ книжныхъ лютей и сдѣлался предметомъ обсужденія, пока еще устнаго.

Съ другой стороны, есть основанія думать, что Лихуды еще до пріѣзда въ Россію, на западѣ, имѣли случай основательно познакомиться съ вопросомъ о пресуществленіи, такъ что предметъ Московскихъ недоумѣній былъ для нихъ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, когда къ нимъ обратились за разъясненіями и поддержкой и не только сторонники православія, но, можно думать, и ихъ противники, Лихуды рѣшили избрать этотъ вопросъ темою для публичнаго диспута съ Бѣлободскимъ. Открыто поставленный на публичномъ диспутѣ вопросъ о времени пресуществленія долженъ былъ обратить на себя вниманіе общества. Политическія страсти и личные счеты, наконецъ, искусная дѣятельность іезуитовъ, все это придало спору о времени пресуществленія страстный и бурный характеръ, какого онъ не получилъ бы при болѣе спокойномъ настроеніи спорящихъ сторонъ. Но эта продолжительность и страстность спора говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что вопросъ о времени пресуществленія имѣлъ живое общественное значеніе и что правильное рѣшеніе его было въ высшей степени необходимо. Лихуды твердо стали на защиту православнаго пониманія этого вопроса и оказали сильное вліяніе на рѣшеніе его въ должномъ направленіи. Въ этомъ ихъ заслуга предъ русскою церковью. Литературнымъ памятникомъ участія Лихудовъ въ спорѣ о времени пресуществленія является обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Акосъ, или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніемъ зміевымъ». Лихуды начали писать «Акосъ», по всей вѣроятности, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Москву и окончили его осенью 1687 г. 13 декабря этого года, какъ обозначено въ нѣкоторыхъ спискахъ «Акоса», онъ былъ уже переведенъ на славянскій языкъ. «Акосъ» изложенъ въ формѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя. Всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ двадцать одинъ. Въ первыхъ трехъ отвѣтахъ переподается общее ученіе о таинствахъ и условіяхъ ихъ дѣйствительности и дѣйственности.

Изложивши православное ученіе о таинствахъ вообще, въ 4—8 отвѣтахъ, Лихуды останавливаются въ частности на таинствѣ евхаристіи и подробно излагаютъ ученіе о пресуществленіи; въ 9-мъ и 11-мъ вопросахъ они переходятъ къ ученію о поклонахъ на слова Господни и вообще на литургіи. Затѣмъ (отв. 12—17) Лихуды переносятъ вопросъ на историческую почву. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ они доказываютъ, что защищаемое ими ученіе есть дѣйствительно ученіе православной церкви и что такъ именно вѣровала и древнерусская церковь. Въ четырехъ послѣднихъ вопросахъ «Акоса» Лихуды рѣшаютъ нѣкоторые вопросы относительно крещенія.

Вторымъ крупнымъ (болѣе цѣннымъ, чѣмъ «Акосъ») трудомъ Лихудовъ въ опроверженіе латинства были «Діалоги, сирѣчь разглагольства грека учителя къ нѣкоему іисуиту» или, иначе, «Мечецъ духовный» (изданъ въ Казани въ 1866 году). Сочиненіе это принадлежитъ собственно Софронію и окончено имъ въ февралѣ 1690 г. Это весьма удачный по времени, хотя и не совсѣмъ полный, опытъ обличительнаго богословія, написанный въ формѣ разговора между іезуитомъ и грекомъ.

Всѣхъ «Разглагольствій» или «Діалоговъ»

въ «Мечцѣ» двадцать одинъ. «Діалоги» были капитальнымъ вкладомъ въ богословскую литературу XVII-го столѣтія, свидѣтельствующимъ о недюжинномъ умѣ и большой богословской начитанности автора. Современники высоко цѣнили «Діалоги», что видно изъ очень большого количества ихъ списковъ, дошедшихъ до нашего времени.

«Діалоги» представляютъ послѣдній оригинальный трудъ Лихудовъ въ опроверженіе латинства. Кромѣ того, въ цѣляхъ той же борьбы съ сторонниками латинскаго воззрѣнія по спорному вопросу, въ 1692 году Іоанникій Лихудъ пересмотрѣлъ и исправилъ древнеславянскій, болгарскій, переводъ литургіи Іакова, сдѣланный Евѳиміемъ, патріархомъ Тырновскимъ.

Есть основанія думать, что Лихуды принимали также значительное участіе въ составленіи двухъ обширныхъ сборниковъ того времени, направленныхъ противъ латинства, «Остна» и «Щита Вѣры».

Безспорно, высокое значеніе для русской церкви имѣетъ другой трудъ Лихудовъ (преимущественно Софронія) по исправленію и пересмотру славянскаго текста библіи Ветхаго Завѣта. Съ замѣчательно вѣрнымъ пониманіемъ потребностей русской церкви Лихуды добровольно предложили митрополиту Новгородскому Іову вмѣстѣ съ своими «старыми учениками» заняться пересмотромъ и исправленіемъ славянскаго текста книгъ Ветхаго Завѣта. Іовъ горячо отозвался на это предложеніе и въ 1706 г. началъ энергично хлопотать и передъ государемъ и передъ вліятельными людьми того времени Зотовымъ и А. Д. Меншиковымъ, о томъ, чтобы Іоанникію и Софронію поручено было «исполнити сіе богоугодное дѣло». Несмотря на эти хлопоты, желаніе митр. Іова на этотъ разъ не было исполнено, и только чрезъ 6 лѣтъ, 14-го ноября 1712 г., именнымъ указомъ образована была комиссія, которой поручалось «прочесть словенскую библію и согласить во всемъ со греческою 70 преводниковъ библіею». Достойно замѣчанія, что въ составъ этой комиссіи, кромѣ Софронія, который въ спискѣ исправителей занимаетъ первое мѣсто, вошли Ѳеодоръ Паликарповъ, Николай Семеновъ, Алексѣй Барсовъ и монахъ Ѳеологъ,—все ученики Лихудовъ. Нѣкоторое, незначительное, впрочемъ, участіе въ трудахъ комиссіи принималъ и Іоанникій Лихудъ. Въ теченіе 7 лѣтъ комиссія трудилась «со всякимъ усердно-тщательнымъ радѣніемъ» и къ іюлю 1720 г. окончила свой сложный и кропотливый трудъ, а къ 1723 г. успѣла даже вторично пересмотрѣть и провѣрить исправленія пятокнижія Моисеева и книги Іова; и можно было ожидать, что трудъ Петровскихъ справщиковъ скоро выйдетъ въ свѣтъ. Но этого не случилось. Какія-то тайныя причины, объ истинномъ характерѣ которыхъ точно ничего неизвѣстно, остановили это дѣло на цѣлыя 10 лѣтъ, и только въ 1735 г. вновь былъ поднятъ вопросъ о напечатаніи ново-исправленной библіи и организованъ рядъ комиссій, которымъ поручалось «освидѣтельствовать» работу Петровскихъ справщиковъ—«исправно-ли во всемъ учинено», пятнадцать лѣтъ продолжалось это свидѣтельствованіе, и въ концѣ концовъ исправители Елизаветинскаго времени приняли почти всѣ исправленія, внесенныя комиссіею Петровскихъ справщиковъ. Съ тѣхъ поръ славянскій текстъ Ветхаго Завѣта, за ничтожными исключеніями, остается безъ всякихъ измѣненій, и такимъ образомъ уже болѣе 150 лѣтъ русская церковь имѣетъ во всеобщемъ употребленіи библейскій ветхозавѣтный текстъ, правленный Петровскою комиссіею, въ которой Лихудамъ лично и черезъ ихъ учениковъ принадлежитъ первое и самое почетное мѣсто.

Въ нравственномъ характерѣ Лихудовъ въ свое время враги и недоброжелатели указывали много темныхъ сторонъ. Дѣйствительно, они не были людьми святого подвига и убѣжденія, какимъ былъ Максимъ Грекъ; съ бо́льшимъ правомъ ихъ можно сравнить съ другимъ ихъ единоплеменникомъ Паисіемъ Лигаридомъ; они такіе же странствующіе интернаціолисты, какъ и Лигаридъ. Подобно ему, они, дѣйствительно, лукавы, льстивы и своекорыстны. Но было-бы грубою ошибкою видѣть въ Лихухадъ какихъ то профессіональныхъ интригановъ, а въ ихъ противникахъ видѣть невинныхъ жертвъ. Если, быть можетъ, Лихуды и виновны въ происшедшихъ при нихъ волненіяхъ и спорахъ, то виновны, во всякомъ случаѣ, не болѣе своихъ противниковъ, которые тоже не только защищались, но и нападали, домогались побѣды, часто не разбирая средствъ. Напряженность и страстность борьбы, которую должны были вынести Лихуды со своими противниками, объ-

ясняетъ и отчасти извиняетъ нѣкоторую ихъ неразборчивость въ средствахъ. Безпристрастно разсматривая многочисленныя похвалы и порицанія Лихудамъ, мы должны сказать, что и тѣ и другіе имѣютъ за собою извѣстную долю правды, и рѣзкая противоположность между ними объясняется различіемъ мѣрки, которою оцѣнивали значеніе Лихудовъ ихъ враги и ихъ поклонники: одни цѣнили ихъ ученыя заслуги, ради которыхъ они прощали Лихудамъ ихъ нравственные изъяны; другіе, напротивъ, видѣли только эти изъяны и не хотѣли видѣть ничего болѣе. Въ настоящее же время, когда не только можно, но и должно безпристрастно оцѣнивать событія и лица, Лихуды являются такими, какими они были: людьми своекорыстными, хитрыми, льстивыми, быть можетъ, людьми не твердыхъ убѣжденій, но образованными, умными и полезными дѣятелями.

На греч. языкѣ о Лихудахъ см. статьи Ласкариса въ Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος 1864 г., т. II, стр. 24—44 и Сафы Νεοελλην. φιλολογία, стр. 338—371. На русскомъ языкѣ см. наше изслѣдованіе—«Братья Лихуды». Спб. 1899 г. Здѣсь подробно указана литература о Лихудахъ. Ср. такъ же: «Значеніе Лихудовъ въ исторіи Русскаго церковнаго просвѣщенія и церковной жизни» («Богословскій Вѣстникъ» 1899 г., № 11) и «Церковно-историческіе матеріалы. Дополнительныя примѣчанія къ изслѣдованію «Братья Лихуды» Спб. 1899 г.

Мих. Сменцовскій.

Лихутинъ, *Михаилъ Доримедонтовичъ*, ген.-маіоръ, служебную карьеру началъ въ сороковыхъ годахъ и молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба отличился въ Венгерскую кампанію. При началѣ турецкой войны (1854 г.) онъ былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ вскорѣ получилъ назначеніе начальника штаба Баязетскаго отряда, который разбилъ на Чингильскихъ высотахъ большой турецкій корпусъ; по окончаніи этой войны, будучи командиромъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, Лихутинъ провелъ нѣсколько лѣтъ бивачной жизни въ безпрестанныхъ бояхъ съ храбрыми Абадехами и Шапсугами до умиротворенія Кавказа (1856—1860 г.); по умиротвореніи же послѣдняго, съ производствомъ въ ген.-маіоры, получилъ на Кавказѣ дивизію, но по ходатайству генерала Муравьева былъ назначенъ командующимъ 29-ю дивизіею въ сѣверо-западномъ краѣ, откуда съ особою цѣлью былъ переведенъ начальникомъ дивизіи въ Ригу; но здѣсь онъ оставался не долго: сначала онъ подалъ прошеніе объ отчисленіи по запаснымъ войскамъ, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, видя свою карьеру оконченною, подалъ въ отставку. Скончался Лихутинъ въ Москвѣ 12 декабря 1882 г.

Ему принадлежатъ труды: «Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854 и въ 1855 годахъ, изъ записокъ о военныхъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда». Спб. 1863 г. и «Записки о походѣ въ Венгрію въ 1848 году». М. 1875 г. Остались же неизданными въ рукописи: «Исторія Польской войны» и «Война въ западномъ краѣ». Кромѣ того, Лихутинъ велъ записки, выражавшія взглядъ его на современную ему жизнь въ Россіи».

«Московскія Вѣдомости 1882 г., № 348.— *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писат. и писательницъ», вып. II, стр. 30—31.

Лишень, *Андрей Тимоѳеевичъ*, бунчуковый товарищъ Малороссійскаго войска, родился въ 1713 г., на службу поступилъ въ 1736 г. войсковымъ канцеляристомъ въ Малороссійскую Генеральную Войсковую канцелярію, а когда въ 1740 г. этой канцеляріи по Высочайшему указу повелѣно было «архиву, въ непорядкѣ тогда находившуюся, разобрать и въ настоящій порядокъ привесть», Андрей Лишень «опредѣленъ былъ къ содержанію и разбору той архивы»; въ качествѣ помощниковъ ему придано было 25 канцеляристовъ, съ которыми онъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ и привелъ въ порядокъ дѣла Генеральной Войсковой канцеляріи. Въ 1748 г. онъ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1751 г. въ депутаціи поздравлялъ новаго гетмана гр. Разумовскаго и 13 іюня участвовалъ въ церемоніи чтенія грамоты на гетманство и выноса гетманскихъ «клейнотовъ» въ церковь. Осенью того же года Лишень назначенъ былъ въ слѣдственную комиссію по дѣлу о насиліяхъ старшины Черниговскаго полка надъ казаками. Здѣсь онъ пробылъ до 1754 г., а въ слѣдующемъ 1755 г. опредѣленъ былъ къ присутствію въ полковой Стародубовской канцеляріи. Въ ближайшіе послѣдующіе затѣмъ годы, пользуясь, повидимому, неизмѣннымъ довѣріемъ гетмана, Лишень исполнялъ разнообразныя, иногда трудныя и сложныя порученія. Такъ, въ 1756—57 гг. закупалъ

фуражъ для драгунскаго полка; въ 1759 г. разбиралъ земельную тяжбу между бунчуковыми товарищами Ширяями; въ 1760 г. «слѣдовалъ» въ комиссіи дѣло о тайномъ провозѣ изъ м. Душатина табаку за границу и въ 1761 г. участвовалъ въ комиссіи генеральнаго есаула Журавки о собираніи отъ старшинъ, бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей сказокъ о ихъ службѣ. 17 ноября 1763 г. Лишень уволенъ былъ отъ службы и скончался еще до 1775 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стран. 158, 159.

А. Гельвихъ.

Лишень, *Григорій Ѳедоровичъ*, директоръ экономіи Екатеринославской губерніи, началъ службу въ Ростовскомъ карабинерномъ полку 17 ноября 1765 г., но вскорѣ переведенъ былъ въ Маріупольскій легкоконный полкъ, съ которымъ и принялъ участіе во многихъ походахъ: въ 1768 г. ходилъ въ Польшу, въ 1769—70 гг. былъ при штурмѣ и взятіи Бендеръ, Кефы и Перекопской линіи; тогда же произведенъ былъ въ прапорщики; 1771—73 гг. провелъ въ Крыму, а 1774—75 гг. участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ и многихъ стычкахъ съ непріятелемъ на Кубани. Въ томъ же 1775 г. ему пришлось участвовать и въ Оренбургской экспедиціи для усмиренія Пугачевскаго бунта: Лишень былъ и подъ Оренбургомъ, и подъ Саратовымъ и подъ Астраханью, а въ 1776 г. вновь вернулся въ Крымъ, гдѣ оставался до 1784 г., участвуя, между прочимъ, «при разогнаніи татарскихъ толпъ и при заключеніи мира». Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ секундъ-маіора и опредѣленъ былъ дворянскимъ засѣдателемъ 7-го класса въ Новгородсѣверскій верхній земскій судъ и приказъ Общественнаго Призрѣнія. Здѣсь прослужилъ онъ шесть лѣтъ, а въ 1793 г. назначенъ былъ директоромъ экономіи Екатеринославской губерніи съ чиномъ 6-го класса. Въ этой должности Г. Ѳ. Лишень много потрудился надъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ экономіи и своей разумной распорядительностью способствовалъ увеличенію казенныхъ доходовъ, за что и получилъ чинъ колежскаго асессора. Въ 1797 г. онъ былъ причисленъ къ геральдіи. Скончался ранѣе 1831 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ, 1912 г., т. III, стран. 160, 161.

А. Г.

Лишень (**Лишинъ**), *Димитрій Степановичъ*, командиръ Украинскаго егерскаго полка, родился 7 августа 1814 г. въ селѣ Кромовѣ, умеръ до 1859 г., на службу поступилъ 25 февраля 1833 г. изъ фельдфебелей Павловскаго кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ и въ томъ же году произведенъ былъ въ подпоручики. Въ 1836 г. во время экспедиціи противъ горцевъ Д. С. Лишень раненъ былъ пулею въ правый бокъ, за что получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и въ слѣдующемъ 1837 г. произведенъ былъ въ поручики. Въ 1843 г. Лишень былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, въ 1848 г. — въ капитаны, а въ 1851 г. сперва прикомандированъ къ Литовскому полку, а затѣмъ и переведенъ въ него съ чиномъ полковника. Въ 1854 г., состоя въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку, Лишень принялъ участіе въ дѣлѣ при Журжѣ и въ томъ же году назначенъ былъ командиромъ Украинскаго егерскаго полка.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 170.

А. Г.

Лишень, *Петръ Степановичъ*, ген.-маіоръ, родился 22 февраля 1792 г., умеръ послѣ 1849 г., воспитывался въ Гродненскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда поступилъ на службу 19 февраля 1807 г. прапорщикомъ въ Камчатскій пѣхотный полкъ. Боевая жизнь рано началась для него. Въ 1808 г. онъ побывалъ уже въ походахъ въ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи, гдѣ былъ при взятіи крѣпости Исакчи и Тульчи; въ 1809 г. произведенъ былъ въ подпоручики; въ 1810 г. участвовалъ въ дѣлахъ при Базарджикѣ, Рущукѣ, Журжѣ и Шумлѣ, гдѣ раненъ былъ пулею въ ногу навылетъ, а въ 1811 г., уже въ чинѣ поручика, вновь побывалъ подъ Журжею, Рущукомъ и Видденомъ. Едва вернувшись изъ турецкой кампаніи, Лишень въ 1812 г. принялъ живое участіе въ Отечественной войнѣ; побывалъ подъ Волковыскомъ и Варшавою, а въ 1813 г. въ чинѣ штабсъ-капитана ушелъ въ заграничный походъ. Здѣсь онъ присоединился къ силезской арміи Блюхера, бился при Кацбахѣ, Лейпцигѣ и Майнцѣ, въ 1814 г. за отличіе при С.-Ларотьерѣ произведенъ былъ

въ капитаны, участвовалъ въ дѣлахъ при Краонѣ и Лаонѣ и былъ при взятіи Парижа. Послѣ возвращенія изъ-за границы, въ 1817 г., Лишень былъ награжденъ чиномъ маіора и опредѣленъ въ Охотскій полкъ, въ томъ же году онъ нѣкоторое время состоялъ старшимъ адъютантомъ 16-й пѣхотной дивизіи, а въ 1818 г. вернулся въ Охотскій полкъ и въ маѣ того же года произведенъ былъ въ подполковники. Въ 1821 и 1822 гг. Лишень служилъ сперва въ 31-мъ, а затѣмъ въ 32-мъ егерскихъ полкахъ, а въ 1828 г. съ открытіемъ турецкой кампаніи вновь выступилъ въ походъ; опять побывалъ подъ Журжею и Шумлою и за отличіе при Силистріи произведенъ былъ въ полковники. Въ ночь на 1 февраля 1829 г. при нападеніи на передовой отрядъ у селенія Марковичъ, гдѣ былъ убитъ турецкій паша, при чрезвычайномъ холодѣ и вьюгѣ Лишень отморозилъ себѣ ноги, но оправившись отъ болѣзни, продолжалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля: былъ въ сраженіи при Арнаутъ-Ларѣ, при разбитіи 30 мая великаго визиря у Кулевичи, вновь при Шумлѣ, при взятіи лагеря у Дервишъ-Авана и въ іюлѣ, начальствуя авангардомъ, перешелъ черезъ Балканы. Совершивъ затѣмъ походъ вдоль берега Чернаго моря, онъ участвовалъ при занятіи Сливны и Адріанополя. Въ 1832 г. Лишень былъ назначенъ командиромъ 32-го егерскаго полка, а въ 1833 г. состоялъ командиромъ тульскаго егерскаго полка. Произведенный въ чинъ генералъ-маіора въ 1837 г., онъ получилъ въ командованіе резервную дивизію 4-го пѣхотнаго корпуса; въ 1842 г. командовалъ 2-й сводной резервной дивизіей 3-го и 4-го корпуса, а въ 1848 году состоялъ командующимъ резервной дивизіей 2-го пѣхотнаго корпуса.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 164.

А. Г.

Лишень, *Петръ Ѳедоровичъ*, попечитель Стародубовской попечительной конторы для малороссійскихъ казаковъ, родился въ іюнѣ 1793 г. въ с. Вельжичахъ, Мглинскаго уѣзда, воспитывался въ Московскомъ университетѣ, а въ 1815 г. поступилъ на военную службу юнкеромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Въ томъ же году онъ посланъ былъ во Францію; въ 1816 г. произведенъ въ корнеты, въ 1817 г.—въ поручики, а въ 1818 г. назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба 2-го пѣхотнаго корпуса ген.-маіору Бергу. Затѣмъ въ теченіе года Лишень прослужилъ во Владимірскомъ пѣхотномъ полку, а въ 1820 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ былъ плацъ-адъютантомъ Выборгской крѣпости. Здѣсь онъ за отличіе по службѣ произведенъ былъ въ капитаны (въ 1822 г.) и въ 1824 г., дослужившись до маіорскаго чина, вышелъ въ отставку. Опредѣлившись вскорѣ затѣмъ на гражданскую службу, Лишень въ 1827 г. состоялъ Мглинскимъ уѣздвымъ судьей, а въ 1832 г.—Мглинскимъ подкоморіемъ. 24 сентября 1834 г. онъ назначенъ былъ попечителемъ стародубовской попечительной конторы для малороссійскихъ казаковъ, но занималъ эту должность недолго: совершая объѣздъ части стародубовскаго округа, по обязанности своей службы, Лишень схватилъ сильную простуду, отъ которой и скончался въ ночь на 29-е января 1836 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 167.

А. Г.

Лишень, *Степанъ Ивановичъ*, родился въ 1778 г., а 4 апрѣля 1788 г. уже опредѣленъ былъ на службу фурьеромъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ 1800 г. онъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры Смоленскаго гарнизоннаго кн. Гики полка, а въ декабрѣ того-же года переведенъ во Владимірскій мушкетерскій полкъ; въ 1802 г. произведенъ въ портупей-прапорщики, въ 1803 г.—въ прапорщики и въ 1804 г. — въ подпоручики. Принявъ участіе въ заграничномъ походѣ 1805 г., Лишень сражался въ знаменитой битвѣ подъ Аустерлицемъ, въ 1806 г. произведенъ былъ въ поручики, а въ 1807 г. въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау сильно былъ контуженъ ядромъ въ голову, за что получилъ золотую медаль на георгіевской лентѣ, и въ ноябрѣ того же года вслѣдствіе ранъ переведенъ былъ въ Рижскій гарнизонъ. Но болѣзненное состояніе мѣшало ему продолжать службу, и въ слѣдующемъ 1808 г. онъ въ чинѣ штабсъ-капитана уволился въ отставку. Въ 1812 г. Лишень попытался было вернуться на военную службу и въ теченіе полугода состоялъ повѣтовымъ (Мглинскаго повѣта) начальникомъ конной кор-

донной цѣпи по границѣ съ Могилевской губерніей, но уже 10 января 1813 г. сдалъ команду корнету 6-го Черниговскаго казачьяго полка М. Савицкому.

Впослѣдствіи, въ 1828 г., Лишень состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при управляющемъ питейными сборами въ Орловской губерніи. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ». Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 166.

А. Гельвихъ.

Лишинъ, *Григорій Андреевичъ*, композиторъ и поэтъ, сынъ ген.-маіора, родился въ Петербургѣ 23 апрѣля 1854 г., ум. тамъ же 15 іюня 1888 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, а музыкальное подъ руководствомъ матери, ученицы Шопена. На 13 году онъ поступилъ въ училище Правовѣдѣнія, которое окончилъ въ 1875 г. однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но этой спеціальностью онъ не воспользовался, какъ и не помышлялъ о служебной карьерѣ, хотя два года служилъ въ иностранной цензурѣ (1878—1879 гг.). Тяготѣніе онъ имѣлъ къ музыкѣ, которая была ему родственна и которой онъ всецѣло отдался, обогативъ ее многими произведеніями. Послѣ матери учителями музыки его были Гарднеръ, Нагель, Гензельдтъ и Н. Ѳ. Соловьевъ. Лишинъ обладалъ широкою талантливостью и живымъ, нетерпѣливымъ характеромъ. Если что мѣшало развитію его талантливости, то именно живость его характера, его темпераментъ и отчасти нѣкоторыя условія воспитанія. Ему все легко давалось, и это заставляло его относиться нерѣдко небрежно къ подготовительнымъ работамъ, составляющимъ необходимый фундаментъ для всякихъ прочныхъ шаговъ впередъ. Тѣмъ не менѣе онъ достигъ того, что игра его, не будучи виртуозною въ дѣйствительномъ смыслѣ слова, отличалась большою законченностью техники. Умѣнье владѣть фортепьяно дало, безъ сомнѣнія, первый толчекъ дремавшимъ композиторскимъ способностямъ Лишина и вмѣстѣ съ тѣмъ помогло его быстрымъ салоннымъ успѣхамъ. Уже 9-ти лѣтъ онъ игралъ въ концертѣ, а 13-ти лѣтъ выступилъ публично какъ піанистъ, какъ солистъ на корнетѣ и какъ аккомпаніаторъ такихъ свѣтилъ вокальнаго міра того времени, какъ Тамберликъ и Нантье-Дидье. Лишину принадлежитъ честь введенія въ Россіи мелодекламаціи, т. е. декламированія поэтическихъ произведеній подъ аккомпаниментъ рояля. Было признано, что своей декламаціей Лишинъ «внесъ опредѣленность и тождество поэтическихъ и музыкальныхъ идей» и «что музыкальное сопровожденіе при его декламаціи близко иллюстрировало текстъ». Особенно удачно имъ декламировались стихотворенія Лермонтова «Споръ» и гр. Толстого «Колодники».

По окончаніи училища Правовѣдѣнія Лишинъ поступилъ вторымъ капельмейстеромъ въ Харьковскую оперу. Здѣсь онъ дирижировалъ (въ 1875 и 1876 гг.) операми «Жизнь за царя», «Русалка», «Волшебный стрѣлокъ», «Фаустъ» и «Гугеноты». Послѣ сезона онъ не вернулся въ Петербургъ, какъ разсчитывалъ, а поддавшись живости своего характера, составилъ небольшую труппу, названную имъ «летучей», и объѣхалъ съ нею югъ и востокъ Россіи, знакомя съ русскою оперною музыкою тѣ глухіе уголки провинціи, которые до этой попытки не имѣли никакого понятія объ оперѣ вообще. Эта попытка Лишина имѣла несомнѣнно свою цѣну и принесла долю пользы обществу въ дѣлѣ его музыкальнаго образованія. Лишинъ къ дирижированію имѣлъ особенную склонность и любилъ выступать во главѣ оркестра всегда, когда только ему представлялся случай. Такъ, въ 1878 г. дирекція Московскаго театра заказала ему аранжировку Оберновской оперы «La part du diable» для московскаго Малаго театра, и онъ самъ дирижировалъ при ея постановкѣ. Въ томъ же году, и опять въ Москвѣ, была имъ поставлена оперетта «Подъ яснымъ небомъ Испаніи», которая выдержала 14 представленій сряду; музыка ея послужила для нѣкоторыхъ сценъ оперы, написанной имъ уже впослѣдствіи подъ названіемъ «Испанскій дворянинъ» (Донъ Сезаръ де Безанъ), шедшей съ полнымъ успѣхомъ въ Кіевѣ (1888 г.). Эту оперу въ переводѣ на итальянскій языкъ предполагали поставить въ Одессѣ вмѣстѣ съ другой его оперой, не вполнѣ обработанной, на сюжетъ «Цыганъ» Пушкина. Кромѣ двухъ названныхъ оперъ, Лишину принадлежитъ еще третья — «Графъ Нулинъ», написанная, какъ и большинство его произведеній, въ мелодичномъ стилѣ, и неоконченная опера «Бахчисарайскій фонтанъ». Въ жанрѣ комической

оперы Лишинъ обнаружилъ большой талантъ, и если-бы не преждевременная смерть, ему, быть можетъ, суждено было бы положить у насъ прочную основу этому роду музыкальныхъ произведеній. Кромѣ оперъ, Лишинъ составилъ симфоническую поэму для оркестра «Салимская гетера», написанную на текстъ В. Крестовскаго; отрывки «Реквіема», кантату «Вѣщій Олегъ», «Торжественный маршъ», двѣ сюиты для оркестра a capella,—большое количество романсовъ и нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ. Всѣ они отличаются мелодичностью и несомнѣнною граціею, а также умѣньемъ дать достаточно яркіе музыкальные образы. Въ этомъ родѣ особенно выдаются его баллады «Она хохотала» и «Колодникъ». Изъ романсовъ особенно популярны: «Первая любовь», «Дождя отшумѣвшаго капли» и «Нельзя повѣрить». Послѣднимъ напечатаннымъ изъ его произведеній былъ романсъ «Слеза дрожитъ». Позднѣйшею его крупною вещью была музыка къ прологу и живымъ картинамъ, написанная для открытія Одесскаго театра.

Немаловажной заслугой Лишина являются переводы оперныхъ либретто. Ихъ онъ перевелъ до 40 (Африканку, Джіоконду, Карменъ, Мефистофеля и др.). Извѣстно, что переводы либретто были у насъ въ большомъ пренебреженьи и поручались первому встрѣчному, даже и безграмотному. Лишинъ показалъ, что и переводамъ оперныхъ либретто можно дать смыслъ, а подчасъ и поэзію. Къ своимъ операмъ онъ писалъ всегда самъ тексты, и они отличаются литературными достоинствами.

Лишинъ занимался и поэзію. Имъ написано не мало стихотвореній, напечатанныхъ въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ и музыкальныхъ органахъ («Полярной Звѣздѣ», «Звѣздѣ», «Гражданинѣ» и др.). Писалъ онъ подъ псевдонимомъ «Нивлянскаго», заимствованномъ отъ села Нивнаго, Черниговской губ., гдѣ находилось ихъ родовое имѣніе. Изъ его стихотвореній особенно выдаются «Королевская месть» и «Памятнику Глинкѣ», читанное имъ съ большимъ успѣхомъ въ Смоленскѣ на торжествѣ открытія памятника.

Наконецъ, Лишинъ занимался и музыкальной критикой, но въ этой области онъ ничѣмъ не выдавался, тѣмъ болѣе, что его постоянныя поѣздки въ разные концы Россіи мѣшали его журнальной дѣятельности.

«Памяти Григ. Андр. Лишина» (Біограф. очеркъ). Самара, 1893 г. (Здѣсь полный перечень всѣхъ его музыкальныхъ и поэтическихъ произведеній). — «Памяти Григ. Андр. Лишина. Матеріалъ для его біографіи. Изд. А. В. Мазаракія. Одесса 1888 г.—*Чешихинъ*, «Исторія русской оперы», стр. 358—360, 394, 395, 500, 519.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей и писательницъ», вып. VIII, стр. 64—65.—Некрологи въ періодическихъ изданіяхъ за 1888 годъ: «Историч. Вѣстникъ», кн. 8, стр. 422—424; «Московск. Вѣдом.», № 169; «Нива», № 28; «Новое Время» №№ 4417—4419, 4421; «Новь», кн. 17, отд. II, стр. 129; «Нувелистъ», № 9. *М. Поповъ.*

Лобанова-Ростовская, княгиня *Екатерина Александровна*, дочь шталмейстера и конференцъ-министра князя Куракина и жены его Александры Ивановны, рожденной Паниной, родилась 3 сентября 1735 г. Въ 1752 г., въ маѣ мѣсяцѣ, 17-ти лѣтъ отъ роду вышла замужъ за ротмистра Конной гвардіи князя Лобанова-Ростовскаго. Княгиня почти всю свою жизнь провела въ имѣніи въ Волоколамскомъ уѣздѣ или въ Москвѣ, гдѣ жили ея многочисленные родственники. Еще съ дѣтства Лобанова отличалась болѣзненностью, и разстроенныя денежныя дѣла ея мужа, а также крупные расходы, связанные со службой въ дорогомъ полку, вредно вліяли на ея здоровье. Княгиня Лобанова получила отличное воспитаніе, была очень ласкова, любезна со всѣми и обладала очень веселымъ характеромъ, который сохранила до старости и благодаря которому ее любили, уважали и охотно посѣщали. Лобанова скончалась 7 го ноября 1802 г. и погребена рядомъ съ мужемъ въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.». Изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 61. *А.л. Гельвихъ.*

Лобанова-Ростовская, княгиня *Клеопатра Ильинична*, дочь генералъ-маіора Безбородко, была самой богатой невѣстой въ Россіи, унаслѣдовавъ громадное состояніе своего дяди, князя Александра Андреевича Безбородко; вышла замужъ за генералъ-маіора князя Лобанова-Ростовскаго, но этотъ бракъ былъ неудаченъ, и они въ скоромъ времени разошлись, вслѣдствіе того, что мужъ, какъ говорятъ, проигралъ въ карты Подольское имѣніе своей жены. Сама княгиня вела очень расточительный образъ жизни и, несмотря на свои богатства, разорилась

окончательно и объявила себя несостоятельной въ восьми милліонахъ. Лобанова-Ростовская умерла 21 декабря 1840 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. VI, № 58.

Ал. Гельвихъ.

Лобановскій, *Осипъ Игнатьевичъ*, генералъ-лейт., родился въ 1806 г., происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ. По окончаніи первоначальнаго образованія въ Могилевской гимназіи (1823 г.) поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ Нарвскій драгунскій полкъ, изъ котораго въ чинѣ корнета былъ переведенъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ (1825 г.). Во время польской кампаніи 1831 г. онъ былъ посланъ съ полкомъ изъ города Вилькова, Полтавской губерніи, въ Литовскія губерніи и Бѣлостокскую область для усмиренія мятежниковъ. Въ 1833 г. произведенъ въ ротмистры, въ 1836 г. переведенъ въ жандармскій корпусъ и назначенъ адъютантомъ къ штабъ-офицеру Астраханской губерніи. Должность эту Лобановскій послѣдовательно занималъ въ Псковской, Петербургской и Казанской губерніяхъ. Въ 1841 г. онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Въ 1843 г. Лобановскій былъ назначенъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Ярославской губерніи, а въ слѣдующемъ году начальникомъ IV отдѣленія полицейскаго управленія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, безъ отчисленія отъ должности штабъ-офицера. Въ 1846 г. онъ находился въ командировкѣ въ Ярославскую губернію для учрежденія новой системы торговъ на питейные откупа, въ 1852 г. былъ произведенъ въ полковники, въ 1863 г. назначенъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Костромской губерніи; въ 1866 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уволенъ отъ службы.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, дѣло 3 стола 5 отдѣленія за 1866 г., № 1118.

И. Артамонова.

Лобановъ, *Михаилъ Евстафьевичъ*, писатель-поэтъ, род. въ Петербургѣ въ 1787 г., умеръ 5 іюня 1846 г. Служилъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ качествѣ библіотекаря. Съ начала XIX ст. сталъ входить въ извѣстность, какъ поэтъ. Изъ трудовъ его въ это время пользовались успѣхомъ: «Элегія при гробницѣ кн. Кутузова-Смоленскаго», «Ода Россійскому воинству» и др. (см. ниже). Оды Лобанова пользовались большимъ успѣхомъ, чѣмъ переводы, хотя и были написаны въ ложно-классическомъ духѣ. Первый переводъ его изъ Расина появился въ 1815 г. подъ заглавіемъ: «Ифигенія въ Авлидѣ» (Спб.) и затѣмъ того-же автора—«Федра» (Спб. 1823 г.). Эти труды Лобанова шли въ Петербургскомъ театрѣ съ нѣкоторымъ успѣхомъ. По словамъ Вигеля, Лобановъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ трудахъ. Такъ, послѣ перваго представленія «Ифигеніи въ Авлидѣ», онъ по окончаніи спектакля посѣтилъ только что пріѣхавшаго Жуковскаго и былъ раздосадованъ, что все вниманіе было сосредоточено на пріѣхавшемъ гостѣ; затѣмъ Лобановъ не постѣснялся черезъ годъ послѣ выхода «Бориса Годунова» Пушкина выпустить свой трудъ подъ тѣмъ же заглавіемъ,—трудъ, написанный въ ложно-классическомъ духѣ, хотя и безъ соблюденія единствъ. Объ этомъ произведеніи Лобанова даже «Сѣв. Пчела» отозвалась неодобрительно.

Лобановъ состоялъ съ 1845 г. членомъ Россійской Академіи, принималъ участіе въ словарѣ, издаваемомъ Академіей, и что характерно для того времени, на академическихъ собраніяхъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ порицалъ русскую науку и литературу, зараженную «ядомъ безвѣрія и разврата». Одна изъ такихъ рѣчей, читанная авторомъ въ 1836 г. (см. «Журн. Мин. Нар. Пр.» и «Труды Имп. Рос. Академіи» 1840 г., ч. 3, стр. 89) и заканчивающаяся приглашеніемъ академиковъ доносить о всемъ неблагонамѣренномъ въ печати, вызвала протестъ со стороны нѣкоторыхъ видныхъ литераторовъ того времени. А. С. Пушкинъ отвѣтилъ на эту рѣчь большой статьей въ издаваемомъ имъ же журналѣ «Современникъ» (1836 г., № 1, стр. 93—106). Въ рѣзкомъ и подробномъ своемъ разборѣ А. Пушкинъ отмѣтилъ всю несостоятельность рѣчи Лобанова, указывая параллельно на ложность и несправедливость принятыхъ Лобановымъ положеній, и закончилъ свою статью пожеланіемъ одобрить дѣйствительно достойныхъ писателей, принесшихъ неоцѣнимую заслугу русскому обществу, а недостойныхъ наказывать «презрѣніемъ и невниманіемъ».

Кромѣ названныхъ трудовъ, перу Лобанова принадлежатъ еще слѣдующіе: «Ода на прибытіе императора Александра I», П. 1814 г.; «Хоръ при открытіи бюста имп. Александра въ Публичной Библіотекѣ», П. 1824 г.; «Элегія на смерть Нарышкиной», П. 1824 г.; «Выставка Академіи Художествъ» 1833 г. (оттискъ изъ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ»); «Черты изъ жизни Екатерины II» («Др. и Нов. Рос.» 1879 г., т. I, стр. 66—71, 139—144). Трудъ этотъ, между прочимъ, представляетъ рядъ записанныхъ Лобановымъ анекдотовъ изъ жизни императрицы, большинство которыхъ представляютъ варіанты давно уже извѣстныхъ анекдотовъ, и наконецъ, надо отмѣтить, пользовавшійся наибольшимъ успѣхомъ трудъ его: «Жизнь и сочиненія Крылова» П. 1847 г.

Въ настоящее время, какъ писатель, онъ потерялъ все свое значеніе, хотя послѣдній трудъ даетъ нѣкоторыя цѣнныя сообщенія о нашемъ баснописцѣ, съ которымъ Лобановъ былъ лично хорошо знакомъ.

Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», ч. VII, 59, 370, 373; ч. VIII, стр. 358—360.—*Геннади*, «Справоч. словарь о рус. писат. и учен.», т. II, стр. 242.—«Отчетъ Им. Ак. Наукъ», сост. Плетневымъ, стр. 155. «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1846, № 6, стр. 40.—«Русск. Архивъ» 1868, стр. 971, 1102; 1871 г., стр. 300, 981; 1887, кн. II, стр. 344.—«Русск. Старина» 1893, т. 78, стр. 640. 641; 1895, т. 83, стр. 202; 1902 г., сент. стр. 616—619; 1911, авг., стр. 366—369.—«Ист. Вѣстникъ» 1883 г., т. 14, стр. 639, 640; 1886 г., т. 25, стр. 489, 491, 504; 1896 г., т. 65, стр. 253.—«Моск. Вѣд.» 1896 г., №1 52.—*Бѣлинскій*, Соч., изд. Ивана-Разумника, т. I, стр. 105, 238, т. II, стр. 279.—«Записки Вигеля», Спб. 1893, кн. 4, стр. 168.

Ал. Ель—ій.

Лобановъ, *Семенъ*, адъюнктъ и профессоръ сухопутнаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи секретарь Сената, родился въ Осташковской слободѣ, обучался въ Тверской семинаріи; въ 1756 г. опредѣлился въ Московскій университетъ и за успѣхи, оказанные въ наукахъ, былъ награжденъ нѣсколькими золотыми медалями. Въ 1762 г. онъ былъ произведенъ въ адъюнкты и назначенъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, а нѣкоторое время спустя произведенъ въ профессоры физики и математики. Въ 1769 г. Лобановъ перешелъ на службу въ Сенатъ, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ секретаремъ и въ томъ же году скончался отъ чахотки. Лобанову приписываютъ двѣ книги: «Физику» и «Математику», которыя, впрочемъ, не напечатаны, но распространены въ многочисленныхъ спискахъ.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», ч. I, стр. 462—463.—*Митр. Евгеній*, «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 11—12.—«Матеріалы для исторіи русской литературы». Изд. П. Е. Ефремова, стр. 61.

М. П.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Александръ Ивановичъ*, сынъ кн. Ивана Ивановича «Козій Рогъ». Въ сентябрѣ 1640 г. былъ пожалованъ въ стольники; дважды въ декабрѣ этого года и 24 апрѣля 1646 г. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время отсутствія царя изъ Москвы. Въ 1647—49 гг. былъ рындой при пріемѣ пословъ иностранныхъ государей. Въ 1650—51 гг. числился воеводой въ Великихъ Лукахъ. Въ 1654—56 гг. состоялъ есауломъ въ государевомъ полку и головой у жильцовъ и дворянъ въ польскомъ походѣ. Будучи въ Смоленскѣ, онъ смотрѣлъ за обѣдомъ царя «въ кривой столъ». Въ 1655 г. былъ посланъ изъ Шклова въ Бѣшенковичи «воевать государевыхъ измѣнниковъ Витепскаго уѣзду». Въ 1656 г. въ Полоцкѣ были у царя Алексѣя Михайловича послы нѣмецкаго императора; кн. Лобановъ ходилъ звать ихъ къ столу; придя, они били челомъ, чтобы государь дозволилъ имъ не быть у стола. Государь пожаловалъ ихъ кубками и, отпустивъ, послалъ къ нимъ со столомъ на дворъ потчевать кн. Л.-Ростовскаго. Въ 1658 г. кн. Лобановъ былъ головой у сотни при встрѣчѣ кизильбашскаго посла и въ томъ же году былъ полковымъ воеводой въ Тамбовѣ, а въ 1659 г. въ Брянскѣ; затѣмъ онъ ходилъ подъ Почепъ, при чемъ ратные люди его побили много непріятелей. Въ 1660 г. во время обѣда у царя Алексѣя Михайловича Грузинскаго царевича Николая Давидовича кн. Лобановъ былъ однимъ изъ стольниковъ, носившихъ кушанье и ставившихъ передъ царемъ. Въ 1663 г. онъ былъ назначенъ судьей въ Московскій Судный приказъ на мѣсто своего брата кн. Ивана Ивановича, отставленнаго за болѣзнью. Въ томъ же году онъ былъ посланъ на службу въ Смоленскъ вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳ. Ѳ. Куракинымъ; 18-го іюля они были на отпускѣ у царя. Въ 1667 г. кн. Лобановъ состоялъ головой у стольниковъ при пріемѣ

разныхъ пословъ. Въ 1668 г. числился полковымъ воеводой въ Сѣвскѣ, гдѣ за мѣстничество съ кн. Петр. Ив. Хованскимъ былъ посаженъ по царскому указу въ тюрьму за то, «что онъ, кн. Александръ, всчалъ мѣста, гдѣ мѣстъ не указано». Въ 1671 г. Лобановъ находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной. Въ 1671—72 гг. числился на дворцовой службѣ: «пить государю носилъ и на погребѣ сидѣлъ». Въ 1674 г. сент. 7-го, въ день объявленія царевича Ѳеодора Алексѣевича наслѣдникомъ престола, служилъ у государева стола. Въ 1675 г. долженъ былъ быть готовъ на выѣздъ въ выборную сотню во всемъ нарядѣ. Въ 1676 г. назначенъ былъ окольничимъ; января 30-го несъ гробъ царя Алексѣя Михайловича изъ дворца въ Архангельскій соборъ. 10-го сентября того же года сопровождалъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ село Коломенское. Въ указателѣ къ «Боярскимъ книгамъ» сказано, что кн. Лобановъ казненъ 26 сентября 1677 г. (по какому лѣтосчисленію—сентябрьскому или январьскому, мы не знаемъ). Чѣмъ навлекъ на себя кн. Лобановъ царскій гнѣвъ—намъ неизвѣстно. Кн. Лобановъ былъ женатъ на княжнѣ Маріѣ Ив. Прозоровской и потомства не оставилъ.

Дв. разр., II, III и IV.—Р. И. Б., X.—Акты Моск. госуд., II.—Указатель къ Бояр. кн.—*Руммель*, I.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.».

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Александръ Ивановичъ*, ген.-маіоръ, родился 24 мая 1752 г., поступилъ на военную службу, въ которой дослужился до чина ген.-маіора. Въ 1797 г. онъ былъ выбранъ въ московскіе губернскіе предводители дворянства, но 1 сентября 1780 г., по указу императора Павла, былъ отрѣшенъ отъ этой должности за допущенныя имъ неправильности при опредѣленіи на службу недорослей, какъ дворянъ Московской губ., тогда какъ они не принадлежали къ дворянамъ этой губ. Лобановъ умеръ 20 января 1830 г. и погребенъ въ Москвѣ, въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. V, № 215.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Александръ Яковлевичъ*, ген.-маіоръ, род. 19 іюля 1788 г., образованіе получилъ въ знаменитомъ пансіонѣ аббата Николя. Въ 1801 г. князь былъ записанъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ 1802—1805 гг. состоялъ при Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ короткое время служилъ въ комиссаріатѣ и въ 1806 г. опредѣленъ былъ въ Кавалергардскій полкъ съ чиномъ корнета. Кн. Лобановъ участвовалъ въ войнѣ съ французами 1807 г. и въ турецкой, гдѣ заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-ст. съ бантомъ, золотую шпагу и чинъ штабъ-ротмистра. Въ Отечественной войнѣ Лобановъ не принималъ участія, состоя ремонтеромъ, и только въ 1815 г. былъ въ Парижѣ. Въ 1813—1815 гг. князь командовалъ Полтавскимъ казачьимъ полкомъ, въ 1815 г. перешелъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, около года былъ въ отставкѣ и въ 1817 г. поступилъ въ лб.-гв. Конно-егерскій полкъ, гдѣ назначенъ былъ адъютантомъ къ кн. П. М. Волконскому и вскорѣ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Переведенный въ 1819 г. въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ мартѣ 1828 г. Лобановъ получилъ чинъ ген.-маіора и затѣмъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но уже въ сентябрѣ того же года уволился отъ службы по болѣзни.

Оставивъ службу, кн. Лобановъ могъ вполнѣ предаться своимъ природнымъ влеченіямъ: у него была страсть собирать всевозможныя коллекціи, изъ которыхъ многія оказались полезными въ научномъ отношеніи. Такъ, одно время онъ собиралъ все, имѣющее отношеніе къ русской княжнѣ Аннѣ Ярославовнѣ, женѣ французскаго короля Генриха I, а позднѣе интересовался Маріей Стюартъ. Кн. Лобановъ извлекъ изъ архивовъ и напечаталъ 3 тома писемъ Шотландской королевы и собралъ до 800 ея портретовъ, которые завѣщалъ Эрмитажу, получившему и его собраніе книгъ о Маріи Стюартъ. Къ числу собраній, имѣвшихъ научную цѣнность, принадлежитъ собраніе книгъ по военному искусству и картъ, принадлежащихъ теперь Главному штабу, и коллекція портретовъ Петра Великаго, пожертвованная Императорской Публичной библіотекѣ. Наконецъ, у него было обширное собраніе каталоговъ разныхъ картинныхъ

галлерей и коллекція тростей и палокъ, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ лицамъ (перешла къ гр. Воронцову-Дашкову).

Въ 1821 г. кн. Лобановъ издалъ въ Парижѣ «Евангеліе отъ Матѳея», переведенное имъ на русскій яз., и «Молитвы при божественной литургіи». Кромѣ того, онъ издалъ:

1) «Catalogue des cartes geographiques, topographiques et marines de la bibliothèque du prince Lobanoff de Rostoff à St.-Pétersbourg, suivi d'une notice de manuscrits» (Paris, 1823);

2) «Recueil de pièces historiques sur Anne ou Agnès, épouse de Henri I roi de France» (Paris. 1825);

3) «Lettre à M. le rédacteur du Globe au sujet de la prétendue ambassade en Russie de Charles Talleyrand» (Paris, 1827);

4) «Lettres inédites de Marie Stuart» (Paris. 1839);

5) «Lettres instructions et mémoires de Marie Stuart» (Лонд. 1844—45, 7 томовъ); дополненіе къ нимъ—«Lettres de Marie Stuart, publiées avec sommaires. Traductions notes et facsimile par A. Teulet... (Paris, 1859);

6) «Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart appartenant au prince A. Lobanoff» (Спб. 1856; 2 изд., 1860).

и 7) Tablettes gastronomiques de S.-Pétersbourg redigées par un amateur et précédées d'une liste d'ouvrages à consulter» (Pét. 1856). Seconde partie. Recueil de menus (ibid., 1858).

Лобановъ состоялъ членомъ Парижскаго «Société des Bibliophiles Français» и Импер. Рус. Географическаго общества. Онъ извѣстенъ и какъ основатель и первый командоръ Императ. Россійскаго яхтъ-клуба. Князь женатъ былъ на граф. Клеопатрѣ Ильиничнѣ Безбородко, но бракъ оказался неудачнымъ, и они разошлись. Въ 20-хъ годахъ любимымъ и частымъ пребываніемъ князя сдѣлался Парижъ, гдѣ онъ пользовался расположеніемъ короля Карла X. Скончался Лобановъ 26 ноября 1866 г. въ Петербургѣ, не оставивъ потомства, и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.» (изд. вел. кн. Николая Михаиловича), т. IV, № 59.—«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. III.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 883.—*Геннади*, «Справочный словарь о русс. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 243.—«Современная Лѣтопись» 1867 г., № 3.—«Courtier russe», 1866 г., № 16. *М. Поповъ.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Алексѣй Александровичъ*, т. с., сенаторъ, родился 30 марта 1786 г., на службу опредѣлился юнкеромъ въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1802), въ 1805 г. онъ былъ назначенъ переводчикомъ и откомандированъ въ комиссію о разборѣ иностранцевъ, въ 1809 г. перевелся въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ томъ же году опредѣлился въ экспедицію водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній. Пожалованный въ 1811 г. въ камеръ-юнкеры, онъ въ 1812 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментъ государственныхъ имуществъ, а въ 1819 г. былъ назначенъ въ 4-й департаментъ Правительствующаго Сената и чиновникомъ для особыхъ порученій при министрѣ юстиціи. Въ 1821 г. кн. Лобановъ былъ назначенъ рязанскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ 1823 г. пожалованъ въ званіе камергера, въ 1824 г. уволенъ по прошенію отъ службы и произведенъ въ д. с. с. Съ 1832 г. начинается дѣятельность князя по выборамъ: сначала онъ былъ выбранъ ефремовскимъ уѣзднымъ, а затѣмъ тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, но въ 1835 г. онъ призывается на должность управляющаго контрольною комиссіею по части артилерійской и инженерной, а въ 1837 г. назначается генералъ-контролеромъ департамента гражданской отчетности. Произведенный въ 1840 г. въ тайн. сов., онъ въ 1842 г. былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ. Ревностная и безпорочная служба князя была отличена многими орденами, до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Скончался князь 26-го октября 1848 г. и похороненъ въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря.

Формуляръ о службѣ сенатора, т. сов. князя А. А. Лобанова-Ростовскаго (хранится въ Имп. Рус. Истор. Обществѣ).—«Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ», т. V, стр. 134. (Спб. 1911).—«Московскій Некрополь», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, стр. 178.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Алексѣй Яковлевичъ*, ген.-лейт., родился 8 января 1795 г. Въ 1802 г. записанъ былъ на службу юнкеромъ въ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, въ 1805 г. былъ переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ,

затѣмъ въ 1812 г. служилъ въ общей канцеляріи военнаго министерства, а въ 1814 году перешелъ на военную службу въ Александровскій гусарскій полкъ въ чинѣ поручика, былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Воронцову, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ во Франціи и въ томъ же году перешелъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Въ 1819 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Волконскому, въ 1821 г. произведенъ былъ въ флигель-адъютанты, а въ 1823 г. въ полковники. Въ 1826 г. князь Лобановъ получилъ въ командованіе 2-й сводный гвардейскій легкій кавалерійскій полкъ, а затѣмъ въ 1828 г. во время Турецкой кампаніи за дѣло при Варнѣ получилъ св. Георгія 4-й ст., чинъ генералъ-маіора и зачисленъ былъ въ свиту Его Величества. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ ревизовать чумные госпитали въ дѣйствующей арміи; въ 1833 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1836 г. посланъ въ Симбирскую губ. для усмиренія крестьянъ, обязанныхъ заготовлять лѣсъ для флота, а въ 1837 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Затѣмъ, начиная въ 1838 г., князь Лобановъ часто ѣздилъ за границу исполнять порученія императора Николая I при иностранныхъ дворахъ; такъ, онъ посѣтилъ Копенгагенъ, Гаагу, нѣсколько разъ Берлинъ, Шверинъ и Вѣну. За свою дѣятельную и плодотворную службу Лобановъ былъ награжденъ орденъ св. Анны 1-й ст. и орденомъ Бѣлаго Орла; кромѣ того, онъ имѣлъ много иностранныхъ орденовъ. Скончался князь въ іюнѣ мѣсяцѣ 1848 г.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 63. *Ал. Гельвихъ.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Аѳанасій Васильевичъ*. Въ 1611 г. былъ стольникомъ; въ апрѣлѣ 1613 г. переписывалъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, не явившихся на службу и въ томъ же году подписалъ грамоту утвержденную объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. 13-го іюля 1613 г., въ день вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича, занимая должность чашника, наливалъ ему пить за обѣдомъ. Въ 1613—14 гг. по должности чашника принималъ и выдавалъ матеріи и разные предметы, хранившіеся въ Мастерской палатѣ. Въ сентябрѣ 1613 г. у него былъ взятъ конь на государеву конюшню; за этого коня выдано ему было изъ казны 40 десяти-рублевыхъ кунецъ по семи рублей. Кн. Лобановъ-Ростовскій получалъ въ 1614 г. очень много подарковъ отъ царя, начиная съ 1/2 арш. бархату червчатаго кармазину на шапку и кончая бархатнымъ терликомъ на соболяхъ, съ нашивкой изъ пряденаго золота, цѣною 57 р. 27 алт. Прося въ этомъ году о прибавкѣ помѣстнаго и денежнаго оклада, онъ выставлялъ поводомъ для этой прибавки не только свою службу, но и отечество, чтобы онъ «передъ своею братьею позоренъ не былъ». Въ 1613—18 гг. онъ состоялъ судьею въ Стрѣлецкомъ приказѣ; будучи судьей въ этомъ приказѣ, въ 1615 г. былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1618 г. находился въ Москвѣ во время осады ея Владиславомъ; острогъ за Яузою велѣно было дѣлать боярину М. М. Годунову, а наблюдать за постройкой поручено кн. Лобанову-Ростовскому. За Московское осадное сидѣнье онъ получилъ вотчину въ Ростовскомъ уѣздѣ. Въ 1618—20 и 1622—24 гг. кн. Лобановъ сопровождалъ царя въ загородныхъ поѣздкахъ и неоднократно обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1619 г. ѣздилъ въ Вязьму спрашивать о здоровьѣ Филарета Никитича, возвращавшагося изъ польскаго плѣна; въ Москвѣ встрѣчалъ его въ третьей встрѣчѣ. Въ 1620 г. онъ числился въ Панскомъ приказѣ. Въ томъ же году обѣдалъ вмѣстѣ съ государемъ у патріарха Филарета Никитича. Въ 1621 г. былъ посланъ въ Нижній-Новгородъ для сбора ратныхъ людей; съ нимъ находился дьякъ Воинъ Трескинъ. Они должны были сказывать дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, иноземцамъ, князьямъ, мурзамъ и татарамъ, чтобы они на службѣ были «конны и людны и доспѣшны», какъ будетъ написано по сыску и по разбору въ десятнѣ. Они же должны были разузнавать про вдовъ и про недорослей, сколько у нихъ вотчинъ и помѣстій. Въ 1625 г. кн. Лобановъ былъ посланъ на воеводство въ Свіяжскъ, гдѣ и умеръ въ 1629 г.; бывшій съ нимъ дьякъ Андрей Шиповъ тоже умеръ въ этомъ году въ Свіяжскѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій былъ женатъ на Марьѣ Захарьевнѣ; фамилія ея неизвѣстна.

А. А. Э., III.—С. Г. Г. и Д., III.—Доп. къ Акт. Ист., II.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., I.—Р. И. Б., II, VIII и IX.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.»—*Руммель*, I. *В. Корсакова.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Борисъ Александровичъ*, д. с. с., оберъ-прокуроръ 6-го департамента Правительствующаго Сената, род. въ 1795 г. На службу поступилъ юнкеромъ въ Московскій гусарскій полкъ (1812 г.), изъ котораго въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ 1814 г.—въ лб.-гв. Гусарскій полкъ корнетомъ. Произведенный въ 1816 г. въ поручики, онъ въ слѣдующемъ году, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Князь Лобановъ участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ и походахъ 1813 г.: въ сраженіи подъ Пирною, Дрезденомъ, въ авангардныхъ сраженіяхъ при Кульмѣ, Лейпцигѣ и подъ Бутельстетомъ, а въ 1814 г. при Баръ-сюръ-Обѣ, Лабриселѣ, Троа (за отличіе въ коихъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ) и въ генеральномъ сраженіи при Арси и Фершампенуазѣ.

Въ 1822 кн. Лобановъ былъ выбранъ воронежскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 1825 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ ген.-губернаторѣ, въ 1828 г. опредѣленъ совѣтникомъ Московской палаты уголовнаго суда и въ томъ же году пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера, а въ 1831 г. званіемъ камергера. Въ 1839 г. кн. Лобановъ былъ произведенъ въ стат. сов. и назначенъ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента Правительствующаго Сената. Произведенный въ 1842 г. въ д. с. с., онъ въ слѣдующемъ году вышелъ, по прошенію, въ отставку. Скончался Лобановъ 2 марта 1863 г. и похороненъ въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря.

Формуляръ о службѣ кн. Бор. Александр. Лобанова-Ростовскаго (хранится въ Импер. Рус. Истор. Обществѣ).—«Московскій Некрополь», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. II, стр. 178. *М. Поповъ.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Василій Михайловичъ Большой* † 1606 г. Въ 1571 г. нѣсколько бояръ ручались по кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскомъ, что онъ не отъѣдетъ ни къ какому иноземному государю, обязуясь, въ случаѣ его побѣга изъ Московскаго государства, уплатить 20000 рублей въ государеву казну. Въ подручной записи по этихъ поручителяхъ видимъ, между прочимъ, и кн. Вас. Мих., взявшаго на свою долю 150 руб., еслибы оказалось необходимо уплатить вышеозначенную сумму по несостоятельности поручителей. Въ 1575 г., въ Серпуховѣ онъ былъ въ числѣ головъ у боярина Петра Вас. Морозова въ большомъ полку. Въ 1576 г. весной былъ «на берегу воеводой у судовыхъ людей». Въ 1577 г. служилъ сначала въ Рязани, а затѣмъ въ Пронскѣ, откуда долженъ былъ быть «по вѣстямъ» въ большомъ полку. Въ 1578 г. онъ находился въ сторожевомъ полку на Дѣдиловѣ, а въ 1580 г. на Коломнѣ; затѣмъ въ томъ же году былъ воеводой въ передовомъ полку «на берегу». Въ 1581 г., когда Стефанъ Баторій стоялъ подъ Псковомъ, кн. Вас. Мих. былъ вторымъ воеводой въ «запсковскомъ городѣ». Въ 1582 г. при посылкѣ ратныхъ людей къ Новгороду «для приходу нѣмецкихъ людей» (шведовъ) кн. Вас. Мих. былъ вторымъ воеводой большого полка. Осенью этого года онъ ходилъ противъ шведовъ, подступившихъ къ Орѣшку. Въ 1589 г. снова былъ посланъ къ Новгороду вторымъ воеводой сторожевого полка. Въ 1595 г. числился воеводой сторожевого полка «на берегу», а въ 1598 г. воеводой на Коширѣ въ лѣвой рукѣ. Въ августѣ 1599 г., при пріѣздѣ въ Москву шведскаго королевича Густава Эрика «за деревяннымъ городомъ по Тверской дорогѣ, проѣхавъ гонную (ямскую) слободу, на первомъ вражкѣ встрѣчали его Вас. Петр. Морозовъ и кн. Вас. Мих.». Въ 1600 г. кн. Лобановъ встрѣчалъ въ первой «меньшой» встрѣчѣ на лѣстницѣ Грановитой палаты литовскихъ пословъ. Въ 1601 г. онъ состоялъ воеводой въ Ливнахъ. Въ 1602 г., апр. 11-го былъ у царя у руки, передъ отъѣздомъ на воеводство въ Астрахань; тамъ онъ пробылъ два года, а гдѣ находился послѣдніе два года своей жизни—неизвѣстно.

С. Г. Г. и Д., I—Синб. Сб.—*Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос., IX и XI.—Акты Моск. госуд., I.—*Румель*, I.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Василій Михайловичъ Меньшой*. Вся его служба протекла въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Въ 1607 г., дек. 15-го кн. Лобановъ встрѣчалъ литовскихъ пословъ во второй большой встрѣчѣ въ сѣняхъ; Наумъ Плещеевъ встрѣчалъ на крыльцѣ и билъ за это челомъ на кн. Лобанова; въ 1608 г., янв. 17-го онъ былъ «цари-

цынымъ бояриномъ» на свадьбѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго съ княжной Екатериной (нареченной Маріей) Петровной Буйносовой-Ростовской. Во время вѣнчанія сидѣлъ въ царицыныхъ саняхъ на царицыномъ мѣстѣ для обереганія. Жена его Соломонида была въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу. Въ томъ же году февр. 8-го встрѣчалъ литовскихъ пословъ, шедшихъ на пріемъ къ царю. Затѣмъ былъ воеводой во Владимірѣ. По сведеніи съ царства Василія Ив. Шуйскаго, въ 1611 г. марта 19-го, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, была выжжена Москва поляками и побито много людей, въ томъ числѣ и кн. Лобановъ.

Руммель, I, с. 553.—*Бѣлокуровъ*, «Разрядныя записи за Смутное время (7113—7121 гг.)» М. 1907 г.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Димитрій Ивановичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, министръ юстиціи, родился 20 сентября 1758 г. На 14-мъ году жизни, еще продолжая ученіе въ домѣ родителей, онъ записанъ былъ въ 1772 г. сержантомъ въ Семеновскій полкъ; въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1779—1782) онъ получилъ первые три чина и въ 1783 г. былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Во время войны съ Турціей кн. Лобановъ находился въ дѣйствующей арміи, выказалъ мужество, былъ тяжело раненъ при взятіи Очакова и Измаила и за особенное отличіе награжденъ чиномъ полковника и орденомъ св. Георгія 4-й ст. Послѣ битвы при Мачинѣ (28 іюня 1791 г.) онъ посланъ былъ курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ кн. Н. В. Репнина и тутъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. Война съ Польшею доставила молодому князю случай пожать новые лавры. За участіе при взятіи Праги Суворовымъ (24 октября 1794 г.) князь получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и чинъ бригадира. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на кн. Лобанова, наградилъ его чиномъ ген.-маіора, орденомъ св. Анны 1-й ст., назначилъ шефомъ мушкатерскаго полка, военнымъ губернаторомъ Архангельска (1797) и пожаловалъ командорство ордена св. Анны (1797 г.) и чинъ ген.-лейтенанта (1798 г.). Въ 1797 г. кн. Лобановъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы.

Въ исходѣ 1806 г., готовясь на новую борьбу съ Франціей, императоръ Александръ I, уважая опытность князя, отличную службу его и преданность отечеству, предложилъ ему принять начальство надъ формируемою въ Твери 17-ю дивизіею, которую онъ и привелъ въ армію Бенигсена подъ Тильзитъ. Здѣсь на князя было возложено императоромъ лестное порученіе вести переговоры съ Наполеономъ о прекращеніи войны, которые, какъ извѣстно, закончились Тильзитскимъ миромъ (27 іюня). За достигнутые благопріятные результаты для Россіи Лобановъ былъ пожалованъ генераломъ-отъ-инфантеріи и орденомъ св. Александра Невскаго. Оцѣнены были заслуги Лобанова въ этомъ дѣлѣ и Наполеономъ, который пожаловалъ ему орденъ Почетнаго Легіона и цѣнные подарки.

По возвращеніи въ Россію кн. Лобановъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ, а черезъ годъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго. Но безпрерывныя занятія, соединенныя съ новою должностью, разстроили здоровье князя и принудили его просить объ увольненіи. Получивъ въ 1809 г. отставку, кн. Лобановъ однако недолго ею пользовался. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Риги и генералъ-губернаторомъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ (1810—1812). Въ 1812 г. онъ былъ вызванъ изъ Риги и сдѣланъ военнымъ начальникомъ на пространствѣ имперіи отъ Ярославля до Воронежа. Ему поручено было формированіе 2-хъ дивизій резервнаго войска, каковое порученіе онъ выполнилъ съ успѣхомъ и получилъ Высочайшую благодарность. Въ началѣ 1813 г., для лучшаго и удобнѣйшаго комплектованія войскъ, дѣйствовавшихъ внѣ предѣловъ Россіи, было повелѣно составить на границѣ имперіи резервную армію, и командованіе ею было возложено на князя Лобанова. Вскорѣ же ему присвоены были и преимущества главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею, за исключеніемъ только раздачи наградъ всякаго рода и вліянія на гражданскую часть. Въ томъ же году кн. Лобановъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст. и назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1814 г. получилъ орденъ св.

Андрея Первозваннаго. Въ 1817 г. кн. Лобановъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, при этомъ случаѣ государь писалъ къ нему: «Удостовѣренъ я въ полной мѣрѣ, что вы оправдаете въ строгомъ смыслѣ названіе, присвоенное инструкціею генералъ-прокурору: око императорское». Въ 1818 г. кн. Лобановъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по военному министерству. Въ 1822 г. императоръ предложилъ ему вступить въ управленіе военнымъ министерствомъ, но князь, ссылаясь на старость, просилъ уволить его отъ обоихъ министерствъ. Императоръ тѣмъ не менѣе не согласился на увольненіе князя отъ управленія министерствомъ юстиціи. Въ день коронованія императора Николая I (22 августа 1826 г.) князь былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго, а въ 1827 г. вышелъ въ отставку и 25 іюля 1838 г. скончался. Похороненъ онъ на кладбищѣ близъ фарфороваго завода, на берегу Невы.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. II, стр. 294–322.—*П. Ивановъ*, «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи», стр. 137–148.—«Русскіе портреты XVIII и XIX в.». Изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. IV, № 62. — *Долгорукій*, «Капище моего сердца», стр. 222–223. *М. Поповъ.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Иванъ Александровичъ*, сенаторъ, д. т. сов., родился въ 1789 г., на службу поступилъ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1802 г. въ 1805 г. онъ былъ назначенъ переводчикомъ, въ 1809 г. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда опредѣлился въ канцелярію принца Георгія Ольденбургскаго на должность переводчика вѣдомства путей сообщенія; въ 1810 г. онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, въ 1812 г. опредѣленъ въ военное министерство, а въ 1819 г.—въ 7-й департаментъ Сената. Произведенный въ ст. сов., кн. Лобановъ былъ назначенъ сперва оберъ-прокуроромъ 7-го (1823 г.), а потомъ оберъ прокуроромъ 1-го департамента Сената (1831 г.). Въ то же время князь состоялъ предсѣдателемъ въ комитетѣ и по составленію правилъ о порядкѣ хозяйственной и полицейской частей Сената, принималъ участіе въ выработкѣ условій по производству торговъ на питейные откупа и проч. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ т. сов., въ 1839 г. назначенъ присутствовать въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, а въ 1853 г. первоприсутствующимъ того же департамента, съ производствомъ въ д. т. сов. Плодотворная и многообразная дѣятельность князя была отличена многократными Высочайшими благодарностями, денежными наградами и орденами до ордена св. Александра Невскаго включительно. Скончался князь 9 мая 1869 г.

Формуляръ о службѣ сенатора, д. т. с. князя И. А. Лобанова-Ростовскаго (хранится въ Имп. Рус. Истор. Обществѣ). —«Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ», ч V, стр. 134.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Иванъ Ивановичъ* «Козій-рогъ». Въ 1613 г. подписалъ грамоту утвержденную объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1618 г. находился въ Москвѣ во время осады ея польскимъ королевичемъ Владиславомъ. Въ 1626 г. іюня 13-го, въ отсутствіе царя Михаила Ѳеодоровича изъ Москвы, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1629—30 гг. былъ воеводой сторожевого полка въ Крапивнѣ; въ случаѣ прихода крымскаго хана съ войскомъ, воевода Пушкинъ и Чубаровъ должны были итти изъ Пронска въ сходъ къ кн. Лобанову, но, конечно, только въ томъ случаѣ, если не будетъ угрожать опасность Пронску. Это распоряженіе вызвало челобитье со стороны Пушкина, считавшаго, что ему невмѣстно быть меньше кн. Лобанова-Ростовскаго. По возвращеніи въ 1630 г. со службы изъ Крапивны кн. Лобановъ былъ у руки государя. Въ 1631 г. въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія онъ видѣлъ «государевы очи». Въ 1635 г. числился воеводой у Арзамаской засѣки «для прихода крымскихъ людей». Въ 1637 г. онъ состоялъ воеводой передового полка въ Дѣдиловѣ и съ нимъ долженъ былъ быть въ сходѣ кн. Борятинскій изъ Михайлова; въ томъ же году кн. Лобановъ присутствовалъ при пріемѣ царемъ литовскаго гонца. Въ 1638 г., мая 28-го онъ былъ головой у московскихъ дворянъ при встрѣчѣ крымскаго посла, а въ февр. 1639 г. былъ назначенъ въ Томскъ воеводой и письменнымъ головой. Не доѣхавъ до мѣста службы, скончался 30 іюля того же года въ Нарымскомъ острогѣ.

С. Г. Г. и Д., I.—Разр. кн., II.—Дв. разр., II.—Нижегор. Лѣтописецъ.—Р. И. Б., IX, X.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ XVII ст.».—*Руммель*, I. *В. Корсакова.*

Лобановъ-Ростовскій, князь *Иванъ Ивановичъ* † 17-го апр. 1664 г., старшій сынъ кн. Ивана Ивановича «Козій-Рогъ». Въ 1627—34 г.г. значился дворяниномъ московскимъ, въ 1635 г. воеводой у Арзамасской засѣки. Въ 1637 г., янв. 30-го онъ былъ при пріемѣ царемъ литовскаго посла. Въ 1640 г., дек. 15-го во время отсутствія царя Мих. Ѳеод. изъ Москвы былъ въ числѣ лицъ, которыя на государевомъ дворѣ «вверху стерегли». Въ 1644 г. былъ назначенъ воеводой въ Крапивну, а въ 1646—47 г.г. былъ воеводой въ Великихъ Лукахъ. Въ 1647 г., іюля 28-го онъ на обѣдѣ царя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ «смотрѣлъ въ большой столъ». Въ томъ же году авг. 30-го онъ былъ рындой при пріемѣ литовскаго посла, а сент. 11-го при пріемѣ шведскихъ пословъ. Въ 1648 г. кн. Лобановъ состоялъ судьею въ Устюжской четверти; назначеніе его въ этомъ году воеводой въ Царевъ Алексѣевъ городъ было отмѣнено, и вмѣсто него былъ посланъ туда его братъ, кн. Никита Ивановичъ. Въ концѣ 1648 г. и въ 1649 г. онъ разбиралъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ городахъ, близкихъ къ Нижнему, дворянъ и дѣтей боярскихъ; при немъ находился дьякъ Семенъ Звягинъ. Въ 1649 г., марта 25-го кн. Лобановъ былъ пожалованъ въ окольничіе, а два дня спустя обѣдалъ у государева стола. Въ 1649—50 г.г. онъ «объявлялъ» царю пословъ литовскихъ, турецкаго и кизильбашскаго и сопровождалъ царя въ подмосковныя села и въ Звенигородъ на богомолье въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Въ 1650 г., въ Успеньевъ день, обѣдалъ вмѣстѣ съ царемъ у патріарха Іосифа. Въ 1651 г., апр. 16-го царь отправился изъ Москвы въ с. Покровское; вслѣдствіе пребыванія въ Москвѣ польскаго посольства выѣздъ былъ особенно торжественный: кн. Лобановъ-Ростовскій и съ нимъ еще три окольничихъ ѣхали передъ полкомъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и т. д., одѣтыхъ въ самое лучшее платье, и «полкъ строили и урежали».

Въ 1653 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Персію къ шаху Аббасу великое посольство, во главѣ котораго поставилъ кн. Лобанова-Ростовскаго, а товарищемъ князя назначилъ стольника Ивана Комынина. Цѣлью посольства было: 1) уладить недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе недружелюбія шемахинскаго хана и его угрозъ итти войною на Астрахань и Терекъ; 2) упорядочить торговыя отношенія между Персіей и Московскимъ государствомъ, такъ какъ въ послѣднее время московскіе торговые люди терпѣли въ Гиляни притѣсненія, обременялись налогами и многіе изъ нихъ были тамъ насильно задержаны и 3) потребовать, чтобы персидскій шахъ отдалъ грузинскому царю Теймуразу его землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію.

Переговоры между московскими послами и ближними людьми шаха привели лишь къ тому, что шахъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи московскихъ торговыхъ людей. Относительно Теймураза послѣдовалъ отвѣтъ, что такъ какъ онъ и вся Грузія въ подданствѣ у персидскаго шаха, то самъ Теймуразъ долженъ пріѣхать къ шаху или прислать къ нему своего внука, и тогда только шахъ отдастъ ему его землю. Сильное неудовольствіе возбуждалъ въ Персіи обычай держать всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Москву иностранцевъ, а въ томъ числѣ и персидскихъ купцовъ, на особомъ дворѣ «за сторожами». Тщетно доказывали московскіе послы, что это дѣлается «не для тѣсноты, а для обереганія».

На отпускѣ шахъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ и угощалъ «сахарами» и овощами, т. е. разными сладостями и плодами. Разговоръ ихъ очень интересенъ и даже многознаменателенъ. Съ одной стороны, восточный властелинъ хвалится тѣми богатствами, которыя даетъ ему сама природа, всѣмъ тѣмъ, что услаждаетъ вкусъ, взоръ, обоняніе и слухъ; съ другой стороны, послы московскаго царя сдержанно, съ достоинствомъ отвѣчаютъ шаху, ничему не удивляясь и не допуская возможности, чтобы у шаха было что-нибудь лучше, чѣмъ у ихъ государя. Приводимъ цѣликомъ этотъ разговоръ, помѣщенный въ «Исторіи Россіи» Соловьева.

«Принесли передъ шаха сосудъ золотой съ каменьями, въ немъ виноградное питье чихиръ; шахъ пилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: «У брата моего, великаго государя вашего, такое виноградное питье есть-ли?»—«У царскаго величества—отвѣчали послы—питей всякихъ много, и изъ винограду есть питья—романея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ». Передъ шахомъ стояли въ золотомъ сосудѣ цвѣты разные: Аббасъ, поднявъ цвѣты, спрашивалъ: «Въ Москов-

скомъ государствѣ такіе цвѣты есть-ли?«— У великаго государя—отвѣчали послы— цвѣты, этимъ подобные, есть, піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ различныхъ цвѣтовъ много». Передъ шахомъ играли музыканты на домрахъ, гусляхъ и скрипкахъ; шахъ спрашивалъ пословъ: «Братъ мой, великій государь вашъ, чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть-ли?»— «У великаго государя нашего—отвѣчали послы—всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много, но царское величество тѣми играми не тѣшится, тѣшится духовными органы, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу, многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навыченъ и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію: выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить своимъ ближнимъ людямъ служилымъ строемъ: играютъ передъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей».

Въ 1656 г., мая 4-го кн. Лобановъ обѣдалъ у царя при пріемѣ пословъ нѣмецкаго императора; 15-го мая выступилъ въ Смоленскій походъ; 20-го іюня ходилъ изъ Смоленска подъ Ригу; 10-го іюля обѣдалъ въ Полоцкѣ у царя, а 13-го іюля царь объявилъ въ соборной Софійской церкви о назначеніи великихъ полномочныхъ пословъ на съѣздъ въ Вильну съ польскими комиссарами. Послы эти были: ближній бояринъ кн. Никита Ив. Одоевскій, сынъ его кн. Ѳеод. Никит. Одоевскій, кн. Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій, получившій титулъ намѣстника рязанскаго, и думный дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. На этомъ съѣздѣ, при посредствѣ пословъ нѣмецкаго императора, постановлены были статьи объ избраніи Алексѣя Михайловича королемъ польскимъ по кончинѣ Яна III, но возникли споры о Малороссіи, а потому окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса отложили до сейма, и избраніе не состоялось. Въ 1657 г., февр. 22-го кн. Лобанову сказано было воеводство въ Вильну; передъ отъѣздомъ изъ Москвы, марта 8-го, въ воскресенье на четвертой недѣли поста, кн. Лобановъ водилъ осля подъ епископомъ Каллистомъ, поставленнымъ въ этотъ день во епископа Полоцкаго и Невльскаго; вмѣстѣ съ кн. Лобановымъ водилъ осля думный дьякъ Заборовскій. Въ 1658 г., іюня 20-го, при встрѣчѣ въ Москвѣ грузинскаго царя Теймураза, «строилъ» сотни въ Китаѣ-городѣ до того двора, на которомъ было отведено ему помѣщеніе; 21-го сент. этого года, при отпускѣ Теймураза, «объявилъ» его царю Алексѣю Михайловичу.

Въ 1658 г., окт. 1-го кн. Лобановъ былъ назначенъ полковымъ воеводой въ Смоленскъ; въ товарищи къ нему былъ данъ стольникъ кн. Гр. Аѳ. Козловскій; кромѣ того съ нимъ посланы были: дьякъ, пять письменныхъ головъ и 500 жильцовъ. Ратные люди съ Бѣлой тоже должны были притти въ Смоленскъ. Въ началѣ 1659 г. кн. Лобановъ взялъ г. Мстиславль, а въ концѣ года г. Старый Быховъ съ Нечаемъ и Выговскимъ. Послѣ каждаго изъ донесеній о побѣдахъ, царь Алексѣй Михайловичъ присылалъ къ кн. Лобанову съ своимъ «государевымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ о здоровіи спрашивать». Въ 1660-мъ году кн. Лобановъ находился въ Москвѣ; 8-го мая онъ объявилъ царю Алексѣю Михайловичу грузинскаго царевича Миколая Давидовича; 22-го сент. распоряжался станами во время богомольнаго похода царя къ Троицѣ; 21-го ноября, «по крымскимъ и черкассимъ вѣстямъ», былъ назначенъ итти съ полкомъ въ Одоевъ. По росписи даточныхъ людей съ кн. Лобановымъ должны были отправиться изъ 72-хъ городовъ 9576 человѣкъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы кн. Лобановъ былъ приглашенъ 7-го января 1661 г. къ государеву столу съ сотенными головами его полка, бывшими съ нимъ подъ Быховымъ; въ тотъ же день послѣ обѣда онъ пожалованъ былъ въ бояре и получилъ отъ царя шубу, крытую золотнымъ атласомъ, кубокъ, къ окладу придачи 80 руб. и 6 тысячъ ефимковъ на покупку вотчины. 19-го января кн. Лобановъ былъ на отпускѣ у царя, а 21-го выступилъ въ походъ. 5 го марта ему велѣно было итти изъ Одоева въ Карачевъ, а оттуда въ Рыльскъ и стоять тамъ; 20-го мая пришло приказаніе итти въ Бѣлевъ въ сходъ къ кн. Гр. Сем. Куракину; 2-го іюля, согласно предписанію, кн. Лобановъ двинулся въ Путивль. Зимой 1662 г. крымскій ханъ подступилъ къ Путивлю; кн. Лобановъ разбилъ его войско и прогналъ отъ Путивля. 29-го янв. 1662 г. кн. Волконскій пріѣхалъ по этому случаю въ Путивль спрашивать отъ царскаго имени кн. Лобанова о здоровьѣ, а

31-го января кн. Лобанову велѣно было быть къ Москвѣ. Съ 18-мая 1662 до 25-го марта 1663 г. онъ былъ судьей Московскаго Суднаго приказа; 20-го іюля 1663 г. онъ былъ посланъ на службу въ Смоленскъ. Тамъ-ли онъ скончался въ 1664 г., или въ Москвѣ,—намъ неизвѣстно.

Кн. Лобановъ былъ женатъ на Фетиніи Яковлевнѣ (фамилія неизвѣстна), † послѣ 1676 г. Отъ этого брака у него было два сына и двѣ дочери. Кн. Иванъ Ивановичъ, въ лицѣ своего второго сына, кн. Якова Ивановича, имѣвшаго отъ двухъ браковъ 28 человѣкъ дѣтей, является родоначальникомъ нынѣ существующей фамиліи кн. Лобановыхъ—Ростовскихъ.

С. Г. Г. и Д., IV.—Акты Ист., IV.—Доп. къ Акт. Ист., VIII—Дв. разр., III и Доп. къ III-му т.—Р. И. Б., II, X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.»—*Бѣлокуровъ*, «Дневн. записки приказа Тайн. Дѣлъ 7165—7183 г.», М. 1908 г.—*Соловьевъ*. «Ист. Россіи», т. т. X—XII.—*Руммель*, I.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достоп. людей». М. 1836 г., ч. III.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Иванъ Ивановичъ*, сынъ флота капитана кн. Ивана Яковлевича, родился 4 апрѣля 1731 г., служилъ въ конной гвардіи, но скоро вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Скончался князь 26 марта 1791 г. и похороненъ въ Знаменской церкви Московскаго Новоспасскаго монастыря. Женатъ былъ Лобановъ на кн. Екат. Александр. Куракиной и имѣлъ отъ нея дѣтей: Александра, ген.-маіора (р. 1752 † 1830), Ивана (р. 1755 † 1756), Никиту (р. 1757 † 1758), Дмитрія, министра юстиціи (р. 1758 † 1838), Якова, малороссійскаго ген.-губерн. (р. 1760 † 1831), Марью (р. 1754 † 1814) и Прасковью († 1782).

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.». Изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 60.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Иванъ Семеновичъ Большой*. Такъ какъ было три брата, носившихъ имя *Ивана*, и въ разрядахъ не ставилось для отличія *Большой*, *Средній* и *Меньшой*, то приводимъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ князю Ивану Семеновичу Лобанову-Ростовскому, но не беремся рѣшать, что именно относится къ *Большому* и что къ *Среднему*; *Меньшой* служилъ, повидимому, позднѣе, въ началѣ XVII в.

Въ 1572 г. онъ былъ воеводой въ Болховѣ; въ 1573—1575 гг.—въ Полоцкѣ; (1574 г. въ Острогѣ); въ 1575 г.—полковымъ воеводой въ Ругодивѣ; въ 1576 г. въ маѣ воеводой «на берегу, у наряду и у обозу и у крѣпостей». Въ томъ же году онъ былъ намѣстникомъ и воеводой въ Тулѣ. Въ 1577 г.—воеводой въ большомъ полку: «А какъ сойдутся украинные воеводы для вѣстей, и тогда быть по полкамъ: въ большомъ полку, съ Тулы кн. Ив. Сем. Лобановъ». Въ 1579 г. кн. Лобановъ находился въ Литовскомъ походѣ «у наряду», въ 1583—92 гг. былъ воеводой въ Новгородѣ и Гдовѣ; въ 1583—84 гг. намѣстникомъ Городецкимъ на съѣздѣ съ шведскими послами, а въ 1587 г.—окольничимъ.

Синб. Сб. М. 1845 г.—Новый Лѣтописецъ. М. 1853 г.—*Руммель*, I.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь *Никита Ивановичъ* † 1658 г. Въ 1633 г., іюля 5-го обѣдалъ за государевымъ столомъ. Въ 1635 г., марта 21-го и мая 19-го служилъ у государева стола при пріемѣ польскаго и персидскихъ пословъ. Въ 1637 г., мая 23-го и въ 1641 г., февр. 25-го въ отсутствіе царя Михаила Ѳеодоровича изъ Москвы дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ 1639 г., янв. 26-го дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а 22-го апрѣля того же года—при гробѣ царевича Василія Михайловича. Въ 1646 г. кн. Лобановъ былъ назначенъ воеводой въ Крапивну; велѣно ему было быть въ сходѣ въ Курскѣ съ бояриномъ и воеводой Вас. Петр. Шереметевымъ. Въ 1648 г. на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича онъ былъ въ числѣ чашниковъ, ставившихъ кушанья передъ государемъ. Въ томъ же году былъ назначенъ воеводой въ Царево-Алексѣевъ; съ нимъ велѣно было быть въ сходѣ воеводамъ изъ Ельца, Черни и Ефремова съ дѣтьми боярскими и со всѣми служилыми людьми. «По вѣстямъ» онъ долженъ былъ итти въ сходъ въ Яблоновъ къ кн. Буйносову-Ростовскому. Въ 1654—56 гг. кн. Лобановъ былъ рындой у «другого саадака» въ польскомъ походѣ. Въ 1658 г. онъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Жена его Анна Никифоровна Собакина, верховая боярыня и мама, † 5 февр. 1709 г. (схимонахиня Антонія), погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.

Р. И. Б., IX, X.—Дв. разр., III.—Акты Моск. госуд., II.—*Руммель*, I.

В. Корсакова.

Лобановъ - Ростовскій, князь *Петръ Семеновичъ* † 1595 г. Въ 1575 г. былъ въ числѣ головъ въ правой рукѣ на Мышегѣ, въ полку боярина кн. Голицына. Въ 1577 г. онъ состоялъ воеводой въ Рѣжицѣ; въ 1580—81 гг. воеводой въ Алыстѣ, а въ 1582—84 гг. былъ однимъ изъ воеводъ въ Новгородѣ; намѣстникомъ новгородскимъ былъ въ это время князь Вас. Ѳеод. Скопинъ-Шуйскій. Въ эти годы происходила война у Іоанна IV Грознаго съ Швеціей. Вскорѣ послѣ воцаренія Ѳеодора Іоанновича эстонскій намѣстникъ Делагарди письменно обратился къ кн. Скопину-Шуйскому съ вопросомъ: пріѣдутъ-ли московскіе послы въ Стокгольмъ для заключенія мира, и прислалъ при этомъ «опасныя грамоты» для проѣзда пословъ. Неправильность въ царскомъ титулѣ, допущенная Делагарди, побудила кн. Скопина-Шуйскаго оставить письмо безъ отвѣта. Вслѣдствіе этого Делагарди прислалъ вторую грамоту, снова приглашая московскихъ пословъ пріѣхать въ Стокгольмъ. На эту грамоту послѣдовалъ такой отвѣтъ второго новгородскаго воеводы, кн. Лобанова-Ростовскаго: «Ты пришлецъ въ Шведской землѣ, старыхъ обычаевъ государскихъ не вѣдаешь, какъ отецъ государя вашего ссылался съ Новгородскими намѣстниками. Государю нашему опасныя королевскія грамоты на пословъ не надобны, то дѣло непригоже, и я эту опасную грамоту отослалъ съ твоимъ же гончикомъ назадъ. А что ты писалъ государя нашего титулъ не по пригожу, такъ это потому, что ты при государяхъ не живалъ, государя нашего титулъ и не знаешь, какъ его описывать». Делагарди обидѣлся и этимъ отвѣтомъ, и тѣмъ, что ему отвѣчалъ не первый новгородскій воевода, а второй. Кн. Скопину-Шуйскому онъ написалъ: «Я всегда былъ такой-же, какъ ты, если только не лучше тебя». Кн. Лобановъ-Ростовскій получилъ отъ него такого рода упреки: «Вы все стоите въ своемъ великомъ русскомъ безумномъ невѣжествѣ и гордости; а пригоже было бы вамъ это оставить, потому что прибыли вамъ отъ этого мало. Будь тебѣ вѣдомо, что я издавна въ здѣшнемъ высокохвальномъ государствѣ Шведскомъ не иноземецъ, и не называютъ меня иноземцемъ. Пишешь, что нѣкоторое время я не былъ при дворѣ своего государя—это правда: думаю, что объ этомъ узналъ твой государь, и ты, и другіе его подданные, потому что я ходилъ съ Шведскою ратью въ вашей землѣ и ее воевалъ. Знай, что мой король никакъ не пошлетъ своихъ пословъ въ землю твоего государя до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла постановятся и совершатся на рубежѣ».

Въ 1585 г., марта 8-го кн. Лобановъ-Ростовскій назначенъ былъ вмѣстѣ съ Ѳеод. Вас. Шереметевымъ «городовое дѣло дѣлать» въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ. Въ 1587 г. онъ былъ назначенъ окольничимъ, а затѣмъ вторымъ судьею Разбойнаго приказа. Въ 1587—88 гг. кн. Лобановъ неоднократно обѣдалъ за царскимъ столомъ, въ числѣ весьма немногихъ приглашенныхъ. Въ 1589 г., января 26-го, 27-го и 28-го, при поставленіи въ патріархи митрополита Іова, онъ водилъ передъ нимъ «около града осля» вмѣстѣ съ патріаршимъ бояриномъ Андр. Вас. Плещеевымъ. 27-го января, на другой день поставленія въ патріархи, по государеву велѣнью, обѣдалъ у патріарха Іова. 28-го послѣ обѣдни отъ патріаршаго двора до Тверскихъ воротъ вели осля подъ патріархомъ: бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и Плещеевъ. Какъ проѣхалъ за Тверскія ворота, царь прислалъ за Годуновымъ, велѣлъ ему быть у себя, а въ его мѣсто велѣлъ осля вести кн. Лобанову-Ростовскому. 28-го, въ числѣ другихъ, кн. Лобановъ принесъ дары патріарху, за столомъ котораго на главныхъ мѣстахъ въ этотъ день сидѣли: онъ, кн. Лобановъ-Ростовскій и вышеупомянутый Плещеевъ. Въ 1590—92 гг. кн. Лобановъ былъ назначенъ воеводой въ Новгородъ.

Синб. Сб. М. 1845.—Р. И. Б., II.—Акты Моск. госуд., I.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», X.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», VII.—*Руммель*, I.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, *Семенъ Михайловичъ*. Въ 1571 г. вмѣстѣ со своимъ братомъ кн. Вас. Мих. Большимъ (см. это имя) участвовалъ въ подручной записи по боярахъ, которые поручились за кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскаго; онъ принялъ на свою долю 55 р. Въ 1575 г. онъ былъ однимъ изъ головъ въ Серпуховѣ

въ большомъ полку у боярина Петра Вас. Морозова. Въ 1577 г. служилъ по городу Рязани. Полковымъ воеводою значился: въ 1579—81 гг. въ Новгородѣ, Псковѣ и Порховѣ, въ 1581—83 гг. въ Ладогѣ и въ 1584—85 гг. въ Брянскѣ. Въ 1587 г. онъ былъ посланъ на Дѣдиловъ смотрѣть ратныхъ людей передового полка; въ 1590—92 гг. состоялъ воеводой въ Новгородской области сначала въ передовомъ, а затѣмъ и въ большомъ полку. Въ 1596 г., ноября 30-го велѣно было отпустить съ кн. Лобановымъ и его товарищами въ Сургутъ изъ вятскихъ хлѣбныхъ запасовъ, которые останутся за Тюменскою посылкою, всего 945 четвертей ржаной муки, крупы и толокна; кромѣ того, денежное жалованье старымъ Сургутскимъ служилымъ людямъ и новоприбылымъ казакамъ.

С. Г. Г. и Д., I.—Синб. Сб. М. 1845 г.—Р. И. Б., II.—Акты Моск. госуд., I.—*Руммель*, I.

В. Корсакова.

Лобановъ-Ростовскій, князь, *Яковъ Ивановичъ*, родился 25 марта 1760 г. Въ 1781 г. поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ, гдѣ прослужилъ до чина капитана. Въ 1784 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1793 г. въ камергеры; въ 1794 г., благодаря солиднымъ связямъ, онъ получилъ назначеніе оберъ-прокурора 5-го департамента Сената; затѣмъ былъ назначенъ въ Москву наблюдать за дѣлами въ Московскихъ департаментахъ Сената и присутственныхъ мѣстахъ губерніи, а также управлять театрами. При Александрѣ I Лобановъ получилъ должность сенатора и члена Московскаго опекунскаго совѣта. Въ 1808 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи и въ 1810 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника за труды по заготовкѣ продовольствія для Молдавской арміи. Въ 1812 г. имъ было сформировано, по собственной иниціативѣ, 17 малороссійскихъ казачьихъ полковъ, которые были двинуты въ Тулу и Калугу, а для защиты Малороссіи собрано земское ополченіе. Въ 1816 г., 22-го февраля, князь Лобановъ получилъ назначеніе въ Государственный Совѣтъ, 20 апрѣля того же года онъ былъ назначенъ въ комиссію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя, но черезъ четыре года, въ 1820 г., отказался отъ этой должности въ виду того, что былъ лишенъ возможности дѣлать доклады государю лично и долженъ былъ считаться съ мнѣніями Аракчеева. Назначенный затѣмъ предсѣдателемъ департамента законовъ и членомъ комитета министровъ, Лобановъ въ 1827 г. опредѣленъ былъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, а въ 1829 году былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры. Скончался онъ 18 января 1831 г.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 192.

Ал. Гельвихъ.

Лобаржевскій, *Петръ*, маіоръ польскихъ королевскихъ войскъ; въ правленіе Станислава Понятовскаго нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ съ разными дипломатическими порученіями, а послѣ паденія Польши вмѣстѣ съ королемъ переѣхалъ въ Россію; поселился въ Петербургѣ, опредѣлился на гражданскую службу и умеръ здѣсь въ 1822 г.

Лобаржевскій извѣстенъ и какъ историко-политическій писатель, писалъ онъ по польски и по-французски. Изъ его сочиненій извѣстны слѣдующія: 1) «Sekretna konferencyja między ś. p. Książęciem Sulkowskim a marszalkiem Gurowskim o wieczności» (Варшава, 1791 г.); 2) Zlecenie deputacyi do formy rządu» (Гродно, 1793 г.); 3) «L'autel et le trône ou opposition legale, morale et politique à l'esprit novateur du siécle en forme de lettres» (С.-Петербургъ, 1809 г.); 4) «Respect du à la tête couronnée, ou exposé historique, politique et moral des grands evenemens relatifs à la Pologne en réponse aux écrits calomnieux de la mémoire de Stanislas Auguste, dérnier roi électif en Pologne» (С.-Петербургъ, 1818 г.) и 5) «Observations chretienne-politique sur le système subversif de l'autel et du trône» (С.-Петербургъ, 1819 г.).

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. XVII, стр. 593.

А. Г.

Лобачевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, адъюнктъ технологіи Казанскаго университета, младшій братъ знаменитаго геометра Н. И. Лобачевскаго. Родился въ 1794 г., первоначальное образованіе получилъ въ Казанской гимназіи (1807), а высшее въ Казанскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1811 г. возведенъ былъ въ

степень магистра физико-математическихъ наукъ—«за отличные успѣхи, въ особенности по части химіи и технологіи». Хотя званіе адъюнкта Лобачевскій получилъ въ 1817 г., тѣмъ не менѣе къ чтенію лекцій по технологіи ему пришлось приступить лишь въ 1820 г., послѣ командировки въ Сибирь, устроенной ему попечителемъ округа Салтыковымъ «для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи». Преподавательская дѣятельность Лобачевскаго была непродолжительна: въ 1823 г. онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя частной технической практикѣ; такъ, между прочимъ, онъ завѣдывалъ казанскою суконною фабрикою Осокиныхъ. Умеръ Лобачевскій въ Казани весною 1870 г.

Научная дѣятельность его выразилась лишь въ двухъ его рукописныхъ работахъ, представленныхъ въ университетскій совѣтъ при соисканіи званія адъюнкта: 1) «О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей» и «О томъ, если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи прежде бывшей температуры тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе».

«Біографическій словарь профессоровъ и преподават. Имп. Казанскаго университета, ч. I, стр. 406—407.

М. Поповъ.

Лобачевскій, *Николай Ивановичъ*, родился 22 октября 1793 г. въ Нижегородской губерніи (по одному источнику, въ Нижнемъ Новгородѣ, по другому, въ Макарьевскомъ уѣздѣ). Отецъ его Иванъ Максимовичъ, выходецъ изъ Западнаго края, по вѣроисповѣданію католикъ, потомъ перешедшій въ православную вѣру, былъ бѣдный чиновникъ архитекторъ (по другому источнику уѣздный землемѣръ). На надгробномъ памятникѣ Лобачевскаго, стоящемъ на Казанскомъ Куртинскомъ кладбищѣ значится, что мать Николая Ивановича, Прасковья Александровна, скончалась въ 1840 г., имѣя отъ роду 68 лѣтъ.

Кромѣ Николая Ивановича, въ семьѣ было еще два сына: старшій Александръ, вскорѣ послѣ поступленія въ Казанскій университетъ покончившій жизнь самоубійствомъ, и младшій Алексѣй (род. 1794), бывшій потомъ адъюнктомъ Казанскаго университета по каѳедрѣ технологіи. Отецъ скончался въ 1797 г., оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Но мать была женщина энергичная, возвышавшаяся по своему образованію надъ общимъ тогда уровнемъ женъ чиновниковъ; одно изъ ея прошеній о принятіи сыновей въ университетъ подписано ею лично и грамотно, въ то время какъ другія матери прибѣгали для этого къ чужой помощи. Прасковья Александровна переѣхала въ Казань послѣ смерти мужа, можетъ быть, для того, чтобы дать сыновьямъ лучшее воспитаніе, и добилась того, что всѣ ея сыновья одинъ за другимъ были приняты въ Казанскую гимназію на казенное содержаніе. Средній сынъ Николай поступилъ въ гимназію 5 ноября 1802 г.

Вскорѣ послѣ того, какъ Лобачевскій поступилъ въ гимназію для ея талантливыхъ учениковъ открылась возможность дальнѣйшаго образованія. 5 ноября 1804 г. императоръ Александръ I подписалъ грамоту объ открытіи Казанскаго университета, 14 февраля 1805 г. происходило торжество Казанскаго университета, на которомъ присутствовали всѣ ученики гимназіи; нѣкоторые изъ нихъ и были тотчасъ зачислены въ студенты. Первые годы преподаваніе въ университетѣ, непосредственнымъ начальникомъ котораго былъ Яковкинъ, директоръ гимназіи, состояло исключительно въ повтореніи пройденнаго въ гимназіи и велось ея преподавателями. Черезъ два года послѣ открытія университета въ число студентовъ его поступилъ и Лобачевскій. До насъ дошло дѣло о поступленіи его въ университетъ. Изъ него видно, что еще въ іюлѣ 1806 г. Лобачевскій вмѣстѣ съ другими учениками подвергался испытанію, но не былъ принятъ въ университетъ, какъ и его товарищи, «дабы они могли себя больше усовершенствовать и особенно въ латинскомъ». Но уже черезъ полгода, 9 января 1807 г., въ собраніи совѣта Казанской гимназіи былъ разсматриваемъ «списокъ учениковъ гимназіи, которые испытываемы были въ собраніи совѣта 22 прошлаго декабря и удостоены къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ лекцій». Въ этомъ спискѣ вмѣстѣ съ прочими значится и Н. Лобачевскій съ отмѣткою «dignus». 14 февраля 1807 г. онъ былъ окончательно зачисленъ въ студенты.

Лекціи, къ слушанію которыхъ былъ допущенъ Лобачевскій, были немногочисленны и элементарны. Адъюнктъ Карташевскій читалъ три раза въ недѣлю по два часа ариѳметику, геометрію и тригонометрію по Шульцу; адъюнктъ Запольскій также шесть часовъ опытную физику, «руководствуясь физикою Гиляровскаго и прибавляя къ ней дополненіе изъ новѣйшихъ физиковъ». Григорій Ивановичъ Карташевскій (1779—1840), воспитанникъ Московскаго университета, преподававшій математику въ гимназіи и такимъ образомъ заложившій первыя основанія математическихъ знаній въ умѣ Лобачевскаго, былъ самъ личность далеко незаурядная. Объ его нравственной личности съ увлеченіемъ говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. По свидѣтельству того же Аксакова, Карташевскій, еще въ бытность учителемъ, «серьезно занимался своею наукою и, пользуясь трудами знаменитыхъ ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики для преподаванія въ гимназіи, читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ и постоянно совершенствовалъ себя въ латинскомъ языкѣ»; въ бытность же адъюнктомъ «увлекательно и блистательно» преподавалъ свой предметъ и такъ высоко поставилъ въ юномъ университетѣ преподаваніе математики, что постановкою его былъ пораженъ Бартельсъ, вскорѣ послѣ того назначенный въ Казанскій университетъ профессоромъ математики. Даже директоръ университета Яковкинъ, противъ самовластія котораго смѣло выступалъ Карташевскій, писалъ попечителю, что онъ «въ знаніи всѣхъ частей математики, а особливо частей высшей, отмѣченъ какъ по счастливымъ дарованіямъ своимъ, такъ и по продолжаемому всегда старанію усовершенствовать все оное чтеніемъ и опытностью». Г. И. Карташевскій, и какъ учитель Лобачевскаго, и какъ первый профессоръ математики въ Казанскомъ университетѣ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи математическаго преподаванія. Но если лекціи въ университетѣ были немногочисленны и элементарны, если первые годы жизни университета, съ которыми совпали годы студенчества Лобачевскаго, представляютъ много съ внѣшней стороны хаотическаго, неустроеннаго, безпорядочнаго, если университетъ открылся безъ всякихъ пособій для преподаванія, даже безъ правильнаго распредѣленія предметовъ по факультетамъ, зато студенческой молодежью университета, только что открытаго въ краю полудикомъ, овладѣлъ жаръ знаній, пылкое стремленіе къ ученію. «Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія... Прекрасное золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія» [1]). Своихъ талантливыхъ казанскихъ учениковъ вспоминалъ въ Дерптѣ съ большимъ сожалѣніемъ много лѣтъ спустя Бартельсъ. Наряду съ этимъ жаромъ знаній царствовало, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Аксаковъ, «полное презрѣніе ко всему низкому и подлому и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному».

Такова была та умственная и нравственная атмосфера, которая дала Россіи и наукѣ Лобачевскаго.

Съ 1807 г. обстоятельства начали складываться болѣе благопріятно для молодого Казанскаго университета и по отношенію къ преподаванію. Во главѣ университета стоялъ попечитель С. Я. Румовскій, извѣстный русскій астрономъ, принимавшій участіе въ наблюденіяхъ 1769 г. надъ прохожденіемъ Венеры по диску солнца, ученикъ Ломоносова и Эйлера, человѣкъ искренне любившій науки и въ особенности математическія. Румовскій понялъ, что для поднятія научнаго уровня университетскаго преподаванія необходимо привлечь въ университетъ научныя силы изъ-за границы.

2 марта 1808 г. открылъ курсъ лекцій по чистой математикѣ Бартельсъ. Въ сентябрѣ того же 1808 г. пріѣхалъ въ Казань бывшій приватъ-доцентъ Геттингенскаго университета Реннеръ и занялъ каѳедру прикладной математики. Позже Бартельса и Реннера въ 1810 г. пріѣхали Броннеръ, профессоръ теоретической и опытной физики, и Литтровъ, профессоръ астрономіи.

Нельзя не остановиться на пріѣхавшихъ ученыхъ, свѣтлыя личности которыхъ не могли не вліять благотворно на ихъ русскихъ учениковъ, на этихъ профессорахъ, которые съ жаромъ и энергіей при-

[1]) Аксаковъ. Семейная хроника и воспоминанія, стр. 321—322.

нялись насаждать просвѣщеніе и науку далеко отъ родины въ «Ultima musarum Thule», какъ одинъ изъ нихъ назвалъ Казанскій университетъ.

Іоганнъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ (род. 12 авг. 1769 г. въ Брауншвейгѣ, скон. 19 дек. 1836 г. въ Дерптѣ) занимаетъ видное мѣсто въ исторіи математики XIX столѣтія. Ему выпало на долю счастье быть учителемъ не только Н. И. Лобачевскаго, но учителемъ и покровителемъ того ученаго, который больше чѣмъ кто-нибудь положилъ свою печать на развитіе математики въ XIX столѣтіи. Изъза куска хлѣба шестнадцатилѣтній Бартельсъ сдѣлался помощникомъ учителя въ частной школѣ своего родного города и за ничтожное вознагражденіе чинилъ перья ученикамъ и помогалъ имъ въ чистописаніи. Въ числѣ учениковъ былъ восьмилѣтній Гауссъ; математическія способности геніальнаго мальчика обратили на себя вниманіе Бартельса. Несмотря на разность лѣтъ между нимъ и Гауссомъ завязывается тѣсная дружба; вмѣстѣ изучаются математическія книги, вмѣстѣ рѣшаются задачи. Бартельсъ оказывалъ не разъ покровительство Гауссу, и Гауссъ высоко цѣнилъ Бартельса за его благородный, гуманный характеръ и до самыхъ позднихъ лѣтъ своихъ былъ признателенъ ему, какъ старому другу. Бартельсъ и самъ былъ прекрасный математикъ. Его «Vorlesungen über mathematische Analysis», изданныя въ Дерптѣ въ 1833 г., занимаютъ видное мѣсто въ нѣмецкой математической литературѣ, отличаясь строгостью доказательствъ и ясностью изложенія. Существуетъ преданіе, что на вопросъ: «Кто первый математикъ Германіи?» Лапласъ отвѣчалъ: «Бартельсъ, такъ какъ Гауссъ есть первый математикъ міра».

Благодаря Бартельсу преподаваніе чистой математики въ Казанскомъ университетѣ сразу стало на одинъ уровень съ преподаваніемъ въ лучшихъ университетахъ Германіи. Всѣ классическія сочиненія того времени: дифференціальное и интегральное исчисленія—Эйлера, аналитическая механика—Лагранжа, приложеніе анализа къ геометріи—Монжа, Disquisitiones arithmeticae—Гаусса, комментировались талантливымъ и начитаннымъ Бартельсомъ. По собственнымъ запискамъ читалъ Бартельсъ исторію математики, развертывая передъ слушателями величественную картину успѣховъ человѣческаго духа въ этой области.

Реннеръ, прекрасный математикъ и латинистъ (1780), получилъ высшее образованіе въ Гетингенскомъ университетѣ; еще въ 1806 г. рекомендованный Румовскому Бартельсомъ, онъ рисуется намъ въ дошедшихъ до насъ воспоминаніяхъ съ самой привлекательной стороны, какъ человѣкъ, къ которому прекрасно подходитъ стихъ Пушкина о душѣ прямо Гетингенской.

Литтровъ—извѣстный астрономъ, впослѣдствіи (съ 1819 г.) директоръ Вѣнской астрономической обсерваторіи, авторъ славившагося въ нѣмецкой астрономической литературѣ сочиненія «Die Wunder des Himmels», былъ человѣкъ широко образованный, весьма увлекавшійся философіею Шеллинга. Литтровъ поставилъ преподаваніе астрономіи на одинъ уровень съ преподаваніемъ математики, и Казанскій университетъ обязанъ ему также постройкою первой, хотя и небольшой, астрономической обсерваторіи. Любимѣйшимъ ученикомъ Литтрова былъ И. М. Симоновъ, но и Лобачевскій съ любовью занимался астрономіею. Первое печатное сообщеніе о Лобачевскомъ мы встрѣчаемъ въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» за 1811 г. (№ 21), гдѣ Литтровъ сообщаетъ о первыхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ Казани: начиная съ 30 авг. этого года Литтровъ вмѣстѣ съ Лобачевскимъ и Симоновымъ наблюдалъ большую комету 1811 г.

Наконецъ, не могла не вліять особенно чарующе на молодыхъ казанскихъ студентовъ и магистровъ талантливая личность Броннера, то монаха-католика, то иллюмината, то поэта-идиллика, то механика и физика. Многимъ умственнымъ вліяніямъ подвергался въ своей дальнѣйшей жизни увлекавшійся Броннеръ; его волновала «Profession de foi du Vicaire Savoyard» Руссо, онъ зачитывался «Критикой чистаго разума» Канта. Но первыя впечатлѣнія юности остаются всегда наиболѣе плодотворными, и цѣльная, убѣжденная личность Броннера никогда не измѣняла тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ вынесъ изъ періода своего иллюминатства—горячей любви къ просвѣщенію и интересу къ вопросамъ педагогіи. При самомъ вступленіи въ орденъ ему были заданы два письменныхъ сочиненія на темы: «О

средствахъ заставить молодого человѣка съ особеннымъ уваженіемъ относиться къ изученію морали» и «О томъ, какъ пробуждать въ юношѣ любовь къ самостоятельному мышленію». Разгромъ иллюминатства въ 1785 г. и неосторожно выраженное сочувствіе идеямъ французской революціи въ 1793 г. дважды заставили его бѣжать изъ родной Баваріи въ свободную Швейцарію, гдѣ онъ во время Гельветической республики становится дѣятельнымъ помощникомъ Лагарпа, занимаетъ важный постъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но послѣ паденія Гельветической республики занимаетъ скромную должность преподавателя въ кантональной школѣ города Аарау. По рекомендаціи своего друга Бартельса Броннеръ въ 1810 г. получаетъ мѣсто профессора теоретической и опытной физики въ Казанскомъ университетѣ, а въ 1812 г. утверждается первымъ директоромъ педагогическаго института при университетѣ, учрежденнаго съ цѣлью приготовить учителей для гимназій и училищъ округа. Эта обязанность ставила его въ самыя близкія отношенія съ университетскою молодежью того времени, и его широкое философское образованіе не могло не отразиться на развитіи его молодыхъ учениковъ и товарищей. Броннеръ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны первыхъ попечителей Казанскаго округа, Румовскаго и Салтыкова, откровенно писалъ имъ о состояніи университета, и эта переписка его, мною найденная въ кантональной библіотекѣ города Аарау, гдѣ Броннеръ кончилъ свою жизнь, и тщательно изданная проф. Д. И. Нагуевскимъ, дала Н. П. Загоскину драгоцѣнный матеріалъ для исторіи перваго десятилѣтія Казанскаго университета. Изъ переписки мы узнаемъ, что связанные тѣсною дружбою Бартельсъ, Броннеръ и Литтровъ уже въ началѣ 1811 г. составили кружокъ, въ которомъ обмѣнивались результатами своей научной дѣятельности и предполагали приступить къ изданію трудовъ Казанскаго математико-физическаго общества. «Das mag nun lustig genug klingen, aber es kann damit doch ernst werden», прибавляетъ Броннеръ [1]).

Вліяніе талантливыхъ преподавателей тотчасъ же отразилось на Лобачевскомъ. Въ числѣ студентовъ, объявившихъ въ 1808 г. желаніе преимущественно заниматься математикою, мы не встрѣчаемъ его имени. «Онъ примѣтно предъуготовляетъ себя для медицинскаго факультета»—писалъ о немъ къ попечителю Румовскому директоръ Яковкинъ, замѣтившій уже тогда его дарованія. Но въ слѣдующемъ 1809 г. его успѣхи были уже такъ велики, что 31 мая этого года онъ былъ выбранъ въ *камерные студенты*.

Званіе камернаго студента, установленное университетскимъ уставомъ 1804 г., весьма характеристично для того времени. Камерные студенты избирались самими студентами для надзора за товарищами изъ числа студентовъ отличныхъ по успѣхамъ и поведенію и утверждались начальствомъ; они получали на книги и учебныя пособія жалованье по 60 руб. въ годъ.

До насъ дошла аттестація Лобачевскаго, сдѣланная по поводу его утвержденія камернымъ студентомъ тогдашнимъ инспекторомъ.

«Лобачевскій, слушая разныя лекціи, почти на всѣхъ отличался, въ комнатахъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ и охотою занимался, большею частью ходилъ на лекціи порядочно, особливо съ нѣкотораго времени. Въ разсужденіи поведенія можно сказать въ настоящемъ, что онъ ведетъ себя примѣрно хорошо и отчасти благонравно; да и въ прошедшее время, со вступленія въ студенты, часто велъ себя очень хорошо, выключая иногда случавшихся проступковъ, въ коихъ однако же, къ чести его сказать, оказывалъ послѣ чистосердечное, кажется, признаніе и исправлялся, почему и уничтожалъ ихъ. Будущее однако же должно показать еще болѣе настоящую постоянную степень его поведенія и Г. Лобачевскій можетъ быть одобренъ какъ по заслугѣ въ занятіяхъ и успѣхахъ въ нѣкоторыхъ наукахъ, такъ и по надеждѣ отъ него впредь исправленія всего должнаго ожидаемаго начальствомъ и для поощренія въ поведеніи быть камернымъ студентомъ и до нѣкотораго времени править его должность». О репутаціи, которою пользовался Лобачевскій за свои знанія, можно судить по тому, что осенью 1809 г. ему, въ то время еще студенту, было поручено провѣрить

[1]) Проф. Францъ Ксаверій Броннеръ. Изслѣдованіе пр. Д. Нагуевскаго. Казань, 1902, стр. 217.

инвентарь оставшагося послѣ смерти адъюнкта Эвеста химическаго кабинета.

Но вскорѣ взглядъ инспекціи на Лобачевскаго измѣнился, и Лобачевскому пришлось перенести много непріятностей; его спасло только заступничество его учителей.

Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія рисуютъ Лобачевскаго за время его студенчества живымъ, общительнымъ, веселымъ юношею, никогда не отказывавшимся принимать участіе въ развлеченіяхъ товарищей. Но живость характера не сходила ему даромъ. Такъ, между прочимъ, Лобачевскій любилъ заниматься пиротехникою. За ракету, пущенную имъ въ одиннадцать часовъ вечера, а также и за то, что «учинилъ непризнаніе и, упорствуя въ немъ, подвергъ наказанію многихъ, совершенно сему непричастныхъ», былъ посаженъ въ августѣ 1808 г. въ карцеръ по опредѣленію совѣта. Въ другой разъ на святкахъ 1810 г. Лобачевскій былъ замѣченъ «въ соучавствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи». За эти проступки онъ наказанъ былъ публичнымъ выговоромъ отъ инспектора студентовъ, лишенъ званія правящаго должность камернаго студента, 60-ти руб. на книги и учебныя пособія, которые только-что были ему назначены «за особенные успѣхи въ наукахъ и благоповеденіе» и отпуска до разрѣшенія начальства. Несмотря на эти признаки немилости со стороны начальства, 5 окт. 1810 г. Лобачевскій былъ удостоенъ званія кандидата, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого подвергался крайней опасности: 18 мая 1811 г. въ собраніи студентовъ было прочитано Высочайшее повелѣніе, что-бы «казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ университетскихъ и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ, развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній, отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же таковыхъ представлять Его Величеству». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого грознаго извѣщенія (27 мая 1811 г.) инспекторскій помощникъ Кондыревъ подалъ рапортъ, «заключающій въ себѣ историческое изображеніе поведенія Лобачевскаго 1-го, изъ журнальной тетради и отчасти шнуровой книги извлеченное, показующее качество поведенія сего студента». Въ рапортѣ отмѣчалось, «что въ генварѣ мѣсяцѣ Лобачевскій оказался самаго худого поведенія. Несмотря на приказаніе начальства не отлучаться изъ университета, онъ въ новый годъ, а потомъ еще разъ ходилъ въ маскарадъ и многократно въ гости, за что опять наказанъ написаніемъ имени на черной доскѣ и выставленіемъ оной въ студентскихъ комнатахъ на недѣлю. Несмотря на сіе, онъ послѣ того снова еще былъ въ маскарадѣ».

Но не одна шаловливость и желаніе развлекаться ставились въ вину молодому человѣку. По словамъ рапорта, «Лобачевскій 1-й въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ, по большей части, весьма дурного поведенія, оказывался иногда въ поступкахъ достопримѣчательныхъ, многократно подавалъ худые примѣры для своихъ сотоварищей, за проступки свои неоднократно былъ наказываемъ, но не всегда исправлялся; въ характерѣ оказался упрямымъ, нераскаяннымъ, часто ослушнымъ и весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ». Отмѣтивъ, что Лобачевскій былъ 33 раза «только по особымъ замѣчаніямъ записанъ въ журнальную тетрадь и шнуровую книгу», Кондыревъ высказываетъ мнѣніе, что «если исправленіе сего студента должно воспослѣдовать, для содѣланія его общеполезнымъ, ибо нельзя отрицать, чтобы онъ не могъ быть таковымъ по его способностямъ и успѣхамъ въ наукахъ математическихъ, то сіе должно воспослѣдовать нынѣ же и при томъ самыми побудительными средствами со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства».

Наконецъ надъ Лобачевскимъ тяготѣло и еще болѣе тяжкое обвиненіе, которое могло легко повести къ исключенію его изъ университета. Въ журналѣ инспектора помощникомъ его Кондыревымъ было записано, и въ началѣ іюля 1811 г. сообщено совѣту, что «Лобачевскій въ значительной степени явилъ признаки безбожія» и мнѣніе его «получило многія ложныя понятія».

Лобачевскаго спасли только его замѣчательныя дарованія, успѣхи въ математикѣ и любовь къ нему его профессоровъ, въ особенности Бартельса.

Бартельсъ былъ весьма доволенъ занятіями студентовъ Казанскаго университета.

Въ позднѣйшіе годы жизни въ Дерптѣ, вспоминая въ предисловіи къ своей книгѣ «Vorlesungen über mathematische Analysis» свою казанскую профессорскую дѣятельность, онъ писалъ: «Къ величайшей моей радости, я нашелъ въ Казани, несмотря на незначительное число студентовъ, необыкновенно много любви къ изученію математическихъ наукъ. Въ моихъ лекціяхъ о высшемъ анализѣ я могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на двадцать слушателей, понемногу составилась небольшая математическая школа, изъ которой вышло нѣсколько дѣльныхъ учителей математики для русскихъ гимназій и университетовъ, особенно въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Они способствовали распространенію математическихъ наукъ въ Россіи» [1]). Но лучшимъ изъ своихъ учениковъ Бартельсъ считалъ безспорно Николая Лобачевскаго. Вотъ что писалъ онъ къ попечителю Румовскому объ успѣхахъ своихъ учениковъ и въ особенности о Лобачевскомъ: «Послѣдніе два (Симоновъ и Лобачевскій), особливо-же Лобачевскій, оказали столько успѣховъ, что они даже на всякомъ нѣмецкомъ университетѣ были-бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они продолжать будутъ упражняться въ усовершенствованіи своемъ, то займутъ значущія мѣста въ университетскомъ кругу. О искусствѣ послѣдняго предложу хотя одинъ примѣръ. Лекціи свои располагаю я такъ, что студенты мои въ одно и тоже время бываютъ слушателями и преподавателями. По сему правилу поручилъ я передъ окончаніемъ курса старшему Лобачевскому предложить подъ моимъ руководствомъ пространную и трудную задачу о вращеніи, которая мною для себя уже была по Лагранжу въ удобопонятномъ видѣ обработана. Въ то же время Симонову приказано было записывать теченіе преподаванія, которое я въ четыре пріема кончилъ, дабы сообщить его прочимъ слушателямъ. Но Лобачевскій, не пользовавшись сею запискою, при окончаніи послѣдней лекціи подалъ мнѣ рѣшеніе сей столь запутанной задачи, на нѣсколькихъ листочкахъ въ четвертку написанное. Г. академикъ Вишневскій, бывшій тогда здѣсь, неожиданно восхищенъ былъ симъ небольшимъ опытомъ знаній нашихъ студентовъ». Вслѣдствіе этого письма Лобачевскому вмѣстѣ съ другими товарищами (Линдегреномъ, Кайсаровымъ и Симоновымъ) была объявлена похвала министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго [1]). Не меньшее рвеніе Лобачевскій оказывалъ въ занятіяхъ другими математическими предметами у пріѣхавшихъ въ 1810 г. профессоровъ Литтрова и Броннера. Поэтому, когда въ засѣданіи 10-го іюля 1811 г. въ совѣтѣ университета обсуждался вопросъ о повышеніи нѣкоторыхъ кандидатовъ въ магистры, Лобачевскій, только-что аттестованный въ рапортѣ помощника инспектора Кондырева, какъ «занимающій первое мѣсто по своему худому поведенію» и «въ значительной степени явившій признаки безбожія», былъ дополнительно представленъ профессорами Бартельсомъ, Германомъ, Литтровымъ и Броннеромъ «на основаніи чрезвычайныхъ успѣховъ и таковыхъ-же дарованій въ физико-математическихъ наукахъ» къ повышенію въ степень магистра. Но предварительно онъ долженъ былъ дать обѣщаніе исправиться.

«Вчера по позволенію явившись въ совѣтъ, писалъ Яковкинъ въ Петербургъ Румовскому 12 іюля 1811 г., оказалъ совершенное признаніе и раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, публично обѣщавши совершенно исправиться, а по сему совѣтъ и рѣшился его помѣстить въ число представляемыхъ къ удостоенію званія магистровъ, дабы излишнею строгостью не привести его, какъ весьма лестную надежду дарованіями и успѣхами подающаго для университета, въ отчаяніе и не убить его». Попечитель утвердилъ представленіе совѣта, но далъ съ своей стороны предостереженіе Лобачевскому: «А студенту Николаю Лобачевскому, писалъ онъ въ своемъ предложеніи совѣту отъ 7 авг. 1811 г., занимающему первое мѣсто по худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, чтобы онъ постаралася перемѣнить и исправить оное,—въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять принесена будетъ жалоба на него, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія».

[1]) «Vorlesungen üb. mathem. Analysis», p. IX.

[1]) Бумага попечителя Ст. Разумовскаго отъ 11 окт. 1811.

Итакъ, даровитый, но свободолюбивый Лобачевскій былъ лѣтомъ 1811 г. спасенъ заступничествомъ нѣмецкихъ профессоровъ; русскіе члены совѣта Яковкинъ и Кондыревъ готовы были даже оклеветать Лобачевскаго. Съ негодованіемъ писалъ объ этомъ Броннеръ къ академику Н. Фуссу лѣтомъ 1810 г.: «Яковкинъ едва не оклеветалъ и не сгубилъ нашего лучшаго воспитанника (магистра Николая Лобачевскаго) изъ-за пустяковъ, вызванныхъ похвальными побужденіями. Съ большимъ трудомъ намъ удалось его спасти» [1]). Гроза, нависшая надъ Лобачевскимъ, разсѣялась.

Отмѣтимъ, что Лобачевскій вмѣстѣ съ своимъ братомъ и шестью другими студентами были утверждены въ степени магистра, не проходя низшей степени кандидата, и безъ представленія и защиты диссертаціи и безъ всякаго испытанія, т. е. въ противность § 97—99 университетскаго устава. Магистры по уставу 1804 г. являлись помощниками профессоровъ въ ихъ преподавательской дѣятельности. Каждый магистръ по истеченіи трехъ лѣтъ, «если общее собраніе (т. е. совѣтъ) признаетъ его достойнымъ, производится въ адъюнкты, а изъ лучшихъ магистровъ, отличившихся въ наукахъ и поведеніи, двое, черезъ каждые два года, отправлялись въ чужіе края для усовершенствованія». Для того, чтобы магистры, жившіе въ университетѣ на казенномъ содержаніи, «не упускали время», инструкція, составленная совѣтомъ Казанскаго университета въ 1821 г., подчиняла ихъ надзору инспектора и руководству профессора той науки, которую они избрали своею спеціальностью. Занятія ихъ должны были заключаться: въ лекціяхъ для студентовъ во время болѣзни профессора, въ помощи профессорамъ и адъюнктамъ, заключающейся въ повтореніи со студентами пройденнаго, и въ объясненіи имъ того, чего они не понимали, въ содѣйствіи изданію «Казанскихъ Извѣстій» и въ исполненіи другихъ порученій, даваемыхъ начальствомъ; но главною обязанностью ихъ было собственное усовершенствованіе въ избранныхъ ими наукахъ; для этого они должны были находиться въ ближайшемъ и всегдашнемъ сношеніи съ тѣми профессорами и адъюнктами, «коимъ они подвѣдомы».

Для Лобачевскаго главнымъ руководителемъ, конечно, былъ Вартельсъ. Онъ занимался у Бартельса на дому по четыре часа въ недѣлю, и изъ письма Бартельса въ совѣтъ университета отъ 10 іюля 1812 г. видно, что предметомъ занятій Лобачевскаго подъ руководствомъ Бартельса былъ первый томъ «Небесной механики» Лапласа; по другимъ источникамъ также «Disquisitiones Arithmeticae» Gauss'a.

Талантливый магистръ не ограничился добросовѣстнымъ изученіемъ этихъ классическихъ сочиненій; изученіе и того и другого привело его къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1811 г. онъ представилъ разсужденіе «Теорія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ»; вѣроятно, къ этому разсужденію относятся слѣдующія слова Бартельса въ упомянутомъ письмѣ къ Румовскому: «во многихъ мѣстахъ разсужденія, имъ составленнаго безъ всякой иной помощи, кромѣ труда Лапласа, онъ проявилъ такіе признаки отличнѣйшаго математическаго дарованія, что навѣрно составитъ себѣ славное имя» (Quod illustre nomen aliquando non poterit non assequi).

Также глубоко и основательно изучилъ Лобачевскій и «Disquisitiones Arithmeticae» и въ 1813 г. представилъ физико-математическому отдѣленію сочиненіе подъ заглавіемъ: «О разрѣшеніи алгебраическаго уравненія $x^n-1=0$», въ которомъ особенно подробно разсматривался случай, когда $n=4m+1$, и даются общія выраженія для коэффиціентовъ уравненія m-ой степени, къ которому можетъ быть приведено данное уравненіе. Содержаніе этой работы было имъ изложено въ XVI гл. (§ 215) «Алгебры» 1834 года.

Вскорѣ послѣ полученія Лобачевскимъ степени магистра началась и его преподавательская дѣятельность.

Высочайшій указъ 6 авг. 1809 г., состоявшійся подъ вліяніемъ Сперанскаго, установлялъ для чиновниковъ, желающихъ получить должности 8 класса, особый экзаменъ; чтобы облегчить имъ этотъ экзаменъ, при университетахъ должны были читаться особыя лекціи для служащихъ чиновниковъ. Лекціи по ариѳметикѣ и геометріи и были поручены Лобачевскому, который и читалъ ихъ два часа въ недѣлю, съ 1812 по 1814 г., продолжая попрежнему свои магистерскія занятія.

[1]) Переписка Броннера съ Фуссомъ (въ книгѣ Д. И. Нагуевскаго, стр. 383).

1814-й годъ былъ годомъ знаменательнымъ для Казанскаго университета. До сихъ поръ съ самаго своего основанія Казанскій университетъ не былъ организованъ сообразно съ уставомъ 1804 г. Самоуправленія не существовало, хозяйственная часть и вообще все административное управленіе университета находилось въ рукахъ Яковкина, которому вполнѣ довѣрялъ попечитель Румовскій. Не было и правильнаго раздѣленія университета на отдѣленія. Открытіе университета было дѣломъ новаго попечителя, смѣнившаго скончавшагося въ 1812 г. Румовскаго, М. А. Салтыкова. Руководила ли Салтыковымъ, въ молодости принадлежавшимъ къ либеральному кружку молодыхъ друзей Александра I, симпатія къ самоуправленію или только желаніе избавить университетъ отъ вліянія Яковкина, къ которому Салтыковъ чувствовалъ полное недовѣріе—трудно рѣшить. Какъ бы то ни было Высочайшимъ указомъ 24 февр. 1814 г. были утверждены выбранные университетомъ ректоръ (Браунъ) и деканы и повелѣно открыть университетъ, т. е. примѣнить къ нему вполнѣ уставъ 1804 г. Открытіе университета и было торжественно отпраздновано 5 іюля 1814 года.

Въ томъ же 1814 г. и Лобачевскій 26 марта, т. е. менѣе, чѣмъ черезъ три года по полученіи степени магистра, «вслѣдствіе ходатайства Броннера и Бартельса», былъ произведенъ изъ магистровъ въ адъюнкты чистой математики и началъ свои лекціи или, какъ выражались тогда, «свое публичное преподаваніе». Затѣмъ въ 1816 г., іюня 7, онъ былъ одновременно съ Симоновымъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ съ порученіемъ ему каѳедры ординарнаго профессора. Повышеніе Лобачевскаго и Симонова въ экстраординарные профессора встрѣтило затрудненіе въ совѣтѣ и было первымъ поводомъ къ столкновенію между большинствомъ университетскаго совѣта съ ректоромъ Брауномъ въ его главѣ и попечителемъ округа Салтыковымъ. Въ совѣтѣ университета при слушаніи попечительскаго предложенія отъ 24 мая 1816 г. о повышеніи въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ адъюнктовъ Лобачевскаго и Симонова возникло разногласіе. На точномъ основаніи университетскаго устава 1804 г. (§ 36) экстраординарные профессоры избирались, въ количествѣ четырехъ, изъ наличныхъ адъюнктовъ, а этотъ комплектъ экстраординарныхъ былъ въ то время въ университетѣ уже заполненъ. Меньшинство членовъ совѣта (8 голосовъ—представители русской партіи) подали голоса за немедленное исполненіе предложенія попечителя, въ смыслѣ неотложнаго баллотированія обоихъ кандидатовъ; большинство же членовъ (14—представители нѣмецкой партіи) требовали предварительнаго разрѣшенія министра по вопросу о томъ: «можетъ ли совѣтъ приступить къ выбору экстраординарныхъ профессоровъ сверхъ означеннаго въ § 36 устава числа». Въ смыслѣ мнѣнія совѣтскаго большинства и было сдѣлано представленіе министру народнаго просвѣщенія и донесеніе попечителю округа. Изъ упомянутой мною выше переписки Салтыкова съ Броннеромъ видно, въ какое состояніе крайняго раздраженія и негодованія пришелъ Салтыковъ, узнавъ о совѣтскомъ постановленіи. Самолюбивый попечитель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искренне расположенъ къ талантливымъ молодымъ профессорамъ. «Возможно,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—что мое расположеніе къ Симонову и Лобачевскому, дѣйствительно, побудило меня оказать имъ отличіе по отношенію къ ихъ сотоварищамъ... Это не было, во всякомъ случаѣ, актомъ какой-либо благодарности къ нимъ съ моей стороны уже потому, что приглашенный давать уроки моимъ дѣтямъ, Лобачевскій бралъ у меня, въ свою очередь, уроки французскаго языка». Считая себя оскорбленнымъ совѣтомъ, Салтыковъ рѣшился ходатайствовать за Лобачевскаго и Симонова непосредственно передъ министромъ. Хлопоты попечителя увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 7-го іюля Лобачевскій и Симоновъ были утверждены министромъ въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ, безъ избранія ихъ въ совѣтѣ, въ виду «засвидѣтельствованія г. попечителя объ отличныхъ ихъ познаніяхъ», о чемъ Салтыковъ побѣдоносно и возвѣщалъ Броннеру въ письмѣ отъ 24-го іюля: «Симоновъ и Лобачевскій утверждены, наперекоръ интригѣ, въ званіи профессоровъ; я настоялъ на томъ и написалъ министру, что я почту честь свою оскорбленною, если онъ не утвердитъ ихъ на основаніи моего представленія—безъ баллотировки и помимо участія въ дѣлѣ уни-

верситетскаго совѣта». Предложеніе министра объ утвержденіи новыхъ экстраординарныхъ профессоровъ было заслушано въ совѣтѣ 4-го августа, и совѣту оставалось лишь принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ, сдѣлавъ постановленіе о приведеніи Лобачевскаго и Симонова къ присягѣ и о дачѣ правленію выписки относительно удовлетворенія ихъ жалованьемъ. Какъ экстраординарный профессоръ, Лобачевскій долженъ былъ естественно принять дѣятельное участіе въ университетской жизни. Мы видимъ его членомъ особаго комитета, избраннаго 12 окт. 1817 г. по дѣлу «объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ». Комитетъ, образованный почти исключительно изъ совѣтской и, притомъ, русской молодежи, уже 23 числа того же октября вошелъ въ совѣтъ съ обширнымъ представленіемъ, въ которомъ, выказавъ весьма гуманное отношеніе къ провинившимся студентамъ, подвергнулъ строгой критикѣ условія современной студенческой жизни, содѣйствующія пониженію общаго нравственнаго ея уровня.

Въ тотъ самый день 5 ноября 1804 г., когда императоромъ Александромъ I была подписана утвердительная грамота Императорскаго Казанскаго университета, обнародованъ былъ и университетскій уставъ. По § 160—174 этого устава на университетъ возлагалась созидательная и руководящая роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. «Университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ,— гласилъ § 160-й устава, прилагаетъ особое и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно». Непосредственнымъ университетскимъ органомъ по училищнымъ дѣламъ признается особый *училищный комитетъ*, образующійся подъ предсѣдательствомъ ректора изъ шести ежегодно избираемыхъ совѣтомъ ординарныхъ профессоровъ, съ секретаремъ изъ адъюнктовъ или магистровъ. Полномочія училищнаго комитета въ дѣлѣ управленія училищами округа были весьма велики. Училищный комитетъ при Казанскомъ университетѣ былъ открытъ только въ 1811 г., и первые годы въ немъ преобладали иностранцы-профессора. Ихъ «невѣдѣніе русскаго языка» было, конечно, важнымъ неудобствомъ, и Салтыковъ долженъ былъ, несмотря на свою благосклонность къ иностранцамъ, обратить въ 1816 г. вниманіе совѣта на необходимость составить комитетъ «изъ русскихъ чиновниковъ или иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и привыкшихъ къ теченію дѣлъ». При выборахъ 1818 г., русскими профессорами, за исключеніемъ ректора Брауна, оказались замѣщенными всѣ мѣста членовъ училищнаго комитета, а въ числѣ ихъ въ первый разъ выбранъ былъ и Лобачевскій (утвержденіе послѣдовало 23 мая 1818 г.). Ему открылась такимъ образомъ возможность присмотрѣться къ ходу преподаванія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и, конечно, вслѣдствіе этого у него явилась еще въ 1823 г. мысль составить учебникъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній, а также и попытка издать геометрію. О той и другой попыткѣ мы будемъ говорить во второй части нашего очерка.

Преподавательская дѣятельность Лобачевскаго съ 1814 до учебнаго года 1818—1819 года была посвящена исключительно математикѣ. Въ 1814—15 г. онъ читалъ теорію чиселъ по Гауссу и Лежандру; въ 1815—16 г.—теорію чиселъ по Гауссу. Въ 1816—17 г.—ариѳметику, алгебру и тригонометрію, по своимъ тетрадямъ; въ 1817—18 г.—плоскую и сферическую тригонометрію, по своимъ тетрадямъ; въ 1818—19 г.—дифференціальное и интегральное исчисленіе — по Монжу и Лакруа [1]).

1819 г. внесъ существенное измѣненіе въ преподавательскую дѣятельность Лобачевскаго, но еще болѣе коренное въ жизнь Казанскаго университета и въ настроеніе лучшей части его профессуры. Высочайшимъ манифестомъ 24 окт. 1817 г. установлялась новая организація дѣла народнаго просвѣщенія. «Желая, *дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія*, при-

[1]) Историческая записка о четырехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 гг., составленная по предложенію министерства, о доставленіи историческихъ и статистическихъ свѣдѣній по университету и округу надворному совѣтнику Кеппену. Перепечатана была проф. Н. П. Загоскинымъ въ 1904 г.

знали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ «министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія».

Въ томъ же 1817 г. Салтыковъ пишетъ Броннеру: «Болѣе нежели вѣроятно, что за исключеніемъ московскаго, всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены; вопросъ о закрытіи университетовъ Казанскаго и Харьковскаго уже поставленъ на очередь». Новыя вѣянія заставляютъ Салтыкова подать въ отставку. 25 янв. 1819 г. членомъ главнаго правленія училищъ назначается М. Л. Магницкій; 10 февр. того же года онъ получаетъ отъ министра князя А. Н. Голицина порученіе отправиться въ Казань для обозрѣнія тамошняго университета. Магницкому предлагалось обратить особенное вниманіе на состояніе Казанскаго университета какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части и представить министру «свое заключеніе и мнѣніе обо всемъ, изъ коего должно открыться—*можетъ ли сей университетъ съ пользою существовать и впредь*». 8 марта 1819 г. Магницкій въ первый разъ является въ засѣданіе совѣта университета, а 5 апр. уже возвращается въ Петербургъ и подаетъ министру свой отчетъ по обозрѣнію Казанскаго университета. Окончательный выводъ этого отчета тотъ, что Казанскій университетъ, который только «несетъ наименованіе университета, но на самомъ дѣлѣ никогда не существовалъ, который не только не приноситъ той пользы, какую можно бы ожидать отъ благоустроенной гимназіи, но даже *причиняетъ общественный вредъ* полуученостью образуемыхъ имъ воспитанниковъ и учителей для обширнѣйшаго округа, особенно же противнымъ религіи духомъ деизма и злоупотребленіемъ обширныхъ правъ своихъ—по непреложной справедливости и по всей строгости правъ *подлежитъ уничтоженію*». Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ пріостановленія университета и б) въ видѣ публичнаго его разрушенія. Я бы предпочелъ послѣднее — рѣшаетъ Магницкій. «Актъ объ уничтоженіи Казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, *стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ*». Рѣшительный приговоръ надъ «государственнымъ преступникомъ» —Казанскимъ университетомъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Императоръ Александръ, не согласившись на упраздненіе Казанскаго университета, далъ повелѣніе о поддержаніи существованія Казанскаго университета и о приведеніи всѣхъ частей его въ должный порядокъ и устройство. Для выполненія этой задачи Магницкій 8-го іюня 1819 г. былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Началась эпоха «обновленія Казанскаго университета». Въ историческомъ совѣтскомъ засѣданіи 20 авг. 1819 г. было сообщено предписаніе попечителя объ увольненіи 9 профессоровъ и о порученіи проф. Никольскому (профессору прикладной математики) каѳедры профессора Лобачевскаго, которому могутъ быть предложены каѳедры физики и астрономіи (Преподаваніе по каѳедрѣ астрономіи поручалось Лобачевскому вслѣдствіе того, что Симоновъ былъ въ томъ же 1819 г. прикомандированъ къ кругосвѣтной экспедиціи Беллинсгаузена и лежало на Лобачевскомъ до возвращенія Симонова въ Казань). Въ теченіе двухъ учебныхъ годовъ (1819—20 и 1820—21) Лобачевскій не читаетъ ни одного курса по математикѣ и занятъ преподаваніемъ физики и астрономіи. Только съ учебнаго года 1821—22 (вслѣдствіе отъѣзда Бартельса въ 1820 г. въ Дерптъ и обремененія Никольскаго административными обязанностями по должности ректора) Лобачевскій снова начинаетъ читать курсы чистой математики, перемежая ихъ съ курсами физики, астрономіи, механики и математической физики.

Попечительство Магницкаго возложило на Лобачевскаго важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелое дѣло. Примирившись съ мыслью о томъ, что Казанскій университетъ не будетъ уничтоженъ, Магницкій принялся не только «обновлять» его, но и обстраивать. По иниціативѣ попечителя было рѣшено въ 1821 г. ассигновать изъ суммъ государственнаго казначейства большую для того времени сумму 631.136 р. съ распредѣленіемъ ея на шесть лѣтъ [1]).

[1]) Изъ ассигнованной суммы было израсходовано на постройку до 1833 г. 295.348 руб.

Началась строительная эпоха 1821—1826 г., въ которую главное зданіе университета приняло свой настоящій видъ. На Лобачевскаго несомнѣнно пала главная часть работы. Для наблюденія за постройками 30 янв. 1822 г. учреждается строительный комитетъ изъ трехъ членовъ: предсѣдателя Г. Б. Никольскаго и членовъ: Лобачевскаго и Тимьянскаго. Какъ цѣнилъ Магницкій участіе Лобачевскаго въ этомъ дѣлѣ, видно изъ того, что когда въ августѣ 1822 г. возникъ вопросъ объ удобствѣ совмѣщенія званія члена строительнаго комитета съ должностью декана (по отъѣздѣ Бартельса въ Дерптъ Лобачевскій былъ 19 ноября 1820 г. избранъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія), то Магницкій далъ знать правленію университета, что «профессоръ Лобачевскій весьма полезенъ можетъ быть въ строительномъ комитетѣ, и я бы желалъ, чтобы онъ остался навсегда членомъ онаго». Пожеланіе Магницкаго оказалось пророческимъ. Лобачевскій оставался предсѣдателемъ строительнаго комитета съ 16 февр. 1825 г., когда онъ былъ избранъ на эту должность, почти до конца своей университетской дѣятельности и по справедливости можетъ быть названъ «великимъ строителемъ» Казанскаго университета. Какъ относился Лобачевскій къ взятому на себя дѣлу, видно и изъ того, что онъ принялся спеціально изучать архитектуру, и изъ тѣхъ столкновеній, которыя ему пришлось имѣть по своей должности. На немъ же и на профессорѣ Никольскомъ, какъ на математикахъ, лежала обязанность составленія отчетовъ. До насъ дошелъ «сочиненный» Лобачевскимъ «отчетъ строительнаго комитета за 1824 годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денегъ и матеріаловъ». Особенно тяжело приходилось Лобачевскому послѣ принятія имъ на себя обязанностей предсѣдателя строительнаго комитета. Лѣтомъ 1826 г. онъ жаловался на крайнее стѣсненіе свое временемъ, такъ какъ спѣшно занятъ срочными работами по отчетности, въ чемъ ему не помогаютъ остальные члены строительнаго комитета; въ томъ же году Лобачевскій усиленно просилъ начальство освободить его отъ всякаго рода сторонихъ порученій, не связанныхъ непосредственно съ его обязанностями по университету. Въ заботахъ по благоустройству главнаго университетскаго корпуса Лобачевскому приходилось доходить до мелочей. Такъ въ 1825 г. онъ усиленно былъ занятъ проектомъ барельефа, имѣвшаго увѣнчать собою аттикъ главнаго университетскаго портала. Съ цѣлью художественной разработки проекта такого барельефа Лобачевскій передалъ архитектору Шятницкому «медаль, какая раздается студентамъ Казанскаго университета въ награжденіе», и еще физическія и астрономическія книги, чтобы тотъ могъ «отсюда заимствовать мысль для барельефа». Затрудненію положенъ былъ конецъ Магницкимъ, отклонившимъ мысль о проектированномъ украшеніи университетскаго портала. Но особенно тяжелый и отвѣтственный характеръ пріобрѣтали предсѣдательскія обязанности Лобачевскаго по строительному дѣлу въ виду тѣхъ хищническихъ инстинктовъ, которые проявлялись у лицъ, прикосновенныхъ къ университетскому строительству. Уже въ мартѣ 1825 г. вскорѣ по назначеніи своемъ предсѣдателемъ строительнаго комитета Лобачевскій оффиціально доносилъ, что имъ «найдены многіе недостатки по дѣламъ комитета въ постановленіяхъ и другія отступленія, почему, пока дѣла сіи не будутъ приведены въ должный порядокъ, а приходъ и расходъ—въ извѣстность, нельзя приступить къ составленію отчета и что, сверхъ того, при дѣлахъ комитета не находится никакихъ чертежей, отъ чего онъ находитъ затрудненія въ распоряженіяхъ по строенію въ семъ году»; обнаружилась запутанность въ счетахъ по строительнымъ суммамъ и матеріаламъ, задержки въ выдачѣ подрядчикамъ и рабочимъ денегъ и т. п. неправильности, невольно наводившія на мысль о злоупотребленіяхъ. Не исполнилось и двухъ мѣсяцевъ предсѣдательства Лобаческаго въ строительномъ комитетѣ, какъ имъ была объявлена война члену комитета Калашникову, фавориту и довѣренному лицу самого попечителя. Отношенія между предсѣдателемъ комитета, проницательно усмотрѣвшимъ злоупотребленія попечительскаго ставленника, и Калашниковымъ дошли въ апрѣлѣ 1825 г. до открытаго столкновенія, въ которомъ Лобачевскій горячо и рѣзко обличилъ Калашникова. Въ этомъ конфликтѣ побѣда осталась на сторонѣ Лобачевскаго. Горячее отношеніе Лобачевскаго доводило его не

разъ до поступковъ, которые могутъ быть оправданы только нравами и взглядами того времени. «Съ прискорбіемъ долженъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства непріятное происшествіе, случившееся 11-го февраля, доноситъ инспекторъ Вишневскій попечителю въ 1825 г. Въ засѣданіи строительнаго комитета, въ которомъ я самъ не могъ присутствовать по болѣзни, подрядчикъ Груздевъ, явившійся для торговъ, невѣжествомъ своимъ въ обращеніи и грубостями передъ членами оного комитета вывелъ изъ терпѣнія г-на Лобачевскаго, такъ что сей послѣдній ударилъ его; о семъ происшествіи я подробно узналъ», добавляетъ инспекторъ свое донесеніе. Инцидентъ кончился ничѣмъ. Иначе разыгрался другой инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ октября 1825 г. и о которомъ подробно разсказываетъ хранящееся въ архивѣ Казанской попечительской канцеляріи подъ таинственнымъ заголовкомъ «дѣло о происшествіи 12-го октября 1825 г.». Лобачевскому донесли, что двое рабочихъ мѣстнаго столяра Эренберга, приносившіе въ университетъ заказанную классную мебель, по вредной своей глупости, обрывали бронзовые листы съ поручней только что сооруженной парадной лѣстницы. Виновные были разысканы и представлены предсѣдателю строительнаго комитета, который и приказалъ заключить ихъ подъ стражу, «привязавъ ихъ, для острастки, къ стулу». Нѣкоторое время спустя Лобачевскій зашелъ провѣдать заключенныхъ и, къ великому своему негодованію, обрѣлъ ихъ «въ глубокомъ снѣ, несмотря на то, что они привязаны были къ стулу». «Увлеченный негодованіемъ,—разсказываетъ Лобачевскій,—я приказалъ ихъ наказать палочными ударами; по ихъ бодрости видѣвъ, что они издѣвались надъ строгостью моею, велѣлъ ихъ отпустить послѣ семидесяти, а, можетъ быть, и сотни ударовъ каждому, не слыша отъ нихъ признанія». Наказанные мастеровые, получившіе по показанію экзекутора до двухсотъ ударовъ каждый, оказались крѣпостными; за самоуправство надъ ними, хотя бы изъ чувства господской амбиціи, могли вступиться ихъ владѣльцы, и университетское начальство взволновалось. Директоръ университета послалъ донесеніе Магницкому, въ которомъ прибавлялъ, что «г. Лобачевскій съ совершеннымъ раскаяніемъ пріѣхалъ ко мнѣ и усердно просилъ, чтобы я исходатайствовалъ ему прощеніе у вашего превосходительства», и что «на г-на Лобачевскаго доселѣ не поступала просьба ни въ гражданскую, ни въ университетскую полицію». Приводимъ характерный для отношенія Магницкаго къ Лобачевскому отвѣтъ перваго директору университета: «Слову, которое вы дали профессору Лобачевскому, я не могу измѣнить, не нарушивъ моего къ вамъ уваженія и совершенной довѣренности. Потому единственно я оставляю дѣло, о безпримѣрно дерзкомъ его поступкѣ зачатое, безъ послѣдствія. Но я увѣренъ, что вы первый будете имѣть причину раскаяться въ вашемъ снисхожденіи. Ежели профессоръ Лобачевскій не очувствовался отъ моего съ нимъ обращенія послѣ буйства, передъ зерцаломъ сдѣланнаго (намекъ на возникшее въ 1823 г. въ попечительскомъ дѣлопроизводствѣ дѣло «о неблагопристойностяхъ и противностяхъ», оказанныхъ Лобачевскимъ при избраніи секретаря совѣта), и многихъ нарушеній должнаго почтенія къ начальству, однимъ невниманіемъ моимъ къ дурному его воспитанію покрытыхъ; ежели неумѣстная и по истинѣ смѣшная гордость его не дорожитъ и самою честью его званія, то чѣмъ надѣетесь вы вылѣчить сію болѣзнь душъ слабыхъ, *когда единственное отъ нея лекарство,—вѣра,—отвергнуто?* Не взирая на совершенную увѣренность, что не пройдетъ и года безъ того, чтобы профессоръ Лобачевскій не сдѣлалъ новаго соблазна своею дерзостью, своеволіемъ и нарушеніемъ нашихъ инструкцій, я забываю сіе дѣло по вашему настоянію и не забуду прошедшихъ трудовъ его, но будущей довѣренности прошу его отъ меня не требовать, доколѣ ея не заслужитъ. За всѣми поступками его будетъ особенный надзоръ». Этимъ грознымъ приговоромъ закончилось «дѣло о происшествіи 12 окт. 1825 г.». Крупныя столичныя событія совершенно заслонили казанскій скандалъ. 19 ноября скончался императоръ Александръ Павловичъ, и начались историческіе дни, закончившіеся 14-го декабря.

Поглощенный работою въ строительномъ комитетѣ, преподавательскою дѣятельностью, учеными трудами (какъ мы увидимъ дальше время отъ 1817 до 1826 г. было временемъ выработки геометриче-

ской системы, обезсмертившей его имя), Лобачевскій нашелъ въ этихъ занятіяхъ отвлеченіе и успокоеніе отъ тяжелой атмосферы сервилизма и ханжества, которая водворилась въ университетѣ. Духъ фарисейскаго лицемѣрія и обскурантизма, административный произволъ, систематическое игнорированіе правъ, предоставленныхъ университету его уставомъ и утвердительною грамотою—все это не могло не вносить глубокаго разложенія въ среду дѣятелей университета. Притомъ цѣлый рядъ каѳедръ замѣщался личнымъ усмотрѣніемъ попечителя, открывался доступъ къ профессурѣ всякаго рода проходимцамъ и авантюристамъ, и эта преподавательская клика была всецѣло поглощена мыслью угодить всемогущему принципалу. За нею, подъ опасеніемъ подвергнуться участи изгнанныхъ Магницкимъ товарищей, должна была безвольно тянуться и лучшая часть профессоровъ, положеніе которыхъ было поистинѣ трагическое. Нельзя не отмѣтить, поэтому, прежде всего смѣлый поступокъ Лобачевскаго, уклонившагося въ 1821 г. отъ произнесенія актовой рѣчи. Какова должна была быть эта рѣчь, можно судить, напр., по слову «о пользѣ математики», сказанномъ въ эту эпоху проф. Никольскимъ и наполненномъ мистическими толкованіями математическихъ истинъ. Но бо̀льшаго противодѣйствія введенному Магницкимъ режиму Лобачевскій не оказалъ, и его біографъ не можетъ пройти молчаніемъ тѣ факты его жизни во времена Магницкаго, которые лежатъ темнымъ пятномъ на свѣтлой личности великаго ученаго—его не пассивное участіе въ одной изъ самыхъ отвратительныхъ и мрачныхъ страницъ эпохи попечительства Магницкаго—университетскомъ судѣ 1822—23 г. надъ профессоромъ естественнаго права Солнцевымъ, обвиненнымъ совѣтомъ университета «въ оскорбленіи Духа Святого Господня и власти общественной», и его роль сотрудника Магницкаго по «обличенію» тетрадей лекцій Петербугскихъ профессоровъ Раупаха, Германа, Галича и Арсеньева (представленіе Магницкаго министру 29 ноября 1821 г. о награжденіи Лобачевскаго орденомъ Владиміра 4-й степени).

Но несомнѣнно, что 7 лѣтъ «лихолѣтія» Казанскаго университета оставили тяжелый осадокъ въ душѣ Лобачевскаго, и въ нравственныхъ страданіяхъ, въ это время имъ пережитыхъ, нужно искать объясненія того, какъ изъ жизнерадостнаго студента и магистра, гордаго и упорнаго юноши, выработался тотъ, большею частью, пасмурный, сосредоточенный въ себѣ человѣкъ, лишь изрѣдка позволявшій себѣ остроумную насмѣшку или искренне веселый громкій смѣхъ, какимъ онъ рисуется въ воспоминаніяхъ лицъ, знавшихъ его въ сороковыхъ годахъ (Н. П. Вагнеръ, П. Коринфскій и др.).

Къ счастію, эпохѣ Магницкаго насталъ конецъ. За 12 дней до 14 дек. 1825 г. военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ выслалъ Магницкаго изъ Петербурга съ полицейскимъ офицеромъ, который сопровождалъ попечителя учебнаго округа вплоть до самой Казани. 12 янв. 1826 г. министръ А. С. Шишковъ предложилъ генералу П. Ѳ. Желтухину осмотрѣть во всѣхъ частяхъ Казанскій университетъ и передалъ ему приказаніе государя «подъ рукою обратить особенное вниманіе на поведеніе и поступки казанскаго попечителя Магницкаго». Въ результатѣ ревизіи Желтухина 6 мая 1826 г. Магницкій былъ уволенъ отъ должности попечителя учебнаго округа, а зимою того-же года за «безпокойство нрава, которое могло причинить большой вредъ университету», высланъ изъ Казани съ фельдъ-егеремъ. Шубы у него не было, и бывшій профессоръ Солнцевъ, отданный имъ подъ судъ, но въ то время занимавшій важную должность губернскаго прокурора, далъ ему свою.

24 февраля 1827 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи къ исполненію должности Казанскаго попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина. Выборъ палъ на человѣка достойнаго и необходимаго для исправленія того положенія, въ которое былъ приведенъ университетъ въ попечительство Магницкаго. Новый попечитель былъ человѣкъ требовательный и деспотичный, но въ тоже время честный, справедливый и понимавшій значеніе науки въ государствѣ. Съ попечительствомъ Мусина-Пушкина настаетъ для Казанскаго университета другая болѣе свѣтлая эпоха, когда понадобились люди преданные наукѣ, любящіе университетъ. Довѣріе и уваженіе товарищей выдвигаетъ Лобачевскаго на первое мѣсто въ университетѣ, и съ 3-го

мая 1827 г. онъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ занимаетъ первое мѣсто въ Казанскомъ университетѣ и безкорыстно и неутомимо служитъ ему.

Молодой ректоръ (Лобачевскому при вступленіи въ ректорство было только тридцать три года) пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы открыто развить свои взгляды на воспитаніе юношества и на цѣли университета, и въ торжественномъ собраніи 5 іюля 1828 г. произноситъ свою замѣчательную рѣчь «О важнѣйшихъ предметахъ воспитанія», проникнутую любовью къ университету, уваженіемъ къ человѣческой природѣ, къ человѣческому разуму и человѣческому достоинству. Въ этой рѣчи Лобачевскаго, бросающей яркій свѣтъ на его философское міровоззрѣніе, которое онъ долженъ былъ скрывать по условіямъ тогдашней русской жизни, ясно отразилось его увлеченіе просвѣтительными идеями XVIII вѣка, знакомствомъ съ которыми онъ, вѣроятно, болѣе всего былъ обязанъ вліянію своего учителя —Броннера. Рѣчь начинается съ указанія на значеніе воспитанія.

«Въ какомъ состояніи, воображаю, долженъ бы находиться человѣкъ, отчужденный отъ общества людей, отданный на волю одной дикой природѣ. Обращаю потомъ мысли къ человѣку, который, среди устроеннаго, образованнаго гражданства послѣднихъ вѣковъ просвѣщенія, высокими познаніями составляетъ честь и славу своего отечества. Какая разность! Какое безмѣрное разстояніе раздѣляетъ того и другого. Эту разность произвело воспитаніе. Оно начинается съ колыбели, пріобрѣтается сперва однимъ подражаніемъ, постепенно развертывается умъ, память, воображеніе, вкусъ къ изящному, пробуждается любовь къ себѣ, къ ближнему, любовь славы, чувство чести, желаніе наслаждаться жизнью. Всѣ способности ума, всѣ дарованія, всѣ страсти, все это обдѣлываетъ воспитаніе, соглашаетъ въ одно стройное цѣлое, и человѣкъ, какъ бы снова родившись, является твореніе въ совершенствѣ». Но воспитаніе не должно подавлять и искоренять страсти человѣка и свойственныя ему желанія. «Все должно остаться при немъ: иначе исказимъ его природу, будемъ ее насиловать и повредимъ его благополучію». «Всего обыкновеннѣе слышать жалобы на страсти, но, какъ справедливо сказалъ Мабли, чѣмъ страсти сильнѣе, тѣмъ онѣ полезнѣе въ обществѣ; направленіе ихъ можетъ быть только вредно»...

«Но одно образованіе умственное не довершаетъ еще воспитанія. Человѣкъ, обогащая свой умъ познаніями, еще долженъ учиться умѣть наслаждаться жизнью. Я хочу говорить объ образованности вкуса. Жить—значитъ чувствовать, наслаждаться жизнію, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живемъ..... Ничто такъ не стѣсняетъ потока жизни, какъ невѣжество; мертвою, прямою дорогою провожаетъ оно жизнь отъ колыбели къ могилѣ. Еще въ низкой долѣ изнурительные труды необходимости, мѣшаясь съ отдохновеніемъ, услаждаютъ умъ земледѣльца, ремесленника; но вы, которыхъ существованіе несправедливый случай обратилъ въ тяжелый налогъ другимъ, вы, которыхъ умъ отупѣлъ и чувство заглохло, вы не наслаждаетесь жизнью. Для васъ мертва природа, чужды красоты поэзіи, лишена прелести и великолѣпія архитектура, незанимательна исторія вѣковъ. Я утѣшаюсь мыслью, что изъ нашего университета не выйдутъ подобныя произведенія растительной природы; даже не войдутъ сюда, если къ несчастію родились съ такимъ назначеніемъ. Не войдутъ, повторяю, потому что здѣсь продолжается любовь славы, чувство чести и внутренняго достоинства».

«Кажется природа, одаривъ столь щедро человѣка, при его рожденіи, еще не удовольствовалась, вдохнула въ каждаго желаніе превосходить другихъ, быть извѣстнымъ, быть предметомъ удивленія, прославиться и такимъ образомъ возложила на самого человѣка попеченіе о своемъ усовершенствованіи. Умъ въ непрестанной дѣятельности стремится стяжать почести, возвыситься, и все человѣческое племя идетъ отъ совершенства къ совершенству—и гдѣ остановится?»

«Будемъ же дорожить жизнью, пока она не теряетъ своего достоинства. Пусть примѣры въ исторіи, истинное понятіе о чести, любовь къ отечеству, пробужденная въ юныхъ лѣтахъ, дадутъ заранѣе то благородное направленіе страстямъ и ту силу, которыя дозволятъ намъ торжествовать надъ ужасомъ смерти».

Обращаясь къ нравственности, какъ важнѣйшему предмету воспитанія, Лоба-

чевскій останавливается въ особенности на любви къ ближнему. «Дюкло, Рошфуко, Книге объясняли, какимъ образомъ самолюбіе бываетъ скрытой пружиной всѣхъ поступковъ человѣка въ обществѣ. Кто, спрашиваю, умѣлъ въ полнотѣ изложить, какія обязанности проистекаютъ изъ любви къ ближнему?».

Со взглядами Лобачевскаго на воспитаніе и ученіе юношества можно познакомиться также по находящейся въ архивѣ Казанскаго физико-математическаго Общества запискѣ Лобачевскаго (записка помѣчена ноябремъ 1834 г.) объ осмотрѣ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ и почерпнутыхъ имъ изъ этого осмотра указаніяхъ для усовершенствованія учебныхъ заведеній Казанскаго Округа. Въ этой запискѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе взгляды Лобачевскаго на системы преподаванія юношества. Такихъ системъ двѣ: одна (*преподавательная*, принятая въ германскихъ университетахъ) предоставляетъ въ полную свободу пріобрѣтать познанія, другая состоитъ въ назначеніи начальствомъ всѣхъ занятій при строгомъ надзорѣ за нравственностью. Эта вторая система *воспитательная* — самая близкая къ домашнему родительскому воспитанію, а можетъ быть и по народному духу, даже по духу воинственному, получила предпочтеніе во Франціи; особенно въ Россіи, гдѣ, кажется, съ быстротою усовершенствуется, она существуетъ вполнѣ для спеціальныхъ заведеній, каковы кадетскіе корпуса, лицеи, педагогическій институтъ, училище Правовѣдѣнія. Но труднѣе держаться воспитательной системы въ университетахъ, чѣмъ болѣе число студентовъ и чѣмъ городъ обширнѣе. Затѣмъ Лобачевскій, указавъ на необходимость отдѣленія студенческаго хозяйства съ непосредственнымъ подчиненіемъ попечителю, минуя ректора, переходитъ къ вопросу о нуждахъ двухъ Казанскихъ гимназій, упоминаетъ о требованіяхъ родителей, чтобы «дѣти высшаго сословія не смѣшивались съ мальчиками изъ сословій гораздо ниже», и объ «упражненіи въ новѣйшихъ языкахъ» и снова возвращается къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи. Упомянувъ о томъ, что въ различныхъ университетахъ допускается большое различіе въ подробномъ разграниченіи предметовъ (такъ, напр., въ Московскомъ университетѣ учрежденъ приготовительный курсъ), и съ похвалою отозвавшись объ этой свободѣ преподаванія, указавъ на многочисленность и неравенство занятій на юридическомъ факультетѣ и на неудобства требованія, чтобы каждый студентъ учился непремѣнно всѣмъ предметамъ его факультета (напр., на филологическомъ отдѣленіи и восточнымъ языкамъ и европейской словесности), Лобачевскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣль университетскаго преподаванія:

«Высшею степенью образованности, кажется, надобно называть ту, которая при свѣдѣніяхъ необходимыхъ для каждаго, при понятіяхъ общихъ о всѣхъ наукахъ, заключается въ тѣхъ познаніяхъ, которыя могутъ быть пріобрѣтаемы только съ особенною природною способностью. Гимназическій курсъ составляютъ необходимыя свѣдѣнія для каждаго, тогда какъ далѣе науки надобно слушать въ университетѣ. Отъ этихъ данныхъ начиная, кажется, можно съ вѣрностью провести главныя черты на томъ планѣ, который долженъ опредѣлять университетское преподаваніе; здѣсь воспитанникъ, избравъ какой-нибудь родъ занятій болѣе по своимъ способностямъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ слѣдуя природной наклонности, упражняетъ отличительныя свои дарованія и, наконецъ, украсивъ ихъ общими понятіями о другихъ наукахъ, посвящаетъ себя тому предмету, которому долженъ быть уже навсегда преданъ, какъ любимому занятію въ жизни, и съ тѣмъ, чтобы оставаться въ числѣ ученыхъ, въ числѣ представителей просвѣщенія по всему государству, во всѣхъ его сословіяхъ и званіяхъ. Публичные курсы для понятій общихъ о наукахъ достигали бы также другой цѣли, которая предполагается съ учрежденіемъ университетовъ и съ названіемъ публичныхъ профессоровъ».

Преподавательская дѣятельность Лобачевскаго—ректора продолжалась столь же энергично, хотя могла теперь ограничиться только преподаваніемъ чистой математики.

Въ 1833—34 г., напримѣръ, Лобачевскій, руководствуясь сочиненіями Кузена, Лагранжа и Лакруа, читалъ студентамъ 2-го курса: интегрированіе функцій; студентамъ 3-го курса: интегрированіе дифференціальныхъ уравненій съ однимъ перемѣннымъ и студентамъ 4-го курса: интегрированіе урав-

неній съ частными производными и варіаціонное исчисленіе. Эти курсы оставались за нимъ до конца его профессорской дѣятельности. Изъ рукописнаго отчета за 1839 г. видно, что въ этомъ году Лобачевскій читалъ то-же самое. Въ росписаніи на *1842—43* учеб. годъ читаемъ: «Николай Лобачевскій, ректоръ университета, ординарный профессоръ чистой математики, будетъ читать во 2-мъ курсѣ объ интегрированіи функцій 1 ч. въ нед., въ 3 курсѣ объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ двумя перемѣнными 1 ч., въ 4 курсѣ интегрированіе уравненій съ частными дифференціалами и варіаціонное исчисленіе, слѣдуя Лакруа».

Недовольствуясь обязательнымъ преподаваніемъ въ университетѣ, Лобачевскій читалъ не разъ публичныя лекціи по физикѣ. Одна изъ такихъ лекцій содержала теорію химическаго разложенія и составленія тѣлъ дѣйствіемъ электричества и была сопровождаема опытами. Для ремесленнаго класса читался имъ въ 1839—40 г. особый популярный курсъ физики подъ названіемъ «народная физика.

О способѣ чтенія лекцій Лобачевскимъ оставилъ свои воспоминанія его талантливый ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ проф. А. Ѳ. Поповъ. По этимъ воспоминаніямъ, «Лобачевскій умѣлъ быть въ аудиторіи глубокомысленнымъ или увлекательнымъ, смотря по предмету изложенія. Вообще разговорный слогъ его не походилъ на письменный. Между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ своихъ онъ отличался слогомъ сжатымъ и не всегда яснымъ, въ аудиторіи онъ заботился объ изложеніи со всею ясностью, но любилъ болѣе самъ учить, нежели излагать по авторамъ, предоставивъ слушателямъ самимъ познакомиться съ подробностями ученой литературы. Его публичныя лекціи по физикѣ привлекли въ аудиторію многочисленную публику, а лекціи для избранной аудиторіи, въ которыхъ Лобачевскій развивалъ свои новыя начала геометріи, должно назвать по справедливости глубокомысленными».

Какъ добросовѣстно относился до конца своей жизни Лобачевскій къ своимъ обязанностямъ, свидѣтельствуетъ его печатный обстоятельный, со многими самостоятельными выводами, разборъ докторской диссертаціи А. Ѳ. Попова: «Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій гидродинамики, приведенныхъ къ линейному виду. Казань, 1845». Печатанію отзывовъ о диссертаціяхъ Лобачевскій придавалъ весьма большое значеніе и въ качествѣ управлявшаго Казанскимъ учебнымъ округомъ высказалъ министру народнаго просвѣщенія свое мнѣніе, что ко всякой докторской диссертаціи долженъ быть прилагаемъ печатный подробный разборъ. Хотя ему предоставлено было поступать по его усмотрѣнію, но онъ предпочелъ выслушать по этому поводу мнѣніе совѣта Казанскаго университета. Совѣтъ отнесся къ предложенію Лобачевскаго несочувственно, полагая, что «такое печатаніе, подвергая суду публики противъ его воли и тѣмъ требуя отъ него большой строгости, иногда обременительной для докторантовъ, не должно быть поставляемо въ постоянную обязанность, а предоставлено собственному усмотрѣнію и желанію профессоровъ, представившихъ эти отзывы». Въ отвѣтной бумагѣ совѣту Лобачевскій указываетъ, что «суду публики подвергается сочинитель противъ своей воли за всякое вообще изданное имъ сочиненіе. Итакъ, если бы приводимая совѣтомъ причина была достаточной, то она служила бы заявленіемъ отъ профессоровъ ихъ намѣренія вообще не печатать своихъ сочиненій». Но, видя несочувствіе совѣта предлагаемой имъ мѣрѣ, Лобачевскій ограничился предложеніемъ: «всякій разъ излагать подробно причины, которыя побуждаютъ удерживаться печатаніемъ полнаго разбора диссертаціи».

Связь, установленная уставомъ 1804 г., между университетами и другими учебными заведеніями округа не была окончательно порвана уставомъ 1835 г., и Лобачевскій имѣлъ возможность близко знакомиться съ состояніемъ преподаванія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Для провѣрки знаній студентовъ, поступающихъ въ университетъ, существовалъ особый испытательный комитетъ, и Лобачевскій состоялъ его почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Заботясь о томъ, чтобы университетъ давалъ учебнымъ заведеніямъ лучше подготовленныхъ педагоговъ, Лобачевскій поднялъ вопросъ о преобразованіи Педагогическаго института. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Лобачевскаго не разъ возлагались порученія, которыя позволяли ему непосредственно вникать въ состояніе среднихъ учебныхъ за-

веденій, знакомиться съ ихъ педагогическимъ персоналомъ и съ положеніемъ преподаванія. Такъ въ 1835 г. Лобачевскій осматривалъ Нижегородскую гимназію и уѣздныя училища Нижегородской губерніи. Въ 1836 г. онъ командируется съ тою же цѣлью въ Симбирскую, а въ 1842 г. въ Пензенскую губ. Въ 1839 г. онъ разсматриваетъ «опыты занятій, представленные старшими учителями гимназій Казанскаго учебнаго округа». Трудно по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ судить о томъ, какое значеніе имѣли для хода дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа интересъ и знанія Лобачевскаго, но очевидно, что при томъ вліяніи, которое Лобачевскій имѣлъ на Мусина-Пушкина, многое хорошее изъ того, что было сдѣлано въ теченіе девятнадцатилѣтняго попечительства послѣдняго, нужно отнести къ Лобачевскому и его любви къ просвѣщенію и молодежи. До насъ дошло, впрочемъ, опредѣленное указаніе, что введеніе въ 1834 г. преподаванія гимнастики и изящныхъ искусствъ произошло по иниціативѣ Лобачевскаго.

Но дѣятельность преподавательская и педагогическая отнимала, конечно, значительно меньше времени, чѣмъ административная дѣятельность въ качествѣ ректора.

Значеніе Лобачевскаго, какъ ректора, въ жизни университета за время 1828 до 1846 г. и его труды на пользу университета такъ велики, что подробно останавливаться на нихъ значило-бы писать исторію университета за этотъ періодъ, который справедливо считается блестящею порою устроительства Казанскаго университета. Поэтому я принужденъ остановиться главнымъ образомъ на его дѣятельности по новымъ постройкамъ въ университетѣ, по устройству библіотеки и по преобразованію печатнаго университетскаго органа.

Въ 1832 г. Мусину-Пушкину удалось убѣдить министерство народнаго просвѣщенія въ необходимости отпустить деньги на университетскія постройки. Новый строительный комитетъ былъ утвержденъ 23 мая 1833 г. Онъ былъ образованъ изъ членовъ: ординарнаго проф. Никольскаго, г. Мамаева, архитектора Коринфскаго, подъ предсѣдательствомъ ректора Н. И. Лобачевскаго. Срокомъ его существованія было положено четыре года, отъ 1833 до 1837. Дѣйствія его были независимы отъ университетскаго правленія, въ распоряженіе его отпущены были оставшіеся изъ прежде отпущенныхъ 335.781 р. Первоначально комитетъ долженъ былъ дѣйствовать только до 1837 г.; но затѣмъ дѣятельность его была продолжена по случаю постройки клиническаго дома. Въ теченіе 9-ти лѣтъ, съ 1833 г. по 1842 г., комитетомъ были произведены слѣдующія постройки: 1) анатомическій театръ, химическая лабораторія съ физическимъ кабинетомъ и библіотека, соединенные между собою рѣшеткою и расположенные полукругомъ, въ глубинѣ коего помѣщенъ театръ, а съ боковъ другія зданія; 2) астрономическая и магнитная обсерваторіи, находящіяся въ сторонѣ отъ упомянутыхъ заведеній; 3) оранжерея ботаническаго сада и 4) разныя хозяйственныя постройки. По смѣтамъ на постройки предполагалось употребить 727.118 руб. ассигнаціями. Комитетъ употребилъ гораздо меньше, и все сбереженіе, сдѣланное комитетомъ, составило 160.495 руб. О томъ, какого напряженія требовало участіе въ строительномъ комитетѣ, видно изъ того, что въ 1839 г., по словамъ отчета, за этотъ годъ строительный комитетъ имѣлъ 125 засѣданій. Едва окончилась дѣятельность строительнаго комитета, учрежденнаго въ 1833 году, какъ пожаръ 1842 года вызвалъ необходимость въ постройкѣ обсерваторіи. Новый комитетъ снова подъ предсѣдательствомъ Лобачевскаго окончилъ свою дѣятельность въ 1844 г.

Не менѣе плодотворна была дѣятельность Лобачевскаго по устройству библіотеки. Библіотека Казанскаго университета образовалась изъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ собраній. Въ нее вошла, съ одной стороны, библіотека Потемкина, раньше предназначавшаяся для университета въ Екатеринославлѣ; въ составъ ея входили, между прочимъ, книги, принадлежавшія ученому митрополиту Евгенію Булгарису; съ другой стороны, въ нее вошла частная библіотека Полянскаго, въ юности друга Вольтера, въ старости впавшаго въ мистическій піэтизмъ. Лобачевскому пришлось въ первый разъ заняться университетскою библіотекою по желанію Магницкаго. Предложеніемъ отъ 16-го декабря 1819 г. Магницкій поручилъ директору университета Владимір-

скому образовать, «для окончательнаго приведенія въ порядокъ библіотеки», подъ главнымъ его надзоромъ особый *комитетъ* изъ профессоровъ Вердерамо и Лобачевскаго. Существованіе этого комитета было весьма непродолжительно: въ концѣ января 1820 г. Вердерамо уволился изъ университета, и Лобачевскому пришлось единолично изображать цѣлый комитетъ. Познакомившись съ запущеннымъ состояніемъ библіотеки, Лобачевскій счелъ себя вынужденнымъ подать 11 іюня 1821 г. донесеніе объ отказѣ отъ возложеннаго на него порученія. Въ этомъ донесеніи Лобачевскій пишетъ, что провѣрка наличности библіотеки по документамъ представляетъ задачу почти невыполнимую, тѣмъ болѣе, что «сдачи и пріема библіотеки въ надлежащемъ никогда не было, каталоги никѣмъ не подписаны и, чтобъ доказать ихъ справедливость, потребуется, можетъ быть, далеко восходить ко временамъ завѣдыванія библіотекою Казанской гимназіи и разрывать архивъ, скопленный въ теченіе двадцати лѣтъ». Занятія свои по библіотекѣ Лобачевскій началъ съ ея пріема отъ и. д. библіотекаря проф. Кондырева, но пріема произвести не удалось, «въ чемъ отвѣчаетъ,—говоритъ Лобачевскій,—г. Кондыревъ, который, конечно, имѣлъ достаточныя причины предпочесть другія обязанности—обязанности сдавать библіотеку; но что я его понуждалъ къ продолженію сдачи, это, конечно, не откажется подтвердить и самъ»,—добавляетъ Лобачевскій. Также неуспѣшно окончилось предположеніе Лобачевскаго относительно составленія систематическаго каталога; за непмѣніемъ писцовъ неоконченною осталась и начатая уже переписка каталоговъ. Ко всему этому присоединились жестокія препирательства между Кондыревымъ и Лобачевскимъ изъ-за вопроса о сдачѣ и пріемѣ библіотеки. Кончилось тѣмъ, что, какъ было уже выше сказано, Лобачевскій просилъ «снять съ него возложенное порученіе», тѣмъ болѣе, что «обманутый надеждою привести библіотеку въ новый порядокъ, я не могу болѣе, жалуется онъ, противиться любви къ тѣмъ занятіямъ, къ которымъ меня пристрастила особенная наклонность». Желаніе Лобачевскаго было исполнено; за отказомъ Кондырева, былъ выбранъ новый библіотекарь, но и черезъ годъ, въ августѣ 1825 г., Магницкій нашелъ библіотеку въ хаотическомъ состояніи. И снова пришлось обратиться къ Лобачевскому. 8 октября 1825 г. онъ принимаетъ на себя званіе и. д. библіотекаря, утверждается въ этомъ званіи въ февралѣ 1826 г. и несетъ должность библіотекаря почти десять лѣтъ вплоть до весны 1835 г., съ іюля 1827 г. даже совмѣщая ее съ отвѣтственною должностью ректора. Сначала положеніе Лобачевскаго, какъ библіотекаря было весьма незавидное: находившаяся въ состояніи полнаго разстройства библіотека формально принята имъ не была; распоряжался ею ставленникъ и фаворитъ Магницкаго; стали появляться распоряженія по библіотекѣ, игнорировавшія новаго библіотекаря, и 5 іюня 1826 г. Лобачевскій, естественно недовольный такимъ положеніемъ, принужденъ былъ задать совѣту университета вопросъ: «Какимъ образомъ могу я когда-нибудь принять библіотеку и отъ кого», возвратить библіотечныя книги и просилъ совѣтъ уволить его «отъ всякаго рода особенныхъ порученій, то есть которыя могутъ быть по особеннымъ обстоятельствамъ, а не при обыкновенномъ исправленіи должности». Недовольство Лобачевскаго своимъ положеніемъ по библіотекѣ вскорѣ, однако, улеглось. Новый попечитель Мусинъ-Пушкинъ образовалъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія особую комиссію для приведенія библіотеки въ порядокъ; библіотечныя дѣла стали быстро поправляться; въ октябрѣ 1827 г. библіотека была Лобачевскимъ, наконецъ, формально принята. Комиссія дѣятельно работала подъ руководствомъ энергичнаго библіотекаря, составленъ былъ полный инвентарь библіотеки и каталоги. Опредѣлены были и всѣ потери библіотеки. Наконецъ по иниціативѣ Лобачевскаго какъ библіотека, такъ и собранія и кабинеты университета были, по опредѣленнымъ днямъ, безпрепятственно открыты для осмотра ихъ и для пользованія ими всѣми желающими изъ городской публики. Эта прекрасная мѣра, осуществлявшаяся до начала 80-хъ годовъ, сближала университетъ съ городомъ, дѣлала его интересы близкими городскому населенію. Теперь она отошла уже въ область преданія.

Съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ къ библіотекѣ, относился Лобачевскій и къ

другимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета и прежде всего, конечно, какъ преподаватель въ теченіе многихъ лѣтъ различныхъ отдѣловъ физики, къ физическому кабинету. Магницкій еще осенью 1821 г. задался мыслью создать при Казанскомъ университетѣ большой физическій кабинетъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ, и, воспользовавшись временнымъ пребываніемъ Лобачевскаго въ столицѣ, 21 окт. 1821 г. далъ ему слѣдующее порученіе: а) составить списокъ всѣмъ орудіямъ и принадлежностямъ *большого физическаго кабинета для Казанскаго университета* и б) по утвержденіи сего списка «осмотрѣть извѣстный здѣсь кабинетъ Роспини, прицѣниться у лучшихъ мастеровъ и, ежели нужнымъ почтется, заказать нѣкоторыя орудія». Лобачевскій уже 30 ноября представилъ Магницкому списокъ инструментовъ и книгъ, необходимыхъ для будущаго кабинета, распредѣливъ ихъ на двѣ группы: въ первую онъ включилъ инструменты и книги, «кои слѣдуетъ пріобрѣсть немедленно», во вторую—инструменты и книги, «кои составляютъ нѣкоторую роскошь кабинета и могутъ быть пріобрѣтены во времени». По полученіи свѣдѣній о нуждахъ физическаго кабинета отъ Лобачевскаго и аналогичныхъ свѣдѣній о нуждахъ обсерваторіи отъ Симонова, Магницкій 9 дек. 1821 г. вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ отпускѣ 40.000 р. поровну на нужды обсерваторіи и физическаго кабинета. Представленіе, писанное, вѣроятно, подъ вліяніемъ Лобачевскаго и Симонова, выражало надежду, что «отличный математическій факультетъ Казанскаго университета, получивъ всѣ сіи способы, учредитъ въ университетѣ публичныя лекціи опытной физики для распространенія вкуса къ ученію и для привлеченія публики къ университету и займется изданіемъ физико-математическихъ записокъ, кои, безъ сомнѣнія, принесутъ честь имъ и мѣсту ихъ образованія». Что мысли, выраженныя въ этомъ представленіи, были навѣяны молодыми профессорами, въ этомъ убѣждаетъ насъ то, что спустя много лѣтъ именно Лобачевскій осуществилъ и то и другое изъ этихъ предположеній, читая народную физику для ремесленнаго класса въ 1838 и 1839 г. и въ 1834 г. положивъ основаніе существующему и до сихъ поръ ученому печатному органу университета. Но прежде чѣмъ перейти къ этой заслугѣ Лобачевскаго передъ Казанскимъ университетомъ, дополнимъ наши указанія на отношеніе Лобачевскаго къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета еще однимъ: во время кругосвѣтнаго путешествія Симонова Лобачевскій завѣдывалъ обсерваторіею и долженъ былъ представить Магницкому «новыя предположенія по обширнѣйшему устроенію астрономической обсерваторіи для Казани».

Въ теченіе столѣтняго существованія Казанскаго университета исторія его тѣсно связана съ исторіею общественности какъ въ Казани, такъ и въ Камско-Волжскомъ краѣ и въ частности съ исторіею одного изъ важнѣйшихъ проявленій общественности—исторіею періодической прессы. Первое казанское періодическое изданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ третій, въ хронологической постепенности, повременный органъ русской провинціальной печати—«Казанскія Извѣстія» начали выходить 19 апр. 1811 г. Изданіе ихъ въ томъ-же году было передано университету, который образовалъ для изданія особый комитетъ, въ который вошелъ, между прочимъ, Броннеръ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ редактировавшій органъ гельветической республики. «Извѣстія» выходили до 1820 г. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ были, какъ мы уже упоминали, сообщены Литтровымъ результаты наблюденій Лобачевскаго и Симонова надъ кометою 1811 г. Магницкій нашелъ изданіе «Казанскихъ Извѣстій» «не довольно благовиднымъ» и предложилъ замѣнить газету журналомъ, который долженъ быть названъ «Вѣстникомъ Казанскимъ» и выборъ всѣхъ піесъ котораго долженъ быть устремленъ къ той цѣли, чтобы доказывать, что «*христіанское благочестіе—есть основаніе истинно добраго воспитанія*». Съ исходомъ 1820 г. закончили свое почти десятилѣтнее существованіе старыя «Казанскія Извѣстія», а съ начала 1821 г. взамѣнъ ихъ сталъ выходить «Казанскій Вѣстникъ». За первыя $5^1/_2$ лѣтъ своего существованія, совпавшія съ годами попечительства Магницкаго, «Казанскій Вѣстникъ» напоминалъ собою скорѣе лубочнаго издѣлія сборникъ нравоучительно-

богословскаго характера, нежели журналъ научно-литературнаго направленія, издаваемый университетомъ и редактируемый профессорами.

Лобачевскій вошелъ въ составъ издательнаго комитета 14 дек. 1823 г., но во все время попечительства Магницкаго не помѣстилъ въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» ни одной самостоятельной статьи, и единственнымъ вкладомъ его въ это изданіе былъ переводъ съ нѣмецкаго языка—описанія путешествія проф. Эрмана по Оренбургскому и Прикамскому краю съ цѣлію изслѣдованія мѣсныхъ древностей. Но въ 1828 г. онъ сталъ во главѣ издательнаго комитета и съ принятіемъ имъ такимъ образомъ дѣятельнаго участія въ изданіи совпадаетъ возобновленіе еженедѣльныхъ *прибавленій*, которыя заключали въ себѣ иностранныя извѣстія, мѣстную хронику и частныя объявленія, замѣняя такимъ образомъ газету. Съ 1828 г. до конца существованія «Вѣстника» (въ началѣ 1833 г.) Лобачевскій помѣстилъ въ немъ свой переводъ статьи Уйтстона о резонансѣ, свою рѣчь о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія и наконецъ съ 1829 по 1830 г.—свой первый печатный трудъ по неевклидовой геометріи «О началахъ геометріи» (№ 3 списка, приложеннаго въ концѣ статьи). Но несмотря на участіе Лобачевскаго «Казанскій Вѣстникъ» продолжалъ носить неопредѣленный характеръ, колеблясь между ученымъ значеніемъ «университетскаго органа и занимательностью для публики». Лобачевскій рѣшилъ осуществить идею И. М. Симонова, который, какъ деканъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, 30 сент. 1825 г. вошелъ въ совѣтъ университета съ предложеніемъ «объ издаваніи на французскомъ и латинскомъ языкахъ ученыхъ записокъ, кои должны состоять изъ одного тома оригинальныхъ сочиненій съ тѣмъ, чтобы каждый членъ факультета доставилъ въ оный по крайней мѣрѣ одно сочиненіе». Лобачевскій и тогда отнесся къ этой мысли вполнѣ сочувственно и обѣщалъ дать два сочиненія, относящіяся до чистой математики. Но предложеніе Симонова оставлено было безъ движенія Магницкимъ, который, вѣроятно, усмотрѣлъ въ немъ выраженіе неодобренія его дѣтищу—«Казанскому Вѣстнику». Лобачевскій въ 1833 г. поднялъ снова вопросъ объ изданіи «Ученыхъ Записокъ», и въ 1834 г. стали выходить въ свѣтъ «Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета». Первая статья первой книжки принадлежитъ Лобачевскому (пониженіе степени двучленнаго уравненія, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8); съ 1835 по 1838 г. печатались въ немъ «Новыя начала геометріи», важнѣйшее изъ сочиненій Лобачевскаго. Мысли, которыя руководили Лобачевскимъ при основаніи «Ученыхъ Записокъ», изложены въ предисловіи къ первой книжкѣ. Предисловіе начинается съ указанія на значеніе книгопечатанія, второго дара слова, благодаря которому «вечеромъ родившаяся мысль въ умѣ одного человѣка утромъ повторяется тысячи разъ на бумагѣ и разглашается потомъ во всѣ концы обитаемой земли. Такъ искра, вспыхнувши въ одной точкѣ, проливаетъ лучи мгновенно и далеко въ окружности. Такъ свѣтъ ума, подобіе дневнаго свѣта, расширяется и силится освѣщать. Такъ люди, преданные наукамъ, не могутъ противиться желанію писать, печатать свои открытія, свои мнѣнія и толкованія». Но такъ какъ «во всякомъ просвѣщенномъ государствѣ бываетъ два рода образованія: одно общее, которое можно называть народнымъ, другое принадлежитъ ученому свѣту», то и повременныя изданія должны быть двухъ родовъ. «Одни должны быть разнообразны въ своемъ составѣ, каково должно быть само народное просвѣщеніе, любопытны новостью и заманчивы картиною настоящей жизни, вѣрнымъ изображеніемъ страстей и чувствъ». «Высшимъ учебнымъ заведеніямъ, академіямъ и университетамъ издавать подобные журналы не должно. Имъ надобно взять на себя другую обязанность». Эта другая обязанность—изданіе чисто ученаго журнала. Такимъ журналомъ и должны были быть, по мысли основателя, «Ученыя Записки», и этотъ характеръ они сохранили и до настоящаго времени.

Заслуги Лобачевскаго по упорядоченію университетскаго хозяйства цѣнились и находившимися подъ его вліяніемъ попечителемъ (въ университетскихъ кругахъ говорили: Мусинъ-Пушкинъ — это пушка: чѣмъ ее зарядилъ Лобачевскій, тѣмъ она и выстрѣлитъ) [1]) и его товарищами. Пять

[1]) Объ отношеніяхъ Н. И. Лобачевскаго къ М. Н. Мусину-Пушкину мы можемъ составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе по со-

разъ онъ единодушно избирался совѣтомъ университета на должность ректора и былъ дѣйствительно «идеальнымъ» ректоромъ, прекраснымъ хозяиномъ и строителемъ, тактичнымъ начальникомъ, образцовымъ предсѣдателемъ совѣта. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-нибудь жгучій университетскій вопросъ обострялъ отношенія двухъ спорящихъ сторонъ, Лобачевскій прерывалъ круто всѣ споры. «Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ, говорилъ онъ, мнѣнія, очевидно, не окончательно выяснились, то позвольте мнѣ, господа, отклонить рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія». Совѣтъ соглашался, а Николай Ивановичъ въ тотъ же или слѣдующій вечеръ приглашалъ къ себѣ главныхъ спорщиковъ и за чашкою чая приводилъ споръ къ соглашенію. Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта дѣло проходило безъ шума и рѣшалось безъ пререканій. Но въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, когда этимъ путемъ не удавалось привести коллегію къ соглашенію, Лобачевскій прибѣгалъ къ магической формулѣ: «господа—это воля попечителя», и тогда споры быстро утихали. Нельзя не согласиться вполнѣ съ оцѣнкою ректорской дѣятельности Лобачевскаго, данною Э. П. Янишевскимъ въ его біографическомъ очеркѣ. «Вполнѣ преданный университету, безукоризненной честности убѣжденій, неутомимый въ дѣятельности, энергическій, но безпристрастный и всегда уважавшій мнѣнія другихъ, дѣйствовавшій на членовъ совѣта только силою убѣжденія и вслѣдствіе этого всѣми уважаемый — таковъ былъ Лобачевскій ректоромъ университета».

Отъ неутомимой дѣятельности ученаго, профессора, ректора Лобачевскій искалъ отдохновенія въ любви къ природѣ, въ скромныхъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Верстахъ въ шестидесяти отъ Казани, вверхъ по Волгѣ, лежитъ небольшая деревня «Бѣловолжская Слободка», принадлежавшая Лобачевскому; здѣсь Лобачевскій развелъ прекрасный садъ, и до сихъ поръ въ ней сохранилась кедровая роща. По трогательному преданію, сохранившемуся въ семьѣ Лобачевскаго, сажая кедры, Лобачевскій съ грустью сказалъ, что не дождется ихъ плодовъ; пред-

---

хранившимся въ семьѣ послѣдняго двадцатиодномъ письмѣ Н. И. Лобачевскаго, переданнымъ черезъ меня г-жею Сверчковою Физико-математическому обществу при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Первыя восемь писемъ относятся къ началу ректорства Лобачевскаго. Въ этихъ письмахъ Лобачевскій сообщаетъ попечителю и объ упорядоченіи библіотеки, и о необходимости купить трубы пожарныхъ орудій, и о «Казанскомъ Вѣстникѣ», и о посѣщеніяхъ университета проѣзжающими гостями (посланникомъ Кокандскаго хана, путешественникомъ по Ледовитому Океану бар. Врангелемъ и др.). «Хочу», пишетъ онъ въ письмѣ отъ 1 сентября 1827 г., «просить Васъ за нашъ медицинскій факультетъ вывести его изъ бѣднаго положенія, въ которомъ сами его видѣли, сравнивая съ Московскимъ. Всего лучше, думаю, можемъ успѣть возвысить его, если возьмемъ за образецъ Медико-Хирургическую Академію». Въ другомъ письмѣ (27 дек. 1828 г.) Лобачевскій поднимаетъ вопросъ о томъ, чтобы Издательному Комитету университетскаго органа дозволено было «замѣнять Цензурный Комитетъ по крайней мѣрѣ для печатанія нашего журнала, если не для всѣхъ сочиненій, хотя бы черезъ то Правительство избавилось отъ напрасныхъ издержекъ на жалованье цензоровъ, между тѣмъ препятствія къ изданію въ свѣтъ сочиненій были-бы уничтожены». Въ одномъ изъ писемъ (17 янв. 1829 г.) Лобачевскій проситъ попечителя защитить Совѣтъ университета отъ излишнихъ придирокъ со стороны «паразитныхъ и кабальныхъ» членовъ комиссіи счетовъ, назначенной министерствомъ для ревизіи университетскаго хозяйства за время попечительства Магницкаго. Въ другомъ (3 іюня 1830 г.) Лобачевскій по поводу грубаго обращенія полиціи съ пьянымъ университетскимъ чиновникомъ проситъ, «чтобы впредь полицейскіе чиновники не осмѣливались поступать съ университетскими, какъ съ мѣщанами». Семь писемъ, относящихся къ 1830 и 1831 гг. всего болѣе посвящены холерѣ, которая въ эти годы свирѣпствовала въ Казани. Изъ этихъ писемъ, какъ и изъ другихъ источниковъ, видно, съ какою бережною заботливостью отнесся Лобачевскій къ здоровью и студентовъ, и всѣхъ университетскихъ служащихъ; для университета былъ устроенъ карантинъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Лобачевскій добродушно посмѣивается надъ ученіемъ Шеллинга и языкомъ Велланскаго, по мнѣнію которыхъ употребленіе мяса молодыхъ животныхъ и сочныхъ плодовъ вредно для организма. Наконецъ, въ письмѣ отъ 29 окт. 1836 г. Лобачевскій сообщаетъ подробно о своемъ представленіи въ Петербургѣ министру С. С. Уварову. Послѣдній отдавалъ должную справедливость заслугамъ попечителя, «который поставилъ университетъ на такую степень совершенства, несмотря на ничтожество, въ которое онъ былъ приведенъ мистицизмомъ прежняго попечителя». Наконецъ, послѣднее изъ дошедшихъ до насъ писемъ (17 авг. 1838 г.) есть выраженіе благодарности Лобачевскаго за возведеніе его въ чинъ дѣйств. стат. совѣтника.

сказаніе сбылось: первые кедровые орѣхи были сняты въ годъ смерти Лобачевскаго, но уже послѣ его смерти.

Но и въ занятія садоводствомъ и сельскимъ хозяйствомъ пытливый умъ старается внести новое, порвать съ рутиною обычнаго помѣщичьяго хозяйства сороковыхъ годовъ. При имѣніи заводится водяная мельница и изобрѣтается особый способъ наковывать мельничные жернова, скупается гуано для удобренія. Особенное вниманіе обращало на себя садоводство и овцеводство. Лобачевскій завелъ въ своемъ имѣніи мериносовъ на деньги, вырученныя имъ отъ продажи брилліантоваго перстня, пожалованнаго ему императоромъ Николаемъ, и за усовершенствованія въ обработкѣ шерсти былъ награжденъ серебряною медалью отъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства. Анализируя дѣятельность Лобачевскаго, какъ сельскаго хозяина, и его взгляды на хозяйство, выраженные въ сохранившемся письмѣ 1845 г. къ родственницѣ жены Нератовой, П. А. Пономаревъ («Извѣстія Казанскаго физико-математическаго Общества», т. XIX. 1913 г.) приходитъ къ заключенію, что въ исторіи развитія русскаго сельскаго хозяйства имя Лобачевскаго должно по праву занять видное мѣсто между именами немногихъ русскихъ хозяевъ—новаторовъ, піонеровъ научной агрономіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

Не ограничиваясь приложеніемъ научныхъ знаній къ своему хозяйству, Лобачевскій старается побудить къ тому же и другихъ сельскихъ хозяевъ Казанской губерніи и является однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ открытаго въ Казани въ 1839 г. Императорскаго Казанскаго Экономическаго общества, занимая въ немъ около пятнадцати лѣтъ мѣсто предсѣдателя одного изъ отдѣленій. По даннымъ, собраннымъ И. А. Износковымъ, Лобачевскій производилъ удачные опыты надъ всѣми сѣменами, поступавшими въ Общество; занимался съ успѣхомъ посѣвомъ кормового растенія Му-сюй, сходнаго съ люцерной; составилъ для сельскихъ хозяевъ наставленіе о производствѣ метеорологическихъ наблюденій въ интересахъ сельско-хозяйственныхъ; писалъ доклады о развитіи профессіональнаго образованія примѣнительно къ потребностямъ сельскаго хозяйства и т. п.

Серьезное отношеніе къ многочисленнымъ обязанностямъ сдѣлало Лобачевскаго сосредоточеннымъ, мало сообщительнымъ. Н. П. Вагнеръ [1]) рисуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Н. И. былъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, нѣсколько сутоловатый, съ головой почти всегда опущенной внизъ, что придавало ему задумчивый видъ. Глубокій взглядъ его темно-сѣрыхъ глазъ былъ постоянно угрюмо задумчивый, а сдвинутыя брови его расправлялись въ очень рѣдкія минуты веселаго настроенія».

Ученикъ Лобачевскаго, много ему обязанный, П. Коринѳскій говоритъ о немъ: «Онъ былъ средняго роста, посредственнаго тѣлосложенія, сухощавый, флегматическаго темперамента, пасмурной наружности, глаза его блистали умомъ, на губахъ нерѣдко скользила ироническая улыбка». Но въ этомъ вообще угрюмомъ и задумчивомъ человѣкѣ, какими часто бываютъ люди, смолоду пылкіе и горячіе, но именно благодаря этой горячести чаще другихъ подвергавшіеся жизненнымъ бурямъ, временами—въ семейной обстановкѣ, или въ кругу близкихъ товарищей, или на студенческой пирушкѣ—прорывалась прежняя веселая, общительная, незнавшая удержу природа. «А нашъ ректоръ Лобачевскій надъ компаніею студенческой громко хохоталъ», говоритъ сохранившаяся до насъ студенческая пѣсня тридцатыхъ годовъ.

И подъ строгою, почти суровою наружностью скрывалась истинная «любовь къ ближнему», доброе сердце, отзывчивость на всѣ честныя стремленія, горячая любовь, истинно отеческое отношеніе къ университетскому юношеству и ко всѣмъ талантливымъ молодымъ людямъ. Юноша приказчикъ, за прилавкомъ читающій математическую книгу, обращаетъ на себя вниманіе Лобачевскаго. Лобачевскій помогаетъ ему поступить въ гимназію, потомъ въ университетъ, и молодой приказчикъ черезъ нѣсколько лѣтъ становится извѣстнымъ профессоромъ физики Больцани. Сынъ бѣднаго священника, пѣшкомъ изъ Сибири пришедшій въ Казань, съ помощью Лобачевскаго поступаетъ на медицинскій факультетъ, достигаетъ потомъ виднаго служебнаго положенія и, благодарный университету Лобачевскаго,

[1]) Книжки Недѣли. 1894.

завѣщаетъ этому университету свою цѣнную библіотеку. Никто лучше Лобачевскаго не могъ подѣйствовать на студента, когда ему нужна была нравственная поддержка, когда нужно было поднять въ немъ падающій духъ, произвести въ немъ нравственный переломъ. Былъ у насъ, разсказываетъ студентъ 30-хъ годовъ Ворожцевъ [1]), студентъ Хлѣбниковъ, даровитый занимающійся семинаристъ, но большой охотникъ выпить. Въ пьяномъ видѣ онъ ничего не помнилъ и однажды даже бросился съ ножемъ на студента Зальценберга, грозя «зарѣзать нѣмца». Нѣмцевъ онъ терпѣть не могъ. Съ трудомъ удалось его обезоружить и угомонить. Много мѣръ употребляли, чтобы отклонить его отъ пьянства, но ничто не помогало. Дѣло дошло до того, что его перевели въ «казарму»—такъ называлось помѣщеніе служителей въ подвальномъ этажѣ, и уже поговаривали, что его могутъ сдать въ солдаты. Оставалась послѣдняя мѣра—Хлѣбникова позвали къ Лобачевскому. Началась между ними продолжительная бесѣда. «Онъ не укорялъ меня, не ругалъ, но во время разговора—разсказывалъ потомъ Хлѣбниковъ—я былъ просто внѣ себя, раза три меня въ потъ кидало». Окончилась бесѣда тѣмъ, что Хлѣбниковъ далъ честное слово воздерживаться отъ пьянства.

Разнообразная кипучая дѣятельность Лобачевскаго по управленію университетомъ и округомъ (18 апрѣля 1845 г. Лобачевскій вступилъ въ управленіе Казанскимъ учебнымъ округомъ, вслѣдствіе назначенія Мусина-Пушкина попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа) вдругъ рѣзко оборвалась, и вынужденный покой, какъ это часто бываетъ съ дѣятельными натурами, разрушающе подѣйствовалъ на его здоровье. 20 ноября 1845 г. Лобачевскій былъ въ шестой разъ утвержденъ въ должности ректора на новое четырехлѣтіе. 13 авг. 1846 г. оканчивалось пятилѣтіе его службы въ званіи заслуженнаго профессора по каѳедрѣ чистой математики. Совѣтъ университета вновь избралъ его на эту каѳедру. Доводя въ качествѣ управляющаго округа объ этомъ избраніи до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, Лобачевскій счелъ однако нужнымъ «объяснить, что готовъ отказаться отъ должности въ пользу достойнаго молодого человѣка, каковъ докторъ математики Поповъ» (Поповъ за нѣсколько времени передъ этимъ былъ избранъ на каѳедру физики). Въ отвѣтъ на эту бумагу послѣдовало 14 авг. 1846 г. Высочайшее повелѣніе, назначавшее его помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, о чемъ Лобачевскій и былъ увѣдомленъ бумагой г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова отъ 28 авг. 1846 г. г. Въ бумагѣ сообщалось, что управляющій министерствомъ не можетъ согласиться на опредѣленіе совѣта. Устраненный отъ непосредственной дѣятельности въ любимомъ университетѣ, Лобачевскій лишенъ былъ черезъ годъ и самостоятельной дѣятельности по учебному округу. Въ августѣ 1847 г. былъ назначенъ попечителемъ округа генералъ-маіоръ В. П Молоствовъ, и съ пріѣздомъ его въ Казань Лобачевскій почти совсѣмъ устранился отъ дѣлъ по университету и по округу.

Вынужденный покой, оскорбленное самолюбіе (Лобачевскій имѣлъ полное право разсчитывать на назначеніе его попечителемъ) нанесли сильный ударъ его здоровью. Къ этому присоединилось семейное горе (смерть любимаго старшаго сына Алексѣя, повтореніе отца, говорилъ знавшій его лично Н. П. Вагнеръ, по физическому складу, по характеру, по необузданнымъ порывамъ юности) и разстройство состоянія, необходимость прибѣгать къ долгамъ. Лобачевскій, женившійся въ 1832 г. на 15-лѣтней дѣвушкѣ, Варварѣ Алексѣевнѣ Моисѣевой, принадлежавшей къ одному изъ казанскихъ дворянскихъ родовъ, получилъ въ приданое большое состояніе какъ деньгами, такъ и домомъ на Проломной, который давалъ большой доходъ, пока Лобачевскій пользовался казенною квартирою. Но открытый аристократическій строй жизни, новаторство и «затѣи» въ сельскомъ хозяйствѣ сильно разстроили состояніе Лобачевскихъ. Все это пошатнуло здоровье Лобачевскаго;

[1]) См. интересную статью П. А. Пономарева: «Къ біографіи Лобачевскаго» («Извѣстія физико-математическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», т. XIX. 1913). Много фактовъ доброты и участія Лобачевскаго къ молодежи сообщено также въ воспоминаніяхъ его сына Николая Николаевича («Историческій Вѣстникъ». 1895. Январь).

онъ сталъ слѣпнуть и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, не достигнувъ еще шестидесятилѣтняго возраста, представлялъ уже дряхлаго старика. Дорогая для него связь съ университетомъ ограничивалась вообще только присутствіемъ на экзаменахъ. Но когда въ совѣтѣ университета весною 1853 г., по почину ректора И. М. Симонова, возникло предположеніе праздновать пятидесятилѣтіе жизни Казанскаго университета и выполненіе программы юбилея, въ которую входило составленіе исторіи университета, было возложено на особую юбилейную комиссію, во главѣ ея, по просьбѣ совѣта, сталъ Лобачевскій. Недолговременными явились какъ работы, такъ и самое существованіе этой комиссіи, имѣвшей всего лишь три засѣданія (27 окт., 4-го и 11-го ноября 1853 г.).

Въ началѣ ноября 1853 г. получено было предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 26 окт. 1853 г., въ которомъ сообщалось, «что государь императоръ изволилъ повелѣть г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно юбилеевъ принять за правило, что настоящій юбилей долженъ праздноваться по истеченіи столѣтія со времени основанія какого-либо государственнаго учрежденія и что для воспоминанія пятидесятилѣтняго существованія онаго достаточно простаго собранія». Во исполненіе таковой Высочайшей воли прекратила свое недолгое существованіе совѣтская комиссія 1853 г. по празднованію юбилея и составленію исторіи университета. Памятникомъ желанія университета торжественнно отмѣтить пятидесятилѣтіе своего существованія остался изданный въ 1856—57 г. двухтомный «Сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ профессорами Казанскаго университета въ память пятидесятилѣтія его существованія». Въ этотъ сборникъ вошелъ и послѣдній ученый трудъ Лобачевскаго: «Pangéométrie ou précis de géométrie fondée sur une théorie générale et rigoureuse des parallèles», напечатанный также въ «Ученыхъ Запискахъ» за 1855 г. Еще до окончанія печатанія Лобачевскій ослѣпъ, и рукопись была уже продиктована его ученикамъ. Вообще послѣдній годъ его жизни былъ тяжелымъ для него годомъ: повторялись обморочные припадки, пугавшіе его сильно; большого труда стоило ему представиться министру народнаго просвѣщенія Норову, посѣтившему Казань въ 1855 г.

12 февр. 1856 г. Лобачевскаго не стало. Въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ въ день похоронъ Лобачевскаго, проф. Н. Н. Буличъ краснорѣчиво сказалъ: «На каждой страницѣ исторіи Казанскаго университета за первое пятидесятилѣтіе его существованія *съ почетомъ и благодарностью стоитъ имя Лобачевскаго*». Лобачевскій въ своей рѣчи «О важнѣйшихъ предметахъ воспитанія» поставилъ университету высокую цѣль «не только обогатить умъ познаніями, но и наставить въ добродѣтеляхъ, вдохнуть желаніе славы, чувство благородства, справедливости и чести, этой строгой, неприкосновенной честности, которая бы устояла противъ соблазнительныхъ примѣровъ злоупотребленія, недосягаемыхъ наказаніемъ». Прекраснымъ словамъ соотвѣтствовала прекрасная жизнь, вся полная труда на пользу родного университета, на распространеніе просвѣщенія, на развитіе науки.

Научная дѣятельность Н. И. Лобачевскаго, доставившая ему безсмертную славу «Коперника» и «Колумба» геометріи, относится главнымъ образомъ къ вопросу о началахъ геометріи. Построеніе геометріи, независимой отъ аксіомы (или постулатума) Евклида о параллельныхъ линіяхъ, и данное этимъ построеніемъ первое доказательство логической независимости аксіомы о параллельныхъ линіяхъ отъ другихъ аксіомъ, лежащихъ въ основаніи геометріи, составляетъ главное научное дѣло его жизни.

Стремленія доказать аксіому Евклида, т. е. вывести ее, какъ логическое слѣдствіе другихъ аксіомъ, начались еще у греческихъ геометровъ (Проклъ, Посидоній), продолжались у арабскихъ ученыхъ (Nasir-eddin) и были предметомъ многочисленныхъ работъ въ научной литературѣ запада Европы. Доказательства искались въ различныхъ направленіяхъ. Одни искали его, измѣняя опредѣленіе параллельныхъ линій; другіе выставляли вмѣсто постулатума другое положеніе, которое казалось очевиднымъ и изъ котораго постулатумъ выводился какъ слѣдствіе (существованіе подобныхъ фигуръ, независимость сторонъ отъ угловъ и т. п.). Примѣнялись соображенія почерпнутыя

изъ разсмотрѣнія безконечно—большихъ величинъ. Но всѣ продолжавшіяся два тысячелѣтія попытки оставались тщетными; на геометріи оставалось *пятно*. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ избавить геометрію отъ этого пятна является сочиненіе итальянскаго іезуита Саккери, который можетъ быть названъ предшественникомъ Лобачевскаго. На линіи AB возстановляются въ точкахъ A и B два перпендикуляра равные по величинѣ: AC и BD; точки C и D соединяются прямою линіею. Углы ACD и BDC равны, но они могутъ быть или прямые (и утвержденіе, что они прямые даетъ Евклидову теорію параллельныхъ), или тупые, или острые. Развивая свою гипотезу остраго угла, Саккери нашелъ многіе результаты, найденные потомъ Лобачевскимъ и I. Больяи. Но вѣря въ необходимую истинность Евклидовой геометріи, Саккери тѣмъ не менѣе направлялъ всѣ свои усилія, чтобы найти какую-нибудь нелѣпость въ рядѣ теоремъ, выведенныхъ на основаніи гипотезы остраго угла, и онъ былъ убѣжденъ, что онъ такую нелѣпость нашелъ. Новые результаты гипотезы остраго угла были найдены Ламбертомъ (Theorie der Parallellinien, написана въ 1766 г., изд. въ 1786 г.). Ламбертъ уже понялъ, что гипотеза тупого угла совпадаетъ съ геометріею сферы и, сравнивая найденныя имъ простѣйшія метрическія формулы гипотезы остраго и тупого угла, выводилъ мнѣніе, что гипотеза остраго угла должна имѣть мѣсто на сферѣ съ мнимымъ радіусомъ. Онъ не отрицаетъ уже съ полнымъ убѣжденіемъ гипотезу остраго угла. Но несомнѣнно, что Гауссъ былъ первый ученый, усомнившійся въ вѣрности Евклидова постулатума и пришедшій къ убѣжденію, что только наблюденія и измѣренія могутъ рѣшить вопросъ о вѣрности или невѣрности постулатума. Эти убѣжденія Гаусса совпадали съ его общими взглядами на геометрію, какъ на опытную науку (см. его письма къ Ольберсу отъ 26 апр. 1817 г. и къ Бесселю 9 апр. 1830 г.). Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ о своемъ убѣжденіи, что необходимость нашей геометріи не можетъ быть доказана, по крайней мѣрѣ, человѣческимъ умомъ для человѣческаго ума; во второмъ онъ высказывается въ противность философскимъ взглядамъ въ Канта въ его «Критикѣ чистаго разума» за объективную, независимую отъ человѣческаго духа реальность пространствъ. Путемъ сопоставленія различныхъ мѣстъ изъ переписки Гаусса и отрывковъ, найденныхъ въ его бумагахъ, можно отнести начальный моментъ его размышленій къ 1792 г. Эти размышленія привели его до 1799 г. къ одному важному результату неевклидовой геометріи. Въ этомъ году онъ писалъ своему другу В. Больяи, что «если бы мы были въ состояніи доказать возможность существованія такого прямолинейнаго треугольника, площадь котораго была-бы больше всякой заданной площади, то для меня этого было бы достаточно, чтобъ доказать совершенно строго всю геометрію. *Большинство признало бы это, конечно, за аксіому, я же нѣтъ*».

Дружба Гаусса съ Бартельсомъ, о которой мы говорили выше, дѣлала возможною и даже вѣроятною гипотезу о томъ, что Лобачевскій могъ получить первый толчекъ къ своимъ изслѣдованіямъ отъ Бартельса, сообщившаго ему смѣлыя и интересные взгляды Гаусса по вопросу о теоріи параллельныхъ линій. Но съ 1893 г., когда мы высказывали эту гипотезу, найдены новые матеріалы, которые дѣлаютъ эту гипотезу ненужною и приводятъ къ убѣжденію о томъ, что Лобачевскій сталъ заниматься теоріей параллельныхъ линій вполнѣ независимо отъ вліянія Гаусса. Онъ могъ начать заниматься ею потому, что интересъ къ теоріи параллельныхъ линій особенно оживился въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Въ одномъ 1786 г., напримѣръ, появилось семь трактатовъ, посвященныхъ вопросу о параллельныхъ линіяхъ. Въ 1794 г. появилось первое изданіе извѣстнаго учебника геометріи знаменитаго французскаго математика Лежандра съ доказательствомъ постулатума Евклида, основанномъ на законѣ однородности. Этимъ доказательствомъ Лежандръ началъ рядъ своихъ замѣчательныхъ работъ по теоріи параллельныхъ линій; отчасти въ новыхъ многочисленныхъ изданіяхъ своего учебника, отчасти въ особенныхъ сочиненіяхъ [1]), Лежандръ, можно сказать, со всѣхъ сторонъ пытается подойти къ рѣшенію труднаго вопроса и употребляетъ всю силу своего ума и знаній на то, чтобы дать

[1]) «Nouvelle théorie des parallèles avec un appendice contenant la manière de perfectionner la théorie des parallèles». Paris. 1803.

неподлежащее возраженіямъ доказательство Евклидова постулатума.

Эти работы Лежандра, въ свою очередь, усиливаютъ интересъ къ теоріи параллельныхъ линій. Въ двадцатипятилѣтіе, предшествующее появленію первой работы Лобачевскаго, не проходитъ года, въ который не появилось бы одно или нѣсколько сочиненій по теоріи параллельныхъ линій. Извѣстно до тридцати сочиненій, напечатанныхъ только на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ отъ 1813 г. по 1827 г. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій сохранились въ библіотекѣ Казанскаго университета со временъ Лобачевскаго и пріобрѣтены, какъ показываетъ документальный каталогъ ея, самимъ Лобачевскимъ [1]).

Безуспѣшность всѣхъ этихъ попытокъ доказать постулатумъ Евклида, т. е. свести его на предшествующія аксіомы, постулатумы и опредѣленія, побудила Гаусса въ 1816 г. высказать печатно свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: «Немного въ области математики вопросовъ, о которыхъ такъ много писалось бы, какъ о пробѣлѣ въ началѣ геометріи, при обоснованіи теоріи параллельныхъ линій. Рѣдко проходитъ годъ, въ который не появлялось бы новой попытки пополнить этотъ пробѣлъ, и все-таки мы должны признаться честно и откровенно, что въ существенномъ мы нисколько не ушли въ двѣ тысячи лѣтъ дальше Евклида. Такое откровенное и лишенное всякихъ обиняковъ признаніе кажется намъ болѣе соотвѣтствующимъ достоинству науки, чѣмъ тщетныя старанія скрыть пробѣлъ, который мы не можемъ наполнить, подъ невыдерживающею критики сѣтью видимыхъ доказательствъ». Эта-же безуспѣшность всѣхъ прежнихъ попытокъ могла и независимо отъ вліянія Гаусса и Бартельса привести Лобачевскаго къ мысли,—наравнѣ съ геометріей, основанною на постулатумѣ Евклида, изучить другую геометрическую систему, независимую отъ этого постулатума.

До насъ, къ счастію, дошло нѣсколько рукописей, позволяющихъ хотя отчасти прослѣдить ту продолжительную и настойчивую работу мысли, которую затратилъ Лобачевскій, прежде чѣмъ представить 12 (24) февраля 1826 г. на ученый судъ своихъ товарищей по физико-математическому отдѣленію свое, недошедшее до насъ, разсужденіе «Exposition succincte des principes de la Géométrie».

Начало работы мысли Лобачевскаго по вопросу объ основаніи геометріи совпадаетъ почти съ началомъ его педагогической дѣятельности.

До насъ дошли, во-первыхъ, записи лекцій, читанныхъ Лобачевскимъ отъ 1815 до 1817 гг. Бережно сохраненная однимъ изъ его учениковъ [М. М. Темниковымъ) рукопись, нынѣ хранящаяся въ Bibliotheca Lobatchevskiana при Казанскомъ физико-математическомъ обществѣ, состоитъ изъ тетрадей, написанныхъ разными руками и содержащихъ лекціи по элементарной алгебрѣ и геометріи. Въ тетрадяхъ находятся три очерка систематическаго изложенія и, въ каждой изъ системъ приводятся три различные способа обоснованія теоріи параллельныхъ линій. Наиболѣе замѣчателенъ способъ изложенія, помѣщенный въ тетради № 1 (по порядку расположенія ихъ въ сводѣ). Онъ замѣчателенъ по тому, что показываетъ, какъ основательно знакомъ былъ Лобачевскій съ изслѣдованіями Лежандра по теоріи параллельныхъ линій.

Прежде всего доказывается, что сумма угловъ прямолинейнаго треугольника не можетъ превышать двухъ прямыхъ и что сумма угловъ въ каждомъ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, если она равна двумъ прямымъ въ какомъ-нибудь одномъ треугольникѣ. Необходимо найти поэтому одинъ треугольникъ, въ которомъ сумма угловъ равнялась бы двумъ прямымъ, и Лобачевскій пытается доказать это для треугольника, одинъ изъ острыхъ угловъ котораго равенъ $\frac{\pi}{8}$. Въ этомъ пріемѣ доказательствъ Лобачевскій приводитъ нѣкоторыя теоремы, доказанныя Лежандромъ въ 1799 и 1800 гг. во второмъ и третьемъ изданіи его «Elements de Géométrie», напр., теорему: «если сумма угловъ во всякомъ треугольникѣ предполагается $<\pi$, то сумма угловъ треугольника меньше суммы угловъ другого треугольника, который въ немъ вмѣщается, и имѣетъ съ нимъ одинъ уголъ равный и одну сторону при томъ углѣ».

---

[1]) Hessling. «Versuch einer Theorie der Parallellinien». Halle. 1818.

Lüdicke. «Versuch einer neuen Theorie der Parallellinien im Zusammenhange mit den Grundlehren der Geometrie dargestellt». Meissen. 1819.

Въ тетради № 2 теорія параллельныхъ основывается на слѣдующемъ опредѣленіи параллельныхъ линій:

«Если двѣ линіи AB и CD простираются въ одну сторону, т. е. по одинакому направленію, то онѣ нигдѣ сойтись не могутъ. Таковыя линіи называются параллельными. Слѣдовательно, параллельныя линіи никакого угла другъ съ другомъ не составляютъ».

Построеніе теоріи параллельныхъ линій, основанное на понятіи о направленіи, было особенно полно развито Якоби въ его сочиненіи: «De undecimo Euclidis axiomate judicium» [Jena, 1824]; но до 1815 г. оно находится только въ одномъ голландскомъ сочиненіи: (Van Swinden «Grondbeginsel der Meetkunde», Amsterdam, 1815) [1]).

Наконецъ, въ тетради № 3 дано доказательство, принадлежащее къ тому типу доказательствъ постулатума, которыя основываются на разсмотрѣніи безконечныхъ частей плоскости. Этотъ типъ доказательствъ, введенный Бертраномъ изъ Женевы въ его книгѣ «Développement nouveau de la partie élementaire des mathématiques», 1788 г., многократно былъ примѣняемъ и Лежандромъ. Доказательство, данное Лобачевскимъ, всего болѣе сходно съ доказательствомъ, которое было дано Крелле въ его статьѣ: «Ueber die Parallelenlinien und das System in der Geometrie» [Berl., 1816 г.] и позже перепечатано подъ заглавіемъ: «Theorie der Parallelen» въ XI томѣ журнала Крелле.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ періодъ отъ 1815 до 1817 гг. Н. И. Лобачевскій различными пріемами пытается обосновать теорію параллельныхъ линій.

На другую точку зрѣнія становится онъ въ томъ своемъ учебникѣ геометріи, который былъ представленъ имъ въ 1823 г. попечителю Казанскаго учебнаго округа Магницкому для напечатанія на казенный счетъ въ видѣ «классической» книги и найденъ былъ въ архивѣ Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ. Онъ остался ненапечатаннымъ вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва академика Николая Фусса, къ которому былъ препровожденъ Магницкимъ [1]). Позже Лобачевскій при своемъ вліяніи въ университетѣ могъ напечатать свой учебникъ и если не сдѣлалъ этого, то, вѣроятно, потому, что сознавалъ его недостатки. Но какъ историческій документъ, рукопись учебника геометріи представляетъ большой интересъ. Во многихъ мѣстахъ ея мы находимъ мысли, которыя нашли затѣмъ мѣсто въ томъ систематическомъ изложеніи геометріи, которое Лобачевскій напечаталъ подъ заглавіемъ «Новыхъ началъ геометріи». Особенный интересъ представляетъ, конечно, то мѣсто, которое относится къ теоріи параллельныхъ линій.

«Строгаго доказательства сей истины, говоритъ Лобачевскій о постулатумѣ Евклида, до сихъ поръ не могли сыскать; какія были даны, могутъ назваться только поясненіями, но не заслуживаютъ быть почтены въ полномъ смыслѣ математическими доказательствами» [2]).

Лекціи 1815—17 гг., учебникъ геометріи 1823 г. и недошедшая до насъ «Exposition succincte des principes de la

[1]) См. статью Зонке о параллельныхъ линіяхъ въ «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste» Ersch'a и Gruber'a (Dritte Sektion, elfter Theil, S. 368. Leipzig, 1838).

[1]) Фуссъ отнесся къ сочиненію очень строго, находя, что «если сочинитель думаетъ, что оно можетъ служить учебною книгою, то онъ симъ доказываетъ, что онъ не имѣетъ точнаго понятія о потребностяхъ учебной книги, т. е. о полнотѣ геометрическихъ истинъ, всю систему начальнаго курса науки составляющихъ, о способѣ математическомъ, о необходимости точныхъ и ясныхъ опредѣленій всѣхъ понятій, о логическомъ порядкѣ и методическомъ расположеніи предметовъ, о надлежащей постепенности геометрическихъ истинъ, о неупустительной и, по возможности, чисто геометрической строгости ихъ доказательствъ и пр. О всѣхъ сихъ необходимыхъ качествахъ и слѣду нѣтъ въ разсмотрѣнной мною геометріи».

Но особенно возмущается Фуссъ, приноравливаясь къ духу времени и своему корреспонденту, тѣмъ, что сочинитель принимаетъ французскій метръ за единицу при измѣреніи прямыхъ линій и сотую часть четверти круга подъ именемъ градуса за единицу при измѣреніи дугъ круга. «Извѣстно, пишетъ Фуссъ, что сіе раздѣленіе выдумано было во время французской революціи, когда бѣшенство націи уничтожать прежде бывшее распространилось даже до календаря и дѣленія круга, но сія новизна и въ самой Франціи давно уже оставлена».

[2]) См. Н. И. Лобачевскій. Геометрія. Изданіе Казанскаго физико-математическаго общества. Казань, 1910 г. Въ приложеніи помѣщены относящіяся къ теоріи параллельныхъ линій выдержки изъ лекцій 1815—1817 гг.

Géométrie», прочтенная въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 12 февраля 1826 г.—таковы три этапа мысли Лобачевскаго въ области теоріи параллельныхъ линій. Въ лекціяхъ онъ даетъ три различные способа для ея обоснованія; въ учебникѣ 1823 г. онъ заявляетъ, что всѣ до сихъ поръ данныя доказательства не заслуживаютъ быть почтены въ полномъ смыслѣ математическими, и наконецъ черезъ три года онъ уже даетъ ту систему, построенную на положеніи, противорѣчащемъ постулатуму Евклида, которая обезсмертила его имя.

Система эта и ея приложенія къ анализу были предметомъ многихъ работъ Н. И. Лобачевскаго. Первое печатное сочиненіе, посвященное этому вопросу, «О началахъ геометріи», печаталось въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» въ 1829—30 гг. За годъ до своей смерти Лобачевскій далъ для сборника, изданнаго въ память пятидесятилѣтія существованія Казанскаго университета свою «Пангеометрію».

Наиболѣе систематическое изложеніе системы Лобачевскаго дано имъ въ «Новыхъ началахъ геометріи съ полною теоріею параллельныхъ линій» [1]).

Первыя шесть книгъ составляютъ систематическое изложеніе вопросовъ геометріи, независимыхъ отъ теоріи параллельныхъ линій. Интересъ этой части сочиненія въ томъ, что за первыя понятія въ геометріи принимаются свойства тѣлъ—прикосновеніе и сѣченіе. Сѣченія могутъ быть поступательныя и обращательныя. Шаръ опредѣляется ранѣе плоскости и плоскость опредѣляется, какъ «поверхность пересѣченія равныхъ сферъ вокругъ двухъ постоянныхъ центровъ—полюсовъ». Соотвѣтственно этому сферическая геометрія излагается параллельно съ планиметріей и на измѣреніе тѣлесныхъ угловъ, т. е. на сферическіе многоугольники, обращено большое вниманіе. Седьмая глава «Параллельныя линіи» начинается съ опредѣленія параллельныхъ линій, какъ линій, составляющихъ переходъ отъ линій, проведенныхъ изъ точки, лежащей внѣ нѣкоторой прямой, и встрѣчающихъ эту прямую (встрѣчныхъ или сводныхъ) къ линіямъ, съ нею никогда не встрѣчающимся (линіяхъ *разводныхъ*), и даетъ основныя свойства этихъ *параллельныхъ* Лобачевскаго. Восьмая глава—самая трудная и вмѣстѣ съ седьмою и десятою—наиболѣе важная во всемъ сочиненіи. Въ этихъ главахъ опредѣляются линіи и поверхности предѣльныя и выводится основная формула геометріи Лобачевскаго—зависимость угла параллелизма отъ перпендикуляра. Глава XI даетъ вытекающія изъ этой формулы формулы тригонометріи. Главы XII и XIII разсматриваютъ подробно тригонометрію «Употребительную», т. е. Евклидову (прямолинейную и сферическую).

Несмотря на то, что Лобачевскій пытался различными способами изложить свое ученіе, ему не удалось при жизни получить признаніе своихъ ученыхъ заслугъ ни въ Казани, ни въ Россіи вообще. Вотъ что вспоминаетъ о немъ А. М. Бутлеровъ [1]): «Всѣ близко знавшіе Лобачевскаго, какъ человѣка, любили и уважали его... но о его воображаемой геометріи говорили съ улыбкою снисходительнаго сожалѣнія къ чудаку ученому». За предѣлами Казани Лобачевскій встрѣтилъ также только грубыя насмѣшки, которыми наполнена критика, помѣщенная въ «Сынѣ Отечества» за 1834 г., или въ лучшемъ случаѣ индифферентизмъ. Поразительно, напримѣръ, что академикъ В. Я. Буняковскій въ своемъ обстоятельномъ сочиненіи, посвященномъ разбору различныхъ доказательствъ аксіомы Евклида «Параллельныя линіи» (1853 г.) не упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ Лобачевскаго. Лобачевскій искалъ иного отношенія и признанія важности своей работы на западѣ Европы. Съ этою цѣлью онъ въ 1835 г. послалъ французскій переводъ своей «Воображаемой геометріи» въ журналъ Крелле, гдѣ онъ и былъ напечатанъ въ 1837 г. въ 17-мъ томѣ; черезъ три года въ 1840 г. онъ издалъ въ Берлинѣ «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien». Но обѣ статьи остались незамѣченными почти четверть столѣтія учеными. Только Гауссъ оцѣнилъ послѣднюю работу въ своемъ письмѣ отъ 28 ноября 1846 г. къ Шумахеру. Гауссъ пишетъ: «Фактически я не нашелъ въ

[1]) Полное собраніе сочиненій по геометріи кн. I. См. также Харьковская математическая библіотека № 2—3. XI первыхъ книгъ «Новыхъ началъ» со вступительной статьею и примѣчаніями проф. Д. М. Синцова. Харьковъ, 1912 г.

[1]) Четвертое измѣреніе пространства и медіумизмъ («Русскій Вѣстникъ», 1878 г., февр.).

работѣ Лобачевскаго ничего новаго, но въ развитіи своихъ идей онъ слѣдовалъ не тому пути, по которому я шелъ; и это сдѣлано Лобачевскимъ мастерски въ истинно геометрическомъ духѣ. Я считаю себя обязаннымъ обратить Ваше вниманіе на эту книгу, которая доставитъ Вамъ рѣдкое удовольствіе». По иниціативѣ Гаусса Лобачевскій былъ избранъ въ 1842 г. членомъ корреспондентомъ Геттингенскаго ученаго общества, и Гауссъ лично извѣстилъ Лобачевскаго объ этомъ избраніи.

Письмо Гаусса къ Шумахеру было напечатано въ 1863 г.; но еще ранѣе имя Лобачевскаго было упомянуто въ появившемся въ 1860 г. сочиненіи Delboeuf, «Prolégomenes philosophiques de la Géométrie». Около этого же года имя Лобачевскаго упоминаетъ извѣстный философъ Юбервегъ въ своей весьма важной статьѣ о принципахъ геометріи. Какъ видно изъ статьи Delboeuf, появившейся въ 1897 г., какъ Юбервегъ, такъ и Дельбефъ, учившіеся вмѣстѣ въ Боннѣ, въ 1858 г. узнали о геометріи Лобачевскаго отъ Липшица, въ то время приватъ-доцента Боннскаго университета. Вниманіе же Липшица, какъ онъ писалъ объ этомъ проф. Энгелю, было обращено на идеи Гаусса и книжку Лобачевскаго Леженомъ — Дирихле, который еще въ двадцатыхъ годахъ заинтересовался неевклидовою геометріею подъ вліяніемъ разговоровъ съ Гауссомъ въ Гёттингенѣ.

Вскорѣ послѣ опубликованія письма Гаусса въ Шумахеру знакомство съ неевклидовою геометріей становится доступнымъ не только маленькому тѣсному кружку математиковъ. Въ 1867 г. появилось второе изданіе распространеннаго въ Германіи учебника элементарной математики Бальцера съ указаніемъ на работы Лобачевскаго и I. Больян. Бальцеръ-же обратилъ на эти работы вниманіе Гуэля, который и издалъ въ 1866 г. французскій переводъ нѣмецкаго сочиненія Лобачевскаго: «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien» [1]), прибавивъ къ нимъ и извлеченіе изъ переписки Гаусса и Шумахера, а затѣмъ посвятилъ и отдѣльное самостоятельное сочиненіе развитію идей Лобачевскаго [1]).

Въ 1867 г. было опубликовано изслѣдованіе Римана, написанное имъ еще въ 1854 г., указавшее на возможность геометріи пространства сферическаго, геометріи, въ которой не имѣетъ мѣста и аксіома: «двѣ прямыя линіи не могутъ заключать пространства». Изслѣдованія по физіологической оптикѣ привели Гельмгольца около того же времени къ тому же вопросу о началахъ геометріи. Съ другой стороны, изслѣдованія итальянскаго математика Евгенія Бельтрами по теоріи кривыхъ поверхностей, изслѣдованія, при которыхъ онъ руководствовался принципами, изложенными Гауссомъ въ его знаменитомъ мемуарѣ: «Disquisitiones generales circa superficies curvas», привели его къ изученію особаго рода поверхностей — псевдосферическихъ, какъ онѣ имъ были названы, при чемъ Бельтрами указалъ на тождество геометріи этихъ поверхностей съ планиметріею Лобачевскаго. Сопоставленіе этихъ изслѣдованій привело, такимъ образомъ, къ результату, что однородное (т. е. допускающее движеніе твердаго неизмѣняемаго тѣла) математическое пространство трехъ измѣреній можетъ быть трехъ видовъ; за однимъ изъ этихъ видовъ пространства все болѣе и болѣе упрочивается наименованіе пространства Лобачевскаго. Два другія носятъ названіе пространства Евклида и пространства Римана.

Мы упоминали выше о томъ интересѣ, съ которымъ отнесся Гуэль къ изслѣдованіямъ Лобачевскаго. Его-же вліянію мы обязаны и изданіемъ полнаго собранія сочиненій по геометріи. Ссылаясь на слова Гуэля и на требованія сочиненій Лобачевскаго, присланныя изъ-за границы, деканъ физико-математическаго факультета, М. А. Ковальскій, вошелъ отъ имени факультета (16 окт. 1867 г.) въ Совѣтъ Казанскаго университета съ ходатайствомъ о новомъ изданіи сочиненій Лобачевскаго, преимущественно «всѣхъ мемуаровъ, касающихся теоріи параллельныхъ линій». Изданіе это было закончено только въ 1883 г.—86 г. и сначала мало обратило на себя вниманіе; въ Россіи черезъ 10 лѣтъ значительное число экземпля-

[1]) «Etudes géometriques sur la théorie des parallèles, suivies d'un extrait de la correspondance de Gauss et Schumacher». Traduit de l'allemand par I. Houel. 1866.

[1]) «Essai critique sur les principes fondamentaux de la géométrie», 1867. Seconde édition, 1883.

ровъ оставалось еще нераспроданнымъ. Но за границею, подъ вліяніемъ выше упомянутыхъ работъ Риманна, Гельмгольца и Бельтрами, а также работъ Кэли, Клейна, Пуанкаре и др., показавшихъ связь неевклидовой геометріи, съ одной стороны, съ проективною геометріею, съ другой стороны—съ теоріею линейныхъ дифференціальныхъ уравненій второго порядка, число работъ, посвященныхъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія неевклидовой геометріи и геометріи пространства многихъ измѣреній, значительно увеличилось (въ первую библіографію, изданную въ 1879 г. американскимъ ученымъ Гальстедомъ, вошло 200 заглавій, большинство которыхъ относится къ семидесятымъ годамъ), и интересъ къ изслѣдованіямъ Н. И. Лобачевскаго болѣе и болѣе возрасталъ. Поэтому, когда въ физико-математическомъ обществѣ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ возникла мысль торжественно почтить память Н. И. Лобачевскаго въ столѣтнюю годовщину дня его рожденія и собрать капиталъ его имени, мысль эта встрѣтила горячее сочувствіе среди иностранныхъ ученыхъ. Въ организованный для составленія капитала имени Лобачевскаго комитетъ вошли почетными членами Гельмгольцъ, Бельтрами, Сильвестеръ, Кэли, Эрмитъ, Пуанкаре, Дарбу, Клейнъ, Ли и мн. др. Сочувственно откликнулись на призывъ Казанскаго физико-математическаго общества и многіе ученики Лобачевскаго. Послѣ торжественнаго собранія университета (22 окт. 1893 г.) и изданія произнесенныхъ на немъ рѣчей, послѣ ряда засѣданій математическихъ обществъ и кружковъ, посвященныхъ чествованію имени Лобачевскаго какъ въ Россіи, такъ и за границею, число пожертвованій въ комитетъ значительно увеличилось, и къ 1 мая 1895 г. капиталъ имени Лобачевскаго достигъ (за вычетомъ произведенныхъ расходовъ) суммы 8840 р. 95 коп. Явилась возможность, при содѣйствіи Казанской городской думы, поставить и торжественно открыть 1 сент. 1896 г. бюстъ Лобачевскаго на площади передъ зданіемъ университета и отчислить сумму въ 6000 р., какъ неприкосновенный капиталъ имени Лобачевскаго, изъ процентовъ котораго выдается каждые три года премія въ 500 р. за сочиненія преимущественно по неевклидовой геометріи. Къ 1 янв. 1913 г. капиталъ достигъ суммы въ 7400 руб.; премія была выдана шесть разъ, при чемъ первыя преміи были присуждены Софусу Ли, Киллингу и Гильберту; золотыя медали за отзывы были получены Клейномъ, Энгелемъ и Пуанкаре. При библіотекѣ физико-математическаго общества открытъ особый отдѣлъ подъ названіемъ «Bibliotheca Lobatchevskiana», имѣющій цѣлью по возможности собрать всю литературу, относящуюся къ неевклидовой геометріи и связаннымъ съ нею вопросамъ. Литература эта продолжаетъ возрастать. Доказанная Лобачевскимъ возможность неевклидовой геометріи, давшая первое доказательство независимости одной изъ аксіомъ геометріи отъ другихъ ея аксіомъ, поставила на очередь важный вопросъ о системѣ необходимыхъ, т. е. независимыхъ другъ отъ друга, и достаточныхъ аксіомъ геометріи, и снова оживила философскій споръ о происхожденіи этихъ аксіомъ. Итальянскіе ученые (Пеано, Піери и др.), съ одной стороны, Гильбертъ съ другой, открыли своими работами обширную область изслѣдованій объ аксіоматическихъ основахъ геометріи, и это «аксіоматическое» направленіе проявило свое вліяніе въ другихъ наукахъ, и прежде всего въ двухъ родственныхъ геометріи: анализѣ и механикѣ. Съ другой стороны, развитіе геометріи пространствъ Лобачевскаго и Риманна наравнѣ съ геометріею Евклида вело къ пониманію геометріи, какъ частнаго случая общаго ученія о многообразіяхъ, и придало особый интересъ изученію геометріи пространства многихъ измѣреній. Въ этомъ состоитъ громадное научное значеніе работы Лобачевскаго. Какъ велика литература по неевклидовой геометріи и тѣсно связаннымъ съ нею вопросамъ объ основаніяхъ геометріи и геометріи многихъ измѣреній, можно судить по изданной въ 1911 г. профессоромъ университета въ Сентъ-Андрью Соммервилемъ книгѣ: «Bibliography of Non-Euclidean geometry». Число заглавій, входящихъ въ эту замѣчательно обстоятельно составленную библіографію, равно 4016. Изъ этого числа 700 относится къ теоріи параллельныхъ линій, 1600 къ неевклидовой геометріи и къ вопросу объ основаніяхъ геометріи и 1800—къ геометріи и измѣреній.

Слава Лобачевскаго всегда будетъ основываться преимущественно на его геоме-

трическихъ трудахъ. Но его крупный математическій талантъ, его желаніе «точности понятій» проявилось и въ его работахъ по алгебрѣ и по анализу. «Истинный геометръ», Лобачевскій не былъ въ то-же время исключительно геометръ, подобно Штейнеру или Штаудту. Остановимся прежде всего на его работахъ о сходимости строкъ. Въ этихъ работахъ, какъ увидимъ, Лобачевскій указываетъ въ первый разъ съ полною опредѣленностью на необходимость отличать *постепенность* (по нашей современной терминологіи—непрерывность) отъ *непрерывности* (теперь—дифференцируемость). Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ объ основаніяхъ геометріи, Лобачевскій опередилъ своихъ современниковъ на нѣсколько десятилѣтій.

Геометры XVII и XVIII вѣковъ считали eo ipso, что дифференцируемость есть слѣдствіе непрерывности. Амперъ первый считалъ уже нужнымъ дать доказательство этого положенія, и его работа, появившаяся въ 1806 г., въ очень распространенномъ математическомъ журналѣ, не могла не обратить на себя вниманія Бартельса и его талантливаго ученика. Лобачевскій остановился въ первый разъ на этомъ фундаментальномъ для анализа вопросѣ въ мемуарѣ «Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ» («Уч. Записки Каз. университета» 1834 г., кн. II). Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе общія разсужденія о функціяхъ.

Лобачевскій держится самаго общаго понятія о функціи. «Это общее понятіе требуетъ, чтобы функціей отъ x называть число, которое дается для каждаго x и вмѣстѣ съ x постепенно измѣняется. Значеніе функціи можетъ быть дано или аналитическимъ выраженіемъ или условіемъ, которое подаетъ средство испытывать всѣ числа и выбирать одно изъ нихъ, или, наконецъ, зависимость можетъ существовать и оставаться неизвѣстной». Въ примѣръ послѣдняго рода зависимости Лобачевскій приводитъ зависимость угла параллелизма отъ разстояній, которую онъ сначала обозначилъ $\Pi(x)$, нисколько, однакожъ, не разумѣя подъ этимъ знакомъ какую-нибудь аналитическую функцію отъ x, и только потомъ нашелъ свою знаменитую формулу:

$$\operatorname{Cotg} {}^1\!/_2\ \Pi(x) = e^x .$$

«Кажется нельзя сомнѣваться ни въ истинѣ того, что все въ мірѣ можетъ быть представлено числами, ни въ справедливости того, что всякая въ немъ перемѣна и отношеніе выражаются аналитическою функціей. Между тѣмъ обширный видъ теоріи допускаетъ существованіе зависимости только въ томъ смыслѣ, чтобъ числа, одно съ другимъ въ связи, принимать какъ бы данными вмѣстѣ. Лагранжъ въ своемъ вычисленіи функцій (Calcul des fonctions), которымъ хотѣлъ замѣнить дифференціальное, столько-же слѣдовательно повредилъ обширности понятія, сколько думалъ выиграть въ строгости сужденія». Далѣе слѣдуетъ мѣсто, показывающее, что Лобачевскій ясно понималъ различіе между тѣми значеніями перемѣнной независимой, въ которыхъ функція, какъ мы теперь говоримъ, непрерывна, и тѣми, въ которыхъ она, сверхъ того, допускаетъ дифференцированіе, т. е. имѣетъ производную. Еще точнѣе формулируется имъ это различіе въ статьѣ «Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функціи отъ весьма большихъ чиселъ» («Ученыя Записки Каз. университета» за 1835 г.). Здѣсь (стр. 89) онъ говоритъ: «Во всякой аналитической функціи обращать должно вниманіе на постепенность и непрерывность. *Въ сочиненіи* моемъ *объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ* я доказывалъ необходимость этого различія, называя функцію f(x) *постепенною*, когда приращенія въ ней уменьшаются до нуля вмѣстѣ съ приращеніями перемѣннаго x; *непрерывной*—когда содержаніе двухъ этихъ приращеній съ ихъ уменьшеніемъ переходитъ нечувствительно въ новую функцію, которая будетъ, слѣдовательно, дифференціальнымъ множителемъ. Интегралы должны быть всегда раздѣляемы такъ на промежутки, чтобы елементы подъ знакомъ каждаго интеграла сохраняли постепенность и непрерывность». Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что въ вопросѣ объ отношеніи между «постепенностью» (по нашей терминологіи,—непрерывностью) и «непрерывностью» (теперь дифференцируемость) Лобачевскій далъ новое блестящее доказательство своего яснаго критическаго ума и стремленія къ строгости. Только значительно позже въ семидесятыхъ годахъ Вейерштрассъ нашелъ свой замѣчательный примѣръ тригонометрической строки, представляющей функцію непрерывную въ извѣстномъ промежуткѣ значе-

ній перемѣнной независимой и въ то-же время неимѣющую опредѣленной производной въ этомъ промежуткѣ.

То-же самое стремленіе къ строгости есть отличительная черта его учебника: «Алгебра или вычисленіе конечныхъ» (Казань, 1834). Въ предисловіи къ этому сочиненію Лобачевскій говоритъ: «Первыя понятія во всѣхъ отрасляхъ математическихъ наукъ пріобрѣтаются легко; но всегда соединены съ недостатками, которые пополнить даже и впослѣдствіи бываетъ весьма трудно. Если писатели для начинающихъ опускаютъ это изъ виду, то они предполагаютъ другую цѣль, опасаясь безполезно затруднить читателей. *Гдѣ-нибудь однакожъ надобно воротиться снова къ началамъ и теперь уже всю строгость почитать у мѣста*».

Алгебра 1834 г. не былъ первый трудъ Лобачевскаго по составленію учебника алгебры съ указанною имъ цѣлью. Еще въ 1825 г. онъ представилъ на разсмотрѣніе физико-математическаго отдѣленія Алгебру, которая назначалась имъ для руководства въ гимназіяхъ; вслѣдствіе одобренія отдѣленіемъ Совѣтъ постановилъ ходатайствовать передъ попечителемъ о напечатаніи этой книги на казенный счетъ и о введеніи ея въ гимназію. Но прошелъ годъ—и постановленіе не было исполнено. Тогда Лобачевскій подалъ въ Совѣтъ просьбу, въ которой, излагая дѣло по представленію его сочиненія, прибавляетъ, «но мнѣ извѣстно, что рукопись моя осталась не отосланной (къ попечителю). Сожалѣя о напрасномъ трудѣ, который я предпринялъ по требованіямъ-же начальства, прошу покорнѣйше возвратить мнѣ сочиненіе, если встрѣтилось затрудненіе въ исполненіи постановленія Совѣта».

Рукопись учебника алгебры для гимназій находится въ библіотекѣ Физико-математическаго Общества. Она во многомъ сходна по изложенію съ первыми главами Алгебры 1834 г., но это послѣднее сочиненіе предназначалось имъ уже «служить руководствомъ для учителей и учебной книгой для слушателей». И дѣйствительно, по объему свѣдѣній, ею сообщаемыхъ, Алгебра Лобачевскаго заслуживаетъ вниманія. Въ ней не только съ особенною подробностью изложены вопросы, входящіе обыкновенно въ составъ алгебры (напр., вопросъ о рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій съ числомъ неизвѣстныхъ, превышающихъ 2 (§ 120—127), о степеняхъ и корняхъ воображаемыхъ (глава XII), но и введены, напр., основныя теоремы ученія о факторіалахъ. Особенный интересъ представляютъ четыре послѣднія главы сочиненія: о тригонометрическихъ функціяхъ, о приращеніи и суммованіи функцій, рѣшеніе двухчленныхъ уравненій, рѣшеніе всякаго алгебраическаго уравненія. Тригонометрическія функціи опредѣляются уравненіемъ Ейлера, выражающимъ зависимость между показательною функціею для мнимаго аргумента и тригонометрическими. Свойство тригонометрическихъ функцій выводится такимъ образомъ совершенно независимо отъ ихъ геометрическаго значенія и происхожденія. Въ главѣ о приращеніи и суммованіи функцій Лобачевскій останавливается подробно на ученіи о факторіалахъ. Въ главѣ о рѣшеніи двухчленныхъ уравненій онъ излагаетъ теорію Гаусса о періодахъ и вводитъ результатъ своей первой математической работы, относящейся къ рѣшенію уравненія $x^p - 1 = 0$ въ томъ случаѣ, если $p - 1$ цѣликомъ дѣлится на 4.

Но Алгебра Лобачевскаго еще болѣе, чѣмъ полнотою и богатствомъ содержанія, интересна замѣчательною для того времени строгостью изложенія основныхъ началъ. Доказывается строго положеніе: $(a + b) + c = (a + c) + b$, котораго частный случай (при $a = o$) составляетъ законъ коммутативности. Затѣмъ особенно интересно, что Лобачевскій считаетъ нужнымъ доказать положеніе: *разность двухъ чиселъ можетъ быть только одно число*. Лобачевскій первый обратилъ такимъ образомъ вниманіе на аксіому «монотоніи».

Недостатокъ мѣста мѣшаетъ мнѣ остановиться на работахъ Лобачевскаго по механикѣ и теоріи вѣроятностей.

Но любовь Лобачевскаго къ наукѣ не ограничивалась одною математикою, «торжествомъ ума человѣческаго». Она распространялась на всѣ отрасли знанія: ботаника, химія, анатомія равно интересовали его и были ему хорошо знакомы.

Но въ особенности Лобачевскій любилъ науки опытныя. Недаромъ въ своей рѣчи въ мѣстѣ, приведенномъ нами выше, Лобачевскій съ такимъ жаромъ говоритъ о значеніи опыта.

Мы находимъ Лобачевскаго, напримѣръ, дѣятельно участвующимъ въ наблюденіяхъ надъ температурою почвы. Для

этой цѣли на университетскомъ дворѣ былъ устроенъ колодезь, въ которомъ на глубинѣ 15-ти саженъ было разставлено до двадцати термометровъ. Въ 1833 и 1834 г. число наблюденій доходило въ годъ до 3650. Наблюденія прекратились въ 1385 г. вслѣдствіе чрезвычайнаго отдѣленія углекислоты въ колодцѣ, но въ 1841 г. Лобачевскій возобновляетъ наблюденія и обращаетъ особенное вниманіе на температуру растительнаго слоя земли; для наблюденій надъ температурою этого слоя, важность которыхъ для сельскаго хозяйства начинаетъ сознаваться только въ послѣднее время. Лобачевскій самъ придумываетъ металлическій термометръ особенной конструкціи.

Съ такимъ же научнымъ интересомъ Лобачевскій относился и къ астрономіи.

Въ 1842 г. 26 іюля въ части Европейской Россіи могло быть видимо полное солнечное затменіе. Къ экспедиціи въ Пензу, снаряженной Казанскимъ университетомъ и состоявшей изъ астронома-наблюдателя Ляпунова и профессора физики Кнорра, присоединяется и Лобачевскій. По возвращеніи Лобачевскій печатаетъ чрезвычайно обстоятельный отчетъ. Въ этомъ отчетѣ Лобачевскаго, между прочимъ, заключается сводъ свѣдѣній о томъ чудномъ явленіи солнечной короны, которое наблюдается только во время солнечныхъ затменій, и излагаются и разбираются различныя теоріи, существовавшія по этому вопросу. Лобачевскій не соглашается ни съ теоріею, объясняющею солнечную корону—присутствіемъ солнечной атмосферы, ни съ теоріею, объяснявшею кольцо изгибаніемъ лучей близъ лунной поверхности. Говоря объ этомъ послѣднемъ, Лобачевскій излагаетъ свой взглядъ на теоріи свѣта. «Систему волненій», говоритъ онъ, «нельзя справедливо называть теоріей, а только выраженіемъ тѣхъ явленій, которыя желаютъ объяснить. Истинная теорія должна заключаться въ одномъ простомъ, единственномъ началѣ, откуда явленіе берется, какъ необходимое слѣдствіе, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ. Говорить о волнахъ—значитъ основывать все сужденіе на томъ, что въ строгомъ смыслѣ не существуетъ, подобно тому, какъ мы говоримъ о линіяхъ и поверхностяхъ, тогда какъ въ природѣ находятся только тѣла».

Не удовлетворяясь теоріею волненія, Лобачевскій высказывалъ мысль о возможности соединить и теорію волненія и теорію истеченія, допуская, что частички свѣта въ своемъ источникѣ получаютъ какъ поступательное, такъ и колебательное движенія. Первое составляетъ причину какъ освѣщенія, такъ и нагрѣванія; второе объясняетъ происхожденіе цвѣтовъ и всѣхъ явленій поляризованнаго свѣта. Можно, по его мнѣнію, остаться вѣрнымъ теоріи истеченія Ньютона, прибавя только, что «потокъ эѳира, встрѣчая препятствія на пути, приходитъ въ волненіе, подробно тому, какъ вода въ рѣкѣ, встрѣтивъ плотину, подымается волной, раздѣляется на двѣ струи, между которыми проходитъ пустота; наконецъ вода соединяется снова въ общій потокъ, или подобно воздуху, который, встрѣчая препятствіе, такъ же волнуется, раздѣляется на два потока, съ пустотой между ними; волненіе здѣсь производитъ иногда звукъ, и прежнее теченіе за пустотой возобновляется. Паденіе воды за плотиной и пустота, воздухомъ оставляемая за стѣной, отвѣчаютъ, слѣдовательно, брошенной тѣни позади непрозрачныхъ тѣлъ; стремленіе воды или воздуха съ двухъ сторонъ сливаться вмѣстѣ представляетъ намъ уклоненіе свѣта къ серединѣ тѣни».

Возвращаясь къ явленію солнечной короны, Лобачевскій объясняетъ ее тѣмъ, что въ прикосновеніи свѣта поверхность нашей атмосферы сама начинаетъ свѣтить, и въ кольцѣ вокругъ луны мы видимъ собственный свѣтъ отъ верхнихъ воздушныхъ слоевъ, подобно тому, какъ эта тонкая оболочка земли должна горѣть яркимъ свѣтомъ для жителей на прочихъ планетахъ и на лунѣ.

Судить о философскихъ воззрѣніяхъ Лобачевскаго мы можемъ только по отдѣльнымъ фразамъ, разсѣяннымъ въ его сочиненіяхъ. Можно дѣлать объ нихъ только болѣе или менѣе основательныя гипотезы. Можно прежде всего предположить безъ боязни ошибиться, что пріѣхавшіе въ Казань нѣмецкіе профессора принесли въ нее то философское настроеніе, которое отличало въ началѣ XIX вѣка интеллигенцію «народа мыслителей». Гельмгольцъ въ своей рѣчи «Ueber die Thatsachen in der Wahrnehmung» рисуетъ намъ первые годы XIX столѣтія, какъ эпоху «богатую духовными благами, воодушевленіемъ, энергіею, идеальными надеж-

дами, творческими мыслями». «Эта эпоха», говоритъ онъ, «поставила основною задачею всякой науки задачу теоріи познанія: «что есть истина? въ какомъ смыслѣ отвѣчаютъ наши представленія дѣйствительности?» Постановкѣ этой задачи въ особенности способствовалъ Кантъ, его «Критика чистаго разума» и заключающееся въ ней ученіе о пространствѣ. Смѣло-ли думать, что нѣмецкіе учителя Лобачевскаго, и больше всего Броннеръ, про котораго мы ex verbis ipsius знаемъ, что онъ увлекался «Критикою чистаго разума», могли познакомить Лобачевскаго съ тѣми разнообразными взглядами, которые высказывалъ великій Кенигсбергскій философъ въ теченіе своей жизни по вопросу о пространствѣ? Въ первомъ же своемъ сочиненіи «Gedanken über die wahre Schätzung der lebendigen Kräfte» (1746) двадцати-двухъ лѣтній Кантъ съ юношескою смѣлостью высказываетъ мысль, которая является пророческимъ предвидѣніемъ результатовъ науки XIX столѣтія; онъ говоритъ о возможности «многоразличныхъ видовъ пространства» и о томъ, «что наука о нихъ былабы несомнѣнно высшей геометріей, какая можетъ быть доступна конечному уму». Въ той-же статьѣ Кантъ поднимаетъ вопросъ о причинѣ трехъ измѣреній пространства и видитъ эту причину въ томъ, что душа получаетъ впечатлѣнія сообразно открытому Ньютономъ закону притяженія обратно пропорціональнаго квадрату разстоянія. Позже въ тотъ періодъ, когда, находясь подъ вліяніемъ Ньютона, онъ писалъ свою «Общую естественную исторію неба», онъ раздѣлялъ и взглядъ Ньютона на пространство, какъ объективно существующее, предшествующее всѣмъ вещамъ, какъ ихъ вмѣстилище, и въ интересномъ для геометровъ трактатѣ: «Von dem ersten Grunde des Unterschiedes der Gegenden im Raume» (1768) пользуется существованіемъ двухъ симметричныхъ тѣлъ для того, чтобы показать, что абсолютное пространство имѣетъ свою собственную реальность, не только независимо отъ существованія всякой матеріи, но какъ необходимое условіе для ея существованія. Но уже черезъ два года въ сочиненіи: «De mundi sensibilis atque intelligibilis forma atque principiis» (1770) Кантъ излагаетъ свое ученіе о пространствѣ, какъ объ апріорной, предшествующей всякому опыту, вполнѣ субъективной формѣ нашего воззрѣнія, ученіе, которое и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ доктринъ «Критики чистаго разума» (1781). Въ этомъ ученіи Канта рѣшающее значеніе имѣетъ его взглядъ на аксіомы геометріи. Кантъ пользуется очевиднымъ фактомъ, что эти аксіомы геометріи кажутся намъ необходимо вѣрными, и мы даже не можемъ представить себѣ пространства, не обладающаго свойствами, выражаемыми этими аксіомами, для доказательства того, что онѣ даны раньше всякаго опыта, а потому и пространство есть трансцедентная, независящая отъ опыта, форма воззрѣнія.

Знакомству Лобачевскаго съ Кантомъ могло способствовать и то обстоятельство, что каѳедру «умозрительной и практической философіи» въ Казанскомъ университетѣ съ начала 1812 г., въ теченіе трехъ лѣтъ, занималъ А. С. Лубкинъ, который, по словамъ проф. А. И. Введенскаго, въ его очеркѣ «Философія въ Россіи» [1]) едвали не больше всѣхъ привлекъ вниманіе русскихъ къ Канту, напечатавъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1805 г. «Письмо о критической философіи», гдѣ онъ первый у насъ изложилъ главныя основанія философіи Канта, присоединивъ къ нимъ свои возраженія противъ его ученія о пространствѣ и времени.

Послѣ смерти Лубкина въ 1815 г. каѳедру его занялъ І. Е. Срезневскій, который свою актовую рѣчь, сказанную въ 1817 г., посвятилъ также философіи Канта. Наконецъ проф. Солнцевъ, высокообразованный юристъ, обвинялся, между прочимъ, Магницкимъ именно въ распространеніи идей Канта о практическомъ разумѣ. Сопоставляя эти свѣдѣнія, проф. Введенскій имѣлъ полное право сказать, что «Кантомъ у насъ интересовались особенно въ Казани».

Ученіе Канта шло вразрѣзъ съ сенсуалистическими ученіями о пространствѣ Локка, Кондильяка и др. Внимательно вчитываясь въ рѣчь Лобачевскаго: «О важнѣйшихъ предметахъ воспитанія», можно сдѣлать и другую гипотезу, гипотезу о его близкомъ знакомствѣ съ ученіями французской просвѣтительной философіи XVIII столѣтія, въ которой Кондильякъ и братъ его Мабли, цитируемый

[1]) Философскіе очерки, Спб. 1901.

Лобачевскимъ въ этой рѣчи, занимали видное мѣсто. Мысли Лобачевскаго о значеніи воспитанія почерпнуты изъ педагогическихъ сочиненій этой философской школы.

И въ спорѣ между кантіанствомъ «Критики чистаго разума» и сенсуализномъ XVIII вѣка Лобачевскій несомнѣнно становится на сторону послѣдняго.

«Первыя понятія, съ которыхъ начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены къ самому меньшему числу. Тогда только они могутъ служить прочнымъ и достаточнымъ основаніемъ ученія. *Такія понятія пріобрѣтаются чувствами; врожденнымъ не должно вѣрить*» (О началахъ геометріи. Полное собраніе сочиненій, стр. 2). «Первыми данными, безъ сомнѣнія, будутъ всегда тѣ понятія, *которыя мы пріобрѣтаемъ въ природѣ посредствомъ нашихъ чувствъ*. Умъ можетъ и долженъ приводить ихъ къ самому меньшему числу, чтобы они служили потомъ твердымъ основаніемъ въ наукѣ (Новыя начала геометріи. Ibidem, стр. 231).

Интересно сопоставить съ этими цитатами взглядъ, который былъ высказанъ по вопросу о пространствѣ и другимъ талантливымъ русскимъ математикомъ того же времени профессоромъ Харьковскаго университета Тимофеемъ Осиповскимъ. Осиповскій перевелъ на русскій языкъ логику Кондильяка и въ рѣчи «О пространствѣ и времени» [1]), критикуя взгляды Канта въ «Критикѣ чистаго разума», становится на сенсуалистическую точку зрѣнія и категорически высказывается за объективность пространства. «Пространство и время суть условія бытія вещей, *въ самой природѣ и въ нихъ самихъ*, а не въ нашемъ только образѣ существующія. Понятіе о пространствѣ производится по впечатлѣніямъ, происходящимъ отъ него посредствомъ наружныхъ нашихъ чувствъ на наши внутреннія чувства».

Но въ противоположность Осиповскому Лобачевскій нигдѣ не говоритъ о понятіи пространства. Для его взглядовъ на основные вопросы геометріи и философіи природы характеристична слѣдующая фраза «Новыхъ началъ». «Въ природѣ», говоритъ онъ, «мы познаемъ собственно только движеніе, безъ котораго чувственныя впечатлѣнія не возможны. Всѣ прочія понятія, напр. геометрическія, произведены нашимъ умомъ искусственно, будучи взяты въ свойствахъ движенія, а потому пространство само собой *отдѣльно* для насъ не существуетъ» (П. С. С. т. I, стр. 227). Слово *отдѣльно* нужно, очевидно, понимать въ смыслѣ *независимо отъ движенія и измѣренія*. Вопросъ о свойствахъ пространства является, такимъ образомъ, совпадающимъ съ вопросомъ о движеніи и о способахъ измѣренія. Лобачевскій имѣлъ двухъ знаменитыхъ предшественниковъ, высказывавшихъ тѣ же мысли по вопросу объ отношеніи геометріи къ движенію. Одинъ изъ нихъ былъ великій ученый Ньютонъ, который въ предисловіи къ Principia высказалъ мысль о геометріи, какъ части механики, основывающейся на механическихъ дѣйствіяхъ, необходимыхъ при измѣреніяхъ: «Fundatur igitur Geometria in praxi Mechanica et nihil aliud est quam Mechanicae universalis pars illa quae artem mensurandi proponit ac demonstrat». Другой былъ великій философъ Беркелей, который во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, особенно въ «De motu» и «Querist», указывалъ на значеніе движенія для образованія пространственныхъ представленій. Такъ, въ одномъ изъ вопросовъ, составляющихъ «Querist», онъ спрашиваетъ: «Возможно-ли, чтобы мы могли получить идею протяженія прежде движеній? Или можетъ-ли человѣкъ, никогда не испытывавшій движенія, представлять себѣ предметы находящимися въ разстояніи одинъ отъ другого».

И наука о пространствѣ развивалась за послѣднее время въ направленіи, указанномъ тремя великими мыслителями. Юбервегъ въ 1851 г. и Гельмгольцъ въ 1866 г. обратили вниманіе на то, что, какъ выражается послѣдній, геометрическія аксіомы выражаютъ не только пространственныя отношенія, но и механическія отношенія твердыхъ тѣлъ при движеніи. Знаменитый норвежскій математикъ Софусъ Ли ввелъ въ изслѣдованія объ основаніяхъ геометріи плодотворное понятіе о группѣ движеній и показалъ, что каждой изъ трехъ геометрическихъ системъ (Евклида, Лобачевскаго и Римана) соотвѣтствуютъ различныя группы движеній, и вопросъ о свойствахъ пространства совпадаетъ съ вопросомъ о свой-

[1]) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета, бывшемъ 30 авг. 1807 г.

ствахъ группъ движеній. «Пространство есть группа», говоритъ Пуанкаре.

Сводятся-ли всѣ явленія міра къ движеніямъ, входящимъ въ группу движеній евклидовыхъ, или для объясненія тѣхъ или другихъ явленій макрокосмоса или микрокосмоса окажется удобнѣе ввести движенія неевклидовыя? Лобачевскій ставилъ тотъ же самый вопросъ въ иной формѣ: «достаточна-ли геометрія употребительная (такъ онъ называлъ геометрію Евклида) для всѣхъ измѣреній, производимыхъ при астрономическихъ наблюденіяхъ». Лобачевскій считалъ возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ путемъ опыта: «въ самыхъ понятіяхъ еще не заключается той истины, которую хотѣли доказывать и которую повѣрить, подобно другимъ физическимъ законамъ, могутъ лишь опыты, каковы, напр., астрономическія наблюденія». Эта эмпирическая точка зрѣнія Лобачевскаго раздѣлялась и раздѣляется въ настоящее время многими выдающимися астрономами (Ньюкомбъ, Болль, Гарцеръ, Шварцшильдъ [1]). Но, съ другой стороны, не говоря уже о кантіанцахъ, Лотце, а за нимъ Пуанкаре и мн. др. считаютъ невозможнымъ, чтобы этотъ вопросъ былъ когда-либо рѣшенъ опытнымъ путемъ. Прежде чѣмъ измѣнять геометрическую систему, будутъ измѣнены законы физики и астрономіи. «Евклидова система истинна потому, что она самая удобная» — такова основная мысль возраженій Пуанкаре противъ эмпирической точки зрѣнія Лобачевскаго. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ то, что Лобачевскимъ поставленъ коренной вопросъ теоріи познанія.

Лобачевскій примѣнилъ и къ времени ту точку зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на пространство. До насъ дошло его опредѣленіе времени: «*время єстъ движеніе, измѣряющее другія движенія*». Эмпирическіе взгляды Лобачевскаго на пространство и время были однимъ изъ проявленій его уваженія къ опыту и наблюденію. «Математики открыли прямыя средства къ пріобрѣтенію познаній. Еще не съ давняго времени пользуемся мы этими средствами. Ихъ указалъ намъ знаменитый Бэконъ. «Оставьте», говорилъ онъ, «трудиться напрасно, стараясь извлечь изъ разума всю мудрость; спрашивайте природу, она хранитъ всѣ истины и на вопросы ваши будетъ отвѣчать вамъ непремѣнно и удовлетворительно». Наконецъ, геній Декарта привелъ эту счастливую перемѣну и, благодаря его дарованіямъ, мы живемъ уже въ такія времена, когда едва тѣнь древней схоластики ходитъ по университетамъ» [1]).

Указывая путь опыта, какъ тотъ путь, которымъ мы должны пріобрѣтать и расширять наши знанія о пространствѣ, Лобачевскій является продолжателемъ дѣла тѣхъ великихъ ученыхъ и философовъ Бэкона, Декарта, Галилея, Ньютона, которые, оставивъ апріорныя разсужденія, стали вопрошать природу, «зная, что она всегда отвѣчаетъ непремѣнно и удовлетворительно». Но даже и тѣ, которые не соглашаются съ Лобачевскимъ въ этомъ отношеніи, должны признать, что самая постановка вопроса составляетъ крупную философскую заслугу Лобачевскаго. Такъ Пуанкаре говоритъ о революціи, которую идеи Лобачевскаго произвели въ области основныхъ вопросовъ геометріи [2]). Такъ проф. А. И. Введенскій говоритъ: «Если сомнѣваются, въ состояніи-ли русская философія уплатить свой долгъ Западу и оказывать съ своей стороны вліяніе на развитіе его философіи, то пусть припомнятъ Лобачевскаго и взвѣсятъ, не началась-ли уже эта расплата» [3]).

Списокъ сочиненій Лобачевскаго.

1. 1823. Геометрія. Издана въ 1909 г. Казанскимъ Физико-Математическимъ Обществомъ. Къ «Геометріи» приложены два доказательства постулатума Евклида, которыя Лобачевскій излагалъ въ своихъ лекціяхъ 1815—17 г.

2. 1828. О резонансѣ или взаимномъ колебаніи воздушныхъ столбовъ («Казанскій Вѣстникъ», ч. 24, ноябрь и декабрь 1828, стр. 213—224). Извлеченіе изъ мемуара Wheatstone'a: «On the resonances or reciprocated vibrations of columns of air» («Quarterly Journal of Science, Literature and Arts». New Series I, 175—183, London, 1828).

[1]) Переводъ статей Гарцера и Шварцшильда помѣщенъ въ редактируемыхъ мною «Новыхъ идеяхъ въ математикѣ», вып. 3.

[1]) Рѣчь о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія.

[2]) Отчетъ, представленный Казанскому физико-математическому Обществу о работахъ Гильберта. Казань, 1904.

[3]) Философскіе очерки. Спб. 1901, стр. 28.

3. 1829—1830. О началахъ геометріи («Казанскій Вѣстникъ», ч. 25, февраль и мартъ 1829, стр. 178—187; апрѣль 1829, стр. 228—241; ч. 27, ноябрь и декабрь 1829, стр. 227-243, табл. I, фиг. 1—9; ч. 28, мартъ и апрѣль 1830, стр. 251—283, табл. II, фиг. 10—17; іюль и августъ 1830, стр. 571—636). Перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій по геометріи, т. I, Казань, 1883, стр. 1—67.

4. 1828. Рѣчь о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія, прочт. 5 іюля 1828 («Казанскій Вѣстникъ», ч. 35, августъ 1832, стр. 577—596).

5. 1834. Алгебра или вычисленіе конечныхъ. Казань, университетская типографія (Цензурное дозволеніе дано Сергѣемъ Аксаковымъ, февраля 18-го 1832 г. въ Москвѣ), стр. X и 528. 8°.

6. 1834. Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8 («Ученыя Записки» 1834, I, стр. 3—32).

7. 1834. Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ («Ученыя Записки» 1834, II, стр. 167—226).

8. 1835. Условныя уравненія для движенія и положенія главныхъ осей обращенія въ твердой системѣ («Ученыя Записки» Москов. университета. Февр. 1835, № VIII, стр. 169—190).

9. 1835. Воображаемая геометрія («Ученыя Записки». 1835, I, стр. 3—83, табл. съ фиг. 1—8). Почти совпадаетъ съ № 13. Перепечатано въ полн. собр. сочиненій, т. I, стр. 71—120.

10. 1835. Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функцій отъ весьма большихъ чиселъ («Ученыя Записки» 1835, II, стр. 211—342).

11. 1835—1838. Новыя начала геометріи съ полною теоріею параллельныхъ («Ученыя Записки» 1835, III, стр. 3—48. Введеніе и глава I, I таблица, фиг. 1—20; 1836, II, стр. 3—98, главы II—V, 3 табл., фиг. 21—41, 42—60, 61—75; 1836, III, стр. 3—50, главы VI—VII, 2 табл., фиг. 76—91, 92—106; 1837, I, стр. 3—97, главы VIII—XI, 2 табл., фиг. 107—120, 121—134; 1838, I, стр. 3—124, глава XII; 1838, III, стр. 3—65, глава XIII). Перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій, т. I, стр. 219—486.

12. 1836. Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ («Ученыя Записки», 1836, I, стр. 3—166, 1 таблица, фиг. 1—20). Перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій, т. I, стр. 121—218.

13. 1837. Géométrie imaginaire par M-r. N. Lobatschewsky, recteur de l'Université de Cazan. (Журналъ Крелле. Т. 17, тетр. 4, стр. 295—320, 1 табл., фиг. 1—8. Берлинъ, 1837; послано въ 1834 или 1835 г.). Перепечатано въ полномъ собр. сочинен., т. II, стр. 581—613.

14. 1840. Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien von Nicolaus Lobatschewsky, Kaiserl. russ. wirkl. Staatsrathe und ord. Prof. der Mathematik bei der Universität Kasan. Berlin. 1840. In der F. Finckeschen Buchhandlung (Weidle'sche Buchdruckerei) 61 стр. малаго октава, 2 табл., фиг. 1—15, 16—35. Перепечатано fac-simile фирмою Mayer und Müller въ Берлинѣ 1887. Перепечатано въ полномъ собраніи сочин., т. II, стр. 553—578).

15. 1841. Ueber die Convergenz der unendlichen Reihen (Приложеніе къ «Meteorologische Beobachtungen aus dem Lehrbezirk der Kaiserlich Russischen Universität Kasan. Auf Kosten der Universität herausgegeben von Ernest Knorr. Heft. 1. 1835—36. Kasan in der Universitäts-Buchdruckerei. 1841. Приложеніе имѣетъ особую пагинацію и статья Лобачевскаго занимаетъ первыя 48 стр.).

16. 1842. Sur la probabilité des résultats moyens, tirés des observations répétées. (Par Mr. Lobatschefsky, recteur de l'université de Cazan. Journal der reinen und angewandten Mathematik von Crelle. Bd. 24. Heft. 2, стр. 164—170). Переводъ нѣкоторыхъ страницъ изъ главы XII «Новыхъ началъ». Полное собраніе соч., стр. 428—438.

17. 1842. Полное затменіе солнца въ Пензѣ 26 іюня 1842 г. («Ученыя Записки» 1842, III, стр. 51—83; перепечатано также въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1843, т. XXXIX, отдѣл. II, стр. 65—96).

18. 1845. Подробный разборъ разсужденія, представленнаго магистромъ А. Ѳ. Поповымъ подъ названіемъ: «Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій гидродинамики, приведенныхъ къ линейному виду», на степень доктора математики и астрономіи. Приложеніе къ докторской диссертаціи Попова. Казань, 1845.

19. 1852. Значеніе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ («Ученыя Записки». 1852 г., т. IV, вып. I, стр. 1—26; вып. II, стр. 27—34). Эта работа появилась и на нѣмецкомъ языкѣ въ издававшемся Г. А. Эрманомъ «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland». Berlin 1855. Bd. 14, стр, 232—272, подъ заглавіемъ: «Ueber den Werth einiger bestimmten Integrale. Nach dem Russischen von Herrn Lobatschefskji, Prof. emer. in Kasan».

20. 1856. Pangéométrie ou précis de géométrie fondée sur une théorie générale et rigoureuse des parallèles, par N. Lobatscheffsky, professeur émérite de l'université de Kasan et membre honoraire de l'université de Moscou (Сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета, въ память пятидесятилѣтняго его существованія, т. I. Казань. 1856, стр. 279—340. Перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій, т. II, стр. 617—680).

21. 1855. Пангеометрія, заслуженнаго профессора Н. И. Лобачевскаго («Ученыя Записки» 1855, т. I, стр. 1—56. Казань, 1856 г. Совпадаетъ съ № 20. Перепеч. въ полномъ собраніи соч., т. I, стр. 489—550).

Геометрическія работы Лобачевскаго собраны въ изданіи:

Полное собраніе сочиненій по геометріи Н. И. Лобачевскаго. Изданіе Императорскаго Казанскаго университета. Томъ I. Казань, 1883, I—VIII и 1—550 (содержатъ статьи подъ №№ 3, 9, 11, 12 и 21). Томъ II. Казань, 1886, стр. 3—8 и 551—680 съ портретомъ и факсимиле Лобачевскаго (имѣетъ второе заглавіе на французскомъ языкѣ: Collection complète des oeuvres géométriques de N. J. Lobatscheffsky. Edition de l'Université Impériale de Kasan. Въ немъ помѣщены №№ 13, 14 и 20).

1) *Поповъ А. Ѳ.* «Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Н. И. Лобачевскаго» («Ученыя Записки Каз. Универс.» 1857, IV, стр. 153—159.—2) *Янишевскій Э. П.*, «Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевскаго». Рѣчь, произн. въ торжественномъ собраніи Имп. Каз. ун. 5 ноября 1868 г. Казань, 1868. Перев. на франц. (A. Potocky) «Bull. di bibliogr. e storia matematica», Roma 2, 223—262.—3) *Houel*, «Notice sur la vie et les travaux de N. J. Lobatchefsky» («Bull. des sciences mathém.» Paris. 1., p. 66—71, 324—328, 384—388.—4) *Васильевъ А. В.*, «Н. И. Лобачевскій». Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Казан. унив. 22 октября 1893 г. Каз. 1894. (входитъ въ изд. № 9. См. ниже) [перев. на франц., англійскій (Halsted), нѣмецкій (F. Engel), испанскій (Galdeano) и чешскій (E. Weyr) языки].—5) *Его же.* «Бронперъ и Лобачевскій». Два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ Казанскаго университета. Каз. 1893 (отдѣльный оттискъ изъ изданія «Памяти Русалки». Каз. 1893).—6) *Его же*, «Lobachevsky as algebraist and analyst» 1894. Nev-York. Bull. Math. Society 3, 231-235.—7) *Его же*, «Значеніе Лобачевскаго для Казанскаго университета. Рѣчь, произнесенная въ день открытія памятника Н. И. Лобачевскому 1 сент. 1896 г.—8) *Его же*, «Lobatschefskii's Ansichten über die Theorie der Parallellinien vor dem Jahre 1826. Jahresbericht der deutschen Mathematikervereinigung» 4, 87-98 (См. также предисловіе къ изданію Геометріи Лобачевскаго и ноту къ русскому переводу Неевклидовой геометріи профес. Бонола).—9) «Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня, рожденія Н. И. Лобачевскаго». Казань, 1894.—10) *Н. П. Соколовъ*, «Значеніе изслѣдованій Н. И. Лобачевскаго въ геометріи и ихъ вліяніе на ея дальнѣйшее развитіе» (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Физико-математическаго Общества 22 окт. 1893 г. Кіевъ 1894.—11) *Износковъ И. А.*, «Объ участіи Н. И. Лобачевскаго въ дѣятельности Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества (входитъ въ изданіе № 9).—12) *Лахтинъ Л. К.*, «О жизни и научныхъ трудахъ Н. И. Лобачевскаго» («Математич. Сбор.» Москва, т. XVII, 1894).—13) *Пламеневскій, И.*, «Жизнь и ученые труды Н. И. Лобачевскаго». Рѣчь, читанная 28 ноября 1893 г. на торжественномъ собраніи въ Тифлисской 3-ей гимназіи. Тифлисъ, 1894.—14) *Вагнеръ Н. П.*, «Изъ жизни великаго геометра. Воспоминанія о Н. И. Лобачевскомъ и его отношеніяхъ къ Казанскому университету: (Книжки «Недѣли» за 1894 г.).—15) *Архимовичъ*, «Н. И. Лобачевскій и основанія его геометрической системы». Кіевъ, 1895. — 16) «Воспоминанія о Н. И. Лобачевскомъ». («Историческій Вѣстникъ» 1895, январь; статья составлена на основаніи воспоминаній сына Николая Николаевича).—17) *Модзалевскій, Б. Л.*, «Н. И. Лобачевскій. Письма его къ И. Е. Великопольскому» («Извѣстія Казанскаго Физ. Мат. Общ.» (2) 12 т. 1902 г.—18) *Пономаревъ П. А.*, «Къ біографіи Лобачевскаго» («Извѣстія Каз. Физ. Мат. Общ.» (2), т. 17, 1913).— 19) *Буличъ* «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», т. I, стр. 243—249.—20) *Н. П. Загоскинъ*, «Исторія Имп. Казанскаго у-та», т. I—IV. Казань 1902—1906.—21) *Его же*, «Изъ прошлаго Казанскаго университета. Дѣло о происшествіи 12 октября 1825 г. («Историческій Вѣстникъ» 1900 г., кн. IX).—22) *Engel und Stäckel*, «Urkunden zur Geschichte der nichteuklidischen Geometrie. I Band. N. J. Lobatschefskij, zwei geometrische Abhandlungen mit Anmerkungen und einer Biographie des Verfassers von Fr. Engel», XVI, IV und 476 S. 1899.

А. В. Васильевъ.

Лобенвейнъ, *Иванъ, Андрей Ксаверьевичъ*, стат. сов., докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ Виленскаго университета, членъ Императорской Академіи Наукъ, членъ-учредитель Виленскаго медицинскаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Родился 31 января 1758 г. въ Вѣнѣ, гдѣ и воспитывался; въ 1777 г. получилъ степень магистра хирургіи, въ 1779 г.—доктора медицины и былъ адъюнктомъ профессора Голля при госпиталѣ св. Троицы въ Вѣнѣ. Въ 1783 г. онъ былъ приглашенъ княземъ Голицынымъ въ Петербургъ съ профессоромъ Моренгеймомъ для основанія и устройства хирургической школы, гдѣ два года преподавалъ хирургію. Въ 1785 г. былъ удостоенъ Іенскимъ университетомъ степени доктора хирургіи за диссертацію «De paracentesi thoracis». Затѣмъ, вернувшись въ Россію, исполнялъ должность губернскаго штабъ-лѣкаря въ Ригѣ. Въ 1787 г. онъ былъ приглашенъ ректоромъ главной литовской школы Почобутомъ на профессорскую должность въ Вильну. Тогда же былъ приглашенъ и въ С.-Петербургъ, но по совѣту профессора Лангмейера избралъ Вильну и въ 1789 г., послѣ профессора Бизіо, занялъ каѳедру анатоміи и физіологіи въ главной литовской школѣ. Съ 1809 г. онъ преподавалъ судебную медицину въ Виленскомъ университетѣ. Умеръ въ 1820 г. Его сочиненія: «Oratio inauguralis, munus professoris anatomiae et physiologiae capessentis». M. S.; «Observatio de monstro bicipite artubus duplicatis nato in pago Miluńce 19 ybris 1787» (рукопись съ 1788); «Observatio de aneurysmate aortae» 1788. M. S.; «Dissertatio de praejudiciis contra Anatomiam». Vilnae, 1791. f.; «Histoire d'un monstre à anus imperforé, sans parties génitales externes, les extremités inférieures jointes par concrétion dans une même enveloppe de la peau». M. S. 1797; «Sur les prejugés dominants contr la vaccine» 1806, M. S.; «Dissertatio semilogica de peripneumonia neonatorum» 1809 (Польскій переводъ напечатанъ въ «Pamiętnikach lekarsk. 1878, I, стр. 118); «Dissertatio medico forensis de suffocationis a vapore carbonum ardentium oriundae causis», 1810; «De monstruosa genitalium structura et spina bifida», Petropoli, 1814. (Оттискъ изъ «Memoires de l' Academie de sciences de St. Petersburg., t. V, p. 5); «Zagajenie przy otwarciu teatru anatomicznego w Wilnie», 1815; «O sposobie łatwym otwierania stosu pacierzowego u ludzi (de Rachiotomia) za pomocą dłuta i młota drewnianego». M. S. 1820; «Prolegemena anatomiae conspectus osteologiae, myologiae, splanchnologiae». M. S.; «Observatio de diletatione cordes» (читано въ собр. медиц. общ. въ 1819. 12 іюня) и «Specimen inaug. medico-chirurgic. de paracentesi thoracis etc.» Jenae.

«Dzienn. W»; III, p. 350.—«Kurjer Lit.» 1820, № 6.—*Bieliński*, Stan Nauk.».

А. Б.

Лобковская, *Софья Михайловна*, писательница для дѣтей, родилась въ 1851 г., умерла въ Петербургѣ въ мартѣ 1887 г., въ крайней бѣдности, и, какъ предполагаютъ, вслѣдствіе самоубійства. Свои дѣтскіе разсказы она помѣщала въ «Игрушечкѣ» и «Задушевномъ Словѣ», а статьи серьезнаго содержанія—въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Всемірной Иллюстраціи».

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VII, стр. 45. - «Историч. Вѣстникъ» 1887 г., кн. 5, стр. 499.

Лобковъ, *Алексѣй Ивановичъ*, благотворитель; обладая большими матеріальными средствами, онъ жертвовалъ значительные капиталы на богоугодныя и благотворительныя заведенія, такъ, между прочимъ, онъ основалъ на свой счетъ въ Москвѣ пріютъ и въ теченіе всей жизни никогда не отказывался участвовать въ дѣлѣ добра. Извѣстно также, что онъ питалъ особую любовь къ русской археологіи и пользовался особымъ расположеніемъ митрополита Филарета, съ которымъ находился въ перепискѣ по богословскимъ вопросамъ. Скончался Лобковъ 19 марта 1868 г. въ Москвѣ.

«Иллюстрированная Газета», 1868 г., № 14.

Лобко, *Левъ Павловичъ*, ген.-маіоръ, изъ дворянъ Кіевской губ., родился въ 1779 г., на службу поступилъ въ кавалергардскіе эскадроны въ 1797 г., а по расформированіи этихъ эскадроновъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ; въ 1802 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты, въ 1803 г. перевелся въ Одесскій гусарскій полкъ, переименованный въ томъ же году въ уланскій цесаревича Константина Павловича полкъ; въ томъ же году онъ произведенъ былъ въ поручики, въ 1804 г. назначенъ казначеемъ, въ 1807 г. произведенъ въ

штабсъ-ротмистры, въ 1809—въ ротмистры и тогда же переведенъ въ лб.-гв. драгунскій полкъ съ переименованіемъ въ капитаны; въ 1810 г. Лобко былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ Казанскій драгунскій полкъ; въ 1814 г. онъ вступилъ въ командованіе этимъ полкомъ, въ 1815 г. назначенъ былъ командиромъ его, въ 1816 г. произведенъ въ полковники, а въ 1826 г. въ ген.-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 1-й конно-егерской дивизіи. Лобко находился въ слѣдующихъ дѣлахъ и походахъ: въ 1807 г. при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ, при изгнаніи непріятеля изъ Фридланда и въ сраженіи при семъ городѣ; въ 1813 г.: при занятіи предмѣстьевъ Лангфура и Оры, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.; затѣмъ онъ находился въ траншейной службѣ во время осады Данцига и при покореніи этой крѣпости; съ 1814 по 1815 г. Лобко былъ въ составѣ авангарда на австрійской границѣ и въ походѣ во Францію до г. Вертю и обратно въ Россію. Въ 1828 г. Лобко участвовалъ въ сраженіи подъ Шумлой. За отличную службу онъ получилъ Высочайшія благоволенія, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и пожалованъ 3000 десятинъ земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Скончался Лобко въ 1829 г. въ г. Журжѣ отъ холеры

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. II, стр. 291—292.

М. Поповъ.

Лобовиковъ, *Иванъ Ивановичъ*, баккалавръ С.-Петербургской духовной академіи, воспитывался въ Вятской дух. семинаріи, откуда въ 1837 г. поступилъ въ Петербургскую дух. академію; по окончаніи академіи онъ былъ оставленъ при ней баккалавромъ сначала греческаго языка, а въ 1843 г. патристики. Скончался Лобовиковъ 19 мая 1848 г. (въ болѣзненномъ припадкѣ перерѣзалъ себѣ горло).

Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны слѣдующія статьи, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи»: «Взглядъ на патристику, какъ науку» (1846 г., ч. II); «О св. Діонисіи Ареопагитѣ» (1848 г.) и «Краткое свѣдѣніе о Евсевіи Памфилѣ» (1848 г.). Кромѣ того, Лобовиковъ участвовалъ въ переводѣ съ греческаго яз. твореній І. Златоуста и церковной исторіи Евсевія Памфила.

А. Родосскій, «Біографическій словарь студентовъ Спб. духовн. академіи (1814—1869 г.г.)», стр. 243.

Лобода, *Григорій*, малороссійскій полковникъ, жилъ во второй половинѣ XVI в. Въ 1594 г. участвовалъ въ походѣ противъ турокъ; въ 1596 г. разбилъ поляковъ подъ городомъ Паткою; послѣ избранія гетманомъ Павла Наливайки Лобода, вмѣстѣ съ другими уполномоченными, отвозилъ гетманскую грамоту къ королю Сигизмунду III, прося его оставить вѣру отцовъ неприкосновенною. Сигизмундъ обѣщалъ, но самъ двинулъ войска въ Малороссію. Разбивъ гетмана Жолкевскаго подъ Чигириномъ, Наливайко поручилъ Лободѣ очистить Днѣпровскіе города отъ поляковъ и самъ соединился съ нимъ при Лубнахъ, но здѣсь Наливайко былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Война была прекращена амнистіею, послѣ чего малороссіяне избрали Лободу въ число депутатовъ, отправленныхъ въ Варшаву, но здѣсь въ 1597 г. онъ былъ сожженъ въ мѣдномъ быкѣ.

Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. II, стр. 1454.—Военный энциклопедическій лексиконъ, ч. VIII, стр. 302—303.—*Бантышъ-Каменскій*, «Исторія Малороссіи», ч. I, стр. 144, 156—157.

М. П.

Лобода, *Стефанія Матѣевна*, писательница, урожденная Пашковская, писала подъ псевдонимомъ С. И. Крапивина, род. въ 1827 г. въ имѣніи своего отца, Кіевской губерніи. Рано выйдя замужъ, она большую часть жизни провела на югѣ Россіи и въ юго-западномъ краѣ, а въ началѣ 60-хъ годовъ путешествовала въ Адріатическомъ морѣ, жила въ Сербіи и Черногоріи. Въ 1871 г. она переѣхала съ семьей въ Петербургъ, и съ этого времени начинается ея литературная дѣятельность. Ея первыя беллетристическія произведенія появились въ «Гражданинѣ» 1873—1874 годовъ, когда его редактировалъ Достоевскій. Она напечатала: 1) «Замѣтка на статью г. Колмогорова: О публичныхъ лекціяхъ въ хозяйственномъ образованіи женщинъ» («Русскій Міръ» 1859 г., № 62). Эта замѣтка касается статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» (1859 г., № 42); 2) «Дневникъ княгини Хмуровой», повѣсть («Пчела» 1875 г., №№ 18—21); 3) «Молчальникъ», разсказъ моей кузины (тамъ же, №№ 34—35); 4) «Нѣсколько словъ о Т. Шевченкѣ» (тамъ же, № 42); 5) «Знакомство съ Погодинымъ» (тамъ

же, 1876 г., № 1); 6) «Миссіонеры нашего времени» (тамъ же, № 22); 7) «Сея», старо-польская народная легенда (тамъ же, 1878 г., № 2); 8) «Жуткій вечеръ изъ жизни Т. Г. Шевченка» (тамъ же, № 5); 9) «О псковичахъ» (тамъ же, №№ 10, 11); 10) «Сила моды» («Женское Образованіе», 1878 г., № 4); 11) «Ласточкино горе», разсказъ («Семейные Вечера» 1878 г., кн. 6); 12) «Заколдованное царство» («Еженедѣльное Новое Время» 1879 г., т. II, стр. 411); 13) «Изъ быта нашихъ фельдшерицъ» (тамъ же, т. II, стр. 482); 14) «Діонисія Ѳедоровна», разсказъ («Игрушечка», 1880 г., №№ 31—32); 15) «Родныя картинки», этнографическіе очерки для дѣтей старшаго возраста, Спб. 1881 г. и 16) «Розы и шипы», восемь разсказовъ для дѣтей, Спб. 1884 г. Кромѣ того, Лобода помѣщала свои статьи и практическія замѣтки въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Мысли», «Свѣтѣ», «Невѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Семьѣ и Школѣ», «Сельскомъ Чтеніи», «Другѣ Народа», «Здоровьѣ» и «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ». Наконецъ, въ совершенствѣ зная польскій языкъ, она переводила Элизу Оржешко и Крашевскаго. Скончалась Лобода въ Петербургѣ 21 января 1887 г.

«Историч. Вѣстникъ» 1887 г., № 3, стр. 722.—*Голицынъ Н. кн.*, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ» Спб. 1889 г., стр. 152—153.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. VII, стр. 45—46.

М. П.

Лобойко, *Иванъ Николаевичъ*, стат. сов., заслуженный профессоръ Виленскаго университета и Виленской медико-хирургической академіи, членъ общества любителей русской словесности и членъ общества исторіи и древностей россійскихъ. Лобойко родился въ Малороссіи, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1821 г. былъ назначенъ преподавателемъ русскаго и славянскаго языковъ и русской словесности въ Виленскомъ университетѣ, затѣмъ адъюнктомъ университета, а въ 1825 г. утвержденъ въ должности ординарнаго профессора; въ 1833 г. назначенъ профессоромъ русскаго языка въ Виленской медико-хирургической академіи, въ 1840 г., по закрытіи академіи, вышелъ въ отставку и поселился въ Митавѣ, гдѣ и умеръ 15 іюня 1861 г. Послѣдніе годы жизни онъ состоялъ сотрудникомъ «Одесскаго Вѣстника». Его сочиненія: «О важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна записокъ о Россіи съ критическимъ разборомъ ихъ содержанія». Спб. 1818 г.; «О скандинавской литературѣ» (на польскій языкъ перевелъ Глѣбовичъ. Вильна, 1822 г.); «Groby olbrzymie na Zmujdzi i inne zabytki starożytnosci tego kraju» («Dzienn. Wiln.» 1823., II, p. 145); «Собраніе россійскихъ стихотвореній». Вильна. 1827; «Wyjątek z listu i o runach wogulnosci» («Dzienn. Wiln.» 1822, I. p. 281); «Описаніе польскихъ и литовскихъ городовъ (опись 80 городовъ) и «Изслѣдованіе о Литвѣ».

«Русск. Архивъ» 1864, II,—*Bielińśki*, «Stan. nauk».

А. Б.

Лобри *(Де-Лобри)*, *Николай Петровичъ*, д. ст. сов., происходилъ изъ древней французской дворянской фамиліи, которая, по уничтоженіи Нантскаго эдикта, покинула свое отечество и переселилась въ въ Англію, а оттуда, по предложенію Петра Великаго, въ Россію.

Лобри родился въ Петербургѣ 10-го декабря 1762 г. и, получивъ сначала домашнее образованіе, опредѣлился въ кадетскій корпусъ (нынѣ первый), изъ котораго вышелъ въ званіи поручика арміи. Въ этомъ же году онъ былъ принятъ подпоручикомъ въ артиллерію и участвовалъ въ кампаніи 1783—86 г.г. противъ поляковъ. Въ 1787 г. онъ вышелъ въ отставку и перешелъ на службу въ Горное Правленіе, гдѣ числился до 1795 г., когда, по болѣзни, вынужденъ былъ оставить всякую работу. Однако, спустя два года, онъ снова опредѣлился на службу по министерству финансовъ и здѣсь зарекомендовалъ себя, какъ очень способный чиновникъ. Изъ дѣятельности его по этому министерству въ особенности извѣстны его заслуги по устройству и укрѣпленію коммерческихъ сношеній и таможенныхъ тарифовъ съ азіатскими народами и княжествомъ Финляндскимъ. Занимая различныя высшія мѣста въ вышеозначенномъ министерствѣ, Лобри въ 1831 г. окончательно вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьѣ Киліаткѣ, близъ Петербурга. Здѣсь, 21-го іюля 1843 г., онъ и скончался на 82-мъ году жизни.

«Русскій Инвалидъ» 1843, № 182, стр. 728 и № 187, стр. 747.—«Р. Старина» 1874, г., т. 11, № 12, стр. 769.

А.л. Е—ій.

Лобысевичъ, *Григорій Павловичъ*, *старшій*, ген.-лейт., инспекторъ ластовыхъ

экипажей Черноморскаго флота, родился около 1773 г., воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ гардемариномъ 1 мая 1790 г. и въ томъ же году на кораблѣ «Три Іерарха» принялъ участіе въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Продолжая принимать участіе въ послѣдующихъ морскихъ кампаніяхъ, Лобысевичъ въ 1792 г. произведенъ былъ въ мичманы, въ 1799 г.—въ лейтенанты и въ 1800 г.—въ кап.-лейт., а въ 1810 г. за 18 морскихъ кампаній награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1820 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а въ 1824 г.—въ капитаны 1-го ранга и вслѣдъ затѣмъ 1-го августа 1827 г. назначенъ командиромъ Черноморскаго ластоваго экипажа. Въ этой должности Лобысевичъ произведенъ былъ, въ 1834 г., въ ген.-маіоры, а въ 1846 г.—въ ген.-лейтенанты и съ того-же года опредѣленъ инспекторомъ ластовыхъ экипажей Черноморскаго флота и членомъ общаго присутствія черноморскаго интендантства. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 183. — «Морской Сборникъ», ч. IV, стр. 254—255.

А. Г.

Лобысевичъ, *Иванъ Петровичъ*, ген.-лейт., начальникъ артиллеріи Оренбургскаго края, родился 19 октября 1798 г.; по окончаніи курса во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ онъ въ 1816 г. поступилъ прапорщикомъ въ 25-ю артиллерійскую бригаду. Въ открывшуюся турецкую войну 1828 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Турно, Орлашиндѣ и Раховѣ и за отличіе въ этихъ дѣлахъ былъ награжденъ орденами св. Анны 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Вслѣдъ затѣмъ Лобысевичъ 11 лѣтъ состоялъ командиромъ въ 10-й артиллерійской бригадѣ. Императоръ Николай I во время смотра войскъ въ 1835 г. подъ Бѣлою Церковью (Кіевской губ.) въ самыхъ лестныхъ словахъ благодарилъ его за отличное состояніе батареи. Съ 1844 по 1854 гг. Лобысевичъ служилъ на Кавказѣ; затѣмъ до 1857 г. командовалъ артиллерійскою бригадою, а въ 1858 г. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи Оренбургскаго края. Въ концѣ 1864 г., окончивъ смотръ одной изъ частей артиллеріи, Лобысевичъ, садясь въ дрожки, случайно сломалъ себѣ ногу, которую пришлось отнять. Это обстоятельство заставило его подать въ отставку, но въ отставкѣ онъ былъ не долго: 22 октября слѣдующаго 1865 г. онъ скончался въ Оренбургѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1865 г., № 278.—«Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 50.

М. П.

Лобысевичъ, *Петръ Павловичъ*, кол. ас., совѣтникъ 1-го депар. Черниг. генеральнаго суда, стихотворецъ, род. 1764—1768 г., Написалъ: «Пѣснь Екатеринѣ Великой (Спб. 1794), «Ода на торжество мира съ Швеціей, сент. 7 дня 1809 г.» (Спб., 1810), «Оды и разныя стихотворенія» (Спб. 1811), «Лирическая пѣснь побѣдоносному россу на побѣды, одержанныя кн. Кутузовымъ надъ франц. арміею» (Спб., 1812), «Пѣснь воинская генералу графу Витгенштейну на взятіе штурмомъ Полоцка» (Спб., 1812), «Пѣснь вѣрныхъ россовъ во ополченіи дружины на враговъ отечества» (Спб., 1812), «Гимнъ великому импер. Александру Павловичу Первому на событія двенадесятилѣтняго благословеннаго его царствованія, утвердившаго блаженство и славу въ Россіи» (Спб., 1813), «Ода на всевожделѣнное возвращеніе изъ Парижа импер. Александра I, по вторичномъ низложеніи Бонапарта» (Спб., 1815) и «Новыя басни и сказки въ стихахъ» (2 ч. Спб., 1816). Кромѣ того, онъ издалъ «Ретирада большой франц. арміи, или Наполеонъ горе-богатырь, каррикатурное пѣснопѣніе на подвиги прослывшаго было непобѣдимымъ на возвратъ въ Парижъ на конкордатъ и на регентство и проч.» (Спб., 1813). Произведенія Лобысевича написаны тяжелымъ языкомъ и крайне напыщены.

Геннади, «Справочн. словарь о рус. пис. и ученыхъ», т. II, стр. 244.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 889.—«Рос. книгамъ А. Смирдина», №№ 6811, 7902, 7930, 7947, 8302.—*В. Модзалевскій,* «Малорос. родосл.», т. III, стр. 182. *М. Поповъ.*

Ловецкій, *Алексѣй Леонтьевичъ*, академикъ, профессоръ минералогіи и зоологіи въ Московскомъ университетѣ, деканъ физико-математическаго факультета, членъ многихъ ученыхъ обществъ, род. въ селѣ Ловцахъ, Рязанск. губ. въ 1787 г., скончъ. въ Москвѣ 22 февр. 1840 г. Ловецкій происходилъ изъ духовнаго званія и воспитывался въ Рязанской духовной семинаріи. Въ 1809 г. онъ поступилъ въ Московскую медико-хирург. академію. Въ 1812 г. былъ

уже лѣкаремъ I отдѣленія, получилъ серебряную медаль и былъ оставленъ репетиторомъ при академіи. Въ томъ же 1812 г. Ловецкій былъ откомандированъ во временный госпиталь Головина, а затѣмъ во временный городской госпиталь. Въ 1813 г. онъ былъ въ Касимовскомъ временномъ госпиталѣ, когда по приказу государя былъ отправленъ въ Можайскъ на эпидемію. По возвращеніи съ эпидеміи въ 1813 г. онъ сдѣлался репетиторомъ минералогіи и зоологіи, а въ 1815 г. удостоенъ былъ степени доктора медицины въ академіи и остался при ней адъюнктъ-профессоромъ. Съ этого времени Ловецкій, подъ руководствомъ знаменитаго Фишера, сталъ изучать съ увлеченіемъ зоологію, не оставляя и другихъ отраслей медицины. Послѣ 1815 г. онъ былъ приходящимъ врачемъ въ больницѣ найденныхъ дѣтей въ Москвѣ (при Воспитательномъ Домѣ). Съ 1822 г. онъ числился адъюнктъ-профессоромъ при академіи по каѳедрѣ естественной исторіи, въ 1823 г. былъ назначенъ тамъ же экстраординарнымъ, а въ 1826 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ того, съ 1824 г. онъ состоялъ экстраординарнымъ, а съ 1828 г. ординарнымъ профессоромъ минералогіи, зоологіи и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ. Въ 1831 г. онъ занимался лѣченіемъ въ Московской губернской гимназіи больныхъ холерой. Въ 1833 г. перешелъ въ медико-хирургическую академію на каѳедру физіологіи и патологіи. Съ 31 окт. 1833 г. по 7 марта 1834 г. исполнялъ обязанности ученаго секретаря при академіи, въ 1834 г. получилъ порученіе устроить музей естественной исторіи при академіи и въ 1835 г. сдѣлался деканомъ физико-математическаго факультета. Въ 1836 г. онъ былъ назначенъ (по новому уставу) профессоромъ зоологіи въ Московскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году получилъ званіе академика. Памятникомъ университетской дѣятельности Ловецкаго осталась его рѣчь по сельскому хозяйству, сказанная имъ 26 іюня 1829 г.

Труды Ловецкаго многочисленны. Первымъ его литературнымъ опытомъ былъ переводъ съ нѣм. Франка «Руководство къ токсикологіи или наука о ядахъ и средствахъ противъ оныхъ». М. 1815 г. Большая часть другихъ трудовъ его касается или: 1) зоологіи, какъ, напр.: «О способности млекопитающихъ животныхъ («Маг. Двиг.» 1822 г. II, 181), птицъ (тамъ же, III, 3), пресмыкающихся (тамъ же, III, 79), рыбъ (тамъ же, 83) предвѣщать будущія перемѣны атмосферическаго воздуха»; «Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ, содержащее въ себѣ анатомію животныхъ, съ краткимъ физіологическимъ объясненіемъ, систематизаціей оныхъ, расположеніе и описаніе породъ, преимущественно имѣющихъ отношеніе къ медицинѣ и экономіи» М. 1823 г.; «Распознаваніе рыбъ рода осетровыхъ, живущихъ въ Россіи» («Маг. Двиг.» 1830 г. 18 и по-лат. Nouv. Mémoir. de la Soc. Imp. de Nat. de Moscou, III, 253); «О первоначальномъ зарожденіи глистовъ въ тѣлѣ животныхъ» («Маг. Двиг. 1830 г., III, 17 и 87); «Caractère des esturgeons, surtout de ceux qui habitent les eaux de la Russie» en latin («Nouv. Mém. de la Société des Natur. de Moscou», т. III, p. 253); «О дыханіи водяныхъ насѣкомыхъ» («Учен. Зап. Моск. Унив. за 1833 г.», т. III, стр. 706) и др., или 2) минералогіи и ботаники, какъ, напр.: «Объ условіяхъ, содѣйствующихъ произрастанію растеній и вообще, и въ особенности экономическихъ» (Упомянутая уже рѣчь—Рѣчи и отч. Моск. Унив. М. 1829 г.); «О жемчужинѣ, найденной въ Вятской губерніи» («Bulletin de la Soc. nat. d. Moscou.» 1830 г., стр. 223), «Начальныя основанія минералогіи» (орниктогнозія), ч. I, М. 1832 г., или 3) физіологіи и медицины, или анатоміи. Таковы, напримѣръ: «О судорожномъ Миллировомъ удушьѣ» («М. Физ. Ж.», III, 104); «Enthelmintognosia physico-medica corporis humani» М. 1824; «Мысли и замѣчанія о заразѣ и прилипчивости» («Вѣстн. Нов» 1828, I, 83); «Мысли о свойствѣ и происхожденіи заразъ вообще и въ особенности о холерѣ» М. 1831 г.; «Замѣчанія на теорію Митеучи о пищевареніи» («Учен. Зап. Московск. Унив.», ч. 3, IX, 614); «Конспектъ физіологіи или антропобіологіи» М. 1835; «О существованіи электрическихъ токовъ, составляющихъ кислотности и щелочности въ тѣлахъ организованныхъ» (тамъ же, ч. 7, I, 341); «Замѣчательный примѣръ живого уродства» (тамъ же, IX, 474); «Простонародныя лѣкарства» (тамъ же, стр. 475); «О строеніи и отправленіи общихъ покрововъ» (тамъ же, ч. 8, IX, 371 и X, 35); «О температурѣ органическихъ тѣлъ» (тамъ же, ч. 8, XI, 793 и XII, 367); «О развитіи свѣта въ тѣлахъ органиче-

скихъ» (тамъ же, ч. 10, X, 93); «Trichina spiralis въ мышцахъ у человѣка, найд. Овеномъ» («Тер. Ж.» 1837 г., ч. VI, 147); «Примѣръ сноходства» («Др. Здр.», 1837 г., 30 и «Ж. М. Вн. Д.»). Кромѣ того, Ловецкій написалъ: «Краткое руководство къ познанію племенъ человѣческаго рода съ присовокупленіемъ главныхъ признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ животныхъ». Сост. изъ сочин. Соссерота и Брока, М. 1838 г. и перевелъ съ фр. Огюста Конта: «Физіологія, приспособленная къ понятію всѣхъ образованныхъ людей, объясненная на 11-ти картинахъ», Сентъ-Анжа: «Кровообращеніе, разсматриваемое въ человѣческомъ зародышѣ, сравнительно съ зародышами позвоночныхъ животныхъ», М. 1838 г. и Мильна Эдварса: «Начальныя основанія зоологіи», 2 ч. въ 4 книгахъ, изъ которыхъ 4-я докончена послѣ смерти Ловецкаго. М. 1838. Подъ руководствомъ Ловецкаго переведена съ нѣмецкаго и имъ издана «Общая патологія» Яна. М. 1838 г. Остались ненапечатанными послѣ его смерти: «Записки физіологіи» и «Записки патологіи».

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели, вып. I, стр. 178—179.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. ученыхъ и писателяхъ, т. II, стр. 244—245.—«Bulletin de la Société Imp. des naturalistes de Moscou», 1840. Москва, стр. 360—369.—Біограф. Словарь проф. Моск. унив., часть I, Москва. 1855 г., стр. 463—469.—«Сѣверная Пчела», 1840 г., № 88, стр. 350.

Б. Гласко.

Ловицъ, *Георгій-Маврикій*, академикъ астрономіи, образованіе получилъ въ германскихъ университетахъ; будучи профессоромъ Геттингенскаго университета, былъ приглашенъ (въ 1763 г.) въ С. Петербургскую академію адъюнктомъ и въ 1768 г. произведенъ въ дѣйствительные академики.

Екатерина Великая, сознавая важность открытія водяного сообщенія между Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями, повелѣла предварительно отправить астрономовъ для точнѣйшаго измѣренія, снятія и положенія на планъ высотъ и мѣстоположеній между рѣками Волгою и Дономъ. Академія для этой цѣли отправила Ловица, давъ ему въ помощь адъюнкта Иноходцева. Ловицъ, кромѣ астрономическихъ наблюденій, обращалъ вниманіе и на другіе предметы наукъ: онъ произвелъ, между прочимъ, наблюденія надъ синимъ сланцомъ, находящимся на берегахъ Камышенки, и нашелъ, что этотъ сланецъ, будучи раскаленъ, даетъ весьма точные геометрическіе кружки, тяжесть которыхъ вѣрно показываетъ перемѣны сырости воздуха. Ловицъ спокойно занимался учеными изысканіями въ окрестностяхъ Сарепты, но въ автустѣ 1774 г. сюда внезапно появился Пугачевъ и, по сообщеніямъ Пушкина, встрѣтивъ на берегу Волги Ловица, заинтересовался, что онъ за человѣкъ. Узнавъ, что профессоръ иностранецъ и наблюдаетъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, Пугачевъ, истреблявшій всѣхъ иностранцевъ, въ цѣляхъ укрыть отъ черни свое незнаніе языковъ и тѣмъ не обнаружить своего самозванства, приказалъ сперва посадить Ловица живого на колъ, а потомъ повѣсить на высокой висѣлицѣ, говоря: «тамъ онъ будетъ ближе къ звѣздамъ». Сынъ академика и адъюнктъ Иноходцевъ успѣли спасти бумаги и часть инструментовъ Ловица.

Сухомлиновъ, «Исторія Россійской академіи», т. 3, стр. 192—196, 389—408.—Архивъ Импер. Рус. Историч. Общества.

Ловицъ, *Іоганнъ-Товія*, академикъ, профессоръ химіи, сынъ предыдущаго, род. 25 апр. 1757 г. въ Геттингенѣ, ум. 7 дек. 1804 г. въ Петербургѣ. Еще будучи юношею, находился при отцѣ, занимавшемся научными изысканіями въ окрестностяхъ г. Сарепты, и былъ очевидцемъ жестокой расправы съ отцомъ Пугачева. Спасенный адъюнктомъ отца, Иноходцевымъ, молодой Ловицъ въ 1775 г. былъ привезенъ въ Петербургъ и на казенный счетъ помѣщенъ въ Академическую гимназію. Въ 1776 г., по выходѣ Ловица изъ гимназіи, опекунъ помѣстилъ его въ главную аптеку, по окончаніи которой Ловицъ отправился въ Геттингенъ для продолженія своего образованія. Въ 1780—1783 г. въ Геттингенскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи фармаціи, химіи, физики и другихъ наукъ. Въ это время онъ предпринялъ два путешествія: въ 1782 г. по Германіи черезъ Майнцъ, Страсбургъ, Базель, Бернъ и черезъ Альпы, а въ 1783 г. былъ на кратерѣ Везувія; кромѣ того, онъ посѣтилъ и Англію. Эти путешествія, отчасти въ видахъ экономіи, отчасти съ цѣлью поправить разстроенное трагической кончиной отца, трудами и петербургскимъ климатомъ здоровье, были сдѣланы имъ пѣшкомъ. Вернувшись въ 1784 г. въ Петербургъ, Ловицъ сдѣлался лаборантомъ

въ главной аптекѣ, а затѣмъ быстро прошелъ должности провизора и аптекаря. Нѣкоторыя открытія въ области фармацевтической химіи обратили на него вниманіе Академіи. Въ 1787 г. онъ былъ принятъ въ число членовъ-корреспондентовъ Академіи, въ октябрѣ 1790 г. сдѣлался ея адъюнктомъ, а 13 мая 1793 г. ординарнымъ академикомъ по каѳедрѣ химіи. Благодаря открытіямъ по химіи, имя Ловица сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ, и многіе ученыя общества пригласили его въ число своихъ членовъ. Уже будучи академикомъ, Ловицъ вошелъ въ число членовъ медицинской коллегіи; по преобразованіи же ея онъ въ 1800 г. сталъ членомъ главнаго медицинскаго совѣта. Вслѣдствіе пребыванія въ главной аптекѣ, гдѣ онъ произвелъ много опытовъ по химіи минеральной, промышленной и медицинской, Ловицъ имѣлъ возможность развить свои природныя дарованія и сдѣлать много открытій. Такъ, будучи еще лаборантомъ, онъ открылъ противогнилостное и обезцвѣчивающее свойство угля и оказалъ огромную услугу мореплавателямъ, найдя средство противъ порчи прѣсной воды; онъ открылъ способъ концентрированія уксусной кислоты, сильно всасывающее свойство солено-кислой извести и т. д. Въ 1787—88 гг. Ловицъ сдѣлался членомъ Вольно-Экономическаго общества и оказалъ ему большія услуги своими химическими изслѣдованіями матеріаловъ, присылаемыхъ въ его лабораторію. Въ 1788 г. онъ изслѣдовалъ, напримѣръ, образчики каменнаго угля съ береговъ Волги, а въ 1792 г. изъ земли войска Донского. Въ 1794 г. Ловицъ занялся анализомъ земли, присланной Сиверсомъ, и открылъ, что эта «земля какъ своимъ богатствомъ щелочи, такъ и малымъ количествомъ находящейся при ней глауберовой соли, весьма превосходитъ добротой обыкновенную соду.

Въ 1748 г. Ловицъ произвелъ изслѣдованіе надъ торфомъ изъ Москвы, а въ 1802 г.—изъ Новгорода; въ томъ же году онъ производилъ анализъ минеральной воды, найденной близъ Шлиссельбурга, и т. д. Свои опыты Ловицъ сопровождалъ отчетами обществу, а нѣкоторые написаны имъ въ докладахъ Академіи. Ловицъ былъ слабъ здоровьемъ. Онъ страдалъ солитеромъ и, вслѣдствіе несчастнаго случая, потерялъ способность дѣйствовать лѣвой рукой. Постоянные труды и меланхолія, развивавшаяся въ немъ подъ вліяніемъ тяжелаго дѣтства, окончательно подорвали его здоровье. Онъ умеръ среди своихъ опытовъ отъ апоплексическаго удара. Лучшее сочиненіе Ловица, за которое отъ Вольно-Экономическаго Общества онъ получилъ большую золотую медаль въ 1790 г.—«Anzeige eines neuen Mittels, Wasser auf Seereisen vor dem Verderben zu bewahren und faules Wasser wieder trinkbar zu machen» (Nova Acta Acad. Petr., т. 10). Изъ другихъ трудовъ его извѣстны: «Опыты надъ дѣйствіемъ угля» («Krell. Annalen», т. II, стр. 36); «Объ очищеніи вина» («Nova Acta», т. V, стр. 54); «Объ очищеніи поташа» («Технологическій Журналъ». 1802 г., т. I); «Приготовленіе синильно-кислаго кали» («Nova Acta», т. XVI, стр. 481); «Observations et expériences sur une substance graisseuse, semblable à la cire, tirée de la couchenille de Sibérie» (предст. въ Академію въ 1806 г.); «Experience sur une cristallisation remarquable, produite au moyen d'un grand froid, d'un sel de platine et du Nitrube de Soude» (Mémoires de l' Ac., т. I, стр. 105); «Sur la nature d'un fossile inconnu»; «Sur un vernis prétendu préservateur contre la rouille» и др. Отдѣльно изданы: «Очищеніе грубой селитры угольями» Спб. 1792 г., «Показаніе новаго способа добывать синильную кислоту» Спб. 1800 г. и мн. др.

Mémoires de l'Acad. Imperiale de Sciences de S. Pétersb, т. I. 1804 г., СПб., стр. 61--64.—*Ходневъ*, «Исторія Вольно-экономическ. Общества». Спп. 1865 г., стр. 315, 321, 324, 326.—«Intelligenz-Blatt der Jenoischen allgemeinen Literatur—Zeitung» 1805 г. Iena, стр. 81—86.—*Евгеній*, митрополитъ, «Словарь свѣтскихъ писателей», т. II. Москва. 1845 г., стр. 12.—*Poggendorf*, «Biographisches Litterarisches Handwörterbuch», т. I, Лейпцигъ. 1863 г., стр. 1504—1505.—*Геннади*, «Справочн. словарь о русскихъ писателяхъ», т. II, стр. 244.—«Отечественныя Записки», 1867 г., № 4, стр. 189.—«Сѣверн. Пчела» 1854 г., № 262. — «Biographie générale», т. 32. Paris, стр. 87—88.—Энцикл. словарь Ефрона, т. 17. Спб. 1898 г., стр. 890.

Б. Гласко.

Ловичъ, княгиня *Жанета Антоновна*, вторая супруга цесаревича Константина Павловича, дочь графа Антона Грудзинскаго, родилась въ Познани 17 мая 1795 г., воспитывалась въ Варшавѣ въ образцовомъ пансіонѣ французской эмигрантки Воше, гдѣ главнымъ руководите-

лемъ ея былъ умный и образованный аббатъ Малербъ; ему-то молодая дѣвушка и обязана была тѣми зачатками твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, безъ ханженства и фанатизма, которые, развившись впослѣдствіи, составили прочную нравственную почву всей ея жизни. Закончила свое образованіе юная графиня въ Парижѣ подъ руководствомъ талантливой миссъ Колинсъ.

Въ 1815 г. Жаннета Грудзинская въ первый разъ увидѣла вел. кн. Константина Павловича. Ей было въ это время 20 лѣтъ. Кроткій нравъ ея и неотразимая обаятельность отмѣчаются многими современниками: императоръ Александръ I назвалъ ее впослѣдствіи «ангеломъ по характеру»; кн. Вяземскій уподоблялъ ее Ундинѣ и находилъ, что не будучи красавицей, она была красивѣе всякой красавицы; одна современница ея замѣтила, что «ни одна женщина, ни одна дѣвушка не умѣла такъ нравиться», какъ она; «при замѣчательной простотѣ, изящество отражалось у нея во всемъ: и въ движеніяхъ, и въ походкѣ, и въ нарядахъ». Неудивительно, что и вел. князь поддался обаянію молодой графини Грудзинской. Черезъ пять лѣтъ послѣ первой встрѣчи онъ рѣшилъ вступить съ нею въ бракъ. Бракосочетаніе состоялось въ Варшавѣ 12 мая 1820 г. (послѣ манифеста о разводѣ вел. князя съ первой супругой, вел. княгиней Анной Ѳеодоровной), а 8 іюня того же года «Іоаннѣ Грудзинской» пожалованъ былъ титулъ «княгини Ловицкой». Вся царская семья была искренне расположена къ княгинѣ. 27 апрѣля 1825 г. императоръ Александръ пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины 1-й ст. Самъ цесаревичъ, какъ видно изъ его переписки съ его бывшимъ воспитателемъ Лагарпомъ, былъ вполнѣ счастливъ. Княгиня имѣла благотворное вліяніе на супруга, она значительно сдерживала его пылкій нравъ и, тактично не вмѣшиваясь въ дѣло политики, дѣлала много добра. Во время польскаго мятежа она не покинула вел. князя и вмѣстѣ съ нимъ выѣхала изъ Варшавы.

Овдовѣвъ 15 іюня 1831 г., княгиня Ловичъ жила сперва въ Гатчинѣ, а затѣмъ въ Царскомъ Селѣ, и здѣсь 17 ноября того-же 1831 г. ея не стало.

«Русскіе портреты XVIII и XIX в.». Изд. вел. князя Николая Михайловича, т. V, № 56.—«Петербургскій Некрополь».

Ал. Гельвихъ.

Ловцовъ, *Сергѣй Павловичъ*, докторъ медицины, с. с., родился въ 1816 г., ум. 15 сентября 1876 г., происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ, а съ 1839 г. въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1844 г. опредѣлился въ Московскій военный госпиталь, гдѣ и утвержденъ былъ ординаторомъ. Съ 1847 и по 1853 г. онъ служилъ: во 2-мъ учебномъ карабинерномъ полку (1847 г.), въ Азовскомъ пѣхотномъ полку (1848 г.), 1-мъ военномъ сухопутномъ С.-Петербургскомъ госпиталѣ (1850 г.) и Московскомъ военномъ госпиталѣ (1853 г.), гдѣ, служа, выдержалъ экзаменъ и по защитѣ диссертаціи «De cura jodica» получилъ степень доктора медицины; затѣмъ вышелъ въ отставку и занялся переводами и изданіями медицинскихъ книгъ. Въ 1859 г. онъ снова опредѣлился старшимъ лѣкаремъ С.-Петербургскаго военнаго училища и былъ командированъ за границу съ научною цѣлью на два года. Вернувшись изъ-за границы, онъ состоялъ при военномъ медицинскомъ департаментѣ редакторомъ «Военно-медицинскаго Журнала» (1861—1865 гг.) и старшимъ ординаторомъ Херсонскаго военнаго госпиталя, оставаясь въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1863 г. онъ былъ редакторомъ «Архива Судебной Медицины». Въ 1867 г. Ловцовъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго доктора С.-Петербургскаго 1-го военнаго сухопутнаго госпиталя, съ 1869 г. состоялъ редакторомъ «Сборника топографическаго», а съ 1872 г.—редакторомъ «Сборника статей по судебной медицинѣ и медицинской статистикѣ и географіи». Въ то же время онъ помѣщалъ свои статьи по медицинской публицистикѣ въ журналахъ «Знаніе», «Вѣстникъ Европы» и др.

Изъ переводныхъ и оригинальныхъ трудовъ Ловцова извѣстны слѣдующіе: «Огнестрѣльныя раны верхней части лица, потеря дара слова и параличъ половины лица». (Перев. съ нѣм., соч. Шнейдера. «Воен. Медиц. Журн.» 1850 г., ч. 55, 2); «Процессъ Жоржа Готье» (тамъ же, ч. 56; 1); «Процессъ графини Герлицъ» (Перев. съ нѣм., соч. Граффа и Либиха; тамъ же, ч. 56; 1851 г., ч. 57, II); «О лѣченіи іодомъ» (тамъ же, ч. 57, I, II); «Руководство къ теоретическому и практическому изученію судебной медицины, съ указаніемъ на статьи русскаго свода законовъ» (Перев. съ нѣм., соч. Шюрмейера.

Спб. 1851 г.; «О лѣченіи органическихъ страданій сердца» (Перев. съ англ., соч. Вилліамса. Спб. 1853 г.); «О критическомъ возрастѣ женщинъ въ физическомъ, гигіеническомъ и другихъ отношеніяхъ» (Перев. съ франц., соч. Рациборскаго. Спб. 1853 г.); «О физическомъ воспитаніи дѣтей» (Пер. съ франц., соч. Беклара. Спб. 1857 г.); «Новѣйшія и замѣчательнѣйшія монографіи по части врачебныхъ наукъ». Спб. 1857 г.; «Патологія и терапія дѣтскихъ болѣзней» (Перев. съ нѣм., соч. Веста. Спб. 1858 г.); Разборъ Нимейера учебника патологіи и терапіи («Воен. Мед. Журн.» 1858, ч. 73, III); Разборъ Китера «Руководство къ изученію женскихъ болѣзней» (тамъ же, ч. 74, IV); некрологъ А. П. Кашина («Medicinische Zeitung Russlands» 1860 г., стр. 35); «Программа для составленія медико-топографическихъ описаній» («Мед. Топ. Сборн.», т. I, 1869 г.) и «Торжество въ честь Е. В. Пеликана». Спб. 1876 г.

«Здоровье», 1875—1876 гг., № 49.—«Петербургскій Листокъ», 1876 г., № 185.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1876 г., № 257.—«Недѣля», 1876 г., № 33.—«Иллюстрированная Газета», 1876 г., № 38.—*Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I., стр. 179—180.

М. Поповъ.

Ловягинъ, *Владиміръ Ивановичъ*, ст. сов., родился въ 1827 г., образованіе получилъ въ Тверской духовной семинаріи и въ С.-Петербургской дух. академіи; по окончаніи академическаго курса (1851) онъ состоялъ преподавателемъ сначала въ Новгородской дух. семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской, въ которой впослѣдствіи онъ исполнялъ должность инспектора. Въ 1876 г., за выслугой 25-ти лѣтъ, Ловягинъ уволился за штатъ и поступилъ вновь на службу, на должность инспектора народныхъ училищъ сперва въ Витебскій, а затѣмъ въ Виленскій учебный округъ. Скончался онъ 31 іюля 1881 г., въ Вильнѣ.

Ловягинъ участвовалъ въ духовныхъ журналахъ, гдѣ помѣщалъ библіографич. и другія замѣтки; такъ онъ напечаталъ статью: «Вечери любви у древнихъ христіанъ» («Православное Обозрѣніе» 1870 г., кн. 6), рядъ педагогическихъ статей въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», перевелъ сочиненія Аѳинагора («Правосл. Обозр.» 1864 г.) и «Жизнь и служеніе св. Іоанна Крестителя» (магистерское сочиненіе). Кромѣ того, Ловягинъ редактировалъ полное собраніе сочиненій Иннокентія Херсонскаго (изд. Вольфа); затѣмъ, по порученію высшаго начальства, разсматривалъ «Синтаксическій курсъ русскаго языка» Новаковскаго, священную исторію Попова и протоіерея Богородицкаго; корректировалъ новое изданіе Догматическаго богословія Антонія и латинскую грамматику.

Родосскій, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ (1814—1869 гг.)», стр. 244.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей и писательницъ», вып. I, стр. 42.—«Церковно-Общественный Вѣстникъ» 1881 г., № 100.—«Православное Обозрѣніе» 1881 г., кн. 8, стр. 792.—*А. Надеждинъ*, «Исторія С.-Петербургской семинаріи», стр. 443.

М. П.

Ловягинъ, *Іоаннъ Яковлевичъ*, каѳедральный протоіерей Тверского каѳедральнаго собора; по окончаніи курса въ Тверской семинаріи, одинъ изъ первыхъ великороссовъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, откуда, по окончаніи курса со степенью магистра богословія, опредѣленъ былъ въ Полтавскую семинарію профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка. Въ 1819 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Тверскую семинарію, въ 1823 г. посвященъ во священника къ Тверскому каѳедральному собору; въ 1833 г. сдѣланъ ключаремъ этого собора и присутствующимъ въ духовной консисторіи, а въ 1836 году каѳедральнымъ протоіереемъ. Замѣтимъ, что онъ первымъ по времени стоитъ въ ряду каѳедральныхъ тверскихъ протоіереевъ, получившихъ высшее богословское образованіе. Въ «Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1873 г. (вып. III) напечатанъ его «Предначинательный урокъ по классу церковной исторіи», который для своего времени былъ «явленіемъ выдающимся по строгой концепціи фактовъ и бойкости одушевленнаго изложенія». Скончался Ловягинъ въ 1853 году.

«Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ протоіереяхъ Тверского каѳедральнаго собора» («Тверскія Епарх. Вѣдомости» 1877 г., № 8, стр. 140).—«Къ свѣдѣніямъ о протоіереѣ Іоаннѣ Яковлевичѣ Ловягинѣ» (тамъ же, 1877 г. № 10, стр. 173—176).—«Нѣчто изъ Переяславскаго семинарскаго быта первой четверти текущаго столѣтія, протоіерея Іоанна Крамаренка («Полтавскія Епарх. Вѣдомости» 1877 г., № 3, стр. 89—102).

А. Никольскій.

Логановскій, *Александръ Васильевичъ*, родился въ Москвѣ въ 1812 г. въ семьѣ священника. Осенью 1821 г. поступилъ въ Импер. Академію Художествъ, гдѣ

съ успѣхомъ проходилъ курсъ подъ руководствомъ Демутъ-Малиновскаго. Въ 1831 г. ему было объявлено удовольствіе совѣта за благонравное поведеніе и дана первая серебряная медаль «за лѣпленіе съ натуры»; въ слѣдующемъ году онъ получилъ первую серебряную медаль за исполненіе программы «Юпитеръ и Меркурій посѣщаютъ Филимона и Бавкиду», а въ 1833 г., получивъ при окончаніи курса 2-ю золотую медаль за «Гектора, упрекающаго Париса въ бездѣйствіи», и званіе класснаго художника, Логановскій былъ оставленъ при Академіи для усовершенствованія. Въ 1837 г. онъ былъ награжденъ первой золотой медалью за статую «Играющій въ свайку» (нынѣ экземпляры въ Им. Ак. Худ. и Муз. Имп. Ал. III), которая въ 1838 г. по Высочайшему повелѣнію была отлита изъ чугуна и поставлена, вмѣстѣ со статуей Н. С. Пименова «Парень, играющій въ бабки», передъ Царскосельскимъ Александровскимъ дворцомъ; Пушкинъ посвятилъ ей стихи:

«Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! Онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!»

Въ томъ же году скульпторъ отправился пенсіонеромъ Академіи въ Римъ, куда и прибылъ въ октябрѣ 1837 г. Въ Римѣ Логановскій много работалъ по заказамъ двора и частныхъ лицъ. Его товарищъ по заграничной командировкѣ, Н. Рамазановъ оставилъ о немъ слѣдующія строки: «Мнѣ особенно памятенъ А. В. Логановскій въ бытность его въ Римѣ... Доброта, обязательность и радушіе составляли природныя черты Александра Васильевича, который одинаково былъ любимъ всѣми; товарищи прозвали его патріархомъ... Запоздаетъ ли, бывало, придти къ кому вексель, понадобятся ли кому изъ насъ неожиданно деньги... къ кому обратиться?—къ Логановскому. Послѣ заутрени, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, къ кому идутъ изъ посольской церкви всѣ русскіе художники разговляться? Къ Логановскому. Трудолюбивый, постоянно веселый, страстно любившій толковать о политикѣ, онъ пользовался общимъ расположеніемъ; любилъ жить въ полномъ удовольствіи, которое постоянно готовъ былъ раздѣлять съ близкими; лучшаго распорядителя при встрѣчѣ или проводахъ товарища хлѣбомъ-солью мы между собою не знали».

Въ 1844 г. Академія «за отличныя работы, извѣстныя Его Высочеству президенту, конференцъ-секретарю Академіи и членамъ совѣта» признала его академикомъ «безъ задачи особыхъ программъ». Въ 1845 г. скульпторъ вернулся въ Россію, и сразу по пріѣздѣ весь отдался работѣ надъ произведеніями, предназначавшимися для воздвигавшихся тогда храмовъ: Св. Исаакія Далматскаго въ С.-Петербургѣ и Христа Спасителя въ Москвѣ; послѣдніе десять лѣтъ его жизни были всецѣло заняты этими работами, которыя доставили ему профессорство.

Скончался Логановскій въ Москвѣ 18 ноября 1855 г. Какъ творецъ, Логановскій принадлежитъ къ очень многочисленной и типичной группѣ русскихъ скульпторовъ 1830—1850 г. Силы, давшія русскому искусству Шубина, Козловскаго и Мартоса, уже изсякли, и на долю послѣдователей-учениковъ выпала неблагодарная роль эклектиковъ, популяризаторовъ художества учителей. Только, въ связи съ настроеніемъ времени, темы становятся болѣе тривіальными (особенно любимы темы въ народномъ духѣ); мастерство, теряя строгость и изысканность старины, превращается въ холодное и ловкое умѣнье, и въ большинствѣ случаевъ, громоздкія композиціи отдаютъ явнымъ сочиненіемъ. Но надо отдать справедливость, что среди произведеній этой школы встрѣчаются вещи очень хорошо задуманныя и очень декоративныя, какъ, напр., нѣкоторыя работы Логановскаго въ храмѣ Христа Спасителя.

Извѣстны слѣдующія его работы: «Абадонна» (испол. въ Римѣ для цесар. Алекс. Никол.); «Мальчикъ, ловящій мячъ» (неоконченъ); «Кіевскій юноша и рѣка Днѣпръ» (гипсовая группа); бюстъ гр. А. А. Закревскаго; двѣ группы ангеловъ для Александровскаго зала Кремлевскаго дворца; двѣ группы для колоссальныхъ часовъ Кремлевскаго дворца—«Св. Георгій на конѣ» и «Мининъ и Пожарскій» (съ Мартоса); 12 медальоновъ для 3-хъ колоколовъ Исаакіевскаго собора, изображающихъ четырехъ Евангелистовъ, четырехъ Святителей Россійскихъ—Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа, Св. Сергія Радонежскаго, вел. князя Александра Невскаго, Равно-

апостольнаго кн. Владиміра и Исаакія Далматскаго; барельефы—«Избіеніе младенцевъ» и «Явленіе ангеловъ пастухамъ» для того же собора; скульптуры для храма Христа Спасителя на западной сторонѣ, въ кругахъ изображенія Св. Александра Невск., Николая Чудотворца, Николая Блаженнаго Новгородскаго, Праведной Елисаветы; надъ средними вратами, при аркѣ и надъ нею, два ангела съ распростертыми крыльями, держащіе хартію съ надписью: «Господь силъ съ нами» надъ вторыми вратами два ангела съ церковными хоругвями; надъ третьими—два ангела со знаменами; при четвертой аркѣ—Арх. Гавріилъ, съліліей въ рукѣ, и Арх. Уріилъ, съ пламенемъ въ рукѣ; при пятой аркѣ—Арх. Іегудіилъ, съ златымъ вѣнцомъ въ рукѣ, и Арх. Варахіилъ, съ цвѣтами въ рукѣ; на западной же сторонѣ два большіе барельефа—«Посажденіе Соломона на престолѣ Давидовомъ» и «Давидъ, въ собраніи вельможъ, передаетъ Соломону чертежи храма»; на восточной алтарной сторонѣ большой барельефъ—«Рождество Христово и Поклоненіе Пастырей»; на южной сторонѣ, въ среднемъ кругу, образъ Пресвятой Богородицы Смоленской, Святыхъ Романа, кн. Рязанскаго, Ап. Ѳомы, Іоанна Крестителя, Іоны, архіепископа Новгородск.; на этой же сторонѣ, ниже, при средней аркѣ—«Явленіе Арх. Михаила Іисусу Навину»; при второй аркѣ—«Моисей и Маріамна»; при третьей аркѣ—«Варакъ и Девора»; на той же сторонѣ большіе барельефы—«Авраамъ, возвращающійся съ союзниками послѣ побѣды надъ царями, срѣчаемый Мельхиседекомъ» и «Давидъ, идующій въ Іерусалимъ, послѣ побѣды надъ Голіаѳомъ и срѣтаемый ликомъ женъ»; на четвертой сторонѣ, при средней аркѣ,—«Св. Апостолы Петръ и Павелъ» и большіе барельефы: «Преподобный Сергій благословляетъ на брань вел. кн. Дмитрія Донского и даетъ ему Пересвѣта и Ослябя» и «Преподобный Діонисій, благословляющій кн. Пожарскаго и гражд. Минина на освобожденіе Москвы» и нѣкоторыя скульптуры для храма Св. Пантелеймона.

Архивъ Импер. Академіи Художествъ—дѣла № 110 за 1834 г., № 61 за 1836 г., № 136 за 1836 г. и № 171 за 1848 г.—Отчеты Им. Акад. Худ. за 1845—46 г., 1848—49.—*П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матер. для истор. Им. Академ. Худ. за сто лѣтъ», т. II, стр, 260, 264, 291, 304, 305, 307, 343, 365, 441, 445; т. III, стр. 18, 21, 27, 62, 70, 80, 88 и 166.—«Моск. Вѣдом.» 1855 г., № 147 и 1856 г., № 14.—Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVII, стр. 894.—«Выставка въ Имп. Академ. Худож. въ 1833 г.», стр. 4.—*Ю. Б. Иверсенъ*, «Медали въ честь русскихъ государст. дѣятелей и частныхъ лицъ,» т. I, стр. 369.—*Н. Рамазановъ*, «Матеріалы для исторіи худож. въ Россіи, т. I, стр. 59—63.—Бар. *Н. Врангель*, «Русск. Музей Имп. Алекс. III, т. II, стр. 519, 520.—*Его же*, «Каталогъ старин. произв. искусствъ, хран. въ Имп. Ак. Худ. Изд. журн. «Старые Годы» 1908, ч. I, стр. 111—112.

Сер Эрнстъ.

Логгинъ, въ мірѣ *Леонтій Павловичъ Грифцовъ*, іеросхимонахъ скита Святогорской Успенской пустыни Харьковской епархіи, род. въ іюнѣ 1798 г., ум. 14 іюля 1882 г., сынъ причетника г. Рязани, въ дѣтствѣ воспитанъ былъ въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности подъ руководствомъ своей матери, отличавшейся строгою подвижническою жизнію. По окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи онъ поступилъ на службу въ Рязанскую гражданскую палату, гдѣ былъ сначала писцомъ на ничтожномъ жалованьѣ, а затѣмъ столоначальникомъ. Благодаря отличному знанію законовъ, юридической опытности и дѣловитости, онъ быстро пошелъ по степенямъ гражданской службы, увеличилъ свои матеріальныя средства, женился, сдѣлался домовладѣльцемъ въ г. Рязани и, наконецъ, назначенъ былъ прокуроромъ въ г. Уральскъ. Занимая видное мѣсто въ Уральскѣ, Грифцовъ пользовался значеніемъ и почетомъ въ тамошнемъ высшемъ обществѣ и жилъ открыто. Но разочаровавшись въ женѣ, не давшей ему семейнаго счастія, и убѣдившись въ измѣнѣ ея, онъ полюбилъ чтеніе духовныхъ книгъ, усердно сталъ посѣщать храмы Божіи и украшать ихъ, помогать нищимъ, сдѣлался церковнымъ старостою того прихода, гдѣ проживалъ, и, усердно исполняя эту должность, съ любовью украшалъ свою приходскую церковь и пріобрѣлъ домъ для ея причта. Въ это время онъ выкупилъ изъ заклада у ростовщика-еврея цѣнную икону большого размѣра древняго письма Толгской Богоматери въ позлащенной ризѣ, заложенную одною вдовою-купчихою, и пожертвовалъ ее въ свой приходскій храмъ, гдѣ она вскорѣ прославилась чудесами. Для отправленія особой службы въ честь явленія иконы Толгской Богоматери, по просьбѣ его, настоятель Толгскаго Бого-

родицкаго монастыря, гдѣ находится подлинная Толгская чудотворная икона, преосвященный Ириней прислалъ отдѣльную книжку этой службы. Въ письмѣ къ этому преосвященному Грифцовъ откровенно изложилъ исповѣдь всей своей жизни и, желая сдѣлаться инокомъ, просилъ его совѣта. «Воочію убѣдившись въ невѣрности своей жены», онъ подалъ въ отставку, домъ въ Рязани отдалъ женѣ своей и поѣхалъ въ Кіевъ поклониться преподобнымъ Печерскимъ и тамъ испросить рѣшеніе участи своей отъ духовно-опытнаго старца Кіево-Печерской лавры іеросхимонаха Парѳенія. По совѣту послѣдняго, онъ отправился въ Святогорскую Успенскую пустынь, куда и прибылъ 10 іюля 1854 года. Настоятель пустыни архимандритъ Арсеній принялъ его ласково, но, какъ человѣка женатаго, не могъ опредѣлить въ число братіи, а сдѣлалъ его помощникомъ монастырскаго письмоводителя. Святогорская пустынь въ то время только что возникла изъ развалинъ, и Грифцовъ отдалъ въ нее весь свой капиталъ и не молодой уже годами искренно смирился и «нелицемѣрно и наравнѣ съ простыми послушниками проходилъ нелегкую для него стезю новоначалія иноческаго и вскорѣ облеченъ былъ въ рясу и камилавку». Ведя строгую монашескую жизнь, онъ, какъ опытный юристъ, всегда и ревностно отстаивалъ интересы обители въ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ и нерѣдко предпринималъ дальнія поѣздки въ столицы и другіе города по дѣламъ обители. Когда архимандритъ Арсеній выстроилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Святогорской пустыни пустынный скитъ съ церковью во имя тезоименитаго ему преподобнаго Арсенія Великаго, то назначилъ Леонтія Грифцова начальникомъ новоустроеннаго скита, чтобы утвердить въ немъ строгое подвижническое житіе, несмотря на то, что онъ не только не былъ монахомъ, но даже указнымъ послушникомъ; въ то же время Арсеній сохранилъ за нимъ и дѣлопроизводство по канцеляріи пустыни. Въ 1870 году скончалась жена Леонтія, и указомъ отъ 18 февраля 1871 года Харьковской духовной консисторіи онъ формально опредѣленъ былъ въ число послушниковъ Святогорской пустыни, того же года 26 марта постриженъ въ монахи и нареченъ Леонидомъ. 5 января 1873 года рукоположенъ Нектаріемъ, Харьковскимъ архіепископомъ, въ іеродіаконы, а 15 августа того же года и въ іеромонахи. 20 февраля 1882 года, съ разрѣшенія Харьковскаго епископа Іустина, во вниманіе къ доброй жизни и многимъ трудамъ на пользу Святогорской обители, былъ постриженъ въ схиму и наименованъ Логгиномъ.

Андрей Ковалевскій, «Начальникъ скита Святогорской пустыни іеросхимонахъ Логинъ» («Душеполезное Чтеніе» 1883 г., мартъ, стр. 354—376).

А. Никольскій.

Логгинъ, преподобный Коряжемскій, въ первой половинѣ XVI в. подвизался въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ, куда прибылъ въ молодыхъ годахъ, и пользовался особеннымъ уваженіемъ братіи, какъ старецъ опытный въ иноческой жизни. Избѣгая славы людской и тяготясь многолюдствомъ монастырскаго общежитія, онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ, инокомъ Корниліева монастыря Симономъ, уединился на берегу рѣчки Коряжемы въ глухомъ лѣсу, въ 15-ти верстахъ отъ Сольвычегодска; здѣсь, вырубивъ часть лѣса и расчистивъ мѣсто, они построили небольшую келлію и часовню и предались иноческимъ подвигамъ, питаясь трудами рукъ своихъ. Но блаженный Симонъ вскорѣ покинулъ своего друга и удалился на рѣчку Сойгу, за 60 верстъ отъ Коряжемы. Скоро вѣсть о Логгинѣ разошлась по окрестностямъ, и къ нему стала мало-по-малу собираться братія, желавшая раздѣлить съ нимъ труды отшельнической жизни, и такимъ образомъ возникла Коряжемская обитель, и первымъ игуменомъ ея сдѣлался самъ преподобный Логгинъ. Онъ построилъ храмъ во имя святителя Николая Чудотворца, трапезу и другія необходимыя службы для общежитія. Полагаютъ, что начало Коряжемскому монастырю положено было не ранѣе 1537 года. Преподобный Логгинъ недолго пожилъ въ новоустроенной обители: онъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 10 февраля 1540 г. при Ростовскомъ архіепископѣ Досиѳеѣ и былъ погребенъ, согласно завѣщанію, «у лѣстницы папертныя». Но въ 1557 году, по настоянію Устюжскаго воеводы князя Владиміра, гробъ преп. Логгина, который исцѣлилъ воеводу отъ тяжкой болѣзни, былъ перенесенъ въ новую могилу близъ сѣверной стѣны храма. 9 мая 1665 г. вмѣсто деревянной Никольской церкви, построенной препо-

добнымъ Логгиномъ, по приказанію и на иждивеніе епископа Вятскаго и Великопермскаго Александра, заложена была каменная Благовѣщенская церковь съ придѣломъ во имя Святителя Николая и освящена тѣмъ же преосвященнымъ въ 1671 г. Мѣсто погребенія преп. Логгина пришлось теперь внутри церкви, при сѣверной стѣнѣ, и надъ нимъ была устроена гробница, которую указомъ Вологодской духовной консисторіи отъ 25 февраля 1821 г. разрѣшено было украсить золоченою рѣзьбою, а въ приличныхъ мѣстахъ образами и увѣнчать балдахиномъ. Епископъ Вологодскій и Устюжскій Онисифоръ (1814—1827 гг.) дозволилъ вмѣсто панихидъ отправлять преподобному молебенъ. 18 марта 1872 г., по случаю разобранія ветхой Благовѣщенской церкви, рака преподобнаго Логгина была перенесена въ теплую Спасскую церковь и поставлена близъ сѣверной стѣны ея за лѣвымъ клиросомъ. Служба преп. Логгину составлена епископомъ Вятскимъ и Великопермскимъ Александромъ (1657—1674). Въ 1863 г. Коряжемскій монастырь былъ приписанъ къ Сольвычегодскому Введенскому монастырю, но въ 1896 г. получилъ самостоятельность въ управленіи съ введеніемъ устава Саровской пустыни.

Іоаннъ Вкрюжскій, священникъ, «Историческія сказанія о Вологодскихъ святыхъ». Вологда. 1808 г., стр. 474—486.—«Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ». Вып. VI (Февраль). Прибавленіе къ «Тверскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Тверь. 1897 г., стр. 115—118.—«Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія мѣстно чтимыхъ». Спб. 1836 г.

А. Никольскій.

Логгинъ, преподобный Кіево-Печерскій, вратарь. Мощи его почиваютъ въ дальнихъ (Ѳеодосіевыхъ) пещерахъ. Память его совершается 28 августа и 16 октября.

«Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ». Выпускъ II (октябрь).—Прибавленіе къ «Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Каменецъ-Подольскъ, 1893 г., стр. 107.—*Филаретъ*, «Русскіе святые», августъ, стр. 127.—«Словарь историческій о святыхъ». Спб. 1836 г.

А. Н.

Логгинъ, инокъ Прилуцкаго монастыря, жилъ въ XVI в., при митрополитѣ Макаріи, описалъ жизнь преподобнаго инока князя Игнатія, умершаго въ той же обители въ 1522 г. и при самой кончинѣ прославившагося чудесами.

Евгеній митр., «Словарь историческій о писат. духовнаго чина», т. II, стр. 8—*Филаретъ*, арх., «Обзоръ русской духовной литературы», кн. I, стр. 155.

Логгинъ, игуменъ Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ Вологодской епархіи, упоминается въ грамотахъ великой княгини Маріи Ярославовны, супруги Василія Темнаго, и сына ихъ Вологодскаго князя Андрея Васильевича младшаго, писанныхъ около 1479 года, о придачѣ къ Спасо-Каменному монастырю Николаевскаго монастыря въ Святой Лукѣ и объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ отъ податей и повинностей.

Суворовъ, «Описаніе Спасо-Каменнаго монастыря» («Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1871 г., № 7, стр. 206).

А. Н.

Логгинъ, блаженный Яренгскій, человѣкъ некнижный, подвизался въ Соловецкомъ монастырѣ во дни и подъ руководствомъ святого игумена Филиппа. Возвращаясь вмѣстѣ съ блаженнымъ Іоанномъ въ 1561 году въ обитель на судахъ, погруженныхъ строительными матеріалами, они были застигнуты сильною бурею и потонули. Тѣла ихъ были обрѣтены нетлѣнными на Корельскомъ берегу, за 120 верстъ отъ Соловецкаго монастыря, въ устьѣ Сосновки и положены въ селеніи Яренгѣ. Чудеса, совершавшіяся отъ сихъ мощей, привлекли въ селеніе Яренгу нѣсколько иноковъ, и такимъ образомъ здѣсь возникъ монастырь. Въ 1625 году инокъ Илья Тѣловъ донесъ патріарху Филарету о чудесахъ, совершающихся при мощахъ сихъ праведниковъ, почему Новгородскій митрополитъ Макарій приказалъ игумену Корельскаго Никольскаго монастыря Герасиму съ боярскимъ сыномъ митрополичьяго Софійскаго дома Солоновымъ произвести подробное изслѣдованіе о времени обрѣтенія мощей и о чудесахъ блаженныхъ Іоанна и Логгина. Выяснилось, что чудеса отъ мощей сихъ святыхъ совершались въ теченіе болѣе 60-ти лѣтъ. Въ 1635 году Яренгскій монастырь со всѣми угодьями и землями селенія Яренги, по ходатайству патріарха Іоасафа, грамотою царя Михаила Ѳеодоровича отданъ былъ въ вѣдѣніе Соловецкаго монастыря. Въ 1638 году 2 іюня мощи праведниковъ перенесены были во вновь построенный

деревянный храмъ и положены—блаженнаго Іоанна на правой, а блаженнаго Логгина на лѣвой сторонѣ. Яренгскій монастырь состоялъ подъ управленіемъ Соловецкаго монастыря до своего закрытія въ 1764 году, когда былъ обращенъ въ приходскую церковь, существующую и понынѣ.

Соловецкій Патерикъ. С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 67--69.—«Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія мѣстно чтимыхъ». Спб. 1836 г., стр. 133—134.

А. Никольскій.

Логиновъ, *Петръ Романовичъ*, с. с., врачъ, сынъ священника въ селѣ Головковѣ, Александрійскаго уѣзда, Екатеринославскаго намѣстничества, первоначально учился въ Екатеринославской дух. семинаріи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскую медицинскую школу (1795 г.). Окончивъ здѣсь курсъ и будучи признанъ лѣкаремъ, онъ избранъ былъ профессоромъ Я. Саполовичемъ въ адъюнкты къ себѣ при каѳедрѣ хирургіи. По этому представленію Логиновъ приглашенъ былъ прочесть пробную лекцію въ С.-Петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ на тему «Объ операціи каменной болѣзни». Въ аттестатѣ, подписанномъ членами коллегіи, было сказано: «Логиновъ оказался весьма хорошаго знанія и способности въ изъясненіи своихъ мыслей изустно, а потому и утвержденъ былъ въ званіи адъюнкта. Въ 1799 г. онъ былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ хирургіи на мѣсто профессора Саполовича. Но въ то же время Логиновъ, вслѣдствіе болѣзни глазъ, обратился къ медицинской коллегіи съ просьбою назначить его на какое-либо другое мѣсто и былъ опредѣленъ инспекторомъ въ Костромскую врачебную управу, откуда уволился въ 1837 г. Умеръ Логиновъ до 1852 г. Кромѣ указанной пробной лекціи, ему принадлежитъ трудъ «Излѣченіе слезнаго свища на щекѣ посредствомъ адскаго камня» («Другъ Здравія», 1833 г., 33).

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. 208—209.—*Змѣевъ*. «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 180. *М. Поповъ.*

Лоде-*фонъ*, *Эдуардъ Егоровичъ*, тайн. сов., членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, род. 19 сент. 1816 г. образованіе получилъ сначала въ Горномъ корпусѣ, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1840 г. поступилъ въ Петербургскую палату государственныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ самое министерство, въ которомъ провелъ безпрерывно 49 лѣтъ при самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ. Такъ, въ качествѣ разносторонне-образованнаго и трудолюбиваго чиновника, онъ въ 1842 г. былъ командированъ въ Остзейскій край, а въ 1843 г.—въ Вологодскую губернію для хозяйственнаго ея обозрѣнія; съ 1845 г. Лоде занимался осушеніемъ и воздѣлываніемъ болотныхъ окрестностей С.-Петербурга и за отличіе въ 1849 г. былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера; въ 1851 г. онъ былъ представителемъ министерства на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ; въ 1854 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ астрономической комиссіи, а въ 1856 г.—членомъ комиссіи для начертанія правилъ и формъ отчетности по земледѣльческой части; съ 1858 г. Лоде состоялъ членомъ нѣсколькихъ комиссій, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе, какъ то: въ комиссіи для разсмотрѣнія и упрощенія правилъ переложенія податей, взимавшихся съ государственныхъ крестьянъ; въ комиссіи для составленія положенія объ улучшеніи быта и устройства помѣщичьихъ крестьянъ и въ комиссіи по урегулированію земельныхъ отношеній удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, для устройства казенныхъ имѣній въ Остзейскихъ губерніяхъ. Въ 1867 г. онъ участвовалъ въ комитетѣ объ улучшеніи ветеринарной части и о мѣрахъ къ прекращенію скотскихъ падежей, за что получилъ монаршее благоволеніе, и въ томъ же году былъ командированъ въ Австрію, Пруссію, Францію и Англію для изученія тамъ способовъ перевозки скота по желѣзнымъ дорогамъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Лоде состоялъ вице-предсѣдателемъ Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ и занимался примѣненіемъ торфянаго топлива. Плодотворная дѣятельность Лоде была отличена многими орденами до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Скончался онъ въ Петербургѣ 3 октября 1889 г., на 74 году жизни.

«Новое Время» 1889 г., № 4886.—«Новости» 1889 г., 7 октября. *М. П.*

Лодеръ, *Іоаннъ*, пасторъ лютеранской церкви св. Якова въ Ригѣ, ректоръ Рижскаго лицея, родился въ Бургбернгеймѣ, въ Германіи, 3 января 1687 г., умеръ 5 сентября 1775 г., изучалъ богословіе въ Гейльбронѣ (до 1708 г.) и въ Страсбургѣ (до 1714 г.), потомъ совершилъ путешествіе во Францію и нѣкоторое время затѣмъ, около 1720 г., занимался въ Іенскомъ и Гальскомъ университетахъ; въ 1723 г., въ Берлинѣ онъ былъ посвященъ въ пастора и оттуда съ семьею полковника фонъ-Кампенгаузена отправился въ Петербургъ, въ качествѣ домашняго проповѣдника и воспитателя дѣтей. Въ 1728 г. Лодеръ назначенъ былъ ректоромъ Рижскаго лицея и одновременно пасторомъ церкви св. Якова въ Ригѣ. Благодаря его энергіи, предназначенный было къ закрытію лицей въ 1733 г. былъ возобновленъ, согласно его проектамъ. Памятниками плодотворной дѣятельности Лодера въ этомъ учебномъ заведеніи являются его отчетъ за 1732 г. («Bericht von dem Kaiserl. Lyceo, wie selbiges nach gegenwärtigen Umständen zum Bessten des Landes eingerichtet worden ist», Riga, 1732), цѣлый рядъ печатныхъ программъ лекцій, читанныхъ самимъ ректоромъ въ лицеѣ за промежутокъ лѣтъ съ 1733 г. по 1763 г., и печатная его же инструкція учащимъ и учащимся («Instruction und Leges für die Lehrenden und Lernenden des wieder aufgerichteten Kaiserl. Lycei» Riga, 1733).

Въ 1756 г. Лодеръ былъ назначенъ членомъ Лифляндской оберъ-консисторіи, а въ 1771 г., уже глубокимъ старикомъ, вышелъ въ отставку съ пожизненной пенсіей. Свои досуги Лодеръ до конца дней посвящалъ богословскимъ работамъ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны слѣдующіе: 1) «Ohnmassgeblicher Vorschlag von grösserer Beförderung des Heils der Juden; den evangelischen Gottesgelehrten, und allen Gottes Liebhabern, in christlicher Treue zu beurtheilen und zu verbessern, mit geziemender Ehrerbietung und Unterthänigkeit übergeben, von einem der geringsten Mitglieder Christi und der Kirche» (Frankf a. Mayn, 1718); 2) критическая статья: «Unparteyische Beurtheilung einer Schrift: der Christ in der Einsamkeit genannt» (gelehr. Beitr. zu den Rig. Anz., 1761); 3) «Des Königs Salomo Habel: schon vormals zum Nachdenken angewiesen und noch bedacht von einem alten Mann» (Halle, 1771); 4) «Cui bono? Eine wichtige Frage Kluger Leute, vor und bei ihrem Thun...» (два изданія: Riga, 1761 и Halle, 1772) и 5) «Messias, die Hoffnung Israels und aller Heiden Trost...» (Halle, 1772).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten.-Lexikon», Митава 1831 г., т. III, стр. 89—91.—Nachträge und—Fortsetzungen, Митава 1861 г., стр. 20.—*J. C. Brotze*, «Monumenten», т. II, стр. 120.—*Meusel*, «Lexikon», т. 8, стр. 312.

Ал. Гельвихъ.

Лодеръ, *Мартынъ-Готлибъ-Агапитъ*, пасторъ, сынъ ректора Рижскаго лицея, родился въ Ригѣ 11 ноября 1739 г., умеръ 15 мая 1806 г., изучалъ богословіе въ Галле и Альторфѣ, въ 1765 г. вернулся на родину и черезъ два года назначенъ былъ пасторомъ въ Лифляндію; получивъ въ 1776 г. Вольмарскій лютеранскій приходъ, Лодеръ въ 1786 г. поставленъ былъ во главѣ всего Вольмарскаго церковнаго округа. Въ это время онъ былъ уже извѣстнымъ проповѣдникомъ; его проповѣди на нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ съ 1775 г. печатались преимущественно въ Ригѣ. Ему-же принадлежатъ и двѣ статьи въ сборникахъ «Nord. Miscellen»: краткія историческія свѣдѣнія о городѣ Вольмарѣ («Historische Nachricht von der Stadt Wolmar in Liefland», т. IX, стр. 302—310) и изслѣдованіе о происхожденіи латышскаго языка («Versuch über den Ursprung der lettischen Sprache», т. XIV, стр. 431—443).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1831, т. III, стр. 97, 98.—«Nord. Miscellen», т. XI, стр. 388, т. XIV, стр. 450.

Ал. Гельвихъ.

Лодеръ, *Христіанъ Ивановичъ*, знаменитый анатомъ, докторъ медицины, профессоръ, род. въ Ригѣ 28 апрѣля 1753 г., ум. въ Москвѣ 4 апрѣля 1832 г. Отецъ Лодера былъ пасторъ, по имени Іоаннъ, родомъ изъ Франконіи, но жилъ въ Лифляндіи, гдѣ и былъ совѣтникомъ Лифляндской консисторіи. Лодеръ учился въ Рижскомъ лицеѣ. По окончаніи лицея (1773 г.) онъ продолжалъ свое ученіе въ Геттингенѣ. Въ 1777 г. получилъ званіе доктора медицины и хирургіи и въ томъ же году по 1779 г. находился въ путешествіи по Голландіи, Франціи и Англіи, вездѣ слушая лекціи и работая надъ хирургическими операціями подъ руковод-

ствомъ тамошнихъ знаменитостей. Въ 1779 г., по возвращеніи изъ путешествія, Лодеръ поселился въ Іенѣ, гдѣ сдѣлался членомъ академическаго сената и медицинскаго факультета, защитивъ въ томъ же году диссертацію на степень доктора философіи. Въ Іенѣ Лодеръ преподавалъ анатомію, физіологію, хирургію, повивальное искусство, медицинскую антропологію, судебную медицину и естественную исторію. Онъ построилъ здѣсь новый анатомическій театръ, учредилъ родильный госпиталь, при которомъ помощникомъ былъ Шторкъ, и музей естественной исторіи, при коемъ помощникомъ былъ Ленцъ. Имъ же была устроена медико-хирургическая клиника. Въ 1779 г. Лодеръ сдѣлался въ Іенскомъ университетѣ ординарнымъ профессоромъ анатоміи, хирургіи и акушерства; затѣмъ онъ не разъ былъ проректоромъ университета. Въ бытность въ Іенѣ Лодеръ исправлялъ должность городского физика, упражнялъ своихъ слушателей въ диспутахъ на латинскомъ языкѣ и преподавалъ повивальнымъ бабкамъ правила акушерскаго искусства. Въ это же время Лодеръ издалъ превосходныя анатомическія таблицы. Въ 1781 г. онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ герцога Саксенъ-Веймарскаго и главнымъ наблюдателемъ музея. Тогда же Лодеръ устроилъ въ Іенѣ перевязочную станцію. Вскорѣ онъ сдѣлался первымъ придворнымъ докторомъ принца Саксенъ-Веймарскаго. Въ 1803 г., оставивъ Іену, Лодеръ сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ прусской службы и профессоромъ анатоміи въ Галле. Кромѣ анатоміи, онъ здѣсь преподавалъ всѣ тѣ же предметы, что и въ Іенѣ, исключая медицинскую антропологію. Онъ улучшилъ въ Галле анатомическій театръ и устроилъ медико-хирургическую больницу. Въ 1806 г. городъ Галле достался новому королю Вестфальскому и былъ занятъ французами. Лодеръ отвергнулъ предложеніе короля поступить къ нему на службу, отправился въ Пруссію и поселился въ Кенигсбергѣ. Здѣсь въ 1808 г. онъ сдѣлался королевскимъ лейбъ-медикомъ, а въ 1809 г. получилъ дипломъ на дворянство. Однако, въ виду политическихъ событій, онъ долженъ былъ въ 1810 г. окончательно оставить прусскую службу и вернуться въ Россію. Сначала Лодеръ жилъ въ Петербургѣ, занимаясь частной практикой. Затѣмъ онъ былъ представленъ императору Александру I и получилъ чинъ дѣйств. стат. сов. и званіе лейбъ медика. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было разрѣшено жить въ Москвѣ. Здѣсь Лодеръ также занимался частной практикой до 1812 г., когда сдѣлался членомъ медицинскаго совѣта. Въ 1812 г. ему было поручено устроить военный госпиталь на 6000 офицеровъ и 30000 нижнихъ чиновъ; онъ управлялъ этимъ госпиталемъ до его уничтоженія. Когда французы заняли Москву, Лодеръ получилъ приказъ изъ главной квартиры отправиться въ Касимовъ Рязанской губерніи и заняться распредѣленіемъ раненыхъ по разнымъ мѣстамъ и устройствомъ госпиталей. Онъ устроилъ госпитали въ Касимовѣ, Меленкахъ и Енотовѣ. Тогда же, по распоряженію Кутузова, онъ устроилъ временный военный госпиталь на 30000 человѣкъ. За блестящее выполненіе порученія по устройству госпиталей Лодеръ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ брилліантами при рескриптѣ. Въ 1813 г. онъ производилъ слѣдствіе противъ комиссаріатскаго и медицинскаго отдѣленія большого военнаго госпиталя въ Москвѣ и по окончаніи его завѣдывалъ госпиталемъ до 1817 г. Во время управленія госпиталемъ Лодеръ ревизовалъ и другіе госпитали, казармы и тюрьмы. Покровителемъ его былъ въ это время гр. Остерманъ-Толстой, котораго онъ вылѣчилъ отъ раны. Въ 1818 г. государь купилъ у Лодера богатое собраніе анатомическихъ препаратовъ и подарилъ его Московскому университету. Въ слѣдующіе годы Лодеръ занялся постройкой анатомическаго театра въ Москвѣ по собственному плану. Этотъ театръ стоилъ свыше 100000 рублей. За эту постройку онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. Затѣмъ Лодеръ сталъ безвозмездно читать лекціи по анатоміи въ этомъ же театрѣ для студентовъ Московскаго университета, иллюстрируя ихъ операціями надъ трупами. Въ 1827 г. онъ просилъ имп. Николая I дозволить ему прекратить лекціи по нездоровью, но государь поручилъ министру народнаго просвѣщенія уговорить Лодера продолжать лекціи. Лодеръ остался, и государь велѣлъ «объявить ему за это спасибо». Въ 1828 г. онъ устроилъ въ Москвѣ первыя заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ въ слѣдующемъ году блестяще исполнилъ порученіе устроить новый го-

спиталь въ Москвѣ на 450 больныхъ, а въ 1830 г. принялъ энергичныя мѣры для борьбы съ холерой. За это въ 1830 г. онъ получилъ отъ государя табакерку съ бриллiантами. Въ 1831 г., вслѣдствiе разстроеннаго здоровья, Лодеръ долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій въ Московскомъ анатомическомъ театрѣ, принеся въ даръ университету свое собраніе анатомическихъ инструментовъ и разныхъ приборовъ для анатомическаго театра. Собраніе же его книгъ было куплено купцомъ Грачевымъ и подарено университету. Послѣдніе годы Лодеръ былъ занятъ постройкой и устройствомъ городской больницы, будучи дѣятельнымъ членомъ ея комитета. Лодеръ состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго университета и членомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и многихъ ученыхъ Обществъ въ Спб., Москвѣ, Вильнѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Падуѣ, Цюрихѣ, Эрлангенѣ, Ганау, Іенѣ и Галле. Изучивъ хирургію у лучшихъ хирурговъ Европы и въ лучшихъ анатомическихъ театрахъ того времени, Лодеръ владѣлъ своимъ искусствомъ въ совершенствѣ. Онъ не былъ рабомъ рутины и стоялъ всегда за полную самостоятельность пріемовъ при операціи. Какъ профессоръ, Лодеръ отличался точностью своихъ наблюденій и полной ясностью изложенія. Въ теоріи хирургіи онъ далъ много цѣнныхъ наблюденій и обобщеній, основанныхъ на опытѣ, какъ-то: о лѣченіи вывиховъ, водяной болѣзни, волчьей губы, рака въ области рта, полипа и кастраціи. Эти наблюденія важны и интересны для хирурга. Особенно важны заслуги Лодера по вопросу о коническомъ сѣченіи, которое онъ дѣлалъ по своему оригинальному способу, измѣняя способъ проф. Давида (въ Руанѣ).

Изъ трудовъ его большая часть печаталась за границей на иностранныхъ языкахъ. Особенно изъ нихъ интересны: «Descriptio anatomica baseos cranii humani». Геттингенъ, 1777. Diss. Doct.; «Synchondroseos ossium pubis sectionem in partu difficili instituendam denuo expendit». Iena, 1778; «Primae lineae nervologiae corporis humani». Iena, 1778; «De musculosa uteri structura». Iena, 1782; «Rede von der Verbindlichkeit einer Jugend, von der das Vaterland nützliche Bürger ervartet». Riga, 1772; «Obductions-Bericht» («Taschenbuch für deutsche Wundärzte», 1786—88. S. 47); «Sections und Obductions-Berichte» (Buchholz. Beiträge zür gerichtl. Arzeney gelehrtheit und zur med. Polic. Bd 3. Weimar. 1790. Bd. 4 1793); «Geschichte von glücklich verrichteten Amputationen». (Waitz. Medic chir. Aufsätze. Bd 1. Altenburg 1791); и многіе другіе. Изъ трудовъ его, появившихся въ Россіи, особенно важны: «Oratio die inaugurationis novi theatri anatomici Now. 1819, publ. habita (de optimo anatomiae docendi et discendi modo)»; «Рѣчь о пользѣ анатоміи», перевелъ А. Дюпюи. М. 1819; «Verba, quibus initio secundi cursus lectionum suarum anat. d. 4 Octobr. 1820 artis salutaris stud. hortatus est». M. 1820; «Index praeparatorum aliarumque rerum ad anatomen spectantium, quae in museo Caesareae universitatis Mosquensis servantur», перевед. на русскій языкъ П. Эйнбродтомъ. Москва. 1823; «Elementa anatomiae humani corporis, quae tironibus artis medicae apud Caes. Mosqu. Univers. honor. ejus sodalis J. Ch. Loder etc. exposuit». Vol. I. Osteologia, Syndesmologia et Myologia. M. Rigae et Dorpati. 1823; «О приготовленіи искусственныхъ минеральныхъ водъ по методѣ доктора Струве въ Дрезденѣ и проектъ проведенія подобныхъ въ Москвѣ». М. 1825; «Ueber die Cholerakrankheit in Moskwa». Кенигсбергъ. 1831, переведенное на русскій Топоровымъ (М. 1831) и на датскій (Христіанія. 1831). Кромѣ помянутыхъ и многихъ другихъ отдѣльныхъ трудовъ проф. Лодера, заслуживаютъ вниманія его медицинскіе переводы и многочисленныя статьи въ различныхъ журналахъ («Journal für die Chirurgie», Iena. 1797—1804, который онъ и издавалъ въ это время, «Klügels Encyklopedie» и др.).

Иноземцевъ, «О заслугахъ Христіана Ивановича Лодера въ хирургіи». Москва. 1837 г.—«Словарь проф. Моск. унив.», т. I, стр. 469—474.—«Московскій Вѣстникъ», ч. V, 1827 г., стр. 226—230.—«Молва», ч. III. Москва, 1832 г., № 29.—*Геннади*, «Справ. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 246.—*Becke und Napiersky*, Allgemeines...», т. II, стр. 20; т. III, стр. 97; т. IV, стр. 618, пад. 1832 г.—Colliseu. Bd. XIII, стр. 96—105.—*Dr. Ioh Nep. Bust*, «Theorisch-practisches Handbuch der Chirurgie». 1834 г. Berlin-Wien., т. II, стр. 342—346.—«Rigaische Stadtblätter» 1832, №№ 21, 22.—«Allgemeine Medic. Annalen». 1828 г. März, стр. 431—432, April, стр. 573.—«Allgemeine Medicin. Zeitung» 1832 г., №46, стр. 755—6.

Борисъ Гласко.

Лодій, *Петръ Дмитріевичъ*, д. с. с., ординарный профессоръ, род. 4 мая 1764 г. близъ города Мункача, въ Венгріи. Первоначальное образованіе получилъ въ Гросвардійской гимназіи, а окончательное въ Ангварскомъ лицеѣ. Въ 1787 г. онъ былъ по конкурсу опредѣленъ профессоромъ логики, метафизики и нравственной философіи въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ оставался до 1801 г. Получивъ степень доктора изящныхъ искусствъ, правъ и теологіи, онъ былъ переведенъ въ Краковскій университетъ, въ которомъ, кромѣ каѳедры философіи, занималъ также каѳедру чистой и прикладной математики, до 1803 г. При открытіи въ Петербургѣ педагогическаго института Лодій былъ приглашенъ въ числѣ другихъ наставниковъ изъ-за границы читать въ немъ теоретическую и практическую философію; эту каѳедру онъ занималъ до преобразованія института въ университетъ, гдѣ впослѣдствіи, какъ извѣстно, читалъ теорію общихъ правъ. Кромѣ профессорскихъ обязанностей, Лодій имѣлъ и другія: онъ около 8-ми лѣтъ состоялъ инспекторомъ надъ классами общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена св. Екатерины, а съ 1820—1827 г.г. — директоромъ коммерческаго училища. Умеръ Лодій 10 іюня 1829 г. Онъ оставилъ въ литературѣ переводы: «Частное естественное право» Цейлера (Спб., 1809), «Уголовное право» Фейербаха, первая часть (Спб., 1810) и «Нравственная философія» Баумейстера (Львовъ, 1796). Кромѣ того, Лодій написалъ: «Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго» (Спб., 1815) и «Ѳеорія общихъ правъ, содержащая въ себѣ философское ученіе о естественномъ всеобщемъ государственномъ правѣ» (Спб., 1828). Наконецъ послѣ него остались въ рукописи: «Естественное право народовъ» и «Полный курсъ философіи», обработанный большею частью по началамъ Вольфа.

«Сѣверная Пчела» 1829 г., № 86.—*В. Григорьевъ*, «Имп. С.-Петерб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ», стр. 10, 11.—*Геннади*, «Справочный словарь о покойныхъ рус. писателяхъ», т. II, стр. 246, 247.

М. Поповъ.

Лодыгинъ, *Борисъ*, Моравскій воевода; вѣрный царю Борису Годунову, онъ въ октябрѣ 1604 г. отказывался сдать городъ Моравскъ (Муромскъ, въ 60-ти верстахъ отъ Чернигова) войску Лжедимитрія I, но былъ связанъ возмутившимися жителями города и вмѣстѣ съ другимъ воеводою, Елизаріемъ Безобразовымъ, выданъ русскимъ измѣнникамъ и полякамъ, подступившимъ къ Моравску. Приведенный къ Лжедимитрію, онъ и здѣсь не призналъ его царемъ, но Самозванецъ, сознавая важность первыхъ шаговъ своихъ въ Русской землѣ, не хотѣлъ омрачать ихъ жестокостями, и потому, только пожалѣвъ о «заблужденіи» стойкихъ Моравскихъ воеводъ, отпустилъ ихъ на свободу.

Н. М. Карамзинъ, «Ист. Госуд. Рос.» т. XI, стр. 151, прим. 248.

А. Г.

Лодыгинъ, *Дмитрій Михайловичъ*, кол. сов., писатель и изобрѣтатель апробованной Академіею Наукъ (6 іюля 1781 г., машины для гонки благовонныхъ маслъ. Онъ издалъ: «Новое подспорье всякому домоводству на Руси» (Спб., 1778 г.); «Сущая правда о перекубахъ, вновь изобрѣтенныхъ, и о великой ихъ выгодѣ и пользѣ, съ яснымъ рисункомъ почему каждый охотникъ можетъ себѣ заказать въ пожелаемую мѣру сдѣлать, то есть какъ варить масло и поташъ» и «Извѣстіе въ Америкѣ о селеніяхъ англійскихъ, въ томъ числѣ нынѣ подъ названіемъ: Соединенныхъ провинцій» (Спб., 1783 г.).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 247.—«Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общества», т. 60, стр. 496.

Лодыгинъ, *Николай Дмитріевичъ*, редакторъ «Газеты конно-заводчиковъ и любителей лошадей», «Книги рысистыхъ лошадей въ Россіи съ опредѣленіемъ чистопородности» (9 частей, М. 1870—1873 гг.) и «Описи конскаго завода рысистыхъ лошадей Д. А. Юнькова» (М. 1873 г.). Кромѣ того, ему принадлежатъ: «Отвѣтъ на статью Сѣверцова о книгѣ рысистыхъ лошадей («Журн. коннозаводства», 1871 г., кн. 10); «Письмо къ издателю о той же книгѣ» («Москов. Вѣдом.», 1872 г., № 126); «Заводская книга лошадей Чесменскаго завода Е. И. В. великаго князя Николая Николаевича Старшаго» (М. 1874 г.) и «За-

водская книга рысистыхъ лошадей Хрѣновскаго государственнаго конскаго завода» (М. 1883 г.).

«Библіографъ», 1885 г., № 12, стр. 92—93.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. V, стр. 99.

Лодыгинъ, *Шарапъ*, Московскій дворянинъ, въ 1526 г. вмѣстѣ съ Еремѣемъ Трусовымъ посланъ былъ Московскимъ вел. кн. Василіемъ III въ Римъ къ папѣ Клименту VII. Посольство это, имѣвшее цѣлью подтвердить дружбу великаго князя съ папою, вызвано было пріѣздомъ въ Москву—въ качествѣ посредника для заключенія мира съ Литвою—папскаго посланника, епископа Скаренскаго Іоанна Франциска.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. VIII, стр. 272.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», т. VII, стр. 142, 146.

А. Г.

Лодыженская, *Елизавета Александровна*, рожденная Сушкова, писательница, сестра писательницы Екатерины Александровы Хвостовой, писала подъ псевдонимомъ С. Вахновская; въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія сотрудничала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ помѣстила разсказы: «Лѣто въ Гапсалѣ» (посвящ. И. С. Тургеневу, «Р. В.» 1856 г.) и «Неудавшаяся жизнь» (тамъ же, 1858 г.). Самостоятельно ей-же напечатанъ былъ сборникъ «Разсказовъ и очерковъ» (Москва, 1859 г.), среди которыхъ талантливо написанный разсказъ «Современные толки» о томъ, какъ толкуютъ въ гостиныхъ и на дворянскихъ собраніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, интересенъ по свѣтлымъ взглядамъ самой авторши на нѣкоторыя современныя ей явленія русской жизни.

Владѣя англійскимъ языкомъ, Лодыженская занималась и переводами. Ей принадлежитъ переводъ «Нравственной философіи» Р. У. Эмерсона (Спб., 1868 г.). Наконецъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1872 г. (№ 2, стр. 637—662) помѣщены были ея замѣчанія на «Воспоминанія» сестры ея Е. А. Хвостовой, вызвавшія возраженія В. Бурнашова въ «Русскомъ Мірѣ», подъ заглавіемъ: «Замѣтка о бѣлыхъ перчаткахъ и о пистолетѣ, заряженномъ клюквою».

Кн. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», стр. 153.—«Современникъ», 1859 г., № 8.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1859 г., № 202.—«Отечественныя Записки», 1868 г., т. 4, № 7, отд. 2.—«Древняя и Новая Россія», 1877 г., № 10.

Ал. Гельвихъ.

Лоевскій, *Феликсъ*, по происхожденію полякъ изъ г. Нежела, учился медицинѣ въ Краковѣ и Львовѣ четыре года и получилъ въ 1784 г. дипломъ. Желая получить право практики въ Россіи, онъ экзаменовался и получилъ это право въ 1789 г. Затѣмъ онъ былъ принятъ на русскую службу въ Нижегородское намѣстничество (1795 г.), а черезъ два года переведенъ былъ въ Нижній-Новгородъ. Указомъ Сената 1805 г. онъ былъ отрѣшенъ отъ должности во врачебной управѣ, въ слѣдующемъ году былъ принятъ въ штатъ московской полиціи, а въ 1814 г. назначенъ врачемъ московскихъ департаментовъ Сената. Умеръ Лоевскій въ Москвѣ 3 августа 1819 г. Онъ издалъ «Полный, настоящій простонародный русскій лѣчебникъ». М. 1818 г., выдержавшій восемь изданій.

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. 209.—*Змѣевъ*, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 180—181.—*Геннади*, «Справоч. словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 247.

М. Поповъ.

Ложкинъ, *Василій Андреевичъ*, протоіерей Петропавловской церки въ г. Казани, инспекторъ Казанской семинаріи, родился въ 1832 году, умеръ 1 января 1870 года. Сынъ священника Вятской епархіи, Нолинскаго уѣзда, села Татаурова, первоначальное образованіе получилъ въ Нолинскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Казанской семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1850 году 18-лѣтнимъ юношей поступилъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1854 году; въ слѣдующемъ году онъ удостоенъ былъ степени магистра богословія. Съ цѣлію приготовленія себя къ миссіонерскому служенію онъ поступилъ въ 1854 году подъ непосредственное руководство къ преосвященному Григорію, бывшему архіепископу Казанскому, а затѣмъ митрополиту С.-Петербургскому, и много помогалъ ему при печатаніи книги: «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь», дѣлая для этого выписки изъ старинныхъ рукописей и книгъ; корректура этой книги при второмъ изданіи всецѣло лежала на немъ. Въ 1856 году, по желанію преосвященнаго Григорія, Ложкинъ опредѣленъ былъ

въ Казанскую духовную академію на каѳедру раскола помощникомъ ректора, но въ 1857 году, по желанію ректора академіи архим. Агаѳангела, занялъ каѳедру полемики и основного богословія; въ 1858 году, по прошенію, уволенъ былъ изъ академіи, не встрѣтивъ сочувствія со стороны ректора академіи архим. Іоанна. 9 іюня 1857 года рукоположенъ былъ во священники къ Казанской Георгіевской церкви; въ 1859 году опредѣленъ законоучителемъ Маріинской женской гимназіи и въ томъ же году за сложностью занятій по званію члена Казанской духовной консисторіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія перешелъ къ безприходной церкви при клиникѣ Казанскаго университета. Съ 1861 года Ложкинъ состоялъ законоучителемъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, съ 15 іюля 1864 года—членомъ конференціи Казанской академіи, будучи въ то же время благочиннымъ Казанскихъ градскихъ церквей. Въ 1867 году онъ былъ назначенъ Св. Синодомъ инспекторомъ Казанской духовной семинаріи съ возведеніемъ въ санъ протоіерея и въ слѣдующемъ году перемѣщенъ къ Петропавловскому собору «по неотступному желанію прихожанъ сего собора». Протоіерей Ложкинъ имѣлъ не мало и частныхъ уроковъ по Закону Божію. Онъ былъ истиннымъ воспитателемъ: «уроки нравственности, имъ преподаваемые, во всей строгости, самъ исполнялъ прежде, чѣмъ старался внушать ихъ другимъ». По общему признанію, протоіерей Ложкинъ былъ въ вышей степени человѣкомъ долга и никогда не щадилъ себя, если священный долгъ призывалъ его къ подвигу; въ такихъ случаяхъ онъ рисковалъ своимъ здоровьемъ, а въ 1869 году и пожертвовалъ своею жизнью, простудившись при выносѣ умершаго. Протоіерей Ложкинъ отличался широкою благотворительностью, нерѣдко тайною, и здѣсь причина того, что онъ не оставилъ по смерти своей никакихъ денегъ и даже погребенъ былъ на счетъ старосты Петропавловскаго собора купца В. И. Унженина. Протоіерей Ложкинъ былъ ученымъ богословомъ и отличнымъ знатокомъ классическихъ языковъ: его перу принадлежатъ переводы на русскій языкъ толкованія бл. Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, а именно: а) второй половины Благовѣстника, т. е. толкованія на евангеліе Луки (напечатано въ «ПравославномъС обесѣдникѣ» за 1869 годъ) и толкованія на евангеліе Іоанна (тамъ же ,1870 г.), б) толкованія на соборныя посланія свв. апостоловъ (тамъ же за 1865 годъ) и в) большей части толкованія на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ (тамъ же 1867 и 1868 годы). Важность этого капитальнаго труда была признана Св. Синодомъ, который «благоизволилъ толкованіе на евангеліе Луки издать отдѣльною книгою на свой счетъ». Изъ проповѣдей его напечатаны двѣ: «Надгробное слово при погребеніи арх. Аѳанасія» («Православный Собесѣдникъ» за 1868 г., № 1) и «Слово на 50-лѣтній юбилей Казанской семинаріи» (Брошюра Можаровскаго, Казань, 1868 г.).

«Покойный протоіерей Василій Андреевичъ Ложкинъ». Казань. 1895 г. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій по Казанской епархіи» за 1895 годъ).—*П. В. Знаменскій*, «Исторія Казанской Духовной Академіи», т. II, стр. 250—252.—*А. Благовѣщенскій*, «Исторія Казанской духовной семинаріи за XVIII—XIX вв.». Казань. 1881 г.—«Извѣстія по Казанской епархіи» за 1870 г., № 2, стр. 56—62.—«Казанскія Губернскія Вѣдомости» за 1870 г. отъ 2 января.

А. Никольскій.

Лозино-Лозинскій, *Валеріанъ Степановичъ*, д. с. с., товарищъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, родился 31 мая 1841 г. По окончаніи курса въ училищѣ Правовѣдѣнія онъ былъ назначенъ въ 1862 г. въ межевой департаментъ Сената, гдѣ сперва занималъ должность помощника секретаря, а затѣмъ секретаря. Въ 1866 г., съ преобразованіемъ межевого департамента, ему было поручено производство дѣлъ на правахъ оберъ-секретаря, а черезъ три года онъ былъ командированъ для занятій въ законодательномъ отдѣленіи департамента министерства юстиціи. Въ 1870 г. Лозино, по приглашенію министра юстиціи, участвовалъ въ комиссіи для опредѣленія нормы дѣятельности окружныхъ судовъ; съ 1871—1872 г. былъ членовъ саратовскаго окружного суда, а затѣмъ, по собственному желанію, перешелъ на службу въ Правит. Сенатъ. Управляя распорядительнымъ департаментомъ министерства юстиціи, Лозино работалъ надъ проектомъ о преобразованіи судебной части въ Остзейскомъ краѣ, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ помѣщеній каме-

нецъ-подольскаго, варшавскаго, сувалкскаго, ломжинскаго и другихъ окружныхъ судовъ. Въ 1877 г. онъ былъ назначенъ членомъ учрежденной при военномъ министерствѣ комиссіи для обсужденія вопросовъ о правахъ, которыми должны пользоваться должностныя лица во время ихъ службы въ государственномъ ополченіи, и въ томъ же году былъ назначенъ юрисконсультомъ при министерствѣ юстиціи. При его участіи въ 1879 г. были пересмотрѣны особою комиссіей правила о служебныхъ преимуществахъ и пенсіонный уставъ. Въ 1882 г. Лозино былъ опредѣленъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента, а въ 1884 г. участвовалъ въ дѣятельности комиссіи по пересмотру всѣхъ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ объ евреяхъ. Скончался Лозино въ ночь на 10 октября 1891 г.

«Новое Время», 1891 г., № 5611.

М. Поповъ.

Лозинскій, *Евфимій Ильичъ*, протоіерей, настоятель Брацлавскаго градскаго собора, изъ потомственныхъ дворянъ, въ 1811 г. поступилъ въ Шаргородскую семинарію, преобразованную въ 1817 году и переведенную въ Каменецъ-Подольскъ. По окончаніи курса Подольской семинаріи съ званіемъ студента, онъ въ 1823 году былъ опредѣленъ учителемъ въ Шаргородское духовное уѣздное училище, отъ каковой должности уволенъ былъ по прошенію (1825 г.), въ слѣдующемъ году рукоположенъ во священники въ село Слободо-Ярышевъ Могилевскаго уѣзда, а въ 1827 г. по прошенію переведенъ въ село Тымковъ. Въ 1829 г. онъ былъ опредѣленъ присутствующимъ Балтскаго духовнаго правленія и участковымъ благочиннымъ; въ 1835 г. назначенъ смотрителемъ устроеннаго по его иниціативѣ Крутянскаго духовнаго уѣзднаго училища въ домѣ, пожертвованномъ княземъ Петромъ Абомеликомъ. Въ слѣдующемъ году онъ завелъ въ училищѣ фундаментальную библіотеку изъ пожертвованныхъ имъ, княземъ Абомеликомъ и другими лицами книгъ и тогда же назначенъ былъ цензоромъ проповѣдей по Балтскому уѣзду и Крутянскому училищу. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Балтскаго градского собора; въ 1840 г. законоучителемъ существовавшей въ г. Балтѣ дворянской школы (проходя эту должность безмездно до перевода школы въ м. Немировъ, которая впослѣдствіи была преобразована въ нынѣшнюю Немировскую гимназію) и членомъ комитета по постройкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ церквей. Въ 1842 г. Лозинскій по прошенію былъ уволенъ отъ должности смотрителя Крутянскаго училища, а затѣмъ оставилъ должность настоятеля при Балтскомъ градскомъ соборѣ и проходилъ пастырскую должность въ селѣ Тимковѣ. 21 іюля 1852 г. онъ назначенъ былъ настоятелемъ Летичевскаго градскаго собора съ прохожденіемъ при томъ должностей первоприсутствующаго члена Летичевскаго духовнаго правленія, благочиннаго 1-го округа Летичевскаго уѣзда, цензора проповѣдей, попечителя о бѣдныхъ духовнаго званія, члена оспеннаго комитета и члена попечительнаго комитета о тюрьмахъ. Въ 1853 г. онъ Высочайше былъ утвержденъ директоромъ Попечительнаго комитета о тюрьмахъ, а 15 октября 1855 г., согласно прошенію, перемѣщенъ настоятелемъ градского Успенскаго собора въ г. Брацлавъ. Скончался Лозинскій 30 января 1876 г.

«Подольскія Епархіальныя Вѣдомости» 1876 г., № 7, стр. 183—186 (некрологъ).

А. Никольскій.

Лозинскій, *Орестъ Ефимовичъ*, сынъ протоіерея, родился въ 1843 г. въ городѣ Брацлавѣ (Подольской губ.), воспитывался въ мѣстной семинаріи, послѣ чего недолго пробылъ въ Петербургской духовной академіи и перешелъ въ Петербургскій университетъ; выйдя изъ послѣдняго, сталъ участвовать въ такихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напр.: «Мірское Слово», «Современный Листокъ» и «Современность»; послѣднюю газету онъ редактировалъ вмѣстѣ съ В. В. Гречулевичемъ, а потомъ съ А. В. Старчевскимъ (1871—1878 гг.). Скончался Лозинскій отъ душевной болѣзни 8 августа 1888 г. Ему принадлежитъ брошюра подъ названіемъ: «Русскій языкъ въ связи съ исторіею русской образованности» (СПб. 1867 г.). Этотъ трудъ сначала появился въ «Современномъ Листкѣ» (1867 г., №№ 14, 15, 18),

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VIII, стр. 65.—«Историч. Вѣстникъ» 1888 г., кн. X, стр. 259—260.

М. Поповъ.

Локтевъ, *Яковъ Семеновичъ*, мануфактуръ-совѣтникъ, общественный дѣятель, происходилъ изъ старинной купеческой фамиліи, родился 2-го октября 1795 г. въ Москвѣ. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ въ Коммерческую практическую академію, а по окончаніи ея продолжалъ брать уроки у нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ. Такимъ образомъ, Я. С. для своего времени считался очень образованнымъ человѣкомъ; кромѣ большихъ познаній по различнымъ отраслямъ наукъ, въ особенности коммерческихъ, онъ великолѣпно зналъ французскій, нѣмецкій, латинскій и англійскій языки. Обладая, несомнѣнно, большими способностями и положительными душевными качествами, Локтевъ не могъ не пользоваться большою популярностью среди торгово-промышленнаго міра и, несмотря на свою молодость, въ 1817 г., т. е. на 22 мъ году жизни получилъ отъ об-ва любителей коммерческихъ знаній похвальный листъ съ девизомъ, «Любовь къ полезному». Вообще дѣятельность Локтева въ отношеніи развитія промышленности была выдающеюся. Принявъ послѣ смерти родителей шелковую мануфактуру въ непосредственное свое владѣніе, онъ не мало способствовалъ ея улучшенію и распространенію. Въ этомъ отношеніи его успѣхи коснулись главнымъ образомъ производства орденскихъ лентъ, за что въ 1822 г. онъ былъ пожалованъ золотой медалью на Аннинской лентѣ, а четыре года спустя получилъ отъ императрицы золотую табакерку. Въ это время мануфактуръ-совѣтникъ (съ 1829 г.), Локтевъ настолько расширилъ свою дѣятельность и улучшилъ шелковое производство, что его фабрика заняла видное мѣсто въ отечественной промышленности, а самъ онъ получилъ исключительную и всегдашнюю поставку орденскихъ лентъ и слѣдующіе ордена: Станислава 4-й ст. (въ 1833 г.), Анны 3-й ст. (1838 г.), св. Владиміра 4-й ст. (1849 г.) и высочайшее благоволеніе.

Однако дѣятельность Я. С. не ограничилась только мануфактурой: въ свое время онъ пользовался не меньшей популярностью и какъ общественный дѣятель. Въ этомъ отношеніи надо отмѣтить его службу по званію члена Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, гдѣ въ особенности за послѣднее время почти исключительно на немъ лежала обязанность улаживанія конфликтовъ между рабочими и фабрикантами. Затѣмъ не менѣе важны заслуги Локтева и въ дѣлѣ открытія Московскаго купеческаго собранія: открылось оно по его иниціативѣ, и на немъ же лежала вся организаторская часть. Кромѣ того, оборудованіе и расширеніе библіотеки собранія, устройство различныхъ увеселеній съ благотворительной цѣлью и пр.—все это давало полное право считать Я. С. однимъ изъ главныхъ двигателей общественной жизни Московскаго купечества. Умеръ онъ скоропостижно въ ночь на 25-е февраля 1851 г. и похороненъ на Семеновскомъ кладбищѣ.

«Московскія Вѣдомости» 1851 г., № 29. стр. 238; 1853 г., № 71, стр. 730.—Списокъ Московск. первост. 1—3 гильдіи купцовъ. М. 1831 г. *Ал. Ельницкій.*

Ломакинъ, *Гавріилъ Якимовичъ*, композиторъ, дирижеръ и музык. дѣятель, род. 25 марта 1812 г. въ семьѣ управляющаго курскимъ имѣньемъ гр. Д. Н. Шереметева. Мальчикомъ пѣлъ въ сельскомъ церковномъ хорѣ, а затѣмъ былъ перемѣщенъ въ хоръ графа въ Петербургъ. Здѣсь Ломакинъ находился подъ руководствомъ итальянца Сапіенца, учителя хора, а въ 1830 г. самъ занялъ его мѣсто. Одновременно онъ былъ приглашенъ на должность учителя пѣнія въ Театральное училище, Павловскій кадетскій корпусъ и др. учебныя заведенія. Собственное его музыкальное образованіе подвигалось впередъ главнымъ образомъ вслѣдствіе прилежнаго изученія музыкальной литературы и работъ надъ церковными напѣвами, что было для него, какъ учителя пѣнія и дирижера, необходимо. Въ 1848 г. Ломакинъ былъ приглашенъ на должность учителя пѣнія въ Придворную Пѣвческую Капеллу, директоромъ которой состоялъ А. Ѳ. Львовъ. Въ Капеллѣ въ это время была предпринята серьезная работа по гармонизаціи церковнаго обихода, и Ломакинъ оказалъ большія услуги по составленію круга церковнаго пѣнія, извѣстнаго, однако, до сихъ поръ, какъ «положеннаго подъ главнымъ руководствомъ» А. Ѳ. Львова. Ломакинъ чувствовалъ себя обиженнымъ невниманіемъ послѣдняго и вскорѣ оставилъ службу въ Придворной Капеллѣ.

Между тѣмъ хоръ гр. Шереметева подъ управленіемъ Ломакина сталъ пользоваться

извѣстностью въ широкихъ кругахъ общества, и концерты хора привлекали тогдашнихъ лучшихъ цѣнителей и знатоковъ хорового пѣнія. Кромѣ духовныхъ сочиненій православнаго богослуженія, принадлежащихъ современнымъ авторамъ, хоръ отлично исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ—Палестрины, Баха и др., а изъ современныхъ—Берліоза, Листа и считался наряду съ Придворной Капеллой самымъ выдающимся хоромъ столицы. Ломакинъ примѣнялъ свои силы преимущественно въ области церковной музыки, желая «воскресить первобытную старину», какъ онъ самъ говорилъ. Подобныя задачи для церковнаго пѣнія ставились въ то время не только Ломакинымъ, но и многими другими дѣятелями, напр., М. И. Глинкой, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. Ѳ. Львовымъ, съ которыми Ломакинъ былъ близко знакомъ. Ломакинъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій въ строгомъ стилѣ западной церковной музыки, но они не признавались въ свое время, какъ не признаются и теперь, за непогрѣшимые образцы, ибо и на самомъ дѣлѣ не воскрешаютъ первобытной старины, какъ того хотѣлъ Ломакинъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ кружкѣ М. А. Балакирева, къ которому принадлежалъ и Ломакинъ, возникла мысль объ открытіи безплатной музыкальной школы въ Петербургѣ, при чемъ Ломакину предполагалось поручить устройство и завѣдываніе хоромъ школы. Ломакинъ очень увлекся этой мыслью и далъ даже нѣсколько концертовъ съ хоромъ гр. Шереметева въ пользу вновь открывавшейся безплатной музыкальной школы. Въ 1862 г. она была открыта, и начались занятія Ломакина съ набраннымъ изъ любителей хоромъ по серьезной программѣ, что было совершенно ново для неимѣвшей подобныхъ хоровыхъ классовъ столицы. Хоръ школы часто выступалъ въ концертахъ, неизмѣнно пользовавшихся громаднымъ успѣхомъ какъ по совершенству хорового исполненія, такъ и по репертуару изъ сочиненій и классическихъ и новѣйшихъ, преимущественно русскихъ, композиторовъ. До 1870 г. Ломакинъ руководилъ хоромъ школы. Въ 1871 г. умеръ гр. Д. Н. Шереметевъ, и хоръ его предположено было распустить. Съ цѣлью собрать необходимую сумму для временнаго поддержанія хора Ломакинъ въ 1872 г. далъ нѣсколько концертовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, но все-же хоръ въ этомъ году былъ распущенъ, и Ломакинъ переѣхалъ на жительство въ Гатчину. Напряженная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, неудачи и непріятности отразились на здоровьѣ Ломакина, и онъ заболѣлъ разстройствомъ нервной системы. Впрочемъ, отъ болѣзни скоро оправился, хотя и не окончательно. Въ 1874 г. гр. С. Д. Шереметевъ возстановилъ хоръ подъ управленіемъ Ломакина, но на этотъ разъ только мужской и въ меньшемъ количествѣ голосовъ. Это возобновленіе дѣятельности хора благотворно подѣйствовало на Ломакина, и онъ сообщилъ пѣнію хора прежній блескъ и значеніе. Скончался Ломакинъ 9 мая 1885 г. въ Гатчинѣ.

Изъ многочисленныхъ сочиненій его наибольшей извѣстностью пользуются 10 №№ херувимскихъ пѣсней и 14 №№ причастныхъ. Изданы еще «Литургія», нѣсколько отдѣльныхъ пѣснопѣній, Руководство къ обученію хоровому пѣнію и др.

Г. Я. Ломакинъ, Автобіографическія записки, съ примѣчаніями В. В. Стасова («Русск. Старина», 1886 г., т. XLIX, L и LI).

А. Преображенскій.

Ломанъ, *Владиміръ* (Christian Woldemar *Lohmann*), надворный совѣтникъ, докторъ, род. 20 февр. 1712 г., ум. 30 марта 1776 г. Уроженецъ Дерпта, учился въ университетѣ въ Ростокѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины въ 1736 г. Въ 1741 г. онъ былъ принятъ по контракту на русскую службу, въ Московскую дивизію, а 1750 г. переведенъ въ Васильковскій карантинъ. Ломанъ на новомъ мѣстѣ велъ энергичную борьбу противъ невѣжества и корыстолюбія лицъ, находившихъ личныя выгоды въ томъ, чтобы карантинъ существовалъ лишь номинально; проведя болѣе 10 лѣтъ на своемъ посту, Ломанъ успѣлъ, во всякомъ случаѣ, положить прочное основаніе раціональному устройству карантиновъ на югѣ Россіи. Въ 1761 г. онъ перешелъ на службу въ московскій генеральный госпиталь, а въ 1764 г. назначенъ былъ старшимъ докторомъ петербургскаго генеральнаго госпиталя.

Чистовичъ, «Исторія перв. медиц. школъ въ Россіи», CCIX—CCXIII.—*Recke u. Napiersky*, «Allgem. Schriftst. u. Gelerht.—Lexicon», III.—*Рихтеръ*, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 504.

Н. Ч.

Ломанъ-фонъ, *Логинъ Логиновичъ*, тайн. сов., дѣятельный членъ Император. Вольно-экономическаго общества, р. 16 сент. 1818 г. Въ началѣ 60-хъ годовъ помѣщалъ свои мелкія статьи въ журналѣ «Искра» и въ «Петербургскомъ Листкѣ». Скончался онъ въ Петербургѣ 26 декабря 1884 г.

«Новь» 1885 г., кн. 6, стр. 394.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. IV, стр. 54.

Ломанъ, *Николай Логиновичъ*, педагогъ и писатель, род. 4 февр. 1830 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго преподавалъ русскую словесность въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; затѣмъ онъ былъ директоромъ С.-Петербургскаго тюремнаго комитета, въ каковой должности проявилъ большую энергію и гуманность. Подъ псевдонимомъ *Н. Гнутъ* Ломанъ помѣщалъ въ «Искрѣ» бойкія юмористическія стихотворенія. Скончался 5 декабря 1892 г.

Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 928.

Ломачевскій, *Асинкритъ Ивановичъ*, авторъ «Записокъ жандарма», родился около 1810 года. Въ 1837 г. онъ чуть было не занялъ должность «лектора обязанностей офицера генеральнаго штаба въ мирное и военное время», но съ переходомъ своего протеже, А. И. Нейдгарда, на службу въ другое вѣдомство, самъ рѣшилъ перемѣнить родъ занятій. Указомъ отъ 28 декабря 1837 г. Ломачевскій былъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ и въ началѣ слѣдующаго года переѣхалъ на службу въ г. Минскъ. Въ этотъ періодъ времени А. И. неоднократно былъ посылаемъ по губерніи для разслѣдованія недоразумѣній на религіозной почвѣ съ уніатскимъ и польскимъ духовенствомъ. Какъ улаживалъ Ломачевскій эти конфликты, можно заключить изъ восклицанія одного уніатскаго священника, направленнаго по адресу А. И.: «Вы первый научили меня уважать голубой мундиръ, а не пугаться его».

Въ 1840 г. случилось событіе, которое дало возможность Ломачевскому выдѣлиться изъ ряда своихъ сослуживцевъ и зарекомендовать себя, какъ дѣльнаго чиновника. Въ это время на границѣ съ Пруссіей были задержаны два польскихъ студента и гимназистъ, намѣревавшіеся бѣжать въ Германію. При обыскѣ у одного изъ нихъ было найдено рукописное сочиненіе, направленное въ защиту польскаго народа и противъ русскаго государя. Наряжено было слѣдствіе, которое въ скоромъ времени открыло цѣлый заговоръ, будто угрожавшій даже жизни монарха. Въ комиссію для разслѣдованія этого дѣла былъ также назначенъ и Ломачевскій. Тутъ ему пришлось натолкнуться на цѣлый рядъ такихъ хитросплетенныхъ злоупотребленій, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало раскрыть истинность этого происшествія и представить по начальству дѣло это въ дѣйствительномъ свѣтѣ. Кажущаяся запутанность этого дѣла разсѣялась, какъ только одинъ изъ многочисленныхъ арестованныхъ удивился требованію Ломачевскаго разсказать истинную правду. Тутъ А. И. узналъ, что заключенный давалъ ложныя показанія и оговаривалъ невинныхъ, какъ того хотѣли чиновники, производившіе слѣдствіе и желавшіе во что бы то ни стало «раскрыть крупный заговоръ, угрожающій всему государству». Къ дѣлу были привлечены даже личные враги членовъ наряженной комиссіи и пр. Все это безъ труда было раскрыто Ломачевскимъ и представлено по начальству, за что А. И. получилъ даже высочайшее благоволеніе. Вся подноготная этой «виленской драмы» была описана Ломачевскимъ въ «Запискахъ жандарма», не предназначавшихся для печати. Но когда появилось ошибочное описаніе этихъ событій, онъ рѣшилъ издать свои «Записки», которыя и появились въ 1872 г. въ «Вѣстникѣ Европы» (мартъ, стр. 244—288; апрѣль, стр. 723—757 и май, стр. 296—326). Такимъ образомъ рукопись Ломачевскаго имѣетъ чисто историческое значеніе. Благодаря несомнѣнной искренности автора, по этимъ «Запискамъ» можно съ достаточной точностью ознакомиться съ порядками отжившей эпохи, результатомъ крѣпостного права и отсутствія гласности въ судѣ и печати, необузданнымъ произволомъ администраціи и проч. Собственно о такъ называемой виленской драмѣ въ «Запискахъ» говорится только во второй и третьей части, въ первой же, служащей какъ бы предисловіемъ, авторъ говоритъ вообще о своей дѣятельности, какъ жандарма, въ томъ смыслѣ, какъ понималось это слово и соединенныя съ нимъ права и обязанности прежде. Кромѣ «Записокъ жандарма», Ломачевскій сообщалъ въ «Рус. Старину» замѣтки объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, имѣвшихъ то

или другое историческое значеніе. Такъ, въ 1873 г. появилась его замѣтка «Суперьеръ ксендзъ Панкраціи» («Р. Стар.», т. 8, № 12, стр. 998—999); въ 1874 г.—«Разсказы изъ прежней полицейской службы въ Петербургѣ» (т. 9, стр. 780—789, т. 10, стр. 201—205), гдѣ авторъ передаетъ различные случаи изъ своей служебной практики, характеризующіе начальство и проч. Затѣмъ, въ 1876 г. въ редакцію были доставлены замѣтки Ломачевскаго генеалогическаго характера о Зубовыхъ («Р. Стар.», т. XVII, № 9, стр. 173—174) и Годлевскихъ (ib., стр. 174—175). Кромѣ этого, когда вышли новые законы о судопроизводствѣ, Ломачевскій выступилъ въ защиту ихъ на страницахъ «Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1867 г., № 20, ст. подъ заглавіемъ «Изъ воспоминаній старожила»). Къ трудамъ Ломачевскаго надо отнести и «Сѣти для составленія географическихъ картъ пяти частей свѣта и Европейскихъ государствъ» (Спб., 1833)—трудъ, состоящій изъ восемнадцати таблицъ съ напечатанными градусными дѣленіями географической широты и долготы.

Изъ дальнѣйшей служебной карьеры Ломачевскаго видно, что вскорѣ онъ перешелъ на должность управляющаго почтовымъ вѣдомствомъ въ Минской губ., затѣмъ около 1868 г. былъ мировымъ посредникомъ въ Игуменномъ уѣздѣ. Однако эту должность онъ занималъ недолго, въ 80-хъ годахъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ томъ же уѣздѣ, гдѣ, очевидно, и скончался.

«Рус. Стар.», 1873, т. 8, № 12, стр. 998; 1874, т. 9, № 4, стр. 786; т. 10, № 5, стр. 201; 1876, № 9, стр. 173 и 174.—«Вѣстн. Евр.», 1872, т. 2, № 3, стр. 242; № 4, стр. 723 и № 5, стр. 296.—«Минск. Губ. Вѣдомости» 1867, № 20, стр. 52.

А. Е—ій.

Ломачевскій, *Дмитрій Платоновичъ*, подполковникъ, писатель-беллетристъ, родился въ 1830 г., помѣщалъ въ мелкой прессѣ бойкіе и полные наблюдательности разсказы; часть ихъ вошла въ 1-й вып. «Дачной библіотеки» (Спб. 1872 г.). Издалъ отдѣльно «Съ квартиры на квартиру» (Спб., 1868) и «Русскій мотъ» (Спб., 1871 г.). Умеръ Ломачевскій въ 1878 г.

Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 34, стр. 928.

Ломенъ, *Ѳедоръ Яковлевичъ*, вице-адмиралъ, директоръ Балтійскаго штурманскаго училища и начальникъ Ревельскаго флота. Первоначальное образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ гардемариномъ 10-го декабря 1769 г. Въ 1772 г. въ чинѣ мичмана онъ совершилъ плаваніе на кораблѣ «Чесьма» изъ Ревеля въ Ливорно и въ Архипелагъ, а затѣмъ на кораблѣ «Побѣда» принималъ участіе въ сраженіи съ дульциніотскимъ флотомъ въ Лепантскомъ заливѣ и былъ въ военномъ крейсерствѣ въ Архипелагѣ (1773—1775). По возвращеніи на родину (1777 г.) Ломенъ былъ произведенъ въ лейтенанты и назначенъ командиромъ яхты «Петергофъ», вошедшей въ составъ судовъ, посланныхъ къ Березовымъ островамъ по случаю пріѣзда шведскаго короля. Командированный въ 1778 г. въ Англію, Ломенъ поступилъ въ качествѣ волонтера въ тамошній военный флотъ, съ которымъ совершилъ въ 1779 г. плаваніе у береговъ Весть-Индіи. Вернувшись въ Россію въ 1780 г., онъ былъ въ кампаніи на придворной яхтѣ «Екатерина», а затѣмъ былъ командированъ изъ Петербурга въ Лиссабонъ курьеромъ къ начальнику находившейся тамъ эскадры, бригадиру Палибину. Въ 1782—1784 г., будучи въ составѣ эскадры вице-адмирала Чичагова, онъ плавалъ на кораблѣ «Святославъ» отъ Кронштадта до Ливорно и обратно; около этого-же времени онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Во время шведской кампаніи 1788—1789 г.г., командуя фрегатомъ «Подражиславъ», Ломенъ принималъ сначала участіе въ Гогландскомъ сраженіи, а затѣмъ, перейдя на фрегатъ «Брячиславъ», былъ въ крейсерствѣ съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ и участвовалъ въ Эланскомъ сраженіи; послѣ того, войдя въ составъ отряда капитана Тревенена, былъ у Паркалаута и участвовалъ въ сраженіи при овладѣніи Барезундскимъ проходомъ. Въ чинѣ капитана 2 ранга, командуя тѣмъ-же фрегатомъ, Ломенъ участвовалъ въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ и за отличіе былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Съ 1793—1797 г., командуя кораблемъ «Эмгейтенъ» въ эскадрѣ адмирала Круза, плавалъ сначала въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, а затѣмъ совершалъ ежегодное плаваніе между Кронштадтомъ и Ревелемъ. Въ 1797 г. въ чинѣ капитана 1-го ранга

онъ плавалъ на томъ же кораблѣ у Красной Горки съ флотомъ подъ штандартомъ императора Павла и «за похвальное управленіе кораблемъ при эволюціяхъ» удостоился получить орденъ св. Анны 2-й ст. Въ 1800 г., командуя кораблемъ «Сѣверный Орелъ», Ломенъ участвовалъ въ маневрахъ флота у Красной Горки въ присутствіи государя и былъ награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Произведенный въ царствованіе императора Александра въ контръ-адмиралы и имѣя флагъ послѣдовательно на корабляхъ «Сѣверный Орелъ», «Св. Петръ», «Михаилъ» и на фрегатѣ «Св. Ѳеодосій», онъ плавалъ въ эскадрѣ адмирала Тета отъ Кронштадта въ Сѣверный океанъ и обратно и за «похвальное мореплаваніе» получилъ монаршее благоволеніе. Во время кампаніи 1805 г. Ломенъ, командуя дивизіей кораблей и транспортныхъ судовъ, плавалъ въ шведскую Померанію съ десантными войсками на островъ Рюгенъ. Въ 1808 г. за скорое приготовленіе эскадры къ походу онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 1-й ст. и въ томъ же году назначенъ директоромъ Балтійскаго штурманскаго училища и произведенъ въ вице-адмиралы, а въ слѣдующемъ году назначенъ на должность флотскаго начальника въ Ревелѣ. Скончался Ломенъ 11-го іюня 1822 г.

Общій Морской списокъ, ч. IV, Спб. 1890 г., стр. 262—264.

И. Артамонова.

Ломиковскій, *Василій Яковлевичъ*, изслѣдователь Малорусской старины, родился 15 января въ 1777 г., потомокъ генеральнаго обознаго Ивана Ломиковскаго, ревностнаго сторонника Мазепы. Первоначальное воспитаніе Ломиковскій получилъ въ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, затѣмъ служилъ на военной службѣ. Однако уже въ самомъ началѣ XIX столѣтія онъ вышелъ въ отставку и въ чинѣ штабсъ-капитана поселился въ своемъ миргородскомъ хуторѣ Трудолюбѣ. По словамъ его друга, также большого любителя малорусской старины, И. Р. Мартоса, Ломиковскій любилъ заниматься хозяйствомъ, древностями и «книгами до сихъ предметовъ относящимися». Изъ бумагъ Ломиковскаго видно, что древностями онъ занимался исключительно малорусскими; сохранились его тетрадки подъ заглавіемъ: «припасы для малороссійской исторіи». Эти «припасы» состоятъ преимущественно изъ рукописныхъ малорусскихъ лѣтописей, книгъ и разнаго рода актовъ и пр. Можно заключить, что Ломиковскій имѣлъ въ виду писать малороссійскую исторію, хотя намѣреніе это врядъ ли могло осуществиться по причинѣ неподготовленности его къ ученолитературной работѣ. Изъ всѣхъ его трудовъ вполнѣ самостоятельнымъ является только «Словарь малорусской старины», напечатанный въ 1894 г. въ «Кіевской Старинѣ» (кн. 7). Рукопись этого словаря была закончена въ 1808 г. и, несмотря на неполноту свою, представляетъ большую цѣнность, такъ какъ составлялась частью по личнымъ воспоминаніямъ и справкамъ, а частью и по живому преданію людей. Въ научный обиходъ изслѣдователей малорусской старины трудъ этотъ внесъ не мало существенныхъ поясненій о предметахъ, о которыхъ имѣлись лишь незначительныя свѣдѣнія, какъ напр. слова: казусъ, канцелярія, компромиссъ и др. Первымъ трудомъ Ломиковскаго является «Запись малороссійскихъ думъ» въ 1803—1805 г. Эта рукопись, содержавшая въ себѣ нѣсколько совершенно новыхъ и исчезнувшихъ, забытыхъ народною памятью думъ, сохранила на заглавномъ листѣ своемъ слѣдующія строки: «Повѣсти малороссійскія числомъ 16. Списаны изъ устъ слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія, котораго засталъ я въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка». Всѣхъ листовъ въ рукописи, считая съ заглавнымъ, восемь съ половиной или семнадцать полулистовъ. Пагинаціи листовъ нѣтъ, но каждая пьеса отмѣчена числомъ. Эти думы и пѣсни озаглавлены слѣдующими названіями: «Три брата въ плѣну въ Азовѣ»; «Козакъ Иванъ Коновченко изъ гор. Черкасъ»; «Пирятинскій поповичъ Алексѣй»; «Федоръ Безродной»; «Три брата Самарскіе»; «Атаманъ Матяшъ старый»; «Козакъ прощается съ сестрами»; «Братъ да сестра»; «Кишка Самыйло»; «Иванецъ богославецъ гет. Запорож.:»; «Вдова въ городѣ Чечельницѣ (въ Польшѣ»); «Дворянская жена»; «Чечетка»; «Попадья»; «Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ» и «Вдова Сирка Ивана». Между прочимъ, послѣ послѣдней думы стоитъ непонятное слово: «*Сабардакъ*»; отъ предшествующаго текста оно отдѣлено чертой и само подчеркнуто, но, повидимому, не яв-

ляется названіемъ новой пѣсни или думы, такъ какъ не имѣетъ обычной нумераціи.

Такимъ образомъ эта запись Ломиковскаго является истиннымъ вкладомъ въ малороссійскую литературу и по времени должна быть признана древнѣйшей, такъ какъ сборникъ кн. Цертелева былъ изданъ только въ 1819 г. Всѣ думы, записанныя Ломиковскимъ, напечатаны въ трудѣ И. Житецкаго: «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» (Кіевъ. 1893 г.). Другимъ трудомъ Ломиковскаго является переводъ съ французскаго историческаго труда Шерера: «Annales de la Petite Russie (СПБ. 1788 г.). Затѣмъ надо отмѣтить найденную у него рукопись подъ заглавіемъ: «О первобытныхъ жителяхъ Малороссіи обоихъ береговъ Днѣпра и береговъ Чернаго и Азовскаго морей» и отрывокъ изъ дневника («Кіевская Старина» 1895, ноябрь), свидѣтельствующій о несомнѣнномъ литературномъ талантѣ автора. Наконецъ, послѣднимъ трудомъ его является: «Разведеніе лѣса въ сельцѣ Трудолюбѣ», за который Ломиковскій былъ награжденъ Обществомъ поощренія лѣсного хозяйства золотой медалью.

Человѣкъ безусловно одаренный недюженными способностями, Ломиковскій отличался мягкимъ сердцемъ и большою впечатлительностью. Эта черта въ его характерѣ безусловно повліяла на весь укладъ его послѣдующей жизни въ смыслѣ сильнаго увлеченія мистицизмомъ, начавшагося со времени укрѣпленія дружбы съ И. Р. Мартосомъ.

Эта дружба несомнѣнно оставила глубокій слѣдъ въ душѣ Ломиковскаго и отклонила его отъ излюбленныхъ его занятій по «малорусской старинѣ». А. Лазаревскій, въ біографическомъ очеркѣ И. Мартоса, даже готовъ признать, что эта дружба, вѣрнѣе вліяніе Мартоса, этого отчаяннаго мистика, оказало громадное вліяніе на ходъ работъ по исторіи Малороссіи, которую по всей вѣроятности хотѣлъ написать Ломиковскій. Сохранилась обширная переписка Ломиковскаго съ Мартосомъ, обнимающая періодъ времени съ 1818 по 1830 г., т. е. по годъ смерти послѣдняго. Правда, нѣкоторыя письма Ломиковскаго содержатъ въ себѣ обыкновенныя новости о его друзьяхъ и знакомыхъ, о дѣлахъ житейскихъ, но безусловно доминирующимъ элементомъ въ перепискѣ слѣдуетъ признать мистику. Въ этомъ смыслѣ Мартосъ нашелъ себѣ въ лицѣ Ломиковскаго весьма преданнаго адепта. Умеръ Ломиковскій бездѣтнымъ около 1848 года. Рукописи его хранятся у одного любителя старины, въ Кіевѣ.

А. А. Котляревскій, соч. т. IV, стр. 631, изд. 1895 г. II.—*И. Житецкій*, «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ». К. 1893, стр. 178—179.—«Кіевская Старина» 1894 г., кн. 7, предисловіе къ словарю; 1895, октябрь, біогр. очеркъ Мартоса; ноябрь, дневникъ Ломиковскаго. — «Энциклопедическій словарь Ефрона», т. 34, стр. 938.—*В. Модзалевскій*, «Малор. родосл.», т. III, стр. 194.

Ал. Ельницкій.

Ломиковскій, *Иванъ Васильевичъ*, генеральный обозный, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ Мазепы, род. въ 1654 г., ум. въ 1714 г. Отецъ его жилъ на Волыни. Во время смутъ на Украйнѣ во второй половинѣ XVII вѣка Ломиковскій вышелъ съ Волыни и сперва служилъ у гетмана Ханенка генеральнымъ писаремъ въ Умани (1667), послѣ отказа его отъ булавы (1674) перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра и поступилъ въ число «дворянъ» гетмана Самойловича, затѣмъ поступилъ въ войско со званіемъ войскового товарища. Послѣ паденія Самойловича онъ сумѣлъ удержаться при новомъ гетманѣ Мазепѣ, который поставилъ его генеральнымъ хорунжимъ; тогда же Ломиковскій получилъ почетное званіе стольника. Впослѣдствіи Мазепа далъ Ломиковскому урядъ генеральнаго есаула (1696), а по смерти Василія Барковскаго и урядъ генеральнаго обознаго, который по рангу былъ первымъ лицомъ послѣ гетмана; въ 1702 г. Ломиковскій получилъ отъ Мазепы земельныя пожалованія. Въ измѣну Мазепы Ломиковскій игралъ самую видную роль изъ всѣхъ его сторонниковъ: послѣ казни Кочубея и Искры онъ особенно настаивалъ на скорѣйшемъ начатіи рѣшительныхъ дѣйствій; по его же настоянію, Мазепа присягнулъ въ неизмѣнности своего плана, въ чемъ, въ свою очередь, присягнулъ вмѣстѣ съ другими, и Ломиковскій, обѣщаясь стоять за гетмана до крови, своими требованіями дѣйствовать открыто и быстро. Ломиковскій смущалъ гетмана, который при приближеніи рѣшительной минуты, видимо, колебался. При появленіи войскъ Меньшикова Мазепа, какъ извѣстно, скрылся въ Борзну, но, узнавъ, что Меньшиковъ его и тамъ хочетъ посѣтить,—поскакалъ навстрѣчу къ шведамъ, находившимся у с. Орловки, при чемъ послалъ Ломиков-

скаго извѣстить Карла XII о прибытіи своемъ. Послѣ Полтавской битвы Ломиковскій бѣжалъ вмѣстѣ съ Мазепой, захвативъ съ собою одного изъ сыновей. Мѣстопребываніемъ своимъ Ломиковскій, какъ и гетманъ, выбрали Яссы. Здѣсь Ломиковскій прожилъ до 1714 года, когда скончался; тѣло его погребено въ Яссахъ же. Всѣ громадныя имѣнія, нажитыя имъ за долговременную службу, были конфискованы и розданы впослѣдствіи другимъ лицамъ.

Дѣла Архива Департамента Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ рода Ломиковскихъ—«Кіевская Старина» 1886 г., т. XIV, стр. 10—13,—*А. Лазаревскій*, «Описаніе Старой Малороссіи», т. I, Кіевъ. 1889, стр. 75, 76, 378, 379, 404; т. II, Кіевъ. 1893, стр. 176; т. III, Кіевъ. 1902, стр. 232.—Сулимовскій архивъ, Кіевъ. 1884, стр. 25.—Мотыжинскій архивъ, Кіевъ. 1890, стр. 2, 3, 131. — «Молодикъ» 1844 г., т. V, стр. 71-75.— «Основа» 1862 г., № 10, стр. 21.—*С. Соловьевъ*. «Исторія Россіи», кн. III, стр. 1493, 1514, 1515, 1516, 1518, 1520.—*В. Модзалевскій*, «Малорос. росл.», т. III, стр. 187.

Б. Модзалевскій.

Ломновскій, *Петръ Карловичъ*, начальникъ Николаевскаго инженернаго училища, военный инженеръ, ген.-лейт., умеръ 15 января 1860 г. Съ именемъ его связанъ одинъ печатный трудъ «Курсъ военно-строительнаго искусства», соч. Эльснера, ч. I (Спб. 1827) и II съ чертежами (Спб. 1831).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 247.

Ломоносовъ, *Михаилъ Васильевичъ*, ученый и писатель, дѣйствительный членъ Россійской Академіи Наукъ, профессоръ химіи С.-Петербургскаго университета, родился въ дер. Денисовкѣ, Архангельской губ., 8 ноября 1711 г., скончался въ С.-Петербургѣ 4 апрѣля 1765 года.

Въ настоящее время многое, казавшееся раньше неяснымъ въ жизни Ломоносова (особенно, напр., событія его дѣтства и юношества до пріѣзда въ Петербургъ), получаетъ новое освѣщеніе благодаря документамъ, опубликованнымъ въ связи съ празднованіемъ двухсотлѣтія со дня его рожденія; вмѣстѣ съ извлеченнымъ изъ архивовъ Академіи Наукъ матеріаломъ теперь является возможность дать болѣе полный и, главное, болѣе точный біографическій очеркъ Ломоносова, основанный на документальныхъ данныхъ, а не на анекдотахъ современниковъ. Точно также нынѣ, — когда разысканы и разобраны научныя рукописи Ломоносова, сохранившіяся въ архивахъ Академіи, и напечатаны въ выходящемъ Академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова (представляющемъ первое, дѣйствительно полное собраніе всего написаннаго имъ); когда труды Ломоносова, профессора химіи и ученаго, въ области естественныхъ наукъ получили со стороны спеціалистовъ такую же подробную оцѣнку, какую мы давно уже имѣемъ для дѣятельности Ломоносова какъ филолога, писателя и поэта — мы можемъ наконецъ получить болѣе полное представленіе о громадномъ значеніи всего, сдѣланнаго Ломоносовымъ какъ для русскаго языка, такъ и для науки вообще.

Отецъ Ломоносова, Василій Дорофѣевъ Ломоносовъ, былъ однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ и предпріимчивыхъ поморовъ начала XVIII столѣтія, обладавшій несомнѣнно выдающеюся наблюдательностью и большимъ природнымъ умомъ; по тогдашнимъ достаткамъ человѣкъ онъ былъ зажиточный, владѣвшій нѣсколькими судами и землею на Куростровѣ Сѣверной Двины, противъ гор. Холмогоръ, у деревни Денисовки. Первый разъ онъ женился на дочери дьякона села Николаевскихъ Матигоръ, Еленѣ Ивановнѣ Сивковой; отъ этого брака родился въ 1711 году, вѣроятно 8 ноября, ихъ единственный сынъ — Михайло Васильевъ Ломоносовъ.

Дѣтскіе годы Ломоносова протекли въ обычныхъ условіяхъ жизни дѣтей поморовъ: до 10 лѣтъ онъ оставался дома, а съ этого времени отецъ сталъ брать его съ собою каждый годъ на промыселъ, чтобы съ малыхъ лѣтъ пріучить сына къ этому дѣлу. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ также нерѣдко бывалъ и жилъ у родныхъ въ Архангельскѣ, гдѣ встрѣчалъ, конечно, не мало интереснаго и поучительнаго. На промыселъ Ломоносовъ ходилъ до 19 лѣтъ и за это время многое видѣлъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ. Нельзя не удивляться внимательности, съ какою онъ наблюдалъ всѣ проявленія сѣверной природы, обычаи и образъ жизни тамошнихъ жителей, животныхъ, и точности, съ какой запоминалъ все видѣнное; впослѣдствіи Ломоносовъ нерѣдко пользовался этими юношескими наблюденіями въ своихъ ученыхъ трудахъ.

Несомнѣнно, что общее развитіе, полу-

ченное Ломоносовымъ въ это время, было довольно разностороннимъ: не говоря уже о собственно промысловомъ дѣлѣ, онъ изучилъ соляное дѣло на поморскихъ солеварняхъ Бѣлаго моря, съ которыхъ покупалъ соль для промысла; познакомился и со многими ремеслами на извѣстной въ то время Вавчужской верфи, въ 10-ти верстахъ отъ Куростровa, строившей не только торговые, но и военные корабли. Въ связи съ грандіозными явленіями природы, возбуждавшими живѣйшій интересъ, вполнѣ естественно, что въ Ломоносовѣ проявилось страстное желаніе изучить тѣ точныя науки, которыя позволили бы ближе познать сущность этихъ явленій. Ломоносовъ рано научился грамотѣ; успѣхи его были поразительны, такъ какъ по сохранившимся извѣстіямъ онъ уже 12 лѣтъ читалъ въ приходской церкви псалмы и каноны лучше другихъ, болѣе старыхъ начетчиковъ. Сперва онъ имѣлъ доступъ только къ книгамъ духовнымъ, а потомъ нашелъ у сосѣда Дудина грамматику Смотрицкаго и энциклопедію точныхъ наукъ Магницкаго подъ названіемъ «Ариѳметика» и быстро усвоилъ содержаніе ихъ.

Мать Ломоносова умерла, когда онъ былъ еще малышомъ; отецъ его вскорѣ женился вторично на Ѳеодорѣ Михайловнѣ Уской, скончавшейся 14 іюня 1724 г. (отъ этого брака родился сынъ Иванъ, о которомъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось), а затѣмъ вступилъ 11 октября того же года въ третій бракъ со вдовою Ириною Семеновой Корельской, отъ которой онъ имѣлъ дочь Марію. Эта вторая мачеха Ломоносова, вѣроятно женщина пожилая и сварливая, не взлюбила Михайлу и не упускала случая возстановить противъ него отца; особенно не нравилось ей пристрастіе мальчика къ книгамъ. Этотъ семейный гнетъ съ теченіемъ времени становился все невыносимѣе; къ тому же Ломоносовъ не могъ больше научиться чему-нибудь на родинѣ: хотя въ 1723 году въ Холмогорахъ и была открыта Славяно-латинская школа, но поступить въ нее онъ не могъ—въ школу не принимали крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Эти двѣ причины, вѣроятно, и заставили Ломоносова принять рѣшеніе покинуть родину и идти туда, гдѣ не знали, что онъ крестьянинъ. Выборъ его естественно палъ на Москву, съ которой поморы имѣли оживленныя торговыя сношенія.

Это намѣреніе Ломоносовъ осуществилъ въ 1730 году. Въ волостной книгѣ Куростровa записано: «1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михайло Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года». Самъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ уходѣ такъ: «Въ прошломъ 1730 году, декабря въ 9 числѣ съ позволенія онова отца его отбылъ онъ, Ломоносовъ, въ Москву, о чемъ данъ былъ ему и пашпортъ... исъ Холмогорской воеводской канцеляріи за рукою бывшаго тогда воеводы Григорія Воробьева». Въ Москву Ломоносовъ прибылъ въ самомъ началѣ января 1731 г. и остановился у подьячаго Сыскного приказа И. Дутикова; въ концѣ января онъ подалъ прошеніе о поступленіи въ Славяно-греко-латинскую Академію при Заиконоспасскомъ монастырѣ. Архимандритъ Германъ приказалъ сдѣлать Ломоносову допросъ, на которомъ тотъ показалъ, что онъ — дворянскій сынъ изъ города Холмогоръ; удовлетворившись этимъ, архимандритъ принялъ его въ Академію (указомъ Синода отъ 7 іюня 1728 года было предписано «помѣщиковыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонравныхъ отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать»).

Осенью 1731 года Ломоносовъ не вернулся на родину; по словамъ земскаго Куростровской волости, Гурьева, «приказомъ тогдашняго ревизора Лермантова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михайла Ломоносова происходилъ по смерти отца его, со второй 741 года до второй же 747 года половины, изъ мирской общей той Куростровской волости отъ крестьянъ суммы».

Въ Академіи Ломоносовъ съ большимъ усердіемъ принялся за латинскій языкъ, въ то время — преддверіе всѣхъ наукъ: черезъ годъ онъ его уже усвоилъ очень основательно. Но затѣмъ Ломоносова постигло разочарованіе: точныхъ наукъ, къ которымъ онъ такъ стремился, въ Академіи не преподавалось... Положеніе его было во всѣхъ отношеніяхъ очень тяжелымъ, какъ изъ-за бѣдности (ученики получали на все 3 коп. въ день), такъ и отъ сознанія, что стоило ему возвратиться на родину — и можно было бы жениться и жить безбѣдно, а малые школьники издѣвались надъ двадцати-

лѣтнимъ парнемъ, пришедшимъ учиться латыни. Вѣроятно тяжелое матеріальное положеніе заставило Ломоносова въ 1734 году предпринять рискованный шагъ: въ то время потребовался для восточной экспедиціи священникъ, и Ломоносовъ заявилъ о своемъ желаніи быть таковымъ. На сдѣланномъ ему допросѣ онъ показалъ, что отецъ его—попъ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы въ Холмогорахъ, при вторичномъ же допросѣ въ Камеръ-Коллегіи, быть можетъ испугавшись суроваго наказанія за ложное показаніе, онъ сказалъ о себѣ всю правду и въ концѣ показанія выразилъ желаніе попрежнему учиться въ Академіи... Сколько извѣстно, чистосердечное показаніе не повредило Ломоносову, и онъ былъ оставленъ въ Академіи. Въ концѣ этого же года, будучи уже въ философіи, онъ по своей просьбѣ былъ командированъ въ Кіевскую духовную академію, славившуюся тогда своими учеными силами; но Ломоносовъ не нашелъ въ Кіевѣ преподаванія точныхъ наукъ и вернулся въ 1735 году въ Москву. Неизвѣстно, какіе были у него въ это время планы для осуществленія своего завѣтнаго желанія сдѣлаться ученымъ; но тутъ на помощь ему пришелъ счастливый случай, давшій ему все, что раньше казалось совершенно недосягаемымъ для крестьянина.

Въ 1734 году главнымъ командиромъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ былъ назначенъ баронъ Корфъ. По мысли Петра Великаго Академія должна была преслѣдовать одновременно и научныя и учебныя цѣли, и при ней были учреждены гимназія и университетъ; для пополненія этихъ учебныхъ заведеній бар. Корфъ обратился 13 мая 1735 г. въ Сенатъ съ ходатайствомъ выбрать изъ монастырей, гимназій и школъ Россіи достойныхъ учениковъ, достаточно подготовленныхъ къ слушанію лекцій профессоровъ. Сенатъ изготовилъ соотвѣтствующій указъ, и ректору Заиконоспасской Академіи было предписано послать въ Петербургъ 20 учениковъ, въ наукахъ достойныхъ. Ихъ набралось однако только 12, и среди нихъ былъ и Михайло Ломоносовъ; они прибыли въ столицу въ день новаго 1736 года и были зачислены студентами университета: съ этого дня жизнь и дѣятельность Ломоносова до самой смерти неразрывно связаны съ Академіей Наукъ.

Между тѣмъ судьба готовила Ломоносову новую неожиданность. Для Сибирской экспедиціи потребовался химикъ, знакомый съ металлургіей и горнымъ дѣломъ. Въ Академіи въ то время такового не было; поэтому рѣшили послать за границу, во Фрейбергъ, къ саксонскому металлургу Генкелю, трехъ студентовъ для обученія химіи и металлургіи. Выборъ палъ на москвичей Ломоносова и Виноградова и на сына горнаго совѣтника Рейзера; имъ дали хорошее содержаніе (1200 руб. въ годъ на всѣхъ) и строгую инструкцію. 19 сентября 1736 года вышелъ корабль съ нашими студентами изъ Петербурга, а въ Травемюнде пришелъ только 16 октября; затѣмъ черезъ Любекъ, Гамбургъ, Минденъ и Кассель Ломоносовъ, Виноградовъ и Рейзеръ направились въ Марбургъ, гдѣ они должны были изучить нѣмецкій языкъ, философію, математику, физику, химію и механику у проф. Хр. Вольфа, состоявшаго членомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Ломоносовъ сейчасъ-же принялся за эти науки и новые языки и основательно познакомился съ ними за два съ половиной года, проведенные имъ въ Марбургѣ; до насъ дошли похвальные отзывы, данные Ломоносову Вольфомъ и Дуйзингомъ, преподававшимъ химію. Послѣ суровой строгости духовной академіи и Петербургскаго университета, наши молодые люди очутились въ свободной атмосферѣ нѣмецкаго университета, среди веселой молодежи; въ ихъ распоряженіи были значительныя суммы денегъ; вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ проявилась дикость нравовъ и невоспитанность, инструкція была забыта, и кутежи стали порядкомъ дня. Ломоносовъ съ своими товарищами стали дѣлать долги, и къ іюлю 1739 г., когда пришло время покинуть Марбургъ, чтобы ѣхать въ Саксонію, въ Фрейбургъ, долговъ оказалось до 1936 талеровъ, т. е. около 10.000 руб. на теперешнія деньги. Съ кредиторами пришлось расплачиваться самому Вольфу, пока Академія Наукъ не прислала ему денегъ; отъ барона Корфа была дана новая инструкція, гораздо болѣе строгая; годовое содержаніе каждаго студента было доведено до 150 руб. вмѣсто прежнихъ 400 руб., деньги эти долженъ былъ хранить у себя бергратъ Генкель и объявить по всему городу, что Академія не будетъ платить по долгамъ, которые сдѣлаютъ студенты.

Въ Фрейбургѣ занятія металлургіей и горнымъ дѣломъ сперва шли гладко подъ руководствомъ Генкеля — въ то время очень извѣстнаго металлурга; но затѣмъ между Ломоносовымъ и имъ произошелъ рядъ столкновеній, кончившійся тѣмъ, что Ломоносовъ оставилъ въ маѣ 1740 года Фрейбергъ, возвратился въ Марбургъ и женился тамъ 6 іюня на дочери церковнаго старшины Елизаветѣ Цильхъ. Объ этомъ бракѣ никому не было извѣстно, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ считали Ломоносова холостымъ. Недолго продолжалась однако тихая супружеская жизнь: предстояло возвращеніе въ Россію. Послѣ неудавшейся попытки вернуться въ Петербургъ черезъ Амстердамъ, Ломоносовъ на возвратномъ пути въ Марбургъ былъ завербованъ въ Прусскій гусарскій полкъ, стоявшій въ крѣпости Везель; отсюда черезъ нѣсколько недѣль ему удалось убѣжать и послѣ разныхъ приключеній возвратиться въ Марбургъ, гдѣ онъ и провелъ зиму, а весною, согласно полученному отъ Академіи предписанію, одинъ, безъ жены, черезъ Любекъ направился на родину.

8 іюня 1741 года Ломоносовъ прибылъ въ Петербуръ, не выполнивъ всѣхъ возложенныхъ на него Академіей обязательствъ. Онъ, повидимому, не подвергся какимъ-либо взысканіямъ за это; ему отвели двѣ комнаты въ академическомъ домѣ по Второй Линіи Васильевскаго Острова, за Среднимъ Проспектомъ, гдѣ тогда помѣщался между Первой и Второй Линіями академическій огородъ и ботаническій садъ (нынѣ здѣсь находится Римско-Католическая Духовная Академія). Ломоносовъ представилъ въ Академію образчики своихъ знаній—двѣ диссертаціи; нѣсколько мѣсяцевъ у него не было опредѣленныхъ занятій, пока наконецъ, по прошенію, гдѣ онъ указывалъ, что вполнѣ можетъ обучать студентовъ и сочинять новыя книги, Ломоносова не произвели 8 января 1742 года адъюнктомъ Академіи по физическому классу съ жалованьемъ въ 360 руб. въ годъ, считая въ то число квартиру, дрова и свѣчи.

Происшедшій незадолго передъ тѣмъ дворцовый переворотъ возвелъ на престолъ дочь Петра Великаго, Елисавету; общее враждебное отношеніе къ нѣмцамъ коснулось и Академіи Наукъ, въ то время состоявшей почти исключительно изъ иностранцевъ, и имъ многіе воспользовались для обвиненія нѣмецкаго правителя канцеляріи, Шумахера, въ присвоеніи казенныхъ денегъ, незаконномъ распоряженіи всѣми дѣлами Академіи и т. д. Въ этихъ обвиненіяхъ Ломоносовъ не принималъ участія, но общее настроеніе отразилось и на немъ и привело къ длинному ряду скандаловъ, учиненныхъ въ пьяномъ видѣ; до апрѣля слѣдующаго 1743 года мы находимъ постоянно жалобы академиковъ на Ломоносова, обращенныя въ слѣдственную коммиссію (назначенную для выясненія виновности Шумахера), гдѣ онъ обвинялся въ прерываніи засѣданій конференціи непристойными выходками, въ оскорбленіяхъ членовъ ея, въ безчинствахъ въ Географическомъ департаментѣ. Коммиссія нѣсколько разъ вызывала Ломоносова къ допросу и затѣмъ постановила, 28 мая 1743 года, арестовать его и содержать подъ карауломъ.

Въ такомъ состояніи, безъ денегъ (за неимѣніемъ таковыхъ въ Академіи жалованья не выдавали) оставался Ломоносовъ до 18 января 1744 г., когда послѣдовалъ указъ: «адъюнкта Ломоносова для довольнаго его обученія отъ наказанія освободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія, а что онъ такіе непристойные проступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья годъ по нынѣшнему окладу его половинное». Извиненіе передъ конференціей было принесено Ломоносовымъ 27 января, а въ іюнѣ, по Высочайшему повелѣнію, было возстановлено и жалованье въ прежнемъ размѣрѣ. Наслѣдіемъ этого бурнаго времени остались четыре дѣла, возбужденныхъ противъ Ломоносова «въ бою и безчестіи»: отъ 1741 года за № 273 комиссаромъ М. Камеромъ; отъ 1742 года за № 363 бухгалтеромъ С. Прейсеромъ, за № 364 садовникомъ Штурмомъ и женою солдата Павлова, Прасковьей Васильевой. Эти дѣла оставались много лѣтъ безъ движенія и были въ производствѣ еще въ 1781 и 1783 годахъ, когда Ломоносова давно уже не было въ живыхъ.

Въ 1742—1744 годахъ Ломоносовъ далъ свои первыя литературныя произведенія, очень понравившіяся при Дворѣ и обратившія на себя вниманіе читающей

публики; онъ также принималъ участіе, по мѣрѣ возможности, и въ университетскомъ преподаваніи и не переставалъ работать надъ своими научными диссертаціями, особенно во время ареста. Еще въ Марбургѣ онъ началъ разрабатывать способы приложенія математики къ химіи и физикѣ; этимъ вопросомъ онъ теперь и занялся и пришелъ къ очень интереснымъ результатамъ, о которыхъ я скажу во второй части этого очерка. Къ этому времени за Ломоносовымъ также уже вполнѣ прочно установилась репутація поэта, и его оды, сочинявшіяся при всякихъ торжественныхъ случаяхъ, доставили ему извѣстность при Дворѣ. Къ этому періоду времени относятъ обыкновенно и пріѣздъ жены Ломоносова изъ Марбурга въ Петербургъ; я считаю однако вѣроятнымъ, что произошло это позже, приблизительно въ 1746 году. Никакихъ данныхъ на этотъ счетъ до сихъ поръ разыскать не удалось.

По возвращеніи въ началѣ 1745 года Императорскаго двора въ Петербургъ изъ Москвы Ломоносовъ подалъ на Высочайшее имя (въ то время въ Академіи президента не было) прошеніе о производствѣ его профессоромъ химіи, гдѣ напоминалъ объ обѣщаніи сдѣлать его профессоромъ по возвращеніи изъ-за границы, указывалъ на полученное имъ тамъ образованіе и на свои труды за послѣдніе два года. По разсмотрѣніи этой челобитной академическое собраніе постановило предложить Ломоносову написать диссертацію по металлургіи; это было послѣднимъ выполнено очень скоро, и по одобреніи сочиненія «о свѣтлости металловъ» Академія представила въ Сенатъ о назначеніи его профессоромъ. 25 іюля 1745 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Ломоносова профессоромъ: съ этого времени онъ становится полноправнымъ членомъ Академіи, первымъ русскимъ академикомъ, и въ качествѣ такового принялъ участіе первый разъ въ засѣданіи конференціи 12 августа. Матеріальное положеніе Ломоносова улучшилось отъ производства профессоромъ: окладъ жалованья повысился до 660 руб., но денежныя заботы не переставали тревожить его, какъ это видно по постояннымъ просьбамъ о выдачѣ жалованья впередъ и тяжбамъ по векселямъ. Къ тому же ему вмѣстѣ съ адъюнктомъ Миллеромъ въ качествѣ поручителей пришлось уплатить 715 рублей за предшественника Ломоносова, профессора Гмелина, уѣхавшаго въ отпускъ за границу и не возвратившагося оттуда; впослѣдствіи Гмелинъ вернулъ эти деньги. Въ 1747 году Ломоносову была дана въ томъ же домѣ, гдѣ онъ жилъ, большая квартира, занимавшая почти весь домъ.

Также выиграла отъ новаго положенія Ломоносова и ученая его дѣятельность, и кромѣ диссертацій въ 1745—1746 годахъ онъ перевелъ «Экспериментальную физику» Вольфа, отпечатанную въ 1746 году и быстро разошедшуюся. Переводъ посвященъ графу М. Л. Воронцову, высоко цѣнившему Ломоносова, и имѣлъ большое значеніе въ исторіи распространенія просвѣщенія въ Россіи, такъ какъ Ломоносову приходилось для него пріискивать не существовавшія раньше въ русскомъ языкѣ научныя слова. Эти выраженія и термины вполнѣ вошли въ научный обиходъ, такъ что Ломоносовъ является творцомъ основъ нашего научнаго языка. Сдѣлавшись профессоромъ, Ломоносовъ началъ, по мѣрѣ возможности, осуществлять свои мысли о возможно широкомъ распространеніи просвѣщенія въ Россіи. Въ силу сенатскаго указа отъ 17 октября 1745 г. о печатаніи перевода физики, гдѣ также предписывалось Ломоносову читать лекціи по физикѣ на русскомъ языкѣ, онъ 20 іюня 1746 года, послѣ продолжительныхъ и тщательныхъ приготовленій, приступилъ къ нимъ. Первая лекція прошла очень торжественно, въ присутствіи многихъ почетныхъ слушателей и президента Академіи, тогда недавно назначеннаго 18-ти лѣтняго графа К. Г. Разумовскаго. Лекціи читались по вторникамъ и пятницамъ отъ 3 до 5 час. пополудни до 1 іюля, затѣмъ прекратились по случаю отъѣзда президента изъ Петербурга и возобновились въ серединѣ августа. Это были первыя публичныя лекціи на русскомъ языкѣ; лекціи въ университетѣ читались по-латыни, и главною цѣлью академической гимназіи была подготовка слушателей къ пониманію этихъ лекцій.

Интересными представляются также воззрѣнія Ломоносова на университетъ и на постановку преподаванія въ немъ, высказанныя въ 1748 году при разсмотрѣніи проекта новаго устава Академіи. Онъ полагалъ, что университетъ долженъ имѣть

три факультета: юридическій, медицинскій и философскій; «не худо, чтобы университетъ и Академія имѣли какія-нибудь вольности, а особливо, чтобы они были освобождены отъ полицейскихъ должностей». Студенты перваго класса ходятъ на всѣ лекціи, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобъ всякій самъ могъ видѣть, къ чему онъ имѣетъ склонность; втораго класса—только на избранныя ими науки, третьяго—опредѣлены къ одному профессору, подъ руководствомъ котораго дѣлаются спеціалистами по данной наукѣ.

Литературная дѣятельность Ломоносова 1747—1748 годовъ шла обычнымъ ходомъ: дни тезоименитства, рожденія государыни нерѣдко отмѣчались его одами, а иллюминаціи—стихотворными надписями. Ода въ день восшествія на престолъ, поднесенная императрицѣ гр. Разумовскимъ, такъ понравилась Елисаветѣ, что она пожаловала Ломоносову 2000 руб. (25 ноября 1748 г.). Въ этомъ же году появилось его «Краткое руководство къ краснорѣчію», долгое время служившее прообразомъ для учебниковъ реторики. Въ области своей профессіи Ломоносовъ тоже сдѣлалъ не мало; наиболѣе важной работой является «Теорія упругой силы воздуха», о которой рѣчь будетъ дальше. Въ 1747 году Л. Эйлеръ, знаменитый математикъ, съ которымъ Ломоносовъ находился въ дружеской перепискѣ, извѣстилъ его о конкурсѣ на премію, устраиваемомъ Берлинской Академіей Наукъ, на тему о составѣ и рожденіи селитры. Ломоносовъ принялъ участіе въ конкурсѣ и написалъ диссертацію, хотя обиліе другихъ дѣлъ—оборудованіе лабораторіи, о которой я сейчасъ скажу, рожденіе дочери (Елены Михайловны, единственной изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей Ломоносова) сильно мѣшали ему, и работа его едва поспѣла въ Берлинъ къ сроку (1 апрѣля 1749 г.). Она не была удостоена преміи.

Главнымъ и очень важнымъ въ исторіи развитія химическихъ знаній въ Россіи моментомъ дѣятельности Ломоносова этого періода является устройство химической лабораторіи. Давно уже добивался онъ этого: первое представленіе о необходимости учрежденія химической лабораторіи подано было еще въ 1742 году, а затѣмъ прошенія объ этомъ возобновлялись имъ почти каждый годъ, но все безъ успѣха—всѣ ходатайства отклонялись за отсутствіемъ денегъ. Особенно подробно мотивировано было ходатайство, поданное въ 1745 г., сперва въ Академію, а потомъ, за подписью многихъ академиковъ,—въ Сенатъ. На этотъ разъ дѣло увѣнчалось успѣхомъ, и 1 іюля 1746 г. послѣдовалъ именной указъ о постройкѣ лабораторіи на счетъ Кабинета Ея Величества. Однако только черезъ два года, осенью 1748 г., лабораторія была дѣйствительно выстроена подрядчикомъ М. Горбуновымъ, подъ наблюденіемъ Ломоносова, за 1344 рубля. Эта первая русская химическая научная лабораторія помѣщалась въ отдѣльномъ каменномъ строеніи между Первой и Второй Линіями Васильевскаго Острова, рядомъ съ домомъ, гдѣ жилъ Ломоносовъ. Размѣры ея, какъ видно изъ сохранившихся описанія, плановъ и рисунковъ ея, были очень незначительны: длина $6^1/_2$ саж., ширина 5 саж., высота 7 арш. Въ главномъ сводчатомъ помѣщеніи ея былъ по срединѣ устроенъ очагъ съ широкимъ дымоходомъ для дыма и вредныхъ газовъ; кромѣ того, были двѣ маленькія комнаты, въ одной изъ которыхъ читались студентамъ лекціи, стояли вѣсы и записывались результаты опытовъ, а въ другой была кладовая для посуды и матеріаловъ. Общая стоимость всей лабораторіи доходила до 2.000 руб., т. е. на теперешнія деньги около 12.000 руб. Съ 1749 года при ней была учреждена должность лаборанта, по тогдашнему опредѣленію—человѣка, который съ огнемъ обходиться умѣетъ: съ этого времени Ломоносовъ могъ заняться въ полномъ объемѣ своей спеціальностью—химіей.

Постройкой химической лабораторіи заканчивается первый періодъ научной дѣятельности Ломоносова—періодъ, посвященный главнымъ образомъ теоретическимъ изслѣдованіямъ по физикѣ, и начинается второй—химическій періодъ его работъ. Первыя изслѣдованія, имъ предпринятыя, касались производства мозаичныхъ картинъ, о которыхъ я скажу здѣсь болѣе подробно, чтобы потомъ не возвращаться къ этой сторонѣ дѣятельности Ломоносова.

По мысли Ломоносова мозаичныя картины должны были складываться изъ кусочковъ разноцвѣтныхъ стеколъ. На пути были неисчислимыя трудности: надо было научиться готовить цвѣтныя стекла всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, потомъ шлифовать

куски ихъ и при помощи особаго цемента складывать въ картины. Съ 1749 г. Ломоносовъ начинаетъ разрабатывать первую часть. Онъ весь поглощенъ опытами производства цвѣтныхъ стеколъ; какъ видно по сохранившемуся журналу ихъ, каждый опытъ дѣлался точно—съ записываніемъ вѣса взятыхъ составныхъ частей, способа работы и цвѣта полученнаго стекла. Эта часть работы была закончена къ 1751 году: въ результатѣ болѣе 2200 опытовъ, явилась возможность имѣть стекла любаго цвѣта, непрозрачныя; изъ нихъ уже нетрудно было составлять картины. Первой картиной, работы самого Ломоносова, былъ образъ Богоматери, на который пошло болѣе 4000 кусковъ стекла, поднесенный 4 сентября 1752 года Елисаветѣ. Воодушевленный успѣхомъ, Ломоносовъ представилъ вскорѣ проектъ учрежденія мозаичной фабрики, а затѣмъ—стекляннаго завода, для котораго просилъ дать ему не далѣе 150 верстъ отъ Петербурга помѣстье съ лѣсомъ и не менѣе 200 душъ крестьянъ. Сенатъ отнесся благосклонно къ устройству стекляннаго завода и постановилъ разрѣшить устройство его Ломоносову съ пособіемъ отъ казны и привилегіей на 30 лѣтъ.

Оставался вопросъ о помѣстьи, что зависѣло только отъ государыни. Ломоносовъ возлагалъ большія надежды на свою извѣстность при Дворѣ и на покровительство И. И. Шувалова, съ которымъ онъ былъ въ то время въ близкихъ отношеніяхъ: съ этой цѣлью онъ и написалъ въ декабрѣ 1752 года Шувалову извѣстное письмо въ стихахъ о пользѣ стекла. Время шло; согласно указу Сената, Ломоносовъ долженъ былъ къ іюню 1753 года представить вѣдомость о состояніи фабрики, а помѣстья для ея устройства у него еще не было. Поэтому Ломоносовъ 23 февраля уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ то время находился Дворъ, чтобы лично просить о пожалованіи какого-нибудь села. Его просьбы имѣли успѣхъ, и Именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15 марта 1753 г. онъ получилъ для стекляннаго завода въ Копорскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губ. деревни: отъ мызы Коважской—Шишкину, Калищи, Усть-Рудицы; отъ мызы Горья-Валдай (нынѣ Коровалдай) дер. Перекули и Липовую, всего 211 душъ крестьянъ и около 9000 десятинъ земли, выходившей на море.

Лѣтомъ этого же года Ломоносовъ приступилъ къ постройкѣ стекляннаго завода въ Усть-Рудицахъ, который и былъ законченъ въ 1754 году. Въ благодарность за разрѣшеніе устройства завода Ломоносовъ поднесъ въ 1756 году Сенату портретъ Петра Великаго, и сейчасъ находящійся въ Сенатѣ. Послѣ весьма хорошаго отзыва, даннаго Академіей Художествъ о его мозаичныхъ картинахъ, Ломоносовъ внесъ въ Сенатъ предложеніе украсить такими картинами монументъ Петра Великаго въ Петропавловскомъ Соборѣ. Сенатъ одобрилъ эту мысль и проектъ, представленный 1 апрѣля 1758 года. Но затѣмъ дѣло это затянулось и утвержденіе проекта послѣдовало лишь въ 1760 году, при чемъ смѣта на мозаичную работу была составлена Ломоносовымъ въ суммѣ 80764 руб. Въ іюнѣ 1761 г. онъ получилъ 6000 руб. и затѣмъ ежегодно получалъ по 13460 р. Ломоносовъ принялся съ большой энергіей за любимое дѣло, выстроилъ на своей землѣ по Мойкѣ (полученной въ 1756 году) 10 каменныхъ покоевъ для мастеровъ и большую мозаичную мастерскую. Первой изъ восьми картинъ, предназначавшихся для памятника Петра Великаго, была Полтавская баталія, оконченная во второй половинѣ 1764 г. Размѣры ея громадны: около 3 саж. въ ширину, 2 саж. и $^1/_2$ арш. въ вышину; для нея была отлита плоская мѣдная сковорода вѣсомъ 80 пудовъ, укрѣпленная желѣзными полосами, вѣсившими болѣе 50 пуд. Вся картина помѣщалась на бревенчатой машинѣ, такъ что ее можно было поворачивать во всѣ стороны. Обыкновенно считаютъ ее воспроизведеніемъ картины П. Д. Мартэна младшаго, но это невѣрно: между обѣими картинами нѣтъ никакого сходства. «Полтавская баталія» составлена самимъ Ломоносовымъ по картинамъ разныхъ художниковъ, а изображенія Петра, Шереметева, Меньшикова и др. сдѣланы по лучшимъ современнымъ портретамъ. Въ настоящее время этотъ драгоцѣнный образчикъ русскаго мозаичнаго искусства, послѣ многихъ превратностей, реставрированъ и находится въ музеѣ Общества поощренія художествъ (Спб., Морская, 40). Послѣ смерти Ломоносова мозаичная мастерская была вскорѣ выведена изъ его дома и передана въ завѣдываніе И. И. Бецкаго; въ ней дѣлались еще нѣкоторые образа, но послѣ ухода лучшихъ мастеровъ Ломоносова—его шу-

рина И. Цильха и Вас. Матвѣева—дѣятельность ея совершенно прекратилась. Въ настоящее время извѣстно до 12 мозаичныхъ произведеній, сдѣланныхъ самимъ Ломоносовымъ или подъ его руководствомъ, и 4 произведенія, въ которыхъ авторство Ломоносова не могло быть документально установлено; по всей вѣроятности, число мозаичныхъ произведеній его мастерской было больше.

Усиленная химическая дѣятельность Ломоносова въ этотъ періодъ сказалась вообще на его занятіяхъ: онъ открылъ курсъ лекцій по химіи и произнесъ первый разъ въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ *ученую* рѣчь на русскомъ языкѣ, 6 сентября 1751 года—«Слово о пользѣ химіи», показывающее, какъ ясно представлялъ онъ себѣ сущность химіи и условія, необходимыя для ея развитія. О ней рѣчь будетъ въ отдѣлѣ, посвященномъ химическимъ трудамъ его. Тамъ же я скажу и о лекціяхъ физической химіи, читанныхъ Ломоносовымъ съ конца 1751 по май 1753 года; подобные курсы стали читаться въ Западной Европѣ и затѣмъ въ нашихъ университетахъ лишь въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Вообще почти все свое время, свободное отъ другихъ занятій, между 1751 и 1756 годомъ, Ломоносовъ проводитъ въ своей лабораторіи надъ физико-химическими опытами, очень важными въ исторіи химіи.

Въ 1752 году, когда въ Россіи узнали объ изслѣдованіяхъ В. Франклина надъ электричествомъ, изученіемъ атмосфернаго электричества усиленно занялся другъ Ломоносова, академикъ Рихманъ. Онъ устроилъ у себя въ домѣ громовую машину, которая состояла изъ укрѣпленнаго на крышѣ изолированнаго желѣзнаго шеста, соединеннаго съ изолированной проволокой, проведенной въ комнату; къ концу проволоки была подвѣшена желѣзная линейка, а къ верхнему концу послѣдней—шелковая нить; когда проволока была наэлектризована, то шелковая нить отходила отъ линейки и показывала тѣмъ присутствіе электричества. Такую же машину устроилъ на своемъ домѣ и Ломоносовъ, и въ 1753 году лѣтомъ неоднократно дѣлалъ опыты во время грозъ. 26 іюля 1753 года Рихманъ былъ убитъ молніей, ударившей въ желѣзный шестъ машины; Ломоносовъ въ тотъ моментъ дѣлалъ опыты на своей машинѣ и лишь по счастливой случайности избѣгъ смерти: между домомъ Рихмана, жившаго тоже на Васильевскомъ Островѣ, на углу Пятой Линіи и Большого Проспекта, и квартирой Ломоносова на Второй Линіи разстояніе по прямой линіи не больше 350 саж. Все это событіе прекрасно описано Ломоносовымъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову и возбудило огромный интересъ далеко за предѣлами Россіи. Изъ за смерти Рихмана публичный актъ Академіи былъ отложенъ и перенесенъ на 25 ноября, и Шумахеръ и другіе недруги Ломоносова дѣлали все возможное, чтобы помѣшать Ломоносову произнести на немъ написанное имъ «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ». Тѣмъ не менѣе, при помощи И. И. Шувалова, Ломоносову удалось побѣдить оппозицію и сказать свою рѣчь. Въ ней Ломоносовъ приходитъ къ тому заключенію, что грозовыя тучи образуются, когда нижній слой воздуха, богатый водянымъ паромъ, отъ солнечной теплоты поднимается въ верхніе слои атмосферы, т. е. при вертикальныхъ воздушныхъ теченіяхъ; при опусканіи же верхняго тяжелаго воздуха внизъ наблюдаются сѣверныя сіянія, которыя онъ совершенно правильно считалъ также явленіями электрическаго характера. Электричествомъ Ломоносовъ занимался и въ послѣдующіе годы и началъ писать нѣсколько диссертацій, оставшихся неоконченными; изъ нихъ наибольшій интересъ представляла работа «Испытаніе причинъ сѣверныхъ сіяній», для которой онъ приготовилъ массу рисунковъ; изъ нихъ 48 были награвированы на мѣдныхъ доскахъ, сохранившихся до настоящаго времени: эти рисунки поражаютъ тщательностью своей отдѣлки.

Метеорологія, къ которой можно отнести и слово объ Електрическихъ воздушныхъ явленіяхъ, вообще сильно интересовала Ломоносова. Такъ, въ февралѣ 1754 года онъ писалъ Эйлеру, что устраиваетъ у себя въ имѣніи самопишущую метеорологическую обсерваторію; въ томъ же году онъ сдѣлалъ конференціи сообщеніе объ изобрѣтенной имъ машинкѣ: при помощи крыльевъ, приводимыхъ въ движеніе часовой пружиной, она должна была поднимать самопишущіе приборы для изслѣдованія верхнихъ слоевъ атмосферы. Она, однако, при опытѣ не полетѣла, и изслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы при помощи баллоновъ-зондовъ и самопишущихъ при-

боровъ было осуществлено лишь въ самомъ концѣ XIX столѣтія и, какъ предполагалъ Ломоносовъ, очень расширило наши свѣдѣнія объ атмосферѣ земли.

Ознакомившись съ главными моментами научной стороны дѣятельности Ломоносова за 1749—1756 годы, перейдемъ къ другимъ сторонамъ этой дѣятельности за это же время. Въ первый разъ послѣ долгаго перерыва въ 1749 году должна была состояться публичная ассамблея Академіи Наукъ, т. е. торжественное собраніе. Для него требовались ораторы, но среди академиковъ по разнымъ причинамъ нашлись только двое, способныхъ быть таковыми: Ломоносовъ и историкъ Миллеръ. Оба они и выступили въ ассамблеѣ 25 ноября, при чемъ Ломоносовъ произнесъ «Похвальное Слово» императрицѣ Елисаветѣ. Онъ обладалъ внушительной наружностью, громкимъ голосомъ, говорилъ хорошо и выразительно; слово произвело большое впечатлѣніе и было съ большимъ удовольствіемъ принято при Дворѣ. Возможно, что именно за него Ломоносовъ получилъ 27 августа 1750 года какую-то монаршую милость, за которую благодарилъ императрицу одой. Затѣмъ Ломоносовъ выступалъ нѣсколько разъ на торжественныхъ собраніяхъ Академіи съ похвальными словами; лучшимъ изъ нихъ является похвальное слово Петру Великому, произнесенное 26 апрѣля 1755 г., проникнутое искреннимъ чувствомъ и сказанное съ большимъ подъемомъ: Ломоносовъ считалъ Петра геніальнѣйшимъ государемъ, поборникомъ народнаго просвѣщенія. Такое же отношеніе къ Петру видно и въ другихъ произведеніяхъ Ломоносова.

Въ 1750 и слѣдующемъ году Ломоносовъ написалъ для русскаго придворнаго театра двѣ трагедіи: «Тамира и Селимъ» (сочинена въ одинъ мѣсяцъ, во исполненіе Высочайшаго Именного указа отъ 29 сентября 1750) и «Демофонтъ»; особаго успѣха эти трагедіи не имѣли. Въ это же время Ломоносовъ выпустилъ первое собраніе своихъ сочиненій, исключительно литературныхъ. Четыре года спустя, онъ закончилъ многолѣтній обширный трудъ—россійскую грамматику, посвященную великому князю Павлу Петровичу и напечатанную въ 1757 г.

Награжденный 1 марта 1751 г. чиномъ коллежскаго совѣтника, Ломоносовъ сталъ получать содержаніе въ 1200 руб.; этимъ, вѣроятно, онъ былъ обязанъ стараніямъ своего покровителя—И. И. Шувалова, въ это время занимавшагося стихотворствомъ подъ его руководствомъ. Вліяніе Шувалова было, однако, не всегда благотворно для Ломоносова, какъ видно по перепискѣ ихъ: подобно всѣмъ современникамъ, Шуваловъ не понималъ значенія научныхъ работъ Ломоносова и постоянно побуждалъ того оставить ихъ и заняться болѣе важными (съ точки зрѣнія Шувалова) дѣлами—литературой и исторіей, написанной штилемъ Ломоносова. Послѣдній дѣйствительно принялся за сочиненіе русской исторіи, но Шуваловъ постоянно считалъ, что работа идетъ слишкомъ медленно, и не пропускалъ случая справиться о состояніи исторіи. Вообще съ 1748 г. Ломоносовъ принималъ участіе въ учрежденномъ при Академіи Историческомъ Собраніи, гдѣ давалъ отзывы о разныхъ историческихъ сочиненіяхъ и диссертаціяхъ. Здѣсь у него постоянно происходили столкновенія съ исторіографомъ Россійскаго Государства, академикомъ Миллеромъ, который былъ безпристрастнымъ историкомъ и заботился только объ исторической правдѣ; Ломоносовъ же считалъ, что иностранцы не должны писать что-либо предосудительное для Россіи, и ставилъ на первое мѣсто литературную обработку историческихъ данныхъ. Это порождало между ними нерѣдко пререканія личнаго характера, Ломоносовъ иногда отказывался подписывать протоколы конференціи, составленные тѣмъ же Миллеромъ, а въ 1750 году даже возбудилъ дѣло объ оскорбленіи его Миллеромъ. Дѣло это осталось безъ движенія и было прекращено производствомъ въ 1781 году.

Всѣ такія занятія, а также заботы о заводахъ, требовавшихъ большихъ расходовъ, съ теченіемъ времени стали оттѣснять предметъ профессіи Ломоносова—химію—на второй планъ: мы видимъ какъ бы утомленіе ею, у него нѣтъ уже той энергіи, съ которой онъ принялся за опыты нѣсколько лѣтъ назадъ. Вѣроятно, самъ Ломоносовъ сознавалъ это и заявилъ въ засѣданіи конференціи 18 августа 1754 года—когда давалъ хорошій отзывъ о присланной на премію химической диссертаціи—что авторъ ея, если бы пріѣхалъ въ Россію, могъ бы сдѣлаться профессоромъ химіи; самъ же онъ вслѣдствіе другихъ дѣлъ не можетъ болѣе заниматься ею. Премія была, однако, присуждена другому конкурренту, и этого

послѣдняго, У. Сальхова, повидимому безъ вѣдома Ломоносова, пригласили профессоромъ химіи въ концѣ 1755 г.

Столкновенія, подобныя упомянутымъ выше съ Миллеромъ, съ теченіемъ времени случаются у Ломоносова все чаще и чаще. Причину ихъ надо, вѣроятно, искать въ томъ, что по мѣрѣ приближенія старости у Ломоносова все сильнѣе стало проявляться сознаніе собственныхъ, безусловно огромныхъ, заслугъ, и отсюда высокое мнѣніе о самомъ себѣ; нельзя также оставлять безъ вниманія и успѣхи его при Дворѣ, выразившіеся какъ благосклоннымъ принятіемъ его торжественныхъ одъ, такъ и пожалованіемъ наградъ и помѣстья. Особенно послѣднее событіе не могло остаться безъ вліянія на него: числившійся еще до 1748 года крестьяниномъ въ бѣгахъ, Ломоносовъ въ 1753 году владѣлъ уже огромнымъ помѣстьемъ съ 211 душъ крестьянъ.

Острыя пререканія возникали у Ломоносова какъ съ товарищами академиками—не только нѣмцами, но и русскими,—такъ и съ общимъ непріятелемъ профессоровъ, Академической канцеляріей, въ которой всѣ дѣла вершили І. Шумахеръ и его зять Таубертъ; фактически, за очень частымъ отсутствіемъ президента изъ Петербурга, они, какъ и прежде, имѣли въ своихъ рукахъ все управленіе Академіей. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ документовъ несомнѣнно, что Ломоносовъ велъ свою борьбу отнюдь не противъ нѣмцевъ вообще, какъ это нерѣдко утверждается, но съ тѣми, въ комъ онъ видѣлъ препятствія къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, или кто не работалъ въ Академіи на пользу Россіи. Въ самомъ концѣ 1754 года Ломоносовъ, повидимому, сознавая невозможность одному сдѣлать что-нибудь для улучшенія Академіи, просилъ И. И. Шувалова дать ему высшую должность въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій, а если это невозможно, то о переводѣ его въ другое учрежденіе, «дабы или всѣ сказали: камень, его же небрегоша зиждущій, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно сказалось, чего она лишилась, потерявъ такого человѣка, которой черезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности».

Въ началѣ 1755 года, по случаю выработки новаго устава Академіи, Ломоносовъ заготовилъ длинное мнѣніе объ исправленіи Академіи, гдѣ, между прочимъ, возставалъ противъ запрещенія учиться положеннымъ въ подушный окладъ: «будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать. Довольно бъ и того выключенія, чтобы не примать дѣтей холопскихъ». Но до разсмотрѣнія этого мнѣнія дѣло не дошло: въ одномъ изъ первыхъ засѣданій коммиссіи Ломоносовъ такъ крѣпко поссорился съ Тепловымъ (домашнимъ учителемъ гр. Разумовскаго, котораго послѣдній сдѣлалъ адъюнктомъ и которому оказывалъ полное довѣріе) изъза вопроса объ учрежденіи должности вице-президента, что засѣданій коммиссіи болѣе не происходило, а президентъ, по сообщеніи ему Тепловымъ о происшедшемъ, хотѣлъ сдѣлать Ломоносову строгій письменный выговоръ. Это страшно обидѣло Ломоносова, и онъ поспѣшилъ написать Шувалову письмо съ выраженіемъ своего негодованія и просьбами избавить его отъ поношенія и неправеднаго поруганія и отъ ига Шумахера, котораго онъ считалъ вдохновителемъ Теплова. Письмо возымѣло дѣйствіе и выговоръ былъ уничтоженъ; Ломоносовъ же написалъ еще длинную записку, гдѣ приводилъ характерныя слова Шумахера: «я великую ошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры» и Тауберта: «развѣ намъ десять Ломоносовыхъ надобно? и одинъ намъ въ тягость». Далѣе Ломоносовъ считалъ необходимымъ не допускать властвовать надъ науками людей малоученыхъ, не давать власти чужестранцамъ, недоброжелательнымъ къ ученымъ россіянамъ, и предлагалъ учредить должность вице-президента, которую, какъ видно изъ писемъ къ Шувалову, Ломоносовъ предназначалъ для самого себя.

Постоянныя жалобы на непорядки Академической канцеляріи и на отношенія Шумахера къ академикамъ, подававшіяся Ломоносовымъ и другими профессорами, привели къ тому, что 1 марта 1757 года президентъ Академіи, при отъѣздѣ своемъ въ Малороссію въ качествѣ гетмана Запорожскихъ войскъ, распорядился, чтобы Ломоносовъ присутствовалъ въ канцеляріи и подписывалъ всѣ дѣла. Шумахеръ и Таубертъ, повидимому, нѣсколько побаивались новаго совѣтника канцеляріи, но

дѣятельность канцеляріи отъ этого мало измѣнилась: Ломоносовъ неукоснительно требовалъ того, что считалъ правильнымъ, и не терпѣлъ противорѣчій, но самому ему прибавилось много работы, такъ какъ онъ старался подробно вникать во всѣ дѣла.

Въ своихъ непрерывныхъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи Ломоносовъ не разъ указывалъ Шувалову, что небходимо основать университетъ въ Москвѣ, и изложилъ въ одномъ изъ писемъ къ нему свое мнѣніе объ учрежденія этого университета: 1) главное, чтобы планъ университета служилъ на будущіе годы, поэтому въ планѣ надо назначить достаточное число профессоровъ и студентовъ, а если въ первое время и не будетъ комплекта, то излишекъ суммъ можно употребить на библіотеку; 2) въ трехъ факультетахъ профессоровъ должно быть не меньше 12, по три на юридическомъ и медицинскомъ и 6 на философскомъ; 3) при университетѣ должна быть гимназія. Вѣроятно, подробный проектъ университета, представленный вскорѣ въ Сенатъ И. И. Шуваловымъ, былъ составленъ Ломоносовымъ. Какъ извѣстно, университетъ былъ учрежденъ 12 января 1755 года, въ Татьянинъ день: Шуваловъ поднесъ новый университетъ въ даръ своей матери Татьянѣ, въ день ея ангела. Повидимому, Ломоносовъ потомъ не принималъ большого участія въ разработкѣ устава университета вслѣдствіе неладовъ съ первымъ куратором его, Блюментростомъ. При университетѣ была основана и типографія, и одною изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ нея, было полное собраніе сочиненій Ломоносова, отпечатанное по распоряженію И. И. Шувалова въ 1757 году; къ собранію сочиненій приложенъ и портретъ Ломоносова съ подписью, составленной, какъ утверждаютъ нѣкоторые, Шуваловымъ.

Всеподданнѣйшій докладъ Синода 1757 года содержалъ въ себѣ жалобы на Ломоносова по поводу его стихотворной шутки «Гимнъ бородѣ»: «пашквилянтъ, подъ видомъ яко бы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ... и не удовольствуясь тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими уже явными духовному чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ, ставитъ»; въ концѣ жалобы была просьба императрицѣ сжечь эти пашквили, впредь то чинить запретить, означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ Синодъ отослать. Эта жалоба не имѣла послѣдствій для Ломоносова, но вызвала появленіе множества сатиръ, эпиграммъ и писемъ, въ которыхъ литературные враги ставили ему въ упрекъ невоздержанность къ вину.

Лѣтомъ этого же года закончился постройкой собственный домъ Ломоносова: 15 іюня 1756 года онъ получилъ безплатно во владѣніе шесть погорѣлыхъ мѣстъ въ Адмиралтейской части съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ построить на нихъ каменный домъ. Эти мѣста находились на правомъ берегу Мойки, недалеко отъ нынѣшняго пѣшеходнаго Почтамтскаго моста; на нихъ Ломоносовъ выстроилъ довольно большой каменный домъ съ лабораторіей и затѣмъ мозаичную мастерскую и помѣщенія для мозаичныхъ мастеровъ, о которыхъ я говорилъ выше. Тотъ казенный домъ, въ которомъ онъ помѣщался до лѣта 1757 года, было постановлено отвести подъ квартиру преемнику Ломоносова по каѳедрѣ химіи, Сальхову, но вмѣсто того здѣсь сталъ жить Таубертъ.

Къ своей дѣятельности какъ канцеляріи совѣтника Ломоносовъ относился такъ же добросовѣстно, какъ и къ другимъ обязанностямъ, старался вникать во всѣ дѣла, даже такія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, его вовсе не касались. Объ отношеніяхъ его къ другимъ членамъ Академіи въ связи съ канцеляріей сохранились не особенно лестные отзывы; такъ, Миллеръ писалъ президенту, что Ломоносовъ, «будучи помѣщенъ въ канцелярію, какъ будто сотворенъ для огорченій многихъ изъ насъ и особенно мнѣ». Академикъ Шлецеръ, имѣвшій свои причины не благоволить къ Ломоносову, писалъ про него такъ: «нерѣдко приходилъ онъ въ канцелярію и конференцію подвыпивши; его природная грубость (даже когда онъ былъ трезвъ) переходила въ дикость; онъ вырывалъ тогда листы изъ протокола, все дрожало передъ нимъ, и никто не осмѣливался указать пьяному дверь». Въ мартѣ 1758 г. президентъ поручилъ Ломоносову особое смотрѣніе за академическимъ, историческимъ и географическимъ департаментами, за Унп-

верситетомъ и Гимназіей; понятно и другія дѣла не рѣшались безъ его участія.

Въ 1761 году вліяніе Ломоносова на ходъ академическихъ дѣлъ достигло высшей степени, свое мнѣніе по каждому вопросу онъ считалъ окончательнымъ и всякое замѣчаніе—личной обидой. Поэтому въ это время мы видимъ его усиленно занятымъ управленіемъ Академіей и встрѣчаемся также со случаями весьма рѣзкихъ столкновеній его съ разными лицами. Больше всего старался Ломоносовъ о приведеніи Академіи въ лучшее состояніе и составилъ большую записку на эту тему, въ которой на ряду съ общими мѣрами—вродѣ предложеній не тратить ни на что другое деньги, ассигнуемыя для наукъ; инструментальнымъ академическимъ мастерамъ работать только для академиковъ и т. д., находятся также и требованія удалить главныхъ враговъ Ломоносова—Миллера и Тауберта. Президентъ оставилъ эти отношенія безъ послѣдствій; тогда Ломоносовъ въ декабрѣ 1761 г. послалъ гр. Разумовскому, находившемуся въ Малороссіи, письмо съ пунктами продерзостей Тауберта и съ просьбой назначить надъ послѣднимъ слѣдствіе. Письмо заканчивается указомъ Петра Великаго относительно порядка донесеній на упущенія по службѣ и заявленіемъ, что если просьба Ломоносова не будетъ уважена, то онъ приметъ на себя смѣлость непремѣнно поступить по вышеупомянутому указу «для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія». По случаю кончины Елисаветы письмо и угрозы Ломоносова остались безрезультатными.

Надзору за С. Петербургскимъ Университетомъ и Гимназіей Ломоносовъ удѣлялъ также не мало вниманія до самой своей смерти. Онъ устроилъ общежитіе для гимназистовъ и студентовъ и настоялъ на своевременной выдачѣ денегъ на содержаніе учащихся (36 руб. въ годъ); принималъ мѣры, чтобы число гимназистовъ доходило до комплекта (40 чел.); составилъ правила для нихъ, содержавшія много хорошихъ совѣтовъ. Не менѣе заботливо относился онъ и къ Университету. Въ 1759 г. имъ были, по порученію президента, сочинены новые регламенты, гдѣ особое вниманіе обращено на привилегіи, которыя, по мнѣнію Ломоносова, должны были заключаться въ слѣдующемъ: присужденіе ученыхъ степеней; присвоеніе учащимъ пристойныхъ чиновъ, снятіе полицейскихъ тягостей; увольненіе на каникулярные дни; отпускъ денежныхъ суммъ прежде всѣхъ; студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ Академію; духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ. Былъ также составленъ порядокъ торжественнаго провозглашенія привилегіи или инавгурація. Правила эти, послѣ разсмотрѣнія ихъ нѣкоторыми академиками, были вскорѣ утверждены президентомъ, при чемъ ежегодный расходъ на Университетъ и Гимназію выразился цифрою въ 15248 руб. Что же касается привилегіи, то, несмотря на всѣ усилія Ломоносова, она не была утверждена Государыней ни въ 1760, ни въ 1761 г. Въ 1763 г. Ломоносовъ представилъ президенту полный рапортъ о всемъ, сдѣланномъ имъ для этихъ учебныхъ заведеній, и ихъ состояніи. Оказывается, что за время завѣдыванія гимназіей Ломоносовымъ окончило курсъ 20 чел., а при Шумахерѣ—ни одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ просилъ увеличить сумму, отпускаемую на содержаніе каждаго ученика, съ 36 до 48 руб. въ годъ, что составитъ только 720 руб.—сумма, «которая не одна въ Академіи исходитъ на тунеядцовъ». Изъ происшествій въ гимназіи обращаютъ на себя вниманіе побѣги учениковъ, нерѣдко вмѣстѣ съ учителями, а также пьянство учениковъ. Все это несомнѣнно было обусловлено крайне тяжелыми условіями жизни: гимназія помѣщалась въ наемномъ домѣ, очень холодномъ, какъ видно изъ рапортовъ инспектора Котельникова. Ломоносову удалось въ концѣ 1764 года перевести Гимназію и Университетъ въ домъ Строганова, пріобрѣтенный Академіей, болѣе подходившій по своему устройству для этихъ учебныхъ заведеній.

На завѣдываніе работами Географическаго департамента Ломоносовымъ также положено было не мало труда. Главной задачей департамента было составленіе вѣрныхъ картъ Россіи и постоянная ихъ провѣрка и пополненіе по поступающимъ вновь свѣдѣніямъ; работали въ департаментѣ подъ руководствомъ профессоровъ и адъюнктовъ студенты. Ломоносовъ хотѣлъ поставить все дѣло на научную почву, чтобы составить атласъ возможно вѣрныхъ картъ Россіи. Съ этою цѣлью по указу

Сената по всѣмъ городамъ были разосланы вопросные пункты числомъ 30, которые дали бы полную географическую, статистическую и промышленную картину каждаго города (1760); отъ Синода были затребованы свѣдѣнія о точномъ мѣстонахожденіи всѣхъ церквей и монастырей, а для опредѣленія широты и долготы каждаго болѣе значительнаго города Ломоносовъ предполагалъ послать по Россіи три академическихъ экспедиціи; но, несмотря на постановленіе конференціи объ этомъ, посылка экспедицій при Ломоносовѣ не состоялась, что Ломоносовъ приписывалъ интригамъ Миллера, Румовскаго и другихъ академиковъ.

Почти весь 1762 годъ Ломоносовъ былъ тяжко боленъ, не выходилъ, слушалъ всѣ канцелярскія дѣла и подписывалъ ихъ дома. Только въ концѣ января 1763 года онъ настолько оправился, что могъ поѣхать въ Академію, гдѣ Таубертъ встрѣтилъ его извѣстіемъ о томъ, что по приказанію президента (еще отъ 31 авг. прошедшаго года) завѣдываніе Географическимъ департаментомъ передано Миллеру, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ въ немъ ничего не сдѣлано. Огорченный и разсерженный, Ломоносовъ немедленно подалъ отчетъ о сдѣланномъ имъ по географической части и отказался подчиниться ордеру, который «уже полгода просроченъ, къ явному засвидѣтельствованію, что потребованъ хитростью для нѣкоторыхъ приватныхъ намѣреній». Кончилось дѣло тѣмъ, что ордеръ президента не былъ приведенъ въ исполненіе. Изъ-за Географическаго департамента у Ломоносова было не мало новыхъ столкновеній съ Миллеромъ и другими академиками, особенно по случаю составленія экономическихъ ландкартъ Россіи.

Какъ мы только что видѣли, послѣдніе годы своей жизни Ломоносовъ много времени посвящалъ административной дѣятельности, но и научная дѣятельность продолжалась своимъ чередомъ. Научные труды 1758—1764 годовъ захватываютъ все новыя и новыя области знанія, почти всѣ представляютъ собою слова, произнесенныя въ торжественныхъ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи. Назовемъ ихъ здѣсь, съ тѣмъ, чтобы поговорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе подробно во второй части этого очерка.

6 сентября 1757 года Ломоносовъ произнесъ слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли; развитыя здѣсь теоріи несомнѣнно давно уже занимали Ломоносова, такъ какъ еще въ 1742 году онъ написалъ большое сочиненіе, отпечатанное только въ 1763 году:—Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ съ двумя прибавленіями: о вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ и о слояхъ земныхъ,—содержащее рядъ замѣчательныхъ для того времени мыслей. Другую ученую рѣчь, произнесенную 8 мая 1759 года, представляетъ очень обширное «Разсужденіе о большей точности морскаго пути», состоящее изъ трехъ частей: въ первой даны способы нахожденія широты и долготы при ясномъ, во второй—при пасмурномъ небѣ; въ третьей дано понятіе объ ученомъ мореплаваніи. Всѣ три части богаты оригинальными мыслями; въ двухъ первыхъ описывается много новыхъ приборовъ, часть которыхъ была впослѣдствіи изобрѣтена другими; въ третьей Ломоносовъ доказываетъ необходимость для успѣшнаго развитія мореплаванія учредить мореплавательскую академію для научной разработки морского дѣла, составить истинную магнитную теорію и сочинить теорію морскихъ теченій. Всѣ мысли Ломоносова о морскомъ дѣлѣ были вскорѣ позабыты, и даже русскіе моряки ими не воспользовались. Вообще изъ очень многочисленныхъ приборовъ, изобрѣтенныхъ Ломоносовымъ, описаны лишь очень немногіе, главнымъ образомъ оптическіе, какъ почезрительная труба, катадіоптрическая труба, анемометръ и т. д. Въ этомъ же сочиненіи затронутъ имъ и очень интересный вопросъ о силѣ тяжести, надъ которымъ онъ работалъ почти всю свою жизнь, но особенно въ 1760—1764 годахъ. Въ своемъ домѣ Ломоносовъ устроилъ большой маятникъ, качанія котораго, какъ онъ писалъ, сдѣлали несомнѣнными измѣненія центра тяжести земли; измѣненія эти періодичны, приблизительно согласуются съ лунными движеніями и всегда показываютъ одинаковые періоды. Все это онъ хотѣлъ изложить въ подробной диссертаціи; если она и была написана, то не сохранилась.

Занятія морскимъ дѣломъ, вѣроятно, побудили Ломоносова составить и поднести девятилѣтнему генералъ-адмиралу великому князю Павлу Петровичу «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію»

(1763), съ приложеніемъ карты околополярныхъ странъ, составленной Ломоносовымъ. Это произведеніе понравилось при Дворѣ, и генералъ-адмиралъ послалъ его въ Морскую россійскихъ флотовъ Комиссію съ тѣмъ, что если не сыщется невозможностей, сообщить ему для доклада государынѣ. Комиссіей были вызваны промышленники сѣверныхъ морей и, послѣ опроса ихъ, Ломоносовъ составилъ новую подробную программу экспедиціи, которая по Высочайшему повелѣнію отъ 14 мая 1764 года снаряжалась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ломоносова, принимавшаго самое горячее участіе какъ въ заготовленіи припасовъ, такъ и въ научной подготовкѣ въ Академіи участниковъ экспедиціи. Самая экспедиція, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, отправилась уже послѣ смерти Ломоносова въ 1765 г., но изъ-за льдовъ ничего не могла сдѣлать, такъ же, какъ и экспедиція 1766 года. Какъ извѣстно, только во второй половинѣ XIX столѣтія удалось пройти въ Тихій океанъ вдоль береговъ Сибири. Въ близкой связи съ этой экспедиціей находится другое произведеніе Ломоносова, его мысли о происхожденіи ледяныхъ горъ въ сѣверныхъ моряхъ, написанное въ 1763 году по случаю избранія его почетнымъ членомъ Стокгольмской академіи наукъ. Онъ указываетъ, что въ открытомъ морѣ на морозѣ можетъ образоваться только сало; ледяныя поля, или стамухи, берутъ свое начало въ устьяхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, а ледяныя горы или падуны обязаны своимъ происхожденіемъ крутымъ морскимъ берегамъ: мнѣнія, для того времени замѣчательныя. Какъ извѣстно, нынѣ доказано, что ледяныя горы образуются изъ льда ледниковъ, спускающихся въ сѣверныхъ странахъ до моря, но не изъ морской воды.

На публичномъ собраніи Академіи 6 сентября 1760 года Ломоносовъ прочиталъ еще одно разсужденіе—«О твердости и жидкости тѣлъ», возникшее по слѣдующему обстоятельству, обратившему на себя вниманіе всего ученаго міра: 25 декабря 1759 года была впервые заморожена ртуть. Авторомъ этого открытія былъ академикъ І. Браунъ, воспользовавшійся бывшимъ въ тотъ день морозомъ въ 199° (по термометру Делиля, по Цельсію — $32^1/_3$°); въ смѣси снѣга и крѣпкой водки ртуть термометра замерзла, и онъ, разбивъ стекло, получилъ шарикъ твердой ртути. На слѣдующій день опыты съ твердой ртутью дѣлались вмѣстѣ съ Ломоносовымъ; морозъ все крѣпчалъ и достигъ въ 10 час. утра 208° (—$38^2/_3$° Ц.), при которой заморозить ртуть было уже нетрудно; Ломоносовъ изслѣдовалъ свойства твердой ртути и нашелъ, что это—мягкій металлъ, похожій на свинецъ. Эти опыты вызвали очень горячіе споры между Ломоносовымъ и Брауномъ, съ одной стороны, и нѣкоторыми академиками, съ другой, оспаривавшими у Брауна честь открытія твердой ртути.

Ломоносову удалось 24 мая 1761 года наблюдать очень рѣдкое астрономическое явленіе — прохожденіе планеты Венеры черезъ дискъ солнца, на основаніи котораго, какъ показалъ еще въ 1691 году Галлей, можно вычислить разстояніе между солнцемъ и землею. Въ Сибирь Академіей были отправлены двѣ экспедиціи, которыя вслѣдствіе пасмурной погоды ничего не увидѣли, а въ Петербургѣ это прохожденіе прежде всего послужило поводомъ къ ссорамъ академиковъ, не обошедшимся безъ участія Ломоносова. Самъ онъ наблюдалъ это явленіе у себя дома: для Петербурга оно началось вскорѣ послѣ 4 час. утра и окончилось въ одиннадцатомъ часу. Десятки астрономовъ разныхъ странъ наблюдали это прохожденіе; всѣ видѣли одно и тоже, но только одинъ Ломоносовъ сдѣлалъ на основаніи своихъ наблюденій совершенно правильный выводъ, что планета Венера окружена большой атмосферой, можетъ быть большей, чѣмъ земля. Хотя онъ и опубликовалъ это наблюденіе въ статьѣ «Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Академіи Наукъ», но, подобно почти всѣмъ научнымъ открытіямъ Ломоносова, оно прошло незамѣченнымъ, и до сихъ поръ открытіе атмосферы Венеры приписывается Шретеру и Гершелю, сдѣлавшимъ его черезъ 30 лѣтъ послѣ Ломоносова... Въ прибавленіи къ «Явленію Венеры» Ломоносовъ показываетъ, что существованіе атмосферы Венеры и ученіе Коперника о движеніи земли вокругъ солнца не противорѣчатъ священному писанію, и приводитъ небольшое стихотвореніе, тема котораго заимствована изъ сочиненій Сирано де Бержерака, объ остроумномъ поварѣ, высказавшемся за систему Коперника.

Это прибавленіе, гдѣ Ломоносовъ пытается доказать, что ученіе о множествѣ

міровъ не противорѣчитъ священному писанію, и приводитъ въ подтвержденіе слова Василія Великаго, имѣетъ большой интересъ, какъ показатель его воззрѣній на отношенія между наукой и религіей. Въ 1757 году въ докладѣ императрицѣ Елисаветѣ члены Синода просили издать указъ, дабы «никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался». Это ходатайство было несомнѣнно направлено противъ Ломоносова, всегда открыто признававшаго возможность множества міровъ; какъ мы уже видѣли, суда надъ нимъ члены Синода требовали и по другому поводу. Повидимому, не сохранилось свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ Ломоносовъ отвратилъ отъ себя обвиненія духовенства, но уже самый фактъ опубликованія въ 1761 году разсужденія въ защиту множества міровъ показываетъ, что онъ сумѣлъ доказать правоту своихъ убѣжденій.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать и о результатахъ исторической дѣятельности Ломоносова, о которой я уже упоминалъ выше. Первое историческое произведеніе его, именно «Краткой Россійской Лѣтописецъ съ родословіемъ» увидѣло свѣтъ въ 1760 году; въ немъ имѣется изложеніе главнѣйшихъ дѣяній великихъ князей и царей до Петра Великаго включительно. Первая же часть самой исторіи подъ заглавіемъ «Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава перваго или до 1054 года» появилась уже послѣ смерти Ломоносова, въ 1766 году. Повидимому, Ломоносовъ предполагалъ украсить свою исторію портретами главныхъ дѣйствующихъ лицъ и для этого хотѣлъ послать живописца для снятія копій со фресокъ и изображеній царствующихъ лицъ въ древнихъ храмахъ Россіи. Для этого были на лицо средства, было получено разрѣшеніе Синода, былъ и художникъ А. Грековъ; но дѣло разстроилось, потому что Грековъ былъ назначенъ преподавателемъ къ великому князю Павлу Петровичу.

Послѣдніе годы жизни Ломоносова не принесли ему того спокойствія, на которое онъ имѣлъ право разсчитывать послѣ своей долгой и славной дѣятельности. На нихъ падаетъ съ одной стороны—главная работа мозаической мастерской, несомнѣнно причинявшей не мало заботъ и огорченій—картины стоили гораздо дороже, чѣмъ предполагалъ Ломоносовъ, ему приходилось дѣлать долги (до 14000 руб.) и задерживать уплату жалованья рабочимъ; съ другой—болѣзнь, почти безпрерывно мучавшая его, непріятности съ помѣстьемъ (въ концѣ 1761 года Ломоносовъ возбудилъ дѣло противъ генералъ-лейтенанта В. Скворцова «въ приходѣ людьми его къ крестьянамъ и въ причиненіи имъ не малаго разоренія», прекращенное въ 1782 г.) и другія обстоятельства.

Въ день рожденія И. И. Шувалова, 1 ноября 1761 года, Ломоносовъ написалъ ему замѣчательное письмо, показывающее удивительную разносторонность генія Ломоносова и имѣющее и сейчасъ большое значеніе по глубинѣ своихъ мыслей, подъ заглавіемъ «О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа». Основная цѣль, преслѣдуемая Ломоносовымъ въ письмѣ—благо русскаго народа, желаніе указать пути для достиженія его счастія. Главныя предлагаемыя мѣропріятія для увеличенія народонаселенія имѣютъ въ виду какъ измѣненія въ узаконеніяхъ о бракахъ и воспитаніи внѣбрачныхъ дѣтей въ правительственныхъ богадѣльныхъ домахъ, такъ и уменьшеніе смертности малыхъ дѣтей. Надо прежде всего крестить ихъ всегда въ теплой водѣ; попы исполняютъ предписанія требника, чтобы вода была натуральная, безъ примѣсей, и «вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплой водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною, и такъ сами себѣ прекословятъ; а особливо по своему недомыслію не знаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много... Однако невѣждамъ попамъ физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою лѣтней въ разсужденіи теплоты равною». Затѣмъ надо размножить докторовъ и аптеки; издать общедоступный лѣчебникъ; уничтожить излишества въ пищѣ и питьѣ по праздникамъ; искоренять случаи насильственной смерти, дракъ, раскола, разбоевъ просвѣщеніемъ; возвратить бѣглыхъ въ Россію. Эти темы развиты Ломоносовымъ со всѣмъ присущимъ ему глубокимъ знаніемъ русскаго народа, со всею убѣжденностью въ правильности

своихъ взглядовъ, высказанныхъ совершенно откровенно.

Послѣ кончины Елисаветы 25 декабря 1761 года на престолъ вступилъ Петръ III Ѳедоровичъ; положеніе Ломоносова отъ этого не измѣнилось, такъ какъ его покровители—И. И. Шуваловъ и графъ М. Л. Воронцовъ — имѣли попрежнему большое вліяніе при Дворѣ. Я уже упомянулъ, что почти весь 1762 годъ Ломоносовъ проболѣлъ (онъ жаловался на ломоту и раны въ ногахъ, по всей вѣроятности болѣзнь была результатомъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ); почти весь годъ этотъ онъ ничего не сдѣлалъ въ научномъ отношеніи. 30 іюня должно было состояться публичное засѣданіе Академіи, на которомъ Ломоносовъ хотѣлъ сказать рѣчь о катадіоптрической трубѣ; но за два дня до засѣданія произошелъ государственный переворотъ: на престолъ взошла Екатерина II, и академическое засѣданіе было отмѣнено. Покровители Ломоносова были въ немилости и удалились за границу; немилость была проявлена и по отношенію къ нему, такъ какъ онъ не получилъ ни наградъ, ни повышенія въ чинѣ.

Такое отношеніе къ себѣ очень обидѣло Ломоносова, и онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «1) по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей принесъ я науками знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ... и украшалъ я вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ 20 лѣтъ; 2) разнаго рода моими сочиненіями... штиль россійской въ минувшія 20 лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ; 3) присутствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалованія—что, однако, моимъ товарищамъ учинено было—отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ; 4) помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость... такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я 12 недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко боленъ; 5) не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ, близъ 12 лѣтъ въ одномъ чину оставленъ я, нижайшій, произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ, которымъ при семъ реестръ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ»... Въ концѣ прошенія Ломоносовъ просилъ о возведеніи его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ ежегодной пенсіей въ 1800 рублей и объ отставкѣ отъ службы. Прошеніе не имѣло дѣйствія, лишь черезъ годъ, въ маѣ 1763 года, былъ данъ именной указъ Сенату о пожалованіи Ломоносова статскимъ совѣтникомъ и объ отставкѣ отъ службы съ половиннымъ по смерть содержаніемъ. Узнавъ объ этомъ, Ломоносовъ немедленно уѣхалъ въ свое имѣніе; но по запискѣ государыни указъ былъ ей возвращенъ, и Ломоносовъ вскорѣ опять вернулся въ Академію.

Послѣ этой отставки и неожиданнаго возстановленія въ своихъ правахъ Ломоносовъ пожалованъ былъ, 23 декабря 1763 года, статскимъ совѣтникомъ съ жалованьемъ въ 1875 рублей. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Стокгольмской академіи наукъ, затѣмъ, по представленію графа М. Воронцова—почетнымъ членомъ Болонской академіи (1764) и Академіи Художествъ въ Петербургѣ, на торжественномъ засѣданіи которой 10 октября 1763 г. Ломоносовъ произнесъ благодарственную рѣчь. 7 іюня 1764 г. домъ Ломоносова посѣтила Екатерина II, подробно осмотрѣла все производство мозаичныхъ работъ и приближавшуюся къ окончанію «Полтавскую баталію», а также нѣкоторые физико-химическіе опыты и инструменты; черезъ два часа по пріѣздѣ она возвратилась во дворецъ, при чемъ Ломоносовъ поднесъ ей при отъѣздѣ стихотвореніе. Къ этому же году относится любопытная незаконченная рукопись Ломоносова—конспектъ важнѣйшихъ теоремъ, которыми онъ постарался обогатить естественныя науки; конспектъ, вѣроятно, предназначался для отсылки въ Парижъ, И. И. Шувалову, черезъ котораго Ломоносовъ думалъ сдѣлаться членомъ французской академіи.

Вѣроятно вслѣдствіе быстраго развитія болѣзни, Ломоносовъ въ 1764 и 1765 годахъ особенно предается ожесточеннымъ схваткамъ съ своими непріятелями, схват-

камъ, гдѣ проявляется вся страстность человѣка, не боящагося препятствій и не терпящаго противорѣчій. Дѣла Академической канцеляріи и конференціи изобилуютъ документами, показывающими это. Особенно рѣзкой была борьба Ломоносова съ Шлецеромъ. Послѣдняго выписалъ въ Россію Миллеръ для воспитанія своихъ дѣтей, потомъ съ нимъ не ужился, Шлецеръ сталъ сторонникомъ Тауберта, который произвелъ его въ адъюнкты и доставилъ мѣсто наставника дѣтей гр. Разумовскаго. Столкновенія съ Ломоносовымъ начались съ записки, поданной Шлецеромъ при просьбѣ объ отпускѣ, весною 1764 года, въ которой онъ сообщалъ планъ работъ по исторіи и древнюю русскую исторію, разработанную по греческимъ источникамъ; Ломоносовъ находилъ непростительнымъ, что Шлецеръ не руководствуется работами по исторіи его самого и имѣетъ еще дерзость требовать себѣ историческіе труды Ломоносова. Кромѣ того, Ломоносовъ представилъ въ Сенатъ о невозможности дать Шлецеру отпускъ, такъ какъ послѣдній сдѣлалъ выписки изъ неподлежащихъ опубликованію историческихъ русскихъ извѣстій и нынѣ можетъ напечатать ихъ за границей. Сенатомъ была назначена слѣдственная коммиссія, къ большому неудовольствію гр. Разумовскаго; въ результатѣ въ 1764 году Шлецеръ отпуска не получилъ. Ломоносовъ же написалъ по этому случаю «Краткую исторію о поведеніи Академической Канцеляріи», гдѣ собраны главные пункты обвиненій противъ недруговъ Ломоносова—главнымъ образомъ Шумахера и Тауберта—вмѣстѣ съ многими автобіографическими данными. Къ этому же времени относится и проектъ Ломоносова новаго академическаго устава, гдѣ, между прочимъ, проводилась та мысль, что Россійская Академія должна быть учрежденіемъ чисто русскимъ, всѣ академики должны быть природными россіянами и въ обязанностяхъ ихъ должно стоять на первомъ планѣ изученіе нуждъ и потребностей Россіи. Многое изъ этого обширнаго проекта Ломоносова было впослѣдствіи осуществлено, но ему не суждено было дожить до этого.

Дѣло со Шлецеромъ кончилось неожиданно тѣмъ, что онъ былъ Высочайшимъ указомъ 4 января 1765 года принятъ на службу академикомъ, профессоромъ исторіи, съ жалованьемъ въ 800 рублей, со всѣми правами старыхъ академиковъ и возможностью печатать свои изслѣдованія помимо конференціи. Ломоносовъ сейчасъ же написалъ «Слѣдствія отъ принятія Шлецера ординарнымъ профессоромъ», съ критикою пунктовъ контракта въ указѣ, оставшіяся безъ всякаго результата. Послѣ этого событія Ломоносовъ сталъ относиться довольно равнодушно къ дѣламъ Академіи: ему нисколько не улыбалась мысль трудиться надъ полученіемъ привилегій для Шлецера. Въ январѣ и февралѣ этого года, сколько позволяла болѣзнь, онъ былъ нѣсколько разъ въ засѣданіяхъ конференціи, при чемъ очень ссорился съ Миллеромъ, получившимъ тогда новое назначеніе и собиравшимся ѣхать въ Москву. Подъ вліяніемъ болѣзни раздражительность Ломоносова еще увеличилась, и онъ отзывался еще съ большей горячностью, чѣмъ прежде, на всякія, хоть отдаленно причастныя къ нему, обстоятельства.

Въ срединѣ марта 1765 года Ломоносовъ простудился и слегъ; ему становилось все хуже и хуже, и 4 апрѣля его не стало. Послѣдніе дни съ нимъ почти неразлучно былъ его пріятель—академикъ Штелинъ, сохранившій намъ слѣдующія слова, сказанныя Ломоносовымъ за нѣсколько дней до смерти: «Другъ, я вижу, что долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить все то, что предпринялъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь, при концѣ жизни моей, долженъ я видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною». На могилѣ Ломоносова на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры въ Петербургѣ его почитателемъ, графомъ М. Л. Воронцовымъ, поставленъ памятникъ бѣлаго мрамора съ надписью и рисункомъ, сочиненными Штелинымъ; другой почитатель, гр. А. П. Шуваловъ, написалъ на французскомъ языкѣ оду, гдѣ воздалъ должное заслугамъ Ломоносова.

Какъ мы уже видѣли изъ жизнеописанія Ломоносова, дѣятельность его является чрезвычайно разнообразной; остановимся теперь на тѣхъ сторонахъ ея, которыя не были подробно развиты и лишь намѣчены въ предыдущемъ очеркѣ. Прежде

всего я считаю необходимымъ дать оцѣнку сдѣланнаго Ломоносовымъ въ области своей профессіи, т. е. въ области физики и химіи, гдѣ заслуги его являются не менѣе выдающимися, чѣмъ по отношенію къ русскому языку и литературѣ, но получили достодолжную оцѣнку только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Первыя научныя работы Ломоносова, сдѣланныя имъ въ качествѣ адъюнкта физическаго класса Академіи Наукъ и профессора химіи Петербургскаго университета, носятъ въ общемъ теоретическій характеръ и заключаются въ разработкѣ цѣлаго ряда научныхъ теорій, имѣющихъ цѣлью дать простое объясненіе важнѣйшихъ физическихъ явленій; всѣ эти теоріи являются слѣдствіями, вытекающими изъ атомистической гипотезы Ломоносова, и имѣютъ поэтому тѣсную взаимную связь. Гипотезу эту и физическія теоріи Ломоносова можно разсматривать въ связи съ ученіями о матеріи великихъ философовъ XVII и начала XVIII вѣковъ, или въ ихъ отношеніяхъ къ химіи и физикѣ. Философскія воззрѣнія Ломоносова, несомнѣнно, развились послѣ знакомства со взглядами на сущность матеріи Декарта, Лейбница и главнымъ образомъ его учителя въ Марбургѣ, проф. Хр. Вольфа, математическая философія котораго, какъ мы знаемъ по свидѣтельству самого Ломоносова, особенно ему понравилась. Поэтому вообще можно разсматривать воззрѣнія Ломоносова, какъ дальнѣйшее развитіе раціоналистической философіи Вольфа, выражающееся въ весьма удачномъ механическомъ объясненіи физическихъ явленій природы. Выясненіе во всѣхъ подробностяхъ зависимости философскихъ представленій Ломоносова отъ таковыхъ упомянутыхъ философовъ ждетъ еще разработки со стороны спеціалистовъ, и я не могу останавливаться здѣсь на этой сторонѣ дѣла. Если же разсматривать Ломоносовскія теоріи съ исторической точки зрѣнія въ ихъ отношеніяхъ къ теоріямъ его времени и нынѣшнимъ, то прежде всего бросается въ глаза полное отрицаніе Ломоносовымъ таинственныхъ субтильныхъ матерій (матерій огня, свѣта, теплоты, тяжести и т. д.), столь характерныхъ для начала XVIII вѣка, которыя признавались и Хр. Вольфомъ, какъ это видно изъ его теоретической физики, и нѣкоторыя изъ которыхъ—какъ тепловая матерія или теплородъ, теплотворъ—просуществовали даже до средины XIX столѣтія. Отрицаніе этихъ матерій; атомистическая гипотеза, лежащая въ основаніи всѣхъ Ломоносовскихъ теорій; механическая точка зрѣнія, съ которой разсматриваются всѣ явленія—все это позволяетъ Ломоносову выработать стройную систему, проникнутую однимъ общимъ началомъ и составляющую, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ его къ Л. Эйлеру—цѣлую корпускулярную философію.

Атомистическая гипотеза Ломоносова высказана наиболѣе полно въ незаконченной диссертаціи о составляющихъ тѣла природы нечувствительныхъ частичкахъ, въ которыхъ лежитъ достаточное основаніе частичныхъ свойствъ (она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ и написана въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, вѣроятнѣе всего въ 1742 или 1743 г.). Атомистическая теорія эта принимаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ нечувствительныхъ физическихъ (въ отличіе отъ математическихъ) частичекъ, имѣющихъ конечное протяженіе и обладающихъ опредѣленной фигурой или массой. Каждая частичка имѣетъ протяженіе, ничтожно малое, но конечное, а потому обладаетъ опредѣленной фигурой и имѣетъ опредѣленное количество вещества; она представляетъ собою такимъ образомъ тѣло, и къ ней приложимо поэтому все, составляющее сущность тѣла—т. е. частички непроницаемы одна для другой, обладаютъ инерціей, подчиняются всѣмъ законамъ движенія, принципу дѣйствія и противодѣйствія; ихъ природа—дѣятельная сила и движенія, подчиненныя законамъ механики. Отъ нихъ зависятъ качества тѣлъ и такія физическія явленія, какъ тепло и холодъ, упругая сила, электричество и т. п.; измѣненія частичекъ могутъ совершаться только движеніемъ, поэтому достаточная причина частичныхъ качествъ тѣлъ находится въ размѣрахъ, силѣ инерціи, движеніи частичекъ; законами механики, приложенными къ движенію ихъ, могутъ быть объяснены всѣ частичныя качества. Фигурою частички шарообразны, съ очень незначительными шероховатостями; частички очень тверды, не подвержены какому-либо физическому измѣненію и упруги.

Изъ теорій того времени съ этой гипо-

тезой Ломоносова имѣетъ сходство атомистическая гипотеза Р. Босковича, опубликованная лѣтъ черезъ 20 послѣ того, какъ Ломоносовъ составилъ свою теорію, въ 1764 году, въ большомъ сочиненіи «Philosophiae naturalis theoria reducta ad unicam legem virium in natura existentium». Главное отличіе системы Босковича отъ таковой Ломоносова заключается въ томъ, что Босковичъ считалъ атомы математическими точками, надѣленными свойствами массы, между тѣмъ какъ Ломоносовъ придавалъ атомамъ тѣлесную форму и считалъ возможнымъ приложить къ частичкамъ всѣ основныя аксіомы движенія, высказанныя Ньютономъ. Замѣчательно, что черезъ 140 лѣтъ другой великій русскій химикъ, Д. И. Менделѣевъ, снова сдѣлалъ попытку объяснить основные законы химіи, исходя изъ аксіомы: дѣйствіе всегда сопровождается противодѣйствіемъ и съ нимъ равно, приложенной къ частицамъ (Два лондонскихъ чтенія, 2 изданіе, стр. 16—38, 1895).

Перейдемъ теперь къ сущности частичной механики Ломоносова и начнемъ съ явленій теплоты, объяснявшихся, какъ уже упомянуто, въ его время и даже гораздо позже существованіемъ особой гипотетической тепловой матеріи; лишь единичныя личности, сумѣвшія проникнуть въ сущность вещей глубже современниковъ, держались иныхъ теорій теплоты. Взгляды Ломоносова на этотъ предметъ высказаны имъ главнымъ образомъ въ «Размышленіяхъ о причинѣ теплоты и холода», но несомнѣнно зародились гораздо раньше (эта диссертація сообщена конференціи въ 1744 году, но напечатана лишь въ 1747) и могутъ быть по всей справедливости названы механической теоріей теплоты. Она заключается въ основанномъ на разсмотрѣніи тепловыхъ явленій допущеніи, что причиною теплоты тѣла является движеніе его нечувствительныхъ частичекъ. Послѣднія могутъ двигаться трояко: поступательно, колебательно и вращательно. Изъ этихъ трехъ родовъ движенія въ твердомъ тѣлѣ можетъ несомнѣнно существовать только вращательное: еслибы частички его двигались поступательно или колебательно, то твердое тѣло перестало бы быть таковымъ. Поэтому Ломоносовъ считаетъ, что теплота тѣлъ есть внутреннее вращательное движеніе ихъ частичекъ, невидимое для нашихъ органовъ чувствъ. Онъ далѣе показываетъ, что эта теорія прекрасно объясняетъ всѣ явленія, сопровождающія теплоту: такъ, напримѣръ, чѣмъ быстрѣе вращаются частички, тѣмъ бо́льшія отталкивательныя силы возбуждаются между ними отъ постоянныхъ столкновеній вслѣдствіе присутствія шероховатостей на поверхности ихъ, поэтому твердость тѣла уменьшается и оно, наконецъ плавится, такъ что жидкое тѣло всегда имѣетъ тепловое вращательное движеніе своихъ частичекъ, какъ бы холодно оно ни казалось; переходъ же въ газообразное состояніе происходитъ потому, что отталкивательныя силы при быстромъ вращеніи становятся настолько значительными, что частички не могутъ болѣе оставаться во взаимной связи и разлетаются во всѣ стороны. Самый большой возможный холодъ будетъ наблюдаться при полномъ прекращеніи движенія частичекъ; наоборотъ, нельзя себѣ представить предѣлъ тепла, такъ какъ для всякаго движенія частичекъ, какъ бы быстро оно ни было, можно допустить существованіе болѣе скораго движенія.

Эти воззрѣнія Ломоносова на теплоту въ значительной степени приближаются къ современнымъ, и въ нихъ Ломоносовъ опередилъ свое время не меньше, чѣмъ на 120—130 лѣтъ. Современникамъ его механическіе взгляды на сущность теплоты казались дикими и совершенно необоснованными; въ 1754 году въ Эрлангенскомъ университетѣ магистръ І. Х. Арнольдъ блестяще защитилъ диссертацію «О невозможности объяснить теплоту вращательнымъ движеніемъ частичекъ тѣлъ», гдѣ подвергъ рѣзкой критикѣ работу Ломоносова. Послѣдній въ 1755 году написалъ антикритику подъ заглавіемъ «О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій, предназначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія», содержащую отвѣты также и на критическія статьи по поводу его механической теоріи тепла, появлявшіяся въ нѣмецкихъ журналахъ и писанныя зачастую лицами, совершенно не понимавшими сущности того, что говорилъ Ломоносовъ. Съ его правилами для журналистовъ было бы полезно познакомиться и критикамъ нашего времени. Добавимъ, что механическая теорія теплоты стала общепризнанной лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Механическая теорія газоваго состоянія, предложенная Ломоносовымъ, очень близка къ современной теоріи газовъ, извѣстной подъ названіемъ кинетической, и подробно развита имъ въ диссертаціи: «Попытка теоріи упругой силы воздуха» (прочитана Ломоносовымъ въ конференціи 30 сентября 1748 года, одобрена академиками и напечатана въ Комментаріяхъ Академіи за 1747 и 1748 годы). Она возникла, какъ указываетъ самъ Ломоносовъ, изъ мысли, высказанной членомъ Россійской Академіи Наукъ Д. Бернулли въ большомъ своемъ трудѣ «Гидродинамика» (1738) при обсужденіи свойствъ и законовъ движенія упругихъ жидкостей, т. е. газовъ. Подобно механической теоріи тепла, эта теорія Ломоносова имѣетъ очень большое значеніе: теперешняя кинетическая теорія была послѣ него снова высказана ровно черезъ 100 лѣтъ англичаниномъ Уотерстономъ, представившимъ свою статью въ Лондонское Королевское Общество. По ознакомленіи съ работой Уотерстона Общество постановило не печатать ее, какъ противорѣчащую здравому смыслу, и она была найдена въ архивѣ общества лишь въ концѣ XIX столѣтія лордомъ Рэлеемъ. Очевидно, такимъ образомъ, что физики даже черезъ столѣтіе послѣ Ломоносовской работы совершенно не были подготовлены для принятія механической теоріи газовъ, и она начала распространяться только послѣ работъ Кренига и Клаузіуса, опубликованныхъ въ 1856—1857 годахъ.

Сущность теоріи Ломоносова заключается въ слѣдующемъ. Атомы воздуха должны находиться далеко другъ отъ друга, такъ какъ воздухъ можно сжать до $^1/_{30}$ первоначальнаго объема; взаимодѣйствіе же отдѣльныхъ атомовъ мыслимо только при ихъ соприкосновеніи: примирить эти два противорѣчивыхъ положенія можно лишь допущеніемъ, что въ каждый данный моментъ не всѣ атомы воздуха находятся въ одинаковомъ состояніи и что каждое состояніе продолжается очень короткое время, а именно, что атомы сталкиваются съ сосѣдними, отпрыгиваютъ отъ нихъ и стремятся разсѣяться во всѣ стороны отъ частыхъ взаимныхъ столкновеній. Причину взаимнаго отталкиванія Ломоносовъ видитъ въ томъ тепловомъ движеніи, которое имѣетъ каждый атомъ воздуха; чѣмъ скорѣе они вращаются, тѣмъ сильнѣе вслѣдствіе своихъ шероховатостей и отталкиваются, а потому при повышеніи температуры растетъ и упругость воздуха. Такое строеніе воздуха подтверждается и распространеніемъ звука, который есть ничто иное, какъ колебательное движеніе атомовъ упругаго воздуха. Далѣе Ломоносовъ рисуетъ въ своей диссертаціи картину воздушныхъ атомовъ, несущихся по всѣмъ направленіямъ, безпрерывно сталкивающихся между собою и отпрыгивающихъ во всѣ стороны—картину, которая нынѣ имѣется во всякомъ учебникѣ физики, но даже русскіе физики при этомъ не считаютъ нужнымъ указывать перваго автора ея—Ломоносова. Наконецъ Ломоносовъ сдѣлалъ въ особомъ дополненіи къ размышленіямъ объ упругой силѣ воздуха выводъ изъ своей теоріи, объясняющій законъ Бойля: а именно, что при небольшихъ давленіяхъ давленіе обратно пропорціонально объему воздуха. Но при большихъ давленіяхъ, вслѣдствіе нѣкоторой конечной величины самихъ атомовъ, столкновенія послѣднихъ будутъ происходить относительно чаще, чѣмъ при обыкновенномъ давленіи, поэтому сопротивленіе воздуха будетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ по занимаемому имъ объему—и отношеніе упругостей будетъ отличаться отъ отношенія объемовъ (или плотностей). Эта поправка была затѣмъ разработана въ изслѣдованіяхъ фанъ-деръ Ваальса лишь въ 1873 году—черезъ 126 лѣтъ послѣ Ломоносова.

Движеніями эфира (строеніе котораго Ломоносовъ представлялъ себѣ аналогичнымъ строенію газовъ, но частички коего должны были быть гораздо меньше воздушныхъ) объяснялись явленія свѣта и электричества: свѣтъ распространяется волнообразно, при помощи колебательныхъ движеній частичекъ эфира; такъ какъ распространеніе свѣта весьма быстро, то предполагалось, что частички эфира находятся во взаимномъ соприкосновеніи, иначе скорость распространенія свѣта была бы такъ же незначительна, какъ звука въ воздухѣ (Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее, 1756). Что же касается электричества, то причину его Ломоносовъ видѣлъ въ весьма быстромъ вращательномъ движеніи частичекъ эфира (незаконченная «Теорія электричества, разработанная математическимъ путемъ», 1756).

Таковы основныя положенія механическихъ теорій разныхъ физическихъ явленій, предложенныхъ Ломоносовымъ; всѣ эти теоріи вытекаютъ изъ одной и той же атомистической основы. Въ своей корпускулярной философіи онъ, какъ мы видимъ, стремился къ той цѣли, которую ставитъ себѣ и современная физика—къ выработкѣ единообразныхъ представленій о всѣхъ явленіяхъ. Связующимъ звеномъ, позволявшимъ ему выработать изъ хаоса атомовъ стройныя представленія, является у него, какъ и у новѣйшихъ физиковъ, представленіе объ энергіи: поразительна эта общность характера, эта удивительная близость Ломоносовскихъ механическихъ теорій къ теперешнимъ. Ломоносовъ признавалъ также и возможность перехода одной формы энергіи въ другую; такъ, напр., въ диссертаціи о химическомъ дѣйствіи растворителей вообще (1745—1747) охлажденіе воды при растваренін солей объясняется такъ: когда какое-либо тѣло ускоряетъ движеніе другого и сообщаетъ ему часть своего движенія, то происходитъ это только такъ, что само оно теряетъ такую же часть движенія. Поэтому частички воды, когда ускоряютъ движеніе частичекъ соли (при распространеніи послѣдней по всей массѣ воды), сами теряютъ часть своего движенія, а такъ какъ движеніе—причина тепла, то не удивительно, что вода при этомъ охлаждается. Это объясненіе является приложеніемъ къ данному случаю того принципа, который самъ Ломоносовъ назвалъ всеобщимъ закономъ природы и который можно назвать его закономъ сохраненія вѣса вещества и энергіи (1748); о немъ рѣчь будетъ далѣе. Такимъ образомъ Ломоносовъ по своимъ физическимъ воззрѣніямъ былъ лѣтъ на 100—120 впереди своихъ современниковъ, и мы съ удивленіемъ знакомимся съ его теоріями, предложенными затѣмъ снова и принятыми наукой лишь во второй половинѣ XIX вѣка. При этомъ необходимо отмѣтить, что Ломоносовъ не былъ только философомъ, мыслителемъ, высказывавшимъ свои теоретическіе взгляды, но въ подтвержденіе своихъ теорій онъ приводитъ большое количество фактовъ и опытовъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, какъ, напр., опыты разрыва стеклянныхъ шаровъ при замерзаніи въ нихъ воды, послужившіе ему для установленія замѣчательной по своей проницательности поправки на конечную величину атомовъ при сжатіи воздуха, не имѣютъ никакого отношенія къ сдѣланнымъ изъ нихъ выводамъ.

Перейдемъ теперь къ трудамъ Ломоносова въ химіи и прежде всего напомнимъ, что вторая половина и пятидесятые годы XVIII столѣтія, когда произведены были главныя работы Ломоносова по химіи, были періодомъ пышнаго расцвѣта такъ называемой флогистической эпохи химіи, характеризующейся тѣмъ, что химики того времени занимались главнымъ образомъ описаніемъ новыхъ веществъ, собираніемъ новыхъ наблюденій надъ свойствами соединеній. Поэтому періодъ этотъ отличается *качественнымъ* характеромъ наблюденій, *отсутствіемъ количественныхъ* пріемовъ; въ то же время, какъ необходимое слѣдствіе такого метода изслѣдованія, не было понятія о чистотѣ химическаго соединенія и даже индивидуализація соединеній находилась въ зачаточномъ состояніи. Въ химіи не было опредѣленной цѣли, къ которой она стремилась, и только теорія флогистона, введенная въ науку нѣмецкимъ химикомъ Сталемъ, пыталась объединить наблюдаемыя явленія. Согласно этой теоріи, предложенной первоначально для объясненія явленій горѣнія, флогистонъ является общей составной частью всѣхъ тѣлъ, способныхъ поддаваться дѣйствію огня, и всѣ процессы, производимые при его участіи, заключаются въ томъ, что флогистонъ удаляется изъ даннаго вещества. А затѣмъ съ теченіемъ времени химики стали постепенно объяснять все большее и большее количество явленій и процессовъ при помощи флогистона, такъ что послѣдній сталъ тѣмъ лозунгомъ, около котораго группировались тогдашніе представители химіи.

Первый химическій трудъ Ломоносова, который долженъ былъ быть весьма обширнымъ, относится къ 1741 году. Отъ него остались только введеніе да подробная программа; это—«Элементы математической химіи». Но уже здѣсь мы находимъ совершенно новые для того времени взгляды, стоящіе гораздо ближе къ теперешнимъ воззрѣніямъ на химію, чѣмъ къ тогдашнимъ. Ломоносовъ опредѣляетъ прежде всего химію, какъ *науку* измѣненій, происходящихъ въ составномъ тѣлѣ. Чтобы было ясно, насколько отличается это опредѣленіе отъ употребимыхъ въ XVIII вѣкѣ,

приведу опредѣленіе химіи, данное Сталемъ: химія есть *искусство* (не наука!) разлагать сложныя тѣла на ихъ составныя части и снова создавать ихъ изъ составныхъ частей. А вотъ опредѣленіе химіи, данное Д. И. Менделѣевымъ: химія изучаетъ однородныя вещества, ихъ превращенія другъ въ друга и явленія, сопровождающія такія превращенія. Въ тѣхъ же «Элементахъ» Ломоносовъ дѣлаетъ впервые попытку приложить къ химіи ученіе объ атомахъ, распространяетъ на нее свою атомистическую гипотезу и вводитъ научное понятіе о химическомъ элементѣ (по Ломоносовской номенклатурѣ начало). Послѣдній имъ опредѣляется какъ такая часть сложнаго тѣла, которая не состоитъ изъ какихъ-либо другихъ тѣлъ, меньшихъ и отличныхъ отъ нея: собраніе элементовъ въ одну крайне незначительную массу даетъ корпускулу (это слово заимствовано Ломоносовымъ у Бойля, предложившаго объяснять химическія явленія при помощи корпускулъ). Корпускулы могутъ быть однородными, если состоятъ изъ одинаковаго числа однихъ и тѣхъ же элементовъ, и разнородными, когда элементы различны и соединены разнымъ образомъ или въ различномъ числѣ. Тѣло, состоящее только изъ однородныхъ корпускулъ, называется началомъ, тѣло же составное состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ различныхъ началъ, такъ соединенныхъ между собою, что начала въ каждой отдѣльной корпускулѣ составного тѣла находятся въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ и во всемъ составномъ тѣлѣ. Корпускулы, состоящія только изъ элементовъ, можно назвать первичными, а сложенныя изъ нѣсколькихъ первичныхъ—производными; поэтому начала заключаютъ лишь первичныя корпускулы, а тѣла составныя—только производныя.—Если въ этомъ приложеніи атомистической гипотезы къ химіи замѣнить выраженіе элементъ словомъ атомъ, корпускулу—словомъ частица или молекула, начало назвать простымъ тѣломъ, химическимъ элементомъ—то мы получимъ ту атомистическую систему, которая нынѣ принята въ химіи: мы имѣемъ частицы, состоящія изъ атомовъ; частицы простыхъ тѣлъ состоятъ изъ одинаковыхъ атомовъ, частицы сложныхъ тѣлъ—изъ атомовъ различныхъ элементовъ. Наконецъ, различіе огромнаго числа разнообразныхъ соединеній органической химіи происходитъ, какъ мы это теперь знаемъ, исключительно отъ различнаго расположенія атомовъ въ частицѣ. Заключенія, къ которымъ Ломоносовъ пришелъ теоретически, тѣмъ болѣе интересны, что атомистическія представленія были введены въ химію Дальтономъ въ началѣ XIX столѣтія только послѣ накопленія большого опытнаго матеріала, послѣ того, какъ были найдены законы постоянства состава и кратныхъ отношеній. Затѣмъ потребовалось еще болѣе полустолѣтія, чтобы среди химиковъ распространилось сознаніе необходимости различать понятія о частицѣ и атомѣ, столь ясно разграниченныя Ломоносовымъ за 130 лѣтъ до этого времени...

Первоначальные взгляды на химію, выраженные въ «Элементахъ математической химіи», затѣмъ подверглись существенному и очень интересному развитію. Въ этихъ «Элементахъ» Ломоносовъ изъ своего опредѣленія сущности химіи, приведеннаго выше, выводитъ такія требованія, которымъ долженъ удовлетворять химикъ: онъ долженъ имѣть историческое и философское познаніе измѣненій, происходящихъ въ составномъ тѣлѣ, долженъ на опытѣ доказывать все утверждаемое,—словомъ, химикъ долженъ быть философомъ; подобно физическимъ, и химическія измѣненія происходятъ отъ движенія частичекъ тѣлъ: поэтому химикъ долженъ знать математику и механику, чтобы быть въ состояніи вывести законы химіи изъ законовъ, управляющихъ движеніемъ частичекъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти требованія уже являются болѣе опредѣленными и расширенными: въ предисловіи къ своей диссертаціи о селитрѣ, посланной въ Берлинъ, Ломоносовъ говоритъ слѣдующее: «мы считаемъ возможнымъ научно изложить большую часть химіи въ связи съ положеніями, едва только принятыми въ физикѣ, и не сомнѣваемся, что, соединивъ физическія истины съ химическими, успѣшнѣе можно познать скрытую природу тѣлъ. Если затѣмъ всѣ химическія истины поставить въ болѣе строгую зависимость такъ, чтобы было видно, насколько одна истина вытекаетъ изъ другой или объясняется ею, то такая наука будетъ сама по себѣ химія; въ тоже время можно будетъ ясно видѣть, что дали химіи другія естественныя науки и насколько сама она будетъ оказывать имъ взаимныя услуги. Послѣ чего превосходная эта наука будетъ достойна занять

подобающее мѣсто среди физическихъ наукъ» (1749 г.). Эти же мысли въ популярной формѣ высказаны и въ прекрасномъ «Словѣ о пользѣ химіи» (1751), изъ котораго можно сдѣлать такую выдержку, показывающую, что, по мнѣнію Ломоносова, для познанія свойствъ нечувствительныхъ физическихъ частичекъ химикъ долженъ быть и математикомъ и физикомъ: «Къ сему требуется весьма искусной химикъ и глубокой математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, которой только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку, но которой собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся; и не такой, напротивъ того, которой хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія и ради того, послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случавшіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ тайнъ. Не такой требуется математикъ, которой только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но которой въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непоползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ... Химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ. Но какъ обѣ въ использованіи внутреннихъ свойствъ тѣлесныхъ одна отъ другой необходимо помощи требуютъ,—такъ, напротивъ того, умы человѣческіе нерѣдко въ разные пути отвлекаютъ. Химикъ, видя при всякомъ опытѣ разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія и приманиваясь къ снисканію скорой пользы, математику, какъ бы только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ о точкахъ и линѣяхъ упражняющемуся, смѣется. Математикъ, напротивъ того, увѣренъ о своихъ положеніяхъ ясными доказательствами, и черезъ неоспоримыя и бесперерывныя слѣдствія выводя неизвѣстныхъ количествъ свойства, химика, какъ бы одною только практикою отягощеннаго и между многими безпорядочными опытами заблуждающаго, презираетъ, и, пріобыкнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, химическимъ дымомъ и пепеломъ гнушается. И для того по сіе время сіи двѣ общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большей части раждали. Сіе есть причиною, что совершенное ученіе химіи съ глубокимъ познаніемъ математики еще соединено не бывало».

Если бы химики послѣдовали этимъ замѣчательнымъ словамъ Ломоносова, то несомнѣнно, что теперь химія была бы во многихъ отношеніяхъ иной и болѣе совершенной наукой. Въ самомъ дѣлѣ, и теперь еще многіе дѣлаютъ великое множество опытовъ, получаютъ массу препаратовъ (по современной статистикѣ каждый годъ однихъ только органическихъ веществъ изготовляется не менѣе 10000 новыхъ), загромождающихъ собою справочныя книги, и лишь меньшинство изслѣдуетъ собственно химическія явленія, приближающія насъ къ познанію истины... Наиболѣе же характерной чертой всѣхъ этихъ мыслей Ломоносова о химіи является введенное имъ понятіе о физической химіи, точной, математически разработанной химіи. Наибольшее развитіе этой отрасли химіи мы находимъ въ тѣхъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ студентамъ въ своей химической лабораторіи и которыя самъ онъ назвалъ лекціями физической химіи. Эти лекціи читались въ 1751—1753 годахъ и были первыми лекціями по этой наукѣ: слѣдующій курсъ физической химіи читался лѣтъ черезъ 120 послѣ Ломоносова. Эти лекціи онъ думалъ изложить въ большомъ трудѣ «Истинная физическая химія», начатомъ въ 1752 году, и до насъ дошли какъ полные планы курса и программы лекцій, такъ и все то, что, повидимому, вообще было написано. Въ этомъ курсѣ задачи и цѣли физической химіи опредѣляются такъ: «Физическая химія—наука, объясняющая на основаніи положеній и опытовъ физическихъ причину того, что происходитъ черезъ химическія операціи въ сложныхъ тѣлахъ. Она можетъ быть названа химической философіей, но въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ та мистическая философія, гдѣ не только не даютъ объясненій, но даже самыя операціи производятъ тайнымъ образомъ».

Таковы мысли Ломоносова о химіи, о ея цѣляхъ для успѣшнаго ея развитія. Для флогистической эпохи онѣ являются прямо пророческими: почти все, что говорилъ Ломоносовъ, можно повторить и теперь. Только въ послѣднія десятилѣтія начинаютъ считать необходимымъ, чтобы

образованный химикъ зналъ математику и физическую химію; только какихъ-нибудь 30 лѣтъ тому назадъ начинаетъ преподаваться въ университетахъ физическая химія. Съ каждымъ днемъ физическая химія захватываетъ все новыя и новыя области, и несомнѣнно недалеко то время, когда все преподаваніе общей химіи будетъ вестись въ тѣсной связи съ положеніями химіи физической. Все это показываетъ намъ, какъ правильны были взгляды Ломоносова на химію и какъ удивительно точны были его предвидѣнія, осуществившіяся черезъ полтора столѣтія.

Сказаннымъ однако еще далеко не исчерпывается все то, что сдѣлалъ Ломоносовъ въ химіи. Прежде всего намъ надо остановиться на его физико-химическихъ опытахъ, которые должны были сперва служить въ видѣ практическихъ занятій для слушавшихъ его студентовъ, а затѣмъ продолжались и послѣ окончанія курса. О томъ, какъ велись эти опыты, хорошее представленіе даетъ выдержка изъ проекта Ломоносова химической лабораторіи, написаннаго въ 1745 году. «Въ химическихъ дѣйствіяхъ намѣренъ я поступать такимъ порядкомъ: 1. Нужныя и въ химическихъ трудахъ употребительныя натуральныя матеріи сперьва со всякимъ стараніемъ вычистить, чтобы въ нихъ никакого посторонняго примѣсу не было, отъ котораго въ другихъ дѣйствіяхъ обманъ быть можетъ... Я не токмо въ разныхъ авторахъ усмотрѣлъ, но и собственнымъ искусствомъ удостовѣренъ, что химическіе эксперименты, будучи соединены съ физическими, особливыя дѣйствія показываютъ... При всѣхъ помянутыхъ опытахъ буду я примѣчать и записывать не токмо самыя дѣйствія, вѣсъ или мѣру употребляемыхъ къ тому матерій или сосудовъ, но и всѣ окрестности»...

Здѣсь прежде всего намъ бросается въ глаза, что Ломоносовъ при своихъ лекціяхъ физической химіи употреблялъ тотъ методъ преподаванія, который сталъ примѣняться только въ XIX вѣкѣ, а именно параллельно съ лекціями велъ и практическія занятія, на которыхъ не только самъ показывалъ опыты, но и студентамъ давалъ дѣлать ихъ. Такимъ образомъ студентъ постепенно усвоивалъ себѣ знанія профессора и подъ конецъ могъ дѣлать самъ самостоятельныя работы; одна изъ нихъ, студента В. Клементьева, дошла до насъ. Это-та схема, на которой построено нынѣ преподаваніе химіи во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ... Во времена же Ломоносова химія всегда преподавалась только теоретически, и самъ Ломоносовъ изучалъ ее въ Марбургѣ именно такимъ путемъ. Второе обстоятельство, которое надо отмѣтить въ этихъ опытахъ, это количественный методъ изслѣдованія, который въ то время флогистона, можно сказать, вовсе не примѣнялся химиками (въ этомъ, собственно говоря, и лежитъ причина того, что теорія флогистона могла просуществовать такъ долго). Ломоносовъ употребляетъ всюду мѣру и вѣсъ: необходимость того и другого въ химическихъ опытахъ была сознана только послѣ изслѣдованій Лавуазье, въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, но количественный методъ распространился среди химиковъ значительно позже.

Сохранились подробныя программы опытовъ по физической химіи Ломоносова. Эти программы обнимаютъ собой дѣйствительно всю химію и показываютъ почти полное тождество съ нынѣшними программами опытовъ по физической химіи. Исходной точкой обѣихъ является изученіе частицъ, далѣе слѣдуетъ изслѣдованіе физическихъ свойствъ однородныхъ тѣлъ, потомъ изученіе явленій растворенія и полное изслѣдованіе свойствъ растворовъ, составляющее основной пунктъ программы, подобно тому какъ и нынѣ центръ тяжести физической химіи лежитъ во всестороннемъ изученіи растворовъ. Этими послѣдними Ломоносовъ и занялся наиболѣе подробно, при чемъ сперва онъ пытался выработать теорію растворенія въ своей диссертаціи «о дѣйствіи химическихъ растворителей вообще» (1745). Если сама теорія растворимости нынѣ не представляетъ интереса (Ломоносовъ полагалъ, что процессъ растворенія заключается въ отрываніи частичекъ растворимаго воздухомъ, находящимся въ порахъ его), то несомнѣнно онъ первый различилъ два случая растворенія: *а*) растворенія, сопровождающагося химическимъ превращеніемъ, какъ раствореніе металловъ въ кислотахъ, при чемъ выдѣляется тепло, и *б*) происходящаго при поглощеніи тепла, какъ солей въ водѣ: такое раздѣленіе растворовъ было сдѣлано лишь Лавуазье въ 1789 году, черезъ 40 съ лишнимъ лѣтъ послѣ Ломоносова.

Изслѣдованія растворовъ должны были обнимать: растворимость при разныхъ температурахъ, плотность растворовъ, увеличеніе объема при раствореніи, поглощеніе теплоты, температуру кипѣнія растворовъ, растворимость въ растворахъ другихъ солей, температуру замерзанія растворовъ, удѣльную теплоту, сцѣпленіе солей и растворовъ, свѣтопреломленіе, высоту поднятія въ капиллярныхъ трубкахъ сравнительно съ чистой водой, микроскопическое изученіе растворовъ, дѣйствіе на нихъ электричества, растворимость солей на воздухѣ и въ пустотѣ, кристаллизацію солей изъ растворовъ и всестороннее изученіе кристалловъ, а также и самихъ солей въ твердомъ видѣ. Мы видимъ, значитъ, въ этой программѣ даже такіе вопросы, которые служили предметомъ изученія въ теченіе всего XIX столѣтія и которые и теперь еще постоянно служатъ темами для многочисленныхъ работъ, авторы которыхъ, конечно, и не подозрѣваютъ, что они выполняютъ программу, намѣченную за полтора столѣтія Ломоносовымъ. Приступая къ этимъ опытамъ, Ломоносовъ, какъ мы видѣли, прежде всего сталъ готовить возможно чистыя вещества, что доказываетъ, что онъ вполнѣ ясно представлялъ себѣ химическій индивидуумъ, однородное вещество, характеризующееся суммой извѣстныхъ, ему одному свойственныхъ, признаковъ. Понятіе о такомъ химическомъ индивидуумѣ было затѣмъ введено въ химію лишь въ началѣ XIX вѣка. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не отысканы подлинные лабораторные журналы Ломоносова, и мы поэтому лишены возможности сказать вполнѣ точно, что именно было осуществлено изъ этой громадной программы; сохранились лишь нѣкоторыя черновыя записи, изъ которыхъ видно, что Ломоносовъ главнымъ образомъ занимался растворами. Прежде всего, повидимому, былъ сдѣланъ рядъ опредѣленій растворимости солей при разныхъ температурахъ, отъ 0^0 до температуры кипѣнія воды (добавимъ, что Ломоносовъ при этихъ опытахъ употреблялъ всегда свой термометръ, шкала котораго была раздѣлена такъ: 0^0 соотвѣтствовалъ 0^0 шкалы Цельзія [1]), а затѣмъ каждый градусъ Ломоносова отвѣчалъ $^2/_3$ градусамъ шкалы Цельзія, такъ что темп. кип. воды лежала при 150^0 Ломоносова). Затѣмъ другой рядъ опытовъ содержитъ наблюденія надъ температурами замерзанія водныхъ растворовъ, при чемъ Ломоносовъ установилъ, что растворы замерзаютъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше соли растворено въ данномъ количествѣ воды—заключеніе, къ которому пришелъ въ 1788 году Благденъ, открывшій законъ пониженія температуры замерзанія раствора одной и той же соли, а именно пропорціонально растворенному количеству соли. Если прибавить сюда еще нѣсколько разрозненныхъ замѣтокъ по разнымъ вопросамъ программъ изслѣдованія, то мы и будемъ имѣть все, сохранившееся отъ этихъ опытовъ. По отчетамъ о занятіяхъ, представлявшихся Ломоносовымъ въ Академію, видно, что работы физико-химическаго характера продолжались въ общей сложности не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ. За это время, при крайне примитивной экспериментальной техникѣ того времени, конечно, нельзя было сдѣлать много опытовъ, особенно если еще имѣть въ виду обремененіе Ломоносова другими занятіями; гигантскую программу его оказалось возможнымъ исчерпать лишь къ началу XX вѣка, да и теперь еще нѣкоторые ея пункты не разработаны окончательно. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ передъ собой въ лицѣ Ломоносова перваго физико-химика и ему принадлежитъ по справедливости титулъ отца физической химіи.

Затѣмъ изъ другихъ химическихъ опытовъ Ломоносова особенно интересными представляются опыты, сдѣланные имъ въ 1756 году: они показываютъ намъ воззрѣнія его на явленія горѣнія. На послѣднихъ необходимо остановиться, такъ какъ они представляются совершенно отличными отъ флогистическихъ взглядовъ, согласно которымъ при горѣніи или при обжиганіи металла уходитъ флогистонъ и остается пепелъ или окалина металла. Первыя мысли Ломоносова по этому предмету находимъ мы въ сохранившихся среди

[1]) А. Цельзій, опубликовавшій описаніе своего термометра въ 1742 году (Труды Шведской Академіи Наукъ, *4*, 197—205), отмѣчаетъ темп. кипѣнія воды черезъ 0^0, а темп. замерзанія—черезъ 100^0. Нынѣ всѣми принятая въ наукѣ температурная шкала (точка замерзанія воды 0^0, точка кипѣнія 100^0) совершенно неправильно приписывается Цельзію и была независимо отъ послѣдняго предложена въ 1743 году французскимъ физикомъ Кристэномъ (Christin).

рукописей его 276 замѣткахъ, относящихся къ 1741 или 1742 году и представляющихъ собой тотъ сырой матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіи развились его теоретическія воззрѣнія и диссертаціи. Приведу изъ этихъ замѣтокъ слѣдующія: «35. Такъ какъ тѣла, увеличивающіяся въ вѣсѣ при обжиганіи (окалины), теряютъ снова вѣсъ послѣ возстановленія, то ясно, что привѣсъ въ нихъ произошелъ не отъ огня: обѣ операціи дѣлаются вѣдь при помощи огня.—120. Если бы тепловая матерія входила въ составъ окалинъ, то сами окалины, вынутыя изъ огня, оставались бы накаленными; слѣдовательно, или матерія эта не вступаетъ въ составъ ихъ, или въ соединеніе входитъ не тепловая матерія.—152. Обожженный свинецъ уменьшается массою и увеличивается вѣсомъ». Въ этихъ замѣткахъ ясно сказывается неудовлетворенность Ломоносова общепринятыми въ то время воззрѣніями и объясненіемъ явленій обжиганія металловъ при помощи флогистона.

Въ 1744 году Ломоносовъ, какъ я сказалъ, написалъ диссертацію «Размышленія о причинѣ теплоты и холода», гдѣ высказываетъ мнѣніе о теплотѣ, какъ о движеніи частичекъ нагрѣваемаго тѣла; тамъ же мы находимъ соображенія и о тѣхъ химическихъ процессахъ, которыми сопровождаются явленія горѣнія. Ломоносовъ указываетъ, что Р. Бойль первый показалъ, что при обжиганіи металловъ увеличивается вѣсъ ихъ, и объяснялъ это увеличеніе вѣса соединеніемъ съ металлами вѣсомой части пламени, матеріи огня. Ломоносовъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію эти мнѣнія Бойля и приходитъ къ тому заключенію, что опыты его нисколько не доказываютъ существованія огненной матеріи; увеличеніе же вѣса обжигаемаго металла, если вообще и происходитъ, то потому, что къ обжигаемому тѣлу во время процесса обжиганія присоединяются частички воздуха или какой-нибудь другой матеріи, подобно тому какъ при накаливаніи металла въ пламени сѣры происходитъ увеличеніе вѣса его, но не отъ огненной матеріи, а отъ частичекъ кислоты сѣры, соединяющейся съ металломъ. Это же объясненіе образованія окалинъ, т. е., что они получаются при соединеніи металла съ воздухомъ, приведено и въ письмѣ Ломоносова къ Эйлеру отъ 5 іюля 1748 года. Но этому объясненію Ломоносова противорѣчили, однако, какъ онъ объ этомъ и писалъ Эйлеру, опыты Р. Бойля. Эти опыты, сдѣланные въ 1673 году, заключались въ томъ, что Бойль бралъ стеклянныя реторты, клалъ въ нихъ свинецъ или олово, заплавлялъ герметически на огнѣ горлышко реторты и взвѣшивалъ ихъ. При нагрѣваніи такой реторты свинецъ переходилъ въ окалину; когда, послѣ двухчасового нагрѣванія, онъ открывалъ запаянный кончикъ реторты, воздухъ съ шумомъ врывался въ нее—признакъ того, какъ указываетъ Бойль, что реторта была дѣйствительно герметически запаяна—и при вторичномъ взвѣшиваніи оказывалась прибыль вѣса. Отсюда Бойль заключилъ, что матерія огня проходитъ черезъ стекло и соединяется съ металломъ. Эти то опыты Ломоносовъ повторилъ въ 1756 году и, какъ онъ самъ пишетъ въ ежегодныхъ отчетахъ о своихъ занятіяхъ, со слѣдующимъ результатомъ: «Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13-ти листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Боила [1]) мнѣніе ложно, ибо безъ пропусканія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ». Послѣднее обстоятельство — пропусканіе внѣшняго воздуха — и было причиною того, что у Бойля, вскрывавшаго всегда свои реторты передъ взвѣшиваніемъ, наблюдалось увеличеніе вѣса. Такимъ образомъ опыты Ломоносова съ полною опредѣленностью показали, что образованіе окалины происходитъ именно отъ соединенія металла съ воздухомъ при прокаливаніи. Результатъ этотъ чрезвычайно важенъ: истинное объясненіе явленій горѣнія, какъ соединенія горящаго или обжигаемаго тѣла съ кислородомъ воздуха, принадлежитъ Лавуазье, который началъ свои классическія изслѣдованія

[1]) Въ отчетѣ Ломоносова, писанномъ не собственноручно, но переписанномъ, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ студентовъ, стоитъ вмѣсто Боила, какъ было несомнѣнно написано Ломоносовымъ, Биила. Это имя первыми наслѣдователями рукописей Ломоносова было прочитано «Биція», вѣроятно, по незнакомству ихъ съ изслѣдованіями «Бойля»; отсюда почти во всѣхъ цитатахъ этого мѣста вмѣсто «Боила» встрѣчается «Биція».

именно съ повторенія опытовъ Бойля и въ 1773 году, черезъ 17 лѣтъ послѣ Ломоносова, получилъ совершенно такой же результатъ; Лавуазье затѣмъ изучилъ тѣ измѣненія, которыя происходятъ съ воздухомъ при обжиганіи металловъ, и вывелъ отсюда вѣрное объясненіе явленій горѣнія. Опыты Лавуазье стали всемірно извѣстными и повторяются въ каждомъ учебникѣ химіи, объ опытахъ же Ломоносова никто не знаетъ, и даже русскіе химики не находятъ нужнымъ упоминать о нихъ; а между тѣмъ, какъ мы видимъ, Ломоносовъ былъ несомнѣнно предшественникомъ Лавуазье и, если бы онъ могъ всецѣло посвятить себя химіи, то можетъ быть дошелъ бы и до вѣрнаго объясненія явленій горѣнія. Ломоносовъ хотѣлъ собрать всѣ свои опыты надъ горѣніемъ въ диссертаціи объ увеличеніи вѣса тѣлъ при горѣніи; но, повидимому, она не была имъ написана, такъ какъ о ней не упоминается въ протоколахъ конференціи и ее не удалось найти среди оставшихся послѣ него бумагъ.

Крайне интереснымъ представляется также выясненіе отношеній Ломоносова къ господствующей химической теоріи его времени—къ теоріи флогистона. Какъ мы видѣли, въ явленіяхъ горѣнія и обжиганія онъ являлся безусловнымъ противникомъ флогистическаго объясненія ихъ. Но въ томъ же 1745 году, когда были прочитаны въ конференціи Академіи его размышленія о причинѣ тепла и холода, онъ написалъ, для полученія профессуры, диссертацію «о свѣтлости металловъ», гдѣ на каждой страницѣ по нѣскольку разъ попадается флогистонъ и гдѣ Ломоносовъ представляется ярымъ приверженцемъ теоріи флогистона! Однако такая полная перемѣна взглядовъ на протяженіи нѣсколькихъ недѣль находитъ себѣ простое объясненіе. Изъ протоколовъ засѣданій конференціи видно, что диссертація о причинахъ тепла и холода была возвращена автору для исправленія и академики особенно неодобрительно и рѣзко высказались о той именно части работы, гдѣ Ломоносовъ критикуетъ Бойля и опровергаетъ мнѣніе его объ огненной матеріи. Для полученія профессорскаго званія, очевидно, надо было представить сочиненіе, которое не могло бы вызвать осужденія со стороны академиковъ, подобно всѣмъ ученымъ того времени считавшихъ теорію флогистона истиною. Въ этомъ я и вижу причину того, что диссертація о свѣтлости металловъ написана въ духѣ теоріи флогистона: въ ней Ломоносовъ какъ бы старался загладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное работой о теплотѣ и холодѣ. Совершенно подобная же причина побудила его написать диссертацію о селитрѣ по правиламъ флогистической химіи: въ Берлинской Академіи члены были послѣдователями, нѣкоторые—даже учениками Сталя. Кромѣ этихъ, есть еще другія работы Ломоносова, гдѣ примѣняется флогистонъ: это—его «Слова» на публичныхъ засѣданіяхъ Академіи, какъ «Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію цвѣтовъ представляющее», «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли». Употребленіе въ нихъ понятія о флогистонѣ вызвано было, по моему мнѣнію, стремленіемъ Ломоносова быть вполнѣ понятнымъ своимъ слушателямъ, такъ какъ простая теорія флогистона въ то время несомнѣнно была очень широко распространена среди образованныхъ людей. Въ общемъ я прихожу къ заключенію, что Ломоносовъ, когда это было возможно, обходился безъ флогистона, но пользовался имъ, когда этого требовали интересы его слушателей или собственные. Укажу, что Ломоносовъ не опубликовалъ подробно своихъ взглядовъ на явленія, сопровождающія обжиганія металловъ, вѣроятно до высказанной въ письмѣ къ Эйлеру отъ 5 іюля 1748 года причинѣ: «хотя все это могъ бы опубликовать... однако боюсь: можетъ показаться, что даю ученому міру незрѣлый плодъ скороспѣлаго ума, если выскажу многіе новые взгляды, по большей части противорѣчащіе принятымъ великими мужами».

Въ заключеніе этихъ немногихъ словъ, посвященныхъ дѣятельности Ломоносова въ химіи, остановимся еще на одномъ моментѣ ея—именно на высказанномъ имъ «всеобщемъ законѣ природы», который можно назвать закономъ сохраненія вѣса вещества и энергіи. Впервые мы находимъ формулировку его въ письмѣ Ломоносова къ Эйлеру 5 іюля 1748 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Omnes autem, quae in rerum natura contingunt, mutationes ita sunt comparatae, ut si quid alicui rei accedit, id alteri derogatur. Sic quantum alicui corpori materiae additur,

tantumdem decedit alteri, quot horas somno impendo, totidem vigiliae detraho, etc. Quae naturae lex cum sit universalis, ideo etiam ad regulas motus extenditur: corpus enim, quod impulsione ad motum excitat aliud, tantum de suo amittit, quantum alteri a se moto impertit». Публично въ первый разъ Ломоносовъ высказалъ этотъ законъ въ недавно найденной диссертаціи «объ отношеніи массы и вѣса» (1758), на латинскомъ же языкѣ: опубликовать свой законъ онъ рѣшился, вѣроятно, послѣ многочисленныхъ химическихъ опытовъ, сдѣланныхъ имъ количественно съ 1749 года и доказавшихъ справедливость его всеобщаго закона. По-русски мы находимъ этотъ законъ въ «Разсужденіи о твердости и жидкости тѣлъ» (1760), гдѣ онъ данъ въ такихъ выраженіяхъ: «Всѣ перемѣны, въ натурѣ случающіяся, такого суть состоянія, что сколько чего у одного тѣла отнимется, столько присовокупится къ другому. Такъ, ежели гдѣ убудетъ нѣсколько матеріи, то умножится въ другомъ мѣстѣ; сколько часовъ положитъ кто на бдѣніе, столько же сну отниметъ. Сей всеобщей естественной законъ простирается и въ самыя правила движенія: ибо тѣло, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряетъ, сколько сообщаетъ другому, которое отъ него движеніе получаетъ».

Первоначально мысль о сохраненіи вещества и энергіи была высказана великими философами XVII и XVIII вѣка, какъ нѣчто аксіомное, само собою подразумѣвающееся. У химиковъ намеки на сохраненіе вещества встрѣчаются у Бойля, но Ломоносовъ былъ первымъ, высказавшимъ «всеобщій законъ природы» совершенно ясно и, главное, подтвердившимъ его количественными опытами, среди которыхъ наиболѣе доказательными являлись, конечно, опыты превращенія металловъ въ окалины въ запаянныхъ сосудахъ. Обычно считается, что законъ сохраненія вѣса вещества впервые предложенъ Лавуазье; послѣдній однако никогда не называлъ его всеобщимъ закономъ природы и упомянулъ объ этомъ лишь между прочимъ въ своемъ «Элементарномъ руководствѣ химіи» (1789). Здѣсь послѣ описанія явленій броженія виноградного сахара, распадающагося при этомъ на углекислоту и винный спиртъ, вѣсъ которыхъ равенъ вѣсу взятаго сахара, Лавуазье продолжаетъ: «такъ какъ ничто не творится, ни въ искусственныхъ процессахъ, ни въ природныхъ, и можно выставить положеніе, что во всякой операціи имѣется одинаковое количество матеріи до и послѣ операціи, что качество и количество началъ остались тѣми же самыми, произошли лишь измѣненія. На этомъ положеніи основано все искусство дѣлать опыты въ химіи: необходимо предполагать во всѣхъ дѣйствительное равенство между началами изслѣдуемаго тѣла и получаемаго изъ него анализомъ». Законъ сохраненія вѣса вещества при химическихъ реакціяхъ подвергался провѣркѣ много разъ въ XIX и началѣ нынѣшняго столѣтія и теперь можетъ считаться правильнымъ въ предѣлахъ тысячныхъ долей миллиграмма. Что же касается до закона сохраненія энергіи, то этотъ законъ сталъ общепризнаннымъ не ранѣе второй половины прошлаго столѣтія. Нечего и говорить, что законъ Ломоносова прошелъ совершенно незамѣченнымъ русскими химиками, подобно всѣмъ другимъ открытіямъ и замѣчательнымъ мыслямъ Ломоносова.

Итакъ мы видимъ, что Ломоносовъ былъ среди химиковъ-флогистиковъ представителемъ того направленія химіи, на которое она вступила черезъ полтора вѣка послѣ него. Всѣ его новыя начинанія, всѣ его теоріи и мысли, оказавшіяся столь плодотворными впослѣдствіи, остались безплодными, прошли незамѣченными современниками. Невольно напрашивается вопросъ: отчего же это произошло? Я думаю, что главная причина этого лежитъ въ томъ, что по всему складу научной мысли Ломоносовъ былъ слишкомъ далеко впереди своего времени. Обычно, какъ мы это видимъ изъ исторіи науки, новыя мысли распространяются среди ученыхъ только тогда, когда онѣ лишь немного впереди общепризнанныхъ и опираются на нихъ: тогда налицо имѣется благопріятный психологическій моментъ, и высказывающіе ихъ люди становятся научными вожаками, за которыми идутъ другіе. Ломоносовъ же слишкомъ опередилъ ученыхъ своего времени, и потому значеніе его новыхъ мыслей было имъ совершенно непонятно. То обстоятельство, что въ Россіи въ то время мало кто могъ вообще слѣдить за ходомъ научной мысли, мнѣ кажется, не имѣетъ въ данномъ случаѣ большого значенія, такъ какъ глав-

ныя диссертаціи Ломоносова были опубликованы на латинскомъ языкѣ и были поэтому доступны западно-европейскимъ ученымъ. Въ общемъ же мы не можемъ не присоединиться къ мнѣнію, высказанному въ началѣ 1912 года президентомъ Американскаго Химическаго Общества, взявшимъ работы Ломоносова темой своей рѣчи на годичномъ засѣданіи Общества—что въ лицѣ Ломоносова къ ограниченному числу великихъ людей всего міра присоединился химикъ первой величины и личность удивительной мощи и разносторонности.

Изъ трудовъ Ломоносова по другимъ естественнымъ наукамъ остается еще въ нѣсколькихъ словахъ сказать о сдѣланномъ имъ въ области минералогіи и геологіи, гдѣ также, какъ въ физикѣ и химіи, наиболѣе важными являются его новыя идеи и гипотезы. Ломоносовъ—одинъ изъ первыхъ ученыхъ, имѣвшій правильный взглядъ на образованіе жилъ рудныхъ мѣсторожденій и установившій понятіе объ ихъ возрастѣ, что обычно приписывается Вернеру и Прайсу: онъ за нѣсколько лѣтъ до нихъ въ прибавленіи къ своей металлургіи (написанной въ 1742, напечатанной же въ 1763 году) «О слояхъ земныхъ» считаетъ, что жилы бываютъ разнаго возраста, что доказывается пересѣченіемъ однѣхъ жилъ другими, существованіемъ пустыхъ трещинъ—будущихъ жилъ, и что жилы неодинаковаго возраста несутъ и разные минералы. Въ тѣсной связи съ теоріями образованія жилъ находится разсужденіе Ломоносова «О рожденіи металловъ отъ трясенія земли» (1758). Землетрясенія Ломоносовъ подраздѣляетъ на четыре типа и, между прочимъ, научно устанавливаетъ волнообразныя колебанія земной поверхности (что обычно приписывается Юнгу въ началѣ прошлаго столѣтія), а также—нечувствительныя землетрясенія, дѣйствіе которыхъ сказывается лишь съ теченіемъ времени. Имъ Ломоносовъ придаетъ огромное значеніе и видитъ ихъ проявленіе на наклонномъ положеніи земныхъ слоевъ, которые должны были бы быть горизонтальными, на разрушенныхъ каменистыхъ породахъ, на горахъ и долинахъ. Доказательствомъ такихъ движеній въ глубинѣ земли является присутствіе въ рудникахъ сдвиговъ жилъ. Образующіяся отъ землетрясеній трещины потомъ заполняются веществами, отлагающимися изъ растворовъ ихъ въ дождевой водѣ, проникающихъ въ трещины: это—способъ образованія жилъ минераловъ. На трещинахъ земной коры появляются и вулканы, являющіеся результатомъ образованія трещинъ, изъ нихъ выходятъ расплавленныя вещества подъ вліяніемъ давленія верхнихъ слоевъ. Это воззрѣніе Ломоносова на трещины какъ на первичное явленіе, образовавшееся подъ вліяніемъ землетрясеній, а на вулканы и вулканическія изверженія—какъ на явленія вторичнаго характера, нынѣ является распространеннымъ въ геологіи, но возникло въ наукѣ сравнительно недавно. Всѣ горы, долины и вообще видъ материковъ Ломоносовъ объясняетъ движеніями земной коры, въ меньшей степени — дѣйствіемъ другихъ причинъ, какъ воды. Наконецъ источникомъ трясеній земли является по Ломоносову внутренній огонь земли, происходящій отъ самовозгоранія вслѣдствіе тренія сѣры и подобныхъ ей веществъ, сильно распространенныхъ, по его мнѣнію, въ земной корѣ. По отношенію къ землетрясеніямъ мы имѣемъ и попытки Ломоносова опредѣлить глубину вызывающихъ ихъ реакцій; онъ считалъ форму землетрясеній зависящей отъ глубины залеганія ихъ основной причины: все это взгляды, высказанные и развитые учеными лишь въ XIX вѣкѣ.

Въ прибавленіи къ своей «металлургіи» Ломоносовъ первый въ исторіи науки ставитъ въ научной формѣ вопросъ о различномъ возрастѣ горъ на землѣ; взгляды его на другія геологическія явленія также далеко опередили его время. Такъ онъ считаетъ, что окаменѣлости и отпечатки—остатки различныхъ животныхъ и растеній, погибшихъ отъ тѣхъ причинъ, которыя дѣйствуютъ и нынѣ; изученіемъ ихъ нахожденія можно возсоздать картину того, что было въ давнія времена въ данномъ мѣстѣ, и разный возрастъ слоевъ съ окаменѣлостями можно выяснить изученіемъ послѣдовательности слоевъ, въ которыхъ онѣ заключены, тамъ, гдѣ слои эти доступны нашему наблюденію. Въ связи съ этими мнѣніями находятся и мысли о происхожденіи изъ растительныхъ остатковъ торфа, затѣмъ бурыхъ и каменныхъ углей, образующихся медленно изъ торфа подъ вліяніемъ высокой температуры внутренности земли. При такомъ медленномъ

переходѣ «выгоняется подземнымъ жаромъ изъ приготовляющихся каменныхъ углей оная бурая и черная масляная матерія и вступаетъ въ разныя разсѣлины и полости сухія и влажныя, водами наполненныя... И сіе есть рожденіе жидкихъ разнаго сорта горючихъ и сухихъ затвердѣлыхъ матерій, каковы суть: каменное масло, жидовская смола, нефть, гагатъ и симъ подобныя, которыя хотя чистотой разнятся, однако изъ одного начала происходятъ. Извѣстно изъ химическихъ опытовъ, что такихъ жирныхъ матерій перегонка, когда крутымъ огнемъ производится, масло выходитъ черно и густо; напротивъ того, отъ легкаго огня свѣтло и прозрачно». Точно также органическаго происхожденія, по Ломоносову, янтарь — окаменѣлая смола,— а черноземъ—продуктъ гніенія наземной растительности; таково же происхожденіе и горючаго вещества глинъ и шифера. Подобно другимъ его мнѣніямъ, и эти сдѣлались достояніемъ науки лишь въ XIX вѣкѣ; особенно интересно отмѣтить, что Ломоносовъ является сторонникомъ теоріи органическаго происхожденія нефти, которая теперь, въ XX вѣкѣ, все болѣе и болѣе распространяется среди химиковъ и геологовъ.

Приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ минералогіи и геологіи Ломоносовъ мыслилъ не менѣе точно и прозорливо, чѣмъ въ химіи, хотя въ его время разработка этихъ научныхъ дисциплинъ, можно сказать, была еще въ зачаточномъ состояніи; въ ряду важныхъ обобщеній Ломоносова почти не встрѣчаемъ невѣрныхъ мнѣній. И подобно тому, какъ мы видимъ въ лицѣ его основателя химіи и физики въ Россіи, точно такъ же онъ является и родоначальникомъ русской минералогіи и геологіи. Всюду въ области естественныхъ наукъ Ломоносовъ былъ даровитымъ и разностороннимъ мыслителемъ, творцомъ плодотворныхъ идей, открывавшихъ широкіе новые горизонты. Свои мысли онъ развивалъ при помощи точныхъ пріемовъ физики и математики, свои теоріи опиралъ всегда на строгіе и точно наблюдаемые факты. Поздняя оцѣнка его трудовъ не уменьшаетъ ихъ значенія, и хотя мысли и теоріи Ломоносова въ свое время не оказали вліянія на развитіе науки, однако это не помѣшало имъ проникнуть со временемъ все русское естествознаніе: даже нашъ научный языкъ носитъ отпечатокъ мысли его и безсознательно поколѣнія русскихъ натуралистовъ подчинялись вліянію его міросозерцанія. Въ концѣ этого очерка я помѣстилъ перечень работъ Ломоносова по естественнымъ наукамъ.

Теперь мнѣ остается сказать еще о другой сторонѣ дѣятельности Ломоносова, нашедшей себѣ вполнѣ заслуженную оцѣнку еще при жизни его, именно о трудахъ его по разработкѣ русскаго языка и о дѣятельности его, какъ писателя.

Какъ извѣстно, письменность была принесена въ Россію въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка въ видѣ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ—языкѣ, понятномъ русскому народу, но не родномъ, такъ какъ разговорный, національный русскій языкъ отличался отъ него и въ то отдаленное время словами, оборотами, грамматическими формами. Съ теченіемъ времени языкъ разговорный естественно начинаетъ проникать и въ письменность: мы находимъ его въ Русской Правдѣ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ грамотахъ, уложеніи, лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ русской литературы; постепенно онъ развивается, формы его совершенствуются, онъ обогащается новыми словами (взятыми нерѣдко изъ церковно-славянскаго языка) и оборотами рѣчи. Языкъ церковно-славянскій измѣняется съ теченіемъ времени меньше, но тоже понемногу утрачиваетъ свою чистоту, такъ какъ въ немъ появляются слова и обороты, заимствованные изъ русскаго, и къ началу XVII вѣка онъ становится смѣсью церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Въ этомъ вѣкѣ, столь богатомъ въ исторіи Россіи всевозможными переворотами и событіями, русскій языкъ, до сихъ поръ бывшій обособленнымъ отъ западно-европейскихъ вліяній (но подвергшійся, въ историческомъ развитіи письменности, съ самаго ея начала, воздѣйствію языка греческаго), начинаетъ наполняться, особенно въ Смутное время, иностранными, главнымъ образомъ польскими и латинскими, словами и оборотами. Въ эпоху преобразованій при Петрѣ Великомъ борьба новаго строя со старымъ сказывается очень замѣтно и на языкѣ: онъ переполняется варваризмами, заимствованными изъ разныхъ иностранныхъ языковъ, и представляетъ собою

нерѣдко пеструю смѣсь древнихъ русскихъ словъ, церковно славянскихъ и самыхъ разнообразныхъ нѣмецкихъ, голландскихъ и другихъ иноземныхъ словъ. Въ немъ нѣтъ правильнаго правописанія, грамматическіе обороты его совершенно произвольны... Таково состояніе русскаго языка въ первой четверти XVIII столѣтія. Этому положенію вещей способствовало и то, что при Петрѣ Великомъ изящной литературы существовало немного, на первомъ планѣ стояли учебники и утилитарныя книги, въ которыхъ меньше всего заботились о стилѣ и языкъ ихъ, по мѣткому выраженію Ломоносова, представлялъ собою почти всегда «дикія нелѣпости слова». Нѣкоторые писатели того времени, какъ Кантемиръ и Тредьяковскій, дѣлали попытки опредѣлить взаимоотношенія въ языкѣ различныхъ образующихъ его элементовъ и выработать новый, болѣе чистый литературный языкъ; но опыты ихъ, можетъ быть въ связи съ чуждымъ русскому языку силлабическимъ стихосложеніемъ, не имѣли успѣха. Также мало принесло пользы и учрежденное при Академіи Наукъ Россійское собраніе (1735), цѣлью котораго было, между прочимъ, «радѣть о совершенствѣ, чистотѣ и красотѣ» русскаго языка. Для того, чтобы создать письменный русскій языкъ, сдѣлать его пригоднымъ для выраженія всевозможныхъ мыслей, требовался геній... Этимъ геніемъ и явился Ломоносовъ.

Возможно, что мысли о литературномъ русскомъ языкѣ появились у Ломоносова еще въ Славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ; вполнѣ несомнѣнно, что онъ много работалъ надъ этимъ въ бытность свою за границей и въ короткое время достигъ хорошихъ результатовъ. Для этого стоитъ только сравнить два его литературныхъ произведенія, написанныхъ въ Марбургѣ: а именно переводъ оды Фенелона (1738) и оду на взятіе крѣпости Хотина (1739): въ первомъ стихотвореніи языкъ еще очень тяжелъ, а во второмъ уже близко подходитъ къ языку позднѣйшихъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ, видимо, онъ не стѣсняется языкомъ, красивыя и сильныя выраженія непосредственно слѣдуютъ за всѣми видоизмѣненіями мысли, шероховатости сглаживаются. А насколько языкъ оды на взятіе Хотина отличается отъ современныхъ ей произведеній, напр. Тредьяковскаго. достаточно видно, если сравнить ихъ; тяжелый, непонятный языкъ Тредьяковскаго смѣнился легкимъ, яснымъ у Ломоносова.

Путь, которымъ шелъ Ломоносовъ въ преобразованіи русскаго литературнаго языка, представляется въ главныхъ чертахъ въ такомъ видѣ. Прежде всего онъ опредѣлилъ взаимоотношенія русскаго и церковно-славянскаго языковъ и строго разграничилъ тотъ и другой; затѣмъ онъ старался освободить русскій языкъ отъ накопившихся въ немъ варваризмовъ и иностранныхъ словъ и обогатилъ его новыми словами изъ лексическаго матеріала, представленнаго органическимъ процессомъ жизни родного языка. Неологизмы его были словами, вполнѣ понятными для русскаго, совершенно соотвѣтствующими складу и духу нашего языка: поэтому нашъ языкъ не потерялъ отъ нихъ своего облика, но становился богаче и краснѣе. Самъ Ломоносовъ вполнѣ это понималъ и писалъ еще въ 1739 году: «я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ». А въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ говоритъ: «Карлъ Пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ—съ друзьями, Нѣмецкимъ—съ непріятелями, Итальянскимъ—съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Русскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языковъ... Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе въ томъ совершенно увѣряетъ». Въ то же время Ломоносовъ никогда не не стремился вполнѣ изгнать изъ русскаго языка все иностранное; онъ не колебался употреблять иностранныя слова, если не было соотвѣтствующихъ славянскихъ словъ, и оставлялъ чужестранныя выраженія, къ которымъ всѣ успѣли уже привыкнуть. Это относится особенно къ русскому научному языку, начало которому, какъ мы видѣли, положено имъ же.

Необходимо также отмѣтить, что Ломоносовъ отличалъ различныя нарѣчія въ русскомъ языкѣ и называлъ ихъ областными, напр. Холмогорское и т. п.; изъ всѣхъ провинціальныхъ разнорѣчій онъ отдалъ предпочтеніе говору Московскому и положилъ его въ основаніе литературнаго языка: «Московское нарѣчіе», говоритъ онъ, «не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается».

Самъ Ломоносовъ сообщилъ данныя о своей реформѣ литературнаго языка и далъ тѣ принципы, на которыхъ она основана, въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ» (напечатана въ 1757 году). Въ языкѣ церковно-славянскомъ онъ видитъ какъ бы основаніе для языка русскаго—какъ въ смыслѣ источника для пополненія его новыми словами, такъ и въ качествѣ основы грамматическихъ правилъ; по его мнѣнію, только тотъ можетъ правильно писать по-русски, кто тщательно изучилъ церковно-славянскія книги. Всѣ слова русскаго языка Ломоносовъ распредѣляетъ на три группы: къ первой принадлежатъ слова, употребительныя и въ русскомъ и въ церковно-славянскомъ языкахъ, напр., Богъ, слава, рука; ко второй—слова исключительно церковно-славянскія, малоупотребительныя, но понятныя всѣмъ грамотнымъ людямъ, напр. отверзаю, насажденный; къ третьей—слова чисто русскія, не имѣющіяся въ церковно-славянскихъ книгахъ, напр. говорю, ручей, который. Изъ второй группы Ломоносовъ считаетъ нужнымъ исключить слова устарѣлыя, а изъ третьей—слова подлыя, т. е. простонародныя. Эти слова обусловливаютъ далѣе дѣленіе слога на три штиля: высокій, составляемый изъ словъ первой и второй группъ; средній—заключающій главнымъ образомъ русскія рѣченія, къ которымъ можно прибавлять и славянскія, по соображенію съ предметомъ рѣчи, но такъ, чтобы слогъ не казался надутымъ; наконецъ низкій штиль—изъ словъ третьей группы, т. е. чисто русскихъ. Такимъ путемъ «отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чуждыхъ языковъ, и Россійской языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословеніемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ».

Подобныя разсужденія, скорѣе теоретическаго характера, можетъ быть, и не обратили бы на себя должнаго вниманія, если бы самъ Ломоносовъ въ теченіе всей своей жизни не показывалъ, какъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Въ его произведеніяхъ можно найти образцы всѣхъ штилей: въ рѣчахъ похвальныхъ мы видимъ штиль высокій; среднимъ штилемъ написаны многія рѣчи и статьи научнаго характера; наконецъ, низкій штиль виденъ прекрасно въ его письмахъ, особенно къ И. И. Шувалову, и другихъ писаніяхъ обыденнаго характера. Въ настоящее время его высокій штиль, отчасти и средній, кажутся напыщенными и неестественными, а наоборотъ отличается силою и выразительностью именно низкій штиль. Языкъ Ломоносова былъ, какъ мы видимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ искусственный, такъ какъ сложился не самъ собою, а съ помощью внѣшней образовательной силы, но въ то же время чистый русскій языкъ, потому что сложился изъ его собственныхъ матеріаловъ. Нельзя не замѣтить, что Ломоносовъ нѣсколько преувеличивалъ значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго; глубокое пониманіе русской рѣчи удержало его самого отъ злоупотребленій имъ, но нѣкоторые изъ его послѣдователей и приверженцевъ исказили реформу Ломоносова, сверхъ всякой мѣры переполняя свой слогъ славянскими выраженіями. Это, понятно, нисколько не уменьшаетъ значенія Ломоносовской реформы языка: она опредѣлила пути развитія русской рѣчи, и дальнѣйшіе преобразователи ея, какъ Карамзинъ, шли по указанному Ломоносовымъ пути.

Ломоносовъ также далъ столь необходимыя для всякаго письменнаго языка правила русскаго правописанія и грамматики въ своей «Россійской Грамматикѣ», являющейся результатомъ долголѣтняго труда, законченной въ 1755 году и вышедшей въ свѣтъ съ посвященіемъ великому князю Павлу Петровичу въ 1757 году. Эта первая русская грамматика имѣетъ огромное значеніе уже потому, что въ ней мы находимъ впервые собранныя изъ народнаго говора подробности, касающіяся правилъ рѣчи, которыя объединены въ стройную систему съ необыкновенною проницательностью;

Ломоносовъ удержался отъ теоретическихъ ошибокъ своего времени и ограничился скромною задачей — точно и мѣтко объяснять для употребленія свою родную рѣчь. Грамматика Ломоносова, какъ первая, долгое время служила образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ, была издана при жизни и послѣ кончины Ломоносова 11 разъ и переведена на нѣмецкій, французскій и новогреческій языки. Академикъ Я. К. Гротъ заканчиваетъ обзоръ ея словами: «Русскіе вправѣ гордиться появленіемъ у себя, въ срединѣ XVIII столѣтія, такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія». Такимъ образомъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что Ломоносовъ далъ русскому языку самобытное мѣсто, доставилъ ему права гражданства въ ряду другихъ письменныхъ языковъ. Эта заслуга Ломоносова передъ всѣмъ русскимъ народомъ является неоцѣнимой, и мы всѣ и теперь продолжаемъ пользоваться плодами его трудовъ.

На работахъ Ломоносова по теоріи прозы и поэзіи можно подробно не останавливаться: его «Реторика» — первая на русскомъ языкѣ — не вполнѣ самостоятельное сочиненіе и имѣла главнымъ образомъ значеніе по многочисленнымъ примѣрамъ, на которыхъ учащіеся могли видѣть красоту и мощь русскаго языка. Что же касается до теоріи поэзіи, то Ломоносовъ написалъ очень немного, и собственно мы имѣемъ лишь правила версификаціи въ его письмѣ «О правилахъ Россійскаго стихотворства», написанномъ въ Марбургѣ еще въ 1739 году: здѣсь онъ высказывается за введеніе въ русскихъ стихахъ вмѣсто чуждаго строю и духу русскаго языка силлабическаго стихосложенія — стихосложенія тоническаго. Это послѣднее было предложено впервые В. Тредьяковскимъ въ «Способѣ сложенія россійскихъ стиховъ», появившемся въ 1735 году и заключавшемъ теорію новаго стиха. Однако предложеніе Тредьяковскаго не нашло себѣ подражателей, можетъ быть вслѣдствіе отсутствія у автора его таланта, можетъ быть и потому, что и послѣ 1735 года Тредьяковскій не оставилъ силлабическаго стихосложенія. Ломоносовъ въ своемъ письмѣ предлагаетъ многочисленныя поправки къ «Способу» Тредьяковскаго; вся литературная реформа Ломоносова проникнута національными началами и вѣрна историческимъ преданіямъ русскаго народа, такъ какъ тоническій размѣръ издавна господствовалъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Всѣ Ломоносовскія замѣчанія были введены въ русскую литературу, конечно, не вслѣдствіе названнаго письма — впервые появившагося въ печати лишь въ 1778 году,—но на основаніи тѣхъ многочисленныхъ стихотворныхъ примѣровъ, которые онъ далъ въ своихъ произведеніяхъ. Именно въ этомъ и заключается огромная заслуга Ломоносова: онъ на дѣлѣ показалъ, насколько новая стихотворная форма отличается отъ прежней и насколько тоническіе стихи лучше силлабическихъ.

Въ поэтическихъ твореніяхъ Ломоносова языкъ гораздо свободнѣе, изящнѣе, совершеннѣе, чѣмъ въ похвальныхъ словахъ и разсужденіяхъ на научныя темы, и въ стихахъ его уже ясно обнаруживается музыкальная сторона русскаго языка, столь ярко проявившаяся въ поэтическихъ произведеніяхъ позднѣйшаго времени; нечего и говорить, что до него музыкальнаго русскаго стиха не существовало. Многія изъ его поэтическихъ произведеній, особенно оды, въ настоящее время представляются напыщенными и написанными безъ поэтическаго вдохновенія; но нельзя забывать, что въ половинѣ XVIII вѣка, по сравненію съ тяжелыми стихами такихъ поэтовъ, какъ Тредьяковскій, они современникамъ, конечно, казались превосходными. Ломоносовъ несомнѣнно былъ въ душѣ поэтомъ, какъ это видно по многочисленнымъ, истинно-поэтическимъ мѣстамъ его стихотвореній и по такимъ произведеніямъ, какъ утреннее и вечернее размышленія о Божіемъ величествѣ, и если его похвальныя оды кажутся нерѣдко лишенными поэтическихъ достоинствъ, то необходимо принять во вниманіе тѣ искусственныя условія, которымъ онѣ должны были удовлетворять, и тѣ отношенія, которыя въ то время существовали между поэтами и ихъ покровителями. Мы знаемъ, что въ число обязанностей академиковъ входило и сочиненіе приличныхъ торжественнымъ случаямъ одъ, наряду съ надписями къ фейерверкамъ и иллюмина-

ціямъ, и вполнѣ понятно, что эта обязанность всего чаще падала на Ломоносова, какъ на общепризнаннаго поэта. Въ своихъ одахъ онъ нерѣдко отступаетъ отъ тѣхъ требованій, которымъ должны удовлетворять такого рода произведенія, и проводитъ всюду, гдѣ возможно, одну основную мысль, а именно — стремленіе къ благу, къ счастью русскаго народа. Поэтому наряду съ обычными похвалами монархамъ, которыя являются, конечно, литературнымъ пріемомъ, вытекающимъ изъ отношеній тогдашнихъ писателей къ власти, мы находимъ у Ломоносова указанія на недостатки, вредныя для народа дѣйствія, даже критическое отношеніе къ дѣйствіямъ царствующихъ особъ. По условіямъ времени онъ, понятно, не могъ прямо высказывать всѣ мысли свои и взгляды, — и мы зачастую находимъ ихъ въ одахъ, гдѣ онъ могъ опредѣленно выставлять свои завѣтныя мечты, могъ указывать правителямъ (заранѣе признавая ихъ обладающими тѣми качествами, которыя онъ хотѣлъ въ нихъ видѣть) идеалы, къ которымъ они должны были стремиться, чтобы осчастливить свой народъ. Эти идеалы Ломоносова, какъ то: милостивое правосудіе для всѣхъ, отмѣна смертной казни, широкое распространеніе просвѣщенія и т. д.—высказываются имъ по мѣрѣ того, какъ упрочивалось его положеніе, все яснѣе и безстрашнѣе, такъ что оды иногда служатъ ему орудіемъ для публицистической и общественной дѣятельности.

Ломоносовъ, какъ мы могли видѣть, былъ прежде всего ученый, любившій и изучавшій природу, съ большею охотою занимавшійся естественными, чѣмъ словесными науками: это обстоятельство также наложило отпечатокъ на многія его произведенія, въ которыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ онъ указываетъ на пользу наукъ, на необходимость самаго широкаго просвѣщенія обществу, считавшему научныя занятія пустымъ времяпровожденіемъ. Всѣмъ извѣстно, конечно, прекрасное мѣсто оды на день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны (1747), посвященное надеждѣ отечества — юношеству: «О вы, которыхъ ожидаетъ Отечество отъ нѣдръ своихъ»... Можно было бы указать не мало отрывковъ разныхъ одъ и другихъ произведеній, подтверждающихъ это, и нѣтъ сомнѣнія, что высказанныя здѣсь мысли, при широкомъ распространеніи твореній Ломоносова, принесли не малую пользу въ дѣлѣ просвѣщенія русскихъ людей XVIII вѣка, какъ принадлежащихъ къ обществу, такъ и той народной массѣ вообще, которая обладала грамотностью. Ученыя заслуги Ломоносова, какъ я уже отмѣтилъ, были по большей части недоступны современникамъ, но они чувствовали всю силу его ума, понимали вполнѣ все, сдѣланное имъ для русскаго языка и родного слова, и поэтому въ общественномъ мнѣніи съ теченіемъ времени великій русскій натуралистъ XVIII вѣка отходитъ на задній планъ, остается только создатель литературнаго русскаго языка и писатель.

Несомнѣнно правъ былъ К. Аксаковъ, когда въ своемъ большомъ трудѣ «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» сказалъ: его «исполинскій образъ возвышается передъ нами во всемъ своемъ вѣчномъ величіи, во всемъ могуществѣ и силѣ генія, во всей славѣ своего подвига, и безконечно будетъ онъ возвышаться, какъ безконечно его великое дѣло».

Приведемъ списокъ главнѣйшихъ дошедшихъ до насъ трудовъ М. В. Ломоносова въ области естественно-историческихъ наукъ (ссылки сдѣланы на послѣднее полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова, издаваемое Академіей Наукъ съ 1891 г.).

1739. Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia quae in cohaesione corpusculorum consistit. VI, 263—284.

1741. Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico. VI, 285—292.

1741. Elementa Chymiae Mathematicae, VI, 1—6.

1742? De particulis physicis insensibilibus, corpora naturalia constituentibus, in quibus qualitatum particularium ratio sufficiens continetur. VI, 7—38.

1744—1747. Meditationes de caloris et frigoris causa. VI, 39—59.

1745. De tincturis metallorum. VI, 60—71.

1745. Dissertatio de motu aeris in fodinis observato. VII.

1745—1747. Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere. VI, 92—110.

1746. Волфіянская Експериментальная Физика съ нѣмецкаго подлинника на латинскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго на Россійской языкъ перевелъ Михайла Ломоносовъ. VI, 293—438

1748. Anemometrum summam celeritatem cujusvis venti et simul variationes directionum illius indicans. VI, 231—245.

1748—1749. Tentamen theoriae de vi aeris elastica. VI, 72—84.

1749—1750. Supplementum ad meditationes de vi aeris elastica. VI, 85—91.

1749. Dissertatio de Generatione et Natura Nitri, concinnata pro obtinendo praemio, quod Illustris Scientiarum Academia Regia liberalitate Berolini florens proposuit ad 1-mum Aprilis, anni 1749. VI, 111—152.

1749. Consilium de construendo Barometro universali. VI. 246—249.

1751. Слово о пользѣ химіи. IV, 272—295.

1752. Tentamen Chymiae Physicae in usum studiosae juventutis adornatum. Dromus ad veram Chymiam Physicam. VI, 153—201.

1753. Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ. IV, 296—356.

1754. Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des Ouvrages, destinés à maintenir la liberté de philosopher. Куникъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ», ч. II, стр. 519—530.

1756. Theoria Electricitatis, methodo mathematico concinnata. VI, 202—219.

1756. Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее. IV, 392—424.

1757. Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли. V, 1—31.

1758. Problema physicum de tubo nyctoptico. VI, 250—253.

1758. De ratione quantitatis materiae et ponderis. VI, 220—229.

1759. Разсужденіе о большей точности морскаго пути. V, 32—86.

1760. Разсужденіе о твердости и жидкости тѣлъ. V, 96—112.

1761. Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ Санктпетербургской Академіи Наукъ Маія 26 дня 1761 года. V, 113—128.

1762. Слово объ усовершенствованіи зрительныхъ трубъ. V, 129—136.

1762. О морозѣ, случившемся послѣ теплой погоды въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1762 года. VI, 230—234.

1763. Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ Океаномъ въ восточную Индію. VII.

1763. Первыя основанія Металлургіи или Рудныхъ Дѣлъ, съ двумя прибавленіями. VII.

1763—1764? Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій. VI, 235—239.

1763. Мысли о происхожденіи ледяныхъ горъ въ сѣверныхъ моряхъ. VII.

1764. Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ попсканію на востокъ Сѣвернымъ Сибирскимъ Океаномъ. VII.

1764. Conspectus potiorum theorematum, quibus scientiam naturalem locuplectare allaboravit Dn. Michael Lomonosow. VI, 256—259.

Библіографія.

Полная библіографія всего, написаннаго о М. В. Ломоносовѣ до 1912 года, находится въ изданной Академіей Наукъ книгѣ: «Опытъ библіографическаго указателя литературы о М. В. Ломоносовѣ, составилъ А. Г. Фоминъ», стр. 106, Спб. 1915 г. (книга еще не вышла къ моменту печатанія этой біографіи). Поэтому ограничиваюсь здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ изъ болѣе важныхъ источниковъ для біографіи и оцѣнки научныхъ трудовъ Ломоносова.

Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Это собраніе является первымъ дѣйствительно полнымъ и заключаетъ все, что только сохранилось и могло быть отысканнымъ изъ произведеній Ломоносова, какъ литературныхъ, такъ и научныхъ. До 1912 года вышло 5 томовъ; томы VI и VII и переписка Ломоносова, вѣроятно, выйдутъ въ свѣтъ въ 1915—1917 годахъ.—*П. С. Билярскій*, «Матеріалы для біографіи Ломоносова». Спб. 1865.—*П. П. Пекарскій*, «Исторія Академіи Наукъ», томъ II. Спб. 1873.—*В. И. Ламанскій*, «М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ». («Отечественныя Записки», 1863, т. 146, в. 1 и 2)—*Его-же*, «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ». («Чтенія Московскаго Общества Ист. и Др.» 1865, отд. V, стр. 37).—*Б. Н. Меншуткинъ*, «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, жизнеописаніе». Спб. 1911.—*Н. Голубцовъ*, «Родъ Ломоносова и его потомство». («Ломоносовскій Сборникъ Архангельскаго Статистическаго Комитета,» 1911, стр. 30).—*І. Сибирцевъ*, «Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. (Тамъ же, стр. 125; «Ломоносовскій Сборникъ Акад. Наукъ», 1911, стр. 29).—*А. Куникъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ». Части

I и II. Спб. 1865.—*С. Бѣлокуровъ*, «О намѣреніи Ломоносова принять священство и отправиться съ Кирилловымъ въ Оренбургскую Экспедицію 1734 года. Объ отправленіи учениковъ Славяногреколатинской Академіи, въ томъ числѣ и Ломоносова, изъ Москвы въ Спб.» («Ломоносовскій Сборникъ Академіи Наукъ», 1911, стр. 67 и 77).—*Б. Л. Модзалевскій*, «Родъ и потомство Ломоносова». (Тамъ же, стр. 331).—*И. Сухомлиовъ*, «Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія» (Тамъ же, стр. 163).—*Н. Макаренко*, «Ломоносовъ и мозаичное дѣло въ Россіи». (Тамъ же, стр. 289).—*А. Будиловичъ*, «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.» Спб. 1869. («Журналъ Министерства Нар. Просв.»).—*Его же*, «Ломоносовъ, какъ писатель.» («Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и слов. Академіи Наукъ». Томъ VIII. Спб. 1871).—*Труды Л-а въ области естественно-историческихъ наукъ*. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1911.—*Б. Меншуткинъ*, «Ломоносовъ, какъ физико-химикъ». («Журналъ Русскаго Химическаго Общества и Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института» за 1904 годъ; 300 стр. Спб.).—*П. И. Вальденъ*, «О трудахъ Ломоносова по вопросу о растворахъ» («Ломоносовскій Сборникъ Академіи Наукъ», 1911, стр. 123).—*Его же*, «Ломоносовъ, какъ химикъ». (Рѣчь, произнесенная 8 ноября 1911 года въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ. Спб.).—*A. Smith*, «An early physical chemist—M. W. Lomonossoff. («Journal of the American Chemical Society», 34, 109, 1912).—*Б. Меншуткинъ*. «О корпускулярной философіи Ломоносова. Ломоносовъ и флогистонъ». («Ломоносовскій Сборникъ Акад. Наукъ», 1911, стр. 151).—*В. И. Вернадскій*, «О значеніи трудовъ Ломоносова въ минералогіи и геологіи.» («Ломоносовскій Сборникъ, матеріалы для исторіи развитія химіи въ Россіи», Москва, 1901, стр. 1-34).—*Д. Анучинъ*, «Къ предстоящему чествованію памяти Ломоносова». Рѣчь, произнесенная 15 окт. 1911 года въ Москвѣ («Русскія Вѣдомости», 1911, октябрь).—*А. В. Никитенко*, «Значеніе Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности». («Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1865, № 3).—*П. Гротъ*. «Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова». («Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1865, 5, 403).—*А. Н. Пыпинъ*, «Ломоносовъ и его современники». («Вѣстникъ Европы», 1895, апрѣль).—*К. Аксаковъ*. «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка», 1846. Полное собраніе сочиненій, Томъ II, часть I. Москва 1875.—*Л. Н. Майковъ*, «Очерки изъ исторіи русской литературы». Спб. 1889.—*Г. Князевъ*, «Ломоносовъ (природа его генія)». Спб. 1911.—*Ф. Буслаевъ*, «Ломоносовъ, какъ грамматикъ. Празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова Московскимъ Университетомъ». М. 1865, 67.—*И. Тихонравовъ*, «О литературной дѣятельности Ломоносова (тамъ же, 75).—*О. Бодянскій*, «Ломоносовъ, какъ профессоръ-академикъ» (Тамъ же, 89).—*В. Рязановъ*, «Трагедіи Ломоносова» («Ломоносовскій Сборникъ Академіи Наукъ», 1911, стр. 235).—*В. В. Сиповскій*, «Литературная дѣятельность Ломоносова». (Рѣчь, сказанная 8 ноября 1911 года въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ. Спб. 1911).—*А. И. Соболевскій*, «Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка». («Рѣчь, сказанная 8 ноября 1911 года въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ. Спб. 1911).—*М. В. Ломоносовъ*. «Сборникъ статей подъ редакціей В. В. Сиповскаго». Спб. 1911.

Б. Н. Меншуткинъ.

Ломоносовъ, *Серѣй Григорьевичъ*, т. сов., чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Нидерландскомъ дворѣ, род. въ 1799 г., воспитывался первоначально въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, откуда въ 1811 г. перешелъ въ Царскосельскій лицей; по окончаніи курса въ послѣднемъ съ серебряною медалью (1817 г.) онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ слѣдующемъ 1818 г. былъ опредѣленъ къ посольству въ Вашингтонѣ, но въ 1821 г. вернулся въ Петербургъ и въ томъ же году отправился въ Испанію, гдѣ былъ назначенъ состоять при нашемъ повѣренномъ въ дѣлахъ, графѣ М. Н. Булгари. Пробывъ нѣкоторое время въ Мадридѣ, Ломоносовъ переведенъ былъ секретаремъ посольства въ Парижъ, гдѣ оставался до 1829 г. Затѣмъ въ 1831 г. мы его видимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ, а въ концѣ того же года первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ. Въ 1841 г. Ломоносовъ былъ назначенъ посланникомъ въ Бразилію. За время его пребыванія въ Америкѣ онъ объѣхалъ побережье ея отъ Ріо-Жанейро до устья рѣки Амазонки и едва ли не первый познакомилъ русскихъ съ Южной Америкой. Въ «Современникѣ» за 1841 годъ помѣщена его статья подъ заглавіемъ «Событія въ области Пара». Въ 1848 г. Ломоносовъ былъ переведенъ въ Португалію, а съ 1853 г. по день смерти занималъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Нидерландскомъ дворѣ. Скончался онъ 13 октября 1857 г. въ своемъ имѣніи Санъ-Данелло, близъ Флоренціи. М. А. Корфъ въ своемъ дневникѣ даетъ такой отзывъ о Ломоносовѣ: «Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый; въ лицеѣ по этимъ свойствамъ мы называли его «кротомъ».

Дм. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843». Спб. 1911 г., стр. 52, 230, 310—311, 344, 470, 489, 504.—«Остафьевскій Архивъ», т. II, III.

М. Поповъ.

Ломоносый, *Владиславъ*, ратный воевода XIII в. Когда зимою 1273 г. сыновья знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго, Левъ и Мстиславъ, сговорившись съ княземъ Владиміромъ Васильевичемъ Волынскимъ, затѣяли походъ противъ Ятвяговъ, Ломоносый, посланный Мстиславомъ Даніиловичемъ, былъ въ числѣ трехъ воеводъ, ставшихъ во главѣ русской рати. Походъ былъ удаченъ: воеводы взяли Злину безъ сопротивленія и съ побѣдой вернулись къ князьямъ. Вслѣдъ за ними и Ятвяжскіе князья пріѣхали просить мира.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. II, стр. 870.

Ломтевъ, *Николай Алексѣевичъ*, художникъ, родился въ 1816 году въ купеческой семьѣ. Обучался живописи въ Императорской Академіи Художествъ, по окончаніи курса въ которой (1839 г.) отправился на свой счетъ за-границу, гдѣ, несмотря на тяжелое матеріальное положеніе, изучалъ подъ руководствомъ Ѳ. А. Бруни «Римскую школу» и «старался познакомиться со стилемъ и сочиненіями древнихъ мастеровъ». Въ 1845 г. онъ послалъ на Академическую выставку картину «Ангелы, извѣщающіе небесную кару Содому и Гоморрѣ», доставившую ему званіе художника исторической живописи. Послѣ шести слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ въ Римѣ, по желанію отца, рѣшившаго, что «пора наживать деньги», онъ вернулся въ Россію. Въ 1849 г. ходатайствовалъ передъ Академическимъ Совѣтомъ о назначеніи ему пособія, что дало бы ему возможность всецѣло отдаться живописи. Результаты этого ходатайства неизвѣстны. Въ 1859 г. ему была объявлена похвала Академическаго Совѣта за историческій эскизъ. Скончался художникъ въ 1863 г.

Ломтевъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ русскихъ художниковъ середины прошлаго вѣка: онъ почти единственный у насъ представитель романтизма въ духѣ Делакруа... Его воображеніе волновали таинственные гроты, гдѣ во влажной тѣни нависшихъ вѣтвей смутно бѣлѣютъ туники отдыхающихъ нимфъ, маленькія площади средневѣковыхъ городовъ, возбужденная толпа и разложенные костры; даже изъ священной исторіи онъ выбиралъ темы, полныя ужаса, высокаго душевнаго напряженія и коллизій большого розмаха: «Три отрока въ пещи огненной» и «Послѣдняя казнь въ Египтѣ» (Третьяковская галлерея). Техническіе пріемы мастера вполнѣ соотвѣтствовали его темамъ: его безпокойная, то фантастически-туманная, то острая и быстрая кисть какъ будто была нарочно создана для этихъ сладостныхъ и кошмарныхъ сценъ... Но не во всѣхъ своихъ полотнахъ Ломтевъ является такимъ яркимъ выразителемъ русскаго романтизма: наряду съ «Ауто-да-фе» (Румянцев. музей) и «Фантастическимъ пейзажемъ» (Третьяк. гал.) мы имѣемъ религіозную композицію «Св. ап. Андрей водружаетъ крестъ на горахъ кіевскихъ» (тамъ же), которая рисуетъ художника, какъ скучнѣйшаго и ординарнѣйшаго религіознаго живописца въ духѣ его «уважаемаго учителя» Ѳ. А. Бруни. Кромѣ указанныхъ, Ломтеву принадлежатъ еще слѣдующія работы: «Обличеніе жрецовъ» (Третьяк. гал.), «Ослѣпленіе жителей Содома» (Румянцев. музей) и одинъ эскизъ (музей Импер. Александра III).

Архивъ Им. Ак. Худ., д. № 118 за 1838 г., № 98 за 1845 г., № 75 за 1849 г.—«Золотое Руно» 1909, 10—ст. бар. Н. Врангеля.—*П. Н. Петровъ*, «Сбор. матер. для истор. Им. Ак. Худ.», т. III, стр. 41 и 331.

С. Эрнстъ.

Лонгиновъ, *Дмитрій Николаевичъ*, происходилъ изъ дворянъ, родился 14 сентября 1820 года, образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1840 г. поступилъ на службу переводчикомъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ перемѣщенъ въ канцелярію вице-канцлера, гдѣ занялъ должность секретаря, а въ 1844 г. былъ отправленъ курьеромъ въ Лондонъ и состоялъ тамъ до мая 1845 г. Назначенный въ слѣдующемъ году первымъ секретаремъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, Лонгиновъ въ томъ же году былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, въ 1850 г. перемѣщенъ на должность чиновника особыхъ порученій VI класса, въ 1855 г. на туже должность при государственномъ канцлерѣ, а въ 1856 г.—при министрѣ иностранныхъ дѣлъ; въ слѣдующемъ году онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1858 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса. Произведенный въ 1861 г. за отличіе въ дѣйствит. стат.

совѣт., Лонгиновъ въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго Двора и назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ директоромъ департамента внутреннихъ сношеній, въ 1866 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1875 г. назначенъ сенаторомъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ 1 отдѣленіи 3 департамента Правительствующаго Сената. Плодотворная дѣятельность Лонгинова была отличена многими русскими орденами, до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Кромѣ того, онъ имѣлъ и нѣсколько иностранныхъ орденовъ. Умеръ Лонгиновъ 1 октября 1878 года.

Высоч. указы.—Дѣла Сената и М-ва Юстиціи, хранящіяся въ Сенатскомъ Архивѣ.—«Исторія Правит. Сената за 200 лѣтъ (1711—1911 гг.)», стр. 134.—«Русскій Міръ», 1878 г., № 282. *Н. Мурзановъ.*

Лонгиновъ, *Михаилъ Николаевичъ*, извѣстный библіографъ, род. 2 ноября 1823 г., воспитывался сначала въ Царскосельскомъ лицеѣ, а потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, окончивъ который съ званіемъ дѣйствительнаго студента, опредѣлился (184[illegible] г.) на службу въ комиссаріатъ. Въ 1846 г. онъ былъ командированъ въ Симферополь для изслѣдованія дѣйствій тамошней провіантской комиссіи, а въ 1849 г. въ Саратовъ для наблюденія за поставкою провіанта для Кавказской арміи. Въ томъ же году Лонгиновъ перешелъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а въ 1854 г. былъ переведенъ въ число чиновниковъ при Московскомъ военномъ ген.-губернаторѣ. Въ 1865 г. мы его видимъ членомъ отъ правительства въ Тульскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, а въ слѣдующемъ году Крапивенскимъ предводителемъ дворянства, но въ этой должности онъ состоялъ лишь три мѣсяца и причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1867 г. онъ былъ назначенъ орловскимъ губернаторомъ, въ каковой должности оставался до 1871 г., когда назначенъ былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Литературная дѣятельность Лонгинова началась очень рано: еще будучи 8-ми лѣтъ отъ роду, онъ написалъ (1831) повѣсть подъ заглавіемъ: «Наѣздники», которая въ томъ же году была издана въ количествѣ 50 экземпляровъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ сталъ выходить энциклопедическій лексиконъ Плюшара, и Лонгиновъ принялъ въ немъ участіе, написавъ для него нѣсколько статей. Будучи страстнымъ любителемъ театра, онъ вмѣстѣ съ Тарановскимъ перевелъ для сцены нѣсколько комедій и водевилей, между прочимъ, мелодраму «Испанскій Дворянинъ», «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ» и др. Пробовалъ Лонгиновъ писать и стихи, которые напечаталъ въ «Современникѣ» въ 1850-хъ годахъ, подъ псевдонимомъ *Скорбный поэтъ*. Въ свое время пользовались извѣстностью его порнографическіе стихи, распространенные въ спискахъ и изданные въ Карлсруэ; это изданіе Лонгиновъ впослѣдствіи скупалъ и уничтожалъ. Ему принадлежитъ также повѣсть «Широкая натура». Собственно библіографическая дѣятельность Лонгинова началась съ 1854 г., когда въ «Современникѣ» этого и послѣдующихъ годовъ сталъ печататься рядъ его библіографическихъ изысканій (подъ общимъ заглавіемъ «Библіографическія Записки»), обратившихъ на себя вниманіе всѣхъ любителей старины. Затѣмъ съ 1863 г. начали появляться его «Біографическія разысканія» о разныхъ писателяхъ XVIII и XIX в. («Рус. Архивъ», 1863—65 г.г.), «Біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ XVIII в.» и нѣсколько историческихъ статей («Русская Старина» 1870 г.). Большая заслуга Лонгинова состоитъ въ томъ, что онъ первый упомянулъ о произведеніяхъ такихъ писателей, о которыхъ до тѣхъ поръ не говорилось въ печати. Таковы статьи: «А. А. Петровъ и переведенный имъ хризомандеръ» («Сборникъ литер. статей, посвященныхъ памяти А. Ѳ. Смирдина», т. IV, 1859 г.), «Радищевъ и его книга» («Рус. Арх.» 1868), «Новыя подробности для біографіи Новикова и Шварца» и «Новиковъ и Шварцъ» («Рус. Вѣстникъ», 1857—59 г.г.). Затѣмъ въ томъ же «Рус. Вѣстникѣ» имъ помѣщенъ рядъ статей, изъ которыхъ болѣе значительны слѣдующія: «Сперанскій» (1859 г., 23 и 1860 г.), «Нѣсколько словъ о гр. Сперанскомъ» (1860, №№ 3, 11), «Княжна Тараканова (т. 23), «Дневникъ Берхгольца» (1860 г., т. 32), «Сенковскій» (1854 г., т. 22), «Я. П. Княжнинъ и его трагедія Вадимъ» (1860 г., т. 25) и др. Подробный перечень библіографическихъ статей Лонгинова приведенъ у Межова.

Для полной характеристики Лонгинова, какъ страстнаго и неутомимаго библіографа, необходимо привести слѣдующія мѣткія слова, обращенныя къ нему кн. П. А. Вяземскимъ: «Вы отецъ и командиръ всей нищущей, грамотной и полуграмотной братіи нашей, какъ строевой и наличной, такъ и безсрочно-отпускной и инвалидной. Вы не только начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати живой и нынѣшней, но и мертвой, вчерашней, третьягоднешней и едва-ли недопотопной. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по русской части біографической и библіографической, вы все прочуяли, перевѣдали, пересмотрѣли, до всего добрались и продолжаете добираться. Отъ вашихъ истинноцензорскихъ, т. е. сотенныхъ аргусовъ глазъ, ничто печатное донынѣ, и чуть ли не все писанное, не ускользнуло. Всевѣдѣніе и память ваша изумительны». Скончался Лонгиновъ 23 января 1875 года.

Лонгиновъ занимался также изслѣдованіемъ о нашемъ масонствѣ, и въ разработкѣ матеріаловъ по этому предмету починъ остается за нимъ. Кромѣ небольшихъ статей, онъ посвятилъ этому вопросу большой трудъ подъ заглавіемъ «Новиковъ и московскіе мартинисты» (М. 1867 г.). Эта книга и донынѣ является образцовымъ сборникомъ тщательно провѣренныхъ свѣдѣній о русской литературѣ конца XVIII в. Отдѣльно изданы Лонгиновымъ еще слѣдующія работы: «Драматическія сочиненія Екатерины II» М. 1857; «И. Ѳ. Бухаринъ», некрологъ (М. 1858 г.); «Неизданные матеріалы для исторіи царствованія Екатерины Великой» (М. 1858 г.); «Разборъ сочиненія подъ заглавіемъ: Исторія царствованія Петра Великаго», Н. Устрялова (М. 1859 г.); «Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣляеву». М. 1860; «Покойный графъ Д. Н. Блудовъ» (М. 1864 г.); «О петербургскихъ дворцахъ XVIII в.» (М. 1873 г.); «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ» (Спб. 1873 г.; прилож. къ XXIII т. «Записокъ Имп. Акад. Наукъ») и др.

«Московскія Вѣдомости», 1875 г., № 47.— «Русскій Архивъ». 1865 г., № 3, стр. 392.— «Московскія Епарх. Вѣдом». 1875 г.. № 6.— «Древняя и Новая Россія», 1875 г., № 2, стр. 224.—«Иллюстриров. Недѣля», 1875 г., № 6.— *А. В. Никитенко*, Записки. Спб. 1903 г.

М. Поповъ.

Лонгиновъ, *Николай Михайловичъ*, д. т. с., сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, предсѣдатель комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ, сынъ сельскаго священника Харьковской губерніи, въ 1798 г. по окончаніи бывшаго Харьковскаго коллегіума былъ опредѣленъ на службу къ православной церкви посольства въ Лондонѣ, но въ скоромъ времени перешелъ на гражданскую службу и занимался въ канцеляріи посольства; кромѣ того, ему было поручено наблюденіе за домомъ и архивомъ посольства. Въ 1801 г., по представленію посланника графа Воронцова, Лонгиновъ былъ пожалованъ въ актуаріусы и причисленъ къ посольству въ Лондонѣ; въ 1806 г. бывшимъ полномочнымъ посломъ въ Лондонѣ графомъ Строгановымъ онъ былъ посланъ съ порученіемъ въ Парижъ, а затѣмъ отправленъ въ Петербургъ и въ 1811 г. назначенъ въ вѣдомство министерства финансовъ съ чиномъ надворнаго совѣтника. Въ 1812 г., по протекціи графа Строганова, Лонгиновъ получилъ мѣсто секретаря при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, былъ ея помощникомъ во всѣхъ ея дѣлахъ и сопутствовалъ ей въ ея заграничныхъ поѣздкахъ въ 1813, 1814 и 1815 гг., за что былъ награжденъ золотой табакеркой, украшенной брилліантами. Въ 1814 г., по Высочайшему указу, онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и причисленъ къ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1817 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники, въ 1819 г. вторично сопровождалъ императрицу за границу и въ 1820 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1826 г., уже въ царствованіе императора Николая I, Лонгиновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній и членомъ комиссіи прошеній комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, а также ему было поручено завѣдываніе всѣми благотворительными и учебными заведеніями, состоявшими подъ покровительствомъ императрицы Александры Ѳеодоровны; такъ, подъ его наблюденіемъ были построены патріотическій институтъ, дома трудолюбія, Елизаветинскія училища и мн. др. За произведенныя имъ неоднократно ревизіи этихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ Россіи онъ удостоивался не разъ

Высочайшей благодарности. Въ 1840 г. Лонгиновъ былъ назначенъ въ Сенатъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіи, и въ томъ же году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1845 г. пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

За свою долголѣтнюю и плодотворную службу Лонгиновъ былъ неоднократно награждаемъ: такъ, онъ получилъ ордена св. Владиміра 2 ст., св. Анны 1 ст., орденъ Бѣлаго Орла, орденъ св. Александра-Невскаго съ алмазами, знаки отличія за безпорочную 30-ти лѣтнюю и 40-ка лѣтнюю службы и нѣсколько иностранныхъ орденовъ. Скончался Лонгиновъ 21 декабря 1853 г. и похороненъ въ с. Архангельскомъ Тульской губ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. II, № 201.—Формулярный списокъ о службѣ (хран. въ Имп. Рус. Истор. Общ.).—*Ф. Вигель*, «Воспоминанія», М., 1864—1866 г., т. 3, ч. 7, стр. 58.

Ал. Гельвихъ.

Лопатинскій, графъ *Игнатій Игнатьевичъ*. Фамилія Лопатинскихъ сдѣлалась извѣстною съ возведеніемъ ея въ графское достоинство римскимъ императоромъ Леопольдомъ I за подвиги при оборонѣ Вѣны отъ турокъ польскимъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ. И. И. Лопатинскій получилъ воспитаніе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго вышелъ въ кавалерію и принялъ участіе въ Крымской кампаніи; затѣмъ онъ перемѣнилъ военную службу на гражданскую, опредѣлившись въ департаментъ удѣловъ, но въ 1865 г., по домашнимъ обстоятельствамъ, оставилъ службу, поселился въ своемъ имѣніи Тадулинѣ, Виленской губ., и до конца жизни предался хозяйству. Скончался онъ 21 іюля 1867 г., на 36 году. Лопатинскій не раздѣлялъ мечтаній своихъ соотечественниковъ, которыя выплились въ событіяхъ 1863 года, и на этой почвѣ у него произошелъ полный разрывъ съ его родными и окружающимъ его обществомъ. Характеренъ и тотъ фактъ, что по смерти его обнаружилось, что онъ числился католикомъ по подложнымъ документамъ, на самомъ же дѣлѣ былъ крещенъ 20 ноября 1831 г. въ Іодской греко-уніатской церкви по обряду православія.

«Виленскій Вѣстникъ», 1867 г., № 99.—«Иллюстрированная Газета», 1867 г., № 38.

М. Поповъ.

Лопухина, *Анна Петровна*, свѣтлѣйшая княжна, дочь сенатора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, и жены его рожденной Левшиной, родилась 8 ноября 1777 года; рано лишившись матери, воспитывалась подъ руководствомъ мачехи, рожденной Е. Н. Шетневой. Въ 1797 г., присутствуя на торжествахъ по случаю коронаціи императора Павла I, она обратила на себя вниманіе государя, этимъ воспользовалась придворная партія съ Кутайсовымъ во главѣ для того, чтобы отдѣлить его отъ фрейлины Нелидовой и ослабить вліяніе императрицы. Въ 1798 г. всему семейству Лопухиныхъ было предложено, несмотря на неудовольствіе императрицы Маріи Ѳеодоровны, переѣхать въ Петербургъ, и здѣсь Анна Петровна 6 сентября была назначена камеръ-фрейлиной, что ее обязывало состоять при императрицѣ и сопровождать царскую семью во всѣ загородныя резиденціи и такимъ образомъ дало возможность императору видѣться съ нею ежедневно. 14 декабря того же года Лопухина была пожалована кавалерственной дамой большого креста ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а 22-го февраля 1799 года она получила орденъ св. Екатерины 1-й ст. Въ 1800 г., 8 февраля, Лопухина съ разрѣшенія Павла I вступила въ бракъ съ княземъ Гагаринымъ, свадьба состоялась при Дворѣ въ присутствіи императора. Расположеніе Павла I къ Аннѣ Петровнѣ не измѣнилось и послѣ ея замужества, онъ былъ искренно привязанъ къ ней и считалъ ее единственнымъ своимъ другомъ до самой своей кончины. Какъ говорятъ, Лопухина не была красавицей, но имѣла очаровательную головку съ огненными черными глазами и, какъ смоль, черными волосами и бровями, прелестнымъ ртомъ и чрезвычайно пріятнымъ и добрымъ выраженіемъ лица. При ея небольшомъ умѣ и малой образованности у нея было много такта и скромности, но она держалась въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ и имѣла большую склонность къ тихой семейной жизни. Вліяніе ея на императора выражалось лишь въ постоянномъ заступничествѣ за попадавшихъ въ немилость. Скончалась Анна Петровна 28 лѣтъ отъ чахотки въ Италіи 25 апрѣля 1805 г. Погребена въ Петербургѣ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, I т., № 101.—*П. Ѳ. Карабановъ*, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII в.» («Русская Старина» 1871 г., мартъ, стр. 272.).

А.л. Гельвихъ.

Лопухина, *Евдокія Николаевна*, дочь Н. А. Лопухина и жены его, рожденной Жеребцовой, родилась 17 декабря 1761 г. На 21-омъ году жизни, по настоянію тетки своей Е. А. Демидовой и съ согласія императрицы Екатерины II, пожелавшей ея счастія и благополучія, Лопухина вышла замужъ за 48-ми лѣтняго графа Орлова Чесменскаго. Но бракъ этотъ былъ не продолжителенъ. Въ 1785 г. у графини Орловой родилась дочь Анна; императрица Екатерина II выразила по этому поводу сожалѣніе, говоря, что она желала бы Орлову сына, не считая его достаточно способнымъ воспитывать дѣвочку, а для сына онъ самъ могъ бы служить примѣромъ; въ слѣдующемъ 1786 г., 20 августа, желаніе императрицы исполнилось: у графини Орловой родился сынъ Иванъ, котораго Екатерина II сейчасъ же пожаловала въ капитаны Преображенскаго полка, но сама графиня въ тотъ же день скончалась. Какъ говорятъ, графиня Орлова обладала красивой и пріятной наружностью, при этомъ была очень скромна, набожна и добра, не любила наряжаться и никогда не носила драгоцѣнностей. Погребена она въ соборѣ Московскаго Спасо-Андроникова монастыря.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. V, № 112.

А.л. Гельвихъ.

Лопухина, свѣтлѣйшая княгиня *Екатерина Николаевна*, родилась въ 1763 г. и была дочерью генералъ-поручика Николая Лаврентьевича Шетнева; мать ея, урожденная Матюшкина, вышла замужъ безъ согласія родителей, и поэтому отецъ лишилъ ее наслѣдства, передавъ свое значительное имѣніе своему другу П. И. Панину. По смерти Матюшкина Панинъ объявилъ себя опекуномъ его малолѣтней внучки и при выходѣ ея замужъ (въ концѣ 1780-хъ годовъ) за свѣтлѣйшаго князя Пет. Вас. Лопухина возвратилъ ей все дѣдовское наслѣдство.

Мало образованная, извѣстная своимъ ханжествомъ и суевѣріемъ, княгиня Лопухина пользовалась въ свѣтѣ самой незавидной репутаціей, но, несмотря на это, имѣла много поклонниковъ; въ числѣ ихъ были и графъ Безбородко, и въ особенности Ѳед. Пет. Уваровъ, къ которому, повидимому, болѣе, чѣмъ къ другимъ, благоволила княгиня и интересы котораго близко принимала къ сердцу. Она оказывала ему покровительство, и благопріятно сложившіяся для нея самой обстоятельства вскорѣ помогли этому. На коронаціонныхъ торжествахъ въ Москвѣ 1797 г. Лопухина вывозила въ свѣтъ двухъ старшихъ своихъ падчерицъ, изъ которыхъ одна, Анна Петровна, тогда же обратила на себя исключительное вниманіе императора Павла. Е. Н. Лопухина была пожалована сперва въ кавалерственныя дамы, а вскорѣ затѣмъ, въ 1798 г.,—въ статсъ-дамы, и государь предложилъ всему семейству Лопухиныхъ переѣхать въ Петербургъ. На высотѣ своего успѣха Лопухина не забыла и Уварова, заручившись черезъ графа Кутайсова (который велъ съ нею переговоры по порученію императора) обѣщаніемъ, что и любимецъ ея будетъ переведенъ въ Петербургъ, и впослѣдствіи настояла на этомъ. Въ проводахъ Лопухиныхъ приняла участіе вся Москва. При дворѣ, гдѣ прочія дамы мало уважали ее, Лопухина, не стѣсняясь, пользовалась вліяніемъ падчерицы на императора и добилась того, что всѣ должны были относиться къ ней почтительно. Характернымъ для нея поступкомъ является ея ходатайство о пожалованіи Уварову Аннинской ленты, которая давалась Павломъ I съ большимъ разборомъ. Когда хлопоты ея по этому поводу сперва не увѣнчались успѣхомъ, Лопухина рѣшила отравиться и приняла мышьяку. Съ большимъ трудомъ ее удалось спасти, но императору стало это извѣстно, и онъ исполнилъ желаніе княгини. Послѣ смерти Павла I Лопухины возвратились въ Москву. Въ 1826 г., во время коронаціи императора Николая I, Е. Н. Лопухина была пожалована орденомъ св. Екатерины I-го класса, а въ слѣдующемъ 1827 г., овдовѣвъ, переѣхала опять въ Петербургъ, гдѣ и скончалась 16 сентября 1839 г. Похоронена Лопухина въ с. Красномъ Ярѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. II, № 18.—*П. Ѳ. Карабановъ*, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII ст.» («Русская Старина», 1871 г., январь, стр. 48). *А.л. Гельвихъ.*

Лопухина, свѣтлѣйшая княжна *Екатерина Петровна*, дочь сенатора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина и жены его, рожденной Левшиной, родилась 11 апрѣля 1783 г. Рано лишившись матери, воспитывалась подъ наблюденіемъ мачехи Е. Н. Шетневой. Присутствуя въ 1797 г. на торжествахъ по случаю коронаціи императора Павла I и будучи въ то время всего 14-ти лѣтней дѣвушкой, сильно увлеклась великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, что вызвало много толковъ въ Москвѣ. Чтобы положить имъ конецъ, императоръ Павелъ I выдалъ ее замужъ въ томъ же году за своего приближеннаго, богача и мецената, гофмейстера Демидова, чѣмъ создалъ ей блестящее положеніе въ Петербургскомъ обществѣ. Отъ этого брака она имѣла четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Большую часть своей жизни Лопухина проводила въ Петербургѣ, лѣтомъ же въ своемъ имѣніи Тайцахъ, гдѣ и скончалась 21 іюня 1830 г., переживъ своего мужа всего на три года. Похоронена въ Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Александро-Невской лаврѣ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. V, № 187.

Ал. Гельвихъ.

Лопухина, свѣтлѣйшая княгиня *Жанетта* (*Анна*) *Ивановна*, рожденная баронесса фонъ-Венкстернъ, была замужемъ первый разъ за графомъ Алопеусомъ, въ 1831 г. она овдовѣла и вскорѣ, 30 октября 1833 г., вышла вторично замужъ за свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина. Свадьба состоялась въ домовой церкви Демидова въ Санъ-Донато во Флоренціи; послѣ вѣнчанія Лопухины отправились въ Россію и поселились въ своемъ роскошномъ имѣніи «Корсуни», Кіевской губерніи, гдѣ они жили почти безвыѣздно зимой и лѣтомъ; къ этому времени княгинѣ Лопухиной было сорокъ семь лѣтъ, а ея мужъ былъ на два или три года моложе. Поселившись въ деревнѣ, Лопухины принялись за устройство своего новаго дома и великолѣпнаго сада, расположеннаго въ живописной мѣстности на скалистыхъ берегахъ рѣки Роси, которые славились своею роскошью и благоустройствомъ; однимъ словомъ, ни въ чемъ не было недостатка въ Корсуни: два хора, оркестръ, два штата прислуги, изысканный столъ, рѣдкія вина и т. д.; но все это существовало только для самихъ хозяевъ и для самыхъ близкихъ родственниковъ, такъ какъ княгиня не любила гостей, а послѣдніе годы, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей отъ перваго брака, была постоянно въ траурѣ и подъ предлогомъ болѣзни никогда не выходила даже къ столу. Какъ говорятъ, княгиня въ молодости была извѣстна своей красотой, элегантная и изящная въ своихъ движеніяхъ, имѣла доброе, кроткое и симпатичное выраженіе лица, была женщина рѣдкаго ума и начитанности и обладала даромъ вести разговоръ въ обществѣ. Княгиня Лопухина подъ конецъ своей жизни ослѣпла и скончалась въ глубокой старости въ 1869 году.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 11.

А. Гельвихъ.

Лопухина, *Наталья Ѳедоровна*, статсъ-дама императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Род. 11 ноября 1699 г., ум. 11 марта 1763 г.

Лопухина, урожденная Балкъ, была родная племянница Монсовъ: Анны и Вилима, дочь Модесты Монсъ. И по происхожденію и по воспитанію она принадлежала къ той новой придворной знати, которая въ послѣдніе годы жизни Петра Великаго, приблизившись ко двору Екатерины, причинила императору такъ много непріятностей и хлопотъ. Наталія Ѳедоровна Балкъ еще ребенкомъ была пристроена къ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ и по выходѣ ея замужъ отправилась вмѣстѣ съ нею въ качествѣ фрейлины въ Мекленбургъ и тамъ сумѣла заслужить любовь и расположеніе герцогини. И въ Россіи и внѣ ея она поддерживала сношенія съ лицами, близкими къ потомкамъ царя Іоанна. Вернувшись въ Россію еще совсѣмъ юной (до 1718 г.), она вышла замужъ за Степана Васильевича Лопухина, человѣка во многомъ для нея подходящаго и не склоннаго стѣснять свою жену. Она сохранила свою лютеранскую вѣру, языкъ, привязанность ко всему нѣмецкому, старыя семейныя и дружескія связи и даже извѣстную свободу въ обращеніи съ пріятелями, стяжавшую ей репутацію невѣрной жены. Въ XVIII столѣтіи супружеская вѣрность была далеко не распространенной добродѣтелью, и семья, въ которой она отсутствовала, часто оказывалась прочно связанной либо сословными

и служебными интересами, либо расчетомъ, либо политическими партійными соображеніями. Въ этомъ смыслѣ семья Лопухина являлась союзомъ, гдѣ соединился представитель старинной русской знати съ выскочкой изъ пришлой нѣмецкой семьи, вліятельной при дворѣ въ цѣляхъ преуспѣнія при немъ. Впрочемъ, вскорѣ ихъ объединило общее чувство ненависти къ Петровскому правительству. Сначала не поздоровилось Лопухинымъ. Родственники опальной царицы вообще были не въ милости и не въ чести. Замыслы и поведеніе царевича Алексѣя, слѣдствіе и судъ надъ нимъ, его сторонниками и родными ослабили значеніе Лопухиныхъ еще болѣе, но все же оставались лица, думавшія, что когда-нибудь и на сторонѣ теперь опальной семьи будетъ сила и вліяніе. Въ 1719 году семью Степана Лопухина постигло личное несчастье. Его торжествующій видъ и смѣхъ во время богослуженія по случаю смерти царевича Петра Петровича былъ причиной ссылки его съ женой и дѣтьми въ Кольскій острогъ. Суровой зимой (въ январѣ-февралѣ 1720 г.), безъ всякаго промедленія, съ малолѣтними дѣтьми пришлось Натальѣ Ѳедоровнѣ скакать за мужемъ по пустынямъ нашего сѣвера до далекой Колы, а въ ней влачить день за днемъ жалкое безправное существованіе политически ссыльной, которую предписывалось, какъ это подчеркнуто въ указѣ Степану Лопухину, содержать такъ, «какъ и прочихъ таковыхъ ссыльныхъ людей». Наталія Ѳедоровна видѣла униженіе мужа, котораго дважды «били нещадно батоги», притѣсненія и лихоимство сторожей. Въ ужасной обстановкѣ и самъ мужъ ея пилъ, буянилъ и ссорился съ жителями острога и съ мѣстными властями, вызывая общую вражду и нелюбовь. Было мѣсто и для зависти, такъ какъ Лопухины сохранили свое имущество и могли жить даже въ ссылкѣ, матеріально ни въ чемъ не нуждаясь, конечно, насколько это позволялось Кольскимъ захолустьемъ.

Къ ихъ счастью ссылка тянулась не долго. Монсы и Балки помогли Лопухину выбраться сначала въ его деревни, а потомъ и въ Москву, средоточіе всѣхъ пострадавшихъ и потерпѣвшихъ неудачу въ Петербургѣ. Въ 1723 году Лопухинъ находилъ смѣлость ходатайствовать за своихъ родныхъ предъ Вилимомъ Монсомъ. При Екатеринѣ I пошатнувшееся было отъ расправы Петра положеніе новыхъ людей опять окрѣпло: братья Балки были въ фаворѣ и силѣ, а за нихъ держались и Лопухины. Еще болѣе благопріятны были для нихъ вступленіе на престолъ Петра II и возвышеніе всѣхъ его родственниковъ, къ которымъ причислялась и семья Степана Лопухина. Сенатскимъ указомъ отъ 21 іюля 1727 г. его вернули изъ ссылки въ Петербургъ. Императоръ не только допустилъ Лопухиныхъ ко двору, но возвелъ Степана Васильевича въ званіе камергера. Недавно опальную и обездоленную семью ожидали ласки и милости. Счастье, впрочемъ, вернулось не надолго. Молодой императоръ умеръ, и Лопухинымъ пришлось принять участіе въ глухой борьбѣ между наслѣдниками Петра и Іоанна. Впрочемъ, направленіе было ими уже давно избрано: Монсы, Балки и т. п. естественно влекли ихъ къ Левенвольде, Остерману и т. п. Еще юношеская приближенность Наталіи Ѳедоровны къ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ и гоненія, вынесенныя ею отъ Петра, дѣлали для нея Анну Іоанновну самымъ желательнымъ кандидатомъ изъ всѣхъ существовавшихъ, и, должно быть, она много постаралась въ ея пользу, особенно въ дни утвержденія императрицы въ самодержавіи. Въ числѣ первыхъ лицъ, получившихъ милости отъ новаго правительства, видимъ и Лопухину. 6 марта единовременно съ А. Ягужинской она удостоивается чести быть возведенной въ статсъ-дамы императрицы. Впрочемъ, въ началѣ этого царствованія семья Лопухиныхъ теряется въ толпѣ придворной знати Анны Іоанновны; но съ теченіемъ времени картина мѣняется, и въ концѣ царствованія Лопухины дѣлаются сильны и вліятельны. Въ этой счастливой перемѣнѣ преимущественное значеніе имѣла Наталья Ѳедоровна, которая и по симпатіямъ и по родству принадлежала къ нѣмецкой партіи, поддерживавшей, сообразно обстоятельствамъ, то Миниха, то Остермана, но неуклонно соблюдавшей личные интересы. Въ особенно близкихъ и сердечныхъ отношеніяхъ была она съ графомъ Карломъ Рейнгардтомъ Левенвольде, извѣстнымъ въ русскихъ источникахъ подъ именемъ Левольда. Благоволеніе нѣмцевъ и умѣлое лавированіе среди ихъ же счетовъ дали Лопухину возможность получить должность кригсъ-комиссара по морской части (указъ Сената 11 сентября 1740 г.) въ рангѣ вице-адми-

рала и съ правомъ присутствованія въ адмиралтейсъ-коллегіи (указъ 2 октября 1740 г.). Лопухинъ дѣлается «персоной», и вмѣстѣ съ тѣмъ жена его становится вліятельной особой, статсъ-дамой, патронессой, у которой многіе заискиваютъ. Уже въ эту пору XVIII ст. женщины часто вмѣшивались или непосредственно личнымъ вліяніемъ, или чрезъ посредство близкихъ къ нимъ почему-либо лицъ, въ дѣла государственныя, особенно внѣшнія, и Лопухина хотѣла быть такой дамой. Конечно, для нея главное было личное преуспѣяніе, но если помогали ей, то, надо думать, и отъ нея ждали того же; и не только ждали, но порой и получали: она была членомъ нѣмецкой партіи, она прятала и хранила вещи впавшаго въ немилость и сосланнаго Левенвольде, она близко сошлась съ имперскимъ посломъ маркизомъ Ботта д'Адорно, искавшимъ лицъ, у которыхъ можно было развѣдать что-либо, для освѣдомленія своего двора о дѣлахъ Россіи. Врядъ-ли Лопухина могла быть кому-бы то ни было солидной поддержкой въ серьезныхъ предпріятіяхъ, врядъ-ли даже могла дать нужное и полезное сообщеніе о чемъ-либо важномъ для иноземнаго посла, но и нѣмецкіе интриганы изъ русскихъ подданныхъ и такіе же иностранные подданные могли быть освѣдомлены о многихъ дѣлахъ даже государственной жизни, уже не говоря объ интересовавшихъ ихъ подробностяхъ придворной, благодаря болтливости и неосмотрительности этой словоохотливой и ничѣмъ не связанной съ интересами Россіи жены русскаго вельможи, и въ общемъ стремленіи партія Лопухина могла быть и полезной, и цѣнной, и даже незамѣнимымъ сотрудникомъ.

Лопухина была извѣстна, какъ свѣтская женщина, модница, любительница баловъ и тому подобныхъ развлеченій, даже какъ кокетка, загубившая не мало сердецъ. Говорятъ, но врядъ ли это основательно, будто-бы даже самая суровость, проявленная Елизаветой въ отношеніи Лопухиной, была вызвана удачнымъ соперничествомъ въ амурныхъ дѣлахъ. Это маловѣроятно, если принять во вниманіе тѣ преимущества, которыя имѣла Елизавета по сравненію съ Лопухиной. Судя по портрету, послѣдняя далеко не была красавица, была старше Елизаветы на десять лѣтъ, и по живости, и привлекательности, должно быть, не могла тягаться съ той, которую современники единодушно признавали самой красивой и прелестной женщиной при дворѣ Анны Іоанновны, но по всѣмъ дошедшимъ до насъ даннымъ Лопухина была очень видной и популярной личностью, умѣвшей и знавшей, гдѣ и у кого надо искать милостей, знавшей цѣну людямъ и себѣ. Наибольшаго успѣха она достигла во время правительницы Анны Леопольдовны. Ей было уже 42 года; она отлично разбиралась среди людей, окружавшихъ престолъ: хранила вѣрность нѣмцамъ, а въ частности Левольду, несмотря на то, что ея мужъ принималъ участіе въ комиссіи, судившей Бирона и его сотрудниковъ; съ осужденіемъ и опаской взирала на легкомысленныя затѣи Менгденовъ и на дѣятельность ихъ, отдалявшую правительницу отъ серьезныхъ занятій государственными дѣлами, и неблагосклонно смотрѣла на романтическую авантюру Линара. Это время, однако, было для Лопухиной крайне благопріятно. И на ея близкихъ: мужа, сына, и на ея самое изливаются, какъ изъ рога изобилія, знаки высочайшаго вниманія. 8-го апрѣля 1741 г. лично ей, якобы за услуги, оказанныя герцогинѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, а на самомъ дѣлѣ по ходатайству М. Головкина дарятъ имѣніе: отписную Глумовскую волость въ Суздальскомъ уѣздѣ. Вскорѣ послѣ того мужа ея производятъ въ генералъ-поручики. Такія милости показывали важное значеніе Лопухиной во мнѣніи правительства. Впрочемъ, ея благополучіе по существу было совершенно не прочно. Основанное на одномъ благорасположеніи лицъ, власть имущихъ, безъ всякихъ заслугъ или достоинства самой Лопухиной, оно исчезало вмѣстѣ съ паденіемъ ея благожелателей. Такъ именно и случилось.

Ноябрьскій того же года переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету Петровну, свалилъ всѣхъ покровителей Лопухиной и губительно отразился на положеніи всей ея семьи. Въ самую ночь переворота Степана Васильевича арестовали, продержали подъ арестомъ нѣсколько мѣсяцевъ и только послѣ строгаго допроса о цѣляхъ его происковъ при дворѣ, о причинахъ, сближавшихъ его съ Левенвольде, и о пожалованіи женѣ его деревни, отпустили на свободу съ приказомъ жить въ Москвѣ. По докладу Н. Трубецкого, императрица обратила особенное вниманіе на необычное пожало-

ваніе деревней и въ 1742 г. по возвращеніи изъ Москвы приказала ее у Лопухиной отобрать. 16-го января того же года, при ликвидаціи цѣлой группы Аннинскихъ дѣятелей, первымъ былъ названъ бывшій генералъ кригсъ-комиссаръ С. Лопухинъ, получавшій новое назначеніе, похожее на ссылку: губернаторомъ въ Архангельскъ. Онъ не захотѣлъ уѣзжать такъ далеко на сѣверъ, наводившій на него такія мрачныя воспоминанія, и 29 января подалъ прошеніе о полной отставкѣ по болѣзни. Оно было уважено, и Лопухинъ отставленъ былъ генералъ-поручикомъ «безъ повышенія». Пострадалъ и его сынъ Иванъ. Онъ числился при правительницѣ камеръ-юнкеромъ въ рангѣ полковника; его отлучили отъ двора и зачислили въ гвардію подполковникомъ. Правда, Наталью Ѳедоровну оставили статсъ-дамой, украсили портретомъ императрицы, дочь—опредѣлили фрейлиной, но всѣ Лопухины оказались чужими и ненужными при новомъ дворѣ: они чувствовали себя униженными и обиженными.

Вернуть прежнее положеніе, хотя бы отчасти, дѣлается мечтой Лопухиныхъ, и они намѣчаютъ два пути: или искать милости у новой власти, или ждать возвращенія прежнихъ сильныхъ людей. На всякій случай Лопухины отправились на поклонъ къ «богу всѣхъ нѣмцевъ на Руси»—къ Лестоку: пріемъ былъ по внѣшности любезный, но по существу болѣе чѣмъ сухой, и не лучше Лестока отнеслись къ людямъ въ немилости и другіе вельможи. Путь заискиваній у новой власти оказывался непроходимымъ, и послѣ окончательнаго переселенія Степана Лопухина въ Москву, и онъ и жена его (оставшаяся съ сыномъ Иваномъ въ Петербургѣ) начинаютъ удаляться отъ двора и занимать опасное положеніе лицъ враждебныхъ существующему правительству. Ихъ отношеніе къ нему, ядовитыя замѣчанія о характерѣ жизни и двора Елизаветы, ея министровъ и приближенныхъ обращаютъ на себя вниманіе зоркихъ наблюдателей русской жизни, и когда одному изъ нихъ, французскому уполномоченному въ дѣлахъ Д'Алліону, удалось увидать на свадьбѣ гр. Ягужинской съ М. П. Бестужевымъ сборище этой оппозиціи императрицы, въ его головѣ явилась комбинація интриги, приведшая къ возникновенію дѣла о злоумышленіи Ботты-Лопухиной. Корни этого дѣла, погубившаго Лопухину, ея семью и массу собственно ни къ какому преступленію не причастныхъ людей, находятся и среди придворныхъ отношеній, и въ счетахъ дипломатовъ между собой, и въ происках державъ, желавшихъ свалить ненавистнаго многимъ изъ нихъ вице-канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина. Русскій вице-канцлеръ былъ особенно неудобенъ и нежелателенъ для Франціи и Пруссіи. Его политическая дѣятельность, направленная къ умаленію вліянія Франціи въ Турціи и Швеціи и къ сокращенію силъ «скоропостижнаго» прусскаго короля, съ каждымъ мѣсяцемъ становилось опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Ни уговоры, ни интриги, ни подкупы не помогали: вице-канцлеръ на уступки не шелъ—приходилось его убрать прочь отъ власти путемъ хотя бы преступленія. Но въ XVIII вѣкѣ предпочитали всему хорошую придворную интригу; при русскомъ дворѣ въ интриганахъ недостатка не было, а такъ какъ ловкость и чистота поведенія самого Бестужева дѣлали невозможнымъ прямое нападеніе на него, то нужно было найти лицъ, связанныхъ съ нимъ какими-либо узами, и чрезъ нихъ добраться до ненавистнаго и могущественнаго врага. Этими лицами—жертвами политической интриги—и стали Лопухины и Ягужинская. Поймать ихъ въ «преступленіи» не было трудно. Врядъ ли для кого изъ мало-мальски знакомыхъ съ ними людей было тайной ихъ недовольство новыми порядками, ихъ сожалѣніе къ павшей правительницѣ и благожелательство ко всѣмъ окружавшимъ ее лицамъ. Хорошо знали и всѣ тѣ злыя словечки и скандальные анекдоты, которые разсказывались въ этомъ враждебно настроенномъ кругѣ объ императрицѣ и ея любимцахъ; а поразсказать было что. Все же это въ житейскомъ обиходѣ принимаемое за пустую болтовню, злую свѣтскую сплетню, въ серьезномъ судебномъ разбирательствѣ сразу обращалось въ тяжкое государственное преступленіе—поношеніе Высочайшей Особы Государя и злоумышленіе противъ Верховной Власти.

Международная организація, поставившая себѣ цѣлью низложить Бестужева и работавшая для этого при всѣхъ крупныхъ европейскихъ дворахъ, въ іюнѣ нашла, какъ ей казалось, зацѣпку, ухватившись за которую можно было «кувыркнуть», по выраженію Фридриха, братьевъ Бестужевыхъ. Въ іюнѣ 1743 года въ Бер-

лнѣ появился цесарскій министръ маркизъ Антонъ Отто Ботта д'Адорно, дважды проживавшій до того въ Россіи (съ 1739 по 1742 годъ). По его увѣреніямъ, правительство добродушной и мягкосердечной Елизаветы Петровны не могло прочно установиться въ Россіи и вскорѣ должно было смѣниться партіей Іоанна, сторонники котораго разсчитывали вполнѣ насладиться властью за время долгаго регентства, установленнаго ими по случаю малолѣтства императора. Къ розсказнямъ Ботты прислушивались. Онъ увѣрялъ, что у него въ Россіи много друзей, знатоковъ края, и всѣ они ждутъ несомнѣнно торжества партизановъ Брауншвейгской фамиліи. Французскій министръ въ Берлинѣ маркизъ Валори не только слушалъ все это, но и замѣчалъ. Замѣчанія же свои въ томъ же іюнѣ 1743 г. переслалъ въ Петербургъ и посовѣтовалъ проживавшему тамъ уполномоченному въ дѣлахъ Франціи, д'Алліону принять къ свѣдѣнію розсказни Ботты. Сопоставивъ ихъ со своими наблюденіями на свадьбѣ гр. Ягужинской и подѣлившись мыслями съ Лестокомъ, д'Алліонъ и его другъ были вполнѣ подготовлены придать Лопухинскому дѣлу соотвѣтственный характеръ государственнаго преступленія. Въ этомъ къ нимъ всецѣло примыкалъ прусскій посланникъ въ Россіи баронъ Мардефельдъ. Они довольно быстро сообразили, что друзья Ботты, о которыхъ онъ такъ смѣло болталъ въ Берлинѣ—его россійскіе знакомые, которыхъ онъ посѣщалъ, проживая въ Петербургѣ и Москвѣ; при господствовавшей же тогда системѣ внимательно наблюдать за всѣми, кого посѣщали иностранные министры, легко было узнать, что въ числѣ немногихъ домовъ, гдѣ бывалъ Ботта, находились Лопухины и Ягужинская.

Лопухинское дѣло началось извѣтомъ: къ Лестоку явился его кліентъ и креатура-курляндецъ, поручикъ кираспрскаго полка Яковъ Бергеръ и заявилъ, что знаетъ нѣкоторыя важныя дѣла, касающіяся Высочайшей персоны императрицы и государства. Разспросивъ доносчика, Лестокъ нашелъ возможнымъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ. Есть подозрѣнія, что Бергеръ, а позднѣе другой доносчикъ въ томъ же процессѣ майоръ Фалькенбергъ дѣйствовали не по собственному почину, а были заранѣе подговорены и соотвѣтственно подготовлены Лестокомъ съ его приспыми. Они должны были подпоить Ивана Лопухина и путемъ ряда ловкихъ вопросовъ вынудить у него нужныя имъ признанія. Даже по допроснымъ рѣчамъ видно, что если не первый разговоръ Лопухина съ Бергеромъ, то второй, во всякомъ случаѣ, былъ умышленно имъ вызванъ. По другой версіи Бергеръ явился къ Лестоку съ извѣтомъ на Ивана Лопухина, желая избѣжать назначенія въ Соликамскъ. Его посылали туда въ качествѣ начальника караула къ ссыльному пріятелю Натальи Ѳедоровны—гр. Левенвольде, и она имѣла неосторожность передать Бергеру чрезъ сына для Левенвольде поклонъ, увѣреніе въ неизмѣнной вѣрности и совѣтъ не отчаиваться, но твердо надѣяться на лучшее будущее. Кромѣ того, Иванъ Лопухинъ, надѣясь чрезъ Бергера вступить въ какія-либо сношенія съ Левенвольде, ухаживалъ за нимъ и угощалъ его. Но молодому кирасирскому поручику, любившему веселую столичную жизнь и желавшему дѣлать карьеру, вовсе не улыбался Соликамскъ и его радости, поэтому онъ рѣшился, донеся на Лопухина, однимъ ударомъ избѣжать нежелательной командировки и подвинуться по службѣ.

Ему не стоило большого труда устроить такъ, чтобы услышать отъ подвыпившаго и обиженнаго себесѣдника то, на что онъ разсчитывалъ и что, кромѣ Лопухина, говорили между собою шепоткомъ очень и очень многіе среди обитателей обѣихъ столицъ. По мнѣнію Лопухина, при Елизаветѣ жилось не такъ весело, какъ прежде, а особенно порядочнымъ, достойнымъ людямъ. Вотъ каналія Сиверсъ и Лялинъ благодушествуютъ: произведены въ чины и только за одно скверное дѣло. Елизавета Петровна ѣздитъ въ Царское Село, напивается пьяной, любитъ англійское пиво и для того беретъ съ собою непотребныхъ людей. Ей и наслѣдницею быть не надлежало потому, «что де она незаконнорожденная», и потомъ, по словамъ Бергера, Лопухинъ, ссылаясь на свидѣтельство фельдмаршала князя Долгорукова, разсказывалъ, что «въ то время, какъ Императоръ Петръ Вторый скончался, хотя-бъ де и надлежало Ея Величеству къ наслѣдству допустить, да какъ Ее брюхатую избрать». Эта часть доноса составлена была явно въ расчетѣ лично задѣть очень чувствительную къ

нападкамъ Елизавету Петровну. Надо отдать справедливость обвинителю въ умѣніи и ловкости: по рѣзкости и по мѣткости выраженій онъ могъ разсчитывать на полный успѣхъ. Не менѣе удачно составлена и вторая часть, бившая тоже по больному мѣсту—о Брауншвейгской фамиліи, причинявшей такъ много волненій, тревогъ и огорченій правительству и самой императрицѣ. Начиналась она съ намека на склонность караульщиковъ принца Іоанна взять его сторону, затѣмъ переходила къ поношенію лейбъ-компаніи, «что де ей съ тремястами каналіею своею лейбъ-кампаніи дѣлать; прежде де караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали, а нынѣ де, какъ не можно перемѣнѣ сдѣлаться .. будетъ де чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна». Лопухинъ былъ оттого въ ней такъ твердо увѣренъ, что его отецъ писалъ Натальѣ Ѳедоровнѣ, чтобы сынъ чуждался двора и не искалъ у государыни милости. По той же причинѣ—ожиданія смѣны правительства—и она, сама Лопухина, не ѣздила ко двору и не сближалась съ новыми вельможами. Эту нерасположенность къ императрицѣ и ея близкимъ Лопухинъ, по наставленіямъ матери, считалъ явленіемъ общимъ для всей родовой старой знати и говорилъ, что «бо́льшіе всѣ Ея не любятъ, за то, что Ея Величество больше любятъ простой народъ, и для того, что и сама просто живетъ».

Выслушавъ разглагольствованія Лопухина 17-го іюля и сообщивъ о нихъ Лестоку, Бергеръ рѣшилъ придать своему извѣту больше силы, начавъ соотвѣтственный разговоръ при какомъ-либо благонадежномъ свидѣтелѣ, а чтобы пріучить Лопухина относиться къ нему съ довѣріемъ и безъ стѣсненія говорить объ излюбленномъ предметѣ, онъ въ нѣсколько пріемовъ при разныхъ случаяхъ заговаривалъ съ нимъ на эту тему. 22-го іюля былъ особенно удачный день. Лопухинъ въ присутствіи Фалькенберга разболтался во всю сначала у себя на квартирѣ, а потомъ и у Бергера. Говорилъ, что плохо быть подъ бабьимъ правленіемъ, насмѣхался надъ составомъ правительства: два де фельдмаршала и оба глупы.

Фалькенбергъ дополнилъ показанія Бергера и оттѣнилъ отзывы его насчетъ современныхъ министровъ. Лопухинъ, по его словамъ, говорилъ: «управители де государственные нынѣшніе все негодные, не такъ, какъ прежніе были Остерманъ и Левольдъ; только де господинъ Лестокъ проворная каналья». При упоминаніяхъ о «принцѣ Іоаннѣ» Лопухинъ титуловалъ его императоромъ и выражалъ увѣренность, что ему будетъ «король прусскій помогать, а наши де за ружье не примутся». Съ предательскимъ коварствомъ Фалькенбергъ спросилъ его, скоро ли совершится перемѣна, и просилъ Лопухина вспомнить его, когда онъ будетъ въ силѣ. Разболтавшійся и подвыпившій человѣкъ увѣрялъ, что паденіе нежелательнаго ему правительства близко, и обѣщалъ собесѣдникамъ свое покровительство. Фалькенбергъ вдобавокъ справился: нѣтъ ли кого побольше къ кому бы заранѣе забѣжать, «и на то онъ Лопухинъ ничего не объявилъ, только плечами пожался. Онъ же говорилъ, что марки де Ботта принцу Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель». Лестокъ, выслушавъ въ частной бесѣдѣ показанія Бергера и Фалькенберга, повезъ ихъ съ собою во дворецъ, гдѣ они въ присутствіи императрицы повторили свой доносъ, и Елизавета дала Лестоку разрѣшеніе начать аресты и розыскъ надъ обвиняемыми. Впрочемъ, онъ былъ нѣсколько отсроченъ, такъ какъ приготовленія къ выполненію порученія императрицы, руководимыя Лестокомъ, приняли грандіозный характеръ. Съ 21-го іюня по городу заходили военные отряды, улицы опустѣли, и столица притихла, несмотря на то, что императрица, вопреки обыкновенію, не поѣхала въ Петергофъ, а осталась въ Петербургѣ. Мало кто зналъ и догадывался, что скрывается за этими грозными приготовленіями. 21-го іюня 1743 г. императрица за собственноручной подписью дала указъ генералу Ушакову, князю Трубецкому и Лестоку допросить Бергера и Фалькенберга, дать имъ подписать записи ихъ показаній «и по тому изслѣдовать, и, не смотря на персону, въ комиссію свою забирать и слѣдовать, и что по слѣдствію явится, доносить намъ; а для произведенія того дѣла указали мы съ вами быть отъ Кабинета нашего статскому совѣтнику Демидову». Составъ комиссіи образовался изъ начальника Тайной канцеляріи, генералъ-прокурора Сената, совѣтника Кабинета Ея Величества и «конфидента»—Лестока, попавшаго въ составъ этого чрезвычайнаго суда вовсе не въ силу служебнаго своего положенія—лейбъ-медика и

главнаго директора Медицинской канцеляріи, а только по личному желанію императрицы и по интригамъ тѣхъ, кто чрезъ его посредство надѣялся свалить Бестужева. Въ составъ этой комиссіи долженъ былъ попасть и баронъ Черкасовъ, но онъ вѣрно опредѣлилъ фальшь и дѣланность всего предпріятія и сумѣлъ уклониться отъ участія въ судѣ надъ вымышленными заговорщиками. Душой и руководителемъ дѣла для пострадавшихъ отъ него остались Лестокъ и Трубецкой. Ушаковъ занималъ въ немъ мѣсто, такъ сказать, по обязанности службы въ качествѣ начальника Тайной канцеляріи, а Демидовъ былъ посредникомъ для постояннаго освѣдомленія государыни о ходѣ процесса. Только 25 іюля въ 4 часа утра Лестокъ нашелъ возможнымъ представить указъ императрицы въ Тайной канцеляріи, и въ пятомъ часу утра въ Лопухинскій домъ явились Ушаковъ съ Трубецкимъ въ сопровожденіи гвардіи Преображенскаго полка капитана Протасова. Иванъ Лопухинъ былъ арестованъ и увезенъ въ Тайную канцелярію, Наталья Лопухина оставлена дома за карауломъ. Ихъ письма и вещи были опечатаны. Тотчасъ же по городу разнеслись слухи о происшествіи и объяснили причину передвиженія военныхъ отрядовъ и всѣ грозныя приготовленія предшествующихъ дней. Начало дѣла никого не успокоило. Всѣ знали, что правительство, напуганное предшествовавшими заговорами Ивашкина и Гурчанинова, проявитъ крайнюю ретивость въ изслѣдованіи третьяго, чтобы навсегда отбить охоту у злоумышленниковъ. Боялись, что потворятся Бироновскіе дни: по улицамъ въ сопровожденіи конвойныхъ зашагаютъ «языки» и по ихъ указаніямъ будутъ хватать встрѣчныхъ знакомыхъ узника. Но эти предположенія шли мимо истинныхъ цѣлей заговорщиковъ Лопухинскаго дѣла. Они направляли свои усилія къ уловленію Бестужевыхъ и въ этомъ намѣреніи вставили въ текстъ указа слова: «не смотря на персону, въ комиссію свою забирать и слѣдовать»; персоны были— вице-канцлеръ Бестужевъ и братъ его оберъ-гофмаршалъ. Поэтому и все судопроизводство направилось къ отысканію связи между заранѣе признанными виновными Лопухиными и Бестужевыми. Искали лицъ, которыя могли бы оговорить Бестужевыхъ и дать возможность схватить хотя бы одного изъ нихъ. Ивана Лопухина по привозѣ въ Тайную канцелярію немедленно подвергли допросу. Его допрашивали о намѣреніи низвергнуть съ престола императрицу Елизавету и возвести на него принца Іоанна, о свѣдѣніяхъ его, Лопухина, насчетъ караула при Брауншвейгской фамиліи. Отвѣчалъ онъ, какъ и было на самомъ дѣлѣ, что никакихъ враждебныхъ Елизаветѣ намѣреній не имѣлъ и ничего не затѣвалъ, о гарнизонѣ же ничего не знаетъ. Относительно злословія противъ императрицы, ея министровъ и придворныхъ сознался. Разсказалъ, что къ отцу его ѣздятъ князь Иванъ Путятинъ и Михайло Аргамаковъ, но не для какихъ-либо замысловъ, а для забавы, въ остальныхъ же обвиненіяхъ заперся и лишь на вопросъ, отчего онъ не доносилъ на преступные разговоры съ нимъ Бергера и Фалькенберга, отвѣтилъ «на оное никакого оправданія приносить не имѣю и въ томъ винюсь»; сознался и въ нарушеніи данной имъ императрицѣ присягѣ. Послѣ допроса Лопухину дали очную ставку съ доносчиками, и ему пришлось цѣликомъ подтвердить ихъ показаніе. Почва для пытокъ была расчищена: судьи имѣли основаніе подозрѣвать со стороны обвиняемаго скрытность и желаніе обмануть ихъ. 26-го іюля доносчиковъ отпустили, взявъ съ нихъ подписку подъ угрозой смертной казни не разглашать о дѣлѣ, и въ тотъ же день посланы указы въ Москву камергеру А. И. Шувалову и А. Б. Бутурлину съ приказомъ арестовать С. Лопухина со всѣми его письмами и бумагами и прислать въ Петербургъ, также поступить съ кн. И. Путятинымъ и М. Аргамаковымъ. Ивана Лопухина привели для второго допроса и, напугавъ всякаго рода окриками и угрозами, получили отъ него важныя по сути дѣла показанія. Къ его матери въ Москвѣ пріѣзжалъ маркизъ де Ботта и говоритъ, что не прежде будетъ спокоенъ, пока не поможетъ принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ), и что прусскій король будетъ также помогать, о чемъ онъ (Ботта) будетъ стараться. Эти слова сообщила Лопухину его мать, когда у нея была Анна Гавриловна Бестужева, которая при этомъ замѣтила: «гдѣ это де Боттѣ сдѣлать?» Подумавъ же, прибавила: «а можетъ статься». Легко себѣ представить, какъ оживились и обрадовались слѣдователи, услышавъ фамилію Бестужевой

и ея слова, дававшіе основаніе привлечь ее къ дѣлу; когда же на вопросъ Иванъ Лопухинъ сказалъ, что къ Натальѣ Ѳедоровнѣ ѣздятъ въ гости не только Анна Гавриловна, но и Михаилъ Петровичъ, они считали свою задачу выполненной: Бестужевы попались. Лестокъ со свойственной ему живостью уже вообразилъ себѣ ихъ казнь и разсказывалъ друзьямъ о колесованіи Алексѣя Петровича и эшафотѣ для обезглавленія Михаила Петровича, при крайнемъ снисхожденіи императрицы, онъ все же считалъ Сибирь слишкомъ легкимъ наказаніемъ для такихъ злодѣевъ. Съ цѣлью поскорѣе нанести этотъ ударъ, тотчасъ же послѣ признаній Ивана Лопухина, слѣдователи отправились на домъ къ арестованной Натальѣ Ѳедоровнѣ и стали ее допрашивать. Она созналась, что къ ней ѣзживалъ Ботта и говаривалъ съ нею объ участи Брауншвейгской фамиліи и намѣреніи ей помочь, на что она, Лопухина, изъ сожалѣнія къ принцессѣ, желая ей свободы и пропуска на родину, умоляла де Ботту «не заваривать каши и не дѣлать въ Россіи безпокойствъ», а просила, чтобы онъ и его сторонники старались бы только принцессу освободить и отпустить ее къ деверю». Съ такой точкой зрѣнія Ботта не соглашался и твердилъ, что будетъ стремиться, чтобы принцессѣ быть попрежнему на Россійскомъ престолѣ. Повидимому, лавры Шетарди не давали ему покою. Лопухина его не поддерживала, но по поводу его словъ бесѣдовала съ Анной Бестужевой, безъ какого-либо умыслу или намѣренія дѣйствовать, а только для разговору. Да и вообще Лопухина отрицала существованіе какой-либо русской партіи или даже кружка, поставившаго себѣ цѣлью противуправительственную дѣятельность. Она старалась все свалить на Ботту. Насчетъ же причинъ ея расположенія къ принцессѣ и недовольства императрицей, Лопухина сослалась на милости первой и на обиды со стороны второй: отнятіе деревни, отставку мужа и пониженіе по службѣ сына—онъ больше не камеръ-юнкеръ. Что касается мужа, то онъ ни въ какомъ разговорѣ не участвовалъ и вообще чуждъ всего дѣла. Экстракты изъ допросовъ Ивана и Натальи Лопухиныхъ были отвезены Демидовымъ императрицѣ, и она приказала графиню Анну Бестужеву арестовать и допрашивать, а мужу ея графу Михайлѣ Бестужеву объявить ея Императорскаго Величества указъ, чтобы онъ со двора до указу не выѣзжалъ, а письма ихъ запечатать. Бестужева съ дочерью были заключены въ бывшемъ дворцѣ Елизаветы близъ Марсова поля, а самъ Бестужевъ долженъ былъ оставаться въ своемъ приморскомъ дворѣ безотлучно. Дочь Бестужевой Настасья Ягужинская подтвердила разговоръ Лопухиныхъ о правительницѣ въ смыслѣ благожелательствъ и неодобренія существующаго правительства. Показанія самой Бестужевой были осторожны и неопредѣленны. Она сознавалась въ разговорѣ съ Н. Лопухиной, но отклонила какую бы то ни было причастность къ дѣлу М. П. Бестужева. Слѣдователи относились къ ней предупредительно и говорили *Вы*—она была родственницей очень сильныхъ людей. Вечеромъ того же богатаго допросами 26-го іюля послѣдовалъ указъ: «Ивана Лопухина, мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать подъ караулъ въ крѣпость». Смыслъ указа былъ очень грозенъ. При упоминаніи о крѣпости блѣднѣли очень храбрые изъ арестованныхъ, объ ужасахъ ея ходили самыя фантастическія легенды, и мало кто изъ попавшихъ туда возвращался въ среду живыхъ людей. Путь изъ нея обычно шелъ къ мѣсту казни на площади или же въ такія мѣста Сибири, куда воронъ костей не заносилъ. 27-го слѣдователи допрашивали въ крѣпости Анну Бестужеву о ея разговорахъ съ Лопухиной и о замыслахъ Ботты, но она не испугалась застѣнка и, несмотря на увѣщанія, ничего сверхъ ранѣе ею показаннаго не прибавила. Отъ м. Ботты ничего не слыхала, съ Натальею Лопухиной и ни съ кѣмъ о такихъ дѣлахъ разговоровъ у нея не бывало и, ничего о нихъ она не знаетъ. Зато Лопухина стала разговорчивѣе. Оказалось, что Ботта и при мужѣ ея поговаривалъ о принцессѣ, но велъ себя очень скрытно и на ихъ выспрашиванія отвѣчалъ: «чтобы я еще вамъ русскимъ объ этомъ сказалъ», а болѣе настойчивую Наталью Ѳедоровну даже выбранилъ. Объ этихъ разговорахъ она бесѣдовала и съ Бестужевой. Когда слѣдователи дошли до Ивана Лопухина, то его для вящшаго устрашенія привели къ дыбѣ, и онъ тамъ начисто подтвердилъ все, о чемъ доносилъ Бергеръ и Фалькенбергъ, вплоть до усерднаго желанія быть

принцессѣ Аннѣ и ея сыну на престолѣ и титулованія Іоанна императоромъ. Но такъ какъ онъ рѣшительно не могъ указать, когда и съ кѣмъ хотѣлъ выполнить свое злое намѣреніе, то ему предложили немедленно его раскрыть подъ угрозой жестокой пытки. Напрасно увѣрялъ Лопухинъ, что больше раскрывать ему нечего, напрасно указывалъ на лицъ, имѣвшихъ неосторожность въ разговорахъ съ нимъ сочувствовать его обидѣ за пониженіе, Лиліенфельдовъ. Зыбина, Мошкова, Камынина, Ржевскаго, его раздѣли и подвели къ орудіямъ пытки, и онъ въ страхѣ повторилъ свои показанія, приплетая новыя подробности: поносительныя слова объ императрицѣ слышалъ отъ родителей; отъ матери слышалъ о принцессѣ Аннѣ, о замыслахъ Ботты, она же много и часто говорила о томъ и съ Бестужевой; Ботту они хвалили, называли умнымъ... онъ обѣщалъ не жалѣть денегъ, чтобы освободить министровъ Анны Леопольдовны Остермана, Левенвольде и Головкина; Бестужева говаривала Лопухиной: «охъ, Натальюшка, Ботта и страшенъ, а иногда и увеселитъ». 28-го іюля дана была очная ставка Натальѣ Лопухиной съ сыномъ и Бестужевой. 29-го послѣдовалъ указъ о розыскѣ надъ Иваномъ Лопухинымъ: добавочные допросы и очныя ставки съ лицами, оговоренными Лопухиными, въ родѣ Зыбина, Лиліенфельдовъ и многихъ другихъ, были подготовкой къ пыткѣ. Въ ожиданіи ея разбирались письма, отобранныя разновременно у подсудимыхъ. Найдено было среди нихъ четыре, признанныхъ за подозрительныя. Два изъ бумагъ Бестужевой, два—отъ Колычева Камынину, родственнику А. П. Бестужева. По разсмотрѣніи ихъ и допросѣ оказалось, что къ Бестужевой писалъ М. П. Бестужевъ и касались письма ходатайствъ за брата ея—А. Головкина и о деревняхъ его. Колычевъ жаловался Камынину на тоску и скуку гарнизонной службы. 7 августа Трубецкому и Лестоку повелѣно было отобрать портреты императрицы у Лопухиной и Бестужевой, а алмазныя вещи ихъ опечатать. 8 августа допросили привезеннаго изъ Москвы Путятина. Его показанія подтвердили доносъ Бергера. 10 августа почтмейстеру Ашу приказали задерживать и отсылать въ комиссію письма на имя гр. М. Бестужева, его жены, Настасьи Ягужинской, Степана, Наталіи и Ивана Лопухиныхъ, камергеровъ Петра и Якова Балкъ, а также адресованныя Лиліенфельду и князю Гагарину съ ихъ женами, гвардіи офицерамъ: Ивану Мошкову, подпоручику Нилу Акинфіеву, адъютанту Степану Колычеву, князю Ивану Путятину, Михаилу Аргамакову, вице-ротмистру Лиліенфельду, оберъ-штер.-кригсъ-комиссару Александру Зыбину и дворянину Николаю Ржевскому. 10 августа слѣдователи обнаружили, что Иванъ Лопухинъ у присяги при вступленіи на престолъ Елизаветы не присутствовалъ, думая, какъ онъ заявилъ, «что присяга одна и была уже имъ принесена по вступленіи на службу».

11-го августа приступили къ истязаніямъ, подняли Ивана Лопухина на дыбу и дали 9 ударовъ кнута. По указу императрицы его спрашивали, что умышлялъ онъ противъ государыни и наслѣдника, кто были его «согласники» въ поношеніи императрицы и «кто былъ съ нимъ въ намѣреніи къ измѣнѣ». Новаго ничего не узнали: Лопухинъ и такъ сказалъ все, что могъ. Послѣ пытки дали очную ставку съ матерью. 14-го августа допрашивали Степана Лопухина, не добавившаго ничего новаго къ показаніямъ сына и жены; 17 пытали его, продержали на дыбѣ 10 минутъ, Наталью Ѳедоровну и Бестужеву подняли на виску. Лопухина продолжала выгораживать мужа и утверждала, что всѣ ея разговоры съ Боттою шли на нѣмецкомъ языкѣ, котораго онъ не понималъ.

18-го августа комиссія представила императрицѣ докладъ о ходѣ дѣла. Наталья Лопухина оговорила въ сочувствіи ей кн. Е. Черкасскую, гр. П. Салтыкову и М. Наумову. Степанъ Лопухинъ показалъ о непристойныхъ словахъ своихъ насчетъ рожденія Елизаветы и положенія ея въ годъ избранія на престолъ Анны Іоанновны. Затѣмъ комиссія спрашивала рѣшеній императрицы, вносить ли въ генеральный экстрактъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣла показанія и поступки Настасьи Ягужинской, Бергера, Фалькенберга, кн. Сергѣя Гагарина съ женою и адъютанта Камынина. На кн. Гагарина показала Софья Лиліенфельдъ. При нихъ Ботта говорилъ съ сожалѣніемъ о принцессѣ, что она всегда неосторожно жила, слушалась фрейлины Юліи (Менгденъ) и чрезъ то правленіе свое потеряла. Присутствующіе съ нимъ согласились: «совершенная де правда, и сама она пропала и ихъ погубила и въ подо-

зрѣніе Вашему Величеству привела». Бранили придворныхъ; объ императрицѣ говорили: «непорядочно и просто живетъ, всюду и непрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ.» Гагаринъ съ женой отрицали свое присутствіе при подобныхъ разговорахъ, и слѣдователи не дали имъ очной ставки съ Лиліенфельдъ вслѣдствіе ея болѣзненнаго состоянія: она была беременна. Противъ этого мѣста доклада Елизавета собственноручно приписала: «Сіе дѣло мнѣ пришло въ память. Когда оная Лиліенфельтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очную ставкою производить, несмотря на ея болѣзнь. Понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутовъ, и напаче жалѣть не для чего. Лучше чтобъ и вѣкъ ихъ не слыхать, нежели еще отъ нихъ плодовъ ждать». Затѣмъ императрица повелѣла оставить безъ слѣдствія упоминанія подсудимыхъ о фельдмаршалѣ Долгорукомъ до новаго указа о гр. Салтыковой, кн. Черкасской и Наумовой. Бергера и Фалькенберга освободить отъ дѣла, а Ягужинской вписать въ экстрактъ, Камынина вернуть въ полкъ попрежнему, о кн. Гагаринѣ съ женою не вписывать. Показанія его и очная ставка съ Лиліенфельдъ выяснили его непричастность къ разговорамъ съ Боттою и даже непониманіе нѣмецкаго языка, на которомъ они происходили. Очная ставка Лопухиной съ Лиліенфельдъ подтвердили ихъ показанія. Противорѣчій не было. Повидимому, императрица въ глубинѣ души понимала всю слабость и шаткость данныхъ показаній и настаивала на пыткѣ въ надеждѣ получить свѣдѣнія болѣе опредѣленныя и прочныя, поэтому сверху на поляхъ доклада помѣтила: «А что они запирались и въ томъ вѣрить нельзя, понеже, можетъ быть, они въ той надеждѣ были, что только спросятъ, а ничего не сдѣлаютъ, то для того и не хотѣли признаться».

Вечеромъ 18-го августа послѣдовалъ указъ о преданіи суду Ивана Лопухина, его матери Наталіи, отца Степана, графини Анны Бестужевой и другихъ. Для этого составлено было особое собраніе: изъ главнѣйшихъ членовъ Синода, всѣхъ сенаторовъ съ генералъ-прокуроромъ во главѣ и съ добавленіемъ генерала-фельдмаршала пр. Гессенъ-Гомбургскаго, д. т. с. Лестока и гофмаршала Шепелева; изъ девяти персонъ въ рангѣ генералъ-лейтенантовъ, девятнадцати—генералъ-майорскаго и четырехъ ранга гвардіи майоровъ. Это многолюдное судилище собралось 19-го августа въ восьмомъ часу утра въ зданіи Сената, въ девятомъ началось слушаніе экстракта и послѣ обсужденія его въ четыре часа дня заключили сентенцію: согласно ей, всѣ причастные и внесенные въ экстрактъ лица, какъ сознавшіяся въ преступленіи противъ государевой персоны и прочихъ касающихся къ бунту и измѣнѣ дѣлахъ, приговорены къ смертной казни: Степанъ, Иванъ и Наталья Лопухины и Анна Бестужева къ урѣзанію языка и колесованію, Мошковъ и кн. Путятинъ къ четвертованію, Зыбинъ и Софія Лиліенфельдъ къ обезглавленію—послѣдніе четыре за дружбу съ Лопухиными, сочувствіе ихъ рѣчамъ и недоношеніе ихъ замысловъ правительству.

29-го августа послѣдовала высочайшая резолюція на сентенцію особаго собранія для суда надъ Лопухиными и ихъ сообщниками. Императрица рѣшила смягчить его приговоръ. Она признала достаточными слѣдующія наказанія: Степана, Ивана и Наталью Лопухиныхъ и Анну Бестужеву высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языкъ, послать въ ссылку. Ив. Мошкова и кн. И. Путятина высѣчь кнутомъ же, а А. Зыбина плетьми и послать ихъ въ ссылку же; С. Лиліенфельдъ до родовъ наказанія не чинить, а объявить, что ее высѣкутъ плетьми и сошлютъ. Имѣнія преступниковъ конфисковать. Остальные преступники наказаны по сентенціи суда, только Ржевскій записанъ въ матросы, а Н. Ягужинская оставлена подъ домашнимъ арестомъ. 29-го же числа Сенатъ подписалъ манифестъ о винахъ и наказаніяхъ преступниковъ и далъ указъ полицмейстерской канцеляріи оповѣстить населеніе столицы о томъ, что 31 августа на Васильевскомъ Островѣ, передъ зданіями коллегій, въ десятомъ часу утра будетъ чинена экзекуція надъ нѣкоторыми персонами за важныя ихъ вины. Для этой цѣли на Коллежской площади выстроили эшафотъ; въ 11 часовъ дня, назначеннаго для экзекуціи, при многочисленномъ стеченіи народа началась казнь. Первымъ былъ подвергнутъ варварскому наказанію Степанъ Лопухинъ, затѣмъ Наталья Ѳедоровна, Иванъ Лопухинъ, Анна Бестужева и т. д. Наталья Лопухина пробовала сопротивляться палачамъ, но этимъ лишь усугубила ихъ

жестокость. Ее избили до полусмерти и вырѣзали у нея большую часть языка.

Манифестъ о рѣшеніи Лопухинскаго дѣла былъ отпечатанъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и разосланъ Сенатомъ и Синодомъ по всѣмъ населеннымъ областямъ и весямъ Россіи. Послѣ казни подвергшіеся ей увезены были въ деревню за десять верстъ отъ Петербурга и оставлены тамъ для прощанія съ родными. Перваго сентября наказанные преступники были уже въ пути къ мѣсту ихъ ссылки. Въ видѣ особаго милосердія имъ разрѣшили взять съ собою нѣсколько перемѣнъ одежды, бѣлья, обуви и даже сослали вмѣстѣ съ ними четверо слугъ; на содержаніе каждаго изъ нихъ выдавалось по 1 рублю въ день, а для слугъ—по 10 копѣекъ. Ссыльные отправлялись въ Селенгинскъ подъ наблюденіе тамошняго коменданта бригадира Якоби: онъ долженъ былъ получать распоряженія отъ Сената и рапортовать ему обо всемъ.

Лопухинское дѣло, возникшее при участіи иноземнаго вмѣшательства, привлекло къ себѣ вниманіе европейскихъ дворовъ, какъ при началѣ его, такъ и по разрѣшеніи. 31-го іюля французскій уполномоченный въ дѣлахъ д'Аллiонъ доносилъ своему правительству, что наконецъ то онъ испытываетъ удовлетвореніе въ затѣянномъ дѣлѣ, такъ какъ ему удалось погубить или, по меньшей мѣрѣ, свалить Бестужевыхъ. Онъ увѣрялъ, что чрезъ посредство Брюммера и Лестока онъ довелъ до свѣдѣнія императрицы письмо Валори изъ Берлина насчетъ Ботты. Елизавета собралась уже послать при помощи своихъ любимцевъ особо уполномоченное лицо въ Берлинъ для развѣдыванія разглашеній Ботты, какъ Лестокъ открылъ Лопухинскіе замыслы. Французъ безъ обиняковъ аттестуетъ ихъ своему правительству, какъ вполнѣ подготовленный заговоръ противъ императрицы и великаго князя наслѣдника въ пользу принца Ивана. Слѣдствію намѣрены были придать такой характеръ, будто бы этотъ замыселъ исходилъ отъ двора Маріи-Терезіи съ вѣдома и попущенія Бестужевыхъ. Дѣйствіями и словами Лестока и Трубецкого руководилъ якобы Брюммеръ. Онъ намѣревался побудить Елизавету потребовать отъ королевы венгерской полнаго удовлетворенія за поступки ея министра, а отъ прусскаго короля—дружеской услуги въ видѣ немедленнаго удаленія Ботты отъ его двора. Если ликовали французы, то тѣмъ больше имѣлъ основаній быть внѣ себя отъ восторга Фридрихъ II. Положеніе его дѣлъ было таково, что ему нужно было имѣть гарантію въ доброжелательномъ настроеніи Россіи. Онъ готовъ былъ подкупить Бестужевыхъ, уплативъ имъ сумму, превышающую всякую изъ предложенныхъ имъ державами-соперницами, готовъ былъ на все, чтобы погубить ихъ, если они станутъ противъ его плановъ, и вдругъ въ началѣ августа 1743 г. онъ получаетъ письмо Лестока, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его отъ имени императрицы о дѣлѣ Лопухиныхъ и Ботты. О возникновеніи его Мардефельдъ извѣстилъ своего короля еще 25 іюля. Эти новости и значеніе, которое придалъ имъ Фридрихъ II, побудили его немедленно написать Мардефельду нѣсколько писемъ съ наставленіями, какъ воспользоваться Лопухинскимъ дѣломъ для вящшаго торжества Пруссіи. Фридрихъ трактовалъ его, какъ революцію, т. е. полную перемѣну политическаго курса и смѣну министровъ. Для полнѣйшаго же торжества своего дѣла онъ посылалъ своимъ доброжелателямъ въ Россіи новыя увѣренія въ благорасположеніи, а самой императрицѣ изъясненія въ дружбѣ, ненависти къ Боттѣ и его друзьямъ и выраженія презрѣнія къ ихъ розсказнямъ и предпріятіямъ. Для доказательства же своего вниманія къ интересамъ Елизаветы онъ препроводилъ ей рядъ совѣтовъ, какъ оградить свой престолъ отъ покушеній въ пользу Брауншвейгской фамиліи. Но Фридриху вскорѣ пришлось разочароваться. Ему не только не удалось повредить при помощи Лопухинскаго дѣла интересамъ Австріи и Англіи при русскомъ дворѣ, но еще пришлось выгораживаться отъ соучастія въ замыслахъ Ботты: въ показаніяхъ Ивана Лопухина и Натальи Лопухиной не разъ повторяется фраза о томъ, что Ботта обѣщалъ помочь принцу Іоанну при содѣйствіи войска прусскаго короля, и вообще Ботта выражался, по словамъ подслѣдственныхъ, такъ, какъ будто имѣлъ отъ прусскаго короля какія-то полномочія. Насчетъ же Австріи и королевы — умалчивалъ. Въ этомъ смыслѣ ихъ показанія понимали и Лестокъ, и Трубецкой, хотя первому изъ нихъ, пенсіонеру Фридриха, очень бы не хотѣлось этого слышать. Только послѣ многихъ усилій, немедленнаго удаленія изъ Берлина Ботты, ну-

темъ хлопотливой и долгой переписки съ Петербургомъ удалось Фридриху изгладить непріятное впечатлѣніе, оставленное этимъ обстоятельствомъ дѣла Лопухиныхъ. Еще труднѣе было уладить осложненія между русскими и дворомъ Маріи-Терезіи венгерской. Ботта, по словамъ д'Алліона, увязъ въ этомъ дѣлѣ по шею. По настояніямъ Лестока между дворами началась непріятная дѣловая переписка. Елизавета обвиняла Ботту въ покушеніи на государственное преступленіе. Марія-Терезія всячески выгораживала своего министра. Въ Вѣну былъ посланъ особый экстрактъ съ изложеніемъ обвиненій австро-венгерскаго посланника, но королева находила, что не можетъ осудить такую важную и знатную персону, какъ маркизъ Ботта, не считаясь съ законами своей страны, на основаніи обвиненій только одной стороны, и желала выслушать его оправданія. Елизавета обидѣлась не на шутку и заявила, что въ этомъ спорѣ съ одной стороны—венгерскій посланникъ, съ другой—Императрица Всероссійская: «Мы и марки де Ботта—кажется, партія не равна»; но дѣло осложнялось, затягивалось, и неизвѣстно, чѣмъ бы окончилось, если бы не всѣ общеизвѣстныя тяжелыя политическія обстоятельства, которыя дѣлали для Маріи Терезіи необходимымъ самый тѣсный союзъ съ Россіей. Во имя его приходилось идти на всѣ уступки. Ботта былъ признанъ виновнымъ и заключенъ въ крѣпость Грецъ. Императрицѣ Елизаветѣ было предоставлено назначить срокъ его заключенія. 17-го августа 1744 г., по распоряженію ея, А. П. Бестужевъ заявилъ послу Маріи-Терезіи, что государыня «все это дѣло предаетъ забвенію». Ботта былъ освобожденъ. Много лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ, вспоминая о своемъ заключеніи, Ботта не находилъ его безвиннымъ и не упрекалъ уже покойную Елизавету. По всей вѣроятности онъ сознался, что его преступная берлинская болтовня была причиной гибели многихъ людей, и ихъ страданія мучили его совѣсть.

Враги Бестужева могли, правда, первое время увѣрять самихъ себя и другъ друга, что достигли блестящей побѣды, но очень скоро убѣдились въ ея призрачности. Имъ удалось добиться ареста Михайла Петровича Бестужева, они внушили императрицѣ временное недовѣріе къ вице-канцлеру, но когда вскрылась вся ничтожность вины Лопухиныхъ, полная непричастность Бестужевыхъ къ нихъ, якобы преступнымъ замысламъ, клеветникамъ пришлось замолчать. Зато наученный этимъ вице-канцлеръ насторожился больше прежняго и сталъ еще внимательнѣе накапливать матеріалы для будущаго, уже окончательно губительнаго нападенія на своихъ враговъ. Въ числѣ ихъ значится и «перлюстрація по дѣлу Ботты», которою онъ позднѣе наглядно показалъ императрицѣ, до какой силы и наглости доходило иностранное вмѣшательство въ русскія внутреннія дѣла. 1-го сентября наказанные и измученные участники Лопухинскаго дѣла уже были въ пути къ мѣсту заключенія. Наталью Ѳедоровну съ мужемъ везли въ Селенгинскъ. Ихъ сопровождалъ грубый и пьяный офицеръ, производившій по пути массу безчинствъ, дракъ и т. п. безобразій, за которыя его въ пути же смѣнили и отвезли для суда въ Петербургъ. Томительно долго тянулся путь до Селенгинска. Осенняя распутица дѣлала дороги почти непроѣзжими. Суровая инструкція мѣшала возможности какъ бы то ни было облегчить тягость пути. Только къ январю 1744 г. прибыли сосланные къ мѣсту своего постояннаго заключенія и были «поселены на особливой опредѣленной квартирѣ подъ неослабнымъ карауломъ». Начальникомъ его назначили прапорщика Якутскаго полка Алексѣя Ангусаева, повидимому добраго и честнаго человѣка. Впрочемъ, врядъ ли у него и было много причинъ для проявленія злобы противъ заключенныхъ. Тяжелая обстановка слѣдствія, суда, наказанія и ссылки для пожилыхъ и утомленныхъ жизнью Лопухиныхъ была очень тяжела и сломила ихъ. Ежемѣсячные рапорты Ангусаева съ 13-го января 1744 и по 1750 г.г. слово въ слово тожественны: арестанты со служителями состоятъ въ добромъ здравіи... 1-го мая 1748 г. онъ прибавилъ: «токмо изъ помянутыхъ арестантовъ Степанъ Лопухинъ сего года марта 1-го числа и по нижеписанное число (1-ое мая) одержимъ болѣзнію ножною». 6-го іюля 1748 г. Лопухинъ отъ этой болѣзни умеръ, а Наталья Ѳедоровна со слугами осталась подъ тѣмъ же карауломъ. Въ 1750 г. скончался Ангусаевъ. Его смѣнилъ безграмотный и грубый С. Черепановъ, вскорѣ смѣщенный «за болѣзнью и не

состояніемъ». Это «несостояніе» выразилось въ пьянствѣ, буйствѣ, «шумствѣ» и еще какихъ то проступкахъ, повлекшихъ за собою слѣдствіе и судъ надъ Черепановымъ. 4-го марта 1753 г. Наталья Ѳедоровна заявила желаніе отдать одного изъ своихъ крѣпостныхъ за непослушаніе въ солдаты, но Сенатъ, до котораго довели о ея желаніи, ей въ этомъ отказалъ, а приговорилъ бить слугу батогами. Впрочемъ, ко времени прибытія сенатскаго указа, Лопухина уже простила слугу и оставила его при себѣ безъ наказанія. Въ іюлѣ 1755 г. начальникомъ караула назначили сержанта Расхвалова. 12-го сентября 1756 г. Наталья Ѳедоровна заявила ему о своемъ намѣреніи перейти въ православіе. Трудно судить, что побудило ее къ этому, но весьма вѣроятно, что ею руководила жажда религіознаго утѣшенія. Въ Селенгинскѣ она была лишена возможности посѣщать протестантскую церковь и встрѣчаться съ пасторомъ за отсутствіемъ того и другого. Переходъ въ православіе вводилъ ее въ число прихожанъ Селенгинска. Сержантъ Расхваловъ послалъ ея ходатайство бригадиру Якоби, а тотъ отправилъ его въ Сенатъ. 17-го декабря 1756 г. императрица лично въ Сенатѣ выслушала доношеніе Якоби и, разрѣшивъ Лопухиной принять православіе, приказала сообщить Синоду для надлежащаго распоряженія. Сенатъ предлагалъ Синоду, «когда кто изъ духовныхъ персонъ къ тому назначенъ и опредѣленъ будетъ, то оному бригадиру и Селенгинскому коменданту Якобію приказать допустить, токмо притомъ съ крайнимъ смотрѣніемъ и наблюденіемъ, дабы отъ нея никакихъ постороннихъ рѣчей употребляемо, также иногда какихъ писемъ сообщено не было». Указъ этотъ дошелъ до Якоби только 2-го іюля 1757 г. 21-го іюля въ полковой церкви Якутскаго полка произошло самое крещеніе. Таинство совершалъ полковой священникъ Яковъ Ѳедоровъ; изъ постороннихъ никто не былъ допущенъ. Присутствовали поручикъ Власовъ, находящійся при исполненіи у Якоби секретныхъ дѣлъ, и караульный при Лопухиной, сержантъ Свирскій. Единовременно съ Натальею Ѳедоровой приняла православіе ея служанка. При крещеніи Лопухиной оставлено ея прежнее имя Наталія. Указомъ 20 января 1761 г. Петръ III предписалъ Наталью Лопухину изъ ссылки возвратить и жить ей въ деревняхъ. Еще болѣе милостиво отнеслась къ ней императрица Екатерина II. Указомъ 22 іюля 1762 г. она возвратила ей Гуслицкую волость Московскаго уѣзда, принадлежащую до конфискаціи Степану Лопухину, и разрѣшила ей жить въ городѣ Москвѣ. Изнуренная долгой ссылкой, лишеніями и тяжестью обратнаго изъ Сибири пути Лопухина прожила здѣсь недолго и умерла 11 марта 1763 г. Она погребена въ Москвѣ въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ.

Свѣдѣнія о Лопухиныхъ: Натальѣ, Степанѣ и Иванѣ. Государственный Архивъ. Спб. Слѣдствіе, судъ и ссылка въ Сибирь обвиняемыхъ въ оскорбленіи Величества Степана, Ивана и Натальи Лопухиныхъ и т. д. ч. I, II, III. О конфискаціи и завѣдываніи ихъ имуществомъ. Дѣло о содержаніи подъ стражею въ Селенгинскѣ Степана и Натальи Лопухиныхъ, о смерти перваго изъ нихъ и по принятіи православія второю. Допросы и отвѣты С. Лопухина въ 1741 г. и другія бумаги, касающіяся Лопухиныхъ.—«Наталья Ѳедоровна Лопухина. 1699—1763 г.г. Исторической очеркъ. Не подписанъ. (М. Семевскаго) («Русская Старина» 1874 г., т. XI и 1875, т. XII).—*Лобановъ-Ростовскій*, «Участники въ дѣлѣ Лопухиной («Русская Старина» 1875, томъ XII).—*М. Семевскій*, «Н. Ѳ. Лопухина. 1699—1763» («Русскій Вѣстникъ» 1860 г., кн. 17)—Архивъ Воронцова. По указателю. Архивъ Воронцова, кн. II. Перлюстрація писемъ о заговорѣ М. Ботты.—Сборники Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. По указателямъ. Томы XCIX, CV.—Politische Correspondenz Friedrich des Grossen. Tm. II—III.—*Соловьевъ* С., «Исторія Россіи». Кн. IV и V.—*Карабановъ*, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII ст.» («Русская Старина» 1870 г.). — *Барановъ*, «Опись Сенатскаго архива».—Полное собраніе законовъ.

В. Фурсенко.

Лопухина, *Прасковья Ивановна*, дочь полковника Левшина и жены его, рожденной княжны Львовой, была первой женой генералъ-маіора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина; отъ этого брака она имѣла трехъ дочерей, и старшая изъ нихъ Анна, впослѣдствіи княгиня Гагарина, пользовалась большимъ расположеніемъ императора Павла I. Прасковья Ивановна умерла очень рано, а потому о ней сохранилось очень мало свѣдѣній, и ей не пришлось быть свидѣтельницей возвышенія своей семьи. По словамъ князя Долгорукова, автора «Капища моего сердца», она была очень милой и симпатичной женщиной.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. II, № 17.—

Кн. И. М. Долгорукій, «Капище моего сердца». («Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. Рос.», 1872 г., мартъ, № 4). *Ал. Гельвихъ.*

Лопухина, свѣтлѣйшая княжна *Прасковья Петровна*, по мужу графиня Кутайсова, родилась въ 1780 г. Будучи младшей сестрой княгини Анны Петровны Гагариной, извѣстной фаворитки императора Павла, Лопухина, въ періодъ особенно сильнаго вліянія сестры при Дворѣ, снискала также расположеніе государя, который пожаловалъ ее въ фрейлины и выдалъ замужъ за старшаго сына своего любимца, графа Кутайсова, Павла Ивановича. Свадьба состоялась при дворѣ 28 мая 1800 г. Позднѣе графиня Кутайсова была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса. Скончалась она въ глубокой старости 25 апрѣля 1870 г. и похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 56. *Ал. Гельвихъ.*

Лопухинъ, *Авраамъ Васильевичъ*, поэтъ и переводчикъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія, род. 18 января 1774 г., дѣятельно сотрудничалъ въ современныхъ ему изданіяхъ «Ипокренѣ», «Новостяхъ», «Рус. Литер.», «Другѣ Просвѣщенія» и др. Какъ поэтъ, Лопухинъ обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ и обратилъ на себя вниманіе такихъ писателей, какъ Жуковскій. Какъ переводчикъ, Лопухинъ зарекомендовалъ себя поэмой «Сусанна»—Мертгена (Спб. 1791 г.) и нѣсколькими небольшими стихотвореніями. Умеръ онъ 19 февраля 1835 года.

Изъ другихъ его трудовъ извѣстны: «Письмо къ двумъ дѣвицамъ» («Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій» 1792 г., часть VI); «Изображеніе потопа», пер. съ франц. (ib., 1792 г., ч. VII, стр. 113); «Жизнь Зопилова», пер. (ib., 1792 г., ч. VIII); «Дессертъ Сократовъ», перев. (ib., 1892 г., ч. VIII); «Мадригалъ Петру Великому» (ib., 1793 г., ч. X); «Селико африканскій», повѣсть, пер. (ib., 1793, ч. X); «Могущество любви» стих. (ib., 1793 г., ч. XI); «Сила поцѣлуя», стих. (ib., 1793 г., ч. XII); «Абенаки, примѣръ чувствительн. индѣйцевъ» (ib., 1793 г., ч. XII); «Вздохъ подругѣ», стих. («Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1795 г., ч. VIII); Пѣсня: «Нѣтъ мнѣ нужды, что природа»... (ib., 1795, ч. VIII); «Мечтающій» (ib., 1796 г., ч. XII): «Боги», стих. (ib., 1796, ч. XII); «Къ природѣ» («Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній», кн. I, 1796 г.) и «Весеннее утро», стих. (ib., 1796 г., кн. I).

Геннади. «Справочный словарь о рус. пис. и ученыхъ», т. II, стр. 257.—*Неустроевъ*, «Указ. къ рус. повремен. изд. и сборн.» Спб. 1898 г., стр. 351.—*Его же*, «Историч. розысканіе о рус. повр. изд. и собрн.». Спб. 1875 г., стр. XLVIII.—«Московск. Некроп.», т. II.—«Молва» 1835 г., № 9.

Ал. Ельницкій.

Лопухинъ, *Авраамъ Никитичъ*, думный дворянинъ, сынъ Боровскаго воеводы, умершаго въ 1615 г.; въ 1645—47 г.г. самъ былъ воеводой въ Лихвинѣ, затѣмъ много лѣтъ служилъ головою московскихъ стрѣльцовъ, принималъ участіе въ войнѣ съ Польшей за Малороссію и въ 1655 г., вмѣстѣ съ другимъ стрѣлецкимъ головою Логиномъ Оничковымъ, прославился упорной защитой Могилева отъ приступовъ гетмана Радзивила. Осада затянулась на двадцать недѣль; осажденные терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и водѣ; нужда была настолько велика, «елико многіе ѣли кобылятину, а воду пили съ навозу». Находившійся въ городѣ полковникъ-шляхтичъ Поклонскій перешелъ на сторону непріятеля, и оборона всецѣло перешла къ московскому гарнизону. Шесть разъ польскія войска приступали къ Могилеву и каждый разъ безуспѣшно; наконецъ, 9-го апрѣля, ночью имъ удалось взорвать три подкопа, но четвертый завалился и подавилъ непріятеля; тогда осажденные сдѣлали вылазку и побили многихъ ратныхъ людей. Послѣ этой неудачи гетманъ 1-го мая снялъ осаду съ Могилева и отступилъ къ Березинѣ. Личное расположеніе Нарышкиныхъ къ А. Н. Лопухину приблизило его ко двору, и въ день бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной Лопухинъ занималъ почетное мѣсто за поставцомъ царицы, а въ 1672 г., по случаю рожденія царевича Петра Алексѣевича, пожалованъ былъ въ думные дворяне. Начиная съ этого времени Лопухинъ уже постоянно находился при царицѣ, разсылалъ отъ ея имени «звары, коврижки и подачи съ кубками» мамамъ и боярынямъ и управлялъ мастерскою палатою государыни. Въ послѣдній разъ имя А. Н. Лопухина упоминается въ 1682 г., когда онъ подписалъ актъ объ уничтоженіи мѣстниче-

ства третьимъ изъ 19-ти думныхъ дворянъ. Скончался онъ въ монашествѣ съ именемъ Александра 2 августа 1685 г.

Въ родословной росписи Лопухиныхъ у Авраама Никитича значится 6 сыновей: Петръ Большой, Петръ Меньшой, Иларіонъ, Козьма, Василій и Сергѣй.

Н. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб., 1859 г., т. VI, гл. I, стр. 9—10. – *С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. товар. «Общ. польза», кн. 2, стр. 1675—1678.—Акты Археогр. Экси., т. IV, стр. 128.—Допол. къ Ак. Истор., т. VI, стр. 98—101, 106, 240.—Дворц. Разряды, т. III, стр. 640, 879, 889, 1040, 1413.—«Памятники диплом. сношеній древ. Россіи», Спб., 1858 г., т. III, стр. 686, 693, 699, 707, 709, 729.—*Туманскій*, «Россійск. Магаз.», 1793 г., II, стр. 394.—*А. Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.», Спб., 1902 г., стр. 128.—«Московскій Некрополь». Изд. вел. кн. Ник. Мих. Спб. 1908 г.

А. Гельвихъ.

Лопухинъ, *Авраамъ (Абрамъ) Ѳедоровичъ*, родной братъ первой супруги Петра Великаго, Евдокіи Ѳеодоровны; въ 1697 г. въ числѣ прочихъ 50-ти комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ посланъ былъ царемъ за границу, въ Италію, для изученія корабельнаго дѣла. Неизвѣстно, какія познанія онъ вывезъ оттуда и гдѣ ихъ впослѣдствіи примѣнялъ; о служебной дѣятельности его не сохранилось никакихъ данныхъ; тѣмъ не менѣе извѣстно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ Москвѣ, особенно среди стараго родовитаго боярства, враждебно относившагося къ Петру, который охотно выдвигалъ новыхъ неродовитыхъ дѣятелей. Въ 1708 г. царю доносили со словъ одного подметнаго письма, что бояре его царскаго указа «такъ не слушаютъ, какъ Абрама Лопухина, въ него вѣруютъ и боятся его. Онъ всѣмъ завладѣлъ: кого велитъ обвинить,—того обвинятъ; кого велитъ оправить, — того оправятъ; кого велитъ отъ службы отставить,—того отставятъ, и кого захочетъ послать,—того пошлютъ». Въ томъ же письмѣ возводились разныя вины на Лопухина; его называли «воромъ», жаловались на то, что за нимъ живетъ «премножество много» бѣглыхъ крестьянъ, наконецъ, сообщали даже о непочтительномъ его отношеніи къ царю и о томъ, что «онъ чаетъ себѣ скораго владычества». Петръ не далъ хода доносу; между тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ той части, которая говорила о значеніи Лопухина, доносъ не былъ лишенъ основанія. Около дяди царевича Алексѣя группировался весь кружокъ предполагаемаго наслѣдника престола; всѣ, недовольные Петромъ, чаяли себѣ лучшаго будущаго при его сынѣ и, желая впредь обезпечить себѣ вліяніе на дѣла, заискивали у Лопухина, да и самъ онъ, вѣроятно, надѣялся на еще большую власть въ будущемъ. Конечно, вполнѣ возможно предположить, что и изъ родственныхъ побужденій онъ входилъ въ интересы своей сестры царицы-инокини, и ея сына, нелюбимаго отцомъ. Какъ бы то ни было, значеніе А. Ѳ. Лопухина въ Москвѣ было очень велико, даже страшный Ромодановскій считался съ его желаніями, и весь кружокъ царевича Алексѣя находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Правда, что при этомъ соблюдалась величайшая осторожность, писали другъ другу чаще всего намеками и письма, по возможности, уничтожали. Когда осенью 1716 г. царевичъ бѣжалъ за границу, Лопухинъ былъ освѣдомленъ о мѣстѣ его пребыванія, втайнѣ, повидимому, сочувствовалъ этому его поступку и, подобно другимъ приверженцамъ Алексѣя, надѣялся что «цесарь отцу его никакимъ образомъ не отдастъ». Но вотъ въ началѣ 1718 г. бѣглеца удалось вернуть въ Москву, и началось громкое слѣдственное дѣло о его побѣгѣ. 10-го февраля, по царскому повелѣнію, бомбардиръ л.-гв. Преображенскаго полка Скорняковъ-Писаревъ пріѣхалъ въ Суздальскій Покровскій монастырь и произвелъ неожиданный обыскъ въ кельѣ царицы-инокини; нѣкоторыя данныя этого обыска навели его на слѣдъ брата царицы и другихъ лицъ, о необходимости ареста которыхъ онъ немедленно донесъ государю, полагая, что «ими многое воровство покажется». Совѣтъ его былъ исполненъ, и Лопухина привлекли къ слѣдствію. Его обвиняли въ томъ, что онъ имѣлъ тайную корреспонденцію съ сестрою и писалъ къ ней о намѣреніи государя неволею постричь царевича, зналъ о побѣгѣ царевича, сочувствовалъ ему и желалъ его воцаренія. Во время перваго допроса 28 февраля Лопухинъ ни въ чемъ не сознался. Между тѣмъ, къ прежнимъ уликамъ его виновности прибавились новыя: пѣвчій царевны Маріи Алексѣевны, Ѳедоръ Журавскій, показывалъ, что Лопухинъ сѣтовалъ съ царев-

ною о тягостяхъ народныхъ и имѣлъ съ нею переписку о царевичѣ; разстрига Демидъ, привлеченный къ розыску, разсказалъ, какъ «года съ четыре назадъ Авраамъ Лопухинъ спрашивалъ его: «будетъ-ли бывшая царица по прежнему и съ сыномъ? А буде государь ее не возьметъ, то когда онъ умретъ, будетъ-ли царицею и съ сыномъ?» Демидъ сказалъ: «Будетъ», на что Лопухинъ замѣтилъ: «Дай, Господи! хотя-бъ послѣ смерти государевой она царицей была и съ сыномъ вмѣстѣ». Обвиняемый сперва запирался и въ томъ, но потомъ на очной ставкѣ сказалъ, что виноватъ: такія слова говорилъ. 1-го марта Лопухинъ «съ виски» повинился и въ прочемъ; несмотря на это, 6-го марта допросъ опять былъ повторенъ: Лопухину дано было 15 ударовъ, послѣ чего онъ сознался, что дѣйствительно желалъ смерти государя и воцаренія царевича. Послѣ этого признанія, такъ какъ слѣдствіе еще не было закончено, Лопухинъ отправленъ былъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, допросы опять возобновились. Приведенный въ застѣнокъ, у дыбы Лопухинъ показалъ, что въ разговорѣ съ цесарскимъ резидентомъ Блеером (Плеромъ) выражалъ надежду на то, что у царевича много приверженцевъ въ Москвѣ и «не безъ замѣшанія будетъ въ народѣ». Изъ показаній другихъ допрошенныхъ подтвердилось, что дядя царевича радовался его побѣгу. 9-го августа допросъ Лопухину производился въ Сенатѣ на очной ставкѣ съ оговореннымъ имъ Казанскимъ ландратомъ Канбаромъ Акинѳіевымъ. 28-го октября Лопухина пытали въ присутствіи сенаторовъ; въ застѣнкѣ въ разспросѣ и съ пытки онъ говорилъ, что вышеупомянутыхъ словъ съ Блеером не говаривалъ, а «затѣялъ на себя напрасно съ страху и не стерпя пытки»; въ этотъ разъ ему дано было 25 ударовъ, а 1-го ноября Сенатъ приговорилъ его пытать «въ перемѣнныхъ словахъ вдругорядь». Но и на этой пыткѣ Лопухинъ «въ словахъ съ Блеером заперся». Наконецъ, 19-го ноября Сенатъ вынесъ Лопухину свой обвинительный приговоръ: «за то, что онъ, Авраамъ, по злонамѣренію желалъ смерти его царскому величеству», радовался побѣгу царевича, «также имѣлъ тайную подозрительную корреспонденцію съ сестрою своею, бывшею царицею, и съ царевною Марьею Алексѣевною, разсуждая противно власти монаршеской и дѣламъ его величества, и за другія его вины, которыя всенародно публикованы манифестами, казнить смертью, а движимое и недвижимое имѣніе его все взять на государя». Казнь совершилась 8 декабря 1718 г. у Троицы на въѣздѣ въ Дворянскую слободу. Лопухину отрубили голову и, воткнувъ ее на желѣзный шестъ, поставили на каменномъ столбѣ у Съѣстного рынка «за кронверкомъ»; тѣло же его, положенное на колеса, до 21 марта 1719 г. оставалось на мѣстѣ казни. Впослѣдствіи онъ былъ похороненъ въ усыпальницѣ Лопухиныхъ Московскаго Спасо-Андроникова монастыря.

Н. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб., 1858—1859 гг., т. II, стр. 315; т. VI, стр. 204, 205, 215—218, 265—269, 617, 618. — *С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. тов. «Общ. Польза», кн. VI, стр. 27, 413, 414, 416, 447, 477, 478, 484—486.— *П. Н. Петровъ*, «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб., 1885 г., стр. 241—242.— *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, Спасо-Андрониковъ монастырь», М., 1842. стр. 32.

А. Гельвихъ.

Лопухинъ, *Василій Аврамовичъ*, генералъ-аншефъ, родной племянникъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, род. 5 августа 1711 г., образованіе получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ армію прапорщикомъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны сражался съ турками подъ знаменами Миниха; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ чинѣ генералъ-маіора, отличался въ разныхъ битвахъ противъ шведовъ, подъ предводительствомъ Лассія. Чуждый придворныхъ интригъ, Лопухинъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ своихъ родственниковъ, почему императрица сохранила къ нему прежнее благоволеніе, пожаловала его генералъ-поручикомъ, орденомъ св. Александра Невскаго (1751 г.) и вскорѣ генералъ-аншефомъ. Въ Семилѣтнюю войну Лопухинъ находился въ арміи графа Апраксина и, командуя лѣвымъ крыломъ въ битвѣ при Гросъ-Эгернсдорфѣ (1757 г.), былъ раненъ тремя пулями и скончался 19 августа. Черезъ 7 лѣтъ (1764 г.) тѣло его привезено было въ Россію и предано землѣ въ Московскомъ Андроніковомъ монастырѣ.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. V, стр. 987, 990, 993.—

«Военный энциклопедическій лексиконъ». ч. VIII, стр. 316—317.

Лопухинъ, *Владиміръ Ивановичъ*, генералъ-поручикъ, двоюродный племянникъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, род. 8 іюля 1703 г., первоначально служилъ во флотѣ и въ царствованіе Петра I участвовалъ въ морской экспедиціи, отправленной въ 1724 г. для торговыхъ оборотовъ въ Кадиксъ. Перейдя затѣмъ съ чиномъ поручика въ пѣхоту, онъ въ 1730 г. произведенъ былъ въ поручики и сражался подъ начальствомъ Ласси въ Польшѣ: первый вступивъ въ Варшаву (1733 г.), онъ освободилъ здѣсь министровъ разныхъ державъ отъ приверженцевъ Станислава Лещинскаго; въ слѣдующемъ году Лопухинъ находился при осадѣ Данцига, а въ 1735 г. участвовалъ въ походѣ русскихъ войскъ за Рейнъ. Съ 1737 г. онъ служилъ подъ начальствомъ Миниха, находился при взятіи Очакова, въ Ставучанской битвѣ и при занятіи Хотина. За проявленную храбрость въ этихъ дѣлахъ былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1741 г. онъ былъ въ походѣ противъ шведовъ и въ корпусѣ вспомогательныхъ войскъ, отправленныхъ императрицею Елизаветою въ Австрію подъ начальствомъ кн. Репнина. Произведенный въ 1755 г. въ ген.-маіоры, Лопухинъ въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ оберъ-комендантомъ въ Кіевъ, а съ 1761 г. присутствовалъ въ Военной коллегіи. При Петрѣ III онъ участвовалъ при осадѣ Швейдница и получилъ чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Анны, а при Екатеринѣ II—орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1763 г. Лопухинъ, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку. Скончался онъ 29 іюня 1797 г.

«Военный энциклопедическій лексиконъ». ч. VIII, стр. 317. *М. П.*

Лопухинъ, *Иванъ Владиміровичъ*, родился 24 февраля 1756 года, въ селѣ Воскресенскомъ, Ретяжи тожъ, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи. Имѣніе это пріобрѣлъ отецъ Л., Владиміръ Ивановичъ (1703—1797 г.г.), въ царствованіе имп-цы Анны Іоанновны на деньги, вырученныя отъ продажи изумрудовъ, доставшихся въ приданое матери Л., Евдокіи Ильиничнѣ (1717—1774 г.г.), отъ ея родителя, управлявшаго при Петрѣ В. таможнею въ Ригѣ, Ильи Исаевича Исаева. Дѣтство свое Л. провелъ частью въ Ретяжахъ, частью въ Кіевѣ, гдѣ Владиміръ Ивановичъ былъ губернаторомъ. «Младенчество мое—пишетъ Л.—было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Русской грамматикѣ училъ меня домашній слуга; по-французски училъ савояръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка; по-нѣмецки—берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать его мнѣ противнымъ, а хвасталъ французскимъ; нѣмецкія книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду и я, выучась только читать по нѣмецки, разумѣть, что̀ читаю на немъ, уже научился больше, нежели черезъ десять лѣтъ,—научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою». За то родители усердно наставляли ребенка «въ честности и благонравіи»; нравственный складъ его былъ таковъ, что «дѣлать удовольствіе людямъ всегда было его страстью»; «будучи еще ребенкомъ,—говоритъ онъ—я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью». «Расположеніе къ милостынѣ» онъ считалъ не добродѣтелью своей, а «природной склонностью, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ». «Природной склонностью» была въ немъ и любовь къ справедливости. «Для меня сдѣлать неправду въ судѣ—писалъ Л.—и не спорить или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть то же, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ, какъ бы сказать, природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою». Слабое здоровье не помѣшало Л. въ отроческіе годы питать страсть къ военной службѣ: сидя дома, онъ «водилъ строи и давалъ баталіи по Пюизегюру и Фоларду», а «кампаніями армій нашихъ противъ турокъ войны, начавшейся въ 1769 году», онъ «такъ горячо занимался, что нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія князя Голицына подъ Хотинымъ». «Хотя почти уже сорокъ лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны,—говорилъ Л. въ 1809 г.—но и теперь, конечно, помню всѣ ихъ числа».

По дворянскому обычаю, онъ записанъ былъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ и въ 1775 году пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ болѣзнь принудила его «цѣлые три года не выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и въ самые хорошіе дни», а затѣмъ еще «года три сряду мучила его лихорадка». «Это время — говоритъ Л.—въ самыя бурныя лѣта молодости было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію». Видя, что военная служба ему не по силамъ, Л. готовился къ гражданской и особенно занимала его часть уголовная; «съ большой прилежностью собиралъ онъ всякія по этой части свѣдѣнія» и, «бывая въ уѣздномъ городѣ у пріятеля своего городничаго, рѣдко выѣзжалъ оттуда [безъ того], чтобъ не побывать въ тюрьмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ». Въ 1782 г. Л. былъ отставленъ «изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи по новымъ учрежденіямъ (1775 г.) Московской губерніи, опредѣленъ былъ совѣтникомъ (впослѣдствіи предсѣдателемъ) уголовной палаты.

Въ судѣ Л. былъ неизмѣннымъ поборникомъ правды и милости, принявъ за правило «лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить». Какъ огня боялся онъ «жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію» и, конечно, не терпѣлъ мздоимства. «Неотступно держась умѣренности въ наказаніяхъ», онъ съ величайшимъ вниманіемъ «старался соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое нарушеніе ихъ вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько же по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею». Отчетливо понимая, какъ важно судьѣ самому вести дѣло, а не полагаться на секретарей, Л. всегда самъ составлялъ «рѣшительное опредѣленіе». Не допуская, чтобы «мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, даже каплей одной вливалось въ наказаніе», онъ ставилъ цѣлью послѣдняго «исправленіе наказуемаго»; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно служить «примѣромъ для отвращенія отъ преступленій». «Все же, превосходящее сію мѣру,—полагалъ Л.—есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютости. Естьли-бъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣры побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни». Горячо возставалъ Л. противъ «наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни и противъ смертной казни». Именно на этой почвѣ и возникли большія неудовольствія между нимъ и московскимъ главнокомандующимъ гр. Я. А. Брюсомъ, котораго возмущала крайняя снисходительность приговоровъ уголовной палаты. Въ маѣ 1786 года Л. былъ «уволенъ съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника». Недоволенъ былъ главнокомандующій и тѣмъ, что Л. принадлежалъ къ обществу «мартинистовъ».

Въ 1779 г., когда переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву Н. И. Новиковъ, основана была по мысли И. Е. Шварца, при участіи князей Н. Н. и Ю. Н. Трубецкихъ, Н. И. Новикова, кн. А. А. Черкасскаго, М. М. Хераскова и др., «Педагогическая семинарія» и положено начало «Дружескому обществу» (открытому оффиціально въ 1782 г.); тогда же ложа «Трехъ знаменъ» П. А. Татищева получила дипломъ отъ главы нѣмецкихъ масоновъ, герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Въ слѣдующемъ 1780 г. основана была въ Москвѣ «тайная и сіентифическая» ложа «Гармонія», въ которую вошли все тѣ же Н. И. Новиковъ, И. Е. Шварцъ и прочіе члены «Дружескаго общества». Масонская и просвѣтительная дѣятельность кружка подвигалась быстро. Въ 1781 году П. А. Татищевъ отправилъ за границу своего сына въ сопровожденіи И. Е. Шварца. Послѣднему даны были отъ «Гармоніи» полномочія, которыми онъ могъ воспользоваться, чтобы войти въ сношенія съ берлинской ложей «Трехъ глобусовъ» и представиться герцогу Фердинанду Брауншвейгскому. Главная цѣль поѣздки заключалась въ томъ, чтобы высшая масонская власть освободила русское масонство отъ подчиненія шведскому. Герцогъ призналъ это подчиненіе недѣйствительнымъ. Въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ главными дѣятелями въ ложѣ «Трехъ глобусовъ», съ І. Х. Велльнеромъ и І. Х. А. Теденомъ. Они объяснили Шварцу, что герцогъ предполагалъ учредить въ Москвѣ два

рыцарскіе капитула, и совѣтовали подождать рѣшенія конвента, который долженъ былъ состояться въ 1782 г. въ Вильгельмсбадѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они предостерегали московскихъ масоновъ отъ «злѣйшихъ враговъ ордена»—иллюминатовъ и, наконецъ, вовлекли Шварца въ свой кругъ избранныхъ братьевъ Златорозоваго креста. Велльнеръ познакомилъ Шварца и съ бар. Шредеромъ, который сталъ агентомъ берлинскихъ розенкрейцеровъ въ Москвѣ. Покидая Берлинъ, Шварцъ получилъ, за подписью Тедена, формальный актъ, предоставившій ему, въ качествѣ единственнаго верховнаго представителя теоретической степени соломоновскихъ наукъ въ Россіи, право давать эту степень испытаннымъ и благочестивымъ братьямъ; ему разрѣшено было также организовать и русское розенкрейцерство, но при строжайшемъ подчиненіи Велльнеру. Шварцъ вернулся въ Москву весною 1782 г. Лѣтомъ состоялся конвентъ въ Вильгельмсбадѣ, и на немъ Россія была признана самостоятельной VIII провинціей. Въ томъ же году скончался московскій главнокомандующій кн. В. М. Долгорукій-Крымскій, и его мѣсто занялъ гр. З. Г. Чернышевъ; московскіе масоны встрѣтили въ немъ друга-покровителя; въ генералъ-адъютанты къ себѣ онъ взялъ И. П. Тургенева, а во главѣ своей канцеляріи поставилъ С. И. Гамалѣя—одинъ былъ въ числѣ учредителей «Дружескаго общества», другой сталъ его членомъ. Согласно рѣшенію Вильгельмсбадскаго конвента организованы были въ Москвѣ капитулъ и директорія VIII провинціи; но должность великаго провинціальнаго мастера осталась не замѣщенной: ее берегли для великаго князя Павла Петровича. Неизвѣстно, когда именно великій князь былъ принятъ въ масонство; по однимъ извѣстіямъ его принялъ принцъ Генрихъ Прусскій въ 1776 г., по другимъ король шведскій Густавъ III въ 1777 г.; возможно, что вступленіе его въ масонство состоялось во время заграничнаго путешествія въ 1781—2 г.г., когда ѣздилъ въ Германію и Шварцъ; какъ бы то ни было, и ближайшіе друзья Павла Петровича—кн. А. Б. Куракинъ, гр. Н. И. Панинъ, С. И. Плещеевъ, кн. Н. В. Репнинъ были масонами, и главной причиной той кары, которая постигла московскихъ масоновъ въ 1792 г., послужила попытка ихъ сблизиться съ великимъ княземъ. Въ 1782 г. никто, разумѣется, не предвидѣлъ этой кары; напротивъ, масонскія работы въ Москвѣ шли въ это время полнымъ ходомъ. Къ концу 1782 г. организованъ былъ Шварцемъ и кругъ розенкрейцеровъ. Въ него вошли князья Н. Н. и Ю. Н. Трубецкіе, кн. А. А. Черкасскій, кн. П. Н. Енгалычевъ, Н. И. и А. И. Новиковы, И. П. Тургеневъ, М. М. Херасковъ, С. И. Гамалѣя, В. В. Чулковъ, А. М. Кутузовъ, И. В. Лопухинъ, врачъ Френкель, купецъ Туссенъ; въ 1783—4 г.г. къ нимъ присоединились бар. Шредеръ, М. И. Багрянскій, Х. А. Чеботаревъ и О. А. Поздѣевъ. Въ розенкрейцеры можно было принимать лишь людей испытанныхъ и выдающихся по своимъ нравственнымъ качествамъ; значитъ, къ концу 1782 г. Л. уже близко сошелся съ кружкомъ Шварца и Новикова. Онъ оказалъ послѣднему и большую матеріальную услугу: на деньги, занятыя у Л., Новиковъ купилъ домъ (близъ Никольскихъ воротъ, на Лубянской площади), въ который перевелъ типографію изъ ея стараго помѣщенія. Л. познакомился съ Новиковымъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ его переѣзда въ Москву; объ этомъ можно догадываться потому, что «въ Университетской типографіи, у Новикова» напечатано въ 1780 г. «Разсужденіе (Л.) о злоупотребленіі разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ». Передъ появленіемъ этой брошюры въ Л. произошла большая перемѣна. «Никогда—говоритъ онъ—не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу (Гольбаха) «Système de la nature», съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги подъ именемъ Устава Натуры (Code de Nature). Я перевелъ этотъ уставъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе—не могъ заснуть ночью прежде,

нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ какъ бы въ очищеніе себя «Разсужденіе о злоупотребленіи разума...» Едва-ли это совпаденіе душевнаго перелома Л. съ переѣздомъ Новикова въ Москву было случайнымъ: «и красивая, и черная тетрадка» были сожжены именно въ то время, какъ оживилась дѣятельность московскихъ масоновъ. «Первыя книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были извѣстная (С.-Мартена) «О заблужденіи и истинѣ» и Арндта «О истинномъ христіанствѣ». Ту и другую высоко цѣнили розенкрейцеры, которыхъ по имени С.-Мартена и называли обыкновенно «мартинистами». Въ 1780 г. напечатанъ былъ и другой трудъ Л., переводъ соч. Юнга «Торжество вѣры надъ любовію» (перев. съ франц.). Чрезвычайно высоко цѣнилъ Юнга ярый розенкрейцеръ и (вскорѣ) близкій другъ Л., А. М. Кутузовъ. Въ 1782 г. напечатанъ былъ (также у Новикова) другой переводъ Л. «Рѣчь Томаса, говоренная въ Академіи французской при вступленіи его въ оную».

По розенкрейцерству ничего нельзя было предпринять безъ вѣдома и согласія Велльнера; поэтому слѣдовало представить въ Берлинъ прошеніе московскихъ братьевъ Златорозоваго креста. Весной 1783 г. послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ «высшихъ начальниковъ» ордена. Въ томъ же году, на основаніи указа о вольныхъ типографіяхъ, члены «Дружескаго общества» открыли двѣ типографіи: одну—на имя Новикова, другую—на имя Л.; третья «тайная», всего изъ двухъ становъ, помѣщавшаяся въ домѣ Шварца, предназначена была исключительно для печатанія масонскихъ книгъ, не поступавшихъ въ продажу. Первая книга, напечатанная въ типографіи Л. въ 1783 г., ясно указываетъ, въ какомъ направленіи пошла дѣятельность мартинистовъ: это—«Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія» (переведена съ нѣмецкаго А. А. Петровымъ, другомъ Н. М. Карамзина). Розенкрейцеры цѣнили эту книгу, какъ руководство для алхимическихъ работъ по добыванію золота и философскаго камня. Затѣмъ (до 1786 г.) здѣсь напечатаны, между прочимъ, «Крата Репоа или описаніе посвященія въ тайное общество египетскихъ жрецовъ», «Химическая псалтырь или философическія правила о камнѣ мудрыхъ» Парацельса, «Должности братьевъ Златорозоваго креста древнія системы, говоренныя Хрисофирономъ (Велльнеромъ) въ собраніяхъ юніоратскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ», «Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ свѣдѣм кмнщкм»; наконецъ, «О заблужденіяхъ и истинѣ или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканія ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности; о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, натурѣ вещественной, о натурѣ невещественной, о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ, соч. философа неизвѣстнаго (С. - Мартена)». Энергично работала и тайная типографія. Здѣсь съ 1783 по 1786 г. напечатаны были: «Духъ масонства Гучинсона, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о масонскихъ таинствахъ», «Простосердечное наставленіе о молитвѣ», «Драгоцѣнный магическій камень, то есть, краткое изъясненіе книги натуры по 7 величайшимъ листамъ ея, въ коей можно читать божественную и натуральную премудрость, внесенную перстомъ Божіимъ», «Новое свѣтило химическое», «Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ его пространствѣ твореніяхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, существѣ и дѣйствіи ихъ», «Колыбель камня мудрыхъ», «Словарь библейный и эмблематическій», «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней Моисеевой философіи, въ ней изъясняется о водахъ, Эдемѣ, о древѣ добра и зла и пр., сочинена аббатами Дюгетомъ и Дисфилетомъ, перев. съ французскаго». Однако не въ изданіи этихъ книгъ заключалась просвѣтительная дѣятельность «Дружескаго Общества»; науки «герметическія» были для московскихъ розенкрейцеровъ на второмъ, а не на первомъ планѣ. Главною цѣлью «мартинистовъ» Л. считалъ изданіе книгъ духовныхъ и наставляющихъ въ нравственности истинно

Евангельской. «Члены общества—говоритъ онъ—упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца по правиламъ науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ... Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно; но простолюдинская пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись, гораздо умнѣе такого смѣха». Мартинисты занимались тѣмъ, «что необходимо нужно для вѣчнаго благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ; единое же заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка, въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему». «Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться; тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна. Помощь ближнему воспитываетъ духъ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство». Такъ писалъ Л. на склонѣ дней; «чтущимъ и любящимъ Бога и любящимъ добродѣтель» посвятилъ онъ и свою первую брошюру. «Создатель Природы все устроилъ къ совершенному для людей благу и сотворилъ ихъ удобными пользоваться онымъ; къ сему потребно токмо, чтобъ они благоразумно собой управляли и чтобъ всѣ свои дѣянія утверждали на добродѣтели,—говоритъ Л. въ «Разсужденіи»,—а безбожные мудрецы отвергаютъ благость Творца и разрушаютъ людское благополучіе». «Въ какое несчастіе — восклицаетъ онъ, обращаясь къ автору «Системы Натуры» и «подобнымъ ему писателямъ»,—повергся бы человѣческій родъ, еслибъ удовлетворилось ваше пагубное желаніе и еслибъ могли подѣйствовать змѣинымъ жаломъ начертанныя книги ваши!» Л. предлагаетъ представить себѣ страну, которую заблужденіе принесло бы въ жертву этимъ писателямъ. Въ ней водворилось бы уныніе, ослабли бы сопрягающія людей узы, поколебались бы вѣсы правосудія. Не видя конца своимъ страданіямъ въ здѣшней жизни, утративъ вѣру въ Бога и въ безсмертіе, люди не могли бы совладать со своими страстями. «Сколь утѣшительно воображать,—пишетъ онъ,—что по окончаніи добродѣтельнаго житія устремишься въ лоно Творца своего. И сея послѣднія надежды желаютъ насъ лишить безбожные мудрецы, стремясь употреблять всѣ способы ядовитаго разума своего на доказательства, что при окончаніи жизни пресѣчется бытіе души, того существа, которое составляетъ все величество человѣка». Сопоставляя систему философовъ, проповѣдь которыхъ вызвала «заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству», съ философіей мартинистовъ, Л. говорилъ (въ старости): «Нашего общества предметъ былъ—добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша,—что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей». Масонство для Л., какъ и для многихъ его современниковъ, было въ значительной степени «модой». Если онъ творилъ много добра и горячо защищалъ справедливость, то не въ силу масонской доктрины, а подъ вліяніемъ своей, какъ онъ выражался, «природной склонности»; можно сказать съ увѣренностью, что и безъ участія въ орденѣ онъ заслужилъ бы имя «благодѣтеля», какое давали ему Жуковскій, Лубяновскій, Невзоровъ и мн. др., свято чтившіе его память. Извѣстно, что для многихъ масонство, особенно въ формѣ розенкрейцерства, было не «модой», а «маской», очень удобной для прикрытія самыхъ темныхъ дѣлъ — грязнаго разврата, ненасытнаго корыстолюбія и жестокаго крѣпостничества; Л не носилъ этой маски: обвиненія въ ханжествѣ или двуличіи, предъявляемыя къ нему врагами мартинистовъ, должны быть рѣшительно отвергнуты, какъ низкая и злостная клевета. Любопытно, что и въ «Запискахъ» Л. масонство стоитъ въ тѣни; на первый планъ онъ выдвигаетъ свои «природныя» склонности, судебную дѣятельность, заслуги передъ монархомъ и родиной. Не высоко онъ ставилъ и свою литературную дѣятельность. «Авторство—говоритъ онъ—не мое ремесло, хотя и не мало разнаго написать на роду своемъ мнѣ случилось. Но я писалъ всегда или по нуждѣ, или

для провожденія времени, для пріятелей, или то, что, казалось мнѣ, можетъ, несмотря на складъ, принести пользу. Правиламъ же писательскимъ я вовсе не поученъ. Я прямой самоучка, и можно сказать, что по грамматикѣ аза не знаю въ глаза». Такъ оно и было въ дѣйствительности: Л., кромѣ трактата о «Внутренней церкви» (1789—1798) да «Записокъ», продиктованныхъ лѣтъ за семь до смерти, не далъ ни одной книги; онъ писалъ коротенькія брошюры и, какъ онъ самъ разсказываетъ, обыкновенно за одинъ присѣстъ, подъ вліяніемъ минуты. Какъ то вздумалось ему переложить стихами «пѣсни Давидовы». «Нашелъ было на меня духъ поэзіи—говоритъ онъ—и я, совсѣмъ не зная ея правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души... Еслибъ ничто не отвлекло меня тогда, отчего піитическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю Псалтырь въ нѣсколько дней; такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха». Столь же внезапно явился на свѣтъ и «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ». Л. разсказываетъ: «Часто бывалъ я тогда (въ 1790 г.) у преосвященнаго Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества; однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ; и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ». Точно также «въ Козловѣ (Евпаторіи) въ половинѣ іюля 1805 г., при прогулкѣ и купаньѣ» набросалъ Л. свое «Замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову du Contrat Social». Внезапно, будто по наитію свыше, явился и «Духовный рыцарь». Сочиненіе это—говоритъ Л.—диковиннымъ случилось образомъ. Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши, тотчасъ я пошелъ прогуливаться. Въ прогулкѣ составился весь планъ; и я съ Покровки, дошедши только до Нюрнбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ осьмушку мелкими литерами». Одна только книга Л.—она же и главная изъ всѣхъ его масонскихъ работъ—появилась послѣ долгаго надъ ней размышленія; это «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели». Она была плодомъ изученія трудовъ С.-Мартена и Я. Бёме; здѣсь собраны и наиболѣе отчетливо выражены мысли Л. о самоуглубленіи; ею какъ бы завершался кругъ работъ Л. въ теченіе того знаменательнаго десятилѣтія (1779—1789 г.г.), которое В. О. Ключевскій называетъ «новиковскимъ» и къ которому онъ относитъ зарожденіе русскаго «общественнаго мнѣнія». «Книгу о внутренней церкви—пишетъ Л.—сочинялъ я въ 1789 году, оправляясь послѣ жестокой болѣзни, и многое изъ нея написано мною карандашемъ въ старомъ саду гр. Разумовскаго, въ которомъ я часто прохаживался. Я писалъ ее для употребленія въ бывшемъ обществѣ нашемъ, и она была въ иной формѣ; особливо первая ея глава. При изданіи же въ печать (въ 1798 г.) перемѣнилъ я ее въ нынѣшнюю форму». Впрочемъ и на этотъ трудъ вдохновили Л. обстоятельства исключительныя. «Неожиданный переломъ болѣзни» своей, «вѣрной предвѣстницы чахотки», которую медики уже и объявили Л., онъ приписалъ «дѣйству силы милосердія Божія, разливающемуся чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовью и на физическую натуру». Л. заболѣлъ въ великій постъ. На страстной недѣлѣ, по семейному обычаю, онъ говѣлъ, но причащаться принужденъ былъ дома. Въ день причастья онъ насилу всталъ съ постели. Между тѣмъ его торопили идти слушать правило. «Все это—говоритъ Л.—тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ правило, пришелъ я въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился я до изступленія; ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія, по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ—синія пятна по-

казывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка: и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена! Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ, въ слезахъ же и рыдая, причащаться и—причастился подлинно. Проводя священника, легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ и, проснушись, почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали, словомъ, я проснулся здоровъ». Вскорѣ пріѣхалъ домашній докторъ и приписалъ выздоровленіе своимъ порошкамъ; «надобно примѣтить,—пишетъ Л.—что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ и всѣ уже тогда давно оставилъ... Поютъ «дивенъ Богъ въ святыхъ Его», но ежели можно осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ». «Для меня сочиненіе сей книги—замѣчаетъ Л. о «Внутренней церкви»—будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ удостовѣряетъ меня въ его пользѣ». Такъ, обратившись въ 1779 г. отъ вольнодумства и матеріализма на путь благочестія и мистицизма, Л. черезъ десять лѣтъ настолько углубился въ себя, что явно «ощущалъ» помощь Божію.

Печатаніе «Внутренней церкви» пришлось отложить по необходимости: по мѣрѣ того, какъ развивалась дѣятельность мартинистовъ, годъ отъ году принимались противъ нихъ все болѣе суровыя мѣры; къ тому времени, когда закончена была первая редакція «Внутренней церкви», тучи сгустились настолько, что надо было думать не о расширеніи дѣятельности, а объ ея ликвидаціи.

Въ февралѣ 1784 г. умеръ Шварцъ. Братья Златорозоваго креста остались безъ управляющаго, а въ теоретическомъ градусѣ не было главнаго надзирателя. Для замѣщенія этихъ должностей требовались инструкціи и согласіе изъ Берлина. Туда поѣхалъ бар. Шредеръ и въ апрѣлѣ послѣдовалъ отвѣтъ Тедена: предписано было втайнѣ учредить директорію изъ трехъ достойнѣйшихъ «мастеровъ»: П. А. Татищева, Н. И. Новикова и кн. Н. Н. Трубецкого, а затѣмъ избрать секретарей и главныхъ надзирателей. Директорія учреждена 30 апрѣля; главными надзирателями были избраны бар. Шредеръ для нѣмецкихъ братьевъ и Л.—для русскихъ. Въ маѣ того же года Л. основалъ ложу «Блистающей звѣзды», а затѣмъ, побывавъ въ Орлѣ, убѣдилъ и тамъ открыть ложу своего пріятеля З. Я. Карнѣева. Бар. Шредеръ, по возвращеніи изъ Берлина, согласно предписанію Велльнера, замѣнилъ Шварца въ орденѣ розенкрейцеровъ. Хотя съ января 1784 г. повелѣніемъ высшихъ масонскихъ властей работы ложъ были пріостановлены, но, въ виду того, что розенкрейцеры составили избранный и тайный кругъ, «молчаніе» это (silanum) ихъ не касалось, и собранія «братьевъ» продолжались. Въ томъ же году, уже по смерти Шварца, учреждена была «Типографическая компанія». Она состояла изъ 14 членовъ съ основнымъ капиталомъ въ 57.500 р., не считая книгъ (на 80.000 р.), переданныхъ въ компанію Н. И. и А. И. Новиковыми; изъ этихъ 14 членовъ 12 были розенкрейцерами; наибольшую сумму (20.000 р.) внесли И. В. и П. В. Лопухины. Управленіе дѣлами было поручено кн. Н. Н. и Ю. Н. Трубецкимъ, Н. И. Новикову, С. И. Гамалѣѣ, И. В. Лопухину, А. М. Кутузову и бар. Шредеру. Тогда-же сдѣлана была попытка организовать два повременныхъ изданія—то были «Избранная библіотека для христіанскаго чтенія» и «Магазинъ свободнокаменьщицкой, содержащій въ себѣ: рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія краткія писанія стихами и прозою»; оба изданія печатались въ типографіи Л.; въ пѣсняхъ заключались похвалы цесаревичу Павлу. «Избранной библіотеки» вышло 3 части (въ 1786 г. она перепечатана въ 2 частяхъ «для бѣдныхъ»), а «Магазина» 2 части (напечатано, но не вышло въ свѣтъ начало 3 части)—на этомъ оба изданія прекратились.

Въ августѣ 1784 года умеръ гр. З. Г. Чернышевъ и его замѣнилъ гр. Я. А. Брюсъ; самое назначеніе гр. Брюса, презрительно относившагося къ масонамъ, не сулило имъ добра. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ ближайшихъ друзей Павла Петровича, кн. Н. В. Репнинъ; онъ былъ принятъ въ теоретичный градусъ. Тогда же бар. Шредеръ купилъ огромный домъ Гендрикова и, не будучи въ состояніи уплатить всю сумму, передалъ его Т. компаніи. Лѣто, осень и

начало зимы 1785 г. Л. провелъ въ деревнѣ съ отцемъ и братомъ Петромъ Владиміровичемъ (1782—1805), а затѣмъ вернулся въ Москву, гдѣ прожилъ «больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи». Поѣздка бар. Шредера за границу (въ 1785 г.), его свиданіе съ масонами въ Петербургѣ, Дерптѣ и Ригѣ, а затѣмъ сношенія въ Берлинѣ съ Вельнеромъ, который состоялъ въ оживленной перепискѣ съ кн. Н. В. Репнинымъ и возлагалъ большія надежды на участіе цесаревича въ орденѣ, наконецъ, широкій размахъ, какой получила дѣятельность розенкрейцеровъ, благодаря Т. компаніи— все это вызвало со стороны императрицы какъ бы первыя предостереженія: указами 7 октября и 23 декабря повелѣно было осмотрѣть въ Москвѣ частныя школы и училища (въ томъ числѣ и «новиковскія»), испытать Н. И. Новикова въ православіи и составить роспись его изданіямъ. Въ январѣ слѣдующаго года приняты болѣе строгія мѣры и множество книгъ, напечатанныхъ у Новикова и Л., было конфисковано. Лопухинская и тайная типографія закрылись; замерло и «Дружеское Общество». Нѣсколько спокойнѣе стали чувствовать себя мартинисты, когда въ Москву назначенъ былъ, вмѣсто гр. Брюса, П. Д. Еропкинъ. Большая перемѣна произошла тогда и въ Берлинѣ: въ августѣ 1786 г. скончался Фридрихъ II; его наслѣдникъ, Фридрихъ Вильгельмъ II, назначилъ министромъ Вельнера, къ которому давно уже питалъ безграничное довѣріе. Въ дружескихъ отношеніяхъ съ новымъ королемъ Пруссіи былъ и наслѣдникъ русскаго престола. Въ концѣ 1786 г. снова появился въ Москвѣ кн. Н. В. Репнинъ; съ нимъ близко сошелся Л. и далъ ему званіе «надзирателя». Наконецъ, тогда же черезъ архитектора В. И. Бажанова доставлены были цесаревичу нѣкоторыя изданія Новикова; разговоръ свой съ Павломъ Петровичемъ Бажановъ изложилъ въ особой запискѣ: извлеченіе изъ нея было послано въ Берлинъ. Весною 1787 г. отправились за границу бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ для изученія «герметическихъ» наукъ, а также и для посвященія въ высшія степени. Руководителемъ Кутузова въ Берлинѣ былъ Дю-Боскъ, близко стоявшій къ Вельнеру и Тедену. Въ Петербургѣ, разумѣется, знали и учитывали всѣ эти шаги; въ іюлѣ 1787 г. послѣдовалъ указъ, который долженъ былъ подорвать всю работу Т. компаніи. Новое свиданіе Бажанова съ великимъ княземъ кончилось тѣмъ, что Павелъ Петровичъ совершенно отстранился отъ мартинистовъ. Тѣмъ временемъ послѣдовалъ отвѣтъ изъ Берлина на представленіе о великомъ князѣ, составленное по первой запискѣ Бажанова. Объ этомъ узнала впослѣдствіи императрица. Въ 1788 г. она запретила кураторамъ университета возобновлять контрактъ съ Новиковымъ на типографію; въ концѣ года отношенія съ Пруссіей на столько обострились, что кн. Н. Н. Трубецкой совѣтовалъ А. М. Кутузову покинуть Берлинъ, если начнется война. Слѣдующій годъ оказался для розенкрейцеровъ еще тяжелѣе: общая молва приписывала французскую революцію иллюминатамъ, съ которыми и у насъ, и за границей смѣшивали мартинистовъ; въ іюнѣ императрица приблизила къ себѣ Платона Зубова, относившагося къ масонамъ не только подозрительно, но и враждебно. Въ 1790-мъ году поднялось дѣло Радищева; въ Москву былъ назначенъ кн. А. А. Прозоровскій, онъ установилъ надзоръ за перепиской Кутузова и отсылалъ снятыя въ почтамтѣ копіи въ Петербургъ для представленія императрицѣ; за перепиской слѣдили и въ Ригѣ. Л. зналъ объ этомъ, но «писалъ всегда такъ, какъ бы говорилъ наединѣ въ полной откровенности» и даже воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы «описать все существо и дѣйствіе (ихъ) общества»; «въ одномъ письмѣ—говоритъ онъ—повторилъ я сказанное мною нѣкогда гр. Брюсу, что и государи могутъ ошибаться, и что ежели государыня, не имѣя прямого понятія о какой-нибудь доброй вещи, дурныхъ о ней мыслей, то никакъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ ея заключеніемъ и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ передъ Богомъ и предъ ея собственнымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ она прочитала». Мало того, Л. въ рѣдкомъ письмѣ къ другу не расточалъ похвалъ мудрости и милосердію императрицы, опять таки для того, чтобъ она это прочитала. Съ такою же цѣлью оправдать «общество» онъ составилъ и свой «Катихизисъ». «Переведя его на французскій языкъ—говоритъ Л.—и напечатавъ въ типографіи компаніи нашей, отдалъ я знакомому книго-

продавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ монхъ». Среди вопросовъ и отвѣтовъ о работѣ франкъ-масоновъ встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующіе: «*В.* Какая должность истиннаго ф.-м. въ разсужденіи своего государя? *О.* Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1 Петр., II, 17, 18; Ефес., VI, 5, 7.—*В.* Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ? *О.* Онъ долженъ быть покоренъ высшимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим., XIII, 1—5». «Катихизисъ» охватываетъ весь кругъ обязанностей франкъмасона по отношенію къ ближнимъ, врагамъ, родителямъ, женѣ, дѣтямъ, подвластнымъ и т. д.; его первыя страницы посвящены масонской работѣ, и онъ такъ составленъ, что на первый взглядъ кажется, будто у автора не было никакой посторонней задачи, кромѣ краткаго изложенія масонскихъ истинъ. Но самъ Л. разсказываетъ: «Для того же предмета, для котораго издалъ я свой «Нравоучительной катихизись», заставилъ я написать извѣстную книжку: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ», которая также переведена на французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближній другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ». Изъ письма Л. къ А. М. Кутузову (14 октября 1790) ясно, «на какой предметъ» составлена была эта книжка. Выразивъ свое негодованіе противъ «юродствующей Франціи» и противъ «модной французской философіи», Л. говоритъ: «Зови меня, кто хочетъ, фанатикомъ, мартинистомъ, разпромасономъ, какъ угодно, я увѣренъ, что то государство счастливѣе, въ которомъ больше прямыхъ христіанъ. Они токмо могутъ быть хорошими подданными и гражданами. Недурно сіе предложено въ вышедшей въ нынѣшнемъ году книжкѣ «Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle»? Она здѣсь продается. Писана, видно, масономъ, и прямымъ, ибо онъ все основываетъ на христіанствѣ и хулитъ иллюминатовъ». Къ тому же времени относится и «Духовный рыцарь». Любопытно, что и здѣсь на первыхъ же страницахъ—правила гражданскаго поведенія, которыя долженъ подписать, «клятвенно обѣщая исполнять ихъ наистрожайше», каждый вступающій. Второе правило гласитъ: «Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему Государю, съ особливою обязанностію охранять Престолъ Его, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства, и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ». Четвертое: «Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ Правительствѣ Начальствамъ и примѣрное наблюденіе Законовъ Государственныхъ». Пятое: «Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противуборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности и равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми». — Далѣе Л. излагаетъ масонскій ритуалъ, который, можетъ быть, принятъ былъ въ ложѣ «Блистающей звѣзды», гдѣ онъ состоялъ намѣстнымъ мастеромъ. Едва замѣтны «гражданскіе мотивы» лишь въ третьей масонской книгѣ Л.: «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Главный предметъ ея—возрожденіе или обновленіе въ Іисусѣ Христѣ; главныя же средства на пути къ Божественной жизни—насилованіе воли, молитва, воздержаніе, дѣла любви, поученіе въ познаніи натуры; въ особенности слѣдуетъ воздерживать разумъ отъ стремленія проникнуть въ существо таинствъ, «принадлежащихъ области того царствія, въ которое плоть и кровь не могутъ проникать и которыя открываются единымъ Духомъ Царя и Господа Іисуса». Кромѣ церкви Христовой, есть церковь антихристова; къ ней Л. причисляетъ «духовныхъ сластолюбцевъ, прилежащихъ къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но изъ самолюбія; къ ней же относятся любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленные къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжать грѣховную жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины и въ магнитизмѣ оном, который можетъ учиниться наилучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для

дѣйствій темныхъ силъ». Таковы же и модные философы, которые тщатся доказать, что душа смертна, что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, что христіанство — фанатизмъ; всѣхъ ниже стоятъ гадатели, убійцы, пьяницы, блудодѣи... Отвергая корыстныя занятія тайными науками, Л. допускалъ ихъ изъ чистой любви къ истинѣ. Что же касается познанія натуры и себя, то Л. считалъ весьма полезнымъ «искусство, которымъ просвѣщенные соединяютъ, раздѣляютъ, разрушаютъ существа, развиваютъ ихъ составъ и возвращаютъ въ источныя ихъ стихіи, и при семъ дѣйствіи собственными своими очами созерцаютъ таинства Іисуса Христа, послѣдствіе страданія Его и въ сокращеніи и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствіе Его воплощенія! Се плоды познанія, открываемаго истинною Θеософіею и просвѣщеннымъ созерцаніемъ Натуры»! Книга, по напечатаніи ея въ 1798 г., имѣла большой успѣхъ у насъ и за границей. «Очень умножилось удовольствіе» Л., благодаря одобренію Эккартсгаузена. «который называлъ сію книгу драгоцѣнною и истинною мудростью исполненною». Для такого рода книгъ время было неблагопріятное. Дѣла компаніи шли все хуже. Новиковъ замѣтно охладѣлъ къ масонской работѣ или, по крайней мѣрѣ, уклонялся отъ нея. Между друзьями начались размолвки. Бар. Шредеръ, находившійся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ А. М. Кутузовымъ, сталъ врагомъ Новикова изъ-за денегъ, затраченныхъ на покупку дома и вложенныхъ въ капиталъ компаніи, которая не давала обѣщанныхъ доходовъ. Новиковъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Кутузовъ жилъ въ Берлинѣ. Кн. Н. Н. Трубецкой и Лопухинъ упрекали Новикова за равнодушіе къ ордену. Весной 1791 г. императрица послала въ Москву кн. А. А. Безбородка съ такимъ опытнымъ сыщикомъ, какъ Н. П. Архаровъ, и приказала собрать на мѣстѣ точныя свѣдѣнія о мартинистахъ и, въ случаѣ надобности, передать кн. Прозоровскому указъ о слѣдствіи надъ ними. Есть извѣстіе, что Безбородкѣ было не по душѣ гоненіе на масоновъ; воспользовавшись слухомъ, не вполнѣ вѣрнымъ, что Л. сжегъ важнѣйшія бумаги, онъ не далъ хода распоряженію государыни. Осенью поселился въ своей подмосковной кн. Н. В. Репнинъ — тогда онъ еще тѣснѣе сошелся съ Л. Впослѣдствіи, уже по смерти князя, Л. напечаталъ его нравоучительныя статьи (Les fruits de la grâce) и помѣщалъ свои о немъ воспоминанія въ «Другѣ Юношества». Дѣла Т. компаніи пошли такъ плохо, что въ ноябрѣ 1791 г. состоялся актъ объ ея ликвидаціи и передачѣ одному Новикову. Наконецъ, 18 апрѣля 1792 г. кн. А. А. Прозоровскій получилъ указъ объ арестѣ Новикова; болѣе трехъ мѣсяцевъ тянулось его дѣло, и лишь 1-го августа императрица подписала приговоръ о заключеніи его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; 10 августа кн. Прозоровскій вызвалъ къ допросу Л. Князь предлагалъ Л. одинъ за другимъ вопросы, списанные на отдѣльныхъ листахъ; Л. писалъ отвѣты прямо набѣло. «Вопросы — говоритъ онъ — списаны были очень тщательно. Сама государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ ближайшею къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширенія завѣсы. Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ началась эта матерія, и кн. Прозоровскій, отдавая мнѣ его, дрожащею, правда, немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что вы на это скажете»? — «О! на это отвѣчать всего легче», сказалъ я; и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, (что) послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы». Допросъ затянулся до поздней ночи; утромъ Л. опять явился въ кабинетъ князя; тотъ не принималъ никого, даже губернатора; такъ «мы — пишетъ Л. — со лбу на лобъ съ кн. Прозоровскимъ бесѣдовали, по крайней мѣрѣ, часовъ съ двадцать». «Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, — говоритъ Л. — такъ, что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо была самая тяжкая для меня работа. Заключеніе же вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть; писавъ его, я подлинно плакалъ, обливался, можно сказать, слезами, и точно отъ причинъ, въ немъ изображенныхъ». Плакалъ, читая его, и ст. секр. В. С. Поповъ во время доклада Екатеринѣ II; вслѣдъ за нимъ прослезилась и сама императрица. Сверхъ ожиданія, она

рѣшилась освободить Л. отъ ссылки. «Всѣ— пишетъ онъ—удивлялись случившейся со мной перемѣнѣ. Гр. А. Г. Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ—и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила государыни ему очень извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобъ я не имѣлъ при дворѣ сильной партіи. И подлинно, у меня была самая сильная: невинность и Одинъ, сильный ея покровитель».

Еще до окончательнаго разгрома новиковскаго кружка Л. засвидѣтельствовалъ свою благонамѣренность и въ «Нравоучительномъ катихизисѣ», и въ «Духовномъ рыцарѣ», и особенно въ письмахъ къ А. М. Кутузову: чуть не въ каждомъ письмѣ отрекался онъ отъ знакомства и съ Радищевымъ, и съ его книгой; онъ полагалъ даже, что ссылка можетъ принести «нещастному» свою пользу и «поспособствовать ему увидѣть свои заблужденія и обратиться на путь христіанскій». Тѣмъ громче стали благонамѣренныя рѣчи Л. послѣ разгрома; ненависть къ «извергамъ, разбойникамъ, нечестивцамъ и мучителямъ юродствующей Франціи» вдохновили Л. на цѣлый сборникъ (въ 80 страничекъ, изъ трехъ, впослѣдствіи изданныхъ порознь, брошюръ): «Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій». (Писано россіяниномъ, сочинившимъ разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., напечатанное въ 1780 году. Калуга, съ указнаго дозволенія, 1794 года). Посвящая свой сборникъ гр. А. Г. Орлову, «сочинитель» писалъ: «Вашему имени, въ храмѣ славы блистающему, въ знакъ почтенія моего въ великой душѣ Вашей, посвящаю сію книгу, содержащую изліяніе искреннѣйшихъ моихъ чувствій и образъ мыслей моихъ о разныхъ предметахъ. Искренность моя извѣстна Вашему Сіятельству. Вы знаете, милостивый государь, что я или молчу, или говорю то, что думаю. Откровенно называлъ я графа Орлова Чесменскаго героемъ, а неправду неправдою. Я увѣренъ, что Ваше Сіятельство сіе приношеніе мое изволите принять съ обыкновеннымъ Вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, которое тѣмъ больше приноситъ мнѣ чести и удовольствія, что оно, сказать осмѣлюсь, не есть пріобрѣтеніе корыстнаго и ласкательнаго исканія, но безцѣнный даръ чувствованіямъ, нелицемѣрно чтущимъ отличающее Васъ великодушіе и подвиги славные и для отечества полезные». Эпиграфъ для первой брошюры («Благость и преимущество единоначалія») Л. взялъ у Ла-Брюйера: «Всего благоразумнѣе и надежнѣе почитать образъ отечественнаго правленія за самый лучшій и ему повиноваться». Вся книжка представляетъ собою сплошной панегирикъ «единоначалію» и его мудрой носительницѣ Екатеринѣ II. «Вся вселенная должна признать,— по мнѣнію сочинителя — что преимущественно блистающій свѣтомъ славы и человѣколюбія монаршій престолъ Россійскій паче всѣхъ озарилъ человѣчество спасительными милосердія лучами». «А вы, варвары, расторгшіе спасительныя узы законной священной власти, и покорившіе себя нечестивому самовластію многоглавнаго чудовища звѣрскихъ тирановъ,—грозитъ онъ революціонерамъ — трепещите побѣдительнаго Екатеринина скипетра. Нещастные, трепещите или паче жаждите ея мудраго предначертанія, могущаго сокрушить адское ваше зданіе, всѣ ваши ковы развѣять, яко прахъ—и прогнать тьму, васъ ослѣпляющую». Въ другой брошюрѣ («Изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами») Л. восклицаетъ: «Равенство! свобода буйная! мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія; распложденныя безумными писаніями нечестивыхъ татей философскаго имени, адскимъ пламенемъ стремящихся отвращать взоръ человѣческій даже отъ тѣни пресвѣтлаго Софіина лица. Мечты, соблазнительныя умамъ слабымъ, сердцамъ развращеннымъ»! «Мечты пагубныя! — пишетъ онъ далѣе—вы воплотилися въ тигровъ, и въ нихъ свирѣпствуете на престолахъ мерзости и запустѣнія, плавающихъ по моремъ крови, ими проліянной... Дерзость, безстыдство, лютость паче звѣрской и жало сатанинскаго остроумія составляютъ качество сонмища мучителей, весь народъ мерзостью своею печатлѣющаго... Огнь, развратомъ, вольнодумствомъ, невѣжествомъ, зломышленниками возженный, огнь, тлѣвшій сокровенно въ тѣлѣ нещастнаго народа, вдругъ воспылалъ, и все тѣло объято стало высочайшей степени болѣзнію души... Нещастные! буйствуя

мнимую обрѣсти свободу, двигнулись вы расторгнуть мечтательные предѣлы неволи, вы сокрушили стѣны единой изъ темницъ, по нещастію необходимыхъ при бѣдственномъ развращеніи рода человѣческаго!.. Все намъ вопіетъ о естественности неравенства. Все намъ возвѣщаетъ необходимость, пользу подчиненія и власти, коихъ взаимное дѣйствіе есть душа порядка... Божественное единство, вселенною управляющее, освящаетъ свое подобіе въ земныхъ Царяхъ и величествомъ ихъ вѣнчаетъ»... Изобразивъ, «коль красное, коль восхитительное добрый Монархъ являетъ зрѣлище», авторъ замѣчаетъ: «Есть свобода истинная живоноснымъ древомъ добродѣтели раждаемая и священною властію Царей и законовъ даруемая... Священная власть Царская, власть законодательная, полагаютъ на землѣ предѣлы свободы. Право дѣйствовать во всемъ предѣловъ сихъ пространствѣ, есть одна истинная вольность въ благоучрежденныхъ человѣческихъ обществахъ». Въ третьей брошюрѣ («Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствія и на слѣпоту развращенныхъ французовъ») Л. высмѣиваетъ нѣкоего философа, который началъ свое сочиненіе такъ: «Вѣрное средство устроить благополучную республику, въ которой бы вездѣ, безъ малѣйшаго нарушенія, все шло по законамъ, всѣхъ бы воли какъ одна были, и»... «перо притупилось: онъ чинитъ его, не умѣетъ очинить по рукѣ, и сердится, что никогда еще не могъ и съ перомъ сладить». Въ другомъ отрывкѣ Л. говоритъ: «Адскій духъ мятежничества, волнуясь въ груди одного гражданина, болѣе заражаетъ атмосферу тишины и благоденствія общаго, нежели тысячи злоупотребленій, неистребимыхъ при сродномъ заблужденіи людямъ». Мысли свои о монархіи и республикѣ Л. изложилъ также въ «Отрывкахъ», написанныхъ въ 1794 г. и, съ нѣкоторыми дополненіями, перепечатанныхъ въ «Другѣ Юношества» 1808 г. «И здравый разсудокъ, и свидѣтельство мудрѣйшихъ, и опыты многихъ вѣковъ—говоритъ онъ—доказываютъ, что единоначаліе или монархическое правленіе есть лучшій образъ правленія въ области обширной. Республика истинно хороша быть можетъ тамъ, гдѣ бы большая часть составляющихъ общество были здравомыслящіе и любящіе добродѣтель. Въ такомъ обществѣ превосходно бы дѣйствовала сумма душъ добрыхъ; слѣдовательно, господствовалъ бы тамъ всегда голосъ добраго намѣренія. Гдѣ-жъ такое общество на землѣ?.. Лучшіе законы суть написанная бумага—и больше ничего; нужно, чтобъ исполняющіе ихъ и исполнять заставляющіе, любили ихъ содержаніе и цѣль, т. е. добро... Лучше терпѣть величайшее притѣсненіе и тиранство, нежели возмущаться и частнымъ людямъ предпринимать перемѣну правленія... Можетъ-ли не чрезъ законные пути и не имѣющими на то права производимая перемѣна въ правленіи происходить безъ возмутительнаго духа, разливающаго на всѣ души лютость, своеволіе, необузданность?.. Каждому государству наблюдать должно свою общественную пользу истинную, т. е. чтобъ единственнымъ въ ней основаніемъ было общее того гусударства благо, въ которомъ бы послѣдній пастухъ, по мѣрѣ своего состоянія, такимъ же воспользовался участіемъ, какъ и первый вельможа по мѣрѣ своего. Вотъ возможное равенство въ благосостояніи гражданскомъ, по пристойности чинамъ и степенямъ, а не то мечтательное равенство, которое буйство столько бѣдствій въ Европѣ приключило». Въ томъ же 1794 г. Л. въ восемь дней написалъ драму въ 5 дѣйствіяхъ: «Торжество правосудія и добродѣтели или добрый судья». Драматургомъ Л. и самъ себя не считалъ; онъ находилъ, однако, что если его пьеса не годилась для сцены, то «чтеніе ея можетъ быть не безполезно, и правила и чувствованія, которыми она исполнена, не могутъ сдѣлать стыда сочинителю». Въ брошюрахъ шла рѣчь о буйствѣ революціонеровъ, въ драмѣ бичуются нравы и литература. Въ пьесѣ есть, между прочимъ, такая сцена: барышня (Милонрава) читаетъ и сердится на горничную (Машиньку), которая мѣшаетъ ей своей болтовней. «*Б.* Какая ты болтунья, Машинька! Не мѣшай мнѣ, пожалуйста! *Г.* Вертела-то читать?—*Б.* Тьфу ты какая, Машинька, перестань, пожалуйста!—*Г.* Да, я таки этой книги терпѣть не могу. *Б.* Скучно: какой? *Г.* Будто я не знаю, сударыня, какую вы читаете. Это Вертель? *Б.* Какой Вертель—ха, ха. ха!—Вертеръ. *Г.* Ну, я не знаю, сударыня, Вертель ли она, Вертинъ; только знаю, что ежели

барышнѣ моей пропадать, такъ отъ нея. да еще отъ Плапзы, какъ ли она называется». Нѣтъ сомнѣнія, что простодушная Машенька выразила взглядъ самого автора на развращающее вліяніе и «Вертера», и «Элоизы». Въ 1780 г. на 20 страничкахъ малаго формата Л. выступилъ противъ Гольбаха, Д(идро) и «подобныхъ имъ писателей»; четверть вѣка спустя, на такихъ же 20 страничкахъ онъ ополчается противъ «Общественнаго договора» въ своемъ «Замѣчаніи на извѣстную книгу Руссову du Contrat social». Опровергнувъ «мудрованія Руссовы», Л. спрашиваетъ въ заключеніе: «Гдѣ же земли христіанскія, коихъ всѣ обитатели были бы истинные христіане духомъ и дѣлами? Тамъ не было бы грабежей, раздоровъ и убійствъ. Самолюбіе и сластолюбіе тамъ бы не владычествовали: были бы паденія слабости человѣческой, которымъ и праведники подвержены, но не торжествовалъ бы порокъ съ безстыдствомъ и умысломъ. Гдѣ же такія области? Нѣтъ! истинныя сокровища неба на землѣ рѣдки. Подъ непримѣтною корою простоты и презрѣнія отъ міра, они открываютъ въ немъ явленія того златого вѣка, котораго слабыми описаніями одной тѣни мы столько восхищаемся въ пѣсняхъ искуснѣйшихъ піитовъ. Но доколѣ волкъ хищный не взыграетъ съ агнцемъ—нужны для обороны отъ звѣрей оружія, для укрощенія ихъ бичи и путы, нужны — и будутъ». Странныя слова въ устахъ идеалиста и апостола гуманности, какимъ изображаютъ иногда Л.; они покажутся очень обыкновенными, если принять во вниманіе, что черезъ годъ съ небольшимъ тотъ же авторъ (въ донесеніяхъ императору Александру I) выступилъ на защиту дворянскихъ интересовъ и крѣпостного права «для блага отечества».

Всѣ эти мысли и чувства Л. не только излагалъ на бумагѣ; онъ претворялъ ихъ въ жизнь, какъ судья, сенаторъ, какъ государственный и общественный дѣятель: лишь кн. Прозоровскій, да гр. Ростопчинъ, при ихъ крайней подозрительности, могли считать этого благонамѣреннѣйшаго монархиста и патріота опаснымъ заговорщикомъ и врагомъ порядка. Первый изъ нихъ извѣстилъ Екатерину II, будто за ужиномъ 30 человѣкъ бросали жребій, кому изъ нихъ зарѣзать императрицу, и будто жребій палъ на Л.; а второй, видя, какъ близко сталъ Л. къ Павлу I, передалъ императору объ этомъ извѣтѣ и «съ удовольствіемъ замѣтилъ, что нанесъ своимъ разговоромъ смертельный ударъ и Л., и всѣмъ мартинистамъ».

Императоръ Павелъ тотчасъ по вступленіи на престолъ вызвалъ вѣрныхъ друзей своихъ С. И. Плещеева и кн. Н. В. Репнина: ему была извѣстна также старинная и тѣсная связь ихъ съ Л.; по секрету отъ обоихъ государь вызвалъ Л. въ Петербургъ и 4 декабря 1796 г. принялъ необычайно ласково, а на слѣдующій день пожаловалъ въ дѣйств. ст. совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при особѣ Его Величества: «т. о. тогда, какъ и при Екатеринѣ II, и прежде, опредѣлялись статсъ-секретари». «Къ вечеру того же дня—пишетъ Л.—императоръ призвалъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ генер.-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ». Исключительная довѣренность государя къ Л. родила противъ него зависть, «какъ обыкновенно при дворѣ бываетъ». Очень непріятно было нѣкоторымъ то, что Л. стали извѣстны всѣ дѣла по Тайной Экспедиціи и что ему «открытъ былъ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей имперіи, съ правомъ присутствовать при слѣдствіяхъ, въ экспедиціи производившихся». Окружавшимъ государя не нравилась также связь Л. съ княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ; а когда приказано было послать за старинымъ другомъ Л., З. Я. Корнѣевымъ, то «на языкѣ, часто при дворахъ употребительномъ, стали говорить, что Л. подбираетъ себѣ партію». «Корнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ—говоритъ Л.—когда все уже противъ него было настроено; съ того времени государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; главной причиной было затрудненіе, въ которое поставили его противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ и которые ему были больше надобны, нежели я; онъ даже пересталъ говорить со мною». 20 января 1797 г. послѣдовалъ указъ, по которому Л. былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ Московскіе департаменты.

Возвращеніе Л. въ Москву несказанно обрадовало его отца; но радость Владиміра Ивановича была непродолжительна—онъ скончался лѣтомъ того-же года на рукахъ сына. Въ Сенатѣ Л. вѣдалъ уголовныя дѣла и попрежнему возставалъ

противъ жестокихъ наказаній, воюя противъ несчастнаго предубѣжденія своихъ товарищей, которые думали, будто государю угоденъ судъ самый строгій, и заботились лишь о томъ, чтобы выносить самые крутые приговоры. Въ началѣ 1800 года назначены были сенаторскіе осмотры всѣхъ губерній: Л. и М. Г. Спиридоновъ посланы были въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую. Результаты и пріемы вятской ревизіи Л. опубликовалъ въ особой тетрадкѣ подъ заглавіемъ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской губ. въ мартѣ 1800 г.». Императоръ остался очень доволенъ осмотромъ и, прочитавъ донесеніе, тотчасъ приказалъ: губернатора за старостью уволить отъ дѣлъ съ полнымъ пенсіономъ, остальныхъ же вятскихъ чиновниковъ, всѣхъ безъ исключенія, отрѣшить и предать суду. Противъ Л. поднялась цѣлая буря; но скоро удалось ее утишить, смягчивъ гнѣвъ государя. Лѣтомъ того же года была закончена ревизія двухъ другихъ губерній и въ августѣ Л. вернулся въ Москву, гдѣ «безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины императора Павла I».

Въ слѣдующее царствованіе Л. продолжалъ свою службу въ Сенатѣ. Императоръ Александръ послѣ коронаціи передъ возвращеніемъ въ Петербургъ поручилъ Л. съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ «осмотрѣть Слободскую-Украинскую (Харьковскую) губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія». Здѣсь, въ тюрьмѣ уѣзднаго города Богучара, Л. встрѣтилъ однодворца, котораго содержали по обвиненію въ политическомъ преступленіи; а все дѣло заключалось въ недоказанномъ на него извѣтѣ, будто онъ въ кабакѣ произнесъ слова, оскорбительныя для Его Величества; Л. тотчасъ отправилъ представленіе государю объ этомъ дѣлѣ, какъ не заслуживающемъ уваженія, но такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено. Однодворецъ былъ немедленно освобожденъ, сенаторы получили Всемилостивѣйшій рескриптъ и 20 января 1802 года послѣдовалъ указъ, чтобы впредь дѣла такого рода не вершить въ губернскихъ мѣстахъ, а представлять въ Сенатъ. Именно изъятіе подобныхъ дѣлъ изъ вѣдомства губернаторовъ и представлялось Л. необходимымъ. Тогда-же удалось Л. остановить въ самомъ началѣ возмущеніе духоборцевъ и получить согласіе государя на переселеніе ихъ на Молочныя Воды. «Въ публикѣ—пишетъ Л.—иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали. Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія; бранили меня — благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно соблюдаютъ посты, а между тѣмъ готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи-придворнаго; бранили думающіе о себѣ, что они философы, которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта или расколъ, не знаютъ сами хорошенько, какой они религіи; бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ, что такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ за ленточки, изъ за титула какого-нибудь превосходительства и особливо изъ за знатной суммы ходячихъ достоинствъ готовы на все пуститься». Въ виду этихъ нареканій Л. составилъ по дѣлу духоборцевъ особую записку, которую распространилъ въ копіяхъ и послалъ для печати въ «Сіонскій Вѣстникъ» подъ заглавіемъ «Гласъ искренности», при письмѣ 12 іюля 1806 г. (Записка была напечатана лишь въ декабрьской книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» за 1817 г.; часть рукописи, подъ заглавіемъ «Отзывъ искренности», включена въ «Записки» Л.).

Вскорѣ по возвращеніи Л. въ Москву его избрали въ совѣстные судьи, но наканунѣ представленія объ этомъ выборѣ государь назначилъ Л. предсѣдателемъ въ коммиссіи для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму. Весной 1803 г., съ разрѣшенія государя, Л. вернулся на короткое время въ Москву, а оттуда въ мартѣ проѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь онъ прожилъ, сверхъ ожиданія, до августа слѣдующаго года и лишь зимою возвратился въ Крымъ. Л. нѣсколько тяготился этими разъѣздами: здоровье его пошатнулось, онъ запутался въ долгахъ, его тянуло въ подмосковное село Савинское (описанное В. А. Жуковскимъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1809 г. и Воейковымъ въ «Новостяхъ Литературы» 1825 г.).

Въ іюлѣ 1805 г. государь уступилъ настойчивымъ просьбамъ Л. и согласился на его увольненіе отъ коммиссіи. «О выѣздѣ моемъ изъ Крыма — говоритъ Л.— жалѣлъ тамошній народъ, который очень полюбилъ меня; это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ. Но тамошніе жители были довольны мною. Недовольны были только тогдашніе начальники губерніи, потому что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо досадовали они на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасныя признанія въ покражѣ казенныхъ червонцевъ и оговоръ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, водя по городу, какъ важнаго преступника». Л. добился оправданія невинныхъ Сенатомъ, но, къ удивленію своему, узналъ, что побѣда его вызвала смѣхъ товарищей. «Странно,— говоритъ онъ по этому поводу—оправданія мертваго Каласа читаютъ съ восторгами, а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрьмахъ и пытаны,—это дѣло кажется очень неважнымъ. Неужели оттого, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція, а здѣсь Джантемиръ-мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и русская Таврида? Впрочемъ я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать. Это должно быть самое натуральное. Не защитить невинность, когда можно, есть адская холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое-нибудь побужденіе». Многіе укоряли Л. за безпорядки, произволъ и въ особенности за медленный ходъ работы въ «крымской коммиссіи»: говорили, что онъ затягиваетъ дѣло, п. ч. ему выгодно жить и властвовать въ Крыму: «и сіе писали—замѣчаетъ Л.— когда я по самой убѣдительной моей просьбѣ объ увольненіи уже получилъ предварительное согласіе государя». Сурово осуждалъ Л. его преемникъ Д. Б. Мертваго. По его словамъ, «явные отзывы Л., что онъ присланъ защитить угнетенныхъ, манили къ нему толпами людей. Мелкіе прежніе судьишки, секретари и подьячіе, завидуя получившимъ имѣнія, и знавшіе всѣ ихъ пакости, открываютъ свое ремесло, пишутъ всѣмъ прошенія. Сенаторъ, безъ прочтенія отъ всѣхъ принимающій, накопилъ необъятную кипу бумагъ, нагрузилъ коммиссію балластомъ болѣе, нежели было въ Ноевомъ ковчегѣ. Помѣщики, кои побогатѣе и поболѣе прочихъ виноватые, примѣтя склонность сенатора къ пьянству и чванству, сопутствуя ему и угождая, пріобрѣли его благорасположеніе. Онъ нашелъ правила коммиссіи неудобными для исполненія, уѣхалъ на цѣлый годъ въ Петербургъ и привезъ оттуда дополненія, коими укоренилися права помѣщиковъ, для поселенія людей не имѣющихъ. Крымъ терпѣлъ больше прежняго. Хозяйство остановилось. Медленность коммиссіи и порядокъ, несносно отяготительный, причиною, что въ три года ея существованія ни одного дѣла не рѣшено и даже половины бумагъ не разобрано и не прочтено». На этотъ упрекъ Л. отвѣчаетъ: «считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло коммиссіи, но я уже скоро четыре года, какъ оставилъ ее, а она еще, кажется, не близка къ своему окончанію». Однако, во всѣхъ этихъ нареканіяхъ была и значительная доля правды. Л. внушалъ членамъ коммиссіи, что «они несутъ трудъ чрезмѣрный, что коммиссія эта тяжелая, четырнадцать лѣтъ существовать долженствующая, достойна великаго вниманія и милости государевой»; видя, что приближается конецъ коммиссіи, члены ея начали противиться новому начальнику: «никто ничего не сталъ дѣлать; на всякомъ шагу споры, голоса; словомъ, совершенная остановка». Члены коммиссіи дорожили большимъ жалованьемъ и столовыми деньгами. Самъ Л. получалъ, кромѣ жалованья по чину, ежемѣсячно 500 руб. столовыхъ, да на путевыя издержки ему выдано было 5.000 р. Покидая коммиссію, Л. хотѣлъ удержать столовыя. Запутавшись въ долгахъ и чувствуя, что ему необходимо уѣхать изъ Крыма, онъ представилъ государю чрезъ гр. В. П. Кочубея обширную докладную записку, въ которой подробно изложилъ всю исторію своихъ долговъ. Не считая себя «охотникомъ до денегъ», мотомъ или игрокомъ, онъ указывалъ, что «не только не любилъ дѣлать пировъ и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, даже всегда былъ противъ ихъ предупрежденъ». Одной изъ главныхъ

причинъ своей задолженности Л. считалъ «затраты знатныхъ суммъ» на просвѣщеніе и на изданіе книгъ, «утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели»; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ расходы свои онъ производилъ въ долгъ, такъ какъ отецъ его, несмотря на слѣпоту и на преклонный возрастъ, «самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ» до кончины своей. Представлялся случай, когда императоръ Павелъ питалъ къ нему исключительное расположеніе, прибѣгнуть «къ помощи щедротъ царскихъ», но Л. «не могъ воспользоваться тѣмъ случаемъ по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ своемъ, говорить о себѣ и просить». «Я—пишетъ онъ—никогда не могъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ» и теперь «ни слова не сказалъ бы я, естьли бы не крайность заставила». Онъ желалъ, чтобы повелѣно было купить въ казну его деревню въ Калужской губерніи, пожаловать изъ Кабинета взаймы 50 т. руб. и проч. Одновременно съ этой просьбой, Л. писалъ своему «прелюбезному другу» М. М. Сперанскому, чтобы тотъ постарался «о наилучшемъ и скорѣйшемъ увольненіи его изъ крымской коммиссіи»; вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось, «не изъ сребролюбія, но по прямой надобности», чтобы ему «оставили столовыя и хотя бы половину получаемыхъ». «Кажется,—замѣчаетъ онъ—это было бы не чрезвычайное; и сколько примѣровъ: Алябьевы, Сушковы, Пестели, Обресковы, Мухановы и пр. и пр.». Пусть просьба 50 т. рублей «взаймы» была вызвана исключительной крайностью, но ссылка на безчисленные примѣры показывала, что Л. самъ нисколько не выдѣлялъ себя изъ рядовъ служилаго дворянства, получавшаго деревни, чины, жалованье, столовыя и «помощь отъ щедротъ царскихъ». Онъ считалъ свое безсребренничество не добродѣтелью, а природной «темпераментальной» склонностью, и былъ правъ: онъ такъ же широко тратилъ, какъ легко получалъ. Кн. Вяземскій писалъ о немъ: «Л. былъ милостивъ и щедролюбивъ до крайности, именно до крайности. Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ онъ деньги направо и налѣво и не платилъ долговъ своихъ: облегчая участь иныхъ семействъ, онъ разорялъ другія. Онъ не щадилъ и пріятелей своихъ, и товарищей по мартинизму. Вдова Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить значительную сумму, которую Л. занялъ у мужа ея. Нелединскій, товарищъ его по Сенату и ѣздившій съ нимъ на ревизію въ одну изъ южныхъ губерній, такъ объяснялъ нравственное противорѣчіе, которое оказывалось въ характерѣ его. По мистическому настроенію своему Л. вообразилъ себѣ, что онъ свыше посланъ на землю для уравновѣшенія общественныхъ положеній: онъ бралъ у одного и давалъ другому». Совсѣмъ не благодушно относился къ этому «мистическому противорѣчію» М. М. Сперанскій. На правахъ искренняго друга онъ писалъ Л. по поводу его споровъ съ Тургеневыми и другихъ долговыхъ дѣлъ: «Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія, конечно, хорошо; но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было, впрочемъ, ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло не похвальное, а въ васъ оно и совсѣмъ непонятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей; возродило старыя нареканія и, что всего горше, соблазнило слабыхъ. Въ чемъ состоитъ вся сія соблазнительная тяжба? Всѣ заимодавцы ваши имѣютъ право на ваше имѣніе: ибо долгъ, въ срокъ не заплаченный, есть завладѣніе чуждаго. Въ числѣ сихъ должниковъ одинъ ищетъ быть прежде другихъ удовлетвореннымъ. Какая вамъ до сего нужда? Имѣніе не вамъ принадлежитъ, а заимодавцамъ. Положимъ, что вы вступаетесь за нихъ. Но кто далъ вамъ право учреждать степени нужды и удовлетворенія въ имѣніи чуждомъ? Вы владѣете имъ единственно по праву сильнаго или, лучше сказать, по слабости долговыхъ нашихъ законовъ. Такимъ образомъ, вступивъ въ чужую тяжбу, въ дѣло вашихъ заимодавцевъ, и споря о чужомъ имѣніи, вы довели дѣло до Сената. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, время было остановиться, но вы поступили далѣе. Высшее правительство не какими силами человѣческими, но Богомъ и Государемъ, конечно, по лучшему возможному плану учрежденное и не безъ Промысла существующее, рѣшило дѣло не по вашему мнѣнію. Простая гражданская скромность и умѣренность въ дѣлѣ корысти, не говоря уже о христіанскомъ смиреніи и самоотверженіи, должна была васъ заставить пожертвовать вашимъ мнѣніемъ; но вы рѣшились лучше предпо-

честь его всему, рѣшились назвать ихъ всѣхъ «беззаконниками и сущими поборниками неправды» (истинный смысль письма вашего къ Государю), нежели покориться. Остерегитесь, милостивый государь, Бога ради, остерегитесь! Духъ, непрерывно на насъ враждующій, позавидовавъ святости и прямотѣ вашихъ о истинѣ понятій, преградилъ на сію минуту благотворное ихъ вліяніе на дѣла и движеніе вашей воли. Онъ ввергъ васъ въ странное своекорыстіе, въ нѣкоторый родъ запальчивости и непокорливости, омрачивъ умъ вашъ какими-то видами личнаго, препирательнаго и на единомъ вашемъ мнѣніи основаннаго правосудія, и отвелъ васъ такъ далеко отъ истинной любви и смиренія въ дебри тяжбы и самомнѣнія, что вы ужаснулись бы сами, если бы со стороны прочитали послѣднюю жалобу вашу. Развѣ все дѣло наше состоитъ въ томъ, чтобы исповѣдывать словами имя Христово и услаждаться въ кабинетѣ размышленіемъ о семъ великомъ имени, а внѣшнія дѣла попускать итти такъ, какъ бы они шли и безъ Него, по общему движенію страстей? Развѣ на крестъ надобно смотрѣть съ умиленіемъ, а несть его не наше дѣло? Развѣ словами только надобно намъ здѣсь считать себя изгнанниками и пришельцами, а на дѣлѣ за каждый кусокъ земли воевать съ цѣлымъ свѣтомъ и всѣхъ, съ нами разномыслящихъ, считать за беззаконниковъ? Развѣ можно любить людей, и обливать всегда желчію укоризны то самое сословіе, въ коемъ Промыслъ насъ поставилъ и сопричислилъ въ видѣ собратія? Послѣ всего, что вы дѣлали для успѣховъ истины и благочестія, вы не можете, вы не должны себя вести по общимъ правиламъ, въ свѣтѣ принятымъ и принимаемымъ; вамъ не можетъ быть простительно вводить и утверждать собственнымъ примѣромъ вашимъ столь разительный расколъ между правилами христіанскими и гражданскимъ поведеніемъ. Вы знаете, что расколъ сей издавна существуетъ и что онъ всегда былъ камнемъ претыканія для слабыхъ. Остерегитесь, милостивый государь; скажу вамъ еще горестную истину: въ васъ и примѣромъ вашимъ Богъ смиряетъ всѣхъ тѣхъ, кои, по слову Ѳомы Кемпійскаго, свили себѣ гнѣздо на небеси. Я не говорю лично о себѣ, хотя не могу отъ васъ скрыть, что по привязанности моей къ вамъ и я неоднократно раздѣлялъ со всѣми слабыми чашу соблазна и скорби, отъ васъ къ намъ идущую. Я вижу одно средство, коимъ можно еще все поправить: продать имѣніе за какую бы то цѣну ни было и расплатиться съ долгами. Кто далъ вамъ право удержать чужое для того, что вы раздавали нѣкогда и нынѣ раздаете свое? По всѣмъ свѣдѣніямъ, мною собраннымъ, вы безъ хлѣба еще и за симъ не останетеся; а медля умножите только ваши запутанности и, что и того хуже, умножите толки противниковъ и, смѣю вымолвить предъ вами страшное слово, умножите поношеніе имени христіанскаго. Что принадлежитъ до дѣла съ Тургеневыми, оно уже рѣшено единогласно всѣмъ свѣтомъ противъ васъ и прежде письма вашего: письмо не остановитъ исполненія».

Такъ писалъ искренній и преданный другъ; послѣ этихъ словъ нечего удивляться безпощадному приговору врага: въ глазахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина Л. «былъ человѣкъ самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ, имѣющій 60.000 р. дохода и разоряющій цѣлыя семейства, которымъ не платитъ, занимая у нихъ деньги; издатель мистическихъ книгъ, подающій одной рукой милостыню бѣдняку и отгоняющій другою своихъ злосчастныхъ заимодавцевъ». Докладная записка Л. полнаго успѣха не имѣла: государь отозвался, что онъ деревень въ этомъ году не покупаетъ, что денегъ въ Кабинетѣ нѣтъ; онъ ограничился пожалованіемъ хорошей аренды.

Въ сентябрѣ 1805 г. Л. вернулся въ Москву и сталъ опять присутствовать въ Сенатѣ, попрежнему вызывая шумъ своимъ заступничествомъ за судимыхъ. Онъ находилъ, что всѣ «стремились осуждать сколь можно строже, и не только ни мало не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ человѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку. Напримѣръ—были споры о томъ, чтобъ не недѣлю, а мѣсяцъ продержать въ смирительномъ домѣ; были голоса, чтобы сѣчь по жребію десятаго». Л. считалъ весьма вѣроятнымъ, что при новомъ расписаніи сенаторовъ именно изъ-за споровъ перевели его въ восьмой департаментъ, къ дѣламъ котораго онъ вовсе не имѣлъ привычки. Не безъ удовольствія

покинулъ онъ Москву, вслѣдствіе новаго порученія: въ концѣ 1806 г. рѣшено было учредить милицію; нѣсколько сенаторовъ отправлены были по губерніямъ для наблюденія за порядкомъ и тишиной: надзору Л. были ввѣрены губерніи Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская. Еженедѣльно Л. посылалъ государю свои рапорты, въ которыхъ онъ откровенно высказалъ, какъ тяготились милиціей всѣ слои населенія. «Нѣтъ никого, писалъ онъ—кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомыслiемъ, кто-бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни». Встрѣчая всюду повиновеніе, готовность, усердіе, онъ совѣтовалъ беречь это общее чувство, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости отечества. Говорили, что Наполеонъ можетъ вторгнуться внутрь Россіи и взволновать простой народъ. Л. не раздѣлялъ этихъ опасеній, онъ боялся, «чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное, и чтобъ, наконецъ, не изострилось внутри пагубнѣйшнее оружіе отъ злоупотребленія самого земскаго войска». Онъ не ждалъ мятежей и волненій, но «въ тягость, возмутительную народу, въ оскорбленіе несносное могли обратиться своевольство чиновниковъ и распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ ратниковъ». «Итакъ, государь,—писалъ онъ—вѣрность и рвеніе вездѣ общее, все вамъ вѣрно, все любитъ васъ до восхищенія; но чувство бремени отъ земскаго войска — общее же, какъ доносилъ я откровенно». Откровенность Л., подчасъ граничащая съ рѣзкостью, была обусловлена его «героическимъ» патріотизмомъ. Какъ въ дѣтствѣ онъ ночей не спалъ, волнуясь ходомъ турецкой войны, такъ въ зрѣлые и старческіе годы онъ искренно радовался славѣ русскаго оружія. Поздравляя друга сердечнаго, А. М. Кутузова, съ миромъ 1791 г., онъ писалъ: «Сбылось и твое доброе предчувствіе, что отечество наше, несмотря на всѣ противу его ковы, выйдетъ съ обыкновенною ему славою. Подлинно—славно и полезно. Слава Богу, даровавшему намъ миръ, и очень выгодный; непріятели наши, думаю, не ожидали этого» Л. спѣшилъ послать другу копію съ «письма изъ близкихъ мѣстъ къ театру дѣйствій» и жалѣлъ, что его, пожалуй, нѣтъ въ иностранныхъ газетахъ: «тутъ видно, какъ Русь-матушка всѣмъ носъ утерла». Въ другой разъ, когда стали говорить о войнѣ съ Пруссіей весной 1791 г., онъ писалъ Кутузову: «Ты очень благоразумно дѣлаешь, выѣзжая изъ Берлина, ежели близка война, хотя бы то было и на счетъ твоего здоровья, коимъ должно жертвовать отечеству своему. Только-ну, пруссаки, не плакать бы вамъ! Видно, они забыли, что наши ребята легки на ногу, и въ Берлинъ то имъ прилетѣть не впервые будетъ». Не считая извѣстный поступокъ кн. Я. Долгорукаго, разодравшаго Высочайшій указъ, актомъ смѣлости и твердости патріотической, видя въ немъ порывъ не великодушія, а запальчивости нрава, Л. разсуждаетъ: «Смѣлость и твердость патріотическія истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленія эти дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія—предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны, совершенно обнаруживая ихъ вредность, или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды или погрѣшности политической, однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляются: и чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его представленія, чѣмъ большей онъ притомъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ герой». Такимъ «патріотомъ героемъ» и заявилъ себя Л. въ донесеніяхъ 1807 г. Онъ сознавалъ, что многое въ нихъ можетъ не понравиться императору Александру и тѣмъ не менѣе писалъ, что думалъ. «Когда должно говорить,—замѣчаетъ онъ въ первомъ же донесеніи—то не могу говорить я неправду государю и не такому, какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ отцемъ отечеству и примѣромъ благости царскаго сана. Вамъ, государь, говоря правду, я выигрываю, ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы за правду для отечества и гнѣва царскаго потому, что отечество люблю я больше себя». Интересы родины тѣсно сплетались въ глазахъ Л. съ интересами дворянскаго сословія. Величайшей тревогой наполнила его сердце инструкція, данная 20 декабря

1806 г. и назначавшая «для милиціонныхъ экзерцицій день изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ». «Дни назначать, конечно, должно — писалъ Лопухинъ — и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственною удобностію для помѣщиковъ. Но, Всемилостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству иным образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ не возобновился указъ (1797 г.), раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ, не сходно съ общею пользою, указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его, и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ-бы безъ исполненія. Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самого нашествія непріятельскаго и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово «холопъ», до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ слугамъ своимъ и крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьлибъ только то безъ вреда для нея возможно было; и, наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ, не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни! Итакъ, голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть безпристрастенъ. И въ сихъ то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ разслабленіе оныхъ связей; внушенія никакія не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ!» По этимъ соображеніямъ Л. передъ отъѣздомъ изъ Москвы, не дожидаясь отвѣта, настоятельно совѣтовалъ главнокомандующему ген. Тутолмину, «чтобъ при назначеніи дней не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ». Указывая въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ различные недочеты въ организаціи земскаго войска, Л. снова и снова возвращается къ вопросу о «нерушимости связей и повиновенія рядовыхъ по ихъ кореннымъ состояніямъ». Внушать это — говоритъ онъ — тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка и въ неважномъ еще видѣ, расположеніе къ своевольству, отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особливымъ живутъ начальствомъ, и плодъ заблужденія сего, доселѣ не вящій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и домы истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя ослушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только не упустительными средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ кореннихъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е. въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые крупно съ исправленіемъ больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ».

Лѣтомъ 1807 г. Л. вернулся въ Москву и возобновилъ свои занятія въ VIII департаментѣ Сената: и здѣсь онъ встрѣтился съ крестьянскимъ вопросомъ. «Въ оном департаментѣ — пишетъ Л. — споры мои большею частію были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ государю. Я никогда не соглашался удовлетворять просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго, по законамъ, ихъ на то права. Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны, но освобождать изъ крѣпостей подборомъ подъ законы есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій. И кромѣ вреда сего, какой же плодъ такихъ рѣшеній? Нѣсколько десятковъ или сотенъ не будутъ подъ властью помѣщиковъ съ тѣмъ, что большая изъ нихъ, можетъ быть, часть сопьются или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ. Наконецъ, министръ юстиціи предположилъ, что не имѣетъ мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности, уничтожающій всякіе иски, и всѣ департаменты сіе приняли, но я не согласился, и не соглашусь прежде, нежели будетъ на то

указъ государевъ, который одинъ можетъ перемѣнять законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ, а въ толкахъ о разумѣ ихъ могутъ быть разномыслiе и ошибки у всѣхъ министровъ и сенаторовъ. Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то, натурально, и никакого времени уважать не должно; а за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ, — кто-жъ найдутся крѣпостными? Итакъ, взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшенiй, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно, не допуститъ. Цѣлыя селенiя, многiя тысячи душъ, станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеньемъ на нее, а кончится пушками или, по крайней мѣрѣ, кнутьями и ссылками, ежели не висѣлицами, что также бывало. И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя нисколько тутъ не вмѣшивается, и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милицiи къ Государю изъ Тулы, отъ 4 Генваря 1807 года. Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьли-бъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданiя и для собственной его пользы. Для сохраненiя же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полицiи, какъ управленiе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сiе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губернiи, при обузданiяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанiя за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастiе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанiя, сколько тираны за тиранство. И еще скажу, что по сiе время въ Россiи ослабленiе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествiя непрiятельскаго. Свойственно мягкосердечiю жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившiеся могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить-ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить. У насъ въ рѣшенiяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданiя къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанiя, но потому только ошибочному понятiю объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ министромъ юстицiи. На его предложенiе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я, не согласясь, записалъ въ общемъ собранiи Московскихъ департаментовъ слѣдующiй отзывъ: «Естьли не простирать на подобныя дѣла десятилѣтней давности и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общiй подрывъ состоянiя дворянскаго и коренными законами утвержденнаго преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенiю людей, злонамѣренiемъ или невѣжествомъ водимыхъ, смущать простодушiе, часто противъ истинной пользы своей, желающихъ оной свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжбъ, разслабляющихъ неописанно полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности! (20 марта 1808). Иные изъ товарищей очень хвалили мой патрiотизмъ и—всѣ согласились съ министромъ. Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенiя солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ дѣтей, въ нихъ воспитанныхъ. Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками и въ селенiяхъ по воспитанiю оставляютъ. Отступленiе отъ сихъ законовъ есть поколебанiе права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву дворянскаго состоянiя и коренными законами утвержденнаго преимущества его, а равно и къ неустройству общественному возбужденiемъ безчисленныхъ тяжебъ между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно, полагаясь на законныя учрежденiя и самымъ временемъ укрѣпленныя, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ людей. Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ общемъ собранiи Сената Московскихъ департаментовъ. И, кромѣ нарушенiя законовъ и описанныхъ мною слѣдствiй отъ лишенiя помѣщиковъ и селенiй людей оныхъ, теряется еще

истинная польза, которую приносятъ они государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія землепашцевъ, которое есть при томъ самой надежной и прочной запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ-за сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?»

Горячій защитникъ помѣщичьей власти, какъ одного изъ коренныхъ устоевъ порядка, Л. принялъ къ сердцу и послѣдствія Тильзитскаго мира. Л. находитъ, что «миръ этотъ все успокоилъ, а потому желателенъ былъ и полезенъ; но неизбѣжный разрывъ съ Англіею навлекъ много неудобствъ разнаго рода». «Я мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, — разсуждаетъ Л. далѣе — однако могу, кажется, не безъ основанія сказать, что Россія должна какъ можно меньше зависѣть отъ Европы и меньше связей съ ней имѣть какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными: подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ». «Истинный патріотизмъ» видитъ Л. въ томъ, чтобъ желать отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобы не на французовъ или англичанъ походили русскіе, и были-бы столь счастливы, какъ только они быть могутъ. Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахарѣ, кофе, суконахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ — и разрывъ бы съ Англіей въ государствѣ едва извѣстенъ былъ. Государство, какъ и человѣкъ частной, чѣмъ меньше имѣетъ надобностей, тѣмъ меньше и зависимости, а чѣмъ меньше въ немъ зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы». Торговымъ связямъ съ Европой Л. предпочиталъ оживленныя сношенія съ Азіей. «Азіатцы,—говоритъ онъ—начиная отъ Пекина до Царяграда, могли бы, думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками». Онъ находитъ, что покрой платья, цвѣтъ и доброта матеріала, обѣдъ не въ полдень, а въ шестомъ часу по-полудни, и ужинъ въ третьемъ за полночь не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости, цѣлое же государство непримѣтно подвергаютъ большому ослабленію». Императоръ оцѣнилъ вѣрноподданническія и патріотическія чувства Л. въ рескриптѣ 16 января 1807 г. по поводу перваго его донесенія, но «не безъ удивленія нашелъ въ немъ разсужденія совсѣмъ постороннія». Отсюда Л. заключилъ о неудовольствіи государя, но оно не было продолжительно — въ декабрѣ того же года Л. пожалованъ былъ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника.

Въ сознаніи своего патріотическаго долга Л. являлся непримиримымъ врагомъ того революціоннаго движенія, которое возникло, разгорѣлось въ общеевропейскій пожаръ и угасло при его жизни; это—убѣжденный монархистъ и его отношеніе къ престолу оставалось всегда восторженнымъ, кто бы ни царствовалъ: Екатерина II, Павелъ I или Александръ I. «Кончина Екатерины Великой—пишетъ онъ — поразила меня, какъ и всѣхъ усерднѣйшихъ сыновъ отечества, коего она была истинная благодѣтельница; любовь къ славѣ была ея страсть, которой пріятнѣйшая для нея пища была слава Россіи; величіе ея ума было источникомъ всѣхъ ея великихъ и благотворныхъ дѣяній; изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія. Подъ ея державою, при непремѣнномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякій, однако, мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости. Всѣ ея уставы цѣлію имѣли благоустройство и на человѣколюбіи основаны были. Ежели въ тайныхъ ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія, то сіе дѣйствіе небезгрѣшности, общей и царямъ со всѣми смертными, въ высочайшей степени покрывается неизмѣннымъ ея снисхожденіемъ и умѣренностію въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась она прелестнѣйшимъ государей правомъ укрощать строгость законовъ и миловать». Л. помнилъ, конечно, какому наказанію подверглись Радищевъ и Новиковъ; онъ не забылъ и суда надъ собою; «но, говоритъ онъ, по справедливости должно признаться, что судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивый, а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость къ оному означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойныя». Онъ вмѣняетъ въ большую заслугу императрицѣ, что она не рѣшилась арестовать Новикова, не находя къ тому причины—«а кто былъ Новиковъ? Содержатель типо-

графіи, поручикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія». «Мы, конечно, невинны были, — разсуждаетъ Л.—но государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ нее предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ; и какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ царскихъ очей истина, Всевидящему одному всегда извѣстная». Такъ и по поводу ссылки Радищева Л. писалъ А. М. Кутузову, что «книга его очень вѣрно характеризована въ указѣ». «Я думаю, — говоритъ онъ — что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему (во время революціи) юродствованію Франціи. Да и возможно-ли, чтобы тѣ, которые не чтутъ самого Царя царей, могли любить царей земныхъ и имъ повиноваться? Чувства сіи любви и повиновенія необходимо нужны для благосостоянія общественнаго»! Поступокъ Радищева былъ, по мнѣнію Л., основанъ на антихристіанствѣ, и онъ понесъ вполнѣ заслуженную кару за безумную попытку взволновать общественное мнѣніе вмѣсто того, чтобы по тайности донести государынѣ о смущавшихъ его непорядкахъ. Едва вступилъ на престолъ императоръ Павелъ, какъ Л. получилъ длинное письмо отъ своего стараго друга С. И. Плещеева, пользовавшагося исключительной довѣренностью государя. Плещеевъ предлагалъ Л. вступить на службу. Зная, какъ близко стоялъ его другъ къ государю, Л. поспѣшилъ изложить свои мысли о разныхъ предметахъ государственнаго правленія. Время и обязательства не позволили Плещееву представить это письмо императору, «а послѣ опыты очень ясно открыли, — замѣчаетъ Л. — что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ государевъ на него и на меня». Л. находилъ, что «въ государѣ семъ безпримѣрно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности,—только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно; пылкость гнѣва его однако-жъ никогда не имѣла послѣдствій невозвратныхъ; къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ». Л. былъ увѣренъ, что «при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, если-бъ окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не выгодами собственной корысти». Какъ это было по смерти Екатерины II, такъ и послѣ убійства Павла I, Л. поспѣшилъ всеподданнѣйшимъ письмомъ изъявить «чувствованія вѣрноподданническаго усердія и любви» императору Александру. «Вступленіе свое на престолъ— пишетъ Л.—благодѣтельный монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, предвозвѣщавшими времена Титовъ и Марковъ Авреліевъ». Свое преклоненіе предъ императоромъ, «любовь къ нему до восхищенія» и «безпредѣльную вѣрность» Л. выразилъ и на словахъ, и на дѣлѣ. «Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ оттѣнокъ предъ монаршимъ престоломъ—писалъ Л. государю—есть всегда для меня долгъ священный, неизгладимо впечатлѣвшійся въ сердцѣ, совершенно преданномъ служенію Вамъ и отечеству». Искренность этихъ словъ внѣ всякаго сомнѣнія: государственная служба Л. была ихъ оправданіемъ. Ѳ. П. Лубяновскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ, какъ однажды императоръ Александръ, указывая ему на Л., замѣтилъ: «Ты много объ немъ говорилъ, а я вотъ какъ знаю его—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и для меня не покривитъ душою». Довѣріе государя къ Л. простиралось такъ далеко, что онъ предполагалъ назначить его министромъ народнаго просвѣщенія, но слабость Л. къ винѣ, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго, помѣшала этому назначенію. «Государь, желая ближе познакомиться съ Л., велѣлъ пригласить его къ обѣду; Л., вовсе не былъ питухъ; но необдуманно соблазнясь лакомыми винами, которыя подавали за царскимъ столомъ, онъ ничего не отказывалъ, охотно выпивалъ все предлагаемое, а иногда въ промежуткахъ подливалъ себѣ еще вино изъ бутылокъ, которыя стояли на столѣ. Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія и вліянія недогадливаго Л. не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго взгляда императора. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Л. пьетъ.

Тѣмъ министерство его и кончилось: онъ возвратился сенаторомъ въ Москву, какъ и выѣхалъ сенаторомъ».

Въ послѣдніе годы жизни (1809—1816) патріотическое чувство Л. было повышено борьбою Россіи и Франціи. Онъ не покидалъ ни службы, ни Москвы до 30 августа 1812 г. и довелъ подозрительность Ростопчина до крайней степени. Еще въ 1811 году Ростопчинъ подалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ записку, въ которой указывалъ, какъ опасны были мартинисты. «Въ 1806 г., во время милиціи секта (притихшая было въ первые годы царствованія Александра I)—говоритъ онъ — подняла голову, опять выступила наружу и пріобрѣла важное значеніе на выборахъ. Князья Трубецкіе, Лопухинъ, Ключаревъ, кн. Гагаринъ, Кутузовъ и сотни другихъ собирались на сходкахъ, для предварительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ. Они стали распространять дурныя вѣсти, разсылать по почтѣ мистическую книгу подъ заглавіемъ «Тоска объ отчизнѣ» и забылись до того, что возбудили мысль о необходимости измѣнить образъ правленія и о правѣ націи избрать себѣ новаго государя... Они возвысили и умножили свою секту присоединеніемъ значительныхъ лицъ, которымъ доставили важныя должности; къ числу ихъ принадлежатъ въ Петербургѣ: гр. Разумовскій, Мордвиновъ, Карнѣевъ, Алексѣевъ, Донауровъ; въ Москвѣ: Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ, Руничъ, кн. Козловскій и Поздѣевъ. Они всѣ болѣе или менѣе преданы Сперанскому, который, не придерживаясь въ душѣ никакой секты, а можетъ быть, и никакой религіи, пользуется ихъ услугами для направленія дѣлъ и держитъ ихъ въ зависимости у себя. Они собираются въ Москвѣ у Ключарева, но главный всему руководитель—нѣкто Поздѣевъ... Они скрываютъ свои замыслы подъ покровомъ религіи, любви къ ближнему и смиренія. Они отлично пьютъ и ѣдятъ, преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ. Черезъ это пріобрѣтаютъ они легковѣрныхъ послѣдователей и деньги... Я не знаю, какія сношенія они могутъ имѣть съ другими странами; но я увѣренъ, что Наполеонъ, который все направляетъ къ достиженію своихъ цѣлей, покровительствуетъ имъ и когда-нибудь найдетъ сильную опору въ этомъ обществѣ, столь же достойномъ презрѣнія, сколько опасномъ»... Въ 1812 г. воображеніе Ростопчина разгорѣлось еще болѣе; вскорѣ по своемъ назначеніи въ Москву онъ сообщалъ государю, что ходитъ слухъ, будто гибель Россіи есть наказаніе за кончину Павла I. «Я не сомнѣваюсь,—писалъ онъ—что сочинители этой безсовѣстной молвы суть Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ и Лубяновскій». Онъ просилъ у государя разрѣшенія выслать «этихъ господъ» изъ Москвы и готовъ былъ обратить ихъ гнѣвъ на себя. 30 августа Ростопчинъ велѣлъ закрыть всѣ присутственныя мѣста, а чиновникамъ—отправиться въ Нижній-Новгородъ. «Мнѣ оставалось только—говоритъ онъ—распорядиться съ Сенатомъ, который продолжалъ свои засѣданія. Въ числѣ сенаторовъ было трое, принадлежащихъ къ партіи мартинистовъ—Лопухинъ, Руничъ и Кутузовъ. Эти трое предложили послать депутацію въ главную квартиру, чтобы узнать отъ главнокомандующаго, не въ опасности ли находится Москва, и пригласить меня въ Сенатъ... Вся эта продѣлка была дѣломъ самолюбія... Они хотѣли убѣдить своихъ товарищей не оставлять города, представляя этотъ поступокъ, какъ долгъ самопожертвованія съ ихъ стороны, изъ любви къ отечеству по примѣру римскихъ сенаторовъ, когда галлы входили въ Римъ; но ихъ намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы, оставаясь въ Москвѣ, играть роль при Наполеонѣ, который бы и воспользовался ими»... Ростопчинъ «позаботился, чтобы ни одного сенатора не осталось въ Москвѣ, и рѣшился на поступокъ, который впослѣдствіи называли деспотическимъ»: 30 августа онъ отправилъ въ Сенатъ своего адъютанта съ приказаніемъ закрыть засѣданія, выбрать любой изъ городовъ имперіи и выѣхать немедленно. «Большая часть сенаторовъ были довольны» этимъ распоряженіемъ, а «такъ какъ въ моихъ трехъ мартинистахъ—ядовито добавляетъ Ростопчинъ—не было ничего римскаго, то и они повиновались и на другой день уже были за Московской заставой». Государю онъ писалъ: «теперь не время заниматься отдѣльными лицами; но если вамъ суждено спокойно царствовать, то вспомните, что вы можете разсчитывать на Нелединскаго, Нарышкина, Кушникова; но никогда не

употребляйте Лопухина и Рунича — они ваши враги». Л. выѣхалъ въ Юрьевъ-Польскій и лишь въ концѣ года вернулся въ свою подмосковную. Оттуда 8 декабря писалъ онъ Д. П. Руничу (будущему сподвижнику Магницкаго): «Послѣ громовъ преужасныхъ, послѣ тучъ и — подлинно уже — бурныхъ дней я возвратился пока къ пустынному своему острову Юнгову (въ селѣ Савинскомъ) и именно только до 13 числа нынѣшняго мѣсяца. Въ Москву и пріѣхать некуда, и ѣхать мочи нѣтъ и по тѣлу, и по сердцу. Пользуясь отпускомъ до генваря, хочется по крайнимъ надобностямъ побывать въ Орлѣ, а между тѣмъ еще изъ Юрьева послалъ я всеподданѣйшую просьбу о увольненіи меня въ отпускъ на большее время». Наканунѣ Рождества онъ былъ уже въ Ретяжахъ. «Я сюда подлинно насилу дотащился;— писалъ онъ Руничу 7 января 1813 г.— здоровье плохо: особливо ноги дѣлаются у меня, какъ говаривалъ покойный гр. К. Г. Разумовскій, avantcoureurs dans l'autre monde. Ожидаю (отъ государя) разрѣшенія себѣ. Ничего такъ не хочется и ничто мнѣ такъ не нужно, какъ получить отпускъ на просимое мною время». До весны онъ предполагалъ все-таки остаться въ Ретяжахъ. «Здѣсь,—писалъ онъ 17 февраля двоюродной сестрѣ своей, княгинѣ Е. П. Львовой,— я обвѣнчался (9 февраля) съ Матреною Ефимовною и, пришедши домой, донесъ о томъ государю письмомъ, котораго прислалъ копію. Ты изъ нея не дѣлай секрета, а сообщай, кому угодно и больше, тѣмъ лучше. Я женился по самымъ добрымъ резонамъ. И такихъ примѣровъ немало было и въ прежнія, и въ нынѣшнія времена и съ лучшими меня. Впрочемъ, жена по мужу во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ». Повергая себя и жену къ стопамъ монарха, Л. писалъ ему: «Знаю, что хотя также я не имѣю никакихъ связей придворныхъ, и ничего такого нѣтъ въ моемъ положеніи, чѣмъ часто возбуждается зависть, счастливый съ сей стороны жребій мой долженъ бы, кажется, меня избавить отъ завистниковъ и непріятелей; однако, конечно, не избѣжитъ женитьба моя толковъ, порицаній, насмѣшекъ и даже разныхъ сплетней, какъ то водится въ жалкихъ кругахъ людей, составляющихъ изъ того свою бѣдную профессію. Но я нисколько не принялъ всего того въ уваженіе, имѣя основательныя причины въ совѣсти и зная великодушный и умный образъ мыслей Вашего Императорскаго Величества. Я не искалъ красоты, которая для моихъ лѣтъ соблазнъ только тщетный; не искалъ богатства, которое не однажды могъ бы я пріобрѣсть и женитьбою; не искалъ знатной породы, не всегда сопряженной и съ добродѣтелью. Я женился и не на дворянкѣ; женился на немолодой дѣвушкѣ изъ купечества Московскаго, котораго она избрала званіе только для состоянія свободнаго и жила всегда въ моемъ домѣ. Но я отдалъ справедливость многолѣтнимъ опытамъ простодушной ко мнѣ привязанности, строгой честности нравовъ и безкорыстія. По обстоятельствамъ домашнихъ моихъ дѣлъ и по происхожденію жены моей, не чаю я послѣ своей смерти оставить ее въ обилін и при подпорахъ соотвѣтствующихъ и обычныхъ чину въ обществѣ; но думаю, что поможетъ ей иногда сколько-нибудь мое имя, которое не по заслугамъ удостоилось доброй памяти, ежели не въ блещущей публикѣ, то въ тѣхъ мѣстахъ и случаяхъ, гдѣ мое усердіе имѣло счастіе исполнять высокомонаршіе уставы отеческаго попеченія о благоденствіи народномъ; и всего болѣе дерзаю питать себя надеждою на милосердіе и щедроту Вашего Императорскаго Величества, причемъ паки повергаю жену мою къ Вашимъ стопамъ». Въ томъ же письмѣ онъ объяснялъ, что «подъ вѣнцомъ взялъ помощницу въ наступающемъ трудѣ и болѣзни (своей) жизни, которой и предѣлъ положенный, по обыкновенному ея въ нашемъ времени теченію и, кромѣ слабости здоровья, не можно уже (ему) считать весьма далекимъ». Предчувствіе близкаго конца его не обманывало; онъ сильно одряхлѣлъ и не зналъ, какъ опять примется за службу. «Я былъ очень нездоровъ — писалъ онъ княгинѣ Львовой въ мартѣ 1814 г.— теперь лучше. И истинно по самому здоровью никакъ не могъ ѣхать отсюда зимнимъ путемъ. Прошусь еще въ отпускъ, писалъ прямо къ государю, въ собственныя руки». Л. пользовался въ деревнѣ медицинской помощью, подкрѣплялъ себя и старымъ русскимъ средствомъ—жаркой баней. «По любимой привычкѣ своей— писалъ онъ Руничу въ апрѣлѣ 1814 г.— я послѣ пару терся снѣгомъ и не свѣжимъ, а лежалымъ нѣсколько дней подъ

безпрерывнымъ морозомъ». «Что дѣлается и въ физической сферѣ?—спрашивалъ онъ далѣе,—въ политической, кажется, бѣда весьма на спасеніе обратилась. Какая радость! Слава Богу. И какіе контрасты! La gloriale de Sir Napoleon est morte à Paris et s'enterre ces jours-ci dans mon selo Woskresensky, Ретяжи тожъ. Здѣсь у насъ на берегу пруда по сторонамъ дерева кладутся два большихъ камня дикихъ. Одинъ на мѣстѣ отдыху, въ видѣ креселъ, съ надписью: «19 марта 1814 года взятъ Парижъ»; а другой совсѣмъ необдѣланный и какъ бы на могилѣ положенъ, съ надписью: «и память вражія погибе съ шумомъ». Дорожка отъ нихъ ведетъ къ довольно огромному для деревни, изъ нѣсколькихъ большихъ гранитныхъ же камней, стоящему монументу, съ надписью: «Благочестію Александра I и Славѣ доблестей Русскихъ въ 1812 году». Въ маѣ Л. сзывалъ сосѣдей «на похороны Бонапартовы», разсылая имъ особые пригласительные билеты: «Сего дня мая 6-го въ селѣ Воскресенскомъ, Ретяжи то-жъ, по силѣ помочи деревенской, погребается въ прахъ свой слава Бонапартова. Хозяева просятъ сдѣлать имъ и себѣ честь и удовольствіе пожаловать порадоваться на могилу. Погребеніе будетъ пополуночи въ 12-мъ часу, на берегу пруда, за плотиною возлѣ сидѣнья, еже съ надписью о плѣненіи Парижа». Добрый баринъ не забылъ и крестьянъ: «при крестномъ ходѣ, по случаю заказа травы, имъ роздано 500 крестиковъ новой хорошей работы для обыкновеннаго ношенія на память торжества о побѣдѣ и одолѣніи врага такова». Осенью Л. стало хуже. «Послѣдняя зима—писалъ онъ въ апрѣлѣ 1815 г.—мнѣ крайне тяжела была и весна по сю пору мало обѣщаетъ лучшаго. Дряхлѣю шибко. Живучи въ глубокомъ уединеніи, утѣшаюсь только упражненіями своей маленькой домашней церкви, которая продолжаетъ заниматься сочиненіями и переводами». Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ въ этомъ интимномъ кружкѣ былъ племянникъ Л. по женѣ, А. И. Ковальковъ (р. 1794 г.). Посылая Руничу еще въ январѣ 1814 г. «въ гостинчикъ деревенскую проповѣдь праздничную», Л. выражалъ увѣренность, что она понравится и стоитъ прочтенія, т. к. юный авторъ ея «дѣйствительно чудо въ своемъ родѣ». «Эта піеска—говорилъ Л.—у него, такъ сказать, entremet какъ, напримѣръ, въ февралѣ (прошлогоднемъ) «Друга Юношества»: «Мирное отдохновеніе въ сельцѣ Савинскомъ» и пр. подобныя его сочиненія. А онъ, можно сказать, не par façon de parler, а точно написалъ тысячи листовъ и всякій день пишетъ или, лучше сказать, «выливаетъ». Кромѣ извѣстной напечатанной сочиненія его книги «Плодъ сердца, полюбившаго истину (или собраніе краткихъ разсужденій о ея сущности, написанныхъ пламенною къ ней любовію». М., 1811), и кромѣ трехъ большихъ манускриптовъ, давно уже оконченныхъ, онъ продолжаетъ теперь два сочиненія: одно въ формѣ бесѣдъ, изъ которыхъ видѣли вы, конечно, въ іюнѣ послѣдняго-же года «Друга Юношества», для образчика отрывочекъ, подъ названіемъ «Пути молитвеннаго сердца»; и сего въ 4-то до днесь имъ написано 1314 стран., а бесѣдъ-же 101. Другое же можно назвать theosophо-герметическимъ; его же до днесь написано 1142 pag. in folio. И въ немъ, ежели Богъ поможетъ юношѣ, кажется, опишется и A и Ω». Въ томъ же 1814 г. Л. сталъ членомъ Библейскаго общества; дѣятельность послѣдняго была ему по душѣ; съ радостью получилъ онъ изданіе Новаго Завѣта и просилъ Рунича (въ іюнѣ 1815 г.) выслать въ Ретяжи экземпляръ русской библіи. Доживая свой вѣкъ въ родномъ гнѣздѣ, Л. пребывалъ въ тѣсномъ общеніи съ церковью, исправно посѣщалъ церковныя службы и принималъ такого гостя, какъ мѣстный архіерей, который, по словамъ Л., пріѣзжалъ «только погостить и прямо для того, одинъ, безъ всякой свиты, за 120 верстъ, изъ Сѣвска» Архіерей описалъ «старинному другу» Л., епископу черниговскому Михаилу, свою поѣздку въ с. Ретяжи и добавилъ объ его хозяинѣ: «очень старѣется». Въ Ретяжахъ Л. и скончался 22 іюня 1816 г.

Смерть Л. глубоко опечалила преданнѣйшаго изъ его друзей и учениковъ, М. И. Невзорова. «Комментарій» Веллнера предписывалъ юніорамъ и теоретикамъ занятія обыкновенной химіей, чтобы приспособить руки для полученія «таинственнаго ключа къ сокровищамъ натуры»; съ этой цѣлью Новиковъ и Л. отправили двухъ слушателей Московскаго университета В. Я. Колокольникова и М. И. Невзорова за границу. Оба они, получивъ

въ Лейденскомъ университетѣ степень д-ра медицины, возвратились на родину въ 1792 г., были арестованы въ Ригѣ и подвергнуты допросу Шешковскимъ. Колокольниковъ скончался въ томъ же году, Невзоровъ (въ больницѣ вмѣсто крѣпости) дожилъ до воцаренія Павла, который неоднократно навѣщалъ больного, а затѣмъ, когда здоровье его поправилось, съ радостью разрѣшилъ ему поселиться у Л. Невзоровъ сопровождалъ Л. въ ревизіи 1800 года, близко входилъ въ его интимную жизнь и прославлялъ своего благодѣтеля въ стихахъ и прозѣ. Съ 1807 по 1815 г. онъ издавалъ «Другъ Юношества» (съ 1813 г.—«и для всякихъ лѣтъ»), при живѣйшемъ участіи Л.: здѣсь перепечатаны нѣкоторыя сцены изъ его драмы «Торжество правосудія», «Подражаніе пѣснямъ Давидовымъ», «Разсужденіе о злоупотребленіи разума» и др., а также помѣщены впервые «Отрывки (для юношества) сочиненія одного стариннаго судьи», «Примѣры истиннаго геройства», «Нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ» и проч. Редакція превозносила Л. до небесъ. Въ 1812 г. ему посвящено стихотвореніе «Прогулка въ саду сельца Савинскаго»; въ статьѣ «Нѣсколько словъ о дружбѣ» (1813 г.) прямо сказано, что Л. — «благотворный геній, ниспосланный на землю самимъ небомъ»; въ 1814 г. ему посвященъ очеркъ «Герой добродѣтели»; въ 1815 г. авторъ статьи «Взглядъ на героя истиннаго величія» восхищается, видя Л. молящимся въ церкви»... Беззавѣтной преданностью къ Л. дышетъ и посланіе Невзорова къ А. Поздѣеву (въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 17 іюля 1818 г.; по свѣдѣніямъ редакціи «Библіографическихъ Записокъ», 1858, № 21, ст. 643—644, оно написано въ 1817 г. 23 іюня и, вѣроятно, ходило во многихъ копіяхъ). Въ Имп. Публ. Библіотекѣ имѣется сборникъ (Q. III. № 73), содержащій, между прочимъ, трудъ Невзорова, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя мои свѣдѣнія о характерѣ, свойствахъ и слѣдствіяхъ имѣющаго скоро открыться на земли явленія сына Божія», помѣченный 17 апр. 1818 г. Ученикъ хорошо усвоилъ взглядъ учителя на «мудрость міра» и считаетъ ее «слѣпою». Великіе перевороты отъ потопа до Магомета,—говоритъ онъ объ этой мудрости—«хотятъ объяснить по правиламъ какого-нибудь Тацита, безбожничьихъ Мабліевъ, Монтескіевъ, Бюфоновъ и подобныхъ имъ, а не по духу и уму Евангелія»... «Но — пишетъ онъ далѣе—оставимъ безбожниковъ и вольнодумцевъ, которыхъ затвердѣлость и закоснѣніе въ страстяхъ должны кончиться потопленіемъ, подобно Египтянамъ»; онъ находитъ жалости достойными «буквально исповѣдующихъ вѣру христіанскую», сидящихъ, однако, «на сѣдалищи Моисеевомъ и владѣющихъ алтарями». А между онъ знаетъ, что сынъ Божій нынѣ родился и «нынѣшнее рожденіе его имѣетъ много сходствія съ прежнимъ рожденіемъ Сына Божія Іисуса Христа въ Виѳлеемѣ... Нынѣ зачатіе сына Божія послѣдовало отъ смѣшенія отца съ матерію, но въ самомъ смѣшеніи Богъ вселился въ ложесна и утробу матернія въ тайномъ существѣ непостижимаго огня»... Были объ этомъ происшествіи и пророчества; «изъ новыхъ пророковъ особеннаго замѣчанія достойна дѣвица Буриньонъ, означенная въ Апокалипсисѣ подъ именемъ Ангела четвертаго, изліявшаго фіалъ свой на землю»... «Напрасно говорятъ, что діаволъ уже связанъ; нынѣ только начинаетъ связываться низверженный съ неба льстецъ... Земля преобразится чудеснымъ образомъ и послѣдуютъ въ ней перемѣны произвольныя и физическія во всѣхъ царствахъ природы»... Въ дополненіе авторъ привлекаетъ пророчества, найденныя имъ въ «Книгѣ систима или состояніе мухамеданскія религіи», изданной по повелѣнію Петра В. Здѣсь написано, что «знаменитый явится мужъ, который имѣетъ быть учителемъ церкви»... «Благоговѣйный мужъ сей есть апокалипсическій Ангелъ» (гл. 19, ст. 17 — 18) и «есть точно покойный Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Онъ же самый есть и Илія Θесвитянинъ, имѣющій посланъ быть отъ Бога по предсказанію прор. Малахіи... предъ явленіемъ великаго и просвѣщеннаго дни». Приведя затѣмъ «изъясненіе г-жи Гіонъ, указавшей что апокалипсическій Ангелъ будетъ проповѣдникъ истины, который призоветъ всякаго состоянія людей къ познанію Христа и соединенію въ члены Царства Христова, Невзоровъ спрашиваетъ: «кто же въ свое время исполнилъ сію должность болѣе покойнаго И. В. Л.»? «Безтрепетно и неустрашимо» проповѣдывалъ онъ «всякаго состоянія людямъ, начиная отъ Царей до послѣдняго человѣка... Сама Великая Екатерина «не могла не при-

знать его справедливости въ правосудіи и называла его риторомъ, чѣмъ оправдывается предсказаніе о немъ Магометово»... Свойство, приписываемое прор. Малахіей Иліи Θесв.—устроеніе сердецъ отца къ сыну и человѣка къ искреннему его, никому приличнѣе приложить нельзя было, кромѣ Л.: «онъ дышалъ любовію къ человѣчеству»... Н. А. Краевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (изданныхъ Л. подъ загл. «Лучъ благодати») разсказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ, какъ «въ закоптѣлой и замаранной большой церкви кто-то облилъ Л. всего масломъ и говорилъ, что онъ долженъ чистить церковь». Сновидѣніе это оправдалось въ жизни Л., который употреблялъ всѣ усилія, чтобы насаждать и распространять истинную внутреннюю церковь Христову и очищать ее отъ копоти и нечистоты... И Невзорову показано было въ Геттингенѣ въ видѣніи, что Л. былъ тогда единственный стражъ всеобщей истинной христіанской церкви. «При семъ случаѣ—пишетъ онъ—я нужнымъ нахожу очистить память покойнаго отъ клеветы... Много было говорено, и теперь нѣкоторые говорятъ сатирически насчетъ его женитьбы... но того не знаютъ, что женитьба сія есть вѣнецъ добродѣтелей, которыми онъ покрылъ полтора года бывшихъ его съ нынѣшней женою слабостей за 29 лѣтъ до женитьбы своей. Онъ, по христіанской своей совѣсти, полтора года сей слабости загладилъ чистымъ покаяніемъ, содержа ее послѣ, какъ истинную жену... отказавшися, однако, совершенно отъ любострастныхъ дѣлъ такъ, что.. по самую смерть свою не имѣлъ плотскаго смѣшенія ни съ нею, ни съ какою другою женщиною... Онъ былъ единственный своего рода дѣвственникъ, которая дѣвственная жизнь его тѣмъ болѣе замѣчательна, что, всегда имѣя у себя соблазнъ къ паденію... съ помощію Божіею умеръ, наконецъ, совершеннымъ сего побѣдителемъ»... На упреки, будто бы Лопухинъ однимъ давалъ милостыню, а у другихъ отнималъ собственность, Невзоровъ возражаетъ, что «онъ никогда и не думалъ никого обидѣть или отнять у кого имѣніе»; имѣнія его хватитъ на покрытіе всѣхъ долговъ и большая часть кредиторовъ получитъ за рубль по четыре, а иные и по шести, и потому, кажется, нельзя на него жаловаться... «Изъ кредиторовъ есть и такіе, которые у покойнаго отца его... брали... за указные пять процентовъ, ибо онъ болѣе не бралъ, а ему тѣ-же деньги отдавали за двѣнадцать... Большая часть упрековъ или жалобъ на него происходитъ отъ богатыхъ сребролюбцевъ... которые имъ-же еще облагодѣтельствованы... такъ что... стыдно-бъ было иному разинуть ротъ насчетъ медленности его, не отъ него зависящей, въ платежѣ долга... Что-же касается бѣдныхъ заимодавцевъ, то.. они говорятъ, что никогда не потребовали бы съ него денегъ, ибо онъ былъ ихъ отецъ... По своимъ на другихъ претензіямъ онъ всегда терялъ... А какъ съ него взыскивали деньги, можно видѣть изъ дѣла по удовлетворенію долговъ госпожъ Тургеневой, Нефедьевой и Нееловой: назначена была въ продажу съ аукціону Калужская вотчина Л., состоящая въ 933-хъ душахъ; г. Аникѣевъ подалъ объявленіе, что даетъ за эту вотчину 225 т. рублей; надлежало бы узнать, не дастъ-ли кто больше, но Аникѣевъ получилъ вотчину безъ торга, и Л. потерялъ тысячъ шестьдесятъ... Горе таковымъ неправеднымъ судіямъ»!—восклицаетъ Невзоровъ и приводитъ другой случай. По смерти брата своего Петра Владиміровича Л. заступилъ его мѣсто въ опекѣ вмѣстѣ съ двоюродной сестрой своей, Екатериной Петровной, надъ роднымъ братомъ ея, Иваномъ Петровичемъ; въ февралѣ 1816 г., т. е. при жизни И. В. Л., уѣздный судъ показалъ, что онъ долженъ по этой опекѣ 7 т. рублей, а 28 іюля, чезъ 35 дней по смерти И. В., дворянская опека сообщила уѣздному суду, что будто-бы у И. В. хранилось по вышеозначенной опекѣ 137 т. рублей, кои и теперь взыскиваются, хотя дѣло о долгахъ И. В. началось лѣтъ за десять до его смерти; дворянская опека не могла о томъ не знать и, разумѣется, должна была о томъ сообщить еще при жизни И. В.; къ тому же, послѣ нашествія французовъ, онъ совсѣмъ въ Москвѣ не былъ и у него не могло оказаться денегъ по опекѣ; наконецъ, ни денегъ и ничего никогда по этой опекѣ онъ себѣ не бралъ, а получали и собирали все сестра И. В. Лопухина и законная его наслѣдница. Все это ясно изъ писемъ И. В. къ его кредитору Грею, все это могутъ подтвердить старосты, приказчики и люди съ паспортами на оброкъ въ деревняхъ опекаемаго—они могутъ показать, кому деньги давали. Невзоровъ думаетъ, что за это неправосудіе Богъ наказалъ вскорѣ пара-

личемъ бывшаго тогда губернскимъ предводителемъ и предсѣдателемъ дворянской опеки, В. Д. Арсеньева... «Вмѣсто того, чтобы съ живыхъ на мертвыхъ взваливать, лучше было бы И. П. Лопухина освидѣтельствовать и посмотрѣть, нѣтъ-ли какой перемѣны въ его нравственности; говорятъ, что сей бѣднякъ, имѣвшій около двухъ тысячъ душъ крестьянъ, теперь имѣетъ около семисотъ, содержится очень бѣдно и съ большимъ нерадѣніемъ; еслибы перемѣнить содержаніе, то, можетъ быть, давно уже онъ былъ бы здоровъ, веселъ и во всемъ хорошъ»... «Горе толико немилосерднымъ и сестрамъ, и предводителямъ дворянства, и секретарямъ дворянскихъ опекъ; для таковыхъ всѣхъ и подобныхъ имъ, видѣвшихъ И. В. дѣла, жизнь и проповѣдываніе христіанства истиннаго, и не покаявшихся, наступилъ теперь день, горящій яко пещь! А И. В. Лопухинъ, не взирая на всѣ злые толки... лжеумовъ и клеветниковъ, на страшномъ судищѣ Христовѣ предстанетъ, яко сіяющее солнце; облагодѣтельствованные-же имъ всякаго пола и возраста, всякаго состоянія и всякаго племени, во всѣхъ краяхъ пространныя Россіи и даже многіе въ иныхъ земляхъ ученики, воспитанники, защищенные имъ отъ правосудія, бѣдные и нищіе и всякаго рода заступленные имъ и возставленные, въ пользу коихъ всѣхъ, яко истинный и нелицемѣрный послѣдователь Христа, съ нимъ и въ немъ жившаго, онъ, истощивши все свое движимое и недвижимое имѣніе, умеръ самъ въ бѣдности, будучи по роду и наслѣдствамъ богатъ, предстанутъ и воскликнутъ: радуйся, благодѣтель и отецъ нашъ, да будетъ мзда твоя многа на небесѣхъ! И я, болѣе всѣхъ имъ благодѣтельствованный, первый ему возвѣщаю сіе! Аллилуія».

Пусть безграничная любовь къ учителю и ненасытная страсть къ мистикѣ затуманили и мысль, и рѣчь Невзорова, все же его защита Л. противъ злобы и клеветы не теряетъ своей силы; ничтожный, заурядный человѣкъ, конечно, не могъ бы вызвать той искренности и той глубины чувства, какими отличаются всѣ отзывы о Л. его друзей и учениковъ—Невзорова, Лубяновскаго, Жуковскаго и многихъ другихъ. «И. В.—пишетъ Лубяновскій—былъ мнѣ, мало скажу, другимъ отцомъ: будь я сынъ его, не былъ бы онъ и тогда мнѣ лучшимъ отцомъ... Побывъ съ нимъ часъ-другой, мнѣ казалось, я дѣлался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою Евангельскою добродѣтелью соединялъ онъ столько простоты, доброжелательства, пріятства въ обхожденіи, что не разстался бы съ нимъ, не переставъ бы его слушать». Жуковскій считалъ счастливымъ тотъ день, когда судьба свела его съ Л., а вскорѣ по смерти его онъ писалъ А. И. Тургеневу: «Что ты сдѣлалъ для Ковалькова, того молодого человѣка, о которомъ писалъ И. В. къ князю? И сдѣлалъ-ли что нибудь? Братъ! Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля; надо исполнить во всей силѣ его». А. Ѳ. Воейковъ говоритъ о немъ: «И. В. Л. принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, коихъ память воскрешаетъ въ душѣ сладкое и тихое чувство умиленія любви, а не удивленіе страха. Имя его произносится съ благословеніемъ, съ признательностью, съ слезами. Онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ добродѣтель; его жизнь—непрерывная цѣль благотвореній».

Современники, говоря о заслугахъ Л. предъ «человѣчествомъ», иногда такъ повышаютъ тонъ, что ихъ отзывы обращаются въ искусственную реторику; но искусственны лишь обороты рѣчи, а не чувства, въ нихъ выраженныя. Главная и неотразимая сила Шварца, Новикова, Гамалѣи, Л. и др. мартинистовъ заключалась въ ихъ нравственномъ складѣ, въ ихъ взаимной связи, въ сознаніи общаго и великаго дѣла; всякій изъ нихъ по своему, въ зависимости отъ дарованій, характера и житейскихъ условій, осуществлялъ одну и ту же идею, шелъ къ одной и той-же цѣли со всѣмъ «Дружескимъ обществомъ». Вольнодумцы, даже самые образованные изъ нихъ, были въ глазахъ мартинистовъ тѣмъ и вредны, что шли вразбродъ, разрушали единство цѣлаго, единство церкви, государства, всего христіанскаго міра; отсюда у большинства изъ розенкрейцеровъ привязанность къ исконнымъ связямъ, къ старымъ обычаямъ и порядкамъ: самолюбіе «ложныхъ мудрецовъ» влекло за собой буйство, распадъ, произволъ; любовь «избранныхъ братьевъ» побуждала къ миру, союзу, повиновенію. Историками русской общественности давно отмѣчены противорѣчія московскаго розенкрейцерства: стремясь къ обновленію, мартинисты цѣпко хватались за старину; проповѣдуя любовь, они не только дорожили крѣпост-

нымъ правомъ, но подчасъ злоупотребляли имъ, какъ напр., О. А. Поздѣевъ. Въ какой степени русское розенкрейцерство было движеніемъ политическимъ и даже было ли оно такимъ движеніемъ, наука еще не вполнѣ выяснила; извѣстно, однако, что Вельльнеръ и его сообщники несомнѣнно вели темную политическую игру, и есть основаніе думать, что они стремились втянуть въ нее цесаревича Павла Петровича. Одинъ изъ ближайшихъ его друзей, кн. Н. В. Репнинъ, былъ искреннѣйшимъ другомъ и Л. По связи съ розенкрейцерами и съ кн. Репнинымъ, Л. тяготѣлъ къ цесаревичу, и онъ же преклонялся предъ величіемъ, мудростью и кротостью императрицы въ такое именно время, когда отношенія между малымъ и большимъ дворомъ стали прямо враждебными. Наконецъ, почитая Арндта, С.-Мартена, Эккартсгаузена, Штиллинга и г-жу Гюйонъ за высокіе авторитеты, авторъ «Нравоучительнаго катихизиса» и «Внутренней церкви», исправно посѣщалъ церковныя службы и былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ духовенствомъ. Лишь по ошибкѣ или по злобѣ можно сомнѣваться въ «природныхъ склонностяхъ» Л. къ добру и правдѣ; но на всѣхъ, изучавшихъ жизнь и писанія Л., онъ производитъ впечатлѣніе филантропа, которому не удалось побѣдить въ себѣ барина, и масона, который оставался вѣренъ православію; книги и разговоры мистическаго содержанія заполняли его досугъ, не западая глубоко въ его душу, а политическая доктрина розенкрейцеровъ укрѣпляла его монархическія убѣжденія и патріотическія чувства.

Главнымъ источникомъ для біографіи Л. служатъ его «Записки». Тщательно переписанныя копіи онъ раздавалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Изъ за нихъ—говоритъ Л.—«меня пожаловали въ такого самолюбца, какова де другова и не сыщешь... Возопили иль, прямѣе сказать, лихо зашептали противъ нихъ нѣкоторые, правда, немногіе; большая часть, и особы истинно почтеннѣйшія, удостаиваютъ ихъ своего вниманія. Одинъ такъ на меня напалъ, съ пріятельскою будто кручиною о вредѣ доброму моему имени, что какъ бы я тяжкое уголовное преступленіе учинилъ, что «Записки» свои писалъ или, сказать, какъ было дѣло, отъ скуки диктовалъ ихъ (въ 1808—9 г.г.) въ своей спальнѣ взадъ да впередъ ходя (при чемъ одинъ мальчишка, разхаживая со мною, всегда говаривалъ: «Вотъ, баинъ, все ходитъ задъ пеётъ, задъ пеётъ»), по вечерамъ, которые уже нѣсколько лѣтъ осенью и зимою обыкновенно провожу я уединенно дома, чего требуетъ экономія моего тѣла и самаго духа. Ну, да что за бѣда, есть мои «Записки». У насъ ихъ еще почти не водится, а на иностранномъ языкѣ мало ли мемуаровъ читаемъ? и Сюлліевыхъ, и Тюреновыхъ и Боневаловыхъ и какова нибудь шевалье Д. Интересны, прочтешь; не интересны, и въ руки не возьмешь. Вотъ и только; не любо, не слушай. За «Записки» безъ придирки можно «охотнику» побранить только того, у кого въ нихъ ложь, а въ моихъ, право, ее ни крошечки. Но... лучше зазамолчать. Говоря объ себѣ, и не услышишь, какъ промолвишься».—Три копіи ихъ хранятся въ Моск Гл. Архивѣ М. И. Д.; на одной изъ нихъ имѣется собственноручная приписка Л. на имя тогдашняго директора Архива Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. «Не знаю, понравится-ль вамъ моя книга;—писалъ Л. Бантышъ-Каменскому—впрочемъ есть пословица: не любо не слушай, а врать не мѣшай. Въ пословицѣ сказано: лгать не мѣшай; только я это слово по совѣсти выкинуть былъ долженъ для того, что я въ повѣсти о моихъ быляхъ не всѣ разсказалъ ихъ, однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы». Прекрасную копію, съ письмомъ Л. отъ 15 іюня 1809 г., получилъ В. В. Жуковскій. Сперанскій, какъ видно изъ его письма къ Л., также хотѣлъ имѣть его «Записки». Нѣкто Г. В. помѣстилъ хвалебный о нихъ отзывъ въ январьской книжкѣ «Друга Юношества» за 1810 годъ (стр. 70—72). По архивной копіи «Записки» напечатаны въ *Чтеніяхъ О. И. и Д. Р.*, 1860 г., кн. 2, стр. 1—82, кн. 3, стр. 83—172, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ О. М. Бодянскаго. Въ томъ же году «Записки» изданы въ Лондонѣ, съ предисловіемъ Герцена. По копіи В. А. Жуковскаго онѣ напечатаны въ *Р. А.*, 1884 г. I, стр. 1—154, съ портретомъ Л., съ предисловіемъ, послѣсловіемъ и примѣчаніями редактора. Новая редакція *Р. А.* предприняла перечатку этого изданія въ 1914 г.—Краткая замѣтка автобіографическаго характера, за подписью «И. Лпхн.»,

помѣщена въ *Другѣ Юношества*, 1810 г., январь, стр. 68—69: «Примѣчаніе къ запискамъ кн. Н. Б. Долгорукой».—*Сочиненія* Л.: 1) «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями, сочиненное Россіяниномъ». Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 1780 г.—2-е изд., М., 1787 г.; оно перепечатано въ *Д. Ю.*, 1809 г., февраль. 2) «Нравоучительный катехизисъ истинныхъ Ф-къ М-въ для употребленія Ищущихъ Премудрости, которые для пріобрѣтенія понятія о путяхъ Премудрости и таинственномъ Ея Училищѣ, съ пользою могутъ заниматься также разсматриваніемъ извѣстной картины, представляющей изображеніе храма Натуры и Благодати. Изданъ при «Духовномъ Рыцарѣ» (М.), 5791.—Отсюда перепечатанъ у Сопикова, ч. 2, стр. 380-388.—Катихизисъ печатался также при «Внутренней Церкви» въ измѣненномъ видѣ (См. № 7).—3). «Духовный рыцарь или ищущій премудрости» (М.), 5791.—2-е изд. О ΖΗΛΟΣΟΦΟΣ искатель премудрости или Духовный Рыцарь», по предположенію Губерти, въ московской типографіи Всеволожскаго, въ первой четверти XIX в., хотя на книгѣ и выставленъ годъ 1-го изданія; здѣсь, сравнительно съ 1-мъ, нѣсколько дополненій, помѣщенныхъ послѣ «Катихизиса». Перепечатанъ въ *Р. С.*, 1884, т. IV, стр. 277—296, а также у Бурцева, т. II, стр. 352-367. Новѣйшая перепечатана, со 2-го изданія, въ «Масонскихъ трудахъ» Л., М. 1913 («Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка», вып. 1-й, изд. В. Ѳ. Саводника). 4) «Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій. Писано Россіяниномъ, сочинившимъ Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., напечатанное въ 1780 году». М., 1794. 2-е изд., Калуга, съ указанаго дозволенія, 1794 года.—3-е изд. отдѣльными брошюрами: «Благость и преимущество единоначалія» М., 1795.—«Изображеніе мечты равенства и буйной свободы съ пагубными ихъ плодами» (Въ 1-мъ изд. было: «Изображеніе пагубныхъ плодовъ мечтанія равенства и буйной свободы»). М., 1794.—«Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ». М., 1795.—5) «Торжество правосудія и добродѣтели или доброй судья.» Драмма въ 5 д. «Посвящено гр. Ѳеодору Григорьевичу Орлову въ знакъ высокопочитанія и преданности». М., 1794.—2-е изд., М., 1798, съ присовокупленіемъ авторова завѣщанія къ друзьямъ своимъ (написаннаго въ М., 13 сентября 1795 г.) — Нѣкоторыя сцены «драммы» перепечатаны въ *Д. Ю.*, 1808, апрѣль, стр. 64—87, октябрь, стр. 9 — 30. — Отрывокъ «Завѣщанія» («Друзья и всѣ, которые знаютъ меня»...) включенъ въ «Записки».—6) «Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ стихами». М., 1796.— 2-е изд., М., 1801.—3-е изд., М., 1802.—Перепечатано въ *Т. Ю.*, 1808, сентябрь, стр. 23—35.—7). «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели». (Написано въ 1789 г.). Спб., 1798.—2-е изд., Спб., 1801.—3-е изд., 1816.—4-е изд. М., 1913 («Матеріалы» В. Ѳ. Саводника, см. № 3).—Переводы: a) Quelques traits de l'Eglise intérieure de l'unique chemin qui mène à la verité et des diverses routes qui conduisent à l'erreur et à la perdition. On y a ajouté un Tableau abrégé du caractère et des devoires du vrai Chrétien. St. P. 1799.—Id., Paris, 1801.—Id. (по изд. 1799 г.). M., 1810, imprim. de N. L. Vsevolojsky (avec notice historique sur cet ouvrage par l'éditeur);—б) Ewald, «Christliche Monatschrift, 1803—1804», и отдѣльно «Einige Züge der innern Kirhe mit Anmerkungen die Prüfung zu erleichten» (aus d. Französ, durch Joh. Ludw. Ewald). Nürnberg, Raw. 1809.—8) «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи въ мартѣ 1800 года. 4°, стр. 88, S. l. et a.—9) «Замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову du Contrat Social». М., 1805 (написано въ іюлѣ 1805 г., въ Эвпаторіи).—Перепечатано въ *Сіонскомъ Вѣстникѣ*, 1806, февраль, стр. 185 — 195, а также въ книгѣ «Отрывки. Сочиненія одного старинаго судьи» М., 1809.—10) «Отрывки для чтенія вѣрующимъ». Переводъ. (На самомъ дѣлѣ оригинальное сочиненіе Л.,

написанное имъ 9 апр. 1805 г. въ Георгіевскомъ монастырѣ, въ Крыму). Спб., 1806. Посвящено преосв. Михаилу, епископу черниговскому и нѣжинскому. (А. Г. Суровцевъ указываетъ 1-е изд., М., 1805).—11) «Отрывки. Сочиненія одного старинаго судьи и его же замѣчаніе на извѣстную книгу Руссову du Contrat social». М., 1809 (Предисловіе подписано: «Сочинитель драммы Доброй Судья. С. Савинское, 15 сентября 1808 года. Въ Руссовой хижинѣ).—«Отрывки» перепечатаны въ *Д. Ю.*, 1808, октябрь, стр. 9—30.—12) «Нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ». *Д. Ю.*, 1812, ноябрь, 88—136.—Здѣсь Л. сообщаетъ нѣсколько автобіографическихъ свѣдѣній. Между прочимъ, онъ пишетъ о Н. А. Краевичѣ († 1790): «Мнѣ онъ сообщилъ свои мысли, какъ бывшему въ самой тѣсной съ нимъ дружеской связи, и все имъ написанное издалъ я, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, въ одной тетрадкѣ подъ названіемъ: Лучъ благодати или писанія Н. А. К.». (Издана въ М., s. a. et l., съ изображеніемъ надгробнаго памятника и съ эпиграфомъ: Божія никтоже вѣсть, токмо Духъ Божій). Во французскомъ переводѣ «Révelations faites au Fr. C....» Эти писанія Краевича вошли въ изданіе «Les opuscules», см. № 15. Объ этомъ писалъ Л. 13 октября 1805 г. М. М. Сперанскому, см. № 6. Въ Имп. Публ. Библ. имѣется рукопись Q. III. № 67, которая содержитъ «Писанія и откровенія просвѣщеннаго брата Краевича», л. 189—195, а затѣмъ «Лучъ благодати», л. 196—204 об.; тамъ же, л. 75 об.—77 об. «Примѣчаніе бр. Краевича касательно № 1 отдѣленія мыслей его, которыя не могли быть напечатаны прежде».—13) «Примѣры истиннаго геройства или князь Репнинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ». *Д. Ю.*, 1813, мартъ, стр. 1—74; далѣе слѣдуютъ замѣтки о кн. Репнинѣ его друга, стр. 74—82, и «Разсужденіе» Репнина объ «Отче нашъ», стр. 82—102 (Продолженіе въ *Д. Ю.*, іюль, 1—15). Все, написанное Репнинымъ, Л. издалъ особой книгой «Les Fruits de la Grâce ou les Opuscules spirituels des deux F. M. du vrai Système, dont le but est le même que celui des vrais Chrétiens. Avec cette épigraphe: Le but principal de nôtre S. Ordre n'est autre, que celui même du vrai Christianisme» S. l., 1790. Есть изданіе, «Opuscules Spirituels de deux amateurs de la Sagesse», вполнѣ сходное съ предыдущимъ: измѣненъ лишь эпиграфъ: «Personne ne peut voir le royaume de Dieu, s'il ne naît de nouveau. Il faut naître encore une fois». Объ изданіи «Les fruits» Л. писалъ М. М. Сперанскому 13 октября 1805 г. См. № 6. Въ *Д. Ю.*, 1813, іюнь—іюль помѣщены, въ переводѣ Л., «Разныя разсужденія для себя, сочиненія покойнаго генералъ-фельдмаршала кн. Н. В. Репнина.—14) «Нѣчто для размышленія о молитвѣ и сущности христіанства». Орелъ. 1814. (Сочиненіе направлено противъ «модныхъ просвѣщенныхъ и просвѣтителей». Обращаясь къ «мудрователямъ», Л. пишетъ: «Вы знаете скорлупу вещей или, еще прямѣе сказать, одни краски скорлупы. Но знаете ли, что до вашего просвѣщенія зналъ Соломонъ? Вѣдаете ли составленіе міра? Имѣете ли о сущихъ познаніе неложное? Нѣтъ—и не будете имѣть, доколѣ разумъ свой будете чтить Богомъ и единственнымъ источникомъ просвѣщенія—разумъ, котораго силу очень рѣзкою чертою изображаютъ сіи стихи: Стаканъ вина его смущаетъ, Дѣвчонка памяти лишаетъ (Дезульеръ). Разумнымъ нельзя проникнуть въ тайну творенія и теченія міра, коего истинное познаніе заключается въ познаніи источныхъ внутреннихъ качествъ, силъ и дѣйствій, въ познаніи начала и конца его; нельзя разумомъ постигнуть премудрости строительства творческаго. Познанія сіи сообщаются токмо наитіемъ духа премудрости (Премудр. Сол. 7). Одни имѣющіе умъ Христовъ разумѣютъ оную тайну и могутъ изъяснять ее (1 Кор., гл. 2)». 15) «Гласъ искренности». *Сіонскій Вѣстникъ*, 1817, декабрь, стр. 370 — 385; здѣсь же, стр. 369—370, «Письмо къ издателю», за подписью Иванъ Лопухинъ, изъ Москвы, 12 іюля 1806 г.—Id. въ «Запискахъ», подъ заглавіемъ «Отзывъ искренности». Въ каталогѣ гр. Уварова («Bibliothèque Ouvaroff. Catalogue Spécimen: Sciences Secrètes. М., 1870») указано: «La Présence de Dieu (par Leon Loponkhine) s. l. et a., 24°, 144 pp., конца XVIII или нач. XIX в.—*Письма Л.* а) къ А. М. Кутузову (и отъ него къ Л.) въ изд. Имп. Акад. Наукъ «Переписка московскихъ масоновъ, 1790—1792», Спб., 1914.—Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны ранѣе въ *Р. С.* (1874, январь, стр. 57—72; февраль, 258—276; мартъ, 465—472; 1896,

ноябрь, стр. 321—365); б) къ М. М. Сперанскому, 1804—1806 г.г. (и отъ него къ Л). *Р. А.*, 1870, ст. 609—626; в) къ Д. И. Руничу. *Р. А.*, 1870, ст. 1215—1235; г) къ княгинѣ Е. П. Львовой, рожд. Лопухиной. *Р. А.*, 1884, № 3, стр. 33—36. (подъ заглавіемъ «Къ жизнеописанію И. В. Лопухина»). — *Переводы Л.* (по списку митр. Евгенія въ его «Словарѣ русск. свѣтск. писателей», т. II, М., 1845, стр. 34—36): 1) «Торжество вѣры надъ любовію», поэма Юнга, М., 1780; 2-е изд. М., 1787; 2) «Рѣчь Томаса, говоренная въ Академіи французской при вступленіи его въ оную», М., 1782; 3) «Надгробная похвала Тюреню», соч. Флешьеромъ, М.,1794; 4) «О должностяхъ супружескихъ», 2-е изд., 1787; 5) «Изображеніе истиннаго христіанства съ добродушнымъ къ оному увѣщаніемъ», М., 1800; 6) «Томасово слово похвальное Марку Аврелію», М., 1801; 7) «Вѣра въ Іисуса или кратчайшій путь къ Богу». Спб., 1804.—*Изданія*, напечатанныя въ типографіи Л., указаны въ текстѣ (См. *Лонгиновъ, М. Н.*, «Новиковъ и московскіе мартинисты, а также «Каталоги» и «Росписи» Бурцева, Геннади, Губерти, Плавильщикова, Смирдина, Сопикова).

Документы, воспоминанія и замѣтки: 1—2) Высочайшее повелѣніе 15 декабря 1796 г., сообщенное Л. ген.-прокурору кн. А. Б. Куракину, о томъ, чтобъ Л. «во всякое время имѣлъ свободный входъ ко всѣмъ вездѣ содержащимся подъ стражей по Тайной Экспедиціи».—Секретное сообщеніе Л. 18 декабря 1796 г. кн. А. Б. Куракину о намѣреніи его посѣтить заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости. Л. просилъ князя приказать, чтобы 20 декабря въ 7 часовъ утра пріѣхалъ къ нему Макаровъ, «съ которымъ бы я—пишетъ Л.—межъ тѣмъ и къ нещастному Невзорову заѣхалъ и который бы на первой случай со мною съѣздилъ и показалъ мнѣ всѣхъ оныхъ въ крѣпости содержащихся... На слѣдующія времена для точнаго исполненія имяннаго Императорскаго указа, который и сейчасъ Его Величество подтвердить мнѣ изволилъ, Ваше Сіятельство, конечно, не оставите приказать... къ... исполненію. Входъ же мой къ тайнымъ арестантамъ, указомъ онымъ вездѣ и во всякое время мнѣ дозволенный, равно и приступъ къ свѣденію о дѣлахъ, производимыхъ въ той Экспедиціи, которые по содержанію того же указа всегда для меня должны быть открыты, никогда, конечно, не будутъ имѣть инаго основанія, кромѣ чистаго усердія къ Августѣйшей особѣ Монаршей и любви къ человѣчеству, столь драгоцѣнной благотворительному Его сердцу»... — Рукоп., *Госуд. Арх.*, VII, 2901. 3—4) Письмо Porrectus (кн. Н. Н. Трубецкого) къ Vegetus (И. П. Тургеневу): ...«О должностяхъ и обстоятельствахъ Г[аупть]-Директоріи не дерзаю писать чрезъ письмо, но вы, возвратясь къ намъ [изъ Симбирска]. обо всемъ узнаете. а скажу только, что членами въ оной суть: я, Репертусъ [кн. Ю. Н. Трубецкой?], Коловіонъ [Н. И. Новиковъ]. Еліомасъ [?], Филусъ [И. В. Лопухинъ]. Вегетусъ [И. П. Тургеневъ] и Велоксъ [А. М. Кутузовъ] или Сацердосъ [бар. Шредеръ], какъ высшіе опредѣлятъ» [Гаупть-директорія учреждена 30 апр. 1784 г., И. П. Тургеневъ вернулся въ Москву въ концѣ 1784 или въ началѣ 1785 года].—Письмо Коловіона къ Вегетусу 22 октября 1788 г.: Н. И. Новиковъ извѣщаетъ И. П. Тургенева, что этотъ послѣдній причисленъ въ округъ Филусъ и непосреднимъ его начальникомъ назначенъ округа директоръ Филусъ... «Не сомнѣваюсь я ни мало,—пишетъ Новиковъ—что вы чувствуете въ полной мѣрѣ достоинство, важность и заслуги в. п. бр. Филуса, а потому не сомнѣваюсь я ни мало и въ томъ, что сердце ваше, ежели бъ отъ выбора вашего зависѣло, само бы назначило въ начальника себѣ, охотно и свободно, сего многодостойнаго и сердцу вашему давно любезнѣйшаго Филуса»... Рукоп., *Имп. Моск. Публ. и Рум. Музей*, № 1954.—На основаніи этихъ матеріаловъ устраняется сомнѣніе, занималъ-ли Л. опредѣленныя должности въ директоріи и въ округахъ. 5) Трудъ М. И. Невзорова «Нѣкоторыя мои свѣдѣнія о характерѣ, свойствахъ и слѣдствіяхъ имѣющаго скоро открыться на земли явленія сына Божія». Рукоп. *Имп. Публ. Б—ки*, Q. Ш. 73.—Его же «Посланіе къ О. А. Поздѣеву» (отрывокъ) въ *Библіогр. Запискахъ*, 1858, № 21, ст. 643—659. 6) «Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической». Сообщены Д. И. Иловайскимъ. Съ предисловіемъ Н. С. Тихонравова. *Лѣтоп. русск. литер. и древн.*, т. V, М., 1863, отд. II, стр. 1—96. См. также «Новиковъ и моск. мартинисты» М. Н. Лонгинова. 7) Пекарскій, П. «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія». Спб., 1869 [Сб. 2 отд. Имп. Ак. Н., т. VII, № 4]. 8) Новые документы по дѣлу Новикова». Сообщены А. Н. Поповымъ. *Сб. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. II, Спб., 1868, стр. 96—158. 9) Храповицкій, А. В., «Дневникъ, 1782—1793». Спб., 1874. 10) Лубяновскій, Ѳ. П., «Воспоминанія» *Р. А.*, 1872, стр. 109—110, 131, 135—137. 11) Вяземскій, П. А., кн., «Выдержки изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году», *Р. А.*, 1873, ст. 2149—2150; 1875, № 5, стр. 102—103. 12) Ростопчинъ, Ѳ. В., «Записка о мартинистахъ, представленная въ 1811 году великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ». *Р. А.*, 1875, № 9, стр. 75—81. 13) Поповъ, А. Н. «Москва въ 1812 году». *Р. А.*, 1875, № 7, стр. 286, № 8, стр. 384, № 10, стр. 184—186. 14) Жуковскій, В. А., «Письма его къ А. И. Тургеневу». *Р. А.*, 1867, стр. 804. 15) Воейковъ, «Воспоминанія о селѣ Савинскомъ и добродѣтельномъ его хозяинѣ». *Новости Литературы*, 1825, май, стр. 65—90. 16) «Письмо отъ г. В[оейкова] къ И. В. Л., который прислалъ

къ нему манускриптъ своихъ Записокъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни своей и службы». *Д. Ю.*, 1810, январь, стр. 70—72. 17) Стихи на день рожденія И. Р. Л. 24 февраля». *Д. Ю.*, 1810, февраль, стр. 95—101 [Написано въ Казани, въ 1800 г.]. 18) «Прогулка въ саду сельца Савинскаго». Стихотв. за подписью «ъ. й.». 19) Невзоровъ, М. И.— посвященіе *Л.* январьской книжки *Д. Ю.*, 1813 г. — *Литература о Л.*: 1) Аѳанасьевъ, А. «И. В. Лопухинъ». Арх. истор. и практ. свѣд., относ. до Россіи, 1860—1861, кн. 1-я, Спб., 1860, стр. 1—60. 2) В. В—въ. «Историческіе очерки русскаго масонства и его главныхъ представителей». *Орловск. Епарх. Вѣдом.*, 1869, № 1, стр. 43—52; № 2, стр. 128—135; № 3, стр. 213—221; № 4, стр. 300—310; № 5, стр. 444—455; № 7, стр. 661—681 (И. В. Лопухинъ), № 9, стр. 819—829; № 13, стр. 1182—1188. 3) Дубницкій, «Изъ исторіи общественнаго развитія Россіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. И. В. Лопухинъ». *Вѣстн. Славянства*, 1883. 4) Ешевскій, С. В., «Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія» (1780—1789)». Сочиненія, т. III, 1870, стр. 443—568. 5) Ключевскій, В. О., «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени». Очерки и рѣчи. М., 1913, стр. 248—282. 6) Лонгиновъ, М. Н., «Новиковъ и московскіе мартинисты». М., 1867. 7) «Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII в.». *Отеч. Зап.*, 1861, апрѣль (критика), стр. 86—124. 8) Незеленовъ, А., «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ, 1769—1785 гг.». Спб., 1875. Его же, «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». Спб., 1889. 9) Пыпинъ, А. Н., «Русское масонство въ XVIII вѣкѣ». *В. Е.*, 1867, т. II, отд. 2, стр. 51—106; т. III, отд. 2, стр. 1—59; т. IV, отд. 2, стр. 1—70. Его же, «Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ», гл. I—IV. *В. Е.*, февр., стр. 561—603. 10) Семека, А., «Русскіе розенкрейцеры и сочиненія императрицы Екатерины II, противъ масонства» *Ж. М. Н. Пр.*, 1902, февраль, стр. 343—400. 11) Спиовскій, В. В., «Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника», Спб., 1899. 12) Соколовская, Т. О., «Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія». Спб., s. a. 13) Суровцевъ, А. Г., «Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность». Спб., 1901. 14) Тарасовъ, Е. И., «Къ исторіи масонства въ Россіи: Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ». Спб., 1910. 15) Тихонравовъ, Н. С., а) «Профессоръ И. Г. Шварцъ», б) «Н. И. Новиковъ», в) «Четыре года изъ жизни Карамзина». Сочиненія, т. III, ч. 1-я, М., 1898, стр. 60—81, 130—162, 258—275. 16) Тукалевскій, В. Н., «Исканія русскихъ масоновъ. Спб., 1911.

Я. Барсковъ.

Лопухинъ, *Иванъ Степановичъ*, камеръ-юнкеръ двора правительницы Анны Леопольдовны, гвардіи подполковникъ, сынъ Степана Васильевича Лопухина. Одинъ изъ главныхъ участниковъ Лопухинскаго дѣла. (См. *Наталья Ѳедоровна Лопухина*). Особая комиссія, разбиравшая дѣло, признала его виновнымъ въ уклоненіи отъ присяги императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и въ томъ, что, слыша отъ отца и матери неодобреніе императрицѣ, съ ними соглашался, принималъ участіе въ совѣтахъ о вспомогательствѣ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и о войнѣ противъ Россіи въ пользу принца Іоанна; слухи о нихъ онъ распространялъ, гдѣ могъ, и приводилъ къ себѣ въ согласіе нѣкоторыхъ гвардіи офицеровъ и дворянство; въ компаніяхъ заводилъ по этому поводу разговоры и всегда выражалъ надежду, что совершится ожидаемая имъ перемѣна престолонаслѣдія, радовался ей заранѣе и другихъ обнадеживалъ; Высочайшую персону государыни оскорблялъ непристойными словами, принцессу прославлялъ, принца титуловалъ императоромъ и во время войны за него собирался измѣнить существующему правительству; министровъ, генералитетъ, придворныхъ и лейбъ-кампанію бранилъ, поносилъ и презиралъ. Остермана съ товарищами, сущихъ государственныхъ злодѣевъ, восхвалялъ и все, что къ повреждепію государева здравія и благополучія, а также и безпокойству государственному касалось, производилъ. За всѣ эти вины Ивана Лопухина приговорили къ урѣзанію языка и четвертованію. Императрица смягчила приговоръ, и 31-го августа 1743 г. Ивана Лопухина высѣкли кнутомъ и, урѣзавъ языкъ, сослали въ Охотскъ. На содержаніе ему назначено было въ день по 50 коп. и слуга для ухода за нимъ, съ содержаніемъ по 10 коп. въ день. Съ большимъ трудомъ добрался И. Лопухинъ до мѣста ссылки. На рѣкѣ Ленѣ ему пришлось зазимовать и ждать половодья. Еще въ пути онъ, по слабости и попустительству стражи, сталъ пьянствовать и играть въ карты со встрѣчными ссыльными. По прибытіи въ Охотскъ Лопухинъ попалъ подъ надзоръ прапорщика Новицкаго, распоряжавшагося арестантами, какъ ему нравилось, до октября 1749 г., пока не отдали его подъ судъ, какъ «весьма подозрительнаго въ разныхъ противныхъ и непорядочно чиненныхъ имъ поступкахъ». Въ іюнѣ 1750 г. умеръ слуга Лопухина, но это мало ухудшило его положеніе, такъ какъ еще съ 1746 г. изъ-за болѣзни слуги за Лопухинымъ ходили

нѣмецкихъ изъ инородцевъ. Умеръ Лопухинъ въ ссылкѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII стол.

Библіографія, см. Наталія Лопухина.

В. Фурсенко.

Лопухинъ, *Иларіонъ Дмитріевичъ*, думный дворянинъ, происходилъ изъ незнатнаго дворянскаго рода, предки его, какъ видно изъ его челобитной, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу, искони служили въ городахъ по выбору, и самъ онъ началъ службу въ жильцахъ, а затѣмъ попалъ въ приказные дьяки; считая эту службу для себя унизительной, онъ просилъ царя отставить его отъ дьячества. Михаилъ Ѳеодоровичъ, очевидно цѣнившій способности Лопухина, отставки ему не далъ, но приказалъ «впередъ ему въ безчестье, упрекъ и случай того, что онъ въ дьякахъ, его братьѣ дворянамъ не ставить», такъ какъ взятъ онъ въ дьяки «по государеву именному указу», а не своимъ «хотѣньемъ». Въ виду того, что въ данномъ случаѣ Лопухинъ, вѣроятно, больше всего озабоченъ былъ интересами своего рода, то онъ вполнѣ и удовлетворился подобной резолюціей и всю послѣдующую жизнь проработалъ въ московскихъ приказахъ. Въ какомъ именно приказѣ началась служба Лопухина, неизвѣстно, но, начиная съ 1647 г., въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, онъ почти безпрерывно входилъ въ составъ приказа Казанскаго Дворца. Въ 1652 г. онъ былъ пожалованъ въ думные дьяки, а въ 1653 г. назначенъ вѣдать Посольскій приказъ какъ разъ въ то время, когда въ Москвѣ велись переговоры съ Богданомъ Хмельницкимъ относительно принятія малороссійскихъ казаковъ въ московское подданство. Осенью того-же года, въ посольствѣ боярина В. В. Бутурлина и окольничаго Алферьева, Лопухинъ былъ посланъ въ Переяславль приводить къ присягѣ днѣпровское казачество; съ тою же цѣлью 14 января 1654 г. посольство изъ Переяславля отправилось въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Сильвестръ долго не соглашался привести къ присягѣ царю свою шляхту, слугъ и дворовыхъ людей, какъ не принадлежащихъ къ Софійскому дому и служащихъ по найму. Наконецъ и это дѣло было улажено, а въ концѣ января Бутурлинъ съ товарищами отправился назадъ въ Москву. Въ Калугѣ ихъ встрѣтилъ стольникъ Головинъ, посланный къ нимъ съ «государевымъ милостивымъ словомъ» за успѣшное выполненіе даннаго имъ порученія. Вскорѣ по возвращеніи изъ этой поѣздки Лопухинъ вновь покинулъ Москву, на этотъ разъ вмѣстѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, лично выступившимъ (18 мая 1654 г.) въ походъ противъ польскаго короля Яна-Казиміра; Лопухинъ отправлялся думнымъ дьякомъ посольскаго шатра; къ качествѣ такового онъ скрѣплялъ всѣ царскія грамоты, шедшія изъ похода. Когда осенью 1655 г. начались было мирные переговоры, ему вмѣстѣ съ окольничимъ княземъ Сем. Ром. Пожарскимъ велѣно было «говорить о дѣхалъ», т. е. предварительныхъ условіяхъ, съ посланникомъ гетмана Павла Сапѣги, Глядовицкимъ. Переговоры эти однако не имѣли успѣха, такъ какъ, вопреки русскимъ требованіямъ, поляки продолжали именовать Яна-Казиміра *великимъ княземъ Литовскимъ* и Сапѣгу называли *Литовскимъ* гетманомъ, несмотря на занятіе Литовскихъ городовъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Лѣтомъ 1656 г. мирные переговоры опять возобновились; на этотъ разъ въ нихъ принялъ участіе императоръ Фердинандъ III, и 7 іюля 1655 г. Лопухинъ посланъ былъ въ Полоцкъ къ цесарскимъ послам Алгарету де Аллегретусу (Аллегретти) съ товарищами. Разсмотрѣвъ присланную отъ императора грамоту, Лопухинъ нашелъ, что принять ее нельзя въ виду того, что «царское титло» выписано въ ней не полностью, что «тѣмъ цесарское величество къ брату своему, къ великому государю нашему, его царскому величеству, оказуется въ томъ большимъ нелюбьемъ, и съ тою грамотою имъ (посламъ) у царскаго величества быть не мочно». Онъ обѣщалъ, впрочемъ, обо всемъ доложить государю. Цесарскій посолъ просилъ, чтобы выслушали его бояре, но Лопухинъ и на это отвѣтилъ, что доложитъ царскому величеству, «а что о томъ будетъ, и имъ про то учинятъ вѣдомо инымъ временемъ». Такъ хлопоталъ думный дьякъ о поддержаніи престижа Московскаго царя. Въ ноябрѣ царь Алексѣй Михайловичъ вернулся въ Москву, а 15-го декабря австрійское посольство было представлено ему. Съ этого времени Лопухинъ опять водворился въ Москвѣ; посольскихъ дѣлъ пока онъ больше не касался, но вскорѣ ему было дано порученіе, если и менѣе отвѣтственное, то во всякомъ случаѣ столь-же щекотливое: 12 іюля 1658 г. онъ вмѣстѣ съ бояриномъ

княземъ А. Н. Трубецкимъ посланъ былъ въ Воскресенскій монастырь къ бывшему царскому любимцу, патріарху Никону, выговаривать ему за то, что онъ уѣхалъ, не благословивъ царя, и самовольно покинулъ патріаршество. Надо было уладить дѣло, единственное въ своемъ родѣ и грозившее осложненіями. Однако посланцы Алексѣя Михайловича повели переговоры настолько умѣло, что бывшій патріархъ, хотя и упорствуя на своемъ отказѣ отъ патріаршества, тѣмъ не менѣе просилъ черезъ нихъ прощенія у царя и послалъ свое благословеніе Крутицкому митрополиту вѣдать церковь. Впослѣдствіи, въ январѣ 1672 г., Лопухинъ еще разъ, теперь уже одинъ, ѣздилъ къ бывшему патріарху, сосланному въ Ѳерапонтовъ монастырь. Онъ долженъ былъ возвѣстить Никону, въ отвѣтъ на его прошительное письмо, государскую милость, готовность царя примириться съ своимъ старымъ «собинным пріятелемъ», но въ то же время объяснить бывшему патріарху, что причиною его ссылки послужило его собственное упрямство, что посланъ онъ въ Ѳерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ. Лопухинъ слегка пенялъ Никону и за то, что онъ, зная о затѣѣ воровскихъ казаковъ, вовремя не извѣстилъ объ этомъ царя, и за то, что онъ не принялъ денегъ, посланныхъ ему на поминъ души царицы Маріи Ильиничны. Никонъ, продолжая порочить постановленія патріарховъ Паисія и Макарія, которые «престоловъ своихъ отбыли», во всемъ прочемъ старался оправдаться передъ царемъ и закончилъ свой отвѣтъ просьбой перевести его на жительство въ Воскресенскій или Иверскій монастырь. Этотъ отвѣтъ Никона Лопухинъ и привезъ государю, который, правда, не исполнилъ послѣдней просьбы своего бывшаго друга, но съ этого времени опять возобновилъ съ нимъ сношенія, сталъ посылать ему богатые подарки, величать его великимъ и святымъ старцемъ. Такъ удалось Лопухину уладить эту давнишнюю распрю двухъ высокопоставленныхъ друзей, и не его вина, если неугомонный Никонъ своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ не сумѣлъ заслужить себѣ полнаго прощенія. Въ описанное время Лопухинъ былъ уже думнымъ дворяниномъ (съ начала 1667 г.). Царь Алексѣй Михайловичъ такъ-же, какъ и отецъ его, цѣнилъ способности Лопухина, и было время (около 1663 г.), когда онъ одновременно работалъ въ трехъ приказахъ: Казанскомъ Дворцѣ, Посольскомъ приказѣ и Новгородской четверти. Въ 1662 г., завѣдуя посольскими дѣлами, онъ хлопоталъ передъ вновь прибывшими цесарскими послами объ освобожденіи московскаго посла Ефима Прокофьева, отправленнаго къ императору, но задержаннаго въ Польшѣ, и добился отъ пословъ обѣщанія, что «цесарь (Леопольдъ) впростѣ того не покинетъ». 14-го апрѣля того-же года Лопухинъ «объявлялъ» государю императорскихъ пословъ Августина фонъ-Маерна (Майерберга) и Горацыуша-Вильгельма Калюцыюша, спрашивалъ ихъ о здоровьи отъ имени царя и говорилъ имъ рѣчь объ отпускѣ ихъ въ Смоленскъ къ великимъ и полномочнымъ посламъ, кн. Н. И. Одоевскому съ товарищами «для посредства» съ польскими комиссарами на съѣздѣ. Въ 1669 г., послѣ новыхъ осложненій въ Малороссіи, Лопухинъ на казенномъ дворѣ принималъ малороссійскихъ посланцовъ. Онъ объявилъ имъ, что государь отпустилъ уже 161 плѣнника и отпуститъ остальныхъ, если они дадутъ имъ роспись. Посланцы отвѣчали, что дадутъ роспись на «радѣ». Затѣмъ Лопухинъ запросилъ у нихъ письменныхъ уликъ противъ оговоренныхъ ими виновниковъ возмущенія, блюстителя кіевской митрополіи, епископа Меѳодія и нѣжинскаго протопопа, и разспрашивалъ относительно того, кто говорилъ имъ «смутныя рѣчи», будто-бы листы ихъ «царскому величеству не доносятъ». Посланцы назвали ему бывшаго гетмана, измѣнника—Брюховецкаго.

Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности Лопухина. Скончался онъ 29 іюля 1677 г. и похороненъ въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

П. Н. Петровъ ведетъ отъ него происхожденіе нынѣ существующаго дворянскаго рода Лопухиныхъ.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. тов. «Общ. Польза», кн. II, стр. 1308, 1630, 1633, 1639, 1686; кн. III, стр. 213, 278—280, 282, 379, 380. — «Памятники дипломатич. сношеній др. Россіи», Спб., 1858 г., т. III, стр. 302, 468, 484, 486, 495—500; т. IV, стр. 275, 283, 300, 301, 303, 304, 310, 315, 333, 341, 432, 440, 489; т. V, стр. 344; т. X, стр. 815, 820, 843, 852, 855, 859, 865, 887, 898, 912—914. — Акты Археогр. Экспед., т. IV, стр. 134, 209.—Акты Истор., т. IV, стр. 53, 140, 178, 212, 236, 239, 277, 278, 282, 284, 286, 291, 292, 304, 343, 364,

374, 375, 377, 381.—Доп. къ Ак. Ист., т. III, стр. 510; т. IV, стр. 170, 172, 190, 193, 196, 197, 226, 243, 411; т. V, стр. 109, 163, 170, 268; т. VI, стр. 26, 346, 349.—«Донскія дѣла», кн. 4, роспись приказовъ.—*П. Н. Петровъ*, «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб., 1885 г., стр. 241—242.—«Московскій Некрополь». Изд. вел. кн. Ник. Михаиловича. Спб. 1908 г.

А. Гельвихъ.

Лопухинъ, князь *Павелъ Петровичъ*, родился въ 1788 г. и на пятомъ году отъ рожденія, по обычаю того времени, былъ зачисленъ портупей-прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ (1793 г.). Въ царствованіе императора Павла онъ былъ произведенъ въ прапорщики (1798 г.), пожалованъ во флигель-адъютанты и сохранилъ это званіе при исключеніи изъ полка съ чиномъ поручика (1800 г.). При вступленіи на престолъ императора Александра I, 13-ти лѣтній кн. Лопухинъ былъ переименованъ въ дѣйствительные камергеры и возвратился къ родителямъ для окончанія своего воспитанія. Настоящую свою служебную карьеру онъ началъ 16-ти лѣтъ (1806 г.), поступивъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ. Лопухинъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и подъ Фридландомъ, а въ 1809 г. вступилъ въ отправленіе должности по званію флигель-адъютанта. Во все продолженіе кампаніи 1812 г. онъ состоялъ при начальникѣ главнаго штаба арміи. А. П. Ермоловѣ и безъ его участія не обошлось почти ни одного сраженія. Витебскъ, Смоленскъ, Заболотье, Бородино, Тарутино, Малый Ярославецъ, Вязьма и Красный были свидѣтелями отваги, храбрости и разумной распорядительности князя. Въ 1813 г. Лопухинъ состоялъ при особѣ императора Александра I, затѣмъ онъ былъ въ корпусѣ барона Винцингероде въ арміи кронъ-принца шведскаго; участвовалъ въ битвѣ подъ Гросъ-Береномъ, при Денневицѣ и подъ Лейпцигомъ. Съ двумя казачьими полками онъ занялъ большую часть Вестфальскаго королевства и очистилъ Ольденбургское герцогство и и Остъ-и Вестъ-Фризъ отъ занимавшихъ ихъ непріятельскихъ отрядовъ. Въ кампанію 1814 года князь постоянно находился въ авангардѣ генералъ-адъютанта Чернышева, при чемъ отличился въ сраженіи подъ Люттихомъ и обратилъ на себя вниманіе своимъ безстрашіемъ и распорядительностью при Суассонѣ, Лаонѣ, Реймсѣ и при взятіи Парижа. Въ 1815 г., начальствуя сперва казачьимъ отрядомъ, а потомъ двумя казачьими полками, кн. Лопухинъ прикрывалъ главную квартиру подъ Ландау, Страсбургомъ и Пфальсбергомъ. Въ 1817 г. онъ въ чинѣ генералъ-маіора былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, а въ 1829 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Наступившая польская кампанія 1831 г. пополнила послужной списокъ князя многими блестящими страницами. 7 февраля онъ командовалъ авангардомъ 1-го пѣхотнаго корпуса въ генеральномъ сраженіи при корчмѣ Ваверъ, 13-го февраля въ сраженіяхъ на поляхъ Гроховскихъ командовалъ всею кавалеріею перваго пѣхотнаго корпуса, 14-го мая участвовалъ въ сраженіи подъ Остроленкою, затѣмъ, находясь постоянно въ авангардѣ, послѣ переправы на лѣвый берегъ Вислы, принималъ участіе въ генеральномъ сраженіи, взятіи приступомъ передовыхъ укрѣпленій и при покореніи Варшавы. Ордена св. Владиміра 2-й степени и св. Георгія 3-й ст. были наградами князю за эти подвиги. Въ 1835 г. князь, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-лейтенанта и поселился въ своемъ имѣніи Корсунь, Кіевской губ., гдѣ и скончался 23 февраля 1873 г.

«Русская Старина», 1873 г., № 5, стр. 728—730.—«Кіевлянинъ» 1873 г., № 25.—«Гражданинъ» 1874 г., № 3, стр. 81.—«Иллюстрированная Газета», 1873 г., № 11.

М. Поповъ.

Лопухинъ, *Петръ Авраамовичъ Большой*, по прозванію *Лапка*, боярин, старшій сынъ думнаго дворянина Авраама Никитича, началъ службу въ Московскихъ стрѣльцахъ; въ 1670 г., во время бунта, поднятаго Степаномъ Разинымъ, уже стрѣлецкимъ головою, стоялъ въ Астрахани, откуда посланъ былъ въ Царицынъ охранять этотъ городъ, «чтобы отъ казаковъ какова дурна вновь не учинилось», но Царицынъ, какъ извѣстно, былъ взятъ мятежниками, и Лопухинъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ стрѣлецкихъ головъ, не измѣнившихъ царю, въ 1672 г. вернулся въ Москву. Вскорѣ затѣмъ, въ 1675 г., онъ ходилъ съ полкомъ въ Курскъ. Въ 1689 г. послѣ женитьбы молодого царя Петра Алексѣевича на племянницѣ его Евдокіи Ѳеодоровнѣ, Лопухинъ приблизился ко двору, былъ сдѣланъ окольничимъ, а потомъ и бояриномъ и поставленъ вѣдать

Ямской приказъ. Въ 1694 г. онъ принималъ участіе въ примѣрномъ Кожуховскомъ походѣ, но вскорѣ затѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ царя. Неизвѣстно, за что Петръ разсердился на Лопухина. Во всякомъ случаѣ, 24 января 1695 г. Лопухина пытали «въ великомъ государевомъ дѣлѣ» на Потѣшномъ дворѣ, а на слѣдующій день онъ умеръ отъ послѣдствій пытки. Въ народѣ ходили слухи, что «запытанъ онъ напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина», давнишняго недоброжелателя и соперника Лопухина въ эпоху ихъ возвышенія. Тѣло Петра Авраамовича впослѣдствіи (въ 1701 г.) перенесено было въ Московскій Спасо-Андрониковъ монастырь и погребено здѣсь въ Знаменской церкви, рядомъ съ братьями.

*Н. Устрялов*ъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб. 1859 г., т. IV, гл. 1, стр., 10.—Допол. къ Акт. Истор., т. VI, стр. 19—21, 237.—«Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ», Спб., 1893 г., т. I, II, III, IV (по указателю).—Записки *Желябужскаго*, Спб., 1840 г., стр. 34. 40.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. тов. «Общ. Польза» кн. III, стр. 1161, 1162.—*Н. Ивановъ-Писаревъ*, «Спасо-Андрониковъ монастырь», М. 1842 г., стр. 32.

А. Гельвихъ.

Лопухинъ, *Петръ Авраамовичъ Меньшой*, боярин, братъ предыдущаго, подобно брату, сперва служилъ въ стрѣльцахъ, въ 1678—1680 гг. завѣдывалъ Рейтарскимъ приказомъ, былъ близокъ въ эту пору къ партіи Нарышкиныхъ и потому навлекъ на себя гнѣвъ стрѣльцовъ, которые въ 1682 г. добивались его ссылки. На этотъ разъ, однако, Лопухинъ не только уцѣлѣлъ, но вскорѣ занялъ даже болѣе почетное мѣсто: въ чинѣ окольничаго онъ сперва получилъ въ свое вѣдѣніе приказъ Каменныхъ дѣлъ (1689—1690 гг.), а затѣмъ, послѣ паденія царевны Софьи, когда молодой царь Петръ Алексѣевичъ сталъ подбирать себѣ новыхъ сотрудниковъ вмѣсто прежнихъ ставленниковъ его сестры, Лопухинъ оказался въ числѣ лицъ, облеченныхъ царскимъ довѣріемъ, и былъ назначенъ, уже въ санѣ боярина начальникомъ Большого Дворца и дворцоваго Суднаго приказа. Въ это время, какъ полагаетъ Соловьевъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ родственниковъ молодой царицы Евдокіи Ѳеодоровны; послѣ удаленія ея, счастливая звѣзда Лопухиныхъ померкла, но Петръ Авраамовичъ, привыкшій распоряжаться властно, очевидно, не понялъ этого и скоро сталъ жертвой царскаго гнѣва. Когда въ августѣ 1698 г. Петръ вернулся изъ заграничнаго путешествія и явился въ Архангельскій соборъ поклониться отцовскому гробу, онъ нашелъ тамъ челобитную архангельскихъ священниковъ, просившихъ царя защитить соборную церковь отъ боярина Лопухина, который убиваетъ до смерти ея крестьянъ, «а суда на него нѣтъ». Когда Петръ затѣмъ вышелъ изъ собора, то къ паперти были подвезены и групы десяти соборныхъ крестьянъ, убитыхъ крестьянами Лопухина, какъ говорили, по его повелѣнію. Это зрѣлище настолько разсердило царя, что онъ немедленно отправился въ Константиновскій застѣнокъ и велѣлъ призвать туда Лопухина. Напрасно патріархъ ходатайствовалъ о его помилованіи. Лопухинъ умеръ на пыткѣ.

*Н. Устрялов*ъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб. 1859 г., т. II, стр. 97; т. VI, стр. 10 —*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. тов. Общ. Польза, кн. III, стр. 1083, 1163.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго», М., 1796 г., допол. XVII, стр. 47—51.—Акты Археогр. Экси., т. IV, стр. 451, 453.—Дополн. къ Акт. Ист., т. VII, стр. 70, 71, 86; т. VIII, стр. 118, 119, 148, 259; т. IX, стр. 105; т. X, стр. 25.—«Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ», СПб., 1893 г., т. I. II и III (по указателю).

А. Гельвихъ.

Лопухинъ, князь *Петръ Васильевичъ*, министръ юстиціи, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, род. въ 1753 г. и въ малолѣтствѣ, продолжая еще ученіе въ домѣ отца своего, записанъ былъ въ лб.-гв. Преображенскій полкъ; въ теченіе 9-ти лѣтъ, числясь въ спискахъ полка, онъ получилъ чины: капрала (1760), фурьера (1763), каптенармуса (1764), сержанта (1765) и прапорщика (1769); въ послѣднемъ чинѣ онъ и поступилъ на дѣйствительную службу. Въ 1775 г. Лопухинъ былъ произведенъ въ капитанъ-поручики гвардіи, а въ 1777 г. получилъ чинъ полковника и опредѣленъ былъ къ статскимъ дѣламъ. Вслѣдъ затѣмъ ему поручено было исправлять должность С.-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера (1779). Довольная его распорядительностью императрица Екатерина II утвердила Лопухина въ этой должности (1780), пожаловала его бригадиромъ (1781), орденомъ св. Владиміра 3-й ст. (1782) и перевела (1783) въ Тверь въ званіи правителя канцеляріи тамошняго намѣстничества. Въ

томъ же 1783 г. Лопухинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву; въ этой должности онъ оставался въ теченіе 10-ти лѣтъ и награжденъ былъ за усердную службу орденомъ св. Владиміра 2-й ст. большого креста (1785) и чиномъ генералъ-поручика (1791). Изъ Москвы Лопухинъ былъ переведенъ въ 1793 г. въ Ярославль въ званіи генералъ-губернатора Ярославля и Вологды. По вступленіи на престолъ императора Павла Лопухину сначала велѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники и съ пожалованіемъ ордена св. Александра Невскаго (1796), а потомъ онъ былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ (1798), членомъ Государственнаго Совѣта, дѣйств. тайн. совѣтникомъ, кавалеромъ орденовъ св Андрея Первозваннаго, св. Анны и св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, украшеннаго алмазами; въ слѣдующемъ году Лопухинъ получилъ портретъ государя, староство Корсунь (Кіевской губ. въ Богуславскомъ уѣздѣ) въ потомственное владѣніе, брильянтовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и княжеское достинство Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлости. Во время отправленія имъ генералъ-прокурорской должности вышло гуманное узаконеніе объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія людей, достигшихъ болѣе 70-ти лѣтняго возраста. Въ 1799 г. Лопухинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I Лопухину снова повелѣно было (1801) присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ день коронованія пожалована была табакерка съ императорскимъ портретомъ. Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ на него возложено было управленіе комиссіею составленія законовъ. Въ 1806 г. Лопухинъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст., въ 1810 г. назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, а въ 1812 г. повелѣно было ему предсѣдательствовать въ департаментѣ законовъ и въ прочихъ департаментахъ; въ 1814 г. онъ былъ возведенъ въ первый классъ и черезъ два года назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Въ этомъ званіи кн. Лопухинъ скончался 6 апрѣля 1827 г. и тѣло его погребено въ псковскомъ его имѣніи близъ Порхова.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. II, стр. 322—325.—*Ивановъ*, «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи», стр. 113—116.—«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.». Изд. вел. кн. Николая Михаиловича. *М. Поповъ.*

Лопухинъ, *Сергѣй*, капитанъ 2-го ранга, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1758 г., въ слѣдующемъ году онъ произведенъ былъ въ гардемарины, въ 1761 г.—въ мичманы, въ 1765 г.—въ лейтенанты и въ 1772 г.—въ капитанъ-лейтенанты. Въ этомъ чинѣ онъ на кораблѣ «Чесьма», находившемся въ эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова, отправился въ Средиземное море и принялъ участіе въ Патрасскомъ сраженіи съ турками, въ которомъ лишился ноги. Въ томъ же 1772 г. Лопухинъ, за болѣзнію, былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана 2-го ранга.

Общій морской списокъ, ч. II, стр. 237—238.

Лопухинъ, *Степанъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, кавалеръ ордена св. Александра-Невскаго, дѣйствительный камергеръ, членъ Адмиралтействъ-коллегіи. Степанъ Васильевичъ Лопухинъ принадлежалъ къ древнему и знатному роду. Его отецъ гофъ-юнкеръ и гвардіи капитанъ-поручикъ Василій Авраамовичъ приходился двоюроднымъ братомъ царицѣ Евдокіи. Степанъ Лопухинъ, хотя и былъ въ родствѣ съ семьей Петра Великаго, но съ дѣтства питалъ къ нему чувство непріязни и даже вражды. Гоненія, постигшія при немъ Лопухиныхъ, только раздували и усиливали это чувство, направленное, впрочемъ, только противъ Преобразователя лично, но не противъ его дѣла. Вотъ почему въ числѣ лицъ, выполнявшихъ предначертанія Петра, встрѣчаются и Лопухины. Степанъ Васильевичъ, по ходатайству дяди своего Абрама, получилъ должность Псковскаго ландрата, но уже въ 1718 г. оказался не у дѣлъ. Дѣло царевича Алексѣя и разгромъ его партіи были ужаснымъ ударомъ для всей семьи опальной царицы. Уцѣлѣвшіе, считая своимъ правомъ держаться у двора, сблизились съ потомками царя Ивана и его партизанами. Въ числѣ ихъ былъ и Степанъ Васильевичъ, скрѣпившій свою пар-

тійную пріязнь бракомъ съ фрейлиной герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, дѣвицей Наталіей Балкъ. Молодую семью (бракъ ихъ состоялся въ 1716—1717 гг.) вскорѣ постигло большое несчастіе. 28 апрѣля 1719 г. Петру Андреевичу Толстому донесли, что 26-го апрѣля С. Лопухинъ явился вечеромъ въ Троицкую церковь, что на Петербургской сторонѣ, гдѣ собрались для встрѣчи тѣла умершаго царевича Петра Петровича люди разнаго званія. Ставъ у клироса, онъ переглядывался съ Евфиміемъ Городецкимъ и Тимофеемъ Кудряшовымъ и про себя посмѣивался. Кудряшовъ же говорилъ Городецкому: «Для чего ты съ Лопухинымъ ссорился; еще де ево, Лопухина, свѣча не угасла, будетъ ему, Лопухину, и впредь время». При допросѣ выяснилось: «свѣча, которая не угасла—царевичъ великій князь Петръ Алексѣевичъ» и пока онъ живъ, надежда на возможность возвышенія для Лопухина не пропадетъ. Въ судьи по этому дѣлу, кромѣ Толстого, привлекли И. И. Бутурлина, А. П. Ушакова и Г. Г. Скорнякова-Писарева. Лопухинъ говорилъ, что и въ мысляхъ не имѣлъ радоваться царскому горю, а въ церкви смѣялся оттого, что Афросимовъ и Городецкій его соперники по земельной тяжбѣ, и ихъ совмѣстное появленіе въ пьяномъ видѣ на вечернѣ въ церкви разсмѣшило его. Судьи ему не повѣрили, а рѣшили, что онъ «смѣялся якобы радуясь такой приключившейся всенародной печали», за что приговорили «учинить ему наказаніе, вмѣсто кнута бить батоги нещадно и сослать его съ женою и дѣтьми въ Кольскій острогъ на вѣчное житье, а движимымъ и недвижимымъ его имѣніямъ быть при немъ неотъемлемо и для той посылки отдать ево Архангелогородской губерніи коммисару съ росписко̀ю». 23-го декабря 1719 г. Степану Лопухину былъ прочитанъ въ Тайной канцеляріи указъ о его ссылкѣ, послѣ чего и приведенъ въ исполненіе.

31-го декабря, вслѣдствіе запроса комиссара, какимъ образомъ содержать Лопухина, данъ добавочный указъ: «содержать его такъ, какъ и прочихъ таковыхъ ссыльныхъ людей». Повидимому, во время или послѣ суда Лопухинъ временно оказался на свободѣ и, встрѣтившись съ доносчикомъ, приведшимъ его въ судъ, комиссаромъ Иваномъ Афросимовымъ, избилъ его, какъ могъ. Снова начался судъ, и 17 февраля 1720 г. послѣдовала резолюція бить Лопухина батоги нещадно, а за увѣчье наложить штрафъ—200 рублей. Не унялся Лопухинъ и въ ссылкѣ: въ теченіе 1720—1722 гг. въ Тайную канцелярію подано было на него нѣсколько жалобъ какъ отъ гражданскихъ, такъ и отъ военныхъ властей: «оной Лопухинъ ихъ нахально всѣхъ бьетъ и обиды имъ творитъ». Такъ, напримѣръ, 24-го декабря 1721 г. онъ явился въ Кольскую канцелярію въ первомъ часу ночи и билъ караульныхъ солдатъ по щекамъ. На комендантскомъ дворѣ «сержанта билъ по головѣ дубиною и оную дубину о его сержантову голову изломалъ». Угрожалъ караульному поручику Расу срубить голову. Разобиженный поручикъ написалъ длинную жалобу на непотребства Лопухина, склонявшаго команду къ неповиновенію, просилъ разрѣшенія держать ссыльнаго за карауломъ и закончилъ свое письмо словами: «во истину такого человѣка злобнаго, чаю, на семъ свѣтѣ другого нѣтъ и о его происхожденіи на бумагѣ писать пространно невозможно».

Въ Тайной канцеляріи получены были свѣдѣнія, что Лопухинъ «такъ билъ и увѣчилъ, что многіе чуть не померли... и онъ же зачалъ подметными письмами торговать». «Хотя бъ Ангелъ Божій, и тотъ съ нимъ не уживется», жаловались въ другомъ письмѣ, «а ежели съ нимъ жить по его волѣ, то въ Кольскомъ острогѣ въ полъ-года не будетъ ни единаго человѣка». 13-го августа 1722 года Тайная канцелярія опредѣлила Лопухина допросить, допросъ прислать въ канцелярію, а ему, Степану, за такія его непотребства при градскихъ жителяхъ учинить наказаніе: вмѣсто кнута бить батоги нещадно и, по учиненіи того наказанія, сказать ему указъ съ приложеніемъ руки его, и собрать по немъ поруки, что ему впредь такъ непорядочно отнюдь не поступать. Если же онъ будетъ продолжать свои безобразія, то ему угрожаетъ битье кнутомъ и ссылка въ каторгу на вѣчную работу. Въ случаѣ ненахожденія поручителей, предписывалось держать Лопухина за карауломъ. 20 декабря 1722 г. комендантъ доносилъ, что Лопухинъ взятъ въ Кольскую канцелярію и во всемъ заперся. Его били батогами, но на вызовъ поручителей «о немъ, Лопухинѣ, въ томъ Коль-

скомъ острогѣ изъ обывателей никто не ручается и ручаться по немъ опасны». Но у Лопухина сыскались болѣе сильные покровители, нежели Кольскіе жители; надо полагать, это были родственники жены Балки и Монсы. Въ декабрѣ слѣдующаго 1723 года Лопухинъ уже въ Москвѣ и пишетъ Вилиму Монсу письмо съ просьбой ходатайствовать за родныхъ. Еще болѣе ожилъ онъ со времени вступленія на престолъ Екатерины I, когда для Балковъ и ихъ родственниковъ настали лучшія времена. Вступленіе на престолъ Петра II было расцвѣтомъ ихъ благополучія: указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 21-го іюля 1727 г. Лопухинъ возвращенъ былъ изъ ссылки, взятъ ко двору и уже въ ноябрѣ упоминается камергеромъ. 10-го ноября 1727 г. ему пожалованъ былъ въ Москвѣ домъ, бывшій доктора Бидло, 19-го мая 1728 г. ему дарятъ отписную у Меншикова Гуслицкую волость въ Московскомъ уѣздѣ. Особенно милостиво относился къ нему князь И. А. Долгорукій, изъ уваженія къ нему даже сдерживавшій свой необузданный нравъ: Долгорукій имѣлъ обыкновеніе издѣваться надъ мужемъ своей возлюбленной кн. Н. Ю. Трубецкимъ и избивать его. Однажды у него же на дому «по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ его выкинуть въ окошко и если бы Степанъ Васильевичъ сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было». Свойство съ императоромъ и многими знатными при дворѣ персонами, принадлежность къ господствующей правительственной партіи и милость фаворита дѣлали С. Лопухина очень вліятельнымъ человѣкомъ, но врядъ ли многіе были имъ облагодѣтельствованы. Говорили, по крайней мѣрѣ, и о немъ и о его присныхъ плохо. Княгиню Волконскую, знаменитую Аграфену Петровну, въ дѣвичествѣ Бестужеву, предупреждали «беречься Степановой Лопухина сестры, которая старицею (въ Дѣвичьемъ монастырѣ), чѣмъ бы Васъ не повредила, понеже они (Лопухины) люди добрые и очень всѣмъ извѣстны по своей совѣсти бездѣльной». Старый П. Бестужевъ писалъ дочери: «Степанъ Лопухинъ, какъ былъ Вамъ непріятенъ, такъ и мнѣ дѣлалъ обиды и затѣвалъ на меня»... Это отзывы людей, искавшихъ ихъ милостей и вниманія, хотя и не принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Хорошаго о нихъ не было слышно ничего: счастье не дѣлало ихъ лучшими, а перемѣны ихъ озлобляли. Смерть императора Петра II была для всѣхъ Лопухиныхъ тяжелымъ ударомъ: началась борьба партій, и среди нихъ вліяніе родственниковъ покойнаго царя имѣло нѣкоторое значеніе. Позже объ этомъ времени Лопухинъ вспоминалъ: «когда государь императоръ Петръ II скончался, тогда меня, призвавъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Димитрій Голицынъ да фельдмаршалъ князь Долгорукій спрашивали, не подписывалъ ли Его Величество какой духовной. И я сказалъ: «не видалъ», и при томъ они имѣли разсужденіе, кого выбирать на престолъ. И сперва говорили о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ, что она уже стара; потомъ о царевнахъ Екатеринѣ и Прасковьѣ, что ихъ нельзя, сказавъ нѣкоторые слова непристойныя. Потомъ о Ея Величествѣ (говорено въ царствованіе Елизаветы Петровны) молвилъ изъ нихъ помянутый фельдмаршалъ князь Долгоруковъ, что Ея Величество въ такое время (до брака) родилась и за тѣмъ и за другимъ, сказавъ еще нѣкоторыя непристойныя слова, выбрать нельзя. И потомъ положили намѣреніе къ выбору на императрицу Анну Іоанновну». Лопухинъ умолчалъ о томъ, что было совѣтовано и говорено имъ, но, надо думать, его мнѣніе не шло вразрѣзъ съ тѣмъ, что рѣшили «верховники». Въ дальнѣйшемъ его поведеніе шло по тому же направленію, какого придерживались Ягужинскій, Левенвольде и т. п., то есть прямое и непрямое содѣйствіе самодержавнымъ стремленіямъ Анны Іоанновны. Нерѣшительность Лопухина въ это время лишила его возможности занять при новой императрицѣ хотя бы приблизительно такое положеніе, какъ при Петрѣ II, но зато его жена дѣйствовала энергичнѣе. Злые языки увѣряли, что она съ вѣдома и даже одобренія мужа стала возлюбленной Левенвольде и, въ качествѣ преданной ему особы, ревностно интриговала въ пользу самодержавства Анны. Вотъ почему Лопухина была награждена больше мужа—онъ такъ и остался при дворѣ дѣйствительнымъ камергеромъ. Въ видѣ милости въ 1733 г. императрица разрѣшила ему не платить пожилыхъ денегъ за бѣглыхъ людей по Гуслицкой волости.

Большіе успѣхи ожидали его впереди въ связи съ усиленіемъ вліянія Остермана и

Левенвольде. 11-го сентября 1740 г. Сенатъ предложилъ, а императрица утвердила опредѣленіе въ кригсъ-комиссары по морскому вѣдомству С. Лопухина. Октября 3-го опредѣлено ему въ рангѣ вице-адмирала присутствовать въ адмиралтейской коллегіи. При празднованіи мира съ турками награжденъ «знатною денежною суммою». Позже онъ былъ въ числѣ лицъ, интриговавшихъ противъ Бирона. Особенно «утвердился онъ въ такихъ расположеніяхъ» во время правительства императора Іоанна. Это время было особенно благопріятно для всей семьи С. Лопухина. Между прочимъ, онъ въ это время былъ пропзведенъ въ генералъ-лейтенанты, получилъ орденъ св. Александра-Невскаго и въ качествѣ вѣрнаго слуги участвовалъ въ генералитетской комиссіи изъ восьми членовъ, которая судила Бирона съ Бестужевымъ и приговорила ихъ къ четвертованію (8-го апрѣля 1741 года). Присутствіе въ этой комиссіи Лопухина стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ его прошлой пріязнью къ Бирону и постоянной близостью къ Левенвольде, но надо думать, что въ этомъ случаѣ онъ поступалъ по примѣру многихъ дѣятелей того вѣка, т. е., спасаясь самъ, безраздѣльно переходилъ на сторону враговъ и судилъ бывшаго благодѣтеля и друга. Неискренность его была очевидна и современникамъ и вскорѣ была закрѣплена въ судебномъ процессѣ. 25 ноября 1741 г. пало правительство Анны Леопольдовны. Министры и вельможи ея двора были арестованы въ ночь переворота. С. Лопухинъ былъ въ числѣ пхъ. 24-го декабря 1741 г. подъ угрозой смертной казни его допросили единовременно со Стрешневымъ и Хрущевымъ. У Лопухина допытывались, отчего у него была такая крайняя конфиденція съ Левенвольде и другими нѣмцами этой партіи, какія они имѣли разсужденія съ цѣлью утвердить престолъ за потомками Анны Леопольдовны и ее самое сдѣлать императрицей. Что дѣлалось имъ и его соумышленниками для того, чтобы отлучить Елизавету Петровну отъ престола и сослать, кто былъ у Лопухина при дворѣ в. к. Елизаветы для развѣдыванія. Лопухинъ отрицалъ свою причастность къ какимъ бы то ни было противнымъ интересамъ Елизаветы Петровны замысламъ и разсужденіямъ, а о конфиденціи съ Левенвольде говорилъ, какъ о пріятельствѣ и дружбѣ. На послѣдній же вопросъ: «чрезъ кого ты и для чего исходатайствовалъ великія деревни на имя жены твоей, вѣдая, что она никакихъ заслугъ государству не оказала, и что ты кому за то далъ?» Лопухинъ отвѣтилъ: «Ничего никому не давалъ, но понеже принцесса Анна говорила, что понеже его жена матушкѣ ея въ Мекленбургѣ служила, то оная ея государыня матушка приказывала ей жену его наградить, и потому жена его въ той надеждѣ подала о деревняхъ челобитную ей, принцессѣ, самой, по которой, какъ онъ слышалъ, докладывалъ графъ Головкинъ, и такъ тѣ деревни пожалованы». Лопухинъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ карауломъ, а затѣмъ отправленъ былъ въ Москву. 16-го января 1742 г. послѣдовала Высочайшая сентенція относительно суда надъ Остерманомъ, Головкинымъ и проч., и въ тотъ же день объявленъ былъ указъ, ликвидирующій многихъ изъ дѣятелей предыдущаго царствованія. Первымъ въ немъ стоитъ назначеніе флота генералъ-кригсъ-комиссара генералъ-лейтенанта С. Лопухина—губернаторомъ въ Архангельскъ. Онъ отлично сообразилъ, какъ ему надо отнестись къ этому назначенію, и 29-го января подалъ прошеніе объ отставкѣ по болѣзни. Она была ему дана безъ обычнаго въ такихъ случаяхъ повышенія въ чинѣ.

Лопухинъ поселился въ Москвѣ, проводя, впрочемъ, большую часть года въ своихъ деревняхъ. Онъ чуждался столицъ и придворной жизни, гдѣ все ему казалось непріятнымъ и зазорнымъ: онъ былъ въ оппозиціи существующему правительству и этого не скрывалъ, особенно въ присутствіи друзей. О такомъ отношеніи Лопухина и его семьи вскорѣ провѣдали враги и воспользовались имъ для своихъ цѣлей, поднявъ дѣло о злоумышленіяхъ Ботты и Лопухиныхъ. Послѣ оговора сына Ивана, по указу императрицы, А. И. Шуваловъ арестовалъ С. Лопухина въ его деревнѣ и 6-го августа 1743 года выслалъ его подъ военнымъ конвоемъ въ Петербургъ. На вопросы слѣдователей въ комиссіи Лопухинъ показалъ, что послѣ вступленія на престолъ Елизаветы онъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ ни съ кѣмъ не велъ разговоровъ о пользѣ и благополучіи принцессы Аины и ея сына. Только онъ слышалъ разговоры своей жены съ Анною Бестужевой и Софіей Лиліенфельдъ о томъ, что принцесса была

къ нимъ милостива, и было бы лучше, еслибъ она была у власти. Это подтверждалъ и Степанъ Васильевичъ. Что касается маркиза Ботты, то онъ часто посѣщалъ Лопухина и говаривалъ о принцессѣ съ сожалѣніемъ; лучше было бы, если бы принцесса была и спокойнѣе было бы. Теперь вотъ какіе безпорядки происходятъ—всѣхъ министровъ разогнали. Послѣ де Ея Величество и будетъ о нихъ тужить, да взять будетъ негдѣ. Лопухинъ вообще соглашался съ Боттой, но только указывалъ ему на то, что при принцессѣ всѣмъ завладѣли нѣмцы, потому что она никуда не выхаживала, а все сидѣла на одномъ мѣстѣ съ фрейлиною Юліей Менгденъ.

Оберъ-гофмейстеру Миниху говорили, чтобы онъ побуждалъ правительницу къ дѣятельности, но онъ ничего не могъ достичь. Когда Ботта собрался уѣзжать въ Берлинъ, Лопухинъ съ женой стали его разспрашивать о причинѣ и цѣли его поѣздки: конечно, онъ ѣдетъ неспроста? Ботта усмѣхнулся и отвѣтилъ, что ѣдетъ потому, что посылаютъ. Кто-то изъ присутствующихъ (Бестужева или Лопухина) замѣтилъ, «какъ бы Ботта не заварилъ каши и не устроилъ бы въ Россіи безпокойства». При разговорѣ объ этомъ съ женою Лопухинъ выразилъ опасеніе, чтобъ Ботта и въ правду не нашалилъ. Спрошенный слѣдователями о причинѣ неудовольствія на Елизавету, Лопухинъ сознался, что считаетъ себя обиженнымъ: былъ безвинно арестованъ и безъ награжденія ранга отставленъ, «а чтобы принцессѣ быть по прежнему, желаніе я имѣлъ для того, что при ней мнѣ будетъ лучше, и что присягу свою нарушилъ, въ томъ приношу мою предъ Ея Величествомъ вину». Слѣдователи жестоко упрекали Лопухина: «Вы при Ея Величествѣ какія услуги свои показали и какой милости желали, понеже вы отъ Ея Величества не токмо ничѣмъ не обижены, но и пожалованы. Отъ всѣхъ службъ ты уволенъ и данъ тебѣ покой, чего и самъ желалъ, жена при дворѣ стоитъ дамою и портретомъ пожалована, дочь (Анна) фрейлиною оставлена. Шурья твои не только въ прежнемъ достоинствѣ при дворѣ находятся, но меншой (И. А. Голицынъ) и кавалеріею пожалованъ; а и впредь отъ Высочайшей милости было не отказано». Относительно заступничества Фридриха II за брауншвейгскую фамилію, Лопухинъ велъ разговоры съ женой, выражая увѣренность «что тому статься нельзя, чтобы король прусскій войною пошелъ, понеже у него съ Ея Величествомъ аліансъ, къ тому же всякой король своего интересу смотритъ». Когда же императрица приняла прусскую кавалерію Чернаго Орла, то Лопухинъ разсуждалъ, что отношенія между дворами очень хороши и «говорилъ про принца и принцессу: знатно имъ уже пропадать». Прежде же думалъ, что прусскій король ихъ у государыни «выпроситъ во отечество ихъ».

Лопухинъ начисто отрицалъ свою причастность къ какимъ бы то ни было злоумышленнымъ предпріятіямъ и совѣтамъ противъ Елизаветы, что же касается поношенія Высочайшей особы ея, то разсказалъ о своемъ присутствіи на совѣщаніи верховниковъ, касательно престолонаслѣдія послѣ смерти Петра II. Сознался въ томъ, что осуждалъ и высмѣивалъ милости къ Сиверсу, Возжинскому, Лялину и лейбъ-кампаніи, говорилъ про сенаторовъ, что «нынѣ ихъ путныхъ мало, а протчіе все дураки. При томъ же говорилъ, что дѣла не дѣлаются и тѣмъ приводятъ Ея Величество народъ въ озлобленіе». Министровъ злодѣями не называлъ. Слѣдователи остались очень недовольны показаніями Лопухина, заявили ему, что онъ «сущей правды не открылъ, но многое за собою удержалъ» и отправили изъ комиссіи въ крѣпость. Согласно ихъ докладу, Елизавета предписала указомъ 17-го августа, если Лопухинъ «чистой повинной не принесетъ, то безъ всякаго милосердія поступлено будетъ съ нимъ наижесточайшимъ розыскомъ». Въ тотъ же день, послѣ вторичнаго опроса, Лопухинъ поднятъ былъ на дыбу, продержанъ съ вывернутыми руками 10 минутъ и спущенъ. Онъ утвердился на своемъ, а очная ставка съ женой ни къ чему не привела. Оказалось, что Лопухинъ не могъ понимать того, что говорила съ Боттой его жена, такъ какъ не зналъ нѣмецкаго языка, на которомъ они изъяснялись. 19-го августа слѣдователи передали генеральному суду свой экстрактъ о винахъ, гдѣ говорилось и о С. Лопухинѣ. Въ сентенціи суда онъ приговаривался къ урѣзанью языка и колесованію. По словамъ указа, читаннаго предъ казнью С. Лопухину, «всему тому злу, которое къ поврежденію Ея Величества дражайшаго здравія и благо-

получія и государственному безпокойству касалось, ты начало былъ». Согласно приговору, смягченному императрицей, Лопухина били кнутомъ, урѣзали ему языкъ и сослали на вѣчное житье въ Селенгинскъ, гдѣ онъ и умеръ отъ «ножной болѣзни», должно быть, подагры, 6-го іюля 1748 г. У Лопухина было трое сыновей: Иванъ, Авраамъ, дослужившійся до генералъ-поручика † 1794 г., и Степанъ, впослѣдствіи дѣйствительный камергеръ † 1784 г. Изъ трехъ его дочерей, старшая, Анастасія была замужемъ за гр. Головинымъ; вторая Анна умерла въ 1776 г. и младшая Прасковья, супруга И. А. Голицына † 1763 г.

Библіографія, см. Наталья Ѳедоровна Лопухина. *В. Фурсенко.*

Лопухинъ, *Ѳедоръ (Иларіонъ) Авраамовичъ*, боярин, отецъ первой супруги Петра Великаго, царицы Евдокіи Ѳеодоровны, началъ службу въ Московскихъ стрѣльцахъ и уже въ 1634 г. былъ стрѣлецкимъ головою; въ этомъ году ему поручено было отвезти въ Сійскій монастырь осужденнаго за «безчинство» Суздальскаго архіепископа Іосифа и быть при немъ въ монастырѣ «въ день и ночь безотлучно»... «для береженья до указу». Изъ дальнѣйшей службы Лопухина извѣстно, что въ 1675 г. онъ стоялъ въ Кремлѣ на стѣнномъ караулѣ; въ 1676 г. посланъ былъ въ Ѳерапонтовъ монастырь къ бывшему патріарху Никону съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, а вскорѣ затѣмъ выступилъ съ стрѣлецкимъ полкомъ въ Кіевъ. Въ послѣдній годъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича Лопухинъ служилъ воеводою въ Верхотурьи, въ званіи стольника. По возвращеніи съ этого воеводства Лопухинъ былъ пожалованъ въ окольничіе, а въ январѣ 1689 г. царица Наталія Кирилловна, всегда расположенная къ Лопухинымъ, сосватала его дочь Евдокію за своего 17-ти-лѣтняго сына, царя Петра Алексѣевича. Въ качествѣ царскаго тестя Лопухинъ, звавшійся раньше Иларіономъ, сталъ именоваться Ѳеодоромъ и вскорѣ возведенъ былъ въ санъ боярина. Въ это время онъ былъ очень близокъ къ царской семьѣ, и поэтому казался особенно опасенъ царевнѣ Софьѣ, которая распространяла слухи среди стрѣльцовъ, будто Лопухины хотятъ «изогнать» государя Іоанна Алексѣевича и «доходятъ» до ея головы. Но охлажденіе, наступившее черезъ нѣсколько лѣтъ между Петромъ и его первой супругой, неизбѣжно должно было отразиться и на положеніи ея родственниковъ, которыхъ жалобы молодой царицы возстановляли противъ Петра. Ихъ нерасположеніе, естественно, распространялось и на главныхъ виновниковъ (какъ казалось имъ) отдаленія Петра отъ Евдокіи—иноземцевъ и въ особенности на Лефорта, что тоже не могло нравиться Петру. Въ 1697 г. слѣдствіе по дѣлу о заговорѣ Цыклера набросило тѣнь и на родственниковъ царицы, и хотя не было обнаружена ихъ непосредственная причастность къ заговору, тѣмъ не менѣе передъ отъѣздомъ Петра за границу они были удалены изъ Москвы, какъ люди ненадежные. Ѳ. А. Лопухинъ сосланъ былъ на дальнее воеводство въ Тотьму. Неизвѣстно, сколько времени онъ пробылъ тамъ. Въ офиціальномъ спискѣ палатныхъ людей 1705 г. онъ показанъ въ числѣ бояръ съ отмѣткою: «велѣно жить въ своей деревнѣ до указу». Скончался Лопухинъ въ глубокой старости, въ 1713 г. и похороненъ въ Знаменскомъ храмѣ Московскаго Спасо-Андроникова монастыря.

Н. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», Спб., 1859, т. III, стр. 23; т. VI, стр. 10.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. Товарищ. «Общ. Польза», кн. III, стр. 818, 819, 1065, 1195, 1196, 1378.—*П. Н. Петровъ*, «Исторія родовъ русскаго дворянства»—Спб. 1885 г., стр. 241, 242.—Акты Археогр. Экспед., т. III, стр. 380.—Акты Истор., т. V, стр. 100, 104, 108, 145, 162, 164.—Допол. къ Акт. Ист., т. VI, стр. 238; т. VIII, стр. 114, 115, 319, 320.—«Розыскныя дѣла о Ѳед. Шакловитомъ», Спб., 1893 г., т. т. I, II, и IV (по указателю). — *Н. Иванчинъ-Писаревъ*, «Спасо-Андрониковъ монастырь», М., 1842 г., стр. 32. *А. Гельвихъ.*

Лопыревъ, *Александръ Михайловичъ*, капитанъ-лейтенантъ, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1786 г.; произведенный въ 1788 г. въ гардемарины, онъ тогда же принялъ участіе въ Гогландскомъ, въ 1789 г. въ Эландскомъ и въ 1790 г. Красногорскомъ и Выборгскихъ сраженіяхъ. Въ томъ же 1790 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1793 г.—въ лейтенанты и опредѣленъ въ гребной флотъ. Службу несъ до 1800 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта.

Общій морской списокъ, ч. IV, стр. 265—266.

Лоранъ, *Николай Ивановичъ*, д. с. с., управляющій государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній, сынъ француза изъ Лозанны, вызваннаго въ 20-хъ годахъ XIX ст. въ качествѣ профессора на каѳедру естествознанія въ Одесскій Ришельевскій лицей. Сынъ его, Николай Ивановичъ, родился въ 1820 г. и получилъ высшее образованіе въ томъ же лицеѣ, который окончилъ въ 1836 г., и черезъ два года опредѣлился на службу въ канцелярію С.-Петербургскаго губернатора, гдѣ оставался до 1842 г., когда перешелъ на службу въ департаментъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1845 г., по вызову кавказскаго намѣстника, кн. Воронцова, Лоранъ перешелъ на службу въ Закавказскій край. Здѣсь онъ занялся составленіемъ «Кавказскаго календаря», который впервые былъ изданъ имъ въ 1846 г. въ Тифлисѣ. Это была первая книга на русскомъ языкѣ, вышедшая на Кавказѣ; за нее Лоранъ удостоился получить Высочайшую награду—брильянтовый перстень. Календарь этотъ имъ издавался въ теченіе 3-хъ лѣтъ на 1846—47—48 гг. Начиная съ 1848 г., Лоранъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ командировкахъ, служа въ Одесскомъ карантинѣ. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Состоя на этой должности, Лоранъ близко ознакомился съ вопросомъ о переселеніи болгаръ въ Бессарабію, результатомъ какового ознакомленія появилась его записка «Переселеніе болгаръ въ Россію» (1854 г.), напечатанная послѣ его смерти въ «Русскомъ Архивѣ» за 1897 г., кн. 6. Въ 1859 г. онъ перевелся на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, будучи назначенъ управляющимъ Бессарабскою палатою государственныхъ имуществъ, а въ 1870 г., по случаю закрытія этой палаты, былъ назначенъ управляющимъ государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній; въ этой должности онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 20 января 1892 г. въ Харьковѣ.

«Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1892 г., № 21.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей и писательницъ», вып. XII, стр. 118.—«Русскій Архивъ» 1897 г., кн. 9, стр. 148—149.—Кавказскій Календарь на 1893 г.

М. Поповъ.

Лоренцъ, *Фридрихъ*, с. с., докторъ всеобщей исторіи, родился въ 1803 г. въ Крейцнахѣ, высшее образованіе получилъ въ Гейдельбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ, затѣмъ пріѣхалъ въ Россію и здѣсь въ 1831 г. назначенъ былъ профессоромъ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскій Главный педагогическій институтъ. Осенью 1840 г. Лоренцъ одновременно избранъ былъ директоромъ нѣмецкаго училища при церкви св. Петра. При вступленіи въ эту должность, 23 ноября, онъ произнесъ рѣчь, въ которой въ общихъ чертахъ намѣтилъ программу своей будущей дѣятельности, заявивъ тутъ же, что она будетъ консервативной. Но консервативное направленіе въ дѣятельности Лоренца не исключало закономѣрнаго развитія ввѣреннаго ему учебнаго заведенія. Изъ реформъ, произведенныхъ въ училищѣ за время его директорства, слѣдуетъ отмѣтить: во-первыхъ, устройство приготовительной школы при женскомъ отдѣленіи училища, во-вторыхъ, расширеніе курса древнихъ языковъ, исторіи и географіи (съ введеніемъ статистики и физической географіи), при чемъ для увеличенія числа уроковъ по этимъ предметамъ исключены были изъ учебныхъ программъ антропологія и энциклопедія знаній, какъ предметы, мало доступные пониманію учащихся; въ-третьихъ, наконецъ, устройство гимнастическаго зала и введеніе гимнастики въ кругъ учебныхъ занятій. Имѣя въ виду урегулировать классное преподаваніе, Лоренцъ предполагалъ сократить пріемъ учениковъ и установить для каждаго класса максимальное число учащихся, но церковный совѣтъ, изъ экономическихъ соображеній, отклонилъ это его предложеніе. Однако чрезмѣрное переполненіе классовъ, мѣшавшее правильному ходу занятій, сдѣлало реформу необходимой, и въ 1856 г. Лоренцу было предложено составить проектъ для открытія параллелей; имъ же спроектированъ былъ и 8-ой старшій классъ, открытый впослѣдствіи. Въ томъ-же 1856 г. исполнилось 25 лѣтъ службы Лоренца въ педагогическомъ институтѣ; онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей, а весною 1857 г., оставивъ службу и въ училищѣ св. Петра, уѣхалъ за границу. Позднѣе въ Боннѣ онъ читалъ въ университетѣ лекціи по русской исторіи. Скончался Лоренцъ за границей въ 1867 г.

Въ бытность профессоромъ Главнаго

педагогическаго института Лоренцъ составилъ руководство по всеобщей исторіи, переведенное на русскій языкъ В. В. Марковымъ подъ заглавіемъ: «Исторія новѣйшаго времени: отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира (1815—1856)», СПБ., 1869 г.

Dr. C. Lemmerich, «Geschichte der deutschen Hauptschule St.-Petri», СПБ., 1862 г., т. II, стр. 377—390.—Энциклоп. всенаучный словарь В. Клюшникова, т. II, стр. 94.—*Межовъ*, «Русская истор. библіогр.», т. VI, 61477.

А. Г.

Лореръ, *Николай Ивановичъ*, маіоръ Вятскаго пѣхотнаго полка, декабристъ, родился въ 1795 г., первоначальное образованіе получилъ дома подъ руководствомъ наставника-нѣмца Нидерштедтера, принадлежавшаго къ сектѣ герентутеровъ, затѣмъ поступилъ въ Дворянскій полкъ и по окончаніи здѣсь курса наукъ опредѣлился на военную службу. Служилъ нѣкоторое время (1822—1823 гг.) въ л.-гв. Московскомъ полку, а въ 1824 г. въ чинѣ маіора переведенъ былъ въ Вятскій пѣхотный полкъ. Крайне живой и общительный, оптимистъ по натурѣ, Лореръ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ движеніяхъ Александровской эпохи: былъ членомъ масонской ложи «Палестина», имѣлъ сношеніе съ тайными политическими кружками и вскорѣ послѣ образованія такъ называемаго «южнаго» общества вступилъ въ число его членовъ. Слѣдствіе, наряженное по дѣлу о военномъ мятежѣ 14 декабря 1825 г., обнаружило, что Лореръ не только самъ принадлежалъ къ тайному обществу, принимая отъ него разныя порученія, но привлекалъ и товарищей своихъ по полку къ участію въ преступныхъ замыслахъ, вслѣдствіе этого верховный судъ отнесъ его къ IV разряду государственныхъ преступниковъ и приговорилъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ и пожизненной ссылкѣ на поселеніе. Впослѣдствіи приговоръ этотъ былъ смягченъ, и срокъ каторги уменьшенъ былъ ему: сперва до 12-ти, затѣмъ до 8-ми лѣтъ. Положенное наказаніе Лореръ отбывалъ въ Читинскомъ острогѣ и на Петровскомъ заводѣ, а 8 ноября 1832 г., по Всемилостивѣйшему указу, освобожденъ былъ отъ каторжныхъ работъ и отправленъ на поселеніе въ Курганъ, согласно ходатайству родныхъ, вмѣстѣ съ давнишнимъ другомъ своимъ М. М. Нарышкинымъ. Въ Курганѣ Лореръ прожилъ около пяти лѣтъ. Будучи въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпеченъ, онъ жилъ здѣсь безъ опредѣленныхъ занятій, проводя время въ обществѣ своихъ товарищей по несчастью, которымъ всегда охотно приходилъ на помощь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Кружокъ декабристовъ, поселенныхъ въ Курганѣ (М. Нарышкинъ, Розенъ, М. Бестужевъ, Лихаревъ, Фохтъ и др.), цѣнилъ его и какъ интереснаго собесѣдника, никогда не унывавшаго и полнаго надеждъ на лучшее будущее. Обладая прекрасною памятью, онъ зналъ много анекдотовъ, которые передавалъ мастерски, сопровождая свой разсказъ выразительными жестами и неподражаемой мимикой. Нѣкоторые изъ разсказовъ Лорера впослѣдствіи, въ 1872 г., были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ». Въ 1837 г., по Высочайшему повелѣнію, объявленному ген.-губернатору Западной Сибири, кн. Горчакову, Лореръ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими декабристами опредѣленъ былъ рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ и отправленъ на почтовыхъ въ Тифлисъ. Получивъ по манифесту 1856 г. помилованіе, онъ поселился въ Полтавѣ, гдѣ и скончался въ маѣ 1873 г.

Головачевъ, «Декабристы, 86 портретовъ»... (Изд. М. М. Зензинова), М., 1906 г., стр. 127—128. — *Баронъ Розенъ*. «Записки декабриста». Спб., 1907 г., стр. 105, 110, 137, 199, 203, 212, 274. — *Дмитріевъ-Мамоновъ*, «Декабристы въ Запад. Сибири», М., 1895 г., стр. 35, 91, 101, 149, 150, 154—156, 158.—«Декабристы и тайныя общества въ Россіи», изд. В. М. Саблина, М., 1906 г., стр. 89.—«Русск. Архивъ», 1874 г., стр. 1872, 2261.

А. Гельвихъ.

Лорисъ-Меликовъ, *Михаилъ Таріэловичъ*, по происхожденію армянинъ, одинъ изъ его предковъ Меликъ-Назаръ въ XVI вѣкѣ владѣлъ городомъ Лори и получилъ отъ персидскаго шаха Абаса въ 1602 году фирманъ, подтверждавшій древнія права его на этотъ городъ, при чемъ самъ Назаръ принялъ магометанство. Позднѣе потомки его вернулись въ лоно христіанской церкви и были наслѣдственными приставами Лорійской степи, входившей въ составъ владѣній грузинскихъ царей. Эти Лорисъ-Мелики принадлежали такимъ образомъ къ составу высшаго грузинскаго дворянства и были внесены въ VI часть родословной книги Тифлисской

губерніи. Отецъ Михаила Таріэловича жилъ въ Тифлисѣ, велъ довольно значительную торговлю съ Лейпцигомъ и сыну своему Михаилу, родившемуся въ 1825 году, старался дать блестящее образованіе. Онъ опредѣлилъ его сперва въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, а позднѣе перевелъ въ бывшую школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ въ Петербургѣ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), въ которой молодой Лорисъ-Меликовъ окончилъ курсъ ученія въ 1843 году и былъ выпущенъ корнетомъ въ лб.-гвар. Гродненскій гусарскій полкъ, гдѣ прослужилъ четыре года. Происходившія въ то время непрерывныя военныя дѣйствія на его родинѣ тянули Лорисъ-Меликова принять въ нихъ участіе, и онъ по его просьбѣ былъ переведенъ въ 1847 году, съ чиномъ поручика, состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ въ то время Кавказскимъ корпусомъ кн. Воронцовѣ. Въ томъ же году Лорисъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ извѣстнаго Фрейтага въ Малой Чечнѣ, при прокладкѣ широкихъ просѣкъ въ дремучихъ лѣсахъ Чечни и при отраженіяхъ нападеній горцевъ, всячески препятствовавшихъ этой работѣ. Безпрерывныя стычки съ горцами дали Лорису случай проявить свою храбрость и свои боевыя способности и доставили ему вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ св. Анны 4-й степени и саблю съ надписью «за храбрость». Въ 1848 году онъ состоялъ въ отрядѣ другого кавказскаго героя, князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Дагестанѣ. Лорисъ находился при взятіи аула Гергебиля и былъ произведенъ за отличіе въ штабсъ-ротмистры. Съ цѣлью нанести сильное пораженіе Шамилю въ Дагестанѣ, въ 1849 г. былъ составленъ особый отрядъ, при которомъ находился и Лорисъ. Отрядъ этотъ двинулся къ большому аулу Чохъ и скоро окружилъ его: стоявшій за Чохомъ Шамиль со своими скопищами не рѣшался вступать въ сраженіе. Послѣ нѣсколькихъ штурмовъ и сильной бомбардировки аулъ Чохъ былъ взятъ, и отрядъ вернулся на зимнія квартиры, но въ началѣ 1850 г. снова двинулся въ ту же мѣстность. Лорисъ былъ при этомъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ бантомъ. Въ 1851 г. онъ участвовалъ въ большой экспедиціи зимою на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ Большой Чечнѣ, противъ извѣстнаго Хаджи-Мурата, а съ весны того же года находился на правомъ флангѣ линіи при возведеніи укрѣпленія на р. Бѣлой и отраженіяхъ скопищъ Мегметъ-Аминя и за отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ произведенъ въ ротмистры. Возникшая вскорѣ война Россіи съ Турціею вызвала усиленную враждебную намъ дѣятельность горскихъ племенъ, которыя стали дѣлать набѣги по всей линіи. Для прекращенія этихъ набѣговъ былъ собранъ при Куринскомъ укрѣпленіи, подъ начальствомъ князя Барятинскаго, особый отрядъ, при которомъ находился и Лорисъ. Отрядъ двинулся на рѣку Мичикъ и аулъ Иста-су, при чемъ Лорисъ не разъ отличался въ дѣлахъ съ горцами, сильно насѣдавшими на нашъ отрядъ, и былъ произведенъ въ полковники. Послѣ этого онъ перешелъ въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Кавказской турецкой границѣ противъ турокъ, и отличился въ извѣстныхъ двухъ сраженіяхъ при Баяндуръ и Башъ-Кадыкъ. Ларѣ, въ которыхъ было нанесено сильное пораженіе турецкимъ войскамъ подъ начальствомъ Абди-паши. Лорисъ-Меликовъ былъ при этомъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ 1854 г. ему было поручено командованіе охотниками въ отрядѣ генер.-лейтенанта кн. Бебутова, съ которыми, находясь постоянно въ авангардѣ, Лорисъ дѣлалъ нападенія на турецкую кавалерію и 13 апрѣля 1855 года нанесъ ей большой уронъ, а затѣмъ участвовалъ въ сраженіи при Курюкъ-Дара, въ которомъ кн. Бебутовъ разбилъ 60-т. турокъ. За эти дѣйствія Лорисъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ бантомъ. Въ августѣ 1855 года онъ былъ назначенъ состоящимъ по особымъ порученіямъ при новомъ главнокомандующемъ гр. Н. Н. Муравьевѣ, продолжая попрежнему командованіе охотниками. Лорисъ осматривалъ дороги, ведущія къ крѣпости Карсу, и зорко слѣдилъ за непріятелемъ при обложеніи этой сильной крѣпости. По взятіи Карса онъ былъ назначенъ начальникомъ Карской области и въ продолженіе девяти-мѣсячнаго управленія ею пріобрѣлъ всеобщее расположеніе обывателей своимъ благоразумнымъ управленіемъ. Послѣ возвращенія Карса туркамъ по условіямъ заключеннаго въ 1856 г. Парижскаго мира, Лорисъ-Меликовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіо-

ры, а затѣмъ въ 1858 г. назначенъ начальникомъ войскъ въ Абхазіи и инспекторомъ линейныхъ баталіоновъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Въ это время по его распоряженію было заложено укрѣпленіе Цебельды для защиты отъ нападенія горцевъ и для прекращенія контрабандной торговли горцевъ, путемъ которой они преимущественно пріобрѣтали себѣ огнестрѣльное оружіе, порохъ и всѣ необходимые военные припасы. Въ 1859 году Лорисъ былъ командированъ въ Турцію для переговоровъ о принятіи въ предѣлы азіатской Турціи горцевъ-переселенцевъ изъ Терской области. Назначенный вскорѣ военнымъ начальникомъ южнаго Дагестана и Дербентскимъ градоначальникомъ, Лорисъ-Меликовъ съ большимъ успѣхомъ занялся водвореніемъ новыхъ порядковъ среди горскихъ племенъ, не имѣвшихъ ранѣе этого никакого понятія о гражданственности вообще.

Въ мартѣ 1863 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Терской области и командующимъ расположенными въ ней войсками и произведенъ 17-го апрѣля того же года въ генералъ-лейтенанты. Отправляя эту обязанность до 1875 года, Лорисъ-Меликовъ обратилъ всю свою дѣятельность на водвореніе порядка и спокойствія въ средѣ горскаго населенія области, продолжавшаго еще волноваться послѣ недавняго покоренія Кавказа, при чемъ проявлявшіяся со стороны горцевъ попытки къ открытому сопротивленію власти были очень скоро имъ прекращаемы. Помимо этого, за время управленія Лорисъ-Меликова были освобождены отъ крѣпостной завимости многіе жители Терской области, находившіеся во власти владѣтельныхъ князей и другихъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшены многіе сословные поземельные вопросы, захватывавшіе близко бытовую и экономическую сторону областного населенія. Кромѣ того, въ то время горцы были обложены податью государственною, и вмѣстѣ съ тѣмъ было значительно увеличено число учебныхъ заведеній, достигшее цифры 300, при чемъ Лорисъ на свои средства учредилъ ремесленное училище въ Владикавказѣ. Всѣ эти мѣры значительно содѣйствовали умиротворенію края и подготовили населеніе къ тому, что уже въ 1869 году было признано возможнымъ ввести въ Терской области не только управленіе на началахъ общаго учрежденія Имперіи, но и судебные уставы 1864 года. Такая плодотворная дѣятельность Лорисъ-Меликова, честное отношеніе его къ дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайная простота обращенія, свойственная ему привѣтливость и доступность скоро снискали ему любовь всего разноплеменнаго населенія области и глубокое уваженіе всѣхъ, кому было извѣстно его постоянное стремленіе къ увеличенію благосостоянія ввѣреннаго ему края. Онъ входилъ во всѣ мелочныя подробности управленія и всегда прежде всего самъ работалъ по всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ. Такая напряженная дѣятельность разстроила здоровье Лорисъ-Меликова и побудила его просить объ увольненіи за границу, чтобы прибѣгнуть къ содѣйствію иностранныхъ врачей. Е. И. В. намѣстникъ Кавказа, какъ было выражено въ особомъ приказѣ по Кавказскому военному округу 15 мая 1875 года, «*съ величайшимъ сожалѣніемъ* уступилъ на просьбу Лорисъ-Меликова и только въ виду *совершенной необходимости ея удовлетворенія*». При этомъ Лорисъ-Меликовъ, еще ранѣе 30 августа 1865 года пожалованный званіемъ генералъ-адъютанта Его Величества, былъ зачисленъ въ 1875 году въ Терское казачье войско, произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и назначенъ состоять при намѣстникѣ великомъ князѣ, съ отчисленіемъ отъ должности начальника Терской области. Онъ отправился за границу, но не долго находился вдали отъ дѣлъ. Возникшая чрезъ годъ въ 1876 году война съ Турціею сдѣлала необходимымъ для насъ формированіе особаго корпуса войскъ для дѣйствія противъ турокъ въ Малой Азіи. Начальство надъ этимъ корпусомъ было ввѣрено Лорисъ-Меликову. Онъ вступилъ 12 апрѣля 1877 года въ предѣлы Турціи четырьмя колоннами и 5—6 мая штурмомъ овладѣлъ Ардаганомъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Послѣ этого онъ быстро подошелъ къ Карсу, гораздо лучше и сильнѣе укрѣпленному, нежели въ войну 1853 года, и послалъ ген. Тергукалова съ отрядомъ къ Эрзеруму. Въ это время турецкія войска подъ начальствомъ Мухтара-паши подошли къ подошвамъ хребта Саганлугъ къ селенію Зевинъ (на пути изъ Карса въ Эрзерумъ), намѣреваясь спуститься къ Карсу. Не желая турокъ допустить до этого, Лорисъ-Меликовъ

атаковалъ ихъ въ началѣ іюня. Начало сраженія было для насъ благопріятно, но турки получили во-время большія подкрѣпленія, и наши войска, встрѣтивъ на пути большой оврагъ, понесли значительныя потери и принуждены были отступить отъ Зевина. Мухтаръ-паша поставилъ часть своихъ силъ на Аладжѣ, на отрогахъ Кара-Дага. Лорисъ-Меликовъ получилъ, въ свою очередь, подкрѣпленія въ ночь на 28 іюня 1877 г., отошелъ изъ-подъ Карса и, совершивъ обходъ, атаковалъ турокъ на высотахъ Аладжи съ фронта и тыла 20—22 сентября и нанесъ имъ полное пораженіе, взявъ въ плѣнъ болѣе 7-т. турокъ. Затѣмъ турки снова разбиты были Лорисъ-Меликовымъ при Авліарѣ 2, 3 октября и при Деве-Бойку 23 октября. За эти побѣды Лорисъ-Меликовъ удостоился получить орденъ св. Георгія 2-й степени. Послѣ означенныхъ сраженій Лорисъ-Меликовъ обратился къ Карсу, считавшемуся неприступнымъ. Подойдя въ крѣпости, онъ немедленно ночью съ 5 на 6 ноября двинулся на штурмъ и овладѣлъ Карсомъ, взявъ въ плѣнъ 17-т. турокъ и 303 орудія. За взятіе Карса Лорисъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Овладѣвъ Карсомъ, Лорисъ-Меликовъ зимою же началъ блокаду Эрзерума. При послѣдовавшемъ заключеніи мира съ Турціею Лорисъ-Меликовъ за боевыя достоинства въ апрѣлѣ 1878 года былъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ состоящимъ въ распоряженіи Его Высочества великаго князя главнокомандующаго на Кавказѣ. Съ появленіемъ въ слѣдующемъ 1879 г. чумы въ Ветлянкѣ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ, съ почти неограниченными полномочіями для борьбы съ этою опасною болѣзнью. Еще до прибытія его въ Ветлянку благодаря строгимъ карантиннымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ и тщательно соблюдаемымъ, чума стала утихать. Лорисъ-Меликовъ оцѣпилъ еще четвертымъ кордономъ всю Астраханскую губернію, лично былъ въ Ветлянкѣ, осматривалъ кордоны и скоро за прекращеніемъ чумы имѣлъ возможность представить и объ уничтоженіи временнаго своего генералъ-губернаторства, при чемъ оказалось, что изъ отпущенныхъ въ его распоряженіе четырехъ милліоновъ руб. для борьбы съ чумою было израсходовано не болѣе трехсотъ тысячъ руб. Его возвращеніе въ Петербургъ совпало съ учрежденіемъ особыхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, снабженныхъ почти безграничными полномочіями, для искорененія въ государствѣ крамолы, проявившейся во многихъ частяхъ Имперіи цѣлымъ рядомъ преступныхъ дѣйствій. Лорисъ-Меликовъ былъ также назначенъ таковымъ генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ, гдѣ незадолго предъ этимъ былъ убитъ губернаторъ Кропоткинъ. Онъ приступилъ къ водворенію законнаго теченія дѣлъ, къ умиротворенію общества и укрѣпленію связи его съ правительствомъ на началахъ взаимнаго содѣйствія. Успѣшное его, повидимому, дѣйствіе въ Харьковѣ побудило правительство въ началѣ 1880 года вызвать его въ Петербургъ для обсужденія вопроса о рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣрахъ для борьбы съ крамолою, которая незадолго передъ этимъ проявила террористическую дѣятельность въ столицѣ и произвела 5 февраля 1880 года взрывъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ. Для прекращенія подобныхъ покушеній на государственный и общественный строй Россіи 12 февраля того же года (П. С. З., № 60492) была учреждена особая верховная распорядительная Комиссія съ обширными полномочіями, и во главѣ ея поставленъ Лорисъ-Меликовъ, назначенный незадолго передъ этимъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ засѣданіяхъ этой Комиссіи онъ заявилъ, что въ поддержкѣ общества видитъ главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни. Бороться же со смутою онъ намѣревался: 1) уголовно-полицейскими средствами, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами строгости для наказанія преступныхъ дѣйствій, и мѣрами государственными, направленными къ тому, чтобы успокоить и оградить интересы благомыслящей части общества, чтобы возстановить потрясенный порядокъ и возвратить отечество на путь мирнаго преуспѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ для сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ высшаго завѣдыванія всѣми органами, призванными къ охраненію государственнаго спокойствія, Лорисъ-Меликовъ предложилъ упразднить III отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи и передать всѣ дѣла и занятія этого отдѣленія во вновь учрежденный департаментъ полиціи при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Кромѣ того, имъ были

предложены мѣры къ облегченію участи лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ по политической неблагонадежности и принадлежавшихъ въ значительной мѣрѣ къ числу учащейся молодежи. Несмотря на сдѣланное 20 февраля 1880 г. нѣкіимъ Млодецкимъ покушеніе на жизнь самого Лорисъ-Меликова, онъ неуклонно держался высказанныхъ имъ началъ въ борьбѣ со смутою, и когда острыя проявленія этой смуты, повидимому, прекратились къ концу лѣта 1880 года, онъ не замедлилъ возбудить вопросъ о прекращеніи дѣятельности верховной распорядительной Комиссіи, которая послѣ четырехъ своихъ засѣданій и была закрыта 6 августа того же года. Вскорѣ послѣ этого Лорисъ-Меликовъ, 15 ноября 1880 года, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и хотя игралъ весьма непродолжительно руководящую роль въ дѣлахъ правленія, тѣмъ не менѣе оставилъ благотворные слѣды своей министерской дѣятельности. Основная программа дѣятельности Лорисъ-Меликова заключалась въ слѣдующемъ: 1) дать мѣстнымъ губернскимъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ и освободить ихъ отъ необходимости въ каждомъ, иногда совсѣмъ незначительномъ вопросѣ, обращаться въ центральныя управленія въ Петербургѣ; 2) привести полицію къ единообразію и поставить ее въ гармонію и соотношеніе съ новѣйшими учрежденіями такъ, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться различнымъ уклоненіямъ отъ законами установленныхъ правилъ; 3) предоставить земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя даны имъ по закону, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ облегчать по возможности ихъ дѣятельность. Лорисъ-Меликовъ находилъ, что земство—единственная живая общественная сила, могущая явиться для власти такою же несокрушимою опорою, какою являлось ранѣе, до освобожденія крестьянъ, дворянство, и при томъ вполнѣ благонадежною, такъ какъ большинство населенія Имперіи составляютъ русскіе люди, искренно вѣрующіе въ царскую власть; 4) кромѣ того, по мысли Лорисъ-Меликова необходимо было дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія и распоряженія правительства съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы печать не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями, на необходимость привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи страною въ видѣ ли представительнаго собранія по образцу западноевропейскаго или въ видѣ бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ. Для уясненія дѣйствительныхъ нуждъ народа Лорисъ-Меликовъ предлагалъ предпринять ревизію сенаторовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, при чемъ должно было также собрать и выяснить факты, свидѣтельствующіе объ экономическомъ состояніи крестьянскаго и фабричнаго населенія, о вліяніи на него правительственныхъ мѣропріятій, о настроеніи умовъ вообще внѣ столичныхъ центровъ и о степени воздѣйствія на нихъ мѣропріятій, практиковавшихся правительствомъ въ борьбѣ съ неблагонадежными элементами общества, какъ то: въ видѣ административной высылки и. т. п. Посланнымъ въ 1880 году на эти ревизіи сенаторамъ предлагалось также пополнить современными данными свѣдѣнія по многимъ вопросамъ, подлежавшимъ въ то время разрѣшенію, а также раскрыть причины неуспѣха дѣятельности земскихъ учрежденій. Программа, данная сенаторамъ, широко охватывала всѣ главнѣйшія части внутренняго управленія. Помимо всего этого, Лорисъ-Меликовъ очень ясно и довольно подробно выдвинулъ впередъ въ особой запискѣ, имѣвшей огромный успѣхъ въ правительственныхъ сферахъ, нѣсколько вопросовъ народнаго хозяйства, которые легли въ основу дѣятельности правительства не только при Лорисъ-Меликовѣ, но и послѣ него. Въ этой запискѣ онъ настаивалъ: 1) на необходимости пониженія выкупныхъ платежей съ крестьянъ; 2) на содѣйствіи крестьянамъ со стороны правительства въ покупкѣ земель при помощи особыхъ ссудъ крестьянамъ и 3) на облегченіи условій переселенія крестьянъ и на содѣйствіи правительства къ выселенію крестьянъ изъ густо населенныхъ губерній въ другія мѣстности, болѣе обилующія свободными землями. Вообще Лорисъ-Меликовъ стремился облегчить экономическій гнетъ, тяготѣвшій надъ массою населенія, и къ тому, чтобы бремя различныхъ финансовыхъ сборовъ было по возможности перенесено съ низшаго класса населенія на высшіе. Но изъ числа всѣхъ мѣропріятій, задуманныхъ при Лорисъ-Мели-

ковѣ и, безъ сомнѣнія, свидѣтельствующихъ о прекрасныхъ намѣреніяхъ этого государственнаго дѣятеля, въ промежутокъ времени съ ноября 1880 года по май 1881 года, были осуществлены на самомъ дѣлѣ весьма немногіе, какъ напр., отмѣна акциза на соль, по той главнѣйшей причинѣ, что особыя обстоятельства, при которыхъ началась дѣятельность Лорисъ-Меликова, отвлекали вниманіе его и всего правительства отъ намѣченныхъ имъ вопросовъ и требовали большой затраты силъ на его борьбу съ преступною агитаціею, которая, не прекращая своей дѣятельности почти ни на минуту, только замедляла ходъ намѣченныхъ Лорисъ-Меликовымъ преобразованій и всячески имъ препятствовала. Лорисъ-Меликовъ въ этой борьбѣ настойчиво держался воззрѣнія, что для предотвращенія или раскрытія преступной горсти людей не должно стѣснять мирныхъ гражданъ вообще и что отмѣна установленныхъ общихъ ограниченій и исключительныхъ мѣропріятій можетъ только отнять почву у революціонной пропаганды. При немъ была довольно успѣшно раскрыта революціонная организація и арестованъ главный организаторъ печальнаго событія 1 марта,—Желябовъ. Докладывая государю въ концѣ января 1881 года о благотворныхъ послѣдствіяхъ принятой правительствомъ системы постояннаго возвращенія государственной жизни къ правильному ея теченію, Лорисъ-Меликовъ счелъ возможнымъ предложить Его Величеству воспользоваться этою минутою и завершить великія реформы его царствованія, остававшіяся еще не законченными и не согласованными между собою. Лорисъ-Меликовъ высказывалъ при этомъ, что призваніе мѣстныхъ людей къ участію и разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій является именно тѣмъ вѣрнымъ средствомъ, которое полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою. Способъ осуществленія этой мысли долженъ быть тотъ же самый, который уже былъ испытанъ въ первые годы царствованія государя при крестьянской реформѣ, т. е. необходимо учредить въ Петербургѣ, на подобіе бывшихъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій, особый временный подготовительный комитетъ, который состоялъ бы изъ представителей администраціи и мѣстныхъ свѣдующихъ людей, а затѣмъ окончательные труды этого комитета должны быть разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и повергнуты Высочайшему воззрѣнію. Императоръ Александръ II 1 марта 1881 года въ 12½ дня одобрилъ эти предположенія Лорисъ-Меликова и повелѣлъ до напечатанія оныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» подвергнуть обсужденію въ засѣданіи Совѣта министровъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого свершилось неслыханное въ лѣтописяхъ русской исторіи злодѣяніе, и императоръ Александръ II погибъ въ своей столицѣ отъ руки злодѣевъ. Это печальное событіе указывало, какой степени достигла смута въ извѣстномъ кружкѣ общества и что прежде всякихъ благотворныхъ реформъ и начинаній необходимо искоренить смуту, возстановить государственный порядокъ, а затѣмъ уже приводить въ стройную систему результаты различныхъ благотворныхъ преобразованій, ознаменовавшихъ царствованіе императора-Освободителя. Эта задача была опредѣлена словами манифеста императора Александра III отъ 29 апрѣля 1881 года, которыми всѣ вѣрные подданные призывались служить вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея императоромъ Александромъ II. Черезъ пять дней послѣ этого графъ Лорисъ-Меликовъ оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, по разстроенному здоровью; преемникомъ его былъ графъ Ник. Пав. Игнатьевъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ послѣ этого уѣхалъ изъ Петербурга за границу и проживалъ большею частію въ Ниццѣ, гдѣ и скончался 12 декабря 1888 года. Тѣло его было привезено въ Тифлисъ, гдѣ и погребено.

Лорисъ-Меликовъ былъ человѣкъ рѣдкаго безкорыстія и отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, но былъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Графъ несочувственно относился ко всѣмъ явленіямъ, которыя задерживали нормальный ростъ и развитіе народа, и былъ убѣжденнымъ защитникомъ органическаго прогресса. Онъ стоялъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую

самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ всегда внимательно и охотно выслушивалъ всѣхъ и каждаго, былъ очень обходителенъ, доступенъ и являлся веселымъ собесѣдникомъ въ обществѣ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ минуты своего досуга удѣлялъ также литературѣ и написалъ: 1) «О Кавказскихъ правителяхъ съ 1776 года до конца 18 столѣтія». («Русскій Архивъ» 1873 г.); 2) «Записка о Хаджи-Муратѣ («Русская Старина» 1881 г., т. 30); 3) «О Судоходствѣ по Кубани» («Новое Время» 1882 года); 4) «О состояніи Терской области» («Русская Старина» 1889 г., № 9). Письма къ гр. Лорису-Меликову отъ Н. Н. Муравьева и графа М. С. Воронцова напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. 43.

«Терскія Вѣдомости» 1875 г., № 23.—«Нива» 1877 г., № 19.—«Московскія Вѣдомости» 1888 г., № 349—«Труды Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства» 1882 г., выпускъ XI.—«Отечественныя Записки» 1880 г., № 9.—«Вѣстникъ Европы» 1880 г., № 11; 1881 г., № 6; 1889 г., № 1.—«Новое Время» 1888 г., №№ 4597, 4600, 4610, 4622, 4623.—«Историч. Вѣстн». 1889 г., кн. 2, стр. 451—460, 515—516.—«Колосья» 1889 г., кн. 1, стр. 272—275.—«Русскій Архивъ» 1889 г., кн. 1, стр. 94.—«Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, изд. «Тифлисскаго Лист.» Тифлисъ, 1889 г.—«Русская Мысль» 1889 г., книги I, стр. 169.—«Русская Старина» 1889 г., № 9.—«Русскій Инвалидъ» 1888 г., № 275.—*Н. Н. Муравьевъ*, «Война за Кавказомъ въ 1855 г.».—«Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ 1802 по 1902 года, т. I, изд. 1902 года—«Двухсотлѣтіе Терскаго Казачьяго войска».—*С. О. Кишмишева*, «Война въ турецкой Арменіи 1877—78 годовъ».—*Д. Д. Языковъ*, «Обз. жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. VIII, стр. 66.

П. Майковъ.

Ле-Лорренъ (*Louis-Joseph Le Lorrain*), профессоръ Импер. Академіи Художествъ, родился въ 1715 г. Въ 1758 г. былъ приглашенъ въ только что основанную Императорскую Академію Художествъ, гдѣ и занялъ мѣсто профессора. По дорогѣ въ Петербургъ, корабль, на которомъ находился художникъ, попалъ въ руки англичанъ, и Лорренъ лишился всего своего багажа. По этому поводу И. И. Шуваловъ писалъ гр. Воронцову: «Покорнѣйше прошу, Ваше Сіятельство, приказать мнѣ, какой успѣхъ сдѣлало Ваше милостивое стараніе о возвращеніи взятыхъ англичанами товаровъ или, лучше сказать, всѣхъ рисунковъ, моделей и пожитковъ живописца Лоррена. Сей послѣдній въ крайней бѣдности находится и не знаетъ, что дѣлать».

Скончался художникъ въ 1759 г. Изъ его произведеній сохранились до нашего времени только «Игры амуровъ»—три декоративныхъ панно въ Имп. Акад. Худ.; они показываютъ, при довольно заурядномъ дарованіи, очень недурную технику, обладая которой Лорренъ могъ сдѣлать много хорошаго въ молодой русской Академіи, если бы смерть не похитила его такъ рано.

Неизвѣстно мѣстонахожденіе слѣдующихъ его работъ: портретъ императрицы Елизаветы Петровны, еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія находившійся въ Импер. Ак. Худ.; портретъ гр. Воронцовой съ посохомъ въ рукѣ и нарисованный тушью портретъ Импер. Елиз. Петр., для медали и рублевыхъ монетъ, не схожій, но чрезвычайно многодѣльный. Подмастерье Юдинъ почти ослѣпъ, работая съ него матрицу на монетномъ дворѣ, и все-таки не передалъ всѣхъ тонкостей рисунка.

А. Сомовъ, «Катал. картинной галлереи Академіи Художествъ», стр. 115, 145.—Арх. кн. Воронцова, т. VI, стр. 289.—*П. Н. Петровъ*, «Каталогъ порт. выст.». 1870 г.—*Ровинскій*, «Подр. словарь русск. грав. порт., т. IV, стр. 380.—*Бар. Н. Врангель*, «Иностранцы въ Россіи» («Старые Годы», 1911 г., кн. 7—9).

С. Эрнстъ.

Лосевъ, *Андрей Дмитріевичъ*, преподаватель рисованія, род. въ Бѣжецкѣ, Тверской губ. и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Чувствуя призваніе къ занятіямъ по рисованію, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь поступилъ въ число вольнослушателей Академіи Художествъ. Вскорѣ за успѣхи по портретной живописи онъ получилъ званіе класснаго художника, выдержалъ спеціальный экзаменъ на домашняго учителя рисованія, черченія и чистописанія и опредѣлился учителемъ этихъ предметовъ въ Гатчинское городское училище. Въ 1859 г. Лосевъ поднесъ въ подарокъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и великимъ княгинямъ свой первый выпускъ художественныхъ изображеній чудотворныхъ иконъ и гробницъ святыхъ, за что былъ пожалованъ

брильянтовымъ перстнемъ. Съ 1862 г. по день своей смерти Лосевъ занималъ должность учителя въ С.-Петербургской 6-й гимназіи; кромѣ того, онъ состоялъ учителемъ рисованія при учительскомъ институтѣ, Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, Пажескомъ корпусѣ и Театральномъ училищѣ и вездѣ своею энергіею, дѣловитостью и добротою пріобрѣлъ уваженіе учениковъ и товарищей-учителей. Лосевымъ составлено «Руководство къ черченію, рисованію и чистописанію» (Спб. 1864 г.). Скончался онъ въ началѣ мая 1891 г. на 56 г. жизни.

«Новое Время» 1891 г., № 5456.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. пис. и писательницъ», вып. XI, стр. 123.

Степ.

Лосевъ, *Василій Ивановичъ*, маіоръ, въ 1820 г. поступилъ юнгою въ черноморское артиллерійское училище, въ 1828 г. опредѣлился юнкеромъ въ черноморскій флотъ и въ томъ же году принялъ участіе во взятіи Варны, за что былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена. Переименованный въ 1831 г. въ прапорщики артиллеріи и произведенный въ 1833 г. въ подпоручики, а въ 1838 г. въ поручики, онъ въ томъ же году переименованъ былъ въ мичманы и участвовалъ на фрегатѣ «Браиловъ» въ десантной высадкѣ при занятіи мѣстечка Шапсухо; за это дѣло Лосевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. «за храбрость». Въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и плавалъ у Кавказскихъ береговъ для занятія мѣстечекъ Субати и Псезуапе. Въ 1852 г. Лосевъ былъ назначенъ асессоромъ комиссіи военнаго суда въ Измаилѣ, съ переименованіемъ въ капитаны по адмиралтейству; въ 1855 г. произведенъ въ маіоры и въ слѣдующемъ году, 12 января, скончался.

Общій морской списокъ. ч. X, стр. 596—597.

М. Поповъ.

Лосенко, *Антонъ Павловичъ*, портретистъ, род. 30 іюля 1737 г. въ гор. Глуховѣ, Черниг. губ., въ зажиточной крестьянской семьѣ. Рано лишившись родителей, семилѣтнимъ ребенкомъ, онъ попадаетъ какими-то судьбами въ придворные пѣвчіе. Въ 1753 г. мальчикъ «спалъ съ голоса» и былъ отданъ въ обученіе живописи къ крѣпостному гр. Шереметева — И. Аргунову, извѣстному нашему портретисту. У него Лосенко пробылъ 5 лѣтъ и пять мѣсяцевъ; въ концѣ же 1759 г. повелѣніемъ императрицы Елизаветы онъ былъ отданъ въ Академію Художествъ. Здѣсь онъ работалъ недолго, такъ какъ уже въ сентябрѣ 1760 г. былъ отправленъ «для усовершенствованія» въ Парижъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ Рету. Зимою 1762 г. Лосенко возвратился въ Петербургъ, пробылъ здѣсь полгода, а затѣмъ былъ вторично командированъ въ Парижъ. Въ этотъ пріѣздъ онъ занимался у Діена. Въ Парижѣ онъ пробылъ до конца 1765 г., когда для завершенія своего художественнаго образованія былъ отправленъ въ Римъ. Здѣсь Лосенко работалъ уже самостоятельно, много копировалъ «антиковъ» и старыхъ итальянскихъ мастеровъ. Въ 1769 г. онъ возвратился въ Россію, былъ произведенъ изъ назначенныхъ въ академики, адъюнктъ-профессоры, а затѣмъ въ профессоры и сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ членовъ Академіи. Скончался Лосенко 23 ноября 1773 г.

Какъ художникъ, Лосенко когда-то очень чтился, считался «славнѣйшимъ», «геніемъ» и т. п. Потомъ пришла пора, когда онъ казался слабѣйшимъ эпигономъ, жалкимъ копіистомъ. Въ настоящее же время художественная цѣнность твореній Лосенка рисуется въ такомъ видѣ: самое живое и цѣнное изъ созданнаго имъ—это портреты и небольшой жанръ «Въ мастерской живописца». Въ этихъ произведеніяхъ художникъ свободно отдавался своему вдохновенію, творилъ свободно, внѣ всякихъ теорій, и поэтому они до сихъ поръ «живутъ» и не блѣднѣютъ передъ такими сильными соперниками, какъ холсты Левицкаго, Боровиковскаго и Рокотова. Далѣе идетъ группа умѣлыхъ «академій»: «Каинъ», «Авель», этюды натурщиковъ. Въ этой области большую услугу оказало художнику внимательное изученіе античныхъ статуй и анатоміи. Остаются еще академическія композиціи, столь извѣстныя и восхваляемыя въ старые годы—«Жертвоприношеніе Авраама», «Владиміръ и Рогнѣда» и др. Нынѣ онѣ не представляютъ никакой художественной цѣнности, такъ какъ являются не всегда удачнымъ пересказомъ полотенъ французовъ и итальянцевъ XVII—XVIII вв.; но зато за ними большое историческое значеніе—онѣ являются первыми вѣхами когда то сильнаго, имѣвшаго огромное вліяніе на судьбы русскаго искусства, академизма.

Кромѣ названныхъ произведеній, Лосенку принадлежатъ еще слѣдующія: «Прощаніе Гектора съ Андромахою», «Товія съ Ангеломъ», «Св. Апостолъ Андрей Первозванный», «Сумароковъ» и «Волковъ» (наход. въ Императ. Акад. Худ.), «Шумскій», «Г-жа Хлюстина», «Чудесный уловъ рыбы» (въ Русск. Муз. Имп. Александра III), этюдъ съ натурщика, «Скорбящимъ Помощница», «Въ мастерской живописца», второй этюдъ съ натурщика (Третьяков. гал.), «Л. Геннингеръ», «Волковъ» (второй экземп.), «Автопортретъ» (въ Румянцевскомъ муз.), третій этюдъ съ натурщика, «Явленіе ангеловъ пастухамъ» (собр. И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ).

Чекалевскій, «Разсужденіе о свободныхъ художествахъ» 1792.—«Сѣверный Вѣстникъ» 1804, ч I.—*Reimers*, L'Académie Impériale des Beaux Arts en 1807».—«Сѣверные цвѣты» 1826 г.—«Краткое описаніе предметовъ, составляющихъ русскій музеумъ Павла Свиньина» 1829 г.—*А. Оленинъ*, «Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи Им. Ак. Х.» 1829. — «Художественная Газета» 1838 г., № 12.—*Андреевъ*, «Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ» 1857.—«Сѣверное сіяніе», ч. III.—«Сборникъ матеріаловъ для истор. Им. Ак. Худ.», указатель къ нимъ Юндолова.—Сочин. Державина, соч. В. И. Майкова 1867.—*А. И. Соловъ*, Каталогъ соб. Им. Ак. Х. 1874.—*Бар. Н. Н. Врангель*, «Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Импер. Ак. Худ.» 1908.—*И. Остроуховъ и С. Глаголь*, «Третьяков. галл.», изд. Кнебель.—*А. Бенуа*, «Русск. муз. Имп. Алек. III», изд. Кнебель.—*Бар. Н. Н. Врангель*, Каталогъ Русск. муз. Имп. Алекс. III.—*Романовъ*, Румянцевск. муз., изд. Кнебель.—*Петровъ*, Катал. порт. выст. 1870, альбомъ снимковъ съ этой выставки Лушева.—«Историческій альбомъ портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII вв., фотогр. и изданы худож. А. М. Лушевымъ», Спб. 1870.—*Бар. Н. Н. Врангель*, Катал. порт. выст. 1902 г., каталогъ порт. выст. 1905 г.—«Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 17.—*Новицкій*, «Исторія русскаго искусства»—*А. Бенуа*, «Русская школа живописи»—*Его-же*, «Исторія русск. живоп.». *С. Эрнстъ.*

Лоссіевскій, *Демьянъ Яковлевичъ*, медико-хирургъ, писатель, ст. сов., род. въ 1798 г. въ Полтавской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія. Въ 1814 г. поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію и въ 1818 г. былъ лѣкаремъ 2-го піонернаго батальона. Въ 1822 г. онъ сдѣлался штабъ-лѣкаремъ, въ 1827 г. старшимъ лѣкаремъ Динабургскаго военнаго госпиталя. Въ 1834 г. онъ удостоился званія медико-хирурга въ Виленской мед.-хир. академіи и въ слѣдующемъ году былъ старшимъ докторомъ въ Вильнѣ, въ 1840 г. старшимъ докторомъ 2-го С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя, въ 1844 г. главнымъ докторомъ Варшавскаго военнаго госпиталя, а въ 1851 г. уволенъ отъ службы. Ему принадлежитъ печатный трудъ «Лѣченіе перемежающейся лихорадки гальвано-магнетизмомъ» («Вѣстн. Мед. Ж.» 1851 г., ч. 57. II).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 181.—«Вѣстн. Мед. Журн.» 1851 г., I ч., 57, II. *Глазко.*

Лось, *Иванъ*, химикъ, старшій преподаватель реальнаго училища, а затѣмъ адъюнктъ научныхъ кабинетовъ г. Варшавы, родился въ 1823 г.; по окончаніи Варшавскаго реальнаго училища посланъ былъ, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ, на казенный счетъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ уже въ первый годъ своего пребыванія получилъ золотую медаль за конкурсную работу на тему о добываніи свѣта химическимъ способомъ и о примѣненіи его къ фотографіи. Второй золотой медалью награжденъ былъ его трудъ «О видахъ поваренной соли, добываемой въ Россіи», въ которомъ указаны и наиболѣе легкіе способы ея очистки; это сочиненіе напечатано было на средства университета. Эти работы Лося такъ-же, какъ и мелкія статьи его, помѣщавшіяся въ разныхъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, обратили на него вниманіе ученаго міра. Его изслѣдованія въ области химіи подавали надежду, что въ лицѣ его готовится въ будущемъ выдающійся химикъ, но ранняя смерть не дала осуществиться этой надеждѣ. По окончаніи университета Лось вернулся въ Варшаву и назначенъ былъ здѣсь старшимъ преподавателемъ химіи въ реальномъ училищѣ и почти одновременно адъюнктомъ научныхъ кабинетовъ. Скончался Лось въ Варшавѣ въ 1860 г.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., стр. 629. *А. Г.*

Лоттеръ, *Іоаннъ-Георгъ*, академикъ, род. 25 марта нов. ст. 1702 г. въ Швабіи, ум. 1 апрѣля 1737 г. въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ Іенскомъ университетѣ, пріобрѣтя обширныя познанія въ классическихъ и еврейскомъ языкахъ. Въ 1725 г. онъ учился въ Галле, въ 1728 г. въ Лейпцигѣ и здѣсь получилъ степень маги-

стра; сотрудничалъ въ «Acta eruditorum» Менке и «Deutsche Acta eruditorum» Іохера; въ 1730 и 1731 г. издавалъ въ Лейпцигѣ «Gelehrte Zeitungen» и «Beiträge zur critischen Historie», читалъ лекціи въ университетѣ; былъ избранъ въ члены Берлинской академіи наукъ. Въ 1733 г. Петербургская Академія предложила ему каѳедру древностей и классическихъ литературъ; 22 ноября 1734 г. съ нимъ былъ заключенъ контрактъ. Въ Петербургъ онъ прибылъ 14 іюня 1735 г. и приступилъ къ работамъ по составленію жизнеописанія царя Алексѣя Михайловича, которое Академія желала помѣстить при перепечаткѣ Уложенія. Лоттеру были доставлены нѣкоторые любопытные рукописные матеріалы, которые и понынѣ хранятся въ Академіи Наукъ, но воспользоваться ими онъ почти не успѣлъ, такъ какъ умеръ менѣе чѣмъ черезъ два года по прибытіи въ Петербургъ.

Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», т. I, стр. 535—538.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 259—260.

Н. Ч.

Лотыревъ, *Игнатій Ивановичъ*, капитанъ 1-го ранга, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1769 г. гардемариномъ. Находясь на разныхъ корабляхъ въ плаваніи и постепенно повышаясь въ чинахъ (въ мичманы былъ произведенъ въ 1771 г., въ лейтенанты—въ 1775 г., въ капитанъ-лейтенанты—1782 г.), онъ въ 1788 г. принялъ участіе въ Гогландскомъ сраженіи, въ 1789 г. находился при занятіи прохода Березундскаго, а въ 1790 г. въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Произведенный въ 1796 г. въ капитанъ-лейтенанты, Лотыревъ скончался 15 іюля 1798 г.

Общій морской списокъ, ч. IV, стр. 267—268.

Лохвицкій, *Александръ Владиміровичъ*, д. с. с., извѣстный юристъ, докторъ правъ, родился въ 1830 г., воспитывался въ Московской 3-й и С.-Петербургской 2-й гимназіяхъ, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. Еще будучи гимназистомъ старшихъ классовъ, онъ обнаружилъ особенную любовь къ историческому знанію, которое впослѣдствіи придавало солидную научную цѣнность его сочиненіямъ по спеціальнымъ вопросамъ права и его процессуальнымъ рѣчамъ. По окончаніи курса вторымъ кандидатомъ правъ (1851 г.) Лохвицкій ревностно началъ готовиться къ магистерскому экзамену и вскорѣ выдержалъ испытаніе и по защитѣ диссертаціи «О плѣнныхъ по древнему русскому праву въ XV—XVII вв.» (М. 1855 г.) былъ удостоенъ совѣтомъ Московскаго университета степени магистра общенароднаго права. Черезъ годъ мы его видимъ за границею въ Гейдельбергѣ, гдѣ онъ слушаетъ курсы германскихъ профессоровъ права. Результатомъ усиленныхъ академическихъ занятій, а по возвращеніи въ Россію—изслѣдованій архивныхъ грамотъ явился хорошо извѣстный нашимъ юристамъ и историкамъ трудъ: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія» (Спб. 1864 г.), который доставилъ ему степень доктора государственнаго права. Первые годы общественной дѣятельности Лохвицкаго были посвящены профессурѣ: сначала онъ читалъ курсы энциклопедіи, законовѣдѣнія и исторіи русскаго права въ Ришельевскомъ лицеѣ, какъ адъюнктъ (съ 10 октября 1856 г.) и профессоръ (съ 31-го декабря 1856 г.), а затѣмъ, по переѣздѣ въ Петербургъ, читалъ лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія въ Импер. Александровскомъ лицеѣ (1861—1867 г.) и въ военно-юридической академіи. Съ 1866 г. Лохвицкій, вмѣстѣ съ проф. А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, издавалъ и редактировалъ газету «Судебный Вѣстникъ». Съ открытіемъ гласнаго суда Лохвицкій покинулъ государственную службу, поступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и, проживая послѣднее время въ Москвѣ, былъ однимъ изъ извѣстныхъ адвокатовъ. Скончался Лохвицкій 16 мая 1884 г. въ Москвѣ.

Кромѣ названныхъ сочиненій, онъ напечаталъ: «Первое выраженіе народнаго чувства въ Россіи къ Турціи» («Моск. Вѣд.» 1854 г., № 70); «Трактаты Россіи съ Турціею» (тамъ же, № 80); «Блокада» (тамъ же, 1855 г., №№ 3, 4); «Морская война» (тамъ же, № 12); «Воронежскіе и Рязанскіе акты (тамъ же, №№ 19—21; перепеч. въ «Рязанск. Губ. Вѣдом.», 1855 г., №№ 14—20). Статья вызвана книгами Пискарева, Александрова-Дольникова и Второва; «Шуйскіе старинные акты» («Моск. Вѣд.», 1855 г., № 88).

Статья написана по поводу книги Борисова; «О выкупѣ плѣнныхъ у татаръ» 1856 г. («Московск. Вѣд.», №№ 124—126); «Швейцарская община и ея отверженцы» (тамъ же, № 68); «Замѣчанія на статью П. Д. Бѣляева о книгѣ Б. Чичерина» (тамъ же, № 69); «Поѣздка въ Бессарабію», четыре письма (тамъ же, №№ 105, 108, 111, 114); «Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи» («Русскій Вѣстникъ» 1857 г., кн. 2, 15, 23); «О книгѣ Погодина: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи» («Отечеств. Записки», 1857 г., кн. 2); «Панскій приказъ» («Журналъ М-ва Нар. Просв.», 1857 г., ч. XCIV, кн. 4); «Объ изслѣдованіи Д. Наумова: Консульское право Европы и Америки» («Отечест. Записки», 1857 г., кн. 4); «Значеніе Божьихъ судовъ по русскому праву» (тамъ же, кн. 6); «По поводу дороговизны» («Экономическій Указатель», 1857 г., № 7); «Объ изданіи актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» («Отечеств. Записки», 1857 г., кн. 8, 9); «О грамотахъ, касающихся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами» («Рус. Вѣстн.», 1857 г., кн. 9); «О сочиненіи В. Спасовича: Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему польскому праву» («Отечеств. Записки», 1857 г., кн. 9); «Разборъ сочиненія И. Д. Бѣляева: О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ» (тамъ же, 1858 г., кн. 7); «Дуэль и кассаціонный судъ» (тамъ же, кн. 10—12); «Засѣданіе парижскаго уголовнаго суда въ 1857—1858 годахъ» («Рус. Вѣстн.», 1858 г., кн. 23); «Рецензія на книгу Погодина: Норманскій періодъ Русской исторіи» («Русское Слово», 1859 г., кн. I); «Объ актахъ и грамотахъ Казанской губерніи» (тамъ же, кн. 3); «Французская адвокатура» (тамъ же, кн. 8); «Замѣчанія на статью М. Филиппова: Взглядъ на русское издательство» (тамъ же, кн. 10); «О собраніи важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права—изданіе И. Лазаревскаго и Я. Утина» (тамъ же, кн. 10); «Письмо изъ Праги» (тамъ же, кн. 10); «Обзоръ современныхъ конституцій: политическое устройство Швейцаріи, государственное, административное и судебное устройство Франціи» (тамъ же, кн. 11; 1860 г., кн. 1, 3, 7, 9). Отдѣльное изданіе: Спб., 1862—1863 г., второе изданіе: Спб. 1865 г.; «О третьемъ томѣ Юридическихъ Записокъ, изданномъ Рѣдкинымъ и Яневичемъ-Яневскимъ» («Рус. Слово», 1859 г., кн. 12); «Разборъ сочиненія В. Никольскаго: О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ» (тамъ же, 1860 г., кн. 2); «О нашихъ ходатаяхъ по дѣламъ на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ г. Филипповымъ къ № XI «Современника» (1859 г.), подъ заглавіемъ: «Г-ну Лохвицкому» (тамъ же, кн. 2); «Диспутъ г.г. Погодина и Костомарова» (тамъ же, кн. 4); «О четвертомъ томѣ Юридическихъ Записокъ», изданномъ Рѣдкинымъ и Яневичемъ-Яневскимъ» (тамъ же, кн. 5); «Мнѣніе г. Погодина о своемъ собственномъ диспутѣ» (тамъ же, кн. 5); «О лекціяхъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, М. Михайлова» (тамъ же, кн. 6); «О книгѣ Д. Журавскаго: Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 по 1825 годъ» («Русское Слово», 1860 г., кн. 7); «Политическое, административное и судебное устройство Финляндіи» (тамъ же, кн. 10); «Судебные слѣдователи» (тамъ же, кн. 10); «Сравнительный методъ въ правѣ и рѣчь г. Кавелина» («Отеч. Записки», 1861 г., кн. 1); «Нѣчто о выпискахъ и о способѣ доходить до высшихъ результатовъ путемъ самостоятельнаго мышленія», отвѣтъ г. Кавелину (тамъ же, кн. 5); «Народная литература и судъ: о сказкѣ про процессъ леща и другихъ рыбъ противъ ерша» («Рус. Инвалидъ», 1862 г., № 21); «Судебная реформа» (тамъ же, 1863 г., №№ 6, 8, 23, 43, 54, 55); «Реформа въ промышленности и торговлѣ» («Народное Богатство» 1863 г., №№ 31, 32); «Малороссійскій литературно-музыкальный вечеръ 6-го апрѣля» («Рус. Инвалидъ», 1863 г., № 77); «Два слова о правахъ актеровъ въ Россіи» (тамъ же, № 60); «Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній» (тамъ же, № 87); «Смягченіе наказаній» (тамъ же, № 101); «О неудовлетворительномъ состояніи университетовъ» («Голосъ», 1862 г., № 285); «Отрывки изъ путешествія по Олонецкой губерніи лѣтомъ 1863 года» («Отечеств. Записки», 1864 г., кн. 2); «Гласность, судъ и газеты» («Голосъ», 1864 г., № 259); «Отвѣтъ г. Костомарову на его замѣчаніе относительно диссертаціи» («Голосъ» 1864 г., № 271); «По поводу списка избирателей, составленнаго Петер-

бургской комиссіей» (тамъ же, № 297); «По поводу военно-окружныхъ учрежденій» (тамъ же, № 300); «Современность и гласность» (тамъ же, № 332); «О сборникѣ рѣшеній Правительствующаго Сената» (тамъ же, № 349); «Морское международное право», соч. капитана Т. Ортолана, перев. Спб. 1865 г.; «Необходимое объясненіе «С.-Петебургскимъ Вѣдомостямъ» по поводу заявленія, сдѣланнаго на диспутѣ Таганцева» («Голосъ», 1867 г., № 132); «Курсъ русскаго уголовнаго права», Спб. 1868 г., второе изданіе. Спб. 1871 г.; «Уголовные романы» («Судебный Вѣстникъ», 1869 г., №№ 4, 14, 83). Статья написана по поводу романа Ѳ. М. Достоевскаго: «Преступленіе и наказаніе»; «По поводу статьи Погодина, напечатанной въ сборникѣ «Складчина» («Русскій Міръ», 1874 г., № 104).

«Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 137.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. IV, стр. 55—57.—*В. Григорьевъ*, «С.- Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ», стр. XXVII.—«Памятная книжка Импер. Александровскаго лицея на 1886 г.» Спб., 1886 г., стр. 30.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 35, стр. 40. *М. Поповъ.*

Лохвицкій, *Кондратъ Андреевичъ*, мистикъ и археологъ, род. 9 марта 1774 или 1775 года, родители его неизвѣстны, дѣтскіе годы его протекали при неблагопріятныхъ условіяхъ,—онъ былъ пѣвчимъ. Своимъ образованіемъ онъ обязанъ всецѣло профессору Московскаго университета Харитону Андреевичу Чеботареву и его супругѣ Софьѣ Ивановнѣ, содержавшимъ благородный пансіонъ, въ которомъ онъ въ 1787 году, будучи 12-ти или 13-ти лѣтъ отъ роду, сталъ учить нотному пѣнію. На просьбу его о позволеніи учиться въ классахъ пансіона супруги Чеботаревы отвѣтили предложеніемъ совсѣмъ перейти къ нимъ на жительство, учиться и быть на ихъ воспитаніи. Лохвицкій съ радостью принялъ такое предложеніе. По окончаніи образованія Лохвицкій поступилъ на службу: сначала былъ губернскимъ стряпчимъ, а затѣмъ исправлялъ должность губернскаго прокурора въ Каменецъ-Подольской губерніи. На послѣдней должности онъ оказалъ отечеству двѣ важныя услуги: увѣдомилъ о бунтѣ, зарождающемся въ Новороссійской губерніи, и сдѣлалъ представленіе о прекращеніи моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Каменецъ-Подольской губерніи. Въ награду за это Лохвицкій получилъ мѣсто въ канцеляріи С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, князя Алексѣя Борисовича Куракина, но остался недоволенъ такою наградою, о чемъ и заявилъ князю. Послѣдній 25 апрѣля 1798 года приказалъ исключить его изъ службы. Вскорѣ Лохвицкій опредѣленъ былъ форстмейстеромъ, т. е. чиновникомъ по лѣсному управленію въ Московской губерніи, но за неосновательный доносъ былъ уволенъ отъ службы и три года находился подъ судомъ. Въ 1808 году онъ, будучи совѣтникомъ Кронштадтскаго счетнаго отдѣленія, получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и въ сентябрѣ того же года былъ взятъ адмираломъ Ханыковымъ въ морской походъ. Въ 1817 году Лохвицкій попалъ снова подъ судъ за то, что, будучи архиваріусомъ счетной экспедиціи, отыскалъ считавшіяся пропавшими дѣла и книги по дѣлу о недовозѣ купцомъ Косаковскимъ въ 1801 и 1802 годахъ казеннаго хлѣба, но въ 1819 году былъ освобожденъ отъ суда съ правомъ просить мѣста, гдѣ служить пожелаетъ. Но съ этого времени до конца своей жизни онъ не состоялъ на государственной службѣ и, какъ получившій контузію, пользовался покровительствомъ Комитета о раненыхъ.

Въ 1823 году Лохвицкій переселился въ Кіевъ, гдѣ женился и сдѣлался домовладѣльцемъ. Какъ домовладѣлецъ, онъ принималъ живѣйшее участіе въ общественной жизни и дѣятельности г. Кіева. Въ 1830 году въ Кіевѣ свирѣпствовала холера, и Лохвицкій былъ избранъ попечителемъ 2 участка 3 части г. Кіева, въ который входили Братскій монастырь, гостиный дворъ, разные рынки и 113 домовъ. Благодаря энергичной дѣятельности Лохвицкаго, въ участкѣ его была самая незначительная смертность. Въ 1827 году въ Кіевскомъ магистратѣ составленъ былъ проектъ о милліонномъ займѣ изъ казны подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ кіевлянъ для постройки казармъ. Лохвицкій явился рѣшительнымъ противникомъ этого проекта; онъ написалъ большую докладную записку съ протестомъ противъ означеннаго проекта, которая была доведена до Высочайшаго свѣдѣнія и имѣла своимъ послѣдствіемъ отмѣну проекта. Правительствомъ рѣшено было построить казармы въ Кіевѣ на свой счетъ.

Въ то же время Лохвицкій занимался ра-

зысканіемъ русскихъ древнихъ памятниковъ и съ этою цѣлью производилъ археологическія раскопки въ г. Кіевѣ. Въ 1824-мъ году имъ былъ открытъ фундаментъ Десятинной церкви, построенной равноапостольнымъ княземъ св. Владиміромъ, за что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ избрало его своимъ членомъ-соревнователемъ. Снятый съ натуры Лохвицкимъ планъ храма напечатанъ былъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина за 1825 годъ вмѣстѣ съ сочиненнымъ митрополитомъ Евгеніемъ (Болховитиновымъ) историческимъ описаніемъ. Другой планъ въ большемъ масштабѣ поднесенъ былъ кіевскимъ комендантомъ Аракчеевымъ государю. Князь П. К. Витгенштейнъ подарилъ Лохвицкому за это открытіе свою шпагу 1812 года. Затѣмъ Лохвицкій отыскалъ мѣсто и часть фундамента каменной Ильинской церкви времени великаго князя Игоря и «впослѣдствіи представилъ двойной кирпичъ, слѣпленный цементомъ, и особенно цементъ изъ фундамента въ университетъ Св. Владиміра для испытанія ученаго сословія». 30 марта 1832 года Лохвицкій заявилъ Кіевскому генералъ-губернатору В. В. Левашову о своемъ желаніи «заняться раскрытіемъ Кіевскихъ древностей изъ нѣдръ земли» въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Предложеніе его было принято и для успѣшнаго веденія сего дѣла путемъ раскопокъ открыта была подписка на сборъ пожертвованій, въ которой приняли участіе генералъ-губернаторъ и графъ Ф. В. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. Въ томъ же 1832 г. Лохвицкій раскопалъ то мѣсто, гдѣ, по его предположенію, водруженъ былъ св. Владиміромъ крестъ и въ 1212 году, по мнѣнію митрополита Евгенія, построена великимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ церковь во имя Воздвиженія Животворящаго Креста,—на горѣ между Андреевскою и Трехсвятительскою церквами, но безъ особыхъ открытій. Зато ему удалось открыть въ этомъ же году Златыя врата Ярославовы. Императоръ Николай Павловичъ, бывшій въ Кіевѣ 9 сентября 1832 года, прошелъ сквозь сіи врата и сказалъ: «Памятникъ, достойный сохраненія». Тогда же Высочайше повелѣно было Лохвицкому продолжать раскрытіе древностей подъ покровительствомъ генералъ-губернатора графа Левашова, который исходатайствовалъ 1500 рублей ежегоднаго пособія на это дѣло. Въ 1833 г. Лохвицкій, произведя на свой счетъ раскопки въ крѣпостномъ валу, открылъ слѣды церкви св. Ирины, построенной княземъ Ярославомъ, и нашелъ мѣдныя монеты времени царя Алексѣя Михайловича, которыя и пожертвовалъ въ минцъ-кабинетъ Его Императорскаго Величества. Въ 1836 году онъ нашелъ въ м. Трипольѣ при береговыхъ возвышенностяхъ Днѣпра клыкъ, два зуба и суставную кость мамонта. Объ этой находкѣ онъ помѣстилъ статью въ августовской книжкѣ «Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія» за тотъ же годъ. Онъ же составилъ интересную коллекцію монетъ и медалей, которая оцѣнена была имъ около 4000 рублей.

Лохвицкій принадлежалъ къ числу русскихъ мистиковъ. Въ дневникѣ его (извлеченія изъ котораго приведены профессоромъ Ф. Терновскимъ въ его статьѣ «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи»), «кромѣ ежедневныхъ приключеній, мыслей и чувствованій, заключаются огромныя выдержки изъ Библіи и мистическихъ сочиненій, а въ особыхъ тетрадяхъ—переводъ 400 изреченій св. Максима о любви и наполненная мистическими толкованіями композиція образа Собора св. архистратига Михаила, написаннаго по мысли Лохвицкаго К. Албычевымъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1805 года». Онъ былъ знакомъ съ мистиками екатерининскаго и александровскаго времени, а съ главою послѣднихъ А. Ѳ. Лабзинымъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, хотя не былъ въ числѣ членовъ состоящаго подъ его управленіемъ общества. 18 ноября 1818 г. Лохвицкій вступилъ въ такъ называемое общество филадельфійской церкви, но вскорѣ покинулъ его. Чтеніе мистическихъ книгъ иногда сопровождалось для него моментомъ духовнаго восторга, иногда же—страшною внутреннею борьбою, такъ что друзья Лохвицкаго совѣтовали ему, во избѣжаніе душевныхъ страданій, оставить такое чтеніе. Онъ прочиталъ шесть разъ Библію, но мистическими толкованіями, въ которыхъ аллегорія буквъ и чиселъ имѣетъ значительное мѣсто, затемнялъ прямой и здравый смыслъ св. Писанія. Въ своемъ дневникѣ онъ излагаетъ разныя сновидѣнія, откровенія и пророчества, бывшія плодомъ его мистическаго экстаза. По временамъ онъ занимался и литературными трудами въ ми-

стическомъ духѣ,—писалъ стихотворенія. Его ода на 28 генваря 1798 года, т. е. на день рожденія великаго князя Михаила Павловича была напечатана. Между прочимъ, ему принадлежитъ русскій переводъ составленнаго профессоромъ Х. А. Чеботаревымъ извѣстнаго свода четвероевангелія, который, кажется, не напечатанъ, хотя и былъ разсмотрѣнъ митрополитами Михаиломъ и Филаретомъ. Лохвицкій скончался въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Свой дневникъ вмѣстѣ съ планами и видами кіевскихъ древностей онъ завѣщалъ Кіевской духовной академіи, коллекцію же рѣдкихъ минераловъ, медалей и оружія—Кіевскому университету св. Владиміра.

Ф. Терновскій, «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи» («Труды Кіевской Духовной Академіи» 1863 г., октябрь, стр. 161—203).—*Его же*, «К. А. Лохвицкій и его жизнь въ Кіевѣ» («Кіевлянинъ», 1865 г., №№ 144—146).—«Краткое историческое описаніе первопрестольной соборной Десятинной церкви въ Кіевѣ». Полтава. 1849 г., стр. 9.—*Николай Сементовскій*, «Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Кіевъ. 1900 г., стр. 49, 116.

А. Никольскій.

Лочковичъ, *Іосифъ (Есифъ)*, бояринъ псковскій; весною 1341 г. псковитяне, подвергшись нападенію со стороны нѣмцевъ и не получая помощи отъ Великаго Новгорода, послали его и Якова Домашинича въ Витебскъ къ князю Ольгерду Гедиминовичу просить заступничества. Князь Александръ Всеволодовичъ, поссорившись съ псковитянами, еще раньше покинулъ ихъ городъ. Послы, явившіеся къ Ольгерду, держали такую рѣчь: «Братья наши Новгородцы насъ повергли, непомогаютъ намъ; помози намъ, господине, въ се время». Ольгердъ внялъ ихъ просьбѣ: сперва послалъ въ Псковъ своего воеводу Юргя Витовтовича, а въ іюлѣ мѣсяцѣ самъ съ братомъ Кейстутомъ, сыномъ Андреемъ и многочисленной ратью явился на помощь къ Псковичамъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 187.

Лошинскій (Лосинскій), *Иванъ*, Новгородскій бояринъ. Въ 1476 г. былъ въ числѣ тѣхъ «лучшихъ» людей, на которыхъ жаловались новгородцы Іоанну III, пришедшему въ В. Новгородъ для расправы съ измѣнниками. Когда Лошинскій и его единомышленники (литовская партія) были приведены на судъ къ великому князю, послѣдній нашелъ улики достаточными и, обращаясь къ виновнымъ, гнѣвно сказалъ: «Изыдите! вы хотѣли предать отечество Литвѣ». Новгородцы обвиняли ихъ, кромѣ того, въ насиліяхъ и грабежахъ. Судъ Іоанна былъ грозенъ. Тщетно владыка Ѳеофилъ и многіе посадники явились въ великокняжескій дворецъ просить пощады опальнымъ. Іоаннъ ихъ не помиловалъ и скованными велѣлъ отослать въ Москву. Сюда вторично пріѣзжалъ владыка просить милости Лошинскому и его товарищамъ, но князь московскій и на этотъ разъ остался неумолимъ. Лошинскій вмѣстѣ съ сыномъ Марѳы Борецкой, Ѳеодоромъ, сосланъ былъ впослѣдствіи въ Муромъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Лошинскій былъ одинъ изъ богатѣйшихъ новгородскихъ бояръ, его домъ надъ Волховомъ, въ трехъ верстахъ отъ города, во время вторичнаго прихода Іоаннова къ Новгороду, служилъ мѣстомъ пребыванія для великаго князя. Были у Лошинскаго еще и другіе богатые дома: въ Ракомлѣ и надъ озеромъ Ильменемъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 130, 257, 259; т. V, стр. 37; т. VI, стр. 18, 33, 200—205, 222; т. VIII, стр. 182.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.» т. VI, стр. 102, 105, 118, прим. 145.

А. Г.

Лошкаревъ, *Серѣй Серѣевичъ*, дѣятельный членъ Императ. Русскаго географическаго общества. Въ 1850 г. участвовалъ въ задуманномъ Обществомъ обширномъ предпріятіи описанія внутренней торговли Россіи и доставилъ пространную статью о торговлѣ пшеницею въ Сибири, помѣщенную въ «Трудахъ общества». Въ 1854 г. онъ занимался составленіемъ программы для описанія рѣкъ Волжскаго бассейна и самъ исполнилъ часть этой программы, представивъ наглядное описаніе Волги, отъ Нижняго до Астрахани. Въ слѣдующемъ году Лошкаревъ доставилъ матеріалы для путеводителя по Россіи, который составлялся въ то время въ Географическомъ обществѣ по поводу путешествія предсѣдателя его, вел. князя Константина Николаевича. Въ послѣдніе годы своей жизни Лошкаревъ, несмотря на болѣзнь, принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи экспедиціи по изслѣдованію хлѣбной производительности и торговли. Скончался онъ въ 1869 г.

Отчетъ Императ. Русск. Географ. общества за 1869 г., стр. 5—6.

Луба, *Иванъ (Янъ-Фаустинъ) Дмитріевичъ*, самозванецъ, мнимый сынъ Лжедимитрія и Марины Мнишекъ, на самомъ дѣлѣ былъ сыномъ польскаго шляхтича Дмитрія Лубы, родомъ изъ Подляшья. Отправившись въ Смутное время вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ въ походъ подъ Москву, Д. Луба былъ здѣсь убитъ, а сироту-мальчика шляхтичъ Бѣлинскій привезъ въ Польшу, выдавая его за сына «царя Димитрія», котораго будто-бы сама мать отдала ему на сохраненіе. Когда ребенокъ подросъ, Бѣлинскій, по совѣту остальной шляхты, объявилъ о немъ королю Сигизмунду и панамъ раднымъ на сеймѣ. Король и паны отдали мальчика на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по 6000 золотыхъ на содержаніе, а Сапѣга отвезъ его въ Брестъ-Литовскъ и помѣстилъ здѣсь въ Семеновскій монастырь, поручивъ игумену Аѳанасію обучить мнимаго царевича русскому, польскому и латинскому языкамъ. Въ монастырѣ Луба пробылъ семь лѣтъ, самъ ничего не зная о своемъ истинномъ происхожденіи. Между тѣмъ долгая война Польши съ Москвою близилась къ концу; самозванецъ все меньше и меньше интересовалъ польское правительство, жалованье ему было уменьшено до 100 золотыхъ въ годъ, а послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Москвою о Лубѣ забыли совсѣмъ. Несчастный «царевичъ» обратился тогда съ вопросомъ къ Бѣлинскому, желая узнать, чей онъ подлинно сынъ и по какой причинѣ именовали его царевичемъ Московскимъ. Бѣлинскій разсказалъ ему объ обстоятельствахъ его ранняго дѣтства, объяснивъ, что царевичемъ назвали Лубу «для всякой причины», послѣ того какъ не удалось подмѣнить имъ сына Марины Мнишекъ, казненнаго въ Москвѣ. Не имѣя въ виду поддерживать сказку о своемъ яко-бы царскомъ происхожденіи и оставшись безъ средствъ къ существованію, Луба поступилъ писаремъ къ пану Осинскому и выразилъ желаніе сдѣлаться ксендзомъ. Это было въ началѣ 40-хъ годовъ XVII столѣтія; Лубѣ въ это время было отъ роду лѣтъ 30. Слухи о томъ, что въ Польшѣ скрывается человѣкъ, котораго называютъ Московскимъ царевичемъ и у котораго на спинѣ, между плечами, имѣется изображеніе царскаго герба («пятна»), дошли до Москвы, гдѣ рѣшено было запросить о самозванцѣ польское правительство и потребовать выдачи или казни «вора». Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ тайный наказъ посольству, которое во главѣ съ кн. Ал. Мих. Львовымъ въ 1643 г. отправилось въ Польшу по старымъ дѣламъ—о царскомъ титулѣ и размежеваніи Путивльскихъ земель. Покончивъ съ главными вопросами, послы приступили къ переговорамъ о выдачѣ самозванца, но встрѣтили въ этомъ дѣлѣ неодолимыя затрудненія: паны отговаривались сперва полнымъ невѣдѣніемъ, а когда Луба былъ найденъ, всячески старались доказать его полную невиновность и наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и разговоровъ, «отказали впрямь, что имъ мимо своихъ правъ шляхтича отнюдь выдать нельзя». Такой отвѣтъ, конечно, не могъ удовлетворить Московскихъ пословъ, которымъ королевскіе дворяне въ Краковѣ говорили: «Если у васъ, пословъ, съ панами радными въ государственныхъ дѣлахъ соглашенія не будетъ, то у насъ Димитріевичъ готовъ съ запорожскими черкасами на войну»; не удовольствовались они и обѣщаніемъ короля сослать Лубу «за приставомъ» въ крѣпость Маріенбургъ; они требовали присылки самозванца въ Москву, грозя въ противномъ случаѣ, что заключенный только что между Польшею и Москвою договоръ будетъ «не въ приговоръ и межи—не въ межу». Паны радные наконецъ уступили, и осенью слѣдующаго 1644 г. Луба дѣйствительно былъ привезенъ въ Москву великимъ королевскимъ посломъ Гавріиломъ Стемпковскимъ, но въ присланной съ нимъ грамотѣ король просилъ царя отпустить несчастнаго шляхтича обратно въ Польшу съ тѣмъ-же Стемпковскимъ. Начались опять переговоры, затянувшіеся на этотъ разъ надолго вслѣдствіе болѣзни, а затѣмъ и смерти царя Михаила Ѳеодоровича. 26 іюля 1645 г. молодой царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ аудіенціи Стемпковскаго, выслушалъ его привѣтственную рѣчь и съ своей стороны велѣлъ думному дьяку отвѣтить, что «хочетъ быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ, и въ любви, и въ соединеніи»... Въ доказательство этого желанія Луба былъ отпущенъ въ Польшу, при чемъ посолъ именемъ короля и пановъ радныхъ обѣщалъ, что онъ «къ Московскому государству причитанья никогда имѣть не будетъ и царскимъ именемъ называться не станетъ; жить будетъ въ большой крѣпости; изъ Польши и Литвы

ни въ какія государства его не отпустятъ, а кто вздумаетъ его именемъ поднять смуту, того казнить смертію». Вопреки однако данному обѣщанію, уже въ январѣ 1646 г. въ Москвѣ стало извѣстно, что на обратномъ пути изъ Москвы Луба продолжалъ именоваться Московскимъ царевичемъ, что живетъ онъ на волѣ и что король даже сдѣлалъ его при своей пѣхотѣ писаремъ и назначилъ ему жалованье. Запрошенные объ этомъ новымъ Московскимъ посольствомъ, паны радные отвѣчали, что Луба «отданъ для береженья королевской пѣхоты капитану Яну Осинскому», что приставлена къ нему стража и что «держатъ его съ большимъ береженьемъ, а королевскаго жалованья и уряду ему никакого не дано». Московскіе слухи, безъ сомнѣнія, были вѣрнѣе. По сохранившимся свѣдѣніямъ, Луба дѣйствительно служилъ въ коронномъ войскѣ и палъ въ битвѣ съ татарами (въ 1648 г.) во время возстанія Богдана Хмельницкаго, по другимъ свѣдѣніямъ—онъ вернулся въ Польшу и кормился здѣсь по разнымъ панскимъ домамъ.

С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи», изд. товар. «Общест. Польза», кн. 2, стр. 1286—1292, 1493, 1494, 1503, 1504, 1576.

А. Гельвихъ.

Лубенскій, *Иванъ Осиповичъ*, т. сов., сенаторъ, родился въ 1794 г., обучался въ калишскихъ училищахъ, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ Бреславскаго университета, по окончаніи курса въ которомъ опредѣлился въ 1815 г. секретаремъ-апликантомъ префектуры бывшаго Калишскаго департамента; затѣмъ онъ состоялъ асессоромъ, экспедиторомъ и адъюнктомъ бывшей Калишской воеводской комиссіи (1817 г.) и въ томъ же году исправлялъ должность комиссара Піотрковскаго обвода. Въ 1822 г. Лубенскій исправлялъ должность судьи гражданскаго трибунала бывшаго Мазовецкаго воеводства, въ слѣдующемъ году—должность предсѣдателя гражданскаго трибунала бывшаго Сандомірскаго воеводства и въ 1825 г.—должность судьи бывшей высшей палаты суда; въ 1839 г. онъ произведенъ былъ въ стат. совѣтники, а въ 1841 г.—въ тайные сов. и пожалованъ званіемъ сенатора. Скончался Лубенскій 30 мая 1860 г.

Фармуляръ о службѣ т. сов. сенатора И. О. Лубенскаго (хранится въ Имп. Рус. Истор. Обществѣ).

Лубкинъ, *Александръ Степановичъ*, профессоръ философіи Казанскаго университета, род. въ 1770 или 1771 г. въ семьѣ духовнаго званія; среднее образованіе получилъ въ Костромской дух. семинаріи, а высшее въ С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи въ 1792 г. академическаго курса Лубкинъ былъ опредѣленъ въ Костромскую семинарію учителемъ сначала нѣмецк. языка и математики, а затѣмъ (съ 1797 г.) философіи; въ 1801 г. онъ былъ переведенъ на службу въ армейскую семинарію, гдѣ занялъ должность ректора и преподавателя философіи. Уволившись въ 1806 г. изъ духовнаго вѣдомства, Лубкинъ опредѣлился въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ на должность «смотрителя за поведеніемъ», но, прослуживъ здѣсь менѣе 4-хъ лѣтъ, назначенъ былъ (1810 г.) директоромъ училищъ Оренбургской губ. Въ слѣдующемъ 1811 г. попечитель Румовскій предложилъ Лубкину занять освободившуюся, за смертью профес. Фойгта, каѳедру по умозрительной и практической философіи съ званіемъ адъюнкта, и Лубкинъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи въ 1812 г. Возведенный при полномъ открытіи университета (1814 г.) въ званіе экстраординарнаго профессора, Лубкинъ въ то же время несъ обязанности и инспектора Казанской гимназіи до 1815 г., когда былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Скончался Лубкинъ 30 августа того же года. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Письмо о философіи Канта» («Вѣстникъ Европы», 1805 г.); «Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейской семинаріи» (Спб. 1807 г.); Переводъ, совмѣстно съ П. С. Кондыревымъ, съ нѣмецк. яз. сочиненія Снелля: «Начальный курсъ философіи» (Каз., 1813—1814 г., въ 5-ти частяхъ); «Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе, независимо отъ религіи» (Актовая рѣчь. Каз. 1815 г.); «Опытъ разбора россійскихъ сослововъ» («Труды Казанск. общества любит. отеч. слов.», 1815 г.) и «Начертаніе метафизики». Ч. 1—3 (Каз., 1818—1819 г.).

«Біографич. словарь профес. и препод. Казанскаго университета», ч. I, стр. 122—123.—*Филаретъ.* «Обзоръ рус. дух. литературы», кн. I, стр. 426.—*Евгеній,* «Словарь рус. свѣтскихъ писат.», т. II, стр. 36.—*Геннади,* «Справочный словарь о рус. писат. и учен.», т. II, стр. 260.

М. Поповъ.

Лубяновскій, *Ѳедоръ Петровичъ*, д. т. с., сенаторъ, родился 9 августа 1777 г. въ селѣ Млинѣ, Зенковскаго у., Полтавской губ., сынъ священника, воспитаніе получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ (1790 г.) подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, но въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика. Въ 1795 г., благодаря содѣйствію И. В. Лопухина, онъ вновь опредѣлился на службу адъютантомъ къ генералъ-аншефу кн. Репнину, а въ 1798 г. перешелъ адъютантомъ къ ген.-отъ-инфантеріи Ласси. Выйдя въ 1799 г. съ чиномъ штабсъ-капитана въ отставку, Лубяновскій въ 1801 г. былъ произведенъ въ кол. асессоры и причисленъ къ герольдіи; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ секретаремъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и въ то же время управлялъ дѣлопроизводствомъ въ комитетѣ о земскомъ войскѣ при генералъ-фельдмаршалѣ Салтыковѣ. Въ 1809 г. Лубяновскій назначенъ былъ статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами принца Георгія Ольденбургскаго и управляющимъ экспедиціей водяныхъ сообщеній. Произведенный въ 1810 г. въ д. с. с., Лубяновскій вышелъ въ отставку, но въ 1819 г. былъ назначенъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ и въ этой должности оставался 11 лѣтъ, получивъ (1829 г.) чинъ тайн. сов. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ 1833 г. сенаторомъ, продолжая въ теченіе еще 4-хъ мѣсяцевъ управлять Подольскою губерніею. Въ 1841, 1845 и 1847 гг. онъ былъ первоприсутствующимъ въ соединенномъ присутствіи Сената, а въ 1846 г. первопрпсутствующимъ во 2-мъ департаментѣ. Въ 1849 г. Лубяновскій получилъ чинъ д. т. сов., а 1865 г. присутствовалъ въ общемъ собраніи 4, 5 и межевого департаментовъ Сената и въ этомъ званіи находился до смерти, послѣдовавшей 2 февраля 1869 г.

Лубяновскій издалъ: «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 гг.» 3 части. Спб. 1806 г. и переводы: «Приключеніе Телемака» (Фенелона), съ франц. 2 ч. М. 1805 г.; «Тоска по отчизнѣ» (Генриха Штиллинга), съ нѣм. 2 ч. 1806—1816 г. и «Ѳеобальдъ, или мечтатели» (Штиллинга), съ нѣм. 4. ч. М. 1819 г. Кромѣ того, онъ напечаталъ: «Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 г.» Спб. 1845 г. и «Воспоминанія 1767—1834». М. 1872 г. («Рус. Архивъ»).

Формуляръ о службѣ сенатора Ѳ. П. Лубяновскаго (хранятся въ Имп. Рус. Истор. Общ.).—«Иллюстрированная Газета» 1869 г., № 10.—«*Вѣсть*», 1869 г., № 40.—«Судебный Вѣстникъ», 1869 г., № 30.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 260. Собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. IX. *М. Поповъ.*

Лугининъ, *Святославъ Ѳедоровичъ*, ветлужскій предводитель дворянства, род. 16 сент. 1837 г. Вскорѣ послѣ введенія положенія о крестьянахъ онъ поступилъ въ мировые посредники и часто цѣлые дни проводилъ съ крестьянами, то объясняя имъ «положеніе», то разбирая ихъ жалобы и недоразумѣнія. Его личному настоянію, его усиленнымъ и постояннымъ трудамъ Ветлужскій уѣздъ обязанъ справедливымъ разрѣшеніемъ важнаго вопроса о лѣсныхъ сѣнокосахъ, въ которомъ онъ хлопоталъ преимущественно о вознагражденіи крестьянъ за отходившіе отъ нихъ покосы во всѣхъ имѣніяхъ, начиная съ своего. Выбранный черезъ два года въ предводители дворянства Ветлужскаго уѣзда, Лугининъ подготовился къ земскому дѣлу серьезнымъ изученіемъ и помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г. статью «О бельгійскихъ земскихъ учрежденіяхъ». Онъ первый въ числѣ немногихъ энергично поддерживалъ заявленіе крестьянъ о необходимости уравненія натуральной повинности между всѣми сословіями; онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ дома для прогимназіи, основалъ Ветлужское статистическое общество и содѣйствовалъ собиранію и разработкѣ статистическихъ свѣдѣній, учредилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Рождественскомъ, ссудную кассу для крестьянъ, о чемъ упоминалось, какъ единственномъ примѣрѣ, въ отчетѣ министра финансовъ, и, продолжая заботиться о 2-хъ школахъ въ имѣніи своего отца, уговорилъ крестьянъ нѣсколькихъ волостей открыть новыя школы и снабжалъ ихъ народными книгами. Лугининъ скончался 1-го апрѣля 1866 г. въ Ниццѣ, приготовляя карту Ветлужскаго уѣзда и обширное сочиненіе о земскихъ учрежденіяхъ въ Западной Европѣ, для чего онъ собиралъ матеріалы во время своихъ частыхъ поѣздокъ за границу. Кромѣ названнаго сочиненія, Лугининъ помѣстилъ въ «Рус. Вѣстникѣ» рядъ статей, относящихся къ вопросу о лѣсохра-

ненiи, помѣщалъ корреспонденціи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и издалъ книжку: «А. Гумбольдъ, біографическій очеркъ, съ портретомъ». Спб. 1860 г.

«Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 104.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1866 г., № 90.—«Отчетъ Импер. Рус. Географ. Общества» за 1866 г., стр. 8.—«Грамотей», 1876 г., № 12. стр. 84—98.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 261.

М. Поповъ.

Луговской, *Алексѣй Ивановичъ*, по Татищеву и митр. Евгенію дьяконъ, писатель XVII вѣка, авторъ сочиненія о судѣ надъ патріархомъ Никономъ, описатель походовъ царя Алексѣя Михайловича въ Польшу и Литву и присоединенія къ Московскому царству Кіева и Малороссіи, на самомъ же дѣлѣ Алексѣй Ивановъ Луговской былъ близкимъ родственникомъ думнаго дьяка (а не дьякона) Томилы Луговского, бывшаго дьякомъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; онъ значится въ Дворцовыхъ разрядахъ въ 1646 году въ числѣ четырехъ дворянъ, посланныхъ въ Свицкую (Шведскую) землю къ королевѣ Христинѣ, а въ 1650 году уже стряпчимъ посланъ былъ съ государевымъ жалованьемъ и о здоровьѣ спрашивать къ окольничимъ, которые были во Псковѣ за приставомъ: Никитѣ Юрьевичу Собакину и князю Ѳедору Ѳедоровичу Долынскому. Въ 1654 году, во время народнаго волненія въ Москвѣ по случаю морового повѣтрія, домъ А. И. Луговского былъ разграбленъ мятежниками. Историкъ Соловьевъ называетъ этотъ бунтъ «первымъ раскольничьимъ движеніемъ» (т. X, стр. 368), которое было направлено противъ патріарха Никона, почему архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) предполагаетъ, что А. И. Луговской былъ или считался сторонникомъ патріарха Никона и интересовался судьбою патріарха и послѣ паденія его. Послѣ 1654 года Луговской уже не упоминается въ Дворцовыхъ разрядахъ, и, вѣроятно, съ этого времени онъ велъ жизнь частнаго человѣка. Этотъ-то стряпчій Луговской и былъ владѣльцемъ, а быть можетъ и составителемъ того сборника статей, о которомъ упоминаетъ Татищевъ и который по своему содержанію, какъ думаетъ архимандритъ Леонидъ, долженъ быть названъ разряднымъ, на томъ основаніи, что входящія въ составъ его статьи 1) о походахъ царя Алексѣя Михайловича въ Польшу и Литву, 2) о пріобщеніи Кіева и Малой Россіи и 3) о судѣ надъ патріархомъ Никономъ заимствованы изъ записей Разряднаго приказа, составлены были дьяками и по знакомству съ ними Луговского попали въ сборникъ послѣдняго.

Леонидъ (Кавелинъ), архим. «Дьяконъ Луговской по Татищеву писатель XVII вѣка и его сочиненія о судѣ надъ патріархомъ Никономъ («Памятники древней Письменности» Спб. 1885 г.) *А. Никольскій.*

Луговской, *Иванъ Леонтьевичъ*, дьякъ, правившій въ Псковѣ въ Смутное время, въ 1609 г. прибылъ въ Псковъ изъ Тушинскаго табора вмѣстѣ съ воеводою Жировымъ-Засѣкинымъ и паномъ Андреяномъ Трояновымъ. Въ томъ же году новгородцы, враждовавшіе съ псковитянами, неожиданно напали на Псковъ: «меньшимъ» людямъ удалось отстоять городъ, но они считали виновниками этого нападенія «большихъ» людей и требовали мести. Въ розыскѣ приняли дѣятельное участіе воевода Засѣкинъ и дьякъ Луговской. Между тѣмъ весною 1610 г. пришло извѣстіе, что царь Василій (Шуйскій) торжествуетъ и что Тушинскій станъ разоренъ; «меньшіе» люди, державшіеся своего «царя Димитрія», остались теперь безъ поддержки, а «лучшіе» захотѣли воспользоваться этимъ и порѣшить со своими противниками. Началась ожесточенная борьба; въ самомъ разгарѣ ея воеводы покинули Псковъ какъ разъ въ то время, когда ему со всѣхъ сторонъ грозила опасность: новгородцы соединились со шведами, Лисовскій опустошалъ Псковскую волость, а гетманъ Ходкѣвичъ съ марта 1611 г. стоялъ подъ Печерами. Въ эти «смутныя лѣта» правилъ въ Псковѣ одинъ дьякъ Луговской, «добрый мужъ въ разумѣ и въ сѣдинахъ»; ему въ помощь приданы были посадскіе люди, съ которыми онъ «всякія дѣла—и ратныя и земскія—чинилъ»; и «Божіею милостіею, говоритъ лѣтописецъ,—иноземцы не овладѣли ни однимъ Псковскимъ городомъ». Не видя однако возможности держаться дольше, Луговской послалъ челобитчиковъ къ подмосковнымъ воеводамъ, прося у нихъ помощи; но тѣ, занятые борьбою съ поляками, не могли помочь псковитянамъ. Въ это время въ Псковѣ появились уже и новые воеводы, Луговской потерялъ значеніе, и тогда враги «Псковщину пусту сотвориша и городы поимаша».

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 325, 326,

329.—*С. М. Соловьевъ.* «Исторія Россіи», изд. тов. «Общ. Польза», кн. II, стр. 1002, 1003.
А. Г.

Луговской, *Флоръ Іудичъ*, по прозванію *Томила*. Въ 1607 г. дьякъ; въ маѣ участвовалъ въ походѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго подъ Тулу. Въ 1608 г. неоднократно участвовалъ во встрѣчѣ литовскихъ пословъ и посланниковъ, бывавшихъ на пріемѣ у царя Василія Ивановича, а иногда былъ «въ отвѣтѣ» съ этими послами.Въ началѣ мая 1609 г., когда разспрашивали въ Тушинскомъ станѣ пришедшаго туда изъ Москвы молодого подьячаго про положеніе дѣлъ въ Москвѣ, онъ назвалъ въ числѣ большихъ бояръ Томилу Луговского, не принадлежавшаго къ сторонникамъ Тушинскаго вора. Какъ видно изъ списка, составленнаго въ 1610 г., вѣроятно для отсылки королю Сигизмунду, Луговской, бывшій въ то время дьякомъ Новгородскаго Разряда, былъ приверженцемъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Въ этомъ спискѣ помѣщена слѣдующая фраза, сказанная царю Василію Ивановичу тремя дьяками: «побилъ де еси Сендомирскаго (т. е. Мнишка, отца Марины) съ товарыщи, Польша де и Литва у тебя вся въ рукахъ». Дьяки эти были: родственникъ царя по женѣ его, княжнѣ Буйносовой-Ростовской, дьякъ Московскаго Разряда Вас. Осип. Яновъ (надо полагать изъ захудалой вѣтви князей Ростовскихъ), дьякъ Посольскаго приказа Вас. Гр. Телепневъ и Томила Луговской.

По сведеніи съ престола царя Василія Ивановича происходили въ августѣ 1610 г. переговоры между гетманомъ Жолкевскимъ и избранными Боярской Думой лицами объ условіяхъ избранія на Московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Въ этихъ переговорахъ принималъ участіе и Луговской, бывшій уже тогда думнымъ дьякомъ. Рѣшено было отправить къ королю Сигизмунду посольство, съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и кн. Вас. Вас. Голицынымъ во главѣ. За ними слѣдовали наиболѣе видные члены: изъ духовенства Спасскій архимандритъ Евѳимій и Троицкій келарь Авраамій, изъ свѣтскихъ властей—окольничій кн. Данило Ив. Мезецкій, думный дворянинъ Вас. Бор. Сукинъ, думные дьяки Томила Луговской и Сыдавный-Васильевъ. Общее число лицъ, сопровождавшихъ великое посольство, доходило до 120 слишкомъ человѣкъ. Посламъ былъ данъ наказъ, въ основу котораго положены условія, заключенныя въ Москвѣ съ Жолкевскимъ; главнымъ изъ этихъ условій было немедленное принятіе Владиславомъ православія. 7-го октября послы пріѣхали подъ Смоленскъ, осаждаемый Сигизмундомъ. 12-го октября они представились королю. Филаретъ Никитичъ подалъ патріаршую грамоту, которую принялъ канцлеръ Левъ Сапѣга; затѣмъ, по очереди, говорили рѣчи: кн. Вас. Вас. Голицынъ, кн. Мезецкій, В. Б. Сукинъ, Луговской и Сыдавный-Васильевъ. Вотъ рѣчь Луговского, отличающаяся краткостью и ясностью: «Патріархъ и весь освященный Соборъ того хотятъ и Бога молятъ, а всѣ чины и вся земля Государю Королевичу и дѣтямъ его, которыхъ ему Господь Богъ дастъ, цѣловали святый и животворящій крестъ Господень на томъ, что намъ ему, Государю, и дѣтямъ его во вѣки служити и добра хотѣти во всемъ, какъ и прежнимъ прирожденнымъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи, а лиха ему, Государю, и дѣтемъ его намъ не хотѣти, ни думати, ни мыслити, и инова никого изъ Московскаго государства и изъ иныхъ государствъ на Московское государство, опричь Государя Владислава Королевича, не хотѣти. А ему Государю, будучи на Московскомъ государствѣ, пожаловати дѣлати во всемъ по нашему прошенью и по договору насъ Московскаго государства пословъ съ вами, Великимъ Государемъ Жигимонтомъ Королемъ, и по утвержденной записи Гетмана Станислава Станиславовича Жолкевскаго». Въ заключеніе кн. Голицынъ билъ челомъ, чтобы королевичъ скорѣе занялъ Московскій престолъ и чтобы Сигизмундъ велѣлъ панамъ Рады вступить съ ними, московскими послами, въ переговоры о разныхъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ. При этомъ онъ подалъ вѣрющую грамоту, и всѣ послы были допущены къ рукѣ короля. Послѣ отвѣтной рѣчи канцлера Сапѣги маршалъ донесъ королю о посольскихъ дарахъ, которые тутъ же и были поднесены. Луговской поднесъ: сорокъ соболей, черно-бурую лисицу, рысь и два зуба рыбьихъ.

Не вдаваясь въ подробности переговоровъ, которые велись потомъ между московскими послами и панами Рады, при главномъ участіи канцлера Сапѣги и гетмана Жолкевскаго, пріѣхавшаго изъ

Москвы подъ Смоленскъ, отмѣтимъ выдающуюся роль Луговскаго, твердо стоявшаго за соблюденіе договора гетмана Жолкевскаго. На одномъ изъ съѣздовъ (по теперешнему на одномъ изъ засѣданій), когда гетманъ требовалъ сдачи Смоленска и присяги со стороны смольнянъ не только королевичу, но и королю, послы велѣли думному дьяку Луговскому читать договоръ гетмана съ Елецкимъ и Волуевымъпри Царевѣ Займищѣ. Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: «Вамъ давно заказано упоминать объ этой записи, вы этимъ хотите только позорить пана гетмана! если впередъ объ этой записи станете говорить, то вамъ будетъ худо». Луговской отвѣчалъ: «Хотя и помереть, а правду говорить: вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь, и впередъ будемъ ею защищаться».

Настоятельное требованіе поляковъ, чтобы въ Смоленскъ было впущено королевское войско, желаніе короля, подъ видомъ молодости Владислава, самому занять Московскій престолъ и вытекающій изъ этого отказъ немедленно отпустить королевича въ Москву — возбудили сильное недовольство среди Московскаго посольства. Сами собой послы не могли рѣшить судьбы Смоленска и желали отправить въ Москву гонца, чтобы получить оттуда наказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Видя непреклонность Филарета Никитича и кн. Голицына, Сапѣга старался склонить второстепенныхъ членовъ посольства дѣйствовать въ пользу короля и съ этой цѣлью устроилъ ихъ отпускъ въ Москву. Спасскій архимандритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный-Васильевъ и многіе дворяне и «разныхъ чиновъ» люди получили отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, съ правомъ ѣхать домой. Сапѣга прислалъ звать къ себѣ Луговского, очевидно разсчитывая доказать ему выгоду дѣйствовать въ интересахъ короля. Пріѣхавъ къ Сапѣгѣ, Луговской увидалъ у него Сукина и Сыдавнаго, одѣтыхъ въ богатое платье. Сапѣга сказалъ Луговскому: «Подожди немного: я только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ королю для отпуска, потому что Сукинъ старъ, а другіе, живя здѣсь, проѣлись». Луговской остановилъ Сапѣгу и сказалъ: «Левъ Ивановичъ! Не слыхано нигдѣ, чтобы послы дѣлывали такъ, какъ Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государское и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ въ Москву! Какъ имъ будетъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ которой отпущены? За нашъ грѣхъ теперь у насъ такое великое дѣло началось, какого въ Московскомъ государствѣ не бывало, кровь христіанская безпрестанно льется, и впередъ не знаемъ, какъ ей уняться. Хотя бы Василій Сукинъ и въ самомъ дѣлѣ занемогъ, то ему лучше бъ умереть тутъ, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣзжать; и старше его живутъ, а дѣлъ не бросаютъ. Если Сыдавный для того отпущенъ, что проѣлся, то и всѣхъ насъ давно пора отпустить, всѣ мы также проѣлись, подмога намъ всѣмъ дана одинаковая. Судитъ имъ Богъ, что такъ дѣлаютъ. Объявляю тебѣ, Левъ Ивановичъ: какъ только они въ Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ людяхъ начнется сомнѣнье и печаль, и во всѣхъ городахъ отъ того надобно ожидать большой шатости. Да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чина пять человѣкъ, а насъ послано съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ: половину отпускаютъ, а другую оставляютъ. Воленъ Богъ да государь Сигизмундъ король, а намъ впередъ ничего нельзя дѣлать!» Сапѣга старался успокоить Луговского и увѣрялъ его, что остающіеся подъ Смоленскомъ члены московскаго посольства могутъ и одни справиться съ возложеннымъ на нихъ дѣломъ. «Они (т. е. отпущенные домой)—закончилъ свои доводы Сапѣга,— «государю нашему служатъ вѣрно, быть можетъ, глядя на нихъ, и изъ васъ кто-нибудь захочетъ также послужить вѣрою и правдою, и государь ихъ также пожалуетъ великимъ своимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчинами, а кто захочетъ, то и въ Москву прикажетъ отпустить». Луговской сказалъ на это: «Надобно у Бога и у Сигизмунда короля просить, чтобъ кровь христіанская литься перестала и государство успокоилось, а присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ государствѣ». Послѣ этого Сапѣга отправился къ королю и велѣлъ Луговскому дожидаться своего возвращенія. Вернувшись отъ короля, Сапѣга увелъ Луговского въ другую комнату, что-

бы продолжать бесѣду съ нимъ наединѣ, и заявилъ ему, что король щедро наградитъ его, если онъ согласится ѣхать подъ Смоленскъ вмѣстѣ съ Сукинымъ. Луговской отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, не посовѣтовавшись съ митрополитомъ Филаретомъ и съ кн. Голицынымъ. «Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести?»—закончилъ Луговской свой отказъ.—«Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и Земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести? По Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться въ море. Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ. Знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не послушали, а если мы теперь поѣдемъ и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ и никого уже слушать не станутъ. Надобно, чтобъ мы съ ними повольно всѣ съѣзжались, а не подъ стѣною за приставомъ говорили: это они уже всѣ знаютъ». Сапѣга продолжалъ убѣждать Луговского лишь поѣхать подъ Смоленскъ, предоставивъ Сукину говорить съ жителями. Старанія Сапѣги добиться отъ Луговского, чтобы онъ хотя *показался* подъ стѣнами Смоленска, служатъ яснымъ доказательствомъ того, что Луговской могъ имѣть большое вліяніе на рѣшеніе смольнянъ, будучи извѣстенъ, какъ человѣкъ честный и твердыхъ правилъ. Вѣдь могъ Сапѣга отправить съ Сукинымъ другого думнаго дьяка, Сыдавнаго-Васильева, но очевидно только появленіе Луговского убѣдило бы смольнянъ въ правдивости словъ Сукина. Но Луговской остался непоколебимъ и, возвратившись въ станъ, разсказалъ все старшимъ посламъ.

Бесѣда Сапѣги съ Луговскимъ происходила въ началѣ декабря 1610 г. Послѣ того продолжались переговоры между поляками и московскими послами; главнымъ предметомъ переговоровъ былъ попрежнему Смоленскъ. 26 марта 1611 г. митрополитъ Филаретъ, кн. Голицынъ, кн. Мезецкій, Луговской и нѣсколько посольскихъ дворянъ были приглашены для переговоровъ въ польскій станъ, находившійся на другомъ берегу Днѣпра. Паны объявили посламъ, что они будутъ отправлены въ Вильну, а пока останутся въ польскомъ станѣ. Выйдя изъ собранія, послы были окружены вооруженными жолнерами и отведены въ двѣ избы; митрополитъ Филаретъ помѣщенъ отдѣльно, а Луговской вмѣстѣ съ князьями Голицынымъ и Мезецкимъ. Это было, такъ сказать, начало плѣна: на дворѣ и вокругъ двора разставили стражу и запретили посольскимъ дворянамъ видѣться съ послами. Въ началѣ апрѣля, когда послы еще разъ отказались содѣйствовать вступленію въ Смоленскъ королевскаго войска, а Луговской заявилъ при этомъ, что рѣшено ждать окончательнаго отвѣта изъ Москвы, Сапѣга снова пригрозилъ, что ихъ отправятъ въ Вильну. Луговской не растерялся и отвѣчалъ: «Надобно кровь христіанскую унять, а Польшею насъ стращать нечего; Польшу мы знаемъ». 13-го апрѣля послы были увезены въ Польшу и оставались въ плѣну восемь лѣтъ.

1-го декабря 1618 г. между Московскимъ и Польско-Литовскимъ государствами былъ заключенъ Поляновскій договоръ, въ силу котораго назначено перемиріе на 14½ лѣтъ и рѣшено произвести въ Вязьмѣ размѣнъ плѣнныхъ. Ровно полгода спустя, 1-го іюня 1619 г. совершился этотъ размѣнъ, а 10-го царь прислалъ въ Вязьму стольника кн. Ст. Ив. Великого-Гагина со своимъ государевымъ жалованнымъ словомъ и о здоровьѣ спросить М. Б. Шеина, попавшаго въ плѣнъ послѣ взятія Смоленска поляками, Луговского и дворянъ и дѣтей боярскихъ; Филарету Никитичу была, конечно, оказана особая почесть. 14-го іюня всѣ они въѣхали въ Москву, а нѣсколько дней спустя, при раздачѣ наградъ, царь пожаловалъ Луговскому шубу и кубокъ.

Въ періодъ времени съ 1619 до 1628 г., будучи сначала думнымъ дьякомъ въ Разрядѣ, затѣмъ московскимъ дворяниномъ и наконецъ думнымъ дворяниномъ, Луговской, по своей должности, сказывалъ разнымъ лицамъ окольничество и боярство, объявлялъ рѣшенія по мѣстническимъ счетамъ, вѣдалъ иногда Москву въ отсутствіе царя, при чемъ имя его ставилось непосредственно послѣ именъ двухъ бояръ и окольничаго, обѣдалъ въ торжественные дни у царя и у патріарха Филарета Никитича.

Луговской отличался не только твердостью характера въ рѣшительныя минуты, какъ мы видѣли выше; подчасъ онъ прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ, напр. въ 1620 г., когда Ив. Петр. Чихачовъ вздумалъ мѣ-

стничаться съ кн. Аѳан. Григ. Шаховскимъ, Государь указалъ имъ обоимъ быть въ рындахъ 19-го января, при пріемѣ шведскаго посланника; Чихачовъ сказался больнымъ и не поѣхалъ въ городъ. По царскому указу бояре послали за Чихачевымъ, который и явился въ золотую палату съ двумя посохами. На вопросъ бояръ, отчего онъ не поѣхалъ въ городъ, а велѣно ему быть въ «бѣломъ платьѣ»—Чихачовъ сослался, что лошадь его сломала ногу, когда царь «тѣшился за лосми». Луговской сказалъ: «болшо де отбаливаешься отъ князь Ѳеонасья Шеховского, за тѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать». Чихачовъ заявилъ, что билъ челомъ государю на кн. Шаховского и будетъ просить у государя дать на него судъ въ отечествѣ. Бояре сказали, что можно ему быть меньше кн. Шаховскаго, и приговорили «за князь Ѳеонасьево безчестье, велѣти бить кнутомъ». Такое постановленіе бывало часто: но Луговской сказалъ боярамъ: «Долго де того ждать», да, взявъ у Чихачова посохъ. сталъ бить его по спинѣ и по ногамъ, а боярин Иванъ Никитичъ Романовъ другимъ посохомъ билъ тоже по спинѣ и по ногамъ. А говорили: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру!» и, бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ, по прежней сказкѣ.

Въ 1626 г. на второй свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича Луговской шелъ въ числѣ дворянъ московскихъ за санями государыни невѣсты.

Въ мартѣ 1628 г., будучи въ чинѣ думнаго дворянина, онъ былъ назначенъ на воеводство въ Казань вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Алексѣемъ Юрьевичемъ Сицкимъ: оба они оставались на этомъ воеводствѣ два года, до начала марта 1630 г. Въ 1632 г., во время похода русскихъ войскъ подъ Смоленскъ, Луговской отправилъ туда на своихъ подводахъ 100 чет. хлѣбныхъ запасовъ. Въ 1634 г. въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія видѣлъ «государевы очи». Въ 1636 г. тоже въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія обѣдалъ у царя съ патріархомъ Іосафомъ; кромѣ Луговского было три боярина и одинъ окольничій. Осенью того же 1636 г. Луговской былъ отправленъ съ окольничимъ кн. Ѳеод. Ѳеод. Волконскимъ въ Путивль наблюдать за межеваньемъ земель. Послѣднее извѣстіе о Луговскомъ относится къ 1637 году, когда онъ присутствовалъ 30-го января при пріемѣ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ литовскаго гонца. Въ указателѣ къ «Боярскимъ книгамъ» упомянуто, что онъ постригся въ монахи. Годъ кончины неизвѣстенъ.

А. А. Э., II.—«Акты Ист.», II и III.—«Доп. къ Акт. Ист.», III. — «Дв. разр.», I и II.—«Разр. кн.», I и II. — «Акты Моск. госуд.» Спб., 1890 г., т. I.—«Р. И. Б.», X и XIII.—«Разр. зап. за смутн. время» (7113—7121 гг.). М. 1907. —«С. Г. Г. и Д.», II и III.—«Новый Лѣтописецъ», М. 1853 г.—«Записки гетмана *Жолкевскаго* о Московской войнѣ». Спб. 1871 г. — *Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. XII.—*Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т.т. VIII и IX.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра В.», т. XII.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ XVII ст.»—*Лихачевъ*, «Разрядные дьяки XVI в.», Спб. 1888 г.

В. Корсакова.

Лука Варѳоломеевъ *(Ѳеромѣевъ)*: новгородецъ, сынъ посадника, въ 1333 г. участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ изъ Великаго Новгорода въ Торжокъ къ вел. кн. Московскому Ивану Даніиловичу, пришедшему войною на землю Новгородскую, новгородцы просили мира и звали великаго князя къ себѣ въ городъ, но онъ «мольбы не пріялъ, а ихъ не послушалъ, миру не да, поѣха прочь.» Участіе Луки Варѳоломеева въ этихъ переговорахъ показываетъ, что онъ былъ вліятельнымъ человѣкомъ въ Новгородѣ; однако ему не сидѣлось въ городѣ. Въ 1342 г., набравъ шайку бродягъ «холоповъ сбоевъ». онъ «безъ митрополича благословленія и владычня» отправился въ Заволочье; разоривъ много деревень по Двинѣ и Вагѣ, онъ основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на р. Емцѣ и, скопивъ Емчанъ, взялъ всю заволочскую землю «на щитъ», но былъ убитъ заволочанами, какъ разбойникъ. Вѣсть о его смерти пришла въ Новгородъ, гдѣ чернь сильно взволновалась, думая, что онъ убитъ по подстрекательству посадника Ѳеодора и его сторонниковъ. Сынъ Луки В. Онцифоръ и его партія требовали мести. Граждане раздѣлились на два вѣча: одно было у св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава—за посадника; начался горячій споръ. Архіепископъ Василій и княжескій намѣстникъ едва отвратили кровопролитіе и «докончаша миръ межи ими».

Пол. Соб. Рус. Лѣт.. т. III, стр. 76, 81, 72; т. V, стр. 220; т. VII, стр. 204.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.» Спб. 1819 г., т. IV,

стр. 258, пр. 291 и 337. — *С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи» изд. «Общ. Польза», кн. I, стр. 939. *А. Гельвихъ.*

Лука Клементьевичъ, посадникъ Новгородскій, въ 1471 г. во время перваго похода на Великій Новгородъ Іоанна III ѣздилъ къ нему на станъ съ увѣреніемъ отъ новгородцевъ, что они готовы на миръ и что войско ихъ еще не дѣйствовало противъ Московскаго. Но Іоаннъ не повѣрилъ ему: онъ имѣлъ уже извѣстіе о побѣдѣ кн. Холмскаго и приказалъ послѣднему итти за Шелонь на встрѣчу къ Псковитянамъ и, вмѣстѣ съ ними, къ Новгороду. На берегу Шелони новгородцы, какъ извѣстно, потерпѣли пораженіе и вновь запросили мира. На этотъ разъ великій князь послалъ имъ «опасную грамоту» съ Лукою Клементьевичемъ, соглашаясь вступить въ переговоры. Во время второго похода Іоаннова на Новгородъ, въ октябрѣ 1477 г. Лука Клементьевичъ, отправившись на великокняжескій станъ въ Торжокъ, добровольно добилъ челомъ Іоанну, прося принять его на Московскую службу.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 10, 207, 208; т. VIII, стр. 166, 185, 186.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.» Спб., 1819 г, т. VI, стр. 40, 42, пр. 50, 56, 154. *А. Г.*

Лука Савкиничъ (*Совкинъ*), псковитянинъ, во время опасности, угрожавшей Пскову въ 1399 г. отъ литовскаго великаго князя Витовта, посланъ былъ со своею дружиною къ великому князю Московскому Василію Димитріевичу испросить на княженіе въ Псковъ князя Ивана Всеволодовича, внука Александра Тверского. Великій князь исполнилъ его просьбу, и 10 августа того же года Иванъ Всеволодовичъ прибылъ во Псковъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 195; т. V, стр. 18. А. Г.

Лука Ѳедоровичъ, одинъ изъ послѣднихъ посадниковъ Новгородскихъ, отстаивавшихъ свои прежнія вольности. Въ 1472 г. онъ сопровождалъ въ Москву на поставленіе нареченнаго владыку новгородскаго Ѳеофила, которому суждено было сыграть такую большую роль въ послѣдніе годы новгородской самостоятельности. Въ 1476 г., когда Іоаннъ III шелъ на расправу съ новгородскими боярами, посадникъ Лука Ѳ. покорно встрѣтилъ его на станѣ въ селѣ Василія Волмановскаго, и въ его присутствіи новгородцы подавали жалобы великому князю на своихъ притѣснителей и обидчиковъ. Судъ Іоанна былъ строгъ: онъ велѣлъ задержать виновныхъ бояръ и заковать ихъ въ цѣпи. Владыка Ѳеофилъ со многими знатными новгородцами (въ числѣ ихъ былъ и Лука Ѳ.) просили Іоанна вернуть свободу опальнымъ и отдать ихъ на поруки, но великій князь освободилъ только нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, прочихъ-же отправилъ въ Москву. Новгородцы смирились. Между тѣмъ Іоаннъ изъ Городища, гдѣ остановился сперва, пошелъ въ Новгородъ и здѣсь оказалъ честь многимъ боярамъ, согласившись принять участіе въ пирахъ, которые давались въ честь его прихода. Лука Ѳ. также устроилъ пиръ и поднесъ великому князю богатые дары.

Прошло немного болѣе года, и Іоаннъ опять поднялся на землю Новгородскую, теперь уже съ вполнѣ опредѣленною цѣлью покорить себѣ вольный городъ. Лука Ѳ. въ это время еще посадничалъ въ Новгородѣ, и на его долю, вмѣстѣ съ владыкою и другими посадниками, выпало вести послѣдніе переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ. 23 ноября 1477 г. Іоаннъ находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о прибытіи архіепископа и знатнѣйшихъ сановниковъ новгородскихъ. Онъ принялъ ихъ. Послѣ владыки говорили посадники, Лука Ѳ. молвилъ: «Государь! челобитье Великаго Новгорода предъ тобою, повели намъ говорить съ твоими боярами». Іоаннъ, не давъ имъ опредѣленнаго отвѣта, тѣмъ не менѣе пригласилъ ихъ обѣдать за своимъ столомъ. На слѣдующій день послы новгородскіе были у брата Іоаннова, Андрея меньшаго, и просили его заступничества; Іоаннъ разрѣшилъ имъ говорить съ боярами. Тогда послы Великаго Новгорода стали излагать свои желанія. Лука Ѳ. говорилъ дольше другихъ; отъ имени новгородцевъ онъ просилъ, чтобы вел. князь только черезъ каждые четыре года посѣщалъ Новгородъ и бралъ по 1000 рублей; чтобы судъ судили намѣстникъ съ посадникомъ, «а чего они не управятъ», въ томъ самъ-бы вел. князь «управу учинилъ» во время своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ; но чтобы «позвовъ» въ Москву не было и чтобы запрещено было намѣстникамъ судить владычные и посадничьи суды. Кромѣ того, на совѣщаніи съ боярами онъ просилъ, чтобы «государь пожаловалъ, пригороды Новгородскіе держалъ своими намѣстники, а судъ бы по старинѣ былъ».

Іоаннъ не шелъ ни на какія уступки, отвѣтъ его посламъ новгородскимъ сводился къ тому, что если Новгородъ дѣйствительно желаетъ милости московскаго вел. князя, то ему извѣстны условія: требовалось полное подчиненіе. В. Новгородъ подчинился Іоанну, смирился, повидимому, и Лука Ѳ. Въ 1478 г. онъ вмѣстѣ съ другими боярами билъ челомъ вел. князю о принятіи его на службу и цѣловалъ ему крестъ. «Но не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался ею столько вѣковъ, говоритъ Карамзинъ,—и хотя не было общаго мятежа, однако-жъ Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы новгородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; нерѣдко обнаруживалась природная имъ строптивость; открылись и злые умыслы». Чтобы искоренить это зло, Іоаннъ въ 1481 г. велѣлъ взять подъ стражу знатнѣйшихъ новгородцевъ, и имущество ихъ отписали на государя. Въ числѣ опальныхъ оказался и бывшій посадникъ Лука Ѳедоровичъ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. VI и VIII (по указателю).—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», Спб., 1819 г., т. VI, стр. 115, 117, 122, 139, прим. 66. *А. Г.*

Лука (*Бѣлоусовичъ*), намѣстникъ Кіево-Печерской лавры, сынъ малороссійскаго казака, род. въ г. Гадячѣ въ 1706 г., постригся въ монашество въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1713 г. при архимандритѣ Романѣ Копѣ и въ 1745-мъ г. былъ опредѣленъ намѣстникомъ Брянскаго Свѣнскаго Успенскаго монастыря; въ этомъ монастырѣ онъ заложилъ въ1749-мъ году соборную Успенскую церковь и построилъ каменную ограду; вскорѣ послѣ этого онъ возвратился въ Кіево-Печерскую лавру въ число братіи, гдѣ былъ 21 іюня 1752 года посвященъ въ архимандриты съ назначеніемъ намѣстникомъ лавры. Скончался Лука 30 марта 1761 года.

Іероѳей арх., «Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь Орловской епархіи». Москва. 1866.—*Ѳ. Титовъ, прот.*, «Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской лавры и другихъ святынь и достопримѣчательностей города Кіева». Кіевъ, 1911 г.

А. *Никольскій.*

Лука *св.*, по прозванію *Жидята*, или *Жирята*, а по нѣкоторымъ *Вежета* или *Желдата*, второй епископъ Новгорода (1036-1059 гг.). Профессоръ Малышевскій въ названіи Луки Жидятою видитъ указаніе на еврейское происхожденіе его. Съ мнѣніемъ его согласенъ и проф. И. А. Шляпкинъ, но большинство нашихъ русскихъ ученыхъ признаютъ еп. Луку русскимъ по происхожденію, въ частности, новгородцемъ. По мнѣнію академика А. И. Соболевскаго, «Жидята» мірское, а не христіанское имя еп. Луки, отъ обычнаго въ древнемъ Новгородѣ Жидиславъ. Кѣмъ былъ въ Новгородѣ Лука до поставленія во епископа, объ этомъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній; несомнѣнно одно, какъ новгородецъ знатнаго происхожденія и отличавшійся выдающимися способностями и отличнымъ образованіемъ, онъ былъ извѣстенъ великому князю Ярославу и пользовался его расположеніемъ. Полагаютъ, что образованіе свое епископъ Лука получилъ въ школѣ своего предшественника—епископа Іоакима Корсунянина. Неизвѣстенъ точно и годъ поставленія его въ епископа Новгородскаго; существуютъ различныя мнѣнія ученыхъ по этому вопросу: указываются годы: 1030 по 1037. Но такъ какъ всѣ лѣтописи согласно показываютъ, что Лука былъ епископомъ 23 года, и почти всѣ наиболѣе достовѣрныя годомъ смерти считаютъ 1059 г., то временемъ избранія и рукоположенія его нужно признать 1036 годъ. Въ этомъ году прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ великій князь Ярославъ и привезъ съ собой на Новгородское княженіе старшаго сына своего 14-ти лѣтняго Владиміра и избралъ епископомъ Новгородскимъ Луку Жидяту, съ тѣмъ, конечно, чтобы онъ былъ главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ юнаго князя въ дѣлѣ управленія обширною Новгородскою землею. До того же времени управлялъ Новгородскою паствою ученикъ епископа Іоакима и учитель Новгородской школы нареченный епископъ, но непосвященный въ этотъ санъ Ефремъ. Послѣдній, согласно завѣщанію епископа Іоакима и общественному мнѣнію новгородцевъ, долженъ былъ быть преемникомъ его, но не былъ рукоположенъ въ санъ епископа потому, что не отвѣчалъ политическимъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ великаго князя Ярослава. Епископъ Лука былъ первымъ русскимъ архипастыремъ-проповѣдникомъ и въ заботахъ о книжномъ просвѣщеніи новгородцевъ поддерживалъ устроенную Ярославомъ въ 1030 году школу. Есть даже мнѣніе, что онъ, какъ знатокъ греческаго языка, переводилъ съ него на славянскій языкъ церковныя книги. Епископъ Лука любилъ церковное благо-

лѣпіе и прилагалъ все свое попеченіе къ построенію храмовъ Божіихъ. Вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ онъ былъ строителемъ знаменитаго Софійскаго собора, который освященъ имъ былъ въ присутствіи великаго князя Ярослава 14 сент. 1050 года. При немъ богатый новгородецъ «сотникъ» Сотко построилъ каменную церковь во имя свв. Бориса и Глѣба внутри кремля, на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1045 году деревянной Софійской церкви. Можно не безъ основанія думать, что нѣкоторые изъ существовавшихъ въ Новгородѣ въ концѣ XI вѣка храмовъ и монастырей были построены при немъ. 19-ть лѣтъ мирно правилъ своею епархіею епископъ Лука, но въ 1055-мъ году онъ былъ оклеветанъ своимъ холопомъ Дудикомъ и его двумя сообщниками въ «неподобныхъ рѣчахъ», вызванъ въ Кіевъ, осужденъ митрополитомъ и пробылъ въ заточеніи три года. Неизвѣстно, въ чемъ состояло обвиненіе, но возможно предполагать, что онъ былъ обвиненъ въ какой-либо ереси, или въ недобромъ отзывѣ о великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, или митрополитѣ. Когда клевета открылась, епископъ Лука былъ оправданъ и отпущенъ къ своей паствѣ, но по пути въ Новгородъ на рѣкѣ Копысѣ скончался 15 октября 1059 года. Тѣло его было привезено въ Новгородъ и погребено за Софійскимъ соборомъ, но спустя 500 лѣтъ по преставленіи его, 22 марта 1558 года, при расширеніи Іоакимовскаго придѣла, были обрѣтены мощи его, перенесены архіепископомъ Пименомъ въ Софійскій соборъ и положены въ Мартиріевой паперти, гдѣ и въ настоящее время покоятся подъ спудомъ. Епископъ Лука причтенъ Русскою церковью къ лику святыхъ, память его мѣстно празднуется 4 октября и 10 февраля.

Епископу Лукѣ Жидятѣ приписывается учеными открытое и изданное въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» Р. Ѳ. Тимковскимъ «Поученіе къ братіи», которое П. М. Строевъ, неизвѣстно почему, считаетъ позднѣйшимъ произведеніемъ. Но уже проф. Тимковскій, основываясь на надписаніи поученія: «Поученіе архіепископа Лукы къ братіи,» поставилъ вопросъ: «точно ли Лука Жидята, а не какой-либо его соименникъ былъ сочинителемъ сего поученія», какъ сказано въ двухъ спискахъ лѣтописи, помѣстившихъ поученіе подъ 1058 годомъ вслѣдъ за извѣстіями о Лукѣ Жидятѣ? Изъ такихъ сомнѣнниковъ Тимковскій указывалъ на Луку, епископа Бѣлгородскаго (XI в.), и Луку, епископа Ростовскаго (XII в.). Въ настоящее время, когда стали извѣстными отдѣльные списки поученія (внѣ лѣтописи) и оказалось, что имя Луки поученіе носитъ только въ нѣкоторыхъ спискахъ 4-й Новгородской лѣтописи, гдѣ помѣщено подъ 1058 г., а въ спискахъ XV—XVI вѣка, независящихъ отъ лѣтописи: Проложномъ, Софійскомъ и другихъ оно анонимно, будучи надписано: «Поученіе святыхъ апостолъ о спасеніи души» или «поученіе іерусалимское» и. т. п., Н. К. Никольскій пришелъ къ заключенію, что «для рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ авторѣ предстоитъ предварительно выяснить: а) въ какомъ взаимоотношеніи стоятъ тексты поученія — лѣтописный и нелѣтописный, пользовался ли лѣтописецъ послѣднимъ, или нелѣтописный текстъ явился позже лѣтописнаго и б) насколько распространенъ былъ внѣлѣтописный текстъ поученія». При этомъ тотъ же профессоръ обращаетъ вниманіе ученыхъ на тотъ фактъ, что содержаніе памятника довольно общее и «соприкасается съ обширною группою подобныхъ произведеній, вращавшихся въ русской книжности и стоявшихъ въ связи съ покаянною дисциплиною». На этомъ основаніи Е. В. Пѣтуховъ говоритъ: «Мы не можемъ сказать, чтобы имѣли передъ собою въ данномъ случаѣ совершенно неоспоримый литературный фактъ». Попытку разрѣшить указанную проф. Никольскимъ задачу мы имѣемъ въ статьѣ С. Бугославскаго: «Поученіе епископа Луки Жидяты по рукописямъ XV—XVII вв. (Изъ филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца). Авторъ этой статьи, обслѣдовавъ всѣ извѣстные списки «поученія» Луки Жидяты, пришелъ къ выводу, что «архетипъ лѣтописныхъ списковъ старше архетипа сборниковъ и послѣдній восходитъ къ тексту одного изъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи. Если же лѣтописный текстъ «Поученія къ братіи» старше нелѣтописнаго, то и надписаніе его «Поученіе архіепископа Луки къ братіи» слѣдуетъ считать исконнымъ и заслуживающимъ довѣрія, въ противоположность всѣмъ надписаніямъ въ сборникахъ. Поученія же увѣщательно-назидательнаго характера, вращавшіяся въ русской книжности и стоявшія въ связи съ

покаянною дисциплиною, хотя по содержанію и могутъ быть сближаемы съ наставленіемъ Луки Жидяты, однако не могли быть источникомъ его «Поученія къ братіи», или же пользоваться имъ».

Добромысловъ Всев. «Святый Лука Жидята, вторый епископъ Новгородскій («Странникъ» 1865 г., октябрь, стр. 1—32, ноябрь, стр. 1—73).—*Тихомировъ П. И., протоіерей.* «Каѳедра новгородскихъ святителей», т. I. Новгородъ. 1891 г., стр. 19—27.—*Евсѣевъ И. Е.*, «Поученіе Луки Жидяты, архіепископа Новгородскаго» («Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, проф. А. И. Пономарева, Спб. 1894 г., стр. 7—24).—*Никольскій Н. К.*, «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X-XI вв.)»—Спб. 1906 г., стр. 144—149.—*Бугославскій Сергѣй*, «Поученіе еп. Луки Жидяты по рукописямъ XV—XVII вв.» («Изъ филологическаго семинарія проф. В. Н. Перетца). Спб. 1913 г. Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», т. XVIII (1913, кн. 2-я).—*Владиміровъ П. В.*, Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ». Кіевъ 1901 г., стр. 134—135.—*Пятуховъ Е. В.*, «Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода». Юрьевъ 1912 г., стр. 5.—*Соболевскій, А. И.* Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи» Спб. 1910 г., стр. 255—256 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXXXVIII).—*Макарій, митрополитъ*, «Исторія Русской церкви» Спб. 1868 г., т. I. стр. 123—126 и 278—279.—*Малышевскій И.*, «Евреи въ южной Руси и въ Кіевѣ» («Труды Кіевской Духовной Академіи» 1878 г. III).—*Діевъ М., прот.* «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ епархій: Новгородской. Переяславской, Полоцкой, Ростовской и Тобольской». Рук. Архива св. Синода, № 1771, стр. 19—22.—*Здравомысловъ К. Я.*, «Іерархи Новгородской епархіи». Новгородъ, 1897 г., стр. 6—7.

А. Никольскій.

Лука (*Конашевичъ*), епископъ Бѣлгородскій, по окончаніи курса Кіевской академіи въ 1727-мъ году назначенъ былъ учителемъ піитики въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, а 9 сентября 1730 года опредѣленъ проповѣдникомъ и въ томъ же году привлеченъ къ допросу по дѣлу кіевскаго архіепископа Варлаама Вонатовича. Въ 1732-мъ году «конціонаторъ» Лука, по требованію графа фельдмаршала фонъ—Миниха, перемѣщенъ былъ въ С.-Петербургъ законоучителемъ кадетскаго корпуса. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по корпусу, Лука Конашевичъ исполнялъ порученія высшей власти: наставлялъ въ истинахъ православной вѣры пожелавшихъ принять православіе солдатъ изъ чувашей Копорскаго полка и увѣщевалъ служителя смоленскаго шляхтича князя Михаила Друцкаго-Соколинскаго Матвѣя Шукѣевича сознаться въ вымышленіи чуда отъ иконы Пресвятыя Богородицы, бывшей въ домѣ одного шляхтича въ деревнѣ Шелбицахъ Смоленскаго уѣзда. Въ 1735-мъ году 20 октября Лука Конашевичъ назначенъ былъ настоятелемъ Симонова монастыря, съ производствомъ въ санъ архимандрита, и тогда же ему поручено было осмотрѣть всѣ книги въ библіотекахъ Московской типографіи и Синодальной (Патріаршей), и «если что востребуется къ лучшему учрежденію сихъ библіотекъ, то устроить общимъ согласіемъ въ Синодальной съ казначеемъ и ризничимъ, а въ типографской съ директоромъ; излишнія же на греческомъ, латинскомъ и прочихъ иностранныхъ діалектахъ книги, если ихъ окажется однимъ званіемъ по 20-ти и болѣе, оцѣнивъ, продать съ публичнаго торга, оставивъ въ библіотекахъ по одному лучшему экземпляру, и о проданныхъ донести». Въ 1737 году архим. Лука назначенъ былъ, а 28 сентября хиротонисанъ во епископа Устюжскаго и Тотемскаго, прибылъ въ Устюгъ 1-го января 1738 года и управлялъ епархіей нѣсколько мѣсяцевъ. Памятникомъ своей просвѣщенной дѣятельности о благѣ Устюжской епархіи онъ оставилъ основанную имъ въ Великомъ Устюгѣ латинскую школу съ семинаріею, надъ которыми смотрѣніе поручилъ вызванному изъ Москвы канцеляристу Алексѣю Иванову Панову и которыя, по упраздненіи Великоустюжской епархіи, переведены были въ Вологду. 9 марта 1738 года преосвященный Лука перемѣщенъ былъ на Казанскую каѳедру. Лука Конашевичъ проявилъ выдающуюся дѣятельность по управленію Казанской епархіей: особенно достопримѣчательна его заботливость о Казанской семинаріи: онъ ревностно занялся устройствомъ ея по образцу Кіевской и Московской академій; онъ вытребовалъ обратно въ семинарію распущенныхъ предшественникомъ его архіеп. Гавріиломъ 68 воспитанниковъ, принялъ въ 1739-мъ году значительное количество новыхъ учениковъ и такимъ образомъ въ этомъ году въ семинаріи оказалось 183 воспитанника. При немъ завершена была постройка каменнаго семи-

нарскаго корпуса. Въ 1742 и 1749 годахъ пожаромъ уничтожены были всѣ деревянныя постройки при семинаріи, и преосвященный Лука на отпущенную изъ коллегіи экономіи, по его усиленному ходатайству, сумму построилъ новыя каменныя зданія при семинаріи какъ жилыя, такъ и службы, деревянную ограду въ 45 саженъ окружностью, а равно возобновилъ пострадавшія отъ пожара деревянныя части главнаго семинарскаго зданія; онъ же устроилъ въ семинаріи теплую и холодную церкви.

Желая имѣть учительныхъ пастырей, особенно потребныхъ для лучшаго успѣха въ дѣлѣ проповѣди Слова Божія и обращенія въ православіе инородцевъ, какъ то: татаръ, черемисъ, чувашей, мордвы и вотяковъ, преосвященный Лука расширилъ программу семинарскаго преподаванія и въ 1739 году составилъ и отослалъ въ Высочайшій Кабинетъ новый штатъ Казанской семинаріи. Въ 1738 году онъ открылъ въ семинаріи классъ ариѳметики, въ которомъ преподавалась и геометрія; въ 1739 году—классъ философіи (первымъ преподавателемъ въ которомъ былъ іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ Григоровичъ, бывшій впослѣдствіи Казанскимъ митрополитомъ), а затѣмъ классъ богословія, для преподаванія въ которомъ выписалъ изъ Кіева Ѳеофана Игнатовича, бывшаго впослѣдствіи епископомъ Черниговскимъ, и Леонтія Кременецкаго. Его же заботами устроена была семинарская библіотека и снабжена «многими знатныхъ авторовъ разноязычными и особливо латинскими книгами», большая часть которыхъ составляла собственную библіотеку преосвященнаго Луки. На запросъ Синода о томъ, нѣтъ ли нужды въ присылкѣ экзаменаторовъ для ставленниковъ въ Казанской епархіи, преосвященный Лука отвѣтилъ отрицательно; онъ же усиленно хлопоталъ объ увеличеніи жалованья духовенству г. Оренбурга и служащимъ въ Оренбургскомъ духовномъ правленіи. Лука Конашевичъ велъ обще съ казанскимъ губернаторомъ слѣдствіе о раскольникахъ, жившихъ на Яикѣ у казаковъ, бѣглыхъ изъ русскихъ городовъ, и принималъ разумныя мѣры для обращенія раскольниковъ къ православной церкви. Онъ же разрѣшилъ женамъ преступниковъ, сосланныхъ «въ вѣчную ссылку» въ Рогервикъ, вступать во второй бракъ. Но особенную ревность Лука Конашевичъ показалъ въ дѣлѣ обращенія инородцевъ въ православіе.

До прибытія его въ Казань христіанство распространялось въ Казанской епархіи медленно. Въ первой четверти XVIII вѣка крещеныхъ иновѣрцевъ въ этой епархіи считалось не болѣе 13,322 душъ, тогда какъ некрещеныхъ было до 285,464 душъ, а съ 1719 г. по 1730 г. вновь окрещенныхъ въ вѣдомости Казанскаго митрополита Сильвестра показано 2160 человѣкъ. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго и часто недобросовѣстнаго веденія христіанской проповѣди инородцамъ-иновѣрцамъ въ Казанской епархіи, комиссіею новокрещенскихъ дѣлъ Высочайшимъ указомъ отъ 11 сент. 1740 года образована была новая миссія для обращенія къ христіанству инородцевъ, которая должна была дѣйствовать въ четырехъ губерніяхъ: Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской и образовала собою такъ называемую «контору новокрещенскихъ дѣлъ», главнымъ начальникомъ которой назначенъ былъ нарочито вызванный для этого учитель Московской славяно-греко-латинской академіи, архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, опредѣленный вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго Успенскаго монастыря. Въ томъ же указѣ дана была Димитрію Сѣченову подробная инструкція, опредѣляющая новую его дѣятельность. Въ помощь ему выбрано было 30 молодыхъ людей изъ духовенства, бѣднаго купеческаго и дворянскаго сословія, изъ знающихъ языки инородцевъ, и посланы къ епископу Лукѣ Конашевичу для полученія богословскаго образованія, «пока они, какъ сказано въ данномъ по этому случаю указѣ отъ 1 мая 1740 года, къ произведенію во священство, по святыхъ отецъ канонамъ, приспѣютъ въ возрастъ совершенный». Непосредственное участіе Димитрія Сѣченова въ обращеніи иновѣрцевъ сопровождалось большимъ успѣхомъ: въ 1742-мъ году онъ доносилъ въ Синодъ: «Въ прошломъ 1741-мъ году въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ разныхъ народовъ иновѣрцевъ цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами и сотнями какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, всѣ до единаго человѣка святымъ крещеніемъ просвѣтились. А въ продолженіе двухъ лѣтъ (1741 и 1742) въ разныхъ селеніяхъ Казанской и Нижего-

родской губерній крещено и наставлено въ вѣрѣ подъ руководствомъ архимандрита Сѣченова 17,362 человѣка. Въ заботахъ о надлежащемъ просвѣщеніи инородцевъ имъ строились церкви въ деревняхъ новокрещеныхъ, заводились школы, испрашивались разныя льготы и, между прочимъ, принимались мѣры къ переселенію крещеныхъ иновѣрцевъ изъ деревень, населенныхъ некрещеными, въ русскія деревни. Памятникомъ литературнымъ ревности Луки Конашевича о просвѣщеніи инородцевъ является сохранившееся въ рукописи Архива Синода, сочиненное имъ «Слово къ попросвѣщенному Калмыцкому въ Ставрополѣ и прочихъ тамъ жилищахъ имѣющемуся собранію». Въ этомъ Словѣ, между прочимъ, читаемъ: «Отъ многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей слышно, да и мнѣ самому въ нѣкоторыхъ жилищахъ вашихъ, посѣщая епархію свою, бывшу случилося видѣть, что многіе изъ васъ по обыкновенію идолопоклонническому всякія мерзскія пищи употребляютъ, нечистыхъ скотовъ ядятъ безъ разбору, а что пуще Божьимъ закономъ завѣщанной и преданіями святыхъ отецъ отверженной мертвечинѣ касаются и несытно питаются и уже въ толикое безстудство и развращенія устремились, яко подъ внѣшнимъ человѣческимъ видомъ звѣринному внутрь ихъ естеству крытися. Всякъ бо мясомъ скотовъ падшихъ или, паче рещи, трупомъ скотовъ умершихъ и уже червями растлѣнныхъ питаяйся, не человѣкомъ разумнымъ, но псомъ и другимъ плотоядным звѣремъ подобенъ есть». По 18 сентября 1742 года Димитрій Сѣченовъ оставилъ контору новокрещенскихъ дѣлъ,—онъ былъ назначенъ на Нижегородскую каѳедру. При пріемникѣ его, архимандритѣ Сильвестрѣ дѣло миссіонерское пошло хуже. Новокрещенскія школы переданы были въ исключительное вѣдѣніе Луки Конашевича, который уже по своему усмотрѣнію назначалъ въ нихъ учителей и заботился о матеріальномъ обезпеченіи учениковъ. Преосвященный Лука самъ построилъ въ татарскихъ слободахъ г. Казани двѣ церкви и при нихъ завелъ школы для однихъ новокрещеныхъ, въ этихъ школахъ обучали татарскому, чувашскому, черемисскому и русскому языкамъ, Закону Божію и молитвамъ. Иновѣрцы, тяготясь поборами и рекрутчиною, взыскиваемыми съ нихъ за новокрещеныхъ, стали чинить послѣднимъ обиды, а именно: сотники, волостные старосты, выборные заставляли новокрещеныхъ платить до окончанія данной имъ трехмѣсячной льготы не только равныя съ другими, но и большія подати, заставляли ихъ участвовать въ рекрутскихъ складкахъ и, кромѣ того, дѣлали имъ притѣсненія на каждомъ шагу, дѣлали на нихъ ложные доносы въ суды, по которымъ новокрещеные забирались въ тюрьмы, гдѣ и страдали подолгу безвинно. Переселеніе новокрещеныхъ изъ деревень некрещеныхъ еще болѣе усиливало непріязнь между тѣми и другими. Вслѣдствіе неоднократныхъ донесеній въ Прав. Сенатъ конторы для переселенія и защищенія новокрещеныхъ о чинимыхъ имъ некрещеными продерзостяхъ, Сенатъ строго приказалъ мѣстному начальству исполнять указы относительно новокрещеныхъ, что не могло не усилить неудовольствія иновѣрцовъ, тѣмъ болѣе, что съ отъѣздомъ Димитрія Сѣченова во многомъ измѣнился характеръ и самой проповѣди: прежде иновѣрцевъ не неволили принимать христіанство, теперь же въ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ стали прибѣгать къ мѣрамъ сомнительнымъ, и епископъ Лука Конашевичъ не чуждъ былъ нѣкоторой нетерпимости къ иновѣрцамъ: насильно строилъ церкви и часовни среди инородческихъ населеній; забиралъ дѣтей противъ воли родителей въ новокрещенскія школы, совершалъ мимо домовъ иновѣрцевъ крестные ходы и проч. Все это создало всеобщее ожесточеніе и озлобленіе со стороны иновѣрцевъ, такъ что нѣкоторые новокрещеные изъ татаръ вошли въ Синодъ съ жалобами на то, что они неволею крещены епископомъ Лукою Конашевичемъ въ православную вѣру, будучи во время крещенія не въ своемъ умѣ; время шло, а жалобы подобнаго рода не прекращались, и Синодъ призналъ необходимымъ 9 окт. 1755 года перевести Луку Конашевича въ Бѣлгородъ «въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той-же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій». Преосвященный Лука и на новой каѳедрѣ явилъ себя ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія. Характеристикою его отношенія къ такого рода дѣятельности можетъ служить слѣдующій фактъ. Преосвященный потребовалъ, чтобы положенный взносъ церквами 30-й доли хлѣба на содержаніе Харьковскаго коллегіума произ-

водился неукоснительно, и когда священники Ахтырскаго вѣдомства просили его уволить ихъ отъ исполненія сего требованія за неимѣніемъ при церквахъ ни земель, ни другихъ какихъ-либо угодій, то Лука Конашевичъ положилъ на ихъ прошеніи такую резолюцію: «за неисполненіе прежденосланнаго указа доправить 30-ую долю вдвое, безъ всякаго упущенія и для того взысканія послать нарочитаго по инструкціи». Въ заботахъ о лучшемъ устройствѣ хозяйственной части того же коллегіума преосвященный Лука учредилъ указомъ отъ 29 августа 1756 года для завѣдыванія ею соборъ, въ которомъ должны присутствовать учители богословія, философіи, риторики и піитики. Лука Конашевичъ управлялъ епархіею два года и три мѣсяца, скончался 1-го января 1758 года и погребенъ въ соборной Бѣлгородской церкви.

Описаніе документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода: т. X (1730 г.), №№ 273, 329, 470; т. XI (1731 г.); т. XII (1732 г.), №№ 121, 221, 271, 279, 365; т. XIV (1734 г.), № 184; т. XV (1735 г.), №№ 10, 46, 70, 183, 247, 325, 329, 347, 410; т. XVI (1736 г.); Прилож. 823—834 стр.; т. XIX (1739 г.), №№ 14, 97, 526; т. XXI (1741 г.), № 183; т. XXIII (1743 г.), №№ 116, 493; т. XXVI (1746 г.), №№ 60, 130, 153; т. XXIX (1749 г.), № 326; т. XXXI (1751 г.), №№ 3, 7, 8, 42, 189, 239; т. XXXIV (1754 г.), №№ 334, 431, 450.—*Аполлонъ Можаровскій*, «Ходъ миссіонерскаго дѣла въ Казанской епархіи съ 1731 г. до конца XVIII столѣтія и его результаты». («Руководство для сельскихъ пастырей». 1867 г., № 45, стр. 350—367; № 47, стр. 440—459; № 50, стр. 569—588; № 51, стр. 622—636.—«Лука Конашевичъ, епископъ Казанскій». («Православный Собесѣдникъ», 1858 г., августъ, стр. 564—585, октябрь, стр. 232—254, декабрь, стр. 464—500»).—*А. С. Лебедевъ*, «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ), съ портретами и автографами» Харьковъ, 1902 г., стр. 116—123.—*П. Солнцевъ*, священникъ. «Краткія свѣдѣнія о Бѣлгородскихъ Курскихъ іерархахъ». («Харьковскія Епарх. Вѣдомости». 1871 г., №№ 21, стр. 360—366, № 22, стр. 418—421, № 23, стр. 444—452.—*Н. Суворовъ*, «Объ іерархахъ бывшей Велико-Устюжской епархіи». («Вологодскія Епарх. Вѣдомости». 1869 г., № 13, стр. 476—477).—*Д. Вишневскій*, «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка». Кіевъ. 1903 г., стр. 308—309.—Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. II. Выпускъ второй. С.-Петербургъ. 1910 г., № 4049.—*Аскоченскій*, «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ», т. I, стр. 297.—Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1895). С.-Петербургъ. 1896, стр. 7—8.—*Е. Маловъ*, «О новокрещенской конторѣ». (Рѣчь, произнесенная въ торж. годичн. собр. Казанск. дух. акад. въ 1878 г. Казань).

А. Никольскій.

Лука, «иконом» Кіево-Печерскій, воспѣваемый въ 7-й пѣсни канона преподобнымъ Кіево-Печерскимъ Ближнихъ пещеръ, неизвѣстно когда отправлявшій экономскую должность въ Кіево-Печерской лаврѣ. Память его, кромѣ 6-го ноября, совершается совмѣстно съ преподобными Ближнихъ пещеръ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Экономы Кіево-Печерской лавры, почитая его своимъ покровителемъ, имѣютъ въ своихъ помѣщеніяхъ икону преподобнаго Луки—«иконома».

Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ. Выпускъ III (ноябрь). Прибавленіе къ «Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Каменецъ-Подольскъ, 1894 г., стр. 30—31.

А. Никольскій.

Лука, епископъ Полоцкій, участвовалъ въ церемоніалѣ встрѣчи великой княжны Елены Іоанновны, нареченной невѣсты литовскаго князя Александра въ январѣ 1495 г., въ томъ же году онъ принималъ участіе въ хиротоніи митрополита кіевскаго Макарія. Извѣстна жалованная королевская грамота отъ 26 дек. 1503 г. епископу Лукѣ на архіерейскую отчину, отчужденную полоцкими боярами и софійскими крылошанами.

Діевъ М., прот., «Повѣрка, іерархическихъ каталоговъ епархій: Новгородской, Переяславской, Полоцкой, Ростовской, Тобольской». Рукоп. Архива св. Синода № 1771.—*П. Строевъ*. «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей».

А. Н.

Лука, епископъ Ростовскій (Владимірскій), вѣроятно, уроженецъ южной Россіи, иночество принялъ въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей, откуда, неизвѣстно когда, избранъ былъ на игуменство Кіевскаго Спасскаго монастыря, что на Берестовѣ. Въ 1185 г., 11-го марта хиротонисанъ былъ въ епископа Ростовскаго, откуда, вѣроятно, въ 1188 году переведенъ во Владиміръ на Клязьмѣ. Въ 1187 г. убѣдилъ великаго князя Всеволода III Георгіевича примириться съ Рязанскимъ княземъ. Въ томъ же году онъ расписалъ Владимірскій Успенскій соборъ и освятилъ его въ 1189 г. Этотъ соборъ погорѣлъ въ 1185 г. и былъ возобновленъ ве-

ликимъ княземъ Всеволодомъ (Дмитріемъ) Георгіевичемъ и зятемъ его княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Въ 1189 г., 10-го ноября епископъ Лука преставился и «Великій князь Всеволодъ Георгіевичъ, спрятавши тѣло его съ игумены и съ чернецы, съ клирошаны, съ попы, положиша и у. св. Богородицы въ градѣ Володимери 11 ноября, на память св. Литы, Виктора и Викентія» (Лаврент. лѣт., стр. 171). При реставраціи собора (1888—1889) была открыта наглухо заложенная въ очень давнія времена крупнымъ старинным кирпичемъ гробница епископа Луки; плита, которою она была покрыта, устроенная на два ската изъ цѣлаго бѣлаго камня, оказалась совершенно твердою. Лѣтописецъ такъ отзывается о святителѣ Лукѣ: «Бысть же святый сей мужъ святъ, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ рѣчью и дѣломъ, утѣшая печальныя, по истинѣ добрый пастырь». По указу царя Іоанна Грознаго въ 1552 году повелѣно было въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ «по Владимірскихъ по пяти владыкахъ пѣти въ годъ... панихиду по Лукѣ епископѣ октября въ 8 день».

Полное собраніе русск.-лѣтописей, т. I, стр. 165—167.—*Нилъ, архіепископъ Ярославскій*, «Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ, съ присовокупленіемъ житія святыхъ благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина, Ярославскихъ чудотворцовъ». Ярославль. Изд. 2. 1869 г.—Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ съ примѣчаніями А. А. Титова» («Изд. Общ. Любителей Древней Письменности. СПБ. 1890 г., стр. 4).—*Діевъ М., протоіерей*, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ». Рукоп. Архива Св. Синода, № 1771, л.л. 327—329.—*Е. Голубинскій*, «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви». М. 1903 г., стр. 360—361.—*А. Виноградовъ, протоіерей*. «Исторія каѳедральнаго Успенскаго Владимірскаго собора». 1891 г., стр. 97.—Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ. Выпускъ III (ноябрь). (Прибавленіе къ «Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Каменецъ-Подольскъ. 1894 г., стр. 53—54).—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—*Н. Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи»

А. Никольскій.

Луканинъ, *Александръ Матвѣевичъ*, протоіерей Пермскаго каѳедральнаго собора, сынъ пономаря, родился 21 ноября 1821 г. въ селѣ Ординскомъ, Осинскаго уѣзда, Пермской губ., воспитывался въ Пермской духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1842 г. былъ рукоположенъ въ священники Христорождественскаго собора въ Юговскій казенный заводъ, съ назначеніемъ тамъ же законоучителемъ мужской и женской школъ горнаго вѣдомства. Въ 1845 г. Луканинъ, по собственному желанію, былъ переведенъ въ горный городъ Дедюлинъ, Соликамскаго уѣзда и здѣсь же былъ назначенъ законоучителемъ горной школы; отсюда въ 1848 г. онъ былъ переведенъ въ г. Соликамскъ, къ Святотроицкому собору, опредѣленъ членомъ соликамскаго правленія и назначенъ благочиннымъ 1-го округа и депутатомъ при испытаніяхъ по Закону Божію въ училищахъ, а съ 1849 и по 1850 г. исполнялъ должность смотрителя Соликамскаго духовнаго училища. Въ 1853 г. Луканинъ былъ переведенъ въ Нытвенскій заводъ, Оханскаго уѣзда, съ назначеніемъ законоучителемъ тамошняго приходского училища; въ слѣдующемъ году назначенъ благочиннымъ того округа и исполнялъ должность миссіонера по Оханскому уѣзду. Въ 1854 г. онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Возведенный въ 1862 г. въ санъ протоіерея, Луканинъ вторично былъ переведенъ въ Юговскій казенный заводъ и занялъ должность законоучителя въ тамошнихъ училищахъ, а въ 1863 г. назначенъ былъ благочиннымъ 1-го округа Пермскаго уѣзда. Избранный въ члены Пермской духовной семинаріи, Луканинъ переѣхалъ на жительство въ Пермь, но въ 1869 г., по прошенію, былъ переведенъ въ Екатеринбургъ и назначенъ благочиннымъ 1-го округа, членомъ училищнаго правленія и исполняющимъ должность законоучителя женской гимназіи. Въ 1871 г. онъ былъ переведенъ въ Пермь благочиннымъ каѳедральнаго собора и назначенъ временнымъ членомъ Пермской духовной консисторіи. Служа затѣмъ непрерывно въ Перми до самой смерти, послѣдовавшей 21 ноября 1889 г., Луканинъ, сверхъ упомянутыхъ должностей, состоялъ еще членомъ комитета миссіонерскаго общества и предсѣдателемъ пермскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Съ 1879 по 1889 г. онъ редактировалъ «Пермскія Епарх. Вѣдомости». Среди разнообразныхъ служебныхъ трудовъ Луканинъ находилъ время и для научныхъ занятій, которыя онъ любилъ. Его «Руководство къ производству дознаній о слѣдствіи» носило на себѣ печать

знатока-практика церковнаго права и выдержало 6 изданій. Любилъ онъ и мѣстную старину и старательно изучалъ ее. Лучшій трудъ его по этой части: «Церковно-историческое и археологическое описаніе города Соликамска» былъ изданъ дважды въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1856 г.) и въ «Пермскихъ Епарх. Вѣд.» (1882 г.). Кромѣ того, Луканинъ въ тѣхъ же «Епарх. Вѣдом.» помѣстилъ еще слѣдующія свои работы: «О безпоповцахъ поморскаго толка въ Оханскомъ уѣздѣ» и «Историческое и этнографическое описаніе Березовскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда».

«Труды Пермской ученой архивной коммиссіи», вып. V, стр. 45—48.—«Пермскія Епарх. Вѣдомости 1889 г., №№ 23, 24.

М. Поповъ.

Лукасинскій, *Валеріанъ Іосифовичъ*, польскій масонъ, офицеръ русской службы, заточенный впослѣдствіи въ Шлиссельбургскую крѣпость, родился 14-го апрѣля 1786 г. Его отецъ, небогатый польскій помѣщикъ, далъ ему хорошее воспитаніе и образованіе, несмотря на то, что въ эту пору Польша переживала тяжелыя катастрофы. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ свидѣтелемъ суворовской рѣзни въ Прагѣ, а затѣмъ росъ подъ прусскимъ игомъ въ Варшавѣ. Разгромъ Пруссіи подъ Іеной и освобожденіе отнятой у нея Наполеономъ части польской земли открыли передъ Лукасинскимъ доступъ къ военной службѣ подъ національными знаменами. 15-го апрѣля 1807 г. онъ вступилъ въ ряды пѣшихъ стрѣлковъ одного польскаго полка, набраннаго въ Плоцкѣ, и принималъ участіе въ лѣтнемъ походѣ противъ пруссаковъ и русскихъ. Въ этомъ походѣ Лукасинскій отличился въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и былъ произведенъ въ подпоручики. При реорганизаціи войскъ Варшавскаго герцогства онъ перешелъ въ шестой пѣхотный полкъ и потомъ исполнялъ обязанности адъютанта при инспекторѣ административнаго вѣдомства по военному министерству, князѣ Яблоновскомъ. Въ 1809 г. Лукасинскій въ чинѣ поручика принималъ участіе въ австрійской кампаніи и 5-го іюля былъ произведенъ въ капитаны перваго образованнаго здѣсь смѣшаннаго галицко-французскаго пѣхотнаго полка. Послѣ заключенія мира онъ былъ переведенъ для занятій въ военное министерство, почему и не принималъ участія въ русскомъ походѣ 1812 года. Однако, годъ спустя, онъ вступилъ въ ряды русской арміи и принялъ участіе въ заграничномъ походѣ. При взятіи Дрездена Лукасинскій попалъ въ австрійскій плѣнъ, откуда былъ освобожденъ 8-го іюля 1814 г., только благодаря вмѣшательству императора Александра I. Вернувшись въ Варшаву, Лукасинскій вступилъ въ реорганизованную великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ армію Царства Польскаго, въ чинѣ капитана четвертаго линейнаго полка, въ которомъ и дослужился до маіора (20 марта 1817 г.). Между прочимъ, этотъ полкъ, составленный изъ такъ называемыхъ «сыновъ Варшавы», былъ любимымъ полкомъ великаго князя, который ставилъ его въ примѣръ всѣмъ остальнымъ полкамъ и такъ отличалъ его, что возбуждалъ зависть даже въ гвардейскихъ полкахъ. Офицеры этого полка пользовались особой милостью великаго князя, а Лукасинскій, котораго онъ очень цѣнилъ, какъ особенно дѣльнаго и добросовѣстнаго офицера, повидимому, находился въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ вел. князю, сохраняя въ то же время полную независимость своихъ взглядовъ и убѣжденій. Такъ, напримѣръ, въ 1818 г. онъ напечаталъ очень содержательную и интересную книжку: «Замѣчанія одного офицера по поводу признанной потребности устройства евреевъ и въ нашей странѣ». Эта брошюра была, главнымъ образомъ, направлена противъ неблагопріятной для евреевъ брошюры кн. В. Красинскаго и, между прочимъ, шла вразрѣзъ съ убѣжденіями самого вел. князя. Соединяя въ своемъ трудѣ любовь къ людямъ и разумный патріотизмъ, Лукасинскій, какъ видно, не устрашился выступить противъ мнѣнія своего ближайшаго начальства до вел. кн. включительно. Человѣкъ образованный и начитанный, дѣльный и добросовѣстный офицеръ, Лукасинскій чуждъ былъ всякой революціонной дѣятельности и не участвовалъ ни въ какихъ тайныхъ организаціяхъ, пока въ 1819 г. не основалъ самъ общества польскихъ масоновъ. Между прочимъ, самъ Александръ I, какъ указываетъ проф. Ашкенази, оказывалъ польскому масонству свое высокое покровительство, преслѣдуя цѣль соединенія Литвы и Польши. Лукасинскій даже полагалъ поэтому, что своей дѣятельностью онъ шелъ навстрѣчу замысламъ государя

относительно Польши. Далекій отъ мысли поднять возстаніе противъ Россіи, но вѣрившій обѣщаніямъ Александра I, Лукасинскій преслѣдовалъ цѣль укрѣпленія національнаго духа во всей странѣ и особенно въ войскѣ, подготовляя, такимъ образомъ, весь свой народъ къ совмѣстной жизни подъ русскимъ скипетромъ. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность Лукасинскаго не можетъ считаться революціонной по отношенію къ Александру, который въ рѣчахъ своихъ и манифестахъ признавалъ идею національности главнымъ звеномъ, связующимъ разрозненныя польскія области. Къ тому же самая мысль объ образованіи тайной польско-масонской организаціи была подсказана Лукасинскому генераломъ Рожнецкимъ, хорошо освѣдомленнымъ о настроеніи монарха. Однако Лукасинскому трудно было удержать въ границахъ разумной предусмотрительности организацію, сосредоточившую въ себѣ много горячихъ, экспансивныхъ элементовъ, которые не удовлетворялись туманными національными цѣлями и стремились къ болѣе активной дѣятельности. Въ августѣ слѣдующаго года онъ формально закрылъ свою организацію, но имѣлъ въ виду не прекращеніе дѣятельности національнаго масонства, а преобразованіе, его въ болѣе независимую организацію. Такой организаціей и было возникшее въ 1821 г. «патріотическое общество», которое, надо сказать, развивалось при еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ этому времени уже окончательно выяснился поворотъ правительственной политики въ сторону реакціи, и вполнѣ сформировалась реорганизованная Новосильцовымъ тайная полиція.

Лукасинскій же со своими единомышленниками, полагая, что объединеніе разрозненныхъ польскихъ областей возможно только при содѣйствіи одной изъ державъ, подѣлившихъ Рѣчь Посполитую, возлагали надежды только на Россію, считая репрессіи со стороны послѣдней явленіемъ временнымъ. Поэтому какъ при основаніи національнаго масонства, такъ и при организаціи патріотическаго общества онъ не стремился ни къ сверженію установленнаго въ Царствѣ русскаго правительства, ни къ измѣненію дарованной полякамъ Александромъ I конституціи; Лукасинскій высоко цѣнилъ эту конституцію и именно на ней строилъ свои планы.

Во вновь основанномъ патріотическомъ обществѣ, по образцу карбонарскихъ организацій, примѣнялась такъ называемая цѣпная система съ подраздѣленіемъ на провинціи, округа и гмины. Фактическимъ руководителемъ всего союза былъ самъ основатель—Лукасинскій, который занялъ наиболѣе опасное и отвѣтственное мѣсто начальника военной провинціи, обнимавшей всю польскую армію и отчасти литовскій корпусъ. Лукасинскій обнаружилъ большую энергію въ дѣлѣ своей организаціи, объединилъ съ нею общество польскихъ «тамплiеровъ», основалъ четыре округа въ войскѣ и обратилъ вниманіе на литовскія губерніи имперіи, но не добился сколько-нибудь существенныхъ результатовъ и не пріуготовилъ почвы для болѣе или менѣе широкаго политическаго предпріятія. Наступившая реакція и преслѣдованіе различныхъ тайныхъ обществъ заставили Лукасинскаго держаться конспиративно, но вел. князь Константинъ Павловичъ уже лѣтомъ 1821 г. получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о существованіи патріотическаго общества, а въ мартѣ слѣдующаго года узналъ объ этомъ и гр. Нессельроде. Арестованный 25 октября 1822 года, Лукасинскій, отданный въ руки «комиссіи для разслѣдованія національнаго масонства», сознался въ организаціи національнаго масонства и старался связать эту организацію съ «патріотическимъ обществомъ». 14-го іюня 1824 г. Лукасинскій былъ приговоренъ къ 9-ти лѣтнему тюремному заключенію, которое, впрочемъ, Александръ I понизилъ до 7 лѣтъ. Въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ, въ кандалахъ, съ бритой головой и телѣжкой въ рукахъ промаршировалъ Лукасинскій при барабанномъ боѣ передъ фронтомъ войскъ и непосредственно послѣ этой гражданской казни былъ заключенъ въ крѣпость Замостье. Вскорѣ въ крѣпости, съ вѣдома Лукасинскаго, былъ составленъ заговоръ, направленный къ захвату крѣпости и бѣгству въ Галицію. Планъ этотъ не удался, и Лукасинскій вмѣстѣ съ своимъ единомышленникомъ Суминскимъ были приговорены къ смертной казни, которую, однако, вел. князь замѣнилъ удвоеніемъ срока заключенія. Кромѣ этого, Суминскій, въ присутствіи Лукасинскаго, получилъ 400 ударовъ, что, очевидно, вынудило у послѣдняго признаніе о патріотическомъ обществѣ, объ организаціи его и

развѣтвленіяхъ. Признаніе Лукасинскаго, однако, не вызвало ареста другихъ участниковъ тайнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ не облегчило участи его. Изъ Замостья его перевели въ Варшаву, затѣмъ въ Бобруйскъ и наконецъ въ Шлиссельбургъ. Заточенный здѣсь въ январѣ 1831 г. въ подземелье, такъ называемаго, секретнаго замка, онъ прожилъ въ полнѣйшей оторванности отъ міра и людей болѣе тридцати лѣтъ; согласно приказу свыше, онъ содержался «самымъ тайнымъ образомъ такъ, чтобы, кромѣ коменданта, никто не зналъ объ его имени и откуда онъ привезенъ. Съ теченіемъ времени пребываніе загадочнаго узника стало непонятнымъ даже для администраціи замка и лицъ, наиболѣе освѣдомленныхъ въ вопросахъ такого рода. Такъ, въ 1850 г. управляющій III Отдѣленіемъ обратился къ военному министру Чернышеву съ вопросомъ, въ чемъ состоитъ вина старика-поляка, такъ строго охраняемаго въ Шлиссельбургѣ. На этотъ любопытный вопросъ Чернышевъ могъ только отвѣтить, что Лукасинскій содержится по личному приказу императора Николая I.

Первыя свѣдѣнія о Лукасинскомъ были получены отъ М. А. Бакунина, сидѣвшаго въ 1854 г. въ этой же крѣпости и встрѣтившаго Лукасинскаго на прогулкѣ, которую разрѣшили Лукасинскому въ виду его болѣзни. Изъ короткаго разговора, происшедшаго между двумя узниками, можно заключить, насколько преданъ былъ Лукасинскій интересамъ своей родины и народа и какъ любилъ ихъ. Этотъ, состоящій изъ пяти-шести фразъ, или, вѣрнѣе, вопросовъ, разговоръ былъ, кажется, первымъ и послѣднимъ разговоромъ Лукасинскаго со времени его заключенія въ Шлиссельбургѣ. Ходатайства родственниковъ о свиданіи со старикомъ Лукасинскимъ не имѣли никакого успѣха. Только съ 1862 г., вслѣдствіе ходатайства новаго шлиссельбургскаго коменданта, положеніе его нѣсколько измѣнилось: ему разрѣшено было перейти въ болѣе свѣтлое помѣщеніе и прогуливаться внутри крѣпости. Это дало возможность ему заняться составленіемъ записокъ, заключающихъ въ себѣ отрывочныя воспоминанія и размышленія на политическія темы. «Надѣясь вскорѣ предстать передъ престоломъ Всевышняго,—писалъ онъ—я просить буду не о карѣ, не объ отмщеніи и даже не о суровой справедливости, но лишь объ отеческомъ исправленіи виновныхъ, утѣшеніи и облегченіи страждущихъ, согласіи и мирѣ обоихъ народовъ и благословеніи на нихъ». Записки его заканчиваются характерной молитвой, составленной имъ незадолго до смерти. Умеръ Лукасинскій 27-го февраля 1868 г. на 82-мъ году жизни.

Szymon Askenazy, «Lukasinski, т. 1—11, Варшава 1908 г.—«Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 5, стр. 16.—«Бюллетени Литературы и Искусства» 1913 г., авг., № 23—24, стр. 1022—24.—«Галлерея Шлиссельбургскихъ узниковъ», т. I. *Ал. Ельницкій.*

Лукашевичъ, *Василій Лукичъ*, маршалъ дворянства Переяславскаго повѣта, сынъ полковника Кіевскаго регулярнаго коннаго полка, впослѣдствіи ген.-маіора, родился въ 1783 г., съ 30 марта 1798 г. числился «комплектнымъ пажемъ» при Высочайшемъ дворѣ, а въ 1803 г., по выдержаніи экзамена въ Пажескомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ; въ 1805 г. въ чинѣ кол. асессора опредѣленъ былъ къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею, но черезъ два года вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Малороссію. Здѣсь въ званіи хорунжаго Переяславскаго полка Лукашевичъ съ марта 1811 г. назначенъ былъ къ исполненію должности маршала Переяславскаго повѣта, а съ января слѣдующаго 1812 года утвержденъ въ этой должности и одновременно избранъ почетнымъ смотрителемъ Переяславскаго повѣтоваго училища, на устроеніе котораго положилъ много трудовъ, привлекая и мѣстное дворянство къ денежнымъ пожертвованіямъ на нужды училища. Отечественная война открыла широкое поле дѣятельности для энергіи Лукашевича. Въ примѣръ прочимъ помѣщикамъ онъ жертвовалъ на нужды арміи лошадей, воловъ, фуры, погонщиковъ и проч.; сформировалъ и устроилъ образцовое ополченіе изъ дворянъ предводимаго имъ повѣта; имѣлъ на собственномъ своемъ попеченіи нѣсколько военныхъ лазаретовъ, въ которыхъ разновременно перебывало до 7.000 больныхъ и раненыхъ, а послѣ вторженія непріятеля въ Москву пригласилъ Переяславское дворянство къ всеобщему вооруженію всѣхъ, могущихъ нести оружіе, не считая раньше вступившихъ въ ополченіе. За свою полезную дѣятельность Лукашевичъ нѣсколько разъ удостоенъ былъ Высочайшаго благоволенія, въ 1812 г.

награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой ст., въ 1815 г.—чиномъ надворнаго совѣтника и въ 1817 г.—орденомъ св. Анны 2-ой ст. Кромѣ того, все дворянское сословіе Полтавской губерніи въ 1812 г. выразило ему свою благодарность «за содержаніе пользы» его при продовольствіи разныхъ повѣтовыхъ ополченій, расположенныхъ въ Переяславскомъ повѣтѣ, и «за прочее въ общественныхъ дѣлахъ усердіе». Въ 1818, 1820 и 1823 г.г. Лукашевичъ еще три раза бывалъ избираемъ маршаломъ дворянства Переяславскаго повѣта; въ 1821 г.—произведенъ былъ въ коллеж. совѣтники, а 13 ноября 1823 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за значительное пониженіе цѣнъ, изъ состоявшихся уже, на продовольствіе 4-го кавалерійскаго корпуса. Въ 1824 г. ему пожалованы были алмазные знаки ордена св. Анны 2-ой ст. 14-го іюня 1825 г., нуждаясь въ отдыхѣ послѣ продолжительныхъ трудовъ, Лукашевичъ уволился въ отпускъ и сдалъ должность маршала, при чемъ Переяславское дворянство поднесло ему благодарственный адресъ за понесенный имъ трудъ и за постоянное вниманіе къ его пользѣ и чести. Впослѣдствіи Лукашевичъ жилъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ, гдѣ и скончался 4 октября 1866 г. 83-хъ лѣтъ отъ роду.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 204—206.
А. Гельвихъ.

Лукашевичъ, *Доминикъ Антоновичъ*, іеромонахъ Доминиканскаго ордена и настоятель римско-католической церкви св. Екатерины въ Петербургѣ, родился въ Виленской губ. и въ теченіе долгой своей жизни заявилъ себя неутомимымъ трудолюбіемъ и благотворительностью. Съ именемъ его связано учрежденіе при церкви св. Екатерины училища для бѣдныхъ приходскихъ дѣвочекъ и сооруженіе на Выборгской сторонѣ на католическомъ кладбищѣ храма. Отецъ Лукашевичъ занималъ рядъ разнообразныхъ должностей: онъ состоялъ духовникомъ и капелланомъ у герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, былъ петербургскимъ деканомъ, законоучителемъ многихъ учебныхъ заведеній и настоятелемъ кладбищенской и св. Екатерины церквей. Скончался онъ 23 декабря 1876 г., на 75 году жизни.

«Голосъ», 1876 г., № 359.—«Гражданинъ», 1877 г., № 4.

Лукашевичъ, *Іосифъ-Игнатій*, художникъ-живописецъ, родился въ 1789 г., въ Литвѣ, въ 1812 г. учился въ Виленскомъ университетѣ, но послѣ занятія Вильны Наполеономъ вступилъ въ ряды польской гвардіи подъ начальство полковника Конопки. Вмѣстѣ съ остатками арміи Наполеона Лукашевичъ ушелъ за границу, но вскорѣ, по слабости здоровья, долженъ былъ оставить военную службу и, вернувшись въ 1817 г. въ Варшаву, занялся здѣсь изученіемъ живописи. За швейцарскій пейзажъ, появившійся на выставкѣ въ Варшавѣ въ 1819 г., Лукашевичъ былъ награжденъ золотой медалью, и эта картина обратила на художника вниманіе великаго князя Константина Павловича. Онъ поручилъ Лукашевичу написать нѣсколько картинъ, изображавшихъ польское войско, и, оставшись доволенъ работой, сдѣлалъ его своимъ придворнымъ живописцемъ. Картины и портреты, писанные Лукашевичемъ, украшали залы въ дворцахъ цесаревича, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ. Послѣ 1831 г. часть этихъ картинъ изъ Бельведерскаго замка переведена была въ Петербургскую картинную галлерею, но въ 1856 г. всѣ онѣ опять были водворены на прежнія мѣста. Онѣ изображаютъ главнымъ образомъ сцены изъ военнаго быта и польскія войска всѣхъ родовъ оружія. Двѣ изъ нихъ, изображающія смотръ, произведенный польскимъ войскамъ импер. Александромъ I въ 1824 г. и сборный лагерь подъ Повонзками, появились на Варшавской картинной выставкѣ 1825 г. Лукашевичъ писалъ и на религіозныя темы, а также былъ и удачнымъ портретистомъ. Онъ скончался въ Варшавѣ въ 1850 г.

Encyklopedyja Powszechna. Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 678.—*E. Rastawiecki*, «Słownik malarzów polskich», т. I. *А. Г.*

Лукашевичъ, *Николай Алексѣевичъ*, хранитель картинъ и рисунковъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а впослѣдствіи управляющій хозяйственною и репертуарною частью С.-Петербургскихъ театровъ, много содѣйствовавшій успѣхамъ нашего театральнаго дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ, которые въ молодости увлекались славою К. П. Брюллова, бросали представлявшіяся имъ болѣе выгодныя поприща и, обратившись къ живописи, поступали въ ученики къ Брюллову. Къ послѣднему Лукашевичъ былъ

особенно близокъ и сопровождалъ его, уже больного, на островъ Медейру. Но надежда достигнуть блестящихъ результатовъ въ искусствѣ для Лукашевича не оправдалась, какъ и для большинства Брюлловскихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе онъ до конца жизни не переставалъ интересоваться художествами и даже писалъ картины и акварели, преимущественно въ пейзажномъ родѣ. Скончался Лукашевичъ 5 августа 1884 г.

«Художественныя Новости», 1884 г., т. II, стр. 515.—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. I, стр. 182, 320; т. II, стр. 181, 390; т. III, стр. 228, 291, 292, 365, 367, 787, 803.

М. Поповъ.

Лукашевичъ, *Петръ Васильевичъ*, лекторъ нѣмецкаго языка въ Кіевскомъ университетѣ, над. сов., изъ мѣщанъ, род. въ 1829 г. въ г. Черниговѣ. По окончаніи курса въ Дерптской гимназіи онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ занимался юриспруденціей, но экзамена не держалъ. Въ 1874 г. онъ былъ избранъ, по конкурсу, совѣтомъ Кіевскаго университета лекторомъ нѣмецкаго яз. и въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ въ этой должности. Одновременно Лукашевичъ преподавалъ нѣмецкій яз. въ Кіевской 2-й гимназіи и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Умеръ онъ 16 января 1882 г.

«Біографическій словарь профес. и препод. университета св. Владиміра», стр. 374—375.

Лукашевичъ, *Платонъ Акимовичъ*, собиратель малороссійскихъ думъ и пѣсенъ, родился въ самомъ началѣ XIX ст., воспитывался въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ воспитанникомъ перваго выпуска и класснымъ товарищемъ Н. В. Гоголя, затѣмъ окончилъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ и въ молодыхъ годахъ совершилъ поѣздку за границу. Въ Прагѣ Лукашевичъ познакомился съ извѣстнымъ изслѣдователемъ чешскаго народнаго эпоса Ганкой и съ яркимъ представителемъ идеи панславизма—Колларомъ и подъ ихъ вліяніемъ, по возвращеніи на родину, началъ собирать мѣстныя народныя пѣсни. Въ это время онъ служилъ въ козелецкомъ уѣздномъ судѣ, а съ 1834 г., по выходѣ въ отставку, поселился почти безвыѣздно въ мѣстечкѣ Березани, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ. Въ 1836 г. вышелъ изъ печати его сборникъ народной украинской поэзіи, подъ заглавіемъ: «Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни». Эта небольшая книжка явилась въ своемъ родѣ третьимъ по времени сборникомъ (послѣ сборниковъ Срезневскаго и Максимовича) и составлялась въ ту пору, когда старое пѣснотворчество еще жило полной жизнью въ народѣ. Главную цѣну сборнику придаетъ отдѣлъ думъ, между которыми особенно выдѣляется величественный древній списокъ думы о Самойлѣ Кишкѣ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана; самъ Лукашевичъ говорилъ, что записалъ ее въ 1832 г. со словъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, Полтавской губерніи.

Изданіемъ сборника малороссійскихъ пѣсенъ въ сущности исчерпывается литературное значеніе Лукашевича; общественная дѣятельность его тоже была непродолжительна; въ теченіе одного трехлѣтія (1862—1865 гг.) онъ состоялъ предводителемъ дворянства Переяславскаго уѣзда. Всю остальную жизнь онъ посвятилъ quasi-филологическимъ трудамъ, не представляющимъ никакой научной цѣнности. Его «Греческій корнесловъ», «Латинскій корнесловъ», «Объясненіе ассирійскихъ именъ», «Мнимый индо-германскій міръ, или истинное начало образованія языковъ: нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и другихъ западно-европейскихъ», «Чаромутіе или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ», «Микроскопическая астрономія» и другія произведенія въ томъ же родѣ «не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ». На изданія ихъ авторъ тратилъ большія средства; амбары его усадьбы и книжныя лавки въ Кіевѣ завалены были его книгами, которыя однако не находили читателей.

Признаки психической ненормальности Лукашевичъ обнаруживалъ и въ своей домашней обстановкѣ. Живя едва вѣроятнымъ оригиналомъ, онъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Впослѣдствіи однако у него найдено было только двѣ тетради старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, маленькій, но очень цѣнный отрывокъ автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (половины XVIII в.) и записная книга, куда Лукашевичъ вносилъ

то изъ области украинской поэзіи, что удалось ему записать послѣ изданія его сборника думъ и пѣсенъ. Собрано здѣсь было немного, и хотя записано добросовѣстно, но по содержанію этотъ рукописный сборникъ стоитъ ниже перваго.

Скончался Лукашевичъ въ Березани въ концѣ 1887 г.

В. Л. Модзалевскій. «Малороссійскій Родословникъ» Кіевъ, 1912 г., т. III, 208.—«Кіевская Старина», 1889 г., январь, стр. 245, 246 (некрологъ В. П. Горленка).—*Гербель,* «Списокъ сочиненій литераторовъ, получившихъ образованіе въ гимназіи кн. Безбородко».—*Геннади,* «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ».—«Русскій Міръ», 1874 г., № 15.—*Е. Радинъ,* «Футуризмъ и безуміе», Спб., 1914 г., стр. 22, 26—26.

А. Гельвихъ.

Лукашевскій, *Гилярій (Иларій) Яковлевичъ*, преподаватель римской словесности въ Казанскомъ университетѣ. Образованіе получилъ въ Волынскомъ лицеѣ и Виленскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1819 г. получилъ степень кандидата юридическихъ наукъ и былъ оставленъ при немъ до 1823 г., когда за принадлежность къ тайному обществу «филаретовъ» высланъ былъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи. Опредѣлившись въ 1828 г. старшимъ учителемъ въ 1-ю Казанскую гимназію, онъ преподавалъ въ то же время на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета римское право и исторію (до 1838 г.), а также и латинскій яз. и римскую словесность (до 1845 г.).

«Біографическій словарь профес. и преподават. Казанскаго университета», т. I, стр. 123; т. II, стр. 42.

М. Поповъ.

Лукашевскій, *Леонидъ Гиляріевичъ*, сынъ предыдущаго, преподаватель римской словесности въ Казанскомъ университетѣ, род. 10 мая 1834 г., воспитывался въ Казанскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1856 г. со степенью кандидата словесныхъ наукъ былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Пробывъ тамъ до 1861 г., онъ возвратился въ Казань и въ слѣдующемъ году занялъ мѣсто преподавателя римской словесности и латинскаго языка въ университетѣ. Въ 1863 г. онъ выѣхалъ для лѣченія болѣзни и для магистерскаго экзамена въ Москву, гдѣ и скончался 22 февраля 1865 г.

«Біографическій словарь проф. и преподав. Казанскаго университета», т. I, стр. 123—124.

Лукинъ, *Алексѣй*, дьякъ, въ 1506 г. посланъ былъ вел. княземъ Василіемъ III Іоанновичемъ въ Казань къ царю Магметъ-Аминю съ требованіемъ выдачи задержаннаго московскаго посла Михаила Кляпика; отпуская Лукина въ Москву, Казанскій царь послалъ съ нимъ своего бакшея Бозека съ грамотою о мирѣ «по старинѣ» и обѣщаніемъ отпустить Кляпика «часа того», т. е. какъ-только миръ состоится. Для заключенія этого договора вел. князь въ слѣдующемъ 1507 г. отправилъ въ Казань боярина Поплевина и съ нимъ послалъ Лукина «о миру, и о дружбѣ, и о братствѣ».

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. VI, стр. 52, 246, 247; т. VIII, стр. 248.—*Н. М. Карамзинъ,* «Ист. Госуд. Рос.», Спб., 1819 г., т. VII, пр. 14, 42.

А. Г.

Лукинъ, *Андрей Владиміровичъ*, инженеръ путей сообщенія, род. 27 янв. 1851 г., высшее образованіе получилъ въ университетѣ и въ институтѣ путей сообщенія, по окончаніи котораго въ 1876 г. нѣкоторое время слушалъ лекціи въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ за границей. Получивъ такимъ образомъ прекрасное техническое образованіе, Лукинъ предался изученію Россіи въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Ему принадлежитъ нѣсколько научныхъ изслѣдованій промышленнаго значенія Закаспійскаго края и нижней части Поволожья. Въ бытность свою на службѣ въ управленіи Тамбово-Саратовской желѣзной дороги, онъ сразу пріобрѣлъ своими знаніями огромный авторитетъ, и ему поручено было самое сложное дѣло по эксплуатаціи Тамбово-Саратовской желѣзной дороги—завѣдываніе подвижнымъ составомъ и тягою. Въ этомъ дѣлѣ онъ оказалъ значительныя услуги, увеличивъ доходность дороги. Кромѣ того, Лукинъ дѣятельно занимался вопросомъ, касающимся обезпеченія служащихъ желѣзной дороги. Онъ первый хлопоталъ объ организаціи ссудосберегательной кассы при службѣ тракціи, которая была утверждена по его ходатайству; онъ же принималъ горячее участіе въ устройствѣ пенсіонной кассы для желѣзнодорожныхъ служащихъ. Скончался Лукинъ 24 февраля 1888 г.

С. Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. I, стр. 49—50.

Степ.

Лукинъ, *Владиміръ Игнатьевичъ*, писатель-драматургъ второй половины XVII столѣтія, родился 8 іюля 1737 г., былъ невысокаго происхожденія и относительно положенія своего въ свѣтѣ самъ впослѣд-

ствіи говорилъ, что рожденъ былъ «къ принятію одолженій отъ сердецъ великодушныхъ». Свѣдѣній о томъ, гдѣ и чему учился Лукинъ въ молодости, не сохранилось; извѣстно только, что онъ рано поступилъ на военную службу и 25-ти лѣтъ былъ уже маіоромъ, сильно увлекался въ эту пору игрою въ карты, а затѣмъ, около 1763 г., «отставъ отъ игры и отъ службы воинской», пристрастился «къ словеснымъ наукамъ», занявшись преимущественно переводомъ и передѣлкой французскихъ комедій. Къ этому времени, по всей вѣроятности, относится и его поѣздка въ Парижъ, гдѣ онъ могъ лично познакомиться съ современнымъ ему французскимъ театромъ. То обстоятельство, что литературные противники Лукина упрекали его впослѣдствіи званіемъ «копеиста», даетъ возможность предполагать, что именно въ этой должности онъ началъ свое служебное поприще по выходѣ изъ военной службы. Въ 1765 г. онъ состоялъ уже секретаремъ при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ, который былъ тогда и вице-президентомъ въ главной дворцовой канцеляріи. Въ лицѣ Елагина Лукинъ нашелъ себѣ вліятельнаго покровителя, который, по словамъ Фонвизина, вывелъ его «изъ ничего въ люди»; тотъ же Фонвизинъ, бывшій сослуживцемъ Лукина и сильно къ нему нерасположенный, говоритъ, что впослѣдствіи Лукинъ потерялъ довѣріе своего покровителя, но надо думать, что это охлажденіе было только временнымъ неудовольствіемъ, такъ какъ Лукинъ продолжалъ оставаться при Елагинѣ, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ по масонскимъ дѣламъ и повышался по службѣ: въ 1769 г. онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, въ 1774 г.—коллежскимъ совѣтникомъ и членомъ главной дворцовой канцеляріи, а въ 1791 г. онъ, уже въ чинѣ дѣйст. стат. совѣтника, упоминается, какъ присутствующій въ придворной конторѣ, президентомъ которой былъ тогда Г. Н. Орловъ. Въ послѣдней должности Лукинъ скончался 9 іюля 1794 г.

Литературная дѣятельность Лукина началась также подъ покровительствомъ Елагина, который въ то время уже составилъ себѣ репутацію хорошаго писателя и переводчика. У него находили талантъ и литературный вкусъ, слогъ его считался образцовымъ; его называли первымъ, послѣ Ломоносова, писателемъ въ прозѣ, вслѣдствіе этого его руководство для молодого писателя могло быть очень полезно; и Лукинъ дѣйствительно называетъ его своимъ учителемъ, а въ «посвященіи» къ своему первому печатному труду опредѣленно, говоритъ, что всѣми своими знаніями въ «словесныхъ наукахъ» обязанъ исключительно Елагину, который развилъ въ немъ его всегдашнюю склонность къ литературнымъ занятіямъ, вразумилъ «къ познанію прямой въ нихъ красоты» и побудилъ къ «упражненію». Этотъ первый литературный трудъ Лукина былъ переводъ, совмѣстно съ Елагинымъ, знаменитаго въ свое время романа: «Приключенія маркиза *Г.* (*Глаголя*) или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ» (Спб., 1756—65 г.г.), въ шести частяхъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія переведены Лукинымъ. Работая надъ этимъ переводомъ, Лукинъ одновременно принялся переводить и французскія комедіи: въ 1763 г. онъ перевелъ комедію Реньяра «Les Menechmes», озаглавивъ ее «Менехмы или близнецы»; въ 1764 г. напечаталъ въ Москвѣ вольный переводъ комедіи Кампистрона «Ревнивой, изъ заблужденія выведенный», а въ 1765 г. вышло цѣлое собраніе его сочиненій подъ общимъ заглавіемъ: «Сочиненія и переводы Владимера Лукина», въ двухъ частяхъ. Сюда вошло нѣсколько пьесъ: «Мотъ, любовью исправленной», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ; «Пустомеля», комедія въ одномъ дѣйствіи, представляющая передѣлку пьесы Буасси «Le Babillard»; «Награжденное постоянство», комедія въ пяти дѣйствіяхъ — передѣлка изъ «L'amante amant» Кампистрона и «Щепетильникъ», комедія въ одномъ дѣйствіи—передѣлка французской пьесы «Boutique de bijoutier», переведенной съ англійскаго. Всѣ эти пьесы снабжены болѣе или менѣе пространными предисловіями и посвященіями: изъ нихъ «Мотъ» посвященъ Елагину, а «Щепетильникъ» другу автора—Ельчанинову, молодому писателю, имѣвшему также нѣкоторое вліяніе на литературные опыты Лукина. Три года спустя по выходѣ въ свѣтъ первыхъ сборниковъ, напечатаны были еще двѣ комедіи, передѣланныя Лукинымъ съ французскаго: «Тесть и Зять», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, вольный переводъ съ комедіи Колле «Depuis et Deronnais» (Спб. 1768 г.),

и «Разумной Вертопрахъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, вольный переводъ съ комедіи Буасси «Le sage Etourdi» (Спб.. 1768 г.), а въ слѣдующемъ году появилась его комедія въ пяти дѣйствіяхъ «Задумчивой», «переложенная на россійскіе нравы съ комедіи Реньяра «Le Distrait». Наконецъ, Лукину же приписывается вольный переводъ комедіи Мариво «La seconde surprise de l'amour» подъ названіемъ «Вторично вкравшаяся любовь» (1773 г.) и драма «Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца», которая, однако, въ каталогахъ Сопикова и Смирдина отмѣчена, какъ переводъ съ французскаго А. С. Шишкова.

Изъ перечисленныхъ комедій Лукина многія тогда же появились на сценѣ придворнаго театра и, по свидѣтельству современниковъ, были «изрядно принимаемы» и «аплодированы очень много», а въ «Запискахъ» С. П. Порошина, подъ 19 января 1765 г., отмѣчено даже, что послѣ представленія «Мота» «изволилъ Его Высочество (в. кн. Павелъ Петровичъ) автора призывать къ себѣ въ ложу; пожаловалъ его къ рукѣ и хвалилъ за трудъ»... Поощренный такимъ лестнымъ вниманіемъ, Лукинъ въ августѣ и сентябрѣ того-же года послѣдовательно поднесъ вел. князю (вѣроятно, не безъ содѣйствія своего мецената Елагина) два тома своего собранія «Сочиненій и переводовъ». Но если, съ одной стороны, вел. князь и публика придворнаго театра благосклонно относились къ комедіямъ Лукина, то, съ другой стороны, современная литературная критика встрѣтила ихъ самымъ враждебнымъ образомъ. Уже въ предисловіяхъ къ своимъ первымъ печатнымъ трудамъ Лукинъ говоритъ о своихъ хулителяхъ и злоязычникахъ, которыхъ было, повидимому, очень много; къ ихъ числу принадлежали: и Фонвизинъ извѣстный писатель и сослуживецъ Лукина, и представитель ложнаго классицизма Сумароковъ, который судя по словамъ Порошина, не переносилъ даже упоминанія о Лукинѣ, и въ особенности издатели сатирическихъ журналовъ, во главѣ съ Новиковымъ. Впрочемъ, литературная критика Екатерининскихъ временъ, не шедшая, въ большинствѣ случаевъ, дальше сатиры «на лицо» и разбора отдѣльныхъ словъ и выраженій, не могла дать правильной оцѣнки комедій Лукина и ограничивалась почти исключительно грубой бранью, сплетнями и мелочными нападками на языкъ и орѳографію его сочиненій. Въ особенности же сатирическіе журналы 1769—1770 г. не могли простить ему непочтительное отношеніе къ «славнымъ русскимъ сочиненіямъ», подъ которыми понимались, конечно, творенія «Россійскаго Вольтера»—Сумарокова. Цѣлый рядъ сатирическихъ органовъ («Трутень», «Смѣсь», «Адская Почта», «Всякая Всячина», даже невинный журналъ «Полезное съ пріятнымъ») обрушился за это на Лукина. Его изображали глупцомъ, льстецомъ, напыщенной бездарностью; пародировали его слогъ и дѣйствительно нѣсколько странный языкъ; смѣялись надъ его обращеніями въ предисловіяхъ къ «благосклоннымъ читателямъ»; не щадили даже личной жизни бывшаго «игрока», «стараго копеиста», ставшаго переводчикомъ. Главной причиной всѣхъ этихъ грубыхъ, бранчивыхъ, а иногда и непристойныхъ насмѣшекъ была дѣйствительно смѣлая для своего времени попытка Лукина подвергнуть критикѣ господствовавшее въ литературѣ ложно-классическое направленіе. Онъ возставалъ противъ рабскаго подражанія французскимъ образцамъ; въ то время, когда пальма первенства въ комедіи и трагедіи безусловно присуждалась Сумарокову, онъ позволялъ себѣ думать о его литературныхъ сокровищахъ иначе, «и его мнѣнія о современной ему комедіи, говоритъ Пыпинъ, даютъ намъ возможность видѣть въ немъ болѣе разсудительнаго человѣка, чѣмъ представляли его противники». Въ длинныхъ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ Лукинъ, между прочимъ, развиваетъ свои литературныя понятія. Здѣсь вѣрно отмѣченъ имъ главный недостатокъ современной ему комедіи—отсутствіе русской жизни въ самой сущности комедіи,—изображеніе вещей, «не наше поведеніе знаменующихъ»; для русской комедіи онъ требовалъ русскаго содержанія и народнаго языка и надѣялся, что придетъ пора, когда произведенія Сумарокова «прилежнѣе разсмотрятся», а комедія изъ рабски подражательной станетъ истинной воспитательницей нравовъ и строго національной. Въ своихъ собственныхъ драматическихъ передѣлкахъ онъ поэтому останавливался исключительно на явленіяхъ знакомыхъ и свойственныхъ русской жизни; иностранныя имена замѣнялъ русскими; старался писать разговорнымъ языкомъ (критика осуждала его

за «новыя выраженія»), держась того мнѣнія, что «надлежитъ въ русскомъ быть чему ни есть русскому», онъ въ одну изъ своихъ комедій («Щепетильникъ») ввелъ даже два лишнія противъ оригинальной пьесы лица, двухъ простыхъ русскихъ работниковъ, и заставилъ ихъ объясняться костромскимъ говоромъ), но дальше этого онъ пойти не могъ; во всемъ остальномъ его комедіи не возвышались надъ общимъ уровнемъ другихъ переводныхъ комедій Екатерининской эпохи. «Недостатокъ дарованія мѣшалъ ему приложить свои теоретическія понятія къ дѣлу; у него было только предчувствіе того, что это возможно и какъ возможно»... Въ этомъ пониманіи главныхъ недостатковъ современной ему литературы и заключается главное литературное значеніе Лукина; произведенія его, какъ не отмѣченныя печатью таланта, скоро были забыты, а самъ онъ за свои новшества у современниковъ прослылъ за «хулителя славныхъ сочиненій». «Литература—говоритъ Пыпинъ—не вдругъ могла произвести жизненные типы Фонвизинскихъ комедій; для этого она должна была сначала пройти низшіе классы своей школы, и характеръ этихъ классовъ мы видимъ въ тѣхъ литературныхъ понятіяхъ и нравахъ, какіе представляютъ намъ Лукинъ и его противники». Въ настоящее время Лукинъ можетъ разсматриваться не только, какъ предшественникъ Фонвизина, но даже какъ предвѣстникъ такъ называемой «натуральной школы».

Интересно отмѣтить и то, что съ своей проповѣдью обращенія къ народности Лукинъ выступилъ въ то время, когда еще въ полной силѣ господствовало высокомѣрное презрѣніе къ «подлому» народу, и горячо привѣтствовалъ основаніе народнаго театра (въ 1765 г.), отъ котораго ожидалъ большой пользы не только для народа, но и для самой литературы.

А. Н. Пыпинъ, статья о Лукинѣ въ изданіи его сочиненій и переводовъ подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб., 1868 г.; здѣсь же помѣщенъ и указатель статей и замѣтокъ о немъ, стр. 504—509.—Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, полутомъ 35, стр. 99, 91.

Лукинъ, *Петръ*, докторъ медицины, статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Петербургской медико-хирургической академіи, инспекторъ студентовъ. Лукинъ учился въ Петербургской медико-хирургической академіи и въ 1816 г. былъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія. Въ 1822 г. онъ сдѣлался штабъ-лѣкаремъ и исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора ветеринарной патологіи, терапіи, фармаціи и діэтетики и ординаторомъ Петербургскаго военнаго сухопутнаго госпиталя. Въ 1826 г. онъ защитилъ въ Академіи диссертацію на степень доктора медицины и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ діэтетики, зоофармокологіи и эпизоотическихъ болѣзней. Въ 1829 г. Лукинъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, а съ 1837 г.—1845 г. былъ инспекторомъ студентовъ. Въ 1847 г. онъ былъ уволенъ отъ службы. Перу Лукина принадлежатъ слѣдующіе труды: «Disquisitio naturae morbi glandulosi equorum, ejusdemque comporatio cum catarrho hominum nec non aliorum animalium domesticorum, avibus non exceptis, in tres partes divisa»; «Эпизоотическія болѣзни» (СПБ. 1836.), «Зоофармокологія» (СПБ. 1837 г.), «Руководство къ зоотоміи» (СПБ. 1837.), «Практическій конскій и скотскій лѣчебникъ» (СПБ. 1837—38 г.) и два перевода Вальдингера съ нѣмецкаго: «Наблюденіе, сдѣланное надъ лошадью» (СПБ. 1823 г.) и «О болѣзняхъ собакъ» (СПБ. 1834).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 182. *А. Акимовъ.*

Лукинъ, *Ѳеодоръ*, протоіерей Исаакіевскаго каѳедральнаго собора, первоначально былъ священникомъ при русской церкви въ Копенгагенѣ (съ 25 сент. 1747 г.), а затѣмъ въ Швеціи. 20 февр. 1750 г. онъ былъ опредѣленъ св. Синодомъ священникомъ Исаакіевскаго собора, въ 1757 году произведенъ въ санъ протоіерея и назначенъ благочиннымъ; скончался 20 окт. 1758 г.

«Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи». Вып. I. 1869 г., II, стр. 46—47. *А. Н.*

Лукіанъ Онцыфоровичъ, новгородскій бояринъ XV в., построилъ двѣ каменныя церкви: одну св. Спаса на Розважѣ улицѣ въ Великомъ Новгородѣ, а другую—церковь Богоявленія въ монастырѣ на полѣ на рѣкѣ Вережѣ.

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. III, стр. 139, 237; т. IV, стр. 120.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. V, пр. 254.

Лукіанъ, священно-мученикъ Кіево-Печерскій, убитъ при нашествіи татаръ на Кіевъ. Мощи его почиваютъ въ Даль-

нихъ (Ѳеодосіевыхъ) пещерахъ. Память совершается 28 августа и 15 октября.

Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ. Выпускъ II-й (октябрь). (Прибавленіе къ «Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ». Каменецъ-Подольскъ. 1893 г., стр. 104). — *Филаретъ*, «Русскіе святые», августъ, 118. — «Словарь Историческій о святыхъ». СПБ. 1836 г.

А. Н.

Лукницкій, *Аристархъ Владиміровичъ*, переводчикъ, р. 18 дек. 1778 г. † 18 дек. 1811 г. Въ 1809 и 1810 гг. издавалъ ежемѣсячный журналъ «Сѣверный Меркурій», который въ 1811 г. сталъ выходить еженедѣльно, но выпущено было всего 22 номера. Лукницкому принадлежатъ многочисленные переводы различныхъ пьесъ съ французскаго языка. Изъ нихъ напечатаны: «Выдуманный кладъ, или опасность подслушивать у дверей», комич. опера въ 1 д. (Спб. 1807 г.); «Все дѣло въ окошкахъ», опера въ 1 д. (Спб. 1808 г.); «Военная тюрьма, или три арестанта» ком. въ 5 д. (Спб. 1808 г.); «Велисарій, римскій полководецъ, или великій и несчастный человѣкъ», драма въ 3-хъ д. (Спб. 1808); «Лодоиска», опера въ 3-хъ д. (Спб. 1811 г.) и «Сандрильона», волшебная опера въ 3-хъ д. (Спб. 1816 г.).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 262.—*Араповъ*, II. «Лѣтопись русскаго театра». Спб. 1861 г., стр. 162, 173, 174, 181, 183, 184, 207, 212, 235.—Петербургскій Некрополь, т. II.

М. Поповъ.

Луковица *(Луковичинъ, Луковка)*, Василій, псковитянинъ, въ 1463 г. отправленъ былъ изъ Пскова воеводою вел. князя, посадникомъ и всѣми псковитянами въ Юрьевъ для заключенія мира съ нѣмцами. Миръ былъ заключенъ на 9 лѣтъ, одновременно постановленъ былъ и размѣнъ плѣнниковъ. Въ присутствіи Луковицы юрьевскій епископъ, посадники и ратманы привѣсили свои печати къ перемирному договору и въ слѣдующемъ 1464 г. Луковица вернулся въ Псковъ, «а нѣмци — Юрьевци всему управу учиниша по Псковской воли».

Пол. Соб. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 225, 227.

А. Г.

Луковкинъ, *Гавріилъ Амвросіевичъ*, генералъ-маіоръ Войска Донского, сынъ генерала и непремѣннаго судьи Войска Донского Луковкина, прославившагося во время Семилѣтней войны и Пугачевскаго бунта, родился 29 февраля 1772 г. Мать его была изъ рода Иловайскихъ, громкаго въ лѣтописяхъ Донского Войска. О своемъ дѣтствѣ Луковкинъ пишетъ, что сообразно тогдашнимъ понятіямъ о воспитаніи онъ хотя и учился грамотѣ, но болѣе упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ которой дѣлалъ быстрые и блестящіе успѣхи, и 12 л. отъ роду былъ записанъ въ службу казакомъ. Осенью 1783 г., въ чинѣ полкового есаула, подъ предводительствомъ войскового атамана Иловайскаго находился въ походѣ за Кубань для наказанія ногайскихъ татаръ, ушедшихъ туда изъ русскаго подданства, но въ военныхъ дѣйствіяхъ еще не участвовалъ. Черезъ два года Луковкинъ поступилъ къ Иловайскому войсковымъ есауломъ, а въ 1787 г. былъ произведенъ въ войсковые старшины и въ этомъ чинѣ, командуя полкомъ своего имени, въ 1790—1792 г. ходилъ къ Кубани, содержалъ на ея берегахъ передовую цѣпь и часто имѣлъ схватки съ кубанцами. Особенно отличился онъ въ войнѣ съ Турціей, полонивъ самого сераскира Батанъ-пашу вмѣстѣ съ десятью человѣками его свиты, въ числѣ которыхъ былъ одинъ кадій. Наградой 18-лѣтнему Луковкину былъ премьеръ-маіорскій чинъ. Возвратясь на Донъ въ исходѣ 1792 г., онъ въ слѣдующемъ году былъ командированъ отъ войскового гражданскаго правленія къ р. Хопру для выбора семейныхъ казаковъ къ поселенію на Кавказской линіи, гдѣ они должны были образовать собой оплотъ противъ вторженій горскихъ племенъ въ границы Россіи. Въ декабрѣ 1797 г. Луковкинъ былъ произведенъ въ подполковники. Затѣмъ, произведенный въ полковники, онъ вышелъ въ отставку, но въ 1808 г. снова поступилъ на службу, будучи назначенъ бригадным командиромъ Донскихъ полковъ въ Молдавскую армію; за участіе при взятіи Бабодага и покореніи крѣпостей Гирсова и Кюстенджи онъ удостоился Высочайшей благодарности. Въ сентябрѣ подъ предводительствомъ князя Багратіона онъ участвовалъ въ сраженіи при Рассеватѣ, гдѣ командовалъ особымъ казачьимъ отрядомъ и содѣйствовалъ нашей побѣдѣ. Посланный въ Петербургъ съ донесеніемъ о Рассеватскомъ сраженіи, онъ былъ награжденъ государемъ бриллiантовымъ перстнемъ. Лѣтомъ 1810 г. подъ начальствомъ графа Каменскаго Луковкинъ участвовалъ въ многочислен-

ныхъ стычкахъ съ непріятелемъ у крѣпости Шумлы; находился при покореніи Систова и Никополя; послѣ того, состоя въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, оставался на правомъ берегу Дуная при Туртукаѣ и съ тремя казачьими полками содержалъ наблюдательную цѣпь между Рущукомъ и Силистріею. Отсюда въ 1811 г. онъ былъ посланъ за Плевну къ Балканскимъ горамъ, гдѣ содержалъ передовые посты поблизости Эвтрополя и Врацъ въ Болгаріи. Послѣ того командовалъ аванпостами впереди Рущука, успѣшно отражалъ нападенія турокъ и, срывая ихъ пикеты, доставлялъ въ главную квартиру свѣдѣнія о непріятельскихъ войскахъ. Въ іюнѣ, находясь въ войскахъ Кутузова, расположенныхъ на Туртукайской дорогѣ, успѣшно отражалъ нападеніе многочисленныхъ силъ верховнаго визиря, вознамѣрившагося овладѣть занятымъ русскими Рущукомъ, и принудилъ его къ отступленію. За это дѣло Луковкинъ получилъ Монаршее благоволеніе, объявленное ему въ особомъ именномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Послѣ Рущукскаго сраженія ему поручено было взять Силистрію. Собравъ въ окрестныхъ селеніяхъ рыбачьи лодки, Луковкинъ приказалъ связать ихъ по двѣ вмѣстѣ и, устроивъ такимъ образомъ паромы, переправилъ войска и занялъ къ разсвѣту высоты впереди Силистріи. Появленіе русскихъ было столь неожиданно, что турки совершенно растерялись и сдали крѣпость, при чемъ паша Илликъ-Оглу едва спасся бѣгствомъ. За этотъ подвигъ Луковкинъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. съ обозначеніемъ въ грамотѣ, что награда эта пожалована ему «за отличную храбрость, мудрое распоряженіе и присутствіе духа, черезъ которыя покорена Силистрія». По взятіи Силистріи Луковкинъ былъ назначенъ въ составъ резервнаго корпуса арміи адмирала Чичагова, участвовалъ въ походѣ на Волынь и былъ въ дѣлахъ противъ австрійскихъ и саксонскихъ войскъ при д. Ольшанѣ, при Дубкахъ, при Шебринѣ, при Ямнѣ и при Задворцахъ. Во время наступленія войскъ адмирала Чичагова на армію князя Шварценберга Луковкинъ находился съ казачьими полками въ авангардѣ графа Ламберта и за удачныя дѣйствія противъ французовъ удостоился благодарности графа. Послѣ этого онъ находился въ летучемъ отрядѣ флигель-адъютанта полковника Чернышева, а по занятіи Чичаговымъ Минска былъ командированъ къ мѣстечку Игумену съ приказаніемъ открыть непріятелей и войти въ связь съ полковникомъ Палагейкою, шедшимъ изъ Бобруйска. Встрѣтивъ у Игумена дивизію Домбровскаго, Луковкинъ сначала принудилъ ее отступить къ Могилеву, а затѣмъ, соединившись съ подошедшимъ Палагейкою, двинулся на преслѣдованіе польской дивизіи (въ то время уже разбитой Ламбертомъ), настигъ арьергардъ и при деревнѣ Ушахъ принудилъ его сдаться. Въ этомъ дѣлѣ былъ взятъ въ плѣнъ начальникъ арьергарда, полковникъ Симановскій, со всѣми офицерами, отбиты два французскіе орла и захваченъ весь обозъ. Послѣ этого Луковкинъ, усиленный Волынскимъ уланскимъ полкомъ и ротой конной артиллеріи, примкнулъ къ отряду графа Орурка, посланнаго къ нижней Березинѣ для открытія непріятеля. По возвращеніи графа Орурка къ арміи и послѣ переправы Наполеона черезъ Березину Луковкинъ поступилъ 17 ноября въ авангардъ арміи Чичагова къ генералу Чаплицу. Принявъ тамъ начальство надъ четырьмя казачьими полками и находясь съ ними въ преслѣдованіи французовъ отъ Березины до Вильны, Луковкинъ безпрерывно тревожилъ и утомлялъ бѣгущаго непріятеля. Трофеями его были два гвардейскихъ штандарта, 70 пушекъ и большое количество плѣнныхъ. По взятіи Вильны Луковкинъ находился подъ командою графа Орурка при отрядѣ Платова, тѣснившемъ французовъ до Ковны. Въ январѣ—февралѣ 1813 г. онъ былъ при изгнаніи непріятеля изъ Бромберга и занятіи Познани. Изъ Познани Луковкинъ со своимъ полкомъ былъ командированъ въ Калишъ для присутствія на Высочайшемъ смотру. Отличная обмундировка и бодрое и веселое настроеніе людей доставили Луковкину Высочайшее благоволеніе, и по непосредственному выбору государя ему были ввѣрены 3 казачьи полка для занятія постовъ по рѣчкѣ Премзѣ до устья ея на границѣ Пруссіи и для защиты прусскихъ заводовъ. Выступя по сему назначенію и подойдя къ Ченстохову, занятому Понятовскимъ, который производилъ наборъ поляковъ для арміи Наполеона, Луковкинъ окружилъ городъ, сбилъ непріятельскіе пикеты и преслѣдовалъ Понятовскаго до

австрійской цѣпи, гдѣ принужденъ былъ прекратить преслѣдованіе, имѣя запрещеніе вступать въ дѣло съ австрійцами. По прибытіи въ Ченстоховъ генерала Сакена Луковкинъ поступилъ въ его авангардъ и шелъ съ нимъ во время отступленія австрійскаго корпуса до Кракова, а по занятіи его Сакеномъ двинулся на Бреславль. Въ это время пришло извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій; перемиріе съ французами продолжалось до начала августа. Въ теченіе этого времени Луковкинъ продолжалъ командовать аванпостами Сакена и 16 іюня былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ первыхъ числахъ августа возобновились военныя дѣйствія. Корпусъ Сакена поступилъ въ Силезскую армію фельдмаршала Блюхера и сталъ на ея правомъ крылѣ у Лигница, откуда, по разбитіи непріятельскаго авангарда при Кейзерсвальде, пошелъ въ Бунцлау. Во время этихъ дѣйствій Луковкинъ имѣлъ встрѣчи съ непріятелемъ 7-го, 14-го, 15-го и 17-го августа, а затѣмъ, получивъ приказаніе идти къ селенію Колькректу, онъ ночью напалъ на это селеніе и перебилъ большую часть людей, при чемъ начальникъ полка и нѣсколько офицеровъ съ рядовыми были взяты въ плѣнъ. Послѣ этого, узнавъ о приближеніи французской конницы къ Колькректу, Луковкинъ неожиданно напалъ на нее, опрокинулъ и шелъ до Гроссенгейна, куда вскорѣ подошелъ авангардъ Васильчикова. Въ это время завязалась перестрѣлка князя Мадатова съ 15-ю эскадронами французовъ. Луковкинъ, перейдя рѣку, скрытно обскакалъ непріятеля и ударилъ ему во флангъ, чѣмъ принудилъ его дать тылъ. Соединенные отряды князя Мадатова и Луковкина гнали французовъ неослабно. Послѣ этого дѣла французскій корпусъ, расположенный близъ Гроссенгейна, началъ ночью отступать; Луковкинъ, замѣтивъ это, бросился преслѣдовать его до Мейссена, куда на слѣдующее утро прибылъ корпусъ Сакена. 16-го сентября Луковкинъ былъ въ дѣлѣ при Мейссенѣ, откуда усиленнымъ маршемъ двинулся на соединеніе съ Блюхеромъ, находившимся у переправы черезъ Эльбу. Узнавъ, что французы вошли въ Дюбенъ и уничтожили за собой мостъ, онъ донесъ объ этомъ Блюхеру, а самъ снова присоединился къ авангарду Сакена, между тѣмъ перешедшему на лѣвый берегъ Эльбы. Когда Наполеонъ, отступавшій отъ Лейпцига, приказалъ уничтожить всѣ мосты на Эльстерѣ, Луковкинъ первый открылъ мѣсто, гдѣ хотя съ трудомъ, но можно было переправиться черезъ рѣку. Преслѣдуя отступавшаго изъ Лейпцига непріятеля, Луковкинъ полонилъ въ Маркранштетѣ 13 офицеровъ и до 2000 рядовыхъ, послѣ чего, присоединясь къ Васильчикову, продолжалъ идти вслѣдъ за Наполеономъ до Вейсенфельса. Когда французы послѣ Лейпцигской битвы отступили за р. Салу, Луковкинъ шелъ въ авангардѣ Васильчикова черезъ Тенштетъ и Эйзенахъ до Кобленца, и по прибытіи главной арміи союзниковъ къ Франкфурту содержалъ аванпостную цѣпь вверхъ по Рейну отъ Мангейма до моста противъ Майнца. По переправѣ корпуса Сакена черезъ Рейнъ близъ Мангейма Луковкинъ былъ отряженъ съ казаками къ Нейштадту, разбилъ находившійся тамъ конный непріятельскій отрядъ и взялъ много плѣнныхъ. На другой день, 21-го онъ атаковалъ французскую кавалерійскую бригаду и полонилъ командовавшаго ей полковника и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ. Углубясь въ предѣлы Франціи, Луковкинъ находился въ сраженіяхъ при Бріенъ-Лешато, Ларотьерѣ, Лаферте-Су-Жуаръ и въ кровопролитномъ Монмиральскомъ сраженіи. Къ концу этого сраженія, когда Сакенъ началъ отступать къ Шато-Тіери, Луковкинъ находился съ двумя казачьими полками у селенія Марше и былъ отрѣзанъ французами отъ корпуса Сакена. Изъ такого затруднительнаго положенія онъ не только вышелъ благополучно, но еще прикрылъ отступленіе равномѣрно отрѣзанной французами дивизіи Талызина. На слѣдующій день 31 онъ находился въ дѣлѣ при Шато-Тіери, 2-го февраля бился подъ Вошаномъ и Жуанвилемъ, 13-го при Сезанѣ, а 23-го былъ въ Краонскомъ сраженіи, гдѣ непріятельское ядро сильно контузило его въ лѣвую руку; тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ полка и черезъ день, 25-го февраля, былъ въ Лаонскомъ сраженіи. 13 марта Луковкинъ участвовалъ въ знаменитой Фершампенуазской битвѣ; послѣ занятія Парижа былъ посланъ на дорогу къ Фонтенебло, для содержанія передовой цѣпи противъ бывшей тамъ арміи Наполеона. По окончаніи войны въ апрѣлѣ 1814 г. Луковкинъ слѣдовалъ къ Майнцу, гдѣ принялъ подъ свое начальство колонну изъ 12-ти казачьихъ полковъ и довелъ ее до Веймара. Здѣсь, вслѣдствіе болѣзнен-

наго состоянія здоровья, онъ принужденъ былъ остановиться и былъ уволенъ Сакеномъ для излѣченія въ Варшаву. Вслѣдъ затѣмъ Луковкинъ отправился на родину и съ этихъ поръ уже не принималъ болѣе участія въ сраженіяхъ. Продолжая службу въ Донскомъ войскѣ, онъ исполнялъ разныя возлагаемыя на него начальствомъ порученія. Между прочимъ, по волѣ графа Платова (войскового атамана) онъ производилъ смотръ казакамъ, обращеннымъ изъ отставныхъ въ служилые, и по приказанію наказнаго атамана Кутейникова дѣлалъ инспекторскій смотръ возвратившемуся въ 1831 г. изъ Турціи и Польши Атаманскому наслѣдника цесаревича полку. Въ томъ же году за содѣйствіе къ распространенію горной промышленности въ южномъ краѣ Россіи онъ былъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Послѣдніе годы жизни Луковкинъ проводилъ въ селѣ Амвросіевкѣ и посвящалъ свои досуги сельскому хозяйству. Скончался онъ послѣ 1848 г.

Михайловскій-Данилевской и Висковатовъ, «Военная галлерея Зимняго Дворца» Спб. 1848—1849 г., т. V.

И. Артамонова.

Лукомскій, *Василій Ивановичъ*, «осадчій» всего Уманскаго уѣзда, родился въ Полтавѣ, но затѣмъ переселился въ Умань; «осадилъ» этотъ городокъ, а также: Ладыжинъ, Монастырище, Маньковку и другіе городки; «приваживалъ къ гетманамъ въ Батуринъ и въ Глуховъ подати, яко-то лисичное и звѣри дикіе». Съ 1709 г. былъ уманскимъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ. Казацкую службу Лукомскій служилъ въ отрядахъ Семена Палія, Карпа Чеснока и Бѣлоцерковскаго полкового обознаго Павла Цыганчука; участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ, попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, побывалъ въ неволѣ въ Перекопѣ и Царьградѣ, а въ 1712 г. вернулся изъ плѣна и жилъ послѣ этого опять въ Умани.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 213.

А. Г.

Лукомскій, *Иванъ*, князь, родомъ изъ Литвы, въ 1493 г. польскій король Казиміръ послалъ его служить въ Москву, предварительно взявъ съ него клятву, что ему великаго князя Іоанна III «убити или окормити зеліемъ»; для этой цѣли онъ снабдилъ его и ядомъ. Желая казаться вѣрнымъ слугою и такимъ образомъ пріобрѣсти расположеніе великаго князя, Лукомскій донесъ ему на князя Ѳ. И. Бѣльскаго, будто бы намѣревавшагося бѣжать въ Литву. Бѣльскій безвинно сосланъ былъ въ заточеніе, но замыслы Лукомскаго не удались: его преступное намѣреніе было открыто, у него найденъ былъ ядъ, предназначенный для отравленія великаго князя, и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Въ томъ же 1493 г. его сожгли въ желѣзной клѣткѣ на рѣкѣ Москвѣ.

Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. IV, стр. 162; т. VII, стр. 228; т. VIII, стр. 225.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», Спб., 1819 г., т .VI, стр. 242, прим. 386.—*С. М. Соловьевъ*, «Ист. Рос.», изд. тов. «Общ. Польза», кн. I, стр. 1452—1453.

А. Г.

Лукомскій, *Люціанъ Юліановичъ*, генералъ-маіоръ, помощникъ начальника 8-й пѣхотной дивизіи, родился въ 1810 г., умеръ 2 августа 1867 г., происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи; по окончаніи первоначальнаго образованія въ Дворянскомъ полку, въ чинѣ прапорщика, былъ выпущенъ въ Волынскій пѣхотный полкъ (1830 г.). Во время польскаго мятежа 1831 г. онъ находился въ походѣ въ Царство Польское и былъ раненъ въ лѣвую ногу. Въ 1833 г. въ чинѣ подпоручика, войдя въ составъ сухопутнаго вспомогательнаго отряда, посланнаго въ помощь турецкому султану, Лукомскій находился въ походѣ въ Молдавію и Валахію, а въ 1841 г. былъ назначенъ въ составъ войскъ, посланныхъ на Кавказъ для усмиренія горцевъ, разграбившихъ Александровское военное поселеніе. За отличіе, оказанное въ этомъ дѣлѣ, онъ былъ произведенъ въ маіоры. Затѣмъ Лукомскій находился въ рядѣ смѣлыхъ экспедицій противъ мятежныхъ горцевъ и за отличіе въ этихъ дѣлахъ былъ произведенъ въ 1849 г. въ подполковники, въ 1851 г.—въ полковники и въ 1861—въ генералъ-маіоры. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника 10-й пѣхотной дивизіи и въ томъ же году помощникомъ начальника 8-й пѣхотной дивизіи. Высшій орденъ онъ имѣлъ св. Станислава 1-й ст.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, книга формулярныхъ списковъ за 1861 г., № 708.

И. Артамонова.

Лукомскій, *Степанъ Васильевичъ*, малороссійскій лѣтописатель. Родился въ Умани въ 1701 г., ум. въ 70-хъ годахъ XVIII в. Съ 1712 года учился въ Кіевскихъ латинскихъ школахъ. Не довольствуясь полученнымъ здѣсь образованіемъ, Лукомскій въ 1722 году отправился въ «чужестранніе краи», но въ дорогѣ заболѣлъ и принужденъ былъ остаться въ Польшѣ. Въ 1726 г. Лукомскій возвратился въ Кіевъ, гдѣ обучался богословію, съ 1730 г. былъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба. Въ 1732 году Лукомскій опредѣлился въ число канцеляристовъ Генеральной войсковой канцеляріи и въ слѣдующемъ году сдѣлался помощникомъ генеральнаго писаря, а въ 1737 г. назначенъ былъ Прилуцкимъ полковымъ сотникомъ. Одновременно съ этимъ онъ опредѣленъ былъ и членомъ учрежденной императрицей Анной Іоанновной «комиссіи для перевода и свода книгъ правныхъ», по которымъ судился малорусскій народъ; имя его находится въ числѣ лицъ, подписавшихъ представленіе объ окончаніи свода. Уволившись отъ службы въ 1747 г. съ чиномъ обознаго и побывавъ въ 1748—1749 гг. въ Петербургѣ и Москвѣ, Лукомскій поселился въ Прилукѣ. Здѣсь онъ занялся лѣтописаніемъ. Подобно С. Величкѣ и Г. Грабянкѣ, онъ началъ свою историографическую дѣятельность переводами польскихъ историческихъ сочиненій. Еще въ бытность свою сотникомъ, онъ въ 1738 году перевелъ дневникъ Симеона Окольскаго «О Остраниной войнѣ съ Ляхами», дополнивъ его разсказомъ о событіяхъ въ Малороссіи съ 1639 по 1648 годъ на основаніи безымянной русской лѣтописи. Въ этомъ трудѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописи Величка» (т. IV, К. 1864, стр. 297—313), Лукомскій особенно подчеркнулъ тѣ притѣсненія, которыя испытывалъ малороссійскій народъ отъ поляковъ въ первой половинѣ XVII столѣтія. Описывая битву при Желтыхъ Водахъ, Лукомскій влагаетъ въ уста Хмѣльницкаго рѣчь, показывающую насколько самъ онъ живо относился къ описываемому. Уже въ отставкѣ, Лукомскій перевелъ Записки Матвѣя Тигловскаго о войнѣ султана турецкаго Османа въ 1620 и 1621 годахъ, также дополнивъ ихъ на основаніи той-же лѣтописи (напечатаны въ IV т. «Лѣтописи Величка», стр. 146—182). Оба эти перевода Лукомскаго должны были, по его мысли, служить какъ бы введеніемъ къ переведенной имъ же поэмѣ Самуила Твардовскаго «Wojna Domowa», которая въ переводѣ Лукомскаго до насъ не дошла. Кромѣ того, Лукомскій составилъ «Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ вѣрныхъ русскихъ лѣтописей, абшитованнымъ полковымъ обознымъ С. В. Лукомскимъ сочиненное въ Прилукѣ въ 1770 году». Сочиненіе это, долженствующее служить введеніемъ къ предыдущимъ и помѣщенное въ «Лѣтописи Самовидца» (К. 1878), начинается разсужденіемъ о томъ, «что есть казакъ», а затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, относящихся до исторіи Южной Руси и обнимающее время отъ Гедимина по 1599 годъ. Этотъ трудъ Лукомскаго и принадлежитъ къ числу тѣхъ компилятивныхъ сочиненій по исторіи Южной Руси, какія во множествѣ составлялись здѣсь въ XVII и XVIII вѣкахъ и которыя могутъ служить лишь освѣщенію развитія исторической науки въ Южной Руси. Рукопись Лукомскаго, содержащая всѣ сочиненія его, принадлежитъ Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ.

А. Лазаревскій, «Описаніе Старой Малороссіи», т. III. Кіевъ. 1902, стр. 112, 134, 137, 423.—«Кіевская Старина» 1890 г., сентябрь, стр. 477—85.—Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 149, 297.—Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878.—Дневникъ Ханенка, Кіевъ, 1887.

В. Модзалевскій.

Лукьяновичъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, д. с. с., Симбирскій гражданскій губернаторъ, родился около 1776 г., на службу записанъ былъ съ 1-го января 1784 г. вахмистромъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, въ 1788 г. числился сержантомъ л.-гв. Измайловскаго полка, а съ 1792 г. — вахмистромъ л.-гв. Коннаго полка и въ томъ же году уволенъ былъ съ чиномъ капитана для опредѣленія въ статскую службу. Вскорѣ, однако (13 ноября 1794 г.), Лукьяновичъ вернулся къ военной службѣ и былъ произведенъ въ ротмистры Александрійскаго легкоконнаго полка; въ 1798 г. онъ, въ чинѣ маіора, перешелъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, въ 1800 г. произведенъ былъ въ подполковники и съ 1805 г. принялъ участіе въ заграничныхъ походахъ; былъ при Пултускѣ, за Прейсишъ-Эйлау въ 1807 г. награжденъ былъ орде-

номъ св. Владиміра 4-й ст. и въ томъ-же году, 19 февраля, при Френсдорфѣ, за отсутствіемъ шефа, командовалъ легкимъ полкомъ и прикрывалъ ретираду (отступленіе) русскаго отряда. 2-го іюня подъ Фридландомъ Лукьяновичъ вновь командовалъ легкимъ кавалерійскимъ полкомъ, за что въ слѣдующемъ 1808 г. награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го кл. и произведенъ въ полковники. Въ 1809 г. онъ назначенъ былъ въ резервный корпусъ генерала Ермолова и, за отсутствіемъ послѣдняго, временно, до начала 1812 г., командовалъ всѣмъ резервнымъ корпусомъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, Лукьяновичъ перешелъ на гражданскую службу, получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и назначенъ былъ Пермскимъ вице-губернаторомъ; въ 1818 г. онъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники, въ 1821 г. перемѣщенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскъ и въ 1844 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Скончался Лукьяновичъ до 1852 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 226, 227.—*А. Н. Мельникова*, Воспоминанія. М. 1898 г.

А. Гельвихъ.

Лукьяновичъ, *Гавріилъ Семеновичъ*, окружный начальникъ государственныхъ имуществъ Золотоношскаго уѣзда, родился 27 марта 1789 г. въ Полтавѣ и десяти лѣтъ былъ опредѣленъ дядей — секретаремъ Адмиралтействъ-коллегіи И. Ѳ. Богдановичемъ—въ Сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда 15 ноября 1807 г. вышелъ подпоручикомъ въ 9-ю артиллерійскую бригаду; въ 1811 г., въ чинѣ поручика, онъ перешелъ въ 24-ю бригаду и въ составѣ ея принялъ участіе въ Отечественной войнѣ: былъ подъ Смоленскомъ и въ Бородинскомъ сраженіи, въ которомъ получилъ контузію въ плечо и награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-го кл. Продолжая служить въ артиллеріи, Лукьяновичъ въ 1819 г. произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны, въ 1821 г.—въ капитаны и въ 1823 г., въ чинѣ подполковника, вышелъ въ отставку. Нѣкоторое время (около 1831 г.) онъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Полтавскомъ гражданскомъ губернаторѣ, затѣмъ былъ (1835—1837 г.г.) Зеньковскимъ уѣзднымъ судьею, 8-го февраля 1839 г. назначенъ былъ окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ Зеньковскаго уѣзда, въ слѣдующемъ 1840 г. перевелся на ту же должность въ Золотоношскій уѣздъ и въ іюнѣ того же года уволенъ былъ въ отставку. Скончался въ 1851 г. Н. В. Гоголь, близко знавшій семью Лукьяновича, сожалѣлъ о его смерти.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 233, 234.—«Письма Н. В. Гоголя», изд. подъ ред. В. И. Шенрока, т. IV, стр. 393—394.

А. Гельвихъ.

Лукьяновичъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, родился около 1767 г., на службу поступилъ 5 іюня 1785 г. вахмистромъ въ Полтавскій легкоконный полкъ, въ которомъ въ 1788 г. принялъ участіе въ турецкой войнѣ: былъ при осадѣ Очакова и при взятіи Бендеръ (1789 г.), а въ 1791 г., во время походовъ въ Молдавію и Бессарабію, состоялъ полковымъ квартирмейстеромъ. Весною 1797 г. Лукьяновичъ переведенъ былъ въ гусарскій Годлевскаго полкъ (впослѣдствіи Александрійскій), въ слѣдующемъ году произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1799 г.—въ ротмистры и въ 1800 г.—въ маіоры. Въ 1805—1806 г. онъ вновь принялъ участіе въ походахъ, на этотъ разъ въ Австрію и Польшу; за спасеніе стрѣлковъ 4-го егерскаго полка, 23 января 1807 г., Лукьяновичъ награжденъ былъ золотою саблею съ надписью «за храбрость»; въ февралѣ того же года, откомандированный для преслѣдованія непріятеля, открывая его, онъ взялъ въ плѣнъ нѣсколько французовъ, а 30-го ноября за отличіе при Прейсишъ-Эйлау получилъ золотой знакъ. Лукьяновичъ былъ и въ знаменитой битвѣ подъ Фридландомъ. 13 ноября 1808 г. онъ былъ уволенъ отъ строевой службы, 30 іюня 1812 г. назначенъ бригаднымъ начальникомъ по интендантской части армейскаго подвижного магазейна, въ январѣ 1815 г. состоялъ коммиссіонеромъ 8-го класса въ коммиссаріатскомъ штатѣ, а въ 1819 г. уволился въ отставку. Скончался Лукьяновичъ послѣ 1835 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 226.—227.

А. Гельвихъ.

Лукьяновичъ, *Николай Андреевичъ*, д. с. с., родился около 1806 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а 21 сентября 1823 г. поступилъ на военную службу унтеръ-офицеромъ въ конно-егерскій короля Вюртем-

бергскаго полкъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ прапорщики и переведенъ сперва въ Рижскій драгунскій полкъ, а затѣмъ въ л.-гв. Преображенскій, съ которымъ 14 декабря 1825 г. принялъ участіе въ усмиреніи военнаго мятежа въ столицѣ. «За примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи своихъ обязанностей» Лукьяновичъ въ числѣ прочихъ воинскихъ чиновъ, собранныхъ по Высочайшему повелѣнію на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ противъ мятежниковъ, удостоился получить Высочайшую признательность, и ему повелѣно было убавить одинъ годъ изъ 25-тилѣтняго срока, опредѣленнаго на заслугу военнаго ордена св. Георгія Побѣдоносца. Въ 1827 г. Лукьяновичъ произведенъ былъ въ подпоручики, въ слѣдующемъ году принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей за освобожденіе Греціи, а въ 1831 г., въ чинѣ поручика, находился въ войскахъ, посланныхъ для усмиренія польскаго мятежа; былъ подъ Бѣлостокомъ, Остроленкой и Варшавой и нѣкоторое время исполнялъ должность старшаго адъютанта штаба гвардейской пѣхоты. Съ 18 сентября 1832 г. по 28 февраля 1833 г. онъ состоялъ правителемъ дѣлъ Высочайше утвержденнаго комитета подъ предсѣдательствомъ ген.-адъютанта Храповицкаго 1-го о набавкѣ годичнаго термина солдатскимъ аммуничнымъ вещамъ 4-хъ, 8-ми и 10-тилѣтняго сроковъ и о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ фельдфебелямъ и старшимъ вахмистрамъ по раздѣленіи унтеръ-офицерскаго званія на нѣсколько степеней. За эту работу Лукьяновичъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Станислава 4-й ст., а 31-го декабря 1834 г.—и орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Въ 1837 г. онъ состоялъ капитаномъ въ л.-гв. Волынскомъ полку, 6-го декабря 1838 г. получилъ орденъ св. Станислава 2-й ст., а въ 1840 г. ему пожаловано было 4000 рублей ас. за напечатаніе біографіи ген.-адъютанта Бистрома. Въ 1842 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Анны 2-й ст. Около этого-же времени Лукьяновичемъ приготовлены были къ печати двѣ первыя части его «Описанія турецкой войны 1828 и 1829 годовъ»; на напечатаніе этого труда (Спб. 1844 г., 4 части) постановлено было выдать ему 3000 руб. сер., оставивъ распродажу сочиненія въ его пользу. Въ ноябрѣ того-же года Лукьяновичъ уволенъ былъ къ статской службѣ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники, и 17-го декабря опредѣленъ въ число чиновниковъ министерства финансовъ. Съ 31-го января 1844 г. онъ исполнялъ должность начальника IV отдѣленія департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ того-же года утвержденъ былъ въ этой должности. Въ 1846 г. ему вновь пожаловано было 3000 руб. сер. на печатаніе остальныхъ двухъ частей описанія войнъ противъ турокъ; въ 1847 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ короной; въ 1848 г.—произведенъ въ статскіе совѣтники и въ 1849 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст. 6-го февраля 1853 г. Лукьяновичъ назначенъ былъ директоромъ канцеляріи комитета, Высочайше утвержденнаго 18 августа 1814 г., и вслѣдъ затѣмъ произведенъ (въ апрѣлѣ 1854 г.) въ дѣйст. стат. совѣтники. Скончался Лукьяновичъ послѣ 1855 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 года, т. III, стр. 229—231. *А. Г.*

Лукьяновичъ, *Петръ Алексѣевичъ*, предводитель дворянства Роменскаго у., родился 10-го сентября 1822 г. въ с. Процовкѣ; образованіе получилъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, гдѣ въ 1841 г. произведенъ былъ въ портупей-прапорщики, а въ 1842 г.—въ прапорщики, съ оставленіемъ въ институтѣ для продолженія курса наукъ. Занятія его шли здѣсь настолько успѣшно, что 11-го декабря 1844 г. ему объявлена была главноуправляющимъ путями сообщенія особая благодарность, и въ виду пріобрѣтенныхъ имъ практическихъ знаній, онъ въ слѣдующемъ 1845 г., въ чинѣ поручика, назначенъ былъ въ распоряженіе правленія IX округа путей сообщенія, откуда въ августѣ его откомандировали для производства изысканія шоссе отъ Орла до Елисаветграда. Съ 1846 г. онъ былъ помощникомъ управляющаго Александринскимъ по р. Сейму сообщеніемъ, а въ 1848 г. въ чинѣ шт.-капитана вышелъ въ отставку и служилъ затѣмъ по выборамъ отъ дворянства: съ 1854 г. и до самой своей смерти, послѣдовавшей въ февралѣ 1870 г., онъ состоялъ попечителемъ Роменскаго богоугоднаго заведенія, гдѣ содержалъ на свой счетъ одного больного, одновременно (съ 1855 г.) былъ Роменскимъ уѣзднымъ

предводителемъ дворянства, а съ 1862—1868 г., кромѣ того, предсѣдателемъ Роменской межевой комиссіи.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 232.

А. Г.

Лукьяновичъ, *Ѳедоръ Яковлевичъ*, Роменскій городовой атаманъ, сынъ Роменскаго сотника, умершаго въ 1725 г. «на службѣ монаршей въ низовомъ Терковскомъ походѣ». Въ 1738 г. въ званіи значковаго товарища Лубенскаго полка опредѣленъ былъ въ помощь Лубенскому хоружому Семену Слюзу, назначенному во время крымскаго похода исполнять должность генеральнаго есаула. Ревностно исполняя всѣ возлагавшіяся на него порученія, «какъ надлежитъ вѣрному и доброму Ея Императорскаго Величества рабу», Лукьяновичъ отличился въ этомъ походѣ и былъ удостоенъ отъ ген.-фельдмаршала Петра Ласси похвальной аттестаціи. Въ 1751 г. онъ былъ выбранъ «отъ сотника Роменскаго Ивана Марковича зъ сотенною старшиною и зъ общаго атамановъ сельскихъ и всего сотни Роменской товарыства согласія» Роменскимъ городовымъ атаманомъ, на мѣсто Ивана Несторовича, «одно, взглядомъ того, яко онъ въ разныхъ и знатныхъ войсковыхъ походахъ и другихъ коммиссіяхъ бывалъ, другое—что честного, доброго и порядочного обхожденія состоитъ, почему»... «тотъ чинъ на себѣ несть можетъ». На этомъ урядѣ Лукьяновичъ пробылъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 12 мая 1757 г.

В. Л. Модзалевскій, «Малороссійскій Родословникъ», Кіевъ, 1912 г., т. III, стр. 223.

А. Гельвихъ.

Лукьяновъ, *Іоаннъ*, священникъ. Извѣстно его сочиненіе: «Путешествіе въ Святую Землю московскаго священника Іоанна Лукьянова 1710—1711 г.г.» Издано архим. Леонидомъ въ «Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (и отдѣльною книжкою) и А. И. Соболевскимъ въ «Рус. Арх.» 1863 г.

«Калужскія Епарх. Вѣд.» 1862 г., № 20.—Библ. замѣтка Милорадовича о спискахъ «Путешествія» («Рус. Арх.» 1864 г.).

А. Н.

Лукьяновъ, *Яковъ Аоанасьевичъ*, проф. Ришельевскаго лицея. Окончивъ курсъ въ Смоленской гимназіи, онъ поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, откуда перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по физико-математическому факультету со степенью кандидата. Въ 1833 г. онъ опредѣлился преподавателемъ въ Ярославскую гимназію и исправляющимъ должность профессора математическихъ наукъ въ Демидовскій лицей. Получивъ въ 1840 г. степень магистра, онъ былъ утвержденъ въ званіи профессора, но при введеніи въ дѣйствіе новаго устава лицея остался за штатомъ. Въ 1852 г. онъ вновь опредѣленъ былъ профессоромъ прикладной математики въ Ришельевскій лицей. Имъ напечатано: «Содержаніе и форма математики» («Ученыя Записки Московск. у-та» 1835 г., мартъ), «О варіаціяхъ главнѣйшихъ видовъ функцій» (магист. диссертація. М. 1839 года) и «О распредѣленіи неподвижныхъ звѣздъ на видимомъ небѣ и въ пространствѣ» (актовая рѣчь. Одесса, 1856 г.). Скончался Лукьяновъ въ Одессѣ 25 февраля 1860 г., на 54 году жизни.

Михневичъ, «Торжественный актъ. Ришельевскаго лицея по случаю окончанія 1856/7 академич. года». Одесса, 1857 г., стр. 87.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 262.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 35, стр. 101.

М. Поповъ.

Лундбергъ, *Яковъ-Флорентинъ*, пасторъ, родился въ Ригѣ 17 октября 1782 г., воспитывался тамъ-же въ лицеѣ, а съ 1802—1805 г.г. изучалъ богословіе въ Дерптскомъ университетѣ. Въ 1806 г. Лундбергъ былъ назначенъ сперва викарнымъ пасторомъ, а потомъ (въ 1811 г.) и настоятелемъ приходовъ Бушгофъ и Гольмгофъ въ Курляндіи; начиная же съ 1837 г. состоялъ благочиннымъ всего Зельбургскаго округа. Въ мартѣ 1856 г., незадолго до своего пятидесятилѣтняго юбилея, Лундбергъ, во время пожара въ пасторатѣ, лишился почти всего своего имущества; въ декабрѣ того-же года онъ овдовѣлъ. Эти несчастія сильно разстроили его здоровье, онъ занемогъ и послѣ продолжительныхъ, тяжелыхъ страданій скончался въ Бушгофѣ 2 іюня 1858 г.

У мѣстнаго нѣмецкаго и латышскаго населенія Лундбергъ извѣстенъ былъ, какъ искусный проповѣдникъ; проповѣди его печатались, и среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ сборникъ поученій, относящихся къ событіямъ 1812 г., и слово на день рожденія импер. Александра I (12 декаб. 1815 г.), произнесенное Лундбергомъ въ церкви г. Якобштадта. Кромѣ

проповѣдей, Лундбергъ писалъ воскресные фельетоны въ мѣстныхъ нѣмецкихъ и латышскихъ газетахъ и сдѣлалъ попытку написать историческій очеркъ своего прихода («Reihenfolge der Selburgschen Pröpste seit Einführung der Reformation in Curland» и «Nachrichten über die Prediger der Buschhofschen und Holmhofschen Gemeinde»..), матеріалы для котораго печатались имъ въ 1836 г. въ журналѣ «Inland» (№№ 22 и 25). Наконецъ Лундбергъ занимался и переводами съ нѣмецкаго на латышскій языкъ, преимущественно книгъ для юношества; между прочимъ, онъ перевелъ Шиллеровскую «Пѣснь о колоколѣ» (Митава, 1828 г.). Небольшая статья его о введеніи въ латышскій языкъ иностранныхъ словъ («Magazin der Lettisch-literairischen Gesellschaft», т. II, стр. 101—121), очевидно, имѣла въ виду облегчить задачу переводовъ на будущее время. Въ 1856 г. Латышское литературное общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten — Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 139—140.—«Nachträge zum Lexikon», Митава, 1861 г., стр. 26—28.—«Inland», 1856 г., стр. 197, 453; 1858 г., стр. 415.

Ал. Гельвихъ.

Лунинъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, врачъ, изъ духовнаго званія, воспитывался въ Рязанской духовной семинаріи, по окончаніи которой въ 1826 г. опредѣлился въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Въ 1830 г. онъ окончилъ академію съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и поступилъ ординаторомъ въ Виленскій военный госпиталь, въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ главную квартиру арміи; въ 1833 г. былъ ординаторомъ Пултускаго военнаго госпиталя; получивъ въ 1834 г. званіе штабъ-лѣкаря, онъ въ томъ же году перешелъ въ Люблинскій военный госпиталь, а въ 1835 г. въ 3-ю конно-артиллерійскую бригаду. Въ 1837 г. Лунинъ вышелъ въ отставку и съ 1855 г. по медицинскому списку не значится. Ему принадлежитъ переводъ (съ И. Глѣбовымъ) съ французскаго сочиненія Мажандри: «Краткое основаніе физіологіи». М. 1830 г. и оригинальный трудъ «Излѣченіе нервной личной боли» («Другъ Здравія» 1840 г., 16).

Зыбевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, стр. 182.

Лунинъ, *Михаилъ Михайловичъ*, профессоръ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ; образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ профессорскомъ институтѣ въ Дерптѣ и, наконецъ, за границею. По защитѣ докторской диссертаціи «Prolegomena ad res Achaeorum» (Дерптъ. 1832) онъ переѣхалъ въ Харьковъ и здѣсь въ университетѣ читалъ курсъ всеобщей исторіи въ теченіе 9-ти лѣтъ. Лунинъ былъ замѣчательнымъ полиглотомъ. Ему знакомы были всѣ литературы. Онъ задался мыслью составить на русскомъ языкѣ обширный курсъ всеобщей исторіи: древней, средней и новой; каждую изъ этихъ частей онъ обработалъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые совсѣмъ выходили изъ рамокъ студенческаго курса; онъ успѣлъ довести древнюю исторію до Пуническихъ войнъ, среднюю закончилъ Крестовыми походами, а новую—Вестфальскимъ миромъ. Стройность системы изложенія, богатство истинно - гуманистическихъ идей о прогрессивномъ развитіи всего рода человѣческаго и изящный языкъ были причиною того, что лекціи его охотно посѣщались студентами и выслушивались съ большимъ вниманіемъ. Эти лекціи, которыя могли бы дать до 4-хъ большихъ томовъ, по смерти Лунина взялся привести въ порядокъ и издать одинъ изъ его даровитыхъ учениковъ, но по лѣности ничего не сдѣлалъ и растерялъ записки. Въ 1838 г. Лунинъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1839 г. въ ординарные. Имя Лунина неразрывно связывалось съ Харьковскимъ университетомъ, какъ имя Грановскаго съ Московскимъ. Скончался Лунинъ 14-го октября 1844 г., на 39 году жизни въ Кіевѣ, на возвратномъ пути изъ-за границы. Кромѣ названной диссертаціи, ему принадлежитъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія» и въ «Москвитянинѣ»: «Нѣсколько словъ о римской исторіи», «Взглядъ на исторіографію Востока», «О развитіи христіанства», «О муниципальной системѣ древнихъ», «О конструкціи Римской имперіи», «Взглядъ на разнообразныя и безконечныя вторженія дикихъ варваровъ», «Переходъ изъ средней исторіи въ новую и значеніе сей послѣдней», «Взглядъ на жизнь Индостанскаго народа» и др. и академическая рѣчь: «О вліяніи Вальтеръ-Скотта на новѣйшія изысканія по части средней исторіи», произнесенная имъ на торжествен-

номъ актѣ Харьковскаго университета 30 августа 1826 г.

М. Де-Пуле, «Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій» («Вѣстникъ Европы» 1874 г., № 1).—«Москвитянинъ» 1844 г., VI, № 12, стр. 525—528.—«Литературная Газета» 1845 г., № 17, стр. 304. *М. Попов.*

Лунинъ, *Михаилъ Сергѣевичъ*, подполковникъ л.-гв. Гродненскаго полка, декабристъ, род. въ 1783 г. Происходилъ изъ богатой дворянской семьи, получилъ воспитаніе по своему времени блестящее, но солиднаго общаго образованія не имѣлъ. Молодость Лунина прошла бурно: въ немъ сказывалась общая молодымъ людямъ того времени страсть къ молодечеству, желаніе обратить на себя вниманіе; въ то время въ Петербургѣ почти не было поединка, въ которомъ бы онъ не принималъ участія, нѣсколько разъ онъ самъ стрѣлялся и былъ раненъ.

Лунинъ началъ службу въ Кавалергардскомъ полку, участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, былъ ординарцемъ имп. Александра I въ достопамятную ночь послѣ переправы черезъ Нѣманъ; одно время носился съ мыслью убить Наполеона и этимъ избавить Россію отъ опасности. Во время заграничнаго похода у Лунина произошелъ извѣстный инцидентъ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Всѣ офицеры командуемаго имъ корпуса сочли себя оскорбленными цесаревичемъ и подали въ отставку. Когда цесаревичъ послѣ этого на одной изъ дневокъ на смотру заявилъ, что отставки приняты быть не могутъ, но что онъ, сознавая неправоту свою, извинится, а кому этого мало, тому готовъ дать личное удовлетвореніе, то всѣ признали себя удовлетворенными, но Лунинъ сказалъ: «Ваше Высочество изволили сейчасъ предложить личное удовлетвореніе, позвольте же мнѣ воспользоваться такой честью». — «Ну, братъ, для этого ты еще слишкомъ молодъ!», отвѣтилъ цесаревичъ. Впослѣдствіи Константинъ Павловичъ очень благоволилъ къ Лунину. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ Лунинъ ожидалъ производства въ полковники, но, узнавъ, что императоръ недоволенъ его поведеніемъ и производить его не желаетъ, какъ не желаетъ производить и младшихъ офицеровъ, Лунинъ, чтобы не вредить товарищамъ, вышелъ въ отставку. Оставивъ службу, Лунинъ отправился за границу съ перешедшимъ въ русскую гвардію французомъ Ипполитомъ Оже, съ которымъ очень сдружился. Во время пребыванія въ Парижѣ въ эту поѣздку Лунинъ познакомился съ Сенъ-Симономъ, который заинтересовался Лунинымъ; Лунинъ задумывалъ писать романъ изъ эпохи самозванцевъ, затѣмъ оставилъ эту мысль, увлекся тайными обществами Франціи и перешелъ въ католицизмъ. Неожиданная смерть отца, оставившаго ему большое состояніе, заставила Лунина вернуться въ Россію.

По возвращеніи Лунина въ Петербургъ его вскорѣ захватило начинавшееся въ то время общественное броженіе; онъ былъ въ числѣ лицъ, положившихъ начало «Союзу Благоденствія», а можетъ быть и «Союзу Спасенія», во всякомъ случаѣ, въ «Союзъ Спасенія» онъ входилъ, какъ членъ. Роль, которую игралъ въ дѣятельности «Союза Спасенія» Лунинъ, довольно трудно установить. Несомнѣнно только, что онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ его; если вѣрить Гречу, онъ громогласно проповѣдывалъ революцію и мятежи. Во всякомъ случаѣ, своей рѣшительностью и энергичностью онъ пріобрѣлъ большое вліяніе, а рѣзкостью сужденій и крайностью выводовъ, передъ которыми онъ не останавливался, толкалъ остальныхъ товарищей (въ это время онъ вернулся на военную службу) на путь политической борьбы.

На одномъ изъ собраній «Общества Спасенія» еще въ 1817 г., по показанію Пестеля, Лунинъ, при обсужденіи вопроса объ открытіи дѣйствій, высказалъ, что если общество рѣшится убить императора, то можно будетъ для сего вызвать на Царскосельскую дорогу нѣсколько лицъ въ маскахъ. Лунинъ призналъ, что онъ «между прочимъ говорилъ это». Рѣшительный характеръ Лунина былъ хорошо, конечно, извѣстенъ его товарищамъ, и когда, позднѣе, Пестель хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей такъ называемую cohorte perdue, то начальство надъ этимъ отрядомъ думалъ возложить на Лунина. Когда «Союзъ Спасенія» былъ переименованъ въ «Союзъ Благоденствія», Лунинъ входилъ въ число членовъ учредителей; когда же «Союзъ Благоденствія» былъ распущенъ и часть членовъ его образовали «Сѣверное общество», Лунинъ былъ въ числѣ членовъ новаго общества. Но участія въ событіи 14-го декабря Лунину не пришлось принять; онъ былъ адъютан-

томъ при в. кн. Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ. Здѣсь Лунинъ перешелъ въ «Южное Общество». Когда послѣ 14 декабря стали раскрываться сѣти заговора декабристовъ, Лунина хотѣли арестовать; в. кн. Константинъ Павловичъ взялъ его подъ свою защиту и писалъ о немъ въ Петербургъ слѣдующее: «Статься могло, что онъ (Лунинъ), находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что-либо на счетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ; даже его Императорское Величество изволитъ припомнить, что мы иногда сами между собой, сгоряча, не одумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда въ рѣчахъ умѣренными, но это еще не означаетъ какого-либо вреднаго намѣренія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но должно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ его». Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ Павловичъ увѣдомилъ Лунина, что изъ Петербурга пришло приказаніе его арестовать. Лунинъ воспользовался этимъ и сжегъ всѣ компрометирующія его бумаги, между прочимъ, расписку одного изъ членовъ общества, сдѣлавшагося уже важнымъ лицомъ, увѣдомивъ его объ этомъ черезъ свою сестру. Лунину предоставлялась полная возможность бѣжать за границу и, такимъ образомъ, избѣгнуть ожидавшаго его возмездія, но онъ самъ отправился въ Петербургъ и явился въ слѣдственную комиссію, гдѣ велъ себя очень вызывающе и обратилъ на себя вниманіе своими рѣзкими отвѣтами.

Верховнымъ уголовнымъ судомъ Лунинъ былъ отнесенъ ко второму разряду государственныхъ преступниковъ и приговоренъ къ политической смерти. Указомъ Николая I отъ 10 іюля 1826 г. этотъ приговоръ, какъ и для остальныхъ декабристовъ, былъ смягченъ.

Въ Сибирь Лунинъ попалъ позднѣе другихъ; въ Читу его привезли въ концѣ 1829 года. Какъ и другіе декабристы, онъ былъ первоначально помѣщенъ на Нерчинскихъ заводахъ, а потомъ переведенъ на Петровскій заводъ. Срокъ каторжныхъ работъ Лунину истекъ въ концѣ 1835 г., и въ іюлѣ 1836 г. Лунинъ вмѣстѣ съ 9 товарищами былъ водворенъ въ слободѣ Урикѣ, въ 18 верстахъ отъ Иркутска по Ангарскому тракту. Здѣсь онъ жилъ въ собственномъ домѣ, устроенномъ довольно оригинально. Домъ стоялъ посреди двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ. Одна половина дома была жилая, а въ другой помѣщалась католическая молельня. Живя на поселеніи, Лунинъ продолжалъ интересоваться русской и западноевропейской литературой; съ послѣднею онъ могъ знакомиться въ подлинникѣ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ; наконецъ, занятія Лунина за это время относятся и къ религіознымъ предметамъ. Онъ продолжалъ оставаться ревностнымъ католикомъ, въ своей молельнѣ самымъ аккуратнымъ образомъ прочитывалъ ежедневно свой требникъ, а разъ въ недѣлю изъ Иркутска пріѣзжалъ къ нему капелланъ исполнять церковную службу. Благодаря заботамъ сестры за все время пребыванія въ Сибири, Лунинъ никогда не нуждался въ деньгахъ. Съ сестрой Лунинъ поддерживалъ постоянныя сношенія; его письма были постоянно рѣзки, исполнены нападокъ на правительство; письма эти тайно расходились по Петербургу. Также рѣзки были и его письма къ его товарищамъ-декабристамъ; зная, что письма должны пройти черезъ «III Отдѣленіе», Лунинъ не останавливался предъ этимъ; ему нравилось, какъ онъ выражался, «дразнить медвѣдя»; за нѣсколько неприличныя остроты по адресу Государя, Лунину запрещено было писать въ теченіе года письма. Не прошло и года со времени запрещенія переписки, какъ надъ Лунинымъ разразилась новая гроза. Онъ написалъ критику на донесеніе слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. Въ ней онъ утверждалъ, что правительство ограничилось только однимъ слѣдствіемъ, что суда вовсе не было, выставилъ въ неблаговидномъ свѣтѣ дѣйствія отдѣльныхъ членовъ да и самое слѣдствіе обрисовывалъ пристрастнымъ и недобросовѣстнымъ. Рукопись эта была написана на англійскомъ языкѣ, которымъ Лунинъ владѣлъ въ совершенствѣ; онъ переслалъ ее въ Петербургъ сестрѣ, затѣмъ она попала въ Лондонъ и была отпечатана. Въ началѣ 1841 г. Лунинъ былъ вывезенъ въ Акатуевскій рудникъ; возникло дѣло, къ которому привлекаемы были и нѣкоторые другіе декабристы, жившіе на поселеніи. Акатуй, куда былъ сосланъ Лунинъ, былъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ рудни-

ковъ Нерчинскихъ заводовъ. Этотъ рудникъ стоялъ въ чрезвычайно нездоровой мѣстности. Но Лунинъ и среди самой печальной обстановки умѣлъ жить не унывая. Только за годъ до смерти онъ сразу какъ то измѣнился, сдѣлался молчаливъ и сталъ скучать; онъ ожидалъ, что его разстрѣляютъ, и эта мысль не давала ему покоя. Лунинъ умеръ скоропостижно 8 декабря 1845 г. и былъ погребенъ на Акатуевскомъ кладбищѣ.

«Историч. Вѣстникъ», 1880 г., т. I, стр. 139—149; 1891 г., т. 45, стр. 65, 66; 1902 г., т. 87, стр. 246.—«Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 1582, 1606, 1631, 1650—1651; 1874 г., т. II, стр. 702; 1877 г., т. I, стр. 51, 240, 519; т. II, стр. 55 (записки Ипполита Оже); 1879 г., I., стр. 516; 1881 г., II, стр. 282, 334 (Донесеніе слѣдств. комиссіи); 1882 г., I, стр. 231, 459; 1885 г., I, стр. 359—365 (Изъ воспомин. Л. Ѳ. Львова); III, стр. 225—227, 230, 234, 555, 560—561 (Записки Н. Н. Муравьева). — «Русская Старина», 1870 г., II, стр. 183, 184; 1877 г., III, стр. 83; 1878 г., I, стр. 3; 1881 г., I, стр. 820, IV, стр. 654; 1882 г., I, стр. 65, 160; II, стр. 711; 1886 г., IV, стр. 235; 1888 г., II, стр. 371; 1891 г., V, стр. 89; 1892 г., III, стр. 171; 1898 г., ноябрь, стр. 344; 1899 г., ноябрь, стр. 329, 331; 1900 г., февр., стр. 279, 280, май, стр. 364; 1901 г., янв., стр. 192, февр., стр. 438.—«Отечественныя Записки», 1869 г., № 10, стр. 231, 556, 559. — «Девятнадцатый вѣкъ», М. 1872 г., ч. I, стр. 111, 145, 173 (Записки Н. В. Басаргина). — *Головачевъ*, «Декабристы», 86 портретовъ... Изд. М. М. Зензинова. М. 1906 г., стр. 129—138.—*Бар. Розенъ*, «Записки декабриста», Спб., 1907 г., стр. 3, 30, 48, 54, 97, 106, 109, 126, 129, 132, 154, 161, 162, 171, 176, 274, 303.—«Декабристы и тайныя общества въ Россіи». Изд. В. М. Саблина. М. 1906 г., стр. 86.— Словарь Брокгауза и Ефрона.—*Гречъ*, «Заговоръ декабристовъ». Спб., 1886 г., стр. 428, 429. «Къ біографіи декабриста М. С. Лунина» («Русская Стар.» 1914 г., кн. III). *В. Строевъ.*

Лупалова, *Прасковья Григорьевна*, родилась въ 1784 году въ гор. Елизаветградѣ. Ея отецъ, Григорій Лупаловъ, происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи и, состоя въ чинѣ прапорщика, занималъ небольшое мѣсто, чѣмъ и поддерживалъ существованіе семьи. Обстановка, въ которой росла Прасковья Л., повидимому, была очень бѣдна; по крайней мѣрѣ, до двѣнадцатилѣтняго возраста родители лишены были возможности дать своей дочери соотвѣтствующее образованіе, и дѣвочка оставалась даже безграмотной. Несомнѣнно, что матеріальное неблагосостояніе имѣло и свою хорошую сторону: оно развило въ ребенкѣ большую выносливость, научило внимательнѣе присматриваться къ жизни, задумываться надъ ея явленіями и приучило къ труду. На тринадцатомъ году жизни, именно въ 1798 г., надъ отцомъ Параши разразилось несчастье. За какое то преступленіе, повидимому за растрату казенныхъ денегъ, его разжаловали, лишили чиновъ и дворянства и сослали въ Сибирь. Такимъ образомъ дѣвочка съ раннихъ лѣтъ могла видѣть изнанку жизни, горе, которое постигло ея родителей. Это обстоятельство еще больше скрѣпило любовь дочери къ несчастному отцу, и Параша рѣшила не покидать его и въ ссылкѣ. Въ это же время, очевидно, подъ вліяніемъ сказокъ о поискахъ живой и мертвой воды или разсказовъ о подвигахъ угодниковъ, дѣвочка прониклась мыслью такъ или иначе освободить отца своего. Долго она упрашивала его отпустить ее къ царю, твердо вѣря, что государь помилуетъ и проститъ старика. Отецъ долго не соглашался на разлуку, указывалъ на невозможность подобнаго плана за дальностью разстоянія, но, наконецъ, долженъ былъ подчиниться настоятельнымъ просьбамъ дочери. Около 1803 года Параша, уже почти двадцатилѣтняя дѣвушка, отправилась въ путь. Всѣ ея денежныя средства заключались въ одномъ рублѣ, что, конечно, усугубляло трудность, даже почти невозможность, пути.

Однако прямо и непреклонно шла Лупалова къ намѣченной цѣли, преодолѣвая всѣ многочисленныя преграды. Такимъ образомъ, пѣшкомъ, питаясь подаяніями, добралась дѣвушка до Екатеринбурга, гдѣ на нѣкоторое время остановилась и начала учиться грамотѣ. Отсюда до Вятки ей удалось добраться водой на одной лодкѣ съ товаромъ и наконецъ 5-го августа 1804 г. она прибыла въ Петербургъ. Однако тутъ Лупалова почувствовала, что теперь ей предстоитъ трудность другого рода и при томъ трудность не малая. Какъ добраться до царя? Надо было написать прошеніе и написать такъ, чтобы оно выходило изъ ряда вонъ. Надо было такое прошеніе подать въ установленномъ порядкѣ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго. Однако чувство удивленія и участія къ необыкновенной дѣвушкѣ какъ бы выдвинули ее впередъ. На фонѣ обыденности поступокъ Лупаловой выступилъ очень ярко. Ею заинтересовались чиновники, и прошеніе ея было доложено государю отдѣльно. Трудный путь почти въ 4000

верстъ, сопровождавшійся столькими лишеніями, привелъ однако Лупалову къ желаемому результату. Государь помиловалъ ея отца, разрѣшилъ ему жить, гдѣ угодно, за исключеніемъ двухъ столицъ, а дочь его наградилъ двумя тысячами рублей. Съ этого времени заговорили о Лупаловой, о «Парашѣ-Сибирячкѣ». Ея имя стало извѣстно не только въ Россіи, но и въ Европѣ. О ней писались цѣлые газетные столбцы на всѣхъ языкахъ, а поступокъ ея послужилъ канвой не для одного разсказа. Но, какъ часто бываетъ съ людьми, подобными Лупаловой, «она вышла изъ своего торжества не тѣми дверями, въ которыя обыкновенно выходятъ люди благоразумные и практическіе»; Лупалова и въ этомъ случаѣ поступила, какъ никто-бы не поступилъ на ея мѣстѣ. Ушла она изъ своего торжества новымъ путемъ, еще никѣмъ не протоптаннымъ. Въ самый моментъ своей популярности и славы она отвернулась отъ этого и ушла въ Десятинный дѣвичій монастырь въ Новгородской губ., на что игуменіей былъ полученъ соотвѣтствующій указъ отъ 5-го ноября 1809 года. Это обстоятельство съ новой силой заставило о себѣ говорить, и имя дѣвушки, думавшей, что она исполнила простой свой долгъ, продолжало гремѣть. Не было ни одного, кажется, печатнаго органа, который бы не отозвался такъ или иначе на поступокъ Лупаловой, а всевозможныя книгоиздательства выпускали книгу за книгой, гдѣ въ яркихъ поэтическихъ краскахъ описывали путешествіе и переживанія «Параши-Сибирячки». Мало этого, появилась даже опера «Параша-Сибирячка» (музыка Струйскаго), не говоря уже про цѣлый рядъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, посвященныхъ поступку ея. Неудивительно, конечно, что «Параша-Сибирячка» заставила заговорить о себѣ; на фонѣ сѣренькой жизни современнаго общества такое событіе, несомнѣнно, вырисовалось слишкомъ рельефно, но удивительно, что изъ всей массы газетнаго и журнальнаго матеріала, все-таки нельзя составить себѣ полнаго представленія, дать ярое изображеніе внутренней жизни этой замѣчательной дѣвушки. Въ большинствѣ случаевъ матеріалъ повторяется, пестритъ общими фразами восхваленія, а потому и заключаетъ въ себѣ не желаніе дать интересныя біографическія свѣдѣнія и разобраться во всѣхъ движеніяхъ души Лупаловой, а извѣщеніе о небывалой любви дочери къ отцу, о небываломъ поступкѣ, въ то время почти граничившемъ съ подвигомъ. Умерла Лупалова отъ чахотки въ концѣ 1809 года и похоронена въ оградѣ Десятиннаго монастыря.

Однако память о «Парашѣ-Сибирячкѣ» въ народѣ хранилась недолго: политическія бури, разразившіяся надъ Европой, и Россіей въ частности, отвлекли вниманіе отъ могилы ея, и вскорѣ надгробный каменъ углубился въ землю и заросъ. Только въ 1824 г., во время пристройки придѣла церкви Десятиннаго монастыря, была найдена ея могила, но такъ какъ измѣнить плана уже не представлялось возможнымъ, ее задѣлали и въ настоящее время она находится подъ алтаремъ Варваринской церкви.

«Справочн. энциклопедич. слов.» Спб. 1853 г.—*В. Руссаковъ*, «Знаменитыя русскія дѣвушки», изд. Вольфа.—*М. Сухомлиновъ*, «Ист. Рос. Академіи». Вып. 6, стр. 125—128.—*Коттень*, «Елизавета Т** (Лупалова) или несчастіе семейства, сослан. въ Сибирь, перев. съ франц. М. 1806, 3 ч. (Изд. 1-е и 2-е; изд. 3-е 1816 г.; 4-е 1824).—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достоп. людей рус. земли».—*Н. А. Полевой*, «Параша-Сибирячка», въ 2-хъ дѣйств. съ эпилогомъ («Репертуаръ русск. театра» 1840 г., № 2, стр. 3—27).—«Маякъ» 1840 г., № 6, стр. 81—82.—«Сѣверн. Пчела» 1840 г., № 48.—«Журн. для чт. восп. воспит. уч. завед.», 1840, т. 26, № 103, стр. 327.—«Москвитянинъ» 1853, т. 4, №№ 13, 18; 1853, ч. 3, № 10.—«Спб. Вѣд.» 1853, № 74.—«Калейдоскопъ» 1852 г., № 31, стр. 488.—«Параша-Сибирячка», истинное происшествіе, пер. съ фр., изд. 3-е. М. 1871.—«Рус. Стар.» 1873, т. 7, № 5, стр. 727.—*Д. Мордовцевъ*, «Рус. женщ. новаго времени XIX ст.» II, 1874, стр. 74.—«Молодая Сибирячка», соч. гр. К. Местра, пер. съ фр. Спб. 1840.—«Параша-Лупалова», соч. гр. К. Местра, пер. съ фр. 1845, Спб.—*Его же*, Разсказъ «Параша-Сибирячка». Спб. 1866.—«Параша-Сибирячка» или «до Бога высоко, а до царя далеко», М. 1875 (2-е изд. 1882).—«Параша-Сибирячка», изд. Губанова. М. 1888.—«Сѣв. Почта» 1810, № 23.—«Новгород. Губ. Вѣд.» 1853, № 8.—«Параша-Сибирячка», романъ, изд. Шарапова, М. 1876, (2-е изд. 1880, 5-е 1888).—«Записки Кс. Полевого», гл. VI, Спб. 1888.

Ельницкій.

Лутковскій, *Іосифъ Васильевичъ*, д. т. с., С.-Петербургскій губернаторъ, происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился въ 1814 г. и 14-ти лѣтъ поступилъ на службу кондукторомъ въ кондукторскую роту Главнаго инженернаго училища. Произведенный въ 1832 г. въ полевые инженеръ-прапорщики, Лутковскій оставался до 1834 г. въ училищѣ.

Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ первый конно-піонерный эскадронъ, а въ 1843 г. прикомандированъ къ лб.-гв. конно-піонерному эскадрону. Въ 1848 г. онъ оставилъ военную службу и въ сдѣдующемъ году опредѣлился чиновникомъ VIII-го класса во временный люстраціонный комитетъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которымъ былъ командированъ въ Минскую губернію для повѣрки дѣйствій по введенію инвентарныхъ правилъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ 1851 г. Лутковскій снова перемѣнилъ службу, зачислившись по удѣльному вѣдомству, и вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ сперва костромскою, а затѣмъ старорусскою и новгородскою удѣльными конторами. Ему пришлось вводить въ дѣйствіе новое положеніе о крестьянахъ дворцовыхъ и удѣльныхъ. Произведенный въ 1863 г. въ д. с. с., Лутковскій въ 1868 году былъ назначенъ спетербурскимъ вице-губернаторомъ, въ 1871 г. исправлялъ должность губернатора, а въ 1873 г. былъ утвержденъ въ этой должности, будучи произведенъ годомъ раньше въ чинъ тайн. совѣтн. Во время послѣдней русско-турецкой войны Лутковскій принималъ живое участіе въ дѣятельности Краснаго Креста. С.-Петербургскимъ губернаторомъ онъ состоялъ 16 лѣтъ до выхода въ отставку осенью 1889 г. съ чиномъ д. т. с. Скончался Лутковскій въ ночь на 18 марта 1891 г. въ своемъ родовомъ имѣніи, въ Смоленской губерніи.

«Новое Время» 1891 г., № 5409.—«Новости» 1891 г., марта 21. *М. Поповъ.*

Лутковскій, *Ѳеопемптъ Степановичъ*, контръ-адмиралъ, родился 29 декабря 1803 г. въ Ржевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., въ своемъ родовомъ имѣніи селѣ Микулинѣ. Отецъ его, въ царствованіе Екатерины II, служилъ въ Преображенскомъ полку, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Записанный въ кандидаты морского кадетскаго корпуса, Лутковскій сначала былъ отданъ въ англійскій пансіонъ въ Петербургѣ, а затѣмъ, въ 1816 г. 4-го августа, поступилъ въ морской корпусъ. Годъ спустя, 1-го іюля онъ былъ произведенъ въ гардемарины и поступилъ на шлюпъ «Камчатку». Вскорѣ онъ, подъ командою капитана Головнина, отправился въ кругосвѣтное плаваніе и, между прочимъ, посѣтилъ о-въ св. Елены, гдѣ въ то время находился Наполеонъ. 8 октября 1819 г. Лутковскій былъ произведенъ въ мичманы, а въ августѣ 1821 г. вторично отправился въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Аполлонъ». Эта кампанія кончилась 15-го октября 1824 г., и Ѳ. С. былъ награжденъ орденомъ Анны 3 ст., пенсіею по чину и двойнымъ зачетомъ времени въ продолженіе путешествія. До 1826 г. Лутковскій состоялъ въ должности для особыхъ порученій при генералъ-интендантѣ и генералъ-маіорѣ флота Головнинѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ съ производствомъ въ лейтенанты. Два года онъ находился въ учебномъ плаваніи на различныхъ корабляхъ и при началѣ военныхъ дѣйствій съ Турціей, на яхтѣ «Утѣха» участвовалъ при вырѣзкѣ турецкаго судна около Суджукъ-Кале и подъ крѣпостью Анапы. За смѣлость и мужество въ этихъ вылазкахъ Лутковскій былъ пожалованъ орденомъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ, 7-го августа на кораблѣ «Парижъ», онъ принималъ участіе въ генеральной атакѣ крѣпости Варны, при чемъ ему было поручено командованіе вахтою. Съ 1828 г. Лутковскій уже самъ началъ командовать судномъ «Гонецъ», а два года спустя, получилъ въ командованіе 12-ти пушечный катеръ «Соловей», съ которымъ ходилъ въ Ахіоло и Варну. Въ мартѣ 1831 года Лутковскій получилъ назначеніе состоять съ катеромъ «Соловей» сперва въ распоряженіи чрезвычайнаго посланника нашего при Оттоманской Портѣ, а затѣмъ при начальникѣ отряда военныхъ судовъ, контръ-адмиралѣ Рикордѣ. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Севастополь и поступилъ на фрегатъ «Штандартъ», исполняя должность капитанъ-лейтенанта. Съ 1-го февраля 1833 года Лутковскій состоялъ при генералъ-лейтенантѣ Муравьевѣ. Въ этой кампаніи онъ исполнялъ обязанности старшаго адъютанта и дежурнаго штабъ-офицера и по представленію своего начальника былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ сентябрѣ 1833 г. за 18-ть морскихъ кампаній награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. Съ этого времени Лутковскій былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ сначала командовалъ различными кораблями, а потомъ былъ назначенъ при генералъ-адмиралѣ вел. князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Въ это время Лутков-

скій уже не командовалъ кораблями, но ежегодно сопровождалъ великаго князя во время кампаніи въ должности начальника штаба плавающаго съ нимъ отряда. Въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1852 г., въ т. 8-мъ имѣется подробное описаніе всѣхъ кампаній, совершенныхъ Лутковскимъ, находившимся при великомъ князѣ въ теченіе десяти лѣтъ. За это время онъ получилъ нижеслѣдующія награды и назначенія: въ 1841 г., будучи въ Гаагѣ, получилъ орденъ Нидерландскаго Льва; въ 1846 г., въ Неаполѣ, орденъ Франциска 1-го командорской степени; въ кампанію 1848 г. отъ короля Шведскаго—орденъ Меча и отъ короля Датскаго—орденъ Данеброга,—оба командорскихъ степеней. Въ этомъ же году Лутковскій получилъ назначеніе вице-директора инспекторскаго департамента морского министерства. Въ 1849 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ государю. За всю свою 34 хъ-лѣтнюю службу Лутковскій сдѣлалъ до 27 морскихъ кампаній и плавалъ два раза вокругъ свѣта; онъ изъѣздилъ почти весь европейскій берегъ и посѣтилъ всѣ главные города и порты этой части свѣта. Изъ русскихъ орденовъ Лутковскій послѣдовательно получилъ: орденъ св. Анны 2-й ст.; Владиміра 3-й ст.; Станислава 1 й ст. и, кромѣ того, имѣлъ медали за турецкую кампанію и знакъ отличія за 25 лѣтнюю безпорочную службу.

Еще въ 1827 г., когда Лутковскій плавалъ у Абхазскихъ и Мингрельскихъ береговъ, онъ составилъ замѣчательную статью, въ которой описалъ посѣщенные имъ порты и жизнь тамошнихъ моряковъ. Эта статья была напечатана въ одномъ изъ періодическихъ изданій Рус. И. Географическаго об-ва, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1845 г. Кромѣ этой статьи, перу Лутковскаго принадлежитъ описаніе города Александріи въ морскомъ отношеніи и флотовъ турецкаго и персидскаго и составленіе «Примѣрнаго положенія о снабженіи пароходовъ матеріалами и вещами для дѣйствія машинъ» (П. 1838 г.), которое служило во флотѣ руководствомъ болѣе девяти лѣтъ.

Лутковскій не былъ чуждъ и общественной жизни: онъ чутко прислушивался къ движенію русскаго общества и даже былъ нѣсколько замѣшанъ въ движеніи 1825 года, но, благодаря своимъ несомнѣннымъ заслугамъ передъ отечествомъ, избѣжалъ кары и даже впослѣдствіи заслужилъ довѣріе государя. Умеръ Лутковскій 20-го апрѣля 1852 года въ чинѣ контръ-адмирала.

«Вѣстн. Имп. Рус. Геогр. Об-ва» 1852 г. кн. III, стр. 136—137; 1853, часть 7, стр. 17.—Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Об-ва за 1852 г., стр. 7.—*Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 207.—«Морск. Сборникъ» 1852 г., № 7, стр. 47.—«Рус. Старина» 1887 г., т. 56, стр. 669—675; 1888 г., т. 59, стр. 583; 1889 г., т. 61, стр. 233.—«Ист. Вѣстн.» 1887, т. 30, стр. 673—674.—«Др. и Нов. Рос.» 1879, т. I, стр. 222, 223. *А. Ельницкій.*

Лутохинъ, *Егоръ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, родился 24 марта 1765 г. Образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ (1782) гардемариномъ. Во время шведской войны 1788—1790 г. онъ, находясь на катерѣ «Меркурій», захватилъ нѣсколько купеческихъ судовъ, послѣ этого въ эскадрѣ контръ-адмирала Лежоева крейсеровалъ въ Каттегатѣ и въ виду нашихъ судовъ захватилъ у норвежскихъ береговъ шведскій катеръ «Снапопъ» и фрегатъ «Венусъ», а затѣмъ принялъ участіе въ сраженіи со шведскимъ флотомъ во время прорыва его къ Выборгской губѣ. Въ 1792 г. Лутохинъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ капитанъ-поручикомъ и былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1793 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ въ Англію для совершенія кампаніи на англійскомъ флотѣ и въ слѣдующемъ году былъ посланъ въ плаваніе въ Вестъ-Индію, гдѣ крейсеровалъ у острововъ Ямайки и Санъ-Доминго и находился въ сраженіи противъ крѣпости на островѣ С.-Доминго; въ 1795 г. на кораблѣ «Медузѣ» онъ сражался съ непріятелемъ, засѣвшимъ въ крѣпости Савонѣ; по окончаніи кампаніи Лутохинъ былъ отправленъ въ Средиземное море и переведенъ на фрегатъ «Бланшъ» въ эскадру командора Горація Нельсона, въ составѣ которой въ 1796 г. крейсеровалъ въ Средиземномъ морѣ для поиска непріятельскихъ судовъ и находился въ сраженіи съ испанскимъ фрегатомъ при Карѳагенѣ; въ этомъ сраженіи онъ былъ раненъ въ лѣвую руку; изъ Средиземнаго моря Лутохинъ вмѣстѣ съ эскадрой двинулся въ Атлантическій океанъ, крейсеровалъ до острововъ Тенерифа и Мадейры, посѣтилъ Лиссабонъ и оттуда направился

въ Англію. По возвращеніи въ Россію въ 1798 г. Лутохинъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и посланъ въ Архангельскъ въ эскадру вице-адмирала Баратынскаго для несенія службы командира на кораблѣ «Св. Петръ». Въ 1805—1806 г. онъ находился въ Ревелѣ въ должности эскадръ-маіора и командовалъ стопушечнымъ кораблемъ «Іоаннъ Креститель» и «Чесьмою». Произведенный въ капитанъ-командоры и назначенный начальникомъ флотскихъ командъ въ Архангельскѣ, Лутохинъ въ 1807 г. былъ отправленъ туда на новостроющійся 74-хъ пушечный корабль «Не тронь-меня». Въ 1808 г. онъ во главѣ двухъ отрядовъ судовъ защищалъ входъ въ устье р. Двины; въ 1809—1810 г., начальствуя двумя кораблями и нѣсколькими гребными судами, предназначенными для обороны на случай ожидаемаго нападенія непріятеля, стоялъ при укрѣпленіяхъ на Двинѣ, а потомъ у поворотной вѣхи. Въ 1811 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 23-го флотскаго экипажа и произведенъ въ контръ-адмиралы. Съ 1812—1822 г. занималъ должность начальника флота въ Архангельскѣ; въ 1824 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Въ 1826 г., командуя авангардомъ дивизіи адмирала Кроуна, находился въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ до Догеръ-банка, а въ слѣдующемъ году начальствовалъ судами авангарда генералъ-адъютанта адмирала Синявина, плавая до Портсмута, и въ томъ же году былъ опредѣленъ предсѣдателемъ во временную адмиралтейскую комиссію для окончанія дѣлъ и счетовъ прежняго времени. Назначенный въ 1836 г. членомъ адмиралтействъ-совѣта, Лутохинъ скончался 5-го февраля 1840 г. Высшій орденъ онъ имѣлъ св. Владиміра 2 ст.

«Записки ученаго комитета Морского Министерства», ч. XV, стр. 453—458.—«Обломки». Черновыя записки морского содержанія (1817—1867 г.). Николаевъ. 1875 г.

И. Артамонова.

Лучаниновъ, *Иванъ Васильевичъ*, художникъ, учился въ Импер. Акад. Художествъ, сначала вольноприходящимъ, а затѣмъ въ апр. 1809 г. переведенъ былъ въ казенные за «большіе успѣхи въ портретной и съ натуры живописи». Въ 1811 г. онъ конкурировалъ на золотую медаль по программѣ: «Представить походъ подъ Казань царя Ивана Васильевича, гдѣ Россійскія войска на безводныхъ степяхъ, изнуренныя жаждою и зноемъ, претерпѣваютъ ужасныя бѣдствія. Два воина, нашедши воду, принесли оную въ шлемахъ своихъ къ царю: но Іоаннъ отдаетъ ее наиболѣе изнемогшему воину и самъ напаиваетъ его». Въ 1812 г. Лучаниновъ, окончивъ Академію, получилъ золотую медаль за «Рекрута, прощающагося со своимъ семействомъ», и остался при Академіи въ числѣ конкурирующихъ на заграничную поѣздку; однако поѣхать ему туда не удалось. По выходѣ изъ Академіи Лучаниновъ занялся живописью «въ свою пользу», работалъ въ Эрмитажѣ и исполнилъ нѣкоторые заказы для императрицы Маріи Ѳеодоровны. Скончался художникъ въ іюнѣ 1824 г.

Въ лицѣ Лучанинова мы имѣемъ одного изъ незамѣтныхъ, но очень милыхъ и умѣлыхъ художниковъ, безхитростныхъ изобразителей людей и нравовъ 20—40-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, которые во главѣ съ maître'омъ Венеціановымъ составляютъ цѣлую школу, картинами которой никогда не устанешь любоваться: такъ много въ нихъ тихаго вдохновенія, интимной радости и прекраснаго, сдержаннаго умѣнья. Къ сожалѣнію, изъ работъ Лучанинова до насъ дошли только одиночные портреты, религіозныя и парадныя композиціи, и ни одного interieur'a или группового портрета, столь типичныхъ для Венеціановской школы. Тѣмъ не менѣе сохранившіяся произведенія даютъ достаточно полное представленіе о мягкой и «вкусной» кисти, вѣрномъ глазѣ и пріятномъ мастерствѣ художника, занимающаго не послѣднее мѣсто въ Венеціановской плеядѣ. Произведенія его слѣдующія: а) неизвѣстно гдѣ находящіеся—портреты, бывшіе въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Имп. Академіи Художествъ, и порт. Импер. Александра I (копія съ Жерара); б) въ Музеѣ Императора Александра III—«Рекрутъ, прощающійся со своимъ семействомъ» (по каталогу музея—«Благословеніе на ополченіе 1812 г.»; эта композиція послужила оригиналомъ для шпалеры, исполненной на Импер. Мануфактурѣ), портреты А. В. Макаровой и Ѳ. Ѳ. Макарова; в) въ Румянцевскомъ муз. въ Москвѣ—двѣ копіи съ Мурильо—«Лѣствица Іакова» и «Св. Семейство» и г) въ Казанскомъ соборѣ въ Спб.—«Поклоненіе ангеловъ», «Поклоненіе пастырей»

и «Явленіе Іисуса Христа по Воскресеніи на морѣ Тиверіадскомъ».

Архивъ Им. Ак. Худ., дѣло № 27 за 1824 годъ.—*П. Н. Петровъ*, «Сбор. мат. для истор. Им. Ак. Худ. за сто лѣтъ», т. I., стр. 531 и 556; II, стр. 32, 35, 36 и 93.—*Бар. Н. Врангель*, «Русскій Муз. Имп. Александра III, ч. I, стр. 261, 262 и 263. *С. Эрнстъ.*

Лучицкій, *Кириллъ Ивановичъ*, заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, уроженецъ Волынской епархіи, род. въ 1815 г.; по окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи въ 1835 году поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, курсъ въ которой кончилъ первымъ магистромъ въ 1839 году. 27 сентября того же года онъ былъ назначенъ бакалавромъ словесности въ той же академіи, 27-го же сентября 1851 года—экстраординарнымъ профессоромъ и 19 декабря слѣдующаго года—ординарнымъ профессоромъ. Лучицкій первый сталъ преподавать въ академіи иностранную литературу примѣнительно къ программамъ университетскихъ курсовъ и тѣмъ самымъ поставилъ преподаваніе своего предмета на надлежащую высоту. Знакомя студентовъ съ произведеніями иностранныхъ писателей не въ переводахъ, а въ подлинникѣ, онъ способствовалъ болѣе глубокому изученію студентами новыхъ языковъ. Опредѣленіемъ 12 марта 1859 года Св. Синодъ поручилъ ему переводъ на русскій языкъ 1-го посланія ап. Павла къ Тимоѳею, онъ же принималъ участіе въ переводахъ съ греческаго «Бесѣдъ» Іоанна Златоуста. Помимо профессорскихъ обязанностей, Лучицкій завѣдывалъ хозяйственною частью академіи съ 28 октября 1846 года по 9 марта 1848 года, а въ 1869 году, по преобразованіи академіи по уставу этого года, онъ первый изъ свѣтскихъ, а не изъ монашествующихъ избранъ былъ совѣтомъ инспекторомъ академіи, каковую должность исполнялъ по 1874 г. Въ 1870 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора академіи. Въ тоже время Лучицкій преподавалъ словесность въ Смольномъ институтѣ и Царскосельскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Выйдя въ отставку въ 1874 г., онъ продолжалъ сотрудничать въ журналѣ «Христіанское Чтеніе», помѣщая въ немъ время отъ времени свои «обозрѣнія» замѣчательныхъ произведеній новѣйшей иностранной литературы. Въ 1879 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ академіи. Характеристика Лучицкаго, какъ профессора, дана въ одномъ изъ стихотвореній поэта, ученика его (прот. Ѳ. Павловичъ. Стихотворенія «На досугѣ». С.-Петербургъ 1890 г., стр. 141). Скончался Лучицкій 28 іюля 1886 года въ Стрѣльнѣ. Его перу принадлежатъ слѣдующіе богословскіе труды, напечатанные въ «Христіанскомъ Чтеніи»: 1) «Новый годъ» (1838 г., I, стр. 115); 2) «Въ которомъ году родился Іисусъ Христосъ»? (1838 г., IV, стр. 312); 3) «О избѣжаніи случаевъ ко грѣху» (1841 г., III, стр. 233); 4) «О пророчествахъ, относящихся къ Аммонитамъ и Моавитамъ» (1841 г., III, стр. 290); 5) «Объ обязанностяхъ юношей» (1843 г., II, стр. 95); 6) «О семи Малоазійскихъ церквахъ въ ихъ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи, изображенномъ въ пророчествахъ св. апостола Іоанна Богослова» (1843 г., III, стр. 428); 7) «Хронологія книги Бытія отъ сотворенія міра до Авраама» (1844 г., III, стр. 348); 8) «Искушеніе и грѣхопаденіе Адама и Евы» (1845 г., I, стр. 397); 9) «Адамъ, обличаемый во грѣхѣ своею совѣстію и гласомъ Божіимъ» (1845 г., II, стр. 405); 10) «Судъ Божій въ Едемѣ» (1845 г., III, стр. 208) и 11) «Изгнаніе Адама и Евы изъ рая» (1846 г., III, стр. 274). Литографированныя лекціи его по теоріи словесности и по исторіи русской литературы имѣются въ рукописномъ отдѣлѣ Архива Св. Синода.

А. *Родосскій*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной академіи» 1814—1869 г.г.» С.-Петербургъ 1907 г., стр. 248—249.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Выпускъ шестой. С.-Петербургъ. 1889 г., стр. 84—85.—*И. Чистовичъ*, «Исторія С.-Петербургской Духовной академіи». С.-Петербургъ. 1857 г., стр. 296, 347, 361, 450.—*Его же*, «С.-Петербургская Духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 г.г.)». С.-Петербургъ 1889 г., стр. 27, 58, 65, 160, 161.—«Историческій Вѣстникъ» 1886 г., сентябрь, стр. 665.—«Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» 1886 г., № 24, стр. 777—778.—«Церковный Вѣстникъ», 1886 г., № 31, стр. 292.—«Русскій Паломникъ» 1886 г., №№ 31 и 41 (съ портретомъ). *А. Никольскій.*

Лызловъ, *Андрей*, священникъ, жившій во 2-й половинѣ XVIII в. Ему принадлежитъ сочиненіе «Скиеская исторія», собранное изъ польскихъ источниковъ и

изданное дважды Н. Новиковымъ: въ Спб. 1776 г. и въ Москвѣ въ 1787 г. Оно содержитъ свѣдѣнія о названіи Скиѳіи и границахъ ея; о народахъ скиѳскихъ, о началѣ и умноженіи Золотой орды и о царяхъ, бывшихъ тамъ; о Казанской ордѣ и царяхъ ея и о взятіи города Казани; о Перекопской ордѣ или Крымской и о царяхъ ихъ; о Магометѣ прелестникѣ Агарянскомъ и о прелести, вымышленной отъ него, и о началѣ турокъ, и о султанахъ ихъ, съ приложеніемъ повѣсти о поведеніи и жительствѣ турецкихъ султановъ въ Константинополѣ.

Евгеній, митр. «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 36—37.—*Геннади*, «Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ», т. II, стр. 263.—«Матеріалы для исторіи рус. литературы». Изд. П. А. Ефремова. Спб., 1867 г., стр. 68.

Лыковъ, *Богданъ*, переводчикъ Посольскаго приказа. По указу царя Михаила Ѳеодоровича въ 1637 г. съ товарищемъ Иваномъ Дорномъ перевелъ съ латинскаго языка «Космографію» Герарда Меркатора, переводные списки которой находятся въ Патріаршей Московской библіотекѣ.

Евгеній, митроп.. «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 37.

Лыковъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*. Въ 1557 г. былъ воеводой въ Карачевѣ, въ 1559—60 г. въ Чебоксарахъ и въ 1562—65 г. въ Казани. Въ 1565 г. онъ пожалованъ былъ въ окольничіе. Будучи воеводой въ Казани, Лыковъ пожертвовалъ золотыя сережки съ лалами, бирюзой и жемчугомъ для украшенія иконы Благовѣщенія въ Благовѣщенскомъ Соборѣ; зеленую камку на пелену къ одной изъ мѣстныхъ иконъ, синюю камку для воздуха и вишневый бархатъ съ золотомъ на престольную одежду. Подъ Казанью ему были даны въ помѣстье: деревня Аметева на Арскомъ полѣ (теперь подошла къ самому городу), деревня Круглая Поляна на р. Казанкѣ и пустошь Кеземетева. Въ 1567 г. всѣ эти деревни были даны Благовѣщенскому Собору вмѣсто нѣкоторыхъ другихъ деревень. Въ 1572 г. Лыковъ былъ казненъ по приказанію Іоанна Грознаго. Карамзинъ такъ отзывается о Лыковѣ: «Воевода Нарвскій, Михайло Матвѣевичъ Лыковъ, который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностью въ обхожденіи».

Р. Р. С. І.—Синб. Сб.—Др. Р. Вивл., XIII.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. рос.», т. IX.—Инсц. книга г. Казани, изд. протоіер. *Зарин-скимъ* въ 1877 г. *В. Корсакова.*

Лыковъ-Оболенскій, кн. *Борисъ Михайловичъ*, † 2 іюня 1646 г. Начало его службы относится къ царствованію Ѳеодора Іоанновича: въ 1593—97 гг. онъ неоднократно бывалъ рындой при пріемѣ пословъ нѣмецкаго императора, папы и турецкаго султана. Въ 1598 г., въ чинѣ стольника, онъ подписался подъ грамотой объ избраніи царемъ Бориса Годунова. Въ томъ же году, при походѣ царя Бориса Годунова въ Серпуховъ, былъ рындой къ третьему саадаку. Въ 1599 г. былъ посланъ царемъ Борисомъ въ Торжокъ «съ платьемъ», т. е. съ нарядной одеждой къ шведскому королевичу Густаву, ѣхавшему въ Московское государство для сватовства царевны Ксеніи Годуновой. При пріемѣ королевича царемъ Борисомъ въ Москвѣ кн. Лыковъ былъ третьимъ рындой, а кн. Василій Тростенской четвертымъ. Вслѣдствіе челобитья кн. Тростенскаго царь велѣлъ судить ихъ, и по суду кн. Тростенской «обвиненъ кн. Лыкову тремя мѣстами». Во время обѣда кн. Лыковъ «стоялъ у королевича у стола», а кн. Тростенской наливалъ питъ. Въ 1601 г. кн. Лыковъ мѣстничался съ кн. Дан. Бор. Пріимковымъ-Ростовскимъ, назначеннымъ «встрѣчать» англійскаго посла, тогда какъ кн. Лыкову выпало на долю только звать посла къ столу. Чѣмъ кончилось это мѣстничество, неизвѣстно. Въ 1602 г. онъ былъ рындой при пріемѣ царемъ въ Москвѣ датскаго королевича Іоанна. Въ томъ же году кн. Лыковъ былъ отправленъ на воеводство въ Бѣлгородъ, гдѣ мы видимъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до самаго появленія Лжедмитрія. Такое удаленіе кн. Лыкова отъ двора, гдѣ онъ провелъ почти десять лѣтъ, можно объяснить неудовольствіемъ противъ него царя Бориса. Изъ позднѣйшаго мѣстническаго дѣла, возникшаго между кн. Лыковымъ и кн. Дм. Мих. Пожарскимъ въ 1609 г. при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, видно, что мать кн. Лыкова была назначена въ 1602 г. состоять при женѣ царя Бориса, царицѣ Маріѣ Григорьевнѣ, а мать кн. Дм. Мих. Пожарскаго—при царевнѣ Ксеніи Борі-

совнѣ. Кн. Пожарскій нашелъ такое назначеніе невмѣстнымъ для своей матери и билъ челомъ, чтобы царь «его, князя Дмитрія, пожаловалъ, велѣлъ ему со княжъ Борисовымъ отцомъ Лыкова, со кн. Михайломъ Лыковымъ, въ отечествѣ дати судъ и счетъ».

Мы не знаемъ, чѣмъ окончились ихъ мѣстническіе счеты въ 1602 и 1609 гг., но отношенія между тяжущимися сторонами чрезвычайно обострились, какъ видно изъ челобитной кн. Лыкова, поданной въ 1609 г. царю Василію Ивановичу Шуйскому: «Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ, князь Дмитрій Пожарскій, доводилъ на меня ему, царю Борису, многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голицынымп, да съ княземъ Татевымъ, про него царя Бориса разсуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрія, княгиня Марья, въ то же время доводила царицѣ Марьѣ на мою мать, будто моя мать, съѣзжаясь съ женою князя Василія Ѳеодоровича Скопина-Шуйскаго, разсуждаетъ про нее царицу Марью и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску». Трудно рѣшить, виновны-ли дѣйствительно кн. Пожарскій и его мать въ опалѣ кн. Лыкова, но ясно, что отправленіе его на воеводство въ Бѣлгородъ не было простой случайностью.

Въ 1605 г. появившійся въ предѣлахъ Московскаго государства Лжедмитрій расположился въ Путивлѣ, самомъ важномъ городѣ Сѣверской земли. Войско царя Бориса Годунова не могло, да повидимому и не хотѣло противостоять приверженцамъ Лжедмитрія, и въ станѣ подъ Кромами произошло великое смятеніе. Вѣрилъ ли кн. Лыковъ, что человѣкъ, называвшій себя сыномъ Іоанна Грознаго, есть дѣйствительно царевичъ Дмитрій, чудесно спасшійся отъ смерти въ Угличѣ,—мы не знаемъ; весьма возможно, что имъ руководило главнымъ образомъ чувство личной непріязни противъ Бориса Годунова. Такъ или иначе, но послѣ смятенія въ войскѣ подъ Кромами, мы видимъ кн. Лыкова въ числѣ лицъ, близкихъ къ Самозванцу, который и послалъ его изъ Путивля въ украинные города приводить тамошнихъ жителей ко кресту на имя «царя Димитрія». Вслѣдъ затѣмъ Самозванецъ двинулся съ войскомъ къ Москвѣ и указалъ кн. Лыкову быть вторымъ воеводой въ большомъ полку въ товарищахъ у кн. Вас. Вас. Голицына. Въ томъ же 1605 г. по восшествіи Самозванца на Московскій престолъ кн. Лыковъ занялъ при новомъ царѣ должность «великаго кравчаго», а въ сентябрѣ этого года велѣно было стоять у стола кн. Лыкову и кн. Юр. Дм. Хворостинину. Такое назначеніе побудило кн. Хворостинина подать челобитную на кн. Лыкова. Приводя рядъ справокъ, кн. Хворостининъ доказывалъ, что онъ «больше» кн. Лыкова (сообразно съ тѣми «случаями», которые онъ выставлялъ) тремя шестью, девятью, или, безъ опредѣленія количества, «многими мѣсты». Судили ихъ кн. Василій Мих. Рубецъ-Мосальскій и дьякъ Витовтовъ. Чѣмъ кончился судъ—неизвѣстно. 13-го апрѣля 1606 г., въ Вербное воскресенье, кн. Лыковъ пожалованъ былъ въ бояре; сказывалъ ему боярство окольничій кн. Гр. Петр. Ромодановскій, и съ той поры вмѣсто кн. Лыкова велѣно было стоять у царскаго стола кн. Ив. Андр. Хворостинину. 25-го апрѣля того же года, во время обѣда у Самозванца будущаго его тестя, только что прибывшаго въ Москву Сендомірскаго воеводы Юрія Мнишка, сидѣли у ѣствы: бояре Петръ Никит. Шереметевъ и кн. Лыковъ да думный дворянинъ Арт. Вас. Измайловъ. Будучи поставленъ ниже Шереметева, кн. Лыковъ билъ на него челомъ. 8 мая 1606 г., въ день свадьбы Лжедмитрія, кн. Лыковъ находился въ числѣ бояръ, сидѣвшихъ подъ боярынями въ лавкѣ. Весьма возможно, что женитьба кн. Лыкова на сестрѣ Ѳеодора (Филарета) Никитича Романова, Анастасіи Никитишнѣ, произошла въ кратковременное царствованіе Лжедмитрія, освободившаго отъ надзора и Романовыхъ и ихъ родственниковъ, которые подверглись гоненію и ссылкѣ при Борисѣ Годуновѣ.

Въ первый же годъ царствованія Василія Ивановича Шуйскаго, выбраннаго боярами на Московскій престолъ послѣ убіенія Лжедмитрія, въ маѣ 1606 г., возникло возмущеніе въ народѣ. Вождемъ недовольныхъ выступилъ холопъ кн. Телятевскаго Болотниковъ, притомъ не самъ отъ себя, а именемъ будто бы спасшагося отъ смерти въ Москвѣ царя Дмитрія. Къ Болотникову примкнули княжескіе и боярскіе холопы, разные «воровскіе» рус-

скіе люди и Донскіе казаки; впослѣдствіи съ нимъ соединился и казацкій самозванецъ Петръ, выдававшій себя за сына царя Ѳеодора Ивановича—царевича Петра, въ дѣйствительности никогда не существовавшаго. Кн. Лыковъ и кн. Як. Петр. Борятинскій участвовали въ 1606 г. въ походѣ противъ Болотникова подъ Кромы, а затѣмъ 5-го іюня 1607 г. кн. Лыковъ вмѣстѣ съ кн. Андр. Вас. Голицынымъ много способствовалъ побѣдѣ царскихъ войскъ надъ мятежниками при рѣчкѣ Восмѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каширы. Видя угнетенное состояніе духа царскихъ полковъ послѣ долгаго ожесточеннаго сраженія, кн. Голицынъ и кн. Лыковъ, какъ сказано у Соловьева, ѣздя по полкамъ, начали говорить ратнымъ людямъ со слезами: «Куда намъ бѣжать? лучше намъ здѣсь помереть другъ за друга единодушно всѣмъ!» Ратные люди отвѣчали: «Надобно вамъ начинать, а намъ помирать за вами». Царскія войска одержали побѣду.

Не входя въ подробности борьбы царя Василія Ивановича Шуйскаго съ Болотниковымъ, скажемъ только, что послѣ сдачи царю Тулы, гдѣ засѣли Болотниковъ и Ляпетръ, оба они были казнены. Тотъ Лжедмитрій (Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Ѳеодора Борисовича Годунова, бѣжавшій въ Литву послѣ убіенія названнаго царя Дмитрія), во имя котораго поднялъ знамя Болотниковъ, бездѣйствовалъ, но другой, болѣе ловкій и рѣшительный человѣкъ, воспользовался его затѣей, собралъ въ Стародубѣ казаковъ, жителей Сѣверской земли и литовцевъ и выступилъ въ 1608 г. во главѣ ихъ къ Брянску, выдавая себя за царя Димитрія. Этотъ Самозванецъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ «Тушинскаго вора», произвелъ въ Московскомъ государствѣ еще большую смуту, чѣмъ Болотниковъ. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій послалъ помогать Брянску бояръ кн. Ив. Сем. Куракина, кн. Лыкова и кн. Вас. Ѳеод. Мосальскаго. Когда «воръ» отошелъ къ Орлу и къ нему стали приходить Литовскіе люди, то царь отправилъ противъ него въ большомъ полку своего брата, кн. Дм. Ив., кн. Лыкова и кн. Гр. Конст. Волконскаго. Кн. Вас. Вас. Голицынъ, назначенный воеводой въ передовой полкъ, билъ челомъ на кн. Лыкова. Воеводы со своими полками собрались въ Алексинѣ, затѣмъ пошли въ Бѣлевъ, а по послѣднему зимнему пути добрались до Болхова. Часть войска передалась на сторону «вора», который направился подъ Москву въ село Тушино, гдѣ и расположился станомъ. 27 іюня того же 1608 г. кн. Ив. Сем. Куракинъ и кн. Лыковъ ходили съ передовымъ полкомъ противъ польскаго гетмана Лисовскаго, взявшаго приступомъ Коломну. Они встрѣтили Лисовскаго на Москвѣ рѣкѣ на мѣстѣ Медвѣжій бродъ и послѣ сраженія, продолжавшагося цѣлый день, разбили Лисовскаго и вернули Коломну царю Вас. Ив. Шуйскому.

Кн. Лыковъ не перебѣжалъ въ Тушинскій станъ, но его называли въ 1609 г. въ числѣ тѣхъ бояръ, которые «прямили» Тушинскому вору; «прямили» вору и такіе видные полководцы, какъ кн. Ив. Сем. Куракинъ, кн. Вас. и Андрей Васильевичи Голицыны и кн. Ив. Дм. Хворостининъ. Изъ этого можно заключить, что многіе бояре, не сочувствовавшіе царю Василію Ивановичу, тѣмъ не менѣе не перебѣгали отъ него, потому что выше всего ставили благополучіе Московскаго государства. Въ концѣ 1609 г. кн. Лыковъ и кн. Ив. Сем. Куракинъ находились въ Александровской слободѣ, гдѣ сосредоточились войска кн. Скопина-Шуйскаго. Изъ Александровской Слободы кн. Лыковъ и кн. Як. Петр. Борятинскій были посланы кн. Скопинымъ противъ Лисовскаго, сидѣвшаго въ Суздалѣ. Кн. Борятинскій счелъ «невмѣстнымъ» для себя быть въ товарищахъ у кн. Лыкова, билъ на него челомъ и не пошелъ къ Суздалю. Вслѣдствіе этого царь писалъ кн. Скопину «что кн. Яковъ дуруетъ, а прежде сево бывалъ и не однова, а нынеча ему мочно быть со князь Борисомъ». Кн. Лыковъ, въ свою очередь, билъ челомъ на кн. Борятинскаго, и царь обѣщалъ дать имъ судъ по возвращеніи въ Москву. Въ 1610 г., въ заговѣнье передъ великимъ постомъ, кн. Лыковъ и Жеребцовъ приступили къ осадѣ Дмитрова, въ которомъ засѣли Сапѣга и Марина Мнишекъ съ воровскими и съ литовскими людьми. Въ чистый понедѣльникъ удалось взять острогъ г. Дмитрова, а Сапѣга съ Мариною и съ немногими оставшимися у него людьми заперся въ «осыпи»; кн. Лыковъ постарался овладѣть «осыпью». Послѣднее извѣстіе, относящееся къ кн. Лыкову въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, касается

уже не военной его дѣятельности: 8 апрѣля 1610 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, былъ у царя въ Золотой палатѣ столъ; ѣли бояре кн. Лыковъ и окольничій Сем. Вас. Головинъ.

Послѣ сведенія съ престола царя Вас. Ив. Шуйскаго, въ концѣ іюля 1610 г. власть перешла къ Боярской Думѣ, состоявшей изъ семи бояръ; въ числѣ ихъ былъ и кн. Лыковъ. Въ сентябрѣ 1610 г. эти семь бояръ обсуждали съ Жолкевскимъ вопросъ о введеніи въ Москву польскихъ войскъ, чтобы оберегать ее отъ Тушинскаго вора. Когда вскорѣ послѣ этого, «всякіе люди» Московскаго государства осадили Москву,—поляки отправили къ патріарху Гермогену на Кирилловское подворье посольство, съ просьбой отписать въ полки, чтобы они отступили; однимъ изъ членовъ посольства былъ кн. Лыковъ. Патріархъ отказался исполнить ихъ просьбу. Въ октябрѣ 1610 г. кн. Лыковъ съ понизовыми и московскими людьми выбрался изъ Москвы въ Дорогомилово, намѣреваясь итти на помощь Можайску. Въ томъ же 1610 г. онъ обратился съ челобитной къ королевичу Владиславу, начинавшейся такъ: «Царю Государю и Вел. Кн. Владиславу Жигимонтовичю всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Бориско Лыковъ». Изъ челобитной видно, что Владиславъ пожаловалъ кн. Лыкову въ помѣстье сельцо Киструсъ и Ижевескъ съ деревнями въ Рязанской землѣ, и что раньше помѣстье это принадлежало кн. Василію Мосальскому. Будучи подъ Смоленскомъ, бояринъ Ив. Мих. Салтыковъ съ дѣтьми и съ племянникомъ выпросилъ себѣ это помѣстье у польскаго короля Сигизмунда, который, не зная о пожалованіи помѣстья кн. Лыкову Владиславомъ, отдалъ его Салтыкову. Кн. Лыковъ просилъ Владислава въ челобитной не отмѣнять своего постановленія и выслать ему жалованный листъ на имя кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищами. Въ концѣ февраля 1611 г. отъ имени Московской Боярской Думы были посланы двѣ грамоты: 1) смоленскимъ воеводамъ, боярину Мих. Бор. Шеину и кн. Горчакову о немедленной сдачѣ Смоленска польскому королю Сигизмунду и 2) московскимъ посламъ подъ Смоленскъ: Ростовскому митрополиту Филарету и кн. Вас. Вас. Голицыну съ товарищи, чтобы они ѣхали въ Вильну къ королевичу Владиславу и просили его поспѣшить въ Москву на царскій престолъ а смоленскихъ воеводъ убѣдили бы сдать Сигизмунду Смоленскъ и принести ему повинную. Кн. Лыковъ подписался подъ обѣими грамотами, какъ лично за себя, такъ и вмѣсто боярина кн. Мих. Ѳеод. Кашина. 25 января 1612 г. бояре, находившіеся въ Москвѣ, осаждаемой поляками, послали увѣщательную грамоту въ Кострому о пребываніи въ вѣрности избранному государю, королевичу Владиславу, о невспоможеніи стоявшимъ подъ Москвою воеводамъ кн. Трубецкому и Заруцкому и присылкѣ къ гетману Хоткевичу и къ нимъ, боярамъ, выборныхъ отъ города людей съ повинною. На третьемъ мѣстѣ подъ этой грамотой подписался кн. Лыковъ, выше его подписались: кн. Ѳ. П. Мстиславскій и кн. Ив. Сем. Куракинъ.

Въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, 8 сентября 1613 г., въ праздникъ Рождества Богородицы, государь велѣлъ быть у своего стола боярамъ: кн. Ѳ. И. Мстиславскому, Ив. Никит. Романову и кн. Лыкову. Послѣдній билъ челомъ въ отечествѣ на Ив. Никит. Романова, что ему меньше Романова быть невмѣстно, а Иванъ Никитичъ сталъ бить челомъ о безчестьи. Царь сильно раскручинился и нѣсколько разъ повторилъ кн. Лыкову, что ему можно быть подъ Романовымъ. Вѣроятно опасеніе разогорчить царя побудило кн. Лыкова смириться и сѣсть за столомъ ниже Романова; по той же причинѣ, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ жаловалъ послѣ стола бояръ, подавалъ имъ чаши, кн. Лыковъ подошелъ послѣднимъ и не билъ уже челомъ на Романова. Казалось бы, что и въ другой разъ кн. Лыковъ долженъ уступить первенство Романову, но на дѣлѣ вышло иначе. 17 апрѣля 1614 г., въ Вербное воскресенье, къ царскому столу были приглашены бояре: кн. Ѳ. И. Мстиславскій, Ив. Никит. Романовъ и кн. Лыковъ, да окольничій Арт. Вас. Измайловъ. Кн. Лыковъ снова билъ челомъ, что ему невозможно быть ниже Романова. Царь напомнилъ ему обѣдъ въ Рождество Богородицы, когда онъ согласился сѣсть подъ Романовымъ, и настаивалъ на томъ, что ему, Борису, можно быть ниже Романова. Кн. Лыковъ не сдавался на увѣщанія царя и готовъ былъ сѣсть подъ Романовымъ только въ томъ случаѣ, если государь укажетъ ему быть меньше Ивана Никитича по

своему, государеву родству, что ему государю по родству Иванъ Никитичъ дядя. Государь говорилъ, что не по родству, а по многимъ мѣрамъ кн. Лыковъ можетъ быть меньше Романова. Не послушавъ царскаго указу, кн. Лыковъ не сѣлъ за столъ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ. Царь дважды посылалъ за нимъ съ такимъ наказомъ, что если онъ не поѣдетъ, то будетъ выданъ головою Ивану Никитичу. Послы возвращались съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, что кн. Лыковъ къ столу не ѣдетъ и говоритъ, что онъ ѣхать готовъ къ *казни*, а меньше Ив. Никит. ему не бывать. Послѣ стола государь послалъ къ кн. Лыкову двухъ дворянъ и велѣлъ имъ, взявъ кн. Бориса, отвести его къ Ивану Никитичу за безчестье, сказать Ивану Никитичу государево жалованье и выдать ему кн. Бориса головою. Государевъ приказъ былъ въ точности выполненъ.

Въ маѣ 1614 г. «для приходу Крымскихъ и Нагайскихъ людей» были распредѣлены по Москвѣ бояре и воеводы, безъ мѣстъ. Кн. Лыкову назначено быть за Яузою, у Николы Великаго, съ нимъ Григ. Леонт. Волуевъ и дьякъ Василій Семеновъ. Въ сентябрѣ того же 1614 г. на кн. Лыкова было возложено весьма важное порученіе: усмирить бродившихъ по Московскому государству воровскихъ казаковъ. По указу государя съ кн. Лыковымъ были посланы въ Ярославль суздальскій архіепископъ Герасимъ, чудовскій архимандритъ Авраамій, дьякъ Ильинъ, а также выборные изъ дворянъ, гостей, торговыхъ людей и казаковъ. Кн. Лыковъ собралъ довольно большую рать и побилъ въ Балахонскомъ уѣздѣ шайку воровскихъ запорожцевъ, состоявшую подъ предводительствомъ полковника Заруцкаго. Въ концѣ декабря 1614 г. кн. Лыковъ доносилъ царю, что онъ писалъ къ атаманамъ и неоднократно посылалъ ихъ уговаривать, чтобы они не проливали христіанской крови, отстали бы отъ воровства и обратились бы къ государю съ челобитной. Однако атаманы и казаки не только не отстали отъ воровства, а начали воровать пуще прежняго, жгли села и деревни и побивали крестьянъ. Для прекращенія всего этого кн. Лыковъ самъ ходилъ противъ казаковъ, или же посылалъ отряды воинскихъ людей, которые иныхъ побивали, а другихъ ловили и приводили къ кн. Лыкову для расправы. Въ концѣ января и въ началѣ февраля 1615 г. кн. Лыковъ находился на Вологдѣ, откуда посылалъ служилыхъ людей на Бѣлоозеро провѣдывать о шайкахъ нѣмецкихъ людей, казаковъ и русскихъ воровъ, бродившихъ въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, воровскіе атаманы съ казаками пошли къ Москвѣ, говоря, что они хотятъ бить челомъ государю. Расположившись таборомъ подъ Симоновымъ монастыремъ, казаки продолжали безчинствовать, а потому царь велѣлъ итти на нихъ кн. Лыкову, вернувшемуся изъ Вологды, и окольничему Измайлову. Казаки стремительно двинулись по Серпуховской дорогѣ и были настигнуты кн. Лыковымъ въ Малоярославскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ ихъ разбилъ на голову. Кн. Лыковъ привелъ съ собой въ Москву болѣе трехъ тысячъ казаковъ, присягнувшихъ на вѣрность Михаилу Ѳеодоровичу; ихъ простили и отослали на службу: только атамана Баловня повѣсили, да нѣсколькихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ.

Въ сентябрѣ 1617 г. былъ созванъ соборъ для обсужденія вопроса, какимъ способомъ противостоять королевичу Владиславу, приближавшемуся къ Москвѣ. Рѣшили отправить бояръ и воеводъ для сбора ратныхъ людей въ городахъ; кн. Лыкову выпало на долю ѣхать съ этой цѣлью въ Нижній Новгородъ. Въ концѣ октября того же года Владиславъ вступилъ съ главнымъ своимъ войскомъ въ Вязьму, а мелкіе польскіе отряды производили опустошенія гдѣ и какъ могли. Нѣсколько времени спустя, Владиславъ намѣревался внезапно овладѣть Можайскомъ, но увидавъ, что городъ сильно укрѣпленъ и что ожидается помощь изъ Москвы, онъ благоразумно вернулся въ Вязьму. Когда въ Москвѣ узнали объ опасности, грозившей Можайску, туда послали надежныхъ воеводъ—кн. Лыкова и Григорія Волуева съ отрядомъ около 6000 человѣкъ. Въ іюнѣ 1618 г. польское войско двинулось изъ Вязьмы и стало на дорогѣ между Можайскомъ и Калугою, такъ какъ необходимо было овладѣть Можайскомъ, прежде чѣмъ итти къ Москвѣ. За неимѣніемъ осадныхъ орудій, поляки были лишены возможности взять Можайскъ приступомъ и потому направили всѣ усилія, чтобы взять Борисово Городище и заставить кн. Лыкова выйти изъ Можайска и сразиться на

открытомъ мѣстѣ. По указу царя, кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій долженъ былъ перейти изъ Волока въ Рузу, ссылаться оттуда съ кн. Лыковымъ и, по вѣстямъ, итти къ нему въ Можайскъ. Кн. Дмитрію Михайловичу Пожарскому было предписано сѣсть въ Боровскѣ, куда, кромѣ того, направлены были изъ Москвы Курмашъ-Мурза Урусовъ съ юртовскими татарами и астраханскими стрѣльцами. Тревожимый летучими отрядами кн. Пожарскаго, Владиславъ перешелъ изъ Борисова Городища въ Лужицкій монастырь подъ Можайскъ, гдѣ, въ свою очередь, сталъ сильно тѣснить осаждаемыхъ; въ одномъ изъ сраженій былъ тяжко раненъ кн. Черкасскій. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи Можайска и о появленіи тамъ голода, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ къ кн. Пожарскому кн. Григ. Конст. Волконскаго съ московскими дворянами и жильцами и велѣлъ имъ вмѣстѣ итти подъ Можайскъ, чтобы въ случаѣ необходимости вывести оттуда бояръ и ратныхъ людей, оставивъ для обороны достаточное количество пѣшихъ воиновъ. Царь предоставилъ на благоусмотрѣніе кн. Черкасскаго и кн. Лыкова: оставаться въ осадѣ, или итти къ Москвѣ, и они рѣшили уйти изъ Можайска.

Въ 1619 г. кн. Лыковъ управлялъ Разбойнымъ приказомъ и былъ посланъ въ Нижній Новгородъ для разбора и верстанья дворянъ и дѣтей боярскихъ и для раздачи государева жалованья ратнымъ людямъ. Онъ построилъ въ Нижнемъ острогъ и башни и сдѣлалъ мостъ черезъ рѣку Почайну, который сталъ называться *Лыковымъ*; съ замѣной моста въ 1839 г. земляной дамбой на нее перешло и названіе моста: до сихъ поръ она называется *Лыковой дамбой*.

Въ 1620-22 г.г. кн. Лыковъ находился первымъ воеводой въ Казани; товарищемъ у него былъ кн. Ѳеод. Петр. Борятинскій Большой и дьяки Андрей Степановъ и Иванъ Васильевъ. Въ 1623 г. онъ управлялъ приказомъ Сыскныхъ Дѣлъ. Въ 1624 и 1626 г.г. на обѣихъ свадьбахъ царя Михаила Ѳеодоровича занималъ почетное мѣсто конюшаго, на обязанности котораго лежало, сидя на конѣ, съ мечемъ наголо, разъѣзжать до самаго свѣта около той палаты, гдѣ царь съ царицею опочивали, и дозирать, чтобы никто къ тому мѣсту близко не подходилъ. Въ 1626 г., по указу царя и патріарха, ѣздилъ въ Можайскъ «смотрѣть новаго каменнаго города»; съ нимъ отправлены были: окольничій кн. Гр. Конст. Волконскій и дьякъ Семенъ Бредихинъ. Въ 1628—29 г.г. онъ управлялъ Монастырскимъ приказомъ; съ 1629 по 1635 г.г.—Ямскимъ приказомъ; въ 1635 1642 г.г.—приказомъ Казанскаго Дворца и Сибирскимъ приказомъ и въ 1638 г.—Каменнымъ приказомъ.

Въ 1632 г. во время войны съ поляками кн. Лыковъ долженъ былъ итти подъ Смоленскъ въ товарищахъ съ кн. Дм. Мамстрюковичемъ Черкасскимъ. Назначеніе на эту службу послѣдовало еще въ 1631 г. и такъ раздосадовало кн. Лыкова, что онъ пошелъ въ Соборную церковъ къ патріарху Филарету и наговорилъ ему много рѣзкаго. Когда настало время отправиться подъ Смоленскъ, кн. Лыковъ билъ челомъ государю, что ему съ кн. Черкасскимъ быть нельзя потому, что у него, кн. Черкасскаго, *обычай тяжелъ*, и передъ нимъ онъ, Лыковъ, старъ, служитъ государю 40 лѣтъ, а лѣтъ съ тридцать ходитъ своимъ набатомъ (турецкій барабанъ), а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ. Кн. Черкасскій билъ челомъ о безчестіи и оборонѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ сторону кн. Черкасскаго и указалъ за его безчестье взыскать съ кн. Лыкова въ пользу кн. Черкасскаго 1200 р.; сумма эта составляла двойной окладъ жалованья обиженнаго кн. Дмитрія Мамстрюковича. Отъ службы подъ Смоленскомъ оба они были освобождены и вмѣсто нихъ назначены В. М. Шеинъ и кн. Д. М. Пожарскій.

Въ январѣ 1634 г., по случаю стѣсненнаго положенія русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ, послѣдовало соборное опредѣленіе относительно сбора запросныхъ и пятинныхъ денегъ. Сборъ денегъ государь приказалъ производить: кн. Лыкову, окольничему Коробьину, Чудовскому архимандриту Ѳеодосію и двумъ дьякамъ. Въ февралѣ того же 1634 г. кн. Лыковъ, съ титуломъ намѣстника рязанскаго, былъ въ отвѣтѣ съ турецкимъ посломъ; въ августѣ онъ имѣлъ титулъ намѣстника тверского и былъ въ отвѣтѣ со шведскими послами. Въ декабрѣ 1634 г. кн. Лыковъ заключилъ торговый договоръ между Россійскимъ и Голштинскимъ дворами о торговлѣ Голштинской компаніи съ Персіей въ теченіе 10 лѣтъ (провозить безпошлинно

черезъ Россію незапрещенные товары, имѣть складочныя мѣста и т. д.)

Въ январѣ 1635 г. у царя Михаила Ѳеодоровича былъ торжественный обѣдъ въ Грановитой палатѣ въ честь пословъ польско-литовскаго короля Владислава. Кн. Лыковъ сидѣлъ за царскимъ столомъ у ѣствы и за поставцомъ вмѣстѣ съ окольничимъ Вас. Ив. Стрѣшневымъ. Выпивъ чашу за здоровье Владислава, государь велѣлъ кн. Лыкову принести къ себѣ въ золотыхъ братинахъ пива и посылалъ къ посламъ: и послы, принявъ чашу, встали, выпили и снова сѣли за столъ. Въ январѣ и мартѣ 1639 г. скончались царевичи Иванъ и Василій Михайловичи; кн. Лыковъ дневалъ и ночевалъ у ихъ гробовъ. Въ декабрѣ 1640 г. во время богомольнаго похода царя Михаила Ѳеодоровича во Владиміръ—Москву вѣдалъ кн. Ив. Бор. Черкасскій; однимъ изъ семи товарищей его былъ кн. Лыковъ.

Будучи женатъ на Анастасіи Никитишнѣ Романовой, кн. Лыковъ приходился по женѣ дядей царю Михаилу Ѳеодоровичу и зятемъ патріарху Филарету Никитичу. Какъ видно изъ письма патріарха, писаннаго имъ въ 1630 г. Михаилу Ѳеодоровичу, кн. Лыковъ былъ однимъ изъ трехъ *пріятелей* патріарха; два другихъ пріятеля: родной братъ Филарета Никитича, Иванъ Никитичъ Романовъ и родной племянникъ кн. Ив. Бор. Черкасскій. На свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновой Стрѣшневой жена кн. Лыкова, кн. Анастасія Никитишна, была у царицы въ комнатѣ. 17 февр. 1626 г., въ первый выѣздъ царицы Евдокіи Лукьяновны въ Вознесенскій монастырь, она сидѣла въ саняхъ съ матерью царицы, Анной Константиновой. У кн. Лыкова было трое дѣтей—сынъ и двѣ дочери; всѣ они умерли въ дѣтствѣ въ промежутокъ времени между 1515 и 1624 г.г. Кн. Борисъ Мих. Лыковъ скончался 2 іюня 1646 г. и погребенъ въ каменной палаткѣ, придѣланной къ Архангельской церкви въ Пафнутіевѣ Боровскомъ монастырѣ. Кн. Анастасія Никитишна (въ схимницахъ Анисія) † 9 окт. 1655 г.

Занимая видное общественное и служебное положеніе, кн. Лыковъ не принадлежалъ къ разряду богатыхъ бояръ, на что указываетъ, между прочимъ, количество дворовыхъ людей въ «нарядѣ», которыхъ онъ выставлялъ при встрѣчахъ пословъ. Богатые бояре выставляли по 30 человѣкъ, а кн. Лыковъ въ 1626—34 г.г. выставлялъ по 10 человѣкъ, и только въ 1641 г. при встрѣчѣ кизильбашскаго посла имъ было выставлено 25 человѣкъ. Относительно его земельныхъ владѣній имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Ему принадлежала родовая вотчина, с. Казариново съ деревнями, въ Оболенскомъ уѣздѣ «пожаловалъ де его тою вотчиною царь Вас. Ив. по родству (съ кн. Курлятевымъ) и за службы послѣ кн. Ив. Вас. Курлятева». За нимъ числилась старая прародительская вотчина, полсела Спасскаго, вѣроятно тоже въ Оболенскомъ у., и закладная вотчина, что ему заложилъ полпустоши кн. Сем. Ив. Бѣлоглазовъ Лыковъ, а другая половина той пустоши осталась за кн. Григоріемъ Бѣлоглазовымъ. Вотчину свою въ Нижегородскомъ у., въ Закудемскомъ стану, по р. Кержанцу кн. Лыковъ отказалъ по духовной Макарьевскому Желтоводскому монастырю. Было у него помѣстье въ Мещовскомъ у., с. Сильковичи. Въ Москвѣ у кн. Лыкова былъ дворъ въ Кремлѣ, занимавшій пространство отъ городовой стѣны до улицы со стороны сосѣдняго двора боярина Шереметева 35 саж.; съ другой стороны подлѣ Никольскихъ воротъ 38 саж.; поперекъ, по улицѣ, около 40 саж. и подлѣ стѣны около 45 саж. Знатокъ московской старины, И. Е. Забѣлинъ, приводитъ о дворѣ кн. Лыкова слѣдующія свѣдѣнія. «Лыковъ распоряжался въ своемъ дворѣ по-боярски, самовольно, задѣлалъ даже и всходъ на Никольскія ворота особо выстроенною палаткою и возлѣ воротъ у городовой стѣны построилъ каменную церковь во имя Всемилостиваго Спаса и Владимірской Богородицы. Долгое время и послѣ его смерти его дворъ прозывался *Лыковымъ дворомъ*. При царѣ Алексѣѣ Мих. на этомъ дворѣ, вѣроятно уже по кончинѣ боярыни, вдовы Лыкова, было устроено такъ называемое *Архангельское подворье*. Оно такъ именовалось по поводу принадлежности его Архангельскимъ владыкамъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, которые присвоивали себѣ это наименованіе не отъ города Архангельска, тогда бы они прозывались Архангелогородскими, а отъ Архангельскаго Московскаго собора, гдѣ они учреждались для почетнаго поминовенія по усопшимъ великимъ князьямъ и царямъ.

А. А. Э., II и III.—Акты Истор., т. т. II—IV.—Доп. къ Акт. Ист., III, V и IX.—С. Г. Г. и Д., II и III.—Дв. разр., I и II.—Разр. кн. I.—Др. Рос. Вивл., XII, XIX.—Акты Моск. государства. Спб. 1890 г., т. I.—Р. И. Б., т. т. II, IX и X.—Разр. записи за смутное время. Изд. *Бѣлокурова*. М. 1907 г.—Новый Лѣтописецъ. М. 1853 г.—Нижегородскій Лѣтописецъ, составленный *Гацискимъ*. Н. Новгородъ. 1886 г.—«Временникъ» (изд. Имп. Общ. Ист. и Др. рос.,) 1849 г., кн. I, смѣсь.—*Погодинъ*. «Рус. Ист. Сб.» М. 1838 г., т. II.—Синб. Сборникъ *Д. А. Валуева*. — Сборникъ *Муханова*.—Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., т. т. I и II.—Род. «Рус. Ст.» I.—Письма русскихъ государей. М. 1848 г., т. I.—Сказанія *Массы и Берхмана* о смут. вр. въ Россіи. Спб. 1874 г.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ Московскаго государства XVII ст. Спб. 1902 г. — *Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос». т. XII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. т. VII и IX.—*Иловайскій*, «Исторія Россіи» М. 1899 г. Т. IV, вып 2-й.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра В.», т. т. XII, XIII.—*Барсуковъ*, «Родъ Шереметевыхъ», т. т. II и III.—*Лихачевъ*, «Разрядные дьяки».—*Рождественскій*. «Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. XV в.» Спб. 1897 г.—*Платоновъ*, «Очерки по исторіи Смуты». Спб. 1899 г.—*Селифонтовъ*, «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Мих. Ѳеод. Романова» Спб. 1901 г., ч. I.

В. Корсакова.

Лыкошинъ, *Яковъ Михайловичъ*, издалъ: «Друзьямъ моей юности» (Спб., 1817) и «Донъ-Карлосъ. Историческое произшествіе XVI ст.» (Спб. 1821).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 263. *Степ.*

Лысенко, *Ѳедоръ Ильичъ*, офицеръ, взявшій въ плѣнъ Костюшку, родился 19 февраля 1751 г. въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губ. Отецъ его былъ малорусскій казакъ и ни за что не хотѣлъ отпустить своего сына на военную службу, куда послѣдній такъ стремился. Въ 1771 г. онъ тайно бѣжалъ изъ родной хаты и записался въ солдаты въ ближайшемъ городѣ Корочѣ. Но отецъ заставилъ его вернуться домой. Спустя годъ, Лысенко снова бѣжалъ къ южной границѣ Россіи, гдѣ тогда стоялъ Харьковскій гусарскій полкъ, и былъ охотно принятъ на службу. Считаясь съ 1-го января 1772 г. въ полку, Лысенко быстро выучился грамотѣ и вскорѣ былъ произведенъ въ капралы, а затѣмъ въ квартирмейстеры и вахмистры. Въ 1788 г. онъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ, былъ при осадѣ Очакова, а въ 1790 году отличился при взятіи Килліи. Спустя четыре года Лысенко находился въ Польшѣ, которая, такъ сказать, доживала послѣдніе дни своего самостоятельнаго существованія. Въ это время поляки попытались еще разъ вооруженной рукой отстоять себѣ свободу и самостоятельность. На этой почвѣ составился обширный заговоръ, душой котораго былъ Тадеушъ Костюшко. Въ моментъ возстанія Лысенко находился въ Варшавѣ и очутился въ самомъ пылу сраженія. Два раза подъ нимъ была убита лошадь, и наконецъ онъ принужденъ былъ спѣшиться. Случайно онъ натолкнулся на отрядъ маіора Батурина и примкнулъ къ нему. Вынужденные запереться на какомъ-то дворѣ, гдѣ имъ удавалось отражаться нѣкоторое время отъ повстанцевъ, они въ концѣ концовъ рѣшились на отчаянную вылазку. Большинство смѣльчаковъ легли тутъ-же, и только незначительная часть прорвалась за городъ и соединилась съ Игельстромомъ. Лысенко оказался въ груди раненыхъ и убитыхъ, хотя и съ неопасной раной. Съ наступленіемъ ночи онъ очнулся, доползъ до русскихъ отрядовъ, положенъ былъ въ лазаретъ и награжденъ чиномъ корнета.

Появленіе въ Польшѣ Суворова съ полками заставило поляковъ быть очень осторожными. Костюшко во что-бы то ни стало рѣшилъ помѣшать соединенію двухъ русскихъ армій и далъ сраженіе Ферзену у Мацѣіовицъ. Бой закончился полнымъ пораженіемъ поляковъ, при чемъ Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ Лысенкомъ, за что послѣдній былъ награжденъ чиномъ поручика. Отправленный съ донесеніемъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ, Лысенко, по проискамъ недоброжелателей, былъ вороченъ обратно. Мало того, его даже предали суду за то, что онъ ранилъ польскаго полководца. Послѣ продолжительныхъ мытарствъ Лысенка оправдали, но онъ долженъ былъ выйти въ отставку, поселился въ Малороссіи и съ 1805 г. находился на службѣ въ почтамтѣ.

Съ наступленіемъ 1812 года въ старомъ воякѣ проснулась прежняя страсть съ новой силой, и онъ опять сталъ въ ряды нашей арміи. Съ 1812 по 1814 г.г. Лысенко участвовалъ въ 31 сраженіи и доказалъ, что его рука и на старости лѣтъ хорошо владѣетъ оружіемъ. Въ 1816 г. онъ снова вышелъ въ отставку въ чинѣ ротмистра и все-таки вынужденъ былъ разсчитывать на поддержку частныхъ лицъ, пока Александръ I не приказалъ отвести ему 1000 десятинъ въ Саратовской губ. и

не пожаловалъ ему единовременно 1.000 р. Однако Лысенку еще разъ пришлось испытать сильную нужду и даже нищенство. За малочисленностью земель въ Саратовской губ. состоялся приказъ о пріостановкѣ раздачи ихъ, и Лысенко, потратившись на проѣздъ, вернулся въ Петербургъ, что-бы снова хлопотать о пособіи. На этотъ разъ государь пожаловалъ ему тысячу десятинъ земли въ Самарской губ. Продавъ ее, Лысенко купилъ себѣ домъ въ г. Тимѣ, Курской губ., гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни вмѣстѣ съ женой и дочерью. Умеръ Лысенко 30-го апрѣля 1832 г. и похороненъ былъ на кладбищѣ близъ Знаменской церкви. На вросшемъ въ землю камнѣ, на его могилѣ, еще сохранилась слѣдующая надпись: «Здѣсь тѣло отставного ротмистра Ѳедора Ильича Лысенко, родился 1751 г., февраля 19 дня, жилъ 81 годъ, 2 мѣсяца и 11 дней. Въ жизни своей на войнѣ самъ взялъ Костюшку въ плѣнъ».

Военный энциклопед. лексиконъ (изд. 2-е, т. VII, стр. 432).—«Отечеств. Записки» 1822, т. XII, стр. 49 и пр.—«Военный журналъ» 1811 г., ч. XII, стр. 65—68.—*С. Соловьевъ*, «Исторія паденія Польши» М. 1863 г.—*Н. Костомаровъ*, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» II. 1886 г., т. II, стр. 603—604—«Записки атамана Денисова» («Рус. Стар.» 1874 г., т. X и XI).—«Русскій Вѣстникъ» 1892 г., окт., стр. 167—209.—*J. Kitovicz*, «Pamiętniki Księdza do panowania Stanisława Poniatowskiego», Posnań 1845 г., т. II, стр. 265.—«Историч. Вѣстникъ». 1893 г., ноябрь, стр. 476—493. *Ал. Ельницкій.*

Лыткинъ, *Николай Александровичъ*, д. с. с., инспекторъ научныхъ классовъ С.-Петербургской консерваторіи, родился 6 декабря 1826 г., среднее образованіе получилъ въ одной изъ Петербургскихъ гимназій, а высшее въ Петербургскомъ университетѣ, который окончилъ съ степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. По окончаніи университета въ 1853 г. Лыткинъ выбралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и опредѣлился преподавателемъ всеобщей исторіи въ 1-ю Петербургскую гимназію; въ 1865 г. онъ былъ приглашенъ преподавать ту же исторію во всѣхъ классахъ консерваторіи и вскорѣ занялъ здѣсь должность инспектора научныхъ классовъ. Лыткинъ много положилъ труда на выработку программъ научнаго образованія учащихся въ консерваторіи. По его мнѣнію, учащаяся молодежь, помимо музыкальнаго образованія, должна имѣть и достаточное общее образованіе. Свое мнѣніе онъ старался осуществить и успѣлъ достичь того, что число научныхъ классовъ съ 4-хъ было увеличено до 6-ти и программа общеобразовательныхъ предметовъ расширилась до гимназической. Въ началѣ своей педагогической дѣятельности Лыткинъ написалъ два разсказа по всеобщей исторіи: «Рыцарство» («Подснѣжникъ», 1858 г., №№ 3—5) и «Неаполь въ половинѣ XVII в.» (тамъ же, 1859 г., №№ 7,8). Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ журналѣ «Звѣздочка». Умеръ Лыткинъ 13 ноября 1890 г.

«Новое Время» 1890 г., № 5286.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. X, стр. 48.
М. Поповъ.

Лышковскій, *Максиміанъ Станиславовичъ*, директоръ Сувалкской гимназіи, родился въ 1810 г. въ Галиціи, окончилъ гимназію въ Пржемыслѣ и Львовскій университетъ; въ 1832 г. поселился въ Варшавѣ и здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ помогалъ своему отцу въ редактированіи «Gazety Codziennej». Въ 1835 г. Лышковскій назначенъ былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Варшавскихъ школахъ и вскорѣ сдѣлался ихъ инспекторомъ, а въ 1854 г. перемѣщенъ былъ на должность директора Варшавскаго реальнаго училища. Съ 1862 г. онъ состоялъ директоромъ гимназіи въ Сувалкахъ. Скончался въ Варшавѣ въ 1872 г. Ему принадлежатъ два печатныхъ труда: 1) «Wypisy z pisarzów polskich, zawierające po większej części przedmioty realne», въ 4-хъ частяхъ (Варшава, 1849—1851 г.г.) и 2 «Krótkie wiadomości z dziejów piśmiennictwa polskiego» (тамъ-же, 1855 г.). Первый изъ этихъ трудовъ, предназначенный для школьнаго возраста, выдержалъ до 1901 г. три изданія.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 721; 1901 г., т. 9, стр. 501.
А. Г.

Лышковскій, *Станиславъ*, редакторъ «Gazety Codziennej» (съ 1832 по 1835 г.г.), извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ руководствъ по вопросамъ сельскаго хозяйства и ветеринаріи. Ему принадлежатъ: «Poradnik hodowli i weterynaryi dla ziemianina» (Варшава, 1839 г., 2 тома); «Dzierżawca początkujący» (тамъ-же, 1839 г., переводъ съ нѣмецкаго); «Nauka chowu owiec» (тамъ-же, 1839 г.); «Nauka le-

czenia zwierząt domowych» (тамъ-же, 1840 г., переводъ съ нѣмецкаго) и «Hodowla koni» (тамъ-же, 1842 г., 2 тома, посмертное изданіе). Скончался Лышковскій въ Варшавѣ въ 1841 г.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 720, 721. *А. Г.*

Львова, *Анфиса Петровна*, писательница, родилась 24-го іюня 1823 г. въ гор. Порховѣ, Псковской губ. Происходя изъ старой дворянской, состоятельной семьи Балавинскихъ, Львова получила хорошее домашнее образованіе. Вскорѣ она вышла замужъ за В. Н. Креницына, а послѣ развода съ нимъ, въ 1862 года, вступила во второй бракъ съ директоромъ Строгановскаго училища въ Москвѣ Ѳ. Ѳ. Львовымъ. Отличаясь большой начитанностью, она обладала наблюдательностью и чуткостью къ общественнымъ явленіямъ, т. е. какъ разъ тѣми качествами, которыя необходимы даже самому заурядному писателю.

Первый печатный трудъ А. П.—драма «Честность» появился въ 1856 г. и имѣлъ большой успѣхъ, отчасти благодаря тому, что въ немъ изображена надѣлавшая въ свое время много шума исторія Политковскаго. Два года спустя, появилась интересная комедія ея: «Богатая Невѣста». Эти два драматическихъ труда Львовой шли на петербургскихъ и московскихъ сценахъ и положили, такъ сказать, основаніе литературной дѣятельности ея. Изъ послѣдующихъ ея трудовъ извѣстны: «Годичная выставка въ Академіи Художествъ въ 1863 году» («Семейные Вечера» 1864 г., старшій возрастъ); «Терраріумъ и Акваріумъ» (ib.); «Пьесы для дѣтскаго театра» (Спб. 1876 г.); «Разсказы для дѣтей» (М. 1886 г.), «Ненастье», романъ въ четырехъ частяхъ («Рус. Рѣчь» 1879 г., кн. 1—5); «Старый домъ», романъ (ib. 1879 г., кн. 10—12); «Княгиня Маруся», повѣсть (ib. 1880 г., кн. 3 и 4); «Разореніе», романъ (ib., 1880 г., кн. 10—12) и «Сумерки», повѣсть (ib., 1881, кн. 5, 6, 8).

Въ своихъ трудахъ Львова затрагиваетъ интересный моментъ русской жизни, когда молодая обновленная Россія, сбросивъ съ себя крѣпостное право, вступила на новый путь, и надо отдать ей справедливость,—затрагиваетъ этотъ моментъ умѣло и съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Въ 1887 году, 16-го января Анфиса Петровна за свои труды была избрана въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности. Умерла она 19 ноября 1891 года въ Москвѣ, на 69 году жизни, и похоронена на мѣстѣ своего рожденія, въ гор. Порховѣ.

Кн. Н. Голицынъ, «Библіограф. словарь рус. писательницъ» Спб. 1889.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и труд. рус. пис.», вып. XI-ый. Спб. 1909, стр. 123.—«Нов. Врем.» 1891, № 5657.—«Моск. Вѣд.» 1891 г., № 323—324.

Ал. Ельницкій.

Львова, *Марія Алексѣевна*, дочь оберъ-прокурора Сената Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова, родилась въ 1755 г. и была родной сестрой второй жены поэта Державина. Для своего времени она получила прекрасное домашнее образованіе, хорошо говорила по-французски, но по-русски писала неправильно; отличаясь красотой, она обращала на себя вниманіе многихъ и около 1780-го года вышла замужъ за извѣстнаго въ свое время писателя и архитектора Н. А. Львова, при чемъ однако влюбленные обвѣнчались тайно, такъ какъ родители Дьяковой долго не соглашались на этотъ бракъ, и только черезъ три года роднымъ стало извѣстно о замужествѣ Львовой. Такъ какъ мужъ ея всегда вращался въ кругу писателей, поэтовъ и художниковъ, то въ домѣ ихъ преимущественно собиралось общество, интересовавшееся искусствомъ и литературой; красавицу-хозяйку, отличавшуюся къ тому же добрымъ и веселымъ характеромъ, окружало здѣсь всеобщее поклоненіе: Хемницеръ посвятилъ ей свои басни, лучшіе художники того времени, Левицкій и Боровиковскій, писали ея портреты. Скончалась Львова 14 іюня 1807 г. и по случаю ея смерти Державинъ написалъ небольшое стихотвореніе «Поминки». Старшая дочь ея Елизавета впослѣдствіи была писательницей.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 19.—*Кн. Н. Голицынъ*, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ».

Ал. Гельвихъ.

Львова-Синецкая, *Марія Дмитріевна*, заслуженная московская артистка, родилась въ 1795 г., своимъ сценическимъ образованіемъ обязана замѣчательному руководителю Ѳ. Ѳ. Кокошкину, бывшему директору и страстному любителю театровъ; благодаря этому обстоятельству, а также благодаря природному уму и чув-

ству, Львова своею игрою производила большое впечатлѣніе на зрителей; въ игрѣ ея отсутствовалъ пафосъ, чувство передавалось ею всегда горячо и правдиво, интонаціи у ней были вѣрны, и вообще игра была классическою въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Ея репертуаръ былъ обширенъ. Кромѣ драмъ и комедій, ей пришлось, напр., играть въ «Двумужницѣ», пьесѣ кн. Шаховского. Львова отличалась привѣтливостью и считалась пріятною собесѣдницею. Ея скромную гостиную посѣщали многіе московскіе литераторы. Въ день ея бенефиса Пушкинъ, изъ вниманія къ ней, разрѣшилъ поставить на сценѣ «Цыганъ». Скончалась Львова въ глубокой старости въ Москвѣ 5 декабря 1875 г., 80-ти лѣтъ отъ роду.

«Русскій Міръ» 1876 г., № 13.—«Иллюстрир. Газета» 1876 г., № 2.—«Московскія Вѣдом.» 1875 г., № 327, — *Араповъ*, «Драматическій альбомъ». М. 1850 г., стр. 47—52.

Львовичъ - Кострица, *Николай Ульяновичъ*, кандидатъ правъ Московскаго университета (1874 г.), а затѣмъ присяжный повѣренный при Московскомъ окружномъ судѣ. Умеръ 7 декабря 1881 г. въ Москвѣ. Имъ издана брошюра «Права и обязанности присяжныхъ засѣдателей и необходимыя свѣдѣнія для нихъ по уголовному судопроизводству» (М. 1879 г.).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. писат. и писательницъ», вып. I, стр. 43.—«Московск. Вѣдом.» 1881 г., № 340. — «Русскія Вѣдом.» 1882 г., № 12.—Отчетъ Московскаго у-та за 1874 г., стр. 38.

Львовскій, *Григорій Ѳедоровичъ*, регентъ С.-Петербургскаго митрополичьяго хора и духовный композиторъ, род. 25 янв. 1830 г. въ Бессарабіи, учился въ Кишиневскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, по окончаніи которой занялъ мѣсто регента архіерейскаго хора въ Кишиневѣ. Во вниманіе къ музыкальнымъ способностямъ Львовскаго преосв. епископъ Антоній отправилъ его для полученія музыкальнаго образованія въ Петербургъ въ регентскіе классы при придворной пѣвческой капеллѣ. Послѣ окончанія регентскихъ классовъ, прослуживъ три года—до 1856—въ Кишиневѣ на прежней должности регента архіерейскаго хора, Львовскій былъ переведенъ въ Петербургъ регентомъ хора Александро-Невской лавры, а съ 1858 г. назначенъ регентомъ митрополичьяго хора, гдѣ пробылъ до 1893 г. Одновременно Львовскій занимался преподаваніемъ пѣнія во многихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и завѣдывалъ хоромъ Исаакіевскаго собора.

Какъ духовный композиторъ, Львовскій занимаетъ видное мѣсто въ ряду дѣятелей 70—80 годовъ XIX столѣтія. Наиболѣе вліятельный въ области церковнаго пѣнія предшественникъ Львовскаго, А. Ѳ. Львовъ, къ этому времени закончилъ свое большое дѣло переложенія древнихъ распѣвовъ въ четырехголосную гармонію, но оно не находило подражателей, и большинство современныхъ духовныхъ композиторовъ шли совершенно иными путями. Къ числу ихъ примкнулъ и Львовскій, какъ-бы сознательно подмѣтившій существенные недостатки работъ А. Ѳ. Львова и старавшійся избѣжать ихъ въ собственныхъ духовно-музыкальныхъ переложеніяхъ. Такъ, Львовскій въ возможной точности сохранялъ подлинныя мелодіи древнихъ распѣвовъ, а въ гармоніи склонялся къ преимущественному употребленію церковныхъ ладовъ; кромѣ того, въ голосахъ сопровождающихъ онъ часто примѣнялъ мелодіи, контрапунктически связанныя съ мелодіей верхняго голоса.

Для того времени это было ново, и наши древніе распѣвы въ такой гармонизаціи получили болѣе подходящую къ характеру ихъ обработку, чѣмъ у А. Ѳ. Львова. Къ тому же Львовскій всегда обращалъ вниманіе на содержаніе текста церковныхъ пѣснопѣній и умѣлъ придать ему посредствомъ разнообразныхъ пріемовъ голосоведенія, мелодическихъ украшеній, перемѣны гармоніи и т. п., извѣстную рельефность и выразительность. Свободныя композиціи Львовскаго по своему характеру также приближаются къ его переложеніямъ. Въ печати имѣется болѣе 60 №№ духовно-музыкальныхъ сочиненій и переложеній его. Между ними наиболѣе выдающимися признаются —«Блажени яже избралъ», посвященное памяти императора Александра II-го, «Благослови, душе моя, Господа» греческаго распѣва, «Дѣво днесь» болгарскаго распѣва и др. Скончался Львовскій 5 октября 1894 г.

«Церковныя Вѣдомости» 1894 г., стр. 1515.—«Русская Музык. Газета» 1894 г., стр. 275.—*М. Лисицынъ*, «Г. Ѳ. Львовскій, какъ композиторъ» — «Рус. Муз. Газета» 1895 г., стр. 191—198.—*Карасевъ А.*, «Г. Ѳ. Львовскій и его духовныя музыкальныя произведенія» («Душеполезное Чтеніе» 1910—1911 г.).

А. Преображенскій.

Львовъ, кн. *Алексѣй Михайловичъ*. Въ 1607 г. царь Василій Ивановичъ Шуйскій посылалъ его подъ Арзамасъ, когда этотъ городъ былъ за «воромъ», и Арзамасъ удалось взять. Въ 1610 г. онъ былъ на воеводствѣ въ Нижнемъ Новгородѣ вмѣстѣ съ кн. Александр. Андр. Репнинымъ и Дм. Ис. Жедринскимъ. Въ апрѣлѣ 1612 г. кн. Львовъ находился въ войскѣ кн. Дм. Мих. Пожарскаго въ Ярославлѣ и подписался подъ грамотой кн. Пожарскаго къ Вычегодцамъ о всеобщемъ ополченіи городовъ на защиту отечества, о беззаконной присягѣ кн. Трубецкого, Заруцкаго и казаковъ новому Самозванцу и о скорѣйшей присылкѣ выборныхъ людей въ Ярославль для земскаго совѣта и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ. Въ 1613 г. онъ подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича *седьмымъ* изъ стольниковъ: «стольникъ князь Алексѣй Львовъ и во княжъ Юрьево мѣсто Липецкаго». Послѣ избранія на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ отказывался ѣхать изъ Троице-Сергіева монастыря въ Москву, «доколѣ Московскаго государства люди въ соединенье не придутъ и кровь крестьянская литься не престанетъ». По просьбѣ Ѳ. И. Шереметева и другихъ членовъ посольства отъ Земскаго Собора, сопровождавшихъ Михаила Ѳеодоровича и его мать изъ Ипатьевскаго монастыря, юный царь согласился на посылку Земскому Собору грамоты. Въ грамотѣ предписывалось принять мѣры и уговаривать людей, чтобъ они «отъ дурна престали». Грамоту повезли въ Москву: Чудовскій архимандритъ Авраамій, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, стольники Ив. Петр. Шереметевъ и кн. Львовъ. 11 іюля 1613 г., въ день вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича, по пути въ Успенскій соборъ шли передъ нимъ: бояринъ Вас. Петр. Морозовъ, всѣ окольничіе и 10 стольниковъ, въ томъ числѣ кн. Львовъ. На другой день, 12 іюля, въ именины царя, былъ столъ въ Грановитой палатѣ; 13-го іюля тоже; кн. Львовъ оба раза «смотрѣлъ въ кривой столъ». Въ томъ же году, 18-го сентября, при пріемѣ царемъ кизильбашскаго посла, въ рындахъ велѣно быть на правой сторонѣ кн. Юрію Яншину и кн. Юрію Хворостинину; на лѣвой Ив. Петр. Шереметеву и кн. Львову. Вышло замѣшательство вслѣдствіе отъѣзда кн. Яншина изъ Москвы до назначенія въ рынды, а потому кн. Хворостининъ и кн. Львовъ были отставлены и на ихъ мѣсто велѣно стоять другимъ. Въ 1614 г. кн. Львову и Перфилію Секирину указано было итти въ Литовскую землю войною; съ ними посланы: дворяне и дѣти боярскіе понизовыхъ городовъ, казанскіе князья, мурзы и татары, чуваши и черемисы. Собираться велѣно въ Калугѣ, оттуда черезъ Брянскъ итти въ Литву на Кричевскія мѣста. Въ 1615 г. кн. Львовъ былъ воеводою въ Рыльскѣ; съ нимъ Григ. Андр. Алябьевъ. Въ 1616 г. вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Юріемъ Еншеевичемъ Сулешевымъ онъ былъ посланъ въ Нижній Новгородъ собирать ратныхъ людей и итти противъ казанскихъ татаръ и луговой черемисы. До Москвы дошли слухи, что татары и черемисы измѣнили государю, повоевали многія мѣста, пожгли села и деревни, полонили и побили людей, подступаютъ къ Нижнему, Арзамасу, Мурому, отняли дороги отъ Казани къ Нижнему и «чинятъ тѣсноту многую понизовымъ городамъ». Съ мая 1618 до декабря 1620 г. кн. Львовъ былъ товарищемъ воеводы въ Астрахани у кн. Андр. Андр. Хованскаго. Въ 1621 г. онъ и дьякъ Жданъ Шиповъ были отправлены въ Данію сватать за Михаила Ѳеодоровича одну изъ шлезвигъ-голштинскихъ принцессъ, племянницъ датскаго короля Христіана IV. Посламъ былъ данъ подробный наказъ, что говорить и какъ поступать въ дѣлѣ сватовства, и они рѣшили сватать старшую племянницу короля, принцессу Дороѳею. Сватовство кончилось ничѣмъ. Въ 1621 г. кн. Львовъ былъ въ Помѣстномъ приказѣ въ товарищахъ у боярина кн. Ив. Бор. Черкасскаго. Въ 1625 г., мая 17 онъ присутствовалъ при пріемѣ кизильбашскаго посла. Въ 1626 г., января 6 государь велѣлъ «вѣдать во дворцѣ и сидѣть у отдачи» (т. е. у ѣствы) вмѣсто дворецкаго изъ дворянъ кн. Ал. Мих. Львову. Въ томъ же году кн. Львовъ билъ государю челомъ о пожалованіи его вотчиной, такъ какъ въ приходъ королевича Владислава подъ Москву въ 1618 г. онъ служилъ въ Астрахани, а всѣ приказные люди какъ бывшіе въ Москвѣ, такъ и посланные по городамъ раньше прихода королевича, награждены были вотчинами; ему же ничего не дано. Въ челобитной кн. Львова сказано, что, будучи въ Астрахани, онъ «во всемъ госу-

дарскому имени искалъ чести и повышенія, и во всякихъ государевыхъ дѣлахъ учинилъ прибыль». Тѣхъ ногаевъ, которые кочевали при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ на крымской сторонѣ, онъ перевелъ на ногайскую сторону; взялъ въ заложники въ Астрахань ногайскихъ мурзъ, ихъ братьевъ, дѣтей и лучшихъ улусныхъ дѣтей. Изъ дальняго кочевья, изъ-подъ Хивы и Бухары, перезвалъ въ Астрахань Аблу-мурзу съ братьями и племянниками, а съ нимъ тысячъ пятнадцать улусныхъ людей; послѣ привода ихъ къ шерти онъ велѣлъ имъ кочевать съ астраханскими мурзами и юртовскими татарами. По наведеннымъ справкамъ, велѣно было дать кн. Львову съ помѣстнаго его оклада того времени, съ 1000 ч. (со 100 ч. по 20 ч.) въ вотчину 200 ч. Кн. Львовъ не удовлетворился этимъ и 9 янв. 1626 г. подалъ двѣ челобитныя, доказывая, что были сдѣланы неправильныя справки, онъ просилъ, чтобы царь и патріархъ пожаловали его «велѣли ему дати свое государево жалованіе въ вотчину противъ тѣхъ, которымъ даваны государевы жалованья вотчины за службы не съ окладовъ, какъ имъ, государемъ, Богъ извѣститъ». Вслѣдствіе справокъ, представленныхъ кн. Львовымъ, ему сдѣлана была прибавка: въ вотчину дано ему 600 ч. вмѣсто прежнихъ 200 ч., и 19-го янв. 1627 г. послана была объ этомъ память изъ Разряда въ Помѣстный приказъ.

Въ 1626 г., на четвертый день послѣ свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновой Стрѣшневой, кн. Львовъ являлъ государю по росписи дары отца его, патріарха Филарета Никитича, лично при этомъ присутствовавшаго. Въ 1627 г. кн. Львовъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Съ этого времени до 1647 г. кн. Львовъ сидѣлъ въ приказѣ Большого Дворца. Приказъ этотъ вѣдалъ покупку товаровъ, заготовленіе для дворца всякихъ столовыхъ припасовъ, всѣ дворцовые доходы въ государствѣ, соляную раздачу; ему же были подсудны монастыри (до учрежденія при Алексѣѣ Михайловичѣ Монастырскаго приказа). Въ 1628 г. кн. Львовъ присутствовалъ при пріемѣ кизильбашскихъ купцовъ, а въ 1630 и 1631 г.г. при пріемѣ шведскаго посла Антона Монира. Въ іюлѣ 1632 г. голштинскій посолъ былъ въ отвѣтѣ у бояръ: боярина и намѣстника черниговскаго кн. Андрея Вас. Хилкова, окольничаго и намѣстника суздальскаго кн. Ал. Мих. Львова, думнаго разряднаго дьяка Гавренева и дьяка Матюшкина. Кн. Львовъ билъ челомъ въ отечествѣ на кн. Хилкова, но все-таки былъ съ нимъ вмѣстѣ въ отвѣтѣ съ посломъ.

Въ іюлѣ 1632 г. царь велѣлъ собирать подводы съ дворовъ: боярину Ѳ. И. Шереметеву, окольничему Льву Ив. Далматову-Карпову и дьяку Михайлѣ Данилову. Шереметевъ и Далматовъ-Карповъ были затѣмъ отставлены, а на ихъ мѣсто указано быть кн. Львову; отъ него собирали дворяне въ разныхъ частяхъ Москвы. Въ 1633 г., іюня 23 кн. Львовъ получилъ отъ государя указъ взять съ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и монастырей по одному конному человѣку съ 300 ч. вотчины. Съ дворовыхъ людей, которымъ не быть на службѣ, взять даточныхъ людей. Всѣ эти сборы касались войны съ Польшей, которая возникла немедленно по истеченіи срока перемирія, заключеннаго въ Деулинѣ. Осада Смоленска, продолжавшаяся четырнадцать мѣсяцевъ подъ предводительствомъ Шеина, окончилась, какъ извѣстно, весьма плачевно для Московскаго государства. 11 янв. 1634 г., когда русскія войска стояли еще подъ Смоленскомъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ назначилъ быть въ посольствѣ съ литовскими послами для переговоровъ о мирѣ боярина Ѳ. И. Шереметева и кн. Львова, съ титуломъ намѣстника суздальскаго. 30-го марта они были на отпускѣ у руки государя, а 31 выѣхали изъ Москвы. Рѣшено было съѣхаться на порубежной рѣчкѣ Поляновкѣ, на томъ же мѣстѣ, на которомъ въ 1619 г. происходилъ размѣнъ плѣнныхъ. По данному наказу главные послы, т. е. Шереметевъ и кн. Львовъ «должны были говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью и разговоромъ, чтобъ договора не разорвать и безславными не быть же». Лишь 3 іюня былъ подписанъ такъ наз. Поляновскій договоръ о вѣчномъ мирѣ между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою, по которому король Владиславъ окончательно отказался отъ притязаній на Московскій престолъ и даже обязался возвратить избирательную на его имя грамоту, вывезенную изъ Москвы Жолкѣвскимъ. Польша получила обратно всѣ города, потерянные ею въ началѣ войны.

Великіе послы, быть можетъ, не достигли всего, чего могли достигнуть Поляновскимъ договоромъ, но и Москвѣ, и Польшѣ нуженъ былъ отдыхъ послѣ бѣдственной войны, а Михаилъ Ѳеодоровичъ, кромѣ того, былъ доволенъ отказомъ Владислава. Вслѣдствіе этого русскихъ пословъ ожидалъ въ Москвѣ благосклонный пріемъ; въ 57 верстахъ отъ столицы, въ с. Кубенскомъ, ихъ встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ съ милостивымъ государевымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивалъ. 5 іюля передъ обѣдомъ въ столовой палатѣ кн. Львовъ былъ пожалованъ въ бояре, а товарищъ его и Шереметева, Степ. Матв. Проѣстевъ—въ думные дворяне. Послѣ обѣда кн. Львовъ получилъ шубу атласъ золотной на соболяхъ въ 160 р., кубокъ серебряный золоченый, да придачи къ прежнему окладу 80 р., да въ вотчину 800 ч. Вѣроятно, именно въ это время онъ получилъ въ Кашинскомъ у. бывшую дворцовую волость Кимры съ деревнями и пустошами. Кромѣ того, у него были вотчины въ Московскомъ и въ Рязанскомъ уѣздахъ.

Въ январѣ слѣдующаго 1635 г. были опять отправлены въ Литву для закрѣпленія вѣчнаго мира королевскою присягою боринъ кн. Львовъ, названный «Ярославскимъ княземъ», и думный дворянинъ и намѣстникъ Шацкій Степ. Матв. Проѣстевъ, а съ ними дьяки, стольники и дворяне. Въ Москву въ то же время прибыло польское посольство, съ Александромъ Посочинскимъ во главѣ. Русскіе послы въ Варшавѣ оказались въ большомъ недоумѣніи, какъ поступить имъ вслѣдствіе объявленія польскими сенаторами, что избиратетьная грамота Владислава потеряна. Сами они рѣшить этого вопроса не могли и послали гонца въ Москву къ царю. По полученному отъ царя наказу они удовольствовались тѣмъ, что король во время торжественной присяги объ исполненіи договора присягнулъ и въ потерѣ избирательной грамоты. По одной изъ дополнительныхъ статей договора дозволено было польско-литовскимъ купцамъ пріѣзжать съ товарами въ Москву, гдѣ для нихъ долженъ былъ быть построенъ особый дворъ. Послѣ королевской присяги, пѣнія Te Deum (Тебе, Бога хвалимъ) и пушечной пальбы, послы обѣдали за королевскимъ столомъ, а затѣмъ присутствовали на театральномъ зрѣлищѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы посламъ удалось добиться разрѣшенія перевезти изъ Варшавы въ Москву тѣла Шуйскихъ: царя Василія, его брата Дмитрія и жены Дмитріевой. 10 іюня того же 1635 г. кн. Львовъ участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ ихъ за Москвой. Въ августѣ 1657 г. литовскіе посланники были въ отвѣтѣ у бояръ: Ѳ. И. Шереметева и кн. Львова и у окольничаго Ст. Матв. Проѣстева. Въ 1638 г., апр. 1, для прихода Крымскаго царя и крымскихъ и ногайскихъ людей, назначены были быть на Тулѣ: кн. Ив. Бор. Черкасскій, кн. Львовъ, окольничій Вас. Ив. Стрѣшневъ и разрядный дьякъ Кудрявцевъ. 2 окт. они вернулись въ Москву, были у руки государя и обѣдали у него. Въ 1639 г. въ янв. и февр. кн. Львовъ дневалъ и ночевалъ у гроба царевича Ивана Мих., а въ апрѣлѣ у гроба царевича Вас. Мих.

21 янв. 1644 г. пріѣхалъ въ Москву датскій королевичъ Вольдемаръ, котораго царь Михаилъ Ѳеодоровичъ намѣтилъ въ женихи своей старшей дочери, царевнѣ Иринѣ. 28 января состоялся его пріемъ въ Грановитой палатѣ царемъ и царевичемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, при чемъ объявлялъ королевича кн. Львовъ. Въ тотъ же день Вольдемаръ обѣдалъ у царя, и кн. Львовъ сидѣлъ за государевымъ поставцомъ за кушаньемъ, какъ и всегда во время торжественныхъ обѣдовъ. Послѣ стола онъ ѣздилъ потчевать королевича, которому было отведено помѣщеніе на Царево-Борисовомъ дворѣ. На другой день государь послалъ кн. Львова спрашивать королевича о здоровьѣ.

Въ концѣ февраля 1644 г. кн. Львовъ снова былъ отправленъ въ Польшу полномочнымъ посломъ; съ нимъ думный дворянинъ Гр. Гавр. Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ. Пушкинъ билъ челомъ, что ему невмѣстно быть съ кн. Львовымъ въ товарищахъ; кн. Львовъ билъ челомъ на Пушкина. При разборѣ «случаевъ» выяснилось, что Пушкинъ билъ «не дѣломъ», а потому посаженъ въ тюрьму и, по выходѣ оттуда, ѣздилъ съ кн. Львовымъ въ Польшу. Цѣлью посольства, по явному наказу, было рѣшеніе вопросовъ о царскомъ титулѣ и о размежеваніи Путивльскихъ земель. Тайнымъ наказомъ повелѣвалось разузнать о самозванцѣ, появившемся въ Польшѣ и выдававшемъ себя за сына царя Василія Ивановича Шуй-

скаго. Послѣ долгихъ разсужденій вопросы о титулѣ и о рубежахъ были рѣшены, но исполненіе тайнаго наказа встрѣтило большія затрудненія, такъ какъ паны объявили, что ни королю, ни имъ ничего неизвѣстно о самозванцахъ, но что король указалъ о нихъ разыскать. Когда великіе послы узнали, наконецъ, отъ пановъ подробности о самозванцѣ Лубѣ, выдававшемъ себя не за сына царя Шуйскаго, а за сына Марины Мнишекъ, то кн. Львовъ потребовалъ отъ пановъ укрѣпленія за ихъ руками и печатями, что король непремѣнно пришлетъ «вора» въ Москву со своими послами, а если вскорѣ не пришлетъ, то заключенный теперь договоръ и размежеваніе границъ теряютъ силу. Паны дали подписку, и послы отправились въ Москву. Царь былъ очень доволенъ веденіемъ дѣла и всѣхъ наградилъ. 29 окт. 1644 г. навстрѣчу пословъ былъ присланъ въ Можайскъ стольникъ Леонтьевъ съ государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать. 27 ноября того же года кн. Львовъ былъ пожалованъ *дворечествомъ съ путемъ*, думный дворянинъ Пушкинъ окольничествомъ, а дьякъ Волошениновъ назначенъ въ думные дьяки. Въ тотъ же день послѣ обѣда у царя кн. Львовъ получилъ шубу бархатъ золотной, кубокъ и придачу къ окладу. Пожалованіе кн. Львова *дворечествомъ съ путемъ* настолько важно само по себѣ и по тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, которыя съ нимъ соединялись, что мы остановимся довольно подробно на царской грамотѣ отъ 23 марта 1645 г., данной на имя кн. Львова. Въ этой грамотѣ перечислены тѣ слободы въ Ярославлѣ (на посадѣ и въ самомъ городѣ) и въ Ярославскомъ уѣздѣ, которыя даны «въ путь» кн. Львову. На посадѣ были слѣдующія слободы: Дрюлина, Толчкова, Коровницкая, Благовѣщенская, Тверицкая, Петровская, Кондаковская; въ самомъ городѣ Ловецкая, что въ зарядьѣ; за острогомъ «ловецкіе» дворы въ улицѣ Киселихѣ; въ Ярославскомъ уѣздѣ рыбныя ловецкія слободы—Норская, Борисоглѣбская и Рыбная. Таможенныя пошлины съ крестьянъ, а также съ кущовъ и съ продавцовъ, и всякіе денежные доходы обязаны были собирать въ пользу кн. Львова выборные люди этихъ рыбныхъ слободъ, согласно уставной грамотѣ, выданной крестьянамъ Борисоглѣбской Слободки царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ 1584 г. Первоначально уставная грамота была пожалована вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ, но пришла въ такую ветхость, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ переписать ее заново. Судъ во всѣхъ этихъ слободахъ должны были вѣдать тіунъ и доводчикъ кн. Львова. Кромѣ того, кн. Львову предоставлялось пользованіе прибылью съ кабака, что въ Ярославлѣ на посадѣ, за городомъ, на Горкахъ. Извѣстную часть пошлинъ, взимаемыхъ въ Москвѣ въ приказѣ Большого Дворца, царь велѣлъ отчислять въ пользу кн. Львова. За собой Михаилъ Ѳеодоровичъ оставлялъ право получать рыбу съ ловецкихъ слободъ и тотъ оброкъ, который онѣ ему ежегодно платили.

Какого рода сношенія существовали между датскимъ королевичемъ Вольдемаромъ и кн. Львовымъ въ теченіе 1644 г., когда царь и патріархъ Іосифъ старались склонить королевича къ переходу въ православіе—мы не знаемъ. Въ февр. 1645 г., послѣ неудачнаго покушенія къ побѣгу изъ Москвы, Вольдемаръ,—по показанію неизвѣстнаго современнаго автора, находившагося, какъ полагаютъ, въ его свитѣ,—«искалъ помощи у самыхъ знатныхъ изъ большихъ бояръ или государственныхъ совѣтниковъ, у Ѳ. И. Шереметева и кн. А. М. Львова», письменно прося ихъ уговорить царя согласиться на совершеніе брака безъ перемѣны вѣроисповѣданія, или отпустить его домой съ подобающей честью. Получивъ это письмо, Шереметевъ и кн. Львовъ ѣздили къ Вольдемару на Царево-Борисовъ дворъ, тщетно упрашивали они его исполнить царскую волю относительно перемѣны вѣры и вынуждены были передать царю рѣшительное желаніе королевича получить почетный отпускъ. Только по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича былъ отпущенъ Вольдемаръ въ Данію. 13 авг. 1645 г. указано ему было быть въ Золотой палатѣ на отпускѣ у юнаго царя. На середину палаты выступилъ кн. Львовъ и началъ вычитывать всю исторію сватовства Вольдемара «по бумагамъ, саженъ въ десять длины и очень узкой», какъ замѣтилъ одинъ изъ находившихся въ свитѣ королевича. Въ заключеніе кн. Львовъ объявилъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, видя, что «нельзя совершиться великому дѣлу брака безъ соединенія

въ вѣрѣ», рѣшился отпустить королевича, согласно его желанію, неоднократно повторенному.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ кн. Львовъ былъ столь же близокъ ко двору, какъ и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича: онъ сказывалъ въ 1645 г. боярство кн. Алексѣю Никитичу Трубецкому и Никитѣ Ив. Романову, сопровождалъ царя въ богомольныхъ и загородныхъ походахъ и обѣдалъ у него въ торжественные дни. Во время Московскаго бунта 1648 г. домъ кн. Львова былъ разграбленъ вмѣстѣ съ домомъ кн. Ник. Ив. Одоевскаго и другихъ бояръ.

Находясь постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ѳ. И. Шереметевымъ, кн. Львовъ присутствовалъ 22 іюня 1649 г. при составленіи имъ такъ называемой изустной памяти, нѣсколько измѣнявшей и дополнявшей духовное завѣщаніе, составленное Шереметевымъ въ 1645 г. Кромѣ кн. Львова, свидѣтелями при составленіи изустной памяти были: духовникъ Шереметева протопопъ Григорій и кн. Никита Ив. Одоевскій. Выслушавъ духовное завѣщаніе и изустную память Шереметева, царь приказалъ подписать ихъ думному дьяку Гавреневу, и затѣмъ кн. Львовъ отнесъ оба документа къ патріарху Іосифу для свидѣтельства подлинности ихъ и приложенія патріаршей печати.

Кн. Ал. Мих. Львовъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на Евлампіи Михайловнѣ Нагово † въ 1622 г. Имя второй его жены неизвѣстно. Онъ скончался бездѣтнымъ въ 1653 или 1654 г.г.

Акты Ист., III.—А. А. Э., III и V.—С. Г. Г. и Д., I и III.—Дв. разр., I–III.—Разр. кн., I и II.—Акты Моск. госуд., I и II.—Др. Рос. Вивл., XV и XX.—Р. И. Б., IX, X и XII.—Разр. зап. за смутн. вр., изд. *Бѣлокуровымъ*. — Нижегородскій Лѣтописецъ.— Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., I и II.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра В.», XII и XIII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», IX.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ». — *Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн., I. *В. Корсакова.*

Львовъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, директоръ придворной пѣвческой капеллы, авторъ музыки русскаго народнаго гимна, род. въ Петербургѣ 25 мая 1798 г. Отецъ его, Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, былъ большимъ любителемъ музыки и съ 1826 г. состоялъ директоромъ придворной капеллы. А-ѣй Ѳ-чъ съ 7 лѣтъ учился игрѣ на скрипкѣ и знакомился съ музыкальной библіотекой отца, состоявшей изъ старинныхъ сочиненій; въ 1814 г. онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго въ 1818 г. произведенъ былъ въ офицеры и командированъ для производства работъ въ военныхъ поселеніяхъ, управляемыхъ тогда гр. Аракчеевымъ. Въ февралѣ 1825 г. Львовъ вышелъ въ отставку, а въ ноябрѣ того-же года поступилъ адъютантомъ къ шефу корпуса жандармовъ Бенкендорфу, исполняя при немъ обязанности секретаря. Государь, соглашаясь на опредѣленіе Львова на эту должность, сказалъ Бенкендорфу: «Возьми его, онъ хорошій офицеръ, сумѣлъ восемь лѣтъ прослужить у Аракчеева». Въ 1828 т. Львовъ съ главной квартирой отправился, по случаю войны съ Турціей, за Дунай въ качествѣ завѣдывающаго дѣлами главной квартиры и находящагося въ свитѣ государя «для производства дѣлъ, до вояжей относящихся». Въ 1833 г. по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія съ государемъ Львовъ получилъ порученіе государя написать русскій народный гимнъ. Въ Россіи до тѣхъ поръ употреблялась музыка англійскаго національнаго гимна на слова В. А. Жуковскаго: «Боже, Царя храни, славному долги дни дай на земли». Въ своихъ запискахъ Львовъ говоритъ по этому поводу: «задача показалась мнѣ весьма трудною. Я чувствовалъ надобность написать гимнъ величественный, сильный, чувствительный, для всякаго понятный, имѣющій отпечатокъ національности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа отъ ученаго до невѣжды». Къ написанной имъ музыкѣ Львовъ просилъ Жуковскаго написать слова. Это были слова употребляемаго до настоящаго времени гимна, первоначально называвшагося «Молитва русскаго народа». По докладу гр. Бенкендорфа о гимнѣ Львова государь Николай Павловичъ съ императрицей и в. кн. Михаиломъ Павловичемъ 23 ноября 1833 г. пріѣхали слушать гимнъ въ пѣвческій корпусъ, и здѣсь хоръ придворной капеллы и два оркестра военной музыки впервые исполнили новое сочиненіе. Прослушавъ нѣсколько разъ гимнъ, государь сказалъ: «Спасибо, прелестно, ты совершенно понялъ меня». Съ 25 дек. 1833 г. гимнъ «Боже, Царя храни» съ музыкою Львова сталъ употребляться въ качествѣ русскаго народнаго

гимна. Въ слѣдующемъ году Львовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и продолжалъ сопутствовать государю въ его поѣздкахъ по Россіи и за границей.

14 дек. 1836 г. скончался отецъ А—я Ѳ—ча, и директоромъ придворной пѣвческой капеллы 2 янв. 1837 г. былъ назначенъ онъ самъ, какъ лично извѣстный государю большой знатокъ музыки и артистъ-скрипачъ. Съ этого времени музыкальные интересы заполняютъ всю жизнь А—я Ѳ—ча; въ ближайшіе годы онъ выступилъ за границей въ качествѣ скрипача-виртуоза и пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ, засвидѣтельствованнымъ въ словахъ восторженнаго отзыва Роберта Шумана, который писалъ: «если въ Россіи играютъ на скрипкѣ такъ, какъ играетъ г. Львовъ, то намъ надлежитъ ѣхать туда не учить, а учиться». Въ Петербургѣ у А—я Ѳ—ча часто бывали музыкальные вечера, на которыхъ участвовали лучшія музыкальныя силы столицы и пріѣзжавшіе изъ-за границы знаменитости. Вечера были удостоиваемы также и Высочайшаго посѣщенія. Львовъ устроилъ постоянный квартетъ при участіи В. Маурера, Вильде и гр. М. Віельгорскаго. По иниціативѣ Львова въ 1840 г. было основано въ Петербургѣ Симфоническое Общество съ цѣлью пропагандировать въ то глухое въ Россіи для музыки время произведенія западно-европейскихъ классиковъ.

Извѣстенъ Львовъ и въ качествѣ композитора. Ему принадлежатъ: 24 этюда для скрипки, драматическій скрипичный концертъ, «Le Duel для скрипки и віолончели», «Увертюра C—dur», «Фантазія для скрипки съ муж. хоромъ» и др. Оперы—1) «Bianca e Gualtiero», поставленная въ 1844 г. въ Дрезденѣ и въ 1845 г. въ Петербургѣ; 2) «Ундина»—на текстъ Жуковскаго, поставленная въ 1849 г. также въ Петербургѣ и возобновленная въ 60-хъ годахъ; 3) «Староста Борисъ, или русскій мужичекъ и французскіе мародеры въ 1812 г.», поставленная въ сезонъ 1854—55 г. и 4) оперетта «Варвара».

Всѣ эти произведенія написаны для своего времени съ большимъ знаніемъ дѣла, съ примѣненіемъ вполнѣ современной музыкальной техники, нерѣдко съ творческимъ подъемомъ, рельефно выступающимъ въ вокальныхъ частяхъ и хорахъ послѣднихъ названныхъ сочиненій.

Занимая въ теченіе 24-хъ лѣтъ должность директора придворной пѣвческой капеллы, Львовъ своими трудами составилъ себѣ большое имя въ области церковнаго пѣнія. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи обширна и обнимаетъ собою всѣ стороны современной ему церковно-пѣвческой жизни.

Сюда прежде всего относится изданіе придворной капеллой образцовыхъ книгъ церковныхъ напѣвовъ, получившее названіе «Придворнаго Обихода». То, что понимается теперь въ смыслѣ хорового обихода, совершенно не существовало до Львова. Единственнымъ предшествующимъ обиходу изданіемъ обычныхъ напѣвовъ служило напечатанное въ 1835 г. «Пѣніе божественной литургіи» на два голоса. Оно не могло удовлетворить потребностямъ даже самой капеллы при отправленіи ею церковныхъ службъ при Высочайшемъ Дворѣ: какъ не обнимавшее круга церковнаго года, оно было очень неполно и, будучи далеко несовершеннымъ въ гармоническомъ отношеніи, допускало возможность уклоненій отъ правильнаго движенія въ остальныхъ голосахъ. Въ 1846 г. Львовъ предпринялъ трудъ положенія на ноты *всѣхъ* духовно-музыкальныхъ сочиненій, какія поются въ придворныхъ церквахъ во весь кругъ года. На это дѣло онъ получилъ предписаніе министра императорскаго двора и съ помощью учителей пѣнія капеллы (Воротникова, Ломакина и Бѣликова—инспектора капеллы) благополучно довелъ его конца. Въ 1857 г. «Обиходъ» былъ выпущенъ въ свѣтъ въ двухъ книгахъ и съ этого времени до конца 60-хъ годовъ имѣлъ болѣе 12-ти изданій. Въ «Обиходѣ» Львова наше обычное пѣніе впервые получило весьма удобную для исполненія нормальнымъ церковнымъ хоромъ и вполнѣ правильную въ музыкальномъ отношеніи редакцію, остающуюся во всеобщемъ употребленіи до настоящаго времени лишь съ незначительными измѣненіями, введенными въ 1869 г. преемникомъ Львова, Н. И. Бахметевымъ. Для своего времени изданіе было цѣлымъ событіемъ, такъ какъ отсутствіе подобнаго образцоваго изложенія обычныхъ напѣвовъ вносило безпорядочность въ пѣніе церковныхъ хоровъ, а восполненіе его было не подъ силу не только отдѣльнымъ лицамъ, но и какимъ-либо другимъ, кромѣ капеллы, учрежденіямъ.

Рядомъ съ «Обиходомъ» нотнаго церковнаго пѣнія, при Высочайшемъ Дворѣ употребляемаго, должны быть поставлены многочисленныя переложенія Львова одноголосныхъ церковныхъ распѣвовъ—знаменнаго, кіевскаго, греческаго и др.—на полный хоръ. Львовъ предполагалъ переложить «въ гармонію хорнаго состава все, что Св. Синодомъ издано въ одну строку». Это изданіе, по мысли Львова, должно было дать вмѣстѣ съ «Обиходомъ» навсегда полный кругъ древняго церковнаго пѣнія въ четырехголосномъ изложеніи. Желая какъ можно полнѣе и основательнѣе изучить это древнее пѣніе, чтобы критически отнестись даже и къ синодальнымъ изданіямъ, Львовъ затребовалъ чрезъ Св. Синодъ сохранившіяся въ епархіяхъ старыя одноголосныя рукописныя книги и только послѣ тщательнаго пересмотра ихъ отказался отъ мысли воспользоваться ими, какъ чрезвычайно несовершенными въ отношеніи единства въ изложеніи пѣвческихъ мелодій. Остановившись, такимъ образомъ, на записанныхъ въ синодальныхъ изданіяхъ напѣвахъ, Львовъ сталъ присоединять къ нимъ «гармонію хорнаго состава», оставляя подлинникъ, по возможности, неизмѣненнымъ. Онъ писалъ: «здѣсь моего сочиненія нѣтъ и быть не можетъ ничего другого, кромѣ строгаго сохраненія напѣвовъ и правильнаго приложенія къ онымъ гармоніи». Такимъ образомъ Львовъ понималъ задачу гармонизаціи не въ широкомъ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, имѣя въ виду дать мелодіи ясное и подходящее гармоническое освѣщеніе, но лишь въ смыслѣ простого положенія мелодіи на хоръ. Индивидуальныя особенности напѣвовъ и отдѣльныхъ мелодическихъ оборотовъ въ нихъ нисколько не повліяли на характеръ многоголосной обработки ихъ, и приложеніе гармоніи хорнаго состава производилось съ заранѣе выработанными опредѣленными пріемами. Однако труды Львова представляли серьезную цѣнность. Уже самая мысль о надобности гармонизовать полный церковный кругъ древнихъ напѣвовъ для сороковыхъ годовъ 19-го столѣтія была замѣчательной; она съ большою пользою отвлекала вниманіе хоровъ отъ распространившагося въ то время пристрастія къ твореніямъ провинціальныхъ самоучекъ-композиторовъ и имѣла цѣлью дать прямо на клиросъ, въ руки пѣвцамъ, въ музыкальномъ отношеніи правильно, а нерѣдко и красиво сдѣланныя переложенія древнихъ напѣвовъ. Несмотря на многочисленныя препятствія начатому дѣлу и обширность самаго труда, Львовъ въ 1859 г. напечаталъ и издалъ: Утреню греческаго распѣва, Воскресные утренніе антифоны, Воскресные и праздничные ирмосы—того же распѣва, Октоихъ и Сокращенный Ирмологій знаменнаго распѣва.

Въ непосредственной связи съ работами по гармонизаціи древнихъ напѣвовъ должны быть поставлены тѣ сочиненія Львова, которыя явились результатомъ изученія своеобразнаго матеріала въ видѣ множества одноголосныхъ мелодій, т. е. его небольшое сочиненіе «О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ», и написанныя въ несимметричномъ же ритмѣ духовно-музыкальныя произведенія. До Львова никому не приходило въ голову мысль отказаться при обработкѣ церковныхъ мелодій отъ обычныхъ тактовыхъ дѣленій, въ подлинникѣ совершенно отсутствующихъ. Всѣ писали музыку на прозаическій церковный текстъ, подчиняя его дѣленіе искусственной тактовой симметріи. Львовъ первый угадалъ въ нашемъ церковномъ пѣніи зависимость чередованія акцентовъ съ ритмически сильными повышеніями слоговъ текста, и первый изъ этого наблюденія сдѣлалъ выводъ о надобности большаго соотвѣтствія между характеромъ содержанія, движеніемъ мелодіи, съ одной стороны,—и ритмическими акцентами текста, съ другой. Несомнѣнно, что этотъ новый взглядъ имѣлъ существенное значеніе для развитія русскаго церковнаго пѣнія и принесъ уже осязательные для нашего времени плоды. «Если не ошибаюсь,—писалъ Львовъ, просѣка въ лѣсу сдѣлана». Произведенія, написанныя Львовымъ въ видѣ примѣненія къ дѣлу найденнаго имъ новаго и вполнѣ вѣрнаго закона, до сихъ поръ не утратили своего значенія образцовыхъ по фразировкѣ композицій, напр., «Уязвенную мою душу», «Виждь твоя пребеззаконная дѣла» и др.

Отъ Львова мы имѣемъ до 40 оригинальныхъ духовныхъ композицій, между которыми 4 концерта. Въ этихъ сочиненіяхъ, отдаваясь свободному творчеству, не чувствуя себя стѣсненнымъ какими-либо побочными соображеніями, Львовъ обнаруживаетъ сильное религіозное чувство и

проникновенность содержаніемъ церковныхъ пѣснопѣній. Въ музыкальномъ отношеніи они стоятъ также весьма высоко въ ряду первоклассныхъ сочиненій первой и даже второй половины 19 в. Сюда могутъ быть отнесены въ особенности: Херувимская пѣснь № 1, «Достойно есть» № 2, «Вечери Твоея тайныя», концертъ «Приклони, Господи, ухо Твое» и др.

За время управленія Львовымъ придворной капеллой значеніе этого учрежденія возросло въ сильной степени. Онъ довелъ пѣніе капеллы до высокаго совершенства и именно къ капеллѣ его времени относятся восторженныя похвалы Берліоза, который, между прочимъ, сказалъ: «сравнить хоровое исполненіе Сикстинской капеллы въ Римѣ съ этими дивными пѣвцами,—то же, что сравнивать несчастную маленькую труппу пилилъ третьестепеннаго итальянскаго театра съ оркестромъ Парижской консерваторіи». За время Львова капелла начинаетъ впервые выступать въ духовныхъ концертахъ, которые не могли не имѣть воспитательнаго и художественнаго значенія для русскаго хорового пѣнія.

Одновременно Львовъ заботился о надлежащемъ обезпеченіи пѣвцовъ капеллы, учредивъ въ 1851 г. такъ называемый вспомогательный капиталъ для вдовъ и сиротъ придворныхъ пѣвчихъ, а также и о судьбѣ малолѣтнихъ пѣвцовъ, устроивъ для нихъ возможность по спаденіи съ голоса получить музыкальное образованіе въ инструментальномъ классѣ при капеллѣ.

Въ заботахъ о распространеніи упорядоченнаго послѣ изданія придворнаго обихода церковнаго пѣнія по всѣмъ церквамъ Россіи, Львовъ неминуемо долженъ былъ взять на себя и трудъ необходимой подготовки опытныхъ руководителей пѣнія, регентовъ, для чего учредилъ при придворной капеллѣ регентскій классъ. При тогдашнемъ совершенномъ отсутствіи музыкально-педагогическихъ учрежденій это отвѣчало насущной потребности, и Св. Синодъ, видя надобность образованія регентовъ, издалъ—по иниціативѣ Львова,—въ 1849 г. указъ, по которому обученіе хоровъ должно быть непремѣнно поручаемо только лицамъ, получившимъ аттестаты отъ придворной капеллы. Другая цѣль такого образованія состояла въ томъ, чтобы «воздержать, какъ говоритъ указъ Св. Синода въ 1847 г., отъ пѣнія въ церквахъ нотной музыки, и въ особенности концертовъ, исполненіе которыхъ весьма затруднительно и требуетъ для обученія онымъ регентовъ съ большими познаніями, что весьма рѣдко встрѣчается». Епархіальные и полковые регенты, пѣвчіе, желавшіе обучать пѣнію, стали призываться къ капеллу, учились здѣсь и возвращались въ свои хоры полноправными руководителями.

Въ соотвѣтствіе съ такимъ значеніемъ капеллы для регентовъ Львовъ, имѣя въ виду состоявшееся еще при Бортнянскомъ Высочайшее повелѣніе о непечатаніи духовно-музыкальныхъ сочиненій иначе, какъ по одобреніи ихъ директоромъ капеллы, сохранилъ за этой должностью руководственное право одобренія или неодобренія вновь появлявшихся духовно-музыкальныхъ произведеній и даже самое сочиненіе новой музыки разрѣшалъ лишь тѣмъ, кто прошелъ регентскій курсъ въ капеллѣ и получилъ высшій аттестатъ.

Вслѣдствіе этихъ мѣропріятій, весьма тѣсно одно съ другимъ связанныхъ, придворная капелла, какою ее оставилъ Львовъ въ 1861 г., не можетъ быть и сравниваема съ той, въ управленіе которой онъ вступилъ въ 1837 г. Она получила значеніе центральнаго учрежденія, вѣдавшаго музыкально-пѣвческое дѣло всей православной Россіи.

Въ 1861 г. здоровье Львова было уже подорвано выпавшими на его долю многочисленными заботами и трудами; къ общему нездоровью присоединилась еще глухота, и 22 іюня 1861 г. онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности директора придворной капеллы и послѣдніе годы до самой смерти провелъ внѣ отношеній къ музыкальному міру. Скончался Львовъ 16 дек. 1870 г. въ имѣніи своемъ Романи, близъ Ковно. Погребенъ въ ближайшемъ къ имѣнью Можайскомъ монастырѣ.

«Записки Алексѣя Ѳедоровича Львова» («Русскій Архивъ» 1884 г., т. II и III).—«Записки Елизаветы Николаевны Львовой» («Русская Старина» 1880 г., кн. III).—«Львовъ, А. Ѳ. Очеркъ его музыкальной дѣятельности». Спб. 1896 г.—*Финдейзенъ, Н.*, «А. Ѳ. Львовъ». Біографія («Русск. Муз. Газ.» 1895 г., №№ 7 и 8).—*Берсъ А.*, «А. Ѳ. Львовъ, какъ музыкантъ и композиторъ». Спб. 1900 г.—«Иллюстр. Газета», 1871 г., № 2.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 263.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1852 г., № 10.—«Голосъ», 1870 г.,

№ 353.—«Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ». М. 1874 г.—Прибавленія къ «Воронежскимъ Епарх. Вѣдомостямъ» 1871 г., № 5.—«Всемірная Иллюстрація» 1871 г., №№ 107, 108.—«Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1871 г., № 6.—«Сынъ Отечества» 1871 г., № 2. «Русскій Архивъ» 1871 г., №№ 7—8.—*Лисицынъ, М.*, «А. Ѳ. Львовъ». Спб. 1899 г.—Татевскій сборникъ. Спб. 1899.—«Рус. Старина», 1900 г., № 4.

А. Преображенскій.

Львовъ, *Андрей*, протоіерей Троицкаго Островскаго собора, писатель-переводчикъ, въ 1788 г. состоялъ преподавателемъ въ Псковской семинаріи, перевелъ съ латинскаго языка «Золотые часы государей, по образцу житія Марка Аврелія Севера, славнѣйшаго императора и премудрѣйшаго философа» (соч. Антонія Гевара). Спб. и М. 1773—1780. 2-е изд. М. 1781 — 1782; «Іисусъ всяческая во всѣхъ, представляемый христіанину къ возбужденію и умноженію священныхъ о немъ размышленій». М. 1804 г. и «Постъ и молитва, или приватныя бесѣды съ христіаниномъ во время св. четыредесятницы, расположенныя по числу недѣль» (съ нѣмецк. М. 1804 г.).

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 263. — *Филаретъ*, арх., «Обзоръ рус. дух. литературы», кн. I, стр. 431.—Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. 60, стр. 503.

Львовъ, *Аѳанасій Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, родился въ 1703 г., назначенъ оберъ-прокуроромъ 18 дек. 1753 г. Въ силу оберъ-прокурорской инструкціи 1722 г., которая вмѣняла оберъ-прокурору бдительно наблюдать за тѣмъ, чтобы Св. Синодъ всѣ дѣла разсматривалъ и всѣ свои обязанности исполнялъ «истинно, ревностно и порядочно, безъ потери времени, по регламенту и указамъ», Львовъ призналъ необходимымъ подчинить епархіальныя учрежденія Синодальнаго вѣдомства оберъ-прокурорскому надзору и 2 мая 1754 года предложилъ Св. Синоду разослать во всѣ учрежденія духовнаго вѣдомства копіи съ вышеозначенной инструкціи. Эта инструкція предусматривала на мѣстахъ особыхъ прокуроровъ, которые должны были слѣдить за своевременнымъ исполненіемъ подчиненными Синоду учрежденіями и лицами синодальныхъ указовъ, а равно и доносить о причинахъ неисполненія таковыхъ и вообще представлять отчетъ о дѣятельности епархіальнаго начальства. Имѣя въ виду то, что такихъ прокуроровъ въ епархіяхъ не было, что инструкція 1722 г. къ тому времени не была распубликована по вѣдомству Св. Синода и епархіальные архіереи пользовались полнотою власти, Св. Синодъ не находилъ нужнымъ исполнять требованіе оберъ-прокурора, хотя оно и было повторено имъ въ предложеніяхъ отъ 13 мая и 6 іюля. Подобно своимъ предшественникамъ, оберъ-прокуроръ Львовъ не былъ единственнымъ посредникомъ между Верховною властію и высшимъ органомъ церковнаго управленія, къ тому же онъ не пользовался особымъ расположеніемъ императрицы: ему приходилось объявлять Св. Синоду къ исполненію лишь тѣ Высочайшіе указы, которые уже были объявлены, но не были исполнены Св. Синодомъ. Такъ, въ предложеніи отъ 20 апрѣля 1754 года объявлено было Св. Синоду, что если указъ объ обязательномъ назначеніи «и великороссіянъ на праздныя ваканціи въ архіереи и архимандриты, устно сообщенный императрицею синодальнымъ членамъ, остается безъ должнаго исполненія, то императрица вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность немедленно же записать въ Св. Синодѣ Высочайшее повелѣніе «для неотмѣннаго исполненія и о всемъ томъ донести ему, оберъ-прокурору, Ея Императорскому Величеству. Проф. Ѳ. Ѳ. Благовидовъ говоритъ: «Насколько незначительно было фактическое вліяніе оберъ-прокурора Львова на ходъ дѣлъ, находившихся въ завѣдываніи высшаго церковнаго учрежденія, всего нагляднѣе показываетъ одинъ любопытный указъ императрицы Елизаветы, который позволяетъ намъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ члены Св. Синода находили даже возможнымъ оставлять прокуратуру въ совершенномъ невѣдѣніи относительно своихъ постановленій и распоряженій». 8-го октября 1755 года императрица Елизавета Петровна приказала т. с. барону Черкасову «объявить собранію Св. Синода, чтобы впредь Св. Синодъ въ противность указамъ никакихъ дѣлъ по домамъ не дѣлалъ, но по указу въ Синодѣ, ничего нескрывая отъ оберъ-прокурора, какъ было до тѣхъ поръ, по дошедшимъ до Ея Величества свѣдѣніямъ, также чтобы и оберъ-секретари и прочіе канцелярскіе служители были оберъ-прокурору послушны, дѣлъ не подписывали

по домамъ у синодальныхъ членовъ и того, что̀ подписывали, не таили бы отъ оберъ-прокурора. И если окажутъ себя отъ сихъ поръ противными указамъ и непослушными оберъ-прокурору, то съ ними поступлено будетъ по жестокости правъ государственныхъ безъ послабленія». О незначительномъ вліяніи оберъ-прокурора Львова на ходъ дѣлъ въ Синодѣ говоритъ и тотъ фактъ, что Сенатъ непосредственно, помимо оберъ-прокурора, вступалъ въ разсмотрѣніе дѣлъ синодальныхъ. Такъ, Сенатъ въ вѣдѣніи отъ 9 февраля 1755 г. напомнилъ Синоду о непремѣнной его государственной обязанности опредѣлять въ монастыри и богадѣльни всѣхъ отставныхъ военно-служащихъ, которые посылаются въ Синодъ изъ Военной коллегіи и отъ генералитета, и Синодъ приказалъ канцеляріи синодальнаго экономическаго правленія въ точности исполнять Высочайшія повелѣнія о распредѣленіи по монастырямъ и богадѣльнямъ «отставныхъ отъ воинской и статской службы воинскихъ чиновъ». Другой примѣръ. Во исполненіе вѣдѣнія Сената отъ 20 декабря 1756 года, Синодъ долженъ былъ послать указы епархіальнымъ архіереямъ о принятіи мѣръ къ пресѣченію незаконнаго обычая вѣнчать несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ на взрослыхъ дѣвицахъ,—обычая, который особенно былъ распространенъ въ Украйнѣ. Св. Синодъ не только нерѣдко отклонялъ предложенія Львова, но и долженъ былъ войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ императрицѣ объ удаленіи его отъ должности оберъ-прокурора Св. Синода. Дѣло въ слѣдующемъ. 11-го марта 1757 г. состоялось Синодальное опредѣленіе «о бытіи Карачевской Тихоновой пустыни съ вотчинами къ Воскресенскому, Новый Іерусалимъ именуемому, монастырю въ приписке», но это опредѣленіе вмѣстѣ съ дѣломъ задержано было оберъ-прокуроромъ. И вотъ 11-го того же марта заслушано было Синодомъ доношеніе члена Синода Переяславскаго епископа Амвросія, въ которомъ преосвященный приноситъ Синоду жалобу на оберъ-прокурора Львова за то, что тотъ означенное опредѣленіе Синода задержалъ въ ожиданіи отъ него, преосвященнаго, такихъ же взятокъ, «какъ и прежде съ епархіальныхъ его монастырей, усильно домогаясь и не отпуская указовъ объ опредѣленіи въ тѣ монастыри на церковныя и монастырскія нужнѣйшія починки денегъ взятки бралъ», напримѣръ, въ 1754-мъ году онъ взялъ съ Данилова и Никитскаго монастырей по 50 рублей, съ Волоколамскаго Іосифова — 100 рублей да съ намѣстника Воскресенскаго монастыря Каллистрата требовалъ 50 рублей. 20-го того же марта состоялось слѣдующее опредѣленіе Синода: по прежнему опредѣленію Синода отъ 11 марта «отправу указовъ за явнымъ господина оберъ-прокурора, какъ по тому дѣлу явствуетъ, подозрѣніями учинить и безъ его смотрѣнія немедленно, а о прочемъ отъ его преосвященства въ томъ доношеніи наупоминаемаго синодальнаго оберъ-прокурора представленнымъ поднесть Ея Императорскому Величеству къ Высочайшему усмотрѣнію отъ Синода всеподданнѣйшій докладъ», который и былъ представленъ 18 апрѣля того же 1757 г. Вслѣдствіе новыхъ жалобъ преосвященнаго Амвросія на оберъ-прокурора Синодъ 17 іюля того же года подалъ императрицѣ новый всеподданнѣйшій докладъ о томъ, чтобы Львовъ не былъ допускаемъ до разсмотрѣнія дѣлъ по Переяславской епархіи и чтобы «отъ него не принимать ни словесныя, ни письменныя предложенія». 12-го же января 1758 года Синодъ «во исполненіе Именного Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго изустно 29 декабря 1757 года и чрезъ духовника, протоіерея Ѳ. Дубянскаго, 11 января 1757 года къ опредѣленію въ Синодъ на мѣсто оберъ-прокурора Львова оберъ-прокуроромъ же изъ представленныхъ Ея Императорскому Величеству отъ Сената 4-хъ кандидатовъ, согласно избравъ, за способнаго и достойнаго признавастъ обрѣтающагося при Сенатѣ Рекетмейстерской Конторы совѣтника Алексѣя Яковлева, который, какъ Синодъ вѣдаетъ, состоянія добраго и въ дѣлахъ искусный». Правительствующій Сенатъ вѣдѣніемъ отъ 19 апрѣля 1758 года сообщилъ Св. Синоду, что «Ея Императорское Величество указомъ 17 апрѣля того же года Всемилостивѣйше пожаловала отставного унтеръ-майора лейбъ-гвардіи князя Алексѣя Козловскаго, на мѣсто обрѣтающагося въ Св. Синодѣ оберъ-прокурора Аѳанасія Львова, въ оберъ-прокурора съ рангомъ армейскаго генералъ-майора».

Ѳ. Ѳ. Благовидовъ, «Оберы-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Отношенія оберъ-про-

куроровъ къ Св. Синоду). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Второе, переработанное изданіе. Казань. 1900 г., стр. 214—226.—Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода. 1754 г., т. XXXIV, №№ 2,211, 222.—Дѣла Архива Св. Синода: 1757 г. 17 марта, № 3, 1758 г. 12 января, № 2. *А. Никольскій.*

Львовъ, *Василій Ивановичъ*, врачъ, происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ Смоленской губ. въ 1832 г. и высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1861 г. опредѣлился на службу въ Ставропольскій военный госпиталь; въ 1865 г. онъ причислился къ клиникамъ Петербургской медико-хирургической академіи и въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора медицины; затѣмъ черезъ два года онъ уволился въ отставку. Во время русско-турецкой войны онъ состоялъ при дѣйствующей арміи, какъ старшій ординаторъ госпиталя и помощникъ медицинскаго инспектора войскъ въ Болгаріи (1877—1881 г.), а съ 1882 г. по день смерти, послѣдовавшей 31 декабря 1887 г. въ Петербургѣ, состоялъ столоначальникомъ въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Новый признакъ перемежающейся лихорадки» («Современ. Медицина», 1863 г.);«Граната подъ мышкой» (тамъ же); «Еврейскій способъ оживленія умершихъ», «Двойной поворотъ младенца» и «Случай воспаленія брюшины» (Протоколы общества кавказскихъ врачей 1864—1865 г.); «О произвольной гангренѣ наружныхъ частей», докторская диссертація, Спб. 1866 г.; «Пересадка надкостной плевы отъ животныхъ къ человѣку» («Медицинскій Вѣстникъ» 1867 г., № 16) и «Лѣченіе водянки термокаутеромъ» («Медицинское Обозрѣніе» 1879 г., ч. XII).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. IV, стр. 188.—*Д. Д. Языковъ* «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VIII, стр. 46.

М. Поповъ.

Львовъ, кн. *Василій Петровичъ*. Въ 1628 г. находился въ числѣ стольниковъ, дневавшихъ и ночевавшихъ въ Москвѣ на дворѣ царя Михаила Ѳеодоровича во время его богомольнаго похода въ Троице-Сергіевъ монастырь. Въ этомъ году онъ назначенъ былъ царемъ въ кравчіе къ патріарху Филарету Никитичу. Въ 1630 и 1631 г.г. онъ присутствовалъ при пріемѣ царемъ шведскаго посла Антона Монира. Въ 1634 г., іюля 5 по случаю пожалованія изъ окольничихъ въ бояре его родного дяди, кн. Алексѣя Мих. Львова, кн. Вас. Петр. и его братья, князья Дмитрій, Семенъ и Иванъ Петровичи, обѣдали вмѣстѣ со вновь пожалованнымъ бояриномъ за царскимъ столомъ. Въ 1636 г. онъ былъ воеводой въ Архангельскѣ. 26-го марта 1639 г. участвовалъ въ перенесеніи изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій соборъ гроба царевича Василія Михайловича; затѣмъ въ концѣ марта и въ апрѣлѣ неоднократно дневалъ и ночевалъ у гроба царевича. Въ 1640 г. онъ числился воеводой въ Яблоновѣ. Въ 1641—42 г.г. «смотрѣлъ» иногда въ «кривой столъ» за царскими обѣдами. Въ 1642 г. кн. Львовъ состоялъ воеводой въ Одоевѣ, а въ 1643—45 г.г.—въ Путивлѣ. Въ 1647 г. онъ посланъ былъ ставить Царевъ-Алексѣевъ городъ; въ случаѣ прихода Крымскаго царя, или царевичей, долженъ былъ итти въ Ливны въ сходъ къ кн. Гр. Куракину.

Въ томъ же году 8-го ноября онъ пожалованъ былъ изъ дворянъ въ окольничіе. Въ 1648—50 г.г. и въ 1553 г. сопровождалъ царя къ Троицѣ, или приготовлялъ ему путь, находясь на станахъ. Въ 1650—51 г.г. кн. Львовъ былъ воеводой въ Псковѣ въ очень тяжелое время: онъ пріѣхалъ въ Псковъ въ разгаръ бунта тамошнихъ жителей, возникшаго вслѣдствіе распоряженія царя Алексѣя Михайловича объ отпускѣ изъ псковскихъ житницъ 11.000 четвертей хлѣба въ Швецію. Хлѣбъ долженъ былъ пойти въ зачетъ выкупной суммы шведскому правительству за всѣхъ русскихъ, перебѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства изъ русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи. Въ Псковѣ былъ недородъ, а потому псковичей сильно взволновалъ слухъ о пріѣздѣ шведскаго уполномоченнаго Нумменса, везущаго изъ Москвы часть выкупныхъ денегъ, и о необходимости выдать ему хлѣбъ изъ Кремля. Тщетно старались архіепископъ Макарій и воевода Собакинъ успокоить мятежниковъ. 25 марта 1650 г. на смѣну Собакину пріѣхалъ изъ Москвы новый воевода, окольничій кн. Вас. Петр. Львовъ. Псковичи не выпустили отъ себя Собакина, а кн. Львова отвели во всегородную избу за отказъ выдать имъ порохъ и свинецъ. Кн. Львовъ едва не былъ убитъ, а сыновья его и Собакина были

насильно взяты мятежниками для отсылки въ Москву вмѣстѣ съ ихъ челобитчиками къ государю съ повинною, какъ-бы въ залогъ за безопасность этихъ челобитчиковъ. Волненіе въ Псковѣ не утихало въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Когда изъ Москвы возвратились челобитчики, то кн. Львовъ созвалъ псковичей, объявилъ имъ царскую милость и уговаривалъ не стоять за мятежниковъ, которые послѣ крестнаго цѣлованья опять намѣревались завести «воровство». Отбывъ воеводство въ Псковѣ, кн. Львовъ провелъ 1653 г. въ Москвѣ и обѣдалъ въ торжественныхъ случаяхъ у царя съ боярами, или съ патріархомъ Никономъ. Въ 1654—56 г.г. онъ участвовалъ въ польскихъ походахъ, причемъ въ 1656 г. ходилъ изъ Смоленска подъ Ригу съ царемъ; 15 іюня 1656 г., послѣ обѣда у царя въ Смоленскѣ съ Крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ, получилъ въ награду за походъ: шубу, крытую золотнымъ атласомъ, кубокъ да къ прежнему окладу придачи 80 руб.

1 апрѣля 1657 г., въ день ангела царицы Маріи Ильинишны, былъ столъ по золотой палатѣ. У стола были: патріархъ Никонъ, Грузинскій, Касимовскій и Сибирскій царевичи, бояре Бор. Ив. Морозовъ, Илья Данил. Милославскій, Ив. Андр. Милославскій да окольничіе, князья Василій и Семенъ Петровичи Львовы. Какого рода службу несъ кн. Вас. Петр. въ послѣдніе два года своей жизни — не знаемъ. Онъ скончался въ 1659 г.

А. А. Э., IV.—Дв. разр., I—III.—Разр. кн., II.—Р. И. Б., IX и X.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», X.—*Барсуковъ*, «Списки город. воеводъ».

В. Корсакова.

Львовъ, кн. *Владиміръ Владиміровичъ*, писатель, род. 1804 г., умеръ 22 марта 1856 г. Кромѣ статей въ «Москов. Журн. Сельскаго Хозяйства и Овцеводства», и повѣсти «Бѣлый медвѣдь» («Библ. для Чтенія», 1836), напечаталъ рядъ книгъ для дѣтей: «Красное яичко для дѣтей» (М. 1831); «Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе», пов. (М. 4-ое изд. 1859); «Сказка о двухъ Иванахъ» (М. 1852 и 1856); «Сказка о трехъ братьяхъ» (М. 4-ое изд. 1856); «Пріемышъ Сережа» (М. 1854) и «Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія» (Спб. 1863, посмертное изд.). Кромѣ того, Львовъ написалъ еще: «Обзоръ рабочей поры» (М. 1849 и 1851) и «Дѣтскій перевозочный пріютъ» (М. 1851).

«Сѣверная Пчела», 1856 г., № 72.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и учен.», т. II, стр. 264.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 35, стр. 136.

Львовъ, кн. *Георгій Владиміровичъ*, д. с. с., род. 12 августа 1821 г., образованіе получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ которомъ въ 1842 г. опредѣлился на службу въ Сенатъ; затѣмъ, послѣ практическихъ занятій судебнымъ дѣломъ въ канцеляріи, ему пришлось перейти къ практической дѣятельности иного рода: онъ находился при сенаторѣ гр. Толстомъ, командированномъ въ Восточную Сибирь для ревизіи. Эта поѣздка обогатила Львова практическими свѣдѣніями о дальнемъ и богатомъ краѣ и дала ему случай развить и обратить на дѣло природныя его способности. Во время ревизіи онъ особенно занимался камчатскими дѣлами, бывъ командированъ на Камчатку съ частнымъ дѣломъ экспедиціи. По возвращеніи изъ ревизіи Львовъ продолжалъ службу въ судебномъ вѣдомствѣ, но въ 1855 г. перешелъ въ морское министерство, гдѣ, по порученію вел. кн. генералъ-адмирала, участвовалъ во многихъ трудахъ по предпринятому въ то время преобразованію морского управленія. Но главный капитальный трудъ князя заключался въ изслѣдованіи быта военныхъ и морскихъ кантонистовъ. Превосходная записка, составленная имъ по этому предмету, послужила поводомъ къ возбужденію вопроса объ уничтоженіи кантонистовъ; и эта важная и человѣколюбивая реформа, объявленная въ манифестѣ при коронаціи, разработана была во всѣхъ подробностяхъ при непосредственномъ участіи Львова. Сверхъ того, князь занимался изслѣдованіемъ быта семейныхъ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, и труды его по этому и другимъ вопросамъ были напечатаны въ свое время въ «Морскомъ Сборникѣ». Спустя нѣкоторое время, Львовъ перешелъ въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ и переѣхалъ въ Москву совѣтникомъ тамошняго губернскаго правленія. Въ Москвѣ въ ту пору образовался кружокъ молодыхъ людей, поставившій себѣ цѣлью возвысить служебную дѣятельность и обратить ее къ цѣлямъ добра и правды. Въ этомъ кружкѣ Львовъ занималъ не послѣднее мѣсто. Тяжкій недугъ, подтачивавшій его орга-

низмъ, заставилъ его переѣхать за границу въ Парижъ, гдѣ онъ и скончался 7 сентября 1873 г.

«Голосъ», 1873 г., № 284.—«Гражданинъ», 1874 г., № 3.—«Иллюстрированная Недѣля», 1873 г., № 46. *М. Поповъ.*

Львовъ, *Григорій Васильевичъ*. Въ 1629—1640 г.г. былъ дьякомъ, а съ 1640 г. думнымъ дьякомъ. Въ 1639—46 г.г. онъ былъ въ Новгородской чети, въ Ямскомъ приказѣ и въ Посольскомъ приказѣ. Въ 1637 г. въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія обѣдалъ у царя. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и ночевалъ у гроба царевича Ивана Михайловича. Съ 1641 г. онъ обѣдалъ иногда за царскимъ столомъ, находился въ числѣ лицъ, оставляемыхъ царемъ на Москвѣ во время его богомольныхъ походовъ; бывалъ въ отвѣтѣ съ датскими, турецкими, литовскими и кизильбашскими послами; объявлялъ ихъ царю, а имъ объявлялъ государево жалованье. Въ ноябрѣ 1646 г. онъ не могъ присутствовать, вслѣдствіе болѣзни, на пріемѣ царемъ литовскихъ посланниковъ, а 28 декабря этого года скончался.

Дв. разр., II.—Р. И. Б., т. т. II, VIII и X.—Акты Моск. госуд. Спб. 1894 г., т. II.—*Румель*, I. *В. Корсакова.*

Львовъ, *Дмитрій Владиміровичъ*, издалъ въ Дрезденѣ въ 1863 г. нѣсколько листковъ періодическаго изданія: «Лѣтописи вызова и переселенія иностранцевъ въ Россію» и брошюру: «Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ посредство ликвидаціонныхъ уѣздныхъ конторъ». Лейпцигъ 1859 г.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 264.

Львовъ, *Дмитрій Михайловичъ*, тайн. с., родился въ 1793 г. въ дворянской семьѣ Калужской губ., на службу поступилъ въ Калужское ополченіе въ 1807 г. и въ слѣдующемъ году произведенъ былъ въ кол. регистраторы; въ 1810 г. онъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1811 г. произведенъ въ эст.-юнкеры, а въ 1812 г. въ корнеты и принялъ участіе съ этимъ полкомъ въ Отечественной войнѣ. За Бородинское сраженіе Львовъ получилъ орденъ св. Анны 4-й ст., за Кульмъ—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а за Фершампенуазъ—св. Анны 2-й ст., прусскій «pour le mérite» и баварскій Максимиліана. Въ 1817 г. онъ былъ произведенъ въ шт.-ротмистры и въ томъ же году назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ 1-й кирасирской дивизіи; въ 1818 г. произведенъ въ ротмистры, въ въ 1823 г.—въ полковники, а въ 1824 г. назначенъ присутствующимъ въ экспедицію кремлевскаго строенія, съ пожалованіемъ въ званіе камергера. Произведенный въ 1828 г. въ статскіе сов., онъ одновременно завѣдывалъ Кремлевскимъ архитектурнымъ училищемъ; въ 1831 г. онъ былъ произведенъ въ д. с. с., въ 1833 г. назначенъ присутствующимъ въ строительномъ комитетѣ при Московскомъ университетѣ, въ 1835 г. попечителемъ Московскаго дворцоваго архитектурнаго училища и въ томъ же году принималъ участіе въ устройствѣ въ Москвѣ выставки русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, будучи членомъ выставочнаго комитета. Въ 1837 г. Львовъ былъ назначенъ членомъ по искусственной части въ комиссіи для построенія храма Спасителя. Разнообразная дѣятельность Львова была отличена многими орденами до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Скончался онъ 17 марта 1842 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. III, стр. 238. *Степ.*

Львовъ, кн. *Дмитрій Петровичъ*. Въ 1618 г., будучи стрянчимъ, былъ присланъ съ сеунчемъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу полномочнымъ посломъ, бояриномъ и намѣстникомъ московскимъ Ѳ. И. Шереметевымъ послѣ заключенія Деулинскаго договора съ Польшей. Государь пожаловалъ ему за сеунчъ: 40 соболей, камку червчету и 70 рублей. Въ 1627 г. онъ присутствовалъ при пріемѣ литовскаго гонца и смотрѣлъ однажды за царскимъ обѣдомъ въ «кривой столъ». Въ 1628—30 г.г. кн. Львовъ былъ воеводой въ Рыльскѣ, а въ 1630—33 г.г. въ Устюгѣ. Въ 1632 г. пріѣзжалъ въ Москву на свадьбу царевича Мих. Мих. Кайбулина съ Марьей Григ. Ляпуновой. По возвращеніи съ воеводства изъ Устюга, онъ, въ бытность свою въ Москвѣ, довольно часто «смотрѣлъ въ кривой столъ» за званными царскими обѣдами (1634—1642 г.г.). Въ 1635 г. кн. Львовъ былъ головой у стольниковъ при встрѣчѣ за Тверскими воротами Литовскихъ пословъ; полтора мѣсяца спустя, когда послы обѣдали у царя передъ отпускомъ, онъ, въ числѣ другихъ стольниковъ, носилъ пить передъ государя. Въ томъ же 1635 г. онъ состоялъ воеводой въ большомъ пол-

ку въ Переяславлѣ-Рязанскомъ и ему назначено было быть въ сходѣ на Тулѣ съ стольникомъ и воеводой кн. Ив. Никит. Хованскимъ. Въ то же время воевода Колтовской долженъ былъ итти съ Михайлова въ передовой полкъ на Дѣдиловъ съ стольникомъ и воеводой кн. Дм. Петр. Пожарскимъ. Колтовской билъ челомъ на кн. Львова и посаженъ за челобитье въ тюрьму. Дьяку велѣно было сказать Колтовскому: «люди они (т. е. кн. Львовы) честные, родословные, а вы люди неродословные; а прежъ сего неродословные люди на родословныхъ не бивали челомъ, и быть тебѣ меньше князь Дмитрея мочно». Въ 1638 г. кн. Львовъ числится воеводой въ Яблоновѣ. Въ январѣ 1639 г. онъ участвовалъ въ перенесеніи гроба царевича Ивана Михайловича изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій Соборъ; затѣмъ въ январѣ и февралѣ дневалъ и ночевалъ при гробѣ этого царевича, а въ апрѣлѣ при гробѣ царевича Василія Михайловича. Въ томъ же 1639 г. послѣ пріема царемъ персидскаго посла онъ ѣздилъ къ нему со столомъ отъ царя. Въ 1641 г. кн. Львовъ назначенъ былъ полковымъ воеводой въ Мценскъ для прихода Крымскихъ и Ногайскихъ людей. Въ 1642 г. онъ былъ однимъ изъ стольниковъ, которымъ было объявлено рѣшеніе Собора относительно Азова: удержать ли его или возвратить туркамъ? Въ 1645 г. кн. Львовъ былъ осаднымъ воеводой въ Лихвинѣ; писалъ на Тулу боярину кн. Якову Куденетовичу Черкасскому о произведенномъ имъ осмотрѣ лихвинскихъ засѣкъ, которыя вѣдомы къ Одоеву, и объ исправленіи ихъ; при донесеніи приложилъ подробную опись этихъ засѣкъ. Въ томъ же году, сент. 28, въ день вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича, кн. Львовъ пожалованъ былъ въ окольничіе. Въ 1646 г. онъ былъ въ товарищахъ у кн. Никиты Ив. Одоевскаго въ большомъ колку въ Бѣлгородѣ; такъ какъ кн. Одоевскій, стоявшій въ Ливнахъ, былъ отпущенъ въ январѣ 1647 г., по случаю свадьбы, въ Москву, то въ Ливнахъ, на время его отсутствія, велѣно было быть, по государеву указу, товарищамъ его, князьямъ Дмитрію и Семену Петровичамъ Львовымъ. Въ 1648 г. ему указано было быть на службѣ на Волуйкѣ. Въ 1647, 1650 и 1651 г.г. онъ объявлялъ царю пословъ: литовскихъ, персидскаго и англійскаго. Въ 1649—52 г.г. сопровождалъ царя въ его богомольныхъ походахъ и въ походахъ въ подмосковныя села. Въ 1651 г., въ бытность въ Москвѣ литовскихъ пословъ, царь Алексѣй Михайловичъ пожелалъ показать имъ, какъ пышно и богато выѣзжаетъ русскій царь на загородныя прогулки; кн. Львовъ съ двумя помощниками ѣхалъ впереди и полкъ строилъ и уряжалъ. Въ 1649, 1650, 1653 и 1656 г.г. онъ обѣдалъ въ торжественные дни у царя и у патріарха. Въ 1653 г. приводилъ къ шерти, по царскому указу, Сибирскаго царевича Алтаная Кучумовича, да Касимовскаго царевича Сеита Арасланновича. Въ 1654 г. онъ участвовалъ въ польскомъ походѣ, будучи въ передовомъ полку. Въ 1655 г., февр. 12, въ именины царевича Алексѣя Алексѣевича ему пожаловано было боярство. Получивъ въ 1656 г. титулъ намѣстника Муромскаго, онъ былъ въ отвѣтѣ со шведскими послами; весной этого года обѣдалъ за царскимъ столомъ вмѣстѣ съ послами нѣмецкаго императора; 17 іюня, въ Смоленскѣ, послѣ обѣда, царь пожаловалъ ему за Литовскій походъ шубу, крытую золотнымъ атласомъ, кубокъ, да къ прежнему окладу 150 рублей; 20-го іюня кн. Львовъ выступилъ съ царемъ въ Ригу. Въ 1658—60 г.г. онъ числился воеводой въ Астрахани. Одной изъ главныхъ его заботъ должно было быть упорядоченіе и расширеніе винодѣлія. Ему была послана царская грамота, чтобы иноземецъ Посказаюсъ Подовикъ и русскіе ученики его дѣлали только церковное вино изъ винограда царскихъ садовъ и изъ покупного винограда. Высказывалось пожеланіе, чтобы ученики поскорѣе научились приготовлять вино безъ руководства мастера. Князь Дм. Петр. Львовъ скончался въ 1660 г.—Изъ позднѣйшаго (1677 г.) челобитья келаря старца Галактіона Троицкаго Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря выяснилось, что кн. Дмитрій и братъ его кн. Семенъ самовольно завладѣли ихъ монастырскими оброчными землями въ Нижегородскомъ у., въ Закудемскомъ станѣ, и землею, сѣнными покосами и рыбной ловлей по рѣчкѣ Кержанцу, отказанными монастырю на поминъ души кн. Бориса Мих. Лыкова. Они не только завладѣли землей, но и поселили на ней своихъ крестьянъ.

Акты Ист. т., IV.—Доп. къ Акт. Ист., т. т., IV и IX.—С. Г. Г. и Д., III.—Дв. разр., т. т.

I—III.—Разр. кн., I и II.—Акты Моск. госуд. Спб. 1890 г., т. I; 1894 г., т. II.—Р. И. Б., IX, X, XII. — *Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Его-же*, «Родъ Шереметевыхъ», т. т. III и IV. *В. Корсакова.*

Львовъ, *Ефремъ Васильевичъ*, врачъ, д. с. с., родился въ 1826 г. въ семьѣ дьячка Тверской губ., первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной духовной семинаріи, откуда въ 1849 г. опредѣлился въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Окончивъ курсъ послѣдней въ 1854 г. съ званіемъ лѣкаря, онъ служилъ врачемъ въ полкахъ: Бугскомъ уланскомъ (1858), Новороссійскомъ драгунскомъ (1861), Бобруйскомъ уланскомъ (1861), Камчатскомъ пѣхотномъ (1864), 52 Виленскомъ пѣхотномъ (1864), 59 Люблинскомъ пѣхотномъ (1865) и 57 Модлинскомъ пѣхотномъ (1867); затѣмъ въ 1870 г. онъ состоялъ старшимъ ординаторомъ въ Бендерскомъ военномъ госпиталѣ, а въ 1875—76 гг. былъ прикомандированъ къ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, гдѣ получилъ степень доктора медицины (1876). Въ томъ же году онъ получилъ должность помощника военно-медицинскаго инспектора дѣйствующей арміи, а въ слѣдующемъ году должность военно-медицинскаго инспектора княжества Болгаріи. Въ 1878 г. Львовъ вернулся въ Бендерскій военный госпиталь старшимъ ординаторомъ и въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку. Львову принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «Случай многоплодной беременности» (Проток. калужскихъ врачей, 1862—1864 гг.), «О значительной стойкости синильной кислоты въ гніющихъ трупахъ» (Проток. собранія русск. врачей 1875—1876 гг., совмѣстно съ Н. В Соколовымъ) и «О судьбѣ синильной кислоты въ трупахъ отравленныхъ ею животныхъ» (докторская диссертація. Спб. 1876 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. IV, стр. 188—189.

Львовъ, *Константинъ Алексѣевичъ*, сотрудникъ «Южнаго Края», происходилъ изъ дворянъ Области Войска Донского, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, по окончаніи котораго сотрудничалъ въ «Южномъ Краѣ», въ которомъ помѣщалъ статьи по внутренней политикѣ и преимущественно по финансовымъ вопросамъ. Скончался 2 октября 1890 г., на 47 году жизни.

«Новое Время», 1890 г., № 5249.—«Южный Край» 1890 г., № 3350.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. X, стр. 48.

Львовъ, кн. *Матѳей Даниловичъ*. Въ 1592 г. былъ воеводой въ Тобольскѣ, въ 1597 г. въ Вологдѣ (выдалъ Прилуцкому монастырю оброчную на сѣнные покосы), а въ 1601—1603 г.г. на Верхотурьѣ. Будучи верхотурскимъ воеводой, онъ долженъ былъ: 1) распорядиться относительно пріема судовыхъ снастей, желѣза и якорей, отправляемыхъ для Мангазейскаго хода; 2) принять мѣры, чтобы не выходило задержки въ выварѣ соли на рѣкѣ Негли въ Верхотурскомъ у.; (соловаръ жаловался, что ему не даютъ достаточнаго количества дровосѣковъ и людей, и лошадей для подвозки дровъ; надо 1200 саж. дровъ, а вывезли только 160 саж.); 3) устроить поселеніе для русскихъ плотниковъ въ Вогульскихъ юртахъ, на р. Турѣ, чтобы они могли строить суда для подвозки хлѣба въ Сибирскіе города.

Акты Ист., II.—Акты юридич.—*Барсуковъ*, «Списки воеводъ».—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р., кн. I. *В. Корсакова.*

Львовъ, кн. *Михаилъ Ивановичъ Большой*. Въ 1633, 1638, 1641 и 1647 г.г. дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ во время его отсутствія изъ Москвы. Въ 1639 г. дневалъ и ночевалъ у гробовъ царевичей Ивана и Василія Михайловичей. Въ 1652 г. сопровождалъ царицу Марью Ильинишну въ Новодѣвичій монастырь. Въ 1655 г. онъ былъ воеводой въ Вязьмѣ. Въ 1656 г. въ Польскомъ походѣ былъ головой, чтобы сторожи ставить. Въ 1662 г. находился въ числѣ стольниковъ, сопровождавшихъ великаго и полномочнаго посла, кн. Никиту Ив. Одоевскаго, отправленнаго въ Смоленскъ на съѣздъ съ польскими комиссарами.

Дв. разр., III и Дополн. — Р. И. Б., X.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн. I. *В. Корсакова.*

Львовъ, кн. *Михаилъ Никитичъ*. Начало его службы неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1672 г. онъ былъ уже женатъ, такъ какъ жена его Неонила Ерофеевна была кормилицей царевича Петра Алексѣевича. Въ 1683 г. кн. Львовъ былъ въ числѣ стольниковъ осеннихъ и зимнихъ богомольныхъ и загородныхъ походовъ царя Іоанна Алексѣевича. Въ 1688 г. онъ

былъ окольничимъ, въ 1688—90 г.г. сопровождалъ царя Петра, а иногда обоихъ царей, къ Троицѣ, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ с. Коломенское и с. Преображенское. Съ 26 сент. 1689 г. Львовъ занималъ отвѣтственную должность главнаго судьи Земскаго приказа, называвшагося «генералъ-профосъ». Въ 1691 г., февр. 1 присутствовалъ въ соборѣ при поставленіи патріархомъ Адріаномъ въ митрополиты Пскова и Изборска архимандрита Спасскаго ярославскаго монастыря Иларіона. Изъ собора проводилъ его въ крестовую палату патріарха, а оттуда на подворье. Въ томъ же году, окт. 22 онъ назначенъ былъ участвовать въ крестномъ ходѣ изъ Успенскаго собора въ Чудовъ монастырь. Въ 1692 г. пожалованъ въ бояре. Въ іюлѣ 1693 г. участвовалъ въ первой поѣздкѣ Петра въ Архангельскъ. 27 апрѣля 1695 г. выступилъ изъ Москвы въ Азовскій походъ. По взятіи 19 іюля 1696 г. Азова, царь Петръ велѣлъ кн. Львову описать артиллерію и всѣ военныя орудія, находившіяся въ городѣ. Главный военачальникъ Азовскаго похода, А. С. Шеинъ поручилъ кн. Львову отпустить Азовскихъ «сидѣльцевъ», согласно ихъ челобитью, съ женами, дѣтьми и пожитками, «въ бусурманскіе краи». Въ награду за Азовскій походъ кн. Львовъ получилъ золотой въ пол-5 золотыхъ, кубокъ съ кровлею вѣсомъ въ пол-5 фунта, кафтанъ золотной на соболяхъ цѣною въ 210 рублей. Въ 1697, 1699 и 1700 г.г. кн. Львовъ былъ вновь назначаемъ въ крестные ходы и для присутствія въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія на торжественномъ богослуженіи. Въ 1697 г. кн. Львовъ вѣдалъ Москву, какъ видно изъ письма князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго Петру Великому, писаннаго въ сентябрѣ, или октябрѣ. Письмо это настолько характерно, что мы приводимъ цѣликомъ то мѣсто, которое относится къ кн. Львову. «Извѣстно тебѣ буди: на Москвѣ многихъ улицъ ѣздить отстали за великими недомосками и грязми, нерадѣніемъ князь Михайлы Львова. Бояре, такожде и иныхъ чиновъ всякіе люди, ему, князь Михаилу Никитичю, о мостахъ со многою докукою говорили. И онъ, князь Михайла Никитичь, многожды отмалчивался. И послѣ того былъ въ сумнѣніи великомъ, и припала болѣзнь къ нему неисцѣлная, кричалъ трои сутки, а послѣ почалъ людей драть, также и зубомъ ѣсть. Былъ подъ началомъ у Спаса на Новомъ съ мѣсяцъ и тамъ че(р)нца изъѣлъ, и чернецъ послѣ того только былъ живъ з двѣ недѣли, и умре; а онъ, князь Михайла Никитичь, и доднесь сидитъ раскованъ. Въ томъ, пожалуйте, помолитесь за общаго нашего богомолца, дабы Господь Богъ не попамятовалъ ево грѣха, избавилъ бы ево отъ такой тяжкой болѣзни вашими молитвами. И о семъ о всемъ извѣстно Тихону Никитичю, такожде и инымъ многимъ. А какъ пріѣхалъ Тихонъ Ники(ти)чь навѣщать, чуть Богъ пощедилъ; кабы не знакомецъ ево, изъѣлъ бы и ево». Послѣ этой тяжкой болѣзни кн. Львовъ поправился. 19 февр. 1700 г. онъ опредѣленъ былъ въ члены комиссіи для составленія Уложенія изъ прежняго Уложенія 1648 г., изъ новоуказныхъ статей и указовъ Петра. Въ апрѣлѣ 1703 г. кн. Львовъ находился въ Тихвинѣ и согласно приказанію царя, переданному ему письменно гр. Петромъ Матв. Апраксинымъ, онъ послалъ 2000 работниковъ въ Шлиссельбургъ. Въ іюлѣ того же года кн. Меньшиковъ отправилъ подъ его присмотромъ въ Новгородъ больныхъ солдатъ «для того, что за нимъ здѣсь въ Петербургѣ никакова дѣла не было».

Дв. разр., IV.—Доп. къ Акт. Ист., IV.—Сборникъ кн. Хилкова.—*Устрялова*, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. II.—*Голикова*, «Дѣянія Петра В.», I и XIII.—*Есипова*, «Сборникъ выписокъ изъ архивн. бумагъ о Петрѣ Великомъ» М. 1872 г., I.—*Кн. Долгорукова*. Р. Р. Кн. I.—Письма Петра Великаго. I и II. *В. Корсакова.*

Львовъ, *Михаилъ Павловичъ*, членъ С.-Петербургской Академіи Художествъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета по каѳедрѣ архитектуры. По окончаніи курса наукъ въ Академіи Художествъ онъ былъ опредѣленъ въ екатеринославскую строительную комиссію (1839 г.) помощникомъ губернскаго архитектора; въ 1845 г. за сочиненный по программѣ проектъ инвалиднаго дома совѣтомъ Академіи Художествъ возведенъ былъ въ званіе академика и члена Академіи. Въ слѣдующемъ году Львовъ былъ назначенъ томскимъ губернскимъ архитекторомъ, въ 1848 г. екатеринославскимъ, а въ 1852 г. переведенъ въ Харьковскій университетъ и. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ архитектуры. Въ слѣдующемъ

году совѣтъ университета, ходатайствуя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи Львова въ должности экстраординарнаго профессора, въ своемъ представленіи писалъ, что обязанность преподавать архитектуру обусловливаетъ не только художественное, но и энциклопедическое образованіе и даръ слова и что всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяетъ Львовъ, но министръ не исполнилъ ходатайства совѣта. Львовъ читалъ въ университетѣ слѣдующіе курсы: исторіи архитектуры, исторіи строительнаго искусства и общей теоріи изящныхъ искусствъ. Выйдя въ 1857 г. въ отставку, онъ годомъ раньше изобрѣлъ модель на устройство хлѣбныхъ магазиновъ для усышки и сохраненія хлѣба въ зернѣ на продолжительное время. Министръ народнаго просвѣщенія Норовъ нашелъ эту модель весьма полезной, и факультетъ разсматривалъ ее въ научномъ отношеніи. Элеваторами Львова заинтересовалось и военное вѣдомство и Высочайше утвержденная комиссія для выработки способовъ устраненія недородовъ и голодовокъ. Живя въ Харьковѣ до 1872 г., Львовъ за этотъ промежутокъ времени перестроилъ зданіе университета и клиники (у собора), Харьковскій ветеринарный институтъ, дворянское собраніе и женскій институтъ.

«Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905)», стр. 239. — *Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императ. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ», т. III, стр. 36, 40, 41. *М. Поповъ.*

Львовъ, кн. *Никита Яковлевичъ*. Въ 1629 г. состоялъ патріаршимъ, а послѣ того царскимъ стольникомъ. Въ 1635 г. во время обѣда у царя Михаила Ѳеодоровича литовскихъ пословъ онъ былъ въ числѣ стольниковъ, носившихъ питье посламъ. Въ 1639 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Василія Михайловича, въ 1641 и 1646 г.г.—на государевѣ дворѣ. Въ 1650—51 г.г. сопровождалъ царицу Марью Ильинишну къ Троицѣ и въ с. Хорошово. Въ 1654 г. участвовалъ въ Польскомъ походѣ; ходилъ изъ Вязьмы подъ Красное на польскихъ и литовскихъ людей. Въ 1655 г., во время второго Польскаго похода, 21-го іюня, государь послалъ изъ Шклова «воевать своихъ государевыхъ измѣнниковъ Витепскаго уѣзду» кн. Ал. Ив. Лобанова-Ростовскаго, а съ нимъ своего государева полку головъ съ сотнями; съ Бѣлянами кн. Никиту Як. Львова и Як. Никит. Лихарева, да съ Казанскими мурзами Вас. Никит. Панина. Будучи «у руки государя», кн. Львовъ билъ челомъ, что ему съ кн. Лобановымъ быть невмѣстно. Государь сказалъ, чтобы онъ былъ такъ, какъ всѣмъ его государева служба сказана безъ мѣстъ. Кн. Львовъ вторично билъ челомъ. Тогда государь велѣлъ, за нарушеніе его государева указа, бить кнутомъ кн. Львова. Въ то же время царь велѣлъ быть ему вмѣстѣ съ кн. Лобановымъ въ посылкѣ головою у Донскихъ казаковъ. Въ 1656 г. въ Польскомъ походѣ онъ былъ головой «сторожи ставить». Въ 1658 г. ему пожаловано было окольничество. Въ 1660—62 г.г. онъ былъ воеводой въ Калугѣ, затѣмъ, до назначенія въ 1665 г. на воеводство въ Кіевъ, управлялъ Ямскимъ приказомъ. Въ Кіевѣ онъ пробылъ лишь съ 11-го іюля до 25-го ноября 1665 г. и находился въ чрезвычайно непріятномъ положеніи, такъ какъ въ это же время Петръ Вас. Шереметевъ получилъ приказаніе итти изъ Сѣвска съ войскомъ въ Кіевъ, и ему представлялось въ Кіевѣ положеніе совершенно независимое отъ кн. Львова. Такъ, напр., вновь назначенный Нѣжинскій воевода Ив. Ив. Ржевскій обязывался, послѣ пріема города Нѣжина, представить пріемные списки и росписи только въ приказъ Малой Россіи, да въ Кіевъ, боярину и воеводѣ Петру Вас. Шереметеву. О «вѣстяхъ», о промыслѣ надъ непріятельскими людьми и о городовомъ береженьѣ—онъ тоже долженъ былъ писать въ Кіевъ Шереметеву, а не кн. Львову. Хотя Шереметевъ оставался еще въ Сѣвскѣ, тѣмъ не менѣе малороссійскіе старшины обращались къ нему, а не къ кн. Львову по важнѣйшимъ дѣламъ Малороссіи, съ просьбой ходатайствовать за нихъ передъ царемъ. 30 окт. 1665 г. епископъ Меѳодій написалъ войсковому казначею Роману Ракушкѣ, довѣренному лицу Брюховецкаго, уѣхавшаго въ Москву, отчаянное письмо. «Пишу сей листъ своею рукою къ вашей милости, впрямъ слезами поливающе, понеже пріѣхалъ я въ Кіевъ впрямъ на тяжскіе, нестерпимые бѣды, когда отвсюду вѣсти непотѣшные... Въ Кіевѣ ничего добраго не дѣется, ибо воевода нынѣшній Кіевскій—человѣкъ ни къ чему не пригодный: первое то, что человѣкъ древній, къ рат-

ному дѣлу ни къ чему не подобенъ, второе же, боленъ ногами и не ходитъ, и чрезъ избу не перейдетъ. Опричь слезъ и худобы и воровства болши того въ Кіевѣ не сыщешь отнюдь. Какъ не поспѣшитъ бояринъ (Шереметевъ), или замедлитъ господинъ гетманъ на Москвѣ, сохрани Боже, злое съ Кіевомъ дѣятись будетъ и съ нашимъ Заднѣпріемъ, пбо понеже воевода-то робкій, все только городъ страшитъ... Пиши къ боярину, если имѣетъ итти, чтобъ шелъ, а когда не пойдетъ, то бъ отказалъ, чтобъ вѣдали да умышляли, что цѣлое лѣто идетъ, а все въ Сѣвску». Этому натянутому положенію наступилъ конецъ черезъ мѣсяцъ: 25-го ноября кн. Львовъ получилъ царскую грамоту, съ приказаніемъ, чтобы онъ «городъ Кіевъ съ государевыми ратными людьми и казною отдалъ боярину Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи и, росписався, ѣхалъ бы въ Сѣвскъ и былъ бы въ Сѣвскѣ на великаго государя службѣ съ стольникомъ и воеводою кн. Юрьемъ Петровичемъ Трубецкимъ». Въ Сѣвскѣ кн. Львовъ пробылъ до 1668 г. Въ этомъ году онъ поступилъ въ Толгскій монастырь, близъ Ярославля, и былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Нила. Въ Спасо-Преображенскій монастырь въ Ярославлѣ кн. Львовъ пожертвовалъ въ 1669 г. богатыя парчевыя ризы съ бархатнымъ крестомъ, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; въ 1677 г. на средства кн. Львова былъ вылитъ полиелейный колоколъ, вѣсомъ въ 200 пудовъ. Кн. Львовъ скончался 29 марта 1684 г. и погребенъ въ Толгскомъ монастырѣ.

Дв. разр., II и III.—Р. И. Б., X и XI.—Акты Моск. госуд., т. II.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», XI.—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн., I. *Барсуковъ*, «Родъ Шереметевыхъ», VI.

В. Корсакова.

Львовъ, *Николай Александровичъ*, писатель и общественный дѣятель XVIII вѣка, почетный членъ Академіи Художествъ и членъ Россійской Академіи съ ея основанія. Родился въ 1751 году, происходилъ изъ дворянъ Тверской губ., гдѣ у его родителей было небольшое имѣніе—село Черенчицы, въ 16-ти верстахъ отъ гор. Торжка, это же имѣніе перешло и къ Н. А. Львову, было имъ переименовано въ «Никольское» и сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ. Онъ даже подписывался часто: «Львовъ-Никольскій». Первоначальное воспитаніе Львовъ получилъ дома, но оно было очень недостаточно: онъ немного зналъ по-французски и почти не умѣлъ писать по-русски. Поступивъ затѣмъ въ бомбардирскую роту Измайловскаго полка, онъ вмѣстѣ съ другими товарищами началъ посѣщать школу этого полка, но не могъ и оттуда вынести большихъ свѣдѣній. Но зато въ этой школѣ онъ нашелъ подходящихъ товарищей; ихъ кружокъ увлекался литературой, занимался переводами и стихотворствомъ и содѣйствовалъ такимъ образомъ развитію въ его участникахъ чувства изящнаго. Уже съ раннихъ лѣтъ Львовъ сталъ сближаться съ писателями и поэтами того времени; этому сближенію особенно способствовало постепенно развивавшееся въ немъ тонкое чувство изящнаго и разносторонность его способностей: ничего не изучая спеціально, онъ довольно быстро овладѣлъ стихотворной формой, научился рисовать, изучалъ архитектуру, интересовался механикой, живописью, музыкой и другими отраслями искусствъ, а предпринятое имъ нѣсколько позднѣе путешествіе за границу, во время котораго онъ посѣтилъ Германію, Голландію и Францію, дало богатую пищу его природнымъ способностямъ и содѣйствовало ихъ развитію. Благодаря всему этому, Львову было довольно легко войти въ кругъ тогдашнихъ литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и композиторовъ, а также проникнуть и въ придворныя сферы.

Въ литературѣ Львовъ принадлежалъ къ кружку Державина, Хемницера, Капниста и А. С. Хвостова. Съ Хемницеромъ Львова связывала давняя дружба, продолжавшаяся до самой смерти Хемницера; съ Капнистомъ Львовъ познакомился также довольно рано, а черезъ него сошелся съ Державинымъ и сослуживцами послѣдняго по Сенату—Храповицкимъ и А. С. Хвостовымъ. Въ кругу этихъ писателей Львовъ очень скоро сталъ общимъ совѣтчикомъ, ему показывали новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго «Шапеля», какъ его иногда называли. Хемницеръ посвятилъ Львову, называя его «любезнымъ другомъ», напечатанный имъ въ 1774 году стихотворный переводъ героиды Дора «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы». Нѣсколько позднѣе Львовъ убѣдилъ Хемницера издать

свои басни и сказки; его вліяніе сказывается и на языкѣ многихъ произведеній Хемницера. Онъ же помогъ Хемницеру получить мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ въ 1782 г., заинтересовавъ имъ гр. Безбородка. Дружественныя отношенія между Львовымъ и Хемницеромъ продолжались и во время разлуки и поддерживались постоянной перепиской, самый тонъ которой показываетъ совершенную непринужденность обоихъ друзей. Въ одномъ изъ писемъ, отъ 3 апрѣля 1775 г., отправленномъ Хемницеромъ къ Львову въ Москву, находятся стихи, посвященные послѣднему; ему же посвящены и слѣдующія стихотворенія: «На портретъ Львова» и «На Хвостова». По смерти Хемницера Львовъ вмѣстѣ съ Капнистомъ предприняли 3-е изданіе басенъ Хемницера, при чемъ довольно своевольно обошлись съ твореніями умершаго баснописца: они исключили 5 басенъ, исправили многіе стихи въ уже изданныхъ Хемницеромъ басняхъ и то же самое сдѣлали въ еще не изданныхъ рукописяхъ. Львовъ при этомъ исправлялъ и редактировалъ первыя двѣ части басенъ, уже изданныя раньше, а Капнистъ составлялъ 3-ю часть. Львову принадлежитъ также замѣтка къ біографіи Хемницера и біографическій очеркъ, приложенный къ изданію его сочиненій; онъ же принималъ участіе и въ иллюстрированіи басенъ Хемницера.

Съ Державинымъ Львова также связывала искренняя дружба, подкрѣпленная впослѣдствіи и родствомъ—оба пріятеля женились на дочеряхъ сенатскаго оберъ-прокурора Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова. Державинъ часто прибѣгалъ къ суду Львова надъ своими произведеніями. Такъ, напримѣръ, ода «Фелица» была привезена авторомъ на его судъ, чтобы онъ «чудесной силой вкуса» отдѣлилъ изящное и забавное отъ непріятнаго и смѣшного. Львовъ также принималъ участіе въ исправленіи и отдѣлкѣ нѣкоторыхъ стихотвореній Державина. Такъ, напримѣръ, онъ указывалъ на неблагозвучіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ стиховъ и предлагалъ другія варіаціи въ одѣ «на взятіе Измаила» и «Мечта». Вмѣстѣ съ Капнистомъ и Хвостовымъ онъ исправлялъ оду «Успокоенное невѣріе», которая содѣйствовала извѣстности Державина. Ему же принадлежитъ идея портрета Екатерины II, исполненнаго извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ для гр. Безбородка; этотъ же портретъ описанъ Державинымъ въ стихотвореніи: «Видѣніе Мурзы» (нынѣ этотъ портретъ находится въ Императ. Публич. Библіотекѣ). Вообще рукописи Державина содержатъ много помѣтокъ и поправокъ, сдѣланныхъ рукой Львова. Онъ же дѣлалъ руководящія замѣчанія художникамъ Оленину и Егорову, которымъ было поручено изготовленіе виньетокъ къ сочиненіямъ Державина; наконецъ имъ же былъ изданъ гравированный портретъ первой жены Державина Екатерины Яковлевны, копія портрета, писаннаго масляными красками живописцемъ Боровиковскимъ.

Въ собраніи сочиненій Державина (академическое изданіе) находится нѣсколько стихотвореній Львова, присланныхъ послѣднимъ Державину, или же посвященныхъ ему; изъ нихъ укажемъ слѣдующія: стихи къ Державину (т. I, стр. 369 и т. II, стр. 84, 2-е изданіе); стихи на Мальтійскаго кавалера (т. II, стр. 148), «Три портрета» (т. III, стр. 323); тамъ же помѣщенъ портретъ Н. А. Львова (т. II, стр. 291). Съ Державинымъ Львовъ находился въ постоянной дружеской перепискѣ, часть которой также находится въ собраніи сочин. Державина; помимо литературнаго единенія, переписка поддерживалась и дѣловыми сношеніями: во время службы Державина въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ, онъ очень часто обращался къ Львову съ просьбой посодѣйствовать ему своими связями; позднѣе, когда гр. Безбородко умеръ и положеніе Львова пошатнулось, онъ самъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи и заступничеству Державина. Когда Державинъ поселился въ Тамбовѣ, между друзьями завязались и коммерческія сношенія: Державинъ покупалъ на югѣ хлѣбъ и скотъ и пересылалъ воднымъ путемъ въ Петербургъ, а Львовъ продавалъ присланное и дѣлился съ другомъ полученными барышами. Дружескія отношенія ихъ продолжались до самой смерти Львова. Державинъ также посвятилъ Львову нѣсколько своихъ стихотвореній: такъ, напримѣръ, стихи на солдатскую пѣсню Львова, написанные въ 1794 г. (т. III, стр. 275); «Другу», 1795 г. (т. I, стр. 467), «Память другу», 1803 г. (т. II, стр. 288); «На гробъ переводчика Анакреона Н. А. Львова и его супруги въ селѣ Никольскомъ», 1810 г. (т. III, стр. 347).

Съ Капнистомъ Львовъ былъ въ менѣе близкихъ отношеніяхъ; онъ однако помогъ ему, благодаря собственнымъ связямъ, найти мѣсто и помогалъ своими совѣтами въ литературныхъ трудахъ; такъ извѣстно, что Капнистъ воспользовался его примѣчаніями къ одѣ «Отвѣтъ Рафаэла пѣвцу Фелицы».

Въ этомъ вліяніи на другихъ поэтовъ,— его современниковъ — главное значеніе Львова. Какъ поэтъ, онъ мало извѣстенъ. Кромѣ указанныхъ уже выше его стихотвореній, его перу принадлежитъ «Солдатская пѣсня на взятіе Варшавы»; въ первый разъ она была напечатана въ «Карманномъ пѣсенникѣ», изданномъ И. И. Дмитріевымъ (Москва, 1796 г.), а потомъ долгое время появлялась и въ другихъ сборникахъ этого рода, но всегда безъ подписи имени автора; она же приведена и въ собр. соч. Державина (т. III, стр. 276). Въ «Московскомъ Журналѣ» напечатаны его стихотворенія «Къ рѣкѣ Таложнѣ» и «Къ Лирѣ». Тамъ же напечатано и его письмо къ П. Л. В. (Петру Лукичу Вельяминову). Вскорѣ послѣ его смерти появилась въ печати первая глава богатырской пѣсни «Добрыня Никитичъ», присланная въ 1804 г. изъ Новгорода въ журналъ «Другъ Просвѣщенія» и «Ботаническое путешествіе на Дудерову гору», доставленное въ 1805 г. въ журналъ «Сѣверный Вѣстникъ». Оба послѣднія произведенія являются очень характерными для своего времени. Въ нихъ Львовъ выказалъ свою любовь къ русскому народному стихосложенію. Въ своемъ кружкѣ литераторовъ Львовъ постоянно указывалъ на недостатки произведеній Ломоносова, ставилъ ему въ упрекъ увѣчья, которыя тотъ наносилъ языку; выше всего онъ ставилъ простоту и естественность, понималъ цѣну народнаго языка и сказочныхъ народныхъ преданій для поэзіи. Въ подкрѣпленіе высказываемыхъ имъ мыслей, будто введенное Ломоносовымъ стихосложеніе стѣснительно для русскаго языка, и въ доказательство того, что у насъ возможенъ эпосъ въ народномъ духѣ, онъ и написалъ въ одинъ присѣстъ старинным тоническимъ размѣромъ «Добрыню». «Ботаническое путешествіе», написанное частью прозой, частью стихами, по формѣ представляетъ письмо къ графинѣ Мусиной-Пушкиной; написано оно въ подражаніе путешествію, которое сочинили сообща Башомонъ и Шапель.

Любовь къ памятникамъ народнаго творчества побудила Львова издать «Собраніе русскихъ пѣсенъ», положенныхъ на музыку Прачемъ (Спб. 1790 г.). Въ это изданіе главный трудъ вложенъ Львовымъ; имъ же написано и предисловіе къ «Собранію», въ которомъ онъ указываетъ, что въ безыскусственной народной поэзіи надо видѣть не «лепетъ младенца», какъ тогда любили выражаться, но, напротивъ, предметъ серьезнаго изученія, которое можетъ принести серьезные результаты; онъ понималъ, что у народа-младенца, какъ бы ни былъ онъ молодъ, существуютъ преданія, вѣрованія, убѣжденія, находящія свое полное отраженіе въ поэзіи. Львовъ хвалилъ мелодію нашихъ народныхъ пѣсенъ и высказывалъ надежду, что впослѣдствіи композиторы воспользуются ихъ мотивами для оперъ; онъ указывалъ на богатство и разнообразіе стихотворныхъ формъ народнаго эпоса, ихъ удивительную правильность и плавность, на частыя, но естественныя остановки въ нихъ, удобныя для музыкальнаго и вокальнаго воспроизведенія; наконецъ онъ считалъ возможнымъ по характеру народнаго пѣнія судить и о характерѣ самого народа. Эти мысли и взгляды Львова для того времени должны быть признаны довольно оригинальными.

Кромѣ упомянутыхъ уже оригинальныхъ произведеній, Львовымъ было напечатано еще: «Къ Доризѣ» и «Музыка или семитонія» въ «Аонидахъ» (М. 1796 г., кн. I, стр. 183); «Русской» (Спб. 1791 г.), небольшая книжка, представляющая собой описаніе зимы въ шутливомъ тонѣ. Затѣмъ остались неизданными и были найдены въ рукописяхъ: шуточная опера «Судъ Парисовъ»; комедія съ пѣснями «Сильфъ, или мечта молодой женщины», которая представляетъ, повидимому, либретто для оперы Яхонтова подъ этимъ же именемъ, и «Милетъ и Милетта», пастушеская шутка въ 1 дѣйствіи для 2-хъ лицъ, съ пѣснями; при этой же рукописи приложено письмо Львова къ Н. П. Яхонтову, въ которомъ Львовъ проситъ его сочинить къ словамъ музыку и прибавляетъ, что связь сей драмы должна быть основана на пѣсни Державина «Вошедъ въ шалашъ» («Мечта»). Общій характеръ оригинальныхъ произведеній Львова—эро-

тическій или комическій, и они, вообще говоря, не отмѣчены печатью высшаго таланта. Кромѣ оригинальныхъ произведеній, ему принадлежитъ переводъ Анакреона, напечатанный съ греческимъ подлинникомъ и примѣчаніями Евгенія Булгара (Спб. 1794 г.); не будучи самъ знакомъ съ греческимъ языкомъ, Львовъ воспользовался подстрочнымъ переводомъ Булгара. Имъ же переведена «Пѣснь Норвежскаго витязя Гаральда храбраго» (въ стихахъ съ приложеніемъ французскаго подлинника. Спб. 1793 г.). Этотъ переводъ Львова заслуживаетъ вниманія, какъ попытка передать произведеніе иностранной литературы другого вѣка языкомъ и размѣромъ народной пѣсни; размѣръ заимствованъ Львовымъ изъ стихотворенія: «Не звѣзда блеститъ во чистомъ полѣ». Чтобы покончить съ литературными трудами Львова, упомянемъ здѣсь же изданный имъ въ 1792 г. «Подробный русскій лѣтописецъ отъ начала Россіи до Полтавской баталіи», который Львовъ приписывалъ Симону — лѣтописателю. Въ рукописи остался неизданный очеркъ Мальтійскаго ордена, составленный по порученію оберъ-полиціймейстера Валуева. Затѣмъ имъ также изданы: «Объясненіе на музыку, г-номъ Сартіемъ сочиненную» (при соч. Екат. II: «Начальн. управ. Олега»); «Разсужденіе о перспективѣ, облегчающее употребленіе оной» (переводъ съ итальянскаго для народныхъ училищъ. Спб. 1789 г.); «Четыре книги Палладіевой архитектуры» (Спб. 1798 г.); «Русская пиростатика или употребленіе испытанныхъ уже печей и каминовъ», въ 2 частяхъ (изд. I въ 1793 г., изд. II 1795—99 г. Спб.) и «О пользѣ и употребленіи русскаго земляного угля» (Спб. 1799 г.); осталась неизданною рукопись: «Разговоръ о земляномъ строеніи съ мужикомъ».

Приведенный перечень сочиненій Львова показываетъ, что, кромѣ изящной литературы, ему была знакома механика и архитектура; какъ архитекторъ, онъ въ особенности былъ извѣстенъ въ свое время. Ему принадлежитъ идея барельефовъ перестроенной сенатской залы, исполненныхъ скульпторомъ Рашетомъ. Другими памятниками его архитектурныхъ способностей могутъ служить: церковь Борисоглѣбскаго монастыря въ г. Торжкѣ, другая церковь, построенная имъ въ своемъ имѣніи—селѣ Никольскомъ, выстроенный имъ по порученію Павла I, особымъ изобрѣтеннымъ имъ самимъ глинобитнымъ способомъ, пріоратъ въ Гатчинѣ; по порученію гр. Безбородка имъ были составлены планы и фасады для зданія почтамта, которые были представлены Екатеринѣ II на утвержденіе и ею утверждены; по порученію Екатерины II, Львовъ отдѣлывалъ и убиралъ домъ на углу Моховой и Пантелеймоновской улицъ, купленный ею у гр. Скавронскаго и подаренный принцессѣ Вюртембергской. Наконецъ, по порученію же Екатерины II, имъ были составлены планы для собора св. Іосифа въ память ея свиданія съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ г. Могилевѣ. Многіе планы лучшихъ архитекторовъ Екатеринѣ не понравились, тогда Безбородко подалъ мысль поручить это дѣло Львову. Послѣдній составилъ планъ во вкусѣ древнихъ пестумскихъ храмовъ (входъ въ церковь въ полутьмѣ; сама церковь освѣщена вдвое, а алтарь — вдвое больше противъ церкви; наружный же видъ храма по типу греческой архитектуры). Мысль молодого художника восхитила Екатерину, и его планъ былъ утвержденъ. Не ограничиваясь составленіемъ плана, Львову пришлось отправиться на мѣсто постройки храма и тамъ преподать необходимыя наставленія. Въ награду за его усердіе Екатерина II пожаловала ему на память отъ себя подарокъ, а при свиданіи съ императоромъ Іосифомъ II напомнила ему о Львовѣ, и Іосифъ подарилъ Львову золотую, осыпанную алмазами табакерку со своимъ вензелемъ.

Львовъ извѣстенъ также какъ граверъ и какъ художникъ, онъ самъ не дурно рисовалъ, принималъ участіе въ составленіи виньетокъ къ сочин. Державина, подалъ мысль художнику Левицкому изобразить Екатерину II во весь ростъ въ бѣлой туникѣ и парчевой мантіи подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ маковыхъ цвѣтовъ. Начинающимъ художникамъ Львовъ оказывалъ всегда поддержку, такъ у него въ домѣ нашелъ пріютъ живописецъ Боровиковскій, онъ постоянно заботился о другомъ художникѣ Егоровѣ. По порученію Екатерины II, онъ въ 1782 г. придумалъ рисунокъ Владиміровскаго ордена, который и былъ утвержденъ. Павелъ I поручилъ Львову составить рисунокъ для Анненскаго ордена; изъ составленныхъ Львовымъ нѣсколь-

кихъ рисунковъ одинъ былъ одобренъ Павломъ I, и въ награду за трудъ, нѣсколько времени спустя, самъ Павелъ надѣлъ Львову на шею этотъ орденъ.

Служебная карьера Львова началась въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; благодаря своимъ талантамъ онъ легко всюду находилъ себѣ покровителей. Обладая вначалѣ лишь небольшимъ состояніемъ, безъ особыхъ связей, онъ долженъ былъ пробиваться собственными усиліями, къ счастью въ его характерѣ еще съ дѣтства обнаруживались необходимыя для этого черты: рѣшительность, бойкость и устойчивость въ преодолѣніи затрудненій; онъ скоро усвоилъ житейскую мудрость своей эпохи и постарался заручиться поддержкой покровителей. Его разнообразные таланты значительно облегчили ему выполненіе этой задачи. Какъ художникъ, поэтъ и архитекторъ съ тонко развитымъ чувствомъ изящнаго, Львовъ являлся незамѣнимымъ человѣкомъ для вельможъ вѣка изысканной роскоши и прихоти; кромѣ того, онъ былъ всегда точнымъ и ловкимъ исполнителемъ всѣхъ служебныхъ порученій своего начальника.

Первымъ покровителемъ Львова былъ М. Ѳ. Соймоновъ, который пріютилъ его, какъ сына, и взялъ съ собой во время предпринятаго имъ вмѣстѣ съ Хемницеромъ путешествія за границу въ 1776 г. Во время этого путешествія Львовъ побывалъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ, на Майнѣ, Кельнѣ, Нимвегенѣ, Лейденѣ, Амстердамѣ, Роттердамѣ, Антверпенѣ, Брюсселѣ и Парижѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ Львовъ вмѣстѣ съ Хемницеромъ усердно посѣщалъ концерты, театры, восторгался произведеніями Корнеля, Расина, Вольтера, игрой Лекера, Ларива, m-me Вестрисъ и др. Онъ вездѣ все осматривалъ, замѣчалъ, записывалъ, срисовывалъ, собиралъ изящныя вещи и, благодаря этому, значительно пополнилъ свое образованіе. Въ Россію вернулся Львовъ одинъ, оставивъ своихъ товарищей въ г. Спа. По возвращеніи изъ-за границы онъ занялъ видное мѣсто въ иностранной коллегіи или, точнѣе, въ почтовомъ управленіи, которое тогда входило въ составъ ея. Онъ скоро сошелся съ П. С. Бакунинымъ, а потомъ и съ Безбородкомъ. Бакунинъ пріобрѣлъ большой вѣсъ при Н. И. Панинѣ, былъ близокъ къ Потемкину, но его значеніе усилилось при Безбородкѣ. Львовъ сперва жилъ у Бакунина, а потомъ переселился къ Безбородку и скоро сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ и исполнялъ всѣ его порученія. Его посылали въ Курляндію и Литву для устройства почтовыхъ отдѣленій. По дѣламъ службы ему приходилось ѣздить и въ чужіе края; такъ, онъ бывалъ въ Бранденбургѣ, Италіи и Испаніи. Въ 1783 году Львовъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ этомъ же году, 21 октября, онъ вмѣстѣ съ Державинымъ и другими извѣстными литераторами былъ избранъ въ Россійскую Академію тотчасъ послѣ ея открытія. Какъ человѣкъ близкій къ Безбородку, Львовъ въ 1787 г. былъ зачисленъ въ свиту Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ; въ бумагахъ Львова остались записки, которыя онъ велъ во время этого путешествія.

При Екатеринѣ II Львовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и, кромѣ того, за сдѣланныя имъ очень красивыя модели кораблей и другія небольшія работы для великихъ князей онъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы перстень въ 2000 рублей.

По вступленіи на престолъ Павла I положеніе Львова при дворѣ еще болѣе упрочилось. Новый государь заинтересовался его опытами по разысканію и добычѣ каменнаго угля въ Россіи и по сооруженію глинобитныхъ построекъ. Первыя его попытки открыть каменный уголь относятся къ 1786 году, когда Львовъ ѣздилъ для осмотра имѣющихся удобныхъ мѣстъ въ Валдайскихъ горахъ. Уголь скоро имъ былъ найденъ, но верхніе слои его оказались низкаго качества, и только добравшись до болѣе низкихъ слоевъ, онъ получилъ возможность добывать уголь, годный на разныя хозяйственныя и заводскія надобности. Добытый имъ уголь Львовъ доставлялъ водой въ Петербургъ, здѣсь онъ былъ испробованъ въ горномъ училищѣ и въ другихъ мѣстахъ и признанъ годнымъ къ употребленію. Особенно богатые залежи угля оказались по рѣкѣ Мстѣ около города Боровичей; здѣсь были обнаружены цѣлые картьеры «земляного», какъ тогда называли, угля. Львовъ самъ производилъ надъ нимъ опыты, извлекалъ изъ него сѣру, въ которой тогда у насъ чувствовался крайній недостатокъ, и добывалъ особый видъ дегтя, который шелъ для сохраненія подводной части кораблей

отъ поврежденій. 21 августа 1797 г. былъ данъ Сенату Высочайшій указъ «о разрабатываніи и введеніи въ общее употребленіе земляного угля, отысканнаго подъ городомъ Боровичами и по берегу рѣки Мсты». Это открытіе считалось заслуживающимъ вниманія не только потому, что оно могло послужить къ сохраненію лѣсовъ, но и потому, что могло сберегать значительныя суммы, уходящія изъ государства въ уплату за иностранный уголь. Львову было предписано производить дальнѣйшую разработку «земляного» угля, пользуясь трудомъ вольнонаемныхъ людей. Въ томъ же 1797 г. Львовъ придумалъ способъ строить дома изъ земли (т. е. изъ особой смѣси глины). Павелъ I заинтересовался его опытами и поручилъ ему выстроить сначала на пробу одинъ уголъ избы, а когда Львовъ это блестяще выполнилъ, поручилъ ему построить въ Гатчинѣ цѣлое зданіе этимъ же способомъ. Это зданіе сохранилось и до сихъ поръ и извѣстно подъ именемъ пріората. По второму Высочайшему указу Сенату отъ того же 21 августа 1797 года «объ учрежденіи училища земляного битнаго строенія», Львовъ былъ назначенъ директоромъ земляныхъ строеній, и въ его имѣніи—селѣ Никольскомъ было учреждено училище глинобитнаго строенія «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ» на слѣдующихъ основаніяхъ. Управляющіе губерніями должны были отправлять въ означенное училище изъ безлѣсныхъ провинцій по 2 ученика, ученики получали отъ Львова безплатно квартиру, содержаніе и нужные инструменты; окончившіе курсъ ученія должны были выстроить образцовое строеніе и тогда получали званіе присяжныхъ мастеровъ и соотвѣствующій аттестатъ; по окончаніи курса одними, губернаторы должны были присылать взамѣнъ ихъ другихъ учениковъ.

На покрытіе расходовъ по этому училищу Львову была отдана въ собственность земля, принадлежавшая раньше Симонову монастырю, а потомъ значившаяся въ числѣ оброчныхъ статей подъ названіемъ Тюхольскихъ казенныхъ покосовъ съ лѣсными и пахотными угодьями и водами. Учениками этой школы было построено много различныхъ глинобитныхъ строеній какъ въ селѣ Никольскомъ, такъ и въ Тюхольской дачѣ; 2 года спустя послѣ основанія школы, ею было выпущено 72 мастера и 56 подмастерьевъ, но затѣмъ обнаружилось, что глинобитныя постройки не всегда прочны и часто обходятся очень дорого. Это и повліяло на то, что новымъ указомъ отъ 26 іюня 1802 года было приказано губернаторамъ болѣе не отправлять учениковъ къ Львову. Всего школой до 1802 года было выпущено 377 мастеровъ, 87 подмастерьевъ и 351 ученикъ, а всего 815 человѣкъ.

Еще раньше этого въ 1799 г. умеръ Безбородко, и его смерть сильно отразилась на положеніи Львова, такъ какъ онъ лишился своей опоры и сталъ испытывать обыкновенныя въ такихъ случаяхъ невзгоды. Его собственное здоровье также сильно пошатнулось: онъ сильно заболѣлъ и пролежалъ въ постели 9 мѣсяцевъ. Ослабленное болѣзнью здоровье и натянутыя служебныя отношенія съ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, требовавшимъ отъ него отчета въ земляныхъ постройкахъ, на которыя пошло много казенныхъ денегъ, заставили было Львова подумать объ отставкѣ, какъ вдругъ, по Высочайшему повелѣнію вступившаго на престолъ Александра I, онъ былъ командированъ на Кавказъ «для устроенія и описанія разныхъ необходимостей при тамошнихъ теплыхъ водахъ». Во время этой командировки Львовъ побывалъ ва островѣ Тамани, вторично извлекъ Тмутараканскій камень, перенесъ его изъ церковной ограды въ самую церковь и изъ разныхъ другихъ, тамъ же имъ собранныхъ историческихъ камней, сложилъ памятникъ. Впослѣдствіи этотъ памятникъ былъ разобранъ и съ 1851 года этотъ камень находится въ Императорскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ. По возвращеніи съ Кавказа Львовымъ было составлено описаніе кавказкихъ минеральныхъ водъ, которое, повидимому, не было издано. Ему также принадлежитъ изобрѣтеніе особаго типа воздушныхъ печей. Въ связи съ его работами по постройкѣ глинобитныхъ строеній, воздушныхъ печей и разысканію каменнаго угля имъ были изданы упомянутые выше труды. Я. К. Гротъ называетъ еще одно изданное произведеніе Львова изъ этой области: «Школа деревенской архитектуры».

Постепенно повышаясь въ чинахъ, Львовъ въ 1794 г. былъ въ чинѣ стат-

скаго совѣтника, а при Павлѣ I получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Послѣдніе годы своей жизни онъ часто болѣлъ и вскорѣ по возвращеніи съ Кавказа умеръ въ Москвѣ 21 декабря 1803 г. и погребенъ въ своемъ селѣ Никольскомъ. Въ Мѣсяцесловѣ съ росписью государственныхъ чиновъ онъ записанъ за этотъ годъ, какъ: «членъ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, тайный совѣтникъ, управляющій училищемъ земляного битнаго строенія и комиссіи о разработкѣ и употребленіи каменнаго угля».

«Сынъ Отечества» 1822 г., т. 77.—«Москвитянинъ» 1855 г., № 6.—Сочин. Державина съ объяснительными примѣч. Я. К. Грота. Изд. Имп. Ак. Наукъ. II изд. тт. I—VII.—Сочиненія и письма Хемницера съ примѣч. Я. Грота. Изд. 2, отд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1873 г.—«Другъ Просвѣщенія» 1804 г., ч. III, № 9.—«Сѣверный Вѣстникъ» 1805 г., № 2.—«СПбургскія Вѣдомости» 1859 г., № 103.—Рукописи Н. А. Львова и Державина.—«Русская поэзія—собраніе произведеній русскихъ авторовъ» подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1893—95 гг., вып. IV, стр. 767—776: статьи Я. Грота и А. Галахова.—«Извѣстія Имп. Ак. Наукъ по отд. русскаго языка и словесности», т. VIII, вып. IV: Записки по изданію сочиненій Державина. столб. 241—260.—«Отечеств. Записки» 1855 г., т. XCVIII, отд. III, стр. 12.—«Московскій Журналъ», изд. I, 1791 г. М., ч. IV, стр. 91, 124; ч. VI, М. 1792 г., стр. 227.—«Вѣстникъ Европы» 1817 г., №№ 23, 24.—«Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 2073, 2121; 1872 г., стр. 164, 2145; 1874 г., кн. II, стр. 576, 909—910 (о построеніи церкви въ Могилевѣ); 1875 г., кн. I, стр. 103, 228, 425; 1876 г., кн. I, стр. 195; кн. III, стр. 463; 1877 г., кн. I, стр. 34, 212, 213, 293; 1880 г., кн. III, ст. 314; 1881 г., кн. II, стр. 80; 1888 г., кн. I, стр. 4, 9; кн. III, стр. 387; 1890 г., кн. III, стр. 152; 1891 г., кн. II, стр. 283, 289; кн. III, стр. 556; 1892 г., кн. III, стр. 213, 221, 222, 402; 1895 г., кн. II, стр. 123; 1902 г., кн. I, стр. 192.—«Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 215—228, 604, 607, 613, 614, 620; 1876 г., I (т. XV), стр. 21, 245; 1878 г., т. XXII, кн. II, стр. 56, 65; 1880 г., т. XXVII, кн. I, стр. 635, 636; кн. II, т. XXVIII, стр. 342—346; 1882 г., т. XXXIV, стр. 776; 1898 г., т. XCVI, декабрь, стр. 539—549; 1899 г., т. XCVIII, апрѣль, стр. 59; 1901 г., т. CVIII, стр. 203, 412—414; 1902 г., т. CXI, іюль, стр. 161.—«О пѣніи въ Рос.» брош. Ѳ. П. Львова 1834 г.—«Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Л.», Спб. 1896 г. Изд. А. Суворина, предисл. А. Пальчикова, стр. V—X.—Полн. Собр. Зак., т. XXIV, №№ 18103 и 18104.—*Д. А. Ровинскій*, «Словарь русскихъ гравир. портретовъ» Спб. 1889 г., стр. 1019 и 1020.—*Его же*, «Русскіе граверы и ихъ произведенія». М. 1870 г., стр. 49, 246.—Словарь митрополита Евгенія.—Сборникъ Русскаго Истор. Общества за 1867 г., т. I, стр. 358; 1879 г., стр. X, 12, 68, 71, 74, 75, 141, 142, 148, 167, 232, 372, 499; 1881 г., т. 29, стр. 59, 87—93, 230, 232, 337, 376, 467, 501, 536, 540—542, 652, 653; 1881 г., т. 30, стр. 238—241.

Н. Строевъ.

Львовъ, *Николай Михайловичъ*, драматическій писатель, происходилъ изъ екатеринославскихъ дворянъ, родился 19 февраля 1821 г. въ Петербургѣ, образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ. Въ то время, какъ его комедія «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1857 г.) и шедшая на Императ. сценѣ въ Петербургѣ, обратила на себя вниманіе обличеніемъ темныхъ сторонъ чиновничьяго быта, двѣ другія комедіи: «Предубѣжденіе, или не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто» (Спб. 1858 г.) и «Компанія на акціяхъ» успѣха не имѣли. Послѣ смерти Брамбеуса Львовъ велъ нѣкоторое время юмористическій «Весельчакъ», помѣстивъ въ немъ нѣсколько статеекъ, касавшихся нѣкоторыхъ журналистовъ того времени. Кромѣ того, Львовъ состоялъ нѣкоторое время редакторомъ журнала «Свѣтопись», прекратившаго свое существованіе на первыхъ же номерахъ. Скончался онъ 12 апрѣля 1872 г.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г., № 104.—«Художественный Листокъ» Тимма, 1858 г., № 7.—*Геннади*, «Справочный словарь рус. писателей и ученыхъ», т. II, стр. 264.

М. Поповъ.

Львовъ, *Павелъ Юрьевичъ*, членъ Россійской Академіи, Бесѣды любителей русскаго слова и Общества исторіи и древностей россійскихъ, происходилъ изъ рязанскихъ дворянъ, родился 1 января 1770 г., умеръ 31 мая 1825 г., воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ; службу началъ въ гвардіи, а впослѣдствіи перешелъ на гражданскую службу и былъ нѣсколько лѣтъ губернскимъ прокуроромъ въ С.-Петербургѣ. Львовъ находился въ перепискѣ со многими знаменитыми нашими писателями, особенно пользовался благорасположеніемъ Гав. Ром. Державина, который болѣе другихъ одобрялъ труды Львова на пользу отечественнаго слова, и президента Россійской Академіи. Львовъ отличался рѣдкимъ даромъ краснорѣчія. Онъ былъ яркимъ представителемъ сентиментальнаго направленія. Его труды слѣдующіе: «Пріятныя минуты трудолюбца», съ франц. (соч.

Геснера, Дарата, Леонарда и Флоріана. Спб. 1788); «Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки». (2 ч. Спб. 1789 и 1794 гг.); «Храмъ славы», перев. съ франц. (поэма Попе. Спб. 1790); «Храмъ истины, или видѣніе Сезостриса, царя египетскаго» (Спб. 1790); «Роза и Любимъ», сельская повѣсть (Спб. 1790); «Алексисъ», пастушеская повѣсть, перев. изъ соч. Леонарда (Спб. 1796); «Александръ и Юлія», истинная повѣсть (Спб. 1801); «Храмъ славы россійскихъ героевъ временъ Готомысла до царствованія Романовыхъ» (Спб. 1803); въ 1822 г. вышло новое изданіе этой книги подъ названіемъ: «Храмъ славы великихъ Россіянъ»; «Картина славянской древности» (Спб. 1803); «Нума Помпилій—Александру I» (Спб. 1803); «Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу» (Спб. 1810); это слово было прочитано въ Рос. Академіи и удостоено ею золотой медали; «Пожарскій и Мининъ, спасители отечества» (Спб. 1810); «Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова» (Спб. 1812); «Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ» (Спб. 1813); «Бояринъ Матвѣевъ» (Спб. 1815); «Великій князь Ярославъ на берегахъ Волги, повѣствованіе о построеніи Ярославля» (М. 1820); «Дѣдовскія кресла», русская быль (М. 1820); «Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ XVII в.» (М. 1821). Кромѣ того, Львовымъ было помѣщено много сочиненій въ разныхъ журналахъ, начиная съ «Зеркала Свѣта» и «Собесѣдника» до «Сѣвернаго Архива», въ которомъ напечатана его любопытная «Исторія Смоленскаго корпуса»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣщено также нѣсколько отрывковъ изъ его «Исторіи Маріинскаго канала».

«Отечественныя Записки» 1825 г., ч. XXII, стр. 467—474.—*Евгеній митроп.*, «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. II. стр. 39.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 264—265.—*Сухомлиновъ*, «Исторія Рос. Академіи», т. IV, стр. 163—165, 461; т. V, стр. 44, 316; т. VI, стр. 255, 496; т. VII, стр. 461.—Соч. Державина, акад. изд.

М. Поповъ.

Львовъ, *кн. Петръ Григорьевичъ*. Въ 1676 г. былъ стряпчій, въ 1679—92 г.г. стольникомъ, а затѣмъ окольничимъ. Въ 1682 г., какъ видно изъ Двинской лѣтописи, онъ прибылъ 13 іюня на Сѣверную Двину «для взятія казны въ монастыряхъ и на монастырскихъ подворьяхъ и для высылки таможенныхъ и кабацкихъ головъ съ деньгами на дачу жалованья Московскихъ приказовъ стрѣльцамъ, и съ сею казною съ Двины стольникъ поѣхалъ въ Москву іюня 25 дня». Въ 1689 г., послѣ устраненія царевны Софьи отъ правленія государствомъ, приближенныя къ ней лица были разосланы изъ Москвы, кн. Львовъ и Василій Нарбековъ, бывшіе ея комнатными стольниками, были удалены изъ Москвы, но намъ неизвѣстно—куда именно. Въ 1693—94 г.г. кн. Львовъ былъ воеводой въ Вологдѣ. Въ 1696 г., февр. 9 получилъ назначеніе итти съ Волуйки въ Азовъ во главѣ Московскаго войска и быть подъ Азовомъ въ полку боярина А. С. Шеина воеводою у большого полкового знамени. Послѣ взятія Азова Шеинъ назначилъ кн. Львова быть тамъ воеводою впредь до царскаго указа, а въ товарищи далъ ему сына его, кн. Ивана. Передъ уходомъ изъ Азова, Шеинъ далъ кн. Львову наказъ о разныхъ мѣропріятіяхъ; между прочимъ, онъ велѣлъ обратить одну турецкую мечеть въ православную церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Для окончанія работъ (городового строенія, раскатовъ, отдѣлки стѣнъ и расчистки рвовъ) Шеинъ оставилъ въ Азовѣ инженера Лаваля. По окончаніи работъ кн. Львовъ долженъ былъ донести царю и послать чертежъ. 4 марта 1697 года кн. Львовъ отозванъ былъ въ Москву. Въ 1698—99 г.г. онъ назначался въ крестные ходы по Кремлю. Больше подробностей о его службѣ мы не знаемъ. Остается только сказать, что кн. Львовъ участвовалъ въ «кумпанствахъ», учрежденныхъ Петромъ Великимъ для постройки кораблей. На средства кн. Львова и стольника Петра Зыкова былъ построенъ въ Воронежѣ кумпанскій корабль Геркулесъ на 48 пушекъ; строилъ его голландскій мастеръ Питеръ Гооръ.

Дв. разр., IV.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра В.», I и XIII.—*Устряловъ*. «Царствованіе Петра В.», II.—*Есиповъ*, «Сборникъ архивн. бумагъ», II.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Кн. Долгоруковъ*. Р. Р. Кн., I.

В. Корсакова.

Львовъ, *кн. Петръ Ивановичъ*. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а въ апрѣлѣ—при гробѣ царевича Васи-

лія Михайловича. Въ 1646 г. дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время отсутствія царя изъ Москвы. Въ 1658 г. на обѣдѣ, данномъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ честь Грузинскаго царя, былъ въ числѣ стольниковъ, которые ставили кушанья передъ государемъ, въ 1660 г., на обѣдѣ въ честь Грузинскаго царевича, былъ въ числѣ стольниковъ, которые носили пить передъ бояръ. Въ 1662 г. былъ посланъ отъ царя съ милостивымъ словомъ и наградой (золотой въ 6 золотыхъ) за Калмыцкую службу въ Астрахань къ кн. Булату Мунсалов. Черкасскому, племяннику астраханскаго воеводы, кн. Григ. Сунчел. Черкасскаго. Въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Семіона Алексѣевича. Въ 1672 г., іюня 30, въ Грановитой палатѣ былъ столъ, въ честь крестинъ царевича Петра Алексѣевича, въ числѣ обѣдавшихъ дворянъ былъ кн. Львовъ, обѣдали «безъ мѣстъ».

Дв. разр., II и III. — Доп. къ Акт. Ист., VII и VIII.—Р. И. Б., X и XI.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Кн. Долгоруковъ*. Р. Р. Кн. *В. Корсакова.*

Львовъ, *кн. Петръ Лукичъ*. Въ 1660 г. во время обѣда у царя, даннаго въ честь Грузинскаго царевича Николая Давидовича, кн. Львовъ былъ въ числѣ стольниковъ, которые носили «передъ царевичи пить». Въ 1664—67 г. онъ «смотрѣлъ» иногда за царскими обѣдами «въ кривой столъ» и бывалъ рындой при пріемахъ голландскаго, польскаго и англійскаго посланниковъ. 20 сент. 1667 г., при пріемѣ англійскаго посланника Гебдона, рындами были: два князя Хилковыхъ, Яковъ Вас. и Андрей Андр., и два брата кн. Львовыхъ, Борисъ и Петръ Лукичи. Кн. Львовы били челомъ, что имъ невмѣстно быть ниже кн. Хилковыхъ. Государь указалъ думному дьяку Башмакову объявить кн. Львовымъ, что такъ какъ они раньше бывали съ кн. Хилковыми, то не имѣютъ права бить челомъ и, во избѣжаніе наказанія должны стоять въ рындахъ вмѣстѣ съ кн. Хилковыми. Такъ и было исполнено. Послѣ пріема посланника, когда государь пошелъ изъ столовой избы, къ нему обратились отцы кн. Хилковыхъ и кн. Львовыхъ, стоявшихъ въ рындахъ, съ просьбой «дать счетъ въ отечествѣ» ихъ сыновьямъ. Такъ какъ царь нашелъ это мѣстничество не обоснованнымъ, то, какъ сказано въ «Дворцовыхъ разрядахъ»—«и указу имъ, противъ ихъ челобитья, никому не было». Въ 1668 г. кн. Львовъ присутствовалъ въ с. Островѣ на пріемѣ царемъ вселенскихъ и Московскаго патріарховъ. Въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича. 30 іюня 1672 г. на обѣдѣ, данномъ царемъ въ честь крестинъ царевича Петра, потчевалъ Касимовскаго и Сибирскихъ царевичей. Въ 1674 г. сент. 7, въ день объявленія наслѣдникомъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, «смотрѣлъ въ кривой столъ» на торжественномъ обѣдѣ въ Грановитой палатѣ. Въ 1677—80 г.г. онъ былъ воеводою въ Томскѣ, посылалъ томскихъ боярскихъ дѣтей съ служилыми людьми въ Киргизскую землю. Въ 1687 г., въ Крымскомъ походѣ, былъ у полкового знамени; въ награду за походъ получилъ придачи къ помѣстному окладу 250 ч. и 30 рублей. Въ 1688 г. онъ былъ пожалованъ въ окольничіе; въ 1688—89 г.г. бывалъ назначаемъ въ крестные ходы по Кремлю, присутствовалъ въ Успенскомъ соборѣ у «дѣйства» въ недѣлю православія и сопровождалъ обоихъ царей, а иногда и царевну Софью въ богомольныхъ походахъ и въ походахъ въ подмосковныя села. Съ 19 сент. 1689 г. онъ былъ на воеводствѣ въ Курскѣ. Въ 1693 г., во время богомольнаго похода царя Іоанна въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, былъ назначенъ для «заимки становъ». Со 2-го іюля 1693 г. онъ числился воеводой въ Сѣвскѣ, а въ 1698 г. назначенъ былъ однимъ изъ членовъ комиссіи для разслѣдованія стрѣлецкаго бунта.

Дв. разр., III и IV.—С. Г. Г. и Д.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ».—*Устряловъ*, «Царствов. Петра В.».—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн., I. *В. Корсакова.*

Львовъ, кн. *Семенъ Ивановичъ*. Въ 1634 г. сопровождалъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Николо-Угрѣшскій монастырь; въ отсутствіе царя изъ Москвы 17 іюля этого года дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а въ апрѣлѣ—у гроба царевича Василія Михайловича. Въ 1647 г., янв. 16 на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской находился въ числѣ поѣзжанъ. Въ 1650—52 г.г. сопровождалъ царя въ ближнихъ богомольныхъ и за-

городныхъ походахъ. Въ 1653 г. былъ посланъ въ Галичъ для осмотра дворянъ, дѣтей боярскихъ, новиковъ и недорослей. Въ 1655 г., февр. 20 стоялъ у стола, когда патріархъ обѣдалъ у царя. Въ 1656 г. былъ рындой при пріемѣ польскихъ посланниковъ. Въ 1658 г. былъ въ числѣ семи стольниковъ, отправленныхъ съ великими полномочными послами въ Вильну на съѣздъ съ польскими комиссарами. Въ 1661 г. числился головою у стряпчихъ при встрѣчѣ въ Москвѣ пословъ нѣмецкаго императора. Въ 1662—63 г. онъ былъ назначенъ въ Новгородскій разрядъ товарищемъ къ боярину кн. Борису Ал. Репнину; вторымъ товарищемъ назначенъ былъ кн. Тим. Ив. Щербатовъ изъ Пскова; каждому данъ былъ свой наказъ и велѣно было быть безъ мѣстъ. Кн. Репнинъ долженъ былъ писать государю отъ себя «съ товарищи». Осенью 1662 г. кн. Репнину и кн. Львову дозволено было отступить изъ Пскова, гдѣ они стояли—первому въ Великій Новгородъ, а второму въ Луки Великія. Мѣра эта была вызвана затрудненіями въ покупкѣ во Псковѣ достаточнаго количества хлѣба для людей и корма для лошадей. Въ началѣ 1663 г. къ Лукамъ Великимъ стали приходить польскіе и литовскіе люди, а потому кн. Львову присланы были въ подкрѣпленіе прибылые воинскіе люди. Въ 1664—1665 г. онъ былъ полковымъ воеводой въ Бѣлгородѣ.

Въ 1667—70 г.г. кн. Львовъ былъ товарищемъ воеводы въ Астрахани; воеводой былъ кн. Ив. Сем. Прозоровскій. Въ августѣ 1668 г. государь велѣлъ кн. Прозоровскому послать противъ воровскихъ казаковъ на взморье и на Каспійское море кн. Львова, а съ нимъ московскихъ стрѣльцовъ. 16 августа, передъ отпускомъ въ походъ, былъ совершенъ торжественный молебенъ патріархомъ Антіохійскимъ Макаріемъ и митрополитомъ Астраханскимъ Іосифомъ; ратныхъ людей, пушки, мушкеты, пищали окропили святой водой и помазали масломъ. Годъ спустя, въ началѣ августа 1669 г., въ Каспійскомъ морѣ около устья Волги появился Стенька Разинъ со своими казаками. Когда это стало извѣстно въ Астрахани, кн. Прозоровскій немедленно отправилъ противъ нихъ кн. Львова съ 4000 вооруженныхъ стрѣльцовъ, на 36 стругахъ. Казаки расположились станомъ на островѣ Четырехъ-Бугровъ, при устьѣ Волги, и ожидали тамъ прихода царскаго войска. Увидавъ, что имъ не сладить съ астраханцами, казаки уплыли въ море, и кн. Львовъ двадцать верстъ гнался за ними, а затѣмъ отправилъ къ нимъ посланца для переговоровъ относительно условій, на которыхъ они могутъ возвратиться на Донъ. Послѣ этого царское войско, съ кн. Львовымъ во главѣ, и Разинъ со своими казаками повернули къ Астрахани. Разинъ провелъ подъ Астраханью полторы недѣли и расположилъ къ себѣ чернь привѣтливымъ обращеніемъ и раздачей денегъ. Весной 1670 г. въ Астрахани узнали, что Царицынъ захваченъ воровскими казаками, предводимыми Разинымъ. Кн. Прозоровскій отправилъ противъ Разина 2000 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей, подъ начальствомъ кн. Львова, но находившіеся среди нихъ приверженцы Разина сумѣли возбудить въ нихъ сочувствіе къ «батюшкѣ Степану Тимоѳеевичу». Едва только показались воровскіе суда, какъ стрѣльцы взволновались и начали вязать, а затѣмъ убивать начальныхъ людей. Кн. Львовъ какъ-то уцѣлѣлъ.

Съ 25 мая, т. е. съ того времени, какъ кн. Львовъ выѣхалъ со стрѣльцами противъ Разина въ Астрахань, началось сильное волненіе въ пользу Разина, прихода котораго съ нетерпѣніемъ ожидали. Въ концѣ іюля воровскіе казаки были впущены жителями въ Астрахань, а кн. Прозоровскій въ это самое время былъ тяжело раненъ кѣмъ-то изъ астраханскихъ жителей. На другое утро явился въ Астрахань Разинъ и собственноручно сбросилъ кн. Прозоровскаго съ раската (такъ называлась церковная колокольня). Проведя три недѣли въ Астрахани, Разинъ отправился со своей ватагой вверхъ по Волгѣ, а въ Астрахани оставилъ атаманомъ Ваську Уса. Кн. Львовъ былъ привезенъ стрѣльцами въ Астрахань недѣлю спустя послѣ того, какъ городъ сдался Разину. Къ двору его приставили караулъ.

Неизвѣстно, какъ провелъ кн. Львовъ зиму 1670—71 г.г. и могъ-ли онъ что-либо предпринять противъ буйствовавшихъ астраханцевъ. Что касается астраханскаго митрополита Іосифа, то его увѣщаній и уговоровъ не желали слушать. 6-го іюля Разинъ былъ казненъ въ Москвѣ. Одинъ изъ его атамановъ, Ѳедька Шелудякъ, опасаясь не быть принятымъ въ Астра-

хани и лишиться такимъ образомъ послѣдняго убѣжища, созвалъ на пути къ Астрахани кругъ; приговорили убить митрополита Іосифа и воеводу кн. Львова. Чтобы побудить казаковъ, находившихся въ Астрахани «рѣшиться» на убійство митрополита, послали сказать Васькѣ Усу, что Іосифъ и кн. Львовъ ссылаются съ Донскими и Терскими казаками (Донъ и Терекъ отложились отъ Разина) и что по ихъ письму былъ пойманъ Разинъ. Шелудякъ разсчиталъ вѣрно. Ожесточившіеся казаки призвали въ кругъ митрополита Іосифа; онъ пришелъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи священниковъ. Слова его не понравились казакамъ. Изъ круга отправили митрополита на пороховой дворъ для пытки; затѣмъ отвели на раскатъ и столкнули. Осмѣлившись покончить съ митрополитомъ, принялись пытать кн. Львова, которому «по многимъ томленіяхъ и мукахъ» отрубили голову. Затѣмъ разграбили имущество митрополита и кн. Львова.

Дв. разр., II и III.—Р. И. Б., IX и X.—С. Г. Г. и Д., IV.—Акты Ист., IV.—Доп. къ Акт. Ист., VI и VII. — *Барсуковъ*, «Списки город. воеводъ».—*Его же*, «Родъ Шереметевыхъ», IV.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XI.

В. Корсакова.

Львовъ, кн. *Семенъ Петровичъ*. Въ 1625 г. былъ стольникомъ, ставилъ ѣсть въ большой столъ за царскимъ обѣдомъ при пріемѣ Кизильбашскаго посла. Въ 1627 г. присутствовалъ при пріемѣ литовскаго гонца, а въ 1628 г. при пріемѣ кизильбашскихъ купцовъ. Въ 1630—31 г.г. онъ состоялъ воеводой въ Воронежѣ. Въ 1635 г. за обѣдомъ у царя литовскихъ пословъ ставилъ передъ государемъ кушанья. Въ 1635, 1637, 1638, и 1640 г.г. въ торжественныхъ случаяхъ «смотрѣлъ» за царскими обѣдами «въ кривой столъ.» Въ 1638 г. на береговой службѣ, для приходу Крымскихъ и Нагайскихъ людей, былъ посылочнымъ воеводой у своего роднаго дяди, кн. Ал. Мих. Львова. Въ 1639 г. въ январѣ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича. 26 марта того же года находился въ числѣ стольниковъ, переносившихъ тѣло царевича Василія Михайловича изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій соборъ. Въ 1646 г. мѣстничался съ кн. Хилковыми, вмѣстѣ съ которыми назначенъ быть въ рындахъ. Въ томъ же 1646 г. кн. Львовъ былъ полковымъ воеводой въ Бѣлгородѣ, а въ 1647 г. на Ливнахъ. Въ 1648 г. онъ находился къ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской. Въ 1648—52 г. сопровождалъ царя въ богомольныхъ и загородныхъ походахъ. 18 апр. 1652 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, былъ пожалованъ изъ дворянъ въ окольничіе. Въ 1652—54 г.г. обѣдалъ въ большіе праздники у царя съ патріархомъ Никономъ, а также у патріарха съ царемъ. 29 апр. 1656 г., по случаю поставленія архіепископа Астраханскаго и Терскаго, царь велѣлъ кн. Львову быть у стола патріарха, а послѣ стола водить вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ Лопухинымъ осла подъ архіепископомъ, во время поѣздки его кругомъ города. Въ 1656 г. участвовалъ въ Польскомъ походѣ; 17 іюня послѣ обѣда у царя въ Смоленскѣ получилъ въ награду: шубу атласъ золотной, кубокъ и придачи къ окладу 10 р. Въ 1656 г., дек. 2 стоялъ у сказки, когда думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій сказывалъ боярство стольнику Петру Вас. Шереметеву. Въ 1657 г. апр. 1, въ день Ангела царицы Марьи Ильинишны, былъ у царя столъ въ Золотой палатѣ; кромѣ патріарха Никона и царевичей Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго были бояре: Вор. Ив. Морозовъ, Илья Данил. и Ив. Андр. Милославскіе, да окольничіе, князья Василій и Семенъ Петровичи Львовы. Кн. Сем. Петр. билъ челомъ государю на боярина Илью Даниловича Милославскаго, что ему быть меньше его невмѣстно. Такое мѣстничество было весьма некстати: въ день именинъ царицы бить челомъ о счетѣ съ ея отцомъ! Государь кручинился: «какія де тутъ мѣста!», велѣлъ ему быть у стола, а бить челомъ послѣ. На вторичное заявленіе кн. Львова о счетѣ, царь велѣлъ думному дьяку Заборовскому силою посадить кн. Львова за столъ, и кн. Семенъ у стола былъ. На другой день не только кн. Семенъ, но и братья его, князья Василій и Дмитрій, били челомъ государю, чтобы онъ пожаловалъ, велѣлъ имъ съ бояриномъ Ильей Данил. Милославскимъ въ отечествѣ счетъ дать. Государь сказалъ имъ: «что де вы докучаете напрасно, того де записано не будетъ, чтобъ ты, князь Семенъ, былъ съ Ильею Даниловичемъ»; 3-го апрѣля государь велѣлъ объявить кн.

Семену, что онъ билъ челомъ не дѣломъ, «потому что онъ, князь Семенъ, третій братъ, а которые прежъ сего бывали въ присвоеньѣ Государю, и на нихъ не бивалъ челомъ». Вслѣдъ затѣмъ, по указу государя, кн. Семенъ былъ посланъ въ тюрьму. 25 іюля того же 1657 г. кн. Львовъ обѣдалъ у царя съ патріархомъ, а на другой день у патріарха, по случаю поставленія архіепископа Тверского и Кашинскаго въ митрополита Казанскаго и Свіяжскаго. Послѣ стола кн. Львовъ вмѣстѣ съ окольничимъ Гавреневымъ и дьякомъ Башмаковымъ водилъ подъ митрополитомъ осла. Въ 1657 г. въ Вильнѣ съ воинскими людьми были оставлены: кн. Сем. Андр. Урусовъ и кн. Львовъ. Въ 1658 г. объявлено было быть на службѣ въ Сѣвскѣ безъ мѣстъ: стольнику кн. Ѳ. Ѳ. Куракину и окольничимъ кн. Сем. Ром. Пожарскому и кн. Львову. Весной 1659 г. въ Малороссію противъ Выговскаго былъ посланъ бояринъ кн. Алексѣй Ник. Трубецкой съ многочисленнымъ войскомъ. Съ 19 апр. до 27 іюня кн. Трубецкой безуспѣшно осаждалъ Конотопъ, гдѣ заперся приверженецъ Выговскаго, полковникъ Гуляницкій. Явился Выговскій вмѣстѣ съ Крымскимъ ханомъ, подкрался подъ Конотопъ, ударилъ на осаждающихъ и, перебивъ много людей, отогналъ коней и началъ отступать. Не подозрѣвая, что Выговскій оставилъ всѣхъ татаръ и половину своихъ казаковъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, главные воеводы отрядили для его преслѣдованія кн. Пожарскаго и кн. Львова съ конницею. На другой день они нагнали черкасъ и разбили ихъ. Только что Выговскій, а затѣмъ и московскіе ратные люди, переправились черезъ рѣчку Сосновку, какъ навстрѣчу имъ выступили изъ засады татары и казаки и разгромили царское войско. Кн. Пожарскій и кн. Львовъ попались въ плѣнъ. Крымскій ханъ велѣлъ убить кн. Пожарскаго за то, что онъ въ прошлыхъ годахъ приходилъ войною подъ Азовъ противъ Крымскихъ царевичей. Кн. Львовъ былъ оставленъ въ живыхъ, но занемогъ и недѣли черезъ двѣ умеръ.

Дв. разр., I—III.—Р. И. Б., IX и X.—Доп. къ Акт. Ист., VI.—Акты Моск. госуд., т. II.—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ».—*Его же*, «Родъ Шереметевыхъ», III и IV.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XI.—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн., I. *В. Корсакова.*

Львовъ, *Сергѣй Лаврентьевичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, любимецъ кн. Потемкина, имѣвшій особенный даръ, разсказывая что-нибудь, представлять это въ забавномъ видѣ, родился въ 1740 г., воспитывался въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи полнаго курса въ которомъ, въ 1762 г., былъ произведенъ въ штыкъ-юнкера и принялъ участіе въ первой и второй турецкихъ войнахъ. Усердіе и расторопность обратили на него вниманіе начальства, и онъ былъ опредѣленъ къ генералъ-фельдцейхмейстеру сперва флигель-адъютантомъ, а потомъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1776 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ 1782 г. въ полковники, а въ 1787 г. въ бригадиры. Въ это время Львовъ лишился милости у императрицы, которая по словамъ Храповицкаго (см. его Записки подъ 24 апрѣля 1787 г.), ѣдучи въ Крымъ, исключила Львова изъ числа лицъ, составлявшихъ ея свиту, говоря: «Безчестный человѣкъ въ моемъ обществѣ жить не можетъ». Въ день приступа къ Очакову, 6 декабря 1788 г., Львовъ, начальствуя первою частью второй колонны праваго крыла, подъ жестокимъ огнемъ неустрашимо атаковалъ ворота нагорнаго ретраншамента и вошелъ въ крѣпость. Наградой ему за это былъ военный орденъ 3-го класса. Въ 1789 г. Львовъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ флигель-адъютантомъ императрицы. Въ день приступа къ Измаилу, 11 декабря 1790 г., онъ начальствовалъ первою колонною праваго крыла. Быстро приближаясь ко рву и палисаду, преграждавшему путь отъ каменной казематной батареи къ Дунаю, Львовъ приказалъ бросить фашины и самъ первый перескочилъ черезъ палисадъ, овладѣлъ первыми батареями и быстро слѣдовалъ къ Бросскимъ воротамъ, но здѣсь былъ тяжело раненъ и сдалъ команду полковнику Золотухину. Наградою за подвиги его на Измаильскомъ приступѣ былъ орденъ св. Анны. Въ 1791 г. Львовъ находился при Потемкинѣ, во время предсмертной поѣздки послѣдняго въ Яссы. По окончаніи войны съ Портою Львовъ былъ пожалованъ шефомъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса. Произведенный при Павлѣ I въ генералъ-лейтенанты, онъ выступилъ на помощь австрійцамъ, начальствуя одною колонною; по несчастью на ночлегѣ одного полка ввѣренной ему колонны отъ неосторожности сдѣлался

пожаръ, и большая часть селенія превратилась въ пепелъ. За это Львовъ былъ вытребованъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость. Освобожденный въ февралѣ 1800 г. изъ крѣпости, онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Умеръ 7 апр. 1812 г.

Архивъ Импер. Рус. Истор. Общ.—«Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова». Берлинъ. 1870 г., стр. 98—104.

Львовъ, кн. *Степанъ Ѳедоровичъ*. Служба его, съ нѣкоторыми перерывами, извѣстна намъ болѣе, чѣмъ за сорокъ лѣтъ. Только однажды, въ 1675—76 г.г. онъ былъ на воеводствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, вся остальная служба протекла при царскомъ дворѣ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1646 г., когда онъ, въ чинѣ стольника, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ. Въ теченіе царствованія Алексѣя Михайловича кн. Львовъ сопровождалъ его въ богомольныхъ и загородныхъ походахъ, въ 1669 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ онъ былъ пожалованъ въ (1677 г.) въ окольничіе. Въ 1680 г. обѣдалъ по царскому указу у патріарха Іоакима на Пасхальной недѣлѣ и, повидимому, очень часто сопровождалъ царя въ его загородныхъ походахъ, при чемъ иногда посылался впередъ для заимки становъ. Въ 1682 г. онъ подписалъ Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества. Въ 1683—85 гг. часто бывалъ назначаемъ въ крестные ходы изъ Успенскаго собора въ разные московскіе монастыри; въ Успеньевъ день обѣдалъ у патріарха въ крестовой палатѣ; присутствовалъ въ Успенскомъ соборѣ при поставленіи патріархомъ Іоакимомъ въ епископа въ Тамбовъ архимандрита Питирима изъ Вяземскаго Предтеченскаго монастыря. Въ тѣ же годы, а также въ 1688 г. кн. Львовъ сопровождалъ царя Петра въ подмосковныя села, а изъ богомольныхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Москвы походовъ, укажемъ на Макарьевскій монастырь въ Калязинѣ.

Дв. разр., III и IV.—С. Г. Г. и Д., IV.—Доп. къ Акт. Ист., VII.—Р. И. Б. Х.—Нижегородскій Лѣтописецъ—*Барсуковъ*, «Списки городов. воеводъ». *В. Корсакови.*

Львовъ, *Ѳедоръ Николаевичъ*, технической дѣятель, родился въ 1823 г., образованіе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1841 г. первымъ съ занесеніемъ на мраморную доску и тогда же былъ произведенъ въ офицеры лб.-гвардіи Егерскаго полка. Занимаясь съ любовью химіею еще въ корпусѣ, онъ поступилъ, по выдержаніи пробной лекціи, въ 1846 г. въ Павловскій кадетскій корпусъ репетиторомъ химіи и въ то же время началъ слушать лекціи по естественному и камеральному факультету въ С.-Петербургскомъ университетѣ и химической технологіи въ Технологическомъ институтѣ. Въ этотъ же періодъ времени онъ занимался составленіемъ промышленной химіи подъ руководствомъ проф. Н. И. Витте. Въ 1849 г. молодого офицера постигла катастрофа, отразившаяся на всей его жизни. Прикосновенный къ дѣлу Петрашевскаго, онъ былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь. Но и здѣсь, когда обстоятельства стали благопріятнѣе, онъ продолжалъ заниматься химическими и техническими изслѣдованіями, участвовалъ въ опытахъ извлеченія серебра изъ рудъ мокрымъ путемъ и, состоя уже на службѣ въ Сибири, дѣлалъ, по порученію ген.-губернатора, изслѣдованіе солеваренія на иркутскомъ солеваренномъ заводѣ и разложеніе извѣстнѣйшихъ минеральныхъ источниковъ Восточной Сибири, а по просьбѣ частныхъ лицъ и обществъ—анализы разныхъ мѣстныхъ продуктовъ, въ томъ числѣ лиственичной камеди. По восшествіи на престолъ императора Александра, Львовъ былъ возвращенъ изъ Сибири и снова вступилъ въ живое общеніе съ дѣятелями науки и техники. Въ 1866 г. онъ поступилъ членомъ въ только что основанное Русское Техническое Общество; здѣсь онъ занимался составленіемъ отчетовъ о засѣданіяхъ членовъ, а съ 1867—1869 г.г. состоялъ помощникомъ секретаря общества. Назначенный въ 1870 г. секретаремъ помянутаго общества, Львовъ въ слѣдующемъ году былъ представителемъ общества на 1-й ежегодной международной лондонской выставкѣ, въ 1873 г. на той же выставкѣ комиссаромъ, а въ 1876 г. русскимъ комиссаромъ на международной выставкѣ по общественной гигіенѣ и средствамъ для спасенія жизни въ Брюсселѣ. Независимо отъ многотрудныхъ занятій по должности секретаря и отвѣтственнаго редактора «Записокъ Общества», Львовъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ комиссіяхъ по вопросамъ, касавшимся химической технологіи, метал-

лургіи и ученія о питательныхъ веществахъ, и нерѣдко на бесѣдахъ Общества дѣлалъ весьма интересныя сообщенія по этимъ отраслямъ техники.

Львовъ напечаталъ: «По поводу учрежденія въ Иркутскѣ женской гимназіи» («Амуръ» 1860 г., №№ 2, 4, 5); «Замѣтки отставного канцелярскаго служителя въ поискахъ его за промышленностью» («Современникъ» 1861 г., кн. 3); «Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго» («Современ.», 1861 г., кн. 9; 1862 г., кн. 2), «Отчетъ о занятіяхъ въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ» («Горный Журн.», 1862 г., кн. 6); «Изъ Иркутска: промышленность края и Иркутскій солеваренный заводъ» («Промышленность», 1863 г., №№ 4, 5); «Письмо изъ Ковны», по поводу съѣзда членовъ повѣрочныхъ комиссій» («С.-Петерб. Вѣдомости», 1864 г., № 32); «О сѣрнистомъ запахѣ, замѣчаемомъ въ нѣкоторыхъ источникахъ Восточной Сибири» («Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.» 1864 г., кн. II) и «Изъ исторіи великихъ открытій и изобрѣтеній: открытіе кислорода» (СПБ. 1874 г.). Скончался Львовъ 23 мая 1885 г.

«Всемірная Иллюстрація» 1885 г., № 24.—«Историч. Вѣстникъ» 1885 г., № 7, стр. 220.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. V, стр. 100—101.—«Библіографъ», 1885 г., № 8, стр. 32.

М. Поповъ.

Львовъ, *Ѳедоръ Петровичъ*, т. с., и. д. статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, директоръ Придворной пѣвческой капеллы, родился 20 іюня 1766 года. Службу началъ подпрапорщикомъ Преображенскаго полка въ 1778 г., черезъ два года былъ произведенъ въ сержанты, въ 1783 г. уволенъ отъ службы въ чинѣ капитана съ опредѣленіемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ томъ же году находился въ составѣ миссіи, отправленной въ Дрезденъ, но въ слѣдующемъ году возвратился въ Петербургъ. По объявленіи турками войны Львовъ въ 1788 г. былъ назначенъ для производства письменныхъ дѣлъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, въ слѣдующемъ году произведенъ въ чинъ секундъ-маіора и тогда же возвращенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ переименованіемъ въ коллежскіе асессоры. Въ 1794 г. Львовъ былъ назначенъ на должность директора Архангельской портовой таможни и произведенъ въ надв. сов., а въ 1797 г. переведенъ таможеннымъ инспекторомъ въ Эстляндскую губернію. Произведенный въ 1799 г. въ кол. сов., Львовъ въ 1801 г. былъ опредѣленъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта по части иностранной и коммерческой экспедиторскимъ помощникомъ, въ слѣдующемъ году назначенъ правителемъ канцеляріи при министрѣ коммерціи, а въ 1803 г.—директоромъ въ департаментѣ министерства коммерціи и произведенъ въ стат. сов. За составленіе видовъ государственной торговли на 1802 г. и особо по С.-Петербургскому порту съ иностранными державами на 1805 г. Львовъ удостоился высочайшаго подарка—двухъ брильянтовыхъ перстней. Уволенный въ 1810 г. по болѣзни отъ послѣдней должности съ чиномъ д. с. с., онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ въ комиссію законовъ, въ которой заявилъ себя составленіемъ проекта таможеннаго устава, одобреннаго Государственнымъ Совѣтомъ и вошедшаго частію въ составъ манифеста о привозѣ и вывозѣ товаровъ на 1811 г. Вслѣдствіе утвержденія въ 1816 г. новаго штата комиссіи составленія законовъ, Львовъ вышелъ въ отставку и до 1824 г. пробылъ за штатомъ, несмотря на то, что Державинъ, съ которымъ онъ состоялъ въ родствѣ, всячески ходатайствовалъ за него передъ государемъ. «Видя сомнѣніе ваше,—читаемъ въ рескриптѣ на имя Державина отъ 25 мая 1816 г.,—на щетъ присланной ко мнѣ Львовымъ прозьбы о назначеніи ему должности, я извѣщаю васъ, что прозьба сія не забыта, но оставлена мною безъ вниманія потому, что въ мѣстахъ должны быть употреблены чиновники по удостоенію того начальства, подъ которымъ оные состоятъ. Предсѣдатель же Комиссіи Законовъ не назначилъ Львова въ числѣ выбранныхъ для оставленія въ Комиссіи, а продолжать же производство жалованья ему въ то время, когда ничѣмъ онъ не занимается, было бы противно справедливости, особливо когда онъ, сколько мнѣ извѣстно, по состоянію своему не имѣетъ въ немъ нужды и получаетъ пансіонъ» (Сочин. Державина съ объяснит. примѣч. Я. Грота. 2 изд., т. VI, стр. 380). Если вѣрить воспоминаніямъ Н. И. Шенига («Русск. Арх.» 1880 г., т. III, стр. 314—315), Львову помогъ гр. Аракчеевъ, съ которымъ онъ познакомился,

когда проводилъ лѣто въ Званкѣ у Державиныхъ. «Аракчеевъ, — вспоминаетъ Шенигъ,—наслышанный объ умѣ старика Львова, захотѣлъ съ нимъ познакомиться, и тотъ, принявъ простодушный видъ и простой тонъ, такъ умѣлъ очаровать графа, что черезъ двѣ недѣли (1824 г.) былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и тогда же былъ перемѣщенъ въ департаментъ военныхъ дѣлъ; въ 1825 г. Львовъ вошелъ, въ качествѣ члена, въ комитетъ для управленія комиссіями, установленными для свода запретительныхъ книгъ, въ 1826 г. былъ назначенъ директоромъ Придворной пѣвческой капеллы, съ оставленіемъ въ должности помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта, въ 1827 г. назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря по Гос. Совѣту въ департаментѣ государственной экономіи и въ 1828 г.—членомъ комитета о составленіи проекта устава объ управленіи коренными крестьянами. Пожалованный въ 1829 г. въ тайн. сов., Львовъ въ 1833 г. былъ уволенъ отъ исправленія должности статсъ-секретаря по Госуд. Совѣту, оставаясь директоромъ Придворной пѣвческой капеллы, въ каковой должности и скончался 14 декабря 1836 г.

Принимая дѣятельное участіе въ «Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова», Львовъ оставилъ послѣ себя довольно много стихотвореній и «писемъ» въ сантиментально-патріотическомъ духѣ, которыя изданы имъ самимъ подъ заглавіемъ «Часы свободы въ молодости» (Спб. 1831 г., 2 части; во 2-ю вошли «Письма Скимнина», изданныя отдѣльно въ 1813 г.). Кромѣ того, Львовымъ составленъ біографическій очеркъ Н. А. Львова («Сынъ Отечества» 1822 г., т. 77, и «Москвитянинъ» 1855 г., № 6) и брошюра «О пѣніи въ Россіи» (Спб. 1834 г.), а также изданы «Объясненія на сочиненія Державина», продиктованныя самимъ поэтомъ женѣ Львова, Елизаветѣ Николаевнѣ. Въ собраніи рукописей проф. И. В. Помяловскаго, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библіотекѣ, недавно найдена записная книжка Львова, въ которую онъ заносилъ свои интересныя размышленія о современной общественной и политической жизни въ Россіи. Наряду съ общими разсужденіями о сущности представительнаго строя и его преимуществахъ, находимъ здѣсь и цѣльный проектъ конституціи для Россіи,—въ 8-ми главахъ: 1) О правахъ государя или о преимуществахъ его; 2) О власти исполнительной; 3) О власти представительной; 4) О власти судной; 5) О вооруженной силѣ; 6) О правахъ политическихъ; 7) О правахъ частныхъ или личныхъ и 8) О томъ, что конституціи противно. Авторъ конституціоннаго проекта не забываетъ, что «Конституціи рѣдко дѣлаются людьми: ихъ созидаетъ время, они выростаютъ постепенно и нечувствительно. Но случаются и такія обстоятельства, гдѣ устроеніе конституціи необходимо, и тогда одно необходимое сдѣлать должно, прочее же предоставить времени и опытамъ».

Архивъ Государств. Совѣта. Дѣло о службѣ и. д. статсъ-секретаря т. с. Ѳ. П. Львова (1824 г.).—*Геннади*, «Справочный словарь о русск. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 265.—Воспоминанія Н. И. Шёнига («Русск. Арх.» 1880 г., т. III).—Сочиненія Державина. Съ объяснит. примѣч. Я. Грота. 2 изд., т. II, стр. 302—303; т. VI, стр. 251.—Исторія русск. литерат. XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. т. I, стр. 90, 211.—Сборникъ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко. Спб. 1913 г., стр. 219—224.—Петербургскій Некрополь, томъ II.

Д. Абрамовичъ.

Лѣсниковъ, *Владиміръ Николаевичъ*, т. сов., инженеръ путей сообщенія, род. 7 декабря 1816 г., образованіе получилъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, куда поступилъ въ 1830 г. Произведенный въ 1833 г. въ прапорщики, онъ былъ командированъ для практическихъ занятій къ маіору Бѣловодскому, управлявшему изысканіями по Рязанскому тракту отъ Рязани къ границѣ Московской губ., а въ 1835 г., въ чинѣ поручика, былъ назначенъ на дѣйствительную службу въ главное управленіе, въ комиссію для ревизіи всѣхъ отчетовъ вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ 1838 г. Лѣсниковъ былъ назначенъ въ III-ій округъ путей сообщенія, гдѣ находился при производствѣ работъ Тульскаго шоссе, откуда въ 1842 г. былъ переведенъ въ I-й округъ; въ слѣдующемъ году мы его видимъ помощникомъ контролера въ техническомъ отдѣленіи департамента ревизіи отчетовъ главнаго управленія; пробывъ въ этой должности до 1846 г., онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ начальникомъ чертежной правленія Петербургскаго округа и послѣдовательно проходилъ въ этомъ округѣ должности члена общаго присутствія (1853-1858 г.), помощника начальника округа (1858—1865) и начальника округа (съ

1865 г.). Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, Лѣсниковъ составилъ новый планъ города Валдая и Яма Зимогорья (1854 г.). Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ комиссіи по освидѣтельствованію конножелѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ и въ комиссіи для рѣшенія вопроса о причинахъ порчи воды въ Лиговскомъ каналѣ (1866 г.), состоялъ въ то же время членомъ комитета по устройству новаго Ладожскаго канала, комитета по преобразованію округовъ путей сообщенія (1865 г.), комитета для разсмотрѣнія проектовъ на устройства Петербургскаго порта и Ораніенбаумской гавани (1869 г.) и комитета о переустройствѣ Маріинскаго воднаго пути (1870 г.). Переименованный въ 1868 г. изъ полковниковъ въ дѣйств. с. сов., Лѣсниковъ въ 1870 г. вышелъ въ отставку, но въ 1872 г. снова поступилъ на государственную службу, занявъ постъ вице-директора телеграфнаго департамента и помощника директора телеграфовъ; въ этой должности онъ оставался до 1884 г. Скончался онъ въ Петербургѣ 22 іюля 1891 г.

С. Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. II, стр. 77—78.

М. Поповъ.

Лѣсницкій, *Григорій Сахновичъ* (*Софоньевичъ*), полковникъ миргородскій и генеральный судья. Богданъ Хмельницкій поставилъ его полковникомъ въ Миргородъ на мѣсто Григорія Гладкаго. Впослѣдствіи Хмельницкій сдѣлалъ его своимъ генеральнымъ судьею и, незадолго передъ своей смертью, отправилъ его наказнымъ гетманомъ въ походъ противъ татаръ. Лѣсницкій, повидимому, разсчитывалъ получить булаву послѣ Хмельницкаго, такъ какъ, когда къ нему дошло извѣстіе о смерти гетмана (1657 г.), онъ не хотѣлъ отдавать знаки гетманскаго достоинства посланнымъ за ними какъ отъ Юрія Хмельницкаго, такъ и отъ Выговскаго. Въ концѣ концовъ бунчукъ и булава были отобраны у него насильно. Потерпѣвъ эту неудачу, Лѣсницкій сталъ поддерживать кандидатуру Выговскаго и отговаривалъ молодого Юрія отъ гетманства. Съ избраніемъ въ гетманы Выговскаго (1657 г.), Лѣсницкій сталъ ревностнымъ сторонникомъ его идеи о подчиненіи Малороссіи Польшѣ. Съ этою цѣлью онъ, пріѣхавъ, по смерти Хмельницкаго, изъ Чигирина въ Миргородъ, куда былъ снова поставленъ полковникомъ отъ Выговскаго, сталъ возбуждать здѣсь казаковъ противъ Москвы, поддерживая распускаемые Выговскимъ слухи о томъ, что царь хочетъ уничтожить всѣ ихъ вольности, поставить по городамъ воеводъ, ограничить численность казачьяго войска и т. д.; но противодѣйствіе популярнаго полтавскаго полковника Пушкаря разстроило замыслы Лѣсницкаго. Пріѣхавшій въ октябрѣ 1657 г. къ Выговскому стряпчій Рагозинъ много слышалъ разсказовъ о томъ, что Лѣсницкій «отводилъ» казаковъ и мѣщанъ отъ государя,—поэтому Выговскому и Лѣсницкому пришлось хитрить съ Московскимъ правительствомъ. Посланные гетманомъ въ Москву люди съ извѣстіемъ объ избраніи его въ гетманы заявляли въ Москвѣ, что гетманъ очень недоволенъ Лѣсницкимъ за то, что онъ распространялъ слухи, будто царь хочетъ отнять отъ казаковъ прежнія вольности, и за это лишилъ Лѣсницкаго права участія въ войсковой радѣ. Однако Пушкарь продолжалъ борьбу противъ Выговскаго и Лѣсницкаго и добился смѣщенія его съ полковническаго уряда. Выговскій отправилъ въ 1658 г. въ Москву посланцемъ своимъ Лѣсницкаго съ жалобой на полтавскаго полковника. Въ Москвѣ Лѣсницкій просилъ усмирить Пушкаря, просилъ о присылкѣ во всѣ города царскихъ воеводъ и о составленіи новыхъ реестровъ казакамъ съ цѣлью ограниченія перехода мѣщанъ въ казаки. Такія просьбы шли вразрѣзъ съ желаніемъ партіи народной, главой которой являлся Пушкарь, и представляя ихъ, Лѣсницкій хотѣлъ, съ одной стороны, выказать свою вѣрность Москвѣ, съ другой, возбудить неудовольствіе противъ Москвы среди народа. Въ то же самое время Пушкарь писалъ въ Москву доносы на Выговскаго и Лѣсницкаго; московское правительство, не зная, кому вѣрить, и не желая давать перевѣса Пушкарю, который въ глазахъ его являлся бунтовщикомъ противъ законной власти, не послало Пушкарю своевременной помощи, вслѣдствіе чего онъ и погибъ въ 1658 г. По смерти Пушкаря Выговскій съ Лѣсницкимъ стали открыто на сторону Польши. Взявъ нѣсколько городовъ, державшихся Москвы, въ томъ числѣ въ февралѣ 1659 г. и Миргородъ, Выговскій поставилъ туда полковникомъ снова Лѣсницкаго, который и ѣздилъ затѣмъ отъ него на сеймъ въ Варшаву, когда тамъ получило свое начало осно-

ванное по мысли Выговскаго «Великое княжество Русское». Но, какъ извѣстно, Выговскій вскорѣ послѣ этого бѣжалъ при чемъ Лѣсницкій успѣлъ во-время отъ него отстать. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1659 г. Лѣсницкій вмѣстѣ съ полковникомъ Як. Лизогубомъ ѣздилъ къ Выговскому въ Бѣлую Церковь съ требованіемъ отъ войска о возвращеніи гетманскихъ бунчука и булавы. Однако въ статьяхъ объ избраніи Юрія Хмельницкаго (17 октября 1659 г.) было постановлено, между прочимъ, чтобы Лѣсницкому, какъ «совѣтнику» Выговскаго, урядовъ никакихъ не давать и въ радѣ никакой не быть, вслѣдствіе чего онъ потерялъ полковничество, но въ декабрѣ того же года посланцы Хмельницкаго выпросили въ Москвѣ Лѣсницкому, въ числѣ прочихъ, прощеніе,—и онъ былъ поставленъ вновь генеральнымъ судьею. Когда, затѣмъ, Юрій Хмельницкій рѣшилъ поддаться Польшѣ, то дѣятельнымъ сторонникомъ этого замысла явился снова Лѣсницкій; впослѣдствіи, въ октябрѣ 1662 г. онъ же ѣздилъ къ королю съ просьбой Юрія о сложеніи съ него гетманства, которое и передано было Павлу Тетерѣ. Въ 1662 г. судьба столкнула Лѣсницкаго съ Выговскимъ: оба они, находясь во Львовѣ, записались въ это время въ тамошнее братство; погибли они также вмѣстѣ, будучи разстрѣляны въ 1664 г. поляками.

Н. Костомаровъ, «Гетманство Выговскаго», Спб. 1862 г.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. II, стр. 1716; т. III, стр. 10—13, 19, 20, 51, 54, 77, 94, 97, 107.—Лѣтопись Грабянки, стр. 155.—Лѣтопись Величка, т. I, стр. 325, 326, 328, 329, 330.—Лѣтопись Самовидца, стр. 50, 250.—Акты Ю. и З. Россіи, тт. III, IV, V.—«Памятники, изданные Кіевскою археограф. коммиссіею», т. III и IV.—«Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и З. Руси», Кіевъ, 1888 г., стр. 171, 174, 185, 187.—Лѣтопись Львовскаго Ставропигіальнаго братства, составленная Зубрицкимъ, стр. 105.—«Кіевская Старина» 1886 г., т. XV, стр. 439—445.

В. Модзалевскій.

Лѣствицынъ, *Вадимъ Ивановичъ*, сынъ священника села Ареѳина Ярославской губ., род. 15 авг. 1827 г., среднее образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи, а высшее въ Московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ кандидатомъ въ 1848 году. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Варшавское духовное училище, гдѣ и состоялъ по 1851 годъ. Одновременно онъ преподавалъ исторію ученикамъ «Валаамской семинаріи», состоявшимъ въ Варшавскомъ архіерейскомъ хорѣ. Уже въ это время онъ почувствовалъ склонность къ научно-литературнымъ занятіямъ и въ 1851 году напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи: «Истуканъ Святовида, найденный въ Подоліи», съ рисункомъ (№ 7) и «Солнечное затмѣніе въ Варшавѣ» (№ 12). Желая заниматься русскою археологіею на родинѣ, Лѣствицынъ просилъ духовное учебное управленіе перевести его преподавателемъ въ Ярославскую семинарію или, по крайней мѣрѣ, въ какую-либо внутреннюю губернію, но просьба его не была уважена, и Лѣствицынъ въ 1851 году оставилъ должность преподавателя и временно поселился въ селѣ Сменцовѣ, Ярославской губ. Проѣзжая на родину чрезъ Москву въ декабрѣ этого года, онъ познакомился съ М. П. Погодинымъ и передалъ ему свое изслѣдованіе объ Ятвягахъ, которое не было напечатано. Въ 1852 году онъ ѣздилъ въ Москву съ цѣлью найти тамъ мѣсто постояннаго сотрудника въ редакціи какой-либо газеты или журнала, но надежды его не оправдались, и онъ вынужденъ былъ обратиться съ просьбою къ оберъ-прокурору Св. Синода или опредѣлить его преподавателемъ въ Ярославскую семинарію или уволить изъ духовнаго званія; послѣднее состоялось въ 1854 году. Послѣ долгихъ мытарствъ и скитаній Лѣствицынъ сдѣлался чиновникомъ «Газетнаго стола» въ Ярославскомъ губернскомъ управленіи и съ 1856 года до конца жизни былъ начальникомъ того же стола и редакторомъ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Скончался онъ 24 декабря 1889 года.

Лѣствицынъ напечаталъ много историко-литературныхъ статей и изслѣдованій о мѣстной старинѣ; между ними встрѣчается не мало корреспонденцій и замѣтокъ о текущихъ событіяхъ общественной жизни, преимущественно мѣстной. Почти полный списокъ его статей приложенъ къ книгѣ А. А. Титова: «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву» 1892 г., вып. III, стр. 205—226. Въ этой же книгѣ описаны и рукописи Лѣствицына, пріобрѣтенныя послѣ его смерти Вахрамѣевымъ. Мы отмѣтимъ здѣсь слѣдующія статьи Лѣствицына:

I. *По исторіи*: напечатанныя въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»:

1) «Объ отцѣ Кіевскаго князя Святополка I (1854 г., № 39), 2) «Древняя географія» (№ 40), 3) «Мѣсто побоища на Сити» (1868 г., № 41), 4) «Село Колокма» (1869 г., № 6), 5) «Переписка Мельгунова съ архіереями» (1870 г., № 32), 6) «Александрова пустынь» (1870 г., № 27), 7) «Лошадиный наборъ 1741 г.» (1871 г., № 44), 8) «Романовскія молельныя часовни съ гробницей Онуфрія юродиваго» (1871 г., № 51), 9) «Село Богоявленское на острову» (1872 г., №№ 1—3 и 9), 10) «Ссылалъ ли Борисъ Годуновъ угличанъ въ Пелымъ» (1872 г., № 17), 11) «Письмо митрополита Арсенія Мацѣевича къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ» (1872 г., № 19), 12) «Переписка Мельгунова съ духовнымъ вѣдомствомъ» (тамъ же), 13) «Переписка Авраама Флоринскаго» (1872 г., № 20), 14) «Донесеніе Мельгунова Екатеринѣ II-й объ открытіи Ярославскаго намѣстничества» (1872 г., №№ 22—29), 15) «Путешествіе преосвященнаго Нила» (1872 г., № 29), 16) «Исторія о разореніи Углича въ 1611 году» (1872 г., №№ 45 и 46), 17) «Ярославскія богадѣльни въ XVII и XVIII ст.» (1873 г., стр. 12, 24 и 35), 18) «Переписка патріарха Іоакима съ ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ о монашескомъ обѣтѣ дѣда Петра I» (тамъ же, стр. 52, 62), 19) «Положеніе Ярославля въ 1711 г.» (тамъ же, стр. 224, 237, 246, 254, 265, 275, 282, 292, 303, 327, 331, 350, 361, 372, 384, 397, 407, 417, 426, 442, 453, 465, 474, 489), 20) «Югская пустынь» (тамъ же, стр. 283, 293, 304, 315, 328), 21) «Положеніе Ярославскаго духовенства во 2-мъ десятилѣтіи XVIII в.» («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» 1873 г., №№ 49—51, 1874 г., №№ 7, 10—13, 18, 19, 21—24, 34, 35), 22) «Другая редакція сказанія о Спасопробоинской церкви въ Ярославлѣ» (тамъ же, № 13), 23) «Церкви города Ярославля въ 1781 году» (тамъ же, №№ 38—45, 47—51), 24) «Нѣсколько чертъ управленія архіепископа Филарета Дроздова Ярославскою епархіею» (тамъ же, 1875 г., № 6), 25) «Каменевичъ-Рвовскій, Мологскій проповѣдникъ конца XVII вѣка» (тамъ же, № 9), 26) «Пугачевецъ въ Ярославлѣ въ 1774 г.» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1875 г., №№ 60, 62, 64), 27) «Открытіе Ярославской губерніи въ 1777 году (Календарь Ярославской губ. на 1877 годъ), 28) «Ярославскій пожаръ 1768 года» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1877 г., № 21), 29) «Письмо архіепископа Авраама Шумилина» (тамъ же, 1873 г., № 43), 30) «Подложное письмо о кончинѣ Арсенія Мацѣевича» («Русская Старина», т. XXVI. 1879 г., № 10, стр. 197—198), 31) «Патріархъ Никонъ въ Ярославской еп. («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1880 г., № 32), 32) «Церкви и богадѣльни при Мельгуновѣ» (тамъ же, 1880 г., № 36), 33) «Преданіе о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ» («Русская Старина», т. XXVIII, 1880 г., № 5), 34) «Донесенія намѣстника Мельгунова Императрицѣ Екатеринѣ II» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1881 г., №№ 30, 40, 42 и 44), 35) «Ростовскія окрестности въ 1632 году» (тамъ же, № 46), 36) «Село Сменцово въ 1652 году» (тамъ же, 1882 г., №№ 4, 6, 7, 9 и 13), 37) «Наше самоуправленіе» въ 1805 году (тамъ же, 1881 г., № 96), 38) «О личности храмоздателя Ярославской Надѣинской церкви» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1884 г., № 8, «Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1884 г., № 6), 39) «Ярославскія богадѣльни въ 1777 году» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1886 г., № 60), 40) «О волжскомъ городѣ Руси» (тамъ же, 1887 г., №№ 75—77 и отдѣльное изданіе).

II. *По археографіи:* 1) «Явочныя челобитныя (35) 1640—1705 г.г.» («Яросл. Губ. Вѣд.» 1854 г., №№ 45—49; 1857 г., №№ 49—52; 1858 г., №№ 1—7), 2) «Богомольныя грамоты (2) 1673 и 1687 гг.» (тамъ же, 1855 г., № 2), 3) «Памяти Романовскаго святительскаго домоваго двора 1655—1701, и указы (2) Романовскаго духовнаго приказа 1715 и 1717 г.» (тамъ же, № 14), 4) «Указъ ландрата Милюкова 1715 г.» (тамъ же, № 31), 5) «Указъ царя Алексѣя Михайловича о необходимости покаянія и поученіяхъ для того нужныхъ со стороны духовенства» (тамъ же, № 40), 6) «Старинные документы Ярославскаго городового магистрата» (грамоты, памяти, выписи съ писцовыхъ книгъ: о слободкѣ Худяковой, о Тверицкой слободѣ, на Фрязинову пустошь, описаніе Ярославскаго гостинаго двора) (тамъ же, 1855 г., №№ 41—50; 1856 г., №№ 1—10, 19—38, 47—52; 1857 г., №№ 1—4), 7) «Храмозданныя грамоты (2) 1637 и 1659 гг.» (тамъ же, 1857 г., №№ 38 и 39), 8) Корреспонденція изъ Ярославля. «Поѣздка въ Угличъ для разбора архива бывшаго уѣзднаго суда» («Иллюстр. Газета» 1869 г., №№ 46—47; перепечатана

въ «Губ. Вѣд.», №№ 51—52), 9) «Судное дѣло 1671 г.» (тамъ же, 1870 г., № 28), 10) «Документы бывшей въ Рыбинскомъ уѣздѣ Александровой пустыни» (тамъ же, 1872 г., №№ 1, 4, 5), 11) «Судное дѣло 1711 г.» (тамъ же, 1873 г., стр. 175), 12) «Челобитныя посадскихъ людей города Романова Петру I» (тамъ же, стр. 188), 13) «Благословенная грамота митрополита Іоны Сысоевича 1688 г. на постройку теперешней каменной церкви Сошествія Св. Духа» («Яросл. Епарх. Вѣдом.», (1873 г., № 48), 14) «Челобитныя 1712 г. изъ Нерехты о приходѣ въ Ярославль съ иконой» (тамъ же, 1876 г., № 16), 15) «Царская грамота 1690 года объ отдачѣ Ростовскому Зачатьевскому монастырю пустой земли (тамъ же, 1883 г., № 3), 16) «Ростовскія варницы»—пять царскихъ грамотъ XVII вѣка («Яросл. Губ. Вѣд.» 1886 г., №№ 53, 54, 56 и 57 и отдѣльное изданіе), 17) Благословенная грамота ростовскаго митрополита Іоасафа II-го 1683 года на постройку каменной церкви въ селѣ Богородскомъ Карабихѣ Ярославскаго уѣзда» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1888 г., № 22), 18) «Дѣла намѣстника Мельгунова въ пользу церкви въ 1783—1787 гг. (тамъ же, 1884 г., № 7).

III. *По археологіи*: 1) «Курганы близъ села Елохова» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1855 г., № 15), 2) «Раскопки Семеновской башни и Власьевскаго кладбища» (тамъ же, 1864 г., № 29), 3) «Бывшая Борисоглѣбская площадь въ Ярославлѣ» (тамъ же, 1870 г., № 52), 4) «Угличская старина» (тамъ же, 1872 г., № 10), 5) «Кладъ на горкахъ» (тамъ же, 1873 г., стр. 203), 6) «Кладъ подъ Змановымъ» (тамъ же, стр. 384), 7) «Библіографія и курганы Ярославской губерніи» («Древности Моск. Археолог. Общ.», 1873 г., т. III, вып. 3), 8) «Надписи на архіерейскихъ гробницахъ въ Ярославлѣ» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1875 г., № 6), 9) «500-лѣтняя плита» (тамъ же, № 14), 10) «Кладъ въ Угличѣ» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1880 г., №№ 33, 60), 11) «Переплавка мѣдной монеты въ Ярославлѣ въ 1801 г.» (тамъ же, 1881 г., № 88), 12) «Мундиръ маршала Даву въ Ярославской губерніи» (тамъ же, 1882 г. № 9), 13) «Бывшая Запрудная улица въ Ярославлѣ» (тамъ же, 1883 г., № 56 и отдѣльное изданіе), 14) «Камень-сирота 1631 года» (тамъ же, № 61), 15) «Сицкіе курганы» (тамъ же, № 77), 16) «Стаканъ Петра I-го» (тамъ же, 1884 г., № 17), 17) «Изразцы XVII в.» (тамъ же, 1886 г., № 34).

IV. *По церковной археологіи*: 1) «О древнѣйшей церкви въ Ярославлѣ» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1864 г., № 37), 2) «Воспоминаніе о здѣшней Томской церкви» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1871 г., № 44), 3) «Надписи Спасо-Ярославскаго монастыря» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1872 г.», №№ 6 и 7), 4) «Памятникъ преподобнаго Адріана Пошехонскаго» (тамъ же, 1873 г., стр. 187), 5) «Изученіе архитектуры Ярославскихъ церквей» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1873 г., № 44), 6) «Ярославскій соборъ при митрополитѣ Арсеніи» (тамъ же, № 46, 1876 г., № 15), 7) «Французскій колоколъ на Водогѣ» (1609 г.) (тамъ же, № 9), 8) «Надгробныя надписи Спасо-Ярославскаго монастыря» (тамъ же, 1877 г., № 17 и отд. брош.), 9) «Церковь Петра и Павла, что на Волгѣ, въ Ярославлѣ», Ярославль 1878 г., 10) «Предтеченская церковь въ Ярославлѣ» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1882 г., № 12), 11) «Стихотворныя надгробія Ярославскаго Леонтьевскаго кладбища» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1882 г., № 45), 12) «Голландскій колоколъ 1646 г.» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1882 г., № 99), 13) «Новый архіерейскій домъ въ Ярославлѣ въ 1798—1804 гг.» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1885 г., № 48), 14) «Поправка Спасскаго монастыря за время архіепископа Арсенія» (тамъ же, 1886 г., № 12), 15) «Древніе антиминсы Тверицкой церкви» (тамъ же, № 28).

V. *По Библіографіи*: 1) «Книжка пѣсенъ ярославскаго духовнаго сословія въ XVIII вѣкѣ» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1854 г., № 41), 2) «По поводу сборника народныхъ пѣсенъ, изданнаго Балакиревымъ» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1867 г., № 168), 3) «Доселѣ неизвѣстное имя» (описаніе рукописи объ исторіи Ярославля, составленной во 2-й четверти текущаго (т. е. XIX) столѣтія яросл. мѣщ. Дм. Ив. Серебряковымъ) («Губ. Вѣдом.» 1868 г., № 1), 4) «Книжныя новости» (тамъ же, 1869 г., № 42), 5) «Рѣдкое сочиненіе историка Татищева» (тамъ же, 1871 г., № 11), 6) «Книжная новость: Дневникъ больного. Воспоминаніе о Пекарскомъ» (тамъ же, 1872 г., № 32), 7) «Первая книжка Вѣстника Ярославскаго земства. Рукописныя проповѣди архіепископа Арсенія Верещагина»

(тамъ же, № 37), 8) «Монгольскіе переводы архіепископа Нила» (тамъ же, 1875 г., № 76), 9) «Записки солдата Памфила Назарова, во иночествѣ Митрофана, 1792—1839 г.г.» («Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1877 г., № 8), 10) «Живописное соловецкое сказаніе» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1881 г., № 81), 11) «Записки изографа Василія Никитина 1745 года» (тамъ же, 1882 г., №№ 17 и 18 и отдѣльное изданіе), 12) «Ярославская рукопись 1716 г.» (тамъ же, 1886 г., № 65), 13) «Угличская псалтирь 1485 года» (тамъ же, 1872 г., № 49).

VI. *По искусству:* 1) «Русскіе граверы» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1870 г., № 29). 2) «Изъ жизни Ѳедора Волкова» (тамъ же, №№ 30 и 31), 3) «Камертонъ священника Израилева». Наборщикъ Звенигородовъ (тамъ же, 1872 г., № 23). 4) «Ярославская опера 1780 года» (тамъ же, 1873 г., стр. 72), 5) «Ставленникъ», опера 1780 года («Русская Стар.» 1875 г., іюнь).

VII. *По торговлѣ и промышленности:* 1) «Стеклянная и хрустальная фабрики въ Романовѣ въ 1765 и 1766 гг.» («Яросл. Губ. Вѣдом.» 1871 г., № 48), 2) «Царская награда первому ярославскому фабриканту Затропезнову» (тамъ же, 1871 г., № 50), 3) «Даниловскій соляной заводъ подъ Ростовомъ въ XVII ст.» (тамъ же, 1872 г., № 9), 4) «Фабрика парусная и полотняная въ Рыбинскѣ въ 1745 и 1771 гг.» (тамъ же, № 14), 5) «Начало кожевенныхъ заводовъ на Яновомъ полѣ въ Угличѣ» (тамъ же, № 15), 6) «Полотенное дѣло въ Ярославлѣ въ 1711 г.» (тамъ же, 1873 г., стр. 205).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IX. М. 1905 г., стр. 40—42.—*Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина», т. IX. Спб. 1898 г., стр. 105—109. — «Исторія Московской Духовной Академіи». М. 1879 г., стр. 558.—«Историческій Вѣстникъ» 1891 г., кн. 3, стр. 733.

А. *Никольскій.*

Лѣтниковъ, *Алексѣй Васильевичъ*, д. с. с., директоръ Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ, родился 1 янв. 1837 года, скончался 28 февраля 1888 года. По окончаніи курса въ Константиновскомъ Межевомъ институтѣ, 27 сент. 1856 года, съ чиномъ подпоручика межевыхъ инженеровъ онъ былъ причисленъ къ офицерскому классу института для спеціальныхъ занятій математическими науками и въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета; съ половины 1858 года до конца 1860 года онъ находился въ Германіи и Франціи, куда съ Высочайшаго соизволенія командированъ былъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго изученія математическихъ наукъ; въ 1861 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ математики офицерскаго класса Межевого института; въ 1867 году, съ преобразованіемъ Межевого корпуса, опредѣленъ былъ младшимъ землемѣромъ 2-го разряда и въ томъ же году за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Объ условіяхъ интегрируемости нѣкоторыхъ дифференціальныхъ уравненій» получилъ степень доктора философіи отъ Лейпцигскаго университета. Въ 1868 г., по выдержаніи надлежащаго испытанія на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета и по защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «Теорія дифференцированія съ произвольнымъ указателемъ» Лѣтниковъ былъ удостоенъ совѣтомъ Московскаго университета степени магистра чистой математики и 29 іюня того же года допущенъ къ исправленію должности профессора высшей математики въ Императорскомъ техническомъ московскомъ училищѣ. Съ 3 ноября 1868 г. по 28 января 1869 года онъ состоялъ младшимъ землемѣромъ 1-го разряда; въ 1869 году, 15 февраля, былъ назначенъ старшимъ преподавателемъ математики въ Константиновскомъ институтѣ (въ каковой должности оставался до 22 декабря 1883 г.), а 17 февраля — профессоромъ чистой математики въ Техническомъ училищѣ; въ 1874 году по защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія, относящіяся къ теоріи интегралов», онъ удостоенъ былъ совѣтомъ Московскаго университета степени доктора чистой математики и въ томъ же году командированъ за границу для обозрѣнія политехническихъ институтовъ Западной Европы и изученія ихъ учебной части. Наконецъ, 29 февраля 1884 года онъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго Александровскаго коммерческаго училища съ оставленіемъ въ должности профессора Техническаго училища, а 29 декабря того же года избранъ Императорской Академіей Наукъ въ члены-корреспонденты по рязряду математическихъ наукъ.

Простудившись при перенесеніи коммерческаго училища въ новое помѣщеніе, освященное 7 февраля 1888 года, онъ въ томъ же мѣсяцѣ скончался. Кромѣ названныхъ трудовъ, Лѣтникову принадлежатъ слѣдующія работы: «Общее доказательство основныхъ формъ тригонометріи» («Математ. Сбор.» 1867 г., т. II); «Объ элементарной геометріи г.г. Руше и Комберусса» (тамъ же); «О кривизнѣ поверхности въ данной точкѣ» (тамъ же); «О теоріи параллельныхъ линій Н. И. Лобачевскаго» («Математ. Сборн.» 1868 г., т. III); «О системахъ реальнаго образованія», актовая рѣчь («Отчетъ и рѣчи въ собраніи Московск. Технич. училища» 1871 г.); «Къ разъясненію главныхъ положеній теоріи дифференцированія съ произвольнымъ указателемъ» («Математ. Сборн.» 1873 г., т. VI); «Замѣтка объ интегрированіи двухъ извѣстныхъ уравненій» (тамъ же 1876 г., т. VIII); «Общая формула для интегрированія линейнаго уравненія съ постоянными коэффиціентами и со вторымъ членомъ» (тамъ же, 1878 г., т. IX); «Рѣчь на обѣдѣ по случаю столѣтняго юбилея Константиновскаго Межевого института» («Москов. Вѣд.» 1879 г., № 128); «Sur la propriétés principales des foyers des courbes du second degre et sur la détermination analytique de ces points» («Nouvelles Annales de Mathematiques» 1881 г.); «Новыя изысканія о тригонометрическихъ функціяхъ» («Математ. Сборн.» 1882 г., т. X); «О различныхъ выраженіяхъ сферическихъ функцій съ произвольнымъ указателемъ и о разложеніи ихъ въ ряды» (тамъ же); «Объ опредѣленныхъ интегралахъ, содержащихъ функціи, удовлетворяющія гипергеометрическому уравненію» (тамъ же, 1883 г., т. XI); «О гиперсферическихъ функціяхъ и о разложеніи произвольной функціи въ ряды, расположенные по функціямъ гиперсферическимъ» (тамъ же, 1885 г., т. XII); «Александровское коммерческое училище, основанное Московскимъ биржевымъ обществомъ, его учебныя и воспитательныя задачи». М. 1885 г.; «Рѣчь на обѣдѣ въ честь проф. А. Ю. Давидова» и «Рѣчь по поводу его кончины» («Воспоминанія объ А. Ю. Давидовѣ». М. 1887 г.).

«Алексѣй Васильевичъ Лѣтниковъ». Москва. 1888 года.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. VIII, стр. 66—68.—«Московскія Вѣдомости» 1888 г., №№ 60, 65, 66.—«Математическій Сборникъ», М. 1889 г., т. XIV.—*Ѳ. А. Слудскій*, «Жизнь и труды А. В. Лѣтникова». М. 1889 г.—*Н. А. Шапошниковъ*, «Памяти А. В. Лѣтникова».

А. Никольскій.

Лѣтній, *Александръ Александровичъ*, технологъ, род. въ 1848 г., образованіе получилъ въ технологическомъ институтѣ. Въ 1874 г. производилъ въ Сызранскомъ уѣздѣ изслѣдованія асфальтовыхъ залежей на берегу Волги и въ сосѣднихъ оврагахъ, при чемъ впервые обстоятельно выяснилъ вопросъ о глубинѣ залеганія и распространенія асфальта и много содѣйствовалъ основанію перваго русскаго асфальтоваго завода въ г. Сызрани; результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ статьѣ: «О мѣсторожденіи асфальта въ Симбирской губ., Сызранскаго у.» («Записки Рус. Технич. Общества»). Дѣятельность Лѣтняго какъ теоретическая, такъ и практическая тѣсно связана съ развитіемъ техники нефтяной промышленности. Онъ напечаталъ книгу: «Сухая перегонка битуминозныхъ ископаемыхъ» (Спб. 1875) и «Изслѣдованіе продуктовъ древесно-нефтяного газа» («Извѣстія Технологич. института» и «Журналъ Химич. Общ.» 1877 г.). Въ томъ же году онъ получилъ пятилѣтнюю привилегію на способъ добыванія антрацена и бензола изъ нефти и нефтяныхъ остатковъ. Кромѣ указанныхъ трудовъ, Лѣтній напечаталъ еще слѣдующіе: «О дѣйствіи высокой температуры на нефть и другія подобныя вещества» («Извѣстія Технологическаго института», 1879 г.), «О фабрикаціи параффина и минеральныхъ маслъ въ Германіи» («Записки Техн. Общ.», 1880) и др. Лѣтній извѣстенъ также своими изслѣдованіями мѣсторожденія озокерита на островѣ Челекенѣ, въ Каспійскомъ морѣ. Скончался онъ въ 1884 г.

Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 35, стр. 191.

Любавцовъ, *Степанъ*, депутатъ отъ г. Пензы въ Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія. Въ засѣданіи 15 октября 1767 г. сдѣлалъ заявленіе на представленіе, внесенное въ комиссію нѣкоторыми депутатами отъ дворянъ и новокрещенцевъ, о томъ, что слѣдуетъ разрѣшить крестьянамъ и людямъ другихъ званій торговать врозницу не только хлѣбомъ и съѣстными припасами, но и прочими товарами, на основаніи то-

го, что они берутъ мелочной товаръ въ городахъ изъ лавокъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они сами живутъ, для удовлетворенія мѣстныхъ жителей. По мнѣнію же депутата Любавцова слѣдуетъ запретить помѣщичьимъ крестьянамъ, новокрещенцамъ, татарамъ и прочимъ разночинцамъ заниматься торговлей въ виду того, что они подрываютъ торговлю купечества (онъ ссылался на Большой наказъ), а также слѣдуетъ постановить, чтобы крестьяне хлѣбъ и съѣстные припасы продавали только свои, а не скупали бы и не отвозили ихъ въ другія мѣста, такъ какъ отъ этого поднимутся цѣны на продукты, въ случаѣ же недостатка въ хлѣбѣ и прочихъ продуктахъ дозволить покупку ихъ на свое пропитаніе.

«Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», С.-Петербургъ, 1871 г., т. 8, стр. 111. 112. *А. Гельвихъ.*

Любарскій, *Василій Васильевичъ*, горный инженеръ, полковникъ, уральскій бергъ-инспекторъ, по окончаніи курса наукъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ въ 1816 г. читалъ въ этомъ заведеніи лекціи пробирнаго искусства и металлургіи и состоялъ членомъ обществъ: С.Петербургскаго любителей россійской словесности, Московскаго любителей природы и и Импер. вольно-экономическаго. Онъ помѣщалъ свои статьи въ «Сѣверной Пчелѣ». Скончался Любарскій 18 декабря 1853 г.

«Сѣверная Пчела», 1853 г., № 8.—*Геннади.* «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 267.

Люберасъ или **Любрасъ** фонъ-**Поттъ**, баронъ *Іоганнъ-Людвигъ*. Инженеръ, полный генералъ, строитель Кронштадтскаго канала и многихъ крѣпостей, уполномоченный Россіи на мирномъ конгрессѣ въ Або, полномочный министръ въ Швеціи. Умеръ 6-го августа 1752 г.

Родъ Люберасовъ происходилъ изъ Шотландіи. Отецъ Іоганна-Людвига принужденъ былъ покинуть родину вслѣдствіе пораженія политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Ему удалось найти убѣжище и службу въ Швеціи. Но при вступленіи на престолъ Петра Великаго Люберасы оказались въ Лифляндіи и послѣ покоренія этой области русскими перешли на службу къ нашему царю. Молодой Люберасъ оказался подходящимъ человѣкомъ. Онъ владѣлъ многими языками: шведскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, латинскимъ, быстро обучился русскому, а особенно сумѣлъ показать себя искуснымъ инженеромъ. Этому дѣлу онъ обучался у знаменитаго де Геннинга. Петръ дорожилъ людьми подобнаго рода. Вначалѣ онъ оставилъ Люберасъ въ распоряженіи князя Голицына, который дѣйствовалъ во время Сѣверной войны въ Лифляндіи. Всѣ временныя укрѣпленія, которыя тогда были тамъ воздвигнуты, дѣлались по указаніямъ Люберасъ. Въ 1714 г. онъ уже инженеръ-майоръ и совмѣстно съ Девіеромъ строитъ ревельскую гавань. Въ 1719 г. Петръ даетъ ему еще болѣе важное и отвѣтственное порученіе: наблюдать за всѣми баканами и голиками Финскаго залива. Къ этому же времени относится цѣлый рядъ его докладовъ и записокъ Петру Великому относительно преобразованія государства по шведскому образцу и въ частности о коллегіяхъ. Впрочемъ, эти записки могутъ принадлежать и перу Анастасія-Христіана Люберасъ. При учрежденіи Бергъ-коллегіи, царь назначилъ Люберасъ вице-президентомъ ея. Онъ пробылъ въ этомъ званіи до 1722 года. Послѣ Ништадтскаго мира онъ занялся постройкой и укрѣпленіемъ Рогервика (балтійскаго порта), приложивъ особенно много старанія для сбора матеріаловъ и топографической съемки всей этой мѣстности. Кромѣ того, съ 1723 г., совмѣстно съ Мишуковымъ и Гансомъ онъ составлялъ карту финскаго залива и въ 1726 г. по окончаніи этого дѣла представилъ въ Адмиралтейскую коллегію подробное донесеніе о произведенной имъ описи Финскаго залива и карты его.

Въ январѣ 1727 года Люберасъ, уже полковникъ отъ фортификаціи, занятъ постройкой фортеціи на островѣ Наргинѣ. Въ томъ же году онъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры и подчиненъ непосредственно Верховному тайному совѣту. Возвратившись въ Петербургъ въ 1731 г., Люберасъ былъ приставленъ къ важному и отвѣтственному дѣлу—организаціи и завѣдыванію Сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, но недолго оставался при немъ, и въ февралѣ 1734 г. былъ замѣненъ Минихомъ.

Должно быть, это произошло оттого, что Люберасъ отвлекся отъ дѣла, требовавшаго его постояннаго присутствія,— войной. Съ 1733 г. онъ былъ откомандированъ въ Польшу въ распоряженіе фельдмар-

шала Ласси и командовалъ нѣсколькими полками. Съ Ласси Люберасу было легко уживаться, но когда на смѣну ему прибылъ Минихъ, давно уже не ладившій съ Люберасомъ, между ними начались ссоры. Минихъ жаловался на него: «генералъ майоръ Люберасъ по десятикратно повторенному указу сюда нейдетъ, подъ предлогомъ, что мало оставить въ Варшавѣ 400 человѣкъ; затѣмъ пять полковъ его команды стоятъ тамъ; а при арміи шатровъ нѣтъ». Минихъ просилъ предать Люберасa военному суду, который и состоялся. Но у Люберасa былъ могущественный покровитель, страшный самому Миниху—Левенвольде, и при помощи его онъ вполнѣ оправдался. Вернувшись въ Россію, Люберасъ исправлялъ укрѣпленія Нарвы и состоялъ «при фортификаціи». Въ апрѣлѣ 1737 г. по резолюціи Кабинета министровъ Люберасъ (впервые здѣсь названный барономъ) становился во главѣ совѣщаній изъ инженеровъ и архитекторовъ для разсмотрѣнія вопроса о чисткѣ боровицкихъ, нощинскихъ и другихъ пороговъ на рѣкахъ Мстѣ и Тверцѣ. 19-го января 1739 г. Люберасъ пожалованъ былъ по его прошенію въ генералъ-поручики, а 23-го назначенъ генералъ-лейтенантомъ отъ арміи и фортификаціи съ жалованьемъ наравнѣ съ прочими генералъ-лейтенантами. 14-го іюля того же года онъ откомандированъ былъ для осмотра и исправленій крѣпостей въ Кронштадтѣ, Выборгѣ и Кексгольмѣ съ штатомъ служащихъ въ Военной коллегіи. 13-го октября указомъ изъ Кабинета ему приказано было немедленно вернуться въ Петербургъ. На него возлагалось секретное порученіе укрѣплять окрестности столицы, въ частности Кронштадтъ, вслѣдствіе слуховъ о военныхъ передвиженіяхъ шведовъ. Люберасъ тотчасъ же приступилъ къ съемкѣ и описи части Финскаго залива, между Кронштадтомъ и Выборгомъ, отбывъ и лично для наблюденія за этимъ дѣломъ изъ столицы. 21 декабря 1739 г. его снова вернули сюда, опять отправили, а затѣмъ еще возвращали 30 января и 17 октября 1740 г. Въ виду его заслугъ, съ него сняты были числившіяся на немъ недоимки и выдано въ награду 3.000 р. Во время празднованія мира, заключеннаго съ турками въ 1740 г., Люберасъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. 20 марта 1741 г., послѣ увольненія Миниха въ отставку, Люберасу передали начальствованіе надъ всѣми инженерными корпусами и фортификаціонными дѣлами. 16-го апрѣля 1742 г. Люберасъ, названный при этомъ случаѣ Иваномъ (а не Іоганномъ, какъ было раньше), передалъ Сенату Высочайшія распоряженія императрицы Елизаветы Петровны по случаю предстоящей коронаціи 25 апрѣля и въ самый день коронаціи былъ пожалованъ въ полные генералы. Въ эту пору жизни Люберасъ надолго уходитъ отъ той области, въ которой заслуги его для Россіи были внѣ сомнѣній—отъ инженернаго дѣла, и начинаетъ заниматься политикой: принимаетъ участіе въ придворныхъ партіяхъ и вмѣшивается въ веденіе иностранныхъ дѣлъ. Онъ примкнулъ къ франко-прусской придворной партіи, снискалъ милость Лестока, и при началѣ переговоровъ о мирѣ со шведами (въ 1742 г.) неожиданно для Бестужева оказался вторымъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Або. Бестужевъ былъ внѣ себя отъ этой кандидатуры и докладывалъ императрицѣ о невозможности посылать для защиты русскихъ интересовъ шведа по рожденію, нѣмца по образованію и француза по убѣжденію. Когда Елизавета, въ отвѣтъ на настоянія Лестока, относительно Люберасa указала, что онъ «нѣмецъ», то онъ ей возразилъ: Петръ Великій заключилъ Ништадтскій миръ тоже при посредствѣ нѣмца, да и онъ самъ Лестокъ нѣмецъ, а это не помѣшало ему помочь Елизаветѣ въ достиженіи ею престола. Люберасъ былъ назначенъ 7-го декабря 1742 г. на конгрессъ въ Або и дѣйствовалъ вполнѣ прикрываясь авторитетомъ Румянцева. Со времени его прибытія въ Або сразу начались уступки въ пользу разбитой нами Швеціи. Въ томъ духѣ велъ онъ дѣло до конца, все время предсказывая Россіи неудачу. Бестужевъ назвалъ его и Румянцева «плохими пророками». Однако императрица осталась Люберасомъ очень довольна и по возвращеніи въ Петербургъ щедро его наградила: ему пожалованы были двѣ мызы въ Рижскомъ уѣздѣ. Люберасъ не на шутку вообразилъ себя дипломатомъ и принялъ дѣятельное участіе въ козняхъ своихъ старыхъ пріятелей, франко-прусскихъ партизановъ противъ Бестужева. Въ январѣ 1744 г. по ихъ настояніямъ Люберасъ получилъ важное и отвѣтственное порученіе въ Стокгольмъ.

Тамъ въ это время шла рѣшительная и очень важная для Россіи борьба съ Пруссіей, и на этотъ постъ слѣдовало бы назначить опытнаго и ловкаго дипломата, а не стараго и недальновиднаго генерала, бывшаго пѣшкой въ рукахъ Шетарди, Мардефельда и Лестока съ ихъ присными. Однако тщетно Бестужевъ представлялъ императрицѣ всю невозможность этого шага, убѣждая ее: «что всегда прибыточнѣе будетъ Россіанина дурака, да вѣрнаго подданнаго, нежели иноземца-измѣнника въ такое важное дѣло употребить». Однако это назначеніе состоялось. 3-го января при докладѣ Бестужева императрица лично подтвердила приказаніе отправленія въ Стокгольмъ Любераса, давъ ему въ запасъ кредитивъ и грамоту на званіе полномочнаго министра при шведскомъ королѣ, съ жалованьемъ въ 8.000 р. и на экипажи 5.000 р. По желанію Любераса, подтвержденному и императрицей, онъ избралъ путь не чрезъ Финляндію, какъ настаивалъ Бестужевъ, а чрезъ Берлинъ, Гамбургъ и Копенгагенъ. Съ его стороны была даже попытка заѣхать въ Дрезденъ, но тутъ уже и императрица воспротивилась, находя такое путешествіе слишкомъ длиннымъ и непомѣрно затягивающимъ дѣло. 18-го января 1744 г. ему выданы были подъемныя, и онъ въ сопровожденіи приличной свиты отбылъ за границу. Между прочимъ, онъ увозилъ съ собою секретаря Симолина, котораго Бестужевъ хотѣлъ оставить въ Петербургѣ, но по приказанію императрицы отпустилъ съ Люберасомъ. Зато другой секретарь его Черневъ оказался преданнымъ слугою Бестужева и во все время пребыванія при Люберасѣ освѣдомлялъ вице-канцлера объ истинномъ ходѣ дѣла. Въ концѣ іюня (3-го іюля нов. стиля) 1744 г. Люберасъ былъ въ Пруссіи. Фридрихъ II принималъ его съ почетомъ и въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ. Прусскій король считалъ посылку Любераса за показатель торжества своей партіи въ Россіи и думалъ, что прибытіе этого генерала въ Швецію положитъ конецъ всѣмъ усиліямъ Бестужева отстоять русскіе интересы въ этой странѣ. Между прочимъ, онъ былъ увѣренъ въ помощи со стороны Любераса для заключенія прусско-шведскаго союза, крайне невыгоднаго для Россіи. Люберасъ подтвердилъ всѣ надежды, которыя на него возлагалъ Фридрихъ. Уговорилъ короля вести переговоры о союзѣ Пруссіи, Швеціи и Россіи не въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ «невѣрное» государынѣ министерство, а въ Стокгольмѣ, и уѣхалъ, довольный пріемомъ и своими дѣйствіями дипломата. Черезъ три дня послѣ пріема у короля, Люберасъ удосужился написать о немъ императрицѣ, извѣщалъ ее о тревогѣ Фридриха, насчетъ возможной въ Россіи смѣны на престолѣ, доносилъ Елизаветѣ о пересылкѣ англійскому посланнику Тироули 600.000 р. для подкуповъ вице-канцлера и министровъ и организаціи переворота; сообщалъ о желаніи короля знать, кто будетъ канцлеромъ и о любопытствѣ его насчетъ русскихъ нерегулярныхъ войскъ: калмыковъ и казаковъ. Изъ Берлина Люберасъ поѣхалъ въ Копенгагенъ. Король Даніи принялъ его очень внимательно и много съ нимъ говорилъ объ опасности чрезмѣрнаго роста Пруссіи. Ему казалось, что остановить его можно только съ помощью Россіи, союза съ которой онъ искалъ. Путешествіе Любераса тянулось страшно медленно, а дѣла не стояли. Въ сентябрѣ онъ былъ еще въ Гамбургѣ, а изъ Стокгольма шли тревожные слухи, и нужны были рѣшительныя выступленія русскаго представителя. Бестужевъ снова заговорилъ о необходимости замѣнить Любераса болѣе подходящимъ лицомъ: «онъ уже восемь мѣсяцевъ въ дорогѣ находится... уже съ десять тысячъ рублевъ истратилъ, а ни на десять копѣекъ прибыли не принесъ», писалъ Бестужевъ Воронцову—«да хотя онъ и въ Стокгольмъ пріѣдетъ, то какую тамъ отъ него пользу ожидать»? продолжалъ онъ: «отецъ его былъ шведскій майоръ, а онъ тамъ воспитанъ и возрощенъ и по всѣмъ своимъ натуральнымъ склонностямъ добрый шведъ и французъ. Маркизъ Шетардій письмами своими оное довольно подтвердилъ и изъяснился, какія онъ съ нимъ о дѣлахъ мѣры принялъ, да и въ Швеціи его съ безмѣрною нетерпѣливостью ожидаютъ; но онъ, уповая чаятельно о низверженіи здѣшняго министерства еще въ дорогѣ свѣдать и въ Швецію вѣдомость о совершенной викторіи съ собою привезть, затѣмъ не спѣшилъ». Наступилъ конецъ октября, а Люберасъ все еще не доѣхалъ до мѣста назначенія и императрица уже сама заговорила о его смѣнѣ. Наконецъ въ концѣ 1744 г. Люберасъ прибылъ въ Стокгольмъ и сразу же показалъ и свою неспособность и неумѣніе разо-

браться въ положеніи дѣлъ. Онъ совершенно не замѣчалъ характера поведенія наслѣднаго принца и махинацій франко-прусской партіи. Дѣло дошло до того, что соглядатай при немъ и корреспондентъ Бестужева, Черневъ, прямо называетъ Любераса «неблагонадежнымъ», а его безумныя траты, швыряніе деньгами и высокомѣріе характеризуетъ словами «великопосольская немощь». Люберасъ проморгалъ подготовку прусско-шведскаго союза; совершенно вопреки приказаніямъ Елизаветы завѣрилъ графа Гилленборга въ расположеніи къ нему императрицы и самого Бестужева—словомъ, такъ напуталъ, какъ не сдѣлалъ бы этого и тотъ «россіяннъ дуракъ», о которомъ писалъ вице-канцлеръ. Вдобавокъ Елизавета поставила Бестужева въ невозможность слѣдить за всѣми дѣйствіями новоявленнаго дипломата, такъ какъ поручила ему всѣ донощенія пересылать ей прямо въ руки. Главная цитадель, гдѣ шла борьба Россіи за господство на сѣверѣ, была въ опасности. Это, наконецъ, замѣтила и сама императрица. 12 декабря 1745 г. она приказала Любераса смѣстить. На его мѣсто былъ назначенъ Пушкинъ, но онъ былъ еще въ пути, когда ему приказали ѣхать въ Данію, а въ Швецію 13 января 1746 г. отправили Корфа. Корфъ прибылъ въ Стокгольмъ въ концѣ апрѣля, но Люберасъ оставался на своемъ посту до конца іюня 1746 г., очевидно вводя новаго посланника въ курсъ дѣлъ и сдавая ихъ ему. Осенью 1746 г. Люберасъ вернулся въ Петербургъ и снова занялся укрѣпленіемъ Кронштадта и благоустройствомъ его. Между прочимъ, онъ закончилъ Кронштадтскій каналъ и 30 іюля 1752 г. присутствовалъ при торжественномъ открытіи его императрицей. По этому случаю Елизавета возложила на него знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и подарила ему 15.000 рублей. 6-го августа 1752 г. онъ умеръ и, по приказанію императрицы, 26-го августа въ счетъ заслуженнаго имъ жалованья было выдано на погребеніе его 2.000 рублей. Если откинутъ неудачную дипломатическую дѣятельность Любераса, то о немъ должно вспомнить съ благодарностью. Его заслуги въ качествѣ инженера оцѣнивали даже такіе личные враги, какъ Минихъ. Укрѣпленіе и устройство Кронштадтской крѣпости и порта—памятникъ, который лучше словъ говоритъ о плодотворной дѣятельности его; тоже надо сказать о Нарвѣ, Рогервикѣ и Выборгѣ. Но зато его вмѣшательство въ политику позорно и нечестно. Смѣнившій Любераса Корфъ съ ужасомъ писалъ Бестужеву о промахахъ, ошибкахъ и преступныхъ попустительствахъ своего предшественника, надѣясь на отдачу его подъ судъ. Однако Бестужевъ отвѣтилъ на это: «помянутыя дѣла хотя въ совѣсти его и уличаютъ, однако-жъ безъ вѣрнаго доказательства ни на что осудить не можно».

Бантышъ-Каменскій приписываетъ Люберасу семь проектовъ реформы Россіи и частей ея управленія, сохранившіеся въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Вѣрнѣе предположить, что проекты эти составлены Анастасіемъ-Христіаномъ Люберасомъ, подобно тѣмъ, которые хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей».—*Иконниковъ*. «Исторіографія».—*Соловьевъ*, «Исторіи Россіи». Кн. IV и V.—«Архивъ Воронцова». Кн. I. II, III, VI и VII.—*Барановъ*, «Опись Сенатскаго Архива».—«Военный энциклопедическій лексиконъ», ч. VIII, стр. 365. «Матеріалы для исторіи русскаго флота». Т. V. *В. Фурсенко*.

Любецкій, *Иванъ*, граверъ рѣзцомъ XVIII в. Въ 1721 г. находился при С.-Петербургской типографіи, гдѣ гравировалъ подъ надзоромъ Пикара; его работы слѣдующія: Житіе Іосифа, св. Николай Чудотворецъ (1730 г.), Преподобный Герасимъ, съ дѣяніями (1735 г.), Пилатъ и Каіафа (1726 г.), Спаситель на крестѣ, между двумя разбойниками, у подножія креста Іоаннъ Богословъ и Богоматерь, Акаѳистъ Алексѣю Человѣку Божію, Иверская Богоматерь съ чудесами (1735 г.), Судъ надъ Спасителемъ (1755 г.), Св. мученики Кирикъ и Улита, Великомученикъ Мина, Святое Семейство, Смотрины греческихъ царевенъ, сорокъ иконъ Богородицы, Богородица Доминицкая, Богородица Иверская (1735 г.), 22 картинки въ Овидіевыхъ фигурахъ (1721 г.) и картинки въ «Эмблематѣ Духовномъ» (1743 г.).

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.», стр. 415—416.

Любецкій, *Сергѣй Михайловичъ*, педагогъ и писатель; служилъ въ Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, гдѣ преподавалъ сначала русскій языкъ, а затѣмъ исторію и географію. Съ 1844 г. эти же предметы онъ преподавалъ въ Московскомъ сиротскомъ домѣ, совмѣщая

здѣсь и должность надзирателя. Въ 1854 г. Любецкій былъ произведенъ въ кол. асессоры, а три года спустя—въ надворные совѣтники (1857 г.). Въ этомъ чинѣ онъ, въ 1865 г., вышелъ въ отставку и, повидимому, отдался исключительно литературѣ, сотрудничая преимущественно въ «Современной Лѣтописи», «Вѣстникѣ Промышленности», «Вѣстникѣ Моск. Политехнич. выставки» и др. Умеръ Любецкій въ Москвѣ 5-го марта 1881 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Изъ трудовъ Любецкаго, отдѣльно изданныхъ, извѣстны: «Стенька Разинъ, разбойникъ Волжской. Драматическія картины въ 4 актахъ, съ хорами, пѣсн. и плясками. Быль XVII в.» (М. 1846 г.); «Живописные виды Московскихъ монастырей съ историческимъ и современнымъ описаніемъ всего замѣчательнаго въ каждомъ» (М. 1846); «Русская исторія для дѣтей, два выпуска: древній и новый» (М. 1846—1849); «Панорама народной русской жизни, особенно Московской... Нѣчто въ родѣ альманаха на 1848 г.» (М. 1848 г.); «Московскія старинныя и новыя гулянья и увеселенія». Статья II. «Загородные дома, дачи и старинныя гулянья въ Земляномъ городѣ» (М. 1854—1855); «Взглядъ на охоту и на важное значеніе ея для людей» (М. 1866); «Бракосочетаніе русскихъ великихъ князей. Церемоніалы, празднества и увеселенія въ Петербургѣ» (М. 1866); «Отголоски старины. Историч. мозаика (М. 1867); «Подмосковное село Останкино съ окрестностями своими. Воспом. о старинныхъ празднествахъ, забавахъ и увеселеніяхъ въ немъ» (М. 1868); «Русь и русскіе въ 1812 г., 2 части» (М. 1869); «Старина Москвы и русскаго народа въ историч. отнош. съ бытовою жизнью русскихъ» (М. 1872); «Москва въ 1872 г. Путевод. по Москвѣ и указ. ея достопримѣчательностей» (М. 1872); «Справочная книга для архитекторовъ, художниковъ, скульпторовъ живописцевъ и всѣхъ интересующихся искусствомъ. Выпускъ I, А—Ж» (М. 1875 г.); «Московскія окрестности, ближнія и дальнія за всѣми заставами, въ историч. отнош. и въ современномъ ихъ видѣ для выбора дачъ и гуляній» (М. 1877); «Разсказы изъ Отечественной войны 1812 г., ч. 1 и 2-ая» (М. 1880 г.). Кромѣ того, имъ написано и помѣщено въ разныхъ журналахъ большое количество журнальныхъ статей, которыя для удобства обозрѣнія распредѣлимъ на четыре отдѣла:

1) *Историческія*: «Гдѣ родился Петръ Великій» («Вѣстникъ Моск. политехн. выставки» 1872, № 29); «Преданіе о Лефортѣ» (ib. 1872, №№ 50 и 57); «Открытіе памятника Петру I Екатериною II» (ib., 1872, № 6); «Торжественное открытe Московской губ., 5-го октября 1782 г. и первые дворянскіе выборы» («Моск. Вѣд». 1865, № 88); «Воспоминаніе о торжественномъ открытіи памятника К. Минину и кн. Пожарскому, въ Москвѣ на Красной площади 1818 г. 20-го февр.» («Рус. Вѣд». 1866, № 22); «Изъ былого» (ib. 1864, №№ 30, 31, 42, 44, 46, 54, 63, 66); «Очеркъ исторіи почтъ вообще, а въ Россіи въ особенности» («Вѣстн. Моск. Политехн. выставки» 1872, №№ 147, 150); «Историческій очеркъ русскаго купечества» («Вѣстн. Промышленности» 1873, №№ 2 и 3); «Большое Ходынское гулянье» («Совр. Лѣт.» 1864, № 28); «Изъ прежнихъ сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ Россіей» («Совр. Лѣтопись» 1866, № 29); «Воспоминаніе о 2-мъ сентября 1812 г.» (ib. 1867, № 31); «Празднества и увеселенія въ Москвѣ, по случаю взятія Парижа союзными войсками» (ib. 1864 г., №15); «Шестьдесятъ лѣтъ назадъ» («Моск. Вѣд.» 1872, №255 и 1873, №№11, 75, 178); «О первомъ употребленіи письма у древнихъ народовъ по изобрѣтеніи папира, пергамента и писчей бумаги. Книгопечатаніе» («Вѣстн. Промышл». 1873, №№ 14—16); «Значеніе для Россіи 21-го числа ноября» («Совр. Лѣтопись» 1866, № 39).

2) Статьи историко-топографическія: «Знакомство съ Москвой» («Вѣстн. Моск. полит. выст». 1872, №№ 78, 83, 96, 97, 112, 125, 137, 144); «Село Пушкино и его окрестности» («Моск. Вѣд.» 1873, №№ 84, 137); «Петровско—Разумовское» («Рус. Вѣд». 1865, № 126); «Царицино, близъ Москвы» (ib. 1867, № 82); «Двѣ Московскія площади» («Моск. Вѣд.» 1871, № 45); Іорданская купель въ старину, въ Москвѣ» («Русск. Вѣд.» 1868, № 62); «Сухарева башня съ ея окрестностями» («Нива», 1870, № 15).

3) Статьи историко-этнографическія: «Русскія святки съ своими забавами и увеселеніями. Русская масляница; вербная суббота; святая недѣля въ старину» («Совр. Лѣт.» 1867, №№ 8, 13 и 14); «Старинный новый годъ» (ib., 1866, № 30); «Масляница старинныхъ временъ» («Рус.

Вѣд.», 1868, №№ 32—33); «Лѣтніе русскіе праздники, забавы и увеселенія» («Совр. Лѣт.» 1867, №№ 20, 29); «Гулянье въ Кусковѣ при Императрицѣ Екатеринѣ II во время празднованія 25-лѣтія ея царствованія» (ib., 1866, № 57).

4) Статьи о церквахъ въ Москвѣ и Моск. губерніи: «Соборъ Пресвятой Богородицы въ с. Измайловскомъ» («Нива» 1872, № 2); «Памятникъ спасенія Россіи» («Совр. Лѣт.» 1867, № 38); «Церковь Василія Блаженнаго» («Нива» 1870, № 3); «Церковь Грузинской Божьей Матери въ Москвѣ» (ib. 1871, № 3); «Церковь Покрова Богородицы, что на Филяхъ» (ib., 1871, № 49); «Московскій кремль и колокольня Ивана Великаго» (ib., 1871, № 28).

В. Межовъ, «Рус. Ист. библ.», т. 7.—Адресъ-календарь, или общій штатъ Рос. Имп. съ 1841 г. по 1865 г.».—«Отеч. Зап.» 1869, т. 185, № 7, стр. 80—83. — «Вѣстн. Европы» 1869, № 5, стр. 467—469.—А. *Тороповъ*, «Систем. указ. къ Нивѣ» Спб.; 1902, стр. 345.—«Голосъ» 1868 г., № 281.—«Московскій некрополь», т. 2, Спб. 1908.—*В. Остроумовъ*, «Московское Лазаревское кладбище» М. 1893, стр. 131.

Ал. Ельницкій.

Любимовъ, *Александръ Семеновичъ*, сенаторъ, происходилъ изъ дворянъ, родился 19 февраля 1832 года. Получивъ образованіе въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, онъ, съ чиномъ тит. сов., былъ опредѣленъ въ 1850 г. на службу во 2-е отдѣленіе 6 департамента Правительствующаго Сената, гдѣ черезъ годъ занялъ должность секретаря, а въ 1852 г. перешелъ на такую же должность въ канцелярію общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената. Въ 1858 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника Любимовъ былъ назначенъ оберъ секретаремъ 1 отдѣленія 6 департамента Сената, въ 1861 г. членомъ, со стороны министерства юстиціи, въ учрежденную въ Москвѣ комиссію для изслѣдованія обвиненій въ распространеніи запрещенныхъ сочиненій и возмутительныхъ воззваній. Въ слѣдующемъ году онъ переведенъ былъ на службу въ С.-Петербургъ и назначенъ начальникомъ отдѣленія департамента министерства юстиціи, гдѣ на него были возложены занятія по составленію новаго проекта Устава уголовнаго судопроизводства. Недолго, однако, онъ занималъ должность въ министерствѣ юстиціи, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 24 іюня того же 1862 г. получилъ назначеніе въ помощники статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и (27 сентября) опредѣленъ былъ членомъ-редакторомъ въ Высочайше учрежденную при государственной канцеляріи комиссію для составленія проектовъ и законоположеній о преобразованіи судебной части въ Россіи. Въ 1863 г. онъ получилъ чинъ стат. совѣтника, а въ 1864 г. за труды по составленію проектовъ законоположеній, касающихся преобразованія судебной части, произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники. Въ 1867 г. Любимовъ былъ назначенъ членомъ Высочайше учрежденной при государственной канцеляріи комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ преобразованія учрежденій Кавказскаго намѣстничества, въ 1869 г. причисленъ ко II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи, назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи и принялъ участіе въ трудахъ комиссіи для составленія проекта новой редакціи статей I части XI т. Св. Зак. Въ 1870 г. Любимовъ былъ назначенъ членомъ состоявшаго при министерствѣ юстиціи комитета для всесторонняго обсужденія предположеній касательно преобразованія порядка уголовнаго преслѣдованія и начертанія подробныхъ, въ измѣненіе дѣйствующихъ, правилъ о предварительномъ слѣдствіи, а 1 іюня—членомъ комиссіи для составленія проекта постановленій, опредѣляющихъ взысканія за насильственное лишеніе жизни. Въ томъ же 1870 г. характеръ службы Любимова совершенно измѣнился. Высочайшимъ указомъ 28 ноября, вмѣстѣ съ производствомъ въ тайные совѣтники, ему было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и исполнять обязанности старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты. Въ должности предсѣдателя палаты онъ находился до 1 января 1874 г., а затѣмъ вступилъ въ составъ дѣйствительно присутствующихъ сенаторовъ. Съ 20 января 1874 г. по 21 декабря 1877 г. онъ присутствовалъ въ 1 отдѣленіи 5 департамента Правительствующаго Сената; съ 21 декабря 1877 г. въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената; съ 30 декабря 1878 г.—снова въ 1 отдѣленіи 5-го департамента, откуда 7-го мая 1880 г. былъ перемѣщенъ къ присутствованію во 2 отдѣленіе 5 департамента Сената. Разнообразная дѣятельность Любимова была отличена

Высочайшими благодарностями, денежными наградами и орденами до ордена св. Анны 1-й ст. включительно. Скончался онъ 23 октября 1883 г.

Высочайшіе указы и дѣла, хранящіеся въ Сенатскомъ Архивѣ.—Списокъ сенаторовъ, изд. 1911 г. — Петербургскій Некрополь, изд. 1912 г., т. II.

Н. Мурзановъ.

Любимовъ, *Егоръ*, подполковникъ Харьковскаго гусарскаго полка, воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1766 г. былъ произведенъ въ поручики. Въ открывшуюся войну съ турками онъ принялъ въ ней живое участіе, находясь во многихъ бояхъ: на Днѣстрѣ (1769), при рѣчкѣ Быкѣ (1770), гдѣ разбилъ татарскаго мурзу, и за что былъ произведенъ въ капитаны; въ дѣлѣ при Злодѣевкѣ и въ Ларгской битвѣ, за что былъ произведенъ въ секундъ-маіоры; подъ Браиловымъ, гдѣ былъ раненъ, произведенъ въ премьеръ-маіоры и награжденъ Военнымъ орденомъ 4-го класса; подъ Журжею (1771), при Цимбрѣ, подъ Турною и Силистріею, гдѣ вторично былъ раненъ и произведенъ въ подполковники, и при Козлуджи (1773). Наградой за послѣднія дѣйствія ему былъ Военный орденъ 3-го класса. Изнуренный ранами и чрезмѣрными трудами на войнѣ, Любимомъ скончался въ 1778 году.

Архив. Имп. Рус. Ист. Общества.

Любимовъ, *Николай Ивановичъ*, сенаторъ, т. сов., происходилъ изъ духовнаго званія, родился 4 декабря 1811 г. Окончивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, онъ поступилъ, 21 декабря 1828 г., на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ 25 апрѣля 1830 г. занялъ должность столоначальника, а 18 января 1836 г. начальника отдѣленія. Одновременно Любимовъ (съ 1833 по 1838 г.) занималъ должность правителя дѣлъ Высочайше учрежденнаго комитета объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ и сокращеніи расходовъ С.-Петербургской столицы. Всемилостивѣйше пожалованный указомъ 22 декабря 1839 г. въ коллежскіе совѣтники, Любимовъ 8 апрѣля 1840 г. былъ, по избранію министерства иностранныхъ дѣлъ, отправленъ въ качествѣ пристава, для сопровожденія россійской духовной миссіи въ Пекинъ, откуда возвратился 18 февраля 1842 г. Въ воздаяніе особеннаго усердія и трудовъ по исполненію возложеннаго на него порученія, ему повелѣно было производить пожизненно пенсіонъ по 600 руб. сер. въ годъ, независимо отъ получаемаго имъ по службѣ жалованья, и, кромѣ того, указомъ 10 марта онъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники. 10 апрѣля 1843 г. Любимовъ былъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента, въ 1846 г. награжденъ чиномъ д. ст. совѣтника и орденомъ Владиміра 3 степ., а 26 февраля 1852 г. назначенъ директоромъ Азіатскаго департамента. Усердная и ревностная служба Любимова въ означенномъ департаментѣ была отличена высшими орденами до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Въ 1856 г., пожалованный (15 апрѣля) въ тайные совѣтники, Любимовъ былъ назначенъ (20 сентября) къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ. Съ 28 октября 1856 г. по 2 января 1858 г. онъ присутствовалъ въ 1 отдѣленіи 5-го департамента Правит. Сената, затѣмъ былъ переведенъ въ 4-й департаментъ, а съ 13 октября 1858—въ 1-й департаментъ Сената. За время службы въ Сенатѣ онъ получилъ ордена Бѣлаго Орла и св. Александра Невскаго, а за полезные труды при приведеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г. былъ удостоенъ знакомъ отличія, учрежденнымъ въ память успѣшнаго введенія положеній. Скончался Любимовъ 20 августа 1875 года.

Дѣла М-ва Юстиціи и Сената.—«Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ (1711—1911 г.)», стр. 135.—«Гражданинъ 1876 г., № 4.—«Голосъ» 1875 г., № 238.

Н. Мурзановъ.

Любимовъ, *Павелъ Дмитріевичъ*, докторъ медицины, с. с., членъ-корреспондентъ С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей, сынъ священника, родился въ 1828 г., ум. въ 1881 г. въ Омскѣ. Высшее образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1854 г. служилъ при войскахъ въ Дунайскихъ княжествахъ; послѣ же войны—при Волынскомъ (1856 г.) и Рижскомъ (1857 г.) пѣхотныхъ полкахъ. Въ 1859 году онъ былъ командированъ съ научною цѣлью въ Казанскій университетъ и Казанскій военный госпиталь; затѣмъ въ 1864 г. онъ перевелся въ 55-й резервный пѣхотный баталіонъ, въ слѣ-

дующемъ году сдѣлался старшимъ лѣкаремъ Казанскаго военнаго училища и Тобольской Нагайской школы (1866 г.). Получивъ въ 1867 г. степень доктора медицины, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ старшимъ врачемъ Омскаго военнаго госпиталя, Омской женской гимназіи и Сибирской военной гимназіи.

Изъ печатныхъ работъ Любимова извѣстны: «Разрывъ селезенки—скоропостижная смерть» («Военно-медиц. журн.» 1858 г., ч. LXXI); «Три случая излѣченія водянки рвотнымъ камнемъ» (тамъ же); «Лѣченіе кандиломъ» («Проток. Общ. рус. врачей въ Спб. за 1858—1859 годы»); «Медико-топографическое описаніе Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи» (тамъ же, 453); «О полезномъ дѣйствіи прижиганія окружности вѣкъ адскимъ камнемъ при глазныхъ воспаленіяхъ» (тамъ же, 1859—1860 годы, 179); «Лѣченіе сибирской язвы» (тамъ же, 1862—1863 гг., 126); «Объ устройствѣ врачебной части для народа» и «О благодѣяніи военныхъ врачей» («Москов. Медиц. Газета» 1865 г., №№ 2—12 и 27) и «О сибирской язвѣ на людяхъ», докторская диссертація, Спб. 1867 г.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 183.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. I, стр. 43.

М. Поповъ.

Любимовъ, *Семенъ Ивановичъ*, адъюнктъ и магистръ этикополитическаго факультета Московскаго университета, д. с. с., сынъ священника села Куликова, Дмитровскаго уѣзда, по окончаніи Московской дух. академіи поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ по выдержаніи экзамена на степень кандидата и магистра по нравственно-политическому отдѣленію удостоенъ былъ званія адъюнкта-профессора (1820 г.). Опредѣленный въ томъ же году секретаремъ училищнаго комитета, онъ преподавалъ въ университетѣ чиновникамъ, состоящимъ на гражданской службѣ, общее право, гражданское и римское, а студентамъ — логику. Въ 1822 г. Любимовъ перешелъ на службу: сначала стряпчимъ, потомъ прокуроромъ и наконецъ, по избранію купечествомъ, предсѣдателемъ Московскаго коммерческаго суда, который торжественно былъ открытъ при немъ.

«Біографическій словарь профес. и преподават. Московскаго университета», ч. I, стр. 474—475.

Любимскій, *Илья Александровичъ*, тайный сов., штабъ-лѣкарь, род. въ 1816 г., сконч. въ Симбирскѣ 14 мая 1852 г., происходилъ изъ духовнаго званія и учился въ семинаріи, откуда въ 1834 г. поступилъ въ Московскую духовную академію. Однако въ 1835 г. перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ, окончивъ курсъ (1840 г.) по медицинскому факультету съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, поступилъ на службу въ Кронштадтскій морской госпиталь; въ 1844 г. онъ въ Петербургской Академіи получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Затѣмъ онъ былъ уѣзднымъ Буинскимъ врачемъ Симбирской губерніи, а съ 1847 г. городскимъ врачемъ города Симбирска, гдѣ и умеръ. Извѣстенъ его переводъ Клокка съ французскаго: «Описательная анатомія человѣческаго тѣла» (М. 1839 г.), сдѣланный имъ вмѣстѣ съ К. Сидоровымъ.

Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I. стр. 183. *В. Гилярово.*

Любичъ - Романовичъ, *Василій Игнатьевичъ*, писатель, д. с. с., родился 27 апрѣля 1805 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ и въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ; по окончаніи курса кандидатомъ (1826 г.) служилъ сначала въ департаментѣ юстиціи, въ департаментѣ внѣшней торговли, въ капитулѣ россійскихъ орденовъ, затѣмъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства и наконецъ въ департаментѣ внутреннихъ сношеній. Въ 1869 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ д. с. с., скончался въ Петербургѣ 29 февраля 1888 г.

Надѣленный отъ природы способностью къ изученію иностранныхъ языковъ, Л.—Романовичъ съ очень юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность знакомиться изъ первыхъ источниковъ съ литературой нѣмецкой, французской, итальянской, англійской и польской, а также съ греческими и латинскими классиками. Литературный духъ нѣжинскихъ гимназистовъ (Гоголя, Кукольника, Гребенки, Базили и Прокоповича) поддерживалъ и поощрялъ въ немъ рано пробудившуюся страсть къ стихотворству. Въ печати онъ выступилъ въ 1829 г., когда помѣстилъ въ

«Сынѣ Отчества» свое стихотвореніе «Сказаніе о Хмѣльницкомъ» и затѣмъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ безъ перерыва работалъ въ томъ же «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Инвалидѣ», «Маякѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Современникѣ», «Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія», «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній», альманахѣ «Альціона» и «Журналѣ иностранной словесности и изящныхъ художествъ» какъ стихами, такъ и прозой, особенно усердно переводя изъ Байрона и Мицкевича, а также съ французскаго и итальянскаго. Во всѣхъ переводахъ его видно неподдѣльное чувство и прекрасное пониманіе подлинника.

Его сочиненія слѣдующія: «Стихотворенія Адама Мицкевича», пер. съ польск. Спб. 1829 г.; «Лукреція Давидсонъ», пер. съ польск. («Литер. Газ.» 1830 г., № 19); «Нѣсколько подробностей объ индійцахъ астраханскихъ», пер. съ польск. (тамъ же, № 27); «Магнановы рощи», изъ Нодье (ib., № 41); «Отрывокъ изъ письма путешествующаго оріенталиста» изъ Ходзьки (ib., № 57); «Монастырь св. Онуфрія» (ib., № 58); «Банкиръ Торлоніо», пер. съ франц. (ib., № 59); «О морлакахъ», изъ записокъ аббата Фортиса («Сынъ От.», 1830 г., т. XIV, стр. 162); «Къ изображенію молодой матери», стихот. («Литер. Прибав.» къ «Рус. Инвал.», 1831 г., № 21); «Къ идеалу веселой дѣвушки», стихотв. (ib., № 26); «Изъ Адама Мицкевича» (ib., № 28); «Истина», стих. (ib. № 29); «Къ Лаурѣ» изъ Мицкевича (ib., № 42); «Сонетъ» (ib., № 43); «Мысли», перев. съ франц. (ib., № 49); «Пѣснь Альдоны», изъ Мицкевича (ib., № 51); «Подражаніе Петраркѣ» (ib., № 55), «Кружка», стих. (ib., № 55); «Молитва дѣтей», изъ Мицкевича (ib., № 57); «Пѣвецъ», стих. (ib., № 64); «Отголосокъ», стих. (ib., № 73); «Отрывокъ» изъ Мицкевича (ib., стр. 89); «Месть тирана», стих. («Альціонъ», 1831 г. (отд. II, стр. 11); «Бедуинъ», изъ Ходзьки (ib., стр. 42); «Воспоминаніе», изъ Мицкевича (ib., стр. 79); «Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича: Конрадъ Валенродъ» («Жур. Иностр. Слов. и Изящн. Худ.», 1831 г., № 1); «О старинныхъ драматическихъ игрищахъ въ Женевѣ», пер. съ фран. («Литер. Газ.», 1831 г., № 10); «Выписки изъ рукописи, подъ заглавіемъ: Критическія или умозрительныя записки», пер. съ польск. (ib., № 19); «Письмо путешественника, писанное изъ Калькутты къ одному его родственнику», пер. съ польск. (ib., № 22); «Татарская сказка» пер. съ польск. (ib., № 26); «Кладбище», изъ Одынца («Сынъ От. 1832 г., т. XXV, стр. 184); «Къ измѣнницѣ», стих. («Литер. Прибав.» къ «Рус. Инв.», 1832 г., № 10); «Двѣ газели», стих. (ib., № 20); «Ночной крикунъ», пер. съ франц. (ib., № 24); «Стихотворенія Василія Романовича» Спб. 1832 г.; «Новый годъ» изъ Мицкевича («Литерат. Приб.» къ «Рус. Инв.», 1833 г., № 15); «Мелодія», стих. (ib., № 32), «Экспромтъ», стих. (ib., № 39); «Кадуръ», восточ. сказка (ib., № 49); «Къ пѣвицѣ», стих. (ib., № 63); «Подражаніе Парни», стих. (ib., № 99); «Минута горячки», стих. (ib., 1839 г., № 78); «Романсъ» (ib., №№ 103—104); «Историческія горы и могилы въ Литвѣ», изъ записокъ Юцевича, пер. съ польск. («Сынъ От.» 1837 г., т. 184, стр. 292); «Пинскъ и его окрестности», изъ записокъ Крашевскаго, пер. съ польск. (ib., т. 187, стр. 194); «О большой картинѣ Ѳ. А. Бруни» («Худож. Газ.», 1837 г., №№ 4, 5); «Придѣлъ св. Владиміра въ Виленской каѳедральной церкви» (ib., № 24); «Исторія бывшихъ княжествъ Теребовльскаго и Звенигородскаго» («Журн. М-ва Нар. Пр.» 1838 г., ч. XIX, стр. 80); «Жизнь», стих. («Сынъ От.», 1838 г., II, стр. 96); «Вѣнки», стих. (ib., т. V, стр. 85); «Дераръ», восточ. повѣсть въ стихахъ, изъ Ходзько, пер. съ польск. Спб. 1839 г.; «Приключеніе съ Шекспиромъ послѣ перваго представ. «Ромео и Джульетты» («Библ. для Чт.» 1839 г., т. 34, стр. 40); «Дума», пер. съ польск. («Сынъ От.». 1839 г., т. 9, стр. 11); «Обычаи, игры, пословицы и преданія литовскія», пер. съ польск. (ib., т. XI, стр. 115); «Онъ», стих.. съ польск. («Маякъ» 1841 г., ч. XVII—XVIII, стр. 8); «Погребеніе рыбака», стих. (ib); «Съ голландскаго», стих. (ib., стр. 9); «Смерть бандуриста», стих. (ib., стр. 10); «Пѣсня», стих. (ib., стр. 11); «Казацкая смерть», стих. (ib., ч. XIX—XXI, стр. 21); «Разлука», стих. (ib.), «Могила», стих. (ib.); «Вайделотъ», изъ Мицкевеча (ib., стр. 22); «Dalibug że powiem mamie», стих. (ib., стр. 11); «Открытая тайна», пер. съ чешск. (ib.); «Липовая пѣсня», стих. (ib., стр. 12); «Подводный бракъ», стих. (ib., ч. XXIII, стр. 14); «Запорожецъ», стих. (ib., стр. 15); «Кошевой», стих. (ib.);

«Панъ Каневскій», стих. (ib., ч. XXIV, стр. 24); «Запорожье», стих. (ib.); «Беппо», венеціанская повѣсть, пер. Байрона («Сынъ От.», 1842 г., II, № 4); «Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 г.,», пер. съ итальян. (ib., т. III и IV, №№ 6, 7. Вышелъ отдѣльно подъ заглавіемъ: «Сказанія иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII в.» Спб. 1843 г.); «Пѣснь о Тримѣ, или отнятіе молота», скандинавск. поэма («Сынъ От.», 1842 г., т. IV, № 7); «Сношенія царя Ивана Васильевича съ императоромъ Фердинандомъ о ливонскихъ дѣлахъ», пер. съ лат. (ib., т. V, № 9); «Донесеніе въ письмахъ о войнѣ московскаго царя съ польскимъ королемъ (Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ) въ 1580—1582 г.г.», пер. съ лат. (ib., № 10); «Алексѣй Поповичъ», стих. («Маякъ» 1842 г., № 1); «Иванъ Коновченко», стих. (ib., стр. 12); «Невѣста», стих. (ib., № 2); «Мечы», стих. (ib.); «Природа», стих. (ib., стр. 34); «Небо и земля» (ib., стр. 35); «Онъ», стих. (ib., стр. 36); «Конь», стих. (ib, № 11); «Донесеніе о событіяхъ въ эпоху Лжедмитрія и въ особенности царствованія Іоанна Васильевича, найденное въ библіотекѣ князя Барберина въ Римѣ», пер. съ итальянск. («Сынъ От.» 1843 г., № 1); «Любовь художника», стих. (id., № 3); «Безнадежность», стих. (ib., № 3); «Странникъ», стих. (ib., № 3); «Ода», изъ Клопштока («Маякъ» 1845 г., т. 23, стр. 27); «Донъ Жуанъ», поэма Байрона, пер. (Спб. 1847 г.); «Юное поколѣніе», стих. («Сынъ От.» 1847 г., № 8); «Къ Италіи», стих. (ib.); «Дунайскіе казаки» («Жур. Военно-учеб. завед.» 1848 г., № 283) и «Корчма на Ужитѣ и «Гражина», двѣ повѣсти Мицкевича въ стихахъ, пер. съ польск. Спб. 1862 г. Послѣ смерти Любича-Романовича были напечатаны («Истор. Вѣстн.» 1892 г., кн. 12, ст. 694—699) его «Разсказы о Гоголѣ и Кукольникѣ».

Е. В. Пятуховъ, «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко» Спб. 1895 г., стр. 54—55.—«Историч. Вѣстникъ» 1894 г., кн. I, стр. 164—169.—«Лицей князя Безбородко» Спб. 1859 г., стр. 95—97.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. VIII, стр. 68—71. *М. Поповъ.*

Люблинскій, *Юлій Казиміровичъ*, декабристъ, происходилъ изъ дворянъ Волынской губ., родился въ 1799 г., въ раннемъ дѣтствѣ опредѣленъ былъ въ Межирѣчскую школу ксендзовъ-піаровъ, но по слабости здоровья не окончилъ здѣсь курса и на одиннадцатомъ году вернулся домой. Дальнѣйшее образованіе Люблинскаго было преимущественно самообразованіемъ. Безъ посторонней помощи онъ изучилъ языки: русскій, латинскій, французскій, отчасти итальянскій и нѣмецкій, много времени посвящалъ чтенію серіозныхъ книгъ и особенно увлекался политическими сочиненіями; труды Беккаріа и Филанджіери, по собственнымъ словамъ его, способствовали развитію въ немъ человѣколюбія. Но онъ «не былъ человѣкомъ дѣйствія, и общественно-политическіе вопросы интересовали его больше со стороны ихъ теоретической сущности, чѣмъ въ практическомъ разрѣшеніи». Изъ чисто идейныхъ побужденій Люблинскій участвовалъ вмѣстѣ съ Борисовымъ въ учрежденіи Славянскаго тайнаго общества, но послѣ соединенія этого общества съ такъ называемымъ «южнымъ», являвшимся революціонной организаціей, вышелъ изъ числа его членовъ и отказался отъ предложенія вступить въ образовавшееся тогда же (въ 20-хъ годахъ XIX ст.) «польское» тайное общество. Привлеченный къ суду по дѣлу о декабрьскомъ возмущеніи 1825 г., Люблинскій причисленъ былъ къ VI разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ сперва на шесть, а по смягченіи приговора—на 5 лѣтъ каторги за то, что «зналъ умыселъ цареубійства, но безъ согласія и противорѣчія». Каторжныя работы Люблинскій отбывалъ въ Читѣ, а затѣмъ поселенъ былъ въ Иркутскомъ округѣ, гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ. Скончался онъ въ 1856 г., не успѣвъ воспользоваться амнистіей. По словамъ Герцена, онъ оставилъ записки, но неизвѣстно, какая участь постигла ихъ.

Головачевъ, «Декабристы, 86 портретовъ...», изд. М. М. Зензинова, М., 1906 г., стр. 139, 140.—*Бар. Розенъ*, «Записки декабриста», Спб., 1907 г., стр. 104, 110, 146, 279, 358.—«Декабристы и тайныя общества въ Россіи», М., 1906 г., стр. 91. *А. Гельвихъ.*

Любовниковъ, *Алексѣй Степановичъ*, старшій цензоръ петербургскаго комитета иностранной цензуры, д. с. с., сынъ чиновника—подканцеляриста, родился въ 1829 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ прослушалъ курсъ двухъ факультетовъ: философскаго и восточнаго и былъ

удостоенъ степени кандидата. Опредѣлившись въ 1853 г. на службу въ комитетъ иностранной цензуры, онъ, благодаря рѣдкой энергіи и трудолюбію, а также благодаря обширнымъ познаніямъ въ историческихъ и филологическихъ наукахъ и, наконецъ, знанію почти всѣхъ романскихъ языковъ и нѣсколькихъ восточныхъ, быстро пошелъ по службѣ. Въ 1855 г. онъ уже исполнялъ должность помощника старшаго цензора, черезъ два года былъ утвержденъ въ должности секретаря комитета, а затѣмъ въ 1863 г. былъ назначенъ завѣдующимъ, на правахъ старшаго цензора, англійскимъ отдѣленіемъ комитета. Въ 1870 г. Любовниковъ получилъ назначеніе на должность старшаго цензора комитета и начальника обширнаго отдѣленія, въ которомъ разсматривались изданія на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и португальскомъ языкахъ. Въ 1877 г. онъ получилъ чинъ д. с. с. Въ теченіе 29-ти лѣтъ, находясь на отвѣтственной должности старшаго цензора, требовавшей, съ одной стороны, большой осторожности и такта, съ другой, обширныхъ знаній, Любовниковъ успѣвалъ всесторонне слѣдить и за всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ русской литературѣ и въ періодической печати. Постоянное-же чтеніе лучшихъ иностранныхъ сочиненій, въ особенности англійскихъ, дало ему возможность основательно ознакомиться съ жизнью передовыхъ европейскихъ націй, чему не мало также способствовала его поѣздка по Европѣ. Редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Коршъ, въ половинѣ 60-хъ годовъ, пригласилъ Любовникова въ сотрудники по иностранному отдѣлу, который онъ велъ нѣсколько лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ. Впослѣдствіи онъ работалъ въ газетѣ «Голосъ», также по иностранному отдѣлу, въ качествѣ обозрѣвателя современной иностранной литературы. Въ это же время онъ получилъ отъ Каткова приглашеніе работать въ «Москов. Вѣдомостяхъ», но отказался по недостатку времени и силъ.

Любовниковъ любилъ литературу и жилъ, такъ сказать, ею. Онъ самъ былъ не чуждъ дѣятельности на литературномъ поприщѣ. Его переводы съ англійскаго языка Диккенса, Дж. Эліота, Коллинза, Бронтьё и др. помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ журналахъ, и до сихъ поръ остаются лучшими. Чрезмѣрное напряженіе силъ умственныхъ, а также физическихъ сперва отразилось на немъ утратою способности видѣть лѣвымъ глазомъ, съ ослабленіемъ зрѣнія другого глаза до крайней близорукости, а въ послѣдніе 5—7 лѣтъ вызвало неизлѣчимую болѣзнь сердца, отъ которой онъ скончался 25 ноября 1890 г.

«Историческій Вѣстникъ», 1891 г., кн. I, стр. 295.—«Новое Время», 1890 г., № 5300.—«Новости», 1890 г., отъ 28 ноября.—«Московская Иллюстрированная Газетка». 1890 г., № 235.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писат.», вып. X, стр. 48. *М. Поповъ.*

Любовскій, *Петръ*, магистръ философіи, по окончаніи Харьковскаго университета (1808 г.) по этико-политическому отдѣленію съ званіемъ кандидата онъ въ теченіе 5-ти лѣтъ состоялъ преподавателемъ въ Харьковской гимназіи; получивъ въ 1812 г. степень магистра философіи, онъ въ слѣдующемъ году претендовалъ на занятіе каѳедры философіи при университетѣ вмѣстѣ съ Дудровичемъ. Въ виду того, что въ совѣтѣ университета голоса разбились при рѣшеніи вопроса о томъ, кому изъ двухъ кандидатовъ предоставить каѳедру, было предложено имъ подвергнуться конкурсному испытанію по философіи (1813 г.), въ результатѣ котораго предпочтеніе было дано Дудровичу, какъ выказавшему болѣе солидныя познанія по этому предмету. Любовскій состоялъ членомъ и секретаремъ открытаго въ 1812 г. при Харьковскомъ университетѣ общества наукъ, по словесному его отдѣленію, на которомъ прочелъ два реферата: «О правилахъ правописанія буквы *ы* и *и* съ присовокупленіемъ таблицы первообразныхъ словъ, въ которыхъ буква *ы* всегда употребляется» и «Кратк. логика» (1817 г.). Еще ранѣе Любовскій написалъ оду, составленную имъ по случаю смерти ректора Харьковскаго университета Рижскаго; рѣчь «О достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова» (помѣщена въ «Рѣчахъ, говоренныхъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Императ. Харьковск. университета при публичныхъ испытаніяхъ въ концѣ іюня 1811 г.» Харьковъ, стр. 111) и «Краткое руководство къ опытному душесловію» (Харьковъ, 1815 г.).

Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I, стр. 356, 364

587. 619—621, 746, 817, 820. 822, 827, 957, 1147; т. II, стр. 671, 672, 742. 1023, 1070. 1090.

М. Поповъ.

Любовскій, *Петръ*, профессоръ, умеръ въ 1839 г., медицинское образованіе получилъ въ Дерптскомъ профессорскомъ институтѣ (1833—1838), гдѣ получилъ степень доктора и былъ ассистентомъ въ клиникѣ, а затѣмъ назначенъ былъ профессоромъ и акушеромъ въ Харьковъ. Ему принадлежитъ докторская диссертація: «Observationes medico-obstetricae», 1838 г.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 267.

Любомірская, кн. *Екатерина Николаевна*, дочь оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстого, неизмѣннаго и любимаго спутника Александра I въ его путешествіяхъ, родилась въ 1789 г. и воспитывалась вблизи Двора, пользуясь постояннымъ вниманіемъ государыни. Ея имя часто встрѣчается въ перепискѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны и въ запискахъ графини В. Н. Головиной и ея дочери, графини П. П. Фредро. Княгиня была въ замужествѣ за генералъ-лейтенантомъ кн. Константиномъ Ксаверіевичемъ Любомірскимъ.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. V, № 167.

Гельвихъ.

Любомірскій, кн. *Іосифъ Марцелліановичъ*, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; за дурное поведеніе въ 1857 г. былъ переведенъ унтеръ-офицеромъ въ Гренадерскій кн. Барклая-де-Толли полкъ, въ 1859 г. произведенъ въ офицеры, затѣмъ переведенъ въ армейскій гусарскій полкъ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Поселясь въ Парижѣ, онъ началъ печатать свои романы и участвовалъ въ изданіи «Paris-Journal». Въ первой изданной имъ книгѣ «Souvenirs d'un page du Tzar Nicolas» (Paris. 1869) находятся, между прочимъ, четыре главы, отчасти посвященныя пребыванію автора въ корпусѣ, остальная же часть этой книги содержитъ въ себѣ краткій обзоръ исторіи Россіи, доведенной до смерти имп. Николая Павловича, и заключаетъ въ себѣ рядъ небылицъ и анекдотовъ. Впослѣдствіи кн. Любомірскій издалъ слѣдующія сочиненія: 1) «Scénes de la vie militaire en Russie» (Paris. 1874); 2) Fonctionnaires et boyards» (Paris. 1874); 3) «Un nomade; Safer-Hadji» (Paris. 1874); 4) «Aventures extraordinaires d'un homme et de trois femmes» (Paris. 1875); 5) «Par ordre de L'Empereur» (Paris. 1875); 6) «Un drame sous Cathérine II» (Paris. 1875) и 7) «Chastes et infâmes» (Paris. 1876). Скончался кн. Любомірскій въ 1891 г. въ Парижѣ.

«Матеріалы для исторіи Пажескаго Его Имп. Величества корпуса». Изд. гр. Милорадовича. Кіевъ. 1876 г., стр. 239.—*Фрейманъ*, «Пажи за 183 года (1711—1894)», стр. 523, 812.

Степ.

Любомірскій, князь *Казиміръ Фридриховичъ*, композиторъ, родился 17-го февраля 1813 г., закончилъ образованіе въ Кременецкомъ лицеѣ, а затѣмъ обучался музыкѣ сперва у Шмидберга, директора оркестра въ Ровнѣ, потомъ въ Дрезденѣ у Дотзауера. Изъ самостоятельныхъ его композицій извѣстно до 60-ти вещей; преимущественно это танцы (мазурки, польки, галопы) для фортепіано, но есть и нѣсколько пѣсенъ («Zawsze i wszędzie», «Pieśń z wieży», «Unas inaczej» и др.), весьма распространенныхъ въ свое время. Съ 1852—1858 г. Любомірскій былъ вице-президентомъ Варшавскаго общества вспомоществованія семьямъ артистовъ-музыкантовъ и одновременно состоялъ попечителемъ Ровенской гимназіи, построенной на средства его отца. Въ 1860 г. онъ переселился въ Ровно. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 370. *А. Г.*

Любомірскій, князь *Константинъ Ксаверьевичъ*, ген.-м., изъ дворянъ Могилевской губ., род. 7 ноября 1786 г., на службу поступилъ въ 1806 г. корнетомъ въ Гродненскій гусарскій полкъ и въ томъ же году перевелся въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-лейт. Уварову, и въ качествѣ такового принялъ участіе въ походахъ противъ французовъ и былъ подъ Гутштадтомъ, Акендорфомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ (1807), за что былъ пожалованъ орденомъ Георгія 4-й ст., золотою саблею за храбрость и орденомъ «pour le mérite. Въ 1808 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и въ томъ же году находился въ Финляндіи при занятіи Тавастгуса. Въ 1810 г., участвуя въ походѣ въ Молдавію, Любомірскій отличился подъ Шумлой, при построеніи редута тамъ же,

при штурмѣ Рущука и въ сраженіи подъ Батиномъ. Наградой за это участіе ему былъ чинъ штабсъ-ротмистра и ордена св. Владиміра 4-й ст. и св. Анны 2-го кл. Назначенный въ 1812 г. флигель-адъютантомъ къ Е. И. В., Любомірскій въ слѣдующемъ году снова участвовалъ въ французской кампаніи, находясь въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ (1813), Баръ-сюръ-Объ, Арсисъ-сюръ-Объ и при Фершампенуазѣ (1814), и былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Въ 1816 г. онъ былъ переведенъ въ лб.-гв. Преображенскій полкъ, въ 1821 г. произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ состоять по арміи, и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. за Высочайшій смотръ его бригады, а въ 1823 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи. Въ 1829 г. Любомірскій прошелъ должности командира 1-й бригады 6-й пѣхотной дивизіи и начальника 6, 4 и 2-й пѣхотныхъ дивизій, а въ 1830 г., кромѣ того, былъ назначенъ командиромъ Динабургскаго отряда. Въ томъ же году онъ былъ уволенъ за болѣзнію въ отставку и скончался въ апрѣлѣ 1870 года.

Формулярный списокъ за 1827 г. (штабъ 3-й пѣхотной дивизіи, по архиву № 8972).—Русскіе портреты XVIII и XIX ст., изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. V, № 166. *М. П.*

Любомірскій, князь *Эдуардъ Михаиловичъ*, родился въ 1796 г. въ мѣстечкѣ Дубнѣ на Волыни, образованіе получилъ въ Варшавскомъ лицеѣ и закончилъ его въ Вѣнѣ, гдѣ и назначенъ былъ на службу въ русское посольство; служилъ затѣмъ нѣкоторое время при посольствахъ въ Берлинѣ и Лондонѣ, а по возвращеніи изъ-за границы занялся хозяйствомъ и литературой, проживая преимущественно въ своемъ имѣніи Радзыминѣ, подъ Варшавой. Въ 1823 г., поссорившись съ однимъ польскимъ офицеромъ, Любомірскій былъ вызванъ имъ на поединокъ и умеръ отъ раны, нанесенной ему противникомъ. Передъ смертью онъ составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, въ числѣ другихъ пожертвованій, опредѣлилъ 400.000 золотыхъ на устройство благотворительнаго учрежденія въ Радзыминѣ. Душеприказчикомъ своимъ онъ назначилъ двоюроднаго брата, графа Эдуарда Рачинскаго; послѣдній, однако, нѣсколько иначе распорядился капиталомъ, оставленнымъ Любомірскимъ, и основалъ на его средства въ Варшавѣ безплатную глазную клинику для бѣдныхъ. Впослѣдствіи основной капиталъ этого учрежденія былъ значительно увеличенъ новыми пожертвованіями, что дало возможность увеличить и число кроватей для больныхъ.

Князь Любомірскій извѣстенъ и какъ авторъ нѣсколькихъ печатныхъ трудовъ. Ему принадлежатъ: переводъ съ нѣмецкаго трагедіи въ 5-ти дѣйств. А. Клингемана «Faust» (Варшава, 1819 г.) и самостоятельныя сочиненія: «Dumy rycerskie» (ч. I, тамъ-же, 1821), «Obraz historycznostatystyczny Wiednia» (тамъ-же, 1821 г.) и «Rys statystyczny i polityczny Anglii» (посмертное изданіе, Познань, 1829 г.).

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864 г., т. 17, стр. 269. *А. Г.*

Любомудровъ, *Иванъ Васильевичъ*, преподаватель семинаріи, затѣмъ судебный слѣдователь, сынъ священника, родился въ селѣ Верхнемъ Бѣлоомутѣ, Рязанской губ., образованіе получилъ сначала въ мѣстной дух. семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской дух. академіи, по окончаніи которой въ 1849 г. опредѣлился преподавателемъ въ Тамбовскую семинарію, но въ декабрѣ того же года перешелъ въ Рязанскую семинарію, гдѣ преподавалъ гражданскую исторію, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, франц. яз. и др. предметы. Въ 1861 г. онъ покинулъ педагогическую дѣятельность и поступилъ судебнымъ слѣдователемъ по г. Зарайску и Михайлову. Скончался Любомудровъ въ 1867 г. Имъ помѣщено нѣсколько статей о рязанскихъ древностяхъ въ «Рязанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ» за 1852—1854 гг.: «О предѣлахъ Рязанской епархіи, ея учрежденіи и іерархическомъ ея устройствѣ», «Село Жерновищи», «Гдѣ находился древній городъ Борисовъ-Глѣбовъ, «Мѣстечко Облачинки» и «Объ основаніи Солотчинскаго монастыря».

Родосскій, «Біографич. словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Спб. Духовной Академіи», стр. 252.

Любопытный, *Павелъ Онуфріевичъ*, родился въ 1772 г. въ г. Юрьевѣ, Владимірской губ., астраханскій мѣщанинъ, занимался торговлею въ Москвѣ, потомъ переселился на жительство въ Петербургъ, гдѣ прожилъ до 30-ти лѣтъ. Онъ былъ усердный членъ старообрядческой помор-

ской секты, въ защиту которой написалъ много сочиненій. Любопытный собиралъ сочиненія и рукописи старообрядческихъ писателей и оставилъ о нихъ свѣдѣнія въ составленныхъ имъ въ 1828 и 1829 г. очень цѣнномъ словарѣ и каталогѣ «Историческій словарь и катологъ или библіотека старовѣрческой церкви», появившихся сначала въ извлеченіяхъ въ «Библ. Запискахъ» за 1861 г., затѣмъ полностью въ «Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей» за 1863 г., кн. I; въ 1866 г. этотъ трудъ былъ переизданъ Н. Поповымъ съ портретомъ и біографіей автора и вновь перепечатанъ въ трудѣ Ливанова «Раскольники и острожники», Спб. 1873 г., т. IV.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 268.—*Ливановъ*, «Раскольники и острожники», т. 4, стр. 64—74.—*Н. Поповъ*, «Сборникъ для исторіи старообрядчества», т. II, стр. 152—163.—*В. Г. Дружининъ*, «Писанія рус. старообрядцовъ», стр. 188—199.

Любочинскій, *Иванъ*, магистръ философіи, по окончаніи Харьковскаго университета съ званіемъ кандидата въ 1808 г. опредѣлился учителемъ въ одну изъ гимназій Екатеринославской губерніи. Въ 1812 г. онъ получилъ магистерскую степень и въ 1814 г. ходатайствовалъ предъ совѣтомъ университета о допущеніи его къ докторскому экзамену, но ходатайство его не было удовлетворено за силою университетскаго устава, по которому промежутокъ времени между магистерскимъ и докторскимъ экзаменами долженъ быть въ три года. Повидимому, Любочинскій получилъ докторскую степень, такъ какъ онъ упоминается съ нею въ одномъ документѣ. Любочинскій оставилъ послѣ себя одинъ печатный трудъ—«Логику» (Харьковъ, 1817 г.).

Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I, стр. 618, 619, 817, 820, 822, 827; т. II, стр. 1090.

М. Поповъ.

Любощинскій, *Марко Николаевичъ*, д. т. с., членъ Госуд. Совѣта, сенаторъ, происходилъ изъ дворянъ Витебской губ., род. въ 1816 г., по окончаніи Спб. у-та по юридич. факультету служилъ въ министерствѣ финансовъ, затѣмъ въ департаментѣ Госуд. Казначейства, а въ 1839 г. перешелъ въ министерство юстиціи, гдѣ благодаря выдающимся способностямъ и трудолюбію быстро подвигался по службѣ. Уже въ 1854 г. онъ получилъ чинъ д. с. с., а въ началѣ царствованія императора Александра II пріобрѣлъ заслуженную славу своею дѣятельностью по подготовительнымъ работамъ къ освобожденію крестьянъ. Произведенный въ 1861 г. въ тайн. совѣтники, Любощинскій принялъ самое дѣятельное участіе въ составленіи судебныхъ уставовъ императора Александра II, состоя уже въ должности сенатора (съ 1863 г.). За труды по судебной реформѣ онъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія (1864 г.). Въ 1879 г. Любощинскій былъ произведенъ въ д. т. с., а въ 1881 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ послѣднее время онъ состоялъ предсѣдателемъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, какъ старѣйшій членъ этого учрежденія, въ образованіи котораго онъ также принималъ участіе. Какъ владѣлецъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургской и Витебской губерніяхъ, онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьею въ мировыхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Витебскомъ, до изданія же закона о совмѣстительствѣ долгое время занималъ должность предсѣдателя правленія одного изъ солиднѣйшихъ столичныхъ банковъ. Скончался Любощинскій въ своемъ имѣніи въ Тамбовской губерніи 11 іюля 1889 г.

«Новое Время» 1889 г., № 4804.—«Новости» 1889 г., іюля 14.—«Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ», стр. 135.—Формуляръ о службѣ М. Н. Любощинскаго (хранится въ Архивѣ И. Рус. Ист. Общ.).

М. Поповъ.

Люгебиль, *Карлъ Якимовичъ*, проф. С.-Петербургскаго университета, родился въ Петербургѣ 11 ноября 1830 г., среднее образованіе получилъ въ училищѣ св. Анны, по окончаніи котораго въ 1848 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Окончивъ курсъ со степенью кандидата по разряду общей словесности, Люгебиль сначала занимался частными уроками, затѣмъ въ 1854 г. былъ старшимъ преподавателемъ латинскаго языка въ Ларинской гимназіи, а въ теченіе 1858 и 1859 г.г. преподавалъ въ училищѣ К. И. Мая. Защитивъ въ 1859 г. магистерскую диссертацію, онъ былъ командированъ за границу, гдѣ провелъ 1860 и 1861 годы, изучая въ Германіи, Италіи и Греціи

памятники языка и быта древнихъ грековъ и римлянъ. Въ Римѣ онъ былъ избранъ членомъ—корреспондентомъ института di corrispondenza archeologica, въ «Бюллютенѣ» котораго помѣстилъ за 1861 г. замѣтки о новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ. Возвратившись въ томъ же году въ Россію, Люгебиль приступилъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ по греческой словесности; въ 1864 г. онъ былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ; въ 1868 г., по защитѣ докторской диссертаціи, выбранъ экстраординарнымъ, а четыре года спустя—ординарнымъ профессоромъ. Будучи еще доцентомъ, Люгебиль нѣкоторое время преподавалъ латинскій языкъ въ училищѣ правовѣдѣнія и состоялъ помощникомъ хранителя древностей Импер. Эрмитажа. Въ 1886 г., по выслугѣ 30-ти лѣтняго срока, онъ покинулъ занимаемую имъ каѳедру въ университетѣ, совѣтъ котораго, по предложенію факультета, единогласно избралъ его въ свои члены. Скончался Люгебиль 28 декабря 1887 г., въ то время, когда Академія Наукъ собиралась избрать его въ свои члены.

Живо интересуясь школьнымъ дѣломъ, онъ устроилъ первый въ Россіи дѣтскій садъ, былъ въ числѣ учредителей С.-Петербургскихъ педагогическихъ собраній и въ нихъ принималъ весьма дѣятельное участіе. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «De Venere Coliade Genetyllide». Petrop. 1858 (магист. дисс.); «Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen». Лейпц. 1861 г.; «Историко-филологическія изслѣдованія (1. Аѳинскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѳинахъ. 2. Архонтство и стратегія въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ»). Спб. 1868; «Zur Kritik und Erklärung von Pausanias», 1871; «О формахъ родительнаго падежа единств. числа такъ наз. 2-го греческаго склоненія» (Ж. М. Н. Пр.» 1880); «Начала и главные вопросы греческой этимологіи». Спб. 1882; «Zur Frage über zweitheilige und eintheitliche Sätze» (Архивъ Ягича, т. VIII. 1884); «Homerica» (Ж. М. Н. Пр.» 1886, іюнь, августъ) и «Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen», 1888 (рус. перев. помѣщенъ въ «Ж. М. Н. Пр.» за 1889 г., кн. I). Кромѣ названныхъ сочиненій и многихъ рецензій и замѣтокъ (перечисленныхъ въ «Ж. М. Н. Пр.» за 1888 г., кн. IV), Люгебилю принадлежитъ еще рядъ статей объ ученыхъ пособіяхъ и о дидактикѣ древнихъ языковъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ для воспитанія» (1859), «Русскомъ Словѣ» (1860), «Журн. М. Нар. Пр.» (1862, 1874, 1884) и «Учителѣ» (1865, 1867, 1869), а также и руководства для употребленія въ гимназіяхъ, какъ-то: «Различныя жизнеописанія Корнелія Непота», съ прибавленіемъ латинско-рус. словаря» (3-е изд. посмертное 1889) и «Первая греческая книга для чтенія» (Спб. 1885).

«Біографическій словарь проф. и преподав. С.-Петербургскаго университета», т. I, стр. 412—415.—«Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ.», 1888 г., апрѣль.—«Biographisches Jahrbuch» при «Jahresberichte» Бурзіана-Миллера, 1889.

М. Поповъ.

Людевигъ, *Генрихъ-Христіанъ-Ѳедоръ*, пасторъ, родился въ Бергедорфѣ въ Ганноверѣ 3 октября 1782 г., съ 1804—1808 г. изучалъ богословіе въ Геттингенскомъ и Гельмштедтскомъ университетахъ, а въ 1809 г. прибылъ въ Курляндію въ качествѣ домашняго учителя. Въ 1817 г. Людевигъ былъ назначенъ учителемъ сиротскаго пріюта въ Либавѣ, а съ 1818—1825 г. преподавалъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, состоя одновременно, съ 1823 г., и пасторомъ Либавскаго латышскаго прихода. Въ послѣдней должности онъ скончался 8 іюля 1830 г.

Ему принадлежитъ религіозно-философское разсужденіе подъ заглавіемъ: «Das Christenthum ein Werk Gottes» (Митава, 1820 г.). Людевигъ писалъ и по-латышски.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 131, 132.

А. Гильвихъ.

Людервальдъ (Ланге), *Георгъ—Эрнстъ*, драматическій артистъ, писатель, родился въ Берлинѣ 13 февраля н. ст. 1765 г., 4-хъ лѣтъ отъ роду привезенъ былъ въ Кенигсбергъ и здѣсь получилъ образованіе въ Королевскомъ коллегіумѣ. Посѣщеніе мѣстныхъ театровъ и въ особенности талантливая игра знаменитаго въ то время Экварта пробудили дремавшія въ Людервальдѣ сценическія способности; 18-ти лѣтъ онъ тайно бѣжалъ изъ родительскаго дома и подъ именемъ Линдгейма выступилъ на сценѣ въ Грейфевальдѣ. Чувствуя однако недостатокъ въ солидномъ общемъ образованіи, онъ уже черезъ годъ (въ 1784 г.) оставилъ театръ и продолжалъ прерванныя слиш-

комъ рано научныя занятія въ Франкфуртскомъ (на Одерѣ) университетѣ. Въ 1786 г. онъ прибылъ въ Берлинъ и вскорѣ поступилъ на государственную службу, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ въ 1789 г. лишился должности и снова обратился къ театру. Подъ именемъ Ланге (псевдонимъ его и впослѣдствіи) онъ выступалъ на сценахъ въ Карлсруэ и Дюссельдорфѣ, а въ 1792 г. отправился въ Ригу. Здѣсь онъ успѣшно подвизался въ теченіе 32-хъ лѣтъ, сперва въ качествѣ актера, а съ 1798 г. и въ качествѣ директора мѣстнаго театра. Въ 1824 г. онъ впервые пріѣхалъ въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ ежегодно выступалъ здѣсь на частныхъ сценахъ. Скончался Людервальдъ въ Ригѣ въ мартѣ 1835 г.

Какъ вся жизнь, такъ и литературная дѣятельность Людервальда посвящены были преимущественно театру: онъ жилъ сценой, писалъ о театрѣ и для театра, хотя, прекрасно владѣя словомъ, былъ и хорошимъ ораторомъ. Извѣстно нѣсколько рѣчей его, произнесенныхъ имъ по торжественнымъ случаямъ, какъ-то: по случаю посѣщенія г. Риги в. кн. Маріей Павловной, по случаю коронаціи императора Александра I. и др. Изъ драматическихъ пьесъ его пользовались успѣхомъ: «Der Freibrief», (водевиль въ одномъ дѣйст. Берлинъ, 1788 г.); «Die Geretteten» (пьеса въ стихахъ, Рига, 1802 г., русскій переводъ Д. Шлуна, Москва, 1802 г.); «Nonna oder die heilige Weihe» (драма въ одномъ дѣйст., Рига, 1806 г.) и «Ruriks Segen» (лирическія сцены, съ пѣніемъ и танцами. СПБ., 1827 г.). Среди оперъ, сочиненныхъ Людервальдомъ, есть нѣсколько переводовъ съ французскаго; къ оригинальнымъ же относятся: комическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Die Kartoffeln» и музыкальная пьеса «Dank und Liebe», написанная ко дню тезоименитства имп. Александра I. Кромѣ того, Людервальдомъ написанъ былъ въ 1799 г. уставъ для Рижскаго театра и составлено описаніе берлинскаго театра (Берлинъ, 1786 г.).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon», Митава, 1832 г., т. 3, стр. 134, 136; Nachträge zum Lexikon, Митава, 1861 г., стр. 26. *Ал. Гельвихъ.*

Людерсъ (Lüders), Давидъ, портретистъ, родился въ Саксоніи въ 1710 г. Изучалъ живопись подъ руководствомъ Франсуа ле-Муана. Въ 1757 г. пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ гр. П. Г. Чернышевымъ. Работалъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но не будучи, по словамъ Ровинскаго, въ силахъ конкурировать съ Токэ и гр. Ротари, покинулъ Россію. Скончался въ 1759 г. По другой версіи Людерсъ еще долго жилъ въ Россіи, но первое предположеніе вѣрнѣе, такъ какъ дошедшіе до насъ портреты его работы относятся къ вышеуказаннымъ годамъ. По отзыву Штелина, Людерсъ былъ очень образованный человѣкъ, отлично разсуждалъ о художествахъ, но самъ писалъ очень плохо; послѣднее не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: сохранившіеся до нашего времени портреты Людерса, правда, немного жестки, но зато очень правдивы и внимательны, что дѣлаетъ ихъ прекрасными документами, да и самая жесткость, можетъ быть, только уступка времени, потворство модѣ дня. Тотъ же Штелинъ оставилъ очень интересное описаніе одного не дошедшаго до насъ портрета Людерса; на немъ «былъ изображенъ Григорій Демидовъ въ своемъ кабинетѣ рѣдкостей; подлѣ него стоитъ жена его; она подаетъ мужу букетъ изъ пяти свѣжихъ розъ, на которыя онъ не обращаетъ вниманія; подлѣ, въ горшкѣ, розовый кустъ съ пятью отцвѣтшими розами и 25 листками. Вся эта фантасмагорическая аллегорія должна была означать, что супружество Демидова продолжалось 25 лѣтъ и что за это время у нихъ было десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ пятеро умерли, а пятеро остались въ живыхъ».

Людерсу принадлежатъ слѣдующіе портреты: «Семейство гр. П. Чернышева» (въ кладов. Эрмитажа; копія въ Голицынскомъ имѣніи Марьинѣ, Новг. губ.); женскій и мужской портреты (собр. бар. Н. Е. Врангеля); «Гр. А. Б. Бутурлинъ» (Гатчинскій дв.); «Княгиня Е. А. Лобанова-Ростовская» и «Князь П. И. Лобановъ-Ростовскій» (оба въ музеѣ Императора Александра III); «А. И. Янькова», «А. Д. Яньковъ» и «М. И. Дмитріевъ-Мамоновъ» (всѣ три наход. у В. Д. Корсаковой, въ Казани).

Штелинъ, «Miscelanen artistischen Inhalts» (elftes Heft.—Erfurt. 1782).—*Ровинскій*, «Подр. словарь русск. грав. порт.», т. IV, стр. 380.—*Великій Князь Николай Михайловичъ*, «Русскіе портреты XVIII и XIX в.», т. III, № 122; т. IV, №№ 60 и 61; т. V, № 102.—Каталогъ портретной выставки 1905 г., въ

Таврическомъ дворцѣ, вып. VIII. — *Бар. Н. Врангель*, «Русскій Муз. Имп. Алекс. III», т. 1, стр. 254. — *А. Голомбіевскій*, «Давидъ Людерсъ и его новые портреты» («Старые Годы» 1911 г., кн. 7—9). — *Бар. Н. Врангель*, «Иностранцы въ Россіи» («Старые Годы», 1911 г., кн. 7—9). *С. Эрнстъ.*

Людденъ (*Lohann-Paule Ludden*), портретистъ. Прибылъ въ Петербургъ изъ чужихъ краевъ въ 1728 г., гдѣ написалъ много портретовъ по заказамъ Двора и частныхъ лицъ. Скончался 30 октября 1739 г.

Людденъ почти неизвѣстенъ нашимъ любителямъ искусствъ, но это забвенье совершенно несправедливо: широко задуманные, серьезные и очень парадные, блещущіе хорошей техникой Людденовскіе портреты заслуживаютъ всяческаго вниманія и обереганія. По словамъ современника, художнику «особенно хорошо удавались эффекты луннаго и искусственнаго освѣщенія».

Извѣстны слѣдующіе его портреты: Им. Петра II (по грудь и въ ростъ) въ Романовской гал., у кн. Ф. Ф. Юсупова въ Москвѣ и въ Гатчинскомъ дворцѣ; царевича Алексѣя Петровича и принцессы Шарлотты-Софіи, въ Романов. гал., и Дмитріева-Мамонова у кн. С. А. Щербатова въ Москвѣ (написанъ въ 1735 г.).

«Матеріалы для истор. Акад. Наукъ», т. I, стр. 413, 603; т. VI, стр. 159—*Ровинскій*, «Подр. словарь русск. гравир. портр.», т. IV, стр. 568.—*Бар. Врангель*, «Иностранцы въ Россіи» («Старые годы» 1911 г., кн. 7—9). *С. Эрнстъ.*

Люджѐръ, *Альбертъ Альбертовичъ*, капитанъ корпуса штурмановъ, былъ преподавателемъ англійскаго языка въ морскомъ корпусѣ, въ послѣдніе же годы состоялъ на службѣ при кораблестроительномъ департаментѣ. Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ почти съ основанія журнала «Морского Сборника». Скончался 27 ноября 1863 г.

«Морской сборникъ», т. 69 (Современное обозрѣніе, стр. 89).—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 268.

Людоговскій, *Алексѣй Петровичъ*, проф. Петровской земледѣльческой академіи, родился въ 1840 г., образованіе получилъ въ Горыгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ, переведенномъ впослѣдствіи въ Петербургъ. Назначенный доцентомъ въ этомъ институтѣ, Людоговскій по защитѣ въ 1870 г. диссертаціи («Подсолнечникъ. Принятіе, распредѣленіе и движеніе минеральныхъ питательныхъ веществъ въ связи съ образованіемъ органическаго вещества») былъ удостоенъ физико-математическимъ факультетомъ С. Петербургскаго университета степени магистра сельскаго хозяйства. Затѣмъ въ бытность профессоромъ Петровской земледѣльческой академіи онъ написалъ: «Основы сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственнаго счетоводства» (Спб. 1875 г.). Эта книга долгое время была единственнымъ руководствомъ на русскомъ яз. по сельско-хозяйственной экономіи. Потомъ Людоговскій участвовалъ вмѣстѣ съ проф. Чернопятовымъ, Стебутомъ и Фадеевымъ въ составленіи довольно извѣстнаго въ русской сельско-хозяйственной литературѣ сочиненія: «Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ», три тома (Спб. 1875 г.). Наконецъ Людоговскій напечаталъ «Матеріалы для сельско-хозяйственнаго описанія Московской губерніи («Московск. Губ. Вѣдом.», 1863 г., №№ 31—34, 37, 38, 51—60.—Эти статьи вошли и въ «Сборникъ матеріаловъ для изученія Москвы и Московской губ.» М. 1864 г., вып. I) и помѣщалъ сельско-хозяйственныя статьи въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», въ «Трудахъ Вольно-экономич. Общества», «Земледѣльческой Газетѣ» и др. Скончался онъ въ Москвѣ 11 февраля 1882 г.

«Московскій Листокъ», 1882 г., № 44.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писат.», вып. II, стр. 31.—Энциклопедич. словарь Ефрона, т. 35, стр. 221. *М. Поповъ.*

Людоговскій, *Левъ Ѳедоровичъ*, первый директоръ Смоленской гимназіи, р. 18 февраля 1761 г. † 4 февраля 1838 г. Съ именемъ его связанъ составленный имъ «Географическій словарь Новаго Завѣта, содержащій въ себѣ по азбучному порядку описаніе земель, областей, городовъ, рѣкъ, острововъ и другихъ географическихъ предметовъ, находящихся въ Новомъ Завѣтѣ, съ показаніемъ древняго и нынѣшняго ихъ состоянія». Спб. 1790 г.

Геннади, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 268.—*Аксеновъ, М. В.*, «Л. Ѳ. Людоговскій» Смоленскъ. 1906.—Московскій Некрополь, т. II.

Людольфъ, графиня *Каролина Христофоровна*, дочь австрійскаго графа,

была фрейлиной русскаго Двора и кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшаго креста; въ 1805 г. вышла замужъ за графа Густава-Эрнеста Штакельберга, русскаго посланника въ Берлинѣ, затѣмъ въ Вѣнѣ и Неаполѣ. Во время Вѣнскаго конгресса графиня была одной изъ видныхъ представительницъ русской колоніи. Скончалась въ Парижѣ 8 іюля 1868 г.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. III, № 144.

Ал. Г.

Люисъ, *Вилимъ Ѳомичъ*, адмиралъ, по происхожденію англичанинъ, въ 1714 г. былъ принятъ, въ числѣ многихъ иностранцевъ, на службу по контракту на 5 лѣтъ съ чиномъ подпоручика. Хотя первоначальная его служба и мало извѣстна, но скорое его повышеніе въ чинахъ свидѣтельствуетъ о его усердіи. Въ мартѣ 1717 г. онъ произведенъ былъ въ поручики, въ 1721 г. въ капитанъ-лейтенанты, въ 1724 г. въ капитаны 3-го ранга, въ 1729 г. во 2-й рангъ, а въ 1733 г. въ 1-й рангъ. Въ томъ же 1733 г. Люисъ былъ отправленъ въ Голландію и Англію для найма въ корабельный флотъ мастеровъ и тимермановъ. Исполнивъ порученіе, онъ весною слѣдующаго года возвратился, но, проживая въ Амстердамѣ, издержалъ на свои надобности значительную сумму казенныхъ денегъ, которыя Адмиралтействъ-коллегія постановила вычитать у него изъ жалованья. Люисъ обидѣлся и подалъ императрицѣ прошеніе. За допущенныя въ немъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія, онъ былъ отстраненъ отъ службы. Получивъ этотъ указъ, Люисъ подалъ въ коллегію самое покорное прошеніе, въ которомъ, изъясняя долговременную и усердную службу свою, просилъ о принятіи его опять во флотъ. Принятый въ 1737 г. вторично на службу, Люисъ въ 1739 г. отправленъ былъ въ Архангельскъ для привода въ Кронштадтъ вновь выстроенныхъ кораблей и другихъ судовъ. Въ 1743 г. онъ былъ отданъ подъ судъ за поздній выходъ изъ Архангельска и за растеряніе эскадры, но былъ оправданъ и назначенъ капитаномъ на Кронштадтскій портъ; въ 1746 г. онъ вступилъ въ должность главнаго командира и произведенъ былъ въ капитанъ-командоры, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ контръ-адмиралы. Должность главнаго командира Кронштадтскаго порта Люисъ исправлялъ болѣе 5-ти лѣтъ и въ теченіе этого времени командовалъ практическими эскадрами. Въ 1751 г. ему повелѣно было присутствовать въ коллегіи, но въ 1754 г. онъ снова былъ назначенъ главнымъ командиромъ въ Ревель. Въ 1757 г., произведенный въ вице-адмиралы, онъ принялъ начальствованіе надъ ревельскою эскадрою, съ которою отправился къ прусскимъ берегамъ, блокировалъ Мемельскую и Пилавскую гавани и взялъ нѣсколько призовъ, а 24 іюня, дѣйствуя совокупно съ сухопутными войсками, участвовалъ при взятіи Мемеля. Въ 1762 г. Люисъ былъ назначенъ первымъ членомъ въ учрежденную императоромъ Петромъ III морскую комиссію, въ апрѣлѣ того же года произведенъ въ адмиралы, а въ маѣ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1764 г. онъ уволенъ былъ, за глубокою старостью, отъ службы, а въ мартѣ 1769 г. скончался.

«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1866 г., № 148.— Общій морской списокъ, ч. I, стр. 231—234.

Люлье, *Леонтій Яковлевичъ*, этнографъ, дѣйств. членъ Кавказскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества. Около 40 лѣтъ онъ служилъ на восточномъ берегу Чернаго моря, при чемъ первые пять лѣтъ службы безвыѣздно провелъ между горцами, имѣя такимъ образомъ возможность близко познакомиться съ языкомъ и жизнью Закубанскаго населенія. Его «Черкесскій лексиконъ съ краткою грамматикою», изданный въ 1845 г., и до сихъ не потерялъ цѣнности. Всѣ его другія сочиненія посвящены торговлѣ; языку и этнографіи Закубанскихъ горцевъ: изъ нихъ извѣстны: «О торговлѣ съ горскими племенами на Кавказѣ, на сѣв.-восточн. берегу Чернаго моря» («Закавк. Вѣстникъ» 1842 г., №№ 13—16), «О натухайцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ» («Записки Кавказ. отд. Имп. рус. геогр. общества», кн. IV), «Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесъ» (ib., кн. V) и др. Нужно сказать, что этнографическія статьи его по добросовѣстности своей и важности данныхъ стоятъ выше такихъ же работъ Белля, Коленати и Лапинскаго. Скончался Люлье 18 мая 1851 г.

«Записки Кавказскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества», 1864 г., кн. VI, стр. 4—5.—

Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 35, стр. 248. *Степ.*

Люминарскій, *Елисей Елисеевичъ*, происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, родился 8 марта 1830 г. По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, 15 мая 1850 г. опредѣленъ былъ на службу въ 1-е отдѣленіе 6 департамента Правительствующаго Сената, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, а 28 октября переведенъ во 2-ое отдѣленіе того же департамента, гдѣ исполнялъ неоднократно должность секретаря. Въ 1854 г. Люминарскій былъ опредѣленъ секретаремъ въ 7-й департаментъ Сената, исправлялъ много разъ обязанности оберъ-секретаря и, наконецъ, 22 ноября 1856 г. назначенъ былъ и. д. оберъ-секретаря. Въ этой должности онъ пробылъ до 1861 г., когда былъ переведенъ на такую же должность въ общее собраніе московскихъ департаментовъ Сената. Въ 1865 г. въ чинѣ статскаго совѣтника Люминарскій былъ назначенъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 8-й департаментъ Правит. Сената, а 20 февраля того же года на него было возложено исправленіе должности старшаго юрисконсульта консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи. Однако уже 30 іюля онъ былъ отъ этихъ обязанностей освобожденъ. 30 августа Всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйст. стат. совѣтники, а 22 сентября назначенъ помощникомъ оберъ-прокурора 8-го департамента Сената. Въ 1866 г. Люминарскій былъ назначенъ предсѣдателемъ Московскаго окружнаго суда, а въ 1870 г. предсѣдателемъ департамента Московской судебной палаты. 5 января 1878 г. онъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Высшій орденъ онъ имѣлъ Анны 1-й ст. Умеръ Люминарскій 4 февраля 1883 года.

Человѣкъ чрезвычайнаго трудолюбія и стойкаго характера, Люминарскій былъ однимъ изъ популярныхъ дѣятелей Москвы, блестящимъ образомъ выполнившимъ трудную задачу устроителя новаго суда въ столицѣ. Онъ былъ настоящимъ судьею, всецѣло преданнымъ дѣлу, недоступнымъ ни ласкѣ, ни давленію, и, несмотря на свою суровую наружность, добрымъ и сострадательнымъ человѣкомъ. Вся служебная дѣятельность Люминарскаго въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ преисполнена была заслугъ, вызывающихъ особенную благодарность и уваженіе къ его памяти. Въ качествѣ перваго предсѣдателя Московскаго окружнаго суда, онъ былъ не только организаторомъ, подъ руководствомъ котораго примѣнялись впервые на практикѣ и успѣшно вводились новые судебные уставы, но и стойкимъ блюстителемъ самаго духа этихъ уставовъ; да и въ дальнѣйшей своей дѣятельности, какъ предсѣдатель департамента Московской судебной палаты, Люминарскій служилъ неизмѣнно живымъ образцомъ судьи, никогда не увлекавшагося ни односторонними доводами участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, ни иными какими-либо цѣлями, чуждыми правосудію, такъ что во всю долголѣтнюю службу голосъ его оставался всегда на сторонѣ одной только строгой справедливости и не колебался ни подъ какими вліяніями на пути осуществленія судебной правды. Постоянствомъ такого исполненія служебнаго долга онъ внушилъ равное уваженіе къ закону какъ своимъ сотоварищамъ-судьямъ, такъ обвинителямъ, обвиняемымъ, защитникамъ и тяжущимся и осуществлялъ, такимъ образомъ, нелицемѣрно тотъ идеалъ независимаго и безпристрастнаго судьи, который положенъ въ основу новыхъ судебныхъ установленій ихъ Великимъ законодателемъ. Что указанныя выше заслуги Люминарскаго были одинаково дороги и незабвенны какъ для окружнаго суда, такъ и для судебной палаты, видно изъ ходатайства этихъ учрежденій о разрѣшеніи имъ, въ память высокихъ судейскихъ достоинствъ, отличавшихъ Е. Е. Люминарскаго при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, имѣть портреты его въ Московскомъ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ, каковыя ходатайства и были Высочайше удовлетворены.

Высоч. указы и повелѣнія, хранящіеся въ Сенатскомъ Архивѣ.—Дѣла Сената и Министерства Юстиціи.—Списокъ гражданскимъ чинамъ первыхъ 4-хъ классовъ.—Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVIII, стр. 248. *Н. Мурзановъ.*

Люнеманъ, *Іоаннъ-Генрихъ-Христіанъ*, филологъ, родился въ Геттингенѣ 14 декабря 1787 г., филологическое образованіе получилъ въ университетѣ роднаго города и въ 1809 году, въ качествѣ домашняго учителя, прибылъ въ Лифляндію; здѣсь онъ состоялъ преподавателемъ въ уѣздныхъ училищахъ Вольмара (въ

1811 г.) и Феллина (съ 1812), а 1814 г. уѣхалъ въ Пруссію. Скончался за границей 25 января 1827 г. Во время своей педагогической дѣятельности въ Лифляндіи Люнеманъ занялся переводомъ сатиръ Ювенала и за эту работу удостоенъ былъ отъ Геттингенскаго университета ученой степени доктора философіи. Кромѣ того, Люнеманомъ составлены были два словаря къ поэмамъ Гомера: «Одиссеѣ» и «Иліадѣ»; первый изъ нихъ впервые былъ напечатанъ въ Кенигсбергѣ въ 1812 г. и выдержалъ затѣмъ четыре изданія, второй появился тамъ же въ 1824 г. и существуетъ въ двухъ изданіяхъ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Sriftsteller-und Gelehrten - Lexikon», Митава, 1831 г., т. 3, стр. 130; Nachträge zum Lexikon, Митава, 1861 г., стр. 26.

Ал. Гельвихъ.

Лютеръ (*Luther*), *Готфридъ-Веніаминъ*, директоръ училищъ Курляндской губерніи, родился въ Силезіи 3 марта 1768 г. и по окончаніи университета въ Галле прибылъ въ Курляндію; здѣсь онъ въ 1798 г. назначенъ былъ учителемъ вновь открытаго пріюта для сиротъ въ Либавѣ, а съ 1804 г. занялъ должность директора училищъ Курляндской губ. Въ 1814 г. Лютеръ вышелъ въ отставку и послѣдніе годы занимался частными уроками въ Либавѣ. Скончался тамъ же 7 марта 1818 г. Ему принадлежитъ описаніе школъ Курляндской губерніи подъ заглавіемъ: «Patriotische Schilderung der bisherigen Verfassung des Schulwesens in dem Kaiserlich-Kurländischen Gouvernement und der allerhöchst verordneten neuen Organisation desselben» (Митава, 1805 г., по случаю открытія губернскаго училища въ Митавѣ).

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten Lexikon», Митава. 1831 г., т. 3, стр. 141.

Ал. Гельвихъ.

Люткенсъ, *Іоганнъ-Маттіасъ*, проф. Юрьевскаго университета, сынъ арендатора, родился 16 ноября 1830 г. въ Кастрантѣ, Лифляндской губ., обучался сначала въ Рижской гимназіи (1840—1848), а затѣмъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ богословіе. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ, еще будучи студентомъ, выдержалъ при богословскомъ факультетѣ экзаменъ по библейской исторіи и катехизису на право преподаванія въ начальныхъ школахъ и этимъ поддерживалъ свое существованіе. По окончаніи въ 1852 г. Дерптскаго университета со степенью кандидата богословія онъ опредѣлился старшимъ учителемъ закона Божія и еврейскаго языка въ Дерптскую гимназію. Въ 1854 г. Люткенсъ сдѣлался пасторомъ-адъюнктомъ при университетской церкви, въ 1858 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ и по защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «Luthers Prädestinationslehre im Zusammenhange mit seiner Lehre vom freien Willen geschichtlich dargestellt» былъ назначенъ приватъ-доцентомъ при университетѣ. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ съ научною цѣлью за границу. За время пребыванія въ должности приватъ-доцента, т. е. до 1875 г., когда получилъ назначеніе на должность оберпастора при рижской церкви св. Петра, Люткенсъ читалъ лекціи по всѣмъ областямъ богословія и имѣлъ большое и глубокое вліяніе на слушателей. Въ 1883 г., по предложенію богословскаго факультета, ему дана была степень доктора богословія honoris causa. Скончался Люткенсъ 18 октября 1894 г. Кромѣ названной диссертаціи ему принадлежатъ еще слѣдующіе печатные труды: «Die Stadien der Aufklärung in neuster Zeit» (vier Vorträge. 1865); «Seid fleissig zu halten die Einigkeit im Geist (zwei Sammlungen Predigten zumeist in der Universitätskirche zu Dorpat gehalten 1870, 1872); «An die Redaktion der Baltischen Monatsschrift. Eine abgenötigte Meinungsäusserung 1878»; «Zur Verständigung. An den Verfasser der «erbetenen Meinungsäusserung». 1878; «Rigas Lutherfeier. Festrede. 1883»; «Biblische Betrachtungen auf alle Sonn - und Festtage des Kirchenjahres. gesammelt und herausgegeben von W. Keller», 1895; «Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche»: «Dr. von Hofmann und seine neusten Gegner». 1859; «Kirchlichkeit und Bekenntnis der Kirche». 1860; «Ueber Sünde, Gnade und Versöhnung». 1863; «Landeskirche oder Freikirche». 1871. Кромѣ того, имъ помѣщенъ рядъ критическихъ статей въ «Mitteilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche Russlands»: «Zum h. Vaterunser. Einleitende Betrachtungen zu einer Erklärung desselben» (1892).

«Біографическій словарь проф. и преподават. Юрьевскаго университета», т. I, стр. 62—64.

М. Поповъ.

Люце-фонъ, *Іоаннъ-Вильгельмъ-Людвигъ*, докторъ богословія и медицины, родился 25 августа 1756 г. въ Гассельфельдѣ у Гарца, гдѣ его дѣдъ былъ городскимъ старшиною, а отецъ завѣдывалъ сначала таможенными сборами, а затѣмъ почтою. При крайне маленькомъ ростѣ мальчикъ до 10-ти лѣтъ росъ въ физическомъ отношеніи очень слабымъ ребенкомъ, что однако не помѣшало его раннему умственному развитію; уже съ 8-ми лѣтъ дѣлалъ онъ попытки самостоятельно излагать свои мысли въ стихахъ и прозѣ, тогда же онъ сталъ учиться музыкѣ; но школа родного города не могла удовлетворить его любознательности, и только случайно получивъ возможность поступить въ замковое училище Гальберштадта, юноша нашелъ пищу для своихъ незаурядныхъ способностей. Согласно волѣ своихъ родителей, но вопреки собственному расположенію, Люце посвятилъ себя богословскимъ занятіямъ, которыя съ 1774 г. продолжалъ въ Геттингенскомъ, а съ 1776 г.—въ Гельмштедтскомъ университетахъ. Въ 1777 г. онъ поступилъ однако воспитателемъ къ дѣтямъ, а спустя четыре года, отправился на о. Эзель домашнимъ учителемъ въ семью капитана Штакельберга. Люце жаждалъ видѣть новыя страны, мечталъ о продолжительномъ путешествіи по Европѣ и за предѣлами ея, но приступы ипохондріи разрушали всѣ его планы. Во время одного изъ такихъ приступовъ безпокойной тоски въ 1783 г. онъ рѣшилъ сдѣлаться пасторомъ и былъ выбранъ въ приходъ Пюха (на о. Эзелѣ), но черезъ два года самъ отказался отъ проповѣднической дѣятельности, купилъ себѣ небольшое имѣніе и поселился въ деревнѣ. Въ 1787 г. по семейнымъ обстоятельствамъ онъ поѣхалъ на родину, вскорѣ затѣмъ овдовѣлъ и теперь уже безповоротно рѣшилъ заняться медициной, физикой, химіей и естествознаніемъ. Съ этою цѣлью въ 1789 г. онъ вновь поступилъ въ Геттингенскій университетъ, въ 1792 г. сдалъ экзаменъ въ Эрфуртѣ и отправился въ Петербургъ, намѣреваясь получить здѣсь право врачебной практики въ Россіи; но дорогой Люце измѣнилъ свое рѣшеніе и вновь поселился на о. Эзелѣ. Въ 1794 г. Геттингенскій университетъ за диссертацію подъ заглавіемъ «Ueber die Ursachen der Degeneration der organisirten Körper» присудилъ ему ученую степень доктора медицины, а въ слѣдующемъ 1795 г. Люце получилъ дворянскій дипломъ Римской имперіи и принятъ былъ въ число эстляндскаго дворянства. Нѣсколько позже онъ выдержалъ въ Петербургѣ экзаменъ на право медицинской практики и, вернувшись въ Аренсбургъ, занялся приведеніемъ въ порядокъ мѣстной аптеки. Съ 1798 г. началась его служба по выборамъ отъ дворянства: онъ былъ попечителемъ аренбургскаго земскаго госпиталя, ученымъ членомъ аренбургской ратуши, судьею и полиціймейстеромъ (до 1804 г.), а затѣмъ въ теченіе 16-ти лѣтъ занималъ должность смотрителя училищъ аренбургскаго округа. Въ 1817 г. онъ основалъ эстонское просвѣтительное общество, а въ 1818 г. положилъ начало мѣстному экономическому союзу. Люце былъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и за границей, членомъ-корреспондентомъ Им. Человѣколюбиваго общества въ Петербургѣ, вице-президентомъ аренсбургскаго отдѣла русскаго Библейскаго общества и президентомъ аренсбургской экономической академіи.

Учено-литературная дѣятельность Люце была очень обширна. Кромѣ многихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ («Monatsschrift fur Geist und Herz», «Beiträge zur genaueren Kenntnis der ehstnischen Sprache», «Livländische Jahrbüher der Landwirthschaft» и др.) по медицинѣ, ветеринаріи, сельскому хозяйству, скотоводству, эстонскому языку, музыкѣ и пр., отдѣльными изданіями были напечатаны его сочиненія: о ипохондріи и истеріи, практическое руководство для молодыхъ врачей (1797 г.), о коровьей оспѣ, которую онъ первый сталъ прививать на о. Эзелѣ (1818 г.), разсказы для нравственнаго и экономическаго образованія эстовъ (1807 г., 1812 г.), санитарный катехизисъ для эстовъ (1816 г.), экономическіе очерки для земледѣльцевъ сѣвера (1795 г. и 1803 г.), описаніе благотворительныхъ учрежденій о. Эзеля (1815 г.), нѣсколько работъ по географіи, топографіи и этнографіи о. Эзеля, нѣсколько сборниковъ стихотвореній, преимущественно сатирическаго характера (1783, 1784 и 1791 гг.) и др.

Убѣжденный противникъ крѣпостного права, Люце первый въ Прибалтійскомъ краѣ поднялъ голосъ противъ него: сперва въ сатирическомъ стихотвореніи «Фразе-

логія моего отечества» («Monatsschrift f. G. und H.», 1786 г.), а затѣмъ (1796 г.) въ брошюрѣ о необходимости постепеннаго освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости, съ оставленіемъ въ ихъ владѣніи обрабатываемой ими земли. Подъ вліяніемъ этой брошюры на ландтагѣ эзельскаго дворянства въ 1797 г. поднятъ былъ вопросъ о точномъ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, и хотя заключеніе ландтага по этому предмету въ то время не получило дальнѣйшаго движенія, тѣмъ не менѣе оно послужило первымъ основаніемъ къ разрѣшенію означеннаго вопроса и было принимаемо въ соображеніе при разрѣшеніи дѣлъ по взаимнымъ отношеніямъ крестьянъ и помѣщиковъ. Впослѣдствіи на ландтагѣ 1803 г. была учреждена комиссія для разработки проекта упорядоченія означенныхъ отношеній, съ опредѣленіемъ размѣра крестьянскихъ повинностей и воспрещеніемъ помѣщикамъ лишать крестьянъ земли, пока они исправны въ отбываніи этихъ повинностей. Докладчикомъ въ этой комиссіи былъ Люце. Составленный комиссіей проектъ былъ утвержденъ ландтагомъ, но не получилъ санкціи правительства.

Скончался Люце въ Аренсбургѣ 25-го апрѣля 1842 г.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon, Митава, 1831 г., т. 3, стр. 112—119; Nachträge zum Lexikon, Митава, 1861 г., стр. 25.—Архивъ Имп. Рус. Истор. Об-ва.

А. Гельвихъ.

Люце-фонъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, ген.-отъ-инф., сынъ предыдущаго, комендантъ г. Гатчины, род. въ 1785 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ офицеры въ 1804 г. Участвовалъ затѣмъ въ Шведской кампаніи, гдѣ устраивалъ переправы черезъ Ботническій заливъ по тонкимъ льдамъ и насыпалъ батареи изъ снѣга. Въ Отечественную войну онъ находился съ одной ротою саперъ при всей арміи и устраивалъ всѣ переправы, такъ какъ саперные баталіоны были размѣщены по крѣпостямъ. Императоръ Александръ I за отличную службу, послѣ кампаніи 1812 г., удостоилъ Люце милости быть воспріемникомъ старшаго его сына Александра. Впослѣдствіи Люце командовалъ сапернымъ баталіономъ и, какъ выдающійся баталіонный командиръ, былъ назначенъ сформировать учебный саперный баталіонъ, который имъ былъ доведенъ до такого совершенства, что великій князь Михаилъ Павловичъ показывалъ его знатнымъ иностраннымъ гостямъ, при вечернемъ освѣщеніи въ Михайловскомъ манежѣ. Однимъ словомъ учебный саперный баталіонъ былъ совершенствомъ фронтового образованія, а потому раскомандировывался для обученія по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ. Всѣ нижніе чины, приготовлявшіеся въ унтеръ-офицеры во всѣ саперные баталіоны, получали такую солидную подготовку, что давали первоклассныхъ кондукторовъ для крѣпостей и первыхъ граверовъ въ штабы.

Временно квартируя въ Кронштадтѣ, учебный саперный баталіонъ производилъ всѣ эволюціи на взморьѣ вплавь, но плаваніе мало привилось къ сапернымъ и понтоннымъ баталіонамъ. Такъ какъ Люце считался очень строгимъ начальникомъ, то провинившіеся изъ придворнаго штата, за наказаніе, присылались въ учебный саперный баталіонъ для обученія фронту. Между тѣмъ онъ былъ добрѣйшимъ человѣкомъ и религіознымъ до того, что Евангеліе было его всегдашней настольной книгой. Изъ учебныхъ книгъ онъ любилъ въ особенности сочиненія по агрономіи и ботаникѣ; такъ, зачастую, гуляя по ботаническимъ садамъ, вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ I, онъ до того увлекался, что иногда прерывалъ разговоръ и, замѣтивъ неправильно растущую или сухую вѣтку, обрѣзалъ ее, при чемъ императоръ поджидалъ его для продолженія прогулки. Подъ конецъ командованія учебнымъ сапернымъ баталіономъ, въ царствованіе императора Николая I, Люце былъ командированъ для усмиренія Новгородскаго бунта, гдѣ трудился не смыкая глазъ. Возвратившись обратно къ баталіону въ сильномъ изнеможеніи, и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ утомленъ фронтовою службою, онъ просилъ начальника инженеровъ Данилова о переводѣ его въ инженеры. Затѣмъ Люце вскорѣ былъ назначенъ командиромъ образцоваго пѣхотнаго полка, который довелъ до превосходнаго состоянія, но утомленный непосильными трудами, заболѣлъ и не могъ являться къ полку. Великій князь Михаилъ Павловичъ, производя въ это время смотръ образцовому полку, по окончаніи его заѣхалъ навѣстить Люце и засталъ его сидящимъ въ халатѣ, за раскладываніемъ пасьянса. «Полкъ твой

я осмотрѣлъ и нашелъ, что онъ опустился, ты бы хотя нѣсколько имъ позанялся», сказалъ ему вел. кн.; на что Люце отвѣтилъ: «Еслибъ я былъ въ состояніи это исполнить, то никакъ не позволилъ-бы себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ служебныхъ обязанностей.А потому прошу Ваше Высочество уволить меня отъ командованія полкомъ».— «Это крайне прискорбно, замѣтилъ вел. князь, но я буду ходатайствовать передъ Государемъ дать тебѣ возможность ѣхать за границу для лѣченія». И великій князъ исполнилъ свое обѣщаніе. По прошествіи года Люце былъ назначенъ гатчинскимъ комендантомъ и управляющимъ гатчинскимъ дворцовымъ правленіемъ. Но и на новомъ мѣстѣ было ему не легче. Всѣ казенныя зданія онъ нашелъ въ плохомъ состояніи, паркъ запущенъ, мостики едва держались. Люце постепенно привелъ все въ прекрасное состояніе, между прочимъ, онъ обратилъ лѣсъ въ Пріоратскій паркъ, гдѣ провелъ 11 верстъ шоссированныхъ дорожекъ, безъ малѣйшей затраты для казны; онъ передѣлалъ главный корпусъ гатчинскаго дворца и къ оконечностямъ его пристроилъ два карре. Императоръ Николай I, осмотрѣвъ окончательно дворецъ, благодарилъ Люце и, выйдя на дворцовую площадь, обратился къ нему съ слѣдующими словами: «А здѣсь ты мнѣ поставишь Императора Павла I съ палкой».

Служебная 60-тилѣтняя дѣятельность Люце закончилась постройкой въ Гатчинѣ собора. Затѣмъ по разстроенному здоровью, по личной его просьбѣ, онъ былъ уволенъ въ отставку и окончилъ свою жизнь въ г. Аренсбургѣ въ 1866 г..

Архивъ Имп. Рус. Историч. Общества.

А. Гельвихъ.

Люценко, *Александръ Ефимовичъ*, д. с с., инженеръ путей сообщенія, директоръ Керченскаго музея древностей, сынъ, не безызвѣстнаго въ свое время писателя и переводчика Ефима Петровича, род. 31 іюля 1806 г., образованіе получилъ въ военно-строительномъ училищѣ, куда поступилъ въ 1821 г., а оттуда въ 1823 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ строительный отрядъ съ прикомандированіемъ, какъ способнѣйшій, къ институту корпуса инженеровъ путей сообщенія, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія; въ 1826 г., въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ на дѣйствительную службу въ V Кіевскій округъ. Находясь въ округѣ, Люценко, между прочими работами, производилъ изысканія въ Ямпольскихъ порогахъ на р. Днѣстрѣ, для опредѣленія мѣстъ къ улучшенію судоходства (1827 г.). Въ 1828 г. онъ былъ командированъ на Днѣстръ, въ Херсонскую губ., гдѣ, согласно данной инструкціи, собралъ свѣдѣнія какъ въ Херсонской губ., такъ и въ Молдавіи и въ Бессарабіи объ удобныхъ мѣстахъ къ построенію мельницъ. Въ 1830 г. Люценко былъ назначенъ членомъ въ ревизіонную и техническую комиссію при главномъ управленіи путей сообщенія. Въ 1838 г. онъ былъ опредѣленъ въ училище гражданскихъ инженеровъ для преподаванія правилъ производства работъ, составленія техническихъ и денежныхъ отчетовъ и правилъ письмоводства. Въ 1841 г. Люценко былъ переведенъ изъ комиссіи въ дирекцію военныхъ сообщеній Кавказскаго края, а въ 1843 г. при новомъ раздѣленіи округовъ путей сообщенія былъ назначенъ членомъ общаго присутствія правленія VIII Кавказскаго округа путей сообщенія. Произведенный въ 1850 г. въ чинъ полковника, Люценко, по приглашенію Л. А. Перовскаго, занялъ въ 1853 г. мѣсто директора Керченскаго музея древностей. Нужно сказать, что Люценко еще смолоду пристрастился къ древностямъ и нумизматикѣ, въ особенности къ изученію монетъ классическаго міра, и на скромныя средства свои успѣлъ составить небольшую, но толково подобранную коллекцію греческихъ монетъ, которою и обратилъ на себя вниманіе Перовскаго, завѣдывавшаго въ то время правительственными археологическими разысканіями на югѣ Россіи.

Въ теченіе 25-ти лѣтней службы при музеѣ Люценко производилъ раскопки въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Его открытія обогатили Эрмитажъ цѣлымъ рядомъ драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній древняго міра. Ему же наука обязана разслѣдованіемъ «Луговой могилы или Александропольскаго кургана» (Екатеринославской губ.), приведшимъ къ открытію замѣчательныхъ скиѳскихъ древностей, составляющихъ также одно изъ лучшихъ украшеній Эрмитажа (въ Географическомъ словарѣ эта заслуга ошибочно приписывается П. С. Савельеву). Страстно любя свои раскопки, которыя прерывалъ только на время непродолжительной южной зимы, Люценко прово-

дилъ почти все время на курганахъ и древнихъ пепелищахъ и за составленіемъ обстоятельныхъ отчетовъ о своихъ работахъ, пока, наконецъ, полнѣйшее разстройство здоровья, пострадавшаго особенно отъ частаго пребыванія въ сырыхъ могильныхъ подземельяхъ, не заставило его въ 1878 г. отказаться отъ любимыхъ занятій и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ и скончался 28 января 1884 г.

Кромѣ отчетовъ по Керченскому музею древностей, Люценко издалъ брошюру: «Древніе еврейскіе надгробные памятники, открытые въ насыпяхъ Фанагорійскаго городища». Спб. 1880 г.

С. Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія». вып. II, стр. 75—76.—«Историч. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 4, стр. 239.—«Художествен. Новости», 1884 г., т. II, стр. 98.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. IV. стр. 57—58.

М. Поповъ.

Люценко, *Ефимъ Петровичъ*, писатель и переводчикъ, сынъ священника, родился 12 октября 1776 г. въ селѣ Яновкѣ, Черниговской губ.; до 1791 г. обучался въ мѣстной дух: семинаріи, затѣмъ въ Благородномъ училищѣ въ Шкловѣ, откуда въ 1793 г. перешелъ въ Московскій университетъ. Произведенный въ 1799 г. въ студенты, Люценко не внялъ совѣтамъ начальства остаться при университетѣ для занятій словесностью и поступилъ въ находившуюся близъ Царскаго Села практическую школу земледѣлія, гдѣ онъ, въ числѣ 7 студентовъ, вытребованныхъ по Высочайшему повелѣнію, содержался на казенный счетъ. За оказанные въ хозяйствѣ успѣхи Люценко въ 1800 г. былъ назначенъ помощникомъ наставника хлѣбопашества, съ производствомъ въ коллеж. регистраторы, а въ 1801 г. получилъ должность наставника хлѣбопашества. Когда же въ 1803 г. означенная школа, какъ требовавшая несоразмѣрныхъ съ ея пользою расходовъ, была закрыта, Люценко опредѣлился на службу въ департаментъ удѣловъ и въ то же время былъ назначенъ товарищемъ непремѣннаго секретаря въ хозяйственное отдѣленіе медико-филантропическаго комитета, но въ 1809 г. онъ отказался отъ послѣдней обязанности, будучи назначенъ столоначальникомъ 1-го стола въ департаментѣ удѣловъ. Уволенный, по прошенію, отъ занимаемой должности, Люценко въ 1811 г. опредѣлился секретаремъ хозяйственнаго правленія въ Царскосельскій лицей, куда въ то время держалъ вступительный экзаменъ Пушкинъ; въ 1813 г. мы видимъ Люценка въ должности столоначальника общей канцеляріи военнаго министра; въ 1814 г.—членомъ и хранителемъ библіотеки и архива Вольно-экономическаго общества, въ 1815 г.—комиссіонеромъ Провіантскаго департамента и наконецъ въ 1816 г.—членомъ С.-Петербургскаго Провіантскаго депо. Въ 1843 г. Люценко въ чинѣ статскаго совѣтника вышелъ въ отставку. Умеръ онъ 26 декабря 1854 г. и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

На литературное поприще Люценко выступилъ въ 1792 г., сотрудничая въ журналахъ «Дѣло отъ бездѣлья», «Прохладные часы», въ 1-й части «Ипокрены» (1799 г.) и въ «Журналѣ для пользы и удовольствія» (1805 г.). Въэтихъ журналахъ Люценко помѣстилъ большое количество стихотворныхъ и прозаическихъ пьесъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ съ древнихъ и новыхъ языковъ. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ въ это время произведеній извѣстны два: «Ода на прибытіе государя императора Павла Петровича въ Москву для всерадостнаго коронованія», (М. 1797 г.) и «Благодарность его превосходительству, д. с. с. и кавалеру, медицины доктору Самойловичу въ городѣ Николаевѣ (1804 г.). Въ 1795 г. Люценко, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ А. Котельницкимъ, издалъ книжку: «Похищеніе Прозерпины наизнанку», въ 3-хъ пѣсняхъ; въ 1796 г. онъ издалъ романъ Дюкре-Дюмениля «Яшенька и Жеоржетта, или приключеніе двухъ младенцевъ, обитавшихъ на горѣ», а въ 1798 г.—«Науку любить», вольный переводъ въ грубыхъ стихахъ французской поэмы, напоминающій собою «Ars amandi» Овидія. Нѣсколько позднѣе, именно въ 1807 г., Люценко перевелъ съ нѣмецкаго «Вастолу» Виланда, которая появилась въ печати значительно позднѣе, въ 1835 г., подъ заглавіемъ: «Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда. Въ 3-хъ ч. Изд. А. Пушкинымъ». Появленіе этой книги въ свѣтъ, связанной съ именемъ Пушкина, вызвало большое недоумѣніе у критиковъ и рецензентовъ, которые вмѣсто прекрасныхъ стиховъ Пушкина нашли вирши, напоминающіе времена Третьяковскаго и Сумарокова. По поводу этой книги завязались толки и пересуды, конецъ которымъ

былъ положенъ заявленіемъ Пушкина, помѣщеннымъ въ «Современникѣ» за 1836 г. (апрѣль). Смыслъ этого заявленія былъ тотъ, что переводчикъ «Вастолы»—нѣкій заслуженный литераторъ, имени котораго онъ не можетъ назвать, и что Пушкинъ, желая искренно услужить автору, издалъ его переводъ. Имя переводчика «Вастолы» еще долго оставалось неизвѣстнымъ, пока въ рукописныхъ матеріалахъ митр. Евгенія, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, не была найдена автобіографическая замѣтка Люценка; въ послѣдней среди сочиненій, написанныхъ имъ, значится и переводъ «Перфонтій и Вастола, шуточная повѣсть вольными стихами съ нѣмец., изъ стихотвореній Виланда, 1807 г.».

Литературная дѣятельность Люценка не ограничилась только изящною словесностью: онъ заявилъ себя также и научными трудами, которые, впрочемъ, носили практическій характеръ въ зависимости отъ рода его службы. Такъ, онъ перевелъ съ нѣмецкаго сочиненіе Бургсдорфа «Руководство къ надежному воспитанію и насажденію иностранныхъ и домашнихъ деревъ, которыя въ Германіи, равномѣрно въ средней и южной части Россіи на свободѣ произростать могутъ» (Спб. 1801—1803 г.г.) и съ франц. «Собранія краткихъ экономическихъ сочиненій, основанныхъ на практикѣ и опытахъ лучшихъ англійскихъ фермеровъ; этотъ трудъ посвященъ имъ англійскому филантропу и агроному графу Финдлетеру. (Спб. 1806). Въ 1811 г. Люценко обратился уже къ педагогіи и издалъ «Полную новѣйшую французскую грамматику», въ основу которой была положена система Мейдингера. Руководство это имѣло успѣхъ и было введено въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Люценко въ предисловіи къ изданной имъ въ 1818 г. «Французской грамматикѣ Ломонда», съ поправками француза К. К. Летелье и съ собственными своими дополненіями.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Люценка была связана съ «Вольнымъ обществомъ любителей Россійской словесности», дѣйствительнымъ членомъ котораго онъ состоялъ со дня основанія; первое время Люценко былъ предсѣдателемъ его, цензоромъ поэзіи, членомъ цензурнаго комитета и «исполнителемъ». Изъ протоколовъ общества, хранящихся въ Академіи Наукъ, видно, что Люценко въ теченіе 1816—1818 г.г. весьма часто выступалъ съ чтеніемъ своихъ произведеній, какъ то: «Царь Иванъ Васильевичъ Грозной на звѣриной охотѣ», историческая повѣсть въ прозѣ (1816 г.); «Чеславъ», эпическій опытъ въ стихахъ (напечатанъ въ «Соревнователѣ» за 1818 г., № 2 и отдѣльной книжкой. Спб. 1818 г.); «Польза просвѣщенія и благотворенія», дидактическое стихотвореніе (тамъ же, 1819 г., ч. VII, стр. 68—74); «Буривой и Ульмила», эпическій опытъ въ стихахъ (тамъ же, 1818 г., ч. III, стр. 59—87); «Черна, княжна Черногорская», древнее преданіе («Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1795 г., ч. VIII, стр. 244—250) и др. Отказавшись затѣмъ отъ сотрудничества въ «Соревнователѣ», Люценко однако не прекращалъ своихъ литературныхъ занятій и въ 1819 г. напечаталъ свой переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Іоанна Масона «О познаніи самого себя», въ 1822 г.—«Странствованіе Телемака» Фенелона, исправленный переводъ по рукописи Шиповскаго, и въ 1824 г. переводъ Мильтона «Потерянный и возвращенный рай».

Какъ видно изъ вышеупомянутой автобіографической замѣтки Люценка, ему принадлежатъ еще слѣдующіе труды, оставшіеся въ рукописяхъ: «Избранныя мѣста и краткія поэмы изъ лучшихъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ писателей, стихами»; «Воспитаніе, поэма въ 4-хъ пѣсняхъ, съ франц., изъ 9-й части изданнаго на франц. яз. г. Доратомъ собранія Героидъ»; «Сельская экономія для дамъ, ч. I, съ чертежомъ» и «Систематическая выписка изъ 24-хъ частей «Трудовъ С.-Петербургскаго Имп. Вольнаго Экономическаго общества»; кромѣ того, въ той же автобіографической запискѣ Люценка указывается, что имъ изданъ еще въ Москвѣ переводъ «Путешествія въ Азіатскую Грецію», но въ каталогахъ онъ не встрѣчается.

Б. Л. Модзалевскій, «Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко» Спб. 1898 г.—*Евгеній*, митр., «Словарь рус. свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 40.—*Геннади*, «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ», т. II, стр. 268—269.

Люцерновъ, *Иванъ Гавриловичъ*, сынъ священника Саратовской губ., родился въ 1836 г., воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой (1856 г.) съ званіемъ студента состоялъ священникомъ въ одномъ

изъ селъ Самарской губ. Но пытливый умъ и таившееся въ груди честолюбіе не давали ему покоя и толкали на другую дорогу. Онъ бросилъ приходъ и, взявъ съ собою жену и дѣтей, отправился въ Казань, гдѣ поступилъ въ число студентовъ Казанской дух. академіи. Здѣсь ему пришлось перенести много нужды. Сначала онъ служилъ обѣдни въ разныхъ церквахъ по найму, а въ 1870 г. получилъ свой приходъ, который, однако, въ слѣдующемъ году былъ упраздненъ. Тогда при содѣйствіи одного знакомаго профессора университета онъ получилъ мѣсто священника при университетскихъ клиникахъ. Ему приходилось въ одно и то же время поддерживать существованіе большой семьи, лѣчить больную жену, управлять приходомъ, бѣгать за 5 верстъ въ академію и составлять лекціи профессоровъ. Въ этотъ періодъ времени Люцерновъ относился очень враждебно къ старообрядчеству и видѣлъ въ немъ прежде всего продуктъ народнаго невѣжества. Архіеп. Антоній давалъ ему разныя порученія по части раскола, какъ человѣку до фанатизма ненавидѣвшему сектанство. Между прочимъ, ему поручено было написать протестъ въ Синодъ по случаю избранія въ 1871 г. старообрядца Романова на должность казанскаго городского головы. Этотъ протестъ не былъ уваженъ, и Люцерновъ былъ огорченъ этимъ, какъ личною непріязнью. Окончивъ въ 1872 г. курсъ Казанской дух. академіи со степенью кандидата богословскихъ наукъ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ гомилетики въ Волынскую дух. семинарію, откуда перемѣщенъ былъ смотрителемъ въ Нолинское дух. училище, Вятской губ. (1873 г.), а отсюда въ г. Омскъ настоятелемъ тюремной церкви (1876 г.), гдѣ преподавалъ Законъ Божій въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, и наконецъ въ 1877 г. перешелъ преподавателемъ гомилетики въ Тобольскую дух. семинарію. Но все это не удовлетворяло Люцернова. Онъ продолжалъ заниматься учено-богословскими работами, думая этимъ путемъ найти удовлетвореніе своему честолюбію. Но здѣсь его ожидало начало тѣхъ неудачъ, которыя привели къ рѣшимости оставить православіе и перейти въ старообрядчество. Въ 1880 г. онъ представилъ въ совѣтъ Казанской духов. академіи диссертацію на степень магистра богословія, подъ заглавіемъ: «Историческій обзоръ пастырской, учительской, руководительной и религіозно-воспитательной дѣятельности въ христіанствѣ». Но эта диссертація, наполненная массою ссылокъ на ученыхъ богослововъ западной церкви, не была одобрена академическою конференціею на томъ основаніи, что она проникнута раціоналистическимъ направленіемъ и содержитъ въ себѣ неправославное, заимствованное у Гиббона, ученіе о происхожденіи церковной іерархіи. Послѣ этой неудачи Люцерновъ оставался преподавателемъ въ Тобольской семинаріи лишь до ревизіи ея, произведенной ревизоромъ Миропольскимъ. Уволенный отъ педагогической дѣятельности въ 1884 г., онъ хотѣлъ было поступить на епархіальную службу въ Саратовской губ., но не принятый тамъ, уклонился въ томъ же году въ расколъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ и сдѣлался расколничьимъ священникомъ въ Саратовской губ. Въ 1885 г., при обыскѣ одного дома крестьянина деревни Нечаевки, Вольскаго уѣзда, Люцернова застали за совершеніемъ имъ литургіи по раскольничьему обряду. Не лишая его сана, Синодъ отправилъ его на покаяніе въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ находиться подъ строгимъ надзоромъ. Но Люцерновъ пробылъ здѣсь недолго: въ 1886 г. онъ, при содѣйствіи раскольниковъ, бѣжалъ изъ монастыря и, несмотря на принятыя къ поимкѣ мѣры, не былъ отысканъ. Послѣ этого побѣга Люцерновъ былъ лишенъ сана и исключенъ изъ духовнаго званія; но это обстоятельство его нисколько не смутило, напротивъ, онъ почувствовалъ себя свободнѣе и увидѣлъ, что можетъ безбоязненнѣе отдаться своей дѣятельности среди раскольниковъ, въ качествѣ раскольничьяго попа. Поселившись въ Саратовѣ, онъ отправлялъ разныя требы и богослуженіе не только въ Саратовѣ, но и въ уѣздахъ Саратовской и Самарской губерній. Изъ Саратова онъ вскорѣ переселился въ Самару, гдѣ и скончался 8 іюля 1888 г. Онъ напечаталъ статью: «Самостоятельность церковно-приходскихъ общинъ въ древней Руси» («Самарскія Епарх. Вѣдом.» 1769 г., № 6), а послѣ его смерти нѣсколько статей его помѣщены были въ журналѣ «Старообрядецъ».

«Недѣля», 1885 г., № 18.—«Самарская Газета» 1888 г., №№ 213, 214.—«Саратовскія Епарх. Вѣдом.» 1888 г., № 24, стр. 840—855.—

«Церковный Вѣстникъ» 1888 г., № 32, стр. 593.—«Русская Мысль» 1889 г., кн. 8, отд. II, стр. 89—105.—«Сѣверный Вѣстникъ» 1889 г., кн. 6, отд. II, стр. 59—61.—«Историческая записка о состояніи Казанской дух. академіи». Казань. 1892 г., стр. 106, 473.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. писателей», вып. VIII, стр. 71—72.

М. Поповъ.

Лядова, *Вѣра Александровна*, дочь капельмейстера балетной труппы и даровитаго музыканта Александра Николаевича, родилась 15 марта 1839 г. и съ 10-ти лѣтняго возраста была помѣщена въ Имп. С.-Петербургское театральное училище, гдѣ одновременно изучала танцовальное и драматическое искусство. И въ томъ, и другомъ она дѣлала быстрые успѣхи, и когда пришло время выпуска, она не знала, избрать ли ей балетъ или драму. Родители рѣшили за нее этотъ выборъ въ пользу балета, и въ мартѣ 1858 г. Лядова была выпущена изъ театральнаго училища корифейкой. Здѣсь молодая артистка скоро выдвинулась и обратила на себя вниманіе, какъ талантливая солистка, вслѣдствіе чего балетмейстеры стали давать ей роли и отдѣльныя, преимущественно характерныя па, въ которыхъ она была неподражаема. Такъ, напр., въ сценѣ и пляскѣ малороссіянъ, въ заключительномъ дивертисментѣ балета «Конекъ Горбунокъ» и въ заключительномъ танцѣ балета «Граціэлла» Лядова постоянно возбуждала восторгъ зрителей. Удавались ей роли Амура въ «Фіаметтѣ», Гали въ «Золотой Рыбкѣ», роли въ «Пакереттѣ», «Маркитанкѣ» и «Тщетной предосторожности». Играла Лядова также нѣмую къ «Фенеллѣ» и своею осмысленною, полною жизни и огня игрою выказала замѣчательный драматическій талантъ.

Такъ прошли семь лѣтъ и, казалось, кругъ артистической дѣятельности Лядовой долженъ былъ ограничиться балетною сценою, но случайное обстоятельство совершило крутой переворотъ въ ея судьбѣ. Актриса русской драматической труппы Е. М. Левкѣева, зная разнообразный талантъ Лядовой и желая пополнить свой бенефисъ интересною новинкою, уговорила Лядову принять участіе въ этомъ бенефисѣ. Молодая артистка дала свое согласіе и 25 октября 1865 г. въ первый разъ явилась на сценѣ Александринскаго театра въ водевилѣ «Барская спѣсь и Анютины глазки», въ роли Анюты, деревенской дѣвушки. Къ удивленію многихъ, Лядова вышла торжествующею изъ этого опыта: естественная, умная, бойкая игра, умѣнье найтись на сценѣ, пониманіе характера роли и, наконецъ, превосходное исполненіе русскихъ пѣсенъ и куплетовъ—все это вызвало всеобщій восторгъ. Но и послѣ такого несомнѣннаго успѣха Лядова, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ и способностямъ, продолжала оставаться въ балетной труппѣ. Только по истеченіи 3-хъ лѣтъ, въ 1868 г., она рѣшилась явиться на сценѣ Каменноостровскаго театра въ водевилѣ «Мельничиха въ Марли» и въ продолженіе того же лѣта играла въ нѣсколькихъ пьесахъ въ Красносельскомъ театрѣ. Удача этихъ дебютовъ и потомъ громадный, неслыханный успѣхъ въ оперетѣ Оффенбаха «Прекрасная Елена», данной въ бенефисъ Яблочкина на Александринскомъ театрѣ въ 1868 г., убѣдили артистку въ томъ, что настоящее ея призваніе—драматическая сцена, на которую она и перешла окончательно. Колоссальный успѣхъ Лядовой въ «Прекрасной Еленѣ» былъ событіемъ въ общественной жизни Петербурга. Артистка вдумалась въ роль, поняла ее и изобразила не кокотку, а женщину, сильную своимъ чувствомъ, для которой любовь не развлеченіе, а вопросъ цѣлой жизни, увлеченіе которой можетъ быть и прочно. Придавъ такой характеръ роли Елены, Лядова оставила за собою всѣхъ другихъ исполнительницъ этой роли. Публика однако не вполнѣ поняла артистку, увлекшись только внѣшнею стороною ея таланта,—бойкостью исполненія и граціозностью актрисы, а Лядова, въ угожденіе большинству, стала появляться въ рядѣ пьесъ, то спеціально для нея возобновленныхъ и которыя далеко не стоили возобновленія, то во вновь составленныхъ и переведенныхъ, которыя были еще хуже старыхъ. Къ такимъ пьесамъ принадлежали: «Царство женщинъ», «Слабая струна», «Всѣ мы жаждемъ любви», «Маленькій Фаустъ» и др. Но талантъ Лядовой сказался и тутъ: и въ этихъ ничтожныхъ пьесахъ она была неподражаема, заставляя еще болѣе сожалѣть о безплодной тратѣ богатаго дарованія. Вступивъ на этотъ ложный путь и встрѣчая постоянные восторги, немудрено, что артистка съ него уже не сходила. Послѣдняя роль, въ которой

Лядова имѣла огромный успѣхъ, это роль Периколлы въ опереткѣ «Птички пѣвчія». Скончалась Лядова 24 марта 1870 г. въ Петербургѣ.

«Всемірная Иллюстрація» 1870 г., № 66.—«Иллюстрированная Газета», 1870 г., №№ 14, 18.

М. Поповъ.

Лядовъ, *Александръ Николаевичъ*, дирижеръ балетнаго оркестра, сынъ капельмейстера Н. П. Лядова, родился въ 1818 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ театральномъ училищѣ, гдѣ изучалъ музыку подъ руководствомъ профессора Солива, и по окончаніи курса нѣсколько лѣтъ состоялъ оркестровымъ скрипачомъ. Въ 1847 г. Лядовъ былъ назначенъ дирижеромъ оркестра С.-Петербургскаго балета и состоялъ въ этой должности болѣе 20-ти лѣтъ; кромѣ того, онъ управлялъ придворнымъ бальнымъ оркестромъ и считался въ столицѣ лучшимъ дирижеромъ бальной музыки, вслѣдствіе чего его оркестръ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ всегда игралъ на танцовальныхъ вечерахъ въ Дворянскомъ собраніи и лучшихъ клубахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Лядовъ неизмѣнно дирижировалъ музыкальными вечерами въ Благородномъ собраніи. Обладая выдающимися музыкальными способностями и удивительной музыкальной памятью, онъ самостоятельно составилъ много бальныхъ танцевъ на мотивы русскихъ пѣсенъ и написалъ музыку для нѣсколькихъ балетовъ («Пахита», «Сатанилла» и др.). Скончался Лядовъ въ Петербургѣ 24 марта 1871 г.

А. И. Рубецъ, «Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», Спб., 1886 г., стр. 58.—«Иллюстрированная Газета», 1871 г., № 15.—*Г. Риманъ*. «Музыкальный словарь» (русское изд. подъ редакціей Ю. Энгеля), стр. 792.

А. Гельвихъ.

Лядовъ, *Василій Ивановичъ*, педагогъ, писатель, родился 24 января 1834 г. Образованіе получилъ сначала домашнее, а затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскую третью гимназію, каковую и окончилъ въ 1852 г. Въ этомъ же году онъ поступилъ въ Главный педагогическій институтъ (нынѣ Спб. университетъ) и въ 1855 г. окончилъ его съ серебряной медалью. Посвятивъ себя педагогической дѣятельности, Лядовъ занялъ мѣсто преподавателя географіи въ гимназіи, гдѣ самъ воспитывался, и одновременно преподавалъ этотъ же предметъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ и Смольномъ институтахъ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ вскорѣ началъ преподаваніе и педагогики. Затѣмъ онъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Александровскаго училища, а въ мартѣ 1887 г.—предсѣдателемъ учебнаго комитета при учрежденіяхъ Императрицы Маріи. Въ 1891 г. Лядовъ получилъ назначеніе чиновника особыхъ порученій при главноуправляющемъ тѣми же учрежденіями и былъ произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника.

Какъ педагогъ, Лядовъ зарекомендовалъ себя нѣкоторыми трудами, сразу опредѣлившими его незаурядныя способности. Первый изъ нихъ появился въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» (1856 г. LXXXIX, кн. 8, отд. II, стр. 203—239) подъ заглавіемъ: «Критическій обзоръ мнѣній по поводу вопросовъ объ убіеніи царевича Дмитрія и о личности перваго самозванца». Трудъ этотъ былъ выпущенъ также и отдѣльнымъ оттискомъ въ томъ же году. Затѣмъ, съ 1859 по 1868 гг. онъ принималъ участіе въ составленіи книги «Природа и Люди» (Курсъ географіи, содержащій описаніе частей свѣта въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ), изданной А. Павловскимъ. Слѣдующимъ педагогическимъ трудомъ его было «Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей»; этотъ трудъ пользовался большимъ успѣхомъ и выдержалъ съ 1870 г. по 1900 г. семь изданій (2-е въ 1873, 3-е—1876, 4-е—1879, 5-е—1883 и 6-е—1892 г.). Далѣе отдѣльнымъ изданіемъ Лядовъ выпустилъ: «Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго Воспитательнаго Об-ва благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища» (Спб. 1864), и «Европейская Россія въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ» (Спб. 1861 г.). Кромѣ этого, въ журналѣ «Разсвѣтъ» Лядовъ напечаталъ слѣдующее: «Кавказъ въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ» (1859, т. IV, №№ 11 и 12); «Китай и китайцы» (1860, т. V, № 3); «Этнографическій очеркъ Казанской губ.» (1860, т. 7, № 7); «Зауральскіе финны-остяки» (1860, т. 7, № 9); «Буддизмъ» (1860, т. 8, № 12) и «Буряты» (1861 г., т. XII, № 11). Умеръ Лядовъ 20 августа 1892 г. въ С.-Петербургѣ.

«Русскія Вѣдомости», 1892 г., № 236.—

«Нов. Вр.» 1892 г., № 5920.—«Истор. Вѣстн.» 1892, окт., стр. 280. — *Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ рус. пис.», вып. 12-й, стр. 118.—«Отечеств. Записки» 1864, т. 154, № 5, отд. 1, стр. 388.

А. Ельницкій.

Лядовъ, *Иванъ Матѳѣевичъ*, изслѣдователь Шуйской исторіи, археологіи, этнографіи и статистики, купецъ, родился въ небогатой мѣщанской старожилой семьѣ г. Шуи; не получивъ никакого образованія, онъ, благодаря природному своему уму и любви къ древности и чтенію, самообразовалъ себя. Онъ зналъ въ совершенствѣ Шуйскій край этнографически, статистически и исторически. Одновременно онъ изучалъ заводское, фабричное и хрустальное производство, а равно и рукодѣлія и ремесла; его интересовало знать, что и въ какой мѣстности обрабатывалось. Любовь же къ древностямъ и старинным актамъ не знала предѣловъ. Онъ былъ неутомимымъ собирателемъ актовъ, касающихся Шуйскаго края, и былъ, такъ сказать, живою книгою его. Литературная дѣятельность Лядова началась съ 1848 г., когда онъ сталъ помѣщать въ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» свои статьи по разнымъ отраслямъ (числомъ до 200). Въ 1861 г. онъ былъ выбранъ въ дѣйствительные члены губернскаго статистическаго комитета, и труды его по статистикѣ были удостоены тремя золотыми медалями, а ранѣе, въ 1859 г., за сочиненіе о рукодѣльяхъ, ремеслахъ и промыслахъ жителей Шуйскаго уѣзда онъ былъ удостоенъ Импер. вольно-экономич. обществомъ золотой медали. Состоя корреспондентомъ «Голоса» и «Москвитянина», онъ не пропускалъ ни одного явленія, выходящаго изъ ряда обыденной жизни г. Шуи, чтобы не огласить его въ печати. Онъ сочувственно отзывался о всѣхъ новыхъ реформахъ и считалъ распространеніе грамотности въ народѣ главной мѣрой къ поднятію его благосостоянія. Скончался Лядовъ въ ночь на 2 декабря 1882 г., на 69 году жизни.

Лядову принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Вѣсти изъ Шуи» («Москвитянинъ», 1853 г., т. I и IV); «Кожевенные заводы въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ» («Москов. Губ. Вѣд.» 1855 г., № 12); «Снаряженіе въ Шуѣ 123 дружины Владимірскаго ополченія» («Москвит.» 1855 г., кн. 15—16); «Деревня Хритонова и хритоновскія косы въ Владимірской губ.» («Владим. Губ. Вѣд.», 1856 г., № 11); «Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани, Ковровскаго у., въ 1856 г.,» (тамъ же, 1857 г., № 6); «Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1857 г.» (тамъ же, 1858 г., № 8); «Челобитныя грамоты XVII в. относительно Шуи» (тамъ же, 1859 г., № 13); «Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1858 и 1859 годахъ» (Журн. м-ва внутрен. дѣлъ», 1859 г., ч. XXXV, и 1860 г., ч. XVI); «Чулочное, валечное и овчиношубное производство въ Шуйскомъ у.» («Влад. Губ. Вѣд.», 1860 г., №№ 3, 4, 12); «Воспоминаніе о Ѳ. Я. Яковлевѣ» (тамъ же, 1861 г., №№ 45, 52); «Сельско-хозяйственный очеркъ Шуйскаго у.» (тамъ-же, №№ 10—12); «Количество потребляемыхъ дровъ въ теченіе года въ городѣ Шуѣ» (тамъ-же, № 50); Некрологъ: «В. А. Борисовъ» (тамъ-же, № 4); «Движеніе торговли въ Шуйскомъ уѣздѣ» (тамъ-же, №№ 5, 7, 17, 20, 36, 37); «Документы касательно Шуи» (тамъ-же, 1862 г., №№ 18, 37); «Хлѣбопашество вольно-наемнымъ трудомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ» (тамъ-же, № 19); «Производство мануфактурныхъ и заводскихъ издѣлій въ городѣ Шуѣ» (тамъ-же, № 40); «Очеркъ торговли хлопчатобумажною пряжью въ гор. Шуѣ и его уѣздѣ» («Памятн. книжка Владим. губ. на 1862 г., изд. II); «Грамота 1687 и Челобитная 1710 г.» («Влад. Губ. Вѣд.», 1863 г., №№ 5, 49); «Историческая и современная записка о городѣ Шуѣ». М. 1863 г.; «О торговлѣ въ Шуйскомъ краѣ» («Влад. Губ. Вѣд.», 1863 г., №№ 1, 6, 8, 28, 38); «Торговыя и фабрикантскія дѣла въ Шуйскомъ краѣ» («Труды Влад. губ. статист. комитета», 1863 г., вып. I); «О торговлѣ хлопчато-бумажными товарами на холуйскихъ ярмаркахъ» («Влад. Губ. Вѣд.», 1864 г., № 2); «Челобитныя и указы XVII—XVIII в.» (тамъ-же, №№ 3, 13, 20, 22, 24, 27, 35, 36); «Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ» (тамъ-же, № 5); «Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ» (тамъ-же, № 15); «Шуя, городъ Владимірской губерніи» (тамъ-же, № 40); «О найденномъ надгробномъ памятникѣ въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ 1672 г.» (тамъ-же, № 46); «Состояніе города Шуи въ 1718 г.» («Труды Влад. губ. статист. комитета», 1866 г., вып. V); «Рукодѣлья, ремесла, промыслы и торговля жителей г. Шуи и

Шуйскаго уѣзда». Владиміръ, 1876 г. и «Село Дунилово и Мардасская волость по писцовымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій» («Влад. Губ. Вѣд.», 1875 г., №№ 8, 16—18, 21, 23—26).

«Современныя Извѣстія», 1882 г., № 339.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей», вып. II, стр. 31—32.

М. Поповъ.

Лядовъ, *Константинъ Николаевичъ*, капельмейстеръ Петербургской русской оперы, родился въ Петербургѣ 28 апрѣля 1820 г., обучался музыкѣ въ театральномъ училищѣ у профессора Солива, а затѣмъ нѣкоторое время былъ оркестровымъ музыкантомъ. Въ 1850 г., послѣ К. Альбрехта, Лядовъ назначенъ былъ дирижеромъ казенной оперы и оставался въ этой должности до начала 1868 г., когда, вслѣдствіе серьезной болѣзни, замѣненъ былъ Э. Направникомъ. Лядовъ скончался 7-го декабря 1871 г.

Отъ природы музыкально способный человѣкъ, Лядовъ былъ даровитымъ дирижеромъ-практикомъ, но, по свидѣтельству современниковъ, мало обращалъ вниманія на тонкости оттѣнковъ исполненія. Тѣмъ не менѣе заслуги его въ исторіи русской оперы несомнѣнны: онъ поставилъ на сцену множество оперъ, при немъ наша опера, бывшая прежде въ полномъ пренебреженіи начала возрождаться и мало-по-малу завоевывать то высокое положеніе, которое она занимаетъ теперь. Изъ самостоятельныхъ композицій Лядова большой извѣстностью пользовалась въ свое время его хорошо оркестрованная фантазія на русскую пѣсню «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста»; писалъ онъ и романсы и танцы. Къ сожалѣнію, широкая русская натура его и здѣсь мѣшала ему останавливаться на мелочахъ, вслѣдствіе чего его музыкальныя вещицы иногда слабо разработаны.

А. И. Рубецъ, «Біографическій словарь русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», Спб., 1886 г., стр. 57.—«Иллюстрированная Газета», 1871 г., № 50.—*Г. Риманъ*, «Музыкальный словарь» (русск. изд. подъ ред. Ю. Энгеля), стр. 792.—*В. Чешихинъ*, «Исторія русской оперы», Спб., 1905 г., стр. 167, 212, 460.

А. Г.

Лялинъ, *Александръ Павловичъ*, профессоръ-медальеръ, род. 22 іюля 1802 г., ум. 22 сентября 1862. Въ 1813 г. поступилъ въ Академію Художествъ; съ 1824 г. служилъ на Монетномъ дворѣ; съ 1851 г. былъ, кромѣ того, профессоромъ медальнаго искусства въ Академіи Художествъ. Выполнилъ медали: на усмиреніе Венгерскаго мятежа, на открытіе Николаевскаго моста, въ память кончины Императора Николая I, въ честь гр. П. А. Киселева, въ честь П. Уткина и др.

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».

Н. Ч.

Лялинъ, *Дмитрій Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1772 г. въ усадьбѣ Мѣревьѣ, Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда. Началъ службу въ 1786 г. капраломъ I-го морского батальона, расположеннаго въ Кронштадтѣ, и въ томъ же году былъ переведенъ фуражеромъ въ морской кадетскій корпусъ. Произведенный въ 1788 г. въ подпоручики, онъ на кораблѣ «Изяславъ» участвовалъ въ жаркомъ морскомъ сраженіи близъ острова Гогланда. Затѣмъ въ чинѣ поручика поступилъ въ эскадру вице-адмирала Мусина-Пушкина и находился на кораблѣ «Св. Петръ» въ сраженіи при о. Эландѣ. Въ 1790 г. на кораблѣ «12 Апостоловъ» онъ участвовалъ въ упорномъ морскомъ сраженіи при Красной Горкѣ, рѣшившемъ судьбу Петербурга. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого знаменитаго сраженія, находясь на томъ же кораблѣ, Лялинъ участвовалъ въ сраженіи съ непріятелемъ во время его прорыва изъ Выборскаго залива, гдѣ онъ былъ запертъ Чичаговымъ. По заключеніи мира со шведами въ августѣ 1790 г. Лялинъ снова поступилъ въ береговую службу; съ производствомъ въ капитаны (1792 г.) его перевели въ флотскіе батальоны, черезъ полгода его произвели въ маіоры и назначили командиромъ 2-го морского батальона въ Кронштадтѣ. Въ первые годы своего царствованія Павелъ издалъ новый воинскій уставъ и, лично зная Лялина по прежней службѣ, поручилъ его заботамъ введеніе этого устава въ войскахъ, расположенныхъ въ Кронштадтѣ. Исполнивъ порученіе, Лялинъ въ январѣ 1797 г. перевелся въ Астраханскій гренадерскій полкъ, гдѣ ему Высочайше повелѣно было осмотрѣть полевые и гарнизонные полки Московской инспекціи и ввести въ нихъ порядокъ службы по новому уставу. За успѣшное исполненіе этого порученія онъ былъ награжденъ орд. св. Анны 3 кл. на шпагу. Въ томъ же 1798 г. Лялинъ былъ переведенъ въ новоучрежденный въ Москвѣ

Мушкетерскій генералъ-маіора Павлуцкаго полкъ и, по случаю неприбытія шефа, формировалъ его, доведя въ семимѣсячный срокъ до такой степени знанія службы, что полкъ этотъ могъ равняться со старыми полками Московской инспекціи. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ командиромъ сформированнаго имъ полка, именовавшагося послѣдовательно по фамиліямъ своихъ шефовъ: полкомъ Павлуцкаго, графа Ивелича и Рунича. Въ томъ же году Лялинъ былъ произведенъ въ подполковники, а въ 1800 г.—въ полковники. Съ воцареніемъ императора Александра I полкъ, гдѣ служилъ Лялинъ, получилъ наименованіе Навагинскаго. Въ 1808 г., когда открылись военныя дѣйствія въ Финляндіи противъ шведовъ, Лялинъ былъ посланъ туда для усиленія генералъ-адъютанта князя. М. П. Долгорукова, стоявшаго близъ Сердоболя, и принялъ участіе въ кровопролитномъ и для насъ неудачномъ сраженіи у Иденсальми, гдѣ былъ раненъ. Императоръ Александръ наградилъ Лялина за это сраженіе золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1809 г. полкъ Лялина былъ посланъ въ Умео подъ начальство графа Н. М. Каменскаго, который назначилъ его комендантомъ своей главной квартиры. Въ этомъ званіи Лялинъ участвовалъ въ удачномъ сраженіи при Севарѣ, послѣ котораго Швеція вынуждена была просить мира. По заключеніи Фридрихсгамскаго мира Лялинъ былъ назначенъ шефомъ находившагося въ Молдавской арміи Одесскаго мушкетерскаго полка, но въ слѣдующемъ году получилъ повелѣніе принять Теглинскій мушкетерскій полкъ, расположенный въ Лифляндіи и вошедшій въ 1-й корпусъ графа Витгенштейна. Въ Отечественную войну 1812 г. во время общаго отступленія 1-й западной арміи Теглинскій полкъ имѣлъ жаркое сраженіе съ непріятелемъ близъ Вилькомира. Далѣе Лялинъ участвовалъ въ Клястицкой битвѣ, въ дѣлѣ подъ Свольной, въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ (за которое былъ произведенъ въ генералъ-маіоры), подъ Чашниками, подъ Смольянами (получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст.), подъ Борисовымъ (получилъ алмазные знаки ордена св. Анны 2 кл.) и подъ Лабіау (получилъ орд. св. Георгія 4 кл.). Въ 1813 г. Лялинъ находился при блокадѣ Данцига, Кюстрина и Шпандау. Въ Люценскомъ сраженіи онъ былъ раненъ и за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Анны 1 кл. Излѣчившись отъ раны, Лялинъ вернулся въ армію и сражался съ корпусомъ Витгенштейна подъ Кенигштейномъ, при Гейльсдорфѣ, у Петерсвальда и подъ Кульмомъ, гдѣ былъ раненъ пулею въ лобъ. За его боевые подвиги императоръ Александръ объявилъ ему свое монаршее благоволеніе, а король прусскій пожаловалъ орденомъ Краснаго Орла 2 ст. По излѣченіи отъ раны Лялинъ былъ назначенъ (1813 г.) въ отрядъ генералъ-маіора Гельфрейха и находился при блокадѣ крѣпости Киля, а затѣмъ Страсбурга. Въ январѣ того-же года онъ обложилъ крѣпость Фальцбургъ и по взятіи ея присоединился къ своему корпусу, съ которымъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Троа, Арсисъ-сюръ-Объ и при Фершампенуазѣ. 18-го марта, наканунѣ вступленія императора Александра въ Парижъ, Лялинъ, начальствуя Теглинскимъ и Эстляндскимъ полками въ авангардѣ графа П. П. Палена, до разсвѣта занялъ селеніе Роменвиль и здѣсь 4 часа сражался съ французами. За это дѣло императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 3 кл. Въ 1814 г. Лялина назначили командиромъ 1-й бригады 14-го пѣхотной дивизіи Гельфрейха, состоявшей изъ Тульскаго и Навагинскаго полковъ, но едва успѣлъ онъ вернуться въ Россію, какъ бѣгство Наполеона съ острова Эльбы вызвало его опять за предѣлы отечества. Въ іюлѣ 1815 г. онъ выступилъ въ походъ и доходилъ съ бригадою до Силезіи, но вслѣдствіе Ватерлооской битвы, окончательно сокрушившей могущество Наполеона, повелъ ее обратно въ Россію. Послѣ вторичнаго похода за границу Лялинъ въ 1816 г. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, сельцѣ Дмитріевскомъ Псковской губерніи, посвящая свободное время сельскому хозяйству и улучшенію быта своихъ крестьянъ. Умеръ онъ въ концѣ декабря 1847 г.

Михайловскій-Данилевскій, «Военная Галлерея Зимняго Дворца», т. III. Спб. 1846.—«Сѣверная Пчела» 1847, № 294.

И. Артамонова.

Ляпидевскій, *Николай Павловичъ*, магистръ гражданскаго права, сынъ московскаго протоіерея, родился въ Москвѣ въ 1842 г., воспитывался въ Московской духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ на юридическій факультетъ

Московскаго университета. Окончивъ въ 1866 г. курсъ университета съ званіемъ кандидата правъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, при чемъ въ 1872 г. читалъ лекціи студентамъ о римскихъ институціяхъ; удостоенный степени магистра гражданскаго права (1875 г.), онъ поступилъ на службу и въ послѣднее время занималъ мѣсто старшаго помощника юрисконсульта при военномъ министерствѣ. Скончался Ляпидевскій 10 февраля въ 1885 г. въ Меранѣ.

Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Общее государственное право Блюнчли», перев. съ нѣмецк. т. I. М. 1865—1866 г.; «Исторія французской революціи», Карлейля, т. I. М. 1866 (онъ редактировалъ переводъ); «Статистическія свѣдѣнія объ отношеніи численности адвокатовъ и стряпчихъ къ количеству народонаселенія въ государствахъ Западной Европы» («Юридич. Вѣстн.». 1871 г., кн. 8) и «Исторія нотаріата» М. 1875 г., т. I (Магистерск. диссертація).

«Отчеты Московскаго университета за 1866—1875 гг.».—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 182.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V, стр. 101. *М. Поповъ.*

Ляпидевскій, *Павелъ Степановичъ*, протоіерей, писатель, сынъ священника, родился въ 1808 г. въ Тульской губ., образованіе получилъ сначала въ Тульской семинаріи, а затѣмъ въ Московской дух. академіи; по окончаніи курса академіи со степенью магистра богословія (1832 г.) онъ преподавалъ словесность съ 1832 по 1833 г.г. въ Казанской, а съ 1833 по 1835 г.г. въ Виѳанской духовныхъ семинаріяхъ. Въ томъ же 1835 г. онъ принялъ священство и былъ опредѣленъ къ церкви Воскресенія, что въ Кадашахъ, а въ 1837 г. былъ переведенъ протоіереемъ въ храмъ Скорбящей Божіей Матери на Ордынкѣ, гдѣ онъ оставался до смерти, послѣдовавшей 14 февраля 1891 г. Ляпидевскому принадлежатъ статьи, помѣщенныя къ «Душеполезномъ Чтеніи» за 1862 г., какъ напр.: «Поученіе» (кн. I, стр. 33) и въ «Чтеніяхъ Общества Любителей духовнаго просвѣщенія» — «Галькіе епископы въ періодъ Меровингскій» (1870 г., кн. 12, стр. 1—47).

С. Смирновъ, «Исторія Московск. дух. академіи». М. 1879 г., стр. 541.—«Московск. Церковн. Вѣдом.» 1887 г., №№ 47, 49, 50; 1891 г., № 8.—«Московск. Вѣдом.», 1891 г., № 47.—«Московскій Листокъ», 1891 г., № 47.—«Церковн. Вѣдомости», 1891 г., № 9.—«Столѣтіе Московской 1-й гимназіи». М. 1903 г., стр. 330.

М. Поповъ.

Ляпуновъ, *Захарій Петровичъ*, братъ извѣстнаго дѣятеля Смутнаго времени, Прокопія Петровича Ляпунова. Раньше, чѣмъ говорить о самомъ Захаріи Петровичѣ, скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи рода Ляпуновыхъ и значеніи ихъ въ Рязанскомъ краѣ. Ляпуновы происходятъ отъ Галицкаго князя Константина Ярославича, младшаго брата Александра Невскаго. Потомки кн. Константина Ярославича княжили въ Галичѣ Костромскомъ до тѣхъ поръ, пока вел. кн. Дмитрій Донской не присоединилъ Галицкаго княжества къ своимъ владѣніямъ, изгнавъ оттуда въ 1362 или 1363 г. кн. Дмитрія Ивановича. Правнуки сына его Василія Дмитріевича, утратившаго уже княжеское достоинство: Дмитрій, по прозванію *Береза*, Семенъ *Осина* и Иванъ *Ива*—являются родоначальниками дворянскихъ фамилій *Березиныхъ*, *Осининыхъ* и *Ивиныхъ*. Внукъ Семена Осины, *Ляпунъ* Осининъ, бывшій у новгородскаго архіепископа Пимена бояриномъ, оставилъ своимъ потомкамъ прозвище *Ляпуновыхъ*; одинъ изъ внуковъ этого Ляпуна перешелъ на службу къ рязанскому князю, а потому Ляпуновы сдѣлались дворянами рязанской области. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Петръ Ляпуновъ съ пятью сыновьями: Григоріемъ, Прокопіемъ, Захаріемъ, Александромъ, Степаномъ и съ племянниками Семеномъ, Василіемъ и Меншикомъ, были очень замѣтны въ своемъ Рязанскомъ краю. С. Ѳ. Платоновъ такъ характеризуетъ Рязань и боярскихъ дѣтей рязанскихъ того времени. «Рязань тогда отличалась очень постояннымъ и сплоченнымъ составомъ служилаго населенія, благодаря своему обособленному положенію между «дикимъ полемъ», болотными пространствами такъ называемой «мещерской стороны» и сплошными лѣсами Цны и Мокши. Въ этомъ углу давно обжились и перероднились, ссорились и мирились между собою зажиточныя и многолюдныя семьи дѣтей боярскихъ «выборныхъ» и «дворовыхъ»: Ляпуновыхъ, Сумбуловыхъ, Ржевскихъ, Биркиныхъ, Кикиныхъ, Измайловыхъ, Колеминыхъ, Шиловскихъ, Коробьиныхъ, Осѣевыхъ и многихъ

другихъ. Хорошо поставленные въ отношеніи служебномъ и землевладѣльческомъ, люди этого круга были притязательны и отличались гоноромъ». Въ 1584 г., послѣ смерти Іоанна Грознаго рязанскіе дѣти боярскіе, братья Ляпуновы и Кикины распространили въ народѣ слухъ, будто Богданъ Бѣльскій, отравивъ Іоанна, умышляетъ погубить Ѳеодора и многихъ бояръ, чтобы возвести затѣмъ на престолъ своего друга Бориса Годунова. Ляпуновы, Кикины и другіе смутотворцы были разосланы Годуновымъ, вслѣдъ за воцареніемъ Ѳеодора Іоанновича, въ дальніе города. Неизвѣстно, подверглись-ли этой участи Захарій и Прокопій Ляпуновы, а также не знаемъ, находились-ли они въ числѣ мятежниковъ 1584 г., потому что въ обоихъ случаяхъ Ляпуновы не названы поименно.

Въ 1595 г. Захарій Ляпуновъ не захотѣлъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ которымъ-то Кикинымъ и сбѣжалъ со службы изъ Ельца въ свое рязанское помѣстье. Рязанскій воевода распорядился привезти его оттуда скованнаго въ Переяславль Рязанскій, бить батогами передъ всѣми людьми, посадить въ тюрьму и потомъ, подъ присмотромъ пристава, отправить на службу. Въ 1603 г. царь Борисъ велѣлъ спросить дѣтей боярскихъ рязанцевъ: кто посылалъ на Донъ всякіе «заповѣдные товары», т. е. вино, зелье, сѣру, селитру, свинецъ и разные предметы вооруженія? Отвѣчали: былъ слухъ, что Захарій Ляпуновъ посылалъ вино казакамъ на Донъ и продавалъ панцырь и желѣзную шапку (шлемъ). За это его высѣкли кнутомъ.

Въ 1606 г. видимъ на Рязани полковыми воеводами подъ начальствомъ боярина кн. Ѳеод. Тим. Долгорукаго, обоихъ братьевъ Ляпуновыхъ, Прокопія и Захарія Петровичей. Осенью 1607 г. Захарій Ляпуновъ «промышлялъ надъ ворами» у Ряжска». Весной 1608 г. большой отрядъ рязанцевъ и арзамасцевъ подъ начальствомъ кн. И. А. Хованскаго и Прок. Петр. Ляпунова ходилъ на «воровъ» къ Пронску; при осадѣ города Прок. Петр. былъ раненъ въ ногу «изъ города изъ пищали», вслѣдствіе чего и передалъ свои обязанности брату Захарію. Въ августѣ 1608 г., услыхавъ о взятіи Зарайска Лисовскимъ, воеводы Переяславля-Рязанскаго послали къ этому городу ратныхъ людей подъ начальствомъ Захарія Ляпунова. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ приступить къ осадѣ города, онъ, какъ сказано въ «Новомъ Лѣтописцѣ», «пьянымъ обычаемъ не ополчася». Узнавъ, что въ отрядѣ «нестроеніе», а начальники предаются пьянству, Лисовскій вышелъ изъ Зарайска, побилъ и взялъ въ плѣнъ много воиновъ, а остальные обратились въ бѣгство.

Въ началѣ іюля 1610 г. Захарій Ляпуновъ подалъ царю Вас. Ив. челобитную отъ себя и отъ имени своего сына Семена. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: царь пожаловалъ имъ на Рязани имѣнія Ржевскаго, Кобяковыхъ и Биркиныхъ, отъѣхавшихъ въ Тушино. Потомъ всѣ эти тушинцы повинились государю и онъ приказалъ возвратить имъ отобранныя у нихъ вотчины и имѣнія. а Ляпуновыхъ нигдѣ не пожаловалъ. Еще раньше Ляпуновы били государю чѣломъ о пожалованіи имъ земель изъ дворцоваго села Казари рязанскаго у.; царь обѣщалъ, но ничего не далъ, тогда какъ другіе получили помѣстья изъ этого села. Захарій Ляпуновъ такъ закончилъ свою челобитную: «а мы, холопи твои, тебѣ, Государю, служимъ и нигдѣ не измѣняли, да и впередъ, какъ тебѣ, Г. Ц. и В. Кн. Василью Ивановичю всеа Русіи, крестъ цѣловали и души свои дали, такъ хотимъ тебѣ, Государю, служить и работать, по коихъ мѣстъ живы будемъ, чтобъ мы, холопи твои, межъ своей братьи не пожалованы, съ женами и съ дѣтми волочась межи дворы, вконецъ не погибли. А я, холопъ твой Занко, жилъ на Москвѣ полтретья годы, и въ осадѣ былъ, и тебѣ, Государю, служилъ, съ Литвою и съ измѣнники на многихъ боѣхъ бивался». Вслѣдствіе челобитья Захарія Ляпунова, царь послалъ въ дворцовое село Казари послушную грамоту крестьянамъ. Помѣстный окладъ Захарія Ляпунова былъ въ это время 900 ч., а сына его Семена 700 ч. Царь пожаловалъ изъ с. Казари въ ихъ окладъ: Захару 212 ч., а Семену $298^1/_8$ ч. и велѣлъ имъ полюбовно подѣлиться межъ собою помѣстьемъ.

Во время подачи этой челобитной Захарій Ляпуновъ находился въ Москвѣ. Явился отъ Прокопія Петр. въ Москву какой-то Алексѣй Пѣшковъ и сообщилъ отъ имени Прокопія кн. Вас. Вас. Голицыну, Захарію Ляпунову и другимъ «совѣтникамъ», т. е. единомышленникамъ Прок. Петр., что слѣдуетъ Шуйскаго «съ государства ссадить». Отряды Тушинскаго

«вора» приближались къ Москвѣ, и возникли сношенія между ея жителями и тушинцами. Тушинцы говорили москвичамъ: «вы убо оставите своего царя Василія, и мы такожде своего оставимъ и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Съ одной стороны, призывъ Прокопія Ляпунова, съ другой стороны, заманчивое предложеніе тушинцевъ—все это подѣйствовало возбуждающимъ образомъ на Захарія Ляпунова, за нѣсколько дней передъ тѣмъ писавшаго въ челобитной, что онъ будетъ служить царю Василію Ивановичу вѣрно до самой своей смерти. 17-го іюля въ Москвѣ поднялся мятежъ. Вожаками мятежниковъ были Захарій Л., какой-то Ѳеод. Хомутовъ и Салтыковъ. Придя во дворецъ, Ляпуновъ подступилъ къ царю и сталъ говорить: «Долго-ль за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе, сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ». Шуйскій отвѣтилъ ему браннымъ окрикомъ, прибавивъ: «Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ», и вынулъ ножъ, желая испугать мятежниковъ. Услыхавъ брань и увидавъ въ рукахъ Шуйскаго ножъ, Ляпуновъ разсвирипѣлъ: «Не тронь меня,—закричалъ онъ—вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!» Къ счастью, товарищи Ляпунова не допустили его до дикой расправы, и вся толпа направилась на Лобное мѣсто. Узнавъ, что въ Кремлѣ что-то происходитъ, народъ толпами валилъ туда, и сдѣлалась такая тѣснота, что когда пріѣхалъ патріархъ, главные зачинщики закричали, чтобы всѣ шли за Москву рѣку, гдѣ просторнѣе. Несмотря на увѣщанія патріарха, насильно отведеннаго ими за Москву-рѣку, они настаивали на отлученіи царя Василія отъ царства. Многіе бояре, державшіеся вначалѣ мнѣнія патріарха, чтобы не трогать царя Василія, примкнули затѣмъ къ Ляпунову. Царскій свояк кн. И. М. Воротынскій отправился къ Шуйскому съ просьбой отъ имени всего Московскаго народа оставить престолъ. Шуйскій оказался вынужденнымъ согласиться и переѣхалъ въ свой боярскій домъ, не теряя, однако, надежды, благодаря поддержкѣ патріарха, вернуться во дворецъ и снова занять престолъ. Обстоятельства благопріятствовали ему, такъ какъ тушинцы обманули москвичей. Когда Ляпуновъ и его единомышленники послали сказать имъ, что они свергли Шуйскаго, а потому пусть тушинцы исполнятъ свое обѣщаніе и отстанутъ отъ «вора», то получили такого рода отвѣтъ: «Вы не помните государева крестнаго цѣлованія, потому что царя своего съ царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Патріархъ настаивалъ снова возвести Шуйскаго на престолъ. Если-бы это удалось, то всѣмъ мятежникамъ, съ Захаріемъ Ляпуновымъ во главѣ, не сдобровать бы. Въ виду такого положенія дѣлъ, 19 іюля Захарій Л. явился къ Шуйскому вмѣстѣ съ князьями Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и нѣсколькими монахами Чудова монастыря и требовалъ, чтобы Шуйскій постригся для успокоенія народа. Не получивъ добровольнаго согласія на постриженіе, они насильно постригли его и отвезли въ Чудовъ монастырь. Сознавая, что безначаліе не обѣщаетъ ничего хорошаго, Захарій Л. со своими рязанцами стали «въ голосъ говорити, чтобы князя Василія Голицына на господарствѣ поставити».

11-го сентября 1610 г. было отправлено изъ Москвы къ польскому королю Сигизмунду посольство; главными послами были: бояринъ кн. Вас. Вас. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ; въ числѣ дворянъ посольства находился и Захарій Л. Въ декабрѣ нѣсколько человѣкъ посольства было отправлено изъ-подъ Смоленска въ Москву съ королевскими листами, а многіе самовольно уѣхали въ Москву. Ляпуновъ остался подъ Смоленскомъ, но перешелъ въ польскій станъ, бражничалъ тамъ, забавлялъ пановъ насмѣшками надъ послами и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не совѣтуются съ дворянами и даже скрываютъ отъ нихъ боярскія грамоты, получаемыя изъ Москвы. Паны призвали къ себѣ дворянъ для провѣрки словъ Ляпунова. Дворяне отвѣчали: «Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами, поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую грамоту послы намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя, писана она безъ патріарха и безъ совѣта всей земли». Находясь въ польскомъ станѣ, Захарій Л-въ тайно сносился съ Про-

копіемъ Петровичемъ, пересылая ему грамотки со своими дворовыми, находившимися съ нимъ подъ Смоленскомъ, которые затѣмъ остались у Прокопія Петр. въ Рязани. Къ этому же времени относится челобитная Захарія Л-ва объ укрѣпленіи за нимъ помѣстья въ вотчину. Челобитная написана на имя Сигизмунда, но только потому, что онъ отецъ Владислава, выбраннаго на Московскій престолъ. Начинается челобитная такъ: «Наяснѣйшему Вел. Гос. Жигимонту Кор. Польск. и Вел. Кн. Литовск., бьетъ челомъ подданный холопъ сына твоего, Королевича, Гос. нашего Ц. и В. Кн. Владислава Жигимонтовича всеа Руси, Захарей Лѣпуновъ». За осадное сидѣнье въ Москвѣ во время прихода Тушинскаго вора, царь Василій Шуйскій далъ Ляпунову, какъ мы видѣли выше, помѣстье Андрея Ржевскаго, отъѣхавшаго въ Тушино: сельцо Дядково, дер. Горайнову и Боградово и изъ дворцовой волости на Рязани сельцо Козарь. Царь и патріархъ Гермогенъ рѣшили давать за осадное сидѣнье помѣстья въ вотчины тѣмъ служилымъ людямъ, которые не отъѣзжали въ Тушино; «А мнѣ бывшей царь Василей помѣстья въ вотчину не далъ» — прибавилъ Ляпуновъ.

Въ январѣ 1611 г. бояре, управлявшіе Московскимъ государствомъ, увѣдомили польскаго короля Сигизмунда и королевича Владислава, что Прокопій Ляпуновъ со всею Рязанью отложился отъ Владислава, которому передъ тѣмъ цѣловалъ крестъ. Затѣмъ, упоминая о тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ Захарія, они такъ заканчиваютъ свою грамоту: «И мы ваши Государскіе вѣрные подданные, слыша о томъ, чаемъ того про Захарья Ляпунова, что онъ з братомъ своимъ съ Прокоѳьемъ въ одной мысли и при вашей Государской милости быти не годенъ: впередъ, Государь, мы отъ Захарья, опричь смуты, никакова добра не чаемъ; и вашему бы Королевскому Величеству и сыну вашего Королевскаго Величества, В. Г. нашему Ц. и В. Кн. Владиславу Жигимонтовичю всеа Русіи, велѣти Захарья Ляпунова подержати, и про его измѣну, о чемъ онъ ссылался з братомъ своимъ съ Прокофьемъ, велѣти сыскати, и по сыску наказанье ему учинити, чтобъ впередъ, на то смотря, неповадно было инымъ никакимъ людемъ воровскихъ заводовъ замышляти, и вашему Государскому и земскому великому дѣлу поруха чинити».

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

С. Г. Г. и Д., II.—Акты Ист., II.—Никоновская лѣтопись, VIII.—Новый Лѣтописецъ.- *Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья», т. II.—Разр. записи за Смутное время.—*Кн. Долгоруковъ*, Р. Р. Кн., I.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Рос.», XII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», VII и VIII.—*Платоновъ*, «Очерки по исторіи смуты».

В. Корсакова.

Ляпуновъ, *Михаилъ Васильевичъ*, преподаватель астрономіи Казанскаго университета, происходилъ изъ дворянъ, родился 30 сентября 1820 г., начальное образованіе получилъ въ 1-й Казанской гимназіи, а высшее на математическомъ факультетѣ Казанскаго университета, по окончаніи котораго (1839 г.) съ званіемъ кандидата и съ серебряной медалью былъ командированъ въ Петербургъ для пріема астрономическихъ инструментовъ, изготовленныхъ въ Мюнхенѣ для Казанской обсерваторіи. По возвращеніи въ Казань онъ состоялъ преподавателемъ математики во 2-й Казанской гимназіи, а въ 1840 г. былъ назначенъ на только что учрежденную при обсерваторіи Казанскаго университета должность астронома-наблюдателя. Въ этой должности Ляпунову пришлось принять участіе, вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ и Кнорромъ, въ снаряженіи экспедиціи для наблюденія полнаго солнечнаго затменія 26 іюня 1842 года въ Пензѣ. Въ томъ же году, когда пожаръ повредилъ многіе инструменты обсерваторіи и въ томъ числѣ новый экваторіалъ, Ляпунову было поручено отправить ихъ для починки въ Пулковскую обсерваторію, гдѣ онъ оставался до 1845 г., т.-е. до исправленія инструментовъ. За время пребыванія въ Пулковѣ Ляпуновъ дѣятельно занимался астрономіей подъ руководствомъ лучшихъ астрономовъ того времени и былъ приглашенъ участвовать въ хронометрической экспедиціи для опредѣленія разности долготъ между Пулковымъ и Альтоною и въ хронометрической экспедиціи для опредѣленія географическихъ пунктовъ въ Россіи. По возвращеніи въ Казань Ляпуновъ продолжалъ свои занятія по астрономіи, въ частности наблюдалъ на меридіанномъ (вѣнскомъ) кругѣ и на рефракторѣ. Въ 1847 г. Ляпуновъ снова былъ командированъ въ Пулково для принятія и доставленія въ Казань меридіаннаго круга

Репсольда. Съ 1847 и по 1851 г. Ляпуновъ занимался наблюденіями надъ опредѣленіемъ мѣстъ звѣздъ туманности Оріона; эта работа ставится ему въ особую заслугу, такъ какъ наблюденія эти производятся только зимою, при низкихъ температурахъ. Въ 1850 г. Ляпуновъ былъ назначенъ завѣдующимъ обсерваторіей и руководителемъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ астрономіею. Съ 1852 и по 1854 г.г. онъ наблюдалъ звѣзды зоны отъ $+20^0$—$+24^0$, относя положенія звѣздъ къ болѣе яркимъ, опредѣляемымъ въ Пулковской обсерваторіи. Работа эта осталась неизданной. Недоразумѣнія, возникшія между профессоромъ астрономіи Ковальскимъ и Ляпуновымъ привели къ отставкѣ послѣдняго въ 1855 г., когда онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ университета. Дальнѣйшая дѣятельность Ляпунова чисто педагогическая. Съ 1856 г. по 1864 г. онъ занималъ мѣсто директора Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ. Выйдя, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, въ отставку, Ляпуновъ поселился въ своемъ имѣніи въ Нижегородской губ., гдѣ и скончался 20-го ноября 1868 г. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Observations astronomiques, faites à l'Observatoire de l'Université Imperial de Kasan par Mr. Simonoff et par Mr. Lépounoff». Казань. 1842; «Positions du Soleil, de la Lune et des planétes, observées à Dorpat 1822 u 1838, calculées par W. Struve et M. Liapounon». St.-Petersbourg. 1853; «W. Struve et Liapounov. Observations de la nebuleuse d'Orion, faites à Cazan et à Poulkova». St.-Petersbourg. 1862; «Struve, W. Expedition chronometrique executée en 1843 entre Poulkova et Altona». St.-Pet. 1844; «Struve, O. Expeditions chronometriques de 1845 et 1846». St.-Pet. 1853 и рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Astron. Nachrichten» за 1846—1851 г.г.

«Біографическій словарь профес. и препод. Казанскаго университета», т. I, стр. 419—422.
М. Поповъ.

Ляпуновъ, *Прокопій Петровичъ*, извѣстный дѣятель Смутнаго времени. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова ни онъ, ни другіе члены его рода, не занимали виднаго положенія въ Москвѣ. Участіе въ 1584 г. Ляпуновыхъ вмѣстѣ съ Кикиными въ возмущеніи черни въ Москвѣ противъ Богдана Бѣльскаго и близость ихъ къ «дворовому дьяку» Іоанна Грознаго, Андрею Шерефединову, много повредили имъ. Братъ Прокопія Петровича, Александръ Ляпуновъ помогалъ Шерефединову захватывать на Рязани чужія земли и чужихъ людей, и это оставалось безнаказаннымъ вслѣдствіе благоволенія Грознаго къ Шерефединову. По вступленіи же на престолъ Ѳеодора Іоанновича, Шерефединовъ былъ отставленъ отъ должности Годуновымъ, а Александръ Ляпуновъ, вѣроятно, подвергся ссылкѣ.

Весьма естественно, что Ляпуновы, считавшіеся Годуновымъ людьми неблагонадежными, воспользовались первымъ представившимся случаемъ, чтобы выместить свое недовольство. Сохранилось извѣстіе, будто бы при появленіи названнаго царя Димитрія въ Польшѣ бояре тайно отправили къ королю одного изъ племянниковъ Прокопія Ляпунова, съ просьбой помочь Самозванцу. Будучи въ войскѣ подъ Кромами въ 1605 г., Прокопій Ляпуновъ много способствовалъ успѣху Самозванца, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ знатока исторіи Смутнаго времени С. Ѳ. Платонова. «Прокопій Ляпуновъ среди рязанскихъ дѣтей боярскихъ игралъ большую роль, потому что былъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ «окладчиковъ» Окологороднаго стана на Рязани. За нимъ, какъ за избраннымъ и довѣреннымъ лицомъ, должна была пойти вся дружина рязанцевъ, не только Переяславля—Рязанскаго, но и другихъ городовъ, напримѣръ, Ряжска, гдѣ у Прокопія были также знакомцы, даже обязанные ему поручительствомъ по службѣ. Когда же рязанцы вошли въ «совѣтъ» къ Басманову и Голицынымъ, за ними легко увлеклись служилые люди и другихъ южныхъ городовъ». По свидѣтельству одного Хронографа, Прокопій Л. съ «братіею» и съ «совѣтниками» своими, т. е. единомышленниками, цѣловали втайнѣ крестъ Самозванцу, затѣмъ пріѣхали къ разрядному шатру, гдѣ сидѣли бояре и воеводы, и стали бить и вязать воеводъ, а ратныхъ людей приводить ко кресту, по умышленію Петра Басманова.

Затѣмъ до появленія Болотникова въ 1606 г. на верховьяхъ Оки Ляпуновъ попрежнему находился въ Рязани. Во второй разъ имя «царя Димитрія» собрало многочисленную рать. У рязанцевъ воеводами были: Гр. Ѳеод. Сумбуловъ и Прок.

Петр. Ляпуновъ; у тулянъ и коширянъ Истома Пашковъ; съ колуженами, алексинцами и иными городами шелъ самъ Болотниковъ. Рязанскія дружины овладѣли Коломной; Болотниковъ взялъ Серпуховъ; затѣмъ мятежники соединились на Окѣ и подступили къ Москвѣ, которую продержали въ осадѣ съ половины октября до 2-го декабря. Трудно сказать, въ силу какихъ побужденій Ляпуновъ присталъ къ Болотникову. Еслибы онъ совершенно не вѣрилъ, что въ Путивлѣ находится спасшійся царь Дмитрій, то врядъ-ли отправилъ бы туда на судъ этихъ людей, оставшихся вѣрными царю Василію Ивановичу Шуйскому. Рязанскій намѣстникъ бояринъ кн. Черкасскій, воеводы: кн. Тростенскій, Вердеревскій, кн. Коркодиновъ, Измайловъ были скованы и посланы Ляпуновымъ къ «царю Дмитрію» въ Путивль.

Поведеніе Болотникова въ станѣ подъ Москвой показалось наконецъ Ляпунову подозрительнымъ: главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ уже не царь Дмитрій, появленія котораго тщетно ожидали, а самъ Болотниковъ, называвшій себя царскимъ воеводой. Сообщество бродягъ, холоповъ и разбойниковъ заставило Ляпунова одуматься и принести царю Василію Шуйскому повинную, вѣроятно послѣ предварительныхъ сношеній съ нимъ. Вслѣдъ за Ляпуновымъ перешли на сторону Шуйскаго воеводы Сумбуловъ и Пашковъ, рязанцы и многіе другіе. Царь простилъ ихъ и пожаловалъ Ляпунова въ думные дворяне.

Лѣтомъ 1607 г. царскимъ войскамъ предстояло очистить Калугу и Тулу. Въ Калугѣ засѣлъ Болотниковъ со своею ратью, состоявшею, послѣ ухода Ляпунова, Сумбулова и Пашкова, сплошь изъ «воровъ». Въ Тулу пришли весной этого года: самозванный царевичъ, извѣстный подъ именемъ Лжепетра, и путивльскій воевода, кн. Гр. П. Шаховской, заводчикъ того движенія, во главѣ котораго стоялъ Болотниковъ. Оба они привели казаковъ, вслѣдствіе чего численность войска Болотникова сильно увеличилась: набралось больше тридцати тысячъ человѣкъ. 5-го іюня, на рѣчкѣ Восмѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каширы, произошло рѣшительное сраженіе: царскіе воеводы кн. Б. М. Лыковъ, кн. Андр. Вас. Голицынъ и Ляпуновъ со своимъ рязанскимъ отрядомъ одержали побѣду надъ «ворами», которыми предводительствовалъ кн. Телятевскій.

Весной 1608 г. большой отрядъ рязанцевъ, подъ начальствомъ кн. И. А. Хованскаго и Ляпунова, ходилъ къ Пронску, занятому «ворами». Осада города была неудачна, и имъ пришлось отступить. Прокопій Л. во время осады былъ раненъ въ ногу изъ пищали и вынужденъ былъ передать предводительство войскомъ своему брату Захарію. Царь Василій предупреждалъ рязанскихъ воеводъ, чтобы они не допустили нападенія Лисовскаго на Переяславль—Рязанскій, но Лисовскій, направлявшійся къ Москвѣ, взялъ Зарайскъ и засѣлъ тамъ. Опасаясь осады Переяславля—Рязанскаго и другихъ рязанскихъ городовъ Лисовскимъ, царь предписывалъ рязанскимъ воеводамъ убѣждать служилыхъ людей, чтобы они «для воровского приходу» отсылали своихъ женъ и дѣтей къ Москвѣ со своими людьми. Рязанцы послушались, отослали въ Москву семьи, и случилось то, чего Шуйскій хотѣлъ избѣжать: жены и дѣти ихъ попали въ «осадное положеніе», когда Тушинскій воръ расположился по близости отъ Москвы. Вслѣдствіе этого и сами рязанцы были вызваны въ московскую осаду, и образовалась тѣсная связь между Москвой и Рязанскимъ краемъ. Шуйскій сталъ часто требовать отъ рязанскихъ воеводъ присылки хлѣба и ратныхъ людей и неоднократно благодарилъ рязанскаго воеводу Ляпунова за его вѣрность и усердіе. Въ маѣ 1609 г. Ляпунову велѣно было итти изъ Рязани къ Коломнѣ, осаждаемой поляками; въ помощь ему долженъ былъ придти Ив. Никит. Салтыковъ въ томъ случаѣ, если бы ему не удалось отправиться съ бояриномъ Шереметевымъ для освобожденія отъ осады Троице-Сергіева монастыря. Въ концѣ 1609 г., когда кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій и бояринъ Шереметевъ съ войскомъ находились въ Александровской слободѣ, Ляпуновъ отправилъ кн. Скопину со своими посланными грамоту, въ которой называлъ его не *княземъ*, а *царемъ*. Пылкій и энергичный Ляпуновъ, выводимый изъ себя медлительностью и неустойчивостью царя Василія Шуйскаго, преклонялся передъ личностью и дѣятельностью кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, сумѣвшаго заключить выгодный договоръ со шведами и въ ко-

роткое время одержавшаго блестящія побѣды надъ Сапѣгой и Лисовскимъ подъ Троице-Сергіевымъ монастыремъ и на пути отъ этого монастыря къ Москвѣ. Поздравляя его съ царствомъ, Ляпуновъ «царя жъ Василія яко змія угрызающе, укоряше его непотребными словесы, хотя то учинити, дабы князя Михаила въ гордость привести и на Царя Василія хотя его вооружити». Въ порывѣ гнѣва кн. Скопинъ хотѣлъ переслать эту грамоту въ Москву вмѣстѣ съ посланцами Ляпунова. Но они упросили его не дѣлать этого, и онъ отпустилъ ихъ на Рязань. Нашлись люди, которые сообщили царю Василію о грамотѣ Ляпунова, и онъ вмѣстѣ съ братьями заподозрилъ кн. Михаила Васильевича въ намѣреніи завладѣть престоломъ. 23 апр. 1610 г. кн. Скопинъ умеръ. Ляпуновъ началъ разсылать грамоты по городамъ; писалъ, что смерть произошла отъ отравы, винилъ царя Василія и высказывалъ намѣреніе отомстить ему за смерть кн. Скопина. Есть извѣстіе, что будто бы даже Ляпуновъ сталъ ссылаться съ Тушинскимъ воромъ. Попробовалъ онъ заручиться поддержкой и со стороны кн. Дм. Мих. Пожарскаго, сидѣвшаго на воеводствѣ въ Зарайскѣ, послалъ къ нему съ подобной же грамотой своего племянника Ѳеодора Ляпунова. Кн. Пожарскій не только отказалъ въ содѣйствіи, но переслалъ царю грамоту Ляпунова, требуя подкрѣпленія, а затѣмъ поставилъ отряды ратныхъ людей по дорогѣ между Калугой и Рязанью, чтобы лишить Ляпунова возможности сноситься съ Тушинскимъ воромъ.

Москва, а съ ней и царь, находились въ это время въ крайне затруднительномъ положеніи. Много воиновъ было отпущено изъ Москвы въ походъ къ Смоленску и пало въ сраженіи подъ Клушинымъ, происшедшимъ между гетманомъ Жолкѣвскимъ и союзными русскими и шведскими войсками, отправленными къ Смоленску подъ предводительствомъ брата царя, кн. Дм. Ив. Шуйскаго. Шведы послѣ этого ушли, частью къ полякамъ, частью въ Новгородскую землю; изъ городовъ не торопились ѣхать на службу въ Москву. Рязанцы, отличавшіеся во время осаднаго сидѣнія въ Москвѣ преданностью царю, «отказаша» ему въ службѣ, будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Ляпунова.

Вскорѣ послѣ смерти кн. Скопина у Ляпунова стала «дума большая на царя Василья съ бояриномъ со князь В. В. Голицынымъ»; затѣмъ эта дума высказывалась уже болѣе опредѣленно: «какъ бы царя Василія ссадити». Подготовивъ рязанскій край къ возстанію противъ Шуйскаго, Ляпуновъ прислалъ въ Москву какого-то Олешку Пѣшкова къ кн. Голицыну и къ своему брату Захарію, побуждая ихъ Шуйскаго «съ государства ссадити». Въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, въ продолженіе осады 1608—1610 гг. жило много рязанцевъ со своими семьями, слѣдовательно Ляпуновы могли дѣйствовать, опираясь на вполнѣ преданныхъ людей. Какъ видно, они намѣревались, послѣ низверженія Шуйскаго, передать власть кн. Вас. Вас. Голицыну. 17-го іюля 1610 г. Шуйскій былъ сведенъ съ престола, а 19-го насильственно постриженъ въ монахи и заточенъ въ Чудовомъ монастырѣ.

Вотъ краткое изображеніе того положенія, въ какомъ очутилась Москва вслѣдъ за постриженіемъ Шуйскаго. «Москва лишилась правительства въ такую минуту,—пишетъ С. Ѳ. Платоновъ,—когда крѣпкая и дѣятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили къ стѣнамъ самой Москвы, владѣли западнымъ рубежемъ государства, занимали города въ центральныхъ и южныхъ областяхъ страны. Съ этими врагами необходимо было бороться не только за цѣлость государственной территоріи, но и за независимость самаго государства, потому что успѣхи враговъ угрожали ему полнымъ завоеваніемъ. Нужно было скорѣе возстановить правительство; это была такая очевидная истина, противъ которой никто не спорилъ въ Московскомъ государствѣ. Но большое разногласіе вызывалъ вопросъ о томъ, какъ возстановить власть и кого къ ней призвать. Разные круги общества имѣли на это разные взгляды и высказывали разныя желанія. Отъ словъ они переходили къ дѣйствію и возбуждали или открытое народное движеніе, или тайную кружковую интригу. Рядъ такихъ явныхъ и скрытыхъ попытокъ овладѣть властью и создать правительство составляетъ главное содержаніе послѣдняго періода Смуты».

Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, Московская Боярская Дума, въ руки которой перешло управленіе Московскимъ государствомъ,

рѣшила предложить Московскій престолъ польскому королевичу Владиславу, при соблюденіи съ обѣихъ сторонъ цѣлаго ряда условій. Патріархъ Гермогенъ изъявилъ согласіе на избраніе иноземнаго королевича лишь въ томъ случаѣ, если онъ приметъ православную вѣру. Въ сентябрѣ 1610 г. было отправлено великое посольство подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду, съ просьбой отпустить въ цари русскіе Владислава, на условіяхъ договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ; братъ Ляпунова, Захарій, находился въ числѣ дворянъ посольства. Польское войско, согласно желанію бояръ, вошло въ Москву для защиты ея отъ Тушинскаго вора. Сначала поляки были подъ начальствомъ Жолкѣвскаго, а послѣ его отъѣзда изъ Москвы подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Ляпуновъ сочувственно отнесся къ избранію Владислава, уговаривалъ всѣхъ соединиться подъ его знамя для спасенія русской земли, отправилъ къ Жолкѣвскому съ привѣтствіемъ своего сына Владиміра и хлопоталъ о подвозѣ припасовъ для польскаго войска, расположеннаго въ Москвѣ.

Въ это время на Рязанской украйнѣ стало неспокойно. Пришли малороссійскіе казаки, призванные поляками на помощь, соединились съ «ворами» и заняли многіе рязанскіе города, въ томъ числѣ Пронскъ. Въ октябрѣ 1610 г. Ляпуновъ отнялъ у нихъ Пронскъ на имя королевича Владислава, а потомъ самъ выдержалъ тамъ осаду отъ поляковъ. На помощь къ нему пришелъ изъ Зарайска кн. Дм. Мих. Пожарскій, освободилъ его изъ осады и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Переяславль-Рязанскій, откуда возвратился къ себѣ въ Зарайскъ.

Получая постоянныя извѣстія отъ своего брата Захарія изъ-подъ Смоленска, Прокопій Ляпуновъ зналъ, что Сигизмундъ медлитъ съ отпускомъ Владислава въ Москву, потому что желаетъ самъ сѣсть на московскій престолъ. Поляки въ Москвѣ изъ охранителей порядка сдѣлались утѣснителями жителей и вершителями разныхъ дѣлъ. Русскіе люди стали враждебно къ нимъ относиться. Возникло, между прочимъ, дѣло стольника Вас. Ив. Бутурлина, обвиненнаго въ томъ, что по соглашенію съ Пр. Петр. Л-мъ, онъ «въ Москвѣ нѣмцевъ тайно подговаривалъ» на избіеніе поляковъ. Нѣкоторые служилые люди, главнымъ образомъ изъ корыстныхъ цѣлей, вздумали признать царемъ московскимъ не Владислава, а самого Сигизмунда, и обратились къ патріарху Гермогену за благословеніемъ. Будучи ревностнымъ поборникомъ православія и самостоятельности Московскаго государства, патріархъ не только не далъ благословенія на присягу Сигизмунду, но выступилъ открытымъ противникомъ его. На просьбу бояръ скрѣпить грамоты: 1) къ королю, чтобы отпустилъ Владислава въ Москву; 2) къ посламъ, митрополиту Филарету и кн. Голицыну, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую; 3) къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска,—патріархъ Гермогенъ отвѣчалъ: «Стану писать къ королю грамоты и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичъ въ православную христіанскую вѣру и Литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ, а къ Прокопію Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру».

Смерть Тушинскаго вора, послѣдовавшая 11 декабря 1610 г., и возвращеніе въ то же время изъ-подъ Смоленска многихъ земскихъ представителей, входившихъ въ составъ великаго посольства, сильно повліяли на дальнѣйшій ходъ событій. Патріархъ Гермогенъ сталъ писать и разсылать по городамъ грамоты, призывая немедленно соединиться и итти къ Москвѣ по зимнему пути, чтобы изгнать общаго врага, т. е. поляковъ. Особую надежду возлагалъ онъ на Прокопія Ляпунова, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ «Рукописи Филарета»: «а наипаче посылаетъ въ страны Рязанскія во градъ Переяславль къ воеводѣ и властелю Рязанскія земли Прокопію Ляпунову и молитъ его, дабы не далъ въ расхищеніе и въ вѣчное паденіе царствующаго града Москвы». Чтобы лишить Гермогена возможности письменно ссылаться съ городами,

у него были отняты московскимъ правительствомъ дьяки, подьячіе и всякіе дворовые люди, а дворъ его весь разграбленъ, вѣроятно поляками. Вѣсть о такомъ утѣсненіи патріарха дошла въ первой половинѣ января до Нижняго и до Рязани. Ляпуновъ заступился за Гермогена и послалъ боярамъ грамоту «о патріархѣ и о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Его грамота подѣйствовала, и въ концѣ января онъ сообщалъ нижегородцамъ: «съ тѣхъ мѣстъ патріарху учало быть повольнѣе и дворовыхъ людей ему не многихъ отдали». Рязань, какъ мы видѣли выше, была близка Москвѣ, а Ляпуновъ, будучи одновременно рязанскимъ вотчинникомъ и воеводой и пользуясь—по словамъ Жолкѣвскаго—большимъ расположеніемъ народа, считалъ не только своимъ правомъ, но и обязанностью вмѣшиваться въ общегосударственныя дѣла.

Еще до полученія воззванія патріарха въ нѣкоторыхъ городахъ началось движеніе противъ Сигизмунда и польскаго владычества въ Москвѣ. Однимъ изъ первыхъ возсталъ Нижній и вступилъ въ сношенія и съ патріархомъ и съ Ляпуновымъ. Не будемъ останавливаться на частностяхъ тѣхъ грамотъ, которыя Ляпуновъ посылалъ въ разные города. Скажемъ только на основаніи этихъ грамотъ, какого рода распоряженія дѣлалъ онъ, приготовляясь къ походу подъ Москву и заботясь собрать какъ можно больше ратныхъ людей. Сборными мѣстами назначены «всей землѣ» Коломна и Серпуховъ. Въ Коломну должны были придти изъ: Владиміра, Суздаля, Нижняго-Новгорода, Рязани, Казани, Шацка и изъ украинныхъ городовъ. Въ Серпуховъ изъ: Калуги, Тулы и Сѣверскихъ городовъ. Съ тѣми, кого отправятъ Нижегородцы, Ляпуновъ просилъ прислать пороху и свинцу 10—20 пудовъ, такъ какъ на Рязани пороху мало, а съ Москвы не присылаютъ. Весь порохъ у торговыхъ людей въ Москвѣ отняли и ввезли въ Кремль, и «всякіе бои у всѣхъ людей поимали, и купить пороху нельзя». Около половины февраля Ляпуновъ не шелъ еще на Коломну, дожидаясь изъ-подъ Шацка прихода Ивана Карнзицкаго, съ которымъ собирались: Мордва, Черемиса луговая и нагорная, Чуваши, Темниковцы, Алаторцы и люди другихъ городовъ, всего тысячъ сорокъ, или больше. «Гуляй-городъ» и «нарядъ» Ляпуновъ обѣщалъ послать на Коломну немедленно, до своего похода туда.

Ляпунову предстояла трудная задача сплотить въ одно цѣлое людей разныхъ городовъ, различныхъ національностей, всевозможныхъ слоевъ общества, какъ, напр., «тушинскаго боярина» кн. Дм. Тим. Трубецкого, казацкихъ атамановъ Заруцкаго и Просовецкаго и тѣхъ казаковъ и «воровъ», которые были сначала въ полкахъ Болотникова, а затѣмъ въ Тушинѣ. «Воровская рать», лишившаяся послѣ смерти Тушинскаго вора возможности дѣйствовать самостоятельно, неминуемо должна была принять участіе въ борьбѣ Москвы съ поляками, и Ляпуновъ постарался пріобрѣсти въ ней не врага, а союзника. Гетманъ Янъ Сапѣга, такъ долго простоявшій подъ стѣнами Троице-Сергіева монастыря, предложилъ Ляпунову свои услуги сражаться за православную вѣру противъ польскихъ и литовскихъ людей. Ляпуновъ послалъ къ нему своего племянника Ѳеодора Ляпунова съ нѣсколькими дворянами «съ нимъ крѣпиться и договариваться для помочи на враговъ, а вдвое того для того, чтобъ такіе великіе люди въ нашъ походъ къ Москвѣ у насъ за хребтомъ не были, а надъ городы никакого дурна не чинили». Сапѣга былъ желательнымъ союзникомъ и для московскаго правительства, какъ видно изъ его грамоты къ калужскому воеводѣ, кн. Юр. Никит. Трубецкому. «И писали ко мнѣ съ великимъ прошеніемъ бояре съ Москвы (въ половинѣ января), чтобъ я шелъ на Рязанскія мѣста, на Прокофья Ляпунова, и на васъ, и на тѣ городы, которые съ вами въ совѣтѣ; и язъ то вѣдаю, что вы съ Прокофьемъ Ляпуновымъ въ совѣтѣ и стоите за православную крестьянскую вѣру заодинъ, и вамъ бы со мною ссылаться и совѣтъ держать, и къ Прокофью Ляпунову о томъ писать, чтобъ вамъ со мною быть въ совѣтѣ заодинъ: а я Московскихъ бояръ не слушаю и съ вами биться не хочу, хочу съ вами быти въ любви и въ братствѣ». Однако союзъ Ляпунова съ Сапѣгой не состоялся, и Сапѣга писалъ, мѣсяцъ спустя, на Кострому, уговаривая ея жителей снова признать Владислава.

Только въ мартѣ выступили ратные люди изъ разныхъ городовъ къ Москвѣ. 19 марта, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, ожидали прихода въ Москву Ляпу-

нова. Въ этотъ день въ московскомъ Китай-городѣ произошла страшная рѣзня. Поводомъ къ рѣзнѣ послужилъ отказъ извозчиковъ помогать полякамъ тащить пушки на башню. Нѣмцы, находившіеся у поляковъ на службѣ со времени Клушинской битвы, и поляки, вообразивъ, что началось народное возстаніе, стали безъ разбору убивать безоружный народъ. Вслѣдъ затѣмъ поляки подожгли Москву; пожаръ произвелъ опустошеніе главнымъ образомъ въ Бѣломъ городѣ, гдѣ собрались русскіе. Въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ все ополченіе, въ числѣ 100.000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ и расположилось близъ Симонова монастыря, обставивъ себя «гуляй-городами». 1-го апрѣля ополченіе подвинулось къ стѣнамъ Бѣлаго или Каменнаго города: Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ; между нимъ и лагерями другихъ земскихъ дружинъ размѣстился казачій таборъ кн. Трубецкого и Заруцкаго, пришедшихъ изъ Калуги и изъ Тулы. Ближайшею задачею ополченія было овладѣть всею стѣною Каменнаго города и такимъ способомъ отрѣзать полякамъ сообщеніе съ окрестностями Москвы. Произвести осаду всего города было бы затруднительно вслѣдствіе недостатка въ орудіяхъ. 6-го апрѣля, рано утромъ, русскіе заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго города; у поляковъ осталось здѣсь только пять воротъ или башенъ. Начались ежедневныя сраженія. Ляпуновъ выдавался храбростью и распорядительностью: «всего Московскаго воинства властитель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая»,—выражается о немъ лѣтописецъ. Въ первое же время стоянки подъ Москвой, въ апрѣлѣ и маѣ 1611 г., выяснилось, до какой степени велика была «рознь» въ ополченіи и какъ эта «рознь» вредила успѣху ратнаго дѣла. Сошлись «всею ратью» и выбрали не одного, а трехъ начальниковъ: кн. Д. Т. Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго: «они же начаша всѣми ратными людьми и всею землею владѣти». До этого выбора грамоты посылались «по приговору всей земли». 11-го апрѣля 1611 г. была, напр., послана Ляпуновымъ такого рода грамота въ Сольвычегодскъ, касающаяся не одного военнаго, но и земскаго дѣла. Начало грамоты таково: «Россійскаго Московскаго великаго государства бояре и воеводы, и думной дворянинъ Прокофей Петровичъ Ляпуновъ, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и всякіе служилые люди, всею землею челомъ бьютъ». По имени названъ только Ляпуновъ, главный дѣятель народнаго движенія. И сочувствовавшіе Ляпунову и враждебно противъ него настроенные, всѣ признавали, что люди Московскаго государства отложились отъ Владислава и поднялись на защиту православной вѣры, благодаря его «умыслу» и съ благословенія патріарха Гермогена. Еще въ январѣ 1611 г. бояре, управлявшіе Московскимъ государствомъ, увѣдомляли Сигизмунда и Владислава, что Ляпуновъ не только самъ нарушилъ крестное цѣлованіе, но и во многихъ городахъ подбиваетъ къ измѣнѣ. Интересно, что смоленскій архіепископъ Сергій, боярин М. Б. Шеинъ и всякаго званія люди, находившіеся въ Смоленской осадѣ, писали польскимъ панамъ 6 апр. 1611 г., т. е. когда ополченіе стояло уже подъ Москвой, что они признаютъ надъ собой только Владислава; желаютъ, чтобы былъ приведенъ въ исполненіе договоръ, заключенный съ Жолкѣвскимъ, и просятъ дозволенія переписываться съ находившимися въ лагерѣ подъ Смоленскомъ послами и съ боярами въ Москвѣ, «а на Ляпунова намъ надѣятца не на кого и на иныхъ воровъ и на ихъ воровство, и съ Ляпуновымъ мы и с ынымі воры ни съ кѣмъ не ссылаемся и ничего про нихъ не вѣдаемъ». Архіепископъ Сергій, бояринъ Шеинъ и другіе Смоленскіе «сидѣльцы» не сумѣли отличить прежнихъ «воровскихъ» движеній Болотникова и Тушинскаго вора отъ народнаго стремленія постоять грудью за Вѣру и Отечество, и предводителя этого всенароднаго ополченія поставили въ уровень съ «воровскими» атаманами. Весьма возможно, что до Смоленска дошли слухи о той разнородной толпѣ, которая стояла подъ Москвой, и о тѣхъ неурядицахъ, которыя происходили въ ея средѣ, и получилось впечатлѣніе невыгодное и для самого предводителя. Говоря о неурядицахъ, приходится упомянуть еще объ одномъ мѣропріятіи троеначальниковъ (кн. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова), вслѣдствіе котораго въ станъ подъ Москвой во множествѣ стали вскорѣ стекаться и боярскіе люди и вольные казаки, въ ожиданіи воли и жалованія. Желаніе привлечь какъ можно больше людей въ московское ополченіе и стремленіе обезопасить себя отъ

бродившихъ въ Полѣ казаковъ побудило троеначальниковъ вскорѣ послѣ прихода въ Москву обратиться на Понизовье съ такого рода призывомъ: «И вамъ бы, господа, всѣмъ быти съ нами въ совѣтѣ... да и въ Астрахань и во всѣ Понизовые городы къ воеводамъ и ко всякимъ людямъ, и на Волгу, и по Запольскимъ (т. е. за Полемъ текущимъ рѣчкамъ) къ *атаманомъ* и *казакамъ* отъ себя писати, чтобъ имъ всѣмъ стать за крестьянскую вѣру общимъ совѣтомъ, и шли бъ къ намъ изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ. А которые *казаки* съ Волги и изъ иныхъ мѣстъ придутъ къ намъ къ Москвѣ въ помощь, и имъ будетъ всѣмъ жалованіе и порохъ и свинецъ. А которые *боярскіе люди*, и крѣпостные и старинные, и тѣ бъ шли безо всякаго сомнѣнья и боязни: всѣмъ имъ воля и жалованіе будетъ, *какъ и инымъ казакамъ*, и грамоты имъ отъ бояръ и воеводъ и ото всей земли приговору своего дадутъ». Слѣдствіемъ этихъ обѣщаній явился сильный наплывъ подъ Москву казачества и бѣглаго люду, принесшаго съ собой замашки «воровства», къ которому привыкли за Смутное время.

Подмосковное правительство не могло сразу установить внутренняго согласія въ ополченіи и достигнуть прочнаго порядка въ Московскомъ государствѣ, признавшемъ его власть.

Да и сами правители были настолько различны по общественному положенію и по своему отношенію къ окружающимъ, что нельзя было ожидать отъ нихъ единомыслія. Каждый изъ нихъ желалъ видѣть особый почетъ къ себѣ, а Ляпуновъ,— какъ сказано въ «Новомъ Лѣтописцѣ»,— «паче же всѣхъ превзяся гордостію не по мѣрѣ своей». Первымъ изъ правителей считался Тушинскій бояринъ кн. Трубецкой, какъ болѣе знатный по рожденію; вторымъ былъ Заруцкій вслѣдствіе своего боярства, полученнаго тоже въ Тушинѣ; третье мѣсто занималъ, въ качествѣ думнаго дворянина, Ляпуновъ. Но на дѣлѣ главнымъ двигателемъ и распорядителемъ былъ послѣдній. Гордость его «не по мѣрѣ» выражалась, между прочимъ, въ томъ, что приходившіе къ нему на поклонъ вынуждены были иногда подолгу стоять у дверей его избы, ожидая пріема; для родовитыхъ людей исключенія не дѣлалось. Въ пылу горячности ему случалось попрекнуть тѣхъ, кто раньше служилъ Тушинскому вору, и этимъ онъ, конечно, навлекалъ на себя большое неудовольствіе. Строго преслѣдуя неповиновеніе, своевольство и всякое безчинство, онъ безпощадно относился къ казакамъ, вслѣдствіе чего и они возненавидѣли его. Заруцкій, предводительствовавшій казаками, напротивъ, мирволилъ имъ; себѣ же понабралъ въ кормленіе много городовъ и волостей. Трубецкому,—по свидѣтельству «Нов. Лѣтописца»—«между ими никакія чести не бысть». Ратные люди, находившіеся подъ Москвой, терпѣли голодъ, порядка въ управленіи не было, и имъ приходилось не въ мочь. Вслѣдствіе этого они собрались на совѣтъ и написали отъ всей рати челобитную, въ которой просили правителей, чтобы тѣ были между собою въ совѣтѣ и жаловали бы ихъ по достоинству, а не выборомъ и не черезъ мѣру; чтобы взяли себѣ вотчины и помѣстья тѣхъ бояръ, которые измѣнили и которые сидятъ въ Москвѣ; остальныя же вотчины и всякія земли отдали бы во Дворецъ и тѣмъ кормили и жаловали ихъ, ратныхъ людей. Также между собою всѣмъ ратнымъ другъ друга не упрекать—кто служилъ въ Тушинѣ, а кто въ Москвѣ царю Василію. А о боярскихъ дворовыхъ людяхъ, которые ушли отъ бояръ-измѣнниковъ и теперь въ казакахъ, помыслить и сказать имъ указъ, въ какомъ чинѣ имъ служить. Правители, прочитавъ челобитную, стали судить о ней разно. Кн. Трубецкому и Заруцкому она не полюбилась вслѣдствіе поднятія вопроса о вотчинахъ; Ляпуновъ сочувственно отнесся къ челобитной и, вопреки желанію товарищей правителей, велѣлъ составить приговоръ, который и былъ написанъ 30 іюня. Въ этомъ приговорѣ, названномъ Карамзинымъ *уставной грамотой*, собраны, повидимому, всѣ частныя постановленія предшествовавшихъ майскихъ и іюньскихъ ратныхъ совѣщаній, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они возникали. Въ самомъ началѣ приговора изложено постановленіе объ избраніи въ «правительство» кн. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова; въ концѣ сказано, чтобы они никого не казнили смертью и не ссылали безъ суда и безъ земскаго приговора. Если же избранные правители не станутъ радѣть о благѣ земли, или воеводы не будутъ безпрекословно слушаться ихъ, то «совѣтъ всей земли» воленъ перемѣнить правителей,

не оправдавшихъ ихъ довѣрія, и отставить воеводъ. Въ уставной грамотѣ подробно излагается порядокъ раздачи помѣстій и вотчинъ и пользованія ими, упоминается о жалованьѣ казакамъ, возобновляются помѣстное, казенное и дворцовое вѣдомства для сбора хлѣба и денегъ и Разбойный приказъ для разбора грабежей и строгаго наказанія виновныхъ.—Эту грамоту подписали кн. Трубецкой, Ляпуновъ за себя и вмѣсто Заруцкаго (вѣроятно, безграмотнаго), три дьяка, окольничій Артемій Измайловъ, кн. Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Шереметевъ и множество людей отъ 25 городовъ и отъ войска. Кн. Трубецкой и Заруцкой,—какъ сказано въ «Нов. Лѣтописцѣ»,—возненавидѣли Ляпунова и стали мыслить, какъ бы его убить.

Въ это же время Ляпуновъ занятъ былъ вопросомъ о томъ, гдѣ искать лучшаго царя для Московскаго государства? Подобно Мстиславскому, онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ цари надо избрать иноземца, чтобы избѣжать тѣхъ неудобствъ, какія неминуемо являются при избраніи на престолъ кого-либо изъ своей среды. Шведскій король Карлъ IX предлагалъ дать въ цари своего сына Филиппа, и Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ шведскимъ генераломъ Делагарди, для чего и послалъ къ нему въ Новгородскую область нѣсколькихъ воеводъ и дворянъ. Какъ бы въ видѣ залога Делагарди требовалъ денегъ и уступки крѣпостей: Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваньгорода, Гдова. Посланные Ляпунова не рѣшились на такія значительныя уступки и заключили только перемиріе, чтобы имѣть время списаться съ Ляпуновымъ. Въ случаѣ согласія шведовъ придти подъ Москву и помочь очистить ее отъ поляковъ, Ляпуновъ согласился впустить шведовъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячъ рублей изъ Новгородской казны. Делагарди между тѣмъ поступилъ чрезвычайно вѣроломно: невзначай напалъ на Новгородъ и овладѣлъ имъ съ помощью одного слуги-предателя. 17 іюля 1611 г. былъ заключенъ мирный договоръ между шведскимъ королемъ Карломъ IX и Новгородомъ.

Вернемся къ Москвѣ и казакамъ. Казаки воевали главнымъ образомъ по селамъ и деревнямъ и по большимъ дорогамъ, грабя и побивая торговыхъ и всякихъ людей, при которыхъ были пожитки и запасы. Ляпуновъ много разъ говорилъ въ Разрядѣ на совѣтахъ кн. Трубецкому, Заруцкому и Просовецкому, чтобы унимали своихъ казаковъ, что торговымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ проѣзда въ Москву, а оттого и всей рати нужда во всемъ. Атаманы объясняли, что они не позволяютъ казакамъ грабить, а что если кто тайно ѣздитъ, тѣхъ надо ловить, казнить смертью, а если нельзя поймать, такъ побивать на мѣстѣ. Вскорѣ воевода Матвѣй Плещеевъ поймалъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ такихъ воровъ 28 человѣкъ и потопилъ ихъ въ рѣкѣ; казаки вынули утопленниковъ изъ воды и привезли въ таборъ подъ Москву. Собравшись въ кругъ, казаки подняли шумъ: «онъ (т. е. Ляпуновъ) ихъ потопилъ и всѣхъ насъ тоже хочетъ погубить». И думали убить Ляпунова. Узнавъ объ этомъ, онъ выѣхалъ изъ стана и намѣревался отправиться въ Рязань. Подъ Симоновымъ монастыремъ ратные люди нагнали его и уговорили вернуться. Ляпуновъ переночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ, а на другое утро къ нему пришли всею ратью и упросили его возвратиться въ станъ.

Смерти Ляпунова желали не одни казаки. Желалъ и Гонсѣвскій избавиться отъ него, понимая, что ополченіе земскихъ людей страшно только до тѣхъ поръ, пока во главѣ его стоитъ такой дѣятельный и талантливый предводитель, какъ Ляпуновъ. Гонсѣвскій велѣлъ составить подложную грамоту, въ которой Ляпуновъ будто бы писалъ во всѣ города: «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить; а когда, дастъ Богъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ». Подпись подъ этой грамотой была искусно поддѣлана и походила съ перваго раза на почеркъ Ляпунова. Грамота была пущена Гонсѣвскимъ въ среду казаковъ; они всполошились и собрали кругъ. Желая получить объясненіе по поводу этой грамоты, казаки дважды посылали за Ляпуновымъ, но онъ отказывался къ нимъ ѣхать. Въ третій разъ пришли звать его не казаки и поручились, что ему не будетъ ничего плохого. Когда Ляпуновъ вошелъ въ кругъ и ему показали грамоту, онъ согласился, что почеркъ похожъ, но увѣрялъ, что грамота составлена и подписана не имъ. Послѣ долгихъ преній казаки набросились на Ля-

пунова и убили его; такая же участь постигла и Ивана Ржевскаго, который, несмотря на давнишнюю вражду съ Ляпуновымъ, вздумалъ за него заступиться. Вслѣдъ затѣмъ казаки разграбили все имущество Ляпунова.

Ляпуновъ является одной изъ крупныхъ личностей не только въ Смутное время Московскаго государства, но и вообще въ русской исторіи. Обладая обширнымъ умомъ и большою опытностью какъ въ дѣлѣ военномъ, такъ и на поприщѣ земскаго строительства въ родной ему Рязанской области, онъ не былъ исключительно мѣстнымъ дѣятелемъ. Онъ прекрасно сознавалъ современное ему положеніе Московскаго государства и постоянно стремился къ упорядоченію внутренняго его состоянія, которое стало расшатываться уже со смерти Іоанна Грознаго. Хорошо сознавая свое вліятельное положеніе въ Рязанской окраинѣ, онъ считалъ себя въ силахъ проявить то же вліяніе и во всей землѣ Русской и взялъ на себя великій подвигъ созыва ополченія и его руководительства, опираясь главнымъ образомъ на людей порядка—земцевъ, помѣщиковъ, горожанъ и сельчанъ.

Таково было умоначертаніе Ляпунова, и имъ опредѣляется та измѣнчивость его политическихъ исканій, которая его врагами, при его жизни, и послѣдующими историками объясняется или его личнымъ самолюбіемъ, или неустойчивостью его политическихъ убѣжденій. При поверхностномъ взглядѣ на дѣятельность Ляпунова дѣйствительно поражаешься, какъ, начиная съ Бориса Годунова, онъ пристаетъ къ самымъ противоположнымъ по ихъ политическимъ замысламъ людямъ, занимавшимъ въ Смутную эпоху московскій царскій престолъ, или намѣревавшимся занять таковой. Будучи противникомъ Бориса Годунова, Ляпуновъ становится на сторону Лжедмитрія—что могли понять и современники Ляпунова, и послѣдующіе повѣствователи о его дѣятельности,—но и тѣхъ и другихъ смущаетъ переходъ Ляпунова отъ царя Василія Ивановича Шуйскаго къ Болотникову. Вскорѣ послѣ того онъ предлагаетъ царскій московскій вѣнецъ кн. Мих. Вас. Скопину-Шуйскому, чѣмъ, быть можетъ, погубилъ молодого героя, заронивъ противъ него чувства зависти и ненависти въ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Затѣмъ мы видимъ Ляпунова сторонникомъ кандидатуры въ цари кн. Вас. Вас. Голицына до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдился въ несостоятельности этого плана. Владиславу онъ присягнулъ, при непремѣнномъ условіи принятія имъ православія, какъ то предлагалъ патріархъ Гермогенъ; желаніе Сигизмунда, вмѣсто сына, самому сѣсть на московскій престолъ, слѣдовательно господство въ Москвѣ католичества и поляковъ, побудило Ляпунова предпринять какъ бы крестовый походъ въ защиту православія и русскихъ. Незадолго до кончины Ляпуновъ былъ обрадованъ возможностью видѣть на престолѣ шведскаго королевича Филиппа, который, согласно обѣщанію, долженъ былъ принять православіе до пріѣзда въ Москву.

Мы склоняемся объяснить всѣ эти перемѣны въ политическомъ настроеніи Ляпунова лишь исканіемъ такого политическаго устоя, который могъ бы умиротворить Московское царство.

Со смертью Ляпунова дворяне и дѣти боярскіе, находившіеся въ московскомъ ополченіи, остались безъ вождя. Мало-помалу они стали разъѣзжаться по домамъ, будучи не въ силахъ выносить утѣсненіе отъ казаковъ, и земское дѣло подъ Москвой потерпѣло пораженіе.

Акты Ист., II.—Доп. къ Акт. Ист., VI.—А. А. Э., II и III.—С. Г. Г. и Д., II и III.—Разр. записи за Смутное время, изд. *Бѣлокуровымъ*.—Новый Лѣтописецъ, изд. *кн. Оболенскимъ*.—Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изд. 2-е ч. I. (*Беръ*); ч. V (*Маскѣвичъ*).—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. Россійскаго», т.т. XI и XII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», VIII.—*С. Ѳ. Платоновъ*, «Очерки по исторіи смуты».—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достоп. людей».Спб. 1847 г., ч. II.—*Костомаровъ*, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Вып. III-й. (Патріархъ Гермогенъ и Прокопій Ляпуновъ).—*Забѣлинъ*, «Мининъ и Пожарскій». М. 1883. *В. Корсакова.*

Лясковскій, *Николай Евстафьевичъ*, агрономъ, родился въ 1840 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1860 г. кончилъ курсъ ученія по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. Въ этомъ же году онъ, на собственныя средства, уѣхалъ за границу, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ и практически изучалъ сельское хозяйство въ имѣніи гр. Бреслера-Лауске. Спустя два года, Лясковскій вернулся въ Россію и присту-

пилъ къ работѣ по составленію магистерской диссертаціи. Въ 1865 г., послѣ защиты диссертаціи на тему: «О химическомъ составѣ пшеничнаго зерна», онъ былъ утвержденъ магистромъ сельскаго хозяйства и въ этомъ же году назначенъ приватъ-доцентомъ въ Московскій университетъ по каѳедрѣ агрономіи. Въ это же время Лясковскій началъ чтеніе лекцій и въ Московской земледѣльческой школѣ. Вскорѣ онъ вступилъ въ члены Московскаго общества сельскаго хозяйства, былъ утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ агрономіи въ университетѣ и совершилъ научную заграничную поѣздку. Въ 1874 г. Лясковскій успѣшно защитилъ диссертацію на степень доктора агрономіи: «Прорастаніе тыквенныхъ сѣмянъ въ химическомъ отношеніи» и съ этого времени былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ агрономической химіи. Въ 1890 г. Лясковскій былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Среди студентовъ Московскаго университета онъ оставилъ добрую память. Не мало онъ поработалъ на пользу университета, а устройство агрономической лабораторіи можетъ быть поставлено ему въ заслугу цѣликомъ. Своими серьезными работами Лясковскій обратилъ на себя вниманіе не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ также считался большимъ знатокомъ агрономіи и сельскаго хозяйства. Въ послѣднее время онъ много поработалъ, между прочимъ, надъ опытами по улучшенію свекловичныхъ сѣмянъ. Съ 1891 г. Лясковскій былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, а годъ спустя былъ избранъ членомъ Вольно-экономическаго общества.

Изъ трудовъ его, кромѣ вышеуказанныхъ, извѣстны: «Краткое руководство къ сельскому хозяйству въ приложеніи къ оцѣнкѣ земель», Спб. 1880 г. и нѣсколько статей въ «Landwirthshaftliche Versuchsstationen» за 1875—1880, 1890, 1891 г.г. Умеръ Лясковскій 12 августа 1893 г., въ Харьковѣ, гдѣ и похороненъ.

«Труды И. Вольно-экономич. общества», 1892 г., № 2 (мартъ—апрѣль), стр. 36, отд. 2.—Отчеты Моск. университета за 1864, 1865, 1874, 1890 и 1893 г.г.—«Историч. Вѣстн.», 1893, т. 54, стр. 312.—Энциклопедич. словарь Ефрона, т. 35, стр. 277.—«Новое Время», 1893 г., №№ 6275, 6276. *Ал. Ельницкій.*

Лясковскій, *Николай Эрастовичъ*, ординарный профессоръ химіи въ Московскомъ университетѣ, род. 12 апр. 1816 г. въ Маріенбургѣ, умеръ 28 апр. 1871 г. въ Москвѣ и похороненъ на Введенскихъ Горахъ. Происходилъ изъ польскихъ дворянъ. До 1828 г. онъ жилъ въ деревнѣ Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе. Въ 1829 г. онъ отправился въ Москву и поступилъ въ Большую Тверскую аптеку, а затѣмъ изучалъ медицину подъ руководствомъ управляющаго аптекой г. Флюхарта, съ переходомъ же послѣдняго въ Калужскую аптеку перешелъ за нимъ и Лясковскій. Въ 1832 г. онъ выдержалъ экзаменъ на помощника аптекаря. Кромѣ фармацевтическихъ наукъ, Лясковскій изучалъ въ это время древніе языки. Съ 1832—1835 г. онъ работалъ въ аптекахъ Арбатской, Ново-Полянской и Лубянской, а въ 1836 г. поступилъ въ число своекоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета Московскаго университета и учился въ немъ до 1841 г., когда былъ выпущенъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія. Въ слѣдующемъ году Лясковскій написалъ сочиненія на темы на греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, получилъ степень кандидата словесныхъ наукъ и право на заграничную поѣздку, но по жребію долженъ былъ уступить стипендію другому. Однако, благодаря содѣйствію тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа графа Строганова, въ 1843 г. онъ былъ отправленъ за границу для изученія «скотоврачебной науки», чтобы по возвращеніи занять каѳедру ветеринаріи. Въ душѣ онъ не сочувствовалъ этой наукѣ и въ тайнѣ надѣялся, что обстоятельства измѣнятся и что онъ не будетъ ветеринаромъ, и дѣйствительно ему разрѣшено было заниматься своими любимыми науками—фармаціею и химіею, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Гиссенѣ и Парижѣ. Въ Берлинѣ онъ работалъ подъ руководствомъ Генриха Розе и обоихъ Мичерлиховъ, въ лабораторіи Гейнца и въ своей квартирѣ, гдѣ имѣлъ нужнѣйшіе снаряды для химико-аналитическихъ работъ; въ Гиссенѣ онъ занимался химіей подъ личнымъ руководствомъ Либиха и произвелъ, между прочимъ, изслѣдованіе лимбургскаго сыра; результатомъ этого изслѣдованія было открытіе въ сырѣ масляной, валеріановой и капроновой кислотъ; онъ представилъ также въ первый разъ формулу маргарина. Въ

Парижѣ Лясковскій пробылъ около года, посѣщая болѣе всего Дюма и Араго. По возвращеніи изъ Парижа въ Гиссенъ, онъ занялся изслѣдованіемъ бѣлковинныхъ и протеиновыхъ веществъ и написалъ по этому поводу краткую статью, вызвавшую отечественную полемику со стороны Мульдера, что, въ свою очередь, побудило многихъ ученыхъ Германіи, Англіи и Голландіи заняться тѣмъ же изслѣдованіемъ. Рядъ химическихъ работъ этихъ ученыхъ вполнѣ подтвердилъ положеніе Лясковскаго. Въ 1846 г., по возвращеніи въ Россію, онъ опредѣленъ былъ на должность «ученаго аптекаря» при Московскомъ университетѣ и читалъ курсъ фармакогнозіи и фармаціи, а съ начала 1847 г. сталъ читать публичный курсъ органической химіи. Въ томъ же году онъ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ Моск. Общ. исп. природы, а въ слѣдующемъ году членомъ Медицинской конторы по фармацевтической части въ качествѣ визитора аптекъ. Въ 1849 г. Лясковскій защитилъ диссертацію на латинскомъ языкѣ «О нѣкоторыхъ атмосферныхъ причинахъ холерной эпидеміи» и получилъ степень доктора медицины; въ 1850 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Московскаго физико-медицинскаго общества, а въ 1852 г. въ дѣйствительные члены Москов. Общ. сельскихъ хозяевъ. Въ 1859 г. Лясковскій былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ химіи въ Московск. унив. и читалъ этотъ курсъ до самой смерти, стяжавъ извѣстность, какъ прекрасный профессоръ, замѣчательный діалектикъ и знатокъ древнихъ языковъ. Свои ученыя изслѣдованія онъ помѣщалъ въ это время въ «Московскомъ Врачебн. Журн.» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и читалъ ихъ не разъ въ засѣданіяхъ Общ. физ.-мед. и испытат. природы. Въ 1862 г. онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Формулы протенновъ», представляющую продолженіе и обобщеніе его заграничныхъ работъ. Наконецъ, въ 1871 г. Лясковскій сдѣлался почетнымъ членомъ Имп. Общ. естествознанія, антропологіи и этнографіи. Изъ трудовъ его извѣстны: «De cholere epidemici nonullis causis atmosphericis» (доктор. диссерт.) М. 1849 г., «О лѣченіи холеры» («М. Вр. Ж.» 1851 г. 1, 37), «О бѣлуженномъ ядѣ» (Ibidem, IV, 61), «Фармакологическія особи» (Ibidem, IV, 68), «Опредѣленіе питательности продажныхъ сортовъ печенаго хлѣба, посредствомъ одной сушки» (Ibidem. IV, 84), «О распространеніи сильнодѣйствующихъ веществъ между вещами, съ коими организмъ обыкновенно приходитъ въ соприкосновеніе» (Ibidem), «Противочахоточная эссенція Лобеталя» (Ibidem, 1853. I, 23) и другія мелкія химическія статьи.

«Русскій Архивъ», 1884 г., № 3, стр. 61—98. — *Зиѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. II, стр. 183 — 184. — *Геннади*, «Справ. слов. о русск. писателяхъ и ученыхъ», т. II, стр. 269. — *Пекарскій*, «Исторія Имп. Академіи Наукъ», т. II, стр. 451, 452, 468, 469.— «Московск. Универс. Извѣстія» за 1872 г.», кн. I. Москва. 1872 г., стр. 59—60.—Словарь проф. Моск. унив., т. I, стр. 775—779.—«Спб. Вѣдомости» 1871 г., № 119.—«Отчетъ и рѣчи, произн. въ торжественномъ собр. Москов. унив. 12 янв. 1872 г.» Москва, 1872 г., стр. 8, 37, 59 — 60. — «Пляюстр. Газета» 1871 г., № 18. — «Москов. Вѣд.» 1871 г., № 91.—Формуляръ о службѣ Н. Э. Лясковскаго (хранится въ Имп. Русск. Ист. Обществѣ).

Б. Гласко.

Лясскій, *Владиславъ Александровичъ*, д. с. с., директоръ-распорядитель С.-Петербургскаго международнаго коммерческаго банка, родился въ Варшавѣ въ 1831 г., образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по Европѣ, практически изучая тамъ банковое дѣло въ крупнѣйшихъ финансовыхъ учрежденіяхъ и состоя въ то же время агентомъ по финансовымъ дѣламъ варшавскаго торговаго дома барона Френкеля. По возвращеніи въ Варшаву Лясскій поступилъ на службу въ тотъ же торговый домъ Френкеля и впослѣдствіи сдѣлался его прямымъ участникомъ, заступивъ мѣсто отца, управлявшаго долгое время этимъ домомъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ и въ 1869 г. основалъ международный коммерческій банкъ, въ которомъ ровно 20 лѣтъ состоялъ членомъ правленія и первымъ директоромъ-распорядителемъ. Многосложное и близкое участіе его въ государственныхъ финансовыхъ операціяхъ, особенно въ послѣдніе годы, создало ему высокій авторитетъ въ такъ называемомъ «дѣловомъ» финансовомъ мірѣ: къ мнѣніямъ и сужденіямъ его чутко прислушивались наиболѣе вліятельные дѣятели на одинаковомъ съ нимъ поприщѣ. Лясскій былъ убѣжденнымъ сторонникомъ упроченія независимости Россіи отъ иностранныхъ денежныхъ рынковъ. Руководимый

этою мыслью, онъ весьма охотно содѣйствовалъ удачному осуществленію конверсій русскихъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. При ближайшемъ посредничествѣ его, между прочимъ, были конвертированы золотой заемъ 1877 г. и 5% консолидированные займы, закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита и нѣкоторые желѣзнодорожные и др. займы. Дѣятельность въ этомъ направленіи Лясскаго была оцѣнена высшей властью, и ему, не состоявшему на государственной службѣ, былъ данъ чинъ д. с. с. Скончался Лясскій 25 ноября 1889 г. въ Петербургѣ.

«Новое Время», 1889 г., № 4939.—«Новости», 1889 г., ноября 26.

М. Поповъ.

Ляхницкій, *Игнатій - Эммануилъ*, докторъ философіи, родился въ 1793 г., обучался въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими разносторонними способностями: химія, физика, литература и статистика—были ему одинаково доступны. Заинтересовавшись особенно явленіями животнаго магнетизма, Ляхницкій впервые произвелъ опыты надъ ними въ Варшавѣ, а затѣмъ съ 1816—1818 г. лично издавалъ и редактировалъ въ Вильнѣ журналъ «Pamiętnik magnetyczny». Въ томъ же 1816 г. стали выходить въ свѣтъ его «Wiadomości brukowe», а съ 1820—1823 г. онъ состоялъ однимъ изъ редакторовъ газеты «Dzieje dobroczynności». Изъ отдѣльно напечатанныхъ трудовъ Ляхницкаго извѣстны слѣдующіе: «Rozprawa z chemii o rozpuszczaniu» (Вильна, 1812 г.), «Statystyka gubernii Litewsko-Grodzieńskej» (тамъ же, 1817 г.) и «Wiadomość o sposobie leczenia wścieklizny» (тамъ же, 1826 г.); въ рукописи осталась «Statystyka gubernii Wileńskiej». Скончался Ляхницкій еще молодымъ человѣкокъ въ 1826 г.

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1864, т. 16, стр. 600, 601. *А. Г.*

Ляховичъ, *Людвигъ Людвиговичъ*, совѣщат. членъ мед. совѣта, медико-хирургъ, род. 21 мая 1811 г. въ г. Вильнѣ, ум. 23 мая 1880 г., по окончаніи курса въ Виленской медико-хирург. академіи въ 1835 г. онъ опредѣлился въ Сѣвскій пѣх. полкъ; въ 1837 г. получилъ званіе медико-хирурга, съ 1838 г. былъ ординаторомъ Виленскаго военнаго госпиталя, а съ 1865 г. операторомъ Виленскаго врачебнаго управленія; Ляховичъ оставилъ послѣ смерти 60.000 руб. на благотворительныя учрежденія; описаніе его хирургическихъ операцій помѣщено въ изданіяхъ Виленскаго медиц. общества.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, стр. 184. *А. Акимовъ.*

Ляховичъ, *Станиславъ-Августъ*, ст. с., писатель, въ 1839—1844 г.г. былъ постояннымъ сотрудникомъ «Tygodnika Petersburgskiego», гдѣ помѣщалъ статьи главнымъ образомъ по вопросамъ исторіи и искусства. Мелкія стихотворенія его печатались въ сборникѣ Барщевскаго «Niezabudka». Ему же принадлежитъ польскій переводъ трагедіи Вольтера подъ заглавіемъ: «Katylina albo Rzym wybawiony» (Вильна, 1836 г.).

Важнѣйшей заслугой Ляховича въ области научной являются его изданія «Pamiętników do dziejów Polski» (Вильна, 1842 г.) и рукописи Іоанна Златоуста, по экземпляру, хранящемуся въ Импер. Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ (тамъ же, 1843 г.). Скончался Ляховичъ въ Петербургѣ 28 мая 1882 г.

Encyklopedyja Powszechna. Варшава, 1864 г., т. 16, стр. 601, 602.—«Петербургскій Некрополь», 1912 г., стр. 725. *А. Г.*

Ляцкій, (*Ляцкій, Лятской*), *Иванъ Васильевичъ*, окольничій, происходилъ изъ рода Андрея Кобылы въ пятомъ колѣнѣ. Его отецъ, Василій Захарьевичъ, былъ братомъ боярина Юрія Захарьевича—родоначальника царствующаго дома Романовыхъ. Возведенный въ санъ окольничаго въ 1514 г., Ляцкій былъ извѣстенъ какъ опытный «въ дѣлахъ воинскихъ». Въ 1517 г., предводительствуя боярскими дѣтьми, онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ разбитіи Литовцевъ близъ Опочки, а въ 1522 г. былъ отправленъ въ Коломну для отраженія набѣга крымскихъ татаръ и, наконецъ, во время похода противъ Казани Ляцкій былъ въ числѣ главныхъ начальниковъ «судовой рати». Привлекался Ляцкій и для дипломатическихъ переговоровъ. Такъ, въ 1526 г. онъ ѣздилъ, въ качествѣ посла, къ Литовскому королю Сигизмунду. Однако, вскорѣ заподозрѣнный въ недоброжелательствѣ къ супругѣ великаго князя Еленѣ, подпалъ подъ опалу, отъ которой былъ освобожденъ только по

случаю рожденія у великаго князя сына Іоанна. Тѣмъ не менѣе недовольство противъ великаго князя у Ляцкаго не улеглось. Повидимому, онъ имѣлъ основаніе предполагать, что и великая княгиня особаго расположенія къ нему не чувствуетъ. Послѣ смерти Василія III въ 1534 г. онъ вмѣстѣ съ кн. Симеономъ Бѣльскимъ, снесясь предварительно съ королемъ Сигизмундомъ, бѣжалъ въ Литву. Король, получивъ свѣдѣнія, что ласковый пріемъ бѣглецовъ можетъ повлечь за собой переходъ въ Литву и другихъ важныхъ бояръ, съ особой милостью принялъ Ляцкаго съ сыномъ и Бѣльскаго, давъ Ляцкому богатое помѣстье «Высокій Дворъ» и Жолудекъ въ Троцкомъ воеводствѣ. Возможно, что разсказы бѣглецовъ и послужили новымъ толчкомъ для начала военныхъ дѣйствій Польши противъ Россіи. Однако, потерпѣвъ неудачу, Сигизмундъ отрицательно сталъ относиться къ Ляцкому и даже одно время держалъ его подъ стражей. Въ концѣ XVII вѣка значеніе Ляцкихъ въ Литвѣ окончательно пало, и они занимали лишь второстепенныя мѣста. Между прочимъ, Ляцкій сообщилъ о Россіи много данныхъ, на основаніи которыхъ Антонъ Видъ составилъ первую по времени карту Россіи.

Карамзинъ, «Исторія госуд. Рос.». Спб. 1842 г., т. 7, стр. 54, 79, 88, 96, пр. 169, 231, 265, 310, 318, 383; т. 8, стр. 9, 15, 19, 23, пр. 11, 27, 53.—*С. Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т. V, гл. 2, стр. 1621; т. VI, стр. 7, 13.—Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, т. IV, стр. 292; т. VI, стр. 260.— *Michov*, «Die ältesten Karten von Russland Hamburg» 1884 г. Словарь Брокгауза и Ефрона.— *А. Лобановъ-Ростовскій.* «Рус. Родосл. книга», т. I, стр. 341, Спб. 1895.

Ал. Ельницкій.

Ляшенко, *Михаилъ Васильевичъ*, ген.-лейт., начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи, род. въ 1818 г.; окончивъ въ 1836 г. 1-й кадетскій корпусъ, поступилъ прапорщикомъ въ Куринскій полкъ, расположенный на Кавказѣ; вмѣстѣ съ полкомъ неоднократно отличался въ походахъ противъ чеченцевъ въ Дагестанѣ и Черноморіи и былъ два раза раненъ; съ 1838 по 1852 г.г. онъ за свои боевыя отличія получилъ ордена включительно до Владиміра 4 степени; въ 1853 г., за 17-ти лѣтнюю боевую службу, былъ назначенъ командиромъ Куринскаго полка; въ томъ же году за отличія въ дѣлахъ съ горцами награжденъ былъ орденомъ Владиміра 3-й степени; въ 1855 г., переведенный въ Прагскій пѣхотный полкъ, Ляшенко былъ въ составѣ войскъ южной арміи; въ 1857 г. назначенъ командиромъ Замосцскаго полка; въ 1864 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 14-й, а затѣмъ 15-й пѣхотныхъ дивизій; въ этой должности онъ награжденъ былъ орденами св. Станислава и св. Анны 1-й степени; назначенный въ 1869 г. командиромъ 5-й пѣхотной дивизіи, онъ въ 1871 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; скончался Ляшенко въ 1872 г.

«Русскій Инвалидъ», 1872 г., № 139. — «Иллюстриров. Газета», 1872 г., № 25.

А. Акимовъ.